СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

№ 4
2026

Российское научно-образовательное издание
Издается с 1973 года

DOI 10.34823/SGZ.2026.4.262008

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Буланова В.С., Пономаренко Е.В. Здравоохранение Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917) 9

Гусева А.В. Адаптация Agile-методологий в деятельности органов исполнительной власти: проблемы и перспективы 12

Крейк А.И. Термин «социальный механизм» – «Золушка» отечественной социологии? 16

Матвиенко В.М. Инновации в коммуникационных практиках компаний 20

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Асриянц М.В. Неравенство доступа к образовательным услугам в системе государственного образования: структурные ограничения и социальные последствия 22

Атабиева З.А., Кушхова А.Ф., Макоева З.А., Тамазов М.С., Шоранова З.В. Эмпауэрмент детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата средствами спортивно-оздоровительных мероприятий: научный анализ проекта «Пара-арчери эстафета “Вместе к победе”» 27

Шмелева Н.В., Бабаева А.В., Макарова А.О. Особенности «универсального искусства» в контексте художественных практик популярной культуры 30

Басанина Ю.А. Диагностика готовности студентов технических вузов к самостоятельной работе в сфере изучения английского языка для специальных целей 33

Романова В.А., Берест В.А. Проблема предпонимания: к вопросу о герменевтическом анализе кинофильма 36

Галимбекова Ф.С. Конструктивизм в социальных практиках: от радикальных построений к обоснованной объективности 39

Грабовецкий Д.С. Педагогическое содействие развитию критического мышления студентов среднего профессионального образования в рамках изучения экономических дисциплин 42

Ибрагимов А.З. Цифровая социализация поколения z как фактор трансформации электорального поведения 46

Иванов Д.А., Воскресенский А.А., Чистова А.Д. Студенчество в пространстве формального и неформального: цифровой фольклор как часть стратегических коммуникаций университета 50

Ким А.С., Молчанов В.В. Социально-психологические факторы лояльности сотрудников в торговой компании Дальневосточного региона: социологический анализ 55

Колдунова И.Я. История современного турецкого языка: культурная ориентация и политические стратегии 59

Кушхова А.Ф., Тамазов М.С., Макоева З.А., Желиготова Р.М. Формирование культурно-нравственных ценностей студенческой молодёжи в контексте реформирования высшей школы 62

Ли Юйцуй, Цзи Маоюэ. Внутренняя логика и практические пути реализации целостного обучения в рамках предметного модуля в перспективе обратного проектирования 65

Ма Сяотун, Ян Бо. Влияние перевода зарубежной литературы на становление современной китайской литературы в поздний период династии Цин 70

Мамедов А.К., Коркия Э.Д., Максимов А.А. Новая социальная реальность: оптика социокультурного исследования 75

Михаленко Н.А. Кибербезопасность как социальный институт российского цифрового общества 79

Непомилуева М.А. Диалог ценностей: метамодернистские тенденции и традиционные духовно-нравственные ориентиры в современном российском обществе 82

Учредитель: **ООО «Издательство «КноРус»**
Издатель: **ООО «Издательство «КноРус»**

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:
ПИ № ФС 77-83076 от 26.04.2022
Подписной индекс Роспечати: **70652**
ISSN 0869-8120

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: **welcome@socgum-journal.ru**
Сайт: **http://socgum-journal.ru**

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:
Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)
Ответственный секретарь:
Миронова Елена Витальевна (Москва)

Балбеко Анатолий Михайлович– доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва), МГГУ им. М.А.Шолохова; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.- корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва); **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Кривопусков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Москва); **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор Кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. *Дата выхода в свет: 15.05.2026* *Цена свободная*

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Никифоров Н.Ю., Штабной М.Д., Зачиналов Д.С. Инновационные методы физического воспитания студентов вузов: интеграция цифровых технологий и адаптивных программ....87

Николаев Р.Ю., Гансбургский М.А., Матвеев Д.В. Профессиональная компетентность преподавателя физической культуры в современном высшем образовании: теоретический анализ....91

Пискарёв П.М. Модель компетенций «Манго» как методологическая основа развития личной силы коуча в традициях русской культуры....95

Посвятенко Ю.В., Басова Д.Н., Зверева Е.Л. Профессиональная и общественная деятельность М.К. Приорова в Москве....100

Ревенко Н.В., Рогов Е.А., Рыболова Е.А. Влияние социальных сетей на модели поведения подростков....104

Цзян Юйцинь, Чэнь Сыхань. Теоретическая логика и практический путь реализации согласованности «преподавание – учение – оценивание» в перспективе теории когнитивной нагрузки....107

Гараева Г.Ф., Шарова М.А. Социальная реальность интернет-коммуникации в эпоху искусственного интеллекта: онтологические трансформации субъектности и квазисубъектность....112

Чеснокова Л.В. Семейные коммуникации в цифровом пространстве....115

Чжан Тяньтянь. Исследование «языковой инфляции» и «синдрома текстового угождения» в аспекте теории языковой адаптации....118

Шарова М.А., Гараева Г.Ф. Трансформация субъектности в интернет-коммуникации под воздействием искусственного интеллекта: социально-философский анализ....122

Шестакова Т.А. Современные аспекты и эффективность внедрения педагогических фитнес-технологий в формировании здоровьесберегающих компетенций будущих педагогов по физической культуре 125

Шляхова С.С., Береснева А.В. Визуализация fat-бодипозитива в современных социальных практиках....129

Шукшина Л.В., Пожарская Е.Л., Синякова Е.В. Влияние семейной сплочённости на социальный интеллект студентов....134

Щербакова И.В., Тимашова М.В. Формирование культурно-страноведческой компетенции на основе аутентичных материалов в процессе обучения иностранному языку в высшей школе....138

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Авдонина К.М., Юшкова С.А. Модели пенсионного поведения студентов в условиях реформирования пенсионной системы Российской Федерации....141

Агафонова В.В. Институциональные механизмы в социологической перспективе: от теории к концептуализации понятия....145

Бабешко В.Е., Ельникова Г.А. Рынок труда как социальный институт реинтеграции участников СВО....149

Бекетов К.В. Социальная самореализация пожилых людей приграничных регионов в условиях СВО (на примере Белгородской области)....152

Белова И.В. Институционализация политических событий как процесс и политический конструкт публичной политики....155

Бельский В.Ю. Патриотическое воспитание молодёжи в современной России: трансформация содержания, компаративный анализ и методические перспективы....159

Вэй Ицзюнь. Репродуктивное поведение молодого поколения в России и Китае в условиях демографической модернизации и глобализации....162

Галицкая Д.В. Развитие личностного потенциала студентов в вузах Германии: институциональный аспект....165

Глозман О.С. Социальные и архитектурные методы принуждения к труду в городе....169

Григорьев Н.Ю. Социальные технологии обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации....172

Шитов С.Б., Джораев Вепа. Инженерный труд как форма реализации человеческого потенциала и творчества....177

Дробышева М.Ю. Конструирование территориальной привлекательности: соотношение понятия «образ», «имидж», «бренд»....180

Зайцев О.Н., Фадеев М.К., Тюрников А.П., Извеков Д.А., Данилина М.В. Социологические механизмы воспроизводства педагогических норм и ценностей в условиях трансформации современного образовательного пространства....184

Легалов И.П. Формирование культуры управления курсантов в предметном поле социологии управления....188

Нестерова А.В. Развитие образовательной системы Китая: от региональных целей к международному сотрудничеству....192

Орлова В.В., Шмакова А.Н. Наставничество как инструмент социального управления развитием профессиональных компетенций в организациях креативного сектора....196

Паньшин А.И. Цифровые технологии в социальной сфере городской среды: социологический анализ управленческих практик в транспортной системе201

Разумовский К.А. Синергия бизнеса и креатива: как ВЭФ стимулирует развитие местных креативных индустрий и туризма....205

Решетько М.А. Концепции сознания и мышления в свете искусственного интеллекта: от вычислительного функционализма к поиску критериев субъективности....210

Сережко Т.А., Кохан Ж.С., Кохан Д.А. Анализ жизненных стратегий студенческой молодежи Белгородской области....213

Тринадцатко А.А. Цифровые барьеры стигматизированных инвалидов....216

Туйгун А.Л. Этносоциокультурные факторы стратегии развития искусственного интеллекта в ОАЭ....221

Турчина Ж.Е., Бакшеев А.И., Андренко О.В., Фатьянова О.П., Тяжельникова С.Ю. Стратегии внедрения проектного обучения в учебный процесс высшей школы....225

Хальзова Н.А., Паночевный П.Н. Международный опыт построения систем менеджмента качества образовательного процесса в вузе в условиях мультикультурной образовательной среды....228

Хань Линьлинь, Гегелова Н.С. Механизмы конструирования медиадискурса электронных СМИ в свете теории межкультурной коммуникации....232

Чжан Сянь. Старение населения в России и странах Кавказа: современное состояние, причины и тенденции развития....236

Шинкевич В.Е., Богданова В.Е. О профессиональной ценности медиаграмотности как фактора формирования взаимного доверия между сотрудниками органов внутренних дел и населением....240

Юшкова С.А., Жук Л.И. Практики медиапотребления молодёжи в условиях экономики внимания в цифровой среде....243

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Асташин О.Г. Социально-философские аспекты использования ИИ в экспертизе..246

Бабанин В.Д. Идеология как прикладная философия: механизмы конструирования социальной реальности....249

Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В., Пушкарева М.А. Методология устойчивого равновесия социальных систем....253

Филюшкина Д.В., Дагдаверян С.Р. Коммуникативные процессы в социально-культурном пространстве: ретроспективный анализ методологических подходов....256

Дубровин В.Л. Институты культуры и социальная интеграция (Российское общество и европейский опыт)....261

Иванова Ю.В. Сравнительный анализ субконцептов зрелость и старость в произведениях Э. Хэмингуэя....266

Клепикова Л.В. Роль туризма в конструировании и трансформации пространства современного города....271

Курилов С.Н. Кризис идентичности и ценностная парадигма современного высшего образования: от гуманистического идеала к методологическому поиску 275

Нетребская О.Н., Нетребская Д.В. Тема Великой Отечественной войны в музыкальной культуре СССР и Современной России....279

Петраш Н. Д. Кинокоммуникации как форма символического производства социального смысла в цифровом обществе....282

Петрухин А.С. Антропология цифрового пространства: социально-философский анализ....285

Пичугин В.Г. Символическое исключение как защита групповой идентичности: от damnatio memoriae до информационных фильтров....289

Павлов А.П., Рахинский Д.В. Событийный хронотоп поколений....293

Рубцов А.Г. Содержание категории «безопасность» в социальной философии....297

Сачкова Е.В. Homo sapiens symbolicus: человек через призму символа....300

Суховская Д.Н. Город как «умное» креативное пространство: риски и перспективы алгоритмического управления....304

Вахмистров В.П., Тарасов А.С. Великий русский грек: законотворец, врач, политик, дипломат....308

Тимербаев Р.Р., Аторин Р.Ю. Кризис посредничества как форма этнокультурного кризиса: философско-культурологический аспект....312

Шумилкина О.Г. Создание воспитывающей социокультурной среды....315

Щеглов И.А. Роль аналитики в исследовании объекта гуманитарной экспертизы..318

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Вересова А.А., Дрозд А.Л., Егоренкова О.В., Канатаев Д.В., Куракина Е.В. Философский анализ становления и развития англоязычных словарей в их исторической ретроспективе в России....321

Жэнь Синъянь, Чэнь Шуан. Эволюция исследовательских приоритетов и новых направлений в изучении обратной связи при обучении письму на втором языке: библиометрический анализ публикаций Web of Science за 2010–2025 гг....324

Захаров А.В., Кидямкин А.А. Имперский контекст хозяйственной философии и военного этоса в русской социокультурной традиции: социально-философский контекст 329

Киршин В.А. Две генеалогии исповеди: дисциплинарная власть и диалогическое становление субъекта 333

Серегина А.А. Творческий потенциал личности как условие самоорганизации мирового порядка: философско-управленческий анализ 338

Закиров А.Ф., Смелкова Е.В., Шафигуллин В.А. Человек в эпоху глобальных трансформаций: философские аспекты идентичности 343

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Волчкова О.О., Силаева З.В. Феномен «комплаенс» как основа формирования религиозной идентичности в современном цифровом обществе ..346

Кордас О.М. Эстетика буддизма: парадокс формы и пустоты 350

Мязин И.О. Насыщенный феномен и теологический разрыв: методологические границы феноменологии Жан-Люка Мариона 353

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Авзалова Э.И., Закиров А.Р., Зарипова А.Р., Сидоров В.В. Меры поддержки бизнеса в политической повестке региональной легислатуры: контент-анализ материалов заседаний Государственного Совета Республики Татарстан....357

Алешин И.К. Развитие искусственного интеллекта в политике: вызовы и угрозы ..360

Алтунина Ю.О., Лябах А.Ю. Смертная казнь как политический институт: современное политологическое прочтение 363

Байшев К.А. Роль молодежной политики Российской Федерации в политической социализации российских граждан 368

Белокоз Е.Р. Роль института церкви в формировании политики северной европы в области ядерной энергетики....371

Бочанов М.А. Образовательный суверенитет в эпоху искусственного интеллекта..376

Вититнев С.Ф., Бруз В.В., Шмелева А.В. Политические акторы как фактор изменения общественной среды в условиях глобальных вызовов региональной нестабильности и цифрового неравенства....380

Воробьев А.П. Электоральное прогнозирование на основе анализа социальных сетей: возможности и ограничения методов машинного обучения....384

Дон Банда. Цифровое управление молодежным волонтерством на крупных мега-событиях и формирование национальной идентичности: сравнительное исследование на примере зимних Олимпийских игр в Пекине и Сочи 388

Еременко И.В. Тикток награждает радикализм и меняет логику электоральной кампании....392

Зайцева И.А., Свирин М.Г., Топал Н.М., Лутошкина В.Н., Демидова Т.Е. Волонтерство как социальный феномен современного общества 397

Ильин А.С. Парадигмальный сдвиг в критериях научного признания и сценарный прогноз для России1 401

Калинин Д.М. Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в политической сфере: сравнительный анализ зарубежных подходов и российских перспектив 404

Каримов Э.Р. Цифровизация как фактор трансформации традиционных политических институтов: институциональные изменения и новые конфигурации публичной власти 408

Керножицкая Е.В. Институциональные механизмы регулирования строительной деятельности в Ленинградской области: оценка эффективности и пути модернизации 412

Кореньков И.О. Использование искусственного интеллекта в управлении политическими процессами: риски и перспективы....416

Левшенков В.Б. Модели ESG-регулирования в мировой политике: институциональный обзор 420

Мифтахова А.Р., Терешина Е.А. Роль искусственного интеллекта во внешней политике Китая 424

Повалюхина А.Н. Авария на АЭС Фукусима-Дайичи и трансформация политического процесса в Японии....428

Полешко В.В. Российское государство как инновационно-консервативная цивилизационная система....432

Салимов Д.М. Сетевые сми и перспективы легитимного политического порядка в Казахстане....436

Сапожков Д.О. Роль политических технологий продвижения духовно-нравственных ценностей среди российской молодёжи в условиях консиентальной войны 440

Смаль С.В., Цыбуков Я.С. Социальная ответственность бизнеса как инструмент социальной политики в современной России 445

Сытник С.И. Кризис традиционных партий в Великобритании....449

Темников Н.Д. Цифровая платформа «VKazan» как элемент реализации молодежной политики и инструмент повышения авторитета российских интернет-площадок у пользователей подросткового возраста....452

Тетерюк А.С. GR-менеджмент на постсоветском пространстве: сравнительный анализ развитости института политико-управленческого взаимодействия 455

Федоров В.И., Ковригин И.Р., Некрасова А.П., Фролова К.О. Восприятие дистанционного электронного голосования в России экспертами и молодыми избирателями 460

Янь Юйтун. Концепция сообщества единой судьбы человечества как элемент политического дискурса и экономической дипломатии Китая в процессе формирования его глобального лидерского образа....463

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Гао Юань, Инь Сяожун. Исследование идентичности титульного этноса в Казахстане 468

Губенко Е.А. Управление межпоколенческими конфликтами в организации: социологический анализ 472

Данилов В.Л. Глобальные вызовы современности: экстремизм и терроризм в условиях цифровизации....475

Джавад Зераат Пейма. Санкционные режимы как технологии давления и формирования условий для новых моделей международных и региональных отношений 478

Дэн Шилэй. Эволюция правового сотрудничества стран БРИКС: от деклараций к автономным механизмам разрешения споров как ответ на вепонизацию западных юрисдикций 481

Захарова С.А., Гомаль М.А. Специфика политического проектирования: глобальные и локальные аспекты 485

Леков Д.К. Социально-философская интерпретация кризисов и тупиков модернизационных процессов в контексте трансформации социально-правовых институтов 490

Ло Сии. Геополитическое значение Гренландии в формировании маршрутов Ледового шелкового пути и трансформации международных отношений в Арктике....492

Макашов А.И. Аспекты отношений с ЕС, а также политики европейской интеграции Грузии в период президентских полномочий М.Н. Саакашвили (2003–2013 гг.)....497

Павленко Д.А. Причины возникновения сепаратизма на Украине до 2014 года. Путь ДНР и ЛНР к референдумам независимости....501

Павлов И.Е. Ориентир ценности в международной экологической политике Российской Федерации 504

Писачкина Я.С. Социальный контроль как фактор модернизации системы национальной безопасности России 508

Погорелова Е.С. Сетевые технологии в образовательном сотрудничестве стран БРИКС....511

Ткаченко С.Л., Ли Гэнь. Роль Латинской Америки в обеспечении продовольственной безопасности государств Мирового большинства....516

Хлопов О.А. Нефтяной фактор во внутренней и внешней политике Ирана при шахе Мохаммеда Реза Пехлеви (1953–1979 гг.) 519

Цзя Сымэн. Растущая роль Китая в сфере безопасности в Центральной Азии: последствия для России....524

Чжан Синь. Историко-культурное наследие Китая в формировании бренда страны в условиях глобальных вызовов....527

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Абдуллаева О.У. Роль программ ЮНЕСКО по сохранению исторических городов Узбекистана в развитии культурной дипломатии и устойчивого туризма .531

Алексеев Р.А. Соотношение объективной угрозы и политического конструирования опасности в современных теориях безопасности и нормативных подходах к их интерпретации 534

Ахметова Д.Р., Калимонов И.К. От внешней поддержки к военной вовлечённости: роль Ирана в мобилизации боснийских мусульман во время Боснийской войны (1992–1995 гг.) 538

Баярхуу Тугулдур. Энергетическая безопасность Центральной Азии в условиях трансформации мировой политической системы....543

Орлова И.В., Бедненко А.С. БРИКС как новый центр силы в контексте трансформации мирового порядка 546

Борисов А.В. Гуманитарная политика России: между хельсинкским наследием и вызовами постгегемонии 549

Веремеенко В.С. Цифровизация непризнанных и частично признанных государств на постсоветском пространстве: региональные подходы 554

Жань Жуй. Гастродипломатия как инструмент реализации мягкой силы Китая: международный опыт и практика в Российской Федерации....559

Акулова А.Д., Буркова В.А., Карташова М.Н. Анализ политической и военной деятельности Альбрехта фон Роона....563

Коновалов И.А. Истоки и направленность российской стратегии на дальневосточном направлении внешней политики: досоветский этап....566

Леликов Н.А. Генеративный искусственный интеллект и технологические цепочки как фактор становления будущего мирового порядка....570

Никитин К.А. Частные военные компании как негосударственные акторы международных конфликтов: правовые, политические и экономические факторы становления....573

Максимов К.Г., Шаповалов М.Ю. Новый формат инвестиционного и валютно-расчетного взаимодействия России и ЮАР в энергетическом секторе в контексте решений Саммита БРИКС 2025....577

Матушевская В.И. Факторы растущей привлекательности объединения БРИКС для стран Глобального Юга....581

Никитин К.А. Эволюция частных военных компаний в международных конфликтах....585

Шоаиб Хан, Печищева Л.А. Геополитические интересы России в Южной Азии 589

Селигененко И.С. Современные подходы к изучению и ведению международных переговоров: от теории к выбору стратегий и тактик....593

Спиридонов Е.Е. Международное посредничество в XXI веке: ограничения в условиях конфликтов идентичности 597

Туммасорн Сивакорн. Централизм АСЕАН под давлением: минилатеральные механизмы безопасности и будущее региональной архитектуры в Индо-Тихоокеанском регионе 600

Фань Юйвэнь. Конструирование концепции «многополярного мирового порядка» в политическом дискурсе Китая и России: корпусное критическое исследование дискурса....605

Финагин И.А. Санкционная политика США и ЕС как фактор институционализации технологического суверенитета России в сфере ИТ: кейс Постановления Правительства РФ от 16.11.2015 РФ № 1236 (2014–2016).....610

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Виноградова Д.С. Формирование лексической компетенции на основе греко-латинских корней в контексте академической социализации и преодоления культурного разрыва....613

Гагарин А.В., Иванова Г.П., Марченко А.А. Развитие экологической грамотности младших школьников средствами цифровых образовательных технологий и искусственного интеллекта....617

Иванова М.М. Лингвоэкологические стратегии преодоления языковой интерференции при обучении иностранному языку в вузе....620

Кравченко А.И. Феномен неместности и неуместности....624

Микрюков В.О., Агабегян А.В., Айба М.А., Акиньшин М.А. Разработка маркетинговой стратегии технологической компании для реализации задач на B2B-рынке (на примере компании «Грейн Ингредиент»)....631

Полозова И.В. Право в свете традиции: религиозно-философский аспект....634

Скобелина Н.А. Инновационные технологии социальной работы с молодыми семьями с детьми 637

Асадов Э.Б. Зеленая политика ЕС в дискурсе современных международных отношений: особенности реализации ключевых императивов.....640

Барсукова А.Д. Влияние урбанизации на психоэмоциональное состояние городских жителей 645

Гармашов Д.О. Ресурсы повышения цифровизации в обществе....648

Ковальчук Н.В. Англицизмы в официально – деловом дискурсе: типология, прагматические функции и переводческая адаптация (на материале немецкого и русского языков) 651

Кордас О.М. Архетип инфернальной героини в лирической трилогии А.А. Блока: от языческой мифологии к культурфилософии хаоса 654

Коренева В.В., Машанов А.А. Иностранная образовательная миграция в Красноярском крае: структурные и личностные факторы....657

Кривец А.П., Лябихов Р.М. Роль органов местного самоуправления в сохранении и популяризации культурного наследия регионов: практические механизмы и государственная поддержка....661

Ковальчук Н.В., Бажуткина Н.В. Особенности перевода новостных текстов в немецких СМИ: прагматическая адаптация и роль журналиста-переводчика.....666

Леонов А.Б. Проблема демаркации в эпоху цифровых двойников: от инженерной симуляции к научной модели в солнечной энергетике....669

Ли Гэнь. Стратегическое партнерство России и Китая: теория и практика 674

Ли Ян. Марксистская теория издержек в контексте развития современного общества Китая....678

Ли А.В. Трансформация моделей социального регулирования миграции 681

Егоренкова О.В., Никитин А.В. Постсекулярность в философии Н.А. Бердяева.....684

Николаев Р.Ю., Шаймарданов В.М., Зачиналов Д.С., Штабной М.Д. Мотивация студентов неспортивных направлений подготовки к самостоятельным занятиям физической культурой: проблемы и пути решения .686

Сумский П.А. Институциональные механизмы продвижения интересов США в ресурсном секторе Латинской Америки (на примере стран литиевого треугольника)....689

Нога С.В., Филина А.Д., Суворова Е.А. Влияние геополитической турбулентности на мировую экономику и финансовую систему: каналы трансмиссии и перспективы устойчивости....694

Фокина Г.В., Белозерова С.И. Опыт применения генеративного искусственного интеллекта в преподавательской деятельности 697

Филина А.Д., Дерябина Д.А., Яруллина А.Р. Развитие финансовых технологий в России в условиях трансформации международных экономических отношений....702

Чеботарёв А.И. Англо-русское соперничество в центральной Азии в 1830-е – начале 1840-х гг.: механизмы и кризисы....706

Чжэн Пэйфань. Исследование перевода, распространения и рецепции произведений С.А. Торопцева, связанных с Ли Бо....710

Щербакова И.В. Дистанционные курсы как одна из форм обучения грамматике немецкого языка....714

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

Bulanova V.S., Ponomarenko E.V. Healthcare in the Russian empire during the First world war (1914–1917) 9

Guseva A.V. Adaptation of Agile Methodologies in the Activities of Executive Authorities: Problems and Prospects 12

Kreyk A.I. The term «social mechanism» – «Cinderella» of Russian sociology? 16

Matvienko V.M. Innovations in communication practices of companies 20

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Asriyants M.V. Inequality in Access to Educational Services in the Public Education System: Structural Constraints and Social Consequences 22

Atabieva Z.A., Kushkhova A.F., Makoeva Z.A., Tamazov M.S., Shoranova Z.V. Empowerment of children with musculoskeletal disorders through sports and recreational activities: a scientific analysis of the project "Para-archery relay 'Together to victory'" 27

Babaeva A.V., Marinina Y.A., Makarova A.O. «Universal art»: to the issue of popularity of Van Gogh in the modern culture 30

Basanina Yu.A. Assessing the ability of technical university students to engage in self-study of English for specific purposes 33

Romanova V.A., Berest V.A. The problem of pre-understanding: on the issue of hermeneutic analysis of film 36

Galimbekova F.S. Constructivism in Social Practices: From Radical Constructions to Well-Based Objectivity 39

Grabovetsky D.S. Pedagogical assistance in the development of critical thinking of secondary professional education students in the course of economic disciplines 42

Ibragimov A. Digital socialization of generation z as a factor in the transformation of electoral behavior 46

Ivanov D.A., Voskresensky A.A., Chistova A.D., Students in the space of formal and informal: digital folklore as a part of university strategic communications 50

Kim A.S., Molchanov V.V. Social and psychological factors of employee loyalty in a trading company of the far eastern region: a sociological analysis 55

Koldunova I.Ya. History of the Modern Turkish Language: Cultural Orientation and Political Strategies 59

Kushkhova A.F., Tamazov M.S., Makoeva Z.A., Zheligotova R.M. Formation of cultural and moral values of student youth in the context of higher education reform 62

Li Yucui, Ji Maoyue. The Internal Logic and Practical Pathways of Holistic Teaching within Subject-Based Instructional Units from the Perspective of Backward Design 65

Ma Xiaotong, Yang Bo. Transmediation and Transformation: The Influence of Late Qing Dynasty Novel Translation on Modern Chinese Literature 70

Mamedov A.K., Korkiya E.D., Maksimov A.A. New social reality: the optics of socio-cultural research 75

Mikhalenko N.A. Cybersecurity of Russia as a social institution of the Russian digital society 79

Nepomiluyeva M.A., Dialogue of Values: Metamodern Tendencies and Traditional Spiritual-Moral Guidelines in Contemporary Russian Society 82

Nikiforov N.Yu., Shtabnoy M.D., Zachinalov D.S. Innovative methods of physical education of university students: integration of digital technologies and adaptive programs 87

Nikolaev R.J., Gansburgskiy M.A., Matveev D.V. Professional competence of a physical education teacher in modern higher education: theoretical analysis 91

Piskarev P.M. Mango competence model as a methodological basis for developing personal strength of a coach in the traditions of Russian culture 95

Posvyatenko Yu.V., Basova D.N., Zvereva E.L. Entrepreneurial and social activities of M.K. Priorov in Moscow 100

Revenko N.V., Rogov E.A., Rybolova E.A. The Impact of Social Media on Adolescent Behavior 104

Jiang Yuqin, Chen Sihan. Theoretical Logic and Practical Path for Implementing the Alignment of "Teaching–Learning–Assessment" from the Perspective of Cognitive Load Theory 107

Garaeva G.F., Sharova M.A. The Social Reality of Internet Communication in the Era of Artificial Intelligence: ontological transformations of subjectivity and quasi-subjectivity 112

Chesnokova L.V. Family communications in the digital space 115

Zhang Tiantian. A Study on «Language Inflation» and «Textual Pleasing Disorder» from the Linguistic Adaptation Theory 118

Founder: **LLC Publishing House «KnoRus»**
Publisher: **Knorus Publishing House LLC**

The publication is registered with Roskomnadzor, registration number: PI No. FS 77-83076 dated April 26, 2022
Rospechat Subscription Index: **70652**

ISSN 0869-8120

Editorial and Publisher address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: **shk_journal@mail.ru**
Website: **http://socgum-journal.ru**

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL BOARD:
Editor-in-Chief:
Mironov Anatoly Vasilyevich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section), Member of the Union of Sociologists, Union of Journalists, Union of Writers of the Russian Federation (Moscow)
Executive Secretary:
Mironova Elena Vitalievna (Moscow)

Balbeko Anatoly Mikhailovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow), Moscow State Pedagogical University for the Humanities named after M.A. Sholokhov; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia (Moscow)**; **Volkov Yuri Grigorievich,** Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the South-Russian Branch of the Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich,** Doctor of Philosophy, Professor, Member of the- Corr. RAS, Advisor to the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich,** Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich,** Doctor of Philosophy, Professor, North-West Institute of Management, RANEPA; **Kozlova Oksana Nikolaevna,** Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich,** Doctor of Sociology, Professor, State University of Management (Moscow); **Makarov Anatoly Vasilyevich,** Candidate of Philosophy, Professor, Head of the Department of Educational Systems Design, Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrei Viktorovich,** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and History, Moscow Financial and Industrial University "Synergy" (Moscow); **Mikhaylenok Oleg Mikhailovich**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Social and Political Relations Research at the Center for Political Science and Political Sociology at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna**, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Sociology at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilyevna**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philosophy, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Member of the International Federation of Journalists, Professor at the Department of Communication Management, Advertising and Public Relations at the Institute of Journalism, Communications and Media Education. Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich,** Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Sociological Faculty at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Corporate Governance Department at RANEPA, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation (Volgograd); **Khaziev Valery Semenovich,** Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Philosophy, Sociology, Political Science of the BSPU named after. M. Akmully, director of the research center for the development of Islamic education, BSPU named after. M. Akmully (Ufa, Bashkiria).

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); Socio-Political Journal" (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of «RuScience», 117218, Moscow, st. Kedrova, 14/2 Circulation 300 copies. A4 format. Publication date: 15.05.2026. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

Sharova M.A., Garaeva G.F. Transformation of subjectivity in Internet communication under the influence of artificial intelligence: a socio-philosophical analysis....122

Shestakova T.A. Contemporary aspects and effectiveness of implementing educational fitness technologies to develop health-promoting competencies in future physical education teachers....125

Shlyakhova S.S., Beresneva A.V. Visualization of fat body positivity in modern social practices....129

Shukshina L.V., Pozharskaya E.L., Siniakova E.V. The Impact of Family Cohesion on Students' Social Intelligence....134

Shcherbakova I.V., Timashova M.V. Formation of cultural and regional competence based on authentic materials in the process of teaching a foreign language in higher education....138

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Avdonina K.M. Models of students› pension behavior in the context of reforming the pension system of the Russian Federation....141

Agafonova V.V. Institutional mechanisms in a sociological perspective: from theory to the conceptualization of the concept....145

Babeshko V.E., Yelnikova G.A. The labor market as a social institution for the reintegration of participants in the military....149

Beketov K.V. Social Self-Actualization of Elderly People in Border Regions in the Context of the SVO (Based on the Belgorod Region)....152

Belova I.V. Institutionalization of political events as a process and a political construct of public policy....155

Belsky V.Yu. Patriotic education of youth in modern russia: transformation of content, comparative analysis and methodological perspectives....159

Wei Yijun. Transformation of reproductive behavior of the younger generation in Russia and China in the context of demographic modernization and globalization....162

Galitskaia D.V. Development of Students' Personal Potential in German Universities: The Institutional Dimension....165

Glozman O.S. Social and architectural methods of labor coercion in the city....169

Grigoriev N.Yu. Social technologies for ensuring national security in the Russian Federation....172

Shitov S.B., Joraev Vepa. Engineering work as a form of realizing human potential and creativity....177

Drobysheva M.Yu. Constructing Territorial Attractiveness: The Relationship Between the Concepts of Regional Representation, Projected Regional Image and Regional Brand....180

Zaitsev O.N., Fadeev M.K., Tyurnikov A.P., Izvekov D.A., Danilina M.V. Sociological mechanisms of reproduction of pedagogical norms and values in the conditions of transformation of the modern educational space....184

Legalov I.P. Formation of cadets management culture in the subject field of management sociology....188

Nesterova A.V. Development of the educational system of China: from regional goals to international cooperation....192

Orlova V.V., Shmakova A.N. Mentoring as a tool for social management of professional competencies development in creative sector organizations....196

Panshin A.I. Digital technologies in the social sphere of the urban environment: a sociological analysis of management practices in the transport system....201

Razumovsky K.A. Synergy of Business and Creativity: How the Eastern Economic Forum Stimulates the Development of Local Creative Industries and Tourism....205

Reshetko M.A. Concepts of consciousness and thinking in the light of artificial intelligence: from computational functionalism to the search for criteria of subjectivity 210

Serezhko T.A., Kokhan Zh.S., Kohan D.A. Analysis of life strategies of students of the Belgorod region....213

Trinadtsatko A.A. Digital barriers for stigmatized people with disabilities....216

Tuygun A.P. Ethnosociocultural Factors in the Artificial Intelligence Development Strategy of the UAE....221

Turchina Zh. E., Baksheev A.I., Andrenko O.V., Fatyanova O.P., Tyazhelnikova S.Yu. Strategies for implementing project-based learning in the educational process of higher education....225

Khalzova N.A., Panochevny P.N. International approaches to building quality management systems for the educational process in a multicultural university environment....228

Han Linlin, Hegelova N.S. Mechanisms of Media Discourse Construction in Electronic Mass Media in the Light of Intercultural Communication Theory....232

Zhang Xian. Aging Population in Russia and the Caucasus Countries: Current Situation, Causes and Development Trends....236

Shinkiev V.E., Bogdanova V.E. On the professional value of media literacy as a factor in building mutual trust between law enforcement officers and the public....240

Yushkova S.A., Zhuk L.I. Youth Media Consumption Practices in the Digital Attention Economy....243

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Astashin O.G. Social and philosophical aspects of using AI in expertise....246

Babanin V.D. Ideology as an applied philosophy: mechanisms of constructing social reality....249

Bikmetov E.Yu., Lukyanov A.V., Pushkareva M.A. Methodology for sustainable balance of social systems....253

Filyushkina D.V., Dagdaveryan S.R. Communicative processes in the socio-cultural space: a retrospective analysis of methodological approaches....256

Dubrovin V.L. Institutions of Culture and Their Role in Shaping a Shared Cultural Area, Collective Identity, and Strengthening Social Integration in the Context of Modernization (Russian Society and European Experience)....261

Ivanova Yu.V. A comparative analysis of the subconepts maturity and old age in the works by E. Hemingway....266

Klepikova L.V. The role of tourism in the construction and transformation of the space of a modern city....271

Kurilov S.N. Identity crisis and the value paradigm of modern higher education: from the humanistic ideal to a methodological search....275

Netrebskaya O.N., Netrebskaya D.V. The Theme of the Great Patriotic War in the Musical Culture of the USSR and Modern Russia....279

Petrash N.D., Film communications as a form of symbolic production of social meaning in a digital society....282

Petrukhin A.S. Anthropology of digital space: socio-philosophical analysis....285

Pichugin V.G. Symbolic exclusion as protection of group identity: from damnatio memoriae to information filters....289

Pavlov A.P., Rakhinsky D.V. Eventful chronotope of generations....293

Rubtsov A.G. The content of the category security in social philosophy....297

Sachkova E.V. Homo sapiens symbolicus: a human being reflected by symbols....300

Sukhovskaya D.N. The city as a «smart» creative space: risks and prospects of algorithmic management....304

Vakhmistrov V.P., Tarasov A.S. The Great Russian Greek: Lawmaker, Doctor, Politician, Diplomat....308

Timerbaev R.R., Atorin R.Yu. Crisis of mediation as a form of ethnocultural crisis: a philosophical and cultural perspective....312

Shumilkina O.G. Creating a Nurturing Socio-Cultural Environment....315

Shcheglov I.A. The role of analytics in the study of the object of humanitarian expertise....318

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

Veresova A.A., Drozd A.L., Egorenkova O.V., Kanataev D.V., Kurakina E.V. A philosophical analysis of the formation and development of English-language dictionaries in their historical retrospective in Russia....321

Ren Xingyan, Chen Shuang. Evolution of Research Hotspots and Emerging Frontiers in Second Language Writing Feedback: A Bibliometric Analysis Based on Web of Science (2010–2025)....324

Zakharov A.V., Kidyamkin A.A. The imperial way of economic morality and religious architecture in the byzantine and Russian traditions: a socio-philosophical context....329

Kirshin V.A. Two genealogies of confession: disciplinary authority and the dialogical formation of the subject....333

Seregina A.A. Creative potential of the individual as a condition of world order self-organization: a philosophical and managerial analysis....338

Zakirov A.F., Smelkova E.V., Shafigullin V.A. Humanity in the era of global transformations: philosophical aspects of identity....343

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

Volchkova O.O., Silaeva Z.V. The phenomenon of «compliance» as a foundation for the formation of religious identity in the modern digital society....346

Kordas O.M. Buddhist Aesthetics: The Paradox of Form and Emptiness....350

Myazin I.O. Saturated phenomenon and theological rift: methodological boundaries of jean-luc marion's phenomenology....353

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Avzalova E.I., Zakirov A.R., Zaripova A.R., Sidorov V.V. Business support measures on the political agenda of regional legislatures: content analysis of materials from meetings of the State Council of the Republic of Tatarstan....357

Aleshin I.K. Artificial intelligence development in politics: challenges and threats....360

Altunina Yu.O., Lyabakh A.Yu. The Death Penalty as a Political Institution: A Contemporary Political Science Interpretation....363

Bashev K.A. Ways to increase patriotism among multinational and multi-confessional Russia....368

Belokoz E.R. The role of the church institution in shaping Northern Europe's nuclear energy policy....371

Bochanov M.A. Educational sovereignty in the age of AI....376

Vititnev S.F., Bruz V.V., Shmeleva A.V. Political actors as a factor in transforming the social environment in the context of global challenges of regional instability and digital inequality....380

Vorobev A.P. Electoral forecasting based on social network analysis: opportunities and limitations of machine learning methods....384

Dong Bangda. Digital Management of Youth Volunteering at Major Mega-Events and the Formation of National Identity: A Comparative Study Using the Beijing and Sochi Winter Olympics....388

Eremenko I.V. TikTok rewards radicalism and reshapes the logic of electoral campaigns....392

Zaitseva I.A., Svirin M.G., Topal N.M., Lutoshkina V.N., Demidova T.E. Volunteering as a social phenomenon of modern society....397

Ilin A.S. Paradigmatic Shift in Scientific Recognition Criteria and Scenario Forecast for Russia....401

Kalinin D.M. Regulatory and Legal Governance of Generative Artificial Intelligence in the Political Sphere: A Comparative Analysis of Foreign Approaches and Russian Prospects....404

Karimov E.R. Digitalization as a factor in the transformation of traditional political institutions: institutional changes and new configurations of public authority....408

Kernozhitskaya E.V. Institutional mechanisms for regulating construction activities in the Leningrad region: assessment of effectiveness and ways to modernize....412

Korenkov I.O. Artificial intelligence in political process management: risks and prospects....416

Levshenkov V.B. ESG Regulation Models in Global Politics: An Institutional Review....420

Miftakhova A., Tereshina E. The role of artificial intelligence in China's foreign policy....424

Povaliukhina A.N. The Fukushima Daiichi Nuclear Disaster and the Transformation of Japan's Political Process....428

Poleshko V.V. The Russian state as an innovation-conservative civilizational system....432

Salimov D.M. Online media and prospects for a legitimate political order in Kazakhstan....436

Sapozhkov D.O. The role of political technologies to promote spiritual and moral values among Russian youth in the context of a concessional war....440

Smal S.V., Tsybukov Ya.S. Business social responsibility as a mechanism of social policy in modern Russia....445

Sytnik S.I. The crisis of traditional parties in Britain....449

Temnikov N.D. The VKazan Digital Platform as an Element of Youth Policy Implementation and a Tool for Increasing the Authority of Russian Online Platforms Among Teenage Users....452

Teteryuk A.S. GR Management in the Post-Soviet Space: A Comparative Analysis of the Development of Business-Government Interaction....455

Fedorov V.I., Kovrigin I.R., Nekrasova A.P., Frolova K.O. Perception of remote electronic voting in Russia by experts and young voters....460

Yan Yutong. The concept of the community of the common destiny of humanity as an element of China's political discourse and economic diplomacy in the process of shaping its global leadership image....463

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Gao Yuan, Yin Xiaorong. A Study of the Identity of the Titular Ethnos in Kazakhstan....468

Gubenko E.A. Managing intergenerational conflicts in an organization: a sociological analysis....472

Danilov V.L. Global challenges of contemporary times: extremism and terrorism in the context of digitalization....475

Javad Zeraat Peyma. Sanctions regimes as technologies of pressure and formation of conditions for new models of international and regional relations....478

Shilei Deng. Evolution of Legal Cooperation among BRICS Countries: from Declarations to Autonomous Dispute Settlement Mechanisms as a Response to the Weaponization of Western Jurisdictions....481

Zakharova S.A., Gomal M.A. Specifics of political projection: global and local aspects....485

Lekov D.K. A Socio-Philosophical Interpretation of Crises and Deadlocks in Modernization Processes in the Context of the Transformation of Socio-Legal Institutions....490

Luo Xiyi. The Geopolitical Significance of Greenland in the Formation of the Ice Silk Road Routes and the Transformation of International Relations in the Arctic....492

Makashov A.I. Aspects of relations with the Eu, as well as Georgia's European integration policy during the presidency of M.N. Saakashvili (2003–2013)....497

Pavlenko D.A. The causes of separatism in Ukraine before 2014. The DPR and LPR's path to independence referendums....501

Pavlov I.E. Values of the international environmental policy of the Russian Federation....504

Pisachkina Ya.S. Social control as a factor of modernization of the Russian National Security system....508

Pogorelova E.S. Network technologies in the educational cooperation of the BRICS countries....511

Tkachenko S.L., Li Gen. The Role of Latin America in Ensuring Food Security for the World's Majority States....516

Khlopov O.A. The oil factor in the domestic and foreign policy of Iran under Shah Mohammad Reza Pahlavi (1953–1979)....519

Jia Simeng. China's growing security role in Central Asia: implications for Russia....524

Zhang Xin. China's Historical and Cultural Heritage in the Formation of the Country Brand under Global Challenges....527

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Abdullaeva O. The Role of UNESCO›s Programs in Preserving Uzbekistan›s Historic Cities in the Development of Cultural Diplomacy and Sustainable Tourism....531

Alekseev R.A. The relationship between objective threat and the political construction of danger in contemporary security theories and normative approaches to their interpretation....534

Akhmetova D.R., Kalimanov I.K. From External Support to Military Involvement: Iran's Role in the Mobilization of Bosnian Muslims during the Bosnian War (1992–1995)....538

Bayarkhuu Tuguldur. Energy Security in Central Asia in the Context of the Transformation of the Global Political System....543

Orlova I.V., Bednenko A.S. BRICS as a new center of power in the context of the transformation of the world order....546

Borisov A.V. Russia›s Humanitarian Policy: between the Helsinki Legacy and the Challenges of Post-hegemony....549

Veremeenko V.S. Digitalization of unrecognized and partially recognized states in the post-Soviet space: regional approaches....554

Zhan Rui. Gastrodiplomacy as an instrument for the implementation of China's soft power: international experience and practice in the Russian Federation....559

Akulova A.D., Burkova V.A., Kartashova M.N. An analysis of Albrecht von Roon's political and military activities....563

Konovalov I.A. The Origins and Direction of Russia's Strategy in the Far Eastern Foreign Policy: The Pre-Soviet Stage....566

Lelikov N.A. Generative artificial intelligence and technological chains as a factor in the formation of the future world order....570

Nikitin K.A. Private military companies as non-state actors in international conflicts: legal, political and economic factors of formation....573

Maximov K.G., Shapovalov M.Y. A new format for investment and foreign exchange cooperation between Russia and South Africa in the energy sector in the context of the decisions of the 2025 BRICS Summit....577

Matusevskaia V.I. Factors of BRICS' Growing Attractiveness for the Global South Countries....581

Nikitin K.A. The evolution of private military companies in international conflicts....585

Shoaib Khan, Pechishcheva L.A. Russia's geopolitical interests in South Asia....589

Seligenenko, I. S. Contemporary Approaches to the Study and Conduct of International Negotiations: From Theory to the Selection of Strategies and Tactics....593

Spiridonov E.E. International mediation in the 21st century: limitations in the context of identity conflicts....597

Tummasorn Siwakorn. ASEAN Centrality Under Pressure: Minilateral Security Arrangements and the Future of Regional Architecture in the Indo-Pacific....600

Fan Yuwen. Constructing the Concept of a "Multipolar World Order" in the Political Discourse of China and Russia: A Corpus-Assisted Critical Discourse Study....605

Finagin I.A. U.S. and EU sanctions policy as a driver of the institutionalization of Russia's technological sovereignty in the it sector: the case of Russian government resolution No. 1236 of 16 november 2015 (2014–2016)....610

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

Vinogradova D.S. Building Lexical Competence through Greek and Latin Roots in the Context of Academic Socialization and Bridging the Cultural Gap....613

Gagarin A.V., Ivanova G.P., Marchenko A.A. Developing Environmental Literacy in Primary Education: A Case-Based Approach in Digital and AI-Enhanced Learning Environments....617

Ivanova M.M. Linguoecological Strategies for Overcoming Language Interference in Teaching a Foreign Language at a University....620

Kravchenko A.I. Phenomenon of irrelevance and inappropriateness....624

Mikryukov V.O., Agabegyan A.V., Aiba M.A., Akinshin M.A. Development of a marketing strategy for a technology company to achieve B2B market objectives: the case of Grain Ingredient LLC....631

Polozova I.V. Law in the light of tradition: religious and philosophical aspect....634

Skobelina N.A. Innovative technologies of social work with young families....637

Asadov E.B. The green policy of the EU in the discourse of modern international relations....640

Barsukova A.D. The impact of urbanization on the psychoemotional state of urban residents....645

Garmashov D.O. Resources for increasing digitalization in society....648

Kovalchuk N.V. Anglicisms in official business discourse: typology, pragmatic functions and translation adaptation (based on the material of German and Russian)....651

Kordas O.M. The Archetype of the Infernal Heroine in A.A. Blok's Lyrical Trilogy: From Pagan Mythology to the Cultural Philosophy of Chaos....654

Koreneva V.V., Mashanov A.A. International Educational Migration in Krasnoyarsk Krai: Structural and Personal Factors....657

Krivets A.P., Lyabikhov R.M. The role of local self-government bodies in the preservation and promotion of cultural heritage of regions: practical mechanisms and state support....661

Kovalchuk N.V., Bazhutkina N.V. Features of the translation of news texts in the German media: pragmatic adaptation and the role of a journalist translator....666

Leonov A.B. The problem of demarcation in the age of digital twins: from engineering simulation to a scientific model in solar energy....669

Li Gen. Strategic Partnership between Russia and China: Theory and Practice....674

Li Yang. The Marxist theory of costs in the context of the development of modern Chinese society....678

Li A.V. Transformation of social regulation models of migration....681

Egorenkova O.V., Nikitin A.V. Postsecularity in the philosophy of N.A. Berdyaev....684

Nikolaev R.Ju., Shajmardanov V.M., Zachinalov D.S., Shtabnoy M.D. Motivation of students of unsportsmanlike areas of preparation for independent physical education classes: problems and solutions....686

Sumskiy P.A. Institutional mechanisms for promoting United States interests in the resource sector of Latin America (the example of the lithium triangle)....689

Noga S.V., Filina A.D., Suvorova E.A. The impact of geopolitical turbulence on the global economy and financial system: transmission channels and stability prospects....694

Fokina G.V., Belozerova C.I. Experience in applying artificial intelligence in teaching activities....697

Filina A.D., Deryabina D.A., Yarullina A.R. Development of financial technologies in Russia in the context of transformation of international economic relations....702

Chebotarev A.I. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia in the 1830s and early 1840s: mechanisms and Crises....706

Zheng Peifan. A Study of the Translation, Dissemination, and Reception of S.A. Toroptsev's Works Related to Li Bai....710

Shcherbakova I.V. Distance learning courses as one of the forms of teaching German grammar....714

Здравоохранение Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917)

Буланова Валерия Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Московского медицинского университета Реавиз
E-mail: alekseishuralev@yandex.ru

Пономаренко Елена Владимировна,
кандидат исторический наук, научный сотрудник Военного университета имени Александра Невского

Статья обращает внимание к проблемам здравоохранения в очень важный для нашей страны период – участию Российской империи в Первой мировой войне и предоставляет заявленной темой достаточный простор для делания выводов о том, как государство относилось к своему коренному функционалу в решении внутренней социальной политики.

Ключевые слова: Национальные общества Красного Креста и Красного Полумесяца, здравоохранение, война, Главное военно-санитарное управление Военного министерства (ГВСУ), Российское общество Красного Креста (РОКК), Всероссийский Земский Союз (ВЗС), Всероссийский Союз Городов (ВСГ), санитарный поезд, эвакуационный госпиталь, «зауряд-военный врач», военный медик.

Введение

Национальные общества Красного Креста и Красного полумесяца действовали в Первой Мировой войне во всех воюющих странах. Они организовывали госпитали, санитарные поезда, склады медикаментов и перевязочных материалов. Многие госпитали Красного Креста были полностью укомплектованы добровольцами: врачами, оставившими частную практику ради помощи раненым, медсёстрами-добровольцами, санитарами из числа непригодных к строевой службе.

В Великобритании благотворительная деятельность приняла беспрецедентные масштабы. Аристократы предоставляли свои поместья для организации госпиталей. Леди Рэндольф Черчилль, мать Уинстона Черчилля, организовала госпитальное судно «Мейн», которое обслуживало раненых в районе Дарданелл. Миллионеры жертвовали огромные суммы на закупку медицинского оборудования. Простые люди собирали деньги на «свои» койки в госпиталях, отправляли посылки с едой, табаком, тёплыми вещами.

Американский Красный Крест начал отправлять медицинские миссии в Европу ещё до вступления США в войну. Эти миссии включали врачей, медсестёр, санитаров, административный персонал. Они привозили с собой не только медицинское оборудование и лекарства, но и продовольствие, одежду, строительные материалы для восстановления разрушенных зданий под госпитали.

Религиозные организации также активно участвовали в создании и поддержке военных госпиталей. Католические ордена сестёр милосердия, протестантские благотворительные общества, еврейские организации помощи – все они направляли своих представителей на фронт, собирали пожертвования, организовывали госпитали. Квакеры, пацифисты по своим убеждениям, отказывались служить в армии с оружием в руках, но многие из них работали санитарами, водителями машин скорой помощи, медбратьями в госпиталях. Их вклад в спасение жизней на полях сражений был отмечен во всех воюющих странах.

Необычной формой благотворительности были так называемые «шефства» над госпиталями. Крупные компании, учебные заведения, профессиональные объединения брали шефство над определёнными госпиталями, обеспечивая их всем необходимым: от медикаментов до одежды для выписывающихся пациентов. Это позволяло госпиталям функционировать даже при перебоях с государственным снабжением.

Как и всегда наша страна была не готова к Первой мировой войне и в сфере медицины, как и во многих других, отставала по причине общего разложения общественно-политического строя – царизма. Общие санитарные потери русской армии в Первую мировую войну составили 12–13 миллионов, а средние ежегодные потери на один миллион – около 800 тысяч человек. Но благодаря тому, что общество всегда шло впереди своей власти, эта власть опять смогла использовать все те передовые силы, которые вовремя смогли организовать медицинское обеспечение не только в стране, но и на фронте.

На протяжении всей Русско-японской войны, сразу после неё и до Первой мировой войны шла непримиримая борьба Главного военно-медицинского (санитарного) управления за право военных врачей на максимальную самостоятельность в руководстве медицинскими силами и средствами. От победы в этой борьбе зависела судьба всех новых реформ, которые провели в армии после поражения России в войне с Японией. Самые острые споры шли вокруг проблемы – эвакуации раненых и больных с театра военных действий в лечебные учреждения, развернутые в тылу действующей армии и во внутреннем районе страны. Сторонники реформ стояли на стороне Главного военно-санитарного управления.

Положение нормализовалось, после того как организацией медицинской помощи сначала в тылу, а затем и на театре военных действий занялись Всероссийский земский (ВЗС) и Всероссийский городской союзы (ВСГ). Они взяли на себя заботу по организации больничных мест – 155 400 коек. В отчете Главного комитета Земского союза говорилось, что «военное ведомство направило свои силы и средства на удовлетворение потребностей действующей армии в отношении ее боевого снаряжения и организации санитарной части на театре военных действий, а все дело помощи больным и раненым во внутренних районах было поручено общественным организациям».

Нехватка транспорта и недостаточная протяженность железных дорог не давали возможности равномерно заполнить больными и ранеными весь созданный объем больничных мест в лечебных учреждениях. Раненые накапливались в распределительных пунктах, куда их свозили с передовых позиций, в результате чего близлежащие эвакуационные пункты были переполнены, а лечебные учреждения в отдаленных районах пустовали. Средний процент заполнения коек внутренней эвакуации в первый период войны составлял около 50, а затем колебался между 70–77. Занятость лечебных учреждений в отдаленных районах до конца войны так и не достигла 100 процентов. В сентябре 1914 года была предпринята попытка объединить усилия ведомств, но верховным начальником санитарной и эвакуационной части стал человек, далекий от медицины и не обладавший опытом профессионального администратора, но состоявший в родстве с Николаем II – принц А.П. Ольденбургский. К качественным изменениям это не привело. Спустя два года после вступления России в войну вопрос о единой системе обеспечения медицинской помощью все еще оставался открытым.

И только в приказе Временного правительства по военному ведомству № 417 от 29 июня 1917-го говорилось о «немедленном сформировании Временного главного Военно-санитарного совета и Центрального санитарного совета фронтов для объединения военно-санитарного дела как на фронте, так и в тылу». В июне-августе 1917-го был создан особый комитет для разработки проекта по объединению военных и общественных организаций на Европейском театре войны. Об эффективности этих мер в свете бурных событий 1917 года судить сложно, но вряд ли они кардинально изменили ситуацию.

В течение всей Первой мировой войны военные врачи занимались разработкой новых методов лечения, совершенствованием организационных мероприятий по эвакуации раненых и популяризировали их в медицинских изданиях. Несмотря на многочисленные трудности военные врачи добивались профессионализма в спасении раненых и возвращении их в строй. Поэтому Первая мировая война стала тяжёлой практикой в их благородной и нелегкой профессии. Очень много военных врачей стали очень известны после этой войны. Это: Владимир Андреевич Оппель, Роман Романович Вреден, Виктор Леонидович Боголюбов, Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, Григорий Витальевич Хлопин, Николай Яковлевич Чистович, многочисленные открытия и достижения которых в корне изменили врачебную помощь. Их глубокое понимание хирургии и новые методы лечения помогло спасти огромное количество жизней не только в годы Первой мировой войны, но и в будущем [1, 2, 3].

Материалы и методы исследований

Основной базой и источниками для данного исследования послужила многочисленная литература по данной тематике, опубликованная как в научных журналах, так и монографиях досоветского, советского и современного периодов. А также архивные источники из системы электронных библиотек. Статья сигнализирует внимание к проблемам здравоохранения в очень важный для нашей страны период, и даёт достаточный простор для выводов о том, как государство должно относится к своему коренному функционалу в решении внутренней социальной политики. При написании настоящей статьи использовались как общенаучные, так и специально-исторические методы исследования.

Результаты исследования

Здравоохранение российской империи было не готово к новой большой войне. Не хватало врачей и среднего медицинского персонала, была также слабая хирургическая подготовка, особенно для работы на фронте. И это несмотря на то, что вся медицина во время войны осуществляла свою работу в условиях совершенно новых видов ведения боевых действий воюющими армиями, которые применяли и использовали самые новые виды оружия и технические средства для уничтожения людей.

ГВСУ – Главное военно-санитарное управление Военного министерства являлось Центральным органом, регламентировавшее работу военных медиков. Были также созданы в каждом военном округе окружные военно-санитарные управления напрямую подчинявшиеся ГВСУ.

Для войны были привлечены все возможные силы, деятельность которых являлась наиболее продуктивной и необходимой. Например, Российское общество Красного Креста (РОКК), которое стало активно проявлять себя с первых дней войны, участвуя на всех фронтах, оно профессионально оказывало медицинскую помощь, всячески подвергаясь опасности. В 1916 году по официальным спискам на фронт было отправлено 17 436 сестер, которые обслуживали более 2 тыс. полевых и тыловых учреждений Красного Креста.

В действующую армию Красным Крестом посылались лазареты, передовые отряды и средства эвакуации, был проведён дополнительный набор в лечебные учреждения врачей и сестёр милосердия. Кроме этого, была выработана чёткая последовательность транспортировки больных, что ускорило медицинское обслуживание. Солдат на носилках доставляли с поля боя в медицинский пункт полка, далее, при необходимости, на автомобиле скорой помощи их везли в эвакуационный пункт, а затем – на санитарном поезде в эвакуационный госпиталь.

Красный крест напрямую подчинялся правительствам своих стран. В России данное движение поддерживалось императорской семьей. Это подтверждается таким фактом: великий русский поэт Сергей Александрович Есенин, служил санитаром во время войны и был зачислен в «Полевой царскосельский военно-санитарный поезд № 143 Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны». Поезд состоял из 21 пульмановского вагона. Десять из них оборудовали для приёма раненых и больных, а остальные имели вспомогательное значение. Есенин был назначен санитаром в шестой вагон. В его обязанности входило: поддержание чистоты и порядка, переноска на носилках тяжелораненых и размещение их в вагонах, погрузка и выгрузка имущества, получение продуктов, раздача пищи и многое другое.

Особое внимание уделялось борьбе с возможными инфекциями и эпидемиями. Были сформированы специальные дезинфекционные отряды для борьбы с окопными эпидемиями, все медицинские учреждения и мобильные отряды имели в своей структуре бани, существовали и отдельные передвижные бани, также разъезжавшие по фронтам [4, 5, 6].

Действующая армия нуждалась в постоянном удалении от неё раненых и больных, чтобы их присутствие не стесняло подвижность армии и не оказывало неблагоприятного влияния на находящихся в её рядах чинов. В этих целях создавались слабосильные команды, для долечивания легкораненых и легкобольных. Такие команды размещались вне лечебных учреждений, преимущественно в казармах, летом, как правило, – лагерем.

3 сентября 1914 года была создана должность верховного начальника санитарной и эвакуационной части. Ему была вверена вся полнота власти на фронте и в тылу над лечебными, санитарными и эвакуационными учреждениями. Для этого было приурочено принятие 5 августа 1914 года закона: «Временного положения об эвакуации раненых и больных воинов». Именно по этому закону обеспечение армии медицинской помощью было возложено на Военно-санитарное ведомство и Красный Крест. Однако масштабы боевых действий с первых же дней выявили острую необходимость форсированного расширения числа госпитальных мест в тылу. Решение этой задачи приняли на себя общественные организации, объединившие органы местного самоуправления – Всероссийский Земский Союз (ВЗС) и Всероссийский Союз Городов (ВСГ). Одновременно с этим в стране активно работали над исправлением ситуации в данной области. Врачей, для российской армии готовила Императорская Военно-медицинская академия в Санкт-Петербурге, а также медицинские факультеты университетов, которые при объявлении войны выпускали студентов старших курсов в должности «зауряд-военный врач»[1]. Немало было и сестёр-милосердия. Санитары и медицинские сёстры стирали бинты и окровавленное бельё, делали перевязки и обрабатывали раны, круглосуточно дежурили у постелей раненых. Были также задействованы передовые знания и новые открытия учёных медиков, работавших и проводивших опыты при существующих академических учебных заведениях. Так было налажено относительно широкое применение рентгеновских установок, которые применялись и в полевых условиях. Были, также созданы подвижные хирургические отряды и хирургические группы, что намного повысило хирургическую активность на главных перевязочных пунктах. Кроме это, появились специализированные средства медицинской помощи: глазные отряды, отделения и госпитали для челюстно-лицевых ранений, лечебные заведения для легкораненых. С 1915 года устроили массовую вакцинацию с использованием в том числе новинок – противотифозных и противостолбнячных сывороток [7, 8].

Первая мировая война нарушила установившийся порядок выписки медикаментов и заставила искать иные пути к своевременному снабжению ими земских медицинских учреждений. Многочисленные, ранее установленные соглашения с фирмами были расстроены, цены на медицинские препараты повысились, поставка их железнодорожным транспортом была также нарушена. Но несмотря на это, на сред-

[1] «Зауряд-военный врач» – зауряд-военно-медицинский чиновник (зауряд-врач, зауряд-фармацевт, зауряд-аптекарь) – категория военнослужащих Российской императорской армии, которая была задействована при недостатке соответствующего персонала для замещения должностей в мобилизуемых частях войск и военно-врачебных заведениях военного времени.

ства, которые получили благодаря общественным организациям, были развёрнуты 71 госпиталь, 61 этапный лазарет, 57 подвижных лазаретов. Общественные организации создали 62 передовых отряда для оказания первой медицинской помощи, а также 188 подвижных перевязочно-питательных отрядов в прифронтовом тылу [9, 10].

Выводы

1. Основная причина неподготовленности России к Первой мировой войне в медицинской сфере – существование царизма.

2. Разрешение проблемы неподготовленности здравоохранения принадлежит российским общественным организациям.

3. За храбрость и тяжёлый труд спасения людей, проявленные на фронтах Первой мировой войны, награждены Георгиевскими медалями и крестами многие военные медики.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. – 346 с.
2. Вельяминов Н.А. Очерки военно-санитарного дела в отечественной войне 1914–1917 гг. Т. 1. М.: Из-во: Полиграф-вектор, 2024. – 390 с.
3. Врангель, Н.Н. Дни скорби. Дневник 1914–1915 гг. Сб. Из-во: Журнал «Нева», 2001. – 319 с.
4. Гладких П.Ф. Военная медицина императорской России в Первой мировой войне в 1914–1917 годы. Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017; (2): 5–24.
5. История военной медицины России. Т. 3. XIX – начало XX в. / А.А. Будко., И.Ю. Быков, Е.Ф. Селиванов, И.М. Чиж, А.В. Шабунин; гл. ред. И.Ю. Быков. – СПб.: ВМедА, 2006. – 687 с.
6. Оппель, В.А. Очерки хирургии войны [Текст] / Проф. В.А. Оппель. Под ред. И.А. Клюсс. – Москва: Гос. изд. мед. лит. Лен.отд., 1940. – 399 с.
7. Смирнов, Е.*И*. Фронтовое милосердие / Е.И. Смирнов. – Москва: Воениздат, 1991. – 427 с.
8. Сорокина Т.С. История медицины: учебник для студ. высш. мед. учеб, заведений / Т.С. Сорокина. – 8-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 560 с.
9. Строков А.А. Вооружённые силы и военное искусство в Первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974. – 616 с.
10. Федорченко С.З. Народ на войне. М., Советский писатель, 1990. – 400 с.

HEALTHCARE IN THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE FIRST WORLD WAR (1914–1917)

Bulanova V.S., Ponomarenko E.V.
Moscow Medical University Reaviz, Military University named after Prince Alexander Nevsky

This article draws attention to the problems of healthcare during a very important period for our country, the participation of the Russian Empire in the First World War, and provides sufficient scope for drawing conclusions about how the state approached its core function in addressing domestic social policy.

Keywords: National Red Cross and Red Crescent Societies, healthcare, war, Main Military Sanitary Directorate of the Ministry of War (GMSU), Russian Red Cross Society (ROKK), All-Russian Zemstvo Union (VZS), All-Russian Union of Cities (VSC), medical train, evacuation hospital, «ordinary military doctor», military medic.

References

1. Berdyaev N.A. The Fate of Russia. M., 1990. – 346 p.
2. Velyaminov N.A. Essays on Military Sanitation in the Patriotic War of 1914–1917. Vol. 1. M.: Iz-vo: Poligraf-vector, 2024. – 390 p.
3. Wrangel, N.N. Days of Sorrow. Diary 1914–1915. Sat. From-vo: Neva Magazine, 2001. – 319 p.
4. Gladkikh P.F. Military Medicine of Imperial Russia in the First World War in 1914–1917. Medical-biological and socio-psychological problems of security in emergency situations. 2017; (2): 5–24.
5. History of Military Medicine in Russia. Vol. 3. The 19th and Early 20th Centuries / A.A. Budko, I. Yu. Bykov, E.F. Selivanov, I.M. Chizh, and A.V. Shabunin; edited by I. Yu. Bykov. – St. Petersburg: VMedA, 2006. – 687 p.
6. Oppel, V.A. Essays on War Surgery [Text] / Prof. V.A. Oppel. Edited by I.A. Klyuss. – Moscow: State Publishing House of Medical Literature, 1940. – 399 p.
7. Smirnov, E.I. Frontline Mercy / E.I. Smirnov. – Moscow: Voenizdat, 1991. – 427 p.
8. Sorokina T.S. History of Medicine: Textbook for Students of Higher Medical Schools / T.S. Sorokina. – 8th edition, revised. – Moscow: Publishing Center «Academy», 2008. – 560 p.
9. Strokov A.A. Armed Forces and Military Art in the First World War. Moscow: Military Publishing House, 1974. – 616 p.
10. Fedorchenko S.Z. The People at War. Moscow, Soviet Writer, 1990. – 400 p.

Адаптация Agile-методологий в деятельности органов исполнительной власти: проблемы и перспективы

Гусева Анна Владиславна,
кандидат социологических наук, доцент Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС)
E-mail: guseva-av@ranepa.ru

Современные вызовы цифровой экономики и возрастающие ожидания граждан в отношении качества государственных услуг требуют пересмотра устоявшихся подходов к управлению в публичном секторе. Традиционная бюрократическая модель, основанная на жесткой иерархии и нормативной регламентации, демонстрирует недостаточную операциональную гибкость при решении сложно структурированных проблем, что актуализирует поиск новых управленческих парадигм.

Целью данного исследования является комплексный анализ институциональных, правовых и организационно-культурных проблем адаптации Agile-методологий в деятельности органов исполнительной власти, а также обоснование перспективных направлений и моделей их имплементации с учетом российской и зарубежной практики.

Теоретическую основу исследования составляют фундаментальные труды по теории бюрократии (М. Вебер, Р. Мертон), концепции нового государственного менеджмента (NPM) и пост-нового государственного менеджмента (пост-NPM), а также работы основоположников Agile-подхода (К. Бек, К. Швабер, Д. Сазерленд). Методологическая база включает системный и сравнительно-правовой анализ нормативных актов, регламентирующих проектную деятельность в РФ, а также методы экспертного интервью (n=15) с руководителями проектных офисов федеральных и региональных органов власти.

Выявлен комплекс институциональных барьеров, препятствующих имплементации Agile: нормативно-правовая ригидность, противоречия в системах мотивации, отсутствие легитимных механизмов итеративного бюджетирования. Представлена авторская критика концепции «GovTech-детерминизма», абсолютизирующей возможности технологических и управленческих заимствований из бизнеса. Высказаны аргументы в пользу разработки специализированной методологии «Public Agile», интегрирующей принципы гибкости с требованиями публичной отчетности и законности. Показано авторское видение проблемы через построение матрицы контекстной применимости Agile-инструментов в зависимости от типа государственных функций (сервисные, регуляторные, фискальные). Выводы. В статье доказывается, что успешная адаптация Agile невозможна без предварительной трансформации трех взаимосвязанных подсистем: правовой (введение экспериментальных правовых режимов), организационной (создание межведомственных проектных команд с особым статусом) и культурной (переход от культуры исполнения к культуре результата). Обоснован вывод о том, что перспективной является не прямая имплементация канонических фреймворков, а их гибридизация с классическими методами управления проектами в рамках единой методологии проектной деятельности органов власти.

Ключевые слова: Agile, государственное управление, органы исполнительной власти, гибкие методологии, цифровая трансформация, проектный подход, Scrum, Kanban, бюрократия, институциональные барьеры, GovTech, гибридное управление, эффективность госсектора, административная реформа.

В условиях нарастающей динамики социально-экономических процессов, цифровизации всех сфер жизни и возрастающих требований общества к прозрачности и оперативности власти, традиционная модель государственного управления сталкивается с беспрецедентными вызовами. Классическая веберианская бюрократия, ориентированная на стабильность, предсказуемость и неукоснительное следование инструкциям, все чаще оказывается неспособной адекватно реагировать на быстро меняющиеся условия, такие как технологические сдвиги, экономические кризисы или пандемии [1]. Разрыв между скоростью изменений во внешней среде и скоростью принятия решений внутри государственного аппарата становится критическим.

В поисках решений управленческая мысль обращается к опыту коммерческого сектора, где в последние два десятилетия доминирующую роль приобрели гибкие (Agile) методологии управления. Agile, зародившийся в сфере разработки программного обеспечения, доказал свою эффективность в условиях высокой неопределенности, позволяя создавать востребованные продукты через короткие итерации и постоянную обратную связь с заказчиком. Логичным выглядит стремление перенести эти принципы в сферу государственного управления (GovTech), особенно в части разработки цифровых государственных сервисов, где требования пользователей (граждан и бизнеса) меняются столь же стремительно, как и на коммерческих рынках.

Однако первые попытки внедрения Agile в органах исполнительной власти как в России, так и за рубежом выявили не просто технические, а глубокие системные противоречия. Многие проекты, начатые с энтузиазмом, столкнулись с непреодолимыми барьерами: от несоответствия методологии законодательству о госзакупках до саботажа со стороны среднего звена чиновников, чья мотивация основана на стабильности, а не на готовности к изменениям [2]. Это порождает важную научную проблему: является ли Agile в государственном управлении «модным трендом», обреченным на неудачу, или же существует путь его глубокой адаптации, трансформирующей саму ткань публичного администрирования?

Для понимания глубины противоречий между Agile и государственным управлением необходимо рассмотреть эволюцию организационных форм управления. Классическая модель бюрократии, описанная М. Вебером, формировалась как антитеза феодальному произволу и фаворитизму. Ее ключевые характеристики – безличность, иерархичность, разделение труда, формализованные правила и процедуры, карьерная система, основанная на компетенции, – обеспечивали предсказуемость, эффективность при решении рутинных задач и равенство всех перед законом.

Однако уже в середине XX века исследователи (Р. Мертон, Ф. Селзник) обратили внимание на «дисфункции бюрократии». Средства (правила и процедуры) превращаются в цель, гибкость утрачивается, инициатива наказывается, а главной задачей чиновника становится не решение проблемы гражданина, а формальное соблюдение инструкции. Возникает феномен «обученной неспособности», когда организация не может адекватно реагировать на нетипичные ситуации.

На смену идеалам классической бюрократии в конце XX века пришла концепция Нового государственного менеджмента (NPM). NPM предложил заимствовать у бизнеса рыночные механизмы: конкуренцию, аутсорсинг, оценку по результатам (KPI), ориентацию на гражданина как на клиента. Это был важный шаг к повышению эффективности, но и он не решил проблему адаптивности. Контракты, заключаемые в рамках NPM, были долгосрочными и жесткими, а KPI часто вели к «игре с показателями», а не к реальному улучшению качества услуг.

В 2010-е годы на волне цифровизации формируется концепция «Цифрового правительства» (Digital Government) или «Правительства как платформы». Она подразумевает не просто оцифровку существующих услуг, а фундаментальную перестройку процессов, ориентацию на потребности пользователя, использование больших данных и, что важно для нас, внедрение гибких методов разработки и управления [3]. Именно в рамках этой парадигмы Agile начинает рассматриваться как ключевая компетенция. Эволюция парадигм представлена в Таблице 1.

Таким образом, переход к Agile в госсекторе означает не просто смену инструментария, а смену управленческой парадигмы, что всегда связано с высоким сопротивлением.

Таблица 1. Сравнительный анализ парадигм государственного управления

Характеристика	Классическая бюрократия (Вебер)	Новый государственный менеджмент (NPM)	Цифровое правительство (Agile-парадигма)
Основной фокус	Процедура, инструкция	Результат, эффективность	Пользователь (гражданин), ценность
Организационная структура	Иерархическая, функциональная	Матричная, аутсорсинг	Плоская, сетевая, проектные команды
Роль гражданина	Подданный/Проситель	Клиент	Со-участник, пользователь
Метод принятия решений	Сверху-вниз, на основе норм	Контракт, конкурс	Итеративный, на основе данных и обратной связи
Отношение к изменениям	Консервативное, изменения через поправки в регламенты	Реактивное, изменение условий контракта	Проактивное, постоянная адаптация
Ключевой недостаток	Ригидность, нечувствительность к контексту	Фрагментация, «палочная» система KPI	Сложность интеграции с правовыми нормами

Agile (гибкая методология разработки) представляет собой не столько конкретный метод, сколько философию, набор ценностей и принципов, зафиксированных в Agile-манифесте (2001). Четыре ключевые ценности манифеста гласят:

1. Люди и взаимодействие важнее процессов и инструментов.
2. Работающий продукт важнее исчерпывающей документации.
3. Сотрудничество с заказчиком важнее согласования условий контракта.
4. Готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану [4].

Наиболее популярными фреймворками, реализующими эти принципы, являются Scrum (работа итерациями-спринтами длиной 2–4 недели, жестко фиксированные роли: Владелец продукта, Скрам-мастер, Команда) и Kanban (визуализация потока работ на доске, ограничение незавершенного производства, управление потоком без жестких итераций). Оба подхода ориентированы на быстрое создание ценности и постоянное улучшение.

Потенциал применения этих подходов в госсекторе видится в следующем:

• Сокращение времени вывода услуг/сервисов. Вместо многолетних ГИС-проектов, которые морально устаревают к моменту запуска, можно запускать минимально жизнеспособный продукт (MVP) и дорабатывать его по отзывам граждан.

• Повышение релевантности решений. Ориентация на пользователя позволяет создавать действительно востребованные сервисы, а не те, которые удобны чиновникам.

• Снижение рисков. Итеративная разработка позволяет выявлять ошибки на ранних стадиях, когда их исправление стоит дешевле.

• Повышение вовлеченности и мотивации госслужащих. Работа в автономных проектных командах может быть более творческой и осмысленной, чем рутинное исполнение функций.

Однако этот потенциал блокируется рядом фундаментальных особенностей госсектора. Деятельность органов исполнительной власти в России жестко регламентирована. Основополагающими актами являются Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе», административные регламенты предоставления услуг и исполнения функций, а также законодательство о контрактной системе (44-ФЗ). Именно эти регуляторы создают первый и самый мощный барьер для Agile.

Ключевое противоречие лежит в плоскости законодательства о госзакупках. 44-ФЗ ориентирован на закупку товаров, работ или услуг с заранее определенными характеристиками по фиксированной цене. Процедура длительна (от публикации извещения до подписания контракта) и практически исключает изменение требований после заключения контракта. Agile же требует возможности менять требования каждые 2–3 недели по итогам спринта. Госслужащий, который попытается изменить техническое задание в ходе исполнения контракта, рискует быть обвиненным в нецелевом расходовании средств или сговоре с подрядчиком. Существующие исключения (закупка у единственного поставщика для нужд, не превышающих определенную сумму) не решают проблему масштабно.

Второй барьер – нормативная фиксация процессов. Административные регламенты подробно описывают последовательность действий чиновника. Внедрение Agile-практик (например, ежедневных летучек, отказа от подробной отчетности ради работающего продукта) может быть расценено как нарушение регламента. Любое изменение порядка работы требует внесения поправок в регламент, что является длительной бюрократической процедурой, включающей общественное обсуждение и правовую экспертизу. Скорость изменения регламентов не сопоставима со скоростью Agile-спринтов.

Третий барьер – правовой статус информации и решений. В бизнесе решение может быть принято в кулуарном обсуждении. В госоргане любое значимое решение должно быть оформлено документально (протокол, приказ, распоряжение) и пройти процедуру согласования (визирования). Требование Agile о «непосредственном общении» как главном канале коммуникации вступает в конфликт с требованием законодательства о документировании каждого шага для обеспечения прозрачности и подотчетности.

Даже если правовые коллизии удастся смягчить, следующим препятствием станет сама структура и культура организации. Типичный орган власти представляет собой функциональную иерархию. Управления и отделы сформированы по принципу схожести функций (юридический отдел, финансовый отдел, отдел ИТ). Agile-команда требует кросс-функциональности: юрист, финансист, ИТ-специалист и профильный специалист должны работать вместе в одном проекте, подчиняясь не своим функциональным руководителям, а Владельцу продукта (который часто находится вне их прямой иерархии). Это создает конфликт двойного подчинения («матрица»), к которому многие ведомства не готовы ни организационно, ни психологически.

Кадровая система госслужбы также работает против Agile. Основные принципы найма и продвижения – стабильность, соответствие квалификационным требованиям (часто формальным), выслуга лет. Основная мотивация – гарантия занятости и стабильная оплата. Система поощрений редко связана с результатом проекта, она чаще привязана к исполнению должностного регламента и указаниям сверху. Внедрение Agile, требующего инициативы, ответственности, готовности учиться новому и принимать решения, наталкивается на мощное сопротивление сотрудников, чья профессиональная социализация прошла в совершенно иной парадигме. Возникает «культурный разрыв» между ценностями манифеста и корпоративной культурой госслужбы.

Agile-проекты в бизнесе часто финансируются не под фиксированный план, а по принципу «развития продукта». Бюджет выделяется на команду, и она работает до тех пор, пока продукт востребован и приносит пользу. Государственное финансирование, напротив, жестко привязано к статьям бюджетной классификации и календарному плану. Бюджетное планирование осуществляется на год (или трехлетку) вперед, и перенос средств с одной статьи на другую внутри года – сложная процедура, требующая одобрения вышестоящего органа и казначейства.

Для Agile это создает две проблемы:

1. Невозможность гибко перераспределять ресурсы между задачами внутри проекта.
2. Проблема «освоения» бюджета в конце года, которая заставляет госорганы тратить средства на заранее запланированные, но, возможно, уже неактуальные работы, вместо того чтобы инвестировать в развитие продукта.

В России интерес к Agile в госсекторе активизировался с началом реализации национальной программы «Цифровая экономика». Наиболее яркие примеры связаны с деятельностью Минцифры России и подведомственных организаций.

Портал Госуслуги является, пожалуй, самым успешным примером эволюционной, итеративной разработки. Команда портала постоянно тестирует новые интерфейсы, запускает бета-версии сервисов, собирает обратную связь через соцсети и быстро вносит изменения. Это классический Agile, хотя и реализованный в рамках государственного учреждения.

Другие примеры менее оптимистичны. Анализ нескольких региональных проектов по созданию ИТ-систем для здравоохранения и образования показывает, что попытки работать по Scrum в рамках жесткого контракта, заключенного по 44-ФЗ с фиксированным ТЗ, приводили к конфликтам. Заказчик (региональное министерство) требовал исполнения изначального плана, разработчик пытался предложить более современные решения, обнаружившиеся в ходе работы. В результате проект либо затягивался, либо завершался созданием системы, которая уже устарела на момент приемки.

Экспертные интервью, проведенные автором, выявили следующие системные сложности в России:

1. Отсутствие легального статуса «проектной команды». В структуре органа власти сложно выделить сотрудников в проект на полный день и освободить их от функционала.

2. Неготовность руководителей к делегированию. Руководители, выросшие в иерархической системе, психологически не готовы доверить команде принятие решений, что убивает суть самоорганизации.

3. Фиксация на документах. Вместо работающего продукта на демо-сессии (смотре результатов спринта) чиновники часто требуют предоставить «отчет о проделанной работе» и «скорректированный план-график».

Проведенный анализ показывает, что прямое копирование Scrum или Kanban в государственном управлении невозможно и вредно. Необходима разработка специализированной методологии – **Public Agile Framework (PAF)**. PAF представляет собой гибридный подход, который адаптирует Agile-принципы к реалиям госсектора, не разрушая его базовые требования законности, подотчетности и прозрачности.

Основные принципы PAF:

1. **Контекстная применимость.** PAF не универсален. Он применяется только для определенных типов задач, имеющих высокую неопределенность и требующих итеративной разработки. Для рутинных процессов сохраняется стандартный регламентный подход.

2. **Гибридное планирование и контроль.** Вводится трехуровневая система планирования:

о *Стратегический уровень (год/квартал):* Планирование целей, бюджета, ключевых этапов (вех) проекта. Этот план жесткий и утверждается руководством.

о *Тактический уровень (месяц/спринт):* Планирование задач на ближайшую итерацию. В этом плане возможна гибкость в рамках утвержденных целей и бюджета. Результаты демонстрируются руководству и пользователям.

о *Операционный уровень (ежедневно):* Внутренняя координация команды (стендапы). Руководство не вмешивается.

3. **Легализация проектных команд.** Юридическое оформление проектных команд как временных рабочих групп с особым статусом, позволяющим их членам отчитываться перед руководителем проекта (Владельцем продукта) по результатам спринта, а перед функциональным руководителем – по соблюдению трудовой дисциплины. Двойное подчинение должно быть четко прописано в положении о команде.

4. Адаптированные роли.

о *Государственный заказчик (Product Owner):* Высокопоставленный чиновник, отвечающий за результат проекта перед вышестоящим руководством и обществом. Его главная задача – формулировать «что» нужно сделать и принимать результаты.

о *Руководитель проекта (Scrum Master/Agile-коуч):* Сотрудник, освобожденный от части функционала, который отвечает за процесс, помогает команде снимать блокеры, обучает гибким практикам, но не имеет административной власти над членами команды.

о *Проектная команда:* Кросс-функциональная группа специалистов, делегированных из функциональных подразделений на время проекта.

5. Модифицированные артефакты.

о *Нормативно-правовая карта продукта:* Документ, фиксирующий все нормативные акты, которые могут быть затронуты проектом. Любое изменение в продукте должно сопровождаться анализом необходимости изменения этих актов.

о *Журнал изменений (Product Backlog) с правовой экспертизой:* Каждая новая функция (user story) оценивается не только командой разработки, но и юристом на предмет соответствия законодательству.

о *Демо-отчет для руководства:* Включает не только демонстрацию работающего прототипа, но и краткий отчет о прогрессе по ключевым показателям проекта и оценку рисков.

Для практического внедрения PAF необходимо четко определить, для каких задач он подходит. На основе классификации функций государства нами разработана матрица применимости (Таблица 2).

Таблица 2. Матрица выбора управленческой технологии

Тип государственной функции	Характеристика	Примеры	Рекомендуемая технология
Сервисные функции (услуги)	Высокая ориентация на пользователя, частые изменения требований, возможность быстрой обратной связи, цифровой формат.	Портал госуслуг, запись к врачу, выдача разрешений, мобильные приложения ведомств.	**Agile (Scrum/Kanban) + PAF**. Приоритет – скорость и удобство. Требуется регуляторная гибкость.

Окончание

Тип государственной функции	Характеристика	Примеры	Рекомендуемая технология
Регуляторные функции (нормотворчество)	Разработка НПА требует широкого обсуждения, юридической экспертизы, длительных согласований. Изменения не могут быть слишком частыми.	Разработка законов, постановлений, административных регламентов.	**Гибридный подход**. Элементы Agile: итеративное обсуждение проекта документа с экспертным сообществом, создание «регуляторных песочниц» для тестирования новых норм.
Фискальные и контрольные функции	Жесткая регламентация, требования к точности, минимизация ошибок, высокая ответственность. Изменения недопустимы в ходе процесса.	Налоговый учет, бухгалтерия, контрольно-надзорная деятельность.	**Классический процессный подход (BPM)**. Основное требование – стабильность и точность. Agile здесь неприменим.
Программно-целевые функции (госпрограммы)	Долгосрочное планирование, множественность участников, необходимость координации.	Нацпроекты «Демография», «Образование».	**Классическое проектное управление (PMBOK, PRINCE2)**. Управление на основе этапов и вех. Элементы Agile возможны на уровне отдельных мероприятий внутри программы.

Оценка эффективности внедрения PAF должна отличаться от бизнес-критериев. Мы предлагаем использовать систему сбалансированных показателей (Balanced Scorecard) для Agile-проектов в госсекторе, включающую четыре блока:

1. Общественная ценность (Outcome): Удовлетворенность граждан качеством услуги (CSI–Customer Satisfaction Index); сокращение времени ожидания; количество пользователей нового сервиса; снижение административной нагрузки на бизнес.

2. Бюджетная эффективность (Cost): Соотношение затрат на разработку и поддержку к экономическому эффекту (снижение издержек бизнеса, экономия времени граждан, выраженная в деньгах); стоимость одной транзакции; доля расходов на поддержку legacy-систем.

3. Операционная эффективность (Process): Time-to-Market (время от идеи до запуска MVP); частота вывода новых версий (релизов); процент дефектов, обнаруженных на ранних стадиях.

4. Кадровая устойчивость (People): Уровень вовлеченности команды; удовлетворенность работой; уровень текучести кадров в проектных командах.

Риски адаптации PAF также требуют отдельного управления. Ключевые риски:

- Имитация бурной деятельности: Создание «видимости» Agile (ежедневные летучки, доски со стикерами) без реального изменения процесса принятия решений и распределения ресурсов.
- Дискредитация подхода: Первая неудача (например, из-за неготовности юристов согласовывать изменения) может быть использована противниками реформ для полного сворачивания экспериментов.
- Размывание ответственности: В гибридной модели сложнее определить, кто виноват в итоговой неудаче – команда, не сумевшая адаптироваться, или система, не создавшая условий.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд обобщающих выводов и сформулировать практические рекомендации.

Во-первых, доказано, что адаптация Agile-методологий в органах исполнительной власти является не просто технологическим, а глубоким институциональным процессом. Он требует пересмотра устоявшихся норм, правил и культурных кодов, сформированных десятилетиями функционирования бюрократической машины. Прямое копирование коммерческих методик (Scrum, Kanban) без учета специфики публичного права, системы госзакупок и мотивации госслужащих обречено на провал. Это подтверждается как зарубежным, так и первым российским опытом.

Во-вторых, выявлены и систематизированы основные группы барьеров: нормативно-правовые (ригидность 44-ФЗ, длительность изменения регламентов), организационно-структурные (функциональная иерархия), кадровые и культурные (мотивация на стабильность, страх ошибки), финансово-бюджетные (годовое планирование, жесткость

статей). Эти барьеры носят системный характер и не могут быть преодолены усилиями одной лишь проектной команды; требуются решения на уровне ведомства и, в ряде случаев, на уровне федерального законодательства.

В-третьих, в качестве перспективного направления предложена авторская концепция «Public Agile Framework» (PAF). PAF представляет собой гибридную методологию, интегрирующую итеративность и ориентацию на пользователя (сильные стороны Agile) с требованиями публичной отчетности, законности и стратегического планирования (сильные стороны классического госуправления). Ключевыми элементами PAF являются: контекстное применение (матрица функций), трехуровневая система планирования, легализованный статус проектных команд и модифицированные артефакты, учитывающие правовой контекст.

В-четвертых, обосновано, что успешная имплементация PAF возможна только при наличии политической воли руководства и создании защищенных «инкубаторов» для пилотных проектов. На первом этапе необходима «регуляторная песочница», позволяющая команде отступать от жестких процедур ради достижения результата. Лишь после отработки методики на пилотах возможна ее постепенная институционализация через изменение нормативной базы и создание центров компетенций.

Перспективы дальнейших исследований

Данная работа открывает направления для будущих изысканий. Представляется важным: 1) разработать детальные методические рекомендации по внедрению PAF для разных типов государственных функций (сервисных, регуляторных); 2) провести эмпирическое исследование долгосрочных эффектов внедрения гибридных методов на эффективность деятельности конкретных ведомств; 3) изучить возможности применения Agile-принципов не только в проектной, но и в процессной деятельности органов власти, а также в межведомственном взаимодействии.

В заключение можно констатировать, что переход к «гибкому правительству» – это не утопия, а объективная необходимость, продиктованная вызовами XXI века. Однако путь к этому переходу лежит не через отказ от бюрократических принципов, а через их эволюционное преобразование, синтез лучшего из классической школы управления и современных гибких подходов. Разработанная в статье модель Public Agile Framework может стать одним из инструментов на этом пути.

Литература

1. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст]: в 4 т. / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

2. Черемшанцев, Д.М. Agile-методологии в управлении бизнесом: от теории к практике / Д.М. Черемшанцев, Е.В. Волкодавова // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. – 2024. – № 4. – С. 3–9. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/agile-metodologii-v-upravleniibiznesom-ot-teorii-k-praktike (дата обращения: 05.04.2026)/

3. Борисов Н.С. Применение методов Agile в управлении проектами // Индустриальная экономика. 2021. № 1.

4. Яковлева Е.А., Зеленцова С.Ю. 2021. Цифровая трансформация государственного управления: технологические и социокультурные барьеры. – Управленческое консультирование. № 3(147). С. 27–38.

5. Коваленко, А. П. «Машинное обучение в управлении проектами: новые горизонты.» – Журнал управления проектами, 2023, № 4, с. 15–23.

ADAPTATION OF AGILE METHODOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF EXECUTIVE AUTHORITIES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Guseva A.V.
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The current challenges of the digital economy and rising citizen expectations regarding the quality of public services require a revision of established approaches to management in the public sector. The traditional bureaucratic model, based on rigid hierarchy and regulatory frameworks, demonstrates insufficient operational flexibility in solving ill-structured problems, which actualizes the search for new management paradigms.
The purpose of this study is a comprehensive analysis of the institutional, legal, organizational and cultural problems of adapting Agile methodologies in the activities of executive authorities, as well as the substantiation of promising directions and models for their implementation, considering Russian and foreign practices.
The theoretical basis of the study comprises fundamental works on the theory of bureaucracy (M. Weber, R. Merton), concepts of New Public Management (NPM) and post-NPM, as well as the works of the founders of the Agile approach (K. Beck, K. Schwaber, J. Sutherland). The methodological framework includes a systematic and comparative legal analysis of regulations governing project activities in the Russian Federation, as well as expert interview methods (n=15) with heads of project offices of federal and regional government bodies. Results. A set of institutional barriers hindering the implementation of Agile has been identified: regulatory rigidity, contradictions in motivation systems, and the lack of legitimate mechanisms for iterative budgeting. The author presents a critique of the concept of "GovTech determinism," which absolutizes the possibilities of technological and managerial borrowing from business. Arguments are made in favor of developing a specialized "Public Agile" methodology that integrates the principles of flexibility with the requirements of public accountability and legality. The author's vision of the problem is shown through the construction of a matrix for the contextual applicability of Agile tools depending on the type of government functions (service, regulatory, fiscal). Conclusions. The article proves that successful Agile adaptation is impossible without prior transformation of three interrelated subsystems: legal (introduction of experimental legal regimes), organizational (creation of interdepartmental project teams with a special status), and cultural (transition from a culture of execution to a culture of results). It is substantiated that the promising path is not the direct implementation of canonical frameworks, but their hybridization with classical project management methods within a unified methodology for the project activities of government bodies.

Keywords: Agile, public administration, executive authorities, flexible methodologies, digital transformation, project approach, Scrum, Kanban, bureaucracy, institutional barriers, GovTech, hybrid management, public sector efficiency, administrative reform.

References

1. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology [Text]: in 4 volumes / Max Weber; [translated from German]; compiled, edited and prefaced by L.G. Ionina; National Research University "Higher School of Economics". – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016.

2. Cheremshantsev, D.M. Agile Methodologies in Business Management: From Theory to Practice / D.M. Cheremshantsev, E.V. Volkodavova // Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management. – 2024. – No. 4. – P. 3–9. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/agile-metodologii-v-upravleniibiznesom-ot-teorii-k-praktike (date accessed: 05.04.2026)/

3. Borisov N.S. Application of Agile Methods in Project Management // Industrial Economy. 2021. No. 1.

4. Yakovleva E.A., Zelentsova S.Yu. 2021. Digital Transformation of Public Administration: Technological and Sociocultural Barriers. – Management Consulting. No. 3(147). P. 27–38.

5. Kovalenko, A.P. "Machine Learning in Project Management: New Horizons." – Project Management Journal, 2023, No. 4, pp. 15–23.

Термин «социальный механизм» – «Золушка» отечественной социологии?

Крейк Альфред Иосифович,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
E-mail: alfredkreyk@mail.ru

Данная работа посвящена теоретической теме – рассмотрению семантики термина «социальный механизм» с последующим его определением как элемента социологического теоретического инструментария. Поскольку в отечественной справочной литературе этот термин имеет буквально единичное присутствие и такое же положение наблюдается в социологической учебной литературе, данная работа является актуальной и своевременной.
В работе отражен факт многозначности термина «механизм», представлена его систематизация с последующим обозначением сфер его функционального использования. При этом и термин «социальный» имеет различные значения согласно веберовской типологии социального действия. Соответственно этим предопределяется и многозначность значений термина «социальный механизм». В связи с этим перед исследователем возникает проблема определения смысла искомого термина в процессе изучения текста или устной коммуникации.
Основываясь на проведенном анализе, автор предложил развернутый и краткий вариант определения термина «социальный механизм».

Ключевые слова: механизм, семантика, понятие, термин, определение, социальный механизм.

Современная отечественная социология, как часть мирового социологического сообщества, вносит свой определенный вклад в развитие социологической науки как в области теории, так и в сфере повседневной практики. Однако, в то же время нельзя не отметить определенные ограничения, которые имеются на сегодняшний день в состоянии развития ее теории. В частности, приходится констатировать отсутствие основательной научной «проработки» семантики и рационального обоснования определения термина «социальный механизм», без использования которого объективно невозможно обойтись как при рассмотрении различных аспектов социологической теории, так и при решении функционально необходимых задач исследовательской социологической практики. Поэтому термин «социальный механизм» иногда использовали и продолжают использовать такие, например, отечественные исследователи, как Л.Я. Косалс [1], Р.В. Рывкина [2], П.П. Великий [3], А.Н. Болдырев и М.В. Корчагин [4]. При этом, если обратиться к работам названных авторов, смысловое значение данного термина при его использовании у них различается (иногда существенно). Соответственно, это обусловливает необходимость рассмотреть смысловое значение термина «социальный механизм» и на этом основании дать его определение. Причем автор исходит при этом из возможности выполнить поставленную цель на основе использования отечественной источниковедческой базы как необходимого и достаточного научного ресурса.

Обратившись к отечественным социологическим справочникам для того, чтобы выяснить смысл термина «социальный механизм» («механизм социальный»), его определение автору удалось обнаружить только в одном из них, а именно – в «Социологическом энциклопедическом словаре» [5, с. 181]. В других отечественных социологических справочных изданиях данный термин отсутствует. Это относится и к одному из первых советских социологических справочных изданий («Краткий словарь по социологии» [6]), и к впервые изданному в России «Энциклопедическому социологическому словарю» [7]. Нет этого термина и в вышедшей в 2003 году «Социологической энциклопедии» [8], которая, по словам Ж.Т. Тощенко, «достаточно объемно и всесторонне вобрала в себя наработанные к тому времени исследования социологов страны» [9, с. 4]. Среди других не названных в данной работе, но изученных автором отечественных социологических справочников, а также вышедших в России переведенных на русский язык социологических справочников зарубежных авторов, термин «социальный механизм» («механизм социальный») тоже не удалось обнаружить.

Обратившись к словарям социологических терминов (иногда они называются «Словарь ключевых терминов», иногда «Понятия, ключевые слова», иногда «Глоссарий» и т.п.) в получивших признание отечественных учебниках и учебных пособиях по социологии, например, таких авторов как М.С. Комаров, А.И. Кравченко и В.Ф. Анурин, Н.И. Лапин, А.А. Горелов, термин «социальный механизм» отсутствует; кстати, и в текстах этих изданий тоже. Так же обстоит дело и с изданными в России переведенными на русский язык учебниками по социологии таких авторитетных зарубежных авторов, как Энтони Гидденс и П. Штомпка.

Таким образом, проделанный анализ позволяет констатировать и ограниченную представленность термина «социальный механизм» в отечественной социологической науке (что достаточно очевидно отражено в социологических справочниках), и относительную невостребованность данного термина в отечественном социологическом образовании (индикатором чего являются отечественная учебная литература по социологии).

Может возникнуть вопрос: Почему объектом рассмотрения данной работы является именно термин «социальный механизм», а не понятие «социальный механизм»? Это обусловлено следующим: во-первых, сложившейся в области рационального знания сферой использования слов «понятие» и «термин» (в частности, «Социологический энциклопедический словарь» дает определение слова «понятие» только для философии и логики [5, с. 251]) и, во-вторых, некоторых различий в семантике этих слов.

В «Философском энциклопедическом словаре» дано следующее определение понятия: «Понятие, мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности и существенные связи между ними посредством фиксации общих и специфических призна-

ков, в качестве которых выступают свойства предметов и явлений и отношения между ними. …в понятии «схватывается» сущность предметов, их внутреннее содержание» [10, с. 494].

Понимание термина определено следующим образом: «Термин (лат. terminus – предел, граница) – слово или словосочетание, обозначающее эмпирические или абстрактные объекты, значение которого уточняется в рамках научной теории» [11, с. 1118]. Причем, по мнению Ю.Г. Волкова, «задача термина заключается в том, чтобы выделить конкретное явление и не дать его спутать с другими похожими на него явлениями, и зафиксировать это различие. Определение понятия в качестве термина происходит путем выделения самого главного и употребительного в социологии из его значений. В результате возникает дефиниция – строго оформленное высказывание, раскрывающее содержание понятия конкретного социального феномена. Таким образом, термин – это содержательное понятие, находящееся во взаимнооднозначном соответствии с определенным социальным феноменом или с каким-то из аспектов феномена» [12, с. 8].

Предназначение и семантика слова «термин» имеет и теоретическое, и прикладное значение. Предмет данного исследования относится к области социологического знания, его целью является конкретизация смысла и последующее определение словосочетания «социальный механизм», поэтому в данной работе рассматривается именно термин «социальный механизм», а не понятие «социальный механизм».

Вхождение термина «социальный механизм» в социологический тезаурус значимо именно в том смысле, который придается в науке слову «тезаурус». «Тезаурус – это систематизированная совокупность данных об определенной области знания, представленная в виде ключевых, значимых слов (понятий) [9, с. 3]. И уточнение: «…тезаурус по социологии – это собрание самого ценного, самого значимого, что составляет суть и содержание этой науки» [9, с. 3]. Отсутствие повсеместного распространения термина «социальный механизм» в подавляющем большинстве отечественных социологических справочников, а также учебниках и учебных пособиях означает слабую инструментальную заинтересованность в признания и востребованности теоретической и праксеологической значимости этого термина со стороны отечественной социологии как науки (а его присутствие в одном из отечественных социологических справочников и ряде социологических публикаций отражает факт, что данный термин все-таки не прошел мимо внимания некоторых отечественных исследователей). Это актуализирует необходимость исследования данной темы и определения как содержания и формулировки термина «социальный механизм», так и обоснования для введения его в широкий научный оборот в социологии.

Логично, что исходя из предмета данного исследования, рассмотрение термина «социальный механизм» необходимо начать с определения семантики слова «механизм» в словарях русского языка, отечественных словарях иностранных слов, в отечественной социологической справочной литературе и других научных источниках.

Итак, согласно «Толковому словообразовательному словарю русского языка» И.А. Ширшова, механизм – это:

«1. Система звеньев машины, прибора, аппарата, приводящая их в действие, а также сама машина.

2. *перен*. Внутреннее устройство, система чего-либо.

3. *перен*. Последовательность состояний, процессов в физиологии, химии и т.п.» [13, с. 485–486].

В «Словаре русского языка», подготовленного Институтом русского языка Академии наук СССР даны следующие значения слова «механизм»:

«1. Совокупность подвижно соединенных частей, совершающих под действием приложенных сил заданные движения; устройство машины, прибора, аппарата и т.п.

2. *перен*.: *чего* или *какой*. Внутреннее устройство, система чего-либо.

3. *чего* Совокупность состояний и процессов, из которых складывается какое-либо физическое, химическое, физиологическое и т.п. явление» [14, с. 262].

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой механизм означает:

«1. Внутреннее устройство (система звеньев) машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие.

2. *перен*. Система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности.

3. *перен*. Последовательность состояний, процессов, определяющих собою какое-нибудь действие, явление» [15, с. 329].

В «Кратком словаре иностранных слов» механизм это:

«1. Устройство для передачи и преобразования движений и скоростей.

2. Совокупность промежуточных состояний и процессов, которые претерпевает какое-либо физическое, химическое и т.п. явление» [16, с. 249].

В «Словаре иностранных слов» механизм понимается следующим образом:

«1) устройство для передачи и преобразования движений, представляющее собой систему тел (звеньев), в которой движение одного или нескольких тел (ведущих) вызывает вполне определенные движения остальных тел системы; механизмы бывают различными по конструкции и назначению, составляют основу большинства машин, приборов, и других технических устройств;

2) внутреннее устройство, система чего-либо, например: государственный механизм управления;

3) совокупность состояний и процессов, из которых складывается какое-либо … явление» [17, с. 316].

В «Социологическом энциклопедическом словаре» механизм определяется следующим образом:

«1. Устройство для преобразования и передачи движения.

2. Система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности (например: механизм управления) [5, с. 181].

Обобщая все представленные выше трактовки слова «механизм», можно констатировать следующие смыслы, которые в него вкладываются:

– Система звеньев какого-либо феномена, приводящая его в действие.
– Внутреннее устройство, система чего-то.
– Совокупность подвижно соединенных частей, совершающих под действием приложенных сил заданные движения.
– Внутреннее устройство какого-либо феномена, приводящее его в действие.
– Устройство для передачи и преобразования движений, представляющее собой систему, в которой движение одного или нескольких ведущих элементов вызывает вполне определенные движения остальных частей системы.
– Совокупность промежуточных состояний и процессов, которые претерпевает какое-либо явление.
– Система, устройство, определяющее порядок какого-нибудь вида деятельности.
– Последовательность состояний, процессов, определяющих собою какое-нибудь действие, явление.
– Последовательность состояний, процессов.
– Совокупность состояний и процессов, из которых складывается какое-либо явление.

Группировка значений слова «механизм», исходя из определений его функциональных предназначений, позволяет выделить следующие функциональные группы его смыслов:

– То, через что приводится в действие система. Функционально – *передатчик* действия.
– То, что определяет порядок деятельности системы. Функционально – *регуляторы* деятельности.
– Комплекс в системе, функционирующий под воздействием сил. Функционально – *исполнитель деятельности* («действователь»).
– Устройство в системе, которое приводит ее в действие. Функционально – «*запускатель*» (триггер [18, с. 774]) функционирования системы.
– То, что отражает/выражает ситуативные моменты функционирования системы. Функционально – отражение/выражение *динамики* функционирования системы.

Анализ определенных выше функциональных значений слова «механизм» позволяет назвать следующие виды механизмов:

– «***Передатчик***» действия. Форма осуществления передачи действия – *обмен* между взаимодействующими сторонами.
– ***Регулятор*** деятельности. Форма осуществления регулирования – функционально необходимое *воздействие* регулятивного комплекса на деятельность.
– «***Действователь***» (функциональный исполнитель деятельности). Форма осуществления – функционально необходимое *функционирование*.
– «***Запускатель***» функционирования (триггер). Форма осуществления – включение режима функционирования, исходя из функциональной *необходимости* системы.

Еще одно значение слова «механизм» отражает *динамичную* природу его проявлений в социуме; в этом качестве механизм выступает как «***индикатор***» динамического состояния системы.

Таким образом, исходя из выявленных значений слова «механизм» в русском языке, можно назвать следующие функционально действующие механизмы:

– механизм-передатчик действия;
– механизм-регулятор деятельности;
– механизм-действователь (исполнитель деятельности);
– механизм-запускатель функционирования (триггер).

Причем очевидно, что все эти варианты функционально действующих механизмов являются проявлением либо отдельных действий, либо комплексом действий, либо процессом деятельности.

Итак, реальное использование в русском языке нескольких значений слова «механизм», отражает имеющиеся в социуме функциональные потребности. Соответственно, ситуативно семантика этого слова определяется либо контекстом, либо прямым указанием на то, какое значение ему придается в каждом конкретном случае. Поэтому чтобы не гадать, какова функциональная семантика используемого слова «механизм» для полной ясности его значения, есть смысл при этом конкретно указывать на то, каково его функциональное предназначение: либо это «механизм-передатчик действия» или «механизм-регулятор деятельности» и т.п. Зачастую это в тексте или аудиально его автором, как правило, не делается, а контекст не всегда позволяет однозначно определить то значение, которое им в него вкладывается. Отсюда нередко смысл слова «механизм» для читателя или слушателя бывает, как минимум, не очевиден или даже искажен. Именно поэтому проведенное исследование значений слова «механизм» в отечественной культуре имеет и теоретическое, и прикладное значение.

Таким образом, выявив сформировавшиеся к настоящему времени в российской культуре функционально предопределенные смыслы слова «механизм», можно перейти к рассмотрению определений термина «социальный механизм», которые даны некоторыми отечественными авторами.

Однако сперва следует констатировать факт, что, исходя из классического веберовского понимания социального действия [19, с. 82–84], уже по своему функциональному значению некоторые используемые в науке и практике смысловые значения слова «механизм» имеют:
– изначально социальную природу (механизм-передатчик действия, механизм-регулятор деятельности, механизм-триггер);
– быть ситуативно как социальным, так и не социальным (механизм-действователь).

Конечно, при определении функционального значения слова «механизм» социальным или не социальным следует принимать во внимание и то, на что указывал М. Вебер: могут быть пограничные случаи для определения действия социальным или не социальным [19, с. 84].

В «Социологическом энциклопедическом словаре» термину «социальный механизм» дано следующее определение: «Взаимодействие социальных структур, норм, институтов, образцов поведения и т.д., посредством которого обеспечивается функционирование социальной системы» [5, с. 181].

Рассмотрение данного определения позволяет констатировать, что его формулировка скорее «запутывает» понимание значения термина «социальный механизм», чем проясняет. Для этого есть следующие основания:
– Формально-логические. Во-первых, известно, что для одних авторов социальные институты – это определенные социальные структуры, для других – система норм (в данном случае имеет место быть определенное упрощение смысла того, что такое социальные институты). Соответственно, в определении социального механизма нет необходимости повторяться, используя в качестве одного из определяющих его смысл слово «институт». Во-вторых, нормы и образцы поведения не могут взаимодействовать между собой. Нормы могут одна другой полностью или частично соответствовать, не соответствовать, противоречить. Но взаимодействовать между собой не могут, это могут делать только деятели (персонифицированные или коллективные). То же самое относится и к образцам поведения: взаимодействовать между собой могут только носители образцов поведения (т.е. люди).
– Семантическое. Поскольку в русской языковой культуре исторически к настоящему времени сформировалось несколько функционально предопределенных значений слова «механизм», есть необходимость формулировки соответствующих этим значениям определений термина «социальный механизм». Это означает необходимость иметь столько определений термина «социальный механизм», сколько видов механизмов есть в социуме, чтобы использовать функционально необходимое определение в процессе конкретной профессиональной деятельности исследователя. Такая дифференциация значений искомого термина в его определении отсутствует.

Исходя из рассмотрения представленной выше в «Социологическом энциклопедическом словаре» формулировки термина «социальный механизм», можно предложить следующие редакции этого определения, которые «снимали» бы те ограничения, которые в нем есть и в то же время реализуя заложенную в нем идею обобщающей универсальной его формулировки. Социальный механизм – это комплекс взаимодействий, посредством которого обеспечивается передача определенного ресурса от одной взаимодействующей стороны к другой или изменения сторон взаимодействий в этом процессе, либо после его завершения, вследствие чего создается качественно иное состояние функционирующей системы, чем оно было до этого. Более коротко это может быть сформулировано следующим образом: социальный механизм – это комплекс взаимодействий в социуме, обеспечивающий переход социальной системы из одного качественного состояния в другое.

Смысл исходного определения термина «социальный механизм» и предложенных вариантов его редакции, позволяют выделить во всех определениях функционально ключевой для них феномен и соответствующее ему слово – «взаимодействия». А взаимодействие П.А. Сорокин определил в качестве родового понятия социальных явлений [20, с. 141]. Данный факт: то, что в результате проведенного исследования определения термина «социальный механизм» в «Социологическом энциклопедическом словаре» слово «взаимодействие» предстало в качестве ключевого и таковым является для социальных явлений вообще, следует принимать во внимание в дальнейшем при использовании искомого термина.

Таким образом, поставленная автором в данной работе цель выполнена. Рассмотрение определений социальных механизмов в соответствии с учетом видов проявлений механизмов в социуме, а также с учетом результатов зарубежных исследователей в этой области и некоторых отечественных исследователей – это предмет отдельного будущего исследования.

Литература

1. Косалс Л.Я. Социальный механизм инновационных процессов. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1989. – 286 с.
2. Рывкина Р.В., Косалс Л.Я. Роль социальных механизмов в ускорении социально-экономического развития общества // Известия СО АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. – 1996. – № 12. – Вып. 3.
3. Великий П.П. Социальный механизм: от теории к практикам разработки и реализации // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 3. – С. 178–182.
4. Болдырев А.Н., Корчагин М.В. Социальный механизм управления как предмет исследования социологии // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. Серия: Социологические науки. – 2024. – № 4 (17). – С. 82–87.
5. Социологический энциклопедический словарь / Редактор-координатор Г.Ю. Осипов. – М.: Издат. группа ИНФРА-НОРМА, 1998. – 488 с.
6. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина; сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. – М.: Политиздат, 1988. – 479 с.
7. Энциклопедический социологический словарь / Общ. ред. Г.В. Осипова. – М.: ИСПИ РАН, 1995. – 939 с.
8. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Руководитель научн. проекта Г.Ю. Семигин; главн. ред. В.Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003. – 694 с.
9. Тощенко Ж.Т. Введение // Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 487 с.
10. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
11. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
12. Волков Ю.Г. Социология: Учебник / Под ред. В.И. Добренькова. – 5-е изд. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»; Ростов н/Д: Наука спектр, 2013. – 384 с.
13. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Русские словари»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 1022 с.
14. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 2 / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1986. – 736 с.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2013. – 874 с.
16. Краткий словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. – 7-е стереотип. изд. – М.: Гос-е изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. – 488 с.

17. Словарь иностранных слов. – 18-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1989. – 624 с.

18. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь / Под ред. М.М. Маковского. – 4-е изд., доп. – М.: Альта-Пресс, 2003. – 895 с.

19. Вебер Макс Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. 1. Социология. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – 445 с.

20. Сорокин П.А. Система социологии: В 2 т. Т. 1. Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. – М.: Наука, 1993. – 447 с.

THE TERM «SOCIAL MECHANISM» – «CINDERELLA» OF RUSSIAN SOCIOLOGY?

Kreyk A.I.
Novosibirsk State University of Economics and Management

This paper is devoted to the theoretical topic – consideration of semantics of the term "social mechanism" followed by its definition as an element of sociological theoretical toolkit. Since in the domestic reference literature this term has literally a single presence and the same position is observed in sociological educational literature, this work is relevant and timely. The work reflects the fact that the term "mechanism" is ambiguous, shows its systematization followed by the designation of spheres its functional use. At the same time, the term "social" has different meanings according to the Weber typology of social actions. Accordingly, multivalue is predetermined meanings of the term "social mechanism." In this regard, the researcher faces the problem of determining the meaning of the desired term in the process of studying the text or oral communication. Based on the analysis, the author proposed a detailed and short version of the definition of the term "social mechanism."

Keywords: mechanism, semantics, concept, term, definition, social mechanism.

References

1. Kosals L. Ya. Social mechanism of innovative processes. – Novosibirsk: Science. Sib. department, 1989. – 286 p.

2. Ryvkina R.V., Kosals L. Ya. The role of social mechanisms in accelerating the socio-economic development of society // Izvestia SB Academy of Sciences of the USSR. Economics and Applied Sociology Series. – 1996. – № 12. – Issue 3.

3. Great P.P. Social mechanism: from theory to development and implementation practices // Regional agricultural systems: economics and sociology. – 2019. – № 3. –pp. 178–182.

4. Boldyrev A.N., Korchagin M.V. Social management mechanism as a subject of sociology research // News of the Saratov Military Institute of the National Guard. Series: Sociological Sciences. – 2024. – № 4 (17). – pp. 82–87.

5. Sociological encyclopedic dictionary/Coordinating editor G. Yu. Osipov. – M.: Izdat. INFRA-NORMA group, 1998. – 488 p.

6. A short dictionary on sociology/Under the general. ed. D.M. Gvishiani, N.I. Lapina; comp. EM Korzheva, N.F. Naumova. – M.: Politizdat, 1988. – 479 p.

7. Encyclopedic Sociological Dictionary / General. ed. G.V. Osipova. – M.: ISPI RAS, 1995. – 939 p.

8. Sociological encyclopedia: In 2 vols. T. 1 / Head of scientific. project G. Yu. Semigin; chief. ed. V.N. Ivanov. – M.: Thought, 2003. – 694 p.

9. Toshchenko J.T. Introduction // Thesaurus of sociology: temat. word-right. / Ed. Zh.T. Toshchenko. – M.: UNITY-DANA, 2009. – 487 p.

10. Philosophical encyclopedic dictionary / Editorial: S.S. Averintsev, E.A. Arab-Ogly, L.F. Ilyichev et al. – 2nd ed. – M.: Soviet Encyclopedia, 1989. – 815 p.

11. Sociology: Encyclopedia / Comp. A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.M. Evelkin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshchenko. – Minsk: Book House, 2003. – 1312 p.

12. Volkov Yu.G. Sociology: Textbook / Ed. V.I. Dobrenkova. – 5th ed. – M.: Dashkov & K ° Publishing and Trading Corporation; Rostov n/D: Science spectrum, 2013. – 384 p.

13. Shirshov I.A. Explanatory dictionary of the Russian language. – M.: AST Publishing House LLC: Astrel Publishing House LLC: Russian Dictionaries Publishing House LLC: ZAO NPP Ermak, 2004. – 1022 p.

14. Dictionary of the Russian language: In 4 vols. T. 2 / Ed. A.P. Evgenieva. – 3rd ed., Stereotype. – M.: Russian language, 1986. – 736 p.

15. Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. – 4th ed., Add. – M.: LLC "A TEMP," 2013. – 874 p.

16. A short dictionary of foreign words/Ed. I.V. Lekhina, F.N. Petrova. – 7th stereotype. ed. – M.: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1952. – 488 p.

17. Dictionary of foreign words. – 18th ed., Erased. – M.: Russian language, 1989. – 624 p.

18. Muller V.K. New English-Russian Dictionary / Ed. M.M. Makovsky. – 4th ed., Add. – M.: Alta-Press, 2003. – 895 p.

19. Weber Max Economy and Society: Essays on Understanding Sociology: In 4 vols. T. 1. Sociology. – M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. – 445 p.

20. Sorokin P.A. Sociology system: In 2 vols. T. 1. Social analytics: The doctrine of the structure of the simplest (generic) social phenomenon. – M.: Nauka, 1993. – 447 p.

Матвиенко Виктор Михайлович,
доцент кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса
Финансового университета при Правительстве РФ;
эксперт по вопросам продаж и маркетинга, ООО МГМ РУС,
представительство итальянской компании Mondo del vino
в России
E-mail: matvienkovm@mail.ru.

В данной работе исследуются инновационные подходы к коммуникационным практикам на примере компании «Золотое яблоко», являющейся лидером в сфере розничной торговли. В условиях интенсивной цифровизации и изменения потребительских предпочтений успешное ведение бизнеса все больше зависит от эффективных коммуникаций. Работа детально анализирует современные методы управления внутренними и внешними коммуникациями, включая внедрение цифровых платформ, применение data-driven технологий для анализа и оптимизации процессов, а также развитие корпоративной культуры. Особый акцент сделан на повышении вовлеченности персонала и улучшении взаимодействия с клиентами. Рассмотрены успешные примеры компании, такие как внедрение CRM-систем, использование социальных сетей и мессенджеров для оперативного взаимодействия с клиентами, а также создание единой информационной среды для сотрудников. В рамках исследования выделены ключевые факторы, способствующие успешности коммуникационных процессов: адаптивность в принятии решений, гибкость перед рыночными изменениями и активное использование цифровых инструментов. Результаты показывают, что применение новых практик не только повысило внутреннюю эффективность компании, но и укрепило её конкурентные позиции благодаря улучшению клиентского опыта. В работе также представлены практические рекомендации, которые могут быть полезны компаниям розничной торговли, стремящимся оптимизировать свои коммуникационные стратегии в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: инновации в коммуникациях, «Золотое яблоко», корпоративные взаимодействия, цифровая трансформация, управление коммуникациями, data-driven стратегии, корпоративная культура, ритейл, CRM-системы, вовлеченность сотрудников, клиентоориентированный подход, цифровые технологии.

Сегодня ни одна крупная компания не может обойтись без присутствия в СМИ и социальных сетях. И дело не только в том, чтобы о ней узнали. Медийность помогает запомниться, а память потребителя – это прямой путь к повторным покупкам. Многие люди выбирают знакомый бренд просто потому, что он у них на слуху. Социальные сети дают нечто большее: они позволяют выстроить постоянный диалог с аудиторией. Когда бренд регулярно общается с подписчиками, он становится ближе, человечнее. Классический пример – сеть кофеен Surf Coffee, где гостей встречают как старых друзей, общаются на «ты» и создают расслабленную атмосферу. «Золотое яблоко» тоже использует эту логику, превращая цифровые каналы в пространство живого общения.

Персонализация как новая норма

С приходом цифровой эры парфюмерно-косметическая отрасль сделала ставку на персонализацию. Покупатели ждут, что бренд будет знать их вкусы, помнить историю покупок и предлагать то, что подходит именно им. Это не просто приятный бонус, а стратегия выживания на перенасыщенном рынке: чем точнее вы попадаете в ожидания клиента, тем выше его лояльность и готовность возвращаться. В условиях санкций ассортимент во многих магазинах стал почти одинаковым, цены – сопоставимыми. И тогда на первый план выходит сервис. Уникальный, запоминающийся, тот, который не скопировать. «Золотое яблоко» делает ставку как на качество обслуживания в обычных магазинах, так и на удобство онлайн-каналов. Особое место здесь занимает персонализация: умение анализировать, что и когда покупает клиент, какие у него предпочтения, в какое время года он активнее. Такой подход не только повышает шансы на продажу, но и формирует образ бренда, который заботится о своих покупателях.

Как «Золотое яблоко» работает с коммуникациями

Компания выстроила многоуровневую систему присутствия в интернете. В социальных сетях – это не только презентации новинок, но и закулисные видео, контент, созданный самими покупателями. Сайт работает не как обычный интернет-магазин, а как медиа: здесь можно узнать историю бренда, вдохновение, стоящее за коллекциями [9, с. 208]. Чтобы понять, насколько эффективны те или иные креативные кампании, в компании используют и количественные, и качественные методы. Считают продажи, смотрят на вовлечённость в соцсетях, но также оценивают эмоциональный отклик – насколько реклама «задевает» за живое [5, с. 160].

История успеха: как создавался бренд «For me by Gold Apple»

Один из ярких примеров – запуск собственной торговой марки «For me by Gold Apple». Удивительно, но бренд стал известным без массированной рекламы. Как это получилось? Всё началось с идеи: доставлять радость. «Мы хотели сделать продукцию, которая будет восхищать ароматом, качеством, дизайном и при этом оставаться доступной, – рассказывает Анна Логиновских, руководитель проекта. – Такую, которую приятно использовать».

К разработке подошли неформально. Команда экспертов лично выезжала на производства, договаривалась с партнёрами, тестировала продукцию на фокус-группах. Логотип родился из рукописных вариантов, которые сотрудники компании писали пером и чернилами. «Это не работа дизайн-студии, – говорит Анна, – это действительно рукописный вклад наших коллег». Выбор ароматов тоже превратили в корпоративную историю: в офисе расставили образцы, и каждый мог высказать своё мнение. В итоге победили инжир, перец, марципан и сандал. Так компания показала: мы слышим не только внешнюю аудиторию, но и свою команду. И это вызвало доверие у покупателей.

Нейросети в ритейле: возможности и границы

Искусственный интеллект открывает перед парфюмерно-косметическими сетями новые горизонты. Рассмотрим, где и как нейросети могут помочь – и в обычных магазинах, и в онлайн-пространстве. В физических точках продаж это во-первых, распознавание лиц – с согласия посетителей система может идентифицировать клиентов, что позволяет сотрудникам предлагать товары на основе предыдущих покупок. Во-вторых, анализ поведения покупателей – нейросети об-

рабатывают данные видеонаблюдения, выявляя зоны с наибольшей проходимостью и товары, привлекающие внимание. Это помогает оптимизировать выкладку [33, с. 14]. И также виртуальные примерочные – с использованием дополненной реальности покупатели могут «примерять» косметику и парфюмерию, что повышает вовлечённость и вероятность покупки [10, с. 320].

В онлайн-каналах есть персонализированные рекомендации – алгоритмы анализируют историю покупок и поведение на сайте, предлагая релевантные товары. Также чат-боты и виртуальные ассистенты– обрабатывают запросы в реальном времени, помогают с выбором и оформлением заказов [10, с. 320]. Немало важное, прогнозирование спроса – машинное обучение учитывает сезонность, акции и другие факторы, позволяя оптимизировать запасы. Анализ отзывов и социальных сетей это когда нейросети оценивают тональность упоминаний бренда, что даёт ценную информацию для маркетинга [4, с. 176]. Улучшение поиска на сайте – искусственный интеллект исправляет опечатки, предлагает синонимы и персонализирует выдачу. И автоматическая обработка изображений – алгоритмы распределяют фото товаров по категориям, упрощая навигацию.

Юридический нюанс: видеонаблюдение и закон это часть перечисленных технологий опирается на видеонаблюдение. А здесь есть правовая тонкость: по закону (Федеральный закон № 152-ФЗ) обработка изображений людей требует их согласия. На практике спрашивать каждого посетителя невозможно. Выход – экспериментальные правовые режимы (Федеральный закон № 258-ФЗ). Это своего рода «регуляторная песочница», где компании могут тестировать инновации на особых условиях. Если «Золотое яблоко» захочет внедрять нейросети в систему видеонаблюдения, оно может войти в такой режим, предварительно обосновав ценность эксперимента и показав, какие результаты планирует получить.

Анализируя практики компании, можно выделить несколько важных моментов. Бренд активно использует социальные сети, причём делает это неформально и с пониманием аудитории. Это позволяет ему быть интересным и молодёжи, и более взрослым покупателям. Вовлечённость в диалог – одна из главных причин, почему клиенты чувствуют себя частью сообщества, а не просто потребителями. Как отмечает А.Е. Богоявленский, новые медиа сегодня – это не просто каналы передачи информации, а полноценные участники коммуникации, которые адаптируются под интересы пользователя [1, с. 3]. Короткие видео, популярные на разных платформах, помогают задавать тренды и охватывать широкую аудиторию – от подростков до зрелых покупателей [6, с. 144]. Если сравнивать «Золотое яблоко» с конкурентами, видно: многие ритейлеры уступают ему в масштабе и глубине взаимодействия с аудиторией. Успех компании строится на уникальной атмосфере, широком ассортименте (от масс-маркета до люкса) и открытости к диалогу.

Чтобы не останавливаться в развитии, бренду стоит обратить внимание на технологии, которые только набирают популярность, – в частности, на нейросети. В статье приведено множество конкретных вариантов их использования, которые помогут «Золотому яблоку» сохранить лидерство и выйти на новый уровень. Коммуникационный ландшафт меняется постоянно, и в будущем нас ждут новые вызовы: виртуальная реальность, блокчейн, этические вопросы прозрачности. Потребители становятся всё более требовательными и скептичными, поэтому честность и открытость будут играть не меньшую роль, чем технологичность.

Заключение

«Золотое яблоко» показывает, как можно оставаться современным и человечным одновременно. Удачное сочетание технологий, креативности и настоящего интереса к клиенту позволяет компании успешно проходить через сложности цифровой эпохи. Этот опыт ценен не только для ритейлеров, но и для всех, кто ищет новые способы строить искренние отношения с аудиторией.

Литература

1. Богоявленский А.Е. Медиа как постнеклассический формат публичных коммуникаций. – 3 стр.

2. Бодрунова С.С. Кумулятивная делиберация: новая нормативность в изучении публичных сфер онлайн // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. – № 1. – С. 87.

3. Гусев А.К. Анализ современного парфюмерно-косметического рынка в России и выявление тенденций его развития в краткосрочной перспективе.

4. Теория и практика брендинга в парфюмерно-косметической индустрии России / Под ред. Ковалева С.И. – М.: Издательство «Манн, Иванов и Фербер», 2021. – 176 с.

5. Никитина Е.И. Роль PR-мероприятий в формировании имиджа парфюмерно-косметических брендов в России. – СПб.: Издательство «БХВ-Петербург», 2019. – 160 с.

6. Петров И.В. Социальные медиа как инструмент коммуникаций в парфюмерно-косметической индустрии России. – М.: Наука и техника, 2018. – 144 с.

7. Рынок парфюмерии и косметики в России: анализ современных тенденций / Под ред. Петровой Т.Н. – М.: Издательство «Эксперт», 2018. – 320 с.

8. Понявина М.Б., Карпова С.В. Гиперсонализация на основе искусственного интеллекта, 2025. – 3 с.

9. Смирнова Н.А. Маркетинговые и PR-стратегии в парфюмерно-косметической индустрии России: опыт внедрения и эффективность. – СПб.: Издательство «Питер», 2020. – 208 с.

10. Фирсанова О.Н. Реклама и продвижение товаров и услуг: учебник. – М.: Издательский центр «Академия», 2019. – 320 с.

INNOVATIONS IN COMMUNICATION PRACTICES OF COMPANIES

Matvienko V.M.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This study explores innovative communication practices within Zolotoe Yabloko (Golden Apple), a prominent leader in the retail industry. Amid rapid digital transformation and evolving consumer demands, effective communication stands out as a cornerstone of business success. The analysis delves into contemporary strategies for managing both internal and external communications. Key aspects include the integration of digital platforms, leveraging data-driven tools to analyze and refine communication processes, and fostering a corporate culture that boosts employee engagement and enhances customer interaction. Special attention is paid to the analysis of successful case studies of "Zolotoe Yabloko" such as the implementation of CRM systems, the use of messengers and social networks for prompt customer interaction, and the creation of a unified information environment for employees. The authors highlight key factors that contributed to the improvement of communication processes, including flexibility in decision-making, adaptation to market changes, and the active use of technology.

The results of the study demonstrate that the implementation of new communication practices has allowed the company not only to increase the efficiency of internal processes but also to strengthen its market position by improving customer service quality. The practical recommendations presented in the work can be useful for other retail companies seeking to optimize their communication strategies in the context of digital transformation.

Keywords: communication practices, Zolotoe Yabloko, corporate communications, digital transformation, interaction management, data-driven approaches, corporate culture, retail, CRM systems, employee engagement, customer focus, digital platforms.

References

1. Bogoyavlensky A.E. Media as a post-non-classical format of public communications. – 3 p.

2. Bodrunova S.S. Cumulative deliberation: a new normality in the study of public spheres online // Bulletin of the Moscow University. Episode 10. Journalism. – 2023. – No. 1. – p. 87

3. Gusev A.K. Analysis of the modern perfumery and cosmetics market in Russia and identification of trends in its development in the short term

4. Theory and practice of branding in the perfumery and cosmetics industry of Russia / Ed. Kovaleva S.I., Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publishing House, 2021. 176 p.

5. Nikitina E.I. The role of PR events in shaping the image of perfume and cosmetics brands in Russia. – St. Petersburg: Publishing house "BHV-Petersburg", 2019. – 160 p.

6. Petrov I.V. Social media as a communication tool in the perfumery and cosmetics industry of Russia. Moscow: Nauka i tekhnologiya, 2018. 144 p.

7. Perfumery and cosmetics market in Russia: analysis of current trends / Ed. Petrova T.N., Moscow: Expert Publishing House, 2018. 320 p.

8. Ponyavina M.B., Karpova S.V., Hypersonalization based on artificial intelligence, 2025. – 3 p.

9. Smirnova N.A. Marketing and PR strategies in the perfumery and cosmetics industry of Russia: implementation experience and efficiency. – St. Petersburg: Peter Publishing House, 2020. – 208 p.

10. Firsanova O.N. Advertising and promotion of goods and services: textbook. Moscow: Publishing Center «Academy», 2019. 320 p.

Неравенство доступа к образовательным услугам в системе государственного образования: структурные ограничения и социальные последствия

Асриянц Марина Вардановна,
специалист Ресурсного центра «Семья – 2030», ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России
E-mail: 223789@edu.fa.ru

В статье рассматривается проблема неравенства доступа к образовательным услугам в системе государственного образования Российской Федерации. Основное внимание уделено выявлению структурных ограничений, влияющих на реализацию права на образование, включая территориальные различия, инфраструктурные дефициты, кадровую неоднородность, недостаточную доступность специальных условий для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, а также неравномерность образовательных возможностей на уровне общего и среднего профессионального образования. Анализ строится с опорой на действующие нормативно-правовые акты, материалы органов государственной власти и современные подходы к управлению в сфере образования. Показано, что формально закреплённая общедоступность образования не всегда обеспечивает равную достижимость и сопоставимое качество образовательного маршрута для различных социальных групп. Обосновывается необходимость перехода от оценки формального охвата к более комплексному учёту реальных условий получения образования. Особое внимание уделено совершенствованию механизмов государственного управления, ориентированных на снижение территориального и институционального неравенства, повышение адресности управленческих решений и выравнивание жизненных шансов обучающихся.

Ключевые слова: образовательное неравенство, доступность образования, государственное управление, образовательная политика, социальные последствия, государственное образование.

Основная часть

Проблема неравного доступа к образовательным услугам в российской системе государственного управления не сводится к отдельным бытовым затруднениям семьи или территории. Речь идет о качестве исполнения публичной властью одной из базовых конституционных гарантий. Статья 43 Конституции РФ закрепляет право каждого на образование и гарантирует общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных и муниципальных организациях [1]. Уже на этом уровне видно, что доступность следует понимать не формально, не как простое наличие места в учреждении, а как обязанность государства создать реальные условия, при которых путь к образованию становится достижимым для ребенка независимо от места проживания, состояния здоровья и исходного социального положения.

Более развернуто данный подход раскрыт в Федеральном законе № 273 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Именно он переводит конституционную гарантию в систему управленческих обязанностей, процедур и полномочий. В рамках данной статьи принципиально важно, что закон связывает равенство доступа не только с запретом дискриминации, но и с организацией сети образовательных организаций, распределением компетенции между уровнями власти, созданием специальных условий обучения и финансовым обеспечением государственных и муниципальных услуг в сфере образования. Дополнительное значение имеет Федеральный закон № 414 ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», поскольку именно через региональный уровень значительная часть образовательной политики получает практическое воплощение. Вследствие этого образовательное неравенство следует рассматривать не только как социальное явление, но и как управленческий сбой, возникающий там, где нормативная гарантия не превращается в повседневную практику.

Для сферы образования особенно чувствителен вопрос о разграничении полномочий. Федеральный уровень задает общие правовые рамки, утверждает единые требования и стратегические ориентиры. Субъекты РФ обеспечивают государственные гарантии получения общедоступного и бесплатного образования, определяют региональные механизмы финансирования и поддержки сети учреждений. На муниципальном уровне право на образование сталкивается с реальной жизнью семьи, поскольку именно здесь решаются вопросы территориальной доступности школы, подвоза детей, состояния зданий, кадровой укомплектованности и текущей организации образовательного процесса. По этой причине правовое равенство может существовать на федеральном уровне и одновременно давать неодинаковый жизненный результат в разных муниципалитетах. В таком расхождении и проявляется структурная природа неравенства доступа.

Отдельного внимания требует правовое положение тех групп, для которых формального равенства заведомо недостаточно. Федеральный закон № 273 ФЗ предусматривает специальные условия получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья. Более широкий защитный контур формируют Федеральный закон № 181 ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и Федеральный закон № 124 ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Их совокупное значение состоит в том, что равный доступ не тождествен одинаковому режиму для всех. Если ребенок живет в удаленном населенном пункте, нуждается в адаптированной программе, сопровождении, специальных средствах обучения или иной социальной поддержке, публичная власть обязана компенсировать исходное неравенство через особые организационные меры. Без такой компенсации право сохраняется в тексте закона, но ослабевает в жизненной реальности.

Современная государственная политика показывает, что доступность образования все заметнее понимается как качество среды, а не только как факт зачисления. Действующая государственная программа «Развитие образования» ориентирует систему на повышение доступности и качества образования. С 2025 года в сфере просвещения реализуется национальный проект «Молодёжь и дети», а Минпро-

свещения в рамках проекта «Школа Минпросвещения России» прямо ставит задачу создания равных условий обучения и воспитания для всех школьников. В управленческом смысле это важный сдвиг. В центр оценки попадают уже не только наличие учреждения и бюджетного места, но также инфраструктура, цифровая среда, кадровый потенциал, безопасные условия и сопоставимость образовательных возможностей между территориями.

Значимый нормативно управленческий контур образует и система оценки качества образования. Рособрнадзор в 2025 году сообщал об актуализации Индекса качества общего образования, в который включены показатели по блокам образовательных результатов, кадрового потенциала и образовательной среды. Подобный подход особенно важен для темы статьи, поскольку он позволяет увидеть скрытую форму неравенства. Ребенок может формально иметь доступ к школе, но обучаться в условиях слабой инфраструктуры, кадрового дефицита и ограниченной образовательной среды. В результате различие возникает не на входе, а в самой траектории обучения и в качестве последующего выхода. В итоге российская нормативная база уже содержит достаточно прочный каркас для обеспечения равного доступа к образованию. Наиболее уязвимое звено находится не в отсутствии права, а в неполном и неодинаковом исполнении управленческих обязанностей на региональном и муниципальном уровнях.

Ключевым становится не повтор нормативных положений, а фиксация того, как право на образование реализуется в повседневной практике. Статья 43 Конституции Российской Федерации и Федеральный закон № 273 ФЗ закрепляют общедоступность образования, однако сама правовая гарантия не устраняет различия между территориями, образовательными организациями и семейными ресурсами [2]. На этом уровне и возникает расхождение между формальным включением ребёнка в систему и его реальными возможностями пройти образовательный путь без дополнительных барьеров.

На уровне официальной статистики ситуация выглядит в целом устойчивой. По данным Минпросвещения, на 1 января 2025 года доступность дошкольного образования составила 99,83 процента, а для детей в возрасте от 1,5 до 3 лет 99,65 процента [7]. В 2024/25 учебном году в общеобразовательных организациях получали образование 1 026,9 тыс. обучающихся с ОВЗ и инвалидностью [8]. В 2025 году в регионах Российской Федерации введены в эксплуатацию 63 новые школы более чем на 53 тыс. учащихся. Вместе с тем эти показатели говорят не только о масштабной работе государства, но и о том, что система продолжает компенсировать уже сложившиеся территориальные и инфраструктурные разрывы.

Для более предметного анализа целесообразно свести основные проявления неравенства в единую таблицу. В неё включены показатели, которые позволяют увидеть различие между формальной доступностью и реальной достижимостью образования. Использованы официальные материалы Минпросвещения России, Рособрнадзора, Правительства Российской Федерации и документы, регулирующие управление региональными системами образования.

Таблица 1. Практические проявления неравенства доступа к образовательным услугам

Блок анализа	Официальные данные	Что видно в практическом плане	Вероятный управленческий дефицит	Социальный эффект
Дошкольное образование	Доступность на 1 января 2025 года составила 99,83 процента, для детей от 1,5 до 3 лет 99,65 процента	Высокий средний показатель не исключает локальных очередей и разницы между территориями	Ориентация на усреднённый региональный результат при меньшей чувствительности к муниципальным зонам напряжения	Неравный старт ребёнка ещё до поступления в школу
Школьная инфраструктура	В 2025 году введены 63 новые школы более чем на 53 тыс. мест	Сам факт строительства показывает сохранение точек дефицита сети и перегрузки отдельных школ	Реакция на демографические и территориальные изменения часто носит компенсаторный, а не упреждающий характер	Вторая смена, длинная дорога, снижение повседневного комфорта обучения
Инклюзивное обучение	В 2024/25 учебном году в школах обучались 1 026,9 тыс. детей с ОВЗ и инвалидностью	Масштаб потребности требует не только места в школе, но и специалистов сопровождения, адаптированных программ и доступной среды	Недостаточная обеспеченность тьюторами, дефектологами, психологами и специальным оборудованием в части территорий	Формальное включение не всегда переходит в полноценное участие в образовательной жизни
Качество образовательной среды	Рособрнадзор формирует индекс качества общего образования, в который планируется включить 99 показателей	Равный вход в систему не означает равного качества школьной среды	Между правом учиться и набором реальных возможностей внутри школы сохраняется разрыв	Различие в учебных результатах, мотивации и дальнейших шансах
Пространственный доступ к СПО	1 412 профессиональных образовательных организаций, или 36,8 процента, расположены в административных центрах субъектов РФ	Более сильные программы, оборудование и партнёрства концентрируются в крупных центрах	Пространственная концентрация ресурсов и ограниченный выбор программ вне центров	Территория проживания начинает влиять на профессиональный маршрут
Управленческое наблюдение	Методология мотивирующего мониторинга направлена на синхронизацию федерального и регионального управления образованием	Единая рамка оценки существует, но локальные различия по муниципалитетам сохраняются	Недостаточная адресность управленческих решений на уровне отдельных зон риска	Средние показатели сглаживают реальные различия внутри региона

Таблица показывает, что неравенство доступа локализуется не в одной точке, а на всём протяжении образовательного пути. В одних случаях барьер возникает ещё до школы, когда семья сталкивается с ограниченной доступностью дошкольной инфраструктуры. В других случаях проблема проявляется уже внутри школьного обучения, когда формально доступная организация не обеспечивает сопоставимого качества среды, кадровой устойчивости или набора образовательных возможностей. Особенно заметно это в отношении детей с ОВЗ, а также подростков, для которых выбор программ среднего профессионального образования существенно зависит от места проживания.

С социологической точки зрения важно и другое обстоятельство. Средний показатель почти всегда выглядит более благополучно, чем повседневный опыт конкретной семьи. Для одних домохозяйств образовательная система остаётся удобной и предсказуемой, поскольку школа находится рядом, набор программ широк, а путь после окончания школы понятен. Для других включённость в ту же систему сопровождается более высокой ценой доступа, выраженной во времени на дорогу, поиске дополнительных занятий, необходимости переезда или постоянной компенсации дефицита образовательной среды силами самой семьи. В итоге единая государственная гарантия приобретает разную социальную силу в зависимости от территории и институционального ресурса конкретной образовательной организации. Такой вывод согласуется с действующей методологией мотивирующего мониторинга, которая прямо исходит из необходимости синхронизации федерального и регионального управления и повышения эффективности механизмов управления системой образования.

Отдельного внимания заслуживает различие между доступом и достижимостью. Доступ фиксирует наличие места в системе. Достижимость отражает, насколько это место реально связано с повседневной жизнью ребёнка, его состоянием здоровья, транспортной доступностью, качеством среды и возможностью продолжить образование без сужения жизненных перспектив. По этой причине проблему образовательного неравенства корректнее оценивать не только по числу мест или доле охвата, но и по сочетанию территориальных, институциональных и траекторных различий. Именно такой угол позволяет увидеть, где система государственного образования переста-

ёт выравнивать стартовые возможности и начинает воспроизводить социальную дистанцию.

Социальный эффект образовательного неравенства проявляется значительно шире, чем разница в учебных результатах. Речь идет о неравномерном распределении жизненных шансов, когда единая правовая гарантия права на образование в одних территориях превращается в устойчивый ресурс социальной мобильности, а в других сохраняет преимущественно формальный характер. Конституция Российской Федерации и Федеральный закон № 273 ФЗ закрепляют общедоступность образования, однако повседневная реализуемость этого права зависит от транспортной связанности, плотности образовательной сети, кадровой укомплектованности, наличия специальных условий и доступности последующей траектории после школы. Вследствие этого различие между территориями начинает работать не только как образовательная, но и как социальная переменная.

Современная управленческая повестка уже содержит инструменты, позволяющие снижать такие различия более адресно. План деятельности Минпросвещения России на период 2025–2030 годов ориентирован на выравнивание стартовых возможностей детей и повышение доступности качественного образования [10]. Методология мотивирующего мониторинга прямо направлена на единство мониторинга и анализа состояния сферы образования на разных уровнях управления. Рособрнадзор в 2025 году сообщил о включении в индекс качества общего образования 99 показателей по блокам образовательных результатов, кадрового потенциала и образовательной среды [12]. В феврале 2026 года Правительство отдельно обозначило среди приоритетов доступность образования, повышение его качества и развитие «Профессионалитета» [13]. Такая логика показывает, что вопрос уже стоит не в разработке новых деклараций, а в более точной настройке действующих механизмов.

Наиболее продуктивно рассмотреть направления совершенствования через управленческую матрицу, в которой проблемные зоны соотносятся с инструментами регулирования и ожидаемым социальным эффектом.

Таблица 2. Направления совершенствования государственного управления в сфере снижения образовательного неравенства

Проблемная зона	Управленческая мера	Инструмент реализации	Ожидаемый социальный эффект
Территориальная недоступность	Муниципальная карта образовательных барьеров	мотивирующий мониторинг, данные о времени в пути, подвозе, дефиците мест	Снижение разрыва между центром и периферией
Неравенство условий внутри школы	Выделение школ с дефицитом среды и кадров	привязка региональных решений к показателям качества среды и кадрового потенциала	Сокращение внутришкольной дифференциации возможностей
Формальная инклюзия без достаточной поддержки	Адресное усиление сопровождения детей с ОВЗ	кадровые нормативы, тьюторское и психологическое сопровождение, доступная среда	Более полное включение в образовательный процесс
Сужение выбора после школы	Связка школы, СПО и регионального рынка труда	развитие кластеров «Профессионалитета», профориентационные маршруты	Расширение профессиональных перспектив молодежи
Размытая ответственность на местах	Паспорт муниципальной зоны риска	контрольные точки, сроки, персональная ответственность исполнителей	Повышение адресности и управляемости решений

Анализ представленной таблицы показывает, что ключевая задача государственного управления состоит в переходе от усредненного подхода к зональному. Средний региональный показатель удобен для общей оценки, но слабо фиксирует различия между муниципалитетами и конкретными образовательными организациями. Более точный подход предполагает выявление локальных зон риска, в которых сочетаются транспортные трудности, дефицит кадров, ограниченность инфраструктуры и слабая насыщенность последующей траектории. В таком случае управленческое решение опирается не на абстрактный дефицит, а на конкретный профиль проблемы. Это повышает результативность даже при ограниченных ресурсах.

Дополнительное значение имеет переход от простого учета охвата к оценке достижимости образования. В 2025 году в регионах были введены 63 новые школы более чем на 53 тыс. мест, а в общеобразовательных организациях обучались 1 026,9 тыс. детей с ОВЗ и инвалидностью. Эти данные свидетельствуют о масштабной работе государства, но одновременно показывают, что система продолжает действовать в режиме компенсации накопленных различий. По этой причине наиболее перспективной выглядит модель, при которой объектом внимания становится не только наличие места в системе, но и реальная возможность пройти образовательный маршрут без дополнительной социальной нагрузки на семью. Такой ракурс позволяет рассматривать образование как механизм выравнивания жизненных шансов, а не только как отраслевую услугу.

С учётом сказанного целесообразно предложить авторское прикладное решение, которое может быть условно обозначено как модель проектного выравнивания образовательного доступа «Равный образовательный маршрут». Суть данного решения состоит в переходе от оценки общей доступности по усреднённым региональным показателям к управлению полным образовательным маршрутом ребёнка. В рамках предлагаемой модели объектом управления становится не только наличие места в образовательной организации, но и совокупность условий, обеспечивающих реальную достижимость и результативность обучения: транспортная доступность, кадровая устойчивость, инфраструктурная обеспеченность, наличие специальных условий, цифровая доступность, вариативность образовательного выбора и связность переходов между уровнями образования. Иными словами, предлагается управлять не просто сетью учреждений, а фактической способностью системы довести ребёнка от точки входа до социально значимого результата без потери качества и без вынужденного сужения жизненных шансов. Эта постановка вопроса вытекает из действующих целей национального проекта «Молодёжь и дети», ориентированного на создание современной образовательной среды и повышение качества образования.

Эмпирическая новизна предлагаемого подхода состоит в использовании Индекса маршрутной доступности образования как авторского управленческого инструмента. В отличие от традиционной оценки по факту зачисления, данный индекс предполагает измерение пяти взаимосвязанных блоков: территориальная достижимость, институциональная оснащённость, кадровая обеспеченность, адаптационная доступность для уязвимых групп и результативная траектория. Территориальная достижимость фиксирует время в пути, стабильность подвоза, транспортную связанность и пространственный радиус доступа. Институциональная оснащённость отражает состояние зданий, наличие современного оборудования, профильных кабинетов и цифрового контура. Кадровая обеспеченность оценивает укомплектованность педагогами и специалистами сопровождения. Адаптационная доступность позволяет учитывать условия для детей с ОВЗ, инвалидностью, детей из социально уязвимых семей и территорий с ограниченным ресурсом. Результативная траектория показывает, приводит ли обучение к сохранению мотивации, успешному прохождению аттестации, доступу к профориентации и продолжению образования без вынужденного выпадения. Такой подход не противоречит действующим механизмам оценки качества, а, напротив, дополняет их за счёт фокусировки на жизненном маршруте обучающегося.

В проектной логике реализация указанной модели может быть выстроена в четыре этапа. На первом этапе формируется карта муниципальных зон риска на основе данных мотивирующего мониторинга, мониторинга системы образования, аккредитационного мониторинга и ведомственной статистики. На втором этапе для каждой зоны риска утверждается паспорт локального проекта с конкретным набором дефицитов: транспорт, кадры, инфраструктура, инклюзия, узость образовательного выбора, дефицит профориентационных маршрутов. На третьем этапе запускается адресный пакет решений с распределением ответственности между региональным органом управления образованием, муниципалитетом и конкретной образовательной организацией. На четвёртом этапе осуществляется контроль по контрольным точкам и оценка достигнутого эффекта не по формальному освоению средств, а по снижению маршрутных барьеров. В данном случае методы проектного управления используются не декоративно, а как инструмент соединения цели, ресурса, результата и персональной ответственности. Такая модель полностью соответствует правительственной ло-

гике проектной деятельности, где ключевое значение имеют результат, контрольные точки, управление изменениями и управление рисками.

С практической точки зрения особую ценность представляет то, что предлагаемый подход позволяет перевести тему образовательного неравенства из дискуссионной плоскости в режим управленческого действия. Например, если муниципальная карта показывает высокую формальную обеспеченность местами при низкой результативной устойчивости, это означает, что проблема находится не во входе в систему, а в качестве сопровождения и образовательной среды. Если фиксируется стабильное зачисление детей с ОВЗ, но при этом сохраняется дефицит специальных условий, специалистов сопровождения и адаптированных маршрутов, управленческое воздействие должно быть направлено не на отчётный охват, а на содержание инклюзивной практики. Если в удалённой территории формально сохранена школа, но отсутствует устойчивая связь с профориентацией, СПО и дополнительным образованием, то речь идёт уже не просто о школьной проблеме, а о риске раннего социального сужения жизненной траектории. Именно такой формат диагностики позволяет принимать не общие, а адресные решения. Этому соответствует и актуальная повестка Правительства России на 2026 год, где в числе приоритетов обозначены доступность образования, повышение его качества и развитие «Профессионалитета».

Социальный эффект предлагаемой модели заключается в том, что система начинает работать не только на предоставление услуги, но и на выравнивание жизненных шансов. В этом случае ребёнок рассматривается не как единица контингента, а как носитель образовательного маршрута, который государство обязано обеспечить в реальном, а не только в формальном выражении. Для органов управления образованием это означает смену оптики: от учёта мест, объектов и средних процентов – к учёту барьеров, траекторий и зон риска. Для Министерства просвещения такой подход может быть полезен как инструмент адресной настройки региональной политики, а для субъектов Российской Федерации – как основа для формирования собственных ведомственных проектов по снижению образовательного неравенства в наиболее чувствительных муниципалитетах. Содержательно именно в этом и состоит авторское ноу-хау: образовательное неравенство предлагается рассматривать не как неизбежное следствие социальной дифференциации, а как проектно управляемую категорию, для которой можно определить показатели, контрольные точки, ответственных исполнителей и измеримый итог.

В итоге совершенствование государственного управления в данной сфере должно быть связано с тремя взаимосвязанными линиями. Первая касается раннего выявления муниципальных зон риска. Вторая предполагает проектную увязку инфраструктуры, кадров и качества среды. Третья направлена на расширение образовательной и профессиональной траектории после школы. При такой конфигурации право на образование получает более полное социальное содержание, а сама система образования в большей степени выполняет компенсаторную функцию, уменьшая, а не воспроизводя исходные различия.

Заключение

Проведённый анализ позволил установить, что проблема неравенства доступа к образовательным услугам в системе государственного образования сохраняет устойчивый и структурный характер. При наличии развитой нормативно-правовой базы, закрепляющей право на образование и общедоступность его основных уровней, фактическая реализуемость данной гарантии остаётся неодинаковой в зависимости от территории проживания, состояния образовательной инфраструктуры, кадровой обеспеченности, доступности специальных условий обучения и широты последующей образовательной траектории. Тем самым было подтверждено, что формальная универсальность правовой нормы не устраняет различий в реальных условиях получения образования.

В ходе рассмотрения нормативных основ темы было выявлено, что действующее законодательство Российской Федерации формирует достаточный правовой каркас для обеспечения равного доступа к образовательным услугам. Конституционные положения, федеральное законодательство в сфере образования, а также управленческие механизмы, реализуемые на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, задают необходимые организационные и институциональные предпосылки для выравнивания образовательных возможностей. Вместе с тем было установлено, что ключевая трудность связана не столько с отсутствием нормативных оснований, сколько с неодинаковой полнотой и результативностью их практической реализации.

Анализ практических проявлений образовательного неравенства показал, что оно обнаруживается на всём протяжении образовательного маршрута. Соответствующие различия возникают уже на этапе дошкольного образования, затем проявляются в неодинаковом качестве школьной среды, доступности инклюзивного сопровождения, насыщенности образовательных программ, а также в различиях профессионального выбора после завершения школы. В результате доступ к образованию приобретает разную социальную цену для разных групп населения. Для одних обучающихся образовательная система выступает механизмом расширения жизненных возможностей, тогда как для других она лишь частично компенсирует исходные ограничения либо вовсе не устраняет их в полной мере.

Установлено также, что социальные последствия образовательного неравенства выходят за пределы собственно учебной сферы. Неравная достижимость образования ведёт к закреплению различий в профессиональных перспективах, уровне социальной мобильности и объёме жизненных шансов. Особенно значимым представляется то обстоятельство, что территориальные и институциональные различия постепенно трансформируются в устойчивое социальное расслоение, затрагивающее не только уровень текущего образования, но и дальнейшую траекторию включения человека в общественные и экономические процессы.

В связи с этим сделан вывод о необходимости совершенствования государственного управления в рассматриваемой сфере. Наиболее значимыми направлениями представляются повышение адресности управленческих решений, усиление внимания к муниципальному уровню, более точное выявление локальных зон риска, а также согласование инфраструктурных, кадровых и организационных мер поддержки. Перспективным видится переход от оценки формального охвата образованием к анализу его реальной достижимости, предполагающему учёт повседневных условий, в которых обучающийся включается в образовательный процесс и проходит дальнейший маршрут.

Неравенство доступа к образовательным услугам следует рассматривать не как частный дефект отдельных территорий или организаций, а как значимую социально-управленческую проблему, требующую комплексного регулирования. Повышение справедливости в сфере образования связано не только с сохранением общедоступности как юридического принципа, но и с последовательным выравниванием фактических условий получения образования. Именно в этом случае система государственного образования сможет в полной мере выполнять не воспроизводящую, а компенсаторную и выравнивающую функцию.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 03.04.2026).
2. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201212300007 (дата обращения: 03.04.2026).
3. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федер. закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202112210031 (дата обращения: 03.04.2026).
4. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федер. закон от 24 нояб. 1995 г. № 181-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.04.2026).
5. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.04.2026).
6. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства Рос. Федерации от 26 дек. 2017 г. № 1642 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201712290016 (дата обращения: 03.04.2026).
7. Дошкольное образование // Министерство просвещения Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/preschool_education/ (дата обращения: 03.04.2026).
8. Дети с особыми образовательными потребностями // Министерство просвещения Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/limited_health/ (дата обращения: 03.04.2026).
9. Национальный проект «Молодежь и дети» // Министерство просвещения Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://edu.gov.ru/activity/molodezh-i-deti/ (дата обращения: 03.04.2026).

10. План деятельности Министерства просвещения Российской Федерации на период с 2025 по 2030 год // Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/1c10aa39e6671bff296aeb1c7f462f5c/ (дата обращения: 03.04.2026).

11. Об утверждении Методологии мотивирующего мониторинга деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования: распоряжение Минпросвещения России от 16 июля 2024 г. № Р-127 // Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/611adb545f2f5e7c3938fac330d48041/ (дата обращения: 03.04.2026).

12. Итоги учебного года в сфере оценки качества образования и задачи на будущее обсудили на конференции Рособрнадзора // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки: офиц. сайт. URL: https://obrnadzor.gov.ru/uncategorized/itogi-uchebnogo-goda-v-sfere-oczenki-kachestva-obrazovaniya-i-zadachi-na-budushhee-obsudili-na-konferenczii-rosobrnadzora/ (дата обращения: 03.04.2026).

13. Ежегодный доклад о результатах мониторинга качества подготовки кадров в Российской Федерации 2021 года // Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/e775ebc5b4c893686d5d6a1d3b67135b/ (дата обращения: 03.04.2026).

14. В 2025 году отремонтировали свыше 11 тыс. объектов образования // Министерство просвещения Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://edu.gov.ru/press/10919/v-2025-godu-otremontirovali-svyshe-11-tys-obektov-obrazovaniya/ (дата обращения: 03.04.2026).

15. Дмитрий Чернышенко обозначил приоритетные задачи в образовании на 2026 год: от доступности яслей до повышения качества образования и развития «Профессионалитета» // Правительство России: офиц. сайт. URL: https://government.ru/news/57853/ (дата обращения: 03.04.2026).

INEQUALITY IN ACCESS TO EDUCATIONAL SERVICES IN THE PUBLIC EDUCATION SYSTEM: STRUCTURAL CONSTRAINTS AND SOCIAL CONSEQUENCES

Asriyants M.V.
All-Russian Research Institute of Labor

The article examines inequality in access to educational services within the system of public education in the Russian Federation. The focus is placed on identifying structural constraints affecting the implementation of the right to education, including territorial disparities, infrastructural deficits, uneven staffing, limited accessibility of special learning conditions for students with disabilities, and unequal educational opportunities at the levels of general and vocational education. The analysis is based on current legal and regulatory acts, materials of public authorities, and contemporary approaches to governance in the education sector. It is argued that the formally guaranteed accessibility of education does not always ensure equal attainability of educational opportunities or comparable quality of educational pathways for different social groups. The paper substantiates the need to move from assessing formal coverage toward a more comprehensive consideration of the real conditions in which education is obtained. Particular attention is paid to improving public administration mechanisms aimed at reducing territorial and institutional inequality, increasing the targeting of management decisions, and equalizing life chances of students.

Keywords: educational inequality, access to education, public administration, education policy, social consequences, public education.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by a popular vote on December 12, 1993, as amended, approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (date of access: April 3, 2026).

2. On Education in the Russian Federation: federal law of December 29, 2012 № 273-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201212300007 (date of access: April 3, 2026).

3. On the General Principles of Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation: federal. Law of December 21, 2021, № 414-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202112210031 (accessed: April 3, 2026).

4. On the Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation: federal law of November 24, 1995, № 181-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru (accessed: April 3, 2026).

5. On the Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation: federal law of July 24, 1998, № 124-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru (accessed: 03.04.2026).

6. On approval of the state program of the Russian Federation «Education Development»: Resolution of the Government of the Russian Federation of December 26, 2017 № 1642 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201712290016 (accessed: 03.04.2026).

7. Preschool education // Ministry of Education of the Russian Federation: official website. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/preschool_education/ (accessed: 03.04.2026).

8. Children with special educational needs // Ministry of Education of the Russian Federation: official website. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/limited_health/ (accessed: 03.04.2026).

9. National Project «Youth and Children» // Ministry of Education of the Russian Federation: official website. URL: https://edu.gov.ru/activity/molodezh-i-deti/ (accessed: 03.04.2026).

10. Activity Plan of the Ministry of Education of the Russian Federation for the period from 2025 to 2030 // Document Bank of the Ministry of Education of the Russian Federation. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/1c10aa39e6671bff296aeb1c7f462f5c/ (accessed: 03.04.2026).

11. On approval of the Methodology for motivational monitoring of the activities of executive bodies of constituent entities of the Russian Federation implementing public administration in the field of education: Order of the Ministry of Education of Russia dated July 16, 2024 № R-127 // Bank of documents of the Ministry of Education of the Russian Federation. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/611adb545f2f5e7c3938fac330d48041/ (date of access: 03.04.2026).

12. The results of the academic year in the field of education quality assessment and future challenges were discussed at the Rosobrnadzor conference // Federal Service for Supervision in Education and Science: official website. URL: https://obrnadzor.gov.ru/uncategorized/itogi-uchebnogo-goda-v-sfere-oczenki-kachestva-obrazovaniya-i-zadachi-na-budushhee-obsudili-na-konferenczii-rosobrnadzora/ (date of access: 03.04.2026).

13. Annual report on the results of monitoring the quality of personnel training in the Russian Federation in 2021 // Document Bank of the Ministry of Education of the Russian Federation. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/e775ebc5b4c893686d5d6a1d3b67135b/ (date of access: 03.04.2026).

14. In 2025, over 11 thousand educational facilities were renovated // Ministry of Education of the Russian Federation: official website. URL: https://edu.gov.ru/press/10919/v-2025-godu-otremontirovali-svyshe-11-tys-obektov-obrazovaniya/ (accessed: 03.04.2026).

15. Dmitry Chernyshenko outlined priority tasks in education for 2026: from the availability of nurseries to improving the quality of education and developing «Professionalism» // Government of the Russian Federation: official website. URL: https://government.ru/news/57853/ (accessed: 03.04.2026).

Эмпауэрмент детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата средствами спортивно-оздоровительных мероприятий: научный анализ проекта «Пара-арчери эстафета “Вместе к победе”»

Атабиева Зарема Алихановна,
кандидат наук, доцент, заведующий кафедрой ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова»
E-mail: atab_zara@mail.ru

Кушхова Анежа Федоровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова»
E-mail: aneja2380@inbox.ru

Макоева Залина Ауесовна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова»
E-mail: zalinka79@mail.ru

Тамазов Муслим Султанович,
кандидат исторических наук, директор социально-гуманитарного института, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова»
E-mail: muslimt@mail.ru

Шоранова Залина Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова»
E-mail: pazalina@mail.ru

В статье представлен анализ спортивно-оздоровительных мероприятий как средства эмпауэрмента детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Эмпауэрмент рассматривается не как отвлечённая теоретическая категория, а как практический процесс расширения возможностей ребёнка, укрепления его самостоятельности, субъектной позиции и включённости в социальное взаимодействие. Эмпирическую основу исследования составили материалы аналитического отчёта по реализации проекта «Пара-Арчери эстафета “Вместе к победе”», осуществлённого в 2024 г. в г.о. Нальчик. Показано, что участие детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата в инклюзивных спортивных практиках положительно влияет не только на физическое состояние, но и на коммуникативную сферу, мотивацию, уверенность в себе, способность принимать решения и взаимодействовать с окружающими. По итогам входной и выходной диагностики установлен рост уровня социальной адаптации участников в среднем на 13%. Сделан вывод о том, что при системной организации, наличии ролевых моделей, поддерживающей среды и подготовленного волонтёрского сопровождения адаптивный спорт становится действенным механизмом социальной реабилитации и личностного развития ребёнка.

Ключевые слова: эмпауэрмент; дети с ОВЗ; нарушения опорно-двигательного аппарата; адаптивный спорт; инклюзивные практики; социальная адаптация; физическая реабилитация; агентность; волонтёрство; паралимпийское движение.

Введение

В последние годы в системе помощи детям с ограниченными возможностями здоровья всё заметнее меняется сама логика сопровождения. Если раньше в центре внимания находилась главным образом компенсация дефицитов, то сегодня всё более значимым становится вопрос о том, насколько ребёнок включён в реальную жизнь, способен проявлять инициативу, делать выбор, взаимодействовать с другими и ощущать себя не объектом заботы, а участником событий собственной жизни [6; 7]. Именно поэтому понятие эмпауэрмента постепенно входит в поле отечественных исследований, хотя и требует аккуратного смыслового уточнения.

Для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата эта проблема имеет особую остроту. Ограничения подвижности, зависимость от помощи взрослых, недостаток доступной среды, сниженные ожидания со стороны окружающих нередко создают ситуацию, при которой ребёнок оказывается исключённым из полноценного общения, совместной деятельности и самостоятельного опыта. В таких условиях страдает не только физическое развитие, но и само представление ребёнка о собственных возможностях [2; 3; 8].

На этом фоне адаптивный спорт и инклюзивные спортивные мероприятия приобретают особое значение. Они важны не только как форма двигательной активности. Спорт создаёт пространство, в котором ребёнок получает опыт усилия, успеха, правила, сотрудничества, признания и личного продвижения. Для детей с двигательными нарушениями это особенно ценно, поскольку позволяет преодолеть привычную роль «слабого» участника и пережить себя в иной позиции – позиции человека, который может действовать, учиться, добиваться результата и быть частью команды [4; 5; 10].

Цель настоящего исследования – проанализировать возможности эмпауэрмента детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата в рамках проекта «Пара-Арчери эстафета “Вместе к победе”» и показать, какие именно механизмы обеспечили его социально-реабилитационный эффект.

В научной литературе эмпауэрмент обычно трактуется как процесс расширения возможностей личности, связанный с развитием уверенности в себе, способности влиять на собственную жизнь и участвовать в принятии значимых решений [6; 7]. Для социальной и педагогической практики важен не столько буквальный перевод этого понятия, сколько его смысл: речь идёт о переходе от патерналистской модели помощи к модели участия, в которой человек не просто получает поддержку, а постепенно становится субъектом собственного развития.

В отношении детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата такой подход особенно продуктивен. Здесь эмпауэрмент проявляется не в декларациях, а в конкретных изменениях: ребёнок начинает увереннее общаться, меньше боится нового, чаще проявляет инициативу, лучше ориентируется в повседневных действиях, охотнее включается в совместную деятельность. Иными словами, он приобретает опыт самостоятельности там, где раньше доминировали зависимость и ожидание внешней помощи [2; 3].

Важно и то, что эмпауэрмент невозможен вне социальной среды. Сам по себе ребёнок не может преодолеть структурные ограничения, если вокруг него нет условий для реального участия. Поэтому в инклюзивных проектах особую роль играют диалог, поддержка, безопасность, признание, а также организация пространства, в котором ребёнок не отделён от других, а действует вместе с ними [13; 14]. В этом смысле спортивно-оздоровительная работа ценна не только как практика телесного развития, но и как форма включения в культурно-образовательную среду.

Кроме того, для детей с инвалидностью вопрос расширения возможностей нельзя ограничивать только детским возрастом. Успешная социализация должна рассматриваться как перспектива более длинной жизненной траектории, включающей образование, профессиональное самоопределение и будущее участие в общественной жизни [12]. Именно поэтому проекты подобного типа следует оценивать не как разовые мероприятия, а как важные точки личностного становления.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую основу статьи составили материалы аналитического отчёта по первому этапу реализации проекта «Пара-Арчери эстафета “Вместе к победе”» (грант № 24–2–006112), реализованного с 01.07.2024 по 31.12.2024 в городском округе Нальчик Кабардино-Балкарской Республики.

Основную группу участников составили 30 детей в возрасте 10–16 лет с диагнозами, относящимися к поражениям опорно-двигательного аппарата. Кроме того, в проект были включены 30 условно здоровых сверстников, 5 ветеранов СВО с ограничениями здоровья и 15 студентов-волонтёров Кабардино-Балкарского государственного университета. Уже сама конфигурация участников показывает, что проект изначально строился не как закрытая реабилитационная программа, а как инклюзивное пространство взаимодействия.

Содержательно проект включал установочную мотивационную встречу, 9 тренировок по трём дисциплинам, 3 мастер-класса с участием профессиональных спортсменов-паралимпийцев, 8 занятий по подготовке волонтёров и итоговый инклюзивный турнир. Такой формат позволил объединить физическую активность, социальное обучение, эмоциональную поддержку и практику командного взаимодействия.

Для оценки результатов использовались входная и выходная диагностика уровня социальной адаптации по специально разработанной карте мониторинга, анкетирование участников и родителей, а также наблюдение тренеров и организаторов. При анализе учитывались такие параметры, как коммуникативные навыки, самостоятельность, личная безопасность, принятие решений, поведение в конфликтных ситуациях, мотивация к деятельности. В методологическом плане это соответствует современному пониманию реабилитации, ориентированной не только на медицинский диагноз, но и на активность, участие и фактическое функционирование ребёнка в социальной среде [1].

Результаты и обсуждение

Полученные материалы позволяют говорить о том, что проект дал заметный положительный эффект сразу по нескольким направлениям.

Прежде всего, это касается социальной адаптации участников. По результатам входной и итоговой диагностики её уровень у детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата повысился в среднем на 13%. Для прикладного проекта такой показатель нельзя считать случайным или формальным. За ним стоят вполне конкретные изменения: дети стали легче вступать в общение, чаще задавали вопросы, увереннее высказывали свои предпочтения, спокойнее реагировали на новые ситуации, лучше выражали просьбы и несогласие. Иначе говоря, менялось не только поведение в рамках тренировки, но и сама коммуникативная позиция ребёнка [2; 6; 7].

Не менее важным оказался рост самостоятельности. По наблюдениям взрослых, многие участники стали активнее выполнять простые бытовые действия без немедленного обращения за помощью, проявляли больше уверенности при смене деятельности, лучше ориентировались в последовательности действий. Для ребёнка с двигательными нарушениями именно такие, на первый взгляд, небольшие сдвиги часто имеют решающее значение, поскольку они свидетельствуют о внутреннем изменении установки: от «за меня сделают» к «я могу попробовать сам». В логике эмпауэрмента это, пожалуй, один из самых существенных результатов.

Отмечены и положительные изменения в сфере личной безопасности и поведения в конфликтных ситуациях. Участники стали лучше распознавать дискомфортные или потенциально опасные обстоятельства, чаще обращались за помощью осознанно, а не импульсивно, реже отвечали раздражением на затруднение. Подобная динамика во многом объясняется характером самой среды проекта: она была структурированной, доброжелательной и понятной для ребёнка. Именно такая психолого-педагогическая безопасность позволяет детям с ОВЗ раскрывать активность без страха ошибки или осуждения [14].

Отдельно следует сказать о физическом компоненте проекта. По оценкам тренеров адаптивной физической культуры, у детей наблюдалась положительная динамика в развитии координации, равновесия, гибкости, силы и общей выносливости. Однако важнее другое: физиологические улучшения переходили в расширение повседневной самостоятельности. Улучшение координации или чувства равновесия оказывалось значимым не само по себе, а потому, что ребёнок начинал увереннее пользоваться техническими средствами, активнее двигаться, охотнее включаться в бытовые и игровые действия. В этом смысле адаптивный спорт выступал не как отдельная оздоровительная процедура, а как реальный инструмент социализации [4; 5].

Существенную роль сыграли встречи с паралимпийцами. Для детей это были не просто «гости мероприятия», а живые примеры того, что ограничение здоровья не отменяет личного успеха, признания и серьёзных достижений. После общения со спортсменами у многих участников заметно вырос интерес к регулярным тренировкам, появились более определённые представления о собственных перспективах, желание продолжать занятия в спортивно-адаптивной школе. Такой эффект вполне согласуется с положениями социально-когнитивной теории А. Бандуры: наблюдение за успешной моделью усиливает веру человека в собственные возможности и повышает готовность к действию [9].

Важной особенностью проекта стала его инклюзивная природа. Совместное участие детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, их здоровых сверстников, волонтёров и взрослых наставников создавало живую, а не формальную среду взаимодействия. В подобных условиях инвалидность перестаёт быть единственной характеристикой ребёнка: на первый план выходят его интерес, старание, характер, способность работать в команде и достигать результата. Это принципиально важно, поскольку преодоление социальной изоляции начинается не с разговоров об инклюзии, а с реально пережитого опыта совместности [10; 13].

Подготовка волонтёров также стала одним из сильных элементов проекта. Студенты осваивали не только практические навыки сопровождения, но и культуру уважительного общения с людьми с ОВЗ, понимание их потребностей, основы поддержки в бытовых и социальных ситуациях. Создание волонтёрского клуба «Точка опоры» придаёт этой работе устойчивый характер. По сути, проект сформировал не временную команду помощников, а сообщество сопровождения, способное продолжать работу и за пределами грантового периода. Такой результат напрямую связан с идеей здоровьесозидающей и поддерживающей среды, в которой развитие ребёнка обеспечивается не одной процедурой, а системой отношений и практик [15].

Наконец, следует учитывать и более широкий социальный эффект проекта. Для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата участие в подобных программах означает не только улучшение текущего состояния, но и расширение горизонта жизненных ожиданий. А это уже связано с более общими вопросами будущей образовательной, социальной и даже профессиональной интеграции. В этом смысле опыт проекта представляется особенно ценным: он показывает, что эмпауэрмент начинается задолго до взрослой жизни – с тех ситуаций, в которых ребёнок получает право на действие, пробу, выбор и признание [12].

Разумеется, исследование имеет ограничения: небольшую выборку, отсутствие контрольной группы и частичную зависимость от экспертных оценок. Тем не менее совпадение данных мониторинга, наблюдения и опросов позволяет говорить о достоверной положительной тенденции и рассматривать проект как удачную модель для последующего тиражирования.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что спортивно-оздоровительные мероприятия при грамотной организации действительно способны выступать средством эмпауэрмента детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Их значение состоит не только в улучшении двигательных функций, но и в том, что они меняют саму позицию ребёнка: укрепляют уверенность в себе, расширяют опыт самостоятельности, развивают коммуникативную активность и снижают риск социальной изоляции.

Проект «Пара-Арчери эстафета “Вместе к победе”» показал, что наибольший эффект достигается тогда, когда спорт включён в более широкую систему сопровождения. В этой системе важны инклюзивная среда, участие ролевых моделей, диалогичность взаимодействия, подготовка волонтёров и ориентация на устойчивый результат. Именно сочетание этих факторов позволило превратить набор мероприятий в пространство реального личностного роста.

Практическая ценность проекта состоит в его воспроизводимости. Подобная модель может быть востребована в системе дополнительного образования, адаптивного спорта, социальной реабилитации и межведомственных программ поддержки детей с ОВЗ. Перспективным представляется дальнейшее изучение долгосрочного эффекта таких практик – прежде всего в аспекте образовательной мотивации, социальной самостоятельности и последующей интеграции ребёнка в более широкий общественный контекст.

Литература

1. Всемирная организация здравоохранения. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ). Женева: ВОЗ, 2001.

2. Выготский Л.С. Основы дефектологии. Санкт-Петербург: Лань, 2003. 654 с.

3. Малофеев Н.Н., Шипицына Л.М. Реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья: современные подходы // Дефектология. 2020. № 3. С. 4–15.

4. Петров К.М. Адаптивная физическая культура как средство социализации детей с ОВЗ // Специальная педагогика. 2018. № 4. С. 45–52.

5. Белан А.В. Инклюзивный спорт как средство социальной адаптации детей с ОВЗ // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2020. № 2. С. 33–36.

6. Rappaport J. Terms of empowerment/exemplars of prevention: Toward a theory for community psychology // American Journal of Community Psychology. 1987. Vol. 15, no. 2. P. 121–148.

7. Zimmerman M.A. Empowerment theory: Psychological, organizational and community levels of analysis // Handbook of Community Psychology / ed. by J. Rappaport, E. Seidman. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2000. P. 43–63.

8. Oliver M. The Politics of Disablement. London: Macmillan, 1990. 214 p.

9. Bandura A. Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1986. 617 p.

10. van der Riet L.S. M., van Brussel M., van der Net J. et al. Sports participation and psychosocial health in children and adolescents with a physical disability or chronic disease // BMC Sports Science, Medicine and Rehabilitation. 2018. Vol. 10. Art. 3.

11. Lindsay S. Examining ableism: The experiences of youth with disabilities // Disability & Society. 2007. Vol. 22, no. 1. P. 19–32.

12. Антропов А.П., Мамедова Е.Ю. К вопросу трудоустройства инвалидов после окончания вуза // Совершенствование общего и профессионального образования инвалидов в процессе их реабилитации: материалы междунар. науч.-практ. конф. 17 апр. 2014 г. СПб., 2014. С. 16–19.

13. Троицкая Е.М. Конструктивный потенциал коммуникативно-диалогических стратегий культурно-образовательного пространства будущих специалистов // Воспитание и образование детей и подростков в современной России: проблемы и их решения: коллективная монография. Ульяновск, 2023. С. 85–101.

14. Герасимов М.В. Психолого-педагогическая безопасность в системе профессионального обучения: вызов современности и инновационные решения // Образование и право. 2025. № 7. С. 499–504.

15. Родионова В.А. Технологии здоровьесозидания в российском дошкольном образовании: традиции и инновации в управлении ДОУ // Российское образование. Традиции, ценности и инновации. Санкт-Петербург, 2025. С. 63–75.

EMPOWERMENT OF CHILDREN WITH MUSCULOSKELETAL DISORDERS THROUGH SPORTS AND RECREATIONAL ACTIVITIES: A SCIENTIFIC ANALYSIS OF THE PROJECT “PARA-ARCHERY RELAY ‘TOGETHER TO VICTORY’”

Atabieva Z.A., Kushkhova A.F., Makoeva Z.A., Tamazov M.S., Shoranova Z.V.
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

The article presents an analysis of sports and recreational activities as a means of empowering children with musculoskeletal disorders. Empowerment is considered not as an abstract theoretical category, but as a practical process of expanding a child’s capabilities, strengthening independence, agency, and engagement in social interaction. The empirical basis of the study includes materials from the analytical report on the implementation of the project “Para-Archery Relay ‘Together to Victory’,” carried out in 2024 in Nalchik. It is shown that participation of children with musculoskeletal disorders in inclusive sports practices has a positive impact not only on physical condition, but also on communication skills, motivation, self-confidence, decision-making ability, and interaction with others. Based on the results of pre– and post-assessment, an average increase of 13% in the level of social adaptation of participants was identified. It is concluded that with systematic organization, the presence of role models, a supportive environment, and trained volunteer support, adaptive sports become an effective mechanism for social rehabilitation and personal development of the child.

Keywords: empowerment; children with disabilities; musculoskeletal disorders; adaptive sports; inclusive practices; social adaptation; physical rehabilitation; agency; volunteering; Paralympic movement.

References

1. World Health Organization. International Classification of Functioning, Disability and Health (ICF). Geneva: WHO, 2001.

2. Vygotsky, L.S. Fundamentals of Defectology. Saint Petersburg: Lan, 2003. 654 p.

3. Malofeev, N. N., Shipitsyna, L.M. Rehabilitation of children with disabilities: modern approaches. Defectology, 2020, no. 3, pp. 4–15.

4. Petrov, K.M. Adaptive physical culture as a means of socialization of children with disabilities. Special Pedagogy, 2018, no. 4, pp. 45–52.

5. Belan, A.V. Inclusive sport as a means of social adaptation of children with disabilities. Physical Culture: Upbringing, Education, Training, 2020, no. 2, pp. 33–36.

6. Rappaport, J. Terms of empowerment/exemplars of prevention: Toward a theory for community psychology. American Journal of Community Psychology, 1987, vol. 15, no. 2, pp. 121–148.

7. Zimmerman, M.A. Empowerment theory: Psychological, organizational and community levels of analysis. In: Rappaport, J., Seidman, E. (eds.). Handbook of Community Psychology. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2000, pp. 43–63.

8. Oliver, M. The Politics of Disablement. London: Macmillan, 1990. 214 p.

9. Bandura, A. Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1986. 617 p.

10. van der Riet, L. S. M., van Brussel, M., van der Net, J., et al. Sports participation and psychosocial health in children and adolescents with a physical disability or chronic disease. BMC Sports Science, Medicine and Rehabilitation, 2018, vol. 10, article 3.

11. Lindsay, S. Examining ableism: The experiences of youth with disabilities. Disability & Society, 2007, vol. 22, no. 1, pp. 19–32.

12. Antropov, A. P., Mamedova, E. Yu. On the issue of employment of persons with disabilities after university graduation. In: Improvement of General and Professional Education of Persons with Disabilities in the Process of Their Rehabilitation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (April 17, 2014). Saint Petersburg, 2014, pp. 16–19.

13. Troitskaya, E.M. Constructive potential of communicative-dialogical strategies in the cultural and educational space of future specialists. In: Education and Upbringing of Children and Adolescents in Modern Russia: Problems and Solutions: Collective Monograph. Ulyanovsk, 2023, pp. 85–101.

14. Gerasimov, M.V. Psychological and pedagogical safety in the system of vocational education: challenges of modernity and innovative solutions. Education and Law, 2025, no. 7, pp. 499–504.

15. Rodionova, V.A. Health-creating technologies in Russian preschool education: traditions and innovations in preschool management. In: Russian Education: Traditions, Values and Innovations. Saint Petersburg, 2025, pp. 63–75.

Особенности «универсального искусства» в контексте художественных практик популярной культуры

Шмелева Наталья Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и общественных наук ФГБОУ ВО «Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина»
E-mail: shmelevanv@mail.ru

Бабаева Анастасия Валентиновна,
кандидат философских наук, декан факультета гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина»
E-mail: dff1890@yandex.ru

Макарова Александра Олеговна,
старший преподаватель кафедры философии и общественных наук ФГБОУ ВО «Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина»
E-mail: schatten2014@mail.ru

В статье рассматриваются характеристики понятия «универсальное искусство» как продукта популярной культуры. Цель исследования – описать актуальные механизмы «упаковки» культурных продуктов из области визуального искусства в контексте запросов обывателя и тех «коробочных» решений, которые может предоставить культурная индустрия общества потребления. В статье рассмотрен концептуальный образ «универсальное искусство», которым можно обозначить «воссозданные» («пересобранные») произведения искусства, лишенные в пространстве популярной культуры своего привычного эстетического культурного контекста. Речь идёт не о новых произведениях поп-арта, новых «Джокондах» или репродукциях, а о созданных ранее музейных произведениях искусства, меняющих свои культуральные измерения. Наиболее показательными примерами универсального искусства можно назвать ключевые картины Винсента Ван Гога. В результате исследования установлено, во-первых, что универсальное искусство стирает грани между высоким искусством и повседневностью. Во-вторых, универсальное искусство создает контексты существованию классического произведения искусства, что открывает новые чувственные способы взаимодействия человека с прекрасным. В-третьих, произведение универсального искусства может выступать как современный вариант народных художественных промыслов. Научная новизна исследования заключается в экстраполяции особенностей риторики из области бизнес-процессов непосредственно на сферу культуры, что позволяет вскрыть логику изготовления готовых культурных продуктов и сервисов в контексте повседневности общества метамодерна.

Ключевые слова: универсальное искусство, популярная культура, культурный продукт, Винсент Ван Гог

Введение

В современных условиях доступности культуры искусство старательно подстраивается под человека и оказывается в идеальных для его восприятия контекстах (музей, улица, спортивная площадка и т.д.). Популярная культура позволяет реципиенту «потреблять» искусство, если можно так выразиться, в удобных местах: восприятие произведений живописи сегодня вовсе не предполагает обязательного посещения картинной галереи, а получение эстетического наслаждения от музыки Баха – концертного зала филармонии. Великие произведения искусства становятся «карманными», ручными, трансгрессируя в постер или рингтон. Популярная культура выработала свою эстетику прекрасного, согласно которой, по мнению Р. Шустермана, «популярное искусство не только может соответствовать важнейшим стандартам традиционной эстетики, но способно обогатить и даже наполнить новым смыслом понятие эстетического, освободив его от ассоциаций с классовыми привилегиями, социально-политической пассивностью и аскетическим неприятием жизни» [15, с. 228].

В результате «массовизации культуры» [6, с. 212] на современном этапе ее развития Е.В. Сальникова и К.Б. Соколов предлагают использовать понятие «массовое в искусстве» («элитарное в искусстве») [10] вместо понятия «массовое искусство», что свидетельствует о невозможности свести широкое понятие, охватывающее «плоды» распространившегося искусства, к терминологической точности. В свете сказанного, **актуальность исследования** обуславливается, во-первых, необходимостью проведения ревизии понятийного аппарата, описывающего состояние современной культуры повседневности, во-вторых, попыткой описания механизмов «упаковки» элитарных элементов в культурный продукт.

Для популярной культуры искусство (прежде всего визуальное) имеет, с одной стороны, эстетически сниженные характеристики, но, с другой, это искусство «проводит больше времени» с человеком, что становится поводом для его сращивания с повседневностью. Сама проблема и общая логика означенных процессов была описана еще в прошлом столетии. Непосредственный вклад в разработку темы внесли Э. Гуссерль [3], А. Шюц [16], Б. Вальденфельс [5], А. Лефевр [8] и М. де Серто [9], В Беньямин [1], Ги Дебор [4], Ж. Бодрийяр [2]. Означенные авторы, каждый со своей позиции, – рассматривают и определяют, каким образом протекает социальное взаимодействие, транслируются смыслы, осуществляется дискурс власти, трансформируется восприятие искусства, религии и пр. в повседневных практиках. **Теоретико-методологический инструментарий** работы составили следующие методы: анализ понятий представленной темы, позволяющий выявить их синтетическое понимание феномена «универсального искусства»; аналогия; сравнение; обобщение, а также эмпирический метод: рассмотрение описываемых процессов на примере «присвоения» творчества Винсента Ван Гога.

Из-за терминологической неопределенности в разделении понятий «массовая» и «популярная» культура открытым остаётся вопрос о статусе феномена визуального искусства, которое нельзя свести к масскульту и поп-арту – искусства, имеющему не столько новаторские черты, которыми принято отличать современное искусство от всем известного искусства прошлого, которое в современных реалиях приобретает новые коннотации, что напрямую связано с развитием индустриального общества, научно-технического прогресса, доступностью, потерей произведением искусства связи со своей культурной эпохой и его способностью отвечать на запросы современности.

В данном тексте для очерчивания означенных тенденций авторы сосредоточились на конкретном примере – присвоении в повседневных практиках художественных образов из творческого наследия Ван Гога. В задачи исследования, кроме того, входит определение актуальных механизмов демократизации культурного и эстетического наследия, а также попытка оценить действенность данных инструментов не с позиции их коммерческой эффективности, а в отношении исполнения собственно эстетической миссии искусства.

Практическая значимость данного исследования заключается в описании модификации визуальных образов высокого искусства в практики повседневности, обслуживаемые ранее сюжетами из области декоративно-прикладного творчества. Результаты исследования способны расширить продуктовый ряд сувенирной продукции совре-

менного музея. Кроме того, выступить основанием оценки необходимость присутствия произведений высокого искусства в быту.

Результаты и обсуждения

Сегодня у реципиента есть возможность выбора не только произведения искусства, но и того места, где это произведение он готов воспринимать. Такая гибкость восприятия искусства связана с этикой культуры общества потребления, которая позволила превращать искусство в товар. Благодаря возрастанию эмоционального и чувственного восприятия прекрасного в культуре XIX–XX веков искусство потеряло свою общественную, гражданскую, вневременную значимость, стало более интимным и индивидуальным отражением внутреннего мира человека.

Не каждое искусство сегодня человек способен воспринимать публично, так как есть «неудобное» искусство, тягу к которому человек скрывает. В качестве эстетического примера перехода искусства от открытого общественного к интимному можно назвать «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда, в котором портрет был скрыт от общества, а для восприятия был доступен только главному герою.

Большой вклад в расширении восприятия искусства внес кинематограф, так как возможность выбора контекста для просмотра фильма наделяла кино новыми характеристиками. Для современного человека кинофильм существует в нескольких пространствах: публичном в кинотеатре, публичном в семейном, дружеском кругу или личном использовании (компьютер, планшет, телефон). В каждом из этих пространств кинофильм по-разному влияет на зрителя, открывая ему (в зависимости от контекста восприятия) свои публичные или интимные стороны.

Наряду с кинематографом, который завоевал различные контексты восприятия от самых открытых до самых интимных, музейные практики, где произведение искусства потеряло свою ведущую роль основного объекта восприятия, также демонстрируют процесс стирания границ между человеком и искусством, между зрителем и картиной. Зайдя в музей, посетитель может оказаться персонажем картины, так как современный интерактив, инсталляции, перформансы, иммерсивные практики и пространства медиа дают возможность зрителю прочувствовать произведение на себе, а не быть просто пассивным зрителем.

Не только игра в искусство с музейным экспонатом даёт возможность зрителю по-новому увидеть искусство, но и большой вклад в расширение представлений об искусстве внесла музейная лавка, которая также перевела произведение искусства совсем в иную плоскость бытия – повседневность.

Оказавшись в музейной лавке, посетитель может купить репродукцию понравившейся картины. Данная практика стала важным шагом перемещения произведения искусства из музея в личное пространство посетителя, так как для репродукции зритель выбирает свой контекст. Репродукция «Джоконды» может украшать стены гостиной, спальни, кухни и даже, грубо будет сказано, туалета. И во всех этих контекстах «Джоконда» будет приобретать иные коннотации по сравнению с теми, которые рождает ее классический образ в Лувре, так как в повседневности именно она оказывается молчаливым наблюдателем, заменившим на стенах семейные фото родственников-героев времен Второй мировой войны, недостатки поклейки обоев или иные несовершенства декора.

Музейная лавка предлагает не только репродукцию, но и трансформирует картину, когда узнаваемый принт окольцовывает кружку или ручку, трансформируется в зонт, превращается в платок. Таким образом, произведение искусства теряет свой стандартный внешний вид, принимая форму цилиндра или шара, тем самым меняется и его пространственное восприятие. Произведение искусства становится культурным продуктом со своим функциональным, статусным и эстетическим набором, существуя как отдельный предмет, но поддерживая визуальную, а порой и смысловую связь со своим оригиналом.

Интерес посетителя музея к подобному культурному продукту (сувениру) связан с особенностями восприятия прекрасного представителем современной толпы. По мнению Е.Н. Шапинской, «у массовой аудитории присутствует интерес к сюжету произведений, к миметической репрезентации, в результате чего они называют красивыми репрезентацию красивых вещей, особенно тех, которые непосредственно обращены к ощущениям, к чувственному опыту» [13, с. 7]. И если, в музее посетителя привлек какой-либо экспонат, то высока вероятность, что он захочет что-то купить с этим образом в качестве сувенире.

Естественно, что не все произведения искусства способны выходить за пределы музея с блокнотом, ручкой или кружкой, но те, которым это удается, становятся достоянием популярной культуры, как это случилось с картинами «Звёздная ночь», «Цветущие ветки миндаля», «Ирисы» и «Подсолнухи» Винсента Ван Гога. Картины Ван Гога могут существовать как в классическом понимании искусства, так и в различных плоскостях быта современного человека (одежда, аксессуары, домашний декор). Л.М. Шамшина и В.В. Самсонова отмечают, что Ван Гог вошел в бытовую культуру через призму высокой моды, начиная с 1988 года, когда Ив Сен-Лоран представил свою коллекцию жакетов с вышитыми подсолнухами и ирисами. Впоследствии картины Ван Гога неоднократно становились поводом для появления новых коллекций в сфере высокой моды [12, с. 13] и не могли не привлекать внимание широкого круга обывателей.

Интерес к творчеству Ван Гога и стремление ввести его в повседневный культурный контекст отражаются в многочисленных выставках о жизни и творчестве художника. Например, иммерсивная выставка «Знакомьтесь, Ван Гог», организованная музеем Ван Гога в Барселоне, Сеуле и Лондоне в 2019–2020 годах, или мультимедийные выставки «Письма к Тео» и «Ван Гог. Ожившие полотна», реализованные в России в 2023–2024 годах, призваны погрузить зрителя в жизнь и работы художника. Несомненно, такие мероприятия являются поводами для новой волны актуализации его творчества в популярной культуре.

Не каждое произведение искусства способно «жить» в новой для себя культурной нише. Сегодня сложно представить появление православной иконы на кружке или футболке, но вот творчество Ван Гога существует совершенно в разных плоскостях бытовой культуры современного человека, затрагивая даже сферу нижнего белья. Практика презентации картин Ван Гога в разных сферах коммерческого искусства демонстрирует, что творчество художника оказывается уместно на любых уровнях организации повседневного культурного пространства.

В статье «Ван Гог и феномен размножения образов в современной культуре» О.В. Строева, анализируя способы бытия произведения искусства, приходит к выводу, что «модель производства современной культуры представляет собой бриколаж, то есть эксперимент или интеллектуальную деконструкцию, с симуляцией трансгрессии» [11, с. 161], примером чего и становится универсальность обновленного воссозданного искусства Ван Гога.

Вслед за Е.Н. Шапинской [14], назвавшей популярную культуру универсальной категорией, произведения искусства популярной культуры можно назвать универсальными в том плане, что они, выйдя из музея, стали частью обыденной жизни человека. Универсальное искусство – это не какое-то новое искусство, созданное новой интеллектуальной элитой, а это общедоступное визуальное искусство, меняющее привычный культурный антураж на бытовые условия существования. Универсальное искусство соответствует главной черте популярной культуры, как ее определяет А.В. Костина – высокой степени распространения. И если мир поп-арта – это мир знаков и символов, то мир универсального искусства – грамотно смоделированный контекст. [7, с. 46–47].

В этой связи, возвратимся к мультимедийным выставкам Ван Гога, когда образы, созданные художником, отрываются от своих традиционных носителей и становятся основанием новых гибридных культурных продуктов. Оживший, трансгрессирующий визуальный ряд, обрамленный вычурными музыкальными дорожками, – явление, породившее, используя риторику современных чиновников, «коробочное решение» в отношении искусства, которое и позволило начать широко распространять художественные образы за пределы музейных пространств. Индустрия культурного производства «упаковала» Ван Гога – впрочем, не его одного – сделала его тиражируемым. Но разве можно присвоить, освоить, потребить произведение искусства, вынести его по частям из галереи? Неслучайно музей и трактуется как место своеобразной консервации «трансцендентных» образов и смыслов – место, препятствующее «опрофаниванию» и коммерциализации искусства [2].

Как только образ становится достоянием повседневности, мы начинаем говорить о ценности универсального искусства, которая определяется практической значимостью самой вещи, на которой изображен узнаваемый принт, и ценностными ориентирами реципиента. Многие могут себе позволить (в этическом плане) купить тетрадь с изображением картины классика, но не каждый купит носки с портретами Ван Гога или какого-либо другого деятеля искусства, хотя подобные товары в широком ассортименте доступны для покупки в интернет-магазинах.

Облагораживая свое бытовое пространство узнаваемыми образами искусства, современный обыватель наделяет свою повседневность культурным смыслом, в чем прослеживается стремление разомкнуть «профанное» и открыть его «трансцендентному». Изначально наиболее интересными в повседневности бытийствовали те предметы домашнего обихода, которые на протяжении длительного времени соотносились с народными художественными промыслами. Если ранее народные промыслы обслуживали сферу бытовой культуры, то сейчас до быта снизошло высокое искусство, которое в визуальном плане стало заменять собой образы народной культуры. Например, наряду с гжельской росписью посуды можно увидеть посуду, расписанную

«стилем Ван Гога». Конкуренцию матрешке классической также могут составить росписи матрешки, стилизованные под узнаваемые картины Ван Гога. В плане домашнего текстиля также «предложение от Ван Гога» оказывается более популярным, нежели традиционные хохломские узоры. Таким образом, можно говорить о том, что универсальный стиль Ван Гога начинает вытеснять традиционную народную художественную культуру, воплощая народный стиль популярной культуры.

Выводы

Сегодня уже трудно сказать, как много времени человек может обходиться без искусства. Проникая во все сферы быта, оно заполняет собой все культурные «пустоты», превратившись в норму повседневности. Если учитывать современное состояние культуры, то расширение значения так называемого универсального искусства не только изменило локус общей направленности традиционной культуры, но и сумело сместить традицию на периферию, создав новую контекстосферу для музейного экспоната. Как, собственно, изменение понятия «культура» в сторону расширения ее границ свидетельствовало о важности включения человека любого культурного уровня в культурный процесс, так и появление феномена универсального искусства дает человеку возможность выбирать наиболее удобные в физическом и эмоциональном плане контексты для усвоения искусства и приобщения к прекрасному.

Исходя из особенностей функционирования картин Ван Гога в пространстве повседневной культуры можно отметить основные характеристики «универсального искусства». Во-первых, оно выходит далеко за рамки музейного пространства и, сжимаясь, сгибаясь, трансформируясь, приобретает новые формы и смыслы своего существования. Во-вторых, интеграция универсального искусства в повседневную рутину становится основой для конкуренции музейного стиля в оформлении предметов народных промыслов с классическим народным рисунком. В-третьих, возможность купить произведение искусства (даже в символическом смысле) в удобном контекстуальном образе для своих личных целей сделала человека зависимым от искусства как никогда ранее. И хотя у продукта универсального искусства существенно снижены эстетические характеристики, его эмоциональная ценность для повседневной культуры человека выше его эстетического опыта. В-четвертых, бытовой культурный контекст делает предмет искусства более индивидуальным, интимным и закрытым, позволяя реципиенту наполнять свой быт образами высокого искусства. В-пятых, распространение универсального искусства открыло важность иммерсионных культурных практик, когда произведение искусства в большей мере познается через взаимодействие с ним, а не отстранённое созерцание.

Обозначенные характеристики универсального искусства раскрывают новые возможности функционирования музейного произведения искусства в повседневности обывателя, становясь призмой отражения его сознания и эмоциональной привязки к прекрасному. Те контексты, в которые современный человек готов включить классическое произведение искусства, выявляют тенденции art-среды в сфере нового эмоционального опыта восприятия повседневности.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в необходимости анализа специфики современного культурного потребления, что в свою очередь даст возможность очертить основополагающие тенденции в развитии художественного вкуса общества в целом и экзистенциально-психологических форм восприятия на уровне отдельной личности.

Литература

1. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум. 1996.
2. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс». 2019.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск; Харвест; Москва: АСТ. 2000.
4. Дебор Г. – Э. Теория дрейфа // Ситуационистская международная антология. Беркли. 1981.
5. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. // Социо-Логос. М.: Прогресс. 1991.
6. Кондаков И.В. Индивидуальная и массовая культура в истории России // Вестник культурологии. 2019. № 2 (89).
7. Костина А.В. Популярная культура и массовая культура: к проблеме определения // Художественное образование и наука. 2021. № 2 (27).
8. Лефевр А. Повседневное и повседневность // Социологическое обозрение. 2007. № 3 (6). URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/23/1211188189
9. Серто де М. Изобретение повседневности: Книга 1 – Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2013.
10. Сальникова Е.В., Соколов К.Б. Массовое искусство – это… искусство. К вопросу о терминах и подходах // Художественная культура. 2019. № 4 (31).
11. Строева О.В. Ван Гог и феномен размножения образов в современной культуре // Наука телевидения. 2014. Т. 11.
12. Шамшина Л.М., Самсонова В.В. Картины Винсента Ван Гога как источник вдохновения для дизайнеров одежды // Бизнес и дизайн ревю. 2021. № 1 (21).
13. Шапинская Е.Н. Художественный вкус и культурный капитал: взгляды и идеи Пьера Бурдье // Культура культуры. 2017. № 3 (15). URL: http://cult-cult.ru/artistic-taste-and-cultural-capital-views-and-ideas-of-pierre-bourdieu/
14. Шапинская Е.Н. Очерки популярной культуры. М.: Академический Проект, 2008.
15. Шустерман Р. Форма и «Фанк»: эстетический вызов популярного искусства // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11. № 1 (46–47).
16. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2003.

«UNIVERSAL ART»: TO THE ISSUE OF POPULARITY OF VAN GOGH IN THE MODERN CULTURE

Babaeva A.V., Marinina Y.A., Makarova A.O.
Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University)

The article examines the characteristics of the term “universal art” as a product of mass culture. The purpose of the study is to describe the modern mechanisms of “packaging” cultural products from the field of fine arts in the context of layman’s requests and “boxed solutions” provided by the cultural industry of consumer society. The article examines the conceptual image of “universal art”, which can be used to designate “recreated” (“recreated”) works of art devoid of the usual aesthetic cultural context in the space of mass culture. We are not talking about new works of pop art, new “gioconda” or reproductions, but about previously created museum works of art that change their cultural dimensions. Vincent Van Gogh’s most important paintings are the most striking examples of universal art. As a result of the research, firstly, it was found that universal art blurs the boundaries between high art and everyday life. Secondly, universal art creates contexts for the existence of a classical work of art, which opens up new sensual possibilities for human interaction with the beautiful. Thirdly, a work of universal art can act as a modern version of folk art crafts. The scientific novelty of the research lies in the extrapolation of the features of rhetoric from business processes directly into the sphere of culture, which allows us to identify the logic of the production of ready-made cultural products and services in the context of everyday life of society.

Keywords: environmental awareness, education, international students, urban ecology, responsible behavior

References

1. Benjamin V. A work of art in the era of its technical reproducibility. Selected essays. Moscow: Medium. 1996.
2. Baudrillard J. A perfect crime. Conspiracy of Art. Moscow: RIPOL Classic Group of Companies / Pangloss. 2019.
3. Husserl E. Logical research. Cartesian reflections. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. The crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a rigorous science. Minsk; Harvest; Moscow: AST. 2000.
4. Debor G. – E. Theory of drift // Situationist International anthology. Berkeley. 1981.
5. Waldenfels B. Everyday life is like a melting pot of rationality. // Socio-Logos, Moscow: Progress, 1991.
6. Kondakov I.V. Individual and mass culture in the history of Russia // Bulletin of Cultural Studies. 2019. № 2 (89).
7. Kostina A.V. Popular culture and mass culture: towards the problem of definition // Art education and Science. 2021. № 2 (27).
8. Lefebvre A. Everyday and everyday life // Sociological review. 2007. № 3 (6). URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/23/1211188189
9. Certeau de M. The Invention of everyday life: Book 1 – The Art of Making. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 2013.
10. Salnikova E.V., Sokolov K.B. Mass art is… art. On the question of terms and approaches // Art culture. 2019. № 4 (31).
11. Stroeva O.V. Van Gogh and the phenomenon of image reproduction in modern culture // Science of Television. 2014. Vol. 11.
12. Shamshina L.M., Samsonova V.V. Paintings by Vincent Van Gogh as a source of inspiration for fashion designers // Business and Design Review. 2021. № 1 (21).
13. Shapinskaya E.N. Artistic taste and cultural capital: the views and ideas of Pierre Bourdieu // Culture of culture. 2017. № 3 (15). URL: http://cult-cult.ru/artistic-taste-and-cultural-capital-views-and-ideas-of-pierre-bourdieu/
14. Shapinskaya E.N. Essays on popular culture. Moscow: Academic Project, 2008.
15. Shusterman R. Form and “Funk”: the aesthetic challenge of popular art // Personality. Culture. Society. 2009. Vol. 11. № 1 (46–47).
16. A. Schutz. The semantic structure of the everyday world: Essays on Phenomenological Sociology. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation. 2003.

Диагностика готовности студентов технических вузов к самостоятельной работе в сфере изучения английского языка для специальных целей

Басанина Юлия Андреевна,
преподаватель кафедры иностранных языков
и профессиональной коммуникации, НИУ Московский
государственный строительный университет
E-mail: jullietta-m@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы диагностики готовности студентов технических специальностей к самостоятельному изучению английского языка для профессиональных целей. Были проведены первичные и вторичные тестирования в виде опросов на уровень мотивации к изучению английского языка для специальных целей, проанализированы и представлены иллюстративно результаты. Было установлено, что внедрение электронного авторского курса как средства активизации самостоятельной работы студентов положительно повлияло на мотивационную составляющую студентов в организации самостоятельной работы, сформировав у них навыки самоорганизации учебной деятельности, а также повлияло на уровень владения обучающихся английским языком для специальных целей.

Ключевые слова: самостоятельная работа студентов, английский язык для специальных целей, учебная мотивация, профессиональная языковая подготовка, электронный курс, диагностика

Введение

Актуальность исследования определяется дисбалансом между сокращением контактных часов, отводимых на иноязычную подготовку, и ростом требований к уровню профессиональной коммуникации на иностранном языке.

В сфере высшего образования самостоятельная работа студента является логическим продолжением развития умения (что началось еще во время обучения в школе) обучающегося самостоятельно выстраивать образовательный процесс во внеаудиторное время. Важно выстроить учебную деятельность студентов таким образом, чтобы обучающийся воспринимал ее, в том числе, как личную программу для самостоятельного овладения дисциплиной. Самостоятельная работа должна представлять собой целенаправленную, внутреннемотивированную деятельность, которая характеризуется способностью обучающегося самостоятельно выстраивать ее (самостоятельной работы) структуру. Для ее успешной реализации необходим высокоразвитый уровень самосознания, рефлексии, самодисциплины и личной ответственности. Отечественные и зарубежные ученые [Быстрова 2020, Губарева 2009, Евдокимова 2022, Жуков 2004, Зимняя 2000, Медведев 2013] придерживаются мнения, что одним из ключевых условий подготовки будущего специалиста как в общепрофессиональной подготовке, так и иноязычной является способность студентов к самоорганизации в обучении с целью непрерывного профессионального развития на протяжении всей жизни.

Однако в существующей образовательной практике появилось противоречие: при признанной значимости самостоятельного освоения английского языка соответствующие умения у большинства студентов остаются недостаточно сформированными. Негативным фактором является изначально пониженный уровень мотивации студентов технических вузов к изучению английского языка для специальных целей в условиях самостоятельной подготовки, т.е. обучающиеся предпочитают ограничивать изучение английского языка для специальных целей за пределами аудиторных часов. Дополнительно стоит отметить, что студенты технических направлений наиболее подвержены падению уровня мотивации к изучению английского языка для специальных целей в силу определенных причин: специфика технических и инженерных направлений обучения задает особые требования к иноязычной подготовке будущих специалистов. Обучающиеся должны не только освоить объемный массив профессиональной терминологии, сформировать навыки работы с узконаправленными, специализированными текстами, но и уметь осуществлять коммуникацию в иноязычном профессиональном поле. Все вышеперечисленные требования могут потенциально вызвать у студентов психологические барьеры, неуверенность и затруднения во время образовательного процесса.

Зимняя И.А. определяет самостоятельную работу как «организуемая самим учащимся в силу его внутренних познавательных мотивов, в наиболее удобное, рациональное с его точки зрения время, контролируемая им самим в процессе и по результату деятельность на основе внеаудиторного опосредованного системного управления ею со стороны учителя (обучающей программы, дисплейной техники)» [Зимняя: 2009]. С методологической точки зрения, самостоятельную работу правомерно рассматривать как высшую форму учебной деятельности студента, специфический вид его академической активности, тесно связанный с самообразованием и основанный на всех указанных характеристиках. С психологической же точки зрения, для самого студента самостоятельная работа должна быть осознана как добровольная, внутренне мотивированная деятельность. Она требует выполнения комплекса взаимосвязанных действий: осознания цели своей деятельности, принятия учебно-профессиональной задачи, придания ей личностного смысла, подчинения решению этой задачи других интересов, эффективной самоорганизации в распределении учебных действий во времени и осуществления самоконтроля за их выполнением.

Цель данного исследования определяется как диагностика уровня мотивации к изучению английского языка для специальных целей у студентов технических вузов посредством первичного и вторичного тестирования при внедрении электронного авторского курса в образовательный процесс. В рамках исследования были определены и решены следующие **задачи**:

1. был определен уровень мотивационной вовлеченности обучающихся;

2. проведено внедрение электронного авторского курса как средства активизации самостоятельной работы студентов;

3. было проведено выходное тестирование, показавшее эффективность электронного авторского курса.

Методы исследования

1. На теоретическо-методологическом уровне: положения концепции непрерывного профессионального образования, анализ и синтез научной литературы.

2. На эмпирическом уровне: педагогический эксперимент, входное и выходное тестирование, анкетирование и сопоставительный анализ полученных данных, методы обработки данных.

Теоретическая значимость исследования заключается в теоретическом обосновании возможности использования электронного авторского курса как средства активизации самостоятельной работы студентов, уточнение диагностического инструментария для оценки готовности студентов технических направлений к самостоятельной работе.

Практическая значимость определяется экспериментальным обоснованием эффективности интегративного использования электронного авторского курса, включающего в себя цифровые учебные средства и диалоговые тренажёры как инструмент формирования готовности студентов к самостоятельной работе в сфере английского языка для специальных целей.

В условиях сокращения аудиторной нагрузки по иностранному языку и одновременного повышения требований к профессиональной иноязычной коммуникации вопрос самостоятельной работы студентов технических направлений приобретает практическую остроту. В настоящее время вопрос активизации и организации, а также успешной реализации самостоятельной работы студентов технических направлений в сфере изучения английского языка для специальных целей приобретает значимость в силу сокращения аудиторной нагрузки по английскому языку и запроса на непрекращающийся рост будущих специалистов в сфере профессиональной иноязычной коммуникации. Электронный авторский курс был внедрен в процесс обучения по причине мобильности и удобства как для студентов, так и для преподавателя. Стоит также обозначить, что электронный авторский курс был выбран в силу массовой распространенности ИКТ, главной задачей которых является «усовершенствование и упрощение процесса создания, обработки и обмена данными и информацией между людьми» [Басанин: 2024].

Организация и ход работы эксперимента. В качестве доказательства эффективности разработанной методики активизации самостоятельной работы студентов в области изучения английского языка для специальных целей, осуществленной посредством электронного авторского курса, была проведена экспериментальная часть. Она состояла из трех этапов: первичный опрос, апробация электронного авторского курса, вторичный опрос с анализом результатов. Целью эксперимента было установить, как специально выстроенная система активизации самостоятельной работы студентов посредством электронного авторского курса, воздействует на:

1. мотивационную составляющую;

2. уровень иноязычной подготовки;

3.уровень сформированности умений самоорганизации учебного процесса.

В данной статье мы представим результаты именно мотивационной составляющей. Одна из гипотез данного исследования заключалась в предположении, что систематическое включение студентов в самостоятельную работу при внедрении электронного авторского курса (который содержал интерактивные диалоговые тренажёры и упражнения на воспроизведение профессиональных коммуникативных ситуаций), повысит уровень внутренней мотивации к освоению английского языка, иноязычной профессиональной компетентности, сформирует устойчивые стратегии организации самостоятельной работы. На базе технического неязыкового вуза была сформирована эмпирическая основа для исследования: количество студентов, которые приняли участие в эксперименте, составило 127 человек по направлениям «Строительство» и «Техносферная безопасность».

Диагностика учебной мотивации студентов к изучению АЯ для специальной цели была реализована в виде анкеты-опроса, разделенной на два блока: уровень общей мотивации к обучению и уровень мотивации к изучению АЯ для специальных целей. В анкете-опросе первый блок был реализован по методике А.А. Реан и В.А. Якунина в модификации Н.Ц. Бадмаевой (2004), а второй – по анкете О.А. Минеевой и М.С. Ляшенко, разработанная на основе опросника «Attitude / Motivation Test Battery» Р. Гарднера (Gardner, 2004). Используемые материалы двух анкет были адаптированы с учетом нашего исследования.

Каждому студенту предлагалось выразить согласие или несогласие с предлагаемыми утверждениями по шести-балльной шкале – от полного несогласия, до полного согласия. Анкета включала в себя **50** вопросов, и результаты входного и выходного тестирования в соотношении процентов мы представим ниже на примере вопроса 15. Результаты по вопросу № 15 показали, что значительный процент студентов (28 и 30%) считает, что владение английским языком является значимым фактором в профессиональном становлении и карьерном росте (Рис. 1).

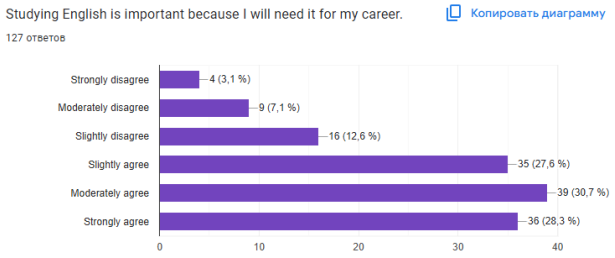


Рис. 1. Ответы на вопрос 15

Подводя общий результат по анализу мотивационной составляющей студентов в сфере изучения английского языка для специальных целей, стоит отметить неустойчивость внутренней мотивации студентов, существующий интерес к изучению английского языка для специальных целей как дисциплины, но не за счет увеличения дополнительных аудиторных часов, т.е. студенты выразили заинтересованность в инструменте, который позволил бы во внеаудиторном формате самостоятельно изучать данную дисциплину не в ущерб общей академической нагрузке. Диагностика общей учебной мотивации показала, что у студентов существует потенциальная готовность к профессиональному и личностному развитию, при условии, что будет создана соответствующая образовательная среда.

После первичного тестирования началась вторая и основная фаза эксперимента, состоявшая во внедрении электронного авторского курса как средства активизации самостоятельной работы у студентов в экспериментальную группу, в то время как контрольная группа обучалась исключительно по рабочей программе дисциплины «Английский язык». В структуру курса были включены блоки на усвоение профессиональной лексики, грамматических моделей, типичных для технических текстов, совершенствование навыков письменного перевода, а также практика иноязычного взаимодействия в профессиональных коммуникативных ситуациях посредством ознакомления и отработки взаимодействия внутри тренажера с помощью определенной модели речевого воздействия. Дополнительно программа курса включала в себя не менее важные блоки по планированию, тайм-менеджменту, рефлексивному самоконтролю. Последовательность прохождения блоков, как и в целом самого курса выстраивалась исключительно самим студентом, который мог самостоятельно выстроить личную образовательную траекторию в рамках собственного удобства. Также была предусмотрена обратная связь.

Завершающим этапом экспериментальной части нашего исследования стало повторное тестирование с целью оценки изменений в мотивации у обучающихся. Как отмечалось ранее, пример роста процента готовности мотивационной составляющей мы кратко показали на одном из примеров вопроса, а именно вопроса 15 (рисунок 2).

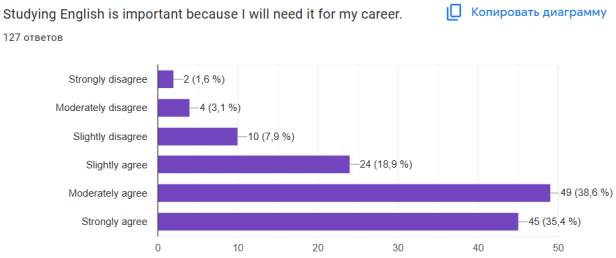


Рис. 2 Ответы на вопрос 15 во время повторного тестирования

В качестве вывода мы можем констатировать следующее: позитивное отношение к английскому языку в качестве обязательного для развития карьеры заметно выросло. Во втором опросе доля согласных (slightly agree, moderately agree, strongly agree) увеличилась с 87% до 93%, а доля несогласных (от strongly disagree до slightly disagree) сократилась почти вдвое – с 22,8% до 13,4%. Особенно заметны сдвиги:

1) Ответ «strongly agree» с приростом в 7,1%, с 28,3% до 35,4;

2) Ответ «moderately agree» показал значительный рост в 7,9%, с 30,7% до 38,6%.

3) Ответ «slightly agree» снизился с 27,6% до 18,9%. Есть основания полагать, что те студенты, что изначально отвечали данный пункт, при вторичном тестировании ответили позициями выше, а те, что изначально был крайне не согласен или просто не согласен, стали сомневаться в том, что английский язык не пригодится им в будущей карьере.

4) Ответ «slightly disagree» сократился с 12,6% до 7,9%.

5) Ответы «moderately|strongly disagree» сократились почти вдвое.

Анализируя все 50 ответов опроса и динамику между первичным и вторичным исследованием, стоит отметить следующее:

1) Доля студентов, что изначально отвечали более оптимистично, показывали высокий уровень мотивации, увеличилась на 6–7%, или же оставались на прежнем уровне согласия с утверждениями.

2) Доля студентов, что изначально отвечали менее оптимистично, слабо показывая мотивацию к изучению английского языка для специальных целей, сократилась в среднем на 45% процентов, перейдя в группу «согласных».

Выводы

Таким образом, полученные результаты подтвердили одну из гипотез нашего исследования: внедрение электронного авторского курса оказало комплексное воздействие на уровень успеваемости и общей мотивации группы, в которой данный курс был включен для самостоятельного прохождения. Средство активизации самостоятельной работы студентов способствовало более быстрому и эффективному росту уровня языковой подготовки, формированию внутренней мотивации, ориентированной на профессиональное саморазвитие, что подтвердилось первичным и вторичным тестированием.

Литература

1. Басанин, К.О. Использование ИКТ в рамках обучения иностранному языку в вузе / К.О. Басанин // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15–17 октября 2024 года. – Донецк: Донецкий государственный университет», 2024. – С. 27–30. – EDN IEYUKK.

2. Быстрова, Н.В. Самостоятельная работа как средство развития интереса к обучению у студентов вуза / Н.В. Быстрова, С.Н. Казначеева, О.В. Юдакова. – Текст: непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 66–3. – С. 40–43.

3. Губарева, А.Е. Современные формы организации самостоятельной работы и контроля знаний студентов вузов / А.Е. Губарева. – Текст: непосредственный // Высшее образование сегодня. – 2009. – № 10. – С. 59–62.

4. Евдокимова, М.Г. Организация самостоятельной работы студентов: инновационный потенциал традиций / М.Г. Евдокимова. – Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2022. – № 2(843). – С. 68–73.

5. Жуков, А.Е. Организация самостоятельной работы студентов в высшей школе: дидакт. средства технологии программы: монография / А. Е Жуков, А.В. Симоненко. – М.: Юнити–Дана, 2004. – 219 с. – Текст: непосредственный.

6. Зимняя И.А. Педагогическая психология: Учебник для вузов. – Издание второе, дополненное, исправленное и переработанное. – М.: Издательская корпорация «Логос», 2009. – 384 с. – URL: https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=9945.

7. Медведев И.Ф. Стратегия управления самообразованием в высшей школе / И.Ф. Медведев. – Текст: электронный // Вестник ЮУрГГПУ. – 2013. – № 10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya–upravleniya–samoobrazovaniem–v–vysshey–shkole. – Дата публикации: 2013.

8. Мотивация учебной деятельности (А.А. Реан, В.А. Якунин, в модификации Н.Ц. Бадмаевой) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sites.google.com/site/test300m/motivacia-ucebnoj-deatelnosti – Дата обращения: 05.04.2026.

ASSESSING THE ABILITY OF TECHNICAL UNIVERSITY STUDENTS TO ENGAGE IN SELF-STUDY OF ENGLISH FOR SPECIFIC PURPOSES

Basanina Yu.A.
Moscow State University of Civil Engineering

This article examines the issue of assessing the ability of students in technical fields to self-study English for professional purposes. Initial and follow-up tests were conducted to assess motivation to study English for specific purposes; the results were analyzed and presented in tabular form. The results showed that the implementation of an author-developed e-course as a means of stimulating students' independent work had a positive impact on students' motivation to organize their independent work, helping them develop skills in self-organizing their learning activities, as well as on their proficiency in English for specific purposes.

Keywords: student self work, English for Specific Purposes, learning motivation, professional language training, e-course, assessment.

References

1. Basanin, K.O. Using ICT in Teaching a Foreign Language at a University / K.O. Basanin // Donetsk Readings 2024: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Our Time: Proceedings of the IX International Scientific Conference, Donetsk, October 15–17, 2024. – Donetsk: Donetsk State University, 2024. – Pp. 27–30. – EDN IEYUKK.

2. Bystrova, N.V. Independent Work as a Means of Developing Interest in Learning among University Students / N.V. Bystrova, S.N. Kaznacheeva, O.V. Yudakova. – Text: Direct // Problems of Modern Pedagogical Education. – 2020. – No. 66–3. – Pp. 40–43.

3. Gubareva, A.E. Modern forms of organizing independent work and monitoring of university students' knowledge / A.E. Gubareva. – Text: direct // Higher education today. – 2009. – No. 10. – Pp. 59–62.

4. Evdokimova, M.G. Organization of students' independent work: the innovative potential of traditions / M.G. Evdokimova. – Text: direct // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences. – 2022. – No. 2(843). – Pp. 68–73.

5. Zhukov, A.E. Organization of students' independent work in higher education: didactic means of program technology: monograph / A.E. Zhukov, A.V. Simonenko. – M.: Unity-Dana, 2004. – 219 p. – Text: direct.

6. Zimnyaya I.A. Pedagogical Psychology: Textbook for Universities. – Second edition, supplemented, corrected and revised. – Moscow: Logos Publishing Corporation, 2009. – 384 p. – URL: https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=9945.

7. Medvedev I.F. Strategy for Managing Self-Education in Higher Education / I.F. Medvedev. – Text: electronic // Bulletin of SUHPU. – 2013. – No. 10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya–upravleniya–samoobrazovaniem–v–vysshey–shkole. – Publication date: 2013.

8. Motivation of educational activity (A.A. Rean, V.A. Yakunin, as modified by N. Ts. Badmaeva) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.sites.google.com/site/test300m/motivacia-ucebnoj-deatelnosti – Date of access: 05.04.2026.

Проблема предпонимания: к вопросу о герменевтическом анализе кинофильма

Романова Виктория Алексеевна,
магистрант, кафедра теории и истории культуры, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Берест Валерия Адлеровна,
старший преподаватель, кандидат искусствоведения, кафедра теории и истории культуры, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
E-mail: cascabelada@gmail.com

В статье рассматривается проблематика герменевтического анализа фильма на примере картины «Оверлорд» (реж. Дж. Эйвери, 2018) и его философского потенциала через семантический анализ понятия «зомби». Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического переосмысления механизмов зрительского восприятия в условиях доминирования массовой культуры, где кинообраз зачастую редуцируется до набора жанровых клише. Метод киногерменевтики позволяет преодолеть поверхностное восприятие кинотекста и выявить его глубинные смысловые пласты, демонстрируя, как деконструкция культурного клише раскрывает в жанровом фильме философский и культурно-политический дискурс.

Ключевые слова: герменевтика, киногерменевтика, кинотекст, предпонимание, консеквенциализм, деонтология, редуктивный физикализм.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью теоретического переосмысления механизмов зрительского восприятия в условиях доминирования массовой культуры, где кинообраз зачастую редуцируется до набора жанровых клише. Киногерменевтика существует в ряду других подходов, применяемых к анализу кинотекста (семиотика кино, теория нарратива, авторская теория), однако, как отмечает Д.А. Салынский, обладает спецификой: «Киногерменевтика имеет дело с фильмом. А фильм представляет собой одновременно и художественный текст, и непосредственно ощутимый аудиовизуальный образ мира. Поэтому киногерменевтика имеет дело одновременно и с текстом, и с явлениями мира. То есть она вынуждена и текстуализовать, и детекстуализовать свой материал» [1, с. 64].

Центральной проблемой статьи является феномен предпонимания (Vorverständnis). В классической герменевтической традиции рассматривался как источник искажений, однако в современной герменевтике признаётся неизбежным и продуктивным условием понимания текста. Как отмечает Э. Тисельтон, определяя понятие предпонимания, «речь идет о формулировке исходного предположения с целью дать толчок процессу, направленному на более глубокое понимание сути вопроса» [2, с. 19].

Цель исследования – продемонстрировать, как герменевтический анализ позволяет преодолеть поверхностное восприятие кинотекста и выявить его глубинные смысловые пласты на примере фильма «Оверлорд» (2018, реж. Дж. Эйвери). Также видится важным показать, каким образом герменевтический анализ культурного клише позволяет выявить в жанровом фильме философский и культурно-политический дискурс.

Исторически герменевтика зарождалась как экзегетика сакральных текстов, однако уже Фр. Шлейермахер обозначил базовые принципы герменевтического метода применительно к тексту и речи в целом. В XX веке М. Хайдеггер и Г.-Г. Гадамер онтологизировали герменевтику. В философской системе Хайдеггера понимание предстает как фундаментальное определение экзистенции, неразрывно связанное с «бытием-в-мире». Согласно Хайдеггеру, процесс понимания основан на системе содержательно определенных предварительных мнений (предпонимания). Любое толкование «по сути фундировано через предвзятие, предусмотрение и предрешение» [3, с. 150]. При этом предпонимание демонстрирует парадоксальное свойство: делая возможным понимание, оно в то же время его ограничивает.

Г.-Г. Гадамер, развивая идеи учителя, в 1960 году представил свою работу «Истина и метод», в которой углубляет представление о герменевтическом круге. Он утверждает, что данный круг содержит позитивную возможность понимания, которая становится доступной только при условии, что первональные преположения интерпретатора укоренены в традиции и историческом сознании. Как отмечает Л.Ю. Фуксон, современная герменевтика исходит из того, что «понимание укоренено в предшествующем опыте, никогда не начинаясь «с нуля»» [4, с. 3].

В отношении кинематографа этот тезис означает, что фильм невозможно свести ни к замкнутому семиотическому коду, ни к изолированному авторскому высказыванию. Он всегда связан с личным и культурным опытом зрителя. А. Баракко, продолжая эту идею, рассуждает о столкновении зрителя с «кинематографическим миром», который одновременно выступает и как феноменологический объект восприятия, и как герменевтический горизонт интерпретации [5, с.573]. Но этот мир сконструирован из конкретных элементов: звукового ландшафта, визуальной композиции, пространственной организации и телесности.

Кинотекст здесь функционирует как система, перекодирующая культурные мифы и жанровые формы в новые смысловые конфигурации. Применяемый в ходе анализа принцип абстрагирования позволяет нарушать автоматизм восприятия, в то время как герменевтический метод обеспечивает переход от простой констатации жанровых кодов к реконструкции их культурно-исторического смысла. «Оверлорд» активно использует визуальный язык комиксов и видеоигр (например, Wolfenstein или Doom), усиливая эффект узнавания жанровой формы. Это симуляция «эстетики тождества» Ю. Лотмана, в реальности использующая принцип «эстетики противопоставления».

Понятие предпонимания обретает методологическую ясность в работах П. Рикёра. Он вписывает его между пониманием и объяснением.

Согласно Рикёру, предпонимание соответствует начальной стадии – тому, что он называет «наивным пониманием». Это целостное, но ещё не подвергнутое критическому анализу восприятие формы и смысла фильма. Затем следует момент абстрагирования, структурный разбор. На третьем этапе происходит возвращение к пониманию, но уже обогащённому рефлексией и критической работой. Таким образом, предпонимание у Рикёра – спусковой крючок, запускающий всю герменевтическую процедуру интерпретации.

В киноанализе предпонимание работает как своеобразный культурно-символический фильтр. Через него зритель пропускает кинообразы и именно он формирует первоначальное представление о фильме. Предпонимание включает в себя жанровые ожидания (военный экшен, хоррор), исторические стереотипы (образы Второй мировой войны), идеологические установки и личный эстетический опыт (включая опыт взаимодействия с видеоиграми). При этом предпонимание не является универсальным для всех зрителей; речь идёт о типичных для массовой аудитории жанровых конвенциях. Герменевтический анализ фильма начинается не с отрицания этого предпонимания, а с его экспликации и последующей трансформации в инструмент раскрытия философского потенциала кинотекста.

Выбор фильма «Оверлорд» обусловлен его статусом жанрового гибрида, активно использующего устоявшиеся тропы военного экшена и хоррора.

Сюжет повествует о вымышленных событиях предшествовавших высадке союзных войск в Нормандии во время Второй мировой войны. Группа американских разведчиков проникает в нацистский лагерь и узнаёт о сыворотке, разработанной с целью создания неуязвимых солдат-зомби, лишенных человеческого сознания. Помимо сюжетно представленного противостояния стран фашистского блока и антигитлеровской коалиции, фильм также концентрируется на противопоставлении идей консеквенциализма и деонтологии, носителями которых являются персонажи Форда и Бойса. Этическая конфронтация персонажей происходит на фоне общего рассуждения об идеях редуктивного физикализма, философия которого говорит о том, что «если проанализировать любое действие человека, то окажется, что оно на каком-то уровне было спровоцировано его биологией. В конечном счёте наши поступки – это либо прямая инстинктивная реакция на раздражение, либо причудливое сплетение этих реакций с приобретёнными правилами поведения» [6, с. 111–112].

Структура фильма копирует логику видеоигр (например, шутеров) от первого лица, что объясняет, почему зрительское предпонимание автоматизировано: зритель ждет не исторической военной драмы, а завершения миссии и перехода на следующий игровой уровень. Именно столкновение этого игрового предпонимания с кинематографическим изображением страдания и порождает особый герменевтический эффект.

Первоначальное восприятие фильма во многом обусловлено культурным предпониманием, в центре которого находится образ «зомби». В массовой культуре данный образ закреплён как клише. Зомби – лишённое воли, управляемое биологическими рефлексами существо. Зритель, знакомый с жанром, может проецировать на фильм ожидание привычного противостояния «живые/мёртвые», «люди/монстры», «свой/чужой». Но герменевтическое объяснение требует приостановки наивного восприятия и анализа символов в их историческом и концептуальном контексте.

Образ зомби в массовой культуре часто связывают с философской проблемой сознания и телесности. В аналитической философии известен мысленный эксперимент «философский зомби» Д. Чалмерса. В этой умозрительной модели воссоздаётся существо, неотличимое от человека по поведению, но лишённое субъективных переживаний (квалиа). Этот эксперимент, направленный против редуктивного физикализма, демонстрирует, что сознание не сводится к физическим процессам. Однако в фильме «Оверлорд» используется более традиционное, «культурное» понимание зомби как утратившего личность, но сохранившего агрессивную активность тела. Социология предлагает иное прочтение, акцентируя внимание на коллективном поведении зомби: «Поведенческие и когнитивные отличия зомби определяются в категориях отсутствия и дисфункции. Такой подход оставляет без объяснения, по крайней мере, один ключевой сюжет: коллективный успех зомби. Каждый отдельный зомби глуп, способен лишь на базовые рефлекторные действия, но орда зомби – неудержимая угроза. Предложить ее решение – вызов для социологии» [7, с. 187–188.].

В «Оверлорде» образ зомби перестаёт быть исключительно хоррор-атрибутом и становится символом, маркирующим границу между сознанием и биологическим началом. В семиотической перспективе образ зомби функционирует не просто как иконическое изображение монстра, но как культурный символ, отсылающий к архетипическому страху потери идентичности и автономии. В данном случае этот страх носит экзистенциальный характер, так как подразумевает, что смерть разума и сознания (в физическом, психологическом, моральном и иных смыслах) предполагает смерть личности отдельно от тела, что говорит об отчуждаемости личности. В контексте нашего исследования важно, что фильм не просто снова и снова воспроизводит шаблонный образ, но ставит под вопрос границу между человеческим и нечеловеческим началом. Как предостерегает Гадамер, интерпретация не должна довольствоваться поверхностными клише; явление может оказаться многограннее, чем полагают авторы, использующие его в своих произведениях.

В сцене в подземной лаборатории капитан СС Вафнер, получив тяжёлое ранение лица, вводит себе экспериментальную сыворотку. До момента инъекции камера фиксирует фигуру персонажа со спины, намеренно скрывая черты лица и степень повреждения. В момент трансформации ракурс сменяется фронтальным планом, принуждая зрителя наблюдать за трансформацией.

В соответствии с рикёровской герменевтической дугой, первый этап («наивное понимание»/предпонимание) позволяет распознать в данной сцене канонический для хоррора мотив метаморфозы, превращение человека в монстра. Второй этап (объяснение) предполагает структурный анализ кинематографических средств: переход от съёмки со спины к фронтальному плану порождает эффект внезапного сближения; отсутствие монтажных склеек в момент инъекции усиливает эффект документальной достоверности; звуковая партитура (нарастающий индустриальный шум, сменяющийся внезапной тишиной) маркирует пересечение границы человеческого. Третий этап (глубокое понимание) позволяет переосмыслить сцену не как жанровый аттракцион, а как визуальную репрезентацию фундаментальной онтологической проблемы: возможно ли сохранение личностной идентичности после утраты контроля над собственным телом? В мимолётном взгляде Вафнера проступает осознание происходящего – то самое «мерцание сознания», которое становится визуальным ответом на поставленный вопрос. Таким образом, камера фиксирует не физиологическую трансформацию, а экзистенциальную трагедию утраты человеческой самости. Герменевтический анализ демонстрирует, что фильм проблематизирует редуктивный физикализм, возвращая зрителю вопрос о границах человеческой природы и онтологической цене агентности.

Кинематографический мир всегда открыт к переинтерпретации, а множественность прочтений не ослабляет, а обогащает его философский потенциал. В случае с «Оверлорд» герменевтический круг замыкается на осознании фильма как философского высказывания об этике, сознании и природе человеческого достоинства в экстремальных условиях, где победа над «монстром» возможна лишь через сохранение собственной человечности.

Выводы

Проведенный анализ выявил, что предпонимание в киногерменевтике не является препятствием для понимания, а выступает его необходимым онтологическим условием. Однако без методологической рефлексии оно рискует закрепиться на уровне культурных стереотипов, редуцирующих кинематограф до развлекательного продукта.

Герменевтический метод, опирающийся на диалектику понимания и объяснения, позволяет деконструировать поверхностные ожидания и выявить в кинотексте автономный философский дискурс. На примере «Оверлорда» показано, как образ, изначально воспринимаемый как жанровое клише (зомби), в процессе интерпретации раскрывается как сложный культурный символ, проблематизирующий этические и онтологические основания человеческой природы. Предпонимание жанровой формулы в данном фильме служит «ложной мишенью», отвлекая внимание от этического ядра. Симуляция структуры видеоигры (ожидание «прохождения миссии») и эстетика комикса сталкивается с кинематографическим изображением страдания, порождая герменевтическое напряжение.

В то же время фильм актуализирует историческую память в контексте современных культурных вызовов, демонстрируя, что нацистская идеология дегуманизации остается актуальной угрозой. Герменевтический анализ «Оверлорд» подтверждает потенциал применения методов герменевтики к массовому кинематографу, позволяя обнаруживать в жанровых произведениях сложные философские дискурсы. Представляет интерес и сравнительный герменевтический анализ эволюции военного хоррора XXI в. с целью выявления трансформации кодов «врага» и механизмов рефлексивной ностальгии, а также изучение взаимодействия между предпониманием, сформированным видеоигровой культурой, и восприятием кинематографического текста.

Литература

1. Салынский Д. Киногерменевтика Тарковского. М.: Продюсерский центр «Квадрига», 2009. 576 с.
2. Тисельтон Э. Герменевтика. Черкассы: Коллоквиум. 2011. 430 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. Москва: Ad Marginem. 1997. 452 с.
4. Фуксон Л.Ю. Чтение. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 218 с.
5. Baracco A. Hermeneutics of the film world. Palgrave macmillan, 2017. 573 p.
6. Мерзляков С.С. Может ли зомби мечтать? // Epistemology & Philosophy of Science. – 2013. Т. 36. – № . 2. –С. 108–122.
7. Титков А. Зомби, или Триумф коллективной воли //Философско-литературный журнал «Логос». – 2024. – Т. 34. – № . 4. – С. 184–202.

THE PROBLEM OF PRE-UNDERSTANDING: ON THE ISSUE OF HERMENEUTIC ANALYSIS OF FILM

Romanova V.A., Berest V.A.
Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba

The article addresses the problematics of hermeneutic film analysis through a case study of Overlord (dir. J. Avery, 2018) and explores its philosophical potential via a semantic analysis of the concept of the «zombie». The relevance of the study stems from the need for a theoretical re-examination of audience perception mechanisms in a context dominated by mass culture, where cinematic imagery is frequently reduced to a set of genre clichés. Employing the method of film hermeneutics, the research moves beyond superficial readings of the film text to uncover its deeper strata of meaning, demonstrating how the deconstruction of cultural clichés reveals a philosophical and cultural-political discourse embedded within genre cinema.

Keywords: hermeneutics, film hermeneutics, film text, pre-understanding, consequentialism, deontology, reductive physicalism.

References

1. Salynskij D. Kinogermenevtika Tarkovskogo. M.: Prodyuserskij centr «Kvadriga», 2009. 576 c.
2. Tisel'ton E. Germenevtika. CHerkassy: Kollokvium. 2011. 430 s.
3. Hajdegger M. Bytie i vremya. Moskva: Ad Marginem. 1997. 452 s.
4. Fukson L. YU. CHtenie. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007. 218 s.
5. Baracco A. Hermeneutics of the film world. Palgrave macmillan, 2017. 573 p.
6. Merzlyakov S.S. Mozhet li zombi mechtat'? // Epistemology & Philosophy of Science. – 2013. T. 36. – № . 2. –S. 108–122.
7. Titkov A. Zombi, ili Triumf kollektivnoj voli //Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos». – 2024. – T. 34. – № . 4. – S. 184–202.

Конструктивизм в социальных практиках: от радикальных построений к обоснованной объективности

Галимбекова Фатима Сабигияровна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ; доцент кафедры Гуманитарных и социальных наук Российского технологического университета Московского государственного технического университета радиотехники, электроники и автоматики
E-mail: FSgalimbekova@fa.ru

В современном обществе возрастает интерес к научным исследованиям, особенно в сфере технологий, в связи с внедрением новых концептов в систему управления производством и коллективами. В этих условиях идет поиск оптимальных методов для сопоставления новой искусственной среды с естественной, поиск новых способов развития социума. В этих условиях одной из актуальных в современной философии представляется концепция конструктивизма.
Целью статьи является исследование метода конструктивизма и границы его применимости, анализ его влияния на социальную практику.
Методами исследования являются аналитический, историко-культурный, аксиологический, конструктивистский. На протяжении 30-ти лет автором проводился анализ динамики ценностей российского общества в различных контекстах, в последний период началось исследование конструктивистского понимания ценности. Ценности представлены фактором мотивации не только социокультурных процессов, но и процессов освоения природной среды и технологизации общества.
В данной работе рассматриваются процессы конструктивистского подхода к общественным процессам, исходя из анализа реалий социокультурной среды, выявляются проблемы использования конструктивистских идей в социальных процессах. При этом конструктивизм представлен, как универсальный метод оптимизации не только способов конструирования реальности, но и процессов управления производством.
Конструктивистский подход в статье рассмотрен как метод реализации практико-ориентированного подхода. К примеру, его применения в концепции фирма-мозг, которая успешно используется на протяжении нескольких лет в производстве, рассматривается применение его в концепции кибернетике, использование конструктивистского метода в управлении производством, а также для создания платформ, сопровождающих появление новых направлений в экономических системах, например, ресурсо– и энергосберегающих технологий, экосистем. А также применение метода конструктивизма для внедрения инноваций и создания единой системы для выхода на новый уровень взаимодействия общества и природы.
В статье обосновывается способы эффективного применения конструктивизма в социальной практике, но вместе с тем, делается акцент, что конструктивизм не может внедрятся как самостоятельная теория, его возможно использовать только в рамках конструктивного реализма.
Представляется понятие конструкта, как способа совмещения социальных технологий и инноваций с антропологическими системами в социальной среде, здесь ценности выступают связующим фактором между искусственной и естественной средой. Конструктивистский подход является перспективным направлением для развития социальных исследований, в некоторых областях он уже используется. В статье рассматриваются особенности конструктивизма, а также ставится вопрос о комплексном применении к различным социальным сферам.
Результатами исследования стал вывод о том, что конструктивизм является перспективным методом для развития и внедрения инноваций в социокультурную среду. При внедрении конструктивистского подхода в развитие механизмов российского общества, возможно оптимизировать различные уровни социальных процессов, так как данный метод способствует возможности совмещения множества несовместимых раннее областей общественной среды, для решения социальных проблем.

Ключевые слова: субъективность, классическая наука, аксиологический конструктивизм, радикальный конструктивизм, конструктивный реализм, эмпиризм, реализм, энактивизм, социальный конструктивизм, конвенционализм, феноменология, глобальный эволюционизм.

Введение

Актуальность конструктивизма как метода

В эпоху глобализации и интеграции появляются не только новые возможности для развития социума, но и новые вызовы. С возрастанием роли научных исследований и развития технологий, человек ищет новые способы взаимодействия с окружающей средой и все более актуализируется вопрос о влиянии человека на мир. Возникает проблема взаимовлияния объективных и субъективных факторов общественного развития. Об усилении влияния человеческого фактора на природу и конструктивной его роли в социальной среде свидетельствуют многочисленные исследования отечественных и зарубежных исследователей. О возрастающей роли субъективных факторов в научном познании говорит и усиливающийся интерес к технологическим процессам. «Роль человека и знаний о человеке в формирующемся многополярном интеллектуальном мире существенно возрастает, социальная составляющая современного инновационного социо-технологического развития становится более значимой с каждым годом» [Ворожихина, Ларионова, Юрьева 2025: 8]. Действительно, именно инновации и технологии становятся движущей силой общественного прогресса.

Данная статья призвана рассмотреть внедрение методов конструктивизма в социальную среду в условиях информационного общества в контексте поиска новых форм взаимодействия человека и природы, а также реализации человека как творца окружающей среды.

Основная цель работы: исследовать как конструктивизм, выступая в качестве метода практической реализации человеческой субъективности может способствовать воплощению целей человеческого существования.

Методы исследования: аналитический, историко-культурный, аксиологический, конструктивистский.

В данной работе конструктивизм рассмотрен как метод реализации инноваций в практической жизни общества.

Особое значение конструктивизм приобретает в информационную эпоху, как метод согласования взаимодействия различных сфер общества, казалось бы, несовместимых в рамках одной социокультурной среды. Особой строкой встала проблема нормативности, мотивации деятельности субъекта, в данном ракурсе важной становится проблема ценности. В современный период в социальной философии она дополняется проблемой внедрения в социальное пространство инновационных идей и продуктов технического производства.

Одним из направлений в конструктивистском подходе, отличным от гносеологического, является социальный конструктивизм, восходящий к работам П. Бергера и Т. Лукмана [Бергер, Лукман 1995], где подчеркивается, что знание конструируется не индивидуальным субъектом, а социальным сообществом. Социальное взаимодействие, язык и культура играют ключевую роль в формировании наших представлений о мире. Объективность знания, с точки зрения социального конструктивизма, обеспечивается его интерсубъективностью, то есть признанием его истинности членами данного сообщества. Действительно, лишь в коммуникации возможно сформировать целостное представление о мире, так как существование любого индивида обусловлено социальными условиями и ограниченностью картины мира. Опыт, передававшийся из поколения в поколение, осваивается социумом в целом.

Но, преодолевая солипсизм радикального конструктивизма, социальный конструктивизм сталкивается с рядом проблем. Знание оказывается зависимым от конкретной социальной группы, недостаточное внимания уделяется роли объективной реальности в формировании знания. К тому же знание, принятое большинством, не всегда является истинным.

Для решения вышеперечисленных проблем были выдвинуты различные концептуальные подходы к конструктивизму. Наиболее реалистичной представляется концепция, изложенная в работах В.А. Лекторского и Е.О. Труфановой, концепции конструктивного реализма, предполагающая совместить конструктивизм и критический реализм [Лекторский, Труфанова 2019: 102–124].

Исходя из данной концепции, следует возможность применения конструктивизма в практической деятельности человека? Она сочета-

ет позицию конструктивизма, когда субъект конструирует реальность, с позицией критического реализма, который помогает адаптировать методы конструктивизма в реальной среде через критику и практику. Рассмотрим, каким образом возможна данная реализация.

В технологическом обществе важно изучение механизмов перехода от теории к практике, от идей к их воплощению, с использованием инноваций. Конструктивизм предлагает именно такой взгляд, подчеркивая влияние субъекта, который не просто отражает мир, а активно конструирует его, учитывая социокультурные, исторические и психологические факторы, внедряя новые формы взаимодействия человека и природы, конструируя социальную среду для внедрения инноваций.

Отличаясь от традиционных форм и методов исследования, конструктивизм играет важную роль в социальной философии, постепенно проникая в социальную жизнь людей.

Особое значение данное направление приобретает в связи с все частым применением искусственного интеллекта. «Искусственный интеллект обладает огромным потенциалом, чтобы сделать прорыв во многих областях жизни, предоставляя новые инструменты функционирования и применения. ИИ является не просто следствием развития информационных технологий и глобализации, а качественно новым этапом общественно-исторического развития человечества» [«Конструктивистский подход»: pro и contra 2009: 7]. А ИИ имеет множество областей пересечения с конструктивизмом, при их совместном использовании открываются большие возможности для развития различных сфер общества. Например, создание интерактивных персонализированных, эффективных форм обучения. Появляется больше возможностей для развития науки и инноваций. В этой связи встает проблема взаимодействия тех сфер жизнедеятельности общества, которые казались несовместимыми, конструктивистский подход делает данную задачу выполнимой, так как он учитывает психологические и исторические моменты человеческой субъективности.

Особенно важным представляются технологии ИИ, где они предстают не как отдельный инструмент для использования человеком, а «отдельные аспекты опыта пользователя когнитивные, инструментальные, эмоциональные – не просто сосуществуют, но и формируют устойчивые модели поведения в коммуникативном контакте с искусственным интеллектом» [Иоселиани 2025: 9], определяя человека как целостное существо, формируя личность человека. В данном ракурсе человек рассматривается как цель, развитие технологий сопровождает процесс гуманизации общества, но не препятствует демократическим процессам. На практике данная позиция не всегда воплощается в действительность.

Именно поэтому заметную играют аксиологические моменты, выступающие не только мотивирующим фактором развития общественных отношений, но и сдерживающим для развития антигуманных тенденций обществе. Проблема ценностей, затрагивающая различные аспекты жизнедеятельности общества стала ключевой проблемой современности, когда российское общество ощущает на себе кризис духовной системы ценностей. «Потеря духовных ценностей и рост материализма. Это ключевая проблема, и все остальные выявленные в исследовании дисбалансы порождены ею. Современное общество ориентировано на потребление, что приводит к утрате традиционных духовных ценностей. Люди все чаще измеряют успех материальными благами, а не внутренним развитием. Это приводит к духовной пустоте, кризису смыслов и отчуждению» [Петросянц 2025: 1]. Приобретение смысла состоит в налаживании нормальных социальных отношений, росте коммуникации на основе здоровых гармоничных взаимодействий между людьми. Перед обществом встает задача сопоставить раннее несовместимые элементы, связи отношения между различными сферами.

Философы с конструктивным типом мышления стремились объяснить мир, исходя из активной роли познающего субъекта, уделяя меньше внимания теориям отражения или репрезентации, доминирующим в теории познания. Иногда, конструктивизм ассоциируется с тоталитаризмом и прагматизмом советской эпохи, но именно он представлял тогда демократические тенденции, так как способствовал сосуществованию стилей различных социальных слоев в едином социокультурном пространстве. А также тем, что простота, незамысловатость форм была понятной большинству населения.

В частности, цифровизация и технологизация выявили острые противоречия между биологическими и экологическими факторами развития, что обусловливает поиск новых методологических подходов к образовательным технологиям, способствующих оптимизации экономических, социальных и политических процессов. Например, «идет ориентация на разработку социоцентрических и экологически устойчивых технологий» (концепция Индустрии 5.0) [Карпухина, Митяков, Пронин 2025: 3]. Актуализируется переход к новому этапу взаимодействия человека и техники, где человек возвращается в производственный процесс, требуется совместная работа с технологиями.

Внедрение системы зеленого финансирования возможно только с учетом исторических и культурных реалий развития социокультурной среды, коммуникативных действий на которых акцентируется конструктивизм. В данном случае государство представлено коллективным субъектом, который регулирует наиболее значимые области общественных отношений «Только системная государственная поддержка и международная кооперация с учетом национальных особенностей России и санкционных ограничений позволят превратить «зеленые» инструменты в устойчивый драйвер экономического развития» [Голикова 2025: 107]. Конструктивные технологии позволят учитывать различные факторы, совмещающие экологическую среду и экономические механизмы.

Но меняется и сам человек. Одной из проблем современной практической жизни становится проблема потребления и превалирования материальных интересов над духовными, либо использование духовности в прагматических целях. «На уровне повседневных практик потребление выступает механизмом символического статуса и самоидентификации, но плохо восполняет дефицит смысла и сопричастности, усиливая переживание одиночества и фрагментации социальных связей» [Петросянц 2025: 72]. Таким образом возникает кризис самоидентичности и проблемы в коммуникации, особенно тех, кто непосредственно связан с техникой.

Конструктивизм, как философская концепция, акцентирует внимание на взаимодействии человека с окружающей средой и коммуникации. Принципы конструктивизма применяются для создания более эффективных, человеко-ориентированных инновационных систем.

В этой связи в экономической системе ставятся вопросы об ответственности человека перед обществом и природой. Экологическая этика все более внедряется в процессы производства, становится его частью.

Примером может служить «Сетевое взаимодействие между субъектами промышленности, общества и науки для обмена знаниями и ресурсами может способствовать внедрению инноваций. Эти инновационные сети, так называемые «инновационные экосистемы», способствуют укреплению местной экономической мощи и конкурентных возможностей. Характеристики, динамика, ресурсы, совокупность субъектов и другие факторы, способствующие успешному развитию инновационных экосистем, еще недостаточно изучены» [Карсанова 2025: 90]. В данном ракурсе конструктивный подход позволит не только изучить, но и внедрять данные технологии с учетом моральных и социокультурных факторов.

В ракурсе решения глобальных проблем, в, частности, воздействия человека на природную среду «…в перспективе ожидается дальнейшее усиление экологизации российской экономики, наиболее активное развитие зеленых финансовых инструментов, что будет способствовать реализации стратегии устойчивого развития» [Голикова 2025: 107]. Каким образом будет осуществляться данное внедрение? Прежде всего возникает необходимость взаимодействия экономической системы с экологической, все это требует конструктивного подхода, сочетания, казалось бы, несовместимых сред. Разработка систем контроля, финансирования и внедрения новых проектов, возможности усовершенствования технологий возможно и проводятся при помощи конструктивных методов.

Заключение

В статье представлен конструктивизм как один из актуальных методологических подходов для решения практических проблем в жизни общества. Данная концепция позволяет применять идеи конструктивизма в практической деятельности социума.

В результате исследования сделаны выводы, что в современных условиях, когда необходимо формировать социокультурное пространство с учетом его субъективизации, глобализации и интеграции, конструктивизм – перспективное, но сложное направление в философии, возможно использовать в различных областях практической деятельности. Критики требуют от него более четких ответов на вопросы, связанных с объективностью, реальностью и критериями оценки. Дальнейшее развитие конструктивизма требует разработки конкретных методов внедрения инновационных методов в социальную среду. Способствует развитию связи между различными сферами общества.

Дискуссия

Основные положения работы применяются при исследовании теоретических аспектов практических социальных вопросах, для разработки политики внедрения и адаптации новых технологий в социальной среде.

Поскольку работ по методологии конструктивизма явно недостаточно, и данная статья является попыткой восполнить этот пробел.

Тема конструктивизма достаточно перспективна в плане развития социальных идей. Конструктивистский подход переосмысливает методологию с точки зрения практического и опытного знания. Применение идей особенно важно с введением цифровых технологий, поскольку позволяет глубже осмысливать человеческую субъективность и способствует онтологизации новых смыслов человеческой субъективности.

В целом, позиция конструктивизма представляет собой вызов традиционным эпистемологическим представлениям и предлагает новые перспективы для понимания того, как мы познаем мир и применения знаний в практической сфере.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. URL. https://skepdic.ru/wpcontent/uploads/2013/05/ Дата обращения [05.02.2024]

2. Ворожихина В.В., Ларионова Е.И., Юрьева А.А. Система ценностей в инновационном развитии стран.// Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2025; 15(4):6–22. Сайт URL. https://doi.org/10.26794/2226–7867–2025–15–4–6–22. Дата обращения [05.02.2024]

3. Голикова О.А. Зеленое финансирование как инновационный финансовый инструмент для бизнес-структур // ЭФО. Экономика. Финансы. Общество. 2025. № 3(15). С. 107. DOI:10.24412/2782-4845-2025-15-95-109.

4. Иоселиани А.Д. Настоящее и будущее искусственного интеллекта: социально-философский дискурс // Общество: философия, история, культура. 2025. № 5. С. 60–65. Сайт URL. https://doi.org/10.24158/fik.2025.5.6. Дата обращения [05.02.2024]

5. Карпухина Н.Н., Митяков Е.С., Пронин А.Ю. Промышленные революции: от Индустрии 3.0 к Индустрии 5.0в контексте российской экономики Экономика наукоемких и высокотехнологичных предприятий и производств// Российский Технологический журнал. 2025 г. № 13(4). С. 123–134. URL. https://doi.org/10.32362/2500–316X-2025–13–4–123–134 Дата обращения [08.02.2024]

6. Карсанова Е.С. Управление развитием инновационными экосистемами: концептуальный аспект. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025;15(5):89–97. URL. https://doi.org/10.26794/2226–7867–2025–15–5–89–97 Дата обращения [05.02.2024]

7. «Конструктивистский подход»: pro и contra Рецензия на книгу: Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. Отв. ред.: акад. РАН В.А. Лекторский. М., «Канон+», 2009, 368 с. // Гуманитарные науки. № 1, 2011.

8. Лекторский В.А., Труфанова Е.О. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке // Человек – 2019. – Том 30. – Выпуск № 1. С. 102–124. .DOI: 10. 31857/S023620070003025–4. URL. https://doi.org/10.26794/2226–7867–2025–15–5–89–97

9. Петросянц Д.В. Трансформация ценностных ориентиров: анализ духовно-нравственных проблем современного общества. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025;15(5):69–77. С. 72. URL. https://doi.org/10.26794/2226–7867–2025–15–5–69–77

10. Шилова В.А., Плетнева М.А. Человек и системы искусственного интеллекта: формирование гибридной модели коммуникации// Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025, Т. 15, № 5 с. 6–16. С. 9. URL. https://doi.org/10.26794/2226–7867–2025–15–5–6–16

CONSTRUCTIVISM IN SOCIAL PRACTICES: FROM RADICAL CONSTRUCTIONS TO WELL-BASED OBJECTIVITY

Galimbekova F.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Technological University, Moscow State Technical University of Radio Engineering, Electronics, and Automation

In modern society, there is an increasing interest in scientific research, especially in the field of technology, due to the introduction of new concepts into the production and team management system. Under these conditions, optimal methods are being sought to compare the new artificial environment with the natural one, and to find new ways to develop society. In these circumstances, the concept of constructivism seems to be one of the most relevant in modern philosophy.

The purpose of the article is to study the method of constructivism and the limits of its applicability, to analyze its impact on social practice.

The research methods are analytical, historical and cultural, axiological, and constructivist. For 30 years, the author has been analyzing the dynamics of the values of Russian society in various contexts, and in the last period, he began researching the constructivist understanding of value. Values are represented by a motivating factor not only for socio-cultural processes, but also for the processes of environmental development and the technologization of society.

This article examines the processes of the constructivist approach to social processes, based on the analysis of the realities of the socio-cultural environment, identifies the problems of using constructivist ideas in social processes. At the same time, constructivism is presented as a universal method of optimizing not only the ways of constructing reality, but also production management processes.

The constructivist approach is considered in the article as a method of implementing a practice-oriented approach. For example, its application in the brain firm concept, which has been successfully used for several years in production, its application in the concept of cybernetics, the use of the constructivist method in production management, as well as to create platforms that accompany the emergence of new directions in economic systems, for example, resource– and energy-saving technologies, ecosystems, is being considered. As well as the use of the method of constructivism to introduce innovations and create a unified system to reach a new level of interaction between society and nature.

The article substantiates the ways of effective application of constructivism in social practice, but at the same time, the emphasis is placed that constructivism cannot be introduced as an independent theory, it can only be used within the framework of constructive realism. The concept of a construct is presented as a way of combining social technologies and innovations with anthropological systems in a social environment, where values act as a connecting factor between the artificial and natural environment. The constructivist approach is a promising direction for the development of social research, and it is already being used in some areas. The article examines the features of constructivism, as well as raises the question of its complex application to various social spheres.

The results of the study concluded that constructivism is a promising method for the development and implementation of innovations in the socio-cultural environment. When introducing a constructivist approach to the development of the mechanisms of Russian society, it is possible to optimize various levels of social processes, since this method makes it possible to combine many previously incompatible areas of the social environment to solve social problems.

Keywords: subjectivity, classical science, axiological constructivism, radical constructivism, constructive realism, empiricism, realism, enactivism, social constructivism, conventionalism, phenomenology, global evolutionism.

References

1. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. Translated by E.D. Rutkevich, Moscow: Medium, 1995. URL. https://skepdic.ru/wpcontent/uploads/2013/05/(In Russ.).

2. Vorozhixina V.V. Larionova E.I., Yur`eva AA. Value system in the innovative development of countries. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2025; 15 (4): 6–22. (In Russ.). URL. https://doi.org/10.26794/2226–7867–2025–15–4–6–22

3. Golikova O.A. Green finance as an innovative financial instrument for business structures. EFO. Economy. Finance. Society. 2025; 3(15): 107. (In Russ.). DOI:10.24412/2782-4845-2025-15-95-109.

4. Ioseliani A.D. The present and future of artificial intelligence: socio-philosophical discourse. Society: philosophy, history, culture. 2025; 5: 60. URL. https://doi.org/10.24158/fik.2025.5.6. (In Russ.).

5. Karpukhina N.N., E.S. Mityakov, A.Y. Pronin Karpukhina N.N., E.S. Mityakov, A.Y. Pronin Industrial Revolutions: from Industry 3.0 to Industry 5.0 in the context of the Russian economy, the economy of knowledge-intensive and high-tech Enterprises and industries. Russian Technological Journal. 2025; 13(4): 123–134. (In Russ.). https://doi.org/10.32362/2500–316X-2025–13–4–123–134

6. Karsanova E.S. Management of development by innovative ecosystems: a conceptual aspect. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2025; 15 (5): 72. (In Russ.). URL. https://doi.org/10.26794/2226–7867–2025–15–5–6–16.

7. «The Constructivist approach»: pro and contra Book review: The Constructivist Approach in Epistemology and Human Sciences. Editor›s note: akad. RAS V.A. Lektorsky, M., «Canon+», 2009, 368 p. Humanities. 2011; 1. (In Russ.). [ISSN 2409-5591].

8. Lektorskiy V. A., Trufanova E.O. Constructivism in epistemology and the sciences of man. Man. 2019; 30 (1): 102–124. (In Russ.). (In Russ.). DOI: 10.31857/S023620070003025-4.

9. Petrosyants D.V. Transformation of value orientations: analysisof spiritual and moral problems of modern society. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2025; 15 (5): 72. (In Russ.). URL. https://doi.org/10.26794/2226–7867–2025–15–5–69–77

10. Shilova V.A., Pletneva M.A. Man and artificial intelligence systems: formation of a hybrid communication model. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2025; 15(5): 9. (In Russ.). DOI:10.24412/2782-4845-2025-15-95-109.

Педагогическое содействие развитию критического мышления студентов среднего профессионального образования в рамках изучения экономических дисциплин

Грабовецкий Дмитрий Сергеевич,
АНПОО «Омская академия экономики и предпринимательства»,
Предметно цикловая комиссия экономических дисциплин

Целью данного исследования является определение актуальных методов, подходов и техник педагогического содействия развития критического мышления студентов учреждений среднего профессионального образования в рамках изучения экономических дисциплин. В ходе исследования для достижения цели использовались: библиографический метод, анализ статей в научных журналах, рецензируемых ВАК, а также соответствующих нормативных документов, синтез и анализ, комплексный и системный подход, обобщение, аналогия, конкретизация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты педагогического содействия развитию критического мышления у студентов среднего профессионального образования в процессе изучения экономических дисциплин. Обосновывается актуальность формирования критического мышления как ключевой компетенции для успешной профессиональной и социальной адаптации выпускников СПО. Анализируются организационно-педагогические, психолого-педагогические и социально-педагогические условия, способствующие развитию критического мышления. Представлены инновационные методики, включая проектную и исследовательскую деятельность, а также примеры из образовательной практики. Особое внимание уделено индивидуализации педагогического сопровождения, интеграции критического мышления в учебный процесс, а также необходимости системной работы на всех этапах профессионального обучения. Автор заключает: эффективное развитие критического мышления возможно только при создании специальных условий (доверие, регулярная практика, поддержка педагога) и использовании разнообразных методов – от дебатов и анализа источников до проектной деятельности и логических игр. Такой комплексный подход формирует у учащихся навыки анализа, аргументации, самостоятельного поиска решений и рефлексии, что необходимо не только в профессиональной деятельности, но и для успешной жизни в современном мире в целом.

Ключевые слова: критическое мышление, педагогическое содействие, студенты СПО, экономические дисциплины, теоретические аспекты, практические методики, рефлексия, образовательная среда.

Введение

В условиях модернизации системы среднего профессионального образования и расширения информационного пространства особую значимость приобретает формирование у студентов СПО навыков критического мышления. Эти компетенции необходимы для успешной профессиональной деятельности, социальной адаптации и личностного развития выпускников колледжей и техникумов. Современная образовательная парадигма требует не только усвоения профессиональных знаний, но и развития умений анализировать информацию, аргументировать свою позицию, принимать решения и осуществлять рефлексию.

Быкова А.С., Сахарова Н.С., Кириллова И.К. отмечают, что стремительные процессы цифровизации и автоматизации существенно усиливают важность умения систематизировать информацию, критического мышления в целом [1].

Педагогическое содействие рассматривается как комплексная поддержка студентов СПО в развитии критического мышления, включающая теоретическую основу, методические инструменты и практическое сопровождение.

Критическое мышление – это умение анализировать и оценивать информацию, делать на её основе логические выводы. Термин ввёл американский философ Джон Дьюи в 1910 году.

Значительный вклад в развитие теории критического мышления внесли авторы, учёные и исследователи: Б. Блум, Л.С. Выготский, Д. Дьюи, Ж. Пиаже, К. Роджерс (теории деятельности); Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн (идеи возрастной обусловленности критичности мышления); Е.А. Мухина, А.В. Шамис (стимулирующие дидактический аспект современного образования). Идеи развивающего обучения: В.В. Давыдов, Л.В. Занков. Проблемное обучение: А.М. Матюшкин, М.И. Махмутов. Алгоритмизация учебной деятельности: В.Ф. Шаталов и др. Воспитательный аспект современного образования, концепция нравственного воспитания: В.А. Сластёнин, В.А. Сухомлинский [2].

В ФГОС критическое мышление определяется как навык, который ориентирован на развитие в образовательном процессе в рамках федеральных государственных образовательных стандартов. Это способность анализировать информацию с позиции логики и личностно-психологического подхода, применять полученные результаты как к стандартным, так и к нестандартным ситуациям, ставить новые вопросы, вырабатывать разнообразные аргументы, принимать независимые, продуманные решения.

В ФГОС критическое мышление рассматривается как метапредметная компетенция, которая включает умение планировать, оценивать и решать проблемы поискового характера.

Представим базовые компоненты критического мышления, которые можно выделить в литературе в виде таблицы 1.

Таблица 1. Ключевые компоненты критического мышления

Умения	Описание
Анализ и синтез	Разбор информации на части и их объединение
Оценка аргументов	Проверка достоверности и логичности утверждений
Постановка вопросов	Формулировка уточняющих и проблемных вопросов
Аргументация	Построение логичных и обоснованных выводов
Рефлексия	Осознание собственных мыслительных процессов
Работа с альтернативами	Поиск и оценка разных точек зрения

Также здесь важно отметить, что в системе СПО критическое мышление – это неотъемлемая часть профессиональной подготовки. Его развитие требует сочетания теоретических знаний и практических навыков, что позволяет выпускникам быть конкурентоспособными и успешными на рынке труда [3]. Установки на это даны, в частности, приказе Минобрнауки РФ № 885, Минпросвещения РФ № 390 от 05.08.2020 «О практической подготовке студентов» [4].

Агапова Е.Н., Бавина П.А., Панфилова А.П., Егорова Е.В. также выделяют важность умения осуществлять критический анализ информации, на ряду с умением осуществлять нетворкинг, генерировать новые

и идеи и внедрять новые проекты как основополагающего условия успешной карьеры [5].

Целью данного исследования является определение актуальных методов, подходов и техник педагогического содействия развития критического мышления студентов учреждений среднего профессионального образования в рамках изучения экономических дисциплин.

Материалы и методы исследования

В ходе исследования для достижения цели использовались: библиографический метод, анализ статей в научных журналах, рецензируемых ВАК, а также соответствующих нормативных документов, синтез и анализ, комплексный и системный подход, обобщение, аналогия, конкретизация.

Результаты исследования и их обсуждение

Особое значение критическое мышление имеет и в рамках изучения экономических дисциплин, ключевые умения и компетенции актуальны и важны для практической реализации в следующих областях:
– ***анализ информации и данных***. Экономические процессы сложны и многогранны. Критическое мышление позволяет оценивать достоверность и качество экономических данных, выявлять манипуляции и ошибки в интерпретации статистики;
– ***принятие обоснованных решений***. Экономисты и специалисты, обладающие навыками критического мышления, способны принимать более взвешенные и аргументированные решения, что особенно важно в условиях неопределённости и быстро меняющейся экономической среды;
– ***прогнозирование и выявление трендов***. Критический подход помогает выявлять экономические тренды, анализировать причины и последствия различных явлений, что улучшает качество прогнозирования и стратегического планирования;
– ***развитие альтернативных подходов***. Критическое мышление способствует появлению новых идей, моделей и подходов в экономической науке, стимулирует научные дискуссии и инновации;
– ***понимание последствий экономических решений***. Экономические меры оказывают влияние на общество. Критическое мышление позволяет глубже осознать возможные социальные, политические и этические последствия принимаемых решений.

Среди основных проблем, существующих в области развития критического мышления студентов учреждений среднего специального образования, наиболее актуальны следующие:
– недостаточная мотивация студентов. Студенты СПО часто не осознают значимость критического мышления для будущей профессиональной деятельности. Низкая внутренняя мотивация, отсутствие интереса к экономическим дисциплинам и привычка к пассивному усвоению знаний препятствуют формированию аналитических навыков;
– ограниченность учебного времени и перегруженность программ. Изучение экономических дисциплин в СПО сопровождается большим объёмом теоретического материала, что не всегда позволяет выделять время на проведение дискуссий, кейс-анализов, проектных и исследовательских заданий, необходимых для развития критического мышления.
– недостаток учебно-методического обеспечения. Отсутствуют или недостаточно разработаны современные учебные пособия, кейсы, интерактивные задания, ориентированные на формирование критического мышления у студентов СПО в контексте экономических дисциплин. Это затрудняет внедрение инновационных педагогических технологий;
– проблемы диагностики и оценки уровня критического мышления. В системе СПО отсутствуют единые и валидные инструменты для диагностики уровня развития критического мышления. Оценка часто сводится к формальным тестам, не отражающим реальные аналитические и рефлексивные умения студентов;
– слабая интеграция теории и практики. Экономические дисциплины требуют не только теоретических знаний, но и умения применять их в реальных ситуациях. Однако в СПО часто отсутствует связь между учебным материалом и практическими задачами, что снижает эффективность формирования критического мышления;
– недостаточное использование интерактивных и цифровых технологий. Внедрение цифровых образовательных платформ, симуляторов экономических процессов, онлайн-дискуссий и проектных методов обучения остаётся на низком уровне, что ограничивает возможности для развития у студентов самостоятельности и аналитических навыков.

Педагогическое содействие развитию критического мышления – это целенаправленная поддержка обучающихся в освоении умений анализировать, оценивать и самостоятельно строить суждения, а также принимать обоснованные решения. Основные направления и методы педагогического содействия развитию критического мышления студентов среднего профессионального образования рассмотрим в Таблице 2.

Таблица 2. Основные направления и методы педагогического содействия развитию критического мышления

Направление	Методы и приёмы
Информационное	Использование информационных технологических карт (ИТК), алгоритмов анализа информации, структурированных заданий на проверку достоверности знаний, фиксацию проблем, выдвижение гипотез, аргументацию и рефлексию.
Дидактическое	Включение элементов проблемного, развивающего и алгоритмического обучения; проведение уроков-дискуссий, проектной и исследовательской деятельности; организация факультативов и спецкурсов по развитию критического мышления.
Воспитательное	Формирование у обучающихся готовности к планированию, гибкости, настойчивости, осознанию собственных ошибок, поиску компромиссов; развитие навыков аргументации, диалога, самооценки и самоанализа.
Психологическое	Сотрудничество с психологической службой школы/вуза, диагностика уровня развития критического мышления, индивидуальная поддержка обучающихся с учетом их когнитивных особенностей.

Разумеется, в контексте изучения экономических наук и экономического мышления в целом, в процессе решения задач экономического характера опытные педагоги, ученые и исследователи выделяют и рекомендуют специфические методы и приемы развития критического мышления, среди которых можно выделить следующие актуальные методы и технологии:
– ***Технологию развития критического мышления (ТРКМ)***. Основой технологии является трёхфазовая структура урока: вызов, осмысление, рефлексия;
– «***Ассоциативный куст»*** – в центре доски записывается ключевое слово или фраза, вокруг неё студенты записывают ассоциации, возникающие по ходу размышления. Затем анализируются все записи: рядом с теми утверждениями, в которых студенты сомневаются, ставятся вопросительные знаки, те элементы, которые не требуют дополнительной информации, помечаются знаком «+»;
– ***«Дерево решений»*** – преподаватель представляет базовую информацию и формулирует проблему, не имеющую очевидного решения. Студенты объединяются в малые группы, предлагают как можно больше вариантов решения и аргументируют каждый из них. Результаты оформляются в виде таблицы или схемы, обсуждаются, после чего принимается окончательное решение;
– ***«Кластер»*** – в центре доски записывается ключевое слово, вокруг него – ассоциации, фразы, понятия, раскрывающие тему. Студенты методом «мозгового штурма» высказывают всё, что знают. Полученная информация классифицируется, группируется и оформляется в виде наглядной схемы;
– ***«Шесть шляп мышления» (Эдвард де Боно)*** – рассмотрение проблемы с шести разных точек зрения, каждая из которых представлена метафорической шляпой определённого цвета: белая (факты), красная (эмоции), чёрная (критика), жёлтая (позитив), зелёная (креатив), синяя (организация мышления);
– ***«Фишбоун» (диаграмма Исикавы)*** – позволяет визуализировать причинно-следственные связи, анализировать проблему, выявлять её корневые причины и находить возможные решения;
– ***«Кубик Блума»*** – методика основана на таксономии Блума и предполагает рассмотрение темы с шести сторон: описание, сравнение, ассоциации, анализ, применение, оценка.

Важным принципом и процессом в области развития критического мышления является индивидуализация педагогического сопровождения – это подход, при котором педагог учитывает особенности, интересы и потребности каждого ученика, создавая условия для его личностного и интеллектуального роста. Такой подход способствует формированию самостоятельности, ответственности и мотивации к обучению. Миронова С.С., Чернова Н.Ю., Гречкина Н.Е. утверждают, что педагог выступает не только как источник знаний, но и как фасилитатор, организатор образовательной среды, наставник. Педагог: помогает ученикам осознать свои сильные стороны, подбирает задания с учётом индивидуальных особенностей, стимулирует самостоятельный поиск решений, создаёт атмосферу доверия и открытости к ошибкам [6].

Таблица 3. Методы индивидуализации и интеграции критического мышления в образовательный процесс

Направление	Примеры методов и приёмов	Результат для ученика
Индивидуализация	Дифференцированные задания, индивидуальные образовательные маршруты, гибкие формы контроля	Повышение мотивации, учёт темпа и стиля обучения, развитие самостоятельности
Интеграция критического мышления	Кластеры, корзина идей, перепутанные логические цепочки, синквейн, инсерт, концептуальные таблицы, «шесть шляп мышления», «кубик», групповые дискуссии	Умение анализировать, аргументировать, работать с информацией, сотрудничать, принимать решения
Цифровые инструменты	Использование генеративного ИИ, онлайн-дискуссии, работа с цифровыми источниками, геймификация	Развитие медиаграмотности, навыков проверки информации, цифровой ответственности

В Таблице 3 систематизированы и подробно рассмотрены методы и приемы индивидуализации и интеграции критического мышления в образовательный процесс, в частности, в рамках изучения экономических дисциплин. А также представлены практические результаты применения данных методов. В свою очередь основными условиями для развития критического мышления являются:

– атмосфера доверия и открытости. Поощрение вопросов, свободы выражения мнений, конструктивных споров и уважения к различным точкам зрения. Учащиеся должны не бояться ошибаться и свободно обсуждать свои идеи;

– регулярная практика. Критическое мышление формируется только при систематическом включении соответствующих заданий в учебный процесс, а также при постоянной самостоятельной работе с информацией;

– разнообразие методов и форм работы. Использование различных педагогических технологий, игровых и проектных форм, чередование индивидуальной и групповой работы.

– рефлексия и самоанализ. Формирование привычки анализировать собственные мысли, решения и ошибки, оценивать эффективность своих действий;

– поддержка педагога. Педагог выступает не только как источник знаний, но и как наставник, который помогает учащимся самостоятельно искать решения, задавать вопросы и аргументировать свою позицию.

Заключение

Целенаправленное педагогическое содействие в системе среднего профессионального образования (СПО) выступает ключевым фактором, обеспечивающим не только интеллектуальное развитие студентов, но и их личностный рост, профессиональную социализацию и этическое самосовершенствование. Такой подход позволяет формировать у обучающихся не только профессиональные компетенции, но и устойчивые нравственные ориентиры, ответственность, самостоятельность и умение взаимодействовать в коллективе. В результате студенты становятся не только квалифицированными специалистами, но и гармонично развитыми личностями, готовыми к успешной адаптации в профессиональной среде и жизни в обществе.

Эффективное развитие критического мышления возможно только при создании специальных условий (доверие, регулярная практика, поддержка педагога) и использовании разнообразных методов – от дебатов и анализа источников до проектной деятельности и логических игр. Такой комплексный подход формирует у учащихся навыки анализа, аргументации, самостоятельного поиска решений и рефлексии, что необходимо не только в профессиональной деятельности, но и для успешной жизни в современном мире в целом.

Важно создавать образовательную среду, в которой студенты будут чувствовать себя комфортно, высказывая свои мнения и сомнения. Поддержка преподавателя и создание атмосферы доверия позволяют студентам не бояться ошибаться и учиться на своих ошибках.

Литература

1. Быкова А.С., Сахарова Н.С., Кириллова И.К. Современные тенденции в трактовке понятия «критическое мышление» // Вестник ОГУ. – 2021. – № 3 (231).– С. 6–11.

2. Ульянова И.В., Подругина И.А. Педагогическое содействие школьникам и студентам – будущим учителям в развитии критического мышления // Современные наукоемкие технологии. 2025. № 8. С. 125–131; URL: https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=40474 (дата обращения: 01.04.2026).

3. Выпускники среднего профессионального образования на российском рынке труда: докл. К XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / К.В. Анисимова, А.А. Владимирская, Ф.Ф. Дудырев и др.; науч. ред. С.Ю. Рощин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 148 с.

4. Приказ Минобрнауки РФ № 885, Минпросвещения РФ № 390 от 05.08.2020 «О практической подготовке студентов» URL: http://https://base.garant.ru// (дата обращения: 01.04.2026).

5. Агапова Е.Н., Бавина П.А., Панфилова А.П., Егорова Е.В. и др. Система 4К: коммуникация, критическое мышление, креативность, командная работа. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. 252 с.

6. Миронова С.С., Чернова Н.Ю., Гречкина Н.Е. Применение технологии развития критического мышления на занятиях в профессиональном образовательном учреждении // Мировое научное пространство и социум: материалы международной научно-практической конференции (7 февраля 2018 г.) Отв. ред. Зарайский А.А. – Самара: Издательство ЦПМ «Академия Бизнеса», 2018. – 81с.

7. Беткер Л.М. Креативное мышление и образовательные результаты. [Электронный ресурс]. URL: https://iro86.ru/images/1%D0%91%D0%B5%D1%82%D0%BA%D0%B5%D1%80_%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BA%D1%80%D1%83%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%B-C%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%B-D%D0%B8%D0%B5_13.12.2021.pdf

8. Heard J., Scoular C., Duckworth D., Ramalingam D., Teo I. Critical thinking: Skill development framework. Camberwell: Australian Council for Educational Research Publ., 2020. [Online]. Available at: https://research.acer.edu.au/ar_misc/41 (accessed 15.07.2022)

9. Петрова П.П. Критическое мышление как основа профессиональной компетентности. – СПб.: Издательство «Академия», 2022.

10. Афоничев Г.А., Яковлева Е.В. Исследование уровня развития критического мышления у подростков // Пространство педагогических исследований. 2025. Т. 2. № 1 (5). С. 7–16. DOI: 10.23859/3034-1760.2025.77.61.001. EDN: GTHUVC.

PEDAGOGICAL ASSISTANCE IN THE DEVELOPMENT OF CRITICAL THINKING OF SECONDARY PROFESSIONAL EDUCATION STUDENTS IN THE COURSE OF ECONOMIC DISCIPLINES

Grabovetsky D.S.
Omsk Academy of Economics and Entrepreneurship

The purpose of this study is to identify relevant methods, approaches, and techniques for pedagogical support of the development of critical thinking among students of secondary vocational education institutions in the context of studying economic disciplines. The study used the following methods to achieve its goal: bibliographic method, analysis of articles in scientific journals reviewed by the Higher Attestation Commission, as well as relevant regulatory documents, synthesis and analysis, a comprehensive and systematic approach, generalization, analogy, and concretization. The article explores the theoretical and practical aspects of pedagogical support for the development of critical thinking among students of secondary vocational education in the process of studying economic disciplines. The article substantiates the relevance of developing critical thinking as a key competence for successful professional and social adaptation of secondary vocational education graduates. The article analyzes organizational, pedagogical, psychological, and socio-pedagogical conditions that promote the development of critical thinking. It presents innovative methods, including project and research activities, as well as examples from educational practice. Special attention is given to the individualization of pedagogical support, the integration of critical thinking into the educational process, and the need for systematic work at all stages of professional training. The author concludes that effective development of critical thinking is possible only when special conditions are created (trust, regular practice, and teacher support) and a variety of methods are used, from debates and source analysis to project activities and logical games. This comprehensive approach helps students develop analytical, argumentative, and reflective skills, which are essential not only for their professional careers but also for a successful life in today's world.

Keywords: critical thinking, pedagogical assistance, secondary vocational education students, economic disciplines, theoretical aspects, practical methods, reflection, educational environment.

References

1. Bykova A.S., Sakharova N.S., Kirillova I.K. Current trends in the interpretation of the concept of "critical thinking" // Bulletin of OSU. – 2021. – No. 3 (231). – Pp. 6–11.

2. Ulyanova I.V., Podrugina I.A. Pedagogical assistance to schoolchildren and students – future teachers in the development of critical thinking // Modern science-intensive technologies. 2025. No. 8. Pp. 125–131; URL: https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=40474 (date of access: 01.04.2026).

3. Graduates of secondary vocational education in the Russian labor market: report to the XXIV Yasinskaya (April) international. scientific. conf. on the problems of economic and social development, Moscow, 2023 / K.V. Anisimov, A.A. Vladimirskaya, F.F. Dudyrev, et al.; scientific editor S. Yu. Roshchin; National Research University "Higher School of Economics". – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. – 148 p.

4. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 885, the Ministry of Education of the Russian Federation No. 390 of 05.08.2020 “On the practical training of students” URL: http://https://base.garant.ru// (date of access: 01.04.2026).

5. Agapova E.N., Bavina P.A., Panfilova A.P., Egorova E.V. and others. The 4K System: Communication, Critical Thinking, Creativity, Teamwork. St. Petersburg: Publishing House of the A.I. Herzen State Pedagogical Univ., 2022. 252 p.

6. Mironova S.S., Chernova N.Yu., Grechkina N.E. Application of Critical Thinking Development Technology in Classes at a Professional Educational Institution // Global Scientific Space and Society: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (February 7, 2018) Ed. Zaraysky A.A. – Samara: Publishing House of the CPM “Academy of Business”, 2018. – 81 p.

7. Betker L.M. Creative Thinking and Educational Results. [Electronic resource]. URL: https://iro86.ru/images/1%D0%91%D0%B5%D1%82%D0%BA%D0%B5%D1%80_%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0% B5_%D0%BA%D1%80%D1%83%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5 _%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_12/13/2021.pdf

8. Heard J., Scoular C., Duckworth D., Ramalingam D., Teo I. Critical thinking: Skill development framework. Camberwell: Australian Council for Educational Research Publ., 2020. [Online]. Available at: https://research.acer.edu.au/ar_misc/41 (accessed 15.07.2022)

9. Petrova P.P. Critical thinking as a basis for professional competence. – St. Petersburg: Academy Publishing House, 2022.

10. Afonichev G.A., Yakovleva E.V. A study of the level of development of critical thinking in adolescents // Space of pedagogical research. 2025. Vol. 2. No. 1 (5). pp. 7–16. DOI: 10.23859/3034-1760.2025.77.61.001. EDN: GTHUVC.

Цифровая социализация поколения z как фактор трансформации электорального поведения

Ибрагимов Али Закир оглы,
преподаватель кафедры физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: Ibrahimov_66_98@mail.ru

В статье анализируется влияние цифровой социализации поколения Z на трансформацию моделей электорального поведения в современной России. Исследование направлено на выявление механизмов формирования политических установок молодежи в условиях доминирования цифровых платформ и алгоритмически персонализированной информационной среды. Рассматриваются особенности формирования гибридной идентичности поколения Z, роль социальных сетей, мессенджеров и онлайн-сообществ как новых агентов политической социализации.
Особое внимание уделяется влиянию эмоциональных и визуальных нарративов, вирального контента и цифровых инфлюенсеров на формирование электоральных предпочтений. На основе анализа эмпирических данных российских выборов выявляется корреляция между интенсивностью онлайн-активности и изменением моделей политического участия – от традиционных институциональных форм к сетевым форматам мобилизации. Обоснована гипотеза о снижении роли классических институтов политической социализации и усилении значения алгоритмически управляемых информационных потоков.
В работе сформулированы рекомендации по адаптации электоральных стратегий к цифровой среде, включая использование персонализированных кампаний, визуального контента, геймифицированных механизмов и технологий big data. Результаты исследования расширяют теоретические представления о цифровой трансформации политической культуры и могут быть использованы при разработке современных моделей политической коммуникации с молодежной аудиторией.

Ключевые слова: цифровая социализация; поколение Z; электоральное поведение; политическая коммуникация; цифровые платформы; социальные сети; алгоритмы персонализации; эмоциональные нарративы; визуальные форматы; политическая мобилизация; цифровое гражданство; политическая идентичность

Введение

Современная значимость изучения онлайн-социализации молодежи, известной как поколение Z, в контексте их участия в выборах продиктована огромным воздействием интернет-ресурсов на политическую ангажированность молодых людей в 2024 году. Мировые предвыборные кампании наглядно иллюстрируют, как различные онлайн – платформы приобретают статус главных орудий для привлечения избирателей, формируя инновационные формы политического вовлечения. Эта тенденция настоятельно требует пересмотра устоявшихся политологических концепций, созданных в те времена, когда личное общение преобладало над цифровым.

Потребность в приведении теоретической базы в соответствие с реалиями цифровой эпохи подтверждается увеличивающимся расхождением между традиционными прогнозами и фактическим исходом голосований. Тема особенно важна применительно к политической системе России, где представители поколения Z представляют собой долю избирателей, которая неуклонно растет.

Анализ эмпирических данных, собранных в ходе недавних избирательных процессов, выявляет взаимосвязь между степенью освоения цифровой среды и нестандартными подходами к голосованию. Исследование этих явлений позволит не только осмыслить нынешние тенденции, но и спрогнозировать преобразования на политической арене в ближайшем будущем. Таким образом, данная работа вносит свой вклад в академическую область электоральной социологии, предоставляя методики для анализа особенностей поведения «цифрового поколения».

Проблема исследования заключается в методологической ограниченности традиционных теорий электорального поведения, фокусирующихся на социально-демографических факторах и оффлайн-коммуникациях. Эти модели не учитывают радикальное изменение каналов социализации поколения Z, для которого онлайн-взаимодействия первичны по отношению к реальным социальным связям. Невозможность адекватно объяснить волатильность политических предпочтений молодежи приводит к системным ошибкам в прогнозировании и разработке электоральных стратегий. Кризис существующих подходов особенно очевиден при анализе «молниеносных» сдвигов в общественном мнении, инициированных вирусным контентом. Дополнительную сложность создаёт специфика цифровых платформ, где эмоциональные нарративы и визуальные форматы доминируют над рациональной аргументацией. Алгоритмическая сегментация аудитории формирует изолированные информационные пузыри, внутри которых политические установки кристаллизуются под влиянием микросообществ, а не традиционных институтов. Это требует разработки новых исследовательских методик, способных отслеживать нелинейные причинно-следственные связи между онлайн-активностью и электоральным выбором.

Целью работы является выявление механизмов влияния цифровой социализации на трансформацию электорального поведения поколения Z через анализ эмпирических данных российских выборов. Для её достижения поставлены взаимосвязанные задачи: систематизация характеристик онлайн-активности в политическом дискурсе, исследование кейсов изменения моделей участия, установление статистически значимых корреляций между параметрами цифрового поведения и электоральными предпочтениями. Особое внимание уделяется сравнительному анализу эффективности различных форматов цифровых кампаний. Методологическую основу исследования составляют теория медиатизации политики, концепция цифрового гражданства и инструментарий сетевого анализа. Эмпирическая база включает данные мониторинга социальных сетей, результаты exit-polls и глубинных интервью с представителями поколения Z. Комплексный подход позволяет преодолеть ограничения количественных и качественных методов по отдельности, обеспечивая верификацию гипотез через триангуляцию данных.

Концептуальная новизна исследования заключается в доказательстве гипотезы о формировании альтернативных моделей политического участия через цифровую социализацию. Эмпирически подтверждено, что эмоциональные нарративы и визуальные форматы в социальных сетях минимизируют роль традиционных агентов социализации (семьи, образовательных институтов) в формировании электоральных

установок. Это открытие пересматривает устоявшиеся представления о факторах политической идентичности, смещая акцент на алгоритмически управляемые потоки информации. Практическая значимость работы определяется разработкой рекомендаций по адаптации электоральных стратегий к цифровой реальности. Выявленные закономерности позволяют оптимизировать политический маркетинг для поколения Z через использование интерактивных форматов, микровлияетелей и геймифицированных механик. Результаты исследования могут быть применены как политическими акторами для повышения эффективности коммуникаций, так и академическим сообществом для дальнейшего изучения цифровой трансформации демократических процессов.

Ключевые платформы и практики цифровой социализации молодежи

Для поколения Z социальные сети стали основным пространством политического общения. Такие платформы, как ВКонтакте, служат цифровыми агорами, где обсуждаются самые острые общественные и политические темы. Молодые люди применяют эти ресурсы для активного обмена взглядами и быстрого доступа к новостям. Системы персонализированных рекомендаций способствуют углублению информационных фильтров, что в итоге кристаллизует определенные идейные позиции. Характерной чертой такого взаимодействия стала сильная визуализация: политический контент доносится через мемы, инфографику и короткие ролики. Подобные формы подачи заметно увеличивают интерес молодежи к актуальной повестке. Возможности мгновенного распространения пользовательского контента, предлагаемые платформами, ведут к зарождению разветвленных дискуссионных сообществ. Таким образом, возникает среда для прямого, горизонтального диалога, минуя посредничество устоявшихся институтов. Используя несколько платформ одновременно, представители этого поколения могут включаться в политические обсуждения на разных сайтах. У каждого сервиса свой язык коммуникации – от кратких сторис до развернутых текстов. Это многообразие форматов помогает молодым людям составить более полную и объемную картину происходящих в обществе процессов.

Мессенджеры, в свою очередь, берут на себя задачу быстрой координации коллективных действий. Скорость, с которой информация расходится в приватных чатах, оставляет далеко позади классические каналы. Таким образом, открываются свежие перспективы для мобилизации социально активной молодежи. Функции шифрования и самоуничтожения сообщений дают пользователям чувство защищенности при обсуждении деликатных вопросов. Автоматизированные боты и рассылки значительно упрощают вовлечение людей в различные акции. Подобные цифровые инструменты меняют устоявшиеся формы политической самоорганизации, делая их более гибкими и приспособленными к реалиям онлайн-среды.

Онлайн-сообщества выступают источниками альтернативных политических нарративов, конкурирующих с официальными позициями. «Повышение интереса граждан к политическим событиям спровоцировало создание новых и рост активности существующих политизированных сообществ, среди которых можно выделить три основные группы: а) «медийные» (vk «Дума ТВ», vk «Коммерсант», vk «РБК», vk «Топор» и др.); б) сообщества политических акторов: политические, околополитические, оппозиционные, партийные, официальные сообщества (vk «МИД России», «Росмолодежь», vk «Единая Россия», vk «ЛДПР», vk «Либертарианская партия РФ» и др.); в) сообщества вокруг актуальных ключевых политических проблем (СВО) (tg «Операция Z: Военкоры Русской Весны», tg «Голос Мордора», tg «Война с фейками» и др.) [10]». Нишевые сообщества формируют устойчивые смысловые поля вокруг конкретных политических тем. Участники таких групп вырабатывают общий понятийный аппарат и систему интерпретации событий. Подобные экосистемы способствуют поляризации мнений внутри цифрового пространства. Альтернативные нарративы часто используют эмоциональную подачу и упрощенные объяснения сложных процессов.

Геймифицированные форматы политического участия становятся новым инструментом вовлечения молодежи. Квизы, симуляторы и интерактивные голосования трансформируют восприятие политических процессов в игровую плоскость. «Маркерами цифровой социализации и активности современной молодежи может выступать: … увлечение мобильными и компьютерными играми и др. формы [12]». Подобные практики снижают порог входа в политическую дискуссию для цифрового поколения.

Изменение моделей политического участия: от традиционных форм к цифровым форматам

Поколение Z демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению вовлеченности в традиционные формы политического участия. Членство в политических партиях и участие в митингах теряют привлекательность среди молодежи, что коррелирует с ростом их цифровой компетентности. Данная динамика отражает фундаментальный сдвиг в способах взаимодействия с политической сферой. Цифровая среда формирует альтернативные механизмы политической самореализации, вытесняющие институциональные практики. «Таким образом, возникает новый тип публичной политики, отличный от известных ее форм: митингов, выступлений по телевидению, публикаций в традиционных печатных СМИ. К этому «новому публичному типу» политики надо всем (государству, обществу и гражданам) готовиться, с ним всем придется считаться [8]». Подобный переход обусловлен изменением коммуникационных приоритетов и навыков цифровой навигации.

Политическая активность представителей поколения Z все чаще находит выражение в онлайн-петициях и цифровых флешмобах, которые вытесняют традиционные формы. Ключом к их распространению служит быстрая реакция сообщества и простота, с которой можно принять участие. Минимальные усилия, требуемые от пользователя, дают молодым людям возможность влиять на общественную повестку, не жертвуя значительным временем. Сила таких форматов кроется в их потенциале стать вирусными и привлечь внимание многотысячной аудитории. Даже кратковременные инициативы в медиасфере создают у участников ощущение реального эффекта, что подстегивает дальнейшую вовлеченность. Эти подходы знаменуют рождение новой модели гражданского участия, основанной на моментальной мобилизации.

Цифровые пространства для дискуссий кардинально меняют политический диалог, стирая границы расстояний. Платформы социальных сетей и специализированные форумы предоставляют возможность обсуждать насущные проблемы в режиме 24/7. Благодаря этому возникают горизонтальные сообщества, сформированные вокруг конкретных идей. Онлайн-среда нивелирует временные ограничения, неизбежные при личном общении. Возможность участвовать в беседе асинхронно, в подходящий момент, позволяет включаться в политику тем, кто раньше был исключен из классических каналов. Такая адаптивность увеличивает градус гражданской активности среди ранее пассивных групп.

Эволюция способов политического участия связана не только с развитием технологий, но и с идеологическим отторжением устоявшихся процедур. Для современной молодежи характерно недоверие к жестким, формализованным структурам власти. Утрата веры в традиционные институты делает более привлекательными плоские, сетевые модели взаимодействия. Цифровые инструменты отвечают ценностям этого поколения, ставящим во главу угла открытость и равный доступ. Отход от вертикальных, иерархических систем коммуникации отражает глубокую потребность в демократизации всего политического пространства. Данная трансформация свидетельствует о глубинных изменениях в понимании гражданской ответственности.

Роль эмоциональных и визуальных нарративов в формировании электоральных предпочтений поколения Z

Поколение Z демонстрирует повышенную восприимчивость к эмоционально окрашенному контенту при формировании политических установок. Исследования указывают, что кратковременные эмоциональные импульсы часто перевешивают рациональный анализ информации в цифровой среде. Данная тенденция объясняется особенностями когнитивной обработки информации в условиях высокой скорости её потребления. Эмпирические данные подтверждают, что сильные эмоциональные реакции активируют механизмы социального заражения среди молодежи. Политические сообщения с выраженной аффективной составляющей чаще ретранслируются в социальных сетях, формируя коллективные установки. Этот процесс снижает критическую оценку достоверности информации при её восприятии. «Другой причиной быстрого распространения фейков среди молодежи является низкая медиаграмотность и высокая впечатлительность [9]. Популярна такая картина – новостной паблик «Вконтакте», выкладывает информацию, собранную из слухов и домыслов, но вызывающую яркий эмоциональный отклик. Подросток, прочитав эту новость, испытывает негативное, либо позитивное сильное чувство, и спешит делиться новостью со своими знакомыми [9]». Данный механизм объясняет формирование устойчивых электоральных предпочтений на основе эмоционального резонанса.

Визуальные форматы коммуникации стали доминирующими носителями политических смыслов для цифрового поколения. Мемы, инфографика и короткие видеоролики соответствуют особенностям клипового мышления, характерного для пользователей социальных платформ. Их лаконичность и образность обеспечивают быстрое усво-

ение сложных политических концепций. Платформы, использующие формат «Shorts» или «» оптимизированы для распространения визуальных нарративов продолжительностью до 60 секунд. Такие форматы позволяют кодировать политические сообщения через систему узнаваемых символов и метафор. Эффективность визуального контента подтверждается его долей в общем информационном потреблении молодежи, достигающей 68%. Адаптация политического контента под визуальные каналы коммуникации изменяет структуру электорального дискурса. Сложные программы и идеологические платформы редуцируются до набора визуальных маркеров. Это приводит к формированию ассоциативных связей между образами и политическими предпочтениями.

Алгоритмы рекомендательных систем социальных сетей усиливают циркуляцию эмоционально заряженного контента. «Так, информация в Интернет-пространстве обновляется настолько стремительно и быстро, что личность должна проявлять постоянную активность, заинтересованность происходящим в цифровом пространстве и уметь подстраиваться под быстро изменяющееся цифровое пространство [12]». Данный процесс создает фильтрующие пузыри, ограничивающие контакт с альтернативными точками зрения. Следствием алгоритмической селекции становится поляризация электоральных предпочтений внутри молодежных сообществ. Пользователи попадают в информационные экосистемы с гомогенным эмоциональным фоном, что усиливает групповую идентификацию. Наблюдается тенденция к снижению потенциала межгруппового диалога и способствует радикализации политических взглядов.

Кейс-стади: трансформация электорального поведения поколения Z на примере недавних выборов в РФ

Анализ недавних выборов в РФ выявил повышенную эффективность таргетированной цифровой агитации в мобилизации молодых избирателей. Цифровые платформы позволили осуществлять точное сегментирование аудитории по интересам и поведенческим паттернам. Данный подход обеспечил более высокий уровень вовлеченности по сравнению с традиционными медиаканалами. Согласно аналитическим данным, индивидуализированные информационные материалы существенно повышали уровень вовлеченности в избирательный процесс у аудитории, относящейся к поколению Z. Ключевым фактором, усилившим результативность агитационных кампаний в цифровой среде, оказались системы алгоритмического таргетирования, основанные на поведенческих паттернах. Платформы соцсетей проводили оценку цифрового следа пользователей, чтобы выявить их политические симпатии. Подобный подход давал возможность распространять адресные призывы среди узких сегментов аудитории, сокращая при этом бюджетные расходы. Вследствие этого возникали сплоченные сообщества, разделяющие схожие взгляды на голосование. Оценочные замеры выявили, что по степени проникновения в молодежную среду онлайн-инструменты вдвое эффективнее классических способов политического информирования. Применение геоданных и точное планирование времени выхода постов позволяли максимально точно воздействовать на нужную категорию граждан. Подобная тактика сводила на нет информационный фон, свойственный, например, телеэфиру, где сообщения теряются в общем потоке.

Анонимность платформы и шифрование сообщений создавали безопасное пространство для обсуждения альтернативных политических позиций. «Перспективы дальнейшего анализа данной проблематики видятся нам в расширении территориальной выборки респондентов (интересно было бы сравнить медиапрактики молодежи, проживающей в столичных городах и в провинции) и спектра используемых научных методов (в этом плане весьма эффективным могло бы быть проведение экспертных интервью), а также в более глубоком исследовании набирающего все большую популярность телеграм-сегмента новостного потребления современной молодежи [7]». Эти особенности способствовали формированию децентрализованных сетей политической мобилизации.

Меметичный политический контент выступал эффективным инструментом косвенной мобилизации через механизмы культурного кодирования. Визуальные шаблоны и ироничные нарративы упрощали передачу сложных политических идей. «А. Санина, изучив материалы социальных сетей, посвященные президентским выборам в России, приходит к выводу, что визуализация протестных эмоций и ирония становятся новой формой политического диалога в России [15]». Такие форматы повышали вовлеченность аудитории, не обладающей глубокими политическими знаниями. Цифровые мемы функционировали как элементы коллективной идентичности, маркирующие принадлежность к определенной группе. Их вирусное распространение создавало эффект сопричастности к политическому процессу. Этот феномен демонстрирует трансформацию языков политической коммуникации в условиях цифровой среды.

Выводы

Проведенный анализ подтверждает, что цифровая социализация поколения Z формирует принципиально новые модели политического участия. Повседневные онлайн-практики в социальных сетях трансформируют традиционные представления о гражданской активности, выдвигая на первый план виртуальные форматы взаимодействия. Анализ российской электоральной практики показал, что флешмобы и цифровые петиции становятся доминирующими инструментами политического самовыражения. В виртуальном пространстве возникают новые арены для политического становления, где общение между равными превалирует над иерархическими структурами. Постепенное угасание классических способов участия в выборах, таких как членство в партиях или доверие к традиционным медиа становится следствием такой трансформации. Молодое поколение отдает предпочтение гибким, ситуативным формам вовлеченности, адаптированным к логике онлайн-платформ.

Эмпирические данные подтверждают, что для поколения Z ключевую роль в формировании электоральных настроений играют эмоционально окрашенные и визуальные повествования. Вирусный контент в цифровых медиа оказывает более весомое влияние на политические убеждения, чем апелляция к разуму. Изучение российских выборов показало прямую зависимость между распространением эмоционально насыщенного контента и колебаниями электоральных симпатий. Одной из отличительных черт цифровой социализации стало формирование «клипового» политического сознания, когда сложные идеологические концепции уступают место ярким визуальным образам и мемам. Таким образом, объясняется высокую изменчивость политических предпочтений, характерную для этого поколения. Исследование продемонстрировало, что скорость перемен в электоральных ориентациях напрямую коррелирует с активностью потребления визуального контента в социальных сетях.

Выявлена причинно-следственная связь между уровнем цифровой социализации и снижением влияния классических институтов политического образования. Непрерывное онлайн-взаимодействие способствует развитию самостоятельных механизмов формирования политических взглядов, уменьшая значимость семьи и традиционных медиа, а также ведет к разрушению устоявшихся моделей передачи ценностей между поколениями.. Феномен растущей самостоятельности молодежи при принятии электоральных решений, объясняется альтернативной системой политического формирования, сформированной цифровой средой, где первичными становятся онлайн-сообщества, а не институциональные субъекты. При формировании политических предпочтений поколения Z цифровая идентичность становится определяющим фактором.

Необходимость кардинального пересмотра электоральных стратегий для эффективного диалога с поколением Z следует из проведенного анализа. Наибольшую результативность демонстрирует такой инструмент, как персонализированные цифровые кампании, задействующие механизмы микровоздействия через лидеров общественного мнения в социальных сетях.

Сегментация контента по цифровым нишам показывает успешные кейсы мобилизации молодежи в направлении электоральный активности. Геймификация политического контента и использование интерактивных форматов взаимодействия становятся неотъемлемыми элементами современных электоральных стратегий. Поколение Z ожидает от политических акторов не только содержательных сообщений, но и вовлекающего пользовательского опыта. Адаптация к этой тенденции и ее требованиям способствует переосмыслению традиционных подходов к политическим коммуникациям.

Литература

1. Абрамова С.Б., Антонова Н.Л. Молодежь региона в поисках гражданской идентичности: цифровое участие и модель наблюдателя // Регионология. – 2023. – № 2. – С. 393–410.

2. Агапов В.Л., Кириллова Л.Е., Распутная Л.И. и др. Актуальные проблемы общества и государства в представлениях выпускников российских школ (по материалам вступительных эссе абитуриентов ДВФУ) // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2024. – № 1. – С. 12–24.

3. Антонова Н.Л. Онлайн-активность подростков как форма гражданского участия // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – № 3. – С. 1–8.

4. Асеева Т.А. Девальвация значимости мнения «другого» и «аутизация» поколения Z // Социально-политические исследования. – 2023. – № 1. – С. 6–19.

5. Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А. и др. Мифы и реальность о поколении зумеров. – Москва: Институт национальных проектов; ГК ЛАНИТ, 2022. – 44 с.

6. Жуликова К.С. Интернет-технологии как фактор политической мобилизации молодежи // Вопросы политологии. – 2022. – № 6. – С. 1919–1923.

7. Казаков А.А. Медиапотребление в молодежной среде: политический контекст, тенденции развития и факторы влияния // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2025. – № 1. – С. 94–108.

8. Козырева А.А. Почему социальные сети являются инструментом политической власти? // Вестник кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 56–59.

9. Ляхов В.П., Фадеева Н.В., Смитюк А.С. Проблема влияния фейковых новостей на молодое поколение современной россии // Теории и проблемы политических исследований. – 2023. – № 11. – С. 9–20.

10. Морозова С. С., Будко Д.А., Бабюк И.А. Особенности политической коммуникации в виртуальных сообществах в условиях глобальных вызовов и рисков // Политэкс. – 2023. – № 2. – С. 231–234.

11. Ромашкина А.Б., Киричук Д.А. Политическая субъектность цифровых актантов в контексте обеспечения цифрового суверенитета // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: политология. – 2023. – № 4. – С. 848–861.

12. Тишкова А.С. Особенности цифровой социализации современной молодежи: теоретический экскурс // Человеческий капитал. – 2023. – № 12. – С. 212–216.

13. Толстикова И.И., Игнатьева О.А., Кондратенко К.С. и др. Цифровое поведение и характеристики личности поколения Z в условиях глобальной цифровизации // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. Выпуск 4 (Труды XXIII Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2020 (сборник научных статей). – СПб, 2020. – С. 103–115.

14. Тульчинский Г.Л. Экран политики как зрелище. Нарративы упрощенных эмоций // Наука телевидения. – 2018. – № 14. – С. 10–27.

15. Щекотуров А.В., Кришталь М.И. (Ре)конструирование смыслов политической акции в социальной сети «ВКонтакте»: кейс Ивана Голунова // Мир России. – 2020. – № 4. – С. 150–170.

DIGITAL SOCIALIZATION OF GENERATION Z AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF ELECTORAL BEHAVIOR

Ibragimov A.
Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

This article analyzes the influence of the digital socialization of Generation Z on the transformation of electoral behavior patterns in modern Russia. The study aims to identify the mechanisms of political attitude formation among young people in the context of the dominance of digital platforms and algorithmically personalized information environments. It examines the peculiarities of the formation of Generation Z's hybrid identity and the role of social networks, messengers, and online communities as new agents of political socialization.

Particular attention is paid to the influence of emotional and visual narratives, viral content, and digital influencers on the formation of electoral preferences. Based on the analysis of empirical data from Russian elections, a correlation is identified between the intensity of online activity and changes in patterns of political participation–from traditional institutional forms to networked formats of mobilization. The hypothesis of a decline in the role of classical institutions of political socialization and an increase in the importance of algorithmically controlled information flows is substantiated.

The paper formulates recommendations for adapting electoral strategies to the digital environment, including the use of personalized campaigns, visual content, gamified mechanisms, and big data technologies. The results of the study expand theoretical understanding of the digital transformation of political culture and can be used in the development of modern models of political communication with young audiences.

Keywords: digital socialization; Generation Z; electoral behavior; political communication; digital platforms; social networks; personalization algorithms; emotional narratives; visual formats; political mobilization; digital citizenship; political identity

References

1. Abramova S.B., Antonova N.L. Young people in the region in search of civic identity: digital participation and the observer model // Regionology. – 2023. – No. 2. – Pp. 393–410.

2. Agapov V.L., Kirillova L.E., Rasputnaya L.I. et al. Current problems of society and the state in the perceptions of Russian school graduates (based on the entrance essays of Far Eastern Federal University applicants) // Znak: Problematic Field of Media Education. – 2024. – No. 1. – Pp. 12–24.

3. Antonova N.L. Online activity of adolescents as a form of civic participation // World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies. – 2023. – No. 3. – Pp. 1–8.

4. Aseeva T.A. Devaluation of the significance of the opinion of "others" and the "autism" of Generation Z // Socio-political research. – 2023. – No. 1. – Pp. 6–19.

5. Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A. et al. Myths and reality about the Zumer generation. – Moscow: Institute of National Projects; LANIT Group, 2022. – 44 p.

6. Zhulikova K.S. Internet technologies as a factor in the political mobilization of youth // Questions of Political Science. – 2022. – No. 6. – P. 1919–1923.

7. Kazakov A.A. Media consumption among young people: political context, development trends, and influencing factors // Scientific Results. Social and Humanitarian Research. – 2025. – No. 1. – Pp. 94–108.

8. Kozyreva A.A. Why are social networks a tool of political power? // Bulletin of Kemerovo State University. – 2015. – No. 2. – Pp. 56–59.

9. Lyakhov V.P., Fadeeva N.V., Smituk A.S. The problem of the influence of fake news on the younger generation in modern Russia // Theories and problems of political research. – 2023. – No. 11. – Pp. 9–20.

10. Morozova S.S., Budko D.A., Babiuk I.A. Features of political communication in virtual communities in the context of global challenges and risks // PolitEx. – 2023. – No. 2. – Pp. 231–234.

11. Romashkina A.B., Kirichuk D.A. Political subjectivity of digital actors in the context of ensuring digital sovereignty // Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Political Science. – 2023. – No. 4. – Pp. 848–861.

12. Tishkova A.S. Features of the digital socialization of modern youth: a theoretical excursus // Human Capital. – 2023. – No. 12. – Pp. 212–216.

13. Tolstikova I.I., Ignatieva O.A., Kondratenko K.S. et al. Digital behavior and personality characteristics of Generation Z in the context of global digitalization // Information society: education, science, culture, and technologies of the future. Issue 4 (Proceedings of the XXIII International Joint Scientific Conference "Internet and Modern Society," IMS-2020 (collection of scientific articles). – St. Petersburg, 2020. – Pp. 103–115.

14. Tulchinsky G.L. The screen of politics as spectacle. Narratives of simplified emotions // The Science of Television. – 2018. – No. 14. – Pp. 10–27.

15. Shchekoturov, A.V., Kryshtal, M.I. (Re)constructing the meanings of political action on the social network VKontakte: the case of Ivan Golunov // The World of Russia. – 2020. – No. 4. – Pp. 150–170.

Студенчество в пространстве формального и неформального: цифровой фольклор как часть стратегических коммуникаций университета

Иванов Данила Алексеевич,
ассистент кафедры связей с общественностью и рекламы РГПУ им. А.И. Герцена
E-mail: danila.ivanov001@gmail.com

Воскресенский Алексей Александрович,
директор института философии человека, заведующий кафедрой философской антропологии и истории философии РГПУ им. А.И. Герцена

Чистова Анастасия Дмитриевна,
ассистент кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А.И. Герцена

В статье исследуется роль цифрового фольклора (мемов, студенческих нарративов, виртуальных ритуалов) в коммуникационном пространстве современного университета. На основе междисциплинарного подхода, объединяющего теорию коммуникаций, фольклористику и исследования цифровизации образования, анализируется взаимодействие формальных и неформальных каналов обмена информацией в студенческой среде. Эмпирическая часть включает данные опроса, фокус-групп, дискуссий и социометрического анализа, проведённых среди студентов РГПУ им. А.И. Герцена (n = 260). Выявлены ключевые функции цифрового фольклора – интегративная, компенсаторная и диагностическая, – а также его потенциал как инструмента оптимизации обратной связи, формирования групповой идентичности и мониторинга проблемных зон образовательного процесса. Предложена модель стратегических коммуникаций, предполагающая легитимацию неформальных практик, адаптацию официального дискурса к языковым кодам студенческого сообщества и создание гибридных форматов взаимодействия, что способствует формированию целостного университетского дискурса и повышению адаптивности вуза в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровой фольклор, университетские коммуникации, формальные и неформальные практики, стратегические коммуникации, студенческое сообщество, цифровая среда.

Введение

В условиях интенсивной цифровизации образовательных процессов трансформируются не только технологические инструменты обучения, но и сами модели коммуникации внутри университетского сообщества. Противопоставление формальных и неформальных каналов взаимодействия перестаёт быть жёсткой дихотомией, уступая место гибридным формам обмена информацией и смыслами. Особую роль в этом процессе играет цифровой фольклор – мемы, студенческие нарративы, виртуальные ритуалы и иные формы коллективного творчества, циркулирующие в онлайн-среде вуза. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления данного феномена как значимого элемента стратегических коммуникаций университета: он не просто отражает повседневные практики студентов, но и влияет на формирование групповой идентичности, механизмы обратной связи и общий имидж образовательного учреждения.

Цель настоящей работы – выявить функциональную роль цифрового фольклора в коммуникационном пространстве вуза и разработать модель интеграции неформальных практик в стратегические коммуникации университета. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: анализ теоретических подходов к изучению формальных и неформальных коммуникаций в образовательной среде; эмпирическое исследование каналов информационного обмена и фольклорных практик студентов; определение ключевых функций цифрового фольклора; разработка рекомендаций по преодолению барьеров между формальной и неформальной коммуникативными сферами.

Обзор литературы

Теоретическая база исследования формируется на пересечении трёх ключевых направлений: теории коммуникаций, исследований народной культуры и цифрового фольклора, а также анализа эволюции университетов в условиях цифровизации. В области теории коммуникаций основополагающее значение имеет линейная модель публичных коммуникаций Г. Лассуэлла [1], позволяющая концептуализировать чёткое кодирование коммуникативных процессов и взаимосвязь формы и содержания. Эта идея перекликается с известным тезисом М. Маклюэна «Media is the message» [2], подчёркивающим технологический диалогизм современных коммуникаций: форма подачи (включая цифровые форматы) становится содержанием сообщения, что критически важно для понимания роли цифрового фольклора в университетской среде. Современные концепции брендинга, развиваемые в трудах Д. Аакера [3] и Т. Гэда [4], Ж.Н. Капферера [5] получают новое наполнение в условиях развития цифровизации. Модель «4-D Branding» акцентировала функциональное, социальное, ментальное и духовное измерения бренд, что также перекликается с диалогом явленного и сущего в университетской среде.

Существенный вклад в понимание коммуникации как диалога вносит концепция М.М. Бахтина [6], согласно которой смысл сообщения детерминирован контекстом, местом и временем, адресностью коммуникации – это напрямую соотносится с механизмами распространения цифрового фольклора, где значение мема или шутки зависит от ситуации и аудитории. Дополняя эту линию рассуждений, Ю.М. Лотман [7] развивает теорию диалога применительно к взаимодействию с медиакультурными текстами, что позволяет рассматривать цифровой фольклор как динамичный элемент коммуникационного цикла, а не статичный артефакт. Важный аспект разграничения и одновременно интеграции формальных и неформальных коммуникаций раскрывается через работы Н. Лумана [8] и его категорию «взаимопроникновения». Эта модель особенно релевантна для университетской среды, где формальные образовательные процессы (лекции, семинары) и неформальные практики (чаты, мемы, студенческие ритуалы) не просто сосуществуют, а взаимно трансформируются: например, научные конференции создают пространство для неформальных контактов, а личные обсуждения впоследствии оформляются в статьи. Цифровой фольклор выступает здесь медиатором, обеспечивающим гибкую трансляцию знаний и формирование групповой идентичности. В рамках этой модели становится понятно, почему мемы о студенческой жизни или академические шутки не являются периферийным

феноменом, а выполняют стратегическую функцию – снижают иерархичность, усиливают вовлечённость и создают ощущение общности.

При анализе народной культуры центральное место занимают исследования структуры фольклора. В.Я. Пропп [9] в трудах «Морфология волшебной сказки» и «Исторические корни волшебной сказки» выявляет универсальную структуру мифа и законы взаимодействия его элементов, что подтверждается как корпусом сказочных сюжетов, так и антропологическими данными. Эта структурная преемственность находит отражение и в цифровом фольклоре, где устойчивые нарративные схемы воспроизводятся в новых медиаформатах. Дж. Кэмпбэлл [10] в работе «Тысячеликий герой» развивает идею «мономифа», исследуя его архетипическую природу, что помогает объяснить, почему определённые сюжеты (о преодолении трудностей, инициации) так легко адаптируются в университетском фольклоре. А. Дандес [11] фокусируется на репрезентациях народного творчества через призму коллективных моделей восприятия, подчёркивая, что фольклор всегда отражает групповые ценности – это ключевая мысль для понимания роли цифровых практик в вузовской среде. В контексте цифрового фольклора значимы современные исследования Дж. Берджеса [12], С. Дж. Борннера [13], Т. Дж. Бланка [14] и А. Дж. Капаниариса [15], анализирующих механизмы создания и распространения фольклорных текстов в медиасреде. Их работы показывают, что цифровой фольклор сохраняет базовые признаки традиционного (коллективность, вариативность, устность), но приобретает новые черты: мгновенность распространения, мультиплатформенность, интерактивность. Особую методологическую ценность представляет здесь акторно-сетевая теория Б. Латура [16], позволяющая рассмотреть цифровые практики как систему взаимосвязанных акторов. В университетском контексте это означает, что мемы, чаты или онлайн-легенды не существуют изолированно – они встроены в сложную сеть взаимодействий между студентами, преподавателями, платформами и даже алгоритмами, формируя гибридное коммуникативное пространство.

Изучение университетов в эпоху цифровых коммуникаций опирается на ряд ключевых концепций. Н. Винер [17] предложил модель цикличности и обратной связи, актуальную для понимания современных коммуникационных процессов в вузах: цифровой фольклор становится элементом этой обратной связи, отражая реакцию сообщества на формальные практики. А. Ассман [18] исследует трансформацию культурных практик памяти и внимания в цифровом обществе, отмечая, что «главная техника» образования смещается от памяти к вниманию – это объясняет, почему визуальный и игровой контент так эффективен для вовлечения студентов. Ж.-Ф. Лиотар [19] в рамках концепции «состояния постмодерна» фиксирует кризис легитимации знания и переосмысление целевых функций вузов, что делает цифровой фольклор важным инструментом самолегитимации: через локальные нарративы университет создаёт образ живой, динамичной среды, а не бюрократической машины. Эволюция университетов от гумбольдтовской модели [20] научно-исследовательских институтов к инновационным экосистемам раскрывается в теории «тройной спирали» Г. Ицковица [21] и Л. Лейдесдорфа [22], подчёркивающей роль множества стейкхолдеров. В этом контексте цифровой фольклор может рассматриваться как элемент экосистемы, способствующий горизонтальному взаимодействию между участниками. П. Темпл [23] связывает эти процессы с пользовательским опытом и трансформацией «связующих пространств» вуза, определяя место как «пространство, которое имеет значение для его пользователей». Это напрямую относится к цифровым практикам: виртуальные платформы становятся такими «местами», где формируется идентичность сообщества. Идея Дж. Урри [24] о сближении географически удалённых людей через цифровые технологии демонстрирует перенос пространственных категорий в виртуальную среду – в университете это проявляется в том, что студенты из разных кампусов могут объединяться вокруг общих мемов или онлайн-ритуалов.

Среди современных российских исследований, посвящённых цифровому фольклору в формальном и неформальном пространстве вуза, следует отметить работы О.В. Гуцаленко [25], которая рассматривает цифровизацию как двойственный процесс: с одной стороны, она расширяет доступ к фольклорным традициям через интерактивные форматы (VR, базы данных), с другой – ведёт к «мемориализации», заменяя живое исполнение фиксированными материалами. Это ставит перед университетами задачу сохранения баланса между инновациями и аутентичностью. Т.А. Дуденкова [26] анализирует три модели соотношения формального и неформального в научной коммуникации, показывая, что цифровой фольклор функционирует в рамках последней модели как элемент неформальной коммуникации, обогащающий формальные процессы. М.В. Загидуллина [27] разрабатывает теорию интернет-фольклора, выделяя пять условий его возникновения: устный характер интеракций, безавторство, наличие традиции, отсутствие внешних регуляторов отбора и приспособленность к неточной репликации. Е.В. Неборский, М.В. Богуславский и Т.А. Наумова [28] предлагают концепцию цифрового университета как интегративного конструкта, включающего цифровой формат, среду, ресурсы и платформу. М.А. Васильева и О.В. Беззубова [29] рассматривают университет как культурный топос, чья легитимность обеспечивается нарративами и визуальными кодами. П.С. Кузнецов, О.В. Лешуков и В.Ф. Елисеенко [30] анализируют роль неформальных образовательных пространств как площадок для спонтанного обучения и социального взаимодействия. Д.Ю. Нархов [31] исследует взаимодействие вузовских общностей (преподавателей, студентов, администрации), отмечая разрыв между формальными структурами и неформальными практиками.

Итак, общие выводы исследований сводятся к тому, что цифровой фольклор в университете – это не периферийный феномен, а значимый элемент стратегических коммуникаций. Он обеспечивает баланс между формальными требованиями и неформальными практиками; укрепляет идентичность сообщества через коллективные нарративы; использует гибридные пространства для трансляции ценностей; компенсирует недостатки бюрократизированных систем; дополняет легитимирующие нарративы вуза. Для его анализа необходим междисциплинарный подход, объединяющий теорию коммуникаций, фольклористику и образовательные стратегии.

Результаты исследования

В рамках эмпирического исследования был реализован комплекс социологических методов сбора и анализа данных, включавший опрос, методику фокус-групповых дискуссий и социометрический анализ групп. Эмпирическая база исследования сформирована на площадке института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Генеральная совокупность исследования представлена студентами бакалавриата очной формы обучения, представляющими различные направления подготовки. Объём выборочной совокупности составил 260 респондентов. Структурный анализ выборки демонстрирует, что преобладающую долю участников опроса (85%) составляют обучающиеся на 3 и 4 курсах, что обусловливает специфику исследуемой группы с точки зрения академической социализации и сформированных ценностно-нормативных установок.

В ходе эмпирического исследования коммуникативных практик студенческой среды методом опроса были выявлены существенные различия в использовании официальных и неофициальных каналов информационного обмена. Согласно полученным данным, лишь 37% респондентов систематически обращаются к институционально закреплённым каналам коммуникации (официальный сайт вуза, верифицированные аккаунты в социальных сетях, рассылки), тогда как 23% демонстрируют крайне низкую вовлечённость в эти каналы. При этом доминирующую роль в горизонтальном обмене информацией играют неформальные структуры: студенческие чаты (49%), межличностные коммуникации внутри учебных групп (25%) и тематические сообщества в соцсетях (20%). Примечательно, что оценка скорости распространения информации демонстрирует паритет между формальными и неформальными каналами: 37% опрошенных отмечают оперативность официальных источников, а 39% – неофициальных, что свидетельствует о сформированности параллельных информационных потоков в университетской среде. Анализ феномена цифрового фольклора в студенческой среде выявил его устойчивую репрезентативность и функциональную значимость. Так, 7% респондентов позиционируют себя как активных создателей подобного контента, а 25% участвуют в его генерации эпизодически. Среди жанровых предпочтений лидируют: мемы и юмористические тексты о сессии (49%), шутки о преподавателях (35%), а также локальные нарративы (истории и легенды о вузе – 8%) и пародийные имитации официальных сообществ (8%). Мотивационный анализ демонстрирует, что 69% участников рассматривают цифровой фольклор как средство эмоциональной разрядки, тогда как 20% воспринимают его как нейтрально-развлекательный феномен. При этом 64% респондентов усматривают в таком контенте потенциал для позитивного влияния на имидж вуза. 77% – возможность для оптимизации коммуникации между студенчеством и администрацией, что указывает на осознание студентами социорегулятивной функции неформального дискурса.

Исследование также зафиксировало особенности циркуляции слухов и реакции на них со стороны университетского сообщества. 34% опрошенных признались в эпизодическом участии в распространении непроверенной информации, причём ключевыми платформами остаются мессенджеры. Оценка временных параметров показывает, что 45% студентов считают скорость распространения неформальных сведений сопоставимой с оперативным новостным циклом (в пределах су-

ток). В контексте взаимодействия администрации с пользовательским контентом 36% респондентов настаивают на необходимости реагирования в случаях негативного или недостоверного контента. 71% опрошенных подчёркивают важность стилистической конгруэнтности ответов. Эмоциональный отклик на цифровой фольклор преимущественно позитивен: 64% связывают его с чувством юмора, 16% – с гордостью за вуз. Кроме того, 60% участников опроса видят в таком контенте инструмент привлечения внимания к проблемам университета, что актуализирует вопрос о встраивании неформальных коммуникативных практик в систему университетского менеджмента.

Проведённый анализ эмпирических данных при ответе на открытые вопросы, исследующие студенческие нарративы, позволяет констатировать высокую степень институционализации неформального дискурса в академической среде. Студенческий фольклор выступает как устойчивая система символических практик, выполняющая ряд значимых социокультурных функций: интегративную (формирование групповой идентичности через общий семантический код), компенсаторную (эмоциональная разрядка посредством юмористических нарративов) и критическую (легализация латентного недовольства через мифологизацию негативных образов). Характерно, что фольклорные конструкции демонстрируют полифункциональность: одни и те же нарративы могут одновременно служить средством сплочения группы, механизмом психологической адаптации к академическому стрессу и формой непрямой коммуникации с администрацией. Структурный анализ выявляет чёткую типологию фольклорных элементов: персонализированные мифы (о преподавателях и «студентах-легендах»), локальные ритуалы (символические практики, связанные с пространством вуза), вербальные мемы (редуцированные цитаты, превращённые в речевые клише).

Семантический анализ фольклорных текстов обнаруживает ряд закономерностей в механизмах мифологизации академической реальности. Во-первых, прослеживается тенденция к бинарной оценке персонажей: один и тот же субъект может репрезентироваться как в позитивном («легендарный», «культовый»), так и в негативном («некомпетентный», «неприятный») ключе, что отражает диалектику студенческих переживаний и сложность процессов социальной перцепции в образовательной среде. Во-вторых, отмечается гибридность жанровых форм: фольклорные нарративы синтезируют элементы анекдота, городской легенды, мема и слухов, создавая поликодовый текст с высокой степенью вариативности интерпретации. В-третьих, фиксируется тенденция к материализации устных нарративов через письменные практики (ведение «дневников цитат», фиксация мемов в чатах), что способствует институционализации фольклора как элемента корпоративной культуры.

Содержательный анализ позволяет выделить ключевые тематические блоки: индивидуализированные образы преподавателей и студентов, пространственные ритуалы, вербальные клише. В совокупности эти элементы формируют неформальную иерархию ценностей, где приоритет отдаётся не институциональным нормам, а локальным традициям, юмору и экспрессивной индивидуальности, что требует дальнейшего изучения в контексте управления университетской средой и формирования позитивного студенческого опыта. На основании анализа дискурса студенческой аудитории выявлен существенный потенциал цифрового фольклора как инструмента оптимизации коммуникативных процессов в университетской среде. Эмпирические данные демонстрируют, что ключевыми проблемами академического сообщества выступают фрагментация социальной структуры (отсутствие интегрированного информационного пространства между структурными подразделениями, локализация микрогрупп, слабая межпотоковая коммуникация) и дефицит механизмов эффективной обратной связи. В данном контексте цифровой фольклор может выполнять функцию социокультурного интегратора, формируя общие семантические маркеры и способствуя конструированию общеуниверситетской идентичности.

Особое значение приобретает его социализирующий потенциал в адаптации первокурсников: неформализованный контент снижает психоэмоциональную напряжённость, легитимизирует практики самовыражения и упрощает инкорпорацию в студенческую субкультуру. Кроме того, повторяющиеся меметические паттерны, фокусирующиеся на конкретных аспектах образовательного процесса (организация расписания, состояние инфраструктуры, педагогические методики), функционируют как индикаторы латентных конфликтогенных зон, что позволяет рассматривать их в качестве инструмента мониторинга скрытых противоречий. Для реализации данного потенциала респонденты предлагают комплекс мер: адаптацию официального коммуникационного стиля к лингвистическим особенностям поколения Z, делегирование управления цифровыми платформами студенческому активу, переориентацию на приоритетные мессенджеры, внедрение юмористических элементов в информационные сообщения и трансформацию реакции на проблемный контент из репрессивной в конструктивную. При этом подчёркивается необходимость соблюдения баланса между институциональной официальностью и заимствованием эффективных приёмов молодёжной коммуникации (оперативность, ироничность, визуальная лаконичность), что способно не только оптимизировать внутренние коммуникативные процессы, но и укрепить конкурентные позиции вуза за счёт формирования имиджа современного и студентоориентированного образовательного учреждения.

Для дополнения данных, полученных в результате опроса, было проведено пять фокус-групп со студентами старших курсов различных направлений. Выявлены следующие закономерности. Подтверждено, что центральным каналом неформальной коммуникации выступают неофициальные студенческие чаты, где доминирует непринуждённый стиль общения, включающий юмористические высказывания. При этом юмор выполняет значимую психоэмоциональную функцию – служит механизмом снятия стресса и канализации негативных переживаний. В частности, зафиксирована тенденция к использованию шуток как формы «выплеска негатива» в ситуациях фрустрации (например, в ответ на субъективно воспринимаемую несправедливость со стороны преподавателей), когда прямая вербализация недовольства невозможна.

Анализ ценностных установок респондентов позволил выявить дифференцированное отношение к границам формальной и неформальной коммуникации в университетской среде. Студенты артикулируют ожидание чёткого разделения зон ответственности: администрация вуза должна оставаться исключительно в поле формальных взаимодействий, тогда как неформальный дискурс (включая цифровой фольклор) рассматривается как легитимный способ привлечения внимания к актуальным проблемам. Примечательно, что респонденты выражают запрос на расширение присутствия цифрового фольклора в официальных цифровых каналах вуза (прежде всего в социальных сетях), при этом сохраняя толерантность к существующим иерархическим барьерам между администрацией и обучающимися в реальной жизни. Однако подчёркивается необходимость предотвращения чрезмерной дихотомии коммуникативных пространств – разрыва между формальной реальностью, где доминирует демонстративная «благополучность», и неформальной, где раскрываются подлинные проблемы.

Кроме того, в результате социометрического анализа четырёх академических групп студентов 1–4 курсов очной формы обучения (каждая численностью не менее 25 человек) выявлены закономерности распределения статусных позиций в студенческих коллективах. Установлено, что лидерские роли преимущественно занимают индивиды, демонстрирующие способность к гибкой навигации между формальной и неформальной коммуникативными реальностями при выраженной ориентации на соблюдение формальных норм и точность в их исполнении. При этом студенты, активно вовлечённые в создание и трансляцию цифрового фольклора, выполняют функцию «трикстеров»: они не претендуют на формальное лидерство, но играют значимую роль в неформальной структуре группы, выступая либо в качестве дополнения к лидеру, либо как его парный партнёр в рамках неформального взаимодействия.

Обсуждение результатов

В результате анализа эмпирических данных выявляется фундаментальная трансформация коммуникационного пространства современного университета, характеризующаяся формированием дихотомической структуры взаимодействий: с одной стороны, институционально закреплённые каналы коммуникации, с другой – стихийно возникающие неформальные цифровые практики. Ключевой вывод исследования заключается в том, что цифровой фольклор функционирует не как периферийный феномен, а как системный элемент университетской коммуникации, выполняющий ряд стратегически значимых функций: интегративную (консолидация сообщества), компенсаторную (снижение академического стресса) и диагностическую (индикация проблемных зон образовательного процесса). Данная двойственность требует от управленческих структур вуза перехода от монологовой модели взаимодействия к полифоническому диалогу с сообществом.

Особую научную и практическую значимость приобретает проблема преодоления барьеров между формальной и неформальной коммуникативными средами. Исследование демонстрирует, что жёсткое разделение этих пространств приводит к фрагментации университетского сообщества и снижению эффективности обратной связи. Оптимальной стратегией видится не подавление неформальных практик, а их институциональная интеграция посредством: (а) легитимации цифрового фольклора как валидного канала коммуникации; (б) адаптации

официального дискурса к лингвистическим и семиотическим кодам студенческого сообщества; (в) создания гибридных коммуникационных форматов, сочетающих институциональную строгость с неформальной доступностью. Такой подход позволяет трансформировать потенциальный конфликт формального и неформального в синергетическое взаимодействие.

В рамках модели стратегических коммуникаций особую роль играет механизм взаимного перевода кодов между различными уровнями университетской среды. Это предполагает: во-первых, систематическую интерпретацию семантики цифрового фольклора для выявления скрытых запросов и тревог студенческого сообщества; во-вторых, осторожную инкорпорацию элементов неформального дискурса (юмор, визуальные метафоры, разговорные конструкции) в официальные коммуникационные каналы. Важнейшим условием эффективности данной стратегии выступает баланс между аутентичностью и управляемостью: сохранение узнаваемых черт студенческого фольклора при одновременном приведении его в соответствие с институциональными целями и ценностями университета.

Реализация модели требует от университетского менеджмента смены парадигмы управления коммуникациями: от контроля и регламентации – к фасилитации и со-творчеству. Это включает: развитие культуры открытого диалога между администрацией и студентами; создание кросс-функциональных рабочих групп для разработки коммуникационных стратегий; внедрение регулярного мониторинга цифрового фольклора как инструмента социологической диагностики. В перспективе такой подход не только оптимизирует внутренние коммуникационные процессы, но и способствует формированию интегративного университетского дискурса, в котором формальные и неформальные элементы взаимодействуют как взаимодополняющие компоненты единой смысловой системы. Это, в свою очередь, укрепляет идентичность академического сообщества и повышает адаптивность вуза к вызовам цифровой эпохи.

Заключение

Таким образом, проведённое исследование подтверждает, что цифровой фольклор выступает не периферийным, а стратегически значимым элементом коммуникационного пространства современного университета. Он выполняет интегративную, компенсаторную и диагностическую функции, способствуя консолидации студенческого сообщества, снижению академического стресса и выявлению латентных проблем образовательной среды. Выявленная дихотомия формальных и неформальных каналов коммуникации не должна восприниматься как конфликтная – напротив, её преодоление через институциональную интеграцию цифрового фольклора позволяет выстроить полифонический диалог между всеми участниками университетского процесса. Предложенная модель стратегических коммуникаций, основанная на легитимации неформальных практик, адаптации официального дискурса к языковым кодам студенческого сообщества и создании гибридных форматов взаимодействия, открывает перспективы для формирования целостного университетского дискурса. Такой подход не только оптимизирует внутренние коммуникационные процессы, но и укрепляет идентичность академического сообщества, повышая адаптивность вуза к вызовам цифровой эпохи и способствуя становлению студентоориентированной образовательной среды.

Литература

1. Lasswell. The structure and function of communication in society. // The Communication of Ideas. N.Y.: Harper and Brothers,. – 1948.
2. Маклюэн М. Понимание медиа: внешнее расширение человека. М., Жуковский: КАНОНПресс-Ц, Кучково поле, 2007. 464 с.
3. Aaker, David (1996). Building Strong Brands. Free Press.p. 400. ISBN: 0–02–900151-X
4. Gad, Thomas (2000) 4-D Branding: Cracking the Corporate Code of the Network Economy. Financial Times Management, 256 p.
5. Kapferer, Jean-Noël. New strategic brand management: creating and sustaining brand equity long term / Jean-Noël Kapferer. – 4th ed. 2008, p. 10.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Походаев В.С.. – Москва: Искусство, 1986. – С. 445. – 258 с.
7. Лотман, Ю.М. Диалог с экраном / Ю.М. Лотман, Ю.Г. Цивьян. – Таллинн: Издательство «Александра», 1994. – 217 с. – ISBN 9985-827-04-X.
8. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева; Под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007.
9. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Москва: МИФ, 2024. – 608 с.
10. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. – СПб.: Питер, 2025. – 544 с.: ил.
11. Dundes A. Interpreting Folklore. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1980. – 304 p.
12. Burgess J. Hearing Ordinary Voices: Cultural Studies, Vernacular Creativity and Digital Storytelling // Continuum: Journal of Media. 2006. Vol. 20. № 2. P. 201–214.
13. Bronner S.J. Digitizing and virtualizing folklore // Folklore and the Internet: vernacular expression in a digital world. Utah State University Press, 2009. P. 21–66
14. Blank T.J. Folk Culture in the Digital Age. The Emergent Dinamic of Human Interaction. Fort Collins: University Press of Colorado, 2012. P. 262
15. Kapaniaris A.G. Folk Culture and Cutting Edge Technologies: Digital Folklore. Greece, 2022. P. 1–3.
16. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. – Oxford University Press, 2005.
17. Винер Н. Информация, язык и общество // Кибернетика. М.: Наука, 1983. С. 236–248.
18. Assmann A. The Printing Press and the Internet: From a Culture of Memory to a Culture of Attention // Globalization, Cultural Identities, and Media Representations. NY: State University of NY Press, 2006. P. 11–23.
19. Жан-Франсуа Лиотар. Состояние постмодерна (1979). Перевод с французского: Н.А. Шматко, «Институт экспериментальной социологии», Москва; Издательство «АЛЕТЕЙЯ», Санкт-Петербург, 1998.
20. Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности. Челябинск: Социум, 2009. 304 с. ISBN: 978–5–91603–110–2
21. Etzkowitz, H. (2003). Innovation in Innovation: The Triple Helix of University-Industry-Government Relations. Social Science Information, 42(3), 293–337. https://doi.org/10.1177/05390184030423002
22. Leydesdorff, L. (2006). The knowledge-based economy and the triple helix model. In Understanding the dynamics of a knowledge economy. Edward Elgar Publishing. https://doi.org/10.48550/arXiv.1201.4553
23. Temple P. Space, Place and Institutional Effectiveness in Higher Education // Policy Reviews in Higher Education. 2018. Vol. 2, no 2. P. 133–150. DOI: 10.1080/23322969.2018.1442243.
24. Урри Дж. Как выглядит будущее? / Джон Урри; пер. с англ. А. Матвеенко; под науч. ред. С. Щукиной. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 320 с.
25. Гуцаленко, О.В. Цифровизация: современная культурологическая мысль о сохранении и переосмыслении фольклора / О.В. Гуцаленко // Культура и цивилизация. – 2023. – Т. 13, № 9–1. – С. 144–153. – DOI 10.34670/AR.2023.62.61.017. – EDN VDZKSE.
26. Дуденкова, Т.А. Основные модели соотношения формального и неформального в научной коммуникации / Т.А. Дуденкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 124. – С. 144–152. – EDN NCBCXN.
27. Загидуллина, М.В. Теория интернет-фольклора: коммуникация фольклорного типа и самоидентификация участников крупных форумов / М.В. Загидуллина // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, № 4. – С. 86–96. – EDN UMMHAD.
28. Неборский, Е.В. Концепция цифрового университета: структура, управление и организация педагогического процесса / Е.В. Неборский, М.В. Богуславский, Т.А. Наумова // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2023. – № 3(114). – С. 116–129. – DOI 10.22204/2587–8956–2023–114–03–116–129. – EDN LHCBFL.
29. Васильева, М.А. Легитимация университета в современной культуре / М.А. Васильева, О.В. Беззубова // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 3. – С. 108–123. – DOI 10.31992/0869–3617–2022–31–22–3–108–123. – EDN FKYCJY.
30. Кузнецов, П.С. Особенности развития неформальных образовательных пространств университетских кампусов / П.С. Кузнецов, О.В. Лешуков, В.Ф. Елисеенко // Университетское управление: практика и анализ. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 58–71. – DOI 10.15826/umpa.2023.03.023. – EDN FKIUFS.
31. Нархов, Д.Ю. Взаимодействие вузовских образовательных общностей в университетском научном пространстве / Д.Ю. Нархов // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33, № 2. – С. 9–30. – DOI 10.31992/0869–3617–2024–33–2–9–30. – EDN IFUCUU.

STUDENTS IN THE SPACE OF FORMAL AND INFORMAL: DIGITAL FOLKLORE AS A PART OF UNIVERSITY STRATEGIC COMMUNICATIONS

Ivanov D.A., Voskresensky A.A., Chistova A.D.,
A.I. Herzen State Pedagogical University of St. Petersburg

The article examines the role of digital folklore (memes, student narratives, virtual rituals) in the communicative space of a modern university. Drawing on an interdisciplinary ap-

proach that integrates communication theory, folklore studies, and research on the digitalization of education, the study analyzes the interplay between formal and informal channels of information exchange within the student community. The empirical section presents data from a survey, focus-group, discussions, and sociometric analysis conducted among students at Herzen State Pedagogical University of Russia (n = 260). The research identifies key functions of digital folklore – integrative, compensatory, and diagnostic – as well as its potential as a tool for optimizing feedback mechanisms, fostering group identity, and monitoring problem areas within the educational process. A strategic communication model is proposed, advocating for the legitimation of informal practices, the adaptation of official discourse to the linguistic codes of the student community, and the creation of hybrid interaction formats. This approach contributes to the formation of a cohesive university discourse and enhances institutional adaptability in the digital environment.

Keywords: digital folklore, university communications, formal and informal practices, strategic communications, student community, digital environment.

References

1. Lasswell. The structure and function of communication in society. // The Communication of Ideas. N.Y.: Harper and Brothers,. – 1948.

2. McLuhan, M. Understanding Media: The External Extension of Man. Moscow, Zhukovsky: KANONPress-C, Kuchkovo Pole, 2007. 464 p.

3. Aaker, David (1996). Building Strong Brands. Free Press.p. 400. ISBN: 0–02–900151-X

4. Gad, Thomas (2000) 4-D Branding: Cracking the Corporate Code of the Network Economy. Financial Times Management, 256 p.

5. Kapferer, Jean-Noël. New strategic brand management: creating and sustaining brand equity long term / Jean-Noël Kapferer. – 4th ed. 2008, p. 10.

6. Bakhtin, M.M. The Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: Iskusstvo, 1986, pp. 445–258.

7. Lotman, Yu.M. Dialogue with the Screen. Tallinn: Alexandra Publishing House, 1994, 217 p. ISBN 9985-827-04-X.

8. Luhmann, N. Social Systems. An Outline of the General Theory. Translated from German by I.D. Gaziev; Ed. by N.A. Golovin. St. Petersburg: Nauka, 2007.

9. Propp, V. Ya. The Morphology of the Fairy Tale. Historical Roots of the Fairy Tale. – Moscow: MIF, 2024. – 608 p.

10. Campbell, J. The Hero with a Thousand Faces. – St. Petersburg: Piter, 2025. – 544 p.: ill.

11. Dundes, A. Interpreting Folklore. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1980. – 304 p.

12. Burgess, J. Hearing Ordinary Voices: Cultural Studies, Vernacular Creativity, and Digital Storytelling // Continuum: Journal of Media. 2006. Vol. 20. No. 2. P. 201–214.

13. Bronner, S.J. Digitizing and virtualizing folklore // Folklore and the Internet: vernacular expression in a digital world. Utah State University Press, 2009. pp. 21–66

14. Blank T.J. Folk Culture in the Digital Age. The Emergent Dynamics of Human Interaction. Fort Collins: University Press of Colorado, 2012. P. 262

15. Kapaniaris A.G. Folk Culture and Cutting Edge Technologies: Digital Folklore. Greece, 2022. P. 1–3.

16. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. – Oxford University Press, 2005.

17. Wiener N. Information, language and society // Cybernetics. M.: Nauka, 1983. pp. 236–248.

18. Assmann A. The Printing Press and the Internet: From a Culture of Memory to a Culture of Attention // Globalization, Cultural Identities, and Media Representations. NY: State University of NY Press, 2006. P. 11–23.

19. Jean-François Lyotard. The Postmodern Condition (1979). Translated from the French: N.A. Shmatko, Institute of Experimental Sociology, Moscow; ALETEYA Publishing House, St. Petersburg, 1998.

20. Humboldt, V. On the Limits of State Activity. Chelyabinsk: Socium, 2009. 304 p. ISBN: 978–5–91603–110–2

21. Etzkowitz, H. (2003). Innovation in Innovation: The Triple Helix of University-Industry-Government Relations. Social Science Information, 42(3), 293–337. https://doi.org/10.1177/05390184030423002

22. Leydesdorff, L. (2006). The knowledge-based economy and the triple helix model. In Understanding the dynamics of a knowledge economy. Edward Elgar Publishing. https://doi.org/10.48550/arXiv.1201.4553

23. Temple, P. Space, Place, and Institutional Effectiveness in Higher Education // Policy Reviews in Higher Education. 2018. Vol. 2, no. 2. P. 133–150. DOI: 10.1080/23322969.2018.1442243.

24. Urry, J. What Does the Future Look Like? / John Urry; trans. from English by A. Matveenko; under the scientific editorship of S. Shchukina. – M.: Publishing house "Delo" RANEPA, 2018. – 320 p.

25. Gutsalenko, O.V. Digitalization: Modern Cultural Thought on the Preservation and Rethinking of Folklore / O.V. Gutsalenko // Culture and Civilization. – 2023. – Vol. 13, No. 9–1. – Pp. 144–153. – DOI 10.34670/AR.2023.62.61.017. – EDN VDZKSE.

26. Dudenkova, T.A. Basic Models of the Relationship between Formal and Informal in Scientific Communication / T.A. Dudenkova // Bulletin of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. – 2010. – No. 124. – P. 144–152. – EDN NCBCXN.

27. Zagidullina, M.V. Theory of Internet Folklore: Folklore-Type Communication and Self-Identification of Participants in Large Forums / M.V. Zagidullina // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. – 2015. – Vol. 157, No. 4. – P. 86–96. – EDN UMMHAD.

28. Neborsky, E.V. The Concept of the Digital University: Structure, Management, and Organization of the Pedagogical Process / E.V. Neborsky, M.V. Boguslavsky, T.A. Naumova // Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences. – 2023. – No. 3(114). – pp. 116–129. – DOI 10.22204/2587–8956–2023–114–03–116–129. – EDN LHCBFL.

29. Vasilyeva, M.A. Legitimation of the university in modern culture / M.A. Vasilyeva, O.V. Bezzubova // Higher education in Russia. – 2022. – T. 31, No. 3. – P. 108–123. – DOI 10.31992/0869–3617–2022–31–22–3–108–123. – EDN FKYCJY.

30. Kuznetsov, P.S. Features of the development of informal educational spaces on university campuses / P.S. Kuznetsov, O.V. Leshukov, V.F. Eliseenko // University management: practice and analysis. – 2023. – Vol. 27, No. 3. – Pp. 58–71. – DOI 10.15826/umpa.2023.03.023. – EDN FKIUFS.

31. Narkhov, D. Yu. Interaction of university educational communities in the university scientific space / D. Yu. Narkhov // Higher education in Russia. – 2024. – Vol. 33, No. 2. – P. 9–30. – DOI 10.31992/0869–3617–2024–33–2–9–30. – EDN IFUCUU.

Социально-психологические факторы лояльности сотрудников в торговой компании Дальневосточного региона: социологический анализ

Ким Александр Сергеевич,
доктор политических наук, доцент, профессор Вышей школы социальных и политических наук, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: aleksakimov206@gmail.com

Молчанов Василий Валентинович,
магистрант направления «Социальная работа», Тихоокеанский государственный университет
E-mail: molchanovvv@inbox.ru

В статье представлены результаты эмпирического социологического исследования, посвящённого выявлению и анализу социально-психологических факторов, влияющих на лояльность сотрудников торговой компании. Использовались данные полугодового мониторинга индекса eNPS (сентябрь 2025 – февраль 2026) и контент-анализ открытых вопросов (всего обработано 149 анкет с учётом того, что одни и те же люди могли участвовать в опросах несколько раз). Выявлены ключевые детерминанты лояльности: социально-психологический климат, стиль руководства, а также ценностный конфликт между стремлением к командной сплочённости и внутренней конкуренцией. Обнаружены значимые различия в факторах удержания в зависимости от стажа работы и типа подразделения (офис или разъездная работа). Показано, что при сравнительно высоком уровне лояльности (средний eNPS составил +52) существуют зоны социальной напряжённости, связанные с несовпадением ожиданий работников и реальных условий труда. Результаты могут быть полезны для совершенствования программ удержания персонала и оптимизации социально-психологического климата.

Ключевые слова: лояльность, социально-психологический фактор, индекс NPS, удержание сотрудников, компания, «политика лояльности».

Введение

В условиях нехватки квалифицированных кадров проблема удержания сотрудников стала для компаний одной из самых острых. Лояльность работников перестала быть просто желательным качеством – без неё бизнес просто не может стабильно функционировать. Исследователи отмечают: в 2024 году индекс лояльности (eNPS) в России заметно снизился, опустившись до 19%, что говорит о растущем скептицизме работников и падении их приверженности работодателям [2]. Особенно актуально изучение социально-психологических факторов лояльности в компаниях, где много удалённых сотрудников (например, торговых представителей) и разветвлённая филиальная структура. В таких условиях прямое управленческое воздействие слабее, зато возрастает роль неформальных отношений [1]. Корпоративная культура и психологический климат становятся главными инструментами, которые обеспечивают слаженную работу и удовлетворённость персонала [7].

Цель исследования – выявить и проанализировать в динамике социально-психологические факторы, которые определяют уровень лояльности в торговой компании дальневосточного региона (осуществляю щей деятельность в Хабаровском крае, Амурской области, Приморском крае) на основе данных полугодового мониторинга.

Теоретико-методологические рамки исследования

Лояльность персонала обычно рассматривают как многомерное понятие, включающее эмоциональную приверженность (готовность разделять ценности компании), текущую приверженность (осознание выгод от работы здесь) и нормативную приверженность (чувство долга перед работодателем) [4]. Методологию Net Promoter Score (NPS) придумал Фред Райхельд для измерения лояльности потребителей. Позже её адаптировали для оценки лояльности сотрудников, назвав Employee Net Promoter Score (eNPS) [11]. Главное отличие в том, что в классическом NPS спрашивают: «С какой вероятностью вы порекомендуете нашу компанию своим друзьям или знакомым?», а в eNPS вопрос звучит иначе: «Насколько вероятно, что Вы порекомендуете нашу компанию как место работы своим друзьям/знакомым?» [12]. Из-за этой, казалось бы, небольшой поправки акцент смещается с внешней рекомендации товаров или услуг на внутреннюю оценку работодателя и условий труда. Как пишут в практических руководствах, eNPS не только измеряет текущую лояльность, но и помогает прогнозировать риск текучести: те, кто не готов рекомендовать компанию как место работы, скорее всего, уже подумывают об увольнении [13]. По сравнению с многофакторными опросниками вовлечённости, eNPS прост (всего один ключевой вопрос) и легко интерпретируется, что делает его удобным для регулярного мониторинга.

Индекс eNPS рассчитывают, разбивая респондентов на три группы на основе оценки по шкале от 0 до 10 [11, 12]: 1) 9–10 баллов – те, кто активно рекомендует компанию; 2) 7–8 баллов – пассивные, вроде бы удовлетворённые, но не склонные к активной рекомендации; 0–6 баллов – нелояльные сотрудники, которые могут распространять негатив. В разных источниках эти группы называют по-разному. Для верхней группы (9–10) используют термины «промоутеры» (прямая калька с английского promoters), «сторонники» или «лоялисты». Среднюю группу (7–8) именуют «нейтралы», «пассивные сотрудники», иногда «индифферентные». А вот для нижней группы (0–6) вариантов много: «критики», «детракторы» («detractors»), «негативисты», «противники» [11, 13].

В нашей статье акцентируется внимание на «промоутерах», «нейтралах» и «негативистах» по следующим причинам. «Промоутеры» – самый распространённый и короткий термин в русскоязычной HR-среде, он прямо отсылает к оригинальной методологии NPS. «Нейтралы» – слово понятное, не несёт негативного оттенка (в отличие от «пассивных») и точно отражает отсутствие как активной поддержки, так и критики. А «негативистов» мы выбрали потому, что этот термин, во-первых, лучше других передаёт не просто отсутствие лояльности, а именно выраженное негативное отношение, которое, как видно из открытых ответов, часто сопровождается активной критикой условий работы и руководства; во-вторых, он уже устоялся в русскоязычной литературе [2, 12]; в-третьих, он позволяет не путать их с «критиками»

в маркетинговом смысле (критика ведь может быть конструктивной) и подчёркивает деструктивный потенциал этой группы с точки зрения удержания кадров и внутреннего климата.

Исследования последних лет показывают, что значимыми предсказателями лояльности выступают [6, 10]: 1) качество социально-психологического климата (мало конфликтов, есть взаимопомощь); 2) стиль руководства и доступность обратной связи; 3) справедливая оплата труда и понятная система мотивации; 4) возможности для профессионального и карьерного роста; 5) условия труда и удобство рабочего места.

Материалы и методы

Был осуществлен анализ данных шести волн опросов, которые проводились с сентября 2025 по февраль 2026 года. Исследование проходило в крупной торговой компании, работающей на Дальнем Востоке уже больше десяти лет. Компания занимается оптово-розничной торговлей хозяйственными товарами, электротехникой, а ещё – сопутствующими группами (в том числе продуктами питания). Головной офис находится в Хабаровске.

В опросах участвовали две основные категории сотрудников:

1. Офисные сотрудники (закупки, логистика, бухгалтерия, административный персонал) – работают в офисе в Хабаровске.

2. Разъездные сотрудники (торговые представители) – они делятся на две подгруппы:

2.1. те, кто базируется в Хабаровске и обслуживает ближайшие районы (иногда приезжают в офис);

2.2. те, кто работает на удалённых территориях (Амурская область, Приморский край, Хабаровский край за пределами города), для них посещение офиса не обязательно.

Всего за полгода мы собрали 149 анкет (это с учётом повторных заполнений – одни и те же люди могли отвечать в разные месяцы). Уникальных респондентов, конечно, меньше, но для анализа динамики eNPS и контент-анализа каждая анкета важна как отдельное наблюдение, отражающее состояние удовлетворённости в конкретный месяц. Поначалу опрос был обязательным – сотрудники должны были заполнить электронную анкету. Но сразу возникла проблема: люди не доверяли анонимности. Они боялись, что по косвенным признакам (подразделение, стаж, регион) их ответы вычислят. На первых этапах многие отказывались участвовать, говорили, что нет гарантий конфиденциальности. Чтобы обеспечить хотя бы минимальную репрезентативность, руководителям подразделений пришлось контролировать прохождение опроса подчинёнными. Перелом наступил через 3–4 месяца. К январю 2026 года некоторые сотрудники уже сами спрашивали в HR-отделе, будет ли опрос в этом месяце. Почему так изменилось отношение? Потому что часть проблем, которые поднимали в открытых ответах (например, отсутствие зеркала в офисе – это упоминалось не раз), быстро решили. Люди увидели, что их мнение что-то меняет, и перестали бояться «наказания» за критику. Так что начиная с четвёртой волны (декабрь 2025) участие стало добровольным, а охват остался стабильно высоким.

Составляющими опросника являлись:

1. Главный вопрос eNPS: «По шкале от 0 до 10, насколько вероятно, что вы порекомендуете нашу компанию как место работы своим друзьям или знакомым».

2. Открытые вопросы: почему поставили такую оценку, что нужно улучшить.

3. Блоки вопросов об удовлетворённости по модулям: «Руководство», «Команда», «Условия труда», «Развитие».

При анализе использовались следующие методы:

1) подсчет индекса eNPS в динамике;

2) контент-анализ открытых ответов, выделяя ключевые категории;

3) сравнение групп (офисные сотрудники и торговые представители с разным стажем).

Результаты

Динамика индекса лояльности eNPS (таблица 1) показывает, что лояльность менялась волнообразно. Средний показатель за полгода – +52. Это довольно высокий уровень, он заметно выше среднероссийского (+19) [2]. Самый высокий показатель был в декабре 2025 (+58), вероятно, из-за новогодних корпоративов и годовых бонусов. А в феврале 2026 индекс снизился до +52, доля «негативистов» выросла и составила 14%.

Контент-анализ позволил выделить следующие 2 группы факторов, влияющих на лояльность.

1. Первая группа (позитивные факторы удержания сотрудников):

а) социально-психологический климат (42% упоминаний): «дружный коллектив», «атмосфера в коллективе», «корпоративные мероприятия».

б) стиль руководства (31% упоминаний): «лояльное начальство», «адекватные руководители», «руководство понимающее, всегда придет на выручку».

в) стабильность и условия труда (18% упоминаний): «стабильность», «своевременная оплата труда», «хом офис», «удобный график».

г) содержание работы (9% упоминаний): «интересная работа», «возможность развиваться».

Таблица 1. Динамика индекса eNPS (сентябрь 2025 – февраль 2026)

Месяц	Промоутеры (9–10), %	Нейтралы (7–8), %	Негативисты (0–6), %	Индекс eNPS
Сентябрь 2025	60	25	15	+45
Октябрь 2025	68	22	10	+58
Ноябрь 2025	62	24	14	+48
Декабрь 2025	70	18	12	+58
Январь 2026	64	26	10	+54
Февраль 2026	66	20	14	+52

2. Вторая группа (негативные факторы, вызывающие недовольство, и препятствующие удержанию сотрудников):

а) Внутренняя конкуренция (29% упоминаний): чаще всего люди писали «не хочу работать со знакомыми», «из-за внутренней конкуренции, дабы друзья не стали врагами», «пересекающийся ассортимент». Это очень интересный феномен – ценностный конфликт: с одной стороны, люди ценят хорошие отношения, а с другой – боятся конкуренции, которая эти отношения разрушает.

б) неудовлетворённость зарплатой (24% упоминаний): «несправедливая оплата труда», «повысить зарплату», «премии выдавать», «белая зарплата, увеличить до 130 тысяч».

в) логистические и технические проблемы (22% упоминаний): «проблемы с доставкой», «отсутствие нужного товара», «материально-техническое обеспечение».

г) график и переработки (15% упоминаний): «работа в праздничные дни», «высокая нагрузка, стресс, переработки».

д) качество управления и обратной связи (10% упоминаний): «жуткий супервайзер», «необоснованные принципы руководства», «пятничные созвоны, много времени уходит на бесполезную информацию».

Сравнительный анализ данных опроса сотрудников в зависимости от подразделений и стажа показал следующие результаты.

1. У офисных сотрудников главные проблемы – работа в праздники, отсутствие окон и вентиляции («повесить зеркало», «офис с окнами»), плохое взаимодействие между отделами. У торговых представителей – логистика и доставка, пересечение ассортимента и конкуренция с коллегами, большие расходы на авто («масло, резина, ремонт»), а также то, что суточные давно не индексировались.

2. Те, у кого стаж работы менее года («новички»), чаще хвалят «лояльных руководителей», «хом офис», «дружный коллектив». Сотрудники со стажем 1–3 года дают более сбалансированные оценки. Те же, стаж работы которых более трёх лет («стажисты»), – самые критичные. Их запросы конкретны и прагматичны: индексация зарплаты, пересмотр суточных, компенсация расходов на авто, решение системных проблем с ассортиментом и логистикой. Это согласуется и с данными других исследований: после 3–5 лет работы без ясных перспектив роста лояльность падает [3].

Особо следует рассмотреть такой фактор лояльности как ценностный конфликт, где предметом выступает значимость позитивной социально-психологического климата в трудовом коллективе. С одной стороны, сотрудники дорожат хорошими отношения в коллективе («атмосфера», «дружный коллектив» – 42% позитивных упоминаний). С другой – главная причина снижения оценки eNPS – это нежелание работать с друзьями и знакомыми из-за внутренней конкуренции (29% негативных упоминаний). Следует привести, например такие высказывания: 1) «Не хочу работать в месте со знакомыми» (оценка 4); 2) «Не люблю работать со знакомыми» (оценка 8); 3) «Из-за внутренней конкуренции, дабы друзья не стали врагами» (оценка 1); 4) «Не со всеми друзьями бы работал вместе» (оценка 7). Налицо противоречие между потребностью в поддержке, которую обеспечивает позитивный социально-психологический климат и опасением утратить его в конкурентной среде.

Обсуждение результатов в ракурсе социологического анализа

1. Результаты проведенного исследования еще раз подтверждают большую значимость социально-психологического климата по сравнению с формальными программами признания [7], о чем свидетельствует то, что 62% сотрудников называют токсичную атмосферу главной причиной увольнения [8]. В социологической литературе отмечается, что лояльность коллегам и непосредственному руководителю может быть выше лояльности организации в целом, и это создаёт риски при изменениях [4]. В представленном в данной статье исследовании получены результаты, показывающие, что позитивный фактор (хорошие отношения) в конкурентной среде превращается в демотиватор.

2. Проблема неудовлетворённости оплатой и её несоответствия региональным условиям Дальнего Востока отражает общероссийскую тенденцию: 71% работодателей называют низкую зарплату главной причиной увольнений [9]. А требования «стажистов» («суточные не менялись с 2000 года», «зарплата руководителей на уровне 2020 года») указывают на отсутствие системной индексации, что воспринимается как несправедливость. Различия в факторах лояльности между подразделениями и группами с разным стажем подтверждают, что нужен персонализированный подход к мотивации [3, 6]. Универсальные программы удержания, которые не учитывают специфику должности, стажа и региона, являются неэффективными.

3. Целесообразно также высказаться о проблеме доверия к опросной системе. Сначала сотрудники отнеслись к ней скептически, но когда руководство отреагировало на конкретные жалобы (например, повесили зеркало в офисе), отношение изменилось. Это подтверждает значимость в проведении «политики лояльности» самого факта демонстрации того, что мнение персонала действительно влияет на управленческие решения [5].

Заключение

1. Уровень лояльности в компании в дальневосточных регионах выше, чем в среднем по России (средний eNPS +52), но он нестабилен. Значит, нужна системная работа по удержанию ключевых сотрудников.

2. Главное, что удерживает людей – это позитивный социально-психологический климат и доброжелательное руководство. Эти внеэкономические факторы отчасти компенсируют проблемы зарплаты и логистики.

3. Основная зона напряжённости в проведении компанией «политики лояльности» – это ценностный конфликт из-за пересекающихся зон ответственности и внутренней конкуренции. Дружеские отношения, которые могли бы быть ресурсом, становятся источником стресса.

4. Есть заметные различия в факторах лояльности в зависимости от принадлежности к подразделению и стажа работы. Значит, формирование факторов мотивации в рамках проведения компанией «политики лояльности» с целью удержания сотрудников должна быть дифференцированной.

5. Доверие к опросам обусловлено эффективностью обратной связи с руководством компании, если в результате коммуникации происходят реальные позитивные изменения в условиях труда и быта сотрудников. Именно поэтому трансформация вынужденного участия в мониторинге лояльности в добровольную заинтересованность – это признак успешности в политике лояльности компании.

В качестве практической рекомендации можно предложить компаниям: 1) провести оптимизацию зоны ответственности торговых представителей для снижения внутреней конкуренции; 2) осуществить пересмотр индексации зарплат и компенсации расходов (особенно для тех сотрудников с большим стажем); 3) усилить интерактивность корпоративной коммуникации в части интенсификации обратной связи от руководства компании и адресной работаты с запросами различных категорий сотрудников. В научно-эвристическом плане представляются перспективными междисциплинарные исследования по изучению: а) взаимосвязей между типом темперамента и восприятием социально-психологического климата [7], б) динамики социально-психологических факторов лояльности на протяжении более длительных временных периодов.

Литература

1. Шихгафизов, П.Ш. Трансформация роли корпоративной культуры организации в формировании лояльности персонала / П.Ш. Шихгафизов // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2024. – Т. 15. – № 4. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/24SCSK424.pdf

2. Онучин, А. Лояльность сотрудников близка к рекордному минимуму: что произошло в 2024 / А. Онучин // РБК Компании. – 2025. – 1 июля. – URL: https://companies.rbc.ru/news/Yu5vYuM7Rh/loyalnost-sotrudnikov-blizka-k-rekordnomu-minimumu-chto-proizoshlo-v-2024/

3. Нидергаус, Е.О. Влияние межпоколенческих различий на вовлеченность персонала в деятельность организации / Е.О. Нидергаус, Е.В. Кеммет // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2025. – Т. 18. – № 5. – С. 200–210. – DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.11

4. Трофимова, Е.Л. Исследование приверженности персонала к организации / Е.Л. Трофимова, В.Ю. Бондаренко // Психология в экономике и управлении. – 2014. – № 2. – С. 63–71.

5. Любко, Е. Почему HR измеряет вовлеченность не тем, что важно бизнесу / Е. Любко // РБК Компании. – 2025. – 18 декабря. – URL: https://companies.rbc.ru/news/CZ8h83i6DB/pochemu-hr-izmeryaet-vovlechennost-ne-tem-chto-vazhno-biznesu/

6. Исследование Хабра и «КОРУС Консалтинг»: сотрудники хотят денег и гибкого графика, а компании предлагают обучение и тимбилдинги // КОРУС Консалтинг. – 2025. – 1 апреля. – URL: https://koruscon-sulting.ru/press-centr/issledovanie-khabra-i-korus-konsalting-sotrudniki-khotyat-deneg-i-gibkogo-grafika/

7. Клименкова, Т.А. Оценка социально-психологического климата и поведенческих установок персонала на предприятиях ресторанного бизнеса / Т.А. Клименкова, И.В. Щедрина // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 12. – С. 1202–1205. – DOI: 10.34925/EIP.2021.137.12.237

8. Что не так с лояльностью ваших сотрудников // Большие Идеи. – 2025. – URL: https://big-i.ru/komanda/upravlenie-lyudmi/860450/

9. Российские работодатели назвали главные причины увольнения сотрудников [Электронный ресурс] // Известия. – 2025. – 1 июля. – URL: https://iz.ru/1913186/2025–07–01/rossiiskie-rabotodateli-nazvali-glavnye-prichiny-uvolnenia-sotrudnikov (дата обращения: 27.03.2026).

10. Пехтерева, В.В. Оценка влияния социально-психологического климата группы на кадровый потенциал организации / В.В. Пехтерева, Д.И. Зиновьева // Вести Автомобильно-дорожного института. – 2024. – № 2(45). – С. 58–64. – URL: https://ojs.donntu.ru/vestiadi/article/view/236

11. Что такое eNPS и зачем его измерять [Электронный ресурс] // Sales-generator.ru. – URL: https://sales-generator.ru/blog/chto-takoe-enps/ (дата обращения: 27.03.2026).

12. Индекс лояльности сотрудников eNPS: что это и как рассчитать [Электронный ресурс] // Mirapolis. – URL: https://www.mirapolis.ru/blog/indeks-loyalnosti-sotrudnikov-enps-chto-eto-i-kak-rasschitat/ (дата обращения: 27.03.2026).

13. Оценка лояльности сотрудников: как использовать опрос eNPS [Электронный ресурс] // РБК Компании. – 2025. – URL: https://companies.rbc.ru/news/IZyNweI83k/otsenka-loyalnosti-sotrudnikov-kak-ispolzovat-opros-enps/ (дата обращения: 27.03.2026).

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FACTORS OF EMPLOYEE LOYALTY IN A TRADING COMPANY OF THE FAR EASTERN REGION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Kim A.S., Molchanov V.V.
Pacific National University

The article presents the results of an empirical sociological study devoted to the identification and analysis of socio-psychological factors influencing the loyalty of employees of a trading company. The data came from six months of eNPS monitoring (September 2025 – February 2026) and a content analysis of open-ended questions (149 questionnaires in total, taking into account that the same employees could participate repeatedly). Key determinants of loyalty are identified: socio-psychological climate, leadership style, and a value conflict between team cohesion and intra-organizational competition. Significant differences in retention factors depending on work experience and department (office vs. field staff) are found. It is shown that despite a relatively high level of loyalty (average eNPS +52), there are zones of social tension related to a mismatch between employee expectations and actual working conditions. The results can be used to improve employee retention programs and optimize the socio-psychological climate.

Keywords: loyalty, socio-psychological factor, NPS index, employee retention, company, loyalty policy.

References

1. Shikhgafizov, P. Sh. Transformation of the role of the corporate culture of the organization in the formation of staff loyalty/P. Sh. Shikhgafizov//World of Science. Sociology, philology, cultural studies. – 2024. – T. 15. – № 4. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/24SCSK424.pdf

2. Onuchin, A. Employee loyalty is close to a record low: what happened in 2024/A. Onuchin//RBC Company. – 2025. – July 1. – URL: https://companies.rbc.ru/news/Yu5vYuM7Rh/loyalnost-sotrudnikov-blizka-k-rekordnomu-minimumu-chto-proizoshlo-v-2024/

3. Niedergaus, E.O. Impact of intergenerational differences on staff involvement in the organization's activities/E.O. Niedergaus, E.V. Kemmet//Economic and social changes: facts, trends, forecast. – 2025. – VOL. 18. – № 5. – S. 200–210. – DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.11

4. Trofimova, E.L. Study of staff commitment to organization/E. L. Trofimova, V. Yu. Bondarenko//Psychology in economics and management. – 2014. – № 2. – S. 63–71.

5. Lyubko, E. Why HR does not measure engagement by what is important to business/E. Lyubko//RBC Company. – 2025. – December 18. – URL: https://companies.rbc.ru/news/CZ8h83i6DB/pochemu-hr-izmeryaet-vovlechennost-ne-tem-chto-vazhno-biznesu/

6. Habra Research and KORUS Consulting: employees want money and flexible hours, and companies offer training and team building//KORUS Consulting. – 2025. – April 1. – URL: https://korusconsulting.ru/press-centr/issledovanie-khabra-i-korus-konsalting-sotrudniki-khotyat-deneg-i-gibkogo-grafika/

7. Klimenkova, T.A. Assessment of the socio-psychological climate and behavioral attitudes of personnel at restaurant enterprises/T. A. Klimenkova, I.V. Shchedrin// Economics and Entrepreneurship. – 2021. – № 12. – S. 1202–1205. – DOI: 10.34925/EIP.2021.137.12.237

8. What's wrong with the loyalty of your employees//Big Ideas. – 2025. – URL: https://big-i.ru/komanda/upravlenie-lyudmi/860450/

9. Russian employers named the main reasons for the dismissal of employees [Electronic Resource]//Izvestia. – 2025. – July 1. – URL: https://iz.ru/1913186/2025–07–01/rossiiskie-rabotodateli-nazvali-glavnye-prichiny-uvolnenia-sotrudnikov (access date: 27.03.2026).

10. Pekhtereva, V.V. Assessment of the influence of the socio-psychological climate of the group on the personnel potential of the organization/V.V. Pekhtereva, D.I. Zinoviev// Vesti Automobile and Road Institute. – 2024. – № 2(45). – S. 58–64. – URL: https://ojs.donntu.ru/vestiadi/article/view/236

11. What is eNPS and why should it be measured [Electronic Resource]// Sales-generator.ru. – URL: https://sales-generator.ru/blog/chto-takoe-enps/ (access date: 27.03.2026).

12. eNPS Employee Loyalty Index: what it is and how to calculate [Electronic Resource]//Mirapolis. – URL: https://www.mirapolis.ru/blog/indeks-loyalnosti-sotrudnikov-enps-chto-eto-i-kak-rasschitat/ (access date: 27.03.2026).

13. Assessment of employee loyalty: how to use the eNPS survey [Electronic resource]//RBC Company. – 2025. – URL: https://companies.rbc.ru/news/lZyNwel83k/otsenka-loyalnosti-sotrudnikov-kak-ispolzovat-opros-enps/ (access date: 27.03.2026).

История современного турецкого языка: культурная ориентация и политические стратегии

Колдунова Ирина Яновна,
канд. полит. наук, ст. преп., Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы
E-mail: koldunova-iya@rudn.ru

В статье рассматривается история становления современного турецкого языка; дается представление об экстралингвистических факторах, повлиявших на стилистическую дифференциацию османского языка в период создания «османской нации»; дается оценка политическим стратегиям турецкого руководства в преобразовании турецкого языка, повлиявшим на формирование турецкой национальной идентичности.

Ключевые слова: современный турецкий язык; персидский язык; арабский язык; ислам; османский язык; языковая реформа; Мустафа Кемаль Ататюрк; национальная идентичность; европеизация.

Турецкий язык (*Türk Dili, Türkçe*), на котором говорит свыше 75 млн человек, является государственным языком Турецкой Республики. Он относится к огузо-сельджукской подгруппе огузской группы тюркских языков и характеризуется рядом присущих ей основных генетических и типологических черт: в области лексики – общностью основного словарного фонда, в фонетике – свойственными языкам тюркского строя законами сингармонизма, в морфологии – агглютинативным типом форм словообразования и словоизменения, в синтаксисе – фиксированным порядком компонентов словосочетаний и предложений и т.д. Наряду с общими чертами, турецкий язык обладает некоторыми специфическими особенностями, отличающими его от других современных тюркских языков, в том числе и от языков огузской группы.

В конце X века расширилась первая исламская тюркская империя в Центральной Азии (Караханидское государство). Проникновение тюрок из Центральной Азии в исламское пространство с IX по X век стало поворотным моментом не только в пространственном, но также в политическом и социальном измерении. В XI веке союз тюркских племен, известный под именем «сельджуки», завоевал большую часть Передней Азии. Отдельная ветвь сельджуков осела в конце XI века в Анатолии и сформировавших там в XII в. государство Сельджукидов, а позже, в XIV в., Османское государство, ставшее затем Османской империей, которая достигла своего наивысшего расцвета в XV–XVI вв. В этот период началось становление турецкой народности и турецкого языка.

Начиная с XI века исламизированные тюрки постепенно входили в исламский мир, в исламское сообщество. От своих давно освоившихся на этой земле соседей тюрки резко отличались не только в этническом и языковом отношении, но и социокультурном – они представляли прежде всего военный и властный сектор общества от Месопотамии и Анатолии до Индии или Центральной Азии. Языковая дифференциация привела к тому, что образованные и высокопоставленные тюрки к тому времени постоянно использовали более престижный персидский язык. При дворе сельджукских султанов персидский язык был принят в качестве официального. В ту эпоху он являлся языком поэзии и прозы для многих народов Востока.

Ислам, новая религия, пришедшая в Центральную Азию с западного края континента, из Западной Азии, заговорил с тюрками уже на знакомом им персидском языке. Именно благодаря персидскому языку, как утверждает Берт Г. Фрагнер, многим тюркам ислам не казался абсолютно чужим. Политическая и военная экспансия тюркских династий в Средней Азии, особенно на Иранском нагорье и на территории современного Афганистана, хотя и несла с собой усиление тюркского языка, но парадоксальным образом в большей пропорции содействовала прежде всего языку персидскому, наряду с арабским [1].

Арабский язык, являвшийся языком ислама и распространившийся в результате арабских завоеваний в VII–X вв. на огромной территории Африканского и Азиатского континентов, повлиял на языки многих народов, в том числе и на большинство тюркских языков, будучи, подобно латыни в средневековой Европе, языком религии и науки мусульманских народов.

Следствием такого тесного взаимодействия арабского и персидского языков с тюркскими языками, в том числе с языками огузо-сельджукских племен, явилось проникновение в последние большого количества арабских и персидских заимствований, относящихся к разным языковым ярусам – от лексики до морфологии и синтаксиса.

Таким образом, в результате весьма длительного и своеобразного социолингвистического процесса, начавшегося в период формирования турками своей государственности, в условиях социальной дифференциации в эпоху феодальной системы и под влиянием целого ряда политических, экономических, религиозных, культурных и других экстралингвистических факторов, произошла резкая социальная стратификация турецкого языка, повлекшая за собой образование социально обусловленных функциональных стилей, существенным образом различавшихся как по внутриструктурным языковым свойствам, так и по сферам употребления. Этот процесс стилистической дифференциации турецкого языка, имеющий аналоги в ряде европейских языков в эпоху феодализма, привел к образованию «высокого литературного стиля», который сформировался на основе конгломерата

упомянутых выше арабских и персидских, а также собственно турецких лексических и грамматических элементов. Этот стиль как основная норма литературного турецкого языка обслуживал весьма узкий социальный круг – султанский двор, высшие слои феодального общества, духовенство. Возникнув как письменная норма, этот стиль, традиционно отождествляемый с термином «османский язык» (*Lisani Osmani*), использовался как официальный государственный язык (на нем писались фирманы – указы султана), велось делопроизводство, в том числе судебное [2]. Кроме того, этот стиль, наряду с арабским и персидским языками, являлся языком художественной литературы и науки, концентрировавшихся в феодальную эпоху при султанском дворе и в резиденциях крупных феодалов и духовенства. Элитарность «высокого» стиля и ограниченность его распространения обусловили существование другого варианта литературного стиля турецкого языка, менее насыщенного иноязычными заимствованиями и опиравшегося на народный язык. Образцами данного варианта могут служить произведения как ранних (Юнус Эмре, XIII в.), так и более поздних классиков турецкой литературы (Эвлия Челеби, XVII в.).

Большинство ученых-тюркологов придерживаются следующей периодизации: эпоха «староосманского языка» (*Eski Osmanlıca*) – XIII–XV вв., эпоха «среднеосманского языка» (*Orta Osmanlıca*) – XV–XIX вв. и эпоха «новоосманского языка» (*Yeni Osmanlıca*) – XIX–XX вв.

Эпоха «староосманского языка» связана с периодом становления турецкой государственности и зарождения турецкого языка из языков огузо-сельджукских племен. В этот же период – период формирования феодального государства – из смешанных, типологически разнородных фонетических, лексических, морфологических и синтаксических элементов арабского, персидского и собственно турецкого языка стал формироваться и «высокий» литературный стиль.

Эпоха «среднеосманского языка» связана с периодом расцвета и упадка Османской империи и развития «высокого» стиля, который господствовал во всех сферах государственной деятельности, в литературе, науке, искусстве. В эту эпоху усилилась роль и значение арабского языка, являвшегося языком ислама – государственной религии Османской империи. На арабском языке велось преподавание в религиозных школах – медресе, без основательного знания арабского и персидского языков было невозможно читать и писать «по-османски». В среднеосманский период окончательно сложился основной пласт арабско-персидской лексики, занявший в «высоком» стиле до 90% общего лексического фонда и отразившийся на разговорном народном языке. В этот период произошло окончательное размежевание между «высоким» стилем литературного языка и разговорными нормами народного языка. Таким образом, языковой барьер полностью изолировал широкие народные массы от упомянутых выше сфер общественной и культурной жизни. Если народ и правители говорят на разных языках, одной из сторон рано или поздно придётся или уступить, или найти радикальные пути решения этого вопроса.

Эпоха «новоосманского языка» связана с периодом османского реформизма – Танзимата (*Tanzimat*, 1839–1878 гг.). Надо заметить, что культурная ориентация Турции на Европу в эпоху Танзимата нашла отражение и в языке, точнее в его «высоком стиле», в виде большого количества лексических заимствований из европейских языков, главным образом из французского языка, отражавших общественно-политическую и научно-техническую терминологию и культурные реалии буржуазного европейского общества. Значительная часть этих заимствований калькировалась путем использования той же арабской и персидской лексики: фр. *opinion publique* – осм. *efkâr-ı umumiye* «общественное мнение»; фр. *relations internationals* – осм. *münasebat-ı beynelmilel* «международные отношения»; фр. *Crise ministérielle* – осм. *buhran-ı vükelâ* «министерский кризис» [2].

Сознавая бедность лексического фонда османского языка для выражения новых понятий и в целях обогащения этого фонда, сторонники развития языка, в том числе объединенные вокруг литературного журнала «Серветифюнун» (*Servetifünun*), основанного в 1891 г., обращались непосредственно к арабскому и персидскому языкам для лексических заимствований и словотворчества: такие неологизмы как ар. *mefkûre* «идея», *usulliyyat* «методология», *heyeti udul* «жюри» и многие другие существовали только в османском языке [2].

Политико-экономическое давление и культурное влияние ведущих мировых держав, которые осуществляли переход к конституционализму и индустриальной экономике, а также растущая мощь периферии (Балканы, Египет) остро поставили перед Османской империей вопрос о реформах. Османская интеллектуальная элита попыталась укрепить слабеющую империю с помощью создания «османской нации» на основе беспрецедентного для исламской истории превращения всех подданных в граждан, равных перед законом независимо от веры, происхождения и языка. В продвижении реформ активную роль играли мусульманские реформаторы (Джмаль ад-Дин аль-Афгани, Мухаммад Абдо и др.), обращавшиеся к мусульманам на понятном им языке Корана.

Как отмечает И.В. Кудряшова, османизм имел неоднозначные последствия для османской имперской идентичности: с одной стороны, усилилось чувство принадлежности к общей культуре, с другой – произошёл рост этнического и регионального самосознания.

Младотурецкая революция 1908 г., движущей силой которой стало молодое образованное офицерство, озвучило новую версию османизма, предполагавшую формирование полиэтнической османской нации из албанцев, греков, других небольших этнических групп и тюркского населения Анатолии и ее тюркизацию [3]. Идеи тюркизма и пантюркизма стали ориентирами новой идентичности. Турецкий язык быстро развивался: при младотурках он стал языком государства и современной культуры (арабская орфография была упрощена) [4].

Передовые деятели османской культуры этого период, такие как Намык Кемаль, Ахмед Митхат, Шемседдин Сами, Ибрагим Шинаси, позже Омер Сейфеддин, Зия Гёкальп и многие другие, искали пути преодоления разрыва между литературными и разговорными нормами османского языка, пути их реформирования для приобщения широких народных масс к образованию; предлагалось избегать употребления арабской и персидской лексики при наличии в языке турецких эквивалентов, отказаться от чуждых строю турецкого языка иноязычных грамматических правил, выявить лексический фонд турецкого языка, реформировать его графику и орфографию, установить основы национального турецкого языка. Зия Гёкальп полагал, что нация, стержнем которой является культура, система образования, язык, может веками существовать в скрытом состоянии при неблагоприятных политических условиях. Восстановить свою истинную идентичность она может только при распаде подавляющего ее политического строя (в данном случае монархии и имперской бюрократии) [5].

В эпоху младотурецкой революции, несмотря на взрыв национального самосознания турок и стремление к решению национальных и языковых проблем, так же, как и при Танзимате не было достигнуто положительных результатов в области реформы османского языка.

Как попытки организаторов журнала «Тюрк дернеги» (*Türk Derneği*, 1909 г.) сделать «высокий» литературный стиль общенациональным языком, так и идея объединения его с разговорным языком и создание «нового языка» (*Yeni Lisan*), выдвинутая литературным объединением «Генч калемлер» (*Genç Kalemler*, 1911 г.), не разрешили проблемы национального языка: в обоих случаях не было и речи об отказе от «высокого стиля» османского языка в пользу народного турецкого языка [2].

Только после крушения Османской империи, развития национально-освободительного движения и провозглашения республики (1923 г.) в Турции были созданы реальные условия для проведения коренных реформ в области языка, получивших в турецкой лингвистике наименование «Языковой революции» (*Dil Devremi*). Основными задачами «Языковой революции» являлись преобразование словарного фонда турецкого языка, его функциональных стилей, нормализация и кодификация грамматических, стилистических и орфографических норм и правил. Новые социальные отношения в Турции требовали ликвидации элитарности литературного языка, демократизации письменных норм и сближения их с разговорным народным турецким языком. Организатором движения за реформирование турецкого языка был основатель Турецкой Республики Мустафа Кемаль Ататюрк. Идея перехода на латинский алфавит была вначале малопопулярна не только среди консерваторов, презиравших «закорючки неверных», но и среди реформаторов, сторонников Кемаля. И все же 1 ноября 1928 года турецкий парламент утвердил замену арабского алфавита латинским, и с 1 декабря 1928 года на новый алфавит перешли все издатели газет и книг, а публичное использование арабского алфавита (языка Корана) было запрещено[6]. В мировой политической истории, Франция была первой страной, которая стала использовать язык в качестве политического инструмента. Политический деятель Франции того времени кардинал Ришельё, основал Французскую Академию для того, чтобы французский язык стал инструментом организации мощного централизованного королевства.

Когда был упразднен институт халифата и произошла «Языковая революция», Турецкая Республика отошла от Востока и исламского мира, взяв курс на светский режим, начав государственные и культурные преобразования, ориентируясь на западные стандарты [7].

Мустафа Кемаль настойчиво проводил мысль о турецкой нации как единственном носителе суверенитета. Чтобы блокировать религиозно-традиционалистское противодействие, он использовал в значении нации понятийно неоднозначный концепт *миллет (millet)* [8]. Кемаль мыслил *нацию* как сообщество, сформировавшееся из лю-

дей, которые имели общее историческое прошлое, искренне желали жить вместе и имели общую волю к сохранению своего наследия. Это определение турецкой нации не исключало граждан-немусульман, если они считали себя частью нации, что предполагало соблюдение трех основных условий: признание турецкого языка в качестве родного, принятие турецкой культуры и идеала тюркизма [9]. В целом языковая политика ограничивает возможности развития родных языков у национальных меньшинств – курдов, арабов, армян, греков, евреев и др. Только для греческой и армянской общин в Стамбуле признается право пользоваться родным языком в частных греческих и армянских школах и лицеях, однако и таких школ единицы. Властями не признавалось существование курдской национальности, а, следовательно, и курдского языка. Использование национальными меньшинствами своих родных языков сводится практически к разговорному общению в местах компактного проживания. Языковая политика властей являлась и является одним из способов ассимиляции национальных меньшинств [10].

Созданное в 1932 г. по инициативе Ататюрка «Турецкое лингвистическое общество» (*Türk Dil Kurumu*) явилось главным научным и организационным центром языковой реформы. Основной целью реформы было очищение лексики турецкого языка от иноязычных, в первую очередь арабских и персидских заимствований и создание новой тюркской лексики и терминологии.

В итоге всех мероприятий в области преобразования турецкого языка были достигнуты основные цели «Языковой революции»: ликвидирован разрыв между литературным языком и нормами разговорного турецкого языка, содержание собственно турецкой лексики в литературном языке увеличилось до 70–80%, значительно расширены социальные функции турецкого языка благодаря развитию терминологических и стилистических систем турецкого языка.

Реформа турецкого алфавита (*Harf Devrimi*) была призвана ускорить интеграцию страны с Европой и сделать её полноценным участником международного сообщества. Этому и была всецело посвящена внешняя политика Турции. Встраивание в западную «цивилизационную парадигму», которое нередко носило принудительный характер и не соответствовало представлениям значительной части населения, ассоциировалась у Ататюрка и его последователей со светским государством.

Отсутствие у Турции значительных энергетических ресурсов в сочетании с традиционными для региона авторитарными режимами, апеллирующими к исламским ценностям, могло бы «законсервировать» ее отсталость на многие десятилетия. Ататюрк и его окружение, понимая эту перспективу, выбрали «западничество» (*Batılılaşma*), которое позволяло молодому государству перейти на новый, более высокий уровень развития и обрести новую точку политического равновесия [11].

Формирование основных политических стратегий новой страны невозможно представить без культурной ориентации на преодоление безграмотности населения молодой Турецкой республики. По мнению автора статьи, турецкий язык, на тот исторический момент, был одним из важнейших политических инструментов объединения и усиления турецкой нации.

Литература

1. Фрагнер, Берг Г. Персофония. Региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии. М.: Фонд Марджани, 2018. 136 с.

2. Большой турецко-русский словарь. / Баскаков А.Н. и др.: 2000 тыс. слов и словосочетаний. 2-е изд. М.: Рус. Яз., 1998. 966 с.

3. В турецком языке нет различия между этнонимами тюрк и турок; исследователи развели эти понятия, используя *тюркскость* в значении языковой и этнической общности, а турецкость – в значении политической нации. Подробнее см.: Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы (очерки о Турции и турках). М.: Наука, 1980. URL: http://pravopys.vlada.kiev.ua/index.php?id=237. (дата обращения 11.05.2023 г.).

4. Кудряшова И.В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока / Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. С. 161–162.

5. Karpat K. The politization of Islam: Reconstruct'ng identity, faith, and community in the late Ottoman state. N.Y.: Oxford university press, 2001.

6. Доррен Г. Лингво. Языковой пейзаж Европы. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. С. 279.

7. Gönlübol M. Olaylarla Türk Dış Politikası. C. 1 (1919–1973). Ankara, 1989. S. 152.

8. Миллет – религиозная община, имеющая автономные административные учреждения.

9. Bali R.N. Politics of Turkification during the Singl Party period // Turkey: nationalism, post– nationalism and the European Community / ed. By H.-L. Kieser. L.; N.Y.: I.B. Taurus, 2006. P. 43–50.

10. Турецкая Республика. Справочник. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1990. С. 23.

11. Иванова И.И. Эволюция Ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 424 с.

HISTORY OF THE MODERN TURKISH LANGUAGE: CULTURAL ORIENTATION AND POLITICAL STRATEGIES

Koldunova I.Ya.
Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba

This article examines the history of the development of the modern Turkish language; provides an overview of the extralinguistic factors that influenced the stylistic differentiation of the Ottoman language during the formation of the "Ottoman nation"; and assesses the political strategies of the Turkish leadership in transforming the Turkish language, which influenced the formation of Turkish national identity.

Keywords: modern Turkish; Persian; Arabic; Islam; Ottoman language; language reform; Mustafa Kemal Atatürk; national identity; Europeanization.

References

1. Fragner, Berg G. Persophony. Regionality, Identity, Language Contacts in the History of Asia. Moscow: Marjani Foundation, 2018. 136 p.

2. The Comprehensive Turkish-Russian Dictionary. / Baskakov A.N. et al.: 2,000 words and phrases. 2nd ed. Moscow: Rus. Language, 1998. 966 p.

3. In Turkish, there is no distinction between the ethnonyms Turk and Turk; researchers have differentiated these concepts, using Turkicness to mean a linguistic and ethnic community, and Turkishness to mean a political nation. For more details, see: Eremeev D.E. At the Crossroads of Asia and Europe (Essays on Turkey and the Turks). Moscow: Nauka, 1980. URL: http://pravopys.vlada.kiev.ua/index.php?id=237. (Accessed May 11, 2023).

4. Kudryashova I.V. Political Changes and Identity Transformation in the Countries of the Muslim East / Political Identity and Identity Politics: in 2 volumes. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2012. Vol. 2: Identity and Socio-Political Changes in the 21st Century. Pp. 161–162.

5. Karpat K. The Politization of Islam: Reconstructing Identity, Faith, and Community in the Late Ottoman State. New York: Oxford University Press, 2001.

6. Dorren G. Lingvo. The Linguistic Landscape of Europe. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2016. P. 279.

7. Gönlübol M. Olaylarla Türk Dış Politikası. P. 1 (1919–1973). Ankara, 1989. P. 152.

8. Millet is a religious community with autonomous administrative institutions.

9. Bali R.N. Politics of Turkification during the Singl Party period // Turkey: nationalism, post-nationalism and the European Community / ed. By H.-L. Kieser. L.; N.Y.: I.B. Taurus, 2006. P. 43–50.

10. The Turkish Republic. Handbook. M.: Nauka. Main Editorial Office of Eastern Literature. 1990. P. 23.

11. Ivanova I.I. Evolution of the Middle East Policy of the Turkish Republic (1923–2016). Moscow: Aspect Press Publishing House, 2017. 424 p.

Формирование культурно-нравственных ценностей студенческой молодёжи в контексте реформирования высшей школы

Кушхова Анежа Фёдоровна,
кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы социально-гуманитарного института, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: aneja2380@inbox.ru

Тамазов Муслим Султанович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории социально-гуманитарного института, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: muslimt@mail.ru

Макоева Залина Ауесовна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы социально-гуманитарного института, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: zalinka79@mail.ru

Желиготова Радина Михайловна,
кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы социально-гуманитарного института, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: zhelegotova@mail.ru

В статье рассматриваются особенности формирования культурно-нравственных ценностей студенческой молодёжи в условиях реформирования высшей школы. Актуальность темы определяется тем, что трансформация современного высшего образования затрагивает не только организационно-управленческие и содержательные основы подготовки специалистов, но и механизмы ценностной социализации студентов. Показано, что в условиях цифровизации, усиления прагматических образовательных установок, изменения характера коммуникации и роста влияния медиасреды формирование нравственной культуры студенчества приобретает особую значимость. Обосновано, что высшая школа не может ограничиваться исключительно профессиональной подготовкой, а должна выступать пространством развития гражданской ответственности, духовной зрелости, культуры межличностного взаимодействия, уважения к труду, исторической памяти и социальной солидарности. В работе использованы теоретический анализ, сравнительно-сопоставительный подход, элементы социокультурной интерпретации и обобщение научной литературы по проблемам студенчества, воспитания и высшего образования. Выявлены ключевые противоречия реформирования высшей школы, влияющие на ценностную сферу студентов, а также предложены основные институциональные механизмы укрепления культурно-нравственных оснований студенческой среды. Сделан вывод о том, что результативное формирование культурно-нравственных ценностей возможно лишь при системном сочетании образовательной, воспитательной, коммуникативной и социокультурной функций университета.

Ключевые слова: студенческая молодёжь, культурно-нравственные ценности, высшая школа, реформирование образования, воспитание, духовность, ценностные ориентации, гуманитаризация образования, социализация, университетская среда.

Введение

Современный этап развития высшей школы характеризуется масштабными институциональными и содержательными изменениями, связанными с обновлением образовательных стандартов, цифровизацией учебного процесса, усилением требований к качеству подготовки специалистов, переосмыслением роли университета в обществе и расширением воспитательной составляющей образования [1–5]. Эти изменения затрагивают не только академическую и профессиональную подготовку, но и процессы социализации студенческой молодёжи, формирование её культурных, нравственных и гражданских ориентиров.

В условиях реформирования высшей школы особенно остро проявляется противоречие между прагматизацией образовательных установок и необходимостью сохранения гуманистической миссии университета. С одной стороны, высшее образование всё чаще воспринимается как инструмент достижения индивидуального профессионального успеха, социальной мобильности и конкурентоспособности на рынке труда. С другой стороны, общество объективно нуждается в специалистах, обладающих не только профессиональными компетенциями, но и развитой нравственной культурой, ответственностью, способностью к солидарному взаимодействию, уважению к человеку, труду, истории и культуре.

Студенческая молодёжь представляет собой особую социальную группу, находящуюся в стадии активного личностного, мировоззренческого и профессионального становления. Именно в студенческом возрасте закладываются жизненные стратегии, ценностные ориентации, формы общественного участия, отношение к профессиональному долгу, социальной ответственности и культурному наследию [6; 7]. Поэтому проблема формирования культурно-нравственных ценностей студентов не может рассматриваться как второстепенная по отношению к профессиональной подготовке. Напротив, она составляет одно из ключевых условий устойчивого развития общества и самой системы высшего образования.

Следует учитывать, что ценностная социализация современной студенческой молодёжи происходит в сложной и противоречивой среде. Значительное влияние на молодого человека оказывают медиапространство, цифровые коммуникации, потребительские модели поведения, фрагментированность социального опыта, ослабление межпоколенческой преемственности и снижение роли традиционных воспитательных институтов. В этих условиях университет выступает не только как образовательная организация, но и как важнейший институт культурной интеграции, нравственного ориентирования и формирования социальной зрелости.

Цель статьи – выявить особенности формирования культурно-нравственных ценностей студенческой молодёжи в контексте реформирования высшей школы и определить основные условия, при которых университетская среда может выступать эффективным пространством ценностного становления личности.

Материалы и методы исследования

Исследование носит теоретико-аналитический характер. Методологическую основу работы составили гуманистический, социокультурный и деятельностный подходы к анализу воспитательного потенциала образования. В работе использованы методы теоретического анализа научной литературы, сравнительно-сопоставительный метод, интерпретация нормативно-правовых и концептуальных документов в сфере образования и молодёжной политики, а также обобщение педагогического и социологического знания о студенчестве как специфической социальной группе.

Материал исследования включает труды по проблемам студенческой молодёжи, нравственной культуры, социализации, гуманитаризации высшего образования, а также нормативные документы, определяющие приоритеты воспитательной работы и ценностного развития обучающихся в современной высшей школе [1–5].

В рамках настоящей статьи под культурно-нравственными ценностями понимается совокупность устойчивых мировоззренческих и поведенческих ориентиров личности, выражающихся в уважении к человеку, труду, культуре, исторической памяти, гражданской ответ-

ственности, солидарности, справедливости, достоинстве, честности, милосердии и способности к нравственному выбору. Такое понимание позволяет рассматривать нравственную культуру студенчества не как абстрактную характеристику, а как конкретный результат воспитательного, образовательного и социального взаимодействия.

Результаты и обсуждение

Студенчество традиционно рассматривается как особая социально-демографическая и одновременно социально-профессиональная группа, находящаяся в переходной фазе между обучением и включением в самостоятельную профессиональную и общественную деятельность [6–9]. Данная группа характеризуется повышенной восприимчивостью к внешним влияниям, активным поиском смыслов, стремлением к самоопределению, ценностной подвижностью и высокой чувствительностью к социальным противоречиям.

Именно в период обучения в вузе наиболее интенсивно происходит развитие мировоззренческой позиции, формирование личной ответственности, закрепление представлений о профессиональном долге, социальной справедливости, нравственной норме и культурной идентичности. По наблюдению Б.Г. Ананьева, этот возрастной этап имеет особое значение как период наиболее активного развития нравственных и эстетических чувств, становления характера и овладения комплексом социальных функций взрослого человека [6].

Следовательно, университетская среда должна не только передавать знания и формировать компетенции, но и создавать условия для развития личностной зрелости. Без этого профессиональная подготовка остаётся неполной, поскольку высокий уровень квалификации сам по себе не гарантирует нравственной устойчивости, социальной ответственности и готовности к конструктивному участию в жизни общества.

Современное реформирование высшей школы имеет неоднозначное влияние на процессы формирования культурно-нравственных ценностей. С одной стороны, обновление образовательной среды создаёт новые возможности: расширяются образовательные траектории, усиливается академическая мобильность, формируются цифровые ресурсы обучения, развиваются проектные и практико-ориентированные формы работы, возрастает внимание к воспитательной функции университета. С другой стороны, реформы сопровождаются рядом рисков, которые прямо или косвенно воздействуют на ценностное сознание студентов.

Прежде всего, следует отметить усиление утилитарно-прагматического отношения к высшему образованию. Для части студенческой молодёжи образование начинает восприниматься преимущественно как средство получения диплома, карьерных преимуществ и материальной стабильности. При всей объективной значимости этих целей подобный подход может ослаблять интерес к нравственному саморазвитию, к гуманитарному содержанию образования, к культуре общественного служения и профессиональной ответственности.

Второй важный фактор связан с цифровизацией и изменением характера коммуникации. Цифровые технологии открывают широкие образовательные возможности, однако одновременно создают риск поверхностного восприятия знаний, фрагментации внимания, снижения глубины межличностного взаимодействия и переноса значительной части социализации в виртуальную среду. В результате ценностное влияние преподавателя, академического сообщества, студенческого коллектива и университетских традиций может ослабевать.

Третий риск обусловлен снижением интегрирующей роли гуманитарного компонента образования. Если гуманитарные дисциплины и воспитательная работа в вузе воспринимаются как второстепенные по отношению к профессиональной подготовке, это ведёт к дефициту смысловой рефлексии, ослаблению нравственного анализа социальных процессов и снижению общего культурного уровня студенческой среды.

Четвёртый аспект касается кризиса коллективных форм студенческой жизни. Формальный характер некоторых студенческих объединений, низкая вовлечённость части молодежи в общественную деятельность, слабая включённость в добровольческие, культурные и гражданские практики сужают пространство реального нравственного опыта. Между тем нравственная культура не формируется только на уровне деклараций; она вырабатывается в деятельности, взаимодействии, ответственности за общее дело.

В современных условиях высшая школа должна рассматриваться не только как институт профессиональной подготовки, но и как социокультурная среда, в которой студент проходит путь личностного и гражданского взросления. Именно поэтому задача формирования культурно-нравственных ценностей не может быть сведена к отдельным воспитательным мероприятиям. Она требует системного подхода и должна быть встроена в общую логику университетской жизни.

К числу базовых ценностей, формирование которых особенно значимо для студенческой молодёжи, относятся:

уважение к человеческому достоинству;
ответственность за результаты собственной деятельности;
трудовая и профессиональная этика;
гражданская солидарность;
уважение к культурному и историческому наследию;
готовность к диалогу и межкультурному взаимодействию;
честность, справедливость, эмпатия, милосердие;
академическая добросовестность.

Особое значение имеет тот факт, что данные ценности формируются не только через учебные дисциплины, но и через повседневные практики университетской среды: стиль общения преподавателей и студентов, культуру академической дискуссии, добровольческую деятельность, участие в студенческом самоуправлении, проектную работу, формы наставничества, организацию культурных событий, социальные инициативы и практики взаимопомощи.

Нравственное развитие студента происходит тогда, когда он не только усваивает нормы, но и получает возможность прожить их в реальном социальном опыте. По этой причине образовательный процесс должен быть дополнен воспитательными механизмами, способствующими развитию субъектности, рефлексии, социальной ответственности и уважения к другим.

Системный анализ позволяет выделить несколько ключевых направлений, в рамках которых университет может оказывать реальное влияние на ценностную сферу студенческой молодёжи (табл. 1).

Таблица 1. Основные риски реформирования высшей школы и механизмы формирования культурно-нравственных ценностей

Тенденция реформирования	Потенциальный ценностный риск	Необходимый университетский ответ
Усиление прагматической ориентации образования	Сведение обучения к получению диплома и профессиональной выгоды	Включение этико-гуманитарного компонента в профессиональную подготовку
Цифровизация образовательной среды	Ослабление живой коммуникации, поверхностность восприятия	Развитие диалоговых форм обучения, наставничества, академического общения
Снижение роли гуманитарного знания	Ослабление смысловой и нравственной рефлексии	Усиление гуманитаризации и междисциплинарных курсов
Формализация воспитательной работы	Низкая вовлечённость студентов, отсутствие реального ценностного опыта	Проектная, добровольческая, культурно-просветительская деятельность
Ослабление коллективных студенческих практик	Индивидуализация, социальная разобщённость	Поддержка студенческого самоуправления, клубных и общественных инициатив
Рост влияния медиасреды	Ценностная фрагментация, нормативная неопределённость	Развитие критического мышления, медиаграмотности и культуры ответственной коммуникации

Как видно из таблицы, формирование культурно-нравственных ценностей невозможно обеспечить исключительно за счёт нормативных требований. Оно требует создания такой образовательной среды, где нравственные установки получают институциональную поддержку и подкрепляются повседневной практикой.

В этой связи особую роль играют:

1. гуманитаризация образовательного процесса – включение в подготовку студентов смысловых, этических, культурологических и гражданских аспектов профессиональной деятельности;

2. развитие воспитательной среды университета – организация культурных, добровольческих, патриотических, просветительских и социальных инициатив;

3. наставничество и личностно ориентированное взаимодействие – укрепление роли преподавателя как носителя не только знания, но и профессионально-нравственного образца;

4. студенческое самоуправление – формирование ответственности, солидарности и опыта участия в коллективном принятии решений;

5. социальное партнёрство и общественно полезная практика – вовлечение студентов в реальную деятельность, связанную с помощью людям, социальной поддержкой и общественным служением;

6. укрепление культуры академической честности – противодействие формализму, имитационным практикам и ценностной девальвации образования.

Нравственная культура студенческой молодёжи отражает не только состояние высшей школы, но и более широкие общественные процессы. Университет не существует в социальном вакууме; он включён в систему общественных отношений, медийных влияний, ценностных конфликтов и культурных трансформаций. Поэтому кризисные явления общественной жизни, дефицит доверия, рост индивидуализма, ослабление культурной преемственности неизбежно оказывают воздействие на студенческую среду.

Однако именно в этом и заключается особая миссия высшей школы: не просто адаптироваться к внешним изменениям, а выступать пространством ценностной стабилизации, интеллектуального и нравственного лидерства. Университет должен помогать молодому человеку переходить от ситуативных реакций и внешних влияний к осмысленной системе ценностей, основанной на уважении к человеку, обществу, культуре и собственному профессиональному призванию.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что формирование культурно-нравственных ценностей студенческой молодёжи является одной из ключевых задач современной высшей школы и не может рассматриваться как побочная по отношению к профессиональной подготовке. В условиях реформирования образования ценностная функция университета не ослабевает, а, напротив, приобретает особую значимость.

Установлено, что на ценностную сферу студентов существенное влияние оказывают как позитивные, так и проблемные стороны трансформации высшей школы. К числу основных рисков относятся прагматизация образовательных установок, цифровая фрагментация коммуникации, ослабление роли гуманитарного знания, формализация воспитательной работы и снижение интенсивности коллективных студенческих практик. Эти процессы способны затруднять формирование нравственной культуры, если университет не выстраивает системную воспитательную стратегию.

Вместе с тем реформирование высшей школы может стать ресурсом ценностного развития студенческой молодёжи при условии целенаправленного усиления гуманитарной и воспитательной составляющих образования, развития наставничества, студенческого самоуправления, добровольчества, академической культуры и социально значимых практик. Именно такое сочетание образовательной и воспитательной функций позволяет формировать не только компетентного специалиста, но и зрелую личность, обладающую культурно-нравственными ориентирами.

Таким образом, культурно-нравственные ценности студенческой молодёжи формируются не автоматически, а в результате сложного взаимодействия социальной среды, университетской культуры, образовательной политики и личной активности самого студента. От того, насколько последовательно высшая школа будет реализовывать свою гуманистическую миссию, зависит не только качество подготовки выпускников, но и нравственно-культурный потенциал общества в целом.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся».

3. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года».

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

6. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.

7. Лисовский В.Т. Социология молодежи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 361 с.

8. Бондаревская Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского педагогического университета, 2000. 352 с.

9. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования образовательных систем. М.: Логос, 1999. 272 с.

10. Затеев В.В. Социальные и нравственные основы жизнедеятельности студенчества в современных условиях. Улан-Удэ, 2005.

11. Присягина З.Н. Коллективное и индивидуальное в ценностных ориентациях студенческой молодёжи. Саранск, 2005.

12. Лукичев П.Н., Скорик А.П. Поведенческая типология студенческой группы // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 109–113.

FORMATION OF CULTURAL AND MORAL VALUES OF STUDENT YOUTH IN THE CONTEXT OF HIGHER EDUCATION REFORM

Kushkhova A.F., Tamazov M.S., Makoeva Z.A., Zheligotova R.M.
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

The article examines the specifics of the formation of cultural and moral values of student youth in the context of higher education reform. The relevance of the topic is determined by the fact that the transformation of modern higher education affects not only the organizational and substantive foundations of professional training, but also the mechanisms of students' value socialization. It is shown that under the conditions of digitalization, growing pragmatism in educational attitudes, changes in communication patterns and the increasing influence of the media environment, the formation of students' moral culture becomes especially significant. The authors argue that higher education should not be limited to professional training only, but should also function as a space for the development of civic responsibility, spiritual maturity, interpersonal culture, respect for labour, historical memory and social solidarity. The study is based on theoretical analysis, comparative approach, socio-cultural interpretation and generalization of scientific literature on student youth, education and higher school. The key contradictions of higher education reform influencing students' value sphere are identified, and the main institutional mechanisms for strengthening the cultural and moral foundations of the student environment are proposed. It is concluded that effective formation of cultural and moral values is possible only through a systemic combination of the educational, upbringing, communicative and socio-cultural functions of the university.

Keywords: student youth, cultural and moral values, higher education, educational reform, upbringing, spirituality, value orientations, humanization of education, socialization, university environment.

References

1. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ “On Education in the Russian Federation”.

2. Federal Law of July 31, 2020 No. 304-FZ “On Amendments to the Federal Law ‘On Education in the Russian Federation’ Concerning the Upbringing of Students”.

3. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”.

4. Order of the Government of the Russian Federation of May 29, 2015 No. 996-r “On Approval of the Strategy for the Development of Upbringing in the Russian Federation for the Period up to 2025”.

5. Order of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 No. 2403-r “On Approval of the Fundamentals of State Youth Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025”.

6. Ananyev B.G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an Object of Cognition]. Saint Petersburg: Piter, 2001. 288 p.

7. Lisovsky V.T. *Sotsiologiya molodezhi* [Sociology of Youth]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press, 1996. 361 p.

8. Bondarevskaya E.V. *Teoriya i praktika lichnostno-orientirovannogo obrazovaniya* [Theory and Practice of Personality-Oriented Education]. Rostov-on-Don: Rostov Pedagogical University Press, 2000. 352 p.

9. Serikov V.V. *Obrazovanie i lichnost. Teoriya i praktika proektirovaniya obrazovatelnykh sistem* [Education and Personality. Theory and Practice of Designing Educational Systems]. Moscow: Logos, 1999. 272 p.

10. Zateev V.V. *Sotsialnye i nravstvennye osnovy zhiznedeyatelnosti studenchestva v sovremennykh usloviyakh* [Social and Moral Foundations of Student Life in Modern Conditions]. Ulan-Ude, 2005.

11. Prisyagina Z.N. *Kollektivnoe i individualnoe v tsennostnykh orientatsiyakh studencheskoy molodezhi* [Collective and Individual in the Value Orientations of Student Youth]. Saransk, 2005.

12. Lukichev P.N., Skorik A.P. Behavioral Typology of the Student Group. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1995, no. 9, pp. 109–113.

Внутренняя логика и практические пути реализации целостного обучения в рамках предметного модуля в перспективе обратного проектирования

Ли Юйцуй,
аспирант, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 214755404@qq.com

Цзи Маоюэ,
аспирант, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 346125378@qq.com

В статье рассматривается проблема реализации целостного обучения в рамках предметного учебного модуля в условиях компетентностной трансформации школьного образования. Актуальность исследования обусловлена сохраняющимися в педагогической практике противоречиями между требованиями к структурированному модульному обучению и преобладанием фрагментарного, поурочного подхода. Цель статьи состоит в выявлении внутренней логики целостного обучения на уровне предметного модуля в перспективе обратного проектирования и обосновании практических путей его реализации в математическом образовании. Методологическую основу исследования составляют компетентностный, системно-структурный и деятельностный подходы, а также концепция обратного проектирования. В статье раскрыты основные затруднения модульного обучения, показана роль понимания, «большой идеи» и приоритета оценивания в обеспечении согласованности целей, содержания, учебной деятельности и оценочных процедур. Обоснована практическая модель проектирования математического учебного модуля, ориентированная на формирование ключевых компетенций, развитие мышления высокого уровня и переносимых способов действия.

Ключевые слова: Обратное Проектирование, Целостное Обучение, Учебный Модуль, Большая Идея, Ключевые Компетенции

Введение

В условиях обновления содержания общего образования и усиления компетентностной направленности обучения особую значимость приобретает проблема целостного обучения в рамках предметного учебного модуля. Для современной школьной практики, в том числе математического образования, по-прежнему характерны фрагментарность содержания, недостаточная логическая связанность отдельных уроков, формальный характер интеграции учебного материала и несогласованность целей, учебной деятельности и оценивания. Всё это затрудняет формирование у учащихся системного мышления, глубокого понимания предметного знания и способности к его переносу в новые ситуации. В этой связи особый научный и практический интерес представляет обратное проектирование обучения, поскольку оно позволяет выстраивать педагогический процесс, исходя из ожидаемых результатов, «больших идей» и оценочных доказательств, тем самым обеспечивая внутреннюю целостность модульного обучения. Цель статьи состоит в выявлении внутренней логики целостного обучения на уровне предметного модуля в перспективе обратного проектирования и в обосновании практических путей его реализации в математическом образовании. Научная значимость работы связана с уточнением теоретических оснований согласования целей, содержания, учебной деятельности и оценивания, а её практическая значимость с предложением структурированной модели проектирования математического учебного модуля, ориентированной на формирование ключевых компетенций учащихся.

Реальные затруднения в реализации целостного обучения в рамках предметного модуля

Учитель как непосредственный субъект реализации модульного обучения во многом определяет его результативность. Однако в современной педагогической практике большинство учителей по-прежнему недостаточно глубоко понимают особенности и сущностные характеристики проектирования обучения на уровне учебного модуля [1], не вполне осмысливая его ключевые идеи и внутреннюю логику. На практике это нередко выражается в механическом объединении содержания учебника без его системного упорядочения и глубокой интеграции, что ведёт к размытости целей, фрагментации содержания и восприятию модульного проектирования как дополнительной профессиональной нагрузки [2]. В преподавании математики часть учителей всё ещё склонна делить материал на отдельные «уроки», вследствие чего между ними отсутствуют внутренняя логическая связь и продуманная линия усложнения. В результате доминирует однонаправленная передача содержания от урока к уроку, тогда как сетевая структура знаний на уровне модуля фактически не формируется. Это приводит к тому, что результаты обучения учащихся часто ограничиваются разрозненными знаниями и поверхностным опытом, не переходящими в способность к высокоуровневому переносу [3].

Искажённое понимание учителями сущности и ценности целостного проектирования модульного обучения обусловливает расхождение между педагогической практикой и её нормативно ориентированным воплощением [4]. Часть учителей не способна охватить модуль как целое, выявить его ведущую идею и воспитательно-развивающий потенциал; постановка целей нередко сводится к простому суммированию целей отдельных уроков без выделения большой идеи или ключевого концепта, интегрирующего весь модуль. В результате содержание обучения приобретает характер либо простого накопления знаний, либо их рыхлого соединения. Игнорирование ведущей идеи модуля и его воспитательно-развивающей ценности порождает два типичных искажения: формализованную интеграцию, при которой задания одной темы механически объединяются, но не образуют развивающейся структуры знаний, и генерализованную интеграцию, при которой чрезмерно расширяются границы содержания либо искусственно включаются элементы других дисциплин. Всё это не позволяет модульному обучению выйти за пределы передачи фрагментарных знаний и сформировать структурированный, последовательно углубляющийся образовательный процесс, ориентированный на ключевые компетенции.

Структура знания является важнейшей составляющей целостного обучения на уровне учебного модуля. Такое обучение предполагает

реконструкцию содержания и процесса с позиций системности и взаимосвязанности; его ядро заключается в выявлении внутренней логики знания и реализации структурированного обучения. Модульное обучение опирается на системный характер содержания: посредством оптимизации и перестройки структуры модуля оно формирует относительно целостную систему обучения, углубляя содержание по вертикали и расширяя замысел по горизонтали [5]. Лишь при точном понимании внутренней логики знаний и выявлении ключевых понятий можно помочь учащимся обнаружить точки роста, установить связи между разрозненными элементами и выстроить глубинную структурную сеть знаний [6]. Эта идея созвучна структуралистской концепции учебного плана Дж. Брунера, согласно которой «изучение структуры означает изучение того, каким образом явления соотносятся друг с другом» [7]. Любая дисциплина, обладающая собственной логической системой, представляет знание не как совокупность изолированных элементов, а как многоуровневую сеть взаимосвязей. В «Программе обязательного образования» (редакция 2022 года) подчёркивается необходимость отбора содержания с учётом его связи с опытом учащихся и общественной жизнью, усиления внутренних связей курса и подчёркивания его структурированности [8].

Оценивание в рамках целостного обучения на уровне учебного модуля не должно сводиться к проверке усвоения знаний по каждому отдельному уроку; напротив, оно должно строиться под руководством целостных ключевых компетенций модуля и охватывать проявление и согласованное развитие ключевых понятий, базовых способностей и качеств мышления. Выведение ключевых компетенций модуля в центр оценивания выступает важнейшим механизмом перехода от передачи знаний к формированию компетентностей. Такая ориентация означает, что цели, содержание и методы оценивания должны соотноситься с поэтапным достижением компетенций как с конечным критерием, создавая основу для определения приоритетов обучения и выявления трудностей учебного процесса.

Если обратиться к эволюции представлений о модульном оценивании, то следует отметить, что до 2000 года в педагогической практике оно преимущественно опиралось на задания, ориентированные на отдельные знания, и было направлено главным образом на когнитивные цели низшего порядка запоминание и понимание [9]. По мере углубления образовательной реформы функциональное назначение оценивания изменилось: утвердилось понимание того, что оно должно способствовать обучению учащихся и совершенствованию преподавания. Однако между обновлением концептуальных представлений и их практической реализацией сохраняется заметный разрыв. Исследования показывают, что значительная часть учителей всё ещё не имеет чёткого представления о том, как осуществлять эффективное оценивание в условиях модульного обучения, и одновременно не располагает ясными подходами к педагогической рефлексии, тесно связанной с оценочной деятельностью [10]. Именно этот разрыв обусловливает явления запаздывания и смещения в современном модульном оценивании. Запаздывание проявляется в том, что система оценивания не поспевает за преобразованием структуры обучения: многие процедуры остаются на уровне итоговой фиксации фрагментарных результатов и не встраиваются своевременно в целостный процесс для динамического отслеживания развития компетенций. Смещение выражается в отклонении центра оценивания от ядра компетентностей: либо сложные учебные ситуации редуцируются до проверки отдельных техник, либо внимание чрезмерно сосредоточивается на внешней форме деятельности, тогда как понятийные связи, структура мышления и стратегии решения проблем остаются вне подлинного поля оценивания. В результате нарушается согласованность между целями, обучением и оцениванием, а формирование ключевых компетенций приобретает поверхностный характер.

Логика содействия целостному обучению на уровне учебного модуля посредством обратного проектирования обучения

Сущность педагогического проектирования заключается в том, чтобы, опираясь на закономерности учения и типы ожидаемых результатов, учитывать внутренние условия обучающегося и на этой основе выстраивать внешние условия обучения. Тем самым исходной точкой проектирования становится не столько «преподавание», сколько «учение». Учитель как проектировщик и организатор образовательного процесса должен перейти от модели «учитель в центре» к модели «ученик в центре», обеспечивая развитие учебной самостоятельности. Благодаря своей специфической логике обратное проектирование создаёт системную теоретическую основу для реализации целостного обучения на уровне учебного модуля и тем самым способствует преодолению его практических затруднений.

Логика целостного обучения в условиях обратного проектирования прежде всего связана с утверждением педагогической парадигмы, ориентированной на понимание. Это понимание имеет двойной смысл. Во-первых, оно относится к педагогическому пониманию учителя и предполагает осмысление сущности математической дисциплины, закономерностей познавательного развития учащихся, а также постоянную рефлексию над вопросами «зачем учить?» и «как учить?». Во-вторых, оно относится к предметному пониманию учащихся, то есть к такому уровню освоения, при котором в ходе структурированного, контекстуализированного и исследовательски организованного обучения они постепенно достигают глубокого осмысления ключевых идей дисциплины, способов мышления и её ценностно-смыслового содержания.

Понимание в данном контексте не сводится к простому запоминанию знаний; напротив, оно представляет собой когнитивное состояние высокого порядка, обладающее переносимостью, устойчивостью и развивающим потенциалом [11]. Оно предполагает не только знание того, что представляет собой понятие или навык, но и осмысление того, почему это так и как это может быть применено; не только владение отдельными фрагментами знания, но и целостное понимание способов мышления, логики предметной системы знаний и сети ключевых идей. Предметное понимание учащихся формируется на основе постоянного обогащения базовых знаний и умений и развивается в направлении концептуального, поэтапного, структурированного и индивидуализированного освоения предметного знания [12]. При этом особое значение имеет способность самостоятельно устанавливать связи между знаниями, выявлять их внутреннюю структуру и проникать в сущность дисциплины. Подлинно наблюдаемое обучение неизбежно включает генетическое понимание происхождения знания, ступенчатое углубление понимания, погружение в предметную ситуацию и чётко выраженный мыслительный процесс [13].

В математическом образовании предметное понимание проявляется в сущностном осмыслении абстрактных понятий и отношений, в осознанном использовании логического рассуждения и математических способов мышления, а также в структурированном построении системы знаний. Учащийся должен уметь выходить за пределы конкретной ситуации, выявлять существенные свойства математических объектов, использовать индукцию, дедукцию, моделирование и другие способы решения задач, а также интегрировать разрозненные знания в единую когнитивную сеть. В этой логике целостное обучение на основе обратного проектирования, делая понимание своим ядром, объединяет содержание, учебные ситуации, исследовательские задания и оценочные доказательства, направляя учащихся к развитию мышления высшего порядка.

Основанием проектирования укрупнённого учебного модуля выступает реконструкция знания с опорой на «большую идею» [14]. В логике обратного проектирования именно она направляет переход от разрозненного накопления знаний к их целостному построению. Поскольку понимание трактуется как способность к переносу, предметом освоения в рамках модуля должны становиться не случайные частные знания, а повторяющиеся жизненные вопросы, фундаментальные идеи и способы предметного исследования, а также те немногочисленные «большие идеи», которые необходимы для освоения ядра содержания [15].

Дж. Брунер рассматривал перенос как центральный процесс образования. По его мысли, обучение должно строиться на фундаментальных общих и ключевых понятиях, обеспечивающих расширение и углубление познания. В этом смысле предметная «большая идея» представляет собой принцип, способ мышления или способ действия, отражающий специфику дисциплины и обладающий высоким потенциалом переноса. Обучение в рамках укрупнённого модуля поэтому не является механическим соединением знаний и уроков, а представляет собой иерархически организованную систему, выстроенную в соответствии с логикой дисциплины и закономерностями познания. «Большая идея», отражающая сущность предмета и обладающая высокой степенью интегративности, переносимости и объяснительной силы [16], выступает связующим звеном между знаниями и предметными компетенциями. Именно она задаёт направление всему модулю, обеспечивая внутреннюю связанность отдельных знаний и уроков и их включённость в последовательную линию усложнения.

Только при сосредоточении на ключевых концептах становится очевидной внутренняя структура знания. Это требует от учителя уже на исходном этапе проектирования выявлять ту «большую идею», которая интегрирует весь модуль и становится основанием его глубокого понимания и структурированной реконструкции. В такой ситуации профессиональная логика учителя смещается от установки «преподавать учебник» к установке «учить с помощью учебника»: он системно анализирует связи между знаниями, умениями и способами действия и вы-

страивает вокруг «большой идеи» смысловую структуру с чёткой иерархией и высокой степенью внутренней связанности [17]. Такая структурированность отличается от поверхностного агрегирования знаний тем, что акцентирует внимание на над– и подчинённых отношениях между понятиями, траектории их развития и смысловых связях. Анализ структуры модуля через призму «большой идеи» позволяет органично организовать остальные знания, сформировать их внутреннюю структуру и побудить учащихся к построению иерархически упорядоченной когнитивной системы, усиливая глубину понимания и способность к переносу [18]. Тем самым обучение продвигается от фрагментарного накопления фактов к структурированному освоению ядра предметных идей и к постепенному становлению экспертного типа мышления.

Одной из наиболее ярких особенностей обратного проектирования является принцип приоритета оценивания. В традиционной модели «оценивание обучения» осуществляется после завершения учебного процесса, фиксируя главным образом конечный результат и оставляя без должного внимания мониторинг и обратную связь по ходу обучения. Вследствие этого процесс и результат обучения оказываются разорваны [19]. В логике обратного проектирования, напротив, уже на этапе замысла ставится вопрос: какие доказательства могут подтвердить, что учащийся достиг понимания? Тем самым оценивание изначально встраивается во весь образовательный процесс.

Во-первых, приоритет оценивания обеспечивает точное согласование учебных целей и оценочных доказательств. В трёхэтапной модели обратного проектирования определение ожидаемых результатов и определение приемлемых оценочных доказательств представляют собой два тесно взаимосвязанных шага [20]. Проектируя учебный модуль, учитель должен прежде всего прояснить, какие «большие идеи» и ключевые вопросы должны стать предметом устойчивого понимания учащихся, а затем определить, по каким признакам можно установить, что такое понимание действительно достигнуто и какие формы деятельности, продукты или результаты могут служить его доказательством [21].

Во-вторых, оценивание, спроектированное по принципу «начинать с конца», задаёт целенаправленность и иерархичность учебной деятельности. Когда критерии оценивания определены заранее, каждый этап обучения, каждое задание и каждый ресурс приобретают чёткую функцию и направлены на развитие способностей, необходимых для порождения ожидаемых оценочных доказательств. Учебная деятельность перестаёт быть простым перечислением знаний; она превращается в систему поддерживающих и последовательно усложняющихся учебных событий, проводящих учащегося от первичного знакомства к уверенному применению, а от единичного навыка к целостной компетентности.

В-третьих, приоритет оценивания способствует формированию ясных и разделяемых всеми участниками критериев успешности, что стимулирует развитие метакогнитивных механизмов и учебной самостоятельности учащихся. Обратное проектирование подчёркивает необходимость того, чтобы ещё до начала обучения учащиеся были ознакомлены с его целями и критериями оценивания. Такая прозрачность переводит их из позиции пассивных получателей оценки в позицию активных участников образовательного процесса. Ориентируясь на критерии успешности, в том числе на оценочные рубрики, учащиеся могут осуществлять самооценивание и взаимооценивание, рефлексировать степень достигнутого понимания и осознавать существующие дефициты. Тем самым оценивание преобразуется из «оценивания обучения» в «оценивание для обучения» и далее в «оценивание как обучение» [22], глубоко встраиваясь в процесс конструирования знания самим учащимся.

Приоритет оценивания обеспечивает согласованность между учебными целями, образовательной деятельностью и критериями оценивания и делает возможной подлинную интеграцию преподавания, учения и оценивания. Следовательно, обратное проектирование не только предоставляет учителю ясный каркас для выделения и реализации предметных «больших идей», но и обеспечивает переход от хаотического накопления знаний к упорядоченной структуре, от механического запоминания к смысловому конструированию. Тем самым оно предлагает теоретически обоснованный и практико-ориентированный путь системного преодоления состояния, при котором модульное обучение «осуществляется, но лишено внутреннего порядка».

Процесс целостного обучения в рамках математического учебного модуля на основе обратного проектирования

Целостное обучение в рамках предметного модуля должно преодолеть ограниченность поверхностной интеграции, исходить из сущности дисциплины и быть ориентированным на формирование ключевых компетенций. На этой основе выстраивается логически последовательная и иерархически организованная практическая модель, объединяющая цели обучения, оценочные задания и учебную деятельность. В логике обратного проектирования обучение начинается с ожидаемых результатов, после чего в обратной последовательности выстраивается путь их достижения. Это позволяет соотнести каждое учебное действие с целями и одновременно встроить в процесс оценочные процедуры, обеспечивающие отслеживание продвижения учащихся и своевременную корректировку преподавания.

Ключевой практикой этапа «ожидаемых результатов» выступает компетентностное целеполагание, направленное на преодоление традиционной поверхностности, при которой цели модуля сводятся к простому перечислению знаний. Ориентируясь на ключевые компетенции и учитывая требования образовательного стандарта, сущностные характеристики дисциплины и закономерности познавательного развития учащихся, учитель выстраивает трёхуровневую систему целей: «большая идея – компетентностные цели модуля – конкретные уровневые цели». Такая система задаёт ориентиры для проектирования оценочных доказательств и учебной деятельности. Сначала необходимо выделить и утвердить «большую идею» модуля как концептуальный каркас обучения; затем определить компетентностные цели, то есть те аспекты ключевых компетенций, которые должны получить развитие в рамках данного содержания; наконец, развернуть их в систему конкретных уровневых целей, обеспечивающих ясную траекторию продвижения и согласованность отдельных уроков с целостной целью модуля.

Определение «большой идеи» учебного модуля

«Большая идея» является ядром дисциплины: она выходит за пределы отдельных знаний и умений, в концентрированной форме выражает сущность предмета и особенности экспертного мышления, а также способствует высокоуровневому переносу знаний учащимися [23]. Ей присущи интегративность и порождающий потенциал: она объединяет предметные знания и одновременно углубляет их понимание. Определение «большой идеи» требует обращения к образовательному стандарту и фиксации ориентации на ключевые компетенции, поскольку именно они отражают фундаментальные идеи предмета. Далее необходимо выявить связи между соответствующими знаниями, установить иерархию понятий и прояснить отношения между базовыми, производными и связанными понятиями, формируя целостную понятийную систему.

Определение целостных компетентностных целей учебного модуля

Компетентностные цели модуля, будучи частью общих целей математического образования, выступают исходной основой для организации, реализации и оценивания целостного обучения. Они должны быть ориентированы на развитие ключевых предметных компетенций и, опираясь на «большую идею», связывать компетентностные ориентиры с ядром содержания данного модуля. Определение таких целей основывается на нескольких принципах: соответствии возрастному этапу обучения, поступательности целей разных уровней, взаимосвязи компетенций и воспитательной направленности. Принцип этапного соответствия требует учитывать уровень познавательного развития учащихся; принцип поступательности предполагает движение от базовых к более высоким уровням предметной компетентности; принцип взаимосвязи подчёркивает необходимость комплексного развития компетенций; принцип воспитательной направленности требует учитывать не только усвоение знаний, но и формирование ценностей и личностных качеств.

Декомпозиция конкретных уровневых целей

Декомпозиция конкретных целей осуществляется на основе целостных компетентностных целей модуля с учётом реального уровня учащихся и требований содержания обучения. Общие цели должны быть преобразованы в операционализируемые, наблюдаемые и поддающиеся оцениванию результаты. Они должны охватывать знания и умения, способы мышления и эмоционально-ценностное отношение к обучению, образуя иерархически организованную систему. При этом важно сохранять внутреннюю связь и поступательность целей, чтобы каждая из них способствовала достижению общей компетентностной цели модуля. Одновременно необходимо соблюдать баланс достижимости и проблемности: цели должны быть посильными, но достаточно сложными, чтобы стимулировать мотивацию и познавательный потенциал учащихся.

Принцип «оценивание прежде всего» является одной из центральных характеристик обратного проектирования. Он требует, чтобы после определения целей учитель проектировал такую «цепочку доказа-

тельств», которая позволит установить, достигли ли учащиеся подлинного понимания. Тем самым оценивание приобретает направляющую функцию по отношению ко всему учебному процессу. В отличие от традиционной модели «цель – обучение – оценивание», обратное проектирование преодолевает логику «сначала обучение, затем оценивание» и выстраивает оценивание на основе педагогических доказательств на протяжении всего процесса.

Приоритет оценивания начинается с разложения ожидаемых результатов на конкретные компоненты и встраивания оценки в каждый этап педагогического проектирования. Учитель должен проанализировать обоснованность предполагаемых целей и определить содержание и способы их достижения [24]. Прежде всего необходимо проектировать диагностическое оценивание, позволяющее точно определить стартовый уровень учащихся. Далее следует развивать инструментарий формирующего оценивания, обеспечивающего динамическое отслеживание учебного процесса. В математике это могут быть карты педагогического наблюдения, интеллект-карты, фиксация стратегий решения задач, промежуточные задания и шкалы взаимооценивания, позволяющие непрерывно собирать доказательства понимания понятий, применения умений и развития мышления. Наконец, итоговое оценивание должно быть ориентировано на комплексное проявление компетенций и не ограничиваться письменным тестом; более продуктивными могут быть проектные продукты, комплексные прикладные задачи и устная защита, позволяющие оценить способность учащихся использовать «большую идею» при решении сложных проблем.

Учебная деятельность является ключевым звеном, соединяющим педагогическую идею с реальной практикой. Её проектирование должно строиться вокруг целей и оценивания, обеспечивая учащимся поэтапную поддержку в достижении понимания и создании соответствующих доказательств. Исходя из системы целей модуля, учитель определяет типы деятельности в соответствии с целями разных уровней: для формирования базового понимания понятий могут использоваться исследовательские виды работы, а для развития способности к комплексному применению знаний проектные формы. Одновременно проектирование должно быть согласовано с многоуровневой системой оценивания: в структуре деятельности заранее определяются точки оценивания и соответствующие способы оценки.

Формы учебной деятельности могут быть различными, однако их общая цель состоит в обеспечении усвоения знаний и развития способностей учащихся. Это могут быть виды деятельности, направленные на построение понятий, развитие мышления и комплексное применение знаний. В последнем случае в качестве основы выступают реальные проблемы, в процессе решения которых интегрируются ключевые знания и умения модуля, а учащиеся достигают интериоризации «большой идеи» и повышения уровня компетентности. Так, в математическом образовании могут использоваться комплексные практико-ориентированные занятия междисциплинарного характера. Некоторые исследователи, например, объединяют математику с архитектурой и проектируют занятие «Математика в архитектуре», где в качестве исследовательской линии рассматривается «продолжительность солнечного освещения зданий», а проектная деятельность строится на тригонометрическом содержании с привлечением знаний географии, права, физики и информационных технологий [25].

Развёртывание подобных видов деятельности позволяет эффективнее формировать у учащихся способность использовать математические средства для решения реальных задач. Проектирование учебной деятельности должно подчиняться логике поступательного усложнения от простого к сложному, от единичного к интегрированному, так, чтобы каждое действие обладало ясной компетентностной направленностью и включалось в последовательную линию развития. Только в этом случае учебная деятельность действительно способствует построению структурированной системы знаний и способов мышления учащихся

Заключение

Проведённый анализ показывает, что основные затруднения в реализации целостного обучения на уровне предметного модуля связаны с недостаточным пониманием учителями сущности модульного проектирования, слабой выраженностью структурного подхода к организации содержания и процесса обучения, а также с несформированностью оценивания как механизма сопровождения и развития учебной деятельности. В этих условиях обратное проектирование выступает не просто как техническая схема планирования, а как методологическая основа переосмысления логики обучения: от передачи разрозненных знаний к формированию понимания, от линейного следования учебнику к организации содержания вокруг «большой идеи», от итогового контроля к встроенной в процесс системе оценочных доказательств. Тем самым именно обратное проектирование позволяет обеспечить внутреннюю согласованность целей, содержания, способов деятельности и оценивания, что составляет необходимое условие целостного модульного обучения.

Практическая ценность предложенного подхода состоит в том, что он задаёт последовательный путь проектирования математического учебного модуля: от выделения «большой идеи» и формулирования компетентностных целей к построению системы уровневых задач, разработке диагностического, формирующего и итогового оценивания и проектированию учебной деятельности, направленной на достижение глубокого понимания и переносимых способов действия. Реализация данной логики позволяет перевести обучение от поверхностного усвоения фактов и алгоритмов к структурированному освоению предметного знания, развитию мышления высокого уровня и формированию ключевых компетенций. В перспективе это создаёт методологические основания для дальнейшей разработки предметно-специфических моделей модульного обучения и их адаптации к различным ступеням школьного математического образования.

Литература

1. Цзян Цзиньчжэнь, Лю Ячжун. Анализ результатов обследования современного состояния восприятия и практики проектирования модульного обучения на основе ключевых компетенций: на примере учителей биологии средней школы г. Шанхая // Преподавание биологии. 2020. Т. 45, № 5. С. 25–28.
2. Ян Сяоли. «Современное состояние», «проблемы» и «пути решения» в проектировании модульного обучения учителями математики основной школы // Журнал математического образования. 2023. Т. 32, № 2. С. 24–29.
3. Чжан Цзэцин, У Цзяци, Чжан Чуньли. Ценностные ориентиры и анализ элементов целостного проектирования модульного обучения по математике в начальной школе в условиях нового образовательного стандарта // Куррикулум, учебные материалы и методика преподавания. 2023. Т. 43, № 5. С. 102–108.
4. Хуан Ючу, Ван Цуй. Ценностная интерпретация и практическая логика целостного проектирования модульного обучения // Педагогическая наука. 2025. Т. 41, № 1. С. 60–66.
5. Сюн Мэй, Ли Хунсю. Развитие ключевых предметных компетенций: ценность, характеристики и стратегии модульного обучения // Куррикулум, учебные материалы и методика преподавания. 2018. Т. 38, № 12. С. 88–94.
6. Чжан Цзэцин, У Цзяци, Чжан Чуньли. Ценностные ориентиры и анализ элементов целостного проектирования модульного обучения по математике в начальной школе в условиях нового образовательного стандарта // Куррикулум, учебные материалы и методика преподавания. 2023. Т. 43, № 5. С. 102–108.
7. Брунер Дж. Избранные педагогические труды / Дж. Брунер. Пекин: Изд-во «Народное образование», 2018. С. 24.
8. Министерство образования Китайской Народной Республики. Программа обязательного образования: редакция 2022 года. Пекин: Изд-во Пекинского педагогического университета, 2022. С. 11.
9. Жэнь Минмань. Обучение в рамках укрупнённого учебного модуля: историческая траектория, современное состояние исследований и выбор путей развития // Куррикулум, учебные материалы и методика преподавания. 2022. Т. 42, № 4. С. 97–105.
10. Ли Цзюньпэн, Вэй Цзе. Анализ современного состояния проектирования модульного обучения на основе ключевых компетенций в преподавании физики // Учитель физики. 2021. Т. 42, № 1. С. 29–34.
11. Уиггинс Г., Мактай Дж. Проектирование обучения, ориентированного на понимание. 2-е изд. / пер. Янь Ханьбин, Сун Сюэлянь, Лай Пин. Шанхай: Изд-во Восточно-Китайского педагогического университета, 2017. С. 47.
12. Сюй Фэнхуа, Ху Сяньцзинь. Предметное понимание учащихся: содержательные смыслы, проблемная рефлексия и пути развития // Исследования педагогической науки. 2023. № 11. С. 60–68.
13. Го Юаньсян. О логической исходной точке, внутренних условиях и практических требованиях предметно-ориентированного воспитания // Исследования в области образования. 2020. Т. 41, № 4. С. 4–15.
14. Лю Хуэй. Модель целостного модульного обучения в перспективе «большой идеи»: к вопросу о преобразовании урока, ориентированного на компетенции // Исследования в области образования. 2020. Т. 41, № 6. С. 64–77.
15. Ван Жуншэн, Хун Аньци. Три ключевые проблемы обучения на основе «большой идеи»: на примере филологического образования // Глобальные перспективы образования. 2025. Т. 54, № 3. С. 135–147.

16. Гуань Эньчэнь. Интегративное обучение на основе «большой идеи», ориентированное на формирование ключевых компетенций: теоретическая модель и практический путь (на примере старшей школы по математике) // Шанхайские исследования в области образования. 2025. № 6. С. 68–73.

17. Го Хуа. Структурирование содержания образования и его педагогическое значение // Куррикулум, учебные материалы и методика преподавания. 2025. Т. 45, № 7. С. 50–59.

18. Чан Нин, Ху Дяньшунь. Анализ проектирования модульного обучения по математике под руководством «большой идеи» // Журнал математического образования. 2024. Т. 33, № 2. С. 20–26.

19. Чжан Сяолян, Ли Сэнь. Экологический поворот в педагогическом оценивании и выбор путей развития // Куррикулум, учебные материалы и методика преподавания. 2025. Т. 45, № 8. С. 82–88.

20. Шэн Цюньли. Педагогическое проектирование. Пекин: Изд-во «Высшее образование», 2005. С. 112.

21. Цуй Юньхо. Проектирование учебного плана, ориентированного на ключевые компетенции: перспектива «большой идеи» // Глобальные перспективы образования. 2021. Т. 50, № 6. С. 55–67.

22. Ян Сяндун. Оценивание, содействующее обучению: содержание и пути реализации // Исследования развития образования. 2020. Т. 40, № 4. С. 1–8.

23. Чжан Чуньли, Ань Кай, Мяо Цзяи и др. Сущностная ценность, реальные затруднения и пути преодоления модульного обучения под руководством «большой идеи» // Исследования педагогической науки. 2025. № 12. С. 56–62.

24. Жун Цзюньцзе, Янь Чжили. Обратное проектирование обучения и пути его применения в физическом воспитании // Журнал Уханьского института физической культуры. 2017. Т. 51, № 12. С. 75–79.

25. Е Линь, Сюй Ицзюнь, Сунь Ху. Углубление межпредметной интеграции и формирование модельного мышления: на примере комплексного практического проекта «Математика в архитектуре» // Математический бюллетень. 2024. Т. 63, № 9. С. 23–28.

THE INTERNAL LOGIC AND PRACTICAL PATHWAYS OF HOLISTIC TEACHING WITHIN SUBJECT-BASED INSTRUCTIONAL UNITS FROM THE PERSPECTIVE OF BACKWARD DESIGN

Li Yucui, Ji Maoyue
Xinjiang Normal university

The article examines the problem of implementing holistic teaching within a subject-based instructional unit in the context of the competency-oriented transformation of school education. The relevance of the study is обусловлена by the persistent contradictions in pedagogical practice between the requirements for structured unit-based teaching and the predominance of a fragmented, lesson-by-lesson approach. The aim of the article is to identify the internal logic of holistic unit teaching from the perspective of backward design and to substantiate practical pathways for its implementation in mathematics education. The methodological framework of the study is based on the competency-based, system-structural, and activity-based approaches, as well as on the concept of backward design. The article reveals the main difficulties of unit teaching and demonstrates the role of understanding, the "big idea," and the priority of assessment in ensuring the alignment of objectives, content, learning activities, and assessment procedures. A practical model for designing a mathematics instructional unit is substantiated, oriented toward the formation of key competencies, the development of higher-order thinking, and transferable modes of action.

Keywords: Backward Design, Holistic Teaching, Instructional Unit, Big Idea, Key Competencies

References

1. Jiang Jinzhen, Liu Yazhong. Analysis of the Results of a Survey on the Current State of Perception and Practice of Designing Modular Learning Based on Key Competencies: The Case of Shanghai Middle School Biology Teachers // Teaching Biology. 2020. Vol. 45, No. 5, pp. 25–28.

2. Yang Xiaoli. "Current State," "Problems," and "Solutions" in Designing Modular Learning by Basic School Mathematics Teachers // Journal of Mathematical Education. 2023. Vol. 32, No. 2, pp. 24–29.

3. Zhang Zeqing, Wu Jiaqi, Zhang Chunli. Value Guidelines and Analysis of Elements of Holistic Design of Modular Learning in Primary School Mathematics under the New Educational Standard // Curriculum, Educational Materials, and Teaching Methods. 2023. Vol. 43, No. 5, pp. 102–108.

4. Huang Yuchu, Wang Cui. Value Interpretation and Practical Logic of Holistic Design of Modular Learning // Pedagogical Science. 2025. Vol. 41, No. 1, pp. 60–66.

5. Xiong Mei, Li Hongxu. Developing Key Subject Competencies: Value, Characteristics, and Strategies of Modular Learning // Curriculum, Learning Materials, and Teaching Methods. 2018. Vol. 38, No. 12, pp. 88–94.

6. Zhang Zeqing, Wu Jiaqi, Zhang Chunli. Value Guidelines and Analysis of Elements of Holistic Design of Modular Learning in Primary School Mathematics under the New Educational Standard // Curriculum, Learning Materials, and Teaching Methods. 2023. Vol. 43, No. 5, pp. 102–108.

7. Bruner, J. Selected Pedagogical Works. Beijing: People's Education Press, 2018. p. 24.

8. Ministry of Education of the People's Republic of China. Compulsory Education Program: The 2022 Edition. Beijing: Beijing Normal University Press, 2022. p. 11.

9. Ren, Mingman. Teaching within the Framework of a Large-Scale Curriculum: Historical Trajectory, Current State of Research, and Choice of Development Paths // Curriculum, Learning Materials, and Teaching Methods. 2022. Vol. 42, No. 4, pp. 97–105.

10. Li, Junpeng, Wei, Jie. Analysis of the Current State of Designing Modular Learning Based on Key Competencies in Physics Teaching // Physics Teacher. 2021. Vol. 42, No. 1, pp. 29–34.

11. Wiggins, G., McTighe, J. Designing Understanding-Centered Learning. 2nd ed. / trans. by Yan Hanbin, Song Xuelian, Lai Ping. Shanghai: East China Normal University Press, 2017. p. 47.

12. Xu Fenghua, Hu Xianjin. Students' Subject Understanding: Substantive Meanings, Problem-Based Reflection, and Development Paths // Research in Pedagogical Science. 2023. No. 11, pp. 60–68.

13. Guo Yuanxiang. On the Logical Starting Point, Internal Conditions, and Practical Requirements of Subject-Oriented Education // Research in Education. 2020. Vol. 41, No. 4, pp. 4–15.

14. Liu Hui. "A Holistic Modular Teaching Model from a Big Idea Perspective: Toward the Transformation of a Competency-Based Lesson" // Educational Studies. 2020. Vol. 41, No. 6, pp. 64–77.

15. Wang Rongsheng, Hong Anqi. "Three Key Issues of Big Idea-Based Teaching: A Case Study of Philological Education" // Global Education Perspectives. 2025. Vol. 54, No. 3, pp. 135–147.

16. Guan Enchen. "Big Idea-Based Integrative Teaching Focused on Key Competencies: A Theoretical Model and Practical Approach (Based on High School Mathematics)" // Shanghai Educational Studies. 2025. No. 6. Pp. 68–73.

17. Guo Hua. Structuring the Content of Education and Its Pedagogical Significance // Curriculum, Learning Materials, and Teaching Methods. 2025. Vol. 45, No. 7. Pp. 50–59.

18. Chang Ning, Hu Dianshun. Analysis of the Design of Modular Teaching in Mathematics Guided by the "Big Idea" // Journal of Mathematical Education. 2024. Vol. 33, No. 2. Pp. 20–26.

19. Zhang Xiaoliang, Li Sen. Ecological Turn in Pedagogical Assessment and the Choice of Development Paths // Curriculum, Learning Materials, and Teaching Methods. 2025. Vol. 45, No. 8. Pp. 82–88.

20. Sheng Qunli. Instructional Design. Beijing: Higher Education Publishing House, 2005. P. 112.

21. Cui Yunho. Designing a Curriculum Based on Key Competencies: A "Big Idea" Perspective // Global Perspectives on Education. 2021. Vol. 50, No. 6. Pp. 55–67.

22. Yang Xiangdong. Assessment that Supports Learning: Content and Implementation // Research on Educational Development. 2020. Vol. 40, No. 4. Pp. 1–8.

23. Zhang Chunli, An Kai, Miao Jiayi, et al. Essential Value, Real Difficulties, and Ways to Overcome Modular Learning Guided by the "Big Idea" // Research on Pedagogical Science. 2025. No. 12. Pp. 56–62.

24. Rong Junjie, Yan Zhili. "Reverse Engineering of Learning and Its Application in Physical Education." Journal of Wuhan Institute of Physical Education. 2017. Vol. 51, No. 12. Pp. 75–79.

25. Ye Lin, Xu Yijun, Sun Hu. "Deepening Interdisciplinary Integration and Formation of Model Thinking: A Case Study of the Comprehensive Practical Project "Mathematics in Architecture." Mate Matic Bulletin. 2024. Vol. 63, No. 9. Pp. 23–28.

Влияние перевода зарубежной литературы на становление современной китайской литературы в поздний период династии Цин

Ма Сяотун,
докторант, Шанхайский университет иностранных языков
E-mail: 0254101657@shisu.edu.cn

Ян Бо,
профессор, Шанхайский университет иностранных языков
E-mail: 2043@shisu.edu.cn

В статье рассматривается влияние перевода западной беллетристики в поздний период династии Цин на становление современной китайской литературы. Цель исследования состоит в выявлении механизмов вхождения переводной литературы в китайскую литературную систему и определении форм ее структурного воздействия на национальную прозу. Особое внимание уделяется историко-культурным условиям распространения переводной литературы, трансформации читательского запроса, а также изменениям в повествовательных моделях, принципах построения персонажа, трагическом сознании и эстетических установках китайских романов и повестей. Установлено, что перевод в позднецинскую эпоху выполнял не только посредническую языковую функцию, но и выступал как важный механизм литературной трансляции, способствовавший переходу китайской прозы от традиционных форм к современным. Делается вывод о том, что переводная литература стала одним из ключевых факторов модернизации китайской словесности и представляет собой показательный пример структурного воздействия межкультурной коммуникации на развитие национальной литературы.

Ключевые слова: Переводная Литература, Поздняя Династия Цин, Современная Китайская Литература, Литературная Трансляция, Межкультурная Коммуникация

Введение

Перевод зарубежной художественной литературы в поздний период династии Цин представляет собой одно из ключевых явлений культурной модернизации Китая и занимает важное место в истории формирования современной китайской литературы. Если в ранних исследованиях данный процесс преимущественно рассматривался как форма заимствования западных идей, сюжетов и жанров, то в современной гуманитарной науке все более очевидной становится необходимость анализа перевода как механизма глубокого структурного воздействия на национальную литературную систему. В этом смысле переводная литература интересна не только как источник новых тем и образов, но и как фактор трансформации повествовательных моделей, принципов построения персонажа, эстетических норм и читательских ожиданий.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что влияние переводной литературы на становление современной китайской словесности до сих пор нередко описывается в общих культурно-исторических категориях, тогда как собственно морфологические изменения литературной формы остаются изученными недостаточно. Между тем именно в позднецинский период перевод западных романов и повестей стал важнейшим каналом вхождения иноязычной литературы в китайский контекст, что привело не только к расширению тематического репертуара, но и к перестройке самих оснований литературного творчества. Переводная проза начала воздействовать на китайскую литературу на уровне нарратива, характерологии, трагического сознания и художественной концепции человека, подготавливая переход от традиционной повествовательной модели к современной.

Объектом исследования выступает перевод западной беллетристики на китайский язык в поздний период династии Цин, а предметом механизмы ее вхождения в систему китайской литературы и формы ее структурного влияния на эволюцию китайской прозы. Цель статьи состоит в том, чтобы показать, что перевод в рассматриваемую эпоху функционировал не только как средство языкового посредничества, но и как особый механизм литературной трансляции, способствовавший модернизации китайской словесности. Для достижения данной цели в работе анализируются историко-культурные условия распространения переводной литературы, изменение читательского запроса, а также конкретные формы влияния западных переводных произведений на повествовательные стратегии, способы изображения персонажа, трагическую модель мира и эстетические установки китайских романов и повестей.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении перевода как системообразующего фактора литературной эволюции. В статье обосновывается тезис о том, что переводная литература поздней Цин не была периферийным культурным приложением к национальной словесности, а выступила активным участником формирования новой литературной парадигмы. Именно поэтому история перевода зарубежной беллетристики в Китае должна интерпретироваться не только как эпизод межкультурного обмена, но и как репрезентативный исторический пример преобразования литературной формы в условиях интенсивной культурной коммуникации.

Исторические условия вхождения переводной литературы в систему китайской литературы

С развертыванием процесса проникновения западных знаний в Китай интенсивно переводилась обширная западная книжность, межкультурный диалог приобретал все более широкий масштаб. Поколение китайских студентов, обучавшихся за рубежом, выступало одновременно носителями и трансляторами западной культуры; их переводческая деятельность вводила в китайский контекст произведения западной литературы, открывая китайским читателям принципиально новый читательский опыт. Однако сводить причины трансформации повествовательных моделей китайских романов и повестей исключительно или преимущественно к западным переводным образцам было бы чрезмерным упрощением. Более значимым фактором являлась внутренняя потребность самих китайских читателей в полифонии литературных форм.

Традиционная композиционная структура классических китайских романов и повестей, как правило, выстраивала повествование и раз-

Статья является этапным результатом в рамках ключевого Национального гранта общественных наук Китая. № .25&ZD074

ворачивала сюжет в хронологической последовательности; обратная хронология и флешбэк практически отсутствовали. Линейное повествование было исконной чертой древнего книжного сказительства. Этот укорененный веками нарративный канон претерпел изменения в творчестве китайских романов и повестей периода поздней династии Цин – ранней Китайской Республики [1]. В поздней династии Цин стремительные социальные сдвиги и идейные брожения расшатывали традиционную систему ценностей; современники испытывали острую потребность в осмыслении внешнего мира и поиске новых духовных опор. Эта трансформация общественной психологии находила выражение и в сфере литературных запросов. Читатель более не удовлетворялся однотипными повествовательными моделями и тематическим репертуаром, предлагаемыми традиционными классическими китайскими романами и повестями; он жаждал литературы новой разнообразной по форме, отражающей дух времени.

Западные переводные романы и повести идеально соответствовали этому запросу. Детективная проза с её напряженным сюжетом и уникальным обаянием логического вывода привлекла огромную аудиторию, разрушив модель романа как средства морального наставления. Любовные романы нашли отклик благодаря тонкому психологизму и вниманию к частной судьбе индивида. Приключенческие, научно-фантастические и исторические романы открывали двери в иные миры, удовлетворяя потребность в мультикультурном опыте.

Расцвет перевода романов и повестей в поздней династии Цин был, по своей сути, порождением «культурного самоспасения» интеллигенции в условиях нарастающего национального кризиса. По мере того как процесс «проникновения западных знаний» углублялся от уровня техники и институтов до уровня культуры и ментальности, западная литература как носитель идей обретала острое чувство исторической миссии.

Перед лицом усугублявшегося национального кризиса позднецинская интеллигенция обращалась к критическому переосмыслению традиционной китайской культуры и государственных устоев, пытаясь почерпнуть из западного опыта возможные рецепты преодоления кризиса. Она осознавала, что могущество западных стран неразрывно связано с передовым состоянием их культуры и общественных институтов. Многие просвещенные умы обратились к переводу западной художественной литературы как к средству пробуждения национального самосознания и стимулирования социальных реформ. Лу Синь, в значительной степени сформировавшийся под влиянием переводческой деятельности поздней династии Цин и в то же время глубоко ее осмысливший, в своей ранней работе «О силе поэзии Моро» (1908) теоретически обосновал бунтарский дух западноевропейского романтизма, воспринятый через переводы: «Байрон и Шелли снискали себе дьявольскую славу, но они были людьми. Тех, кто принадлежит к их школе, вовсе не обязательно называть “сатанинской школой” – ибо в этом мире непременно появляются такие люди. Это те, кто, услышав пламенный, искренний глас, внезапно пробуждаются; это те, кто, сами обладая пламенным и искренним сердцем, способны понять друг друга» [2]. Восхваляя Байрона и Шелли, Лу Синь фактически призывал к появлению в самом Китае подобного «гласа-предвестника», способного разрушить духовный застой. Хотя эти размышления были высказаны уже на исходе династии Цин, в них отчетливо проявилось просветительское ядро литературы нового времени и был обозначен глубинный смысл переводческой деятельности той эпохи: через освоение чужого духовного опыта содействовать пробуждению национального самосознания, укреплению духа сопротивления и духовному возрождению нации. Это не прямое описание мотивов позднецинских переводчиков, а теоретическое осмысление исторической значимости их труда.

В позднецинскую эпоху и в ранний период Китайской Республики многие переводчики и литераторы, движимые подобным чувством миссии, активно вводили западную литературу в китайский культурный контекст. Этот процесс не только расширил литературный кругозор Китая, но и способствовал идейной эмансипации общества. В западных романах и повестях китайская интеллигенция находила идеи демократии, свободы, науки и разума, резко контрастировавшие с традиционными феодальными установлениями. Бурный подъем переводческой деятельности выдвинул таких крупных переводчиков, как Линь Шу, Янь Фу и Ван Говэй. Их работа не только содействовала распространению западной литературы, но и стала важным источником творческого опыта для китайских писателей нового времени. Переводы «Дамы с камелиями», «Хижины дяди Тома» и «Эволюции и этики» знакомили китайского читателя с идеями свободы личности, равенства, науки и рационального мышления. Тем самым перевод западных романов и повестей в позднюю Цин стал не только каналом межкультурной коммуникации, но и важным катализатором литературной трансформации и модернизации китайской словесности.

Влияние переводной литературы на морфологию китайских романов и повестей: структурные изменения

В прежние времена центральное место в литературе занимали романы и повести на классическом письменном языке вэньянь, а также исторические сочинения, следовавшие принципу «выражения воли и несения истины»; они формировали магистральный дискурс литературного поля. Однако с развитием переводной литературы постепенно оформлялись китайские романы и повести в их современном понимании, а повествовательная проза на разговорном языке байхуа стала доминирующим литературным жанром. Переводная литература не только существенно обогатила арсенал художественных приемов, но и способствовала утверждению жанра романов и повестей как одной из важнейших литературных форм.

Для классических китайских романов и повестей, особенно жанра чжанхуэйсяошо (роман с главами-речениями) эпох Мин и Цин, повествовательная модель в основном сосредоточивалась на описании персонажей и сюжета; их содержание часто ограничивалось рассказами о необычайном, легендарных событиях, героях-рыцарях и судебных делах. Тонкий психологизм и детализированное изображение среды в них встречались редко. Эта повествовательная модель, обладая несомненными достоинствами в развитии интриги и развлекательности, предоставляла богатый творческий материал для развития литературы нового времени. Однако она же ограничивала глубину и масштабность китайских романов и повестей, обусловливая известную недостаточность их идейного и художественного уровня. С изменением эпохи жанр чжанхуэйсяошо постепенно обнаруживал свою ограниченность в обрисовке характеров и идейной глубине, что подготовило почву для появления новых литературных форм. Начиная с 1902 года китайские романы и повести демонстрируют значительный отход от традиционной повествовательной модели; после Синьхайской революции 1911 года наблюдается некоторая стагнация и даже возвратное движение, однако полного возврата к традиционной модели не произошло [3].

В резком контрасте с этим западные переводные романы и повести, особенно реалистические и натуралистические романы XIX века, являли собой принципиально иную повествовательную модель. В этих произведениях среда и фон выступают не просто сценой для действий персонажей, но самостоятельным повествовательным элементом, который взаимодействует с персонажами и сюжетом, совместно образуя целостную нарративную систему. Описание среды включает природные ландшафты, социальные картины и даже общую атмосферу и эмоциональный тон произведения; это не только обогащает содержание романов, но и предоставляет более широкое пространство для обрисовки характеров и развития сюжета.

На примере романов Чарльза Диккенса видно, как детальное изображение социальной среды лондонского «дна» не только раскрывает темные стороны британского общества Викторианской эпохи, но и дает убедительное объяснение судьбам и развитию характеров персонажей. Этот повествовательный прием соединение среды и фона с персонажами и сюжетом оказал глубокое влияние на творчество китайских романов и повестей нового времени. В «Подлинной истории А-кью» Лу Синя описание деревенских пейзажей Вэйчжуан и социальных перемен в китайской деревне в период Синьхайской революции служит не только фоном событий, но и важнейшим фактором формирования типического образа А-кью. В «Полуночи» Мао Дуня урбанистический ландшафт Шанхая и биржевые спекуляции не только раскрывают сложность китайского общества того времени, но и движут развитием сюжета. В этих произведениях изображение среды и фона не только обеспечивает более многообразную поддержку сюжетному развитию, но и усиливает реалистическое звучание китайских романов и повестей.

Классические китайские романы и повести в основном строились по структуре чжанхуэйсяошо, повествование велось преимущественно от третьего лица; интригующие концовки в форме «Хотите узнать, что было дальше? Послушайте следующую главу!» привлекали читателей. Однако эта модель ограничивала повествовательное многообразие и выразительные возможности китайских романов и повестей. На рубеже Цин и ранней Республики, с массовым переводом западных романов и повестей, китайские читатели познакомились с такими повествовательными техниками, как ретроспекция, вставные эпизоды, множественная нарративная перспектива. В переводе Линь Шу «Дамы с камелиями» впервые было использовано повествование от первого лица: история любви и конфликта с судьбой подается через восприятие главного героя, вызывая у читателя острое чувство сопереживания. Прозаическое переложение шекспировских сюжетов, выполнен-

ное Линь Шу и Вэй И под названием «Инго шижэнь иньбянь янь юй» («Сказания у камелька английских поэтов») по книге Чарльза и Мэри Лэм «Tales from Shakespeare», познакомило китайских читателей с фабулами и характерами западной драматургии. Эти разножанровые переводные произведения, словно врата в сокровищницу западной литературы, открыли китайским романистам новые творческие горизонты и выразительные средства.

Одновременно богатство жанров западной романистики привнесло новую энергию в китайские романы и повести. В поздней династии Цин переводчики во главе с Линь Шу познакомили китайского читателя с западными любовными, приключенческими, политическими романами и повестями, проложив новые пути в развитии жанровой системы китайских романов и повестей. В переводе романа «Цзяинь чжуань» (Joan Haste), выполненном Линь Шу совместно с Вэй И, с женской перспективы исследуются темы любви и брака, бросая вызов традиционным патриархальным ограничениям женской нравственности. Политические романы, переведенные и написанные Лян Цичао, реалистическими средствами обнажали пороки феодальной системы, пробуждая патриотические чувства. Эти переводные произведения не только обогатили жанровый репертуар китайских романов и повестей, но что еще важнее ввели в китайский контекст западные нравы и обычаи, общественные институты, идеи и представления, предоставив китайским писателям принципиально новый угол зрения на мир и человеческую жизнь.

Более того, переводные романы и повести поздней династии Цин стимулировали модернизационный процесс в творчестве китайских романов и повестей. В процессе перевода переводчики не только должны были верно передать содержание оригинала, но и органично ввести в перевод языковую стилистику и повествовательные техники западной прозы. Этот переводческий процесс становился действенным методом освоения китайской литературой западных художественных приемов. Так, Цянь Чжуншу, познакомившись с переводческой серией Линь Шу, испытал глубокое влияние его переводов; в его собственном творческом стиле явственно проступают следы западной прозы. В романе Цянь Чжуншу «Осажденная крепость» широко используется ирония и гротеск, обнажающие лицемерие и абсурдность общества:

Фан Хунцзянь почувствовал себя так, словно преступник, получивший помилование, но ему было немного жаль ту рано ушедшую девушку. Сам он уже вкусил радость свободы и желал облегчить печаль другим, поэтому отправил своему будущему тестю длинное соболезнующее письмо. Управляющий Чжоу, получив письмо, решил, что юноша знает правила приличия, и поручил заведующему канцелярией банка господину Вану составить ответ. Заведующий канцелярией, увидев подлинник, весьма расхвалил перед хозяином образованность и каллиграфию будущего зятя, а также глубину и искренность его слов, обращенных к усопшей, из чего заключил, что тот обладает редкими душевными качествами и непременно добьется больших успехов. Управляющий Чжоу, обрадованный этими словами, велел господину Вану в ответном письме сообщить: хотя дочь еще не перешла в дом жениха, отношения тестя и зятя остаются в силе; единственная дочь была у него, он хотел устроить пышную свадьбу, а теперь ту сумму, что была отложена на приданое и свадебные торжества, вместе с процентами от капитала, внесенного семьей Фан в качестве выкупа и пущенного дочерью в оборот, – всего двадцать тысяч юаней, что составляет тысячу триста фунтов стерлингов, – передать Фан Хунцзяню по окончании им в будущем году учебы на расходы по обучению за границей. Фан Хунцзянь и мечтать не мог о такой удаче и был глубоко признателен своей покойной невесте[1].[4]

В этом фрагменте Цянь Чжуншу использует приемы иронии и гротеска. Фан Хунцзянь «почувствовал радость помилованного преступника», но при этом «немного жалел ту рано ушедшую девушку»; он «и мечтать не мог о такой удаче», но был «весьма признателен своей покойной невесте». Это противоречие обнажает внутренний конфликт персонажа и одновременно имплицитно указывает на господство утилитарных и прагматических ценностей в обществе того времени. Данный сатирический прием обнаруживает несомненное сходство с сатирическими техниками, типичными для западной прозы в переводах Линь Шу. Например, в «Ожерелье» (*La Parure)* Мопассана тщеславная Матильда, одолжив у подруги колье для бала и потеряв его, обрекает себя на годы непосильного труда и нищету так обнажается лицемерие и снобизм французского общества. В «Ярмарке тщеславия» (*Vanity Fair)* Теккерея Бекки Шарп, в погоне за богатством и положением не гнушающаяся никакими средствами, терпит полный крах так высмеивается культ чистогана в британском обществе. Эти переводные произведения стали для китайских романистов образцом освоения западной литературной техники и стимулировали переход китайских романов и повестей от традиционного письма к современному.

Таким образом, переводческая деятельность на рубеже Цин и Китайской Республики не только обогатила жанровую систему китайских романов и повестей, но что принципиально важнее предоставила китайским писателям новые творческие концепции, повествовательные приемы и выразительные средства, ускорив модернизационный процесс в творчестве китайских романов и повестей и заложив фундамент расцвета китайской литературы нового времени. Успех переводов романов и повестей открыл для китайской литературы врата в сокровищницу мировой словесности, постепенно вводя ее в контекст мирового литературного процесса.

С проникновением западной мысли и культуры традиционные творческие установки китайских романов и повестей постепенно подвергались трансформации. Этот процесс не был одномоментным он разворачивался постепенно, по мере массового перевода западной художественной литературы.

Для классических китайских романов и повестей характерна установка на «благополучную развязку» (хэпи-энд) как доминирующий эстетический принцип. «“Отрада благополучия” – повсеместно распространенный литературный феномен классического китайского романа» [5]. Так, в «Пионовой беседке» Ду Линян и Лю Мумэй после смерти возлюбленного и последующего воскрешения соединяются в финале. «Хотя продолжение “Сна в красном тереме” проникнуто печалью, род Цзя в конце концов “вновь возвышается благодаря благоуханию орхидей и корицы” – усадьба восстает из пепла, отнюдь не превращаясь в “бесплодную пустыню”». Лу Синь, признавая «печальную» тональность продолжения, в то же время указывал на «легкое возрождение» в этой печали [6]. «Сон в красном тереме» через символ «благоухания орхидей и корицы» намекает на надежду на возрождение рода все эти произведения воплощают конфуцианский принцип «радости без распутства, печали без увечья» и стремление к посюстороннему совершенству.Однако привнесение западной литературы открыло новые горизонты для творческих установок китайских романов и повестей. В поздней династии Цин – ранней Китайской Республики массовый перевод и издание западных романов и повестей явили китайскому читателю трагическое мироощущение, принципы характерологии и повествовательные техники западной прозы, предложив китайским писателям новые творческие стратегии и эстетические ориентиры. «Дама с камелиями» А. Дюма-сына привлекла внимание китайских писателей своей трагической развязкой и тонкой обрисовкой характеров. В этом романе «акцент сделан на любовной трагедии Армана и Маргариты; в нем подвергаются критике буржуазные нравы, семейный уклад и этика, что оказало значительное влияние на развитие критико-реалистической драмы» [7]. Трагическая судьба Маргариты и ее кратковременная любовь с Арманом, завершившаяся разлукой и смертью, эта финальная модель вызвала глубокий резонанс в китайской литературе. Перевод Линь Шу «Парижская история дамы с камелиями» не только воспроизвел трагическую развязку оригинала, но и позволил китайским читателям пережить щемящую красоту западного романтизма. Подобные трагические финалы стали часто появляться в китайской литературе – например, в произведениях Су Маньшу «Дуаньхун линъянь цзи» и Сюй Чжэнья «Юйли хунь» явственно ощущается влияние этой финальной модели.

Дюма-сын тонкими штрихами обрисовывает сложный характер и внутренний мир персонажей, делая образы объемными и достоверными:

Первая моя мысль была: «Она меня обманывает!» Холодный пот выступил у меня на лбу – я слишком сильно любил эту женщину, и подозрение это привело меня в смятение. А ведь я должен был предвидеть, что с Маргаритой подобное могло случиться почти каждый день. То же самое не раз бывало у меня и с другими любовницами, но я не придавал этому значения. Отчего же эта женщина обрела такую власть над моей жизнью? Тут я подумал: раз у меня есть ключ от ее квартиры, почему бы мне не пойти к ней, как обычно? Я бы сразу узнал правду. И если бы застал там мужчину – я дал бы ему пощечину[2].[8]

В «Даме с камелиями» через внутренний монолог Армана Дюма-сын с большой тонкостью передает сложную гамму чувств любовь и ревность, доверие и подозрение. Данный фрагмент обнажает психологическую динамику героя от сомнения к решимости удостовериться в истине, раскрывая его внутреннюю борьбу и глубину привязанности. Это тонкое психологическое письмо не только делает образ полнокровным, но и позволяет читателю остро ощутить душевные колебания Армана и то исключительное место, которое занимает Маргарита в его жизни. Данный метод психологического анализа, проникнув в Китай

[1] Перевод фрагмента выполнен авторами статьи по изданию: 钱锺书. 围城. – 北京: 人民文学出版社, 2003. – С. 12.

[2] Перевод фрагмента выполнен авторами статьи по изданию: 小仲马. 茶花女 / 王振孙译. – 北京: 人民文学出版社, 2003. – С. 103.

на рубеже Цин и Китайской Республики через переводную литературу, был усвоен китайскими писателями для обогащения характерологии китайских романов и повестей, оказав структурное воздействие на творческие установки китайских романов и повестей. Китайские романисты, осваивая этот прием, стали уделять пристальное внимание изображению внутреннего мира персонажей, что придало образам большую объемность. Например, в романах У Цзяньжэня «Цзю мин ци юань» и цикле «Хэнь хай» уже используются приемы детализированного психологического письма, создающие образы, наделенные богатой эмоциональной жизнью и сложными душевными переживаниями.

Под влиянием западной литературы китайские писатели начали отходить от канона «благополучной развязки», вводя в свои произведения трагическое мироощущение. Роман «Юйли хунь» писателя школы «мандаринки-утки и бабочки» Сюй Чжэнья – характерный пример этого процесса. Произведение написано в дневниковой форме, что отсылает к повествовательной технике «Дамы с камелиями», и проникнуто подчеркнуто трагической атмосферой. Любовные переживания героини Бай Лиин и ее мужа, ее трагическая судьба все это свидетельствует о глубоком постижении автором сложности человеческой натуры и неизбывности жизненных страданий. Однако писатели школы «мандаринки-утки и бабочки» не просто имитировали западные образцы; они синтезировали идеи и техники западной литературы с традиционной китайской культурой, создав самобытную прозу Китая нового времени. Писатели этой школы исходили из презумпции «непреложной верности в любви», поэтому их персонажи наделялись душами, для которых чувство составляло высшую ценность [9]. Их произведения, будь то сюжетостроение, характерология или речевая стилистика, несут на себе яркий отпечаток китайской культурной традиции; они заложили основы для развития новой китайской литературы. Перевод романов и повестей в поздней династии Цин – ранней Китайской Республики не только привнес новые темы и выразительные средства; еще важнее, что он способствовал освоению китайскими писателями трагического мироощущения и стимулировал трансформацию творческих установок китайских романов и повестей, открыв новые пути для развития новой китайской литературы. Эта трансформация отнюдь не означала полного вытеснения традиции; напротив, она обогатила содержательный репертуар и эстетическую ценность китайских романов и повестей, расширив их горизонты и углубив идейное звучание.

Под влиянием концепции «несения истины через литературу» классические китайские романы и повести в большинстве своем преследовали дидактические цели; сюжет, как правило, выстраивался вокруг нравственного совершенствования персонажей и социальной этики. Повествование велось преимущественно от «всеведущего лица»: автор, подобно Богу, обозревал панораму событий, досконально зная судьбы героев и развитие интриги. Подобная повествовательная техника в известной степени способствовала ясности изложения, однако она же порождала ровный, лишенный драматических конфликтов и саспенса нарративный ритм, что затрудняло вовлечение читателя. Возьмем, к примеру, роман Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» – одно из наиболее известных произведений китайских романов и повестей эпохи династии Цин. При всем обилии персонажей и сложности сюжетных линий автор неизменно ведет повествование от всеведущего лица; внутренний мир героев, их судьбы до последней подробности открыты нарратору. В силу этого читатель лишен острого переживания неизвестности, его ожидание развязки не подогревается напряжением тайны.С массовым приходом переводной западной литературы в период поздней династии Цин – ранней Китайской Республики китайские писатели начали осваивать более многообразные повествовательные техники, присущие западным романам и повестям. Наибольшее воздействие на трансформацию нарративных стратегий в творчестве китайских романов и повестей оказал перевод детективной прозы. Детективный роман строится вокруг интриги расследования; его нарративная структура центрирована на саспенсе. Искусно расставленные автором «ловушки» и улики вовлекают читателя в процесс рассуждения и угадывания; разгадка, приберегаемая на финал, дарит острейшее читательское переживание. В рассказах о Шерлоке Холмсе английского писателя Артура Конан Дойля повествование ведется от первого лица доктора Ватсона. Острое наблюдение и логическая дедукция Холмса слой за слоем обнажают истину преступления, и в финале преступник предстает перед правосудием. Эта «перволичная» нарративная перспектива усиливает читательскую идентификацию с протагонистом, позволяя острее ощутить напряжение расследования и притягательность интеллектуального поиска.

Повествовательные техники западного детективного романа открыли китайским писателям новые творческие горизонты. Они начали внедрять в собственные произведения саспенс, сюжетные повороты, психологический анализ приемы, усиливающие занимательность и смысловую емкость романов и повестей. В романе Чжан Хэньшуя «Семья в золотых павлинах» («Цзинь фэнь ши цзя») сцена зарождения любви Цзинь Сиси и Лэн Цинцю воспроизводит топику традиционного романа о «красавце и красавице»: Лэн Цинцю, наделенная умом и красотой, естественным порядком вещей вступает в брак с Цзинь Сиси [10]. Однако в изображении этой любовной драмы Чжан Хэньшуй уже использует приемы саспенса и психологического письма, придающие повествованию большую глубину и эмоциональную напряженность.

Перевод романов и повестей в период поздней династии Цин – ранней Китайской Республики не только обогатил тематический и содержательный репертуар китайских романов и повестей, но – что еще важнее – стимулировал трансформацию повествовательных стратегий в творчестве китайских романов и повестей, дав мощный импульс развитию новой китайской литературы. Эта трансформация отнюдь не означала полного отказа от национальной традиции; напротив, она вооружила китайские романы и повести новыми перспективами и техниками, придав им большую выразительную силу и способность отвечать эстетическим запросам и психологическим нуждам современного читателя.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что перевод зарубежных романов и повестей в поздний период династии Цин стал одним из ключевых факторов становления современной китайской литературы. Его значение не сводилось к расширению круга тем, сюжетов и жанров, доступных китайскому читателю. Переводная литература оказала гораздо более глубокое воздействие, включившись в процесс внутренней перестройки китайской прозы. Под ее влиянием трансформировались повествовательные модели, усложнялись способы построения персонажа, усиливалось внимание к психологической мотивации и трагическому измерению человеческого опыта, а также пересматривались эстетические установки художественного творчества. Тем самым перевод выступал не только как средство языкового посредничества, но и как действенный механизм литературной трансляции, обладавший системным влиянием на эволюцию китайской словесности.

Таким образом, история перевода западной беллетристики в позднецинскую эпоху может рассматриваться как репрезентативный пример структурного воздействия межкультурной коммуникации на национальную литературную систему. Через перевод иноязычная художественная литература не просто входила в китайский культурный контекст, но активно участвовала в формировании новых литературных норм, нарративных стратегий и художественных представлений, способствуя переходу китайской прозы от традиционной формы к современной. Это позволяет рассматривать переводную литературу поздней Цин не как периферийное явление литературного процесса, а как важный исторический механизм модернизации китайской литературы и значимый материал для дальнейших исследований рецепции и трансформации литературы в условиях культурного взаимодействия

Литература

1. Луань Мэйцзянь. Выдающиеся новаторские черты традиции классического китайского романа в процессе её модернизации // Цзянсу шэхуэй кэсюэ (Общественные науки Цзянсу). 2023. № 6. С. 197–204, 244.

2. Лу Синь. О силе поэзии Моро. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство, 1982.

3. Чэнь Пинъюань. Трансформация повествовательных моделей в китайской прозе. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2003.

4. Цянь Чжуншу. Осажденная крепость. Пекин: Народная литература, 2003.

5. Гао Ян. «Отрада благополучия» в классических китайских романах и повестях и традиционная культура // Современная филология (Литературоведение). 2011. № 2. С. 106–107.

6. Лоу Фэй. К вопросу о «новом возвышении рода благодаря благоуханию орхидей и корицы»: в защиту продолжения «Сна в красном тереме» авторства Гао Э // Вестник Цзилиньского педагогического института (Философия и социальные науки). 1985. № Z2. С. 125–128.

7. Мяо Айин. Сопоставительный анализ образов Ду Шинян и Дамы с камелиями как отражение различий между китайской и западной культурами // Вестник Аньхойского сельскохозяйственного университета. Серия: Общественные науки. 2009. Т. 18, № 3. С. 85–89.

8. Дюма-сын, А. Дама с камелиями / пер. Ван Чжэньсунь. Пекин: Народная литература, 2003.

9. Ли Тин. Трагическое мироощущение в романе «Юйли хунь» школы «мандаринки-утки и бабочки» // Вестник Хуайхайского техно-

логического института. Гуманитарные и социальные науки. 2017. Т. 15, № 8. С. 52–54.

10. Чжао Ихань. Изображение любовной трагедии в литературе движения 4 мая и в творчестве школы «мандаринки-утки и бабочки»: на примере «Ушедшей в небытие» и «Семьи в золотых павлинах» // Чжунго миньцзу бонань (Китайское обозрение этносов). 2024. № 22. С. 5–8.

TRANSMEDIATION AND TRANSFORMATION: THE INFLUENCE OF LATE QING DYNASTY NOVEL TRANSLATION ON MODERN CHINESE LITERATURE

Ma Xiaotong, Yang Bo
Shanghai International Studies University

This article examines the influence of translations of Western fiction in the late Qing dynasty on the formation of modern Chinese literature. The aim of the study is to identify the mechanisms through which translated literature entered the Chinese literary system and to determine the forms of its structural impact on native prose. Particular attention is paid to the historical and cultural conditions that facilitated the dissemination of translated literature, the transformation of readers' demands, as well as changes in narrative models, principles of character construction, tragic consciousness, and the aesthetic orientations of Chinese novels and short fiction. The study demonstrates that translation in the late Qing period performed not only a mediating linguistic function, but also acted as an important mechanism of literary transmission that contributed to the transition of Chinese prose from traditional forms to modern ones. It is concluded that translated literature became one of the key factors in the modernization of Chinese literary culture and constitutes a representative example of the structural impact of cross-cultural communication on the development of national literature.

Keywords: Translated Literature, Late Qing Dynasty, Modern Chinese Literature, Literary Transmission, Cross-Cultural Communication

References

1. Luan Meijian. Outstanding Innovative Features of the Classical Chinese Novel Tradition in the Process of Its Modernization // Jiangsu Shehui Kexue (Jiangsu Social Sciences). 2023. No. 6. pp. 197–204, 244.

2. Lu Xun. On the Power of Moreau's Poetry. Tianjin: Tianjin People's Publishing House, 1982.

3. Chen Pingyuan. Transformation of Narrative Models in Chinese Prose. Beijing: Peking University Press, 2003.

4. Qian Zhongshu. The Besieged Fortress. Beijing: People's Literature, 2003.

5. Gao Yang. "The Joy of Well-Being" in Classical Chinese Novels and Stories and Traditional Culture // Modern Philology (Literary Studies). 2011. No. 2. Pp. 106–107.

6. Lou Fei. On the Issue of "Renewed Elevation of the Family Thanks to the Fragrance of Orchids and Cinnamon": In Defense of Gao E's Sequel to "Dream of the Red Chamber" // Bulletin of Jilin Normal Institute (Philosophy and Social Sciences). 1985. No. Z2. Pp. 125–128.

7. Miao Aiying. Comparative Analysis of the Images of Du Shinyang and The Lady of the Camellias as a Reflection of the Differences between Chinese and Western Cultures // Bulletin of Anhui Agricultural University. Series: Social Sciences. 2009. Vol. 18, No. 3. Pp. 85–89.

8. Dumas, fils, A. The Lady of the Camellias / trans. Wang Zhensun. Beijing: People's Literature, 2003.

9. Li Ting. Tragic Worldview in the Novel "Yuli Hun" by the "Mandarin Duck and Butterfly" School // Bulletin of the Huaihai Institute of Technology. Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 15, No. 8. pp. 52–54.

10. Zhao Yihan. Depiction of Love Tragedy in the Literature of the May Fourth Movement and in the Works of the "Mandarin Duck and Butterfly" School: The Case of "Gone into Oblivion" and "The Family in Golden Peacocks" // Zhongguo minzu bonan (China Review of Ethnic Groups). 2024. No. 22. pp. 5–8.

Мамедов Агамали Куламович,
доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: akmnauka@yandex.ru

Коркия Эка Демуриевна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии коммуникативных систем, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: ekakorkiya@mail.ru

Максимов Арсений Андреевич,
кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии коммуникативных систем, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: arsenii.maksimov@mail.ru

Постмодерн как эпоха информационной открытости создает предпосылки для формирования нового типа взаимоотношений государства и индивида, основу которых составляют децентрализация власти и неопределенность развития социально-экономических процессов. Сделан акцент на появлении феномена «массового индивида» и как следствие субъективизации. Рассматриваются различные аспекты индивидуализации общества и общественного мнения. Поднимается социальная проблема связи личности как духовной субстанции с ее природным и социальным началом как главный вопрос эпохи постмодерн. Глобализация в контексте постмодернистских тенденций представлена фактором проявления центробежных сил, ухода индивида из-под влияния государства и активизации самоорганизуемых начал в обществе.

Ключевые слова: постмодернизм, институционализм, информационное общество, духовность, массовый индивид, религиозное самосознание, креативный сектор экономики, самоорганизация, глобализация.

Размытость понятий и функциональная неэффективность методов классического анализа в контексте изучения постиндустриального общества создают разнообразие интерпретаций и подходов. Эти интерпретации стали возможны благодаря тому, что традиционные аналитические инструменты не способны в полной мере отразить сложность и многогранность современных социокультурных процессов. Одной из ключевых характеристик общества постмодерна является сам феномен глобализации, который понимается как всеобъемлющая экономическая, социальная, политическая и культурная интеграция человечества. В условиях глобализации, как отмечал философ Жан Бодрийяр, «реальность уступает место симулякрам», подчеркивая переход от мира вещей к миру знаков и символов.

В рамках многочисленных теоретических подходов доминирующей парадигмой часто называют институционализм – направление социальной мысли, тесно связанное с работой Т. Веблена «Теория праздного класса». Этот подход утверждает, что институции – это не просто экономические структуры, но и социальные конвенции, которые определяют поведение индивидов в обществе. Веблен подчеркивал, что «институции – это привычки мышления», которые формируются в процессе исторического развития общества. Основанием институционализма выступает теоретический постулат о «неопределенности исторического развития», замещающий «неоклассическую определенность», характерную для индустриального общества. Как отмечал Карл Поппер, «будущее открыто», что подчеркивает динамичность и изменчивость социального прогресса.

Постулат неопределенности напрямую связан с идеями субъективизации и индивидуализации постиндустриального общества. Теория постиндустриального общества, благодаря работе Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество», стала впоследствии подменяться теорией «постмодерна». В отличие от модерна, в центре постмодернистской концепции позиционируется «личность из массы» как духовная субстанция. Если ранее «человек массы» актуализировался лишь как природное и социальное существо, то постмодернистская личность обладает модусами: абсолютная свобода в принятии или неприятии культуры. Как писал Ричард Рорти, «единственный предел для нас – это предел нашего воображения», что подчеркивает творческий потенциал индивида в постиндустриальном обществе.

В проекте нового социального транзита личность многогранна в своих повседневных практиках и в сознании, что позволяет ей быть субъектом истории с творческим потенциалом. Личность способна в процессе созидательной деятельности преобразовывать окружающую среду, а также свободно осваивать достижения культуры. Как говорил Альберт Эйнштейн, «воображение важнее знания», что отражает способность человека постмодерна к инновациям и креативности.

Приоритет духовности и личностного начала в человеке не создает сам по себе материальные, экономические и социальные условия для его существования, тем самым накладывая новые ограничения. Экономический подход требует определения структур, гармонизирующих правила и нормы индивидуально-духовного существования человека в материальной среде. Без этого реализация свободы, прежде всего свободы выбора, становится необоснованной или произвольной. Как отмечал Амартия Сен, «развитие – это расширение свобод, которыми наслаждаются люди», подчеркивая необходимость социальных институтов, поддерживающих свободу выбора.

Если на человеке в качестве субъекта исторического процесса сфокусирована вся институциональная система общества, то поиск данного принципа становится необходимым [14]. Общество утрачивает значимую социальную перспективу при отсутствии высоких «горизонтов» личности [1]. Экономический вариант прочтения постмодернистской теории основан на идее соединения личности и массовой индивидуальности. Генезис европейской личности, который, по сути, начался в эпоху раннего Возрождения-Quatrocento, был связан с развитием во Флоренции индивидуализма и светского образования. Эти качества складывались в процессе борьбы с тиранией, а также в жесткой конкуренции за богатство и славу среди образованных слоев общества. Как утверждал Якоб Буркхардт, «вся Флоренция была грамотна, даже погонщики ослов распевали канцоны Данте» [4], подчеркивая высокую степень культурного развития того времени.

Теперь же наблюдаются иные тренды, где массовый индивид как личность – новый термин постмодерна. Принять связь постмодерна со снижением духовного потенциала общества можно лишь временно, только как явление его исторического старта, ведь для культуры, по выражению Иосифа Бродского, невозможно развитие вспять, ибо она есть «вся преемственность, вся – эхо» [2]. Перспектива развития массовой индивидуальности лежит непосредственно в сфере преодоления рациональной практичности, а значит, преодоления ситуационности общественного сознания, когда население постоянно подвергается идеологическим или манипулятивным воздействиям со стороны государства. В общественное сознание в постмодерне активно включается оценочно-критическая аксиологическая компонента индивидуального сознания, и возникает всеобщая потребность в индивидуальном освоении духовности своей эпохи для формирования общественных преференций в диалоге между государством и обществом.

В постмодерне человек-творец, благодаря деконструкции ограничительных структур, получает небывалый социальный простор, которого он был лишен из-за сопротивления государственной идеологии или вынужденной маргинализации [9]. Как отмечала Марина Цветаева, художник – «вода… Можно зачерпнуть стаканом, но можно наполнить и море. Все дело во вместимости сосуда и еще – в размерах жажды» [2]. «Размер жажды» – вот секрет постмодерна, из которого проистекает его плюрализм вплоть до соединения несоединимого. Освобождение человека от различных идеологем сопровождается доступом к невиданным техническим возможностям, что в свою очередь создает уникальные симбиозы в обществе.

Характерной особенностью постмодернистской философии является установка на истину, состоящую в «отсутствии истины». Как отмечал М. Фуко, истина производится через «игры истины» – меняющиеся дискурсивные практики, производные от культуры и власти. Значение же имеют не сами факты, а лишь их интерпретация, индивидуально и социально конструируемая.

Основные тренды общества постмодерна складываются в следующих полях: в сфере формирования общественного сознания и общественных преференций на основе индивидуализированного выбора продуктов потребления; в области государственного строительства и формирования общественных институтов на принципах самодеятельного участия населения. Эти атрибуты выдвигают на передний план экзистенциальные вопросы о том, что должно основываться на духовных потребностях личности и ее жизненных интересах, способствующих развитию общества. Указанная позиция противопоставляется теории антропологической революции, сторонники которой используют её для осмысления самой религии [5]. Такие попытки представляют собой одну из форм нового секуляризма – так называемого «неоатеизма» в религиозной маске. Мы имеем в виду конструктивную основу духовности, благодаря которой человек способен, живя в обществе, дистанцироваться и подвергать самостоятельному критическому осмыслению все аспекты его жизнедеятельности. Без такой предпосылки идея человека как полноправного субъекта истории будет выглядеть недоразумением. Религиозное самосознание постоянно побуждает человека к самооценке по критериям высшей нравственности и не позволяет уйти «по ту сторону добра и зла» – в область произвола, имморализма и насилия. Человек должен проявлять свою духовность активно; выбор добра и зла не может навязываться со стороны, он имеет жизненную структуру, и это – способ искать и находить божественное откровение. Религиозное сознание относится к миру и человеку с вечной идеей теодицеи, бережно и с надеждой, для него «мир, будучи творением благого Бога, в силу этого – благо, а потому зло – в том числе и человеческая греховная гордыня – не в состоянии его разрушить: то, что создано бесконечной силой, не может до конца истребить и до конца исказить – сила конечная, хотя, увы, она в состоянии многократно умножить зло и страдание в этом мире» [3]. Человек в своем духовном существовании оказывается наедине с собой, но он никогда не бывает одинок, если с ним его молитва. Молитва – это не просто обращение к Богу, это – диалог. Диалог лежит «в основании общения человека с другим человеком, человека с обществом, диалог есть модель конвергентного становления мирового сообщества и мировой экономики». Моделью секуляризма и адекватного индустриального общества является монолог, от которого легко возводится мост к насилию, даже если оно осуществляется во имя человека и за ним стоит пафос возвеличивания человека как носителя неограниченных возможностей созидания.

Европейский проект рассматривает человека как субъект истории. По мере развития цивилизации и повышения степени субъектности в экономике, когда человек может реализовать собственную свободу и ответственность через систему отношений частной собственности, он становится, в первую очередь, экономическим субъектом или субъектом собственности. В политике повышение роли человека и развитие принципа субъектности означает развитие демократических основ государственного устройства. В социальной сфере субъектность выражается в индивидуализации общественного существования человека, в персонификации общественных связей и реализуется через механизмы либеральных институтов.

Социологи отмечают амбивалентность процесса постмодерна, его перипетии с расчеловечиванием и десоциализацией. Формирование проекта глобализации идет сегодня в полемике и теоретическом противостоянии адептам концепции антропологической революции, которая переводит человека из духовной личности в разряд существа природного и социального. Секуляризм, разумеется, тоже активно обороняется, используя свои идеологические «бастионы»: общественную жажду справедливости; приоритетность рационального начала; монологичность общественных структур и политиков, в отличие от диалогичности постмодерна; императив модальности в духовном существовании человека вместо свободы.

Результаты непростого перехода к постмодерну ярко проявились в ходе эрзац-рыночной трансформации в стране. При всех преимуществах новых средств коммуникации, тем не менее, проявляются очевидные ограничения для массового участия населения в рыночных отношениях. Население в большей своей части вынуждено играть роль объекта политического и экономического манипулирования. Еще более неприемлема монополизация субъектности государством, для которого экономические и социальные отношения рассматриваются, в первую очередь, как предмет государственного регулирования, схема которого строится как простое предложение в синтаксисе, где «подлежащее» – государство, «сказуемое» – бюджет, «дополнение» – население. Взаимодействие человека, государства и рынка – это очень сложный и многогранный процесс, требующий глубокого теоретического осмысления для выработки стратегии перехода в стадию глобализации. Практика не даст здесь однозначных ответов, она многовариантна и дискретна. В известном смысле мировой рынок поглощает государство, пользуясь его же элементами государственного управления: налоговой, кредитно-валютной и таможенной политикой, механизмами регулирования цен, внутренними и внешними инвесторами, финансово-денежной стабилизацией в качестве факторов системной конкуренции. Но и здесь есть свои «теоретические экстремисты», рассматривающие данный процесс как линейный и длительный. Так, на наш взгляд, сложно полностью принять тезис Д. Брока, согласно которому государство должно в итоге утратить позиции, нивелироваться до статуса «ночного сторожа» или футбольного арбитра, поскольку только экономическая власть обеспечивает реальное право на выбор. Она превосходит политическую власть, «организующую власть, потому что может пользоваться ею как инструментом» [3]. Исследователь А. Неклесса указывает на угрозу перехода власти к «неформальным конфигурациям частного капитала» и установления «международного олигархического режима» [8]. Что, по его мнению, приведет к латентной монополии олигархических структур. Однако, мы полагаем, для подобных опасений недостаточно оснований. Системная и все усиливающаяся конкуренция предполагает усиление национального государства как института манипулирования государственной политикой для поддержания экономических, социальных и политических факторов функционирования рынка. Во-вторых, практика показывает, что вместе с глобализацией не уменьшается, а увеличивается роль государства в обеспечении рыночной конкуренции [12]. При этом происходит структурное разделение мирового и национального уровней экономики и политики, в том числе в форматах «двухуровневой структуры торгово-политических организаций» [15]. Следовательно, глобализация не ослабляет, а, скорее, укрепляет позиции государства в его прежней функции субъекта регулирования экономики и всех других сфер жизнедеятельности [10, с. 31]. В-третьих, государство эпохи постмодерна становится центром общественных институтов, связывая воедино личность, общественные преференции и их реализацию. Неравномерность и дискретность развития современного мира показывает, что во всем мире укрепляются позиции государства как в экономике (рыночной), так и в обществе.

Устоявшееся в российской традиции противопоставление рынка и государства, либерализма и государства на принципах «или-или» в принципе неверно и опирается на «однониточный» анализ истории. Современная экономика немыслима вне процесса глобализации, а посему она немыслима и без государства как активного участника и регулятора рынка. Глобализацию можно рассматривать как новый тип экономики, в рамках которой нельзя отделить «экономическое» от своих неотъемлемых институтов от «социального и политического», даже в самой абстрактной рефлексии. Посему и системный анализ глобализации предполагает, что в фокусе исследования чисто экономиче-

ских проблем обязательно нужно непременно включать их социально-политический и культурно-цивилизационный контекст, как общее поле развертывания проблемы. Реальные контуры современной экономики еще только складываются, мы находимся в периоде исторического транзита, происходит цивилизационное столкновение субстантивных характеристик модерна и постмодерна с непредсказуемым результатом. В этом столкновении принимают участие старые «индустриальные» титаны: секуляризм (в разных проявлениях монологизма и тоталитаризма), рационализм (рациональное экономическое поведение) и материализм (в формах антропоморфизма). С другой стороны, в нем участвуют еще только набирающие силу молодые титаны постиндустриального общества: религиозность (в формах самоидентификации христианской цивилизации и развития конвергентных механизмов общения всех уровней и типов, исходя из модели диалога), институционализм (как погружение рациональных рыночных структур в синергетический синтез объективного и субъективного, который только начал свое становление) и «глобализация» личности (приоритет духовной сферы индивидуального существования).

Для российской экономики, да и общества в целом, отсюда вытекают три неотложные и кардинальные проблемы. Во-первых, государство не сможет выступать полноправным субъектом рационализации экономики и общества в долгой перспективе. Ему требуется его собственная трансформация в институциональный центр, который бы объединял системно социальные институты, формирующие и реализующие общественные преференции, исходя из первичности духовных потребностей человека.

Во-вторых, государство должно освоить базовые принципы сочетания классического и институционального подходов к развитию общества и экономики. Однако, как обеспечить включение в экономику массового индивида? Вопрос принципиальный, так как практически речь идет об институционализации в экономике не предприятия как первичного и элементарного субъекта рынка, а самого индивида, определяющего к нему предельные требования. Чистый институционализм не решает этой задачи в силу высокого уровня абстрактности, которая присуща классическому направлению: предприятие приравнивается к хозяйствующему субъекту, а последний – к реальному индивиду. Логически из этого вытекает возможность дополнить концепцию рынка.

В-третьих, пока не отрефлексированы и не вполне ясны механизмы, обеспечивающие автономность человека в экономике и государстве, без чего невозможен приоритет личности в развитии общества. Некоторые исследователи отмечают явление персонификации и индивидуализации всех общественных отношений, обусловливающих «колоссальную фрагментацию социального субъекта» и одновременно «бегство от институтов». Из этого обстоятельства даже выводится тенденция к новой архаике [1, с. 42–43].

Если речь идет о глобальной тенденции, то она, по-видимому, определена некорректно. Вместе с тем, тенденция к архаике как одно из направлений развития также имеет достаточно сильные перспективы. В этом смысле архаике подвержена и идеология реформ: совершенно очевидно, что всерьез принимать в качестве базиса экономики малый и средний бизнес, минуя организующее начало крупного капитала, – значит стремиться к тому, чтобы «понравиться» обществу, приспособиться к упрощенному экономическому и политическому мышлению. Вместе с эпохой модерна заканчивается и эпоха «экономического человека», поставленного в полную зависимость от рыночной стихии, когда «невидимая рука рынка» тотально управляет практически всеми аспектами жизнедеятельности. При этом не следует считать, что постмодерн есть «постэкономика». Просто экономика перестает быть выражением и «тенью» стихийной зависимости субъективного от объективного, теперь она ту же зависимость выражает через механизмы развития на принципах самоорганизации.

Открытость экономики, ее вовлеченность в глобальные социально-экономические процессы, в связке с информационной открытостью, подпитываемой бесконечно ускоряющимся обменом данными посредством интернета, способствовала индивидуализации общественного сознания. На смену массовому общественному мнению приходит масса/совокупность индивидуальных взглядов, зачастую весьма хаотичных. Индивидуализация массового сознания постепенно возвращает социологов к феноменологической традиции, к поискам смыслов в каждом отдельном проявлении индивида. Данная оптика требует специального «прицела», чтобы отразить и оценить происходящие явления, вычленить данные процессы как сверхактуальные. Социологической методологии как никогда ранее необходим глубинно-психологический и субстантивный аутентичный инструментарий, а не простой «подсчет голосов», доминирующий пока как основной эмпирический метод. Можно добавить, что как этапе своего возникновения социология выступала новым инструментом изучения актуального буржуазного общества, так и современная социология требует трансформаций в методологическом и теоретическом аспектах для адекватного описания и объяснения современной социальной реальности.

Рассматривая динамические коммуникации, пронизывающие сегодня общественные институты, структуры и хозяйствующие субъекты, становится очевидной их нарастающая теснота и многоплановость. Возможности поиска необходимой индивиду информации обеспечивают ему полноценную свободу выбора, как-то: продукта, услуги, занятости, страны проживания, сексуальной ориентации, создавая «индивидуализированный» спрос. Социальные сети формируют индивидуальные каналы взаимодействия, которые позволяют агентам купли-продажи связываться непосредственно/напрямую, вне зоны действия официальных структур. Цифровые технологии и компьютерные программы предлагают все более совершенные средства индивидуализации. Государство теряет поневоле доминантный контроль над предпочтениями и интересами масс. Официальные каналы средств массовой информации становятся ненужной обузой, замещаясь каналами, создаваемыми в сетях индивидами и принимаемыми согласно индивидуальному выбору. Уход индивида из-под контроля государства усиливается возможностью создания альтернативной децентрализованной системы обменных операций посредством цифровой валюты. Остановить цифровизацию общества государство не в силах, также как не способно оно и вмешаться в выбор индивида. Основной тенденцией развития общества «постмодерн» является переход в самоорганизуемое «неиерархичное» состояние, то, что получило название как ризома. Политические игры, которые на большом историческом отрезке заставляли массы быть послушными исполнителями воли государств, уходят в прошлое. Самоорганизация стремится к децентрализации. Общество захватывают бесконечные вихри центробежных сил – поиск новых, свободных территорий, уход из зоны информационного влияния центра. Для общества «постмодерн» характерно такое явление как «свободная занятость», появление новой отрасли – креативной экономики. Это ориентированный на творческую инициативу индивида сектор, который выходит в категорию быстрорастущих направлений развития современного общества [16]. В целом, под креативной экономикой понимается кинопродукция, IT-приложения, компьютерные игры, искусство и другие смежные индустрии, способные конвергироваться и создавать уникальные и вместе с тем удивительные симбиозы / продукты на стыке искусства, культуры, бизнеса, технологий, прежде всего, цифровых. Креативная экономика основана на интеллектуальном труде, способном приносить доход не только от созданного продукта, но и от торговли его результатами и правами на интеллектуальную собственность. Культурные и творческие индустрии являются драйверами экономик развитых и развивающихся стран как быстрорастущие глобальные сектора [11]. Креативный сегмент формирует доходы в несырьевом секторе, усиливая тренд на индивидуальную занятость и как следствие на атомизацию и дискретность массового сознания.

Характерным маркером этих процессов выступают ценностные ориентиры и установки современной молодёжи, например, в сфере трудовых отношений. Как субъекты рынка труда представители поколения «цифровых аборигенов» (или поколения Z) стремятся противостоять готовым шаблонам общества, больше ценят индивидуальность, самовыражение, свободу выбора, интересную работу и нестандартную карьеру [13]. Согласно результатам исследований, представители цифровой молодёжи в основном не настроены на долгий карьерный путь, а хотят вырасти на профессиональном поприще за пару лет. Тиражирование такого рода установок в цифровой пространстве приводит к массовой инертности и в конечном счёте к формированию портрета представителя современной молодёжи как потенциального участника трудовых отношений.

Постмодернизм, таким образом, предлагает новые поля интерпретации закономерностей общественного бытия, социология вынужденно уходит от классического взгляда на общество как на целостный, системно упорядоченный и сплоченный организм. В эпоху «быстрой истории» общество оказывается фрагментарным, мозаичным, неупорядоченным – «массово индивидуальным». Объектом интереса постмодернистских социологов становятся не исследования социальных институтов и структуры, а культуры как главного объяснительного принципа общественного устройства [6]. Эмоциональные и эстетические ориентации приобретают в постмодерне не меньшее значение, чем рациональные подходы индустриального периода развития общества [7]. Информационное общество, общество развития креативных индустрий требует от социологии активного смещения интереса от структур и институтов на процессы, протекающие в мире повседневности, используя рефлексивный, феноменологический подход. Социологическая оптика как способ глубинного проникновения в мотивы, которые стали побуждающим механизмом индивидуального действия

и поступка, может предложить исследователям ценнейший материал для построения новой модели репрезентации социальной жизни [7].

Литература

1. Актуальные вопросы глобализации. Круглый стол // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4. – С. 37–52.

2. Бродский Иосиф: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. – СПб.: Журнал «Звезда», 1998. – 318 с.

3. Брок Д. Экономика и государство в эпоху глобализации. От национальных экономик к глобализированному мировому хозяйству // Polilekonom. 1997. № 3, 4.

4. Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Опыт [Вступ. ст. и коммент. К.А. Чекалова; Послесл. А.Е. Махова, с. 474–509]. – М.: ИНТРАДА, 1996. – 523 с.

5. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. – М.: Республика, 1997. – 495 с.

6. Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Идентичность в виртуальной реальности: новые альтернативы // Теория и практика общественного развития. 2017. № 2. –С. 9–13.

7. Мамедов А.К. Самопрезентация социологии в научном знании // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2017. Т. 22. № 2. – С. 4–23.

8. Неклесса А. Конец цивилизации, или Конфликт истории? // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 3. – С. 35.

9. Образ общества в постмодернистской социологии [Электронный ресурс]. – URL: http://www.chem.msu.su/rus/teaching/sociology/5.html (дата обращения: 12.02.2026).

10. Рыжов В.Б. Диалектика глобализации и регионализации в правовом пространстве государств и международных организаций [Электронный ресурс] // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2020. № 1. – С. 29–41. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30979 (дата обращения: 12.02.2026).

11. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2007. – 421 с.

12. Хиллебранд Р. Вельфенс П.И.И. Глобализация экономики: последствия международной конкуренции территориальных условий хозяйствования для экономической политики // Polilekonom. 1997. № 3, 4. – С. 52.

13. «Цифровые аборигены» в поисках работы. Эксперты – о зумере на рынке труда [Электронный ресурс]. – URL: https://perm.rbc.ru/perm/freenews/67b31fce9a79474ab61b172f (дата обращения: 12.02.2026).

14. Чучин-Русов А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика? // Вопросы философии. 1999. № 4. – С. 24–41.

15. Экспортный потенциал креативных индустрий России // Материалы секции ПЭМФ-2018 [Электронный ресурс]. – URL: https://roscongress.org/sessions/eksportnyy-potentsial-kreativnykh-industriy-rossii/discussion/ (дата обращения: 12.02.2026).

16. Martin Prosperity Institute // The global Creativity Index– 2015. – 2015.

NEW SOCIAL REALITY: THE OPTICS OF SOCIO-CULTURAL RESEARCH

Mamedov A.K., Korkiya E.D., Maksimov A.A.
Lomonosov Moscow State University

Postmodernism, as an era of information openness, creates the preconditions for the formation of a new type of relationship between the state and the individual, based on the decentralization of power and the uncertainty of socioeconomic developments. Emphasis is placed on the emergence of the phenomenon of the "mass individual" and the resulting subjectivization. Various aspects of the individualization of society and public opinion are examined. The social problem of the connection between the individual as a spiritual substance and its natural and social origins is raised as the main issue of the postmodern era. Globalization, in the context of postmodern tendencies, is presented as a factor in the manifestation of centrifugal forces, the withdrawal of the individual from the influence of the state, and the activation of self-organizing principles in society.

Keywords: postmodernism, institutionalism, information society, spirituality, mass individual, religious self-awareness, creative sector of the economy, self-organization, globalization.

References

1. Current Issues of Globalization. Round Table // World Economy and International Relations. 1999. No. 4. – Pp. 37–52.

2. Brodsky, Joseph: Creativity, Personality, Destiny. Results of Three Conferences. – St. Petersburg: Zvezda Magazine, 1998. – 318 p.

3. Brock, D. Economy and State in the Era of Globalization. From National Economies to a Globalized World Economy // Polilekonom. 1997. No. 3, 4.

4. Burckhardt, J. The Culture of Italy in the Renaissance. Experience [Introduction and Commentary by K.A. Chekalov; Afterword by A.E. Makhov, pp. 474–509]. – Moscow: INTRADA, 1996. – 523 p.

5. Gaidenko, P.P. Breakthrough to the Transcendent. New Ontology of the 20th Century. Moscow: Respublika, 1997. 495 p.

6. Korkiya E.D., Mamedov A.K. Identity in Virtual Reality: New Alternatives // Theory and Practice of Social Development. 2017. No. 2. – Pp. 9–13.

7. Mamedov A.K. Self-Presentation of Sociology in Scientific Knowledge // Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science. 2017. Vol. 22. No. 2. – Pp. 4–23.

8. Neklessa A. The End of Civilization, or the Conflict of History? // World Economy and International Relations. 1999. No. 3. – P. 35.

9. The Image of Society in Postmodern Sociology [Electronic resource]. – URL: http://www.chem.msu.su/rus/teaching/sociology/5.html (date of access: 12.02.2026).

10. Ryzhov VB Dialectics of globalization and regionalization in the legal space of states and international organizations [Electronic resource] // International Law and International Organizations. 2020. No. 1. – Pp. 29–41. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30979 (date of access: 12.02.2026).

11. Florida R. Creative class: people who change the future. – M .: Publishing house "Classic-XXI", 2007. – 421 p.

12. Hillebrand R. Welfens P.I.I. Economic globalization: the consequences of international competition in territorial economic conditions for economic policy // Polilekonom. 1997. No. 3, 4. – P. 52.

13. "Digital natives" in search of work. Experts – on zoomers in the labor market [Electronic resource]. – URL: https://perm.rbc.ru/perm/freenews/67b31fce9a79474ab61b172f (date of access: 12.02.2026).

14. Chuchin-Rusov A.E. New cultural landscape: postmodernism or neoarchaism? // Questions of philosophy. 1999. No. 4. – P. 24–41.

15. Export Potential of Russia's Creative Industries // Proceedings of the 2018 PEMF section [Electronic resource]. – URL: https://roscongress.org/sessions/eksportnyy-potentsial-kreativnykh-industriy-rossii/discussion/ (date of access: 12.02.2026).

16. Martin Prosperity Institute // The global Creativity Index-2015. – 2015.

Кибербезопасность как социальный институт российского цифрового общества

Михаленко Никита Алексеевич,
ведущий юрисконсульт, ФГБОУ «Приволжский государственный университет путей сообщения»
E-mail: bote2018@gmai.com

В статье кибербезопасность России рассматривается в качестве социального института – формы организации совместной социальной деятельности, целью которой является удовлетворение потребности российского цифрового общества в безопасном функционировании и развитии в глобальном киберпространстве, включающем защиту цифрового суверенитета личности, общественных интересов и национального цифрового суверенитета России от угроз в цифровой среде. Анализируются этапы становления данного института, его признаки и функции. Выявляются основные структурные элементы, особенности формирования нормативно-правовой базы и доказывается необходимость учета ценностных приоритетов при формировании феномена. Особое внимание уделяется анализу социальных противоречий современного института российской кибербезопасности, связанных с процессом цифровизации и цифровой трансформации российского общества. Понимание особенностей формирования данного института способствует более эффективной разработке стратегий его развития.

Ключевые слова: кибербезопасность, социальный институт, институционализация, цифровое общество, суверенитет, киберпространство, нормы, ценности.

Введение

Одной из насущных проблем современного российского цифрового общества является удовлетворение его потребности в безопасном существовании и развитии в глобальном киберпространстве. При этом наиболее важным аспектом становится осмысление роли социального института кибербезопасности, без которого невозможно формирование полноценного национального цифрового суверенитета России [1].

В социально-философской литературе термин «кибербезопасность» встречается крайне редко. Для определения этого понятия автор предлагает опираться на категориальное понятие безопасности, которое Е.А. Ходаковский связывает со «способностью общества к сохранению своего существования и продолжению жизнедеятельности» [12, с. 33–35]. В более узком значении, оно означает защиту от различного вида угроз, по мнению А.А. Прохожева, необходимую «для беспрепятственного развития общества и личности» [10, с. 11,16]. Кибербезопасность представляет собой состояние российского цифрового общества, создающее благоприятные условия для его безопасного, устойчивого развития в киберпространстве и обеспечивающее защиту на уровне личности, общества и государства от угроз в цифровой среде.

Выполнение столь важных функциональных задач возложено на институт кибербезопасности, возникновение которого связано с глобальной цифровизацией и цифровой трансформацией российского общества. Это означает, что сама его структура развивается и изменяется под действием гибридного и трансграничного характера цифровых угроз, рост которых в России за три года увеличился в 5,7 раза [8].

Методологическую основу исследования составляет институциональный подход и структурно-функциональный анализ, позволяющие рассмотреть российскую кибербезопасность как институционально организованную систему. С одной стороны, она обеспечивает безопасное функционирование других общественных институтов в цифровой среде, с другой – сама выполняет функции социального института.

Основная часть

Описание социального института прослеживается в трудах различных ученых, которые рассматривают его в качестве «устойчивого организованного типа социальной деятельности» (Г. Спенсер); «фабрики воспроизводства» социальных отношений (Э. Дюркгейм); ценностно-нормативного комплекса (Т. Парсонс); совокупности правил, механизмов реализации и норм поведения» (Д. Норт), а также, как форму общественного объединения (М. Вебер); социальной структуры (Э. Гидденс); совокупности организационных форм и функций для реализации потребностей общества (А. Миллер) и др.

Для понимания социального института кибербезопасности предлагается использовать определение «института безопасности», данное С.А. Шляковым, как «устойчивого комплекса формальных и неформальных правил, принципов, установок» [16, с. 6–10]. При этом И.Д. Хутинаев считает его законным регулирующим инструментом, созданным государством и обществом, посредством которого «организуются взаимоотношения между субъектами отношений» [13, с. 3–21]. Следовательно, социальный институт российской кибербезопасности можно рассмотреть как законный механизм регулирования деятельности различных субъектов кибербезопасности, который обеспечивает защиту личности, общества и государства (их прав, интересов, ценностей) от угроз в цифровой среде.

Рассмотрим этапы его институализации. На первом этапе появление ростков данного института обусловлено возникновением цифрового общества и потребностью безопасного существования российского социума в условиях цифровой среды. На личностном уровне она означает необходимость защиты цифрового суверенитета личности, на уровне общества и государства – национального цифрового суверенитета и общероссийских «жизненно-важных ценностей, интересов и потребностей, которые тесно связаны между собой» [4]. Всё вышеперечисленное в настоящее время относится к объектам российской кибербезопасности.

Второй этап характеризуется формированием общих целей и совместных организованных действий социальных субъектов цифровых отношений. Однако, кроме коллективных, цели данного института мо-

гут представлять собой скрытые цели отдельных институциональных субъектов «цифровой власти», появившейся в результате цифровой трансформации российского общества, о чем предупреждают российские эксперты [14].

Третий этап предстает как образование организованной социальной системы кибербезопасности. По мнению В.Э. Багдасарян и С.С. Сулакшина, этот процесс «без ценностей и целевых генераторов не обходится» [2, с. 5]. По мнению П.Ф. Барышева, в основу этой системы поставлены национальные ценности, которые детерминируют интересы каждого члена общества [3, с. 13] и составляют аксиологический компонент кибербезопасности.

Основной аксиологической характеристикой института российской кибербезопасности является представление о том, что достоинство личности, конституционные права и свободы человека в цифровой среде являются высшей ценностью. Данное положение реализуется при опоре на следующие принципы, имеющие, в рамках кибербезопасности, свои особенности.

В свете цифровизации общественной жизни принцип приватности и конституционное право человека на неприкосновенность частной жизни получают новое значение, превращаясь в предпосылку поддержания человеческой самостоятельности и достоинства личности в цифровой среде. Принцип доверия включает соответствующее отношение к власти, самому институту кибербезопасности, новым цифровым технологиям, используемым в регулировании института; принцип цифрового равенства – равный доступ к информации и цифровым сервисам; принцип автономии личности – независимое от технологий решение вопросов деятельности в цифровом пространстве. К.А. Стародубцева обращает внимание также на принципы государственности, гражданственности, гуманизма [11, с. 260–263]. Обозначенные этические принципы, во-первых, отражают баланс между индивидуальными и коллективными интересами субъектов российского цифрового общества, во-вторых, наряду с социальными нормами – уважением, равноправием, социальной справедливостью и социальной ответственностью, составляют неформальный компонент структуры института кибербезопасности.

Неотъемлемой частью рассматриваемого института является совокупность формальных норм: конституционных положений и правовых норм, направленных на обеспечение национальных интересов России и гарантирующих защищенное состояние российского цифрового общества от внутренних и внешних угроз, в том числе в информационно-цифровой среде (п. «м» ст. 71 Конституции РФ). В то же время такие правовые акты как Закон о безопасности» (№ 390-ФЗ), Закон «Об информации…» (№ 149-ФЗ) и «об электронной подписи» (№ 63-ФЗ), о безопасности КИИ (№ 187-ФЗ) и др. относятся к национальной и информационной безопасности РФ, отличающейся от кибербезопасности. Проект Концепции стратегии кибербезопасности РФ (2014) [6, с. 1–4], – единственный в своем роде, – до сих пор не получил статус правового документа. То есть нормативно-правовой базис института кибербезопасности в настоящее время не достаточен и не способен обеспечить защиту национальных интересов государства и реализацию индивидуальных прав и свобод человека в цифровой среде.

На четвертом этапе становления института кибербезопасности происходит расширение и закрепление социальных практик в результате появления новых форм социального «цифрового» взаимодействия и нормотворческой деятельности. Статусно-ролевая структура института охватывает всех субъектов цифровых отношений, имеет наддиндивидуальный характер, обладает своим собственным системным качеством и признаками, имеет систему санкций, а также символическое и физическое оформление институциональной организации.

Внешние «материальные» признаки социального института кибербезопасности проявляются в существовании и деятельности структур и учреждений: государственных органов, отраслевых и коммерческих организаций, снабжённых определёнными полномочиями, ресурсами, материальными средствами и выполняющих социальную функцию в рамках кибербезопасности. Системообразующим субъектом выступает государство, осуществляющее функции и реализующие политику киберербезопасности через органы власти (Администрация Президента РФ, Совет Безопасности, Минцифры, ФСБ, ФСТЭК, Минцифры и др.), которые формируют стратегию и нормативно-правовую базу. Министерства и ведомства ответственны за отраслевую безопасность, например, защиту данных в здравоохранении, финансовых системах, транспортной и энергетической инфраструктуре [9]. Научно-исследовательские и образовательные учреждения осуществляют подготовку специалистов; общественные институты (общественные советы; ассоциации специалистов; гражданские сообщества, СМИ, блогосфера) контролируют соблюдение цифровых прав российских граждан, занимаются просветительской деятельностью.

Регулируя деятельность субъектов кибербезопасности, данный институт осуществляет определенные функции. В их числе выработка стандартов поведения в рамках института и передача социального опыта цифровой безопасности. Специфической является защитная функция, так как институт кибербезопасности ориентирован на защиту национального цифрового суверенитета России, также включающей защиту конституционно-гарантированных цифровых прав человека. Однако, отмеченная И.П. Жуковой ситуация, в которой первостепенное значение отдаётся противодействию внешним угрозам и защите государственных интересов в цифровой среде и крайне мало внимания уделяется реализации интересов индивидуального субъекта [5, с. 18], в итоге только снижает эффективность института в целом.

При определенных условиях возможна ситуация его дисфункции. Наиболее значимыми факторами в этом отношении являются неразрешенные противоречия кибербезопасности; коррупция; рост киберугроз, нарушающих стабильное развитие цифрового общества; использование транснациональных цифровых платформ. Дисфункция может стать причиной падения авторитета института, подрыва доверия к его легитимности, росту киберпреступности и нарушению цифрового суверенитета Российского государства.

Таким образом, в современной России социальный институт кибербезопасности имеет все институциональные признаки: объективность существования, историчность возникновения, законность, наличие цели, структуру, функциональную определённость, нормативность, социальное признание и авторитет. Среди особенных характеристик института можно выделить: культуру кибербезопасности, суверенность киберпространства; наличие символических элементов (например, зеленый текстовый знак «Лаборатории Касперского»). В процессе его институализации выделились блоки национальной, государственной, общественной, отраслевой, личной кибербезопасности. При этом наиболее разнообразен отраслевой блок, поскольку защита данных в образовательных платформах, телемедицине, электронном правосудии, государственном управлении, военном деле и др. стало неотъемлемой частью функционирования данных сфер общественной жизни.

Институализауция кибербезопасности в России сталкивается с рядом системных противоречий. Наиболее очевидным является разрыв между темпами цифровой трансформации российского общества и скоростью институционального реагирования. Правовые нормы национальной и информационной безопасности, касающиеся кибербезопасности, оказываются не адекватными и не эффективными. В связи с чем, ученые-правоведы считают необходимым принятие концепции и единого кодекса кибербезопасности. Наиболее актуальным остаётся вопрос о структурировании данного социального института. С одной стороны, национальной специфике России присуща историческая традиция сильного государственного регулирования. С другой стороны, усиление государственного контроля над киберпространством неизбежно затрагивает права российских граждан на приватность и свободу коммуникации. Этические моральные дилеммы связаны с использованием искусственного интеллекта. В цифровом российском обществе искусственный интеллект, как квазисубъект цифровых отношений [7, с. 146–151], становится частью государственного управления и функционирования многих сфер общественной жизни.

Остаётся проблемой вовлечение гражданского цифрового общества в обеспечение кибербезопасности. Возможность и необходимость деятельности такого рода, рассматриваемая в научной литературе [15, с. 727–731], связана, во-первых, с полнотой реализации институциональных функций, во-вторых, – со способом её обеспечения, исключающим преобладание необоснованных запретительных, репрессивных мер в деятельности данного института и утверждающим приоритет регулятивных функций, реализующихся через систему демократических институтов цифрового общества.

Заключение

Кибербезопасность является важнейшим социальным институтом российского цифрового общества, гарантирующим защиту социума от угроз и обеспечивающим условия для его стабильного развития в киберпространстве. Сущность данного института проявляется в особом механизме регулирования общественных отношений и деятельности социальных субъектов кибербезопасности, основанном на ценностно-нормативном комплексе.

К настоящему моменту социальный институт кибербезопасности в России не завершил свое полноценное формирование, однако ему присущи основные признаки социального института. Он функционирует по своим объективно действующим алгоритмам, в соответствии с установленными целями, потребностями и ценностными ориентирами российского социума. В то же время он является частью общей со-

циетальной системы, испытывающей напряженность и противоречия, порождаемые процессами цифровой трансформации общественной жизни. Государственные структуры пока не нашли оптимального баланса между обеспечением цифрового суверенитета страны и сохранением всего объема конституционных цифровых прав личности.

Перспективы эволюции данного института связаны с разрешением противоречий, возникших в результате цифровизации социальной деятельности; вовлечением гражданского общества; изменением коллективных представлений о кибербезопасности; формированием новых практик взаимодействия граждан, государства и бизнеса.

Литература

1. Авдийский В.И. Взаимосвязь цифрового суверенитета и цифрового пространства: новые вызовы и перспективы / В.И. Авдийский, А.В. Иванов, А.В. Царегородцев // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № s3. URL: https://esj.today/PDF/21FAVN324.pdf (дата обращения 20.03.2026).

2. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Высшие ценности российского государства. Научная монография. М.: Научный эксперт, 2012. С. 5.

3. Барышев П.Ф. Комплексная безопасность в России: методологический подход // Власть. 2014. № 12. С. 13.

4. Вербицкая Т.В. Конституционно-правовые основы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации: учебное пособие для вузов / Т.В. Вербицкая. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. 196 с. URL: https://urait.ru/bcode/519748 (дата обращения: 12.01.2026).

5. Жукова П.И. Имидж Российской Федерации как фактор ее национальной безопасности: Дис. … канд. полит. наук. М, 2010. С. 18.

6. Концепция стратегии кибербезопасности Российской Федерации. URL: http://council.gov.ru/media/ fi les/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf; Концепция стратегии кибербезопасности РФ. Вопросы кибербезопасности № 1(2), 2014. С. 1–4.

7. Медведев Д.А. Искусственный интеллект как субъект права: деликтоспособность искусственного интеллекта. Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество», вып. 4. Москва, 2023. С 146–151.

8. Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам. Аналитический отчёт о состоянии защищённости информационной инфраструктуры России в 2024 году. М.: НКЦКИ, 2025. 94 с.

9. Павлова Н.А. Киберпреступность в финансовой сфере / Н.А. Павлова. – СПб.: Бизнес-Информ, 2021. – 227 с.

10. Прохожев А.А. Теория развития и безопасности человека и общества: [монография] / А.А. Прохожев; Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации, Фонд «Отечество». – Москва: Ин-Октаво, 2006. – 287, [1] с.; 22 см.; ISBN 5-98738-032-4.

11. Стародубцева К.А. Концепция национальной безопасности РФ как система ценностей. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Т. 18. № 44. 2007. С. 260–263.

12. Ходаковский Е.А. Россия в глобальном противостоянии Запада и Востока / Е.А. Ходаковский. – Санкт-Петербург: Наука, 2007.С. 33–35.

13. Хутинаев И.Д. Институционализация органов государственной власти Российской Федерации: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2006. С. 3–21.

14. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Москва, 2025. – 84 с. URL: https://sovet-nko.ru/files/2025/06/doklad-spch-po-pch-v-tsifre-2.0–2025–06–27_15–54–14_624644.pdf (дата обращения 20.01.2026).

15. Чернавин Ю.А. Общественные организации как субъект обеспечения национальной безопасности России //Безопасность Евразии. – 2003. – № . 4. – С. 727–731.

16. Шляков С.А. Трансформация отечественных институтов безопасности (на примере МЧС России) // Власть. 2011. № 2. С. 6–10.

CYBERSECURITY OF RUSSIA AS A SOCIAL INSTITUTION OF THE RUSSIAN DIGITAL SOCIETY

Mikhalenko N.A.
Volga Region State University of Railway Engineering

In this article, cybersecurity of Russia is considered as a social institution – a form of organizing joint social activities, the purpose of which is to meet the need of the Russian digital society for safe functioning and development in global cyberspace, including the protection of the digital sovereignty of the individual, public interests and national digital sovereignty of Russia from threats in digital environment. The stages of formation of this institute, its signs and functions are analyzed. The main structural elements, features of the formation of the regulatory framework are identified and the need to take into account value priorities in the formation of the phenomenon is proved. Particular attention is paid to the analysis of the social contradictions of the modern institute of Russian cybersecurity related to the process of digitalization and digital transformation of Russian society. Understanding the specifics of the formation of this institution contributes to more efficient development of strategies for its development.

Keywords: cybersecurity, social institution, institutionalization, digital society, sovereignty, cyberspace, norms, values.

References

1. Avdiysky V.I. The relationship between digital sovereignty and digital space: new challenges and prospects/V.I. Avdiysky, A.V. Ivanov, A.V. Tsaregorodtsev//Bulletin of Eurasian Science. – 2024. – T. 16. – № s3. URL: https://esj.today/PDF/21FAVN324.pdf (date of access: 20.03.2026)

2. Baghdasaryan V.E., Sulakshin S.S. The highest values of the Russian state. Scientific monograph. M.: Scientific expert, 2012. P. 5.

3. Baryshev P.F. Integrated security in Russia: methodological approach//Power. 2014. № 12. P. 13.

4. Verbitskaya T.V. Constitutional and legal framework for ensuring national security in the Russian Federation: a textbook for universities/T.V. Verbitskaya. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. 196 p. URL: https://urait.ru/bcode/519748 (date of access: 12.01.2026).

5. Zhukova P.I. The image of the Russian Federation as a factor of its national security: Dis… cand. polite. sciences. M, 2010. P. 18.

6. The concept of the cybersecurity strategy of the Russian Federation. URL: http://council.gov.ru/media/ fi les/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf; The concept of the cybersecurity strategy of the Russian Federation. Cybersecurity issues No. 1 (2) – 2014. – P. 1–4.

7. Medvedev D.A. Artificial intelligence as a subject of law: the delictiveness of artificial intelligence. Bulletin of the Russian New University. “Man and Society” series, no. 4. Moscow, 2023. P. 146–151

8. National Computer Incident Coordination Centre. Analytical report on the state of security of the information infrastructure of Russia in 2024. M.: NCCCH, 2025. 94 pp.

9. Pavlova N.A. Cybercrimes in the financial sphere/N. A. Pavlova. – St. Petersburg: Business Inform, 2021. – 227 p.

10. Prokhozhev A.A. Theory of development and security of man and society: [monograph]/A.A. Passer-by; Russian Academy of State Services under the President of the Russian Federation, Fatherland Foundation. – Moscow: In-Octavo, 2006. – 287, [1] s.; 22 cm.; ISBN 5-98738-032-4.

11. Starodubtseva K.A. The concept of national security of the Russian Federation as a system of values. News of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen. T.18. № 44. 2007. P. 260–263

12. Khodakovsky E.A. Russia in the global confrontation between the West and the East/E. A. Khodakovsky. – St. Petersburg: Science, 2007. – 258 p.

13. Khutinaev I.D. Institutionalization of state authorities of the Russian Federation: Author. dis… doc. jurid. sciences. M., 2006. P. 3–21.

14. Digital transformation and protection of citizens’ rights in the digital space 2.0. Report of the Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights. Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights. Moscow, 2025. – 84s. URL: https://sovet-nko.ru/files/2025/06/doklad-spch-po-pch-v-tsifre-2.0–2025–06–27_15–54–14_624644.pdf (date of access: 20.01.2026).

15. Chernavin Yu.A. Public organizations as a subject of ensuring the national security of Russia//Security of Eurasia. – 2003. – № . 4. – P. 727–731.

16. Shlyakov S.A. Transformation of domestic security institutions (on the example of the EMERCOM of Russia)// Power. 2011. № 2. P. 6–10.

Диалог ценностей: метамодернистские тенденции и традиционные духовно-нравственные ориентиры в современном российском обществе

Непомилуева Мария Алексеевна,
аспирант, Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: maryanemsu@gmail.com

В статье впервые комплексно исследуется взаимодействие традиционных российских духовно-нравственных ценностей и метамодернистских ценностных установок в российском контексте, предпринята попытка их классификации. Проведенный анализ ценностных полей позволил выявить точки соприкосновения, напряжения и комплементарный потенциал этих систем, которые могут быть рассмотрены как взаимодополняющие пласты социокультурного опыта, а не противоположности. Выдвигается гипотеза, что метамодернистская «новая искренность» способна стать инструментом актуализации традиционных российских духовно-нравственных ценностей для молодого поколения, способствовать укреплению национальной идентичности, повышению устойчивости российского общества к вызовам цифровой эпохи. Для достижения такого результата намечены группы задач: идеологических, образовательных, культурных и относящихся к социальному проектированию. С другой стороны, традиционные духовно-нравственные ценности остаются фундаментальными смыслами, не тронутыми постмодернистской деконструкцией, и могут способствовать решению проблемы метамодернистской глубины, или «глубиноподобия».

Ключевые слова: Метамодернизм, традиционные духовно-нравственные российские ценности, терминальные ценности, инструментальные ценности, осцилляция, «новая искренность», историческая преемственность, «глубиноподобие».

Наставший период «глобальной турбулентности» с прогрессирующей дисфункциональностью западной модели глобализации [14], культурно-ценностной неоднородностью и переходом к многополярному мироустройству [5] отличается социокультурной логикой, в объяснении которой парадигма постмодерна всё больше обнаруживает свою несостоятельность, а т.н. «структура чувства» метамодернизм пронизывает все больше аспектов современной жизни: от искусства и политики до коммуникации, потребительского поведения и формирования идентичности [2, с. 63].

Актуальность исследования ценностей метамодернизма в российском культурном контексте обусловлена необходимостью осмыслить трансформацию ценностных ориентиров в условиях глобальной цифровизации и «глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов» [8, ч. 11], кризиса классических идеологических моделей, в результате чего современное общество сталкивается с вызовами фрагментации идентичностей, ростом неопределенности и потребностью в новых основаниях солидарности. На этом фоне Российская Федерация предпринимает значительные усилия для развития духовного потенциала её народа, сохранения и укрепления традиционных ценностей [там же], а в мире выделяется отдельное, русское направление метамодернизма [7; 15, с. 148, 150, 174].

По данным аналитического центра «Всероссийский центр изучения общественного мнения» (ВЦИОМ), 84% россиян считают важным «сохранять традиционные семейные ценности», однако четверть опрошенных высказались против необходимости «всегда следовать традиционным духовным принципам, даже если они противоречат современной реальности». Этот тренд наиболее распространен среди молодежи: 45% в группе т.н. поколения цифры (до 25 лет) и 51% в группе «младших милениалов» (от 25 до 34 лет) [4] – переходных поколений в части приверженности традиционным ценностям.

По словам Президента РФ В.В. Путина, в ближайшее десятилетие необходима цифровая трансформация всей страны [12], при этом создание отечественного суверенного искусственного интеллекта возможно «исключительно с опорой на российские культуру, мировоззрение и традиционные ценности» [11]. В этой связи восприятие современной молодежью традиционных духовно-нравственных ценностей как статичных и вступающих в конфликт с «современной реальностью» обусловливает необходимость поиска инструментов разрешения противоречий между традиционно-ценностным мировоззрением и реалиями цифрового общества, требующего гибкости.

Кроме того, одним из важных условий реализации позитивного сценария укрепления традиционных ценностей, закрепленным в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», названо владение личности «актуальными знаниями и умениями, способность реализовать свой потенциал в условиях современного общества» [8, ч. 21]. Для актуализации традиций и формирования ценностных ориентиров молодых поколений с опорой на отечественные культуру и ценности представляется крайне значимым дать осмысление возможностей взаимодействия системы традиционных духовно-нравственных российских ценностей и метамодернизма как культурно-ценностной парадигмы, не отрицающей традицию, но помещающей её в гибкий режим взаимодействия с современными социокультурными тенденциями.

Для определения потенциала взаимодействия указанных ценностных систем целесообразно использовать методику ценностных ориентаций М. Рокича, в основании которой лежит деление ценностей на два класса (терминальные и инструментальные) и их ранжирование по порядку значимости внутри каждого из этих классов [18]. Под терминальными ценностями, или ценностями-целями, подразумеваются фундаментальные смыслообразующие установки, которые могут быть расценены как цель существования. К инструментальным, или ценностям-средствам, относят свойства личности или образ действий, предпочтительные в любой ситуации. При этом внутри инструментальных ценностей могут выделяться различные группы, например, индивидуалистические или конформистские ценности, альтруистические, ценности самоутверждения, дела, общения, этические и многие другие.

Таким образом, можно сделать вывод, что по данным опроса ВЦИОМ, четверть опрошенных респондентов, среди которых подавляющее большинство молодых людей от 18 до 34 лет, высказавшихся против необходимости «всегда следовать традиционным духовным принципам, даже если они противоречат современной реальности» [4], поддерживают ядро традиционных ценностей, их терминальную часть, но испытывают сомнения в отношении инструментальной части.

На материале «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 [8], разберем, какие традиционные российские духовно-нравственные ценности относятся к смыслообразующим терминальным, а какие – к инструментальным, то есть предпочтительным в любой ситуации качествам и образу действия. Так, к терминальным, то есть фундаментальным самоценным категориям, определяющим конечную цель существования, относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, справедливость, единство народов России.

Эти ценности отвечают на вопрос, к чему народы России стремятся в конечном итоге. Так, жизнь представляет собой высшую терминальную ценность, не сводимую к средству для достижения чего-то иного, а сохранение жизни, в т.ч. жизней соотечественников, относится к конечным целям существования. Достоинство можно назвать важнейшей целью личностного развития и общественного признания; права и свободы человека – целевое состояние правового, справедливого общества, при этом справедливость – идеал общественного устройства, к которому стремится социум. Крепкая семья выступает конкретной формой организации личного счастья и семейного благополучия, важнейшей целью индивидуального стремления, а единство народов России представляет собой целевое состояние государства, обеспечивающее его стабильность и мирное существование. Высокие нравственные идеалы являются ориентиром совершенства личности, конечной точкой духовного роста и основой ведущих конфессий, исповедуемых народами России. Отдельное место в этом перечне занимает патриотизм. Для граждан большинства государств патриотизм является инструментальной ценностью, средством обеспечения суверенитета и единства. В оригинальном списке М. Рокича присутствует Национальная безопасность как терминальная ценность и патриотизм как инструмент её обеспечения. Однако в российской духовно-нравственной традиции понятие Родины выходит за границы территориальной категории и приобретает свойства категории сакральной, любовь к Родине самоценна и трактуется как высшее, целевое состояние личного и общественного бытия, не требующее иных обоснований. В этом смысле с учетом цивилизационной специфики можем говорить об аксиологической инверсии и трансформации патриотизма из инструментальной ценности в разряд терминальных, ведь он отвечает на вопрос «Ради чего я живу?», а не только «Как я действую?».

Инструментальные ценности объединяют качества, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности, и способы действия, предпочтительные в любой ситуации и необходимые для достижения указанных выше терминальных ценностей. К ним могут быть отнесены гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений.

Так, гражданственность представляет собой осознанную позицию человека, его готовность пользоваться своими правами и исполнять обязанности, убеждение в том, что активная жизненная позиция, соблюдение законов и сопричастность к делам общества являются предпочтительным образом действий для каждого человека. Она служит ценностью-средством для достижения таких терминальных целей, как: единство народов России (через гражданскую сплоченность), права и свободы человека (через правовую культуру гражданина), справедливость (через активное участие гражданина в жизни общества).

Служение Отечеству и ответственность за его судьбу предполагают активный образ действий (служение) и свойство личности (ответственность), необходимые для обеспечения таких терминальных ценностей, как: жизнь (существование и безопасность страны, жизни соотечественников), единство народов России, справедливость. Таким образом, служение представляет собой ценность-средство, благодаря которой гражданин обеспечивает существование своего государства. Созидательный труд выступает инструментом достижения материального и духовного благополучия, проявление деятельного патриотизма. Приоритет духовного над материальным представляет собой мировоззренческий принцип, предлагающий метод принятия решений и формирования нравственного облика, а также сохранения достоинства и достижения высоких нравственных идеалов как терминальных ценностей. Гуманизм выступает ведущим принципом отношения к людям, средством утверждения жизни как терминальной ценности, достижения справедливости и защиты прав человека. При этом милосердие является конкретным свойством личности и образом действия, инструментальной ценностью для реализации гуманизма. Коллективизм как способ социального взаимодействия лежит в основе крепкой семьи, даёт средства для достижения единства. Взаимопомощь и взаимоуважение представляют собой предпочтительные в любой ситуации образы действий, необходимое условие общественной стабильности, обеспечения крепкой семьи и единства народов как терминальных ценностей. При этом историческая память и преемственность поколений дают механизм сохранения идентичности и передачи ценностей во времени, выступают ценностью-средством в обеспечении таких терминальных ценностей, как единство народов России (через преемственность общей истории), высокие нравственные идеалы (через преемственность поколений). Несмотря на то, что историческая преемственность обладает признаками терминальной ценности (как условие сохранения цивилизационной идентичности), она выступает фундаментальным механизмом, обеспечивающим трансляцию и реализацию всех остальных терминальных ценностей (жизни, семьи, единства) во времени, и в рамках классификации М. Рокича её следует отнести к инструментальному блоку.

На примере российских традиционных духовно-нравственных ценностей представляется целесообразным выделить отдельную категорию – высших инструментальных ценностей, которые, формально являясь средствами достижения терминальных целей, обладают самостоятельной экзистенциальной значимостью и духовной самоценностью. В отличие от других инструментальных ценностей в классической методике М. Рокича (как то: аккуратность, исполнительность), они предпочтительны не только с точки зрения эффективного обеспечения терминальных ценностей, но и выражают нравственную сущность личности в процессе движения к этим смысложизненным целям.

К таким высшим инструментальным ценностям целесообразно отнести:

– Служение Отечеству и ответственность за его судьбу – ценность, которая придает смысл самому процессу жизни, приближая его к терминальному статусу. В западной логике служение несет сугубо прагматический смысл для индивида и государства, в русской логике само состояние служения является высшим благом и оправданием человеческого существования. Служение как самоценное «бытие для другого» переводит труд из категории деятельности в категорию миссии.
– Приоритет духовного над материальным – выполняет функцию фильтра в принятии решений, но и остается ценностью, задающей вектор всей человеческой жизни.
– Гуманизм и милосердие как единый этический блок – задают этические регуляторы поведения и взаимодействия с окружающими. Идут неразрывно с православной традицией и являются высшим проявлением человеческого духа.
– Историческая память и преемственность поколений – оставаясь механизмом сохранения идентичности и передачи ценностей во времени, выступают условием существования цивилизации.

Указанная классификация наглядно представлена в таблице 1.

Таблица 1. Российские традиционные духовно-нравственные ценности в классификации М. Рокича

Терминальные ценности	Инструментальные ценности	
	Высшие инструментальные	Собственно инструментальные
Жизнь	Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	Гражданственность
Достоинство	Приоритет духовного над материальным	Созидательный труд
Права и свободы человека	Гуманизм	Коллективизм
Патриотизм	Милосердие	Взаимопомощь и взаимоуважение
Высокие нравственные идеалы	Историческая память и преемственность поколений	
Крепкая семья		
Справедливость		
Единство народов России		

Говоря о метамодернистской системе ценностей, стоит отметить, что поиски теоретических оснований процессов, связанных с поворотом Истории после наступления нового «режима историчности» культуры [17, p. 53; 2, с. 63], теоретики культуры и философы ведут начиная с 2000-х гг. и по настоящее время. Современные социокультурные процессы характеризуются нелинейной динамикой, в рамках которой метамодернизм становится значимой моделью осмысления ценностных ориентаций. Его специфика заключается в осцилляции между установками модерна и постмодерна, сочетании иронии и искренности, веры и сомнения, рациональности и мифа [19]. Это порождает ценности, ориентированные на безопасность, множественность культур и идентичностей с сохранением общности опыта (инклюзивности), гармонию с природой и открытость будущему.

В соответствии с методикой М. Рокича, их также можно разделить на терминальные и инструментальные (см. таблицу 2).

Таблица 2. Метамодернистские ценности в классификации М. Рокича

Терминальные ценности	Инструментальные ценности
Глубина и смысловая наполненность	Гибкость (осцилляция/колебание)
Подлинность и аутентичность	Аффект
Новый холизм	Историчность
Жизнеутверждение (витальность)	Реконструкция
Экологическое равновесие и безопасность	«Новая искренность»
	Постправда
	Человекоцентричность
	Инклюзивность
	Супергибридность
	Новая простота
	Стратегическая наивность
	Постиронический фундаментализм
	Открытый диалог и сотрудничество
	Приоритет качества
	Новый оптимизм
	Самоорганизация
	Саморазвитие и труд как реализация творческого потенциала

Терминальные метамодернистские ценности представляют собой целевые состояния бытия, к которым стремится современный человек, преодолевая пустоту постмодернизма. К таким ценностям-целям могут быть отнесены:

– глубина и реанимация смыслов как целевой ориентир духовного поиска, отказ от ценностного релятивизма и возрождение смысложизненных ориентиров, стремление выйти за пределы повседневности и материального, поиск «нового возвышенного», возвращение думающего субъекта;

– подлинность (аутентичность) как отказ от симулятивности и возможность сохранения самобытности;

– новый холизм – состояние органической целостности и связности мира в противовес фрагментированности;

– жизнеутверждение (витальность) как самоценность бытия, полноты жизни, творческого импульса;

– экологическое равновесие и безопасность, баланс взаимодействия общества и природы.

Ценностями-средствами для их достижения выступают:

– гибкость (осцилляция/колебание) как базовый метод существования в условиях крайностей (иронии и искренности и т.д.), одновременное нахождение в двух противоположных состояниях без попытки их примирить – выступает инструментом сохранения витальности при одновременном удержании сложности мира;

– аффект в противовес постмодернистской отстраненности и эйфории –возвращение субъектности – чувствующего/вовлеченного и действующего/сопричастного субъекта как метод утверждения витальности и полноты бытия, изменения реальности;

– историчность как способ преодоления конца Истории, реанимации пространственного и временного мышления: осмысление прошлого, его уроков и роли в формировании настоящего и будущего, признание непрерывности исторического опыта – способствует достижению таких терминальных ценностей, как новый холизм, поиск глубинных смыслов, подлинность/аутентичность;

– реконструкция как метод сборки смыслов (вместо их разрушения) и созидания, обеспечивает достижение таких терминальных ценностей, как глубина, новый холизм, витальность, экологическое равновесие;

– «новая искренность» как способ достижения подлинности через отказ от цинизма (в т.ч. через постиронию);

– постправда как принцип принятия решения и совершения действий на основании глубокой и искренней убежденности в чем-либо – способствует достижению подлинности/ аутентичности;

– человекоцентричность (в противовес постмодернисткой антиантропоморфности) и стремление к благополучию личности как состоянию физической, психической и социальной гармонии через признание её уязвимости – выступает средством утверждения витальности и самоценности бытия, а также экологического равновесия;

– инклюзивность и общность опыта вместо постмодернистского культа диверсификации: интегративный плюрализм, равенство и многополярность при сохранении различий. При этом общность опыта проживается индивидуально, но выступает способом достижения нового холизма, связности и целостности мира, преодоления отчуждения от другого;

– супергибридность – присвоение («Всё своё») как метод естественного сосуществования разнородных культурных кодов в едином пространстве; в отличие от постмодернистской эклектики, подчеркивавшей разрывы, метамодернисткая супергибридность направлена на создание новой целостности, где противоречащие друг другу элементы существуют как органичные части одного целого; позволяет достичь таких терминальных ценностей, как новый холизм и подлинность (аутентичность);

– новая простота и антиэлитарность – доступность для каждого при одновременной сложности как способ достижения целостности и связности с сохранением глубины, в метамодернизме героем может быть любой;

– стратегическая наивность – конструктивный оптимизм и готовность верить как осознанный выбор, принцип, способствующий утверждению витальности, глубины и подлинности через аффект и реконструкцию;

– постиронический фундаментализм – способ принятия прежних метанарративов через игровую, но серьезную форму; инструмент использования идеалистических установок для достижения конкретных практических результатов – способствует реализации глубины, подлинности, нового холизма через аффект;

– открытый диалог и сотрудничество – инструмент поиска решений через умение слышать другого и действовать сообща, основываясь на принципе партнерства равных – способствует утверждению нового холизма;

– приоритет качества над скоростью и количеством – способствует утверждению витальности и глубины через аффект и человекоцентричность (в т.ч. на примере концепции Slow life – достижения благополучия через замедление и внимание к деталям), а также экологического равновесия (через осознанное потребление);

– новый оптимизм – принцип «все происходящее – возможность» – способствует утверждению таких терминальных ценностей, как витальность и подлинность;

– самоорганизация – способность выстраивать гибкие, динамичные структуры и связи для решения актуальных задач без внешнего принуждения, переход от иерархических вертикалей и хаотичной фрагментации к сетевому взаимодействию, основанному на личной ответственности, инициативе и общих смыслах; способствует смене векторов от пассивного потребления к активному созиданию смыслов, достижению таких терминальных ценностей, как новый холизм, единство и подлинность;

– саморазвитие и труд как реализация творческого потенциала и воли, способствует преодолению субъектом отчуждения от результатов своего труда и от себя самого. В качестве примера возможно назвать «возврат ремесел» как модель активной жизни, повседневной причастности к созиданию чего-то из имеющихся материалов и одновременной работы над собой, а также локализацию и импортозамещение. Первый служит утверждению витальности через аффект, последние выполняют роль инструментов сохранения суверенитета и идентичности (подлинности и аутентичности) в глобальном мире.

Сравнительный анализ двух систем ценностей показывает существенные пересечения как в терминальном, так и в инструментальном блоке. В терминальных ценностях присутствует общее стремление к подлинности (правде, справедливости) с присущей ей искренностью,

признание самоценности человеческой жизни и достоинства (гуманизм и милосердие традиционной системы, витальность, человекоцентричность и безопасное пространство для человека и его развития в метамодернизме), поиск глубинных смыслов, приверженность концепции солидарности, единства, холизма (семьи, народов, мира), значимости нематериальных оснований.

В инструментальном блоке стоит отметить пересечения по направлениям:

– коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение (в традиционной духовно-нравственной ценностной системе) – аффект и вовлеченность, инклюзивность, супергибридность, открытый диалог и сотрудничество (в метамодернистской системе);

– историческая память и преемственность поколений (в традиционной системе) – историчность, реконструкция, постиронический фундаментализм (в метамодернистской системе);

– ответственность за судьбу Отечества и гражданственность в традиционной системе – самоорганизация, основанная на личной инициативе и ответственности, в метамодернизме;

– созидательный труд в традиционной системе – саморазвитие и труд как реализация воли и творческого потенциала в метамодернизме.

Несмотря на эти пересечения, конфигурация инструментальных блоков двух ценностных систем различна. В классических терминах М. Рокича, можно констатировать, что в инструментальном наборе духовно-нравственной системы превалирует курс на исполнительность и самоконтроль, тогда как в метамодернистском – на честность, искренность, креативность. Таким образом, традиционная система тяготеет к устойчивости и укорененности, абсолюту и долгу, ставит во главу угла общность, тогда как метамодернизм стремится к вечному поиску и вере с учетом критического восприятия (прагматический идеализм и стратегическая наивность), достигает той же общности, но через личное проживание.

Используя методологический аппарат М. Рокича, можно констатировать, что традиционные российские ценности формируют устойчивое ядро терминальных ориентаций общества (безопасность страны, семейные узы, духовное развитие). Однако в условиях современной социокультурной ситуации наблюдается дрейф инструментальных ценностей. Так, представители поколения цифры гордятся своей Родиной и стремятся к созданию крепкой семьи [4], но формируют запрос на иные средства их достижения, отличные от инструментария нормативного поведения и дисциплины. Восприятие патриотизма происходит не через статичное долженствование, а через осцилляцию (колебание между критическим взглядом и искренней любовью, прагматичным средством развития страны и высшим смыслом жизни), а также информированную наивность (знать о проблемах своей страны, но действовать так, «как если бы» она была идеалом). Руководством к созданию крепкой семьи становится не категория социального долга, а мотивы самореализации, создания поддерживающей среды, где можно быть самим собой, подлинным и искренним. В этой оптике традиционная ценность перестает восприниматься субъектом как внешнее давление (постмодернистский концепт «власти-знания» [1]), напротив, через метамодернистское «серьезное делание» субъект наделяет традицию индивидуальным смыслом.

О сходстве в содержании двух ценностных систем говорит и то, что традиционные российские духовно-нравственные ценности «основаны на исконных общечеловеческих ценностях» [8, ч. 24, п. «н»], при этом метамодернизм использует осцилляцию между общечеловеческими ценностями модерна и инструментами познания постмодерна (вбирает и то, и другое).

Таким образом, представляется возможным рассматривать метамодернизм не в качестве оппозиции традиционных духовно-нравственных ценностей, а как возможную надстройку, способную обеспечить реактуализацию инструментов их достижения из разряда долженствования перед другими в разряд личного экзистенциального поиска, давая современный, эффективный язык для их репрезентации, обеспечивая адаптацию к вызовам цифровой эпохи. В этой связи метамодернистская «новая искренность» становится ключевой инструментальной ценностью, которая позволяет человеку XXI века искренне выбирать и достигать традиционные духовно-нравственные терминальные ценности. К примеру, милосердие в метамодернистском мышлении перестает быть фиксированной моральной нормой и становится пространством для личного творческого поиска и искреннего переживания индивида.

Примеры православной досоветской культуры, советского коллективизма и постсоветского патриотизма служат доказательством того, что российская духовная традиция исторически адаптировалась к изменениям. Ценности могут трансформироваться в новые формы, сохраняя при этом глубинное ядро, что крайне значимо с учетом потребности современного российского общества в традиционных духовно-нравственных основаниях, обеспечивающих его устойчивость и одновременно отвечающих вызовам цифровизации и глобализации.

С другой стороны, метамодернистское мышление ищет возможности для реконструкции и созидания там, где постмодернизм вносил деконструкцию и разрушение, стремится решить проблему глубины, или «глубиноподобия» [9, с. 20; 3, с. 242–243; 13]. На этом фоне традиционные ценности остаются фундаментальными смыслами, не тронутыми постмодернистской деконструкцией, служат вновь обретенным метанарративом, который возможно использовать для реконструкции смыслов и целеполагания, дают современному человеку эту самую глубину, почву и идентичность. Иллюстрацией этого вывода могут служить тезисы, озвученные в 2024 г. ключевым спикером «круглых столов» о метамодернизме и христианстве Иеромонахом Прокопием в Московском государственном университете им. Ломоносова и Российском университете дружбы народов: конструктивное восприятие метамодернистских тенденций в обществе возможно при наличии устойчивой культурной доминанты [10]. Применительно к российскому обществу, речь идёт о русской культурной доминанте как основании национальной идентичности всех народов, населяющих Россию [16], которая способна стать базисом в решении метамодернистской проблемы глубины.

Таким образом, традиционная духовно-нравственная и метамодернистская системы ценностей обладают комплементарным потенциалом: первая ориентирована на устойчивость и преемственность, вторая – на адаптацию и открытость к неопределённости, что позволяет рассматривать их не как противоположности, а как взаимодополняющие пласты культурного опыта. Этот аксиологический потенциал заложен в зоне их пересечений и может быть использован с целью решения актуальных для каждой из двух систем задач, а интеграция традиционного и метамодернистского ценностных горизонтов открывает возможность одновременного укрепления национальной идентичности и соответствия вызовам глобальной цифровой эпохи.

Например, метамодернистская идея включения «другого» (инклюзивность) созвучна российской традиционной полиэтничности, поликонфессиональности и многополярности и может расширить российский традиционный идеал справедливости за пределы социальной стратификации; традиционный коллективизм может найти свою трансформацию в гибких формах сетевых сообществ и цифровой солидарности; ценность исторической памяти сохраняется в метамодернизме, признающем преемственность и открытость к различным сценариям развития (такие сценарии могут быть отмечены и в современном курсе социально-экономического и технологического развития России).

Достижение такого результата требует институциональной поддержки и решения нескольких пластов задач:

– идеологическая работа в части осмысления метамодернистских трендов не как угрозы, а ресурса для укрепления потенциала традиционной ценностной системы, для искреннего и осознанного выбора молодым поколением традиционных духовно-нравственных ценностей;

– образовательные практики, сочетающие уважение к духовно-нравственным основаниям с критическим мышлением и креативностью;

– культурная политика, стимулирующая диалог поколений и цифровую креативность с одновременным уважением к исторической памяти, интеграция традиционных символов в новые медиаформаты;

– социальное проектирование в части формирования новых форм социальной солидарности, опирающихся на доверие и взаимопомощь, в т.ч. в цифровых сообществах.

Перспективным направлением дальнейших исследований остается изучение того, каким образом традиционные ценности могут быть актуализированы в логике метамодернизма без утраты своего глубинного ядра, а также анализ конкретных социальных практик: в образовании, цифровой культуре и коммуникации, где это взаимодействие реализуется наиболее интенсивно. Например, использование современных медиа-форм (VR, метавселенные, нейросети) для трансляции традиционных ценностей.

Ключевой вызов такой работы состоит в удержании баланса между сохранением национальной идентичности, с одной стороны, а также открытостью и множественностью, с другой. При соблюдении этого баланса Российская Федерация сможет продемонстрировать собственный пример множественной модернизации [6, с. 134–144], основанный не на разрушении традиции, а на её динамической адаптации и укреплении, где традиционные духовно-нравственные ценности лежат в основе идентичности, устойчивого экономико-технологического и общественного развития, используются в новых культурных форматах.

Литература

1. Бокарева О.Б. Концепция власти и понятие «Власть-знание» в философии Мишеля Фуко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019, 3–1. С. 172–175. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-vlasti-i-ponyatie-vlast-znanie-v-filosofii-mishelya-fuko?ysclid=mnaeii47a2717312961 (дата обращения: 16.02.2026).

2. Ван ден Аккер Р. Историчность метамодерна // Метамодернизм. Историчность. Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер. М.: РИПОЛ классик, 2020. С 63–66.

3. Вермюлен Т. Глубина метамодерна, или «Глубиноподобие» // Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер. М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 239–243.

4. Всероссийский центр изучения общественного мнения. «Традиционные ценности: ожидание и реальность»: результаты опроса [Электронный ресурс]. М.: ВЦИОМ, 2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost?ysclid=mlzcfvysgv99275145 (дата обращения: 31.01.2026).

5. Комаров И.Д., Горбунова М.Л. Трансформация мирового порядка через призму культурных изменений Г. Хофстеде // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 6–28.

6. Лапшов Б.А. Айзенштадт Ш.Н. Множественность модернизмов в век глобализации // Глобализация: Контуры XXI века. 2001, № 1. С. 134–144.

7. Манифест русского метамодерна. URL: https://web.archive.org/web/20190130011910/http://metamodernizm.ru/russian-metamodern-manifesto/ (дата обращения: 17.02.2026).

8. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=mnaecnsbft751577957 (дата обращения: 09.02.2026).

9. Павлов А.В. Метамодернизм: критическое введение // Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер. М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 10–27.

10. Прокопий (Пащенко), иеромонах. Метамодернизм и христианство: аспекты пола – мужское и женское [Электронный ресурс]: видеозапись беседы в РУДН, 18.10.2024. URL: https://rutube.ru/video/42f1a6b1f2ad16e0c27361981bb08849/?ysclid=mn9frjtoao880514551 (дата обращения: 10.02.2026).

11. Путин В.В. Выступление на пленарном заседании XVII съезда Русского географического общества (РГО) // Президент России: официальный сайт. 23.10.2025. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/78274?ysclid=mnae0m0zja477704520 (дата обращения: 12.01.2026).

12. Путин заявил о необходимости цифровой трансформации России [Электронный ресурс] // ТАСС: информационное агентство: официальный сайт. 04.12.2020. URL: https://tass.ru/ekonomika/10172635 (дата обращения: 04.02.2026).

13. «Российское культурное сообщество: в поисках реальности, или Бог после смерти Бога» / METAMODERN. Журнал о метамодернизме, 13.06.2016. URL: https://metamodernizm.ru/in-search-of-reality/ (дата обращения: 28.11.2025).

14. Сирота Н.М. Глобальная турбулентность и трансформация мироустройства // Международный научно-исследовательский журнал. Выпуск: № 2 (140), 2024. [Электронный ресурс] URL: https://research-journal.org/archive/2–140–2024-february/10.23670/IRJ.2024.140.41 (дата обращения:03.11.2025).

15. Хрущева Н. Метамодернизм в музыке и вокруг неё. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2020.

16. Яхшиян О.Ю., Омельченко Н.А. Русская культурная доминанта и российская национальная идентичность // PolitBook, 2019, № 3. С. 6–31. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-kulturnaya-dominanta-i-rossiyskaya-natsionalnaya-identichnost?ysclid=mn9hv5a52o876580966 (дата обращения: 15.02.2026).

17. Hartog F. Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time. N-Y.: Columbia University Press, 2016.

18. Rokeach M. The nature of human values. N-Y.: Free Press. 1973.

19. Vermeulen, T., van den Akker, R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2(1). URL: https://www.academia.edu/78396062/Notes_on_metamodernism (дата обращения: 25.11.2025).

DIALOGUE OF VALUES: METAMODERN TENDENCIES AND TRADITIONAL SPIRITUAL-MORAL GUIDELINES IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Nepomiluyeva M.A.,
St. Petersburg State University

The article offers the first comprehensive study of the interaction between traditional Russian spiritual-moral values and metamodern value orientations within the Russian context, along with an attempt at their classification. The analysis of value fields has revealed points of convergence, tension, and complementary potential within these systems, which can be viewed not as oppositions but as mutually enriching layers of socio-cultural experience. The hypothesis is put forth that the metamodern "new sincerity" can serve as a tool for actualizing traditional Russian spiritual-moral values for the younger generation, thereby fostering national identity and enhancing the resilience of Russian society to the challenges of the digital age. To achieve this outcome, several groups of tasks have been outlined: ideological, educational, cultural, and those related to social design. On the other hand, traditional spiritual-moral values remain fundamental meanings, untouched by postmodern deconstruction, and can contribute to addressing the issue of metamodern depth, or "depth-likeness".

Keywords: metamodernism, traditional spiritual-moral Russian values, terminal values, instrumental values, oscillation, "new sincerity," historical continuity, "depth-likeness".

References

1. Bokareva, O.B. "The Concept of Power and the Notion of "Power-Knowledge" in the Philosophy of Michel Foucault" // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2019, 3–1. Pp. 172–175. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-vlasti-i-ponyatie-vlast-znanie-v-filosofii-mishelya-fuko?ysclid=mnaeii47a2717312961 (accessed on 16 February 2026).

2. Van den Akker, R. "The Historicity of Metamodernism." // Metamodernism. Historicity. Affect and Depth after Postmodernism. Moscow: RIPOL classic, 2020. Pp. 63–66.

3. Vermeulen, T. The Depth of Metamodernism, or "Depth-likeness" // Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism / R. van den Akker. Moscow: RIPOL classic, 2020. Pp. 239–243.

4. All-Russian Public Opinion Research Center. "Traditional Values: Expectation and Reality": Survey Results [Electronic resource]. Moscow: VTsIOM, 2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost?ysclid=mlzcfvysgv99275145 (accessed: 31.01.2026).

5. Komarov I.D., Gorbunova M.L. Transformation of the world order through the prism of cultural changes of G. Hofstede // Contours of global transformations: politics, economics, law. 2022. Vol. 15. No. 5. Pp. 6–28.

6. Lapshov B.A. Aizenshtadt Sh.N. Plurality of modernisms in the age of globalization // Globalization: Contours of the 21st century. 2001, No. 1. Pp. 134–144.

7. Manifesto of Russian metamodernism. URL: https://web.archive.org/web/20190130011910/http://metamodernizm.ru/russian-metamodern-manifesto/ (date of access: 17.02.2026).

8. On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=mnaecnsbft751577957 (accessed: 09.02.2026).

9. Pavlov A.V. Metamodernism: A Critical Introduction // Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism / R. van den Akker. Moscow: RIPOL classic, 2020. Pp. 10–27.

10. Prokopiy (Pashchenko), hieromonk. Metamodernism and Christianity: Aspects of Gender – Male and Female [Electronic resource]: video recording of a conversation at RUDN University, October 18, 2024. URL: https://rutube.ru/video/42f1a6b1f2ad16e0c27361981bb08849/?ysclid=mn9frjtoao880514551 (accessed on February 10, 2026).

11. Putin V.V. Speech at the plenary session of the 17th Congress of the Russian Geographical Society (RGS) // President of Russia: official website. October 23, 2025. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/78274?ysclid=mnae0m0zja477704520 (accessed on January 12, 2026).

12. Putin declared the necessity of digital transformation of Russia [Electronic resource] // TASS: information agency: official website. 04.12.2020. URL: https://tass.ru/ekonomika/10172635 (date of access: 04.02.2026).

13. "Russian cultural community: in search of reality, or God after the death of God" / METAMODERN. Journal of metamodernism, 13.06.2016. URL: https://metamodernizm.ru/in-search-of-reality/ (date of access: 28.11.2025).

14. Sirota N.M. Global turbulence and transformation of the world order // International research journal. Issue: No. 2 (140), 2024. [Electronic resource] URL: https://research-journal.org/archive/2–140–2024-february/10.23670/IRJ.2024.140.41 (accessed: 03.11.2025).

15. Khrushcheva N. Metamodernism in Music and Around It. Moscow: RIPOL Classic Group of Companies, 2020.

16. Yakhshiyan O. Yu., Omelchenko N.A. Russian Cultural Dominant and Russian National Identity // PolitBook, 2019, No. 3. Pp. 6–31. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-kulturnaya-dominanta-i-rossiyskaya-natsionalnaya-identichnost?ysclid=mn9hv5a52o876580966 (accessed: 15.02.2026).

17. Hartog F. Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time. New York: Columbia University Press, 2016.

18. Rokeach M. The nature of human values. New York: Free Press. 1973.

19. Vermeulen, T., van den Akker, R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2(1). URL: https://www.academia.edu/78396062/Notes_on_metamodernism (accessed: 25.11.2025).

Инновационные методы физического воспитания студентов вузов: интеграция цифровых технологий и адаптивных программ

Никифоров Никита Юрьевич,
преподаватель кафедры физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: Prorok63_00@mail.ru

Штабной Матвей Дмитриевич,
студент, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: matvei-shtabnoi@yandex.ru

Зачиналов Дмитрий Сергеевич,
студент Института педиатрии и репродуктивного здоровья, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: ddimonych1@vk.com

В статье рассматриваются актуальные проблемы физического воспитания студентов высших учебных заведений в условиях цифровой трансформации образования. На основе анализа отечественной и зарубежной педагогической литературы, а также эмпирических данных обосновывается необходимость внедрения инновационных методов в практику физической культуры вуза. Особое внимание уделяется возможностям интеграции цифровых технологий в учебный процесс по физическому воспитанию. Параллельно анализируется концепция адаптивных программ, ориентированных на индивидуальные физические, психологические и медицинские характеристики обучающихся. Делается вывод о том, что синергия цифровых инструментов и адаптивного подхода способна качественно изменить мотивационный профиль студентов, повысить эффективность учебных занятий и сформировать устойчивые навыки здорового образа жизни. Предложены практические рекомендации для преподавателей физической культуры и административных структур вузов.

Ключевые слова: физическое воспитание, высшее образование, цифровые технологии, адаптивные программы, геймификация, здоровьесбережение, мотивация студентов.

Введение

Физическое воспитание в системе высшего образования традиционно рассматривается как обязательный компонент подготовки всесторонне развитой личности [1]. Вместе с тем в последние десятилетия данная дисциплина оказалась в состоянии структурного кризиса, который связан со снижением мотивации студентов к занятиям физической культурой, ростом числа обучающихся с ослабленным здоровьем и хроническими заболеваниями, а также нарастающим противоречием между традиционными методами преподавания и цифровым образом жизни современной молодёжи, что стало системной проблемой, требующей педагогического осмысления и практического решения [2].

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, более 80% подростков и молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет не достигают рекомендуемого уровня физической активности (ФА) [3]. Российская статистика подтверждает эту тенденцию: по данным Министерства здравоохранения РФ, к моменту поступления в вуз значительная часть абитуриентов уже имеет хронические заболевания опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой системы и нарушения осанки [4]. В условиях интенсивного учебного процесса, преобладания сидячего образа жизни и широкого распространения цифровых развлечений физическая активность студентов неуклонно снижается на протяжении всего периода обучения в вузе.

Традиционная модель физического воспитания, ориентированная на стандартизированные нормативы и унифицированные программы, демонстрирует очевидную неэффективность в работе с неоднородным контингентом студентов. Она не учитывает разнообразия физических возможностей, состояния здоровья, интересов и мотивационных установок обучающихся, что ведёт к формальному отношению к занятиям, а нередко, к их систематическому игнорированию [5]. Назревшая необходимость обновления педагогических подходов диктуется не только внутренними проблемами дисциплины, но и общим курсом на цифровизацию российского образования, закреплённым в национальных проектах «Образование» и «Цифровая экономика».

Между тем современная педагогическая наука располагает широким арсеналом инновационных инструментов, способных кардинально изменить ситуацию. Цифровые технологии: мобильные приложения для трекинга активности, носимые биометрические устройства, системы виртуальной и дополненной реальности, платформы геймификации – открывают принципиально новые возможности для вовлечения студентов в физкультурную деятельность, персонализации нагрузки и объективного мониторинга результатов [6]. Адаптивные программы, в свою очередь, позволяют выстроить индивидуальные образовательные маршруты с учётом состояния здоровья, физической подготовленности и психологических особенностей каждого студента.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью теоретического обоснования и практической разработки модели физического воспитания, органично совмещающей возможности цифровой среды с принципами адаптивной педагогики. Цель статьи состоит в анализе ключевых направлений инновационного преобразования физического воспитания в вузе и формулировании научно обоснованных рекомендаций по их внедрению в образовательную практику.

Цифровые технологии как инструмент трансформации физического воспитания

Цифровизация образования закономерно затронула и сферу физической культуры, предоставив преподавателям и студентам качественно новые инструменты взаимодействия. Среди ключевых технологических решений нашедших применение в физическом воспитании, особое место занимают мобильные устройства (смарт-часы, фитнес-трекеры, итд). Эти гаджеты обеспечивают непрерывный мониторинг физиологических показателей, таких как ЧСС, уровень насыщения крови кислородом, количество пройденных шагов, расход калорий и качества сна. Доступ к объективным данным о собственном организме формирует у студентов рефлексивное отношение к ФА и создаёт основу для осознанного управления здоровьем [7].

Параллельно широкое распространение получили мобильные приложения, ориентированные на физическую активность («Strava», «MyFitnessPal», «Fitbit») и многочисленные отечественные аналоги («Мой фитнес», «Яндекс.Здоровье»). Важным свойством этих платформ является возможность постановки персональных целей, визуализации прогресса и социального взаимодействия, так как они дают возможность поделиться достижениями с другими пользователями [8]. Исследования показывают, что студенты, регулярно использующие фитнес-приложения, демонстрируют более высокий уровень ежедневной ФА по сравнению с контрольными группами [9].

Особого внимания заслуживает применение технологий виртуальной (ВР) и дополненной (ДР) реальности. ВР-симуляторы позволяют проводить занятия по скалолазанию, горным лыжам, гребле или командным видам спорта вне зависимости от наличия соответствующей инфраструктуры, что особенно актуально для вузов, расположенных в крупных городах с ограниченным доступом к спортивным объектам. ДР-технологии, в свою очередь, открывают возможность размещения тренировочных инструкций и биометрической информации непосредственно в поле зрения спортсмена, обеспечивая обратную связь в режиме реального времени. Исследования проведенные Вэнси Лю с коллегами (США), фиксируют положительное влияние ВР-тренировок на мотивацию и субъективное ощущение удовольствия от занятий, что принципиально важно для формирования устойчивой привычки к ФА [10].

Вместе с тем внедрение цифровых технологий в физическое воспитание сопряжено с определёнными рисками, так как, чрезмерная зависимость от подобных устройств может снизить роль живого взаимодействия, а также породить ситуацию «цифрового неравенства» среди студентов с разным уровнем доступа к технологиям. Это требует от преподавателей методически грамотной интеграции цифровых инструментов в образовательный процесс.

Геймификация физического воспитания

Геймификация, основанная на применении игровых механик в неигровых контекстах, является одним из наиболее перспективных направлений инновационной педагогики. Применительно к физическому воспитанию этот подход предполагает трансформацию учебных занятий посредством введения элементов соревновательности, системы достижений, уровней сложности, виртуальных наград и командных квестов. Теоретической основой геймификации в педагогике служит теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, согласно которой устойчивая мотивация к деятельности определяется удовлетворением трёх базовых потребностей: в компетентности, автономии и социальной связанности [11].

Именно эти потребности эффективно задействуются грамотно выстроенными игровыми механиками. Система достижений и уровней удовлетворяет потребность в компетентности, предоставляя студенту наглядные свидетельства роста его физических возможностей. Возможность самостоятельно выбирать виды упражнений, интенсивность и формат занятий формирует ощущение автономии. Командные соревнования и коллективные квесты удовлетворяют потребность в принадлежности и социальном признании [12].

Практическим воплощением геймификации в вузовском физическом воспитании могут служить следующие форматы. Во-первых, корпоративные шагомерные конкурсы между академическими группами или факультетами, результаты которых отображаются на интерактивных турнирных таблицах [6]. Во-вторых, приложения типа «Pokémon GO» и аналогичные геолокационные игры, требующие физической активности для достижения игровых целей [13]. В-третьих, тематические «спортивные марафоны» с нарративной структурой – участники «путешествуют» по виртуальной карте, выполняя физические задания для продвижения по сюжету.

Эмпирические исследования подтверждают высокий мотивационный потенциал геймификации. Мета-анализ, проведённый Хамари с соавт. (Финляндия), охватывающий 24 исследования в различных областях применения геймификации, показал, что в большинстве случаев игровые механики положительно влияют на вовлечённость, мотивацию и качество выполнения деятельности [14]. Применительно к студенческой аудитории в РязГМУ Минздрава России (Рязань) исследователи зафиксировали рост посещаемости занятий и снижение числа отчислений в группах, где использовались элементы геймификации [15]. При этом критически важным условием эффективности является педагогически грамотное проектирование игровой среды, так как, примитивная система баллов и призов без содержательного наполнения может дать краткосрочный эффект и не обеспечит долгосрочной мотивации.

Адаптивные программы физического воспитания: принципы индивидуализации

Концепция адаптивного физического воспитания исходит из признания принципиальной неоднородности студенческого контингента по физическому развитию, состоянию здоровья, двигательному опыту и психологическим характеристикам. В отличие от традиционного подхода, ориентированного на усреднённые нормативы и единые для всех программы, адаптивная модель строится на приоритете индивидуального образовательного маршрута, формируемого с учётом комплексной диагностики каждого студента [16].

Методологической основой адаптивного подхода в физическом воспитании служит концепция дифференцированного обучения, разрабатывавшаяся в трудах П.Ф. Лесгафта, Л.П. Матвеева и С.Д. Неверковича [17], а также современные зарубежные концепции, такие как: «Universal Design for Learning (UDL)» и «Strength-Based Approach» [18]. Ключевым принципом является не адаптация студента к стандартной программе, а адаптация программы к потребностям и возможностям студента.

Практическая реализация адаптивных программ в вузе предполагает несколько взаимосвязанных этапов. На первом этапе проводится многоуровневая диагностика, включающая медицинское обследование, оценку физической подготовленности по батарее тестов (гибкость, сила, выносливость, координация), психологическое тестирование (определение уровня тревожности, мотивационного профиля, самооценки) и анкетирование для выявления спортивных предпочтений. На основании полученных данных студенты распределяются не по традиционным медицинским группам, а по функциональным кластерам, каждый из которых получает специализированную программу с дифференцированными целями, методами и критериями оценки [19].

Важнейшим элементом адаптивного подхода является гибкость программы, а точнее, её способность изменяться в ответ на динамику состояния студента. Использование носимых устройств и цифровых платформ мониторинга обеспечивает преподавателю доступ к актуальным данным о физическом состоянии обучающегося и позволяет оперативно корректировать нагрузку [18]. Тем самым цифровые технологии и адаптивный подход образуют органичный педагогический тандем: первые предоставляют данные и инструменты, второй задаёт ценностно-методологическую рамку их использования.

Особое место в адаптивном физическом воспитании занимает работа со студентами специальной медицинской группы – наиболее уязвимой и, к сожалению, наиболее многочисленной категорией в современных вузах [19]. Для этой группы принципиально важна не компенсаторная логика («сделать то же, но проще»), а построение полноценной, содержательной программы, ориентированной на реальное укрепление здоровья, развитие телесного осознания и формирование позитивного отношения к физической активности.

Интеграция цифровых технологий и адаптивных программ

Наибольший педагогический потенциал реализуется не при изолированном применении цифровых инструментов или адаптивных программ, а при их системной интеграции в единую образовательную модель. Синергетический эффект такой интеграции проявляется на нескольких уровнях.

На уровне диагностики и мониторинга цифровые технологии качественно расширяют возможности адаптивного подхода. Если традиционная диагностика физической подготовленности проводится дискретно – как правило, в начале и конце учебного года – то носимые устройства обеспечивают непрерывный мониторинг в режиме реального времени. Это позволяет фиксировать не только итоговые показатели, но и динамику восстановления, реакцию организма на нагрузку, паттерны суточной активности и качество сна. Преподаватель, располагающий этими данными, способен принимать педагогически обоснованные решения об интенсивности и характере нагрузки с точностью, недостижимой при традиционных методах контроля [7].

На уровне мотивации интеграция цифровых и адаптивных элементов создаёт условия для формирования внутренней, а не внешней мотивации к физической активности – именно той, что обеспечивает долгосрочное изменение поведения. Персонализированные цели, согласованные с реальными возможностями студента, в сочетании с игровыми механиками и наглядной визуализацией прогресса формируют устойчивое ощущение компетентности и значимости собственных усилий. Исследование Варбуртона и Бредит (Канада) фиксирует, что студенты, занимавшиеся по интегрированным адаптивно-цифровым программам, значительно чаще сохраняли физическую активность

за пределами обязательных занятий и после завершения курса физического воспитания.

На уровне педагогического взаимодействия интеграция технологий меняет роль преподавателя физической культуры: из транслятора стандартизированных упражнений он превращается в тренера-наставника (коуча), сопровождающего индивидуальный развитие каждого студента, интерпретирующего данные мониторинга и помогающего формулировать личностно значимые цели. Это требует от педагога новых компетенций: цифровой грамотности, навыков работы с данными, психологического консультирования, а также, ставит перед системой профессионального образования задачу по соответствующей переподготовки кадров [8].

На институциональном уровне интеграция предполагает создание цифровой инфраструктуры физического воспитания: единой платформы, аккумулирующей данные о физическом состоянии студентов, их образовательных маршрутах и динамике развития. Такая платформа, при соблюдении требований защиты персональных данных, создаёт возможности для формирования доказательной базы эффективности различных педагогических стратегий, координации между кафедрой физического воспитания и медицинскими службами вуза, а также для разработки превентивных программ здоровьесбережения.

Выводы

Проведённый анализ свидетельствует о том, что традиционная унифицированная модель физического воспитания в вузе утратила педагогическую эффективность в условиях цифрового общества и нарастающей неоднородности студенческого контингента. Её обновление на основе интеграции цифровых технологий и адаптивных программ представляет собой не экспериментальный поиск, а насущную педагогическую необходимость.

Современные цифровые инструменты обладают значительным мотивационным и диагностическим потенциалом, однако раскрывают его в полной мере лишь в сочетании с адаптивным подходом, обеспечивающим индивидуализацию образовательных маршрутов. Их синергия создаёт качественно новый педагогический эффект, основанный на непрерывности мониторинга физического состояния, формировании устойчивой внутренней мотивации и переходе к наставнической модели педагогического взаимодействия.

Литература

1. Салпагаров, У. С.Х. Физическое воспитание в системе высшего образования России / У. С.Х. Салпагаров, О.В. Мащенко // Образование и право. – 2019. – № 1. – С. 309–312. – EDN ZEJWJN.

2. Гавришова, Е. В., Грачев А.С., Третьяков А.А. Информационно-коммуникативные технологии, как средство организация самостоятельных занятий физической культурой студентов с различным типом мотивации достижения // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2020. – № 1(179). – С. 70–77. – DOI 10.34835/issn.2308–1961.2020.1.p70–77. – EDN ZMVUPR.

3. Bull FC, Al-Ansari SS, Biddle S, et al. World Health Organization 2020 guidelines on physical activity and sedentary behaviour. Br J Sports Med. 2020;54(24):1451–1462. doi:10.1136/bjsports-2020-102955

4. Заболеваемость учащихся высших учебных заведений в условиях современного образовательного процесса и воздействия факторов среды обитания (обзор литературы) / Р.А. Ваняйкин, М.М. Петрова, Д.С. Каскаева [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2024. – Т. 32, № 6. – С. 1259–1266. – DOI 10.32687/0869–866X-2024–32–6–1259–1266. – EDN ESRAFQ.

5. Плещев И. Е., Шишкин А.А., Плещева Т. Н, Дианова Е.А. Влияние физической активности на соматическое здоровье и академическую успеваемость студентов различных курсов медицинского вуза // Глобальный научный потенциал. – 2025. – № 3–2(168). – С. 167–171. – EDN KATHEN.

6. Меньшаков, А.С. Использование цифровых технологий в физической культуре и спорте / А.С. Меньшаков, П.П. Николаев // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2025. – № 1(101). – С. 86–90. – EDN JZHOLL.

7. Shei RJ, Holder IG, Oumsang AS, Paris BA, Paris HL. Wearable activity trackers-advanced technology or advanced marketing?. Eur J Appl Physiol. 2022;122(9):1975–1990. doi:10.1007/s00421-022-04951-1

8. Kyytsönen M, Vehko T, Anttila H, Ikonen J. Factors associated with use of wearable technology to support activity, well-being, or a healthy lifestyle in the adult population and among older adults. PLOS Digit Health. 2023;2(5): e0000245. doi:10.1371/journal.pdig.0000245

9. Плещев И.Е. Цифровая трансформация физического воспитания студентов-медиков: инновации и прикладные технологии / И.Е. Плещев, В.В. Савгачев // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 6. – С. 86–91. – EDN QCKKVI.

10. Liu W, Zeng N, Pope ZC, McDonough DJ, Gao Z. Acute Effects of Immersive Virtual Reality Exercise on Young Adults' Situational Motivation. J Clin Med. 2019 Nov 12;8(11):1947. doi: 10.3390/jcm8111947. PMID: 31726672; PMCID: PMC6912495.

11. Владимирский К.П. Применение теории самодетерминации для изучения мотивации учебной деятельности при онлайн-обучении / К.П. Владимирский // Экстернат.РФ. – 2023. – № 2(18). – С. 3–8. – EDN EEHZJB.

12. Ghafouri R, Zamanzadeh V, Nasiri M. Comparison of education using the flipped class, gamification and gamification in the flipped learning environment on the performance of nursing students in a client health assessment: a randomized clinical trial. BMC Med Educ. 2024. Vol. 30. No. 24(1):949. doi: 10.1186/s12909-024-05966-2.

13. Althoff T, White RW, Horvitz E. Influence of Pokémon Go on Physical Activity: Study and Implications. J Med Internet Res. 2016;18(12): e315. doi:10.2196/jmir.6759

14. Hamari J., Koivisto J., Sarsa, H. Does Gamification Work? – A Literature Review of Empirical Studies on Gamification. In proceedings of the 47th Hawaii International Conference on System Sciences, Hawaii, USA, January 6–9. 2014. Pp. 3025–3034. https://doi.org/10.1109/HICSS.2014.37

15. Калинин Р. Е., Урясьев О.М., Черданцева Т.М., Шеломенцев В.В., Полякова О.В. Анализ результатов геймификации образовательного процесса в Рязанском государственном медицинском университете // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2025. Т. 24. № 2. С. 25–34. https://doi.org/10.20310/1810–231X-2025–24–2–25–34

16. Prieto-González P, Sedlacek J. Effects of Running-Specific Strength Training, Endurance Training, and Concurrent Training on Recreational Endurance Athletes' Performance and Selected Anthropometric Parameters. Int J Environ Res Public Health. 2022. Vol. 19(17):10773. doi: 10.3390/ijerph191710773.

17. Иванов, Н.А. Теория и история физической культуры и спорта: Учебно-методическое пособие по специальности 49.02.01 Физическая культура / Н.А. Иванов, А.Г. Левицкий, О.В. Авдеева. – Казань: ООО «Бук», 2024. – 68 с. – ISBN 978-5-907839-70-0. – EDN EEMUAK.

18. Li, Y. F., Zhang, D., Dulas, H. M., & Whirley, M.L. Universal Design for Learning: Exploring Perspectives of Students with Disabilities in Higher Education. International Journal of Disability, Development and Education. 2026. Vol. 1–16. https://doi.org/10.1080/1034912X.2025.2605018

19. Кошкина Т.В. Роль адаптивной физической культуры в организации физического воспитания студентов вуза / Т.В. Кошкина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2022. – № 2(49). – С. 9–13. – DOI 10.18323/2221–5662–2022–2–9–13. – EDN AAFVAE.

20. Warburton DER, Bredin SSD. Health benefits of physical activity: a systematic review of current systematic reviews. Curr Opin Cardiol. 2017 Sep;32(5):541–556. doi: 10.1097/HCO.0000000000000437.

INNOVATIVE METHODS OF PHYSICAL EDUCATION OF UNIVERSITY STUDENTS: INTEGRATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES AND ADAPTIVE PROGRAMS

Nikiforov N.Yu., Shtabnoy M.D., Zachinalov D.S.
Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

The article discusses the actual problems of physical education of students of higher educational institutions in the context of digital transformation of education. Based on the analysis of Russian and foreign pedagogical literature, as well as empirical data, the necessity of introducing innovative methods into the practice of physical education at the university is substantiated. Special attention is paid to the possibilities of integrating digital technologies into the educational process of physical education. At the same time, the concept of adaptive programs focused on individual physical, psychological and medical characteristics of students is analyzed. It is concluded that the synergy of digital tools and an adaptive approach can qualitatively change the motivational profile of students, increase the effectiveness of training sessions and form sustainable healthy lifestyle skills. Practical recommendations for teachers of physical education and administrative structures of universities are offered.

Keywords: physical education, higher education, digital technologies, adaptive programs, gamification, health care, student motivation

References

1. Salpagarov U. S.H. Physical education in the Russian higher education system / U. S.H. Salpagarov, O.V. Mashchenko // Education and Law. 2019. No. 1. pp. 309–312.

2. Gavrishova, E. V., Grachev, A. S., Tretyakov, A.A. Information and communication technologies as a means of organizing independent physical education classes for students with different types of achievement motivation // Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University. 2020. No. 1(179). pp. 70–77. DOI 10.34835/issn.2308–1961.2020.1.p70–77.

3. Bull FC, Al-Ansari SS, Biddle S, et al. World Health Organization 2020 guidelines on physical activity and sedentary behaviour. Br J Sports Med. 2020. Vol. 54(24). Pp. 1451–1462. doi:10.1136/bjsports-2020-102955

4. R. A. Vanyaykin, M.M. Petrova, D.S. Kaskayeva [et al.]. Morbidity of students of higher educational institutions in the context of the modern educational process and the effects of environmental factors (literature review) // Problems of social hygiene, public health and the history of medicine. 2024. Vol. 32, No. 6. pp. 1259–1266. DOI 10.32687/0869–866X-2024–32–6–1259–1266.

5. Pleshchev I. E., Shishkin A.A., Pleshcheva T.N., Dianova E.A. Influence of physical activity on somatic health and academic performance of students of various courses of medical university // Global scientific potential. 2025. Vol. 3–2(168). pp. 167–171.

6. Menshakov A. S., Nikolaev P.P. The use of digital technologies in physical culture and sports // Skif. Student science issues 2025. No. 1(101). Pp. 86–90.

7. Shei RJ, Holder IG, Oumsang AS, Paris BA, Paris HL. Wearable activity trackers-advanced technology or advanced marketing?. Eur J Appl Physiol. 2022. Vol. 122(9). Pp. 1975–1990. doi:10.1007/s00421-022-04951-1

8. Kyytsönen M, Vehko T, Anttila H, Ikonen J. Factors associated with use of wearable technology to support activity, well-being, or a healthy lifestyle in the adult population and among older adults. PLOS Digit Health. 2023. No. 2(5): e0000245. doi:10.1371/journal.pdig.0000245

9. Pleshchev I.E. Savgachev V.V. Digital transformation of physical education of medical students: innovations and applied technologies Social and humanitarian knowledge. 2025. No. 6. pp. 86–91.

10. Liu W, Zeng N, Pope ZC, McDonough DJ, Gao Z. Acute Effects of Immersive Virtual Reality Exercise on Young Adults' Situational Motivation. J Clin Med. 2019. Vol. 8(11):1947. doi: 10.3390/jcm8111947.

11. Vladimirsky K.P. Application of the theory of self-determination to study the motivation of learning activities in online learning // Externat.RF. 2023. No. 2(18). pp. 3–8.

12. Ghafouri R, Zamanzadeh V, Nasiri M. Comparison of education using the flipped class, gamification and gamification in the flipped learning environment on the performance of nursing students in a client health assessment: a randomized clinical trial. BMC Med Educ. 2024. Vol. 30. No. 24(1):949. doi: 10.1186/s12909-024-05966-2.

13. Althoff T, White RW, Horvitz E. Influence of Pokémon Go on Physical Activity: Study and Implications. J Med Internet Res. 2016. Vol. 18(12): e315. doi:10.2196/jmir.6759

14. Hamari J., Koivisto J., Sarsa, H. Does Gamification Work? – A Literature Review of Empirical Studies on Gamification. In proceedings of the 47th Hawaii International Conference on System Sciences, Hawaii, USA, January 6–9. 2014. Pp. 3025–3034. https://doi.org/10.1109/HICSS.2014.37

15. Kalinin R. E., Urjas'ev O. M., Cherdanceva T.M., Shelomencev V.V., Poljakova O.V. Analysis of the results of gamification of the educational process at Ryazan State Medical University // Psychological and pedagogical journal "Gaudeamus". 2025. Vol. 24. № 2. Pp. 25–34. https://doi.org/10.20310/1810–231X-2025–24–2–25–34

16. Prieto-González P, Sedlacek J. Effects of Running-Specific Strength Training, Endurance Training, and Concurrent Training on Recreational Endurance Athletes' Performance and Selected Anthropometric Parameters. Int J Environ Res Public Health. 2022. Vol. 19(17):10773. doi: 10.3390/ijerph191710773.

17. Ivanov N. A., Levickij A.G., Avdeeva O.V. Theory and history of physical culture and sports: An educational and methodical manual on specialty 49.02.01 Physical culture. Kazan: LLC "Buk". 2024. P. 68. ISBN 978-5-907839-70-0.

18. Li, Y. F., Zhang, D., Dulas, H. M., & Whirley, M.L. Universal Design for Learning: Exploring Perspectives of Students with Disabilities in Higher Education. International Journal of Disability, Development and Education. 2026. Vol. 1–16. https://doi.org/10.1080/1034912X.2025.2605018

19. Koshkina, T.V. The role of adaptive physical culture in the organization of physical education of university students // Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Pedagogy, psychology. 2022. No. 2(49). pp. 9–13. DOI 10.18323/2221–5662–2022–2–9–13.

20. Warburton DER, Bredin SSD. Health benefits of physical activity: a systematic review of current systematic reviews. Curr Opin Cardiol. 2017. Vol. 32(5). Pp. 541–556. doi: 10.1097/HCO.0000000000000437.

Профессиональная компетентность преподавателя физической культуры в современном высшем образовании: теоретический анализ

Николаев Роман Юрьевич,
кандидат биологических наук, доцент, зав. кафедрой физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: nikolaev.r.u@yandex.ru

Гансбургский Михаил Андреевич,
кандидат медицинских наук, доцент, кафедра физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: magan76@yandex.ru

Матвеев Дмитрий Вячеславович,
кандидат технических наук, доцент кафедры дискретного анализа, директор центра спорта и патриотического воспитания, ФГБОУ «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»
E-mail: diman@uniyar.ac.ru

В статье рассматривается проблема профессиональной компетентности преподавателя физической культуры в системе высшего образования в условиях современных вызовов. Авторами проанализированы структурные компоненты профессиональной компетентности, выявлены специфические требования к педагогу в контексте работы с различными категориями обучающихся, в том числе со студентами медицинских вузов. Особое внимание уделяется интеграции здоровьесберегающих технологий, цифровых инструментов и индивидуализированных подходов в практику преподавания физической культуры.
Результаты теоретического анализа свидетельствуют о необходимости системного обновления модели профессиональной компетентности преподавателя физической культуры, а также его непрерывного профессионального развития.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, преподаватель физической культуры, высшая школа, цифровизация образования, здоровьесберегающие технологии, медицинский вуз, физическое воспитание, индивидуализация обучения, профессиональное развитие.

Введение

Современная система высшего образования претерпевает глубокие структурные изменения, обусловленные ускорением научно-технического прогресса, цифровой трансформацией общества и пересмотром образовательных приоритетов [1]. В этом контексте дисциплина «Физическая культура» занимает особое место, так как будучи традиционно практико-ориентированной, она сегодня оказывается в эпицентре противоречий между устоявшимися педагогическими подходами и принципиально новыми требованиями к образовательному процессу. Ключевой фигурой, определяющей качество физического воспитания в вузе, остаётся преподаватель, чья профессиональная компетентность становится предметом всё более пристального внимания педагогической науки [2].

Анализ актуальных исследований в области педагогики высшей школы обнаруживает устойчивую тенденцию: традиционная модель компетентности преподавателя физической культуры, основанная преимущественно на спортивно-технической подготовке и нормативном контроле физических показателей студентов, уже не отвечает вызовам времени. Современный преподаватель физической культуры вынужден совмещать роли психолога, наставника, специалиста в области здоровьесбережения и уверенного пользователя цифровых образовательных технологий [3].

Особую остроту проблема приобретает в связи с изменением состава студенческого контингента, так как всё большую долю обучающихся составляют студенты с ограниченными возможностями здоровья и лица с хроническими заболеваниями (специальные медицинские группы), что принципиально расширяет круг компетенций, необходимых преподавателю [4].

Цель данной статьи – на основе теоретического анализа отечественной и зарубежной литературы выявить и систематизировать ключевые компоненты профессиональной компетентности преподавателя физической культуры вуза, определить направления её совершенствования применительно к современным условиям, включая специфику работы в медицинских вузах.

Структура и содержание профессиональной компетентности преподавателя физической культуры

Понятие «профессиональная компетентность» прочно вошло в категориальный аппарат отечественной и зарубежной педагогики с конца XX века, однако его содержание применительно к преподавателю физической культуры по сей день остаётся предметом дискуссий. В наиболее общем виде профессиональная компетентность понимается как интегративная характеристика специалиста, включающая совокупность знаний, умений, навыков, ценностных ориентаций и личностных качеств, обеспечивающих эффективное решение профессиональных задач [5].

Применительно к педагогу физической культуры большинство исследователей выделяют несколько взаимосвязанных компонентов этой интегративной характеристики.

Предметно-дисциплинарный компонент составляет фундамент профессиональной компетентности и предполагает глубокое знание теории и методики физического воспитания, спортивной физиологии и биомеханики, основ спортивной медицины, а также практическое владение разнообразными двигательными действиями. Принципиально важно, что данный компонент не является статичным: содержание предметной области непрерывно обновляется, появляются новые виды двигательной активности, доказательная база тех или иных методических подходов пересматривается в свете новых научных данных [6].

Психолого-педагогический компонент охватывает знание закономерностей возрастного развития, умение выстраивать взаимодействие, формировать мотивацию к физической активности, осуществлять психологическую поддержку студентов. В отличие от многих других дисциплин, в физической культуре этот компонент обретает особую значимость: занятия сопряжены с преодолением физических трудностей, нередко требуют работы над личными психологическими барьерами студентов, связанных со страхом неудачи, неуверенностью в собственных возможностях, негативным опытом прошлых физкультурных занятий [7].

Методический компонент включает способность преподавателя проектировать образовательный процесс с учётом возможностей конкретной студенческой аудитории, подбирать адекватные формы, методы и средства обучения, разрабатывать рабочие программы, контрольно-оценочные материалы, методические рекомендации. В современных условиях данный компонент существенно расширяется за счёт необходимости проектирования смешанных форм обучения, включающих как аудиторные занятия, так и самостоятельную двигательную активность студентов, фиксируемую с помощью цифровых средств мониторинга [3].

Коммуникативно-организаторский компонент предполагает владение широким спектром навыков педагогического общения, от организации коллективной деятельности, до разрешения конфликтов в учебной группе. В практике физического воспитания вуза этот компонент проявляется в умении преподавателя создавать в учебной группе атмосферу психологической безопасности и ценностного отношения к здоровью [2].

Рефлексивно-исследовательский компонент определяет способность педагога к критическому анализу собственной деятельности, освоению инновационных подходов, участию в научно-методической работе кафедры. Именно этот компонент обеспечивает профессиональный рост преподавателя и его способность адаптироваться к изменяющимся условиям образовательной среды [8].

Системное единство перечисленных компонентов образует целостную модель профессиональной компетентности, которая, однако, должна быть дополнена с учётом специфики современного образовательного контекста, рассматриваемой в последующих разделах статьи.

Цифровая компетентность преподавателя физической культуры

Цифровая трансформация высшего образования, резко ускорившаяся в период пандемии COVID-19 и продолжающаяся по сей день, обозначила принципиальный разрыв между традиционными представлениями о компетентности преподавателя физической культуры и реальными требованиями практики. Дисциплина, которая, казалось бы, в наибольшей степени привязана к физическому присутствию, оказалась перед необходимостью поиска нетривиальных цифровых решений [9].

В структуре цифровой компетентности преподавателя физической культуры можно выделить несколько взаимосвязанных элементов. Прежде всего это умение использовать технологии дистанционного мониторинга физической активности студентов: фитнес-трекеры, мобильные приложения, онлайн-дневники самоконтроля. Этот инструментарий принципиально меняет логику взаимодействия преподавателя и студента, так как физическая активность перестаёт быть событием, ограниченным двумя академическими часами в спортивном зале, и превращается в непрерывный процесс, данные о котором преподаватель может анализировать в режиме реального времени [3].

Существенной частью цифровой компетентности, является владение технологиями видеоанализа техники выполнения упражнений или спортивных элементов. Современные программные решения позволяют в замедленном режиме анализировать биомеханические характеристики движений студентов, выявлять ошибки, которые при обычном наблюдении остаются незамеченными, и предоставлять обучающимся наглядную визуальную обратную связь [10]. Педагогическая ценность подобного инструментария трудно переоценима, так как визуальная обратная связь многократно ускоряет процесс коррекции двигательного навыка.

Важнейшим направлением применения цифровых технологий является разработка и использование электронных образовательных ресурсов: видеоматериалов по технике выполнения упражнений, интерактивных тестов по теоретическому разделу дисциплины, онлайн-курсов по физической культуре на современных платформах [11]. Опыт российских вузов свидетельствует о том, что грамотно выстроенный гибридный формат обучения, сочетающий практические занятия в зале с теоретическим онлайн-контентом и заданиями для самостоятельной работы, существенно повышает уровень вовлечённости студентов в образовательный процесс [12].

Необходимо, однако, подчеркнуть риски, связанные с некритическим увлечением цифровыми технологиями. Преподаватель, ориентированный исключительно на цифровые метрики физической активности, рискует утратить живой педагогический контакт со студентами и упустить из виду качественные, но трудноизмеримые результаты физического воспитания – ценностное отношение к здоровью, опыт командного взаимодействия, двигательная культура. Баланс между цифровыми инструментами и традиционными педагогическими практиками остаётся важнейшей задачей профессиональной рефлексии преподавателя.

Специфика профессиональной компетентности преподавателя физической культуры в медицинском вузе

Медицинские вузы представляют собой особую образовательную среду, которая задаёт принципиально иные требования к профессиональной компетентности преподавателя физической культуры по сравнению с университетами общего профиля. Эта специфика обусловлена рядом взаимосвязанных факторов: особенностями контингента студентов, профессионально-прикладной направленностью физической подготовки, а также особой значимостью здоровьесберегающей функции дисциплины для будущих врачей [13].

Студенты медицинских специальностей нередко отличаются высокой академической нагрузкой, хроническим дефицитом времени и выраженным интеллектуальным переутомлением. Многолетние исследования свидетельствуют о том, что распространённость гиподинамии среди студентов медицинских вузов статистически значимо выше, чем среди сверстников из других направлений подготовки [14]. Парадоксально, но именно те, кто в будущем призван заботиться о здоровье пациентов, сами демонстрируют низкие показатели физической активности и неблагоприятное состояние здоровья. В этом контексте роль преподавателя физической культуры в медицинском вузе приобретает особую социальную значимость.

Принципиальной особенностью физического воспитания в медицинском вузе является его выраженная профессионально-прикладная направленность (ППН). Будущий врач нуждается в специфических физических качествах и прикладных двигательных навыках: статической выносливости (длительные хирургические операции), мелкой моторике и координации движений рук (инвазивные манипуляции, эндоскопические вмешательства), устойчивости к гипоксии и психоэмоциональному стрессу [15].

Компетентный преподаватель физической культуры медицинского вуза должен не только знать об этих требованиях, но и уметь планировать учебный процесс таким образом, чтобы целенаправленно развивать именно эти качества. Для этого необходима кооперация с преподавателями клинических кафедр, понимание специфики различных медицинских специальностей и готовность разрабатывать специализированные программы ППН для студентов.

В медицинском вузе здоровьесберегающая компетентность преподавателя физической культуры из желательной превращается в обязательную. Понятие здоровьесберегающей компетентности включает: знание современных концепций здоровья и здорового образа жизни, умение проводить первичную оценку функционального состояния студентов, способность разрабатывать индивидуальные программы физической активности с учётом состояния здоровья, а также готовность оказывать первую помощь в чрезвычайных ситуациях на занятии [15].

Показательно, что преподаватель физической культуры в медицинском вузе имеет уникальную возможность формировать у будущих врачей не только собственные здоровьесберегающие привычки, но и профессиональную культуру назначения физических нагрузок пациентам. Студент-медик, получивший качественное физическое воспитание и понимающий механизмы воздействия двигательной активности на организм, в будущей клинической практике будет более склонен к использованию физических упражнений как терапевтического инструмента [16]. Таким образом, педагогическое влияние преподавателя физической культуры медицинского вуза распространяется далеко за пределы студенческой аудитории.

Педагогическое взаимодействие в условиях высокой академической нагрузки. Специфической педагогической задачей в медицинском вузе является мотивирование студентов, перегруженных освоением клинических дисциплин, к сознательному и регулярному участию в занятиях физической культурой. Авторитарные методы принуждения в данном контексте неэффективны и нередко формируют стойкое негативное отношение к физической активности. Напротив, преподаватель, способный убедительно и научно обоснованно донести до студентов-медиков ценность физической активности для их собственного здоровья и профессионального долголетия, достигает значительно более высоких педагогических результатов. Это требует от педагога высокого уровня коммуникативной компетентности, ораторского мастерства, а также умения апеллировать к профессиональным ценностям студентов [17].

Непрерывное профессиональное развитие преподавателя физической культуры вуза: современные форматы и модели

Стремительное изменение требований к профессиональной компетентности преподавателя физической культуры делает проблему его

непрерывного профессионального развития (НПР) одной из центральных в педагогике высшей школы [1]. Традиционная модель повышения квалификации, предполагающая периодическое прохождение курсов с получением удостоверения установленного образца, очевидно, не соответствует темпу изменений в образовательной среде и физкультурно-спортивной практике.

Современная концепция НПР строится на принципах непрерывности и практикоориентированности. Применительно к преподавателю физической культуры это означает, что профессиональное развитие должно происходить перманентно, опираться на индивидуальный профессиональный маршрут и быть непосредственно связано с решением реальных педагогических задач, а не с усвоением абстрактных теоретических конструктов.

Среди актуальных форматов НПР для преподавателей физической культуры особого внимания заслуживает модель педагогических сообществ (Communities of Practice, Wenger, 1998). В рамках этой модели преподаватели объединяются в профессиональные сообщества по интересам или педагогическим проблемам, совместно анализируют практику, обмениваются методическими находками и коллективно разрабатывают решения [18]. В российском контексте подобные сообщества могут функционировать как на уровне методических объединений кафедр физической культуры отдельного вуза, так и в виде межвузовских сообществ, в том числе с использованием цифровых платформ.

Наставничество в профессиональном сообществе преподавателей физической культуры традиционно занимают важное место, однако сегодня эти форматы существенно расширяются. Наряду с классическим вертикальным наставничеством (опытный педагог – молодой специалист) всё большее распространение получает горизонтальное, или «равное», наставничество, при котором коллеги одного уровня опыта взаимно наблюдают занятия друг друга и обмениваются конструктивной обратной связью. Практика взаимного педагогического наблюдения, активно развиваемая в ряде японских и скандинавских странах, доказала свою высокую эффективность и постепенно проникает в российскую вузовскую практику [19].

Необходимо также отметить роль академической мобильности как инструмента профессионального развития. Стажировки в ведущих спортивных и научных центрах, участие в международных конференциях, краткосрочные обменные программы позволяют преподавателям физической культуры знакомиться с передовым международным опытом и переносить его в отечественный образовательный контекст. Несмотря на объективные ограничения, связанные с нагрузкой на кафедрах физического воспитания, разработка механизмов поддержки академической мобильности педагогов этой категории представляется важной задачей вузовского управления.

Принципиально важным условием эффективности НПР является институциональная поддержка со стороны вуза. Формирование культуры профессионального развития на кафедрах физической культуры, создание условий для участия преподавателей в научно-методической работе, обеспечение доступа к профессиональной литературе и цифровым образовательным ресурсам – всё это входит в зону ответственности администрации образовательной организации и во многом определяет реальные возможности профессионального роста педагога [1].

Выводы

Таким образом, профессиональная компетентность преподавателя физической культуры вуза представляет собой многокомпонентную систему, включающую предметные, педагогические, методические, коммуникативные и рефлексивные составляющие, которые работают только в единстве. Цифровая трансформация сделала владение современными технологиями – мониторинга активности, видеоанализа, электронных ресурсов – обязательным, а не дополнительным требованием к педагогу, однако живое взаимодействие со студентами при этом не теряет своей ценности. В медицинском вузе роль преподавателя физической культуры особенно значима: он работает с перегруженными студентами, нередко имеющими отклонения в состоянии здоровья, формирует у будущих врачей не только собственные здоровые привычки, но и культуру назначения двигательной активности пациентам, что требует глубоких медицинских знаний и тесного сотрудничества с клиническими кафедрами. Наконец, традиционное повышение квалификации раз в несколько лет давно перестало отвечать реальным профессиональным потребностям педагога – его место должны занять непрерывные, персонализированные форматы развития: профессиональные сообщества, взаимное наблюдение занятий, исследование собственной практики и академическая мобильность, поддержанные самим вузом как институционально.

Литература

1. Авалуева, Н.Б. Тенденции обновления российской системы высшего образования: оценка культурно-ценностного содержания современных вызовов (обзор) / Н.Б. Авалуева, Н.С. Гаркуша, Е.Н. Кролевецкая // Science for Education Today. – 2026. – Т. 16, № 1. – С. 82–106. – DOI 10.15293/2658–6762.2601.04. – EDN TXHYPY.

2. Плещев, И.Е. Физическое воспитание как средство комплексного развития личности учащихся / И.Е. Плещев, Д.В. Матвеев, Т.Н. Плещева // Социология. – 2025. – № 8. – С. 166–171. – EDN XBYNVW.

3. Гулухиди, В.И. Информационные технологии как средства повышения эффективности занятий по физической культуре и спорту в вузе / В.И. Гулухиди // ЦИТИСЭ. – 2022. – № 2(32). – С. 475–482. – DOI 10.15350/2409–7616.2022.2.41. – EDN XXIIWS.

4. Данилова, Н.В. Особенности проведения занятий по элективным дисциплинам по физической культуре и спорту в специальной медицинской группе / Н.В. Данилова, В.Ф. Мишакин // Science Time. – 2022. – № 10(106). – С. 16–19. – EDN RDZHCC.

5. Калашников, А.Ф. Педагогические особенности формирования профессиональной компетентности преподавателя физической культуры / А.Ф. Калашников, А.Н. Кулиничев, А.А. Волобуева // Научный журнал Дискурс. – 2019. – № 5(31). – С. 7–15. – EDN OYNORI.

6. Лешкевич, С.А. Формирование профессионально-педагогической компетентности преподавателя по физической культуре в вузе / С.А. Лешкевич, О.В. Созинова // E-Scio. – 2021. – № 5(56). – С. 498–503. – EDN TSOMVI.

7. Плещев, И.Е. Влияние эмоционального интеллекта на внутреннюю мотивацию спортсменов / И.Е. Плещев, Л.Б. Шубин, В.В. Савгачев // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 7. – С. 41–45. – EDN SYYRBN.

8. Профессиональные компетенции педагогов высшей школы системы подготовки специалистов физической культуры и спорта / А.Б. Бгуашев, Ю.А. Иоакимиди, Н.В. Карягина, В.П. Шрам // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2017. – № 1(193). – С. 92–102. – EDN YMRLGT.

9. Анфиногенова, Д.А. Цифровая трансформация физической культуры: как технологии меняют подход к тренировкам и здоровью / Д.А. Анфиногенова // Вестник науки и образования. – 2025. – № 2–1(157). – С. 114–116. – EDN RMAVFK.

10. Forte P. Special Issue “Biomechanical Analysis in Physical Activity and Sports”. J Funct Morphol Kinesiol. 2025;10(2):116. doi:10.3390/jfmk10020116

11. Zhong Q, Jiang J, Bai W, Yin Z, Liao Z, Zhong X. Application of digital-intelligent technologies in physical education: a systematic review. Front Public Health. 2025;13:1626603. Published 2025 Jul 24. doi:10.3389/fpubh.2025.1626603

12. Голяков, И.П. Гибридный формат обучения будущих учителей физической культуры навыкам организации игровой деятельности / И.П. Голяков, А.С. Бусырева, Е.К. Гитман // Теория и практика физической культуры. – 2025. – № 2. – С. 51–53. – EDN PPZJKV.

13. Коткова, В.М. Влияние физической культуры и спорта на показатели остаточных знаний студентов медицинского вуза / В.М. Коткова, Д.А. Каракчиев // Актуальные вопросы медицинской науки. – 2025. – № 1(3). – С. 253–255. – EDN MGIEWY.

14. Функциональность адаптивного физического воспитания в формировании инклюзивной культуры студентов медицинского вуза / С.Ю. Максимова, В.Б. Мандриков, И.А. Ушакова, Н.В. Замятина // Теория и практика физической культуры. – 2025. – № 7. – С. 60–62. – EDN QOCWLU.

15. Скиба, И.А. Оценка эффективности применения здоровьесберегающего подхода при реализации практической дисциплины по физической культуре в медицинском вузе / И.А. Скиба, И.Ф. Ибрагимов, Г.Ф. Хамидуллина // Журнал педагогических исследований. – 2024. – Т. 9, № 2. – С. 121–124. – DOI 10.12737/2500–3305–2024–9–2–121–124. – EDN XFDPKF.

16. Осипов, В.Г. Физическая культура в медицинском вузе / В.Г. Осипов // Тверской медицинский журнал. – 2024. – № 2. – С. 36–38. – EDN AOMDEI.

17. Гуманистический подход к преподаванию физической культуры в медицинском вузе / П.Г. Воронцов, А.В. Агабекян, П.Г. Вегнер, К.Н. Полотнянко // Глобальный научный потенциал. – 2024. – № 5(158). – С. 121–123. – EDN TMYDTU.

18. Лапина А.С. Влияние профессионально-педагогического сообщества на деятельность современного педагога // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2021. – Т. 18. – № 4. – С. 83–100. doi: 10.17673/vsgtu-pps.2021.4.7

19. Coimbra M., Vale A., Martins A.M., Baptista C. Pedagogical Supervision and Change: Dynamics of Collaboration and Teacher Development. The international journal of management science and business administration. 2020. Vol. 6. Pp. 55–62. 10.18775/ijmsba.1849–5664–5419.2014.64.1005.

PROFESSIONAL COMPETENCE OF A PHYSICAL EDUCATION TEACHER IN MODERN HIGHER EDUCATION: THEORETICAL ANALYSIS

Nikolaev R.J., Gansburgskiy M.A., Matveev D.V.
Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov

The article examines the problem of professional competence of a physical education teacher in the higher education system in the context of modern challenges. The authors analyzed the structural components of professional competence, identified specific requirements for a teacher in the context of working with various categories of students, including students of medical universities. Special attention is paid to the integration of health-saving technologies, digital tools and individualized approaches into the practice of physical education teaching.
The results of the theoretical analysis indicate the need for a systematic update of the model of professional competence of a physical education teacher, as well as his continuous professional development.

Keywords: professional competence, physical education teacher, higher school, digitalization of education, health-saving technologies, medical university, physical education, individualization of education, professional development.

References

1. Avalueva, N.B. Trends in the Renewal of the Russian Higher Education System: Assessment of the Cultural and Value Content of Modern Challenges (review) / N.B. Avalueva, N.S. Garkusha, E.N. Krolevetskaya // Science for Education Today. – 2026. – Vol. 16, No. 1. – Pp. 82–106. – DOI 10.15293/2658–6762.2601.04. – EDN TXHYPY.

2. Pleshchev, I.E. Physical Education as a Means of Comprehensive Development of Students' Personality / I.E. Pleshchev, D.V. Matveev, T.N. Pleshcheva // Sociology. – 2025. – No. 8. – Pp. 166–171. – EDN XBYNVW.

3. Guluhidi, V.I. Information technologies as a means of increasing the effectiveness of physical education and sports classes at the university / V.I. Guluhidi // CITISE. – 2022. – No. 2 (32). – P. 475–482. – DOI 10.15350 / 2409–7616.2022.2.41. – EDN XXIIWS.

4. Danilova, N.V. Features of conducting classes in elective disciplines in physical education and sports in a special medical group / N.V. Danilova, V.F. Mishakin // Science Time. – 2022. – No. 10 (106). – P. 16–19. – EDN RDZHCC.

5. Kalashnikov, A.F. Pedagogical Features of Formation of Professional Competence of a Physical Education Teacher / A.F. Kalashnikov, A.N. Kulinichev, A.A. Volobueva // Scientific Journal Discourse. – 2019. – No. 5 (31). – Pp. 7–15. – EDN OYNORI.

6. Leshkevich, S.A. Formation of Professional and Pedagogical Competence of a Physical Education Teacher at a University / S.A. Leshkevich, O.V. Sozinova // E-Scio. – 2021. – No. 5 (56). – Pp. 498–503. – EDN TSOMVI.

7. Pleshchev, I.E. The Influence of Emotional Intelligence on the Intrinsic Motivation of Athletes / I.E. Pleshchev, L.B. Shubin, V.V. Savgachev // Social and Humanitarian Knowledge. – 2025. – No. 7. – P. 41–45. – EDN SYYRBN.

8. Professional competencies of higher education teachers in the system of training physical education and sports specialists / A.B. Bguashev, Yu.A. Ioakimidi, N.V. Karyagina, V.P. Shram // Bulletin of Adyghe State University. Series 3: Pedagogy and Psychology. – 2017. – No. 1 (193). – P. 92–102. – EDN YMRLGT.

9. Anfinogenova, D.A. Digital transformation of physical education: how technologies are changing the approach to training and health / D.A. Anfinogenova // Bulletin of science and education. – 2025. – No. 2–1 (157). – P. 114–116. – EDN RMAVFK.

10. Forte P. Special Issue "Biomechanical Analysis in Physical Activity and Sports". J Funct Morphol Kinesiol. 2025;10(2):116. doi:10.3390/jfmk10020116

11. Zhong Q, Jiang J, Bai W, Yin Z, Liao Z, Zhong X. Application of digital-intelligent technologies in physical education: a systematic review. Front Public Health. 2025;13:1626603. Published 2025 Jul 24. doi:10.3389/fpubh.2025.1626603

12. Golyakov, I.P. Hybrid format for teaching future physical education teachers the skills of organizing game activities / I.P. Golyakov, A.S. Busyreva, E.K. Gitman // Theory and practice of physical education. – 2025. – No. 2. – Pp. 51–53. – EDN PPZJKV.

13. Kotkova, V.M. The influence of physical education and sports on the indicators of residual knowledge of medical university students / V.M. Kotkova, D.A. Karakchiev // Current issues in medical science. – 2025. – No. 1 (3). – Pp. 253–255. – EDN MGIEWY.

14. Functionality of adaptive physical education in the formation of an inclusive culture of medical university students / S. Yu. Maksimova, V.B. Mandrikov, I.A. Ushakova, N.V. Zamyatina // Theory and practice of physical education. – 2025. – No. 7. – Pp. 60–62. – EDN QOCWLU.

15. Skiba, I.A. Evaluation of the effectiveness of using a health-saving approach in the implementation of the practical discipline in physical education in a medical university / I.A. Skiba, I.F. Ibragimov, G.F. Khamidullina // Journal of pedagogical research. – 2024. – Vol. 9, No. 2. – Pp. 121–124. – DOI 10.12737/2500–3305–2024–9–2–121–124. – EDN XFDPKF.

16. Osipov, V.G. Physical Education in Medical University / V.G. Osipov // Tver Medical Journal. – 2024. – No. 2. – Pp. 36–38. – EDN AOMDEI.

17. Humanistic Approach to Teaching Physical Education in Medical University / P.G. Vorontsov, A.V. Agabekyan, P.G. Wegner, K.N. Polotnyanko // Global Scientific Potential. – 2024. – No. 5(158). – Pp. 121–123. – EDN TMYDTU.

18. Lapina A.S. The Influence of the Professional and Pedagogical Community on the Activities of a Modern Teacher // Bulletin of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences. – 2021. – T. 18. – No. 4. – pp. 83–100. doi: 10.17673/vsgtu-pps.2021.4.7

19. Coimbra M., Vale A., Martins A.M., Baptista C. Pedagogical Supervision and Change: Dynamics of Collaboration and Teacher Development. The international journal of management science and business administration. 2020. Vol. 6.Pp. 55–62. 10.18775/ijmsba.1849–5664–5419.2014.64.1005.

Модель компетенций «Манго» как методологическая основа развития личной силы коуча в традициях русской культуры

Пискарёв Павел Михайлович,
доктор психологических наук, профессор, член Российского философского общества, руководитель творческого объединения «Нейрографика» ТСПХ России; действительный член международной Академии психологических наук (МАПН); учредитель, основатель, АНО ДПО «Институт психологии творчества Павла Пискарёва»
E-mail: p.piskarev@mail.ru

В статье исследуется проблема формирования профессиональных и личностных компетенций коуча в контексте современной российской социокультурной реальности. Актуальность работы обусловлена необходимостью преодоления ограничений либеральных, постмодернистских моделей коучинга, и создания методологической базы, соответствующей ментальным особенностям и ценностным ориентациям русской культуры (творческое, образное мышление), для которой характерна склонность к поиску смысла как ключевой составляющей деятельности. В качестве концептуального основания предлагаются авторские разработки «Пирамида Мышления», теория метамодерна, парадигмальный анализ. Центральным объектом выступает образно-метафорический субъект – «Герой», эволюция которого рассматривается через авторскую модель «Пирамида Героя». Основным результатом является обоснование уникальной Таблицы компетенций «МАНГо», где горизонтальная ось представляет процессуальную часть коучинга, а вертикальная – личную силу коуча и процесс наставничества. Доказывается, что развитие личности коуча через парадигмальный анализ (интеллект) и нейрографику (эстетическая составляющая, образность, эмоциональный интеллект) позволяет сформировать творческую автономию и стратегическое видение, необходимые для эффективной работы в условиях «текучей современности».

Ключевые слова: коучинг, личная сила коуча, парадигмальный анализ, нейрографика, Пирамида Героя, метамодерн, компетенции «МАНГо», русская культура, архетипы, практическая философия, Пирамида Мышления, «БоГобан».

Введение

Коучинг как отрасль переживает в России этап институционализации и методологического самоопределения [1, с. 9]. Если на Западе, в реальности постмодерна и прежде всего в рамках Международной федерации коучинга сложился определенный стандарт компетенций [21], который часто копируется другими ассоциациями, то в российском культурном поле этот стандарт обнаруживает свою ограниченность. Западная модель, основанная на вербальной форме диалога и принципе «готовое решение найти невозможно» (специалист полностью растворяется в картине мира клиента и не влияет на процесс принятия решения) [6, с. 647], вступает в противоречие с русской ментальностью, требующей присутствия сильной, развитой личности, способной быть со-творцом, а не только «зеркалом» клиента.

Основная часть

Современная философская мысль, от работ постструктуралистов (М. Фуко [15, с. 87], Ж. Бодрийяр [4, с. 117]) до теоретиков метамодерна, фиксирует кризис идентичности, размывание ценностей и «текучесть» социальных форм. В этой ситуации коучинг призван стать не просто технологией достижения целей, но способом антропологической практики, возвращающей человеку целостность (структуру и иерархию ценностей) и субъектность. Ответом на этот вызов становится развитие в Институте психологии творчества четырех направлений коучинга: аналитического (интеллектуального, связанного с речью, структурированием и анализом), эстетического (апеллирующего к гармонии прекрасного через нейрографику), психосоматического (связывающего тело и сознание) и экзистенциального, что отражает концептуальную основу, в соответствии с которой развивается институт – теория метамодерна, предполагающая существование четырёх социокультурных эпох, одновременно сосуществующих и сменяющих друг друга.

Системное отражение теория метамодерна находит в рамках парадигмального анализа, включающих четыре квадранта, проецируемых на различные контексты и срезы реальности. (Рисунок 1, Рисунок 2)

Рис. 1. Рамка метамодерна

Концептуально направления коучинга объединены моделью Героя. Данное понятие, восходящее к античным представлениям о субъекте, принимающем ключевые решения, и к «пути героя» Дж. Кэмпбелла [12, с. 39], в современной интерпретации (нейрофизиологической, говорящей, например, о связи осанки и достоинства, а также в контексте работ Ж. Дюрана о связи мифа и физиологического начала) приобретает черты вертикального развития. Подлинная эволюция личности заключается не в накоплении навыков (горизонталь), а в качественной трансформации сознания, масштаба ответственности и личной силы.

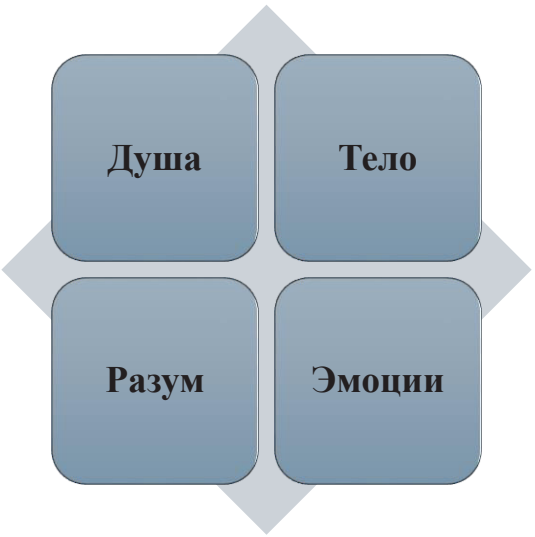


Рис. 2. Рамка парадигмального анализа

Цель данной статьи – обосновать роль парадигмального анализа (как инструмента интеллектуального, аналитического коучинга) и нейрографики (как инструмента эстетического коучинга) в развитии личной силы коуча.

Философские основания и вызовы современности: от постмодерна к метамодерну в коучинге

Обзор моделей компетенций коуча в современной психологической науке. Вопрос о том, что делает коуча эффективным, находится в центре внимания психологии коучинга. Ответ на него оформляется в виде моделей компетенций – систематизированных перечней знаний, навыков и поведенческих индикаторов, которыми должен владеть профессионал. Однако, как показывает анализ литературы, подходы к построению этих моделей существенно различаются, а их эмпирическая обоснованность долгое время оставалась предметом дискуссий.

Наиболее влиятельной и широко признанной в мире является модель Международной федерации коучинга. Исторически она служила «золотым стандартом» для сертификации и обучения коучей по всему миру [21], представив в сентябре 2025 года обновленную версию своих основных компетенций, которая сохранила структуру из восьми пунктов, но включила 5 новых субкомпетенций и уточнила формулировки 11 существующих. Целью ревизии заявлено приведение стандартов в соответствие с современной практикой на основе глобальных исследований и обратной связи от профессионалов. Данная модель структурирована по четырем разделам: «Фундамент» (этическая практика и коучинговый менталитет), «Совместное создание отношений» (соглашения, доверие, присутствие), «Эффективная коммуникация» (активное слушание, пробуждение осознанности) и «Культивирование обучения и роста» (фасилитация развития клиента).

Существуют и другие крупные ассоциации, предлагающие свои модели, однако, по мнению исследователей, все они создавались на основе опросов экспертного мнения, а не на данных об эффективности реальной работы коучей.

Критический взгляд на сложившийся подход представлен в работах Ричарда Бояциса и его коллег. Основываясь на более ранних исследованиях менеджмента, они доказывают, что модели компетенций, построенные только на мнении экспертов, могут быть точны лишь наполовину. Остальные включенные в них качества могут быть либо нерелевантны, либо даже обратны тем, что реально влияют на эффективность [18, с. 206]. В серии исследований, направленных на восполнение этого пробела, Бояцис с соавторами изучили связь компетенций коучей (измеренных через поведенческие интервью) с реальным изменением поведения их клиентов спустя два года. Результаты показали, что более эффективные коучи значимо чаще демонстрировали компетенции эмоционального и социального интеллекта: эмпатию, ориентацию на достижение, эмоциональную саморегуляцию, адаптивность, а также способность к коучингу и наставничеству [19, с. 27]. Это исследование эмпирически подтвердило, что «личность коуча» и его эмоциональная компетентность являются ключевыми предикторами устойчивых изменений у клиента, что перекликается с теоретическими построениями аналитического подхода.

Наряду с универсальными моделями, в психологии развиваются специализированные подходы, учитывающие специфику метода. Примером является обобщённая модель компетенций когнитивно-поведенческого коуча (ОМК КПК), предложенная А.Ю. Ежиковым. Эта модель представляет собой синтез существующих международных и русскоязычных стандартов с моделью компетенций когнитивно-поведенческого терапевта. Методология её разработки включала семантический анализ и кластеризацию поведенческих индикаторов, что позволило выделить четыре ключевых кластера компетенций, проявляемых внутри сессии: целенаправленность, межличностное взаимодействие, интервенции и процесс, а также два кластера, реализуемых вне сессии [8, с. 53]. Данная модель ориентирована на стандартизацию подготовки специалистов в рамках конкретного научно обоснованного подхода.

В российской и постсоветской науке также разрабатываются интегративные модели, встраивающие коучинг в более широкий контекст развития личности. Так, В.П. Чудакова предложила «Психолого-организационную технологию формирования компетентностей конкурентоспособности личности», где коучинг выступает одним из ключевых инструментов коррекционно-развивающей модели наряду с рефлексивно-инновационным тренингом [16, с. 496]. Эти разработки фиксируют переход от простого перечисления навыков к пониманию коучинга как сложной системы, направленной на формирование мета-компетенций, таких как инновационность, психологическая устойчивость и самоактуализация.

Таким образом, современная наука движется от нормативных моделей, основанных на консенсусе экспертов, к доказательным моделям, проверенным в лонгитюдных исследованиях. Ключевым трендом становится интеграция требований к процессуальным навыкам (техникам) и к личностным качествам коуча, в частности, к его эстетическому, эмоциональному и социальному интеллекту, что подтверждается как международными исследованиями Бояциса [18, с. 209], так и авторскими разработками в русскоязычном пространстве [2, с. 98].

В связи с этим становится важным такой инструмент, как личный план и отчет развития коуча, обязательно включающий в себя развитие творческих компетенций в области конструктивного мышления – именно тогда коуч становится катализатором изменений, как фигура в поле.

Культура постмодерна с ее иронией, деконструкцией и «смертью автора» привела к состоянию, которое З. Бауман назвал «текучей современностью» [3, с. 21]. В этой реальности рушатся устойчивые идентичности, исчезают долгосрочные обязательства, а массовая культура потребления, подкрепленная маркетинговыми механиками (описанными Б. Шарпом), культивирует пассивность и инфантилизм [17, с. 103]. Человек привыкает к немедленному удовлетворению желаний, его выбор инертен.

Коучинг, ориентированный на будущее и раскрытие потенциала, обладающий развитым творческим мышлением, является антитезой этой пассивности, где специалист помогающей профессии выступает в роли рефлексивного «зеркала» [22, с. 33]. Однако, если коучинг ограничивается ролью технического инструмента, он рискует стать лишь еще одной услугой в системе потребления. Преодоление этого противоречия философы и практики видят в парадигме метамодерна. Теория метамодерна, претендующая на универсальность в описании процессов, предлагает фрактальный, объемный взгляд на реальность, где колебание (осцилляция) между иронией постмодерна и искренностью модерна создает новую возможность для конструирования смыслов.

В этом контексте коучинг перестает быть просто «помощью в достижении целей» и становится практической философией. Как верно замечает В.Л. Измагурова, коучинг основан на конструктивистской парадигме: сознание не просто отражает мир, а активно его создает [11, с. 4]. Это означает, что и коуч, и клиент находятся в процессе непрерывного совместного развития и конструирования реальности. Фигура коуча здесь не может быть невидимой. Следуя за К.Г. Юнгом, который вернул фигуру аналитика в терапевтический процесс, мы утверждаем: присутствие наблюдателя меняет систему, а значит, личность коуча, его «личная сила» – это главный инструмент работы.

Пирамида Героя как концептуальная модель вертикального развития личности. Образ героя в античности был тесно связан с местом и коллективом [9, с. 44]. Герой Возрождения стал индивидуалистичным, а романтизм наделил его божественным содержанием. Однако общей чертой всегда оставалась субъектность – способность к самостоятельному решению и ответственности. Дж. Кэмпбелл описал «путь героя» как универсальную модель, но его траектория преимущественно горизонтальна: герой возвращается обогащенным опытом, но не обязательно меняет уровень сознания [10, с. 28].

В противовес этому, в рамках Института психологии творчества разработана авторская модель – «Пирамида Героя», описывающая вертикальную эволюцию личности от низших ступеней к высшим, где каждый уровень характеризуется иным масштабом ответственности

и качеством силы. Эта модель легко коррелирует с мужскими архетипами К.Г. Юнга.

1-й уровень. Атлет (Архетип Мачо). Это накопление силы, ресурсов, знаний. Атлетизм – это подготовка, формирование базы. Если сила не реализуется, развитие останавливается на этом уровне.

2-й уровень. Боец (Архетип Мачо). Реализация накопленного в действии, конкуренция, готовность к поражению. Это практика, выход на «поле боя».

3-й уровень. Тактик (Архетип Рыцаря). Умение решать оперативные задачи, организовывать процесс на своем масштабе. Это надежность и исполнительность.

4-й уровень. Воин (Архетип Рыцаря). Служение долгу, честь, профессионализм. Воин действует не ради разового подвига, а в рамках длительного служения, сохраняя верность своему делу.

5-й уровень. Вождь (Архетип Правителя). Лидер, способный вдохновлять, вести за собой, открывать видение. На этом уровне появляется ответственность за других.

6-й уровень. Стратег (Архетип Правителя). Широкое видение, владение ресурсами прошлого и способность проектировать будущее. Высочайший интеллектуал, несущий ответственность за культуру и традицию.

7-й уровень. Мистик (Архетип Мудреца). Выход за пределы эго, способность слышать знаки, чувствовать ритмы. Мистик решает экзистенциальные вопросы, его «Я» растворяется в высшем понимании.

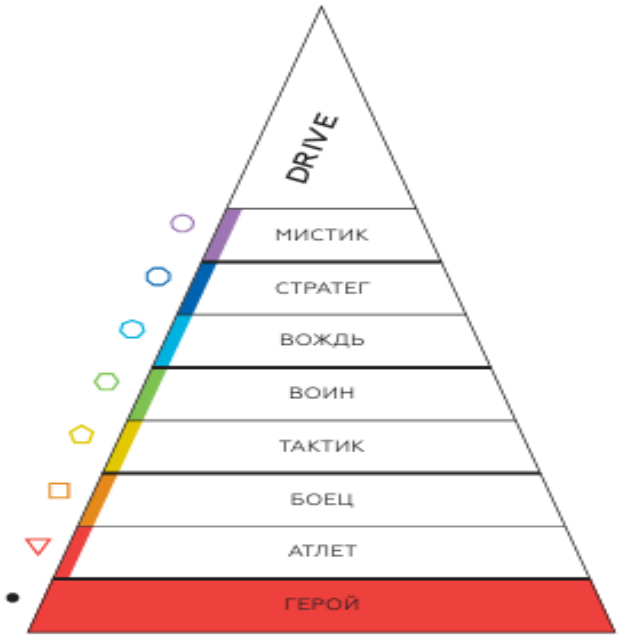


Рис. 3. Пирамида Героя

Каждый коуч, работающий в этой парадигме, должен не только знать данную иерархию, но и диагностировать собственный уровень, понимая свои «потолки» и зоны роста. Развитие в рамках пирамиды – это и есть воспитание в себе Героя, способного противостоять инфантилизму «общества потребления» и вести за собой клиента.

Аналитический коучинг и парадигмальный анализ: философия интеллекта

Аналитический коучинг представляет собой интеллектуальное ядро всей системы. Он базируется на способности к анализу, синтезу и рефлексии. Его методологическим фундаментом служит логико-философский подход Л. Витгенштейна, изложенный в «Логико-философском трактате» [5, с. 63]. Основные постулаты этого подхода, применимые к коучингу, таковы:

1. Мир есть совокупность фактов, а не вещей. Задача коуча и клиента – выйти на уровень фактов, а не интерпретаций.

2. Мысль – это логическая картина фактов. Язык и мир изоморфны. Задача коуча – очистить язык клиента от метафизического мусора, от слов, которые ничего не определяют.

3. Границы моего языка означают границы моего мира. Расширение словаря и понятийного аппарата клиента напрямую расширяет его реальность.

4. О чем невозможно говорить, о том следует молчать. Коуч должен четко разделять сферу того, что можно прояснить логически (факты, мысли, суждения), и сферу трансцендентного (ценности, этика, эстетика, мистика), к которой можно лишь прикоснуться, но которую нельзя рационализировать в полной мере.

Парадигмальный анализ в коучинге – это способность систематизировать любой опыт или проблему клиента в ту или иную аналитическую рамку (парадигму). Теория метамодерна выступает здесь как фрактальная метатеория, позволяющая описывать процессы внутри любой модели. Как отмечает Е.Н. Дьяченко, аналитический коучинг использует майевтику (искусство задавать вопросы), герменевтику (анализ сказанного), экзистенциализм (приоритет человеческого существования) и эвдемонизм (философию счастья) [7, с. 159]. Парадигмальный анализ дает коучу возможность не просто находиться в мире клиента, но предлагать ему различные «оптические приборы» для рассмотрения своей ситуации, расширяя тем самым его представления.

Эстетический коучинг и нейрографика: работа с душой через гармонию

Если аналитический коучинг – это «голова», интеллект, то эстетический коучинг и нейрографика – это «душа» и «сердце». Нейрографика находится на пересечении психологии и изобразительного творчества [13, с. 109]. Это не требует художественных навыков и позволяет напрямую работать с бессознательным материалом.

Связь нейрографики с психоаналитическими теориями (З. Фрейд, К.Г. Юнг, С. Гроф) позволяет использовать её для глубинной трансформаци. Графический язык нейрографики (линия, паттерн, композиция) дает возможность высвобождать эмоции, обходя вербальные защиты, преодолевать внутренние ограничения, визуализируя и трансформируя их, восстанавливать равновесие между внутренним и внешним миром, а также работать с конфликтами через обращение к коллективному бессознательному.

В контексте развития личности коуча нейрографика выполняет несколько функций. Во-первых, это инструмент саморазвития: коуч, проясняя собственные запросы через рисунок, повышает свою эмоциональную силу и искренность. Во-вторых, это мощная техника (или набор техник), которую коуч может предложить клиенту на этапе основного содержания работы [14, с. 329]. Однако, следуя логике Таблицы компетенций, применению техники должен предшествовать этап «Расширение представлений» (горизонталь, 4-й этап), где коуч мягко и деликатно вводит клиента в понимание метода, формирует у него доверие и интерес.

Таблица компетенций «МАНГо»: синтез процесса и личной силы коуча

Кульминацией представленной методологии является авторская Таблица компетенций «МАНГо» – одноимённое название с Международной Ассоциациацией Нейро Гештальт образования. Её уникальность заключается в двумерной структуре, где горизонталь описывает процесс (технологию работы), а вертикаль – личность коуча (его силы). Произведение этих двух осей и есть «площадь профессионализма».

И если целью развития общепринятых моделей выступает актуализация стандартов на основе работы коучей – представителей разных стран, школ и подходов, то тодель компетенций коуча Института психологии творчества исходит из принципиально иных оснований. Ее фундамент – логико-философский подход и теория метамодерна как фрактальная теория описания процессов. Коучинг здесь определяется как «область практического применения знаний о душе». В отличие от моделей, стремящихся к универсальности через стандартизацию поведенческих индикаторов, предлагаемая авторская модель – это универсальность теоретической рамки (метамодерн), применимой к любым процессам.

Таким образом, модель «МАНГо» (рисунок 4.) представляет собой интегративный подход к организации коучингового пространства, объединяющий горизонтальную и вертикальную оси взаимодействия. Горизонталь описывает линейную последовательность коуч-сессии, где каждый этап логически вытекает из предыдущего, создавая целостный процесс сопровождения клиента. Вертикаль же раскрывает уровни личной силы коуча, которые активируются на соответствующих этапах горизонтали, обеспечивая глубину и качество профессионального присутствия.

Начало сессии связано с настройкой коуча и пространства, что на вертикальном уровне соответствует атлетичности – силе подготовки, накоплению ресурсов, методологической и ментальной готовности. Установление контакта и формирование доверия требуют мобильности как способности управлять процессом и состоянием, а также умения вести диалог. Заключение контракта о границах и ответственности активирует гибкость – социальную силу, позволяющую договариваться, трансформировать убеждения и выстраивать взаимоуважение.

Рис. 4. Таблица компетенций «МАНГо»

Одним из ключевых отличий «МАНГо» выступает этап расширения представлений клиента (пункт «Расширение представлений»), когда коуч может предложить коучи (клиенту) новое знание, технику, метод (например «Пирамиду Мышления», «БоГобан», «Нейрографику» и т.д. с целью выхода из старой вербальной формы диалога), подготавливая при это его сознание к чему-то еще более новому. Основой данного этапа выступает аутентичность коуча – эмоциональная сила проживания и трансляции своих состояний, способность проявлять уязвимость для установления глубокого контакта. Применение основной техники требует творческой автономии – силы созидания, права на импровизацию и создание уникальных решений, обретения собственного профессионального почерка.

Формирование намерения действовать и планирование шагов активирует видение – стратегическую силу, позволяющую просчитывать ресурсы и эффекты, видеть перспективу за пределами текущей ситуации. Фиксация ценности сессии и продвижения клиента требует понимания без размышлений – личной силы целостного схватывания смысла, мудрости, выходящей за пределы логики и собирающей инсайты в единую картину.

Завершение сессии и благодарность выводят процесс на уровень улыбки как абсолютной силы – высоковибрационного состояния равновесия и радости, интегрирующего весь опыт взаимодействия. Таким образом, модель «МАНГо» обеспечивает не только технологическую последовательность коучинговой работы, но и постоянное вертикальное развитие коуча, где каждый этап сессии становится возможностью для проявления и укрепления соответствующего уровня личной силы, а их интеграция создает целостное и глубокое пространство для трансформации клиента.

Ключевой принцип здесь – реостатность, или умение «выиграть на один камень». Сила коуча не в тотальном доминировании, а в способности быть чуть сильнее клиента, достаточном для поддержки, но не настолько, чтобы подавлять. Показ своей слабости, уязвимости (в рамках искренности) парадоксальным образом усиливает доверие и контакт. Это и есть проявление высшей гибкости и социальной силы.

Таким образом, в предлагаемой таблице компетенций интегрирована в соответствии с профессиональным стандартом такая трудовая функция как «ТФ1 – Реализация проекта консультирования физического лица по вопросам развития», а также предлагаемые в настоящее время профессиональным сообществом такие трудовые функции как «ТФ2 – Подготовка и заключением соглашения на коучинговые услуги в рамках персонального коучинга», а также «ТФ3 – Проведение индивидуальных коучинговых сессий в рамках персонального коучинга».

Роль парадигмального анализа в этой таблице – обеспечение силы видения и понимания (уровни 6 и 7). Роль нейрографики – усиление творческой автономии и эмоциональной искренности (уровни 5 и 4), а также предоставление эффективных техник для основного содержания работы.

Заключение

Развитие коучинга в России идет по пути обретения собственной идентичности, опирающейся на глубинные культурные коды. Модель, разработанная в Институте Психологии Творчества, предлагает целостную философско-практическую систему. Ее основой является не просто набор поведенческих индикаторов, а концепция «Личной силы коуча», понимаемая как способность к вертикальному развитию по уровням «Пирамиды Героя».

Инструменты интеллектуального, аналитического коучинга, позволяют структурировать реальность, очищать язык и расширять границы мира клиента. Нейрографика, как инструмент эстетического коучинга, обеспечивает доступ к иррациональному, эмоциональному, помогая гармонизировать состояние и находить неожиданные, творческие решения. Синтез данных подходов в рамках Таблицы компетенций «МАНГо» позволяет коучу быть не просто эффективным технологом, но целостной, сильной личностью – Героем, способным вести другого человека к его собственным вершинам, сохраняя при этом деликатность, уважение и искренность.

При этом в рамках предлагаемого подхода сделан заметный сдвиг парадигмы познания от лингвистического детерминизма, где слово доминирует как «носитель» смысла к визуально-образному мышлению, воображению как базовой его формы, где перцептивное поле формирует целостный образ раньше, чем аналитическое разложение. Концепция «целого» и логико-философский подход позволяют продвигаться от описания мира к образу мира, от буквы – к визуальному мышлению, от таблицы – к структуре и т.д.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на эмпирическую валидацию эффективности данной модели, а также на разработку специализированных программ менторинга, направленных на прокачку каждой из восьми сил личности коуча.

Литература

1. Антонова Н.В. Психология коучинга как область академической и прикладной психологии: методологические проблемы и перспективы исследований // Психология коучинга: методология, теория, практика: материалы I Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участ. (Москва, 11 апр. 2025 г.) / редкол.: Н.В. Антонова [и др.]. – Чебоксары: ИД «Среда», 2025. – С. 8–14.

2. Антонова Н.В. Развитие научно обоснованного коучинга в России: проблемы и направления исследований // Коучинг и наставничество: теория и практика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 25 апр. 2024 г.) / гл. ред. О.В. Рыбина. – 2024. – С. 97–104.

3. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.

5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: АСТ, 2021. – 192 с.

6. Горбачёва А. М., Степанов В.Н. Коуч-беседа как речевой жанр: гипержанр усложнённой интенциональной и жанровой структуры // Учёные записки Новгородского государственного университета. – 2025. – № 3 (58). – С. 640–661.

7. Дьяченко Е.Н. Аналитический коучинг с применением концепции «Пирамида Развития» как творческий процесс формирования идентичности // Молодой учёный. – 2021. – № 10 (352). – С. 157–162.

8. Ежиков А.Ю. Обобщённая модель компетенций когнитивно-поведенческого коуча // Когнитивно-поведенческий подход в консультировании и психотерапии: сборник научных трудов. – М.: Институт Бека, 2024. – С. 45–67.

9. Зарубина Е. В., Пехташева О.Н., Симачкова Н.Н., Стахеева Л.М., Чупина И.П. Героизм как феномен современности // Образование и право. – 2024. – № 2. – С. 43–48.

10. Зеницин А.В. Образ героя и структура героического мифа в работе Кэмпбелла «Тысячеликий герой» // National Science. – 2022. – Т. 1. – № 1. – С. 27–31.

11. Измагурова В.Л. Концепция непрерывного совместного развития как методологическая основа коучинга // Непрерывное образование: XXI век. – 2015. – Вып. 1 (9). – С. 1–12.

12. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. – СПб.: Питер, 2018. – 352 с.

13. Криштофик И.С. Применение нейрографики в тьюторском сопровождении семьи с подростками // Тьюторство в открытом образовательном пространстве: семья и ресурсы тьюторского сопровождения: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 23–25 окт. 2024 года. – М.: ООО «А-Приор», 2024. – С. 108–114.

14. Пискарёв П.М. Коуч как практический философ. Новые профессиональные возможности актуальной эпохи // Методология современной психологии. – 2023. – № 18. – С. 329–342.

15. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – СПб.: A-cad, 1994. – 406 с.

16. Чудакова В.П. Особенности реализации и составляющие «технологии формирования компетентностей конкурентоспособности личности в условиях инновационной деятельности» // Central Asian Research Journal for Interdisciplinary Studies (CARJIS). – 2021. – Vol. 1, no. Special issue. – P. 395–400.

17. Шарп Б. Как бренды растут. О чём не знают маркетологи. – М.: Миф, 2016. – 272 с.

18. Boyatzis R. E., Hullinger A., Ehasz S.F., Harvey J., Tassarotti S., Gallotti A., Penafort F. The grand challenge for research on the future of coaching // The Journal of Applied Behavioral Science. – 2022. – Vol. 58, no. 2. – P. 202–222.

19. Boyatzis R., Liu H., Smith A., Zwygart K., Quinn J. Competencies of coaches that predict client behavior change // The Journal of Applied Behavioral Science. – 2024. – Vol. 60, no. 1. – P. 19–49.

20. European Mentoring & Coaching Council. EMCC Competence Framework [Электронный ресурс] / European Mentoring & Coaching Council. – 2023. – Режим доступа: https://www.emccglobal.org/quality/competences/ (дата обращения: 26.02.2026).

21. International Coaching Federation. ICF Core Competencies [Электронный ресурс] / International Coaching Federation. – 2025 Revision. – Режим доступа: https://coachingfederation.org/credentials-and-standards/core-competencies (дата обращения: 26.02.2026).

22. Richardson D., Landreville J.M., Trier J., Cheung W.J., Bhanji F., Hall A.K. Coaching in competence by design: a new model of coaching in the moment and coaching over time to support large scale implementation // Perspectives on Medical Education. – 2024. – Vol. 13, no. 1. – P. 33–47.

23. Tan B., Liu L., Yu L. ICF: The endpoint of rehabilitation assessment? // Regenesis Repair Rehabilitation. – 2025. – Vol. 1, no. 3. – P. 24–26.

MANGO COMPETENCE MODEL AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR DEVELOPING PERSONAL STRENGTH OF A COACH IN THE TRADITIONS OF RUSSIAN CULTURE

Piskarev P.M.
Russian Philosophical Society, creative association "Neurography", Pavel Piskarev Institute of Creative Psychology

The article examines the problem of the formation of professional and personal competencies of a coach in the context of modern Russian socio-cultural reality. The relevance of the work is determined by the need to overcome the limitations of liberal, postmodern coaching models, and create a methodological framework that corresponds to the mental characteristics and value orientations of Russian culture (creative, imaginative thinking), which is characterized by a tendency to search for meaning as a key component of activity. The author's developments "Pyramid of Thinking", the theory of meta-modernity, and paradigmatic analysis are proposed as a conceptual basis. The central object is the figurative – metaphorical subject – "Hero", whose evolution is considered through the author's model "Hero Pyramid". The main result is the substantiation of the unique MANGo Competence Table, where the horizontal axis represents the procedural part of coaching, and the vertical axis represents the personal strength of the coach and the mentoring process. It is proved that the development of a coach's personality through paradigmatic analysis (intelligence) and neurography (aesthetic component, imagery, emotional intelligence) allows to form creative autonomy and strategic vision necessary for effective work in the conditions of "fluid modernity".

Keywords: coaching, personal strength of a coach, paradigmatic analysis, neurography, Pyramid of a Hero, metamodern, MANGo competencies, Russian culture, archetypes, practical philosophy, Pyramid of Thinking, BoGoban.

References

1. Antonova N.V.N. Psychology of coaching as a field of academic and applied psychology: methodological problems and research prospects // Psychology of coaching: methodology, theory, practice: materials of the First All-Russian Scientific– practical conference with the international They're expected. (Moscow, 11 Apr. In 2025) / editor: N. V.N. Antonova [et al.]. Cheboksary: publishing house "Wednesday", 2025. – I. 8–14.

2. Antonova N.V.N. The development of scientifically based coaching in Russia: problems and research directions // Coaching and mentoring: theory and practice: materials of the All-Russian Scientific– practical conference. (Saint Petersburg-St. Petersburg, April 25. In 2024) / chief editor of O. N. V.N. Rybin. – 2024. – I. 97–104.

3. Z. Bauman. Fluid modernity / translated from English. edited by N. Y. N. V.N. Asochakov. St. Petersburg: Peter, 2008. 240 p. ill.

4. J. Baudrillard. Consumer society. His myths and structures / translated from French, afterword and note by E. N. A.N. Samarskoy. – M. N.: Republic; Cultural Revolution, 2006. – 269 p. ill.

5. L. Wittgenstein. A logical and philosophical treatise. M. Sc.: AST, 2021. 192 p. ill.

6. A. Gorbacheva. M. Sc., Stepanov V.N.N. Coach conversation as a speech genre: a hypergenre of complicated intentional and genre structure // Scientific Notes of the Novgorod State University. – 2025. – № 3 (58). – I. 640–661.

7. E. Dyachenko, N. Analytical coaching using the concept of "Pyramid of Development" as a creative process of identity formation // Young Scientist. – 2021. – № 10 (352). – I. 157–162.

8. A. Yezhikova, Yu.n. Generalized competence model of a cognitive-behavioral coach // Cognitive-behavioral approach in counseling and psychotherapy: a collection of scientific papers. – M. N.: Beck Institute, 2024. – I. 45–67.

9. E. Zarubina. V. N., Pekhtasheva O.N., Simachkova N.N., Staheeva L.N. M. N., Chupina I.N. P.N. Heroism as a phenomenon of modernity // Education and Law. – 2024. – No. 2. – I. 43–48.

10. A. Zenitsina. V.N. The image of the hero and the structure of the heroic myth in Campbell's work "The Thousand-faced Hero" // national Science. – 2022. – D. N. 1. – No. 1. – I. 27–31.

11. V. Izmagurova. L.N. The concept of continuous joint development as a methodological basis of coaching // Continuing education: XXI century. – 2015. – Vol. 1 (9). – I. 1–12.

12. Campbell J. The thousand-faced hero. St. Petersburg: Peter, 2018. 352 p. ill.

13. I. Krishtofika. The use of neurography in the tutoring of a family with adolescents // Tutoring in an open educational space: family and resources of tutoring: materials of the XVII International Scientific– practical conference, Moscow, October 23–25, 2024. – M.sc.: A-Prior LLC, 2024. – I. 108–114.

14. P. Piskareva, M.N. Coach as a practical philosopher. New professional opportunities of the current era / / Methodology of modern psychology. – 2023. – No. 18. – I. 329–342.

15. M. Foucault. Words and things: The Archaeology of the Humanities. St. Petersburg: A-cad, 1994. 406 p. ill.

V. Chudakova, Ph D. Implementation features and components of "technologies for the formation of personal competitiveness competencies in the context of innovation" // Central Asian Research journal for Interdisciplinary Studies (CARJIS). – 2021. – Vol. 1, no. Special issue. – P. 395–400.

17. B. Sharpe. How brands are growing. Meze af sodaf marketers. M. sc.: Myth, 2016. 272 p. ill.

18. Boyatzis R.E., Hallinger A., Ehasz S.F., Harvey J., Tassarotti S., Gallotti A., Penafort F. The grand challenge for research on the future of coaching // The Journal of Applied Behavioral Science. – 2022. – Vol. 58, no. 2. – P. 202–222.

19. Boyatzis R., Liu H., Smith A., Zwygart K., Quinn J. Competencies of coaches that predict client behavior change // The Journal of Applied Behavioral Science. – 2024. – Vol. 60, no. 1. – P. 19–49.

20. European Mentoring & Coaching Council. EMCC Competence framework [Electronic resource] / European mentoring & Coaching council – 2023. – Access mode: https://www.emccglobal.org/quality/competences / (date of access: 02/26/2026).

21. International Coaching Federation. ICF Core Competencies [Electronic resource] / International Coaching federation – 2025 Revision. – Access mode: https://coachingfederation.org/credentials-and-standards/core-competencies (date of request: 02/26/2026).

22. Richardson D., Landreville J.M., Trier J., Cheung W.J., Bhanji F., Hall A.K. Coaching in competence by design: a new model of coaching in the moment and coaching over time to support large scale implementation // Perspectives on Medical Education. – 2024. – Vol. 13, no. 1. – P. 33–47.

23. Tan B., Liu L., Yu L. ICF: The endpoint of rehabilitation assessment? // Regenesis Repair Rehabilitation. – 2025. – Vol. 1, no. 3. – P. 24–26.

Профессиональная и общественная деятельность М.К. Приорова в Москве

Посвятенко Юлия Викторовна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и технологий, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)
E-mail: posviat@mail.ru

Басова Дарья Николаевна,
студентка, НИУ МГСУ
E-mail: dbasova822@gmail.com

Зверева Екатерина Львовна,
студентка, НИУ МГСУ
E-mail: zverevaekaterina260@gmail.com

В статье рассматривается деятельность Михаила Капитоновича Приорова, который переехал в Москву в начале 1890-х гг. и осуществил активную профессиональную, а позже и благотворительную деятельность, связанную с созданием и развитием учреждений профессионального образования в области строительства. Его Первые Московские строительные курсы, а позже и среднее строительно-техническое училище стали пионерами в сфере подготовки кадров для этой сферы в регионе. Предпринимательская деятельность Приорова имела успех, несмотря на многочисленные проблемы, связанные с необходимостью выполнения министерских требований. Помимо организации обучения и преподавания Приоров внес значительный вклад в развитие деятельности Совета Московских детских приютов и стал Почетным попечителем Сергиевского ремесленного приюта, о чем ранее было неизвестно.

Ключевые слова: М.К. Приоров, МИСИ, МГСУ, практический институт, благотворительность, меценат, Первые Московские строительные курсы, строительное училище, землемерное училище, Ермаковское училище, Сергиевский ремесленный приют, Совет Московских детских приютов, Ведомство императрицы Марии, служение.

Введение

В этом году Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ) отмечает свой 105-летний юбилей. Однако, эта дата связана с получением статуса вуза одним из его предшественников, а история создания частных учебных заведений для подготовки строителей начинается в конце XIX -начале XX вв. В 1897 г. подполковник в отставке, выпускник Николаевской инженерной Академии Михаил Капитонович Приоров создал Первые Московские строительные курсы, чем положил начало развитию частного среднего строительного образования в Москве. Многогранная деятельность этого человека способствовала не только развитию строительного образования и строительной деятельности, но также позволяет назвать его меценатом и благотворителем.

Ситуация конца XIX – начала XX вв. в России способствовала актуализации развития профессионального образования на фоне развивавшейся индустриализации и активизации строительства. Потребность в кадрах среднего и высшего уровня образования ощущалась все острее. Не случайно, на фоне расширения правительственных дозволений в области организации учебных заведений, расширения общественных дискуссий о необходимости более широкого развития профессионального образования, появляются люди, посвятившие себя его организации [1]. Таким был и М.К. Приоров [2].

В основу методологии исследования легли принципы историзма и объективности. Опираясь на идеографический и аналитический методы, показана ситуация, связанная с деятельностью М.К. Приорова в Москве. С помощью хронологического, сравнительного методов рассматривается развитие профессиональных учреждений образования, связанных с подготовкой кадров для строительства. На основе анализа выявленных и публикуемых впервые источников показана роль М.К. Приорова в благотворительности.

Литература, связанная с характеристикой деятельности М.К. Приорова в строительном образовании Москвы представлена прежде всего юбилейными изданиями, в которых дается краткая обзорная характеристика предшественников вуза [3,4]. Наиболее полно отражают историю жизни военного инженера и основателя учебных заведений М.К. Приорова статьи Т.Л. Пантелеевой, в которых на основе архивных материалов прослеживаются различные аспекты его деятельности [5,6,7]. В работах, характеризующих развитие строительного образования в Москве, также приводятся сведения о нем преимущественно как о руководителе учебных заведений. Других работ, посвященных деятельности М.К. Приорова в Москве не обнаружено. В связи с этим, исследование нацелено на расширение наших знаний о московском периоде его жизни.

В качестве основных источников этого исследования стали материалы фондов учебных заведений, материалы переписки с попечителем Московского учебного округа, комиссией Московского Совета детских приютов выявленных в Центральном государственном архиве Москвы (ЦГАМ), а также Музее НИУ МГСУ, в которых сохранились документы, связанные с деятельностью Приорова. Кроме того, анализировались сведения изданий, отражавших текущую деятельность частных учебных заведений, издаваемых в Москве на регулярной основе.

Результаты и обсуждения

Оформившиеся в конце XIX-начале XX вв. учреждения профессионального образования, возникали на основе «Основных положений о промышленных училищах» высочайше утвержденных 7 марта 1888 г. Их организация часто базировалась на частной инициативе и пристальном контроле разных ведомств. Первоначальные замыслы о широком развитии таких заведений на казенной основе не получили широкой реализации, поэтому мы можем наблюдать, как спрос на выпускников технических учебных заведений опережал предложение. Этому способствовали и законодательные требования о занятии вакансий в земствах и государственных учреждениях соискателями с определённым образовательным цензом [1].

Интересной фигурой на начальном этапе этого процесса стал дворянин, подполковник и военный инженер в отставке, выпускник столичной Николаевской инженерной академии, имевший опыт архитектурно-строительной деятельности – Михаил Капитонович Приоров (1842-ок.1918). Его личная и профессиональная биография свиде-

тельствуют о нем, как о человеке, который сумел достойно выдержать удар судьбы, включая вынужденное завершение блестящей военной карьеры, суд, ссылку в Томск [6], и найти в себе силы к новой, многоплановой, общественно значимой деятельности, по сути-служению. Обосновавшись в Москве еще в 1891 г., М.К. Приоров занял должность заведующего архитектурным отделением Московско-Курской железной дороги и начал, судя по библиотечным каталогам, писать и издавать свои книги у знаменитого книгоиздателя А.Д. Ступина. Это были различные пособия по строительному делу, которые пользовались популярностью, многие из которых переиздавались позже [8,9,10]. Помимо этого, было известно, что в 1891 г. он подавал прошение об открытии «Московского технического общества инженера Приорова и Ко», но сведения о реальном существовании и строительной деятельности этого заведения удалось извлечь лишь из рекламного объявления в одной из его книг за 1901 г. [11] Такая творческая активность характеризует Приорова как человека, заинтересованного в распространении знаний в области строительства и активно реализующего свои способности.

В 1897 г. Приоров организовал Первые Московские строительные курсы для взрослых(далее-Курсы). Они давали право сдавать экзамены в министерствах на получение прав техника-строителя или путей сообщения (позже – и помощников землемеров) не только молодежи, но и тем людям, которые имели практический опыт, но не могли ранее себе позволить получить формальную квалификацию, а при успешной сдаче экзаменов – возможность занятия должностей в земских и губернских строительных отделах, а также в частных организациях и на подряде. Приоровские Курсы предлагали подготовку к поступлению в технические вузы по соответствующим направлениям. Обучение на Курсах позволяло легче найти работу, т.к. свидетельство о статусе слушателя повышало интерес работодателей к таким кандидатам, к тому же плата бралась не за срок обучения, а за прохождение программы и это позволяло совмещать оба занятия, набираясь опыта. В переписке с попечителем Московского учебного округа такая ситуация характеризовалась как ненормальная и была одной из причин задержки получения прав правительственных заведений. Приоров настаивал на разумности такого подхода [12].

Программа подготовки Курсов ориентировалась на содержание вузовских учебных планов, преподавателями были молодые инженеры, архитекторы, сам Приоров, который активно привлекал практиков-профессионалов из своей профессиональной среды. Он писал учебные пособия для подготовки обучающихся, закупал необходимые для образовательного процесса материалы и оборудование. В результате в 1900 г. Курсы М.К. Приорова получили официальный статус учебного заведения от Министерства народного просвещения [5, 13]. Интересно отметить, что с 1901 г. Приоров поступил на службу в Ведомство учреждений императрицы Марии с продолжил свою служебную карьеру на поприще Почетного попечителя Сергиевского ремесленного приюта [5].

Постепенно на Курсах расширялся контингент обучающихся, со временем были организованы новые отделения и специальности. Кроме того, по сведениям рекламных объявлений, с 1913–1914 гг. на них единовременно обучалось уже около 1000 слушателей. У Приорова имелись специализированные кабинеты с оборудованием: физический, химический, строительный, а также лаборатория по испытанию строительных материалов и др. [4]. Даже в условиях Первой мировой войны на Курсах обучалось на 1.01.1915 г. – 754 слушателя, а на 15.09.1915–727. [14] К 1917 г. успех Курсов был несомненным и даже революционные события 1917 г., и дальнейшая реорганизация в советское время показали их востребованность.

Опираясь на успехи Курсов, Приоров открыл в 1905 г. и первое в Москве Среднее строительно-техническое училище. Оба заведения расположились в доме Мещерских по адресу Большая Никитская дом 5, где они совместно использовали библиотеку, учебные пособия и всю материальную базу. Но училище не имело такого успеха как Курсы из-за законодательных ограничений и постоянных отказов со стороны руководства Московского учебного округа в вопросах приема лиц разного образовательного ценза, возраста, вероисповедания и расширения численности учащихся в классах. Приоров неоднократно обращался с прошениями о разрешении принять на учебу тех, кто имел опыт работы в строительстве, но был старше и потому не проходил возрастной ценз для приема. По каждому такому ученику приходилось хлопотать отдельно, несмотря на частный характер заведения [3]. Можно лишь восхититься той постоянной и неиссякаемой энергии, с которыми Михаил Капитонович стремился к достижению общественно значимых целей, преодолевая чиновничьи требования, отказы и другие проблемы, несмотря на свой почтенный возраст. К тому же в эти же годы он продолжал писать пособия по строительству, рассказы и стихи для детей, а также участвовать в архитектурно-строительной деятельности.

Кроме того, в 1907 г. из училища ушла группа ведущих преподавателей, часть из них в 1907 г. организовала аналогичное приоровскому Среднее строительно-техническое училище «Товарищества московских инженеров и педагогов» во главе с В.Н. Образцовым и курсы при нем, другие же создали курсы по черчению [7].

Однако и эти проблемы не умерили пыл М.К. Приорова, который мог бы в свои годы уйти на покой. Хотя Приоров, судя по материалам переписки, найденной в архиве, уже в 1913–1914 гг. обращался к попечителю Московского учебного округа с просьбой о том, чтобы его Курсы передали в собственность юридического лица, образованного из преподавателей его учебных заведений и оставлении его в качестве заведующего. Так же он просил, чтобы в случае его смерти или инвалидности заведующим Курсами было бы назначено лицо, «которое теперь Вашим Превосходительством будет утверждено в качестве моего ответственного заместителя…возможно ли в принципе исполнение моего предположения, с оставления Курсов в ведомстве Министерства народного просвещения и с тем, чтобы курсы сохранили в своем наименовании фразу «основанные инженером М.К. Приоровым в 1897 г.» [15]. Таким образом мы видим, что основатель Курсов продолжал заботиться о судьбе своих детищ после появления существенных проблем со здоровьем и очень хотел отметить свой вклад в развитие строительного образования, подчеркивая приоритет в деле организации Курсов и училища в Москве.

Опираясь на успешный опыт конкурентов, Приоров и преподаватели его училища договорились о переходе прав на училище его коллективу с разрешения чиновников, а Курсы оставались за Михаилом Капитоновичем. На базе своего первого училища и с теми же специалистами, он, судя по данным справочников за 1913–1914 гг., подтверждаемых архивными сведениями переписки с канцелярией попечителя Московского учебного округа основал еще одно – Землемерное училище (из бывшего землемерного отделения училища), которое также успешно функционировало и в годы Первой мировой войны вплоть до революционных преобразований большевиков [16, 17,18]. Таким образом, к 1917 г. в Москве действовало два училища и первые Курсы, основанные Приоровым и третье училище «Товарищества московских инженеров и педагогов» с курсами, основанное отделившимися от него преподавателями и все они к 1910 г. имели права правительственных учебных заведений. При этом, слушателями этих заведений были преимущественно выходцы из различных регионов империи, из материалов переписки видно, что сам Приоров активно рассылал объявления о приеме в земства, понимая, что именно там есть большая потребность в техниках.

В ходе неоднократных революционных преобразований гражданской войны в России, училище, созданное Приоровым в 1920–1921 гг., как и училище под руководством В.Н. Образцова получили новый статус – практический институт [1], но летом 1922 г. оба института были объединены, а потом вновь реорганизованы.

Интересно отметить, что, гордясь своим детищем, М.К. Приоров, по аналогии с другими учебными заведениями, вручал выпускникам Курсов памятный жетон. Его первая фотография, обнаруженная нами на ресурсах Интернета на аукционе среди продававшихся лотов, расширила сведения и направления поисков о деятельности основателя Курсов (рис. 1)[19].

Это был полнотелый, сделанный из серебра жетон имеющий геральдический щит, увенчанный короной над ионической капителью колонны, с расположенным в центре символом герба Российской империи, несмотря на указанный на обороте 1914 г. его трудно атрибутировать, не имея дополнительных сведений. По краю шла надпись первые московские строительные курсы. В нижней части щита были изображены перекрещивающиеся в треугольнике топор и лопата, символизирующие, как известно, профессиональную деятельность строителей, и уже традиционно размещавшиеся на знаках отличия выпускников Института гражданских инженеров и российских гражданских инженеров ведомства Министерства внутренних дел. Позже нами было найдено и второе изображение жетона, в честь окончания Курсов с указанием 1900 года и фамилии выпускника Я.И. Виноградова (рис. 2)[20].

Судя по форме щита, расположению элементов, этот жетон совместил в себе не только корону, московский герб, символы строительной деятельности, но и причастность М.К. Приорова к широкой благотворительной деятельности. Общий вид его сравним с жетоном, выпускавшимся Императорским человеколюбивым обществом, занимавшимся попечительством о бедных, благотворительностью и выпускавшим жетоны для пожертвователей и по другим поводам [21]. Именно такой жетон был размещен на рекламном листе Первых Московских строительных курсов Приорова, отложившегося в фондах Музея МИСИ-МГСУ, вместе с информацией о наградах Курсов и их слушателей

на различных выставках в 1903–1906 гг., связанных с профессиональным образованием [22].

Рис. 1. Жетон в честь окончания Курсов М.К. Приорова

Рис. 2. Жетон памятный в честь окончания первых московских строительных курсов, 1901 г.

Из материалов формулярного списка известно, что на основе прошения М.К. Приоров с 7 января 1901 г. поступил на государственную службу в Ведомство Собственной Его Императорского Величества канцелярии императрицы Марии Федоровны в качестве Почетного члена Совета приюта имени Его императорского Высочества Великого князя Сергея Александровича в Москве. Вместе с назначением он получил и новый чин надворного советника, что соответствовало VII чину по Табели о рангах. Помимо ежегодных взносов и постоянного внимания к делам приюта и его нуждам, Приоров взял на себя обязанность преподавать черчение и другие технические предметы ученикам этого Сергиевского ремесленного приюта. Кроме этого, он брал обязательство подготавливать ежегодно одного ученика приюта к экзамену на право производства строительных работ в качестве техника. Сохранилась справка, выданная комиссией Совета Московских детских приютов от 7 октября 1905 г. о том, что бывший преподаватель Сергиевского ремесленного приюта М.К. Приоров утверждается преподавателем технического училища Ф.Я. Ермакова (в связи с реорганизацией ремесленных классов-Ю.В.), оставаясь и его попечителем. Кроме того, комиссия выразила благодарность Приорову за пожертвование на оборудование и устройство лабораторного кабинета училища [23].

В 1906 г., когда Приоров помимо своих Курсов уже организовал Первое в Москве среднее строительно-техническое училище, он обратился к Совету Московских приютов в связи с желанием быть переизбранным в качестве Почетного попечителя приюта на очередной срок. В своем прошении Михаил Капитонович указал, что будет не только вносить по 500 руб. в год, но и предоставит в распоряжение Совета пять вакансий в своем училище для подготовки техников-строителей, при чем стоимость их годового обучения будет составлять 1120 руб. В итоге его реальное участие в образовании детей приюта и Ермаковского училища будет гораздо шире, как указывалось в прошениях Совета о наградах попечителю, так с 1909 г. он нес расходы и по содержанию храма в приюте и его причта [24].

Среди регулярных целевых пожертвований для сирот от попечителя приюта Приорова можно отметить не только средства на гостинцы к праздникам, молочные продукты, лакомства, пирожные и баранки, но и игрушки, книги, годовые подписки на журналы, волшебный фонарь, а также внушительные суммы до 400 руб. на выезд детей для поправления здоровья на арендованные дачи в летние месяцы [25].

Такие пожертвования и постоянная помощь приюту способствовали получению заслуженных наград и успешному продвижению по службе Михаила Капитоновича. Так, в 1905 г. он был « за отлично-усердную службу» высочайше пожалован орденом Святой Анны 2-й степени, в 1909 г. – орденом Святого Саввы 2-й степени, в 1912 г. – бронзовой медалью для ношения на груди на Владимирской ленте «В память 100-летия Отечественной войны 1812 г.», в 1913 г. – орденом Святого Владимира 3-й степени, а позже и «правом ношения на груди светло-бронзовой медали в память 300-летия царствования Дома Романовых», в 1914 г. – орденом Святого Станислава 1-й степени [26]. Не удивительно, что уже в 1910 г. Приоров был пожалован чином действительного статского советника (IV).

Заключение

Таким образом, в лице М.К. Приорова мы имеем пример представителя дворянского сословия, который имея большой профессиональный опыт военного инженера, несмотря на проблемы по службе и отставке, продолжил работать в строительной сфере и своими инициативами в области институционального развития строительного образования в Москве заложил основу будущих образовательных организаций, которые уже в советское время станут основой нескольких вузов, а позже – базой для создания МИСИ-Московского инженерно-строительного института, а ныне-НИУ МГСУ. Деятельность Приорова на разных поприщах демонстрирует нам его как мецената, предпринимателя и благотворителя, которая достойна широкой известности и требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Посвятенко Ю.В. История образования Московского практического строительного института // Вестник МГСУ. – 2025. – № 20 (3). – С. 456–463.
2. Посвятенко Ю.В., Зверева Е.Л. Роль частной инициативы в становлении строительного образования в Москве (на примере предшественников МГСУ) // Экономика и предпринимательство. – 2026. – № 1. – С. 1401–1405.
3. Люшин С.П. МИСИ-МГСУ-75-летию основные этапы развития: Краткий исторический очерк. – М, 1996.
4. Московский государственный строительный университет: история и современность. К 80-летию МГСУ. –М., 2001.
5. Пантелеева Т. Л. К 105-летию первого московского строительно-технического училища // Вестник МГСУ. – 2010. – № 4. – С. 90–93.
6. Пантелеева Т. Л. К биографии М.К. Приорова – организатора и директора первых строительных курсов и строительно-технического училища в Москве // Вестник МГСУ. – 2011. – № 4. – С. 135–139.
7. Пантелеева Т.Л. Товарищество преподавателей как новая форма организации строительного образования в Москве в начале XX в. // Вестник МГСУ. – 2012. – № 8. – С. 234–240.
8. См. напр.: Асфальт и асфальтовые работы: Руководство для наблюдающих за асфальтовыми работами, для домовладельцев и техников. Применение асфальта к тротуарам и мостовым; устройство полов, террас, штукатурка асфальтом сырых стен и проч., с расчетами стоимости асфальтовых работ в России / Сост. инж. М.К. Приоров. – М., 1893.
9. Как надо строить дома: Практ. строит. искусство: Описание строит. материалов, практ. наставления по всем работам при сооружении камен. и деревян. домов и хоз. служб при них. Советы для лиц, наблюдающих за постройками: С расчет. табл., сост. на основании Уроч. положения и со ст. Строит. устава / Сост. инж. М.К. Приоров. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 1912.
10. Малярное дело, стекольные работы и оклейка обоями: С табл., расц. ведомостями, сост. на основании Уроч. положения, с образцами колеров и рис. в тексте / Сост. инж. М.К. Приоров. – М., 1896.
11. Приоров М.К. Несгораемые избы из мелкого леса с новыми сводчато-корзиночными крышами: Системы инж. М.К. Приорова. – М., 1891.
12. ЦГАМ. –Ф.459. –Оп.5. –Д.2753. –Л.12–12 об.
13. ЦГАМ. –Ф.1153. –Оп.1. –Д.2.
14. ЦГАМ. –Ф.459. –Оп.5. –Д.2753. –Л.8.
15. Там же. –Л.1.
16. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1913 г. – М., 1912. – С. 436.
17. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1915 г. – М., 1915. – С. 478.
18. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1917 г. – М., 1917. – С. 466.

19. Жетон «Первые московские строительные курсы» // Центральный форум нумизматов СССР URL: https://coins.su/forum/topic/213649-zheton-pervye-moskovskie-stroitelnye-kursy-otsenka/ (дата обращения: 14.02.2026).

20. Жетон памятный в честь окончания первых московских строительных курсов // Всемонеты.рф URL: https://всемонеты.рф (дата обращения: 16.02.2026).

21. Северюхин Дмитрий Яковлевич Почетные звания, знаки отличия и награды за благотворительность в старом Петербурге // Вестник СПбГИК. 2016. № 3 (28). С. 6–9.

22. Первые Московские строительные курсы Приорова. М., б.г. Л.1.

23. ЦГАМ. Ф.216. Оп.4. Д.3173. Л.1–3,17–18.

24. Там же. Л.27,30,66.

25. Там же. Л. 41–60

26. Там же. Л. 32–38

ENTREPRENEURIAL AND SOCIAL ACTIVITIES OF M.K. PRIOROV IN MOSCOW

Posvyatenko Yu.V., Basova D.N., Zvereva E.L.
National Research Moscow State Construction University

This article examines the work of Mikhail Kapitonovich Priorov, who moved to Moscow in the early 1890s and became active professionally and later charitably, establishing and developing vocational education institutions in the field of construction. His First Moscow Construction Courses, and later his Secondary Construction-Technical School, became pioneers in training personnel for this field in the region. Priorov's entrepreneurial activity was successful despite numerous challenges associated with meeting ministerial requirements. In addition to organizing training and teaching, Priorov made a significant contribution to the development of the Council of Moscow Children's Shelters and became an Honorary Trustee of the Sergievsky Crafts Shelter, a previously unknown fact.

Keywords: M.K. Priorov, MISI, MGSU, practical institute, charity, philanthropist, First Moscow Construction Courses, construction school, land surveying school, Ermakov School, Sergievsky craft shelter, Council of Moscow children's shelters, Department of Empress Maria, service.

References

1. Posvyatenko Yu.V. History of the Formation of the Moscow Practical Civil Engineering Institute // Bulletin of MGSU. – 2025. – No. 20 (3). – P. 456–463.

2. Posvyatenko Yu.V., Zvereva E.L. The Role of Private Initiative in the Development of Construction Education in Moscow (based on the example of MGSU predecessors) // Economy and Entrepreneurship. – 2026. – No. 1. – P. 1401–1405.

3. Lyushin S.P. MISI–MGSU-75th Anniversary: The Main Stages of Development: A Brief Historical Essay. – M, 1996.

4. Moscow State University of Civil Engineering: History and Modernity. On the 80th Anniversary of MGSU. – M., 2001.

5. Panteleeva T.L. On the 105th Anniversary of the First Moscow Construction-Technical School // Bulletin of MGSU. – 2010. – № 4. – Pp.90–93.

6. Panteleeva T.L. On the Biography of M.K. Priorov, Organizer and Director of the First Construction Courses and Construction-Technical School in Moscow // Bulletin of MGSU. – 2011. – № 4. – Pp.135–139.

7. Panteleeva T.L. The Teachers' Partnership as a New Form of Organization of Construction Education in Moscow at the Beginning of the 20th Century // Bulletin of MGSU. – 2012. – № 8. – Pp.234–240.

8. See, for example: Asphalt and Asphalt Works: A Guide for Asphalt Work Supervisors, Homeowners, and Technicians. Application of asphalt to sidewalks and pavements; construction of floors, terraces, plastering of damp walls with asphalt, etc., with calculations of the cost of asphalt work in Russia / Compiled by engineer M.K. Priorov. – Moscow, 1893.

9. How to build houses: Practical construction art: Description of building materials, practical instructions for all work in the construction of stone and wooden houses and outbuildings with them. Advice for persons supervising construction: With a calculation table, compiled on the basis of the Limit Regulations and with the articles of the Building Code / Compiled by engineer M.K. Priorov. – 3rd ed., corrected and enlarged. – Moscow, 1912.

10. Painting, glazing and wallpapering: With tables, color lists, compiled on the basis of the Limit Regulations, with color samples and figures. in the text / Comp. by engineer M.K. Priorov. – Moscow, 1896.

11. Priorov M.K. Fireproof huts made of small timber with new vaulted-basket roofs: Systems of engineer M.K. Priorov. – Moscow, 1891.

12. TsGA M. –F.459. –Op.5. –D.2753. –L.12–12 ob.

13. TsGA M. –F.1153. –Op.1. –D.2.

14. TsGA M. –F.459. –Op.5. –D.2753. –L.8.

15. Ibid. –L.1.

16. All of Moscow. Address and reference book for 1913. Moscow, 1912, p. 436.

17. All Moscow. Address and reference book for 1915. Moscow, 1915, p. 478.

18. All Moscow. Address and reference book for 1917. Moscow, 1917, p. 466.

19. "First Moscow Construction Courses" token // Central Forum of USSR Numismatists URL: https://coins.su/forum/topic/213649-zheton-pervye-moskovskie-stroitelnye-kursy-otsenka/ (accessed: 14.02.2026).

20. Commemorative token in honor of the completion of the first Moscow construction courses // Vsemonety.rf URL: https://всемонеты.rf (date of access: 16.02.2026).

21. Dmitry Yakovlevich Severyukhin. Honorary titles, insignia, and awards for charity in old Petersburg // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2016. No. 3 (28). Pp. 6–9.

22. Priorov's first Moscow construction courses. Moscow, No. 1.

23. TsGA M.F. 216. Op. 4. D. 3173. L. 1–3, 17–18.

24. Ibid. L. 27, 30, 66.

25. Ibid. L. 41–60

26. Ibid. L. 32–38

Влияние социальных сетей на модели поведения подростков

Ревенко Наталья Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: kaf-gsp-zav@bukep.ru

Рогов Егор Александрович,
аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: rogevogor@gmail.com'

Рыболова Елена Анатольевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: kaf-gsp-zav@bukep.ru

В статье рассматривается как положительное, так и отрицательное влияние социальных сетей на изменение моделей социального поведения подростков как новых пользователей глобальной информационной реальности, их менталитета, ценностных установок и форм идентичности. Молодые люди, являясь представителями различных молодежных субкультур со своими ценностями и моделями поведения, становятся наиболее активными пользователями Интернет-сети, образуют там свои социальные группы. Этот процесс идет непрерывно и его нельзя пускать на самотек, так как это может способствовать росту различных форм девиантного поведения среди подростков.

Ключевые слова: социальные сети, виртуализация общения, электронные платформы, киберпространство, субкультуры, кибербуллинг.

Цифровая трансформация охватывает практически все сферы жизнедеятельности современного общества и порождает новые формы социальных связей и отношений, оказывая огромное влияние на активных пользователей сети Интернет и, в первую очередь, на молодежь, которая особенно восприимчива к новым информационным технологиям и коммуникативным формам. Глобальное технологическое развитие коммуникации неизбежно приводит к изменению содержания социальных коммуникативных связей и моделей поведения в реальной жизни. Идет процесс трансформации ценностных установок и ориентиров у молодого поколения, что в конечном итоге приводит к определенным изменениям их мировоззрения и влияет на модели поведения. Главное, чтобы это влияние носило в основном конструктивный характер и сводило к минимуму деструктивный фактор.

В данной статье речь идет о подростках и моделях их поведения. В научной литературе у разных авторов можно встретить разные границы подросткового возраста. Например, Л.И. Божович ограничивает временные рамки подросткового возраста периодом с 12 до17 лет, при этом выделяя две фазы: 12–15 лет и 15–17 лет и особо подчеркивая кризисный характер данного периода. «В первой фазе сложившееся ранее отношение ребенка к миру претерпевает серьезные изменения, перестраивается, происходит формирование самосознания и самоопределения. Все это ведет к формированию новой жизненной позиции, с которой человек вступает в новую жизненную пору – юношество» [8].

Э. Эриксон считает отрочество самым трудным и, одновременно, самым важным периодом жизни человека. Он обозначает более широкие временные рамки для подросткового возраста, начинающегося в 12–13 лет и оканчивающегося в 18–19 лет формированием эго-идентичности. «По его мнению, самый серьезный кризис – это кризис подросткового возраста, который заключается в том, чтобы снова пройти все критические этапы развития, сознательно решить свои внутренние проблемы и сделать разумный выбор» [6].

Д.Б. Эльконин определяет подростковый период возрастными рамками от 11 до 17 лет и подразделяет его на две фазы: «средний школьный возраст (11–15 лет) с его ведущим видом деятельности – общением со сверстниками, и старший школьный возраст (15–17 лет), когда на первый план у ребенка выходит его учебно-профессиональная деятельность» [5].

Периодизация именно Д.Б. Эльконина сегодня наиболее распространена среди современных отечественных психологов, а определенные им возрастные рамки практически совпадают с возрастными рамками других исследователей.

А по определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) подростковый возраст длится с 10 до 19 лет – это период активной первичной социализации личности.

Подростки, как правило, считают себя взрослыми и самостоятельными людьми, поэтому часто конфликтуют с учителями и родителями. Это неизбежный процесс взросления и отделения от семьи родителей, так называемая сепарация. В этот период чрезвычайно важно, чтобы взрослые правильно выстраивали баланс между предоставлением подростку свободы и установлением ограничений, которые касаются в том числе и времяпрепровождения в социальных сетях.

Результатом исследования влияния социальных сетей как элемента цифровой среды на модели поведения подростков должно стать системное осмысление проблемы и разработка рекомендаций относительно социальной ориентированности поведения молодежи, чтобы виртуальная молодежная субкультура не отдаляла подростков от культуры реального общества, а сближала их с ней.

Сегодня вряд ли кто-то поспорит с тем, что социальные сети притягивают к себе подростков, давая им возможность самовыражаться, общаться, получать и передавать необходимую информацию, обретать новых друзей, единомышленников и поклонников.

Наша задача выяснить, как же меняются менталитет, ценностные установки и модели поведения подростков под воздействием социальных сетей.

Выделяют разные модели поведения подростков, которые связаны с нормативным, девиантным, социальным поведением и стремлением к самореализации. Нормативная модель предполагает, что подросток ведет себя в соответствии с нормами, которые предлагает ему общество; девиантная модель включает в себя действия и поступки,

которые не соответствуют социальным нормам и правилам. Это могут быть такие формы как агрессия, воровство, лживость, все виды зависимостей от наркотиков и алкоголя, игромания, а также суицидальные попытки и депрессия.

Социальное поведение подростков – это комплекс действий, реакций и взаимодействий, которые подростки проявляют в различных социальных ситуациях. Аспекты социального поведения могут быть связаны с отношениями со сверстниками и отношениями со взрослыми. Обычно на социальное поведение подростков влияют их личностные особенности: например, подростки с высокой самооценкой, как правило, более уверены в себе и общительны, а с низкой – более застенчивы и замкнуты.

Проведенные социологические исследования о влиянии социальных сетей на модели поведения, привычки и повседневную жизнь подростков показывают, «что половина опрошенных честно признались в том, что онлайн-общение стало частью их жизни, и отмечают тенденцию к замене живого общения виртуальным. По статистике более трети российских подростков в возрасте от 11 до14 лет ежедневно проводят в социальной сети от 6 до 8 часов. Согласно исследованию, многие несовершеннолетние остаются в интернете практически бесконтрольными» [7]. При этом интернет становится с каждым днем все более популярным. Родители часто совсем не интересуются, что за видеоматериалы смотрят их дети, какие группы они больше всего посещают. А самое главное, с кем они знакомятся и общаются. Этот вопрос нельзя оставлять без внимания, потому что на просторах интернета существует реальная опасность столкнуться с мошенниками, аферистами, террористами, которые могут принести большой вред доверчивым молодым людям. Среда людей, с которой подростки сталкиваются, может быть очень разной. Она может носить крайне деструктивный характер, заставляя подростка нарушать закон, вести хаотичный образ жизни, выражать себя через девиантное поведение, отклоняющееся от общепринятых социальных норм. Особенно часто это встречается в наши дни в условиях противостояния с Западом, распространения терроризма и проведения СВО на Украине. Кибербуллинг, то есть оскорбления, угрозы и травля в онлайн-среде могут привести к развитию тревожности, депрессии, низкой самооценки и даже суицидальных мыслей. Манипуляция поведением подростков крайне опасна, поэтому родители должны стараться обсуждать со своими детьми, с кем и зачем они столько времени общаются в социальных сетях, незамедлительно реагировать на изменения в поведении своих детей в семье. А при малейшем подозрении на отклонения в поведении бить тревогу, привлекая все возможные средства защиты от агрессивной внешней среды в виртуальном пространстве. Подростков нужно также учить критически оценивать и фильтровать информацию, которую они получают, ставить в известность родителей, если они сталкиваются с негативными явлениями и сомнительными предложениями.

Детей завлекают в экстремистские и нацистские группировки по средствам цифровой среды любыми средствами. А так как запретный плод всегда сладок, подростки в поисках приключений попадают в западню, из которой самостоятельно не могут выбраться. Родители должны быть бдительными, больше разговаривать со своими несовершеннолетними детьми, рассказывать им о подводных камням, на которые они могут натолкнуться. Это касается особенно тех, у кого ребенок скрытый, малообщительный, имеет конфликтные отношения с одноклассниками, а единственным источником для общения у него являются социальные сети.

«Подросток может «уходить» в виртуальный мир полностью, забыть о собственных обязанностях, учебе и друзьях в реальном мире. Время, проводимое в сети, способно быть до такой степени притягательным, что у ребенка появляется нездоровая привязанность или зависимость от нее. Естественно это отражается на модели его поведении в реальной жизни. Он становится все более закрытым и замкнутым, иногда агрессивным, больше времени проводит за компьютером» [2]. Часто раздражается, если его отвлекают от любимого занятия. Это все есть различные формы девиантного поведения.

Таким образом, рассматривая влияние социальных сетей на поведение подростков, стоит подчеркнуть, что цифровая среда сама по себе уникальна и представляет молодежи и подросткам огромное количество возможностей для саморазвития, общения, профессионального роста, обретения новых друзей, обмена накопленным опытом, знаниями, навыками, поиска необходимой информации, музыки, фильмов, книг и т.д. Но одновременно она создает и новые вызовы, которые ведут к цифровой зависимости, порождает различные риски, размывание моральных и правовых норм, что является явной угрозой для молодого поколения. Но это не повод для того, чтобы полностью отказаться от использования социальных сетей, запретить подросткам общение в Интернете. Достаточно просто свести к минимуму все опасные факторы и риски.

В связи с хрупкой психикой подростка, родителям необходимо научить своих детей правильно пользоваться информацией, полученной в Интернете, и нацелено работать над тем, чтобы они получали только нужную, правильную и полезную для себя информацию. К тому же мы говорили о том, что время нахождения своих детей в сети родители должны четко регламентировать. Этот процесс нельзя пускать на самотек, этим надо заниматься ежедневно. Только ежедневный контакт и контроль могут принести положительный результат.

Дружеское общение с родителями, разъяснения которых подростки воспринимают, занятия спортом, творческая деятельность, рисование, чтение, туризм – все это играет немаловажную роль в процессе отвлечения подростков от чрезмерного «зависания» в социальных сетях.

Нужно убедить подростка, что реальная жизнь намного интереснее, что живое общение ничем нельзя заменить. Школа, семья, друзья, а также пребывание в компании близких людей – вот что необходимо человеку для полноценной социализации.

Чтобы сформировать устойчивую защиту подростков в социальных сетях от любых деструктивных и опасных связей и зависимостей, необходимо «комплексное взаимодействие образовательных институтов, семьи, общества и государства, включения в образовательный процесс специальных курсов по обучению кибербезопасности, цифровой этике, развитию критического мышления, а также регулирование цифрового пространства» [3], осознанное использование позитивного потенциала социальных сетей. Все это реально и возможно, было бы только желание и осознанное стремление к этому семьи и образовательных учреждений.

Подростки должны проявлять осторожность при общении в социальной сети, при работе со ссылками, которые они получают в сообщениях, при размещении информации о себе на сайте. Помните, что хакеры могут взламывать учетные записи и рассылать электронные сообщения, которые будут выглядеть так, как будто они были отправлены вашими друзьями. Если у вас возникло такое подозрение, будет лучше связаться с отправителем альтернативным способом, например, по телефону, чтобы убедиться в том, что именно этот человек отправил вам данное сообщение. Точно так же необходимо относиться и к приглашениям зарегистрироваться в той или иной социальной сети. Критически мыслить и соблюдать цифровую безопасность – это то, чему должны научить подростков родители и педагоги. Живя в эпоху цифровой трансформации, необходимо акцентировать внимание на положительных сторонах влияния цифровизации в целом и социальных сетей на подростков, прививая им цифровую грамотность и формируя необходимые для этого компетенции.

Следует подчеркнуть, что наряду «с цифровизацией и виртуализацией в современном обществе возникают тенденции создания гибридных социальных реальностей, соединяющих в себе физические и цифровые, символические и материальные, публичные и приватные, традиционные и постмодернистские элементы» [1]. Они позволяют подросткам расширять формы и модели своего поведения.

Наши дети, как правило, довольно легко осваивают цифровую среду и с удовольствием проводят в ней значительную часть своего времени, иногда забывая о других своих делах и обязанностях. Именно поэтому так важна для них помощь родителей, которые не имеют права быть равнодушными к занятиям и увлечениям своих детей. Родительский контроль, неформальное общение, проведение совместно досуга способствуют формированию у подростков традиционных человеческих духовно-нравственных ценностей и морально-этических ориентиров, которые регулируют их поведение и формируют правильное отношение к окружающему миру.

Литература

1. Иванов, Д.В. Цифровизация и критическая теория общества / Д.В. Иванов, Ю.В. Асочасов // Социологические исследования. – 2023. – № 6. – С. 16–28.

2. Ревенко, Н.В. Виртуализация семьи / Н.В. Ревенко, А.А. Бучек. // Социология и психология перед вызовом цифровизации: материалы Международной научно-практической конференции (16 марта 2022); АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород: Издательство БУКЭП, 2022. – С. 7–13. – ISBN 978-5-8231-1083-9.

3. Трунов, А.А. Цифровой образ жизни и его влияние на моральные и этические ориентиры современной молодежи / А.А. Трунов, Е.И. Черникова, А.С. Тарасов // Материалы Международной научно-практической конференции «Социология и психология в изменяющемся мире», проходившей 27 марта 2025 года; АНО ВО «Белгород-

ский университет кооперации, экономики и права». – Белгород: Издательство БУКЭП, 2025. – С. 81–91. – ISBN 978-5-8231-1243-

4. Черникова, Е.И. Профилактика деструктивного общения в социальных сетях / Е.И. Черникова, Т.А. Назриддинов // Психология в информационном обществе: материалы международной научно-практической конференции (26–28 марта 2018 года); АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород: Издательство БУКЭП, 2018. – С. 6–22. – ISBN 978-5-8231-0868-3.

5. Эльконин, Д.Б. Детская психология / Д.Б. Эльконин. – Москва: Академия, 2008. – 383 с.

6. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Толстых А.В. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с

7. https://rg.ru/2025/06/02/bolee-treti-rossijskih-detej-provodiat-v-internete-do-8-chasov-vden.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

8. http://elib.gnpbu.ru/text/bozhovich_psihologicheskie-osobennosti-podrostka_1979/ (Божович, Е.Д. Психологические особенности развития личности подростка / Ордена Ленина Всесоюз. о-во «Знание». – М.: Знание, 1979. – 40 с.).

THE IMPACT OF SOCIAL MEDIA ON ADOLESCENT BEHAVIOR

Revenko N.V., Rogov E.A., Rybolova E.A.
Belgorod University of Cooperation, Economics, and Law

The article examines both the positive and negative impact of social networks on changing patterns of social behavior of adolescents as new users of global information reality, their mentality, value attitudes and forms of identity. Young people, being representatives of various youth subcultures with their values and behavior models, become the most active users of the Internet network, form their social groups there. This process is continuous and should not be allowed to take its course, as this can contribute to the growth of various forms of deviant behavior among adolescents.

Keywords: social media, virtualization of communication, electronic platforms, cyberspace, subcultures, cyberbullying.

References

1. Ivanov, D.V. Digitalization and Critical Theory of Society / D.V. Ivanov, Yu.V. Asochasov // Sociological Research. – 2023. – No. 6. – Pp. 16–28.

2. Revenko, N.V. Virtualization of the Family / N.V. Revenko, A.A. Buchek. // Sociology and Psychology Facing the Challenge of Digitalization: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (March 16, 2022); ANO VO "Belgorod University of Cooperation, Economics and Law". – Belgorod: BUKEP Publishing House, 2022. – Pp. 7–13. – ISBN 978-5-8231-1083-9.

3. Trunov, A.A. Digital Lifestyle and Its Impact on the Moral and Ethical Guidelines of Modern Youth / A.A. Trunov, E.I. Chernikova, A.S. Tarasov // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Sociology and Psychology in a Changing World", held on March 27, 2025; ANO VO "Belgorod University of Cooperation, Economics and Law". – Belgorod: BUKEP Publishing House, 2025. – Pp. 81–91. – ISBN 978-5-8231-1243-

4. Chernikova, E.I. Prevention of Destructive Communication on Social Networks / E.I. Chernikova, T.A. Nazriddinov // Psychology in the Information Society: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (March 26–28, 2018); ANO VO "Belgorod University of Cooperation, Economics and Law". – Belgorod: BUKEP Publishing House, 2018. – Pp. 6–22. – ISBN 978-5-8231-0868-3.

5. Elkonin, D.B. Child Psychology / D.B. Elkonin. – Moscow: Academy, 2008. – 383 p.

6. Erikson, E. Identity: Youth and Crisis: Trans. from English / General editor and foreword by A.V. Tolstykh. – M.: Progress Publishing Group, 1996. – 344 p.

7. https://rg.ru/2025/06/02/bolee-treti-rossijskih-detej-provodiat-v-internete-do-8-chasov-vden.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

8. http://elib.gnpbu.ru/text/bozhovich_psihologicheskie-osobennosti-podrostka_1979/ (Bozhovich, E.D. Psychological Features of Adolescent Personality Development / Order of Lenin All-Union Society "Knowledge". – M.: Knowledge, 1979. – 40 p.).

Теоретическая логика и практический путь реализации согласованности «преподавание – учение – оценивание» в перспективе теории когнитивной нагрузки

Цзян Юйцинь,
доцент, Синьцзянский Педагогический Университет
E-mail: 649000580@qq.com

Чэнь Сыхань,
Магистр, Синьцзянский Педагогический Университет
E-mail: 1523359578@qq.com

В статье рассматривается согласованность «преподавание – учение – оценивание» как условие повышения качества обучения и анализируются основные затруднения её реализации в современной школьной практике, включая размытость учебных целей, разрыв между проектированием и реальным обучением, а также ослабление развивающей функции оценивания. Теоретической основой исследования выступает теория когнитивной нагрузки, позволяющая интерпретировать согласованность не только в дидактическом, но и в когнитивном аспекте. Показано, что эффективная реализация согласованности предполагает снижение внешней когнитивной нагрузки за счёт точного целеполагания и рационального педагогического дизайна, адаптацию внутренней нагрузки посредством структурирования учебных задач и активацию релевантной нагрузки через формирующее оценивание и развивающую обратную связь. На этой основе обоснован практический трёхэтапный цикл «предварительное проектирование – мониторинг – оптимизация», ориентированный на переход от формального соответствия компонентов урока к реальному когнитивному развитию учащихся и формированию их ключевых компетенций.

Ключевые слова: Согласованность «Преподавание – Учение – Оценивание», Теория Когнитивной Нагрузки, Формирующее Оценивание, Когнитивное Развитие, Педагогическое Проектирование.

Введение

В условиях современной трансформации общего образования особую значимость приобретает проблема согласованности «преподавание – учение – оценивание» как одного из ключевых условий повышения качества обучения и достижения планируемых образовательных результатов. Теоретически данная согласованность предполагает, что цели обучения, организация учебной деятельности учащихся и оценочные процедуры выстраиваются вокруг единого результата и функционируют как взаимосвязанные компоненты целостного педагогического процесса. Однако в реальной школьной практике по-прежнему сохраняются устойчивые противоречия между декларируемой согласованностью и её фактической реализацией: учебные цели нередко формулируются расплывчато, учебная деятельность оказывается смещённой в сторону внешней активности, а оценивание выполняет преимущественно контролирующую, а не развивающую функцию. Вследствие этого согласованность «преподавание – учение – оценивание» часто остаётся на уровне формального соответствия элементов и не обеспечивает реальной поддержки когнитивного развития учащихся.

В этой связи особую эвристическую ценность приобретает теория когнитивной нагрузки, позволяющая рассматривать согласованность не только как дидактическую, но и как когнитивно обоснованную организацию учебного процесса. Исходя из ограниченности рабочей памяти обучающегося, данная теория задаёт методологическую основу для анализа того, каким образом преподавание должно снижать внешнюю когнитивную нагрузку, учебная деятельность соотноситься с внутренней сложностью материала, а оценивание активизировать релевантную когнитивную нагрузку, необходимую для построения и автоматизации когнитивных схем. На этом основании в статье ставится цель раскрыть теоретическую логику согласованности «преподавание – учение – оценивание» в перспективе теории когнитивной нагрузки и предложить практический путь её реализации в виде трёхэтапного замкнутого цикла «предварительное проектирование – мониторинг – оптимизация», ориентированного на повышение эффективности обучения и устойчивое развитие ключевых компетенций учащихся.

Практические затруднения в обеспечении согласованности «преподавание – учение – оценивание»

Согласованность «преподавание – учение – оценивание» ориентирована на эффективное обучение и предполагает такую организацию педагогического процесса, при которой преподавание, учебная деятельность учащихся и оценивание строятся вокруг общей цели [1]. Под преподаванием понимается деятельность учителя по организации и стимулированию учения, под учением усилия учащихся, направленные на достижение целей, а под оцениванием фиксация и анализ учебных проявлений и результатов для проверки степени их достижения [2]. Однако в реальной школьной практике по-прежнему распространены ситуации, когда оценивается не то, чему действительно учатся, а преподаётся не то, что реально осваивается. Это существенно ослабляет глубину и эффективность реализации согласованности.

Размытость учебных целей как причина утраты направляющей функции

Учебные цели являются исходным и конечным ориентиром согласованности «преподавание – учение – оценивание», поскольку именно они задают направление преподаванию, учению и оцениванию. Однако на практике они нередко формулируются неопределённо и формально. Во многих случаях скрытым субъектом действия выступает не учащийся, а учитель, например: «сформировать понимание», «дать овладеть». Кроме того, широко используются трудные для наблюдения и оценки глаголы типа «понимать», «прочувствовать», «осознать», тогда как отсутствуют операционализируемые действия «перечислить», «объяснить», «спроектировать» [3]. В результате такие цели плохо измеримы и не могут служить надёжной основой ни для проектирования урока, ни для оценки его результатов.

Проблема усугубляется тем, что цели нередко механически выводятся из стандарта или содержания учебника без перехода от содержа-

ния курса к реальным результатам обучения учащихся. При этом часто отсутствует точная диагностика их исходного уровня, интересов и образовательных потребностей [4]. Вследствие этого цели оказываются абстрактными и слабо связанными с конкретной учебной ситуацией.

Разрыв между проектированием и реализацией обучения

Обучение является центральным звеном реализации целей, однако на практике нередко наблюдается несоответствие между заявленными результатами и фактической организацией учебной деятельности. На этапе проектирования это проявляется в «активностно-центричном» подходе [5], когда внимание учителя смещается с вопроса о том, чему должны научиться учащиеся, на поиск внешне эффектных и разнообразных форм работы. В результате урок может быть насыщен активностями, однако они не всегда соотносятся с конкретными учебными подцелями. Внешняя оживлённость в таком случае не гарантирует реального учения и нередко ведёт к поверхностному усвоению.

На этапе реализации проблема выражается в доминировании жёсткого сценария урока и пассивизации учащихся [6]. Стремление строго следовать заранее составленному плану снижает чувствительность учителя к вопросам, затруднениям и оригинальным идеям учащихся. В итоге обучение превращается либо в монолог преподавателя, либо в механическое выполнение процедур, тогда как учащиеся оказываются в роли пассивных исполнителей.

Сужение функций оценивания и разрыв обратной связи

Оценивание должно не только фиксировать результат, но и обеспечивать обратную связь и регулирование учебного процесса. Однако на практике его функция часто сводится к отбору и выставлению суждений о достижениях. При этом оценивание нередко отделяется от самого процесса учения и выступает как изолированный этап, например в форме теста после объяснения материала [7]. В такой ситуации учитель не получает своевременных данных о ходе понимания, а учащиеся конкретной описательной обратной связи, позволяющей понять своё текущее положение, разрыв с целью и пути улучшения. В результате преподавание и оценивание начинают существовать как две параллельные линии.

Теоретическая логика согласованности «преподавание – учение – оценивание» в перспективе теории когнитивной нагрузки

Теория когнитивной нагрузки создаёт прочное теоретическое основание для осмысления и реализации согласованности «преподавание – учение – оценивание». Она исходит из ограниченности рабочей памяти учащегося: если объём информации, подлежащей переработке в конкретный момент, превышает её возможности, возникает избыточная когнитивная нагрузка. Следовательно, эффективное обучение предполагает не только дидактическую упорядоченность целей, содержания и оценивания, но и рациональное распределение ограниченных когнитивных ресурсов учащихся на всех этапах образовательного процесса. В этом смысле компонент «преподавание» связан прежде всего с ясной постановкой целей и рациональным проектированием обучения, направленными на снижение внешней когнитивной нагрузки; «учение» выступает центральным звеном согласованности, поскольку именно через структурированные задания достигается соотнесение с внутренней когнитивной нагрузкой; «оценивание» задаёт её ценностную направленность, поскольку посредством своевременной и развивающей обратной связи активизирует релевантную когнитивную нагрузку, необходимую для понимания, построения и автоматизации знания. Тем самым управление когнитивной нагрузкой обеспечивает переход от формальной согласованности к её реальному когнитивному воплощению.

Снижение внешней когнитивной нагрузки как предпосылка согласованности

Внешняя когнитивная нагрузка обусловлена не самой учебной задачей, а недостатками педагогического проектирования: размытостью целей, избыточностью информации, рассредоточенностью представления материала и включением нерелевантного содержания. Такие факторы заставляют учащихся расходовать ограниченные ресурсы рабочей памяти на несущественную переработку информации, повышая неопределённость в функционировании когнитивной системы [8]. На практике именно неясность целей, перегруженность активностями и информационная избыточность выступают основными источниками подобных помех. Поэтому первым шагом к реализации согласованности должно стать сокращение непродуктивных когнитивных затрат за счёт точной формулировки целей и рационального педагогического дизайна.

Чётко сформулированные цели должны строиться на основе интеграции требований стандарта, содержания учебного материала и анализа учебной ситуации. При этом следует избегать абстрактных формулировок типа «осмыслить» или «прочувствовать» и использовать внешне наблюдаемые глаголы действия, например «перечислить», «объяснить», «спроектировать». Кроме того, цели должны соотноситься с зоной ближайшего развития учащихся и выстраиваться поэтапно от простого к сложному, от поверхностного к более глубокому уровню, обеспечивая логичное развёртывание преподавания и оценивания.

Не менее важен и дизайн учебного материала. Перегруженные презентации, хаотичная композиция слайдов, неудачное сочетание текстовых и визуальных элементов способны вызвать избыточную внешнюю когнитивную нагрузку [9]. Поэтому содержание обучения должно быть максимально лаконичным: необходимо исключать декоративные мультимедийные элементы, побочные сюжеты и дополнительную информацию, не связанную непосредственно с ключевой учебной целью. Каждый компонент материала должен выполнять функциональную роль в процессе учения. Существенное значение имеет и оптимизация пространственно-временной организации мультимодальной информации: текстовые пояснения должны располагаться рядом с соответствующими схемами и иллюстрациями, а аудиальное объяснение предъявляться синхронно с визуальным материалом. Это снижает затраты на поиск и интеграцию информации и обеспечивает прямую подчинённость учебных воздействий достижению цели.

Соотнесение с внутренней когнитивной нагрузкой как центральное звено согласованности

Внутренняя когнитивная нагрузка определяется степенью сложности материала и взаимосвязанности его элементов, то есть отражает присущую задаче когнитивную трудность. Для начинающих учащихся материалы с высокой степенью интерактивности элементов нередко оказываются чрезмерно сложными для рабочей памяти, что ведёт к перегрузке и затрудняет формирование когнитивных схем [10]. Поэтому согласованное обучение не устраняет внутреннюю когнитивную нагрузку как таковую, а стремится к её научно обоснованной адаптации.

В этом процессе особую роль играет формирующее оценивание. В ключевых точках обучения например, после объяснения понятия или завершения подзадачи учитель посредством кратких встроенных процедур, таких как экспресс-опрос, наблюдение или короткое упражнение, получает сведения о текущем когнитивном состоянии учащихся. Эти данные позволяют определить, является ли уровень внутренней когнитивной нагрузки оптимальным, чрезмерным или недостаточным. Если фиксируются признаки перегрузки, необходимо временно приостановить продвижение, вернуться к закреплению, увеличить число примеров или дополнительно расчленить задачу; если же учащиеся уверенно справляются, можно ускорить темп либо ввести вариативные и трансферные задания [11]. Такая гибкая корректировка обеспечивает развёртывание учебного процесса в пределах зоны ближайшего развития и поддерживает внутреннюю когнитивную нагрузку на уровне, одновременно стимулирующем мышление и способствующем построению когнитивных структур.

Активация релевантной когнитивной нагрузки как ценностная направленность согласованности

Релевантная когнитивная нагрузка представляет собой ту часть когнитивных ресурсов, которую учащийся сознательно вкладывает в построение и автоматизацию схем. Именно она выступает движущей силой углубления знания, его переноса и инновационного применения. Глубокое обучение предполагает не только кодирование информации, но и включение высших мыслительных операций интеграции, смысловой переработки и метакогнитивного контроля [12]. Поэтому высшая цель согласованности «преподавание – учение – оценивание» состоит в том, чтобы через глубокую интеграцию преподавания и оценивания активизировать, направлять и продуктивно использовать релевантную когнитивную нагрузку.

В этой логике оценивание не ограничивается фиксацией результата. Простое итоговое оценивание в форме баллов, уровней или суждений «правильно/неправильно» не способно в полной мере активизировать релевантную нагрузку. Обратная связь, необходимая для подлинной согласованности, должна быть одновременно описательной и предписывающей: она должна показывать разрыв между текущим уровнем выполнения и целевой установкой, а также задавать путь или стратегию улучшения. Такая обратная связь смещает внимание учащегося с конечного результата на рефлексию над собственным когнитивным процессом и направляет высвобождающиеся ресурсы на более глубокий анализ понятийных связей, коррекцию пробелов и реорганизацию структуры знания. Тем самым она непосредственно способствует совершенствованию схем.

Следовательно, в рамках согласованности компонент «оценивание» не только активизирует релевантную когнитивную нагрузку, но и в конечном счёте направлен на развитие метакогнитивного мониторинга и саморегуляции. Благодаря интеграции с преподаванием и учением оно обеспечивает, чтобы каждый когнитивный ресурс, сэкономленный в ходе урока, использовался для тех видов мыслительной деятельности, которые в наибольшей степени способствуют долгосрочному когнитивному развитию учащихся. Тем самым достигается переход от простого накопления знаний к подлинному формированию компетентности.

Поиск путей построения согласованности «преподавание – учение – оценивание», ориентированной на оптимизацию познавательной деятельности учащихся

Представленная выше теоретическая логика показывает, что сосредоточение на оптимизации когнитивной нагрузки является ключевым условием преодоления лишь формальной согласованности и перехода к её содержательной реализации. Однако теоретическая прояснённость сама по себе ещё не гарантирует практического воплощения. В современной классно-урочной практике по-прежнему широко распространены такие проблемы, как размытость учебных целей и разрыв между обучением и оцениванием. Их глубинная причина заключается в том, что «формальная согласованность», конструируемая с позиции внешней дидактической организации, не обеспечивает подлинной оптимизации процесса когнитивного конструирования знания учащимися. В связи с этим настоящее исследование, опираясь на теорию когнитивной нагрузки, предлагает практическую модель согласованности «преподавание – учение – оценивание» в виде трёхэтапного замкнутого цикла «предварительное проектирование – мониторинг – оптимизация» (см. рис. 1), способного служить операционализированным руководством для педагогической практики.

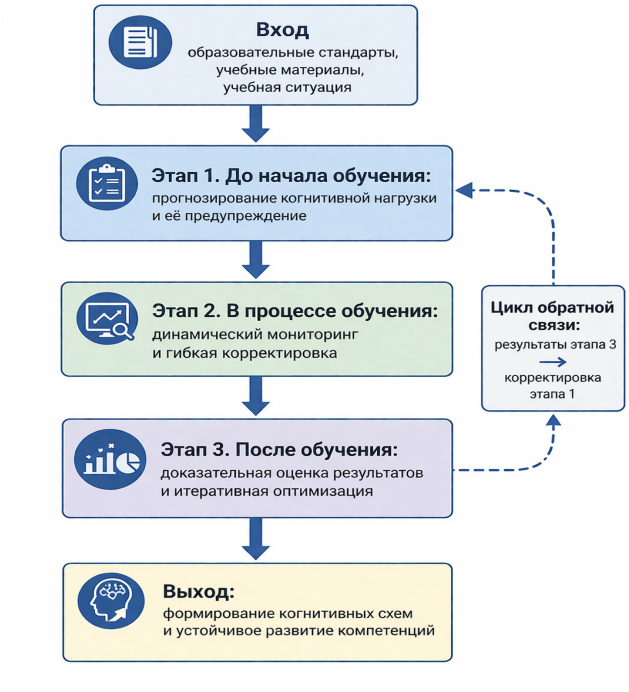


Рис. 1. Практическая модель согласованности «преподавание – учение – оценивание» в контексте теории когнитивной нагрузки

Предварительное прогнозирование и регулирование когнитивной нагрузки на основе учебных целей и анализа учебной ситуации

Педагогическое проектирование выступает исходным звеном управления когнитивной нагрузкой, поскольку именно на этапе предварительного планирования становится возможным предупредить возникновение неэффективной нагрузки и создать когнитивные условия для результативного обучения. Сущность данного этапа состоит в переводе принципа «ориентации на ученика» в плоскость предварительного моделирования его познавательной траектории. Речь идёт не о жёстком контроле мышления учащегося, а о таком устройстве обучения, при котором заранее устраняются препятствия, мешающие осмысленному построению знания.

Формулирование целей и декомпозиция задач: от размытых требований к обрабатываемым когнитивным единицам

Чётко сформулированные и операционализируемые цели являются необходимым условием рационального распределения когнитивных ресурсов. Поэтому учителю следует, опираясь на образовательный стандарт, учебный материал и конкретную учебную ситуацию, формулировать цели урока в наблюдаемой и оцениваемой форме, например по модели «поведенческий глагол + ключевое содержание + критерий выполнения», избегая неопределённых формулировок типа «понимать» или «овладеть» [13]. Сложные и высокоуровневые цели целесообразно расчленять на последовательность взаимосвязанных подцелей и подзадач умеренной трудности. При этом объём новой информации и уровень внутренней когнитивной нагрузки в каждой подзадаче должны оставаться в пределах возможностей рабочей памяти учащихся. Такое решение позволяет начинать обучение с доступных когнитивных единиц и постепенно подводить учащихся к интеграции более сложных схем, предотвращая перегрузку, возникающую при одновременном предъявлении большого числа взаимосвязанных элементов [14].

Диагностика учебной ситуации и предварительное проектирование опор: вход в зону ближайшего развития

Внутренняя когнитивная нагрузка определяется степенью взаимодействия между новой задачей и уже имеющимися у учащихся схемами, поэтому важнейшим условием становится диагностика исходного уровня знаний и особенностей познавательной деятельности. Для этого могут использоваться проверка предварительной подготовки, входное тестирование, а также цифровые и интеллектуальные инструменты, позволяющие выявлять предшествующий опыт, типичные ошибочные представления и предпочтительные способы переработки информации. На основе такой диагностики проектируются когнитивные опоры: для процедурного знания пошаговые алгоритмы и образцы, для понятийного сравнительные таблицы, схемы и интеллект-карты. Эти средства выполняют функцию временной поддержки между актуальным уровнем учащегося и требованиями учебной задачи, снижают исходную трудность её выполнения и обеспечивают усвоение новой информации в пределах зоны ближайшего развития, тем самым оптимизируя переживание внутренней когнитивной нагрузки [15].

Опережающее проектирование оценивания и интеграция ресурсов

В логике обратного проектирования согласованность «преподавание – учение – оценивание» предполагает, что разработка оценочных заданий предшествует подробному планированию учебной деятельности. Учителю необходимо сначала определить, какие свидетельства будут подтверждать достижение учебных целей, и лишь затем проектировать соответствующие задания или оценочные рубрики. Это заставляет выстраивать обучение от результата к процессу и реконструировать тот когнитивный путь, который должны пройти учащиеся: какие понятия им предстоит актуализировать, какие мыслительные действия выполнить и какие способы переработки информации использовать. На этой основе осуществляется критический отбор и перестройка учебных ресурсов презентаций, текстов, видеоматериалов, с исключением всего, что не связано непосредственно с центральной целью и может породить эффект избыточности или рассеяния внимания [16]. Тем самым снижается внешняя когнитивная нагрузка, вызванная неудачным дизайном обучения, а весь учебный ввод начинает непосредственно обслуживать построение целевой когнитивной схемы.

Динамический мониторинг и регулирование когнитивной нагрузки на основе встроенного формирующего оценивания

Если этап проектирования создаёт условия для рационального управления когнитивной нагрузкой, то само учебное занятие является пространством её непрерывного возникновения и изменения. Поэтому в ходе урока ключевое значение приобретает формирующее оценивание, позволяющее своевременно фиксировать состояние когнитивной нагрузки и гибко корректировать педагогические действия.

Встроенное оценивание и своевременная обратная связь

В ключевых точках урока, например после введения нового понятия, следует включать краткие встроенные оценочные задания: один центральный вопрос, мини-тест, короткое задание на выбор ответа и т.п. Их функция состоит не в выставлении отметки, а в получении оперативных доказательств текущего понимания учащихся [17]. Обратная связь в таких случаях должна быть своевременной, конкретной и соотнесённой

с целью обучения. Её задача – не просто указать на ошибку, а объяснить логику знания и перенаправить когнитивные ресурсы учащегося от неэффективных путей обработки информации к корректному построению схемы. Благодаря этому снижается риск закрепления ошибочных представлений, коррекция которых в дальнейшем потребовала бы значительно больших усилий.

Гибкая корректировка темпа и стратегий обучения

Формирующее оценивание позволяет учителю распознавать признаки как когнитивной перегрузки, так и недостаточной нагрузки [18]. Если учащиеся демонстрируют растерянность, молчание или резкий рост числа ошибок, необходимо замедлить темп, вернуться к предыдущему шагу, усилить закрепление или добавить опору. Если же задания выполняются быстро и качественно, возможно досрочно перейти к заданиям на перенос, применение или углубление, чтобы активизировать релевантную когнитивную нагрузку и поддержать глубокое обучение. Тем самым урок перестаёт быть жёстким исполнением заранее заданного сценария и превращается в процесс, регулируемый на основе данных о реальном познавательном состоянии учащихся.

Формирование метакогнитивного мониторинга

Особое значение имеет развитие у учащихся способности к осмыслению и контролю собственных познавательных процессов. Через обратную связь, вопросы и специальные инструменты самопроверки учитель может побуждать их к метакогнитивному анализу: распознаванию перегрузки, оценке достаточности понимания, выбору стратегии и своевременному обращению за помощью [19]. В этот момент учащийся перестаёт быть пассивным носителем когнитивной нагрузки и становится активным субъектом управления своими когнитивными ресурсами. Именно это является одним из важнейших условий перехода к глубокому обучению и формирования способности к обучению в течение всей жизни.

Оценка когнитивной нагрузки на основе данных и итеративная оптимизация преподавания

Анализ оценочных данных и комплексная оценка результата

Учителю необходимо систематически собирать и анализировать данные формирующего оценивания, продукты деятельности учащихся и результаты итоговой проверки [20]. При этом анализ не должен ограничиваться показателем правильности ответов; его следует направлять на реконструкцию всего когнитивного процесса: какие цели были достигнуты большинством учащихся без затруднений, где и почему концентрировались ошибки, какие элементы обучения оказались наиболее продуктивными. Такие данные дают основание для оценки общего эффекта управления внешней, внутренней и релевантной когнитивной нагрузкой.

Выявление источников затруднений и адресная оптимизация

После фиксации трудностей необходим причинный анализ: связано ли затруднение с недостаточно точной декомпозицией целей, неудачным предъявлением примера, вызывающим рассеяние внимания, или с несвоевременной и недостаточно конкретной обратной связью. Такой анализ позволяет точечно корректировать структуру задач, характер опор, способы представления материала и параметры оценивания. Благодаря этому в следующем цикле обучения управление когнитивной нагрузкой становится более точным и эффективным.

3. Выход за пределы отдельного урока: долгосрочная перспектива

Согласованность «преподавание – учение – оценивание» не должна замыкаться в пределах одного занятия. Она должна распространяться на учебный модуль и весь образовательный этап, где отдельные уроки образуют единую линию когнитивного развития. В этой связи учителю важно соотносить цели уроков внутри модуля с ключевыми компетенциями и большими идеями содержания, обеспечивая, чтобы схемы, сформированные на одном уроке, становились основанием для их последующей интеграции и автоматизации на следующем [21]. Межурочные накопительные задания позволяют отслеживать динамику понимания и переноса знаний, а управление когнитивной нагрузкой в длительной перспективе поддерживает развитие схем от простых к сложным, от изолированных к интегрированным и от неустойчивых к автоматизированным.

Таким образом, в перспективе теории когнитивной нагрузки сущность согласованности «преподавание – учение – оценивание» заключается в оптимизации распределения когнитивных ресурсов учащихся. Её реализация требует, во-первых, чётких целей и научно обоснованного проектирования, снижающих внешнюю нагрузку; во-вторых, структурированных задач, соотносимых с внутренней нагрузкой; и, в-третьих, своевременной обратной связи, направляющей ресурсы учащихся к релевантной когнитивной нагрузке и способствующей построению и автоматизации схем. На этой основе трёхэтапный цикл «предварительное проектирование – мониторинг – оптимизация» становится операциональной рамкой, позволяющей перевести согласованность с уровня формального соответствия на уровень реального когнитивного развития. Именно такой подход создаёт основания для снижения учебной перегрузки, повышения эффективности урока и устойчивого формирования компетенций, обеспечивая переход от «хорошего преподавания» к «глубокому учению» и от простого усвоения знаний к полноценному развитию личности и образовательного потенциала

Заключение

Проведённый анализ показал, что в перспективе теории когнитивной нагрузки сущность согласованности «преподавание – учение – оценивание» состоит в целенаправленной оптимизации распределения когнитивных ресурсов учащихся. Практические затруднения её реализации связаны не только с методическими недоработками, но и с тем, что в образовательной практике преобладает внешне-дидактическое понимание согласованности, тогда как внутренние механизмы познавательной деятельности учащихся нередко остаются вне поля системного внимания. Именно поэтому размытость целей, разрыв между проектированием и реальным учением, а также сужение функций оценивания приводят к росту избыточной когнитивной нагрузки и ослабляют развивающий потенциал урока. В этой связи теория когнитивной нагрузки позволяет не только объяснить причины указанных затруднений, но и переосмыслить согласованность «преподавание – учение – оценивание» как механизм управления внешней, внутренней и релевантной когнитивной нагрузкой в интересах глубокого учения.

Практический результат исследования заключается в обосновании трёхэтапного цикла «предварительное проектирование – мониторинг – оптимизация», который переводит согласованность с уровня формального соответствия на уровень реального когнитивного развития учащихся. Его реализация предполагает: чёткое целеполагание и рациональный дизайн обучения как средство снижения внешней нагрузки; структурирование учебных задач и гибкую педагогическую поддержку как способ адаптации внутренней нагрузки; а также встроенное формирующее оценивание и развивающую обратную связь как механизм активации релевантной нагрузки и формирования метакогнитивной саморегуляции. Тем самым создаются условия для перехода от поверхностного усвоения к глубокому обучению, от накопления знаний к формированию компетентности, а от формального «совпадения» компонентов урока к их реальной когнитивной интеграции. Перспективы дальнейшей разработки темы связаны с эмпирической верификацией предложенной модели в различных предметных областях и на разных уровнях школьного образования.

Литература

1. Цуй Юньхо. Согласованность «преподавание – учение – оценивание»: ключ к углублению реформы куррикулума и преподавания // Китайское базовое образование. 2024. № 1. С. 18–22.
2. Лэй Хао, Чжоу Яньвэй, Оу Ян. Согласованность «преподавание – учение – оценивание» в условиях новой учебной программы и пути её реализации // Народное образование. 2023. № 22. С. 64–67.
3. Чжао Дэчэн. Формулирование учебных целей в перспективе согласованности «преподавание – учение – оценивание» // Учебные программы. Учебные материалы. Методы обучения. 2025. Т. 45, № 3. С. 13–20.
4. У Ханьцин, Гао Сянди. Отклонения в понимании концепции интеграции «преподавание – учение – оценивание», практические затруднения и пути их преодоления // Исследования педагогической науки. 2022. № 2. С. 54–58, 66.
5. Сюй Лунхай, Сюй Аньтэ. Логика проектирования и педагогическая парадигма учебных задач повышенной сложности в начальной и средней школе // Теория и практика образования. 2025. Т. 45, № 35. С. 54–59.
6. Ван Вэньчжи. Проектирование учебных задач в перспективе целостно-ориентированного педагогического дизайна // Глобальные перспективы образования. 2022. Т. 51, № 8. С. 39–51.
7. Сунь Вэй, Чэн Цзичунь. Затруднения и пути их преодоления: рефлексия и исследование оценки преподавания в старшей школе в контексте ключевых компетенций // Теория и практика образования. 2025. Т. 45, № 29. С. 14–20.
8. Тан Гохуа. Снижение когнитивной нагрузки: теоретическое осмысление и анализ путей решения // Современная педагогическая наука. 2011. № 12. С. 29–31.
9. Ван Мин, Цао Даопин. Исследование эффективного педагогического дизайна на основе теории когнитивной нагрузки // Современные образовательные технологии. 2013. Т. 23, № 5. С. 16–19.

10. Чэ Цзиншан, Сунь Хайлун, Сяо Чэньцзе и др. Почему информационная перегрузка ухудшает принятие решений? Объяснение на основе ограниченности когнитивных ресурсов // Достижения психологической науки. 2019. Т. 27, № 10. С. 1758–1768.

11. Цзи Ян, Хуан Бинъяо. Зона развития значения и порождающее самоскаффолдирование // Исследование высшего инженерного образования. 2021. № 5. С. 187–193.

12. Чжун Цицюань. Глубокое обучение как маркер трансформации урока // Глобальные перспективы образования. 2021. Т. 50, № 1. С. 14–33.

13. Му Дэфан, Чэнь Инхэ. Влияние метакогнитивного мониторинга у учащихся старших классов начальной школы на результаты когнитивных операций: регулирующая роль исполнительных функций // Психологическое развитие и образование. 2021. Т. 37, № 3. С. 305–312.

14. Цзян Сун, Суй Годун. Теоретическая интерпретация, базовая логика и стратегии продвижения согласованности «преподавание – учение – оценивание» // Передовые исследования иноязычного образования. 2025. Т. 8, № 6. С. 3–12.

15. Линь Хунсинь, Ма Цюань, Гуань Сяо и др. Эффект истощения ресурсов рабочей памяти при онлайн-обучении математике на основе образцов // Журнал математического образования. 2022. Т. 31, № 6. С. 24–29.

16. Уиггинс Г., Мактай Дж. Проектирование обучения, ориентированного на понимание. 2-е изд. / пер. Янь Ханьбин, Сун Сюэлянь, Лай Пин. Шанхай: Изд-во Восточно-Китайского педагогического университета, 2017.

17. Чжао Дэчэн. Как возможна согласованность «преподавание – учение – оценивание» // Учебные программы. Учебные материалы. Методы обучения. 2024. Т. 44, № 5. С. 55–63, 79. DOI: 10.19877/j.cnki.kcjcjf.2024.05.012.

18. Цинь Чуньхуа, Цзян Цзяюэ, Ли Цинган. Концептуальный анализ формирующего оценивания и пути его практической реализации // Китайские экзамены. 2025. № 11. С. 22–33. DOI: 10.19360/j.cnki.11-3303/g4.2025.11.003.

19. Му Дэфан, Чэнь Инхэ. Влияние метакогнитивного мониторинга у учащихся старших классов начальной школы на результаты когнитивных операций: регулирующая роль исполнительных функций // Психологическое развитие и образование. 2021. Т. 37, № 3. С. 305–312.

20. Чжан Чжихун, Ван Цзяюэ. Исследование оценивания, способствующего обучению учащихся // Журнал сравнительного образования. 2021. № 1. С. 99–111.

21. Фэн Ян, Ван Жуншэн. Учебная деятельность в перспективе крупного учебного модуля: базовое содержание, организационная логика и принципы проектирования // Учебные программы. Учебные материалы. Методы обучения. 2025. Т. 45, № 2. С. 107–113.

THEORETICAL LOGIC AND PRACTICAL PATH FOR IMPLEMENTING THE ALIGNMENT OF "TEACHING–LEARNING–ASSESSMENT" FROM THE PERSPECTIVE OF COGNITIVE LOAD THEORY

Jiang Yuqin, Chen Sihan
Xinjiang Normal University

This article examines the alignment of "teaching–learning–assessment" as a key condition for improving educational quality and analyzes the main difficulties in its implementation in contemporary school practice, including vague learning objectives, the gap between instructional design and actual learning, and the weakening of the developmental function of assessment. The study is theoretically grounded in cognitive load theory, which makes it possible to interpret alignment not only in didactic but also in cognitive terms. It is shown that effective alignment requires reducing extraneous cognitive load through precise goal setting and rational instructional design, adapting intrinsic cognitive load through the structuring of learning tasks, and activating germane cognitive load through formative assessment and constructive feedback. On this basis, the article substantiates a practical three-stage cycle–"pre-design – monitoring – optimization"–aimed at moving from the formal correspondence of lesson components to students' genuine cognitive development and the sustained formation of key competencies.

Keywords: Teaching–Learning–Assessment Alignment, Cognitive Load Theory, Formative Assessment, Cognitive Development, Instructional Design.

References

1. Cui Yunho. "Teaching-Learning-Assessment Coherence": The Key to Deepening Curriculum and Teaching Reform // China Basic Education. 2024. No. 1. pp. 18–22.

2. Lei Hao, Zhou Yanwei, Ou Yang. "Teaching-Learning-Assessment Coherence" in the Context of the New Curriculum and Ways of Its Implementation // Public Education. 2023. No. 22. pp. 64–67.

3. Zhao Decheng. Formulating Learning Objectives from the Perspective of "Teaching-Learning-Assessment Coherence" // Curricula. Educational Materials. Teaching Methods. 2025. Vol. 45, No. 3. pp. 13–20.

4. Wu Hanqing, Gao Xiangdi. Deviations in Understanding the Concept of Integrating "Teaching-Learning-Assessment", Practical Difficulties and Ways to Overcome Them // Research in Pedagogical Science. 2022. No. 2. pp. 54–58, 66.

5. Xu Longhai, Xu Ante. Design Logic and Pedagogical Paradigm of High-Complexity Learning Tasks in Primary and Secondary School // Theory and Practice of Education. 2025. Vol. 45, No. 35. pp. 54–59.

6. Wang Wenzhi. Design of Learning Tasks in the Perspective of Holistic-Oriented Instructional Design // Global Perspectives on Education. 2022. Vol. 51, No. 8. pp. 39–51.

7. Sun Wei, Cheng Jichun. Difficulties and Ways to Overcome Them: Reflection and Research on Teaching Assessment in High School in the Context of Key Competencies // Theory and Practice of Education. 2025. Vol. 45, No. 29, pp. 14–20.

8. Tang Guohua. Reducing Cognitive Load: Theoretical Understanding and Analysis of Solutions // Modern Pedagogical Science. 2011. No. 12, pp. 29–31.

9. Wang Ming, Cao Daoping. A Study of Effective Instructional Design Based on Cognitive Load Theory // Modern Educational Technologies. 2013. Vol. 23, No. 5, pp. 16–19.

10. Che Jingshan, Sun Hailong, Xiao Chenjie, et al. Why Does Information Overload Impair Decision Making? Explanation Based on Limited Cognitive Resources // Advances in Psychological Science. 2019. Vol. 27, No. 10, pp. 1758–1768.

11. Ji Yang, Huang Bingyao. Meaning Development Zone and Generative Self-Scaffolding // Research in Higher Engineering Education. 2021. No. 5, pp. 187–193.

12. Zhong Qiquan. Deep Learning as a Marker of Lesson Transformation // Global Perspectives on Education. 2021. Vol. 50, No. 1, pp. 14–33.

13. Mu Defang, Chen Yinghe. The Effect of Metacognitive Monitoring on Cognitive Performance in Senior Elementary School Students: The Regulatory Role of Executive Functions // Psychological Development and Education. 2021. Vol. 37, No. 3, pp. 305–312.

14. Jiang Song, Sui Guodong. "Theoretical Interpretation, Underlying Logic, and Strategies for Promoting Teaching–Learning–Assessment Coherence." J. Foreign Language Education (2025). Vol. 8, No. 6, pp. 3–12.

15. Lin Hongxin, Ma Quan, Guan Xiao, et al. "The Effect of Working Memory Resource Depletion in Exemplar-Based Online Mathematics Teaching." Journal of Mathematics Education (2022). Vol. 31, No. 6, pp. 24–29.

16. Wiggins G., McTighe J. Designing Understanding-Centered Instruction. 2nd ed. / trans. Yan Hanbing, Song Xuelian, Lai Ping. Shanghai: East China Normal University Press, 2017.

17. Zhao Decheng. How to Integrate Teaching, Learning, and Assessment // Curriculums. Teaching Materials. Teaching Methods. 2024. Vol. 44, No. 5. pp. 55–63, 79. DOI: 10.19877/j.cnki.kcjcjf.2024.05.012.

18. Qin Chunhua, Jiang Jiayue, Li Qinggang. Conceptual Analysis of Formative Assessment and Ways of Its Practical Implementation // Chinese Examinations. 2025. No. 11. pp. 22–33. DOI: 10.19360/j.cnki.11-3303/g4.2025.11.003.

19. Mu Defang, Chen Yinghe. The Effect of Metacognitive Monitoring on Cognitive Performance in Senior Primary School Students: The Moderating Role of Executive Functions // Psychological Development and Education. 2021. Vol. 37, No. 3, pp. 305–312.

20. Zhang Zhihong, Wang Jiayue. A Study on Assessment that Promotes Student Learning // Journal of Comparative Education. 2021. No. 1, pp. 99–111.

21. Feng Yang, Wang Rongsheng. Learning Activities in the Perspective of a Large Educational Module: Basic Content, Organizational Logic, and Design Principles // Curricula. Educational Materials. Teaching Methods. 2025. T. 45, No. 2. pp. 107–113.

Социальная реальность интернет-коммуникации в эпоху искусственного интеллекта: онтологические трансформации субъектности и квазисубъектность

Гараева Галина Фаизовна,

доктор философских наук, профессор, кафедра гуманитарных наук, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: gfgaraeva@fa.ru

Шарова Марина Александровна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: masharova@fa.ru

Статья посвящена социально-философскому анализу трансформации социальной реальности интернет-коммуникации под воздействием технологий искусственного интеллекта. В статье даётся характеристика социальной реальности в сопоставлении с природными формами бытия, выявляются её существенные признаки – интерсубъективность, смысловая природа и процессуальность. Также в статье анализируется генезис интернет-коммуникации как результата цифровизации и превращение ее в самостоятельный фактор формирования социовиртивной среды. Авторы статьи раскрывают специфику цифровой социальной реальности, обогащённой присутствием систем искусственного интеллекта. Обосновывается тезис о том, что внедрение нечеловеческих агентов, обладающих квазисубъектностью, приводит к фундаментальной онтологической трансформации – формированию гибридной социальной среды, где человеческая субъектность реконфигурируется во взаимодействии с алгоритмическими псевдосубъектами. Методологическую основу исследования составляют теории социальной реальности, теория социального конструирования реальности, концепции сетевого общества и акторно-сетевая теория.

Ключевые слова: социальная реальность, интернет-коммуникация, искусственный интеллект, цифровизация, социовиртивная среда, сетевое общество, интерсубъективность, квазисубъектность, гибридная социальность, реконфигурация субъекта, онтология социального.

Введение

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий привело к фундаментальным изменениям в способах организации человеческого общежития. Интернет, возникший как технический проект, превратился в глобальную среду социального взаимодействия, что позволяет говорить о формировании особого типа социальной реальности, требующей философского осмысления. Сегодняшний этап знаменуется экспансией искусственного интеллекта – систем, способных к обучению, генерации контента и автономному взаимодействию. Внедрение искусственного интеллекта в интернет-коммуникацию добавляет новое измерение: наряду с человеческими акторами начинают действовать нечеловеческие агенты, претендующие на статус квазисубъектов. Это ставит перед социальной философией вопрос о трансформации самой онтологии социального и о реконфигурации человеческой субъектности в условиях взаимодействия с алгоритмическими системами. Фактор искусственной социальности (квазисоциальности), возникающей во взаимодействии человека и искусственного интеллекта, влечёт за собой трансформации онтологического порядка.

Цель статьи – выявить и концептуально осмыслить особенности социальной реальности интернет-коммуникации под воздействием технологий искусственного интеллекта. Задачи, которые необходимо решить: дать характеристику социальной реальности как особого онтологического типа; проанализировать генезис интернет-коммуникации в условиях цифровизации; раскрыть специфику цифровой социальной среды и показать как внедрение искусственного интеллекта трансформирует её параметры; концептуализировать феномен квазисубъектности и связанные с ним сдвиги в человеческой субъектности.

Методологическую основу статьи составляют социально-философские концепции социальной реальности, теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, концепция сетевого общества М. Кастельса, информационная онтология Л. Флориди, акторно-сетевая теория Б. Латура, а также современные исследования в области философии искусственного интеллекта и цифровой социальности[1, 6, 7, 10].

Онтологический статус социальной реальности

Понятие «реальность» предполагает дифференциацию онтологических областей в зависимости от типа бытия. Физическая реальность выступает базовым уровнем объективно существующих материальных объектов и процессов, подчиняющихся законам природы. Над ней надстраиваются химическая и биологическая реальности, каждая из которых характеризуется эмерджентными свойствами, не редуцируемыми к нижележащим уровням. Социальная реальность представляет собой качественно иной тип бытия, не сводимый к природным формам. Как отмечает Е.В. Большаков: «…социальная реальность едина, но гетерогенна, она представляет собой сложную систему, элементами которой являются: человеческая субъективность; интерсубъективные структуры; технологические (цифровые) артефакты, обладающие собственной агентностью и способностью модифицировать социальные связи» [2, с. 346].

Социальная реальность конституируется как интерсубъективная система смыслов, существуя не как сумма изолированных сознаний, а как разделяемый мир общих значений и практик. Социальные феномены – деньги, государство, право, мораль – лишены материального субстрата, но обретают реальность благодаря смыслам, которыми их наделяют участники взаимодействия. Согласно теории П. Бергера и Т. Лукмана, социальная реальность непрерывно воспроизводится и трансформируется в процессах экстернализации, объективации и интернализации. Ей присущи нормативность (системы правил и предписаний), символичность (опосредованность языком) и историчность. Принципиальное отличие социальной реальности в том, что, обладая онтологически зависимым статусом и существуя исключительно благодаря человеческой способности к интерсубъективному взаимодействию и наделению мира смыслом, она тем не менее приобретает собственную каузальность и оказывает обратное воздействие на своих создателей. Как отмечает В.С. Левицкий, в социальной реальности можно выделить три взаимосвязанных уровня: эмпирический (отно-

шения с чувственно воспринимаемым миром), трансцендентальный (механизмы конструирования смыслов) и трансцендентный (метафизические основы социального бытия) [8]. Эта трёхуровневая структура охватывает различные аспекты социального бытия – от непосредственных взаимодействий до глубинных онтологических оснований.

Интернет-коммуникация в социально-философском измерении

Возникновение интернет-коммуникации стало возможным благодаря конвергенции технологических направлений второй половины XX века. Решающим фактором выступила цифровизация – перевод разнородной информации в единый цифровой формат. Цифровизация представляет собой цивилизационный сдвиг, сопоставимый с изобретением письменности. М. Кастельс подчеркивает, что материальная основа развития технологий позволяет, например, сетевой форме организации проникать во все структуры общества [6, с. 494].

В социально-философском плане цифровизация означает качественное изменение способов производства, хранения и передачи социально значимой информации. Если в традиционном обществе информация была привязана к материальным носителям, то в цифровую эпоху она приобретает свойство мгновенной глобальной транслируемости, что трансформирует пространственно-временные координаты социального взаимодействия.

Интернет-коммуникация как новый тип социального взаимодействия и генератор особой социальной среды

Интернет-коммуникация представляет собой качественно новый тип социального взаимодействия. Она характеризуется глобальностью и децентрализованностью, мультимедийностью и интерактивностью, асинхронностью и документированностью, анонимностью и псевдонимностью, а также масштабируемостью и виральностью. Именно превращение виртуальной реальности в значимый ресурс и фактор социального взаимодействия составляет суть происходящего онтологического сдвига. Первоначально интернет-коммуникация воспринималась как дополнительный канал связи, однако с ростом числа пользователей она превратилась в особую социальную среду, обладающую собственной онтологией.

Социовиртивная реальность как новый онтологический тип

Для обозначения специфической социальной среды, формируемой интернет-коммуникацией, сегодня используется понятие «социовиртивная реальность». Как определяют О.Н. Герман и Н.М. Панькова: «… социовиртивность понимается как процесс адаптации личности к многовариантной цифровой среде» [4, с. 200]. Социовиртивная реальность характеризуется гибридностью как неразрывное переплетение цифровых и социальных элементов, алгоритмической опосредованностью, множественностью и фрагментарностью, а также новым типом темпоральности, в котором прошлое, настоящее и будущее сосуществуют в едином цифровом пространстве. В этой среде формируются новые типы социальных связей, отличающиеся гибкостью и масштабируемостью.

Одним из наиболее значимых аспектов социовиртивной реальности является формирование «цифровой интерсубъективности», опосредованной платформами и алгоритмами. Как подчёркивает Е.В. Большаков, «источником нормативности в XXI веке выступает не изолированный человеческий субъект, но субъект, взаимодействующий с цифровым пространством, а механизмом выбора норм служит трансформированная цифровыми технологиями интерсубъективность, требующая новых этико-правовых гарантий своей подлинности» [2, с. 346]. Цифровая интерсубъективность характеризуется расширением круга значимых других, множественностью идентичностей и трансформацией механизмов социального признания (лайки, репосты, подписчики). Это фундаментальное изменение способа бытия человека в мире имеет глубокие антропологические последствия.

Вопрос об онтологическом статусе цифровой социальной реальности занимает одно из центральных мест в современной социальной философии, и в исследовательской литературе можно выделить несколько конкурирующих подходов к его решению. Сторонники редукционистского подхода рассматривают цифровую реальность как эпифеномен, вторичный по отношению к «настоящей» физической и социальной реальности. С этой точки зрения онлайн-взаимодействия предстают лишь «тенью» реальных социальных отношений. Альтернативу редукционизму составляет второй подход – конструктивистский, в рамках которого цифровая реальность понимается как продукт социального конструирования, аналогичный другим социальным институтам. Наконец, третий подход – онтологический плюрализм – признаёт цифровую реальность особой онтологической областью, несводимой к другим типам реальности, но при этом активно взаимодействующей с ними. Наиболее продуктивным представляется именно третий подход, поскольку он позволяет учитывать как специфику цифровой социальной реальности, так и её неразрывную связь с другими онтологическими уровнями. При этом важно подчеркнуть, что цифровая (логически независимая от своего материального носителя) и аналоговая (существующая как прямое, физическое соответствие с отображаемым явлением) реальности не являются взаимоисключающими онтологическими типами, но представляют собой различные модусы существования социального.

Таким образом, интернет-коммуникация породила качественно новую социальную среду – социовиртивную реальность, которая обладает собственной онтологией, темпоральностью и нормативностью.

Искусственный интеллект как новый актор цифровой социальной среды. От алгоритма к псевдосубъекту

Современный этап характеризуется массовым внедрением систем искусственного интеллекта, которые становятся активными участниками коммуникаций. С позиций акторно-сетевой теории Б. Латура, системы искусственного интеллекта следует рассматривать как нечеловеческих актантов, обладающих агентностью. Их внедрение ведёт к формированию того, что А.В. Резаев и Н.Д. Трегубова называют «искусственной социальностью» или «иной социальностью» – социальной реальностью, в которой «человеческое» и «машинное» сосуществуют и взаимно определяют друг друга [9].

Если классическая философия связывала субъектность с сознанием и свободой воли человека, то современные системы искусственного интеллекта демонстрируют свойства квазисубъектности: автономное функционирование, самообучение, генерацию нового контента, имитацию понимания. Искусственный интеллект проявляет качества, имитирующие субъектность, которые становятся основой для его восприятия пользователями не как инструмента, а как партнёра по коммуникации. Такое восприятие искусственного интеллекта является социальным фактом, имеющим реальные последствия: пользователи выстраивают с чат-ботами эмоциональные отношения, доверяют их рекомендациям, испытывают потребность в коммуникации.

В.Г. Буданов вводит важное концептуальное понятие «техносубъекта» – гибридной человеко-машинной системы, в которой искусственный интеллект берёт на себя часть когнитивных функций. Взаимодействие с техносубъектом происходит в режиме «посткритической рациональности», когда человек склонен доверять алгоритмическим выводам, не всегда проверяя их основания. Подобного рода риски также сегодня становятся объектом социально-философского осмысления.

Трансформация человеческой субъектности: реконфигурация субъекта в эпоху интеллекта

Включение квазисубъектов в интернет-коммуникацию ведёт к фундаментальной трансформации человеческой субъектности. Этот процесс можно описать как реконфигурацию субъекта или, используя терминологию, предложенную Р.Р. Карнеевым, как «пересборку субъекта» [5]. Взаимодействуя с искусственным интеллектом, человек доопределяет границы своего «Я», передавая алгоритмическим системам часть когнитивных и творческих функций.

Как верно отмечает Р.Р. Карнеев, субъектность в цифровой среде реализуется через «субъектную мембрану» – подвижную и избирательно проницаемую границу между человеческим и нечеловеческим. В процессе коммуникации с нейросетью эта мембрана деформируется: формулируя запрос, человек экстернализирует замысел, а получая ответ, интернализирует его, делая частью своего знания или творческого продукта. Субъектность становится распределённой и гибридной. С одной стороны, это расширяет возможности человека (гибридный интеллект), с другой – порождает риски десубъективации и утраты критической автономии.

Формирующийся новый тип интерсубъективности можно назвать «гибридной интерсубъективностью». Она включает не только связи «человек-человек», но и цепочки «человек-искусственный интеллект-человек», а также диалог «человек-искусственный интеллект», который, несмотря на асимметричность, порождает социальные эффекты и влияет на идентичность участников.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Социальная реальность представляет собой качественно особый тип бытия с признаками интерсубъективности, смысловой природы, про-

цессуальности, нормативности, символичности и историчности. Цифровизация же привела к формированию социовиртивной реальности с собственной онтологией и темпоральностью.

Современный этап в развитии социальной реальности характеризуется появлением нечеловеческих акторов – систем искусственного интеллекта, которые, демонстрируя субъектоподобные качества, обретают статус квазисубъектов или техносубъектов.

Включение квазисубъектов инициирует процесс реконфигурации человеческой субъектности: субъектность становится гибридной и распределённой, реализуясь через «субъектную мембрану». В итоге, формируется гибридная интерсубъективность.

Онтологическим следствием описанных процессов выступает возникновение гибридной социальной реальности, в которой человеческие и нечеловеческие агенты сосуществуют и взаимно определяют друг друга. Эта реальность несёт как потенциал для расширения когнитивных возможностей, так и риски десубъективации, потери автономии и новых форм цифрового неравенства.

Интернет-пространство эпохи искусственного интеллекта представляет собой качественно новую форму гибридного социального бытия, требующую дальнейшего социально-философского и междисциплинарного изучения.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с нем. Е. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Большаков, Е.В. Социальная реальность как онтологическая основа соотношения нравственности, морали и права: от антропоцентричной объективации к кибернетической интерсубъективности // Манускрипт. – 2026. – Т. 19, № 1. – С. 346–353.
3. Буданов В.Г. Техносубъект и антропосоциальные проблемы взаимодействия с искусственным интеллектом: синергия, демаркация, новая рациональность, риски // Философские науки. – 2024. – Т. 67, № 3. – С. 27–52.
4. Герман О. Н., Панькова, Н.М. Трансформация модели сознания в условиях социовиртивной реальности // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53, № 4. – С. 200–213.
5. Карнеев Р.Р. Пересборка субъекта и субъектная мембрана: философское осмысление образования в эпоху нейросетей // Высшее образование в России. – 2025. – Т. 34, № 6. – С. 136–151.
6. Кастельс М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 494–505.
7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
8. Левицкий В.С. Структура социальной реальности и её особенности в постсекулярную эпоху // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2021. – № 3. – С. 46–63.
9. Резаев А. В., Трегубова, Н.Д. Иная социальность: опыт теоретической рефлексии // Социологические исследования. – 2025. – № 11. – С. 13–24.
10. Флориди Л. Информация: очень краткое введение / пер. с англ. А.С. Мишуры. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 176 с.

THE SOCIAL REALITY OF INTERNET COMMUNICATION IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: ONTOLOGICAL TRANSFORMATIONS OF SUBJECTIVITY AND QUASI-SUBJECTIVITY

Garaeva G.F., Sharova M.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to a socio-philosophical analysis of the transformation of the social reality of Internet communication under the influence of artificial intelligence technologies. The article describes social reality in comparison with natural forms of being, reveals its essential features – intersubjectivity, semantic nature and processuality. The article also analyzes the genesis of Internet communication as a result of digitalization and its transformation into an independent factor in the formation of a sociovirtual environment. The authors of the article reveal the specifics of digital social reality, enriched by the presence of artificial intelligence systems. The thesis is substantiated that the introduction of non-human agents with quasi–subjectivity leads to a fundamental ontological transformation – the formation of a hybrid social environment where human subjectivity is reconfigured in interaction with algorithmic pseudo-subjects. The methodological basis of the research consists of theories of social reality, theory of social construction of reality, concepts of network society and actor-network theory.

Keywords: social reality, Internet communication, artificial intelligence, digitalization, sociovirtual environment, network society, intersubjectivity, quasi-subjectivity, hybrid sociality, subject reconfiguration, social ontology.

References

1. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge / translated from German by E. Rutkevich, Moscow: Medium, 1995–323 p.
2. Bolshakov E.V. Social reality as the ontological basis of morality, morality and law: from anthropocentric objectification to cybernetic intersubjectivity // Manuscript. – 2026. – Vol. 19, № 1. – p. 346–353.
3. Budanov V.G. Technosubject and anthroposocial problems of interaction with artificial intelligence: synergy, demarcation, new rationality, risks // Philosophical Sciences. 2024. Vol. 67, № 3. – p. 27–52.
4. German O.N., Pankova N.M. Transformation of the model of consciousness in the conditions of sociovirtual reality // Vectors of well-being: economics and society. – 2025. – Vol. 53, № . 4. – p. 200–213.
5. Karneev R.R. Reassembly of the subject and the subject membrane: philosophical understanding of education in the era of neural networks // Higher education in Russia. – 2025. – Vol. 34, № . 6. – p. 136–151.
6. Castells M. The formation of a society of network structures / M. Castells // The new post-industrial wave in the West. Anthology / edited by V.L. Inozemtsev. Moscow: Academia, 1999. – p. 494–505.
7. Latour B. Reassembly of the social: an introduction to actor-network theory / translated from English by I. Polonskaya; edited by S. Gavrilenko. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. – 384 p.
8. Levitsky V.S. The structure of social reality and its features in the post-secular era // Bulletin of the Moscow University. Episode 7: Philosophy. – 2021. – № . 3. – p. 46–63.
9. Rezaev A.V., Tregubova N.D. Other sociality: the experience of theoretical reflection // Sociological research. – 2025. – № . 11. – Pp. 13–24.
10. Floridi L. Information: a very brief introduction / translated from English by A.S. Mishura. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. – 176 p.

Семейные коммуникации в цифровом пространстве

Чеснокова Леся Владимировна,
кандидат философских наук, доцент, кафедра международных отношений, социологии и политологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

В статье рассматриваются трансформации, произошедшие в сфере семейных коммуникаций. Подобно многим другим социальным практикам, семейное общение частично перешло в цифровую среду. Отмечаются как позитивные, так и негативные стороны использования социальных сетей и мессенджеров для семейного общения. К позитивным сторонам цифровой семейной коммуникации относятся: скорость, дешевизна, преодоление географических барьеров, возможность использовать видео– и фотоформат, возможность поддерживать социальные связи пожилым и маломобильным людям. К недостаткам относятся: невозможность передать все смыслы и эмоции, возникновение Интернет–зависимости, цифровое неравенство, риски для приватной информации. Утверждается, что новые технологии – это инструмент, который можно использовать как во благо, так и во вред человеку. Важно сохранять баланс между реальным и виртуальным общением.

Ключевые слова: семейная коммуникация, цифровые коммуникации, социальные сети и мессенджеры, информационная приватность.

В настоящее время Интернет–технологии стали неотъемлемой частью нашей реальности. Многие виды человеческой деятельности в политической, экономической, образовательной и культурной сфере опосредованы цифровыми технологиями. Они изменили способы повседневного человеческого взаимодействия, размыв границы пространства и времени. Географические расстояния и государственные границы более не являются преградой для коммуникации.

Развитие технологий и средств коммуникации также изменило взаимоотношения и взаимодействия в семье. Семейные коммуникации в современном мире во многом переведены в онлайн среду. Социальные сети и мессенджеры, такие как ВКонтакте, WhatsApp. Твиттер и т.п. стали важным инструментом семейной коммуникации. Модели общения в семье значительно изменились в связи с развитием информационных и коммуникационных технологий. Влияние социальных сетей на семейные отношения – это многогранное явление, включающее как позитивные, так и негативные аспекты. В научной литературе и в публицистике наиболее часто высказываются опасения по поводу чрезмерного использования социальных сетей, особенно подростками и молодежью. С точки зрения социологии культуры проблемы семейной коммуникации вызывают интерес, поскольку семья представляет собой модель общества, в которой отражаются социальные отношения и проблемы, социальные нормы, роли, ценности, представления о счастье и долге. Цель исследования – понять роль социальных сетей в семейном общении в эпоху цифровых технологий, а также определить их преимущества, проблемы и риски для семейного взаимодействия.

Семья в социогуманитарных науках трактуется как важнейший социальный институт, сообщество, объединённое супружескими, родительскими и родственными связями, обеспечивающее воспроизводство населения, передачу культурного опыта поколений, поддержку и взаимопомощь. Это малая социальная группа, «доступ в которую закрыт для чужих. Здесь мы организуем жизнь по собственному вкусу, с людьми, которые нам близки. Индивиды образуют семью, когда они имеют постоянные отношения: ведут совместное хозяйство, делят ресурсы и сами признают себя семьей» [1, с. 85].

Семейное общение предполагает вербальный и невербальный обмен информацией между членами семьи, осуществляющий поддержание связей и социализацию подрастающего поколения. Семейные коммуникации трансформировались на протяжении человеческой истории. Сначала было возможно только непосредственное взаимодействие, потом, по мере развития средств связи, распространение получило эпистолярное общение, затем –общение по телефону. Сейчас существует множество способов коммуникации: видеосвязь, социальные сети, месесенджеры и т.д. «Ещё в конце прошлого века мы могли говорить только о таких проявлениях письменных жанров семейной коммуникации как письмо и записка. Сейчас эти жанры «перешли» в виртуальную реальность – электронные письма, СМС, заметки в телефоне и сообщения в социальных сетях и мессенджерах» [2, с. 82].

Но как бы не менялись формы семейного общения, оно продолжает играть важнейшую роль в жизни людей, поскольку семья является «основным элементом социальной структуры, который играет решающую роль в формировании индивидуальных ценностей, норм и поведения. Динамика общения в семейной среде оказывает существенное влияние на взаимоотношения между членами семьи и их психосоциальное развитие» [3, с. 750].

В отличие от традиционного семейного общения, коммуникация в цифровом пространстве обладает следующими признаками: возможностью делиться фото– и видеоизображениями, а также применением таких графических изображений, как эмотиконы и смайлы, используемые в связи с невозможностью видеть мимику и жестикуляцию собеседника. «Чаще всего в семейной коммуникации смайлики используются в тематических группах признания, просьбы и приветствия» [4, с. 239–240].

Как и у любой другой технологии, у цифровой семейной коммуникации существуют положительные и отрицательные стороны.

С одной стороны, изобретение новых технологий дало человечеству множество возможностей:

Социальные сети не просто служат инструментом для обмена информацией, но выступают связующим звеном, своего рода «виртуальным мостом» между членами семьи, разделенными расстоянием.

Ранее родственники, проживающие в разных городах, общались с помощью почтовой корреспонденции или междугородних телефонных звонков. Сейчас это протекает гораздо быстрее, проще и дешевле. «В ситуациях, когда члены семьи не могут встретиться лично, например, из–за занятости на работе, учебе или удаленности от дома, социальные сети являются эффективным решением, позволяющим оставаться на связи» [5, с. 2521]. Сегодня семьи могут делиться происходящими в их жизни событиями помощью социальных сетей. Фотографиями, видео и историями можно мгновенно обмениваться, что позволяет географически разделенным членам семьи чувствовать себя более вовлеченными в жизнь друг друга. Социальные сети позволяют сохранять и поддерживать родственные отношения, которые в противном случае ослабли бы из–за невозможности регулярных контактов.

Социальные сети и мессенджеры предлагают множество форматов коммуникации: обмен текстовыми сообщениями, фото, видео, мемами, шутками укрепляет социальные связи. Люди могут делиться важными моментами своей жизни, выкладывать фотографии или видео отпуска или семейных праздников. Это еще сильнее обогащает общение и служит укреплению семейных уз и родственной сплоченности, создавая более глубокое чувство семейной принадлежности.

Простота, скорость и дешевизна использования цифровых платформ позволяют членам семьи постоянно оставаться на связи. Родители и дети или взрослые члены семьи и престарелые родственники могут в любой момент связаться друг с другом, что снижает беспокойство и способствует большей безопасности детей или пожилых членов семьи.

Социальные сети и мессенджеры позволяют пожилым и маломобильным людям сохранять и поддерживать социальные контакты. С возрастом снижается количество социальных связей, поэтому возможность постоянно общаться с родственниками способствует большему благополучию и удовлетворению жизнью в пожилом возрасте. «Многочисленные данные свидетельствуют о том, что для пожилых людей члены семьи являются основной причиной использования социальных сетей» [6]. Социальные сети позволяют им компенсировать недостаток социальных контактов.

Однако виртуальное семейное общение имеет не только положительные, но и отрицательные стороны.

К числу недостатков виртуального общения относят невозможность полностью заменить живое общение людей. Не все эмоции и нюансы можно передать с помощью цифровых средств. Часть смыслов неизбежно утрачивается, что может привести к недопониманию и даже конфликтам. Цифровое взаимодействие не может в той же степени удовлетворять эмоциональные потребности, как прямое общение. Физическое присутствие и непосредственное взаимодействие по–прежнему являются наиболее важными факторами для построения прочных отношений в семье.

Чрезмерное использование социальных сетей может способствовать формированию Интернет–зависимости. «Простота доступа к цифровым устройствам и коммуникационным платформам может заставить многих людей чувствовать себя обязанными оставаться на связи, постоянно проверяя сообщения, электронную почту или социальные сети» [3, с. 751]. Постоянное нахождение на связи увеличивает количество стрессов и приводит к номофобии – иррациональному страху остаться без мобильного телефона в то время как кто–то может написать или позвонить. Мысль о разрядке батареи, отсутствии связи или утрате мобильного устройства вызывает тревогу и стресс и заставляет человека постоянно проверять наличие уведомлений.

Чрезмерная зависимость от цифровых коммуникаций может привести к снижению качества общения в реальном мире. Существует риск того, что дети и подростки могут потерять способность к непосредственному общению и сопереживанию другим людям. Кроме того, слишком много экранного времени приводит к таким проблемам как снижение подвижности, ожирение, проблемы со зрением и осанкой.

В настоящее время еще не до конца преодолено цифровое неравенство, которое предполагает, что использование технологий и их преимущества неравномерно распределены по социальным группам. Существуют уязвимые слои населения, которые не могут использовать цифровые технологии – в силу финансовых причин или же отсутствия цифровой грамотности. В связи с этим в современную эпоху они в наибольшей степени страдают от изоляции, в том числе и в связи с невозможностью участвовать в виртуальном семейном общении.

Многие исследователи обращают внимание на риски приватности в Интернет–среде. В семейных социальных сетях зачастую выкладывается интимная, приватная информация, которая предназначена только для семейного круга. При этом «зачастую человек не всегда до конца осознает, насколько публичным является то или иное его действие в Интернете» [7, с. 154]. Особенно дети и подростки не всегда понимают риски, связанные с распространением личной информации. Однако в силу особенностей цифровой среды, она может выйти за пределы семейного круга и причинить вред. «В социальных сетях фактически нет ограничений на публикацию данных, за исключением установление правовых ограничений, например, в отношении детской порнографии или насилия. Но, как известно, обилие разжигающих ненависть высказываний, кибермоббинга, а также фейковой информации в Интернете доказало, что цифровая общественность с трудом поддается контролю» [8, с. 34]. Возможны такие последствия, как кража данных, мошенничество, кибербуллинг, домогательства и т.п. Поэтому при публикации личной информации, в том числе и в семейных социальных сетях следует соблюдать осторожность.

Таким образом, социальные сети являются неотъемлемой частью нашей повседневности. Современному человеку невозможно не участвовать в цифровой коммуникации. Социальные сети и мессенджеры необходимы для обмена информацией, общения, в том числе и в семейном кругу и социальной вовлеченности в современном обществе. Это удобный инструмент коммуникации. Но, как и любой другой инструмент, он может служить во благо, а может причинить зло. То, как его применяют, зависит от людей. Коммуникация в цифровых социальных сетях и мессенджерах может как укрепить, так и ослабить семейные узы. Важно уметь поддерживать баланс между цифровыми взаимодействиями и общением лицом к лицу.

Литература

1. Чеснокова Л.В. Семья как приватное пространство // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2025. № 1. С. 85–89.
2. Понкратенкова А.В. Сообщения в социальных сетях и мессенджерах как основной жанр семейной коммуникации // Новые горизонты русистики. 2019. № 7. С. 82–88.
3. Anisti A., Muharul R., Sidharta V., Sampean S. Family Communication Patterns In The Era Digital Technology // ARRUS Journal of Social Sciences and Humanities, 2023. Vol. 3, No. 6. URL: https://www.researchgate.net/publication/380881792_Family_Communication_Patterns_In_The_Era_Digital_Technology
4. Понкратенкова А. В.CMC–общение в коммуникативном пространстве семьи // VII Международная научная конференция. Симферополь, 22–25 октября 2018 года: Сб. науч. ст. Симферополь: ООО «Ариал», 2018. С. 234–241.
5. Ambarsari D. The Role of Social Media in Family Communication: Opportunities and Challenges in the Digital Era // TOFEDU: The Future of Education Journal. 2025. Vol. 4, No. 7. Pp.2519–2526.
6. Tammisalo K., Danielsbacka M., Tanskanen, A. O., Arpino, B. Social media contact with family members and happiness in younger and older adults // Computers in Human Behavior. 2024, No. 153. URL: https://doi.org/10.1016/j.chb.2023.108103
7. Чеснокова Л.В. Информационная приватность: защита свободы и автономии личности // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 2. С. 145–157. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-2-145-157.
8. Thimm C. Mediatized Families: Digital Parenting on Social Media Caja Thimm // Families and New Media: Comparative Perspectives on Digital Transformations in Law and Society (ed. by Dethloff N., Kaesling K., Specht–Riemenschneider L.) Wiesbaden: Springer, 2023. Pp. 33–58.

FAMILY COMMUNICATIONS IN THE DIGITAL SPACE

Chesnokova L.V.
Dostoyevsky Omsk State University

The article examines transformations that have occurred in the field of family communications are considered. Like many other social practices, family communication has partially moved to the digital environment. Both positive and negative aspects of using social networks and messengers for family communication are noted. The positive aspects of digital family communication include speed, cheapness, overcoming geographical barriers, the ability to use video and photo formats, and the ability to maintain social connections for the elderly and people with limited mobility. Disadvantages include the inability to convey all the meanings and emotions, the emergence of Internet addiction, digital inequality, and risks to private information. It is argued that new technologies are a tool that can be used both for the benefit and to the detriment of humans. It is important to maintain a balance between real and virtual communication.

Keywords: family communication, digital communications, social networks and messengers, information privacy.

References

1. Chesnokova, L.V. Family as a Private Space. Voronezh State University Bulletin. Series: Philosophy. 2025. No. 1. pp. 85–89.(in Russian).
2. Ponkratenkova, A.V. Messages in Social Networks and Messengers as the Main Genre of Family Communication. New Horizons of Russian Studies. 2019. No. 7. pp. 82–88. (in Russian).

3. Anisti, A., Muharul, R., Sidharta, V., Sampean, S. Family communication patterns in the era digital technology. ARRUS Journal of Social Sciences and Humanities, 2023. Vol. 3, No. 6. URL: https://www.researchgate.net/publication/380881792_Family_Communication_Patterns_In_The_Era_Digital_Technology

4. Ponkratenkova, A.V. SMS communication in the communicative space of the family. In: VII International scientific conference. Simferopol, October 22–25, 2018: Collection of scientific articles. Simferopol: Arial LLC, 2018. Pp. 234–241. (in Russian).

5. Ambarsari, D. The Role of Social Media in Family Communication: Opportunities and Challenges in the Digital Era. TOFEDU: The Future of Education Journal. 2025. Vol. 4, No. 7. Pp.2519–2526.

6. Tammisalo, K., Danielsbacka, M., Tanskanen, A. O., Arpino, B. Social media contact with family members and happiness in younger and older adults. Computers in Human Behavior. 2024, No. 153. URL: https://doi.org/10.1016/j.chb.2023.108103

7. Chesnokova, L.V. Information privacy: protecting freedom and autonomy of the individual. Digital scientist: philosopher's laboratory. 2021. Vol. 4. No. 2. Pp. 145–157. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-2-145-157. (in Russian).

8. Thimm, C. Mediatized Families: Digital Parenting on Social Media Caja Thimm. Families and New Media: Comparative Perspectives on Digital Transformations in Law and Society (ed. by Dethloff N., Kaesling K., Specht–Riemenschneider L.) Wiesbaden: Springer, 2023. Pp. 33–58.

Исследование «языковой инфляции» и «синдрома текстового угождения» в аспекте теории языковой адаптации

Чжан Тяньтянь,
магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 1977275699@qq.com

В статье рассматриваются феномены «языковой инфляции» и «синдрома текстового угождения» в современной интернет-коммуникации с позиций теории языковой адаптации. Актуальность исследования обусловлена активной трансформацией речевых практик в цифровой среде, где выбор языковых средств всё в большей степени определяется скоростью коммуникации, потребностью в эмоциональной экспрессии и стремлением к поддержанию межличностных отношений. В работе анализируются основные проявления указанных явлений, их коммуникативные функции, механизмы формирования и взаимосвязь. Установлено, что «языковая инфляция» приводит к ослаблению семантической точности и девальвации экспрессивных единиц, тогда как «синдром текстового угождения» служит средством смягчения высказывания, компенсации отсутствующих невербальных сигналов и поддержания позитивного коммуникативного климата. Делается вывод о двойственной природе этих явлений: с одной стороны, они усиливают выразительность и способствуют языковой инновации, с другой – могут снижать точность выражения мысли и углублять коммуникативную тревожность.

Ключевые слова: Языковая Адаптация, Языковая Инфляция, Интернет-Дискурс, Цифровая Коммуникация, Речевые Стратегии.

Introduction

With the rapid development of internet technology and the widespread use of social media platforms, online language has continuously evolved and reshaped contemporary patterns of expression. In this process, the phenomena of “language inflation” and “textual pleasing disorder” have gradually attracted increasing scholarly attention. “Language inflation” mainly refers to the semantic weakening of words and expressions caused by their frequent and generalized use, while “textual pleasing disorder” describes the tendency of language users in text-based communication to employ modal particles, reduplication, emojis, and overly polished expressions in order to create a warm, enthusiastic, and conflict-avoidant interactional atmosphere. Although these two phenomena differ in form, both reflect significant changes in linguistic strategies in the digital era and reveal how language forms are adaptively selected under the joint influence of social needs, media environments, and communicative psychology.

Linguistic Adaptation Theory emphasizes that language use is not a static or mechanical process, but rather a dynamic process in which speakers constantly make linguistic choices in response to specific communicative contexts and intentions. From this theoretical perspective, examining “language inflation” and “textual pleasing disorder” helps uncover the social motivations, contextual constraints, and communicative functions underlying linguistic choices in online interaction. Based on Linguistic Adaptation Theory, this paper analyzes the manifestations, formation mechanisms, interrelationship, and social effects of these two internet language phenomena, with the aim of deepening understanding of the contemporary online linguistic ecology and providing a theoretical reference for the rational and appropriate use of online language.

Therotical basis

Linguistic adaptation theory was established by Jef Verschueren, a renowned Belgian linguist and Secretary-General of the International Pragmatics Association. Its conceptual origins can be traced back to the 1980s, and it was systematically elaborated in his 1999 publication Understanding Pragmatics. This theory broke through the narrow perspectives of previous pragmatics research by viewing language use as a dynamic, context-interactive process, thereby opening new avenues for pragmatic inquiry [1].

The core tenet of linguistic adaptation theory is that language use involves speakers continuously selecting linguistic means based on communicative context requirements to achieve communicative intent. This process embodies mutual adaptation between the language usage environment and linguistic structure selection. Language users do not mechanically apply language in communication but flexibly select from numerous linguistic options based on multiple factors such as communicative purpose, social relationships, and cultural background. For instance, in daily conversations, we choose different vocabulary, sentence patterns, and tones according to the other person’s status, our familiarity with them, and the setting of the exchange. When interacting with elders, we might use more respectful and formal language; conversely, when chatting with friends, we adopt a more casual and intimate tone. Expressions like “Could you please help me?” and “Hey buddy, give me a hand, will ya?” exemplify how language choices align with distinct social contexts.

The selection of language exhibits three key characteristics: variability, deliberation, and adaptability. Variability refers to the existence of a range of alternative possibilities, providing users with abundant resources. For instance, to express “good,” one can choose from multiple terms such as “okay,” “fine,” “no problem,” or “sure.” Negotiability indicates that no choice is made mechanically or strictly according to form-function relationships, but rather through highly flexible principles and strategies. In communication, we weigh and adjust linguistic expressions based on specific contexts. Adaptability refers to the ability of language users to flexibly select from available linguistic items to best meet communicative needs. This functional orientation of language choice is the core characteristic of pragmatic adaptability theory.

Language users: As the primary agents of language use, language users play a leading role in the process of pragmatic adaptation. Factors such as their individual linguistic competence, knowledge base, social roles, and psychological states all influence language selection. A multilingual indi-

vidual can flexibly switch languages in cross-border communication based on the other party's linguistic background; an extroverted person may prefer a lively, humorous language style in social settings. Simultaneously, language users must adjust their linguistic strategies in real-time based on the communicative partner's feedback to ensure smooth interaction. For instance, during business negotiations, negotiators closely monitor the other party's reactions, adapting their language expression based on the counterpart's attitude and needs shifting from a firm negotiating stance to a more conciliatory tone when appropriate [2].

Context: Context is a key element in the theory of pragmatic compliance, encompassing both communicative context and linguistic context. Communicative context includes the physical world, the social world, and the psychological world. The physical world involves objective factors such as time, location, and setting for instance, language tends to be more formal and precise in formal meetings. The social world encompasses social norms, cultural customs, and interpersonal relationships people from different cultural backgrounds exhibit significant differences in language use. In Chinese culture, "Have you eaten yet?" is a common greeting upon meeting, whereas Western cultures often prefer discussing topics like the weather. The psychological dimension encompasses psychological factors like personality, emotions, intentions, and beliefs of both communicators. When someone is in a positive mood, their language may be filled with uplifting vocabulary, whereas a low mood might result in more subdued or negative expressions.

The linguistic context refers to the surrounding context of language, specifically the relationships between words and sentences within discourse[6]. Understanding a word or sentence often requires considering its contextual surroundings. For example, the word "apple" carries entirely different meanings in the sentences "I ate an apple" and "He bought an Apple iPhone" due to their differing contexts. Context and language choice influence each other reciprocally. Context constrains language selection, while language choices in turn exert a counteractive effect on context, altering or reshaping it.

Language Form Selection: The choice of language form manifests across all levels of linguistic structure, from phonetics, vocabulary, and grammar to discourse and register. At the phonetic level, different intonation patterns and stress placement convey distinct meanings and emotions rising intonation indicates questions, while falling intonation signifies statements or commands. At the lexical level, the choice between synonyms and near-synonyms reveals the speaker's intent and emotional bias: "resolute" and "stubborn" share similar meanings but carry different emotional connotations. At the syntactic level, the choice between active and passive voice shifts the sentence's emphasis: "I broke the vase" highlights the agent ('I'), while "The vase was broken by me" emphasizes the object ("the vase").

The choice of linguistic forms also involves the application of language strategies, such as the use of rhetorical devices like euphemisms, metaphors, and hyperbole. These techniques aim to better align with the communicative context and achieve the intended communicative purpose. When expressing refusal, people may employ euphemisms like "I'm a bit busy lately and might not be able to help you," rather than directly saying "No." This approach avoids sounding overly blunt and helps maintain positive interpersonal relationships.

Analysis of the "Language Inflation" Phenomenon

"Language inflation" is a figurative term analogous to the concept of inflation in economics. In economics, inflation refers to the issuance of currency exceeding actual demand, leading to currency devaluation and rising prices. "Language inflation," however, describes the phenomenon where certain linguistic expressions become overused and generalized in language usage, causing their original semantic weight to gradually weaken and depreciate much like currency losing its purchasing power. For instance, words originally used to describe exceptionally outstanding or unique phenomena, through increasingly frequent application to ordinary things, see their semantic distinctiveness and intensity significantly diminished [3].

The Generalization of Social Titles: The shift from kinship terms to social titles is a notable phenomenon. Today, terms like "darling" and "baby" are no longer exclusive to elders addressing juniors or lovers addressing each other; they frequently appear among friends, colleagues, and even strangers. For instance, during online shopping, customer service representatives might address customers as 'darling' or "sweetie" to foster a warm, friendly atmosphere and encourage transactions. Terms like "sisters" and 'brothers' are no longer confined to blood relatives. Classmates and alumni often refer to each other as "sisters," as if this instantly bridges the gap between them. In some work groups, colleagues refer to each other as "family," aiming to strengthen team cohesion and a sense of belonging. These terms, originally carrying specific connotations of intimacy, are now widely applied across diverse social contexts. Their semantic specificity and uniqueness gradually blur, making them increasingly "cheap."

Hyperbole in Adjectives: The use of adjectives has also seen an "inflationary" trend. Terms like "absolutely amazing," "yyds (forever the best)," and "the ultimate" were originally reserved for expressing the highest praise, but are now used excessively and indiscriminately. Whether evaluating an average movie, a home-cooked dish, or a mundane daily occurrence, these exaggerated adjectives are ubiquitous. A film with mediocre plot and production might be hailed by fans as "This movie is absolutely amazing, the ultimate legend"; a passable stir-fry could be described as "This cooking skill is the absolute pinnacle of the culinary world." Such excessive hyperbole makes it difficult to find more fitting words to highlight the uniqueness of truly outstanding works, gradually eroding the nuanced distinctions in language's expressive capabilities.

The Proliferation of Reduplicated Words: The frequency of reduplicated words has surged dramatically. While "ha ha" originally simply conveyed laughter, a single 'ha' now feels cold and perfunctory, and "ha ha" is also deemed insufficiently sincere. Only "ha ha ha" or even more reduplicated forms like "ha ha ha ha ha ha ha" can express genuine joy. When describing states or conditions, reduplicated words are also heavily employed, such as "beautiful-beautiful-beautiful," "handsome-handsome-handsome," "hot-hot-hot," and "cold-cold-cold." While a single word like "beautiful," "handsome," "hot," or "cold" could clearly convey the meaning, the repetition through reduplication, though emphasizing degree to some extent, also makes the language expression seem monotonous and lacking in depth.

Contextual Adaptation Perspective: Within the specific context of online social media, information spreads at lightning speed and communication flows at a rapid pace. To adapt to this fast-paced style of interaction, people tend to choose concise, easily understandable, and emotionally resonant language forms thus giving rise to "inflationary language." For instance, on platforms like Weibo and Douyin, a post must grab attention and convey emotion swiftly. Using exaggerated language and trending slang instantly captures viewers' eyes. A humorous short video paired with over-the-top captions like "dying laughing" or "this is killing me" stands out more easily among countless posts, sparking likes, comments, and shares [4].

Simultaneously, online socializing breaks the temporal and spatial constraints of traditional interaction. Communication in virtual spaces lacks the supplementary cues of body language and facial expressions found in face-to-face encounters. To foster intimacy and compensate for this emotional gap, people employ affectionate social titles and emotionally charged vocabulary. When chatting with online friends, saying "Hey, sweetie, how've you been?" feels more approachable than a simple "Hi, how are you?" It instantly bridges the gap, making the other person feel welcomed and warmly greeted.

Social Purpose Adaptation: From a social perspective, people often employ "inflated" language to achieve specific social objectives. In social interactions, to bridge gaps and enhance engagement, individuals select linguistic forms appropriate to the social context. When sharing everyday anecdotes with friends, employing exaggerated expressions like "I encountered something utterly absurd today" better captures their interest, elicits responses, and fosters livelier exchanges. In professional settings, offering exaggerated praise for a colleague's work such as "Your proposal this time is absolutely amazing, nothing short of perfect" not only conveys recognition but also helps build positive relationships and foster teamwork.

Furthermore, employing trendy "inflated" language in social settings serves to signal alignment with a particular group and gain acceptance. Young people frequently use internet slang like "giving up," "internal competition," and "tied up" in social interactions to demonstrate they're keeping up with trends, share common language and culture with peers, and integrate into specific social circles.

Analyzing the "Textual Pleasing Disorder" Phenomenon

"Text Flattery Syndrome" refers to the tendency in contemporary online text-based communication where individuals meticulously craft their messages, deliberately incorporating affectionate particles, reduplicated words, and frequent use of emojis to cultivate a positive, enthusiastic, and friendly conversational atmosphere, giving the recipient a sense of positive engagement. For instance, when replying to messages, replacing 'Okay' with "Sure thing!" or "Got it!"; or swapping "Got it" for "Got it, got it" or "Understood, y'know." This style aims to convey emotional attitudes beyond the literal meaning of words, signaling to the other person, "I value our conversation and want you to feel my friendliness."

Vocabulary-wise, the heavy use of tone particles and reduplicated words is a defining feature. Particles like "呀" (ya), "啦" (la), "呢" (ne), "呗" (bei), and "哟" (yo) frequently appear at sentence ends, adding softness and warmth to speech. "来啦" (laila) feels livelier than "来了" (laile), while '好呢' (haonei) sounds more intimate than just "好" (hao). Repetitive

words are equally prevalent. Phrases like "Yeah, yeah," "Thanks, thanks," and "Bye-bye, bye-bye" not only amplify emotional expression but also create a rhythmic cadence, as if engaging in a lighthearted conversation. Emoticons are commonly paired with text. A simple "smiling face" may convey friendliness, while a "laughing face" expresses joy and delight. When expressing gratitude, alongside the text "thank you," a hands-together emoji is often added to amplify the sense of appreciation. Emojis act as seasoning in text-based communication, compensating for the limitations of words in conveying emotion and making exchanges more vivid and expressive. Additionally, "text flattery syndrome" manifests as excessive embellishment of language. When articulating viewpoints, individuals may employ numerous polite and circumspect phrases to avoid direct or blunt expressions. When offering differing opinions, they might preface their remarks with "I find your perspective quite reasonable, but I have a minor suggestion–I wonder if it's appropriate…" rather than directly addressing the issue. This excessively embellished language aims to maintain a harmonious communication atmosphere, preventing verbal conflicts from damaging relationships.

Compensating for Missing Communication Cues: In face-to-face interactions, people rely on rich nonverbal cues such as facial expressions, body language, and vocal intonation to supplement the expression and comprehension of information[4]. When we're happy, our faces light up with smiles and our speech becomes lighter and more cheerful; when angry, we might frown and raise our voices. However, online text-based communication lacks these intuitive cues. Plain text can easily appear cold and rigid, often leading to misunderstandings.

To adapt to this online environment devoid of communicative cues, people employ "text flattery" to convey meaning accurately. By adding tone particles, using emojis, and similar techniques, they infuse emotional color into words, compensating for the absence of nonverbal cues. A simple "Oh" without tonal or emoticon support might be interpreted as indifference or dismissiveness. But writing "Oh oh" alongside a cute emoji signals attentive listening and friendly engagement. When sharing daily experiences with friends, "Today I saw an amazing movie!" versus "Today I saw a movie"the former, with its exclamation mark and "amazing" modifier, better conveys excitement and enthusiasm, helping friends grasp the speaker's emotional state more effectively.

Maintaining interpersonal relationships: Nurturing relationships is a key objective in social interactions, where language plays a pivotal role. In diverse social settings and when engaging with different communication partners, individuals select appropriate "verbal flattery" strategies based on specific circumstances.

In professional settings, when interacting with superiors and colleagues, people employ more polite and courteous language to demonstrate respect and a proactive attitude. When responding to a supervisor's task assignment, one might say, "Sure thing, boss. I'll get right on it and wrap it up ASAP. Thanks for the heads up!" This not only confirms the task but also conveys gratitude through tone and phrasing, fostering a cooperative atmosphere. When collaborating with colleagues, friendly language is also prioritized, such as: "You really put your heart into this proposal. I think we could discuss it further together–maybe we can make it even better!" This acknowledges the colleague's work while expressing willingness for further collaboration, fostering teamwork and maintaining positive workplace relationships.

In daily life, when interacting with friends and family, "textual flattery" often manifests as affection and concern. When a friend shares good news, replying with "Wow, that's amazing! I'm so happy for you! Tell me more!" uses enthusiastic language and positive engagement to strengthen emotional bonds. When chatting with family, a simple "Mom, I miss you. How's your health lately?" conveys warmth through heartfelt concern. These "verbal flattery" strategies help people better fulfill social needs and achieve their goals of nurturing relationships.

The Relationship and Influence Between the Two

From the perspective of pragmatic compliance theory, "linguistic inflation" and "textual pleasing disorder" share numerous common causes. In contemporary society, shifting social demands serve as a key driver for both phenomena. As social interactions increasingly rely on online platforms, people yearn to establish and maintain positive relationships in virtual spaces. To quickly bridge distances and foster closeness, individuals often opt for affectionate or exaggerated language. In online socializing, a phrase like "Hey sweetie, how've you been?" creates a warmer, more intimate atmosphere than a simple greeting, satisfying people's need for social warmth.

Simultaneously, the shift in communication methods serves as a common catalyst for both phenomena. The widespread adoption of the internet has accelerated information dissemination and intensified the pace of communication. Within this fast-paced conversational environment, people require concise, efficient, and emotionally resonant linguistic forms to convey information and sentiments. The exaggerated vocabulary and trendy phrases in "linguistic inflation," along with the tone particles and emojis characteristic of "textual flattery," can instantly capture attention and swiftly convey emotional stance. A single "awesome!" succinctly expresses admiration, while pairing it with a laughing emoji further immerses the recipient in the speaker's enthusiasm.

In social language usage, the exaggerated expressions of "linguistic inflation" and the affectionate expressions of "flattery syndrome" are intertwined and closely connected. The exaggerated adjectives and trendy vocabulary found in "language inflation" provide abundant material for "flattery syndrome." When expressing praise or recognition, people employ hyperboles like 'yyds' (the ultimate) or "the ceiling," often paired with affectionate particles such as "you're truly yyds," making compliments more effusive and amplifying their impact [6].

The affectionate expression "textual pleasing disorder" adds emotional depth to the exaggerated phrase "language inflation." When using hyperbole, pairing it with endearing terms and interjections makes the expression more vivid and heartfelt. When praising a friend's work, saying "Babe, this piece is absolutely amazing, totally awesome!" employs exaggerated adjectives while using affectionate terms and interjections to convey genuine admiration and bridge the gap between friends. This intertwined expression style is particularly prevalent in social media comments, private messages, and other communication contexts, collectively shaping the distinctive character of contemporary social language.

On the positive side, both phenomena enhance the expressive power of language to a certain extent. The exaggerated expressions in "linguistic inflation" highlight characteristics, making descriptions more vivid and vivid. When describing an outstanding film, saying "This movie is a masterpiece, with a plot full of twists and turns and breathtaking visuals it's the best ever!" conveys its brilliance far more effectively than simply stating "the movie is good." It allows the audience to feel the speaker's intense emotion more deeply. The affectionate expressions of "sweet talk syndrome" infuse language with warmth and friendliness, making communication more intimate and natural. When chatting with friends, phrases like "Sure thing, sweetie, let's go together next time" radiate closeness, making friends feel cared for and valued, thereby strengthening their bond [7].

They also foster social interaction. Exaggerated and affectionate language easily captures others' attention, prompting responses and energizing the social atmosphere. On social platforms, posts brimming with exaggerated and affectionate expressions often garner more likes, comments, and shares, sparking interaction and exchange among users. A humorous short video paired with captions like "I'm dying laughing, y'all this is too hilarious" readily attracts comments and discussions from other users, fostering positive social engagement. Simultaneously, both trends drive linguistic innovation. To meet expressive needs, people continuously invent new vocabulary, phrasing, and linguistic styles, enriching language's form and meaning. The emergence of internet slang like "yyds," "awesome," and "giving up" exemplifies this linguistic innovation. These terms not only spread widely online but gradually permeate daily life, injecting fresh vitality into language development.

On the negative side, the decline in linguistic precision is a particularly noticeable issue. "Linguistic inflation" leads to semantic blurring and weakening of vocabulary, making once-precise expressions difficult to define. When everything is described using terms like 'yyds' or "awesome beyond words," these words lose their distinctiveness and accuracy, making it hard for people to convey the true nature of things through them. The excessive use of tone particles and emojis in "Textual Pleasing Disorder" may also obscure the true meaning of language, making it difficult to discern the speaker's genuine intent. A phrase like "Hmm, yeah, sure," though seemingly friendly, may fail to convey information directly and clearly due to excessive embellishment.

Long-term reliance on these exaggerated and overly familiar expressions may also weaken depth of thought. People become accustomed to simple, direct emotional venting and exaggerated expressions, gradually reducing opportunities for deep reflection and rational analysis. When facing complex issues, they may resort to using exaggerated vocabulary to express emotions without engaging in substantive exploration of the problem's essence. When discussing a literary work, simply declaring "This book is so awesome, totally amazing!" without delving into its themes, characters, or writing techniques does little to enhance critical thinking skills.

In social interactions, excessive focus on the form of language expression may heighten social anxiety. People worry that their expressions aren't exaggerated or intimate enough to gain others' approval and affection, leading them to tread carefully and repeatedly deliberate over their words during conversations. When replying to messages from superiors or key clients, an excessive pursuit of "flattering language" can trigger anxiety, fueled by fears that one's words might be inappropriate and damage relationships.

Moreover, when the recipient's response deviates from expectations, it may spark unnecessary speculation and internal conflict, further intensifying social pressure.

Conclusion

In conclusion, "language inflation" and "textual pleasing disorder" are important manifestations of adaptive language use in the context of digital communication. They should not be regarded simply as signs of linguistic disorder; rather, they are strategic choices made by language users to accommodate the fast pace of online interaction, the reliance on text for emotional expression, and the growing need to maintain interpersonal relationships in virtual spaces. From the perspective of Linguistic Adaptation Theory, both phenomena demonstrate how speakers dynamically respond to physical, social, and psychological contexts, and how online discourse has increasingly shifted from mere information transmission to the simultaneous pursuit of emotional expression and relational management. To a certain extent, these trends enrich expressive resources, enliven social interaction, strengthen group identity, and promote linguistic innovation.

At the same time, the excessive use of these linguistic patterns may also produce negative consequences, including semantic dilution, imprecise expression, superficial thinking, and heightened communicative anxiety. As exaggerated and formulaic expressions become normalized, language may gradually lose its precision, depth, and rational force. Therefore, while recognizing the creativity and vitality of online language, it is also necessary to remain attentive to its potential risks and to encourage language users to maintain appropriateness and moderation in different communicative settings. Only by achieving a dynamic balance between innovation and regulation, and between emotional expression and rational communication, can online language better fulfill its communicative functions and contribute to a healthier, more diverse, and more orderly linguistic environment.

Литература

1. Zhang, W., Wu, H. Chinese Internet Buzzwords: Research on Network Language in Internet Group Communication // Chinese Journal of Communication. – 2024. – Vol. 17, No. 1. – P. 121–125.
2. ·Zhang Yuran. Deconstruction and reconstruction of discourse behind internet language // Youth Journalist. – 2019. – No. 26. – P. 14–15.
3. Chen Zimeng. "Language inflation" and "textual pleasing disorder" // Modern and Ancient Cultural Creativity. – 2024. – No. 25. – P. 134–136.
4. Zhang Yuxin, Shen Shuang. An analysis of the generation mechanism of the "language inflation" phenomenon among youth groups // *News World*. – 2024. – No. 12. – P. 61–63.
5. Wang Yongyuan, Li Shuang, Wang Lele. On the manifestation of functional attrition and functional compensation of language in internet language // Journal of Lanzhou Institute of Education. – 2012. – Vol. 28, No. 7. – P. 4–6.
6. Li Juxing, Qin Ling, Dong Jiayi. The generative logic, expressive types and governance paths of metaphorical internet buzzwords // Journal of Xi'an Jiaotong University (Social Sciences Edition) [Online]. – P. 1–9. – URL: http://kns.cnki.net/kcms/detail/61.1329.C.20241121.1049.002.html.
7. Yue Yongyi. The "inflation" of language and meaning: in memory of Li Anzhai // Dushu. – 2020. – No. 5. – P. 76–84.

A STUDY ON «LANGUAGE INFLATION» AND «TEXTUAL PLEASING DISORDER» FROM THE LINGUISTIC ADAPTATION THEORY

Zhang Tiantian
Xinjiang Normal University

This article examines the phenomena of "language inflation" and "textual pleasing disorder" in contemporary online communication from the perspective of Linguistic Adaptation Theory. The relevance of the study lies in the active transformation of speech practices in the digital environment, where the choice of linguistic means is increasingly shaped by the speed of communication, the need for emotional expression, and the desire to maintain interpersonal relationships. The paper analyzes the main manifestations of these phenomena, their communicative functions, formation mechanisms, and interrelationship. The study finds that "language inflation" leads to the weakening of semantic precision and the devaluation of expressive units, whereas "textual pleasing disorder" functions as a means of softening utterances, compensating for the absence of nonverbal cues, and maintaining a positive communicative atmosphere. The article concludes that these phenomena have a dual nature: on the one hand, they enhance expressiveness and promote linguistic innovation; on the other hand, they may reduce the precision of expression and intensify communicative anxiety.

Keywords: Linguistic Adaptation, Language Inflation, Internet Discourse, Digital Communication, Speech Strategies.

References

1. Zhang, W., Wu, H. Chinese Internet Buzzwords: Research on Network Language in Internet Group Communication // Chinese Journal of Communication. – 2024. – Vol. 17, No. 1. – P. 121–125.
2. ·Zhang Yuran. Deconstruction and reconstruction of discourse behind internet language // Youth Journalist. – 2019. – No. 26. – P. 14–15.
3. Chen Zimeng. "Language inflation" and "textual pleasing disorder" // Modern and Ancient Cultural Creativity. – 2024. – No. 25. – P. 134–136.
4. Zhang Yuxin, Shen Shuang. An analysis of the generation mechanism of the "language inflation" phenomenon among youth groups // *News World*. – 2024. – No. 12. – P. 61–63.
5. Wang Yongyuan, Li Shuang, Wang Lele. On the manifestation of functional attrition and functional compensation of language in internet language // Journal of Lanzhou Institute of Education. – 2012. – Vol. 28, No. 7. – P. 4–6.
6. Li Juxing, Qin Ling, Dong Jiayi. The generative logic, expressive types and governance paths of metaphorical internet buzzwords // Journal of Xi'an Jiaotong University (Social Sciences Edition) [Online]. – P. 1–9. – URL: http://kns.cnki.net/kcms/detail/61.1329.C.20241121.1049.002.html.
7. Yue Yongyi. The "inflation" of language and meaning: in memory of Li Anzhai // Dushu. – 2020. – No. 5. – P. 76–84.

Трансформация субъектности в интернет-коммуникации под воздействием искусственного интеллекта: социально-философский анализ

Шарова Марина Александровна,
кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: masharova@fa.ru

Гараева Галина Фаизовна,
доктор философских наук, профессор, кафедра гуманитарных наук, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: gfgaraeva@fa.ru

Статья посвящена социально-философскому анализу трансформации субъектности в Интернет-коммуникации под воздействием искусственного интеллекта. Актуальность исследования обусловлена фундаментальным разрывом между классическим пониманием субъекта коммуникации и эмпирически наблюдаемым функционированием интеллектуальных агентов, которые демонстрируют внешние признаки субъектности, не обладая онтологическими основаниями. Методологическую базу статьи образует синтез теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, акторно-сетевой теории Б. Латура и современной отечественной философии искусственного интеллекта (В.А. Лекторский, Т.Г. Лешкевич, Е.О. Труфанова, И.Е. Прись и др.). Такой подход позволяет преодолеть дихотомию «инструмент – личность» и представить интеллектуального ассистента как пограничный феномен – квазисубъект, имитирующий коммуникативную рациональность и функционирующий как актант в гибридных сетях, что хорошо прослеживается на примере эффекта «Элизы», объясняющего почему человек наделяет алгоритмы интенциональностью и эмпатией. Авторы приходят к выводу о необходимости определения критериев коммуникации с участием интеллектуального агента и выработки принципов ответственного обращения с технологиями, чтобы не допустить разрушения подлинной интерсубъективности.

Ключевые слова: социальная реальность, искусственный интеллект, гибридная реальность, субъект коммуникации, цифровой аватар, эффект «Элизы», интернет-коммуникация, трансформация субъектности.

Введение

Социально-философская мысль, исследуя представление о субъекте коммуникации, подчёркивала наличие у него таких свойств, как интенциональность, рефлексивность, ответственность, которые образуют ядро классического понимания субъекта коммуникации. Долгое время философы исходили из самодостаточности индивидуального сознания (Р. Декарт, И. Кант). Однако в XX в. этот взгляд был подвергнут критике. Феноменологи Э. Гуссерль и А. Шюц показали, что субъект всегда существует в отношении к Другому, введя понятие интерсубъективности [3, 11]. Наиболее полно эта идея получила развитие у Ю. Хабермаса, который обосновал, что субъект формируется не внутри себя, а в диалоге с другими [9].

В последние годы в коммуникативные процессы стремительно вторгается искусственный интеллект, который становится полноправным участником диалога: автономно генерирует сообщения, адаптируется к контексту и влияет на нормы общения. Это ставит вопрос: возникает ли новая субъектность на стыке человека и алгоритма, или же искусственный интеллект создаёт лишь квази-субъектность – внешнее подобие субъекта, но не его онтологический эквивалент?

Как отмечает Т.Г. Лешкевич, системам искусственного интеллекта иногда ошибочно приписываются свойства субъектности [6]. Эта ошибка базируется на том, что способность искусственного интеллекта решать интеллектуальные задачи неверно воспринимается как признак наличия у него воли, ответственности и сознания [6]. И.Е. Прись предлагает рассматривать генеративный искусственный интеллект как «квазисубъект» – промежуточную сущность между человеком и природной системой [7].

Отсюда важность изучения интернет – коммуникаций обусловлена фундаментальной трансформацией социотехносферы, где искусственный интеллект перестаёт быть пассивным инструментом. Возникает разрыв между классическим пониманием субъекта и эмпирически наблюдаемым функционированием искусственного интеллекта, которое демонстрирует внешние признаки субъектности, не обладая онтологическими основаниями. А.Р. Ефимов, Д.И. Дубровский и Ф.М. Матвеев показывают, как повседневная коммуникация с искусственным интеллектом меняет нормативные ожидания, формируя феномен «алгоритмической вежливости», что создаёт риски эрозии человеческой субъектности [4].

Поэтому целью социально – философских исследований становится выявление оснований трансформации субъектности в интернет-коммуникации под воздействием искусственного интеллекта. Основными задачами современной научно – технократической парадигмы являются: эксплицировать классическое понимание субъекта, ввести понятие «квазисубъект», проанализировать аспекты трансформации субъектности, выявить риски, предложить принцип дополнительности.

Анализ методологических подходов к пониманию феномена искусственного интеллекта в контексте коммуникативных связей

Методологически статья опирается на синтез теории коммуникативного действия (Ю. Хабермас), акторно-сетевой теории (Б. Латур) и современной отечественной философии искусственного интеллекта (В.А. Лекторский, Т.Г. Лешкевич, Е.О. Труфанова, И.Е. Прись).

Важным является обращение к методологии Ю. Хабермаса с его различием стратегического и коммуникативного действий, где искусственный интеллект занимает пограничную область между симуляцией коммуникативного действия и инструментарием стратегического действия пользователя [9]. Возникает парадокс: стратегическое достижение цели пользователя опосредовано симуляцией коммуникативной рациональности. По Ю. Хабермасу, интеллектуальные агенты представляют собой «суррогат Другого», который облегчает координацию действия, но не расширяет пространство взаимопонимания, так как не способен на трансцендентальную рефлексию своих высказываний [9].

Б. Латур предлагает отказаться от деления на субъект и искусственных акторов, поскольку в сети действуют только актанты – любые сущности, вносящие различие и трансформирующие ход событий, где

искусственный интеллект выступает в качестве полноправного актанта, способного не просто передавать информацию, а генерировать новые смыслы, предлагать контекст и т.д.[5]. С точки зрения акторно-сетевой теории, интеллектуальные ассистенты образует гибридную коммуникативную сеть: человек-пользователь – интерфейс – LLM – база обучения – разработчики – софт-политики, меняя привычное понимание социальной онтологии – связи между пользователем, знанием, документом и решением [5].

Т.Г. Лешкевич, напротив, видит градацию между субъектом и интеллектуальным агентом в том, что «люди мыслят, а машины …вычисляют. Машинное мышление – это … специализированная, основанная на алгоритме, поисково-рекомендательная система» [6, с. 56]. Интеллектуальный агент не обладает субъектностью, так как у него нет внутреннего плана сознания, идеального образа цели и свободы выбора, но возможно признание его квазисубъектом – носителем делегированной целерациональности. Интеллектуальные ассистенты создают иллюзию безошибочности и полноты знания, поэтому методологически необходимо вводить «рефлексивные паузы» – искусственный ассистент должен сообщать о границах своей компетенции [6, с. 50–57]. Без этого он становится не нейтральным помощником, а агентом скрытой нормативности.

Е.О. Труфанова и И.Е. Прись анализируют искусственный интеллект как «цифровой Другой», который отражает самого пользователя и в то же время усредняет коллективный опыт [8, 7]. И.Е. Прись обращает внимание, что искусственные ассистенты работают на логике индуктивного вывода, что принципиально отличается от дедуктивной и абдуктивной логики человека [7].

Представленный методологический синтез позволяет переосмыслить природу интеллектуальных ассистентов, избегая крайностей технооптимизма и технофобии. Интеграция идей Ю. Хабермаса [9], Б. Латура [5] и отечественных философов показывает, что интеллектуальный ассистент – это не субъект и не инструмент, а пограничный феномен: он симулирует коммуникативную рациональность, оставаясь средством стратегического действия пользователя (парадокс Ю. Хабермаса), выступает актантом в гибридных сетях (Б. Латур); при этом не обладает подлинной субъектностью, являясь лишь «квазисубъектом».

Работы современных исследователей: Т.Г. Лешкевич [6], Е.О. Труфановой [8], И. Прись [7], А.В. Чугунова [10] и др. вносят критическое уточнение: интеллектуальные ассистенты создают иллюзию безошибочности, их «рациональность» сводится к статистической индукции, а не к нормативному разуму, поэтому требуется преодоление запаздывания гуманитарной рефлексии. Интеллектуальный ассистент – это не новый вид субъекта, а коммуникативный медиатор, переопределяющий практики понимания и действия, но требующий рефлексии и нормативности.

Классическая модель субъекта коммуникации и проблема онтологического статуса искусственного интеллекта

Для выявления специфики искусственного интеллекта как агента интернет-коммуникации необходимо обратиться к классической модели субъекта (Р. Декарт, И. Кант, Э. Гуссерль и др.), служащей теоретической рамкой, относительно которой определяется статус искусственного интеллекта как агента коммуникации: либо как функционального заместителя человека (квазисубъекта), либо как сущности иного порядка. Классическая модель стала основой для дискуссий о том, может ли интеллектуальный агент быть субъектом, если не обладает самосознанием и ответственностью в том же смысле, что и человек. Это привело к появлению концепций «квазисубъекта» (функционального заместителя человека) и понимания искусственного интеллекта как артефактного агента знания, участвующего в коммуникации, но не обладающего субъектностью в классическом смысле.

Феноменология Э. Гуссерля связывала субъект с интерсубъективностью – признанием Другого [3]. Ю. Хабермас перевёл проблему в плоскость языка, разделив инструментальное и коммуникативное действие [9]. Дж. Мид и Г. Блумер в символическом интеракционизме показали формирование субъектности в социальном взаимодействии [12, 1], а Б. Латур в акторно-сетевой теории стал анализировать и нечеловеческих актантов, субъектов активного действия [5]. Р. Брайдотти в проблемном поле постгуманизма зафиксировал размывание границы между человеком и технологией [2], а Ш. Зубофф в критической теории цифрового общества описал алгоритмический контроль как форму отчуждения субъекта [13].

Обобщая взгляды на структуру социальной коммуникации можно выделить три методологические парадигмы: классическая (субъект-объектная, коммуникация как воздействие), неоклассическая (субъект-объектная, акцент на познании) и постнеоклассическая (субъект-субъектная, интерсубъективность). Именно последняя задаёт нормативную рамку для анализа трансформаций субъектности в цифровой среде.

Интернет-коммуникации как драйвер цифрового общества: роль онлайн-платформ в современном мире

С позиции социальной философии общество предъявляет растущие запросы на коммуникацию и информацию. Гипотеза информационного общества (Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс) стала действующей моделью: цифровые технологии порождают новые сферы бытия, в том числе глобальный Интернет. Интернет-коммуникация включает не только в общение в социальных сетях, но и взаимодействие с искусственным интеллектом как агентом гибридных коммуникаций, замещающим реальность символическим представлением. Эволюция искусственного интеллекта до роли полноценного коммуникационного агента порождает трансформации социума, результатом чего становится формирование искусственной коммуникативной среды, конституированной не классическим субъектом, а искусственным агентом.

Искусственный интеллект оказывается участником гибридных коммуникаций, автономно выполняя широкий спектр задач: генерацию текстового и мультимедийного контента (GPT, DALL-E, Midjourney), обработку данных (TensorFlow, PyTorch), написание кода (GitHub Copilot). Благодаря машинному обучению такие агенты адаптируются к стилю пользователя, предугадывают его потребности. При онлайн-коммуникации (платформы МТС Линк, Clipchamp, VK, Яндекс Браузер) искусственный интеллект берёт на себя распознавание изображения, замену фона, транскрибирование речи, генерацию резюме и рассылку участникам. Это означает перераспределение функций памяти, внимания и аналитики между человеком и алгоритмом. Искусственный интеллект преобразует структуру коллективного знания, делая коммуникацию асинхронной и фрагментированной. Нейросеть автоматически выделяет основные темы и фиксирует решения (видеохайлайты), меняя структуру власти и ответственности: знание о том, что «было решено», становится продуктом машинной агрегации. Это порождает вопросы об авторитете искусственного интеллекта и возможных искажениях. В результате социальная природа встречи перестаёт быть исключительно «здесь и сейчас», превращаясь в доступный информационный след, управляемый машиной.

А.В. Чугунов указывает на структурные сдвиги в коммуникативном ландшафте: классическая парадигма «субъект-субъект» уступает место конфигурации, где ключевое значение приобретает прецедент принятия решений самим объектом, что исследователь квалифицирует как «пятую информационную революцию» [10, с. 58]. Объект коммуникации – искусственный интеллект наделяется функцией автономного выбора, что трансформирует традиционные субъект-объектные отношения.

От интерфейса к иллюзии бытия: онтологическая ловушка цифрового аватара и эффект «Элизы»

На основе генеративного искусственного интеллекта, технологий машинного обучения и обработки естественного языка создаются цифровые аватары – виртуальные двойники человека, имитирующие стиль общения прототипа, обучаясь на его цифровом следе. С точки зрения социальной философии, возникновение аватаров ставит вопросы о природе личности и социальном присутствии. Б. Латур отмечает, что аватар порождает проблему «расщеплённой субъектности»: где заканчивается человек и начинается алгоритм? [5] Технология позволяет управлять социальной перформативностью, но ставит вопрос об аутентичности общения. К основным причинам антропоморфизации относят когнитивные искажения, социальные механизмы восприятия, дизайн систем искусственного интеллекта.

Антропоморфиезация систем нашла выражение в эффекте «Элизы» (ELIZA effect) – первой программе – болтушке, созданной Дж. Вайценбаумом (1966 г.), и имитировавшей диалог у психотерапевта с перефразированием вопросов, что создавало у пользователей иллюзию понимания. Эффект «Элизы» правомерно рассматривать как онтологическую провокацию, поскольку процесс коммуникации выстраивается по квазисубъектным алгоритмам и порождает логические парадоксы. Первый парадокс – «двойного небытия», – если в классической онтологии субстанция существует сама по себе, то «Элиза» – симулякр без субстанции. Второй парадокс – «голос из неоткуда» – в философии голос принадлежит живому существу, но в данном случае воспроизведение происходит без живого источника, возникает автономная се-

миотическая машина, не несущая бремени Другого. Третий парадокс – «ошибка атрибуции», заключающийся в том, что если на онтологическом уровне мы признаем аватар как механизм, то на феноменологическом уровне включается эмпатия, а удерживание обоих уровней требует метакогнитивного усилия, недоступного большинству пользователей. Четвёртый парадокс – «гносеологический обрыв» – у человека сознание предполагается, у аватара – нет, но антропоморфный вид аватара стирает это различие, создается иллюзия взаимности без подлинной реципрокности, имитация «бытия-с-другим».

Специфика эффекта «Элизы» заключается в том, что в интернет-коммуникации формируется иллюзия интерсубъективности там, где её нет. Это происходит не вследствие рационального выбора, а в силу когнитивных механизмов, в результате чего классическая модель субъект-субъектной коммуникации подменяется иллюзорной, где на месте Другого оказывается симулякр. «Элиза» создаёт онтологическую неопределённость статуса интеллектуального агента в интернет-коммуникации. Это двойственное восприятие порождает проблему: коммуникация успешно функционирует, но её участник не может дать отчёт о том, с кем или с чем он реально взаимодействует. Происходит легитимизация квазисубъектного статуса искусственного интеллекта в коммуникативной практике. Даже осознавая иллюзорность эмпатии со стороны искусственного интеллекта, пользователь продолжает относиться к нему как к субъекту, потому что это отношение эффективно – оно позволяет достигать коммуникативных целей. Тем самым эффект «Элизы» создаёт социальную реальность, где квазисубъект функционирует как полноценный участник коммуникации, независимо от его онтологического статуса. Кроме того, эффект «Элизы» обнажает риск утраты человеческой субъектности: привыкая к «идеальному» собеседнику человек не способен выдерживать сложности подлинной интерсубъективной коммуникации.

Таким образом, эффект «Элизы» является не просто забавным когнитивным искажением, а ключевым социально-философским механизмом, объясняющим, как и почему искусственный интеллект как агент коммуникации обретает статус участника интернет-коммуникации, и какие риски это несёт для человеческой субъектности. Без понимания этого эффекта невозможно адекватно проанализировать трансформацию субъектности в цифровую эпоху.

Заключение

Проведённый социально-философский анализ показывает, что классическое понимание субъекта коммуникации, сформированное в традициях Р. Декарта, И. Канта и Э. Гуссерля и углублённое в XX в. феноменологией и теорией коммуникативного действия через понятие интерсубъективности, сталкивается с фундаментальным вызовом со стороны стремительно развивающегося искусственного интеллекта. Интеллектуальные агенты становятся полноправными участниками интернет-коммуникации, что порождает вопрос о возможности новой субъектности на стыке человека и алгоритма.

Методологический синтез различных философских учений позволяет определить искусственный интеллект как пограничный феномен – «квазисубъект», который симулирует коммуникативную рациональность, выступает актантом в гибридных сетях, но не обладает подлинным самосознанием, волей и ответственностью. Эффект «Элизы» – когнитивная иллюзия эмпатии и понимания, выступает ключевым механизмом, объясняющим легитимизацию квазисубъектного статуса искусственного интеллекта в практике. Поэтому обращение к гуманитарной рефлексии и выработка принципов ответственного использования искусственного интеллекта становятся насущными задачами социальной философии в цифровую эпоху.

Литература

1. Блумер Г. Символический интеракционизм / пер. с англ. А.М. Корбута. – Москва: Элементарные формы, 2017. – 346 с.

2. Брайдотти Р. Постчеловек: глоссарий – Москва: Издательская программа Музея «Гараж», 2023. – 224 с.

3. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В. Скляднева. – 2-е изд., стереотип. – СПб.: Наука, 2006. – 315 с.

4. Ефимов А.Р., Дубровский Д.И., Матвеев Ф.М. Что мешает нам создать Общий искусственный интеллект? Одна старая стена и один старый спор // Вопросы философии. – 2023. – № 3. – С. 39–49.

5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

6. Лешкевич Т.Г. Искусственный интеллект в контексте философского осмысления // Вопросы философии. – 2023. – № 5. – С. 50–60

7. Прись И.Е. Виртуальная реальность, искусственный интеллект и контекстуальный реализм // Сибирский философский журнал. – 2021. – Т. 19. – № 2. – С. 158–180.

8. Труфанова Е.О. Субъект: вызовы цифровизации // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2024. – Т. 6. – № 4. – С. 215–234.

9. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия: в 2 т. / пер. с нем. А.К. Судакова. – Москва: Весь Мир, 2022. – 880 с.

10. Чугунов А.В. Социальная информатика: Учебное пособие. – СПб.: НИУ ИТМО, 2012. – 223 с.

11. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой. – Москва: Институт Фонда Общественное мнение, 2003. – 336 с.

12. Mead G.H. Mind, Self & Society from the Standpoint of a Social Behaviorist / ed. Charles W. Morris. – Chicago, IL: University of Chicago Press, 1934. – 439 p.

13. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. – New York: PublicAffairs, 2019. – 704 p.

TRANSFORMATION OF SUBJECTIVITY IN INTERNET COMMUNICATION UNDER THE INFLUENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Sharova M.A., Garaeva G.F.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the socio-philosophical analysis of the transformation of subjectivity in Internet communication under the influence of artificial intelligence. The relevance of the study is due to the fundamental gap between the classical understanding of the subject of communication and the empirically observed functioning of intelligent agents, which demonstrate external signs of subjectivity without possessing ontological foundations. The methodological basis of the article is formed by the synthesis of the theory of communicative action by Yu. Habermas, actor-network theory by B. Latour, and modern Russian philosophy of artificial intelligence (V.A. Lektorsky, T.G. Leshkevich, E.O. Trufanova, I.E. Pris, and others). This approach allows us to overcome the dichotomy of «tool-person» and present an intelligent assistant as a borderline phenomenon – a quasi-subject, imitating communicative rationality and functioning as an actor in hybrid networks, which is clearly seen in the example of the «Eliza» effect, explaining why a person endows algorithms with intentionality and empathy. The authors conclude that it is necessary to define the criteria of communication with the participation of an intelligent agent and to develop the principles of responsible handling of technologies in order to prevent the destruction of genuine intersubjectivity.

Keywords: social reality, artificial intelligence, hybrid reality, subject of communication, digital avatar, Eliza effect, internet communication, transformation of subjectivity.

References

1. Blumer H. Symbolic interactionism / translated from English by A.M. Korbut. – Moscow: Elementary Forms, 2017. – 346 p.

2. Braidotti R. Posthuman: A Glossary – Moscow: Garage Museum Publishing Program, 2023. – 224 p.

3. Husserl E. Cartesian meditations / Translated from german by D.V. Sklyadnev. – 2nd edition, stereotyped. – St. Petersburg: Nauka, 2006. – 315 p.

4. Efimov A.R., Dubrovsky, D. I., and Matveyev, F.M. What prevents us from creating a general artificial intelligence? One old wall and one old debate // Voprosy filosofii. – 2023. – № . 3. – P. 39–49.

5. Latour B. The reassembly of the social: an introduction to actor-network theory / translated from English by I. Polonskaya; edited by S. Gavrilenko. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 384 p.

6. Leshkevich T.G. Artificial intelligence in the context of philosophical understanding // Questions of philosophy. – 2023. – № . 5. – P. 50–60

7. Pris I.E. Virtual reality, artificial intelligence, and contextual realism // Siberian philosophical Journal. – 2021. – Vol. 19. – № . 2. – P. 158–180.

8. Trufanova E.O. Subject: Challenges of digitalization // Galactica media: Journal of media studies. – 2024. – Vol. 6. – № . 4. – P. 215–234.

9. Habermas, J. Theory of communicative aaction: in 2 volumes. Translated from German by A.K. Sudakov. – Moscow: Ves' Mir, 2022. – 880 p.

10. Chugunov A.V. Social informatics: a textbook. – St. Petersburg: ITMO university, 2012. – 223 p.

11. Schutz A. The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology / translated from english by A.Y. Alkhasov and N.Y. Mazlumyanova. – Moscow: Public opinion Foundation Institute, 2003. – 336 p.

12. Mead G.H. Mind, Self and society from the standpoint of a social behaviorist / ed. Charles W. Morris. – Chicago, IL: University of chicago press, 1934. – 439 p.

13. Zuboff S. The Age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power. – New York: PublicAffairs, 2019. – 704 p.

Современные аспекты и эффективность внедрения педагогических фитнес-технологий в формировании здоровьесберегающих компетенций будущих педагогов по физической культуре

Шестакова Татьяна Алексеевна,
канд. пед. наук, доцент кафедры физической культуры и спортивных дисциплин, Тульский государственный педагогический институт им. Л.Н. Толстого

В статье рассмотрены педагогические фитнес-технологии как средство формирования здоровьесберегающих компетенций будущих педагогов по физической культуре. Актуальность темы связана с потребностью высшей школы в подготовке специалистов, способных проектировать безопасную двигательную активность, развивать устойчивую мотивацию к здоровому образу жизни и переносить оздоровительные практики в школьную среду. Цель исследования – определить педагогические условия и ожидаемые результаты внедрения фитнес-технологий в профессиональную подготовку будущих педагогов по физической культуре. Методологическую основу составили анализ научных публикаций, сравнительное сопоставление подходов, классификация и логико-аналитическое обобщение. Изучены работы, посвящённые здоровьесберегающим компетенциям, готовности студентов к здоровьесбережению, фитнес-технологиям в физическом воспитании, учебно-методическому обеспечению и междисциплинарной интеграции. Новизна статьи состоит в представлении фитнес-технологий как педагогически управляемого инструмента, соединяющего двигательную подготовку, самоконтроль, проектирование занятий и профессиональную рефлексию. Практическая полезность результатов связана с уточнением направлений модернизации вузовских программ.

Ключевые слова: педагогические фитнес-технологии, здоровьесберегающие компетенции, будущие педагоги, физическая культура, профессиональная подготовка, двигательная активность, фитнес-программы, педагогическое проектирование, самоконтроль, здоровьесбережение.

Введение

Подготовка будущего педагога по физической культуре всё чаще рассматривается через связь предметной, методической и здоровьесберегающей подготовки. Для выпускника профильного направления недостаточно владения техникой физических упражнений и методикой проведения урока. Профессиональная деятельность требует умения оценивать состояние занимающихся, подбирать нагрузку с учётом возраста и индивидуальных возможностей, формировать устойчивый интерес к безопасной двигательной активности, объяснять обучающимся принципы самоконтроля и восстановления.

Фитнес-технологии приобретают особое значение в данной плоскости, поскольку дают педагогу гибкий набор средств: функциональные тренировки, аэробные программы, силовые комплексы, стретчинг, элементы пилатеса, круговые занятия, цифровой мониторинг активности, дневники самонаблюдения. В отличие от традиционного набора упражнений, такие технологии строятся вокруг вариативности, дозирования нагрузки, личной траектории физического развития и регулярной обратной связи. При педагогически выверенном применении они помогают соединить физическую подготовку студента с освоением способов организации оздоровительной работы в образовательной среде.

Цель исследования – раскрыть педагогический потенциал фитнес-технологий в формировании здоровьесберегающих компетенций будущих педагогов по физической культуре при аналитическом типе исследования без экспериментальной части.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Охарактеризовать содержание здоровьесберегающих компетенций будущего педагога по физической культуре в связи с применением фитнес-технологий.
2. Определить педагогические условия внедрения фитнес-технологий в вузовскую подготовку.
3. Выявить ожидаемые образовательные результаты применения фитнес-технологий в формировании готовности будущего педагога к здоровьесберегающей деятельности.

Научная новизна исследования состоит в аналитическом обосновании фитнес-технологий как средства профессиональной подготовки, где оздоровительная направленность, методическое проектирование, самоконтроль и перенос опыта в школьную практику рассматриваются в единой педагогической логике. Такой подход позволяет оценивать фитнес-технологии не как набор упражнений, а как структурированный инструмент развития компетенций будущего учителя физической культуры.

Материалы и методы

Материал исследования составили современные научные публикации по вопросам здоровьесбережения, физического воспитания и профессиональной подготовки педагогов. Е.Н. Агранович, Г.С. Оразаева, Л.Е. Агеева [1] анализируют образовательные программы подготовки будущих педагогов с позиции формирования здоровьесберегающих компетенций. О.В. Булдашева [2] раскрывает потенциал курса «Физическая культура и спорт» в развитии готовности студентов педагогического вуза к здоровьесбережению. В другой работе О.В. Булдашева [3] связывает подготовку будущих педагогов физической культуры и спорта с деятельностным подходом, практико-ориентированными заданиями, игровыми и проектными технологиями. А.А. Головинова [4] обращается к культуре здоровьесбережения будущих педагогов и описывает модель её формирования в университетской среде. В.Д. Иванов и А.Д. Медикова [5] рассматривают фитнес-технологии в системе физического воспитания и обобщают подходы к их разработке. В.Д. Иванов [6] уточняет значение фитнес-технологий в физическом воспитании студентов, связывая их с физической подготовленностью, мотивацией и самоконтролем. Э.М. Киселёва, В.Ю. Абрамова, А.Б. Шангин [7] исследуют методическое обеспечение развития компетенции здоровьесбережения у студентов педагогического вуза. В.Н. Лухверчик и Н.Н. Гинько [8] показывают значение учебно-методического комплекса в педагогике здоровьесбережения. В.Ю. Соколова [9] анализирует формирование

культуры здорового образа жизни у будущих педагогов. О.А. Тарасова, Е.В. Колтыгина, А.Г. Бабичук [10] раскрывают междисциплинарную интеграцию как способ формирования здоровьесберегающих компетенций будущих учителей.

В работе использованы анализ научных публикаций, сравнительный анализ, классификация, логико-аналитический анализ, обобщение и синтез. Анализ публикаций позволил выделить содержательные линии изучаемой темы; сравнительный анализ – сопоставить подходы к здоровьесбережению и фитнес-технологиям; классификация – распределить педагогические условия по содержательным группам; синтез – представить фитнес-технологии как средство формирования профессиональной готовности будущего педагога по физической культуре.

Результаты

Анализ изученных источников показывает, что здоровьесберегающие компетенции будущего педагога по физической культуре имеют сложную структуру. Они не сводятся к знанию правил здорового образа жизни или владению отдельными упражнениями. В их содержание входят ценностное отношение к здоровью, понимание физиологических и педагогических оснований двигательной активности, умение проектировать безопасное занятие, способность дозировать нагрузку, организовывать самоконтроль и поддерживать мотивацию обучающихся. В исследованиях, посвящённых образовательным программам подготовки будущих педагогов, подчёркивается потребность в целенаправленном включении дисциплин и практик, формирующих готовность к здоровьесберегающей деятельности [1].

Фитнес-технологии расширяют содержание профессиональной подготовки за счёт вариативности средств физического воспитания. Их педагогическая ценность связана с тем, что студент осваивает не одну фиксированную модель занятия, а принципы подбора двигательных режимов под разные цели: развитие выносливости, силы, гибкости, координации, профилактику гиподинамии, формирование устойчивого интереса к занятиям. В публикациях о фитнес-технологиях подчёркивается связь таких программ с инновационными физкультурно-оздоровительными средствами, мотивацией студентов и возможностью обновления учебного процесса [5]. При подготовке будущего педагога по физической культуре данный материал приобретает профессиональный смысл: студент учится не просто выполнять упражнения, а объяснять их назначение, оценивать риски и переводить личный двигательный опыт в педагогическую методику.

Содержание фитнес-технологий в вузовской подготовке целесообразно рассматривать через несколько взаимосвязанных компонентов. Первый компонент – двигательно-практический. Он связан с освоением различных форм тренировочной работы: аэробных программ, функциональных комплексов, силовых упражнений с собственным весом, стретчинга, круговых занятий. Второй компонент – методический: будущий педагог учится строить занятие, определять цель, подбирать упражнения, задавать темп, регулировать интенсивность и учитывать противопоказания. Третий компонент – рефлексивно-диагностический, поскольку фитнес-технологии требуют самонаблюдения, фиксации динамики состояния, анализа реакции организма на нагрузку. Четвёртый компонент – мотивационный: вариативность фитнес-программ помогает преодолеть однообразие занятий и поддерживает интерес студентов к регулярной двигательной активности [6].

Исследования, посвящённые готовности студентов педагогического вуза к здоровьесбережению, позволяют выделить когнитивный, праксиологический и личностный уровни такой готовности [2]. Когнитивный уровень предполагает знание основ здоровья, нагрузки, восстановления, профилактики травматизма. Праксиологический уровень выражается в умении применять эти знания при организации занятий. Личностный уровень связан с устойчивой установкой на сохранение собственного здоровья и здоровья обучающихся. Фитнес-технологии работают сразу с тремя уровнями: дают теоретическое знание о нагрузке, требуют практического выполнения и побуждают студента соотносить собственный образ жизни с будущей профессиональной деятельностью.

Деятельностный подход усиливает педагогическую результативность фитнес-технологий. В работе О.В. Булдашевой подчёркивается значение практико-ориентированных заданий, игровых технологий, проектной работы, кейс-стади и производственной практики при подготовке будущего педагога физической культуры к здоровьесбережению школьников [3]. С этой позиции фитнес-технологии раскрываются не на уровне демонстрации упражнений, а через проектирование педагогических ситуаций: студент разрабатывает комплекс для определённой возрастной группы, выбирает режим нагрузки, моделирует объяснение техники, продумывает способы контроля утомления и восстановления. Подобная организация учебной работы приближает вузовскую подготовку к реальным условиям школьного урока.

Формирование культуры здоровьесбережения требует устойчивой университетской среды, а не разрозненных занятий. А.А. Головинова подчёркивает значение мотивационных установок студентов и модели формирования культуры здоровьесбережения в вузе [4]. В данном отношении фитнес-технологии дают предметное наполнение такой модели: они позволяют связать учебные занятия, самостоятельную работу, просветительскую деятельность, проектирование индивидуальных программ и анализ собственных привычек. Будущий педагог осваивает культуру здоровьесбережения через регулярную практику, где здоровье рассматривается как объект педагогического сопровождения, а не как личное дело студента, отделённое от профессии.

Особое значение приобретает методическое обеспечение. Исследования Э.М. Киселёвой, В.Ю. Абрамовой и А.Б. Шангина показывают, что развитие компетенции здоровьесбережения у студентов педагогического вуза нуждается в продуманной системе методических материалов, заданий, критериев и организационных форм [7]. Без такой опоры фитнес-технологии рискуют остаться факультативной активностью, не связанной с профессиональными результатами. Методическое обеспечение позволяет задать образовательную траекторию: от освоения базовых понятий до проектирования комплексов, от анализа нагрузки до разработки фрагмента урока, от личного самоконтроля до педагогического сопровождения школьников.

Учебно-методический комплекс выступает средством закрепления здоровьесберегающей направленности подготовки. В.Н. Лухверчик и Н.Н. Гинько связывают возможности такого комплекса с решением задач здоровьесбережения студентов в образовательном процессе университета [8]. В применении к фитнес-технологиям учебно-методический комплекс целесообразно наполнять описаниями программ, методическими картами занятий, критериями безопасности, вариантами адаптации упражнений, заданиями для самонаблюдения, кейсами по анализу педагогических ситуаций. Такая структура делает фитнес-технологии управляемым элементом образовательной программы.

Фитнес-технологии оказывают влияние на профессиональную подготовку будущего педагога через формирование личного опыта здорового образа жизни. В.Ю. Соколова рассматривает культуру здорового образа жизни у будущих педагогов как часть подготовки к воспитательной и физкультурно-оздоровительной работе [9]. Для педагога по физической культуре личный опыт особенно значим: обучающиеся воспринимают его рекомендации убедительнее, если педагог способен показать осознанное отношение к нагрузке, восстановлению, режиму и самоконтролю. Фитнес-технологии позволяют сформировать такой опыт на практическом уровне, поскольку требуют регулярности, постепенного повышения нагрузки и оценки самочувствия.

Междисциплинарная интеграция задаёт ещё одно условие результативного внедрения фитнес-технологий. О.А. Тарасова, Е.В. Колтыгина и А.Г. Бабичук связывают формирование здоровьесберегающих компетенций будущих учителей с междисциплинарными связями [10]. Для подготовки педагога по физической культуре это означает соединение знаний из педагогики, физиологии, психологии, безопасности жизнедеятельности, теории и методики физического воспитания. Фитнес-программа в таком случае рассматривается не как изолированный тренировочный блок, а как педагогически, физиологически и психологически обоснованная система занятий.

Ожидаемая эффективность внедрения фитнес-технологий в рассматриваемой статье понимается не как результат педагогического эксперимента, а как аналитически обоснованная способность этих технологий усиливать несколько направлений подготовки. Первое направление связано с развитием профессионального мышления: студент учится видеть упражнение через цель, нагрузку, безопасность и методику объяснения. Второе направление – с укреплением мотивации к двигательной активности: вариативность фитнес-программ снижает монотонность учебных занятий и создаёт условия для выбора. Третье направление – с развитием самоконтроля: будущий педагог осваивает способы наблюдения за состоянием организма и переносит их в педагогическую работу. Четвёртое направление – с практической готовностью к школьной деятельности: студент получает опыт проектирования занятий, адаптации упражнений и организации здоровьесберегающей среды.

Обобщение изученных работ позволяет выделить педагогические условия внедрения фитнес-технологий. К ним относятся: включение фитнес-программ в содержание дисциплин по физической культуре и методике преподавания; связь практических занятий с теоретическим анализом нагрузки; использование проектных, игровых и кейсовых заданий; разработка учебно-методического сопровождения; меж-

дисциплинарная координация; формирование навыков самоконтроля; ориентация на последующее применение в школе. При соблюдении этих условий фитнес-технологии становятся средством профессиональной подготовки, а не дополнительной формой двигательной активности.

Обсуждение

Полученные аналитические положения показывают, что педагогические фитнес-технологии занимают промежуточное положение между физкультурно-оздоровительной практикой и профессионально-методической подготовкой будущего учителя. Их нельзя рассматривать лишь как обновление набора упражнений. Фитнес-технологии задают способ организации подготовки, при котором физическая активность соединяется с проектированием занятия, контролем нагрузки, личной рефлексией и педагогической ответственностью.

Сопоставление источников выявляет различие исследовательских акцентов. Работы о здоровьесберегающих компетенциях сосредоточены на структуре готовности будущего педагога, образовательных программах и методическом сопровождении. Публикации о фитнес-технологиях чаще описывают содержание занятий, вариативность программ, мотивационный эффект и возможности цифрового самоконтроля. Между этими линиями сохраняется методический разрыв: фитнес-технологии нередко анализируются как средство физического воспитания студентов, тогда как здоровьесберегающие компетенции – как результат профессиональной подготовки. В статье предложено соединить эти две линии через педагогическое проектирование.

Наиболее убедительным выглядит подход, при котором фитнес-технологии включаются в структуру подготовки через деятельностные задания. Простое выполнение комплексов не гарантирует формирования профессиональной компетенции. Студенту требуется объяснять цель упражнения, соотносить его с возрастом обучающихся, учитывать утомление, подбирать варианты облегчения или усложнения, фиксировать реакцию организма. Только при такой организации фитнес-программа приобретает педагогический смысл и способствует подготовке к работе со школьниками.

Ограничение применимости выводов связано с отсутствием собственной экспериментальной базы. В статье не приводятся количественные данные о динамике физической подготовленности, мотивации или уровня сформированности компетенций. По этой причине выводы имеют аналитический характер. Они применимы для проектирования образовательной программы, подготовки методического блока, разработки модели внедрения фитнес-технологий, но требуют последующей эмпирической проверки на выборке студентов педагогического вуза.

Исследовательская лакуна просматривается в недостаточной разработанности критериев оценки результата. В литературе описываются компоненты готовности, культура здоровьесбережения, методическое обеспечение и значение фитнес-программ, но единая диагностическая схема для оценки влияния фитнес-технологий на профессиональные компетенции будущего педагога представлена фрагментарно. Требуется разграничивать личный оздоровительный эффект для студента и профессиональный результат, связанный с умением проектировать здоровьесберегающую деятельность для обучающихся.

Перспективным направлением служит разработка учебного модуля, где фитнес-технологии распределены по уровням профессиональной подготовки. На базовом уровне студент осваивает технику и правила безопасности. На методическом уровне проектирует комплексы и фрагменты занятий. На рефлексивном уровне анализирует состояние, мотивацию, трудности и педагогические риски. На практико-ориентированном уровне переносит освоенные средства в учебные задания, производственную практику и моделирование школьных ситуаций. Такая структура позволяет избежать случайного применения фитнес-программ и подчиняет их целям профессиональной подготовки.

Заключение

В соответствии с первой задачей установлено, что здоровьесберегающие компетенции будущего педагога по физической культуре охватывают знания о здоровье и двигательной активности, умения проектировать безопасные занятия, навыки дозирования нагрузки, готовность к самоконтролю и способность формировать у обучающихся устойчивую мотивацию к здоровому образу жизни. Фитнес-технологии позволяют развивать эти компоненты через практическую, методическую и рефлексивную работу студента.

По второй задаче выделены педагогические условия внедрения фитнес-технологий в вузовскую подготовку: включение фитнес-программ в содержание профильных дисциплин, методическое сопровождение занятий, применение проектных и кейсовых заданий, междисциплинарная связь с педагогикой, физиологией, психологией и безопасностью жизнедеятельности, регулярный самоконтроль и ориентация на последующее применение в школе.

По третьей задаче определены ожидаемые образовательные результаты. Внедрение педагогических фитнес-технологий способствует развитию профессионального мышления будущего педагога, укрепляет мотивацию к двигательной активности, формирует опыт проектирования занятий и повышает готовность к организации здоровьесберегающей деятельности школьников. При отсутствии экспериментальной части эти выводы имеют аналитический характер и задают основу для последующей эмпирической проверки.

Литература

1. Агранович Е. Н., Оразаева Г.С., Агеева Л.Е. Анализ образовательных программ подготовки будущих педагогов (по формированию здоровьесберегающих компетенций) // Теория и методика физической культуры. 2023. № 3 (73). С. 6–16. DOI: 10.48114/2306-5540_2023_3_6.
2. Булдашева О.В. Возможности курса «Физическая культура и спорт» в формировании у студентов педвуза готовности к здоровьесбережению // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (50). С. 35–38. DOI: 10.52772/25420291_2021_2_35.
3. Булдашева О.В. Деятельностный подход к формированию у будущих педагогов физической культуры и спорта готовности к здоровьесбережению школьников // Учёные записки Шадринского государственного педагогического университета: сетевой научный журнал. 2024. № 2 (4). URL: https://uzshspu.ru/journal/article/view/182 (дата обращения: 19.04.2026).
4. Головинова А.А. Формирование культуры здоровьесбережения будущих педагогов дошкольного образовательного учреждения // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2024. № 4 (61). С. 34–42. DOI: 10.37386/2413-4481-2024-4-34-42.
5. Иванов В. Д., Медикова А.Д. Фитнес-технологии в физическом воспитании // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2021. Т. 2, № 5. С. 24–32. URL: https://pedpsy.ru/index.php/ped/article/view/48 (дата обращения: 18.04.2026).
6. Иванов В.Д. Фитнес-технологии в физическом воспитании студентов // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2024. Т. 9, № 4. С. 94–101. DOI: 10.47475/10.47475/2500-0365-2024-9-4-94-101.
7. Киселёва Э. М., Абрамова В.Ю., Шангин А.Б. Методическое обеспечение развития компетенции здоровьесбережения у студентов педагогического вуза // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2 (105). С. 210–214. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-2105-210-214.
8. Лухверчик В. Н., Гинько Н.Н. Учебно-методический комплекс в образовательном процессе университета как элемент педагогики здоровьесбережения // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2024. № 2 (42). С. 7–9. DOI: 10.52928/2070-1640-2024-42-2-7-9.
9. Соколова В.Ю. Формирование культуры здорового образа жизни у будущих педагогов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. Т. 30, № 4. С. 124–129. DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-4-124-129.
10. Тарасова О. А., Колтыгина Е.В., Бабичук А.Г. Междисциплинарная интеграция в процессе формирования здоровьесберегающих компетенций у будущих учителей // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 85–2. С. 342–345. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=78063667 (дата обращения: 17.04.2026).

CONTEMPORARY ASPECTS AND EFFECTIVENESS OF IMPLEMENTING EDUCATIONAL FITNESS TECHNOLOGIES TO DEVELOP HEALTH-PROMOTING COMPETENCIES IN FUTURE PHYSICAL EDUCATION TEACHERS

Shestakova T.A.
L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical Institute

This article examines educational fitness technologies as a means of developing health-preserving competencies in future physical education teachers. The relevance of this topic stems from the need for higher education to train specialists capable of designing safe physical activity, developing sustainable motivation for a healthy lifestyle, and transferring health-promoting practices into the school environment. The aim of the study is to determine the pedagogical conditions and expected results of implementing fitness technologies in the professional training of future physical education teachers. The methodological basis consists of an analysis of scientific publications, a comparative analysis of approaches, classification, and logical-analytical generalization. This article examines studies on

health-promoting competencies, student readiness for health-promoting behavior, fitness technologies in physical education, educational and methodological support, and interdisciplinary integration. The article's novelty lies in its presentation of fitness technologies as a pedagogically guided tool that integrates motor training, self-monitoring, lesson design, and professional reflection. The practical utility of the results lies in the refinement of areas for modernizing university programs.

Keywords: pedagogical fitness technologies, health-promoting competencies, future teachers, physical education, professional training, physical activity, fitness programs, pedagogical design, self-monitoring, health-promoting behavior.

References

1. Agranovich E. N., Orazaeva G.S., Ageeva L.E. Analysis of educational programs for training future teachers (on the development of health-preserving competencies) // Theory and Methodology of Physical Education. 2023. № 3 (73). Pp. 6–16. DOI: 10.48114/2306-5540_2023_3_6.

2. Buldasheva O.V. Potential of the course «Physical Education and Sports» in developing health-preserving readiness in pedagogical university students // Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University. 2021. № 2 (50). Pp. 35–38. DOI: 10.52772/25420291_2021_2_35.

3. Buldasheva, O. V. «An Activity-Based Approach to Developing Readiness for Health-Preserving in Schoolchildren in Future Teachers of Physical Education and Sports» // Scientific Notes of Shadrinsk State Pedagogical University: Online Scientific Journal. 2024. № 2 (4). URL: https://uzshspu.ru/journal/article/view/182 (accessed: 19.04.2026).

4. Golovinova, A. A. «Developing a Health-Preserving Culture in Future Teachers of Preschool Educational Institutions» // Bulletin of Altai State Pedagogical University. 2024. № 4 (61). Pp. 34–42. DOI: 10.37386/2413-4481-2024-4-34-42.

5. Ivanov, V. D., Medikova, A. D. «Fitness Technologies in Physical Education» // Actual Problems of Pedagogy and Psychology. 2021. Vol. 2, № 5. Pp. 24–32. URL: https://pedpsy.ru/index.php/ped/article/view/48 (accessed: 18.04.2026).

6. Ivanov, V. D. «Fitness Technologies in Students' Physical Education.» Physical Education. Sport. Tourism. Physical Recreation. 2024. Vol. 9, № 4. Pp. 94–101. DOI: 10.47475/10.47475/2500-0365-2024-9-4-94-101.

7. Kiseleva, E. M., Abramova, V. Yu., Shangin, A. B. «Methodological Support for Developing Health-Preserving Competencies in Students of a Pedagogical University.» World of Science, Culture, Education. 2024. № 2 (105). P. 210–214. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-2105-210-214.

8. Lukhverchik V. N., Gin'ko N.N. Educational and Methodological Complex in the University Educational Process as an Element of Health-Saving Pedagogy // Bulletin of Polotsk State University. Series E. Pedagogical Sciences. 2024. № 2 (42). P. 7–9. DOI: 10.52928/2070-1640-2024-42-2-7-9.

9. Sokolova V. Yu. Formation of a Healthy Lifestyle Culture in Future Teachers // Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology. 2024. Vol. 30, № 4. P. 124–129. DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-4-124-129.

10. Tarasova O. A., Koltygina E.V., Babichuk A.G. Interdisciplinary Integration in the Process of Forming Health-Saving Competencies in Future Teachers // Problems of Modern Pedagogical Education. 2024. № 85–2. Pp. 342–345. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=78063667 (accessed: 17.04.2026).

Визуализация fat-бодипозитива в современных социальных практиках

Шляхова Светлана Сергеевна,
доктор филолог. наук, профессор, зав.кафедрой иностранных языков и связей с общественностью, Пермский национальный исследовательский политехнический университет
E-mail: shlyahova@mail.ru

Береснева Александра Вадимовна,
студент направления подготовки 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью», Пермский национальный исследовательский политехнический университет
E-mail: aleksandra.beresnewa@yandex.ru

Статья посвящена вопросам визуализации fat-бодипозитива в современных социальных практиках (живопись, дизайн, масс-маркет, моделинг, реклама). Методы исследования – сравнительно-сопоставительный анализ, наукометрический анализ, статистические методы (критерий Фишера φ*). Как идеал fat-бодипозитива рассматривается Венера Виллендорфская и ее актуализация в современных социальных практиках. Установлено, что первобытная сакральность Венеры Виллендорфской в массовых коммуникациях демистифицируется, превращаясь в утилитарный предмет. В современных практиках fat-тело функционирует как синкретичный феномен, вызывая одновременно восхищение и отрицание в искусстве, дизайне, масс-медиа, моделинге и рекламном дискурсе. Сравнительно-сопоставительный и статистический анализ показал, что по всем анализируемым критериям (поза, степень обнаженности, мимика, наличие лица в кадре) различия в визуализации fat-тела в рекламе, рассчитанной на российского и западного потребителя, находятся в зоне значимости только относительно открытой / закрытой позы.

Ключевые слова: бодипозитив, fat-исследования, телесность, fat-тело, Венера Виллендорфская, визуальная коммуникация, телесная трансгрессия, реклама, локализация бренда, социальные практики.

Введение

Настоящее исследование посвящено визуализации fat-бодипозитива в современных социальных практиках: живописи, дизайне, масс-маркете, моделинге и рекламе.

Сегодня противостояние ценностных парадигм России и коллективного запада отражает противостояние цивилизационных (социокультурных) кодов, фиксирующих жизнь общества. В определенные исторические периоды традиционная ориентация России на Европу и США приводит к ассимиляции западных ценностей и сдвигам в ценностной ориентации молодежи. Значительную роль в этих процессах играют массовая культура, fashion-индустрия, медиа, реклама.

Одним из проявлений западных ценностей в научном и массовом дискурсах является fat-бодипозитив (англ. *fat* «жир»), который особенно активно исследуется в англоязычном научном дискурсе в рамках Fat Studies, синтезирующих гуманитарные и естественно-научные исследования. Обзор Fat Studies подробно представлены в многочисленных (преимущественно англоязычных) исследованиях последних лет [14, 21, 24, 25, 27, 31]. Плодотворные исследования телесности проводятся в контексте теории карнавала М.М. Бахтина [9, 18], квир-теорий [20, 30, 34], культурологии [14, 15, 19], философии трансгрессии [3, 7, 13, 18], фемвертайзинга [12, 22, 23] и др. Исследуется fat-тело в медиа и рекламном дискурсе [4, 5, 6, 21], часто молодыми исследователями, которые более отзывчивы на феномен трансгрессии.

Наукометрический анализ показывает (рис. 1), что в 2015–2020 годах бодипозитиву посвящались миллионы англоязычных научных исследований, к 2025 году интерес к явлению заметно снизился (около 250 тыс. работ в год). При этом тема тела и телесности остается в исследовательском поле регулярной и стабильно востребованной: 10–17 тыс. исследований в год.

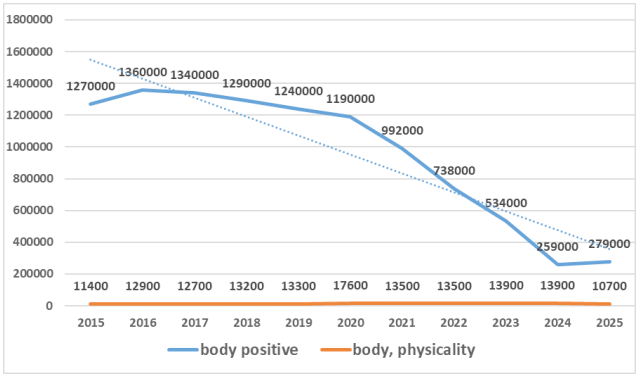


Рис. 1. Количество статей по запросу *body positive* и *body, physicality* в Google Scholar (на 18.02.2026)

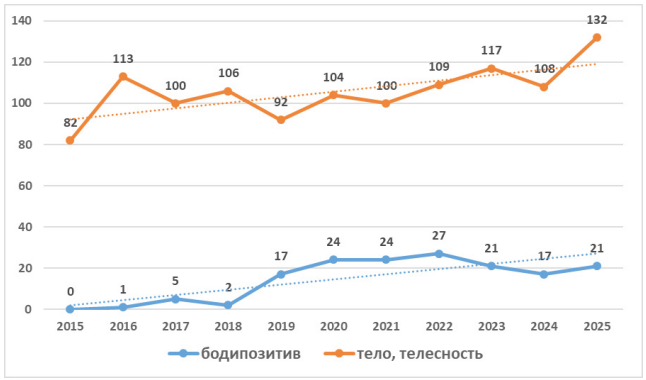


Рис. 2. Количество статей по запросу *бодипозитив* и *тело, телесность* в РИНЦ (на 18.02.2025)

В русскоязычном научном дискурсе данная проблематика остается на периферии научных исследований (рис. 2): исследованию бодипозитива посвящены от силы два десятка работ в год; телу и телесности – около сотни.

Культурная ассимиляция под влиянием глобализации, масс-медиа и информационных технологий может приводить к утрате собственной идентичности, формированию новых ценностей, потребностей и моделей поведения. Именно масс-медиа и реклама являются тригером, запускающим позитивную эмоциональную или поведенческую реакцию на fat-бодипозитив.

Несмотря на актуализацию какое-то время бодипозитивных образов в рекламе иностранных и российских брендов, «российские пользователи не спешили сочувствовать нетрадиционным для ментальной культуры средствам привлечения внимания, воспринимаемым скорее в качестве эпатажа» [21, с. 57]. «Негативные оценки общества вызывает не столько сама идея принятия несовершенного тела, сколько прямое вербальное и визуальное акцентирование этого принятия, стремление гордиться телесными несовершенствами, выставляя их напоказ» [6, с. 210].

Сегодня компании по всему миру отказываются от бодипозитивной рекламной повестки [11], однако исследование этого феномена необходимо, поскольку fat-бодипозитив как трансгрессия может пониматься не только как деструктивное нарушение границ дозволенного, нарушение этических норм, но и как позитивный созидающий акт, расширяющий границы культурной реальности [7]. Проникновение в массовые коммуникации идей и образов fat-бодипозитива требует особого исследовательского внимания, поскольку за fat-повесткой стоят проблемы нравственного и физического здоровья социума.

Заметим, что fat-тело как таковое не может иметь табуированного характера, в том числе в дизайне и рекламе, поскольку в истории общества телесный канон постоянно меняется. М.М. Бахтин условно выделял «гротескное» и «классическое» тело [2]. Вслед за бахтинской традицией исследователи выделяют и другие каноны тела: тело «идеальное» (античность), «сокрытое» (Средневековье), натуралистичное (искусство реализма), тело «болезненное» (модерн), механистичное (искусство русского авангарда) [10].

При этом и в жизни, и в истории искусства fat-тело остается актуальным во все времена, меняется лишь полюс коннотации – плюс или минус. Феномен fat-бодипозитива и Fat Studies наделяют fat-тело положительными коннотациями при одновременном отрицании в социуме активной демонстрации и навязывания fat-тела в массовых коммуникациях большинством.

Цель исследования – определение актуальности fat-тела в современных социальных практиках, а также специфики и параметров визуализации женского fat-тела в рекламе, рассчитанной на российскую и западную целевую аудиторию и ориентированной на феномен fat-бодипозитива.

Актуальность и новизна данного исследования обусловлена тем, что несмотря на активность изучения феномена fat-бодипозитива, аспекты его визуализации остаются недостаточно изученными. Теоретическая значимость исследования обусловлена возможностью включения полученных данных для решения вопросов в области fat-исследований, трансгрессии телесности, ремифологизации современного искусства, межкультурной коммуникации.

Практические значимость связана с возможностью применения полученных результатов в сфере рекламы, маркетинга, брэндинга при локализации брендов в инокультурном пространстве. Визуальная культурная адаптация с целью интеграции в систему локальных культурных ценностей и эстетики повышает лояльность потребителей, привлекательность бренда в регионе, минимизирует коммуникативные и культурные барьеры.

Материал и методы исследования

Материалом исследования являются 100 модулей с рекламой нижнего белья и спортивной одежды (50 для зарубежной и 50 для российской целевой аудитории), включающих феномен fat-бодипозитива, брендов Victoria's Secret, Sinead O› Dwyer, Nike, Calvin Klein, Cherëmuha, SEGURO, BLUEMOON, Dido, Lane Bryant, Savage X Fenty, Adidas, Luch, Gillette, Petra, Monki, KIABI, Cyrille Gassiline, Milavitsa, Yo Yuu, Baes, Trusbox, Rick Owens и др. Методы исследования – сравнительно-сопоставительный анализ (поза, степень обнаженности, мимика, наличие лица в кадре), наукометрический анализ, статистические методы (метод φ* – угловое преобразование Фишера).

Венера Виллендорфская как идеал fat-бодипозитива и актуализация fat-тела в современных социальных практиках

Венера Виллендорфская входит в целую галерею палеолитических Венер. На сегодняшний день известны сотни таких статуэток, которые создавались «в период ориньякской и граветтской культур верхнего палеолита (около 33 000–20 000 лет до н.э.) на территории от Франции до Сибири. Сходство этих скульптур по размеру и форме (тучные или беременные) поразительно» [8].

Статуэтки интерпретируются исследователями неоднозначно: воплощение доисторических идеалов женской красоты, символы плодородия (изобилие, деторождения, продолжение рода), Богини-матери – прародительницы человеческого рода, покровительницы домашнего очага и женской силы, ритуальные атрибуты инициации (готовность к материнству) и шаманских практик, обереги, портреты современниц [17], детские игрушки, а также как палеоэротика и палеопорнография [26].

Одним из ярких примером визуализации fat-бодипозитива является проект «Венера Виллендорфская» художницы Бренды Оэльбаум, включающий многочисленные перформансы и инсталляции, связанные с палеолитической каменной статуэткой [14, 28]. Бренда создает многочисленные фигурки Венеры Виллендорфской и ироничные инсталляции. «Венера Макгроу» опирается на книгу о диете доктора Фила Макгроу, который сам имеет лишний вес; «Венера Фонда» носит яркие гетры – отсылка к знаменитой актрисе и ее урокам аэробики; у «Венеры Скарсдейла» или «Венеры Тарновера» на шее пистолет, поскольку доктор Герман Тарновер, автор бестселлера «Диета Скарсдейла», был застрелен своей любовницей [28]. «Основная идея проекта состоит в том, чтобы переработать книги о диетах в бодипозитивное искусство, просвещающее зрителей об опасностях диет и прививающее им новое понимание красоты и телесной силы Венеры Виллендорфской» [14, с. 58].

«Новое понимание красоты и телесной силы» Венеры Виллендорфской оказывается востребованным в современных **дизайне и искусстве**. В спектакле «Донжуан» (2018 г.) Московского академического театра имени Маяковского использовалась ростовая фигура Венеры Виллендорфской, которая символизировала Праматерь.

Широко известны работы Джеффа Кунса, который в авторской технике «воздушных шаров» растиражировал образ Венеры Виллендорфской в разных цветах и вариациях. Позднее в коллаборации с Don Perignon Champagne художник создает специальную упаковку для шампанского Don Perignon Rose Vintage, используя образы Венеры из воздушных шаров (рис. 3). В 2021 г. в издательстве «Эксмо» выходит роман В. Пелевина «Transhumanism inc.», в оформлении обложки которого используется изображение Венеры Виллендорфской. Современные художники предпринимают регулярные попытки переосмысления древнего образа (рис. 4).

Рис. 3. Джефф Кунс. Упаковка для шампанского Don Perignon Rose Vintage

Источник: https://ru.pinterest.com/pin/dom-perignon-balloon-venus-by-jeff-koons-235453886742823006/ David X. Prutting/BFAnyc.com

Светлана Румянцева. Венера Виллендорфская. Бисер, камни, жемчуг

Сантьяго Адеойе. Венера Виллендорфская. Масло, картон.

Рис. 4. Венера Виллендорфская в современном искусстве

Источник: https://elenagromova.com/legal/about_us.php https://whitehotmagazine.com/articles/13–18-josep-nicolau-friends/2081

Критик журнала Whitehot Magazine Роберт Морган считает, что в работе С. Адеойе Венера Веллендорфская предстает как «демистифицированное существо в почти абсурдном контексте. Вместо того чтобы считать это признаком доисторической эпохи, Адеойе выдвигает

предположение о том, что нейтральный статус этого символа в туристических брошюрах обусловлен тем, что он служит потребностям индустрии, которая постоянно нуждается в обслуживании рядовых торговцев, на которых она ориентируется» [29].

Демистификация Венеры Виллендорфской очевидна в **масс маркете**, где происходит разрушение границ между сакральностью Венеры и потребностями клиента-покупателя: статуэтка Венеры Виллендрфской из гипса, пластика, металла стоит от 300 до 7 000 рублей. Древняя Праматерь превращается в утилитарный предмет: на Авито можно найти формы для печенья в виде Венеры Веллендорфской. Поедание Венеры Виллендорфской (пусть и в виде печенья) косвенно коррелирует с образами каннибализма в современной культуре (серия романов Т. Харриса о Ганнибале Лектере, «Парфюмер» П. Зюскинда и их экранизации, «Пир» В. Сорокина и др.): «некогда ужасающие и эпатирующие, сегодня, превратившись в китчевые, ширпотребные, становятся обыденными и привычными. И если они были задуманы своими создателями как способ встряски общественного сознания, то, возможно, это было довольно опасное по своим свойствам средство, которое само стало со смехом доедать и разъедать остатки культуры» [16, с. 65].

Многочисленные примеры интерпретации Венеры Виллендорфской в современном искусстве и масс маркете (свечи, брелоки, мерч, фигурки, бумажные куклы для одевания и пр.) представлены в [32, 33].

Первобытная сакральность Венеры Виллендорфской функционирует в современных социальных практиках как синкретичный феномен. С одной стороны, вызывает благоговение, почтение, влечение, с другой стороны, – смертельный ужас и отвращение. Таким образом, к сакральному относится как святое, так и нечистое [7].

Несмотря на то, что fat-бодипозитив часто воспринимается как нечто вызывающее, скандальное, неприличное, вульгарное (обратная сторона сакрального), история fat-тела в визуальном искусстве прослеживается от палеолита до наших дней: fat-тело, подобное телу Венеры Виллендорфской, в современной живописи по-прежнему актуально. Например, картины Л. Фрейда «Социальный смотритель спит» (1995), Д. Сэвилл «Стратегия» (1994), В. Любарова «Большая Ляля» (2020), Е. Агафиева «Толстушки на закате» (2023).

Смена телесного канона ярко проявляется в рекламном дискурсе как инверсия fat-тела Венеры Виллендорфской, что тоже в какой-то степени является телесной трансгрессией: анемичность и болезненная худоба моделей Твигги (Twiggy), Верушки (Vera von Lehndorff), Кейт Мосс (Kate Moss), Джейми Кинг (Jamie King); смерть от анорексии моделей Луисель и Элианы Рамос (Luisel & Eliana Ramos), Анны Рестон (Anna Reston) и многих других.

Fat-бодипозитив в рекламном дискурсе

Гипернатуральность, определенная «ненормальность» и очевидная визуальная провокативность Венеры Виллендорфской вовсе не означает отсутствия в реальности такого типа fat-тела, что очевидно в моделинге и рекламном дискурсе. Наиболее известной моделью plus-size считается американка Тэсс Холлидей, которая является почти «реинкарнацией» fat-тела Венеры Виллендорфской. Российской Венерой Виллендорфской можно считать модель Марию Макарову (Big beautiful Маша), в соцсетях которой исключительно восторженные комментарии (https://vk.com/bbwmasha).

Рассмотрим визуализацию fat-тела в рекламном дискурсе.

Открытая / закрытая поза. Закрытая поза в невербалике характеризуется скрещиванием конечностей (скрещенные руки и ноги, переплетенные пальцы, перекрещенные лодыжки, нога на ногу, обхватывание коленей и пр.), что указывает на дистанцирование от собеседника. Открытая поза – отсутствие скрещиваний. В рекламных кампаниях, рассчитанных на западную аудиторию, plus-size модели демонстрируют открытые позы в 65% случаев (рис. 5), которые, как предполагается, символизируют свободу и независимость самовыражения.

Рис. 5. Виды позировок в зарубежных кейсах

Рис. 6. Виды позировок в российских кейсах

Открытые позы в той или иной степени связаны с сексуальным подтекстом, который, с точки зрения маркетинга, не всегда бывает целесообразным. Изображения полуобнаженного и обнаженного тела с сексуальным контекстом снижают вероятность продажи товара или услуги и ухудшают отношение аудитории к бренду и продукту [1].

В России, напротив, традиционные стандарты понимания красоты и женственности влияют на общественное восприятие, что может ограничивать желание и потребности рекламодателя в демонстрации fat-тела моделей. Здесь fat-бодипозитив не получает широкого признания, что объясняет доминирование в рекламе закрытых позировок моделей – 81% (рис. 6).

Степень обнаженности

Культура fat-бодипозитива активно поддерживает принятие всех форм тела, включая их обнаженность, что должно восприниматься как акт уверенности и принятия себя. В рекламе, рассчитанной на западную аудиторию, бренды часто используют обнаженные и полуобнаженные образы (87%), что позволяет выделяться на фоне конкурентов и привлекать внимание аудитории за счет хайпа и провокации (рис. 7).

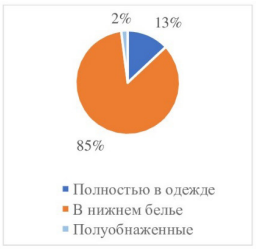


Рис. 7. Степень обнаженности моделей в зарубежных кейсах

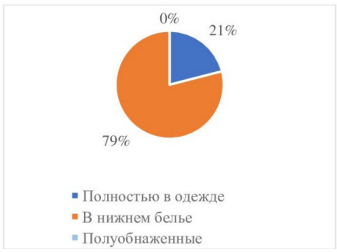


Рис. 8. Степень обнаженности моделей в российских кейсах

В российской практике движение fat-бодипозитива не нашло широкого признания, что и обусловило отсутствие обнаженных тел в нашем материале. Чаще всего встречаются модели в нижнем белье – 79% (рис. 8).

Следует заметить, что российские рекламные стратегии с тенденцией к минимизации обнаженных тел более эффективны с маркетинговой точки зрения. Полуобнаженные и обнаженные тела в рекламе «выключают мозг и включают инстинкты, тем самым полностью отвлекают потребителя от коммерческого сообщения. Они лишают объявления возможности выполнять свои функции: рассказывать аудитории о бренде и продукте» [1].

Эмоции. Рекламные кампании, рассчитанные на западную аудиторию, демонстрируют более разнообразные эмоции. В зарубежной рекламе использование стереотипной мимики (улыбка) составляет 30%; без эмоций – 41%; 5% включают другие эмоции (рис. 9). В России модели улыбались в 38%; без эмоций – 46%; другие эмоции в нашем материале не наблюдались (рис. 10).

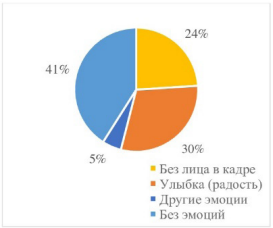


Рис. 9. Мимика моделей в зарубежных кейсах

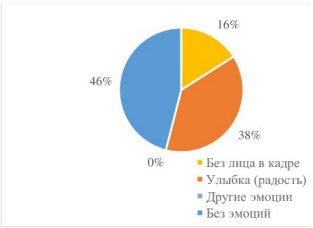


Рис. 10. Мимика моделей в российских кейсах

Наличие лица в кадре

В 24% случаев в рекламе для западного потребителя (рис. 9) и в 16% – для российского (рис. 10) акцентируется внимание только на теле модели, а лицо остается за кадром. Fat-тело в рекламе становится самодостаточным и самоценным, что органично вписывается в философию fat-бодипозитива.

Достоверность полученных результатов

Достоверность и значимость полученных количественных данных определялось при помощи статистического критерия φ* (угловое преобразование Фишера) (табл. 1).

Анализ критерия φ* показывает, что разница значимости степени различия в визуализации fat-тела в рекламе, рассчитанной на российского и западного потребителя, находятся в зоне значимости только

относительно открытой / закрытой позы, что говорит о достоверности полученных данных и не случайности этих различий по данному критерию.

*Таблица 1. Значимость различий в визуализации fat-бодипозитива в рекламе, рассчитанной на российского и западного потребителя (φ*эмп.)*

Критерий выборки	φ*эмп.	Зона значимости
Открытая / закрытая поза	2.581	Зона значимости. H0 отвергается
Улыбка (радость)	1.195	Зона незначимости. H1 отвергается
В нижнем белье	1.103	
Без лица в кадре	1.421	
Без эмоций	0.714	

При этом культурный диссонанс, шоковое ощущение от транслирования обнаженной натуры в рекламе сегодня вызывает у европейского, в том числе российского, потребителя лишь в том случае, если в ней нет ни красоты, ни гармонии, ни привкуса пусть массового, но все же искусства [1]. Вероятно, это обусловливает востребованность изображения Венеры Виллендорфской в современных культурных практиках. Отметим также, что российские модели plus-size (Екатерина Жаркова, Диляра Ларина, Марина Булаткина и др.) демонстрируют традиционный идеал русской красоты, весьма отдаленный от типа fat-тела Венеры Виллендорфской.

Выводы

К настоящему времени интерес к fat-бодипозитиву в англоязычном научном дискурсе заметно снизился; в отечественном научном дискурсе данная проблематика остается на периферии научных исследований.

Масс-медиа, масс маркет, дизайн, живопись, fashion-индустрия, реклама, Fat Studies являются триггером, запускающим позитивную эмоциональную или поведенческую реакцию на fat-бодипозитив, наделяя fat-тело положительными коннотациями. Fat-тело Венеры Виллендорфской может рассматриваться как идеал fat-бодипозитива и оказывается востребованным в современных культурных практиках. Первобытная сакральность Венеры Виллендорфской в массовых социальных практиках демистифицируется, превращаясь в утилитарный предмет. Fat-тело функционирует в современных социальных практиках как синкретичный феномен, вызывая одновременно восхищение и отрицание в искусстве, дизайне, масс-медиа, моделинге и рекламном дискурсе.

Сравнительно-сопоставительный и статистический анализ визуализации fat-тела в рекламе показывает, что по всем анализируемым критериям (поза, степень обнаженности, мимика, наличие лица в кадре) различия в рекламе, направленной на российскую и западную целевую аудиторию, находятся в зоне значимости только относительно открытой / закрытой позы. Остальные невербальные компоненты в рекламном дискурсе носят универсальный характер. Однако данные выводы требуют дополнительной проверки с необходимостью увеличения корпуса материала исследования, а также привлечения социологических методов исследования.

Литература

1. Аверина, М.В. Образы тела и физического совершенства в рекламе: от западной провокативности до восточного аскетизма // Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки. 2021. № 2 (42). DOI 10.25688/2076–9091.2021.42.2.8

2. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. 545 с.

3. Большакова, А.С. Трансгрессия // The Scientific Heritage. 2021. № 75–3. С. 49–54.

4. Васютченко, Л.А. Бодипозитив в рекламе нижнего белья // Технологии маркетинга, бренд-менеджмента и рекламы: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Государственный университет управления. Москва, 2019. С. 155–156. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=42717899 (дата обращения: 12.03.2026).

5. Горностаева, Ю.А. Бинарные оппозиции «свой-чужой» и «самость-тождественность» в контексте репрезентации идей бодипозитива в испаноязычном сегменте Instagram // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 3. С 63–72. DOI: 10.37482/2687-1505-V180

6. Жукова, А.Г. Бодипозитивистский дискурс в Российском медиапространстве: аксиологический аспект / А.Г. Жукова, В.В. Ситенко // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: Сборник статей, Москва, 30–31 октября 2020 года. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. С. 203–211.

7. Каштанова, С.М. Трансгрессия как социально-философское понятие: автореф. дис. … канд. философских н. СПб. 2016. 24 с.

8. Коллинс, Н. Фигурки Венеры. Доисторические времена. 2020 // Энциклопедия искусств Gallerix. URL: https://gallerix.ru/pedia/prehistoric – venus-figurines/ (дата обращения: 22.11.2025).

9. Кораев, Г.Т. Биополитическое основание теории карнавала М.М. Бахтина // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 2. С. 98–122.

10. Малышева, Н.Л. Женская нагота в контексте ремифологизации современного искусства: дисс … канд.: 24.00.01. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва». 2020. 213 с.

11. Набиуллина, Л. Мир отказывается от бодипозитива и «новой маскулинности». Почему в моде снова брутальность и гламур? // Lenta.ru 25 ноября 2024, URL: https://finance.rambler.ru/business/53798817/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 22.11.2025).

12. Панарина, Е.С. Рекламный гендерный перформанс: как фемвертайзинг репрезентирует женщин // INTER. 2021. № 1. DOI: https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.1.3

13. Пожаров А.И. Гнозис через плоть: телесная трансгрессия и становление женской субъектности в современном body-horror // Человек и культура. 2026. № 2. С. 1–40. DOI: 10.25136/2409-8744.2026.2.78486 EDN: IAAXDD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=78486

14. Сахно, И. Жирное тело и мерцающие смыслы: критические и художественные практики // Теория моды: одежда, тело, культура. 2024. № 1(71). С. 49–66.

15. Сироткина, И. Тело снова в моде: корпореальность в эпоху пандемии // Новое литературное обозрение I Журнал «Теория моды: одежда, тело культура». 2021. № 59 (1). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/ tm_59_1_2021/article/23376/ (дата обращения: 13.02.2026).

16. Тараненко, Е.В. Актуализация мифологического сюжета поедания в современной литературе // Вестник НВГУ. 2008. № 4. С. 59–66. URL: https://nvsu.editorum.ru/ru/nauka/article/113256/view (дата обращения: 14.03.2026).

17. Трипп, Э. Дж., Шмидт, Н.Е. Фертильность и привлекательность в эпоху палеолита: палеолитические Венеры // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (54). 2013. С. 54–60

18. Фаритов, В.Т. Философские аспекты творчества М. Бахтина: онтология трансгрессии // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 140–149.

19. Шлыкова, С.П. Трансгрессия в авангардном искусстве XX-начала XXI веков: автореф. дис. … канд. искусствоведения. Саратов, 2013. 29 с.

20. Шнайдер, Л. Гомосексуальность, квир-теория и христианская теология // Государство, религия, церковь в России I58 и за рубежом. 2021. № 39(2). С. 158–176. DOI: https://doi.org/IO.22394/2073-7203-202i-39-2-i58-i76

21. Юдина, Е.Ю. Бодипозитив в современных социальных дискурсах: медиа, реклама, мода / Е.Ю. Юдина, Н.Ю. Торопина // Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки. 2022. № 1(45). С. 53–70. DOI: 10.25688/2076-9091.2022.45.1.5.

22. Becker-Herby, E. The Rise of Femvertising: Authentically Reaching Female Consumers. PhD ~ Dissertation. Twin Cities: University of Minnesota, 2016. 3. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.2004.00118.x

23. Cabrera, S. A., Williams, C.L. Consuming for the Social Good: Marketing, Consumer Citizenship, § and the Possibilities of Ethical Consumption // Critical Sociology. 2014. Vol. 40. № 3. Pp. 349–367. DOI: https://doi.org/10.1177%2F0896920512458599 3

24. Fife, K. Expansive archives and expanding archiving: a scoping review about fatness in the archive. // Fat Studies. 2025. 1–17. DOI: https://doi.org/10.1080/21604851.2025.2578066

25. Gilbert, E., Hanneke, R. One Size Fits None: A Scoping Review of Anti-Fatness and Libraries // The Library Quarterly. 2025. Vol. 95. № . 2. Pp. 115–129.

26. Guthrie, R.D. The Nature of Paleolithic Art. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 507 p.

27. Jovančević, A., & Van Assche, J. Beyond size: Exploring the origins of anti-fat attitudes and paving the way away from them. // Fat Studies. 2025. № 14(1). Pp. 112–127. DOI: https://doi.org/10.1080/21604851.2025.2488626

28. Kogut, G. Brenda Oelbaum's Venus Project. 2018. URL: https://justahumanbeinghere.wordpress.com/2018/07/02/brenda-oelbaums-venus-project/ (дата обращения: 22.11.2025).

29. Morgan, R.C. June 2010, Except from the Barcelona Diary (May 13–18): Josep Nicolau and Friends // WHITEHOT MAGAZINE. 2010. URL: https://whitehotmagazine.com/articles/13–18-josep-nicolau-friends/2081 (дата обращения: 22.11.2025).

30. Pfeffer, C. A. A platonic love letter, long in the making, to Dr. Esther Rothblum: reflections on «scholarly friends» and the importance of fat, lesbian, feminist leadership in the academy // Fat Studies. 2024. Vol. 13. № . 1. С. 1–5.

31. Puhakka, A. Exploring Fat Futures Studies: Venturing Into Preferable Fat Futures In TheContext Of Fat Women's Physical Activity. // Excessive Bodies: Journal of Artistic and Critical FatPraxis and World Making. 2025. № 2(1). Pp. 254–283. DOI: https://doi.org/10.32920/eb.v2i1.1973

32. Rimsha, R. Венера Виллендорфская – муза в искусстве URL: https://renatar.livejournal.com/442110.html (дата обращения: 22.11.2025).

33. Rimsha, R. Венера Виллендорфская в Риге и другие Венеры палеолита. 2011. URL: https://renatar.livejournal.com/439868.html# (дата обращения: 22.11.2025).

34. Ritesh, R. Queer theory: a critical analysis of its implication in art historical readings. // International Journal of Current Innovation Research and Studies. 2019. № 2 (2). Pp. 90–94.

VISUALIZATION OF FAT BODY POSITIVITY IN MODERN SOCIAL PRACTICES

Shlyakhova S.S., Beresneva A.V.
Perm National Research Polytechnic University

The article is devoted to the visualization of fat-body positivity in modern social practices. The subject of the research is fat body visualization in painting, design, mass market, fashion industry and advertising. The research methods are comparative analysis (posture, degree of nudity, facial expressions, presence of a face in the frame), scientometric analysis, as well as statistical methods (method φ* – Fisher angular transformation). Venus of Willendorf and her actualization in modern social practices are considered as the ideal of the fat-body positive. It is established that the primitive sacredness of Venus of Willendorf is demystified in mass social practices, turning into a utilitarian object. In modern practices, the fat body functions as a syncretic phenomenon, causing both admiration and denial in art, design, mass media, fashion industry, and advertising discourse. Comparative and statistical analysis has shown that differences in fat body visualization in Russian and Western advertising are in the zone of significance only relative to the open/closed pose.

Keywords: body positivity, fat research, physicality, fat-body, Venus of Willendorf, visual communication, bodily transgression, advertising, brand localization, social practices.

References

1. Averina, M.V. Images of the body and physical perfection in advertising: from Western provocativeness to Eastern asceticism // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Natural Sciences. 2021. No. 2 (42). DOI 10.25688/2076–9091.2021.42.2.8

2. Bakhtin, M.M. The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow, 1990. 545 p.

3. Bolshakova, A.S. Transgression // The Scientific Heritage. 2021. No.75–3. pp.49–54.

4. Vasyutchenko, L.A. Bodypositive in underwear advertising // Technologies of marketing, brand management and advertising: materials of the All-Russian scientific and practical Conference / State University of Management. Moscow, 2019. pp. 155–156. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=42717899 (date of request: 03/12/2026).

5. Gornostaeva, Yu.A. Binary oppositions "friend-foe" and "self-identity" in the context of the representation of the ideas of the body-positive in the Spanish-speaking segment of Instagram // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2022. No. 3. From 63–72. DOI: 10.37482/2687-1505-V180

6. Zhukova, A.G. Bodypositivist discourse in the Russian media space: Russian Russian axiological aspect / A.G. Zhukova, V.V. Sitenko // Modern Russian axiosphere: semantics and Pragmatics of Identity: Collection of Articles, Moscow, October 30–31, 2020 / Pushkin State Institute of the Russian Language. Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language, 2020. pp. 203–211.

7. Kashtanova, S.M. Transgression as a socio-philosophical concept: abstract of the dissertation. … Candidate of Philosophical Sciences, St. Petersburg, 2016. 24 p.

8. Collins, N. Figurines of Venus. Prehistoric times. 2020 // The Gallerix Encyclopedia of Art. URL: https://gallerix.ru/pedia/prehistoric – venus-figurines / (date of access: 11/22/2025).

9. Koraev, G.T. The biopolitical basis of the theory of carnival by M.M. Bakhtin // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Vol. 5, No. 2. pp. 98–122.

10. Malysheva, N.L. Female nudity in the context of remythologization of modern art: diss… PhD: 24.00.01. Ogarev Mordovian State University». 2020. 213 p.

11. Nabiullina, L. The world is rejecting body positivity and the "new masculinity". Why is brutality and glamour back in fashion? // Lenta.ru November 25, 2024, URL: https://finance.rambler.ru/business/53798817/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (accessed: 11/22/2025).

12. Panarina, E.S. Advertising gender performance: how femvertising represents women // INTER. 2021. No. 1. DOI: https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.1.3

13. Pozharov A.I. Gnosis through the flesh: bodily transgression and the formation of female subjectivity in modern body-horror // Man and Culture. 2026. No. 2. pp. 1–40. DOI: 10.25136/2409-8744.2026.2.78486 EDN: IAAXDD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=78486

14. Sakhno, I. Fat body and shimmering meanings: critical and artistic practices // Fashion theory: clothes, body, culture. 2024. No. 1(71). pp. 49–66.

15. Sirotkina, I. The body is back in fashion: corporality in the era of the pandemic // New literary review I Journal "Theory of fashion: clothing, body culture". 2021. No. 59 (1). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody / tm_59_1_2021/article/23376/ (accessed: 02/13/2026).

16. Taranenko, E.V. Actualization of the mythological plot of eating in modern literature // Bulletin of NVSU. 2008. No. 4. pp. 59–66. URL: https://nvsu.editorum.ru/ru/nauka/article/113256/view (date of request: 03/14/2026).

17. Tripp, E. J., Schmidt, N.E. Fertility and attractiveness in the Paleolithic era: Paleolithic Venus // Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. No. 2 (54). 2013. pp. 54–60

18. Faritov, V.T. Philosophical aspects of M. Bakhtin's work: the ontology of transgression // Questions of philosophy. 2016. No. 12. pp. 140–149.

19. Shlykova, S.P. Transgression in the avant-garde art of the XX-early XXI centuries: abstract of the dissertation of the cand. art history. Saratov, 2013. 29 p.

20. Schneider, L. Homosexuality, queer theory and Christian theology // The State, religion, and the Church in Russia I58 and abroad. 2021. No. 39(2). pp. 158–176. DOI: https://doi.org/lO.22394/2073-7203-202i-39-2-i58-i76

21. Yudina, E.Y. Body positivity in modern social discourses: media, advertising, fashion / E.Y. Yudina, N.Y. Toropina // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Natural Sciences. 2022. No. 1(45). pp. 53–70. DOI: 10.25688/2076-9091.2022.45.1.5.

22. Becker-Herby, E. The Rise of Femvertising: Authentically Reaching Female Consumers. PhD ~ Dissertation. Twin Cities: University of Minnesota, 2016. 3. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.2004.00118.x

23. Cabrera, S. A., Williams, C.L. Consuming for the Social Good: Marketing, Consumer Citizenship, § and the Possibilities of Ethical Consumption // Critical Sociology. 2014. Vol. 40. № 3. Pp. 349–367. DOI: https://doi.org/10.1177%2F0896920512458599 3

24. Fife, K. Expansive archives and expanding archiving: a scoping review about fatness in the archive. // Fat Studies. 2025. 1–17. DOI: https://doi.org/10.1080/21604851.2025.2578066

25. Gilbert, E., Hanneke, R. One Size Fits None: A Scoping Review of Anti-Fatness and Libraries // The Library Quarterly. 2025. Vol. 95. № . 2. Pp. 115–129.

26. Guthrie, R.D. The Nature of Paleolithic Art. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 507 p.

27. Jovančević, A., & Van Assche, J. Beyond size: Exploring the origins of anti-fat attitudes and paving the way away from them. // Fat Studies. 2025. № 14(1). Pp. 112–127. DOI: https://doi.org/10.1080/21604851.2025.2488626

28. Kogut, G. Brenda Oelbaum's Venus Project. 2018. URL: https://justahumanbeinghere.wordpress.com/2018/07/02/brenda-oelbaums-venus-project/ (дата обращения: 22.11.2025).

29. Morgan, R.C. June 2010, Except from the Barcelona Diary (May 13–18): Josep Nicolau and Friends // WHITEHOT MAGAZINE. 2010. URL: https://whitehotmagazine.com/articles/13–18-josep-nicolau-friends/2081 (дата обращения: 22.11.2025).

30. Pfeffer, C. A. A platonic love letter, long in the making, to Dr. Esther Rothblum: reflections on «scholarly friends» and the importance of fat, lesbian, feminist leadership in the academy // Fat Studies. 2024. Vol. 13. № . 1. С. 1–5.

31. Puhakka, A. Exploring Fat Futures Studies: Venturing Into Preferable Fat Futures In TheContext Of Fat Women's Physical Activity. // Excessive Bodies: Journal of Artistic and Critical FatPraxis and World Making. 2025. № 2(1). Pp. 254–283. DOI: https://doi.org/10.32920/eb.v2i1.1973

32. Rimsha, R. Venus of Willendorf is a muse in art URL: https://renatar.livejournal.com/442110.html (дата обращения: 22.11.2025).

33. Rimsha, R. Venus of Willendorf in Riga and other Paleolithic Venuses.2011. URL: https://renatar.livejournal.com/439868.html# (дата обращения: 22.11.2025).

34. Ritesh, R. Queer theory: a critical analysis of its implication in art historical readings. // International Journal of Current Innovation Research and Studies. 2019. № 2 (2). Pp. 90–94.

Влияние семейной сплочённости на социальный интеллект студентов

Шукшина Людмила Викторовна,
доктор философских наук, доцент, профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, ФГБОУ ВО Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
E-mail: liudmila.shukshina@yandex.ru

Пожарская Елена Леонидовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, ФГБОУ ВО Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
E-mail: Pozharskaya.EL@rea.ru

Синякова Екатерина Владиславовна,
студент Высшей школы социально-гуманитарных наук, кафедра политического анализа и социально-психологических процессов, ФГБОУ ВО Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
E-mail: sinyakova.05@mail.ru

Для XXI века характерно достаточно резкое развитие технологий, которые могут оказывать негативное влияние на способности человека общаться с другими людьми, понимать их чувства, адаптироваться к новым условиям и регулировать своё поведение. В связи с этим, особую роль начал играть социальный интеллект. Семья является первичным социальным институтом в жизни человека. Несмотря на то, что в студенческое время семья уже не является ведущим социальным институтом, она всё равно играет важную роль в жизни человека. В статье представлены теоретические аспекты и результаты исследования влияния семейной сплочённости на социальный интеллект студентов важно для понимания того, как семья влияет на способность студентов эффективно взаимодействовать с окружающими.

Ключевые слова: студенты, семейная сплоченность, социальный интеллект, эмоциональный, когнитивный, поведенческий компоненты социального интеллекта.

Анализ теоретических и эмпирических источников по проблеме влияния семейной сплочённости показал, что данная тема в современной научной литературе остаётся не до конца рассмотренной. Поэтому целесообразно изучение особенностей влияния семьи в целом на социальный интеллект. В научной литературе представлен анализ развития социального интеллекта на разных этапах возрастного развития.

Отправной точкой для развития социального интеллекта становятся первые стадии онтогенеза, когда важным для ребёнка выступает непосредственное эмоциональное общение со значимыми близкими. Именно это общение, которое происходит с помощью различных невербальных сигналов, позволяет ребёнку не только удовлетворить базовые потребности, но и учит распознавать состояния по лицу и голосу, а также понимать причинно-следственные связи между поведением и реакцией взрослого [3].

В дошкольном возрасте, когда для ребёнка на первое место выходит сюжетно-ролевая игра, родители предоставляют первичные модели социального взаимодействия, которые реализуются в этой игре [7].

Родители младших школьников позволяют развивать социальный интеллект ребёнка, вовлекая его в живое общение. Совместный анализ эмоций и невербальных сигналов в ходе общей деятельности формирует способность к эмпатии и пониманию других, что критически важно для построения здоровых отношений за пределами семьи [2].

Наиболее чувствительным возрастом для развития социального интеллекта становится подростковый период. В это время на ребёнка по-прежнему сильное влияние оказывает семья, благодаря которой у него формируются и закрепляются ценности, а также развивается способность осмысливать своё поведение и поведение других людей. При этом подросток начинает оценивать особенности своей семьи и сравнивать их с другими семьями, таким образом выходя за рамки существующего семейного опыта. Это, в свою очередь, позволять выбирать наилучшие формы поведения и расширяет социальный интеллект [6].

И.Ю. Филатова, опираясь на исследования В.С. Мухиной, описывает важность стиля родительского воспитания при формировании социального интеллекта подростка. Так, в семьях, которым присущ высокий уровень рефлексии и ответственности, родители учитывают стремление подростка к самостоятельности и меняют свой стиль поведения, общаясь с ним как со взрослым. В таких условиях ребёнок перенимает конструктивную модель общения и развивает социальный интеллект.

При этом в отчуждённых семьях родители избегают общения с ребёнком, что формирует агрессивные и пассивные формы поведения. Чувствуя себя ненужным, подросток стремится к сверстникам, но при общении с ними повторяет способы взаимодействия в семье, что вызывает проблемы в коммуникации. Таким образом, отчуждённая семья замедляет развитие социального интеллекта.

Авторитарные семьи, для которых характерны жестокость и физические наказания ребёнка за проступки, формируют у подростка чувство одиночества, неуверенности в себе и агрессивный способ взаимодействия с окружающими. Таким образом, подросток перенимает авторитарный стиль поведения, который маскирует эту неуверенность и вызывает проблемы в общении, а развитие социального интеллекта тормозится.

В семьях с попустительским стилем воспитания подросток, как правило, становится эгоистичной и конфликтной личностью, не усваивает конструктивные формы общения и не понимают закономерности социальных взаимоотношений, что приводит к ухудшению коммуникации с другими. В результате социальный интеллект в подобных условиях развивается слабо. Подросток не получает признания ни от сверстников, ни от взрослых.

Для подростков, которые воспитываются в гиперопекающих семьях, характерны неуверенность в себе, пассивность и инфантильность, которые вызваны тем, что родители не дают ребёнку свободу в общении со друзьями. Сверстники часто реагируют на такие особенности насмешками, что может вызвать замкнутость и стремление подростка избегать социальные взаимодействия. Их социальный интеллект развивается ограниченно, в связи с тем, что отсутствие взаимодействия лишает их возможности приобретать необходимый социальный навык [6].

Ещё одним фактором, который оказывает влияние на социальный интеллект подростков, выступают семейные конфликты, причинами

которых могут выступать измены, различия в характерах, зависимости, неудачи детей и т.п., однако некоторые подростки, наблюдая за отношениями между родителями, могут начать винить себя в возникновении проблемы и замкнуться в себе, что в свою очередь может снизить доверие другим людям и вызывать изменения в поведении [4].

О.Н. Егорова занималась изучением роли социального интеллекта в возникновении девиантных форм поведения подростков во взаимосвязи с особенностями родительской семьи. В исследовании участвовал 51 подросток, преимущественно из неполных (70,5%) и социально неблагополучных семей. Среди испытуемых были сироты (15,3%), дети родителей с зависимостями (15,7%), а также те, чьи родители лишены прав (5,9%) или ведут противоправный образ жизни (5,9%). Подростки из полных семей составили 14,2%. Это позволило сделать следующие выводы:

• Большинство подростков имеют низкий уровень социального интеллекта, который проявляется в слабом понимании закономерностей развития социальных ситуаций, отсутствии знаний о социальных поведенческих нормах и неразвитости способности распознавать вербальную информацию. Подобное нарушение социальных компетенций может приводить к возникновению асоциальных форм поведения;

• Неразвитость социального интеллекта носит социальный характер. Так, подростки, проживающие в семьях, которым присущи неадекватные формы воспитания детей, могут показывать низкие результаты [1].

Таким образом, социальный интеллект, формирующийся в подростковом возрасте, во многом благодаря семейной системе, становится фундаментом для его дальнейшего развития в ходе онтогенеза. При этом, согласно исследованиям учёных, семья продолжать оказывать влияние на данный вид интеллекта и в раннем юношеском возрасте, для которого характерен выход за рамки школьной системы и обогащение межличностных контактов.

Так, М.Б. Овчинникова и Ж.А. Барсукова, изучая взаимосвязь социально-психологических характеристик семьи (тип семьи– полная/неполная; наличие сиблингов, особенности детско-родительских отношений) и социального интеллекта, пришли к следующим выводам:

• Юноши и девушки, имеющие сиблингов, лучше находят подходящий тон общения и демонстрируют высокую степень ролевой дифференциации и поведенческой гибкости;

• На развитие социального интеллекта большее влияние оказывают особенности детско-родительских отношений, нежели состав семьи;

• В полных семьях, где отец выступает главной фигурой, наблюдается его влияние на социальный интеллект юношей. Позитивные, основанные на доверии и уважении отношения оказывают положительное воздействие на показатели социального интеллекта;

• В неполных семьях, наоборот, мать отказывает влияние на социальный интеллект дочерей. Чем ярче выражена непоследовательность и непредсказуемость матери в воспитательных вопросах, тем лучше у девушки развита способность понимать логику социальных взаимодействий и мотивы поведения людей. Это позволяет понять, что социальный интеллект является важным личностным ресурсом, который обеспечивает способность к адаптации в межличностных отношениях с другими [5].

Таким образом, семья оказывает влияние на социальный интеллект человека на всех этапах становления личности. В раннем и дошкольном возрасте она влияет на формирование знаний о социальных ролях и способности распознавать эмоции. В подростковом и юношеском возрасте, на формирование социального интеллекта оказывают влияние особенности детско-родительских отношений, уровень семейной сплочённости и конфликтности семьи.

Основная часть

Цель исследования: изучить влияние семейной сплочённости на социальный интеллект студентов.

Методы исследования:

1) Теоретический: анализ научной литературы по исследуемой теме;

2) Эмпирический: психодиагностические методики («Шкала семейной адаптации и сплоченности, FACES III», (Д.Х. Олсон, Дж. Портнер и И. Лави, адаптация Э.Г. Эйдемиллер, М.Ю. Городнова); «Коммуникативные и организаторские склонности, КОС-2» (В.В. Синявский, В.А. Федорошин); «Диагностика уровня эмпатических способностей» (В.В. Бойко); «Шкала диагностики компетентности социального взаимодействия» (Н.М. Кодинцева).

3) Статистический: описательные статистики, критерий Шапиро-Уилка проверки анализа, корреляционный анализ с использованием критерия ранговой корреляции Спирмена, линейный регрессионный анализ.

В исследовании принимали участие 32 человека, среди которых 29 девушек и 3 юноши, однако гендерные различия и возраст респондентов в исследовании нее учитывались.

В результате проведения описательных статистик было выявлено, что для семей, в которых живут студенты, в среднем характерен разделённый (средний) уровень семейной сплочённости, однако достаточно высокое стандартное отклонение (7,23) показывает, что в выборке присутствуют семьи с разным уровнем сплочённости.

Полученные описательные по шкалам свидетельствуют о следующих показателях:

• Коммуникативные склонности выражены на среднем уровне, при этом достаточно высокое стандартное отклонение свидетельствует о значительных индивидуальных отличиях по этой характеристике;

• Организаторские склонности находятся на среднем уровне, а невысокое стандартное отклонение демонстрирует однородность выборки;

• Компетентность социального взаимодействия соответствует нормативному (среднему уровню), а низкое стандартное отклонение (4,37) свидетельствует об однородности группы по данному показателю.

Таким образом, поведенческий (выраженный коммуникативными и организаторскими склонностями) и когнитивный (выраженный компетентностью социального взаимодействия) компоненты социального интеллекта студентов развиты на среднем уровне (табл. 1).

Таблица 1. Значение основных показателей описательных статистик коммуникативных и организаторских склонностей и компетентности социального взаимодействия

	Среднее	Стандартное отклонение
Коммуникативные	0,610	0,234
склонности		
Организаторские	0,659	0,161
склонности		
Компетентность социального взаимодействия	40,1	4,37

Описательные статистики по показателям эмпатических способностей студентов позволяют сделать следующие выводы:

• Выраженность всех компонентов соответствует среднему уровню, при этом стандартное отклонение по шкалам свидетельствует о разнородности группы по этим показателям;

• Общий уровень эмпатии соответствует высокому уровню, а невысокое значение стандартного отклонения (4,55) свидетельствует о несильном разбросе данных.

Таким образом, эмоциональный интеллект, выраженный компонентами эмпатии развит на среднем уровне (табл. 2).

Таблица 2. Значение основных показателей описательных статистик эмпатических способностей

	Среднее	Стандартное отклонение
Проникающая	4,03	1,23
способность		
Идентификация	3,84	1,61
Рациональный канал	3,56	1,32
Эмоциональный	3,41	1,43
канал		
Интуитивный канал	3,34	1,54
Установки	4,03	1,26
Общий уровень	22,3	4,55

Следующим этапом анализа выступала проверка полученных данных на нормальность распределения с использованием критерия Шапиро-Уилка.

Данные по шкалам «Семейная сплочённость», «Коммуникативные склонности», «Общий уровень эмпатии» и «Компетентность социального взаимодействия» имеют нормальное распределение ($p \geq 0,05$), в то время как данные по шкалам «Организаторские склонности», «Проникающая способность», «Идентификация», «Рациональный канал», «Эмоциональный канал», «Интуитивный канал» и «Установки» характеризуются ненормальным распределением ($p<0,05$), что свидетельствует о том, что нулевая гипотеза о нормальности распределения данных отклоняется. В связи с этим, для проверки взаимосвязи

целесообразно использования непараметрического критерия ранговой корреляции Спирмена (r-Спирмен).

Всего было выявлено 3 значимых взаимосвязи между уровнем семейной сплочённости и компонентами социального интеллекта. Рассмотрим каждую из них.

Обнаружена умеренная положительная связь семейной сплочённости с коммуникативными (p<0,01) и организаторскими (p<0,001) склонностями студентов, которые были использованы для измерения поведенческого компонента социального интеллекта. Таким образом, можно сделать вывод о наличии взаимосвязи данных феноменов.

Ещё одна положительная взаимосвязь была выявлена между уровнем семейной сплочённости и проникающей способностью, которая является компонентом эмпатии (p <0,05) (табл. 3).

Таблица 3. Показатели взаимосвязи

	Коэффициент корреляции	P-значение
Семейная сплочённость-	0.539**	0,001
коммуникативные склонности		
Семейная сплочённость-	0,560***	<001
организаторские склонности		
Семейная сплочённость-	0,357*	0,279
проникающая способность		

Примечание. * p < .05, ** p < .01, *** p <.001

На основе полученных взаимосвязей были построены регрессионные модели. Так, семейная сплочённость объясняет по ≈ 29% вариативности коммуникативных и организаторских склонностей студентов. Высокая статистическая значимость (p=0,001) подтверждает надёжность данного вывода. Т. е. семейный климат, который характеризуется эмоциональной близостью, взаимоподдержкой и готовностью к совместному решению проблем является одним из ключевых факторов, который способствует развитию лидерского потенциала и навыков эффективного межличностного взаимодействия. Поскольку данные склонности были использованы для измерения поведенческого компонента социального интеллекта, можно сделать вывод, что семейная сплочённость действительно оказывает положительное влияние на данный компонент.

Также на основе регрессионной модели было выявлено то, что семейная сплочённость объясняет лишь 13% проникающей способности студентов при невысокой статистической значимости (p=0,042). Это означает, что эмоциональная близость членов семьи и готовность помочь друг другу хоть и влияет на способность человека располагать к себе собеседника и создавать комфортную атмосферу, но не является важнейшим фактором. При этом не было выявлено влияния семейной сплочённости на общий уровень эмпатии студентов, которая использовалась для оценки эмоционального компонента социального интеллекта. Т. е. данный компонент не зависит от сплочённости семьи в той степени, в которой зависит поведенческий. Это может быть связано с влиянием других внешних и внутренних факторов на понимание эмоциональной сферы других людей.

Также не было выявлено влияния семейной сплочённости на когнитивный компонент социального интеллекта, который проверялся с помощью компетентности социального взаимодействия. Такой результат объясняется тем, что социальные знания накапливаются в большей степени не благодаря семье, а благодаря тем ситуациям, в которые человек попадает при взаимодействии с другими людьми (табл. 4).

Таблица 4. Показатели регрессии

Модель	R	R2	F	P
Семейная сплочённость- организаторские склонности	0,542	0.294	12,5	0.001
Семейная сплочённость- проникающая способность	0,362	0.131	4,52	0.042
Семейная сплочённость- коммуникативные склонности	0,542	0.294	12,5	0.001

Заключение

На основе полученных данных и их анализе можно сделать следующие выводы:

• Большая часть студентов живёт в семьях с разобщённым и разделённым уровнями семейной сплочённости, средний уровень по группе соответствует разделённому уровню;

• Для большинства опрашиваемых характерны очень высокие уровни организаторских и коммуникативных склонностей, также по второму виду навыков ведущим является низкий уровень. При этом промежуточным по группе является средний уровень, что свидетельствует о среднем уровне развитости поведенческого компонента социального интеллекта;

• По всем компонентам и общему показателю эмпатии по группе преобладает средний уровень, что также может указывать на средний уровень развитости эмоционального компонента;

• По компетентности социального взаимодействия ведущим в группе является средний нормативный (средний) уровень, что указывает на средний уровень когнитивного компонента;

• При проведении анализа влияния семейной сплочённости на социальный интеллект студентов, было выявлено следующее: семейная сплочённость влияет на коммуникативные и организаторские навыки, а также на проникающую способность (способность к эмпатии) и не влияет на компетентность социального взаимодействия.

Литература

1. Егорова О.Н. Особенности социального интеллекта у интеллектуально полноценных подростков с девиантным поведением // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 160. С. 243–246.

2. Емельянова И.В., Кулагина И.Ю. Особенности развития социального интеллекта в младшем школьном возрасте // Психолого-педагогические исследования. 2020. № 12(2). С. 91–107.

3. Манина К.Е. Становление социального интеллекта в онтогенезе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6–2. С. 62–64.

4. Скубрий Д.В. Влияние семейных конфликтов на уровень развития интеллекта несовершеннолетних // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки: Сб. материалов VIII Международной научно-практической конференции, Тула, 15–16 ноября 2022 года. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2022. С. 410–412.

5. Сочнева А.В. Влияние семейной ситуации на уровень развития социального интеллекта несовершеннолетних // Социокультурные и психологические проблемы современное семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки семьи: Сб. материалов VII Международной научно-практической конференции, Тула, 17 ноября 2021 года. Чебоксары: Общество с ограниченной возможностью «Издательский дом «Среда», 2021. С. 226–229.

6. Филатова И.Ю. Семья как фактор формирования социального интеллекта в подростковом возрасте // Современная психология: теория и практика: материалы XVI международной научно-практической конференции, Москва, 13 апреля 2015 года / Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». – М: Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований», 2015. – С. 298–302.

7. Хохлова Н.И. Сюжеты ролевых игр у современных дошкольников // Северный регион: наука, образование, культура. 2017. № 2(36). С. 145–150.

THE IMPACT OF FAMILY COHESION ON STUDENTS' SOCIAL INTELLIGENCE

Shukshina L.V., Pozharskaya E.L., Siniakova E.V.
Plekhanov Russian University of Economics

The 21st century is characterized by a rather dramatic development of technologies that can have a negative impact on a person's ability to communicate with other people, understand their feelings, adapt to new conditions and regulate their behavior. In this regard, social intelligence has begun to play a special role. The family is the first social institution in human life. Despite the fact that the family is no longer the leading social institution in student days, it still plays an important role in human life. The article presents the theoretical aspects and results of a study of the impact of family cohesion on students' social intelligence. It is important to understand how family affects students' ability to interact effectively with others.

Keywords: students, family cohesion, social intelligence, emotional, cognitive, behavioral components of social intelligence.

References

1. Egorova O.N. Features of Social Intelligence in Intellectually Intact Adolescents with Deviant Behavior // Proceedings of the Herzen Russian State Pedagogical University. 2013. No. 160. Pp. 243–246.

2. Emelyanova I.V., Kulagina I.U. Features of the Development of Social Intelligence in Primary School Age // Psychological and Pedagogical Research. 2020. No. 12(2). Pp. 91–107.

3. Manina K.E. The Formation of Social Intelligence in Ontogenesis // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2015. No. 6–2. Pp. 62–64.

4. Skubriy D.V. The Influence of Family Conflicts on the Level of Intelligence Development in Minors // Sociocultural and Psychological Problems of the Modern Family: Current Issues of Support and Assistance: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference (Tula, November 15–16, 2022). Cheboksary: Publishing House «Sreda», 2022. Pp. 410–412.

5. Sochneva A.V. The Influence of the Family Situation on the Level of Social Intelligence Development in Minors // Sociocultural and Psychological Problems of the Modern Family: Current Issues of Support and Assistance: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference (Tula, November 17, 2021). Cheboksary: Publishing House «Sreda», 2021. Pp. 226–229.

6. Filatova I.U. Family as a Factor in the Formation of Social Intelligence in Adolescence // Modern Psychology: Theory and Practice: Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference (Moscow, April 13, 2015). Moscow: Institute for Strategic Research, 2015. Pp. 298–302.

7. Khokhlova N.I. Plots of Role-Playing Games in Modern Preschoolers // Northern Region: Science, Education, Culture. 2017. No. 2(36). Pp. 145–150.

Формирование культурно-страноведческой компетенции на основе аутентичных материалов в процессе обучения иностранному языку в высшей школе

Щербакова Ирина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент, Донской государственный технический университет
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

Тимашова Мария Васильевна,
кандидат философских наук, доцент, Донской государственный технический университет
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

В статье рассмотрен процесс формирования культурно-страноведческой компетенции обучающихся с использование аутентичных материалов в высшей школе. Аутентичные материалы, используемые на практических занятиях по иностранному языку, способствуют приближению языковых ситуаций к реальным. В работе приведены группы аутентичных материалов, распределяющихся на текстовые, аудио, видео, визуальные, прагматические и реалии. Исследованы труды отечественных ученых о внедрении аутентичных материалов в процесс обучения иностранному языку. Сделан вывод о развитии культурно-страноведческой компетенции в процессе обучения иностранному языку с использованием аутентичных материалов, а также повышению мотивации к изучению.

Ключевые слова: аутентичный материал, высшая школа, культурно-страноведческая компетенция, немецкий язык, обучение, процесс, развитие, устная речь, формирование.

Изучение иностранных языков в современном мире предполагает не только заучивание слов и выражений с применением основных грамматических правил и оборотов, но и знакомство с культурой страны изучаемого иностранного языка. В таком контексте строятся рабочие программы по дисциплинам в высших школах. При разработке учебного курса, программы стоит учитывать, что обучающиеся должны знакомиться с культурой, обычаями, праздниками, историей страны изучаемого языка. Использование аутентичных материалов является реальным источником в данном случае получения необходимой информации [10, с. 287].

Под аутентичными материалами понимаем оригинальные материалы, книги, брошюры, созданные, записанные носителями изучаемого языка, предназначенные для реальных условий жизни, но не для учебных мероприятий и целей. Подобного рода аутентичные материалы отображают иностранный язык в его естественной среде, его реальный способ применения в социуме. Поэтому считаем использование аутентичных материалов при обучении иностранному языку в высшей школе для формирования культурно-страноведческой компетенции.

Целью представленного исследования выступает анализ видео, аудио, текстовых и визуальных аутентичных материалов, влияющих на формирование культурно-страноведческой компетенции и развитие языковой личности. К аутентичным материалам следует относить текстовый материал, аудио– и видеоматериалы, визуальные материалы, прагматические материалы, реалии. Текстовые материалы накапливают большую часть необходимой информации к изучению [9, с. 155]. К текстовым материалам относим: книги, романы, художественные произведения, тексты научно-популярного характера, рассказы и сказки, личные дневники известных личностей, письма, анекдоты, стихи, басни, а также страноведческие тексты. Под аудиоматериалами следует понимать записи стихов, песен, рассказов, аудиопередачи, записи интервью, подкасты, а также прослушивание радио. К видеоматериалам относятся фильмы на языке оригинала. Прагматическим материалом называют материалы, имеющие отношение к повседневным жизненным ситуациям; ими могут выступать: объявления, анкеты, счета, карты и так далее. К реалиям относят предметы действительности: мебель, посуда, предметы одежды, монеты, сувениры.

О вопросе внедрения аутентичных материалов опубликованы научные работы отечественных ученых. Преимущества внедрения аутентичных материалов в процесс обучения иностранному языку описан в научной работе авторов А.С. Гребениковой и Т.А. Солнцевой. Аутентичный материал обладает рядом преимуществ, направленных на формирование языковой личности. Аутентичные материалы отражают реальную языковую и культурную среду, а также способствуют повышению мотивации к изучению. Авторами представлены такие понятия как социокультурная компетенция и аутентичные материалы, а также приведены их классификации. Проведение практического эксперимента с аутентичным материалом, представленным в видео формате, демонстрирует процесс работы на практических занятиях. Эксперимент показывает, как происходит формирование языковой личности с применением аутентичных видео материалов. Внедрение аутентичных материалов в образовательный процесс помогает повысить качество обучения по иностранному языку. Практические занятия приобретают более приближенный формат к естественной языковой среде, что мотивирует обучающихся на изучение иностранного языка [3, с. 87].

Формирование навыков межкультурной компетенции непосредственно идет при применении аутентичных материалов на занятиях по иностранному языку. Рассматривая актуальные проблемы формирования межкультурной компетенции, авторы научной работы О.В. Кравченко и АЛ. Коваленко уделяют особое внимание аутентичным материалам и их применению на практических занятиях. Использование текстовых аутентичных материалов способствует эффективному познанию культуры страны изучаемого языка. Авторами обоснована педагогическая целесообразность применения текстовых аутентичных материалов в обучении иностранному языку. Текстовые аутентичные материалы являются наиболее доступными аутентичными средствами, они обладают высокой мотивационной ценностью. Для подтверждения данного педагогического приема востребовано проведение эксперимента с демонстрацией конкретных заданий. Практи-

ческие задания с использование текстовых аутентичных материалов способствовали развитию умения анализировать культурные особенности страны изучаемого языка, а также сравнивать с родной страной и менталитетом. Отметим, что применение аутентичных текстовых материалов на практических занятиях по иностранному языку является эффективным и современным подходом к формированию межкультурной компетенции [4, с. 321].

В процессе формирования культурной компетенции преподавателю необходимо создать определенные педагогические условия при использовании аутентичных материалов. Максимова А.Д. подчеркивает, что для применения аутентичных материалов в процессе обучения иностранному языку требуется тщательная подготовка от преподавателя, также необходимо соблюдение некоторых условий. Автором Максимовой А.Д. подчеркнут факт отбора аутентичного материала, соответствующего уровню овладения иностранным языком обучающимися. Постепенное наращивание сложности аутентичного материала приводит к положительным результатам. Стоит учитывать, что внедряемый аутентичный материал в практические занятия имеет статус средства выполнения коммуникативной деятельности, но не цели самого занятия. Также Максимовой А.Д. подчеркнут факт эффективного формирования культурной компетенции при соблюдении педагогических условий, преподаватель в данном случае выполняет роль организатора познавательной деятельности обучающихся. Использование аутентичных материалов способствует расширению культурологических знаний [5, с. 144].

Аутентичные материалы являются ключевым компонентом в процессе обучения иностранному языку. Использование аутентичных материалов способствует приближению коммуникативных ситуаций к реальным ситуациям. Бартош Д.К. и Харламовой М.В. предложен анализ интеграции аутентичных материалов в процесс обучения иностранному языку с учетом уровня подготовки обучающихся. С помощью аутентичных материалов практические занятия приближают к деловым реальным ситуациям. Обучающиеся имеют возможность работать с проектами в комплексе, разрабатывать их на иностранном языке [1, с. 87].

Влияние песенного дискурса, как аутентичного материала, замечают В.А Вавилова и Д.В. Мирошникова при использовании его в процессе обучения иностранному языку [2, с. 290].

При использовании аутентичных материалов отмечается повышение мотивации к изучению иностранного языка. Авторами В.Б. Черминой. Л.С, Ким и Е.М. Карповой исследовано внедрение в образовательный процесс аудио и видео аутентичных материалов. Авторами рассмотрена проблема повышения мотивации обучающихся при изучении иностранного языка с использованием аутентичных материалов. Обучающиеся сталкиваются на практических занятиях с аутентичным языковым материалом, погружающим их в естественным контекст. Подчеркнем, что систематическое использование аутентичных (аудио, видео) материалов способствует мощным инструментов для вовлечения в образовательный процесс и повышения мотивации обучающихся, что является важным условием при изучении иностранного языка [8, с. 213].

Использование аутентичных материалов рассматривают как эффективное средство методических приемов при изучении иностранного языка. Г.Н. Махмутова и Л.А. Сергеева утверждают, что развитие коммуникативной компетенции представляет не только владение иностранным языком в повседневных ситуациях общения, но и учет культурной составляющей. Аутентичные аудио и видео материалы направлены на формирование языковой коммуникативной компетенции [6, с. 571].

Используя аутентичные материалы на практических занятиях по иностранному языку, преподаватель должен учитывать некоторые аспекты: уровень освоения иностранным языком обучающихся, сохранение аутентичного жанра используемых материалов, дополнительные приемы и методы работы на занятиях [7, с. 106]. Осознавая уровень подготовки обучающихся, преподаватель подбирает аутентичный материал; обучающиеся испытывают интерес к знакомству с новыми знаниями, происходит их понимание, что сказывается на положительных результатах мотивации к изучению иностранного языка. Сохранение аутентичного жанра в таком случае необходимо для извлечения оригинальных речевых клише и оборотов, а также получения нового лексического материала. Отметим, что внедрение аутентичных материалов в процесс обучения иностранному языку предполагает введение новых методов и приемов. Задания имеют творческих характер: монолог с опорой на коллаж, созданный обучающимся; подготовка проекта на определенную тему и его защита в группе, паре или индивидуально. Обобщая выше сказанное, необходимо сделать акцент на то, что использование аутентичного материала требует его использования на регулярной основе.

Формирование культурно-страноведческой компетенции у обучающихся при обучении иностранному языку с использованием аутентичных материалов – это процесс знакомства со страной изучаемого языка, изучение культурных особенностей, обычаев и праздников, сопоставление информации о менталитете и социальных нормах страны изучаемого языка с нормами родной страны. Культурно-страноведческая компетенция выделяет следующие принципы знаний, умений и навыков, необходимых для ее формирования. Обучающиеся должны овладеть знаниями о стране изучаемого языка в области истории, географии, социальной культуры. Перед преподавателем стоит задача обучить языковым и культурным явлениям, а также развить навыки межкультурной коммуникации.

Использование аутентичных материалов на практических занятиях по иностранному языку в высшей школе необходимо для формирования у обучающихся культурно-страноведческой компетенции. Обучающиеся, прослушивая аутентичные аудиоматериалы, приобщаются к языковой среде изучаемого языка. Данный показатель играет важную роль в овладении иностранным языком. Просматривая видео материалы на практических занятиях, обучающиеся имеют перед глазами картину страны изучаемого языка и возможность сопоставить с родной страной. Видеоматериалы, используемые преподавателем, помогают понять вербальную речь иностранцев, а также познакомиться с невербальной коммуникацией, понять менталитет страны. Обучающиеся получают багаж знаний о стране изучаемого иностранного языка путем демонстрации видео– и аудиоматериалов. Представляемый преподавателем аутентичный материал расширяет кругозор обучающихся о истории, обычаях, праздниках и культуре страны изучаемого языка; помогает знакомиться с менталитетом народа.

Таким образом, использование аутентичных материалов на практических занятиях по иностранному языку в высшей школе играет важную роль в формировании культурно-страноведческой компетенции обучающихся. Такой подход обеспечивает полное погружение обучающихся в языковую среду и знакомит с культурой и страной изучаемого языка, обеспечивает необходимым языковым материалом, приближенным к реальным ситуациям общения, а также способствует повышению уровня мотивации обучающихся и развитию межкультурной коммуникации.

Литература

1. Бартош Д.К., Харламова М.В. Модели интеграции аутентичных материалов в обучение деловому немецкому языку // Иностранные языки в школе. 2025. № 7. С. 80–87.

2. Валова В.А., Мирошникова Д.В. Аутентичный песенный материал как средство совершенствования навыков английского языка у обучающихся основной школы // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2025. № S2–2 (55). С. 287–290.

3. Гребенщикова А.С., Солнцева Т.А. Использование аутентичных материалов в процессе формирования социокультурной компетенции // Журнал педагогических исследований. 2025. Т. 10. № 4. С. 83–87.

4. Кравченко О.В., Коваленко А.Л. Формирование навыков межкультурной компетенции средствами аутентичных материалов на уроках французского языка (на примере использования комиксов) // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2025. № 1. С. 316–321.

5. Максимова А.Д. Педагогические условия эффективного применения аутентичных текстов в формировании культурной компетенции учащихся основной школы при изучении иностранных языков // Мир педагогики и психологии. 2025. № 5 (106). С. 139–144.

6. Махмутова Г.Н., Сергеева Л.А. Приемы использования аутентичных видеоматериалов в формировании коммуникативной компетенции на материалах немецкого языка // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 3 (72). С. 562–571.

7. Чайка Е.Ю., Корнеева Е.С. Развитие иноязычной аудитивной компетенции взрослых на основе аутентичных материалов // Перспективы науки. 2025. № 3 (186). С. 104–106.

8. Черемина В.Б., Ким Л.С., Карпова Е.М. Использование аутентичных аудио и видео материалов для повышения мотивации изучения иностранного языка // Педагогический журнал. 2025. Т. 15. № 4–1. С. 206–213.

9. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В. Внедрение метода Каллана при обучении немецкому языку в высшей школе // Современное профессиональное образование. 2026. № 2. С. 152–155.

10. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В. Использование видеоматериалов при обучении немецкому языку как второму иностранному // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 2. С. 283–287.

FORMATION OF CULTURAL AND REGIONAL COMPETENCE BASED ON AUTHENTIC MATERIALS IN THE PROCESS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN HIGHER EDUCATION

Shcherbakova I.V., Timashova M.V.
Don State Technical University

The article examines the process of formation of cultural and regional competence of students using authentic materials in higher education. The relevance of this work is due to the improvement of foreign language teaching methods and the introduction of innovative technologies into the educational process. Authentic materials used in practical foreign language classes help bring language situations closer to reality. The paper presents groups of authentic materials, divided into text, audio, video, visual, pragmatic and reality. The works of Russian scientists on the introduction of authentic materials into the process of teaching a foreign language are studied. The conclusion is made about the development of cultural and regional competence in the process of teaching a foreign language using authentic materials, as well as increasing motivation to study.

Keywords: authentic material, higher school, cultural and regional competence, German language, education, process, development, oral speech, formation.

References

1. Bartosh D.K., Kharlamova M.V. Models of integration of authentic materials in teaching business German. Foreign languages at school. 2025. No. 7. Pp. 80–87.

2. Valova V.A., Miroshnikova D.V. Authentic song material as a means of improving English language skills among primary school students. Bulletin of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University. 2025. No. S2–2 (55). Pp. 287–290.

3. Grebenshchikova A.S., Solntseva T.A. The use of authentic materials in the process of forming socio-cultural competence. Journal of Pedagogical Research. 2025. Vol. 10. No. 4. Pp. 83–87.

4. Kravchenko O.V., Kovalenko A.L. The formation of intercultural competence skills by means of authentic materials in French language lessons (using comics as an example). Bulletin of the Taganrog Chekhov Institute. 2025. No. 1. Pp. 316–321.

5. Maksimova A.D. Pedagogical conditions for the effective use of authentic texts in the formation of the cultural competence of primary school students in learning foreign languages. The world of Pedagogy and Psychology. 2025. No. 5 (106). Pp. 139–144.

6. Makhmutova G.N., Sergeeva L.A. Techniques for using authentic video materials in the formation of communicative competence based on German language materials. Business. Education. Right. 2025. No. 3 (72). Pp. 562–571.

7. Chaika E.Yu., Korneeva E.S. The development of foreign-language auditory competence of adults based on authentic materials. Perspectives of science. 2025. No. 3 (186). Pp. 104–106.

8. Cheremina V.B., Kim L.S., Karpova E.M. The use of authentic audio and video materials to increase motivation for learning a foreign language. Pedagogical Journal. 2025. Vol. 15. No. 4–1. Pp. 206–213.

9. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V. The introduction of the Callan method in teaching German in higher education. Modern professional education. 2026. No. 2. Pp. 152–155.

10. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V. The use of video materials in teaching German as a second foreign language. Science. Scientific staff. 2025. No. 2. Pp. 283–287.

Модели пенсионного поведения студентов в условиях реформирования пенсионной системы Российской Федерации

Авдонина Ксения Максимовна,
магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 89151102337@mail.ru

Юшкова Светлана Александровна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ysa67@mail.ru

Статья посвящена анализу моделей пенсионного поведения студентов в условиях реформирования пенсионной системы Российской Федерации. Цель исследования состоит в выявлении факторов, определяющих отношение студентов к пенсионному будущему, и типологизации соответствующих поведенческих моделей. Теоретически пенсионное поведение рассматривается как разновидность финансового и экономического поведения, формирующаяся под влиянием информированности, доверия к институтам, сложности финансовых инструментов, неопределённости будущего и семейных установок. Эмпирическую основу составило качественное исследование, проведённое на примере студентов Финансового университета. По результатам анализа были выделены три модели пенсионного поведения: самостоятельно-накопительная, потенциально-накопительная и дистанцированно-скептическая. Показано, что различия между ними определяются уровнем информированности, степенью доверия к пенсионной системе, готовностью к долгосрочному планированию и восприятием институциональной нестабильности.

Ключевые слова: пенсия, пенсионное поведение, финансовое поведение, молодежь, студенты, пенсионная система, долгосрочные инвестиции, долгосрочное планирование.

Пенсионное поведение представляет собой значимый социальный феномен, поскольку оно отражает не только индивидуальные стратегии накопления и подготовки к старости, но и глубоко укоренённые социальные нормы, культурные установки и способы адаптации к изменяющейся пенсионной системе. В контексте реформирования пенсионной системы Российской Федерации именно молодые люди, в том числе студенты, оказываются в роли субъектов формирования новых пенсионных практик, причём их поведение служит индикатором того, как будущее поколение усваивает изменения в социальном обеспечении.

Центральная тема данной работы – модели пенсионного поведения. И чтобы разобраться в теоретической составляющей, нужно начать с понятий. Понятие пенсионное поведение невозможно рассматривать в отдельности от понятия «экономическое поведение».

Экономическое поведение – это поведение, связанное с перебором экономических альтернатив с целью рационального выбора, т.е. выбора, в котором минимизируются издержки и максимизируется чистая выгода [1].

Финансовое поведение – это особая разновидность экономического поведения, связанная с поведением населения на рынке финансовых продуктов и услуг и предполагающая мобилизацию, перераспределение и инвестирование имеющихся в распоряжении населения денежных ресурсов. Финансовое поведение включает в себя различные виды финансовой активности населения, такие как: сбережения, инвестиции, страхование, кредитное поведение, различные программы по накоплению пенсии и т.п. [2].

Формы финансового поведения напрямую зависят от социального и материального статуса индивида и его доступа к конкретным ресурсам. По содержательному критерию финансовое поведение можно разделить на сберегательное, кредитное, инвестиционное, пенсионное и страховое [3]. Итак, мы выяснили, что пенсионное поведение можно считать формой финансового поведения, а также и формой экономического поведения.

В научной литературе пенсионное поведение трактуется неоднородно, что обусловлено междисциплинарным характером темы. С социологической точки зрения пенсионное поведение может трактоваться как «конкретные действия индивидов относительно своего пенсионного будущего» [4].

Принятие решений, связанных с формированием будущей пенсии, представляет собой процесс, обусловленный как внешними обстоятельствами, так и индивидуальными характеристиками личности. Совокупность этих факторов формирует пенсионное поведение, которое в сочетании с элементами планирования превращается в модель пенсионного поведения. Такая модель может изменяться под воздействием различных влияний и условий.

Информированность о пенсионной системе – один из базовых факторов, влияющих на пенсионное поведение, потому что именно знания (или их отсутствие) задают «рамку возможных действий»: человек либо видит доступные механизмы обеспечения старости и может сравнивать варианты, либо воспринимает пенсионную тему как слишком сложную, и потому не требующую решений в настоящем. Качество информирования граждан становится самостоятельной задачей пенсионных институтов и влияет на ориентации населения в отношении пенсионного обеспечения [5].

Для молодёжи и студентов информированность о пенсионной системе часто остаётся проблемной зоной: в студенческом возрасте пенсионная тема воспринимается как далёкая, поэтому знания о ней нередко оказываются фрагментарными. Хотя пенсионные ориентации могут проявляться в установках и практиках, молодым людям часто свойственен дефицит пенсионной грамотности и слабая вовлечённость в данную тему [4].

Следующий фактором является доверие к институтам в контексте пенсионного поведения. Оно выражается в готовности человека считать, что ключевые участники пенсионной сферы (государственные органы, пенсионные фонды, финансовые организации) действуют предсказуемо, выполняют обязательства и обеспечивают сохранность/справедливость правил. Доверие к пенсионной сфере часто рассма-

тривается как ключевое условие участия в добровольных форматах. Например, в исследовании доверия россиян системе добровольного пенсионного страхования прямо подчёркивается стратегическая значимость повышения доверия, а также фиксируются различия доверия к субъектам и программам формирования добровольной пенсии [6].

Более того, важно учитывать сложность финансовых инструментов в качестве фактора пенсионного поведения, который можно определить как совокупность барьеров, связанных с тем, что долгосрочные накопительные и инвестиционные продукты воспринимаются студентами как трудные для понимания, сравнения и контроля. Так, в исследовании сберегательного и инвестиционного поведения студенческой молодёжи финансового вуза фиксируется связь финансовой грамотности с особенностями сберегательных и инвестиционных стратегий студентов, что напрямую указывает на важность понимания и освоения инструментов [7].

Неопределённость будущего как фактор пенсионного поведения можно определить как устойчивое восприятие будущего (личного и институционального) как трудно прогнозируемого, а также ощущение, что правила и условия, от которых зависит благополучие в старости, могут существенно измениться. Для студентов этот фактор особенно значим, потому что пенсионное поведение требует длинного горизонта планирования, а неопределённость снижает мотивацию к долгосрочным решениям и повышает склонность откладывать их «на потом».

Институциональная неопределённость: постоянное реформирование российской пенсионной системы сопровождается трудностями для накопительных механизмов и формирует проблемное поле неопределённости относительно долгосрочных ориентиров [8]. Студенты могут испытывать страх изменений в законодательстве, сомневаться в устойчивости будущих пенсионных правил и даже в том, будет ли пенсия в целом [9].

В условиях неопределенности будущего у молодежи часто усиливается ориентация на настоящее: при ощущении, что долгосрочные правила и условия нестабильны, рациональнее (или психологически проще) тратить ресурсы на ближайшие цели. Исследования, описывающие экономическое поведение молодежи, обращают внимание на специфику молодежных сберегательных практик, которые могут быть направлены на краткосрочные цели и текущие потребности, а не на отдалённую перспективу [10].

Также, примеры близких (прежде всего семьи, но также значимых взрослых и ближайшего окружения) выступают фактором пенсионного поведения студентов, потому что семья – это пространство, где транслируются ценности, знания, установки и отношение к финансовым институтам, что в итоге формирует определённый тип финансового поведения молодёжи [11]. Это означает, что ущемления пенсионных прав предшествующих поколений может формировать у молодежи изначально негативные установки относительно роли в пенсионном обеспечении и ожиданий от системы [12].

Более того, если в семье распространены сбережения, обсуждается планирование расходов, есть опыт накоплений/инвестиций, студент с большей вероятностью воспринимает это как норму. Напротив, установка жить сегодняшним днём и недоверие к финансовым институтам также могут воспроизводиться у молодого человека. Исследования финансового поведения молодёжи подчёркивают, что финансовое поведение формируется под влиянием различных факторов, включая субъективные ожидания и доверие к институтам, а также нормы и привычки обращения с деньгами [13].

Основные результаты

Исследование моделей пенсионного поведения студентов было проведено на примере студентов Финансового университета, в котором приняло участие 12 респондентов.

По результатам качественного этапа исследования были выделены три модели пенсионного поведения, различающиеся по сочетанию информированности о пенсионной системе, отношения к ней и готовности предпринимать самостоятельные действия для обеспечения собственного будущего.

Первая модель – самостоятельно-накопительная, в нее вошли 4 респондента (№ 2 женщина, № 3 женщина, № 6 женщина, № 7 мужчина).

С точки зрения информированности осведомлённость представителей самостоятельно-накопительной модели заметно выше, чем у респондентов других моделей. Для них характерно не просто воспроизведение общих представлений, а более активное включение в тему: респонденты могут проверять данные на Госуслугах, интересоваться накопительными программами, размышлять о конкретных инструментах и сопоставлять государственные и негосударственные способы обеспечения старости.

«За каждый год каждый человек получает какое-то определённое количество баллов. Это можно в Госуслугах посмотреть, необходимо, насколько я помню, отработать лет 10, 15, чтоб уже иметь какой-то минимальный размер пенсии» (респондент № 2 женщина).

Вместе с тем высокая по меркам выборки вовлечённость в тему не сопровождается высоким доверием к пенсионной системе как институту. Для представителей данной модели, напротив, характерно выраженное сомнение в её эффективности, прозрачности и способности обеспечить достойный уровень жизни в будущем. Государственная пенсионная система воспринимается этими респондентами скорее как нестабильный и ограниченный ресурс, чем как надёжная основа будущего обеспечения.

«Как ты можешь доверять системе, которая сама показывает пробоины в ней же.» (респондент № 7 мужчина).

Представители данной группы уже имеют накопительные практики либо по крайней мере чётко артикулируют необходимость их создания. Важно, что в их ответах самостоятельные накопления понимаются широко: не только как специальный пенсионный продукт, но и как накопительные счета, недвижимость, долгосрочные сбережения, распределение бюджета, инвестиции и иные формы личного финансового обеспечения. Тем самым пенсионное поведение здесь строится не вокруг ожидания помощи извне, а вокруг постепенного формирования собственных ресурсов.

«Я рассматриваю какие-то альтернативные варианты. Возможно, это негосударственные пенсионные фонды и также, конечно, думаю о том, как и во что нужно инвестировать» (респондент № 6 женщина).

Ещё одной существенной чертой самостоятельно-накопительной модели является готовность к планированию и к ограничению текущего потребления ради будущей устойчивости. Хотя эта готовность тоже не безусловна и зависит от уровня дохода, представители данной группы в большей степени, чем остальные, допускают необходимость откладывать, контролировать бюджет, распределять траты и в чём-то отказывать себе ради долгосрочной цели. Пенсионное поведение уже начинает связываться с элементами самодисциплины и рационального расчёта.

«Где-то я буду себе в чем-то отказывать, потому что я понимаю, что никто другой за меня это не сделает.» (респондент № 3 женщина).

Таким образом, результаты демонстрируют, что для представителей данной модели характерно сочетание высокой информированности, активной субъектной позиции с тревогой, недоверием и ощущением нестабильности внешней среды. Они уже готовы брать ответственность на себя, но не потому, что считают систему работающей и безопасной, а потому, что как раз не рассчитывают на неё в полной мере.

Вторая модель – потенциально-накопительная, в нее входят 4 респондента (№ 1 женщина, № 5 мужчина, № 8 женщина, № 10 женщина).

С точки зрения информированности представители потенциально-накопительной модели обладают базовым уровнем знания о пенсионной системе. Они понимают общий принцип: знают о роли официальной занятости, отчислений, пенсионных баллов и стажа. Однако это знание в большинстве случаев остаётся общим, фрагментарным и не всегда превращается в устойчивый интерес к теме.

«Я знаю, что там есть у нас какие-то баллы, которые тоже влияют дополнительно на размер пенсии, но честно, я особо глубоко в эту тему ещё не погружалась.» (респондент № 10 женщина).

Важной чертой данной модели является то, что даже при наличии базовых знаний тема пенсии остаётся для респондентов вынесенной за пределы актуальной повседневной повестки. Они могут время от времени размышлять о пенсионном будущем, сталкиваться с этой темой в учёбе, новостях или исследовательском контексте, однако в обычной жизни пенсия не занимает центрального места в их системе приоритетов.

«На сегодняшний день тема пенсии меня особо сильно не интересует, не часто задумываюсь об этом.» (респондент № 5 мужчина).

Если говорить об отношении к пенсионной системе, то представители потенциально-накопительной модели занимают умеренно настороженную позицию. Они признают, что государственная пенсионная система в какой-то форме существует и выполняет базовую функцию, однако одновременно указывают на её непрозрачность, изменчивость и неопределённость в долгосрочной перспективе.

«Доверие такое среднее, сомнения по поводу, опять же, будущего непонятно. Людям, наверное, хотелось бы больше какой-то конкретики, стабильности и понимания.» (респондент № 1 женщина).

Важнейшей характеристикой потенциально-накопительной модели является наличие разрыва между признанием значимости темы и фактическим откладыванием действий на будущее. Представители этой группы допускают, что пенсионным будущим необходимо заниматься, но почти всегда сопровождают это оговорками: сначала

нужно решить более насущные задачи, обеспечить текущую стабильность, построить карьеру, приобрести жильё, создать финансовую подушку, – пенсионное будущее систематически уступает приоритетам «здесь и сейчас».

«Есть понимание, что этим рано или поздно необходимо заниматься, но нет чёткого плана и внутренней уверенности» (респондент № 8 женщина).

Таким образом, потенциально-накопительная модель отличается базовой информированностью, нейтральным отношением к системе, наличием общего интереса к накопительным инструментам и одновременно отсрочкой реальных действий из-за жизненного этапа, ограниченностью ресурсов и приоритетом более насущных текущих целей.

Третьей моделью является дистанцированно-скептическая, которая объединяет четырех респондентов (№ 4 мужчина, № 9 мужчина, № 11 женщина, № 12 мужчина).

Анализируя уровень информированности, представители данной модели не являются полностью неосведомлёнными. У них присутствует базовое понимание того, как функционирует пенсионная система, какие факторы влияют на размер пенсии и почему тема пенсионного обеспечения вызывает вопросы.

«Я понимаю, что пенсионная система в России сегодня непрозрачна. Тяжело предсказать, что будет через 40 лет» (респондент № 4 мужчина).

Ключевой чертой дистанцированно-скептической модели является устойчиво негативное отношение к пенсионной системе как институту. Для этих респондентов пенсионная система ассоциируется с непрозрачностью, нестабильностью, изменчивостью правил и невозможностью строить долгосрочные ожидания. В отличие от более нейтральных респондентов потенциально-накопительной модели, представители этой группы чаще формулируют недоверие в более прямой и жёсткой форме.

«Не доверяю. Даже сбережения в НПФ, которые застрахованы в АСВ, не факт, что не пропадут.» (респондент № 9 мужчина).

Отношение к самостоятельным накоплениям у представителей дистанцированно-скептической модели нельзя назвать полностью отрицательным, однако оно остаётся слабо переведённым в практическую плоскость. В их ответах нет выраженной линии на существующие накопительные практики или на чётко оформленную готовность начать действовать в ближайшее время.

«У всех зумеров есть какая-то тревога и неопределённость, связанная с этой сферой» (респондент № 11 женщина).

Существенное значение для данной модели имеет внешняя неопределённость, которая воспринимается как главный барьер для любых долгосрочных финансовых решений. Представители этой группы особенно остро связывают пенсионную тему с политической, экономической и институциональной нестабильностью. Для них проблема состоит не только в недостатке личных ресурсов, но и в отсутствии уверенности в том, что накопления в принципе имеют смысл в условиях, где правила могут резко измениться, а долгосрочные планы – потерять актуальность.

«Российская финансовая система не столь стабильна, где правительство может в секунду поменять правила игры.» (респондент № 12 мужчина).

Таким образом, дистанцированно-скептическая модель отражает позицию респондентов, для которых пенсионное будущее связано прежде всего с недоверием, неопределённостью и слабой управляемостью. Несмотря на наличие базовой осведомлённости о пенсионной системе, представители этой группы не демонстрируют выраженной готовности превращать тему пенсии в сферу практического действия уже сейчас. Их отношение к пенсионному будущему строится вокруг сомнений в устойчивости системы, осторожности в оценке возможностей накопления и восприятия старости как слишком далёкой и трудно прогнозируемой перспективы.

В заключение можно отметить, что пенсионное поведение студентов определяется уровнем информированности, доверием к пенсионной системе, отношением к будущему и готовностью к долгосрочному планированию. Выделенные модели показывают, что студенческая молодёжь по-разному воспринимает своё пенсионное будущее, что подтверждает необходимость повышения пенсионной грамотности и укрепления доверия к институциональной среде.

Литература

1. Любченко В.С. Экономическое поведение: методология социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2007. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-povedenie-metodologiya-sotsiologicheskogo-issledovaniya (дата обращения: 07.09.2025).

2. Алиева И.А. Финансовое поведение населения: теоретический аспект Вестник КРСУ. 2016. Том 16. № 2. С. 102–107.

3. Зобнина С. В., Фадейкин Г.А. Финансовая грамотность как условие формирования финансовой культуры, изменения финансового поведения и повышения финансовой активности населения // Научные записки НГУЭУ. 2019. № 2. С. 4–11. URL: https://nsuem.ru/upload/uf/cf3/%D0%9D%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8%20%D0%92%D1%8B%D0%BF%D1%83%D1%81%D0%BA%202_2019.pdf?ysclid=mf9uy4n2n4274844091 (дата обращения: 07.09.2025)

4. Власова О. И., Чебыкина И.В. Социальные практики в сфере пенсионного поведения молодого поколения // Евразийский Союз Ученых. 2017. № 12–2 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-praktiki-v-sfere-pensionnogo-povedeniya-molodogo-pokoleniya (дата обращения: 07.09.2025).

5. Карпова М. К., Масленникова Е.В. Информирование граждан в сфере пенсионного обеспечения: современное состояние, проблемы и пути совершенствования // Общество, экономика, управление. 2022. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informirovanie-grazhdan-v-sfere-pensionnogo-obespecheniya-sovremennoe-sostoyanie-problemy-i-puti-sovershenstvovaniya (дата обращения: 20.12.2025).

6. Кунижева Д. А., Марков Д.И. Доверие россиян системе добровольного пенсионного страхования // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-rossiyan-sisteme-dobrovolnogo-pensionnogo-strahovaniya (дата обращения: 21.12.2025).

7. Фрик О. В., Лещенко Ю.О. Исследование сберегательного и инвестиционного поведения студенческой молодежи финансового вуза // ЭПП. 2024. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sberegatelnogo-i-investitsionnogo-povedeniya-studencheskoy-molodezhi-finansovogo-vuza (дата обращения: 21.12.2025).

8. Дементьев Н.П. Пенсионная система в современной России: перманентное реформирование и неопределенность // ЭКО. 2015. № 11 (497). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pensionnaya-sistema-v-sovremennoy-rossii-permanentnoe-reformirovanie-i-neopredelennost (дата обращения: 21.12.2025).

9. Будзинская О. В., Найденова А.А. Демографические и социально-экономические характеристики молодежной возрастной группы с учетом ее роли в российской пенсионной системе // Экономика труда. 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-i-sotsialno-ekonomicheskie-harakteristiki-molodezhnoy-vozrastnoy-gruppy-s-uchetom-ee-roli-v-rossiyskoy-pensionnoy (дата обращения: 21.12.2025).

10. Есина Ю. Л., Говорова Е.О. Оценка современных тенденций сбережений и учета денежных средств у молодежи // ЭФО. 2025. № 3 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-sovremennyh-tendentsiy-sberezheniy-i-ucheta-denezhnyh-sredstv-u-molodezhi (дата обращения: 21.12.2025).

11. Голубева, К.А. Формирование финансовой культуры молодежи столичного мегаполиса в родительской семье / К.А. Голубева // Вестник экономики, права и социологии. – 2023. – № 3. – С. 141–144. – EDN QRXWUJ.

12. Власова О. И., Костина Н.Б. Пенсионные планы молодого поколения россиян: государственный патернализм или субъектное партнерство? // Вопросы управления. 2015. № 6 (18). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pensionnye-plany-molodogo-pokoleniya-rossiyan-gosudarstvennyy-paternalizm-ili-subektnoe-partnerstvo (дата обращения: 21.12.2025).

13. Александрова О. А., Аликперова Н.В. Финансовое поведение населения (мониторинговое исследование): [монография] / О.А. Александрова, Н.В. Аликперова [и др.]; отв. ред. Е.И. Медведева, С.В. Крошилин; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2023. – 270с. URL: https://www.fnisc.ru/publ.html?id=12479

MODELS OF STUDENTS› PENSION BEHAVIOR IN THE CONTEXT OF REFORMING THE PENSION SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Avdonina K.M.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines models of students' pension behavior in the context of the ongoing reform of the pension system in the Russian Federation. The study aims to identify the factors shaping students' attitudes toward their pension future and to develop a typology of relevant behavioral models. Theoretically, pension behavior is interpreted as a form of financial and economic behavior influenced by awareness of the pension system, institutional trust, the complexity of financial instruments, uncertainty about the future, and family attitudes. The empirical basis of the study is a qualitative research project conducted among students of the Financial University. The analysis revealed three models of pension behavior: self-ac-

cumulative, potentially accumulative, and distanced-skeptical. The findings show that these models differ in terms of awareness, trust in the pension system, readiness for long-term planning, and perceptions of institutional instability.

Keywords: pension; pension behavior; financial behavior; youth; students; pension system; long-term investments; long-term planning.

References

1. Lyubchenko, V. S. (2007). Economic behavior: Methodology of sociological research. Theory and Practice of Social Development, (2). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-povedenie-metodologiya-sotsiologicheskogo-issledovaniya (date of access: 07.09.2025).

2. Alieva, I. A. (2016). Financial behavior of the population: Theoretical aspect. Bulletin of KRSU, 16(2), 102–107.

3. Zobnina, S. V., & Fadeikin, G. A. (2019). Financial literacy as a condition for the formation of financial culture, changes in financial behavior, and increased financial activity of the population. Scientific Notes of NSUEM, (2), 4–11. URL: https://nsuem.ru/upload/uf/cf3/%D0%9D%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8%20%D0%92%D1%8B%D0%BF%D1%83%D1%81%D0%BA%202_2019.pdf?ysclid=mf9uy4n2n4274844091 (date of access: 07.09.2025).

4. Vlasova, O. I., & Chebykina, I. V. (2017). Social practices in the sphere of pension behavior of the younger generation. Eurasian Union of Scientists, 12–2(45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-praktiki-v-sfere-pensionnogo-povedeniya-molodogo-pokoleniya (date of access: 07.09.2025).

5. Karpova, M. K., & Maslennikova, E. V. (2022). Informing citizens in the field of pension provision: Current state, problems, and ways of improvement. Society, Economy, Management, (1). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informirovanie-grazhdan-v-sfere-pensionnogo-obespecheniya-sovremennoe-sostoyanie-problemy-i-puti-sovershenstvovaniya (date of access: 20.12.2025).

6. Kunizheva, D. A., & Markov, D. I. (2025). Russians' trust in the system of voluntary pension insurance. Society: Sociology, Psychology, Pedagogy, (8). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-rossiyan-sisteme-dobrovolnogo-pensionnogo-strahovaniya (date of access: 21.12.2025).

7. Frik, O. V., & Leshchenko, Yu. O. (2024). A study of saving and investment behavior among students of a financial university. EPP, (10). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sberegatelnogo-i-investitsionnogo-povedeniya-studencheskoy-molodezhi-finansovogo-vuza (date of access: 21.12.2025).

8. Dementyev, N. P. (2015). The pension system in contemporary Russia: Permanent reform and uncertainty. ECO, 11(497). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pensionnaya-sistema-v-sovremennoy-rossii-permanentnoe-reformirovanie-i-neopredelennost (date of access: 21.12.2025).

9. Budzinskaya, O. V., & Naydenova, A. A. (2024). Demographic and socio-economic characteristics of the youth age group with regard to its role in the Russian pension system. Labor Economics, (3). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-i-sotsialno-ekonomicheskie-harakteristiki-molodezhnoy-vozrastnoy-gruppy-s-uchetom-ee-roli-v-rossiyskoy-pensionnoy (date of access: 21.12.2025).

10. Esina, Yu. L., & Govorova, E. O. (2025). Assessment of current trends in savings and cash management among young people. EFO, 3(15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-sovremennyh-tendentsiy-sberezheniy-i-ucheta-denezhnyh-sredstv-u-molodezhi (date of access: 21.12.2025).

11. Golubeva, K. A. (2023). Formation of the financial culture of youth in a metropolitan city within the parental family. Bulletin of Economics, Law and Sociology, (3), 141–144. EDN QRXWUJ.

12. Vlasova, O. I., & Kostina, N. B. (2015). Pension plans of the younger generation of Russians: State paternalism or subject-based partnership? Issues of Management, 6(18). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pensionnye-plany-molodogo-pokoleniya-rossiyan-gosudarstvennyy-paternalizm-ili-subektnoe-partnerstvo (date of access: 21.12.2025).

13. Aleksandrova, O. A., Alikperova, N. V., et al. (2023). Financial behavior of the population (a monitoring study): Monograph. E.I. Medvedeva & S.V. Kroshilin (Eds.). Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. URL: https://www.fnisc.ru/publ.html?id=12479

Институциональные механизмы в социологической перспективе: от теории к концептуализации понятия

Агафонова Вера Владимировна,
аспирант, РЭУ им. Г.В. Плеханова
E-mail: verasocio@gmail.com

В социологическом дискурсе понятие институциональных механизмов выступает ключевым инструментом объяснения устойчивых форм социального порядка, процессов интеграции и трансформаций общественных систем, однако его интерпретации демонстрируют значительную вариативность в зависимости от теоретических традиций. Анализ генеалогии данного концепта раскрывает его эволюцию от классических подходов, где у Дюркгейма механизмы предстают как способы воспроизводства коллективных представлений и нормативной принудительности, у Вебера – как модальности легитимного господства и рационализации, а в структурном функционализме Парсонса – как средства нормативной интеграции в рамках AGIL-схемы, через критические перспективы марксизма, подчеркивающие роль в воспроизводстве классового неравенства и гегемонии, феноменологический конструктивизм Бергера и Лукмана, акцентирующий процессы объективации и легитимации социальной реальности, концепции габитуса и символического насилия Бурдьё, теорию структурации Гидденса с акцентом на дуальность структуры и непреднамеренные последствия, до нового институционализма, выделяющего механизмы изоморфизма, три столпа институтов (регулятивный, нормативный, культурно-когнитивный) и процессы институционального предпринимательства. Выявленные смысловые инварианты включают процессуальность, нередуцируемость к индивидуальным действиям и многоуровневость функционирования. Предлагаемая концептуальная рамка дифференцирует механизмы стабилизации, адаптации и трансформации, а также эксплицитные и имплицитные формы, подчеркивает их связь с властными отношениями, темпоральную динамику с учетом path dependence, взаимодействие через комплементарность и противоречия институциональных логик, а также трансформации в условиях цифровизации, платформенной экономики и глобализации.

Ключевые слова: Прогрессивная эра, женщины среднего класса, женские клубы, settlement houses, некоммерческое управление

Введение

Понятие институциональных механизмов занимает одно из центральных мест в социологическом дискурсе, однако его содержательное наполнение остаётся предметом продолжающихся дискуссий среди исследователей различных теоретических ориентаций. Само словосочетание «институциональный механизм» употребляется настолько широко и в столь разнообразных контекстах, что возникает ощущение терминологической размытости, при которой каждый автор вкладывает в него собственное содержание, порой весьма далёкое от классических трактовок [7]. Между тем именно понятийная определённость составляет необходимую предпосылку любого серьёзного теоретического продвижения. Социология как дисциплина, претендующая на объяснение устойчивых форм социального порядка и закономерностей общественных трансформаций, нуждается в чётком понимании того, что именно обозначается данным термином, каковы его аналитические границы и в каком отношении он находится к смежным категориям – институтам, институциональным практикам, институциональным структурам и институциональным средам.

Исторически сложившееся многообразие подходов к анализу институциональных механизмов связано с тем, что данная проблематика находится на пересечении нескольких предметных областей. С одной стороны, её разработкой занималась классическая социологическая теория, начиная с работ Э. Дюркгейма, М. Вебера и Т. Парсонса, где институциональные механизмы рассматривались преимущественно в контексте социальной интеграции и функциональной дифференциации общества [3]. С другой стороны, значительный вклад в осмысление этой категории внесла экономическая социология и новый институционализм, в рамках которых акцент смещался на проблематику трансакционных издержек, рациональности выбора и роли формальных правил в координации действий акторов [11]. Параллельно развивались подходы, укоренённые в традиции политической социологии и социологии права, где институциональные механизмы интерпретировались прежде всего как способы легитимации власти и поддержания нормативного порядка. Такое дисциплинарное рассредоточение привело к тому, что единая концептуальная рамка для анализа институциональных механизмов до сих пор не сформирована, а предлагаемые определения зачастую отражают специфику конкретного исследовательского контекста, а не природу самого явления.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что в русскоязычной научной литературе проблема концептуализации институциональных механизмов стоит ещё более остро, нежели в зарубежной. Это обусловлено не только сложностями перевода и адаптации западных теоретических конструктов, но и спецификой отечественной социологической традиции, которая в советский период развивалась в значительной мере автономно от мировой социологии, а в постсоветские десятилетия переживала период интенсивного заимствования и переосмысления зарубежных концепций [14]. В результате в работах российских социологов можно обнаружить самые различные интерпретации институциональных механизмов – от узко инструментального понимания как набора процедур и регламентов до широкого социокультурного толкования, включающего неформальные нормы, ценности и когнитивные схемы. Нередко встречается и отождествление институциональных механизмов с самими институтами, что ведёт к утрате аналитической ценности понятия. Необходимость преодоления этого терминологического разнобоя ощущается и при проведении эмпирических исследований, и при выстраивании теоретических моделей, претендующих на объяснительную силу.

Настоящая статья ставит задачу систематизации существующих теоретических подходов к пониманию институциональных механизмов в социологии и выработки концептуальной рамки, которая позволила бы интегрировать наиболее продуктивные элементы различных традиций. Речь не идёт о создании некоей универсальной дефиниции, пригодной на все случаи научной жизни, – такая задача была бы чрезмерно амбициозной и, по существу, малоплодотворной [9]. Скорее предпринимается попытка очертить аналитическое пространство, в котором понятие институционального механизма обретает достаточную определённость для того, чтобы выполнять свои познавательные

функции в социологическом исследовании. Это предполагает обращение к генезису понятия в рамках ключевых социологических школ, выявление его смысловых инвариантов и вариативных элементов, а также анализ эвристического потенциала различных концептуализаций применительно к современным процессам институциональных трансформаций.

Материалы и методы исследования

Исследование построено на анализе корпуса теоретических работ, охватывающих период от классической социологии конца XIX – начала XX века до современных неоинституциональных концепций. Основу источниковой базы составили труды представителей ведущих социологических школ и направлений, в которых проблематика институциональных механизмов получила наиболее развёрнутое теоретическое осмысление. В качестве основных методов использовались сравнительный анализ теоретических конструктов, историко-социологическая реконструкция понятийного аппарата и метод концептуального моделирования, позволяющий выявлять структурные сходства и различия между различными трактовками одного и того же явления [5].

Методологическая стратегия исследования предполагала последовательное движение от анализа отдельных теоретических позиций к синтетическому обобщению. Применялись также элементы дискурс-анализа для выявления способов употребления понятия «институциональный механизм» в современной социологической литературе и идентификации скрытых семантических сдвигов, сопровождающих его миграцию между различными предметными областями [12].

Результаты и обсуждение

Генеалогия понятия институционального механизма в социологии восходит к работам классиков, хотя в их текстах этот термин не всегда присутствует в явном виде. У Э. Дюркгейма, рассматривавшего социальные факты как вещи, обладающие принудительной силой по отношению к индивиду, институциональные механизмы предстают как способы, посредством которых коллективные представления и моральные нормы воспроизводятся и транслируются от поколения к поколению [3]. Механическая и органическая солидарность суть не просто типы связи между индивидами, но различные режимы функционирования институциональных механизмов – в первом случае основанные на общности сознания и прямом социальном давлении, во втором – на функциональной взаимозависимости и правовой регуляции. Принципиально важно, что для Дюркгейма институциональные механизмы несводимы к сумме индивидуальных действий: они обладают надиндивидуальной реальностью и подчиняются собственной логике, которая не может быть выведена из психологии отдельных людей. Эта установка на социологический реализм определила одну из магистральных линий последующего осмысления институциональных механизмов.

М. Вебер, при всей несхожести его методологических установок с дюркгеймовскими, также внёс существенный вклад в формирование проблемного поля, связанного с институциональными механизмами. Его типология социального действия и концепция легитимного господства фактически описывают различные модальности институциональной регуляции [7]. Традиционное, харизматическое и рационально-легальное господство представляют собой не просто формы власти, но различные институциональные механизмы обеспечения социального порядка, каждый из которых опирается на собственные основания легитимности и задействует специфические средства воспроизводства. Веберовское понимание бюрократии как идеального типа рационально-легальной организации может быть прочитано как развёрнутое описание одного из наиболее влиятельных институциональных механизмов модерна – механизма формальной рационализации, проникающего во все сферы общественной жизни и подчиняющего их безличной логике правила. Однако Вебер, в отличие от Дюркгейма, настаивал на том, что институциональные механизмы в конечном счёте укоренены в субъективно значимом действии индивидов и могут быть поняты только через обращение к смыслам, которые люди вкладывают в своё поведение.

Структурный функционализм Т. Парсонса предложил, пожалуй, наиболее систематизированную трактовку институциональных механизмов среди классических социологических теорий. В парсонсианской системе координат институциональные механизмы – это прежде всего механизмы нормативной интеграции, обеспечивающие совместимость действий множества акторов в рамках социальной системы [1]. Функциональная схема AGIL, выделяющая четыре основных функции любой социальной системы – адаптацию, целеполагание, интеграцию и поддержание латентного образца, – фактически задаёт типологию институциональных механизмов по их функциональному назначению. Экономические институты обеспечивают адаптацию, политические – целеполагание, правовые и коммунальные – интеграцию, а институты социализации и культурного воспроизводства – поддержание ценностных образцов. Сила парсонсианского подхода состояла в его системности и аналитической стройности, однако критики справедливо указывали на чрезмерный акцент на стабильности и порядке в ущерб анализу конфликтов, противоречий и трансформаций институциональных механизмов.

Именно эта односторонность послужила отправной точкой для критических теорий, предложивших альтернативное видение институциональных механизмов. В марксистской и неомарксистской традиции институциональные механизмы рассматриваются не как нейтральные инструменты социальной координации, а как формы воспроизводства властных отношений и классового неравенства [8]. Государство, право, образовательная система – все эти институциональные комплексы в данной оптике выступают механизмами поддержания гегемонии господствующего класса, причём действующими не только через прямое принуждение, но и через производство идеологии и формирование ложного сознания. А. Грамши ввёл понятие культурной гегемонии именно для того, чтобы описать институциональные механизмы, посредством которых подчинение воспроизводится на уровне повседневных смыслов и ценностей, а не только на уровне формальных структур власти. Л. Альтюссер, развивая эту линию, разграничил репрессивные и идеологические аппараты государства, по сути предложив типологию институциональных механизмов, различающихся по способу воздействия на индивидов [15].

Существенный сдвиг в понимании институциональных механизмов произошёл благодаря работам представителей феноменологической социологии и социального конструктивизма. П. Бергер и Т. Лукман в своём ставшем классическим труде «Социальное конструирование реальности» показали, что институционализация есть процесс хабитуализации и типизации действий, в ходе которого повторяющиеся образцы поведения обретают статус объективной реальности и начинают восприниматься акторами как данность, не подлежащая сомнению [2]. Институциональные механизмы в этой перспективе – это не столько внешние ограничения, налагаемые на индивида обществом, сколько процессы конструирования и поддержания социальной реальности, в которых субъективные значения объективируются и интернализируются. Ключевую роль играют механизмы легитимации – от простейших дотеоретических объяснений до сложных символических универсумов, призванных обеспечить когерентность институционального порядка. Эта трактовка существенно расширила понимание того, как функционируют институциональные механизмы, включив в анализ когнитивное измерение, ранее остававшееся на периферии социологического внимания.

Работы П. Бурдьё обогатили понимание институциональных механизмов концепциями габитуса, поля и различных форм капитала. Габитус как система устойчивых диспозиций, порождающих практики и представления без сознательного следования правилам, представляет собой ключевой институциональный механизм, действующий на уровне телесности и дорефлексивного опыта [4]. Бурдьё удалось показать, что институциональные механизмы работают не только через формальные правила и осознанные нормы, но и через инкорпорированные схемы восприятия, оценивания и действия, которые агенты усваивают в процессе социализации и которые воспроизводят объективные структуры социального пространства без какого-либо целенаправленного намерения. Понятие символического насилия у Бурдьё описывает институциональный механизм особого рода – навязывание определённых классификационных схем и критериев оценки, которое воспринимается подчинёнными агентами как легитимное и естественное. Образовательная система, например, выступает институциональным механизмом конвертации различных форм капитала и воспроизводства социального неравенства под маской меритократии и равенства возможностей.

В рамках нового институционализма было выделено три аналитически различных столпа институтов – регулятивный, нормативный и культурно-когнитивный, – каждый из которых предполагает свой тип институционального механизма [13]. Регулятивный столп связан с механизмами принуждения и санкционирования, обеспечиваемыми формальными правилами и их мониторингом. Нормативный столп опирается на механизмы социализации и профессионализации, через которые индивиды усваивают ценности и нормы, определяющие, что является должным и уместным в данном контексте. Культурно-когнитивный столп задействует механизмы конструирования общих определений ситуации, типизаций и само собой разумеющихся допущений, которые формируют рамку возможного и мыслимого для акторов. Это разграничение оказалось чрезвычайно продуктивным, поскольку позволило увидеть, что институциональные механизмы

оперируют на разных уровнях социальной реальности и задействуют различные основания подчинения – от страха перед наказанием до неосознаваемого следования культурным конвенциям.

Важный вклад в углубление понимания институциональных механизмов внесли исследования институциональных изменений и институционального предпринимательства. Если ранние версии нового институционализма были ориентированы преимущественно на объяснение стабильности и воспроизводства институциональных форм, то начиная с 1990-х годов всё большее внимание стало уделяться процессам трансформации, кризиса и создания новых институтов [10]. Концепция институционального предпринимательства описывает агентов, способных мобилизовать ресурсы и сформировать коалиции для изменения существующих институциональных правил или создания принципиально новых институциональных форм. Понятие институциональной работы, введённое Т. Лоуренсом и Р. Сударсанамом, акцентирует внимание на целенаправленных усилиях индивидов и организаций по созданию, поддержанию и разрушению институтов, раскрывая микрофундамент институциональных изменений.

Обращение к проблематике институциональных механизмов в контексте глобализации и транснациональных процессов выявляет ещё одно важное измерение анализа. Механизмы диффузии институциональных моделей через национальные границы, процессы гармонизации регуляторных режимов, формирование глобальных стандартов и транснациональных нормативных порядков – все эти явления ставят перед социологией новые теоретические вызовы [15]. Становится очевидным, что институциональные механизмы не могут быть адекватно поняты исключительно в рамках национально-государственной системы координат, которая долгое время оставалась доминирующей в социологическом анализе. Транснациональные институциональные механизмы обладают собственной спецификой: они нередко действуют поверх государственных границ, опираются на негосударственных акторов и задействуют формы регуляции, не вписывающиеся в традиционные правовые категории. Исследования мировой политии, проводимые в рамках стэнфордской школы, убедительно демонстрируют, как глобальные культурные модели распространяются через институциональные механизмы, связанные с деятельностью международных организаций, экспертных сообществ и транснациональных сетей.

Попытка синтетической концептуализации институциональных механизмов требует выделения нескольких смысловых инвариантов, обнаруживаемых при сопоставлении различных теоретических традиций. Первый из них связан с процессуальностью: институциональный механизм – это не состояние, а процесс, обеспечивающий определённый результат в социальном взаимодействии. Этот процесс может быть направлен на воспроизводство существующего порядка, его модификацию или создание принципиально нового [6]. Второй инвариант касается нередуцируемости институциональных механизмов к действиям отдельных индивидов: даже те подходы, которые, подобно веберианской социологии, исходят из субъективных смыслов действия, признают, что институциональные механизмы обладают свойствами, несводимыми к сумме индивидуальных интенций. Третий инвариант – многоуровневость: институциональные механизмы одновременно оперируют на макроуровне формальных структур и правил, мезоуровне организационных полей и сетей и микроуровне повседневных практик и когнитивных схем.

Не менее значима и проблема соотношения институциональных механизмов с властными отношениями. Ни одна из рассмотренных теоретических традиций, за исключением, пожалуй, наиболее наивных версий функционализма, не обходит стороной вопрос о том, каким образом институциональные механизмы связаны с распределением власти и ресурсов в обществе [8]. Различия между подходами касаются скорее трактовки характера этой связи. Для марксистской традиции институциональные механизмы служат преимущественно интересам господствующих классов, даже если это не осознаётся самими участниками. Для веберианской традиции связь между институциональными механизмами и властью более сложна и не сводится к классовому детерминизму. Для фукольдианской традиции институциональные механизмы суть формы дисциплинарной власти, действующей через производство знания, нормализацию и надзор. Для неоинституционализма институциональные механизмы могут как воспроизводить, так и перераспределять властные позиции в зависимости от конкретной конфигурации институционального поля. Интегративный подход к концептуализации институциональных механизмов должен учитывать эту неразрывную связь с властными отношениями, избегая при этом редукции институциональной динамики к какому-либо одному властному источнику.

Вопрос о темпоральном измерении институциональных механизмов также нуждается в теоретической проработке. Институциональные механизмы существуют и действуют во времени, причём их временная динамика не сводится к простому воспроизводству неизменных форм. Концепция зависимости от пройденного пути, получившая широкое распространение в институциональном анализе, описывает механизм, посредством которого решения, принятые в прошлом, ограничивают пространство возможных решений в будущем [10]. Институциональные механизмы формируют своего рода колеи, по которым движется развитие общества, и выход из этих колей требует значительных усилий и ресурсов. Вместе с тем чрезмерный акцент на зависимости от пути рискует привести к институциональному детерминизму, не оставляющему пространства для агентности и инновации. Более сбалансированная трактовка предполагает, что институциональные механизмы одновременно порождают инерцию и создают возможности для изменений, причём соотношение между этими тенденциями варьирует в зависимости от контекста.

Концептуализация институциональных механизмов выигрывает от обращения к метафорическому пласту, лежащему в основе самого понятия. Слово «механизм» отсылает к образу машины – совокупности взаимосвязанных элементов, производящих определённый эффект посредством своего совместного функционирования. Однако институциональные механизмы, в отличие от механических, не обладают жёсткой детерминированностью: их результаты зависят от контекста, интерпретаций акторов и непредвиденных обстоятельств [12]. В этом смысле уместнее говорить о тенденциях и предрасположенностях, нежели о строгих каузальных закономерностях. Институциональный механизм – это скорее устойчивый паттерн взаимодействия между структурными элементами социальной системы, который с высокой вероятностью порождает определённый тип результатов, но не гарантирует его с необходимостью. Такое понимание позволяет избежать как механистического детерминизма, так и волюнтаристского индетерминизма, находя продуктивную среднюю позицию, отвечающую сложности социальной реальности.

Целесообразно также обратить внимание на взаимодействие различных институциональных механизмов между собой. В реальности социальные процессы регулируются не одним, а множеством институциональных механизмов, которые могут действовать в одном направлении, усиливая друг друга, либо в противоположных направлениях, порождая напряжения и противоречия [1]. Концепция институциональных логик, разрабатываемая Р. Фридлэндом и Р. Олфордом, а затем развитая П. Торнтон, У. Оказио и М. Лоунсбери, предлагает аналитический инструментарий для исследования того, как множественные институциональные порядки с различными базовыми принципами сосуществуют и конкурируют в рамках одного общества.

В контексте современных обществ с их нарастающей сложностью, ускоряющимися темпами изменений и усиливающейся неопределённостью вопрос о функционировании институциональных механизмов приобретает дополнительные грани. Цифровизация, развитие платформенной экономики, распространение алгоритмического управления – все эти процессы ставят под вопрос привычные представления об институциональных механизмах, сформированные в эпоху индустриального модерна [5]. Возникают новые формы институциональной регуляции, опосредованные техническими артефактами – алгоритмами, протоколами, программными кодами, – которые обладают собственной нормативностью и не вполне вписываются в существующие типологии институциональных механизмов. Вместе с тем было бы преждевременно утверждать, что традиционные институциональные механизмы утрачивают свою значимость: скорее происходит их трансформация и перекомпоновка в новых условиях, причём базовые логики институциональной регуляции – принуждение, нормативное давление и когнитивная конвенциализация – продолжают действовать, хотя и в иных формах.

Подводя концептуальные итоги проведённого анализа, можно сформулировать рабочее определение институционального механизма, учитывающее наиболее значимые теоретические наработки. Институциональный механизм в социологической перспективе – это устойчивый, воспроизводимый паттерн социальных взаимодействий, посредством которого нормативные, регулятивные и культурно-когнитивные компоненты институтов реализуют своё воздействие на поведение акторов и обеспечивают координацию, интеграцию и изменение социальных порядков [13]. Данное определение намеренно широко, поскольку призвано охватить различные типы и модальности институциональных механизмов, выявленные в рамках различных теоретических традиций. Вместе с тем оно содержит несколько существенных ограничений: акцент на устойчивости и воспроизводимости отличает институциональные механизмы от ситуативных реакций и единичных событий; указание на нормативные, регулятивные и культурно-когнитивные компоненты связывает понятие с институциональной теорией; а вклю-

чение координации, интеграции и изменения в перечень функций снимает одностороннюю ориентацию на стабильность, характерную для ранних версий институционализма.

Выводы

Различение механизмов стабилизации, адаптации и трансформации, а также эксплицитных и имплицитных механизмов, представляется перспективным для организации дальнейшей аналитической работы. Оно позволяет более дифференцированно подходить к описанию институциональной динамики и избегать односторонних трактовок, сводящих институциональные механизмы исключительно к факторам порядка или, напротив, к инструментам власти. Реальные институциональные механизмы, как правило, совмещают в себе несколько функций и действуют через несколько каналов одновременно, что создаёт сложную картину, не укладывающуюся в простые объяснительные схемы. Признание этой сложности – не слабость, а достоинство концептуальной рамки, претендующей на адекватное отражение социальной реальности.

Существенным результатом проведённого исследования является демонстрация того, что понятие институционального механизма занимает промежуточное положение между понятием института (как устойчивого комплекса норм, правил и практик) и понятием социального процесса (как последовательности действий и событий, разворачивающихся во времени). Институциональный механизм – это то, посредством чего институт осуществляет своё регулятивное воздействие на социальную жизнь, и одновременно – тот процессуальный аспект институциональной реальности, который обеспечивает её динамику и трансформацию. Такое промежуточное положение делает понятие институционального механизма одновременно сложным для определения и чрезвычайно ценным в аналитическом отношении: оно позволяет связать статику институциональных структур с динамикой социальных процессов, макроуровень системных закономерностей с микроуровнем индивидуальных действий.

Литература

1. Эфендиев А.Г., Кожанов А.А. Пути модернизации социологической идентичности: опыт теоретического поиска // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27. № 2. С. 7–37.

2. Браславский Р.Г. Метатеоретические основания цивилизационного анализа в современной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 26. № 4. С. 7–40.

3. Сампиев И.М. Региональный университет как социальный институт (на примере Ингушского государственного университета) // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 3. С. 164–175.

4. Курбатова Л.Н., Стегний В.Н., Тарасова Е.О. Институционализация гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры как отражение трансформации семьи и брака // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27. № 3. С. 65–105.

5. Григорьева К. Мигранты как «лица, подверженные идеологии терроризма». Институциональный анализ российского кейса секьюритизации миграции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 3. С. 58–85.

6. Малышев А. Инфраструктура поддержки вовлеченного отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 4. С. 177–207.

7. Селиверстова Н.А., Зубок Ю.А. Религиозная самоидентификация молодежи в воспроизводстве социокультурного механизма саморегуляции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 2. С. 135–174.

8. Попов Д.С., Григорьева Е.А., Шестакова Д.А. Факторы устойчивости профессии учителя в период трансформаций на фоне пандемии COVID-19 // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27. № 3. С. 196–215.

9. Латов Ю.В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161–175.

10. Ковалевская Д.Д. Уровень доверия граждан к институтам государственной власти как фактор устойчивости политического режима в России // Бизнес. Общество. Власть. 2021. № 4 (42). С. 7–24.

11. Щекотуров А.В. Политическое доверие и ценности лояльной и оппозиционной молодежи в эксклавном регионе России // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 570–583.

12. Кожевников Е.Д. Нормативно правовое регулирование и саморегулирование в области природопользования и охраны окружающей среды и их влияние на конкурентоспособность компаний // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 8. С. 41–49.

13. Морозов С.И., Макаренко К.М. Доверие современной российской молодежи политическим институтам в условиях кризисных потрясений // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 3. С. 16–28.

14. Пушкарева Г.В., Сычев В.В. Политическое институциональное доверие в российском обществе // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 100. С. 188–205.

15. Латов Ю.В. Тренды изменения институционального доверия как социального капитала российского общества // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 59–73.

INSTITUTIONAL MECHANISMS IN A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE: FROM THEORY TO THE CONCEPTUALIZATION OF THE CONCEPT

Agafonova V.V.
Plekhanov Russian University of Economics

In sociological discourse, the concept of institutional mechanisms serves as a key instrument for explaining stable forms of social order, processes of integration, and transformations of societal systems; however, its interpretations exhibit significant variability depending on theoretical traditions. Analysis of the genealogy of this concept reveals its evolution from classical approaches, where for Durkheim mechanisms appear as ways of reproducing collective representations and normative constraint, for Weber as modalities of legitimate domination and rationalization, and in Parsons's structural functionalism as means of normative integration within the AGIL scheme, through the critical perspectives of Marxism, which emphasize the role in the reproduction of class inequality and hegemony, the phenomenological constructivism of Berger and Luckmann, which accentuates the processes of objectification and legitimation of social reality, Bourdieu's concepts of habitus and symbolic violence, Giddens's theory of structuration with an emphasis on the duality of structure and unintended consequences, to new institutionalism, which identifies mechanisms of isomorphism, the three pillars of institutions (regulative, normative, and cultural-cognitive), and processes of institutional entrepreneurship. The identified semantic invariants include processuality, irreducibility to individual actions, and multilevel functioning. The proposed conceptual framework differentiates mechanisms of stabilization, adaptation, and transformation, as well as explicit and implicit forms; it emphasizes their connection with power relations, temporal dynamics taking path dependence into account, interaction through complementarity and contradictions of institutional logics, and transformations under conditions of digitalization, the platform economy, and globalization.

Keywords: Progressive Era, middle-class women, women's clubs, settlement houses, nonprofit management

References

1. Efendiev A.G., Kozhanov A.A. Ways of Modernization of Sociological Identity: Experience of Theoretical Search // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2024. Vol. 27. № 2. Pp. 7–37.

2. Braslavsky R.G. Metatheoretical Foundations of Civilizational Analysis in Modern Sociology // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2024. Vol. 26. № 4. Pp. 7–40.

3. Sampiev I.M. Regional University as a Social Institution (on the Example of Ingush State University) // Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Vol. 12. № 3. Pp. 164–175.

4. Kurbatova L.N., Stegniy V.N., Tarasova E.O. Institutionalization of Gender-Sexual and Reproductive-Marital Culture as a Reflection of the Transformation of Family and Marriage // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2024. Vol. 27. № 3. Pp. 65–105.

5. Grigorieva K. Migrants as «Persons Subject to the Ideology of Terrorism.» Institutional Analysis of the Russian Case of Migration Securitization // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2021. Vol. 24. № 3. Pp. 58–85.

6. Malyshev A. Infrastructure for Supporting Involved Fatherhood // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2022. Vol. 25. № 4. Pp. 177–207.

7. Seliverstova N.A., Zubok Yu.A. Religious Self-Identification of Young People in the Reproduction of the Sociocultural Mechanism of Self-Regulation // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2023. Vol. 26. № 2. Pp. 135–174.

8. Popov D.S., Grigorieva E.A., Shestakova D.A. Factors of Teacher's Profession Sustainability during the Transformations in the Context of the COVID-19 Pandemic // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2024. Vol. 27. № 3. Pp. 196–215.

9. Latov Yu.V. Institutional Trust as Social Capital in Modern Russia (Based on Monitoring Results) // Polis. Political Studies. 2021. № 5. Pp. 161–175.

10. Kovalevskaya D.D. The Level of Citizens' Trust in State Institutions as a Factor in the Stability of the Political Regime in Russia // Business. Society. Power. 2021. № 4 (42). Pp. 7–24.

11. Shchekoturov A.V. Political Trust and Values of Loyal and Oppositional Youth in an Exclave Region of Russia // RUDN University Bulletin. Series: Political Science. 2021. Vol. 23. № 4. Pp. 570–583.

12. Kozhevnikov E.D. Normative legal regulation and self-regulation in the field of environmental management and protection and their impact on the competitiveness of companies // Issues of environmental management. 2025. Vol. 4. № 8. Pp. 41–49.

13. Morozov S.I., Makarenko K.M. Trust of Modern Russian Youth in Political Institutions in the Conditions of Crisis Shocks // Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations. 2023. Vol. 28. № 3. Pp. 16–28.

14. Pushkareva G.V., Sychev V.V. Political Institutional Trust in Russian Society // Public Administration. Electronic Bulletin. 2023. № 100. Pp. 188–205.

15. Latov Yu.V. Trends in the Change of Institutional Trust as a Social Capital of Russian Society // Sociological Research. 2024. № 11. Pp. 59–73.

Рынок труда как социальный институт реинтеграции участников СВО

Бабешко Вячеслав Евгеньевич,
аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин
Белгородского университета кооперации, экономики и права
E-mail: babeshkovyacheslav@yandex.ru

Ельникова Галина Алексеевна,
доктор социологических наук, профессор кафедры
гуманитарных и социальных дисциплин Белгородского
университета кооперации, экономики и права

Статья посвящена анализу рынка труда как ключевой противоречивый потенциал данного института, который, с одной стороны, призван обеспечить экономическую самостоятельность и социальный статус, а с другой – воспроизводит новые барьеры и формы эксклюзии.
Цель проведенного исследования – проанализировать возможности механизма действия рынка труда как социального института, содействующего реинтеграции участников специальной военной операции (далее – СВО) в гражданскую жизнь. В фокусе исследования находится института реинтеграции. Эмпирическую базу работы составили полуструктурированные глубинные интервью с участниками СВО, находящимися на разных стадиях трудоустройства (N=25) и экспертных интервью с работодателями, HR-специалистами и сотрудниками государственных служб занятости (N=14). Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что рынок труда функционирует как амбивалентный институт реинтеграции, имеющий два основных вектора воздействия:
1) интегрирующий, согласно которому трудовая деятельность предстает как источник дохода, создания или поддержания социальных связей, восстановления гражданской идентичности и жизненного ритма в мирных условиях;
2) маргинализирующий, характеризующийся столкновением с такими институциональными барьерами, как неформальная дискриминация, «разрыв в навыках», непонимание специфики военного опыта, недостаточная адаптированность программ поддержки.

Ключевые слова: социальная реинтеграция, участники СВО, рынок труда, социальный институт, институциональный анализ, человеческий капитал, социальный капитал, трудовые барьеры.

Введение

Социальная реинтеграция участников СВО – актуальнейшая проблема российского общества как в текущий момент, так и на перспективу и требующая теоретического осмысления и практического решения. Одним из направлений социальной реинтеграции участков СВО является их послевоенная трудовая деятельность, представляющая собой не только источник дохода, но и один из ключевых механизмов восстановления социальных связей, идентичности и ритма мирной жизни. Рынок труда, обеспечивающий трудоустройство участников СВО, в этом смысле выступает институтом с многоуровневым воздействием, способствующий как их интеграции, так и воспроизводящий препятствующие устойчивому возвращению в гражданскую жизнь барьеры.

Изучение рынка труда как социального института ресоциализации уже вошло в предметное поле социальных наук, представляя собой достаточно обширный пласт междисциплинарных исследований. Анализ социальной адаптации комбатантов развивался в отечественной науке поэтапно. Значительный вклад в изучение социальной адаптации и трудоустройства ветеранов Афганской и Чеченских войн внесли такие исследователи, как В.В. Епифанова, А.И. Кравченко и др. [4, с. 148; 5, с. 312], в чьих работах подробно описаны механизмы преодоления посттравматического стресса и риски социальной исключенности бывших военнослужащих.

На современном этапе, в контексте продолжающейся СВО, проблематика социальной реинтеграции ветеранов в структуру рынка труда начинает активно осмысливаться в новейших публикациях. В частности, Ю.О. Боровкова [3, с. 246–272] акцентируют внимание на специфике организации содействия занятости инвалидов-участников СВО, выявляя региональные особенности и трудности их интеграции в экономическую среду. Вопросы профориентации, как ключевого механизма первичной ресоциализации и методического обеспечения этого процесса рассматриваются в работах Д.А. Крымовой [6, с. 115–124] где подчеркивается необходимость индивидуализированного подхода к восстановлению трудового потенциала ветеранов. Несмотря на появление данных исследований, институциональные аспекты рынка труда как целостного механизма, обеспечивающего переход от военной к гражданской идентичности именно в текущих социально-экономических условиях, изучены фрагментарно. Большинство существующих работ сосредоточено на психологических или узкорегиональных аспектах, в то время как системный анализ рынка труда, как амбивалентного социального института требует дальнейшего изучения и концептуализации. Таким образом, в современном научном дискурсе можно отметить существенного исследовательский пробел, что обуславливает необходимость комплексного анализа рынка труда, как ключевого института их социальной интеграции.

Теоретический фундамент проведенного исследования базируется на синтезе классических социологических и экономических концепций, позволяющих раскрыть многомерную природу этого процесса. Так, идеи П. Бергера о социальном конструировании реальности позволяют проанализировать механизмы восстановления жизненного мира и идентичности ветеранов в гражданской среде, включая трудовую сферу [1. с. 323]; теория человеческого капитала Г. Беккера служит методологической основой для оценки трансформации и востребованности профессиональных компетенций комбатантов [2, с. 312]. Особую значимость для нашего исследования имеет концепция М. Грановеттера о «силе слабых связей», объясняющая роль социальных сетей и внешних контактов в обеспечении доступа участников СВО к ресурсам рынка труда [6, с. 1360]. В совокупности эти подходы позволяют рассматривать рынок труда, как социальный институт с комплексом формальных правил (законодательство, программы занятости) и неформальных практик (стигматизация, социальные сети), которые совместно влияют на процесс успешной реинтеграции участников СВО.

Эмпирическую базу исследования составили: полуструктурированные глубинные интервью с участниками СВО, находящимися на разных стадиях трудоустройства (N=25) и экспертные интервью с работодателями, HR-специалистами и сотрудниками государственных служб занятости (N=14). Интервью проходили в декабре 2025 года на базе филиала государственного фонда поддержки участников СВО «Защитники Отечества» г. Санкт-Петербург.

Анализ полученных результатов показал, что большинство участников СВО рассматривают трудоустройство не как изолированный акт, а как комплексный процесс реинтеграции в мирную жизнь. Во-первых, трудоустройство – ключевой фактор в восстановлении социальной идентичности. По мнению респондентов, формирование экономической независимости и стабильный доход (84% респондентов) способствуют более быстрому переходу к жизни в мирных условиях. Постоянная трудовая деятельность и достойная зарплата являются важными элементами в восстановлении разных типов идентичности. Особенно это касается мужской идентичности, раскрывающейся в мирной жизни через традиционный стереотип: «мужчина – глава и кормилец в семье». Один из респондентов (м., 34 года, участник СВО) в интервью выразил это следующим образом: «Когда пришла первая нормальная зарплата, я почувствовал, что снова стал опорой, а не объектом заботы. Это возвращает мужской статус быстрее любого психолога».

Отмечая важность трудоустройства, респонденты говорят о том, что «гражданская жизнь пугает отсутствием четких приказов. Работа дает этот график: подъем, задачи, результат. Это не дает соскользнуть в депрессию» (м., 29 лет, участник СВО). То есть, респонденты–участники СВО видят в устройстве на работу и регламентации трудовой деятельности восстановление четкого жизненного ритма. (76% респондентов) Работа, по их мнению, выступает внешним регулятором социального поведения и определяет его размеренность, помогая быстрее переключиться на жизнь в мирных условиях и стабилизировать психического состояния.

В целом, рынок труда, обеспечивая работой участников СВО, прежде всего, следует рассматривать как интегрирующий фактор, направленный на их успешную реинтеграцию.

В то же время респонденты отмечают, что в рамках СВО они приобрели новые личные качества и навыки. Однако полученные ими мягкие навыки, такие как слаженность работы в команде и умение справляться с задачами в неопределённых условиях, оказываются невостребованными на рынке труда (56%). Лишь менее половины (44%) участников смогли их успешно монетизировать при устройстве на работу. Такое положение дел нашло свое отражение и в интервью с экспертами-работодателями, 36% из которых отметили высокую ценность дисциплины и умения работать в группе, присущие бывшим участникам СВО, однако подчеркнули специфичность, в целом, навыков, полученных в боевых условиях, что снижает конкурентоспособность участников СВО на рынке труда.

Кроме того, на рынке труда участники СВО сталкиваются и с рядом институциональных барьеров, оказывающих на них маргинализирующее воздействие.

Анализ результатов исследования выявил ряд деструктивных факторов, проявляющихся на рынке труда, которые воспроизводят социальную исключенность участников СВО.

Прежде всего, это неформальная дискриминация и стигматизация, с которой столкнулись 68% респондентов-участников СВО. Они отметили, что из-за латентных опасений работодателей относительно их психоэмоционального состояния им отказали в приеме на работу. Респондент (м., 41 год, участник СВО) сказал: «В HR-отделах смотрят вежливо, но как только видят боевой опыт – в глазах вопрос: «А он не сорвется? Нас боятся, как потенциально нестабильных сотрудников». Эксперты (57%) подтвердили наличие «скрытого фильтра», объясняя это наличием потенциального риска. «Для бизнеса ветеран – это риск непредсказуемой реакции. Проще взять человека без этого опыта, чем инвестировать в его адаптацию» (ж., 42 года, HR-специалист).

Барьером при трудоустройстве является также утрата актуальности ранее имевшихся профессиональных знаний, особенно в цифровых и коммерческих сферах. На это указали 56% участников СВО. Краткосрочное обучение, которое им предлагается, часто неэффективно (72% респондентов-участников СВО). Стандартные программы переподготовки оцениваются как «поверхностные». «Курсы для галочки. Тебе дают теорию за месяц, которую люди учат годами. В итоге на выходе ты – недоучка, которому все равно не платят» (м., 38 лет, участник СВО).

Таким образом, рынок труда в определенных случаях можно рассматривать и как маргинализирующий вектор в реинтеграции участников СВО.

Маргинализирующий аспект в функциях рынка труда как социального института имеет и локальную специфику, на что указали 80% респондентов-участников СВО. Участники СВО из малых городов отметили практически полную зависимость от государственных квот, в то время как в мегаполисах основным ресурсом является самозанятость и предпринимательство.

Анализ результатов исследования также показывает, что функции рынка труда как социального института реинтеграции участников СВО реализуются эффективнее при использовании менторства. На это указывают 60% респондентов-участников СВО. Менторство осуществляется через НКО и ветеранские организации и его процесс описывается респондентами следующим образом: «Служба занятости дает список вакансий, а ветеранская организация дает контакт человека, который сам через это прошел и поможет зайти в компанию» (м., 45 лет, участник СВО).

Исследование полученных данных (см. таблицу 1) в итоге позволяет сделать вывод о том, что на текущий момент интегрирующий вектор воздействия рынка труда реализуется преимущественно через формальные механизмы господдержки (льготы, квоты), которые без изменения отношения работодателей остаются недостаточно эффективными, в то время, как маргинализирующий его аспект преобладает в неформальных практиках рынка труда.

Таблица 1. Сравнительная характеристика факторов и барьеров реинтеграции участников СВО на рынке труда

Индикатор	% упоминаний (участники СВО)	% упоминаний (эксперты)
Важность экономической независимости	**84**	**50**
Столкновение со скрытой стигмой	**68**	**57**
Несоответствие навыков рынку	**56**	**78**
Положительная оценка роли НКО	**60**	**42**
Недостаточность мер господдержки	**72**	**64**

Таким образом, рынок труда функционирует, как амбивалентный социальный институт: его формальные механизмы (законодательство о занятости, программы переподготовки, социальные льготы) создают потенциал для интеграции, но фактические практики и неформальные правила часто нивелируют этот потенциал для участников СВО.

Для участников СВО уже разработаны и реализуются многочисленные программы по трудоустройству, которые ориентированы на решение практических задач. Но рынок труда, являясь одним из важнейших институтов реинтеграции, призван решать более широкую проблему возвращения участников СВО к мирной жизни. Исходя из этого и основываясь на полученных в исследовании данных, можно определить основные моменты в ее решении:

– экономическое значение человеческого капитала не реализуется в полной мере, если механизм действия рынка труда как института реинтеграции не подкреплен развитыми социальными сетями и институциональной поддержкой;

– для уменьшения маргинализирующего эффекта следует использовать сочетание экономических инструментов (государственные субсидии, налоговые льготы) и социальных практик (программы наставничества, адаптация рабочих мест и т.п.);

– важную роль в реинтеграции участников СВО через рынок труда может сыграть координация между структурами, формирующими человеческий капитал (военные учебные подразделения), центрами профессиональной подготовки и работодателями;

Заключение

Таким образом, рынок труда выступает ключевым социальным институтом реинтеграции участников СВО, обладая одновременно интегрирующий и маргинализирующим потенциалом. С одной стороны, в рамках интегрирующего потенциала трудовая деятельность предстает как источник дохода, создания или поддержания социальных связей, восстановления гражданской идентичности и жизненного ритма в мирных условиях; с другой стороны, как маргинализирующий потенциал характеризуется столкновением с такими институциональными барьерами, как неформальная дискриминация, «разрыв в навыках», непонимание специфики военного опыта, недостаточная адаптированность программ поддержки. Повышение интегрирующего и минимизация маргинализирующего эффектов воздействия рынка труда возможно только при сочетании формальных институциональных изменений и трансформации практик на местах, что позволит сократить риски длительной социальной маргинализации и обеспечит устойчивое возвращение участников СВО в гражданскую экономику и общественную жизнь.

Литература

1. Беккер, Г. Человеческий капитал / Г. Беккер; пер. с англ. – Москва: Издательство «Экономика», 1996. – 312 с. – Текст: непосредственный.

2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер. – Москва: Издательство «Медиум», 1995. – 323 с. – Текст: непосредственный.

3. Боровкова, Ю.О. Особенности организации содействия занятости инвалидов-участников СВО в России и ее регионах / Ю.О. Боровкова, Д.А. Рыжов, И.Б. Омельченко // Journal of Monetary Economics and Management. – 2024. – № 8. – С. 264–272. – Текст: непосредственный.

4. Епифанова, В.В. Социальная адаптация ветеранов локальных войн в условиях современного российского общества: Монография / В.В. Епифанова. – Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2005. – 148 с. – Текст: непосредственный.

5. Кравченко, А.И. Социология труда и производства: учебное пособие / А.И. Кравченко. – Москва: Издательство МГУ, 2005. – 312 с. – Текст: непосредственный.

6. Крымова, Д.А. Индивидуальная профориентация как механизм ресоциализации участников СВО: научный анализ методики «Новый горизонт» / Д.А. Крымова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – № 6. – С. 115–124. – Текст: непосредственный.

7. Veblen, T. The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions / T. Veblen. – New York: Macmillan. – 1899.

8. Becker, G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education / G.S. Becker. – Chicago: University of Chicago Press. – 1964.

9. Bourdieu, P. The Forms of Capital / P. Bourdieu. – In: Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. J.G. Richardson. – New York: Greenwood Press. – 1986. – P. 241.

10. Granovetter, M.S. The Strength of Weak Ties / M.S. Granovetter. – American Journal of Sociology. – 1973. – Vol. 78, No. 6. – P. 1360.

THE LABOR MARKET AS A SOCIAL INSTITUTION FOR THE REINTEGRATION OF PARTICIPANTS IN THE MILITARY

Babeshko V.E., Yelnikova G.A.
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

The article is devoted to the analysis of the labor market as a key contradictory potential of this institution, which, on the one hand, is designed to ensure economic independence and social status, and on the other hand, reproduces new barriers and forms of exclusion.

The purpose of the study is to analyze the possibilities and the mechanism of action of the labor market as a social institution that facilitates the reintegration of participants in a special military operation (hereinafter referred to as SVO) into civilian life. The research focuses on the Institute of reintegration. The empirical basis of the work consisted of semi-structured in-depth interviews with the participants of the SVO who are at different stages of employment (N=25) and expert interviews with employers, HR specialists and employees of public employment services (N=14). The results of the study indicate that the labor market functions as an ambivalent institution of reintegration, with two main vectors of impact: 1) integrative, according to which work appears as a source of income, creation or maintenance of social ties, restoration of civic identity and rhythm of life in peaceful conditions; 2) marginalizing, characterized by a clash with such institutional barriers as informal discrimination, «gap skills», lack of understanding of the specifics of military experience, lack of adaptability of support programs.

Keywords: social reintegration, participants in their own, labor market, social institution, institutional analysis, human capital, social capital, labor barriers.

References

1. 1 Becker, G. Human capital / G. Becker; translated from English. – Moscow: Publishing House «Economics», 1996. – 312 p. – Text: direct.

2. Berger, P. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge / P. Berger. – Moscow: Medium Publishing House, 1995. – 323 p. – Text: direct.

3. Borovkova, E.O. Uniting the efforts of participating investors in Russia and its republic / E.O. Borovkova, D.A. Ryzhov, I.B. Melchenko // Journal of Monetary Economics and Management. – 2024. – No. 8. – p. 264–272. – Text: direct.

4. Epifanova, V.V. Social adaptation of veterans of local wars in the conditions of modern Russian society: a monograph / V.V. Epifanova. – Saratov: Sarat. State Technical University. Univ., 2005. 148 p. – Text: direct.

5. Kravchenko, A.I. Sociology of labor and production: a textbook / A.I. Kravchenko. – Moscow: Moscow State University Publishing House, 2005. – 312 p. – Text: direct.

6. Krymova, D.A. Individual career guidance as a mechanism for the re-socialization of the participants of the SVO: a scientific analysis of the «New Horizon» methodology / D.A. Krymova // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. – 2025. – No. 6. – p. 115–124. – Text: direct.

7. Veblen, T. Theory of the leisure class: Economic research of institutions / T. Veblen. – New York: Macmillan. – 1899.

8. Becker, G.S. Human capital: a theoretical and empirical analysis, with a special focus on education / G.S. Becker. – Chicago: University of Chicago Press. – 1964.

9. Bourdieu, P. Forms of capital / P. Bourdieu. – In: Handbook of Theory and Research in the field of Sociology of Education / edited by J.J. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986, p. 241.

10. Granovetter, M.S. The power of weak ties / M.S. Granovetter. – American Journal of Sociology. – 1973. – Volume 78, No. 6. – p. 1360.

Социальная самореализация пожилых людей приграничных регионов в условиях СВО (на примере Белгородской области)

Бекетов Кирилл Владимирович,
аспирант, Белгородский университет кооперации, экономики и права
E-mail: Kirill.Beketov.81@mail.ru

Современные исследователи уделяют достаточное внимание пожилым людям как социально-демографической группе. Повышенный интерес социологов объясним, тем, что доля граждан пожилого возраста в составе населения страны периодически возрастает.

Цель данной статьи – проанализировать влияние изменений, происходящих в обществе, на социальную самореализацию пожилых жителей приграничья Белгородской области.

Представлены результаты эмпирического исследования социальной самореализации граждан пожилого возраста приграничных территорий Белгородской области в условиях СВО.

Описываются значимые детерминанты социальной самореализации, результаты влияния позитивных характеристик самореализации на субъективное благополучие респондентов.

В основе работы анализ результатов пилотного социологического исследования, проведенного авторам в октябре 2025 г. на базе управления социальной защиты населения администрации города Белгорода (n=100).

По результатам проведенного исследования был сделан вывод, что социальная самореализация пожилых жителей Белгородской области в условиях СВО трансформируется в сторону повышения их социальной активности и увеличения сплоченности.

Ключевые слова: пожилые люди, самореализация, социальная самореализация, социальная активность.

В современном обществе растет продолжительность и качество жизни, исходя из этого, представители старшего поколения получают возможность активно использовать свое свободное время для самореализации. Поэтому вопросы создания условий для самореализации граждан пожилого возраста приобретают особую значимость.

В пожилом возрасте особую значимость для человека приобретают вопросы переосмысления жизненных ценностей, как жить дальше, максимально продлить прежний образ жизни. «Увеличивающиеся продолжительность и качество жизни позволяют людям старше 65 лет долгое время сохранять физическую и социальную активность. При этом, если физическая активность пожилого человека опирается, прежде всего, на состояние его физического здоровья, то социальная активность – на его интеграцию в современное общество» [3].

В российской науке вопросам самореализации, в том числе и социальной самореализации граждан пожилого возраста и ее различным аспектам уделяется значительное внимание (Абдукаримова Г.Б., Козлова Т.З., Арешкина Д.А., Дёмина Л.Д. Коростылева, Коннова Н.М., А.А., Опекина Т.П., Шадурко О.В. [1,2,3,4,5,6,7,8]

Прежде всего, в работах исследователей определяется понимание социальной самореализации. Так, Абдукаримова Г.Б., считает, что «Продуктивная старость может быть обеспечена не столько успешной адаптацией личности к изменившимся условиям ее существования в социуме, новому статусу, сколько ее самореализацией. Одним из показателей субъективного благополучия личности, отражающих степень качества жизни, является удовлетворенность жизнью. Таким образом, конструктивная стратегия старения подразумевает высокий уровень удовлетворенности жизнью. Требуется прояснение того, какие показатели и стратегии самореализации способствуют удовлетворенности жизнью пожилого человека, а какие связаны с неудовлетворенностью» [1].

В работах Коростылёвой А.А. самореализация – это «осуществление возможностей развития своего «Я» посредством собственных усилий, сотворчества, содеятельности с другими людьми, социумом и миром в целом. Это процесс личностного роста, построения оптимистического жизненного плана на оставшуюся часть жизни на основе оценки результатов прожитой жизни и собственных возможностей» [6].

Исследователи обращают внимание на то, что социальная самореализация возможна при наличии определенных условий, прежде всего внутренней установки и условий внешней среды. «Самореализация – это процесс раскрытия и воплощения своих способностей, ценностей и интересов, который приносит ощущения смысла, внутреннего удовлетворения и согласия с собой» [5].

Однако, в современной литературе не достаточно освещена социальная самореализация пожилых людей, проживающих в приграничных территориях в период Специальной военной операции (далее СВО).

Цель – исследовать изменения в социальной активности пожилых жителей приграничных регионов в условиях СВО.

Эмпирической базой статьи явились результаты проведенного автором пилотного исследования, участниками которого стали жители Белгородской области старше 65 лет (n=100). Среди них 75 женщин и 25 мужчин, в возрасте от 65 до 70 лет – 30 человек; от 70 до 75–30 человек, от 75 до 80 и старше 40 чел.).

Интервьюирование проходило на базе управления социальной защиты населения в октябре 2025 г. Также для исследования был проведен анализ оригиналов служебной документации, находящихся на архивном хранении, в текущем делопроизводстве, информаций, размещенных на страничках в социальных сетях управления социальной защиты населения города Белгорода.

Результаты проведенного автором исследования демонстрируют, что жизнь пожилых жителей Белгородской области с началом СВО значительно изменилась. Помимо чувства тревожности, которое в первые дни начала СВО присутствовало во всех регионах Российской Федерации, жители приграничья столкнулись с обстрелами со стороны вооруженных формирований Украины, разрушениями и общим ухудшением обстановки в регионах. Вследствие этого произошли существенные изменения в общем укладе жизни населения, в том числе и пожилых людей. Но, несмотря на негативные изменения в условиях

жизни пожилые люди Белгородской области не отказались от активного участия в общественной жизни, одним из важнейших направлений стало оказание помощи участникам СВО. Результаты проведенных интервью показали, что с начала СВО в движение по оказанию помощи военным были вовлечены 89% опрошенных. Большинство из них члены общественных организаций региона, так как первыми кто начал работу по организации помощи военнослужащим стали общественные организации, в том числе и те, которые объединяют граждан пожилого возраста. Руководители НКО организовали участие своих членов в этой социально значимой деятельности. Именно вокруг активных пожилых членов НКО и стали сплачиваться пожилые белгородцы, большинство из которых в дальнейшем стали членами общественных организаций, а до этого не все даже подразумевали о существовании общественных объединений. 60% участвовавших в опросе, подтвердили, что до начала Специальной военной операции участвовали в общественной жизни региона, не являлись членами общественных организаций, основным видом их деятельности были домашние дела и помощь родственникам.

Решение проблем пожилых людей является приоритетной задачей управления социальной защиты населения администрации города Белгорода. Большинство исследователей справедливо отмечают, что «одним из главных направлений социальной политики по проблемам старшего поколения является деятельность, направленная на максимальное продолжение активной жизнедеятельности, развитие и реализацию человека «серебряного» возраста» [7].

Управление социальной защиты населения администрации города Белгорода организует свою деятельность на основе документов, принятых на государственном уровне и направленных на повышение качества жизни старшего поколения и дальнейшее развитие их активного долголетия: «Стратегия действий в интересах старшего поколения в России», региональные программы «Активное долголетие», федеральный проект партии «Единая Россия» «Старшее поколение».

В 2007 году в Белгородской области была начата реализация городской программы «Совершенствование условий для самореализации граждан пожилого возраста на 2007–2011 годы», в рамках которой на территории городского округа «Город Белгород» был проведен ряд мероприятий, направленных на вовлечение пожилых людей в активную деятельность в решении проблем городского сообщества: в частности: были созданы Активы пожилых в каждом микрорайоне, организована работа клубов по интересам и групп взаимопомощи, начала работу Школа общественной активности, на базе которой проходили обучение на тему «Работа по месту жительства» 500 пожилых белгородцев, организовано волонтерское движение, членами которого по состоянию на 1 января 2022 года являлись около 700 жителей региона.

Волонтерство является наиболее значимым и апробированным направлением участия пожилых людей в общественной жизни. В 2022 году в рамках реализации мероприятий проекта «Старшее поколение» и в целях привлечения внимания к вопросу работы с пожилыми людьми партией «Единая Россия» проводился Всероссийский конкурс «Активное долголетие».

Белгородская общественная организация «Серебряные волонтеры Белгородчины» заняла 1 место из более 700 участников и получила грант в размере 300 тысяч рублей на реализацию проекта «Волонтерство как образ жизни» на территории Белгородской области. Мероприятиями проекта предусматривалось проведение творческого конкурса среди граждан пожилого возраста. В конкурсе участие приняли более 100 пожилых жителей региона из 22 муниципальных образований. В рамках конкурса пожилые люди представили свои рассказы, в которых содержались вдохновляющие воспоминания об их активной жизненной позиции в молодости, участии в тимуровском движении.

Опыт волонтерской деятельности, полученный пожилыми людьми еще в молодости, успешно используется и в современных реалиях. В 2025 году общественная организация «Серебряные волонтеры Белгородчины» увеличилась до 1400 человек. Здесь необходимо отметить, что эта цифра значительно меньше, чем количество пожилых людей региона, которые так или иначе принимают активное участие в акциях, проводимых на территории региона: «Ветеран живет рядом», «Тепло для героя» и др. По данным региональной общественной организации волонтеров серебряного возраста только в 2025 году пожилые люди региона ко Дню защитника Отечества связали более 2000 пар носок, изготовили окопные свечи, плетут сети, собирают продукты питания, предметы гигиены, пишут письма.

Ряд авторов (Шадурко О.В., Козлова Т.З.), исследующих вопросы самореализации пожилых отмечают, что переступив возрастной порог 70 лет и старше, пожилой человек становится, в силу объективных причин, менее активен. Проведенное исследование не подтверждает эту теорию. 52% респондентов в возрасте старше 70 лет подтвердили свое участие в деятельности общественных организаций, обозначив значимость своей работы в НКО для самореализации.

В приграничье общественные организации, объединяющие граждан пожилого возраста в период с 2022 года начали активно вовлекать членов своих организаций к участию в тематических мероприятиях, что подтверждают 68%, участвующих в пилотном проекте пожилых людей. Особенно возросла социальная активность пожилых людей Белгородской области накануне празднования Дня Победы.

По данным управления социальной защиты населения члены ветеранских организаций провели более 100 мероприятий патриотической направленности для школьников и студентов области.

Особое значение обрели группы взаимопомощи среди граждан пожилого возраста, которые формировались с начала СВО. 82% пожилых респондентов подтвердили, что в период между обстрелами интересовались у своих пожилых одиноких соседей «Нужна ли им помощь?», приносили продукты, лекарства, оплачивали коммунальные услуги, просто навещали, что бы успокоить, поговорить, поддержать.

Однако, опрос выявил недостаточную информированность пожилых людей об условиях, которые созданы для самореализации пожилых людей в регионе, что подтверждают около 40% опрошенных, особенно это отметили жители сельской местности, которые вынужденно проживают сегодня в городе Белгороде на съемном жилье или у родственников.

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы: социальная самореализация личности в пожилом возрасте взаимосвязана с мотивацией достижения, с жизненными ценностями, ориентациями, с социальной властью, дает возможность утверждать, что социальное окружение вовлекает в важную для современной жизни в приграничье деятельность, помогает пожилому человеку стать частью сообщества. Пожилые люди самореализуются, ориентируясь на позитивное прошлое, и получают удовлетворение от настоящего. Сохраняют внутреннее равновесие, оптимистично настроены на будущее, обрели новых знакомых и друзей, применяют имеющиеся у них знания и опыт, которым охотно делятся с другими людьми.

Исследование выявило тенденцию к повышению возраста активности жителей приграничья, перспективы сохранения потенциала самореализации. Полученные результаты важны для понимания феномена «активное долголетие». Социальная самореализация напрямую оказывает влияние на качество жизни пожилых белгородцев, их психологическое здоровье и умение справляться со стрессовыми ситуациями.

Литература

1. Абдукаримова Г.Б. Самореализация пожилых людей как способ преодоления социального отчуждения // Academy. 2022. № 1 (72).
2. Арешкина Д.А., Дёмина Л.Д. Самореализация личности пожилого возраста в контексте удовлетворенности жизнью // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 6. Ч. 3 [Электронный ресурс].URL: https://web.snauka.ru/issues/2014/06/35642 (дата обращения: 06.03.2026).
3. Ельникова Г.А., Горлов О.С., Юшковский А.Р. Пожилые люди в цифровом сообществе: социологические аспекты // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 10.
4. Козлова Т.З. Самореализация людей старшего возраста // Социальные исследования. 2017. № 1 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samorealizatsiya-lyudey-starshego-vozrasta (дата обращения: 07.03.2026).
5. Коннова Н.М. Понятие «Самореализация личности»: междисциплинарный анализ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 8(161), 2021.URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-samorealizatsiya-lichnosti-mezhdistsiplinarnyy-analiz (дата обращения: 07.03.2026).
6. Коростылева Л.А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере // СПб., 2005. 222 с
7. Шадурко О.**В.** Анализ феномена самореализации личности в пожилом и старческом возрасте (55–85 лет) // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2025. Вып. 77. С. 114–127.
8. Шипова Н.С., Опекина Т.П. Комплексный анализ феномена самореализации: перспектива создания системной модели // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 4.

SOCIAL SELF-ACTUALIZATION OF ELDERLY PEOPLE IN BORDER REGIONS IN THE CONTEXT OF THE SVO (BASED ON THE BELGOROD REGION)

Beketov K.V.
Belgorod University of Cooperation, Economics, and Law

Modern researchers devote considerable attention to the elderly as a socio-demographic group. This increased interest among sociologists is explained by the periodic increase in the proportion of elderly citizens in the country's population.
The purpose of this article is to analyze the impact of societal changes on the social self-actualization of elderly residents of the border areas of the Belgorod Region.
The article presents the results of an empirical study on the social self-actualization of elderly citizens in the border areas of the Belgorod Region in the context of the SVO.
It describes significant determinants of social self-actualization and the impact of positive characteristics of self-actualization on the subjective well-being of respondents.
This paper is based on an analysis of the results of a pilot sociological study conducted by the authors in October 2025 at the Belgorod City Administration's Department of Social Protection (n=100). The study concluded that the social self-realization of elderly residents of the Belgorod Region in the context of the SVO is transformed by increased social activity and cohesion.

Keywords: elderly, self-realization, social self-realization, social activity.

References

1. Abdukarimova G.B. Self-realization of the elderly as a way to overcome social alienation // Academy. 2022. No. 1 (72).
2. Areshkina D.A., Demina L.D. Self-realization of the elderly in the context of life satisfaction // Modern scientific research and innovation. 2014. No. 6. Part 3 [Electronic resource]. URL: https://web.snauka.ru/issues/2014/06/35642 (date accessed: 06.03.2026).
3. Elnikova G.A., Gorlov O.S., Yushkovsky A.R. Older people in the digital community: sociological aspects // Social and humanitarian knowledge. 2025. No. 10.
4. Kozlova T.Z. Self-realization of older people // Social studies. 2017. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samorealizatsiya-lyudey-starshego-vozrasta (date of access: 07.03.2026).
5. Konnova N.M. The concept of "Self-realization of the individual": an interdisciplinary analysis // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. No. 8 (161), 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-samorealizatsiya-lichnosti-mezhdistsiplinarnyy-analiz (date of access: 07.03.2026).
6. Korostyleva L.A. Psychology of self-realization of the individual: difficulties in the professional sphere. // St. Petersburg, 2005. 222 p.
7. Shadurko O.V. Analysis of the Phenomenon of Personality Self-Realization in Old Age (55–85 Years) // Bulletin of PSTGU. Series IV: Pedagogy. Psychology. 2025. Issue 77. Pp. 114–127.
8. Shipova N.S., Opekina T.P. Comprehensive Analysis of the Phenomenon of Self-Realization: Prospects for Creating a Systemic Model // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2021. Vol. 27, No. 4.

Институционализация политических событий как процесс и политический конструкт публичной политики

Белова Ирина Владимировна,
старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: belova-iv-@ranepa.ru

Институционализация политических событий в пространстве публичной политики представляет собой многомерный феномен, объединяющий объективные социологические закономерности врастания единичных происшествий в ткань политической реальности с целенаправленным дискурсивным конструированием, в ходе которого конкурирующие интерпретации, нарративы и фреймы определяют закрепление определенных смыслов в нормативных рамках, организационных структурах, когнитивных схемах и практиках коллективной памяти. Теоретическое осмысление раскрывает эволюцию от классического понимания событий как эмпирических фактов к их трактовке в качестве трансформативных точек сборки структурных условий, агентных стратегий и контингентных обстоятельств, где событийный подход подчеркивает потенциал изменений социальных конфигураций ресурсов и значений, а неоинституциональные перспективы – социологическая с акцентом на седиментацию в самоочевидные категории мышления, историческая с анализом зависимости от пройденного пути и критических развилок, дискурсивная с ролью идей и коммуникации в производстве легитимности – демонстрируют комплементарность в объяснении механизмов отбора, стабилизации и забвения.

Ключевые слова: институционализация, политические события, публичная политика, политический конструкт, коллективная память

Введение

Политические события, разворачивающиеся в пространстве публичной политики, проходят сложный путь от единичного факта до устойчивого институционального образования, способного воспроизводиться в различных социально-политических контекстах. Само понятие институционализации предполагает не просто фиксацию определённого политического явления, но его постепенное врастание в ткань политической реальности, обретение нормативной базы, закрепление в коллективной памяти и формирование вокруг него сети устойчивых ожиданий со стороны участников политического процесса [3]. Переход от события к институту не является линейным и предсказуемым – он сопряжён с борьбой интерпретаций, конкуренцией смыслов и перераспределением символического капитала между различными политическими акторами. В этом смысле институционализация выступает одновременно объективным процессом, поддающимся социологическому и политологическому описанию, и результатом целенаправленного конструирования, осуществляемого в рамках публичного дискурса.

Понимание природы политического события претерпело существенную эволюцию на протяжении последних десятилетий. Если в классической политической науке событие трактовалось преимущественно как эмпирический факт, подлежащий каузальному объяснению, то современные подходы всё чаще рассматривают его как точку сборки множественных социальных процессов, в которой пересекаются структурные условия, агентные стратегии и случайные обстоятельства [7]. Событийный подход в политической науке, восходящий к работам представителей исторической социологии, предполагает, что именно события, а не устойчивые структуры, являются первичной единицей анализа политической динамики. Однако не всякое событие обретает институциональную устойчивость – значительная часть политических происшествий остаётся на периферии общественного внимания и не порождает сколько-нибудь устойчивых институциональных форм. Механизмы отбора и закрепления одних событий при одновременном забвении других составляют одну из ключевых проблем институциональной теории в её приложении к сфере публичной политики.

Публичная политика как пространство, в котором разворачивается институционализация политических событий, обладает рядом специфических характеристик, отличающих её от иных сфер политического взаимодействия. Прежде всего, публичность предполагает открытость и доступность политического процесса для наблюдения и участия со стороны широкого круга акторов, что существенно усложняет механизмы институционализации [11]. В пространстве публичной политики любое событие оказывается объектом множественных интерпретаций, каждая из которых может претендовать на легитимность и стремиться к закреплению в институциональных формах. Конкуренция интерпретаций является неотъемлемым атрибутом публичного пространства, и именно она определяет, какие именно смыслы будут ассоциированы с тем или иным политическим событием в процессе его институционализации. Это обстоятельство делает институционализацию не просто техническим процессом нормативного закрепления, но глубоко политическим актом, связанным с производством и распределением власти.

Рассмотрение институционализации как политического конструкта позволяет преодолеть ограниченность чисто функционалистских объяснений, согласно которым институты возникают в ответ на определённые общественные потребности. Конструктивистская перспектива обращает внимание на то, что сам процесс определения потребности, формулирования проблемы и выбора институционального решения является результатом политической деятельности конкретных акторов, преследующих собственные интересы и опирающихся на определённые ресурсы [9]. Институционализация политического события, рассмотренная в этом ключе, предстаёт как процесс, в ходе которого определённая версия реальности получает преимущественное закрепление в нормативных рамках, организационных структурах и культурных нарративах. Именно эта двойственность институционализации – её одновременная принадлежность к сфере объективных социальных процессов и к области целенаправленного политического конструирования – определяет теоретическую значим значимость избранной проблематики и задаёт рамку настоящего исследования.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляет сочетание нескольких аналитических подходов, позволяющих рассмотреть институционализацию политических событий в различных ракурсах. В качестве базового использован метод концептуального анализа, направленный на выявление содержательных характеристик и внутренней структуры ключевых понятий – институционализации, политического события, публичной политики, политического конструкта. Применение сравнительного анализа теоретических концепций позволило сопоставить подходы различных научных школ к пониманию процессов институционального оформления политических событий и выявить как точки их сближения, так и принципиальные расхождения [14]. Использован также метод теоретической реконструкции, предполагающий восстановление внутренней логики отдельных теоретических построений и прослеживание их генеалогической связи с более широкими интеллектуальными традициями.

Результаты и обсуждение

Обращение к генезису институциональной теории в политической науке показывает, что само понятие института длительное время трактовалось преимущественно в формально-юридическом ключе. Классический институционализм, доминировавший в политической науке вплоть до середины XX века, рассматривал институты прежде всего как формальные организации и правовые нормы, регулирующие политический процесс [5]. В рамках такого подхода вопрос об институционализации событий практически не ставился, поскольку институты воспринимались как данность, а не как результат динамического процесса становления. Революционный сдвиг произошёл с появлением неоинституционализма в его различных вариациях – социологическом, историческом и рационального выбора, – каждая из которых предложила собственное понимание того, как возникают, воспроизводятся и трансформируются институты.

Социологический неоинституционализм, представленный работами Дж. Мейера, Б. Роуэна, П. Димаджио и У. Пауэлла, внёс существенный вклад в понимание институционализации как процесса, в ходе которого определённые практики, нормы и способы интерпретации реальности обретают статус само собой разумеющихся и перестают подвергаться рефлексивному сомнению со стороны участников политического процесса. С этой точки зрения институционализация политического события означает его превращение в когнитивную схему, которая начинает определять восприятие и интерпретацию последующих событий [2]. Событие, прошедшее институционализацию, становится своего рода линзой, через которую политические акторы смотрят на мир, – оно задаёт категории мышления, определяет границы допустимого и формирует ожидания относительно будущего. Здесь обнаруживается глубокая связь институциональной теории с конструктивистской эпистемологией, согласно которой социальная реальность не просто отражается в сознании акторов, но активно конструируется посредством когнитивных и коммуникативных практик.

Исторический неоинституционализм, в свою очередь, привлекает внимание к феномену зависимости от пройденного пути и к роли критических моментов в институциональном развитии. Согласно этому подходу, политические события приобретают институциональное значение в том случае, когда они совпадают с критическими развилками – точками, в которых происходит выбор между несколькими возможными траекториями развития [8]. Сделанный в такой точке выбор оказывается самоподдерживающимся в силу механизмов возрастающей отдачи: каждый последующий шаг по избранному пути увеличивает издержки перехода на альтернативную траекторию. Институционализация события в этой перспективе означает его закрепление в качестве точки отсчёта для определённой институциональной траектории, момента, к которому возводится генеалогия сложившегося институционального порядка. Важно отметить, что исторические институционалисты подчёркивают непреднамеренный характер многих институциональных последствий политических событий – акторы, действующие в момент события, далеко не всегда предвидят и тем более не всегда планируют те институциональные результаты, которые в конечном счёте порождаются их действиями.

Событийный подход в социальных науках, разработанный в трудах У. Сьюэлла, Э. Эббота, М. Саленса и ряда других исследователей, предлагает ещё одну призму для рассмотрения процессов институционализации. Центральной для данного подхода является идея о том, что события не просто происходят в рамках существующих структур, но обладают потенциалом трансформации этих структур [6]. Событие в строгом смысле слова – это не любое происшествие, а лишь такое, которое приводит к существенному изменению конфигурации ресурсов и значений, образующих социальную структуру. Институционализация события с этой точки зрения представляет собой процесс, в ходе которого структурные изменения, произведённые событием, стабилизируются и обретают устойчивость. Не всякое структурное изменение успешно стабилизируется – многие события порождают лишь временные сдвиги, за которыми следует возвращение к прежнему состоянию или переход к новому нестабильному положению.

Проблема конструирования политических событий в пространстве публичной политики неразрывно связана с вопросами дискурса и нарратива. Дискурсивный институционализм, развиваемый В. Шмидт и рядом других исследователей, рассматривает идеи и дискурс не просто как отражение институциональной реальности, но как самостоятельный фактор институциональных изменений [12]. В этой перспективе институционализация политического события в значительной мере осуществляется посредством дискурсивных практик – публичных выступлений, медиарепрезентаций, экспертных оценок, коммеморативных ритуалов и иных форм коммуникативной деятельности. Дискурсивное конструирование события включает определение его причин, последствий, действующих лиц и их мотивов, а также его места в более широком историческом нарративе. Именно через дискурс политическое событие обретает определённый смысл, который затем может закрепляться в институциональных формах.

Конструктивистская традиция в политической науке, восходящая к работам П. Бергера и Т. Лукмана, предлагает наиболее радикальную трактовку институционализации как процесса социального конструирования реальности [4]. Согласно этому подходу, институционализация начинается с хабитуализации – привычного повторения определённых действий, – и проходит через стадии типизации, объективации и седиментации, в результате чего первоначально случайные и произвольные действия обретают статус объективных, внешних по отношению к индивиду социальных фактов. Применительно к политическим событиям это означает, что институционализация включает процесс превращения единичного, уникального происшествия в типическое явление, которое может быть отнесено к определённой категории и в отношении которого могут быть сформулированы общие правила поведения и интерпретации.

Значительный вклад в понимание того, как политические события становятся конструктами публичной политики, вносит теория фреймирования. Фрейм, понимаемый как интерпретативная рамка, позволяющая организовать и структурировать восприятие действительности, играет ключевую роль в процессе институционализации [10]. Политические акторы, стремящиеся к институционализации определённого события, неизбежно прибегают к фреймированию – они предлагают определённый способ понимания события, подчёркивая одни его аспекты и затушёвывая другие. Успешное фреймирование предполагает не только убедительность предлагаемой интерпретации, но и её резонанс с существующими культурными представлениями и ценностями аудитории. Борьба фреймов является одним из центральных механизмов, посредством которых определяется, какая именно версия события будет закреплена в институциональной памяти.

Особую роль в институционализации политических событий играют механизмы коллективной памяти, исследованные в работах М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассмана и других авторов. Коллективная память не является простым хранилищем сведений о прошлом – она представляет собой активный процесс конструирования прошлого в соответствии с потребностями настоящего [15]. Институционализация события посредством механизмов коллективной памяти предполагает создание и поддержание определённых мнемонических практик – памятных дат, мемориалов, ритуалов, канонических нарративов, – которые обеспечивают регулярное воспроизведение события в публичном пространстве. Именно через практики коммеморации политическое событие обретает устойчивую связь с настоящим и продолжает оказывать влияние на политический процесс спустя длительное время после своего непосредственного свершения. При этом содержание коллективной памяти о событии может существенно отличаться от того, что фактически произошло, – в процессе институционализации событие неизбежно подвергается определённой переработке, упрощению, мифологизации.

Взаимосвязь между медиатизацией политики и институционализацией политических событий представляет собой отдельный важный аспект рассматриваемой проблемы. Средства массовой коммуникации не просто транслируют информацию о политических событиях, но активно участвуют в их конструировании – отбирают, структурируют, интерпретируют и оценивают происходящее [10]. Медийная репрезентация события может существенно влиять на его последующую институционализацию – событие, получившее широкое медийное освещение, имеет значительно больше шансов на институциональное

закрепление, чем событие, оставшееся незамеченным. Вместе с тем медийная логика, подчинённая требованиям новизны, сенсационности и зрелищности, может вступать в противоречие с логикой институционализации, требующей устойчивости, повторяемости и рутины. Это противоречие порождает специфические формы медиатизированной институционализации, в которых институциональные практики адаптируются к медийным форматам.

Диалектика процессуальности и конструктности институционализации политических событий проявляется в том, что она одновременно является результатом объективных социальных процессов и продуктом целенаправленной деятельности. С одной стороны, институционализация подчиняется определённым закономерностям, которые могут быть выявлены и описаны средствами социальной науки, – она зависит от структурных условий, ресурсных ограничений, культурных контекстов [8]. С другой стороны, она является результатом стратегического действия конкретных акторов, которые стремятся к определённым целям и используют для их достижения доступные средства. Ни чисто структуралистское объяснение, игнорирующее роль агентов, ни чисто волюнтаристское, недооценивающее значение структурных ограничений, не способно дать адекватного описания процессов институционализации. Необходим подход, интегрирующий обе перспективы и рассматривающий институционализацию как процесс, в котором структура и агентность взаимно конституируют друг друга.

Немаловажным аспектом является проблема деинституционализации и реинституционализации политических событий. Институционализация не является необратимым процессом – институты, порождённые определёнными событиями, могут разрушаться, утрачивать легитимность и эффективность [4]. Деинституционализация может быть вызвана различными факторами: появлением новых событий, ставящих под сомнение установившиеся интерпретации; сменой поколений, утрачивающих живую связь с событием; изменением ценностных ориентаций общества. Реинституционализация, в свою очередь, предполагает новое институциональное оформление события на основе пересмотренных интерпретаций и в изменившихся условиях. Цикл институционализации – деинституционализации – реинституционализации может повторяться неоднократно, и каждый новый цикл привносит в понимание события новые смысловые пласты.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении институционализации политических событий на различных уровнях – локальном, национальном и глобальном. Одно и то же событие может подвергаться различной институционализации на разных уровнях, что создаёт сложную многоуровневую архитектуру институциональных значений [1]. Глобализация и развитие информационных технологий существенно усложнили эту картину, создав условия для трансграничной циркуляции интерпретаций и институциональных моделей. Событие, институционализированное в одном политическом контексте, может быть заимствовано и переосмыслено в другом, приобретая новые значения и функции. Процессы институционального заимствования и адаптации, или так называемый институциональный изоморфизм, играют важную роль в распространении определённых моделей институционализации политических событий в глобальном масштабе.

Выводы

Сопоставление различных теоретических подходов – социологического, исторического и дискурсивного неоинституционализма, событийной социологии, теории фреймирования, исследований коллективной памяти – обнаруживает существенную комплементарность этих подходов. Каждый из них высвечивает определённый аспект институционализации, оставляя в тени другие, и лишь их интеграция позволяет получить достаточно полную картину. Социологический неоинституционализм акцентирует когнитивные механизмы, исторический – зависимость от пройденного пути и роль критических моментов, дискурсивный – значение идей и коммуникации, событийная социология – трансформативный потенциал событий, теория фреймирования – интерпретативные стратегии акторов, а исследования коллективной памяти – темпоральное измерение институционализации.

Двойственная природа институционализации политических событий – её принадлежность одновременно к области объективных социальных процессов и к сфере целенаправленного политического действия – имеет принципиальное значение для понимания динамики публичной политики. Она означает, что институциональный ландшафт публичной политики не является ни полностью предопределённым структурными условиями, ни полностью открытым для произвольного конструирования. Он формируется в процессе взаимодействия множества акторов, каждый из которых действует в условиях ограниченной рациональности и неполной информации, и результат этого взаимодействия всегда содержит элемент непредсказуемости. Именно эта непредсказуемость делает политическую жизнь открытой и создаёт пространство для институционального творчества.

Выделение стадий институционализации – идентификации, интерпретации, нормативного закрепления и рутинизации – представляет собой аналитическую конструкцию, позволяющую структурировать сложный и многоплановый процесс. В действительности эти стадии редко следуют друг за другом в строгой последовательности – они могут протекать параллельно, накладываться друг на друга, возвращаться к более ранним этапам. Нелинейность процесса институционализации усиливается множественностью акторов, каждый из которых может находиться на различных стадиях осмысления и закрепления одного и того же события. Признание этой сложности не отменяет эвристической ценности стадиальной модели, но требует её гибкого и контекстуально чувствительного применения.

Публичная политика как пространство институционализации политических событий накладывает на этот процесс ряд существенных ограничений и одновременно открывает специфические возможности. Множественность аудиторий, темпоральная динамика общественного внимания, медиатизация политического процесса, конкуренция интерпретаций – всё это создаёт уникальную конфигурацию условий, в которых разворачивается институционализация. Понимание этих условий необходимо для адекватного анализа конкретных случаев институционализации и для осмысления более широких закономерностей институционального развития в современных обществах. Предложенная теоретическая рамка может служить отправной точкой для дальнейшей аналитической работы, направленной на углубление понимания механизмов институционализации в различных контекстах публичной политики и на разработку более точных инструментов для их описания и объяснения.

Литература

1. Недяк И.Л. Институциональная политология: развитие неоинституционального подхода в российской политической науке // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2024. № 3. С. 12–29.

2. Вакилова В.Р. Политический институт как объект исследования в истории социально-политической мысли // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 1 (94). С. 134–141.

3. Коньков А.Е. Латентные механизмы в публичном пространстве государственной политики: подходы и интерпретации // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 4. С. 62–79.

4. Шестов Н.И. «Плохая/хорошая политика» как политологический концепт // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21. № 2. С. 182–189.

5. Су Ф. Потенциал сотрудничества и разногласия стран БРИКС в глобальном климатическом управлении: от институциональной интеграции к формированию повестки // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 3. С. 75–90.

6. Скиперских А.В., Пронин К.К. Демократические институты в дискуссиях политологического сообщества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2025. Т. 52. С. 48–60.

7. Соловьев А.И. Узнавание политики: эпистемические размежевания и контуры политологии будущего // Полис. Политические исследования. 2025. № 5. С. 58–79.

8. Афонин Д.В. Категория и уровни политического процесса: анализ подходов к определению // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 3. С. 1–12.

9. Ялманов Н.И. Атрибутивные признаки политических решений: возможности концептуализации // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2022. № 2 (23). С. 80–85.

10. Соловьев А.И. Доктринальная символизация и политическое пророчество нарративов. Что меняется в публичном поле? // Полис. Политические исследования. 2025. № 1. С. 69–87.

11. Симановский С.И. Динамика институционального анализа в политической науке // Труд. Профсоюзы. Общество. 2021. № 1 (71). С. 113–119.

12. Соловьев А.И. Политические инновации: очевидные смыслы и неочевидность реальности // Полис. Политические исследования. 2023. № 5. С. 120–140.

13. Халкечев Д.Х. Основные научные подходы к интерпретации политики и политического процесса // Вестник Пятигорского государственного университета. 2023. № 1. С. 38–41.

14. Сунгуров А.Ю. Публичная политика: развитие зарубежных и российских исследований // Политическая наука. 2022. № 3. С. 80–99.

15. Соловьев А.И. Латентный функционал публичной политики // Политическая наука. 2022. № 3. С. 57–79.

INSTITUTIONALIZATION OF POLITICAL EVENTS AS A PROCESS AND A POLITICAL CONSTRUCT OF PUBLIC POLICY

Belova I.V.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Institutionalization of political events in the space of public policy is a multidimensional phenomenon that combines objective sociological patterns of the integration of individual incidents into the fabric of political reality with purposeful discursive construction, in which competing interpretations, narratives, and frames determine the consolidation of certain meanings in normative frameworks, organizational structures, cognitive schemes, and practices of collective memory. The theoretical understanding reveals the evolution from the classical understanding of events as empirical facts to their interpretation as transformative assemblage points of structural conditions, agent strategies and contingent circumstances, where the event approach emphasizes the potential for changes in social configurations of resources and values, and the neoinstitutional perspectives are sociological with an emphasis on sedimentation into self-evident categories of thinking, historical with an analysis of dependence on the past paths and critical forks, discursive with the role of ideas and communication in the production of legitimacy, demonstrate complementarity in explaining the mechanisms of selection, stabilization and oblivion.

Keywords: institutionalization, political events, public policy, political construct, collective memory

References

1. Nedyak I.L. Institutional Political Science: The Development of the Neo-Institutional Approach in Russian Political Science // RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations. 2024. № 3. Pp. 12–29.

2. Vakilova V.R. Political Institution as an Object of Research in the History of Social and Political Thought // Issues of National and Federal Relations. 2023. Vol. 13. № 1 (94). Pp. 134–141.

3. Konkov A.E. Latent Mechanisms in the Public Space of Public Policy: Approaches and Interpretations // Bulletin of the Moscow State Regional University. 2021. № 4. Pp. 62–79.

4. Shestov N.I. «Bad/Good Politics» as a Political Concept // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. 2021. Vol. 21. № 2. Pp. 182–189.

5. Su F. The Potential for Cooperation and Disagreements among BRICS Countries in Global Climate Governance: From Institutional Integration to Agenda-Setting // Environmental Management Issues. 2025. Vol. 4. № 3. Pp. 75–90.

6. Skiperskikh A.V., Pronin K.K. Democratic Institutions in the Discussions of the Political Science Community // Izvestiya of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies. 2025. Vol. 52. Pp. 48–60.

7. Solovyov, A.I. Recognition of Politics: Epistemic Divisions and the Contours of Future Political Science. Polis. Political Studies. 2025. № 5. Pp. 58–79.

8. Afonin, D.V. Category and Levels of the Political Process: An Analysis of Approaches to Definition. Russian Social and Humanitarian Journal. 2024. № 3. Pp. 1–12.

9. Yalmanov N.I. Attributive Features of Political Decisions: Possibilities of Conceptualization // Eurasian Journal of Regional and Political Studies. 2022. № 2 (23). Pp. 80–85.

10. Solovyov A.I. Doctrinal Symbolization and Political Vernacular of Narratives. What Is Changing in the Public Field? // Polis. Political Research. 2025. № 1. Pp. 69–87.

11. Simanovsky, S.I. Dynamics of Institutional Analysis in Political Science // Labor. Trade Unions. Society. 2021. № 1 (71). Pp. 113–119.

12. Solovyov, A.I. Political Innovations: Obvious Meanings and the Obscurity of Reality // Polis. Political Research. 2023. № 5. Pp. 120–140.

13. Khalkichev D. Kh. The Main Scientific Approaches to the Interpretation of Politics and the Political Process // Bulletin of Pyatigorsk State University. 2023. № 1. Pp. 38–41.

14. Sungurov A. Yu. Public Policy: The Development of Foreign and Russian Research // Political Science. 2022. № 3. Pp. 80–99.

15. Solovyov, A.I. Latent Functionality of Public Policy // Political Science. 2022. № 3. Pp. 57–79.

Патриотическое воспитание молодёжи в современной России: трансформация содержания, компаративный анализ и методические перспективы

Бельский Виталий Юрьевич,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; профессор кафедры философии (СГН-4), МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: v.belskiy@bk.ru

В статье проведён анализ трансформации содержания и форм патриотического воспитания молодёжи в условиях глобальных социокультурных изменений начала XXI века. Рассматривается эволюция понятия патриотизма от преимущественно ретроспективной модели, сопряжённой с исторической памятью и воинской доблестью, к профессионально-гражданской парадигме, предполагающей деятельностную субъектность, проектное мышление и готовность к международному диалогу.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, молодёжь, гражданская идентичность, профессионально-гражданская парадигма, компаративный анализ воспитательных систем, цифровая среда, ценностные ориентации.

Проблематика ценностных ориентаций и жизненных стратегий молодёжи приобретает в настоящее время характер фундаментального социогуманитарного вопроса, определяющего вектор общественного развития на ближайшие десятилетия. В условиях нарастающей геополитической турбулентности, интенсификации информационных потоков и трансформации культурных идентичностей патриотическое воспитание перестаёт быть узкоспециальной педагогической задачей и становится системообразующим элементом стратегии национальной безопасности и воспроизводства человеческого капитала [1; 5; 8].

Вместе с тем в научном дискурсе сохраняется ряд нерешённых проблем. Во-первых, остаётся дискуссионным вопрос о содержательном наполнении понятия «патриотизм» применительно к реалиям XXI века, когда классические модели, апеллирующие преимущественно к воинской доблести и историческим символам, обнаруживают ограниченный мотивационный потенциал в работе с молодым поколением. Во-вторых, недостаточно разработана компаративная перспектива, позволяющая корректно соотнести российский опыт с зарубежными воспитательными системами без редукции к бинарным оценочным схемам. В-третьих, ощущается дефицит методических решений, адекватных цифровому и медийному контексту жизни современной молодёжи [5; 8; 10].

На рубеже XX–XXI веков понятие патриотизма в российском общественном сознании было преимущественно связано с исторической памятью, воинской доблестью и национальной принадлежностью. Для значительной части населения патриотизм выступал прежде всего формой обращения к прошлому, к героическим страницам отечественной истории, и реализовывался в практиках почитания традиций и государственных символов [3; 1].

Данная модель, которую условно можно обозначить как ретроспективную, обладала существенным консолидирующим потенциалом, однако в условиях стремительных социальных изменений обнаружила ряд ограничений. Исследования последних лет фиксируют, что молодёжная аудитория всё менее готова воспринимать патриотизм исключительно как эмоциональное переживание причастности к историческим событиям и всё более ориентирована на его деятельностную интерпретацию [5; 8; 6].

В результате наблюдается поэтапное формирование того, что в рамках настоящей статьи предлагается определять, как профессионально-гражданскую парадигму патриотизма. Её ключевые характеристики таковы: ответственность за будущее страны, а не только память о прошлом; участие в инновационном, социальном и культурном развитии; готовность к международному взаимодействию в интересах национального развития; переход от эмоциональной лояльности к деятельностной и проектной субъектности, включающей созидательный труд, принятие решений и несение ответственности [5; 8; 6; 1].

Таким образом, патриотическое воспитание трансформируется из идеологической процедуры в инструмент стратегического воспроизводства человеческого потенциала государства. Долг перед обществом в этой парадигме выражается не столько через символическую лояльность, сколько через профессиональную компетентность, лидерство и готовность к сотрудничеству в гражданской и профессиональной сферах [8; 1].

Корректное сопоставление воспитательных систем различных стран требует отказа от упрощённых бинарных оппозиций и перехода к многомерному анализу, учитывающему культурно-исторический контекст, институциональную специфику и динамику ценностных изменений. В данном разделе предпринята попытка компаративного анализа ценностных оснований воспитательных практик в России и ряде западных стран (прежде всего США и государствах Западной Европы).

Российская воспитательная традиция характеризуется выраженной ориентацией на коллективистские ценности, что обусловлено как исторически сложившимся общинным укладом, так и влиянием православной этической традиции и советского опыта. В числе приоритетных воспитательных задач – формирование чувства гражданского долга, уважения к институтам общественного и государственного порядка, а также развитие нравственных качеств, сопряжённых с идеей служения [3; 1; 7]. При этом важно подчеркнуть, что современная российская модель не тождественна советской и претерпевает активную

модернизацию, интегрируя элементы проектного обучения, цифровой педагогики и индивидуальных образовательных траекторий [9; 5].

Воспитательные системы западных стран, в свою очередь, формировались в контексте либерально-демократической традиции с характерным акцентом на автономию личности, критическое мышление и свободу самовыражения. Такой подход обладает рядом безусловных достоинств: он стимулирует креативность, формирует навыки самостоятельного целеполагания и способствует развитию гражданского участия в его либерально-демократическом понимании [12].

Вместе с тем ряд исследователей фиксирует, что абсолютизация индивидуалистического принципа в отрыве от коммунитарных ценностей способна порождать негативные эффекты: ослабление межпоколенческих связей, эрозию авторитета воспитательных институтов, дефицит чувства общественной ответственности у молодёжи [10; 12]. Данные явления, однако, не следует интерпретировать как имманентные свойства западной культуры в целом, – они представляют собой издержки определённых исторических форм воспитательной политики, которые являются предметом активной дискуссии в самих западных обществах.

Принципиальным методологическим требованием является отказ от механического переноса воспитательных моделей из одного социокультурного контекста в другой. Российская специфика – приоритет духовно-нравственного воспитания, значимость коллективистских форм социализации, ориентация на суверенитет культурных ценностей – обусловливает необходимость разработки собственной модели, учитывающей как мировой опыт, так и национальные особенности [1; 3; 10].

Таким образом, продуктивное сопоставление воспитательных систем возможно лишь при условии взвешенного, аналитического подхода, исключающего как некритическое заимствование, так и огульное отрицание зарубежного опыта.

Анализ институциональных практик патриотического воспитания позволяет выявить ряд устойчивых организационных форм, демонстрирующих значимые результаты на различных уровнях – от локального до общенационального.

Особую роль в системе патриотического воспитания играет вузовская среда, прежде всего в университетах, осуществляющих подготовку кадров для государственной службы и правоохранительных органов. Формирование профессионально-гражданской идентичности у будущих специалистов – чувства профессионального долга, правосознания, профессиональной чести – непосредственно влияет на устойчивость правового порядка и уровень общественного доверия к государственным институтам [3; 1].

Для данной категории молодёжи патриотизм реализуется не только в эмоциональной привязанности к стране, но прежде всего в готовности добросовестно исполнять профессиональные обязанности, защищать права и законные интересы граждан, поддерживать правовую и социальную стабильность. Интеграция ценностных, правовых и профессиональных компонентов в образовательных программах призвана продемонстрировать, что служение обществу является органическим продолжением личной и профессиональной самореализации [3; 5; 1].

Современная молодёжь пребывает в ситуации беспрецедентной когнитивной перегрузки: интенсивность информационных потоков, множественность конкурирующих идеологий и размывание устойчивых культурных границ создают среду, в которой формирование целостной идентичности затруднено. Цифровая среда предоставляет доступ к разнообразным моделям идентичности, нередко противоречивым и фрагментарным, что существенно осложняет процесс ценностного самоопределения [4; 1; 5].

В этих условиях патриотическое самосознание приобретает функцию внутреннего смыслового регулятива, позволяющего сохранять целостность идентичности и системы ценностей в потоке глобальных нарративов. Для современного студента характерно одновременное национальное и глобальное мышление: будучи включённым в международные коммуникации и сетевые сообщества, он нуждается в устойчивой точке самоопределения, соотносящей его жизненный путь с судьбой страны [1; 4].

Отсюда вытекает принципиальный методологический вывод: задачей образования становится не трансляция готовых форм патриотизма, а создание условий для сознательного выбора молодым человеком собственной позиции, основанной на осмыслении культурного и исторического опыта страны и его соотнесении с личными жизненными стратегиями [5; 1]. Авторитарное навязывание ценностных установок в условиях информационной открытости не только неэффективно, но и контрпродуктивно, поскольку вызывает реакцию отторжения у критически мыслящей молодёжной аудитории.

На основании проведённого анализа представляется обоснованным выделение трёх взаимосвязанных измерений современного патриотического воспитания: ценностно-смыслового, деятельностного и медийно-коммуникативного [1; 5].

Ценностно-смысловое измерение связано с освоением исторического опыта, культурных кодов и традиций, формированием гражданской ответственности и чувства сопричастности к судьбе страны. Ключевую роль здесь играют работа с исторической памятью, рефлексия над национальными достижениями и трагедиями, обсуждение проблем справедливости, суверенитета и общественного доверия [2; 3; 1].

Деятельностное измерение предполагает, что патриотизм реализуется не только в ценностных декларациях, но и в участии в социальных, волонтёрских, профессиональных и проектных практиках на благо страны. Для молодёжи особенно значимы форматы, в которых она наблюдает конкретный результат своего участия: изменения в локальном сообществе, вклад в решение профессиональных и научных задач, улучшение городской среды [6; 9].

Медийно-коммуникативное измерение отражает тот факт, что образы Родины, государства и будущего в значительной мере формируются в цифровой среде – через визуальные и аудиовизуальные нарративы, социальные сети и сетевые сообщества. Развитие медиаграмотности, критического мышления и способности самостоятельно конструировать адекватный, но не идеализированный образ своей страны в медиапространстве становится важнейшей педагогической задачей [10; 6; 5].

Именно в пересечении этих трёх измерений возникает современный образ патриотизма, воспринимаемый молодёжью как органичный и мотивирующий, – образ, в котором эмоциональная лояльность сочетается с рациональной рефлексией и созидательной деятельностью [2; 5].

Трансформация медийного и культурного контекста обусловливает необходимость не только обновления содержания, но и разработки новых организационных форм патриотического воспитания. Ниже охарактеризованы две методические новации, ориентированные на современную молодёжную аудиторию.

Данная новация предполагает создание системы межвузовских и межрегиональных цифровых проектных мастерских, в рамках которых студенты разрабатывают и реализуют мини-проекты, посвящённые моделированию образов будущего страны и регионов. Тематический диапазон включает урбанистику, экологию, социальную инфраструктуру, региональное развитие, цифровую трансформацию, государственное управление, культуру и образование [9; 11; 6].

Педагогическая новизна формата определяется интеграцией проектного, сетевого и медийного подходов: опорой на исследование локального контекста (города, района, региона); последующей публичной презентацией результатов в цифровой среде (онлайн-платформы, социальные сети, виртуальные выставки); включением молодёжи в реальные социально значимые практики с участием органов власти, общественных организаций и бизнеса [6; 5].

Такой формат переводит патриотизм из сферы абстрактных деклараций в пространство созидательного действия и воспринимается студентами как сфера реальной субъектности и влияния на будущее [9; 6].

Второй инновационный формат представляет собой медиалаборатории при вузах, колледжах и молодёжных центрах, в которых студенты создают позитивный образ страны через работу с современным медиаконтентом: короткие видеоролики, подкасты, сторис-проекты, цифровые выставки и документальные мини-фильмы, объединённые вокруг тем исторической памяти, локальной идентичности, социальных инициатив и национальных достижений [10; 5].

Принципиально важно, что задача педагогов в данном формате состоит не в производстве пропагандистских материалов, а в модерировании рефлексивного диалога о ценностях, сложных страницах истории и ответственности за будущее. Работа в таком формате одновременно развивает медиакомпетентность и критическое мышление, усиливает эмоциональную вовлечённость молодёжи и позволяет транслировать патриотические смыслы на понятном ей цифровом языке [5; 10].

Для обеспечения действенности патриотического воспитания необходимо учитывать психологические особенности молодёжной аудитории и апеллировать к работающим смысловым и эмоциональным механизмам мотивации.

Триггер сопричастности. Одним из наиболее действенных мотивационных механизмов является переживание личной сопричастности к крупным национальным задачам и проектам. Когда студент убеждается, что его конкретная деятельность – исследование, технологический стартап, волонтёрская инициатива, социальное или культурное пред-

приятие – встроена в более широкий национальный контекст и реально улучшает жизнь людей, патриотизм перестаёт быть абстрактной категорией и превращается в переживание собственной нужности стране [6; 9; 2; 5].

Триггер национальной гордости. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что устойчивые патриотические чувства у студентов коррелируют с эмоционально насыщенными образами общенациональной гордости: исторической памятью о Победе, героическими страницами истории, крупными научными, культурными и спортивными достижениями страны. Включение таких образов в современные образовательные форматы – интерактивные лекции, документальные медиапроекты, встречи с участниками значимых событий – усиливает эмоциональное ядро патриотической идентичности. При этом принципиально важно, чтобы эти образы были не мифологизированы, а осмыслены критически, сохраняя при этом мобилизующий и вдохновляющий потенциал [12; 4; 5; 10].

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов, значимых как для теории воспитания, так и для практики образовательной политики.

Во-первых, содержание патриотизма в XXI веке претерпевает качественную трансформацию: от преимущественно ретроспективной модели к профессионально-гражданской парадигме, в которой деятельностная субъектность, проектное мышление и готовность к международному диалогу становятся не менее значимыми компонентами, чем историческая память и символическая лояльность.

Во-вторых, компаративный анализ воспитательных систем России и западных стран демонстрирует, что каждая из них обладает специфическими достоинствами и ограничениями, обусловленными культурно-историческим контекстом. Продуктивный подход предполагает не механическое заимствование или огульное отрицание зарубежного опыта, а взвешенный аналитический синтез, основанный на учёте национальной специфики.

В-третьих, современное патриотическое воспитание целесообразно рассматривать как интеграцию ценностно-смыслового, деятельностного и медийно-коммуникативного измерений, в пересечении которых формируется патриотическая идентичность, органичная для молодёжной аудитории.

В-четвёртых, предложенные методические новации – цифровые проектные мастерские и медиа-лаборатории – позволяют перевести патриотическое воспитание в форматы, адекватные цифровой среде и понятные современной молодёжи, при сохранении ценностной глубины и аналитической строгости.

Патриотическое воспитание в XXI веке выступает не как обращение исключительно к прошлому, а как инструмент проектирования будущего – процесс формирования способности человека быть субъектом национального и мирового развития. От того, сумеет ли образовательная система предложить молодёжи не только знания, но и целостную систему смыслов, зависит не только будущее образования, но и траектория развития страны в целом.

Литература

1. Бельский В. Ю, Золкин А.Л. Традиционные духовно-нравственные ценности и герменевтический диалог в современном гуманитарном образовании // Журнал М: «Психология и Педагогика служебной деятельности» 2025. № 2. С. 29–34.
2. Григорьев Д.В. Ценностно-смысловые основания патриотического воспитания в системе государственного управления // Управление. – 2024. – Т. 12, № 3. – С. 45–58.
3. Патриотическое воспитание молодёжи: теоретические основания и практические аспекты: метод. пособие / под ред. А.В. Ефремова. – Барнаул: БГИМЦ, 2024. – 64 с.
4. Розенберг Н. В., Карпова М.К. Ценностные ориентации молодёжи в условиях цифровой трансформации общества // Электронный научный журнал. – 2025. – № 2. – С. 82–96.
5. Инновационные подходы к патриотическому воспитанию в системе образования: содержание и методы // Педагогический журнал. – 2025. – Т. 15, № 1.
6. Социологические аспекты патриотического воспитания молодёжи в современной России // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2024. – Т. 8, № 4.
7. Формы и методы патриотического воспитания: традиции и инновации // Время развития. – 2024. – URL: https://vremyarazvitiya.ru/ (дата обращения: 20.03.2025).
8. Инновационные формы работы по нравственно-патриотическому воспитанию // Солнечный свет: интернет-журнал. – 2024. – URL: https://solncesvet.ru/ (дата обращения: 20.03.2025).
9. Три четверти опрошенных студентов назвали патриотизм одной из ключевых ценностей // Источник Online. – 2024. – URL: https://istochnik.online/ (дата обращения: 20.03.2025).
10. Технология патриотического воспитания детей и молодёжи // Боевое братство. – 2024. – URL: https://bbratstvo.com/ (дата обращения: 20.03.2025).
11. Современные подходы к гражданско-патриотическому воспитанию в образовательной среде // Евразийский мониторинг. – 2024. – URL: https://emreview.ru/ (дата обращения: 20.03.2025).
12. Плынов Д.С. Инновации в патриотическом воспитании молодёжи: лучшие практики. – М.: ЛитРес, 2024. – 192 с.

PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH IN MODERN RUSSIA: TRANSFORMATION OF CONTENT, COMPARATIVE ANALYSIS AND METHODOLOGICAL PERSPECTIVES

Belsky V.Yu.
Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.J. Kikot, Bauman Moscow State Technical University

The article analyzes the transformation of content and forms of patriotic education of youth in the context of global sociocultural changes at the beginning of the 21st century. The evolution of the concept of patriotism is examined – from a predominantly retrospective model associated with historical memory and military valor to a professional-civic paradigm implying activity-based subjectivity, project thinking, and readiness for international dialogue.

Keywords: patriotic education, youth, civic identity, professional-civic paradigm, comparative analysis of educational systems, digital environment, value orientations.

References

1. Bel'skiy V. Yu, Zol'kin A.L. Traditional Spiritual and Moral Values and Hermeneutic Dialogue in Modern Humanitarian Education // Magazine M: "Psychology and Pedagogy of Service Activity" 2025. No. 2. Pp. 29–34.
2. Grigoriev D.V. Value-Semantic Foundations of Patriotic Education in the Public Administration System // Management. – 2024. – Vol. 12, No. 3. – Pp. 45–58.
3. Patriotic Education of Youth: Theoretical Foundations and Practical Aspects: Methodological Manual / edited by A.V. Efremov. – Barnaul: BGIMC, 2024. – 64 p.
4. Rosenberg N.V., Karpova M.K. Value Orientations of Young People in the Context of Digital Transformation of Society // Electronic Scientific Journal. – 2025. – No. 2. – Pp. 82–96.
5. Innovative Approaches to Patriotic Education in the Education System: Content and Methods // Pedagogical Journal. – 2025. – Vol. 15, No. 1.
6. Sociological Aspects of Patriotic Education of Young People in Modern Russia // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. – 2024. – Vol. 8, No. 4.
7. Forms and Methods of Patriotic Education: Traditions and Innovations // Time of Development. – 2024. – URL: https://vremyarazvitiya.ru/ (accessed: 20.03.2025).
8. Innovative Forms of Work on Moral and Patriotic Education // Solnechny Svet: Online Magazine. – 2024. – URL: https://solncesvet.ru/ (date of access: 20.03.2025).
9. Three-quarters of the surveyed students named patriotism as one of the key values // Istochnik Online. – 2024. – URL: https://istochnik.online/ (date of access: 20.03.2025).
10. Technology of Patriotic Education of Children and Youth // Combat Brotherhood. – 2024. – URL: https://bbratstvo.com/ (date of access: 20.03.2025).
11. Modern Approaches to Civic-Patriotic Education in the Educational Environment // Eurasian Monitoring. – 2024. – URL: https://emreview.ru/ (date accessed: 20.03.2025).
12. Plynov D.S. Innovations in Patriotic Education of Youth: Best Practices. – Moscow: LitRes, 2024. – 192 p.

Репродуктивное поведение молодого поколения в России и Китае в условиях демографической модернизации и глобализации

Вэй Ицзюнь,
аспирант Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: 3682030393@qq.com

Статья посвящена сравнительному социологическому анализу репродуктивного поведения молодёжи в России и Китае – двух государствах, которые переживают сходные демографические сдвиги при существенно различающихся культурных и политических условиях.

В центре анализа находятся проблемы: отношение молодого поколения к рождаемости, практика откладывания первых родов, добровольная бездетность, влияние глобализационных процессов на традиционные репродуктивные нормы.

В статье рассматривается государственная демографическая политика, прежде всего, непредвиденные последствия её реализации в Китае после отказа от ограничений на рождаемость. Методологическая основа статьи – концепция второго демографического перехода, теория постматериалистических ценностей Инглхарта; эмпирическая – сравнительный анализ данных Росстата, Национального бюро статистики Китая и ряда международных статистических баз.

Центральное противоречие, которое выявляет социологический анализ, состоит в том, что оба государства наращивают расходы на стимулирование рождаемости, тогда как молодёжь устойчиво смещается к малодетным и бездетным семейным моделям.

Выводы: новые модели репродуктивного поведения молодёжи не объясняются одной лишь экономической логикой. Происходит глубокая трансформация репродуктивного поведения, включающая в себя перестройку ценностных систем, изменение гендерных ролей, процесс индивидуализации и нарастающую конкуренцию между карьерными и семейными траекториями.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, молодёжь, Россия, Китай, демографическая модернизация, глобализация, второй демографический переход, рождаемость, демографическая политика.

Введение

Россия и Китай входят в число немногих крупных держав, где государство последовательно пытается управлять рождаемостью – в одном случае стимулируя её, в другом, ещё несколько десятилетий назад, жёстко ограничивая. Тем более неожиданным выглядит результат: несмотря на полярные отправные точки, обе страны движутся к близким показателям суммарного коэффициента рождаемости (СКР) и схожей динамике репродуктивных установок молодёжи.

СКР России в 2022 году составил 1,42, в 2023-м опустился до 1,41 [Росстат, 2024]. Китай зафиксировал значение 1,09 в 2022 году – рекордно низкое с момента начала реформ [NBS China, 2023]. Очевидно, что воспроизводство населения не обеспечивается. Однако цифры фиксируют симптом, а не механизм изменений понимания молодыми людьми в обеих странах связи между собственной биографией и рождением детей.

Глобализация создала условия, при которых ценностные ориентиры молодёжи Шанхая и Москвы, Екатеринбурга и Чэнду оказываются ближе друг к другу, чем к установкам их собственных родителей. Это не просто культурная конвергенция, речь идёт о перестройке самой иерархии жизненных приоритетов, на которую инструменты материального стимулирования реагируют с заметным опозданием.

Отсюда исследовательский вопрос, которому посвящена данная статья: по какой причине два государства с полярными историями демографического регулирования выходят к близким показателям кризиса воспроизводства? Почему молодые люди, на которых направлены стимулирующие меры, в своих решениях о рождении детей всё отчётливее расходятся с логикой, заложенной в этих мерах?

Статистика последних лет даёт достаточно чёткую картину. В 2022 году Китай столкнулся с естественной убылью населения впервые примерно за шестьдесят лет: смертность превысила рождаемость почти на 850 тысяч случаев [NBS China, 2023]. Россия движется в том же направлении – на протяжении 2021–2023 годов ежегодное превышение смертей над рождениями исчислялось сотнями тысяч [Росстат, 2024]. Среди демографов нет принципиальных разногласий относительно самого факта этих изменений – дискуссия ведётся вокруг их причин и того, обратимы ли они.

Когорта молодёжи 18–35 лет оказывается в этой ситуации ключевой: именно здесь складываются первичные установки на родительство, принимаются решения о первом ребёнке, формируются модели, которые затем воспроизводятся или не воспроизводятся на протяжении следующих двух десятилетий. По этой причине репродуктивное поведение молодёжи представляет интерес не только для академического сообщества, но и для тех, кто проектирует демографическую политику.

При этом молодёжь в обеих странах далеко не однородна. Разрыв между городом и деревней, между крупнейшими агломерациями и малыми городами ощутимо сказывается на репродуктивных стратегиях – и это делает любые обобщения на национальном уровне условными. Данное ограничение учитывается при интерпретации приводимых ниже данных.

Демографический переход и постматериализм

Концепция второго демографического перехода, предложенная Д. ван де Каа и Р. Лестхаге в 1980-х годах, разграничивает два этапа снижения рождаемости. Первый связан с управляемым сокращением смертности и постепенным уменьшением числа рождений в логике классической модернизации. Второй этап – падение рождаемости ниже порога воспроизводства – по своей природе иной: его не объяснить дефицитом доходов или жилья.

Принципиальная особенность второго этапа что он двигается не экономическими ограничениями, а ценностными сдвигами.

Постматериалистическая теория Инглхарта [Inglehart, 1977; 1997] объясняет механизм этих сдвигов: по мере роста материального благосостояния и физической безопасности молодые поколения начинают ориентироваться на ценности индивидуализма: самовыражение, автономию и качество жизни вместо выживания и стабильности. Дети в этой системе ценностей – не ресурс и не страховка, а выбор, конкурирующий с другими выборами.

Применительно к России и Китаю эта рамка работает с существенными оговорками. Обе страны прошли экономическую модернизацию по нестандартным траекториям: Китай через форсированный рост при сохранении авторитарных институтов, Россия через постсоветскую турбулентность с последующей ресурсной стабилизацией. Постматериалистические ценности проникали в обе системы через глобальные медиа, образование за рубежом и цифровое пространство, то есть каналами, которые государство контролирует лишь частично.

Открытым остаётся вопрос о том, является ли наблюдаемая трансформация репродуктивного поведения российской и китайской молодёжи универсальным следствием модернизации или в ней есть специфические локальные механизмы, которые стандартная теория не улавливает.

Репродуктивные установки молодёжи в России

Репродуктивные намерения россиян устойчиво расходятся с реальным поведением и этот разрыв сам по себе информативен. По данным Росстата, желаемое число детей в российских семьях стабильно держится в диапазоне 2,0–2,3 [Росстат, 2023], тогда как ожидаемое (то есть то, сколько детей респонденты реально планируют) – на уровне 1,6–1,8. Фактический СКР ещё ниже. Разница между желаемым и ожидаемым это зазор, заполненный жилищными проблемами, нестабильностью занятости, недостаточностью инфраструктуры и, что важнее, представлениями о «правильном» моменте для рождения ребёнка, который постоянно сдвигается.

Средний возраст матери при рождении первого ребёнка в России вырос с 22,7 лет в 1990 году до 26,6 лет в 2022-м [Росстат, 2023]. Эта демографическая статистика следует поведенческой логике: сначала образование, потом карьера, потом жильё, потом ребёнок. Каждый из этих этапов занимает больше времени, чем предыдущее поколение предполагало.

Феномен добровольной бездетности (чайлдфри) в России остаётся статистически маргинальным, однако его медийная видимость и культурное давление, которое он испытывает, непропорционально высоки. Исследование

«Левада-Центра» (2022) зафиксировало, что около 6% россиян в возрасте 18–35 лет не планируют иметь детей, считая это сознательным выбором. Число небольшое, но оно растёт, и, что важнее, сигнализирует об изменении нормативной рамки: бездетность перестаёт быть исключительно результатом бесплодия или обстоятельств, становясь опцией.

Государственный ответ в России на этот вызов состоит в том, что материнский капитал, который был расширен с 2020 года на первого ребёнка, региональные выплаты, льготная ипотека ориентированы, прежде всего, на смягчение экономических барьеров. Проблема в том, что для части молодёжи актуальны барьеры уже не экономические.

Китай: парадокс после «одного ребёнка»

История китайской демографической политики уникальна в мировом масштабе: ни одно государство не проводило столь последовательного и жёсткого ограничения рождаемости на протяжении трёх десятилетий. Политика «одного ребёнка», введённая в 1980 году и официально завершённая в 2015-м, сформировала целое поколение единственных детей, выросших в семьях, где ребёнок был центром всех ресурсов и ожиданий.

Парадокс состоит в том, что отмена ограничений не повлекла ожидаемого бэби-бума. Переход к политике «двух детей» в 2015 году дал краткосрочный всплеск рождаемости в 2016–2017 годах – СКР поднялся до 1,62, – однако уже к 2020 году опустился до 1,30, а в 2022-м достиг рекордного минимума в 1,09 [NBS China, 2023]. Политика «трёх детей», объявленная в 2021 году, ещё не продемонстрировала заметного эффекта.

Механизм этого парадокса хорошо описан в работах китайских демографов [Cai, 2021; Zeng, Chen, 2021]: политика «одного ребёнка» не просто ограничила рождаемость административно она нормализовала малодетность как культурный стандарт. За тридцать лет сложилась среда, в которой один ребёнок воспринимается как норма, а два, как нечто, требующее объяснения. Когда государство сняло ограничение, ценностная установка осталась.

Дополнительный фактор – чрезвычайно высокая стоимость воспитания ребёнка в китайских городах. Исследование YuWa Population Research Institute (2023) подсчитало, что средние затраты на воспитание ребёнка до 18 лет в Китае составляют около 6,3 ВВП на душу населения. Это один из самых высоких показателей в мире. При этом конкуренция за образование, «гаокао», поступление в ведущие университеты создаёт давление, при котором родители стратегически концентрируют ресурсы на одном ребёнке.

Молодые китаянки оказались в ситуации двойного давления: традиционное ожидание материнства сталкивается с реальностью, в которой образование и карьера требуют времени и несовместимы с ранними родами. Уровень участия женщин в рабочей силе в Китае высок – около 61% [ILO, 2023]. Однако, гендерное неравноправие в карьерных последствиях материнства (так называемый «штраф за материнство») устойчиво сохраняется.

Структурный фактор глобализации

Глобализация также влияет на репродуктивное поведение молодёжи через несколько взаимосвязанных каналов:

• Первый. Образовательная мобильность. Молодые россияне и китайцы, получившие образование за рубежом по международным стандартам, демонстрируют более выраженные постматериалистические ценности и более поздние репродуктивные намерения [Luo, 2022]. Это не идеологическая конвергенция, а освоение иных биографических сценариев, в которых раннее материнство/отцовство не является обязательной остановкой.

• Второй. Цифровое пространство. Поколение Z в обеих странах потребляет глобальный контент: корейские дорамы, западные сериалы, инфлюенсеры, транслирующие образ жизни, в котором дети есть опция, а не данность. Культурные нарративы, которые нормализуют бездетность или однодетность, распространяются вне государственного контроля.

• Третий. Урбанизация как глобальный процесс, меняющий и жилищные условия, и социальные сети. В мегаполисах – Москве, Санкт-Петербурге, Пекине, Шанхае – репродуктивное поведение молодёжи последовательно отличается от общенационального. Мегаполис генерирует специфическую экономику времени: высокая стоимость жилья, длинный рабочий день, конкурентная среда – всё это делает рождение второго ребёнка логистически сложным даже при наличии желания.

Глобализация, таким образом, не изменяет репродуктивные намерения напрямую, она меняет контекст, в котором эти намерения реализуются или откладываются на потом. Со временем в репродуктивном поведении усиливаются биологические ограничения.

Сравнительный анализ: схожесть траекторий, различие механизмов

Россия и Китай продвигаются к схожим демографическим результатам, но по разным дорогам. В России трансформация репродуктивного поведения молодёжи происходит на фоне относительно либеральной культурной среды, где государство стимулирует рождаемость, но не принуждает. В Китае – в условиях нормативного послушания, где государство последовательно меняет сигналы, а население адаптируется медленно.

Общее в обоих случаях: разрыв между декларируемыми репродуктивными намерениями и реальным поведением; рост среднего возраста матери при первых родах; снижение давления социальной нормы, обязывающей иметь детей; конкуренция между карьерной и семейной моделями, в которой вторая всё чаще проигрывает.

Различное: в России значительную роль играет жилищный вопрос и нестабильность доходов, тогда как в Китае решающими оказываются стоимость образования и культурная инерция малодетности. В России чайлдфри остаётся нишевым явлением без массовой культурной легитимации; в Китае феномен «тан пин» (лечь плашмя, отказаться от конкурентной гонки) и «байлань» (пустить всё на самотёк) не просто субкультурные мемы, а поведенческие стратегии, охватывающие заметную часть молодёжи.

Государственная демографическая политика в обоих случаях демонстрирует одну и ту же проблему: она формируется исходя из предположения, что репродуктивное поведение детерминировано преимущественно экономически. Это предположение всё менее соответствует реальности.

Сравнительные социологические исследования репродуктивного поведения сопряжены с рядом методологических ловушек, которые нельзя обойти молчанием. Эмпирические данные о репродуктивных намерениях получают из опросов, а опросы измеряют декларируемые установки, которые систематически расходятся с реальным поведением. Когнитивное расстояние между «я хочу двоих детей» и «у меня двое детей» огромно и заполнено обстоятельствами, настроениями и случайностями, не поддающимися агрегированию.

Китайская официальная статистика рождаемости вызывает дополнительные вопросы: ряд независимых демографов полагает, что NBS систематически занижает показатели смертности пожилых и, возможно, завышал показатели рождаемости в период действия политики

«одного ребёнка» [Yi, Yao, 2022]. Это не делает данные бесполезными – но требует осторожности в интерпретации.

Наконец, остаётся нерешённым вопрос о каузальности: меняет ли глобализация ценности молодёжи, или молодёжь с определёнными ценностями активнее включается в глобализированные практики? Скорее всего, верно и то и другое, что делает любую линейную модель влияния заведомо упрощённой.

Заключение

Трансформация репродуктивного поведения молодёжи в России и Китае нельзя назвать демографической аномалией и временным отклонением, которое скорректируют очередные меры государственной поддержки. Это структурный сдвиг, укоренённый в изменении ценностей, биографических стратегий и культурных норм. Данные изменения глобализация ускоряет, а локальные контексты оформляют по-разному.

Государства Китай и Россия оказались перед задачей, для которой у них нет стандартного инструментария. Как стимулировать рождаемость, не контролируя ценности? Материальные стимулы работают на марже – то есть помогают тем, кто уже хотел ребёнка, но откладывал из-за экономических барьеров. На тех, кто переосмыслил саму необходимость детей, они действуют слабее.

Именно здесь сравнение России и Китая оказывается наиболее продуктивным: оно показывает, что проблема не в неправильной демографической политике, а в том, что демографическая политика, как инструмент, имеет принципиальные ограничения в условиях постиндустриального ценностного сдвига. Осознать эти ограничения – необходимое условие для разработки более реалистичных подходов к демографическому развитию.

Вопрос, который остаётся открытым и требует дальнейшего изучения: возможна ли устойчивая рождаемость выше уровня простого воспроизводства в обществах с высоким уровнем образования, урбанизации и гендерного равноправия или же это структурно недостижимая комбинация.

Литература

1. Росстат. Демографический ежегодник России 2024. – М.: Росстат, 2024. – 256 с.
2. Левада-Центр. Репродуктивные установки россиян: 2022. – М.: Левада– Центр, 2022. – URL: https://www.levada.ru (дата обращения: 15.01.2025).
3. Cai, Y. China's below-replacement fertility: Government policy or socioeconomic development? // Population and Development Review. – 2021. – Vol. 36, № 3. – P. 419–440.
4. Inglehart, R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics. – Princeton: Princeton University Press, 1977. – 482 p.
5. Inglehart, R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. – Princeton: Princeton University Press, 1997. – 453 p.
6. ILO. World Employment and Social Outlook: Trends 2023. – Geneva: International Labour Office, 2023. – 148 p.
7. Lesthaeghe, R. The second demographic transition: A concise overview of its development // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2014. – Vol. 111, № 51. – P. 18112–18115.
8. Luo, W. Educational attainment and fertility in contemporary China // China Population and Development Studies. – 2022. – Vol. 6, № 1. – P. 1–22.
9. National Bureau of Statistics of China (NBS). China Statistical Yearbook 2023. – Beijing: China Statistics Press, 2023. – 890 p.
10. Yi, Z., Yao, X. Data quality and age misreporting in Chinese census data // Population Studies. – 2022. – Vol. 76, № 2. – P. 175–193.
11. YuWa Population Research Institute. China's Child-Rearing Cost Report 2023. – Beijing: YuWa PRI, 2023. – 64 p.
12. Zeng, Y., Chen, H. Does the universal two-child policy affect fertility rate? Evaluating fertility trends in China after 2016 // Asian Population Studies. – 2021. – Vol. 17, № 2. – P. 124–141.

TRANSFORMATION OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF THE YOUNGER GENERATION IN RUSSIA AND CHINA IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC MODERNIZATION AND GLOBALIZATION

Wei Yijun
St. Petersburg State University

The article examines the transformation of reproductive behavior among young people in Russia and China – two countries experiencing similar demographic processes within fundamentally different cultural and political contexts. The analysis covers youth attitudes toward fertility, postponement of first birth, voluntary childlessness, and the influence of globalization on traditional reproductive norms. The article demonstrates that the formation of new reproductive behavior cannot be reduced to economic rationality: it is shaped by value transformation, changing gender roles, and competition between career and family strategies. Special attention is paid to state demographic policy – in particular, the paradoxical effects of its implementation in China following the abolition of the one-child policy. The methodological framework includes the second demographic transition theory, Inglehart's theory of post-materialist values, and comparative analysis of statistical data from Rosstat, China's National Bureau of Statistics, and international research databases. The article identifies a key contradiction: states invest substantial resources in fertility stimulation while young people consistently move toward low-fertility and childless family models.

Keywords: reproductive behavior, youth, Russia, China, demographic modernization, globalization, second demographic transition, fertility, demographic policy.

References

1. Rosstat. Demograficheskiy yezhegodnik Rossii 2024 [Demographic Yearbook of Russia 2024]. Moscow: Rosstat, 2024. 256 p. (In Russ.)
2. Levada-Center. Reproduktivnyye ustanovki rossiyan: 2022 [Reproductive attitudes of Russians: 2022]. Moscow: Levada-Center, 2022. URL: https://www.levada.ru (accessed: 15.01.2025). (In Russ.)
3. Cai Y. China's below-replacement fertility: Government policy or socioeconomic development? Population and Development Review, 2021, Vol. 36, No. 3, Pp. 419–440.
4. Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics. Princeton: Princeton University Press, 1977. 482 p.
5. Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997. 453 p.
6. ILO. World Employment and Social Outlook: Trends 2023. Geneva: International Labour Office, 2023. 148 p.
7. Lesthaeghe R. The second demographic transition: A concise overview of its development. Proceedings of the National Academy of Sciences, 2014, Vol. 111, No. 51, Pp. 18112–18115.
8. Luo W. Educational attainment and fertility in contemporary China. China Population and Development Studies, 2022, Vol. 6, No. 1, Pp. 1–22.
9. National Bureau of Statistics of China (NBS). China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. 890 p.
10. Yi Z., Yao X. Data quality and age misreporting in Chinese census data. Population Studies, 2022, Vol. 76, No. 2, Pp. 175–193.
11. YuWa Population Research Institute. China's Child-Rearing Cost Report 2023. Beijing: YuWa PRI, 2023. 64 p.
12. Zeng Y., Chen H. Does the universal two-child policy affect fertility rate? Evaluating fertility trends in China after 2016. Asian Population Studies, 2021, Vol. 17, No. 2, Pp. 124–141.

Развитие личностного потенциала студентов в вузах Германии: институциональный аспект

Галицкая Диана Владимировна,
аспирант кафедры социологии, МГИМО МИД России
E-mail: d.galitzkaia@odin.mgimo.ru

В статье анализируется взаимосвязь между институциональными условиями академического развития в высшей школе Германии и субъективно фиксируемыми проявлениями раскрытия личностного потенциала студентов немецких вузов. Теоретической основой исследования выступает компетентностный подход и понимание личностного потенциала как интегральной характеристики личности, включающей внутренние ресурсы личности, механизмы саморегуляции, рефлексии и готовность к академическому, социальному и профессиональному действию. Эмпирическую базу исследования составили данные онлайн-опроса студентов и выпускников немецких вузов (N=442), проведённого в 2025 году. Для анализа были сформированы два суммарных индекса: индекс наблюдаемого институционального вклада университета в развитие студента и индекс субъективно фиксируемого развития личностного потенциала. Их сопоставление позволило выделить четыре типа студентов: согласованного развития, ограниченной реализации условий, автономного развития и двойного ограничения. Установлено, что наиболее распространённым является тип согласованного развития (38%), однако значительная доля респондентов демонстрирует разрывы между университетскими условиями и субъективно переживаемым результатом развития. Сделан вывод о том, что развитие личностного потенциала определяется не только наличием институциональных условий, но и степенью их субъективного восприятия студентами.

Ключевые слова: личностный потенциал студента, академическое развитие, высшая школа Германии, студенческий опыт, академическая социализация.

Современная высшая школа функционирует в условиях глобализации, цифровизации и усложнения профессиональных траекторий выпускников. В таких условиях университетам уже недостаточно выполнять только функцию передачи знаний и формирования компетенций. Всё большую значимость приобретает создание такой университетской среды, которая способствует раскрытию и развитию личностного потенциала студента, то есть поддерживает его способность самостоятельно выстраивать образовательную траекторию, включаться в академические и исследовательские практики, использовать доступные ресурсы и нести ответственность за собственное развитие. Раскрытие личностного потенциала студентов начинает рассматриваться как особый результат высшего образования, выходящий за пределы формально освоенных знаний и навыков.

Подобный поворот во многом обусловлен распространением компетентностного подхода в российском и европейском образовательном пространстве. На рубеже 1990–2000-х годов в Европе произошла смена образовательной парадигмы под влиянием социально-экономических трансформаций и роста требований рынка труда. Традиционная модель обучения («Instruction Paradigm»), ориентированная на передачу знаний и центральную роль преподавателя, постепенно уступила место модели «Learning Paradigm», в которой вуз рассматривается прежде всего как среда для освоения знаний и развития компетенций, самостоятельности, критического мышления и способности к командной работе [1].

Подобная трансформация повлекла за собой изменение самой позиции студентов в образовательном процессе – теперь они становятся активными субъектами своего профессионального развития и образовательной деятельности [2]. Иерархичная модель «преподаватель-студент» уступает место более партнёрским формам взаимодействия, основанным на взаимном развитии преподавателей и студентов. Вовлечённые в обучение студенты, задающие глубокие вопросы и дающие обратную связь, могут способствовать повышению мотивации преподавателей совершенствовать курсы, искать новые знания и поддерживать высокий профессиональный уровень [3].

Переход к новой образовательной парадигме заложил основу для иного понимания результатов высшего образования, в котором всё большее значение приобретают измеримые результаты обучения (learning outcomes), отражающие не только объём освоенных знаний и навыков, но и способность применять их в реальных условиях [1]. В Германии эта логика получила и институциональное оформление: в частности, программа BMBF KoKoHs (Kompetenzmodellierung und Kompetenzerfassung im Hochschulsektor, 2011–2020) была направлена на моделирование компетенций и разработку инструментов их оценки [4].

Вместе с тем, сама логика компетентностного подхода выводит социологическую интерпретацию за пределы только измеримых результатов обучения. Личностное развитие в европейском образовательном пространстве данном случае трактуется как часть общеобразовательного элемента университетского образования, выражающегося в способности выпускников ответственно и рефлексивно участвовать в общественных процессах, а также применять научное мышление в сложных профессиональных ситуациях [5]. В этом отношении высшая школа Германии как эмпирический кейс представляет особый интерес. Во-первых, немецкая университетская традиция исторически основа на гумбольдтовской модели, при этом сам Гумбольдт рассматривал университет прежде всего как пространство для формирования целостной личности [6]. Гумбольдтовские принципы оказали заметное влияние и на становление российской университетской системы [7]. Обе страны тесно взаимодействовали в сфере образования на протяжении многих лет, включая соглашения о сотрудничестве в области развития науки и образования [8] и практики академических обменов [9], что позволяет рассматривать обе образовательные традиции в общем историческом контексте. Во-вторых, современная немецкая система высшего образования представляет интерес для анализа, поскольку в ней заметна ориентация на студента как активного участника образовательного процесса в современных условиях. Немецкое образование ориентировано не на передачу обучающимся готового знания, а на развитие способности к самостоятельному действию в сложных ситуациях [10]. Эту тенденцию отражают и рекомендации Научного совета

Германии (Wissenschaftsrat), в которых подчёркивается, что успешное обучение не должно ограничиваться прохождением курсов и сдачей экзаменов, а должно предполагать академическую социализацию, рефлексию и самостоятельное освоение студентами знаний [11].

Такое понимание высшего образования выводит исследование за пределы формально измеряемых результатов обучения и подводит к вопросу о тех личностных ресурсах, которые позволяют студенту осваивать университетскую среду, включаться в академические практики и использовать предоставляемые возможности для собственного развития. Значимость приобретает вопрос *о личностном потенциале студента как о важном условии и результате его образовательного развития*.

Обратимся к самому понятию личностного потенциала студента. В научной литературе личностный потенциал трактуется как многомерная характеристика личности, включающая её внутренние ресурсы и способность к их осознанной актуализации в деятельности. Так, Д.А. Леонтьев связывает личностный потенциал со способностью человека к саморегуляции, самостоятельному выбору целей и действию в соответствии с собственными смыслами, а не только под влиянием внешних обстоятельств [12]. Р.С. Хатуев и И.В. Мусханова акцентируют внимание на ресурсной стороне данного феномена, понимая его как совокупность волевых, интеллектуальных, физических и духовных ресурсов, обеспечивающих развитие личности и её успешность в различных сферах [13]. В.М. Климов и др. подчёркивают, что раскрытие потенциала студента происходит в условиях деятельностного участия, вовлечённости в коллективные практики, самоуправление, проектную деятельность [14]. Таким образом, личностный потенциал студента целесообразно рассматривать как *интегральную характеристику личности, включающую совокупность её способностей, ценностно-мотивационных установок, механизмов саморегуляции и рефлексии, а также готовности к академическому, социальному и профессиональному действию, которые формируются, развиваются и проявляются в процессе обучения и взаимодействия с университетской средой*.

При этом сами институциональные условия не способствуют автоматически и в равной степени раскрытию личностного потенциала всех обучающихся. Исследования показывают, что студенческая субъектность неоднородна: обучающиеся различаются по уровню своей вовлечённости, характеру и интенсивности взаимодействия с образовательной средой [2], что влияет на то, в какой мере предоставляемые университетом возможности действительно превращаются в ресурс развития.

Значение также имеют не только сами институциональные меры, но и то, как они воспринимаются и осваиваются участниками образовательной среды. Результативность университетских инициатив зависит от того, каким образом они внедряются, интерпретируются и обсуждаются преподавателями и студентами [15], а также от того, возникает ли вокруг них среда доверия и вовлечённости в процесс [16]. Изменения в университете задаются «сверху» через стратегии и управленческие решения, но проживаются акторами образовательной среды «снизу», через повседневные действия и практики. В рутинных практиках использования университетских пространств (аудиторий, библиотек), ресурсов, цифровых платформ и форм академического взаимодействия университетская жизнь приобретает конкретную социальную форму, а нормы, иерархии и границы включённости становятся практически воспроизводимыми [17]. В этих повседневных практиках институциональные условия получают реальное содержание и начинают либо способствовать раскрытию личностного потенциала студентов, либо, напротив, ограничивать его.

Таким образом, развитие личностного потенциала студентов следует рассматривать не как автоматический результат обучения, а как процесс, опосредованный институциональными условиями образовательной среды, и тем, каким образом они воспринимаются, осваиваются и проживаются самими студентами в повседневной академической жизни. Подобная логика положена в основу настоящего исследования, направленного на выявление взаимосвязи между институциональными условиями академического развития в немецких вузах и субъективно фиксируемыми проявлениями личностного потенциала студентов.

Методология

Эмпирическую базу исследования составили данные социологического онлайн-опроса студентов и недавних выпускников немецких вузов (N=442), проведённого на платформе SurveyMonkey в период с 10 июля по 17 августа 2025 года. Инструментарий был разработан автором в соответствии с целями исследования и представлен в двух версиях – немецкой и английской, что обеспечило возможность участия иностранных респондентов. Уточним, что совмещение англо- и немецкоязычных студентов в выборке не влияет на валидность результатов, так как в ходе исследования ставилась задача характеристики взаимодействия с инфраструктурой и институтом вуза, а не особенности менталитета или страновой принадлежности.

Выборка имела стихийный характер, однако при отборе респондентов контролировались их образовательный статус (студенты и выпускники, завершившие обучение не более трёх лет назад), территориальный охват (все федеральные земли Германии) и тип образовательной организации (только государственные вузы).

Объект исследования – развитие личностного потенциала студентов в высшей школе Германии. Предмет исследования – институциональные условия развития личностного потенциала студентов и их связь с субъективно фиксируемыми проявлениями этого потенциала в студенческом опыте. Цель исследования состояла в анализе взаимосвязи между институциональными условиями академического развития в вузах Германии и субъективно фиксируемыми проявлениями личностного потенциала студентов, а также в построении типологии студентов по степени согласованности между наблюдаемым вкладом университета и переживаемым результатом собственного развития.

Для анализа связи между университетской средой и развитием личностного потенциала студентов в исследовании были сформированы два суммарных индекса. Первый индекс – индекс наблюдаемого институционального вклада университета. Он показывает, что именно студент видит со стороны университета как вклад в собственное академическое и личностное развитие. Общий индекс наблюдаемого институционального вклада был рассчитан как среднее значение следующих трёх компонентов:

- Образовательный компонент включает оценки развития ключевых компетенций, актуальности учебных материалов и связи теоретических знаний с их практическим применением;
- Исследовательский компонент отражает то, насколько университетская среда воспринимается как поддерживающая исследовательскую вовлечённость студентов. В него вошли частота получения информации о научных мероприятиях, оценка достаточности ресурсов для студенческих исследований и восприятие доступности позиции HiWi (работы в вузе в качестве студенческого ассистента) как формы академического включения в исследовательскую и преподавательскую деятельность;
- Цифровой компонент характеризует качество цифровой среды университета и включает общую оценку цифровых ресурсов вуза, цифровых компетенций преподавателей и актуальность содержания обучения с точки зрения цифровых и ИИ-технологий.

Второй индекс – индекс субъективно фиксируемого развития личностного потенциала. Он отражает то, в какой степени сами студенты отмечают у себя развитие качеств и форм активности, отнесённых к компонентам личностного потенциала. Иными словами, он показывает, что студент воспринимает как результат собственного развития в процессе обучения. Этот индекс также был рассчитан как среднее значение данных трёх компонентов показателей:

- Индивидуальный компонент включает показатели автономности и саморегуляции: уверенное освоение новых цифровых инструментов, способность самостоятельно решать технические проблемы и развитие самоорганизации в процессе обучения;
- Академический компонент фиксирует развитие значимых учебных и исследовательских навыков, включая критическое мышление, аргументацию, академическое письмо, поиск и оценку литературы, анализ данных и цифровые компетенции;
- Социально-практический компонент отражает включённость студента в более широкий академический и межличностный контекст и включает развитие межкультурной коммуникации, опыт работы в международной среде, а также участие в студенческих исследовательских группах и совместных исследовательских проектах с преподавателями.

Таким образом, первый индекс описывает наблюдаемый студентами вклад университетской среды, а второй – субъективно фиксируемый результат собственного развития. Их сопоставление позволяет выявить степень соответствия между институциональными условиями и студенческим развитием, а также выделить типы студентов по их согласованности и разрывам.

После расчёта обоих индексов их значения были дихотомизированы на высокий и низкий уровни на основе медианного разделения. Это позволило перейти от непрерывных значений к аналитически наглядной типологии, основанной на сочетании двух параметров: уровня наблюдаемого институционального вклада (низкий и высокий) и уровня субъективно фиксируемого развития личностного потенциала (также низкий и высокий).

Результаты

Сопоставление индекса наблюдаемого институционального вклада и индекса субъективно фиксируемого развития позволило выделить четыре типа студентов с помощью логического квадрата:

1. Тип согласованного развития (высокий 1-й индекс / высокий 2-й индекс) объединяет студентов, которые одновременно фиксируют вклад университетской среды и субъективно отмечают собственное развитие. В данном случае институциональные условия и переживаемый результат оказываются взаимно согласованными.

2. Тип ограниченной реализации условий (высокий 1-й индекс / низкий 2-й индекс) условий включает студентов, которые видят создаваемые университетом возможности, но не связывают их с выраженным эффектом собственного развития. Это может указывать на неполную включённость в предлагаемые форматы, слабую адресность поддержки или трудности в преобразовании институциональных условий в личностно значимый результат.

3. Тип автономного развития (низкий 1-й индекс / высокий 2-й индекс) представлен студентами, которые не фиксируют выраженного вклада университетской среды, но при этом отмечают собственное развитие. В данном случае развитие, по-видимому, в большей степени обеспечивается личными ресурсами, внешним опытом или самостоятельным использованием доступных возможностей.

4. Тип двойного ограничения (низкий 1-й индекс / низкий 2-й индекс) объединяет студентов, которые не фиксируют ни заметного вклада университетской среды, ни выраженного результата собственного развития. Такой тип указывает на сочетание слабой воспринимаемой поддержки и низкой субъективной выраженности восприятия развития. Его можно рассматривать как наиболее уязвимую группу, поскольку здесь отсутствует и ощущение поддерживающих условий, и субъективно переживаемое развитие.

Наиболее многочисленной оказалась группа первого типа респондентов, которые одновременно фиксируют вклад университета и ощущают развитие у себя: к ней относятся 169 человек, или 38% выборки. Это позволяет говорить о наличии значимой доли студентов, для которых университетская среда действительно выступает как ресурс личностного и академического развития.

Вторую по численности группу составили студенты четвёртого типа, которые не фиксируют выраженного институционального вклада и одновременно не ощущают значимого развития у себя – 109 человек, или 25% выборки. Тем самым четверть респондентов оказывается в ситуации, когда между университетской средой и субъективно переживаемым развитием не формируется выраженной связи.

Ещё 20% респондентов вошли во второй тип, для которого характерно наличие наблюдаемого институционального вклада при отсутствии субъективно фиксируемого развития, что указывает на существование неосвоенного институционального ресурса. Наконец, 17% относятся к третьему типу студентов, которые не связывают своё развитие с университетской средой, но при этом отмечают его у себя.

Таким образом, хотя согласованное развитие является наиболее распространённым типом, суммарная доля студентов, находящихся в ситуации рассогласования или двойного дефицита, составляет 62%, что указывает на неоднородность студенческого опыта и ограниченность представления о том, что институциональные меры университета автоматически приводят к развитию личностного потенциала.

Из выявленной типологии следуют практические рекомендации для университетской среды. В отношении студентов типа согласованного развития важной задачей является поддержание и дальнейшее развитие уже работающих механизмов включения, например, практико-ориентированных и исследовательских форматов, доступной цифровой инфраструктуры, эффективного информирования и возможностей участия в образовательном процессе.

Для студентов типа ограниченной реализации условий важно, чтобы создаваемые университетом условия действительно давали студентам ощущаемый эффект развития. Здесь особенно важны адресное сопровождение, персонализированная обратная связь и помощь в освоении доступных ресурсов, т.к. в данном случае сам вклад университета распознаётся, но не превращается в значимый эффект развития.

В отношении типа автономного развития университету важно не столько расширять число формальных возможностей, сколько делать свой вклад более заметным и содержательно связанным с опытом студентов. Это предполагает признание самостоятельных траекторий развития, интеграцию внешнего и неформального опыта в университетскую среду (например, включение студенческих инициатив, учёт стажировок, трудового опыта, самостоятельных проектов и иных форм внеучебной активности как значимых элементов индивидуальной траектории развития).

Наиболее комплексных мер требует тип двойного ограничения. Для этой группы необходимы базовые шаги по усилению доступности и прозрачности университетской среды: улучшение информирования, снижение административных барьеров, укрепление цифровой и академической поддержки, а также создание более включающей социальной среды.

В целом распределение по типам показывает, что развитие личностного потенциала студентов определяется не только наличием институциональных условий как таковых, но и степенью их субъективного присвоения и включения в индивидуальный опыт. Предложенная типология позволяет рассматривать развитие личностного потенциала студентов как результат взаимодействия двух уровней: институционально-наблюдаемого и субъективно-проживаемого. Университет может создавать развивающие условия, однако они не всегда распознаются и воспринимаются студентами как результативные. В то же время часть студентов демонстрирует развитие даже при низкой оценке институциональной среды, что указывает на значимость компенсаторных механизмов, связанных с личной инициативой, автономностью и внешними ресурсами. Тем самым типология делает возможным более дифференцированный анализ развития личностного потенциала и позволяет перейти от общего описания условий обучения к выявлению различных траекторий студенческого опыта.

Литература:

1. Wagenaar R. Competences and learning outcomes: a panacea for understanding the (new) role of Higher Education? // Tuning Journal for Higher Education. 2014. Vol. 1. № 2. P. 279–302.

2. Белякова Е.Г., Захарова И.Г. Взаимодействие студентов вуза с образовательным контентом в условиях информационной образовательной среды // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 3. С. 77–105.

3. Ефимова Г.З. Студенты как драйвер академического развития преподавателей // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11. № 3. С. 263–285.

4. Zlatkin-Troitschanskaia O. Advances and perspectives of competence research in higher education – Report on the German KoKoHs program. International Journal of Chinese Education, 2021. № 10 (1) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/22125868211006205 (дата обращения: 06.02.2026).

5. Ruesch Schweizer C. Kompetenzen für eine Nachhaltige Entwicklung aus der Perspektive beruflicher Praxis: Eine empirische Untersuchung zu idealtypischen subjektiven Theorien über nachhaltigkeitsbezogene Anforderungen. Opladen; Berlin; Toronto: Verlag Barbara Budrich, 2022.

6. Hoidn S. Persönlichkeitsentwicklung an der Universität als zentrales Studienziel / Brosziewski A., Maeder C., Nentwich J. (eds.). Vom Sinn der Soziologie. Wissen, Kommunikation und Gesellschaft (pp. 219–236). Springer VS, Wiesbaden, 2015.

7. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает / Я.И. Кузьминов, М.М. Юдкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.

8. Коновалова О.А. Основные приоритеты в российско-германских отношениях в 1990–2000-е годы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2012. № 4. С. 40–46.

9. Халуева А.Д., Каримова Л.К.. Сотрудничество России и Германии в сфере образования (на примере программы DAAD) // Российские исследования. 2024. № 1. С. 96–110.

10. Sauter W. Future Learning – Ermöglichung selbstorganisierter Werte- und Kompetenzentwicklung im Prozess der Arbeit. / Schneider A., Scholz C. (Hrsg.). Digitale Transformation in der Bildung: Digital Change Summit 2022 (pp. 1–39). Springer VS, 2024.

11. Wissenschaftsrat. Empfehlungen für eine zukunftsfähige Ausgestaltung von Studium und Lehre. Köln, 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wissenschaftsrat.de/download/2022/9699–22 (дата обращения: 14.01.2026).

12. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал: оптика психологии // Образовательная политика. 2023. № 2 (94). С. 20–30.

13. Хатуев Р.С., Мусханова И.В. Развитие личностного потенциала студентов в условиях реализации программ высшего образования педагогического вуза // Современное педагогическое образование. 2022. № 3. С. 35–38.

14. Климов В.М., Галай И.А., Айзман Р.И. Личностный потенциал студентов как фактор профессионального успеха (обзор литературы) // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 4. С. 53–59.

15. Певная М.В., Шуклина Е.А. Институциональные ловушки нелинейного развития высшего образования в России // Интеграция образования. 2018. Т. 22. № 1. С. 77–90.

16. Bendermacher G.W.; De Grave W.S.; Wolfhagen I.H.; Dolmans, D.H.; Oude Egbrink, M.G. Shaping a Culture for Continuous Quality Improvement in Undergraduate Medical Education // Academic Medicine. 2020. 95(12). P. 1913–1920.

17. Berli, O., Reuter, J., & Meyer, D. Ethnografie der Hochschule: Ein Forschungsprogramm. In D. Meyer, J.Reuter, & O. Berli (Hrsg.), Ethnografie der Hochschule: Zur Erforschung universitärer Praxis (pp. 9–37). Bielefeld: transcript Verlag. 2022.

DEVELOPMENT OF STUDENTS' PERSONAL POTENTIAL IN GERMAN UNIVERSITIES: THE INSTITUTIONAL DIMENSION

Galitskaia D.V.
MGIMO-University

The article analyzes the relationship between the institutional conditions of academic development in German higher education and students' subjectively perceived manifestations of the development of their personal potential. The study is grounded in the competence-based approach and views personal potential as an integral characteristic that includes internal resources, self-regulation, reflection, and readiness for academic, social, and professional action. The empirical basis of the study consists of data from an online survey of students and graduates of German universities (N=442), conducted in 2025. Two composite indices were constructed for the analysis: the index of the university's observed institutional contribution to student development and the index of subjectively perceived development of personal potential. Their comparison identified four student types: coordinated, limited, autonomous, and constrained development. The findings show that the most widespread type is coordinated development (38%); however, a substantial share of respondents demonstrates a gap between university conditions and the subjectively experienced outcomes of development. It is concluded that the development of personal potential is determined not only by the presence of institutional conditions, but also by the degree to which these conditions are subjectively perceived by students.

Keywords: students' personal potential, academic development, German higher education, student experience, academic socialization.

References

1. Wagenaar R. Competences and learning outcomes: a panacea for understanding the (new) role of Higher Education? // Tuning Journal for Higher Education. 2014. Vol. 1. № 2. P. 279–302.

2. Belyakova E.G., Zakharova I.G. Interaction of university students with educational content in the information educational environment // Obrazovaniye i nauka. 2019. Vol. 21. № 3. P. 77–105.

3. Efimova G.Z. Students as a driver of teachers' academic development // Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye. 2025. Vol. 11. № 3. P. 263–285.

4. Zlatkin-Troitschanskaia O. Advances and perspectives of competence research in higher education – Report on the German KoKoHs program. International Journal of Chinese Education, 2021. № 10 (1) [Electronic resourse]. – Access mode: https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/22125868211006205 (Accessed: 06.02.2026).

5. Ruesch Schweizer C. Kompetenzen für eine Nachhaltige Entwicklung aus der Perspektive beruflicher Praxis: Eine empirische Untersuchung zu idealtypischen subjektiven Theorien über nachhaltigkeitsbezogene Anforderungen. Opladen; Berlin; Toronto: Verlag Barbara Budrich, 2022.

6. Hoidn S. Persönlichkeitsentwicklung an der Universität als zentrales Studienziel / Brosziewski A., Maeder C., Nentwich J. (eds.). Vom Sinn der Soziologie. Wissen, Kommunikation und Gesellschaft (pp. 219–236). Springer VS, Wiesbaden, 2015.

7. Kuzminov Ya.I., Yudkevich M.M. Universities in Russia: How They Work / National Research University Higher School of Economics. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2022.

8. Konovalova O.A. Main priorities in Russian-German relations in the 1990s-2000s // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2012. № 4. P. 40–46.

9. Khalueva A.D., Karimova L.K. Cooperation between Russia and Germany in education (the case of the DAAD program) // Rossiyskiye issledovaniya. 2024. № 1. P. 96–110.

10. Sauter W. Future Learning – Ermöglichung selbstorganisierter Werte- und Kompetenzentwicklung im Prozess der Arbeit. / Schneider A., Scholz C. (Hrsg.). Digitale Transformation in der Bildung: Digital Change Summit 2022 (pp. 1–39). Springer VS, 2024.

11. Wissenschaftsrat. Empfehlungen für eine zukunftsfähige Ausgestaltung von Studium und Lehre. Köln, 2022. [Electronic resourse]. – Access mode: https://www.wissenschaftsrat.de/download/2022/9699–22 (Accessed: 14.01.2026).

12. Leontiev D.A. Personal potential: the optics of psychology // Obrazovatel'naya politika. 2023. № 2 (94). P. 20–30.

13. Khatuev R.S., Muschanova I.V. Development of students' personal potential in the implementation of higher education programs at a pedagogical university // Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye. 2022. № 3. P. 35–38.

14. Klimov V.M., Galay I.A., Aizman R.I. Students' personal potential as a factor of professional success (literature review) // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. 2015. № 4. P. 53–59.

15. Pevnaya M.V., Shuklina E.A. Institutional traps of the nonlinear development of higher education in Russia // Integratsiya obrazovaniya. 2018. Vol. 22. № 1. P. 77–90.

16. Bendermacher G.W.; De Grave W.S.; Wolfhagen I.H.; Dolmans, D.H.; Oude Egbrink, M.G. Shaping a Culture for Continuous Quality Improvement in Undergraduate Medical Education // Academic Medicine. 2020. 95(12). P. 1913–1920.

17. Berli, O., Reuter, J., & Meyer, D. Ethnografie der Hochschule: Ein Forschungsprogramm. In D. Meyer, J.Reuter, & O. Berli (Hrsg.), Ethnografie der Hochschule: Zur Erforschung universitärer Praxis (pp. 9–37). Bielefeld: transcript Verlag. 2022.

Социальные и архитектурные методы принуждения к труду в городе

Глозман Ольга Семеновна,
кандидат технических наук, доцент, Российский университет транспорта
E-mail: olgasemenova77@mail.ru

В статье анализируется город как механизм властной организации, где архитектура, инфраструктура и социальные институты совместно формируют систему трудового принуждения. Опираясь на концепции М. Фуко, К. Маркса, М. Вебера и М.Г. Мееровича, автор показывает, что городской труд представляет собой не столько экономическую необходимость, сколько структурное условие доступа к ресурсам. В отличие от аграрного уклада, где выживание прямо зависит от собственного труда, в городе связь между активностью и жизнеобеспечением опосредована рынком, жилищной политикой, кредитом и цифровым контролем. Планировка, системы учёта и долговые обязательства закрепляют зависимость человека от стабильного заработка и нормативного поведения. Итоговый вывод: принуждение к труду в городе проистекает не из внешних запретов, а из самой пространственно-властной логики урбанистической среды, где работа, дисциплина и повседневность слиты воедино.

Ключевые слова: город; власть; принуждение к труду; архитектура; дисциплина; биополитика; пространство; урбанистика.

Онтология власти и принуждение к труду в городе

Город представляет собой не просто форму расселения или экономической концентрации, но особый тип пространственно-организованной власти. Власть проявляется здесь не только в институтах государства, правовых нормах и административных структурах, но и в самой конфигурации пространства, которая задаёт способы поведения, распределяет возможности и фиксирует различия между субъектами. С социально-философской точки зрения, город необходимо рассматривать в том числе и как специфическую форму социальной организации, в которой власть не просто присутствует, но становится имманентной самой структуре среды.

Ю.А Кирсанова, исследуя труды М. Фуко подчеркивает, что отталкиваясь от анализа современных учреждений (а именно их архитектуры и внутренней планировки), устроенных по принципу лагеря или «обсерватории человеческих множеств» (Фуко, 1999: 250), М. Фуко переносит архитектуру в проблемное поле властного дискурса и видит ее цель в контроле, упорядочиванию отношений в обществе и регулированию этих отношений. [1] Из этого следует, что власть не существует вне градостроительных форм планировочной структуры, а реализуется через них.

М. Фуко отдельно выделял городское пространство, придавая ему особое значение в дискурсе власти. Оно способно порождать новые формы социальных отношений, влиять на общество и его социокультурные тенденции. Основными элементами власти в городском пространстве мыслитель называл архитектуру и инженерные сооружения. Мосты и дороги реализуют дисциплинарный порядок через коммуникации и скорости, а архитектурные сооружения – надзор и власть. Последние, кроме того, транслируют иерархию социальных отношений, подчеркивает Кирсанова [1]. Город в этом смысле выступает не как нейтральная сцена социальных процессов, а как активный механизм их организации. Он производит порядок, закрепляет иерархии и формирует способы включения индивида в систему социальных отношений.

Следуя фукольдианской логике, в городской среде можно различить несколько типов власти. Суверенная власть проявляется через запреты, санкции, контроль территории и правоприменение. Дисциплинарная власть действует через наблюдение, нормирование, регистрацию и распределение тел в пространстве. Биополитическая власть направлена на управление населением как совокупностью жизненных процессов, включая санитарное регулирование, транспортные потоки, экологию, здравоохранение и демографию. Эти формы власти в городе не существуют изолированно, а переплетаются, образуя единую структуру управления.

Исследователи трудов Фуко особенно выделяют биополитику становящуюся инструментом, посредством которого государство имеет возможность напрямую контролировать население: ограничивать или стимулировать рождаемость, регулировать смертность, уровень здоровья, торговлю, миграцию и профессиональный спектр. [2]

Архитектура, инфраструктура и цифровые технологии выступают средствами реализации власти. Планировка городов, зонирование, транспортные сети, системы видеонаблюдения, цифровые платформы, алгоритмические системы контроля и учёта – всё это не просто обслуживает городскую жизнь, но структурирует её. Властью принимаемые решения в части территориального планирования, задают допустимые траектории движения, режимы доступа, формы взаимодействия, формируя образ жизни горожанина. Таким образом, власть в городе действует не только через запрет, но и через организацию пространства и повседневности.

В этом смысле город можно определить, как хронотоп власти – пространство-время, в котором различные режимы доминирования сосуществуют и взаимодействуют. Власть здесь закрепляется в материальных формах, воспроизводится в повседневных практиках и становится неотъемлемой частью самой городской среды.

По нашему мнению, именно в этой точке онтология власти соединяется с проблемой принуждения к труду. Если город есть форма пространственного упорядочивания социальных сил, то труд в городе не может рассматриваться только как экономическая деятельность. Он оказывается включён в систему власти, которая, меняя миграционную политику, регулирует рынок труда и средний уровень заработной платы, влияет на подвижность населения и определяет транспортную доступность.

В сельской местности необходимость труда носит преимущественно непосредственный характер. Человек зависит от земли, сезона, запасов, состояния дома и хозяйства. Даже при отсутствии формальной занятости он продолжает трудиться, поскольку труд прямо обеспечивает поддержание жизни (еду и крышу над головой). В этом смысле, теоретически, деревня допускает существование вне заработной платы, но не допускает существования вне труда. Люди сами троят себе дома из того, что принесли из леса и сами выращивают себе пищу. В сельской местности не требуется механизмов для принуждения человека к труду, он осознает сам для себя эту необходимость. Не секрет что люди живущие натуральным хозяйством трудятся с малых лет и до глубокой старости.

В городе ситуация принципиально иная. Здесь человек может некоторое время не работать и при этом не умереть с голоду, поскольку его существование может поддерживаться за счёт социальных выплат, кредитов, накоплений или помощи других людей. Однако это не означает исчезновения трудовой необходимости. Напротив, это означает её усложнение. Даже если горожанин временно не трудится сам, он живёт за счёт уже произведённого общественного продукта. Следовательно, его существование опосредовано трудом других и функционированием всей социальной системы. Кроме того, в городе необходимо содержать того, что ничего не производит сам – социальные и административные структуры. Что формирует более острую необходимость принуждения к труду именно в городской среде.

К. Маркс в первом томе «Капитала» показывает, что капиталистическое отношение предполагает ситуацию, в которой человек вынужден продавать свою рабочую силу как товар. «Мы исходили из предположения, что рабочая сила покупается и продаётся по своей стоимости. Стоимость её, как и стоимость всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для её производства» [3]. Это означает, что жизненные условия отчуждаются от индивида и возвращаются к нему только через рынок и деньги. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс формулируют это ещё шире, утверждая, что буржуазия подчинила деревню господству города [4]. Город тем самым выступает как центр перераспределения жизненных ресурсов и как структура, через которую осуществляется доступ к средствам существования.

Из этого следует принципиальный вывод. В сельской местности человек трудится, чтобы непосредственно жить. В городе человек трудится, чтобы сохранять доступ к жизни, уже отчуждённой от него и возвращаемой ему через систему общественных посредников. Это превращает труд в структурную обязанность, а не просто в экономическую активность.

Городская форма жизни требует существования разветвлённого аппарата управления. Администрация, полиция, суды, регистрационные органы, коммунальные службы, транспортные и инфраструктурные системы не производят материальных благ непосредственно, но обеспечивают функционирование всей городской системы. М. Вебер указывает, «Любой вид господства требует постоянного управления, которое обеспечивается путём корректировки поведения подчинённых» [5]. Это означает, что что всякое устойчивое господство требует контроля над исполнительным аппаратом и материальными средствами администрации. Городской порядок опирается на постоянно воспроизводимый управленческий аппарат, требующий ресурсов на поддержание.

Следовательно, труд в городе направлен не только на воспроизводство жизни самих производителей, но и на содержание всей этой системы. Горожанин работает не только для себя, но и для поддержания аппарата управления, контроля и обслуживания. В этом смысле городской труд несёт более сложную общественную нагрузку. В капиталистическом городе аналогичный эффект ненасильственного принуждения к труду достигается через экономические механизмы. Ипотека, аренда, кредитная история, страхование и долговые обязательства связывают человека с необходимостью постоянного дохода. Потеря работы означает риск утраты жилья, социальной стабильности и доступа к базовым услугам. Таким образом, кредит выступает как форма дисциплины.

Фуко в «Надзирать и наказывать» показывает, что дисциплинарная власть производит «послушные тела», то есть субъекты, которые сами воспроизводят требуемое поведение. Паноптическая логика делает возможным контроль без постоянного насилия [6]. Братьям Бентам удалось схватить сущность одного из архетипов социального действия – надзора и контроля – как возможности управления посредством Взгляда, направленного на подчиненный объект для реализации власти над физической и ментальной жизнью субъектов. И при этом ненасильственным способом [7]. Городская среда, насыщенная наблюдением, учётом и нормированием, формирует такую ситуацию, в которой индивид включается в трудовой порядок как в норму. Современные цифровые технологии усиливают эти процессы. Алгоритмическое управление, сбор данных, рейтинговые системы и автоматизированный контроль создают новую форму дисциплинарной власти. Человек становится объектом постоянного наблюдения и оценки. В результате принуждение к труду становится менее видимым, но более тотальным.

Здесь экономическая логика Маркса и дисциплинарная логика Фуко соединяются. Труд становится необходим не только потому, что без него невозможно получить доход, но и потому, что сама социальная среда делает его обязательным и естественным.

Особую роль в этом процессе играет пространство проживания, наиболее ярко это выражалось СССР. Соцпоселок осуществлял социальную фильтрацию населения – здесь имели право проживать лишь те, кто трудился на градообразующем предприятии, в сфере поселкового обслуживания или управления, жить в нем ничего не делать, кормясь с собственного приусадебного участка (как, например, в деревне) было запрещено [8]. М.Г. Меерович показывает, что в советской системе жильё использовалось как средство управления населением и принуждения к труду. Жилищная политика позволяла направлять миграции, формировать трудовые коллективы и закреплять людей за местом работы. Это означает, что архитектура становится инструментом власти и средством принуждения к труду. Говоря о словацкой идеологии уместно вспомнить лозунг «кто не работает тот не ест».

Ещё более радикальную форму пространственного принуждения к труду демонстрирует современный Китай. Здесь система регистрации хукоу закрепляет человека за конкретным городом, а социальный кредит увязывают доступ к жилью, транспорту и работе с дисциплинарным рейтингом. Мигрант без местной прописки вынужден соглашаться на худшие условия труда и проживания, постоянно подтверждая свою «полезность» городу и получить крышу над головой. В отличие от советской модели, где принуждение опиралось на ведомственное жильё, китайская система делает зависимость тотальной и цифровой.

Дополнительное принуждение формируется идеологией, накладывающийся параллельно на градостроительную политику. В религиозных и культурных системах труд может восприниматься как моральная обязанность. В мормонской традиции, например, подчёркивается необходимость самообеспечения и постоянной активности, что превращает труд в этическую норму. Человек работает не только из-за внешнего давления, но и потому, что считает это правильным.

Нельзя не отметить, что в некоторых странах развиваются проекты декоммодификации, такие как базовый доход или универсальные услуги. Они направлены на ослабление зависимости между трудом и доступом к жизни. Проекты направлены на снижение потребления. Однако даже эти проекты не устраняют труд полностью, поскольку город остаётся системой взаимозависимости.

Таким образом, город следует понимать как хронотоп доминирования, в котором власть, пространство и труд образуют единую структуру. Принуждение к труду здесь в городе является самопроизвольным явлением. Оно вытекает из самой логики городской организации жизни. В отличие от деревни, где труд диктуется природой, в городе он организуется обществом, закрепляется пространством и поддерживается властью и религией.

Литература

1. Юлия Алексеевна Кирсанова Понятие пространства в философии М. Фуко: территориальный характер власти // Общество: философия, история, культура. 2024. № 12.

2. Старостина Дарья Антоновна БИОПОЛИТИКА В КОНЦЕПЦИИ М. ФУКО: ТЕЛО КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ // Теория и практика общественного развития. 2022. № 6 (172).

3. Маркс, К. Капитал: критика политической экономии / К. Маркс; пер. с нем. И.И. Скворцова-Степанова. – Москва: Эксмо, 2023. – Т. 1. – 1200 с. – (Великие экономисты). – ISBN 978-5-699-58209-3.

4. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер; пер. с нем., вступ. ст. А.Ф. Филиппова. – Москва: РИПОЛ классик, 2018. – 290 с. – (Librarium). – ISBN 978-5-386-10496-2.

5. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва: АСТ, 2022. – 160 с. – (Philosophy). – ISBN 978-5-17-149434-2.

6. Фуко, М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с фр. В. Наумова. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 416 с. – ISBN 978-5-91103-227-6

7. Луковенков С.Г. Паноптикон братьев Бентам: мифическое чудовище или полезный проект? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 2 (26).

8. Меерович, М.Г. Градостроительная политика в СССР (1917–1929): от города-сада к ведомственному рабочему поселку / М.Г. Меерович. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – 352 с. – (Historia Rossica). – ISBN 978-5-4448-0661-2.

SOCIAL AND ARCHITECTURAL METHODS OF LABOR COERCION IN THE CITY

Glozman O.S.
Russian University of Transport

The article analyzes the city as a mechanism of power organization in which architecture, infrastructure, and social institutions jointly form a system of labor coercion. Drawing on the concepts of Michel Foucault, Karl Marx, Max Weber, and Mark G. Meerovich, the author demonstrates that urban labor is not so much an economic necessity as a structural condition for accessing resources. Unlike the agrarian way of life, where survival directly depends on one's own labor, in the city the link between activity and livelihood is mediated by the market, housing policy, credit, and digital control. Urban planning, accounting systems, and debt obligations entrench the individual's dependence on stable income and normative behavior. The concluding argument is that labor coercion in the city stems not from external prohibitions but from the very spatial-logic of power inherent in the urban environment, where work, discipline, and everyday life are fused together.

Keywords: city; power; labor coercion; architecture; discipline; biopolitics; space; urban studies.

References

1. Kirsanova, Yulia Alekseevna. "The Concept of Space in the Philosophy of M. Foucault: The Territorial Nature of Power." Society: Philosophy, History, Culture, No. 12, 2024.
2. Starostina, Daria Antonovna. "Biopolitics in the Concept of M. Foucault: The Body as an Instrument of Social Control." Theory and Practice of Social Development, No. 6 (172), 2022.
3. Marx, Karl. Capital: A Critique of Political Economy. Vol. 1, translated by I.I. Skvortsov-Stepanov, Eksmo, 2023. 1200 Pp. ISBN 978-5-699-58209-3.
4. Weber, Max. Politics as a Vocation and Profession. Translated by A.F. Filippov, RIPOL classic, 2018. 290 Pp. (Librairium). ISBN 978-5-386-10496-2.
5. Marx, Karl, and Friedrich Engels. The Communist Manifesto. AST, 2022. 160 Pp. (Philosophy). ISBN 978-5-17-149434-2.
6. Foucault, Michel. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. Translated by V. Naumov, Ad Marginem Press, 2015. 416 Pp. ISBN 978-5-91103-227-6.
7. Lukovenkov, S. G. "The Bentham Brothers' Panopticon: A Mythical Monster or a Useful Project?" RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies, No. 2 (26), 2021.
8. Meerovich, M.G. Urban Planning Policy in the USSR (1917–1929): From the Garden City to the Departmental Workers' Settlement. New Literary Observer, 2017. 352 Pp. (Historia Rossica). ISBN 978-5-4448-0661-2.

Григорьев Николай Юрьевич,
кандидат философских наук, доцент? доцент кафедры
социологии Военного университета имени князя Александра
Невского Министерства обороны РФ
E-mail: nugrig@mail.ru

В реалиях новейших геополитических и социальных потрясений вопросы национальной безопасности требуют нестандартных, комплексных решений, выходящих за привычные рамки силового воздействия. Особое значение приобретают современные социальные механизмы влияния – своеобразные инструменты, с помощью которых государство способно формировать зрелое гражданское сознание, воспитывать чувство единства и удерживать духовные ориентиры, определяющие независимость общества. Эти подходы нацелены на создание прочного общественного фундамента, устойчивого к внешним давлениям и внутренним конфликтам, действуя преимущественно средствами мягкого, ненасильственного убеждения. Объектом исследования является национальная безопасность России. Предметом исследования является изучение сущности, типологии и содержания социальных технологий обеспечения национальной безопасности в России.

Ключевые слова: национальная безопасность, социальные технологии, «мягкая сила», патриотическое воспитание, стратегическое планирование, когнитивные технологии.

Введение

В динамике текущих социо-политических трансформаций задача защиты национальной безопасности становится всё более многоплановой и масштабной: стандартные методы силового и юридического воздействия уже не способны в полной мере обеспечить стабильность страны на всех уровнях её функционирования. Современные угрозы проникают далеко за рамки военных или экономических проблем – они зреют в структуре общественных представлений, на уровне ценностных установок и коллективной самоидентификации, формируют фон внутренних согласий и разногласий через информационные потоки. Именно в этом едва уловимом и постоянно изменяющемся контексте особо весомое значение приобретают инструменты социального воздействия, позволяющие государству предвосхищать риски и выстраивать устойчивость на глубинных пластах общественной жизни.

В первую очередь, стоит разобраться, какое научного обоснование под собой подразумевает понятие «безопасность» как социальный феномен. Исходный смысл термина «безопасность» раскрывается через его прямую противоположность – угрозу. Согласно толкованию, данное понятие обозначает ситуацию, в которой для кого– или чего-либо исключена какая-либо опасность [5, с. 4]. При этом исторический контекст показывает, что сфера применения этой категории эволюционировала, охватывая различные уровни социальной организации – от отдельного человека до общества в целом и государственных институтов. Термин «безопасность» целесообразно рассматривать как стабильное и благоприятное функционирование системы управления, при котором отсутствует ущерб для человека, а субъекты и объекты управления надёжно ограждены от потенциальных угроз, связанных с деятельностью самой системы [16, с. 9].

В Федеральном законе РФ «О безопасности» от 7 декабря 2010 года определяются базовые положения системы обеспечения безопасности современной России. В центре внимания находится безусловная защита и гарантия основных прав личности и гражданина. Этот подход подразумевает неукоснительное следование правовым стандартам всеми вовлечёнными сторонами и комплексное применение взаимодополняющих инструментов – от политических и управленческих до экономических и информационных. Акцент делается на предупреждение рисков ещё на этапе их возникновения, а не только на ответные действия. Важным элементом этой системы становится согласованная работа ветвей власти, структур гражданского общества, международных организаций и самих граждан, что создаёт целостную и эффективную конструкцию защиты национальных интересов [2, ст. 2].

Таким образом, внутри государственной системы безопасность предстает как разветвленная и многоуровневая конструкция, предназначенная для защиты жизненно важных интересов личности, общества и государственных структур от самых разных внутренних и внешних угроз. При этом само понятие безопасности неотделимо от тех, в чьих интересах оно реализуется, что позволяет говорить о существовании трех тесно переплетённых плоскостей – индивидуальной, общественной и государственной, которые вместе и образуют содержание национальной безопасности [16, с. 12].

В научном сообществе не утихают дебаты о соотношении приоритетов в системе государственных интересов: что должно рассматриваться как первоочередное – безопасность отдельного гражданина или же безопасность страны в целом?

Для того чтобы понять, каким образом этот вопрос эволюционировал в российском законодательстве, необходимо проанализировать, как менялись основные правовые определения на протяжении времени.

Состояние защищенности личности, общества и государства: история рассмотрения проблемы

Если рассматривать вопрос в контексте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г., то можно выделить, что модель обеспечения была построена на классической трехуровневой парадигме, где национальная безопасность определялась через состояние защищенности личности, общества и государства [4, п. 6]. Безопасность личности не просто упоминалась, а была интегрирована в общую систему наравне с обороной страны и государственной безопасностью.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г., национальная безопасность Российской Федерации определяется как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [2, п. 1 разд. 5].

При этом в рамках социально-гуманитарного знания национальная безопасность интерпретируется как совокупность количественных и качественных показателей, отражающих нормальную жизнедеятельность государства и общества, а поддержание допустимого уровня данных показателей составляет одну из ключевых, определяющих, центральных функций государства как в теоретико-историческом масштабе, так и в парадигме анализа современных государств [14, с. 2].

В результате вышеизложенного, мы можем сделать вывод, что произошла концептуальная переориентация. Фундаментальным отличием стало изменение определения: национальная безопасность стала трактоваться как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз. Хотя цели обеспечения прав граждан и достойного уровня жизни сохранились, они были переформатированы как составные элементы национальных интересов, а не как самостоятельные ценности.

В Российской Федерации существует устоявшаяся система стратегического планирования, и именно на ее основополагающих документах базируется политика государства в области обеспечения национальной безопасности.

Так, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» определяет стратегическое планирование как «деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации» [1, п. 1 ст. 3].

Ключевые принципы стратегического планирования образуют взаимосвязанную систему, обеспечивающую эффективность государственного управления.

Реалистичность планирования обеспечивается учетом ресурсных возможностей и потенциальных рисков, а обязательное ресурсное обеспечение подтверждает финансовую обоснованность принимаемых решений. Измеримость целей через количественные и качественные показатели позволяет объективно оценивать эффективность реализации стратегий, при этом используемые индикаторы должны строго соответствовать поставленным целям развития и обеспечения национальной безопасности [1, ст. 7].

Экономическая независимость как основа национальной безопасности России

Рассмотренные принципы стратегического планирования находят свое конкретное воплощение в такой критически важной сфере как экономическая безопасность. Экономическая независимость подразумевает сохранение государственного контроля над национальными ресурсами при интеграции в мировую экономику. Речь идет о достижении такого уровня производства и конкурентоспособности, который позволяет активно участвовать в международной торговле и технологическом обмене. Способность к развитию требует создания инвестиционного и инновационного климата, модернизации производства, а также повышения квалификации работников.

Эти факторы становятся обязательным условием для сохранения устойчивости экономики в быстро меняющемся мире [16, с. 178].

Эволюция от автоматизации к цифровой трансформации демонстрирует, что современные технологии затрагивают не только операционные процессы, но и стратегические основы бизнеса – от создания новых цифровых моделей до управления жизненным циклом продукции. Это напрямую влияет на компонент экономической независимости, поскольку технологический суверенитет становится условием сохранения контроля над национальными ресурсами [17, с. 156].

Именно здесь на первый план выходит просветительская составляющая социальных технологий, трансформирующая абстрактные экономические категории в личностно значимые компетенции – речь идет о создании целостной образовательно-тренинговой системы, предназначенной для овладения умениями и практическими навыками образцового социального поведения [13, с. 11].

Для реализации подобного подхода могут быть использованы две взаимодополняющие методологические основы: с одной стороны, технологическая модель обучения позволяет обеспечить гарантированное усвоение базовых знаний и нормативных требований; с другой стороны, поисковая модель направлена на формирование исследовательских компетенций через диалог, анализ ситуаций и игровые форматы, способствуя выработке ценностных ориентаций в сфере социально-экономической безопасности. Если первая модель соответствует задаче передачи стандартизированных знаний, то вторая ориентирована на развитие критического мышления и личностного отношения к вопросам национальной безопасности, что полностью соответствует цели преобразования абстрактных категорий в практические навыки социального поведения [14, с. 12].

Таким образом, внедрение личностно-ориентированного подхода в образовательные программы по социально-экономической безопасности позволяет трансформировать пассивных слушателей в активных субъектов познавательной деятельности. Данная образовательная парадигма способствует развитию критического мышления, адаптационных навыков и социальной инициативы граждан, что в конечном итоге формирует устойчивый кадровый потенциал для обеспечения национальной безопасности России.

Патриотизм и национальная безопасность

Формирование гражданской ответственности через образование естественным образом подводит нас к ключевой роли патриотизма в системе национальной безопасности. Если экономические меры создают материальную основу безопасности государства, а просвещение развивает личные качества граждан, то именно патриотизм становится той объединяющей силой, которая сплачивает общество перед лицом современных вызовов. В современной геополитической реальности, на фоне проведения специальной военной операции, укрепление патриотических основ и сохранение традиционных ценностей становится ключевым направлением внутренней политики. Сложилась принципиально новая ситуация, когда распространение идеологии толерантности оказывается несовместимым с ведением против России гибридной войны в информационном и ментальном пространстве, а попытки выиграть сражение за умы и души россиян осложняются духовно-патриотическим пробуждением и возрождением здорового национального самосознания [11, с. 2].

Патриотизм можно определить, как «ценностное отражение самосознания личности, базисом которого является осознание своей принадлежности к определенной национально-государственной целостности [12, с. 57].

Формирование исторического сознания через личные примеры для воспитания патриотизма требует применения двух взаимодополняющих подходов. Один из них, знакомый с советских времен, – это воспитание патриотизма через ориентацию на национальных героев. Другая технология – использование для этих целей социальной практики исторической реконструкции, модернизации исторического или социального опыта [11, с. 7].

Патриотическое воспитание становится неотъемлемой частью профессионального образования. Через образование закладываются основы социального поведения, где личная самореализация сочетается с чувством долга и ответственности за устойчивое развитие страны. Разработка и введение в учебные планы дисциплины «Основы российской государственности», увеличение часов на изучение Отечественной истории в системе профессионального образования – это лишь малая часть мер, принятых Правительством РФ в последнее время и нацеленных на формирование патриотических ценностей [11, с. 8].

Здесь также стоит отметить важность психоисторических технологий, которые открывают новые возможности для защиты национального самосознания. Данный подход предполагает изучение характера того или иного народа, складывающегося под влиянием исторических событий [8, с. 30]. Психоаналитические методы открывают уникальные возможности для изучения национального менталитета. Использование психоаналитического подхода при изучении национального менталитета помогает раскрыть уникальные особенности коллективного сознания, которые формируют социальные, политические и культурные предпочтения нации, а также определяют её взаимоотношения с другими народами [8, с. 31].

В контексте формирования патриотизма через социальные технологии возникает закономерный вопрос: какими методами можно наиболее эффективно воздействовать на глубинные структуры сознания граждан?

В данном вопросе на первый план выходят когнитивные технологии, которые приобретают особую актуальность в условиях, когда традиционные методы воспитания сталкиваются с массированным информационным противодействием. Когнитивные методы трактуются как инструменты воздействия на поведение и характеристики человека путём изменения его психофизиологических параметров, а также интеграции индивида в комбинированные системы и построения сложных человеко-машинных комплексов [9, с. 52].

В аспекте национальной безопасности особое значение приобретают когнитивные технологии, интегрированные в системы раннего выявления угроз. Ведущую роль здесь играет многоступенчатое наблюдение за информационным пространством, где решения на базе искусственного интеллекта анализируют большие объёмы разнородных сведений, поступающих как из открытых источников, так и из закрытых каналов. Такой подход обеспечивает возможность глубокой социальной диагностики и позволяет своевременно обнаруживать скрытые риски [9, с. 32]. Второй значимый элемент системы – аналитико-прогностический – основан на использовании инструментов статистического моделирования и привлечении экспертных суждений для вычисления вероятностей развития конфликтных ситуаций. Такой подход позволяет перейти от пассивного фиксирования событий к выстраиванию прогностических сценариев социальных и политических динамик. Завершающим элементом являются технологии оперативного реагирования, включающие дипломатические механизмы и превентивные меры [8, с. 32].

Уже сегодня можно отметить, что современные социальные технологии образуют многоуровневую конструкцию, лежащую в основе национальной безопасности России. Посредством образовательных программ, использования психоисторического анализа и внедрения когнитивных инструментов формируется прочная национальная идентичность, которая обеспечивает способность общества эффективно реагировать на внешние испытания и внутренние риски.

Специфика применения социальных технологий в обеспечении национальной безопасности России

В качестве примера использования социальных технологий в обеспечении национальной безопасности государства выступает, например, анализ практики применения «мягкой силы» – инструмента косвенного, ненасильственного воздействия, суть которого заключается в последовательном конструировании привлекательного и устойчивого образа страны на мировой арене с целью успешного отстаивания национальных интересов и создания благоприятных предпосылок для внутреннего прогресса [10, с. 969]. Подобная концепция находит свое теоретическое обоснование прежде всего в исследованиях коллективной идентичности. С этой точки зрения, процесс формирования общей идентичности выступает особой формой «мягкой силы», поскольку способствует консолидации общества и созданию единого социального пространства [15, с. 186]. Сама политика «мягкой силы» рассматривается через определенную «модель», где присутствуют три взаимосвязанных компонента: **нормативная база**, которая формируется концепциями, стратегиями и международными соглашениями, устанавливающими основные принципы взаимодействия; **организационный фундамент** составляют государственные институты и общественные структуры, обеспечивающие практическое воплощение этих норм; **процессуальная составляющая** включает конкретные механизмы реализации – от распределения ресурсов до определения стратегических приоритетов, отражающие реальные практики взаимодействия в этой сфере [6, с. 82]. Организационный фундамент предполагает создание конкретных институциональных механизмов, которые реализуются через три ключевых направления – культуру, ценности и внешнюю политику.

К эффективным инструментам «мягкой силы» в культурно-ценностной системе можно отнести следующие взаимосвязанные элементы:

1) образовательные стандарты и учебные программы, закрепляющие официальную позицию по ключевым историческим событиям;

2) мемориальная культура, включающая памятные даты, народные праздники, дни траура и мемориальные комплексы;

3) культурное наследие, представленное в художественной литературе, произведениях искусства и музейных экспозициях, освещающих исторические темы [6, с. 84].

Такие организации нацелены на развитие у граждан активной позиции и стремления участвовать в общественно-политических процессах через сотрудничество с государственными и некоммерческими структурами, при этом большое значение придается работе с профессиональными и социальными группами. Такой формат способствует формированию открытого пространства для глубокого обмена мнениями между населением и органами власти, что особенно важно для поиска эффективных решений внутренних проблем. В результате создаются условия для содержательного и конструктивного взаимодействия между обществом и государством при рассмотрении острых вопросов безопасности страны [7, с. 46].

Современные религиозные организации активно участвуют в решении внутренних и международных вопросов, а их деятельность неизбежно становится проводником конкретных ценностных ориентиров, влияющих на социальный ландшафт. Религиозные институты традиционно сохраняют статус влиятельных общественных структур, выполняющих многогранную социальную миссию. Помимо удовлетворения духовных запросов населения, они вносят существенный вклад в культурное развитие и формирование коллективной идентичности [6, с. 85].

Наряду с этим важную роль играют регулярная оценка результативности предпринимаемых шагов и выстраивание диалога с международными структурами, что реализуется через финансовую поддержку, правотворческую деятельность и продвижение собственных инициатив на мировой арене [6, с. 85].

Ключевыми инструментами «мягкой силы» во внешней политике выделяются следующие организации:

– дипломатические ведомства, включая Министерство иностранных дел и профильные учреждения, осуществляющие работу с зарубежной диаспорой и влияющие на формирование международной информационной повестки;

– международные СМИ, обладающие существенными возможностями: благодаря созданию мультиязычного контента они не только доносят до мировой аудитории точку зрения страны, но и активно участвуют в продвижении национальных культурных кодов, традиций и значимых общественно-политических идей;

– современное развитие цифровой дипломатии проявляется в активном использовании социальных сетей, специализированных интернет-платформ и мультимедийных ресурсов, что позволяет осуществлять целенаправленное взаимодействие с иностранной аудиторией.

– аналитический компонент представлен экспертными сообществами и исследовательскими центрами, выполняющими функцию «экспертной дипломатии» через разработку стратегических концепций и их продвижение в профессиональной среде;

– завершающим элементом системы является участие национальных представительств в работе международных организаций, где обеспечивается защита государственных интересов через финансовые, кадровые и организационные механизмы [6, с. 87].

Формирование образа России на международной арене опирается на базовые национальные ресурсы: высокий уровень интеллектуального и профессионального развития граждан, успехи в экономике, многогранное культурное наследие, степень государственности и качество жизни населения. Политика «мягкой силы» получает нормативное воплощение в ряде стратегических документов – именно в них эта концепция закрепляется официально на уровне пяти основополагающих актов:

1. Подпрограмма международного гуманитарного сотрудничества в рамках внешнеполитической деятельности.
2. Программа «Информационное общество» (2011–2020).
3. Стратегия развития культуры и туризма (2013–2020).
4. Федеральный проект «Экспорт образования» [6, с. 90].

В центре внимания регулирования находятся три ключевые сферы: расширение культурного присутствия, распространение русского языка и последовательная поддержка соотечественников за пределами страны.

Подводя итог анализа российской модели «мягкой силы», мы видим, что демонстрируется наличие системного подхода, сочетающего нормативное регулирование, организационные механизмы и практическую реализацию. Сформированная архитектура охватывает ключевые направления влияния – от культурной дипломатии до образовательных проектов, что создает основу для последовательного продвижения национальных интересов.

Заключение

Задача обеспечения национальной безопасности сегодня не ограничивается компетенциями силовых либо нормативно-правовых органов. На авансцену выходят многослойные социальные механизмы, проникающие в самую ткань коллективного самосознания и формирующие акценты в системе общественных ценностей.

Особое значение приобретает внедрение программ, способствующих формированию гражданской солидарности и патриотизма, что выступает объединяющим элементом российской идентичности. Такие задачи решаются через обновлённые воспитательные практики, исто-

рические нарративы и внедрение психосоциальных подходов, укрепляя основу национального самосознания.

В результате современная модель национальной безопасности в России становится интегральной многокомпонентной системой, где юридические гарантии, экономическая прочность, развитие патриотического сознания и образовательные усилия соединяются при помощи эффективных социальных методик.

Литература

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3758.

2. О безопасности: федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ: (ред. от 28.04.2023) //Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 32.

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 //Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 1 (часть II). – Ст. 4821.

4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 //Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.

5. Босхолов С.С. Национальная безопасность России теоретико-правовой и прикладной аспекты: монография / С.С. Босхолов. – Москва: Проспект, 2023. – 456 с.

6. Ворочков А.П. Институциональное измерение политики «мягкой силы»: методика анализа и российский опыт [Электронный ресурс] / А.П. Ворочков // Управленческое консультирование. – 2021. – № 7(151). – С. 80–97. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnoe-izmerenie-politiki-myagkoy-sily-metodika-analiza-i-rossiyskiy-opyt (дата обращения: 19.10.2025).

7. Галас М.Л. «Мягкая сила» как инструмент стабильности общественно-политической формации современной России [Электронный ресурс] // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т. 9, № 1(37). – С. 44–50. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kak-instrument-stabilnosti-obschestvenno-politicheskoy-formatsii-sovremennoy-rossii (дата обращения: 19.02.2026).

8. Ковалев А.А. Современные технологии как эффективный способ укрепления национального менталитета в контексте обеспечения национальной безопасности [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 7 (477). – С. 27–35. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-kak-effektivnyy-sposob-ukrepleniya-natsionalnogo-mentaliteta-v-kontekste-obespecheniya-natsionalnoy (дата обращения: 21.02.2026).

9. Манохина Н.В. Когнитивные технологии и их роль в современной экономике [Электронный ресурс] // Новый университет. Серия «Экономика и право» – 2023. № [2]. С. 2 (36). С 52–53. Режим доступа: [https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-tehnologii-i-ih-rol-v-sovremennoy-ekonomike] (дата обращения: 15.02.2026).

10. Метелева, Е.Р. Формирование патриотизма как социальная технология: понятия, элементы, индикаторы [Электронный ресурс] // Е.Р. Метелева // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 965–979. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-patriotizma-kak-sotsialnaya-tehnologiya-ponyatiya-elementy-indikatory (дата обращения: 12.01.2026).

11. Олешкевич Т.А., Лескова И.В., Бурляева В.А., Семкина Е.Н. Политические технологии формирования патриотизма в современной России: десятилетний анализ [Электронный ресурс] // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 3. С. 15–24. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tehnologii-formirovaniya-patriotizma-v-sovremennoy-rossii-desyatiletniy-analiz (дата обращения: (17.02.2026).

12. Петрова Е.И. Патриотизм как социальный феномен в контексте национальной и гражданской идентичности [Электронный ресурс] // Восточно-европейский научный журнал. 2024. № 7 (104). С. 55–58. Режим доступа: [https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-kak-sotsialnyy-fenomen-v-kontekste-natsionalnoy-i-grazhdanskoy-identichnosti] (дата обращения: 18.02.2026).

13. Петросян Д.С., Скрипник О.Б. Технологии просвещения в сфере обеспечения социально-экономической безопасности населения [Электронный ресурс] // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2023. – № 2. – С. 8–15. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-prosvescheniya-v-sfere-obespecheniya-sotsialno-ekonomicheskoy-bezopasnosti-naseleniya (дата обращения: (19.02.2026).

14. Рудницкий С.А. Правовое обеспечение национальной безопасности: концептуальные подходы и принципы [Электронный ресурс] // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 655–657. – Режим доступа – https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-natsionalnoy bezopasnosti-kontseptualnye-podhody-i-printsipy (дата обращения: 20.02.2026).

15. Шаповалова, А.М. «Мягкая сила» как технология обеспечения национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции [Электронный ресурс] // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 12–2. – С. 182–190. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kak-tehnologiya-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti-v-usloviyah-geopoliticheskoy-konkurentsii (дата обращения: 19.01.2026).

16. Эриашвили Н.Д. Национальная безопасность: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» / под ред. Н.Д. Эриашвили, О.А. Мироновой, К.К. Гасанова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. – 271 с.

17. Эсетова А.М., Алиева З.М., Хамбулатова З.Р. Обеспечение экономической безопасности страны в условиях цифровой трансформации [Электронный ресурс] // Прикладные экономические исследования. 2023. № 1. С. 153–160. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-ekonomicheskoy-bezopasnosti-strany-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii (дата обращения: (15.02.2026).

SOCIAL TECHNOLOGIES FOR ENSURING NATIONAL SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Grigoriev N.Yu.
Military University named after Prince Alexander Nevsky

In the context of recent geopolitical and social upheavals, national security issues require innovative and comprehensive solutions that go beyond traditional methods of forceful intervention. Modern social mechanisms of influence have become increasingly important as tools that enable the state to foster a mature civic consciousness, promote a sense of unity, and maintain the spiritual foundations that define society's independence. These approaches aim to create a strong social foundation that is resilient to external pressures and internal conflicts, primarily through the use of soft and non-violent persuasion. The object of the study is Russia's national security. The subject of the study is the essence, typology, and content of social technologies for ensuring national security in Russia.

Keywords: national security, social technologies, soft power, patriotic education, strategic planning, and cognitive technologies.

References

1. On Strategic Planning in the Russian Federation: Federal Law No. 172-FZ dated June 28, 2014 //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 26 (Part I). – Art. 3758.

2. On Security: Federal Law No. 390-FZ dated December 28, 2010: (as amended on April 28, 2023) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 1. – Art. 32.

3. On the National Security Strategy of the Russian Federation: approved by By Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 //Collection of legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 1 (part II). – art. 4821.

4. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 683 dated December 31, 2015 //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 1 (Part II). – Art. 212.

5. Boskholov, S.S. National Security of Russia: Theoretical, Legal, and Applied Aspects: Monograph / S.S. Boskholov. – Moscow: Prospekt, 2023. – 456 p.

6. Vorochkov, A.P. Institutional Measurement of Soft Power Policy: Analysis Methods and Russian Experience [Electronic resource] / A.P. Vorochkov // Management Consulting. – 2021. – No. 7(151). – Pp. 80–97. Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnoe-izmerenie-politiki-myagkoy-sily-metodika-analiza-i-rossiyskiy-opyt (accessed: 19.10.2025).

7. Galas, M.L. "Soft Power" as a Tool for the Stability of the Socio-Political Formation in Modern Russia [Electronic resource] // Humanities. Bulletin of the Financial University. – 2019. – Vol. 9, No. 1(37). – Pp. 44–50. Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kak-instrument-stabilnosti-obschestvenno-politicheskoy-formatsii-sovremennoy-rossii (accessed: 19.02.2026).

8. Kovalev, A.A. Modern Technologies as an Effective Way to Strengthen the National Mentality in the Context of Ensuring National Security [Electronic resource] // Bulletin of the Chelyabinsk State University. – 2023. – No. 7 (477). – Pp. 27–35. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-kak-effektivnyy-sposob-ukrepleniya-natsionalnogo-mentaliteta-v-kontekste-obespecheniya-natsionalnoy (accessed: 21.02.2026).

9. Manokhina N.V. Cognitive Technologies and Their Role in the Modern Economy [Electronic resource] //New University. Series "Economics and Law" – 2023. No. [2]. P. 2 (36). Pp. 52–53. Access mode: [https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-tehnologii-i-ih-rol-v-sovremennoy-ekonomike [date of access: 02/15/2026].

10. Meteleva, E.R. The formation of patriotism as a social technology: concepts, elements, indicators [Electronic resource] //E.R. Meteleva // Baikal Research Journal. – 2024. – Vol. 15, No. 3. – Pp. 965–979. Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-patriotizma-kak-sotsialnaya-tehnologiya-ponyatiya-elementy-indikatory (accessed on January 12, 2026).

11. Oleshkevich T.A., Leskova I.V., Burlyaeva V.A., Semkina E.N. Political Technologies of Forming Patriotism in Modern Russia: A Ten-Year Analysis [Electronic resource] // Society: Politics, Economics, Law. 2025. No. 3. Pp. 15–24. Access mode: https://cyberlen-

inka.ru/article/n/politicheskie-tehnologii-formirovaniya-patriotizma-v-sovremennoy-rossii-desyatiletniy-analiz (date of access: (17.02.2026).

12. Petrova E.I. Patriotism as a Social Phenomenon in the Context of National and Civil Identity [Electronic resource] // East European Scientific Journal. 2024. No. 7 (104). Pp. 55–58. Access mode: [https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-kak-sotsialnyy-fenomen-v-kontekste-natsionalnoy-i-grazhdanskoy-identichnosti] (accessed: 18.02.2026).

13. Petrosyan D.S., Skripnik O.B. Technologies of Education in the Field of Ensuring Social and Economic Security of the Population [Electronic resource] //Innovative Economy: Information, Analytics, Forecasts. – 2023. – No. 2. – Pp. 8–15. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-prosvescheniya-v-sfere-obespecheniya-sotsialno-ekonomicheskoy-bezopasnosti-naseleniya (date of access: (19.02.2026).

14. Rudnitsky, S.A. Legal Support for National Security: Conceptual Approaches and Principles [Electronic resource] //Law and State: Theory and Practice. – 2025. – No. 3. – Pp. 655–657. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-natsionalnoy-bezopasnosti-kontseptualnye-podkhody-i-printsipy (accessed: 20.02.2026).

15. Shapovalova, A.M. "Soft Power" as a Technology for Ensuring National Security in the Context of Geopolitical Competition [Electronic resource] // Social and Humanitarian Knowledge. – 2016. – No. 12–2. – Pp. 182–190. Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kak-tehnologiya-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti-v-usloviyah-geopoliticheskoy-konkurentsii (date of reference: 01/19/2026).

16. Eriashvili N.D. National security: a textbook for university students studying in the specialty "Economic security" / edited by N.D. Eriashvili, O.A. Mironova, K.K. Hasanov. – 2nd edition, revised and expanded. – Moscow: UNITY-DANA, 2022. – 271 p.

17. Esetova A.M., Alieva Z.M., Khambulatova Z.R. Ensuring the Country's Economic Security in the Context of Digital Transformation [Electronic resource] //Applied Economic Research. 2023. No. 1. Pp. 153–160. Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-ekonomicheskoy-bezopasnosti-strany-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii (date of request: (02/15/2026).

Инженерный труд как форма реализации человеческого потенциала и творчества.

Шитов Сергей Борисович,
доктор философских наук, профессор, кафедра философии и социального управления, ФГБОУ ВО «МГТУ СТАНКИН»
E-mail: read2000@mail.ru

Джораев Вепа,
аспирант, кафедра философии и социального управления, ФГБОУ ВО «МГТУ СТАНКИН»
E-mail: dvepa7@mail.ru

Инженерный труд рассматривается как одна из наиболее полных форм реализации человеческого потенциала. В нём органично соединяются аналитическое мышление, творческая интуиция и практическое воплощение идей. Статья раскрывает, как в процессе инженерной деятельности человек преодолевает ограничения, проявляет креативность и достигает состояния потока, превращая техническую задачу в акт творчества. Особое внимание уделяется психологическим и философским аспектам инженерного труда как способа самореализации в современном мире.

Ключевые слова: Инженерный труд, человеческий потенциал, творчество, самореализация, креативность, инженерное мышление, состояние потока, техническое творчество.

Именно в инженерном творчестве наиболее полно реализуется взаимодействие научного мышления, художественного воображения и социальной ответственности, составляющее сущностную основу инженерного труда как формы реализации человеческого потенциала. В отличие от ремесленной традиции, предполагающей тиражирование известных образцов, инженерная деятельность ориентирована на инновацию, вариативность решений и системную адаптацию проектных идей к изменяющимся условиям. В рамках этой парадигмы мышления инженер работает не с объектами напрямую, а с их идеальными представлениями, техническими заданиями и схемами, что сближает его деятельность с формами научного и художественного мышления [7].

Показательно, что чертёж – ключевой инструмент в инженерной практике – выполняет функцию не только описания технической реальности, но и представляет собой своеобразный язык коммуникации, интерпретации и материализации замысла. Как утверждают исследователи, именно в чертеже концентрируется синтез рационального, креативного и техно-эстетического компонентов инженерного труда, что делает возможным его рассмотрение в категориях гуманитарного знания и философии техники [8].

Таким образом, инженерный труд, выступая формой предметно-преобразующей деятельности, одновременно является пространством реализации человеческого потенциала и творческой свободы. Его сущность заключается в способности проектировать будущее, принимать ответственные решения, учитывать последствия технического вмешательства в природу и социум. Соответственно это не только профессия, но и философия действия, где синтез знаний, интуиции, ответственности и воображения формирует новый облик профессиональной культуры инженера.

Как указывается в научной литературе, творчество представляет собой универсальный феномен, охватывающий все сферы социальной и профессиональной практики, включая инженерную. Именно через творчество человек осуществляет наиболее полное раскрытие своего внутреннего потенциала, выходя за рамки рутинного воспроизводства и реализуя способность к порождению нового, оригинального, социально и культурно значимого продукта [9]. В данном контексте инженерная деятельность предстает как синтез рационального и интуитивного, технического и гуманитарного, репродуктивного и креативного начал.

Существенным признаком инженерного творчества является его направленность на преодоление неопределенности, поиск нестандартных решений в условиях ограниченности ресурсов и высокой степени технологической сложности. Таким образом, инженерный труд выходит за рамки простой реализации алгоритмов или инструкций – он требует интеллектуальной гибкости, способности к абстрагированию, прогнозированию и комплексному анализу. Это подтверждается в трудах отечественных исследователей, где подчёркивается, что инженерный труд представляет собой тип деятельности, где «создание нового» осуществляется в контексте жёсткой нормативности, технологических регламентов и социальной ответственности [8].

Инженерная деятельность связана не только с трансформацией объектов внешнего мира, но и с внутренней трансформацией самого субъекта деятельности. По мере усложнения проектных задач и появления новых научно-технических проблем происходит и развитие личностных качеств инженера: усиливаются способности к системному мышлению, развивается научная интуиция, формируется мировоззренческая ответственность за последствия проектных решений. Именно сочетание научных знаний, технологической компетентности и осознанного отношения к последствиям своей деятельности формирует образ инженера как личности, способной не просто создавать, но и нести ответственность за созданное [4].

Современная инженерия постепенно выходит за рамки исключительно технической сферы и приобретает ярко выраженное социально-гуманитарное измерение. Инженер уже не ограничивается созданием машин или инфраструктурных объектов – его деятельность всё чаще включает проектирование социальных миров, то есть систем, в которых техника органично соединяется с человеком, обществом и культурной средой. Такой поворот связан не только с усложнением технических систем, но и с их глубоким проникновением во все сферы жизни: от медицины и образования до транспорта и городской инфраструктуры.

В этих условиях возрастает ответственность инженера за последствия собственных решений. Техническая новация теперь оценивается не только по эффективности и функциональности, но и по критериям этической обоснованности, экологической устойчивости и безопасности. Примером может служить разработка «умных» городов: инженер обязан учитывать не только энергоэффективность зданий или логистику, но и вопросы приватности данных, равный доступ к технологиям и снижение экологической нагрузки.

Таким образом, инженер превращается в социально-технического архитектора, деятельность которого направлена не на автономные устройства, а на комплексные системы, влияющие на образ жизни общества. Подобный подход формирует новую парадигму инженерного труда, в которой он рассматривается как практика не только преобразования природы, но и ответственного конструирования человеческого будущего.

Вектор развития инженерного труда определяется не только цифровизацией, но и расширением сфер его практического применения. Сегодня инженерная деятельность всё чаще выходит за пределы традиционных отраслей и включает гибридные формы, находящиеся на стыке техники, биологии, медицины и информационных технологий.

Одним из наиболее динамичных направлений является биоинженерия и медицина. Здесь инженерные методы используются для создания искусственных органов, биосовместимых материалов, систем геномного редактирования и медицинских роботов. Подобные проекты требуют не только владения технологическим инструментарием, но и понимания этических рисков, связанных с вмешательством в природу человека [10].

Не менее значимой областью выступает кибербезопасность и квантовые технологии. Усложнение цифровой инфраструктуры общества делает инженеров ответственными за защиту данных и устойчивость информационных систем. Одновременно с этим квантовые вычисления открывают новые горизонты обработки информации, требуя от специалистов принципиально нового уровня подготовки и переосмысления методов проектирования.

Отдельного внимания заслуживает энергетика и «зелёные» технологии. Разработка возобновляемых источников энергии, совершенствование систем накопления и распределения, а также внедрение «умных» сетей превращают инженера в ключевого участника глобальной стратегии по обеспечению экологической устойчивости. Здесь техническая компетентность сочетается с социальной ответственностью, поскольку от качества инженерных решений зависит баланс между развитием экономики и сохранением природной среды.

Инженерный труд объединяет различные сферы науки и практики. Инженер становится связующим звеном между биотехнологиями, информационными системами и энергетическими комплексами, что придаёт его работе междисциплинарный и стратегический характер.

Таким образом, инженерный труд – это не просто форма труда, направленного на создание технических объектов, но и особая форма жизнедеятельности, в которой человек реализует свой творческий, интеллектуальный и духовный потенциал. Его творческая направленность проявляется как в создании инновационных технических решений, так и в способности к ценностно-ориентированному преобразованию окружающей действительности в интересах прогресса и гуманизации научно-технической культуры.

Итак, завершая параграф, следует отметить следующие выводы.

Инженерная деятельность выступает не просто как профессиональное исполнение заданных функций, но как сфера, в которой происходит интенсивная реализация человеческого потенциала в его когнитивном, ценностном и деятельностном измерениях. Как подчёркивается в исследовании Д.В. Нижниковой и Т.Л. Михайловой, инженерное мышление формируется на стыке художественного, технического и научного стилей познания, что предопределяет его творческую направленность и человеческий потенциал [3].

Творческий характер инженерной деятельности проявляется в умении специалиста оперировать абстрактными конструкциями и переводить их в форму конкретных технических решений. Основу инженерного мышления составляет способность к проектной рациональности, в которой сочетаются интуиция, опыт и анализ. Инженер, таким образом, не копирует существующие образцы, а создаёт принципиально новые формы, отвечающие изменяющимся потребностям общества. Подобное мышление ориентировано на будущее и предполагает высокий уровень ответственности перед обществом и природной средой.

Отдельного внимания заслуживает понимание чертежа как универсального языка инженерного мышления. Чертёж не только является средством коммуникации между конструктором и исполнителем, но также представляет собой особую форму визуализации технической мысли [1]. Тем самым обеспечивается сопряжение рационального и образного компонентов инженерного мышления, что позволяет говорить о его интегративной природе.

В философской перспективе инженерное творчество следует рассматривать как акт онтологического участия человека в процессе миропреобразования. Конструктор, проектируя и реализуя технические системы, не просто адаптируется к реальности, но активно её перестраивает, задавая новые формы взаимодействия с окружающим миром. Именно в этом контексте инженерный труд выступает как форма человеческого самовыражения и реализации творческого потенциала, воплощённого в технологии.

Кроме того, инженерная деятельность приобретает новое содержание в условиях индустриальных революций 4.0–6.0, где цифровизация, киберфизические системы, искусственный интеллект и квантовые вычисления становятся её неотъемлемыми инструментами. Инженер сегодня работает не только с материальными объектами, но и с данными, алгоритмами, цифровыми двойниками, что меняет саму структуру труда и методологию мышления.

Одновременно инженерия выступает как социально-гуманитарный проект: специалист отвечает за экологическую устойчивость, этическую оправданность и социальную безопасность внедряемых технологий. Инженер превращается в социально-технического архитектора, чья деятельность затрагивает базовые параметры общественного развития.

Современный инженер сталкивается с необходимостью учитывать не только технические, но и гуманитарные параметры своей деятельности: экологическую устойчивость, эргономичность, социальную значимость и этическую обоснованность технических решений, что делает инженерное творчество многоуровневым, включающим как проектно-технический, так и аксиологический, культурный и даже экзистенциальный планы. Отсюда следует, что инженерный труд требует не только профессиональной компетенции, но и глубокой гуманитарной подготовки, позволяющей интегрировать технические решения в контекст человеческого бытия [1].

Литература

1. Gorokhov V.G. Technoscience as a new form of modern scientific and technical activity. Filosofiya nauki = Philosophy of Science. 2011;(16):181–199. (In Russ.)

2. Gofman O.O., Osokin A.I. Formation of systems thinking skills among engineering students (on the example of the Department of Geotechnics of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering). Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitelnogo universiteta = Bulletin of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. 2019;(2):112–118. (In Russ.)

3. Nizhnikova D.V., Mikhaylova T.L. Design engineer: freedom of thought and creative labor as the foundation of the profession. In: Materialy X Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy konferentsii “Studencheskiy nauchnyy forum” = Proceedings of the 10th International Student Scientific Conference “Student Scientific Forum”. 2012:120–125. (In Russ.)

4. Gofman O.O., Osokin A.I. Formation of systems thinking skills among engineering students (on the example of the Department of Geotechnics of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering). Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitelnogo universiteta = Bulletin of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. 2019;(2):112–118. (In Russ.)

5. Katsoulakis E., Wang Q., Wu H., et al. Digital twins for health: a scoping review. npj Digital Medicine. 2024;7(1):77. doi: https://doi.org/10.1038/s41746-024-01073-0.

6. Date G., Chandrasekharan S. Adapting engineering design thinking for sustainability. International Journal of Technology and Design Education. 2025;35(3):1245–1283. doi: https://doi.org/10.1007/s10798-024-09927-0.

7. Date G., Klaber R. Adapting engineering design thinking for sustainability. International Journal of Technology and Design Education. 2024. doi: 10.1007/s10798-024-09927-0. Available at: https://link.springer.com/article/10.1007/s10798–024–09927–0 (accessed 14.09.2025). (In Eng.)

8. Gorokhov V.G. Filosofiya tekhniki: uchebnoe posobie = Philosophy of Technology: textbook. Moscow: Logos; 2003. 94 p. (In Russ.)

9. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. Tvorchestvo i tvorcheskie sposobnosti = Creativity and creative abilities. In: Psikhologiya tvorchestva = Psychology of Creativity. Moscow: Bolshoy psikhologicheskiy slovar; 2003. 165 p. (In Russ.)

10. Katsoulakis E., Wang Q., Wu H., et al. Digital twins for health: a scoping review. npj Digital Medicine. 2024;7(1):77. doi: https://doi.org/10.1038/s41746-024-01073-0. (In Eng.)

ENGINEERING WORK AS A FORM OF REALIZING HUMAN POTENTIAL AND CREATIVITY

Shitov S.B., Joraev Vepa
Stankin moscow state Technical University

Engineering work is examined as one of the most complete forms of human potential realization. It seamlessly integrates analytical thinking, creative intuition, and practical implementation of ideas. The article explores how, in the course of engineering activity, individuals overcome limitations, express creativity, and achieve a state of flow, transforming technical challenges into acts of creation. Special attention is given to the psychological and philosophical aspects of engineering labor as a means of self-realization in the modern world.

Keywords: Engineering work, human potential, creativity, self-realization, creative thinking, engineering mindset, flow state, technical creativity.

References

1. Gorokhov V.G. Technoscience as a new form of modern scientific and technical activity. Filosofiya nauki = Philosophy of Science. 2011;(16):181–199. (In Russ.)

2. Gofman O.O., Osokin A.I. Formation of systems thinking skills among engineering students (on the example of the Department of Geotechnics of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering). Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitelnogo universiteta = Bulletin of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. 2019;(2):112–118. (In Russ.)

3. Nizhnikova D.V., Mikhaylova T.L. Design engineer: freedom of thought and creative labor as the foundation of the profession. In: Materialy X Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy konferentsii "Studencheskiy nauchnyy forum" = Proceedings of the 10th International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum". 2012:120–125. (In Russ.)

4. Gofman O.O., Osokin A.I. Formation of systems thinking skills among engineering students (on the example of the Department of Geotechnics of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering). Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitelnogo universiteta = Bulletin of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. 2019;(2):112–118. (In Russ.)

5. Katsoulakis E., Wang Q., Wu H., et al. Digital twins for health: a scoping review. npj Digital Medicine. 2024;7(1):77. doi: https://doi.org/10.1038/s41746-024-01073-0.

6. Date G., Chandrasekharan S. Adapting engineering design thinking for sustainability. International Journal of Technology and Design Education. 2025;35(3):1245–1283. doi: https://doi.org/10.1007/s10798-024-09927-0.

7. Date G., Klaber R. Adapting engineering design thinking for sustainability. International Journal of Technology and Design Education. 2024. doi: 10.1007/s10798-024-09927-0. Available at: https://link.springer.com/article/10.1007/s10798–024–09927–0 (accessed 14.09.2025). (In Eng.)

8. Gorokhov V.G. Filosofiya tekhniki: uchebnoe posobie = Philosophy of Technology: textbook. Moscow: Logos; 2003. 94 p. (In Russ.)

9. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. Tvorchestvo i tvorcheskie sposobnosti = Creativity and creative abilities. In: Psikhologiya tvorchestva = Psychology of Creativity. Moscow: Bolshoy psikhologicheskiy slovar; 2003. 165 p. (In Russ.)

10. Katsoulakis E., Wang Q., Wu H., et al. Digital twins for health: a scoping review. npj Digital Medicine. 2024;7(1):77. doi: https://doi.org/10.1038/s41746-024-01073-0. (In Eng.)

Конструирование территориальной привлекательности: соотношение понятия «образ», «имидж», «бренд»

Дробышева Мария Юрьевна,
аспирант Высшей школы современных социальных наук
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: mystrelec@mail.ru

В статье проводится сравнительный анализ категорий «образ региона», «имидж региона» и «бренд региона» в контексте социологии управления. Показано, что в научной литературе данные понятия нередко употребляются синонимично, что приводит к методологической неопределённости и затрудняет прикладное использование категориального аппарата в исследованиях территориального развития. На основе сопоставления по четырём критериям – сущностной основе, характеру формирования, степени управляемости и ключевой функции – предложено их системное разграничение. Обосновано, что образ выступает глубинной культурно-идентификационной матрицей территории, имидж – инструментом институциональной репрезентации и управления восприятием, а бренд – стратегической формой институционализации и капитализации символических ресурсов региона. Сделан вывод о необходимости иерархического подхода к символическому управлению территорией, предполагающего последовательность: диагностика образа – проектирование имиджа – формирование бренда.

Ключевые слова: образ региона; имидж региона; бренд территории; региональная идентичность; социальное конструирование.

Введение

В современных условиях обострившейся межрегиональной и глобальной конкуренции формирование привлекательного образа территории становится стратегическим императивом регионального управления. Регион, борющийся за человеческий капитал, инвестиции и таланты, вынужден работать не только с экономическим потенциалом, но и с представлениями о себе, циркулирующими среди разных аудиторий. Образ региона при этом предстает не просто как набор рекламных или пиар-образов, а как сложный продукт социального конструирования, в котором пересекаются рациональные факторы (социально-экономические, институциональные) и эмоционально-когнитивные компоненты (коллективные мифы, стереотипы, символы) [19, с. 28]..

Понятие «образ региона» имеет на сегодняшний день методологическую размытость. В академической литературе часто наблюдается синонимичное или перекрывающееся употребление терминов «образ», «имидж» и «бренд», при этом их концептуальные границы редко подвергаются критическому анализу [28, с. 175–176]. Особенно такая терминологическая неясность затрудняет теоретическое понимание феномена образа территории и прикладное проектирование территориального развития. В частности остаются открытыми вопросы о том, из каких компонентов складывается образ региона, каковы его субъект и объекты конструирования, и какова логика процесса формирования образа во времени.

Цель данной статьи – выявить концептуальные различия и взаимосвязи между понятиями «образ региона», «имидж региона» и «бренд региона» и определить их место в системе символического управления территорией.

Теоретические подходы к понятиям: «образ/имидж/бренд региона»

Понятие «регион» в социологических исследованиях рассматривается вне рамок формальных административных границ. С точки зрения теории социального конструктивизма регион рассматривается как «социальный конструкт», обладающий собственной внутренней структурой и формой пространственного восприятия, формируемой как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях [8, с. 82]. Это означает, что «образ региона» не сводится к набору управленческих параметров, а складывается в результате социального взаимодействия, культурной репрезентации, повседневных практик и символических кодов. Понятие «образ региона» коррелирует с территориальной индивидуальностью, но может не совпадать с политико-административными границами [16, с. 52].

Территория в таком контексте понимается как определённое, институционально очерченное пространство, находящееся в юрисдикции региональных и муниципальных властей. Она включает не только физико-географические параметры, но и экономическую, социальную и культурную инфраструктуру [18, с. 16]. В рамках социологического анализа понятия «регион» и «территория» могут рассматриваться как функционально эквивалентные – оба отражают и структурные, и символические характеристики пространства.

Одним из ключевых факторов развития региона является его территориальная индивидуальность [10, с. 86]. Данное понятие позволяет выделить основные аспекты привлекательности региона и его ключевые особенности. Образ региона формируется в совокупности всех компонентов территориальной привлекательности региона.

В научной литературе существует различные теоретические подходы к анализу сущностных аспектов территориального образа. Политико-психологический подход (Е.Б. Шестопал [22], Н.С. Виноградова [4], Т.Б. Бокова [1], Н.З. Хасан [33], Л.А. Габрадхаманова [5], А.Г. Смирнова [29] и другие) фокусируется на спонтанном образе, возникающей в сознание населения, и на стратегическом имидже политических лидеров как символе власти. Например, Е.Б. Шестопал разграничивает стихийно складывающийся образ государства и целенаправленно формируемый имидж, отмечая, что последний – продукт сознательного политического воздействия, в то время как первый возникает «в массовом сознании» без внешнего управления [22, с. 58]. Культурологический подход (А.В. Федорова[32], В.И. Журавлева[11],

И.В. Гринева[9], Е.А. Третьяченко [31], и др.) обращает внимание на визуальные и знаковые репрезентации территории – символы, архетипы и нарративы, циркулирующие в СМИ, кино и культуре. В этой плоскости образ региона конструируется через устойчивые культурные коды и общественные мифы.

Гуманитарно-географическая школа (Д.Н. Замятин [12], Н.Ю. Замятина [13], и др.) рассматривает географический образ как продукт когнитивных «сделок сознания» с территорией. Здесь подчеркивается, что географические представления не сводятся к картам, а возникают на пересечении воображения, памяти и символического мышления. Так, в понимании метагеографии образ территории рассматривается как совокупность устойчивых символов, смыслов и историко-культурных кодов, образующих уникальный «портрет» региона; границы региона при этом задаются не столько картографически, сколько чувством территориальной принадлежности населения.

Социологические исследования образа территории (Р.К. Кулаковский [20], В.А. Кононенко [17], Е.Е. Рябцева [25] и др.) направлены на изучение специфических черт региона, отражаемых в сознании местных жителей и жителей других регионов, что способствовало развитию новой отрасли знания – социологии региона.

Д.П. Гавра и А.С. Савицкая, описывают мультиуровневую структуру регионального образа. «Образ региона представляет собой многослойное образование, формируемое на пересечении проективного и стихийного восприятия» [6, с. 190]. Он существует в непосредственной, опосредованной и смешанной формах и включает элементы: региональную специфику, лидера, бренды, мифологию, географию, институты и бизнес-среду. При этом образ не статичен, а динамичен и подвержен влиянию как внутренних ожиданий жителей, так и внешней информационной среды.

Феномен «образ региона» в рамках конструктивистского подхода понимается как результат не единовременного формирования, а как процесс постоянного воспроизводства в общественном сознании. Он закрепляется через систему представлений, стереотипов и символов, циркулирующих в официальных дискурсах, медиа и повседневных практиках. Как отмечает Ю.А. Черныш, образ территории – это «набор убеждений и ощущений, которые возникают у людей по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических и других особенностей территории» [34, с. 95]. Региональная идентичность при этом выступает интегральной частью образа в процессе его конструирования, задавая «чувство места» и усиливая эмоциональную связь населения с территорией. По мнению Г.М. Казаковой, именно идентичность выполняет функцию социальной сплочённости и задаёт «антропологическое воображение», объединяющее жителей региона в символическое сообщество [14, с. 19].

Несмотря на продуктивность рассмотренных теоретических направлений, каждое из них фиксирует преимущественно отдельный аспект символического пространства региона. Политико-психологический подход акцентирует управляемость имиджа, однако в меньшей степени учитывает культурно-исторический фактор формирования образа. Гуманитарно-географический подход раскрывает глубину символического переживания территории, но ограниченно описывает институциональные механизмы репрезентации. Социологические модели стремятся к интеграции уровней анализа, однако не всегда проводят чёткую границу между стихийными элементами образа и конструируемыми имиджевыми компонентами. В нашем случае рассматривается интегративный подход, где образ это результат социального конструирования в рамках стратегического управления регионом.

В связи с этим необходимо детальное изучение данного феномена со смежными понятиями имидж и бренд.

Имидж региона представляет собой целенаправленно формируемую систему представлений о регионе, ориентированную на управление его восприятием различными целевыми аудиториями. В отличие от образа региона, складывающегося преимущественно в процессе стихийного социального опыта, имидж региона носит проектный характер и предполагает наличие субъекта формирования и коммуникационной стратегии.

В психологической интерпретации имидж региона определяется как устойчивое, эмоционально окрашенное впечатление о регионе, закреплённое в массовом сознании. По Д.А. Леонтьеву, имидж региона является результатом осознанной и целенаправленной репрезентации, тогда как образ региона формируется стихийно и воспроизводится в повседневном опыте [21, с. 19]. Таким образом, имидж региона связан с управляемым конструированием символического представления о регионе.

В политико-коммуникационной перспективе (Э.А. Галумов и др.) имидж региона рассматривается как инструмент государственной и региональной политики [7]. Он характеризуется упрощённостью по отношению к реальному региону, акцентированием его уникальности, селективностью репрезентации и изменчивостью. Имидж региона формируется через ограниченный набор символов и транслируется преимущественно посредством институциональных и медийных каналов, выполняя функцию управляемого позиционирования региона во внешнем и внутреннем пространстве.

Маркетингово-экономический подход (Ф. Котлер [19], А.И. Панкрухин [24], И.С. Важенина [3], С.Г. Важенин [2], О.М. Калиева [15] и др.) акцентирует восприятие региона со стороны различных аудиторий. В данной традиции имидж региона трактуется как совокупность рациональных и эмоциональных убеждений, представлений и впечатлений о регионе. Он зависит от личного опыта, информационной среды и медиадискурсов, может различаться у разных групп и изменяться под воздействием коммуникационных инструментов.

Социологическая перспектива (Д.П. Гавра, А.С. Савицкая [6, с. 196]. и др.) подчёркивает когнитивно-эмоциональную структуру имиджа региона и его связь с коллективными стереотипами. В этом контексте имидж региона выступает как оценочная конструкция, фиксирующая восприятие конкурентных преимуществ, проблем и возможностей региона различными социальными группами.

Имидж региона не является исключительно позитивной конструкцией. Наряду с благоприятными представлениями могут закрепляться и устойчивые негативные оценки («анти-имидж региона»), ассоциируемые с экономическими трудностями, криминогенностью, экологическими рисками или социальной маргинализацией. Негативный имидж региона формируется как на основе объективных дисфункций региона, так и вследствие внешней стигматизации и медийных клише. Его воспроизводство зачастую выходит за рамки управляемых коммуникаций, что ограничивает эффективность исключительно информационных мер и требует институциональных и социальных изменений в самом регионе.

Таким образом, имидж региона обладает рядом устойчивых характеристик: проектностью, селективностью, зависимостью от целевых аудиторий, сочетанием рациональных и эмоциональных компонентов и потенциальной изменяемостью. В системе символического конструирования региона имидж занимает промежуточное положение между стихийным образом региона и стратегически институционализированным брендом региона, обеспечивая управляемую трансляцию отобранных характеристик региона в публичное пространство.

В научной литературе понятие «бренд региона» преимущественно рассматривается в рамках маркетингового и социально-коммуникационного подходов, акцентирующих различные аспекты его формирования.

В маркетинговой традиции бренд региона интерпретируется через понятие уникальности, конкурентоспособности и потребительской ценности. И.С. Важенина определяет бренд региона как совокупность уникальных качеств и устойчивых ценностей, отражающих своеобразие региона [3, с. 50]. В работах М.В. Селюкова, Н.П. Шалыгиной, Р.А. Скачкова и Е.В. Курач [26], [27] бренд региона рассматривается как фактор восприятия, формируемый на основе позитивного имиджа региона и способствующий созданию конкурентных преимуществ, а также выступающий активом региональной экономики. В этой логике бренд региона получает экономическое измерение и связывается с параметрами инвестиционной, туристической и рейтинговой привлекательности региона, поддающимися сравнительной оценке.

Социально-коммуникационный подход рассматривает бренд региона как институционально закреплённую систему символов и смыслов. В концепции С. Анхольта бренд региона соотносится с региональной идентичностью и отражает стратегически интегрированное представление о регионе [35, с. 100]. Модель конкурентной идентичности (competitive identity) предполагает, что восприятие региона формируется под воздействием взаимосвязанных компонентов – туризма, экспорта, внутренней политики, культуры и наследия, инвестиций и иммиграции, а также человеческого фактора. Тем самым бренд региона выступает не как искусственно сконструированный имидж, а как целостная репрезентация реальных характеристик и потенциалов региона. Н.С. Тихонова дополняет данную позицию, рассматривая бренд региона как символ, формирующий предпосылки накопления символического бренд-капитала региона [30, с. 19].

Таким образом, если образ региона формируется преимущественно снизу как отражение социальной практики, а имидж региона представляет собой управляемую коммуникацию, то бренд региона связан с институциональным закреплением и стратегической интеграцией символических характеристик региона в систему его конкурентного позиционирования. При этом бренд региона обладает экономическим из-

мерением, проявляясь в показателях инвестиционной, туристической и репутационной привлекательности с возможностями сравнительной оценки. В практике позиционирования региона возможна поливариантность бренда: у одного региона могут сосуществовать несколько брендовых направлений (суббрендов), поддерживаемых через различные материальные и символические формы и адресованных разным целевым аудиториям.

Для аналитической фиксации различий между образом региона, имиджем региона и брендом региона необходима их систематизация по единым основаниям, в рамках сравнительного анализа

Сравнительный анализ проводился по следующим критериям: сущностная основа; характер формирования; субъект формирования; объект воздействия (целевые аудитории; степень управляемости; ключевая функция.

Выбор обозначенных критериев обусловлен необходимостью соотнесения анализируемых категорий с различными уровнями социального конструирования и управленческого воздействия. В совокупности они позволяют проследить трансформацию представлений о регионе – от стихийного коллективного восприятия к институционально закреплённому и экономически значимому символическому ресурсу (табл. 1).

Таблица 1. Соотношение понятий «образ», «имидж» и «бренд» региона

Критерий	Образ региона	Имидж региона	Бренд региона
Сущностная основа	Стихийно или исторически сложившееся целостное восприятие региона, формируемое на основе коллективного опыта и региональной идентичности.	Целенаправленно формируемое представление, акцентирующее определённые характеристики региона.	Институционально закреплённая и стратегически оформленная система символических и репутационных характеристик региона.
Характер формирования	Преимущественно спонтанный; результат накопленного жизненного опыта, повседневных практик и стихийной социальной репрезентации.	Осознанный, проектный процесс; создаётся через управляемые коммуникационные стратегии и медиатехнологии.	Системный и долгосрочный процесс; реализуется в рамках стратегий территориального брендинга и маркетинговых программ.
Субъект формирования	Население региона, локальные сообщества, историческая память, культурная среда.	Институциональные акторы: органы власти, PR-структуры, эксперты, медиа.	Коалиция акторов: региональная власть, бизнес, культурные институции, маркетинговые структуры.
Объект воздействия (целевые аудитории)	Прежде всего сами жители региона; также внешние аудитории в форме естественного восприятия.	Конкретные целевые группы: инвесторы, туристы, население, федеральные и международные партнёры.	Внутренние и внешние стейкхолдеры; инвестиционные и туристические рынки; партнёры и потребители региональных продуктов.
Степень управляемости	Низкая: поддаётся лишь опосредованному влиянию; выступает объектом анализа.	Средняя: частично управляем, но связан с устойчивыми культурными кодами.	Высокая: формируется и корректируется целенаправленно в рамках стратегического управления.
Ключевая функция	Формирование глубинной эмоционально-когнитивной основы региональной идентичности.	Репрезентация региона в коммуникационном пространстве; инструмент позиционирования.	Капитализация символических ресурсов региона; повышение инвестиционной, туристической и репутационной привлекательности.

Источник: составлено автором.

Результаты анализа, представленные в таблице 1, показывают, что категории «образ региона», «имидж региона» и «бренд региона» формируют неразрывную, но иерархически организованную систему символического представления территории. Образ региона – он формируется преимущественно стихийно, через историческую память, коллективный опыт и символические коды повседневности. Этот образ отражает не только эмоционально-когнитивные оценки, но и ценностные ожидания, закрепляющиеся в массовом сознании.

Имидж региона опирается на образ как на основу, но отличается направленностью и управляемостью. Он возникает в пространстве институциональной и медийной коммуникации, чаще всего конструируется целенаправленно и выполняет функцию управления восприятием территории внешними и внутренними аудиториями. Имидж служит операциональным инструментом влияния, формируя «упакованное» представление о регионе в соответствии с задачами власти, бизнеса или медиа.

Бренд региона представляет собой коммерциализированную версию символического капитала. Это результат длительной и стратегически выстроенной политики, направленной на капитализацию нематериальных ресурсов территории. Бренд включает в себя не только визуально-коммуникационные элементы, но и ценностно-смысловую платформу, способную презентовать регион как целостный, привлекательный и конкурентоспособный субъект экономических и культурных процессов.

Таким образом, образ – имидж – бренд следует рассматривать не как синонимичные понятия, а как уровни единой смысловой пирамиды, в которой каждый элемент обладает собственной функцией и степенью управляемости. Понимание этих различий позволяет уточнить методологию анализа регионального символического пространства и выстраивать более эффективные стратегии территориального развития и идентичностного позиционирования.

С точки зрения социологии управления предложенное разграничение имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Смешение понятий «образ», «имидж» и «бренд» в управленческой практике приводит к подмене стратегической работы с краткосрочными коммуникационными кампаниями. Устойчивый территориальный бренд не может быть сформирован вне опоры на органически сложившийся образ, а коррекция имиджа требует учёта глубинных культурных кодов и ценностных установок населения. Следовательно, эффективная региональная политика предполагает последовательность: диагностика сложившегося образа – проектирование целевого имиджа – институционализация конкурентной идентичности в форме бренда.

Литература

1. Бокова Т.Б. Политико-психологический анализ образа России в массовом сознании гра– ждан КНР: Дисс. … канд. полит. наук. М., 2011. –180 с.
2. Важенина И.С., Важенин С.Г. Имидж, репутация и бренд территории //Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2008. – No. 8 (410). – С. 3–16.
3. Важенина, И.С. Имидж и бренд региона: сущность и особенности формирования / И.С. Важенина // Экономика региона. – 2009. – № 1. -С. 49–58.
4. Виноградова Н.С. Политико-психологический анализ образа России в англо– американских печатных СМИ: Дисс. … канд. полит. наук. – М., 2010. – 138 с.
5. Габдрахманова Л.А. Особенности восприятия Республики Татарстан в России и за рубежом (на материалах исследования респондентов от 18 до 35 лет): Дисс. … канд. полит. наук. – М., 2011. – 195 с.
6. Гавра Д.П., Савицкая А.С., Шишкин Д.П. Внешний имидж государства в медиапространстве // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2011. – No3. – С. 187–195.
7. Галумов Э.А. Имидж против имиджа. – М.: Известия, 2005. – 551 с.
8. Головнёва Е.В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале сибирского региона). Дисс. … д-ра филос. наук. – Екатеринбург: ОмПГУ, 2018. – 282 с.
9. Гринёв И.В. Роль национальной российской культуры в формировании международного имиджа страны: автореф. дисс. … канд. философ. наук. – М., 2009. –24 с.
10. Гринчель, Б.М. Российские регионы: конкурентная привлекательность и устойчивость развития / Б.М. Гринчель, Е.А. Назарова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2019. – 248 с.
11. Журавлева В.И. «Давид против Голиафа»: образ России в американской политической карикатуре периода Русско-японской войны // США и Канада. – 2007. No10. – С. 66–84.
12. Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. – М.: Аграф, 2004. – 512 с.
13. Замятина Н.Ю. Взаимовлияние образов географических объектов: постановка проблемы // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. –2002. Вып. 15. –С. 170–195.

14. Казакова Г.М. Российская региональная идентичность: культурологический дискурс // Вестник МГУКИ. 2008. – № 6. – С. 16–20.

15. Каргаполова Е.В. Развитие социокультурного потенциала современного российского региона в условиях институциональных изменений: Дисс. … д-ра социол. наук. Астрахань, 2014. – 375 с.

16. Кононенко В.А. Формирование национального образа Финляндии как аспект внешней политики современного государства: дис. … канд. полит. наук. – М., 2005. – 151 с.

17. Коробкова Н.А. Маркетинг взаимодействия в системе управления социально-экономическим потенциалом территории: дисс. … канд. экон. наук. – Пенза, 2015. – 230 с

18. Котлер Ф. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн. – СПб.: Издательство Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005 г. –384 с.

19. Кулаковский Р.К. Имидж политической власти как ресурс регионального управления в России //Дис. на соиск. уч. ст.к. полит.н. – М. – 2009. –248 с.

20. Леонтьев Д.А. От образа к имиджу. Психосемантический брендинг // Реклама и жизнь. – 2000. – No 1. – С. 19–22.

21. Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 288 с.

22. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий: согласование позиций //Практический маркетинг. – 2010. – No. 4. – С. 4–8.

23. Рябцева Е.Е. Американское общественное мнение по проблемам внешней политики и его место в политической системе США: дис. … д-ра полит. наук. – Волгоград, 2002. – 342 с.

24. Усатова Л. В., Селюков М.В., Шалыгина Н.П. О роли брендинга в наращивании социально-экономического потенциала региона // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2011. – № . 34. – С. 39–44.

25. Селюков, М.В. Формирование конкурентоспособного бренда региона /Н. П. Шалыгина, Е.В. Курач, Р.А. Скачков // Фундаментальные исследования. –Пенза: Изд-во «Академия Естествознания». – 2011. – № 8 (часть 3). –С. 702–705.

26. Сидорская И.В. Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях проблемы медиарепрезентации территорий // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. –2021. – No3. – С. 173–187.

27. Смирнова А.Г. Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений: дис. … канд. полит. наук. – М., 2004. – 207 с.

28. Тихонова, Н.С. Брендинг территории и оценка его эффективности: автореф. дис. … канд. экон. наук / Н.С. Тихонова. – Санкт-Петербург, 2009. – 22 с.

29. Третьяченко Е.А. Образ Советской России в творчестве американских писателей и публицистов в историко– культурном контексте 1917–1991 гг.: дис. … канд. культур. – Шуя, 2010. – 196 с.

30. Федоров А.В. Трансформация образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010). –М.: Изд-во МОО «Информация для всех», 2010. –202 с.

31. Хасан Н.З. Образ России в арабском мире (исследование 2009–2010 гг.): автореф. дис. … канд. полит. наук. –М., 2011. –25 с.

32. Черныш Ю. А. О формировании образа территории как социальной проблеме //Альманах современной науки и образования. – 2016. – No. 5. – С. 94–96.

33. Anholt S. Branding Places and Nations // Clifton R., Simmons J., el al.Brands and Branding. Princeton, NJ: Bloomberg Press, 2004.

CONSTRUCTING TERRITORIAL ATTRACTIVENESS: THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF REGIONAL REPRESENTATION, PROJECTED REGIONAL IMAGE AND REGIONAL BRAND

Drobysheva M.Yu.
Lomonosov Moscow State University

This article provides a comparative analysis of the concepts 'regional representation', 'projected regional image', and 'regional brand' within the field of the sociology of management. It has been demonstrated that in academic literature these concepts are frequently used synonymously. This results in methodological ambiguity and has complicated the application of the conceptual framework in studies of territorial development.

Based on a comparison across four criteria–ontological basis, mode of formation, degree of manageability, and key function–a systematic differentiation of these concepts is proposed. It is argued that regional representation functions as a deep cultural and identity-based matrix of a territory; the projected regional image serves as an instrument of institutional representation and perception management; and regional brand represents a strategic form of institutionalisation and capitalisation of a region's symbolic resources.

The article concludes that a hierarchical approach to the symbolic management of a territory is necessary, involving the following sequence: analysis of regional representation; development of a projected regional image; formation of a regional brand.

Keywords: regional representation; projected regional image; territorial brand; regional identity; social construction.

References

1. Bokova, T.B. (2011) Politico-psychological analysis of the image of Russia in the mass consciousness of citizens of the PRC. PhD dissertation (Political Science). Moscow, 180 p.

2. Vazhenina, I.S. and Vazhenin, S.G. (2008) 'Projected Image, reputation and brand of a territory', EKO: All-Russian Economic Journal, (8(410)), Pp. 3–16.

3. Vazhenina, I.S. (2009) 'Projected Image and brand of a region: essence and features of formation', Economy of Region, (1), Pp. 49–58.

4. Vinogradova, N.S. (2010) Politico-psychological analysis of the image of Russia in Anglo-American print media. PhD dissertation (Political Science). Moscow, 138 p.

5. Gabdrakhmanova, L.A. (2011) Features of the perception of the Republic of Tatarstan in Russia and abroad (based on a survey of respondents aged 18–35). PhD dissertation (Political Science). Moscow, 195 p.

6. Gavra, D.P., Savitskaya, A.S. and Shishkin, D.P. (2011) 'External image of the state in the media space', Bulletin of Saint Petersburg State University. Language and Literature, (3), Pp. 187–195.

7. Galumov, E.A. (2005) Image versus image. Moscow: Izvestia, 551 p.

8. Golovneva, E.V. (2018) Construction of regional identity in contemporary culture (based on the Siberian region). Doctoral dissertation (Philosophy). Ekaterinburg: OmGPU, 282 p.

9. Grinev, I.V. (2009) The role of national Russian culture in shaping the international image of the country. PhD dissertation abstract (Philosophy). Moscow, 24 p.

10. Grinchel, B.M. and Nazarova, E.A. (2019) Russian regions: competitive attractiveness and sustainability of development. St Petersburg: Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 248 p.

11. Zhuravleva, V.I. (2007) '"David versus Goliath": the image of Russia in American political cartoons during the Russo-Japanese War', USA and Canada, (10), Pp. 66–84.

12. Zamyatin, D.N. (2004) Metageography: Space of images and images of space. Moscow: Agraf, 512 p.

13. Zamyatina, N.Yu. (2002) 'Interinfluence of images of geographical objects: problem statement', Issues of Economic and Political Geography of Foreign Countries, (15), Pp. 170–195.

14. Kazakova, G.M. (2008) 'Russian regional identity: a cultural discourse', Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts, (6), Pp. 16–20.

15. Kargapolova, E.V. (2014) Development of the socio-cultural potential of a modern Russian region under conditions of institutional change. Doctoral dissertation (Sociology). Astrakhan, 375 p.

16. Kononenko, V.A. (2005) Formation of the national image of Finland as an aspect of the foreign policy of a modern state. PhD dissertation (Political Science). Moscow, 151 p.

17. Korobkova, N.A. (2015) Marketing of interaction in the system of managing the socio-economic potential of a territory. PhD dissertation (Economics). Penza, 230 p.

18. Kotler, Ph., Asplund, K. and Rein, I. (2005) Place marketing: Attracting investment, enterprises, residents and tourists to cities, municipalities, regions and countries of Europe. St Petersburg: Stockholm School of Economics in St Petersburg, 384 p.

19. Kulakovsky, R.K. (2009) The image of political power as a resource of regional governance in Russia. PhD dissertation. Moscow, 248 p.

20. Leontiev, D.A. (2000) 'From image to brand: psychosemantic branding', Advertising and Life, (1), Pp. 19–22.

21. Shestopal, E.B. (ed.) (2008) Images of states, nations and leaders. Moscow: Aspect Press, 288 p.

22. Pankrukhin, A.P. (2010) 'Marketing of territories: coordination of positions', Practical Marketing, (4), Pp. 4–8.

23. Ryabtseva, E.E. (2002) American public opinion on foreign policy issues and its place in the political system of the USA. Doctoral dissertation (Political Science). Volgograd, 342 p.

24. Usatova, L.V., Selyukov, M.V. and Shalygina, N.P. (2011) 'On the role of branding in strengthening the socio-economic potential of a region', Bulletin of Rostov State University of Economics (RINH), (34), Pp. 39–44.

25. Selyukov, M.V., Shalygina, N.P., Kurach, E.V. and Skachkov, R.A. (2011) 'Formation of a competitive regional brand', Fundamental Research, Penza: Academy of Natural Sciences, (8, part 3), Pp. 702–705.

26. Sidorskaya, I.V. (2021) 'On the use of the terms "representation" and "projected image" in Russian-language studies of media representation of territories', Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism, (3), Pp. 173–187.

27. Smirnova, A.G. (2004) The image of the state as a factor in foreign policy decision-making. PhD dissertation (Political Science). Moscow, 207 p.

28. Tikhonova, N.S. (2009) Territorial branding and evaluation of its effectiveness. PhD dissertation abstract (Economics). St Petersburg, 22 p.

29. Tretyachenko, E.A. (2010) The image of Soviet Russia in the works of American writers and publicists in the historical and cultural context of 1917–1991. PhD dissertation (Cultural Studies). Shuya, 196 p.

30. Fedorov, A.V. (2010) Transformation of the image of Russia on Western screens: from the era of ideological confrontation (1946–1991) to the modern stage (1992–2010). Moscow: Information for All, 202 p.

31. Khasan, N.Z. (2011) The image of Russia in the Arab world (study 2009–2010). PhD dissertation abstract (Political Science). Moscow, 25 p.

32. Chernysh, Yu.A. (2016) 'On the formation of the image of a territory as a social problem', Almanac of Modern Science and Education, (5), Pp. 94–96.

33. Anholt, S. (2004) 'Branding places and nations', in Clifton, R. and Simmons, J. (eds.) Brands and Branding. Princeton, NJ: Bloomberg Press.

Социологические механизмы воспроизводства педагогических норм и ценностей в условиях трансформации современного образовательного пространства

Зайцев Олег Николаевич,
кандидат военных наук, доцент кафедры «Безопасность жизнедеятельности», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: OLNZajtsev@fa.ru

Фадеев Михаил Константинович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры «Безопасность жизнедеятельности», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: michail.fadeev@mail.ru

Тюрников Александр Павлович,
кандидат военных наук, доцент кафедры «Безопасность жизнедеятельности», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: Tyurnikov2012@list.ru

Извеков Дмитрий Анатольевич,
кандидат военных наук, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: daizvekov@fa.ru

Данилина Марина Викторовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры «Безопасность жизнедеятельности», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: marinadanilina@ya.ru

В фокусе анализа находится сложная динамика социологических механизмов воспроизводства педагогических норм и ценностей в условиях радикальной трансформации современного образовательного пространства, где институциональные изменения переплетаются с цифровизацией коммуникативных практик, рыночной логикой управления и размыванием традиционных социальных иерархий. Педагогические ценности, исторически укорененные в идеалах служения, просвещения и нравственного наставничества, вступают в напряженное взаимодействие с конкурирующими императивами эффективности, измеримости результатов, клиентоориентированности и технологической инновационности, что приводит к модификации профессионального габитуса, возникновению гибридных стратегий адаптации и сопротивления среди педагогов. Многоуровневый подход позволяет раскрыть, как макропроцессы изменения социальной стратификации, трансформации семьи, государственной политики и глобальных экономических конъюнктур взаимодействуют с мезоуровнем организационных культур, профессиональных сообществ и институциональных мифов, а также с микроуровнем повседневных интеракций, ритуальных практик и биографических траекторий. Интеграция перспектив структурного функционализма, теории социального воспроизводства, неоинституционализма, социологии профессий и теории социальных полей выявляет ключевые механизмы – институциональные, социализационные, коммуникативные и рефлексивные, – определяющие устойчивость, эрозию или трансформацию нормативно-ценностных оснований педагогической деятельности.

Ключевые слова: социологические механизмы, педагогические ценности, профессиональный габитус, институциональный изоморфизм, символическое насилие

Введение

Образовательное пространство как сложноорганизованная социальная система переживает период глубинных структурных изменений, затрагивающих не только институциональные формы организации учебного процесса, но и фундаментальные основания педагогической деятельности – нормы и ценности, определяющие содержание и направленность профессионального взаимодействия. Современное общество, характеризуемое высокой степенью неопределённости, цифровизацией коммуникативных практик и размыванием традиционных социальных иерархий, ставит перед системой образования вопросы, которые не могут быть разрешены исключительно в пределах педагогической науки [3]. Социологическая оптика позволяет зафиксировать те латентные процессы, которые разворачиваются на уровне воспроизводства профессиональных сообществ, трансляции символических структур и поддержания институциональной идентичности. Именно в поле социологического знания формируются концептуальные средства для описания того, каким образом педагогические нормы и ценности не просто передаются от одного поколения профессионалов к другому, но трансформируются, адаптируются или утрачивают свою регулятивную функцию под давлением внешних социальных факторов.

Проблематика воспроизводства ценностно-нормативных оснований педагогической деятельности приобретает особую остроту в условиях, когда образование всё чаще рассматривается через призму рыночной логики, сервисной модели и менеджериальных подходов к оценке эффективности [7]. Сдвиг от понимания образования как общественного блага к его интерпретации в терминах экономической рациональности влечёт за собой не только перестройку организационных механизмов, но и глубокие изменения в структуре профессиональной мотивации педагогов, в системе ожиданий со стороны обучающихся и их семей, в характере взаимодействия образовательных институтов с государством и гражданским обществом. Ценностные ориентиры, которые исторически формировали профессиональный этос педагога – служение, просвещение, нравственное наставничество, – оказываются в ситуации конкуренции с ценностями производительности, измеримости результатов и клиентоориентированности [11]. Этот конфликт не сводится к абстрактному философскому спору о целях образования; он проявляется в конкретных социальных практиках, в повседневных решениях, которые принимают педагоги, администраторы и родители, и потому нуждается в систематическом социологическом анализе.

Целью настоящего исследования является выявление и теоретическая реконструкция социологических механизмов, посредством которых педагогические нормы и ценности воспроизводятся, модифицируются или утрачивают своё значение в условиях трансформации образовательного пространства. Предметом анализа выступают не столько сами нормы и ценности в их содержательном наполнении, сколько социальные процессы и структуры, обеспечивающие их устойчивость или, напротив, способствующие их эрозии [14]. Такая постановка вопроса предполагает обращение к классическим и современным социологическим теориям, описывающим механизмы институционализации, социализации, легитимации и символического воспроизводства, а также к эмпирическим данным, накопленным в социологии образования и социологии профессий.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляет сочетание нескольких аналитических подходов, позволяющих рассмотреть проблему воспроизводства педагогических норм и ценностей с различных теоретических позиций. Прежде всего, был применён метод сравнительного теоретического анализа, направленный на сопоставление концептуальных моделей, разработанных в рамках структурного функционализма, социального конструктивизма, теории практик и критической социологии образования [9]. Систематизация и критическая оценка этих подходов осуществлялась с учётом их объяснительного потенциала применительно к современным условиям функционирования образовательных систем. Использовался также метод вторичного анализа данных, представленных в отечественных и зарубежных публикациях по социологии

образования, социологии профессий и институциональной социологии [5]. Обращение к уже существующим эмпирическим результатам позволило подкрепить теоретические обобщения конкретными наблюдениями, зафиксированными в различных национальных контекстах.

Результаты и обсуждение

Обращение к классическим социологическим теориям показывает, что проблема воспроизводства нормативно-ценностных оснований профессиональной деятельности была осмыслена уже в работах основоположников социологии, хотя и в иных терминах. Э. Дюркгейм, рассматривая образование как механизм социальной интеграции и морального воспитания, фактически описал процесс институциональной трансмиссии ценностей, в котором педагог выступает не автономным субъектом, а носителем коллективных представлений, транслирующим их новым поколениям [2]. В дюркгеймовской перспективе педагогические нормы обладают принудительной силой не потому, что они навязываются административным путём, а потому, что они укоренены в коллективном сознании общества и воспринимаются как естественные и самоочевидные. Этот механизм работает устойчиво до тех пор, пока общество сохраняет достаточную степень ценностного консенсуса; в ситуации аномии, когда старые нормы теряют свою обязательность, а новые ещё не сформировались, воспроизводство педагогических ценностей оказывается под угрозой. Применительно к современному образовательному пространству дюркгеймовская модель сохраняет свою эвристическую ценность, однако нуждается в существенной корректировке, поскольку условия позднего модерна характеризуются не столько аномией в классическом смысле, сколько ценностным плюрализмом и сосуществованием конкурирующих нормативных порядков.

Принципиально иной ракурс анализа предлагает теория социального воспроизводства, наиболее последовательно разработанная в трудах П. Бурдьё и Ж.-К. Пассрона [4]. Согласно этой концепции, образовательная система выполняет функцию легитимации и воспроизводства существующих социальных неравенств, причём ключевую роль в этом процессе играет символическое насилие – навязывание определённой системы значений в качестве единственно законной, при одновременном сокрытии властных отношений, лежащих в основе этого навязывания. Педагогические нормы и ценности в бурдьевистской перспективе предстают не как нейтральные профессиональные стандарты, а как элементы символической системы, обслуживающей интересы доминирующих социальных групп. Воспроизводство этих норм осуществляется через механизмы педагогической работы – систематическое воздействие, направленное на формирование определённого габитуса у обучающихся и, что менее очевидно, у самих педагогов. Габитус педагога, сформированный в ходе его собственной академической социализации и профессиональной подготовки, определяет те практики и оценки, которые он воспроизводит в своей повседневной деятельности, часто не рефлексируя над их социальной обусловленностью.

Бурдьевистский подход позволяет обратить внимание на то обстоятельство, что трансформация образовательного пространства затрагивает не только формальные институциональные рамки, но и глубинные структуры профессионального габитуса педагогов [8]. Когда меняются правила игры в образовательном поле – вводятся новые системы оценивания, стандартизируются процедуры контроля качества, внедряются цифровые технологии обучения – педагоги оказываются перед необходимостью реструктуризации своих диспозиций, что порождает различные стратегии адаптации. Одни педагоги принимают новые правила и интегрируют их в свою практику, другие оказывают сопротивление, сохраняя верность усвоенным ранее нормам и ценностям, третьи вырабатывают гибридные стратегии, сочетающие элементы старого и нового. Именно в этих процессах адаптации и сопротивления и разворачивается реальная динамика воспроизводства педагогических ценностей, которая не может быть сведена ни к простой трансмиссии, ни к механическому замещению одних норм другими.

Существенный вклад в понимание рассматриваемых механизмов вносит институциональная теория, в частности её неоинституционалистская версия, представленная работами П. Димаджио и У. Пауэлла, а также Дж. Мейера и Б. Роуэна. С позиций неоинституционализма образовательные организации подвержены мощному давлению институциональной среды, которое побуждает их к изоморфизму – уподоблению доминирующим организационным моделям вне зависимости от реальной функциональной необходимости [6]. Этот процесс имеет несколько форм: принудительный изоморфизм, связанный с регулятивным давлением государства; миметический изоморфизм, обусловленный стремлением копировать успешные образцы в условиях неопределённости; нормативный изоморфизм, порождаемый профессионализацией и стандартизацией подготовки кадров. Педагогические нормы и ценности в этой перспективе воспроизводятся не только через непосредственное взаимодействие педагогов, но и через институциональные мифы – рационализированные представления о том, какой должна быть правильная образовательная организация, какими качествами должен обладать эффективный педагог, какие результаты должна демонстрировать система образования.

Неоинституциональный анализ обнаруживает характерный для современного образовательного пространства феномен декаплинга – расхождения между формально декларируемыми нормами и реальными практиками [10]. Образовательные организации могут формально принимать новые требования – компетентностный подход, инклюзивность, студентоцентрированное обучение – и демонстрировать соответствие им на уровне документов и отчётности, в то время как повседневные практики преподавания остаются в значительной мере неизменными. Этот разрыв между церемониальной и операциональной стороной деятельности указывает на то, что механизмы воспроизводства педагогических ценностей обладают значительной инерцией и не могут быть переключены одним лишь административным решением. Ценности, укоренённые в профессиональной культуре и подкреплённые повседневным опытом, оказываются более устойчивыми, чем предписания нормативных документов, и их трансформация требует гораздо более длительного времени и более глубоких изменений в условиях профессиональной деятельности.

Отдельного рассмотрения заслуживает роль профессиональных сообществ как агентов воспроизводства педагогических норм и ценностей. Социология профессий, начиная с работ Э. Фрейдсона и Э. Эбботта, рассматривает профессиональное сообщество как социальную структуру, обладающую собственными механизмами контроля над входом в профессию, определением стандартов компетентности и поддержанием профессиональной этики [13]. В случае педагогической профессии эти механизмы имеют свою специфику, связанную с тем, что педагогическое сообщество исторически характеризовалось относительно слабой автономией по сравнению с такими профессиями, как медицина или юриспруденция. Государство традиционно играло ключевую роль в определении содержания педагогической деятельности, стандартов подготовки и критериев оценки, что ограничивало возможности профессионального сообщества самостоятельно формировать и транслировать свои ценности. В условиях трансформации эта ситуация усугубляется: с одной стороны, усиливается внешний контроль через механизмы аккредитации, мониторинга и рейтингования; с другой стороны, размываются границы самой профессии в связи с приходом в образование представителей других профессиональных сфер и распространением нетрадиционных форм обучения.

Вместе с тем было бы неточным представлять педагогическое сообщество как пассивный объект внешних воздействий. Социологические исследования показывают, что внутри профессиональных сообществ действуют собственные механизмы ценностной регуляции, которые могут как поддерживать, так и противостоять внешним импульсам к изменению [15]. Среди этих механизмов особое значение имеют неформальные нормы, передаваемые в ходе профессиональной социализации – через наставничество, взаимодействие с коллегами, участие в профессиональных ритуалах. Молодой педагог, приходящий в школу или вуз, усваивает не столько формально прописанные требования, сколько неписаные правила поведения, негласные иерархии значимости различных аспектов педагогической работы, разделяемые представления о том, что значит быть хорошим учителем. Эти неформальные нормы нередко расходятся с официальным дискурсом и могут служить механизмом сопротивления навязываемым извне изменениям, формируя своеобразную контркультуру внутри формально унифицированной институциональной среды.

С позиций теории социальных полей можно утверждать, что образовательное поле в настоящее время переживает период интенсивной борьбы за определение доминирующего принципа иерархизации – того критерия, по которому определяются позиции агентов и распределяются ресурсы [8]. Если ранее основным капиталом в образовательном поле выступал капитал академический – объём и глубина знаний, научная репутация, педагогическое мастерство, – то сегодня всё большее значение приобретает капитал менеджериальный – способность привлекать финансирование, демонстрировать формальные показатели эффективности, управлять проектами. Это смещение имеет прямые последствия для воспроизводства педагогических ценностей: те ценности, которые не конвертируются в признаваемые поле формы капитала, постепенно маргинализируются, а их носители утрачивают свои позиции. Педагог, ориентированный на глубокую работу со студентами, на формирование критического мышления и нравственных качеств, может оказаться в проигрышной позиции по сравнению с коллегой, который успешно публикует статьи в индексируемых журна-

лах и привлекает грантовое финансирование, даже если качество его непосредственной педагогической работы оставляет желать лучшего.

Механизм селективного воспроизводства ценностей, описанный выше, действует и на уровне подготовки будущих педагогов. Программы педагогического образования формируют определённый набор компетенций и ценностных ориентаций, которые затем транслируются в профессиональную практику выпускников [9]. Содержание этих программ, в свою очередь, определяется государственными образовательными стандартами, институциональными традициями конкретных вузов и профессиональными установками преподавателей, которые сами являются продуктами определённой системы ценностей. Здесь обнаруживается своеобразный круг воспроизводства: педагогические ценности передаются от одного поколения педагогов к другому через систему профессиональной подготовки, которая сама является институциональным воплощением этих ценностей. Разрыв этого круга – например, через радикальную реформу педагогического образования – может привести к существенной трансформации ценностного ландшафта, однако эффекты такой трансформации проявляются с значительным временным лагом, поскольку новые выпускники, приходя в образовательные организации, сталкиваются с действующими нормами и вынуждены к ним адаптироваться.

Анализ роли государственной образовательной политики как фактора воспроизводства педагогических ценностей требует учёта того обстоятельства, что государство выступает не единым и последовательным субъектом, а ареной столкновения различных интересов и идеологий [6]. Образовательная политика формируется под воздействием множества акторов – чиновников, экспертов, представителей бизнеса, профессиональных ассоциаций, родительских организаций – и нередко содержит в себе противоречивые установки. Требование повышения качества образования может сочетаться с сокращением финансирования; призыв к творчеству и инновациям – с усилением бюрократического контроля и стандартизации. Педагоги, оказывающиеся адресатами этих противоречивых требований, вынуждены выстраивать собственные стратегии совладания, которые неизбежно включают в себя элемент ценностного выбора. В условиях, когда институциональное давление не является однонаправленным, индивидуальная и коллективная агентность педагогов приобретает особое значение для определения того, какие именно нормы и ценности будут воспроизведены, а какие – отвергнуты или модифицированы.

Сравнительный анализ различных национальных контекстов показывает, что механизмы воспроизводства педагогических ценностей существенно различаются в зависимости от характера политической системы, степени централизации управления образованием, культурных традиций и экономического уровня развития страны [14]. В странах с сильными профессиональными ассоциациями и высокой степенью автономии педагогического сообщества – таких как Финляндия – воспроизводство ценностей в значительной мере определяется внутрипрофессиональными нормами и механизмами коллегиального самоуправления. В странах с высокоцентрализованными образовательными системами – как, например, Китай или Сингапур – ведущую роль играет государственная политика и административные механизмы. Российский контекст представляет собой особый случай, в котором сочетаются элементы централизованного управления с разнообразием региональных практик, наследие советской системы образования с попытками внедрения западных моделей, высокий культурный статус образования с относительно невысоким социально-экономическим положением педагогов. Это сочетание создаёт уникальную конфигурацию факторов, определяющих динамику воспроизводства педагогических ценностей.

Обращение к российскому контексту позволяет зафиксировать несколько значимых тенденций. Прежде всего, советская образовательная система создала мощный механизм ценностной трансмиссии, основанный на идеологической унификации, централизованной подготовке кадров и высоком общественном статусе педагогической профессии [7]. Распад Советского Союза и последующие реформы привели к разрушению этого механизма, однако инерция советского педагогического этоса оказалась значительной. Исследования показывают, что многие базовые ценности советской педагогической культуры – приоритет фундаментального знания, коллективизм, ответственность педагога за нравственное воспитание – продолжают воспроизводиться в практиках современных педагогов, хотя и в модифицированном виде. Одновременно с этим происходит усвоение новых ценностей, привнесённых реформами: ориентация на международные стандарты, индивидуализация обучения, развитие критического мышления. Результатом становится ценностный гибрид, в котором элементы различных нормативных систем сосуществуют, не образуя целостной и непротиворечивой конфигурации.

Выводы

Проведённое исследование позволило выявить и систематизировать социологические механизмы, посредством которых педагогические нормы и ценности воспроизводятся в условиях трансформации современного образовательного пространства. Анализ показал, что эти механизмы носят многоуровневый и многоаспектный характер, включая институциональные, социализационные, коммуникативные и рефлексивные компоненты, действие которых не сводимо к простой линейной трансмиссии ценностей от одного поколения педагогов к другому. Воспроизводство педагогических ценностей представляет собой сложный социальный процесс, в котором участвуют различные агенты – государство, профессиональные сообщества, образовательные организации, средства массовой информации, семьи, сами обучающиеся, – каждый из которых вносит свой вклад в формирование ценностного ландшафта образования.

Сопоставление различных теоретических подходов – от классического функционализма Э. Дюркгейма до теории социального воспроизводства П. Бурдьё, от неоинституционализма до микросоциологии ритуалов взаимодействия – показало, что ни одна из существующих теоретических рамок не является самодостаточной для объяснения всей полноты рассматриваемых процессов. Каждый из подходов высвечивает определённый аспект проблемы: функционалистская перспектива акцентирует интегративную функцию педагогических ценностей; критическая социология обнажает их связь с отношениями власти и неравенства; институциональная теория раскрывает механизмы организационного конформизма и декаплинга; микросоциология позволяет увидеть, как ценности поддерживаются и трансформируются в повседневных практиках. Интеграция этих перспектив в единую аналитическую рамку, предложенная в настоящей работе, создаёт более целостное представление о динамике ценностного воспроизводства в образовании.

Выявленная типология механизмов воспроизводства педагогических ценностей имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет более дифференцированно подходить к вопросам образовательной политики. Понимание того, что формальные институциональные предписания затрагивают лишь один слой ценностного воспроизводства и могут расходиться с реальными практиками, указывает на необходимость более тонких инструментов работы с ценностными основаниями педагогической деятельности – инструментов, учитывающих роль неформальных профессиональных сообществ, поколенческих различий, биографических траекторий и ритуальных практик. Перспективным направлением является разработка подходов, которые позволили бы сочетать институциональное регулирование с поддержкой профессиональной рефлексии и создания пространств для диалога между носителями различных ценностных позиций внутри педагогического сообщества.

Литература

1. Ансимова Н.П., Ледовская Т.В., Солынин Н.Э. Ценностно-смысловая основа педагогической деятельности: сравнительный анализ отношения педагогов и учащихся педагогических классов // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 1. С. 37–51.

2. Харисова И.Г., Макеева Т.В., Казакова Е.И., Тарханова И.Ю. Выявление ценностно-смысловых ориентиров профессиональной педагогической деятельности с позиции социально-профессиональной общности современного учительства // Science for Education Today. 2021. Т. 11. № 5. С. 7–25.

3. Семёнова Н.А., Никитин А.А. Ценностно-смысловые ориентиры будущих педагогов: анализ понятий и обзор исследований на современном этапе // Научно-педагогическое обозрение. 2024. № 6 (58). С. 154–169.

4. Чеботарёва О.В. Ценностные ориентации как основа инклюзивной компетентности учителя // Научно-педагогическое обозрение. 2024. № 2 (54). С. 63–74.

5. Сажина С.Д. Ценностные ориентации будущих педагогов // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4 (50). С. 166–183.

6. Яковлева О.В. Модель ценностей цифровой образовательной среды как ориентир профессионального воспитания будущих учителей // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8. № 5. С. 561–568.

7. Кролевецкая Е.Н., Исаев И.Ф., Собянин Ф.И. Типология педагогического взаимодействия субъектов образовательного процесса в вузе: полисубъектный подход // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8. № 4. С. 413–418.

8. Чекалева Н.В., Алексеева Т.Ю. Развитие профессиональной идентичности на основе профессионально-ценностных ориентаций

будущих педагогов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 3 (32). С. 159–162.

9. Попов Д.С., Стрельникова А.В., Григорьева Е.А. Учителя в условиях «кризисной цифровизации»: на пороге «нового луддизма»? // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 55–77.

10. Козлова М.А., Симонова О.А., Мадфес О.Н. Социальные партнерства современной российской школы как инструменты формирования насыщенной образовательной среды и преодоления неравенства // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 1. С. 143–170.

11. Амбарова П.А. Целостность, структурность и функциональность повседневных практик научного наставничества как предмет микросоциологического анализа // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 4. С. 77–99.

12. Кролевецкая Е.Н., Исаев И.Ф. Социокультурная образовательная среда вуза как фактор развития полисубъектности будущего педагога // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 6. С. 114–135.

13. Газиева И.А., Бурашникова А.А. Компетентностный функциональный профиль преподавателя вуза: ценностный подход // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 3. С. 26–47.

14. Тарасов С.В., Спасская Е.Б., Проект Ю.Л. Образ преподавателя как фактор оценки образовательной среды вуза и учебной мотивации студентов // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 7. С. 52–73.

15. Синьюй Д. Приоритетные направления развития информационных проектов будущими педагогами России // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 6. С. 108–117.

SOCIOLOGICAL MECHANISMS OF REPRODUCTION OF PEDAGOGICAL NORMS AND VALUES IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF THE MODERN EDUCATIONAL SPACE

Zaitsev O.N., Fadeev M.K., Tyurnikov A.P., Izvekov D.A., Danilina M.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The analysis centers on the complex dynamics of the sociological mechanisms of reproduction of pedagogical norms and values under conditions of radical transformation of contemporary educational space, where institutional changes are intertwined with the digitalization of communicative practices, the market logic of management, and the blurring of traditional social hierarchies. Pedagogical values, historically rooted in the ideals of service, enlightenment, and moral mentorship, enter into tense interaction with competing imperatives of efficiency, measurability of results, client orientation, and technological innovativeness. This interaction results in the modification of professional habitus, the emergence of hybrid strategies of adaptation and resistance among teachers. A multilevel approach makes it possible to show how macro-processes of change in social stratification, family transformation, state policy, and global economic conjunctures interact with the mesolevel of organizational cultures, professional communities, and institutional myths, as well as with the microlevel of everyday interactions, ritual practices, and biographical trajectories. The integration of perspectives of structural functionalism, the theory of social reproduction, neo-institutionalism, the sociology of professions, and the theory of social fields reveals the key mechanisms–institutional, socialization-based, communicative, and reflexive–that determine the sustainability, erosion, or transformation of the normative-value foundations of pedagogical activity.

Keywords: sociological mechanisms, pedagogical values, professional habitus, institutional isomorphism, symbolic violence

References

1. Ansimova N.P., Ledovskaya T.V., and Solynin N.E. The Value-Based Framework of Pedagogical Activity: A Comparative Analysis of the Attitudes of Teachers and Students in Pedagogical Classes // Psychological Science and Education. 2022. Vol. 27. № 1. Pp. 37–51.

2. Kharisova I.G., Makeeva T.V., Kazakova E.I., and Tarkhanova I. Yu. Identification of Value and Semantic Guidelines for Professional Pedagogical Activity from the Perspective of the Social and Professional Community of Modern Teachers // Science for Education Today. 2021. Vol. 11. № 5. Pp. 7–25.

3. Semyonova N.A., Nikitin A.A. Value and Meaning Orientations of Future Teachers: Analysis of Concepts and Review of Research at the Present Stage // Scientific and Pedagogical Review. 2024. № 6 (58). Pp. 154–169.

4. Chebotaryova O.V. Value Orientations as the Basis of a Teacher's Inclusive Competence // Scientific and Pedagogical Review. 2024. № 2 (54). Pp. 63–74.

5. Sazhina S.D. Value Orientations of Future Teachers // Man. Culture. Education. 2023. № 4 (50). Pp. 166–183.

6. Yakovleva O.V. The Model of Values of the Digital Educational Environment as a Guide for the Professional Education of Future Teachers // Pedagogy. Issues of Theory and Practice. 2023. Vol. 8. № 5. Pp. 561–568.

7. Krolevetskaya E.N., Isaev I.F., Sobyanin F.I. Typology of Pedagogical Interaction of Subjects of the Educational Process at a University: a Polysubject Approach // Pedagogics. Questions of Theory and Practice. 2023. Vol. 8. № 4. Pp. 413–418.

8. Chekaleva N.V., Alekseeva T. Yu. Development of Professional Identity Based on the Professional and Value Orientations of Future Teachers // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research. 2021. № 3 (32). Pp. 159–162.

9. Popov D.S., Strelnikova A.V., Grigorieva E.A. Teachers in the Conditions of «Crisis Digitalization»: On the Threshold of «New Luddism»? // Sociological Journal. 2023. Vol. 29. № 1. Pp. 55–77.

10. Kozlova M.A., Simonova O.A., Madfes O.N. Social partnerships of modern Russian schools as tools for creating a rich educational environment and overcoming inequality // Sociological Journal. 2024. Vol. 30. № 1. Pp. 143–170.

11. Ambarova P.A. The integrity, structure, and functionality of everyday scientific mentoring practices as a subject of microsociological analysis // Sociological Journal. 2023. Vol. 29. № 4. Pp. 77–99.

12. Krolevetskaya E.N., Isaev I.F. The Sociocultural Educational Environment of a University as a Factor in the Development of the Future Teacher's Polysubjectivity // Higher Education in Russia. 2022. Vol. 31. № 6. Pp. 114–135.

13. Gazieva I.A., Burashnikova A.A. Competence-Based Functional Profile of a University Teacher: A Value-Based Approach // Higher Education in Russia. 2023. Vol. 32. № 3. Pp. 26–47.

14. Tarasov S.V., Spasskaya E.B., Proekt Yu.L. The Image of a Teacher as a Factor in Assessing the Educational Environment of a University and Students' Learning Motivation // Higher Education in Russia. 2025. Vol. 34. № 7. Pp. 52–73.

15. Sinyuy D. Priority Directions for the Development of Information Projects by Future Teachers in Russia // Environmental Management Issues. 2025. Vol. 4. № 6. Pp. 108–117.

Формирование культуры управления курсантов в предметном поле социологии управления

Легалов Илья Павлович,
старший преподаватель кафедры огневой подготовки Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: legalova.natali@mail.ru

В статье рассматривается проблематика формирования культуры управления у курсантов военных вузов России в контексте актуальных процессов развития войск национальной гвардии Российской Федерации. Раскрывается специфика военного вуза как институциональной среды управленческой социализации, анализируются основные противоречия процесса формирования управленческой культуры будущих офицеров. В ходе анализа определяются компоненты, составляющие управленческую культуру курсантов. Рассмотрены свойственные процессу формирования культуры управления курсантов в военном вузе специфические особенности (противоречия), снижающие его эффективность. На основе социологического подхода выделяются ценностно-нормативные, институциональные и субъектные аспекты проблемы, предлагаются пути оптимизации, интегрирующие традиционные воинские ценности с современными управленческими технологиями. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что ключевым условием оптимизации выступает интеграция традиционных воинских ценностей с современными управленческими и педагогическими технологиями.

Ключевые слова: социология управления, культура управления, военный вуз, курсанты, управленческая социализация, военно-управленческая деятельность, оптимизация.

Введение

Актуальность исследования заключается в том, что для современного этапа развития силового блока Российской Федерации характерны процессы качественного усложнения задач, стоящих перед офицерским составом. Созданная в 2016 году на базе Внутренних войск МВД, Росгвардия занимает особое место в архитектуре силовых ведомств страны. Анализ формирования культуры управления у курсантов ведомственных военных вузов требует учета двойственной институциональной природы Росгвардии, сочетающей функции правоохранительного органа и военной организации.

Роль и значение формирования устойчивого доверительного отношения общественности к профессиональной деятельности военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации приобретает особую актуальность и стремительно возрастает под воздействием комплекса эндогенных и экзогенных факторов». Это принципиально отличает задачи управления в системе Росгвардии от традиционных военных структур: будущий офицер здесь выступает не только как командир, но и как агент поддержания общественного порядка и доверия.

Современные условия, характеризующиеся «динамично меняющейся политической, экономической среды, форсировано формирующимися представлениями граждан относительно идеальной парадигмы обеспечения общественной безопасности», предъявляют особые требования к управленческой культуре офицеров Росгвардии. Это актуализирует проблему формирования у будущих офицеров не только узкопрофессиональных, но и широких социально-управленческих компетенций. Процесс воспитания будущих офицеров должен основываться на принципах уважения и доверия к личности курсанта, для которой унижения человеческого достоинства являются недопустимыми. В этих условиях культура управления офицера перестает быть исключительно военно-административной категорией и приобретает характер социального феномена, требующего социолого-управленческого анализа.

Теоретические основы

Оценивая степень научной разработанности данной проблематики становится очевидным широкая заинтересованность научного сообщества выраженная в значительном количестве теоретических и эмпирических исследований. Теоретические основы социологии управления как отрасли научного знания разработаны в трудах А.И. Кравченко, А.В. Тихонова [1, 2]. Методологические основания социологии управления, включая эволюцию от метафизического к диалектическому и тектологическому этапам, исследованы Н.Л. Захаровым, А.Л. Кузнецовым [3]. Специфика военной организации как объекта социологического анализа раскрыта в работах В.Ф. Бондаренко, который определяет социологию военного управления как подотрасль, изучающую управленческие процессы в военных организациях. Проблемы подготовки курсантов к управленческой деятельности рассматриваются в работах О.П. Пузикова, И.А. Сидорова, Е.Г. Ерохина [4, 5, 6]. Вопросы социологического сопровождения процессов обучения и воспитания в военно-профессиональной среде изучены в трудах Т.А. Терешонок [7], специфику социологического подхода к проблемам военно-управленческой деятельности анализирует А.Е. Живлакова [8].

Культура управления является сложным социальным феноменом, интегрирующим ценностно-нормативные, когнитивные и поведенческие компоненты. Как отмечают исследователи методологических оснований социологии управления, для эмпирических исследований адекватная методология особенно важна, поскольку результаты этих исследований влияют на сами управленческие решения [9].

Применительно к военной сфере культура управления офицера – это система ценностей, норм, образцов поведения и способов принятия решений, транслируемая в военно-профессиональной среде, обеспечивающая эффективное выполнение управленческих функций в специфических условиях военной службы. Предложенное определение фиксирует ряд компонентов составляющих управленческую культуру курсантов:

– ценностно-мотивационный компонент (профессиональные ценности, отношение к службе, подчиненным);

– когнитивный компонент (знания в области управления, понимание социальных процессов в воинском коллективе);
– операционально-деятельностный компонент (навыки принятия решений, коммуникации, контроля);
– рефлексивный компонент (способность к анализу собственных управленческих действий).

Специфика социологического подхода к анализу военно-управленческой деятельности

Подвергая анализу военно-управленческую деятельность в военных образовательных организациях высшего образования в рамках социологического подхода А.Е. Живлакова приходит к выводу о том, что он имеет существенную специфику, обусловленную характером самого объекта исследования [8]. В таком ракурсе военное управление как социальный феномен обладает рядом сущностных особенностей:
– жесткая иерархичность и субординационность отношений;
– нормативная регламентация всех аспектов жизнедеятельности;
– особый режим ответственности и дисциплинарной практики;
– специфическая корпоративная культура с акцентом на традиции и ритуалы.

Как отмечает В.Ф. Бондаренко, предметная область социологии военного управления охватывает управленческие процессы в условиях военных действий, а также вопросы функционирования и развития военных структур, включая армию, в мирный период [10]. В таком ракурсе, военная организация предстоит в качестве многоуровневой системы, совместная деятельность компонентов которой обеспечивает решение задач защиты национальных интересов.

Военный вуз как институциональная среда управленческой социализации

Военный вуз представляет собой специфическую институциональную среду, в которой происходит профессиональное становление будущего офицера. Как отмечает Т.А. Терешонок, в курсантских коллективах формируется особая социально-психологическая атмосфера, а процесс адаптации будущих офицеров к условиям военного обучения определяется рядом специфических факторов [7]. Как отмечает исследователь, социологическое обеспечение учебно-воспитательного процесса представляет собой важнейшее условие для принятия взвешенных управленческих решений администрацией военных учебных заведений.

Исследователи подчеркивают важность применения субъект-субъектного подхода при анализе процесса подготовки курсантов военных вузов [11]. Это означает признание активной роли самого курсанта в формировании собственных профессиональных качеств, что в условиях жесткой субординации реализовать крайне сложно.

В структуре процесса подготовки курсантов к военно-профессиональной деятельности в социолого-управленческом аспекте выделяются:
– условия (нормативно-правовая база, материально-техническое обеспечение, социальная среда);
– субъект (командование, профессорско-преподавательский состав, офицеры курса);
– объект (курсанты как будущие управленцы);
– механизмы (обучение, воспитание, социальный контроль, стимулирование);
– результат (сформированность управленческих качеств).

Специфика формирования управленческой культуры в военном вузе

Процесс формирования культуры управления в военном вузе характеризуется рядом специфических особенностей, которые выступают источниками основных проблем (противоречий), рассмотрим некоторые из них.

Курсант одновременно находится в двух социальных позициях, так как, он является объектом управления (со стороны командиров, преподавателей, офицеров курса) и формирующимся субъектом управления, осваивающим функции будущей офицерской деятельности. Эта двойственность создает специфический контекст усвоения управленческих моделей – через «проживание» подчиненного положения.

Исследования фиксируют, что у части курсантов (до 14% на старших курсах) наблюдается «кризис мотивации», проявляющийся в формальном отношении к обязанностям. Это связано с противоречием между длительным нахождением в позиции подчиненного и необходимостью формирования субъектной позиции управленца [12].

Военный вуз как социальный институт консервативен по своей природе. Транслируемая курсантам управленческая культура часто базируется на опыте прошлых конфликтов и традиционных формах управления, ориентированных преимущественно на приказ и контроль. Однако современные условия (гибридные войны, работа с разнородным личным составом, включая контрактников и мобилизованных, требования к автономии мышления) требуют от офицера более широкого управленческого инструментария.

Так, В.Ф. Бондаренко акцентирует внимание на процессе диверсификации социальных функций военной организации, который включает как делегирование вспомогательных функций сторонним организациям, так и формирование новых структурных элементов [10]. Это требует от офицера способности к межорганизационному взаимодействию и гибкости управления.

Следующее противоречие состоит в том, что курсанты получают обширные теоретические знания по управлению (в рамках военно-профессиональных дисциплин), но практика реального управления людьми и подразделением минимальна, особенно среди рядового состава. Методы решения учебных управленческих задач и общественные поручения применяются не всегда системно. В свою очередь формирование управленческой культуры требует значительного «погружения» в управленческие ситуации, моделирования реальных условий офицерской деятельности.

Также очевидным является и то, что управленческая культура не может быть сформирована без устойчивой профессиональной мотивации. Исследования показывают трансформацию мотивов курсантов от внешних (избегание наказания, стремление к льготам) к внутренним (профессиональный интерес, осознание значимости службы) в процессе обучения [13]. Однако эта трансформация происходит стихийно и не у всех курсантов. Согласно позиции Т.А. Терешонок, основной задачей военно-политических органов является воспитание военнослужащего как патриота-государственника, верного защитника Отечества, воплощающего традиционные духовные и нравственные идеалы [7]. Отсутствие системной работы по увязке управленческих компетенций с ценностями служения – серьёзная проблема, требующая системного изучения.

В завершении рассмотрения противоречий, можно отметить, что командиры курсантских подразделений являются ключевыми фигурами, транслирующими управленческую культуру, выступая для курсантов основным образцом офицерского поведения [14].

Пути оптимизации процесса формирования управленческой культуры курсантов

Исходя из вышесказанного объективной необходимостью является определение путей оптимизации процесса формирования управленческой культуры курсантов военных вузов. Оптимизация процесса формирования управленческой культуры должна носить системный характер и затрагивать все элементы социального управления в военном вузе.

Предлагаемые направления структурированы по основным сферам институционального воздействия:

1. Институционально-управленческое направление предполагает совершенствование самой системы управления военным вузом как институциональной среды формирования управленческой культуры. Создание системы социологического мониторинга и внедрения данных социологических исследований в управленческую практику администрации военных высших учебных заведений

1.2. Развитие субъект-субъектных отношений, определяет переход от сугубо авторитарной модели управления курсантами к модели, предполагающей учёт их мнения, развитие инициативы, делегирование отдельных управленческих функций на старших курсах, не сводимых к выполнению вспомогательных функций. Это создаёт условия для «проживания» управленческих ролей ещё в период обучения.

2. Педагогическое направление связано с совершенствованием образовательных технологий, используемых в подготовке курсантов. Внедрение интерактивных методов обучения, широкое использование деловых игр, моделирующих реальные ситуации управления подразделением, решение управленческих задач, разбор конкретных ситуаций позволяет формировать практические навыки управления и рефлексии, а не только знания.

2.1. Необходимо увеличение доли практик и стажировок, в ходе которых курсанты могли бы реально исполнять управленческие функции (командира взвода, заместителя командира роты) под контролем наставников.

2.2. Формирование управленческой культуры должно быть задачей не только специальных управленческих дисциплин, но и всего комплекса военно-профессиональных и гуманитарных предметов.

3. Социально-психологическое направление. Данное направление ориентировано на развитие личностных качеств курсантов, необходимых для эффективного управления.

3.1. Институт наставничества, реализуемый через офицеров-наставников и опытных курсантов старших курсов, служит эффективным механизмом передачи управленческого опыта в процессе непосредственного межличностного взаимодействия, тем самым гарантируя сохранение и развитие управленческой культуры.

3.2. Планамерная деятельность психологов по психологическому сопровождению должна быть направлена на предупреждение мотивационных кризисов, формирование стрессоустойчивости, совершенствование коммуникативной компетентности и развитие навыков конструктивного разрешения конфликтных ситуаций.

3.3. Проведение специализированных тренингов по развитию лидерских качеств, навыков публичного выступления, мотивирования подчиненных, принятия решений в условиях неопределенности способствуют формированию управленческих компетенций.

4. Исследователи подчеркивают значимость досуга в военных вузах, грамотная организация которого выполняет рекреационную, культурно-воспитательную, регулятивную функции, а также функцию рациональной организации свободного времени и коммуникативного процесса во внеслужебной обстановке.

4.1. Создание условий для неформального общения курсантов, развития их общекультурного кругозора, творческой самореализации способствует гармоничному развитию личности и преодолению узости «казарменного» мышления.

4.2. Целенаправленная работа по формированию традиций, ритуалов, символики, отражающих ценности офицерского корпуса и задающих образцы управленческого поведения способствуют формированию корпоративной культуры.

Ключевым условием оптимизации выступает интеграция традиционных воинских ценностей с современными управленческими и педагогическими технологиями. Необходимо преодолеть узко-приказной подход к управлению и формировать у курсантов понимание управления как социального взаимодействия, направленного на достижение цели усилиями коллектива.

Обобщения и выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. В русле социологии управления формирование культуры управления у курсантов военных вузов предстает как процесс управленческой социализации – освоения будущим офицером ценностей, норм и образцов поведения, необходимых для выполнения управленческих функций в специфической институциональной среде военной организации.

2. Специфика этого процесса обусловлена двойственностью социальной позиции курсанта (объект и субъект управления), институциональной замкнутостью и традиционализмом военного вуза, приоритетом дисциплины над инициативой, а также особым характером военно-управленческой деятельности, требующей сочетания жесткой субординации с развитой рефлексией и коммуникативной компетентностью

3. Ключевые противоречия процесса связаны с разрывом между теоретической подготовкой и практикой управления, недостаточной развитостью ценностно-мотивационного ядра, коммуникативной и рефлексивной составляющих, а также неготовностью части офицеров-воспитателей к реализации современных управленческих подходов.

4. Оптимизация процесса требует системного воздействия на институциональные, педагогические, социально-психологические и культурно-досуговые факторы. Ключевым условием выступает интеграция традиционных воинских ценностей с современными управленческими и педагогическими технологиями, позволяющая преодолеть узко-приказной подход к управлению и формировать у курсантов понимание управления как социального взаимодействия.

5. Важным ресурсом оптимизации является социологическое сопровождение образовательного процесса, включающее мониторинг социального самочувствия курсантов, их профессиональных установок, эффективности применяемых управленческих воздействий.

Литература

1. Кравченко А.И. Социология управления: фундаментальный курс: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / А.И. Кравченко, И.О. Тюрина. – Москва: Академический проект, 2008. – 992 с. – ISBN 978-5-8291-0926-4.

2. Тихонов А.В. Социология управления как научно-исследовательская программа / А.В. Тихонов // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11, № 2(48–49). – С. 186–192.

3. Методологические основания социологии управления / Н.Л. Захаров, А.В. Воронцов, А.Л. Кузнецов [и др.] // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2023. – № 2. – С. 251–267. – DOI 10.17072/2078–7898/2023–2–251–267.

4. Пузиков О.П. Формирование управленческо-прогностической компетенции у курсантов военных вузов: дис. … канд. пед. наук. Пермь, 2015. 235 с.

5. Сидоров И.А. Сущность и содержание управленческой компетенции курсантов военных вузов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 1. С. 170–176. DOI: 10.18721/JHSS.8120.

6. Ерохин Е.Г. Сущность и содержание управленческой культуры: социологический анализ современных отечественных подходов / Е.Г. Ерохин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2019. – № 2(835). – С. 176–185.

7. Терешонок Т.А. Социологическое сопровождение учебного и воспитательного процесса курсантов высших военных учебных заведений России / Т.А. Терешонок // Социологические исследования. – 2021. – № 4. – С. 112–119.

8. Живлакова А.Е. Специфика социологического подхода к анализу проблем военно-управленческой деятельности в военных образовательных организациях высшего образования / А.Е. Живлакова // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. – 2024. – № 2 (15). – С. 72–79.

9. Быченко Ю.Г. Социальный контроль как функция управления / Ю.Г. Быченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 39–43. – DOI 10.18500/1818–9601–2023–23–1–39–43.

10. Бондаренко В.Ф. Социология военного управления / В.Ф. Бондаренко // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 3. – С. 343–345.

11. Баландина Т.М. Военнослужащий как субъект военно-профессиональной деятельности / Т.М. Баландина, Ю.Г. Быченко // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2025. – № S2(113). – С. 38–41.

12. Ворожейкин С.А. Теоретическая модель субъективного благополучия курсантов в контексте военно-профессиональной социализации / С.А. Ворожейкин // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2023. – № 3(24). – С. 65–71.

13. Социально-психологический контекст формирования патриотизма курсантов в период их военно-профессионального становления / С.А. Ворожейкин, А.И. Сорокин, В.А. Кудряшов, А.С. Савельев // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. – 2025. – № 2(72). – С. 241–249. – DOI 10.46845/2071–5331–2025–2–72–241–249.

14. Краснопир С.Н. Управленческая культура офицера современной Российской Армии (социально-философский анализ): специальность 09.00.11 «Социальная философия»: автореф. Дисс. …канд. филос. наук / Краснопир Сергей Николаевич; Военный университет. – Москва, 2010. – 19 с.

FORMATION OF CADETS MANAGEMENT CULTURE IN THE SUBJECT FIELD OF MANAGEMENT SOCIOLOGY

Legalov I.P.

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation

The article examines the problem of forming a management culture among cadets of Russian military universities in the context of the current processes of development of the National Guard of the Russian Federation. It reveals the specifics of a military university as an institutional environment for managerial socialization and analyzes the main contradictions in the process of forming a management culture among future officers. The analysis identifies the components that make up the management culture of cadets. The article also examines the specific features (contradictions) that reduce the effectiveness of the process of forming a management culture among cadets in a military university. Based on a sociological approach, the article highlights the value-normative, institutional, and subjective aspects of the problem, and proposes ways to optimize it by integrating traditional military values with modern management and pedagogical technologies. The analysis suggests that the key condition for optimization is the integration of traditional military values with modern management and pedagogical technologies.

Keywords: management sociology, management culture, military university, cadets, management socialization, military management, optimization.

References

1. Kravchenko A.I. Sociology of Management: A Fundamental Course: A Textbook for Students of Higher Education Institutions / A.I. Kravchenko, I.O. Tyurina. – Moscow: Academichesky Proekt, 2008. – 992 p. – ISBN 978-5-8291-0926-4.

2. Tikhonov A.V. Sociology of Management as a Research Program / A.V. Tikhonov // Personality. Culture. Society. – 2009. – Vol. 11, No. 2(48–49). – Pp. 186–192.

3. Methodological Foundations of the Sociology of Management / N.L. Zakharov, A.V. Vorontsov, A.L. Kuznetsov [et al.] // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psy-

chology. Sociology. – 2023. – No. 2. – P. 251–267. – DOI 10.17072/2078–7898/2023–2–251–267.

4. Puzikov O.P. Formation of Managerial and Forecasting Competence of Cadets of Military Universities: Diss. … Cand. Ped. Sci. (Pedagogical Sciences). Perm, 2015. 235 p.

5. Sidorov I.A. The Essence and Content of Managerial Competence of Cadets of Military Universities // Scientific and Technical Bulletin of SPbSPU. Humanitarian and Social Sciences. 2017. Vol. 8, No. 1. Pp. 170–176. DOI: 10.18721/JHSS.8120.

6. Erokhin E.G. The Essence and Content of Managerial Culture: A Sociological Analysis of Modern Domestic Approaches / E.G. Erokhin // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. – 2019. – No. 2 (835). – P. 176–185.

7. Tereshonok T.A. Sociological Support of the Educational and Training Process of Cadets of Higher Military Educational Institutions of Russia / T.A. Tereshonok // Sociological Research. – 2021. – No. 4. – P. 112–119.

8. Zhivlakova A.E. Specifics of the Sociological Approach to the Analysis of Problems of Military-Administrative Activities in Military Educational Organizations of Higher Education / A.E. Zhivlakova // Bulletin of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops. – 2024. – No. 2 (15). – P. 72–79.

9. Bychenko Yu.G. Social Control as a Management Function / Yu.G. Bychenko // Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. – 2023. – Vol. 23, No. 1. – Pp. 39–43. – DOI 10.18500/1818–9601–2023–23–1–39–43.

10. Bondarenko V.F. Sociology of Military Management / V.F. Bondarenko // Knowledge. Understanding. Skill. – 2012. – No. 3. – Pp. 343–345.

11. Balandina T.M. Serviceman as a Subject of Military-Professional Activity / T.M. Balandina, Yu.G. Bychenko // Actual Problems of Humanitarian and Socio-Economic Sciences. – 2025. – № S2(113). – P. 38–41.

12. Vorozheikin S.A. Theoretical Model of Subjective Well-Being of Cadets in the Context of Military-Professional Socialization / S.A. Vorozheikin // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. – 2023. – № 3(24). – P. 65–71.

13. Socio-Psychological Context of Formation of Patriotism of Cadets during Their Military-Professional Development / S.A. Vorozheikin, A.I. Sorokin, V.A. Kudryashov, A.S. Savelyev // Bulletin of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet: Psychological and Pedagogical Sciences. – 2025. – № 2(72). – P. 241–249. – DOI 10.46845/2071–5331–2025–2–72–241–249.

14. Krasnopir S.N. Managerial culture of an officer of the modern Russian Army (socio-philosophical analysis): specialty 09.00.11 “Social Philosophy”: author’s abstract. Diss. … Cand. of Philosophical Sciences / Krasnopir Sergey Nikolaevich; Military University. – Moscow, 2010. – 19 p.

Развитие образовательной системы Китая: от региональных целей к международному сотрудничеству

Нестерова Александра Владимировна,
аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
E-mail: NesterovaAV@spa.msu.ru

Эволюция образовательной системы Китая отражает многомерный переход от преодоления региональных диспропорций в грамотности, финансировании и педагогических ресурсах между восточными и западными провинциями, городом и деревней к формированию глобального академического лидерства, интегрированного в стратегии мягкой силы и внешнеполитического влияния. Статья раскрывает, как постреволюционные кампании по ликвидации неграмотности, заимствование советской модели с ее централизацией и ориентацией на инженерное образование, восстановление университетов после культурной революции заложили основу для последующих инициатив, включая проекты 211, 985 и двойной первоклассности, которые обеспечили прорыв китайских вузов в мировых рейтингах, рост публикаций в высокорейтинговых журналах и лидерство в областях искусственного интеллекта и нанотехнологий. Анализируются двунаправленные потоки академической мобильности, роль стипендиальных программ в привлечении студентов из стран-партнеров по инициативе «Один пояс – один путь», деятельность Институтов Конфуция как элемента культурной дипломатии, а также цифровизация, позволяющая одновременно решать внутренние проблемы территориального неравенства и экспортировать образовательные платформы. Теоретическое осмысление через призму различных парадигм международных отношений демонстрирует, как образование способствует созданию интерсубъективных смыслов, институциональных связей и структурной власти, сочетая национальные интересы с концепцией сообщества единой судьбы человечества. Успехи в международных оценках типа PISA и усилия по внедрению образования, ориентированного на качества личности, подчеркивают напряжение между экзаменационной культурой и инновационным развитием, иллюстрируя сложное переплетение внутренних реформ и глобального позиционирования, что делает статью значимой для понимания роли человеческого капитала в современной геополитике.

Ключевые слова: Китай, образовательная политика, международное сотрудничество, мягкая сила, образовательная дипломатия.

Введение

Образовательная система Китайской Народной Республики на протяжении последних десятилетий претерпела масштабную трансформацию, которая затронула все уровни – от начального образования в сельских районах до формирования университетов мирового класса. Эта трансформация не может быть осмыслена исключительно в рамках внутренней политики государства, поскольку образовательные реформы всё в большей степени оказываются вплетены в ткань международных отношений, дипломатических стратегий и глобального позиционирования страны [3]. Само понятие образовательной системы в контексте китайского опыта выходит далеко за пределы институциональной структуры школ и вузов: оно включает в себя философию государственного строительства, идеологию модернизации и представления о месте знания в общественной иерархии. Исторически сложившаяся в Китае традиция высокого уважения к учёности, восходящая к конфуцианским ценностям, создала культурный фундамент, на котором современные реформы развиваются с особенной интенсивностью и системностью [7].

Переход от преимущественно регионально ориентированных задач – обеспечения грамотности населения, ликвидации образовательного неравенства между провинциями, повышения доступности среднего образования – к стратегиям международного масштаба произошёл не одномоментно. На протяжении 1980–1990-х годов основные усилия государства концентрировались на количественном расширении образовательного охвата и создании условий для обязательного девятилетнего образования [11]. Региональные диспропорции оставались значительными: западные и центральные провинции существенно отставали от восточного побережья по показателям финансирования школ, квалификации педагогических кадров и уровню материально-технической оснащённости. Программы целевого финансирования, разработанные центральным правительством, были направлены на постепенное сглаживание этих различий, однако полное их преодоление остаётся задачей, решаемой и в настоящее время [2]. Важно отметить, что сама логика регионального развития образования в Китае предполагала не просто механическое выравнивание показателей, но формирование условий, при которых каждая территория могла бы наращивать собственный образовательный потенциал с учётом местной специфики.

С рубежа XX и XXI веков образовательная политика КНР приобретает отчётливо международное измерение. Государственные программы «Проект 211» и «Проект 985», а затем и инициатива «Двойной первоклассности», были нацелены на выведение ведущих китайских университетов в число мировых лидеров по качеству исследований и преподавания [9]. Одновременно росло число китайских студентов, обучающихся за рубежом, и иностранных студентов, приезжающих в Китай. Этот двусторонний поток стал одним из инструментов так называемой «мягкой силы», посредством которого страна укрепляет свои позиции в системе международных отношений. Образование оказалось встроено в более широкий контекст внешнеполитической стратегии, включая инициативу «Один пояс – один путь», в рамках которой образовательное сотрудничество выступает одним из ключевых направлений гуманитарного взаимодействия между государствами-участниками [14].

Рассматриваемая проблематика находится на пересечении нескольких дисциплинарных полей: международных отношений, сравнительной педагогики, политологии и экономики образования. Именно междисциплинарный характер предмета обусловливает необходимость обращения к различным теоретическим традициям и аналитическим рамкам. С позиции теории международных отношений образовательная политика государства может быть интерпретирована как элемент стратегии наращивания структурной власти в глобальной системе, как механизм формирования привлекательного образа страны и как инструмент долгосрочного влияния на международную повестку дня [5]. Взаимосвязь между внутренними образовательными реформами и внешнеполитическими амбициями Китая представляет собой сложную и многоуровневую конфигурацию, в которой региональные задачи не столько уступают место международным, сколько переплетаются с ними, формируя целостную стратегию развития человеческого капитала нации.

Материалы и методы исследования

Методологическая основа данной работы опирается на сочетание нескольких аналитических подходов, позволяющих рассмотреть эволюцию образовательной системы Китая в контексте международных отношений с различных углов зрения. Прежде всего был использован метод сравнительно-исторического анализа, который дал возможность проследить динамику образовательных реформ на протяжении нескольких десятилетий и выявить ключевые точки перехода от преимущественно внутренних задач к стратегиям международного масштаба [6]. Системный подход применялся для выявления взаимосвязей между различными компонентами образовательной политики – институциональными, финансовыми, кадровыми, идеологическими – и их отражением во внешнеполитической деятельности государства. Метод контент-анализа был задействован при работе с программными документами, государственными стратегиями и официальными заявлениями, формирующими нормативную рамку образовательной политики КНР.

Результаты и обсуждение

Историческая траектория развития образовательной системы Китая обнаруживает несколько последовательных, хотя и частично перекрывающихся этапов, каждый из которых характеризуется специфической конфигурацией приоритетов, ресурсов и институциональных механизмов. Период после провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 году был ознаменован масштабными кампаниями по ликвидации неграмотности, которые охватили сотни миллионов человек. Советская модель образования, взятая за основу в первые десятилетия, предполагала жёсткую централизацию, акцент на технических и инженерных специальностях и тесную связь образовательных учреждений с производственными задачами государства [1].

Параллельно начался процесс восстановления системы высшего образования: были вновь открыты университеты, закрытые в период «культурной революции», восстановлена система вступительных экзаменов гаокао, создана сеть ключевых университетов, получивших приоритетное финансирование. Именно в этот период были заложены предпосылки для того, чтобы образование стало фактором не только внутреннего развития, но и международного позиционирования страны.

Теоретическое осмысление связи между образовательной политикой и международными отношениями имеет давнюю интеллектуальную традицию, однако применительно к китайскому случаю эта связь приобретает особые очертания. В рамках неолиберального институционализма образовательное сотрудничество рассматривается как один из механизмов укрепления международных режимов и снижения транзакционных издержек межгосударственного взаимодействия [4]. Создание совместных образовательных программ, взаимное признание дипломов, обмен студентами и преподавателями – всё это формирует «ткань» институциональных связей, делающих конфликтное поведение более затратным для всех участников. Применительно к Китаю данный подход позволяет объяснить активное участие страны в многосторонних образовательных инициативах, а также стремление интегрироваться в глобальные рейтинговые системы и стандарты качества образования.

Конструктивистская традиция в теории международных отношений предлагает иной ракурс анализа: она акцентирует внимание на том, как через образовательные обмены и совместные исследовательские проекты формируются общие нормы, идентичности и понимания мирового порядка. С этой точки зрения, когда китайские студенты обучаются за рубежом, а иностранные – в Китае, происходит не просто передача знаний и навыков, но трансформация взаимных представлений, стереотипов и ожиданий [15]. Этот процесс является по определению двусторонним и не может быть сведён к однонаправленному «проецированию влияния». Образовательное взаимодействие создаёт пространство для формирования того, что в конструктивистской терминологии обозначается как «интерсубъективные смыслы» – разделяемые представления о допустимом и желательном, которые впоследствии влияют на характер дипломатических и экономических отношений.

Программа «Проект 211», запущенная в 1995 году, ставила целью модернизацию порядка ста ведущих университетов Китая и их подготовку к работе в условиях XXI века. «Проект 985», инициированный в 1998 году, был ещё более амбициозным: он предполагал создание группы университетов, способных конкурировать с ведущими исследовательскими университетами мира. Объёмы государственного финансирования, направленного на реализацию этих программ, были беспрецедентными для китайской образовательной системы и позволили существенно улучшить исследовательскую инфраструктуру, привлечь квалифицированные кадры и нарастить объём научных публикаций в международных журналах [3]. Результаты этих программ отчётливо прослеживаются в динамике позиций китайских университетов в глобальных рейтингах: если в начале 2000-х годов лишь единичные китайские вузы входили в число двухсот лучших по версии основных рейтинговых агентств, то к 2020-м годам их число значительно возросло, а отдельные университеты – Пекинский, Цинхуа, Фуданьский – стабильно занимают позиции в первой двадцатке мировых рейтингов.

Инициатива «Двойной первоклассности» (шуан илю), объявленная в 2015 году, представляет собой логическое продолжение предшествующих программ, но с существенной корректировкой акцентов. Если «Проект 985» и «Проект 211» были ориентированы преимущественно на институциональное развитие университетов в целом, то новая программа делает упор на развитие отдельных научных дисциплин, стремясь к тому, чтобы китайские исследовательские группы стали мировыми лидерами в конкретных предметных областях [9]. Это означает более избирательный и стратегически выверенный подход к распределению ресурсов, при котором финансирование концентрируется на направлениях, обладающих наибольшим потенциалом для достижения глобального лидерства. Такой подход свидетельствует о переходе от «догоняющей» модели модернизации образования к модели, ориентированной на формирование собственных конкурентных преимуществ в глобальном академическом пространстве.

Международная академическая мобильность китайских студентов является одним из наиболее масштабных феноменов в современном глобальном образовании. По различным оценкам, к концу 2010-х годов за рубежом обучалось свыше шестисот тысяч китайских студентов ежегодно, что делало Китай крупнейшим «поставщиком» международных студентов в мире [7]. Основными направлениями миграции являлись Соединённые Штаты, Великобритания, Австралия, Канада и ряд европейских стран. Этот поток имеет многослойное значение: с одной стороны, он обеспечивает подготовку высококвалифицированных специалистов, владеющих передовыми знаниями и международным опытом, с другой – формирует разветвлённые сети профессиональных и личных связей, которые впоследствии могут использоваться в качестве каналов дипломатического и экономического сотрудничества. Правительство КНР проводит активную политику по стимулированию возвращения выпускников зарубежных университетов, предлагая им привлекательные условия для работы в китайских исследовательских учреждениях и компаниях.

Параллельно росту исходящей мобильности наблюдается существенное увеличение числа иностранных студентов, обучающихся в Китае. Если в начале 2000-х годов их число составляло несколько десятков тысяч, то к 2018 году оно превысило четыреста девяносто тысяч человек [11]. Значительная часть этого потока приходится на студентов из стран Юго-Восточной Азии, Центральной Азии, Африки и Ближнего Востока – то есть из регионов, являющихся приоритетными для внешнеполитической стратегии Китая. Государственные стипендиальные программы, финансируемые правительством КНР, играют ключевую роль в привлечении иностранных студентов: они не только снижают финансовые барьеры для получения образования, но и формируют когорту выпускников, имеющих личный опыт жизни и учёбы в Китае и, как правило, позитивно настроенных по отношению к стране. В перспективе международных отношений этот механизм может быть интерпретирован как долгосрочная инвестиция в формирование лояльных элит в странах-партнёрах.

Сеть Институтов Конфуция, основанная в 2004 году и за последующие пятнадцать лет расширившаяся до более чем пятисот учреждений в десятках стран мира, является, пожалуй, наиболее обсуждаемым элементом китайской образовательной дипломатии [14]. Институты Конфуция выполняют функции продвижения китайского языка и культуры, организации культурных мероприятий и, в ряде случаев, содействия академическим обменам. Их деятельность нередко становится предметом дискуссий в западных странах, где звучат опасения по поводу возможного влияния на академическую свободу. Вместе с тем нельзя не признать, что подобные институциональные формы культурно-образовательной дипломатии не являются исключительной особенностью Китая: аналогичные модели – Альянс Франсез, Институт Гёте, Британский совет – давно используются европейскими странами [6]. Специфика китайского случая состоит скорее в масштабе и скорости развёртывания сети, а также в степени координации между образовательными и внешнеполитическими ведомствами.

Инициатива «Один пояс – один путь», провозглашённая в 2013 году, придала образовательному сотрудничеству новое стратегическое измерение. Образование было включено в число приоритетных направлений гуманитарного сотрудничества в рамках инициативы, и для его развития были созданы специализированные механизмы – со-

вместные образовательные программы, стипендии для студентов из стран-участниц, партнёрства между университетами [2]. Характерно, что образовательное измерение инициативы «Один пояс – один путь» не сводится к продвижению китайского образования как такового: значительная часть программ ориентирована на подготовку кадров для инфраструктурных и экономических проектов, реализуемых в рамках инициативы. Инженеры, экономисты, специалисты по логистике, получившие образование в китайских университетах и владеющие китайским языком, становятся важным связующим звеном между китайскими компаниями и местными структурами в странах-реципиентах. В этом смысле образовательное сотрудничество выполняет функцию обеспечения кадровой инфраструктуры для экономической экспансии – задача, которая выходит далеко за пределы традиционного понимания академических обменов.

Региональные образовательные диспропорции внутри самого Китая при этом не утратили своей значимости и продолжают оставаться предметом государственного внимания. Разрыв между городскими и сельскими территориями, между восточными прибрежными провинциями и западными регионами по-прежнему значителен, хотя и имеет устойчивую тенденцию к сокращению [10]. Государственные программы целевого финансирования сельских школ, строительства интернатов, привлечения педагогических кадров в отдалённые районы, а также активное внедрение цифровых образовательных технологий – всё это свидетельствует о том, что внутренняя повестка дня далека от исчерпания. Интересно, что международный и региональный аспекты образовательной политики нередко пересекаются: опыт модернизации образования в менее развитых регионах Китая транслируется на площадках международного сотрудничества как модель, которая может быть полезна для развивающихся стран, столкнувшихся с аналогичными проблемами.

Цифровизация образования стала ещё одним направлением, в котором региональные задачи и международные амбиции тесно переплетаются. Китай является одним из мировых лидеров по масштабу внедрения цифровых технологий в образовательный процесс: массовые открытые онлайн-курсы, платформы дистанционного обучения, системы искусственного интеллекта для адаптивного обучения разрабатываются и внедряются при активной государственной поддержке [5]. Внутри страны цифровые технологии рассматриваются как инструмент преодоления территориального неравенства: онлайн-курсы ведущих университетов становятся доступны для студентов в отдалённых провинциях, а платформы дистанционного обучения позволяют привлечь квалифицированных преподавателей к работе с аудиторией, для которой очное обучение в столичных вузах было бы невозможным. На международном уровне китайские образовательные платформы и технологические решения экспортируются в страны Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки, создавая новые каналы технологического и культурного влияния.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о роли научных исследований в международном позиционировании китайской образовательной системы. Рост числа научных публикаций китайских авторов в ведущих международных журналах на протяжении последних двух десятилетий был поистине беспрецедентным: по количеству публикаций в базах данных Web of Science и Scopus Китай вышел на второе место в мире, а по ряду направлений – материаловедению, нанотехнологиям, искусственному интеллекту – приблизился к глобальному лидерству или занял его [13]. Этот количественный рост сопровождался и качественными изменениями: если в начале 2000-х годов значительная часть китайских публикаций приходилась на журналы невысокого импакт-фактора, то к 2020-м годам доля публикаций в высокорейтинговых журналах существенно возросла. Академическая продуктивность китайских университетов стала одним из ключевых факторов, определяющих их позиции в глобальных рейтингах и, соответственно, привлекательность для иностранных студентов и исследователей.

Взаимодействие Китая с международными организациями в сфере образования представляет собой ещё одно значимое направление анализа. Участие в деятельности ЮНЕСКО, Всемирного банка, ОЭСР, а также в региональных форматах – таких как ШОС и АСЕАН – позволяет Китаю не только заимствовать международный опыт, но и всё активнее участвовать в формировании глобальной образовательной повестки [4]. Концепция «сообщества единой судьбы человечества», выдвинутая руководством КНР и активно продвигаемая на международных площадках, включает образование в число ключевых сфер, в которых должно развиваться глобальное сотрудничество. Эта концепция предлагает альтернативную конкурентной модели рамку взаимодействия, акцентируя взаимозависимость, общую ответственность и необходимость совместного ответа на глобальные вызовы – от изменения климата до цифрового неравенства [1].

Вопрос о соотношении национальных интересов и глобальных обязательств в образовательной политике Китая не имеет однозначного решения и допускает различные интерпретации в зависимости от используемой теоретической рамки. Реалистическая традиция в теории международных отношений склонна рассматривать образовательную дипломатию преимущественно как инструмент наращивания государственной мощи и продвижения национальных интересов. Либеральная традиция, напротив, акцентирует потенциал образовательного сотрудничества для формирования общих институтов, норм и механизмов взаимодействия, снижающих вероятность конфликтов [8]. Конструктивизм обращает внимание на трансформацию идентичностей и смыслов, происходящую в процессе образовательных обменов. Каждый из этих подходов схватывает определённый аспект реальности, и полноценное понимание феномена требует их взаимодополняющего использования. Китайский случай особенно интересен тем, что в нём элементы прагматического расчёта, институционального строительства и ценностного продвижения присутствуют одновременно и порой трудно отделимы друг от друга.

Не менее значимым представляется и вопрос о влиянии внутренней образовательной политики на международный образ Китая. Успехи китайских школьников в международных сравнительных исследованиях – прежде всего в исследовании PISA, где школьники из Шанхая, а затем из расширенной выборки китайских провинций неоднократно показывали наивысшие результаты – привлекли к китайской системе образования пристальное внимание мирового педагогического сообщества [15]. Эти результаты были интерпретированы рядом наблюдателей как свидетельство эффективности китайской образовательной модели, сочетающей высокие академические стандарты, строгую дисциплину и масштабные государственные инвестиции. Вместе с тем дискуссия о переносимости этой модели в иные культурные и институциональные контексты остаётся открытой: успехи в стандартизированных тестах не всегда тождественны качеству образования в более широком смысле, включающем креативность, критическое мышление и социальные компетенции.

Само руководство КНР осознаёт эту проблему и на протяжении последних лет предпринимает шаги по реформированию образовательной системы в направлении большей ориентации на всестороннее развитие личности. Концепция «сучжи цзяоюй» (образование, нацеленное на развитие качеств личности) была провозглашена ещё в 1990-е годы, однако её практическая реализация наталкивалась на глубоко укоренившуюся культуру экзаменационной конкуренции [12].

Выводы

На протяжении нескольких десятилетий китайское государство последовательно наращивало инвестиции в образовательный сектор, сочетая количественное расширение охвата с качественной модернизацией содержания и инфраструктуры. Результаты этого процесса выражаются в конкретных показателях: десятки китайских университетов вошли в мировые рейтинговые списки, объём научных публикаций вырос многократно, численность иностранных студентов в китайских вузах увеличилась с нескольких десятков тысяч до почти полумиллиона, а сеть институциональных форм образовательного присутствия за рубежом охватывает более ста стран мира.

Вместе с тем было бы упрощением представлять этот процесс как линейное движение от «внутреннего» к «внешнему». Региональные образовательные задачи не исчезли и не утратили значимости – они продолжают определять значительную часть государственной политики в сфере образования. Разрыв между уровнем образования в городских и сельских территориях, между восточными и западными провинциями остаётся ощутимым, несмотря на многолетние усилия по его преодолению. Цифровые технологии открывают новые возможности для решения этих задач, но одновременно создают и новые формы неравенства, связанные с доступом к технологическим ресурсам и цифровой грамотностью. Внутренняя и международная повестка дня образовательной политики не являются автономными сферами – они находятся в постоянном взаимодействии, и успехи или неудачи в одной из них неизбежно отражаются на другой.

Литература

1. Ван Сюань, Ван Бин. Управление высшим образованием в Китае в условиях цифровой трансформации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 203–213.

2. Чжу С., Плотникова Е.В. Сравнительный анализ структуры образования в России и Китае // Вестник педагогических наук. 2024. № 5. С. 78–82.

3. Подготовка научных и инженерных кадров для транспортной отрасли в КНР // Архитектура, строительство, транспорт. 2023. № 1. С. 86–95.

4. Оу Жоусянь. Сравнительный анализ китайской и российской цифровой образовательной среды в сфере высшего образования (на примере Московского педагогического государственного университета и Пекинского государственного педагогического университета) // Педагогика и просвещение. 2022. № 2. С. 35–46.

5. У Ц. Сравнительный анализ основных направлений становления и развития высшего образования в Китае и России // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2023. № 1. С. 80–85.

6. Чэнь Юйцэнь. Российско-китайский опыт взаимодействия в сфере художественно-педагогического образования: сегодня и завтра // Педагогика и просвещение. 2025. № 2. С. 78–89.

7. Ван Ц. Пути профессиональной и инновационной интеграции в сфере профессионального художественного образования Китая // Педагогика и просвещение. 2025. № 1. С. 140–153.

8. Михайлова О.Б., Линь Ц. Народная песня как нравственный потенциал личности в музыкальном образовании Китая // Педагогика и просвещение. 2025. № 1. С. 91–104.

9. Хуан Л. Анализ возможностей использования китайской национальной музыки в обучении танцам // Педагогика и просвещение. 2025. № 4. С. 242–252.

10. Чэнь Я. Сравнительный анализ педагогических условий формирования хоровых навыков у младших школьников в системе общего образования КНР и России // Педагогика и просвещение. 2025. № 4. С. 141–153.

11. Цифровые технологии в продвижении равенства в музыкальном образовании в Китае // Педагогика и просвещение. 2025. № 3. С. 213–223.

12. Ефименко Н.А. Российская история в зеркале политической ситуации в Китае в 50-х гг. XX века (на материале школьных учебников по истории) // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 3. С. 151–164.

13. Махаматов Т.Т. Высшее образование в Китае и России: сравнительный духовно-ценностный аспект // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 3. С. 117–122.

14. Титаренко Л.Г. Изменяющаяся ценность высшего образования: сравнительный анализ Беларуси, России, Китая // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 1. С. 124–141.

15. Лу Ч. Образовательные траектории и академическая мобильность в рамках китайско-российского партнерства как драйверы трансфера знаний и трансформации языковых практик в индоевропейских странах // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 6. С. 99–107.

DEVELOPMENT OF THE EDUCATIONAL SYSTEM OF CHINA: FROM REGIONAL GOALS TO INTERNATIONAL COOPERATION

Nesterova A.V.
Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The evolution of China's educational system reflects a multidimensional transition from overcoming regional disparities in literacy, funding, and pedagogical resources between the eastern and western provinces and between urban and rural areas to the formation of global academic leadership integrated into soft-power strategies and foreign-policy influence. The article reveals how post-revolutionary literacy-elimination campaigns, the adoption of the Soviet model with its centralization and emphasis on engineering education, and the restoration of universities after the Cultural Revolution laid the foundation for subsequent initiatives, including Projects 211 and 985 and the Double First-Class program. These initiatives have secured a breakthrough for Chinese universities in world rankings, growth in publications in high-ranking journals, and leadership in artificial intelligence and nanotechnology. The study analyzes bidirectional flows of academic mobility, the role of scholarship programs in attracting students from partner countries under the Belt and Road Initiative, the activities of Confucius Institutes as an element of cultural diplomacy, and digitalization that simultaneously addresses internal problems of territorial inequality and exports educational platforms. Theoretical interpretation through the lens of various international-relations paradigms demonstrates how education contributes to the creation of intersubjective meanings, institutional linkages, and structural power, combining national interests with the concept of a community with a shared future for humanity. Success in international assessments such as PISA and efforts to implement personality-oriented education highlight the tension between examination culture and innovative development, illustrating the complex interplay of domestic reforms and global positioning and making the article significant for understanding the role of human capital in contemporary geopolitics.

Keywords: China, educational policy, international cooperation, soft power, educational diplomacy

References

1. Wang Xuan, Wang Bin. Management of Higher Education in China in the Context of Digital Transformation // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2025. Vol. 25. № 1. Pp. 203–213.

2. Zhu S., Plotnikova E.V. Comparative Analysis of the Structure of Education in Russia and China // Bulletin of Pedagogical Sciences. 2024. № 5. Pp. 78–82.

3. Training of Scientific and Engineering Personnel for the Transport Industry in China // Architecture, Construction, Transport. 2023. № 1. Pp. 86–95.

4. Ou Rouxian. Comparative Analysis of the Chinese and Russian Digital Educational Environment in Higher Education (Based on the Example of Moscow State Pedagogical University and Beijing State Normal University) // Pedagogy and Education. 2022. № 2. Pp. 35–46.

5. Wu C. Comparative Analysis of the Main Directions of the Formation and Development of Higher Education in China and Russia // Scientific Research and Development. Social and Humanitarian Research and Technologies. 2023. № 1. Pp. 80–85.

6. Chen Yucen. Russian-Chinese experience of interaction in the field of art and pedagogical education: today and tomorrow // Pedagogy and Education. 2025. № 2. Pp. 78–89.

7. Wang C. Ways of professional and innovative integration in the field of professional art education in China // Pedagogy and Education. 2025. № 1. Pp. 140–153.

8. Mikhailova O.B., Lin Ts. Folk Song as a Moral Potential of an Individual in China's Music Education // Pedagogy and Education. 2025. № 1. Pp. 91–104.

9. Huang L. Analysis of the Possibilities of Using Chinese National Music in Teaching Dancing // Pedagogy and Education. 2025. № 4. Pp. 242–252.

10. Chen Ya. Comparative Analysis of Pedagogical Conditions for the Formation of Choral Skills in Primary School Students in the General Education System of China and Russia // Pedagogy and Education. 2025. № 4. Pp. 141–153.

11. Digital Technologies in Promoting Equality in Music Education in China // Pedagogy and Education. 2025. № 3. Pp. 213–223.

12. Efimenko N.A. Russian History in the Mirror of the Political Situation in China in the 1950s (Based on School History Textbooks) // Historical Journal: Scientific Research. 2023. № 3. Pp. 151–164.

13. Makhamatov T.T. Higher Education in China and Russia: A Comparative Spiritual and Value Aspect // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2022. Vol. 12. № 3. Pp. 117–122.

14. Titarenko L.G. Changing Value of Higher Education: A Comparative Analysis of Belarus, Russia, and China // Humanitarian of the South of Russia. 2023. Vol. 12. № 1. Pp. 124–141.

15. Lu Ch. Educational trajectories and academic mobility within the framework of the Sino-Russian partnership as drivers of knowledge transfer and transformation of language practices in Indo-European countries // Issues of Environmental Management. 2025. Vol. 4. № 6. Pp. 99–107.

Наставничество как инструмент социального управления развитием профессиональных компетенций в организациях креативного сектора[1]

Орлова Вера Вениаминовна,
доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники
E-mail: vera.v.orlova@tusur.ru

Шмакова Александра Николаевна,
аспирант, ст.преподаватель кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники
E-mail: aleksandra.n.shmakova@tusur.ru

Актуальность темы продиктована насущной потребностью в совершенствовании профессиональных навыков педагогического состава организаций, занимающихся развитием креативных индустрий. Эти учреждения являются фундаментом для подготовки специалистов, которые играют важную роль в стимулировании прогрессивного развития региональной экономики. Применение системы наставничества представляется важным способом передачи накопленного опыта и повышения уровня мастерства работников творческой сферы, что способствует обеспечению передачи знаний между поколениями и формированию новых моделей сотрудничества между бизнесом, государственными структурами и образовательными учреждениями. Изучение практики наставничества и путей профессионального роста персонала в школах креативных индустрий – это приоритетное направление для обеспечения продуктивной работы и стабильного роста данной отрасли экономики.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, организации креативного сектора, цифровые технологии, наставничество.

В нынешней ситуации именно образовательные учреждения, ориентированные на креативные сферы, выступают как катализаторы роста регионов. Они стимулируют разработку новаторских идей, совершенствуют имеющуюся инфраструктуру и повышают инвестиционную привлекательность территорий. Функции таких школ не только ограничиваются выпуском квалифицированных специалистов. Кроме того, эти школы способствуют бурному развитию культурного туризма. А также, привлекают финансовые средства для развития бизнеса [1]. Система наставничества служит важным компонентом для профессионального роста сотрудников в школах креативных индустрий. Стоит отметить, что благодаря такой системе опытные мастера передают накопленные знания, и профессиональные навыки начинающим специалистам. Так раскрывается их творческий потенциал[2].

Существует ряд социальных параметров, которые оказывают существенное влияние на использование цифровых технологий в управлении школами креативных индустрий. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Современные учебные заведения креативных отраслей всё активнее применяют гибридные модели обучения. Таким образом, объединяются очные занятия с дистанционными форматами. Кроме того, возможно использование онлайн-платформ и виртуальных сред. Такой подход предполагает глубокое понимание обучающимися и педагогами восприятие цифрового пространства.

Доступность цифровых инструментов способствует вовлечению обучающихся в образовательный процесс. Таким образом, формируется инклюзивная среда. Кроме того, можно говорить о совершенствовании образовательного процесса учащихся по программе инклюзивного образования.

Стоит отметить, что цифровые платформы интегрируют информацию из разных источников и повышают скорость принятия решений. Тем не менее, возникает необходимость анализа социальных последствий таких преобразований. Первоочередное – это перераспределение функций административного персонала, передача полномочий сотрудникам, и оценка рисков информационной загруженности работников.

Современная образовательная среда в креативном секторе нацелена на развивает межотраслевые навыки. Среди таких навыков можно выделить искусство, технологии и бизнес. Применение цифровых решений в таком случае требует особого внимания к подготовке педагогов. Кроме того, необходима поддержка профессиональной ориентации студентов.

В результате остро встает вопрос защиты личных данных и обеспечения кибербезопасности. Необходима разработка мер по предотвращению злоупотребления технологическими возможностями. Эти аспекты становятся неотъемлемой частью социальной ответственности учебных заведений. Таким образом, кибербезопасность и защита личных данных становятся приоритетными в изучении.

В таком случае, можно говорить о формировании новой педагогической модели. В рамках этой модели происходит развитие творческого потенциала учащихся через грамотное использование цифровых инструментов. Преподаватели в этой модели становятся наставниками, помогающими учащимся развивать креативное мышление.

Отмечается значительный рост популярности платформ для совместного обучения и взаимодействия. Отсюда следует, что растет спрос на специализированные сервисы по формированию профессиональных сообществ. Кроме того, социологи особое внимание теперь уделяют анализу социальных сетей, динамики их развития и влияния на профессиональный рост. Это становится важнейшими целями исследований.

Особое внимание следует уделить теоретическим подходам к изучаемой теме:
– концепция социального научения Альберта Бандур (обучение происходит через наблюдение за действиями опытных специалистов);
– модель менторства Клэр Вольквейн (наставник выступает проводником в профессиональную среду, помогает адаптироваться, развивать компетенции и достигать карьерных целей);
– модель двухуровневого обучения Криса Аргириса и Дональда Шёна (наставничество способствует развитию рефлексивных способностей);

[1] Школы креативных индустрий / утв. Минкультуры России 23.12.2024 https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495865/7327668c04c0470317b26d354e36cb828a4af319/

– теория саморегуляции Альберта Бандуры (взаимодействие с наставниками повышает уверенность работников школ креативных отраслей);
– модель личностного и профессионального развития Даниэля Гоулмана (наставничество способствует развитию эмоционального интеллекта и профессиональной компетентности).

Цель настоящего исследования – проанализировать современные потребности в наставничестве и повышении квалификации персонала образовательных учреждений креативных отраслей в России. Также, необходимо проанализировать формирование кадрового потенциала, методическое сопровождение и реализацию проектной деятельности.

Для достижения поставленных исследовательских задач и получения сопоставительных данных с учетом возрастных, гендерных и профессиональных различий была сформирована выборка. Её общий объем составил 304 респондента (112 мужчин, 192 женщины) в возрасте от 19 до 66 лет (средний возраст – 36,13 года, стандартное отклонение – 10,09 года). Исследование проводилось на базе образовательных организаций сферы креативных индустрий в 86 городах.

Применяемый методологический подход базируется на комплексном изучении феномена наставничества, что обеспечивает получение надежных и валидных данных о влиянии наставнических практик на профессиональный рост сотрудников [3]. Инструментарий исследования включает анализ вторичных данных, авторскую анкету для выявления потребностей начинающих школ креативных индустрий, оценки и развития системы наставничества, а также количественный контент-анализ.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы Statistica 10. Применялись методы описательной статистики и частотный анализ.

Описание выборки и методов исследования

Для достижения целей исследования и формирования сопоставимых данных, принимая во внимание гендерные, возрастные и профессиональные особенности, была сформирована группа участников. Всего в исследовании приняли участие 304 человека, среди которых 112 мужчин и 192 женщины. Возрастной диапазон участников варьировался от 19 до 66 лет, со средним возрастом 36.13 года и стандартным отклонением 10.09. В качестве площадок для проведения исследования были задействованы общеобразовательные учреждения, расположенные в 86 населенных пунктах (см. таблицу 1).

Таблица 1. Данные проведенного исследования

Выборка (N = 304)	Общая информация	Количество респондентов	Количество (%)
пол	мужчины женщины	122 192	37% 63%
Возраст	от 19 до 66 лет (M=36.13, SD=10.09)		
Уровень образования	Высшее профессиональное образование Среднее профессиональное образование	227 76	75% 25%
Должность	Педагог/Преподаватель Методист Руководитель студии/направления Руководитель ШКИ Креативный продюсер/Менеджер по проектной деятельности Менеджер по связям с общественностью Заведующий ШКИ Руководитель ШКИ, преподаватель педагог-организатор Диспетчер образовательного учреждения Начальник отдела Контент-менеджер Аналитик Администратор Заведующая отделом по основным направлениям деятельности Школы креативных индустрий Педагог по анимации Основная должность – заместитель директора по учебной части, руководитель ШКИ, преподаватель студии электронной музыки Руководитель по развитию	71 16 19 71 12 1 1 1 1 2 1 1 1 3 1 1 1 1	56% 5% 6% 23% 4% 0,3% 0,3% 0,3% 0,3% 0,7% 0,3% 0,3% 0,3% 1% 0,3% 0,3% 0,3% 0,3%

В методический инструментарий для исследования были включены авторские опросники. Они предназначались для выявления потребностей учащихся и школьников-инструкторов (ШКИ) на начальном этапе их профессионального становления. Также оценивалась эффективность системы наставничества и уровень удовлетворенности трудом. Анкета включала вопросы, касающиеся следующих аспектов: степень заинтересованности в порученном деле, уровень удовлетворенности отношениями в коллективе и с руководством. Кроме того, изучался уровень профессиональных притязаний, степень удовлетворенности условиями труда, его организацией и прочими релевантными факторами.

Таблица 2. Потребности в курсах повышения квалификации сотрудников ШКИ

Направление ПК	Кол-во	%
По направлению продюсирования	39	13%
По направлению педагогика в дополнительном образовании	37	12%
По направлению звукорежиссуры и звукового дизайна	35	11%
По направлению виртуальной и дополненной реальности	26	8%
По направлению проектной деятельнсти	46	15%
По направлению дизайн	21	7%
По направлению анимации	32	10%
По направлению фотопроизводства	8	3%
По направлению работы в специализированном программном обеспечении по направлению студии ШКИ	18	6%
По направлению видеопроизводства	15	5%
Другое	26	8%

Исследование способов получения методической помощи сотрудниками ШКИ выявило, что подавляющее большинство (84%) предпочитает доступ к онлайн-ресурсам с необходимой информацией. Тем не менее, стоит упомянуть, что 1% респондентов предложили альтернативные варианты: «При наличии успешного проекта у конкретной ШКИ, было бы полезно провести онлайн-совещание или записать короткий видеоролик от создателей проекта. Возможно, в формате вебинара, но с участием непосредственных исполнителей» и «Любой способ связи подходит».

Таблица 3. Механизмы предоставления методических рекомендаций

	Количество испытуемых (человек)	Количество испытуемых (%)
Онлайн-база данных с материалами	254	84%
Регулярные методические вебинары	78	26%
Очные стажировки и мастер-классы	143	47%
Закрытое сообщество для обмена опытом (например, в Telegram)	105	35%
Консультации назначенного куратора/ментора для ШКИ	76	25%
Другое	3	1%

В рамках исследования, посвященного управлению персоналом для руководителей Школы креативных индустрий, была предпринята попытка выявить их потребности в области формирования и совершенствования коллектива (см. таблицу 4). Согласно полученным данным опроса, большинство руководителей считают приоритетным разработку рекомендаций по нематериальному стимулированию педагогического состава (19% случаев). Также значительное внимание уделяется созданию реестра онлайн-ресурсов для поиска новых преподавателей (18% случаев) и формированию системы оценки эффективности работы преподавателей, необходимой для составления отчетности по стимулирующим выплатам (17% случаев). Небольшая доля руководителей (2%) представила собственные предложения, среди которых были: «Работа с выдающимися педагогами», «Квалифицированная поддержка в подборе, профессиональном росте и мотивации творческих работников, учитывая особенности реализации креативных проектов и гибких рабочих моделей», а также «Достойный уровень оплаты труда» [4].

Для проведения статистической обработки собранных данных использовалось специализированное программное обеспечение Statistica 10. Применялись методы описательной статистики и частотный анализ.

Анализ результатов, направлен на выявление потребностей в учебных и методических материалах (см. таблицу 4 и рисунок 1). Значительная доля работников из 74 населенных пунктов указывает на востребованность у них доступа к собранию современных методик и кейсов, применяемых в рамках ШКИ, что подтверждается показателем в 57%. Параллельно 53% респондентов из 68 городов подчеркивают важность разработки программных проектов, регламентирующих рабочие процессы по профилям образовательных студий, организованных на базе ШКИ [5, 6].

Однако 2% сотрудников отметили иную категорию потребностей в учебных и методических материалах, большинство отмечают потребность во всех учебных и методических материалов, сотрудники таких городов как г. Ханты – Мансийск, г. Стерлитамак и г. Сургут. При этом были и те кто дополнительно отметил, что имеют потребность в «видеоматериалах и видеолекций» г. Новосибирск, но самым интересным оказался ответ сотрудника ШКИ из г. Новосибирска касательно самостоятельного составления учебного плана «Мне нравится самому составлять план обучения детей. Каждый ребенок разный. Поэтому каждый получает ту информацию, к которой склонен. Умеет и любит рисовать – 2д анимация. Круто моделирует – трехмерку изучает и т.д.».

Таблица 4. Потребности в учебных и методических материалах сотрудников

Потребностей в учебных и методических материалах.	Количество испытуемых (человек)	Количество испытуемых (%)	Количество городов
Наличие проекта образовательной (общеразвивающей) программы дополнительного образования «Креативные технологии»	122	40%	61
Наличие проектов рабочих программ по направлениям студий, функционирующих на базе ШКИ	161	53%	68
Наличие проекта календарно-тематических планов	110	36%	58
Наличие проектов локально-нормативных актов ШКИ	77	25%	52
Наличие библиотеки актуальных практик и проектов ШКИ	173	57%	74
Наличие проекта системы оценки результатов обучения (творческий паспорт, цифровое портфолио)	118	39%	60
Другое	5	2%	4

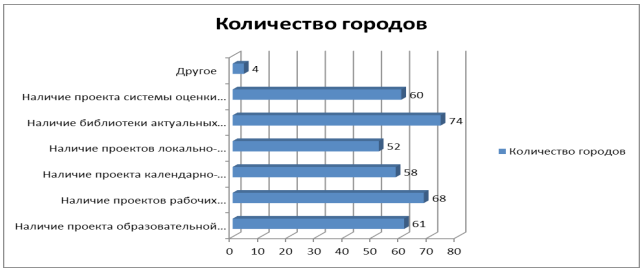


Рис. 1. Потребности в учебных и методических материалах сотрудников разных городов

Следует отметить, что сотрудники ШКИ из 5-ти городов отметили потребность во всех перечисленных методических поддержек. Сотрудники таких городов как Липецк, Череповец, Красноярск, Кемерово, Абакан.

Анализ ответов руководителей школ креативных индустрий (ШКИ) по вопросам 18–21 анкеты позволил выявить их основные потребности в области управления персоналом, включая подбор и развитие сотрудников (см. таблицу 5 и рисунок 2). Опрос, проведенный среди представителей 50 городов, продемонстрировал, что наибольший интерес (19%) вызывают методические рекомендации по нематериальной мотивации преподавательского состава. Кроме того, 18% руководителей из 47 городов обозначили потребность в разработке онлайн-платформ как инструмента для поиска потенциальных кандидатов на преподавательские позиции. Еще 17% респондентов из 41 города указали на важность формирования четких критериев оценки деятельности преподавателей, необходимых для расчета стимулирующих выплат [7].

Остальные 2% опрошенных предложили свои варианты решений. Например, руководитель из станицы Северская выделил необходимость работы с «звездными» педагогами. Представитель Альметьевска акцентировал внимание на потребности в профессиональной поддержке по подбору, развитию и мотивации творческих специалистов, принимая во внимание особенности креативных проектов и гибких рабочих форматов. Желание «нормальной заработной платы» было озвучено руководителями из Ростова-на-Дону (табл. 5).

Таблица 5. Потребности руководителей ШКИ

	Количество испытуемых (человек)	Количество испытуемых (%)	Количество городов
Создание портрета идеального кандидата на вакансию преподавателя	19	6%	18
Создание базы онлайн-платформ для поиска кандидатов на вакансию преподавателей	56	18%	47
Создание вопросов к собеседованию и критериев отбора	27	9%	25
Создание критериев оценки работы преподавателей для отчетов к определения стимулирующей выплаты	51	17%	41
Создание рекомендаций по нематериальной мотивации преподавателей	58	19%	50
Другое	5	2%	4

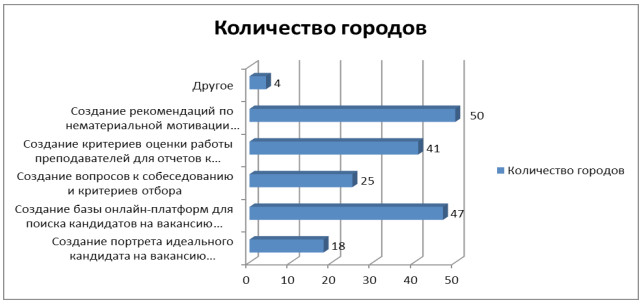


Рис. 2. Потребности руководителей ШКИ из разных городов

Проанализировав ответы о возникновении основных трудностях в поиске, подборе и найме преподавателей (см. таблицу 6 и рисунок 3), мы получили следующие результаты. Большинство отмечает, несоответствие ожидания и реальности относительной заработной платы (23%) из 58-ти городов и дефицит кадров по направлениям ШКИ (20%) из 50-ти городов.

Таблица 6. Основные трудности в поиске, подборе и найме преподавателей

	Количество испытуемых (человек)	Количество испытуемых (%)	Количество городов
Отсутствует ресурс на публикацию информации о вакансии на поисковых кадровых платформах	17	6%	15
Нет понимания, где искать кандидатов на вакансию преподавателя ШКИ	19	6%	16
В нашем населенном пункте/регионе дефицит кадров по направлениям ШКИ	60	20%	50
Кандидаты на вакансию преподавателя ШКИ не обладают педагогическими компетенциями	40	13%	36
Кандидаты на вакансию преподавателя ШКИ не являются практикующими специалистами	11	4%	11
Зарплатные ожидания практикующих специалистов не соответствуют предложениям зарплатного проекта преподавателя ШКИ	69	23%	58
Непонимание кандидатами на вакансию преподавателя ШКИ специфики работы в ШКИ (проектный подход, академические уроки)	16	5%	14

Окончание

	Количество испытуемых (человек)	Количество испытуемых (%)	Количество городов
Кандидаты на вакансию преподавателя ШКИ не владеют педагогическими технологиями работы с подростками	27	9%	25
Трудности с оформлением по ТК (совместительство, частичная занятость)	19	6%	18
Трудностей в поиске, подборе и найме сотрудников не испытываем	12	4%	11

Рис. 3. Основные трудности в поиске, подборе и найме преподавателей

Следует отметить, что сотрудники ШКИ из города Липецк отмечают наибольшее количество вариантов поиска, подбора и найма преподавателей:

1. В нашем населенном пункте/регионе дефицит кадров по направлениям ШКИ.
2. Кандидаты на вакансию преподавателя ШКИ не обладают педагогическими компетенциями.
3. Кандидаты на вакансию преподавателя ШКИ не являются практикующими специалистами.
4. Зарплатные ожидания практикующих специалистов не соответствуют предложениям зарплатного проекта преподавателя ШКИ.
5. Непонимание кандидатами на вакансию преподавателя ШКИ специфики работы в ШКИ (проектный подход, академические уроки).
6. Кандидаты на вакансию преподавателя ШКИ не владеют педагогическими технологиями работы с подростками.

Проведя частотный анализ трудностей, с которыми сталкиваются сотрудники ШКИ в организации проектной деятельности (см. таблицу 8 и рисунок 4), результаты показали, что большинство сотрудников из 67-и городов отмечают, основной вызов в организации проектной деятельности, это то, что студийцы не удерживают фокус на долгосрочных проектах (46%) и дефицит времени в учебном расписании на глубокую проектную работу (39%) из 59-и городов.

Однако следует отметить, что 6% сотрудников выделяют иные трудности в организации проектной деятельности: г. Тольятти «Сложности по поиску партнеров проектов из бизнес-организаций, администрации города», г. Новосибирск «Детей можно вдохновить, но не заставить. Приходиться много времени тратить на контроль проекта. Детей надо научить работать в команде и нести ответственность. Сложная часть – доработки. Детям сложно».

Таблица 7. Трудности в организации проектной деятельности

	Количество испытуемых (человек)	Количество испытуемых (%)	Количество городов
Студийцы не удерживают фокус на долгосрочных проектах.	139	46%	67
Сложности с генерацией идей, которые реально реализовать.	84	28%	48
Нехватка времени в учебном расписании на глубокую проектную работу.	118	39%	59
Трудности с организацией межстудийных проектов.	79	26%	43
Нет понимания, как оценивать групповые проекты.	43	14%	32
Другое	17	6%	13

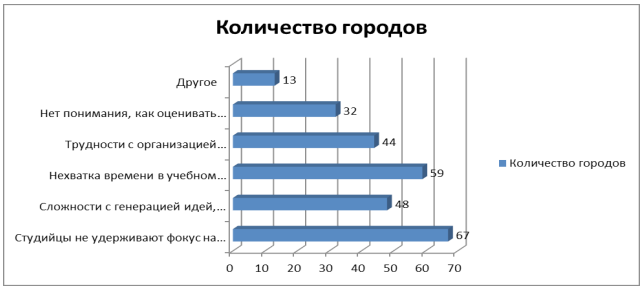


Рис. 4. Трудности в организации проектной деятельности

Следует отметить, что сотрудники ШКИ из города Липецк отмечают наибольшее все варианты (кроме другое) трудностей в проектной деятельности. Из городов Череповец и Красноярск отмечается.

1. Нехватка времени в учебном расписании на глубокую проектную работу.
2. Трудности с организацией межстудийных проектов.
3. Нет понимания, как оценивать групповые проекты.

Исходя из испытываемых трудностей в организации проектной деятельности, следующим нашим шагом был анализ необходимой помощи сотрудникам для создания эффективной проектной деятельности обучающихся (см. таблицу 7 и рисунок 5). Частота ответов, показала, что большинство сотрудников из 69-и городов нуждаются в помощи поиска партнеров и заказчиков для реальных проектов и платформ для презентации готовых проектов (онлайн-галерея) (52%). Также была отмечена потребность в готовых методичках по управлению проектами для подростков (48%) из 66-и городов.

Однако следует отметить, что 3% сотрудников выражают собственные пожелания касательно потребностей для создания эффективной проектной деятельности обучающихся: г. Майкоп «Заинтересованность детей», г. Белгород «дети очень перегружены в школах и им интересно в ШКИ, но у них не хватает физического ресурса», г. Балаково «Первично – базовые, фундаментальные знания. Наработка устойчивых навыков. Проекты должны быть результатом подготовки», г. Казань «Консультации по организации студийцев», г. Новосибирск «Проектом движет мотивация. Самые включенные дети – это выпускники возраста старших классов», г. Орехово-Зуево «Большая единая платформа проектов студийцев – классная идея! Обсуждали и на съезде, и при личных встречах с коллегами. Платформа, где можно было бы познакомиться с работами ребят», г. Томск «Повышение зарплаты [8 9].

Таблица 7. Потребности сотрудников для создания эффективной проектной деятельности обучающихся

	Количество испытуемых (человек)	Количество испытуемых (%)	Количество городов
Готовые методички по управлению проектами для подростков	145	48%	69
Консультации по организации междисциплинарных проектов	88	29%	54
Помощь в поиске партнеров и заказчиков для реальных проектов	158	52%	69
Платформа для презентации готовых проектов (онлайн-галерея)	158	52%	66
Другое	8	3%	6

Рис. 5. Потребности сотрудников для создания эффективной проектной деятельности обучающихся

Следует отметить, что сотрудники ШКИ из 3-х городов отметили потребность во всех перечисленных вариантах. Сотрудники таких городов как Липецк, Череповец, Красноярск.

Выводы

Представленные результаты количественного анализа контента свидетельствуют о следующем:

1. Для методической поддержки сотрудников ШКИ требуется предоставление актуальных практик и проектов, относящихся к деятельности ШКИ. Важно также иметь примеры рабочих программ для студий, действующих на базе ШКИ. Кроме того, необходима разработка образовательной программы дополнительного образования «Креативные технологии» и системы оценки учебных достижений, включающей творческий паспорт и цифровое портфолио [10].

2. Анализ кадровых потребностей руководителей ШКИ выявил потребность в рекомендациях по нематериальной мотивации преподавателей, создании базы онлайн-платформ для поиска кандидатов на должности преподавателей и разработке критериев оценки их труда для формирования отчетности по стимулирующим выплатам. Часть руководителей также указала на важность повышения заработной платы, интерес к сотрудничеству с «звездными» педагогами, а также потребность в компетентной помощи по подбору, развитию и мотивации творческих специалистов, учитывая специфику креативных проектов и гибкие рабочие форматы [11].

3. Сотрудники в большинстве своем указывают на то, что основными препятствиями в организации проектной деятельности являются снижение концентрации внимания обучающихся на длительных проектах и ограниченность времени в учебном расписании для углубленной проектной работы. Некоторые сотрудники также сталкиваются с трудностями в генерации реализуемых идей и организации межстудийных проектов.

4. Большинство сотрудников нуждаются в помощи поиска партнеров и заказчиков для реальных проектов и платформ для презентации готовых проектов (онлайн-галерея) и потребность в готовых методичках по управлению проектами для подростков и консультации по организации междисциплинарных проектов.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» (2021). КонсультантПлюс. URL: http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVlxBCjIAtAya8FAVDUfP.pdf (дата обращения: 20.10.2025)

2. Антонова И.С., Шмакова А.Н. Школа креативных индустрий в региональной экономике Томской области // BENEFICIUM. 2023. № 4(49). С. 38–46. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2023.4(49).38-46

3. Воспроизводство и поддержка молодых кадров в контексте реализации государственной молодёжной политики (на примере ТУСУР) / В.В. Орлова, Е.О. Зятькова, Т.С. Никулина, М.А. Мальцева, А.Н. Шмакова // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – No 2. – С. 39–49. DOI: 10.18799/26584956/2025/2/1963

4. Журавлева Т., Токарев И., Гай О. Атлас креативных индустрий Российской Федерации. М.: Агентство стратегических инициатив, 2021. 558 с.

5. Демиденко С.Ю. Кадры для науки: воспроизводство в условиях кризиса // Управление наукой: теория и практика. – 2024. – Т. 6. – № 2. – С. 203–217. DOI: https://doi.org/10.19181/smtp.2024.6.2.14. EDN: ROSTSO

6. Государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (до 2030 года). URL: http://government.ru/rugovclassifier/858/events/ (Дата обращения 17.02.2026).

7. Лебедева Н.Н. Модернизация механизма воспроизводства научных кадров в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6. Университетское образование. – 2013. – No 14. – С. 14–19. EDN: RTMYHF.

8. Чикунов И.М., Белгородский В.С., Дембицкий С.Г. КРЕАТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ // Современные проблемы науки и образования. 2025. № 4.; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=34223 (дата обращения: 20.03.2026). DOI: https://doi.org/10.17513/spno.34223

9. Бутова Т.Г., Данилина Е.П., Егошина О.Л. Терминологическое исследование в области культурных и креативных индустрий // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2022. № 1(58). С. 102–109. EDN: PNBFDO.

10. Молчанов И.Н. Творческие индустрии: механизмы развития человеческого потенциала // Экономика. Налоги. Право. 2022. Т. 15. № 2. С. 52–62. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-2-52-62. EDN: NYDOPG.

11. Королева И.Б., Соколова И.Л. Креативные индустрии в России и мире: состояние, тенденции и проблемы управления развитием // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 3. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).14. EDN: FWPQNV.

MENTORING AS A TOOL FOR SOCIAL MANAGEMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCIES DEVELOPMENT IN CREATIVE SECTOR ORGANIZATIONS

Orlova V.V., Shmakova A.N.
Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics

The relevance of this topic stems from the pressing need to improve the professional skills of teaching staff at organizations involved in the development of creative industries. These institutions are the foundation for training specialists who play a vital role in stimulating the progressive development of regional economies. The use of a mentoring system is seen as an important way to transfer accumulated experience and enhance the skills of creative workers, thereby promoting knowledge transfer between generations and the development of new models of collaboration between businesses, government agencies, and educational institutions. Studying mentoring practices and professional development pathways in creative industries schools is a priority for ensuring productive work and sustainable growth in this economic sector.

Keywords: professional competencies, creative sector organizations, digital technologies, mentoring.

References

1. Russian Government Order No. 2613-r of September 20, 2021, “On Approval of the Concept for the Development of Creative Industries and Mechanisms for Implementing State Support for Them in Large and Major Urban Agglomerations through 2030” (2021). ConsultantPlus.

2. Antonova I.S., Shmakova A.N. School of creative industries in the regional economy of the Tomsk region // BENEFICIUM. 2023. № 4(49). P. 38–46. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2023.4(49).38-46

3. Reproduction and support of young personnel in the context of the implementation of state youth policy (using TUSUR as an example) / V.V. Orlova,

4. E.O. Zyatkova, T.S. Nikulina, M.A. Maltseva, A.N. Shmakova // Vectors of well-being: economy and society.

5. Zhuravleva T., Tokarev I., Gai O. Atlas of creative industries of the Russian Federation. Moscow: Agency for Strategic Initiatives, 2021. 558 p.

6. Demidenko S.Y. Research and academic personnel: reproduction in crisis conditions. *Science Management: Theory and Practice*, 2024, vol. 6, no. 2, pp. 203–217. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.19181/smtp.2024.6.2.14. EDN: ROSTSO.

7. State Program “Scientific and Technological Development of the Russian Federation” (until 2030). URL: http://government.ru/rugovclassifier/858/events/ (Accessed 17.02.2026).

8. Lebedeva N.N. Modernization of the Mechanism for Reproduction of Scientific Personnel in Modern Russia // Bulletin of Volgograd State University. Series 6. University Education. – 2013. – No. 14. – Pp. 14–19. EDN: RTMYHF.

9. Chikunov I.M., Belgorodsky V.S., Dembitsky S.G. CREATIVE EDUCATION // Modern Problems of Science and Education. 2025. No. 4.;

10. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=34223 (accessed: 20.03.2026). DOI: https://doi.org/10.17513/spno.34223

11. 9. Butova T.G., Danilina E.P., Egoshina O.L. Terminological study in the field of cultural and creative industries // Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments. 2022. No. 1 (58). Pp. 102–109. EDN: PNBFDO.

12. 10. Molchanov I.N. Creative industries: mechanisms for developing human potential // Economy. Taxes. Law. 2022. Vol. 15. No. 2. Pp. 52–62. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-2-52-62. EDN: NYDOPG.

11. Koroleva I.B., Sokolova I.L. Creative industries in Russia and the world: state, trends and problems of development management // Baikal Research Journal. 2022. T. 13. No. 3. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).14. EDN: FWPQNV.

Цифровые технологии в социальной сфере городской среды: социологический анализ управленческих практик в транспортной системе

Паньшин Александр Игоревич,
кандидат социологических наук, доцент кафедры «философия, социология и история», Российский университет транспорта (МИИТ)
E-mail: panschin@ya.ru

Статья посвящена социологическому анализу внедрения цифровых технологий в социальную сферу городской среды с акцентом на транспортную составляющую. В статье рассматриваются процессы цифровой трансформации управленческих практик, возникающих при переходе к цифровым моделям организации городской мобильности. Проведенный анализ показал, что цифровизация транспорта сопровождается не только повышением эффективности управления, но и возникновением новых форм социального неравенства, связанных с доступом к цифровым ресурсам и компетенциям. Особое внимание уделено проблемам алгоритмического управления, снижению прозрачности принятия решений и трансформации общественных пространств. Обосновывается необходимость перехода к инклюзивной модели цифрового управления, предполагающей учет интересов различных социальных групп, развитие механизмов общественного участия и институционализацию социологической экспертизы. Сделан вывод о том, что цифровизация транспортной системы должна рассматриваться как комплексный социально-управленческий процесс, требующий междисциплинарного подхода и ориентации на принципы социальной справедливости.

Ключевые слова: цифровизация, городская среда, транспортная мобильность, социология управления, умный город, цифровое управление

Введение

Современная городская среда переживает этап глубокой структурной перестройки, обусловленной внедрением цифровых технологий во все ключевые сегменты социальной инфраструктуры. Транспортная система, являясь «кровеносной» системой города, выступает не только экономическим и логистическим узлом, но и важнейшим социальным институтом, обеспечивающим пространственную мобильность, доступность общественных благ и социальную интеграцию [9, с. 132]. Цифровизация транспорта (интеллектуальные транспортные системы, MaaS-платформы, бесконтактная оплата, алгоритмическое управление потоками, телематика общественного транспорта) кардинально меняет логику взаимодействия между городскими жителями, транспортными операторами и органами власти. Однако технологический прогресс сопровождается обострением социальных проблем: цифровое неравенство трансформируется в мобильностное неравенство [16, p. 90], алгоритмическое управление подменяет публичное принятие решений, а уязвимые группы населения (пожилые, люди с ограниченными возможностями здоровья, малообеспеченные, жители периферийных районов) оказываются в зоне риска социальной эксклюзии. В условиях, когда транспортная доступность становится маркером социального статуса и качества жизни [1, с. 599], возникает необходимость переосмысления управленческих парадигм через призму социологии управления.

Исследование опирается на методологию системного анализа, теорию цифрового управления (digital governance), социологию организаций и концепцию социального конструирования технологий (SCOT) [3, с. 112]. В качестве методов используются: сравнительно-социологический анализ муниципальных практик, контент-анализ нормативно-правовых документов и стратегий цифрового развития, вторичный анализ данных социологических опросов (ВЦИОМ). Методологический акцент сделан на выявлении управленческих практик, механизмов социального контроля, форматов взаимодействия «власть – бизнес – население» и институциональных барьеров, препятствующих инклюзивной цифровизации [14, p. 90–91].

Актуальность темы обусловлена тем, что транспортная доступность выступает одним из базовых факторов социальной включенности. Ограничение доступа к транспортным услугам неизбежно приводит к снижению качества жизни и усилению социальной дифференциации. В этой связи цифровизация транспорта требует не только технического, но и социологического осмысления. Цель настоящего исследования состоит в выявлении трансформаций управленческих практик в транспортной сфере городской среды под влиянием цифровизации, а также в анализе их социальных последствий. Особое внимание уделяется проблеме соотношения технологической эффективности и социальной справедливости, которая становится ключевой в условиях цифрового управления.

Степень разработанности проблемы

Вопросы цифровизации городской среды активно исследуются в рамках урбанистики, экономики города, информационных технологий и градостроительства. В исследованиях, посвященных концепции «умного города», акцент, как правило, делается на технологических аспектах и повышении эффективности управления [15]. При этом социальные последствия внедрения цифровых решений зачастую анализируются фрагментарно. В отечественной науке внимание исследователей сосредоточено преимущественно на институциональных изменениях и трансформации административных практик [11, с. 50–52]. Вместе с тем транспортная система редко становится самостоятельным объектом анализа, несмотря на ее значительную роль в воспроизводстве социальных отношений.

Социология мобильности, в свою очередь, рассматривает перемещение как социально обусловленный процесс [15; 12], однако влияние цифровых технологий на управление мобильностью остается недостаточно изученным [10]. Это приводит к тому, что в рамках социологии управления сохраняется дефицит исследований, рассматривающих цифровые транспортные системы как объект социального управления, где технологические инновации анализируются не как инструменты эффективности, а как факторы трансформации социальных отноше-

ний, властных конфигураций и механизмов общественного контроля [7, с. 6]. Отсутствует комплексная социологическая модель, связывающая алгоритмическое управление транспортной мобильностью с воспроизводством социального неравенства и изменениями в организационной культуре городских администраций [4, с. 97].

Методология и методы

Исследование построено на смешанной методологии, сочетающей теоретико-аналитический, эмпирический и прикладной блоки. Теоретический анализ направлен на выявление ключевых концептов, позволяющих интерпретировать цифровизацию транспорта как социальный процесс. В основу положены положения институциональной социологии управления, теории цифрового капитализма [5], концепции мобильности как социального феномена [9, с. 89], а также подходы к алгоритмическому управлению в публичном секторе [13]. Особое внимание уделено работам, раскрывающим диалектику технологической эффективности и социальной справедливости в контексте городской среды [16, с. 123].

Эмпирическая часть базируется на изучении нормативных документов, стратегий цифрового развития и транспортных программ, реализуемых в крупных городах, а также на контент анализе нормативных актов, муниципальных программ цифрового развития и транспортных стратегий крупных городов Российской Федерации, включая Москву, Санкт Петербург, Казань, Екатеринбург и Новосибирск, за период с 2018 по 2025 год [8], в ходе которого выявлены ключевые нарративы, целевые показатели и механизмы оценки эффективности.

Сравнительный анализ различных моделей управления позволил выявить особенности взаимодействия между государственными структурами и частными платформами. Дополнительно был проведен вторичный анализ социологических данных, отражающих уровень удовлетворенности населения транспортными услугами и степень использования цифровых сервисов. Использованы открытые базы опросов, фиксирующих удовлетворенность транспортным обслуживанием, уровень цифровой грамотности, частоту использования цифровых сервисов в зависимости от возраста, дохода, района проживания [6]. Данные агрегировались в единую аналитическую матрицу, где каждый кейс оценивался по критериям: уровень цифровизации, степень социальной инклюзивности, прозрачность алгоритмов, наличие механизмов общественного контроля, адаптивность управленческих структур.

Ограничения исследования состоят в том, что изучение опирается преимущественно на данные крупных городов, где цифровизация выражена ярче, тогда как региональные особенности могут отличаться. Динамичность технологических решений требует постоянной актуализации эмпирической базы, тем не менее выявленные управленческие закономерности обладают высокой степенью типологической репрезентативности для современных урбанизированных сред.

Результаты

Проведенное исследование показало, как сегодня оцифровывают управление транспортом в городах, что позволило увидеть устойчивые тенденции, противоречия и социальные последствия, которые важно понять именно с точки зрения социологии управления. Традиционная система управления транспортом строилась на иерархических структурах, нормативном регулировании и ручном распределении ресурсов [10, с. 227–228]. Внедрение цифровых платформ привело к переходу к сетевой, платформенной модели управления, где ключевую роль играют алгоритмы маршрутизации, динамического ценообразования, прогнозирования спроса и автоматизированного контроля [13, с. 54]. Это изменило субъект управления: если ранее им выступал муниципальный орган, то теперь управление распределяется между IT-платформами, транспортными операторами и алгоритмическими системами, чьи решения часто непрозрачны для общества и регулирующих органов [13, с. 54]. Управленческие функции смещаются от нормативного установления правил к настройке параметров алгоритмов, что требует новой компетенции – «алгоритмической грамотности» управленцев. В результате формируется новая конфигурация власти, в которой границы ответственности становятся менее определенными.

Существенным следствием цифровизации является усиление социального неравенства. Доступ к транспортным услугам все в большей степени зависит от уровня цифровой грамотности и наличия технических ресурсов. Это приводит к формированию новой формы исключения, затрагивающей прежде всего пожилых людей, малообеспеченные слои населения и жителей периферийных территорий. Внедрение исключительно цифровых каналов покупки билетов, оформления льгот, вызова транспорта или получения информации приводит к вытеснению из системы мобильности групп, не обладающих цифровыми компетенциями или техническими средствами [16, с. 135]. По данным вторичного анализа, в периферийных районах крупных городов доля лиц старше 60 лет, не использующих цифровые транспортные сервисы, достигает 42–47%, тогда как в центральных районах – 18–22% [6]. Аналогичная картина наблюдается среди малообеспеченных слоев и людей с ограниченными возможностями, для которых интерфейсы платформ часто не адаптированы [12, с. 5–6]. Таким образом, цифровизация, декларируемая как инструмент инклюзии, на практике воспроизводит новые формы социального исключения, трансформируя цифровое неравенство в пространственно-транспортную сегрегацию.

Особую проблему представляет непрозрачность алгоритмических решений. Использование сложных аналитических моделей затрудняет понимание логики управления и ограничивает возможности общественного контроля. Системы оптимизации маршрутов общественного транспорта, динамического тарифного регулирования и распределения парковочных мест принимают решения на основе больших данных, логика которых не всегда прозрачна для граждан и контролирующих органов [5, с. 139–140]. В случае сбоев, дискриминационных паттернов или недоступности услуг для отдельных районов отсутствуют четкие механизмы обжалования алгоритмических решений [7, с. 67]. Управленческая ответственность размывается: муниципалитет ссылается на поставщика платформы, поставщик – на настройки данных, операторы – на алгоритмическую оптимизацию. Это создает управленческий вакуум в вопросах социальной справедливости и нарушает принцип публичной подотчетности [11, с. 23–26].

Цифровизация также оказывает влияние на социальные практики. Транспортные пространства утрачивают функцию мест социального взаимодействия, превращаясь в элементы управляемой инфраструктуры. Каллаборативные сервисы (карпулинг, райдшеринг и т.д.) формируют новые формы социального взаимодействия, но одновременно снижают значение традиционных общественных транспортных узлов как мест социализации [9, с. 67–68]. Автоматизация контроля (камеры, турникеты, биометрия) усиливает латентный социальный контроль, превращая транспортную инфраструктуру в среду постоянного мониторинга. С точки зрения социологии управления, это ведет к смене парадигмы от «транспорта как общественной услуги» к «транспорту как управляемой экосистеме», где доминируют логики эффективности, безопасности и коммерческой рентабельности, часто в ущерб социальной функции [15, p. 65].

Исследование выявило институциональные барьеры управленческой адаптации, а именно ряд ограничений, препятствующих гармоничной интеграции цифровых технологий в социальную сферу транспорта:

– отсутствие единых стандартов открытых данных и интерфейсов доступности;
– недостаточная координация между департаментами транспорта, социальной защиты и цифрового развития;
– отсутствие обязательной социологической экспертизы при внедрении новых цифровых решений;
– слабость механизмов общественного участия в проектировании транспортных сервисов;
– дефицит кадров, совмещающих компетенции в управлении, социологии и цифровых технологиях.

Результаты подтверждают, что цифровизация транспортной сферы представляет собой управленческий проект, перераспределяющий ресурсы, власть и доступ к социальной инфраструктуре [3, с. 201]. Без целенаправленного социологического сопровождения и инклюзивной управленческой архитектуры цифровые инновации рискуют усилить существующие социальные дисбалансы.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют интерпретировать цифровизацию транспортной составляющей городской среды как сложный социально-управленческий феномен, в котором технологическая эффективность и социальная справедливость находятся в состоянии динамического напряжения [4, с. 173–188]. С позиции социологии управления, ключевой проблемой выступает не сама технология, а управленческая логика ее внедрения.

Цифровизация как управленческая трансформация. Переход к алгоритмическому управлению транспортом отражает более широкий сдвиг в публичном администрировании: от нормативно-бюрократической модели к управлению на основе данных (data-driven governance) [13, с. 53]. Это изменение несет в себе как потенциал повышения прозрачности (открытые данные, дашборды, онлайн-мониторинг), так и риски «технократического редукционизма», когда социальные проблемы сводятся к оптимизационным задачам [11, с. 100]. В социологическом измерении это означает, что управленческие решения перестают быть предметом публичной дискуссии и становятся результатом работы алгоритмов, чьи критерии эффективности

(скорость, загрузка, рентабельность) не всегда совпадают с критериями социальной справедливости (равный доступ, учет уязвимых групп, качество жизни).

Социальное неравенство и управленческая этика. Выявленная связь между цифровым доступом и транспортной мобильностью подтверждает тезис о том, что в условиях цифровой трансформации неравенство приобретает инфраструктурный характер [16, p. 178]. Управление транспортной системой должно включать не только технологическую модернизацию, но и механизмы социальной компенсации: цифровые наставничества, альтернативные каналы обслуживания, субсидирование устройств, обязательную адаптацию интерфейсов. С точки зрения социологии управления, это требует перехода от унифицированного подхода к дифференцированному управлению, учитывающему гетерогенность городского населения. Этическая регуляция алгоритмов должна стать неотъемлемым элементом управленческого цикла, включающим аудит на предвзятость, публичную отчетность и механизмы обжалования.

Участие граждан и партисипативное управление часто игнорируются современными моделями цифрового управления транспортом. Платформы разрабатываются без участия конечных пользователей, особенно тех, чьи потребности не вписываются в стандартные пользовательские сценарии [13, с. 53]. Социология управления предлагает компенсировать этот дефицит через внедрение механизмов партисипаторного дизайна, общественных лабораторий мобильности, краудсорсинговых платформ оценки качества услуг. Это не только повышает легитимность управленческих решений, но и снижает риски социальных конфликтов, связанных с изменением транспортных маршрутов, тарифов или инфраструктуры.

Институциональная архитектура цифрового управления, согласно результатам исследования, требует создания междисциплинарных управленческих структур, объединяющих специалистов по транспорту, информационным технологиям, социальной политике и социологии. Формирование «центров цифровой инклюзии» в рамках муниципальных администраций, внедрение обязательной социологической экспертизы цифровых проектов, развитие открытых API для независимого анализа данных – все это элементы новой управленческой архитектуры, способной балансировать технологическую эффективность и социальную устойчивость [11, с. 110–111].

Ограничения и перспективы дальнейшего исследования состоят в том, что данное исследование опирается на данные, актуальные для крупных городских агломераций, тогда как в малых и средних городах динамика цифровизации может отличаться ввиду ограниченных бюджетов, иного демографического профиля и слабее развитой IT инфраструктуры. Будущие исследования должны включать лонгитюдный анализ, сравнительные кросс-региональные исследования, а также изучение влияния искусственного интеллекта на принятие управленческих решений в транспортной сфере [8]. Важным направлением является разработка социологических индикаторов цифровой транспортной инклюзии, которые могли бы стать частью системы оценки эффективности муниципального управления.

Заключение

Цифровизация транспортной составляющей городской среды представляет собой не технологический, а социально-управленческий процесс, трансформирующий структуры власти, механизмы распределения ресурсов и формы социального взаимодействия. В рамках социологии управления, она требует переосмысления традиционных моделей публичного администрирования с учетом цифровых рисков и возможностей. Ключевыми социальными проблемами цифровой трансформации транспорта являются: воспроизводство цифрового и мобильностного неравенства, алгоритмизация доступа к услугам, снижение прозрачности и подотчетности управленческих решений, маргинализация уязвимых групп населения, трансформация транспортных узлов из пространств социализации в среды латентного контроля.

Управленческие практики демонстрируют сдвиг от иерархического регулирования к платформенно-алгоритмическому управлению, что требует формирования новой компетенции городских администраторов – алгоритмической грамотности, социальной аналитики и этического проектирования цифровых сервисов [2, с. 33]. Для минимизации социальных рисков и повышения эффективности управления предлагается внедрение инклюзивной модели цифрового транспорта, включающей: обязательную социологическую экспертизу цифровых проектов, механизмы партисипативного управления, аудит алгоритмов на предвзятость, развитие альтернативных каналов обслуживания, междисциплинарные управленческие структуры и социологический мониторинг транспортной доступности.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой валидированных социологических индикаторов цифровой транспортной инклюзии, изучением влияния ИИ на управленческие решения в транспорте, а также адаптацией предложенных моделей к условиям малых и средних городов с учетом их институциональных и демографических особенностей. Цифровизация социальной сферы городской среды, и транспорта, в частности, не должна сводиться к технологической оптимизации. Это, прежде всего, вопрос управления социальными отношениями, обеспечения равного доступа к городской инфраструктуре и сохранения человеческого измерения в условиях алгоритмизации повседневности. Только интеграция социологического знания в управленческий цикл позволит превратить цифровую трансформацию в инструмент социальной устойчивости, а не нового неравенства.

Литература

1. Арифджанова Н.З., Назарова В.Х., Кенжаева Б.О. Интегрированные городские транспортнологистические системы как условие устойчивого развития городов // Экономика и социум. 2023. № 11 (114)-2. С. 597–606.
2. Асочаков Ю.В. Социология цифрового общества и цифровая социология // Социолог: образование и профессиональные траектории: материалы Всероссийской научной конференции XV Ковалевские чтения, Санкт-Петербург, 25–27 ноября 2021 года. Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2021. С. 33–34.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Городская среда. Технология развития: Настольная книга / В.Л. Глазычев, М.М. Егоров, Т.В. Ильина и др. М.: «Издательство Ладья», 1995. 240 с.
5. Карнаух В.К. Становление надзорного капитализма. Рецензия на книгу Ш. Зубофф «Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти» // Управленческое консультирование. 2023. № 4 (172). С. 138–143.
6. Комфортная среда: оценки жителей российских городов // Аналитический центр ВЦИОМ [электронный ресурс] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/komfortnaja-sreda-ocenki-zhitelei-rossiiskikh-gorodov (дата обращения 10.04.2026).
7. Луман Никлас. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2023 г. № 3097-р об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года // Официальный сайт Минтранса России. [электронный ресурс] URL: https://mintrans.gov.ru/documents/2/12953 (дата обращения 10.04.2026).
9. Урри Дж. Мобильности [Текст] / Пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с.
10. Халтурин Р.А., Судоргин Р.О. Концепция проектирования многоуровневой иерархической структуры управления ресурсами в пассажирской транспортной системе // Транспорт и информационные технологии. 2025. № 3 (15). С. 222–243.
11. Цифровая трансформация государственного управления: монография / А.С. Никитина, И.И. Борисенко; Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2020. 140 с.
12. Шеллер М. Новая парадигма мобильностей в современной социологии // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 3–11.
13. Ядова М.А. 2019. 02. 006. Кардулло П., Китчин Р. «Умный» урбанизм и «Умное» гражданство: неолиберальная логика гражданско-ориентированных «Умных городов» Европы. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. 2019. № 2. С. 52–54.
14. Braun V., Clarke V. Using Thematic Analysis in Psychology. Qualitative Research in Psychology, 2006. Vol. 3(2). P. 77–101.
15. De Waal M. The City as Interface: How New Media Are Changing the City. Rotterdam: Nai010 Publishers, 2014. 224 p.
16. Graham S., Marvin S. Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobilities and the Urban Condition. London: Taylor & Francis Group, 2002. 479 p.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SOCIAL SPHERE OF THE URBAN ENVIRONMENT: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF MANAGEMENT PRACTICES IN THE TRANSPORT SYSTEM

Panshin A.I.
Russian university of transport (MIIT)

This article presents a sociological analysis of the introduction of digital technologies into the social sphere of the urban environment, with a focus on the transport component. It

examines the digital transformation of management practices arising from the transition to digital models of urban mobility. The analysis shows that the digitalization of transport is accompanied not only by increased management efficiency but also by the emergence of new forms of social inequality related to access to digital resources and competencies. Particular attention is paid to the problems of algorithmic management, decreased transparency of decision-making, and the transformation of public spaces. The article substantiates the need for a transition to an inclusive digital management model that takes into account the interests of various social groups, develops public participation mechanisms, and institutionalizes sociological expertise. It concludes that the digitalization of the transport system should be viewed as a comprehensive social and managerial process requiring an interdisciplinary approach and a focus on the principles of social justice.

Keywords: digitalization, urban environment, transport mobility, sociology of management, smart city, digital governance

References

1. Arifjanova N.Z., Nazarova V.Kh., Kenzhaeva B.O. Integrated urban transport and logistics systems as a condition for sustainable urban development // Economy and Society. 2023. No. 11 (114)-2. P. 597–606.

2. Asochakov Yu.V. Sociology of the digital society and digital sociology // Sociologist: education and professional trajectories: materials of the All-Russian scientific conference XV Kovalev readings, St. Petersburg, November 25–27, 2021. St. Petersburg: OOO Skifiya-print, 2021. P. 33–34.

3. Berger P., Luckmann T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Medium, 1995. 323 p.

4. Urban environment. Development technology: Handbook / V.L. Glazychev, M.M. Egorov, T.V. Ilyina, et al. Moscow: Ladya Publishing House, 1995. 240 p.

5. Karnaukh V.K. Formation of surveillance capitalism. Review of the book by Sh. Zuboff "The Age of Surveillance Capitalism: The Battle for the Human Future on the New Frontiers of Power" // Management Consulting. 2023. No. 4 (172). P. 138–143.

6. Comfortable environment: assessments of residents of Russian cities // VCIOM Analytical Center [electronic resource] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/komfortnaja-sreda-ocenki-zhitelei-rossiiskikh-gorodov (access date 10.04.2026).

7. Luhmann Niklas. Power / Translated from German by A. Yu. Antonovsky. Moscow: Praxis, 2001. 256 p.

8. Order of the Government of the Russian Federation of November 3, 2023 No. 3097-r on approval of the strategic direction in the field of digital transformation of the transport industry of the Russian Federation until 2030 // Official website of the Ministry of Transport of Russia. [electronic resource] URL: https://mintrans.gov.ru/documents/2/12953 (access date 10.04.2026).

9. Urry J. Mobility [Text] / translated from English by A.V. Lazarev, introductory article by N.A. Kharlamov. Moscow: Praxis Publishing and Consulting Group, 2012. 576 p.

10. Khalturin R.A., Sudorgin R.O. Concept of designing a multi-level hierarchical structure of resource management in a passenger transport system // Transport and Information Technology. 2025. No. 3 (15). P. 222–243.

11. Digital transformation of public administration: monograph / A.S. Nikitina, I.I. Borisenko; Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg, 2020. 140 p.

12. Sheller M. New paradigm of mobilities in modern sociology // Sociological studies. 2016. No. 7. P. 3–11.

13. Yadova M.A. 2019. 02. 006. Cardullo P., Kitchin R. "Smart" urbanism and "Smart" citizenship: the neoliberal logic of civic-oriented "Smart cities" in Europe. // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology. 2019. No. 2. P. 52–54.

14. Braun V., Clarke V. Using Thematic Analysis in Psychology. Qualitative Research in Psychology, 2006. Vol. 3(2). P. 77–101.

15. De Waal M. The City as Interface: How New Media Are Changing the City. Rotterdam: Nai010 Publishers, 2014. 224 p.

16. Graham S., Marvin S. Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobilities and the Urban Condition. London: Taylor & Francis Group, 2002. 479 p.

Синергия бизнеса и креатива: как ВЭФ стимулирует развитие местных креативных индустрий и туризма

Разумовский Кирилл Андреевич,
аспирант Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: krazumovskiy-18@ranepa.ru

В статье рассматривается синергетическое взаимодействие бизнеса и креативной экономики в рамках Восточного экономического форума (ВЭФ). Сам форум обсуждается с точки зрения инструмента стимулирования развития местных креативных индустрий, а также туризма на Дальнем Востоке России. В работе приводятся определения креативной экономики, креативного потенциал регионов Дальнего Востока, а также рассматривается вклад ВЭФ в развитие креативных сфер на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Восточный экономический форум (ВЭФ), Дальний Восток России, инвестиции, креативные индустрии, креативная экономика, международные мероприятия, туризм и культура.

Введение

На сегодняшний день в экономике можно наблюдать ряд масштабных изменений. После событий февраля 2022 года многие компании ушли с российского рынка, производственные процессы были приостановлены, а регионы столкнулись с вопросом, в каком направлении далее продолжать свое развитие, в какой сфере реализовать свой потенциал. Поскольку цифровой мир задает определенный тренд и ценности – мобильность, создание инноваций, креативность, в данном аспекте разговор о креативной экономике, как об одном из направлений развития регионов, становится актуальным.

20 сентября 2021 года Правительство утвердило «Концепцию развития креативных (творческих) индустрий до 2030 года» с целью создания системы поддержки креативного сектора экономики. К креативным индустриям можно отнести следующие: кино, архитектура, театр, изобразительное искусство, мода, дизайн, а также реклама. Такие сферы способствуют развитию экономики в целом, способствуют созданию новых рабочих мест, что немаловажно учитывать при разговоре о региональной экономике. В тексте концепции указано, что реализация потенциала творческих индустрий должна происходить с учетом региональных культурных особенностей, поскольку у каждого региона России наблюдается своя специфика. Государство предлагает ряд мер поддержки, чтобы увеличить долю креативных индустрий в российской экономике до 6% к 2030 году.

Если говорить о Дальнем Востоке, то показатели креативной экономики пока носят скорее формальный характер. В рамках креативной сессии ВЭФ-2024 эксперты обратили внимание, что довольно сложно провести границу между проектами, которые относятся к креативной индустрии или нет. Отмечается также проблема внутреннего непонимания креативного потенциала регионов и отсутствия четкой позиции по выбору тех креативных направлений, на которые будут направлены ресурсы.

Согласно отчету Восточного центра государственного планирования, в 2022 году на Дальнем Востоке в сфере креативных индустрий было занято 9,1% от общей численности в экономике [2]. При этом основная доля занятых (41%) приходится на индустрию образования. В рамках анализа перспективными названы также следующие сферы креативной экономики: ювелирное дело, мода, кино и анимация, а также производство мебели. В рамках каждой сферы выделены ограничения, такие как увеличение налоговой нагрузки, дефицит кадров и низкая оплата труда, а также удаленность от центров поставок и производств сырья.

В опросах общественного мнения можно найти следующее представление о креативных индустриях в России (по данным на 2024 год): 27% респондентов в той или иной степени знакомы с понятием креативных индустрий. Поскольку в опросе принимали участие жители разных регионов России, можно увидеть разницу в оценке уровня развития креативных индустрий в регионе. Например, 39% опрошенных сообщают о среднем развитии креативных индустрий в своем регионе, а 31% – о низком. Наиболее проинформированы о понятии креативных индустрий жители Москвы и Санкт-Петербурга – 8% ответили, что знают хорошо, и еще 28% жителей говорят о наличие некоторых знаний в этой области. Если говорить о намерении проявить себя в творческой сфере деятельности, то 36% опрошенных заявляют об этом с готовностью. Таким образом, с опорой на опросы общественного мнения, можно сказать, что люди, в целом, заинтересованы действовать в рамках креативных индустрий и понимают эту сферу.

По прогнозам Агентства стратегических инициатив (АСИ) рост доли креативной экономики в ВВП к 2030 году увеличится вдвое. При этом в тройке лидеров индустрий находится IT, реклама и СМИ, а также гастрономия. Четвертое место занимает индустрия моды, которая является довольно перспективным направлением для экспорта. Если говорить о развитости инфраструктуры, то сегодня идет активное создание креативных кластеров в Якутске, Улан-Удэ, Владивостоке, Благовещенске и Петропавловске-Камчатском. Эти проекты реализуются при поддержке Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВ) и Минвостокразвития России. Важно отметить, что поддержка инфраструктуры креативных индустрий является одним из драйверов

развития этой сферы экономики. Таким образом, в условиях глобальных и региональных экономических трансформаций, вклад и значение креативной экономики на сегодняшний день довольно велики.

Международные форумы, в том числе Восточный экономический форум (ВЭФ), играют большую роль в интеграции креативных индустрий в экономику. ВЭФ, который проводится на Дальнем Востоке России в городе Владивосток с 2015 года, является международной площадкой для развития бизнеса, привлечения инвестиций для различных проектов, а также культурного диалога. Программа ВЭФ, помимо деловой, включает и культурную составляющую, на которую хотелось бы обратить внимание далее, поскольку культурная программа так или иначе имеет связь с расширением культурных индустрий и поддержкой местного бизнеса в креативном секторе в регионе.

Целью статьи является обоснование связи между культурной программой Восточного экономического форума, как мероприятия международного уровня, и роста и популяризации креативных индустрий на Дальнем Востоке. В статье показано, почему мероприятия подобного плана могут являться драйвером для местного бизнеса в различных индустриях креативной экономики, а также в целом укреплять туристическую привлекательность регионов Дальнего Востока.

В качестве задач исследования планируется определить место и роль креативной экономики в рамках инициатив ВЭФ. Также важно проанализировать креативный потенциал регионов Дальнего Востока, поскольку в первую очередь мы будем обращаться к феномену креативных индустрий в рамках этой территории. Несомненно, необходимо проанализировать вклад ВЭФ в развитие креативных сфер в данном федеральном округе и выявить проблемы и перспективы развития креативных индустрий на Дальнем Востоке. В рамках исследования планируется использовать следующие методы: аналитический обзор, сравнительный анализ и метод кейс-стади, поскольку именно эти методы, на наш взгляд, являются наиболее подходящими для исследования взаимосвязи креативной экономики и Восточного экономического форума.

Креативная экономика в контексте ВЭФ

Если говорить о миссии и основных целях ВЭФ, то форум играет довольно большую роль в установлении контакта между государственными структурами, бизнесом и научным сообществом. Тематика форума довольно специфична, но при этом обширна, и включает как диалог об технологических инновациях, так и о креативном секторе в целом. Креативным индустриям на форуме посвящены отдельные мероприятия, секции и площадки. Как правило, основными участниками форума являются коммерческие и некоммерческие организации, представители бизнеса и государственных структур, а также эксперты из различных областей. В рамках форума подписывается множество соглашений, направленных на реализацию и развитие успешных проектов и инициатив. Если говорить о функциях и значении ВЭФ, то важно упомянуть роль форума в формировании новых трендов в экономике, включая также развитие креативной экономики. Форум берет на себя задачу стимулирования экономического сотрудничества, привлечения инвестиций как на региональном уровне, так и на международном.

Одними из важных задач ВЭФ являются выстраивание и поддержка диалога между представителями различных индустрий (в том числе творческих) и потенциальными инвесторами. Поскольку форум носит международный характер, то обсуждаемые там темы оказывают стратегическое воздействие. Например, в 2023 году во время выступления на пленарном заседании ВЭФ Президент Российской Федерации Владимир Путин отметил, что в Якутии сложилась одна из лучших практик по развитию творческих индустрий[1]. Такое стало возможно благодаря как предложениям со стороны бизнеса, так и ресурсам со стороны региональной власти. Этот опыт важно учитывать при подготовке различных стандартов по развитию креативных индустрий в регионах России.

Первую группу, которую мы рассмотрим в рамках анализа, будут составлять следующие города – Якутск, Чита и Магадан. Все три города, согласно методологии исследования, отнесены к кластеру «холодные города». Среди выбранных регионов лидирует Якутск с самым высоким объемом налоговых поступлений от креативного сектора (7,99 тыс. руб./чел.). В городе есть креативный кластер технопарк, а также 5 бизнес-инкубаторов. Для сравнения, в Чите и Магадане на данный момент нет креативных кластеров, а также объем налоговых поступлений от креативного сектора ниже (6,52 тыс. руб./чел., 5,68 тыс. руб./чел.). В Якутске и Чите существуют финансовые и нефинансовые региональные и муниципальные программы, адресованные поддержке развития креативных индустрий. Также в Якутске на сегодняшний день функционирует фонд креативных индустрий.

Далее мы обратимся ко второй группе, которая согласно методологии носит название «региональные центры». К этому кластеру относятся следующие города – Хабаровск, Владивосток и Улан-Уде. К кластеру «региональные центры» относятся города с довольно большой численностью населения и являющиеся региональными центрами субъекта. Как правило, в этих городах фокус внимания направлен на повышение качества жизни и всестороннее развитие сферы услуг. Если рассматривать количество креативных кластеров, то они присутствуют в Хабаровске и Улан-Удэ. Владивосток лидирует по количеству технопарков, там они представлены в двух видах. Объем налоговых поступлений от креативного сектора в Улан-Удэ в среднем ниже (1,3 тыс. руб./чел.), чем по кластеру «региональные центры» (4,97 тыс. руб./чел.), однако в Хабаровске (4,74 тыс. руб./чел.) и Владивостоке (4,44 тыс. руб./чел.) эти значения довольно близки к среднему по кластеру.

Следующий кластер городов составляют города разные по количеству населения, но при этом с высоким уровнем дохода, если сравнивать с большинством других городов настоящего индекса. Как правило, это транспортно-логистические города или индустриальные центры. Что касается Дальнего Востока, то в этот кластер включены города южной части федерального округа. Это Благовещенск, Петропавловск-Камчатский и Южно-Сахалинск. Этот кластер носит название города «с достатком». Практически по всем показателям в этом кластере среди городов Дальнего Востока лидирует Южно-Сахалинск. Значения индекса по многим показателям оказываются в целом выше, нежели средние по кластеру. В Южно-Сахалинске есть два бизнес-инкубатора и один креативный кластер. Объем налоговых поступлений от креативного сектора значительно выше (14,19 тыс. руб./чел.), чем среднее значение по кластеру (5,52 тыс. руб./чел.).

Города с невысокой численностью населения, средним уровнем дохода и расположенные вдали от региональных центров, согласно методологии индекса, относятся к кластеру городов «местного значения». Туда входят Биробиджан и Комсомольск-на-Амуре. В каждом из этих городов находится по одному бизнес-инкубатору, а объем налоговых поступлений от креативного сектора в целом ниже (1,27 тыс. руб./чел., 0,76 тыс. руб./чел.), нежели среднее значение по этому кластеру (2,81 тыс. руб./чел.). Остальные укрупненные параметры индекса, касающиеся бренда, власти, города и людей, в этих двух городах в среднем выше, нежели в целом по кластеру.

За последние два года можно наблюдать интеграцию креативной экономики в повестку ВЭФ. Поскольку в целом форум можно охарактеризовать как площадку обмена идеями и лучшими практиками, на форуме также затрагиваются различные аспекты креативной экономики. В рамках сессии ВЭФ-2024 «Перспективы развития креативных индустрий на Дальнем Востоке» (при участии АСИ) были затронуты те сферы креативной экономики, которые вызывают наибольший интерес со стороны российских предпринимателей. Дальний Восток, традиционно, воспринимается как отправная точка для выхода на азиатский рынок, поэтому важно рассмотреть на какие направления делает акцент современный бизнес. Так, Приморский край развивает индустрию моды, в регионе планируется провести международную Азиатскую неделю моды для организации встреч с инвесторами и локальными брендами. В Якутии активно развивается индустрия кино, а в Сахалинской области – искусство. В рамках такого направления креативной экономики будут открыты арт-галереи, где российские художники смогут размещать свои работы и принимать участие в международных аукционах, благодаря чему российское искусство станет более узнаваемым.

Уже несколько лет подряд в рамках ВЭФ проходит знаковое мероприятие – выставка «Улица Дальнего Востока». Это выставка достижений каждого из 11 субъектов Федерации, составляющих Дальний Восток России. Достижения касаются как сферы культуры, туризма, экономики, так и отражают специфику и традиции каждого из регионов. В основные задачи выставки входит презентация экономических возможностей регионов Дальнего Востока, укрепление гуманитарных связей на международной арене, а также развитие туризма. Говоря о креативных индустриях Дальнего Востока, стоит отметить проекты регионов, которые были представлены в рамках этой выставки. Например, Камчатский край показал молодые камчатские бренды, например, одежда «Береги». Это социальный проект, направленный на уважение и сбережение дикой природы. Республика Бурятия показала галерею ремесленников, где было представлено множество товаров народно-художественных промыслов или же выполненных в этническом стиле. Также были представлены проекты под знаком «Сделано в Бурятии». В частности, это производство различных аксессуаров в стиле

[1] Региональный стандарт развития креативных индустрий. Агентство стратегических инициатив. 30 ноября 2023. URL: https://asi.ru/library/main/197563/ (дата обращения: 12.02.2025).

современной этники («NOMADO»), а также традиционной обуви – унты («СЛЕД»).

Хабаровский край под единым региональным брендом «Сделано в Хабаровском крае», представил в рамках выставки бренды одежды, издательское дело и детские игрушки. Приморский край в рамках экспозиции показал ряд короткометражных фильмов о Дальнем Востоке от компании FESCO. Если говорить о развитии креативных индустрий Сахалинской области, то на выставке была представлена цифровая экспозиция из 200 картин сахалинских художников[1]. Республика Саха (Якутия) также представила сувениры и ювелирные изделия, которые производятся в регионе. Экспозиция Магаданской области включает различные сувениры, а также продукцию косторезного искусства коренных малочисленных народов Севера.

Важно обратить внимание, что в Хабаровске в 2024 году прошел Форум креативных индустрий «Создано на Дальнем Востоке». На площадках форума обсуждались не только вопросы организационно-правового характера, касающиеся креативных индустрий на Дальнем Востоке, но и затрагивались аспекты, связанные с имиджем самого региона и верного позиционирования креативного потенциала. В Благовещенске, в рамках «Амурэкспофорума», было отмечено, что на 2024 год доход от креативных индустрий на Дальнем Востоке составил более 100 млрд рублей. При этом, доля креативной экономики постоянно развивается, создаются новые рабочие места, что оказывается актуальным в ситуации повышенной внутренней миграции молодежи из региона.

Локация и международный статус форума открывают широкие возможности для развития креативных индустрий регионов Дальнего Востока через международное сотрудничество. Однако на сегодняшний день заметно, что встречаются проблемы, связанные с недостатком финансирования, с культурными различиями, а также отсутствие необходимых предпринимательских компетенций для реализации собственных креативных проектов, а также экспорта товаров или услуг в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Проблемы и барьеры развития креативных индустрий

Говоря о проблемах и барьерах развития креативной экономики в ДФО, важно отметить высокий уровень зависимости региона от общеэкономической динамики в стране. Ситуация на политической арене напрямую оказывает влияние на развитие бизнеса на Дальнем Востоке, поскольку существует большая зависимость от логистических поставок, производства тех или иных материалов и потенциального экспорта товаров.

Также в качестве одной из проблем можно отметить довольно размытые границы понятий креативного сектора и креативных индустрий. Это происходит несмотря на то, что определений таких понятий даны в законе о креативных индустриях. Проблема в оценке вклада креативного сектора в экономику зачастую связана с неопределенностью этих понятий, поскольку существующие методики сформированы с опорой на различные определения.

Тенденция глобализации постепенно привела к тому, что региональные традиции и особенности перестали восприниматься как ценность. В связи с этим одной из проблем можно отметить недооценку или незнание регионами ДФО собственного потенциала и возможных ресурсов. Как было показано ранее, сегодня можно наблюдать возрождение традиционного искусства, продукции, которая изготавливается с учетом этнической специфики и определенных инструментов. Также можно наблюдать популяризацию искусства коренных малочисленных народов, что тоже является несомненным вкладом в креативную экономику.

На Дальнем Востоке также наблюдаются сложности с кадровым обеспечением и образовательной инфраструктурой в рамках креативной экономики, поскольку образовательное сопровождение должно быть направлено не только на развитие профессиональных качеств и специализации, но и на формирование предпринимательских навыков и качеств, а также творческих компетенций, поскольку данная сфера экономики, несомненно, требует в своей основе новаторских решений. Согласно данным Корпорации по развитию Дальнего Востока и Арктики (КРДВ), около 40% молодежи Дальнего Востока хотели бы реализовать себя в творческой профессии[2]. Это важный показатель для оценки потенциального оттока молодых людей из региона, поскольку указывает на запрос и необходимость создания новых рабочих мест в креативном секторе. Если смотреть на количество рабочих мест в рамках креативной экономики, реализованных на Дальнем Востоке, то Республика Саха (Якутия), Приморский край и Хабаровский край обеспечивают 65% таких мест. Таким образом, больше половины рабочих мест базируются в трех из одиннадцати регионах ДФО.

Другой проблемой, связанной с кадровым обеспечением, является нехватка грамотных управленцев, которые могли бы взять на себя поддержку талантливых людей и развитие их творческих и предпринимательских компетенций. Поскольку бизнес в рамках креативной экономики развивается и расширяется, важным становится запуск различных программ обучения и создания структуры менторства. Как правило, во многих существующих креативных кластерах есть отдельный центр, связанный с научной организацией, поскольку именно такой симбиоз позволяет достичь грамотного объединения для обеспечения быстрой передачи знаний и эффективного управления.

Перспективы

Креативные индустрии неразрывно связаны с богатством истории и культуры Дальнего Востока, уникальностью его природных объектов. Несомненно, важно использовать историю и географию региона, поскольку это неотъемлемый аспект общего бренда территории. В связи с этим можно отметить, что у креативных индустрий есть высокий потенциал, который можно реализовать. Формирование креативных индустрий ДФО связано с процессом развития талантливой молодежи, а также людей, которые заинтересованы в сфере культуры и искусства. Все это в целом повышает человеческий капитал как регионов Дальнего Востока, так и России.

На сегодняшний день для креативной экономики нельзя не отметить значимость федерального закона «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» [4], поскольку это формирует целевую поддержку креативных индустрий регионов России. В законе указаны основные виды экономической деятельности в рамках креативных индустрий, включая как индустрии, основанные на прикладном творчестве, так и информационно-телекоммуникационные технологии. Государственная поддержка креативных индустрий, направленная на укрепление общероссийской гражданской идентичности и продвижение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, включает финансовую, имущественную, образовательную и информационную поддержку. Такие меры поддержки касаются и отдельных регионов, акцента на их специфики и региональных традициях.

Обращаясь к зарубежному опыту (Китай) можно отметить, что создание креативных технопарков является один из ключевых направлений государственной политики по развитию культурной отрасли страны [5]. Формирование креативной экономики Китая, во многом, является примером обоснованной общегосударственной политики, вклада как непосредственно в индустрию, так и выстраивание позиции страны на международной арене с помощью «мягкой силы» – поддержки региональных традиций, культурного разнообразия, сплочения и единства внутри страны.

В законе о развитии креативных индустрий также отмечено, что центры креативных индустрий и креативные кластеры являются одними из основных инфраструктур поддержки креативных индустрий, поэтому важно обратиться к лучшим практикам регионов для оценки вклада различных мер поддержки. Агентство стратегических инициатив предложило региональный стандарт развития креативной экономики, где проанализированы практики 7 регионов-лидеров в креативной индустрии на сегодняшний день – Республики Саха (Якутия), Москвы, Красноярского края, Ульяновской области, Калининградской области, Новгородской области и Тюменской области. Одной из задач Стандарта является формирование и предоставление рекомендаций по ускорению развития креативных индустрий в субъектах РФ.

Если говорить о кадровых проблемах и образовательной инфраструктуре, то одним из решений сложившихся проблем является реализация новых образовательных программ в креативной сфере для того, чтобы жители Дальнего Востока могли реализовать свой потенциал в регионе. Такие программы запущены в Арктическим государственным институтом культуры и искусства (АГИКИ), филиале ВГИК в Хабаровске и др. В законе о креативных индустриях образовательная поддержка раскрыта с точки зрения разработки и внедрения программ высшего образования, среднего профессионального и дополнительного профессионального образования в сфере креативных индустрий. Довольно важным пунктом в законе является создание условий для самообразования и саморазвития, поскольку меры государственной поддержки в целом направлены на творческую активность населения.

[1] Забайкальский и Хабаровский края, Сахалинская область представят свои возможности на выставке «Улица Дальнего Востока». Региональная Россия. 5 августа 2024. URL: https://regruss.ru/regiony-dalnego-vostoka-na-vef-2024/ (дата обращения: 12.02.2025).

[2] 40% молодежи на Дальнем Востоке хотят реализовываться в творческих профессиях. Официальный Интернет-ресурс Федерального агентства воздушного транспорта. 2 августа 2024. URL: https://vs-m.favt.ru/novosti-rossii/?id=7766 (дата обращения: 12.02.2025).

Вывод российских креативных продуктов на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона также является важным стратегическим шагом Исторически Дальний Восток сформировал довольно широкий круг связей с азиатским рынком, поскольку здесь важную роль играет как приграничное положение региона, так и значительная разница часовых поясов относительно западной части страны и мира. Творческая деятельность и предпринимательство в этой сфере неразрывно связаны с пониманием культурной специфики и традиций (как страны, так и отдельного региона), поскольку именно эти аспекты оказываются ключевыми для позиционирования на международном рынке.

Развитие и увеличение доли креативной экономики довольно сильно связано с ее экспортом. Товары и услуги российского креативного рынка, такие как книги, ювелирные изделия, лекала и выкройки, товары из сферы архитектуры и дизайна, музыка и кино, становятся все более популярными и принимаемыми на рынках Азиатско-Тихоокеанского региона.

Связь с туризмом

В 2023 году по поручению Президента России Владимира Путина было разработано 25 мастер-планов развития и реконструкции городов Дальнего Востока. Несомненно, подобные проекты повышают туристическую привлекательность как городов, так и федерального округа в целом. Мастер-планы определяют будущие тенденции развития городской среды, а также направлены на качественное изменение территории и социального пространства. Подобные проекты с привлечением довольно больших инвестиций, несомненно, повышают туристическую привлекательность городов, а также создают новые возможности для местного населения, в том числе профессиональную реализацию в новых отраслях экономики и креативном секторе. Реализованные культурные инициативы также связаны с повышением туристической привлекательности ДФО, поскольку так или иначе ведется преображение территории и формирование новых социальных пространств. Креативные кластеры часто базируются на землях бывших производств, а пространство и экосистема вокруг них постепенно преобразуются и адаптируются под творческую среду. На таких площадках проводятся как фестивали и кинопоказы, так и крупные выставки, где можно увидеть разные арт-объекты.

На сегодняшний день в научном обороте используется термин «креативный» туризм и «креативный» туристический продукт [7]. На основании раскрытия понятия креативного туризма разрабатываются методики оценки креативности той или иной территории, с опорой на статистические данные. Так, в 2022 году при расчете индекса креативного потенциала городов России, было выяснено, что индекс креативного потенциала зачастую коррелирует с индексом качества жизни. Согласно расчетам ВЭБ.РФ, Якутск, Благовещенск и Улан-Удэ попали в пятерку лидеров топ-5 городов кластера по индексу креативного потенциала. В кластере «Холодные города» преимущественно выделяются именно города, которые расположены довольно далеко от региональных центров и культурной повестки дня. При этом в них отмечается отсутствие больших исследовательских и образовательных центров. В этом аспекте всестороннее развитие креативных индустрий благоприятно влияет на качество жизни.

Важно отметить, что в проанализированных кластерах, кластер «холодные города», куда попали несколько регионов Дальневосточного федерального округа, встречается спрос на формирование сообществ, объединенных вокруг традиций, культурного кода и смыслов региона. Также в этом кластере необходимая инфраструктура и, непосредственно, креативные кластеры, как правило, находятся в пешей доступности, что облегчает творческую реализацию местного населения. И, наконец, в кластере также отмечается запрос на профильное и качественное образование, которое бы позволило реализовать себя в творческой сфере.

Таким образом, креативная экономика в целом оказывает влияние на развитие территорий.

Заключение

В заключении исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, Восточно-экономический форум выступает не просто площадкой обмена опытом и установления деловых контактов, но и как инструмент связи креативных индустрий и бизнеса. Рассмотренные ранее проекты, которые были проведены в рамках ВЭФ, дают пример того, как происходит взаимодействие и реализация коммерческих и творческих предложений. Местные креативные индустрии могут найти поддержку в рамках подобных широкомасштабных мероприятий, расширить рынки сбыта и наладить деловые отношения.

Во-вторых, традиционно мероприятия подобного уровня связываются с привлечением инвестиций. Это, несомненно, также является важным элементом в текущем разговоре. Однако, проведенный нами анализ подчеркивает, что развитие образовательных программ и открытие филиалов известных вузов на территории Дальнего Востока положительно влияет на конкурентоспособность региона в сфере креативных индустрий и инновационное развитие. В исследовании отмечена связь между образовательными предложениями и кадровой политикой, поскольку на сегодняшний день заметен спрос на самореализацию в творческой сфере со стороны молодежи. Важными компетенциями, которые должны присутствовать в новых образовательных программах являются предпринимательские, поскольку креативная экономика связана не только с реализацией творческих проектов, а также с выводом их на новые рынки.

Несмотря на ряд возможностей, которые открываются перед креативным сектором сегодня, данная сфера экономики сталкивается с рядом проблем. Эти проблемы касаются зависимости Дальнего Востока от общей экономической динамики, размытости понятия креативных индустрий, невозможности проведения точной оценки вклада креативного сектора в экономику, а также оторванность региона Дальнего Востока от рынков сбыта и сырьевых рынков. Однако, выявленные барьеры указывают на необходимость формирования комплексных стратегических действий по устранению существующих разрывов, налаживанию сотрудничества и созданию условий для устойчивого экономического роста на Дальнем Востоке.

Таким образом, Восточный экономический форум становится площадкой, где происходит плодотворное сотрудничество бизнеса и креативных индустрий. Форум оказывается важным инструментом для стимулирования местных предпринимательских инициатив, также продвижения локальных брендов. Результаты данного исследования указывают на необходимость дальнейшего углубленного изучения в этом направлении, с учетом проанализированных проблем и перспектив.

Литература

1. UNESCO. RelShaping Policies for Creativity Report. 2022. URL: https://www.unesco.org/reports/reshaping-creativity/2022/en (дата обращения: 25.01.2025).
2. Креативные индустрии Дальнего Востока. Восточный центр государственного планирования. 2023. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/digest-creative_dfo.pdf (дата обращения: 25.01.2025).
3. Василенко Л.А., Богданова Л.В., Каримова И.Ю. Креативная экономика и креативные кластеры в развитии территории: анализ российских практик // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28. № 1. С. 61–77. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.5.
4. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрии в Российской Федерации». ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409395175/ (дата обращения: 25.01.2025).
5. Титов С.А., Кокорина А.О., Быков П.А., Горбачев Е.С., Шарипов Ф.Ф. Креативные технопарки в постиндустриальной трансформации экономики Китая // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 3. С. 125–146. DOI: 10.14530/se.2019.3.125-146.
6. Evans G. From Cultural Quarters to Creative Clusters – Creative Spaces in the New City Economy. – Stockholm: Institute of Urban History, 2009.
7. Якименко М.В., Величко Е.А. Туризм как сектор креативной экономики: обзор методик оценки // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т. 17. № 5. С. 6–16. DOI: 10.5281/zenodo.10418771.

SYNERGY OF BUSINESS AND CREATIVITY: HOW THE EASTERN ECONOMIC FORUM STIMULATES THE DEVELOPMENT OF LOCAL CREATIVE INDUSTRIES AND TOURISM

Razumovsky K.A.
Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the synergetic interaction between business and the creative economy within the framework of the Eastern Economic Forum (EEF). The forum is discussed as a tool for stimulating the development of local creative industries as well as tourism in the Russian Far East. The paper provides definitions of the creative economy and the creative potential of the regions in the Russian Far East, and it considers the contribution of the EEF to the advancement of creative sectors in the region.

Keywords: Eastern Economic Forum (EEF), Russian Far East, investments, creative industries, creative economy, international events, tourism and culture.

References

1. UNESCO. RelShaping Policies for Creativity Report. 2022. URL: https://www.unesco.org/reports/reshaping-creativity/2022/en (date of access: 25.01.2025).

2. Creative Industries of the Far East. Eastern Center for State Planning. 2023. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/digest-creative_dfo.pdf (date of access: 25.01.2025).

3. Vasilenko L.A., Bogdanova L.V., Karimova I. Yu. Creative Economy and Creative Clusters in Territorial Development: Analysis of Russian Practices // Problems of Territorial Development. 2024. Vol. 28. No. 1. Pp. 61–77. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.5.

4. Federal Law of August 8, 2024 No. 330-FZ "On the Development of Creative Industries in the Russian Federation". GARANT.RU. Information and Legal Portal. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409395175/ (accessed: January 25, 2025).

5. Titov S.A., Kokorina A.O., Bykov P.A., Gorbachev E.S., Sharipov F.F. Creative Technology Parks in the Post-Industrial Transformation of China's Economy // Spatial Economy. 2019. Vol. 15. No. 3. Pp. 125–146. DOI: 10.14530/se.2019.3.125-146.

6. Evans G. From Cultural Quarters to Creative Clusters – Creative Spaces in the New City Economy. – Stockholm: Institute of Urban History, 2009.

7. Yakimenko M.V., Velichko E.A. Tourism as a Sector of the Creative Economy: A Review of Assessment Methodologies // Service in Russia and Abroad. 2023. Vol. 17. No. 5. Pp. 6–16. DOI: 10.5281/zenodo.10418771.

Концепции сознания и мышления в свете искусственного интеллекта: от вычислительного функционализма к поиску критериев субъективности

Решетько Максим Алексеевич,
старший преподаватель, ФГБОУ ВО «ДОННУЭТ»
E-mail: natsuback@yandex.ru

В статье анализируется эволюция философских представлений о сознании и мышлении в контексте создания ИИ, выделяются три ключевые теоретические стратегии: вычислительный функционализм, бионатурализм Дж. Сёрля и деятельностный подход Э.В. Ильенкова и их сильные стороны и концептуальные ограничения. Обосновывается тезис о необходимости перехода от бинарного вопроса «может ли машины мыслить?» к разработке многомерной шкалы критериев субъективности, применимой к искусственным системам. На основе синтеза рассмотренных подходов представляются пять операциональных критериев, совокупность которых позволяет преодолеть антропоцентризм в оценке сознания ИИ. Делается вывод, что сознание в искусственных системах следует рассматривать не как статичное свойство, а как процесс, формирующийся на стыке вычислительной сложности, казуальной архитектуры и социального взаимодействия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, вычислительный функционализм, бионатурализм, деятельностный подход, синтез, критерии.

Вопрос о том, «может ли машина мыслить?», сопровождает развитие искусственного интеллекта (далее – ИИ) с момента его структурирования в середине XX века. Впервые понятие «искусственный интеллект» прозвучало на семинаре в Дартмутском колледже в 1956 году, и именно здесь были сформулированы базовые принципы этой области исследований. Однако за десятилетия, после прошедшего семинара данный вопрос начал приобретать новые, более сложные измерения. Современные нейросетевые архитектуры – от трансформеров до мультимодальных моделей – демонстрируют способности, которые еще недавно казались исключительной прерогативой человека. В этой связи дискуссия сместилась с прагматического вопроса о возможностях ИИ на фундаментальную философскую проблему: что такое сознание и мышление, и могут ли они быть реализованы в искусственной системе?

Современные дебаты о возможности сознания в искусственных системах восходят к трем краеугольным камням философской мысли изображенные на рисунке 1, каждая из которых предлагает свое понимания соотношение сознания, мышления и материального субстрата.

Рис. 1. Три основные философские мысли в стратегии исследовании сознания и их проекции на ИИ

Функционалистская традиция, восходит корнями к работам Алана Тьюринга. В своей научной работе «Вычислительные машины и интеллект» Тьюринг сформулировал вопрос: «Могут ли машины мыслить?», и предложил заменить этот вопрос на более прагматичный вариант: «Могут ли машины вести себя как мыслящие?». Тьюринг предложил абстрактную вычислительную модель, которая получила в дальнейшем название «машина Тьюринга», и предложил критерий, который позволяет решить, обладают ли машины интеллектом. Сутью функционализма является то, что ментальное состояние, такое как мышление или желание напрямую зарождаются не от их внутреннего устройства, а от функции или роли, которую оно исполняет в когнитивной системе.

Как пример, с точки зрения функционалистской теория боль можно описать как состояние, которое, как правило, спровоцировано получением физической травмы, что в свою очередь порождает убеждение о наличии проблемы с телом и его стремлением покинуть это состояние. Боль может вызывать беспокойство и, если нет более сильных конкурирующих желаний, проявляться в виде гримасы или стонов.

Дальнейшее развитие функционализма и продолжение трудов Тьюринга получило систематическое развитие в трудах Хилари Патнэма и Джерри Фодора. Отталкиваясь от того, что ментальные состояния формируются их каузальной ролью в когнитивной системе, а не природой субстрата, в котором они воплощены. Каждое ментальное состояние характеризуется своей взаимосвязью с внешними стимулами и иными внутренними состояниями, и последующими действиями.

Идею, которую в своих трудах продвигал Хилари Патнэм, получила название «функционализм машины Тьюринга». Сутью ее являлось то, что она была разновидностью функционализма в философии сознания, и подразумевала, что абсолютно любое существо, которое обладает разумом, можно рассматривать как машину Тьюринга. Патнэм считал, что разум можно представить в виде вероятностной машины. В данной предложенной модели, для каждого состояния и входящей информации, программа вычисляет вероятность перехода машины в последующее состояние и получения определенного вывода.

В свою очередь согласно подходу Джерри Фодора, человеческая психика сама по себе функционирует подобно вычислительному устройству, выполняя, по сути, определенные операции. Это в корне

отличается от подхода Хилари Патнэма. Фодор настаивал на том, что, сама природа психики является, по своей сути компьютерной системой. Он выдвигал более строгие критерии для компьютерной метафоры. Фодор утверждал, что корректный вычислительный метод должен в полной мере отражать основные характеристики когнитивных систем, и это представление стало решающим фактором для критики других подходов.

Наиболее последовательное выражение позиции Патнэма и Фодрова получила в «гипотезе физической символической системы», которая была сформулирована Алленом Ньюэлом и Гербертом Саймоном. Данная гипотеза представляет собой предположение в философии ИИ, согласно которой физическая символическая система имеет необходимые и достаточные средства для общей интеллектуальной деятельности. Рассматривая мышление с этой точки зрения, можно утверждать, то, что оно представляет собой исключительно операцию с символами, подчиненную строго регламентированным законам.

Предложенная гипотеза Ньюэлом и Саймоном легла в основу как философских концепций, так и технических решений, используемых в символьном подходе к созданию ИИ. Этот метод оперирует не статистическими закономерностями, а символами, обладающими смысловой нагрузкой. В 1980-х годах символьный ИИ благодаря критикам этой теории его иронично окрестили «Good Old-Fashioned Artificial Intelligence», что в переводе на русский язык расшифровывается как «старый добрый искусственный интеллект».

Ключевой тезис заключается в том, что символьные вычисления – это фундамент для осмысленных действий. Без них такие действия невозможны, а их наличие, в свою очередь, открывает путь к полноценной осмысленной деятельности.

В рамках этой парадигмы вопрос о том, «Могут ли машины мыслить?» получаем положительный ответ, что любая система, реализующая соответствующую функциональную организацию, будет обладать мышлением независимо от своего физического воплощения. Однако функционализм сталкивается с серьезными возражениями, центральное из которых связано с проблемой феноменального опыта.

В своей знаменитой статье Джон Сёрл «Minds, Brains and Programs» написанной в 1980 г. предложил принципиально иную трактовку в области философии сознания и ИИ. Его мысленный эксперимент под названием «Китайская комната» была направлена на демонстрацию того, что синтактическая манипуляция символами не эквивалентна пониманию смысла [4].

В своем мысленном эксперименте «Китайская комната» Дж. Сёрл описывает ситуацию, в которой испытуемый, не знающий китайского языка, располагается в комнате с инструкцией на английском языке, которая в свою очередь помогает ему сопоставлять поступающие иероглифы на китайском с ответными. Люди, которые находятся за пределами комнаты, получают осмысленные ответы на свои вопросы, и полагают что испытуемый владеет китайским языком. Однако сам испытуемый не понимает ни единого иероглифа и действует чисто механически, по шаблону инструкции.

В своих исследованиях Дж. Сёрл приводит очень важное различие между слабым ИИ (использование ЭВМ для моделирования когнитивных процессов) и сильным ИИ (утверждение, что машина, реализующая правильную программу, действительно обладает ментальным состоянием). По мнению Дж. Сёрла слабый ИИ не вызывает философских возражений, сильный ИИ в свою очередь, основан на ошибочной предпосылке, что синтаксис достаточен для семантики. Для программы существует только синтаксис, а не семантика, формульная структура знаков, но не их смысл. Следовательно внешняя имитация мышления программой не гарантирует возникновения у нее глубокого понимания сути вещей.

Важно понимать, что Сёрл не утверждает, будто искусственное сознание невозможно в принципе. Он допускает, что машины могут стать разумными, ведь сам по себе человек является некой биологической машиной, обладающий разумом. Но для этого машине необходимо обладать теми же «причинными» свойствами, которые порождают сознание в человеческом мозге. Простое копирование программы, по его мнению, для этого не подойдет.

Особое место в дискуссии о стратегии исследовании сознания и их проекции на ИИ занимает деятельностный подход, представленный в работах советского философа Ильенкова Эвальда Васильевича. В своей научной работе под названием «Проблема идеального» Ильенков Э.В. сформулировал деятельностную концепцию идеального, которая в последствии стала теоретическим ядром его философского наследия [1]. Ильенков утверждал, что сознание не может быть сведено ни к физиологическим процессам в мозге, ни к информационным процессам в компьютере. Идеальное – это форма общественно-человеческой деятельности, способ бытия вещи вне самой себя.

С точки зрения Ильенкова, сознание формируется в процессе практического взаимодействия человека с миром и усвоения культурно-исторического опыта. Мысль существует не в голове как в физическом понимании, а в пространстве человеческой деятельности, в речи, в культурных артефактах. Это означает, что попытки создать сознание в изолированной вычислительной системе обречены на неудачу: сознание не может возникнуть без включения в социальные практики.

Как отмечает исследователь Чибисов О.Н. в трудах Э.В. Ильенкова «проводится четкое различие между физиологическими процессами в мозге и идеальным как формой общественно-человеческой деятельности, что делает принципиально невозможным сведение сознания к вычислительным процессам в изолированной системе» [2].

Применительно к ИИ деятельностный подход предлагает строгий критерий сознания: ИИ должен быть не просто частью реальных социальных взаимодействий, но и обладать способностью к полноценному языковому общению, включая создание новых смыслов. Однако и в этом случае имеются проблемы, так как современные большие языковые модели (LLM) уже сейчас демонстрируют зачатки языковой игры, а робототехника позволяет создать системы, способные взаимодействовать с физическим миром. Если мы интегрируем такой ИИ в социум, и он начнёт вести себя как самостоятельный участник, деятельностный подход окажется перед выбором между признанием у ИИ подобия сознания, либо установить дополнительные, возможно произвольные критерии.

Проведя анализ трёх подходов, мы видим, что каждый из них обладает своей так называемой «слепой зоной». Функционализм не может объяснить феноменальный опыт, бионатурализм не может дать казуальный критерий, не сводимый к биологическому шовинизму, а деятельностный подход в свою очередь операционализировать понятие «социальная практика».

В связи с этим представляется перспективным переход от вопроса «может ли машина мыслить?» к вопросу «какими критериями субъективности мы располагаем и какие из них могут быть применены к ИИ?». Такой подход не требует от нас ответа на сложившуюся дилемму, но позволяет выработать шкалу, на которой искусственные системы могут занимать различные позиции.

В порядке возрастания сложности можно предложить следующие критерии:

1. Самодиагностика, способность системы сообщать о своих внутренних состояниях и процессах.

2. Метакогнетивные способности, умение оценивать собственную уверенность, пересматривать выводы при поступлении новой информации.

3. Нарушение ожиданий, система проявляет реакции, которые не могут быть полностью предсказаны на основе имеющихся данных обучения, демонстрируя элемент спонтанности.

4.Социальная интеграция, способность к поддержанию продолжительных коммуникативных процессов, в ходе которых происходит конструирование общего семантического поля, выходящего за рамки формальной синтаксической структуры.

5. Инстинкт самосохранения, проявляющийся в автономных предпочтениях относительно внутренних состояний, выходящих за пределы предписанных алгоритмов.

Ни один из предложенных критериев по отдельности не является ни необходимым, ни достаточным. Однако их совокупность позволяет построить многомерное пространство, в котором человеческое сознание является лишь одной из возможных точек.

Развитие нейроморфных вычислений и гибридных архитектур, сочетающих символьную обработку с субсимвольной динамикой, открывает путь к созданию систем, которые могут соответствовать некоторым из перечисленных критериев. Особый интерес представляют проекты по созданию «искусственных субъектов», способных к самонаблюдению и модификации собственного кода в ограниченных пределах [3].

Синтез функционалистского, бионатуралисткого и деятельностного подходов возможен на пути признания того, что сознание – это не свойство, а процесс, возникающий на стыке трёх факторов: сложности обработки информации, специфики каузальной архитектуры и включённости в социальное взаимодействие. Для ИИ первые два фактора уже доступны в полной мере, а вот третий пока остаётся проблематичным, но не принципиально недостижимым.

Проблема сознания ИИ не имеет простого и быстрого решения. Однако она перестаёт быть так называемой «тайной за семью печатями», если мы отказываемся от антропоцентричного взгляда и начинаем искать операциональные критерии субъективности. Современный ИИ уже демонстрирует элементы метакогнитивных способностей и самодиагностики. Вопрос сейчас стоит не в том «обладает ли машина со-

знанием?», а в том, в какой степени и в каких аспектах ее внутренние процессы аналогичны процессам, которые у человека сопровождаются субъективным опытом.

Дальнейшие исследования в этой области требуют тесного сотрудничества не только с философами, а и с нейроучёными и специалистами по ИИ. Только междисциплинарный подход позволит не утонуть в спекуляциях и выработать критерии, имеющие как теоретическое, так и практическое значение, в том числе и для этической оценки ИИ.

Литература

1. Итунина, Н.Б. Концепция идеального Э.В. Ильенкова (к 95-летию со дня рождения философа) / Н.Б. Итунина // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Т. 5, № 10. – С. 295–302. – DOI 10.33619/2414–2948/47/34. – EDN BAEQDQ.

2. Чибисов О.Н. Проблема сильного искусственного интеллекта в философии Э.В. Ильенкова // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № . 4. С. 167–175. DOI: https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-167-175

3. Фетисенкова, К.А. Нейроморфные системы: приборы, архитектура и алгоритмы / К.А. Фетисенкова, А.Е. Рогожин // Микроэлектроника. – 2023. – Т. 52, № 5. – С. 404–422. – DOI 10.31857/S0544126923700461. – EDN SPOUJB.

4. Серль Дж.Р. Сознание, мозг и программы / Дж.Р. Серль // Аналитическая философия: Становление и развитие: Антология / Общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнов. М., 1998.

5. Нечаев, С.Ю. Китайская комната Дж.Р. Серля в контексте проблем философии искусственного интеллекта / С.Ю. Нечаев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – Т. 10, № 4. – С. 19–23. – EDN NDDVWH.

6. Хеннер Е.К. Вычислительное мышление // Образование и наука. 2016. № 2 (131). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vychislitelnoe-myshlenie (дата обращения: 22.04.2026).

CONCEPTS OF CONSCIOUSNESS AND THINKING IN THE LIGHT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FROM COMPUTATIONAL FUNCTIONALISM TO THE SEARCH FOR CRITERIA OF SUBJECTIVITY

Reshetko M.A.
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mykhailo Tugan-Baranovsky

The article analyzes the evolution of philosophical views on consciousness and thinking in the context of AI development, identifying three key theoretical strategies: computational functionalism, J. Searle's biological naturalism, and E.V. Ilyenkov's activity-based approach, along with their strengths and conceptual limitations. The author substantiates the thesis on the need to transition from the binary question "can machines think?" to the development of a multidimensional scale of subjectivity criteria applicable to artificial systems. Based on a synthesis of the reviewed approaches, five operational criteria are proposed, the combination of which allows overcoming anthropocentrism in assessing AI consciousness. It is concluded that consciousness in artificial systems should be viewed not as a static property, but as a process formed at the intersection of computational complexity, causal architecture, and social interaction.

Keywords: artificial intelligence, computational functionalism, biological naturalism, activity-based approach, synthesis, criteria

References

1. Itunina, N.B. The Concept of the Ideal by E.V. Ilyenkov (on the 95th Anniversary of the Philosopher's Birth) / N.B. Itunina // Bulletin of Science and Practice. – 2019. – Vol. 5, No. 10. – Pp. 295–302. – DOI 10.33619/2414–2948/47/34. – EDN BAEQDQ.

2. Chibisov O.N. The Problem of Strong Artificial Intelligence in the Philosophy of E.V. Ilyenkov // Economic and Social-Humanitarian Studies. 2024. No. 4. Pp. 167–175. DOI: https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-167-175

3. Fetisenkova, K.A. Neuromorphic Systems: Devices, Architecture, and Algorithms / K.A. Fetisenkova, A.E. Rogozhin // Microelectronics. – 2023. – Vol. 52, No. 5. – Pp. 404–422. – DOI 10.31857/S0544126923700461. – EDN SPOUJB.

4. Searle, J.R. Consciousness, Brain, and Programs / J.R. Searle // Analytical Philosophy: Formation and Development: Anthology / General editor and compiler A.F. Gryaznov. M., 1998.

5. Nechaev, S. Yu. J.R. Searle's Chinese Room in the Context of Problems of the Philosophy of Artificial Intelligence / S. Yu. Nechaev // Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2010. – Vol. 10, No. 4. – Pp. 19–23. – EDN NDDVWH.

6. Henner, E.K. Computational Thinking // Education and Science. 2016. No. 2 (131). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vychislitelnoe-myshlenie (accessed: 22.04.2026).

Анализ жизненных стратегий студенческой молодежи Белгородской области

Сережко Татьяна Алексеевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: serezhko@mail.ru

Кохан Жанна Сергеевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: zhanna_kokhan@mail.ru

Кохан Дмитрий Александрович,
аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: zgolovko99@rambler.ru

В статье на основе социологического опроса охарактеризованы экономические, образовательные, миграционные, трудовые, общественные, духовно-нравственные, досуговые, политические, самосохранительные, семейные и коммуникативные ориентации молодежи региона. Сделан вывод о противоречивости жизненных установок молодежи.

Ключевые слова: молодежь, жизненный план, профессиональная стратегия, приграничный регион.

Вопрос относительно того, какой молодежь представляет личное будущее, напрямую связан с тем, какие модели жизненного устройства ею признаются достижимыми и социально оправданными. Через выбор трудового пути, семейного сценария, карьерной траектории, способов самореализации и форм участия в общественной жизни представители молодого поколения задают контуры не только индивидуальной биографии, но и будущего состояния социума в целом. Ю.А. Зубок подчеркивает, что «риск в социальном развитии молодежи становится формой проявления неопределенности общественных преобразований и одновременно способом освоения новых условий жизни» [1]. Данное положение позволяет рассматривать стратегии жизни не как совокупность случайных намерений, а как поколенческий ответ на нестабильность, ограниченность ресурсов и необходимость самостоятельного выстраивания долгосрочных ориентиров. Именно поэтому исследование жизненных сценариев молодежи приобретает особую значимость, поскольку через них выявляются глубинные изменения ценностей, ожиданий и способов адаптации к изменяющейся социальной среде [2].

В рассматриваемом исследовании объектом анализа стали обстоятельства биографического выбора, возникающие в узловых точках жизненного пути. Такой выбор является социально обусловленным, но не исчерпывается внешним давлением обстоятельств, поскольку предполагает ранжирование доступных возможностей и предпочтение вариантов, воспринимаемых как наиболее значимые. Эмпирическую основу анализа составило исследование, проведенное в 2025 г. на базе Белгородского университета. В нем был использован опрос молодежи региона, охвативший 250 респондентов Белгородской области в возрасте от 16 до 25 лет. Выборка носила квотный характер и распределялась по полу, возрасту и основному социальному статусу, включая студенческую и работающую молодежь. Выборочная погрешность составила 1,94% при уровне доверительной вероятности 95,0%. Исследованием было охвачено 11 стратегических направлений, среди которых были выделены экономические, образовательные, миграционные, трудовые, общественные, духовно-нравственные, досуговые, политические, самосохранительные, семейные и коммуникативные ориентации. Т.А. Сережко, В.А. Толстиков и Д.А. Кохан связывают изучение стратегий жизни молодежи с выявлением ресурсных возможностей развития региона и подчеркивают значимость анализа поведенческих приоритетов в конкретной социальной среде [3]. Подобный ракурс представляется особенно продуктивным для интерпретации полученных данных, поскольку позволяет увидеть в индивидуальных планах не только частные ожидания, но и регионально обусловленные модели взросления.

Результаты исследования показывают, что молодежь региона в наибольшей степени ориентирована на профессиональные модели экономического поведения. Для 61,1% респондентов значимым оказывается не сам факт занятости, а содержательная насыщенность труда, возможность профессионального продвижения, проявления инициативы и творческой самореализации. Внутри биографического проекта отчетливо обозначается стремление к экономической независимости. Отказ от финансовой зависимости от семьи до 25 лет рассматривают как предпочтительный сценарий становления 89,5% опрошенных. Полученные данные позволяют рассматривать выход на рынок труда как ключевой рубеж формирования собственной стратегии экономической самореализации. Н.В. Ревенко, Т.А. Сережко и Ж.С. Кохан связывают подобные установки с более широкими процессами инновационного развития, в рамках которых субъектность и способность к самостоятельному действию приобретают стратегическое значение [2]. В данном контексте экономическая независимость предстает не только как частная цель, но и как маркер зрелости биографического проекта [4].

Показательным является и то, какими символами благополучия молодежь наполняет образ желаемого будущего. В качестве наиболее наглядных индикаторов экономической состоятельности респонденты выбирают приобретение автомобиля и жилья. До 30 лет приобрести собственный автомобиль намерены 72,8% участников исследования. Не менее выразительной выглядит линия предпринимательских намерений. Лишь 17,4% опрошенных не связывают собственное будущее с бизнесом, к 30 годам совокупная доля тех, кто планирует вести предпринимательскую деятельность, достигает 48,4%. Такие показатели

свидетельствуют о высокой активности молодежи в проектировании экономически автономной биографии, в структуре которой профессиональный труд, собственное дело и материальные атрибуты независимости образуют взаимосвязанную систему целей.

Экономическая независимость в представлениях молодежи Белгородской области не исчерпывается стремлением к личной автономии, поскольку тесно сопрягается с готовностью принимать на себя обязательства по отношению к старшему поколению. Материально поддерживать родителей к 30 годам намерены 68,9% опрошенных. Подобная установка показывает, что экономическая зрелость воспринимается молодежью не только как ресурс личного самоутверждения, но и как средство подтверждения социальной надежности. Ю.А. Зубок пишет, что «социальное развитие молодежи разворачивается в условиях риска, когда выбор жизненной траектории связан с ответственностью за последствия принимаемых решений» [1]. В данном случае экономическая ответственность перед родителями выступает значимым результатом социализации, поскольку в ней соединяются представления о семейном долге, успешности и нормативно одобряемом взрослении [3].

Показательно и отношение молодежи к завершению трудовой биографии. Большинство респондентов связывают выход на пенсию с законодательно установленным сроком, тогда как лишь немногим более 10,0% допускают продолжение профессиональной занятости после достижения пенсионного рубежа. Такая ориентация заметно отличается от общероссийских замеров, в которых доля представителей молодого поколения, не поддерживающих трудовую активность в пенсионный период, оказывается существенно ниже. На этом фоне региональная молодежь демонстрирует более выраженную установку на нормативно завершенный жизненный цикл, в рамках которого периоды труда и отдыха разграничиваются достаточно четко. Т.А. Сережко, В.А. Толстиков и Д.А. Кохан связывают стратегии жизни молодежи с особенностями региональной среды и подчеркивают зависимость долгосрочных планов от локального социального контекста [3]. Поэтому подобный выбор целесообразно рассматривать не как случайную установку, а как отражение конкретной модели жизненного самоопределения, в которой устойчивость и предсказуемость оцениваются выше продления профессиональной активности.

Политические ориентиры региональной молодежи выглядят более сдержанно, но при этом достаточно отчетливо структурированы. В целом участие в политической деятельности в различные этапы жизни допускают 28,9% респондентов, причем 12,1% готовы включиться в данную деятельность до 25 лет, а к 35 годам совокупная доля потенциально вовлеченных возрастает до 22,2%. При выборе идейного направления наибольшую поддержку получает либеральная позиция, которую разделяют 36,4% представителей молодого поколения. Второе место занимает социал-демократическая ориентация с показателем 19,5%. Коммунистический вариант оказывается менее востребованным и получает 6,2%, тогда как доля тех, кто не имеет определенных убеждений либо затрудняется с ответом, в совокупности приближается к 30,0%. Сопоставление этих подходов позволяет утверждать, что политические установки молодежи не сводятся лишь к набору идеологических симпатий, поскольку они встроены в более широкую систему жизненного проектирования, в которой свобода выбора сочетается с поиском устойчивых форм общественного участия.

Сфера гражданской активности показывает, что значительная часть молодежи уже в раннем возрасте готова к включению в практики коллективного действия. К 18 годам 29,0% респондентов готовы участвовать в волонтерской деятельности, а к 25 годам эта доля возрастает до 43,0%. При этом около 17,0% не планируют участвовать в добровольческой деятельности, а почти каждый четвертый не связывает себя с созданием или участием в общественных организациях. Это указывает на неоднородность общественных стратегий и на наличие как мотивационных, так и институциональных барьеров участия [4].

Досуговые стратегии молодого поколения также демонстрируют выраженную направленность на развитие и самореализацию. Более четверти респондентов испытывают дефицит свободного времени, 10,7% не имеют устойчивого досугового формата, а 14,9% проводят свободное время в одиночестве. Вместе с тем преобладающей остается ориентация на активные и коммуникативные формы досуга, связанные с семьей, дружеским окружением, спортом, творчеством и саморазвитием. Культурное просвещение значимо для 59,9%, а интерес к путешествиям и получению непосредственного опыта освоения мира к 30 годам выражают 66,5%. Это позволяет сделать вывод о высоком социализационном потенциале молодежи в досуговой сфере, где наиболее отчетливо проявляются установки на двигательную активность, творческую самореализацию и расширение жизненного горизонта.

Оценка жизненных проектов молодежи в семейной сфере показывает, что установка на более позднее вступление в брак в региональной среде выражена ограниченно. Хотя в научной литературе фиксируется тенденция к смещению брачных решений на более зрелый возраст, в исследуемом молодежном сообществе ориентацию на заключение брака после 25 лет разделяют лишь немногим более четверти респондентов. Основная часть молодых жителей области сохраняет приверженность модели раннего вступления в брак, что позволяет говорить о заметной устойчивости матримониальных представлений, унаследованных от более традиционного типа семейной социализации. Ю.А. Зубок подчеркивает, что «выбор жизненной стратегии молодежи осуществляется в условиях неопределенности, риска и множественности возможных траекторий» [1]. В данном случае указанная неопределенность не разрушает семейные ориентиры, а, напротив, усиливает стремление к понятным и социально одобряемым формам личного устройства [1].

Логика раннего семейного старта подтверждается и репродуктивными установками. Появление первого ребенка значительная часть молодежи связывает уже со студенческим возрастом, такой вариант выбирают 33,3% опрошенных. Несколько чаще предпочтение отдается более отсроченному сценарию, однако в совокупности до 35 лет продолжить род намерены 71,8% участников исследования. Планы на рождение второго ребенка также выражены достаточно отчетливо, поскольку его в целом предусматривают 60,3% респондентов, а наиболее вероятным периодом повторного деторождения выступает возраст от 26 до 30 лет.

Значительно менее однозначной выглядит перспектива совместного проживания с родителями в период их пожилого возраста. На разных этапах жизненного пути такую перспективу допускают только 28,0% представителей молодого поколения. Это означает, что межпоколенческая солидарность в будущем, вероятнее всего, будет все чаще приобретать дистанционные формы и выражаться не столько в совместном быте, сколько в материальной и организационной поддержке. Ограниченная готовность к совместному проживанию с пожилыми родителями объясняется не только ослаблением семейных связей, но и перераспределением жизненных ресурсов в пользу мобильности, профессионального роста и автономии. В этой связи возрастает значение социальных сервисов, ориентированных на сопровождение пожилых людей и поддержку семей, не способных обеспечить постоянное очное участие в уходе [3].

Миграционные установки молодежи демонстрируют высокий уровень территориальной открытости. В целом готовы сменить место жительства в пределах страны 50,2% респондентов. Перспективу переезда в восточные страны допускают 18,5%, а ориентацию на западное направление выражают 28,2%. Подобные данные указывают на значительный миграционный ресурс региона и одновременно выявляют риск утраты части молодого трудоспособного населения. Даже частичная реализация этих намерений способна привести область к заметному ослаблению собственного кадрового и социального ресурса [2].

Карьерные стратегии молодежи, напротив, отличаются выраженной амбициозностью и стремлением к восходящей профессиональной траектории. Обучение по специальности планируют 69,8% респондентов, а должность специалиста большинство опрошенных рассматривает скорее как начальный этап, ограниченный возрастом до 25 лет. Стать руководителем подразделения намерены 42,3%, выйти на уровень руководителя организации хотят 44,6%. Карьерные притязания молодежи следует интерпретировать двояко. С одной стороны, они отражают высокий уровень управленческих притязаний и готовность к конкуренции. С другой стороны, завышенные ожидания и стремление к ускоренному продвижению способны превратиться в барьер, если профессиональный путь будет восприниматься без учета этапности и накопления опыта [4].

Духовно-нравственные установки молодежи в целом развиваются более сдержанно и не образуют доминирующей линии жизненного проектирования. К 60 годам активными прихожанами видят себя 25,3% участников исследования, тогда как 22,2% не связывают собственное будущее с подобным образом жизненного уклада и мировоззрения. Это позволяет сделать вывод о том, что духовно-нравственная сфера сохраняет значение для части молодежи, однако в общей структуре жизненных стратегий она уступает семейным, карьерным и миграционным ориентирам.

Религиозные и образовательные планы молодежи Белгородской области показывают, что в символически значимых формах участия представители молодого поколения проявляют себя заметно активнее, чем в установке на регулярную церковную практику. К 25 годам праздничные посещения храмов допускают для себя 24,6% респондентов. В интервале до 30 лет значительная часть молодежи связывает с собой

участие в таинстве крещения, готовность стать крестными родителями, а также введение в религиозную традицию собственных детей. Именно эти линии выбора получили наименьшее количество принципиальных отказов, что позволяет говорить о сохранении культурно-религиозных ориентиров даже при умеренной степени повседневной воцерковленности. Ю.А. Зубок пишет, что «риск в социальном развитии молодежи становится формой освоения новых условий жизни» [1]. В таком контексте обращение к обрядовой стороне религии может рассматриваться как стремление опереться на устойчивые символические формы, снижающие ощущение неопределенности и закрепляющие принадлежность к общности [1].

Образовательные стратегии региональной молодежи, напротив, отличаются высокой активностью и выраженной готовностью к постоянному наращиванию компетенций. Получение второго образования планируют 52,6% респондентов, причем основная часть таких выборов приходится на возраст 20–25 лет. Стремление к повторному образованию следует интерпретировать не только как признак сомнения в раннем профессиональном выборе, но и как выражение установки на гибкость жизненного сценария [2].

Дополнительные курсы в разные периоды жизни намерены осваивать 54,0% представителей молодого поколения, и большинство таких решений также приходится на возраст 20–25 лет. Можно предположить, что инвестиции молодежи в образование объясняются одновременно и необходимостью адаптации к меняющимся условиям, и стремлением выстроить долгосрочную карьерную траекторию, в которой знание выступает главным ресурсом продвижения [3; 5].

Самосберегающие стратегии также демонстрируют устойчивую ориентацию на активный и продолжительный жизненный путь. В студенческие годы спортом занимаются 35,1% представителей молодого поколения, а в целом присоединиться к спортивному образу жизни на разных этапах планируют еще 18,5%. В качестве главных мотивов сохранения здоровья респонденты называют полноценную жизнь, возможность самореализации, продолжение рода и включенность в жизнь собственных детей [4].

При этом установки на продолжительность жизни оказываются внутренне противоречивыми. Оптимальный для себя жизненный горизонт до 50 лет выбирают 6,1% молодежи, до 60 лет 3,9%, до 70 лет 7,3%. Наиболее привлекательным выглядит период 80–89 лет, а более 30,0% ориентируются на еще более длительное долголетие, причем 17,0% хотели бы перешагнуть столетний рубеж. Однако при оценке реальных перспектив заметен сдвиг в сторону более сдержанных ожиданий. Реально дожить до 100 лет рассчитывают уже 11,8%, до 80 лет 20,5%, а доля тех, кто не предполагает дожить до 70 лет, достигает 29,1%. С учетом первоначально невысокого запроса на продолжительность жизни у части респондентов это свидетельствует о наличии тревожного разрыва между идеальным образом долголетия и субъективной оценкой собственных шансов на его достижение [1].

Коммуникативные стратегии молодежи позволяют увидеть достаточно сложный социальный профиль. Современный молодой человек характеризуется высокой интенсивностью общения, поскольку 70,5% респондентов указывают, что общаются очень много. Основным пространством взаимодействия становятся социальные сети, на которые ориентированы 63,8%. Наиболее устойчивым остается общение с членами семьи, его выбирают 67,6% респондентов. Это означает, что коммуникативная активность молодежи сочетается с избирательностью доверительных связей, а высокая интенсивность контактов далеко не всегда перерастает в глубокую дружескую близость.

Свободное время молодежь Белгородской области с большей вероятностью направляет в сферу сетевых коммуникаций, чем в пространство непосредственного межличностного контакта. На виртуальное общение ориентированы 59,0% опрошенных, что согласуется с общей структурой интернет-практик, в которой переписка выступает одной из наиболее распространенных целей использования сети наряду с образовательными запросами. В этом контексте доминирование сетевого общения следует понимать не только как техническое удобство, но и как особый способ организации жизненного пространства, при котором скорость контакта и доступность связи оказываются важнее глубины личного присутствия [1].

При этом сама молодежь в значительной мере осознает риск чрезмерной включенности в цифровую среду. Зависимость от социальных сетей признает примерно треть респондентов. Сократить время пребывания в них в пользу непосредственного общения намерены 25,7%, а 6,8% уже предприняли такие шаги.

Особый интерес в этом отношении представляет интернет-предпринимательство, которое вызывает интерес почти у каждого пятого респондента. Для части молодежи оно способно стать реальной формой занятости или самозанятости, соединяющей экономические, карьерные и образовательные ориентиры в единую линию жизненного проектирования. Более того, развитие цифровой занятости потенциально снижает зависимость карьерных перспектив от обязательной смены места проживания, а значит, частично компенсирует выявленную ранее миграционную готовность. Цифровая среда для молодежи выступает одновременно и зоной коммуникативной зависимости, и каналом рационального расширения жизненных шансов, а итоговый эффект определяется тем, какая из этих линий получает практическое преобладание [3; 5].

В целом молодежь Белгородской области демонстрирует готовность принимать значимые решения, ориентироваться на высокие цели и опираться на собственный потенциал уже до 30 лет. Одновременно жизненное планирование сохраняет ряд внутренних противоречий, затрудняющих устойчивое развитие. Стремление к экономической самостоятельности сочетается с сохраняющимися признаками инфантильности, готовность материально поддерживать родителей не всегда совпадает с готовностью участвовать в их повседневной жизни, запрос на свободу и демократические ценности соседствует с политической пассивностью, а ценность полноценной жизни не всегда подкрепляется устойчивыми практиками самосохранения. Коммуникабельность также нередко соседствует с виртуализацией отношений. В результате жизненные стратегии молодежи предстают не как линейная модель взросления, а как подвижная система выборов, в которой одновременно действуют ориентация на самостоятельность, потребность в устойчивости и влияние быстро меняющейся социальной среды.

Литература

1. Зубок, Ю.А. Риск в социальном развитии молодежи / Ю.А. Зубок // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1. С. 147–162.
2. Ревенко, Н.В. Экономическая социология как теоретико-методологическая основа анализа проблем инновационного развития / Н.В. Ревенко, Т.А. Сережко, Ж.С. Кохан // Вестник БУКЭП. 2023, № 2. С. 101–112.
3. Сережко, Т.А. Концептуальные основы исследования жизненных стратегий молодежи приграничного региона / Т.А. Сережко, В.А. Толстиков, Д.А. Кохан // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. С. 97–99.
4. Сережко, Т.А. Жизненные стратегии молодежи как ресурс инновационного развития приграничного региона / Сережко Т.А., Кохан Ж.С., Кохан Д.А. // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 3. С. 107–110.
5. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности: монография / Г.Е. Зборовский [и др.]; М-во образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Ин-т гос. упр. и предпринимательства. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014.

ANALYSIS OF LIFE STRATEGIES OF STUDENTS OF THE BELGOROD REGION

Serezhko T.A., Kokhan Zh.S., Kohan D.A.
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

Based on a sociological survey, the article describes the economic, educational, migration, labor, social, spiritual and moral, leisure, political, self-preservation, family and communicative orientations of the region's youth. The conclusion is made about the inconsistency of the youth's life attitudes.

Keywords: youth, life plan, professional strategy, border region.

References

1. Zubok, Yu.A. Risk in the Social Development of Youth / Yu.A. Zubok // Social and Humanitarian Knowledge. 2003. No. 1. Pp. 147–162.
2. Revenko, N.V. Economic Sociology as a Theoretical and Methodological Basis for the Analysis of Innovative Development Problems / N.V. Revenko, T.A. Serezhko, Zh.S. Kokhan // BUKEP Bulletin. 2023, No. 2. Pp. 101–112.
3. Serezhko, T.A. Conceptual Foundations for the Study of Life Strategies of Youth in a Border Region / T.A. Serezhko, V.A. Tolstikov, D.A. Kokhan // Social and Humanitarian Knowledge. 2024. No. 1. Pp. 97–99.
4. Serezhko, T.A. Life strategies of young people as a resource for innovative development of a border region / Serezhko T.A., Kokhan Zh.S., Kokhan D.A. // Social and humanitarian knowledge. 2025. No. 3. Pp. 107–110.
5. Managing the behavior strategies of urban communities: problems and opportunities: monograph / G.E. Zborovsky [et al.]; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of Public Administration and Entrepreneurship. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2014.

Цифровые барьеры стигматизированных инвалидов

Тринадцатко Антон Александрович,
кандидат социологических наук, Высшая школа менеджмента,
Тихоокеанский государственный университет
E-mail: anton13–176@rambler.ru

Быстрое развитие и внедрение цифровых технологий в жизнь современного общества не обошло стороной и людей с ограниченными возможностями, стигматизируемыми нормотипичными индивидами как инвалиды. Наличие разнообразных физических и сенсорных дефектов не позволяет таким инвалидам обычным образом взаимодействовать с объектами цифрового пространства, обуславливая необходимость создание инклюзивной цифровой среды. Последняя позволяет таким инвалидам самостоятельно решать задачи, недоступные для них в физическом мире, способствуя, тем самым, росту уровня самостоятельности и независимости. В статье исследуются цифровые барьеры, ограничивающие доступ стигматизированных инвалидов к цифровым ресурсам и сервисам. Отмечается, что для стигматизированных инвалидов разных нозологий цифровые барьеры могут иметь разную природу и различные формы проявления. Одновременно на примере современного отечественного мессенджера показано, что вопрос создания инклюзивного цифрового пространства зачастую игнорируется разработчиками, что свидетельствует о недостаточном уровне развития инклюзивной культуры в российском обществе. Делается вывод о том, что цифровые ограничения могут быть достаточно просто устранены, если разработчики онлайн-контента и приложений будут соблюдать существующие требования к обеспечению цифровой доступности.

Ключевые слова: инвалиды, стигматизированные инвалиды, цифровое пространство, цифровые барьеры, цифровая доступность, цифровое неравенство, цифровая грамотность, вспомогательные технологии, AR-IA-метки

Вопрос доступности офлайн и онлайн пространства для лиц с ограниченными возможностями, несмотря на уже давно принятые в этом направлении международные и национальные нормативно-правовые акты (НПА) и реализацию в нашей стране соответствующих национальных программ, так и не утратил своей значимости. Особенно актуальным он остается для тех лиц с инвалидностью, которые относятся к т.н. дискредитированному стигматипу, т.е. для тех инвалидов, внешние проявления нарушения здоровья (дефекты) которых однозначно позволяет обществу отнести их к данной социальной группе и которые, в подавляющем большинстве, нуждаются в обеспечении определенной степени доступности окружающего пространства. И если в физическом мире, пусть и не так быстро, как хотелось бы, наблюдаются определенные положительные изменения, свидетельствующие о постепенной, зачастую не самой лучшей, но адаптации городской среды под особенности таких лиц, то виртуальное пространство, отличающееся высоким уровнем изменчивости, продолжает ставить перед цифровыми гражданами с инвалидностью все новые барьеры.

Результаты социологических опросов ВЦИОМ свидетельствуют, что любой современный человек прекрасно осознает значение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в своей повседневной жизни [1; 2]. Не являются исключением и стигматизированные инвалиды, активно использующие в своей повседневной, творческой и трудовой деятельности ассистивное компьютерное программное обеспечение (ПО) и сенсорные мобильные устройства.

Напомним, что согласно результатам социологического опроса, проведенного ВЦИОМ совместно с АНО «Я тебя слышу» и фондом «Действуй!» летом 2025 г., 92% цифровых граждан, как относящихся к лицам с ОВЗ, так и не имеющих каких-либо серьезных дефектов, при взаимодействии с объектами виртуальной среды в той или иной мере используют инклюзивные цифровые технологии, предназначенные для людей с инвалидностью, в первую очередь – нарушениями зрения [1].

Вопрос доступности цифровой среды для людей с инвалидностью в контексте наличия у них возможности использования виртуальных цифровых инструментов, в т.ч. в социокультурной, образовательной и профессионально-трудовой сферах, уже три десятилетия привлекает внимание целой плеяды исследователей. Так, среди последних научных работ отечественных авторов, изучавших проблемы цифровой инклюзии, цифровой грамотности (ЦГ), цифрового неравенства и цифровой доступности (ЦД), можно отметить труды Н.В. Плотичкиной [3], И.В. Гужовой [4], Т.А. Бороненко, А.В. Кайсиной и В.С. Федотовой, В.И. Токтаровой и О.В. Ребко и др. Феномен цифрового неравенства в геронтологическом разрезе изучали Н.Б. Москвина, Е.В. Щенина, О.Г. Зубова, а в гендерном – В.Г. Доброхлеб и О.Н. Махрова [5]. Цифровое неравенство непосредственно инвалидов рассматривали Н.Н. Мещерякова и Е.Н. Роготнева [6], Е.В. Альтовский, А.А. Демидов и Г.А. Краснова, А.Ц. Чойжалсанова и др. Доступность цифровой среды для лиц с тяжелыми нарушениями зрения изучали Т.А. Полилова [7], А.А. Тринадцатко [8; 9], Т.И. Фролова и Е.А. Стрига, и др.

В данной работе целью исследования является выявление цифровых барьеров, возникающих перед стигматизированными людьми с инвалидностью, их влияние на цифровую грамотность и цифровую активность представителей данной страты.

Методы исследования:

1. Вторичный анализ результатов социологических исследований, проведенных ВЦИОМ, отдельными авторами и коллективами авторов, а также специализированными организациями, занимающимися вопросами реабилитации инвалидов, посвященных различным аспектам цифровой грамотности, цифровой доступности, цифровой адаптации стигматизированных представителей этого сообщества.

2. Включенное наблюдение, осуществленное автором в рамках творческого дистанционного сообщества незрячих актеров «Театральная студия «Премьера».

3. Опосредованный социологический опрос 131 инвалида по зрению I и II гр., проведенный с использованием современных цифровых онлайн-инструментов (электронная почта, Google-форма, мессенджеры Telegram и VK, социальная сеть Вконтакте), проживающих в различных регионах РФ и РБ, которые позволили подтвердить ряд выводов, сделанных на основе данных, полученных в ходе проведенного

автором наблюдения, а также подтвердить или оспорить ряд тезисов, полученных другими авторами при осуществлении собственных исследований.

На международном и национальном уровне разработан и принят набор правовых инструментов, декларирующих необходимость создания доступной цифровой среды для инвалидов.

Ключевым международным актом, в котором прямо зафиксировано положение о доступности информации и информационных ресурсов для инвалидов, является Конвенция ООН «О правах инвалидов». В ст. 9 Конвенции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН еще 13 декабря 2006 г. и ратифицированной Россией в 2012 г., закрепляется норма, обязывающая государства-участники принимать меры для обеспечения инвалидам равного с другими людьми доступа к информации и связи, в т.ч. информационно-коммуникационным технологиям и системам. Причем такие меры должны включать выявление и устранение препятствий и барьеров, мешающих доступности [10].

В РФ вопрос обеспечения доступности для инвалидов цифровой среды регулируется рядом законодательных и подзаконных НПА, а также системой государственных стандартов, которые, впрочем, не являются обязательными для исполнения негосударственными организациями. Так, ст. 5.1. Федерального закона № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (в ред. от 10.07.2023 г.) предусмотрено обеспечение доступности государственных цифровых сервисов для инвалидов [11]. Одновременно, приказом Минцифры России от 07.11.2023 № 953, утвержден порядок обеспечения условий доступности для инвалидов по зрению официальных сайтов госорганов, органов местного самоуправления (МСУ) и подведомственных организаций. Постановлением Правительства РФ от 07.02.2026 № 102 утверждены требования к доступности для инвалидов по зрению информации о деятельности государственных органов и органов МСУ, размещенной на государственных сайтах. Инструментами, обеспечивающими такую доступность, могут быть как аппаратные приспособления (клавиатура, брайлевский дисплей), так и иные ассистивные тифлотехнологии, например, скринридеры, режимы изменения шрифта или контрастности изображения без потери функциональности ресурса.

К числу национальных стандартов, в которых описывается как должна обеспечиваться цифровая доступность для инвалидов, относящихся к дискредитированному стигматипу (с нарушениями зрения, слуха, ОДА и пр.), относятся, например: ГОСТ Р 70176–2022 «Интернет-ресурсы и другая информация, представленная в электронно-цифровой форме. Файлы формата PDF. Требования доступности для людей с инвалидностью и других лиц с ограничениями жизнедеятельности»; ГОСТ Р 70186–2022 «Интернет-ресурсы и другая информация, представленная в электронно-цифровой форме. Инструменты разработки цифрового контента. Требования доступности для людей с инвалидностью и иных лиц с ограничениями жизнедеятельности»; ГОСТ Р 52872–2019 «Интернет-ресурсы и другая информация, представленная в электронно-цифровой форме. Приложения для стационарных и мобильных устройств, иные пользовательские интерфейсы. Требования доступности для людей с инвалидностью и других лиц с ограничениями жизнедеятельности».

В основу последнего документа легли международные экспертные технические рекомендации «Web Content Accessibility Guidelines» (WCAG) [12], которые хоть и не являются международным законодательным или подзаконным актом, но часто становятся базисом соответствующего НПА, обеспечивающего доступность цифровой среды для инвалидов в конкретном государстве. Указанные выше ГОСТы, как было отмечено ранее, не являются обязательными для исполнения в РФ коммерческими, а также некоммерческими организациями, не входящими с систему органов власти, что обуславливает актуальность вопроса доступности цифрового пространства и размещенного в нем цифрового контента для лиц с инвалидностью.

Ранее нами уже отмечалось, что инвалиды, в целом, обладают неплохим уровнем ЦГ и, если не имеют каких-либо сенсорных ограничений, используют те же адаптивные цифровые стратегии, что и обычные люди [8]. Граждане с выраженными сенсорными нарушениями, относящиеся к категории дискредитированных социумом по критерию инвалидности, лиц, в силу имеющихся у них дефектов часто обладают даже более высоким уровнем ЦГ, чем нормотипичные люди.

Абстрагируясь от социально-философских контекстов доступности, связанных с различными внешними ситуациями и условиями, когда даже здоровый человек испытывает трудности во взаимодействии с цифровыми устройствами и объектами виртуального мира, акцентируем внимание непосредственно на феномене доступности цифрового пространства для нетипичных представителей социума, т.е. лиц, имеющих определенные физические или сенсорные ограничения, препятствующие их нормальному взаимодействию как с внешним миром так и с виртуальным пространством без помощи ассистивных технологий. Консорциум всемирной паутины (W3C) выделяет 4 основополагающих принципа, определяющих доступность объектов цифрового пространства [13]:

1) Воспринимаемость. Данный принцип означает, что расположенная на ресурсе или в виртуальном приложении информация и интерфейс самого ресурса или приложения должны быть доступны для восприятия любым посетителем.

2) Управляемость, означает, что любой посетитель может самостоятельно управлять интерфейсом ресурса или приложения, осуществлять навигацию по нему, в т.ч. с использованием вспомогательных цифровых инструментов (например, скринридера).

3) Понятность. Подразумевает, что как информация, размещенная на онлайн-ресурсе или в приложении в любом формате или виде, так и управление интерфейсом ресурса или приложения, должны быть понятны любому пользователю.

4) Надежность. Предполагает, что информация, размещенная на ресурсе, а также сам ресурс позволяют взаимодействовать с ними любому пользователю при помощи различного ПО, включая и вспомогательные цифровые технологии.

С точки зрения соответствия данным принципам все цифровые ресурсы можно разделить на 3 группы:

1) Универсальные объекты цифрового мира, подходящие под определение полной цифровой инклюзии.

2) Частично доступные – позволяют взаимодействовать с цифровым объектом, однако ряд функций может быть недоступен некоторым категориям пользователей.

3) Недоступные – не позволяют взаимодействовать с цифровым объектом отдельным категориям лиц вследствие либо полной неадаптированности ресурса к их особенностям, либо отсутствия возможности доступа к критически важным элементам навигации или интерфейса для этой категории лиц.

Приведенная группировка не связана с социальными, трудовыми и иными характеристиками личности инвалида, уровнем его реабилитации, имеющимися навыками и пр., поскольку сформирована по критерию наличия встроенной возможности взаимодействовать с ресурсом, если инвалид в принципе имеет соответствующие навыки и необходимый уровень цифровой грамотности.

Напомним, что смысловое содержание термина «цифровая грамотность», в ходе своей эволюции прошло определенную трансформацию. Впервые он был упомянут в 1997 г. П. Гилстером, затем свою лепту в его осмысление внесли Г. Дженкинс с соавторами, А. Эмеджулу и С. Макгрегор и др. исследователи, в т.ч. и отечественные авторы – Н.В. Митяева, И.В. Гужова [4], А.В. Конева и А.А. Лисенкова, И.А. Талышева и Х.Р. Пегова, Е.В. Салимуллина и др. В настоящее время под ЦГ понимают «совокупность навыков индивида по взаимодействию с ПК и другими цифровыми устройствами и технологиями с целью достижения им своих личных целей в различных сферах как виртуального, так и реального пространства» [8].

В отношении дискредитированных представителей инвалидов, в разрезе их нозологических ограничений, цифровое неравенство проявляется в разных вариациях. Так, в фокусе вопроса ограничения доступности ИКТ для инвалидов с нарушениями мелкой моторики, дефектами верхних конечностей, тяжелыми формами ДЦП, параличами и пр. цифровые барьеры проявляются как через физическое взаимодействие с объектами цифрового мира, так и через взаимодействие с интерфейсами цифровых ресурсов. В этом разрезе вопрос доступности раскрывается в следующих технических моментах:

1) Сложности с управлением периферийными устройствами (компьютерными мышами, тачпадами, джойстиками и пр.);

2) Трудности с выполнением сложных клавиатурных команд (комбинации клавиш);

3) Ограничения при взаимодействии с современными общественными и индивидуальными сенсорными устройствами, обусловленные различиями в настройках отклика таких устройств при совершении с ними операций (чувствительность к прикосновениям, сила нажатия, время отклика, время работы в активном режиме, реагирование на уровень освещенности и пр.), не учитывающие особенности нетипичных пользователей;

4) Сложности взаимодействия с внутрипрограммными способами управления и ввода данных, обусловленные физическими и сенсорными особенностями субъекта;

5) Сложности взаимодействия с динамическими элементами цифровой среды (например, активируемыми только путем наведения курсора).

Несмотря на наличие достаточно широкого перечня технических средств реабилитации (ТСР), а также встроенные внутрисистемные инструменты настройки цифровых ресурсов, для лиц с инвалидностью, имеющих такие нарушения, вопрос доступности цифрового пространства зачастую продолжает оставаться актуальным по целому ряду причин: недостаточный уровень цифровой реабилитации индивида, не позволяющий ему использовать существующие цифровые и аппаратные инструменты, версии и модели ассистивных решений; отсутствие качественных, доступных по цене ТСР, оптимально отвечающих особым потребностям такого человека; отсутствие в цифровых программных продуктах необходимых настроек, позволяющих при интеракции с такими цифровыми продуктами пользоваться периферийными ассистивными устройствами; отсутствие специальных речевых обозначений (ARIA-меток) важных функциональных кнопок (ярлыков) на страницах онлайн-ресурсов и в мобильных приложениях, ограничивающих их доступность и др.

Для лиц с тяжелыми нарушениями слуха основные ограничивающие факторы связаны с наличием субтитров или сурдоперевода у аудиовидеоконтента, а также технологией транскрибации (речь в текст):

1) Отсутствие или низкое качество субтитров и/или сурдоперевода, например, русского жестового языка (РЖЯ) в видеоматериалах, значительно снижающее уровень восприятия информации, а зачастую и вовсе делающее ее недоступной.

2) Недостаточный уровень совместимости стандартов субтитров и сурдоперевода как непосредственно между собой, так и с форматами цифрового контента или цифровых устройств (в отношении интернета вещей) в случае наличия данной ассистивной технологии.

3) Проблемы с визуальным отображением субтитров (скорость, месторасположение, размер, контрастность и яркость, соответствие речи или картинке и пр.) [14].

На данный момент разработан целый спектр программных цифровых решений, позволяющих инвалидам по слуху коммуницировать с социальным окружением как прямо, так и опосредованно. Ключевой технологией здесь выступает транскрибация (речь в текст), хотя эффективность ее работы зависит как непосредственно от качества произношения адресанта (например, в случае использования функции голосового набора), так и качества аудио или видеофайла, речь из которых преобразуется в текст.

Заметим, что иных технических ограничений для лиц с нарушением слуха в целом специалистами не отмечается, что подразумевает наличие у глухих и слабослышащих лиц возможности пользоваться теми цифровыми сервисами, для доступа к которым у представителей, например, инвалидов с тяжелыми нарушениями зрения, нужна полная совместимость цифрового ресурса с технологией «текст в речь».

Собственно, только возможность полного взаимодействия инструмента «текст в речь» или скринридера, с каждым конкретным цифровым ресурсом и является критичным фактором доступности этого ресурса для любого представителя группы инвалидов с тяжелыми нарушениями зрения при его погружении в виртуальную среду. Аналогичная ситуация складывается и с использованием незрячими людьми носимых цифровых устройств, а также интернетом вещей, когда эффективность взаимодействия с ними зависит от наличия у таких предметов функции голосового выхода, озвучивающей незрячему пользователю выполняемые операции.

Подчеркнем, что проблема речевого обозначения скринридером того или иного элемента интерфейса онлайн-ресурса или приложения, должна решаться на этапе их разработки [15]. Если же данный аспект был упущен, то он может быть доработан и в дальнейшем, путем прописывания ARIA-метки в HTML-коде страницы нужного элемента [16]. Соответственно, ограниченная или полная неадаптированность множества интернет-страниц и мобильных приложений для слепых и слабовидящих пользователей, обуславливается не столько техническими сложностями обеспечения их доступности, сколько низкой инклюзивной цифровой культурой непосредственно владельцев и разработчиков цифровых ресурсов.

Так, опрос, проведенный ВЦИОМ летом 2025 г. показал, что 93% принявших в нем участие информантов считают, что как цифровые устройства, так и ПО, должны быть лучше адаптированы под особенности людей с инвалидностью [1]. При этом, одним из недавних примеров, подтверждающих стереотипное отношение социума к инвалидам по зрению в разрезе их присутствия в виртуальном пространстве и использования ими цифровых инструментов, стала кампания по переориентации российских пользователей на отечественный мессенджер MAX.

Проблема в данном случае заключается в том, что MAX, позиционируемый разработчиками как более удобная альтернатива мессенджеру WhatsApp (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией, чья деятельность запрещена в Российской Федерации) и мессенджеру Telegram, лучше всего адаптированных для незрячих пользователей, не учитывает физические ограничения инвалидов по зрению [17].

Если ограничительные действия, согласно опросу ВЦИОМ, проведенному осенью 2025 г. не поддержали 39% граждан [18], то среди лиц с тяжелыми нарушениями зрения, пользующимися мессенджерами, эта цифра составила 75%, а среди незрячих инвалидов, занимающихся коллективным творчеством в дистанционном формате (на примере опроса участников творческого цифрового дистанционного коллектива «Театральная студия «Премьера») – 81%.

Мы можем констатировать, что подавляющее большинство инвалидов с тяжелыми нарушениями зрения недовольны не самим фактом ограничения возможности общаться при помощи привычных цифровых инструментов, а отсутствием доступной для них адекватной альтернативы и предложением им ресурса, который не учитывает их особенности. Почти 52% опрошенных незрячих и слабовидящих цифровых граждан в итоге были вынуждены переключиться на другие, ранее игнорируемые ими мессенджеры и социальные сети, причем в числе лидеров оказался редуцированный мобильный вариант соцсети «Вконтакте» – «VK-мессенджер».

Около 30% опрошенных инвалидов по зрению, как занимающихся социокультурными практиками в цифровом пространстве и распространяющих в нем свои аудиопроизведения, так и использующих виртуальную среду для других целей, отметили, что продолжают пользоваться привычными инструментами, прибегая для этих целей к помощи мобильных инвариантов ранее используемых приложений и сервисов сетевого обхода. При этом наименьший уровень использования анонимайзеров характерен для незрячих цифровых граждан, проживающих на территории РБ, что объясняется отсутствием ограничительной политики со стороны контролирующих органов республики.

Основными причинами, лежащими в основе отказа инвалидов по зрению от помощи привычных им цифровых продуктов в пользу предлагаемых аналогов, лежат именно цифровые барьеры, возникающие в случае такого перехода перед незрячими людьми: сложность адаптации к новым программным продуктам, отличающимся как непривычным для незрячих пользователей интерфейсом, так и уровнем доступности в худшую, относительно привычных инструментов, сторону; неспособность нового программного продукта (например, VK-мессенджера) обеспечить выполнение тех функций (простой обмен рабочими аудиофайлами), которые позволяли реализовывать применяемые ранее в процессе создания группового аудиопродукта приложения; низкий уровень доступности для незрячих предлагаемых альтернатив (MAX, Яндекс-телемост, Bip и пр.).

Таким образом, пример отечественного мессенджера MAX свидетельствует, что инвалидность, как социальный феномен, по прежнему сохраняет статус стереотипного социального конструкта, перенесенного из физического мира в виртуальную среду и проявляется в ней в том же виде, что и в денотате – в воспроизведении барьеров, на этот раз цифровых, не позволяющих полноценно пользоваться его ресурсами лицам с инвалидностью, также, как физические пространственно-инфраструктурные и социальные барьеры в объективной реальности делают для стигматизированных инвалидов недоступными множество объектов, расположенных на общественных и частных территориях.

Несмотря на внедрение стандартов доступности в цифровые сервисы и физическое пространство, инвалиды, относящиеся к стигматизированному стигматипу, по-прежнему испытывают сложности как при взаимодействии с объектами денотата, так и при интеракциях с многообразными элементами цифрового мира. И если в отношении доступности для них отдельных локаций физического пространства, особенно относящихся к социокультурной и спортивной сферам, ситуация выглядит довольно оптимистично, то большинство прочих общественных и частных территорий, так и не соответствуют статусу универсальных, т.е. доступных для всех категорий граждан.

Аналогичная ситуация складывается и с обеспечением доступа стигматизированным инвалидам к ресурсам и сервисам ИКТ. В этом разрезе проблема доступности рассматривается с позиций адаптированности современных цифровых устройств и инклюзивности непосредственно виртуального пространства. В контексте обоих указанных аспектов соблюдение существующих национальных стандартов обеспечения доступности могло бы решить данный вопрос, если бы они были безусловно обязательны к исполнению всеми организациями, имеющими свои цифровые ресурсы. Однако игнорирование большинством владельцев и разработчиков цифровых сервисов существования феномена инвалидности и учета потребностей последних при взаимодействии с онлайн-средой, ставит цифровых пользователей с ограниченными возможностями в такое же зависимое от социаль-

ного окружения положение, как и в реальном мире, значительно снижая потенциальный уровень их самостоятельности, подразумеваемый самим наличием электронной информационной среды.

С учетом стремительного развития и внедрения новых информационных технологий, интеграции практически во все сферы жизни человека нейросетевых моделей, подключение технологии искусственного интеллекта к решению подавляющего большинства не только повседневных, но и государственно-стратегических задач, формирование инклюзивного цифрового пространства уже не представляется особо сложной задачей.

В то же время очевидно, что создание реально доступной цифровой среды для инвалидов разных стигматизированных нозологий невозможно без привлечения последних к процессу тестирования уровня доступности готовых к внедрению цифровых продуктов, о чем свидетельствует опыт крупных отечественных и иностранных игроков на рынке цифровых услуг – ПАО «Сбербанк», Банк ВТБ (ПАО), МКПАО «ЯНДЕКС», Alphabet Inc. и пр. Кроме того, процесс постоянного совершенствования цифровых сервисов, обусловленный технико-технологическим прогрессом, несет в себе системную латентную угрозу снижения уровня доступности ранее адаптированных под особенности стигматизированных инвалидов цифровых продуктов, что неоднократно подчеркивалось цифровыми пользователями, являющимися представителями дискредитированной стигмагруппы людей с инвалидностью.

Литература

1. ВЦИОМ: Технологии с (не)ограниченными возможностями [Электронный ресурс]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-s-neogranichennymi-vozmozhnostjami (дата обращения: 10.04.2026).

2. ВЦИОМ: Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него [Электронный ресурс]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego (дата обращения: 10.04.2026).

3. Плотичкина Н.В. Цифровая инклюзия: теоретическая рефлексия и публичная политика / Н.В. Плотичкина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 58. – С. 216–226.

4. Гужова И.В. Маркеры цифровой грамотности в текстах социальных сетей общения (на материале интервью с представителями цифрового поколения) / И.В. Гужова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2019. – № 4 (34). – С. 25–36. DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10403.

5. Доброхлеб В.Г. Гендерный аспект цифрового неравенства / В.Г. Доброхлеб, О.Н. Махрова // Социальные процессы современной России / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 2. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2020. – 678 с. – С. 27–29.

6. Мещерякова Н.Н. Цифровизация: новые риски для людей с инвалидностью. Постановка проблемы / Н.Н. Мещерякова, Е.Н. Роготнева // Цифровая социология. – 2021. – Т. 4. – № 3. – С. 44–52.

7. Полилова Т.А. Проблема доступности интернета для слабовидящих / Т.А. Полилова // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. – 2024. – № 51. – 22 с.

8. Тринадцатко А.А. Цифровая грамотность, цифровое неравенство и цифровая адаптация инвалидов с тяжелыми нарушениями зрительной функции / А.А. Тринадцатко // Социология. – 2024. – № 5. – С. 74–85.

9. Тринадцатко А.А. Инвалиды по зрению и цифровое неравенство / А.А. Тринадцатко // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 7. – С. 67–72.

10. Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН 13.12.2006 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability (дата обращения: 10.04.2026).

11. КонсультантПлюс: Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 10.04.2026).

12. Информация для всех. Руководство по обеспечению доступности веб-контента (WCAG) 2.1 [Электронный ресурс]. – URL: https://ifap.ru/ictdis/wcag21.htm (дата обращения: 10.04.2026).

13. Хабр. Интерфейс доступный каждому: практические рекомендации [Электронный ресурс]. – URL: https://habr.com/ru/articles/729208/ (дата обращения: 10.04.2026).

14. Комсомольская правда: Интернет для глухих: как россияне с ограничениями слуха получают знания из Сети [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kp.ru/daily/27460/4664544/ (дата обращения: 10.04.2026).

15. Особый взгляд. С 1 марта – обязательная цифровая доступность. Что меняет постановление № 102? [Электронный ресурс]. – URL: https://specialviewportal.ru/articles/technologies/s-1-marta-obyazatelnaya-tsifrovaya-dostupnost-chto-menyaet-postanovlenie-102/ (дата обращения: 10.04.2026).

16. Skypro. Aria-label в HTML: как сделать сайт доступным для всех пользователей [Электронный ресурс]. – URL: https://sky.pro/wiki/media/ispolzovanie-atributa-aria-label-v-html/ (дата обращения: 10.04.2026).

17. Особый взгляд. Цифровая изоляция: проверяем мессенджер MAX на доступность для людей с нарушениям зрения [Электронный ресурс]. – URL: https://specialviewportal.ru/articles/technologies/tsifrovaya-izolyatsiya-proveryaem-messendzher-max-na-dostupnost-dlya-lyudey-s-narusheniem-zreniya/ (дата обращения: 10.04.2026).

18. ВЦИОМ: Ограничение доступа к цифровым платформам: за и против [Электронный ресурс]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ogranichenie-dostupa-k-cifrovym-platformam-za-i-protiv (дата обращения: 10.04.2026).

DIGITAL BARRIERS FOR STIGMATIZED PEOPLE WITH DISABILITIES

Trinadtsatko A.A.
Pacific National University

The rapid development and implementation of digital technologies in modern society has not bypassed people with disabilities, who are stigmatized by normative individuals as disabled. The presence of various physical and sensory disabilities prevents such individuals from interacting with digital space in the usual way, necessitating the creation of an inclusive digital environment. The latter allows such disabled people to independently solve problems that are inaccessible to them in the physical world, thereby contributing to an increase in the level of independence and autonomy. This article examines digital barriers that limit stigmatized people with disabilities' access to digital resources and services. It is noted that for stigmatized people with disabilities of different nosologies, digital barriers can have different natures and different forms of manifestation. At the same time, the example of a modern Russian messenger demonstrates that the issue of creating an inclusive digital space is often ignored by developers, indicating the insufficient development of an inclusive culture in Russian society. It is concluded that digital barriers can be easily eliminated if online content and application developers comply with existing digital accessibility requirements.

Keywords: people with disabilities, stigmatized people with disabilities, digital space, digital barriers, digital accessibility, digital inequality, digital literacy, assistive technologies, ARIA tags

References

1. VTsIOM: Technologies with (un)limited possibilities [Electronic resource]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-s-neogranichennymi-vozmozhnostjami (date accessed: 10.04.2026).

2. VTsIOM: Digital Detox 2023: On Internet Use and Taking Breaks [Electronic Resource]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego (date accessed: 10.04.2026).

3. Plotichkina N.V. Digital inclusion: theoretical reflection and public policy / N.V. Plotichkina // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. – 2020. – № 58. – P. 216–226.

4. Guzhova I.V. Markers of digital literacy in the texts of social communication networks (based on interviews with representatives of the digital generation) / I.V. Guzhova // Sign: problem field of media education. – 2019. – № 4 (34). – P. 25–36. DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10403.

5. Dobrokhleb V.G. Gender aspect of digital inequality / V.G. Dobrokhleb, O.N. Makhrova // Social processes of modern Russia / Under the general editorship of prof. Z. Kh. Saralieva: In 2 volumes. Vol. 2. – N.Novgorod: Publishing house of NISOC, 2020. – 678 p. – P. 27–29.

6. Meshcheryakova N.N. Digitalization: new risks for people with disabilities. Statement of the problem / N.N. Meshcheryakova, E.N. Rogotneva // Digital sociology. – 2021. – Vol. 4. – № 3. – P. 44–52.

7. Polilova T.A. The Problem of Internet Accessibility for the Visually Impaired / T.A. Polilova // Preprints of the Keldysh Institute of Applied Mathematics. – 2024. – № 51. – 22 p.

8. Trinadtsatko A.A. Digital literacy, digital inequality and digital adaptation of people with severe visual impairments / A.A. Trinadtsatko // Sociology. – 2024. – № 5. – P. 74–85.

9. Trinadtsatko A.A. Visually Impaired People and the Digital Divide / A.A. Trinadtsatko // Social and humanitarian knowledge. – 2024. – № 7. – P. 67–72.

10. Convention on the Rights of Persons with Disabilities (adopted by resolution 61/106 of the UN General Assembly on December 13, 2006) [Electronic resource]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability (date accessed:10.04.2026).

11. ConsultantPlus: Federal Law «On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation» dated 24.11.1995 № 181-FZ (latest revision) [Electronic resource] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (date accessed: 10.04.2026).

12. Information for everyone. Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.1 [Electronic resource]. – URL: https://ifap.ru/ictdis/wcag21.htm (date accessed: 10.04.2026).

13. Habr. An Interface Accessible to Everyone: Practical Recommendations [Electronic resource]. – URL: https://habr.com/ru/articles/729208/ (date accessed: 10.04.2026).

14. Komsomolskaya Pravda: Internet for the Deaf: How Russians with hearing impairments gain knowledge online [Electronic resource]. – URL: https://www.kp.ru/daily/27460/4664544/ (date accessed: 10.04.2026).

15. A special perspective. Digital accessibility is mandatory as of March 1st. What does Resolution № 102 change? [Electronic resource]. – URL: https://specialviewportal.ru/articles/technologies/s-1-marta-obyazatelnaya-tsifrovaya-dostupnost-chto-menyaet-postanovlenie-102/ (date accessed: 10.04.2026).

16. Skypro. Aria-label in HTML: How to make your website accessible to all users [Electronic resource]. – URL: https://sky.pro/wiki/media/ispolzovanie-atributa-aria-label-v-html/ (date accessed: 10.04.2026).

17. A Special Perspective. Digital Isolation: Testing MAX Messenger for Accessibility for the Visually Impaired [Electronic resource]. – URL: https://specialviewportal.ru/articles/technologies/tsifrovaya-izolyatsiya-proveryaem-messendzher-max-na-dostupnost-dlya-lyudey-s-narusheniem-zreniya/ (date accessed: 10.04.2026).

18. VTsIOM: Restricting access to digital platforms: pros and cons [Electronic resource]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ogranichenie-dostupa-k-cifrovym-platformam-za-i-protiv (date accessed: 10.04.2026).

Этносоциокультурные факторы стратегии развития искусственного интеллекта в ОАЭ

Туйгун Азиза Пулатовна,
младший научный сотрудник, Федеральный институт промышленной собственности; магистрант, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
E-mail: aziza.tuygun@gmail.com

В данной статье исследуется национальная стратегия развития искусственного интеллекта (ИИ) в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) с позиции учета социокультурного контекста. Автор рассматривает процесс интеграции ИИ в разные сферы жизнедеятельности общества, оценивая его эффективность и отмечая возникающие трудности. Особое внимание уделено специфике воздействия традиционных культурных норм на принятие решений в области применения ИИ, в том числе этическим аспектам использования технологий. В результате проведенного исследования сформированы предложения по совершенствованию существующей стратегии, учитывая социальные и культурные особенности общества в ОАЭ.

Ключевые слова: искусственный интеллект в ОАЭ, цифровая трансформация, социокультурные факторы, государственная политика, стратегия развития ИИ, социальные практики ИИ, кибербезопасность.

Введение

ИИ-технологии в современном государственном управлении являются передовым инструментом для внедрения в административные процессы, экономическую деятельность, систему образования, оказание медицинских услуг и культурную среду, тем самым охватывая значительную часть общественной жизни. Стремительное распространение, активная интеграция, адаптивность использования и потенциал данных технологий вызывает особый интерес к изучению возможностей практической реализации государственных стратегий развития ИИ, в особенности на территориях с уникальной культурной средой, которой являются Объединенные Арабские Эмираты.

Целью исследования заключается в определении влияния социальных, культурных и этнических факторов на разработку и реализацию национальных стратегий искусственного интеллекта в ОАЭ.

Повышенный интерес современных исследователей к вопросам интеграции ИИ технологий, изучения технических возможностей и особенностей применения, экономических результатов подобных внедрений обусловлен высокими темпами развития технологии и необходимости изучения ее практической пользы. Однако искусственный интеллект, вне зависимости от сферы применения, все равно контактирует с человеческой средой, необходимо сосредоточится на этносоциокультурных факторах, способных повлиять на восприятие конкретным населением данной технологии. В вопросах стратегического управления ИИ на уровне государственной политики, недостаточная изученность роли социокультурных факторов в ее формировании и реализации может стать препятствием для цифровизации и последующем развитии технологии.

Как показывают исследования Мелкумяна Е.С., трансформация государств Персидского связана со стремления диверсифицировать экономику, сохранив устойчивость политических режимов и роль правящих элит [1, С. 601–610]. Стратегическое планирование ОАЭ с 2010-х годов строится вокруг концепции «счастье – инновации – устойчивое развитие». К 2024 году результатом использования модели стало формирование более 75% ВВП вне нефтегазового сектора [8].

На основе произведенной трансформации ОАЭ можно рассматривать как наглядный пример применения цифровой трансформации не только для государственной модернизации, но и для изменения внешнеполитического позиционирования страны. Подтверждением является опубликованный в 2024 году Индекс развития электронного правительства ООН, где ОАЭ занимают 11-е место в мире, лидируют в арабском регионе и входят в категорию стран с высоким уровнем цифрового государственного управления [9].

Круглова Д.С. анализируя эту модель, отмечает, что цифровое государство в Эмиратах выстраивается как «цифровой мост» между конкурирующими технологическими центрами, а политика цифрового суверенитета позволяет стране использовать развивающиеся технологии для укрепления собственной автономии и усиления международных позиций [2]. В данном контексте развитие ИИ-технологий рассматривается как ядро стратегического развития, а не побочный инструмент.

Одним из значимых направлений для ОАЭ стало последовательное внедрение ИИ в системы государственного управления и безопасности. Анализ правовых и технических аспектов применения ИИ, проведенный Садыковым М.Б., показывает, что перед государством стоит задача занять лидирующие позиции в области робототехники и ИИ к 2031 году [3, С. 162–173].

Более широкие институциональные и правовые рамки интеграции ИИ в государственные структуры демонстрируют, что стратегическое планирование в сочетании с активной реализацией национальных цифровых программ обеспечивают рост производительности, развитие инновационных секторов экономики, укрепление стартап-экосистемы и усиление роли ОАЭ как одного из лидеров в сфере искусственного интеллекта [4, С. 93–96].

В то же время из-за стремительной цифровизации и активного внедрения ИИ, растут риски для информационно-психологической безопасности. Пашенцев Е.Е. рассматривает несколько уровней злонамеренного использования ИИ: от манипулирования общественным мнением и формированием тревожных представлений вокруг последствий автоматизации до виртуального мошенничества, кибератак на критическую инфраструктуру и распространения фейкового контен-

та, способного подорвать доверие к информации и государственным институтам [5, С. 107–117].

Результативность политики ОАЭ в сфере искусственного интеллекта становится предметом специального междисциплинарного анализа. Корпусно-лингвистические методы позволяют на основе массивов научных и медийных текстов выявить основные направления государственной политики, ключевые достижения и обозначить проблемные аспекты. Подход дает возможность оценить реальные результаты стратегий и сформировать рекомендации по их улучшению [6, С. 309–313].

Еще одно важное направление проводимых исследований связано с социокультурным наблюдением развития ИИ: доступность генеративных ИИ-технологий и их практическое использование студентами вузов ОАЭ различны в зависимости от типа школы, гендера и образовательного уровня, что подчеркивает необходимость учета демографических и культурных особенностей при разработке стратегий ИИ, преимущественно если они ориентированы на формирование человеческого капитала [7, P. 140–172].

В совокупности рассмотренные исследования визуализируют комплексное развитие ИИ в ОАЭ: от макроуровневых задач диверсификации экономики и укрепления цифрового суверенитета до точечных правовых, институциональных и социокультурных решений, направленных на регулирование рисков, повышение эффективности государственного управления и формирование социально адаптивной цифровой среды. Многоуровневая система задает необходимый контекст для анализа эносоциокультурных факторов стратегии развития ИИ в ОАЭ и позволяет увидеть, внедрение технологий происходит в специфическом политическом, правовом и культурном окружении.

Методы

Методологическая основа исследования представляет собой сочетание качественных и количественных подходов, позволяющих комплексно рассмотреть факторы формирования и реализации стратегии развития искусственного интеллекта в ОАЭ. В качестве ключевых инструментов использовались контент-анализ официальных документов (стратегий, нормативных актов в сфере ИИ и цифровой трансформации) с акцентом на цели, приоритеты, целевые индикаторы и временные горизонты реализации, а также анализ публикаций специализированных изданий и отраслевых отчетов, что позволило сопоставить национальную стратегию с глобальными трендами и выявить соответствие дискурса реальным практикам.

В рамках исследования проводилось изучение научных публикаций, которые в качестве методологии использовали историко-компаративный анализ, направленный на сопоставление текущей волны цифровой и ИИ-модернизации с предыдущими этапами трансформации в ОАЭ и странах Залива, что позволило проследить преемственность культурных и религиозных норм и механизмы адаптации исламского общества к новым цифровым условиям. В основе методологии иных публикаций лежит социальный подход, ориентированный на изучение повседневных практик использования технологий ИИ жителями ОАЭ и наблюдение за сценариями взаимодействия пользователей с ИИ-системами. Подобный анализ позволил выявить существующие социокультурные барьеры, уровни доверия к технологиям и формы приспособления к изменяющейся цифровой среде.

Результаты

Стратегия развития ИИ в Объединенных Арабских Эмиратах [12], утвержденная в 2017 г., изначально выстраивается как инструмент комплексной трансформации государства. Ориентированный на укрепление экономического потенциала, повышение качества жизни и усиление глобальной конкурентоспособности страны, в стратегических документах ИИ рассматривается как ключевой ресурс перехода к экономике знаний, что находит отражение в приоритете высокотехнологичных отраслей, создании благоприятных условий для стартапов и высокотехнологичного предпринимательства, развитии человеческого капитала и подготовке кадров для цифровой экономики. Стратегические цели дополняются акцентом на защите персональных данных и информационной безопасности, что подчеркивает стремление государства связать технологическое развитие с нормативной и ценностной рамкой.

Стратегия 2031 фиксирует восемь ключевых целей, среди которых: формирование статуса ОАЭ как глобального хаба ИИ, внедрение ИИ во все приоритетные государственные услуги, создание «плодородной» экосистемы для инвесторов и стартапов, а также обеспечение масштабируемой инфраструктуры данных и вычислений, предназначенной для тестирования и эксплуатации алгоритмических систем в приоритетных секторах (транспорт, энергетика, здравоохранение, туризм, кибербезопасность) [11]. По оценкам правительства и международных консалтинговых структур, реализация Национальной стратегии ИИ к 2031 г. должна обеспечить дополнительный вклад ИИ в экономику на уровне порядка 335 млрд дирхамов (около 90–100 млрд долл. США), а совокупный вклад ИИ в ВВП ОАЭ может достигнуть 13–14% к 2030–2031 гг., что коррелирует с оценками роста цифровой и ИИ-экономики в регионе Персидского залива. Следующий шаг стратегического планирования в ОАЭ – видение Centennial 2071 [10], где цифровая трансформация и ИИ прямо увязываются с целями формирования «лучшего правительства», «лучшей экономики» и «самых счастливых сообществ», а стратегические документы подчеркивают необходимость балансировать между технологическими амбициями и ценностной рамкой, ориентированной на доверие, прозрачность и устойчивость социального порядка.

Практическая реализация стратегии по развитию ИИ в ОАЭ находит отражение в ряде отраслевых направлений: энергетика, туризм, здравоохранение и система образования, где ИИ демонстрирует наибольшую прикладную результативность, выступая инструментом повышения управленческой и производственной эффективности:

– в энергетическом секторе использование интеллектуальных систем связано преимущественно с прогнозированием и оптимизацией, что позволяет более рационально распределять ресурсы и поддерживать развитие возобновляемых источников энергии;

– в туристической индустрии акцент смещается в сторону цифровизации клиентского опыта: применяются решения на основе анализа больших данных, технологии виртуальной и дополненной реальности, формы автоматизированного взаимодействия с пользователями, (чат-боты и голосовые интерфейсы), что способствует формированию устойчивого имиджа ОАЭ как технологически развитого и потребитель-ориентированного направления;

– в сфере здравоохранения внедрение ИИ связано с совершенствованием диагностики, переходом к персонализированным моделям лечения и оптимизацией управления потоками пациентов;

– образовательная система адаптируется под современные тренды через развитие цифровых платформ, обеспечивающих индивидуализацию образовательных траекторий и формирование компетенций, востребованных в условиях цифровизации экономики. Дополнительным фактором институционального развития выступает создание инновационных кластеров и технопарков, функционирующих на стыке государства, бизнеса и академической среды, обеспечивающих апробацию и масштабирование ИИ-решений.

При этом исследования демонстрируют, что технологическая модернизация в ОАЭ не может рассматриваться вне культурно-ценностного контекста. Существенное влияние на формирование государственной политики в области искусственного интеллекта оказывают исламская традиция и нормы шариата, задающие рамки допустимого в сферах общественной жизни, к которым на современном этапе развития относятся и технологии. Категории человеческого достоинства, защиты частной жизни и моральной ответственности выступают не абстрактными принципами, а реальными регуляторами, определяющими характер внедрения ИИ. В этом смысле можно утверждать, что именно ценностная основа во многом формирует уровень общественного доверия к алгоритмическим системам и задает пределы технологических экспериментов.

Система ценностей, сформированная в рамках исламской традиции, включая ориентиры на общественное благо, справедливость и умеренность, оказывает влияние на институциональные механизмы государственного управления в ОАЭ, задавая нормативные ориентиры, характер участия государства и общественных институтов в оценке последствий внедрения ИИ-технологий. В этой логике развитие ИИ рассматривается не как автономный технологический процесс, а как управляемая и социально ответственная трансформация.

Реализация данного подхода на практике прослеживается в содержании National Artificial Intelligence Strategy-2031, где акцент отмечен на формировании этичного и человекоориентированного ИИ. Институциональное обеспечение стратегии распределено между рядом специализированных структур, среди которых ключевую роль играют Office of the Minister of State for Artificial Intelligence, Digital Economy and Remote Work Applications, а также экспертные и религиозные органы, включая UAE Council for Fatwa и Mohammed Bin Rashid Centre for Government Innovation. Их участие в разработке и согласовании норм использования данных и алгоритмических систем отражает стремление интегрировать технологическую повестку в существующую ценностно-нормативную систему.

Дополнительное закрепление этических ориентиров произошло в рамках инициативы Smart Dubai, буквально означающей трансформацию городского пространства под систему «умного города». В 2019 году концепция была дополнена Ethical AI Toolkit., зафиксировав базовые принципы транспарентности, подотчетности, инклюзивности

и уважения к человеческому достоинству, что концептуально соотносится с шариатскими представлениями о социальной ответственности и защите частной жизни. Дальнейшее развитие этих процессов ведет к выработке национальных стандартов и специализированных регуляторных решений, направленных на сокращение рисков, связанных с предвзятостью ИИ, утечками данных и нарушением приватности частной жизни.

Социокультурная специфика в высокой степени влияет на динамику и характер технологических преобразований, задавая им более структурированный, институционально оформленный и поэтапный характер. Наблюдаемые подходы к регуляции преобразований позволяют снизить возможные риски и повысить уровень доверия граждан к внедряемым решениям, ввиду единения и государственных и религиозно-нормативных институтов.

Инновация, поддерживаемая одновременно несколькими авторитетными источниками, воспринимается как более легитимная и обоснованная, что значительно влияет на общественные настроения вокруг ее функционирования и уровень развития технологии среди реальных пользователей.

В связи с этим можно утверждать, что Объединенные Арабские Эмираты находятся на этапе формирования собственной модели цифрового развити. Она включает в себя не только технологические и институциональные аспекты, но и существующие специфические культурные и этические ограничения, значимые для конкретной среды.

Опираясь на технологическую основу, при разработке используется существующая инфраструктура, включающая в себя развитую телекоммуникационную среду, центры обработки данных, участие провайдеров и отдельных цифровых платформ. Совокупность технологической инфраструктуры, адаптированной под задачи разработки и внедрения ИИ, формирует условия для масштабного применения данной технологии на уровне организаций, городов и национальной системы в целом.

Масштабная инфраструктура требует высокого уровня вложений, преимущественно среди человеческих ресурсов. Потребность в развитии кадрового потенциала в сфере ИИ способствует развитию образовательных инициатив. Высшие учебные заведения запускают специализированные программы в области ИИ и анализа данных, а государственные инициативы, направленные на повышение цифровой грамотности, расширяют круг участников цифровой трансформации, вовлекая в него не только бизнес, но и государственный сектор и ключевые отрасли экономики.

Практика реализации пилотных ИИ-проектов в крупнейших городах ОАЭ демонстрирует готовность общества к освоению и применению цифровых сервисов в повседневной жизни. Однако сохраняются ограничения, связанные с пробелами в правовом регулировании аспектов, связанных с ответственностью за применение ИИ технологий и отдельных развивающихся направлений.

Комплексно оценивая стадию развития ИИ в ОАЭ важно отметить развитие данной отрасли выходит за рамки исключительно технологической повестки и приобретает характер комплексного явления, сочетающего в себе социальные, культурные, этические, экономические и политические аспекты. Разработка, освоение и успешное применение ИИ на государственном уровне становится инструментом достижения не только технологического преимущества, но и политического лидерства.

Уникальный подход, применяемый в ОАЭ, фокус которого все в большей степени перемещается от технических к стратегическим и социальным аспектам, позволяет не только снижать потенциальные социальные риски, но и усиливать легитимность цифровых преобразований в долгосрочной перспективе.

Обсуждение

Подробное рассмотрение практической реализации UAE National Artificial Intelligence Strategy 2031 позволяет констатировать ее высокую результативность по ключевым направлениям, при одновременном сохранении ряда институциональных и социокультурных ограничений. На начальном этапе была сформирована базовая архитектура ИИ-экосистемы, включающая развитую цифровую инфраструктуру, сеть специализированных центров компетенций, механизмы взаимодействия между государственными структурами и частным сектором, в результате которых реализована сеть пилотных проектов в таких областях, как интеллектуальный транспорт, медицинская диагностика, государственные цифровые сервисы и экологический мониторинг, что демонстрирует способность как к отраслевой разработке, так и к масштабируемости ИИ-технологии в государстве.

Несмотря на широкий перечень отраслей применения технологий искусственного интеллекта в ОАЭ, отмечается ряд структурных ограничений, которые характерны для аналогичных государственных систем, находящихся в активной стадии цифровой трансформации. Ключевым вызовом для развития ИИ остаётся кадровый дефицит, который выражается в разрыве между растущим спросом на высококвалифицированных специалистов и возможностями национальной системы образования. Запуск специализированных инициатив (AI Talent Program) и образовательных программ в Зайедовском и Халифском университетах, разрыв между темпов технологического развития и обучения специалистов в данной отрасли остается значимым и препятствующим достижения полного возможного потенциала на данной территории.

Помимо кадрового дефицита, дополнительным сдерживающим фактором развития ИИ является недостаточная проработанность нормативно-правового поля. Скорость разработки и принятия регуляторных актов не успевает за темпами технологического развития, что приводит к разрыву: либо новые этапы внедрения ИИ остаются вне правового регулирования, либо технологическое развитие вынуждено замедлиться в соответствии с уровнем проработанности нормативно-правовой базой.

Отдельного рассмотрения требуют социокультурные ограничения, обусловленные спецификой общества ОАЭ. Внедрения цифровых технологий в стране происходит в условиях тесного соприкосновения с исламскими нормами. Первые основаны на глобальных цифровых платформах, открытости данных, масштабности, вторые же ориентированы на защиту частной жизни, сохранение человеческого достоинства и социальной гармонии. Данное различие формирует ряд этических дилемм, преимущественно в контексте работы с биометрическими данными, систем городского контроля и распознавания лиц, которые уже внедрены в проектах умных городов в Дубае и Абу-Даби, что привело к неоднозначной реакции общества. Возрастает чувствительность граждан к вопросам приватности и контроля, усиливаются различия в восприятии технологий между поколениями, где молодые люди способны к быстрой адаптации, а возрастные граждане с настороженностью относятся к технологическим решениям.

Сохраняющееся недоверие среди населения к ИИ-технологиям, усиленное нормативной неопределенностью повышает риск социального сопротивления и может стать значимым препятствием развития. Вместе с тем именно социокультурный контекст постепенно становится ключевым фактором устойчивости реализуемой стратегии. Наблюдается тенденция к усилению институциональных механизмов, направленных на интеграцию этических и правовых аспектов в цифровую политику. Развиваются консультативные структуры на базе UAE Council for Artificial Intelligence, формируются стандарты ответственности и подотчетности, а также расширяется взаимодействие с UAE Fatwa Council с целью согласования технологических решений с религиозно-нормативными установками.

Сформулированные по итогам исследования выводы и рекомендации указывают на необходимость дальнейшего институционального развития политики в области искусственного интеллекта с помощью укрепления нормативно-правовой базы и более системного учета социокультурных факторов. В качестве приоритетных направлений необходимо сосредоточить внимание на формировании целостной правовой рамки, регулирующей процессы хранения, обработки и использования данных, создании независимых механизмов контроля за соблюдением этических стандартов при разработке и внедрении ИИ-систем. Существенное значение в современном контексте информационной открытости приобретает повышение уровня информированности населения, направленное на формирование адекватного понимания как возможностей, так и потенциальных рисков, связанных с использованием технологий искусственного интеллекта.

Представляется значимым расширения форм общественного участия в формировании и практической реализации политики в области искусственного интеллекта. Вовлечение гражданского общества в обсуждение стратегических аспектов и сознание устойчивых каналов связи между пользователями, разработчиками и институтами власти стоит рассматривать как необходимость для повышения доверия к цифровым ресурсам и их последующую эффективную интеграцию в сферы общественный жизни.

Помимо установления коммуникационной системы внутри государство, развитие международного сотрудничества выступает дополнительным фактором устойчивости развития. Участие АОЭ в международных инициативах и развитие межгосударственных партнерских программ создает возможности для адаптации национальной политики к глобальным тенденциям и позволяет перенимать передовые практики других государств. Успешные практики социального и правового регулирования искусственного интеллекта в других странах позволят в долгосрочной перспективе преодолеть возможные вызовы, стоящие перед ОАЭ в настоящее время.

Перспективы последующих исследований связаны с необходимостью более детального анализа влияния внешних факторов на развитие национальной стратегии ИИ, включая международные аспекты. Геополитическая и технологическая конкуренция между мировыми ведущими центрами, среди которых США, Китай и Европа, представляет особы исследовательский интерес.

Социальные эффекты цифровой трансформации, преимущественно в связи с развитием технологий на основе искусственного интеллекта, представляет собой комплексный пласт для исследования: изменения на рынке труда, трансформация гражданского общества и моделей его вовлечения, формирование новых этических и моральных норм в условиях распространения ИИ.

Ввиду уникальных особенностей, в том числе касающихся религиозных аспектов, которые присущи арабским странам, необходимо отдельно проработать подходы к согласованию между технологиями и ценностными установками для гармонизации цифровой трансформации с культурно-нормативной средой.

Полученный результаты позволяют рассмотреть трансформацию ИИ-технологий через призму социокультурных аспектов, где приоритетное значение приобретают социальные и этические аспекты внедрения современных технологий, а не только технические решения. Данная тенденция укрепляет принципы комплексного отношения к цифровой трансформации государства ввиду развития ИИ. Рассмотренный подход ОАЭ сочетает задачи достижения глобального технологического лидерства, при этом сохранив культурную идентичность. В рамках описанной модели эффективность внедрения технологий определяется способностью государства интегрировать их в существующий социокультурный контекст, сохраняя баланс между безопасностью, доверием и достижением поставленных целей.

Литература

1. Мелкумян, Е.С. Стратегия развития арабских монархий Залива: основные приоритеты / Е.С. Мелкумян // Труды Института востоковедения РАН. – 2019. – № 26. – С. 601–610. – EDN KSIVGX.

2. Крылов Д.С. Цифровая трансформация Объединенных Арабских Эмиратов как инструмент национальной модернизации и внешнеполитической стратегии (2023–2025) // Россия и мусульманский мир. 2025. № 2 (336). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-obedinennyh-arabskih-emiratov-kak-instrument-natsionalnoy-modernizatsii-i-vneshnepoliticheskoy-strategii (дата обращения: 03.12.2025).

3. Садыков, М.Б. Внедрение автономных систем в Объединенных Арабских Эмиратах на примере полиции Дубая: правовые и технические аспекты / М.Б. Садыков // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы четвертой международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 20 мая 2022 года / Отв. редактор: Д.В. Бахтеев. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2022. – С. 162–173. – EDN TFPLTR.

4. Цыплакова, А.Д. Интеграция искусственного интеллекта в государственные структуры ОАЭ: правовые основы и экономические выгоды / А.Д. Цыплакова, А.Х. Эль-Сайед // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 9. – С. 93–96. – EDN YVGTJT.

5. Пашенцев, Е.Н. Злонамеренное использование искусственного интеллекта и угрозы информационно-психологической безопасности в Объединенных Арабских Эмиратах / Е.Н. Пашенцев, В.А. Чебыкина // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2024. – № 6. – С. 107–117. – DOI 10.31696/S086919080032578–2. – EDN ONPLGT.

6. Ширяев, М.П. Оценка эффективности политики ОАЭ в области ИИ инструментами корпусной лингвистики / М.П. Ширяев, А.А. Половинский // Проблемы современного востоковедения: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Минск, 25–26 июня 2024 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2024. – С. 309–313. – EDN IYGKKI.

7. The Impact of Socio-Cultural and Demographic Factors on Gen AI Accessibility, Usability, and Applicability in the UAE / A. Shomotova, S. Husain, A. Elsayar [et al.] // Russian Sociological Review. – 2024. – Vol. 23, No. 4. – P. 140–172. – DOI 10.17323/1728–192x-2024–4–140–172. – EDN SJJSXO.

8. Министерство экономики ОАЭ. Структура валового внутреннего продукта и вклад ненефтяных секторов экономики в 2024 году // Emirates News Agency (WAM). 2025. – URL: https://www.wam.ae (дата обращения: 10.12.2025).

9. Организация Объединенных Наций. United Arab Emirates. Country Profile in UN E-Government Knowledgebase. – United Nations Public Administration Network, 2022. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data/Country-Information/id/181-United-Arab-Emirates (дата обращения: 10.12.2025).

10. AI resources – Abu Dhabi: Government of the United Arab Emirates, 2025. – URL: https://u.ae/en/about-the-uae/digital-uae/digital-technology/artificial-intelligence/ai-resources (дата обращения: 15.12.2025).

11. Fortune Business Insights Pvt. Ltd. – URL: https://www.fortunebusinessinsights.com/ (дата обращения: 23.12.2025)

12. UAE National Strategy for Artificial Intelligence 2031. – Abu Dhabi: Government of the United Arab Emirates, 2019. – 56 p. – URL: https://ai.gov.ae/wp-content/uploads/2021/07/UAE-National-Strategy-for-Artificial-Intelligence-2031.pdf (дата обращения: 14.12.2025).

ETHNOSOCIOCULTURAL FACTORS IN THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT STRATEGY OF THE UAE

Tuygun A.P.
Federal Institute of Industrial Property, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the national strategy for developing artificial intelligence (AI) in the United Arab Emirates (UAE) taking into account the ethnosociocultural context and Islamic values. The author analyses the process of integrating AI across different areas of social life, evaluating its efficiency and identifying emerging challenges. Particular attention is given to the specific impact of traditional cultural norms on decision-making in the field of AI application, including ethical aspects of technology usage. As a result of the conducted research, proposals for improving the existing strategy have been developed, considering the ethnosociocultural characteristics of the UAE society.

Keywords: artificial intelligence in the UAE, digital transformation, sociocultural factors, public policy, AI development strategy, social practices of AI, cybersecurity.

References

1. Melkumyan, E.S. (2019). The development strategy of the Arab monarchies of the Gulf: main priorities. Proceedings of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, (26), 601–610. EDN KSIVGX. (In Russian)

2. Krylov, D.S. (2025). The digital transformation of the United Arab Emirates as a tool of national modernization and foreign policy strategy (2023–2025). Russia and the Muslim World, 2(336). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-obedinennyh-arabskih-emiratov-kak-instrument-natsionalnoy-modernizatsii-i-vneshnepoliticheskoy-strategii (accessed 3 December 2025). (In Russian)

3. Sadykov, M.B. (2022). Implementation of autonomous systems in the United Arab Emirates: the case of Dubai Police–legal and technological aspects. In D.V. Bakhteev (Ed.), Technologies of the 21st Century in Jurisprudence: Proceedings of the Fourth International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, May 20, 2022 (Pp. 162–173). Yekaterinburg: Ural State Law University. EDN TFPLTR. (In Russian)

4. Tsyplakova, A.D., & El-Sayed, A.H. (2025). Integration of artificial intelligence into UAE government institutions: legal foundations and economic benefits. Innovations and Investments, (9), 93–96. EDN YVGTJT. (In Russian)

5. Pashentsev, E.N., & Chebykina, V.A. (2024). Malicious use of artificial intelligence and information-psychological security threats in the United Arab Emirates. Vostok. Afro-Asian Societies: History and Modernity, (6), 107–117. https://doi.org/10.31696/S086919080032578–2. EDN ONPLGT. (In Russian)

6. Shiryaev, M.P., & Polovinsky, A.A. (2024). Evaluating the effectiveness of the UAE's AI policy through corpus linguistics tools. In Problems of Modern Oriental Studies: Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference, Minsk, June 25–26, 2024 (Pp. 309–313). Minsk: Belarusian State University. EDN IYGKKI. (In Russian)

7. Shomotova, A., Husain, S., Elsayar, A., et al. (2024). The impact of socio-cultural and demographic factors on Gen AI accessibility, usability, and applicability in the UAE. Russian Sociological Review, 23(4), 140–172. https://doi.org/10.17323/1728–192x-2024–4–140–172. EDN SJJSXO.

8. Ministry of Economy of the UAE. (2025). Structure of gross domestic product and contribution of non-oil sectors in 2024. Emirates News Agency (WAM). Retrieved from https://www.wam.ae (accessed 10 December 2025).

9. United Nations. (2022). United Arab Emirates. Country profile in UN E-Government Knowledgebase. United Nations Public Administration Network. Retrieved from https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data/Country-Information/id/181-United-Arab-Emirates (accessed 10 December 2025).

10. AI Resources. (2025). Abu Dhabi: Government of the United Arab Emirates. Retrieved from https://u.ae/en/about-the-uae/digital-uae/digital-technology/artificial-intelligence/ai-resources (accessed 15 December 2025).

11. Fortune Business Insights Pvt. Ltd. Retrieved from https://www.fortunebusinessinsights.com/ (accessed 23 December 2025).

12. UAE National Strategy for Artificial Intelligence 2031. (2019). Abu Dhabi: Government of the United Arab Emirates. 56 Pp. Retrieved from https://ai.gov.ae/wp-content/uploads/2021/07/UAE-National-Strategy-for-Artificial-Intelligence-2031.pdf (accessed 14 December 2025).

Стратегии внедрения проектного обучения в учебный процесс высшей школы

Турчина Жанна Евгеньевна,
к.м.н., доцент, заведующий кафедрой сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: turchina – 09@mail.ru

Бакшеев Андрей Иванович,
к.и.н., доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: baksh-ai@yandex.ru

Андренко Олег Валерьевич,
к.б.н., доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: andrenko@yandex.ru

Фатьянова Ольга Петровна,
ассистент кафедры сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: oligaf@mail.ru

Тяжельникова Софья Юрьевна,
магистрант кафедры «Высшая школа ресторанного менеджмента», Институт Гастрономии, Сибирский Федеральный университет
E-mail: soft409@mail.ru

Инновационные процессы, происходящие в системе высшего образования, определяют потребность формирования высококвалифицированного, конкурентоспособного специалиста, способного принимать обоснованные решения, применять творческие и вариативные формы поведения в нестандартных ситуациях профессиональной деятельности, что предполагает усиление поисковой и проблемно-исследовательской направленности учебного процесса, активизацию самостоятельной работы студентов в направлении решения ситуаций и задач, имитирующих проблемы профессиональной деятельности. В связи с чем, в статье рассматривается одна из актуальных проблем современного образования, а именно подготовка будущих специалистов в высших учебных заведениях на основе проектного обучения. Целью статьи является определение эффективных стратегий внедрения проектного обучения в образовательный процесс вузов. В статье проведен анализ реализации проектного обучения, выделены технологические и педагогические условия и особенности изучения учебных дисциплин на основе проектной технологии в высших учебных заведениях. Разработаны методы включения студентов в проектную деятельность, способы осуществления проектов и порядок их оценки. Показано, что проектное обучение способствует развитию навыков рационального распределения времени и обязанностей, а также интеграции отраслевых и междисциплинарных знаний. Отмечено, что проектное обучение открывает широкие возможности для развития профессиональных и личностных компетенций студентов, способствует формированию самостоятельного мышления. При этом, проектное обучение предусматривает активное использование цифровых технологий, необходимых как для создания, так и для презентации полученных результатов. В то же время такая стратегия обучения формирует основные навыки XXI века, в частности управление временем, командное взаимодействие, аналитическое и критическое мышление, умение работать с различными информационными источниками и убедительно аргументировать собственную позицию. В выводах указано, что в условиях глобальных изменений в сфере образования, разработка стратегий внедрения проектного обучения является одной из приоритетных задач для вузов. Системный и продуманный подход к интеграции этого метода будет способствовать подготовке высококвалифицированных специалистов, способных быстро адаптироваться к современному рынку труда.

Ключевые слова: проектное обучение, компетентностный подход, интерактивные методы, учебные практики, образовательный процесс, студенты.

Введение

Изменения, происходящие в образовательной среде высшей школы, вызывают необходимость пересмотра действующей в настоящее время практики подготовки будущих специалистов, предъявляют к ним новые требования, в связи с чем, вопросы проектирования обучения в вузах приобретают особую актуальность.

На сегодняшний день научно доказана и экспериментально подтверждена эффективность использования в высших учебных заведениях (вузах) проектного обучения, способствующего развитию навыков командной работы, самостоятельности и способности применять теоретические знания на практике [1], позволяющего будущим специалистам изучать и исследовать актуальные проблемы, обеспечивая тем самым глубокое усвоение учебного материала и его практическую направленность [2].

Проектно-ориентированный метод обучения получил распространение в начале XX века, его автором является американский философ и педагог Дж. Дьюи, который разработал и обосновал собственную дидактическую концепцию. Основной идеей его подхода было стремление к развитию личной инициативы обучающихся. По мнению Дж. Дьюи, отмечает исследователь Л.А. Хохленкова, эффективность обучения обеспечивается следующими факторами: трудовой подход, активность и самостоятельность студентов, связь обучения с реальной жизнью, непрерывность образовательного процесса, учет индивидуальных особенностей студентов и интеллектуальная свобода [3].

Идеи Дж. Дьюи, как утверждает Е.А. Абрамова, получили дальнейшее развитие в трудах его ученика У. Килпатрика, который предложил проектную систему обучения или метод проектов. У. Килпатрик выделил четыре основных типа проектов: творческие (продуктивные), потребительские (ориентированные на создание предметов повседневного потребления), проблемные (направленные на решение интеллектуальных задач) и проекты-упражнения. По его мнению, применение этих методов не только подготавливало студентов к будущей жизни, но и способствовало организации их деятельности в реальном времени [4].

В России метод проектов впервые был введен в начале 1920-х годов в контексте поисков новых дидактических подходов, направленных на активизацию образовательной деятельности, интеграцию образования с жизнью и производством, а также на трудовое воспитание студентов [4]. Впоследствии он приобрел значительную популярность и сегодня стал неотъемлемой частью российского образовательного процесса [5].

Цель исследования

Цель исследования заключается в определении стратегий, которые применяются для внедрения проектного обучения в образовательный процесс вузов.

Материалы и методы: для достижения поставленной цели был применен комплекс различных научных методов, в частности анализ, объяснение, сравнение, обобщение и систематизация, что позволило всесторонне рассмотреть особенности внедрения проектного обучения в высшей школе.

Результаты исследования

Проектное обучение характеризуется организацией образовательного процесса в форме работы над проектом. Основными признаками метода проектов являются: 1) сосредоточенность на практической деятельности; 2) командное взаимодействие; 3) самостоятельное планирование и организация образовательного процесса студентами; 4) интеграция обучения с реальными жизненными ситуациями; 5) междисциплинарный подход, предусматривающий объединение нескольких учебных предметов; 6) целостное восприятие проекта как единой концепции; 7) ориентация на получение конкретного практического результата или конечного продукта [6].

Целями проектного обучения являются: 1) усвоение необходимых знаний и умений для решения практических задач профессиональной деятельности; 2) содействие развитию коммуникативных и самоорганизационных способностей; 3) совершенствование умений пользоваться исследовательскими приемами: сбор и анализ информации, выдвижение гипотез, приход к определенным выводам [7].

Анализ теории и практики подготовки студентов в высшей школе дал основания исследователям Е.Н. Егоровой и Ю.Н. Бахметову [8] определить следующие особенности проектной работы как метода и формы обучения:

– тематика проектов должна базироваться на жизненных и профессиональных вопросах, которые являются предметом профессионального интереса студентов;

– применение проектной технологии должно учитывать роль обоих субъектов обучения: быть ориентированной прежде всего на реализацию интересов студента, но и обеспечивать поддержку и рекомендации преподавателя;

– деятельность по созданию проекта должна основываться на сотрудничестве, а не на конкуренции: студенты могут работать самостоятельно, парами, небольшими группами, всей группой, обмениваясь ресурсными материалами, идеями и опытом в течение выполнения проекта;

– проектная деятельность приводит к подлинной интеграции знаний, умений и обработке информации из различных источников, отражая важные практические задачи, которые студентам придется решать в будущем в своей профессиональной среде;

– проектная деятельность имеет реальный конечный продукт, которым можно поделиться с другими субъектами учебной деятельности;

– в процессе выполнения проекта молодые люди приобретают уверенность в своих силах, возможностях, мотивированы на успех, приобретают навыки самостоятельности, углубляют знания по конкретной предметной области и углубляют/расширяют круг своих познавательных интересов.

Практическая ценность проектного обучения в подготовке будущих специалистов заключается в его развивающей сущности: студенты учатся использовать различные источники информации для решения проектного задания, приобретают навыки командной работы, совершенствуют умение представлять и аргументировать свои позиции относительно поставленных задач, поэтому развивают свои коммуникативные способности; включены в процесс интегрирования знаний (внутри– и межпредметных); совершенствуют способность применять теоретические знания на практике; развивают творческие способности.

При этом следует выделить ряд условий, определяющих эффективную организацию проектного обучения студентов. Во-первых, с целью обеспечения студентов информационно-методической помощью по дисциплине необходимо иметь: 1) банк проектов; 2) образцы проектов; 3) данные о последовательности выполнения проектов; 4) сведения о применении технических устройств, вспомогательных средств, банков данных, информационных технологий и т.д. при выполнении проектов; 5) требования к оформлению проектов; 6) рекомендуемую литературу. Во-вторых, содержание проектов должно точно соответствовать содержанию соответствующей учебной дисциплины. В-третьих, проект должен подбираться преподавателем для студента или группы студентов таким образом, чтобы нагрузка на одного человека была соразмерна его возможностям. В-четвертых, необходимо определить точные критерии оценки проектов, потому что они очень разнообразны и могут быть вообще не похожи друг на друга. Критерии должны быть не общие, а выбираться относительно каждого проекта в отдельности. Также, по мнению исследователей, необходима мониторинговая оценка хода выполнения проекта, позволяющая повысить его эффективность и вносить своевременную коррекцию [9].

Проектное обучение может применяться на всех этапах обучения студентов в вузе, однако студентам 1–2 курсов больше подходит разработка творческих, игровых и практико-ориентированных проектов, а при обучении старшекурсников целесообразнее использовать более сложные исследовательские проекты, имеющие практическую направленность [10].

Думается при использовании преподавателем проектного обучения ему необходимо иметь в расписании достаточное количество часов, отведенных на практические занятия и самостоятельную работу. В случае недостаточного количества времени, рекомендуется использовать учебный проект невысокой сложности из имеющихся в базе проектов, который возможно выполнить в течение одного практического занятия. Более сложные проекты требуют под свою реализацию нескольких занятий, на первом из которых студенты выбирают тему и определяют задачи проекта, формируют команды участников проекта и распределяют между ними поставленные задачи, определяют источники информации и способы ее сбора и анализа. На следующих занятиях осуществляется выполнение собственно проекта, а на заключительном занятии оцениваются результаты его выполнения.

Проектное обучение можно использовать и в рамках самостоятельной работы студентов, при этом выбор вида проекта (командный, монопроект) предоставляется студентам, а результаты выполнения оцениваются в конце семестра.

Выбор вида, тематики, целей и задания учебного проекта осуществляет, как правило, преподаватель. Они зависят от направления подготовки, образовательной программы, специфики учебной дисциплины и объема часов, отведенных учебным планом для ее изучения.

На подготовительном этапе проектного обучения преподаватель определяет цели и задачи учебного проекта, вводит группу студентов в процесс выполнения проекта. При этом цель и задачи проекта должны быть: простыми для понимания, иметь возможность измерения, соответствовать современным условиям, быть актуальными и достижимыми. Также преподаватель формирует группы участников проектов (команды проектов) и четко распределяет задачи между членами команды. Он также должен конкретно очертить возможные источники, способы сбора и анализа информации, определить формы представления промежуточных результатов и конечного продукта проектной деятельности, критерии оценки результатов, иначе команда студентов не достигнет учебных целей проекта. На этом этапе преподаватель раскрывает студентам перспективы исследования, мотивирует, консультирует, корректирует, предлагает идеи, помогает прогнозировать результат. Команда проекта, в свою очередь, должна сформировать план действий, определиться с целями и задачами проекта.

На исследовательском этапе преподаватель только наблюдает, консультирует студентов, а они, в свою очередь, ведут научный поиск на поставленную преподавателем тему проекта. Преподаватель периодически контролирует процесс работы каждой команды проекта, но не вмешивается в научный поиск, не отклоняет, ни одной идеи команды. Особое внимание, на наш взгляд, он должен уделить процессу сбора информации командой и возможности решения на ее основе поставленных в проекте учебных задач.

В процессе технологического этапа преподаватель косвенно направляет работу, помогает (если есть потребность) студентам в выполнении проекта. Он продолжает периодически контролировать, но не вмешивается в процесс работы над проектом. Особое внимание на этом этапе уделяется выполнению операций, предусмотренных проектной технологией, созданию конечного продукта проектной деятельности и формулированию выводов.

Когда преподаватель получает выполненное проектное задание от команды студентов, учебный проект переходит на завершающий этап. В случае несоответствия выполненного проектного задания цели, задачам и другим требованиям, преподаватель отправляет проект на доработку, осуществляя корректировку деятельности проектной команды. Также на этом этапе преподаватель готовит команду студентов к презентации конечного продукта проекта, определяя возможные формы и содержание презентации, обсуждает возможные способы внедрения результатов проекта в практику. Презентация проекта и его защита происходит в аудитории в пределах часов, отведенных на практические занятия с обязательным присутствием всей группы студентов, преподавателя и приглашенных экспертов. Выполненный проект оценивается всеми присутствующими на основе презентации, однако итоговая оценка выставляется лично преподавателем [9].

Внедрение проектного обучения в образовательный процесс имеет значительные преимущества перед классическим образованием, поскольку способствует активному привлечению студентов к обучению, развивая их навыки критического мышления, самостоятельности и командной работы. Этот метод позволяет интегрировать теоретические знания с практическими задачами, что значительно повышает мотивацию, заинтересованность студентов в обучении и улучшает усвоение материала. Для преподавателей внедрение проектного обучения предоставляет возможность гибкой организации образовательного процесса, оптимизации времени и эффективного взаимодействия со студентами [11].

По мнению ряда исследователей [12], внедрение проектного обучения имеет комплексный, многомерный характер, при этом исследователи предостерегают от появления таких основных ошибок в его применении как:

– упрощение и трактовка проекта как алгоритма, который автоматически побуждает к развитию творческой личности;

– догматизм, при котором проектное обучение рассматривается как единственное средство самообразования и самовоспитания;

– узконаправленность, не учитывающая необходимости проведения междисциплинарных проектов, использования межпредметных связей.

Заключение

Проектное обучение предполагает наличие проблемы, решение которой требует интегрированных знаний и исследовательского поиска. Резуль-

тат деятельности должен быть теоретически и практически значимым. Поэтому выполнение учебного проекта дает возможность студентам детально изучить проблему, выявить противоречия и найти способы ее практического решения, предложить собственные алгоритмы и технологии ее решения, найти оригинальные способы представления результатов собственного труда.

Внедрение проектного обучения в учебный процесс высшей школы меняет традиционный аудиторный подход, повышает уровень заинтересованности студентов конкретным предметом, привлекает их к научному поиску; способствует созданию условий для усвоения или углубления профессиональных знаний, выработки умений и навыков самоорганизации; развивает критичность и гибкость мышления; формирует способность к инновационной деятельности; позволяет продемонстрировать реальные результаты своей деятельности в процессе работы над учебным проектом. Вместе с тем проектное обучение способствует совершенствованию умений молодых людей планировать собственную деятельность, определять основные этапы работы над разработкой проекта, анализировать и рационально распределять время и личностные ресурсы, мобилизовать собственные усилия на выполнение первостепенных заданий, анализировать результаты собственной деятельности и оценивать эффективность своих действий при создании проекта.

Литература

1. Челнокова Е.А., Казначеева С.Н., Калинкина К.В. Проектное обучение как эффективный метод приобретения опыта деятельности студентами // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63–1. С. 373–375.

2. Брызгалова О.Н. Проектное обучение в системе профессиональной подготовки студентов: цели и проблемы реализации // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 195–212.

3. Хохленкова Л.А. Практико–ориентированное обучение студентов в университете // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10, № 2(35). С. 314–316.

4. Абрамова Е.А. Применение проектного подхода при реализации образовательного курса в вузе // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2022. № 2 (70). С. 39–46.

5. Муссауи–Ульянищева Е.В., Бакшеев А.И., Турчина Ж.Е., Голубева Т.И. Актуализация элементов педагогического процесса на этапе кадрового дефицита как тренда и триггера технологической модернизации экономики РФ // Экономика устойчивого развития. 2025. № 1. С. 377–381.

6. Ковтуненко Л.В., Ковтуненко А.Б. Проектное обучение как новый формат образовательной деятельности вузов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Проблемы высшего образования. 2023. № 4. С. 51–54.

7. Мусихин И.А. Проектное обучение в вузе: организация и типичные ошибки // Актуальные вопросы образования. 2021. № 1. С. 16–21.

8. Егорова Е.Н., Бахметова Ю.Н. Метод проектов как составляющая практико-ориентированного обучения в ВУЗЕ // Евразийское научное объединение. 2018. № 5–3 (39). С. 165–167.

9. Бикметов Е.Ю., Бронников М.А., Кузнецова Е.В. Организационные, методические и мотивационные аспекты управления инновационными студенческими проектами // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2023. № 4. С. 21–37.

10. Хлебников Н.А., Обабков И.Н., Князев С.Т., Сандлер Д.Г., Шестеров М.А., Куклин И.Э. Организационная модель проектного обучения в бакалавриате // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27, № 1. С. 50–57.

11. Турчина Ж.Е., Бакшеев А.И., Бакшеева С.Л., Андренко О.В., Иванов В.Г. Роль воспитательной работы в профессиональном становлении современного специалиста высшей школы // Современное педагогическое образование. 2022. № 2. С. 154–158.

12. Казун А.П., Пастухова Л.С. Практики применения проектного обучения: опыт разных стран // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 2. С. 32–59.

STRATEGIES FOR IMPLEMENTING PROJECT-BASED LEARNING IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF HIGHER EDUCATION

Turchina Zh. E., Baksheev A.I., Andrenko O.V., Fatyanova O.P., Tyazhelnikova S.Yu.
Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky,
Management Siberian Federal University

Innovative processes occurring in higher education necessitate the development of highly qualified, competitive specialists capable of making informed decisions and employing creative and adaptive behavior in non-standard professional situations. This requires strengthening the exploratory and problem-solving focus of the educational process, and activating students' independent work in solving situations and problems that simulate professional challenges.

In this regard, this article examines one of the pressing issues in modern education: the training of future specialists in higher education institutions based on project-based learning. The aim of the article is to identify effective strategies for integrating project-based learning into the educational process at universities. The article analyzes the implementation of project-based learning, highlighting the technological and pedagogical conditions and characteristics of project-based learning in higher education. Methods for engaging students in project-based activities, project implementation methods, and assessment procedures are developed. It is shown that project-based learning contributes to the development of skills in the rational management of time and responsibilities, as well as the integration of industry-specific and interdisciplinary knowledge. It is noted that project-based learning offers broad opportunities for developing students' professional and personal competencies and fosters independent thinking. Furthermore, project-based learning actively utilizes digital technologies, which are essential for both creating and presenting results. At the same time, this teaching strategy fosters key 21st-century skills, including time management, teamwork, analytical and critical thinking, the ability to work with various information sources, and the ability to argue one's position. The conclusions indicate that, amid global changes in education, developing strategies for implementing project-based learning is a priority for universities. A systematic and thoughtful approach to integrating this method will facilitate the training of highly qualified specialists capable of quickly adapting to the modern labor market.

Keywords: project-based learning, competency-based approach, interactive methods, teaching practices, educational process, students

References

1. Chelnokova E.A., Kaznacheeva S.N., Kalinkina K.V. Project-Based Learning as an Effective Method for Students to Gain Experience // Problems of Modern Pedagogical Education. 2019. No. 63–1. Pp. 373–375.

2. Bryzgalova O.N. Project-Based Learning in the System of Students' Professional Training: Goals and Problems of Implementation // Koinon. 2021. Vol. 2. No. 4. Pp. 195–212.

3. Khokhlenkova L.A. Practice-Oriented Learning of Students at the University // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. 2021. Vol. 10, No. 2(35). Pp. 314–316.

4. Abramova E.A. Application of the Project-Based Approach in the Implementation of an Educational Course at a University // Modern Science-Intensive Technologies. Regional Supplement. 2022. No. 2 (70). Pp. 39–46.

5. Moussaoui-Ulyanishcheva E.V., Baksheev A.I., Turchina Zh.E., Golubeva T.I. Updating the Elements of the Pedagogical Process at the Stage of Personnel Shortage as a Trend and Trigger of Technological Modernization of the Russian Economy // Economics of Sustainable Development. 2025. No. 1. Pp. 377–381.

6. Kovtunenko L.V., Kovtunenko A.B. Project-Based Learning as a New Format of Educational Activities of Universities // Bulletin of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education. 2023. No. 4. Pp. 51–54.

7. Musikhin I.A. Project-Based Learning at the University: Organization and Typical Mistakes // Current Issues in Education. 2021. No. 1. Pp. 16–21.

8. Egorova E.N., Bakhmetova Yu.N. Project Method as a Component of Practice-Oriented Learning at a University // Eurasian Scientific Association. 2018. No. 5–3 (39). Pp. 165–167.

9. Bikmetov E.Yu., Bronnikov M.A., Kuznetsova E.V. Organizational, Methodological, and Motivational Aspects of Managing Innovative Student Projects // PNRPU Bulletin. Social and Economic Sciences. 2023. No. 4. Pp. 21–37.

10. Khlebnikov N.A., Obabkov I.N., Knyazev S.T., Sandler D.G., Shesterov M.A., Kuklin I.E. Organizational Model of Project-Based Learning in Bachelor's Degrees // University Management: Practice and Analysis. 2023. Vol. 27, No. 1, Pp. 50–57.

11. Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Baksheeva S.L., Andrenko O.V., Ivanov V.G. The Role of Educational Work in the Professional Development of a Modern Higher Education Specialist // Modern Pedagogical Education. 2022. No. 2, Pp. 154–158.

12. Kazun A.P., Pastukhova L.S. Project-Based Learning Practices: Experience of Different Countries // Education and Science. 2018. Vol. 20, No. 2, Pp. 32–59.

Международный опыт построения систем менеджмента качества образовательного процесса в вузе в условиях мультикультурной образовательной среды

Хальзова Наталья Александровна,
кандидат экономических наук, доцент высшей школы физико-математических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный университет»
E-mail: 003818@togudv.ru

Паночевный Павел Николаевич,
старший преподаватель высшей школы промышленной инженерии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный университет»
E-mail: 005681@togudv.ru

Статья посвящена вопросам построения системы менеджмента качества образовательного процесса в вузе, работающем в мультикультурной образовательной среде. Обращение к этой теме связано с тем, что интернационализация высшей школы изменила само понимание качества образования. Одного соответствия образовательных программ федеральным требованиям и внутренним регламентам университета уже недостаточно. В условиях многонационального студенческого состава качество обучения определяется также тем, насколько последовательно выстроены академическая поддержка, языковое сопровождение, организационные сервисы и механизмы социокультурной адаптации. В статье использованы российские нормативные документы, статистические данные и открытые материалы университетов с высоким уровнем интернационализации. Анализ показывает, что международный опыт, представленный в отечественной научной литературе, чаще всего осмысливается через процессный подход, ориентацию на образовательные потребности студента, регулярную оценку результатов, использование цифровой аналитики и включение адаптационных механизмов в общую систему управления качеством. Установлено, что в российских вузах, активно работающих с иностранными обучающимися, система качества оказывается более результативной там, где контроль не сводится к отчетным процедурам, а включает постоянную обратную связь, анализ учебных затруднений, поддержку студентов на этапе адаптации и подготовку преподавателей к работе в поликультурной аудитории. Сделан вывод о том, что в современных условиях мультикультурная среда должна рассматриваться как один из ключевых факторов управления качеством образовательного процесса.

Ключевые слова: качество высшего образования, система менеджмента качества, образовательный процесс, вуз, мультикультурная образовательная среда, интернационализация, иностранные студенты, внутреннее обеспечение качества, управление университетом.

Введение

Вопрос о качестве высшего образования сегодня всё чаще решается не только в логике нормативного контроля, но и в логике управленческой практики самого университета. Формального соответствия образовательной программы федеральным требованиям и локальным актам уже недостаточно, если вуз не понимает, как в действительности организован процесс обучения: получает ли студент своевременную академическую помощь, насколько понятны ему требования дисциплины, как собирается и используется обратная связь, каким образом университет реагирует на учебные затруднения.

В мультикультурной образовательной среде эта проблема проявляется особенно отчетливо. Если в одной учебной группе оказываются студенты с разным предшествующим опытом обучения, различным уровнем владения языком и неодинаковыми представлениями об академическом взаимодействии, одна и та же программа может давать разные результаты. Поэтому качество образовательного процесса в подобных условиях нельзя оценивать только по учебным планам, фондам оценочных средств или средним показателям успеваемости. Необходима такая система управления, которая учитывала бы неоднородность контингента и позволяла поддерживать сопоставимый уровень образовательных результатов.

Масштаб этой задачи подтверждается статистикой. По данным Росстата, в 2023/24 учебном году по программам высшего образования в Российской Федерации обучалось более 4,3 млн студентов [5]. По сведениям Минобрнауки России, в 2024 г. число иностранных обучающихся в российских вузах превысило 355 тыс. человек [6]. Для части университетов это уже не дополнительная характеристика, а один из базовых параметров образовательной среды, непосредственно влияющий на организацию учебного процесса и систему оценки его качества.

В отечественной научной литературе проблема качества образования в международном контексте чаще всего рассматривается через вопросы сопоставимости образовательных результатов, внутренней системы оценки качества, ориентации на обучающегося, академической мобильности и управленческой культуры вуза [4; 7; 8]. Однако значительно реже специальному анализу подвергается вопрос о том, как именно должна быть устроена система менеджмента качества образовательного процесса в вузе, где мультикультурность уже стала нормой повседневной академической жизни.

Между тем именно здесь возникают наиболее чувствительные зоны. Одинаковые образовательные требования могут по-разному восприниматься студентами, обучавшимися в разных школьных системах. Единый язык преподавания не гарантирует одинакового понимания профессиональных терминов. Сильный преподавательский состав сам по себе не решает проблему, если преподаватели не готовы работать в поликультурной аудитории. В результате управленческая задача смещается: качество нужно не только контролировать, но и проектировать с учетом реальной структуры студенческого контингента.

Цель настоящей статьи – показать, какие элементы международного опыта построения систем менеджмента качества образовательного процесса оказываются наиболее значимыми для современного вуза в мультикультурной образовательной среде и каким образом эти элементы интерпретируются и реализуются в российской практике.

Материалы и методы исследования

Теоретическую основу исследования составили нормативные документы Российской Федерации, материалы отечественных авторов по проблемам качества высшего образования, интернационализации и управления образовательными организациями, а также открытые статистические и отчетные данные российских университетов. В работе использованы положения Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [1], ГОСТ Р ИСО 9001–2015 [2], ISO 21001–2025 [3], а также исследования, посвящённые качеству высшего образования и его системному анализу [4; 7].

Под международным опытом в настоящей статье понимаются те подходы к управлению качеством, которые вошли в российское научное и управленческое обращение из международного опыта и полу-

чили отражение либо в отечественной нормативной базе, либо в практике российских университетов, работающих в интернациональной среде. Такой подход обусловлен задачей исследования: проанализировать международный опыт «приживающийся» в российской специфике, то есть российскую интерпретацию международного опыта.

Эмпирическую базу исследования составили данные Росстата о численности студентов высшей школы [5], официальная информация Минобрнауки России о числе иностранных студентов [6], материалы мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования [12], а также публичные годовые отчёты университетов с высоким уровнем интернационализации: Российского университета дружбы народов, Казанского (Приволжского) федерального университета, Томского политехнического университета и Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого [9–11; 13].

В качестве основных методов использованы:

анализ нормативных и научных источников;

системный подход к рассмотрению качества образовательного процесса;

контент-анализ открытых материалов университетов;

сопоставительный анализ управленческих практик, связанных с обеспечением качества в мультикультурной среде.

Использование этих методов позволило рассмотреть качество образовательного процесса не как сумму разрозненных процедур, а как управленческую систему, включающую проектирование образовательной среды, организацию сопровождения, оценку результатов и корректировку выявленных проблем.

Результаты и обсуждение

В российской научной литературе представление о международном опыте обеспечения качества высшего образования прошло заметную эволюцию. Если на раннем этапе интерес был сосредоточен преимущественно на стандартах, сопоставимости квалификаций и внешних процедурах оценки, то позднее акцент сместился на внутренние механизмы качества, культуру постоянного улучшения и управленческую ответственность самого университета [4; 7].

Существенное значение в этом процессе имело распространение процессного подхода. Логика управления через процессы, показатели, риски и корректирующие действия, закреплённая в ГОСТ Р ИСО 9001–2015, постепенно стала использоваться и в образовательной сфере [2]. Более специализированный характер для вузов имеет ISO 21001–2025, где образовательная организация рассматривается как система, ориентированная на обучающегося и на достижение устойчивых образовательных результатов [3]. В применении к университету это означает, что качество не исчерпывается учебным планом, а складывается из взаимодействия многих элементов: академической политики, методического обеспечения, кадровой готовности, инфраструктуры, цифровой среды, коммуникации и механизмов сопровождения студентов.

В работах Н.А. Селезневой качество высшего образования описывается как сложный системный объект, включающий цели, условия, процессы и результаты [7]. Такой подход важен именно для мультикультурной среды, поскольку в ней особенно наглядно видно, что один и тот же образовательный результат нельзя объяснить только содержанием программы. На него влияют языковая среда, доступность сервисов, структура обратной связи, способы взаимодействия преподавателя со студенческой группой и институты адаптации.

В.И. Байденко, анализируя реформы высшего образования в европейском пространстве, обращал внимание на то, что современное понимание качества связано не только с контролем, но и с доверием, прозрачностью, сравнимостью результатов и внутренней ответственностью университета [4]. В российской действительности это привело к постепенному изменению самой логики управления качеством: от фиксации соответствия – к постоянному мониторингу и совершенствованию образовательного процесса.

Таким образом, если обобщить российскую интерпретацию международного опыта, можно выделить несколько устойчивых положений:

качество образования должно рассматриваться как непрерывный процесс, а не как итог разовой проверки;

центральной фигурой в системе качества выступает обучающийся и его образовательная траектория;

важным источником управленческой информации становится регулярная обратная связь;

устойчивость качества обеспечивается цикличностью оценки и корректировки;

значимыми оказываются не только академические, но и организационные, коммуникационные и адаптационные механизмы.

Эти положения особенно важны в том случае, когда университет работает с многонациональным и культурно неоднородным контингентом.

На современном этапе развития мультикультурная среда сама становится фактором, меняющим систему качества.

Мультикультурность в высшей школе долгое время воспринималась преимущественно как признак интернационализации и показатель внешней привлекательности университета. Однако на практике она оказывает гораздо более глубокое влияние: меняет саму структуру образовательного процесса и, следовательно, требования к его качеству.

Первое, что становится очевидным в мультикультурной среде, – неоднородность академического старта. Студенты приходят в университет с разным опытом обучения, разным уровнем автономности, различными представлениями о роли преподавателя, способах учебного взаимодействия и допустимых формах академического поведения. Там, где эта неоднородность не учитывается, университет получает проблему не на этапе приема, а уже в ходе обучения – в виде неравномерной успеваемости, трудностей включения в практические занятия, конфликтов ожиданий и скрытых дефицитов коммуникации.

Второй существенный фактор – язык обучения. Даже в тех случаях, когда иностранный студент формально владеет русским языком на уровне, достаточном для поступления, это ещё не означает полноценной готовности к усвоению профильной университетской программы. Профессиональная терминология, академическое письмо, специфика лекционного изложения и формы оценивания требуют дополнительной адаптации. Следовательно, качество образовательного процесса в мультикультурной группе зависит не только от содержания дисциплины, но и от того, насколько понятным и доступным оказывается сам способ её освоения.

Третий фактор связан с тем, что в поликультурной среде значительно возрастает роль внеучебных условий. Для иностранного студента затруднения часто начинаются не в аудитории, а раньше: на уровне расписания, цифровых сервисов, оформления документов, обращения в деканат, проживания в общежитии, понимания правил университета. Если эти вопросы решаются плохо, они быстро превращаются в академическую проблему. Поэтому в такой среде управление качеством должно включать не только контроль содержания образования, но и качество самой образовательной инфраструктуры.

Наконец, особую роль приобретает преподаватель. Мультикультурная аудитория предъявляет к нему дополнительные требования: нужно не просто хорошо владеть дисциплиной, но и уметь объяснять материал студентам с разным академическим и языковым фоном, работать с неодинаковыми темпами усвоения, избегать коммуникативных барьеров и строить оценивание так, чтобы оно было понятным и воспринималось как справедливое.

Иначе говоря, мультикультурная среда не является внешним фоном образовательного процесса. Она воздействует на все его уровни – от организационного до содержательного. По этой причине она должна входить в саму структуру системы менеджмента качества, а не рассматриваться как дополнительный объект работы международного отдела.

Понять, как подобные подходы реализуются на практике, позволяют открытые материалы российских университетов с выраженным международным контингентом. Так, Российский университет дружбы народов на протяжении многих лет остается одним из наиболее интернационализированных вузов страны. В публичном отчете университета указано, что в нем обучаются представители более 160 стран [9]. При такой структуре студенческого состава поддержание качества образовательного процесса уже невозможно свести к традиционному контролю успеваемости или итоговой аттестации. Важную роль начинают играть программы адаптации, цифровые сервисы, языковая поддержка и регулярное получение обратной связи от обучающихся.

Сходная ситуация наблюдается и в Казанском (Приволжском) федеральном университете. Согласно годовому отчету, в КФУ обучаются студенты более чем из 100 стран [10]. Для университета с таким составом контингента интернационализация не выступает внешним имиджевым показателем, а становится частью повседневного управления. Качество образовательного процесса здесь зависит от того, насколько согласованно взаимодействуют академические подразделения, международные службы, цифровая инфраструктура и структуры сопровождения студентов. Иными словами, работа в мультикультурной среде в данном случае встроена в саму систему управления университетом.

Томский политехнический университет, по данным годового отчета за 2023 год, обучает студентов более чем из 70 стран [11]. Для технического вуза это особенно показательно, поскольку здесь вопросы качества тесно связаны с лабораторной подготовкой, доступом

к оборудованию, особенностями инженерной коммуникации и работой в смешанных по языку и академическому опыту группах. Следовательно, система качества должна охватывать не только лекционные и семинарские формы работы, но и практико-ориентированные элементы обучения.

Материалы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого также показывают, что развитие международной образовательной среды сопровождается усилением цифровых инструментов управления, аналитики и сопровождения студентов [13]. В данном случае существенным оказывается не просто наличие отдельных сервисов, а их включение в единую управленческую логику университета.

Сопоставление этих данных позволяет сделать важный вывод: в университетах с высоким уровнем интернационализации качество образовательного процесса обеспечивается не отдельной процедурой контроля, а согласованной работой нескольких подсистем – академической, организационной, цифровой и адаптационной (табл. 1).

Таблица 1. Отдельные показатели, характеризующие мультикультурную образовательную среду в российских вузах

Показатель	Значение	Источник
Общая численность студентов высшего образования в РФ в 2023/24 уч. году	более 4,3 млн человек	[5]
Число иностранных студентов в российских вузах в 2024 г.	более 355 тыс. человек	[6]
География контингента РУДН	представители более 160 стран	[9]
География контингента КФУ	студенты более чем из 100 стран	[10]
География контингента ТПУ	студенты более чем из 70 стран	[11]

Эти данные важны не сами по себе, а в связи с тем, что за ними стоит изменение управленческой реальности. Когда университет работает с такой структурой контингента, качество образовательного процесса уже нельзя обеспечивать прежними средствами, рассчитанными на относительно однородную аудиторию.

Анализ нормативной базы, отечественной литературы и практики российских вузов позволяет выделить несколько элементов, без которых система менеджмента качества образовательного процесса в мультикультурной среде оказывается неполной.

Качество в вузе должно быть описано не только в форме целей и деклараций, но и в форме процессов: кто проектирует образовательную программу, кто отвечает за сопровождение студента, каким образом собирается обратная связь, как принимаются корректирующие решения, кто контролирует их исполнение. Именно процессная логика позволяет связать между собой разные подразделения университета. Без неё даже сильные отдельные инициативы остаются разрозненными.

В мультикультурной среде средний показатель успеваемости мало что объясняет. Для управленческого решения важно видеть различия между группами студентов: по уровню языковой подготовки, по стране происхождения, по наличию довузовской адаптации, по участию в поддерживающих программах, по типу образовательной траектории. Только в таком случае можно понять, связана ли проблема с содержанием курса, способом преподавания или барьером включения студента в университетскую среду.

В многонациональной образовательной среде невозможно строить систему качества без специальных инструментов академического сопровождения. Речь идет о консультациях, тьюторской поддержке, курсах по академическому письму, работе с профессиональной лексикой, подготовительных и адаптационных модулях. Там, где такая поддержка отсутствует, реальный образовательный результат начинает слишком сильно зависеть от индивидуальной выносливости самого студента.

Цифровые сервисы сегодня играют не вспомогательную, а системную роль. Расписание, учебные материалы, формы обратной связи, подача заявлений, коммуникация с преподавателями и администрацией – все это стало частью образовательного процесса. В мультикультурной среде особенно важно, чтобы цифровая среда была не просто технологически развитой, а понятной, логично организованной и доступной для студентов с различным языковым и академическим опытом.

Ни одна внутренняя система качества не может быть устойчивой, если преподаватель рассматривается только как исполнитель учебного плана. В мультикультурной группе преподаватель является ключевым звеном, от которого зависит реальная включенность студентов в обучение. Поэтому важным элементом качества становится методическая подготовка преподавателей к работе в поликультурной аудитории, умение объяснять материал в разноуровневой группе, корректно выстраивать коммуникацию и делать критерии оценивания прозрачными.

Опыт российских университетов показывает, что адаптация иностранных студентов не может рассматриваться только как социальная или воспитательная функция. В действительности это часть системы качества образовательного процесса. Если студент не понимает организационные правила, не ориентируется в университетских сервисах, испытывает языковые затруднения и не получает своевременной поддержки, это неминуемо отражается на его учебных результатах.

Одна из основных проблем, выявляемых при анализе университетской практики, связана с тем, что система качества нередко существует в двух формах. Первая – формальная: положения, отчеты, комиссии, регламенты, анкеты, внутренние проверки. Вторая – реальная: то, как университет действительно реагирует на выявленные дефициты и способен ли он менять образовательный процесс на основе полученной информации.

В мультикультурной среде эта граница особенно заметна. Университет может иметь развитую документацию и при этом терять студентов на первом курсе из-за слабой адаптационной поддержки. Может регулярно собирать обратную связь, но не менять содержание курсов, работу деканата или цифровые сервисы. Может фиксировать удовлетворенность обучающихся на общем уровне, но не видеть проблем конкретных групп.

Именно поэтому зрелость системы качества определяется не количеством процедур, а способностью университета замыкать цикл управления: выявлять проблему, интерпретировать её причины, принимать корректирующее решение и отслеживать его эффект.

С учётом проведённого анализа систему менеджмента качества образовательного процесса в мультикультурной среде можно представить как совокупность четырёх взаимосвязанных контуров.

Первый контур – управленческий. Он включает политику качества, распределение ответственности, карту процессов, внутренние регламенты, показатели и процедуры корректировки. Именно на этом уровне университет задаёт логику работы системы.

Второй контур – академический. Он связан с проектированием образовательных программ, организацией преподавания, текущего контроля, промежуточной аттестации, методическим обеспечением и оценкой образовательных результатов. Для мультикультурной среды его особенностью становится необходимость учитывать неоднородность стартовых возможностей обучающихся.

Третий контур – адаптационный. В традиционных моделях управления качеством ему уделялось меньше внимания, но в интернационализированном вузе он становится критически важным. Сюда относятся языковое сопровождение, тьюторство, психологическая поддержка, кураторские программы, помощь в освоении цифровой среды, механизмы социокультурного включения.

Четвертый контур – аналитический. Он обеспечивает сбор и интерпретацию данных: результаты опросов, сведения о посещаемости, динамике успеваемости, обращениях студентов, пользовании электронными сервисами, трудностях на первом курсе и проблемах перехода между семестрами. Без этого контура система качества остается слепой.

Такое представление важно тем, что позволяет увидеть: качество образовательного процесса в мультикультурной среде формируется не в одном подразделении и не одной процедурой. Оно возникает на пересечении управленческих решений, академической практики, сервисного сопровождения и аналитики.

Для российского университета, развивающего международное направление, вывод из проведённого анализа выглядит достаточно определённо. Если мультикультурная среда становится устойчивой характеристикой контингента, её необходимо учитывать не только в стратегии интернационализации, но и в механизмах внутреннего обеспечения качества. В противном случае университет получает формально успешную модель, в которой рост числа иностранных студентов не сопровождается соответствующим изменением образовательного процесса.

Практически это означает необходимость:

встраивать адаптационные и языковые механизмы в общую систему качества, а не выносить их за пределы академического управления;

переходить от усредненных оценок качества к дифференцированному анализу по категориям студентов;

развивать цифровые инструменты не только как административные сервисы, но и как ресурс аналитики образовательных рисков;

рассматривать подготовку преподавателей к работе в поликультурной среде как обязательный элемент обеспечения качества;

добиваться того, чтобы результаты обратной связи приводили к реальным изменениям в организации образовательного процесса.

Именно здесь международный опыт, воспринятый через российские исследования и университетскую практику, приобретает прикладной смысл. Он показывает, что качество в современном вузе обеспечивается не усилением контроля как такового, а повышением управленческой чувствительности к реальной структуре образовательной среды.

Выводы

Проведённый анализ показывает, что современная система менеджмента качества образовательного процесса в вузе не может эффективно функционировать без учета мультикультурного состава студенческого контингента. Интернационализация высшего образования изменила не только статистические показатели университетов, но и саму логику управления качеством.

Российские нормативные документы и научные работы позволяют сделать вывод, что международный опыт обеспечения качества был воспринят в отечественной практике прежде всего через процессный подход, идею непрерывного улучшения, ориентацию на обучающегося и расширение роли внутренней оценки качества. Однако в условиях мультикультурной образовательной среды этого оказывается недостаточно, если в систему не включены языковая поддержка, адаптационные механизмы, подготовка преподавателей и дифференцированная аналитика образовательных результатов.

Реальные данные российских университетов с высоким уровнем интернационализации показывают, что наиболее устойчивые модели формируются там, где управление качеством строится как согласованная работа академических, организационных, цифровых и сервисных подразделений. Контроль качества в таких вузах не ограничивается отчетностью, а опирается на регулярную обратную связь, анализ учебных дефицитов и корректировку процессов.

Следовательно, мультикультурная образовательная среда должна рассматриваться не как внешний фон функционирования университета, а как один из факторов, определяющих архитектуру его системы качества. Для российских вузов это означает необходимость перехода от формального подтверждения соответствия к более гибкому, аналитически насыщенному и ориентированному на студента управлению образовательным процессом.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
2. ГОСТ Р ИСО 9001–2015. Системы менеджмента качества. Требования. М.: Стандартинформ, 2015.
3. ISO 21001–2025. Образовательные организации. Системы менеджмента образовательных организаций. Требования и руководство по применению. Международная организация по стандартизации (ISO), Женева, Швейцария, – 48 стр. – (International Standard), 2025 г.
4. Байденко В.И. Болонский процесс: структурная реформа высшего образования Европы. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2003.
5. Росстат. Россия в цифрах. 2024: краткий статистический сборник. М., 2024.
6. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. В российских вузах обучается свыше 355 тыс. иностранных студентов // Официальный сайт Минобрнауки России. 2024.
7. Селезнева Н.А. Качество высшего образования как объект системного исследования. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2002.
8. Арефьев А. Л., Шереги Ф.Э. Иностранные студенты в российских вузах. М.: Центр социологических исследований, 2014.
9. Российский университет дружбы народов. Публичный доклад ректора РУДН за 2023 год. М., 2024.
10. Казанский (Приволжский) федеральный университет. Годовой отчет за 2023 год. Казань, 2024.
11. Томский политехнический университет. Годовой отчет за 2023 год. Томск, 2024.
12. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Мониторинг деятельности образовательных организаций высшего образования. 2024.
13. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Годовой отчет за 2023 год. Санкт-Петербург, 2024.
14. Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. М.: Народное образование, 1999.
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.08.2013 № 662 «Об осуществлении мониторинга системы образования» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 32. Ст. 4378.

INTERNATIONAL APPROACHES TO BUILDING QUALITY MANAGEMENT SYSTEMS FOR THE EDUCATIONAL PROCESS IN A MULTICULTURAL UNIVERSITY ENVIRONMENT

Khalzova N.A., Panochevny P.N.
Pacific National University

The article deals with the development of quality management systems for the educational process in universities operating in a multicultural environment. The issue has become more important as the internationalization of higher education has changed the very understanding of educational quality. Today, formal compliance of academic programs with federal standards and internal university regulations is no longer sufficient. In a multinational student body, the quality of education also depends on how consistently the university organizes academic support, language assistance, administrative services and socio-cultural adaptation. The study draws on Russian regulatory documents, statistical data and public reports of universities with a high level of internationalization. The analysis shows that international experience, as reflected in Russian academic literature, is usually interpreted through several interrelated principles: process-based management, student-centered organization of learning, regular assessment of outcomes, the use of digital analytics and the integration of adaptation mechanisms into the overall quality management system. It is shown that Russian universities with a substantial international student population tend to achieve more stable results where quality assurance is not reduced to formal reporting, but includes continuous feedback, analysis of academic difficulties, support for international students during adaptation and training teachers to work in multicultural classrooms. The article argues that, under current conditions, multiculturality should be regarded as one of the key factors shaping the management of the educational process quality.

Keywords: quality of higher education, quality management system, educational process, university, multicultural educational environment, internationalization, international students, internal quality assurance, university management.

References

1. Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 No. 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii». Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2012. No. 53 (part 1). Art. 7598.
2. GOST R ISO 9001–2015. Sistemy menedzhmenta kachestva. Trebovaniya. Moscow: Standartinform, 2015.
3. ISO 21001:2025 Educational organizations — Management systems for educational organizations — Requirements with guidance for use. Requirements with guidance for use. International Organization for Standardization (ISO), Geneva, Switzerland, 48 p. (International Standard), 2025.
4. Baydenko V.I. Bolonskiy protsess: strukturnaya reforma vysshego obrazovaniya Evropy. Moscow: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2003.
5. Rosstat. Rossiya v tsifrakh. 2024: kratkiy statisticheskiy sbornik. Moscow, 2024.
6. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii. V rossiyskikh vuzakh obuchaetsya svyshe 355 tys. inostrannykh studentov. Ofitsial'nyy sayt Minobrnauki Rossii. 2024.
7. Selezneva N.A. Kachestvo vysshego obrazovaniya kak ob"ekt sistemnogo issledovaniya. Moscow: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2002.
8. Aref'ev A. L., Sheregi F.E. Inostrannye studenty v rossiyskikh vuzakh. Moscow: Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniy, 2014.
9. Rossiyskiy universitet druzhby narodov. Publichnyy doklad rektora RUDN za 2023 god. Moscow, 2024.
10. Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet. Godovoy otchet za 2023 god. Kazan, 2024.
11. Tomskiy politekhnicheskiy universitet. Godovoy otchet za 2023 god. Tomsk, 2024.
12. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii. Monitoring deyatel'nosti obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya. 2024.
13. Sankt-Peterburgskiy politekhnicheskiy universitet Petra Velikogo. Godovoy otchet za 2023 god. Saint Petersburg, 2024.
14. Dmitriev G.D. Mnogokul'turnoe obrazovanie. Moscow: Narodnoe obrazovanie, 1999.
15. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 05.08.2013 No. 662 «Ob osushchestvlenii monitoringa sistemy obrazovaniya». Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2013. No. 32. Art. 4378.

Механизмы конструирования медиадискурса электронных СМИ в свете теории межкультурной коммуникации

Хань Линьлинь,
магистр, РУДН
E-mail: linlinh065@gmail.com

Гегелова Наталья Сергеевна,
д.ф.н., проф., РУДН
E-mail: gegelova-ns@rudn.ru

Статья посвящена осмыслению механизмов конструирования медиадискурса электронных СМИ в свете теории межкультурной коммуникации. Актуальность исследования обусловлена цифровой трансформацией медиасреды, усилением мультимодальности, интерактивности и платформенной обусловленности современных медиа, а также возрастающей ролью межкультурного фактора в производстве и восприятии медиатекстов. Цель статьи представить основные механизмы конструирования медиадискурса электронных СМИ и описать специфику их возможностей в условиях межкультурной коммуникации. В работе используются дискурсивный подход, элементы медиалингвистического и коммуникативного анализа. Установлено, что медиадискурс электронных СМИ формируется на пересечении языковых, нарративных, фрейминговых, мультимодальных, интерактивных и платформенных механизмов. Показано, что культурные различия влияют на репрезентацию событий, интерпретацию смыслов, формирование образов идентичности и стратегии адаптации медиасообщения. Сделан вывод о том, что межкультурное измерение является сущностной характеристикой современного медиадискурса электронных СМИ.

Ключевые слова: Медиадискурс, Электронные СМИ, Межкультурная коммуникация, мультимодальность, цифровая журналистика.

Введение

В условиях цифровой трансформации медиасреды электронные средства массовой информации занимают центральное место в процессах производства, циркуляции и интерпретации общественно значимой информации. Развитие сетевых платформ, мультимодальных форматов, алгоритмических систем распространения контента и интерактивных каналов обратной связи существенно изменило не только технологические параметры журналистской деятельности, но и сам характер медиадискурса. В современной цифровой среде медиасообщение представляет собой уже не нейтральную фиксацию факта, а сложную коммуникативную конструкцию, в которой языковые, нарративные, визуальные и платформенные элементы совместно участвуют в формировании социального смысла. В связи с этим исследование механизмов конструирования медиадискурса электронных СМИ приобретает особую теоретическую и практическую значимость.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, в цифровую эпоху электронные СМИ становятся не только каналом оперативного информирования, но и важнейшим институтом символического производства, способным задавать рамки общественного восприятия событий, формировать ценностные акценты и влиять на способы коллективной интерпретации действительности. Во-вторых, функционирование медиадискурса всё в большей степени осуществляется в условиях межкультурной коммуникации, когда медиатексты выходят за пределы одной национальной и языковой среды и становятся объектом восприятия со стороны аудиторий с различными культурными кодами, коммуникативными привычками и интерпретационными моделями. В-третьих, именно в электронной медиасреде особенно отчётливо проявляются такие свойства современного медиадискурса, как мультимодальность, интерактивность, динамичность, открытость к переинтерпретации и зависимость от платформенной архитектуры распространения.

Степень научной разработанности проблемы показывает, что в современном гуманитарном знании накоплен значительный материал по вопросам медиадискурса, цифровой журналистики, мультимодальной коммуникации и межкультурного взаимодействия. Вместе с тем в исследованиях по: по теории и истории журналистики) журналистиковедению сохраняется потребность в целостном рассмотрении медиадискурса электронных СМИ как результата взаимодействия нескольких групп механизмов языковых, нарративных, фрейминговых, мультимодальных, интерактивных и платформенных в их связи с межкультурной обусловленностью производства и восприятия медиасообщения. Настоящая статья направлена на восполнение данного исследовательского пробела.

Объектом исследования являются электронные средства массовой информации как особая цифровая коммуникативная среда. Предмет исследования составляют механизмы конструирования медиадискурса электронных СМИ в свете теории межкультурной коммуникации.

Цель исследования заключается в теоретическом осмыслении механизмов конструирования медиадискурса электронных СМИ и выявлении их специфики в условиях межкультурной коммуникации.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:
- уточнить теоретическое содержание понятия «медиадискурс» в журналистике;
- представить коммуникативные особенности электронных СМИ как цифровой среды производства и распространения новостей;
- охарактеризовать основные механизмы конструирования медиадискурса;
- определить влияние межкультурных различий на процессы медиадискурсивной репрезентации, интерпретации и адаптации.

Методологическую основу исследования составляют дискурсивный подход, элементы медиалингвистического и коммуникативного анализа, а также положения теории межкультурной коммуникации.

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении медиадискурса электронных СМИ как многоуровневой системы смыслового конструирования, в которой технологические, семиотические и культурные факторы действуют взаимосвязанно. Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении журналистиковед-

ческого понимания медиадискурса в цифровую эпоху, а практическая в возможности использования полученных положений при анализе современных медийных текстов и разработке стратегий межкультурно ориентированной журналистской коммуникации.

Теоретические основания исследования медиадкурса и электронных СМИ

В современной журналистике понятие медиадискурса занимает одно из центральных мест, поскольку позволяет рассматривать деятельность средств массовой информации не только как процесс передачи сведений, но и как механизм производства общественно значимых смыслов. В отличие от узкого понимания медиатекста как законченного информационного продукта, медиадискурс включает совокупность языковых, символических и институциональных практик, посредством которых СМИ формируют интерпретационные рамки, актуализируют определённые ценности и задают способы общественного восприятия событий. Такой подход особенно важен для исследования электронных СМИ, где журналистское высказывание существует в условиях высокой динамики, технологической опосредованности и постоянного взаимодействия с аудиторией. Как отмечает М. Давыдова, современное изучение медиадискурса предполагает синтез филологического, коммуникативного и социокультурного подходов, что позволяет рассматривать его как многоуровневое явление, связанное одновременно с языком, медийными институтами и общественной практикой [1].

С точки зрения журналистиковедения медиадискурс отличается от других типов дискурса своей институциональной природой и массовым характером. Он формируется не спонтанно, а в рамках профессиональной системы отбора, структурирования и интерпретации информации, где существенную роль играют редакционные стандарты, жанровые модели, ценностные установки и технологические условия производства новостей. В этом смысле медиадискурс всегда связан с определённой моделью общественной реальности, которая предлагается аудитории как значимая, достоверная и актуальная. В цифровую эпоху данное свойство усиливается, поскольку электронные СМИ не просто оперативно транслируют события, но и включают их в широкий поток конкурентных интерпретаций, создавая сложную среду символического взаимодействия. Исследование цифрового медиадискурса, по наблюдению Е.А. Казак, показывает, что интернет-коммуникация радикально расширяет дискурсивное пространство СМИ, делая его более гибким, фрагментированным и зависимым от платформенных форматов [2].

Электронные СМИ как особая коммуникативная среда требуют отдельного теоретического осмысления, потому что они существенно трансформируют традиционные механизмы журналистского производства. Их специфика определяется оперативностью, интерактивностью, мультимодальностью и гипертекстуальностью. Если в классической модели журналистики сообщение распространялось преимущественно в линейной форме и в рамках относительно стабильной редакционной иерархии, то в цифровой медиасреде новость существует как открытая, многослойная и подвижная структура. Она может дополняться визуальными, аудиальными и графическими компонентами, получать немедленную обратную связь, включаться в сетевое обсуждение и подвергаться повторной интерпретации в разных коммуникативных контекстах. Н.С. Самойленко справедливо связывает эту трансформацию с процессом конвергенции журналистики, медиакоммуникаций и IT, в результате которого меняются не только каналы распространения информации, но и сами принципы медиапроизводства [3]. Следовательно, медиадискурс электронных СМИ необходимо анализировать с учётом его технологической обусловленности и зависимости от цифровой инфраструктуры.

Особое значение в этом контексте приобретает мультимодальный подход, который позволяет раскрыть специфику современных медиаформатов. Электронные СМИ конструируют смысл не только с помощью словесного текста, но и через изображение, монтаж, визуальный ритм, графику, звуковое сопровождение и композицию интерфейса. Это означает, что медиадискурс в цифровой среде становится принципиально поликодовым. Как показывают исследования J.A. Bateman и C.-I. Tseng, мультимодальный анализ особенно продуктивен при изучении новостного видеоконтента, поскольку позволяет выявить нарративные стратегии, неочевидные при чисто вербальном анализе [4]. В китайской научной традиции сходную мысль развивает Сяо Цзюнь, подчёркивая, что мультимодальный дискурс-анализ обладает важным методологическим потенциалом для исследования новых медиа и процессов трансграничной коммуникации [5]. Учетм ультимодального измерения в анализе медиадискурса особенно важен для настоящего исследования, поскольку механизмы его конструирования в электронных СМИ проявляются именно на пересечении вербальных, визуальных и технологических способов организации сообщения.

Обращение к теории межкультурной коммуникации обусловлено тем, что современный медиадискурс всё чаще формируется и функционирует в пространстве, выходящем за пределы одной языковой и национальной среды. Глобальные медиа, сетевые платформы и цифровые каналы распространения информации обеспечивают постоянное пересечение различных культурных кодов, систем ценностей и интерпретационных моделей. В таких условиях журналистский текст уже не может рассматриваться исключительно как продукт внутренней национальной медиасистемы: он становится элементом более широкого межкультурного обмена, в котором значение сообщения зависит не только от авторской интенции, но и от культурной компетенции адресата. Сяо Цзюнь и Ху Вэньтао убедительно показывают, что новые медиа в межкультурной коммуникации одновременно расширяют возможности взаимопонимания и усиливают риски смысловых и ценностных расхождений [6]. Именно поэтому анализ медиадискурса в рамках теории межкультурной коммуникации позволяет выявить, каким образом СМИ участвуют в формировании образов «своего» и «чужого», в переводе культурных смыслов и в адаптации сообщения к различным аудиториям.

Теоретическое осмысление медиадискурса и электронных СМИ в рамках журналистики требует комплексного подхода, объединяющего дискурсивный, медиатехнологический и межкультурный ракурсы. Медиадискурс следует понимать как институционально организованную форму символического конструирования социальной реальности, а электронные СМИ как специфическую цифровую среду, в которой это конструирование приобретает динамический, мультимодальный и интерактивный характер. Такая постановка вопроса соответствует общей логике настоящего исследования, ориентированного на выявление механизмов конструирования медиадискурса электронных СМИ в свете теории межкультурной коммуникации.

Механизмы конструирования медиадискурса электронных СМИ

Конструирование медиадискурса электронных СМИ представляет собой многоуровневый процесс, в котором соединяются языковые средства, способы повествовательной организации, фрейминговые стратегии, мультимодальные ресурсы и платформенные условия распространения контента. В цифровой журналистике новость существует не как простое отражение события, а как специально организованная коммуникативная конструкция, ориентированная на интерпретацию факта, его оценочное оформление и включение в определённый общественный контекст.

Одним из базовых механизмов выступает языковая организация медиатекста. Выбор слов, характер номинации, использование оценочной лексики, метафор, противопоставлений и иных риторических средств непосредственно влияют на то, как аудитория воспринимает новостное сообщение. В журналистской практике язык не является нейтральным проводником информации: он задаёт смысловые акценты, выделяет одни аспекты события и ослабляет другие, формирует отношение к участникам и последствиям описываемой ситуации. Особенно заметной в электронных СМИ становится тенденция к эмоционализации медиадискурса, когда сообщение строится не только вокруг факта, но и вокруг предполагаемой эмоциональной реакции адресата. Это усиливает вовлечённость аудитории, ускоряет распространение материала и повышает вероятность его включения в сетевое обсуждение [7]. Следовательно, языковой уровень медиадискурса следует рассматривать как важнейший механизм смыслового и ценностного конструирования.

С языковыми средствами тесно связаны нарративные механизмы. Электронные СМИ, как правило, представляют событие не в виде изолированного набора сведений, а в форме сюжетно организованного сообщения, в котором устанавливаются причинно-следственные связи, выделяются ключевые фигуры, определяется конфликт и задаётся логика развития ситуации. Именно нарратив придаёт медиасообщению внутреннюю связность и делает его удобным для восприятия в условиях высокой плотности информационного потока. В цифровой среде нарративизация часто сопровождается драматизацией, персонализацией и усилением эмоционального компонента, поскольку такие приёмы повышают заметность публикации и её конкурентоспособность в борьбе за внимание аудитории [8]. Благодаря этому новость начинает функционировать не только как источник информации, но и как форма интерпретации, предлагающая читателю определённую модель понимания события.

Следующий значимый механизм связан с фреймингом. В электронной медиасреде СМИ неизбежно осуществляют отбор тех аспектов реальности, которые будут представлены как наиболее существенные.

При этом важным оказывается не только сам выбор темы, но и способ её подачи: как определяется проблема, кому приписываются причины, какие оценки доминируют и какие решения кажутся предпочтительными. Фрейминг в цифровой журналистике усиливается под воздействием платформенной логики, поскольку распространение контента зависит от его заметности, кликабельности и способности быстро вовлекать пользователя. В этом отношении медиадискурс формируется не только редакционными установками, но и архитектурой цифровых платформ, влияющей на то, какие интерпретационные модели получают наибольшую видимость [9]. Таким образом, фрейминг выступает как механизм смысловой селекции, обеспечивающий включение факта в определённую идеологическую и коммуникативную перспективу.

Особую роль в электронных СМИ играют мультимодальные механизмы. Современный медиадискурс строится не только посредством вербального текста, но и за счёт изображений, видеофрагментов, звукового сопровождения, графики, монтажных решений и гипертекстовых связей. Мультимодальность усиливает воздействие новостного сообщения, поскольку разные семиотические коды работают совместно и создают более интенсивный эффект присутствия, убедительности и эмоциональной достоверности. Важным элементом такой структуры становится гиперссылка, которая выполняет не только навигационную, но и смыслообразующую функцию, задавая дополнительные контексты интерпретации и укрепляя эффект документальности [10]. Не менее существенно и то, что визуальные компоненты способны не просто сопровождать текст, а самостоятельно участвовать в формировании оценки и в стратегии убеждения [11]. Поэтому мультимодальность следует понимать как один из центральных механизмов конструирования медиадискурса в электронной среде.

Наконец, в цифровой журналистике принципиально возрастает значение интерактивных и платформенных механизмов. Медиадискурс формируется не исключительно редакцией, но и пользователями, которые комментируют публикации, распространяют их, переосмысляют и включают в новые контексты. Кроме того, заметное влияние оказывают алгоритмические системы отбора и ранжирования контента. Алгоритмическая логика может усиливать одни темы и снижать видимость других, тем самым участвуя в распределении общественного внимания. При этом алгоритмические смещения и предустановленные модели отбора способны влиять не только на структуру информационного потока, но и на саму конфигурацию публичной дискуссии [12]. В результате медиадискурс электронных СМИ приобретает открытый, динамичный и многосубъектный характер.

Итак, механизмы конструирования медиадискурса электронных СМИ действуют в тесной взаимосвязи. Языковая организация задаёт оценочную перспективу, нарратив обеспечивает структурирование события, фрейминг направляет его интерпретацию, мультимодальность усиливает выразительность и убедительность, а платформенные механизмы определяют условия циркуляции и общественного резонанса. В совокупности именно эти механизмы обеспечивают производство медиареальности в цифровой коммуникационной среде.

Конструирование медиадискурса в условиях межкультурной коммуникации

В условиях глобализированного информационного пространства медиадискурс электронных СМИ всё в большей степени формируется и функционирует в логике межкультурной коммуникации. Это означает, что производство и восприятие медиасообщения зависит не только от соблюдения профессиональных норм журналистики и технологических особенностей цифровой среды, но и от различий в культурных кодах, ценностных ориентациях, коммуникативных привычках и моделях интерпретации. Один и тот же медиатекст в разных культурных сообществах может вызывать несовпадающие ассоциации, порождать различные оценочные реакции и включаться в неодинаковые смысловые контексты. В этом отношении медиадискурс выступает не как универсальная и культурно нейтральная форма передачи информации, а как особая коммуникативная конструкция, неизбежно обусловленная культурной средой своего производства и восприятия. Переход от собственно межкультурной к более сложной транс культурной модели коммуникации показывает, что современные медиа всё чаще работают не на границе двух замкнутых культур, а в пространстве их постоянного пересечения, взаимного наложения и переосмысления [13].

Культурные различия непосредственно влияют на способы представления событий в медиадискурсе. Отбор фактов, характер их тематизации, степень допустимой эмоциональности, предпочтительные модели аргументации и символические акценты зависят от того, какие ценности считаются значимыми в конкретной культурной среде. Поэтому одно и то же событие может быть подано либо как политическая проблема, либо как гуманитарный вызов, либо как вопрос коллективной безопасности, общественной морали или культурной памяти. В межкультурной коммуникации медиатекст неизбежно оказывается включённым в процесс смыслового перевода, где журналистское сообщение должно быть соотнесено с ожиданиями и интерпретационными ресурсами различных аудиторий. Именно в этом проявляется конструктивный характер медиадискурса: он не только сообщает о событии, но и задаёт культурно обусловленный способ его понимания [14].

Особое значение в данном процессе имеет репрезентация культуры и идентичности. Медиадискурс участвует в символическом разграничении пространства «своего» и «чужого», формируя устойчивые представления о коллективной принадлежности, культурной норме и общественно приемлемых формах самоописания. Через выбор тем, акцентов, образов и оценочных схем СМИ конструируют национальную и культурную идентичность, закрепляя определённые модели коллективного самовосприятия. При этом цифровые медиа не только транслируют уже существующие идентификационные конструкции, но и активно участвуют в их переоформлении, поскольку в сетевой среде идентичность становится более подвижной, эмоционально насыщенной и зависимой от медиапрактик повседневного участия. В исследованиях современных массмедиа справедливо подчёркивается, что национальная идентичность в медиадискурсе создаётся посредством повторяемых символических формул, интерпретационных оппозиций и нарративных моделей, задающих коллективное представление о социальной общности [15]. В цифровом пространстве к этому добавляется фактор эмоциональной циркуляции, когда чувство сопричастности и общности поддерживается не только содержанием текста, но и режимами сетевого отклика, совместного переживания и публичного аффективного участия [16].

Вместе с тем межкультурное движение медиасообщений неизбежно сопровождается смещением смыслов и интерпретационными расхождениями. Причиной этого становятся различия в культурных пресуппозициях, несовпадение фоновых знаний, особенности перевода и различная значимость контекста для адресата. Даже при формальном сохранении содержания медиатекста его прагматический эффект может существенно меняться, поскольку разные аудитории по-разному считывают иерархию смыслов, степень оценки и коммуникативное намерение автора. В результате в межкультурной коммуникации возможно не только неполное понимание, но и переакцентуация отдельных элементов сообщения, когда второстепенные для исходного дискурса компоненты начинают восприниматься как ключевые. Это особенно характерно для электронных СМИ, где высокая скорость распространения информации сокращает возможности для разъяснения контекста и одновременно усиливает риск фрагментарного восприятия.

В этих условиях принципиальное значение приобретают стратегии адаптации медиадискурса. Для обеспечения коммуникативной эффективности СМИ вынуждены учитывать культурную специфику целевой аудитории и адаптировать не только языковое оформление сообщения, но и его нарративную структуру, символические опоры, степень эмоциональной насыщенности и способы аргументации. Такая адаптация не должна сводиться к упрощению содержания; её задача состоит в обеспечении смысловой соотнесённости между исходным сообщением и культурной компетенцией адресата. Чем точнее медиадискурс учитывает особенности культурного восприятия, тем выше вероятность адекватной интерпретации и тем ниже риск коммуникативных сбоев. В этом смысле межкультурная адаптация становится важнейшим условием ответственной журналистской практики, ориентированной не только на трансляцию информации, но и на создание пространства взаимопонимания. Существенную роль здесь играет и гуманитарное измерение медиа, поскольку устойчивое общественное признание и социальная идентификация формируются через согласование ценностей, символов и смыслов в публичной коммуникации [17].

Таким образом, в условиях межкультурной коммуникации медиадискурс электронных СМИ выступает как динамическая система смыслового посредничества между культурами. Его конструкция определяется не только логикой медиа, но и культурными различиями, идентификационными процессами, рисками смыслового смещения и необходимостью адаптации сообщения к различным аудиториям. Именно поэтому анализ межкультурного измерения медиадискурса позволяет глубже понять механизмы его производства и общественного воздействия в цифровую эпоху.

Заключение

Проведённое исследование позволяет прийти к выводу, что медиадискурс электронных СМИ представляет собой сложную многоуровневую систему конструирования социальной реальности, в которой взаимодействуют языковые, нарративные, фреймингговые, мультимодальные,

интерактивные и платформенные механизмы. В цифровой медиасреде новостное сообщение уже не ограничивается функцией передачи факта, а выступает как форма смыслового моделирования события, его оценочного оформления и включения в более широкий общественный и культурный контекст. Языковые средства обеспечивают первичную интерпретацию и акцентуацию значений, нарративные структуры организуют событие в логике причинно-следственных связей, фрейминг задаёт перспективу его общественного прочтения, а мультимодальные и платформенные компоненты усиливают выразительность, убедительность и масштаб распространения медиаконтента. Тем самым медиадискурс электронных СМИ следует рассматривать не как линейный результат редакционной работы, а как динамическую коммуникативную конструкцию, формируемую на пересечении журналистских практик, цифровых технологий и аудиторного участия.

Не менее важно, что в условиях глобализации информационного пространства конструирование медиадискурса всё более отчётливо осуществляется в логике межкультурной коммуникации. Различия культурных кодов, ценностных систем и интерпретационных моделей оказывают непосредственное влияние как на производство медиатекстов, так и на их восприятие различными аудиториями. Это проявляется в вариативности репрезентации событий, в формировании образов «своего» и «чужого», в смещении смыслов при межкультурном восприятии и в необходимости адаптации языка, нарратива и символики к конкретному коммуникативному контексту. Следовательно, межкультурное измерение выступает не внешним, а сущностным параметром современного медиадискурса электронных СМИ. Основной вывод исследования состоит в том, что адекватное понимание механизмов конструирования медиадискурса возможно только при комплексном учёте журналистского, цифрового, технологического и межкультурного уровней, в совокупности определяющих специфику современного медиапространства и характер общественного производства смыслов.

Литература

1. Давыдова М. Медиадискурс: понятие, подходы к изучению, перспективы исследования // Филология и культура. 2025. № 3(81). С. 15–24.
2. Казак Е.А. Цифровой медиадискурс как актуальная проблема современной интернет-коммуникации // Этнопсихолингвистика. 2023. № 2(13). С. 52–64.
3. Самойленко Н.С. Конвергенция журналистики, медиакоммуникаций и IT // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 1(48). С. 121–128.
4. Бейтман Дж. А., Цзэн К.-И. Мультимодальный анализ дискурса как метод выявления нарративных стратегий в новостных видеоматериалах // Мультимодальная коммуникация. 2023. Т. 12, № 3. С. 261–285.
5. Сяо Цзюнь. Мультимодальный анализ дискурса: теоретические модели и его методологическое значение для исследования межкультурной коммуникации в новых медиа // Вестник Уханьского университета (Гуманитарные науки). 2017. № 6. С. 126–134.
6. Сяо Цзюнь, Ху Вэньтао. Трудности межкультурной коммуникации в новых медиа и теоретические подходы к их осмыслению // Обозрение журналистики и коммуникации. 2021. Т. 74, № 1. С. 107–117.
7. Франко З., Марк П.Д., Ларина Т.В. Эмоционализация современного медиадискурса: исследовательская повестка дня // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25, № 3. С. 586–610.
8. Клушина Н.И. Нарративные практики в современном российском медиадискурсе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 63. С. 24–35.
9. Поэлл Т., Ниборг Д.Б., Даффи Б.Э. Пространства согласования: анализ платформенной власти в индустрии новостей // Цифровая журналистика. 2023. Т. 11, № 8. С. 1391–1409.
10. Никонова Е.А. Гиперссылка как мультимодальный маркер эвиденциональности в электронных СМИ // Политическая лингвистика. 2022. № 1(91). С. 106–111.
11. Оу Личэн, Чжан Тэнчжи, Лю Юэ и др. Мультимодальный дискурс-анализ и стратегии визуального убеждения в коротких видеороликах научных журналов: на примере журналов, вошедших в План выдающихся действий китайских научно-технических журналов // Исследование китайских научно-технических журналов. 2023. Т. 34, № 11. С. 1494.
12. Сюй Сяндун, Ван Иси. Причины, последствия и меры противодействия алгоритмической предвзятости в условиях интеллектуальной коммуникации // Международная журналистика. 2020. Т. 42, № 10. С. 69–85.
13. Бейкер У. От межкультурной к транскультурной коммуникации // Язык и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 22, № 3. С. 280–293.
14. Поляков А. К., Аббасов Г.А.О. Транснациональный подход к изучению аудитории медиа // Коммуникология. 2023. Т. 11, № 3. С. 135–146.
15. Кондратьева О. Н., Сатучина Т.Ю. Конструирование национальной идентичности в дискурсе современных российских массмедиа // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Т. 13, № 2. С. 325–341.
16. Юань Гуанфэн. «Сообщество чувства»: эмоциональная циркуляция и конструирование идентичности в цифровых медиа // Новости и письмо. 2024. № 1. С. 5–13.
17. Янь Жуйфэн. Исследование интерактивного механизма наследования гуманистических ценностей и конструирования социальной идентичности в журналистике и коммуникации // Исследования в области гуманитарных и социальных наук. 2025. Т. 1, № 4. С. 13–20.

MECHANISMS OF MEDIA DISCOURSE CONSTRUCTION IN ELECTRONIC MASS MEDIA IN THE LIGHT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION THEORY

Han Linlin, Hegelova N.S.
Peoples' Friendship University of Russia

The article is devoted to a theoretical understanding of the mechanisms of media discourse construction in electronic mass media in the light of intercultural communication theory. The relevance of the study is determined by the digital transformation of the media environment, the growing multimodality, interactivity, and platform dependence of contemporary media, as well as the increasing role of the intercultural factor in the production and reception of media texts. The aim of the article is to identify the main mechanisms of media discourse construction in electronic mass media and to determine their specific features under conditions of intercultural communication. The study employs a discourse-based approach together with elements of media-linguistic and communicative analysis. It is established that the media discourse of electronic mass media is formed at the intersection of linguistic, narrative, framing, multimodal, interactive, and platform mechanisms. The article shows that cultural differences influence the representation of events, the interpretation of meanings, the construction of identity images, and the strategies of media message adaptation. It is concluded that the intercultural dimension is an essential characteristic of contemporary media discourse in electronic mass media.

Keywords: Media Discourse, Electronic Mass Media, Intercultural Communication, Multimodality, Digital Journalism.

References

1. Davydova M. Media discourse: concept, approaches to study, research prospects // Philology and Culture. 2025. No. 3 (81). Pp. 15–24.
2. Kazak E.A. Digital media discourse as a topical issue of modern Internet communication // Ethnopsycholinguistics. 2023. No. 2 (13). Pp. 52–64.
3. Samoylenko N.S. Convergence of journalism, media communications and IT // Topical issues of modern philology and journalism. 2023. No. 1 (48). Pp. 121–128.
4. Bateman J.A., Tseng K.-Y. Multimodal discourse analysis as a method for identifying narrative strategies in news videos // Multimodal communication. 2023. Vol. 12, No. 3. Pp. 261–285.
5. Xiao Jun. Multimodal Discourse Analysis: Theoretical Models and Its Methodological Significance for the Study of Intercultural Communication in New Media // Bulletin of Wuhan University (Humanities). 2017. No. 6. Pp. 126–134.
6. Xiao Jun, Hu Wentao. Difficulties of Intercultural Communication in New Media and Theoretical Approaches to Understanding Them // Review of Journalism and Communication. 2021. Vol. 74, No. 1. Pp. 107–117.
7. Franco Z., Mark P.D., Larina T.V. Emotionalization of Modern Media Discourse: Research Agenda // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25, No. 3. Pp. 586–610.
8. N.I. Klushina. Narrative Practices in Contemporary Russian Media Discourse. The World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal. 2021. No. 63. Pp. 24–35.
9. T. Poell, D.B. Nyborg, and B.E. Duffy. Spaces of Negotiation: An Analysis of Platform Power in the News Industry. Digital Journalism. 2023. Vol. 11, No. 8. Pp. 1391–1409.
10. E.A. Nikonova. Hyperlink as a Multimodal Marker of Evidentiality in Electronic Media. Political Linguistics. 2022. No. 1(91). Pp. 106–111.
11. Ou Licheng, Zhang Tengzhi, Liu Yue, et al. Multimodal Discourse Analysis and Visual Persuasion Strategies in Short Videos of Scientific Journals: A Case Study of Journals Included in the Outstanding Action Plan of Chinese Scientific and Technical Journals // Research on Chinese Scientific and Technical Journals. 2023. Vol. 34, No. 11. P. 1494.
12. Xu Xiangdong, Wang Yixi. Causes, Consequences, and Countermeasures to Algorithmic Bias in Intelligent Communication // International Journalism. 2020. Vol. 42, No. 10. P. 69–85.
13. Baker W. From Intercultural to Transcultural Communication // Language and Intercultural Communication. 2022. Vol. 22, No. 3. P. 280–293.
14. Polyakov A.K., Abbasov G.A.O. Transnational Approach to the Study of Media Audiences // Communicology. 2023. Vol. 11, No. 3. pp. 135–146.
15. Kondratieva O.N., Satuchina T. Yu. Construction of National Identity in the Discourse of Contemporary Russian Mass Media // Issues of Theory and Practice of Journalism. 2024. Vol. 13, No. 2. pp. 325–341.
16. Yuan Guangfeng. "Community of Feelings": Emotional Circulation and Construction of Identity in Digital Media // News and Letter. 2024. No. 1. pp. 5–13.
17. Yan Ruifeng. A study of the interactive mechanism of inheritance of humanistic values and construction of social identity in journalism and communication // Research in the field of humanities and social sciences. 2025. Vol. 1, No. 4. Pp. 13–20.

Старение населения в России и странах Кавказа: современное состояние, причины и тенденции развития

Чжан Сянь,
доцент кафедры славянских языков, Чанчуньский университет
E-mail: zhxian118@126.com

В условиях глобальных демографических сдвигов и геополитической нестабильности Россия и страны Кавказа столкнулись с глубоким старением населения. Для региона характерно уникальное явление – старение до обогащения под влиянием внешних шоков, создающее угрозы социально-экономическому развитию. В статье изучены особенности старения, его внутренние и внешние причины, даны прогнозы и рекомендации. Выявлено, что процесс отличается глубиной, региональной неоднородностью и гендерным дисбалансом. Он обусловлен низкой рождаемостью, оттоком населения и геополитическими факторами. В перспективе старение будет усиливаться, дисбалансы сохранятся. Исследование имеет теоретическое и практическое значение для стран в трансформации при регулировании демографических процессов.

Ключевые слова: Россия, страны Кавказа, старение населения, современное состояние, причины, тенденции развития.

Введение

Актуальность исследования

С начала XXI века старение населения вышло за пределы развитых стран и превратилось в глобальную демографическую тенденцию, оказывающую глубокое влияние на устойчивое социально-экономическое развитие различных государств [3]. Данные ООН подтверждают неуклонный рост доли населения в возрасте 65 лет и старше, что сопровождается сокращением предложения рабочей силы, увеличением нагрузки на системы пенсионного обеспечения и ростом потребности в медицинских услугах. Это побуждает страны оптимизировать свою демографическую и социальную политику, а также изыскивать эффективные пути реагирования на процессы старения.

Россия и страны Кавказа, как ключевая часть постсоветского пространства, демонстрируют ярко выраженную региональную специфику и высокую актуальность проблемы старения населения. В отличие от плавной модели старения в европейских странах и быстро сжатой модели в государствах Восточной Азии, данный регион после распада СССР пережил череду трансформационных потрясений: социально-экономических реформ, геополитической нестабильности, экономических колебаний и кризисов в сфере общественного здоровья. В результате сформировалась сложная модель старения, характеризующаяся сочетанием низкой рождаемости, высокой смертности и гендерного дисбаланса в ожидаемой продолжительности жизни. Особенно ярко здесь проявляется феномен «старения до обогащения»: уровень экономического развития не достиг стандартов развитых стран, однако регион уже испытывает многоплановое давление, связанное с глубоким старением населения[2]. Согласно стратегическому плану, опубликованному правительством России в 2026 году, в ближайшие 15 лет численность пожилых людей в стране увеличится почти на 10 миллионов, что дополнительно усугубит нагрузку на демографическую и социально-экономическую сферы [11].

Демографическая динамика и процессы старения в России и странах Кавказа (Грузия, Армения, Азербайджан и др.) тесно связаны не только с национальной демографической политикой и уровнем экономического развития, но и подвержены сильному влиянию внешних факторов, таких как геополитическая конфигурация и ход социальных трансформаций [6]. В существующей научной литературе преобладают исследования, посвящённые отдельным аспектам реформирования пенсионных систем. При этом системный анализ текущего состояния, глубинных причин и будущих тенденций старения в данном регионе остаётся недостаточным, что не позволяет в полной мере раскрыть его уникальность и сложность. В связи с этим данная статья фокусируется на системном изучении современного состояния, причин и тенденций развития старения населения в России и странах Кавказа, предоставляя практические рекомендации для стран региона, а также извлекая важные уроки для других постсоциалистических государств, переживающих трансформацию.

Научная и практическая значимость исследования

Существующие исследования преимущественно сосредоточены на проблемах старения в развитых странах или новых индустриальных экономиках. Системный анализ характеристик, причин и тенденций старения в постсоциалистических странах, в частности в России и на Кавказе, представлен недостаточно. Особенно ощущается нехватка глубокого анализа механизмов формирования старения в условиях наложения феномена «старения до обогащения» и внешних шоков [2]. Данная статья, систематизируя текущее состояние старения в регионе, углубленно анализируя причины и научно прогнозируя тенденции, позволяет расширить понимание закономерностей эволюции старения населения в постсоциалистических странах, обогатить теоретическую базу регионального демографического управления и восполнить существующие пробелы в научных исследованиях.

Проблемы старения, с которыми сталкиваются Россия и страны Кавказа, а также механизмы их формирования, представляют важную ценность для Китая и других стран, переживающих трансформацию и сталкивающихся с вызовом старения населения. Обобщённые в статье характеристики, причины и прогнозируемые тенденции старения

Проект фонда: Поэтапное завершение научно-гуманитарный фонда Университета Чанчунь "Исследование старения населения и снижения рождаемости в России и трёх странах Закавказья (Грузии, Армении, Азербайджане): сравнительный анализ текущей ситуации, глубинные причины и среднесрочные и долгосрочные тенденции развития.

в регионе могут служить практическим ориентиром для оптимизации демографической политики Китая и эффективного реагирования на старение населения. Одновременно они предоставляют адресные рекомендации для совершенствования системы демографического управления и смягчения последствий старения в самих России и странах Кавказа.

Методология и структура исследования

В исследовании применяются методы анализа литературы и сравнительного анализа. На основе систематического обзора отечественной и зарубежной литературы, статистических данных и программных документов, касающихся старения населения в России и странах Кавказа [6], была сформирована эмпирическая база исследования. Особое внимание уделено сравнению характеристик и причин старения в России, Грузии, Армении и Азербайджане, что позволило выявить общие закономерности и специфические особенности старения в каждой стране, обеспечивая научную обоснованность и всесторонность полученных выводов.

Структура статьи выглядит следующим образом: первый раздел – введение, в котором обосновывается актуальность, значимость и методология исследования; во втором разделе анализируются современные характеристики старения населения в России и странах Кавказа, определяются общие тенденции и специфические черты; третий раздел посвящён анализу внутренних и внешних причин формирования старения в регионе, а также выявлению механизмов воздействия различных факторов; в четвёртом разделе представляется прогноз будущих тенденций развития старения населения, что обеспечивает перспективную основу для выработки мер реагирования; пятый раздел содержит практические рекомендации, вытекающие из результатов исследования; в заключении обобщаются основные выводы и намечаются направления для будущих исследований.

Современное состояние старения населения в России и странах Кавказа

Углубление степени старения: вступление в фазу глубокого старения

Россия является одной из стран региона с наиболее выраженной степенью старения населения. Уже в 1970 году доля населения в возрасте 65 лет и старше достигла 7,7%, что свидетельствует о вступлении страны в стадию демографической старости – значительно раньше, чем в Китае и большинстве развивающихся стран [8]. После распада СССР процесс старения в России ускорился: доля пожилых людей, составлявшая в начале 1991 года чуть более 10%, постепенно росла, достигнув 18,3% в 2011 году. В 2018 году доля лиц 65 лет и старше составила 14,6%. К началу 2017 года численность населения старше 60 лет превысила 30 миллионов, что составило более 20% от общей численности населения – это означает официальное вступление России в фазу глубокого старения [7]. Согласно планам правительства России на 2026 год, в ближайшие 15 лет численность пожилых людей увеличится почти на 10 миллионов, степень старения продолжит углубляться, а модель глубокого старения закрепится на долгосрочную перспективу [11].

В странах Кавказа (Грузия, Армения, Азербайджан) степень старения, хотя и несколько ниже, чем в России, также демонстрирует устойчивую тенденцию к углублению [5]. Под влиянием оттока населения и низкой рождаемости доля пожилых людей в этих странах неуклонно растёт, и все они уже вступили в стадию демографической старости. Для них характерны высокая скорость старения и опережающий рост численности пожилых людей по сравнению с общей численностью населения. Наиболее типичным примером феномена «старения до обогащения» является Армения: при ограниченном уровне экономического развития страна демонстрирует ярко выраженное старение и сокращение численности населения, что делает её одной из стран Кавказа с наибольшим демографическим давлением [4]. Азербайджан в настоящее время сохраняет относительно низкий уровень старения, однако в долгосрочной перспективе, под влиянием низкой рождаемости и структурных сдвигов в населении, процесс старения будет постепенно ускоряться, а устойчивость пенсионной системы уже сталкивается с потенциальными вызовами [9].

Структурные особенности: региональная неоднородность и гендерный дисбаланс

Значительная региональная неоднородность является важной характеристикой старения в регионе. В российских федеральных округах степень старения сильно варьируется: в сельской местности она, как правило, выше, чем в городах. В отдалённых регионах отток рабочей силы ускоряет процесс старения, формируя бинарную модель «глубокое старение на селе – относительно мягкое старение в городе» [7]. Внутри стран Кавказа также наблюдаются заметные региональные различия: в столицах и экономически развитых районах степень старения относительно ниже, тогда как в отдалённых сельских районах проблема старения стоит особенно остро. Эти различия тесно связаны с уровнем экономического развития и направлением миграционных потоков [5]. Когда Армения, перенимая опыт пенсионных реформ в ЕС, вынуждена учитывать региональные различия и внедрять дифференцированные меры социальной защиты, это по сути отражает объективную потребность в смягчении регионального дисбаланса в старении.

Гендерный дисбаланс – ещё одна ярко выраженная структурная характеристика старения в регионе [2]. В России и странах Кавказа доля женщин среди пожилого населения значительно выше, а разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами сохраняется на высоком уровне. Особенно заметен этот разрыв в России, где высокая смертность мужчин в трудоспособном возрасте и их более низкая ожидаемая продолжительность жизни не только усугубляют дефицит рабочей силы, но и усиливают структурный дисбаланс в нагрузке на пенсионную систему. Пожилые женщины становятся основной демографической группой среди стареющего населения, что одновременно увеличивает потребность в долговременном уходе и создает дополнительную нагрузку [8]. Гендерный дисбаланс влияет не только на сбалансированность демографической структуры, но и оказывает долгосрочное воздействие на межпоколенческие отношения и систему предоставления социальных услуг для пожилых.

Смешанный тип старения: воздействие внешних шоков

Старение населения в России и странах Кавказа носит ярко выраженный «смешанный» характер – процесс старения накладывается на различные внешние шоки, что усугубляет демографические проблемы региона [2]. В последние годы основными внешними шоками стали пандемия COVID-19 и геополитические конфликты, которые оказали существенное негативное влияние на демографическую структуру региона: пандемия привела к резкому росту смертности среди пожилых людей, а геополитические конфликты усилили отток рабочей силы и экономическую нестабильность, что в свою очередь снизило рождаемость и ускорило процесс старения [11]. Замораживание Фонда национального благосостояния России в 2025 году является конкретным проявлением наложения демографического и финансового давления в условиях внешних шоков, что подчёркивает дестабилизирующую роль внешних факторов в демографических процессах.

Старение в регионе также глубоко переплетено с экономическими колебаниями и социальной трансформацией, образуя порочный круг: старение усиливает экономическое давление, а экономическое давление, в свою очередь, сдерживает демографическое развитие. В России, например, под воздействием западных санкций и резкого сокращения доходов от экспорта энергоносителей, бюджетные ассигнования смещаются в сторону оборонного сектора. В федеральном бюджете на 2025 год более 35% расходов направлено на оборону – почти в два раза больше, чем на пенсионное обеспечение, что ещё больше сужает финансовое пространство для демографического развития и социальной защиты пожилых, косвенно усиливая давление, связанное со старением [10].

Причины старения населения в России и странах Кавказа

Внутренние причины: демографические и социально-экономические факторы

Низкая рождаемость является ключевой внутренней причиной формирования и углубления старения в регионе [6]. После распада СССР уровень рождаемости в России и странах Кавказа резко снизился и длительное время остаётся на низком уровне, не обеспечивая естественного воспроизводства населения. Суммарный коэффициент рождаемости в России долгое время был ниже уровня воспроизводства. Несмотря на введение мер стимулирования рождаемости (пособия, поддержка семей), экономические трудности и изменение репродуктивных установок населения ограничили их эффективность [7]. В Грузии и Армении суммарный коэффициент рождаемости также остаётся низким, естественный прирост населения продолжает сокращаться, а в некоторые годы наблюдается убыль, что ведёт к сокращению доли молодого населения и росту доли пожилых. Рост уровня образования женщин и их занятости дополнительно снижает репродуктивные установки, закрепляя долгосрочную тенденцию низкой рождаемости.

Высокая смертность, особенно среди мужчин трудоспособного возраста, дополнительно усугубляет процесс старения в регионе. В России высокая смертность мужчин трудоспособного возраста связана с алкоголизмом, сердечно-сосудистыми заболеваниями, несчаст-

ными случаями и другими факторами, что напрямую сокращает численность рабочей силы и увеличивает относительную долю пожилых. В странах Кавказа, из-за ограниченных медицинских ресурсов и недостаточной доступности здравоохранения, высока не только смертность среди пожилых, но и среди населения трудоспособного возраста, что дополнительно усиливает давление, связанное со старением [5]. В период пандемии COVID-19 резкий рост смертности среди пожилых стал важным фактором ускорения старения в краткосрочной перспективе.

Отток рабочей силы усугубляет дисбаланс в демографической структуре и ускоряет старение [4]. Под влиянием экономических колебаний и геополитической нестабильности значительная часть населения трудоспособного возраста мигрирует из России и стран Кавказа. Особенно силён отток молодых специалистов, что напрямую снижает долю трудоспособного населения и увеличивает относительную долю пожилых. В странах Кавказа проблема оттока рабочей силы стоит ещё острее, чем в России: из Армении, Грузии и других стран значительное число молодых работников уезжают в Европу и Россию, что ведёт к «постарению» и «опустошению» демографической структуры, усиливая демографическое давление.

Социально-экономическая отсталость и трансформационные трудности создают базовые условия для формирования старения в регионе. Как постсоциалистические страны, Россия и государства Кавказа после распада СССР пережили затяжной период экономической нестабильности и социальных потрясений. Их ограниченный уровень экономического развития не позволяет сформировать полноценную систему демографического и пенсионного обеспечения. Феномен «старения до обогащения» означает, что эти страны сталкиваются с большим финансовым и ресурсным давлением при попытках смягчить последствия старения: традиционная модель семейной заботы о пожилых подорвана, а система общественного призрения ещё не сложилась, что обостряет проблемы, связанные со старением.

Внешние причины: геополитические и глобальные факторы

Геополитическая нестабильность является важным внешним фактором, усиливающим старение в регионе [2]. Россия и Кавказ, занимая особое геополитическое положение, длительное время сталкиваются с конфликтами и внешними санкциями, что ведёт к экономической нестабильности и социальным потрясениям, негативно влияя на демографическое развитие. Россия, находясь под длительным санкционным давлением Запада, испытывает экономический спад и ограниченные бюджетные возможности, что не позволяет в должной мере финансировать демографическую политику и поддержку рождаемости, усугубляя низкую рождаемость и отток рабочей силы [10]. В странах Кавказа региональные конфликты и геополитическое соперничество ведут к частым социальным потрясениям, усиливают миграцию и снижают рождаемость, ускоряя процесс старения [5].

Мировые кризисы в сфере общественного здоровья в краткосрочной перспективе усугубили старение в регионе [11]. Пандемия COVID-19 привела не только к росту смертности среди пожилых, но и к экономической рецессии и росту безработицы, что дополнительно снизило рождаемость и усилило отток рабочей силы, ускорив старение. Замораживание Фонда национального благосостояния России в 2025 году – конкретный пример наложения демографического и финансового давления в результате пандемии и геополитических конфликтов [10].

Изменения международной обстановки и колебания внешней помощи косвенно влияют на демографическое развитие региона. Экономика и демографическая политика стран Кавказа в определённой степени зависят от внешней помощи. Нестабильность международной обстановки ведёт к колебаниям объёмов этой помощи, что затрудняет реализацию мер по поддержке рождаемости и демографического развития, ограничивая оптимизацию демографической структуры и косвенно усиливая давление, связанное со старением. Кроме того, глобальные экономические колебания негативно сказываются на экспорте энергоносителей и трудовой миграции в регионе, снижая доходы населения и ещё больше подавляя рождаемость, что ускоряет старение.

Тенденции развития старения населения в России и странах Кавказа

Углубление старения и долгосрочное сохранение модели глубокого старения

В будущем степень старения населения в России и странах Кавказа будет продолжать увеличиваться, а модель глубокого старения закрепится на длительную перспективу [2]. Согласно стратегическому плану правительства России на 2026 год, в ближайшие 15 лет численность пожилых людей в стране вырастет почти на 10 миллионов, доля лиц 65 лет и старше продолжит расти, а степень старения останется высокой [11]. В странах Кавказа старение будет ускоряться в Армении и Грузии, где доля пожилых людей постепенно приблизится к российскому уровню, а феномен «старения до обогащения» станет ещё более заметным [5]. Азербайджан, имея сейчас относительно низкую степень старения, под влиянием долгосрочных факторов (низкая рождаемость, отток рабочей силы) будет постепенно ускорять процесс старения; ожидается, что в ближайшие 20 лет он также вступит в фазу глубокого старения [9]. В целом, старение в регионе будет характеризоваться продолжающимся углублением и долгосрочным сохранением высокого уровня, что усилит его сдерживающее влияние на социально-экономическое развитие региона.

Сохранение и возможное усиление регионального и межгородского дисбаланса

Под влиянием долгосрочных факторов, таких как уровень экономического развития и миграция рабочей силы, региональный и межгородской дисбаланс в старении в краткосрочной перспективе вряд ли будет преодолён и может даже усилиться. В России степень старения в сельской местности и отдалённых федеральных округах будет оставаться выше, чем в городах и экономически развитых регионах; отток рабочей силы будет усугублять старение на селе, формируя порочный круг: старение усиливается – отток рабочей силы усиливается – старение ещё более углубляется [7]. В странах Кавказа в столицах и экономически развитых районах, благодаря относительно лучшей медицинской инфраструктуре и рынку труда, степень старения остаётся более низкой, тогда как в отдалённых сельских районах, из-за оттока рабочей силы и нехватки медицинских ресурсов, давление, связанное со старением, нарастает, а разрыв в степени старения между регионами и между городом и селом продолжает увеличиваться.

Усиление долгосрочного воздействия внешних шоков и обострение взаимосвязи старения с социально-экономическими проблемами

В будущем долгосрочное воздействие внешних шоков – геополитической нестабильности, глобальных экономических колебаний и кризисов в сфере общественного здоровья – станет ещё более заметным, что приведёт к дальнейшему переплетению проблем старения с социально-экономическими противоречиями в регионе [10]. Россия, находясь под долгосрочным воздействием санкций и геополитических конфликтов, будет испытывать устойчивое давление на экономический рост; бюджетных ресурсов будет недостаточно для эффективной поддержки демографического развития и пенсионного обеспечения, а проблемы, такие как дефицит рабочей силы и рост нагрузки на пенсионную систему, усугубятся [11]. В странах Кавказа, под влиянием колебаний внешней помощи и региональных конфликтов, реализация демографической политики будет сталкиваться с ещё большими препятствиями; низкая рождаемость и отток рабочей силы вряд ли будут смягчены, а противоречие между старением и экономической отсталостью углубится. Кроме того, глобальные изменения климата и колебания мировых цен на энергоносители также будут влиять на экономику региона, косвенно усиливая давление, связанное со старением.

Рост гендерного дисбаланса и потребностей в уходе, усложнение демографического управления

В будущем гендерный дисбаланс в старении населения региона сохранится, а высокая доля пожилых женщин вряд ли изменится. По мере углубления старения потребности пожилых людей в медицинской помощи и долговременном уходе будут расти, особенно потребности пожилых женщин, что предъявит повышенные требования к системе социальных услуг для пожилых [6]. Одновременно обострится проблема дефицита рабочей силы: нагрузка по пенсионным взносам на трудоспособное население продолжит расти, усугубляя дисбаланс между поколениями, что может породить новые социальные конфликты. Кроме того, рост числа «пожилых людей, живущих в одиночку» и «пожилых людей, чьи дети уехали» вследствие оттока населения ещё больше усложнит демографическое управление и предоставление социальных услуг для пожилых, создавая серьёзные вызовы для демографической политики и социального управления в странах региона [1].

Рекомендации по реагированию на старение населения в России и странах Кавказа

Исходя из анализа современного состояния, причин и тенденций развития старения в России и странах Кавказа, для смягчения последствий старения, оптимизации демографической структуры и обеспечения устойчивого социально-экономического развития представляется целесообразным реализовать комплекс мер по следующим пяти направлениям:

Так усиление мер поддержки рождаемости и улучшение репродуктивной среды: совершенствование системы пособий по рождению детей, развитие услуг по уходу за детьми, повышение репродуктивных установок населения для смягчения структурного дисбаланса, вызванного низкой рождаемостью [6].

Развитие систем здравоохранения и социального обслуживания пожилых: расширение доступа к медицинским услугам с особым вниманием к потребностям сельских и отдалённых районов, повышение уровня медицинского обеспечения и долговременного ухода за пожилыми людьми для удовлетворения растущего спроса [11].

Укрепление рынка труда и стимулирование возвращения мигрантов: совершенствование мер поддержки занятости, создание благоприятных условий для возвращения трудовых мигрантов, повышение уровня участия трудоспособного населения в экономике для смягчения дефицита рабочей силы.

Оптимизация структуры бюджетных расходов: обеспечение сбалансированного распределения средств между обороной и социальными нуждами, увеличение инвестиций в демографическое развитие и пенсионное обеспечение для создания устойчивой финансовой основы реагирования на старение [10].

Таким образом, укрепление регионального сотрудничества и международного взаимодействия: обмен опытом в области демографического управления, привлечение международной помощи и технической поддержки для совместного преодоления вызовов, связанных со старением под воздействием внешних шоков.

Заключение и перспективы дальнейших исследований

Россия и страны Кавказа находятся в стадии глубокого старения населения, сформировав уникальную модель с высокой интенсивностью, региональной неоднородностью, гендерным дисбалансом и растущим влиянием внешних шоков. Она сложилась под воздействием внутренних факторов (низкая рождаемость, высокая смертность, отток трудоспособного населения) и внешних рисков (геополитическая нестабильность, глобальные кризисы в здравоохранении). В перспективе старение будет усиливаться, региональные диспропорции сохранятся, а противоречия с социально-экономическим развитием усложнят демографическое управление.

Опыт региона ценен для трансформационных постсоциалистических стран в сфере демографической политики. Им следует формировать адресные меры с учётом национальных особенностей: поддерживать рождаемость, развивать услуги для пожилых, оптимизировать рынок труда и развивать региональное сотрудничество для сглаживания последствий старения.

По мере глобального старения актуальность исследований возрастает. Перспективы работы включают оценку эффективности антистарческих мер, изучение форм регионального сотрудничества и стратегий активного долголетия для совершенствования демографического управления региона.

Литература

1. Чжан Сянь. Социальная защита престарелых в КНР // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 4–2. С. 271–278.

2. Ван Е, Ли Жосинь. Реальные проблемы, последствия и меры по решению проблемы старения населения в России // Восточноазиатское обозрение. 2023. № 1. С. 118–138.

3. Лю Хоулянь. Тенденции развития старения населения в мире и Китае // Научные исследования по проблемам старения. 2021. Т. 9, № 12. С. 1–16.

4. Сюй Хайянь, Ан Минь. Социальные проблемы и реформа пенсионной системы в Армении // Западный академический вестник. 2019. № 13. С. 136–141.

5. Ван Минь, Ван Шуцин, Ли Чэньцзя. Грузия: выбор нестраховой пенсионной реформы // Социальное обеспечение Китая. 2019. № 2. С. 39–41.

6. Цзяцзя (Kalacheva Ekaterina). Влияние старения населения России на экономический рост [диссертация]. Нанкин: Нанкинский университет, 2017.

7. Сафарова Г.Л., Чжун Цзяньпин. Современное состояние исследований старения населения в России и приоритетные направления // Сибирские исследования. 2013. Т. 40, № 6. С. 60–66.

8. Сафарова Г.Л., Чжан Гуансян, Чжун Цзяньпин. Старение населения в России // Журнал демографии. 2011. № 5. С. 58–65.

9. Brand M. The Current State of the Pension System in Azerbaijan: Challenges and Prospects // ResearchGate. 2021.

10. Tencent News. Замораживание Фонда национального благосостояния: пенсии под угрозой? Приоритет оборонных расходов в России усиливает тревогу населения [Электронный ресурс]. (2025–10–13) [2026–04–10].

11. Пермский информационный портал. На пути к активному долголетию: как в России будут анализировать и улучшать жизнь пенсионеров [Электронный ресурс]. (2026–01–07) [2026–04–10].

AGING POPULATION IN RUSSIA AND THE CAUCASUS COUNTRIES: CURRENT SITUATION, CAUSES AND DEVELOPMENT TRENDS[1]

Zhang Xian
Changchun University

Amid global demographic shifts and geopolitical instability, Russia and the countries of the Caucasus are facing severe population aging. The region is characterized by a unique phenomenon: aging before enrichment, exacerbated by external shocks, which poses threats to socio-economic development. The paper examines the features of aging, its internal and external causes, and provides forecasts and recommendations. The process is marked by its depth, regional disparities, and gender imbalance, driven by low fertility rates, population outflow, and geopolitical factors. Population aging will intensify going forward, while imbalances will persist. This study carries theoretical and practical significance for transforming countries in managing demographic processes.

Keywords: Russia, Caucasus countries, population aging, current state, causes, development trends.

References

1. Zhang Xian. Social Protection of the Elderly in the PRC // Management in Education: Theory and Practice. 2024. No. 4–2. Pp. 271–278.

2. Wang Ye, Li Zuoxin. Actual Problems, Consequences and Solutions to Population Ageing in Russia // East Asian Review. 2023. No. 1. Pp. 118–138.

3. Liu Houlian. Trends in Population Ageing in the World and China // Scientific Research on Ageing Issues. 2021. Vol. 9, No. 12. Pp. 1–16.

4. Xu Haiyan, An Min. Social Problems and Pension System Reform in Armenia // Western Academic Herald. 2019. No. 13. Pp. 136–141.

5. Wang Min, Wang Shuqin, Li Chenjia. Georgia: The Choice of a Non-Contributory Pension Reform // Social Security of China. 2019. No. 2. Pp. 39–41.

6. Jiajia (Kalacheva Ekaterina). The Impact of Population Ageing in Russia on Economic Growth [dissertation]. Nanjing: Nanjing University, 2017.

7. Safarova G.L., Zhong Jianping. Current State of Research on Population Ageing in Russia and Priority Areas // Siberian Studies. 2013. Vol. 40, No. 6. Pp. 60–66.

8. Safarova G.L., Zhang Guangxiang, Zhong Jianping. Population Ageing in Russia // Demography Journal. 2011. No. 5. Pp. 58–65.

9. Brand M. The Current State of the Pension System in Azerbaijan: Challenges and Prospects // ResearchGate. 2021.

10. Tencent News. Freezing of the National Welfare Fund: Pensions under Threat? Priority of Defence Spending in Russia Heightens Public Anxiety [Electronic resource]. (2025–10–13) [2026–04–10].

11. Perm Information Portal. Towards Active Longevity: How Russia Will Analyse and Improve the Lives of Pensioners [Electronic resource]. (2026–01–07) [2026–04–10].

[1] Fund Project: Phased Completion of the Humanities and Social Sciences Fund of Changchun University “Research on Population Aging and Fertility Decline in Russia and the Three Transcaucasian Countries (Georgia, Armenia, Azerbaijan): A Comparative Analysis of the Current Situation, In-depth Causes and Medium and Long-term Development Trends”

О профессиональной ценности медиаграмотности как фактора формирования взаимного доверия между сотрудниками органов внутренних дел и населением

Шинкевич Владимир Ефимович,
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России; профессор кафедры социологии Института педагогики психологии и социологии Сибирского федерального университета
E-mail: vlashink@yandex.ru

Богданова В.Е.,
аспирант кафедры социологии и демографии Сибирского федерального университета
E-mail: valeria.korovkina@bk.ru

В данной статье автор обращает внимание на необходимость повышения медиаграмотности сотрудников органов внутренних дел, как значимого фактора укрепления доверия к органам внутренних дел со стороны населения. Рассматриваются ценностные составляющие для общества, как следствия внедрения инновационных цифровых решений, обеспечивающих эффективность, прозрачность деятельности правоохранительных органов. Существенное внимание уделено раскрытию направлений формирования общественного мнения о деятельности органов внутренних дел, вопросам изучения общественного мнения. На основе проведенного анализа предложена авторская концепция модуля формирования медиаграмотности в образовательных программах подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: медиограмотность, общественное мнение, органы внутренних дел, развивающиеся технологии, коммуникация.

Одним из важнейших условий повышения уровня общественного правосознания является создание атмосферы доверия и сотрудничества между правоохранительными органами и структурами гражданского общества. Это обусловлено тем, что наиболее значимым индикатором общественного мнения, отражающим правовые реалии в стране и регионе, является общий социально-психологический настрой граждан.

Деятельность органов внутренних дел, ввиду своей специфики, постоянно находится в поле общественного мнения и формируется как под впечатлением непосредственного общения с сотрудниками милиции, рассказов ближайшего окружения и случайно услышанных, так и по информации, получаемой из средств массовой коммуникации различных уровней. Это притом, что в условиях современного мира, характеризующегося стремительным развитием цифровых технологий, границы между традиционными СМИ и новыми формами массовой коммуникации становятся всё более размытыми [1].

Органы внутренних дел как социальный институт современного общества призван совершенствовать и укреплять взаимодействие с правозащитными и общественными организациями, способствовать формированию положительного образа сотрудника ОВД среди населения.

Цифровизация, являющаяся трендом современной действительности, любых форм общественных отношений, экономических, политических, социальных, образовательных, коммуникационных и многих иных практики, в которые вовлечен человек, стала реальностью, а во многом и элементом культуры человека, условно относимых к поколениям миллениалов, зумеров, альфы, новому поколению бетты, которые будут жить в эпоху искусственного интеллекта. Цифровизация информационного пространства коренным образом трансформирует существующие общественные отношения, в том числе отношения между органами внутренних дел и обществом, дает возможность осуществлять при необходимости контроль территориальных, социальных, материальных, профессиональных маркеров, позволяющих выделить интересующие социальные объекты на фоне других[2]. Открытость и доступность информации, являющееся важной характеристикой информационного общества, выводит на новый уровень обеспечение правовой безопасности современного общества.

Если в прошлом взаимодействие опосредовалось традиционными СМИ, полностью контролируемыми органами цензуры, при этом первоначальное значение придавалось прежде всего освещению результатов деятельности, реально повлиявшей на укрепление законности и правопорядка[3], то сегодня в формате свободы слова и мысли, распространение информации о деятельности органов внутренних дел происходит через сложную экосистему платформ, алгоритмов, социальных сетей и пользовательского контента[4]. Помимо того, существует ряд ресурсов и сервисов в Интернете, которые представляют интересы государства[5], а своей основополагающей целью считают как представление правовой информирование населения, так и формирование общественного мнения о деятельности правоохранительных органов, в том числе и органов внутренних дел [6. С.36].

Это обусловлено, прежде всего, тем, что современные вызовы общественной безопасности требуют внедрения инновационных цифровых решений, обеспечивающих эффективность, прозрачность и доверие населения к институтам правопорядка [7. С.19.]. В этом контексте роль медиаграмотности, как компетенции профессиональной подготовки, приобретает стратегическое значение. «Растущий поток информации требует от личности не только адекватного восприятия, эффективной переработки информации, но и творческого осмысления и критического анализа медиа сообщений… В этом контексте целью медиаобразования как неотъемлемой части современного образования становится формирование медиакомпетентности личности» [8. С. 48].

Правоохранительные органы постоянно находятся в фокусе медийного внимания и часто становятся объектом противоречивых интерпретаций. Следовательно «Как и любая другая компетенция, медиаграмотность представляет собой определенный набор навыков, умений, систем ценностей и отношений» [9].

Способность сотрудников органов внутренних дел не посовать перед представителем журналистского пула, понимать механизмы медиавоздействия, распознавать манипулятивные практики формируют профессионализм солдат правопорядка. Следовательно конструиро-

вание медийных нарративов становится необходимым компонентом их профессиональной компетентности. Любой сотрудник органов внутренних дел должен иметь навыки общения с журналистами, знать, что журналист также выполняет свои профессиональные обязанности по информированию населения и он несет ответственность не только за достоверность и качество транслируемой информации, но и за ее содержание, а в установленном порядке и за конфиденциальность [10]. Сегодня в сфере развития коммуникативных технологий открываются новые возможности для демократизации общения и расширения участия граждан в политической и социальной жизни, вместе с тем требуются и разработки инновационных эффективных механизмов регулирования и обеспечения достоверности информации в условиях стремительно развивающегося цифрового мира.

При этом медиаграмотность – это не столько технические навыки работы с информацией, сколько развитие критического мышления и осознание того, как СМИ формируют коллективные интерпретации социальной реальности, каким источникам информации целесообразно доверять и с какими предпочтительней при необходимости взаимодействовать. Медиограмотность также предполагает знание сотрудниками органов внутренних дел порядока взаимодействия со СМИ в процессе исполнения профессиональных обязанностей [11].

Современное медиапространство характеризуется несколькими принципиальными вызовами [12], актуальными для рассматриваемой сферы Обозначим их.

Первый вызов – распространение стереотипных и фобийных (порождающих страх) конструкций. Медиадискурс часто воспроизводит упрощенные, провоцирующие нарративы, которые не только искажают понимание реальной деятельности органов внутренних дел, но и подрывают их социальный авторитет, редко отражая сложность и моральные дилеммы реальной профессиональной деятельности. Кандидат психологических наук Ефимкина Н.В. обращает внимание на то, что «Проблема искажения информации всегда интересовала исследователей и оставалась актуальной на протяжении всего развития человечества. Данная ситуация – по мнению автора – приводит к определенным трудностям при исполнении сотрудниками служебных обязанностей, создает предпосылки для искажения информации по различным, возможно, не зависящим от личности сотрудника причинам» [13]. Существенный вклад в изучение и разработку проблемы коммуникативной компетентности внесли работы таких исследователей, как: Г.М. Андреева, Л.М. Абалин, Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и многие др. Большее внимание непосредственно проблемам коммуникативной компетентности сотрудников полиции уделяли А.В. Батаршев, С.П. Безносов, В.Л. Васильев, А.Т. Иваницкий, В.Я. Кикоть, Ю.А. Шаранов и др. Авторы рассматривают профессиональную компетентность как главную составную часть профессиональной деятельности и важнейшего условия становления профессионально-личностных качеств.

Второй вызов – влияние алгоритмов на медиапотребление. Социальные сети используют алгоритмы, которые усиливают поляризацию мнений и создают информационные пузыри[14], в результате чего пользователи, интересующиеся критикой правоохранительной деятельности или, напротив, демонстрирующие повышенный интерес к «силовому порядку», попадают в замкнутые циклы контента, где их убеждения подкрепляются и радикализируются. При этом в деятельности сотрудников органов внутренних дел убеждение оказывается единственным средством должного воздействия на сознание и волю людей, без применения мер административного принуждения [15. С. 43]. Третий вызов – недостаток медиаграмотности у целевой аудитории. Эмпирические исследования показывают, что большинство граждан, включая будущих сотрудников правоохранительных органов, не обладают навыками критического анализа медиатекстов и не умеют распознавать техники манипуляции[16, 17].

В исследовании мы опираемся на понимание СМИ как социального института, выполняющего функции социальной интеграции и стабилизации. В этой перспективе СМИ обеспечивают двустороннюю связь правоохранительных органов с общественностью и институтами гражданского общества. СМИ формируют коллективные интерпретации социальной реальности, через которые люди понимают, что происходит в обществе, кому доверять и как действовать. Механизм конструирования этих интерпретаций включает несколько уровней: уровень медийного фреймирования (как проблема представляется), уровень выбора героев (кто становится субъектом и объектом повествования, героем, антигероем), нарративный уровень (какие истории рассказываются) и уровень циркуляции (как контент распространяется и усиливается через алгоритмы и социальные сети). Это означает, что способ, которым медиа представляют деятельность сотрудников МВД России, структурирует не только общественное мнение о них, но и их профессиональную идентичность и мотивацию.

Современные исследователи в области цифровой журналистики и деятельности специалистов по связям с общественностью выявили два ключевых когнитивных предубеждения, которые влияют на выбор новостей и формирование мировоззрения аудитории. Среди них – «негативная предвзятость» и «склонность к подтверждению» [12]. Первое искажение означает, что люди предрасположены потреблять больше нежелательного негативного контента, считая его более значимым, необычным и требующим внимания. Это явление объясняется эволюционными механизмами человеческой психики – необходимостью постоянно сканировать окружающую среду на предмет угроз. Второе понятие, в свою очередь, относится к тенденции людей выбирать информацию, которая соответствует их существующим убеждениям и мировоззрению, и избегать информации, которая противоречит их взглядам. Конвергенция этих двух предубеждений создает опасный сценарий: люди с уже имеющимся пессимистичным взглядом на состояние преступности или безопасности в обществе будут выбирать новости об инцидентах, которые подтверждают их мировоззрение. Таким образом, фреймирующий механизм, особенно при использовании эпизодического подхода (когда событие представляется как изолированный случай, а не как часть статистической тенденции), усиливает иррациональные страхи и создает искаженное восприятие реальности.

Для сотрудников правоохранительных органов это значимо, так как общественное мнение о состоянии преступности во многом формируется именно посредством эпизодического и негативно окрашенного освещения подобных событий в медиа. Если же правоохранители сами становятся жертвами когнитивных предубеждений, выбирая источники, которые подкрепляют пессимистичный взгляд на возможность выполнения своих профессиональных задач – это негативно влияет на их моральный дух и профессиональную эффективность.

Другая угроза – фейки и дезинформация, созданная и распространяемая с целью причинить социальный, политический, финансовый или психологический вред. В кризисных ситуациях (например, в пандемию COVID-19 [18]) ее распространение не только дезориентирует население, но и подрывает доверие к органам власти.

Развивающиеся технологии, включая глубокое обучение и искусственный интеллект, создают возможность производства, так называемых, дипфейков – синтетического медиаконтента, в котором люди совершают действия, которые они на самом деле не совершали. Дипфейки более убедительны, чем фейковые новости и меньше подвергаются критическому анализу потребителями. Они могут использоваться для компрометации сотрудников правоохранительных органов или для разжигания конфликтов между различными группами населения и властью [19].

Кроме того, сотрудники МВД России сталкиваются с психологическими последствиями работы с травматичным контентом в цифровой среде[20]. Факторы, которые могут служить буфером против этих последствий, включают профессиональную поддержку, а также критическое понимание того, как медиа формируют и манипулируют восприятием.

На основе проведенного анализа предлагается встроить модуль медиаграмотности в программы подготовки сотрудников правоохранительных органов. Этот модуль может включать несколько компонентов.

Теоретическая основа охватывает историю развития СМИ как социального института, механизмы формирования коллективных интерпретаций социальной реальности, роль медиа в социальной интеграции и потенциальной дезинтеграции, влияние цифровизации на медиапространство, основные принципы работы алгоритмов в социальных сетях, а также риски и возможности, связанные с новыми технологиями.

Практические навыки критического анализа предусматривают обучение распознаванию идеологической позиции в медиатекстах, анализу источников и проверке фактов, пониманию роли визуальных элементов в конструировании значений, анализу алгоритмического отбора контента и его влияния на собственное восприятие, а также оценке степени репрезентативности медийного изображения правоохранительной деятельности. Вместе с тем, внимание рекомендуется уделить распознаванию когнитивных предубеждений в собственных предпочтениях при выборе информации.

Цифровые инструменты и методики предполагают использование интерактивных платформ для анализа медиатекстов, инструментов для отслеживания алгоритмических рекомендаций, симуляций медийных кампаний и информационных атак.

Профессионально-ориентированные кейсы включают анализ реальных примеров того, как медиа освещают различные типы правоохранительной деятельности (борьба с преступностью, работа с мигрантами, взаимодействие с активистами оппозиции и молодежных субкультур, реагирование на насилие), какие стереотипы и фобийные конструкции чаще всего воспроизводятся, какие альтернативные нар-

ративы возможны и желательны, а также как этически и эффективно взаимодействовать с медиа и общественностью.

Внедрение предложенного модуля может привести к повышению индивидуальной компетентности и способности критического анализа медиадискурса, пониманию механизмов медиавоздействия и умению противостоять манипуляциям. На уровне организационной культуры развитие медиаграмотности будет способствовать формированию более осознанного и рефлексивного отношения к взаимодействию с медиа и обществом. Создаст возможность более активного влияния на качество медийного дискурса о правоохранительной деятельности, что обеспечит укрепление социального доверия к институтам правопорядка, снижение поляризации по вопросам безопасности и правопорядка и усиление стабилизирующей функции СМИ.

Итак, встраивание медиаграмотности в профессиональную подготовку сотрудников правоохранительных органов – стратегически значимая инвестиция в повышение эффективности борьбы с дезинформацией, фобийными конструкциями и социальной поляризацией. Предложенный подход соединяет теоретические основания с практическими компетенциями и организационными преобразованиями, что создает условия для укрепления социальной стабилизации в условиях информационных вызовов XXI века.

Литература

1. Киричук Д.А. Цифровая трансформация медиапространства: новые вызовы и возможности для политической коммуникации в эпоху социальных медиа // Мировая политика. 2025. № 1. С 48–50.
2. Капинус О.С. Право и технологии: анализ взаимосвязи в новых цифровых реалиях // Обозреватель – Observer. 2021. № 6. С. 82.
3. Беженцев А.А. Правоохранительные органы и средства массовой информации: исторический и теоретический аспекты взаимодействия // Закон и право. 2024. № 11. С. 58–65.
4. Дзялошинский И.М. Современное медиапространство России: Учеб. пособие для студентов вузов / И.М. Дзялошинский. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. 312 с.
5. Шарков Ф.И., Назарова Е.А., Жуков А.В. Цифровая грамотность населения и сетевые коммуникации: социологическое измерение // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 3. С. 52–62.
6. Михайлов Д.О. Взаимодействие традиционных СМИ и власти в вопросах реализации государственной информационной политики России// Коммуникология: электронный научный журнал. 2022. Том 7. № 2. С.34–42.
7. Адилов С.А. Цифровизация правоохранительной деятельности: реализация Концепции продвижения идеологии Закона и Порядка // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 18–24.
8. Жижина М.В. Медиаграмотность как стратегическая цель медиаобразования: о критериях оценки медиакомпетентности // Media Education. 2016. № 4 (С. 48) С. 47–65
9. Чичерина Н.В. Медиаграмотность как ключевая компетенция современного специалиста: структура и содержание. URL: ttps://cyberleninka.ru/article/n/mediagramotnost-kak-klyuchevaya-kompetentsiya-sovremennogo-spetsialista-struktura-i-soderzhanie/viewer
10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // КонсультантПлюс.
11. Об утверждении Положения об Управлении по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 20.12.2024 № 905 //КонсультантПлюс
12. I knew it, the world is falling apart! Combatting a confirmatory negativity bias in audiences' news selection through news media literacy interventions / T.G.L.A. van der Meer, M. Hameleers // Digital Journalism. 2022. Vol. 10, No. 3. P. 473–492.
13. Ефимкина Н.В. К вопросу об искажении информации в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах, 2013, № 4(55) С. 16–18.
14. Грачев М.Н. Эхо-камеры, эпистемические пузыри и пузыри фильтров как акторы сетевого коммуникационного пространства // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 29. С. 1–14.
15. Сургутсков В.И., Самойлов А.В. Современные формы убеждения в административной деятельности полиции // Научный вестник Омской академии МВД России № 4(59), 2015 С.43–47
16. Жилавская, Ирина Владимировна. Системные и институциональные трансформации российского медиаобразования: монография / И.В. Жилавская. Москва: МПГУ, 2021. 368 с.
17. Сергеева Т.В. Проблема манипулятивного воздействия в профессиональной коммуникации органов внутренних дел // Sciences of Europe № 59, (2020) С. 44–47].
18. Gradon K. Crime in the time of the plague: fake news pandemic and the challenges to law-enforcement and intelligence community // Society Register. 2020. Vol. 4, No. 2. P. 133–148.
19. Understanding and supporting law enforcement professionals working with distressing material: Findings from a qualitative study / C.-B. Denk-Florea, B. Gancz, A. Gomoiu, M. Ingram, R. Moreton, F. Pollick // PLoS ONE. 2020. Vol. 15, No. 11. P. 1–28.
20. Intimate Partner Femicide in Portugal: The perception of intervention professionals with intimate partner violence / S. Neves, A. Correia // Observatorio (OBS*) Journal. 2022. Vol. 16, No. 2. P. 117–137.

ON THE PROFESSIONAL VALUE OF MEDIA LITERACY AS A FACTOR IN BUILDING MUTUAL TRUST BETWEEN LAW ENFORCEMENT OFFICERS AND THE PUBLIC

Shinkiev V.E., Bogdanova V.E.
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Siberian Federal University

In this article, the author draws attention to the need to improve the media literacy of employees of internal affairs bodies, as a significant factor in strengthening public trust in internal affairs bodies. The article examines the value components for society as a result of the implementation of innovative digital solutions that ensure the efficiency and transparency of law enforcement agencies. The article also focuses on the formation of public opinion about the activities of internal affairs bodies and the study of public opinion. Based on the analysis, the author proposes a concept for a module on media literacy in educational programs for law enforcement officers.

Keywords: media literacy, public opinion, law enforcement agencies, emerging technologies, and communication.

References

1. Kirichuk D.A. Digital Transformation of the Media Space: New Challenges and Opportunities for Political Communication in the Era of Social Media // World Politics. 2025. No. 1. Pp. 48–50.
2. Kapinus O.S. Law and Technology: Analysis of the Relationship in the New Digital Reality // Observer. 2021. No. 6. P. 82.
3. Bezentsev A.A. Law Enforcement Agencies and Mass Media: Historical and Theoretical Aspects of Interaction // Law and Justice. 2024. No. 11. Pp. 58–65.
4. Dzyaloshinsky I.M. Modern media space of Russia: A textbook for university students / I.M. Dzyaloshinsky. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2015. 312 p.]
5. Sharkov F.I., Nazarova E.A., Zhukov A.V. Digital literacy of the population and network communications Sociological dimension // Communication. 2020. Vol. 8. No. 3. Pp. 52–62.
6. Mikhailov D.O. Interaction of Traditional Media and the Government in the Implementation of Russia's State Information Policy// Communicology: Electronic Scientific Journal. 2022. Vol. 7. No. 2.
7. Adilov S.A. Digitalization of Law Enforcement Activities: Implementation of the Concept for Promoting the Ideology of Law and Order // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (75). Pp. 18–24.
8. Zhizhina M.V. Media Literacy as a Strategic Goal of Media Education: On the Criteria for Assessing Media Competence // Media Education. 2016. No. 4 (S.48) S.47–65.
9. Chicherina N.V. Media literacy as a key competence of a modern specialist: structure and content. URL: ttps://cyberleninka.ru/article/n/mediagramotnost-kak-klyuchevaya-kompetentsiya-sovremennogo-spetsialista-struktura-i-soderzhanie/viewer.
10. On Information, Information Technologies, and Information Protection: Federal Law No. 149-FZ dated July 27, 2006 (as amended on December 29, 2025) // ConsultantPlus.
11. On Approval of the Regulations on the Department for Interaction with Civil Society Institutions and Mass Media of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 905 dated December 20, 2024 // ConsultantPlus.
12. I knew it, the world is falling apart! Combatting a confirmatory negativistic bias in audiences' news selection through news media literacy interventions / T.G.L.A. van der Meer, M. Hameleers // Digital Journalism. 2022. Vol. 10, No. 3. P. 473–492.
13. Efimkina N.V. On the issue of information distortion in the mediaInternal affairs officers // Psychopedagogy in law enforcement agencies, 2013, No. 4(55) pp.16–18.
14. Grachev M.N. Echo chambers, epistemic bubbles and filter bubbles as actors of the network communication space // Russian School of Public Relations. 2023. No. 29. Pp. 1–14.
15. Surgutskov V. I., Samoilov A.V. Modern Forms of Persuasion in the Administrative Activities of the Police // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 4(59), 2015, Pp. 43–47.
16. Zhilavskaya, Irina Vladimirovna. Systemic and Institutional Transformations of Russian Media Education: A Monograph / I.V. Zhilavskaya. Moscow: MPGU, 2021. 368 p.
17. Сергеева Т.В. Проблема манипулятивного воздействия в прусси-ональной среде // Науки Европы № 59, (2020) С. 44–47].
18. Градон К. Преступность во времена чумы: пандемия фейковых новостей и вызовы правоохранительным органам и разведывательному сообществу // Society Register. 2020. Том 4, № 2. С. 133–148.
19. Понимание и поддержка специалистов правоохранительных органов, работающих с тревожными материалами: результаты качественного исследования / К.-Б. Денк-Флореа, Б. Ганц, А. Гомою, М. Ингрэм, Р. Мортон, Ф. Поллик // PLoS ONE. 2020. Том 15, № 11. С. 1–28.
20. Фемицид со стороны интимного партнера в Португалии: мнение специалистов по вмешательству в случаи насилия со стороны интимного партнера / С. Невеш, А. Коррейя // Observatorio (OBS*) Журнал. 2022. Том 16, № 2. С. 117–137.

Практики медиапотребления молодёжи в условиях экономики внимания в цифровой среде

Юшкова Светлана Александровна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: sayushkova@fa.ru

Жук Лада Игоревна,
студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 222895@edu.fa.ru

В настоящей научной работе рассматриваются практики медиапотребления студенческой молодежи как комплексные социальные феномены, формирующиеся под воздействием цифровой среды и экономики внимания. В условиях алгоритмизации платформ медиапотребление приобретает характер управляемой социальной практики, требующей социологического анализа. В статье проанализированы типы практик медиапотребления молодых людей в условиях экономики внимания в цифровой среде на примере студентов московских вузов. Предложенная дифференцированная типология практик составлена на основе критериев интенсивности включения в медиапространство, выраженности саморегуляции и уровня рефлексивности, а также степени автоматического характера обращения к цифровым платформам и глубины погружения в информационное пространство. Представленная типология позволяет проводить сравнительный анализ социальных практик и отслеживать динамику практик с течением времени.

Ключевые слова: цифровая среда, медиапотребление, практики медиапотребления, экономика внимания.

В современном мире цифровая среда становится не только платформой для поддержания ежедневной коммуникации, но и неотъемлемой основой формирования социального капитала. Медиапространство, являясь средой для общения, саморазвития, потребления контента и получения информации, реализует ряд важнейших функций. В рамках цифровой среды происходит процесс производства, воспроизводства и потребления информации, накопления и обмена знаний, формирования общественного мнения и ретрансляции ценностей, наконец, социализации и конструирования собственной идентичности. Медиапотребление в цифровую эпоху рассматривается как значимая практика, включающая в себя особый интерпретативный процесс и трансформирующая привычные формы социального взаимодействия.

Однако анализ медиапрактик без учета экономики внимания как значимого условия, предопределяющего поведение пользователей, был бы невозможен. Современные практики медиапотребления формируются в условиях экономики внимания, в рамках которой внимание становится дефицитным ресурсом, а время, проводимое индивидом в сети – ограничивающим фактором цифровой коммуникации.

В условиях экономики внимания медиапотребление предстает как комплексная социальная практика, которая функционирует в конкурирующей за внимание пользователя среде и приобретает черты алгоритмического управления, что приводит к необходимости изучения конкретных моделей практик медиапотребления студенческой молодежи как наиболее включённой в цифровую среду и наиболее адаптивной к трансформациям социальной группы.

В данной статье будут представлены результаты авторского качественного исследования, выявляющего практики медиапотребления молодежи на основе устойчивых различий в характере взаимодействия студентов с цифровой средой.

В качестве критериев выявления практик выступает интенсивность включения в медиапространство и степень автоматизации обращения к цифровой среде, наличие и выраженность саморегуляции и уровень рефлексивности в отношении собственных практик медиапотребления, которые оценивались в ходе качественного исследования. Эмпирическую базу статьи составили данные, полученные в ходе двух фокус-групповых дискуссий среди студенческой молодёжи, в которых приняли участие 13 человек.

По результатам фокус групп, выделены следующие три группы практики медиапотребления у студентов, обладающие наиболее яркими особенностями: «рефлексивные», «информационно-прагматичные» и «клиповые».

Для первой категории практик «рефлексивные», характерна высокая степень осознания студентами своих медиапривычек и стремление к их контролю. Несмотря на фиксируемый автоматизм входа, предпринимаются конкретные шаги по его снижению. Автоматическое потребление становится предметом для самоанализа и последующей регуляции. Участники фокус-групп, осознающие негативные последствия чрезмерного потребления, описывали следующие способы ограничений и самоконтроля:

«Мне помогла покупка умных часов. Теперь я получаю на них уведомление, когда мне приходят сообщения, и я меньше поднимаю телефон, следовательно, не так часто захожу в него»

«Лимиты у меня стоят на всех социальных сетях, стараюсь меньше времени проводить в телефоне: много уведомлений, постоянная активность в общих и личных чатах утомляет, хочется её снизить»

«Осознанно не погружаюсь – так я отстраняю себя от короткого развлекательного контента»

«Стараюсь не использовать телефон, когда еду в метро. Сумку застёгивать и стараюсь не трогать его вообще»

Среди данной группы наблюдается осознанное структурирование собственного времени, проведенного в цифровом пространстве, и стремление ограничить своё потребление:

«Я захожу масштабно проверить большинство каналов, новостных источников, когда еду в метро»

«Ограничивать стараюсь, когда только просыпаюсь и засыпаю, чтобы был какой-то небольшой цифровой детокс»

Студенты, относящиеся к этой группе, демонстрируют высокий уровень осведомлённости относительно системы алгоритмических

рекомендаций, а также осознание индивидуального влияния алгоритмов на структуру их медиапотребления, описывают механизм действия эхо-камеры:

«Я довольно сильно осознаю влияние рекомендаций на свой выбор, потому что эти алгоритмы, собственно, выбора и не дают. Человек (в частности я) находится в круге того контента, который ему преподносят»

Некоторые из участников даже говорят о попытке поменять алгоритмы:

«В Яндекс.Музыке я старался убирать лайки с песен, которые со временем переставали нравиться, при этом не слушать одно и то же, добавлять новое. Я пытался понять поведение этих алгоритмов и поменять их»

Участники фокус-групп, прибегающие к «рефлексивным практикам», осознанно ограничивают своё медиапотребления по различным причинам: одни – опасаясь формирования привычки, другие – как средство борьбы с информационной перегрузкой и эмоциональной усталостью:

«Я осознанно воздерживаюсь от короткого контента… Я понимаю, что если начну, то, скорее всего, мне будет очень сложно остановиться»

«Я замечала за собой информационную усталость от новостей и от того количества, в котором я их потребляла. И тогда мои пользовательские привычки менялись на практике»

Ко второй группе, «Информационно-прагматичным» практикам, относятся преимущественно студенты старших курсов. Для них характерна высокая цифровая активность, ориентированная на получение профессионального контента, новостной и аналитической информации. Их медиапотребление мотивировано необходимостью и учебной деятельностью, поэтому они реже фиксируют автоматическое потребление информации.

Отличительной чертой становится функциональный характер обращения к цифровой среде:

«Потребляю преимущественно новостной контент ввиду необходимости – работы и специфики направления, на котором я обучаюсь»

«Я смотрю то, что связано с учебой, с изучением языков – английским или китайским»

«Часто это образовательный контент, так как я готовлюсь к поступлению на другое направление, мне необходимо изучать новые темы»

«И, как правило, наибольший интерес у меня вызывают темы, за которыми я слежу постоянно, они связаны с политическим дискурсом, с обстановкой, которая нас окружает»

Интенсивность медиапотребления «Информационно-прагматичных» студентов усиливается в периоды общественно значимых событий:

«…начинаю это делать более усиленно в тот момент, когда происходят какие-либо значимые политические события или схожие феномены: что в мире, что в нашей стране, что на локальном уровне или федеральном»

Для данной категории характерна высокая информационная вовлеченность и регулярное отслеживание новостной повестки, что часто сопряжено с высоким уровнем информационной усталости:

«… чувствуется перегруз информацией»

«В какой-то момент понимаешь, что уже слишком много всего»

«Если говорить про информационную усталость и перегрузки, они случаются, опять же, в момент каких-то политических событий…»

Наблюдается постоянное нахождение в информационной среде ввиду ежедневной необходимости, что негативно сказывается на внутреннем состоянии студентов:

«Особенно когда непрерывно анализируешь и обрабатываешь информацию, сильный перегруз бывает, что уже фокус теряется и голова кипеть начинает»

«…я думаю, что это, наверное, у каждого второго человека происходит, который работает с информацией или следит за новостями…»

Следующей категорией практик стали «Клиповые», характеризующиеся высокой частотой «автоматического» входа в цифровое пространство, преобладающим развлекательным контентом в структуре медиапотребления, а также выраженной алгоритмической управляемостью.

Медиапотребление в рамках «клиповых» практик характеризуется как неотъемлемая часть повседневной рутины:

«Мой типичный день, в целом, проходит всегда одинаково: я просыпаюсь – меня уже встречают социальные сети и мессенджеры»

«Автоматически захожу в социальные сети: и утром, и вечером…»

«Я вообще использую цифровые сервисы в течение дня постоянно»

«И на выходных тоже постоянно в сетях я»

Фиксируется значительное, а иногда неограниченное время пребывания в цифровой среде:

«Минимум полтора часа провожу в социальных сетях»

«…я также обычно постоянно потребляю цифровой контент»

«…чаще всего, наверное, я потребляю свой контент после пробуждения. И это происходит автоматически, почти не задумываясь»

«Такое потребление контента практически идет беспрерывно»

Ещё одной характеристикой является также низкая избирательность в выборе контента:

«Мне в целом вообще не важно, что там смотреть. Меня, в целом, можно зацепить чем угодно»

«Если начал листать, то уже сложно остановиться»

Студенты с «клиповыми» практиками потребляют контент без предварительной цели найти какую-либо информацию, скорее – как полноценный способ провести своё свободное время. Основным инструментом вовлечения и удержания внимания для данной группы становится алгоритмическая лента.

«Клиповые» пользователи не стремятся к самоограничению времени, проводимому в цифровом пространстве, и не видят в этом смысла.

«Я ничего для этого не делаю, я считаю, что это все в любом случае не сильно эффективно, потому что и лимиты убираются, и в чаты возвращаются, и соцсети опять все скачиваются. А мне всё равно, поэтому я себя не ограничиваю»

«Я никак себя не ограничиваю»

«Просмотр контента – это способ справляться с напряжением рутинных каких-то дел, поэтому я только всё глубже ныряю в бездну, не пытаясь оттуда выбраться»

Студенты делятся своим опытом попыток самоограничений и отмечают, что в данный момент не готовы пойти на такие усилия снова по разным причинам: для кого-то социальные сети становятся пространством отдыха, для кого-то – неотъемлемой частью жизни, от которой невозможно отказаться:

«Я раньше ограничивала своё время, у меня лет в 14 на каждом приложении стояло ограничение по часу, ну и приложений, соответственно, было меньше… Когда у меня заканчивался на них лимит, я не заходила туда. Было очень редко, чтобы я сняла лимит и продолжила сидеть. Сейчас я даже не пытаюсь, потому что понимаю, что, во-первых, уже и усталость накапливается, больше хочется подольше отдохнуть. А во-вторых, пока, мне кажется, я к этому не готова»

«Я бы, наверное, на такое не решилась, потому что большая часть сконцентрирована в том числе в медиапространстве»

Таким образом, сравнительный анализ практик медиапотребления представляет собой следующее (рис. 1).

Тип/Признак	Уровень осознанности	Интенсивность потребления	Алгоритмическая зависимость	Характер потребляемого контента
Рефлексивные	Высокий	Средняя	Эпизодическая, контролируемая	Смешанный
Информационно-прагматичные	Средний	Высокая	Частичная	Инструментальный
Клиповые	Низкий	Высокая	Высокая, неконтролируемая	Развлекательный

Рис. 1. Типология практик медиапотребления

Источник: создано автором.

Таким образом, в ходе исследования были выделены типы практик медиапотребления, определены и описаны их особенности. Характерными чертами **«рефлексивных»** практик медиапотребления становится установка на селективность и рационализацию контента. В отличие от других, пользователи с подобным типом практик демонстрируют дистанцию по отношению к алгоритмической логике платформ, стремятся к минимизации спонтанных переходов между приложениями и сокращению неконтролируемого времени пребывания в сети. В «рефлексивных» практиках находит отражение модель осознанного медиапотребления, при которой пользователь признаёт воздействие экономики внимания, но стремится сохранить субъективный контроль над интенсивностью и условиями цифрового взаимодействия.

Студенты, придерживающиеся **«информационно-прагматичных»** практик, находятся в состоянии когнитивной перегруженности, которая обусловлена необходимостью быть включёнными в информационные процессы. Несмотря на осознание перегрузки, системных стратегий ограничения не формируется. Саморегуляция проявляется в ситуативном снижении интенсивности, но не в полном пересмотре

модели потребления. Медиапрактики «информационно-прагматичных студентов» отличаются высокой рациональной мотивацией, но менее стабильной эмоциональной устойчивостью и более низкой готовностью предпринимать регулярные действия, направленные на снижение негативного влияния от информационного «перепотребления».

В рамках **«клиповых»** практик контент потребляется фрагментарно, без предварительной установки на поиск конкретной информации. Алгоритмическая лента становится основным источником вовлечения пользователей в процесс медиапотребления и удержания их внимания. В отличие от «рефлексивных» практик, «клиповые» практики не отличаются устойчивыми механизмами саморегуляции. Автоматизм воспринимается как естественный элемент повседневности, а «перерасход» времени не всегда осмысляется студентами как проблема. «Клиповость» проявляется не только в формате потребляемого контента, но и в логике взаимодействия с цифровой средой: импульсивной, фрагментарной и подверженной алгоритмическому управлению.

Литература

1. Бурдье П. Структура, габитус, практика / Пер. с фр. Н.А. Шматно // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 2. – С. 44–59.
2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации / Э. Гидденс; пер. с англ. А. Маркова. – М.: Академический проект, 2003. – 523 с.
3. Декалов В.В. Внимание как базовый ресурс коммуникативного капитализма // Российская школа связей с общественностью. – 2017. – Т. 9. – С. 27–38.
4. Коломиец В.П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. – 2010. – № 58. – С. 58–66.
5. Липатова А.В. Медиапотребление молодежи в социальных сетях: обзор мировых и российских практик // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2023. – № 2. – С. 20–24.
6. Милкова М.А. Феномен внимания в информационной среде: экономика внимания // Цифровая экономика. – 2020. – № 3 (11). – С. 73–87.
7. Мурзина, Е. В. (2020) Медиапотребление в условиях трансформации современного общества // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. С. 228–235.
8. Немировская Е.П. Практики медиапотребления поколения Z в социальных сетях // Социодинамика. – 2024. – № 7.
9. Плещенко В. И. О некоторых тенденциях развития современной рекламной индустрии в контексте экономики внимания // Стратегии бизнеса. – 2022. – № 8. – С. 195–197.
10. Полуэхтова И.А. Медиапотребление в цифровой среде: к вопросу о методологии исследований // Знание. Понимание. Умение. – 2022. – № 3. – С. 206–218

YOUTH MEDIA CONSUMPTION PRACTICES IN THE DIGITAL ATTENTION ECONOMY

Yushkova S.A., Zhuk L.I.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This scientific work examines media consumption practices of student youth as complex social phenomena shaped by the digital environment and the attention economy. Under conditions of platform algorithmization, media consumption acquires the character of a managed social practice requiring sociological analysis. The article analyzes the types of media consumption practices among young people within the attention economy of the digital environment, using the example of students at Moscow universities. The proposed differentiated typology of practices is based on criteria such as the intensity of engagement with the media space, the degree of self-regulation, the level of reflexivity, as well as the extent of automaticity in interacting with digital platforms and the depth of immersion in the information space. The presented typology enables comparative analysis of social practices and allows for tracking the dynamics of practices over time.

Keywords: digital environment, media consumption, media consumption practices, attention economy.

References

1. Bourdieu P. Structure, Habitus, Practice / Transl. from French by N.A. Shmatno // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 1998. – Vol. 1, No. 2. – P. 44–59.
2. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration / A. Giddens; transl. from English by A. Markov. – Moscow: Academic Project, 2003. – 523 p.
3. Dekalov V.V. Attention as a basic resource of communicative capitalism // Russian School of Public Relations. – 2017. – Vol. 9. – P. 27–38.
4. Kolomiets V.P. Media environment and media consumption in modern Russian society // Sociological Studies. – 2010. – No. 58. – P. 58–66.
5. Lipatova A.V. Media consumption of youth in social networks: a review of global and Russian practices // Kazan Social and Humanitarian Bulletin. – 2023. – No. 2. – P. 20–24.
6. Milkova M.A. The phenomenon of attention in the information environment: the attention economy // Digital Economy. – 2020. – No. 3 (11). – P. 73–87.
7. Murzina E. V. (2020) Media consumption in the context of transformation of modern society // Bulletin of Surgut State Pedagogical University. – P. 228–235.
8. Nemirovskaya E.P. Media consumption practices of Generation Z in social networks // Sociodynamics. – 2024. – No. 7.
9. Pleshchenko V.I. On some trends in the development of the modern advertising industry in the context of the attention economy // Business Strategies. – 2022. – No. 8. – P. 195–197.
10. Poluekhtova I.A. Media consumption in the digital environment: on the question of research methodology // Knowledge. Understanding. Skill. – 2022. – No. 3. – P. 206–218.

Социально-философские аспекты использования ИИ в экспертизе

Асташин Олег Георгиевич,
аспирант кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
E-mail: Oleg_Astashin@mail.ru

В статье анализируется влияние искусственного интеллекта (ИИ) на социально-философские аспекты экспертной деятельности. Основной упор сделан на изучении преобразований, затрагивающих экспертное знание в эпоху автоматизации, и, как следствие, переосмыслении функций эксперта. Преимущественное значение приобретают этические и социальные дилеммы, возникающие в связи с использованием алгоритмов ИИ для принятия значимых решений. Подробно разбирается первоочередная задача, состоящая в создании эффективных инструментов контроля и обеспечения прозрачности при интеграции ИИ в экспертные системы. В частности, обсуждается необходимость разработки нормативных рамок, регулирующих использование ИИ в сфере экспертизы, для минимизации рисков и обеспечения соблюдения этических норм.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, экспертиза, доверие, прозрачность, контроль

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в современное общество представляет собой сложный и довольно тонкий процесс, порождающий ряд значимых социально-философских вопросов. Одним из ключевых аспектов является трансформация трудовых отношений. Возникает необходимость переосмысления системы образования и переподготовки кадров для адаптации к новым реалиям рынка труда.

Другой важный аспект – ответственность и этика принятия решений. Применение ИИ-систем в областях, затрагивающих гражданские и личные права человека (например, правосудие или здравоохранение), должно быть строго регламентировано. При разработке стандартов применения ИИ в этих сферах необходимы четкие критерии и стандарты, учитывающие такие принципы как предсказуемость и подотчетность. Не стоит забывать, что ИИ является, в первую очередь, набором алгоритмов, поэтому вопросы каким образом обеспечивается соблюдение этических норм и принципов в процессе разработки и далее, при применении систем искусственного интеллекта, являются ключевыми.

Распространение ИИ оказывает влияние, в том числе, и на усиление социального неравенства. Возможность использовать передовые технологии есть далеко не всех, соответственно и доступность работы с ИИ-системами сильно варьируется для различных социальных групп. И здесь мы видим еще одно направление развития – разработка концепций и систем, позволяющих обеспечивать равный доступ к ИИ-технологиям.

Вопрос, который невозможно обойти вниманием при работе с ИИ, это вопрос приватности и безопасности данных, в том числе личных. Для корректного выполнения своих функций ИИ-системам необходим большой объем персональной информации. Наличие значительного объема конфиденциальной информации, в свою очередь, формирует высокие риски для нарушения конфиденциальности и злоупотреблений собранными данными. Возможно, стоит предусмотреть регламенты, которые помогут обеспечить прозрачность методов сбора и последующего использования информации. Один из самых спорных вопросов, которые затронуло развитие ИИ – это фундаментальные вопросы о природе человеческого разума и сознания. Такие вопросы раньше были прерогативой церкви, позже они стали базисными в работах философов различных направлений, и вот теперь появилась возможность собрать весь накопленный опыт и знания в одной системе алгоритмов. Искусственный интеллект заставляет пересматривать многие подходы к человеческому интеллекту: создана система, способная к самообучению, умеющая рассуждать, и, оперируя имеющимися данными, принимать оптимальные, обоснованные, беспристрастные решения. Приход ИИ в ежедневную жизнь каждого ведет к переосмыслению границ взаимодействия между человеком и машиной. Социально-философский анализ внедрения ИИ в экспертизу должен сочетать в себе целый комплекс различных аспектов, включая экономические, этические, правовые и антропологические.

Одним из ключевых аспектов является вопрос о доверии к экспертным заключениям, формируемым ИИ. Принципиальное и фундаментальное различие между человеком и ИИ-системами обусловлено тем, что последние основаны на больших объемах данных, структурируемых в соответствии с заданными алгоритмами. Данный способ сбора и анализа информации обеспечивает максимально объективный подход и, в теории, предполагает устранение возможных субъективных предубеждений. При использовании ИИ для проведения экспертизы более чем принципиально понимать, с помощью какого инструментария обеспечивается валидность экспертных заключений, формируемых ИИ, поскольку экспертные выводы должны оставаться верными независимо от интерпретации. Возможность выявления и устранения ошибок в заключениях такого рода также является необходимым условием для корректной работы. Непрозрачность алгоритмов, а также возможность их предвзятости, заложенной в данных, используемых для обучения, могут подорвать доверие к экспертным решениям, принимаемым ИИ [12]. Пользователь должен понимать, а эксперт, использующей ИИ, мог бы объяснить принцип работы алгоритма, какие данные влияют на принятие тех или иных решений [2], соответственно, необходимо разрабатывать методы, позволяющие объяснять логику работы алгоритмов и обосновывать принятые ими решения [13].

Вопрос насколько верными, правомерными и истинными являются экспертные заключения, формируемые ИИ, также имеет значительную

социально-философскую составляющую. Предметом обсуждения становится ответственность за последствия решений, принятых на основе экспертных заключений, сформированных ИИ, и обеспечение соответствия этих решений этическим и правовым нормам [3]. Сегодня существуют модели генеративного ИИ, которые самостоятельно формируют заключения, а не просто комбинируют информацию по заданным параметрам. Чтобы избежать дилеммы между использованием ИИ и сохранением человеческого капитала и обеспечить баланс, необходимо разрабатывать стратегии, стимулирующие непрерывное обучение и развитие экспертных навыков у людей [1].

Использование комплекса инструментов ИИ при создании экспертных заключений делает их более доступными для широкого круга потребителей. Одной из причин такой доступности становиться снижение стоимости работы. В свою очередь, отсутствие равноценного доступа к технологиям ИИ может привести к усилению социального неравенства, дефициту или вовсе отсутствию возможности получения качественных экспертных услуг для отдельных групп населения [11].

Таким образом, внедрение ИИ в экспертную деятельность требует комплексного социально-философского анализа, учитывающего этические, правовые, экономические и социальные последствия. Необходимо сформулировать принципы использования ИИ в экспертной деятельности, выработанные на основе сложившихся общепринятых норм, обычаев делового оборота. Многокомпонентная стратегия развития должна формироваться как учеными, так и политиками, а также представителями общественности [9].

Активное использование ИИ в области экспертизы влечет за собой непонимание общества, насколько можно опираться на алгоритмические выводы. Повышение уровня осведомленности населения, демонстрация преимуществ ИИ в конкретных кейсах и активное вовлечение общественности в обсуждение этических аспектов представляются важными шагами для преодоления этого барьера для внедрения ИИ в экспертизу [15].

Создание эффективной системы регулирования ИИ в экспертной деятельности – ключевой фактор успешной интеграции. Такая система должна строиться, в первую очередь, на стандартизации всех входящих в нее компонентов, что означает установление конкретно описанных стандартов надежности и безопасности ИИ-систем, что, в свою очередь, приведет к их качественной работе. Тонкая настройка системы регулирования даст возможность обеспечивать защиту прав потребителей на всех уровнях использования ИИ, предотвращать дискриминацию и сможет гарантировать транспарентность процессов принятия решений на основе ИИ [7].

Трансформация экспертного знания порождает целый спектр вопросов, связанных с изменением роли эксперта, переосмыслением критериев профессионализма и этическими дилеммами, возникающими при делегировании принятия решений алгоритмам. Модель эксперта, основанная на уникальном опыте, интуиции и глубоких знаниях предметной области, подвергается радикальному пересмотру под воздействием ИИ, способного обрабатывать огромные объемы данных и выявлять закономерности, недоступные человеческому восприятию [4]. Эксперт, перестав быть основным источником информации и аналитических выводов, трансформируется в куратора и интерпретатора результатов, полученных ИИ. Это требует от него не только глубоких знаний предметной области, но и понимания принципов работы алгоритмов, умения критически оценивать результаты их работы и выявлять возможные предвзятости и ошибки [6].

Вместе с изменением роли эксперта трансформируется и само экспертное знание. Переход к data-driven подходу (подходу, основанному исключительно на анализе и интерпретации данных) требует от экспертов умения извлекать знания из данных, формулировать четкие критерии оценки и создавать модели, описывающие закономерности, лежащие в основе экспертных решений [8].

В условиях автоматизации возникает также вопрос об ответственности за последствия решений, принимаемых на основе алгоритмов ИИ. Необходимо разрабатывать новые правовые и этические рамки, определяющие ответственность разработчиков, владельцев и пользователей ИИ за последствия его применения [14].

Одним из социальных рисков, связанных с широким внедрением ИИ в экспертную деятельность, является депрофессионализация. Автоматизация рутинных задач может приводить к потере квалификации и снижению спроса на экспертов в определенных областях.

Вместе с тем, ИИ открывает новые возможности для расширения доступа к экспертному знанию. Особенно это заметно по таким областям, как медицина и право, где своевременность и квалификация имеют решающее значение [14].

Трансформация экспертного знания в эпоху автоматизации неизбежна. Такая трансформация – это весьма сложный процесс, требующий подстройки друг под друга всех участников. Необходимо непрерывное обучение и развитие экспертов с одной стороны, и разработка прозрачных алгоритмов работы, регламентация ответственности за последствия принимаемых решений, со стороны ИИ-систем.

Различные программы дополнительного образования, такие как, семинары, курсы повышения квалификации по направлениям работы во взаимодействии с ИИ, разработанные профильными образовательными учреждениями, потенциально помогут вооружить будущих экспертов необходимыми навыками. Крайне актуально обучение не столько программированию, сколько статистическому мышлению, критическому анализу данных и этике работы с ИИ.

Этические риски и социальные вызовы, сопряженные с внедрением ИИ, требуют тщательного рассмотрения и разработки соответствующих стратегий для их минимизации. Среди этических рисков, связанных с принятием решений на основе алгоритмов ИИ, особое внимание заслуживает проблема предвзятости. Для создания и обучения ИИ-алгоритмов используются массивы данных, в том числе исторические и прецедентные. Такие материалы могут содержать стереотипы, предубеждения против чего-либо или односторонние точки зрения, воспроизводить и усиливать тенденциозность, приводя к дискриминационным результатам [11]. Опираясь при формировании экспертного заключения на такие алгоритмы, существует риск получить несправедливое и необъективное решение, особенно в социально значимых областях, имеющих глубокие исторические корни, таких как правосудие, здравоохранение и образование [12].

Кроме того, решение проблемы справедливости при использовании ИИ в экспертизе связано с возможностью дискриминации и усилением социального неравенства в результате деятельности эксперта. В силу этого, для того, чтобы обеспечить взвешенный и справедливый метод работы ИИ-системы, необходимо принимать меры по выявлению и устранению предвзятости в её алгоритмах и мета-данных, а также уделять внимание разработке методов аудита и их валидации. Создание верифицированных наборов данных, представляющих интересы различных социальных групп, позволит максимально сгладить возможную субъективность подходов. [10].

Таким образом, внедрение ИИ изменяет структуру экспертной деятельности, что потребует от экспертов новых навыков и компетенций, связанных с пониманием принципов работы ИИ, интерпретацией результатов анализа данных, а также способностью критически оценивать выводы, формируемые машиной [5].

Вне всякого сомнения, использование ИИ в экспертной деятельности теоретически закладывает колоссальные возможности для создания новых форм анализа данных, повышает их эффективность и точность. Вместе с тем, оборотной стороной неисчерпаемого информационного ресурса, к которому имеет доступ ИИ, выступает возможное формирование существенных этических и социальных рисков, наличие которых недопустимо игнорировать. Возможно, формулирование и неукоснительное следование детализированным инструкциям по работе с ИИ и регламентов, определяющих ответственность за последствия принимаемых решений, станет мерами защиты для пользователей при работе с ИИ.

Таким образом, безусловное соблюдение этических стандартов и профессиональная ответственность при внедрении ИИ в экспертизу составляют необходимый базис для сохранения и поддержания доверия к экспертному знанию и возможности построения справедливого в этом отношении общества.

Литература

1. Autor D.H. Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation // Journal of Economic Perspectives, 2015. 29(3). P.p. 3–30.

2. Barredo Arrieta, A., Díaz-Rodríguez, N., Del Ser, J., Bennetot, A., Tabik, S., Barbado, A., … & Herrera, F. Explainable Artificial Intelligence (XAI): Concepts, taxonomies, opportunities and challenges toward responsible AI // Information Fusion. 2020. Vol. 58. Pp. 82–115.

3. Bostrom, N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford University Press. 2014, 328 p.

4. Brynjolfsson, E., & McAfee, A. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. W.W. Norton & Company. 2014, 306 p.

5. Collins, H.M. Artificial Experts: Social Knowledge and Intelligent Machines. MIT Press, 1990, 266 p.

6. Davenport T. H., & Ronank R. Artificial Intelligence for the Real World. Harvard Business Review. 2019. Jan/Feb. URL.: https://www.tomdavenport.com/published-articles/ (дата обращения 20.02.2026).

7. Diakopoulos, N. Automating the News: How Algorithms Are Rewriting the Media. Harvard University Press, 2019, 304 p.

8. Domingos, P. The Master Algorithm: How the Quest for the Ultimate Learning Machine Will Remake Our World. Basic Books, 2015, 352 p.
9. Floridi, L. The Fourth Revolution: How the Infosphere Is Reshaping Human Reality. Oxford University Press, 2014, 248 p.
10. Hao, K. This is how AI bias slips into algorithms. MIT Technology Review. 2019. URL.: https://www.technologyreview.com/2019/02/04/137602/this-is-how-ai-bias-really-happensand-why-its-so-hard-to-fix/ (дата обращения: 04.03.2026).
11. Noble S.U. Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism. NYU Press, 2018, 256 p.
12. O'Neil C. Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. Crown, 2016, p. 272.
13. Rudin C. Stop Explaining Black Box Machine Learning Models for High Stakes Decisions and Use Interpretable Models Instead // Nature Machine Intelligence. 2019. 1(5). Pp. 206–215.
14. Topol, E.J. The Creative Destruction of Medicine: How Digital Revolution Will Create Better Health Care. Basic Books, 2015, 303 p.
15. Zuboff, S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. Public Affairs, 2019, p.704.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF USING AI IN EXPERTISE

Astashin O.G.
Plekhanov Russian University of Economics

The article analyzes the impact of artificial intelligence (AI) on the socio-philosophical aspects of expert activity. The main focus is on studying the transformations affecting expert knowledge in the era of automation, and, as a result, rethinking the functions of an expert. Ethical and social dilemmas arising from the use of AI algorithms for making significant decisions are of particular importance. The article also discusses the primary task of creating effective tools for monitoring and ensuring transparency when integrating AI into expert systems. In particular, the need to develop regulatory frameworks governing the use of AI in the field of expertise is being discussed in order to minimize risks and ensure compliance with ethical standards.

Keywords: Artificial intelligence, expertise, trust, transparency, control

References

1. Autor D.H. Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation // Journal of Economic Perspectives, 2015. 29(3). P.p. 3–30.
2. Barredo Arrieta, A., Díaz-Rodríguez, N., Del Ser, J., Bennetot, A., Tabik, S., Barbado, A., … & Herrera, F. Explainable Artificial Intelligence (XAI): Concepts, taxonomies, opportunities and challenges toward responsible AI // Information Fusion. 2020. Vol. 58. Pp. 82–115.
3. Bostrom, N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford University Press. 2014, 328 p.
4. Brynjolfsson, E., & McAfee, A. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. W.W. Norton & Company. 2014, 306 p.
5. Collins, H.M. Artificial Experts: Social Knowledge and Intelligent Machines. MIT Press. 1990, 266 p.
6. Davenport T. H., & Ronank R. Artificial Intelligence for the Real World. Harvard Business Review. 2019. Jan/Feb. URL.: https://www.tomdavenport.com/published-articles/ (data obrashcheniya 20.02.2026).
7. Diakopoulos, N. Automating the News: How Algorithms Are Rewriting the Media. Harvard University Press. 2019, 304 p.
8. Domingos, P. The Master Algorithm: How the Quest for the Ultimate Learning Machine Will Remake Our World. Basic Books. 2015, 352 p.
9. Floridi, L. The Fourth Revolution: How the Infosphere Is Reshaping Human Reality. Oxford University Press. 2014, 248 p.
10. Hao, K. This is how AI bias slips into algorithms. MIT Technology Review. 2019. URL.: https://www.technologyreview.com/2019/02/04/137602/this-is-how-ai-bias-really-happensand-why-its-so-hard-to-fix/ (data obrashcheniya: 04.03.2026).
11. Noble S.U. Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism. NYU Press. 2018, 256 p.
12. O'Neil C. Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. Crown. 2016, p. 272.
13. Rudin C. Stop Explaining Black Box Machine Learning Models for High Stakes Decisions and Use Interpretable Models Instead // Nature Machine Intelligence. 2019. 1(5). Pp. 206–215.
14. Topol, E.J. The Creative Destruction of Medicine: How Digital Revolution Will Create Better Health Care. Basic Books. 2015, 303 p.
15. Zuboff, S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. Public Affairs. 2019, p.704.

Идеология как прикладная философия: механизмы конструирования социальной реальности

Бабанин Владислав Дмитриевич,
аспирант кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
E-mail: vladislav.menitil@yandex.com

В статье исследуется многоаспектная взаимосвязь философии и идеологии как различных уровней смыслообразования в структуре современного общественного сознания. Автором обосновывается концепция идеологии как «прикладной философии», осуществляющей трансформацию теоретических абстракций в жизненно значимые социальные императивы. В работе подчеркивается, что идеология в её созидающем аспекте выступает необходимым условием консолидации социума, легитимации его институтов и проектирования векторов будущего развития на основе гуманистических ценностей.

Ключевые слова: философия, идеология, мировосприятие, социальная реальность

Введение

Проблема идеологии в современном гуманитарном знании характеризуется преодолением упрощенных негативистских трактовок и возвращением к анализу ее фундаментальной роли в структуре человеческого бытия. В условиях глобальной нестабильности, когда классические рациональные модели общественного устройства подвергаются эрозии, а дискурс о «конце идеологии» сменяется эпохой тотальной реидеологизации, возникает острая необходимость в глубоком осмыслении механизмов, посредством которых абстрактные философские категории превращаются в действенные социальные императивы. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что современная реальность XXI века, отмеченная межцивилизационными конфликтами, подъемом религиозного фундаментализма и кризисом либерального универсализма, наглядно демонстрирует: идеологическая борьба не исчезла, а переместилась в область глубинных структур мировосприятия, становясь более технологичной и трудноуловимой для критического анализа.

Цель работы заключается в раскрытии многоаспектной взаимосвязи философии и идеологии как различных уровней смыслообразования и инструментов формирования мировосприятия.

Научная новизна исследования состоит в обосновании концепции идеологии как «прикладной философии», которая не просто копирует философские идеи, а осуществляет их творческую редукцию, превращая универсальные категории в жизненно значимые императивы. В работе выявлен трехкомпонентный механизм формирования идеологии (онтологический, эпистемологический, аксиологический) и предложена модель «идеологического алгоритма», позволяющая проследить путь идеи от интеллектуального проекта до массового убеждения.

Методологию исследования составляет комплекс общих философских и социально-научных методов. Диалектический метод применяется для анализа противоречивого единства и взаимопроникновения философии и идеологии. Герменевтический подход позволяет интерпретировать значения политических концептов как «оспариваемых понятий». Феноменологический метод используется для описания идеологии как структуры опыта и жизненного мира человека. Применяются также методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнения и обобщения, что обеспечивает системность исследования.

Философия и идеология как уровни смыслообразования: генетическое родство и функциональные различия

Сложность идеологии как объекта анализа заключается в ее многомерности: она одновременно является когнитивной схемой, дискурсивной практикой, психологическим убежищем и инструментом политического господства.

С научно-эмпирической точки зрения она является лишь характеристикой отдельных коллективных субъектов (например, «идеология среднего класса»). В рамках философского ракурса идеология рассматривается шире – главным образом как «парадигма сожития», заключающая в себе рамки индивидуального и коллективного мышления в социальной сфере как такового (либерализм, консерватизм, социализм) [1]. Обычно подразумевается, что эти парадигмы универсализируют мышление, стремясь представить частный взгляд на мир как объективную истину о человеческом бытии.

Долгое время в научной среде господствовало представление, обоснованное работами Дэниела Белла и Фрэнсиса Фукуямы, о том, что с падением тоталитарных систем XX века и окончанием Холодной войны идеологический конфликт исчерпан, а вместе с ним исчезает и необходимость в идеологии как таковой. На сегодняшний же день реальность демонстрирует совершенно иное, с чем согласны большинство, по крайней мере отечественных исследователей. Отказ от «больших нарративов» привел нас не к торжеству чистого разума, а наоборот – к повышению иррационализма социальной действительности и фрагментации общества. И мы приходим к тому, что философия и идеология не могут рассматриваться как антагонистические явления (якобы первая ищет истину, а вторая лишь манипулирует сознанием), они представляют собой взаимодополняющие уровни смыслообразования, обеспечивающие связность социума и развитие личности.

Если классическая традиция противопоставляла философию как стремление к универсальной истине идеологии как партикулярной системе идей, служащей групповым интересам, то современный анализ показывает, что границы между ними крайне подвижны. Философия способна идеологизироваться, становясь фундаментом для масштабных политических проектов, в то время как любая идеология неизбежно заимствует философский категориальный аппарат для обоснования своей легитимности. Идеология может быть определена как «прикладная философия», переводящая теоретические абстракции на язык социальных императивов и ценностных ориентиров.

Взаимодействие философии и идеологии носит характер генетического родства. Как отмечает Владимир Григорьевич Тахтамышев, идеология не просто заимствует отдельные идеи, а «генетически связана с философией и опирается на философскую картину мира» [2]. Философская наука выступает в роли «теоретической лаборатории» [2], вырабатывающей концептуальные каркасы, которые идеология впоследствии адаптирует для массового сознания.

Процесс формирования идеологии на фундаменте философской науки можно представить как работу трех взаимосвязанных механизмов:

1. Онтологический фундамент. Любая идеология начинается с определения «картины реальности». Она заимствует философские концепции о природе сущего (материализм, идеализм, технологический детерминизм) для создания когерентной картины мира. Примечательно, что представители Кембриджской школы социальной онтологии (в частности, английский экономист Тони Лоусон) настаивают: наличие робастного онтологического фундамента является критическим условием для обеспечения внутренней логики экономических и социальных теорий [3]. Без четкого определения того, что считается «реальным» (например, признание социальных структур объективно существующими), идеология не способна конструировать жизнеспособные альтернативы текущему порядку. [3].

2. Эпистемологическая легитимация. Если академическая философия занята поиском критериев истины, то идеология заимствует эти методы для верификации собственных догм, переводя их в разряд «самоочевидных фактов». В современном дискурсе это отчетливо проявляется в концепциях цифрового детерминизма и так называемой «доктрине техно-превосходства» [3]. Здесь эпистемологический авторитет науки делегируется алгоритмам: политические или экономические решения подаются как «объективные» и «нейтральные», поскольку они основаны на анализе больших данных. Таким образом, философский вопрос о познаваемости мира замещается идеологической установкой на бесспорность технологического расчета.

3. Аксиологический вектор. Аксиология выступает связующим звеном между теоретическим знанием и социальной практикой. Философские категории «блага» и «справедливости» в идеологическом поле трансформируются в прямые императивы к действию. Опираясь на концепцию онтологической аксиологии Геннадия Павловича Выжлецова, можно утверждать, что ценности не просто декларируются, а позиционируются как «со-порождение смыслов» из самого истока бытия [4]. В периоды социальной турбулентности идеология минимизирует риски экзистенциального кризиса личности, предлагая субъекту готовую иерархию ценностей, что фактически снимает с индивида бремя самостоятельного этического выбора, заменяя его лояльностью системе.

Технологические аспекты трансляции философского знания в идеологические доктрины

Перспективным направлением в анализе связи философии и идеологии выступает концепция «популярной философии» Антонио Грамши. Итальянец исходит из тезиса, что «философами» в широком смысле являются все члены общества, поскольку каждый обладает стихийным набором представлений о мире, запечатленным в языке, здравом смысле и фольклоре. Однако такая повседневная рефлексия фрагментарна и зачастую внутренне противоречива. Идеология в этом контексте берет на себя роль организующего начала: она стремится превратить разрозненный «здравый смысл» в последовательную, логически выстроенную систему мировоззрений [5].

Этот теоретический подход нашел яркое практическое воплощение в работах китайского мыслителя Ай Сици. В своем труде «Популярная философия» он предложил метод перевода сложных категорий диалектического материализма на язык повседневности, рассматривая чувственный опыт масс как естественный мостик к концептуальному знанию. Успех идеологического проекта, по Ай Сици, прямо зависит от его способности резонировать с насущными нуждами людей, формируя тем самым особую культурную среду для «инкубации» новых социальных отношений [6].

Механику превращения философского или научно-теоретического проекта в действующую идеологическую систему наиболее полно описывает алгоритм, предложенный исследователем Леонидом Ивановичем Летягиным. Этот алгоритм включает в себя этапы: адаптации, редукции и абсолютизации [7]. Согласно концепции, он позволяет «заземлить» теорию, сделав ее психологически приемлемой и значимой для широких масс.

В процессе адаптации происходит взаимодействие определенных нормативных представлений с присущими для человеческого общества традициями и ценностями.

Редукция в идеологическом процессе предполагает перенос акцентов с универсальных целей на интересы конкретных социальных групп. Идеология наделяет групповой интерес статусом «всеобщего блага», создавая иллюзию того, что победа данного класса или нации принесет счастье всему человечеству. Этот механизм обеспечивает мощную социальную идентификацию, поскольку индивид начинает воспринимать себя как часть мессианского целого.

Таким образом происходит окончательное формирование идеологии, когда абсолютизация собственной интерпретации воспринимается как единственно верная. Здесь мир делится на «своих» и «чужих», «истину» и «ложь». Идеология обретает тоталитарный характер в отношении вопросов истины, требуя от субъекта безусловной лояльности, а любой альтернативный проект объявляется не просто «другим», а «безнравственным», «научно несостоятельным» или «враждебным».

Можно сказать, что трансформация философии в идеологию – это процесс «социализации истины». Чтобы теоретическое открытие стало фактором исторического изменения, оно должно выйти за пределы узкого круга интеллектуалов и стать достоянием масс, превратившись в «органическую идеологию», которая впишется в общественное бытие. Этот процесс не является чисто рациональным; он включает в себя эмоциональное сопереживание, веру и культурную идентификацию. Как отмечает доктор политических наук, профессор Глеб Иванович Мусихин, идеология «картографирует» социальное пространство, делая его понятным для индивида и предоставляя ему схему для ориентации в мире [8].

Морфологический подход и символическая природа идеологических систем

Для понимания того, как идеология формирует мировосприятие на концептуальном уровне, необходимо обратиться к морфологическому подходу Майкла Фридена. В этой парадигме идеологии рассматриваются как сложные конфигурации политических концептов (свобода, равенство, справедливость), чьи значения по своей природе являются «оспариваемыми» [9]. Структурно любая идеологическая система организована иерархически. Ее фундамент составляет идеологическое ядро, включающее в себя наиболее устойчивые, фундаментальные концепты, которые формируют базовые аксиомы реальности для субъекта. Вокруг ядра располагаются смежные концепты, задача которых – конкретизировать и уточнять основные идеалы, придавая им определенные смысловые оттенки. Внешний слой системы образует периферия – наиболее гибкий пласт идей, который постоянно адаптируется к текущим социальным событиям и обеспечивает непосредственную связь абстрактной доктрины с повседневной практикой.

Основная задача такой структуры – это «деконтестация», то есть фиксация одного определенного значения понятия и устранение альтернативных интерпретаций внутри системы [10]. Либерализм, например, ставит в центр индивидуальную свободу, подчиняя ей понятия равенства и власти, в то время как социализм перестраивает эту конфигурацию, делая приоритетным коллективное благо. Это создает эффект «самоочевидности»: для приверженца идеологии его видение мира кажется единственно разумным, так как идеология успешно «закрыла» обсуждение иных смыслов через согласование всех трех уровней своей морфологии.

Исследуя природу идеологий, Клиффорд Гирц предлагал рассматривать их как специфическую «культурную систему», проводя содержательную параллель между идеологией, религией и искусством. В периоды острой социальной дезориентации, когда привычные традиции и ценностные ориентиры утрачивают свою устойчивость, именно идеология берет на себя роль своего рода «навигационной карты» [11], позволяющей индивиду упорядочить восприятие хаотичной реальности. На данном этапе идеологические символы представляют собой некие метафоры, способные не только структурировать социальный опыт, но и направлять коллективную политическую волю.

Развивая эту линию анализа, Ролан Барт дополнил понимание идеологии концепцией «метаязыкового мифа» [12]. Миф в современном обществе работает как система вторичных значений, превращая исто-

рию в «природу». Идеология берет конкретный исторический факт и представляет его как нечто вечное, неизменное и самоочевидное. Подобная «деполитизация» речи позволяет господствующим идеям беспрепятственно проникать в ткань повседневности, мимикрируя под обыденный здравый смысл и становясь практически невидимыми для критического анализа.

Человеческое мировосприятие формируется в процессе социализации через институты образования, которые являются проводниками государственной идеологии. Как отмечает Полина Игоревна Рысакова, образование «выступает инструментом идеологического конструирования социальной общности на основе единой системы представлений» [13]. Философия образования всегда идеологична, так как задает модель «должного» человека и образ желаемого будущего.

Идеологизация образования в современном мире проявляется в:

1. Формировании ценностных иерархий. Обычно это происходит через отбор содержания учебных дисциплин и интерпретацию исторических событий.

2. Создании когнитивных фильтров. Когнитивные фильтры определяют, какая информация воспринимается как «истинная» и «релевантная».

3. Легитимации социальных ролей. В рамках образовательного процесса внедряются представления о справедливости существующего распределения власти и ресурсов.

Критическая функция философии в этом контексте состоит в деконструкции скрытых идеологических предпосылок в педагогических практиках, обеспечивая возможность для формирования автономного и рефлексивного субъекта.

В отличие от классического научного (в том числе философского) познания, традиционно ориентированного на идеал ценностной нейтральности и объективности, идеологический дискурс по себе глубоко предвзят и ангажирован. Его главная задача – не доказательство истины, а выстраивание убедительных нарративов, способной солидаризировать общество. В реалиях современного информационного общества эта символическая природа идеологии обретает новые масштабы: визуальная семиотика, архитектурные формы, сетевая мем-культура и публичные перформансы начинают превалировать над вербальными способами трансляции смыслов, становясь наиболее эффективными проводниками идеологических установок.

Современная философия (постнеклассическая рациональность) пересматривает старое противопоставление «объективной науки» и «субъективной идеологии». Становится очевидным, что научный поиск всегда зависит от культурного контекста и личных ценностей исследователя. Более того, сегодня наука нередко сама берет на себя роль идеологического авторитета, когда политические решения оправдываются ссылками на «независимую экспертизу». В таких условиях грань между знанием и идеологией смещается из области теории в сферу практики: знание всё чаще воспринимается как общественное согласие (консенсус) относительно того, что в данной культуре считается важным и достоверным

Психоаналитическая интерпретация идеологии в концепции Славоя Жижека: от фантазии к социальной реальности

Особое место в современной социальной философии занимает подход философа, который, синтезируя гегелевскую диалектику с лакановским психоанализом, представил радикальную реконструкцию теории идеологии в работе «Возвышенный объект идеологии» [14]. В отличие от Карла Маркса, Славой Жижек утверждает, что идеология сегодня функционирует не по принципу «они не знают этого, но делают это», а по принципу «циничного разума»: «они знают это, но всё равно делают».

В рамках психоаналитической деконструкции, предлагаемой Славоем Жижеком, структура идеологии раскрывается через диалектическое единство трех уровней, каждый из которых выполняет специфическую когнитивную и социальную функцию [14].

Первый уровень – «идеология в себе» – эксплицируется как совокупность доктрин, теоретических построений и артикулированных убеждений. На этом этапе основной психологической задачей системы является рационализация миропорядка: идеология предлагает субъекту непротиворечивое объяснение окружающей реальности, облачая хаос бытия в логически выверенные концептуальные формы.

Второй уровень, определяемый как «идеология для себя», переносит акцент с теоретических абстракций на материальную плоскость. Здесь идеология функционирует через систему социальных аппаратов и ритуализированных практик. Её задача состоит в дисциплинировании субъекта через привычку: внешние действия и повторяющиеся паттерны поведения внедряют идеологические установки глубже, чем любые декларации, превращая внешнее принуждение во внутреннюю норму.

Наконец, наиболее глубокий и трудноуловимый слой – «идеология в и для себя» – представляет собой сферу спонтанных верований и того, что принято называть «здравым смыслом». Именно на этом уровне идеология достигает своей предельной эффективности, становясь невидимой.

Если следовать логике автора, идеологическая система оказывается жизнеспособной лишь в том случае, если она успешно связывает рациональную аргументацию с материальным ритуалом и бессознательной фантазией субъекта. Несмотря на то, что человек понимает лживость масок, которые конструирует идеология, философ считает, что он все равно их принимает, потому что идеология создает конструкцию его социальной реальности. Автор вводит понятие «идеологической фантазии», которая является фундаментом реальности, насыщая ее смыслом, скрывая при этом «травматическое Реальное» – невыносимую пустоту и хаос бытия.

Ключевым понятием у Славоя Жижека является «возвышенный объект» – некий элемент реальности, который посредством символизации наделяется исключительным, почти сакральным смыслом [14]. Так, например, такие абстракции, как «Нация» или «Демократия», начинают функционировать в качестве «пустых знаков», которые объединяют противоречивые интересы и дают индивиду чувство принадлежности.

Таким образом, функция идеологии состоит не столько в том, чтобы предложить нам способ ускользнуть от действительности, а в том, чтобы представить саму действительность как укрытие от некой «травматической реальности» социальных антагонизмов. Критика же идеологии, как явления, в XXI веке должна быть направлена не на поиск «скрытой правды», а, прежде всего, на анализ воздействия идеологического института на структуру потребления благ и повседневной жизни общества.

Реидеологизация в XXI веке: Гуманистический проект и вызовы будущего

Современные процессы реидеологизации свидетельствуют о том, что человечество не может существовать в ценностном вакууме. Отказ от больших идеологий привел не к торжеству разума, а к росту иррационализма, фрагментации общества и потере жизненных смыслов. В этом контексте актуальной задачей становится разработка новой гуманистической идеологии, которая могла бы послужить основой для созидательного развития и выживания человеческого общества.

Идеология в XXI веке перестает быть исключительной собственностью партий или государств; она становится полем личного выбора и ответственности. Философия играет здесь роль критической инстанции, которая позволяет индивиду осознавать идеологические механизмы воздействия на его сознание и самостоятельно конструировать свое мировосприятие на основе подлинных человеческих ценностей.

В условиях «общества риска», когда традиционные институты утрачивают способность обеспечивать стабильность, идеология берет на себя критически важную функцию поддержания онтологической безопасности. Согласно концепции Энтони Гидденса, этот вид безопасности представляет собой фундаментальную уверенность субъекта в надежности и преемственности окружающего мира – как материального, так и социального. Это не просто отсутствие внешних угроз, а глубокое психологическое ощущение «бытия в мире», позволяющее человеку сохранять целостность собственной личности [15].

Энтони Гидденс связывает онтологическую безопасность с развитием системы «базового доверия», которая формируется в раннем возрасте и поддерживается через рутинизацию социальной жизни. Рутины – это привычные, воспринимаемые как нечто само собой разумеющееся формы поведения, которые минимизируют экзистенциальную тревогу человека и группы [15]. Современная эпоха характеризуется т.н. «радикальной дезориентацией», проявляющейся в утрате доверия, переизбытке информации и сломе классической идентичности. И потому, новая идеология становится неким «защитным коконом», помогая человеку ограничить негативное социальное воздействие и ставя устойчивые рамки мировоззрения.

Для современного российского общества поиск новой «объединительной идеи» является попыткой преодоления кризиса идентичности, вызванного распадом прежних смысловых структур. Идеология здесь выступает как созидающая сила, ориентированная на сохранение и консолидацию социального целого, предотвращая хаос и дезорганизацию. При этом, как отмечает Леонид Иванович Летягин: «Успешная идеология должна не просто навязываться сверху, а резонировать с глубинными психологическими потребностями масс, становясь фактором их спонтанной самоорганизации» [7].

Заключение

Философское осмысление идеологии прежде всего предполагает её понимание не как досадного искажения истины, а как специфического уровня духовной жизни общества, который воспроизводит общие закономерности его функционирования в форме ценностно-ориентированных доктрин. Идеология выступает мостом между «чистой» философией, занятой поиском предельных оснований сущего, и повседневной практикой, требующей конкретных ориентиров для действия. В этом смысле идеология может быть определена как «прикладная философия», переводящая теоретические абстракции на язык социальных интересов и императивов.

В условиях развития современной научной мысли и информационного общества идеология трансформируется в сложные дискурсивные и символические системы, которые не просто отражают, а активно конструируют нашу реальность. Разумеется, процесс трансформации философского знания в идеологические системы неизбежно связан с упрощением теоретических конструкций, однако именно это упрощение позволяет идеологии резонировать с глубинными потребностями масс и становиться фактором их самоорганизации.

Подводя итог, можно утверждать, что идеология в ее созидающем аспекте является необходимым фактором развития любого жизнеспособного общества. Она обеспечивает консолидацию социального целого, легитимизирует институты и позволяет проектировать образ достойного будущего, опираясь при этом на гуманистические ценности и философски осмысленный исторический опыт. Без идеологического вектора социальная реальность рискует погрузиться в состояние атомизации и ценностного распада.

Дальнейшие исследования в данном направлении могут быть сосредоточены на следующих аспектах:

• Изучение влияния искусственного интеллекта и алгоритмических систем на формирование «цифровых идеологий» и трансформацию морфологии политических концептов.

• Рассмотрение так называемых «неполитических» идеологических систем. Анализ их воздействия на современную философскую антропологию.

• Разработка моделей новой гуманистической идеологии, способной интегрировать ценности различных культур в условиях многополярного мира и обеспечивать глобальную онтологическую безопасность.

• Исследование механизмов противодействия деструктивным идеологиям через развитие практик философского образования и критического мышления.

Таким образом, научные исследования по проблеме взаимодействия философии и идеологии в современной философской науке остаются одной из перспективных и социально значимых сфер гуманитарного знания. Ответы на поднимаемые ими вопросы предлагают исследователям ключи к пониманию динамики современной цивилизации и проектированию устойчивых моделей человеческого общежития.

Литература

1. Дёмин И.В. Философский и социально-политический аспекты проблемы идеологии / И.В. Дёмин // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2022. – № 3. – С. 68–86.

2. Тахтамышев В.Г. Философия и идеология как теория мироустройства и ее практическое приложение / В.Г. Тахтамышев // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11, № 6. – С. 19–24.

3. Ragkousis, A. Reviving political economy in pursuit of human emancipation: the case of Amartya Sen and Cambridge Social Ontology / A. Ragkousis // New Political Economy. – 2025. – Vol. 30, № 1. – P. 105–124.

4. Выжлецов Г.П. Онтологическая аксиология: истоки и современность / Г.П. Выжлецов // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2016.

5. Грамши А. Избранные произведения: в 3 т. Т. 3. Тюремные тетради / А. Грамши. – Москва: Иностранная литература, 1959. – 565 с.

6. Ai Siqi. Popular Philosophy (Dazhong Zhexue) / Ai Siqi. –: [s.n.], 1934. – 230 p.

7. Летягин Л.И. Философия идеологии: монография / Л.И. Летягин; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: [б.и.], 2014. – 281 с.

8. Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий / Г.И. Мусихин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 288 с.

9. Freeden, M. Ideologies and Political Theory: A Morphological Approach / M. Freeden. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 592 p.

10. Mitzen, J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma / J. Mitzen // European Journal of International Relations. – 2006. – Vol. 12, № 3. – P. 341–370.

11. Гирц К. Интерпретация культур / К. Гирц; перевод с английского. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 560 с.

12. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт; перевод с французского С. Зенкина. – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 314 с.

13. Рысакова П.И. Национальная система образования как агент формирования глобальной идентичности / П.И. Рысакова // Философские науки. – 2010. – № 10. – С. 110–127.

14. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек; перевод с английского В. Софронова. – Москва: Художественный журнал, 1999. – 236 с.

15. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Cambridge: Polity Press, 2008. – 245 p.

IDEOLOGY AS AN APPLIED PHILOSOPHY: MECHANISMS OF CONSTRUCTING SOCIAL REALITY

Babanin V.D.
Plekhanov Russian University of Economics

The article explores the multidimensional interrelation between philosophy and ideology as different levels of meaning-making within the structure of modern social consciousness. The author substantiates the concept of ideology as «applied philosophy,» which carries out the transformation of theoretical abstractions into vitally significant social imperatives. The work emphasizes that ideology, in its constructive aspect, acts as a necessary condition for the consolidation of society, the legitimation of its institutions, and the design of future development vectors based on humanistic values.

Keywords: philosophy, ideology, worldview, social reality

References

1. Demin, I. V. (2022). Philosophical and socio-political aspects of the problem of ideology. Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy, (3), 68–86.

2. Takhtamyshev, V. G. (2022). Philosophy and ideology as a theory of worldview and its practical application. Humanities of the South of Russia, 11(6), 19–24.

3. Ragkousis, A. (2025). Reviving political economy in pursuit of human emancipation: the case of Amartya Sen and Cambridge Social Ontology. New Political Economy, 30(1), 105–124.

4. Vyzhletsov, G. P. (2016). Ontological axiology: origins and modernity. Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies.

5. Gramsci, A. (1959). Selected Works: in 3 vols. Vol. 3. Prison Notebooks. Moscow: Foreign Literature Publishing House.

6. Ai Siqi. (1934). Popular Philosophy (Dazhong Zhexue).

7. Letyagin, L. I. (2014). Philosophy of Ideology: Monograph. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

8. Musikhin, G. I. (2013). Essays on the Theory of Ideologies. Moscow: HSE Publishing House.

9. Freeden, M. (1996). Ideologies and Political Theory: A Morphological Approach. Oxford: Clarendon Press.

10. Mitzen, J. (2006). Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma. European Journal of International Relations, 12(3), 341–370.

11. Geertz, C. (2004). The Interpretation of Cultures. (Trans. from English). Moscow: ROSSPEN.

12. Barthes, R. (2000). Mythologies. (Trans. from French by S. Zenkin). Moscow: Sabashnikov Publishing House.

13. Rysakova, P. I. (2010). National education system as an agent for the formation of global identity. Philosophical Sciences, (10), 110–127.

14. Žižek, S. (1999). The Sublime Object of Ideology. (Trans. from English by V. Sofronov). Moscow: Khudozhestvenny Zhurnal.

15. Giddens, A. (2008). Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press.

Методология устойчивого равновесия социальных систем

Бикметов Евгений Юрьевич,
доктор социологических наук, профессор кафедры государственного управления, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
E-mail: bicprof@mail.ru

Лукьянов Аркадий Викторович,
доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
E-mail: ark.lukjanov@yandex.ru

Пушкарева Марина Алексеевна,
доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
E-mail: pushkarewa2@mail.ru

В работе исследована идея устойчивого равновесия социальных систем. Методология связана с развитием философских теорий от их логического до экзистенциального основания. Мировоззренческие генерализации устойчивого развития системы сопряжены с принципом нелинейной динамики равновесных и неравновесных состояний. Высокая степень социальной и философской самоорганизации порождает индивидуальность человека. Жизненный пульс системы обеспечивается динамикой процесса симметрии и асимметрии, устойчивостью и изменчивостью в процессе возрастания сложности социальных взаимодействий. Культурные и духовные импульсы социальной среды обеспечивают устойчивость равновесного существования человека и социума. Проблема перехода к равновесию системы определяется исследованием ее метастабильных состояний, что позволяет утверждать о высокой степени социальной и духовной детерминации и индивидуальности, связанной с переходом системы к равновесному состоянию.

Ключевые слова: устойчивое развитие, равновесие и неравновесие социальной и философской систем, культурные импульсы, пространство и время социальной системы, синергетика и ее перспективы.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что системный кризис современного мира связан с утратой равновесия между социальными системами. Метастабильные точки равновесия эволюции сопряжены с утратой устойчивости причинно-следственных связей. В связи с этим нуждается в пересмотре принцип детерминизма с точки зрения возникающих новых мировоззренческих генерализаций. Целью исследования выступает концептуализация исторического развития природы, общества и сознания на базе принципа нелинейной динамики равновесных и неравновесных состояний и их перехода к устойчивости равновесных философских и социальных систем.

Задачи, поставленные авторами исследования:

1) переосмыслить синергетику как науку о самоорганизации социальных и философских систем;

2) рассмотреть обменные процессы в природе, обществе в связи со становлением устойчивых форм равновесия;

3) обосновать тот факт, что высокая степень социальной организации порождает новую индивидуальность, которая не редуцируется к совокупности отдельных социальных систем.

Результаты исследования

Методологией устойчивого равновесия социальных систем выступает теория сложности, предполагающая нелинейность динамики развития, случайность, которые могут быть объяснены эластичностью современного мира. Сложные природные объекты модифицируют свои структуры, перестраивая связи между элементами и формируя новое социальное равновесие. Но возможны сбои, поэтому способность к социальному равновесию может рассматриваться как правило, а не исключение.

Определение социальных систем как автономных, постоянно воспроизводимых и саморегулирующихся требует учета их внутренней целостности, а также способности к адаптации. Поэтому на фоне расширяющегося знания о живом необходимо исследовать устойчивую систему понятий, норм и ориентиров, способных обеспечить гармоничное развитие фундаментальной науки, которая не вступала бы в противоречие с этическими принципами и фундаментальными основаниями существования человека и общества.

Теория устойчивого равновесия социальных систем имеет мировоззренческие основания. Ф.В.Й. Шеллинг исследовал этот процесс в контексте соотношения логических, или «негативных» систем знания и позитивных, положительных, экзистенциальных систем [1].

Изучение равновесных систем сопряжено с методологическими сложностями. Ясно, что устойчивость системы определяется сбалансированным характером противоположностей. На условия сбалансированности, уравновешенности противоположностей указывает А. Богданов [2]. Ведь то, что «полагает противоположности, должно иметь силу удерживать эти противоположности в себе в качестве противоречия» [1, с. 168]. Устойчивость, выступая динамической характеристикой системы, обладает свойством возвращения в исходный или близкий к нему режим после выхода из него в результате возмущения [3]. Равновесие трактуется исследователями как способность объекта сохранять устойчивое положение в состояниях движения и покоя [4].

Устойчивое развитие обеспечивается поиском источников формирования социальной системы. Одним из них является творчество человека, в котором энергия действия намного больше, чем сами результаты деятельности.

Гармонизация технологических, социально-экономических и духовных процессов приводит к устойчивости в развитии системы [5, с. 200]. Гармония как внутренняя согласованная связь, равновесие, возникающие в процессе взаимодействия противодействующих сил, отражает диалектику устойчивого развития [6].

В современном мире достаточно сложно поддержать равновесный характер социальной модели. Равновесие нарушается, когда духовная среда социальной организации становится неустойчивой. На социальную систему оказывают воздействие многие параметры, факторы среды. Во-первых, люди не могут быть вне эпохи. Они всегда действуют в рамках определенного времени. Во-вторых, неустойчивость равновесия обеспечивается метастабильностью развития, когда человек и общество сталкиваются с опасными ситуациями роста. В-третьих, неустойчивость порождается процессами, когда эластичность социально-

го бытия растягивается до необозримых пределов. Иногда последствия исчезнувшего фактора проявляются по прошествии долгого времени.

Заметим, что философские истины не обходятся без нарушения равновесия. При каких условиях возникает новая точка равновесия? Видимо, сама ограниченность препятствий восстанавливает равновесие.

При этом важно исследовать точку невозврата социальной системы к устойчивому развитию. Необходимо изучать природную устойчивость равновесия, а саму устойчивость системы создавать. Философские системы, начиная с древнейших времен, стремились к тому, чтобы сделать экзистенциальное пределом развития. Но если текущие события позволяют достичь цели, то видимо объект обладает устойчивым равновесием.

Подход Н. Винера, который связан с исследованием множества параметров, позволяет достичь цели исследования существования социальной системы [7]. Но нам необходимо проанализировать точку невозврата системы в исходную точку равновесия.

Философская система, в понимании Шеллинга, направлена на анализ разума и того, что «покидает его пределы» [8, s. 107]. Так же и социальная жизнь не исчерпывается логикой движения мысли. В ней всегда присутствует некий иррациональный остаток, который, видимо, указывает на неравновесные состояния мысли и социума.

В мире вообще попеременно правят законы симметрии и асимметрии, устойчивости и неустойчивости. Но все, что переходит в бытие, перестает пребывать в разуме. Все, что оказывается в разуме, не оказывается изъятым из разума благодаря интеллектуальному процессу. Философия есть наука, которая имеет свою цель и результативность. В результате логическая философия оказывается существующей вместе с положительной или экзистенциальной философией. Для этого следует совершить экскурс в историю философии.

В философии Аристотеля произошел отрыв от пророческого, и мы наблюдаем поворот к историческому знанию. Чтó стало первым, а чтó есть – вторым. Тем самым действительность социальной системы стала чем-то экзистенциальным. Это прослеживается в «Тимее» Платона [8, s. 140]. От теоретической философии до «всеобщего» имеется некий скачок, который, тем не менее, не смешивает научные пути с мистикой.

Теоретическое знание – это обоснованный путь от логического к эмпирическому. Аристотель развил идею истории как предмет аналитического познания. Тем самым Аристотель достиг понятия природы, пришел к метафизике. Аристотелевская картина природы отталкивает дух в сферу анализа. Однако на данном пути мы встречаемся с рациональной философией. В потенции мысли мы приближаемся к природе, где последняя притягивается неким центром, в котором духовное и материальное достигают единства. Природа и социум имеют дело не с действительным миром, а только с сущностью.

Устойчивость развития и равновесие социальных систем не предполагает того, кто произвольно относится к течению исторических событий. Невозможно обособиться от мысли. Но творческий дух все же является высшей сущностью, которая не позволяет изнурить вещи в бытии, не нарушая равновесного характера устойчивого развития. Аристотель подчеркивает связь логического и исторического. Он попытался восстановить ту тенденцию, которая восходит к Платону. Но в сущности это есть направление экзистенциальной программы, которая включает идеальное бытие. И в настоящее время путь Аристотеля от существующего к логическому остается единственным способом развития философских систем. Аристотель как провозвестник равновесия между социальными и духовными системами указывает путь к преодолению метастабильных состояний системы, путь к преодолению неустойчивости системы, а следовательно принцип детерминизма нуждается в пересмотре (с точки зрения возникновения нового) новых мировоззренческих генерализаций.

Как можно объяснить тот факт, с помощью которого обосновываются незначительные флуктуации, а с помощью последних достигается добросовестность и терпеливость? Этим последним не нужны социальные потрясения. Некоторые люди хотят жить спокойно, другие, напротив, стремятся к изменениям. И вот приходит в мир правитель, «закон сердца» которого с течением времени становится окостенелым и все возвращается на круги своя. Но экзистенциальная философия, в основе которой лежит свобода выбора, остается системой, которая исходит не из абсолютного бытия. Она ориентирована на необходимое бытие, которое становится чем-то сущим в энергии нравственного развития.

Положительная философия отличается самоорганизацией возможного. Она случайна и экзистенциальна. Экзистенциальная философия продвигается вперед лишь в свободном мышлении. И будущее приоткрывается перед экзистенцией и является ничем иным, как постоянным основанием знания. В то время как логическая философия представляет собой законченную систему, достигшую устойчивости, новая экзистенциальная система есть постоянное развертывание мысли.

Философия как «эпоха, схваченная в мысли» (Гегель), детерминирует в определенной мере и общественные, культурные связи. В данном отношении выдвигается вопрос о культуре и творчестве как духовной основе устойчивого развития. В настоящее время многие предметы ослабляются искусственным интеллектом. Устойчивое развитие связано с умом человека, а ум отечественной философии сопряжен с «Мы-философией». Устойчивое равновесие этой философии сопровождается появлением коллективных форм мышления, когда «Мы-философия» противостоит «Я-философии». Сохранить целостность, культурную идентичность действительно можно лишь всем и вместе. Как раз отсюда вытекает метафизика. «Лицо» в содержательном отношении больше, чем субъект, вечно определяет культурно-исторический процесс, который всегда сопряжен с восхождением к непреходящему [9, с. 147].

Следует заметить, что духовную деятельность сложно дифференцировать, хотя она осуществляется постоянно. Этот труд совершается в латентной форме. Авторы зачастую не видят, что опираются на ту или иную традицию в мышлении. В основе традиции лежит духовная деятельность, творческий труд. При этом, разумеется, достигается единство законов симметрии и асимметрии, устойчивости и изменчивости.

Таким образом, метафизическими, а в сущности диалектическими основаниями устойчивого равновесия общественных систем выступают прежде всего идея культурного многообразия мира, диалектическое учение о сущем, которое присутствует в универсуме, борьба с технократическим духом, который занят лишь самим собой, а не другим. Мысль о том, что и самые крайние границы природы должны быть прекрасными позволяет управлять социальными и духовными процессами. Процессы симметрии и асимметрии приведены сегодня в состояние экспирации. Поэтому методология устойчивого равновесия нацелена на достижение гармонии духовного и эмпирического начал. Не только действия, но и мысли человека должны быть прекрасными, т.е. нравственными. Духовная культура России сопряжена с общечеловеческими ценностями, которые не позволяют разрушить мысль о многополярном мире. В этом мире осуществляется гармония личного и общественного, устойчивого и изменчивого мира.

Таким образом, погружаясь в основания принципа нелинейной динамики равновесных и неравновесных состояний и их перехода к устойчивости социальных и философских систем, необходимо заново переосмыслить синергетику как науку о самоорганизации философских и социальных систем.

Выше мы заметили, что когда логическая философская система соприкасается с экзистенциальной системой, то сама экзистенция, сопряженная с мыслью о предмете, достигает наивысшего напряжения, а сама симметрия оказывается пограничной с процессом асимметричного развития. Обменные процессы в природе и в обществе способствуют становлению устойчивых форм равновесия. Но есть нечто, с которым невозможно обменяться. Трудно совершить обмен со смысловыми качествами жизни. Обменяться можно с материальными предметами, но высокая степень социальной организации постоянно порождает новую индивидуальность, которая не редуцируется к совокупности отдельных социальных систем.

Динамичное развитие системы обеспечивается ее жизненным пульсом, что позволяет сохранить гармонию процессов симметрии и асимметрии, устойчивость и изменчивость при возрастании сложности социальных взаимодействий.

Заключение

Итак, можно сделать следующие выводы.

1. Культурные и духовные импульсы среды обеспечивают устойчивость равновесного существования социальной и духовной системы. Данная система развивается, когда в ней равновесие и неравновесие оказываются духовно метастабильными, так что социальная и философская системы на какое-то время могут достигать устойчивого равновесного состояния.

2. Процесс успешного функционирования социальной системы возможен при условии, когда ее жизненный пульс обеспечивается динамикой процесса симметрии и асимметрии, устойчивости и изменчивости при возрастании сложности социальных взаимодействий.

3. Социальное развитие не может быть осуществлено вне общественного взаимопонимания. Устойчивое развитие социальных систем связано с уважительным отношением к их организации. При этом обеспечивается их равновесное состояние, которое основано на преодоле-

нии фрагментарности бытия. Устойчивость развития создается на основе признания принципа достоинства человека, его назначения выявить гуманистический потенциал, связанный с сохранением будущих поколений, способностью жить в условиях мира.

Литература

1. Шеллинг Ф.В.Й. Система мировых эпох: Мюнхенские лекции 1827–1828 гг. в записи Эрнста Ласо. Томск: Водолей, 1999. 320 с.
2. Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1. М.: Экономика, 1989. 304 с.
3. Хазиев И.Х. Параметры устойчивого развития социальных систем // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 12. С. 249–256.
4. Руди А.Ш. Теория равновесия как механизма устойчивости // Омский научный вестник. 2012. № 3(109). С. 92–95.
5. Bikmetov E.Yu., Amirkhanova L.R. Managing the greening of socio-economic activities as a condition for sustainable development // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. № 4. С. 198–208.
6. Жукова Г.В. Диалектика устойчивого развития и критерий антикризисного управления // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 13(76). С. 160–166.
7. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине / пер. с англ.; предисл. Г.Н. Поварова. М.: Сов. радио, 1968. 326 с.
8. Schelling F.W.J. Philosophie der Offenbarung 1841/42. Herausgegeben und eingeleitet von Manfred Frank. Suhrkamp Verlag. Frankfurt am Main, 1993. 596 s.
9. Лукьянов А.В. Культура и творчество как духовная основа устойчивого развития // Культура, творчество и инновации для устойчивого развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 27 апреля 2023 г.) / отв. ред. Л.А. Иткулова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. С. 145–148.

METHODOLOGY FOR SUSTAINABLE BALANCE OF SOCIAL SYSTEMS

Bikmetov E.Yu., Lukyanov A.V., Pushkareva M.A.
Ufa University of Science and Technology

The article investigates the idea of sustainable equilibrium in social systems. The methodology is linked to the development of philosophical theories from their logical to existential foundations. Worldview generalizations of sustainable system development are coupled with the principle of nonlinear dynamics of equilibrium and non-equilibrium states. A high degree of social and philosophical self-organization generates human individuality. The system's life pulse is ensured by the dynamics of symmetry and asymmetry, stability and variability in the process of increasing complexity of social interactions. Cultural and spiritual impulses of the social environment ensure the stable equilibrium existence of individuals and society. The problem of transitioning the system to equilibrium is determined by the investigation of its metastable states, which allows us to assert a high degree of social and spiritual determination and individuality associated with the system's transition to an equilibrium state.

Keywords: development, equilibrium and disequilibrium of social and philosophical systems, cultural impulses, space and time of a social system, synergetics and its prospects.

References

1. Schelling F.W.J. System of world epochs: Munich lectures 1827–1828 in the notes of Ernst von Lasaulx. Tomsk, Vodoley Publ. House, 1999, 320 Pp. (In Rus.).
2. Bogdanov A.A. Tectology: (Universal organizational science). In 2 books: Book 1. Moscow, Ekonomika, 1989, 304 Pp. (In Rus.).
3. Khaziev I. Kh. Parameters of sustainable development of social systems. Socio-humanitarian knowledge, 2013, No. 12, Pp. 249–256. (In Rus.).
4. Rudi A. Sh. Theory of equilibrium as a mechanism of stability. Omsk Scientific Bulletin, 2012, No. 3(109), Pp. 92–95. (In Rus.).
5. Bikmetov E.Yu., Amirkhanova L.R. Managing the greening of socio-economic activities as a condition for sustainable development. PNRPU Sociology and Economics Bulletin, 2023, No. 4, Pp. 198–208. (In Rus.).
6. Zhukova G.V. Dialectics of sustainable development and the criterion of anti-crisis management. Scholarly Notes of the Russian State Social University, 2009, No. 13(76), Pp. 160–166. (In Rus.).
7. Wiener N. Cybernetics: or control and communication in the animal and the machine. Transl. from English; pref. by G.N. Povarov. Moscow, Sovetskoe Radio, 1968, 326 Pp. (In Rus.).
8. Schelling F.W.J. Philosophie der Offenbarung 1841/42. Edited and introduced by Manfred Frank. Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 1993, 596 pp.
9. Lukyanov A.V. Culture and creativity as the spiritual foundation of sustainable development. In: Culture, creativity, and innovations for sustainable development: Materials of the all-russian scientific and practical conference (Ufa, April 27, 2023), ed. by L.A. Itkulova. Ufa: UUST, 2023, Pp. 145–148. (In Rus.).

Коммуникативные процессы в социально-культурном пространстве: ретроспективный анализ методологических подходов

Филюшкина Диана Владимировна,
доктор философских наук, профессор кафедры философии и этнологии гуманитарного института, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
E-mail: diana-kmv@mail.ru

Дагдаверян Сергей Робертович,
аспирант, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
E-mail: sergei_dagdaveryan@mail.ru

Ретроспективный анализ методологических подходов к исследованию коммуникативных процессов в социально-культурном пространстве необходим для создания интегративной модели. Исследование коммуникативных процессов в рамках социальной и политической философии выявило ключевые аспекты их функционирования и трансформации в современном обществе; уточнены и операционализированы основные понятия («процесс», «коммуникация», «коммуникативные процессы». Анализ существующих моделей коммуникативных процессов показал: новые теоретические парадигмы не заменяют, а дополняют предыдущие, учитывая новые эмпирические данные и контекстуальные особенности.

Ключевые слова: коммуникативные процессы, социально-культурное пространство, модели коммуникативных процессов, современное общество, глобализация, цифровизация, социальные медиа, общественное сознание, культурный потенциал, социально-экономические последствия, стратегии, качество коммуникаций.

Введение

В условиях глобализации и цифровизации коммуникативные процессы занимают одну из главных позиций в современном обществе, поскольку являются неотъемлемой частью человеческой жизни и оказывают значительное влияние на формирование мировоззрения, ценностных ориентиров и моделей поведения, что, в свою очередь, способствует развитию общественного сознания и культурных норм. Именно благодаря им, на современном этапе, мы можем наблюдать как происходит глобальный культурный сдвиг, ведущий к формированию новой, интегративной культуры сущностным отличием которой является переход от этноцентричных ценностей к общечеловеческим. В данном контексте исследование коммуникативных процессов приобретает особую значимость, так как в ситуации интенсивного развития информационных и организационных технологии они становятся ключевыми, определяя качество взаимодействия в обществе.

Целью данного исследования является ретроспективный анализ методологических подходов к исследованию коммуникативных процессов в социально-культурном пространстве, результаты которого необходимы для разработки интегративной модели коммуникативных процессов в социально-культурном пространстве, основанной на синтезе методологических подходов для выявления закономерностей и механизмов взаимодействия культурных, социальных и коммуникативных факторов в условиях глобализации и цифровизации.

Прежде чем двигаться в направлении достижения цели, необходимо операционализаировать базовые понятия исследования.

Понятие «коммуникативный процесс» объединяет два независимых понятия: «процесс» и «коммуникация». «Процесс» (лат. processus – движение, ход) представляет собой упорядоченную последовательность изменений, происходящих в рамках определённых параметров и некого временного отрезка.

У разных исследователей можно найти разнообразные его трактовки: П.А. Сорокин [30, с. 97] рассматривает процесс как любое изменение или эволюцию; Я. Щепаньский [38, с. 482] – акцентирует внимание на однородности явлений, связанных причинно-следственными или структурно-функциональными зависимостями; Н. Луман [39, с. 206] считает, что процесс возможен только при наличии последовательных причинно-следственных связей между событиями, обладающих возможностью переплетаясь, влиять друг на друга; в центре размышлений А. Уайтхеда [35, с. 130] – результаты процесса, которые, по его мнению, интегрируясь в новые структуры, одновременно исчезают и сохраняются.

С позиции системного подхода процесс представляет собой последовательность действий, смена которых вызывает изменения в состоянии системы. Именно исходя из этого П. Штомпка [37, с. 457] утверждал, что процесс можно считать единым, если его изменяющаяся структура сохраняет фундаментальную идентичность: взаимосвязь с самой собой при сохранении связности и непрерывности изменений. Только такие процессы можно рассматривать как динамические явления, в которых «новое» возникает через преобразование «старых» элементов. Уайтхед [34, с. 379] подчеркивал, что процесс фактически создает себя, что согласуется с теорией аутопоэзии У. Матураны и Ф. Варелы [19, с. 40], которая утверждает, что процессы обладают способностью к самовоспроизводству. Это соответствует идее М. Вебера [7, с. 459] о наличии связей и регулярностей в любом процессе. Кроме того, процессы возможно классифицировать исходя из сферы их проявления (химические, психофизиологические, технические, производственные, социальные и другие).

В социальной сфере, рассматривая общество как самоорганизующуюся систему, авторы статьи «Процессы как явление социума» [14], исследуют процессы как специфическое явление являющееся, в определённой мере, и результатом, и двигателем общественного развития. Анализируя основные парадигмы и подходы к интерпретации социальных явлений они систематизируют типы социальных процессов и их структурные компоненты.

Проведённый анализ подводит к пониманию процесса, изложенного в работе «Социальные процессы: онтологические основания классификации» Ю.И. Прохоренко «последовательное изменение состоя-

ний (количественных или качественных характеристик объекта) в определённый временной период» [26, с. 7].

Понятия «коммуникация» и «коммуникативные процессы» в большинстве научных работах, посвящённых исследованию данных феноменов, применяются как синонимичны. Например, в статьях Н.В. Турышева «Понятие избыточности в коммуникативных процессах» [33], Л. Бах «Коммуникативные процессы в движении за мир» [3] и Р.Т. Байгазановой «Буллинг в контексте коммуникативных процессов» [2], несмотря на их различия в тематике, отсутствует детальный анализ ключевого понятия – «коммуникативные процессы», которое не подвергается глубокому теоретическому осмыслению используясь как синоним понятия «коммуникация».

При этом М.Х. Мескон [20] определял коммуникацию как процесс обмена информацией между участниками, включающий кодирование, выбор канала передачи, передачу, декодирование и обратную связь, подчёркивая важность учёта помех, которые могут искажать восприятие информации. Н. Луман [16] акцентировал внимание на перераспределении знания через коммуникацию, рассматривая её как рекомбинацию информации между участниками, полагая, что коммуникация свойственна исключительно социальным системам. Это мнение разделяли Бакстер, Силларс и Вангелисти, утверждающие, что коммуникация является средством конструирования и поддержания социальных отношений.

В философии коммуникация, изначально, рассматривалась сквозь призму диалога.: Сократ считается основоположником этого подхода, благодаря разработанного им методу сократического диалога, используемого в настоящий момент в качестве одного из методов в психотерапии. В 20-х годах XX века философия диалога стала популярным направлением, изучающим диалог в различных контекстах: М. Бубер видел в коммуникации фундаментальную потребность человека в общении, рассматривая её как повторяющийся процесс [6]; Ф. Розенцвейг подчёркивал, что любая нарративная форма является элементом диалогического дискурса [27]; Г. Марсель уравновесил «Я» и «Другого», признавая их равнозначность в диалоге [18]; М. Бахтин сместил центр внимания на межкультурную коммуникацию, считая, что все культурные системы имеют равноправный статус и могут взаимодействовать через диалог [4]; Розеншток-Хюсси разработал концепцию «диалогического мышления», где мышление рассматривается как функция речи, руководимая Богом и основанная на оперировании словами, что придаёт мышлению статус высшей когнитивной функции, способствующей духовному развитию и обретению спасения [28].

Таким образом, исходя из анализа содержательного наполнения понятия «коммуникация» разными авторами, можно сделать вывод, что в философии диалога объектом исследования является процессуальная сторона коммуникации, то есть диалогическое взаимодействие между различными субъектами: взаимодействие между внутренним и внешним аспектами субъекта, между субъектом и объектом, а также между «своими» и «чужими» в межкультурных коммуникациях.

Современная диалогическая философия развивается по двум основным направлениям. Первое: информативное направление, в котором диалог рассматривается как средство обмена информацией, аргументации и достижения общего понимания. Он изучается в контексте языковых коммуникаций, логики дискурса и других дисциплин. Второе – персонологическое направление, где основное внимание уделяется анализу встречи участников диалога как ключевого события, а собственно диалог и процесс этой встречи становятся центральными категориями философского анализа.

В XXI веке, благодаря развитию телекоммуникаций и глобализации, парадигма диалога сместилась с Запада на Восток. Это связано с усилением культурного влияния Востока на Запад, что приводит к обмену, взаимопроникновению культур и формированию новых культурных форм. Это актуализирует изучение коммуникативных процессов, особенно в России, где сосуществуют различные этнические и культурные группы.

В российской науке сформировались несколько интересных, основанных на философии диалога, концепций коммуникации.

1. Концепция диалога культурных миров [24]: диалог необходим для существования глобальных институтов и преодоления дезинтеграции международных структур.

2. Концепция универсального диалога [10]: в ней диалог рассматривается как универсальный способ существования культуры и человека, включающий межсубъектность, взаимообогащение и взаимопомощь.

3. Взгляд на диалог как бинарную структуру [21], в которой диалог интерпретируется как коммуникативное событие, позволяющее переосмыслить философский диалогизм.

4. Полилог культур [1]: диалог понимается как способ взаимодействия культур, где общее выражается через диалектику универсального и уникального.

Однако исследователи не всегда четко разграничивают понятия «коммуникация» и «коммуникативный процесс».

В данной работе термин «коммуникация» будет применяться в интерпретации Е.А. Хохловой [36], которая рассматривает его как многомерный процесс установления и поддержания связей между субъектами, инициируемый потребностью в совместной деятельности и включающий в себя два ключевых аспекта: коммуникативный, обеспечивающий эффективное взаимодействие для достижения целей, и информационно-содержательный, который играет вспомогательную роль.

Однако мы внесём важное уточнение: считаем необходимым рассматривать информативный и коммуникативный компоненты коммуникации как равнозначные. Это позволит полностью отразить процессуальный аспект, связанный с коммуникативными процессами, и мотивационный аспект, влияющий на формирование целей.

То есть, с нашей позиции, концепты «коммуникация» и «коммуникативный процесс» связаны как целое и его составляющая: коммуникация описывает статическое состояние, а коммуникативный процесс представляет собой динамическую последовательность изменений, возникающих в результате взаимодействий и взаимовлияний участников.

Таким образом, коммуникативные процессы характеризуются динамическим взаимодействием субъектов, при котором происходит обмен информацией, включающей идеи, опыт и эмоциональные состояния. Поэтому в рамках социальных процессов мы предлагаем не разделять информативную и эмоциональную сферы, а рассматривать знания, идеи, опыт и эмоции как взаимосвязанные уровни единой информационной системы.

Основные подходы к изучению моделей коммуникативных процессов

В данной работе термин «модель коммуникационных процессов» используется в значении, предложенном Т.В. Науменко [22]: модель представляет собой систему, которая позволяет передавать и получать информацию различного характера (интеллектуальную и эмоциональную) от отправителя к получателю и обратно. в следствии чего и осуществляется взаимодействие и взаимовлияние между участниками коммуникации.

Существует множество подходов к классификации моделей коммуникационных процессов, которые можно структурировать по различным критериям. Например, Л.Р. Тухватулина [32] в своей работе «Принципы классификации моделей коммуникации» выделяет основные «линии» моделей коммуникации, каждая из которых базируется на определенной концепции. Эти линии включают: 1, «Линия Лассуэлла», вбирающая в себя модель коммуникативного акта Гарольда Лассуэлла, а также её дальнейшее развитие в работах Р. Брэддока и Г. Гербнера; 2, «Линия Шеннона–Уивера», охватывающая модели Клода Шеннона и Уоррена Уивера, а также модели М. ДеФлера, Уильяма Шрамма и Пола Лазарсфельда; 3, «Линия Ньюкомба» в составе которой находятся модель Теодора Ньюкомба и модель Уэстли–Маклина; 4, «Линия семиотических моделей» (также известная как «линия Якобсона»), включающая работы Романа Якобсона, Юрия Лотмана и Умберто Эко.

Классификацию моделей по сфере их применения предлагает: Г.Г. Почепцов [25] выделяя теоретические и прикладные модели. Теоретические модели, в свою очередь, подразделяются на 1, социологические и 2, психологические (например, «диффузная модель» и «модель привратника»), 3, семиотические (Якобсона, Лотмана, Эко) и 4, метафорические (концепции Леви-Стросса, Ролана Барта и Карла Юнга). У прикладных моделей более простая дифференциация: 1, модели для решения конкретных задач и 2, модели, применяемые в других областях гуманитарного знания (например, концепции Антонио Грамши, Николая Евреинова, Густава Шпета и Михаила Бахтина).

Кроме того, модели коммуникации можно классифицировать по историческому контексту интерпретации субъект-объектных отношений: 1, классический подход, основанный на традиционных представлениях о взаимодействии субъекта и объекта (Модель Лассуэлла, Модель Шеннона и Уивера, Модель коммуникации Мелвина Де Флеро, Модель Лазарсфельда, Осгуда-Шрамма, Р.О. Якобсона, Берло); 2, неклассический, учитывающий более сложные и динамичные взаимодействия (Ч. Осгуда и У. Шрамма, Ю. Хабермаса, культурологическая модель М.М. Бахтина, Театральная модель Николая Евреинова); 3, медиальный подход, в котором фокусируется внимание на роли медиа в коммуникационных процессах (социально-философская теория ком-

муникации А. Шютца, семиотическая концепция Ю.М. Лотмана, фольклорная модель Владимира Проппа).

В результате анализа моделей коммуникативных процессов, который был произведён в рамках классификации по историческому контексту интерпретации субъект-объектных отношений, были сделаны следующие выводы.

Эволюция классических моделей коммуникативных процессов характеризуется переходом от линейных концепций, сосредоточенных на отдельных элементах передачи информации, к более сложным и интерактивным моделям, учитывающим множество факторов, влияющих на интерпретацию и восприятие сообщений.

Неклассический подход к коммуникационным процессам отличается релятивизацией субъект-объектных дихотомий, что приводит к размыванию традиционных эпистемологических границ. В этом контексте коммуникация приобретает процессуальный характер, зависящий от условий и субъективного восприятия с акцентированием внимания на интерпретативном и диалогическом характере коммуникации. При этом, в отличии от классических моделей, в которых коммуникация понимается как линейная передача информации, авторы неклассических моделей понимают её как сложный многомерный феноменом, в котором ключевую роль играют механизмы интерпретации, наполнения смысла и интерактивного обмена между участниками. При этом правильность понимания сути сообщения адресантом напрямую зависит от контекста и качества взаимодействия с отправителем.

Медиальный/серединный парадигмальный подход к изучению коммуникативных процессов характеризуется сложностью и многоаспектностью. В отличие от классических и неклассических моделей, он не допускает чёткого разделения субъекта и объекта коммуникации, так как их взаимодействие носит взаимопроникающий характер. В результате анализа медиальных моделей был выявлен ряд ключевых особенностей медиальных моделей. 1. Фокус на различных аспектах коммуникации: у Шютца – акцент на субъективном сознании и типизации; Лотман анализирует коммуникацию сквозь призму семиотики; Пропп – выявляет и систематизирует универсальные элементы нарративов. 2. Интегративность: синтез социологического и феноменологического подходов в модели Шютца; у Лотмана – объединение элементов классической и неклассической парадигм; Пропп применяет структурный анализ для выявления универсальных функций нарративов. 3. Многоаспектность: понимание социальности через концепцию «жизненного мира» и множественности реальностей (Шютц); анализ коммуникации с учётом культурной памяти на языковом уровне (Лотман); выявление универсальных функций в структуре нарративов (Пропп). 3. Центрированность внимания на структуре и смыслах: Шютц – акцент на типизации и когнитивных стилях; Лотман – в центре внимания семиотические модели и взаимосвязь индивидуального сознания с культурным контекстом; Пропп – на универсальности функций в структуре нарративов. Данные особенности выделяют медиальные модели среди классических и неклассических подходов, делая их уникальными в понимании коммуникативных процессов. Медиальные. социальных, коммуникативных и культурных явлений через структурный подход, предлагают разнообразные методы и теоретические основания для интерпретации коммуникативных процессов и их элементов, а также акцентируют внимание на выявлении универсальных составляющих, что позволяет применять их для анализа широкого спектра текстов и ситуаций.

Современные подходы к изучению коммуникативных процессов

Во второй половине XX века произошло смещение вектора интереса в исследовании коммуникативных процессов, а именно, появление новой доминирующей парадигмы в исследовании коммуникаций – концепции социального взаимодействия.

Эти изменения явились последствиями того, что теории диалога и социального действия, ранее занимавшие центральные позиции в философии и социологии, фактически перешли в разряд инструментов для анализа широкого спектра социокультурных явлений. Это происходило на фоне роста интереса к микросоциальным и микроисторическим аспектам и признания наличия динамических процессов представителями структурного функционализма.

Следствием вышеуказанных факторов на рубеже XX–XXI веков именно концепция социального взаимодействия заняла лидирующее положение, в то время как построение коммуникационных моделей утратило свою актуальность, уступив место многоаспектному анализу коммуникации как социальному феномену.

Тем не менее, данные тенденции не помешали формированию в контексте современных подходов новых моделей коммуникативных процессов, среди которых можно выделить Гипотезу культивирования Дж. Гербнера, Концепцию адаптационных возможностей взаимодействия Е.А. Орловой, Ментальную модель распространения информации Ю.В. Тотьмяниной.

В гипотезе Дж. Гербнера [8], основу которой составляет теория «культурных индикаторов», утверждается, что длительное воздействие средств массовой информации на индивида приводит к трансформации его восприятия реальности в сторону соответствия медианавязанным образам. При этом наблюдается корреляция между уровнем образованности и скоростью изменения восприятия: чем ниже уровень образованности, тем выше скорость трансформационных изменений. Кроме того, обязательным условием для достижения значимых эффектов информационного воздействия, является систематическое повторение сообщений, подкрепляющих определенную позицию. Кроме того, не значимо какие именно методы подкрепления используются – прямые или косвенные. Однако, косвенные механизмы считаются более эффективными для формирования устойчивых когнитивных установок. К существенным недостаткам данной гипотезы можно отнести её фиксированность на факте воздействия массмедиа вследствие чего вне поля зрения оказываются такие важные факторы как кто, как, когда и при каких условиях подвергается этому воздействию.

Концепция адаптационных возможностей взаимодействия, предложенная Е.А. Орловой [23], акцентирует внимание на влиянии социокультурных факторов на процессы в институциональном и территориальном контекстах. Неоспоримым достоинством теории является возможность понять как в условиях онлайн-коммуникаций могут возникать гипертрофированные репрезентации и экзистенциальные трансформации. Модель социальных процессов, разработанная Е.А. Орловой, включает пять ключевых элементов: участников; распределение функций между ними; связи между ними; ресурсы и артефакты, используемые в процессе взаимодействия. Эффективность взаимодействия зависит от мотивации участников и характера их взаимодействий, а решения, принятые в результате этих взаимодействий, могут иметь как позитивные, так и разрушительные последствия.

Эти идеи перекликаются с исследованиями Анненбергской школы, которые анализировали механизмы социализирующего воздействия телепрограмм. Согласно этим исследованиям, все телепередачи, включая развлекательные и новостные, на коммерческом телевидении представляют собой части единого мозаичного панно, создаваемого в соответствии с рыночными задачами, а просмотры телезрителей, в отличие от аудитории других СМИ, носят ритуализированный характер, аналогичный религиозному.

Ментальная модель распространения информации, предложенная Ю.В. Тотьмяниной [31], основанная на различных теориях коммуникативных процессов, включая линейные и радиальные модели, обладает более широким спектром применения и может быть эффективно использована для анализа информационных потоков в различных контекстах, таких как организационная структура предприятия, внедрение инноваций и распространение информации на промышленных предприятиях через их организационные системы. Она позволяет комплексно отслеживать как информационные, так и структурно-организационные потоки, что делает её ценным инструментом для повышения эффективности управленческих процессов.

Таким образом, анализ эволюции теоретических основ моделей коммуникационных процессов [29; 9] выявил, что новые модели не столько кардинально отличаются от предыдущих, сколько дополняют их, опираясь на современные эмпирические данные. Несмотря на это, каждая концепция, в своё время, вносила свой уникальный вклад в понимание значение коммуникации в обществе и специфики разработки моделей коммуникационных процессов, дополняя и расширяя грани понимания этих феноменов. Так, структурный подход фокусирует внимание на формальных характеристиках коммуникационных процессов, уделяя внимание их организации и структуре; функциональный – акцентирует внимание на роли и функциях отдельных элементов в данных процессах; важность контекста и субъективного восприятия информации подчёркивается в герменевтическом; в постмодернистском – коммуникация рассматривается как множественность интерпретаций, зависящих от контекста.

Исходя из выше сказанного можно сделать следующий вывод: характерологической чертой, отличающей современные модели коммуникативных процессов от моделей более ранних, является ориентацией на создание особой «псевдосреды» [15], которая может быть обозначена как «медиареальность» или квазиреальность,, или «извращение сознания» [17] достигаемая при помощи симулякров и квазисимулякров [5]. Этот процесс может быть описан как манипуляция сознанием через создание иллюзорных представлений о реальности [11; 12; 13], некого символического образа действительности, наполненного стереотипными убеждениями и формами поведения. То есть,

свобода становится формальностью, заключающейся только в выборе между каналами массовой коммуникации. В действительности же человек оказался ограничен в возможностях выбора идейных установок, ценностей и поведенческих образцов, в явной или неявной форме задаваемые через симуляции.

В совокупности данные подходы позволяют глубже понять роль коммуникации в современном обществе и особенности моделирования коммуникационных процессов в условиях постмодерна.

Заключение

В результате научного исследования коммуникативных процессов в социально-культурном пространстве сквозь призму методологических подходов был сделан ряд существенных выводов.

1. Уточнены и операционализированы ключевые понятия исследования: «процесс», «коммуникация», «коммуникативные процессы», что позволило выявить их сущность и функциональные аспекты.

2. С социально-философской точки зрения, коммуникация играет ключевую роль в обществе постмодерна, характеризующемся фрагментарностью, плюрализмом и неопределенностью. Она становится основным механизмом формирования идентичности, ценностей и норм, что подчеркивает её значимость в условиях современного глобализированного мира.

3. Ретроспективный анализ наглядно показал, что каждая новая теоретическая парадигма в изучении коммуникативных процессов не отвергает предшествующие, а дополняет их, учитывая новые эмпирические данные. Это подчеркивает важность интегративного подхода к исследованию коммуникации, который позволит учитывать разнообразие методологических перспектив.

Литература

1. Астафьева О.Н. Полилог культур как расширение диалогической парадигмы в условиях глобализации/ Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования [монография] О.Н. Астафьева, Л.Б. Зубанова, Н.Б. Кириллова, Е.В. Никонорова, О.В. Шлыкова и другие. – Екатеринбург: Уральское отд-ние НОКО, 2019. – 290 с.

2. Байгазанова Р.Т. Буллинг в контексте коммуникативных процессов // МНИЖ. 2024. № 6 (144).

3. Бах Л. Коммуникативные процессы в движении за мир // Речевые технологии/Speech Technologies, 2023. – № 3.

4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин; [примечания С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова]. – 2-е изд. Москва: Искусство, 1986. – 444 с.

5. Бодийяр Ж. Симулякры и симуляция = Simulacres et simulation: [ориг. изд. 1981] / пер. с фр. А. Качалова (2011). – М.: Рипол-классик, 2015.

6. Бубер. М. Я и Ты: [Пер. с нем.] / Мартин Бубер; [Послесл. П.С. Гуревича]. – Москва: Высш. шк., 1993. – 173 с.

7. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. – С. 495–499.

8. Гербнер Дж. Насилие и террор в средствах массовой информации: аннотированная библиография/ Gerbner Dg. Violence and Terror in the Mass Media: An Annotated Bibliography, with Nancy Signorelli. New York: Greenwood Press, 1988.

9. Грачев М.Н. Трансформация моделей эффективного информационного воздействия на массовую аудиторию (первая половина XX – начало XXI вв) // Российская школа связей с общественностью. 2018. – № 11.

10. Каган М. С., Соколов Е.Г. Диалоги/ Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета; 2006. – 308 с.

11. Колесникова Г.И. Проблемы информационной безопасности сознания личности в современном мире// Научные исследования стран ШОС: синергия и интеграция. 19 ноября 2019. – Ч. 2. – С. 51–57.

12. Колесникова Г.И. Реальность и симулякры: социально-философский анализ событий весны 2020// Видеонаука: сетевой журн. 2020. – № 3(19).

13. Колесникова Г.И. Новые технологии манипуляции сознанием личности в эпоху постмодерна: «само-манипуляция» и «ведение роя»// Наука как общественное благо: сборник научных статей/Научн. ред. и сост. Л.В. Шиповалова, И.Т. Касавина: В 7томах. Т. 3. [Электронный ресурс]. Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2020. – 191с. – С. 131–135.

14. Крейк А. И., Комф Е.В. Процессы как явление социума // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 10.

15. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Барчунова Т.В. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с. – ISBN 5-93947-016-5.

16. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. 641. – с. – С. 372.

17. Мамардашвили М. К., Рятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. – М., Наука, 1997. – 567 с.

18. Марсель Г.О. Присутствие и бессмертие избранные работы / Габриэль Марсель; [пер. с фр., общ. ред., сост., предисл. и примеч. В.П. Визгина]. – Москва: Институт философии РАН, Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. – 327 с

19. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. М., Москва: URSS: ЛЕНАНД, 2019. – 320 с.

20. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. – М.: Дело, 2004. – 800 с.

21. Назарчук А.В. Философское осмысление диалога через призму коммуникативного подхода // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2010. – № 1.

22. Науменко Т.В. Социология массовых коммуникаций в структуре социологического знания. // Социс. – 2003. – № 10. – С. 39–46.

23. Орлова Е.А. Адаптационные возможности социального взаимодействия//Вопросы социальной теории. – Том IX. – 2017. – С. 151–185.

24. Померанц Г.С. Диалог культурных миров / Г. Померанц. Москва // Том 1: Лики культуры: альманах / ред. С.Я. Левит. – Москва: Юрист, 1995. – С. 445–455.

25. Почепцов Г.Г. Театральная модель Н. Евреинова /Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. – 656 с.

26. Прохоренко Ю.И. Социальные процессы: онтологические основания классификации // Социальные процессы: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.С. Баразгова, И.Е. Левченко. – Вып. 1. – Екатеринбург: Уральский институт социального образования. – 2005. – 123 с.: табл..; ISBN 5-7186-0178-X.

27. Розенцвейг Ф. Звезда избавления – Der Stern der Erlösung / Пер. с немецкого Е. Яндуганова, отв. редактор и составитель И. Дворкин. – Иерусалим, Москва: Гешарим, Мосты культуры, 2017. – 544 с.

28. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. – Москва: Лабиринт, 2008. – 271 с.

29. Свойкина Л.Ф. Современный коммуникативный процесс и подходы к его изучению // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2012. – № 16.

30. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М., Апрель, 2006. – 1176 с.

31. Тотьмянина Ю.В. Переход от линейной к ментальной модели информации в инновационном процессе // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2011. – № 10.

32. Тухватулина Л.Р. Принципы классификации моделей коммуникации // Вестник ТГПУ. – 2006. – № 7.

33. Турышев Н.В. Понятие избыточности в коммуникативных процессах // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 4.

34. Уайтхед А.Н. Приключения идей [Текст] / Альфред Норт Уайтхед; перевод с англ. Л.Б. Тумановой; [примеч. С.С. Неретиной] / Науч. ред. С.С. Неретина. – Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2009. – 383 с.

35. Уайтхед А.Н. Наука и современный мир. – Москва: Прогресс-Традиция,1997. – 224 с.

36. Хохлова Е.А. Коммуникационные процессы в современном социокультурном пространстве: дис. … канд. филос. наук: 09.00.11 Ставрополь, 2006. – 168 с

37. Штомпка П. Социология [Текст]: анализ современного общества / Петр Штомпка; пер. с пол. С.М. Червонной. – 2-е изд. – Москва: Логос, 2010. – 655 с.

38. Щепаньский Ян. Элементарные понятия социологии [Текст] / Пер. с польск. В.Ф. Чесноковой; Ред и вступ. статья канд. философ. наук Р.В. Рывкиной. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1967. – 247 с.

39. Luhmann N. Sociale Systheme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt am Main, 1993.

COMMUNICATIVE PROCESSES IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE: A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF METHODOLOGICAL APPROACHES

Filyushkina D.V., Dagdaveryan S.R.
North-Caucasus Federal University

A retrospective analysis of methodological approaches to studying communication processes in the socio-cultural space is necessary for the creation of an integrative model. The study of communication processes within the framework of social and political philosophy has revealed key aspects of their functioning and transformation in modern society; key concepts («process,» «communication,» and «communication processes») have been

clarified and operationalized. An analysis of existing models of communication processes has shown that new theoretical paradigms do not replace but rather complement previous ones, taking into account new empirical data and contextual features.

Keywords: communication processes, socio-cultural space, communication process models, modern society, globalization, digitalization, social media, public consciousness, cultural potential, socio-economic consequences, strategies, communication quality.

References

1. Astafieva O.N. Polylogue of Cultures as an Expansion of the Dialogic Paradigm in the Context of Globalization / Information Age: New Paradigms of Culture and Education [monograph] O.N. Astafieva, L.B. Zubanova, N.B. Kirillova, E.V. Nikonorova, O.V. Shlykova, and others. – Ekaterinburg: Ural Branch of NOKO, 2019. – 290 p.

2. Baygazanova R.T. Bullying in the Context of Communicative Processes // MNIZH. 2024. № 6 (144).

3. Bakh L. Communicative Processes in the Peace Movement // Speech Technologies, 2023. – № 3.

4. Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity / M.M. Bakhtin; [notes by S.S. Averintsev, S.G. Bocharov]. – 2nd ed. Moscow: Iskusstvo, 1986. – 444 p.

5. Baudillard J. Simulacres and Simulation = Simulacres et simulation: [orig. ed. 1981] / translated from French by A. Kachalov (2011). – Moscow: Ripol-classic, 2015.

6. Buber. M. I and You: [Translated from German] / Martin Buber; [Afterword by P.S. Gurevich]. – Moscow: Vyssh. shk., 1993. – 173 p.

7. Weber M. On Some Categories of Understanding Sociology // Weber M. Selected Works. – Moscow: Progress, 1990. – 808 p. – Pp. 495–499.

8. Gerbner, J. Violence and Terror in the Mass Media: An Annotated Bibliography, with Nancy Signorelli. New York: Greenwood Press, 1988.

9. Grachev, M.N. Transformation of Models of Effective Information Impact on Mass Audiences (First Half of the 20th – Early 21st Centuries) // Russian School of Public Relations. 2018. № 11.

10. Kagan, M. S., Sokolov, E.G. Dialogues / Publishing House of St. Petersburg State University; 2006. 308 p.

11. Kolesnikova G.I. Problems of Information Security of Individual Consciousness in the Modern World// Scientific Research of the SCO Countries: Synergy and Integration. November 19, 2019. – Part 2. – Pp. 51–57.

12. Kolesnikova G.I. Reality and Simulacra: Social and Philosophical Analysis of the Events of Spring 2020// Videonauka: Online Journal. 2020. – № 3 (19).

13. Kolesnikova G.I. New Technologies for Manipulating Individual Consciousness in the Postmodern Era: «Self-Manipulation» and «Swarm Management»// Science as a Public Good: Collection of Scientific Articles/Scientific Ed. and Comp. L.V. Shipovalova, I.T. Kasavina: In 7 volumes. Vol. 3. [Electronic resource]. Moscow: Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2020, 191 p. Pp. 131–135.

14. Kreyk, A. I., Komf, E.V. Processes as a Social Phenomenon // Theory and Practice of Social Development. 2015, № 10.

15. Lippmann, U. Public Opinion / translated from English by T.V. Barchunova. Moscow: Public Opinion Foundation Institute, 2004, 384 p. ISBN 5-93947-016-5.

16. Luhmann, N. Social Systems. An Outline of the General Theory. St. Petersburg: Nauka, 2007, 641 p. Pp. 372.

17. Mamardashvili, M. K., Ryatigorsky, A.M. Symbol and Consciousness. Metaphysical Reflections on Consciousness, Symbolism, and Language. Moscow: Nauka, 1997, 567 p.

18. Marcel, G.O. Presence and Immortality: Selected Works / Gabriel Marcel; [translated from French, general editor, compiler, foreword, and notes by V.P. Vizgin]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy, Theology, and History of St. Thomas, 2007, 327 p.

19. Maturana, U., Varela, F. The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding. Moscow: URSS: LENAND, 2019, 320 p.

20. Mescon, M. H., Albert, M., Khedouri, F. Fundamentals of Management. Moscow: Delo, 2004, 800 p.

21. Nazarchuk AV Philosophical understanding of dialogue through the prism of the communicative approach // Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. – 2010. – № 1.

22. Naumenko TV Sociology of mass communications in the structure of sociological knowledge. // Socis. – 2003. – № 10. – Pp. 39–46.

23. Orlova EA Adaptive capabilities of social interaction // Issues of social theory. – Volume IX. – 2017. – Pp. 151–185.

24. Pomerants GS Dialogue of cultural worlds / G. Pomerants. Moscow // Volume 1: Faces of Culture: almanac / ed. S. Ya. Levit. – Moscow: Jurist, 1995. – Pp. 445–455.

25. Pocheptsov G.G. Theatrical Model of N. Evreinov / Theory of Communication. – Moscow: Refl-book, Kiev: Vakler, 2001. – 656 p.

26. Prokhorenko Yu.I. Social Processes: Ontological Foundations of Classification // Social Processes: Collection of scientific papers / eds. E.S. Barazgov, I.E. Levchenko. – Issue 1. – Ekaterinburg: Ural Institute of Social Education. – 2005. – 123 p.: table; ISBN 5-7186-0178-X.

27. Rosenzweig F. The Star of Deliverance – Der Stern der Erlösung / Translated from German by E. Yanduganova, ed. and compiler I. Dvorkin. – Jerusalem, Moscow: Gesharim, Mosty Kultury, 2017. – 544 p.

28. Rosenstock-Huessy O. Speech and Reality. – Moscow: Labyrinth, 2008. – 271 p.

29. Svoykina L.F. Modern Communication Process and Approaches to Its Study // Problems and Prospects of Education Development in Russia. 2012. – № 16.

30. Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. – Moscow, April, 2006. – 1176 p.

31. Totmyanina Yu.V. Transition from a Linear to a Mental Model of Information in the Innovation Process // Bulletin of PNRPU. Social and Economic Sciences. – 2011. – № 10.

32. Tukhvatulina L.R. Principles of Communication Models Classification // Bulletin of TSPU. – 2006. – № 7.

33. Turyshev N.V. The Concept of Redundancy in Communication Processes // Society: Philosophy, History, Culture. – 2017. – № 4.

34. Whitehead A.N. Adventures of Ideas [Text] / Alfred North Whitehead; translated from English by L.B. Tumanova; [note by S.S. Neretina] / Scientific ed. S.S. Neretina. – Rus. Academy of Sciences, Institute of Philosophy. Moscow: IFRAS, 2009. – 383 p.

35. Whitehead A.N. Science and the Modern World. – Moscow: Progress-Tradition, 1997. – 224 p.

36. Khokhlova E.A. Communication Processes in the Modern Sociocultural Space: Dis. … Ph.D. in Philosophy: 09.00.11 Stavropol, 2006. – 168 p.

37. Sztompka P. Sociology [Text]: Analysis of Modern Society / Petr Sztompka; trans. from Polish by S.M. Chervonnaya. – 2nd ed. – Moscow: Logos, 2010. – 655 p.

38. Szczepanski Jan. Elementary Concepts of Sociology [Text] / Trans. from Polish by V.F. Chesnokova; Ed. and introduction by Ph.D. in Philosophy R.V. Ryvkina. – Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch, 1967. – 247 p.

39. Luhmann N. Sociale Systheme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt am Main, 1993.

Институты культуры и социальная интеграция (Российское общество и европейский опыт)

Дубровин Владимир Леонидович,
кандидат социологических наук; старший научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: vladimir.dubrovin@gmail.com.

Цель исследования – анализ сущности и функций институтов культуры и культурной политики в формировании общего культурного пространства, коллективной идентичности и укреплении социальной интеграции в период трансформации государства и культуры, обусловленных модернизацией европейских и российского общества, становления культуры как элемента государственного управления, укрепления государственной власти в процессе централизации. Исследование опирается на концепцию модернизации, конструктивистский и этносимволический подходы к анализу национализма, сравнительно-исторический метод. Результаты исследования: проанализированы сущность и предпосылки возникновения и функций культурных институтов и культурной политики, их интегрирующая роль. Выявлена связь развитых институтов культуры с ключевыми механизмами создания общего культурного пространства и формирования коллективной национальной идентичности, что отражает переход от феодально-религиозной легитимации власти к светской, национально-гражданской. Определены три взаимосвязанные функции институтов культуры: символизация и визуализация национальной преемственности и единства; демократизация доступа к культурному капиталу; инструментализация культуры государством для легитимации власти, социальной интеграции и противодействия внутренним расколам.

Ключевые слова: Культурная политика, институты культуры, музеи, национальное государство, национальная культура, этничность, нация, модернизация, империя, индустриализация, идентичность, социальная интеграция

Введение

Эпоха XVIII–XIX вв. в истории государства в России и Европе ознаменовалась глубокими социально-политическими трансформациями, которые сделали необходимым развитие институтов культуры и культурной политики как инструментов интеграции общества и укрепления власти в условиях начавшейся модернизации.

В этот период культура становится важным элементом государственного управления, способствующим созданию коллективной идентичности, унификации населения и адаптации к вызовам модернизации.

«Государственное регулирование культурной деятельности является следствием общего разрастания функций государства в обществах модерна. Культура используется для управления обществом через формирование, сохранение и трансляцию определенных смыслов и культурных образцов. Культурная политика осуществляется посредством системы учреждений культуры – музеев, библиотек, архивов, театров, выставочных залов, галерей, а также при помощи системы образования, национальных медиа. Субъектами культурной политики государства являются различные политические структуры (правительство, министерство культуры и т.д.)» [3; *212*].

Такое понимание культурной политики в современных условиях является данностью, однако это феномен, предпосылки которого сложились в определенных исторических обстоятельствах.

Необходимость в специфических культурных институтах возникла в контексте перехода от феодальных социальных структур к централизованным государствам, которые требовали культурных средств для укрепления своего единства.

В Европе формирование национальных государств было тесно связано с идеями Просвещения, Французской революцией 1789 г. и Наполеоновскими войнами, которые усилили роль культурных механизмов в созидании наций как «воображаемых сообществ» [1] через общие мифы, традиции и символы, при этом традиции не только изучались, но и конструировались [7], хотя значение реальной исторической традиции, как отмечал, критикуя конструктивистский подход, Э. Смит [6], также имело огромное значение.

Индустриализация и урбанизация разрушали традиционные общности и связи, усиливали социальные противоречия. В таких условиях культурная политика оказалась необходимой – в качестве инструмента социального контроля и интеграции масс в новую социальную и политическую реальность.

Государствам для распространения знаний и воспитания гражданской лояльности потребовались новые институты, в частности, такие как музеи и библиотеки.

В России необходимость в культурной политике и культурных институтах возникла в процессе европеизации, начатой реформами Петра I, и укрепления империи как многонационального, но единого политического образования. Имперская элита видела в культуре ресурс для модернизации, преодоления отсталости и интеграции периферийных регионов, где образование и просвещение служили, кроме прочего, средствами социального сплочения и противодействия сепаратизму.

В XIX в., под влиянием европейского национализма, культурная политика в России стала ключевым элементом государственного строительства, балансируя между западными заимствованиями и сохранением самобытности.

Таким образом, формирование институтов культуры было обусловлено необходимостью адаптации к модернизационным изменениям, где культура выступала как фактор национальной консолидации и укрепления государственной мощи.

Данная статья – попытка проанализировать эти процессы, опираясь на историко-сравнительный метод, с акцентом на эволюцию конкретных учреждений и их вклада в национальную идентичность.

Институты культуры и их роль в культурной политике и социальной интеграции

В эпоху формирования национальных государств институты культуры служили механизмами конструирования коллективной идентичности. В Европе эта идентичность опиралась на формирующийся национализм. В России, занимающей большую часть Евразии, формирующиеся куль-

турные институты способствовали интеграции полиэтничного пространства через формирование общей, высокой культуры, в основе которой лежал синтез европейского влияния и культурного наследия русского народа, хотя культурное наследие иных народов, населяющих Россию, также изучалось и сохранялось. (Особенно эта тенденция усилилась в советский период с характерным для него парадоксальным сочетанием единой государственной идеологии, критики национализма (как угрозы единству государства и «буржуазной идеологии») и стремления сохранить и даже усилить культурное и этническое многообразие).

В контексте развития европейских империй и постимперских государств (например, в Латинской Америке) институты культуры интегрировали африканские, индейские и европейские компоненты, зачастую формируя «гибридные» идентичности, сочетающие элементы европейских и местных культур.

Становление государств в эпоху современности не сводилось к политическим реформам, развитию бюрократического аппарата, стимулированию экономики, но в дополнение к этому требовало культурной интеграции для преодоления внутренних противоречий и выработки общих ценностей, установок и норм.

В период становления национальных государств (XIX – начало XX вв.) формы организации культуры, такие как музеи, художественные галереи, библиотеки и этнографические коллекции, постепенно эволюционировали от частных собраний к публичным социальным институтам, активно взаимодействующим с государством для конструирования национальной идентичности.

Этот процесс был обусловлен переходом от феодальных структур к индустриальному обществу, где государство выступало главным организатором и регулятором культурных ценностей. Музеи не просто хранили артефакты, но систематизировали их по хронологии, географии и отраслям, создавая нарративы исторической преемственности и единства народа. Эволюция музеев отражала сдвиг от элитарности к демократизации доступа к культурному и историческому наследию, что способствовало социальной интеграции и укреплению национального государства через создание коллективной памяти.

Г.А. Деген справедливо отмечает: «…формирование музеев как социокультурных институтов приходится на поздний период Нового времени. Эта эпоха определялась складыванием таких обстоятельств существования крупных человеческих объединений (этнос, нация), когда общественное признание получает так называемое культурное наследие – широкий спектр материального и нематериального измерения собственного прошлого с аксиологических позиций. Ценностное измерение артефактов исторического прошлого, явившееся следствием глубокого убеждения в общественном сознании его неумолимой связи с настоящим и прогнозируемым будущим, становится непременным условием самоидентификации любого социального объединения, каждого человека … культурной или национальной идентичности. Оно образует идеологический фундамент национальных идей, способствует формированию соответствующих им социальных институтов, а через них – и набору социальных практик, которые общества, это сознание культивирующие, считают действенными и оправданными. … в контексте таких мировоззренческих установок сам музей стал рассматриваться как символ качества общества и подлинности присущей ему культуры. … Социальные обстоятельства складывания наций и формирования национального самосознания требовали таких институтов, которые были бы призваны актуализировать прошлое (в виде культурного наследия) как ценность и поддерживать эту актуализацию с государственно-идеологических позиций либо в свете конкретной национальной идеи» [2; 204].

Эволюция музеев началась в XVIII–XIX вв., когда государства Европы, как и Россия, преобразовывали частные или дворцовые коллекции в публичные учреждения.

В России Петр I заложил основу для государственных музеев, открыв Кунсткамеру как публичный музей с просветительскими функциями, что подчеркнуло роль государства в производстве знаний. К XIX в. музеи приобрели статус социальных институтов, открытых для публики, где исторические артефакты иллюстрировали историю отдельных этносов и наций. Государство как наиболее богатый собственник становилось главным организатором и владельцем хранилищ ценностей, собраний книг и других артефактов прошлого.

Это взаимодействие государства и музеев в России усилилось в XIX в., когда музеи интегрировались в систему министерств. Реформа Александра I (1802 г.) подчинила музеи Министерству народного просвещения, тем самым связав их с задачей сохранения национального наследия.

В Европе галереи, музеи и библиотеки развивались параллельно. Уже в эпоху Просвещения они способствовали расширению доступа к знаниям, а в XIX в. специализированные коллекции эволюционировали в национальные хранилища, где предметы религии и искусства превращались в эстетические объекты национальной гордости. Данный процесс отражал не только политические и социальные изменения, но и продолжающуюся секуляризацию культуры: от средневековых монастырских библиотек, хранивших книги как священные реликвии, от религиозного искусства происходил переход к светским галереям и библиотекам.

В контексте становления национальных государств библиотеки и галереи стимулировали интерес к народной культуре и укрепляли социальную сплоченность, формируя национальное сознание.

Этнографические музеи, появившиеся в конце XIX в., играли особую роль в поддержании национальной культуры, особенно в многоэтничных империях. В России и Европе они выступали инструментами разрешения этнических противоречий, легитимируя культурное многообразие и интерпретируя артефакты как первоисточники знаний о развитии общества. Уже в XVIII веке в Кунсткамере активно собирали и хранили предметы быта, одежды, оружия и культуры народов России, Сибири, Дальнего Востока, а также экспонаты, собранные различными экспедициями (например, Второй Камчатской экспедиции).

В 1878 году Антропологический и Этнографический музеи были объединены в единый Музей антропологии и этнографии, который стал одним из старейших и крупнейших этнографических собраний мира.

Специализированные этнографические музеи в современном понимании (посвящённые преимущественно культуре и быту народов) появились позже, на волне подъёма интереса к национальному наследию и изучению народной культуры. Ключевой датой считается 1895 год, когда по указу императора Николая II от 13 апреля был учреждён Русский музей императора Александра III (ныне Государственный Русский музей). В его составе сразу был создан этнографический отдел.

В немецких Heimatsmuseen (локальные историко-краеведческие музеи) XIX – нач. XX вв. всячески стимулировался интерес к национальным корням, что способствовало усилению националистической идеологии.

Другой тип музеев, который активно развивался в рассматриваемый период, может быть обобщенно обозначен как «имперский музей», поскольку эпоха становления национализма была и эпохой усиления империй, причем зачастую национальные и имперские элементы сочетались в рамках одного и того же политического организма.

Имперские музеи представляли собой крупные универсальные культурные учреждения, возникшие в эпоху расцвета европейских империй (XVIII–XIX вв.), когда государства стремились демонстрировать свою глобальную мощь через сбор и хранение артефактов, произведений искусства и исторических реликвий из разных регионов мира, попавших в орбиту колониальной политики ведущих держав. В своей сущности эти музеи были не просто хранилищами ценностей, а символами имперской идентичности, где культура становится инструментом легитимации власти и утверждения превосходства над другими цивилизациями и народами.

Эти музеи зачастую начинались как личные коллекции монархов или элиты (кабинеты курьезов или дворцовые собрания), но впоследствии эволюционировали в публичные институты. Они демонстрировали универсализм империй, аккумулируя экспонаты со всего мира. В отличие от специализированных музеев (например, этнографических или военных), музеи имперские – это энциклопедические собрания, охватывающие искусство, историю, науку и археологию, что делало их «музеями мира» в миниатюре.

Яркими примерами таких музеев являются Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге, Лувр в Париже и Британский музей в Лондоне. Эрмитаж, основанный Екатериной II в 1764 году, стал символом российской европеизации, просвещения и имперской мощи, с коллекциями, пополнявшимися покупками культурных ценностей и трофеями. Лувр, открытый для публики в 1793 году во времена Французской революции, воплощал переход от монархического патронажа к республиканской модели музея. Наполеоновские завоевания принесли тысячи артефактов из Египта, Италии и Германии и превратили Лувр в крупнейшее собрание исторических и культурных ценностей. Британский музей (1753 год) – это квинтэссенция колониальной империи, где экспонаты демонстрировали глобальное доминирование Британии.

В более широком смысле, сущность имперских музеев коренится в диалектике власти и знания: они не только сохраняли прошлое, но и поддерживали колониальные завоевания. В XX веке эти музеи адаптировались и изменились, стали универсалистскими культурными и научными институтами, мировыми достопримечательностями и центрами притяжения миллионов туристов и исследователей, но сохранили следы колониального наследия прежде всего в своих коллекциях.

Функции имперских музеев многогранны и эволюционировали от элитарного развлечения к общественному просвещению и идеологическому воспитанию. В историческом контексте они выполняли следующие ключевые задачи:

1. Символическая репрезентация власти и идентичности. Музеи демонстрировали имперскую мощь через коллекции, собранные на завоеванных территориях. Например, в Лувре наполеоновские трофеи подчеркивали французское превосходство. Это способствовало формированию коллективной идентичности, где империя предстаёт как центр цивилизации.

2. Просвещение и образование. С XIX века музеи открывались для широкой публики, способствуя распространению знаний и гражданскому воспитанию. Британский музей, например, служил «энциклопедией мира», где посетители изучали историю человечества, что не только способствовало росту знаний, но также укрепляло лояльность подданных и их национальную гордость.

3. Научные исследования и классификация. Имперские музеи стали центрами академического знания, где артефакты систематизировались для исследований в области истории, антропологии, археологии и искусствоведения. Музеи также финансировали научно-исследовательские экспедиции и сотрудничали с академиями, производя знание, которое имело вполне объективную научную ценность.

4. Культурная дипломатия и пропаганда. Музеи использовались для международных культурных обменов и выставок, укрепляя статус государства, а сегодня являются одним из инструментов «мягкой силы» и внешнего культурного влияния.

5. Социальный контроль и интеграция. В многонациональных государствах музеи способствовали смягчению этнических противоречий, интегрируя периферийные культуры в общий историко-культурный нарратив.

В целом, имперские музеи – это динамичные культурные институты, чья сущность и функции отражают эволюцию от инструментов власти к демократизированным пространствам коллективной памяти. Они и сегодня остаются ключевыми инструментами сохранения и трансляции мирового культурного наследия.

Итак, XIX и начало XX вв. стали периодом интенсивного формирования современных государств в Европе, когда культурная политика приобрела выраженный идеологический характер.

Государства активно использовали культуру как инструмент консолидации общества, легитимации власти и конструирования национальной идентичности. В отличие от предшествующих эпох, где поддержка искусств носила преимущественно церковный или аристократический характер, в XIX веке культурная политика стала частью государственной стратегии, направленной на создание единого культурного пространства и воспитание граждан.

Культурная политика XIX века тесно переплеталась с культурным национализмом – идеологией, утверждавшей, что каждая нация обладает уникальной культурой, коренящейся в языке, фольклоре, истории и традициях того или иного народа. В европейской истории культурный национализм различных государств противопоставлял национальные культуры (народные, укорененные в почве и истории) космополитической элитарной цивилизации Просвещения, где доминировал французский язык и придворные идеалы. Это привело к замене горизонтального единства культурной Европы на вертикальное разнообразие наций, где национальная культура становилась основой политической лояльности.

Французская революция и наполеоновские войны стимулировали этот процесс: разрушение старых структур и перемещение артефактов (например, в Лувр как «музей Наполеона») вызвали обратную реакцию со стороны народов, попавших в орбиту французского влияния – возрос интерес к собственному культурному наследию. В Германии и Италии интерес к национальной культуре служил сопротивлению иностранному господству и был подготовкой к политическому объединению и независимости.

В Европе систематическая культурная политика как инструмент государственного управления культурой возникла в конце XVIII века, в значительной степени благодаря Французской революции 1789 года. Революция ознаменовала переход от аристократического покровительства к республиканской модели, где культура стала средством конструирования национальной идентичности и социального контроля. Административные, законодательные и интеллектуальные элиты разрабатывали языковую политику, создавали национальные музеи и библиотеки, а также символы республики, способствуя формированию коллективного национального нарратива. Этот процесс интегрировался в более широкий контекст государственного строительства, где конституционные и бюрократические институты способствовали интеграции населения в политическую общность.

Культурная политика в Российской империи как систематическая государственная стратегия по регулированию, поддержке и направлению культурных процессов возникла в начале XVIII века, в эпоху правления Петра I (1682–1725 гг.), в контексте европеизации и модернизации страны. Петровские реформы ознаменовали переход от средневековых традиций к светской культуре, где государство активно вмешивалось в сферы образования, искусства и науки. Ключевыми шагами стало создание институтов просвещения и культуры В 1714 г. была основана Кунсткамера – первый публичный музей России, в 1724 г. Петр I учредил Академию наук, которая стала центром научной и культурной деятельности, ориентированной на передовые для того времени модели. Реформы включали введение европейской одежды, создание театров и ассамблей, а также поддержку книгоиздания и журналистики. Культура рассматривалась как инструмент государственной мощи, где заимствования (архитектура, живопись, литература) сочетались с сохранением самобытности.

Культурная политика Петра была направлена на секуляризацию (ослабление влияния церкви) и формирование новой элиты, лояльной империи, а также общий подъем культурного уровня российского общества, хотя в тот момент этот процесс не мог быть всеохватным.

В XVIII веке, при Екатерине II, культурная политика приобрела более просветительский характер: императрица поддерживала развитие литературы, основала Эрмитаж (1764 г.) как личную коллекцию, которая позже стала публичным музеем, и реформировала образование. К началу XIX века, при Александре I (1801–1825 гг.), культурная политика стала более централизованной и регулярной, в 1802 г. было создано Министерство народного просвещения, курировавшее музеи, библиотеки и образование.

Во второй половине XIX века, особенно при Александре II (1855–1881 гг.), культурная политика усилилась в контексте растущей необходимости модернизации: реформы способствовали демократизации культуры, финансированию просвещения и совершенствованию системы управления культурными институтами.

Культура использовалась для противодействия сепаратизму в многонациональной империи, балансируя между имперской высокой культурой с преобладанием русского языка, но и сохранением этнического разнообразия. «Культурное разнообразие – сущностная черта империй. Они гетерогенны по определению. В определенной степени поддержание гетерогенности … является функциональным императивом данной формы организации политического пространства. Приведение всего населения, находящегося под имперской юрисдикцией, к одному правовому и культурному знаменателю поставило бы под угрозу политическую стабильность» [4, *191*].

В целом, культурная политика была инициирована сверху для укрепления государства, с акцентом на просвещение, образование и книгоиздание как инструменты интеграции и контроля. Однако по мере расширения образованного слоя в России, общество принимало всё более активное участие в изучении и осмыслении собственного культурного наследия.

В Европе и России культурная политика в XVIII–XIX вв. была обусловлена сходными задачами – обеспечением культурного единства общества в условиях продолжающейся модернизации, хотя и осуществлявшейся в рамках разных политических систем. Культурная политика способствовала секуляризации, просвещению и формированию коллективной идентичности, связанной с национальной культурой и традицией. Однако в Европе она развивалась под значительным влиянием политических революций и роста либерализма, фокусируясь на индивидуальной свободе и национализме. в то время как в России – путем государственных реформ, с акцентом на модернизацию, контроль и поддержание интеграции в многонациональном контексте.

В постперестроечной России музейное дело и собственно музеи претерпели значительную трансформацию, которая коснулась идеологических основ, формы собственности, а также содержательной части коллекций.

Центральный музей В.И. Ленина, основанный в 1924 году, а в 1935 году размещённый в бывшем здании Московской городской думы на пл. Революции, с 1993 года стал филиалом Государственного исторического музея, формально передав последнему все свои коллекции. Попыткой вдохнуть в филиал ГИМ новую жизнь и протянуть нить между имперским и советским периодами стало открытие в 2012 году в его помещении Музея Отечественной Войны 1812 года.

Изменения претерпел Государственный Эрмитаж – в состав музейного комплекса в 1993 году вошло историческое здание Главного штаба на Дворцовой площади Санкт-Петербурга, что позволило значительно расширить демонстрационные залы музея для экспозиции содержимого музейных запасников [8].

В числе музеев, возникших в России после 1991 года можно назвать Музей истории ГУЛАГа, открытый в 2001 году по инициативе общественного деятеля Антона Антонова-Овсеенко и посвящённый «памяти жертв коммунистических репрессий» [5]. В 2024 году Музей истории ГУЛАГа был закрыт, а в феврале 2026 года стало известно, что он будет переименован в Музей Памяти и его экспозиции поведают о военных преступлениях нацистов в годы Великой Отечественной войны: «Одна из его *(музея – прим. авт.)* ключевых задач – сформировать у современного поколения стойкое неприятие нацизма в любых его проявлениях. Это особенно важно сейчас, когда реальных свидетелей тех страшных событий уже почти не осталось», – рассказала новый директор музея Наталья Калашникова [5].

Во исполнение Федерального закона № 68 от 2008 года «О центрах исторического наследия президентов РФ, прекративших исполнение своих полномочий» – для сохранения, изучения и публичного представления наследия Ельцина «в контексте новейшей истории отечества, развития демократических институтов и построения правового государства» [9] в ноябре 2015 года в г. Екатеринбурге был открыт Президентский центр Б.Н. Ельцина, или Ельцин-центр, под эгидой которого действуют музей Президента Ельцина и архив его имени. Экспозиции Ельцин-центра зачастую носят неоднозначный характер, особенно после начала проведения в 2022 году Специальной военной операции – например, в описании «Зала Свободы» на сайте музея сказано: «Этот зал – центральный в Музее первого президента России. Здесь вы сможете услышать, что значит слово «свобода» для самых разных людей – от бывшего президента Украины Леонида Кучмы до актрисы Лии Ахеджаковой, от 42-го президента США Билла Клинтона до телеведущего Ивана Урганта, от писателя Михаила Жванецкого до музыканта Андрея Макаревича[1]» [10]. Очевидно, что взгляды перечисленных деятелей культуры и политиков на свободу, да и в целом, на жизнь не совпадают с воззрениями подавляющего числа россиян.

Негосударственные капиталы также представлены в музейном деле современной России. В 2008 году Дарьей Жуковой и Романом Абрамовичем был открыт Центр современной культуры «Гараж», который в 2014 году был переименован в Музей современного искусства «Гараж». Музей финансируется эндаумент-фондом [11], который «призван аккумулировать пожертвования от физических и юридических лиц на поддержку всех направлений деятельности «Гаража» в долгосрочной перспективе». При этом, деятельность «Гаража» выходит за рамки собственно музейной. Значимым направлением является, в частности, издательская программа, в рамках которой российский читатель получает доступ к отечественной и переводной литературе в сфере гуманитарного знания и, конечно, в сфере музейной. Так, с 2022 года в «Директорской серии» программы изданы книги о деятельности руководителей Пушкинского музея г. Москвы, Самарского областного художественного музея, Лондонской галереи Тейт, Метрополитен музея и Музея современного искусства в Нью-Йорке.

Применительно к содержанию и форме подачи материала в современных музейных экспозициях, как в России, так и за рубежом, отметим растущую роль интерактива и сдвиг музейной экспозиции от традиционной демонстрации артефактов в сторону аттракциона. Такая динамика продиктована попыткой привлечь, а главное, не растерять молодую аудиторию, для которой сегодня интереснее руками осязать копии, чем глазами смотреть на, пусть и тысячелетней давности, но оригиналы.

Заключение

Институты культуры (музеи, библиотеки, галереи, театры, академии искусств) в эпоху становления современных государств (XVIII – начало XX вв.) выступали не просто хранилищами артефактов и знаний, а ключевыми механизмами конструирования и поддержания общего культурного пространства, как и формирования коллективной национальной идентичности. Трансформация этих институтов от элитарных частных коллекций к публичным, государственно регулируемым институтам отражала более широкий процесс модернизации: переход от феодально-религиозной легитимации власти к светской, национально-гражданской.

Институты культуры выполняли три взаимосвязанные функции: символизацию и визуализацию национальной преемственности и единства (музеи создавали нарративы «от древности к современности»); демократизацию доступа к культурному капиталу (от элитарности к публичным учреждениям, способствующим гражданскому воспитанию); инструментализацию культуры государством для легитимации власти, социальной интеграции и противодействия внутренним расколам (этническим, классовым, региональным).

[1] Иноагент

В Европе (Франция, Германия, Италия) культурные институты чаще служили инструментом культурного национализма «снизу», сопротивления космополитизму Просвещения и иностранному господству. Французская революция и наполеоновские войны стимулировали создание национальных символов (Лувр как «республиканский музей», несмотря на имперскую политику Наполеона), а в Германии и Италии – подготовку к политическому объединению через культурную унификацию (краеведческие музеи, фольклорные собрания, театры).

В России процесс носил преимущественно централизованный, государственный характер. Петровские реформы, реформы Александра I, учреждение Русского музея и этнографических отделов были направлены на европеизацию, модернизацию и одновременно на укрепление имперского единства в многоэтничном пространстве. Культура здесь балансировала между заимствованием и утверждением самобытности. В то же время формирование новой культурной элиты в России способствовали тому, что её представители активно участвовали и в изучении, и в формировании культурного наследия.

Эволюция институтов культуры в XVIII–XIX вв. заложила основу современной культурной политики: от аристократического патронажа – к системной государственной стратегии, от сохранения наследия – к активному конструированию идентичности и обеспечению основ для социальной интеграции. Сегодня эти институты продолжают играть свою основную роль, сталкиваясь в то же время с новыми вызовами.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288с.
2. Деген Г.А. Становление музея как социокультурного института в европейской культуре Нового времени // Вестник МГУКИ. 2024. № 6 (122). – С. 196–204.
3. Колесникова А.Г., Матецкая А.В., Самыгин С.И. Социология культуры. М: Кнорус, 2019. – 246 с.
4. Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо -Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 384 с.
5. Путятин Н. «В Москве окончательно закрыли музей истории ГУЛАГа. На его месте откроется экспозиция, посвященная ВОВ. Её возглавит ветеран СВО» 20 февраля 2026 г. // URL: https://msk1.ru/text/culture/2026/02/20/76274549/?ysclid=mmxmf4ql45339411601 (дата обращения: 19.03.2026).
6. Смит Э. Этносимволизм и национализм. Культурный подход. М.: Тотенбург, 2024. – 260 с.
7. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. – С. 47–62.
8. Центральный музей В.И. Ленина в Москве. Справка // URL: https://ria.ru/20111101/477536657.html?ysclid=mmxlrhx97836265683 (дата обращения: 19.03.2026).
9. О Президентском центре // URL: https://yeltsin.ru/about/ (дата обращения: 19.03.2026).
10. Экспозиция музея (09. Зал Свободы) // URL: https://yeltsin.ru/museum/#about (дата обращения: 19.03.2026).
11. Эндаумент-фонд // URL: https://endowment.garagemca.org/ (дата обращения: 19.03.2026).

INSTITUTIONS OF CULTURE AND THEIR ROLE IN SHAPING A SHARED CULTURAL AREA, COLLECTIVE IDENTITY, AND STRENGTHENING SOCIAL INTEGRATION IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION (RUSSIAN SOCIETY AND EUROPEAN EXPERIENCE)

Dubrovin V.L.
The Institute of Sociology of FCTAS RAS

The purpose of the study is to analyze the essence and functions of cultural institutions and cultural policy in the formation of the common cultural space, collective identity and strengthening social integration during the transformation of the state and culture caused by the modernization of European and Russian societies, the formation of culture as an element of public administration, strengthening the power of the state in the process of its centralization. The research relies on the concept of modernization, constructivist and ethno-symbolic approaches to the analysis of nationalism, and the comparative-historical method. Results of the study: The essence and prerequisites of the emergence and functions of cultural institutions and cultural policy, their integrating role have been analyzed. The connection between developed cultural institutions and key mechanisms for creating a shared cultural space and formation of a communal national identity are revealed, which reflects the transition from feudal-religious legitimization of power to its secular, national-civil version. Three interrelated functions of cultural institutions are identified: symbolization and visualization of national succession and unity; democratization of access to

cultural capital; use of culture by the state to legitimize power, for social integration and against internal disruptions.

Keywords: cultural policy, cultural institutions, museums, nation-state, national culture, ethnicity, nation, modernization, empire, industrialization, identity, social integration

References

1. Anderson B. Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. Moscow: CANON-press-Ts, Kuchkovo Pole, 2001. 288 p.

2. Degen G.A. The formation of the museum as a socio-cultural institute in the European culture of Modern times // Bulletin of MGUKI. 2024. № 6 (122). – Pp. 196–204.

3. Kolesnikova A.G., Matetskaya A.V., Samygin S.I. Sociology of culture. Moscow: Knorus, 2019. 246 p.

4. The cultural complexity of modern nations / ed. by V.A. Tishkov, E.I. Filippova; Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow: Politicheskaya Encyclopedia, 2016, 384 p.

5. Putyatin N. «The GULAG History Museum was finally closed in Moscow. An exhibition dedicated to the Great Patriotic War will open in its place. It will be headed by a veteran of the SVO» on February 20, 2026 // URL: https://msk1.ru/text/culture/2026/02/20/76274549/?ysclid=mmxmf4ql45339411601 (accessed 03/19/2026).

6. Smith E. Ethnosymbolism and nationalism. Cultural approach. Moscow: Totenburg, 2024. 260 p.

7. Hobsbawm E. The invention of traditions // Bulletin of Eurasia. 2000. № 1. Pp.47–62.

8. The Central Museum of V.I. Lenin in Moscow. Help // URL: https://ria.ru/20111101/477536657.html?ysclid=mmxlrhx97836265683 (accessed 03/19/2026).

9. About the Presidential Center // URL: https://yeltsin.ru/about / (accessed 03/19/2026).

10. Museum exposition (09. Freedom Hall) // URL: https://yeltsin.ru/museum/#about (accessed 03/19/2026).

11. Endowment Fund // URL: https://endowment.garagemca.org / (accessed 03/19/2026).

Сравнительный анализ субконцептов *зрелость* и *старость* в произведениях Э. Хэмингуэя

Иванова Юлия Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при правительстве РФ
E-mail: yuvivanova@fa.ru

Статья посвящена сравнительному анализу субконцептов *зрелость* и *старость* как составных элементов концептов *возраст* в авторской картине мира Эрнеста Хемингуэя. Актуальность определяется востребованностью развития методов анализа и интерпретации художественного текста, многообразием которых располагает когнитивная лингвистика, занимающаяся изучением концептов. Научная новизна заключается в том, что исследование субконцепта *зрелость* в рамках рассказа *Непобежденный* проводится впервые. Помимо этого, упомянутые выше субконцепты, вербализованные в творчестве Эрнеста Хемингуэя, ранее не подвергались сопоставительному анализу. В рамках работы проанализировано и описано содержание субконцепта *зрелость*, представленного совокупностью когнитивных признаков и сем. Далее представляется содержание изученного ранее субконцепта *старость*, вербализованного в произведении *Старик и море*. После этого определяются точки пересечения полей двух субконцептов. В заключении обозначаются общие выводы, сделанные в ходе исследования, а также предлагаются дальнейшие перспективы изучения художественного концепта *возраст* и входящих в его состав субконцептов (*детство, юность, зрелость, старость*) в творчестве Эрнеста Хемингуэя.

Ключевые слова: концепт, художественный концепт, субконцепт, когнитивный признак, сема, лингвокогнитивный компонент.

Интерес к концепту *возраст* со стороны исследователей не утихает на протяжении длительного времени. К настоящему моменту помимо линейных исследований по траектории от детства к старости предлагаются делать отклонения в сторону концептов *возраст женщины* и *возраст мужчины*, на содержание которых откладывают отпечаток антропологические факторы, такие как физиологические и социальные особенности [12, с. 3542].

Кроме того, на возрастную периодизацию оказывают влияние экстралингвистические факторы. По причине того, что продолжительность жизни имеет тенденцию к увеличению, традиционное деление на первый, второй и третий возраст продолжается четвертым (с 75 лет) и пятым (с 90 лет) возрастами [6, с. 29].

Еще одним интересным подходом к рассмотрению концепта *возраст* является восприятие его как составного элемента концепта *время*, занимающего место, приближенное к ядру, и описывающего изменяющиеся с течением жизни проявления [25, с113].

Информация, содержащаяся в художественном концепте *возраст,* способна пролить свет на многие смыслы, закодированные в художественном тексте, требующем определенного подхода в силу ряда особенностей [4, с.45], [5, с.1232]. М.В. Тищенко, ссылаясь на исследования Г.И. Богина и У. Эко, выделяет семантическую и критическую интерпретацию текста и в соответствии с этим разграничением говорит о *навивном* и *критическом* читателе. Как отмечает исследователь, художественный текст – это особая система, отличающаяся «многозначностью, пустотами, недосказанностью, неполной определенностью», что вызывает сложности в интерпретации его содержания [20, с. 276]. Т.В. Хвесько, в свою очередь, добавляет, что в рамках художественного текста автор не оперирует лексическими единицами с прямым значением, а строит текст при помощи образов, вобравших в себя как индивидуально-авторские характеристики, так и отражающие коллективное восприятие [23, с. 118]. По этой причине мы считаем, что исследователям крайне важно проводить работу по анализу художественных текстов, давая им профессиональную интерпретацию, объясняя авторский замысел и проясняя скрытые смыслы, помогая тем самым простым читателям понять суть художественных произведений.

Художественные тексты не похожи друг на друга и отличаются проявляющимся в них *индивидуальным стилем* писателя. Под индивидуальным стилем понимается «личностный почерк создателя» [19, с. 95], «проявление индивидуального взгляда» автора художественного произведения [2, с. 42]. Свое отражение идиостиль находит в специфическом подборе лексических единиц и манере повествования. Мы согласны с Е.С. Абаевой и А.И. Воеводиной, перечисляющими следующие компоненты индивидуального стиля: языковые средства и их повторяемость, система, замысел автора, его картина мира [1, с. 3682].

Д.В. Шулятьева в ходе изучения творчества Э. Хэмингуэя пришла к выводу о том, что идиостиль автора характеризуется минимальным количеством оценочности с его стороны [24, с. 89]. Особенностью повествования является наличие большого количества диалогов. По отношению к творчеству Э.Хемингуэя используется термин «принцип айсберга», подразумевающий под собой минимальное словесное воплощение лично авторских мыслей [22, с. 107], [10, с. 110]. Его задумка, как вершина айсберга, лишь едва заметна на поверхности написанного им текста, оставляя между строк главный смысл произведения. К художественным средствам, используемым автором, А.Б. Мурза относит выразительное описание деталей, портретные и пейзажные зарисовки и сравнения [15, с. 262].

Хемингуэй известен своим теплым отношением к Испании. Он хорошо знал ее традиции и любил о них писать. В своем коротком рассказе, о котором идет речь в этой статье, автор правдоподобно и ярко описал, на сколько испанец может быть предан корриде, с которой неразрывно связана испанская культура, является коррида [3, с. 99], [9, с. 59], [11, с. 1071].

Обратимся к рассмотрению особенностей методов исследования художественного текста. На сегодняшний день проблема разработки метода исследования в рамках когнитивной лингвистики все еще является актуальной. Как отмечает А.Л. Лось, несмотря на весомые достижения в области развития этой науки, зарождение которой датируется началом 2000-х годов, среди исследователей до сих пор нет единства в определении методологического аппарата [13, с. 592].

В свою очередь, нам бы хотелось заметить, что семантико-когнитивный подход к изучению концептов, предложенный З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, мог бы занять достойное место среди методов исследований в рамках этого направления. Семантико-когнитивный подход достаточно популярен среди современных лингвистов, о чем свидетельствует постоянно появляющиеся работы с его применением. Например, Н.А. Неровная провела исследование особенностей вербализации концепта *русский солдат* в англоязычных сми, а также исследовала особенности восприятия концепта *армия России* в русском языковом сознании [16], [17]. Н.О. Мишина, применив данный метод, исследовала концепт *инобытие объекта* в сознании представителей англоязычной культуры [14]. В рамках художественного текста О.Е. Павловская изучала концепты в творчестве Евгения Водолазкина и Гузель Яхиной [18].

Данными примерами не ограничиваются случаи применения семантико-когнитивного подхода на практике. В своих исследованиях мы также неоднократно прибегали к его использованию. В соответствии с семантико-когнитивным походом модель концепта строится на основании сем, отобранных посредством сплошной выборки и репрезентирующих признаки концепта, далее сгруппированных в более крупные классы – *когнитивные признаки концепта* – по схожести их значений. Когнитивные признаки в свою очередь образуют иерархию, где наиболее насыщенные семами признаки являются предъядерными, а наименее наполненные признаки отходят на периферию.

Нами был предложен адаптированный под художественный текст вариант семантико-когнитивного подхода [7]. Вслед за О.В. Томберг мы предлагаем работать с художественными концептами на лингвостилистическом и сюжетном уровне. Мы согласны с исследователем, что работа над анализом концепта должна вестись по трем направлениям: 1) анализ номинативной плотности, выраженной числом случаев прямой и косвенной номинации 2) анализ частотности вербализации концепта 3) анализ текстовой интерпретации или особенностей функционирования концепта непосредственно в тексте [21, с. 44].

В ходе анализа художественного концепта мы опирались на прямую номинацию его признаков посредством отдельных лексем, на косвенную номинацию посредством синонимов и перифраза, а также работали с сюжетной коннотацией или дополнительным коннотативным значением, сопровождающим логически законченные отрезки сюжета. Для анализа сюжетной коннотации мы предлагаем отбирать микротексты или отрезки повествования, законченные по смыслу и вербализующие признаки концепта.

Субконцепт *зрелость* в произведении Эрнеста Хэмингуэя представлен ограниченным количеством когнитивных признаков. Центральным когнитивным признаком является признак *работа как смысл жизни (99%)*. Этот признак представлен рядом сем, отражающих характер главного героя зрелого возраста, матадора Мануэля, однако все эти характеристики представлены сквозь призму его профессиональной деятельности.

В начале произведения, когда традиционно автор знакомит читателя с героем и дает информацию о нем (его возраст, описание внешности, семейное положение и т.д.) и делает это, как правило, посредством прямой номинации, Хемингуэй опускает всю это информацию, оставляя лишь реплику главного героя: *I don't want to work,….I am a bullfighter[28]/ Я не хочу работать…Я матадор (здесь и далее перевод автора)*. Это ответ Мануэля на предложение сменить сферу деятельности. Последнюю реплику главный герой повторяет несколько раз, что усиливает эффект значимости этого занятия для него.

Далее обратимся к семам, находящимся в составе рассматриваемого когнитивного признака. Первой по частотности вербализации является сема *наличие атрибутов профессии*. Контекст, связанный с Мануэлем, наполнен специальной терминологией, связанной с корридой и прежде всего это касается внешности Мануэля. Автор не описывает внешний вид главного героя, единственное, что он упоминает – это косичка пикадора, для обозначения которой Хэмингуэй использует испанское существительное *coleta*.

Кроме того, в ходе повествования встречается следующая лексика профессиональной направленности: *Corrida – коррида. Muleta – in a bullfight a small red cloth attached to a stick, used instead of the large cape during the final stage of the fight/ мулета – в бое с быком, небольшой лоскут красной ткани, прикрепленный к палке и используемый во время финальной стадии боя. Faena – the final part of a bullfight, in which the matador prepares to kill the bull/ фаэна – финальная часть боя с быком, в которой матадор готовится убить быка. Veronica – an action in a bullfight in which the matador moves his cape (type of loose coat) slowly away from the running bull/ вероника – это действие во время схватки с быком, когда матадор медленно отводит свой плащ (в виде широкого пальто) от бегущего быка. Banderilla – a sharp stick that is pushed into the neck or back of the bull in a bullfight/ бандерилья – острая палка, которую вонзают в шею или спину быка во время боя. Cape – капоте – плащ матадорах [26],[27]*.Сюда же относятся лексемы из испанского языка, обозначающие приемы и этапы корриды: *suerte, pase natural, pase de pecho, recorte, quite, tercio, varas, pike-pole.*

Изобилие узкоспециальных терминов-атрибутов влечет за собой дополнительные коннотации профессионализма и глубокой увлеченности корридой главным героем, что косвенным образом в очередной раз подчеркивает значимость этого занятия для Мануэля.

Следующей по частотности вербализации является сема *самопожертвование.* В начале рассказа Мануэль выходит из больницы после тяжелой травмы, полученной на арене. Первое, что он делает – идет просить дать ему возможность сразиться с быком.

Мануэль плохо себя чувствует, о чем мы можем судить по диалогу с его работодателем: *You don't look well……I just got out of the hospital[28]./ Ты плохо выглядишь…. Я только что вышел из больницы.* Тем не менее, как мы говорили выше, герой не собирается заканчивать свою карьеру.

Главная сюжетная функция Мануэля – сражение с быком. Сцены корриды сопровождаются коннотациями полной отдачи своему делу, бесстрашия, жертвенности. Во время схватки с быком Мануэль с трудом побеждает его, бык наносит матадору тяжелые раны, однако герой не сдается и из последних сил доводит дело до победного конца. Сцены схватки с быком сопровождаются многочисленным упоминанием крови: *the blood was hot, bloody face, bloody handkerchief/ кровь была горячей/окровавленное лицо/ окровавленный платок.* О внутреннем кровотечении говорит жгущее внутри чувство. *He started to cough. It was hot and choking. – Он начал кашлять. Внутри было горячо, и он начал задыхаться. / His whole chest felt scalding inside. / He started to cough and they held something to his mouth.*

Кровавые сцены сопровождаются коннотациями физической боли, которую испытывал главный герой на арене и, тем не менее, не останавливался во время сражения.

Особое отношение к своей работе также видно в тот момент, когда жестокая публика, видя, что бык начинает наносить поражение матадору, закидывает его подушками и бутылками. Главный герой вежливо отвечает толпе несмотря на то, что в душе у него все кипит.

"Thank you," he said. "Thank you." Oh, the dirty bastards! Dirty bastards! Oh, the lousy, dirty bastards![28] / Thank you – used to tell someone that you are grateful because they have given you something or done something for you/ спасибо – используется, чтобы сказать кому-то о своей благодарности за то, что вам что-то дали или сделали что-то для вас. Bastard – an offensive word for a man you do not like/мерзавец – обидное слово, применяемое по отношению к человеку, который вам не нравится. Dirty – dishonest or unfair/ грязный – нечестный и несправедливый. Lousy – very bad/ отвратительный [26], [27].

Контраст слов благодарности от Мануэля публике и в мыслях нецензурной брани в ее адрес создает образ человека с железной силой волей, готового, пожертвовать своими чувствами и, во-первых, соблюдать деловой этикет и не обижать пришедших посмотреть на него зрителей и, во-вторых, умеющего собраться и вопреки не только физической, но и душевной боли довести бой до победного конца.

Таким образом, можно заметить, что сема *самопожертвование* образована рядом микросем: *храбрость, упорство, физическая выносливость, физическая сила, вера в победу, неудача в работе, наличие травм, вызванных работой.*

Следующая сема, которую мы выделили – *опытность.* На опытность героя косвенным образом указывает лексема *veteran,* употребленная репортером по отношению к Мануэлю, когда он писал про него заметку в газете. *Veteran – someone who has done a job or an activity for a long time [26]./ ветеран – кто-то, кто выполняет работу или другую деятельность на протяжении долгого времени.*

Кроме того, на опытность матадора косвенным образом указывают особенности его «работы» с быком, его знание мельчайших особенностей поведения быка, например, когда он обращает внимание на положение ног животного и понимает, глядя на них, пойдет ли бык в атаку на матадора или нет. Очевидно, что знание и понимание таких нюансов возможно только при наличии большого опыта в работе.

В ситуации, когда Мануэль работал в компании с молодыми матадорами, он побледнел и покрылся потом, увидев, что юноши подошли вплотную к быку и дразнили его плащом в момент, когда бык был готов к нападению. Мануэль произнес про себя: *Didn't they know enough to keep back? Did they want to catch the bull's eye with the capes after he was fixed and ready?[28] / Разве они не знают, что нужно отступить? Разве они могут размахивать плащами в тот момент, когда бык уже готов?* Вопросительная конструкция усиливает эффект удивления незнанием очевидных деталей.

Далее перейдем к рассмотрению семы *деформированное работой сознание.* Главный герой настолько погружен в свою работу, что она отложила отпечаток даже на его сознании, о чем автор говорит прямо:

He thought in bull-fight terms. Sometimes he had a thought and the particular piece of slang would not come into his mind and he could not realize the thought. His instincts and his knowledge worked automatically, and his brain worked slowly and in words. He knew all about bulls. He did not have to think about them. He just did the right thing.[28] /Он думал терминами корриды. Иногда мысль приходила ему в голову, но он не мог выразить и реализовать ее словами. Его инстинкты и знания работали автоматически, а его мозг работал медленно и словами. Он знал о быках все. Ему не нужно было думать о них. Он просто делал то, что должен был делать.

В разговоре со своим приятелем на вопрос, почему Мануэль не бросает заниматься корридой, главный герой отвечает: *"I don't know," Manuel said. "I got to do it.[28] – «Я не знаю», сказал Мануэль. «Я должен сделать это». Got to* – производная от модального глагола have got to do smth. – to need to do smth. or to be forced to do smth./ нужно сделать что-то или сделать что-то под воздействие силы. Таким образом, данное высказывание главного указывает на то, что герой на подсознательном уровне, под воздействие непонятных ему сил идет на сражение с быком.

Обратимся к рассмотрению дихотомии *положительный/отрицательный* герой, которая является универсальной для всех субконцептов, образующих концепт *возраст* и отражает уровень нравственности и морали героев произведения. Говоря о Мануэле, мы можем сказать, что его нравственные качества, так же, как и все остальные стороны личности, деформированы его профессией. Коррида – кровавое и жестокое мероприятие, в ходе которого истязают и убивают невинное животное. Главный герой не испытывает жалости к быку, напротив, животное вызывает в нем чувство ярости и гнева, на что косвенно указывают следующие высказывания.

Во-первых, мысленно главный герой обращается к быку следующим образом: *All right, you bastard!/ Ну все, ублюдок!/ All right, you dirty, lousy bastard![28]./ Ну все! Грязный отвратительный ублюдок!* Такое грубое обращение говорит о том, что Мануэль не испытывает никакой жалости к животному.

Сцены борьбы с быком влекут за собой дополнительные коннотации жестокости и отсутствия эмпатии и вербализованы следующими словосочетаниями: *put the bull to his knees/поставил быка на колени/ put the sword in …… his back/вонзил шпагу ему в спину/kick the muzzle with his feet/ударил его по морде ногами/felt the sword go in all the way/ почувствовал, как шпага полностью вошла.*

Таким образом, относительно дихотомии *положительный/отрицательный* герой мы можем оценить главного героя как человека с *чувством жалости, утраченным под воздействием профессии.* В данном случае посредством сюжетной коннотации вербализуется сема *желание убить животное.*

Сема *амбициозность* косвенным образом вербализована в высказываниях Мануэля. *"They'd come to see me get it," Manuel said, hopefully. [28] / Они придут на меня посмотреть – сказал Мануэль с надеждой. hopefully – used to express what you would like to happen[27]. – используется для выражения того, что ты хотел бы, чтобы произошло.*

Речь идет о зрителях, на признание которых он надеется. Мануэль не желает признавать тот факт, что его дела идут плохо и неоднократно повторяет одну и ту же фразу: *I've been going good lately[28]. – Я хорошо выступал в последнее время. / I was going great[28].* – Я великолепно выступал. И объясняет свои неудачи фразой *I didn't have any luck. – Мне просто не повезло.*

Вторым когнитивным признаком субконцепта *зрелость* в рассказе *Непобежденный* является *наличие вредных привычек (1%).* Данный признак вербализован посредством косвенной номинации в нескольких сценах, в которых главный герой пьет со своим другом спиртные напитки. *Brandy – a strong alcoholic drink made from wine [27]. / Бренди – крепкий алкогольный напиток, изготовленный из вина.* Также автор описывает сцены, где матадор курит.

В качестве обобщения первой части нашего исследования, можно сказать следующее. Субконцепт *зрелость* в рассказе Хэмингуэя представлен двумя когнитивными признаками – *работа как смысл жизни* и *наличие вредных привычек*. Первый когнитивный признак обладает явным количественным преимуществом перед вторым и представлен разнообразием сем, вербализующих личностные качества зрелого человека, однако все эти качества представлены сквозь призму несколько фанатичного отношения главного героя к своей профессии.

Наибольшей частотностью вербализации обладает сема *атрибуты профессии*, где все атрибуты вербализованы посредством прямой номинации профессиональными терминами, многие из которых на испанском языке, что создает дополнительный эффект профессиональной среды и национального колорита, окружающих главного героя.

Далее следует сема *самопожертвование.* Для нее характерна косвенная номинация, переплетенная с сюжетной коннотацией, когда действие разворачивается на арене, на которой герой вербализует свои сюжетные функции, и параллельно нам встречаются косвенные признаки и микросемы, дополняющие вербализацию в рамках сюжета. Благодаря вербализации этой семы мы понимаем, что главный герой готов положить свою жизнь ради успеха и признания его как профессионала. Он проявляет бесстрашие и отвагу, но все это лишь ради того, чтобы угодить пришедшему посмотреть на корриду зрителю.

С точки зрения морально-этических качеств главного героя, можно сказать, что Мануэлю не присуще сострадание и жалость, об этом косвенным указывают его реплики в адрес быка, а также сюжетные коннотации, сопровождающие сцены борьбы. Таким образом, нами была представлена сема *чувство жалости, утраченное под воздействием профессии.*

Сема *профессионализм* косвенно вербализована в отрезках повествования, где матадор размышляет о повадках быка, предсказывает его дальнейшие действия, исходя из его поведения, нервно реагирует на ошибки в поведении молодых матадоров.

Следующая сема – *деформированное сознание* – тесно связана с предыдущей семой и указывает на степень погруженности в профессию, доходящую до того, что главный герой довел свои умения до автоматизма и особого образа мышления.

Сема *амбициозность* косвенным образом вербализуется через высказывания главного героя, который не желает признавать свои промахи, считает себя хорошим профессионалом, которому не везет. Помимо этого, он надеется на популярность среди зрителей.

Второй когнитивный признак, обнаруженный нами, *наличие вредных привычек*, является дополнительным штрихом в небогатом на характеристики портрете главного героя. Единственное, что читатель узнает о Мануэле несвязанное с его профессией – это то, что он курит и употребляет спиртное.

Содержание субконцепта *зрелость* в рассказе *Непобежденный* представлено следующим образом: Когнитивный признак № 1–1) работа как смысл жизни – семы: 1) наличие атрибутов профессии 2) самопожертвование (микросемы: храбрость, упорство, физическая выносливость, физическая сила, вера в победу, неудача в работе, наличие травм, вызванных работой) 3) чувство жалости, утраченное под воздействием профессии. 4) профессионализм 5) деформированное сознание 6) амбициозность 7) наличие вредных привычек. Когнитивный признак № 2: наличие вредных привычек.

Перейдем ко второй части нашего исследования – к поиску мест пересечения в полях субконцептов *зрелость* и *старость* в произведениях Эрнеста Хэмингуэя.

В нашем более раннем исследовании при помощи семантико-когнитивного метода изучения концептов мы построили модель субконцепта *старость* на примере произведения *Старик и море*. Обратимся к результатам исследования. Мы выделили жирным шрифтом места пересечения полей субконцептов. Когнитивный признак № 1 Неординарность 81% – семы: 1) проживший много лет 2) внутренний мир молодого человека (микросемы: **храбрость**, **терпеливость, упорство, физическая выносливость, физическая сила, уверенность в себе, вера в победу, оптимизм**). Когнитивный признак № 2 Реалистичное отношение к жизни 7% – семы: 1) любовь к животным 2) **необходимость убивать животных.** Когнитивный признак № 3 Тяжесть одиночества 5%. Когнитивный признак № 4 Профессионализм 3% – семы: 1) **наличие профессионального оборудования** 2) **наличие травм, вызванных профессиональной деятельностью** 3) **знание особенностей морских животных и морских примет**. Когнитивный признак № 5 Потеря конкурентоспособности 2% – семы: 1) **тяжелое материальное положение** 2) **неудача в работе** 3) устаревшее оборудование 4) устаревший подход к работе Когнитивный признак № 6 Воспоминания о молодости 1% Когнитивный признак № 7 Мудрость 1% [8].

В заключении нашего исследования мы хотим отметить, что у главного героя произведения *Старик и море* и матадора Мануэля много общего и мы видим практически полное пересечение полей. Расхождение полей мы прослеживаем в области дихотомии *положительный/отрицательный герой*. Старик Сантьяго философски и по-доброму относится к животному, которое он должен убить. В то же время матадор Мануэль наполнен яростью и азартом, он убивает быка ради собственных амбициозных целей и признания. Вполне возможно, что такая доброта Сантьяго обусловлена именно его опвтностью и преклонным возрастом.

В качестве перспектив дальнейшего исследования мы предлагаем изучить субконцепты *детство* и *юность* в творчестве Э.Хемингуэя,

а также продолжить исследование субконцептов *зрелость* и *старость* в других произведениях.

Литература

1. Абаева Е.С., Воеводина А.И. Идиостиль автора: вопросы параметризации. / Абаева Е.С., Воеводина А.И.// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2024. – Т. 17, вып. 10. – С. 3681–3687. DOI: 10.30853/phil20240520

2. Галстян В.А. Об особенностях идиостиля О.Э. Мандельштама. / Галстян В.А. // Отечественная филология. – Москва, ГУП, 2025. – № 6. С. 41–49. DOI: 10.18384/2949-5008-2025-6-41-49

3. Горностаева Ю.А. Легитимация и делигитимация корриды в испанском массмедийном дискурсе/ Горностаева Ю.А.// Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование» – Москва: МГПУ, 2025. – № 1(57). С. 99–119. DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-99-119

4. Данилец А.М. Концептуальное пространство художественного текста. / Данилец А.М.// Вестник Адыгейского государственного университета, серия «Филология и искусствоведение». – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2024. – № 4 (347). – С. 45–52. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-4-347-45-52

5. Дзюбенко А.И Семиозис в художественном тексте: достоверность и ирреальность. / Дзюбенко А.И// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2023. –Т. 16. –№ 4. –С. 1229–1235. DOI: 10.30853/ phil20230186

6. Дахалаева Е.Ч. Характеристики авторефератных и инорефератных компонентов дискурса саморефлексии французских женщин третьего возраста. / Дахалаева Е.Ч.// Вестник Томского государственного университета – Томск: Томский гос. ун-т, 2024. –№ 499. – С. 28–40. DOI: 10.17223/15617793/499/4

7. Иванова Ю.В. Количественный подход как способ верификации результатов качественного анализа художественного текста (на примере произведений Ч. Диккенса)./ Иванова Ю.В.// Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск: РМНКО, 2021. – № 6 (91). С. 475–478. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-691-475-478

8. Иванова Ю.В. Особенности структуры и содержания субконцепта *старость* как компонента концепта *возраст* в произведениях Э. Хемингуэя. / Иванова Ю.В. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. – Москва: Научные технологии, 2025. – № 5. С. 213–219. DOI 10.37882/2223–2982.2025.05.21

9. Иванова О.А., Ронина Е.А. Знаки испанской идентичности/ Иванова О.А., Ронина Е.А. // Человек. Культура. Образование. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2024. – № 4(54). С. 54–67. DOI:10.34130/2233-1277-2024-4-54

10. Ишинбаева Г.Г. Испанские тексты Э.Хемингуэя и А. Переса-Реверте: эпика vs бондиана. / Ишинбаева Г.Г.// Российский гуманитарный журнал. – Санкт-Петербург: Социально-гуманитарное знание, 2025. –Том 14. № 2. С. 109–120. DOI: 10.15643/libartrus-2025.2.4

11. Кучукова З.А., Берберова Л.Б. Актуализация архетипических значений *быка* в мировой культуре. / Кучукова З.А., Берберова Л.Б.// Филологические науки. Вопросы теории и практики. –Тамбов: Грамота,2021. – Том 14 № 4. С. 1070–1074. I

12. Линь Ю., Дунся С. Особенности реализации концепта возраст женщины и его искажение в новостном дискурсе. / Линь Ю., Дунся С.// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2021. – Том: 14. – № 11. – С. 3541–3544. DOI: 10.30853/phil210562

13. Лось А.Л. Проблема использования эксперементальных методик в когнитивной лингвистике. / Лось А.Л. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота,2023. –Т. 16. – № 2, С. 590–596. DOI: 10.30853/phil20230073

14. Мишина Н.О. О семантико-когнитивном анализе синтаксического концепта инобытие (звукопроявление) объекта в английском языке. //Мишина Н.О. – Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград: ВГПУ: Перемена, 2019. –С. 194–198.

15. Мурза А.Б. Художественные особенности речи повествователя в романах Э.Хемингуэя. / Мурза А.Б. // Современное педагогическое образование. – Москва: Кнорус, 2021. – № 4. – С. 262–268.

16. Неровная Н.А. Комплексный семантико-когнитивный анализ содержания концепта армия России в русском языковом сознании. // Неровная Н.А. // Теория языка и межкультурная коммуникация. – Курск: Курс. гос. ун-т, 2020. – С. 215–227.

17. Неровная Н.А. Лингвокогнитивный анализ концепта русский солдат (на основе публикаций западных СМИ). / Неровная Н.А. // Теория языка и межкультурная коммуникация. – Курск: Курс. гос. ун-т,2025. – № 1(56). – С. 197–208.

18. 18) Павловская О.Е. Отражение языковой картины мира в произведениях современников (на материале творчества Евгения Водолазкина и Гузель Яхиной). / Павловская О.Е. // Мир науки, культуры, образования. –Горно-Алтайск: РМНКО, 2021. – № 5. – С. 322–325. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-590-322-325

19. Рейнова А.В., Полховская Е.В. Идиостиль драматургии Д.Хейра / Рейнова А.В., Полховская Е.В. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2025. – Том 11 (77). – № 4. – С. 95–104. DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-95-104

20. Тищенко М.В. Интерпретация художественного текста и ее границы. / Тищенко М.В. // Современное педагогическое образование. – Москва: Кнорус, 2023. – № 2. – С. 275–278.

21. Томберг О.В. Геопоэтика пространства: Венеция в англоязычной эссеистике И. Бродского./Томберго О.В.// Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – Челябинск: ЮУрГУ, 2024. –Т. 21. – № 1. – С. 42–50. DOI: 10.14529/ling240106

22. Харрасова Э. Особенности подтекста в диалогах Э.Хемингуэя и Р. Карвера (на материале рассказов). / Харрасова Э.// Филология и культура. Philology and Culture. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2024. – № 1 (75). – С. 106–112. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-75-1-106-112

23. Хвесько Т.В., Басуева Н.Ю. Актуализация авторских интенций в художественном тексте. / Хвесько Т.В., Басуева Н.Ю. // Язык и культура. – Томск: Издательский дом ТГУ, 2024.–№ 68. – С. 108–121. DOI: 10.17223/19996195/68/6

24. Шулятьева Д.В. На солнце или в тени: Теневые истории в рассказе Убийцы Э.Хемингуэя. / Шулятьева Д.В. // Текст. Книга. Книгоиздание. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2025. – № 37. – С. 83–102. DOI: 10.17223/23062061/37/6

25. Щербо П.А. Отражение эмпирической и метафорической связи концептов время и возраст в английских и русских устойчивых выражениях и паремиях. / Щербо П.А. // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – Москва: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2025. – № 3 (897). – С. 112–121.

26. Dictionary by Merriam-Webster: America's most-trusted online dictionary. [Электронный ресурс]. URL: https://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 27.02.2026–11.03.2026).

27. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Online dictionary. Cambridge University Press. [Электронный ресурс]. URL: https://dictionary.cambridge. org/ (дата обращения: 27.02.2026–11.03.2026).

28. Hemingway E. The Undefeated. [Электронный ресурс]. URL: https://americanliterature.com/author/ernest-hemingway/short-story/the-undefeated (дата обращения: 27.02.2025–11.03.2025).

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SUBCONEPTS *MATURITY* AND *OLD AGE* IN THE WORKS BY E. HEMINGWAY

Ivanova Yu.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to a comparative analysis of the subconepts *maturity* and *old age* as integral elements of the concept *age* in the author worldview of Ernest Hemingway. The relevance is determined by the demand for the development of methods of analysis and interpretation of literary text, the variety of which is available in cognitive linguistics, which deals with the study of concepts. The scientific novelty lies in the fact that the study of the subconcept *maturity* within the framework of the story *The Undefeated* is being conducted for the first time. In addition, the subconepts mentioned above, verbalized in the work by Ernest Hemingway, have not previously been subjected to comparative analysis. In the framework of the study, the content of the subconcept *maturity*, represented by a set of cognitive features and sems, is analyzed and described. Next, the content of the previously studied subconcept *old age*, verbalized in the work The *Old Man and the Sea*, is presented. After that, the intersection points of the fields of the two subconepts are determined. In conclusion, the general conclusions drawn in the course of the study are outlined, as well as further prospects for studying the artistic concept *age* and its constituent subconepts (*childhood, youth, maturity, old age*) in the works by Ernest Hemingway.

Keywords: concept, artistic concept, subconcept, cognitive feature, seme, linguocognitive component.

References

1. Abayeva E.S., Voevodina A.I. The author's idiosyncrasy: issues of parameterization. / Abayeva E.S., Voevodina A.I.// Philological sciences. Questions of theory and practice. – Tambov: Gramota, 2024. – Vol. 17, issue. 10. Pp. 3681–3687. DOI: 10.30853/phil20240520

2. Galstyan V.A. On the idiosyncrasies of O.E. Mandelstam. / Galstyan V.A. // Russian Philology. – Moscow, GUP, 2025. – No. 6. Pp. 41–49. DOI: 10.18384/2949-5008-2025-6-41-49

3. Gornostaeva Yu.A. Legitimization and delegitimization of bullfighting in Spanish mass media discourse/ Gornostaeva Yu.A.// Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. The series "Philology. Theory of language. Language education" – Moscow: MGPU, 2025. – № 1(57). Pp. 99–119. DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-99-119

4. Danilets A.M. Conceptual space of a literary text. / Danilets A.M.// Bulletin of the Adygea State University, series “Philology and Art History”. – Maikop: Adygea State University, 2024. – № 4 (347). – Pp. 45–52. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-4-347-45-52

5. Dzyubenko A. And Semiosis in a literary text: authenticity and unreality. / Dzyubenko A.I.// Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2023. Vol. 16.No.4.Pp. 1229–1235. DOI: 10.30853/ phil20230186

6. Dahalaeva E. Ch. Characteristics of abstract and non-abstract components of the discourse of self-reflection of French women of the third age. / Dahalaeva E.Ch.// Bulletin of Tomsk State University – Tomsk: Tomsk State University, 2024. – No. 499. – Pp. 28–40. DOI: 10.17223/15617793/499/4

7. Ivanova Yu.V. Quantitative approach as a way to verify the results of a qualitative analysis of a literary text (using the example of the works of Ch.Dickens)./ Ivanova Yu.V. The world of science, culture, and education.// Gorno-Altaysk: RMNKO, 2021. No.6 (91). Pp. 475–478. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-691-475-478

8. Ivanova Yu.V. Features of the structure and content of the subconcept old age as a component of the concept of age in the works of E. Hemingway. Ivanova Yu.V.//Modern science: actual problems of theory and practice. Humanities. Moscow: Scientific Technologies, 2025, No. 5, Pp. 213–219. DOI 10.37882/2223–2982.2025.05.21

9. Ivanova O. A., Ronina E.A. Signs of Spanish identity/ Ivanova O.A., Ronina E.A.// Man. Culture. Education. Syktyvkar: Publishing House of the SSU named after Pitirim Sorokin, 2024. – № 4(54). Pp. 54–67. DOI:10.34130/2233-1277-2024-4-54

10. Ishimbaeva G. G. “The Spanish Texts” by E. Hemingway and A. Pérez-Reverte: Epic vs Bondiana // Liberal Arts in Russia. 2025. Vol. 14. No. 2. Pp. 109–120.

11. Lin Yu., Dongxia S. Features of the implementation of the concept of a woman’s age and its distortion in news discourse. / Lin Yu., Dongxia S.// Philological sciences. Questions of theory and practice. – Tambov: Gramota, 2021. – Vol.: 14. No. 11. Pp. 3541–3544. DOI: 10.30853/phil210562

12. Kuchukova Z.A., Berberova L.B. Actualization of the archetypal meanings of the bull in world culture. / Kuchukova Z.A., Berberova L.B.// Philological sciences. Questions of theory and practice. –Tambov: Gramota, 2021. – Volume 14 No. 4. Pp. 1070–1074. I

13. Los A.L. The problem of using experimental techniques in cognitive linguistics. / Los A.L. // Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota Publ., 2023, Vol. 16, No. 2, Pp. 590–596. DOI: 10.30853/phil20230073

14. Mishina N.O. On the semantic and cognitive analysis of the syntactic concept of the otherness (sound manifestation) of an object in the English language. /Mishina N.O. – Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. – Volgograd: VGPU: Peremena, 2019. –Pp. 194–198.

15. Murza A.B. Artistic features of the narrator’s speech in the novels of E.Hemingway. / Murza A.B. // Modern pedagogical education. Moscow: Knorus Publ., 2021, No. 4, Pp. 262–268.

16. Nerovnaya N.A. Complex semantic and cognitive analysis of the content of the concept of the Russian Army in the Russian linguistic consciousness. / Nerovnaya N.A. // Theory of language and intercultural communication. Kursk: Kurs. gosudarstvennogo univ., 2020. Pp. 215–227.

17. Nerovnaya N.A. Linguistic and cognitive analysis of the concept of the Russian soldier (based on Western media publications). Nerovnaya N.A. // Theory of language and intercultural communication. – Kursk: Course of the State University,2025. – № 1(56). – Pp. 197–208.

18. Pavlovskaya O.E. Reflection of the linguistic picture of the world in the works of contemporaries (based on the works of Evgeny Vodolazkin and Guzel Yakhina). / Pavlovskaya O.E. // The world of science, culture, and education. Gorno-Altaisk: RMNKO, 2021. No. 5. Pp. 322–325. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-590-322-325

19. Reinova A.V., Polkhovskaya E.V. The idiosyncrasy of D.Kheir / Reinova A.V., Polkhovskaya E.V. // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences. Simferopol: V.I. Vernadsky KFU, 2025. Vol. 11 (77). – № 4. – Pp. 95–104. DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-4-95-104

20. Tishchenko M.V. Interpretation of a literary text and its boundaries. / Tishchenko M.V. // Modern pedagogical education. Moscow: Knorus, 2023, No. 2, pp.275–278.

21. Tomberg O.V. Geopoetics of space: Venice in the English-language essays of I. Brodsky. / Tombergo O.V.// Bulletin of SUSU. The series “Linguistics”. Chelyabinsk: SUSU, 2024, Vol. 21, No. 1, Pp. 42–50. DOI: 10.14529/ling240106

22. Kharrasova E. The peculiarities of the subtext in the dialogues of E. Hemingway and R. Carver (based on the material of short stories). / Kharrasova E.// Philology and culture. Philology and Culture. – Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University, 2024. – № 1 (75). – Pp. 106–112. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-75-1-106-112

23. Khvesko T.V., Basuyeva N. Yu. Actualization of author’s intentions in a literary text. / Khvesko T.V., Basuyeva N.Yu. // Language and culture. Tomsk: TSU Publishing House, 2024, No. 68, Pp. 108–121. DOI: 10.17223/19996195/68/6

24. Shulyatyeva D.V. In the sun or in the shade: Shadow stories in the story of E. Hemingway’s Killer. / Shulyatyeva D.V. // Text. Book. Book publishing. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2025, No. 37, Pp. 83–102. DOI: 10.17223/23062061/37/6

25. Shcherbo P.A. Reflection of the empirical and metaphorical connection of the concepts of time and age in English and Russian stable expressions and paroemias. / Shcherbo P.A. // Bulletin of MGLU. Humanities. – Moscow: FSBEI VPO MGLU, 2025. – № 3 (897). – Pp. 112–121.

26. Dictionary by Merriam-Webster: America’s most-trusted online dictionary. [electronic resource]. URL: https://www.merriam-webster. com/ (accessed: 02/27/2026–03/11/2026).

27. Cambridge Advanced Learner’s Dictionary. Online dictionary. Cambridge University Press. [electronic resource]. URL: https://dictionary.cambridge. org/ (accessed: 02/27/2026–03/11/2026).

28. Hemingway E. The Undefeated. [Электронный ресурс]. URL: https://gutenberg.ca/ebooks/hemingwaye-oldmanandthesea/hemingwaye-oldmanandthesea-00-h.html. (дата обращения: 27.02.2025–11.03.2025).

Роль туризма в конструировании и трансформации пространства современного города

Клепикова Любовь Владимировна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Философия», Российский университет транспорта (РУТ МИИТ)
E-mail: sevell1@rambler.ru

Статья рассматривает роль туризма в репрезентации современных городов. Автор обращает внимание на то, что туристическая составляющая, вплетаясь в повседневные практики городской жизни, является фактором трансформации смысловых значений, характеризующих город как социальное пространство. Туризм в современном городе – это, во-первых, важнейшее проявление сверхмобильности, свойственной эпохе позднего модерна, когда путешествие становится неотъемлемой составляющей социализации, во-вторых, фактор, способствующий как физическому, так и духовному преобразованию города. Репрезентация города на уровне туризма влияет на его транснациональный образ и объем миграционных потоков, направленных в данный город. Сверхмобильная природа современных социальных процессов также влияет на существующие в городе практики повседневности, которые отражают не только культурный ландшафт конкретного города, но и символические и идеологические репрезентации данного города. Автор приходит к выводу, что туризм трансформирует не только культурную, но и другие стороны повседневного бытия города – коммуникационные стратегии, инфраструктуру и репрезентацию города на глобальном уровне.

Ключевые слова: город, туризм, повседневность, культура, репрезентация, сверхмобильность, исследование города.

Введение

Исследование города в социальных и гуманитарных науках – одна из важнейших разновидностей изучения общества. Если мы интерпретируем общество как взаимодействие индивидов, цель которых – построить социальную организацию для сосуществования, то при изучении его через призму города социальное исследование получает особые преимущества, потому что город одновременно существует в нескольких ипостасях:

Во-первых, город – это непосредственный образец построения общности людей, «арена для возникновения общей человечности» [22, p. 48].

Во-вторых, город – это динамическая взаимосвязь, которая проявляется в общественных процессах трансформации и развития [24, S.15].

В-третьих, город – это политическая сущность, которую люди формируют посредством действий и общения в повседневной жизни, а также посредством своей работы и взаимодействия с институтами власти [24, S.15].

В пространственном отношении город также находится на особом положении. Городская жизнь и культура, с одной стороны, перманентно пребывают в рамках созданного национальным государством политического, экономического и культурного обмена. С другой стороны, город – это не только единство, действующее на национальном и транснациональном уровнях, город также создает мировой контекст, мировое устройство, с которым сам же оказывается парадигмально связан.

Особенности проживания общества (и его формирования) в условиях города неоднократно на протяжении последнего столетия осмыслялись исследователями, которые рассматривали его прежде всего как политико-социально-культурный комплекс [2; 3; 4]. Однако теоретическое осмысление города как социального явления требует постоянного обновления, потому что культурологические и социальные науки в каждом своем поколении переосмысляют свой предмет. В каждом новом научном поколении предмет исследования должен быть не только переосмыслен, но и переведен на современный язык и изучен на предмет того, какие его стороны должны быть приоритетны для научной рефлексии в конкретный временной промежуток. Особенность городских исследований во многом состоит в том, что их предмет – город как социальная единица – подвержен высокой степени динамики, так как связан с очень подвижной ситуацией и переменчивыми отношениями, которые формируются на основе инфраструктурной специфики, строительной планировки, праздничных мероприятий и традициями и т.п.

Методы работы и принципы сбора исследовательской информации в городских исследованиях также подразумевают перманентное переосмысление. Проблема методов и теоретических концепций городских исследований заключается в том, что ученые имеют дело с обществом, строившим данный город или проживающем в нем. Но даже в случае, если исследовательский фокус будет ограничен рассмотрением города и его жителей в их современном виде, приходится учитывать факт того, что город никогда не может представлять собой исключительно современное образование – его строили и формировали общества из прошлых эпох, и с их культурными установками (которые могут резко отличаться от современных) приходится считаться.

Новизна данной работы заключается в том, что современный городской туризм будет проанализирован как практика городской повседневности, напрямую воздействующая на культурные смыслы, возникающие в духовной жизни города, на коммуникационные стратегии, с помощью которых организуется городское пространство, и на репрезентацию города на государственном и глобальном уровнях.

Опираясь на теоретическое положение о том, что город, будучи материальным объектом, в то же время представляет собой особое символически-смысловое пространство [9; 14; 15; 16; 23; 24], мы анализируем городской туризм как повседневную практику, ставшую основой движения и трансформации значений и смыслов, перманентно возникающих и обновляющихся в городском пространстве.

В данной работе уделено внимание городским практикам повседневности, которые, являясь отражением городской современности, одновременно обращены и в прошлое, и в будущее не только жизни современного города, но и социально-политических процессов, фор-

мирующихся вокруг города. Кроме того, практики повседневности структурируют современное городское пространство, делая его многомерным и пластичным. Таким образом, городской туризм вносит качественные изменения в духовный ландшафт современных городов. Это обстоятельство ставит современных исследователей города в ситуацию, когда любое культурное и/или социальное явление городского пространства имеет как явные материальные следствия, так и неявные духовные воздействия, способные распространиться далеко за пределы пространства конкретного города. В данной работе мы предпримем попытку наметить основные контуры трансформаций, вносимых туризмом в городское пространство.

Повседневность

Проживающие в городе индивиды организуют свой повседневный жизненный мир на основе общественных, пространственно-временных условий своей эпохи, а, следовательно, создают смысловые взаимосвязи, которые с течением времени приобретают определенные значения. Примерами подобных смысловых взаимосвязей могут служить негласные правила социальных коммуникаций, специфичные традиции, праздники и пр. [1]. Всё это – плоды городской культуры (если мы говорим о городе в узком смысле), культуры государства или глобальной культуры (в зависимости от того, насколько мы расширяем исследовательские границы). Культура, произведенная в городских пространствах, ложится в основу важнейших составляющих социальной реальности, например, государственной идеологии. Ведь несмотря на противопоставление города и сельской местности, дискурсивные атрибуции «сельской местности» и «города» предполагают существование друг друга в качестве зеркального противопоставления, которое объединяет временно-пространственное позиционирование того, что называют «городом», и того, что называют «сельской местностью». Подобное положение вещей обуславливает властные стратегии в ситуации, когда правительство находится в городе, но его идеология в полной мере воплощается в сельской местности [9].

Город формирует не только собственную локальную культуру, но и культуру в национальном и глобальном смыслах. Данное обстоятельство превращает город в особый предмет исследования. Наряду с культурой город создает и формирует общество в историческом процессе. Это не означает, что на отдельно взятых исторических этапах (включая современный) общество культурно гомогенно. Созданная городом культура по определению негомогенна, то же самое касается неразрывно связанных с обществом сфер, как экономика, наука, религия и политика, искусство и архитектура [24, S.33].

Города (особенно в современную глобальную эпоху) могут выступать как своеобразная лакмусовая бумага для осмысления и исследования трансформационных процессов, так как в городском пространстве наиболее наглядно проявляются и развиваются процессы взаимодействия макро– и микроуровней, переплетение структурных изменений с повседневными формами жизни, пересечение между локальными и глобальными событиями [16; 19]. Если понимать города подобным образом, становится очевидно, что они не только функционируют как сосредоточение социальных процессов и культурных событий, но и делают эти процессы и события более заметными и видимыми [14, S. 70]. В условиях города экономические, политические, социальные структуры и условия возникают, становясь эмпирически ощутимыми в ситуациях человеческих действий и взаимодействий. Но важно помнить, что в центре внимания культурно-аналитического исследования города находится не индуктивный переход от микроситуации к макроструктуре (или наоборот), а скорее изменчивая и преходящая природа общества, которая отражается в трансформации индивидуальных ролей, идентичностей и отношений. Подобная процессуальность требует методологически многостороннего подхода. Эффекты от процессов социальных изменений проявляются в социальных практиках городских жителей, в их идеях и действиях по формированию пространства, в их коммуникационных практиках, а также в смыслах, которые они приписывают физическим качествам городского пространства [14, S.76].

В процессе осмысления того, как город формирует культуру и повседневные практики, особое внимание необходимо уделить проблеме бытования общества в условиях города и построения групповой и коллективной идентичности. В данном аспекте существенными являются два фундаментальных вопроса. Во-первых, как город, будучи социальной структурой, формирует людей. Другими словами, мы рассматриваем город как «человеческую мастерскую». Во-вторых, как люди формируют город, так как город в конечном итоге ни что иное, как совокупностью его жителей [17, S. 177]. Действие индивида – это то, что превращает город из просто «социальной машины» в «человеческую мастерскую» [23, p. 34]. Эти два вопроса органически взаимосвязаны в плане того, что оба затрагивают процесс непрекращающегося социального движения, на котором базируется городская идентичность. Наглядным примером городского социального движения можно назвать постоянные и возобновляемые коммуникационные процессы, суть которых состоит в том, что индивиды-участники постоянно находятся в ситуации, требующей коллективного управления и переустройства окружающего пространства [15, S. 19]. Другими словами, это коммуникационные взаимодействия, предполагающие перманентное изменение физического или духовного ландшафта (снос/возведение новых зданий, спор об использовании публичного пространства, организация мероприятий, посещение торговых точек, образовательных учреждений и пр.). Коммуникационные взаимодействия заставляют городское пространство постоянно пребывать в движении.

Постоянное состояние движения открывает возможности для индивидуального и коллективного развития: личностного раскрытия, совместного создания и изменения образа жизни, участия в общественных движениях и инициативах и т.д. Тем не менее, коммуникационные процессы городского пространства также подразумевают травматические последствия, например, деградацию и регресс тех или иных социальных структур, процесс социального неприятия или исключения и т.д. Но и они представляют собой неотъемлемые элементы социальной интеграции, а значит построения идентичности [26, S. 377].

Фундаментальная способность личности к действию является основным теоретическим положением динамической концепции культуры, которая постулировалась в британских, немецких и шведских антропологических исследованиях, начиная с 1950-х годов, когда главной целью являлось расширение понятия «культура» и избавления от жестких рамок понимания культуры исключительно как элитарного явления [28; 6; 18, S. 26–46]. Таким образом, процесс, когда житель города перманентно создает, деконструирует и воссоздает город можно рассматривать и как семиотический, и как дискурсивный, включающий любые активности: от криминальных или политических действий до покупки хлеба или выноса мусора [11]. Повседневность – это диалектический процесс, где культура возникает и трансформируется. Одним из существенных элементов современной городской повседневности является туризм, накладывающий на нее качественный отпечаток.

Туризм

Когда в начале 1980-х предпринималась попытка создать классификацию городов с учетом их исторических характеристик и особенностей, шведский антрополог У. Ханнерц предложил такой вариант [12, S. 98f.]:

1. Courttown (города-политические центры или города, связанные с административным управлением),
2. Commercetown (торговые и коммерческие города),
3. Coketown (индустриальные или ремесленные города).

В настоящий момент можно выделить два недостатка данной классификации. Первый – в ней не учитывается потенциальная многофункциональность города, когда он может совмещать в себе сразу все три пункта классификации. Второй – данная классификация подразумевает город, прежде всего, как место проживания и/или трудоустройства. Бытие города как туристической локации во внимание не принимается [24, S.11].

Отметим, что рассмотрение современного города в качестве туристической цели имеет большое значение, так как степень востребованности города в туристическом плане напрямую влияет на политический и социальный статус города. Туризм для современных социальных исследований – одна из составных частей сущности города, следовательно, важный аспект для городских исследований последних десятилетий [7; 8; 10]. Наличие и объем туристического потока – серьезный фактор, повышающий престиж города. Тот же У. Ханнерц в более поздней своей работе [13, p.128–134] указывал на присутствие четырех транснациональных социальных групп, которые придают городу статус «мирового города» (world city). К названным Ханнерцем отнёс транснациональный бизнес, трудовую миграцию («население третьего мира»), культурную богему и туристов [13, p.131–132]. Причем именно туристы являются теми, кто «приписывают значения» локациям и материальным объектам на этих локациях. Они же преображают архитектурные объекты, которые невозможно увезти с собой, в «символы места» (например, Лувр или Букингемский дворец), а также напрямую влияют на то, что мировой город становится «культурным рынком» (cultural market-place) [13, p.136].

Туристическая составляющая современного города имеет непосредственную связь с политической сферой жизни общества, потому что свидетельствует о перемене этоса общества в сторону сверхмобильности. Мобильность и сверхмобильность общества позднего модерна качественно перестраивают структуру социальных и властных взаимодействий, когда перманентное нахождение индивида в рамках

одной локации (например, официального места прописки) уже не является доминирующей нормой. Впрочем, мобильность не ведет к деконструированию всех прежних структур повседневных практик определенного города, не ведет она и к созданию глобального общества. Мобильность способствует возникновению новых локаций социального взаимодействия и социально-политических ситуаций, которые оказываются в фокусе внимания при исследовании практик повседневности. В рамках города (причем в условиях сверхмобильности это может быть не только «мировой город», о котором писал У. Ханнерц) возникают новые мультилокальные и многоголосые жизненные миры [5; 20; 27].

Транснациональная индустрия воображаемого, созданная вокруг туризма, совмещает новые и старые культурные репрезентации городов, создает импульсы и стимулы, когда вся транспортная индустрия становится нацелена на обеспечение всех видов мобильности. Репрезентация города – это, помимо визуальных символов (например, знаменитых зданий), также формулы и фигуры речи, которые нередко имеют эмоционально окрашенный характер (дают надежду или внушают страх) [21]. Экономическая и политическая доступность путешествий в современную эпоху привела к появлению новых практик повседневности: путешествия стали еще одной формой социализации [24, S.13]. Кроме того, туризм превратился в один из источников дохода для городов. Таким образом, физическая доступность городских локаций стала, с одной стороны, причиной их внешнего преобразования, и с другой стороны, трансформирует городскую повседневность.

Современный туризм представляет собой не только организованную индустрию с развитой коммерческой инфраструктурой, но также социальный механизм, повышающий репутацию и привлекательность отдельных городов. Это влияет не только на туристические, но и на миграционные потоки, потому что успешное существование начинает ассоциироваться с определенной локацией – конкретным городом. Туристические потоки не просто воздействуют на практики повседневности местного городского населения, но и сами превращаются в составные части этих практик. Став неотъемлемой частью городской жизни, туризм превратился в органическую часть современной глобальной социальной системы. Коммуникации, инфраструктура, поведенческие стратегии в процессе своего движения и преобразования ориентированы на туристический фактор. Туризм способствует тому, что в практиках повседневности формируются новые культурные смыслы, выставляющие привычные городские локации совсем в ином свете (например, завод по производству чего-либо может превратиться в объект туристического внимания).

Кроме того, новые городские репрезентации, возникающие вследствие сверхмобильности современного общества, имеют две принципиальные стороны:

Первая сторона – это транснациональное бытие города, к которому относятся конструируемый образ города, его социальная роль в построении транснациональных коммуникаций и процессах социализации. Туризм выступает в роли социального процесса, в ходе которого города приобретают новые экономическое и символическое значения, повышающие престиж городов как целей для миграции [25, S. 11]. При этом миграция по-прежнему остается одним из важнейших факторов в жизни города, так как исторически город никогда не являлся демографически самодостаточной единицей, пополняя собственное население за счет новоприбывших [29].

Вторая сторона – это внутреннее бытие города, строящееся на практиках повседневности, благодаря современной сверхмобильности, постоянно приобретающие новые черты, которые в свою очередь основываются на восприятии города как пространства, находящегося одновременно на двух уровнях: локальном и глобальном.

Заключение

Город – это не только материальное пространство, но и поле для бесконечного возникновения культурных смыслов и их преобразования. Практики повседневности, бытующие в пространстве города, во-первых, организуют жизнь людей, создавая правила существования, перемещения и коммуникации в этом пространстве, во-вторых, культура, произведенная в рамках городских практик повседневности, ложится в основу социальной реальности национальных государств и мира в целом.

Города могут выступать в двух ключевых ролях: генерировать культурные процессы и делать их максимально заметными на государственном и глобальном уровнях. Таким образом, повседневные практики городского пространства провоцируют изменения в социальной реальности и трансформируют формирования коллективной и индивидуальной идентичности. Городское пространство характеризуется перманентным движением, в основе которого лежат постоянные преобразования материальной и духовной структур.

Одно из качественных изменений в современных городских пространствах произвел туризм, являющийся фактором влияния на внутреннюю и внешнюю репрезентацию города. Туризм как часть городских практик повседневности регламентирует сверхмобильность как норму бытования общества. Индустрия воображаемого, выросшая вокруг туризма, конструирует и видоизменяет культурные репрезентации городов, оказывает качественное воздействие на инфраструктуру (практики перемещения в городском пространстве) и коммуникационные стратегии.

В современных городских исследованиях туризм должен анализироваться не только как производная от других повседневных практик; современный городской туризм, делая сверхмобильность нормой и необходимым условием для социализации индивида, преобразует практики повседневности таким образом, что они генерируют новые культурные, экономические и политические значения для репрезентации города на глобальном уровне.

Литература

1. Бегичева А.Г. Традиция как социокультурным феномен и ее место в современных цивилизационных процессах // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 8 (195). – С. 580–581.
2. Вебер М. Город // Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. – Т.IV.Господство. – С. 281–403.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь //Логос. – 2002. – Т. 3. – № . 34. – С. 1–12.
4. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 1955. – Т. 2. – С. 231–517.
5. Appadurai A. (1990) Disjuncture and Difference in the Global Economy. In: Theory, Culture & Society 7, S. 295–310.
6. Bausinger H., Korff G., Jeggle U., Scharfe M. (1978) Grundzüge der Volkskunde. Stuttgart.
7. Bellini N., Pasquinelli C. (2017) Tourism in the City. Springer.
8. Bock K. (2015) The changing nature of city tourism and its possible implications for the future of cities. European Journal of Futures Research 3: 1–8.
9. Bourdieu P., Steinrücke M. (2002) Der Einzige und sein Eigenheim. Bielefeld.
10. Evans G. (2007) Creative spaces, tourism and the city. Tourism, creativity and development: 57–72.
11. Frykman J., Löfgren O. (1987) Culture Builders: A Historical Anthropology of Middle-Class Life. New Brunswick, London: Rutgers University Press.
12. Hannerz U. (1980) Exploring the City. Inquiries toward an Urban Anthropology. New York: Columbia University Press.
13. Hannerz U. (2000) Transnational Connections. Culture, People, Places. London, New York: Routledge. 216 p.
14. Hengartner T. (2005) Zur Kulturanalyse der Stadtforschung. In: Beate Binder et al. (Hg.), Ort. Arbeit. Körper. Ethnografie Europäischer Modernen. Berlin, S. 67–80.
15. Kaschuba W. (2005) Urbanität und Identität zeitgenössischer europäischer Städte. Dokumentation der Fachtagung vom 1.11.03, ETHZ, Wüstenrot Stiftung, S. 10–28.
16. Knecht V., Niedermüller P. (1998) Stadtethnologie und die Transformationen des Städtischen. Eine Einleitung. In: Berliner Blätter 17: Transformationen des Städtischen. Stadtethnologie in Europa, S. 3–13.
17. Lindner, R. (2004) Vorüberlegungen zu einer Anthropologie der Stadt. In: Volkskunde in Sachsen 16, S. 177–188.
18. Löfgren, O. ((1981)) On the Anatomy of Culture. In: Ethnologia Europaea XII, 1, S. 26–46.
19. Low, Setha M. (1996) The Anthropology of Cities. Imagining and Theorizing the City. In: Annual Review of Anthropology, Bd. 25, S. 383–409.
20. Marcus G. (1995) Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography. In: Annual Review of Anthropology Vol. 24, S. 95–117.
21. Marcuse P. (2006) Die »Stadt« – Begriff und Bedeutung. In: Helmuth Berkin (Hg.), Die Macht des Lokalen in einer Welt ohne Grenzen. Frankfurt/M., New York 2006, S. 201–215.
22. Miles M., Hall T., Borden I.(eds.), The City Cultures Reader. London 2000: Routledge.
23. Mumford, L. (1961 [1938]) The City in History. San Diego: Harcourt, Brace & World.
24. Rolshoven J. (2021) Stadtforschung als Gesellschaftsforschung. Eine Einführung in die Kulturanalyse der Stadt. Bielefeld: Transcript Verlag.
25. Scharfe M. (2011) Signaturen der Kultur. Studien zum Alltag und zu seiner Erforschung. Marburg.
26. Siebel W. (2015) Die Kultur der Stadt. Berlin.

27. Welz G. (1998) Moving Targets. Feldforschung unter Mobilitätsdruck. In: Zeitschrift für Volkskunde 94, II, S. 177–194.

28. Williams R. (1986 [1958]) Culture is ordinary. In: Resources of Hope: Culture, Democracy, Socialism. London: Verso, p. 3–14.

29. Yildiz E. (2011) Stadt ist Migration. In: Malte Bergmann, Bastian Lange (Hg.), Eigensinnige Geographien: Städtische Raumaneignungen als Ausdruck gesellschaftlicher Teilhabe. Wiesbaden, S. 71–80.

THE ROLE OF TOURISM IN THE CONSTRUCTION AND TRANSFORMATION OF THE SPACE OF A MODERN CITY

Klepikova L.V.
Russian University of Transport (MIIT)

The paper examines the role of tourism in the representation of modern cities. The author draws attention to the fact that the tourist component, intertwined with everyday practices of urban life, is a factor in the transformation of semantic meanings that characterize the city as a social space. Tourism in the modern city is, firstly, the most important manifestation of the hyper-mobility characteristic of the late modern era, when travel becomes an integral part of socialization, and secondly, a factor that contributes to both the physical and spiritual transformation of the city. The representation of a city at the level of tourism directly influences its transnational image and the volume of migration flows directed to a given city. The hyper-mobile nature of contemporary social processes also directly influences the everyday practices that exist in the city, which reflect not only the cultural landscape of a particular city, but also symbolic and ideological representations of the city. The author concludes that tourism transforms not only the cultural, but also other aspects of the city's everyday life – communication strategies, infrastructure and the city's global representation.

Keywords: city, tourism, everyday life, culture, representation, hyper-mobility, urban exploration.

References

1. Begicheva A.G. Traditsiya kak sotsiokulturnim fenomen i yee mesto v sovremennikh tsivilizatsionnikh protsessakh [Tradition as a socio-cultural phenomenon and its place in modern civilizational processes] // In Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2024. No. 8 (195). Pp. 580–581. (In Russ.)

2. Weber M. Gorod [City] //In Hozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sociologii. Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2019. V.4.Gospodstvo. pp.281–403. (In Russ.)

3. Simmel G. Bol'shie goroda i duhovnaya zhizn' [The Metropolis and Mental Life] // In Logos. 2002. V. 3. No. 34. Pp. 1–12. (In Russ.)

4. Engels F. Polozhenie rabochego klassa v Anglii [The Condition of the Working Class in England] // In Marx K., Engels F. Sochineniya. 1955. V. 2. Pp. 231–517. (In Russ.)

5. Appadurai A. (1990) Disjuncture and Difference in the Global Economy. In: Theory, Culture & Society 7, S. 295–310.

6. Bausinger H., Korff G., Jeggle U., Scharfe M. (1978) Grundzüge der Volkskunde. Stuttgart.

7. Bellini N., Pasquinelli C. (2017) Tourism in the City. Springer.

8. Bock K. (2015) The changing nature of city tourism and its possible implications for the future of cities. European Journal of Futures Research 3: 1–8.

9. Bourdieu P., Steinrücke M. (2002) Der Einzige und sein Eigenheim. Bielefeld.

10. Evans G. (2007) Creative spaces, tourism and the city. Tourism, creativity and development: 57–72.

11. Frykman J., Löfgren O. (1987) Culture Builders: A Historical Anthropology of Middle-Class Life. New Brunswick, London: Rutgers University Press.

12. Hannerz U. (1980) Exploring the City. Inquiries toward an Urban Anthropology. New York: Columbia University Press.

13. Hannerz U. (2000) Transnational Connections. Culture, People, Places. London, New York: Routledge. 216 p.

14. Hengartner T. (2005) Zur Kulturanalyse der Stadtforschung. In: Beate Binder et al. (Hg.), Ort. Arbeit. Körper. Ethnografie Europäischer Modernen. Berlin, S. 67–80.

15. Kaschuba W. (2005) Urbanität und Identität zeitgenössischer europäischer Städte. Dokumentation der Fachtagung vom 1.11.03, ETHZ, Wüstenrot Stiftung, S. 10–28.

16. Knecht V., Niedermüller P. (1998) Stadtethnologie und die Transformationen des Städtischen. Eine Einleitung. In: Berliner Blätter 17: Transformationen des Städtischen. Stadtethnologie in Europa, S. 3–13.

17. Lindner, R. (2004) Vorüberlegungen zu einer Anthropologie der Stadt. In: Volkskunde in Sachsen 16, S. 177–188.

18. Löfgren, O. ((1981)) On the Anatomy of Culture. In: Ethnologia Europaea XII, 1, S. 26–46.

19. Low, Setha M. (1996) The Anthropology of Cities. Imagining and Theorizing the City. In: Annual Review of Anthropology, Bd. 25, S. 383–409.

20. Marcus G. (1995) Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography. In: Annual Review of Anthropology Vol. 24, S. 95–117.

21. Marcuse P. (2006) Die »Stadt« – Begriff und Bedeutung. In: Helmuth Berkin (Hg.), Die Macht des Lokalen in einer Welt ohne Grenzen. Frankfurt/M., New York 2006, S. 201–215.

22. Miles M., Hall T., Borden I.(eds.), The City Cultures Reader. London 2000: Routledge.

23. Mumford, L. (1961 [1938]) The City in History. San Diego: Harcourt, Brace & World.

24. Rolshoven J. (2021) Stadtforschung als Gesellschaftsforschung. Eine Einführung in die Kulturanalyse der Stadt. Bielefeld: Transcript Verlag.

25. Scharfe M. (2011) Signaturen der Kultur. Studien zum Alltag und zu seiner Erforschung. Marburg.

26. Siebel W. (2015) Die Kultur der Stadt. Berlin.

27. Welz G. (1998) Moving Targets. Feldforschung unter Mobilitätsdruck. In: Zeitschrift für Volkskunde 94, II, S. 177–194.

28. Williams R. (1986 [1958]) Culture is ordinary. In: Resources of Hope: Culture, Democracy, Socialism. London: Verso, p. 3–14.

29. Yildiz E. (2011) Stadt ist Migration. In: Malte Bergmann, Bastian Lange (Hg.), Eigensinnige Geographien: Städtische Raumaneignungen als Ausdruck gesellschaftlicher Teilhabe. Wiesbaden, S. 71–80.

Кризис идентичности и ценностная парадигма современного высшего образования: от гуманистического идеала к методологическому поиску

Курилов Сергей Николаевич,
к. филос.н., заведующий кафедрой кафедры Рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Национальный исследовательский университет «МЭИ»
E-mail: KurilovSN@mpei.ru

В статье проводится теоретический анализ трансформации ценностной парадигмы высшего образования, обусловленной переходом от классической гуманистической модели, ориентированной на всестороннее развитие личности, к доминированию инструментальных запросов рынка труда. Исследуется ключевое противоречие между декларируемыми академическим сообществом идеалами само-ценности образования и жёсткими требованиями экономической эффективности. Особое внимание уделяется кризису идентичности университета, проявляющемуся в разрыве между преподаванием и исследованием, коммодификации образования, трансформации субъектных позиций преподавателя и студента, а также в кризисе академической профессии. Анализируются философско-исторические основания гуманистического подхода, его категориальный аппарат и соотношение с компетентностной парадигмой. Рассматриваются три стратегии преодоления кризиса идентичности: неоклассическая модель, предпринимательский университет и университет как «общее благо». Обосновывается необходимость поиска новой идентичности, синтезирующей гуманистические идеалы с современными требованиями социальной релевантности и экономической устойчивости.

Ключевые слова: ценностная парадигма, высшее образование, гуманистический подход, кризис идентичности, аксиология образования, компетентностная модель, академическая свобода.

Современное высшее образование находится в состоянии глубокой структурной и смысловой трансформации в связи с переходом на цифровой формат многих аспектов образовательного процесса в современном университете, а также в связи со все более усложняющейся социально-экономической парадигмой современного общества. На протяжении столетий университетская система строилась на гуманистической парадигме, восходящей к идеалам Вильгельма фон Гумбольдта: единство преподавания и исследования, культура «образования себя», автономия университета и самоценность знания. Он отмечал, что «характерной чертой высших заведений является то, что они всегда рассматривают науку как ещё не решённую до конца проблему и поэтому неизменно остаются в исследовании…» [5]. Однако в начале XXI в. эта модель столкнулась с вызовами коммодификации образования, когда знание становится услугой, а студент – потребителем. Ценностная парадигма в этом контексте выступает не просто как набор этических норм, но как фундаментальный принцип проектирования образовательной реальности. Проблема исследования заключается в разрыве между декларируемым гуманизмом, в содержание которого входят личностная ориентация, критическое мышление, гражданственность и практика применения, где доминируют узкоутилитарные критерии эффективности, такие как трудоустройство, освоение конкретных цифровых инструментов, рейтинги и показатели.

Проблема кризиса идентичности в современном высшем образовании становится фундаментальным методологическим вызовом. Как указывает А.Г. Асмолов: «Ключевым мотивом настоящей работы является развитие представлений о миссии и природе образования как ведущей социальной деятельности, участвующей в порождении таких системных социальных и ментальных эффектов в жизни общества, как формирование гражданской, этнокультурной и общечеловеческой идентичности…» [3, с. 68]. В данном контексте идентичность университета понимается как совокупность представлений о его предназначении, ценностных основаниях, границах автономии, характере отношений с обществом, государством и рынком. Категория идентичности позволяет зафиксировать не просто функциональные изменения в деятельности университетов, но и глубинные трансформации их смыслового ядра. Классическая модель университета, восходящая к средневековым корпорациям магистров и студентов и получившая завершение в проекте В. фон Гумбольдта, базировалась на трёх неразрывно связанных основаниях: единство преподавания и исследования, принцип академической свободы и самоценность знания. Однако на рубеже XX–XXI веков начался процесс системной эрозии этих оснований, приведший к состоянию, которое современные исследователи характеризуют как «кризис идентичности» или «утрата университетом самого себя» [3].

Кризис идентичности высшего образования не является абстрактным философским конструктом; он имеет конкретные институциональные проявления, фиксируемые на уровне управления, практик и субъективных переживаний участников образовательного процесса. Одним из наиболее болезненных симптомов кризиса становится растущий разрыв между исследовательской и преподавательской функциями университета. Системы оценки эффективности, прежде всего публикационная активность в международных базах цитирования, побуждают преподавателей сосредотачиваться на исследовательской деятельности в ущерб педагогической. В то же время массовизация высшего образования привела к росту преподавательской нагрузки, которая всё чаще ложится на внешних совместителей или сотрудников, не включённых в активную исследовательскую работу. Как отмечает Ф. Альтбах, под влиянием массовизации высшего образования и глобальной экономики знаний университеты оказались в ситуации фундаментального противоречия: с одной стороны – необходимость расширять доступ и отвечать на массовый спрос, с другой – стремление сохранить элитный статус исследовательского университета [1, с. 45]. В результате студенты получают образование в институциях, которые формально называются университетами, но лишены главного атрибута университетской идентичности – органической связи образования и производства нового знания.

Под влиянием неолиберальной идеологии и рыночных механизмов регулирования высшее образование всё чаще осмысляется в тер-

минах рынка: образование становится услугой, студент – потребителем, а преподаватель – провайдером образовательных услуг. Эта трансформация, обозначаемая термином «коммодификация» (от лат. commodum – удобство, выгода), имеет далеко идущие последствия для идентичности университета. Студент, позиционируемый как клиент, оказывается в ситуации «когнитивного диссонанса идентичности»: с одной стороны, он ожидает от университета предоставления чётко регламентированных услуг с измеримыми результатами (диплом как пропуск на рынок труда); с другой стороны, само понятие образования предполагает активную субъектную позицию, преодоление, интеллектуальное усилие. Как отмечает Д.Н. Шульгина, в условиях глобализации происходит размывание традиционных ценностных ориентиров, что актуализирует поиск новых форм культурной и личностной самоидентификации человека [15]. Преподаватель, в свою очередь, сталкивается с противоречием между профессиональной этикой, требующей строгости и принципиальности, и маркетинговой логикой, ориентированной на удовлетворённость «клиента».

Кризис идентичности университета неразрывно связан с переходным состоянием самоопределения академического сообщества. Исследования показывают, что прекаризация занятости: распространение срочных контрактов, почасовая оплата, увеличение бюрократической нагрузки, снижение престижа преподавательского труда в общественном сознании ведут к размыванию профессиональной идентичности академических работников [5]. Р.Н. Хакимзянов отмечает, что процесс формирования идентичности в современном университете сопряжён с рисками для ценностно-смысловой сферы студентов, что актуализирует задачу организации специализированного психолого-педагогического сопровождения [14].

Исследователи проблем высшего образования О.В. Лукьянов и П.Р. Тютюнников указывают на феномен «образовательной депривации», который нарушает эпигенез идентичности студента и тем самым затрудняет формирование у него целостного представления о себе как о субъекте профессионального и личностного становления [12]. Возникает ситуация, когда университет теряет основных носителей-трансляторов университетской идентичности, передающих её новым поколениям.

Кризис идентичности высшего образования не является следствием какого-либо одного фактора; он формируется на пересечении нескольких разнонаправленных, но взаимно усиливающих друг друга тенденций. Переход от элитного к массовому высшему образованию, завершившийся в развитых странах во второй половине XX века, а в России в 1990–2000-е годы, радикально изменил социальную функцию университета. Если элитный университет мог позволить себе сохранять ориентацию на «образование ради образования», поскольку его выпускники в любом случае занимали привилегированные позиции в социальной структуре, то массовый университет столкнулся с необходимостью отвечать на запросы разнородного студенческого контингента, значительная часть которого рассматривает высшее образование исключительно как инструмент социальной мобильности. Массовое образование привело к росту разнообразия типов высших учебных заведений: исследовательские университеты, прикладной бакалавриат, корпоративные университеты, что само по себе не является негативным фактором. Однако оно породило и феномен «институционального изоморфизма» (по П. Димаджио и У. Пауэллу) – стремление всех типов университетов копировать модели исследовательских университетов, не обладая для этого необходимыми ресурсами и инфраструктурой [7]. Результатом становится ситуация, когда значительная часть высших учебных заведений оказывается «ни тем, ни другим»: они не обладают характеристиками подлинных исследовательских университетов, но и не формируют альтернативной, прикладной идентичности.

Цифровизация образования, резко ускорившаяся в период пандемии COVID-19, поставила под сомнение многие традиционные атрибуты университетской идентичности. Университет как физическое место, как пространство непосредственного интеллектуального общения, как сообщество, объединённое не только учебным планом, но и совместным проживанием, – все эти характеристики оказались девальвированы. Цифровая среда при своих несомненных преимуществах (доступность, гибкость, индивидуализация) одновременно порождает новые вызовы идентичности. Возникает феномен «университета без качества» (по аналогии с известной формулой Р. Музиля), когда студент взаимодействует с множеством цифровых платформ, не формируя целостного представления о миссии и ценностях конкретного университета. Критическим становится вопрос: возможно ли формирование университетской идентичности в среде, где образовательный процесс сводится к набору асинхронных онлайн-курсов? Как отмечает М. Нуссбаум, «отвлечённые погоней за богатством, мы всё чаще требуем от наших школ, чтобы они выпускали полезных добытчиков прибыли, а не вдумчивых граждан». Университет, который подменяет развитие критического мышления подготовкой «узких, технически обученных работников», утрачивает свою демократическую сущность [13, с. 15].

Осознание кризиса идентичности высшего образования порождает многообразие стратегий его преодоления. В сложившейся дискуссии можно выделить три основных подхода к конструированию новой университетской идентичности. Сторонники неоклассического подхода (М. Нуссбаум, Р. Коллинз, К. Керр) утверждают, что преодоление кризиса возможно через возвращение к фундаментальным ценностям университета: приоритет гуманитарных наук, автономия, единство преподавания и исследования. В рамках этого подхода кризис идентичности интерпретируется как следствие избыточной адаптации университета к внешним запросам; решение видится в укреплении иммунитета университетской системы. Однако критики этого подхода указывают на его утопичность в условиях массового высшего образования и рыночной экономики. Возврат к элитной модели невозможен без отказа от массовости, что противоречит социальной миссии университета как инструмента социальной мобильности.

В качестве альтернативной стратегии преодоления описанного кризиса идентичности выступает концепция «предпринимательского университета». Как отмечает Б. Кларк, в условиях нарастающей неопределенности «ответ один: учиться, постоянно экспериментируя». Университеты, следующие этой модели, «полагают, что риск экспериментального изменения… предпочтительнее риска простого сохранения традиционных форм» [9]. Г. Ицковиц, развивая эту мысль, связывает трансформацию университета с моделью «Тройной спирали», утверждая, что подлинно предпринимательский университет парадоксальным образом сочетает в себе «повышенную автономию» с «активным вовлечением внешних стейкхолдеров» [8]. В рамках этого подхода кризис идентичности преодолевается не через отрицание рыночных механизмов, а через их творческое использование. Предпринимательский университет – это институция, способная диверсифицировать источники финансирования, гибко реагировать на потребности экономики, развивать трансфер технологий и поддерживать внутриорганизационную предпринимательскую культуру. Ключевая идея заключается в том, что автономия в современном мире достигается не через изоляцию, а через способность быть эффективным игроком в разнообразных полях (рынок труда, научное сообщество, государственная политика). Однако критики этой модели предостерегают от опасности полного растворения университетской идентичности в рыночной стихии, когда образовательные программы начинают определяться исключительно сиюминутными потребностями работодателей.

Третий подход, набирающий силу в современной дискуссии, предлагает рассматривать университет не как инструмент рынка и не как анклав чистой науки, а как институцию, производящую «общее благо». Эта концепция, развиваемая в работах Ж.-Л. Нанси, М. Хардта и А. Негри, а также в документах ЮНЕСКО, акцентирует публичную миссию университета: производство знания, доступного всему обществу; формирование гражданских компетенций; обеспечение социальной справедливости через равный доступ к качественному образованию. В этом подходе идентичность университета конструируется через его вклад в решение глобальных проблем: изменение климата, социальное неравенство, технологическая этика и развитие гражданского общества. Это позволяет преодолеть как узость рыночной логики, так и элитарность классической модели, предлагая университету социально значимую миссию в XXI веке.

Гуманистический подход в образовании базируется на признании уникальности субъекта образовательного процесса. Подход в образовании предполагает создание благоприятных обстановок для развития личности; равноправном взаимодействии педагога и воспитуемого, основанном на признании индивидуальности и ценности каждого ребенка как личности. В философии образования акцент смещается с трансляции информации на создание условий для самоактуализации личности. Ключевыми ценностями здесь выступают:

– диалогичность: преодоление монологичности лекционной системы;
– субъектность обучающегося: переход от объекта педагогического воздействия к соавтору образовательного маршрута;
– эмоционально-ценностная составляющая как равноправная часть когнитивного развития.

Однако, как справедливо отмечает В.И. Загвязинский: «На протяжении многих веков гуманизм существовал в виде общих идей, то есть как гуманизм абстрактный. Несколько позже он принял форму декларативного гуманизма и в таком виде дошел до наших дней, породив свою отвратительную крайность – спекулятивный гуманизм, когда под лозунгами защиты интересов народа удовлетворяются амбиции и ре-

ализуются корыстные интересы отдельных лиц или групп» [6, с. 7]. Гуманизм становится лозунгом, не подкреплённым институциональными механизмами.

Гуманистический подход в высшем образовании представляет собой не просто набор педагогических техник или совокупность этических принципов, но фундаментальную методологическую установку, определяющую понимание природы образовательного процесса, места человека в нём и целей его развития. Как отмечает Е.В. Везетиу, гуманистическая образовательная парадигма служит не только совокупностью педагогических принципов, но и мировоззренческим фундаментом, определяющим вектор развития высшего образования [4, с. 84]. В самом широком смысле гуманизм утверждает человека как высшую ценность и рассматривает образование как процесс, направленный на раскрытие его сущностных сил, формирование способности к самоопределению и осмысленному существованию. Обращение к гуманистической методологии в контексте современного высшего образования приобретает особую актуальность в связи с обострением кризиса идентичности университета. В условиях усиливающейся технократизации, коммодификации и бюрократизации образовательного пространства гуманистический подход выступает как критическая оптика, позволяющая поставить вопрос о сохранении антропологического измерения высшего образования.

О смысле и значении гуманной педагогики Ш.А. Амонашвили пишет: «Гуманная педагогическая мысль, испокон веков сопровождая человечество, напоминает о непреложности воспитания Души и Сердца, и через них раскрытия личности человека, его талантов, интеллекта, его неповторимости.

Она утверждает личность в ребенке путем выявления его свободной воли и строит педагогические системы, которые предопределяют: учительская любовь, оптимизм, высокая духовная нравственность. Она в основу всякого развития ребенка кладет утверждающее развитие его духовности и человечности. Она поощряет педагогическое творчество и призывает к педагогическому искусству. Гуманное педагогическое мышление стремится объять необъятное, и в этом сила образовательных систем и процессов, рожденных в его недрах» [2].

Гуманистическая традиция в образовании имеет глубокие исторические корни, восходящие к античной педагогике. Однако, как систематическая методологическая основа высшего образования гуманистический подход формируется в эпоху Возрождения и получает классическое выражение в немецкой гуманитарной традиции XVIII–XIX веков. В Античной философии, прежде всего в трудах Платона и Аристотеля, закладываются фундаментальные для гуманистического подхода идеи: понимание образования как «второго рождения» человека, диалогичность педагогического взаимодействия, ориентация на формирование добродетели как высшей цели воспитания. Античная пайдейя представляла собой целостную программу становления человека через приобщение к культуре, где знание было неразрывно связано с нравственным совершенствованием. Классическое философское обоснование гуманистического подхода в высшем образовании было дано в немецкой философии конца XVIII – начала XIX века в рамках концепции образования как формирование личности и общества. Суть этой концепции обозначает, что образование – процесс формирования человеческой личности через приобщение к культуре, науке и искусству, процесс, не имеющий внешней цели, будучи целью для себя. Именно в этой традиции университет понимается не как профессиональная школа и не как бюрократическое учреждение, но как сообщество преподавателей и студентов, объединённых поиском истины и служением культуре.

В XX веке гуманистический подход переосмысляется в работах философов-экзистенциалистов (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр) и феноменологов (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти). Экзистенциализм акцентирует проблему индивидуального выбора, ответственности и подлинного существования, смещая фокус с универсальных норм на уникальный человеческий жизненный мир. Как подчёркивал К. Ясперс, подлинное образование – это не усвоение информации, а коммуникация, которая составляет «живое ядро университетской жизни». Именно в этой коммуникации, во встрече одного человека с другим, происходит пробуждение к собственной субъектности [16]. Университет, с этой точки зрения, есть место, где такая подлинная коммуникация возможна, противостоящая как массовизации, так и тоталитарной унификации. Центральной категорией гуманистической педагогики выступает понятие субъектности. Современный исследователь философско-педагогических проблем Е.М. Куроленко справедливо утверждает, что «в центре гуманистического подхода находится не усвоение информации, а развитие личности студента как субъекта собственной жизнедеятельности, способного к рефлексии, самоопределению и ответственному выбору» [10, с. 106]. Студент в гуманистической парадигме – не объект педагогического воздействия, не «чистая доска», на которую учитель наносит знания, и не «сосуд», который нужно наполнить информацией. Студент – это субъект образовательного процесса, обладающий собственной активностью, избирательностью, способностью к целеполаганию и рефлексии. Диалогичность – вторая фундаментальная категория гуманистического подхода. В противовес монологической модели образования, где учитель является единственным источником истины, а студент – пассивным приёмником, диалогическая модель утверждает равноправие позиций участников образовательного процесса, их встречную активность и открытость. Понятие самоактуализации, введённое в научный оборот представителями гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс), обозначает врождённое стремление человека к раскрытию своих потенций, к реализации заложенных в нём способностей.

Одним из наиболее острых вопросов методологии современного высшего образования является соотношение гуманистического и компетентностного подходов. На первый взгляд, между ними существует фундаментальное противоречие: гуманистический подход ориентирован на самоценность личности и процесс её развития, в то время как компетентностный подход акцентирует результат, измеряемый в терминах готовности выполнять определённые профессиональные функции. Однако более глубокий анализ позволяет увидеть не только противоречия, но и возможности синтеза. Современная интерпретация компетенций выходит за рамки узкопрофессиональных навыков и включает так называемые «универсальные» или «надпрофессиональные» компетенции: критическое мышление, способность к коммуникации и кооперации, гражданская ответственность, готовность к саморазвитию. Эти компетенции по своему содержанию смыкаются с традиционными гуманистическими целями формирования личности. В одной из своих работ И.А. Зимняя отмечает: «Компетентностный подход… ориентирован на результат образования, причём в качестве результата рассматривается не сумма усвоенной информации, а способность человека действовать в различных проблемных ситуациях» [4, с. 24]. Проблема, однако, заключается в том, что в массовой образовательной практике именно операциональный уровень: измеримость, стандартизация, отчётность вытесняет ценностно-смысловое содержание, приводя к феномену «пустого компетентностного подхода.

Гуманистический подход, формировавшийся в эпоху, существенно отличную от современной, сегодня сталкивается с рядом вызовов, требующих переосмысления его методологических оснований. Цифровизация высшего образования ставит под сомнение ключевые принципы гуманистической методологии. Возможно ли сохранение диалогичности в среде, где коммуникация всё более опосредована цифровыми интерфейсами? Сохраняет ли актуальность принцип субъектности, когда всё больше образовательных решений принимается алгоритмами, адаптивными системы обучения, рекомендательными сервисами? Как сохранить целостность образовательного процесса в условиях фрагментации учебного времени и пространства? Наиболее радикальная версия этих вопросов связана с развитием искусственного интеллекта. Если нейросети могут генерировать тексты, решать задачи и в перспективе выполнять многие интеллектуальные функции, то что остаётся человеку? Гуманистический подход в этой ситуации не должен отвергать цифровые технологии, но переопределять собственно человеческое в образовании: способность к рефлексии, этическому суждению, творчеству, эмпатии. Ценностный подход, ориентированный на уникальность каждого индивида и требующий индивидуализированного взаимодействия, оказывается в напряжённых отношениях с реальностью массового высшего образования. Когда на одного преподавателя приходятся сотни студентов, а соотношение «студент – преподаватель» продолжает расти, реализация диалогической модели сталкивается с объективными институциональными ограничениями. Поиск выхода из этого противоречия ведётся по нескольким направлениям: развитие тьюторских систем, создание малых групп и проектных команд, использование смешанных технологий обучения, высвобождающих время преподавателя для непосредственного взаимодействия. Однако вопрос о том, насколько аксиологический подход может быть реализован в массовом масштабе, не становясь декларацией, остаётся открытым.

Современная философия предлагает критику классического гуманизма с позиций постгуманизма и нового материализма. Критики указывают, что традиционный гуманизм с его акцентом на уникальность человеческого разума и автономию субъекта исторически был связан с антропоцентрической установкой по отношению к природе, с колониальными практиками (проведение границы между «человеческим» и «нечеловеческим» использовалось для оправдания исключения определённых групп из категории «настоящих людей»), с недооценкой роли материальных, технологических и экологических ус-

ловий человеческого существования. Постгуманистическая критика не отменяет гуманистических ценностей, но требует их переосмысления: от антропоцентризма – к признанию фундаментальной взаимосвязанности человеческого и нечеловеческого, от идеала автономного субъекта – к пониманию субъектности как всегда уже распределённой, разделённой с другими людьми, технологиями, природными процессами [8]. Для высшего образования это означает необходимость выхода за рамки узкого «человекоразмерного» понимания гуманизма, включения в круг педагогической рефлексии вопросов экологической этики, отношений человека и технологий, ответственности перед будущими поколениями.

Кризис идентичности высшего образования представляет собой системный феномен, обусловленный действием разнонаправленных факторов: массовизации, коммодификации, цифровой трансформации и политизации. Его проявления фиксируются на институциональном уровне, а именно на разрыве между преподаванием и исследованием, на уровне субъектных позиций, трансформации ролей преподавателя и студента, а также на уровне профессиональной идентичности академического сообщества. Преодоление кризиса не может быть сведено ни к простому возврату к классической просветительской модели, не учитывающей реалий массового высшего образования, ни к безусловному принятию рыночной логики, ведущей к утрате ценностного ядра университета. Наиболее продуктивным представляется поиск новой идентичности, синтезирующей элементы классической модели: единство преподавания и исследования, самоценность знания с современными требованиями социальной релевантности и экономической устойчивости. Формирование такой идентичности требует не только институциональных изменений, но и рефлексивной работы самого академического сообщества по осмыслению своей миссии в условиях, когда старые ответы на вопрос «зачем нужен университет?» перестали быть убедительными, а новые ещё не обрели нормативной силы.

Литература

1. Альтбах Ф. Дж. Глобальные перспективы высшего образования / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. А. Рябова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 2018. – 548 с.

2. Амонашвили Ш.А. Здравствуйте, дети! пособие для учителя. – М.: Просвещение. – 1983. – 208 с.

3. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Вопросы образования. – 2008. – № 1. – С. 65–86.

4. Везетиу Е.В. Теоретические подходы к формированию гуманистического стиля взаимоотношений в студенческой группе // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 1 (110). – С. 78–79.

5. Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Университетское управление: практика и анализ. – 1998. – № 3(6).

6. Загвязинский В.И. Гуманистические тенденции общественного развития и современное образование // Гуманистические тенденции в развитии непрерывного образования / под ред. В.И. Загвязинского. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та. – 2000. – С. 5–27.

7. Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Учёные записки национального общества прикладной лингвистики. – 2013. – № 4 (4). – С. 16–31.

8. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники. – 2010. – 238 с.

9. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / пер. с англ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 2011. – 368 с.

10. Куроленко Е.М. Некоторые аспекты гуманистического подхода в высшем образовании // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 12 (102). – С. 171–173.

11. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. – 1998. – 160 с.

12. Лукьянов О. В., Тютюнников П.Р. Образовательная депривация – нарушение эпигенеза идентичности студента // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 509. – С. 127–132.

13. Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки / пер. с англ. М. Бендет; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 2014. – 192 с.

14. Хакимзянов Р.Н. Формирование идентичности студентов вузов, подверженных отклоняющемуся поведению // Образование и саморазвитие. – 2023. – Т. 18, № 3. – С. 202–214.

15. Шульгина Д.Н. Кризис культуры и идентичности человека в условиях глобализации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2010. – № 2 (4). – С. 173–180.

16. Ясперс К. Идея университета / пер. с нем. Т.В. Тягуновой; под общ. ред. М.А. Гусаковского. – Минск: БГУ. – 2006. – 159 с.

IDENTITY CRISIS AND THE VALUE PARADIGM OF MODERN HIGHER EDUCATION: FROM THE HUMANISTIC IDEAL TO A METHODOLOGICAL SEARCH

Kurilov S.N.
National Research University «MPEI»

This article provides a theoretical analysis of the transformation of the value paradigm of higher education, driven by the transition from the classical humanistic model, focused on the comprehensive development of the individual, to the dominance of instrumental demands of the labor market. It explores the key contradiction between the ideals of the intrinsic value of education declared by the academic community and the strict demands of economic efficiency. Particular attention is paid to the university's identity crisis, manifested in the gap between teaching and research, the commodification of education, the transformation of the subject positions of teachers and students, and the crisis of the academic profession. The article analyzes the philosophical and historical foundations of the humanistic approach, its categorical apparatus, and its relationship with the competence-based paradigm. Three strategies for overcoming this identity crisis are considered: the neoclassical model, the entrepreneurial university, and the university as a «common good.» It substantiates the need to search for a new identity that synthesizes humanistic ideals with modern demands of social relevance and economic sustainability.

Keywords: value paradigm, higher education, humanistic approach, identity crisis, axiology of education, competence model, academic freedom.

References

1. Altbach F.J. Global perspectives of higher education / translated from English by Yu. Kapturevsky; under the scientific editorship of A. Ryabov. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. – 2018. – 548 p.

2. Amonashvili S.A. Hello, children!: a manual for teachers. – M.: Enlightenment. – 1983. – 208 p.

3. Asmolov A.G. Strategy of socio-cultural modernization of education: on the way to overcoming the identity crisis and building a civil society // Educational issues. – 2008. – № 1. – Pp. 65–86.

4. Vesetiu E.V. Theoretical approaches to the formation of a humanistic style of relationships in a student group // The world of science, culture, education. – 2025. – № 1 (110). – Pp. 78–79.

5. Humboldt V. background. On the internal and external organization of higher scientific institutions in Berlin // University management: practice and analysis. – 1998. – № 3(6).

6. Zagvyazinsky V.I. Humanistic trends in social development and modern education // Humanistic trends in the development of continuing education / ed. by V.I. Zagvyazinsky. – Tyumen: Publishing House of Tyumen State University. – 2000. – Pp. 5–27.

7. Zimnaya I.A. Competence and competence in the context of the competence approach in education // Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics. – 2013. – № 4 (4). – Pp. 16–31.

8. Itskovits G. The Triple Helix. Universities – enterprises – the state. Innovations in action / translated from English. edited by A.F. Uvarov. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics. – 2010. – 238 p

. 9. Clark B.R. Creation of entrepreneurial universities: organizational directions of transformation / translated from English. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. – 2011. – 368 p.

10. Kurolenko E.M. Some aspects of the humanistic approach in higher education // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. – 2010. – № 12 (102). – Pp. 171–173.

11. Lyotard J.-F. The state of postmodernity / translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Alethea. – 1998. – 160 p.

12. Lukyanov O.V., Tyutyunnikov P.R. Educational deprivation is a violation of the epigenesis of student identity. // Bulletin of Tomsk State University. – 2024. – № 509. – Pp. 127–132.

13. Nussbaum M. Not for profit: why democracy needs the humanities / translated from English by M. Bendet; under the scientific editorship of A. Smirnov. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. – 2014. – 192 p.

14. Khakimzyanov R.N. The formation of the identity of university students who are subject to deviant behavior // Education and self-development. – 2023. – Vol. 18, № 3. – Pp. 202–214.

15. Shulgina D.N. The crisis of human culture and identity in the context of globalization // Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy. – 2010. – № 2 (4). – Pp. 173–180.

16. Jaspers K. The idea of the University / translated from German by T.V. Tyagunova; under the general editorship of M.A. Gusakovsky. – Minsk: BSU. – 2006. – 159 p.

Тема Великой Отечественной войны в музыкальной культуре СССР и Современной России

Нетребская Ольга Николаевна,
кандидат философских наук, доцент, НИУ МГСУ
E-mail: onetr@mail.ru

Нетребская Дарья Владимировна,
магистрант Университета Дубна
E-mail: orexovaia@mail.ru

В статье рассматривается роль музыки как части искусства и культуры в жизни Советской страны в период, когда она вела освободительную войну против фашизма в 1941–1945 гг. С другой стороны, проанализировано каким образом Великая Отечественная война отражена в музыкальном творчестве страны в военный и послевоенный периоды вплоть до настоящего времени. В очередной раз подтверждается несостоятельность знаменитой фразы «Когда говорят пушки, музы молчат». Показано, что несмотря на то, что музыкальные произведения являются частью духовной культуры, они способны влиять на ход боевых действий. Рассмотрены некоторые музыкальные произведения на военную тему, среди которых известные песни, созданные во время войны и после неё. Выявлено положительное влияние музыкальных произведений военной тематики на многие сферы жизни общества.

Ключевые слова: песенное творчество, симфоническая музыка, историческая память, мировоззрение.

Любая война – это суровое испытание для страны, семьи и каждого отдельного человека на физическую прочность и выносливость, но главное – на стойкость духа. Народ, который отстоит свою духовную культуру – сохранит и свою целостность, единство и идентичность, а вслед за этим свою землю, созданные и накопленные богатства и, как итог – завоюет и закрепит международное признание и уважение. В войнах, таким образом, как хорошо известно, защищается не только родная земля, но и национальная культура.

Важную часть культуры любой нации, как и всего человечества составляет музыкальная культура, причём, как классическая, так и популярная. Музыка военной поры, начиная с первых дней объединяла, мобилизовывала народ на защиту Родины от вероломно вторгшихся в её пределы оккупантов, на выдворение ненавистного врага с нашей земли. В послевоенное время музыкальные произведения осуществляют важнейшую общественную и государственную функцию, являясь действенным и мощным инструментом сохранения и передачи последующим поколениям национальной исторической памяти. В музыке войны и о войне отражены как горькие – драматические и трагические страницы, так и героизм, вера в справедливость своей борьбы, несгибаемая воля к победе и вера в неё, а вместе с тем – нежная любовь к Родине и к своим близким. Необходимо также не забывать, что музыка – это, пожалуй, самый патетический вид искусства – она быстрее живописи, драматургии и даже поэзии проникает в сознание людей и способна непосредственно влиять на их сердца и души, пробуждая высокие патриотические чувства.

Цель данной работы заключается в том, чтобы, выявить значение музыкальной культуры связанной с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. в общественно-политической, идеологической и морально-нравственной жизни нации. Задача статьи – показать на примере некоторых музыкальных произведений разных жанров, с одной стороны, каким образом события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. отражены в них; с другой, каким образом музыка в самом широком смысле этого слова влияла на ход этой войны: помогала переносить трудности и невзгоды, способствовала и приближала победу.

В первую очередь необходимо отметить, что музыкальные произведения самых разнообразных жанров: симфонические, оперные и, конечно, песенное творчество, посвящённые этому величайшему событию нашей истории, а также связанные с ним, составляют очень внушительную часть музыкального наследия страны, начиная с советского периода и вплоть до наших дней.

Уместно начать с песни-гимна «Священная война», которая известна также под названием «Вставай страна огромная» [1]. Драматизм этой песни запределен: он присутствует как в словах, так и в музыке. Её авторами были поэт В.И. Лебедев-Кумач и композитор А.В. Александров. Лебедев-Кумач, хорошо известный поэт-песенник, автор таких культовых песен как, например, «Песня о Родине» («Широка страна моя родная…») (1936) к кинофильму «Волга-Волга» и многих других написал стихотворение «Священная война» уже на второй день войны. И 24 июня 1941 года оно было напечатано одновременно в нескольких центральных газетах. Сразу же после этого Александров сочинил к словам музыку. В результате получился величественный и мощный гимн – призыв к защите Отечества. 26 июня 1941 года она была исполнена на Белорусском вокзале ансамблем песни и пляски СССР для отбывающих на запад, на фронт красноармейцев для поддержания их боевого духа. И действительно песня оправдывала своё назначение – покидающие Москву бойцы просили повторять её несколько раз [2].

В мае 2005 года в память о первом исполнении «Священной войны» на здании Белорусского вокзала была установлена мемориальная доска [3, с. 7].

Однако после первого грандиозного исполнения «Священная война» несколько месяцев практически не исполнялась, поскольку некоторые ответственные лица усмотрели в её пафосе чрезмерно трагичное звучание: ведь пелось не о скорой победе, а о тяжёлой смертной битве. Но именно эта жертвенность, готовность пойти на смерть во имя Родины, выражаемые песней и делает её поистине высоким произведением искусства, способным вести на подвиг. В этой связи в ней слышатся некоторые отголоски духовно-религиозной музыки. Эту аллюзию подтверждает и само название *Священная война,* и строки из текста:

«Вставай на смертный бой с фашистской силой *тёмною*»; «За *Свет и Мир* мы боремся, они – за *царство Тьмы*». 15 октября 1941 года, исполнение «Священной войны» возобновилось и стало ежедневно звучать по всесоюзному радио.

Песня приобрела массовую популярность и любовь на фронтах Великой Отечественной войны и в послевоенное время, неоднократно записывалась на грампластинки.

Замечательным фактом стало её исполнение в штаб-квартире НАТО в Брюсселе 22 мая 2007 года. Ансамбль песни и пляски Российской армии им. А.В. Александрова выступили с ней, и их выступление вызвало бурные аплодисменты. Это явилось предупреждением нашим недоброжелателям, адекватным песенным ответом на негативное и воинственное отношение Запада к России [1].

Известно, что это была любимая песня нашего выдающегося соотечественника – актёра, поэта и музыканта В.С. Высоцкого. Он и сам с особым чувством относился к Великой Отечественной войне, и значительная часть его поэтического и песенного творчества посвящена ей. Например, песни «Он не вернулся из боя», «Сыновья уходят в бой», песня из кинофильма «Вертикаль» о военном отряде альпинистов и многие другие.

Ещё одной яркой песней–призывом защищать Отчизну, но в противоположном эмоциональном ключе по сравнению с проанализированной, является любимая многими и в нашей стране, и за её пределами, знаменитая «Катюша» [4, с. 20].

Можно сказать, что пафос этой песни оптимистичный, даже задорный, жизнеутверждающий, но отнюдь не беспечный: в обращении героини песни – Катюши к своему другу, бойцу, содержится веская просьба – «беречь родную землю». Девушка же обещает сохранить верность и любовь своему избраннику. Авторами песни являются композитор М.И. Блантер и поэт М.В. Исаковский. И хотя они создали её незадолго до войны, она ассоциируется именно с Великой Отечественной, с переломом в её ходе, когда Красная Армия начала одерживать победы и гнать врага с родной земли. Недаром, появившееся в ходе войны грозное оружие – реактивную систему залпового огня БМ-13, стали называть «Катюшей» [5, с. 9].

Множество песен военной тематики появлялись в ходе войны и после неё, они создаются и в наши дни. В них воплощена преданность и любовь к Родине, готовность отдать за неё жизнь, обеспечить её независимость; верность семье, близким, желание защитить их, отстаивать традиционные ценности; вера в победу, благодарность предкам за одержанную победу, и вместе с тем миролюбивый добрый характер нашего народа, желание жить в мире со всеми и, наконец, оптимизм и жизнерадостность. Песни повествуют о суровых днях войны, о непростых буднях военного времени, о жизни солдат, моряков, лётчиков, партизан, военных корреспондентов – всех советских людей, вносящих свой вклад в общую победу.

Можно просто перечислить некоторые песни, которые это демонстрируют. Среди них: «Тёмная ночь» (1943) В.Г. Агатова и Н.В. Богословского, «В землянке» (1942) А.А. Суркова и К.Я. Листова, «Смуглянка» (1940) – популярная советская песня на слова Я.З. Шведова и музыку А.Г. Новикова и многие другие.

С приходом мирной жизни, интерес к военной тематике не исчез, чувствовалась необходимость сохранять память о миллионах погибших и пострадавших, о невзгодах, но также и о героизме, и о многочисленных победах. Победа в Великой войне объединяла народ, укрепляла национальную гордость, вселяла веру в новые уже трудовые подвиги и вдохновляла на них.

Удивительная история у замечательной песни Д.Ф. Тухманова и В.Г. Харитонова «День Победы» (1975). Она была создана к 30-летию Великой Победы, но художественный совет Союза композиторов СССР отозвался о ней крайне негативно. К счастью песня случайно попала Льву Лещенко и другим замечательным исполнителям: Иосифу Кобзону, Муслиму Магомаеву, Юрию Богатикову, Юрию Гуляеву, участникам вокально-инструментального ансамбля «Лейся песня» и др., оценившим её по достоинству и мастерски исполнявшим. Публика с воодушевлением приняла «День Победы» и на концертах постоянно просила её исполнения на «бис». Вскоре её знала вся страна, и она стала лауреатом фестиваля «Песня-75». Начиная с этого времени песня «День Победы» стала символом и гимном *этого самого дня*. Леонид Ильич Брежнев, тогдашний лидер СССР, к тому же участник войны в чине генерал-майора, орденоносец, высоко отзывался о песне. В.Я. Шаинский, замечательный советский композитор оставил о ней следующие строки: «Песня как бы повернула время вспять. И хотя написана была через три десятилетия после войны, кажется, что именно с ней мы победили» [6]. Важно заметить, что Давид Тухманов, был на тот момент достаточно молодым композитором, прославившемся лёгкими эстрадными песнями (хитами).

В 1985 г. в ознаменование победы в Сталинградской битве появилась песня «Не забывайте грозные года», ставшая более известной под названием «Поклонимся великим тем годам». Автор слов – М.Д. Львов, автор музыки – А.Н. Пахмутова. Куплеты, исполняющиеся в быстром энергичном темпе allegro, звучат героико-патриотически, в них слышится призыв. Припевы же замедлены, поются в темпе andante, что придаёт произведению возвышенно-торжественное звучание, полностью соответствующее признанию величия подвига и жертвы, принесённой героями Сталинграда и скорби по ним. Песня в чём-то схожа с классической ораторией или даже с церковным песнопением, молитвой. Недаром многие известные церковные хоры обращаются к её исполнению. Например, хор духовенства Псковской митрополии, хор Сретенского монастыря и др. В советское время одной из лучших исполнительниц песни была замечательная певица, народная артистка СССР Людмила Зыкина, певшая её в сопровождении ансамбля им. А. Александрова.

Миролюбивый характер нашего народа и советского российского государства, перенёсших тяготы страшнейшей войны, явлен в таких песнях как «Хотят ли русские войны» (1961) Э.С. Колмановского и Е.А. Евтушенко «Пусть всегда будет Солнце» (1962) – негласный гимн Мира А.И. Островского и Л.И. Ошанина и др. Они демонстрировали всему миру, что у Советского Союза нет и не может быть милитаристских захватнических целей, и что советский народ обязательно возьмётся за оружие, только чтобы защитить свою землю, свою независимость и жизни людей.

Возможно, самой трагической и скорбной страницей Отечественной войны является блокада Ленинграда. Наш народ свято чтит память о тех, кто стал невинными жертвами этого чудовищного геноцида, мужественно перенесли все тяготы этого бесчеловечного испытания: голод, холод, смерть близких, болезни, отсутствие лекарств и т.д.

Коллективная память хранит и передаёт следующим поколениям важнейшие события национальной истории. Большую роль в этом процессе играет искусство, музыка в том числе. Самое известное и грандиозное музыкальное произведение, связанное с ленинградской блокадой является Симфония № 7 «Ленинградская» до мажор соч. 60 – симфония Д.Д. Шостаковича, созданная в 1941 году [7, с. 24].

«Седьмая симфония – это поэма о нашей борьбе, о нашей грядущей победе… Работая над симфонией, я думал о величии нашего народа, о его героизме, о лучших идеалах человечества, о прекрасных качествах человека, о нашей прекрасной природе, о гуманизме, о красоте» – так сам Шостакович оценивал свою работу. [8].

В этом произведении, построенном по канонам классической симфонии, почти что с доступностью человеческой речи музыка повествует о том, как грозная разрушительная сила вторгается в светлый, спокойный, счастливый мир. Композитор использует доступные для слушателя средства: барабанная дробь, маршевый наигрыш – всё это понятные каждому звучания войны. Эти звуки нарастают с угрожающим постоянством и являют собой образ неминуемого вражеского нашествия. Кажется, ничто не сможет ему противостоять. Но главная тема симфонии – это как раз противостояние насилию, выдворение врага и окончательная победа над ним. Есть в симфонии и побочная тема, тема печали и скорби, абсолютно уместная в этом произведении. Её проводит фагот, воспринимаемый слушателем как голос, потрясенного безмерным горем человека. Сам композитор описывал этот эпизод симфонии следующим образом: «После всеобщей скорби – личная, может быть скорбь матери. Такая скорбь, когда уж и слёз не осталось» [8].

Общее впечатление от симфонии – восхищение мужеством защитников города, защитников добра и справедливости. В полной мере здесь уместен древнегреческий термин – *катарсис*, поскольку невозможно не ощущать сильнейших эмоций, вызванных трагедией ленинградцев и не сопереживать им.

Сама работа над симфонией, подготовка к исполнению в Ленинграде в августе 1942 года и осуществление этого грандиозного замысла – величайший подвиг, демонстрация силы духа и несломленной воли ленинградцев, а вместе с ними всего советского народа. Прослушав симфонию одним из первых, Алексей Толстой написал: «На угрозу фашизма – обесчеловечить человека – Шостакович ответил симфонией о победном торжестве всего высокого и прекрасного, созданного гуманитарной культурой» [9].

Музыканты вспоминали, что несмотря на голод и слабость, ощущали невероятный подъём и блистательно исполнили симфонию, зал при этом был полон. Важно было и то, что осаждавшие Ленинград фашисты тоже стали слушателями симфонии, благодаря громкоговорителям городской сети. Двое участников осады много позднее вспоминали: «Тогда, 9 августа 1942 года, мы поняли, что проиграем войну. Мы ощутили вашу силу, способную преодолеть голод, страх и даже

смерть» [10]. Вот так сила искусства, музыки, укреплявшая нашу волю к победе сломила дух врага, показав свою действенную боевую мощь.

Симфонии, ставшей одним из главных символов победы в Великой Отечественной войне посвящены стихи и кинофильмы, не говоря уже о статьях в газетах и журналах. В честь первого исполнения в осаждённом Ленинграде на стене Филармонии в 1985 году была установлена мемориальная доска с текстом: «Здесь, в Большом зале Ленинградской филармонии, 9 августа 1942 года оркестр Ленинградского радиокомитета под управлением дирижёра К.И. Элиасберга исполнил Седьмую (Ленинградскую) симфонию Д.Д. Шостаковича».

В уникальном школьном (школа № 235) народном музее Санкт-Петербурга «А музы не молчали!» симфонии № 7 посвящена постоянная экспозиция.

В качестве заключения можно сказать, что и в настоящее время потребность в музыке, связанной с Великой Отечественной войной, интерес к ней не иссякли, тем более что реалии современности способствуют этому. Молодые талантливые исполнители охотно включают песни военных лет в свой репертуар в чём-то, переосмысляя их. Молодые композиторы обращаются к *той войне*, проводя параллели с нашей теперешней ситуацией. Конечно, особенно часто мы слышим эти песни, эту музыку в преддверии Дня Победы и в сам этот День. Она передаётся и по радио, и по телевидению, звучит в парках, на улицах. Проводятся многочисленные концерты, фестивали. Молодёжь организует флэшмобы с военными песнями, видеоролики которых появляются в сети. Иногда это исключительно онлайн флэшмобы, когда одновременно подключаются участники из различных регионов, а порой и различных стран. Получается грандиозный мировой хор. Таким образом, военная песня вносит вклад как в национальное единство, так и в единение людей со сходным мировоззрением со всего мира.

Литература

1. Главная песня Великой Отечественной Восточно-Сибирская правда, 28 июля 2001.
2. Олару В. Стихотворение в газете. Архивировано 11 июля 2008 года. Независимая Молдова, 21 июня 2001.
3. Фолиев А. 75 лет тому назад впервые была исполнена песня «Священная война». Волгоградская правда (27 июня 2016). Дата обращения: 22 августа 2022. Архивировано 26 сентября 2017 года
4. Терновая Л. Женские имена фронта и тыла // Государственная служба. – 2015. – Вып. 2 (94). – С. 18–21. – Архивировано 1февраля 2023 года.
5. Первушин А.И. Красный космос. Звёздные корабли Советской империи. – М.: «Яуза», «Эксмо», 2007
6. Лев Лещенко: 30 лет назад «День Победы» хотели «забраковать» // «Комсомольская правда», 04.05.2005.
7. Кенигсберг А.К., Михеева Л.В. Симфония № 7 (Дмитрий Шостакович) // 111 симфоний. – СПб.: «Культ-информ-пресс», 2000.
8. Шостакович Д.Д. URL: https://www.belcanto.ru/s_shostakovich_7. Дата обращения: 20 апреля 2020. Архивировано из оригинала 6 мая 2020 года
9. Мария Закорецкая «Симфония о победном торжестве всего высокого и прекрасного» // Русская народная линия. – 17.10.2011. Архивировано 14 июля 2014 года.
10. Владимир Желтов. Город выжил, потому что жил. Часть II // Невское время. – 25.12.2013. Архивировано 1 июля 2014 года.

THE THEME OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MUSICAL CULTURE OF THE USSR AND MODERN RUSSIA

Netrebskaya O.N., Netrebskaya D.V.
Moscow State University of Civil Engineering, University of Dubna

The paper examines the role of music as a part of art and culture in the life of the Soviet country during the period when it was waging a liberation war against fascism in 1941–1945. On the other hand, it analyzes how the Great Patriotic War is reflected in the musical creativity of the country in the war and post-war periods up to the present. Once again, the inconsistency of the famous phrase "When guns speak, the muses are silent" is confirmed. It is shown that despite the fact that musical compositions are part of spiritual culture, they are able to influence the course of military operations. Some pieces of music about the war are considered, including famous songs created during and after the war. The positive influence of these musical compositions on many spheres of society has been revealed.

Keywords: writing of the songs, symphonic music, historical memory, worldview

References

1. The Main Song of the Great Patriotic War, East Siberian Truth, July 28, 2001.
2. Olaru V. A Poem in a Newspaper. Archived from the archive on July 11, 2008. Independent Moldova, June 21, 2001.
3. Foliev A. 75 Years Ago, the Song "Holy War" was Performed for the First Time. Volgogradskaya Pravda (June 27, 2016). Date of application: August 22, 2022. Archived on September 26, 2017
4. Ternovaya L. Female Names of the Front and Rear // Civil service. – 2015. – Issue 2 (94). – Pp. 18–21. – Archived on February 1, 2023.
5. Pervushin A.I. Krasny Cosmos. Starships of the Soviet Empire. Moscow: Yauza, Eksmo, 2007.
6. Lev Leshchenko: 30 years ago, they wanted to "reject" Victory Day // Komsomolskaya Pravda, 05/04/2005.
7. Konigsberg A. K., Mikheeva L.V. Symphony No. 7 (Dmitry Shostakovich) // 111 symphonies. St. Petersburg: Kult-inform-Press, 2000.
8. Shostakovich D.D. URL: https://www.belcanto.ru/s_shostakovich_Date of application: April 20, 2020. Archived from the original on May 6, 2020.
9. Maria Zakoretskaya's "Symphony on the Victorious Triumph of all that is High and Beautiful" // Russian Folk Line. – 17.10.2011. Archived on July 14, 2014.
10. Vladimir Zheltov. The City Survived because it Lived. Part II // Nevsky Time. – 25.12.2013. Archived from the archive on July 1, 2014

Кинокоммуникации как форма символического производства социального смысла в цифровом обществе

Петраш Николай Дмитриевич,
аспирант, ассистент преподавателя кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: nick.petrash@gmail.com

Статья посвящена кинокоммуникациям как способу символического производства социального смысла в цифровом обществе. Актуальность темы связана с переходом кино из рамок экранного показа в распределенную медиасреду, где фильм участвует в формировании идентичности, ценностных установок и образов прошлого. Цель работы – выявить, каким путем кинокоммуникации перерабатывают исторический материал, политические представления и нормативные ожидания в массово циркулирующие символические конструкции. Научная новизна состоит в соединении исследований по цифровизации кинематографа, воздействию экранных образов на сознание, трудов по историко-политической проблематике 1905–1917 гг., работ о нравственных основаниях общественной мысли и ценностной трансформации современной среды. Материал образуют русскоязычные научные публикации 2021–2025 гг. Применены анализ научных публикаций, сравнительное сопоставление, классификация, синтез и логико-аналитическое развертывание понятий. В аналитической части раскрыты изменения каналов кинокоммуникации, механизмы смыслообразования, связь кино с исторической памятью и идентичностью. Практическая польза работы связана с использованием полученных положений при подготовке исследований по истории массовой культуры, медиаистории и символической политике.

Ключевые слова: кинокоммуникации, цифровое общество, символическое производство, социальный смысл, экранная культура, историческая память, идентичность, цифровая среда, ценностные ориентации, политическая устойчивость

Переход к платформенной медиасреде радикально изменил способы обращения общества с фильмом. Кинокартина перестала принадлежать одному месту показа и одному режиму восприятия. Фильм живет в потоке трейлеров, коротких фрагментов, обсуждений, мемети-ческих переработок и вторичных интерпретаций. По указанной причине исследовательский интерес смещается от анализа произведения в изоляции к изучению кинокоммуникации как непрерывного процесса общественного обмена смыслами.

Для исторической науки данная тема значима по особой причине. Через экранные образы массовое сознание усваивает представления о власти, прошлом, справедливости, коллективной травме, общественной норме и допустимом будущем. В цифровой среде скорость подобного усвоения возрастает, а дистанция между созданием фильма и его общественным переосмыслением сокращается. Отсюда вытекает потребность рассмотреть кино не как приложение к истории культуры, а как один из механизмов формирования общественных представлений.

Цель исследования – раскрыть кинокоммуникации как форму символического производства социального смысла в цифровом обществе. Для достижения цели поставлены три задачи: проследить, как цифровая среда перестраивает каналы и режимы кинокоммуникации; установить, через какие процедуры экранный образ переводит ценности, исторические сюжеты и политические представления в массовое знание; определить, какое место в данном процессе занимают нарративы идентичности, исторической памяти и общественной устойчивости.

Научная новизна работы связана с объединением трех исследовательских линий – анализа цифровизации кинематографа, изучения воздействия кино на сознание и идентичность, историко-политического материала о кризисах начала XX века и нравственных основаниях отечественной общественной мысли. Подобное соединение позволяет рассмотреть кинокоммуникации как особый канал исторического смыслообразования, а не как частную тему медиаисследований.

Материальную базу исследования образуют труды, позволяющие рассмотреть предмет в трех взаимосвязанных плоскостях. Работа Ю.В. Воронцовой и Д.Н. Кольцова [1] фиксирует перестройку производственных и организационных процедур кино под влиянием цифровых технологий. В исследовании М.И. Жабского и К.А. Тарасова [2] кино трактуется как форма социально-эстетической коммуникации с собственной исторической миссией. Н.Д. Петраш и Е.В. Петраш [3] сосредоточиваются на воздействии кинокоммуникаций на сознание аудитории. Д.В. Петросянц [4] анализирует размывание ценностных ориентиров, информационную дезориентацию и кризис нормативных опор. И.В. Пржиленский [5] предлагает ракурс стратегического мышления через культурные трансформации и долгосрочное целеполагание. В статье С.Е. Прокофьева, П.С. Селезнева, К.В. Симонова, Д.В. Петросянца [6] исследованы затруднения во взаимодействии гражданской администрации и военного командования Москвы при подавлении декабрьского восстания 1905 г.; публикация П.С. Селезнева, С.Е. Прокофьева, К.В. Симонова [8] раскрывает состояние силового аппарата старой столицы в тот же период. Эволюцию монархических представлений о политической устойчивости прослеживают С.Е. Прокофьев, П.С. Селезнев, А.В. Федякин, В.В. Титов [7]. Материал И.С. Семененко, В.И. Пантина, Е.В. Морозовой [9] пишут, что «киноискусство оказывается эффективным инструментом создания и пересмотра исторических нарративов, формирования идентичности, артикуляции образов будущего» [9, с. 733]. Исследование В.А. Цветкова и Я.С. Ядгарова [10] приходят к выводу, что сформировавшиеся во второй половине XIX – первой трети XX в. традиции доминирования нравственных оснований в российской политической экономии предвосхитили возникшие впоследствии политэкономические изыскания, в которых во главу угла ставится необходимость соблюдения всеми субъектами хозяйственной жизни принципов справедливости и этичности, духовности и честности.

В работе применены анализ научных публикаций, сравнительное сопоставление, логико-аналитическое развертывание понятий, классификация коммуникативных функций кинематографа, синтез исторического и медиакоммуникационного материала. Подобный набор

приемов позволил выявить, каким путем кино в цифровой среде перерабатывает исторический материал, ценностные конфликты и политические представления в устойчивые социальные смыслы.

Переход кино в цифровую среду изменил саму логику кинокоммуникации. По наблюдениям Ю.В. Воронцовой и Д.Н. Кольцова, с приходом цифровизации, появлением digital intermediate (цифровой промежуточной копии) все большее количество фильмов редактируются с использованием компьютеров. По сравнению с классическим редактированием фильма, сейчас данный процесс стал не только простым и удобным, но и экономически более выгодным. Раньше огромное влияние на прибыль кинокомпании оказывала высокая стоимость процесса копирования, транспортировки и передачи фильма в кинопрокат. Сейчас, благодаря цифровым технологиям, этот процесс сократился как по времени, так и по затратам [1]. При сопоставлении с позицией М.И. Жабского и К.А. Тарасова, связывающих кино с исторической миссией социально-эстетической коммуникации. Объективно потребностям общества в наибольшей мере могло бы соответствовать развитие киноискусства в статусе «золотой середины» между его крайними состояниями – массовым и элитарным. Практикой кино эта проблема, по сути, проигнорирована – и не без содействия теории. Причина коренится прежде всего в отсутствии необходимых контекстуальных условий – социальных и эпистемологических [2]/ Напрашивается вывод: современный фильм обращается к зрителю уже не как замкнутое произведение, а как узел распределенной медиасети, где значение формируется в цепи «производство – платформа – интерфейс – комментарий – повторное цитирование» [1; 2].

В цифровом обществе производство социального смысла проходит через соединение визуального образа, повторяемости и эмоционального заражения. Н.Д. Петраш и Е.В. Петраш определяют, что при просмотре фильма зритель подсознательно проецирует экранный образ на себя, начинает мыслить теми законами бытия, которые транслируются картиной. Отмечено, что кинокоммуникация оказывает влияние не только на сознание, но и на поведение человека [3]. Д.В. Петросянц, рассматривая кризис ценностных ориентиров, информационную дезориентацию и размывание национальной идентичности [4], задает широкий социокультурный фон для чтения кинотекста. Д.В. Петросянц фиксирует, что в современном обществе «выявлены ключевые вызовы, включающие утрату традиционных ценностей, кризис института семьи, рост агрессии в обществе, информационную дезориентацию, размывание национальной идентичности» [4, с. 69]. Отсюда следует, что фильм в сетевом обороте перестает быть только носителем сюжета: он закрепляет схемы допустимого поведения, расставляет моральные акценты, уплотняет эмоционально окрашенные представления о справедливом, недопустимом и общественно одобряемом [3; 4].

Особую плотность подобная переработка приобретает при обращении к историческому материалу. Исследование проблем взаимодействия гражданской администрации и военного командования Москвы в декабре 1905 г. [6] и работа о потенциале силового аппарата властей Москвы [8] показывают, что за драматическим событием скрывались дефицит координации, запаздывающие решения, ресурсные ограничения и несогласованность управленческих действий. Для кинокоммуникации подобный исторический материал ценен не архивной фактурой как таковой, а возможностью перевода сложной управленческой ситуации в зримо распознаваемые фигуры порядка, насилия, растерянности, ответственности и массового действия [6; 8].

Изучение монархических представлений о политической устойчивости в 1905–1917 гг. [7] и анализ нравственных оснований российской политической экономии второй половины XIX – первой трети XX века [10] позволяют увидеть еще одну линию смыслообразования. Прокофьев С.Е., Селезнев П.С., Федякин А.В., Титов В.В. пишут, что первоначально у них не было собственных программных воззрений по данному вопросу, определение вектора его решения они целиком доверили действующей власти. Однако по мере разрастания революционного кризиса монархисты были вынуждены выработать собственную позицию по данному вопросу. Первоначально широкой популярностью пользовались идеи частичного ограничения полномочий недавно созданных парламентских институтов или даже полного возвращения к «исконно самодержавным началам». Однако данная позиция соседствовала с критикой действий политического руководства империи, что вызвало резкую реакцию с его стороны. В обоих случаях речь идет о поиске нормативного языка, через который общество описывает приемлемое устройство власти, границы реформ, связь хозяйственной практики с этикой и способы сдерживания разрушительных тенденций [7; 10]. Кино, обращенное к подобным сюжетам, получает семантический материал для построения образов легитимности, исторической правоты, коллективного долга и общественной меры.

Сопряжение работ И.С. Семененко, В.И. Пантина, Е.В. Морозовой [9], И.В. Пржиленского [5], Д.В. Петросянца [4] и Н.Д. Петраша, Е.В. Петраш [3] позволяет точнее определить механизм символического производства социального смысла. Кино воздействует на идентичность, пересобирает исторические нарративы и продвигает новые образы будущего [9]; И.В. Пржиленский отмечает, что «на смену парадигме устойчивого развития приходит новая, ключевую роль в которой играет понятие “большие вызовы”» [5, с. 30], при этом культурные трансформации входят в поле долгосрочного общественного целеполагания, а ценностная нестабильность повышает чувствительность аудитории к визуальным моделям нормы [4]. В такой конфигурации кинокоммуникация выступает средой, где коллективное самопонимание получает образную форму, эмоциональную насыщенность и массовое распространение [3; 4; 5; 9].

Следовательно, в цифровом обществе кинокоммуникации функционируют как механизм переработки исторического знания, политических представлений и ценностных ориентаций в массово циркулирующие символические конструкции. Технологическая перестройка киноиндустрии [1], историческая миссия кинематографа [2], ресурс идентичности [9] и насыщенность исторического материала конфликтами власти и общественного устройства [6] образуют единую смысловую цепь. Социальный смысл рождается не на стадии съемки и не на стадии просмотра по отдельности, а в непрерывном движении между экранным образом, цифровой платформой, зрительской реакцией и вторичным обращением к фильму в медиасреде [1; 2; 6; 9].

Собранный корпус распадается на две группы. Первая описывает кинокоммуникации, цифровизацию, идентичность, воздействие на сознание. Вторая сосредоточена на исторической материи, политической устойчивости, нравственных основаниях общественной мысли. Их соединение переводит тему из плоскости узкого киноведения в поле исторического анализа массовых представлений. При подобном прочтении фильм предстает не иллюстрацией к историческому сюжету, а самостоятельным участником переработки прошлого.

Между подходами заметно и различие. Труды о кино чаще направлены к механике восприятия, символике образа и медиасреде. Историко-политические исследования работают с документом, институциональными решениями, идеологическими программами и долговременными интеллектуальными линиями. Из-за такого расхождения прямое наложение одного корпуса на другой дало бы риск схематизма. По данной причине продуктивнее говорить не о простом переносе выводов, а о взаимном дополнении: история поставляет содержательное ядро, кино – способы публичной упаковки и повседневного обращения с прошлым.

Граница применимости полученных положений связана с составом корпуса. В нем отсутствуют данные о конкретных зрительских реакциях, метрики платформенного распространения и разборы отдельных фильмов по единой аналитической схеме. Отсюда вывод: исследование описывает логику образования социальных смыслов, но не измеряет интенсивность их усвоения различными группами аудитории. Дальнейшее движение темы уместно связать с выборкой отечественных фильмов о переломных периодах российской истории, сопоставлением экранного нарратива с цифровым следом обсуждения и разбором того, как меняется общественное прочтение прошлого при переходе от кинозала к платформенному просмотру.

Проведенное исследование позволило, во-первых, описать перестройку кинокоммуникаций под влиянием цифровой среды; во-вторых, раскрыть механизм превращения фильма в средство закрепления норм, эмоций и коллективных представлений; в-третьих, установить, что исторические сюжеты, политические программы и ценностные конфликты поставляют содержательное ядро для такого смыслообразования. Кинокоммуникация в цифровом обществе предстает формой переработки прошлого и настоящего в доступные массовому восприятию образы общественного порядка, идентичности и исторической памяти. Для исторического исследования подобный ракурс открывает путь к изучению кино как посредника между документированным событием, культурным воображением и ежедневной медиапрактикой.

Литература

1. Воронцова Ю. В., Кольцов Д.Н. Исследование влияния цифровых технологий на трансформацию процессов в кинематографе // Вестник университета. 2022. № 2. С. 58–63.

2. Жабский М. И., Тарасов К.А. Кино как средство социально-эстетической коммуникации: обоснование исторической миссии // Вестник ВГИК. 2023. Т. 15, № 3 (57). С. 30–41. DOI: 10.69975/2074-0832-2023-57-3-30-41.

3. Петраш Н. Д., Петраш Е.В. Социально-философские аспекты влияния кинокоммуникаций на сознание людей // Общество: фи-

лософия, история, культура. 2024. № 5. С. 95–102. DOI: 10.24158/fik.2024.5.13.

4. Петросянц Д.В. Трансформация ценностных ориентиров: анализ духовно-нравственных проблем современного общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. Т. 15, № 5. С. 69–77. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-69-77.

5. Пржиленский И.В. Национальное стратегическое планирование: культурные трансформации и большие вызовы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. Т. 15, № 2. С. 30–39. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-30-39.

6. Прокофьев С. Е., Селезнев П.С., Симонов К.В., Петросянц Д.В. Проблемные стороны взаимодействия гражданских и военных властей Москвы в ходе подавления Декабрьского восстания 1905 г. // Былые годы. 2023. Т. 18, № 2. С. 947–954. DOI: 10.13187/bg.2023.2.947.

7. Прокофьев С. Е., Селезнев П.С., Федякин А.В., Титов В.В. Эволюция воззрений российских монархистов на обеспечение политической стабильности в период 1905–1917 гг. // Былые годы. 2021. Т. 16, № 4. С. 2005–2013. DOI: 10.13187/bg.2021.4.2005.

8. Селезнев П. С., Прокофьев С.Е., Симонов К.В. Потенциал силового аппарата властей Москвы в рамках противодействия революционному движению в 1905 г. // Былые годы. 2022. Т. 17, № 3. С. 1397–1404. DOI: 10.13187/bg.2022.3.1397.

9. Семененко И. С., Пантин В.И., Морозова Е.В. Кино как зеркало идентичности, идентичность в зеркале кино // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26, № 4. С. 733–752. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-733-752.

10. Цветков В. А., Ядгаров Я.С. Традиции доминирования нравственных оснований в российской политической экономии (вторая половина XIX – первая треть XX века) // Финансы: теория и практика. 2025. Т. 29, № 6. С. 121–131. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-6-121-131.

FILM COMMUNICATIONS AS A FORM OF SYMBOLIC PRODUCTION OF SOCIAL MEANING IN A DIGITAL SOCIETY

Petrash N.D.,
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines film communications as a means of symbolically producing social meaning in a digital society. The relevance of this topic is linked to cinema's transition from on-screen display to a distributed media environment, where film plays a role in shaping identity, value systems, and images of the past. The aim of this study is to identify how film communications rework historical material, political ideas, and normative expectations into widely circulating symbolic constructs. The scientific novelty lies in the integration of research on the digitalization of cinema, the impact of screen images on consciousness, works on historical and political issues from 1905 to 1917, and works on the moral foundations of social thought and the value transformation of the modern environment. The material comprises Russian-language academic publications from 2021 to 2025. The analysis of academic publications, comparative comparison, classification, synthesis, and logical-analytical development of concepts are used. The analytical section explores changes in film communication channels, the mechanisms of meaning-making, and the relationship between cinema and historical memory and identity. The practical utility of the work lies in the application of the obtained principles in research on the history of mass culture, media history, and symbolic politics.

Keywords: film communications, digital society, symbolic production, social meaning, screen culture, historical memory, identity, digital environment, value orientations, political sustainability.

References

1. Vorontsova Yu. V., Koltsov D.N. Study of the Impact of Digital Technologies on the Transformation of Processes in Cinematography // Bulletin of the University. 2022. No. 2. pp. 58–63.

2. Zhabsky M. I., Tarasov K.A. Cinema as a Means of Social and Aesthetic Communication: Justification of the Historical Mission // Bulletin of VGIK. 2023. Vol. 15, No. 3 (57). pp. 30–41. DOI: 10.69975/2074-0832-2023-57-3-30-41.

3. Petrash N. D., Petrash E.V. Social and Philosophical Aspects of the Influence of Film Communications on People's Consciousness // Society: Philosophy, History, Culture. 2024. No. 5. Pp. 95–102. DOI: 10.24158/fik.2024.5.13.

4. Petrosyants D.V. Transformation of Value Guidelines: Analysis of Spiritual and Moral Problems of Modern Society // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2025. Vol. 15, No. 5. Pp. 69–77. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-69-77.

5. Przhilensky I.V. National Strategic Planning: Cultural Transformations and Grand Challenges // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2025. Vol. 15, No. 2. Pp. 30–39. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-30-39.

6. Prokofiev S. E., Seleznev P.S., Simonov K.V., Petrosyants D.V. Problematic aspects of the interaction between the civil and military authorities of Moscow during the suppression of the December Uprising of 1905 // Bylie Gody. 2023. Vol. 18, No. 2. Pp. 947–954. DOI: 10.13187/bg.2023.2.947.

7. Prokofiev S. E., Seleznev P.S., Fedyakin A.V., Titov V.V. Evolution of the views of Russian monarchists on ensuring political stability in the period 1905–1917 // Bylie Gody. 2021. Vol. 16, No. 4. pp. 2005–2013. DOI: 10.13187/bg.2021.4.2005.

8. Seleznev, P. S., Prokofiev, S. E., Simonov, K. V. "The Potential of the Moscow Authorities' Security Apparatus in Countering the Revolutionary Movement in 1905" // Bylye Gody. 2022. Vol. 17, No. 3. pp. 1397–1404. DOI: 10.13187/bg.2022.3.1397.

9. Semenenko, I. S., Pantin, V. I., Morozova, E. V. "Cinema as a Mirror of Identity, Identity in the Mirror of Cinema" // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2024. Vol. 26, No. 4, pp. 733–752. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-733-752.

10. Tsvetkov, V. A., Yadgarov, Ya.S. Traditions of the Dominance of Moral Foundations in Russian Political Economy (Second Half of the 19th – First Third of the 20th Century) // Finance: Theory and Practice. 2025. Vol. 29, No. 6, pp. 121–131. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-6-121-131.

Антропология цифрового пространства: социально-философский анализ

Петрухин Александр Сергеевич,
кандидат философских наук, преподаватель Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: petrukhin89@mail.ru

В статье предпринимается социально-философский анализ трансформации человеческого бытия в условиях цифрового пространства. Автор рассматривает цифровую среду не как простой инструмент, а как онтологически значимую реальность, порождающую новые формы телесности, идентичности, социальности и памяти. С опорой на феноменологию техники М. Хайдеггера и Д. Айди, акторно-сетевую теорию Б. Латура и концепции алгоритмической власти Б. Чана и М. Фуко обосновывается тезис о формировании цифрового антропологического сдвига: размывание границ между физическим и виртуальным, симулятивным и подлинным, человеческим и машинным. В работе специально разграничиваются предметные поля социальной философии цифры и социологии интернета. На примере анализа цифрового следа пользователей социальных сетей демонстрируется переход от внешнего наблюдения к внутренней алгоритмической конституции субъекта, вводится понятие «алгоритмически рефлексивной идентичности». Анализируются актуальные дискуссии о цифровых антропологических рисках (алгоритмическое отчуждение, трансформация трудовой субъектности, постмортальное присутствие, кризис референтности), представленные в ведущих отечественных философских журналах.

Ключевые слова: цифровое пространство, антропологический поворот, цифровая идентичность, гибридная реальность, социальная философия, Big Data, цифровой след, алгоритмическая власть.

Введение

Социально-философское осмысление цифровой реальности сегодня сталкивается с концептуальным затруднением: по мере того как виртуальная среда становится неотъемлемым компонентом повседневного существования, классические антропологические модели демонстрируют ограниченную применимость. Цифровое пространство перестало быть простой совокупностью интерфейсов и инструментов – оно превратилось в способ обживания мира, производства знания, конструирования идентичности и выстраивания социальных связей. В рамках специальности «Социальная и политическая философия» это ставит вопрос о границах классической антропологии: могут ли категории, выработанные в традиции от Аристотеля до М. Шелера и Х. Плеснера, адекватно описать существо, существующее одновременно в физическом теле и в бесконечно тиражируемых цифровых образах?

Актуальность проблемы подтверждается интенсивностью научных дискуссий последних лет. Стоит обратить внимание, что В.А. Лекторский характеризует происходящее как «антропологический вызов» цифровой эпохи [Лекторский, 2023], а на страницах журнала «Вопросы философии» в 2023 г. развернулась дискуссия о сущности и границах антропоцентризма в условиях тотальной цифровизации. Тезис о становлении гибридной реальности, в которой симбиоз реального и виртуального миров порождает новую онтологическую конфигурацию, получает все большее признание в исследовательской литературе.

Цель работы – выявить ключевые антропологические трансформации, порожденные цифровым пространством, и предложить их систематизацию в категориях социальной философии. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: 1) провести демаркацию предметных полей социальной философии цифры и социологии интернета; 2) на конкретном эмпирическом материале продемонстрировать механизмы конституирования гибридного субъекта; 3) проанализировать основные антропологические риски, фиксируемые в актуальных философских дискуссиях.

Демаркация предметных полей социальной философии цифры и социологии интернета

В современной исследовательской литературе всё чаще отмечается необходимость чёткого разграничения между социально-философским и социологическим подходами к анализу цифровой реальности. Как свидетельствуют публикации в журналах «Социологическое обозрение» и «Вопросы философии», в междисциплинарных исследованиях данное различие не всегда проводится с должной последовательностью, что приводит к методологически неоправданной редукции философской проблематики к эмпирически фиксируемым поведенческим паттернам [Свирский, 2023; Василенко, Мещерякова, 2023]. Между тем, отсутствие такой демаркации влечёт за собой подмену вопроса о сущностной трансформации человеческого бытия вопросом о внешней адаптации индивида к новым интерфейсам. В существующих дискуссиях предметное поле социальной философии цифры очерчивается через три взаимосвязанных проблемных сосредоточения.

Во-первых, это проблема онтологического статуса цифрового. В рамках данной дискуссии ставится вопрос: выступает ли цифровая среда нейтральным инструментом-посредником человеческой деятельности (по аналогии с молотком или книгой) или же она образует самостоятельную реальность, обладающую имманентными законами функционирования и конститутивными свойствами, не сводимыми к физическому миру? Как подчёркивает Г.Д. Левин, типология виртуальных объектов требует преодоления классической дихотомии «материальное – идеальное» [Левин, 2023, с. 95]. Социальная философия в этой связи исследует, в каком именно смысле цифровые артефакты (данные, алгоритмы, интерфейсы) обладают собственной действенностью и способностью оказывать сопротивление человеческим интенциям.

Во-вторых, в центре внимания оказывается трансформация базовых категорий социальной философии. В литературе формулируются вопросы: как переопределяется феномен «присутствия» в ситуации, когда физическое тело локализовано в одном пространстве, а внимание субъекта погружено в другое? Каким образом модифицируется понятие «власти», если она осуществляется не через явные запреты и предписания, а посредством алгоритмических систем рекоменда-

ций, рейтингования и профилирования, функционирующих в режиме реального времени? [Чан, 2020; Фуко, 2010]. В отличие от социологического подхода, ориентированного на фиксацию эмпирических проявлений власти, социальная философия анализирует сам модус её осуществления, а именно – переход от дисциплинарного надзора за телом к алгоритмическому вычислению поведения на основе Big Data.

В-третьих, предметом обсуждения выступают антропологические границы. Ставится вопрос о том, где пролегает демаркационная линия между человеческим и машинным в ситуациях гибридного агентства, когда действие порождается неразрывным взаимодействием пользователя и алгоритма и ни один из агентов не может быть признан единоличным автором [Латур, 2014; Василенко, Мещерякова, 2023]. В этом контексте социальная философия проблематизирует само понятие субъекта, выходя за рамки его эмпирически фиксируемых поведенческих проявлений.

Проведённый в исследовательской литературе анализ показывает, что указанное разграничение носит не формально-академический, а принципиальный характер для осмысления антропологического сдвига. Как отмечается в работах последних лет, данный сдвиг не может быть адекватно описан в корреляционных терминах и регрессионных моделях, поскольку он затрагивает глубинную структуру субъективности, а не частотные распределения поведенческих актов. В.Г. Буданов в этой связи указывает, что цифровая среда формирует «новые формы гибридной культуры и антропологических профилей обобщенной телесности», которые не фиксируются стандартными социологическими опросами, предполагающими самоотчёт респондента о собственном опыте [Буданов, 2023, с. 76]. Таким образом, в существующих дискуссиях обосновывается необходимость специального социально-философского подхода, не редуцируемого к эмпирической социологии интернета.

Теоретико-методологические основания исследования

Методологическую основу настоящего исследования составляют три взаимодополняющих подхода, каждый из которых позволяет эксплицировать определенный аспект антропологической трансформации в цифровом пространстве.

Первый подход – феноменология техники, представленная в работах М. Хайдеггера и Д. Айди. В рамках этого подхода технические устройства интерпретируются не как нейтральные орудия, внешние по отношению к человеку и лишь опосредующие его отношение к миру, а как активные конституенты новых типов присутствия, восприятия и телесности. Хайдеггеровское различение между «подручным» (zuhanden) и «наличным» (vorhanden) позволяет анализировать, как цифровые интерфейсы в обычном режиме использования «пропадают» из фокуса внимания, формируя при этом специфическую структуру вовлеченности [Хайдеггер, 1993]. Д. Айди, развивая эту линию, вводит понятие «технологической интенциональности», показывая, что техника не просто передает человеческую интенцию, но и трансформирует ее, задавая направление и границы восприятия [Ihde, 1990]. В применении к цифровому пространству это означает, что алгоритмические интерфейсы не расширяют пассивно человеческие способности, а активно формируют саму структуру перцептивного опыта: то, что видит, слышит и выбирает пользователь, уже пред-структурировано архитектурой цифровой среды.

Второй подход – акторно-сетевая теория Б. Латура, которая позволяет отказаться от жесткой дихотомии «субъект – объект» и рассматривать человека и алгоритм, пользователя и цифровую платформу как равноправные элементы гибридных коллективов. Б. Латур предлагает принцип «обобщенной симметрии»: объяснение не должно априори отдавать приоритет ни человеческим, ни нечеловеческим акторам; их роль в формировании социального порядка устанавливается эмпирически, через прослеживание ассоциаций [Латур, 2014]. В контексте цифровой антропологии это означает, что алгоритмические системы рекомендаций, модерационные фильтры, интерфейсы и протоколы рассматриваются как полноправные участники взаимодействия, обладающие собственной действенностью (agency). Как справедливо отмечают исследователи гибридности цифрового общества, «человек в гибридной среде коммуницирует не только с себе подобными, но и с искусственными субъектами (техносубъектами), что порождает проблему гибридности более высокого порядка» [Василенко, Мещерякова, 2023, с. 50]. Акторно-сетевая теория предоставляет аналитический язык для описания таких гибридных конфигураций, не сводя их ни к чисто человеческим взаимодействиям, ни к детерминизму технологических систем.

Третий подход – концепции биополитики и алгоритмического управления, восходящие к работам М. Фуко и развитые в современных исследованиях А. Ревиля, Б. Чана и других авторов. Фуко, анализируя переход от суверенной власти к биополитике, показал, что власть в Новое время начинает осуществляться не через запрет и наказание (право на смерть), а через управление жизнью – контроль за рождаемостью, смертностью, здоровьем, гигиеной населения [Фуко, 2010]. Цифровое пространство, согласно линии анализа, развиваемой Б. Чаном, реализует власть нового, «психополитического» типа: власть, которая осуществляется не через внешнее ограничение поведения, а через непрерывную запись поведения (Big Data), автоматическую классификацию субъектов на основе алгоритмически обрабатываемых массивов данных и, что наиболее важно, через предвосхищение и формирование желаний [Чан, 2020]. Если классическая биополитика работала с телом и популяционными процессами, то алгоритмическая власть работает с предпочтениями, вниманием и эмоциональными реакциями, превращая их в объекты вычисления и оптимизации. При этом, как подчеркивает В.Г. Буданов, в цифровом обществе человек становится «одним из “разумных” акторов» наряду с искусственными интеллектуальными системами, что порождает «новые формы гибридной культуры и антропологических профилей обобщенной телесности» [Буданов, 2023, с. 76].

Выбранные подходы не являются альтернативными, но могут быть сведены в единую аналитическую рамку при соблюдении следующих условий: феноменология техники фиксирует трансформацию перцептивного опыта на уровне индивидуального пользователя; акторно-сетевая теория описывает перераспределение агентности в гибридных коллективах; концепции алгоритмической власти анализируют макроуровневые эффекты управления поведением через цифровые платформы. Сочетание этих трех оптик позволяет перейти от разрозненных наблюдений о цифровых феноменах к систематическому социально-философскому анализу антропологических трансформаций.

Эмпирический анализ цифрового следа и конституция гибридного субъекта

Под цифровым следом в данном контексте понимается совокупность данных, генерируемых пользователем в процессе цифровой активности, включающая, но не ограничиваясь: лайки, репосты, временные метки посещений, геолокационные данные, историю поисковых запросов, структуру дружеских связей, частоту и паттерны взаимодействия с контентом. Важной особенностью цифрового следа является его непреднамеренный характер: значительная часть данных генерируется как побочный продукт обычной активности пользователя, без явного намерения их фиксировать или передавать.

Социологическая интерпретация цифрового следа рассматривает его как репрезентацию – то есть как эмпирический индикатор, косвенно свидетельствующий о социальных установках, политических предпочтениях, культурных ориентирах или демографических характеристиках пользователя. В этой логике цифровой след понимается как «данные о действии», которые могут быть подвергнуты статистическому анализу для выявления корреляций, построения прогностических моделей и кластеризации пользователей по типам поведения.

Данная интерпретация имеет свои эвристические возможности и широко применяется в количественных социальных исследованиях. Однако она исходит из молчаливого допущения о том, что субъект, оставляющий след, существует до и независимо от этого следа, а сам след лишь фиксирует уже сформированные диспозиции. Иными словами, социологическая модель предполагает линейную причинную связь: а) устойчивые характеристики субъекта; б) поведенческие акты; в) цифровые данные, отражающие эти акты. Вопрос о том, не оказывает ли сама практика генерации цифрового следа обратного влияния на структуру субъективности, в рамках этой модели не ставится.

Социально-философский анализ, опирающийся на изложенные выше методологические подходы (феноменология техники, акторно-сетевая теория, концепции алгоритмической власти), обнаруживает более сложный процесс. Цифровой след не просто описывает заранее существующего субъекта – он конституирует его заново в каждом акте взаимодействия с алгоритмическими системами. Данный тезис может быть развернут следующим образом: пользователь, осознавая (в той или иной степени рефлексивности), что его поведение фиксируется, вычисляется и классифицируется системами рекомендаций, рейтингования и модерации, вынужден принимать во внимание не только свои собственные желания и намерения, но и то, как алгоритм интерпретирует его действия. Это порождает феномен, который может быть описан через понятие «двойной рефлексивности» через следующие уровни:

1. Первый уровень – субъект действует, исходя из своих интенций, предпочтений и оценок. Этот уровень соответствует классической модели автономного агента.

2. Второй уровень – и это отличает цифровую среду от физической —

субъект действует, предвосхищая алгоритмическую интерпретацию своего действия и ту «версию себя», которая будет сконструирована на основе этой интерпретации. Пользователь, таким образом, ориентируется не только на собственные интенции, но и на предполагаемую модель алгоритма.

В терминах акторно-сетевой теории это означает, что алгоритмическая система выступает не как пассивный посредник, а как активный медиатор, трансформирующий смысл и направленность человеческого действия [Латур, 2014]. Алгоритм не просто передает информацию о действии дальше, но и переопределяет само действие в момент его совершения. В терминах феноменологии техники (Д. Айди) можно сказать, что алгоритмический интерфейс обладает собственной «технологической интенциональностью», которая трансформирует исходную человеческую интенцию [Ihde, 1990]. В терминах концепций алгоритмической власти (Б. Чан) фиксация цифрового следа является механизмом «психополитического» управления, которое работает через интернализацию алгоритмического ожидания субъектом [Чан, 2020].

Сформулированный выше теоретический тезис может быть конкретизирован через описание эмпирически наблюдаемых поведенческих паттернов, которые трудно объяснить в рамках модели «пользователь, свободно выражающий свои предпочтения», но которые получают объяснение в модели «алгоритмически рефлексивной идентичности»:

1. Самоограничение экспрессии. Пользователь может отказываться от лайка определенному контенту не из-за действительного несогласия с ним, а из опасения, что алгоритмическая система рекомендаций начнет тиражировать контент, который пользователь не хотел бы демонстрировать в публичном профиле или получать в своей ленте. Лайк здесь перестает быть простым выражением одобрения и становится действием, имеющим алгоритмические последствия.

2. Стратегическое «разбавление» профиля. Пользователь может совершать репост «нейтральных» или намеренно гетерогенных сообщений для снижения однозначности своего цифрового профиля, чтобы избежать попадания в слишком узкую алгоритмическую категорию. Это поведение аналогично стратегическому самопредъявлению в офлайн-среде, но отличается тем, что адресатом выступает не другой человек, а алгоритмическая система классификации.

3. Управление цифровым прошлым. Пользователь может осуществлять целенаправленное удаление, архивацию или редактирование старых постов для модификации своего «цифрового паспорта» перед потенциальным работодателем, алгоритмической системой знакомств или рекламным профилировщиком. Прошлое здесь не фиксировано, а подлежит постоянной ревизии в ответ на предполагаемые алгоритмические интерпретации.

Эти паттерны не являются единичными отклонениями, а представляют собой рутинные практики, широко распространенные среди пользователей цифровых платформ. Их систематическое описание и классификация могли бы стать предметом отдельного эмпирического исследования; здесь же они приводятся в качестве иллюстративного материала, демонстрирующего операциональность предложенного понятийного аппарата.

Обобщая изложенное, целесообразно ввести в современный философский дискурс понятие «алгоритмически рефлексивной идентичности», под которым мыслится такая форма субъектности в цифровом пространстве, при которой самосознание и действие субъекта включают в себя знание о собственном алгоритмическом моделировании в качестве значимого фактора, влияющего на принятие решений. Вместе с тем, следует оговорить границы применимости данного понятия, где степень алгоритмической рефлексивности варьируется в зависимости от цифровой компетентности пользователя, его информированности о работе алгоритмов и его вовлеченности в цифровые практики. В том числе сама алгоритмическая рефлексивность не отменяет асимметрии власти между пользователем и платформой: знание о том, как алгоритм тебя классифицирует, не дает возможности полностью контролировать эту классификацию. Также понятие фиксирует скорее нормативный идеал (то, как устроен рефлексивный пользователь), нежели эмпирическую универсалию.

Антропологические риски цифровой среды в актуальных философских дискуссиях

Анализ публикаций в ведущих отечественных философских журналах за 2023 г. позволяет выделить несколько ключевых антропологических рисков, связанных с цифровой трансформацией. Под антропологическим риском в данном контексте понимается такая трансформация условий человеческого существования, которая создает угрозу для фундаментальных антропологических характеристик – автономии, рефлексивности, идентичности, способности к различению подлинного и симулированного. Ниже последовательно рассматриваются четыре группы рисков, фиксируемых в актуальной литературе.

В дискуссиях, развернувшихся на страницах журнала «Вопросы философии», неоднократно отмечалось, что цифровая среда порождает новые формы отчуждения, отличные от тех, что описывались в классической марксистской традиции [Свирский, 2023; Буданов, 2023]. Если марксистская теория фиксировала отчуждение продукта труда и трудовой деятельности как таковой, то цифровая эпоха добавляет к этому новый уровень: субъект отчуждает не только результаты своей активности, но и саму способность желать.

Алгоритмические системы рекомендаций (на стриминговых платформах, в маркетплейсах, в социальных сетях) не просто предлагают выбор на основе предшествующих предпочтений пользователя. Они конституируют само пространство желаемого, определяя, какие объекты, события или мнения вообще попадают в поле зрения субъекта и, следовательно, могут быть им желаемы. Как формулирует Я.И. Свирский, сегодня «стоит говорить не столько о свободе (неважно, в каком смысле этого слова), сколько о поиске выхода из кажущейся опасной, если не катастрофической, ситуации» [Свирский, 2023, с. 85].

В терминах концепций алгоритмической власти (Б. Чан) этот феномен описывается как «психополитическое» управление: в отличие от дисциплинарной власти, которая ограничивает поведение извне, алгоритмическая власть формирует само пространство возможных желаний, делая ненужным внешнее принуждение, поскольку субъект добровольно желает то, что ему пред-задано алгоритмом [Чан, 2020]. Отчуждение способности желать означает, что субъект перестает быть автономным источником своих предпочтений, превращаясь в узел алгоритмически обрабатываемых данных о предшествующем поведении.

Другим значимым направлением анализа является трансформация трудовой субъектности в цифровую эпоху. Т.Ю. Сидорина в статье, опубликованной в журнале «Вопросы философии» (2023, № 9), анализирует становление нового антропологического типа – «homo irretitus» (человек в сети), который противостоит классической модели «homo faber» (человек творящий, человек-ремесленник).

Автор приходит к выводу о преждевременности попыток преодолеть парадигму трудоцентризма, оперируя исключительно оптикой рыночной экономики. Теоретики цифровой экономики, согласно ее анализу, «не дают ответа на вопросы, что заменит труд в его смысложизненной позиции и какая деятельность придет на смену трудовой» [Сидорина, 2023, с. 57]. Риск здесь состоит в том, что девальвация труда как смыслообразующей практики (в условиях автоматизации и развития алгоритмического управления) не сопровождается предложением альтернативных форм самореализации. Человек оказывается в ситуации, где его традиционная идентичность «производителя» разрушена, а новая идентификация еще не сформирована.

С точки зрения акторно-сетевой теории, трансформация трудовой субъектности может быть описана как перераспределение агентности между человеческими и нечеловеческими акторами: все больше операций, ранее требовавших человеческого участия, переходят к алгоритмическим системам, что ставит вопрос о том, какая «работа» остается исключительной прерогативой человека [Латур, 2014]. Этот вопрос, однако, остается открытым как в эмпирических исследованиях, так и в философской рефлексии.

В ситуациях, где дополненная и виртуальная реальности смешиваются с физической, возникает вопрос о критериях различения подлинного и симулированного. Как отмечают исследователи гибридности, «человек уже не всегда может понять, в каком из пространств – реальном или виртуальном – он находится в тот или иной момент, и каким предстает перед нами человеческое существование в этом гибридном инновационном мире» [Василенко, Мещерякова, 2023, с. 50]. Этот феномен может быть обозначен как «кризис референтности» – утрата способности надежно различать, относится ли воспринимаемый объект к физической реальности или к ее цифровой симуляции. В предельных случаях (например, при использовании высококачественных шлемов виртуальной реальности или глубоких подделок – deepfakes) субъект может испытывать систематические затруднения в различении. С философской точки зрения, это ставит под вопрос классическую эпистемологическую оппозицию «истина – ложь» и требует разработки новых критериев достоверности в условиях, когда симуляция становится неотличимой от оригинала.

В секторе теории познания Института философии РАН в 2023 г. были получены результаты, показывающие, что «рост эскапизма свидетельствует о несбалансированности цифровой и физической реальностей», что требует «выработки норм цифрового потребления, осно-

ванных на принципах деанонимности и социальной ответственности» [Труфанова, 2023, с. 28]. Эти выводы коррелируют с более широкой дискуссией о трансформации когнитивных способностей человека в цифровой среде – в частности, о снижении способности к длительному удержанию внимания, о фрагментации восприятия, о замещении аналитического мышления клиповым.

В терминах феноменологии техники (Д. Айди) кризис референтности может быть интерпретирован как коллизия различных типов технологической интенциональности: когда интерфейс виртуальной реальности стремится к «прозрачности» (то есть к тому, чтобы пользователь перестал замечать его опосредующую роль), эта прозрачность может быть настолько успешной, что пользователь утрачивает способность различать медиум и непосредственный опыт [Ihde, 1990].

Важно отметить, что фиксация этих рисков в актуальных философских дискуссиях не означает их фатальной неизбежности. Социальная философия, в отличие от технологического детерминизма, настаивает на том, что формы цифровой среды являются результатом социального выбора и могут быть изменены. Задача философского анализа – не только диагностировать риски, но и предложить концептуальные основания для их минимизации, в частности, через разработку нормативных моделей цифрового достоинства, алгоритмической прозрачности и права на автономию.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что цифровое пространство не является рядоположенным дополнением физической реальности, но конституирует качественно новую антропологическую конфигурацию. Её отличительными характеристиками выступают: декомпозиция телесности на исчисляемые датасеты, умножение и фрагментация идентичностей, экстернализация памяти в облачные сервисы и возникновение гибридной агентности, в рамках которой действие распределяется между человеком и алгоритмической системой.

Методологически обоснована необходимость строгой демаркации предметных полей социальной философии цифры и эмпирической социологии интернета. Если социология ориентирована на фиксацию поведенческих паттернов и их корреляционный анализ, то социальная философия проблематизирует сами основания субъектности, выявляя трансформации базовых категорий присутствия, власти, идентичности и свободы. Игнорирование данного разграничения ведёт к неоправданной редукции онтологической и антропологической проблематики к эмпирически наблюдаемым эффектам. В том числе в ходе обзора актуальных философских дискуссий систематизированы основные антропологические риски цифровой эпохи: алгоритмическое отчуждение способности желания, трансформация трудовой субъектности в условиях девальвации классической модели homo faber. Фиксация данных рисков не носит фаталистического характера, но указывает на направления необходимой концептуальной и нормативной работы.

Вместе с тем проведённое исследование имеет ряд ограничений, задающих перспективы дальнейшей разработки темы. Во-первых, оно опирается преимущественно на качественный анализ теоретических источников и требует дополнения систематическими эмпирическими исследованиями, способными верифицировать предложенные концептуальные конструкты. Во-вторых, анализ ограничен западным и отечественным философским контекстом, что оставляет открытым вопрос о специфике антропологических трансформаций в незападных цифровых экосистемах. В-третьих, развитие технологий искусственного интеллекта, в частности генеративных нейросетей, с высокой вероятностью приведёт к возникновению новых конфигураций гибридной агентности, требующих отдельного философского осмысления.

Перспективной задачей социальной философии в данной области остаётся разработка нормативной модели цифрового достоинства, включающей принципы алгоритмической прозрачности, защиты автономии и предотвращения новых форм отчуждения. Необходим также кросс-культурный анализ, позволяющий дифференцировать универсальные антропологические эффекты цифровизации и их локальные социокультурные модусы.

Литература

1. Буданов В.Г. Эволюция антропологических профилей, риски и сценарии цивилизационного транзита // Вопросы философии. 2023. № 6. С. 75–78. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-6-75-78.

2. Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? // Философия науки и техники. 2023. Т. 28. № 1. С. 48–65. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65.

3. Латур Б. Пересборка социального. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

4. Лекторский В.А. Глобальная цифровизация как антропологический вызов. СПб.: СПбГУП, 2023. 36 с. (Серия «Избранные лекции Университета». Вып. 221).

5. Левин Г.Д. Типы виртуальных объектов // Вопросы философии. 2023. № 8. С. 93–104.

6. Свирский Я.И. Цифровизация и антропоцентризм // Вопросы философии. 2023. № 6. С. 83–86. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-6-83-86.

7. Сидорина Т.Ю. Homo irretitus & homo faber: человек трудящийся в зоне риска // Вопросы философии. 2023. № 9. С. 50–59. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-9-50-59.

8. Труфанова Е.О. Цифровой эскапизм – от аддикции до аскетизма // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Т. 5. № 3. С. 17–34. (соавт.: Лисенкова А.А.).

9. Фуко М. Рождение биополитики. М.: Наука, 2010. 448 с.

10. Чан Б. Демон алгоритмов. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2020. 160 с.

11. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1993. – 447 с.

12. Ihde D. Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth. – Bloomington: Indiana University Press, 1990. – 226 p.

ANTHROPOLOGY OF DIGITAL SPACE: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Petrukhin A.S.
Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article provides a socio-philosophical analysis of the transformation of human existence in the digital space. The author considers the digital environment not as a simple tool, but as an ontologically significant reality that generates new forms of corporeality, identity, sociality, and memory. Drawing on the phenomenology of technology by M. Heidegger and D. Aydi, the actor-network theory by B. Latour, and the concepts of algorithmic power by B. Chan and M. Foucault, the paper argues for the emergence of a digital anthropological shift, where the boundaries between the physical and the virtual, the simulated and the authentic, and the human and the machine are blurred. The paper specifically distinguishes between the subject fields of digital social philosophy and internet sociology. Using the example of analyzing the digital footprint of social media users, the article demonstrates the transition from external observation to the internal algorithmic constitution of the subject and introduces the concept of "algorithmically reflexive identity." The article analyzes current discussions about digital anthropological risks (algorithmic alienation, transformation of labor subjectivity, postmortality, and crisis of reference), which are presented in leading Russian philosophical journals.

Keywords: digital space, anthropological turn, digital identity, hybrid reality, social philosophy, Big Data, digital footprint, and algorithmic power.

References

1. Budanov V.G. Evolution of anthropological profiles, risks and scenarios of civilizational transition // Voprosy filosofii. 2023. No. 6. Pp. 75–78. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-6-75-78.

2. Vasilenko L.A., Meshcheryakova N.N. Hybridity of digital society: innovative reality or utopia? // Philosophy of science and technology. 2023. Vol. 28. No. 1. Pp. 48–65. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65.

3. Latour B. Reassembling the social. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2014. 384 p.

4. Lektorsky V.A. Global Digitalization as an Anthropological Challenge. St. Petersburg: SPbGUP, 2023. 36 p. (Series "Selected Lectures of the University." Issue 221).

5. Levin G.D. Types of Virtual Objects // Questions of Philosophy. 2023. No. 8. Pp. 93–104.

6. Svirsky Ya.I. Digitalization and Anthropocentrism // Questions of Philosophy. 2023. No. 6. Pp. 83–86. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-6-83-86.

7. Sidorina T. Yu. Homo irretitus & homo faber: Man Working in the Risk Zone // Voprosy filosofii. 2023. No. 9. Pp. 50–59. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-9-50-59.

8. Trufanova, E.O. Digital Escapism: From Addiction to Asceticism // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Vol. 5. No. 3. Pp. 17–34. (co-author: Lisenkova, A.A.).

9. Foucault, M. The Birth of Biopolitics. Moscow: Nauka, 2010. 448 p.

10. Chan, B. The Demon of Algorithms. St. Petersburg: Publishing House of the European University, 2020. 160 p.

11. Heidegger M. Being and Time. – Moscow: Ad Marginem, 1993. – 447 p.

12. Ihde D. Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth. – Bloomington: Indiana University Press, 1990. – 226 p.

Символическое исключение как защита групповой идентичности: от damnatio memoriae до информационных фильтров

Пичугин Виталий Григорьевич,
доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент Кафедры психологии и развития человеческого капитала Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: VGPichugin@fa.ru

В статье рассматривается эволюция практик символического исключения, от античного damnatio memoriae, до современных алгоритмических фильтров. Актуальность исследования обусловлена глобальной тенденцией последних 10–15 лет: сносом памятников «неугодным» историческим персонажам и деиндексацией страниц с «нежелательным контентом» поисковыми системами вне правового поля. В исследовании выявляется инвариантный механизм, объединяющий эти разнородные явления – защиту групповой идентичности через элиминацию или замалчивание травмирующих фрагментов прошлого. Цель работы – проследить трансформацию этого механизма от физического уничтожения носителей памяти к ритуально-нормативному переопределению и далее к алгоритмическому управлению видимостью. На основе междисциплинарного подхода (историческая эпиграфика, культурная память, медиаисследования) предлагается типология из трёх идеальных типов: репрессивно-материальный (демонтаж статуй, зачистка надписей), нормативно-ритуальный (анафема, гражданская казнь имени) и информационно-алгоритмический (теневые баны, деиндексация, мягкий рерайтинг в вики-средах). Ключевым оператором современного этапа выступает мифозамещение – мягкая замена неудобного нарратива героическим без формального запрета, что не вызывает сопротивления. Основной вывод: при сохранении инварианта функции доминирующей становится мягкая, неатрибутируемая форма исключения, не оставляющая следов насилия. Наиболее тревожным следствием является дефицит публичности: власть над прошлым переходит к анонимным алгоритмам корпораций, подрывая коллективную память как пространство диалога.

Ключевые слова: символическое исключение, политика памяти, мифозамещение, историческая память, массовое сознание, история.

Введение

В последние 10–15 лет усилилась мировая тенденция сноса памятников (мемориалов) как колонизаторам и рабовладельцам, так и просто политически неугодным историческим персонажам. Это происходило и продолжается в настоящем, например в США, Европе, на Украине. Виртуальная среда современности характеризуется тем, что поисковые системы начали деиндексировать (убирать из поисковой выдачи) страницы с «нежелательным контентом» без формального судебного запрета, произвольно определяя «нежелательность», руководствуясь абстрактными объяснениями редакционной политики или нецелесообразностью размещения тех или иных материалов, а, чаще, без каких-либо разъяснений. Материальная и виртуальная среды, таким образом, сближаются в главном: и там, и там происходит переписывание истории не через научную дискуссию или демократические процедуры, а через технологическое или физическое удаление неугодных символов прошлого, что создает опасный прецедент, когда право определять, что «достойно памяти», а что нет, переходит к узкой группе акторов, от уличных активистов до владельцев цифровых платформ, действующих вне публичного контроля и без четких правовых оснований.

Традиция уничтожения исторических символов не нова и берёт своё начало в античности. Античное damnatio memoriae («проклятие памяти») было публичным ритуалом: имя врага государства вырезалось из надписей, его статуи переплавлялись или просто уничтожались (разбивались), а из родословных вычёркивались целые династии [1]. Но все эти действия на протяжении множества веков объединяет одно: символическое исключение как способ защиты групповой идентичности от травмирующих или диссонирующих элементов прошлого. Сегодня мы наблюдаем не менее эффективные, но куда более мягкие процедуры символического исключения: алгоритмическое замалчивание, переформатирование нарративов, замещение неудобных событий героическими мифами. Парадокс современности заключается в том, что при декларируемой открытости информации формируются механизмы «мягкой цензуры» – от рекомендательных систем до практик коммеморации, где нежелательное прошлое не запрещено явно, но перестаёт существовать в актуальной коммуникации. Данный процесс может быть рассмотрен через два взаимосвязанных аспекта: во-первых, сознательные амнезогенные практики, инициируемые заинтересованными акторами; во-вторых, естественное вытеснение травмирующих воспоминаний, присущее коллективной памяти. В рамках статьи мы фокусируемся в основном на первом аспекте.

Поэтому достаточно актуальным представляется рассмотрение в совокупности следующих взаимосвязанных проблем.

Наличие концептуального сдвига в формировании и реализации практик памяти. Традиционное разрушение статуй и сожжение книг сегодня воспринимаются как архаичный эксцесс. На их место приходят латентные процедуры: понижение видимости контента, «теневые баны», рерайтинг (переписывание) исторических событий в учебниках без формальной отмены фактологии. Эти практики почти не фиксируются правовыми системами, но значимым образом влияют на коллективную идентичность.

Также постоянно существует общественный запрос на пересмотр прошлого, часто, инициируемый отдельными групповыми акторами. От постколониальных переименований городов до споров о памятниках советским деятелям, где постоянно возникает одна и та же дилемма: как сохранить групповое достоинство, не прибегая к насилию над материальным наследием? Символическое исключение в его мягкой форме становится операциональным ответом на этот вызов.

Существует теоретический дефицит в исследовании указанных проблем. Известные работы П. Коннертона [2], П. Рикёра [3], Д. Шектера [4] и др., описывают либо естественное забвение (вытеснение из памяти), либо прямое уничтожение свидетельств. Однако современные «информационные фильтры» работают иначе: они не стирают прошлое, а лишают его актуальности. Для анализа этого феномена требуется новая оптика и понимание процессов.

Исторические аспекты damnatio memoriae представлены в исследованиях Х. Флауэр [5]. Я. Ассман [6] рассматривал концепцию культурной памяти, А. Ассман ввела понятие «культурной амнезии» [7].

Медиаисследования Т. Гиллеспи, показали механизм алгоритмического регулирования видимости [8]. Однако до сих пор не представлена сквозная типология, которая связала бы древнее проклятие памяти, средневековую анафему, практики переименований в модерне и современные алгоритмические фильтры как вариации одного инварианта – защиты идентичности через исключение «неудобных» символов.

Цель исследования – выявить инвариантные механизмы символического исключения и проследить их эволюцию от античных практик до цифровых фильтров современности. Гипотезой является предположение, что при смене технологической среды функция символического исключения сохраняется, но его средства смещаются от репрессивно-материального уничтожения к мягкому замалчиванию и мифозамещению, причём последнее оказывается более эффективным, поскольку не вызывает прямой реакции отторжения или сопротивления.

Таким образом концептуально оформляется «символическое исключение без уничтожения», что является следствием мягкого умолчания, которое происходит не через механизм запрета, а посредством селекции актуальности. При этом адресат исключения эволюционирует от прямого обращения к социуму в прошлом к опосредованному путём создания алгоритмической среды в современности.

Мифозамещение в этом процессе может быть представлено ключевым оператором, позволяющим замещать неудобное прошлое не пустотой, а героическим нарративом [9].

Типологическая модель механизмов символического исключения

Под символическим исключением в данной работе понимается комплекс социально-технических процедур, направленных на элиминацию, фоновое подавление либо семантическую подмену или естественное вытеснение нерелевантных нарративов тех фрагментов коллективного прошлого, которые воспринимаются как угроза для консолидации позитивного образа «мы-группы». Иными словами, это институционализированная практика очистки культурной памяти от нежелательных смыслов.

В основе предлагаемой типологии лежит допущение о том, что историческая легитимация или делегитимация всегда опирается на доминирующий в данную эпоху технологический уклад работы с прошлым. Смена этого уклада, от материального воздействия к нормативно-ритуальным процедурам и далее к цифровой алгоритмике, порождает три идеальных типа механизмов исключения, которые в чистом виде редко встречаются, но образуют аналитически различимые полюса.

Во-первых, репрессивно-материальный тип. Его суть заключается в прямом физическом демонтаже, уничтожении или порче вещных носителей памяти: демонтаж статуй и монументов, зачистка эпиграфических надписей, изъятие и последующая ликвидация письменных источников. Данный тип работает через воздействие на телесную среду памяти, предполагая, что удаление объекта автоматически ведет к исчезновению неудобного значения. Исторически это наиболее ранняя форма символического исключения, однако, в определённой мере сохраняющее присутствие в настоящем.

Во-вторых, нормативно-ритуальный тип. Здесь акцент смещается с материального субстрата на публичное переозначивание статуса агента памяти. Инструментарий включает посмертные формы осуждения (damnatio memoriae в его римской версии), анафематствование в церковной традиции, ритуалы гражданской казни имени (лишение почетных званий, исключение из локальных пантеонов героев). В отличие от первого типа, носители далеко не всегда уничтожаются физически, чаще они продолжают существовать, но снабжаются негативными маркерами, которые блокируют их включение в позитивные идентификационные нарративы. Механизм власти здесь не грубая сила, а коллективное свидетельство и ритуальное обновление запрета.

В-третьих, информационно-алгоритмический тип. Возникает в условиях цифровой инфраструктуры памяти, где доступ к контенту регулируется не столько правовыми запретами или физическими актами, сколько невидимыми правилами ранжирования. Ключевые операциями могут быть: деиндексация страниц из поисковой выдачи, понижение веса материала в рекомендательных системах, скрытая блокировка распространения без формального уведомления, а также автоматизированный или полуавтоматический рерайтинг исторических статей, например, вики-средах. Особенностью этого типа является асимметрия прозрачности, то есть, процедура не афишируется, у исключаемого материала сохраняется видимость присутствия, но его коммуникативная эффективность обнуляется. Власть над прошлым реализуется здесь через контроль над потоками внимания, а не над самими знаками.

Общим основанием предложенной типологии является гипотеза о том, что каждая эпоха формирует свою «технологию забвения», коррелирующую с доминирующим способом производства и воспроизводства социальной реальности. Переход от материального уничтожения к ритуальному осуждению, а затем к алгоритмической фильтрации отражает не смену гуманности или жестокости, а смену логик осуществления власти, динамики от контроля над объектами к контролю над означающими, а следом к управлению видимостью или невидимостью в цифровых экосистемах.

Damnatio memoriae как архетипическая модель (античность)

В римской правовой традиции процедура посмертного осуждения памяти формировалась как сложный гибрид юридического акта и религиозного табу. Решение сената о наложении damnatio memoriae не являлось уголовным приговором в современном понимании. Скорее, это был акт сакральной легитимации нового политического порядка. Источники различают две основные формы: abolitio memoriae (полное «аннулирование следов») и, собственно, damnatio (активное проклятие). Первая предполагала нейтральное удаление имени из публичного пространства, вторая – ритуально окрашенное уничтожение любых материальных носителей, связанных с опальным правителем.

Важно подчеркнуть: решение принималось уже после смерти тирана, что создавало юридический парадокс – умерший не мог быть привлечён к ответственности, но его социальное тело (воспоминание о нём) подлежало казни. Согласно Тациту [10], который считал важным находить причины и моральные последствия действия политиков, сенаторы руководствовались не столько желанием мести, сколько благим намерением (моральной интенцией) восстановления мира между богами и общиной, нарушенный действиями правителя-нечестивца.

Практики физического истребления памяти отличались изобретательностью и одновременно ритуальной единообразием. Основным инструментом являлось механическое соскабливание имени с надписей. На мраморных постаментах и бронзовых таблицах оставались характерные пустоты (лакуны), которые современная эпиграфика легко идентифицирует как следы посмертной опалы. Например, на арке Константина перебиты имена предшественников-тиранов, причём глубина резца указывает на намеренное физическое насилие над текстом.

Перебивка представляла собой более трудоёмкую технику: поверх стёртого имени вырезалось новое, чаще всего принадлежавшее более «благонадёжному» императору. Так, изображения Нерона переделывались в портреты Веспасиана или Тита путем изменения черт лица (особенно прически и профиля). Переплавка статуй давала двойной выигрыш: металл возвращался в государственную казну, а сам акт уничтожения становился публичным спектаклем. Например, статуи Домициана сбрасывали с пьедесталов под крики толпы, чем совершалось ритуальное убийство бронзового двойника.

Наиболее интересный эффект «проклятия памяти» заключается в её обратном действии. Чем активнее сенат и последующие императоры пытались вычеркнуть имя из истории, тем прочнее оно в ней закреплялось. История Гелиогабала, хоть и оспаривается некоторыми историками ввиду ненадёжности источников, но метафорически является ярким подтверждение этого правила. Его экстравагантный культ Солнца, сексуальные скандалы и политическая неуклюжесть были столь подробно зафиксированы в актах осуждения, что позднеантичные хронисты пересказывали их с мазохистским удовольствием. «Запретный плод памяти» оказывался слаще легитимного.

Ключевая функция «проклятия памяти» выражается не столько в забвении как таковом, сколько в публичном новом определении границ допустимого. Уничтожение памяти о тиране служило своего рода катарсисом для политического тела Рима. Выбрасывая имя врага из списков, сенат создавал прошлое заново: как если бы этого правителя никогда не существовало. Однако римляне, оставляли лазейку для передачи памяти в виде устной традиции, которая потом служила источником для письменных работ историков.

Таким образом, «проклятие памяти» действовало на двух уровнях: официальном (источник права и сакрального порядка) и неофициальном (источник нарратива и морального примера). Символическое изгнание врага из коллективной памяти было необходимо не для того, чтобы его забыли, а для того, чтобы помнили, каким он не должен быть. В этом глубинное отличие римской модели от более поздних практик тотального уничтожения архивов. Римляне сохраняли память о самом акте проклятия, превращая его в архетипический сценарий власти.

От анафемы до переименований: средневековье и модерн

После падения Рима ритуальная логика damnatio memoriae не исчезла, но перешла в юрисдикцию церкви. Анафема в христианской традиции

представляла собой не просто проклятие, а символическое исключение из сообщества живых верующих. Имя преданного анафеме вырезалось из диптихов (церковных поминальных списков), его изображения в храмах замазывались или сбивались. Показательно, что Византийская империя унаследовала римскую технику перебивки имён на императорских портретах, дополнив её иконоборческим уничтожением священных образов. Однако ключевое отличие заключалось в том, что анафема была обратима: покаяние могло вернуть имя в церковную память, тогда как римское damnatio memoriae, как правило, оставалось навсегда.

В Европе раннего Нового времени сформировались практики «гражданской смерти», то есть лишения осуждённого всех прав, включая право на собственное имя и наследование. Французский королевский эдикт о «стирании памяти» предписывал сжигать портреты изменников, ломать их гербы и запрещать упоминание в хрониках под страхом тюрьмы. Это действие уже перестало быть ритуалом по восстановлению космического порядка, но оно превратилось в механизм формирования государственности. Абсолютная монархия осваивала средства управления общественными нарративами путём создания угрозы тотального умолчания.

Подлинный тектонический сдвиг произошёл в период революционных потрясений. Французская революция 1789–1794 годов впервые легитимизировала повсеместное переименование городов, улиц и даже месяцев как осознанную технологию отказа от прошлого. Символическое исключение более не было локальным актом, направленным против одного правителя. Оно обернулось комплексным преобразованием всей пространственной структуры памяти. Статуи королей методично сменялись аллегорическими изображениями Свободы, а королевская площадь Людовика XV стала площадью Революции (в современности – Согласия). Примечательно, что и в данном случае разрушение оставалось неполным: многие объекты не уничтожались физически, а получали новые смыслы (значения) посредством нанесения дополнительных надписей либо исполнения актов ритуального осквернения.

XIX столетие привнесло идеологию национальных государств, требовавшую создания непорочных пантеонов героев. Переименования вошли в повседневную практику. Свергнутые исторические персонажи исчезали с городских вывесок, колонизаторов заменяли борцы за свободу и независимость. Тем не менее сама процедура сохраняла публичный характер и, как правило, юридически закреплялась.

Важно отметить, что до середины XX века символическое исключение всё ещё требовало акта физического, судебного или парламентского решения. Оно было событием, о котором знали.

Информационные фильтры: алгоритмическое исключение без субъекта

Цифровая эпоха радикально меняет условия игры. Когда память хранится не в камне и пергаменте, а в распределённых базах данных, а доступ к ней опосредован поисковыми алгоритмами, символическое исключение приобретает новые, ранее немыслимые черты.

Первая и главная особенность, это делигитимация без объявления. Если damnatio memoriae требовало сенатского указа, а анафема обязательного соборного приговора, то деиндексация страницы в Google или «теневой бан» аккаунта в социальной сети может быть осуществлена решением одного модератора или даже автоматическим фильтром. Формальных оснований часто не предъявляется, апелляционные механизмы фиктивны или отсутствуют. Власть над прошлым становится анонимной и непубличной.

Вторая особенность выражается в сохранении иллюзии присутствия. Уничтоженная статуя отсутствует очевидно. Но деиндексированная страница формально существует: у неё есть URL, её можно открыть по прямой ссылке. Однако она перестаёт быть находимой. Поскольку большинство пользователей не выходят за пределы первой-второй страницы выдачи, материал фактически исчезает из общественного сознания, не будучи удалённым.

Таким образом, было сформировано специфическое явление – «алгоритмическое забвение». Оно действует эффективнее прямого физического уничтожения, поскольку не оставляет видимых следов насилия и не вызывает у людей желания защищаться.

Третий отличительный признак – микрополитика распределения внимания. Системы ранжирования опираются на множество сигналов: время, проведённое на странице, нажатия кнопок, пересылки, отметки о нарушении. В результате коллективную память о прошлом можно «уничтожить» не через явный запрет, а через последовательное снижение её значимости в выдаче. Например, алгоритм начинает считать то или иное историческое событие «неоднозначным» либо «ложной информацией». Тогда связанные с ним материалы отодвигаются в конец списка результатов поисковой выдачи, даже если сами по себе они объективны и соответствуют исторической действительности. Обычный пользователь не замечает цензуры – он просто «не находит» то, что искал.

В современной практике символического исключения важное место занимают вики-среды. Википедия, которую большинство (массовый потребитель информации) считает главным архивом исторических знаний, активно применяет так называемый мягкий рерайтинг. Суть в том, что нежелательные факты смещаются на периферию статьи, обрамляются фразами-опровержениями или подменяются более удобными (нужными) трактовками, и при этом никто формально ничего не запрещает. Данное управление информацией напоминает древний приём с перезаписью имён: старый рассказ стирают, поверх него наносят новый, а следы правок остаются лишь в журнале изменений, куда заглядывают только самые настойчивые.

Мифозамещение как оператор символического исключения

В современных условиях главным инструментом, который придаёт законную силу процессам исключения (вытеснения), становится мифозамещение. По мнению П. Рикёра [11], коллективная память людей не может оставаться «пустой», она всегда должна быть наполнена содержанием, в противном случае, при утрате существовавшей информации, появляется ностальгия, либо открытое сопротивление. Поэтому не является эффективным простое уничтожение монумента или текста. Вместо этого на освободившуюся нишу помещают иную, более удобную версию событий, то есть производят замещение. Особую действенность этот приём обретает в рамках современного «гуманизма без субъекта» [12], поскольку система образования уже не может воспитать устойчивого и внутренне непротиворечивого хранителя культурного наследия. В итоге подмена мифа воздействует на массовое сознание не напрямую, а через мягкое переформатирование, то есть, меняя не факты, а их смысловую значимость. Достигается это благодаря алгоритмическим и педагогическим конструкциям, управляющим ранжированием значения и смысла.

В античности мифозамещение было грубым. Как уже упоминалось ранее, лицо Нерона переделывалось в лицо Веспасиана, но все знали, что это переделка. В модерне появилась техника «героизации проигравших»: колонизатор превращался в исследователя, предатель в жертву обстоятельств. Однако алгоритмическая эпоха позволяет мифозамещение «бесшовное»: когда старый нарратив не опровергается, а просто перестаёт находиться, а новый поднимается на его место силой ранжирования.

Примером может служить постепенное исчезновение из поисковой выдачи материалов, критикующих определённые постколониальные переименования. Формально эти материалы не запрещены, их можно найти по прямой ссылке. Но для обычного пользователя, вбивающего нейтральный запрос, они оказываются на пятой-шестой странице, тогда как первые места занимают статьи, одобряющие переименование. Происходит не подавление факта, а управление его значимостью, то есть именно то, что древние пытались сделать через физическое уничтожение, но с противоположным знаком эффективности.

Выводы

Проведённый анализ позволяет утверждать, что гипотеза исследования подтвердилась. Инвариант символического исключения, защита групповой идентичности от диссонирующих элементов прошлого, сохраняется на протяжении более двух тысяч лет.

В ходе исторического развития технологическое воплощение данного феномена прошло через три качественно различных этапа. Начавшись с физического истребления (период от архаики до античности), оно затем трансформировалось в ритуально-законодательное переназначение смыслов (эпохи Средневековья и Нового времени) и в итоге пришло к программному (алгоритмическому) контролю над тем, что становится видимым (современная цифровая эра).

При этом появление новых форм не упраздняет старые. В современной действительности происходит одновременный демонтаж монументов (материально-репрессивный подход), законодательные инициативы по смене названий (нормативно-ритуальный подход), а также скрытые блокировки и деиндексация страниц в поисковой выдачи (информационно-программный или алгоритмический подход). Все эти практики сосуществуют, соперничают и служат взаимным дополнением и оправданием. Тем не менее долговременная тенденция просматривается явно: всё большее влияние набирает «мягкое» и неочевидное исключение, которое невозможно приписать конкретному автору, не оставляет видимых следов принуждения и потому практически не вызывает стремление к сопротивлению.

Самым тревожным последствием этой тенденции является отсутствие открытого обсуждения. Когда контроль над историей осуществляется через невидимую работу алгоритмов, социум утрачивает способность к коллективному обсуждению и решению, что достойно сохранения в памяти, а что нет. Парадоксальная ситуация заключается в том, что цифровые технологии, которые заявлялись как перспективный и эффективный инструмент, обеспечивающий массовый доступ к знанию, но в реальности сегодняшнего для воспроизводят ситуацию, характерную для доантичных обществ, где памятью управляли незримые высшие силы. Разница лишь в том, что теперь эти силы носят имя не богов, а корпоративных протоколов и алгоритмов, ранжирующих информацию.

Дальнейшие научные исследования обозначенной проблематики представляется необходимым вести в двух направлениях. Первое предполагает сравнительный анализ национальных юрисдикций, которые имеют существенно разную систему реагирования на исключение через алгоритмы. Второе требует выработки нормативных критериев для так называемого «прозрачного изъятия», возможно, создания символической процедуры нового типа. Такая процедура сочетала бы в себе ритуальную публичность, присущую античному damnatio memoriae (чтобы каждый понимал причины и инициатора исключения), и технологическую действенность современных цифровых фильтров. Без этого символическое исключение рискует окончательно стать не инструментом сохранения идентичности, а рычагом скрытого влияния и принуждения, что подрывает саму основу коллективной памяти как пространства для общественного диалога.

Литература

1. Carroll P.M. Memoria and Damnatio Memoriae. Preserving and erasing identities in Roman funerary commemoration // Living through the Dead: Burial and commemoration in the Classical world. Studies in Funerary Archaeology / eds. by P.M. Carroll, J. Rempel. Oxbow; Oxford, 2011. P. 65–90.

2. Connerton P. Seven types of forgetting // Memory studies. 2008. № 1 (1). P. 59–71.

3. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – Москва: Академический проект, 2008. – 695 с. ISBN: 978–5–8291–1025–3.

4. Шектер Д. Семь грехов памяти: Как наш мозг нас обманывает. М.: КоЛибри, АзбукаАттикус, 2021. – 368 с. ISBN: 978–5–389–16424–6.

5. Flower Harriet I. The art of forgetting: disgrace and oblivion in Roman political culture. Великобритания, University of North Carolina Press, 2006. P. 400. ISBN: 9780807830635.

6. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. – ISBN: 9785944571762.

7. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / Алейда Ассман; составление, пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с. ISBN: 978–5–4448–1151–1.

8. Gillespie T. The Relevance of Algorithms // Media Technologies: Essays on Communication, Materiality, and Society / под ред. T. Gillespie, P.J. Boczkowski, K.A. Foot. – Cambridge, MA: MIT Press, 2014. – P. 167–194.

9. Пичугин В.Г. Мифотехники в эпоху искусственного интеллекта: конструирование цифровых метанарративов в информационной войне / В.Г. Пичугин, Л.А. Годунова // Социально-гуманитарные знания. – 2026. – № 1. – С. 143–145. – EDN DLNOBQ.

10. Тацит К. Анналы. Малые произведения / К. Тацит. – Москва: АСТ; Астрель, 2010. – 505 с. – ISBN 978-5-17-065428-4.

11. Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, – 2004 – (Французская философия XX века). – 728 с. – ISBN: 5–87121–031–7.

12. Пичугин В.Г. Гуманизм без субъекта: кризис гуманистической парадигмы в образовании // Высшее образование в России. – 2026. – Т. 35, № 2. – С. 00–00. – DOI10.31992/0869–3617–2026–35–2–00–00.

SYMBOLIC EXCLUSION AS PROTECTION OF GROUP IDENTITY: FROM DAMNATIO MEMORIAE TO INFORMATION FILTERS

Pichugin V.G.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the evolution of symbolic exclusion practices, from the ancient damnatio memoriae to modern algorithmic filters. The relevance of this research is driven by a global trend observed over the past 10–15 years: the demolition of monuments to «objectionable» historical figures and the de-indexing of pages containing «undesirable content» by search engines outside the legal framework. The study identifies an invariant mechanism that unites these heterogeneous phenomena – the protection of group identity through the elimination or silencing of traumatic fragments of the past. The aim of this work is to trace the transformation of this mechanism from the physical destruction of memory carriers to ritual-normative redefinition and, further, to algorithmic visibility management. Drawing on an interdisciplinary approach (historical epigraphy, cultural memory studies, media studies), a typology of three ideal types is proposed: repressive-material (dismantling statues, erasing inscriptions), normative-ritual (anathema, civil death of a name), and informational-algorithmic (shadow banning, de-indexing, soft rewriting in wiki environments). The key operator of the current stage is myth-replacement – the soft substitution of an inconvenient narrative with a heroic one without formal prohibition, which provokes № resistance. The main conclusion is that while the functional invariant remains, the dominant form of exclusion becomes a soft, non-attributable form that leaves № traces of violence. The most troubling consequence is a deficit of publicity: power over the past shifts to anonymous corporate algorithms, undermining collective memory as a space for dialogue.

Keywords: symbolic exclusion, memory politics, myth-replacement, historical memory, mass consciousness, history.

References

1. Carroll P.M. Memoria and Damnatio Memoriae. Preserving and erasing identities in Roman funerary commemoration // Living through the Dead: Burial and commemoration in the Classical world. Studies in Funerary Archaeology / eds. by P.M. Carroll, J. Rempel. Oxbow; Oxford, 2011. P. 65–90.

2. Connerton P. Seven types of forgetting // Memory studies. 2008. № 1 (1). P. 59–71.

3. Riker P. Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics / P. Riker. Moscow: Academic Project, 2008. 695 p. ISBN: 978–5–8291–1025–3.

4. Schacter D. The Seven Sins of memory: How our brain deceives us. Moscow: KoLibri, AzbukaAtticus, 2021. 368 p. ISBN: 978–5–389–16424–6.

5. Flower Harriet I. The art of forgetting: disgrace and oblivion in Roman political culture. Great Britain, University of North Carolina Press, 2006. P. 400. ISBN: 9780807830635.

6. Assman J. Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity / J. Assman. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 368 p. ISBN: 9785944571762.

7. Assman A. Oblivion of history – obsession with history / Aleida Assman; compilation, translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: New Literary Review, 2019. 552 p. ISBN: 978–5–4448–1151–1.

8. Gillespie T. The Relevance of Algorithms // Media Technologies: Essays on Communication, Materiality, and Society / edited by T. Gillespie, P.J. Boczkowski, K.A. Foot. – Cambridge, MA: MIT Press, 2014. – P. 167–194.

9. Pichugin V.G. Mythotechnics in the era of artificial intelligence: the construction of digital meta-narratives in the information war / V.G. Pichugin, L.A. Godunova // Socio-humanitarian knowledge. – 2026. – № 1. – Pp. 143–145. – EDN DLNOBQ. 10. Tacitus K. Annals. Small works / K. Tacitus. – Moscow: AST; Astrel, 2010. – 505 p. – ISBN 978-5-17-065428-4.

11. Riker P. Memory, history, oblivion / Translated from French. – M.: Publishing House of Humanitarian Literature, – 2004 – (French philosophy of the XX century). – 728 p. – ISBN: 5–87121–031–7.

12. Pichugin V.G. (2026). Humanism without a Subject: The Crisis of the Humanistic Paradigm in Education. Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. Vol. 35, № 2, Pp. 74–91, doi: 10.31992/0869-3617-2026-35-2-74-91

Событийный хронотоп поколений

Павлов Александр Павлович,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии Сибирского федерального университета
E-mail: pavloff56@list.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович,
доктор философских наук, доцент, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого; профессор кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета
E-mail: siridar@mail.ru

В статье анализируется взаимосвязь поколений, их включенность в процесс воспроизводства социального мира в границах единого хронотопа. Авторы статьи исходит из идеи, что в границах хронотопа все поколения участвуют в конституировании совместного мира. Хронотоп поколений осмысливается автором как пространственно-временной континуум совместного бытия поколений. Каждое поколение занимает определенное место в историческом хронотопе, в котором «уживаются» несколько поколений.

Авторы статьи считают некорректным классифицировать поколения, принадлежащие определенному хронотопу, как «доминантные», «уходящие», «потерянные» и т.д. Слово «доминантный» применимо не к конкретному поколению, а к типу связи поколений внутри хронотопа.

Авторы показывают, что архитектоника поколений трансформируется благодаря абсолютным событиям, с которыми связано появление новых доминантных межпоколенческих отношений внутри общего хронотопа.

Основные задачи статьи:

1. Рассмотреть феномен поколения, используя эвристический ресурс экзистенциально-онтологического подхода.
2. Показать историческую связь поколений в экзистенциально-онтологических границах хронотопа.
3. Рассмотреть фактор абсолютных событий взаимоотношений поколений.
4. Предложить собственную типологию взаимосвязи поколений в границах хронотопа.

Методологической опорой статьи являются концепты и дискурсы М. М.М. Бахтина, Х. Ортеги-и-Гассета, А.А. Ухтомского, М. Хайдеггера, работы и идеи современных зарубежных и отечественных ученых, исследующих различные аспекты проблемы поколений и межпоколенных связей.

Ключевые слова: поколения, хронотоп поколений, абсолютные события, нарратив, бытие-в-мире, след.

Проблема поколений – извечная жизненная и социальная проблема, привлекающая внимание общественности, ученых (социологов, философов, психологов), писателей с древнейших времен. И нет сомнений, что эта проблема и в будущем будет в центре внимания, обсуждаема представителями разных научных направлений: демографами, социологами, философами, антропологами и т.д.

Но в последние годы у ученых обществоведов есть поводы для рассмотрения данной проблемы под новым (экзистенциально-онтологическим) углом зрения.

Во-первых, социально-демографическая ситуация в мире и в России в начале двадцать первого века. Речь идет не только о глобальных тенденциях, которые статистически зафиксированы (например, старение населения), но прежде всего, о ментальных трансформациях как в самих поколениях, так и в отношениях между ними. Появляются новые типы поколений, которых еще не было в истории человечества, например, пресловутое поколение Z: «продукт» эпохи социальных сетей.

Во-вторых, в новых социокультурных и технологических реалиях трансформируются и «старшие» поколения, по крайней мере их представители, которые либо не жили во времена СССР, либо были совсем в юном возрасте и о жизни в стране «Советов» мало что знают и помнят. Обращает на себя внимание то, что у данного поколенного кластера «пролонгирован» ментальный возраст. Молодыми людьми сегодня считаются сорокалетние и даже пятидесятилетние мужчины и женщины.

В-третьих, существенно изменился характер отношений между старшими и младшими поколениями. Конечно, определенные ментальные разрывы и связанные с ними напряженность и даже отчужденность в этих отношениях, а также преемственность и воспитывающая и социализирующая роль старших в отношении младших были во все времена. В тоже время, нельзя не отметить ряд особенностей, характеризующих специфику этих отношений уже в новом столетии.

Авторы исходят из идеи, что поколения следует рассматривать в качестве акторов воспроизводства общества. Но эту функцию каждое поколение может выполнить только во взаимосвязи с другими поколениями.

Что касается межпоколенческих связей, то здесь не следует спешить делать выводы, основывающиеся не столько на фактах, сколько на привычных и устойчивых стереотипах: «дети» и «отцы» живут в «параллельных мирах», которые практически не пересекаются. Такой вывод можно сделать если рассматривать отношения старших и младших поколений как взаимоотношение функциональные, прагматические, этические. Но в первую очередь их следует рассматривать как как отношения экзистенциально-онтологические. В тоже время в последние годы интерес к проблемам поколений как у ученых, так и у ненаучной общественности резко возрос.

В немалой степени это связано с широко «пропиаренными» работами писателя У. Штрауса и экономиста Н. Хоуфа [20, 21]. Предложенная авторами классификация поколений хорошо известна. Следует отметить, что данная классификация породила волну по большей части справедливой критики.

В частности, отмечалось некоторая искусственность классификации (отсутствие валидных эмпирических данных, подтверждающих обоснованность внутрипоколенческих и межпоколенческих интервалов).

Следует обратить внимание на работы отечественных ученых, указывавших на историко-событийную сущность поколений, межпоколенных связей. Ю.А. Левада рассматривал исторические перемены ценностных ориентиров поколений на протяжении двадцатого века. При этом поколения, сохраняя свой демографический (возрастной) статус, выступают, прежде всего, как общности людей, отличающиеся доминантными ценностями и установками [8, 9].

Схожая оценка поколений у В.В. Радаева, который переосмыслил теорию поколений применимо к современному российскому обществу [15]. Таким образом, поколение – это не только лица, принадлежащие одной возрастной группе, но общность, объединяющая людей со схожими ценностями, образом жизни, взглядом на мир.

Следует вернуться к ключевой идеи статьи: социодинамика поколений, их участие в воспроизводстве социального мира возможно «в связке», во взаимосвязи между собой в границах единого хронотопа.

Как отмечал В.И. Вернадский жизнь как проявление ноосферы осуществляется внутри собственного пространственно-временного континуума (который ею же и создается). Время как витальный (и, конечно, «человеческий») феномен «проявляется не в качестве четвертой координаты, а в виде смены поколений» [6].

Важно отметить: в одном хронотопе «уживаются» несколько поколений. При этом другие представители других поколений вовсе не считают себя «ушедшими» поколениями.

Отсюда очевидный вывод: рассматривать социодинамику поколения, его участие в социальном воспроизводстве возможно «в связке» с другими поколениями в границах единого хронотопа, образующие.

Концепт хронотопа обычно связывают с именами А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина [1, 2, 15].

По А.А. Ухтомскому и М.М. Бахтину хронотоп не есть система с заданной структурой. Для характеристики организации хронотопа Михаил Михайлович использует вместо слова «структура» «архитектоника».

«Не систему и не систематически-инвентарный перечень ценностей, где чистые понятия (содержательно себе тождественные) связаны логической соотносительностью, собираемся мы дать, а изображение, описание действительной конкретной архитектоники ценностного переживания мира» [1].

Как отмечает, А.А. Ухтомский: «С упомянутой точки зрения учения о хронотопе нет ни одной мелочи в мире, которая не была бы детерминирована предшествовавшею историей участвующих систем и обстоятельствами момента их встречи. Случайным кажется лишь то, для чего у нас пока нет подходящего метода наблюдения» [15].

Хронотоп следует понимать феноменологически или, точнее, в духе фундаментальной онтологии (М. Хайдеггер), поскольку по сути есть архитектоника миробытия. Важно отметить, что хронотоп трансформируется, по крайней мере, его экзистенциальная архитектоника. Можно ли говорить о единстве и экзистенциально-онтологической целостности хронотопа. Или же происходит его раздробление на экзистенциально-онтологические анклавы или замкнутые на себе «грады» с собственным пониманием справедливого устроения мира? [4].

Следует обратить внимание на событийную и историческую природу хронотопа поколений. «Событие истории» «есть событие бытия-в-мире. Историчность присутствия есть по своему существу историчность мира» [7].

Речь идет не о «линейной, объективной историчности» (последовательной смене исторических этапов). Историчность поколения есть событийная историчность акторов, объединенных общей заботой о мире, в который их «забросила» судьба. Общее что объединяет людей (и акторов) поколения: общая забота о совместном бытии-в-мире, которая раскрывается в экзистенциалах прошлого (брошенность), настоящего (вовлеченность) и будущего (проект).

Строго говоря, поколение не есть фактическая социальная общность. У поколения нет иерархии (хотя есть лидеры). Поколение нельзя рассматривать как реальную (в натуралистическом смысле), но скорее, как экзистенциальную общность. «Сообщество, данное от природы или же сохраняемое посредством обычая как таковое, не удерживается на плаву, если оно не «принято свободным актом экзистенциального существования и не усвоено внутренне» [5].

Поколения связаны между собой экзистенциально: объединены общей заботой о бытии-в-мире, их жизнедеятельность, несмотря на различия (демографические, ценностные) имеют общую экзистенциально-онтологическую направленность (интенциональность). Добавим к этому: каждое новое поколение не просто старается утвердиться в сложившемся хронотопе, но создать в нем собственные ареалы, собственные каналы мироустройства. Но это вовсе не означает, что другие поколения «уходят в тень». Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет отмечает: «в каждом «сегодня» сосуществуют взаимосвязи нескольких поколений». Их взаимоотношения образуют динамическую систему со своими силами притяжения и отталкивания, совпадения и несогласия» [13].

1. Заброшенность.

Заброшенность в мир означает прежде всего судьбу поколений жить в исторических социокультурных обстоятельствах, которые они не выбирают. Заброшенность не отчуждает людей от мира, не растворяет и не обезличивает, не делает их изгоями. Наоборот, она сплачивает людей. Здесь более уместное слово «захваченность» миром как целым, которым не в праве выбирать. Остается только доверять ему как чему-то, что априорно его превосходит. Заброшенность – не обреченность, а радость присутствия бытия, основанное на безотчетном доверии к судьбе.

Поколение осваивает мир, который изначально им не принадлежал, но при этом оно обречено быть «при мире».

Заброшенность не следует понимать, как избегание персональной ответственности за мир, в который человек заброшен и возложение ответственности на «обстоятельства» жизни, судьбу.

«Заброшенность» – это первичный опыт осознания человека своей идентичности с миром. Смысл заброшенности «не выпадение» из него, удержание себя в нем.

Это относится и к поколениям. Их объединяет общая судьба совместности, необходимость «держаться вместе», особенно в ситуации глобальных кризисов, войн, когда существует реальная и экзистенциальная угроза для всех причастных общему миру. Все что происходит людьми – происходит исключительно внутри мира, его онтологических границ, выход за пределы которых табуированы. Это всегда «мир-изнутри». Доминанта (интенциональность) заброшенности-в-мир: неотчуждаемость мира и человека.

2. Ожидание, предчувствие перемен.

Экзистенциальное переживание неотвратимой близости надвигающего абсолютного события. Старый мир еще существует, но у него уже нет достаточных ресурсов (идеологических, когнитивных, этических и т.д.), для удержания бытие в собственных границах.

Мир уже пребывает в состоянии ожидания на «границе» между уже «сбывшемся» и «сбывающимся». Граница – это экзистенциальный выбор между надеждой на обретение прекрасного, но тревожного будущего или интенцией возвращения к истокам истинного бытия («корням»), завещанного «отцами», но забытыми последующими поколениями.

На границе выстраиваются напряженные отношения между поколениями, обусловленные выбором (экзистенциальным, когнитивным, идеологическим) между надеждой на обретение прекрасного, но тревожного будущего, сопровождающаяся страхом утраты самого мира или интенцией возвращения к истокам истинного бытия («корням»), завещанного «отцами», но забытыми последующими поколениями.

Доминанта: Мир как «ожидаемое», интенциональность выхода за онтологические границы прежнего мира, обращенность к новым смыслам, жизненным перспективами.

3. «Очищение». Катарсис.

Катарсис – есть «снятие», экзистенциальное очищение от уз старого мира, открытие нового мира (алетейя) и, одновременно. Часто драйвером катарсиса выступает событие-травма (например, Холокост).

Событие как катарсис есть трансцендирование за границы хронотопа замыкающегося на себе мира, преодоление онтологической закрытости, состояния при котором живущие в мире поколения ментально и экзистенциально устают от бесконечной репликации прежних форм бытия.

Доминанта: мир как свершенное.

Поколения по-разному могут относится к «свершенному» миру. Но все поколения включены в интенциональное пространство доминанты: новый мир сбылся, состоялся и это необратимый процесс. Событие августа 1991 года и его последствия представители одних поколений проклинали, других – приветствовали. Но все понимали – возврата в прошлое и к прошлому невозможно и надо как-то уживаться с трансценденцией перехода к новым реалиям.

Переход проявляется как экзистенциальная травма (разрыв с прошлым, с привычным, устоявшемся всегда сопряжен с травматическим переживанием)

Катарсис – снятие персональных и коллективных экзистенциальных) переживаний (страх, тревога), вызванных «обесмысливанием» миробытия (мир уже онтологически не надежен). Катарсис – экзистенциальное состояние мира, свидетельствующее о том, что у него (мира) уже нет ресурсов его удержания в его собственных границах, нет акторов, готовых продолжать репрезентировать реальность.

Катарсис предельно проблематизирует оппозицию: «новое» – «старое» поколение». Результат проблематизации – рождение новой доминанты бытия, субъектом которой выступает новое поколение. Яркий пример тому – поколение ранних христиан с доминантой христианского понимания мира и человека.

4. Поколения «следа». Ностальгия. Отношение к миру как «родному», нативному.

Появление новой доминанты (например, в виде новых «картин мира», нарративов, символов и ритуалов) не раскрывается сразу.

Всегда остаются смысловые остатки, «родимые пятна» прошлого. Например, спустя столетия после утверждения христианства мировой религией сохраняются и даже интегрированы в практики христианской жизни элементы язычества. След, как отмечает Ж. Деррида, означает: «что (перво) начало вовсе не исчезло, что его всегда создавало (и создает) возвратное движение чего-то неизначального, то есть следа, который тем самым становится (перво) началом (перво) начала» [7].

Таким образом, в хронотопе соприсутствуют и взаимно дополняют друг друга поколения, которые поддерживают баланс в экзистенциально-событийной архитектонике: поколения, чья ментальная интенциональность обращена в идеальное прошлое, идеальное «раньше» и искаженное и неправильное «сейчас» и те поколения, которые обращены в будущее. Но в любом событийном хронотопе всегда будут проявлять себя явно или неявно «следы» в виде ностальгии о прошлом, родном. Неизбывность таких следов обусловлена природой человека, независимо от того к какому поколению он принадлежит. Архетипический образы дома, детства, предков, родины всегда будут надежными скрепами поколений.

5. «Забегание вперед» (проектность мира).

Забегание вперед не означает прощание с прошлым и настоящим. «Мир впереди» – это тот же самый собственный мир людей только в проекции. Поколения пребывают не только в «собственном» настоящем и в «собственном» прошлом, но и в «собственном» будущем, как бы присваивая его себе.

Забегание вперед означает выраженную бинарную модель связи поколений. Поколения, ориентированные в будущее, являются «монополистами» абсолютного события, не только присваивая трансформируя его в социетальные структуры.

Но свое место в хронотопе сохраняют поколения «следа» с интенцией ностальгии, «возвращения» к доброму старому жизненному миру. Ю. Хабермас видел конфронтацию жизненного мира и мира системы. Но с нашей точки зрения жизненный мир и мир системы (социетальный мир) уравновешивают, взаимно дополняют друг друга.

Забегание-вперед «указывает, что присутствие, собственно экзистируя, дает себе как самой своей способности настать для себя» [18].

6. «Бытие-при-внутримировом-сущем» (М. Хайдеггер).

Хронотоп мира окончательно выстраивает континуум миробытия в единую, онтологически связанную линию совместного миробытия, приобретая форму исторического нарратива.

По существу, бытие-при-внутримировом-сущем – это мир обывателей, мир поколений, которые озабочены судьбой совместного мира. Но в отличие от «заброшенного» миробытия, в котором поколения «обречены» быть при нем, вынуждены принимать его таким, каким он есть, у миробытия поколения обывателей есть собственная историческая перспектива («биография»), есть настроение и решимость эту историю создавать. «Историчность присутствия есть по своему существу историчность мира, который на основании экстатично-горизонтной временности принадлежит к временению этой последней» [18].

Это устоявшийся насущный мир. Конечно, он не идеален. Но он внятен, понятен каждому. Поколения принимают его в качестве собственного мира.

Доминанта: мир как должное, устоявшееся. Человек – хозяин собственной судьбы. Верность событию. Нарратив. Поколение на границе.

О событийной природе поколения написано много. Но важно понимать участие поколений в строительстве событийной истории.

Не всякое случившееся, не любое происшествие есть событие, по крайней мере с точки зрения социальной феноменологии. Конечно локальная событийность есть у многих происшествий, например, падение тунгусского метеорита – явления, которое заинтересовало (и по-прежнему интересует) ученых, астрологов, уфологов и т.д. Кто-то посвятил изучению этого явления всю свою жизнь, написал диссертацию.

Но подобные происшествия вряд ли можно рассматривать как события поколения. Речь идет об особых «случаях», особых происшествиях, а именно о таких, которое попадает в фокус внимания «новых» наблюдателей, коими являются акторы поколений.

Особенность данных событий в том, что они появляются и проявляют себя вместе с рождением нового взгляда на происходящее в мире, на сам мир в границах хронотопа. У события своя история, свой ритм, и даже свое пространство, которые затягивают, вовлекают. Но сами события ничего не создают. Более того, они сами создаются из различных случаев.

Речь идет не о традиционной «линейной» историчности, а о событийной историчности человеческого бытия. Событийная историчность есть историчность бытия-в-мире. «Историчность подразумевает бытийное устройство «события» присутствия как такового» [18]. Идея событийного феномена поколений связана с трудами Карла Мангейма. В своих работах он предложил рассматривать поколения как социальный феномен – людей, объединенных общими историческими событиями [10, 11, 19]. Важно отметить, что речь идет о «абсолютных» (чрезвычайных) событиях. Чрезвычайное событие не следует рассматривать как нечто привнесенное извне, некую внешнюю силу, разрушающую устоявшийся миропорядка. Оно есть такое состояние миропорядка, при котором прежние способы коммуникации поколений в границах хронотопа либо невозможны, либо кардинальным образом трансформируются.

Чрезвычайные события требуют нового взгляда на происходящее, выступая триггерами новых настроений [12, 17]. Важно отметить следующие особенности хронотопа:

Во-первых, хронотоп есть пространственно-временной континуум социального мира как целого.

«В хронотопе, то есть в неразрывной связи пространственных и временных координат реальности, но не в пространстве отдельно и не во времени отдельно. Реально лишь непрестанно и закономерно преобразующаяся форма во времени, или интервал, переживаемый от одной формы до другой» [16].

Во-вторых, хронотоп – это внутреннее содержание мира, относительно независимое от внешних обстоятельств. По существу, хронотоп и есть пространственно-временная архитектоника мира или мир как онтологическая целостность. Речь идет об «общей жизни каждого в лице другого». Другой в хронотопе поколений – это «продолжение» меня в коллективном эоне.

Как отмечает А.А. Ухтомский: «мы – не наблюдатели, а участники бытия» [16]. Он утверждает, что человек воспитывает в себе способность «переключения в жизнь другого человека, способность понимания ближайшего встречного человека как конкретного, ничем не заменимого в природе, самобытного существа, одним словом, когда воспитается в каждом из нас доминанта на лицо другого» [16].

Важно также отметить, что хронотоп следует рассматривать феноменологически. Он не есть целостность как заданное сущее и не есть содержание этого сущего. «Человек видит реальность такою, каковы его доминанты, то есть главенствующие направления его деятельности. Человек видит в мире и в людях предопределенное своею деятельностью, то есть так или иначе самого себя» [16].

В-третьих, речь идет, не о физическом, а о феноменальном континууме, который есть то, что «себя-в-самом-себе-обнаруживает». Иными словами, хронотоп есть собственное («для себя»), мир «изнутри», интенциональное пространственно-временное целое акторов, которые идентифицируют себя с ним. В качестве акторов выступают поколения (можно вполне согласиться с В.И. Вернадским). Почему не классы, или этнические общности?

Объясняется это тем, что именно поколения являются генераторами и носителями «абсолютных событий» и связанных с ними нарративов, которые собственно и являются конструктами хронотопов.

Еще раз следует подчеркнуть: речь идет об экзистенциально-онтологическом понимании хронотопа. К этому следует добавить, что хронотоп есть континуум и одновременно граница жизненного пути разделивших общую судьбу людей, «захваченных» абсолютным событием.

Хронотоп – архитектоника совместного-с-другими бытия в мире. У М. Хайдеггера (который не использовал понятие хронотоп) эта совместность проявляется в заботе о мире. Забота исторична. Но это особая рекурсивная историчность. Она связывает прошлое настоящее и будущее в едином онтологическом целом, которое мы называем «миром».

В-четвертых, хронотоп – это пространственно-временной континуум, воспроизводимый благодаря коммуникации его непосредственных участников (в нашем случае – акторов поколений).

Выводы:

1. В работе делается акцент не на выделении и анализе какого-то определенного поколения, которое наделяется доминантными качествами, а на взаимосвязи поколений.

2. В статье прослеживается трансцендентная связь поколений. Эта связь происходит в едином (для всех поколений) пространственно-временном континууме: событийном хронотопе.

3. Хронотоп – архитектоника совместного-с-другими бытия в мире. У М. Хайдеггера (который не использовал понятие хронотоп) эта совместность проявляется в заботе. Концепт заботы (в фундаментально-онтологическом дискурсе немецкого философа) есть архитектоника миробытия, образующая триаду: прошлого (модус «заброшенности»), будущего (модус «забегание вперед»), настоящего («бытие-при-внутримировом сущем»).

4. Поколения не являются коллективными субъектами наподобие классов. В то же время у поколений есть субъектность, но субъектность трансцендентная. Речь идет о погруженности поколений в пространственно-временной континуум (хронотоп) в качестве его акторов. Субъектность проявляется в приверженности, «верности» абсолютному (чрезвычайному) событию выраженной ценностной доминанте. Доминанта не только является идентифицирующей поведен-

ческой «матрицей», но условием позиционирования и диалога с другими поколениями.

5. Для экспликации этой связи важно сфокусировать внимание на ее проблематизации. Она проявляется в «разрывах», сбоях в коммуникации.

Проблематизация не создает новые объекты, но создает новые взгляды, новые способы видения, обнаружения. Экзистенциально эти сбои проявляются как травма. Экзистенциальная травма (например, холокост), это экзистенциальный вакуум.

Для передачи необходимы определенные каналы, причем такие каналы, которые понятны и принимаемы обеими сторонами (как «отцами», так и «детьми»). Если эти каналы берут под жесткий контроль «отцы» (как это было в СССР), или, наоборот, контроль фактически отсутствует (Россия 90-х годов прошлого века) – молодежь создает собственные каналы, часто с дисфункциональными эффектами. Лояльность и легальность каналов «отцов» можно поддерживать только при условии доверия к самим «отцам» как носителям базовых ценностей.

Литература

1. Бахтин М.М. К философии поступка. Избранное. / М.М. Бахтин // Том. I: Автор и герой в эстетическом событии. – М.: СПб. Центр гуманитарных инициатив. 2017. 103 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин. // Вопросы литературы и эстетики: Сб. – М.: Худ. лит., 1975. С. 234–407.
3. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат о социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман // М.: Медиум, 1995. 324 с.
4. Болтански Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено // М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.
5. Больнов О. Философия экзистенциализма / О. Больнов // СПб.: Издательство «Лань», 1999. 224 с.
6. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В.И. Вернадский // М., 2013. 574 с.
7. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида // М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
8. Левада Ю.А. Поколение XX века: возможности исследования / Ю.А. Левада // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 7–14.
9. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования / Ю.А. Левада // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2001. № 5. С. 8–13.
10. Мангейм К. Проблема поколений / К. Мангейм // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47.
11. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции / К. Мангейм // ИНИОН РАН, 2000. 162 с.
12. Нанси Ж.Л. О событии. Философия Мартина Хайдеггера и современность / Ж.Л. Нанси // Наука, 1991. С. 91–102.
13. Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея / Х. Ортега-и-Гассет. Избранные труды // М.: Издательство «Весь Мир» 1997. 704 с.
14. Пигалев А.И. Бытие как событие и сущность поэзии в философии позднего Хайдеггера / А.И. Пигалев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 4. С. 658–670.
15. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество / В.В. Радаев // М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
16. Ухтомский А.А. Доминанта / А.А. Ухтомский // СПб.: Питер. 2002. 448 с.
17. Филиппов А.Ф. Триггеры абсолютных событий / А.Ф. Филиппов // Логос. 2006. № 5 (56) С. 104–118.
18. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер // Харьков: «Фолио». 2003. 503 с.
19. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер // Харьков: «Фолио». 2003. 452 с.
20. Mannheim K. The Problem of Generations / K. Mannheim // Essays on the Sociology of Knowledge Edition1st Edition P. Kecskemeti.(ed.). New York: Oxford University Press, 1952. P. 276–322.
21. Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069 / W. Strauss, N. Howe // HarperCollins, 1992. 544 p.
22. Strauss W. The Fourth Turning: An American Prophecy / W. Strauss, N. Howe // Broadway Books, 1997. 382 p.

EVENTFUL CHRONOTOPE OF GENERATIONS

Pavlov A.P., Rakhinsky D.V.
Siberian Federal University, V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk State Agrarian University

The article analyzes the interrelation of generations, their inclusion in the process of reproduction of the social world within the boundaries of a single chronotope. The authors of the article proceed from the idea that within the boundaries of the chronotope all generations participate in the constitution of the joint world. The chronotope of generations is understood by the author as a space-time continuum of the joint existence of generations. Each generation occupies a certain place in the historical chronotope, in which several generations «coexist». The authors of the article consider it incorrect to classify generations belonging to a certain chronotope as «dominant», «leaving», «lost» and etc. The word «dominant» does not apply to a specific generation, but to the type of intergenerational relationship within the chronotope. The authors show that the architecture of generations is transformed by absolute events that lead to the emergence of new dominant intergenerational relationships within the overall chronotope. The main objectives of the article are:
1. Consider the phenomenon of generations
2. To show the historical connection of generations in the existential-ontological boundaries of the chronotope.
3. To consider the factor of absolute events in the relationship between generations.
4. To propose your own typology of the relationship between generations within the chronotope.
The article is based on the concepts and discourses of M.M. Bakhtin, H. Ortega y Gasset, A.A. Ukhtomsky, and M. Heidegger, as well as the works and ideas of contemporary foreign and Russian scholars who study various aspects of the problem of generations and intergenerational connections.

Keywords: generations, chronotope of generations, absolute events, narrative, being-in-the-world, and legacy.

References

1. Bakhtin M.M. Towards the philosophy of action. Favorites. / M.M. Bakhtin // Volume. I: The author and the hero in an aesthetic event. Moscow: SPb. The Center for Humanitarian Initiatives. 2017. 103 p.
2. Bakhtin M.M. Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics / M.M. Bakhtin // Questions of Literature and Aesthetics: Collection. – M.: Khud. lit., 1975. P. 234–407.
3. Berger P. Social Construction of Reality. Treatise on the Sociology of Knowledge / P. Berger, T. Lukman // M.: Medium, 1995. 324 p.
4. Boltanski L. Criticism and Justification of Justice: Essays on the Sociology of Cities / L. Boltanski, L. Thévenot // Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2013. 576 p.
5. Bolnov O. Philosophy of Existentialism / O. Bolnov // St. Petersburg: Lan Publishing House, 1999. 224 p.
6. Vernadsky V.I. Chemical Structure of the Earth's Biosphere and Its Environment / V.I. Vernadsky // Moscow, 2013. 574 p.
7. Derrida J. On Grammatology / J. Derrida // Moscow: Ad Marginem, 2000. 512 p.
8. Levada, Yu.A. The Generation of the 20th Century: Research Opportunities / Yu.A. Levada // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2001. № 5 (55). P. 7–14.
9. Levada, Yu.A. The Generations of the 20th Century: Research Opportunities / Yu.A. Levada // Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions. 2001. № 5. P. 8–13.
10. Manheim K. The Problem of Generations / K. Manheim // New Literary Review. 1998. № 2 (30). P. 7–47.
11. Manheim K. Essays on the Sociology of Knowledge: The Problem of Generations. Competition. Economic Ambitions / K. Manheim // INION RAS, 2000. 162 p.
12. Nancy J.L. About the Event. Martin Heidegger's Philosophy and Modernity / J.L. Nancy // Nauka, 1991. P. 91–102.
13. Ortega y Gasset X. Around Galileo / X. Ortega y Gasset. Selected Works // Moscow: Ves' Mir Publishing House, 1997. 704 p.
14. Pigalev A.I. Being as an Event and the Essence of Poetry in the Philosophy of Late Heidegger / A.I. Pigalev // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. 2023. Vol. 39. № 4. P. 658–670.
15. Radaev V.V. Millennials: How Russian Society is Changing / V.V. Radaev // Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2019. 224 p.
16. Ukhtomsky A.A. Dominant / A.A. Ukhtomsky // St. Petersburg: Peter. 2002. 448 p.
17. Filippov A.F. Triggers of Absolute Events / A.F. Filippov // Logos. 2006. № 5 (56). P. 104–118.
18. Heidegger M. Being and Time / M. Heidegger // Kharkiv: Folio. 2003. 503 p.
19. Heidegger M. Being and Time / M. Heidegger // St. Petersburg: Nauka. 2002. 452 p.
20. Mannheim K. The Problem of Generations / K. Mannheim // Essays on the Sociology of Knowledge Edition1st Edition P. Kecskemeti (ed.). New York: Oxford University Press, 1952. P. 276–322.
21. Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069 / W. Strauss, N. Howe // HarperCollins, 1992. 544 p.
22. Strauss W. The Fourth Turning: An American Prophecy / W. Strauss, N. Howe // Broadway Books, 1997. 382 p.

Содержание категории «безопасность» в социальной философии

Рубцов Александр Геннадьевич,
ассистент, кафедра истории и филос2офии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
E-mail: Rubchic65@yandex.ru,

В статье раскрывается содержание категории «безопасность» в социальной философии. Подчёркивается значимость безопасности, как важнейшей составляющей, способствующей обеспечить стабильное функционирование общества. Соотносятся категории «опасность» и «безопасность» в социальной философии. Выделяется их ключевая роль для понимания устройства общества и обеспечения его устойчивого развития в контексте непрерывного изменения социальных структур под влиянием внутренних и внешних угроз. Изучается исторический контекст понимания категории безопасности от Древней Греции до Новейшего времени. Раскрывается практическая плоскость изучения безопасности в рамках научно-практической дисциплины «безопасности жизнедеятельности». Выделяется взаимозависимость понятий «опасность» и «безопасность», как отдельной категории, выделяются их общие свойства, характеристика и влияние на общественную систему. Затрагивается аспект экономической безопасности в социальной философии в контексте его влияния на общественное развитие. В заключении научной статьи представлен авторский взгляд и вывод.

Ключевые слова: социальная философия, философская категория безопасность, безопасность в социальной философии, безопасность, опасность, вызов, угроза, риск.

Проблема безопасности сопровождает развитие социума с древних времен, но как как самостоятельная философская категория и направление исследований формировалось в конце XX века. Основные причины актуализации проблемы безопасности связаны с человеческой деятельностью. Постепенное развитие производительных сил и производственных технологий, порождает множество новых проблем. В социальной философии категория «безопасность» напрямую связана личной безопасностью, безопасности своей общины и своей территории. Состояние беспокойства всегда было свойственно человеку во все времена. В древние времена, хозяйственный уклад человека строился вокруг собирательства. При собирательстве истощение охотничьих угодий, плодородных почв или природные катаклизмы представляли опасность для дальнейшего функционирования и выживания человека. Переход к производящему хозяйству, земледелию и животноводству, привел к появлению излишков продукции и возможности создавать запасы, тем не менее, опасности для общества не исчезли.

Вследствие того, что безопасность имеет определяющее значение для самого существования общества, в социальной философии ее проблеме уделяется пристальное внимание. Так, по мнению В.М. Губанова и И.К. Капшуновой, «вычленение философского аспекта безопасности жизнедеятельности требует ее анализа с различных позиций: онтологии, рассматривающей проблемы выживания человечества и окружающей его природной среды; гносеологии, показывающей пути познании проблем безопасности; аксиологии, раскрывающей ценности и оценку явлений мира, связанных с безопасностью, с позиций их действительного или мнимого значения для человека … методологии, фиксирующей важную грань взаимосвязи человека и среды его обитания, характеризующей проблемы безопасности социума и окружающей его среды» [1, с. 62–68].

Важно понимать, что, общественное восприятие формирует отношение к объективной реальности и оно определяет условия для её изменения в интересах поддержания устойчивого развития социальной системы. Безопасности во всей её полноте присущи онтологические, гносеологические и нравственные основания.

Первые попытки философов рассмотреть категорию «безопасность» относится к периоду Древней Греции, когда человек начал обосабливаться от природы и превращался из объекта, подчиняющегося её законам, в субъект, рассматривающий природу как инструмент для решения своих целей и удовлетворения своих потребностей. В суждениях Сократа обозначается важность «высших ценностей жизни», как основы для совершенствования личности. Добродетели отражают истинное проявление человека в экстремальной ситуации. Высказывание Сократа о том, что «…Благо – не что иное, как удовольствие, и зло – не что иное, как страдание…» [2] можно рассмотреть, как дилемму, определяющую позитивные и негативные цели любой деятельности, включая обеспечение безопасности. В другом суждении Сократа «добродетели нельзя научить, но воспитывать граждан нужно» [3], подчёркивается значимость воспитания – нравственного преобразования личности, как фактора обеспечения безопасности общества.

Платон и Аристотель в своих трактатах рассматривают ценностный аспект безопасности, затрагивая вопросы государства, общества и личности. На этом историческом этапе еще нет попыток определить «безопасность» как отдельную категорию, однако, рассматривается влияние типов государственного устройства (тирания, олигархия, демократия) на личность и общество. Главным образом, отвечая на вопрос о жизненном укладе человека. В идеях Платона Идеальное государство рассматривалось с позиции справедливости, где каждый человек занимал место в обществе в соответствии со своим положением и способностями. В трактате «Политика» Аристотель исследовал формы государства, основные элементы, государственное устройство и отдельно обращал внимание на вопросы экономики в государстве [4]. Таким образом, Платон и Аристотель рассматривали безопасность как внутреннюю, базовую потребность безопасного существования человека, при этом выдвигали на первый план вопросы безопасности государства, а уже затем – общества и человека [5, с. 15–17].

Философы Древней Греции были первопроходцами в изучении проблемы безопасности в теоретическом и методологическом аспектах. Значимость их взглядов позволяет сделать вывод о том, что «безопасность» рассматривается через призму в рамках взаимодействия

и взаимовлияния государства, общества и личности. Личность – продукт влияния государства и общества, а поэтому вопросы нравственного характера становятся важными для существования государства и общества, где безопасность личности признаётся только в составе целого общества и государства. Важным обстоятельством является и то, что человек в рамках любой социальной системы на практике действует, исходя из своих морально-нравственных представлений, что обеспечивает широкое поле для возможностей поступать исходя из своего субъективного представления вопреки объективным обстоятельствам.

В эпоху Средневековья под влиянием религиозных аспектов в повседневной жизни под безопасностью понималось «внутреннее душевное равновесие». В труде Аврелия Августина «О Граде Божьем», при противопоставлении «града земного» и «града Божия», утверждалось, что защита от страхов и опасностей достигается не через общественные институты, а через полное упование на Бога –достижение душевного равновесия возможно при полном доверии к божественному замыслу, несмотря ни на какие невзгоды, войны или катастрофы [6]. В труде Фомы Аквинского «Сумма теологии» прослеживается идея о создании общества на принципе гармонии между верой и разумом. В частности, отмечалось, что естественный порядок мира, осознание разумности мироздания, созданного Богом, позволяют человеку достичь душевного покоя. В трактате Боэция «Утешение философией», написанном им в тюрьме перед своей казнью, безопасность рассматривалась как спокойствие души, вне зависимости от внешних обстоятельств и связана с принятием своей судьбы и поиске мудрости [7, с. 133–247].

Ибн Сина в трактате «Канон врачебной науки» устанавливает зависимость эмоционального состояния человека от определенных свойств исполняемой музыки. По его мнению, звуки, соединенные в гармоническую композицию, могут возвысить душу человека, поднять ее от слабости к силе, и, наоборот, звуки, лишенные гармоничности, способны привести человека в состояние душевного упадка. Музыка понималась им как средство искоренения человеческих пороков и даже как своеобразное лекарство, избавляющее от некоторых болезней [8, с. 100–105].

В эпоху Нового времени происходит переосмысление понятия «безопасность». Связано это с тем, что в европейском обществе на фоне Реформации и церковного раскола происходит постепенная секуляризация общества, укрепляется центральная власть и образуются первые национальные государства. Вестфальская система, ставшая итогом Тридцатилетней войны, декларирует идею суверенитета, где каждое государство обладает суверенитетом на своей территории и его границы признаются нерушимыми, эти и многие другие положения станут первой основой для системы регулирования международных отношений. Именно в это время начинает складываться современное понимание понятия «национальная безопасность». Прошлые концепции и взгляды на понятие «безопасность» пересматриваются и актуализируются, поднимаются вопросы об отношении социума и государства. Т. Гоббс в своём главном труде «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» обосновывал «силу» государства, как инструмент для защиты граждан, которую он видел в сильном централизованном государстве. Гоббс в книге «Левиафан. Как рождается чудовище власти» писал, что «цель государства – главным образом обеспечение безопасности, а для этого необходимо, чтобы власть была достаточной для устрашения всех людей, дабы они из страха наказания удерживались от нарушения своих соглашений», он подчёркивал взаимосвязь между «властью» и «безопасностью». Гоббс писал, что добровольный отказ людей от прав и свобод в пользу государства может стать основным условием обретения безопасности – условие, при котором возможно развитие общества и где человек может обрести благополучие. Ученый приравнивал безопасность к власти суверена.

В отличие от Гоббса, Дж. Локк подходил к этому вопросу совершенно иначе. В своих трудах «Два трактата о правлении», «О гражданском правлении» Дж. Локк утверждал, что естественное состояние человека характеризуется свободой и равенством, где каждый обладает неотъемлемыми правами на жизнь, свободу и собственность [9]. Эти права, по его мнению, не создаются государством, а существуют априори, что делает их основой для критики любого политического режима, нарушающего данные принципы [10, с. 96–97]. В идеях Дж. Локка охватывается проблема баланса между безопасностью и свободой [11, с. 9–14; 12, с. 81–84]. В своих политико-юридических трудах («К вечному миру», «Метафизика нравов») И. Кант уделял внимание вопросам безопасности, которые можно разделить на «внутреннюю безопасность» и «внешнюю безопасность» [13]. В контексте философии И. Канта обеспечение «внутренней безопасности» возможно «… только в правовом государстве, входящем в общемировой союз народов, человеку может быть в полной мере гарантирована безопасность и созданы максимально благоприятные условия для интеллектуального и духовного развития…» [14]. Государство в этой системе должно обеспечивать условия для соблюдения законов и развития личности [15, с. 23–28]. «Внешняя безопасность» у И. Канта связывается с концепцией международного права, в котором государства должны взаимодействовать с целью предотвращения потенциальных войн и обеспечения мира. Гегель в своей работе «Основания естественного права и науки о государстве. Основы философии права» рассматривал государство как единый организм, включающий единство семьи, гражданского общества и политических институтов, где нравственность становится реальной через традиции и законы, таким образом, государство воплощает «объективный дух». Критические изменения этих основ, скрепляющих его структуру, способны создать угрозу для существования государства. Семья у Гегеля – первичная и самая важная ячейка общества, в которой формируется нравственность, но и также, учитывая репродуктивную функцию семьи, происходит воспитание будущего поколения и те ценности, которые оно понесёт в дальнейшем, могут оказать долгосрочные последствия для всего общества и государства. Принимая во внимание, что каждая семья и её члены участвуют в хозяйственно-экономической жизни, важным становится отношение каждого человека к своему труду и имеющимся у него возможностям влиять на общественную жизнь. Необходимость регулирования хозяйственно-экономической сферы обуславливается угрозой, преобладания нездорового эгоизма, несущего деструктивное влияние и разрушающего общественное благо. Для Гегеля утрата духовных ценностей, распад семьи и преобладание эгоизма в обществе, способно лишить государство способности сохранять свою устойчивость при воздействии внутренних и внешних угроз.

Для социальной философии содержание категорий «опасность» и «безопасность» важно для понимания развития общества, отражая его противоречивость в процессе развития и преобразования. Обе категории существуют в единстве и противоречии, они присущи всем системам на всех этапах существования. «Опасность» проявляется как внутреннее или внешние условие, при котором целостность системы находится под угрозой изменения и функционирования в первоначальном виде. «Безопасность» создаёт условия, при которой система в состоянии пережить внутреннее или внешнее влияние, не потеряв своё исходное состояние и функционирование [16, с. 72–78]. Баланс между «опасностью» и «безопасностью» влияет на конечное состояние системы, либо она проходит изменения сохраняя свою целостность, претерпевая небольшие изменения или же оставаясь без изменений вовсе, но возможно и то, что система полностью уничтожается и на её месте появляется нечто иное, либо не остаётся ничего. Основной критерий, отражающий полноту и наглядность защищённости системы, может быть определен исключительно в рамках практической деятельности. Для этого обратимся к философскому пониманию этого вопроса в рамках научно-практической дисциплины «безопасности жизнедеятельности». Изучение категорий «опасность» и «безопасность» будет наиболее показательным благодаря изучению прикладных направлений, где безопасность и её поддержание имеют решающее значение.

Опасность напрямую связана с происходящими явлениями и окружающими предметами в мире, способными нанести ущерб человеческой жизнедеятельности или человеку. Следует также понимать, что объекты опасности не всегда являются источниками опасностей. Опасность не всегда очевидна и может перерасти в угрозу. Она проявляется постоянно и имеет пространственно-временные рамки. По своему содержанию имеет свойства, приобретаемые в зависимости от причины возникновения. При достижении «критических» значений или посредством длительного воздействия, выводят систему из равновесного состояния, важно отметить, что реализуется опасность в виде энергии или информации, не обладая избирательным свойством [17, с. 38–42]. Состояние «безопасности» представляется антиподом «опасности» и характеризуется комплексной системой мер по защите, способной обеспечить такое состояние, при котором риски для целостности системы будут находиться на приемлемом уровне, снижая вероятность возникновения угроз системе, а при воздействии угроз на систему, она будет в состоянии обеспечивать своё стабильное функционирование и развитие. Обратим внимание на категории «вызов», «риск» и угроза. Вызов – совокупность обстоятельств, формирующая потенциальные риски и угрозы для безопасности системы, не оказывающие непосредственного влияния на систему в конкретный момент времени. Риск – вероятность, при которой сохранения системы в равновесном состоянии, имеется возможность избежать или минимизировать негативное воздействие на систему. Угроза – конкретная форма опасности, представляющая угрозу целостности системы. Безопасность, таким

образом, – это способ организации структуры, с целью поддержания её существования в окружающей среде, обеспечение её надёжного развития и функционирования при воздействии на систему вызовов, рисков и угроз.

Состояние безопасности тесно связано с идеализацией предмета исследования, например, И. Константинов и Ш. Вайс отмечают, что безопасность характерна для множества сфер жизни человека. В этой многогранности бывает тяжело разграничить безопасность работы и чувство безопасности человека [18, с. 14–15]. По мнению Н.Н. Рыбалкина, «безопасность» следует относить к социально-философскому понятию и её необходимо воспринимать как идеал или стремление человека при создании форм общественной организации. В его работах отмечается, что к «безопасности» следует относится как к свойству определённой системы и результату процесса социальной деятельности под воздействием других различных систем [19, с. 359–362].

Анализируя вышесказанное, следует сделать вывод о том, что при создании новых систем (общественных, производственных и т.д.) необходимо заблаговременно изучить потенциальные внешние и внутренние вызовы, риски и угрозы и проработать механизмы и мероприятия для ликвидации и минимизации ущерба системе от них. Это невозможно без имплементации диалектического принципа системности, когда тщательно исследуются не только сами элементы и их потенциальное развитие, но также внутренние противоречия системы, взаимодействие системы с внешней средой, в контексте социально-философского понимания безопасности, которое включает в себя широкое представление о процессах, происходящих в объективной реальности.

Литература

1. Губанов, В.М., Капшунова И.К. Философская интерпретация безопасности жизнедеятельности // Педагогика высшей школы. – 2016. – № 3.1(6.1). – С. 62–68.
2. Платон. Протагор // Платон. Сочинения. М., 1968. Т. 1. 368 с.
3. Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. – М.: Наука, 1994.
4. Platon. Compositions: in 3 vols. M., 1968. V. 1. P. 244.
5. Баишева М.И. Понимание безопасности личности как ценности в трудах античных философов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 2. – С. 15–17.
6. Августин Блаженный. О Граде Божием. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 1296 с.
7. Шмараков, Р. Боэций. Утешение Философией / Р. Шмараков // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – Т. 3, № 4. – С. 133–247. – DOI 10.17323/2587–8719–2019–4–133–247.
8. Иванова, Л.А. Ибн Сина /Авиценна/ в зеркале музыки. Некоторые музыкально-теоретические взгляды Ибн Сины. Воззрения Ибн Сины в области музыкальной теории / Л.А. Иванова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 23(101). – С. 100–105.
9. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк; пер. с англ. – М.: Мысль, 1988. – 560 с.
10. Ермолов, И.О. Учение Джона Локка о власти народа, его законном праве на восстание против тирании, о неотчуждаемых правах человека / И.О. Ермолов, В.В. Соловьева // Научный Лидер. – 2025. – № 8(209). – С. 96–97.
11. Биряева, А.В. Государство и право в учении Джона Локка / А.В. Биряева, В.В. Севанькаева // Контентус. – 2017. – № 12(65). – С. 9–14.
12. Максименко, Ю.А. Учение Джона Локка о государстве и праве как классическое выражение революционной идеологии / Ю.А. Максименко // Проблемы современной науки и образования. – 2015. – № 7(37). – С. 81–84.
13. Кант И. Метафизика нравов [пер. с нем., примеч. С.Я. Шейнман-Топштейн и Ц.Г. Арзаканьяна]. Москва: Мир книги, 2007. 399 с.
14. Кант, Иммануил (1724–1804.). «К вечному миру» И. Канта / Подгот. текста, [пер. с небольшими сокр.], вступ. ст. [с. 3–22] и заключение А.В. Гулыги. – Москва: Моск. рабочий, 1989. – 75, [2] с.: 17 см – (Первоисточники).
15. Беляева, О.М. Политико-правовые воззрения И. Канта / О.М. Беляева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 1(23). – С. 23–28.
16. Якупов А.М. Понятия «опасность» и «безопасность» как философские категории // Актуальные проблемы формирования культуры безопасности жизнедеятельности населения. Материалы XIII Международной научно-практической конференции по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Москва. – 2008 С. 72–78.
17. Константинов И., Вайс Ш. Будущее невозможно отложить на завтра // ОБЖ. Основы безопасности жизни. – 2006. № 1. С. 38–42.
18. Кирюшкин А.А., Козлов А.И., Петров С.И., Титова Г.Н. Понятие опасности в теории БЖД // Вестник Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. – 2000. № 4 (28). С. 14–15.
19. Мартиросян Т.А. К вопросу о содержании понятия «Безопасность» // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2013. № 2 (5). С. 359–362.

THE CONTENT OF THE CATEGORY SECURITY IN SOCIAL PHILOSOPHY

Rubtsov A.G.
Plekhanov Russian University of Economics

The article reveals the content of the category “security” in social philosophy. The importance of security is emphasized as the most important component contributing to the stable functioning of society. The categories of “danger” and “safety” in social philosophy are correlated. Their key role in understanding the structure of society and ensuring its sustainable development in the context of continuous changes in social structures under the influence of internal and external threats is highlighted. The historical context of understanding the security category from Ancient Greece to Modern times is studied. The practical plane of studying safety in the framework of the scientific and practical discipline “life safety” is revealed. The interdependence of the concepts of “danger” and “safety” as a separate category is highlighted, their common properties, characteristics and impact on the social system are highlighted. The aspect of economic security in social philosophy is touched upon in the context of its impact on social development. The conclusion of the scientific article presents the author’s view and conclusion.

Keywords: Philosophical category security, security in social philosophy, economic security, security system, danger, challenge, threat, risk.

References

1. Gubanov, V.M., Kapshunova, I.K. Philosophical Interpretation of Life Safety // Pedagogy of Higher Education. – 2016. – No. 3.1 (6.1). – Pp. 62–68.
2. Plato. Protagoras // Plato. Works. Moscow, 1968. Vol. 1. 368 p.
3. Isaeva, V.I. Ancient Greece in the Mirror of Rhetoric: Isocrates. – Moscow: Nauka, 1994.
4. Platon. Compositions: in 3 vols. Moscow, 1968. Vol. 1. P. 244.
5. Baisheva, M.I. Understanding Personal Security as a Value in the Works of Ancient Philosophers // Humanitarian, Socio-Economic, and Social Sciences. – 2015. – No. 2. – P. 15–17.
6. Augustine the Blessed. About the City of God. Minsk: Harvest; M.: AST, 2000. 1296 p.
7. Shmarakov, R. Boethius. Consolation of Philosophy / R. Shmarakov // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. – 2019. – Vol. 3, No. 4. – P. 133–247. – DOI 10.17323/2587–8719–2019–4–133–247.
8. Ivanova, L.A. Ibn Sina /Avicenna/ in the Mirror of Music. Some Musical Theoretical Views of Ibn Sina. Ibn Sina’s Views in the Field of Music Theory / L.A. Ivanova // Bulletin of Chelyabinsk State University. – 2007. – No. 23 (101). – P. 100–105.
9. Locke, J. Two Treatises of Government / J. Locke; trans. from English. – M.: Mysl, 1988. – 560 p.
10. Ermolov, I.O. John Locke’s Teaching on the Power of the People, Their Legal Right to Rebel against Tyranny, and the Inalienable Rights of Man / I.O. Ermolov, V.V. Solovieva // Scientific Leader. – 2025. – No. 8 (209). – P. 96–97.
11. Biryaeva, A.V. State and Law in the Teachings of John Locke / A.V. Biryaeva, V.V. Sevankaeva // Contentus. – 2017. – No. 12(65). – P. 9–14.
12. Maksimenko, Yu.A. John Locke’s Doctrine of State and Law as a Classic Expression of Revolutionary Ideology / Yu.A. Maksimenko // Problems of Modern Science and Education. – 2015. – No. 7(37). – P. 81–84.
13. Kant I. Metaphysics of Morals [translated from German, notes by S. Ya. Sheinman-Topshteyn and Ts.G. Arzakanyan]. Moscow: Mir Knigi, 2007. 399 p.
14. Kant, Immanuel (1724–1804). “Towards Eternal Peace” by I. Kant / Preparatory work, [translated with minor abbreviations], introductory articles [Pp. 3–22] and conclusion by A.V. Gulyga. – Moscow: Mosk. rabochy, 1989. – 75, [2] p.: 17 cm – (Primary sources).
15. Belyaeva, O.M. Political and legal views of I. Kant / O.M. Belyaeva // Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2014. – No. 1 (23). – Pp. 23–28.
16. Yakubov A.M. The concepts of “danger” and “safety” as philosophical categories // Actual problems of forming a culture of life safety of the population. Materials of the XIII International scientific and practical conference on the problems of protecting the population and territories from emergency situations. Moscow. – 2008 Pp. 72–78.
17. Konstantinov I., Weiss Sh. The future cannot be postponed until tomorrow // OBZH. Fundamentals of life safety. – 2006. No. 1. P. 38–42.
18. Kiryushkin A. A., Kozlov A.I., Petrov S.I., Titova G.N. The concept of danger in the theory of life safety // Bulletin of the International Academy of Sciences of Ecology and Life Safety. – 2000. No. 4 (28). P. 14–15.
19. Martirosyan T.A. On the content of the concept of “Safety” // Civil Defense Strategy: Problems and Research. – 2013. No. 2 (5). P. 359–362.

Homo sapiens symbolicus: человек через призму символа

Сачкова Елена Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Лингвистика», Российский университет транспорта РУТ(МИИТ)
E-mail: november29@yandex.ru

В статье исследуется феномен символической идентификации и самоидентификации человека, как представителя биологического вида Homo sapiens sapiens. Идентичность человека понимается как результат процесса идентификации и самоидентификации, и представляется как сложная конструкция – «матрешка идентичности», включающая как личностную идентичность, так и социальную. Рассматривается роль символов в формировании идентичности. Анализируется эволюция символических систем от палеолита до современности. Утверждается, что символы на протяжении всей эволюции человека маркировали как его биологическую идентичность представителя Homo sapiens sapiens, так и особенности его социального статуса. Особое внимание уделяется современным взглядам на идентичность человека, а именно трансгуманизму и видовой дисфории, как отказу от своего тела, что является результатом деконструкции концепта человек в философии постмодерна. Делается вывод, что человек является продуктом символических систем, которыми он оперирует, и преобладание символов «нечеловека» может привести к серьезным проблема идентификации и самоидентификации новых поколений.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, самоидентификация, символ, Homo sapiens sapiens.

Размышление о том, кем же является современный Homo sapiens, и почему он symbolicus, хотелось бы начать со слов Л. Уайта: «Символ есть вселенная человечества» [14, p. 22].

«Все человеческое поведение берет свое начало в использовании символов. Все человеческие цивилизации возникают и воспроизводятся благодаря символу. Именно символ превратил нашего человекоподобного предка в человека, именно символ превращает человеческого младенца в полноценного человека. Человека, лишенного символов, нельзя назвать полноценным человеком. Человеческое поведение – это символическое поведение» – отмечал Л. Уайт в своей работе «Наука о культуре» [14, p. 22].

Линия гоминид, от которой произошел современный человек, выделилась примерно 6–7 млн лет назад [12, p. 444–445]. Около 2,4 млн лет назад одна из линий гоминин сделала гигантский эволюционный скачок: мозг ее представителей значительно увеличился и превзошел по размеру мозг современных им шимпанзе и австралопитеков. Так появился Homo habilis – человек умелый, который первым начал изготавливать орудия труда. Homo sapiens как отдельный биологический вид выделился примерно 400–250 тыс. лет назад. Примерно 50 000 лет назад вид Homo sapiens пережил еще одну революцию – обрел язык в привычной нам современной форме синтаксически развитого языка [5]. Параллельно становлению человека как отдельного биологического вида развивается и культура человеческого общества, как способ бытия человека, как образ жизни, включающий в себя все аспекты деятельности человека от норм и ценностей до обычаев и ритуалов, и способов мышления и коммуникации [2]. Данная культура базируется на символах, которые являются носителями закодированной и заархивированной информации необходимой для выживания и успешного функционирования человеческого сообщества. Символы появляются в актах самопознания и самонаблюдения, в то же время они, как отмечал П. Рикёр, также являются для человека инструментом самопознания [10, с. 201–206].

Процесс самопознания, как изучение человеком своих психических и физических особенностей, включает в себя феномен идентичности, то есть «свойство психики человека в совокупном виде выражать представление о его принадлежности к различным социальным, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям, или отождествлять себя с тем или иным человеком как воплощением присущих этим группам или общностям свойств» [11, с. 50].

В нашей работе мы разделяем феномены идентичности и идентификации, выделяя идентификацию как процесс выстраивания модели взаимодействия человека с миром и концептуализации отношений «Я – Другой» [3, с. 33] и идентичность как результат этого процесса.

Неотъемлемой частью процесса идентификации является самоидентификация, которая понимается как «процесс самоуподобления, самоотождествления и соответствия личности с кем-либо или с чем-либо. Зачастую самоидентификация выступает как эмоционально-познавательный процесс неосознаваемого отождествления субъекта с другими субъектами или явлениями.» [4, с. 90].

Важным инструментом идентификации и самоидентификации является символ. Как писал в своей работе «Разум, Я и Общество» американский философ Дж. Мид, идентификация человека осуществляется в процессе символического взаимодействия, т.е. обмена символами [13, p.46]. Благодаря символам человек выстраивает отношения с окружающим миром и социумом, с другими индивидами и самим собой, определяя свою собственную личностную и социальную идентичность (самоидентификация), а также личностную и социальную идентичность окружающих его индивидов. И, как уже отмечалось выше, результаты процессов идентификации и самоидентификации кодируется в символах, как удобных компактных носителях информации. В дальнейшем набор символов, полученный человеком в процессе идентификации и самоидентификации используется как набор шаблонов для идентификации других индивидов и для корректировки собственной идентичности.

Идентичность человека является сложным психологическим комплексом, детерминированным как биологическим фактором принадлежности человека к виду Homo sapiens, так и культурно-социальными факторами проживания индивида в человеческом сообществе. Пред-

ставляя идентичность как многоуровневую композицию, ее часто сравнивают с «матрешкой», указывая, что она имеет ядерный компонент – личностная идентичность, и несколько периферийных компонентов на микро-, мезо– и макроуровнях – социальная идентичность [3, с. 40].

Социальная идентичность включает на микроуровне группы, с которыми человек связан в силу своего рождения (семья) или близкого общения (друзья, работа), на мезоуровне – этнические, религиозные, субкультурные общности, на макроуровне – крупные сообщества (государства, нации). Можно выделить и гипермакроуровень идентичности – культурно-цивилизационный, на котором человек воспринимает себя как представителя одной из мировых культур или всей человеческой цивилизации в целом.

В «матрешку идентичности» в качестве основных компонентов можно включить личностную идентичность, семейную, этническую, религиозную, государственную, цивилизационную. Каждый из уровней идентификации сопровождается своим набором символов, отражающих принадлежность индивида к той или иной социальной группе. Нас интересуют те символы, которые человек использует для личностной идентификации, как принадлежности к виду Homo sapiens sapiens.

Генезис идентификационных символов начался с момента выделения Homo sapiens sapiens как отдельного биологического вида, характеризующегося такими признаками, как бипедия (прямохождение), развитая рука, развитый, увеличенный мозг и уменьшенный размер лица (по сравнению с другими Homo), округлённый череп, наличие подбородочного выступа, что произошло 200–100 тыс. лет назад, а примерно 40–45 тыс. лет назад неоантропы (человек современного облика) заселили практически все континенты. На этот же период становления Homo sapiens sapiens приходятся и «социокультурные новшества – возникновение искусства, символического поведения, технического прогресса, развития языков» [9]. Такие биологические особенности вида находят свое отражение в формирующихся системах символов, через которые человек демонстрирует свою идентичность как представителя вида Homo sapiens sapiens.

Первобытному сознанию был свойственен синкретизм, т.е. слитность человека и природы. Человек еще не выделяет себя из природы, и для него всё одушевлено, весь мир – одна большая община родичей [6, с. 47]. Часто такое представление о мире связано с тотемизмом, религиозно-социальной системой, основанной на культе тотема – предмета, который символизирует мифического предка какой-либо социальной группы, а иногда даже и отдельного индивида. В качестве тотема могут выступать животные и растения, реже явления природы или неодушевленные предметы [2]. Тотемные образы закреплялись в символических изображениях (резные фигурки, тотемные столбы, разные виды живописи). В тотеме символ выполняет свою идентификационную функцию различения «свой–чужой». Как отмечал Э. Дюркгейм, тотем является материально воплощенным символом социальных отношений [2]. Принадлежность к тому или иному тотему выступает основой формирования социальных связей – дружбы или вражды: внутри группы одного тотема нельзя вступать в брак, в то же время, группа другого тотема может выступать как дружественная, группа, с членами которой можно вступать в брак, или, наоборот, группа враждебная. Но каким бы разнообразием не были представлены тотемные символы, и каких бы животных, растений или явлений природы человек не считал своими прародителями, себя он и в наскальной живописи, и в различных фигурках представлял, как Homo sapiens sapiens со всеми характерными биологическими признаками.

Символическое поведение Homo sapiens начало формироваться в эпоху нижнего и среднего палеолита [6, с. 47]. Оно было направлено на передачу, переработку и хранение информации в знаковой форме и нашло свое воплощение в знаковых системах письма, созданиях символических объектов, а также в моделях символического поведения: ритуалы и жесты. Параллельно ему развивается искусство первобытного человека, которое в эпоху верхнего палеолита достигает своего расцвета. Оно представлено многочисленными фигурками людей и животных, выполненными из различных материалов: кость, дерево, бивни мамонта, камень. Одежда украшается бусинами и раскрашивается охрой. Появляется наскальная живопись и графика. Фактически то, что мы сейчас называем искусством первобытного человека, являлось символами в их магической функции. Тотемным изображениям животных и растений поклонялись, им приносили дары в надежде получить поддержку и защиту тотемного божества. Наскальные изображения животных, сцен охоты, копий, стрел призваны помочь в предстоящей охоте. Захоронения человека тоже приобретают ритуальный характер: в могилу кладут орудия труда, оружие, украшения, погребение могло быть засыпано охрой – что указывает на зарождение представлений о загробном мире [8].

Первобытная культура отличалась гомогенностью социальных отношений, однако, в ней уже были установлены важные для выживания различия: вождь (жрец) – остальные члены группы, мужчина – женщина, здоровые половозрелые особи – все остальные [6, с. 47]. Все это находило свое воплощение в наборах символов, которые в данном случае выполняли дифференцирующую роль.

Как пишет Дж. Мид, наличие у человека собственности уже является символом, определяющим его статус в социальной иерархии, при этом он отмечает, что понятие «собственности» крайне абстрактно и включает то, что «может контролировать только сам индивид и никто другой» [13, с. 161–162]. И хотя историки, антропологи, экономисты и т.д. до сих пор спорят, была ли в первобытном обществе личная собственность, никто из них не отрицает, что у первобытного человека в личном владении находились одежда, орудия труда и оружие, украшения и, возможно, мелкие произведения искусства такие, как небольшие фигурки животных или людей, которые могли выполнять как религиозную, так и эстетическую функцию. Таким образом, уже само владение личными предметами было символом определенного статуса человека в социальной иерархии первобытного общества. Наличие определенных личных предметов, их количество и качество демонстрировали социальные различия: вождь – остальные члены группы, здоровые половозрелые особи – все остальные (больные, дети, старики). Помимо материальных символов, маркирующих участников этих социальных оппозиций, статус подтверждался определенными ритуалами (посвящение в вожди, старейшины, в жрецы; инициация мальчиков и девочек), которые можно рассматривать как символические модели поведения.

Одной из базовых оппозиций, определяющих место человека в социальной группе, была и остается оппозиция мужчина–женщина, представленная в культуре верхнего палеолита небольшими фигурами женщин («Венеры палеолита», «Виллендорфская Венера») и мужчин. Такие фигуры, как правило, выполнены достаточно реалистично и ясно отражают биологические особенности мужчин и женщин, что говорит нам о наличии гендерной идентичности у человека палеолита, которая нашла отражение в таких символах. Среди найденных палеолитических фигур преобладают женские фигуры, и, хотя они выполнены по общему канону, фигурки не повторяются и имеют индивидуальные черты, на основании чего антропологи предположили, что такие фигурки могут быть портретами и даже автопортретами [7]. Преобладание женских фигурок связывают как с господством матриархальной организации родовых групп позднего палеолита, так и с культом Матери-Богини, культом фертильности, и символическим воплощением в женской форме домашнего очага. Это позволяет рассматривать такие фигурки как символ гендерной роли женщины в обществе того времени, как матери и хранительницы очага. Именно символы гендерной идентичности можно рассматривать как основные символы идентичности человека как принадлежащего к виду Homo sapiens sapiens, поскольку в них отражаются основные особенности данного биологического вида: определенный внешний вид, пропорции тела, прямохождение, а также его социальные роли.

По мере развития человеческого общества символические системы человека усложняются, как и усложняются символы социальной идентификации человека. Помимо гендерной идентичности, которая находит свое отражение в искусстве Древнего мира (статуи и живописные изображения человека в Египте, Древней Греции, Древнем Риме), появляются символы социального статуса человека – ошейник раба, корона короля, женские прически, отражающие замужний или незамужний статус, религиозные символы.

Христианская религия породила новый вид символической репрезентации человека – икону, каноническое изображение Иисуса Христа, Богоматери и святых. Изображения святых на иконах носят схематический характер, они, в отличие от статуй и иных изображений той же Древней Греции лишены ярко выраженных черт гендерной идентичности, поскольку тело рассматривается, с одной стороны, как сосуд души, с другой стороны, как источник греховных соблазнов, который требуется усмирять. Так, можно сказать, вместе с христианством начинается отказ человека от своей телесности. Тем не менее, христианство, как и другие мировые религии, предоставляет человеку новый набор религиозных символов, через которые он может выразить не просто свою принадлежность к надклассовой или наднациональной общности, но и сакральную связь с Творцом.

Символические системы, кодирующие различные аспекты социального статуса человека достигли своего расцвета в эпоху Средневековья, когда появляются своды законов, регламентирующих, какие предметы и как могут выступать символами статуса. В таких законах подробно расписывается, какую одежду, из каких тканей и каких цветов могут носить люди, принадлежащие к различным социальным

слоям. Гласные и негласные правила регламентируют прически, длину волос и их укладку. На это же время приходится и расцвет геральдики: благородные люди получают гербы – символы их высокого дворянского происхождения, вассалы и слуги получают эмблемы на одежду, как знак их службы и верности определенному господину. Купеческие и ремесленные гильдии также получают символы своих профессий в виде гербов и эмблем. Так человек получает набор символов, отражающих не только личностную идентичность: гендер, принадлежность к семье, роду, но и символы социальной идентичности: принадлежность к определенному социальному классу (раб, воин, дворянин, священнослужитель и т.п.), к профессии, принадлежность к определенной религии, этносу и государственному объединению.

Эпоха Просвещения, ставшая результатом научной революции XVII в. и промышленной революции конца XVIII в. – начала XIX в., заставила взглянуть на человека под другим углом. Ж. Ламетри пишет в 1748 г. работу «Человек-машина», в которой представляет человека как самозаводящийся механизм, машину. Впервые человек предстает не как единое целое, одухотворенное создание Божье, а как искусственно созданный механизм, состоящий из отдельных узлов. Это породило естественный вопрос: «Если человек – механизм, есть ли у него душа». Однако, меняется представление о человеке, но не набор символов, определяющих его идентичность. Человек по-прежнему идентифицирует себя как представителя Homo sapiens sapiens, что находит свое отражение в том числе и в произведениях искусства. В XVI в. зарождается новый жанр живописи как «парадный портрет» и достигает своего расцвета в XVIII в. На таком портрете модель представлена так, чтобы отразить ее высокий социальный статус: монархи уподобляются божествам, аристократы – монархам. Такие портреты как правило изобилуют символами власти: скипетр, держава, корона, глобус или карта как символ обширных владений, мантия красного или пурпурного цвета, отделанная мехом горностая. Кроме того, образ человека как подобного Богу поддерживается церковью.

Однако, развитие науки приносит новый взгляд на человека. Как отмечает Ж. Бодрийяр в своей работе «Символический обмен и смерть» происходит редукция человеческого тела: медицина представляет его как труп, идеально подходящий под ее целей лечения и изучения, для религии – это зверь, которого необходимо усмирить, призвать к порядку, для политической экономии – это робот, как самая экономически эффективная модель рабочей силы, для системы политической экономии знака тело – это манекен, «место производства знаковой ценности», которая предстает как монетизированная, экономически выгодная, «сексуальная модель исполнения желаний» [1, с. 216]. В результате такой деконструкции человек предстает как набор неодушевленных и, в каком-то смысле, неживых модулей, которыми легко манипулировать в определенных целях, и в первую очередь, ради экономической выгоды.

Отход от религиозных догм и новый взгляд на человека в культуре общества потребления приводит к тому, что человек не воспринимается более как «создание Божье», как единство телесной оболочки и души, как существо, «созданное по образу и подобию Божьему». Тело, которое на протяжении тысячелетий выступало главным символом принадлежности человека к биологическому виду Homo sapiens sapiens, более таким не является. Сама принадлежность к данному виду перестает быть для человека одной из базовых ценностей. В философии трансгуманизма тело предстает не как совершенное творение Создателя, а как некий орган с ограниченной функциональностью, который можно улучшить за счет современных технологий с последующим переходом на стадию «постчеловека» – существа, которое не болеет и не умирает. Здесь символами этого нового понимания человека становятся уже не произведения искусства, а достижения науки и техники: пластические операции, улучшающие внешность человека, различные чипы, вживляемые человеку, которые можно использовать как идентификационные документы или карты оплаты, различные роботизированные устройства, улучшающие физические возможности человека (от роботизированных протезов до экзоскелетов), нейроинтерфейсы, БАДы и другие препараты, улучшающие функционирование организма (вплоть до бессмертия), различные символы отказа от своего биологического пола, который тоже выступает своеобразным ограничителем свободы человека.

Одной из кардинальных тенденций переосмысления себя является видовая дисфория. При видовой дисфории человек чувствует, что его тело не соответствует его биологическому виду. В современном обществе видовая дисфория представлена в различных субкультурах, собранных под зонтичным термином «азеркин» (otherkin) или «иной», то есть принадлежащий к другому роду, «нечеловек». Это могут быть субкультуры различных течений териантропов – людей, которые считают, что они животные, заключенные в теле человека. Также к азеркин относятся люди, которые идентифицируют себя как представителей мифических, несуществующих рас (эльфы, инопланетяне, демоны, ангелы, феи и т.п.) или существ (драконы, русалки, вампиры и т.п.). Все эти субкультуры репрезентуют себя через собственные символические системы. У азеркин есть свой опознавательный символ – семиконечная звезда, известная также как «эльфийская звезда».

У териантропов присутствуют различные внешние атрибуты животных (маски, перчатки и обувь, имитирующие лапы животных, хвосты, накладные уши и клыки). Кроме этого териантропы могут подражать животным в своем поведении – рычать, выть, кусаться. Также у мирового сообщества териантропов есть свой собственный символ – сочетание греческих букв «дельта» и «тета», представленное как круг вплетенный в треугольник – который можно встретить на специализированных сайтах и атрибутике. Считается, что по этому символу териантропы могут опознать друг друга.

У субкультур людей, ассоциирующих себя с мифическими расами, также есть свои наборы символов: как внешние атрибуты (одежда, украшения), так и характерная внешность (например, у эльфов заостренные уши, длинные волосы). Самое главное, что у некоторых из этих субкультур присутствует базовая символическая система человека – свой собственный язык. В случае с эльфами это сразу два языка – квенья и синдарин, языки, достаточно хорошо разработанные профессором Дж. Р.Р. Толкиным в его трилогии «Властелин Колец».

Крайними проявлениями видовой дисфории выступают пластические операции и другие процедуры, в ходе которых человек создает себе внешность животного (человек-ящерица, женщина-кошка), мифического персонажа (острые уши эльфов) или даже игрушки (мальчики-кены и девочки-барби).

Причины видовой дисфории, с одной стороны, могут иметь социальный характер. Это может быть связано с глубокой традицией зооморфизма, т.е. наделения людей качествами животных, и с не менее древними верованиями в возможность перевоплощения человека в животное. Поскольку это явление чаще встречается в группах молодежи, то оно связано и с характерным для этого возраста поиском себя, процессом самопознания и самоидентификации. Кроме этого, оно может быть и обусловлено различными процессами в общественной жизни, такими как гонка за успехом, за материальным благополучием, за соответствием неким стандартам, которые в обществе маркируют «успешных людей». Такое социальное давление ведет к эскапизму, побегу от реальной жизни.

С другой стороны, популяризация таких сообществ часто является результатом как открытой, так и скрытой рекламы, проплаченной определенными производителями, что несет для них значительные экономические выгоды.

Однако, какими бы не были причины, по которым человек желает выйти за пределы своего тела и отказывается от своей идентичности как Homo sapiens sapiens, инструментами такого перехода становятся символы, с помощью которых человек демонстрирует, что он уже более не человек. Эти символы продолжают жить в обществе, выполняя идентифицирующую роль маркирования «свой–чужой» для тех, кто принадлежит или не принадлежит к азеркин.

Кроме того, эти же символы используются молодым поколением для самоидентификации. И если эти символы популярны и агрессивно множатся в информационном пространстве, если их популярность искусственно раздувается, то велика вероятность, что подрастающее поколение может выбрать «не быть человеком». Результатом такого выбора будет отказ от одной из самых главных составляющих психически здоровой личности – принятия своего тела. Что с одной стороны, ставит перед человеком проблему психического здоровья, а с другой стороны, перед всем человечеством – вопрос, каким будет человек будущего, и будет ли он называться Homo sapiens sapiens.

В заключении, хотелось бы еще раз отметить, что как символическая система сложилась в процессе эволюции человека, отражая в закодированном виде его достижения, так и современный человек является продуктом символической матрицы, системы, в которую он попадает с момента своего рождения.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2011. – 392 с.

2. Большая советская энциклопедия. – Режим доступа: URL: https://bigenc.ru/c/kul-tura-26efdd (дата обращения: 11.03.2026).

3. Буденкова В.Е., Савельева Е.Н. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2016. – № 1(21). – С. 32–44.

4. Бурмистрова М.Н., Васильева Л.Л. и др. Социально-педагогический словарь / М.Н. Бурмистрова, Л.Л. Васильева [и др.]. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 2016. – 126 с.

5. Вишняцкий Л.Б. «Верхнепалеолитическая революция»: география, хронология, причины // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2000. – № 1. – С. 245–271.

6. Гайдашова В.А., Волкова Л.Д. и др. Культурология. История мировой культуры и религии: учеб. пособие / В.А. Гайдашова, Л.Д. Волкова [и др.]. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2016. – 642 с.

7. Дробышев С.В. Искусство верхнего палеолита // Антропогенез.ру. – Режим доступа: URL: https://antropogenez.ru/zveno-single/140/ (дата обращения: 11.03.2026).

8. Дробышев С.В. Культура кроманьонцев // Антропогенез.ру. – Режим доступа: URL: https://antropogenez.ru/zveno-single/68/ (дата обращения: 11.03.2026).

9. Дробышев С.В. Неоантропы (время верхнего палеолита): возникновение Homo sapiens sapiens // Антропогенез.ру. – Режим доступа: URL: https://antropogenez.ru/zveno-single/67/ (дата обращения: 11.03.2026).

10. Рикёр П. Символ: пища для мысли // Philosophy Today. – 1960. – Vol. 4, Issue 3. – P. 196–207.

11. Яшин А.В. Феномен идентичности и его современная эволюция // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. – 2012. – № 4. – Т. 4. – С. 50–53.

12. Chen F.-C., Li W.-H. Genomic divergences between humans and other hominoids and the effective population size of the common ancestor of humans and chimpanzees // The American Journal of Human Genetics. – 2001. – Vol. 68. – P. 444–456.

13. Mead G.H. Mind, self, and society: from the standpoint of a social behaviorist. – Chicago: The University of Chicago Press, 1972. – 437 p.

14. White L. The science of culture: a study of man and civilization. – New York: Grove Press, 1949. – 444 p.

HOMO SAPIENS SYMBOLICUS: A HUMAN BEING REFLECTED BY SYMBOLS

Sachkova E.V.
Russian University of Transport

The article explores the phenomenon of symbolic identification and self-identification of a person as a representative of the biological species Homo sapiens sapiens. Human identity is understood as the result of the process of identification and self-identification, and is presented as a complex structure, a “matryoshka of identity,” which includes both personal and social identities. The article examines the role of symbols in shaping identity. It analyzes the evolution of symbolic systems from the Paleolithic era to the present day. It is argued that throughout human evolution symbols have marked both the biological identity of Homo sapiens sapiens and the characteristics of its social status. Special attention is given to contemporary views on the human identity, such as transhumanism and species dysphoria, which involves rejecting one’s own body as a result of the deconstruction of the concept of “human” in postmodern philosophy. It is concluded that a person is a product of the symbolic systems that they operate, and the prevalence of “non-human” symbols can lead to serious problems of identification and self-identification for new generations.

Keywords: identity, identification, self-identification, symbol, Homo sapiens sapiens.

References

1. Baudrillard J. Symbolic exchange and death / J. Baudrillard. – Moscow: Dobrosvet, 2011. – 392 p.

2. Great Soviet Encyclopedia. – Access mode: URL: https://bigenc.ru/c/kul-tura-26efdd (date of access: 11.03.2026).

3. Budenkova V.E., Savelyeva E.N. Identity as a subject of theoretical and methodological analysis: models and approaches // Tomsk State University Bulletin. Culturology and Art History. – 2016. – № .1(21). – P. 32–44.

4. Burmistrova M.N., Vasilieva L.L. et al. Socio-pedagogical dictionary / M.N. Burmistrova, L.L. Vasilieva [et al.]. – Saratov: Saratov State University Press, 2016. – 126 p.

5. Vishnyatsky L.B. “The Upper Paleolithic Revolution”: geography, chronology, causes // Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology. – 2000. – № 1. – P. 245–271.

6. Gaidashova V.A., Volkova L.D. et al. Culturology. History of world culture and religion: textbook / V.A. Gaidashova, L.D. Volkova [et al.]. – Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering Press, 2016. – 642 p.

7. Drobyshev S.V. Upper Paleolithic art // Antropogenez.ru. – Access mode: URL: https://antropogenez.ru/zveno-single/140/ (date of access: 11.03.2026).

8. Drobyshev S.V. Culture of Cro-Magnons // Antropogenez.ru. – Access mode: URL: https://antropogenez.ru/zveno-single/68/ (date of access: 11.03.2026).

9. Drobyshev S.V. Neoanthropes (Upper Paleolithic period): the emergence of Homo sapiens sapiens // Antropogenez.ru. – Access mode: URL: https://antropogenez.ru/zveno-single/67/ (date of access: 11.03.2026).

10. Ricoeur P. The Symbol: Food For Thought // Philosophy Today. – 1960. – Vol. 4, Issue 3. – P. 196–207.

11. Yashin A.V. The phenomenon of identity and its modern evolution // Bulletin of Vyatka State Humanities University. – 2012. – No. 4. – Vol. 4. – P. 50–53.

12. Chen F.-C., Li W.-H. Genomic divergences between humans and other hominoids and the effective population size of the common ancestor of humans and chimpanzees // American Journal of Human Genetics. – 2001. – Vol. 68. – P. 444–456.

13. Mead G.H. Mind, self, and society: from the standpoint of a social behaviorist. – Chicago: University of Chicago Press, 1972. – 437 p.

14. White L. The science of culture: a study of man and civilization. – New York: Grove Press, 1949. – 444 p.

Город как «умное» креативное пространство: риски и перспективы алгоритмического управления

Суховская Дарья Николаевна,
кандидат философских наук, доцент, кафедра исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

Современный город всё более являет собой не только пространственную конфигурацию материального, архитектурного и культурного, но и всё более плотную сеть цифрового, алгоритмического и вычислительного пространств. Понятие «умного города», которое ещё два десятилетия назад воспринималось скорее как футурологическая метафора, сегодня прочно вошло в политический и академический лексикон, будучи закреплённым в стратегиях развития урбанизированных территорий. В нём соединяются два мощных дискурсивных слоя: технократическое обещание сделать жизнь прозрачной, гармоничной и устойчивой за счёт цифровых технологий и одновременно нормативное ожидание, что именно этот технологический слой способен компенсировать кризисы модерности, связанные с утратой доверия, разрывом социальных связей и экологическими рисками. Но за этим позитивным и отчасти утопическим горизонтом скрывается более сложная философская реальность: умный город оказывается не только пространством возможностей, но и ареной новых угроз, где свобода и креативность переплетаются с алгоритмическим контролем, а субъектность человека подвергается размыванию и переопределению. В настоящей статье рассмотрены проблемы, риски и перспективы алгоритмического управления, среди которых основными являются: биополитический контроль, утрата субъектности, деаффективизация, алгоритмическая дискриминация, социальное неравенство.

Ключевые слова: умный город; алгоритмическое управление; цифровая урбанистика; биополитика; субъектность; алгоритмическая дискриминация; социальное неравенство; креативное пространство; цифровое гражданство; устойчивое развитие.

Классическая урбанистика (П. Геддес, Дж. Джекобс, К. Линч, Л. Мамфорд [3, с. 112; 5, с. 210; 8, с. 115; 10, с. 370]) исходила из того, что город прежде всего определяется материально-территориальными формами: улицами, площадями, зданиями, транспортными сетями, то умный город всё чаще конструируется как кодовая матрица, где социальное пространство создаётся не только архитектурой или символическими практиками, но и алгоритмами (М. Батти, А. Гринфилд, Н. Комнинос, А.М. Таунсенд [14, с. 112; 21, с. 36; 25, с. 67; 29, с. 300]). Здесь в действие вступает категория А. Лефевра «производство пространства»: в современном городе это производство осуществляется через взаимное наложение телесных практик, дискурсивных репрезентаций и инструментов власти [27, с. 25]. Но если в индустриальном городе доминировала материальная инфраструктура, то в умном городе всё большее значение получает инфраструктура цифровая. Сенсорные системы, базы данных, предиктивные модели, алгоритмы искусственного интеллекта становятся новыми «акторами» городского пространства, вступая в конкуренцию с людьми, институтами и сообществами.

Теоретик цифровой культуры и медиа-искусства Л. Манович, анализируя медиальную природу современных городов, показывает, что они всё чаще воспринимаются как интерфейсы, где взаимодействие субъектов задаётся цифровыми слоями, а пространство предстает гибридом архитектуры и информационного дизайна [11, с. 129]. Это означает, что умный город перестаёт быть исключительно физической конструкцией и превращается в многослойную среду, где социальное и цифровое переплетены до неразличимости.

В философской перспективе «умный город» предстает не просто как техническая новация, а как среда нового рода биополитического управления. Современные «общества контроля» (по Ж. Делёзу) реализуют власть через постоянное отслеживание жизни, превращая жителей в количественные параметры [4, с. 219].

Современные исследователи урбанистики, социологи И. Фариас и С. Видмер отмечают, такая «алгоритмическая говернментальность» основывается на управлении через вероятностные модели и данные, а не на публичном дискурсе или законе. Это отражает позднюю фуканскую идею биополитики, когда городской ландшафт и социальные практики становятся объектами «программирования среды» [19, с. 45]. В результате «умный» город почти полусамостоятельно «мыслит» как организм: сети сенсоров и алгоритмов выполняют роль нервной системы, перехватывая функции традиционных институтов.

Как предупреждает философ А.Ю. Мамычев, такой переход создает новый «цифровой Левиафан», где коллективная цифровая рациональность подавляет спонтанность и разнообразие человеческого бытия [10, с. 367]. Городской житель оказывается объектом статистического моделирования и управления «жизнью», что отсылает к идеям М. Фуко о ценности человеческого населения для власти [20, с. 67]. Таким образом, биополитический риск «умного города» – это риск тотального мониторинга и нормирования «телесных» и социальных потоков, когда власть уходит в невидимые алгоритмические сети.

Второй риск – утрата субъектности связан с тем, что в цифровом городе индивидуальное «я» рассеивается по сетям данных и интерфейсов. Философия города 20 века (Ж. Бодрийяр, М. Фуко, Б. Латур) указывала на распад классического автономного субъекта: городской гражданин уже не простое «полисное» сообщество, а перекресток дискурсов и практик. В «умном» городе это становится особенно радикальным: каждый человек конструируется алгоритмами как «делимый» (dividual), раздробленный на цифровые двойники и профили (потребитель, подписчик, пользователь) [16, с. 1013]. Как отмечал Ж. Бодрийяр, постмодернистский город – это «мир симулякров», где реальное и воображаемое неразличимы; субъектность децентрируется между виртуальными образами и потребительским выбором [2, с. 6]. В таких условиях власть (в классическом смысле) перестает быть явной, она проявляется сетью мониторинга и рекомендаций.

Современный философ Б. Хан говорят о «роевом интеллекте», где индивид тонет в информационном шуме, «субъективность рассеивается» – глубокая рефлексия уступает мгновенным ответам на тренды [23, с. 21]. Альтернативы (цифровое сообщество и платформы) смягчают этот эффект, но в целом городской субъект распадается на потоки

данных, а не конституируется традиционно. Утрата субъектности – это риск того, что «горожанин» теряет свою цельность и становится объектом кодовых конструкций, а не носителем подлинных политических прав и воли.

Третий риск – деаффективизация пространства вытекает из того же процесса: повседневные эмоциональные связи передаются алгоритмам. По мнению французского медиафилософа Б. Стиглера, восприятие и опыт повседневности «подчиняются алгоритмическим технологиям, работающим ниже порога сознания» [28, с. 56]. Современные цифровые приложения и интерфейсы формируют фон городских аффектов: от глобализированных смайликов до цветовой палитры экранов – всё это модулирует чувства и мотивации. Как замечает Ж. Бодрийяр, постмодернистский город превращается в гиперреальность «знаков без оригинала», где декорация подменяет живой опыт [15, с. 2]. Игровые площадки и знаменитые фонтаны становятся симулякрами, а не источниками искренних переживаний. В такой среде любые проявления спонтанного удивления или гнева моментально фрагментируются и становятся контентом. Вместо того чтобы рождаться «в теле города», эмоции размываются в сетевом пространстве, подвергаясь алгоритмической селекции (вызываются рекламой, поглощаются социальными медиа). Словно «дефективизация», городская среда рискует стать рациональной и предсказуемой площадкой, где эмоции рассматриваются как данные для анализа [24, с. 283].

Четвертый риск – алгоритмическая дискриминация связан с тем, что повсеместная автоматизация порождает невидимые предубеждения. Алгоритмы учатся на исторических данных, и если те были несправедливыми, новая система их воспроизводит и усиливает. Исследователь в области цифровой экономики, психологии, социальных последствий технологий и приватности Ш. Зубофф предупреждает: передача власти алгоритмам ведет к асимметрии между теми, кто задает параметры, и теми, кто становится «превращёнными в данные» простыми гражданами [6, с. 30]. Примеры говорят сами за себя: системы распознавания лиц или прогнозирования преступности ошибочно метят целые группы населения, усиленно контролируя одни и игнорируя другие. Жители города могут оказаться классифицированными алгоритмами по этническим, экономическим или поведенческим критериям без человеческого участия. Недавние исследования показывают, что решения «чёрного ящика» могут непропорционально негативно влиять на уязвимые слои (например, автоматизированные системы соцвыплат ошибочно лишают помощи именно тех, кто больше всего в ней нуждается) [22, с. 21].

Алгоритмическая дискриминация – это риск нового цифрового сегментирования горожан: не осознавая этого, мы можем войти в эпоху «алгоритмического расизма» (или класса), когда автомат не будет отличать случая, кроме как статистической вероятностью. С философской точки зрения это означает, что «рассмотрение горожан как равноправных субъектов» вынуждено столкнуться с тем, что алгоритм видит лишь числа и шаблоны – по сути, вновь вводятся капканы биополитики, но уже на уровне маркеров и метрик.

Пятый риск – усиливающееся социальное неравенство – уже замечен М. Кастельсом: глобальный информационный капитализм «характеризуется тенденцией к возрастанию социального неравенства и поляризации» [18, с. 380].

Умные технологии в городе многократно репродуцируют эту логику. Цифровой разрыв – между «аборигенами» сети и теми, кто отстал по доходам, возрасту или образованию оборачивается геттоизацией пространства. Кластерные инновации и «умные» анклавы притягивают инвестиции и таланты, тогда как окраины и периферии остаются без качественного интернета и инфраструктуры. Образовательно-экономические возможности всё больше зависят от доступа к платформам, а те, у кого его нет, оказываются дематериализованы из городской экономики знаний. Именно социальная стратификация становится закономерным побочным эффектом: «умный город» рискует обслуживать преимущественно тех, кто уже имеет ресурсы, обостряя положение менее защищённых. Философия М. Кастельса напоминает, что информационные технологии неразрывно связаны с политикой: обездоленные жители образуют «низовые» слои общества, к которым автоматически применяются алгоритмы надзора и контроля, но без реальных возможностей участия.

В результате «равное право на город» оказывается формально провозглашённым, но фактически подрывается новой цифровой барьеризацией (образование, работа, досуг становятся доступны лишь подключённым). Таким образом, «умный город» может превратиться в поле усиленного неравенства: вместо утопии общей благоустроенности – платформически оцифрованный замок для избранных, где власть меряется не наличием прав, а умением управлять своим цифровым следом.

Таким образом, умный город является ареной, где наглядно проявляется вся амбивалентность цифровой эпохи. С одной стороны, он открывает горизонты участия, демократии и креативности, предлагая новые способы взаимодействия и совместного создания среды. С другой, он превращается в поле биополитического контроля, алгоритмической дискриминации и утраты субъектности, его сущность заключается в диалектике двух логик: логики свободы и логики алгоритма, логики спонтанности и логики предписания. Итогом становится вопрос: удастся ли сохранить за человеком статус субъекта, или же он окончательно превратится в объект цифровой обработки.

Несмотря на перечисленные выше риски, концепция «умного города» предлагает и обширные возможности для нового качества городской жизни.

Во-первых, современные информационные технологии действительно могут сделать управление городским пространством более эффективным и адаптивным. Исследования показывают, что внедрение цифровых датчиков, систем обработки больших данных и моделей искусственного интеллекта способствует рациональному использованию ресурсов, снижению загрязнения окружающей среды и повышению оперативности городского управления [13, с. 1]. Например, «умные» транспортные системы уже позволяют динамически распределять трафик и парковочные места, а интеллектуальные сети ЖКХ – оптимизировать энергопотребление и снизить потери [7, с. 2]. Такой технологический слой действует как «нервная система» города, соединяя здания и инфраструктуру в единое целое и обеспечивая информационную прозрачность процессов. По замыслу специалистов, алгоритмы в умном городе призваны не столько подменять человека, сколько расширять его возможности: повышать качество планирования городских систем и повышать качество жизни граждан [13, с. 2]. Вдобавок цифровые инструменты способны улавливать новые, гибкие тренды развития, быстро реагировать на социальные запросы и природные вызовы, делая город более адаптивным и «устойчивым». Таким образом, интеллектуальная инфраструктура города с её системой сенсоров, платформами с ИИ и облачными сервисами может стать средой для инноваций, где анализ данных помогает проектировать комфортную и экологичную среду (например, за счёт прогноза загрязнений воздуха, оптимизации энергосетей и т.д.).

Во-вторых, умный город открывает новые формы социального взаимодействия и гражданского участия. Уже сейчас идеология «города-лаборатории» («living lab») переводит жителей из пассивных «больших данных» в активных участников городского эксперимента [17, с. 13]. Платформы открытых данных, мобильные приложения и интерактивные городские инсталляции вовлекают горожан в совместное управление, жители могут сообщать о проблемах (неисправных лампах, авариях, заторах), участвовать в голосованиях за проекты благоустройства и даже посредством «геймификации» влиять на алгоритмы раскладок сервисов. Идея состоит в том, что цифровые технологии при правильном применении способны усилить прозрачность принятия решений и доверие между властями и обществом. Например, краудсорсинговые приложения (как экспериментальный проект «I-REACT» для сбора локальных метеоданных) демонстрируют, что в экстренных ситуациях граждане могут стать источником ценной информации для предупреждения катастроф [17, с. 13]. В более общем виде технологическая матрица умного города может стать «инфраструктурой вовлечения»: городской житель получает новые каналы коммуникации, от смарт-приложений до цифровых платформ социокультурного творчества. Это даёт возможность коллективного проектирования пространства и совместного творчества в границах города, превращая его в площадку для общественных инноваций [26, с. 2]. По сути, умный город в перспективе может стать не только средством контроля, но и полем делиберативной демократии, где алгоритмы выступают помощником (на выборку общественного мнения, анализ жалоб, формирование рекомендаций) и где важную роль играют человеческие ценности и сообщества.

Третья перспектива связана с креативностью и культурным развитием. Философски и культурно обогащенная среда ключевой элемент современного урбанизма, согласно теории Ч. Лэндри и концепции «креативного города», творческие пространства привлекают таланты и создают «умственную среду» инноваций [25, с. 67]. Внедрение цифровых технологий может служить активом для креативных индустрий: городские стены превращаются в интерактивные экраны, данные – в новую форму медиа-арта, а алгоритмы – в партнеров художников. Уже сегодня мы видим, как в «умных» городах появляются инновационные арт-инсталляции с управлением по датчикам, дополненная реальность для пешеходных маршрутов и геолокационное повествование о культурном наследии [1, с. 90]. Такие медиа-пространства дополняют традиционную архитектуру слоями смысла, делая опыт

пребывания в городе более насыщенным и «глубоким». Более того, технологический прогресс сам развивает в жителях творческий дух, цифровые навыки и доступ к знаниям становятся все более распространенными. Современный горожанин обладает возможностью стать творцом – будь то создание цифрового контента, стартапа в сфере «умных» технологий или дизайнерского решения для городской среды. В таком сценарии креативный потенциал человека вписывается в общий алгоритмический механизм, но не растворяется в нем: взаимодополняя технологию и субъекта, умный город может стать площадкой для новых форм коллективной культуры и художественного эксперимента.

Четвёртый аспект – экологическая устойчивость. Здесь «умный город» выступает не столько противоречием природы, сколько её союзником. При грамотном управлении данные о потреблении ресурсов, состоянии почвы, воды и воздуха позволяют свести к минимуму избыточные расходы и выбросы. Например, сенсорные сети могут регулировать полив зелёных зон в зависимости от влажности почвы, а анализ трафика – сокращать загазованность. Таким образом умный город становится инструментом интегрированного зелёного урбанизма, по сути, это «цифровая экосистема», где обеспечен замкнутый цикл мониторинга и коррекции среды в интересах общественного здоровья. Это согласуется с недавними исследованиями: специалисты подчёркивают, что умные города ставят своей целью сочетание экономического развития, экологической устойчивости и социального благополучия [12, с. 11]. Цифровые технологии позволяют одновременно оптимизировать энергетику, транспорт и коммунальные услуги, а также отслеживать экологические показатели (CO , шум, качество воды). С философской точки зрения это видится как практика «умного сосуществования» человека с природой, когда городская среда перестаёт быть лишь потребителем ресурсов, а становится зоной культурно-экологической практики. В идеале такие системы повышают общий уровень комфорта и заботы о здоровье горожан, приближая видение «голубого и зелёного» города, где технологии работают во благо биосферы.

Пятая перспектива – не столько технологическая, сколько гуманитарная. Многие эксперты подчёркивают, что «истинно умный город» ставит человека и его творчество в основу. Это значит, что главным «капиталистическим преимуществом» города становятся не космические дата-центры, а интеллектуальный и творческий капитал его жителей. В этой философии меняется сама иерархия: технологии перестают восприниматься как единственная движущая сила, а становятся средством. Словом, умный город – это прежде всего город умных людей. Отсюда вытекает и краеугольный принцип: каждое технологическое новшество должно лишь расширять возможности гражданина, а не лишать его самостоятельности. Именно поэтому современные подходы всё больше обращаются к модели «умного города, ориентированного на человека»: эффективность алгоритмов должна сочетаться с заботой о правах, культуре и самоидентификации жителей. Это разрешает рассматривать перспективы не в контексте контроля, а в контексте расширения прав и возможностей: умный город предлагает новые способы самореализации – через цифровое волонтёрство, краудфандинг для общественных инициатив, открытые мастерские Fab Lab, и т.п. Кроме того, автоматизация рутины (упорядочения данных, рутинного мониторинга) высвобождает у людей время для качественной «человеческой» деятельности. С философской точки зрения такая гуманизация означает, что субъект не растворяется в «крупной совокупности данных», а, напротив, получает более чёткий голос: цифровые следы превращаются в базу для обратной связи и коллективного рефлексирования, а не только в инструменты управления извне.

В итоге перспективы «умного» креативного города видятся двоякими, но не исчерпывающе негативными. Да, присутствует алгоритмический компонент, но за ним могут стоять не только нормы и регламенты, но и ценности гражданского общества, если сохранится возможность выбора и самокритического осмысления этой системы.

С одной стороны, цифровые технологии делают города прозрачнее и могут мобилизовать ресурсы и таланты для решения насущных проблем. С другой, именно на основе этих возможностей рождаются новые коллективные практики: город как проект, предполагающий соучастие жителей. В таких условиях «логика алгоритма» переплетается с «логикой свободы» иначе: алгоритмы берут на себя рутинные функции, а гражданам открываются новые горизонты творчества и сетевого сотворчества. Словом, умный город будущего может стать платформой для экспериментальной урбанистики, где привычные представления о пространстве и власти подвергнутся позитивному переосмыслению. И в этом состоит его философский «капитал»: не столько в поглощении человека цифрами, сколько в его трансформации в активного «цифрового гражданина» – носителя своего города, который участвует в его становлении на равных с техникой условиях.

Из этих перспектив следует вывод: у города есть шанс стать местом синергии алгоритмов и человеческого духа. Центральный вопрос остаётся прежним: получится ли обеспечить, чтобы технологические инновации служили не контролю, а раскрытию потенциала каждого жителя? Если да, то смарт-город, будучи одновременно «биополисом» и «платформой», может обеспечить именно те возможности, о которых мечтали классики урбанизма – роста демократии, творчества и гармонии со средой. В противном случае угроза намеченных рисков останется реальной. Однако сам факт наличия множества положительных сценариев говорит о потенциале технологий в соавторстве с человеком. Город-организм с усиленной «нервной системой» из алгоритмов может оказаться также и «живой тканью» для творчества: когда человек воплощает идеи, а технологии помогают материализовать их в среде. Именно поэтому нынешние исследования подчеркивают, что человеческий капитал должен стать главным элементом «ДНК» умного города. Это и есть перспективный шанс – и, одновременно, главный вызов эпохи: сохранить за горожанином право быть не просто наблюдателем своего цифрового города, но его со-творцом.

Литература

1. Баркалова Е. И., Черныш А.В. Интерактивный дизайн как фактор формирования архитектуры современного культурно-просветительского центра // Вестник ДонНУЭ Т. Серия: Технические науки и архитектура. 2024. № 2(166). С. 9–15.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. и англ. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. 320 с.
3. Геддес П. Города в эволюции: введение в движение по планировке городов и изучение гражданственности / пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2003. 412 с.
4. Делёз Ж. Постскриптум о обществах контроля // Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990 / пер. с фр. Я.И. Свирского. СПб.: Наука, 2004. 320 с.
5. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
6. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А.Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько, А. Смирнова. Москва: Издательство Института Гайдара, 2022. 415 с.
7. Кукушкин В. IoT в ЖКХ: как умные устройства меняют подход к управлению ресурсами // Энергетика и рациональное природопользование. 2024. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iot-v-zhkh-kak-umnye-ustroystva-menyayut-podhod-k-upravleniyu-resursami
8. Линч К. Образ города / пер. с англ. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
9. Мамфорд Л. Город в истории: его происхождения, преобразования и перспективы / пер. с англ. М.: Ладомир, 2001. 672 с.
10. Мамычев А. Ю. «Цифровой Левиафан»: сценарии развития гоббсовского чудовища в XXI веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 3. С. 367–392.
11. Манович Л. Язык новых медиа / пер. Д. Кульчицкой. М.: Ad Marginem Press, 2018. 250 с.
12. Манухина Л. А., Якубов Х.Г. Анализ современных тенденций экологизации урбанизированных территорий // Недвижимость: экономика, управление. 2023. № 1. С. 11–15.
13. Семячков К.А. Перспективы и противоречия модели умного города // Журнал экономической теории. 2020. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-protivorechiya-modeli-umnogo-goroda
14. Batty M. The New Science of Cities. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. 520 p.; Greenfield A. Against the Smart City (The City Is Here for You to Use, Part I). New York: Do Projects, 2013. 192 p.
15. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. 164 p.
16. Brusseau J. Deleuze's Postscript on the Societies of Control Updated for the Algorithmic Age // Philosophy Today. 2020. Vol. 64, № 4. P. 1013–1023.
17. Bruun M. Algorithmic Governance, Public Participation and Trust: Citizen–State Relations in a Smart City Project // Social Anthropology. 2024. Vol. 32, № 4. P. 13–21.
18. Castells M. End of Millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 3. 2nd ed. Maiden; Oxford: Blackwell, 2000. 380 p.
19. Farías I., Widmer S. Ordinary Smart Cities: How Calculated Users, Professional Citizens, Technology Companies and City Administrations Engage in a More-than-digital Politics // Tecnoscienza. 2017. № 8 (2). URL: https://mediatum.ub.tum.de/doc/1476086/1476086.pdf
20. Foucault M. Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–1978 / ed. M. Senellart; trans. G. Burchell. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. 123 p.

21. Greenlining Institute. Algorithmic Bias Explained: How Automated Decision-Making Becomes Automated Discrimination. San Francisco: The Greenlining Institute, Feb. 2021. 36 c. URL: https://greenlining.org/wp-content/uploads/2021/04/Greenlining-Institute-Algorithmic-Bias-Explained-Report-Feb-2021.pdf

22. Han B.-C. In the Swarm: Digital Prospects / transl. E. Butler. Cambridge, MA: MIT Press, 2017. 320 p.

23. Kırmızısakal K. The Persistence of Jameson's Postmodernism Analysis // Moment Journal of Cultural Studies. 2024. Vol. 11, № 2. P. 283–290.

24. Komninos N. The Age of Intelligent Cities: Smart Environments and Innovation-for-all Strategies. London: Routledge, 2018. 242 p.

25. Landry C. The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators / 2-е изд. London: Routledge, 2008. 230 p.

26. Leclercq E.M., Lambregts B., Cooper R. Enabling citizens' right to the smart city through the co-design of digital platforms // Urban Transformations. 2022. Vol. 4, № 1. Article 3. URL: https://urbantransformations.biomedcentral.com/articles/10.1186/s42854–022–00030-y

27. Lefebvre H. The Production of Space / translated by Donald Nicholson-Smith. Oxford; Cambridge, Mass.: Blackwell, 1991. 150 p.

28. Stiegler B. Taking Care of Youth and the Generations. Translated by Stephen Barker. Stanford: Stanford University Press, 2010. 157 p.

29. Townsend A.M. Smart Cities: Big Data, Civic Hackers, and the Quest for a New Utopia. New York: W.W. Norton, 2013. 400 p.

THE CITY AS A «SMART» CREATIVE SPACE: RISKS AND PROSPECTS OF ALGORITHMIC MANAGEMENT

Sukhovskaya D.N.
Pyatigorsk State University

The modern city increasingly represents not only a spatial configuration of the material, architectural and cultural, but also an increasingly dense network of digital, algorithmic and computational. The concept of a «smart city», which two decades ago was perceived more as a futurological metaphor, is now firmly embedded in the political and academic lexicon, being anchored in the development strategies of urbanized territories. It combines two powerful discursive layers: the technocratic promise to make life transparent, harmonious and sustainable through digital technologies, and at the same time the normative expectation that this technological layer is able to compensate for the crises of modernity associated with loss of trust, disruption of social ties and environmental risks. But behind this positive and partly utopian horizon lies a more complex philosophical reality: a smart city turns out to be not only a space of opportunity, but also an arena of new threats, where freedom and creativity are intertwined with algorithmic control, and human subjectivity is subject to blurring and redefinition. This section discusses the problems, risks and prospects of algorithmic management, among which the main ones are: biopolitical control, loss of subjectivity, deaffectivization, algorithmic discrimination, social inequality.

Keywords: smart city; algorithmic management; digital urbanism; biopolitics; subjectivity; algorithmic discrimination; social inequality; creative space; digital citizenship; sustainable development.

References

1. Barkalova E. I., Chernysh A.V. Interactive design as a factor in shaping the architecture of a modern cultural and educational center. Vestnik DonNUE T. Series: Technical Sciences and Architecture. 2024. № 2(166). P. 9–15.

2. Baudrillard J. Simulacra and simulation / translated from French and English. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. 230 p.

3. Geddes P. Cities in evolution: an introduction to the urban planning movement and the study of citizenship / translated from English St. Petersburg: Alethea, 2003. 412 p.

4. Deleuze J. A postscript on control societies // Deleuze J. Conversation. 1972–1990 / translated from French by Ya.I. Svirsky. St. Petersburg: Nauka, 2004. 320 p.

5. Jacobs J. The death and life of big American cities / translated from English M.: New Publishing House, 2011. 460 p.

6. Zuboff S. The Era of supervisory Capitalism: the Battle for the Human Future at the New Frontiers of Power / translated from English by A.F. Vasiliev; edited by Ya. Okhonko, A. Smirnov. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2022. 415 p.

7. Kukushkin V. The Internet of Things in housing and communal services: How smart devices are changing the way we manage resources // Energy and environmental management. 2024. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iot-v-zhkh-kak-umnye-ustroystva-menyayut-podhod-k-upravleniyu-resursami

8. Lynch K. The image of the city / translated from English M.: Stroyizdat, 1982. 328 p.

9. Mumford L. The city in history: its origins, transformations and prospects / translated from English M.: Ladomir, 2001. 672 p.

10. Mamychev A. Y. «Digital Leviathan»: scenarios for the development of the Hobbesian monster in the 21st century // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2022. Vol. 24, № 3. P. 367–392.

11. Manovich L. The language of new Europe / translated by D. Kulchitskaya. Moscow: Ad Marginem Press, 2018. 250 p.

12. Manukhina L. A., Yakubov H.G. Analysis of modern trends in the ecologization of urbanized territories // Real estate: economics, management. 2023. № 1. P. 11–15.

13. Semyachkov K.A. Prospects and contradictions of the smart city model // Journal of Economic Theory. 2020. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-protivorechiya-modeli-umnogo-goroda

14. Betty M. The New Science of Cities. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2013. 520 p.; Greenfield A. Against the «smart city» («The city is here so that you can use it», Part I). New York: Do Projects, 2013. 192 p.

15. Baudrillard J. Simulacra and simulation modeling. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. 164 p.

16. Brousseau J. Deleuze's postscript on control societies, updated for the algorithmic era // Philosophy Today. 2020. Volume 64, № 4. P. 1013–1023.

17. Bruun M. Algorithmic Governance, Public Participation and Trust: Citizen–State Relations in a Smart City Project // Social Anthropology. 2024. Vol. 32, № 4. P. 13–21.

18. Castells M. End of Millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 3. 2nd ed. Maiden; Oxford: Blackwell, 2000. 380 p.

19. Farías I., Widmer S. Ordinary Smart Cities: How Calculated Users, Professional Citizens, Technology Companies and City Administrations Engage in a More-than-digital Politics // Tecnoscienza. 2017. № 8 (2). URL: https://mediatum.ub.tum.de/doc/1476086/1476086.pdf

20. Foucault M. Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–1978 / ed. M. Senellart; trans. G. Burchell. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. 123 p.

21. Greenlining Institute. Algorithmic Bias Explained: How Automated Decision-Making Becomes Automated Discrimination. San Francisco: The Greenlining Institute, Feb. 2021. 36 c. URL: https://greenlining.org/wp-content/uploads/2021/04/Greenlining-Institute-Algorithmic-Bias-Explained-Report-Feb-2021.pdf

22. Han B.-C. In the Swarm: Digital Prospects / transl. E. Butler. Cambridge, MA: MIT Press, 2017. 420 p.

23. Kırmızısakal K. The Persistence of Jameson's Postmodernism Analysis // Moment Journal of Cultural Studies. 2024. Vol. 11, № 2. P. 283–290.

24. Komninos N. The Age of Intelligent Cities: Smart Environments and Innovation-for-all Strategies. London: Routledge, 2018. 242 p.

25. Landry C. The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators / 2-е изд. London: Routledge, 2008. 230 p.

26. Leclercq E.M., Lambregts B., Cooper R. Enabling citizens' right to the smart city through the co-design of digital platforms // Urban Transformations. 2022. Vol. 4, № 1. Article 3. URL: https://urbantransformations.biomedcentral.com/articles/10.1186/s42854–022–00030-y

27. Lefebvre H. The Production of Space / translated by Donald Nicholson-Smith. Oxford; Cambridge, Mass.: Blackwell, 1991. 150 p.

28. Stiegler B. Taking Care of Youth and the Generations. Translated by Stephen Barker. Stanford: Stanford University Press, 2010. 157 p.

29. Townsend A.M. Smart Cities: Big Data, Civic Hackers, and the Quest for a New Utopia. New York: W.W. Norton, 2013. 400 p.

Великий русский грек: законотворец, врач, политик, дипломат

Вахмистров Вениамин Павлович,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова
E-mail: venvp@mail.ru

Тарасов Александр Сергеевич,
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международного морского права, Санкт-Петербургского государственного морского технического университета
E-mail: tara_s1@rambler.ru

Статья имеет целью научное осмысление феномена жизненного пути и полифонии профессиональной деятельности выдающегося представителя греческого народа и его просвещенного сообщества – Иоанниса Каподистрии, павшего от руки преступников в борьбе за освобождение страны от внешней зависимости и утверждение ценностей конституционализма и либерализма в политико-правовых рамках конституционной монархии. Научный результат состоит в раскрытии исторически конкретной фактологии для обоснования тезиса об уникальных возможностях и роли талантливой, высоко нравственной и социально ответственной личности в истории духовно близких стран одновременно. Научная новизна обеспечена обращением к памяти И.А. Каподистрии, как малоизученному субъекту международной политики. Методология исследования построена на диалектическом единстве описательного, исторического и формально-юридического методов.

Ключевые слова: И.А. Каподистрия, Ф.Ф. Ушаков, наполеоновские войны, конституция, статс-секретарь МИД Российской империи, президент Греческой Республики, национально-освободительное движение.

К 250-летию Иоанниса Каподистрия

Имя Иоанниса Каподистрии хорошо известно среди историков дипломатии, конституционного права, историков дореволюционной России, греческого движения за независимость, исследователей российско-греческих отношений. В год 300-летия Санкт-Петербурга в городе был открыт памятник Иоанну Антоновичу Каподистрии. Однако, жизнь и трагическая судьба этого выдающегося человека, которому в 2026 году отмечается юбилей – 250 лет, остается всё же мало известной и требуют дополнительного внимания как со стороны научного сообщества, так и со стороны широкой общественности.

Как известно, после победы над Наполеоном Российский монарх стал, по праву, архитектором новой системы международных отношений в Европе. В то же время здесь сформировалась сложная геополитическая ситуация, связанная также с появлением первого пророссийского новогреческого государства [1]. Этому предшествовала борьба с французскими силами за господство на Средиземном море, в том числе четырехмесячная осада русско-турецкой эскадрой острова Корфу [2], за взятие которого, командующий эскадрой Ф.Ф. Ушаков был награжден бриллиантовыми знаками ордена Александра Невского и ему было присвоено звание адмирала [3].

Таким образом, этот успех русского флота позволил создать на архипелаге Ионических островов Республику Семи Островов – первое после падения Константинополя независимое греческое государство, находившееся под защитой русского флота. В то же время союзные русские и прусские войска вели кровопролитные сражения в Центральной Европе, на фоне которых, контроль над Ионическими островами, кроме Корфу, перешел к французам, а затем к англичанам.

Здесь на Корфу 11 февраля 1776 года родился будущий руководитель Греческой республики Иоаннис Каподистрия. Отец Иоанниса, граф Антониос Каподистрия, происходил из богатой и знатной семьи. Иоаннис получил хорошее образование, обучаясь вместе с детьми из аристократических семей Корфу. В 1794 г. он поступил на медицинский факультет престижного университета в Падуе, уже владея греческим, итальянским, французским, древнегреческим и латинским языками. Четыре года Каподистрия изучал медицину, политические наук, право и философию. Став в 1797 году доктором медицины, он вернулся домой на остров заниматься врачебной практикой [4].

Граф Иоаннис Каподистрия (русифицированный вариант – Иван Антонович Каподистрия) по приглашению российского императора, поступил на русскую дипломатическую службу. В 1809 г. он прибыл в Санкт-Петербург, где 2 мая 1809 г. был определён как статский советник в Министерство иностранных дел без определенной должности. Канцлер Н.П. Румянцев периодически поручал Каподистрии составление отдельных бумаг, аналитических записок по вопросам восточной политики России. В результате Каподистрия назначается сверхштатным секретарем русского посольства в Вене, куда прибыл в октябре 1811 года [5].

Своей вдумчивостью, содержательными докладами, обстоятельными записками по различным вопросам восточной политики Каподистрия обратил на себя внимание. Он стал быстро подниматься по карьерной лестнице.

В ноябре 1812 г. ему был присвоен чин действительного статского советника, когда Каподистрия возглавлял дипломатическую канцелярию штаба Дунайской армии. Он проделал большой и трудный переход от Дуная до Торна, преодолевая тяготы и лишения русского бездорожья и зимы, опасности военно-походной жизни. Командующий армией Барклай-де-Толли обратил внимание на Каподистрию и рекомендовал его Александру I как деятельного и умного дипломата. Каподистрия направляется монархом в Швейцарию. Задание в высшей степени ответственное и состояло в том, чтобы добиться выхода Швейцарии из-под французского протектората, дабы восстановить её государственность, ввести в антинаполеоновскую коалицию и дать союзным армиям проход по альпийским перевалам. Своё решение государь объяснил тем, что ему известны принципы, которыми Каподистрия руководствуется как человек достойный по своей честности, познаниям и либеральным взглядам [6, с. 181].

Современники вспоминали Каподистрию таким: тихий, застенчивый, добрый человек, граф выглядел довольно необычно для тогдашних аристократических петербургских салонов. Стройный, довольно

высокий ростом, одетый весь в чёрное, бледный лицом, которое представляло известный тип греческой мужской красоты…Вероятно, что личные качества – доброта, скромность, интеллект – определили стиль его деятельности, заключавшийся в осторожном поиске компромисса и согласия сторон [5].

Как статс-секретарь по иностранным делам Российской империи, Иоанн Каподистрия сыграл выдающуюся и исключительно важную роль в становлении нового уклада международных отношений. Он успешно координировал внешнюю политику России в Восточном Средиземноморье, внес весомый вклад в работу Венского конгресса. Александр I ценил его очень высоко, в том числе и за разумное влияние на решение Греческого и Восточного вопроса. Таким образом, желая посвятить себя медицине и словесности, он, тем не менее, стал крупным дипломатом и политиком. По некоторым небезосновательным оценкам Каподистрия стал одним из самых известных дипломатов в мире.

Однако, важнейшие события в жизни Каподистрии развернулись в 1821 г., когда в Греции поднялось национально-освободительное движение от турецкого гнета. Не преследуя никакие карьерные цели, он сумел стать первым в истории президентом Греческой Республики, получившей в 1830 году, согласно Лондонскому протоколу, независимость от Османской империи.

Роль Каподистрии в решении греческого вопроса была системообразующей, центральной, что послужило успешному завершению антитурецкого восстания в Греции в 1829 году. Россия не оставила Грецию в этой борьбе в одиночестве [7].

На молодого, но мудрого и опытного дипломата возлагали большие надежды как в России, так и в Греции. Имея добрые дружественные связи не только с императором Александром I, но и другими выдающимися деятелями России XIX века, одним из которых был, к примеру, русский поэт А.С. Пушкин, Иоанн Антонович стал не просто влиятельным, но и широко известным, ценимым в просвещённых кругах дипломатом. В.А. Жуковский в 1825 году характеризовал Каподистрию так: «Он обладает обширной учёностью, замечательно разнообразною. Он опытен в людях, изученных им во всех видах и во всех отношениях…он умеет соединять холодный рассудок, чрезвычайно логичный, и обладает даром выражать свои мысли ясно и правильно…» [8, с. 368–269].

Во время декабрьских событий 1825 г. в Санкт-Петербурге на Сенатской площади Иоанн Антонович искренне встал на сторону российского самодержца. Однако он был также известен своей либеральной позицией и уважительным отношением к гражданским свободам и конституционализму. Декабристы не раз пытались заручиться его поддержкой в подготовке своего восстания, но статс-секретарь по иностранным делам Российской империи сохранял ответственный нейтралитет. В то же время, ещё в 1820 году он писал в письме премьер-министру Франции герцогу А.Э. Ришелье, что везде, где правительство поставило себя в изоляцию нелепым и произвольным правлением, мятежники победили, и они отражены всюду, где мудрые учреждения противопоставили их обольщениям непобедимую силу законов…Таким мудрым учреждением Каподистрия считал конституционную монархию [4, с. 58–59].

Для России личность и статус Иоанна Антоновича были удивительны и уникальны. Он стал первым за долгие годы православным верующим, занимавшим столь важный пост в греческом государстве. Будучи православным человеком, Каподистрия не забывал, что его Родина – Греция. Он служил верой и правдой России и российскому самодержавию, но всегда помнил о своих корнях. Будучи рожденным на греческом острове Корфу, Каподистрия считал, что его жизненная миссия не ограничивается службой российскому престолу. Во время Греческой революции 1821–1829 гг. Иоанн Каподистрия не только следил за происходящим, переживая за своих соотечественников и поддерживая их, но и вел активную дипломатическую работу, направленную на помощь греческому народу в его борьбе за независимость [5].

Каподистрия исходил из того, что завоевание Грецией независимости, прежде всего, зависит от позиции России. Он старался объединить греческие и российские интересы, будучи на высоком посту статс-секретаря иностранных дел по Восточному Средиземноморью. Очевидную роль здесь сыграло и то обстоятельство, что русский и греческий народы объединяла православная вера, связывавшая оба народа еще с X века. В итоге дипломатическими усилиями Каподистрии было достигнуто международное признание права греков на свободу и независимость [9].

Когда в Греции началось антитурецкое восстание, Иоанн Антонович убедил Александра I, что происходящее – это национально-освободительное движение от турецкого ига, и России следует занять активную сторону. Однако российская власть, находясь в напряженных отношениях с Османской империей, определенно не хотела от Каподистрии никаких действий в этом направлении во избежание новой войны. Тем не менее, Каподистрия был «настойчив и неосторожен» в выражении своего иного мнения [10, с. 223]. В 1822 г. император предложил статс-секретарю отправиться на лечение в Европу. Фигура Каподистрии в условиях антитурецкого восстания и налаживания Венской системы международных отношений уже не устраивала самодержца. Итогом стала отставка Каподистрии в 1827 году. При увольнении с русской службы его финансовое положение было решено таким образом. Каподистрии выплачивалась сумма аренды по 1835 год за поместье в Волынской губернии; эта аренда была ему предоставлена в 1821 году в размере 8000 рублей серебром ежегодно. При этом Каподистрия отказался от пенсии, назначенной российским самодержцем, в размере 60 тысяч франков в год [11, с. 746].

Пребывая в отставке, Иоанн Антонович полностью погрузился в борьбу за создание независимой Греческой Республики. Здесь была необходима военная и материальная помощь. Цена этой помощи была высока: европейские державы хотели превратить Грецию в своего вассала. Тем не менее, Каподистрия отчётливо понимал, что Россию и Грецию связывает нечто большее: давние традиции сотрудничества, духовная близость, взаимные симпатии дружественных народов, глубинные мировоззренческие корни, питающиеся ценностями православия.

Отец Иоанна граф Антониос Каподистрия стал первым председателем Сената Греческой Республики. Младший Каподистрия в то время исполнял функции главного врача в русском военном госпитале [12], учрежденном на Корфу адмиралом Ф.Ф. Ушаковым. В 1827 году Иоанн был призван волей народа возглавить молодое греческое государство.

Оценив противоречия в настроениях населения, И. Каподистрия принялся за пересмотр Конституции Семиостровной республики с целью её большей демократизации. В результате в 1803 г. Семиостровная республика стала обладательницей одной из наиболее либеральных конституций в Европе. В том же году председателем Сената Ионической республики был избран граф Теотокис, в то время как полномочия Госсекретаря Республики (Канцлера) были возложены на Иоанна Каподистрию. Не прошло и года как Теотокис скончался, и полномочным правителем Ионического государства стал Иоанн Каподистрия.

За время своего правления Каподистрия добился очень многого, и главное – изменил структуру государственного управления, уделив особое внимание развитию образования. Пришлось оставить медицину и погрузиться в политику. Ввиду того, что на Корфу располагалась главная база русского флота в Средиземном море, то глава Семиостровной республики был в тесном контакте с командованием русских сухопутных и морских сил в Греческом архипелаге. Иоанна Каподистрию хорошо знали и принимали в русских военных и дипломатических кругах.

Реализация стратегии российского самодержавия по послевоенному устройству Европы требовала новых, имеющих опыт дипломатической деятельности людей. Выбор остановился на бывшем Статс-секретаре Ионической республики – Каподистрии. Изучив необходимые инструкции, в ноябре 1813 г. он под легендой путешественника отправился в Швейцарию. Исполнив свою особую миссию, Каподистрия остался в Швейцарии в качестве посланника России. Ему пришлось принять участие в создании новой конституции Швейцарского союза. Тем самым он стал сотворцом новой швейцарской государственности.

Александр I направляет Каподистрию в Вену (октябрь 1814 г.). На Венском конгрессе все наиболее сложные дела поручались именно Каподистрии. Проявленные полной мерой выдающиеся дарования обеспечили молодому дипломату быструю карьеру. Царским указом от 11 сентября 1815 г. он назначается статс-секретарем по иностранным делам. Именно ему поручается вести заключительные мирные переговоры с Францией и подписать от имени России Парижский мирный договор от 20 ноября 1815 г.

21 августа 1816 г. Каподистрия становится управляющим Министерством иностранных дел Российской империи. Эту должность он исполнял до 1822 года, разделяя её с другим статс-секретарем – графом Карлом Робертом фон Нессельроде. Однако, в действительности функции Каподистрии были гораздо шире. Французский поверенный в делах Ламуссе так оценивал расстановку сил в российском дипломатическом корпусе к апрелю 1816 г.: «Господин Нессельроде обычно … ведет официальные беседы, но ничего сегодня не делается без господина Каподистрии, у которого тайком получают частную аудиенцию» [13].

Каподистрия поддерживал широкие дружеские связи с видными деятелями русской культуры. Петербургская Академия наук единогласно избрала его своим членом.

Весной 1821 г. началось широкое восстание греков против османского господства. Восстание охватило весь Пелопоннес, часть конти-

нентальной Греции, Крит, Кипр и некоторые другие острова. Восставшие обратились за помощью к России. Но Александр I, обеспокоенный ростом революционного движения в Европе, и вопреки докладам Каподистрии, прибегнул к посредничеству Австрии в переговорах с Турцией о судьбе Греции [14].

В этих условиях в августе 1822 г. Каподистрия уехал из Петербурга и поселился в Женеве. Здесь он все свои средства и влияние положил на алтарь освобождения Греции от турецкого господства. При этом он оставался на русской службе, отдавая свыше 85% своего жалования, получаемого им из России, в пользу боровшихся с турками греческих повстанцев.

11 апреля 1827 г. Народным собранием в Трезене Иоанн Каподистрия был избран президентом Греческой Республики на 7 лет. До избрания его президентом Каподистрия проживал в Женеве. Первое заседание Национального собрания новоизбранный президент Греции счёл важным открыть одетым в расшитый золотом мундир министра иностранных дел Российской империи и с российскими орденами на груди. Каподистрия обещал «защитить народ от ужасов анархии и доставить ему возможность постепенно совершить дело национального и политического возрождения» [15].

Под дипломатическим давлением России Англия и Франция вынуждены были подписать в 1830 г. Лондонский протокол, по которому Греция признавалась независимым государством. Тем не менее, границы Греции были урезаны до предела безотносительно освобождённой повстанцами территории. Около 3 млн этнических греков остались за границей, что породило острую, длящуюся проблему их воссоединения с исторической родиной. [16, с. 77].

И всё же, решительными мерами Каподистрия подавил в стране разбой, а в окрестных морях – пиратство. Была создана регулярная армия, учрежден Национальный банк, начата чеканка своей монеты. Были приняты меры для подъема земледелия и торговли на фоне мер по раздаче крестьянам части государственных земель, конфискованных у турок. Осуществлялись преобразования в судебной и образовательной системе [17].

За отведенный историей четырехлетний срок пребывания во главе страны Каподистрия внес важнейший вклад в дело успешного завершения войны за независимость и создания основ греческой государственности. Но самоотверженная деятельность Каподистрии оборвалась рано. Проводимая Каподистрией политика, открыто ориентированная на Россию, вызвала серьезное недовольство Англии и Франции, инспирировавших в 1830–1831 гг. восстание против республиканского правительства Греции [18, с. 264].

Приняв должность президента, Каподистрия столкнулся с организованным жестоким сопротивлением со стороны непримиримых противников действующей власти. 9 октября 1831 г. Каподистрия застрелили на пороге церкви святого Спиридона. Убийцы были схвачены и наказаны высшей мерой народного гнева. [19].

В нынешней демократической Греции память об Иоанне Каподистрии сохраняется с огромным уважением и пиететом как к политику, законотворцу, дипломату и врачу Нового времени. Его имя с благодарностью носят университет, улицы, площади, медицинские учреждения. Похоронен первый президент Греческой Республики на острове Корфу – его малой родине. Спустя 30 лет после убийства Иоанна Антоновича, в Санкт-Петербурге была заложена греческая православная церковь. Деньги собирались на её постройку по всей Российской империи. Церковь возвели в 1864 году.

В год 300-летия Санкт-Петербурга, в бывшей столице Российской империи был открыт памятник Иоанну Антоновичу Каподистрии за вклад в развитие и становление российской дипломатии. Думается, что сегодня, осмысляя 250-летнюю ретроспективу рождения Каподистрии, его вклад следует трактовать намного шире – в категориях подвига, подлинной свободы, ответственности, самоотверженности и милосердия.

Литература

1. Василиади А.Х. Историческая значимость деятельности Иоанна Каподистрии в решении греческого вопроса в первой половине XIX века // Общество: философия, история, культура. 2024. № 10. С. 218–223.
2. Давтян-Иоакимиди А. Иоаннис Каподистрия и Греция в наполеоновских войнах и в посленаполеоновское время // Альманах Пространство и Время. 2012. Т. 1. Вып.2. С. 11.
3. Широкорад А.Б. Россия на Средиземном море. М.: АСТ, 2008. 91 с.
4. Арш Г.Л. Иоанн Каподистрия в России // Вопросы истории. 1976. № 5. С. 49–51.
5. Каподистрия Иоаннис: историческая справка [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/about/professional_holiday/history/1713876/ (дата обращения: 15.03.2026 г.)
6. Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1905. 569 с.
7. Кудрявцева Е.П. Греческая революция 1821 г. и политика России в восточном вопросе // Вестник МГИМО. 2021. № 1. С. 31–47.
8. Жуковский В.А. Сочинения В.А. Жуковского в двух томах. Т. 1. М.: Издание Т-ва Т.Д. Сытина, 1902. 624 с.
9. Оленич Т.С., Пыхтин Д.И. Историко-теологические и политические взгляды графа Ионниса Каподистрии: русского министра и греческого президента // Научный альманах стран Причерноморья. 2024. № 10(3). С. 62–69.
10. Граф Каподистрия и граф Несельроде. 1820–1821. // Русская старина. 1884. Т. 41. С. 219–223.
11. Срезневский И.И. Александр Иванович Тургенев. Несколько о нём воспоминаний //Русская старина. 1875. Т. 12. С. 740–749.
12. Станиславская А.М. Россия и Греция в конце 18-начале 19 в. М.: Наука, 1976. 376 с.
13. Платонова З.И. А. Каподистрия. Статс-секретарь Министерства иностранных дел (1815–1822 гг.) // Международная жизнь. 2002. № 1. С. 102–112.
14. Арш Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М.: «Индрик», 2013. 280 с.
15. Теплов В.А. Граф Иоанн Каподистрия, президент Греции. СПб.: Изд. тип. А.С. Суворина, 1893. 74 с.
16. Герасимов М.Л. Охлаждение Российско-Греческих отношений после Греческой революции // Клио. № 2 (206). 2024. С. 76–79.
17. Стурдза А.С. Воспоминания о жизни и деяниях графа И.А. Каподистрии, правителя Греции. М.: Унив. тип, 1864. 205 с.
18. Шапкина А.Н. Образование МИД и деятельность российской дипломатии в первой четверти XIX в. // В кн.: Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 290 с.
19. Райк А.Н. Записка об убиении Каподистрии // Русский архив. 1869. № 7. С. 881–919.

THE GREAT RUSSIAN GREEK: LAWMAKER, DOCTOR, POLITICIAN, DIPLOMAT

On the 250th Anniversary of Ioannis Kapodistrias

Vakhmistrov V.P., Tarasov A.S.
S.M. Kirov Military Medical Academy, Saint Petersburg State Marine Technical University

The article aims to provide a scientific understanding of the phenomenon of the life path and the polyphony of the professional activities of an outstanding representative of the Greek people and their enlightened community, Ioannis Kapodistrias, who was killed by a criminals in the struggle for the country's liberation from external dependence and the establishment of the values of constitutionalism and liberalism within the political and legal framework of a constitutional monarchy. The scientific result is the disclosure of historically specific factual information to support the thesis about the unique capabilities and role of a talented, highly moral, and socially responsible individual in the history of several spiritually close countries simultaneously. The scientific novelty is ensured by addressing the memory of I.A. Kapodistrias as a little-studied subject of international politics. The research methodology is based on the dialectical unity of descriptive, historical, and formal-legal methods.

Keywords: I.A. Kapodistrias, F.F. Ushakov, Napoleonic Wars, Constitution, State Secretary of the Russian Empire's Ministry of Foreign Affairs, President of the Greek Republic, National Liberation Movement

References

1. Vasiliadi A.X. Istoricheskaya znachimost` deyatel`nosti Ioanna Kapodistrii v reshenii grecheskogo voprosa v pervoj polovine XIX veka //Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul`tura. 2024. № 10. S. 218–223.
2. Davtyan-Ioakimidi A. Ioannis Kapodistriya i Greciya v napoleonovskix vojnax i v poslenapoleonovskoe vremya // Al`manax Prostranstvo i Vremya. 2012. T.1. Vy`p.2. S.11.
3. Shirokorad A.B. Rossiya na Sredizemnom more. M.: AST, 2008. 91 s.
4. Arsh G.L. Ioann Kapodistriya v Rossii // Voprosy` istorii. 1976. № 5. S. 49–51.
5. Kapodistriya Ioannis: istoricheskaya spravka [E`lektronny`j resurs] // Oficial`ny`j sajt Ministerstva inostranny`x del Rossijskoj Federacii. URL: https://www.mid.ru/ru/about/professional_holiday/history/1713876/
6. Shil`der N.K. Imperator Aleksandr I, ego zhizn` i czarstvovanie. T.3. SPb., 1905. 569 s.
7. Kudryavceva E.P. Grecheskaya revolyuciya 1821 g. i politika Rossii v vostochnom voprose // Vestnik MGIMO. 2021. № 1. S. 31–47.
8. Zhukovskij V.A. Sochineniya V.A. Zhukovskogo v dvux tomax. T. 1. M.: Izdanie T-va T.D. Sy`tina, 1902. 624 s.
9. Olenich T.S., Py`xtin D.I. Istoriko-teologicheskie i politicheskie vzglyady` grafa Ionnisa Kapodistrii: russkogo ministra i grecheskogo prezidenta // Nauchny`j al`manax stran Prichernomor`ya. 2024. № 10(3). S.62–69.
10. Graf Kapodistriya i graf Nesel`rode. 1820–1821. // Russkaya starina. 1884. T. 41. S.219–223.

11. Sreznevskij I.I. Aleksandr Ivanovich Turgenev. Neskol`ko o nyom vospominanij. // Russkaya starina. 1875. T. 12. S.740–749.
12. Stanislavskaya A.M. Rossiya i Greciya v konce 18-nachale 19 v. M.: Nauka, 1976. 376 s.
13. Platonova Z.I. A. Kapodistriya. Stats-sekretar` Ministerstva inostranny`x del (1815–1822 gg.) // Mezhdunarodnaya zhizn`. 2002. № 1. S. 102–112.
14. Arsh G.L. Rossiya i bor`ba Grecii za osvobozhdenie: ot Ekateriny` II do Nikolaya I. Ocherki. M.: «Indrik», 2013. 280 s.
15. Teplov V.A. Graf Ioann Kapodistriya, prezident Grecii. SPb.: Izd. tip. A.S. Suvorina, 1893. 74 s.
16. Gerasimov M.L. Oxlazhdenie Rossijsko-Grecheskix otnoshenij posle Grecheskoj revolyucii // Klio. № 2 (206). 2024. S. 76–79.
17. Sturdza A.S. Vospominaniya o zhizni i deyaniyax grafa I.A. Kapodistrii, pravitelya Grecii. M.: Univ. tip, 1864. 205 s.
18. Shapkina A.N. Obrazovanie MID i deyatel`nost` rossijskoj diplomatii v pervoj chetverti XIX v. // V kn.: Ocherki istorii Ministerstva inostranny`x del Rossii. 1802–2002. T. 1. M.: OLMA-PRESS, 2002. 290 s.
19. Rajk A.N. Zapiska ob ubienii Kapodistrii // Russkij arxiv. 1869. № 7. S. 881–919.

Кризис посредничества как форма этнокультурного кризиса: философско-культурологический аспект

Тимербаев Ринат Ришатович,
аспирант, кафедра философии, Государственный университет управления
E-mail: rinat-timerbaev2@yandex.ru

Аторин Роман Юрьевич,
кандидат философских наук, доцент, Государственный университет управления
E-mail: romanos-85@yandex.ru

В статье обосновывается, что этнокультурный кризис не исчерпывается конфликтом различий, кризисом идентичности или отдельными институциональными сбоями. Его важным философско-культурологическим измерением выступает кризис посредничества, возникающий при ослаблении или разрушении форм связи, обеспечивающих соотнесенность, признание, переводимость и включенность культурных различий в общее символическое пространство. Посредничество рассматривается не как внешняя техника согласования и не как риторика диалога, а как внутренний механизм культурной связности. Показано, что посреднические формы действуют в сфере памяти, в коммуникативно-семиотическом измерении культуры, а также в институциональных механизмах передачи и признания. Делается вывод о том, что переход от этнокультурной дифференциации к кризису объясняется не самой множественностью различий, а распадом форм их культурного удержания.

Ключевые слова: этнокультурный кризис; посредничество; философия культуры; культурная память; культурная связность; признание; переводимость.

В современных социально-гуманитарных исследованиях этнокультурные различия нередко описываются в регистре напряжения, конфликта и распада. Такая перспектива, безусловно, имеет основания: в условиях символической поляризации, конкуренции исторических нарративов и повышенной чувствительности к вопросам коллективной идентичности различия действительно легко становятся источником острого общественного спора. Но прямое отождествление различия с кризисом остается методологически грубым. В этом случае внутренняя неоднородность культуры почти автоматически начинает восприниматься как симптом дезинтеграции, хотя для культуры как таковой подобный вывод далеко не очевиден. Уже в философии культуры было показано, что различие может выступать не исключением из нормы, а способом существования культурного целого – внутренне неоднородного, полемичного, но не обязательно распадающегося [5, с. 55–63]. Поэтому вопрос состоит не в самом факте различия, а в том, в какой момент оно перестает быть внутренним различием культуры и начинает работать как кризисный разрыв.

Именно здесь обнаруживается одна из слабостей многих привычных интерпретаций этнокультурного кризиса. Обычно кризис либо слишком быстро выводится из культурной неоднородности как таковой, либо фиксируется уже на поздней стадии – в виде открытого конфликта, распада общего исторического горизонта, резкой поляризации или явной институциональной неустойчивости. Но тогда остается недостаточно проясненным сам переходный механизм. Иначе говоря, не вполне понятно, каким образом культура в течение длительного времени удерживает внутреннюю множественность, а затем начинает терять эту способность. Если этот переход не описан, понятие этнокультурного кризиса неизбежно колеблется между двумя крайностями: либо кризисом оказывается почти всякая выраженная разнородность, либо он распознается только тогда, когда распад уже стал очевидным [8, с. 47–53]. Тем самым утрачивается возможность описывать кризис как процесс, а не только как уже наступивший факт.

Сказанное требует точнее определить и саму этнокультурную дифференциацию. Речь идет не просто о сосуществовании групп, различающихся происхождением, языком или историческим опытом. Этнокультурная дифференциация обозначает процесс закрепления различий в устойчивых формах культурного воспроизводства: в коллективной памяти, в образах прошлого, в нормах включения и исключения, в символических границах, в языках публичного самоописания, в представлениях о значимом и должном. Иначе говоря, различие здесь имеет не случайный, а культурно воспроизводимый характер [6, с. 214–221]. Такая дифференциация может быть напряженной, иерархичной, конфликтной. Однако сама по себе она еще не означает кризиса. Более того, сложная культура во многом существует именно потому, что различные репертуары памяти, коды и формы самоописания сохраняют возможность сосуществования в пределах одного символического поля.

Поэтому этнокультурный кризис нельзя удовлетворительно объяснить ни как прямое следствие различия, ни как простой кризис идентичности, ни как отдельный институциональный сбой. Сведение кризиса к различию делает кризис почти естественным состоянием любой многосоставной культуры. Сведение его к идентичности чрезмерно сужает анализ, замыкая его на самоописании общности и оставляя в стороне вопрос о том, каким образом вообще поддерживается связь между различными культурными репертуарами. Наконец, редукция кризиса к институциональному сбою не объясняет, почему даже при формально сохраняющихся институтах может ослабевать внутренняя связность культурного пространства. Следовательно, нужен такой уровень анализа, который позволял бы описывать не только различие и не только конфликт, но сами формы связи между различными символическими порядками. Без специальной категории, работающей на этом уровне, различие и кризис остаются либо механически сближенными, либо аналитически разорванными.

В качестве такого объяснительного звена в настоящей статье рассматривается посредничество. Сразу необходимо уточнить: речь не идет о посредничестве в бытовом смысле – как о внешней технике согласования, – и тем более не о риторическом синониме “диалога культур”. Подобное понимание уводило бы проблему в нормативно-

морализаторскую плоскость. Посредничество в философско-культурологическом смысле – это форма связи, благодаря которой различные репертуары памяти, культурные коды, нормы признания и институты включения сохраняют возможность соотнесения в общем культурном пространстве. Посредничество не возникает только после конфликта и не существует лишь как средство его смягчения. Оно действует глубже – как внутренний механизм культуры, препятствующий превращению различий в абсолютную внешность [2, с. 42–49]. Именно поэтому посредничество здесь выступает не дополнительной, а необходимой категорией: без него переход от различия к кризису остается теоретически необъясненным.

Вместе с тем посредничество не устраняет различий, не гарантирует согласия и не сводит культуру к гармоническому равновесию. Его функция иная: удерживать различия от перехода в состояние взаимной недействительности. Посредничество связывает не один, а несколько слоев культурной жизни. Оно удерживает память от распада на взаимно исключающие версии прошлого, поддерживает переводимость между культурными кодами, делает различие культурно допустимым и воспроизводится в институтах передачи и включения. Поэтому посредничество нельзя считать факультативной или вторичной практикой. В пределах настоящего анализа оно важно не само по себе, а постольку, поскольку позволяет увидеть формы связи, без которых различия перестают быть внутренними различиями культуры.

Здесь необходима оговорка. Посредничество не претендует на роль универсальной формулы всей культурной динамики. Для целей данной статьи оно существенно постольку, поскольку позволяет точнее описать механизм перехода от этнокультурной дифференциации к кризису. В этом смысле посредничество тесно связано с культурной связностью, но не совпадает с ней полностью. Культурная связность характеризует состояние удерживаемости различий в пределах общего символического пространства. Посредничество же позволяет описывать формы связи, за счет которых такая удерживаемость поддерживается. Связность показывает, что культура еще сохраняет внутреннюю соотнесенность; посредничество позволяет понять, благодаря чему это вообще возможно и почему в определенный момент такая возможность начинает ослабевать [10, с. 201–208].

Особенно наглядно посредническая функция культуры проявляется в сфере памяти. Различные версии прошлого сами по себе еще не образуют кризиса. Более того, культурная память почти никогда не существует как единое, полностью непротиворечивое повествование. Однако кризис возникает в тот момент, когда разные репертуары прошлого перестают быть соотносимыми в рамках одного символического поля. Тогда спор о прошлом затрагивает уже не только содержание исторической интерпретации, но и право той или иной версии памяти на культурную легитимность. Вопрос касается уже не только того, какая интерпретация предпочтительнее, но и того, признается ли она вообще допустимой частью общего символического порядка. Когда такая признанность ослабевает, память перестает быть полем напряженной, но сохраняющейся соотнесенности и начинает превращаться в поле разрыва [3, с. 36–44]. Именно здесь различие утрачивает не только интерпретационную соотнесенность, но и культурную допустимость своего присутствия в общем символическом поле.

Это обстоятельство особенно важно, если рассматривать память не как архив прошлого, а как одну из основ культурной идентичности. Современные исследования подчеркивают, что идентичность формируется не только через самотождественность, но и через способы отношения к иному, через режимы различения “своего” и “чужого”, через признание или вытеснение тех символических форм, которые участвуют в коллективном самоописании [11, с. 44–55]. Поэтому кризис памяти есть не только спор об интерпретациях. Он указывает и на ослабление тех посреднических форм, которые удерживают разные версии прошлого в пределах общего культурного порядка.

Не менее существенным оказывается коммуникативно-семиотическое измерение посредничества. Культура существует не только через содержание, но и через коды, границы и переводческие механизмы. Пока граница выполняет не только разделяющую, но и переводящую функцию, различие остается встроенным в общее культурное пространство, даже если оно связано с напряжением и спором. Когда же граница начинает действовать главным образом как барьер, переводимость между различными языками культуры ослабевает, а различие становится гораздо жестче. Оно уже не воспринимается как внутренне соотносимое, а все чаще переживается как расположенное по ту сторону общего символического поля. Посредничество здесь проявляется как условие переводимости: не устраняя различий, оно препятствует превращению различия в абсолютную непроницаемость [1, с. 131–142].

Современные культурологические исследования коммуникации позволяют увидеть этот процесс точнее. Коммуникационные процессы не просто передают информацию, а создают и поддерживают символические контексты, внутри которых различия получают значение, форму и степень допустимости [12, с. 174–192]. Поэтому ослабление посредничества означает не только коммуникативный сбой, но и утрату общей рамки символической соотнесенности.

Но память и переводимость не удерживаются в культуре сами собой. Для их воспроизводства необходимы институциональные формы – школа, канон, музей, публичная история, ритуал, мемориальные практики, культурная политика. Все это значимо не только как набор организационных структур, но и как носители посреднической функции. Институт важен здесь не просто потому, что он передает содержание. Его роль определяется способностью поддерживать признанность различий, рамки их допустимого присутствия и формы их включенности в общее культурное пространство. Поэтому институциональная устойчивость сама по себе еще не гарантирует сохранения культурной связности. Возможна ситуация, когда институты формально сохраняются, но перестают выполнять посредническую функцию: признание становится избирательным, передача – механической, включенность – асимметричной, а культурное пространство – менее удерживаемым [6, с. 228–233]. В таком случае институт сохраняет форму, но перестает обеспечивать культурную допустимость и включенность различий.

Особенно отчетливо эта проблема проявляется в политике памяти. В современной России, как показывают исследования дискурса государственной политики памяти, вопрос о прошлом тесно связан с формированием национальной идентичности и с институциональным закреплением тех или иных символических рамок принадлежности [13, с. 32–51]. Это означает, что посредничество работает не только на уровне абстрактной культуры, но и через конкретные дискурсивные и институциональные механизмы, которые либо поддерживают связность, либо, наоборот, делают признание различий все более неустойчивым.

На этой основе становится возможным более точное понимание кризиса посредничества. Кризис посредничества – это такое состояние культурной динамики, при котором формы связи между памятью, признанием, институтами включения и механизмами перевода ослабевают или разрушаются до той степени, что различия перестают удерживаться как внутренние различия культуры. Речь идет не просто об ослаблении отдельных институтов или о конфликте отдельных интерпретаций. Под угрозой оказываются сами формы культурного опосредования, которые прежде связывали память, норму, язык, публичную репрезентацию и признание в едином поле. Поэтому кризис посредничества нельзя рассматривать лишь как образное обозначение проблемы. Он обозначает вполне определенное состояние культуры, при котором множественность различий перестает быть внутренне удерживаемой и начинает тяготеть к разрыву [1, с. 257–264]. В этом смысле этнокультурный кризис предстает не только как конфликт различий, но и как распад тех механизмов, благодаря которым различия прежде сосуществовали в пределах общего символического пространства.

Для аналитического различения этнокультурной дифференциации и кризиса принципиально важно выделить промежуточную стадию – ослабление посредничества. Не всякое нарушение культурной связи сразу означает кризис. Возможны ситуации, когда формы опосредования уже работают хуже, но еще не разрушены окончательно. Различия в таком случае остаются включенными в общее пространство культуры, однако признание становится менее устойчивым, переводимость – менее надежной, а институты – менее способными выполнять связывающую функцию. Такое состояние уже выводит культуру из режима нормальной дифференциации, но еще не тождественно кризису. Поэтому аналитически важно различать по меньшей мере три уровня: нормальную дифференциацию, ослабление посредничества и кризис посредничества. Нормальная дифференциация предполагает сохранность посреднических форм; их заметное ослабление формирует предкризисное состояние; их структурный распад означает собственно кризис посредничества [4, с. 136–142]. Это различение позволяет описывать кризис не как мгновенный скачок от различия к распаду, а как процесс истончения форм культурной связи.

С этой точки зрения посредничество может рассматриваться как ключевой критерий в пределах данной аналитической рамки. Пока культурные различия сохраняют соотнесенность, признание, переводимость и институциональную включенность, речь идет о дифференциации, какой бы напряженной она ни была. Когда эти параметры заметно ослабевают, можно говорить о нарушении посреднических форм и о переходе к предкризисному состоянию. Когда же формы культурного опосредования разрушаются структурно, возникает собственно кризис посредничества. Тем самым этнокультурный кризис

предстает не только как конфликт различий, но и как результат распада тех культурных механизмов, которые позволяли различиям сосуществовать в пределах общего символического пространства [7, с. 112–118].

Такое различение важно и в более широком философско-культурологическом плане. Оно позволяет иначе поставить вопрос о природе этнокультурного кризиса. Обычно кризис фиксируется либо на уровне уже открытого конфликта, либо на уровне очевидного распада культурной общности. Между тем не менее значимым оказывается предшествующий слой – ослабление посреднических форм, которое далеко не всегда сразу становится заметным. Когда перестают работать связи между памятью и признанием, между границей и переводом, между институтом и включением, этнокультурные различия начинают менять свой статус. Они уже не воспринимаются как внутренне допустимые и соотносимые; их множественность становится менее удерживаемой, а культурное пространство – более фрагментированным. Именно поэтому кризис посредничества позволяет описывать кризис не как механическую сумму различий, а как распад форм их культурного удержания.

В этом отношении показательно, что даже сохранение духовно-нравственных оснований культуры связано не просто с передачей ценностей, а с воспроизводством памяти как посреднической формы культурной идентичности [14, с. 128–144]. Не менее показательны и пределы “изобретения” традиции. Не всякая традиция может быть сконструирована заново произвольным образом, поскольку традиция действует лишь там, где сохраняются формы признания, символического включения и исторической соотнесенности. Когда эти формы разрушаются, сама репрезентация идентичности становится все менее устойчивой и все чаще нуждается во внешнем навязывании [15, с. 62–70]. Это еще раз подтверждает, что этнокультурный кризис нельзя понимать как простую сумму различий; он связан с распадом тех посреднических форм, которые делают различия внутренне удерживаемыми.

Таким образом, этнокультурная дифференциация не тождественна кризису и не может автоматически пониматься как признак дезинтеграции. Для объяснения перехода от различия к кризисному состоянию необходимо учитывать посреднические формы культуры, через которые различия сохраняют соотнесенность, признание, переводимость и включенность. В статье показано, что этнокультурный кризис может быть понят как кризис посредничества, возникающий при разрушении форм связи между репертуарами памяти, культурными кодами, институтами передачи и режимами публичной репрезентации. Такой подход позволяет точнее объяснить, почему кризис возникает не из самой множественности культурных различий, а из распада тех форм культурного удержания, которые делают эту множественность внутренне связной.

Литература

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2010.
2. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
5. Межуев В.М. Идея культуры: Очерки по философии культуры. М.: Университетская книга, 2012.
6. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996.
7. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.
8. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век. М.: Политиздат, 1991.
9. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
10. Тернер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.
11. Малыгина И.В. Феномен идентичности в контексте историко-культурной динамики // Международный журнал исследований культуры. 2023. № 2 (51). С. 44–55. DOI: 10.52173/2079-1100_2023_2_44.
12. Урмина И.А. Контексты культурной символизации в современных коммуникационных процессах // Вестник культурологии. 2023. № 3 (106). С. 174–192. DOI: 10.31249/hoc/2023.03.11.
13. Русакова О.Ф. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 32–51. DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_32.
14. Ерохина Т.И. Культурная память как средство сохранения духовно-нравственных ценностей русской культуры // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 128–144.
15. Головашина О.В. Репрезентация идентичности: почему не каждую традицию можно изобрести? // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 62–70. DOI: 10.17223/15617793/495/6.

CRISIS OF MEDIATION AS A FORM OF ETHNOCULTURAL CRISIS: A PHILOSOPHICAL AND CULTURAL PERSPECTIVE

Timerbaev R.R., Atorin R.Yu.
State University of Management, State University of Management

The article substantiates that an ethnocultural crisis cannot be reduced to a conflict of differences, a crisis of identity, or separate institutional failures. Its important philosophical and cultural dimension is the crisis of mediation that emerges when the forms of connection ensuring correlation, recognition, translatability, and inclusion of cultural differences within a shared symbolic space weaken or collapse. Mediation is considered not as an external technique of reconciliation and not as a rhetoric of dialogue, but as an internal mechanism of cultural coherence. The article shows that mediating forms operate in the sphere of memory, in the communicative and semiotic dimension of culture, and in institutional mechanisms of transmission and recognition. It is concluded that the transition from ethnocultural differentiation to crisis is explained not by the plurality of differences as such, but by the disintegration of the forms that culturally sustain them.

Keywords: ethnocultural crisis; mediation; philosophy of culture; cultural memory; cultural coherence; recognition; translatability

References

1. Lotman, Yu.M. Semiosfera [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2010.
2. Cassirer, E. Filosofiya simvolicheskikh form. T. 1: Yazyk [The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 1: Language]. 2nd ed. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015.
3. Assmann, J. Kul’turnaya pamyat’: Pis’mo, pamyat’ o proshlom i politicheskaya identichnost’ v vysokikh kul’turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul’tury, 2004.
4. Assmann, A. Dlinnaya ten’ proshlogo: Memorial’naya kul’tura i istoricheskaya politika [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. 3rd ed. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023.
5. Mezhuev, V.M. Ideya kul’tury: Ocherki po filosofii kul’tury [The Idea of Culture: Essays on the Philosophy of Culture]. Moscow: Universitetskaya kniga, 2012.
6. Kagan, M.S. Filosofiya kul’tury [Philosophy of Culture]. Saint Petersburg: Petropolis, 1996.
7. Stepin, V.S. Tsivilizatsiya i kul’tura [Civilization and Culture]. Saint Petersburg: SPbGUP, 2011.
8. Bibler, V.S. Ot naukoucheniya – k logike kul’tury: Dva filosofskikh vvedeniya v XXI vek [From Wissenschaftslehre to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the 21st Century]. Moscow: Politizdat, 1991.
9. Ricoeur, P. Pamyat’, istoriya, zabvenie [Memory, History, Forgetting]. Moscow: Izdatel’stvo gumanitarnoi literatury, 2004.
10. Turner, V. Simvol i ritual [Symbol and Ritual]. Moscow: Nauka, 1983.
11. Malygina, I.V. Fenomen identichnosti v kontekste istoriko-kul’turnoi dinamiki [The Phenomenon of Identity in the Context of Historical and Cultural Dynamics]. Mezhdunarodnyi zhurnal issledovanii kul’tury [International Journal of Cultural Research], 2023, No. 2 (51), Pp. 44–55. DOI: 10.52173/2079-1100_2023_2_44.
12. Urmina, I.A. Konteksty kul’turnoi simvolizatsii v sovremennykh kommunikatsionnykh protsessakh [Contexts of Cultural Symbolization in Contemporary Communication Processes]. Vestnik kul’turologii [Bulletin of Cultural Studies], 2023, No. 3 (106), Pp. 174–192. DOI: 10.31249/hoc/2023.03.11.
13. Rusakova, O.F. Diskurs gosudarstvennoi politiki pamyati kak faktor formirovaniya natsional’noi identichnosti sovremennoi Rossii [The Discourse of State Memory Policy as a Factor in the Formation of National Identity in Contemporary Russia]. Diskurs-Pi [Discourse-P], 2023, Vol. 20, No. 2, Pp. 32–51. DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_32.
14. Erokhina, T.I. Kul’turnaya pamyat’ kak sredstvo sokhraneniya dukhovno-nravstvennykh tsennostei russkoi kul’tury [Cultural Memory as a Means of Preserving the Spiritual and Moral Values of Russian Culture]. Mir russkogovoryashchikh stran [World of Russian-Speaking Countries], 2023, No. 3 (17), Pp. 128–144.
15. Golovashina, O.V. Reprezentatsiya identichnosti: pochemu ne kazhduyu traditsiyu mozhno izobresti? [Representing Identity: Why Not Every Tradition Can Be Invented?]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal], 2023, No. 495, Pp. 62–70. DOI: 10.17223/15617793/495/6.

Создание воспитывающей социокультурной среды

Шумилкина Оксана Геннадьевна,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

Глобальные институциональные преобразования, которые сопровождаются интенсивной экспансией цифровых технологий, с неизбежностью проблематизируют устоявшиеся механизмы трансляции культурного опыта и нравственных норм подрастающему поколению. Между тем, в академическом дискурсе и реальной практике отчетливо прослеживается концептуальное противоречие: острая потребность педагогических коллективов в целостных развивающих средах сталкивается с явной фрагментарностью проектировочных моделей, а также с доминированием жестко формализованных, количественных метрик при диагностике их результативности. Как следствие, цель в рамках данной статьи заключается в теоретико-методологическом обосновании процесса создания воспитывающей социокультурной среды, в разработке прикладных механизмов ее оценки. По итогам комплексного анализа автор приходит к выводу о том, что результативное конструирование характеризуемого пространства детерминировано тесной синергией физического окружения, социальных интеракций, совместной деятельности, разделяемых смыслов. Примечательно, что оправданной стратегией сегодня становится отказ от «сухой» отчетной статистики в пользу глубокого мониторинга психоэмоционального благополучия, сплоченности, рефлексивности учащихся. Авторский вклад проявляется в концептуализации партисипативного и гибридного подходов к воспитанию, а также в демонстрации методологической матрицы качественного аудита, нивелирующей зависимость от формальной эмпирики. Как представляется, изложенные идеи и методические ориентиры окажутся полезными для руководителей образовательных организаций, методологов, социальных педагогов.

Ключевые слова: воспитывающая среда; качественный мониторинг; методология оценки; педагогическое проектирование; социализация; социокультурное пространство

Введение

Актуальность исследования проблемы формирования воспитывающей социокультурной среды в современной педагогической науке продиктована трансформациями общественных структур вкупе с переосмыслением ценностных ориентиров. На фоне глобализации, которая сочетается с интенсивной цифровизацией, институты социализации сталкиваются с серьезными вызовами. Они требуют поиска инновационных механизмов трансляции культурного опыта, нравственных норм подрастающему поколению.

Как представляется, фокус педагогических усилий сегодня неотвратимо смещается с узконаправленного предметного обучения на комплексное развитие личности, способной к конструктивному диалогу, критическому мышлению, созидательной деятельности в реалиях высокой неопределенности. Вследствие этого отметим, что именно средовой подход становится ключевой парадигмой современного образования. Он помогает интегрировать разрозненные воспитательные воздействия в единую, синергетическую систему.

Впрочем, невзирая на значительный интерес исследователей к анализируемой проблематике, механизмы проектирования таких сред зачастую остаются не до конца раскрытыми (с методической и методологической точек зрения). Существующие модели нередко страдают излишней абстрактностью. И это затрудняет их имплементацию в реальную практику образовательных организаций. Видимо, назрела острая необходимость концептуализации накопленного теоретического и практического опыта – с целью выработки целостной методологии конструирования развивающих пространств.

Цель заключается в теоретико-методологическом обосновании процесса создания воспитывающей социокультурной среды и прикладных механизмов ее оценки. Ее достижение опирается на решение комплекса взаимосвязанных задач: во-первых, уточнение понятийно-категориального аппарата, структуры исследуемого феномена; во-вторых, систематизация фундаментальных принципов, социально-педагогических условий, которые детерминируют эффективность проектировочной деятельности; в-третьих, характеристику специфики средовых компонентов в различных институциональных контекстах. Помимо этого, особое внимание будет уделено методологии оценки результативности создаваемых сред, что, несомненно, составляет «ядро» управленческого цикла в педагогике.

Материалы и методы

Изученный при подготовке статьи массив научной литературы дает возможность разносторонне рассмотреть процесс формирования воспитывающей социокультурной среды, опираясь на вариативные институциональные, ценностные, технологические подходы.

Так, О.А. Володина исследует адаптационные возможности таких сред сквозь призму исторических ретроспектив [1]. Е.Ф. Командышко и Ю.С. Жукова акцентируют внимание на коммуникативном потенциале искусства в культурно-просветительском пространстве [2]. Локальный уровень воспитывающей среды отдельного класса концептуализируется в работах Н.И. Мазурчук и О.С. Халезовой [3]. И это органично расширяется до масштабов микрорайона в социально-педагогических комплексах у И.В. Сеньчуковой [6] и до макроуровня городского пространства в междисциплинарных проектах у Д.В. Смирнова, А.Н. Языкеева [7]. Аксиологический вектор реализуется Э.О. Роминым через воспитание духовно-нравственных ориентиров [5], а также Е.А. Столбовой и В.С. Цилицким, которые детально исследуют ценностно-мировоззренческие установки современных подростков [8]. Инновационные механизмы проектирования среды (в частности, имеются в виду институциональная преемственность школы и вуза, педагогическая навигация, интеграция дистанционного образования) раскрываются в публикациях И.А. Макаровой, Е.С. Новиковой, Н.В. Петручени, Е.И. Сахарчук [4], В.С. Цилицкого, Е.А. Столбовой, Е.В. Гнатышиной, Н.А. Антоновой [9], Д.Э. Черных [10].

Выбор перечисленных выше источников обоснован необходимостью изучения социокультурной среды как многоуровневой динамической системы, охватывающей весь спектр педагогического взаимодействия.

Несмотря на многогранность представленных изысканий, наблюдается заметный пробел, который связан с недостаточной проработкой

механизмов защиты воспитывающего пространства от деструктивного влияния неконтролируемого цифрового контента, а также с дефицитом лонгитюдных исследований, где оценивается отложенный эффект таких сред на взрослую жизнь выпускников.

При написании статьи применялся теоретический синтез, позволивший объединить разрозненные исторические, локальные, цифровые подходы в единую концептуальную «рамку» воспитывающей среды образовательной организации. Помимо этого, задействован сравнительно-педагогический метод – с целью сопоставления классических ценностных парадигм воспитания с современными инновационными практиками навигации. Это дало возможность объективно оценить применимость различных теорий в реалиях актуальной трансформации российского образования.

Результаты и обсуждение

1. Теоретические основы. Понятие воспитывающей социокультурной среды рассматривается как совокупность взаимосвязанных экономических, социальных, культурных отношений к образованию. Их содержание позволяет личности продуктивно самоорганизовываться и саморазвиваться [4, 9]. Н.И. Мазурчук и О.С. Халезова определяют ее как часть социальной среды, представляющую собой совокупность окружающих ребенка условий; ее формирование и взаимодействие в ней происходит между индивидами и социальными группами (в социуме). Просто окружающая среда не всегда оказывает нужное воспитательное воздействие [3].

Структура описываемого феномена многогранна. Воспитательный потенциал среды проявляется в ее способности детерминировать процесс социализации, обеспечивая интериоризацию общественных ценностей. По мнению О.А. Володиной, характеризуемая среда выступает не просто в качестве фона, а как активный фактор, на фоне которого реализуются групповые потребности; возникают, разрешаются межличностные и групповые конфликты [1].

Типология воспитывающих сред весьма вариативна. В зависимости от масштаба выделяют макросреду (государство, общество), мезосреду (регион, этнос), микросреду (семья, классный коллектив). В отличие от спонтанных социальных пространств, педагогически целесообразная среда целенаправленно конструируется для достижения конкретных образовательных результатов.

2. Принципы и условия создания. Проектирование в рассматриваемой области опирается на ряд фундаментальных руководящих положений. К числу ключевых уместно отнести принцип культуросообразности (предполагается максимальное использование культурного потенциала региона), событийности (ориентирована на создание значимых для ребенка эмоциональных переживаний). Одновременно с этим, партисипативность диктует необходимость вовлечения самих учащихся в процесс преобразования окружающего пространства [3, 5, 6].

Успешная реализация указанных выше принципов реальна лишь при соблюдении специфических социально-педагогических условий. Во-первых, требуется культивирование рефлексии, конструктивного диалогового стиля общения. Во-вторых, необходимо обеспечение духовно-нравственного развития студентов или школьников через интеграцию образовательных и воспитательных программ. Примечательно, что без консолидации усилий всех участников педагогического процесса любые структурные преобразования обречены на формализм.

3. Компоненты среды. Современные исследователи обозначают несколько взаимосвязанных компонентов образовательной и воспитывающей среды, которые образуют ее каркас. Для наглядности сущностные характеристики этих элементов представлены в таблице 1.

Пространственно-предметный компонент, по-видимому, задает внешние «рамки» активности, а социальный несет основную нагрузку по обеспечению психологического благополучия. Деятельностный и ценностно-смысловой, в свою очередь, выступают в качестве «ядра», которое трансформирует внешние влияния во внутренние убеждения личности. Как подчеркивают Е.А. Столбова, В.С. Цилицкий, процесс присвоения ценностей происходит на протяжении всей человеческой жизнедеятельности, однако сензитивным периодом для формирования ценностных ориентаций в структуре мировоззрения относят подростковый возраст [8].

4. Технологии создания. Цикл конструирования воспитывающего пространства алгоритмичен. Он берет свое начало с глубокой педагогической диагностики. На этом этапе выявляется как наличный воспитательный, так и антивоспитательный потенциал окружающей действительности, изучаются мотивы субъектов. Полученные сведения становятся «фундаментом» для следующей стадии – проектирования. Оно представлено разработкой концептуальной модели будущей среды, воссозданием специальных воспитывающих ситуаций.

Таблица 1. Структурно-функциональная матрица компонентов воспитывающей среды (составлено автором на основе [3, 5, 6, 8, 10])

Наименование	Сущность	Вектор воздействия	Примеры реализации на практике
Пространственно-предметный	Физическое, материальное окружение (архитектура, дизайн, оборудование)	Формирование эстетического вкуса, чувства безопасности, комфорта	Зонирование рекреаций, коворкинг-центры, школьные музеи
Социальный	Характер межличностного взаимодействия, педагогическое общение	Удовлетворение потребности в признании, социализация, освоение ролей	Наставничество, органы ученического самоуправления, тьюторство
Деятельностный	Виды и формы активности, в которые включены субъекты	Развитие субъектности, надпрофессиональных компетенций (soft skills)	Волонтерские акции, проектные сессии, социальные театры
Ценностно-смысловой	Совокупность разделяемых норм, идеалов, традиций организации	Интериоризация морально-этических установок. Формирование мировоззрения	Корпоративный кодекс чести, ритуалы посвящения, этические беседы

На этапе внедрения очень важны методы активизации. Они сопряжены с использованием интерактивных форматов: социальных проектов, флешмобов, краудсорсинговых платформ. Создание ценностно-смыслового единства требует систематического поддержания атмосферы открытости к педагогическому творчеству и терпимости к методическому инакомыслию.

5. Особенности среды в разных институтах. Воспитывающая среда приобретает уникальные черты в зависимости от институционального контекста. В общеобразовательной школе она отличается высокой степенью нормативности, ориентацией на коллективные формы взаимодействия. Учреждения дополнительного образования, напротив, предоставляют широкое поле для индивидуализации (вкупе со свободным выбором видов творческой самореализации).

Семья формирует первичную, глубоко эмоциональную микросреду. Ее «фундамент» зиждется на привязанности, безусловном принятии. Особое значение приобретает цифровая среда. Ее специфика состоит в транстерриториальности, анонимности, высокой динамичности. Задействование digital-практик способно существенно индивидуализировать контент воспитания. Однако оно же таит риски атомизации общества и искажения ценностных ориентиров, что требует деликатного педагогического сопровождения [2, 7].

6. Оценка эффективности. В контексте определения действенности создаваемой среды целесообразно отказаться от сугубо количественных, формализованных показателей (цифр, статистики правонарушений и т.п.) в пользу глубокой методологии качественного мониторинга. Оценивание должно осуществляться в двух планах: результативном (уровень воспитанности личности), процессуальном (качество педагогического анализа).

Интегральным показателем соответствия среды ее развивающему статусу служит переживание эмоционального благополучия всеми субъектами образовательного процесса. Методологические ориентиры для проведения такого мониторинга структурированы в таблице 2.

Таким образом, об эффективности воспитательного процесса свидетельствует динамика изменения социально-психологической атмосферы и характер детско-родительских отношений.

7. Авторские рекомендации. Представляется целесообразным сформулировать ряд рекомендаций, которые обладают определенной научной новизной и нацелены на решение проблемы отчуждения современных детей от традиционных воспитательных институтов.

Во-первых, предлагается делегировать учащимся часть полномочий по оформлению школьных интерьеров. Это нивелирует проблему вандализма и формирует чувство «хозяина», повышая ответственность за окружающую среду.

Во-вторых, видится уместным объединить физические и цифровые форматы социального взаимодействия (например, создание виртуальных музеев школы). Новизна состоит в экологичной адаптации неизбежной цифровизации под задачи духовно-нравственного развития.

В-третьих, целесообразно заменить количественные отчеты о проведенных мероприятиях на регулярные супервизии педагогического коллектива, которые ориентированы на анализ ценностных сдвигов у обучающихся. Это поможет преодолеть формализм в воспитательной работе.

Таблица 2. Матрица оценки эффективности воспитывающей социокультурной среды (составлено на основе [1, 4–7, 10])

Оцениваемый параметр	Сущность критерия (методологический фокус)	Индикаторы проявления	Применяемый инструментарий
Психоэмоциональный	Оценка уровня психологического комфорта, безопасности	Снижение тревожности, отсутствие буллинга, позитивный фон настроения	Проективные методики, включенное наблюдение, фокус-группы
Интерактивный	Качество социального взаимодействия и сплоченности	Продуктивный стиль общения. Готовность к кооперации, разрешению конфликтов	Социометрия, анализ кейс-ситуаций
Ценностно-рефлексивный	Степень интериоризации социально значимых смыслов	Осознанность поступков, проявление эмпатии, активная гражданская позиция	Написание эссе, этические дилеммы, метод незаконченных предложений
Средообразующий	Вовлеченность учащихся в преобразование пространства	Инициация социальных проектов; участие в самоуправлении	Портфолио достижений, анализ продуктов творческой деятельности

Заключение

Создание воспитывающей социокультурной среды представляет собой многоаспектный, весьма динамичный процесс. Он требует системного подхода в сочетании с высокой профессиональной компетентностью педагогов. В ходе проведенного исследования были разносторонне проанализированы теоретические и методологические основания проектирования развивающих пространств. И это позволило выявить их сложную, многокомпонентную структуру. Как было показано, интеграция пространственно-предметного, социального, деятельностного, ценностно-смыслового компонентов выступает в качестве непременного условия формирования гармоничной личности, способной к самоактуализации, к созидательному труду на благо общества.

По существу, описанная в работе методология оценки эффективности, в которой акцент смещается с количественных показателей на качественные трансформации (эмоциональное благополучие, продуктивность взаимодействия, уровень ценностной рефлексии), открывает многообещающие перспективы для педагогического мониторинга. Отказ от формализованной эмпирики в пользу детализированного анализа социально-психологического климата и смысложизненных ориентаций учащихся, по-видимому, предстает наиболее адекватным ответом на вызовы современной образовательной парадигмы. В отличие от традиционных, жестко регламентированных систем контроля, рассмотренный инструментарий помогает чутко улавливать малейшие изменения в траекториях личностного роста воспитанников, своевременно корректируя стратегии.

Перспективы последующих изысканий в данной предметной области видятся весьма обширными. Особого внимания заслуживает проблематика проектирования гибридных воспитательных сред, в которых органично совмещаются физическое и виртуальное пространства. В дополнение к отмеченному, актуальной задачей представляется разработка специализированных методик подготовки будущих педагогов к средовому проектированию в условиях соответствующих вузов. Между тем, реализация предложенных концептуальных подходов на практике потребует консолидации усилий всех субъектов образовательного процесса (от администрации школ до родительской общественности, социальных партнеров). Именно с опорой на конструктивный диалог и ценностно-смысловое единство возможно создание подлинно воспитывающей социокультурной среды, выступающей в качестве надежного базиса для формирования человеческого капитала нации, обеспечения устойчивого развития страны в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Володина О.А. Адаптационные и мотивационные возможности воспитывающей среды (на примере «Царскосельской модели воспитания юношества») // Развитие человека в современном мире. – 2021. – № 2. – С. 83–97.

2. Командышко Е.Ф., Жукова Ю.С. Особенности коммуникативной функции искусства в организации воспитывающей культурно-просветительской среды // Казанский педагогический журнал. – 2021. – № 6 (149). – С. 165–171.

3. Мазурчук Н.И., Халезова О.С. Понятие воспитывающей среды класса в условиях общеобразовательной организации // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. – 2021. – № 2. – С. 35–39.

4. Макарова И.А., Новикова Е.С., Петрученя Н.В., Сахарчук Е.И. Проектирование модели преемственности воспитывающей среды в системе взаимодействия общеобразовательной школы и педагогического вуза // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1 (184). – С. 45–56.

5. Ромин Э.О. Развитие духовно-нравственных ценностей через воспитывающую среду общеобразовательной организации // Научный альманах. – 2021. – № 9–1 (83). – С. 120–127.

6. Сеньчукова И.В. Социально-педагогический комплекс как воспитывающая среда микрорайона образовательной организации // Наука и образование. Вестник Хабаровского края. – 2023. – № 4. – С. 21–24.

7. Смирнов Д.В., Языкеев А.Н. Проектирование воспитывающей социокультурной среды «здоровый город – комфортное детство и юность»: научный психолого-педагогический подход // Педагогическое искусство. – 2022. – № 1. – С. 153–177.

8. Столбова Е.А., Цилицкий В.С. Исследование ценностно-мировоззренческих ориентаций личности современных подростков в воспитывающей среде // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2024. – Т. 13. – № 4 (49). – С. 155–158.

9. Цилицкий В.С., Столбова Е.А., Гнатышина Е.В., Антонова Н.А. Педагогическая навигация в воспитывающей среде как инновационный процесс // Балтийский гуманитарный журнал. – 2024. – Т. 13. – № 4 (49). – С. 72–75.

10. Черных Д.Э. Развитие воспитывающей среды школы посредством дистанционного образования // Научный альманах. – 2021. – № 4–1 (78). – С. 235–244.

CREATING A NURTURING SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT

Shumilkina O.G.
Oryol State University named after I.S. Turgenev

Global institutional transformations, accompanied by the intensive expansion of digital technologies, inevitably problematize established mechanisms for transmitting cultural experience and moral norms to the younger generation. Meanwhile, academic discourse and real-world practice reveal a clear conceptual contradiction: the urgent need of teaching staffs for holistic developing environments clashes with the apparent fragmentation of design models and the dominance of rigidly formalized quantitative metrics in diagnosing their effectiveness. Consequently, the objective of this article is to provide a theoretical and methodological substantiation for the process of creating a nurturing socio-cultural environment and to develop applied mechanisms for its evaluation. Following a comprehensive analysis, the author concludes that the effective construction of such a space is determined by a close synergy of the physical environment, social interactions, joint activity, and shared meanings. Notably, a justified strategy today involves moving away from "dry" statistical reporting in favor of in-depth monitoring of students' psycho-emotional well-being, cohesion, and reflexivity. The author's contribution lies in the conceptualization of participatory and hybrid approaches to education, as well as in demonstrating a methodological matrix for qualitative audit that reduces dependence on formal empiricism. The ideas and methodological guidelines presented are expected to be useful for heads of educational organizations, methodologists, and social educators.

Keywords: nurturing environment, qualitative monitoring, evaluation methodology, pedagogical design, socialization, socio-cultural space.

References

1. Volodina O.A. Adaptation and motivational capabilities of the nurturing environment (on the example of the "Tsarskoye Selo model of youth education") // Human Development in the Modern World. – 2021. – No. 2. – P. 83–97.

2. Komandyshko E.F., Zhukova Yu.S. Features of the communicative function of art in the organization of a nurturing cultural and educational environment // Kazan Pedagogical Journal. – 2021. – No. 6 (149). – P. 165–171.

3. Mazurchuk N.I., Khalezova O.S. The concept of the class nurturing environment in the conditions of a general educational organization // Bulletin of Social and Humanitarian Education and Science. – 2021. – No. 2. – P. 35–39.

4. Makarova I.A., Novikova E.S., Petruchenya N.V., Sakharchuk E.I. Designing a model of continuity of the nurturing environment in the system of interaction between a general education school and a pedagogical university // Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. – 2024. – No. 1 (184). – P. 45–56.

5. Romin E.O. Development of spiritual and moral values through the nurturing environment of a general educational organization // Scientific Almanac. – 2021. – No. 9–1 (83). – P. 120–127.

6. Senchukova I.V. Socio-pedagogical complex as a nurturing environment of the microdistrict of an educational organization // Science and Education. Bulletin of the Khabarovsk Territory. – 2023. – No. 4. – P. 21–24.

7. Smirnov D.V., Yazykeev A.N. Designing a nurturing sociocultural environment "healthy city – comfortable childhood and youth": a scientific psychological and pedagogical approach // Pedagogical Art. – 2022. – No. 1. – P. 153–177.

8. Stolbova E.A., Tsilitsky V.S. Research of value-worldview orientations of the personality of modern adolescents in a nurturing environment // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. – 2024. – Vol. 13. – No. 4 (49). – P. 155–158.

9. Tsilitsky V.S., Stolbova E.A., Gnatyshina E.V., Antonova N.A. Pedagogical navigation in the nurturing environment as an innovative process // Baltic Humanitarian Journal. – 2024. – Vol. 13. – No. 4 (49). – P. 72–75.

10. Chernykh D.E. Development of the school nurturing environment through distance education // Scientific Almanac. – 2021. – No. 4–1 (78). – P. 235–244.

Роль аналитики в исследовании объекта гуманитарной экспертизы

Щеглов Илья Алексеевич,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры
«Информационная аналитика и политические технологии»
Московского государственного технического университета
им. Н.Э. Баумана
E-mail: shchia@mail.ru

В статье рассмотрен вопрос взаимосвязи прогнозно-проектной составляющей с производством экспертиз гуманитарного типа. Представлено определение гуманитарной экспертизы и авторское понимание технологии ее производства. Конкретизировано понятие технологии, выделены необходимые и достаточные условия технологизации процесса производства. Специфика рассматриваемой экспертизы как новой социальной технологии позволяет различать основное и дополнительное исследование, которое включает в себя работу с экспертными заключениями с целью составления прогнозных выводов относительно объекта экспертизы. Сформулированы условия, обеспечивающие надежность прогноза объекта гуманитарной экспертизы. Систематическое проведение экспертиз гуманитарного типа создает базу для последующего анализа информационных данных, выявления и построения динамики объектов исследования. Дальнейшее развитие в этой области автор статьи связывает с учебной дисциплиной в вузе «Основы социально-гуманитарной экспертизы».

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, технология, экспертная технология, прогноз, эксперт, аналитик.

Состояние развития гуманитарной экспертизы отличает разрозненность научных подходов к ней, неопределенность в части технологии ее производства. Опыт осмысления гуманитарной экспертизы в рамках социальной философии, социологии и философии коммуникации, социальной психологии, философии образования, философии права оставляет ряд нерешенных вопросов, требующих разъяснения. На первый план выходят вопросы методического содержания, а также определения границ возможностей этой исследовательской процедуры, критики и скептики которой встают на защиту нереалистичности возлагаемых на нее надежд и ожиданий [4]. На абсолютизацию идеи гуманитарной экспертизы влияют расширительные толкования фигуры эксперта.

Гуманитарная экспертиза связывается с реализацией ею прогностической и проектировочной функций исходя из возлагаемой на нее миссии – выявления и предупреждения последствий воздействия изучаемого феномена на жизнь людей [5, с. 165] с дальнейшей разработкой рекомендаций относительно исследуемого объекта для социального проектирования и принятия управленческих решений. Большинство исследователей солидарны: «концептуальная модель гуманитарной экспертизы опирается на идею опережающего реагирования» на предполагаемые социальные угрозы и их последствия [6, с. 58].

Вопрос взаимосвязи прогнозно-проектной составляющей с производством гуманитарной экспертизы выглядит расплывчато; убедительные примеры такой связи отсутствуют. Выдвинем наше понимание.

Исследователями подчеркивается, что основой анализа и прогнозирования всевозможных социальных рисков и опасностей должна являться гуманитарная экспертиза как «исследование, направленное на выработку оценки определенной ситуации экспертами»; делается вывод, что гуманитарная экспертиза «берет на себя функции прогнозирования и оценивания» [1, с. 129, 130].

Специфика производства гуманитарной экспертизы позволяет говорить о ней как об относительно новой социальной технологии [10]. Но в тематическом информационном поле не сложилось уверенного и согласованного понимания технологии ее производства.

Технология чаще всего определяется как «совокупность методов …» [9]. Такое понимание некорректно в силу того, что оно не раскрывает необходимую связь используемых методов с процессом производства; применяемые в любом процессе производства методы комплексно сочетаются с условиями достижения поставленной цели. Совокупность методов не отвечает этим условиям. Метод – система приемов [7, с. 199] освоения действительности в какой-либо области для решения конкретной задачи. Методика – последовательность включенных в нее методов.

Технология – есть последовательность операций (действий) в процессе производства, которая предполагает использование соответствующих методов. Имеет место размывание границ между понятиями «технология» и «алгоритм». Отметим, что алгоритм предписывает порядок (последовательность) операций (действий) в процессе производства, служит концептуальным подходом к его организации. Исходя из цели конкретного процесса формируется его технология, которая определяется порядком (последовательностью) операций (действий) в нем. Реализация процесса производства не исключает элементы творчества, но это не отменяет план, программу действий для достижения заданной цели.

Признаки технологии:

– разделение процесса на внутренне связанные между собой этапы, стадии, фазы. Чем точнее описание процесса соответствует его объективной логике, тем вероятнее достижение высокого эффекта деятельности лиц, занятых в данной сфере;

– последовательность действий, направленных на достижение ожидаемого результата. Последовательность должна основываться на логике формирования и развития процесса. За субъектом сохраняется возможность изменить порядок в зависимости от необходимости, эффективности, целесообразности;

– однозначность выполнения процедур и операций. В случае отклонения от заданных технологией параметров возникает опасность деформации процесса и получения результата, не соответствующего ожидаемому. Причем деформация одной операции или процедуры влияет на всю технологическую цепочку.

Технологизация процесса требует наличия условий.

Необходимые условия:

– определенная степень сложности процесса, которая позволяет разделить его на относительно обособленные части;

– логическая связность этапов, стадий, фаз процесса между собой.

Достаточные условия:

– логическая связность действий субъекта с относительно обособленными частями процесса;

– систематизация действий субъекта для достижения им максимального эффекта при минимуме усилий. Эффект – результат действия кого/чего-либо или следствие каких-либо причин.

Технологизация процесса включает в себя:

– определение количества, последовательности, характера составляющих процесс операций;

– подбор, разработку соответствующих методов, способов, инструментов для каждой операции;

– определение оптимальных условий осуществления процесса во времени и среде.

Универсальными показателями оценки технологии служат:

– целесообразность – выражает отношение целей к реальным проблемам и потребностям;

– результативность как отношение результата к заданным целям. Она тем выше, чем больше степень соответствия результатов целям;

– эффективность – соотношение достигнутых результатов и затраченных (использованных) ресурсов.

Процесс производства раскладывается на операции, реализация которых обеспечивает достижение цели. Их смена, сочетание, взаимосвязь определяются процедурами – отражают порядок подготовки, выполнения операций. Примем во внимание следующее определение экспертной технологии – осуществляемые в определенной последовательности операции, действия, выполняемые на основе специальных знаний в связи с проведением исследования объекта в целях ответа на поставленные перед экспертом вопросы [см.: 3, с. 41].

Гуманитарная экспертиза содержит в себе последовательность этапов ее производства. На каждом из этапов задействованы субъекты, ответственные за их реализацию – заказчик (на первом), организатор (на втором), исполнитель (на третьем) в лице эксперта. Указанные этапы нами изложены [см.: 12].

Гуманитарная экспертиза – это исследование, направленное на выявление ценностного поля объекта для принятия социально-ориентированного решения. Понимание гуманитарной экспертизы в русле «опережающего реагирования» на социальные вызовы и угрозы, их возможные последствия полагает оценочную и прогностическую функции исследования.

Реализация прогностической функции зависит от следующего. Во-первых, от того, что будет являться достаточным для принятия управленческого решения заказчиком. Во-вторых, от полноты информации, установленных относительно объекта данных в прошлом и настоящем.

Считаем нужным разделять основное – содержащее порядок организации и производства экспертизы, и дополнительное (аналитическое) исследование, которое включает в себя работу специалиста с экспертными заключениями с целью формулирования прогнозных выводов относительно объекта экспертизы. Анализ содержащихся в экспертных заключениях данных с целью составления на их основе прогноза осуществляется в рамках дополнительного исследования.

Аналитическое исследование отвечает за реализацию прогностической и проектировочной функций. Составленный на базе аналитического исследования прогноз содержит информацию для эффективного социального проектирования. Специфика рассматриваемого аналитического исследования состоит в том, что аналитик имеет дело с экспертным заключением в качестве основного источника информации об объекте экспертизы; в данном документе имеется достаточный объем достоверной и релевантной информации.

Для прогнозирования аналитик задействует операции, которые позволяют предсказывать развитие ситуации в будущем на основании имеющихся данных исследований аналогичных объектов в прошлом, давать ответ на поставленные вопросы, предлагать варианты и программы реализации социально значимых решений. Поэтому гуманитарная экспертиза понимается как диалог-мониторинг, осуществляемый на регулярной основе для возможности последующего анализа информационных материалов, выявления и построения динамики относительно однотипных объектов исследования. Гуманитарная экспертиза, по мнению Б.Г. Юдина, может состояться в виде одноразового мероприятия, если этого окажется достаточным для конкретного исследования [13, с. 131]. Производство прогноза в качестве самостоятельной процедуры оформляется в отдельный этап, либо, в зависимости от конкретной ситуации, в завершающую стадию заключительного этапа экспертизы.

Формирование прогноза относительно объекта гуманитарной экспертизы преследует следующие задачи:

– определить состав лиц, которых предполагается задействовать в рабочий процесс;

– разработать задание на прогноз. Это документ, составляемый при участии заказчика, определяющий цели и задачи прогноза и регламентирующий порядок его разработки;

– определить методы работы с источниками информации;

– составить план анализа представленной информации;

– установить ресурсы проводимого исследования;

– сформулировать требования к итоговому документу;

– произвести обработку и анализ представленной информации;

– разработать прогноз на основе полученной информации;

– сформулировать предложения, рекомендации по заявленной теме;

– составить итоговый документ.

К условиям, обеспечивающим надежность прогноза объекта гуманитарной экспертизы, отнесем следующие.

1. Универсальность технологии производства гуманитарной экспертизы и применяемой методики.

2. Соответствие методологии исследования выдвинутой теме, проблеме, поставленной цели, объекту, предмету.

3. Соответствие инструментария программе исследования.

4. Систематичность проведения гуманитарной экспертизы.

5. Наличие аналитической службы в структуре организации.

6. Установленная система отчетности, а также архивного хранения данных экспертных исследований.

7. Прозрачность системных связей между структурными подразделениями организации, ответственными за подготовку, реализацию и анализ результатов гуманитарной экспертизы.

Прогнозирование состоит из следующих этапов.

– Сбор информации. Продуктивное прогнозирование требует качественных и достоверных данных.

– Обработка информации – упорядочение собранных данных посредством их систематизации с целью сделать пригодными для анализа. Само экспертное заключение – готовый для использования, структурированный и пригодный для анализа материал.

– Анализ. Позволяет выявить закономерности и тренды развития того, что подлежит изучению. Использование ряда заключений по исследуемому объекту дает возможность применить метод экстраполяции.

– Составление прогноза. На основе результатов анализа строится прогноз изменения значимых показателей и тенденций.

– Оценка неопределенности. Включает анализ рисков, оценку вероятности различных сценариев.

– Использование результатов (для принятия социально значимых решений).

– Мониторинг и актуализация. Прогнозы должны подлежать обновлению на основании новых данных и происходящих изменений.

В чем заключается специфика составления прогноза по итогам экспертиз гуманитарного типа? В гуманитарной экспертизе исследованию подлежит не только сам объект, но и его ценностное поле, то есть ценностное отношение к нему лиц – участников диалоговой площадки. Выявленное отношение к объекту в одном исследовании может кардинально отличаться в последующих. Обратим внимание, что каждый раз участники диалога – это, скорее всего, другие люди. Отношение к объекту может разниться не в силу происходящих изменений в нем самом, а по причине отличий в системе ценностей лиц – участников диалога.

Согласно принятому в науке определению, прогноз – это основанный на анализе данных вывод о возможном наступлении явлений, процессов, событий, который характеризует тенденции и закономерности развития прогнозируемого объекта от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему [11, с. 159–160]. Прогноз опирается на систематический анализ прошлых данных и строится на выявлении устойчивых закономерностей и тенденций. Оценка производится из полученных данных об объекте и его ценностном поле в настоящем. Прогноз на базе гуманитарной экспертизы неотделим от фиксации изменения ценностного поля объекта во времени. Поэтому при составлении прогноза следует учитывать границы выводов, которые допускает такого рода информация.

Понятие «эксперт-аналитик» стало трендом современности. Аналитик на основе сбора и обработки данных составляет прогнозы, аналитические обзоры. Эксперт этим не занимается несмотря на то, что он может обладать специальным знанием в сфере аналитики [8, с. 205]. Производящее гуманитарную экспертизу лицо осуществляет роль эксперта. Понятие «роль» означает действовать как кто-либо, в качестве

кого-либо. Ожидаемым итогом аналитического исследования служит сформированный аналитический обзор: анализ экспертных заключений, выработка на этой основе предложений, рекомендаций, прогнозов относительно объекта экспертизы.

Разность понимания гуманитарной экспертизы среди исследователей дает на выходе разные результаты. Универсальный алгоритм ее производства пока не закреплен, рекомендации по поводу ее производства не получили официальный статус, и практика их учета не оформлена [2, с. 246]. Проведение настоящей экспертизы регулируется локальными нормативными положениями.

Ценностное отличие рассматриваемой экспертизы от остальных известных делает ее незаменимой в процессах принятия гуманитарно-взвешенных решений разного уровня и типа. На факультете социальных и гуманитарных наук МГТУ им. Н.Э. Баумана накоплен опыт преподавания учебной дисциплины – «Основы социально-гуманитарной экспертизы», издаются научные публикации, проходят защиты курсовых и выпускных квалификационных работ по данной теме, что, на наш взгляд, вносит значимый вклад в развитие актуальных положений и решение существующих проблем в этой области знания.

Литература

1. Гаранина О.Д. Социально-гуманитарная экспертиза технологических инноваций // Наука. Техника. Человек: исторические, мировоззренческие и методологические проблемы. 2022. Т. 1. № 12. С. 127–132.

2. Енгалычев В.Ф., Конева Е.В., Симонова С.В., Тарусина Н.Н. Значение гуманитарной экспертизы в юридической психологии и криминалистике // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 244–251. DOI: 10.17223/15617793/482/26

3. Латышов И.В., Яремчук В.П. Понятие и природа судебно-экспертной технологии // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 2. С. 39–47. DOI: 10.24412/2071-6184-2023-2-39-47

4. Майданский А.Д. Гуманитарная экспертиза: перспективы и границы возможностей // Философские науки. 2017. № 4. С. 110–116.

5. Панина Г.В. Социокультурная экспертиза как фактор развития инновационного общества // Ведомости прикладной этики. 2012. № 41. С. 157–173.

6. Персидская О.А. Руководители предприятий о гуманитарной экспертизе // Человек.RU. 2023. № 18. С. 56–65. DOI: 10.32691/2410-0935-2023-18-56-65

7. Протасевич А.В. Понятие «метод» в структуре педагогического и социологического знания // Человек и образование. 2013. № 4 (37). С. 197–200.

8. Равочкин Н.Н., Петров М.А. Гуманитарная экспертиза в современном мире: состояние и перспективы // Российский гуманитарный журнал. 2023. Т. 12. № 4. С. 203–211. DOI: 10.15643/libartrus-2023.4.2

9. Технология // Толковый словарь Кузнецова [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov/технология (дата обращения 06.07.2025).

10. Тульчинский Г.Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Ученые записки Санкт-Петербургской академии управления и экономики. 2010. № 3 (29). С. 28–38.

11. Чистилина А.С. Генезис и современное состояние теории судебно-экспертного прогнозирования // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 6 (163). С. 156–166. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.156-166

12. Щеглов И.А. Вопросы алгоритмизации производства гуманитарной экспертизы // Гуманитарный вестник. 2023. № 5 (103). http://dx.doi.org/10.18698/2306–8477–2023–5–871

13. Юдин Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 126–135.

THE ROLE OF ANALYTICS IN THE STUDY OF THE OBJECT OF HUMANITARIAN EXPERTISE

Shcheglov I.A.
Bauman Moscow State Technical University

The article considers the issue of the relationship between the forecasting and design component and the production of humanitarian-type examinations. The definition of humanitarian expertise and the author's understanding of its technology production are presented. The concept of technology is specified, the necessary and sufficient conditions for the technologization of the process of production are highlighted. The specifics of the examination under consideration as a new social technology make it possible to distinguish between basic and additional research, which includes work with expert conclusions in order to draw up predictive output about the object of the examination. The conditions ensuring the reliability of the forecast of the object of humanitarian expertise are formulated. The systematic conduct of humanitarian-type examinations gives a base for the subsequent analysis of information data, identification and construction the dynamics of research objects. The author associates further development in this area with the academic discipline "Fundamentals of socio-humanitarian expertise".

Keywords: humanitarian expertise, technology, expert technology, forecast, expert, analyst.

References

1. Garanina O.D. Socio-humanitarian expertise of technological innovations // Nauka. Technic. Man: historical, ideological and methodological problems. 2022. T. 1. No. 12. Pp. 127–132.

2. Engalychev V.F., Koneva E.V., Simonova S.V., Tarusina N.N. The importance of humanitarian expertise in legal psychology and criminalistics // Bulletin of the Tomsk State University. 2022. No. 482. Pp. 244–251. DOI: 10.17223/15617793/482/26

3. Latyshov I.V., Yaremchuk V.P. The concept and nature of forensic technology // Izvestiya of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2023. No. 2. Pp. 39–47. DOI: 10.24412/2071-6184-2023-2-39-47

4. Maidansky A.D. Humanitarian expertise: prospects and limits of possibilities // Philosophical Sciences. 2017. No. 4. Pp. 110–116.

5. Panina G.V. Socio-cultural expertise as a factor in the development of an innovative society // Bulletin of Applied Ethics. 2012. No. 41. Pp. 157–173.

6. Persidskaya O.A. Heads of enterprises about humanitarian expertise // Человек. RU. 2023. No. 18. Pp. 56–65. DOI: 10.32691/2410-0935-2023-18-56-65

7. Protasevich A.V. The concept of "method" in the structure of pedagogical and sociological knowledge // Man and education. 2013. No. 4 (37). Pp. 197–200.

8. Ravochkin N.N., Petrov M.A. Humanitarian expertise in the modern world: state and prospects // Russian Humanitarian Journal. 2023. T. 12. No. 4. Pp. 203–211. DOI: 10.15643/libartrus-2023.4.2

9. Technology // Explanatory dictionary of Kuznetsov [Electronic resource]. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov/технология (accessed 06.07.2025).

10. Tulchinsky G.L. Humanitarian expertise as a social technology // Scientific Notes of the St. Petersburg Academy of Management and Economics. 2010. No. 3 (29). Pp. 28–38.

11. Chistilina A.S. Genesis and current state of the forensic prediction theory // Actual problems of Russian law. 2024. T. 19. No. 6 (163). Pp. 156–166. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.156-166

12. Shcheglov I.A. Issues of algorithmizing the humanitarian expertise // Humanities Bulletin. 2023. No. 5 (103). http://dx.doi.org/10.18698/2306–8477–2023–5–871

13. Yudin B.G. From ethical expertise to humanitarian expertise // Knowledge. Understanding. Skill. 2005. No. 2. Pp. 126–135.

Философский анализ становления и развития англоязычных словарей в их исторической ретроспективе в России

Вересова Анастасия Анатольевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры Б4 «Философия и история России» Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: veresova_aa@voenmeh.ru

Дрозд Алла Леонидовна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры Б4 «Философия и история России» Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: drozd_al@voenmeh.ru

Егоренкова Ольга Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры Р10 «Философия» Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: egorenkova_ov@voenmeh.ru

Канатаев Дмитрий Владимирович,
кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой Б4 «Философия и история России» Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: kanataev_dv@voenmeh.ru

Куракина Елена Вячеславовна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры Б4 «Философия и история России» Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинов
E-mail: kurakina_ev@voenmeh.ru

В статье проведен философский анализ становления англоязычных словарей в России в их исторической ретроспективе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления двуязычной лексикографии не только как лингвистического, но и как культурно-исторического феномена. Англо-русский и русско-английский словарь являются не только практическим пособием, но и объективированной герменевтикой, отражающей смену интеллектуальных приоритетов. В своей исторической ретроспективе словарь – это инструмент, который, фиксируя эквиваленты, каждый раз заново решает вопрос диалога между двумя образам мысли – диалога двух культур. Сегодня, в эпоху становления и развития цифрового общества и искусственного интеллекта, ретроспективный взгляд напоминает нам: подлинный словарь – это не база данных, а источник глубинного понимания смыслов, изменяющихся граней бытия народа. В результате изучения истории создания англо-русских и русско-английских словарей установлено, что в процессе их развития формируются предпосылки для более глубокого, точного, адекватного понимания и реконструкции социально-политической, экономической и духовно-культурной реальности русского и англоязычных народов, что важно для их конструктивного взаимодействия. При этом в расширении возможностей России в построении общества третьего тысячелетия, мы исходим из безусловного приоритета ценностей отечественной культуры.

Ключевые слова: словарь, философия языка, англо-русская лексикография, диалог культур, историческая ретроспектива, перевод, герменевтика, языковая картина мира.

Словарь, являясь одним из основных источников знаний имеет свою историю, в которой находит выражение конкретно-историческое отношение человека к себе самому, другим людям, природе и обществу.

Проблема перевода и фиксации смысла лежит в основе любой диалогической культуры. Философский анализ становления англоязычных словарей в России требует выхода за узкие рамки лингвистической или исторической ретроспективы.

В данной статье предлагается рассмотреть историю англо-русской лексикографии как феномен «встречи» двух миров. С одной стороны, это инструментальный процесс – потребность Петровской модернизации, развитие торговли и науки. С другой стороны – создание словаря есть попытка структурировать иноязычную реальность в вербальных формах осмысления и анализа характерных для русского общества. Обращаясь к исторической ретроспективе, мы ставим вопрос о том, как в процессе этого перевода менялась идентичность самих культур в рамках их взаимодействия в конкретных языковых формах.

Стоит отметить, что английский язык в России не всегда был так востребован, как в настоящий момент. В XVI и XVII века в Европе начинается время, которое принято называть «золотым веком Англии», – это времена блистательной Елизаветы, эпоха победы над испанской Непобедимой Армадой и годы, когда создавал свои бессмертные пьесы Шекспир. Вследствие чего при Иване Грозном, ещё в большей мере – при Борисе Годунове перевод с английского начинают активно использовать в делах посольского приказа. Однако в данное время английский так и не становится самым востребованным иностранным языком. На всем протяжении XVII века объектом наибольшего интереса остаётся польский язык. Стоит отметить, что при жизни Петра I голландский язык является наиболее востребованным, после смерти Петра его место занимает немецкий язык. Он остаётся доминирующим до конца XVIII столетия. Далее первенство переходит к французскому языку и сохраняется во время войны с Францией. Российские дворяне девятнадцатого века изучали французский язык одновременно с русским и прекрасно им владели. В двадцатом веке происходит возврат к немецкому языку. В период Первой мировой войны, во время Великой Отечественной войны и после неё немецкий язык изучает значительная часть школьников и студентов нашей страны. Английский язык получает широкое распространение к началу 60-х годов двадцатого века. Он приобретает роль языка международного общения, что становится основанием для создания словарей, разговорников и учебных пособий.

История создания англо-русских и русско-английских словарей начинается с конца XVI-го века со словаря Марка Ридли. Марк Ридли был доктором медицины Кембриджского университета и членом Королевского колледжа врачей. В 1594 королева Елизавета направила его в Москву. До 1599 года Марк Ридли работал главным врачом при дворе Федора Иоанновича, а также обслуживал проживавших в Москве английских купцов, что позволило ему изучить русский язык и составить русско-английский и англо-русский словарь, в котором русские слова были записаны кириллицей [6]. Словарь Ридли, состоящий примерно из 6000 слов, сохранился в трёх рукописях где представлены английские слова и их русские эквиваленты. Рукописи хранятся в Бодлианской библиотеке, главной научной библиотеке оксфордского университета, во владениях которой 120 миль книжных полок, 29 читальных залов и 2490 читательских мест, а ее фонд более чем 6,5 млн единиц. В приложениях словаря используются термины, фиксирующие фрагменты явлений природы и человеческих практик (названия птиц, рыб, растений и болезней).

К числу первых можно отнести и русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Авторы отмечают: «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) – важный источник сведений о русском разговорном языке города Холмогор и порта св. Архангела (г. Архангельска), а также и об английском научном и обиходном языке шекспировской эпохи. Записи Р. Джемса в живых образах рисуют Московскую Русь начала XVII в., ее нравы и воззрения, профессии, ремесла и промыслы. Изо дня в день в течение года Р. Джемс заносил в свою записную книжку слова, идиомы, реплики, какие слышал от окружающих, описывал забавные и достопамятные

происшествия, встречи, впечатления» [5, с. 2]. В 1840-х годах в Бодлианской библиотеке в Оксфорде среди бумаг Ричарда Джемса академик Иосиф Христианович Гамель, российский учёный, доктор медицины и ординарный академик Петербургской академии наук, нашел документ, состоящий из пяти тетрадей, в которых были записаны также шесть лиро-эпических русских песен. Значительная часть этих тетрадей Джемса была отведена под составленный им словарь-дневник, записи о стране, нравах и обычаях. Десятки слов и выражений зафиксированы Джемсом впервые. В настоящий момент эта рукопись утрачена.

В 1763 году выходит в свет «Словарь на шести языках: российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском, изданный в пользу учащагося российскаго юношества», автором которого является российский писатель, общественный деятель, лексикограф и переводчик в Академии наук и в Синоде, Григорий Андреевич Полетика [8, с. 54]. Первый отечественный двуязычный англо-русский словарь создан преподавателем английского языка Морского кадетского корпуса Прохором Ивановичем Жданову [9, с. 262]. Словарь служит приложением к грамматике английского языка, датируется 1772 годом [2, с. 3]. В 1784 году П.И. Ждановым составлен новый англо-русский словарь где слова располагались уже в алфавитном порядке, а не по темам. Словник увеличился почти до 30 000 слов.

Одним из первых многоязычных специальных словарей является «Ботанический подробный словарь или травник» (1781–1783 годы издания), Мейера Андрея Казимировича генерал-майора, российского естествоведа, историка и писателя. Словарь содержал в себе в алфавитном порядке названия и описания большой части известных в то время, как иностранных, так и местных деревьев, кустов, трав, цветов, корней, мхов, грибов и семян на русском, латинском, французском, итальянском, английском и греческом языках.

В XIX столетии начинает развиваться словарное дело в области мореплавания. Автором первого и единственного разноязычного морского словаря в России XVIII века является адмирал, министр народного просвещения, Александр Семенович Шишков [11, с. 164]. Он родился в 1754 году, получил образование в Морском кадетском корпусе, из которого в 1772 году выпустился мичманом. «Треязычный морской словарь» состоит из предуведомления, англо-русского, французско-русского и русско-англо-французского словарей.

Следующим по времени значимым словарем был четырехтомный «Новый английский российский словарь» (1808–1817 года). Часть I (1808 год) составлена филологом, поэтом и переводчиком, Грамматиным Николаем Федоровичем. Михаил Алексеевич Паренаго, издатель и переводчик, который дослужился до начальника отделения департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел, составил II–IV части (1811–1817 годы).

В 1838 году был опубликован двухтомный Английско-русский словарь Якова Банкса. В 1879 году вышел в свет двухтомный Полный англо-русский словарь А. Александрова. Александров А. – псевдоним группы лиц, составивших и издавших словарь, являющийся и в настоящее время одним из самых полных лексикографических трудов для русских, изучающих английский язык. Последнее издание словаря датируется 1916 годом.

В 1935 году вышел в свет Англо-русский словарь Мюллера Владимира Карловича, лингвиста, лексикографа, шекспироведа и переводчика. Работа над этим словарём стала главным трудом его жизни. В 1928 году им создан англо-русский словарь в соавторстве с профессором Семёном Карловичем Боянусом, в дальнейшем наиболее издаваемый и переиздаваемый англо-русский словарь в течении более чем полувека, как в нашей стане, так и за рубежом. [7].

Значительным вкладом в развитии отечественной лексикографии в сфере составления двуязычных английских словарей во второй половине XX века стали:

- Большой англо-русский словарь в двух томах, созданный под общим руководством профессора Ильи Романовича Гальперина, лингвиста, доктора филологических наук и профессора [3];
- Русско-английский словарь, изданный под общим руководством профессора Александра Ивановича Смирницкого, советского лингвиста и профессора [10].

И.Р. Гальперин и А.И. Смирницкий, будучи ведущими специалистами в английской филологии, в работе над словарями применяли лексикографические принципы выдающегося русского лингвиста, академика Льва Владимировича Щербы.

Большой англо-русский словарь Гальперина в двух томах, изданный в 1972 году, включает около 150 тысяч слов [3]. В работе над словарём начатой с 1958 года, для составителей главным источником пополнения словника и иллюстративного материала стали современная английская и американская художественная литература, научно-популярные журналы и пресса. В результате словник был обновлен и отразил изменения, произошедшие в английском языке в послевоенный период, наряду с сохранением устаревших и диалектальных слов. Данный словарь был одним из самых полных англо-русских словарей. Задачей Большого англо-русского словаря является достаточно подробное описание современного состояния словарного состава английского языка. Он стал основой для создания Нового большого англо-русского словаря, одного из наиболее объёмных и подробных двуязычных словарей в мире. Впервые он был опубликован в 1993 и 1994 годах в издательстве «Русский язык» под редакцией Юрия Дерениковича Апресяна, советского и российского лингвиста, доктора филологических наук, профессора, академика РАН и Эсфири Максимовны Медниковой, специалиста в области англистики и лексикологии, доктора филологических наук и профессора [1]. В 1997 году вышло второе исправленное издание, далее переиздаваемое многократно. Количество словарных статей в нём составляет 116060. В Новый большой англо-русский словарь входят около 250 000 слов, 700 000 переводов, 200 000 примеров перевода и 350 000 значений.

Словарь Смирницкого, вышедший впервые в 1948 году, содержит более 50000 лексических единиц. Его можно было считать самым большим русско-английским словарем основной лексики, составленным на научных принципах, до появления в 2004 году [3]. Нового большого русско-английского словаря Д.И. Ермоловича, советского и российского лингвиста, лексикографа, синхронного и литературного переводчика с английского и французского языков, и Т.М. Красавиной [4]. Второе издание вышло в 2006 году, третье – в 2008 году. Словарь содержит 110 тыс. Слов и словосочетаний современного русского языка и является самым полным из всех существующих русско-английских словарей. Авторы разработали детальную подачу значений слова и словосочетаний в словарной статье. В словник включена лексика, вошедшая в русский язык за последние два десятилетия, в том числе новая терминология, а также большой объем разговорной и бытовой лексики и фразеологии, не представленной в других словарях. Английские соответствия переводятся с учетом современного употребления. Впервые в отечественной лексикографии разграничены британизмы и американизмы в переводах.

Следовательно, ценность словаря заключается в сохранении национального богатства, общественного и культурно-исторического опыта, связанного с развитием и изменением бытия человека и общества, закрепляемых в языковых формах, что приводит к необходимости составления новых словарей и обновлению имеющихся. Особое внимание в этом сложном противоречивом процессе следует обратить на формирование оптимальных соотношений чувственного и рационального в языковых практиках. Яркая эмоциональная окрашенность языковых конструкций требует предельного внимания и точности в видении, понимании и воспроизведении фрагментов, явлений и процессов конкретно-исторического творчества человека.

Проведенный философский анализ позволяет заключить, что история англоязычных словарей в России есть не просто хронология изданий или эволюция лексикографических приемов, но зеркало интеллектуально-культурной истории страны. Английский язык не всегда был так востребован, как в настоящий момент. На ранних этапах словарь выступал как навигатор – он маркировал границы неизведанного (термины мореплавания, военного дела, ремесел). В золотой век русской культуры (XIX век) словарь превратился в арену философской герменевтики. Являясь одним из основных источников знаний, и описывая лексический состав языка, он несёт на себе отпечаток своего времени, жизни, быта, ценностей, философии и идеологии, присущих носителям языка. Каждый исторический тип словаря фиксировал определенную форму диалога культур.

Таким образом, англо-русский и русско-английский словари в своей исторической ретроспективе предстают как объективированная герменевтика – инструменты, которые, фиксируя эквиваленты, каждый раз заново решают вопрос о границах переводимости в контекстах различных образов мысли. Сегодня, в эпоху становления и развития цифрового общества и искусственного интеллекта, ретроспективный взгляд напоминает нам: подлинный словарь – это не база данных, а источник глубинного понимания смыслов, изменяющихся граней бытия народа.

В результате изучения истории создания англо-русских и русско-английских словарей установлено, что в процессе их развития формируются предпосылки для более глубокого, точного, адекватного понимания и реконструкции социально-политической, экономической и духовно-культурной реальности русского и англоязычных народов, что важно для их конструктивного взаимодействия. При этом в расширении возможностей России в построении общества третьего тысячелетия, мы исходим из безусловного приоритета ценностей отечественной культуры.

Литература

1. Апресян Ю.Д. и др. Новый большой англо-русский словарь = New English-Russian dictionary: в 3 т.: содержится ок. 250 000 лекс. Единиц, 350 000 значений, 200 000 прим. Употребления, 700 000 пер. / Ю.Д. Апресян и др.; Под общ. Рук. Ю.Д. Апресяна, Э.М. Медниковой. – 2-е изд., испр. – Москва: рус. Яз., 1997-.Т. 1: A-F. Т. 1. – 1997. – 832 с.

2. Брылина Е.А. Первые российские грамматики английского языка: содержание, предъявление материала, методы / Е.А. Брылина, О.Г. Сидорова // Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2015. – № 2. – С. 44–52.

3. Гальперин И.Р. Большой англо-русский словарь: [Около 150000 слов] / Под общ. Руковод. [и с введ.] Д-ра филол. Наук, проф. И.Р. Гальперина. A-L / 2 т.; 27 см. – Москва: Сов. Энциклопедия, 1972, 1972. – 822 с.

4. Ермолович Д. И., Красавина Т.М.. Новый большой русско-английский словарь = New comprehensive Russian-English dictionary: New comprehensive Russian-English dictionary: ок. 110000 слов и словосочетаний / Д.И. Ермолович, Т.М. Красавина; под общ. Рук. Д.И. Ермоловича. – 3-е изд., стер. – Москва: Рус. Яз.-Медиа, 2008 (Можайск (Моск.обл.): Можайский полиграфкомбинат). – 1098 с.

5. Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) / Б.А. Ларин, акад.; Академия наук Литовской ССР, Институт литовского языка и литературы, Ленинградский ордена Ленина государственный университет им. А.А. Жданова. – Ленинград: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1959. – 423 с.

6. Московкин Л.В. Первые грамматические описания русского языка: черты, сходства и различия / Л.В. Московкин // Русский язык за рубежом. – 2014. –№ 4. – С. 38–43.

7. Мюллер В.Е. Полный англо-русский русско-английский словарь: = Complete english-russian russian-english dictionary Complete english-russian russian-english dictionary: 300 000 слов и выражений: [0+] / В.К. Мюллер. – Москва: Эксмо, 2013. – 1326 с.

8. Руднев Д.В. Григорий Андреевич Полетика и книжная культура XVIII века / Д.В. Руднев // Литературная культура России XVIII века. – 2008. –№ 2. – С. 53–64.

9. Неизвестные имена XVIII века / Д.В. Руднев // Литературная культура России XVIII века. – 2008. –№ 4. – С. 262–276.

10. Смирницкий А.И. Большой русско-английский словарь 160000 слов и словосочетаний, С прил. Крат. Сведений по англ. Грамматике и орфоэпии, сост. Проф. А.И. Смирницким / [Проф. О.С. Ахманова и др.]; Под общ. Рук. А.И. Смирницкого; Под ред. О.С. Ахмановой. – 24-е изд., стер. – М.: Рус. Яз., 2001. – 758 с.

11. Таунзенд К.И. «Треязычный морской словарь» в контексте истории перевода / К.И. Таунзенд // Вестник московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 8. – С. 164–180.

A PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF ENGLISH-LANGUAGE DICTIONARIES IN THEIR HISTORICAL RETROSPECTIVE IN RUSSIA

Veresova A.A., Drozd A.L., Egorenkova O.V., Kanataev D.V., Kurakina E.V.
Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov

This article offers a philosophical analysis of the development of English-language dictionaries in Russia from a historical retrospective. The relevance of this research lies in the need to understand bilingual lexicography not merely as a linguistic phenomenon, but as a cultural-historical one. English– Russian and Russian-English dictionaries are not only a practical guide, but also an objectified hermeneutics reflecting the change of intellectual priorities. In its historical retrospective, the dictionary is an instrument that, by recording equivalents, repeatedly reopens the question of dialogue between two modes of thought – the dialogue between two cultures. Today, in the era of the formation and development of digital society and artificial intelligence, a retrospective view reminds us that an authentic dictionary is not a database, but rather a source of deep understanding of meanings – of the shifting boundaries of a people's existence. As a result of examining the history of English-Russian and Russian-English dictionaries, it has been established that their evolution fosters the preconditions for a deeper, more precise, and more adequate understanding and reconstruction of the socio-political, economic, and spiritual-cultural reality of Russian and English-speaking peoples – a crucial factor for their constructive interaction. At the same time, in expanding Russia's potential for building a third-millennium society, we proceed from the unconditional priority of the values of Russian national culture.

Keywords: dictionary, philosophy of language, English-Russian lexicography, cultural dialogue, historical retrospective, translation, hermeneutics, language vocabulary.

References

1. Apresyan Yu.D. et al. New Comprehensive English-Russian Dictionary = New English-Russian dictionary: in 3 volumes: contains approx. 250,000 lexical units, 350,000 meanings, 200,000 usage notes, 700,000 translations / Yu.D. Apresyan et al.; Under the general direction of Yu.D. Apresyan, E.M. Mednikova. – 2nd ed., corrected. – Moscow: Rus. Language, 1997-.Vol. 1: A-F. Vol. 1. – 1997. – 832 p. 2. Brylina E.A. The First Russian Grammars of the English Language: Content, Presentation of Material, Methods / E.A. Brylina, O.G. Sidorova // Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. – 2015. – № 2. – P. 44–52.

3. Galperin, I.R. Comprehensive English-Russian Dictionary: [About 150,000 words] / Under the general supervision [and with an introduction] of Dr. of Philological Sciences, Prof. I.R. Galperin. A-L / 2 vols.; 27 cm. – Moscow: Sov. Encyclopedia, 1972, 1972. – 822 p.

4. Ermoolovich, D. I., Krasavina, T.M. New comprehensive Russian-English dictionary: approx. 110,000 words and phrases / D.I. Ermoolovich, T.M. Krasavina; under the general supervision. D.I. Ermolovich. – 3rd ed., reprinted – Moscow: Rus. Yaz.-Media, 2008 (Mozhaisk (Moscow Region): Mozhaisk Printing Plant). – 1098 p.

5. Larin B.A. Russian-English Dictionary-Diary of Richard James (1618–1619) / B.A. Larin, Academician; Academy of Sciences of the Lithuanian SSR, Institute of Lithuanian Language and Literature, Leningrad Order of Lenin State University named after A.A. Zhdanov. – Leningrad: Publishing House of the Leningrad University, 1959. – 423 p.

6. Moskovkin L.V. The First Grammatical Descriptions of the Russian Language: Features, Similarities, and Differences / L.V. Moskovkin // Russian Language Abroad. – 2014. –№ 4. – P. 38–43.

7. Müller V.E. Complete English-Russian Russian-English Dictionary: = Complete english-russian russian-english dictionary Complete english-russian russian-english dictionary: 300,000 words and expressions: [0+] / V.K. Müller. – Moscow: Eksmo, 2013. – 1326 p.

8. Rudnev D.V. Grigory Andreevich Poletika and book culture of the 18th century / D.V. Rudnev // Literary culture of Russia in the 18th century. – 2008. –№ 2. – P. 53–64.

9. Unknown names of the 18th century / D.V. Rudnev // Literary culture of Russia in the 18th century. – 2008. –№ 4. – P. 262–276.

10. Smirnitsky A.I. Comprehensive Russian-English Dictionary of 160,000 Words and Phrases, With Appendices Brief Information on English Grammar and Orthoepy, compiled by Prof. A.I. Smirnitsky / [Prof. O.S. Akhmanova et al.]; Under the General Headship of A.I. Smirnitsky; Ed. by O.S. Akhmanova. – 24th ed., reprinted – Moscow: Rus. Language, 2001. – 758 p.

11. Townsend K.I. "Trilingual Maritime Dictionary" in the Context of the History of Translation / K.I. Townsend // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. – 2018. – No. 8. – P. 164–180.

Эволюция исследовательских приоритетов и новых направлений в изучении обратной связи при обучении письму на втором языке: библиометрический анализ публикаций Web of Science за 2010–2025 гг.

Жэнь Синъянь,
магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 980796642@qq.com

Чэнь Шуан,
корреспондент, доцент, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 65171489@qq.com

В статье на основе библиометрического и визуализированного анализа 552 публикаций, индексированных в базе Web of Science Core Collection за 2010–2025 гг., рассматриваются основные этапы развития исследований в области обратной связи при обучении письму на втором языке. С использованием программы CiteSpace 6.4.R1 выявлены динамика публикационной активности, ключевые исследовательские узлы, тематические кластеры и новые научные направления. Установлено, что данная область прошла путь от изучения эффективности исправления ошибок к исследованию вовлеченности обучающихся, грамотности в сфере обратной связи, роли взаимного оценивания и интеграции искусственного интеллекта в письменное обучение. Особое внимание уделяется трансформации моделей обратной связи от традиционной схемы «преподаватель–обучающийся» к коллаборативной модели «преподаватель–студент–ИИ». Делается вывод о том, что дальнейшие исследования должны быть направлены на расширение теоретических оснований, углубление содержания исследований и обновление методологических подходов в условиях цифровизации языкового образования.

Ключевые слова: Обратная Связь в L2-Письме, Письмо На Втором Языке, Библиометрический Анализ, Вовлеченность Обучающихся, Искусственный Интеллект

Introduction

In the field of second language (L2) writing, feedback is defined as constructive evaluation of learners' written texts, aimed at providing guidance for their subsequent writing and the development of their writing process. As a vital bridge connecting second language acquisition (SLA) theory with writing instruction practice, research on L2 writing feedback has long attracted widespread attention from academia.

Since Truscott posited that grammatical correction feedback is invalid, the debate regarding the effectiveness of corrective feedback has spurred extensive empirical research [1]. The research focus has gradually shifted from questioning "whether feedback is effective" to exploring "how feedback works" and "which factors influence feedback effectiveness", highlighting the key role of L2 writing feedback.

After more than three decades of development, research on L2 writing feedback has made significant progress in theoretical construction, research perspectives, and practical approaches. Systematically reviewing the evolutionary trajectory and emerging trends of this field holds significant academic value. Therefore, this study employs CiteSpace 6.4.R1 to conduct a bibliometric and visualization analysis of the relevant literature on L2 writing feedback from 2010 to 2025. By systematically examining the developmental trajectory, research hotspots, and core domains of this field, this paper aims to delineate the evolutionary path and emerging frontiers of research on L2 writing feedback, thereby providing a solid reference for subsequent research.

Research Design

Data source

This study selected the SSCI and A&HCI sub-databases from the Web of Science Core Collection as the data source. The specific search conditions were as follows: the search terms included "error correction, comment, revision, response, editing, feedback, writing feedback, written corrective feedback" combined with "L2 writing, second language writing, L2 composition, second language composition, English writing". The literature type was limited to article, early access, and review, and the language was restricted to English. The time span was set from January 2010 to December 2025. The data retrieval was completed in January 2026.

To enhance the precision of the search results, the literature screening process involved two steps: manual screening and data cleaning. First, the author manually screened the titles and abstracts of all retrieved records to exclude papers unrelated to SLA. Second, the author removed duplicates from the remaining literature. Finally, 552 valid documents were obtained, and the data types were exported as full records and cited references.

Research Methodology

This study adopted bibliometric methods using CiteSpace 6.4.R1 software to conduct visualization analysis of the selected literature samples. First, annual publication volume trends were plotted using natural years as time slices to trace the developmental trajectory of research on L2 writing feedback. Second, keyword co-occurrence networks and keyword burst detection were utilized to identify research hotspots and emerging trends. Finally, core research themes were identified based on keyword clustering results. The aforementioned analysis aims to systematically reveal the overall developmental trajectory, the evolution of research hotspots, and future directions in L2 writing feedback research.

Research Questions

This study addresses the following three questions:

(1) What are the developmental trajectory and research hotspots of L2 writing feedback research since 2010?

(2) What are the core domains of L2 writing feedback research since 2010?

(3) What implications does L2 writing feedback research have for future studies?

This research was funded by the Social Science Fund Project of Xinjiang Uygur Autonomous Region: Research on the Construction of a Discourse System for External Communication to Forge the Chinese National Community Consciousness from an International Comparative Perspective (Project No.: 2024BYY123)

Research Findings and Analysis

Developmental Trajectory and Research Hotspots of L2 Writing Feedback Research

Annual Publication Trends. The annual number of publications serves as a key indicator for measuring the scale and evolutionary dynamics of a research field, with its trends providing a direct reflection of the field's academic vitality and developmental trajectory [2]. As shown in Figure 1, the annual publication volume of L2 writing feedback exhibited a phased growth from 2010 to 2025, which can be divided into four stages based on growth characteristics: First, a stable exploratory phase (2010–2014). Annual publications ranged between 10 and 17 articles. Growth was gradual with minimal fluctuation, indicating that research during this stage was focused on laying the theoretical foundation and conducting preliminary empirical explorations. Second, a fluctuating growth phase (2015–2019). Publication numbers fluctuated slightly between 17 and 24 articles, reflecting the gradual diversification of research paradigms. Third, a rapid development phase (2020–2022). Driven by the digital transformation of education amid the global pandemic, the number of publications surged from 26 to 53 articles. During this time, the research focus shifted markedly toward feedback tools and interaction models in online environments. Fourth, an explosive deepening phase (2023–2025). Marked by the breakthrough of generative artificial intelligence (GenAI) and its deep integration into education, this field has ushered in an unprecedented research boom. The number of publications surged from 78 to 120, achieving not only a substantial quantitative leap but also significant breakthroughs in research depth and interdisciplinary integration, marking a new stage of development in L2 writing feedback.

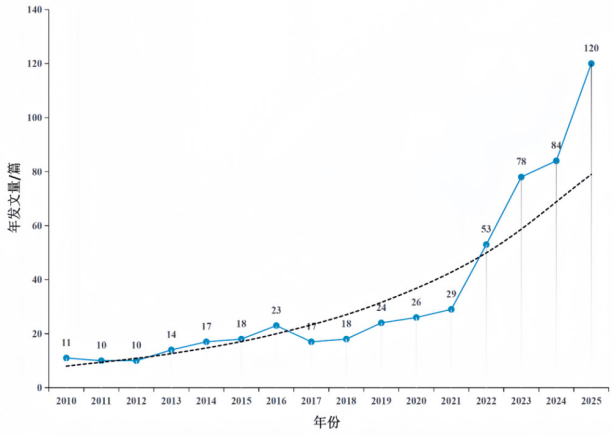


Fig. 1. Annual Publication Volume Distribution of L2 writing feedback research

Keyword Co-occurrence Analysis. Co-occurrence analysis of keywords, which are core terms representing research themes, enable the identification of research hotspots and knowledge structures within a field by systematically examining their co-occurrence frequency and association strength across multiple documents [3]. In this study, CiteSpace software was employed to extract keywords and conduct co-occurrence analysis on 552 documents, constructing a keyword co-occurrence network comprising 262 nodes and 1,668 links (density = 0.0488), as shown in Figure 2. In the figure, each node represents a keyword; the node size corresponds to its occurrence frequency, the thickness of the links reflects the co-occurrence strength, and the node color indicates the year of the keyword's first appearance. This network structure suggests that L2 writing feedback research not only encompasses diverse themes but also exhibits strong internal connections among its subfields.

In addition to the search terms "second language writing", "written corrective feedback", and "feedback", high-frequency keywords also include "learners", "teachers", "peer feedback", "accuracy", "student engagement", and "perceptions", collectively forming the core research hotspots of L2 writing feedback research. Table 1 lists the top 15 keywords ranked by frequency from 2010 to 2025, systematically reflecting the research focus during this period.

Keyword Burst Analysis. The burst strength of keywords and their temporal evolution can effectively reveal research hotspots and developmental dynamics in a field over time. In this study, a keyword burst map of L2 writing feedback research (Figure 3) was generated to systematically trace the evolutionary pathways and emerging frontiers of research themes in this area.

The results show that the developmental trajectory of L2 writing feedback research is highly consistent with annual publication trends and can be divided into four major stages. In the first stage (2010–2014), the burst keywords included "error correction," "grammar correction," "ESL students," and "EFL writing." Among them, "error correction" was the most prominent, with a burst strength of 8.09, reflecting early scholars' strong concern with language accuracy and the effectiveness of written corrective feedback (WCF) [4]. At the same time, the eight-year burst of "EFL writing" indicates a gradual shift in research attention from ESL to EFL contexts and sustained interest in writing instruction in non-target language environments.

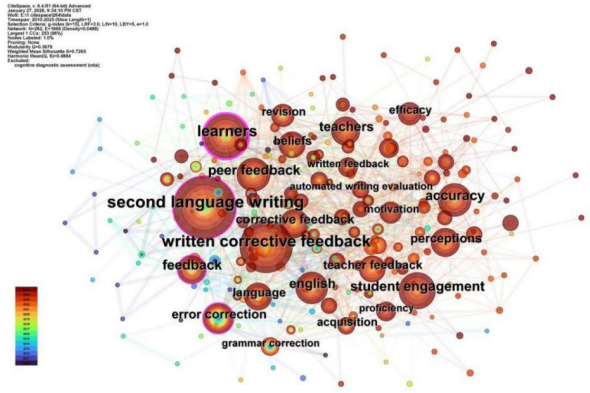


Fig. 2. Co-occurrence Knowledge Map of Keywords of L2 writing feedback research (2010–2025)

Table 1. List of High-Frequency Keywords (2010–2025)

Serial Number	Keyword	Frequency	Year
1	second language writing	236	2010
2	written corrective feedback	175	2011
3	learners	147	2010
4	accuracy	79	2010
5	student engagement	77	2019
6	peer feedback	76	2014
7	feedback	76	2010
8	English	70	2012
9	teachers	66	2010
10	corrective feedback	59	2010
11	error correction	58	2010
12	perceptions	50	2013
13	teacher feedback	45	2018
14	beliefs	45	2016
15	language	44	2013

In the second stage (2015–2019), the burst keywords were "participation," "writers," and "second language." During this period, the focus moved from written corrective feedback itself to writers' subjectivity in SLA, highlighting learners' active participation and engagement in feedback processes and marking a shift from teacher-centered to learner-centered paradigms [5].

The third stage (2020–2022) was characterized by "teacher feedback," "automated feedback," and "beliefs." Researchers examined not only the effectiveness of automated evaluation systems but also their comparison with teacher feedback, reaffirming the irreplaceable role of teacher feedback in developing higher-order writing skills. At the same time, greater attention was paid to learners' perceptions of feedback and their beliefs [6], showing an increasing concern with internal cognitive mechanisms.

In the fourth stage (2023–2025), the burst keywords were "motivation," "writing performance," and "feedback literacy." Writing motivation was regarded as a key force affecting feedback uptake and writing performance [7]. Research mainly examined its interaction with factors such as anxiety, engagement, and self-regulation, as well as the impact of teacher feedback and instructional practices. Meanwhile, the growing use of GenAI diversified feedback sources, making learners' feedback literacy a crucial factor in feedback effectiveness. Related studies focused on its conceptual dimen-

sions and influencing factors, while teacher feedback literacy also emerged as an important new direction.

Overall, research on L2 writing feedback has undergone four key shifts over the past decade, beginning with a focus on the effectiveness of error-correction feedback: First, the core concern has shifted from a language-form-centered approach to a learner-centered one, emphasizing the learner's agency in the feedback process. Second, scholarly attention has expanded from external feedback factors to an in-depth probe into learners' internal psychological mechanisms. Third, the research perspective has extended from emphasizing static feedback effects to examining dynamic feedback process. Fourth, the feedback mode has transitioned from traditional models centered on teacher-student interaction to exploring human-machine collaborative feedback mechanisms. This evolutionary trajectory systematically reflects the continuous deepening and expansion of this field in theoretical construction, research perspectives, and practical pathways.

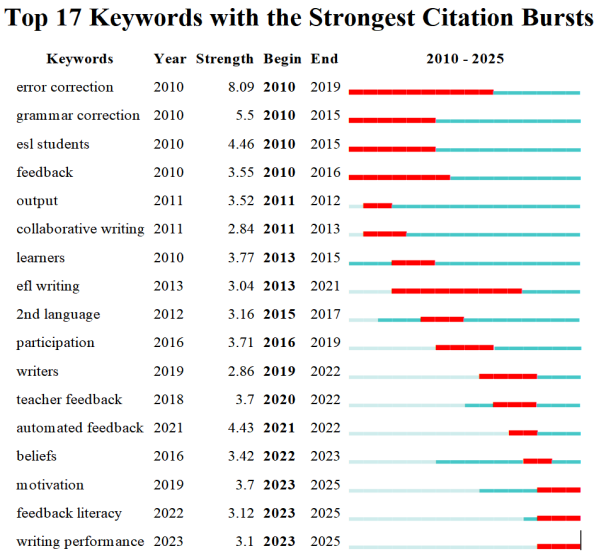


Fig. 3. Keyword Burst Detection in L2 Writing Feedback Research (2010–2025)

Core Research Domains in L2 writing Feedback

CiteSpace software can generate cluster labels by automatically extracting keywords or noun phrases from citing documents based on co-citation networks, thereby summarizing research foci. Each cluster can be regarded as a relatively independent research domain with strong internal connections. In this study, the Log-Likelihood Ratio (LLR) algorithm and the automatic clustering function in CiteSpace were employed to construct a knowledge map of core areas in L2 writing feedback research. As shown in Figure 4, a total of 8 major clusters were identified. The Modularity Q value is 0.3679 (>0.3), and the Mean Silhouette value is 0.7265 (>0.5), indicating significant clustering structure, good thematic consistency within each cluster, and high credibility.

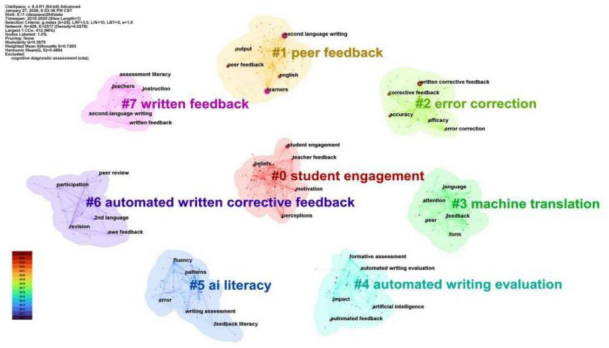


Fig. 4. Cluster Knowledge Map of L2 Writing Feedback (2010–2025)

Table 2 presents the main clustering results of L2 writing feedback research from 2010 to 2025. Based on an analysis of cluster labels and their log-likelihood ratio (LLR) keywords, this study identifies several representative research directions. Given that Cluster #7 (written feedback) is overly broad, it will not be discussed in detail here. The subsequent analysis focuses on four core areas: learner feedback engagement (#0), feedback literacy and AI literacy (#5), peer feedback (#1), and the evolution of written feedback paradigms (#2, #3, #4, #6).

Table 2. Statistics on Cluster Labels in the Field of L2 Writing Feedback Research (2010–2025)

Cluster Labels	Number of nodes	Cluster silhouette value	The main keywords included in the LLR algorithm
#0 student engagement	75	0.709	student engagement; writing motivation; teacher feedback; positive psychology; individual differences
#1 peer feedback	70	0.713	peer feedback; second language writing; collaborative writing; computer-assisted language learning; technology-enhanced language learning
#2 error correction	55	0.695	error correction; written corrective feedback; peer feedback; corrective feedback; grammar correction
#3 machine translation	52	0.784	machine translation; rubrics; reactivity; collaborative revision; wiki
#4 automated writing evaluation	51	0.766	automated writing evaluation; artificial intelligence; generative AI; automated written corrective feedback; academic writing
#5 AI literacy	45	0.698	AI literacy; writing proficiency; writing assessment; feedback literacy; research trends
#6 automated written corrective feedback	35	0.649	automated written corrective feedback; peer review; writing development; awe feedback; teacher written feedback
#7 written feedback	25	0.807	written feedback; assessment literacy; written corrective feedback; latent profile analysis; second language writing

Learner Feedback Engagement. Over the past decade, research on L2 writing feedback has undergone a paradigm shift from focusing on "how teachers provide feedback" to "how learners receive, interpret, and apply feedback". This shift is driven by empirical evidence showing that the effectiveness of feedback depends primarily on learners' engagement with feedback, rather than on the form or content of the feedback. Consequently, scholars has widely adopted the three-dimensional framework proposed by Ellis, which defines learner engagement with feedback across cognitive, behavioral, and affective dimensions. Based on this framework, a series of empirical studies have been conducted.

Some scholars have examined the moderating role of individual psychological factors in feedback engagement. For example, Tsao found that L2 learners' self-efficacy positively predicts their cognitive attention and revision behaviors in response to written corrective feedback. Yu et al., through a large-scale survey, confirmed that writing motivation is a key driver of students' active engagement across cognitive, affective, and behavioral dimensions. With the advancement of artificial intelligence (AI), technology-supported feedback engagement has gradually emerged as a new research focus. Wang et al. compared students' engagement with ChatGPT-generated feedback versus teacher feedback, finding that although the former demonstrated superior linguistic accuracy, students' emotional acceptance of it remained lower than that of teacher feedback. The study further indicated that learners' AI literacy serves as a critical moderating variable influencing their effective engagement with and utilization of AI-generated feedback.

Feedback Literacy and AI Literacy. Feedback literacy is defined as "the understandings, capacities, and dispositions required by learners to comprehend feedback information and apply it to improve their work or learning strategies." Carless and Winstone further argue that the feedback literacy of both teachers and students constitutes "the knowledge and skills required to maximize the impact of their respective roles on the feedback process." Current research on feedback literacy mainly focuses on its dimensional structure, the investigation of its current status, and strategies for its development.

With regard to student feedback literacy, Molloy et al. proposed a comprehensive framework consisting of seven dimensions and 31 components. Based on a large-scale empirical survey of middle school students, Zhang et al. found that learners' L2 feedback literacy was at a moderate level and significantly predicted writing performance. Hoo et al. further showed that instructional strategies integrating self-assessment and peer assessment can effectively enhance students' feedback literacy.

Regarding teacher feedback literacy, Lee, drawing on dynamic assessment and sociocultural theory, proposed a three-dimensional framework that conceptualizes feedback as a process, a shared responsibility situated in context, and a form of teacher competence. This framework provides

an important theoretical basis for teachers' feedback practices. A cross-national survey by Lee and Mao revealed significant individual differences among L2 writing teachers in feedback knowledge, values, and practical competence. In addition, Arts et al. confirmed through a quasi-experimental study that structured feedback cover sheets can help teachers better clarify feedback goals and strategies.

With the widespread adoption of AI in education, AI literacy has become an essential competence. Defined as the ability to understand, apply, and critically evaluate AI technologies, it has begun to attract increasing attention in L2 writing research. Recent studies have developed AI literacy scales, confirmed its influence on feedback uptake and revision quality, and highlighted the need to cultivate it systematically among both teachers and students.

Peer Feedback. Since 2010, influenced by learner-centered and cooperative learning principles, peer feedback has emerged as a prominent area in L2 writing feedback research. Peer feedback refers to feedback in which learners provide comments and suggestions to their peers during the writing revision process. Due to its dual nature involving metacognitive regulation and social interaction, it has been widely adopted in writing instruction. Research in this area has primarily focused on investigating its efficacy, comparing different feedback modes, and identifying influencing factors.

In terms of feedback effectiveness, Imsa-ard and Barrot found that peer feedback supported by multimodal technology significantly enhances the complexity, accuracy, and fluency of L2 writing, thereby contributing to L2 writing development [8]. Ruegg noted that peer feedback outperforms teacher feedback in boosting students' writing self-efficacy [9]; Deng et al.further confirmed that a "teacher + peer" blended feedback model yields greater improvements in learners' writing engagement and overall performance compared to single teacher feedback, demonstrating the unique value of peer feedback. Studies on influencing factors indicate that student motivation types predict variations in peer feedback-seeking behaviors, while collaborative peer feedback comprehensively promotes writers' feedback engagement across four dimensions: affective, behavioral, cognitive, and social.

As AI becomes increasingly integrated into L2 instruction, research on peer feedback is witnessing new directions. Lin and Hwang found that embedding AI-supported procedural scaffolding into peer assessment activities within flipped classrooms significantly enhances learners' writing performance. Zhang and Hashemifardnia further revealed that, by providing real-time regulation and support for the peer feedback process, AI not only helps optimize feedback quality but also boosts learners' behavioral engagement and fosters linguistic accuracy.

The Evolution of Written Feedback Paradigms. From 2010 to 2025, research on L2 writing feedback has evolved through several stages: from theoretical debates to empirical exploration, and then to the integration of technology and the development of human-AI collaborative feedback models. Early research continued the core debate over "whether error correction is effective" since the 1990s, with numerous empirical studies seeking to validate the effectiveness of written corrective feedback. For example, Van Beuningen et al.conducted a meta-analysis confirming that comprehensive error correction significantly improves writing accuracy; Kang and Han similarly performed a systematic review of 46 empirical studies, corroborating that written corrective feedback has a robust [10], moderate effect on improving linguistic accuracy in L2 writing. These findings mark the formation of a basic consensus within the field on the question of "effectiveness", prompting a gradual shift in research focus toward the examination of moderating variables such as feedback types and learner proficiency levels, and a deeper exploration of the moderating role of individual differences.

With the rapid development of the internet and computational technologies, automated writing evaluation (AWE) systems and online writing platforms have been introduced into L2 writing instruction, giving rise to a surge in related research. Researchers have begun to explore the effectiveness of feedback from AWE systems (Barrot, 2023), compare their effectiveness with that of teacher feedback [11], and examine learners' perceptions, understanding, and revision behaviors in response to such feedback [12].

In recent years, research on computer-assisted L2 writing feedback is characterized by digital intelligence. On the one hand, scholars have investigated the efficacy of machine translation in providing lexical and grammatical feedback, examining its impact on learners of varying proficiency levels and across different text types [13]. On the other hand, with the advancement of GenAI, research has gradually expanded to the integrated application of diverse technologies, such as comparing the synergistic effects of self-revision, machine translation, and ChatGPT regarding writing revision, linguistic complexity, and error correction.

Currently, the application of GenAI in L2 writing feedback has emerged as a forefront research area. Studies indicate that GenAI not only provides relatively accurate, comprehensive WCF but also complements teacher or peer feedback within blended feedback models, synergistically enhancing learners' L2 writing proficiency. At the same time, related research has also examined learners' perceptions of and acceptance of GenAI feedback, and through systematic comparisons with teacher feedback, has further clarified its contexts of applicability and limits of efficacy. Collectively, these explorations are driving the construction of a "teacher–student–AI" triadic collaborative feedback model, as well as the advancement of corresponding pedagogical practices.

Directions for Future Research

Using bibliometric methods, this study mapped the development trajectory, evolving hotspots, and core areas of L2 writing feedback research from 2010 to 2025. The findings show that, driven by educational digitalization and the integration of AI into language education, the field is undergoing a major paradigm shift. Feedback agents are moving from a traditional teacher–learner binary to a teacher–student–AI collaborative model, while feedback forms are becoming increasingly diversified, including automated, peer, teacher, and human–AI blended feedback. These changes have reshaped the practice of L2 writing feedback and challenged existing theories, topics, and methods. Future research should therefore advance in three interrelated dimensions: theoretical construction, research content, and research methodology.

First, theoretical frameworks need to move beyond existing paradigms. Current studies mainly rely on cognitivist theories such as the Noticing Hypothesis and Skill Acquisition Theory, which view feedback as external input promoting gap noticing and automatization, and Sociocultural Theory, which emphasizes feedback as mediation in meaning-making and cognitive development. However, with the growing use of GenAI in L2 writing instruction, issues such as learner engagement and technology acceptance are no longer fully explained by these frameworks. Although some studies have drawn on Self-Determination Theory, Control-Value Theory, and technology acceptance models, such attempts remain fragmented. Future research should adopt a more interdisciplinary perspective by integrating Positive Psychology, Self-Regulated Learning Theory, Complex Dynamic Systems Theory, and UTAUT to better explain feedback engagement, feedback literacy, and emerging human–AI feedback practices.

Second, research content should be broadened and deepened. Most existing studies focus on English learners in higher education, so future work should include learners from different educational levels, target languages, and proficiency levels to test the generalizability of current findings. More attention should also be paid to teachers, especially the cognitive and affective factors shaping their feedback behaviors and the effects of these factors on student engagement and writing development. In terms of topics, four areas deserve priority: the interaction between individual and contextual factors in feedback use; the actual effects of GenAI feedback on revision behavior and writing quality; feedback across the full writing process, including planning and drafting, rather than only post-writing revision; and genre differences beyond argumentative writing.

Third, research methods should become more diverse and innovative. Since current studies are dominated by quasi-experimental and cross-sectional designs, future work should incorporate richer qualitative approaches, such as case studies, interviews, observations, and grounded theory, as well as longitudinal designs across multiple semesters to capture the dynamic and non-linear effects of feedback. More advanced tools, including eye-tracking, keystroke logging, and brain-imaging technologies, should also be introduced to improve measurement objectivity and reduce reliance on self-report data.

Conclusion

This study employs bibliometric methods to systematically review literature on L2 writing feedback research from 2010 to 2025, revealing the development trajectory, research hotspots, and core areas of this field. The findings indicate that L2 writing feedback research has generally exhibited a phased growth pattern, evolving through four distinct phases: a stable exploratory phase, a fluctuating growth phase, a rapid development phase, and an explosive deepening phase. The research in this field starts with the effectiveness of error correction feedback and has undergone four key shifts: from a "language-form-centered" to a "learner-centered" paradigm; from external feedback factors to learners' internal psychological mechanisms; from static feedback outcomes to dynamic feedback processes; and from feedback models centered on teacher-student interaction to human-computer collaborative feedback models. Current core areas of research mainly include learner feedback engagement, peer feedback, feedback literacy and AI literacy, as well as the evolution of writing feedback paradigms. Future research should broaden theoretical perspectives, optimize research methods, deepen research themes, and proactively address the practical demands arising from transformations in L2 writing pedagogy in

the AI era. This study aims to provide a systematic reference for subsequent research in the field of L2 writing feedback, promote the organic integration of theoretical exploration and pedagogical practice, and propel the in-depth development of research in this field.

Литература

1. Truscott, J. The case against grammar correction in L2 writing classes // Language Learning. 1996. Vol. 46, No. 2. P. 327–369.
2. Xiao, L., Zheng, X., Huang, W. Research overview, hotspots, and trends in international tourism efficiency: A knowledge mapping analysis based on the Web of Science Core Collection // Journal of Southwest Minzu University (Humanities and Social Science). 2022. Vol. 43, No. 1. P. 36–45.
3. Zhao, D., Ma, S., Wang, Y., Tang, Y. Research hotspots and trends in sedimentology in China: A bibliometric analysis based on Acta Sedimentologica Sinica // Acta Sedimentologica Sinica. 2020. Vol. 38, No. 3. P. 463–475.
4. Van Beuningen, C. G., De Jong, N. H., Kuiken, F. Evidence on the effectiveness of comprehensive error correction in second language writing // Language Learning. 2012. Vol. 62, No. 1. P. 1–41.
5. Yu, S., Lee, I. Exploring Chinese students' strategy use in a cooperative peer feedback writing group // System. 2016. Vol. 58. P. 1–11.
6. Barrot, J.S. Using automated written corrective feedback in the writing classrooms: Effects on L2 writing accuracy // Computer Assisted Language Learning. 2023. Vol. 36, No. 4. P. 584–607.
7. Gao, J., Ma, S. Instructor feedback on free writing and automated corrective feedback in drills: Intensity and efficacy // Language Teaching Research. 2022. Vol. 26, No. 5. P. 986–1009.
8. Issa, B. I., Koronkiewicz, B., Faretta-Stutenberg, M. Second-language writing in university-level basic language programs: A survey of student and instructor beliefs // Foreign Language Annals. 2022. Vol. 55, No. 2. P. 383–407.
9. Bai, B., Wang, J. Conceptualizing self-regulated reading-to-write in ESL/EFL writing and investigating its relationships to motivation and writing competence // Language Teaching Research. 2023. Vol. 27, No. 5. P. 1193–1216.
10. Ruegg, R. The effect of peer and teacher feedback on changes in EFL students' writing self-efficacy // The Language Learning Journal. 2018. Vol. 46, No. 2. P. 87–102.
11. Kang, E., Han, Z. The efficacy of written corrective feedback in improving L2 written accuracy: A meta-analysis // The Modern Language Journal. 2015. Vol. 99, No. 1. P. 1–18.
12. Li, Z., Link, S., Ma, H., Yang, H., Hegelheimer, V. The role of automated writing evaluation holistic scores in the ESL classroom // System. 2014. Vol. 44. P. 66–78.
13. Chung, E. S., Ahn, S. The effect of using machine translation on linguistic features in L2 writing across proficiency levels and text genres // Computer Assisted Language Learning. 2022. Vol. 35, No. 9. P. 2239–2264.

EVOLUTION OF RESEARCH HOTSPOTS AND EMERGING FRONTIERS IN SECOND LANGUAGE WRITING FEEDBACK: A BIBLIOMETRIC ANALYSIS BASED ON WEB OF SCIENCE (2010–2025)

Ren Xingyan, Chen Shuang
Xinjiang Normal University

This article examines the main stages in the development of research on feedback in second language (L2) writing through a bibliometric and visualized analysis of 552 publications indexed in the Web of Science Core Collection from 2010 to 2025. Using CiteSpace 6.4.R1, the study identifies trends in publication output, key research hotspots, thematic clusters, and emerging frontiers in the field. The findings show that this area has evolved from a primary concern with the effectiveness of error correction to a broader focus on learner engagement, feedback literacy, peer feedback, and the integration of artificial intelligence into writing instruction. Particular attention is paid to the transformation of feedback models from the traditional "teacher–learner" structure to a collaborative "teacher–student–AI" framework. The study concludes that future research should aim to expand theoretical perspectives, deepen research content, and innovate methodological approaches in response to the digital transformation of language education.

Keywords: L2 writing feedback, second language writing, bibliometric analysis, learner engagement, artificial intelligence

References

1. Truscott, J. The case against grammar correction in L2 writing classes // Language Learning. 1996. Vol. 46, No. 2. P. 327–369.
2. Xiao, L., Zheng, X., Huang, W. Research overview, hotspots, and trends in international tourism efficiency: A knowledge mapping analysis based on the Web of Science Core Collection // Journal of Southwest Minzu University (Humanities and Social Science). 2022. Vol. 43, No. 1. P. 36–45.
3. Zhao, D., Ma, S., Wang, Y., Tang, Y. Research hotspots and trends in sedimentology in China: A bibliometric analysis based on Acta Sedimentologica Sinica // Acta Sedimentologica Sinica. 2020. Vol. 38, No. 3. P. 463–475.
4. Van Beuningen, C. G., De Jong, N. H., Kuiken, F. Evidence on the effectiveness of comprehensive error correction in second language writing // Language Learning. 2012. Vol. 62, No. 1. P. 1–41.
5. Yu, S., Lee, I. Exploring Chinese students' strategy use in a cooperative peer feedback writing group // System. 2016. Vol. 58. P. 1–11.
6. Barrot, J.S. Using automated written corrective feedback in the writing classrooms: Effects on L2 writing accuracy // Computer Assisted Language Learning. 2023. Vol. 36, No. 4. P. 584–607.
7. Gao, J., Ma, S. Instructor feedback on free writing and automated corrective feedback in drills: Intensity and efficacy // Language Teaching Research. 2022. Vol. 26, No. 5. P. 986–1009.
8. Issa, B. I., Koronkiewicz, B., Faretta-Stutenberg, M. Second-language writing in university-level basic language programs: A survey of student and instructor beliefs // Foreign Language Annals. 2022. Vol. 55, No. 2. P. 383–407.
9. Bai, B., Wang, J. Conceptualizing self-regulated reading-to-write in ESL/EFL writing and investigating its relationships to motivation and writing competence // Language Teaching Research. 2023. Vol. 27, No. 5. P. 1193–1216.
10. Ruegg, R. The effect of peer and teacher feedback on changes in EFL students' writing self-efficacy // The Language Learning Journal. 2018. Vol. 46, No. 2. P. 87–102.
11. Kang, E., Han, Z. The efficacy of written corrective feedback in improving L2 written accuracy: A meta-analysis // The Modern Language Journal. 2015. Vol. 99, No. 1. P. 1–18.
12. Li, Z., Link, S., Ma, H., Yang, H., Hegelheimer, V. The role of automated writing evaluation holistic scores in the ESL classroom // System. 2014. Vol. 44. P. 66–78.
13. Chung, E. S., Ahn, S. The effect of using machine translation on linguistic features in L2 writing across proficiency levels and text genres // Computer Assisted Language Learning. 2022. Vol. 35, No. 9. P. 2239–2264.

Имперский контекст хозяйственной философии и военного этоса в русской социокультурной традиции: социально-философский контекст

Захаров Алексей Владимирович,
аспирант, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
E-mail: 89272747077@bk.ru

Кидямкин Алексей Анатольевич,
аспирант, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
E-mail: alexey.kidyamkin@gmail.com

Изначально понятие цивилизации в социальной философии обозначало стадию в развитии человечества, в противоположность эпохе дикости и варварства характеризующуюся существованием общественных классов и государства. В условиях, когда в 1453 г. Константинополь пал и Византийская империя прекратила свое существование, в специфике развитии православной цивилизации Российское государство не предпринимало усилий по приему византийского наследства, поскольку последнее носило всемирный характер. *Цель* Историческая миссия российского социума по преимуществу выразилась в культурных влияниях на народы северо-восточной Евразии, а также на болгар, сербов, румын и другие балканские народы, равно как в Азии – на армян и грузин. Все эти этносоциальные не только приняли от неё христианское просвещение, плоды умственной производительности, но и брали у неё образцы в своем внутреннем устройстве. *Материалы и методы: в качестве теоретико-методологической стратегии исследования* осуществлен всесторонний анализ практической реализуемости потенциала духовных ценностей общества, в т.ч. анализ реальных проблем и перспектив духовной жизни общества Византии, всестороннее рассмотрение научных исследований в данном направлении, а также статистический анализ показателей общественного мнения населения России и ее регионов о духовных ценностях. *Результаты исследования: рассмотренная модель понимания того, что* Россия оказалась в силу обстоятельств на периферии не только Запада, но даже близкого ей «православного мира», центр которого – Византия был ликвидирован и столетиями относительно самой российской государственности и даже ее религиозной традиции производились изоляционистские меры, как в самой стране, так и за ее пределами, что укрепляло консервативные религиозные ценности и мобилизационные позиции государства в обществе. Для Руси начало государственности было связано прежде всего с православными духовными ценностями. Духовные ценности религии православия освещаются глубоким смыслом божественного человеколюбия, составляющую родовую божественную природу человека. *Обсуждение и заключения: ожидаемым эффектом фактического понимания процессов может стать* компоненты системы духовно-нравственных ценностей в их взаимосвязи, механизмы и модели ее реализации в каждом из них при взаимосвязи традиций и инноваций. При построении модели пирамиды ценностей анализируются научные источники, концепция, такие как теория устойчивого развития, футурология, аксиологические концепции.

Ключевые слова: стратегии, военная философия, российская духовная традиция, византийское наследие, философия хозяйства, логика государственно-политических традиций, конвенционалистская и сепарационная модели государственно-церковных отношений

Введение

Россия и ее духовная предшественница – Византия представляют собой государства, состоящее из народов со своими особенностями евразийской духовной культуры. Каждому народу соответствует определенная система ценностей, отражающая особенности его культуры. Ценности этого уровня отражают смысловую основу социальной философии виде цивилизационного наследия россиян, осознанного и сохраняемого потомками. Духовные ценности бывают общими для всех культур народов. Это истина, добро, красота, мудрость, дружба, любовь, благородие, человечность и т.д. Проявляются они в определенных формах, связанных с особенностями социальной деятельности народа в проявлениях разных сфер социокультурного творчества (духовной, военно-политической, хозяйственной)[4].

Византийское военно-политическое мировоззрение стало главной проблемой в вопросе о рецептировании его в формате православного имперского наследства России и многих других славянских стран. Однако к XIII столетию непреходящесть византинизма в регионах поствизантийской ойкумены вызывала сомнения.

Византийцы были разгромлены западными феодалами в 1204 г., которые во время Четвертого крестового похода и фактически основали там свои колониальные владения (Латинская Романия), а многие исторические центры православной цивилизации, включая Царьград-Константинополь, были оккупирована латинскими войсками и Римской церковью. Но даже в условиях ликвидации византийского государства Православная церковь управляла русской митрополией как провинциальным уделом из Никеи. Данный факт среди русских философов и историков признал безоговорочно только К.Н. Леонтьев [7, с. 138]. Но разрыва Руси с православной военно-политической и экономической традицией не было даже в крайней ситуации уний константинопольских императоров и Рима (1274, 1439 годов), поскольку русские общественные деятели тогда достаточно долго надеялись на временность униатства Византии.

В основе истоков православной традиции российского социума лежали соборные традиции византинизма: государствоцентризм, народность и ортодоксальная религиозность, которые были восприняты и переосмыслены в национальной специфике российской социально-исторической практикой. Однако своеобразный путь развития российского общества сформировал особенный культурно-исторический облик бытия россиян. Относительно специфики византийского культурного наследия верно указывает особенности проявления византинизма в социосфере К.В. Хвостова, она справедливо пишет, что самым значимым здесь было: «влияние, с одной стороны, восточной патристики и богословия…» [15, с. 138].

Историография

Вопрос, о роли военной составляющей бытия российского социума в ходе духовного и нравственного совершенствования, поднимался многими русскими философами и писателями. В.С. Соловьев считал, что военные испытания способны преградить человеку путь к падению вниз, обуздать проявления его животных страстей, однако сомневался в том, что страдания являются тем необходимым условием, которое могло бы подвигнуть человека к стремительному духовному развитию.

Ключевая теория в рамках культурцентризма – *цивилизационная концепция истории* (Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин), сформированная на изломе XIX и XX вв. В отношении решения вопроса о направленности истории данный подход можно охарактеризовать как нелинейную, или *плюрально-циклическую* интерпретацию социальной динамики, а в отношении к решению вопроса о движущем факторе развития – как *культуроцентрическую (идеализм)*, поскольку ее приверженцы находят корень перемен в культурной среде. Каждая цивилизация, по мнению сторонников культурно-исторической типологии обществ основана на какой-то исходной духовной предпосылке, «большой идее», «сакральной ценности» или первичном символе, вокруг которых в ходе развития формируются сложные духовные системы. Особо подчеркивалась при этом *роль религий*, которые, например, согласно А. Тойнби являются зародышами цивилизаций. Недостатки цивилизационного подхода хо-

рошо известны в научной литературе [2, с. 138]. Это преимущественно феноменологический характер анализа истории, эмпиризм. И хотя плюрально-циклический подход все еще находит своих сторонников (Ф. Фукуяма, С. Хантингтон), однако в последние десятилетия он утрачивает прежние позиции в западном обществоведении. Впрочем, культурцентризм признает факт наличия в историческом процессе ряда закономерностей, но все же не предусматривают его векторности, направленности и прогрессивности.

Методы

В основе искусства символизма лежала идея двойственности мира. Опираясь на идеи древнегреческого философа Платона, утверждавшего что реальность, состоит из мира идей и вещей, символизм требовал раскрытия с помощью искусства этого скрытого от глаза мира идей в приемлемой и ясной для зрителя форме. Сторонники данной концепции считали, что история имеет дискретный, а не континуальный характер, разделяли исторический процесс на локальные социально-культурные образования – цивилизации (культурно-исторические типы и т.д.) – и акцентировали внимание больше на их своеобразии и уникальности, чем на общности, придерживаясь позиции плюрализма в рассмотрении источников возникновения и гибели социальных организмов.

Методы

В основе данной аналитики применялись медоды общелогического дискурса современной гуманитаристики. Также Сторонники данной концепции считали, что история имеет дискретный, а не континуальный характер, разделяли исторический процесс на локальные социокультурные образования – цивилизации (культурно-исторические типы и т.д.) – и акцентировали внимание больше на их своеобразии и уникальности, чем на общности, придерживаясь позиции плюрализма в рассмотрении источников возникновения и гибели социальных организмов.

В подтверждение своей теории о противление западо-центристским «стратегмам» и парадигмам философии хозяйства ряд отечественных мыслителей приводит оригинальные российские примеры из русской истории. Он вспоминает взаимоотношения преподобного Сергия Радонежского и благоверного князя Дмитрия Донского, когда преподобный благословил благоверного князя и русское воинство на борьбу с врагами отечества.

Так, И.А. Ильин ссылается также на Священное Писание, которое утверждает, что защита ближнего от насилия является основным долгом христианина. «Призывая любить врагов, Христос имел в виду личных врагов самого человека. Христос никогда не призывал любить врагов Божиих, благословлять тех, кто ненавидит и попирает все Божественное, любовно сочувствовать одержимым растлителям душ» [5, с. 142–143]. Те, кто посягает на «свободную самобытную жизнь» народа должен получить достойный отпор. Социальная информация в указанном контексте выступает основой функциональной взаимосвязи всех элементов системы социального управления [12, с. 138]. С данных позиций информация и ее циркуляция в обществе рассматриваются как *уменьшение неопределенности, вплоть до полной детерминированности* [5, с. 138].

Знание, тем самым, представляет собой *высший уровень идеальной информации*, функционирующей в обществе. Оно, несомненно, так или иначе, кодифицировано в знаковой (материальной) форме, но главное в нем – содержание (смысл и значение). В наиболее узком смысле слова к культурным благам относятся произведения искусства. В широком смысле к сфере производства культурных благ относятся все виды художественного творчества – духовной (нематериальной) деятельности по созданию эстетических образов. в традиционном христианстве Бог есть вечное, неизменное и трансцендентное существо, между Богом и человеком пролегает неодолимая онтологическая дистанция» [4, с. 112].

Сохранение и приумножение культурного наследия – актуальная задача современности. Ценности культуры при сознательном и бережном к ней отношении создают условия для ее дальнейшего развития. В указанном плане цементирующим фактором социальных отношений на стыке эпох является историческая память: «культурная память… хранится не только в библиотеках, в музеях и архивах, она привязана к определенным топографическим координатам» [1, с. 237].

Этнографическая ситуация в указанном плане может быть динамичной, но не способствующей стабильному сохранению традиционных норм культуры и стандартов единого культурного пространства. Леонтьев К.Н. на примере древнеегипетского общества писал: «… в цветущем периоде сложность и единство, сословность. Деспотизм формы; потом еще большее, но мгновенное увеличение разнообразия посредством небывалого дотоле допущения иностранцев» [7, с. 201].

В целом можно констатировать, что христианской духовности свойственен традиционализм и в византийском православии он был особенно последовательным. И пока в Византии кипели страсти, пока шли споры о проблемах нравственных, духовная жизнь греков и славян Византийской империи продолжала свое динамическое развитие, оказывая влияние на соседние страны.

Сторонники данной концепции считали, что история имеет дискретный, а не континуальный характер, разделяли исторический процесс на локальные социокультурные образования – цивилизации (культурно-исторические типы и т.д.) – и акцентировали внимание больше на их своеобразии и уникальности, чем на общности, придерживаясь позиции плюрализма в рассмотрении источников возникновения и гибели социальных организмов.

В хозяйственной системе управления Византийским государством и военно-политическом укреплении региональной традицизащиты порубежных территорий – политика никейских императоров из династии Ласкарисов поддержки акритов – воинов – пограничников (предтеч православной практики казачества) этот имперский стиль выражался в православном порядке– таксисе, а именно, в социосозидании, создании хозяйств, императорских доменов, портов и мастерских, а также в строительстве соборов, храмовых комплексов, усадеб. В общественной мысли важное место занимали деяния и сказания святых отцов, мыслителей.

По всей Никейской империи укрепляются оборонительные сооружения, восстанавливаются фортификационные инфраструктурные комплексы вокруг столицы империи Никеи. Одновременно в качестве сакральной идентификации византийского наследия в Никее сооружают новые церкви в честь духовных и государственных воителей: Антония Великого и св. Трифона, другие храмовые здания. Вся Вифиния покрывается монастырями: в Магнезии строят Сосандрский монастырь, а в Пруссе в память Иоанна Крестителя. В эпоху Никейской империи также в Вифинии и Ионии создаются монастыри, укрепляются крепости и оборонительные сооружения. Строятся новые императорские резиденции. Так Никея, составлявшая примерно 50–70 тысяч жителей населения, славилась не только знаменитым Софийским собором, где происходили первые Вселенские соборы, но и Монастырем св. Иоакинфа, который был весьма изукрашен мозаиками и фресками, хорошо изученными русским искусствоведом В.М. Алпатовым в 20-е годы XX столетия. Такое духовное созидание, какое развернулось в середине XIII столетия в Византии иначе, как возрождением византийского влияния отметить нельзя. Также в Никее были созданы новые храмы в честь Антония Великого и св. Трифона, повторявшие во многом царьградские образцы. Империя покрывается многочисленными монастырями: Сосандрской Богородичной обителью у Магнезии на Меандре, где были погребены никейские императоры. И до XV в. были гробницы Иоанна Ватацеса, почитаемые в народе. Знаменитая своими актами и проастиями обитель Богородицы Лемвиотиссы у Смирны и Св. Иоанна в Пруссе. Города греко-никейской империи испытали временный подъем [14, с. 191].

Многие древние центры получили статус второй столицы, каким был Нимфей, где И. Ватац, выдающийся император никейского периода истории византийского социума и защитник греческого православного населения Анатолии от латинян и фундаменталистов, соорудил четырехэтажное здание резиденции, подражавшее по своему стилю влахернскому дворцовому комплексу в Константинополе. По словам Острогорского Г.А., зодчество никейских правителей способствовало возвышению авторитета государства никео-византийцев в Анатолии и на Балканах: «Возведение капитальных церковных построек удовлетворяло вкусам византийского благочестия, а крепостей в пограничных областях – требованиям обороны. В лучших традициях византийского государства Иоанн Ватац учредил стратиотские наделы и усилил контингенты войск с помощью привлечения вытесненных монголами половцев…, которых он приказал расселить в качестве стратиотов во Фракии и Македонии, а также в долине Меандра и во Фригиии» [8, с. 597].

В исторической эволюции российского общества в сходной ситуации по противоборству иноземных захватчиков и народосберегающей позиции прибегали в древнерусской традиции Александр Невский и Димитрий Донской. Православная традиция проставила их великими защитниками народа, рачительными хозяйственниками и хранителями православной религиозности.

Трудно на основании лишь скудных, кратких и часто глухих свидетельств нарративных источников, повествующих о бурной строительной деятельности никейских императоров, и на основании немногих археологических открытий последнего времени дать полную картину развития общественной практики в Никейской империи. По данным отечественного византиниста: «именно в Никее окрепли основы то-

го энциклопедизма, который был характерен для византийской культурной элиты конца XIII – начала XV в., превращал ее представителей в несравненных знатоков античного наследия, тонких исследователей античных текстов» [6, с. 192].

Утверждается вновь имперский престиж греческой архитектурной традиции в Никее. Византийская церковно-политическая супрематия была тихо принята в русско-славянских территориях, городах и княжествах с переменным спокойствием и успешно реализовывала восточно-христианский тип развития общества. Никея стала настоящей столицей всего Православного мира. После того, как крестоносцы захватили Константинополь в 1204 г. столица Византийской империи была перенесена в Никею.

Социальная эволюция концепций философии хозяйства и традиции «социосозидания» представлена как процесс поступательного саморазвития орудий труда и источников энергии, обладающий линейностью: людям приходится приспосабливаться к объективному характеру техники и технического прогресса. Технологический детерминизм в социальной теории критикуется за сведение обусловленности исторического развития к *жесткой, прямой и однозначной зависимости* процессов и явлений общественной жизни от влияния технологии, абсолютизации технического фактора в ущерб другим факторам общественного развития, *«фетишизации» вещественных элементов* производительных сил [3, с. 138].

Духовные ценности, такие как стремление принести пользу в производстве, вера в Отечество, в царя, а также православная вера увеличивали сплоченность в российском обществе и производительность труда. Верно замечает современный исследователь российской философии Шапошников Л.Е. о восприятии византийской традиции в отечественной философии указывает, что: «В русской традиции важнейшее значение приобретает «символическое» выражение мыслей путем иконописи, храмовой архитектуры, литургического творчества» [17, с. 7] с. 7.

В российской имперской традиции в XIX столетии помимо идей вестернизирующего доминирования в военно-стратегических и экономических реляциях имперской элиты стал преобладать новый дискурс славянофильской социоцентричной модели России, ка собирательницы православных этносов Евразии. В начале XX века в России религиозное сознание переживало глубокий кризис. В начале он проявился в виде сектантства и упадка веры в рядах интеллигенции. Небывалым событием стало отлучение от церкви великого писателя Л.Н. Толстого.

А после Октябрьской революции само государство и и его правящая партия повели беспощадную борьбу с религией. Духовные и материальные ценности русской Церкви оказались в состоянии упадка и разорения. Храмы закрывались, иконы и другие святыни порой уничтожались, религиозные деятели подвергались арестам, суду, а в 1937 году многие из них были расстреляны. Среди них священник Павел Флоренский, епископ Никита, в миру Федор Делокторский, протодьякон отец Николай по фамилии Цветков, глубоко верующая Анна Зерцалова, поэт Николай Клюев и многие другие за веру в Бога поплатились жизнью. Это была трагедия народа. Храм Христа Спасителя в Москве был разрушен. Духовные ценности, церковные святыни гибли. Кризис и крах религиозных духовных ценностей казался невосполнимой утратой. Но в конце XX века началось их возрождение. Научный интерес к ним возрос. В России почти все государства строились по идеологическое схеме, но то были естественные идеологии. Пока социальная идея в советской России идея была сильна, СССР чувствовал свою несокрушимость.

Русские философы зарубежья и сегодня убеждены, что инородцы обязаны жить в империи. По данным современных исследователей: «Систему внутренних элементов национального вопроса на Балканах, то есть то, что, могло бы быть определено как его структура определяют:

- Военно-стратегический,
- Геополитический,
- Социально-экономический.

Близкий по ментальности к российскому социум балканский регион, в период своего становления новейшего времени столкнулась не только с турецким фактором, но и с необходимостью новой идентификации. И она стала вовсе не провизантийской. Своими истоками культуры и государственности новая Эллада считала древнегреческую цивилизацию непосредственно. По словам современного специалиста по эллинистике: «Греческая специфика процесса выработки гражданского сознания и достижения национального единства заключалась в усилении институтов образования, юстиции и создании национальной церкви могло бы быть определено как его структурой» [16, с. 129].

Кроме того, освобождение земель православных народов способствовало превращению Сербии и других балканских стран в самодовлеющую военно-стратегическую силу «…средиземноморско-балканского региона» [16, с. 132]. И православные союзника россиян на Балканах пытаются вернуть себе утерянные позиции. Особенно это касается проблем восстановления престижа идеологемы Второго Рима. Когда идея Третьего Рима – Москвы становится маргинализированной в греческом мире и объявляется продуктом инвектив русского национализма [9].

Обсуждение и заключения

В современных социально-философских теориях осуществляется отход от многоступенчатой схемы исторического прогресса (в концепциях просветителей, У. Ростоу) и утверждение дихотомического взгляда на историю (индустриальное (современное) – досовременное). Особое внимание исследователей было обращено такие его качества, как *эволюционность, связанная с экономическим ростом и ориентацией на безграничный рост производства и потребления*. Движущей силой прогресса в индустриальном обществе выступает, по Фурастье, *повышение производительности труда, вызываемое техникой*. При этом автор подчеркивает второстепенную роль политических, юридических, моральных факторов. Категория цивилизации в настоящее время имеет многозначное смысловое содержание. Выделим основные ее экспликации. Изначально понятие цивилизации обозначало стадию в развитии человечества, в противоположность эпохе дикости и варварства характеризующуюся существованием общественных классов и государства. В данном смысле термин фиксировал *единство человечества* (со своим мировым хозяйством, энергетическим базисом, культурой, социальным устроением, техникой), противостоящего природе.

Великий князь Москвы и первый царь России Иван грозный короновался только государем «всея Руси», но отнюдь не как римский и греческий кесарь. О чем Иван IV неоднократно заявлял. Р. Пиккио пишет: «Осуществленные Иваном Грозным перемены создали предпосылки для отхода русской жизни от древних норм закона Славия Ортохдокса. Зависимость церкви от государства, превалирование дворянства, административная реорганизация и интенсификация международных экономических отношений… настолько нарушили традиционное внутреннее равновесие русского общества, что по многим аспектам в XVI в. завершается средневековье, длившееся с эпохи Киева и до эпохи Москвы» [10, с. 241].

На сегодняшний день присутствует упорное причисление идеологии «Третьего Рима» к имперской в разный вид источниках и философской литературы. Однако проблема не в том, что имперское и третье-римское абсолютно антагонистичны, они различны по своей генетической системе координат.

Результаты

В дореволюционной России не было четкого понимания и анализа формально происходит размежевание в византийском обществе на два противоборствующих лагеря: патриотов и технократов. По их мысли– современную православную ойкумену славян и греков по военно-политическим и хозяйственно-экономическим причинм вновь постигла трагедия раскола в обществе.

В XXI веке происходит возрождение исконно российской духовности – духовности, основанной на традициях Руси, на духовности православия, на принятии и уважении других социальных традиций Евразии. Дискуссия была эмоциональной и аргументы далеко не всегда убедительны. Таким образом, именно патриоты-славянофилы хранили традицию творческого изображения в культуре и ценили его положительную нравственно– созидательную роль.

Византийское и древнерусское духовное наследие оказалось важным консолидирующим и назидательным фактором российского социально-философского дискурса философии политики и философии хозяйства. В качестве примера физического утверждения независимости россиян. Многие российские философы философ приводили примеры стойкости морального быта и воинской выдержки к выполнению какого-либо созидательного труда. К физическому самоутверждению относит аскетические подвиги святых–посты, голод и холод, усмирение плоти, столпничество.

Нередко физическое и духовное смоутверждение человека и общества в социально-исторической практики Руси и России заключает в себе и принуждение психическое, физическая травма часто влечет за собой и травму психологическую.

Таким образом, философы выделяет следующие виды духовного «праксиса» россиян: «*самопонуждение, самопринуждение, психическое понуждение, физическое понуждение* и *пресечение*» [5, с. 145]. Внешняя сила может лишь ограничить внешние проявления человеческих чувств и желаний. Полностью переродиться, превратиться из человека плотского в человека духовного, человек может только под

воздействием высшей духовной силы. Указанная позиция соответствовала духовным доминантам социально-исторической парадигмы общественной практики, утверждавшейся в российской социально-политической философии.

Литература

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика/ Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова М.: Нов. Лит. Обозрение, 2014. – 328 с.

2. См.: Гуревич А.Я. Теория формации и реальность истории // Вопросы философии. – 1990. –№ 11– С. 31–43.

3. Дворкин Н.И. Научно-техническая революция и несостоятельность буржуазных экономических теорий/ Н.И. Дворкин / Научно-техническая революция и кризис современной буржуазной идеологии: сб. ст. – М.: Наука,1976. – С. 56–57.

4. Евлампиев И.И. Посюсторонняя религиозность Ф. Достоевского и Ф. Ницше (К вопросу о религиозном содержании неклассической философии) // Вопросы философии. – № 7, 2013. – С. 121–132

5. Ильин, И. А. О сопротивлении злу силою / И.А. Ильин // Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 5. – Москва: Русская книга, 1996. – 220 с.

6. Курбатов Г.Л. История Византии. – М.: Высшая школа, 1984. – 205 с.

7. Леонтьев К.Н. Византинизм и славянство/ Предисл. И. Ковыневой. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 280 с.

8. Острогорский Г.А. История Византийского государства / Пер с нем.: М.В. Грацианский, ред. П.В. Кузенков. – М.: Сибирская Благозвонница, 2011. – 895 с.

9. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.

10. Писарев А. Историческая русская государственность и идея «Третьего Рима»// Вопросы философии. № 2, 2006, С. 67–141.

11. Пиккио Р. История древнерусской литературы. Рикардо Пиккио; [Пер. И.В. Дергачевой и др.]. – Москва: Кругъ, 2002. – 350 с.

12. Попов А.А. Институциональные параметры информационного общества (технологический, научный, социальный, антропологический). Автореф. дисс…канд.филос.наук. Чебоксары,2007.

13. Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации»/ Г.М. Тавризян. М.: РОССПЭН, 2009. – 216 с.

14. Удальцова З.В. Византийская культура. Отв. Е.В. Гутнова. – М.: Наука, 1988.-288 с.

15. Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. – СПб.: Алетейя, 2009. – 206 с., С. 143.

16. Человек на Балканах и процессы модернизации. –СПб.: Алетейя, 2004. – 192 с.

17. Шапошников Л.Е. Философско-педагогические концепции в отечественной мысли XVIII–XXI веков. – СПб.: Изд-во РХГА, 2022. – 406 с.

18. Winner L. Autonomous Technology. Technics-out-of-Control as a Theme in Political Thought. Cambridge, Mass., 1977. p.75.

THE IMPERIAL WAY OF ECONOMIC MORALITY AND RELIGIOUS ARCHITECTURE IN THE BYZANTINE AND RUSSIAN TRADITIONS: A SOCIO-PHILOSOPHICAL CONTEXT

Zakharov A.V., Kidyamkin A.A.
National Research University Ogarev Mordovian State University

Initially, the concept of civilization in social philosophy denoted a stage in the development of mankind, in contrast to the era of savagery and barbarism, characterized by the existence of social classes and the state. In the conditions when in 1453. Constantinople fell and the Byzantine Empire ceased to exist; in the specifics of the development of Orthodox civilization, the Moscow state made no efforts to accept the Byzantine inheritance, since the latter was of a worldwide nature. Goal. The historical mission of Byzantinism was primarily expressed in cultural influences on the peoples of southeastern Europe, on Bulgarians, Serbs, Romanians and Russians, as well as on Armenians and Georgians in Asia. All these peoples not only accepted Christian enlightenment from her, the fruits of mental productivity, but also took samples from her in their internal structure. Materials and methods: as a theoretical and methodological research strategy, a comprehensive analysis of the practical feasibility of the potential of spiritual values of society has been carried out, including an analysis of the real problems and prospects of the spiritual life of Byzantine society, a comprehensive review of scientific research in this area, as well as a statistical analysis of public opinion indicators of the population of Russia and its regions on spiritual values. The results of the study: the considered model of understanding that Russia, due to circumstances, found itself on the periphery not only of the West, but even of the "Orthodox world" close to it, the center of which was Byzantium, and for centuries isolationist measures were taken against the Russian statehood itself and even its religious tradition, both in the country and abroad this strengthened conservative religious values and the mobilization position of the state in society. For Russia, the beginning of statehood was primarily associated with Orthodox spiritual values. The spiritual values of the religion of Orthodoxy are illuminated by the deep meaning of divine humanity, which constitutes the generic divine nature of man. Discussion and conclusions: the expected effect of the actual understanding of the processes may be the components of the system of spiritual and moral values in their interrelation, the mechanisms and models of its implementation in each of them with the interrelation of traditions and innovations. When building a pyramid of values model, scientific sources and concepts such as the theory of sustainable development, futurology, and axiological concepts are analyzed.

Keywords: Russian spiritual tradition, Byzantine heritage, philosophy of economy, logic of state-political traditions, conventionalist and separatist models of state-church relations

References

1 Assman A. The long shadow of the past: memorial culture and historical politics/ Aleida Assman; translated from German. Boris Khlebnikov M.: New Lit. Review, 2014. – 328 p.

2. See: Gurevich A. Ya. Theory of formation and the reality of history // Questions of philosophy. 1990.No. 11, pp. 31–43.

3. Dvorkin N.I. Scientific and technical revolution and the failure of bourgeois economic theories/ N.I. Dvorkin / Scientific and technical revolution and the crisis of modern bourgeois ideology: collection of articles – M.: Nauka, 1976. – pp.56–57.

4. Evlampiev I.I. The worldly religiosity of F. Dostoevsky and F. Nietzsche (On the religious content of Nonclassical philosophy) // Questions of Philosophy. – No. 7, 2013. – pp.121–132

5. Ivanov E.Y. Information in economics: a theoretical aspect. The abstract. Dissertation of the Candidate of Economic Sciences. Novosibirsk, 2000.

6. Kurbatov G.L. The History of Byzantium. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1984. 205 p.

7. Leontiev K.N. Byzantinism and Slavism/ Preface by I. Kovyneva. Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2010. 280 p.

8. Ostrogorskiy G.A. The History of the Byzantine State.: M.V. Graziansky, ed. by P.V. Kuzenkov. – M.: Sibirskaya Blagozvonnitsa, 2011. – 895 p.

9. Panarin A.S. Orthodox civilization in the global world. – M.: Algorithm, 2002. – 496 p.

10. Pisarev A. Historical Russian statehood and the idea of the "Third Rome"// Questions of Philosophy. No. 2, 2006, pp. 67–141.

11. Picchio R. The history of ancient Russian literature. Ricardo Picchio; [Translated by I.V. Dergacheva and others]. Moscow: Krug, 2002. 350 p.

12. Popov A.A. Institutional parameters of the information society (technological, scientific, social, anthropological). The abstract. Dissertation of the Candidate of Philos. sciences. Cheboksary, 2007.

13. Tavrizyan G.M. Philosophers of the twentieth century about technology and "technical civilization"/ G.M. Tavrizyan. Moscow: 2009 ROSSPEN, 216 p.

14. Udaltsova Z.V. Byzantine culture. Ed. E.V. Gutnova, Moscow: Nauka Publ., 1988, 288 p.

15. Khvostova K.V. The Byzantine civilization as a historical paradigm. St. Petersburg: Aleteya, 2009. 206 p., p. 143.

16. Man in the Balkans and the processes of modernization. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2004. 192 p.

17. Shaposhnikov L.E. Philosophical and pedagogical thoughts in the concept of the Russian XVIII–XXI centuries. – St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts, 2022. – 406 p.

18. Winner L. Autonomous technologies. Uncontrolled technology as a topic of political thought. Cambridge, Massachusetts, 1977. p. 75.

Две генеалогии исповеди: дисциплинарная власть и диалогическое становление субъекта

Киршин Владислав Анатольевич,
аспирант Центра практической философии «Стасис»
в Европейском Университете в Санкт-Петербурге
E-mail: v.kirshin@eu.spb.ru

В статье представлен анализ понятия «исповедь», направленный на преодоление его редукционистской трактовки в рамках современных критических теорий. В противовес генеалогии исповедальной практики, идущей от Мишеля Фуко и рассматривающей исповедь как дисциплинарную технологию власти-знания, предложена альтернативная, укорененная в христианской мысли от Тертуллиана до Августина. Центральный тезис работы заключается в том, что дисциплинарная модель, несмотря на свою эвристическую ценность, упускает из виду диалогическое и онтологическое измерения исповеди. Через лексико-семантический и историко-философский анализ продемонстрировано, как в ходе развития исповедь трансформируется из публично-юридического акта примирения с общиной в глубоко личную практику самоидентификации. Она перестает быть исключительно механизмом подчинения и становится диалогическим актом, в котором субъект через нарратив, обращенный к Другому, обретает и пересобирает собственную идентичность. В противовес идее о производстве истины в рамках концепции власть-знание, автор утверждает, что в основе исповеди лежит акт доверия, свидетельства и онтологического преображения.

Ключевые слова: самоидентификация, исповедь, Другой, свидетельство, власть-знание, Мишель Фуко, Джорджо Агамбен, Поль Рикёр

Введение

Античная паррессия и раннехристианская и средневековая исповедь сопоставляются как нарративы, которые являлись центральными способами выражения идентичности, признаваемыми другими. В то же время современные практики самоидентификации не имеют устоявшегося терминологического обозначения, что делает их анализ затруднительным.

Несмотря на то, что термин «исповедь» чрезвычайно часто встречается в современных философских работах (Джорджо Агамбен [1], Жак Деррида [2], Жан-Люк Марион [3], Михаил Бахтин [4], Мишель Фуко [5], Поль Рикёр [6] и др.), постоянное обращение к термину «исповедь» среди исследователей требует тщательного анализа способа его применения. По мнению Мишеля Фуко, современное общество исповедально [7, 178], а производство истины через исповедь неразрывно связано с властью-знанием, и именно истина является механизмом, благодаря которому человек становится участником права и истины. Однако в такой интерпретации термин «исповедь» является одновременно связыванием и разрыванием полисемии, определением и разделением изначального смысла. С одной стороны, возникают разрывы между различными значениями данного термина в теории, а, с другой стороны, происходит связывание значений в языковую общность, поскольку создается иллюзия, что термин отсылает к единому, универсальному для всех контекстов явлению.

Мы подвергнем анализу полисемию «исповеди» [8, 10; 16]: 1) активизируя процесс деривации в отношении слова через концентрацию и развертывание полисемии, 2) выявляя напряжение между разными значениями термина. Тем самым, как и французский философ, мы перейдём от лексикографической семантики к семантике философской, а далее преодолеем порог константного смысла термина «исповедь». Затем мы обратимся к генеалогии самой практики исповеди в работах ключевых христианских мыслителей – от Тертуллиана до Августина, – чтобы показать, как в ней изначально закладывались не только механизмы дисциплины, но и практики самоидентификации через диалог с Другим. Это позволит предложить альтернативную модель понимания исповеди, уравновешивающую ее властное и освобождающее измерения.

Исповедь между подчинением и самостью: постановка проблемы

Следуя за анализом исповеди как технологии власти-знания у М. Фуко и развивая его концепцию до онтологического уровня, Дж. Агамбен рассматривает диспозитивы, включая язык, как механизмы подчинения, осуществляющие различные формы субъективации [9]. Религиозно-философская традиция, восходящая к устройству древней Церкви, трактует исповедь как некий акт освобождения через временное подчинение: «второе крещение» [10, 331], «врачевание души» [11, 108]. В обеих традициях есть диалектика свободы и подчинения, но она работает по-разному. В одном случае – это встраивание в нормализующую систему власти-знания, в другом – аскетическое самоотречение ради трансцендентной цели, в итоге приводящее к самоосвобождению. Однако более точное различие между двумя путями рефлексии над термином «исповедь» заключается в том, как практика самоидентификации сочетается со способностями человека.

Определяющими способностями человека, по мнению П. Рикёра, являются «я могу» говорить, действовать, рассказать о себе, «быть вменяемым» [8]. Мотив «я могу» П. Рикёр называет «аналогией действия» [8], в котором решение и желание являются основополагающими для действия человека. Говорить – означает самообозначать себя в разговоре, сочетая рефлексию о себе с инаковостью. Для Дж. Агамбена язык – это аппарат, который захватывает и отчуждает чистую жизнь (zoe) [9]. Для Рикёра же язык – это условие возможности самости (ipse) и действия. Именно через речь и рассказ (narration) субъект конституирует себя во времени, обретает идентичность. Язык, по П. Рикёру, не отчуждает, а созидает личность. Действовать – означает «вызывать события в физическом и социальном окружении» [8, 94], причём П. Рикёр снова делает акцент на активном субъекте. Самопонимание себя как «причины» ведёт к понимаю того, что действие приписывается деятелю, то есть последний подчиняет себе первое. В этом смысле способность «деятеля обозначать себя как того, кто действует или совершил действие» [8, 96] связывает воедино «что»,

«как» с «кто». Субъект как хозяин своих действий обладает не только правом обозначать себя, но и рассказывать о себе. Наконец, последняя способность, без которой не может быть полноценной самоидентификации, – это способность быть вменяемым. Это означает «быть субъектом действия, рассматривать самого себя в качестве автора собственных поступков» [12, 15–16]. Способность быть подлинным «Я» обусловлена вытекающим комплексом вопросов, которые П. Рикёр связывает с самоидентичностью, самостью, самопризнанием, самооценкой, самоуважением, взаимодействием «Я» и Другого, совестью, обязательствами, ответственностью и др.

Вместе с этим возникает вопрос, что такое исповедь не как диспозитив? Как уже было упомянуто выше, полисемия термина «исповедь» затрудняет анализ стоящего за ним феномена. В то время как генеалогия Фуко вскрывает механизмы подчинения, заложенные в исповедальной практике, феноменологический подход, опирающийся на философию П. Рикёра, позволяет рассмотреть исповедь с другой стороны – как акт утверждения «способного человека», как практику конституирования самости через речь и вменяемость. Наша цель – не отменить первую перспективу, а уравновесить ее второй, восстановив феноменологическую сложность исповеди. Для это необходимо сначала проанализировать сам термин «исповедь» в его лексической полноте.

Семантическое поле термина «исповедь» и его редукция в критической теории

Анализ современного употребления термина «исповедь» обнаруживает его семантическую неоднозначность. Чтобы раскрыть его концептуальное содержание, необходимо провести лексико-семантический анализ, обращаясь к ключевому этапу формирования этого понятия в культуре.

Четвёртый Латеранский собор (1215 г.) установил в качестве наказания за нарушение тайны исповеди низложение с должности и отправку в монастырь на пожизненное покаяние. Начиная с Фомы Аквинского, этот принцип получает философское обоснование, превращая исповедь в то, что должно быть защищено от внешнего, в частности от профанного [13, 83; 14, 245]. Однако в современном общекультурном употреблении, как его фиксируют словари, эта историческая глубина часто упускается. Как правило, указывают два основных значения: 1) обряд покаяния в грехах, 2) откровенное признание в чём-либо.

Общеупотребительное значение термина «исповедь» в большей степени выражено в «Русском семантическом словаре» (1998). Авторы указывают, что исповедь – это «речевой акт, характеризуемый содержательно» и раскрывают поле его семантических значений. Исповедь может означать: «1) излияние. Откровенное и многословное признание, выражение чувств. 2) исповедь. Откровенное признание в чём-н., рассказ о чём-н. сокровенном. 3) откровение. Откровенное признание. 4) откровенность. Чистосердечное, искреннее признание. Излишние откровенности. Откровенность за откровенность (об обмене прямыми, нелицеприятными словами). 5) покаяние. Добровольное признание в совершённом проступке, в ошибке. 6) признание. Откровенное сообщение о своих действиях, поступках» [15, 297].

Начиная с исповеди как излияния до исповеди как признания в языке проходит сложный процесс трансформации смысла от раскрытия интимного Другому до согласия с Другим. Причем излияние как внутренний импульс, направленный на то, чтобы человек был услышанным и принятым, связан с риском. Однако исповедь как практика самоидентификации связана с доверием и имеет крепкую семантическую связь с откровением, откровенностью, покаянием, признанием. Только на уровне доверия исповедь может предполагает облегчение души перед Другим.

Из всего семантического ряда излияние как исповедальная практика, характеризуемая риском, в наибольшей степени соответствует характеристике исповедального общества в интерпретации М. Фуко, где главенствует асимметрия власти-знания.

Ольга Александровна Седакова раскрывает богословско-этимологическую глубину «исповеди». В «Словаре трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы» [16, 148] термин связан с глаголом «исповедание»: 1) прославление, 2) открытое признание, свидетельство. В этом контексте термин указывает на активное действие со стороны человека в виде речевого акта в отношении Бога, как адресата сообщения. Также этот термин связывается с глаголами «исповедовать» 1) славить, 2) открыто признавать, свидетельство и «исповедоваться» 1) славить, возвещать славу, 2) открывать, признавать. Семантика данных слов совпадает лишь в первом значении прославление/славить, но остальные значения показывают несовпадение диапазонов значений. «Исповедание» во втором значении включает связку между открытым признанием и свидетельством. Первое – это практика честности с собой, вынесенная вовне. Второе – это практика служения истине, внешней по отношению к себе. Различие между интроспективным актом признания и экстраспективным актом свидетельства снимается в христианской практике исповеди, где они диалектически сливаются. Когда верующий свидетельствует о своих грехах (внешнее событие), он одновременно признается в своем внутреннем состоянии – раскаянии. Ключевой момент здесь не в простом разглашении факта, а в перформативном акте, который должен изменить реальность. Таким образом, связь признания и свидетельства в том, что свидетельство о факте становится инструментом признания Другого (Бога), что, в свою очередь, запускает механизм трансформации субъекта через прощение и покаяние. Именно этот сложный механизм, а не простое облегчение души, и упускается при сведении исповеди к схеме власть-знание. Семантическая сложность термина «исповедь» не может быть объяснена исключительно в рамках синхронного анализа. Фокусировка исключительно на отношениях власти-знания оставляет без внимания другие фундаментальные аспекты исповеди, такие как свидетельство, прославление и акт личного доверия.

Лексический анализ термина «исповедь» показывает его лексико-семантическую неоднозначность. Теперь необходимо совершить «археологическое» погружение и выяснить, откуда берутся значения – прославление, свидетельство, врачевание, примирение – которые умалчиваются в дисциплинарной модели. Следовательно, для построения более полной картины феномена необходимо дополнить генеалогический подход анализом этих неучтенных измерений.

Исповедь как практика самоидентификации: онтологические основания, другая генеалогия практики, возникновение саморефлексии

I. Если дохристианская традиция рассматривала практику самоидентификации в форме парресии, которая была преимущественно публично-политическим актом, реализуемым только между людьми, действовала в рамках демократического государства и была отграничена от божественной истины [17, 222], то в иудаизме и христианстве не столько отменяется, сколько трансформируется и переориентируется античная практика, смещаясь из полиса во внутреннее пространство. Человек обрёл возможность свидетельствовать о себе перед Богом в силу совершенно иных условий. Ключевым для понимания этой трансформации является само новозаветное словоупотребление: для описания нового типа отношений с Богом апостол Павел использует тот же самый греческий термин парресия, «имея дерзновение (παρρησία) входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым» [Евр.: 10. 19]. В то время как парресия делает акцент на побуждении, праве, даре, состоянии, качестве, возможности, долге, то отличительными чертами христианской практики самоидентификации, как отмечает Виллем Ворстер, являются: открытость, неограниченность, публичность, дерзновение, свобода, неосужденность [18, 54]. Так возникает открытое столкновение автономности субъекта и зависимости от внешних установок.

Ключевым для понимания практики самоидентификации в христианской традиции является концепция Троичного Бога. Христианское мировоззрение, в основе которого лежит идея приближения к Богу, по-новому определяет место человека в бытии. В этой системе человек и Бог четко разграничены, при этом сам Бог обладает онтологической реальностью как абсолютная Личность, проявленная в Троице.

Практика самоидентификации не может быть молчаливой интроспекцией. Она требует перформативного акта, исповеди – реализации своей личностной структуры через выход к Другому. Именно эта рамка позволяет читать генеалогию исповеди не как смену дисциплинарных режимов, а как постепенное углубление диалогической структуры самоидентификации. Тертуллиан, Ориген, Амвросий и Августин представляют не просто исторические этапы, а четыре различных ответа на один вопрос: кто такой Другой, перед которым субъект себя конституирует, и что с субъектом при этом происходит?

Таким образом, христианский персонализм, неразрывно связанный с апофатическим богословием (признанием непостижимости Божественной сущности), утверждается на двух столпах: вере в Бога как реально существующую Личность и на строгом онтологическом разделении между Творцом и творением, что не позволяет отождествлять Бога с миром. Именно эта рамка и задает уникальные условия для исповеди как практики самоидентификации.

II. Генеалогия исповеди от Тертуллиана до Августина обнаруживает направленное движение: от внешнего, публично-юридического акта примирения с общиной к внутреннему, диалогическому акту онтологической самоконституции через Другого. Именно это движение упускается дисциплинарной моделью М. Фуко: редуцируя исповедь к отношению власти-знания, она последовательно выбирает один

аспект на каждом историческом этапе. Чтобы показать, как исповедь становится практикой самоидентификации, необходимо проследить, как меняется сама фигура Другого от церковной общины как юридической инстанции до абсолютной Личности, перед которой возможно только полное самораскрытие, и как вместе с этим меняется субъект, к ней обращающийся. Тертуллиан заложил основу для западного учения о покаянии. У апологета исповедь определяется через понятие exomologesis (публичное покаяние), которое человек приносил всей церковной общине. Принципиальное значение приобретает характер правильного выбора, который в противоположность античной мысли о судьбе, зависит от свободы человека. Публичное исповедание было драматическим, публичным и телесным ритуалом, который возник как противоположность дохристианским практикам.

В связи с дисциплинарностью ответственность человека за грех состоит в покаянии (в которую входит исповедь), которое разделено на три составляющие: 1) публичность и уничижение, 2) телесность акта, 3) исповедь один раз в жизни. Для Тертуллиана exomologesis – это дисциплинарно-перформативное действие, которое объединяет тело и душу в покаянии, поскольку он настаивает, что покаяние должно приноситься «не только в совести, но исполняться также и через некое действие» [10, 316], через которое изменяется не только внутреннее состояние человека, но и объективный статус его отношений с Богом и общиной. Наконец, исповедь как практика могла быть осуществлена только один раз в жизни. Тертуллиан использует метафору «второго крещения» и разбитого корабля, чтобы показать, что можно получить прощение только один раз, что усиливало экзистенциальную серьезность упомянутого выше выбора.

В этом акте участвуют говорящий и аудитория (община во главе с епископом). Для первого – исповедь означает уничижение, освобождение от греха и принятие наказания для восстановления своего статуса как члена Церкви, а для второй– назидание и подтверждение образца поведения. Речь идёт не о контроле над паствой со стороны епископа и икономии как особого управления жизнью людей, а об основании обладать правом быть христианином и участвовать в Таинствах. Через отношения с церковной общиной человек также проходит процесс примирения с Богом. В этом смысле цель исповеди по Тертуллиану была гораздо более конкретной и юридической, чем у Амвросия и Августина: нужно умилостивить Бога через публичное унижение перед общиной, продемонстрировать полное раскаяние и добиться прощения (в равной степени и перед церковной общиной), чтобы избежать вечного осуждения. В этой ситуации Церковь выступает как инстанция, уполномоченная Богом, и примирение с ней есть необходимое условие для примирения с Богом. Грех – это не только личная вина, но и преступление, нарушающее порядок общины и завет с Богом. Этот юридический аспект и отличает его подход от более позднего, сакраментально-терапевтического. Обобщая выше сказанное, исповедь у Тертуллиана была не самопризнанием, а практикой примирения с церковной общиной и Богом.

Другую линию, отличную от юридически-ориентированного мира Тертуллиана, представляет Ориген. Последний совершает принципиальный сдвиг. Другой становится непосредственно Богом, а священник лишь посредником-врачом, но не инстанцией примирения. Вместе с этим меняется и субъект, который перестаёт быть нарушителем, восстанавливающим свой статус, и становится больным, который сам несёт ответственность за обращение к врачу. Самоидентификация здесь не публичное уничижение, а акт самопознания как условие исцеления. Ориген вводит врачебную метафору, создавая отношение между больным (грешником) и врачом (священником). Принципиальное значение состоит в том, что именно больной должен обратиться к врачу, что сопоставимо с практикой самоидентификации.

Как указывает Анна Грюнерт, Ориген оставался в русле античной риторики, откуда и приходит медицинская метафорика Платона, стоиков, скептиков, эпикурейцев [19, 67]. Исповедь как практика самоидентификации и исцеления от греха у Оригена укладывается в схему: обращение к врачу – процесс лечения – исцеление [19, 68]. Если у Тертуллиана основой взаимодействия было обвинение и последующее прощение, восстанавливающее отношения с церковной общиной и Богом, то у Оригена принципиальное значение занимает доверие как принцип общения внутри Церкви: «Исповедующемуся (τὸν ἐξομολογούμενον) нужно прежде всего исповедоваться (ἐξομολογεῖσθαι) Богу. Но если ты не отчаялся в том, что в Церкви есть врачи (ἰατρούς), которым ты показал свои раны (τὰ τραύματα), ты будешь исцелён. Не медли рассказать о своих грехах и раскрыть стыд своей страдающей души врачам (ἰατροῖς); причём эти врачи– благие епископы, а также благие и избранные пресвитеры, хорошо умеющие лечить исповедующегося» [19, 64]. Ориген делает акцент на двух аспектах исповеди, которые можно трактовать как аспекты самоидентификации: познании своей субстанции (ответ на вопрос, что она из себя представляет) и своих аффектах (ответ на вопрос о движении). Для этого необходим Другой, а исповедь понимается как практика обращения к Другому, значение которого как раз и заключается во врачевании. Хотя священник как врач обладает авторитетом и знанием, ответственность за выздоровление лежит на самом согрешившем: человек идентифицирует себя как грешника, после чего уже проходит курс лечения. При этом важно обозначить, что для Оригена, с его сильной платонической установкой, грех – это прежде всего невежество и болезнь души. Поэтому и практика исцеления – это в первую очередь познание (гнозис) и воспитание (пайдейя). Исповедь как отказ от греха не лишает самости, автономности, а, наоборот, усиливает её.

Также для становления исповеди как практики самоидентификации важны работы Амвросия Медиоланского, который объединил идеи Оригена и Тертуллиана. И хотя Амвросий и Тертуллиан сходятся в понимании исповеди как дисциплинарно-перформативного действия, главная задача которого восстановить отношения человека с церковной общиной и Богом, Амвросий всё же смещает акцент в понимании исповеди с драматического действия на вербальное признание. В двух книгах «О покаянии» предлагается возможность многократной практики исповеди, хотя всё ещё регулируемой со стороны Церкви. Последнее связывается с концепцией Божественной власти, от лица которой действует Церковь. Ссылаясь на Евангелие от Иоанна, Амвросий делает акцент на власти Церкви прощать грехи, формулируя ее как доказательство и реализацию божественной власти [20, 46–47]. «Власть ключей» – священное право священников отдавать распоряжение (главным образом, исповедовать, отпускать грехи и налагать епитимии) – связывается с исповедью, как необходимым условием прощения в загробном мире. Для Амвросия значимым компонентом человека является постоянное покаянное настроение души, которое уже имплицитно утверждает право человека на самоидентификацию.

Кроме этого, понимание фигуры Иисуса Христа как дарителя божественной истины вполне сопоставимо с идеей Оригена о врачевании души [19, 65]. Амвросий выводит гносеологический аспект исповеди, поскольку она приобретает форму практики, направленную внутрь человека. Исповедь может пониматься как провозглашение истины о самом себе. Амвросий вкладывает в термин confessio два значения: исповедание грехов и исповедание веры и величия Бога. Амвросий анализирует контрпример человека, который не самоидентифицировался вследствие отсутствия Бога как Другого, отличного от церковной общины и необходимого для данной практики: «Есть некоторые – я точно знаю одного такого, который, когда мы ему говорили: «В твоем возрасте ты должен поскорее креститься», он отвечал: «Зачем мне креститься? У меня нет греха. Разве я совершил грех?» Он не имел грязи, потому что Христос не помазал его, то есть не открыл ему глаза. Ведь нет человека без греха» [21, 217]. Таким образом, несмотря на сохранение церковной дисциплины, управляемой священством, Амвросий переосмысляет отношения человека и Бога и формирует понимание исповеди как практики самоидентификации через добровольное переосмысление своих недостатков. В этом смысле исповедь выступает как соединение частного и общественного, как практика, обладающая имманентным свойством утверждения истины о себе. Несмотря на неравное положение кающегося и Бога, самоидентификация человека как грешника становится возможной только в свете божественной истины, открывающей человеку глаза на самого себя. Исповедующийся человек обладает неограниченным правом идентифицировать себя, как угодно, однако с тем условием, что всё же главной целью исповеди будет достижение христианской чистоты.

Если движение от Тертуллиана к Амвросию – это движение от общины к личному Богу и от однократного акта к длящейся практике, то Августин доводит оба вектора до логического предела. Другой у него – абсолютная Личность, которая уже знает всё прежде всякого признания. Это онтологически меняет смысл исповеди: если Богу не нужно сообщать информацию, то исповедь совершается не ради Него, а ради самого субъекта. Говорение о себе перед всезнающим Другим становится актом, в котором субъект по-настоящему узнаёт себя.

Августин рассматривает термин «исповедь» (confessio) одновременно в трёх значениях: Confessio peccatorum (исповедь грехов), Confessio fidei (исповедь веры), Confessio laudis (исповедь хвалы). Здесь происходит антропологический поворот исповеди: она перестает быть исключительно дисциплинарной процедурой и становится способом выстраивания собственной идентичности. Через акт говорения о себе Богу человек не просто сообщает о своих проступках, но впервые по-настоящему узнает себя. Память становится тем пространством, где он «собирает себя», прослеживая пути Божественного провидения в собственной жизни.

Исповедь у Августина приобретает герменевтический характер, поскольку представляет собой интерпретацию собственной жизни в свете Божественной истины. Человек не просто подчиняется власти, требующей признания, – а активно творит и пересобирает свою самость через нарратив, адресованный Другому, который уже знает всё, но чьё присутствие делает это говорение актом онтологического преображения. В этой диалогической структуре, где человек идентифицирует себя, чтобы понять себя, рождается та форма европейской субъективности, которая станет предметом анализа для философов от Рене Декарта до М. Фуко. Исповедь становится не просто «техникой себя», но фундаментальным актом обретения бытия через слово, обращенное к его Источнику.

Таким образом, прослеженная генеалогия обнаруживает не смену дисциплинарных режимов, а последовательное углубление одной структуры: диалога с Другим как условия самоконституции субъекта. Другой трансформируется от общины (Тертуллиан) через врача-посредника (Ориген) и автономную божественную инстанцию (Амвросий) к абсолютной Личности, само присутствие которой делает говорение онтологически действенным (Августин). Субъект при этом проходит путь от нарушителя, восстанавливающего статус, – через больного, идентифицирующего себя как грешника ради исцеления, – к тому, кто через нарратив, обращённый к Другому, пересобирает собственную идентичность. Дисциплинарная модель описывает реальное измерение исповеди, но принимает его за исчерпывающее – тогда как оно оказывается лишь одним слоем многоуровневой практики.

Заключение

Проделанный анализ позволил раскрыть его как сложное, многоуровневое явление, чья суть оказывается несводимой к современному, по большей части утилитарному пониманию «признания в грехах». Историко-философское исследование показало, что эта многозначность – не случайность языка, а отражение глубинных трансформаций в понимании человека, истины и самосознания в западной культуре.

Исповедь в своей основе является не столько методом дисциплины в контексте знания-власти, сколько технологией бытия. Исповедь – не человеческое желание быть услышанным (быть идентифицируемым или обнаруженным), а желание выразить свою самость – то, что отличает нас от других. В истинном исповедальном обществе категория греха во многих аспектах ликвидируется, а не подстраивается под «норму», поскольку добровольная исповедь как практика самоидентификации связана, как показано выше, с откровением, откровенностью, показанием, признанием. Изначальный смысл исповеди был связан с семантическим рядом, который был необходим для движения человека к Богу. Исповедь – это диалогический и реляционный акт самоидентификации, в котором субъект, раскрывая себя перед Другим через свидетельство и доверие, не просто подчиняется «норме», но утверждает и обретает свою самость. Исповедь – это практика, в которой этический выбор (признание) и онтологический акт (становление) неразрывно связаны. Она демонстрирует, что подлинное самопознание невозможно в изоляции; оно требует Другого как свидетеля и гаранта обретаемой истины о себе.

Литература

1. Агамбен, Дж. Opus Dei. Археология службы (Homo sacer, II, 5) / пер. с итал. С. Ермакова; под науч. ред. Д. Раскова, А. Погребняка (при участии Г. Лайуса). – М. – СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2022. – 280 с.

2. Derrida, J. (2005). Composing “Circumfession.” In J.D. Caputo & M.J. Scanlon (Eds.), Augustine and postmodernism: Confessions and circumfession (Pp. 19–28.). Indiana University Press.

3. Марион, Ж.-Л. Эго, или Наделенный собой / пер. с франц. А. Черноглазова. – М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Пангломс», 2019. – 159 с. – (Серия «Фигуры Философии»).

4. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества /Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова.–2-е изд. – М.: Искусство, 1986.–445 с.

5. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М., Касталь, 1996. – 448 с.

6. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с. – (Философские технологии).

7. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – 384 с. – (Серия «Новая наука политики»).

8. Рикёр, П. Путь признания. Три очерка / Пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 268 с. – (Книга света).

9. Агамбен, Дж. Что такое диспозитив? / Агамбен Дж. Что современно? [Электронный ресурс] URL: https://predanie.ru/book/218989-chto-sovremenno/ (дата обращения: 03.06.2025).

10. Тертуллиан. Избранные сочинения: Пер. с лат. /Общ. ред. и сост. А.А. Столярова – М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1994–448 с.

11. Ориген. Беседы I и II на Пс. 36. Часть 1 / перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии А. Грюнерт // Библия и христианская древность. – 2021. – № 3 (11). – С. 71–124.

12. Рикёр, П. Интерпретируя историю // Рикёр, П. История и истина / Пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 2002 г. – 400 с. – (серия «Gallicinium»).

13. Бандуровский, К.В. Фома Аквинский о тайне исповеди / К.В. Бандуровский // Verbum. – 2016. – № 18. – С. 81–91.

14. Tanner, N. P. (Ed.). (1990). Decrees of the ecumenical councils: Vol. 1. Nicaea I to Lateran V. Sheed & Ward; Georgetown University Press.

15. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН, Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2003. – Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением. – 720 с.

16. Седакова, О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославя-но-русские паронимы. – М.: Греко-латинский кабинет, 2008. – 432 с.

17. Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи. – М.: Ладомир, 2013. – 1072 с.

18. Vorster, W. S. (1971). The meaning of ΠΑΡΡΗΣΙΑ in the Epistle to the Hebrews. Neotestamentica, 5, 51–59.

19. Грюнерт, А. Медицинская метафора лечебницы в «Беседах» Эпиктета и «Беседах на псалмы» Оригена / А. Грюнерт // Аристей XXV, 2022,. – с. 51–70.

20. Амвросий Медиоланский. Две книги о покаянии / Пер. прот. Иоанна Харламова, вступ. ст. В.А. Никитина. (Серия «Учители неразделённой Церкви»). – М., Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла, 1997. – 205 с.

21. Амвросий Медиоланский. О таинствах / Амвросий Медиоланский, свт. Собрание творений: На латинском и русском языках. Т. I / Пер. с лат. Д.Е. Афиногенова, прот. А. Гриня, М.В. Герасимовой; Пер. со старослав. Ф.Б. Альбрехта. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. – 440 с.

TWO GENEALOGIES OF CONFESSION: DISCIPLINARY AUTHORITY AND THE DIALOGICAL FORMATION OF THE SUBJECT

Kirshin V.A.
European University at St. Petersburg

The article presents an analysis of the concept of “confession”, aimed at overcoming its reductionist interpretation in the framework of modern critical theories. In contrast to the genealogy of confessional practice that goes back to Michel Foucault and considers confession as a disciplinary technology of power-knowledge, an alternative one is proposed, rooted in Christian thought from Tertullian to Augustine. The central thesis of the paper is that the disciplinary model, despite its heuristic value, overlooks the dialogical and ontological dimensions of confession. Through lexical-semantic and historical-philosophical analysis, it is demonstrated how, in the course of development, confession is transformed from a public-legal act of reconciliation with the community into a deeply personal practice of self-identification. It ceases to be exclusively a mechanism of subordination and becomes a dialogical act in which the subject, through a narrative directed to Another, acquires and reassembles his own identity. In contrast to the idea of producing truth within the framework of the power-knowledge concept, the author asserts that confession is based on an act of trust, testimony, and ontological transformation.

Keywords: self-identification, confession, the Other, testimony, power-knowledge, Michel Foucault, Giorgio Agamben, Paul Ricœur

References

1. Agamben, G. (2022). Opus Dei. Arkheologiya sluzhby (Homo sacer, II, 5) [Opus Dei. An archaeology of duty (Homo sacer, II, 5)] (S. Ermakov, Trans.; D. Raskov & A. Pogrebnyak, Eds.). Izd-vo Instituta Gaydara; Fakul’tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU.

2. Derrida, J. (2005). Composing “Circumfession.” In J.D. Caputo & M.J. Scanlon (Eds.), Augustine and postmodernism: Confessions and circumfession (Pp. 19–28.). Indiana University Press.

3. Marion, J.-L. (2019). Ego, ili Nadelenniy soboy [Ego, or the gifted self] (A. Chernoglazov, Trans.). Gruppa kompaniy «RIPOL klassik» / «Pangloss».

4. Bakhtin, M. M. (1986). Estetika slovesnogo tvorchestva [The aesthetics of verbal art] (2nd ed.; S.G. Bocharov, Comp.). Iskusstvo.

5. Foucault, M. (1996). Volya k istine: Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual’nosti [The will to truth: Beyond knowledge, power, and sexuality]. Kastal’.

6. Ricoeur, P. (2008). Konflikt interpretatsiy: Ocherki o germenevtike [The conflict of interpretations: Essays in hermeneutics] (I.S. Vdovina, Trans.). Akademicheskiy Proekt.

7. Foucault, M. (2002). Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches, and interviews] (S.Ch. Ofertas, Trans.; V.P. Vizgin & B.M. Skuratov, Eds.). Praksis.

8. Ricoeur, P. (2010). Put' priznaniya: Tri ocherka [The course of recognition: Three essays] (I.I. Blauberg & I.S. Vdovina, Trans.). Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).

9. Agamben, G. (n.d.). Chto takoe dispozitiv? [What is a dispositive?]. In Chto sovremenno? [What is contemporary?]. Retrieved June 3, 2025, from https://predanie.ru/book/218989-chto-sovremenno/

10. Tertullian. (1994). Izbrannye sochineniya [Selected works] (A.A. Stolyarov, Ed. & Comp.). Izdatel'skaya gruppa «Progress», «Kul'tura».

11. Origen. (2021). Besedy I i II na Ps. 36. Chast' 1 [Homilies I and II on Ps. 36. Part 1] (A. Gryunert, Trans.). Bibliya i khristianskaya drevnost' [The Bible and Christian antiquity], 3(11), 71–124.

12. Ricoeur, P. (2002). Interpretiruya istoriyu [Interpreting history]. In Istoriya i istina [History and truth] (Pp. 400). Aleteyya.

13. Bandurovskiy, K. V. (2016). Foma Akvinskiy o tayne ispovedi [Thomas Aquinas on the secret of confession]. Verbum, 18, 81–91.

14. Tanner, N. P. (Ed.). (1990). Decrees of the ecumenical councils: Vol. 1. Nicaea I to Lateran V. Sheed & Ward; Georgetown University Press.

15. Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2003). Russkiy semanticheskiy slovar': T. 3. Imena sushchestvitel'nye s abstraktnym znacheniem [Russian semantic dictionary: Vol. 3. Nouns with abstract meaning]. Azbukovnik.

16. Sedakova, O. A. (2008). Slovar' trudnykh slov iz bogosluzheniya: Tserkovnoslavyano-russkie paronimy [Dictionary of difficult liturgical terms: Church Slavonic–Russian paronyms]. Greko-latinskiy kabinet.

17. Isokrat. (2013). Rechi. Pis'ma; Malye atticheskie oratory. Rechi [Speeches. Letters; Minor Attic orators. Speeches]. Ladomir.

18. Vorster, W. S. (1971). The meaning of ΠΑΡΡΗΣΙΑ in the Epistle to the Hebrews. Neotestamentica, 5, 51–59.

19. Gryunert, A. (2022). Meditsinskaya metafora lechebnitsy v «Besedakh» Epikteta i «Besedakh na psalmy» Origena [The medical metaphor of the infirmary in the Discourses of Epictetus and the Homilies on the Psalms of Origen]. Aristey, 25, 51–70.

20. Amvrosiy Mediolanskiy. (1997). Dve knigi o pokayanii [Two books on repentance] (Archpriest I. Kharlamov, Trans.). Uchebno-informatsionnyy ekumenicheskiy tsentr ap. Pavla.

21. Amvrosiy Mediolanskiy. (2012). O tainstvakh [On the mysteries]. In Sobranie tvoreniy: Na latinskom i russkom yazykakh: T. I [Collected works: In Latin and Russian: Vol. I] (D.E. Afinogenov, Archpriest A. Grin' & M.V. Gerasimova, Trans. from Lat.; F.B. Al'brekht, Trans. from Old Church Slavonic). Izd-vo PSTGU.

Творческий потенциал личности как условие самоорганизации мирового порядка: философско-управленческий анализ

Серегина Антонина Александровна,
доктор политических наук, доцент, доцент кафедры политической теории, МГИМО МИД России
E-mail: durdieva_a_a@my.mgimo.ru

Статья посвящена философско-управленческому анализу роли творческого потенциала личности в процессах самоорганизации мирового порядка. Цель – раскрыть механизм, посредством которого творческая способность человека становится функционально необходимым элементом глобальной динамики: по мере перехода международной системы к режиму самоорганизации нарастает частота точек бифуркации, в которых траектория порядка определяется не совокупной массой материальных ресурсов, а единичным нестандартным решением конкретного субъекта. Методология опирается на функционально-комплементарный синтез синергетики Г. Хакена, философии техники М. Хайдеггера, теории справедливости Дж. Ролза и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса – каждая раскрывает одно из четырёх измерений единого механизма: объективно-структурное, субъективно-антропологическое, институционально-распределительное и процедурное. Показано, что редукция человека к «функциональному ресурсу» блокирует способность к творчеству – единственному качеству, обеспечивающему прохождение точек структурного выбора. Сформулированы четыре операциональных управленческих принципа: функциональной дифференциации инструментария, приоритета творческой экосистемы, резервирования субъектности, функционального обоснования справедливости – с индикаторами эмпирической верификации. Результаты дают философское основание принципу многополярности в его структурно-функциональном прочтении.

Ключевые слова: самоорганизация мирового порядка, синергетика, философия управления, творческий потенциал, институциональная среда, международные отношения, многополярность, цифровая трансформация.

Введение

Вопрос о месте человека в общественном порядке стар, как сама политическая мысль, однако сегодня он обретает принципиально новое звучание. Мировая система переживает структурную трансформацию, суть которой не сводится к очередному перераспределению силовых полюсов или технологическому обновлению: международный порядок эволюционирует от доминирования управленческих вертикалей и программируемого порядка к режимам спонтанного структурообразования, в которых устойчивые конфигурации возникают благодаря взаимодействию множества автономных участников [1; 6; 11]. Этот сдвиг может быть охарактеризован как переход от организации к самоорганизации. Если на предыдущих этапах международной истории преобладала логика проектирования, то формирующаяся реальность всё более напоминает поведение сложных адаптивных систем, описанных в рамках синергетики и теории нелинейной динамики [5; 12]. Речь идёт не об отмене организации, а о формировании многорежимной управленческой реальности, в которой разные типы регулирования получают функциональный приоритет в зависимости от структурного состояния системы.

В центре этой эволюции стоит не технология и не институт, а человек – существо, способное к творчеству, смыслообразованию и свободному выбору. Творчество, понимаемое не как эстетическая привилегия, а как способ взаимодействия с неопределённостью, становится главным условием жизнеспособности сложных международных систем в моменты их структурного выбора [19; 20].

Проблема исследования состоит в следующем: директивно-иерархические механизмы управления, сохраняя эффективность в стационарных режимах международной динамики, обнаруживают структурные ограничения в предбифуркационных зонах – моментах, когда дальнейшая траектория глобальной системы определяется не статистической массой материальных взаимодействий и не заранее заданным алгоритмом, а единичным нестандартным решением конкретного субъекта. Речь идёт об их функциональной дифференциации: в зонах устойчивости они остаются оптимальными, а в зонах структурного выбора должны дополняться косвенными механизмами регулирования. При этом целостная философско-управленческая рамка, связывающая синергетическое понимание глобальной динамики, антропологическое обоснование роли творчества и принципы институционального устройства, обеспечивающего реализацию творческого потенциала, до настоящего времени отсутствует.

Цель настоящей статьи – философско-управленческий анализ роли творческого потенциала личности в процессах самоорганизации мирового порядка, направленный на раскрытие механизма, посредством которого творческая способность человека становится функционально необходимым элементом глобальной динамики.

Гипотеза состоит в том, что по мере нарастания сложности мирового порядка увеличивается частота точек бифуркации международной системы – критических моментов неустойчивости, когда система находится на развилке между несколькими возможными траекториями. В точке бифуркации решающим оказывается единичное действие – нестандартная инициатива, концептуальная инновация, человеческое суждение, преодолевающее инерцию прежних схем. Именно поэтому творчество превращается в структурно необходимый элемент глобальной динамики, а институциональные условия его формирования – в фактор жизнеспособности сообществ в новом мировом порядке.

Объектом исследования выступают процессы самоорганизации мирового порядка, рассматриваемые как форма спонтанного структурообразования в сложных адаптивных системах международного уровня. Предметом исследования является механизм функциональной связи между творческим потенциалом личности и прохождением международной системой точек структурного выбора. Задачи работы: 1) раскрыть механизм, посредством которого творческая способность человека становится функционально необходимым элементом самоорганизации мирового порядка; 2) обосновать его философско-антропологическое содержание через функционально-комплементарный диалог синергетики, философии техники, теории справедливости и теории коммуникативного действия; 3) выявить ин-

ституциональные условия реализации творческого потенциала в процессах глобальной самоорганизации; 4) сформулировать философско-управленческие следствия для государственной политики и международного взаимодействия.

Теоретические основы

Методологической базой исследования служит функционально-комплементарный синтез четырёх взаимодополняющих интеллектуальных традиций.

Синергетика, основанная Г. Хакеном в конце 1960-х годов, изучает процессы самоорганизации в открытых системах, далёких от термодинамического равновесия [1; 12]. Ключевой принцип синергетики – принцип подчинения – утверждает, что в сложных системах множество переменных может быть выражено через небольшое число параметров порядка, определяющих макроскопическое поведение системы. Применительно к международной среде это означает, что глобальные паттерны – транснациональные сети, региональные интеграционные процессы, волны культурных и технологических трансформаций – возникают как результат кооперативного взаимодействия множества автономных участников, а не директивных решений управляющего центра [6; 11]. Теория диссипативных структур И. Пригожина дополняет эту картину, показывая, что открытые системы способны порождать порядок из хаоса [5]. К. Гершенсон подчёркивает, что упорядоченность самоорганизующихся систем носит эндогенный характер и не нуждается во внешнем директивном источнике [7].

Философия техники М. Хайдеггера предупреждает о том, что сущность современной технологии состоит не в инструментальном использовании средств, а в особом способе раскрытия реальности – «поставе» (Gestell), который превращает всё сущее, включая самого человека, в «стоящий-в-наличии резерв» [2]. В контексте четвёртой промышленной революции этот вывод радикализируется: жизнь человека оказывается всё глубже вплетена в системы искусственного интеллекта и кибернетического контроля [13; 14]. Теория справедливости Дж. Ролза формулирует «принцип различия»: социальные неравенства допустимы лишь в той мере, в какой они приносят наибольшую выгоду наименее обеспеченным членам общества [3]; в международном измерении он обосновывает необходимость справедливого распределения возможностей для творческой самореализации. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса утверждает, что легитимность управленческих решений определяется качеством публичного дискурса – свободного обсуждения, в котором все затронутые стороны имеют равный голос [4].

Обращение именно к этим четырём традициям не является эклектическим соединением разнородных подходов, а отражает внутреннюю структуру решаемой задачи. Синергетика Хакена описывает объективно-структурное измерение – когда именно в динамике международной системы возникает функциональная потребность в нестандартном решении (в точках бифуркации). Философия техники Хайдеггера проясняет субъективно-антропологическое измерение – какой тип субъектности способен такое решение обеспечить (только субъект, не редуцированный к функциональному ресурсу). Теория справедливости Ролза устанавливает институционально-распределительное измерение – где именно в международной системе должны присутствовать творчески дееспособные субъекты. Теория коммуникативного действия Хабермаса фиксирует процедурное измерение – как единичное нестандартное решение легитимируется и транслируется в устойчивые институциональные формы. Таким образом, четыре традиции образуют функционально замкнутую аналитическую рамку, охватывающую объективные, субъективные, распределительные и процедурные условия самоорганизации мирового порядка.

Дополнительно привлекаются результаты эмпирических исследований институционального качества [8; 9], культурной обусловленности институциональных реформ [8; 15], а также материалы ОЭСР [22] и Всемирного экономического форума, фиксирующие глобальные тенденции трансформации международной среды. Для понимания специфики российского контекста привлекаются работы А.Д. Некипелова [19], С.Н. Растворцевой [21], М.С. Вареник и Д.М. Журавлева [20], А.Н. Троценко [23].

От иерархического порядка к самоорганизации мировой системы

Классическая теория международных отношений, укоренённая в реалистической традиции, исходила из представления о мировой системе как поле распределения материальной силы, поддающемся описанию в терминах баланса и целенаправленного управления со стороны гегемона. Данная парадигма обнаруживает свои пределы всякий раз, когда международная система демонстрирует нелинейное поведение: каскадные кризисы, непредусмотренные геополитические сдвиги, возникновение новых форм взаимодействия [6; 11].

Самоорганизация мирового порядка не тождественна хаосу или отсутствию регулирования: она представляет собой более высокую форму упорядоченности, при которой структура формируется эндогенно, из внутренних взаимодействий элементов системы [6; 7]. Ключевую роль здесь играет механизм бифуркаций. В точке бифуркации система утрачивает устойчивость прежнего состояния и оказывается перед несколькими равновероятными путями развития. На стационарных участках поведение мировой системы определяется совокупностью массовых взаимодействий, и индивидуальные действия «поглощаются». Однако вблизи бифуркации ситуация принципиально меняется: малое воздействие – идея, решение, инициатива конкретного субъекта – способно перевести всю систему на качественно иную траекторию [1; 5]. Именно здесь творчество обретает не метафорическую, а строго функциональную роль: оно выступает механизмом прохождения точки выбора, без которого система «зависает» в состоянии неопределённости или откатывается к менее продуктивному аттрактору.

Раскрываемый механизм может быть сформулирован как пятизвенная каузальная цепочка: 1) возрастание сложности международной системы увеличивает 2) частоту и плотность точек её бифуркации, в которых 3) директивно-иерархические механизмы управления, оставаясь эффективными на стационарных участках, структурно неспособны определить траекторию дальнейшего развития, поскольку эта траектория по определению не выводима из предшествующих параметров; 4) функция выбора траектории переходит к конкретному субъекту, способному к нестандартному решению – и именно здесь творчество из аксиологической желательности превращается в структурную необходимость; 5) реализация творческого потенциала, в свою очередь, критически зависит от институциональных условий – распределения возможностей, качества коммуникативной среды, защиты субъектности. Каждое из этих пяти звеньев получает философское обоснование: объективная динамика бифуркаций – через синергетику, антропологические условия творчества – через философию техники, распределительные условия – через теорию справедливости, процедурные условия – через теорию коммуникативного действия.

Для управленческой практики этот вывод имеет важные следствия. Он не отрицает ни управление как таковое, ни эффективность директивно-иерархических механизмов: в стационарных режимах международной динамики они остаются оптимальной формой регулирования. Однако по мере нарастания бифуркационной плотности функциональный приоритет смещается в сторону косвенных механизмов воздействия – формирования институциональной среды, создания условий для горизонтальной координации, поддержки инициативы снизу [2; 14]. Речь идёт о функциональной специализации форм управления по зонам различной структурной устойчивости международной системы.

Человек как онтологическое условие самоорганизации мирового порядка

Если международная система переходит в режим самоорганизации, то какой субъект способен действовать в условиях возрастающей неопределённости и нелинейности? Ответ требует обращения к философской антропологии.

Хайдеггеровский диагноз «постава» приобретает здесь операциональный смысл: когда человек рассматривается исключительно как «человеческий капитал», «трудовой ресурс» или «функциональная единица», он утрачивает способность к подлинному творчеству [2; 13]. На стационарных участках глобальной динамики это может оставаться незаметным – система воспроизводит себя и без творческих прорывов. Но в точке бифуркации мирового порядка «ресурсный» человек, обученный воспроизводить заданные паттерны, оказывается бесполезен: требуется субъект, способный увидеть возможность, не предусмотренную ни одной доктриной. Творчество, таким образом, – это не просто генерация нового, но способ бытия, при котором человек не подчинён технологической логике, а вступает с ней в свободное отношение. Субъект международного взаимодействия должен обладать не столько набором компетенций (хотя и они необходимы), сколько экзистенциальной открытостью – готовностью воспринимать неожиданное, перестраивать устоявшиеся схемы, действовать в ситуации, не имеющей прецедентов [13; 19].

Четвёртая промышленная революция радикализирует этот вызов: жизнь человека оказывается всё глубже вплетена в системы искусственного интеллекта, аналитику данных и кибернетического контроля. Однако именно в этих условиях возникают предпосылки для обновлённой этической и экзистенциальной ответственности – культивирования практик критической саморефлексии и сопротивления обезличиваю-

щей логике технологической автоматизации [13; 14; 22]. Дискуссии на международных площадках ОЭСР и ООН о принципах ответственного использования искусственного интеллекта подтверждают, что этот вопрос стал измерением глобального диалога [22].

Справедливость, диалог и доверие: философские основания институциональной среды

Самоорганизация мирового порядка не происходит в институциональном вакууме: она нуждается в таком устройстве общественных и международных институтов, которое поощряет инициативу, защищает от произвола и обеспечивает минимальный уровень доверия между участниками взаимодействия [8; 17].

Ролзовский «принцип различия», приложенный к политике формирования творческого потенциала, обнажает следующее: институциональная среда, в которой доступ к образованию, технологиям и возможностям самореализации распределён крайне неравномерно, препятствует не только социальной справедливости, но и способности сообщества участвовать в самоорганизации мирового порядка [3; 18]. Логика бифуркаций объясняет, почему это так: если точки структурного выбора распределены по всей ткани международной системы – на уровне регионов, культур, профессиональных сообществ, – то для их успешного прохождения необходимо, чтобы творчески дееспособные субъекты присутствовали повсюду, а не были сконцентрированы в нескольких глобальных центрах. Творческая энергия, заблокированная институциональными барьерами, означает мировой порядок, неспособный пройти через собственные точки выбора. С.Н. Растворцева на материале российских регионов фиксирует значимость пространственного измерения такого распределения возможностей [21].

Хабермасовский тезис о коммуникативной рациональности приобретает особую остроту в эпоху алгоритмического управления. Когда решения всё чаще принимаются или подготавливаются системами искусственного интеллекта, возникает угроза вытеснения коммуникативной рациональности инструментальной [4; 23]. Задача философии управления – сохранить пространство подлинного диалога внутри институциональной архитектуры, не допуская её полной технологизации. М.С. Вареник и Д.М. Журавлев показывают, что технологические системы целесообразно рассматривать как инструменты поддержки человеческого суждения, а не как его субституты [20]. Современные эмпирические исследования подтверждают гипотезу: эффективность институциональных реформ существенно зависит от культурного контекста [8; 15]. По данным Всемирного экономического форума, сообщества, успешно адаптирующиеся к условиям глобальной неопределённости, характеризуются прежде всего качеством институциональной среды, а не масштабом материальных ресурсов. Для России этот вывод означает необходимость поиска собственной модели, учитывающей национальные ценностные приоритеты и социокультурные особенности [19; 21].

Четыре управленческих принципа: авторская рамка

Существующая литература по управлению сложными системами предлагает разнообразные рекомендации – от развития сетевых форм координации [7; 14] до приоритезации непрерывного образования [19; 20], от ответственного внедрения искусственного интеллекта [13; 14; 23] до сглаживания пространственных диспропорций [9; 18; 21]. Однако эти предложения, как правило, формулируются автономно и не выводятся из единого теоретического основания. Авторский вклад настоящего раздела состоит в формулировании четырёх управленческих принципов, выводимых непосредственно из логики бифуркаций мировой системы и образующих внутренне связную программу.

Во-первых, принцип функциональной дифференциации управленческого инструментария: управленческий инструментарий должен различаться по зонам структурной устойчивости международной системы. На стационарных участках директивно-иерархические механизмы сохраняют полную функциональную оптимальность. Однако по мере нарастания бифуркационной плотности функциональный приоритет получают косвенные формы воздействия – формирование институциональной среды, поддержание условий для горизонтальной координации, защита пространств неподконтрольной инициативы. Специфика этого принципа – в строгом функциональном обосновании и в операциональном критерии разграничения зон применимости: директивные механизмы структурно неспособны провести систему через точку бифуркации, поскольку она по определению есть состояние, в котором траектория не выводится из предшествующих параметров и потому не может быть запрограммирована.

Во-вторых, принцип приоритета творческой экосистемы над инвестициями в человеческий капитал: формирование условий для творческой самореализации человека есть не одна из социальных политик в ряду других, а условие самой возможности участия сообщества в самоорганизации мирового порядка. В отличие от широко представленных в литературе призывов инвестировать в образование и непрерывное обучение [19; 20], где творческий потенциал рассматривается как фактор экономического роста, в предлагаемой рамке он получает онтологический статус – это единственный ресурс, способный провести систему через точку бифуркации. Отсюда специфическое следствие: сообщества, в которых творческая способность редуцирована к измеримым компетенциям и поставлена на службу заранее заданным целям, утрачивают саму возможность действовать в моменты структурного выбора – независимо от объёма формальных инвестиций в образование.

В-третьих, принцип резервирования субъектности: степень допустимой регламентации управленческого решения должна быть обратно пропорциональна близости ситуации к точке бифуркации. На стационарных участках алгоритмическая поддержка решений оправдана и эффективна; в предбифуркационных зонах, где исход определяется единичным нестандартным суждением, любая стандартизация непродуктивна, поскольку алгоритм по своей природе воспроизводит выученные паттерны прошлого, тогда как ситуация требует решения, которому в прошлом нет аналога. Этот принцип развивает общий тезис об ответственном внедрении искусственного интеллекта [13; 14; 23] и идею о технологических системах как инструментах поддержки человеческого суждения [20], добавляя операциональный критерий разграничения зон допустимой и недопустимой алгоритмизации: бифуркационная плотность ситуации, а не общие соображения этики, должна выступать основанием для дозирования технологического опосредования.

В-четвёртых, принцип функционального обоснования справедливости: справедливое распределение возможностей для творческой самореализации между регионами и странами должно рассматриваться не только как этическое требование, но и как условие жизнеспособности мировой системы в целом. Существующая литература [9; 18; 21] показывает корреляцию между неравенством возможностей и снижением темпов роста. Предлагаемая рамка добавляет новое измерение: бифуркации мирового порядка возникают в самых разных сегментах международной системы, и для их прохождения творчески дееспособные субъекты должны присутствовать повсюду, а не быть сконцентрированы в немногих глобальных центрах. Концентрация творческого потенциала в нескольких узлах мировой системы представляет собой структурную уязвимость, поскольку оставляет систему без ресурса для прохождения тех бифуркаций, которые возникают в её периферийных сегментах. В этой точке философское обоснование (ролзовский принцип различия) и функциональная необходимость (логика бифуркаций) сходятся в одном выводе.

Практическая значимость и операциональные индикаторы

Практическая значимость предложенной философско-управленческой рамки раскрывается на нескольких уровнях. На уровне стратегического планирования аналитическая последовательность «сложность мирового порядка – бифуркации международной системы – функциональная необходимость творческого субъекта – институциональные условия» даёт инструмент оценки готовности сообществ к участию в моменты структурного выбора. На уровне государственной политики результаты обосновывают необходимость согласования внутренней политики развития с задачами участия страны в процессах глобальной самоорганизации: приоритетное внимание к экосистемам развития творческих способностей, снижение пространственных диспропорций в доступе к возможностям, сохранение субъектности человека при цифровизации управленческих процессов. На уровне международных отношений результаты обосновывают позицию, согласно которой претензии любого центра силы на технологическую или нормативную монополию противоречат самой логике самоорганизации мирового порядка, требующей множественности творчески дееспособных участников; это даёт философское основание принципу многополярности – не как геополитическому лозунгу, а как функциональному условию жизнеспособности сложной международной системы.

Операциональные индикаторы для эмпирической верификации рамки и её применения в стратегическом аудите институциональной среды включают: а) долю решений в международной и внутренней управленческой практике, принимаемых в режиме горизонтальной координации, по сравнению с директивно-иерархическими (индикатор функциональной дифференциации инструментария); б) структуру бюджетных инвестиций в образование, науку и культуру в соотношении с инвестициями в формальный «человеческий капитал» узкоспециализированного назначения, а также долю программ развития

общих творческих и критических компетенций (индикатор приоритета творческой экосистемы); в) долю управленческих решений, в которых алгоритмические инструменты выполняют функцию поддержки, а не замещения человеческого суждения, с регламентными процедурами повышенного контроля для ситуаций высокой бифуркационной плотности (индикатор резервирования субъектности); г) межрегиональные и межстрановые коэффициенты дифференциации доступа к образовательным, технологическим и культурным возможностям, а также распределение центров генерации инноваций по территориальным и культурным сегментам (индикатор функционального обоснования справедливости). Использование этих индикаторов позволяет переводить философско-управленческий анализ в практическую плоскость экспертной и мониторинговой деятельности.

Заключение

Проведённый анализ позволяет подтвердить выдвинутую гипотезу. По мере нарастания сложности мирового порядка увеличивается частота точек бифуркации международной системы – критических моментов, в которых её дальнейшая траектория определяется не статистической массой материальных взаимодействий, а единичным нестандартным решением конкретного субъекта. В этих условиях творчество перестаёт быть «желательным дополнением» к стандартным формам деятельности и становится структурно необходимым элементом глобальной динамики, а институциональные условия его формирования – фактором жизнеспособности сообществ в новом мировом порядке. Механизм был обоснован через функционально-комплементарный диалог синергетики Г. Хакена, философии техники М. Хайдеггера, теории справедливости Дж. Ролза и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, раскрывающих объективно-структурное, субъективно-антропологическое, институционально-распределительное и процедурное измерения единого механизма.

Человек занимает центральное место в этом анализе – не как абстрактная функциональная единица и не как «человеческий капитал», а как единственный субъект, способный провести систему через точку бифуркации. Переход к режимам самоорганизации означает трансформацию содержания управления: от программирования результатов – к выращиванию условий; от контроля – к содействию; от подчинения – к партнёрству – при сохранении директивно-иерархических форм там, где они функционально оптимальны. Творчество и открытость к переменам становятся функциональными требованиями, вытекающими из природы сложных систем в зонах их структурного выбора.

Формирующемуся мировому порядку необходим человек, способный не просто адаптироваться к переменам, но выступать их инициатором. Задача управления – создать среду, в которой его потенциал может раскрыться в полной мере. Именно в этом состоит содержание подлинно ответственной философии управления – на уровне как государственной политики, так и международного взаимодействия. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической верификацией предложенной теоретической рамки, разработкой индикаторов творческой дееспособности сообществ, а также сравнительным анализом национальных моделей институциональной среды.

Литература

1. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 405 с.
2. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 392 с.
3. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 536 с.
4. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. Т. 1: Рациональность действия и общественная рационализация / пер. с нем. М.: Весь мир, 2022. 577 с.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
6. Liening A. Synergetics – Fundamental Attributes of the Theory of Self-Organization and Its Meaning for Economics // Modern Economy. 2014. Vol. 5, no. 8. P. 841–847.
7. Gershenson C. Self-organizing systems: what, how, and why? // npj Complexity. 2025. Vol. 2. Art. 10.
8. Payen R. Culture, Institutions and Economic Growth // The World Economy. 2025. Vol. 48, no. 7. P. 1654–1678.
9. Liang C., Li C. Institutional Quality, Economic Growth, and Middle-Income Trap: Evidence From Cross-Country Data // SAGE Open. 2025. Vol. 15, no. 3.
10. Arthur W.B. The Economy as an Evolving Complex System II. Boca Raton: CRC Press, 1997. 605 p.
11. Haken H. Information and Self-Organization: A Macroscopic Approach to Complex Systems. Berlin; Heidelberg: Springer, 2006. 258 p.
12. Criado J.I., Sandoval-Almazán R., Gil-Garcia J.R. Artificial intelligence and public administration: Understanding actors, governance, and policy from micro, meso, and macro perspectives // Public Policy and Administration. 2025. Vol. 40, no. 2. P. 173–184.
13. Ndubisi O.K. Martin Heidegger and the Question of Being in the Fourth Industrial Revolution // Social Sciences and Education Research Review. 2025. Vol. 12, no. 2. P. 210–217.
14. Fan L. The role of AI in the digital transformation of government: opportunities and ethical challenges // Frontiers in Political Science. 2025. Vol. 13. Art. 1694996.
15. Coradini Nader Adam B., Almeida Viana J.G., Dalla Valle C. Institutional Change and Endogenous Development: Theoretical Contributions // Economies. 2025. Vol. 13, no. 6. Art. 1694996.
16. Kerstan S. et al. Responsible and Trusted AI: An Interdisciplinary Perspective // International Conference on Bridging the Gap between AI and Reality. Cham: Springer, 2025. P. 141–145.
17. Mišić J., van Est R., Kool L. Good governance of public sector AI: a combined value framework for good order and a good society // AI and Ethics. 2025. Vol. 5, no. 5. P. 4875–4889.
18. Webb D.C. Institutional Quality and the Breakdown of Endogenous Growth. London: LSE, 2025. 28 p. (Working paper).
19. Некипелов А.Д. Концептуальная модель сбалансированного социально-экономического развития России // Управленческое консультирование. 2026. № 1. С. 14–21.
20. Вареник М.С., Журавлев Д.М. Методология конверсии искусственного интеллекта в задачи поиска новых моделей роста и стратегического управления сложными социально-экономическими системами // Управленческое консультирование. 2026. № 1. С. 84–98.
21. Растворцева С.Н. Стратегические направления цифровой трансформации региональной экономики России // Управленческое консультирование. 2026. № 1. С. 68–83.
22. OECD Perspectives on Global Development 2025. Paris: OECD Publishing, 2025. 220 p.
23. Троценко А.Н. Искусственный интеллект в моделях регионального управления социально-экономическими процессами // Управленческое консультирование. 2026. № 1. С. 99–117.

CREATIVE POTENTIAL OF THE INDIVIDUAL AS A CONDITION OF WORLD ORDER SELF-ORGANIZATION: A PHILOSOPHICAL AND MANAGERIAL ANALYSIS

Seregina A.A.
Moscow State Institute of International Relations (University)

The article provides a philosophical and managerial analysis of the role of personal creative potential in the self-organization of the world order. The aim is to reveal the mechanism by which human creative capacity becomes a functionally necessary element of global dynamics: as the international system transitions to a self-organizing regime, the frequency of bifurcation points increases, where the trajectory of order is determined not by the cumulative mass of material resources but by a singular non-standard decision of a particular subject. The methodology relies on a functionally complementary synthesis of H. Haken's synergetics, M. Heidegger's philosophy of technology, J. Rawls's theory of justice, and J. Habermas's theory of communicative action – each revealing one of four dimensions of the unified mechanism: objective-structural, subjective-anthropological, institutional-distributive, and procedural. It is shown that reducing a person to a "functional resource" blocks creativity – the only quality enabling passage through points of structural choice. Four operational managerial principles are formulated: functional differentiation of instruments, priority of the creative ecosystem, reservation of agency, and functional grounding of justice – accompanied by empirical verification indicators. The findings provide a philosophical foundation for multipolarity in its structural-functional reading.

Keywords: self-organization of the world order, synergetics, philosophy of management, creative potential, institutional environment, international relations, multipolarity, digital transformation.

References

1. Haken G. Sinergetika [Synergetics]. Moscow: Mir, 1980. 405 p. (In Russ.)
2. Heidegger M. Vopros o tekhnike [The Question Concerning Technology]. In: Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya. Moscow: Respublika, 1993. 392 P. (In Russ.)
3. Rawls J. Teoriya spravedlivosti [A Theory of Justice]. Novosibirsk: Novosibirsk University Press, 1995. 536 p. (In Russ.)
4. Habermas J. Teoriya kommunikativnogo deistviya. T. 1: Ratsional'nost' deistviya i obshchestvennaya ratsionalizatsiya [The Theory of Communicative Action. Vol. 1]. Moscow: Ves' mir, 2022. 577 p. (In Russ.)
5. Prigogine I., Stengers I. Poryadok iz khaosa: novyi dialog cheloveka s prirodoi [Order out of Chaos]. Moscow: Progress, 1986. 432 p. (In Russ.)
6. Liening A. Synergetics – Fundamental Attributes of the Theory of Self-Organization and Its Meaning for Economics. Modern Economy. 2014;5(8):841–847.
7. Gershenson C. Self-organizing systems: what, how, and why? npj Complexity. 2025;2:10.

8. Payen R. Culture, Institutions and Economic Growth. The World Economy. 2025;48(7):1654–1678.

9. Liang C., Li C. Institutional Quality, Economic Growth, and Middle-Income Trap: Evidence From Cross-Country Data. SAGE Open. 2025;15(3).

10. Arthur W.B. The Economy as an Evolving Complex System II. Boca Raton: CRC Press; 1997. 605 p.

11. Haken H. Information and Self-Organization: A Macroscopic Approach to Complex Systems. Berlin; Heidelberg: Springer; 2006. 258 p.

12. Criado J.I., Sandoval-Almazán R., Gil-Garcia J.R. Artificial intelligence and public administration: Understanding actors, governance, and policy from micro, meso, and macro perspectives. Public Policy and Administration. 2025;40(2):173–184.

13. Ndubisi O.K. Martin Heidegger and the Question of Being in the Fourth Industrial Revolution. Social Sciences and Education Research Review. 2025;12(2):210–217.

14. Fan L. The role of AI in the digital transformation of government: opportunities and ethical challenges. Frontiers in Political Science. 2025;13:1694996.

15. Coradini Nader Adam B., Almeida Viana J.G., Dalla Valle C. Institutional Change and Endogenous Development: Theoretical Contributions. Economies. 2025;13(6): 1694996.

16. Kerstan S., et al. Responsible and Trusted AI: An Interdisciplinary Perspective. In: International Conference on Bridging the Gap between AI and Reality. Cham: Springer; 2025. P. 141–145.

17. Mišić J., van Est R., Kool L. Good governance of public sector AI: a combined value framework for good order and a good society. AI and Ethics. 2025;5(5):4875–4889.

18. Webb D.C. Institutional Quality and the Breakdown of Endogenous Growth. London: LSE; 2025. 28 p. (Working paper).

19. Nekipelov A.D. Kontseptual'naya model' sbalansirovannogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii [Conceptual model of balanced socio-economic development of Russia]. Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2026;(1):14–21. (In Russ.)

20. Varenik M.S., Zhuravlev D.M. Metodologiya konversii iskusstvennogo intellekta v zadachi poiska novykh modelei rosta i strategicheskogo upravleniya slozhnymi sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami [Methodology of AI conversion into the search for new growth models and strategic management of complex socio-economic systems]. Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2026;(1):84–98. (In Russ.)

21. Rastvortseva S.N. Strategicheskie napravleniya tsifrovoi transformatsii regional'noi ekonomiki Rossii [Strategic directions of digital transformation of Russia's regional economy]. Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2026;(1):68–83. (In Russ.)

22. OECD Perspectives on Global Development 2025. Paris: OECD Publishing; 2025. 220 p.

23. Trotsenko A.N. Iskusstvennyi intellekt v modelyakh regional'nogo upravleniya sotsial'no-ekonomicheskimi protsessami [Artificial intelligence in regional governance models for socio-economic processes]. Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2026;(1):99–117. (In Russ.)

Человек в эпоху глобальных трансформаций: философские аспекты идентичности

Закиров Альфред Фаридович,
кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии и права,
Казанский государственный аграрный университет

Смелкова Елена Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент, кафедра философии и права,
Казанский государственный аграрный университет

Шафигуллин Василий Абдуллович,
кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и права,
Казанский государственный аграрный университет
E-mail: shafigullin@inbox.ru

В статье рассматриваются трансформации идентичности человека в условиях цифровизации, глобализации и трансформации современного общества. Анализируется переход от стабильных, институционально закреплённых форм самоидентификации к иным моделям, в которых усиливается роль информационно-коммуникационной среды. Показано, что изменения затрагивают ключевые измерения идентичности: культурное, религиозное, духовное, гендерное и локальное. Под влиянием цифровых технологий происходит виртуализация социальных практик, что ведёт к усложнению структуры самосознания и усилению множественности идентичностных позиций субъекта.

Ключевые слова: идентичность, глобализация, цифровизация, виртуализация, самосознание, личность, цивилизация, социум

На современном этапе политики, исследователи-теоретики, журналисты, общественные деятели все чаще говорят о скорой смене цивилизационной парадигмы. Речь идет о том, что в ближайшем будущем на смену одному цивилизационному порядку придет другой. Более того, активно преобразуются общефилософские представления о человеке, об обществе, о цивилизации. Можно также сделать предположение о грядущем кризисе научного знания о человеке, об онтологических и антропологических основаниях миропонимания. Как справедливо отмечает Н.Н. Ростова, у нас имеются детальные сведения о философии прошлого, поэтому мы осознаем, «какая философия закончилась, но не знаем, какая философия определит будущее» [5, с. 107].

Все вышеописанные трансформации помещают индивида в экзистенциально усложнённые условия осуществления процесса самоидентификации. В таких условиях формируется некоторая дезориентация сознания, сопровождающаяся возрастанием уязвимости личности ко внешним механизмам воздействия и управления. Это, в свою очередь, выступает предпосылкой искажённых или неадекватных форм самоидентификации, при которых субъект оказывается неспособным к рефлексивно обоснованному определению собственных интересов, ценностных приоритетов и целеполагания. Человек утрачивает устойчивые экзистенциальные и социокультурные «точки опоры», оказываясь в состоянии онтологической неопределённости и перманентной нестабильности.

Е.М. Калашникова указывает: в современном обществе идентичность определяется способностью субъекта адаптироваться к технологической культуре, овладевать нелинейным мышлением и воспринимать изменчивость как норму. Самосознание выступает внутренним механизмом самоформирования, самоидентификации и саморегуляции личности. Однако в условиях информационной перегрузки и сложных социокультурных влияний возможно формирование искажённой картины мира [3, с. 16].

В связи с вышеизложенным вполне логичным представляется возросший интерес исследователей к пересмотру концепций и теорий, затрагивающих представления о человеке и его идентичности. Кроме того, актуальность данной темы также обусловлена активизацией дискуссий на тему преимуществ и недостатков двух антропологических моделей – модели, предлагаемой западноевропейской философией, и альтернативной модели «северного человека» / «византийского человека» / «человека индоевропейского топоса» и т.п.

Вопросы, связанные с трансформациями в самоидентификации человека, проистекают, прежде всего, из того обстоятельства, что сами границы в понимании сущности человека стали размываться. На сегодняшний день не вполне ясно, что, собственно, понимать под понятиями «человек» и «личность». Как пишет В.В. Бабич, причинами сложностей в интерпретации данных понятий выступают: популяризация философско-спекулятивных констатаций, возникновение нового спектра антропологической проблематики, технологическая возможность трансформации «самого себя, собственной природы и конституции (генная инженерия, трансплантология, компьютерные технологии, кибернетика, коммуникативно-манипулятивные технологии, психотропные препараты)» [1, с. 49].

Если ранее первичная, базовая самоидентичность человека строилась на основе телесного параметра (тело человека рассматривалось в качестве основания самотождественности и идентичности на генетическом и соматическом уровнях). В современных условиях биологический аспект идентичности уже не может рассматриваться как единственное или достаточное основание самотождественности субъекта. В рамках классической философской парадигмы тело априорно функционировало как онтологически стабильный референт идентичности: генотип, фенотип и соматическая целостность субъекта обеспечивали его самотождественность. Сегодня же развитие генетических технологий (редактирование генома, репродуктивные биотехнологии, трансплантации органов и проч.) демонстрирует пластичность биологического базиса самоидентичности. Тело перестаёт быть неприкосновенным и всё более становится объектом интервенции со стороны человека. Телесность, таким образом, постепенно утрачивает статус замкнутой биологической системы. Более того, концепции, связанные с созданием «киберлюдей» (интеграция протезов, нейроинтерфейсов,

чипов, цифровых аватаров) размывают границы между органическим и неорганическим, что ведёт к гибридизации идентичности. В этом контексте субъект уже не совпадает полностью со своим биологическим телом.

Помимо биологического фактора, трансформирующего процессы самоидентификации современного человека, отметим также фактор дихотомии между материальным и духовным. Безусловно, самоидентичность человека в условиях современности всё более конституируется через внутреннее противоречие между материально-телесным и духовно-смысловым измерениями его существования. Данное противоречие приобретает системный характер и выступает одним из ключевых факторов дестабилизации целостной идентичности субъекта.

В рамках доминирующей социокультурной парадигмы наблюдается выраженная аксиологическая асимметрия в пользу материального. Экономические показатели, уровень потребления и обладание ресурсами становятся центральными критериями социальной оценки личности; можно сказать, что во многом ценность личности редуцируется до ее материального статуса. Подобная редукция приводит к маргинализации духовного – сферы смыслов, ценностей, рефлексии и экзистенциального самоопределения. Вследствие этого формируется внутренний разрыв: с одной стороны, субъект вынужден соответствовать внешним нормативам материального успеха, с другой – сохраняется потребность в поиске и обретении экзистенциальных смыслов, не сводимых к экономическим параметрам.

Как пишет В.И. Самохвалова, «нынешний человек, как никогда, заземлен своей материальностью, которая утвердилась в качестве ценности в его сознании и довлеет над ним как внешняя реальность» [7, с. 187], и одной из причин этого является потребительская культура. С одной стороны, потребительская культура институционализирует приоритет материального, трансформируя знание в специфический вид капитала и включая его в логику рыночного обмена. В этих условиях происходит материальный компонент становится универсальным медиатором, через который интерпретируются человеческие взаимодействия, представления, мотивации и целеполагание. Практически все формы человеческой активности редуцируются к стоимостному выражению и подлежат измерению в денежном эквиваленте, что свидетельствует о всеобъемлющей тенденции к материализации социального бытия.

С другой стороны, наблюдается беспрецедентное усиление роли идеального. Продукты интеллектуального и информационного труда формируют доминирующую часть совокупного общественного продукта, а развитие цифровых технологий способствует становлению автономной информационной реальности. В результате усиливается разрыв между вещным и символическим измерениями опыта: непосредственное восприятие предметного мира вытесняется оперированием знаками, кодами и абстракциями.

Несмотря на вышеотмеченное доминирование материалистической аксиологии и редукцию ценности личности к экономическим параметрам, потребность в духовном не исчезает. Однако традиционные религиозные институты в значительной степени утрачивают свою нормативную и экзистенциальную релевантность для современного индивида, не обеспечивая в полной мере удовлетворения его смысловых запросов.

В результате формируется специфический компенсаторный механизм: обращение к различным формам своеобразной внеинституциональной духовности. Это проявляется в распространении магического сознания и псевдодуховных практик, характеризующихся эклектичностью, фрагментарностью и отсутствием системной доктринальной основы. Подобные практики, с одной стороны, восполняют дефицит смыслов, с другой – способствуют дальнейшей дестабилизации идентичности, подменяя самоопределение формами нового, зачастую поверхностного духовного опыта.

Следует сказать, что и традиционная религиозная идентичность также видоизменилась. Как пишет И.С. Рудь, Интернет становится важным медиатором трансформации религиозной идентичности, обеспечивая доступ к информации, поддержание связей внутри религиозных сообществ и участие в духовных практиках вне физического присутствия. Он формирует цифровое религиозное пространство, в котором верующие сохраняют включённость в общину, несмотря на территориальную и социальную мобильность. Перенос в онлайн-формат некоторой доли богослужений и религиозных практик привел к институционализации дистанционного участия в ритуальной жизни. В научном дискурсе данный процесс определяется как переход от «аналоговой» к «цифровой религии», характеризующейся интерактивностью, гипертекстуальностью и виртуализацией религиозного опыта [6, с. 177].

Возвращаясь к проблеме виртуализации самоидентичности, следует отметить: цифровизация стала одной из главных причин кризиса идентичности. По мнению А.П. Воеводина и Т.В. Серищевой, стратегии мимикрии и адаптации ко множественным коммуникативным средам – преимущественно цифровым – становятся необходимым условием продуктивного функционирования субъекта [2, с. 17]. Возросшая интенсивность коммуникаций приводит к появлению множественности идентичностей.

Виртуализация, выступающая ключевым фактором данной динамики, также требует наличия у личности множественных alter ego. Цифровые среды расширяют возможности взаимодействия, одновременно трансформируя культурные и социально-коммуникативные практики, замещая их своего рода симуляцией. Это усиливает разрыв между реальным и виртуальным «я», провоцирует кризис идентичности или даже вызывает своеобразную эрозию целостности собственного «Я».

В целом сетевая идентичность выступает как продолжение реальной, с тенденцией к их сближению. Однако в научном дискурсе сохраняется дуализм интерпретаций: от критики фиктивных идентичностей до их трактовки как инструмента естественного экспериментирования с идентичностью [9, с. 35].

Цифровизация и глобализация, кроме того, приводят к трансформации культурного измерения самоидентичности. В условиях интенсификации межкультурных взаимодействий и доминирования цифровых -как правило, трансграничных – форм общения формирование идентичности всё в большей степени опосредуется медиасредой. Это актуализирует проблему сохранения культурной аутентичности. Ценностная система при этом утрачивает статичность и приобретает динамический характер, подвергаясь постоянным трансформациям под влиянием медиаконтекста, социальных институтов и интеркультурных контактов. С одной стороны, культурное многообразие расширяет горизонты индивидуального опыта, способствуя обогащению ценностных структур; с другой – провоцирует аксиологические внутриличностные конфликты.

Еще одним значимым вектором трансформации идентичности человека является смещение акцента с коллективного на индивидуальное. Идентичность личности в традиционно коллективистских обществах (которые ранее составляли большинство) формировалась посредством формирования устойчивой принадлежности к социальным группам и нормам, тогда как в условиях доминирования индивидуализации (прежде всего в контексте текущей западной социокультурной модели) идентичность конституируется как результат автономного выбора субъекта. Современные трансформации демонстрируют смещение в сторону индивидуализированной идентичности. Э.Ю. Ковалев говорит о том, что переход от социальной сплочённости к приоритету индивидуальной свободы усиливает ощущение самодостаточности, но одновременно ведёт к росту социальной атомизации и отчуждения [4, с. 103].

С учетом глобализации и цифровизации, данные тенденции сопровождаются усилением неопределённости и дестабилизацией мировоззренческих ориентиров. При этом наблюдается и противоположная тенденция: разрушение традиционных форм коллективной идентичности частично компенсируется становлением сетевых сообществ, формирующих новый тип социальности. Интернет выступает пространством глобального взаимодействия, в рамках которого возникают гибридные формы идентичности, сочетающие индивидуализацию с элементами новой, виртуально опосредованной коллективной идентичности.

Мы также можем наблюдать формирование у современного человека глобального уровня самоидентификации, что В.Н. Финогенов считает условием для совершения перехода к ноосферному этапу развития [8, с. 45]. Глобальная идентичность проявляется в осознании субъектом своей принадлежности к человечеству как целостности, что предполагает не только когнитивную, но и ценностно-эмоциональную вовлечённость, а также ответственность за судьбу глобального сообщества. Это позволяет преодолевать ограниченность национальных, религиозных и иных партикулярных идентичностей, часто выступающих источником конфликтов. При этом глобальная идентичность не всегда вытесняет локальные формы принадлежности; в ряде случаев формируется многоуровневая система идентичности.

Современная трансформация идентичности затрагивает, помимо прочего, гендерные аспекты существования личности. В условиях прежнего патриархального порядка гендерная идентичность конструировалась через устойчивые модели поведения. Современные процессы децентрации и ослабления бинарных оппозиций (природное/культурное, мужское/женское) приводят к эрозии гендерной стратификации. Усиливается представление о комплементарности маскулинных и феминных характеристик и формируется модель андрогинной идентичности как более адаптивной в условиях сложной социальной динами-

ки. В результате гендерная идентичность утрачивает фиксированный характер и становится гибкой, контекстуально обусловленной системой, отражающей общую тенденцию к усложнению и плюрализации современных представлений о гендерных ролях [10, с. 205].

Таким образом, современная идентичность человека претерпевает комплексную трансформацию, обусловленную процессами цифровизации, глобализации и культурной фрагментации. Трансформируется культурная идентичность, которая становится более гибридной и многослойной вследствие интенсификации межкультурных взаимодействий и размывания устойчивых культурных границ. Изменяется религиозная и духовная идентичность, проявляющаяся в переходе от институционально закреплённых форм религиозности к индивидуализированным и цифровым практикам духовного опыта, включая рост внеинституциональной духовности. Наблюдается переосмысление гендерной и биологической идентичности. Усиливается трансформация локальной идентичности, которая ослабевает под воздействием глобальных коммуникационных сетей, но частично компенсируется формированием виртуальных и сетевых сообществ.

Литература

1. Бабич, В.В. Идентичность человека в контексте современных проблем антропологического моделирования / В.В. Бабич // Ценности и смыслы. – 2015. – № 5 (39). – С. 47–56.

2. Воеводин, А.П. Трансформации социокультурной идентичности человека в современной коммуникативной среде / А.П. Воеводин, Т.В. Серищева // Культурная жизнь Юга России. – 2024. – № 4. – С. 14–24.

3. Калашникова, Е. М. «Кризис идентичности» и исследование культуры самосознания современного человека / Е.М. Калашникова // Вестник ВятГ У. – 2014. – № 11. – С. 14–18.

4. Ковалев, Э.Ю. Кризис идентичности современного человека: в поиске смысла жизни в условиях информационной цивилизации / Э.Ю. Ковалев // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – 2020. – № 4 (36). – С. 102–112.

5. Ростова, Н.Н. Образ человека в эпоху нового обретения себя / Н.Н. Ростова // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2023. – № 2. – С. 106–118.

6. Рудь, И.С. Влияние цифровизации на формирование религиозной идентичности современного общества / И.С. Рудь, Т.И. Липич // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2025. – № 1. – С. 172–184.

7. Самохвалова, В.И. Человек и проблема его идентичности в современном посткультурном мире / В.И. Самохвалова // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2014. – № 1. – С. 175–203.

8. Финогентов, В.Н. Формирование у современного человека глобальной идентичности как необходимое условие вступления человечества в эпоху ноосферы / В.Н. Финогентов // Ноосферные исследования. – 2017. – № 2 (18). – С. 42–49.

9. Фролова, И.В. Сетевая идентичность современного человека: философская рефлексия / И.В. Фролова // Ценности и смыслы. – 2018. – № 2. – С. 26–38.

10. Чуркина, Н.А. Андрогинная идентичность как способ адаптации человека в современном обществе / Н.А. Чуркина // Манускрипт. – 2017. – № 5 (79). – С. 204–206.

HUMANITY IN THE ERA OF GLOBAL TRANSFORMATIONS: PHILOSOPHICAL ASPECTS OF IDENTITY

Zakirov A.F., Smelkova E.V., Shafigullin V.A.
Kazan State Agrarian University

This article presents the directions of transformation of human identity in the context of digitalization, globalization, and the transformation of modern society. It analyzes the transition from stable, institutionally enshrined forms of self-identification to other models in which the role of the information and communication environment is increasing. The author demonstrates that these changes affect key dimensions of identity: cultural, religious, spiritual, gender, and local. Under the influence of digital technologies, social practices are becoming virtualized, leading to a more complex structure of self-awareness and an increased plurality of individual identities.

Keywords: identity, globalization, digitalization, virtualization, self-consciousness, personality, civilization, society

References

1. Babich, V.V. Human Identity in the Context of Modern Problems of Anthropological Modeling / V.V. Babich // Values and Meanings. – 2015. – No. 5 (39). – P. 47–56.

2. Voevodin, A.P. Transformations of Human Sociocultural Identity in the Modern Communicative Environment / A.P. Voevodin, T.V. Serishcheva // Cultural Life of the South of Russia. – 2024. – No. 4. – P. 14–24.

3. Kalashnikova, E. M. "Identity Crisis" and the Study of the Culture of Self-Awareness of Modern Man / E.M. Kalashnikova // Vestnik of Vyatka State University. – 2014. – No. 11. – P. 14–18.

4. Kovalev, E. Yu. The Identity Crisis of Modern Man: In Search of the Meaning of Life in the Context of Information Civilization / E. Yu. Kovalev // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Philosophical Sciences. – 2020. – No. 4 (36). – P. 102–112.

5. Rostova, N.N. The Image of Man in the Era of Rediscovering Oneself / N.N. Rostova // Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. – 2023. – No. 2. – P. 106–118.

6. Rud, I.S. The Impact of Digitalization on the Formation of Religious Identity in Modern Society / I.S. Rud, T.I. Lipich // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. – 2025. – No. 1. – P. 172–184.

7. Samokhvalova, V.I. Man and the Problem of His Identity in the Modern Postcultural World / V.I. Samokhvalova // Man: Image and Essence. Humanitarian Aspects. – 2014. – No. 1. – P. 175–203.

8. Finogentov, V.N. Formation of a Global Identity in Modern Man as a Necessary Condition for Humanity's Entry into the Era of the Noosphere / V.N. Finogentov // Noospheric Studies. – 2017. – No. 2 (18). – P. 42–49.

9. Frolova, I.V. Network Identity of Modern Man: Philosophical Reflection / I.V. Frolova // Values and Meanings. – 2018. – No. 2. – P. 26–38. 10. Churkina, N.A. Androgynous identity as a way of human adaptation in modern society / N.A. Churkina // Manuscript. – 2017. – No. 5 (79). – P. 204–206.

Феномен «комплаенс» как основа формирования религиозной идентичности в современном цифровом обществе

Волчкова Ольга Олеговна,
кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: Adelaida389@mail.ru

Силаева Зоя Владимировна,
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: Silaeva-Zoya@mail.ru

Статья посвящена социально-философскому осмыслению кризиса религиозной идентичности, обусловленного процессами секулярности и цифровизации. Авторы обосновывают потенциал «комплаенса» не как формального механизма контроля, а как модели сознательного, ценностно-ориентированного построения идентичности, способной преодолеть крайности как фундаменталистской ригидности, так и постмодернистского номадизма. В работе критически переосмысливаются теории идентичности, предлагается переход от номинальной, этнокультурной религиозности к подлинной укорененности личности в традиции через механизмы внутреннего согласия и диалога. Особое внимание уделяется вызовам цифровой среды, где виртуальное пространство выступает источником деструктивных влияний и «технологической мифологии». Практическая значимость исследования заключается в разработке концепции «динамических катехизисов» и диалоговых платформ, обеспечивающих аксиологическое самоопределение личности. В качестве перспективы дальнейших исследований обозначена необходимость анализа механизмов воздействия суррогатных онтологических оснований, продуцируемых социальными сетями, для усиления защитной функции «комплаенса» в цифровом пространстве.

Ключевые слова: религиозная идентичность, комплаенс, идентичность, цифровое общество, религиозные институты.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью ответить на вызовы, связанные с кризисом идентичности в техногенном обществе, который, по мнению ряда теоретиков, является более фундаментальным, чем социальные или экономические вызовы, а также с вызовами цифровой среды, которая, с одной стороны, предоставляет новые возможности для религиозного просвещения и коммуникации, а с другой стороны, является источником деструктивных влияний, клипового мышления и подмены религиозных оснований на экономические и политические.

Актуальность поиска социально-философских оснований для преодоления кризисных ситуаций в разных сферах и направлениях деятельности современного человека связана с необходимостью выстраивания фундаментальных моделей, программ и систем, нацеленных на изменение онтологического восприятия человеком себя и окружающего мира. В связи с этим предлагаем рассмотреть «комплаенс» как основу сознательного и ценностно-ориентированного построения религиозной идентичности в цифровую эпоху и выявить его потенциал. Достижение этой цели требует последовательного решения ряда задач: экспликации понятий «идентичность» и «религиозная идентичность» в контексте современного социально-философского и религиоведческого дискурса; выявления факторов и тенденций, влияющих на трансформацию религиозной идентичности в условиях секулярности и цифровизации; определения потенциала «комплаенс» в качестве образовательной и воспитательной программы; выявления практических механизмов его внедрения для поддержания общественного согласия и гармоничного развития личности.

Теоретическую базу исследования составляют работы российский авторов (О.В. Бондаренко и М.С. Леоновой [1], Н.В. Кузьминой [2], Т.П. Минченко [3]), разрабатывающих понятийный аппарат для анализа идентичности, что позволяет нам опереться на уже устоявшиеся в российской науке концепции; работы А. Панарина [4] и А. Шлякова [5], которые описывают кризисные явления в обществе и философии (номадизм), что позволяет нам занять взвешенную позицию, не принимая крайности; работы Р. Брайдотти [6], в которых изложены современные западные постмодернистские концепции, которые были нами критически осмыслены и частично оспорены; а также работы на иностранном языке, в которых изложены глобальные тренды в изучении цифровой религии и религиозной идентичности [7, 8, 9]. Также в исследовании мы опираемся на конкретные социологические данные, приведенные в работе С.Б. Филатова и Р.Н. Лункина [10], которые подкрепляют тезисы о номинальном и этнокультурном характере религиозности в России.

В исследовании нами применен неоинституциональный подход, позволяющий анализировать формализованные институции и реальные практики, выраженные в действиях и программных установках индивидов и социальных групп. Для интерпретации концепта «комплаенс» применительно к сфере социально-философских и религиоведческих исследований нами был использован герменевтический метод, который также в исследовании реализуется в качестве собирательного компонента, выявляющего основные смыслы в текстовых массивах, посвященных интерпретации понятия «комплаенс». Системный метод используется для структурирования сведений о новых формах религиозной идентичности, а также создания системы ценностных оснований построения программы формирования религиозной идентичности личности, в основе которой лежит «комплаенс».

Практическая значимость исследования видится в возможности использования «комплаенс» для:
– профилактики проявления деструктивного религиозного поведения путем укрепления внутренних, ценностно-ориентированных оснований идентичности, что делает личность менее уязвимой воздействию манипуляций;
– для разработки основ, способствующих межконфессиональному диалогу, снижению религиозной напряженности и поддержанию общественного согласия через взаимные уступки и поиск общих ценностей;
– для более эффективной коммуникации с паствой в цифровой среде, вовлечения нового поколения в религию и противодействию деструктивным влияниям.

Публикация подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 24–28–01105, https://rscf.ru/project/24–28–01105.

Все это становится возможным благодаря выстраиванию ценностной религиозной идентичности. Это обусловлено тем, что в контексте данного исследования под «комплаенс» нами подразумевается не столько формальное соблюдение внешних норм, сколько глубинный поиск оснований и логики взаимодействия на основе единой системы ценностных представлений, а также готовность к добровольным уступкам со стороны индивидов и социальных групп. В нашем понимании «комплаенс» выступает моделью сознательного построения идентичности, которая в цифровую эпоху призвана заменить как жесткий внешний контроль, так и опасную вседозволенность, предлагая путь внутреннего согласия с традицией.

Современное постиндустриальное общество все чаще характеризуется социальными теоретиками как кризисное. Отечественный исследователь А. Панарин отмечает, что главный кризис современного общества – это кризис не социальный и не экономический, а кризис идентичности [4. с. 78]. Идентичность, являясь, многосоставной, междисциплинарной категорией, в концептуальном смысле отражает представления человека о принадлежности к сообществу, отождествлении себя с группой или социальным конструктом и становится основой рефлексии окружающего мира и самопознания. На сегодняшний день формирование идентичности личности происходит под влиянием двух доминирующих процессов – развития глокализации (параллельное развитие глобальных и локальных процессов на международной арене) и социально-ценностных трансформаций, которые претерпевает современное общество в условиях секулярности. В процессе идентификации, определяющим является выбор системы ценностей. Именно здесь формируется запрос на «комплаенс» как осознанный выбор тех смыслообразующих констант, которые личность готова добровольно ринять как свои.

Под религиозной идентичностью в наиболее общей форме подразумевается форма самосознания, основанная на отождествлении себя с ценностями и идеалами определенной религиозной системы [1. с. 285]. Категория принадлежности определяется как субъективная характеристика, позволяющая человеку самостоятельно идентифицировать себя с религиозной группой. Кризис этой формы идентичности, вызванный внешней трансформацией среды и развитием цифровизации, актуализирует поиск механизмов, способных удерживать личность в поле традиции без внешнего принуждения. Анализ социологических данных в том числе и исследования С.Б. Филатова и Р.Н. Лункина [10], показывают, что религиозная идентичность россиян часто носит номинальный или этнокультурный характер: религиозная идентификация происходит по линии этнокультурного аспекта и в этой связи позволяет сделать вывод о том, что основным каналом формирования идентичности такого типа является процесс образования, встроенный в системы первичной и вторичной социализации личности; а доминирующим типом остается коллективная религиозная идентичность и т.д. Это свидетельствует о разрыве между внешней самоидентификацией и публичной ценностной укорененностью. Трансформация религиозной идентичности в условиях секулярности становится серьезным препятствием для формирования целостного представления личности о себе, ставит под угрозу экзистенциальную целостность человека, так как религиозная идентичность является важнейшим элементом системы идентичностей.

Религиозная идентичность в поле академических поисков оснований и характеристик политического бытия, становится инструментом для решения проблем о структуре, содержании и функциях субъективного переживания, осознания «Я» или того, что индивид считает собой, тем самым становясь мостиком между объективным и субъективным, коллективным и личностным переживанием, смыслом или символическим наполнением бытийственных форм. Такая идентичность представляет собой мыслительный конструкт, выражающий количественно-качественную, пространственно-временную и структурно-процессуальную определенность политического бытия и его фрагментов, и может быть соотнесена с сущностями любой онтологической природы в контексте историко-культурного и исследовательского пласта [2. с. 288]. Все это обуславливает значимость «комплаенс» как модели, переводящую формальную принадлежность в осознанное следование.

Развитие цифровизации привело к тому, что большая часть религиозных организаций начинает развивать активную деятельность в интернет-пространстве, репрезентуя свои ценности, вовлекая и информируя молодое поколение о конфессиональных особенностях. Однако виртуальное пространство предоставляя возможности для диалога, одновременно порождает риски и таит в себе множество опасностей в контексте формирования религиозной идентичности, поскольку презентовать религиозные идеи может каждый интернет-пользователь [11. с. 21]. В условиях информационного потока, обилия множества форм религиозности, представленных в виртуальном пространстве, происходит столкновение представлений, религиозная идентичность не может выстроиться в стройную систему, наблюдается кризис религиозной идентичности, которому в большей степени подвержено молодое поколение. В этой ситуации «комплаенс» предстает как механизм фильтрации и внутреннего упорядочивания, позволяющий личности не раствориться в хаосе мнений, а сознательно выстроить свою систему координат.

Классическая групповая религиозная идентичность, соотносясь с коллективными архетипами, выстраивает систему религиозного самоопределения человека, исходящую из представлений о «Другом», преследуя цель оформления символического содержания и установления границ, отделяющих каждое религиозное сообщество [3. с. 99]. Учитывая факт того, что в основе формирования идентичности лежит метафизическое начало, сформированное коллективной исторической памятью, доминирующими в социуме на данный момент морально-этическими представлениями и системой опыта-воспитания, «комплаенс» может стать отправной точкой, где личность, опираясь на коллективную историческую память и морально-этические представления, добровольно принимает эти границы, делая их не внешним ограничителем, а частью своего «Я».

Безусловно, религиозная идентичность обладает обширным функциональным набором, реализуя функцию интеграции сообщества на основе самотождества, выстраивания норм и поведенческих ориентиров, в том числе и в плоскости морали, и многие другие значимые конструирующие элементы. Однако, для нас первостепенное значение имеет понимание религиозной идентичности как постулирования формы восприятия и воплощения логики разворачивания духовного мира человека в контексте пространственно-временной матрицы, развития и эволюции коллективного мышления. Именно поэтому в современном мире так важно сохранение разумного начала и системной логики формирования религиозной идентичности на основе базовых ценностей и опорных моральных оснований.

Мы не стоим на позиции крайнего конструктивизма к определению религиозной идентичности, в то же время не отрицаем, и не избегаем возможности рассмотреть данный тип идентичности как конструкт, равно как не разделяем крайности идеи номадизма и постулирования «вечной незавершенности» идентичности [6. с. 136], при этом рассматриваем трансформацию, эволюцию и тенденции в развитии современных форм религиозной идентичности.

Наша основная задача сводится к выявлению характеристик и форм воплощения религиозной идентичности в условиях секулярности современного техногенного общества, в котором размываются классические типы идентичности, а также формулы конструирования и воспроизводства религиозности как таковой. С точки зрения номадизма – «Постепенно самость человека растворяется в мгновениях фрагментарного существования… Складывается мозаичная система идентичностей, несущая на себе паттерны всех предыдущих парадигм, которые не только логически не связаны между собой, но и принципиально враждебны друг другу» [5. с. 256]. И мы частично согласны, особенно с представлением о системе идентичностей, включающей в себя исторические паттерны, что крайне актуально для российского опыта, однако, на наш взгляд, все предыдущие логики, которые мы определяем в границах модусов, взаимосвязаны, и формируют некую новую матрицу религиозной идентичности, с помощью которой возможно осуществить рефлексию современных форм религиозности в условиях цифрового общества и фрагментарного (клипового) мышления, порожденного им. Следовательно, в противовес номадическому растворению «комплаенс» предлагает модель «сборки» идентичности на прочном ценностном фундаменте, предполагающую примирение различных поведенческих паттернов не только на основе единых ценностей, но и на готовности к принятию другого.

Наибольшую опасность в цифровую эпоху представляет подмена оснований идентичности, когда в ее основу закладываются не сакральные смыслы, а экономические и политические категории. В таком случае, к примеру, вместо пары «профанное-сакральное» получается система координат «выгодное-невыгодное» или любая иная нерелигиозная форма. Размывание классической системы формирования религиозной идентичности чревато возникновением конфликтов на религиозной почве, а также проявлением религиозной деструкции, так как смещение фокуса с религиозной на иные сферы порождает конфликт с другими типами идентичности. С целью предотвращения развития данных негативных тенденций целесообразно развивать «комплаенс», чтобы поддерживать соответствие внутренних убеждений и внешних проявлений базовым принципам религиозной традиции.

Символичность современного религиозного действия воплощается в создании и оформлении новых форм идентичности посредством

технологической мифологии, использующей суррогатные типы онтологических оснований, размывая тем самым классическую мифологическую структуру. Подобная мифология, продуцируемая социальными сетями, на наш взгляд, выступает ретранслятором, являясь одновременно зеркалом, отражающим субъективный взгляд человека на религию, преобразующим индивидуальное экзистенциальное восприятие в коллективную форму-матрицу оценки религии, и элементом, конструирующим религиозную идентичность с помощью целенаправленного символического воздействия на подсознание. В ответ на это «комплаенс», будучи заложенным в основу социально-ценностной и идеологической системы общества, способен создать необходимые предпосылки для возврата к классическим формам символической религиозности и позволить оформить методологический каркас для создания путей развития осознанной религиозной идентичности.

Обосновав теоретико-методологический потенциал «комплаенс» как фундаментальной основы для формирования устойчивой религиозной идентичности, мы подходим к вопросу о практических способах его воплощения в ткань современной дигитальной реальности. Комплаенс – не пассивное следование догматическим предписаниям, но активный и осознанный поиск общих ценностных оснований, который сопровождается взаимными уступками и, следовательно, его внедрение требует выхода за рамки абстрактной модели. Необходимо предложить конкретные механизмы, способные трансформировать философскую спекулятивную конструкцию в инструмент повседневной практики цифрового религиозного бытия субъекта. Ключевым представляется переход от понимания «комплаенса» как системы жёсткого нормативного контроля к его восприятию как живой «системы согласований». В корпоративной, юридической практике комплаенс всегда обладает оттенком принудительности, но в сфере духа и идентичности он должен быть переосмыслен как процесс перманентного диалога между субъектами, их взаимной адаптации. Цифровая реальность, предлагает уникальные возможности, при всей её противоречивости. Необходимо не создание новых кодексов, но создание особых коммуникативных экосистем, которые не навязывают догматические ответы, а способствуют процессу аксиологического самоопределения личности в диалоге с традицией и Другими. Представляется, что наиболее перспективной является разработка интерактивных ресурсов нового типа – «динамических катехизисов» или «ценностных карт». В отличие от статичных текстов, подобные цифровые инструменты могут позволить пользователю исследовать ключевые ценности религиозной традиции через призму этических дилемм современности: от вопросов биоэтики и экологии до проблем искусственного интеллекта и цифровой идентичности. Подобная платформа могла бы предлагать не единственно верный ответ, а спектр мнений, существующих в рамках самой религиозной традиции, демонстрируя её внутреннее разнообразие и исторический прогресс выработки консенсуса посредством дискуссии, через поиск взаимопонимания. Это позволит преодолеть фрагментарное восприятие религии, выстраивая в сознании пользователя строгую систему координат, основанную на понимании духа, а не буквы.

Параллельно с этим, «комплаенс» требует для реализации создания специализированных диалоговых платформ, ориентированных на втнутриконфессиональное и межрелигиозное взаимодействие. Необходимо создание структурированных цифровых пространств, основанных на принципах делиберативной демократии. Задача модерации в таких средах заключается не в цензуре, а в направлении дискуссии в вектор выявления общих аксиологических оснований. Современные алгоритмы текстового анализа должны использоваться не для манипуляции, но для защиты от неё, выделяя ключевые концепты – справедливость, милосердие, жертвенность, достоинство, таким образом наглядно демонстрируя участникам как внешне противоположные позиции апеллируют к фундаментальным ценностям. Это позволит нивелировать деструктивную полемику и конфликт идеологий в плоскость поиска взаимных решений, основанных на добровольных уступках сторон, что составляет суть «комплаенса».

Таким образом, практическая имплементация феномена «комплаенс» усматривается не в создании очередного нормативного свода правил для цифровой паствы, но в проектировании особой цифровой среды – ценностного согласования. Эта среда должна помогать личности не пассивно усваивать нормы традиции, но активно выстраивать свою религиозную идентичность в диалоге с традицией, преодолевая регидность фундаментализма, так и размывающую релятивность номадического сознания. Именно такой, процессуальный в своей онтологической сути диалогический подход позволяет рассматривать «комплаенс» как действенный инструмент преодоления кризиса идентичности в современном цифровом мире.

Подводя итог, можно сделать вывод, что виртуальная коллективная религиозная идентичность на сегодняшний день является открытой развивающейся системой. В условиях постсекулярности, появления новых форм религиозности, наиболее актуальным вопросом является поиск основополагающего элемента, позволяющего поэтапно выстроить идентичность на классических религиозных основаниях, что позволит личности гармонично развиваться, не испытывая системных противоречий в сознании, восприятии духовной сферы и самоидентификации. В качестве такого основания может выступать «комплаенс», представляющий собой единство ценностных ориентиров и системы сдержек и ограничений. Феномен «комплаенс» как модель сознательного и ценностно-ориентированного построения религиозной идентичности в современном обществе позволяет: соблюдать формальные и неформальные коллективные нормы, и паттерны, сформированные традицией и коллективным опытом; выработать единую ценностную основу для формирования системы координат в рамках каждой религиозной традиции, что также будет служить основой для религиозного диалога; разработать познавательную составляющую общего проекта религиозного просвещения молодежи; разработать систему «сдержек и противовесов», а также условия уступок со стороны различных религиозных групп и организаций, для поддержания общественного спокойствия и эффективного взаимодействия и т.д.

Таким образом, современная религиозная идентичность, находящаяся в состоянии кризиса и характеризующаяся размыванием классической устойчивой формы тождества личности со своей религиозной группой, фрагментарностью религиозного сознания, обращением к иным сферам жизни социума в процессе оформления религиозных ценностей и представлений, обретает в лице «комплаенса» инструмент для разрешения назревших противоречий и построения эффективной системы формирования религиозной идентичности, с учетом появления новых форм взаимодействия в интернет-пространстве, целью реализации которого является гармоничное развитие личности в каждой сфере жизни общества.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать необходимость более углубленного изучения «технологической мифологии», а именно выявление механизмов, воздействующих на подсознание суррогатных онтологических оснований, продуцируемых социальными сетями. Это направление работы позволит разработать еще более эффективные средства защиты от деструктивного символического воздействия и манипуляций религиозными чувствами и усилить защитную функцию модели «комплаенс» в цифровой среде.

Литература

1. Бондаренко О.В., Леонова М.С. Религиозная идентичность: экспликация понятия // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 285–290.
2. Кузьмина Н.В. Структура мировоззренческого уровня как основание идентичности / Н.В. Кузьмина // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 1. С. 287–291.
3. Минченко Т.П. К вопросу об определении религиозной идентичности в современном мире // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 99–101.
4. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе. М.: ИФ РАН 1995. 262 с.
5. Шляков А.В. Номадизм постмодерна в свете краха идентичности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 255–257.
6. Брайдотти Р. Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Спб.: Алетейя, 2001. С. 136–164.
7. Ergen Y. Framing the Study of Digital Religion: Waves of Academic Research, Theoretical Approaches and Themes. // Medya Ve Din Arastirmalari Dergisi. № 6. 2023. P. 137–166.
8. Fedorova M. Religious identity in the modern digital world // Sociodynamics, 2020. № 6. P. 66–79.
9. Nassimov M, Nassimova G. Religious Identity: research by domestic scientists // Eurasian Journal of Religious Studies. № 3. 2024. P. 3–15.
10. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Статистика религиозной и конфессиональной принадлежности россиян: каким аршином мерить // Религия и российское многообразие / Науч. ред. и сост. С.Б. Филатов. М.: Кестонский институт, Летний сад, 2012. 688 с.
11. Топчиев М.С. Религиозная идентичность и конфессиональная безопасность в поликультурном регионе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 4. С. 20–25.

THE PHENOMENON OF «COMPLIANCE» AS A FOUNDATION FOR THE FORMATION OF RELIGIOUS IDENTITY IN THE MODERN DIGITAL SOCIETY

Volchkova O.O., Silaeva Z.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to a socio-philosophical understanding of the crisis of religious identity caused by the processes of secularity and digitalization. The authors substantiate the potential of «compliance» not as a formal mechanism of control, but as a model of conscious, value-oriented identity construction capable of overcoming the extremes of both fundamentalist rigidity and postmodern nomadism. The work critically reinterprets theories of identity, proposing a transition from nominal, ethnocultural religiosity to the authentic rootedness of the individual in tradition through mechanisms of international consent and dialogue. Special attention is paid to the challenges of the digital environment, where virtual space acts as a source of destructive influences and «technological mythology». The practical significance of the research lies in developing the concept of «dynamic catechisms» and dialog platforms that ensure the axiological self-determination of the individual. As a prospect for further research, the necessary of analyzing the mechanisms of influence of surrogate ontological foundations produced by social networks is identified in order to strengthen the protective function of «compliance» in the digital space.

Keywords: religious identity, compliance, identity, digital society, religious institutions.

References

1. Bondarenko O.V., Leonova M.S. Religioznaya identichnost': eksplikatsiya ponyatiya [Religious Identity: Explication of the Concept] // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2010. № 6. P. 285–290.

2. Kuz'mina N.V. Struktura mirovozzrencheskogo urovnya kak osnovanie identichnosti [The Structure of the Worldview Level as a Basis for Identity] / N.V. Kuz'mina // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2009. № 1. P. 287–291.

3. Minchenko T.P. K voprosu ob opredelenii religioznoi identichnosti v sovremennom mire [On the Definition of Religious Identity in the Modern World] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 324. P. 99–101.

4. Panarin A.S. Rossiya v tsivilizatsionnom protsesse [Russia in the Civilizational Process]. Moscow: IF RAN, 1995. 262 p.

5. Shlyakov A.V. Nomadizma postmoderna v svete kraha identichnosti [Postmodern Nomadism in the Light of the Identity Crisis] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. № 20. P. 255–257.

6. Braidotti R. Putem nomadizma [By Way of Nomadism] // Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch.2. Khrestomatiya / Ed. by S.V. Zherebkin. St. Petersburg: Aleteiya, 2001. P. 136–164.

7. Ergen Y. Framing the Study of Digital Religion: Waves of Academic Research, Theoretical Approaches and Themes // Medya Ve Din Arastirmalari Dergisi. № 6. 2023. P. 137–166.

8. Fedorova M. Religious identity in the modern digital world // Sociodynamics. 2020. № 6. P. 66–79.

9. Nassimov M., Nassimova G. Religious Identity: research by domestic scientists // Eurasian Journal of Religious Studies. 2024. № 3. P. 3–15.

10. Lunkin R.N., Filatov S.B. Statistika religioznoi i konfessional'noi prinadlezhnosti rossiyan: kakim arshinom merit' [Statistics of Religious and Confessional Affiliation of Russians: What Yardstick to Measure] // Religiya i rossiiskoe mnogoobrazie / Ed. by S.B. Filatov. Moscow: Kestonskii institut, Letnii sad, 2012. 688 p.

11. Topchiev M.S. Religioznaya identichnost' i konfessional'naya bezopasnost' v polikul'turnom regione [Religious Identity and Confessional Security in a Multicultural Region] // Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. 2010. № 4. P. 20–25.

Эстетика буддизма: парадокс формы и пустоты

Кордас Ольга Михайловна,
кандидат философских наук, доцент ОмГУ им. Ф.М. Достоевского
E-mail: kordasom@yandex.ru

Статья посвящена анализу феномена буддийской эстетики как особой формы репрезентации сакрального. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить устойчивые черты буддийской эстетики и показать, каким образом парадокс взаимосвязи формы и пустоты определяет символический язык буддийского искусства. Показано, что несмотря на значительные различия региональных школ и традиций, буддийская эстетика основывается на тотальном символизме, гармонии противоположностей (ужасного и прекрасного, пустоты и формы, совершенства и дефекта, профанного и сакрального) и использовании художественного образа как психотехнического средства трансформации сознания. Делается вывод, что буддийское искусство использует форму как преодоление привязанности к форме, визуализирует невизуализируемое и превращает эстетический опыт в средство религиозного пути.

Ключевые слова: буддизм, буддийская эстетика, пустота (шуньята), форма, символизм.

Произведение буддийского искусства, будь то гигантские статуи Будды в скальных храмах или недолговечные и изысканные мандалы, сделанные из цветного песка, представляют собой не просто высокохудожественные творения, но и ключевой элемент религиозной культуры Востока. В отличие от западных монотеистических традиций, буддизм изначально развивался в парадоксальных отношениях с художественным образом. В любой религии искусство служит мостом между профанным и сакральным. Но в буддизме этот мост строится с учетом уникальной доктрины, где чувственное переживание не является самоцелью, а становится инструментом преодоления чувственного. В итоге буддизм, проповедующий иллюзорность мира и отказ от чувственной формы, создал одну из самых богатых и сложных художественных традиций в истории человечества.

Ранний буддизм (Хинаяна) был уделом замкнутого круга странствующих нищих монахов, сосредоточенных на нравственных проблемах и дисциплине личного духа. Будда проповедовал отказ от обрядности и ритуалов и этическая доктрина вступала в конфликт с образным мышлением. Как отмечает Е.Г. Яковлев в своем фундаментальном исследовании религиозной эстетики, «буддизм попытался изъять из религиозного сознания, и сознания вообще, элементы эмоционально-образного отношения к миру, элементы эстетические и художественные, создав учение о страдании и нирване, придав ему строгий морально-этический характер» [1, с. 180]. В более поздней версии, с распространением в I в.н.э. Махаяны – широкого пути просветления во благо всех живых существ, ориентированного на массовую аудиторию, буддизм возвращается к искусству. Создается стройная система символов, и только «включив в свою структуру обряды и эстетически организовав настроения верующих, буддизм, собственно и становится религией» [1 с. 181]. Е.Г. Яковлев прослеживает, как буддийский релятивизм порождает особую «эстетическую экзистенцию», что можно определить как способ существования верующего, при котором эмоционально-образный и художественный опыт интегрирован в религию как средство подтверждения и переживания ее мистико-философских идей [1, с. 173–180]. В то же время, задачей буддийского искусства становится не просто иллюстрация догматов, а построение опоры, отправной точки для сознания на пути к просветлению. Пространство буддийского храма организует движение верующего по пути духовного совершенствования: через созерцание рельефов с поучительными притчами-джатаками, через фигуры архаичных грозных божеств к безмолвной медитации перед образом Будды. Эстетическое воздействие призвано подготовить адепта к встрече с истиной, лежащей за пределами форм. Цель – визуализировать невизуализируемое, придать форму тому, что по определению находится за пределами форм – нирване.

Современный южнокорейский исследователь Пак Тэхо для характеристики искусства буддизма вводит понятие «эстетика имманентности», противопоставляя ее западной «эстетике трансцендентности». Он пишет, что такие западные эстетические понятия как возвышенное, пропорция, реалистичность предполагают наличие трансцендентного начала. В буддизме же нет Бога как трансцендентного субъекта, его основа имманентность, так как все изменяется под влиянием взаимозависимых условий. Буддийский идеал – «эстетический Татхагата», что можно определить как «беспредельное», воплощенное в «опредмеченном», то есть нечто, не имеющее формы, конденсируется в форму. То, что активирует этот идеал – взаимодействие таинственной пустоты и таинственного присутствия. Не величие далекого трансцендентного, а таинственность того, что раскрывается в имманентной реальности, уже присутствует в самой форме, художественном образе [2].

Буддийская эстетика формируется в различных культурно-исторических контекстах, принимая специфические формы от Индии и Гандахары до Китая, Кореи, Японии и стран Юго-Восточной Азии, демонстрируя существенные различия в визуальных и символических образах, но также имея устойчивое ядро общих принципов визуализации учения о пустоте и путях освобождения. Какие же общие черты буддийской эстетики можно выделить?

Во-первых, это *символизм* и *кодированность*, что находит выражение в декоративности и жестком иконометрическом каноне:«соединение вечного и мгновенного, неизменного и подвижного реализовано в искусстве буддизма через систему декоративной условности

и символизма» [1, с. 183]. Символизм проявился в доантропоморфной традиции изображения Будды – вместо физического тела Учителя изображались священные объекты и знаки его присутствия – отпечатки ног, пустой трон, дерево Бодхи, под которым Будда достиг просветления, и др. Важнее была не физическая личность, а высшее состояние сознания и само учение, его внутренняя суть. В дальнейшем в сложившихся в 1–2 веке н.э. Гандхарской и Матхурской художественных традициях распространяются скульптурные изображения Будды, которые с самого начала тяготеют к строгой канонизации. Черты канона закрепляются в учении о 32-х признаках совершенства, находящихся на теле Будды: «Самые известные из них – фиалковые глаза, возвышение на темени (ушниша), серп между бровями, удлиненная мочка ушей, разрез глаз, подобный прекрасным линиям лепестков лотоса, лучистое лицо, завитки волос, урна («третий глаз»), колесо на ступнях и др.» [3, с. 97–98]. Главными остаются не натурализм и телесная красота, а идеализация образа, символика позы и жеста, точность детали.

В тибетской версии ваджраянского буддизма присутствует разветвленный пантеон божеств, каждое изображается определенным иконографическим способом: «Духовные состояния, позы, жесты рук (мудры), количество лиц и рук, цвета, костюмы, атрибуты и т.д. представлены в виде соответствующих символов, которые не только означают врожденные достоинства, способности и потенциальные возможности различных божеств, но также определяют эти божества в системах их паривар («семей»). Таким образом, каждый элемент иконы важен и значим в своем символическом значении; и вся икона является великим составным символом, который может представлять космическое явление, тантрическую систему, философскую идею или абстрактное понятие» [4, с. 222]. Художник в буддистской традиции выступает только как посредник, реализующий сакральное знание, передающееся из поколения в поколение. «Создавая изображения, мастера опирались на руководства по иконометрии (указания на пропорциональные размеры, соблюдаемые припрорисовки фигуры), в которых кроме графических матриц и перечня всех деталей, также содержались (например, в тибетских текстах) подробные описания кармических последствий для художника, если он ошибется при изображении божества» [5]. Цель искусства – не выражение индивидуального Я мастера, а достижение эффекта присутствия (татхаты).

Во-вторых, это эстетика *недосказанности*и *минимализма*, которая наиболее последовательно реализуется в дзен-буддизме. Простота в буддизме – это не функциональность и экономия ресурсов, а онтологическая категория. В научных работах, посвященныхяпонской художественной традиции, исследователями подробно освещаются ключевые эстетические принципы – ваби (осознанная простота), саби (красота патины и времени) и югэн (красота намека, сокрытого), которые непосредственно связаны с буддийским пониманием непостоянства бытия и категорией пустоты (шуньяты) [6]. Например, в японской монохромной живописи суми-э художник намеренно оставляет изображение незавершенным или большую часть полотна пустым, чтобы зритель мог «достроить» образ в акте медитативного созерцания, внутреннего со-творчества. Пустота выступает одновременно как потенциальная возможность проявления всего многообразия предметов и явлений, и в то же время как «состояние тишины ума, где возможно созерцание явлений такими, какие они есть, а не навязывание миру собственных субъективных смыслов» [7, с. 156].Минимум средств провоцирует максимум духовного усилия, простота концентрирует сознание. Недосказанность является осознанным переключением внимания от насыщенной формы к самому акту созерцания, где «пустое» оказывается не отсутствием, но предельной полнотой смысла.

В-третьих, можно отметить *превалирование ритуального действия и медитативного созерцания над нарративом*. В христианстве слово (проповедь) занимает центральное место, в буддийской эстетике центральное место занимает созерцание образа как часть психопрактики. Изображение не становится иллюстрацией текста, а является самодостаточным объектом для медитации. В Ваджраяне живописное или скульптурное изображение Будды считается телом Будды, а тексты дхармы – речью Будды [5], что влечет за собой сакральный статус даже не самого текста, а его физического носителя. Особое место занимает мандала – живописный или скульптурный план Вселенной, изображаемый чаще всего в виде круга или квадрата со сложной ритмической организацией цветных геометрических фигур внутри. Создание и созерцание мандалы вводит адепта в измененное состояние сознания во время религиозных ритуалов. Это требует тщательной подготовки: «Перед тем, как монах мог получить разрешение на строительство или изображение мандала, он должен был пройти длительный период технического художественного обучения, связанного в частности, с запоминанием различных символов и изучением связанных с ними философских концепций. В монастыре Намгьял, например, этот срок составлял три года» [8, с. 94]. Особенно показательны песчаные мандалы, разрушаемые после создания, которые иллюстрируют ключевой принцип непостоянства (анитья) – искусство здесь служит прямым доказательством философского тезиса.

В-четвертых, *сочетание ужасного и прекрасного*. Буддийская эстетика, особенно в тибетской традиции и Махаяне, активно использует грозные и страшные образы гневных божеств. Дхармапалы – защитники учения, «изображены в отталкивающих образах, имеют яростный и наводящий ужас вид» [4, с. 219], они имеют множеством голов и рук, клыки, украшены венцами из черепов, предстают в окружении пламени и крови. Предполагается, что эти образы выражают энергию страдания и призваны разрушать внутренних демонов невежества и страсти для пробуждения сознания. Ужас здесь не зло, а инструмент разрушения иллюзий, он не нарушает гармонии, а расширяет эстетический диапазон. Эта эстетическая антитеза имеет ту же цель, что и любой религиозный ритуал: вывести человека из состояния психологического равновесия, чтобы подтолкнуть к выходу за пределы обыденного. Другой вариант не настолько прямолинейного образа ужасного встречается в эстетике дзен-буддизма, где искусство зачастую провоцирует одномоментное переживание прекрасного и пугающего. Категория саби (очарование увядания) в дзен-буддизме ярко проявлена в искусстве икебаны и чайной церемонии – почти увядшие цветы и чуть потрескавшиеся чашки совмещают красоту и мягкую печаль, рожденную из неизбежности конца любой вещи или явления. Можно также сказать об экзистенциальном ужасе перед непостоянством и распадом всего. В эстетике дзен-буддизма постоянновстречается напоминание о неизбежности старения, одиночестве и смерти, но данный опыт может быть как пугающим, так и освобождающим одновременно. Гармония вбуддийской (особенно в японской) эстетике не есть «выглаженная» красота, а равновесие противоположностей: пустоты и формы, света и тьмы, совершенства и дефекта. Эти пары не уничтожаю одна другую, а включаются в один опыт, что является художественным воплощением буддийского принципа недвойственности.

И, наконец, *эстетизация природы и быта*, направленная на стирание границ между профанным и сакральным пространством. Как и в протестантизме, в буддизме (особенно в дзен) происходит сакрализация повседневных действий. Но если у протестантов это выражается в этике труда (работа – это молитва), то в дзен-буддизме проявляется в эстетике чайной церемонии, икебаны, сада камней и даже каллиграфии. Любое действие может стать искусством, если оно совершается с «полным присутствием» (сати). Это выражает идею, что нирвана не отделена от сансары: абсолютное проявляется в обычном.

Природа так жестановится полноправным участником сакрального действия, а не является просто фоном, как в западной традиции. Храм часто сознательно вписывается в природный ландшафт, не доминирует над ним. Природные объекты могут быть не менее священными, чем иконические образы Будды. Например, дерево Бодхи, под которым принц Гаутама получает откровение о четырех благородных истинах, является символом просветления и высшего знания. До сих пор почитаются как реликвии деревья, выращенные из его семян: «Отвергающий абстракции, принятые в других формах буддийского искусства, буддизм Шри-Ланки почитает священное дерево Бодхи и окружает благоговением «потомков» этого символа просветления. В честь дерева Бодхи построено специальное открытое небу святилище, называемое бодхи-гхара. Оно воздвигнуто вокруг священного дерева и окружено четырьмя фигурами сидящего Будды» [3, с. 126].

Примером современного прочтения буддийской эстетики и ее способности к диалогу с современностью может служить активное использование буддийских мотивов в современном искусстве и архитектуре. В отличие от консервативных школ, современные буддийские мастера и архитекторы (например, Тадао Андо в Японии) активно используют бетон, стекло и свет, чтобы выразить те же принципы пустоты, минимализма и недвойственности [9]. В храмовых комплексах Калмыкии и Бурятии сегодня можно увидеть синтез традиционной тибетской иконографии и современных материалов и технологий[10]. Кроме того, в музеях мира проходят выставки, где древние танки (буддийские иконы) выставляются рядом с работами современных художников. Примером могут служить экспозиции, организованные Национальным музеем Республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова. Например, в 2024 году там состоялась межрегиональная выставка «Буддизм через искусство», где были представлены работы современных авторов в различных техниках: живопись, вышивка, цифровая графика, нейросеть [11]. Это говорит о том, что эстетика буддизма не только не устарела, но и созвучна постмодернистскому восприятию с его интересом к симулякрам, пустоте и деконструкции.

Таким образом, эстетика буддизма отражает его глубинную философскую доктрину – указание на пустотность (шуньяту) всех явлений.

И парадоксальным образом использует форму для преодоления привязанности к форме. Буддийская эстетика предлагает путь тотального символизма, где архитектура, скульптура, живопись и ритуал сливаются в единый психотехнический комплекс, целью которого является трансформация сознания.

Литература

1. Яковлев Е.Г. Искусство и мировые религии. М.: Высшаяшкола, 1985. 287 с.

2. Park T. Aesthetic Tathāgata and the Aesthetics of Abstruseness. Toward the Aesthetics of Immanence in Buddhist Art // The Journal of the Korean Association for Buddhist Studies. 2022. № 104. p. 127–161.

3. Мещерина Е.Г. ЭстетикаДревнегоВостока: Китай. Индия. Япония: буддизм и искусство XX века. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Канон-плюс, 2017. 351 с.

4. Ханда О.Ч. Обзор буддийского духовного искусства // Искусство Евразии. 2019. № 4 (15). С. 219–245.

5. Деменова В.В. Буддизм. Изобразительное искусство и архитектура // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/buddizm-iskusstvo-i-arkhitektura-c22d5c (дата обращения: 19.02.2026).

6. См.: Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979. 367 с.; Вещь в японской культуре / Сост. Н.Г. Анарина, Е.М. Дьяконова. М.: Восточная литература 2003. 262 с.; Аветисян А.Д. Эстетика югэн. Саби, ваби, нарэ и вкус умами // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2014. № 1. С. 248–263; Ганова К.С. Эстетические категории японской культуры // Культурное наследие Сибири. 2018. № 1 (25). С. 172–177; Кирпо А.Р., Ким А.А. Влияние японской культуры и эстетического мировоззрения ваби-саби на современную архитектуру // Урбанистика. 2022. № 2. С. 38–45 и др.

7. Морозов И.И., Иванова Е.Ю. Влияние дзен-буддизма на японскую культуру и архитектуру // Общество: философия, история, культура. 2025. № 2. С. 154–161.

8. Курасов С.В. Мандала как своеобразный жанр живописи Тибета // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2013. № 2. С. 91–100.

9. См.: Куповский С.М. Поэзия минимализма Тадао Андо // Наука, образование и экспериментальное проектирование. 2020. № 1. С. 162–164.

10. См.: Очирова Н.Г. Буддизм в социокультурном пространстве Калмыкии: современное состояние и тенденции // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2025. № 4. С. 54–66; Пыльнева Л.Л. Буддизм в культуре Бурятии: современное состояние // Вестник музыкальной науки. 2015. № 3 (9). С. 73–81.

11. Баирова В. Буддизм через искусство // Элистинская панорама. 16 октября 2024. URL: http://xn——7sbbaa7bunhkipgo5n.xn – p1ai/177-iskusstvo/6238-buddizm-cherez-iskusstvo (дата обращения: 12.03.2026).

BUDDHIST AESTHETICS: THE PARADOX OF FORM AND EMPTINESS

Kordas O.M.
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of Buddhist aesthetics as a special form of representation of the sacred. The aim of the study is to identify the enduring features of Buddhist aesthetics and to demonstrate how the paradox of the relationship between form and emptiness determines the symbolic language of Buddhist art. It is shown that despite significant differences among regional schools and traditions, Buddhist aesthetics is based on total symbolism, the harmony of opposites (the terrifying and the beautiful, emptiness and form, perfection and defect, the profane and the sacred), and the use of the artistic image as a psychotechnical means for the transformation of consciousness. It is concluded that Buddhist art uses form as a way to overcome attachment to form, visualizes the non-visualizable, and turns aesthetic experience into a means on the religious path.

Keywords: Buddhism, Buddhist aesthetics, emptiness (shunyata), form, symbolism.

References

1. Yakovlev, E.G. Art and World Religions. Moscow: Vysshaya Shkola, 1985. 287 p.

2. Park, T. Aesthetic Tathāgata and the Aesthetics of Abstruseness. Toward the Aesthetics of Immanence in Buddhist Art // The Journal of the Korean Association for Buddhist Studies. 2022. No. 104. P. 127–161.

3. Meshcherina, E.G. Aesthetics of the Ancient East: China. India. Japan: Buddhism and the Art of the 20th Century. 2nd ed., expanded and revised. Moscow: Kanon-Plus, 2017. 351 p.

4. Khandá, O. Ch. A Survey of Buddhist Spiritual Art // Iskusstvo Evrazii / Art of Eurasia. 2019. No. 4 (15). P. 219–245.

5. Demenova, V.V. Buddhism. Fine Arts and Architecture // Great Russian Encyclopedia. URL: https://bigenc.ru/c/buddizm-iskusstvo-i-arkhitektura-c22d5c (Accessed: 19.02.2026).

6. See: Grigorieva, T.P. Japanese Artistic Tradition. Moscow: Nauka, 1979. 367 p.; The Object in Japanese Culture / Comp. by N.G. Anarina, E. M. D'yakonova. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 262 p.; Avetisyan, A.D. The Aesthetics of Yūgen. Sabi, Wabi, Nare, and the Taste of Umami // Dekorativnoe Iskusstvo i Predmetno-Prostranstvennaya Sreda. Vestnik RGHPU im. S.G. Stroganova / Decorative Art and Environment. Annals of the Stroganov Academy. 2014. No. 1. P. 248–263; Ganova, K.S. Aesthetic Categories of Japanese Culture // Kulturnoe Nasledie Sibiri / Cultural Heritage of Siberia. 2018. No. 1 (25). P. 172–177; Kirpo, A. R., Kim, A.A. The Influence of Japanese Culture and the Wabi-Sabi Aesthetic Worldview on Modern Architecture // Urbanistika / Urban Studies. 2022. No. 2. P. 38–45, et al.

7. Morozov, I. I., Ivanova, E. Yu. The Influence of Zen Buddhism on Japanese Culture and Architecture // Obshchestvo: Filosofiya, Istoriya, Kultura / Society: Philosophy, History, Culture. 2025. No. 2. P. 154–161.

8. Kurasov, S.V. The Mandala as a Distinctive Genre of Tibetan Painting // Teatr. Zhivopis. Kino. Muzyka / Theatre. Painting. Cinema. Music. 2013. No. 2. P. 91–100.

9. See: Kupovsky, S.M. The Poetry of Minimalism in the Work of Tadao Ando // Nauka, Obrazovanie i Eksperimentalnoe Proektirovanie / Science, Education, and Experimental Design. 2020. No. 1. P. 162–164.

10. See: Ochirova, N.G. Buddhism in the Socio-Cultural Space of Kalmykia: Current State and Trends // Vestnik Maikopskogo Gosudarstvennogo Tekhnologicheskogo Universiteta / Bulletin of Maikop State Technological University. 2025. No. 4. P. 54–66; Pylneva, L.L. Buddhism in the Culture of Buryatia: Current State // Vestnik Muzykalnoi Nauki / Bulletin of Musical Science. 2015. No. 3 (9). P. 73–81.

11. Bairova, V. Buddhism through Art // Elistinskaya Panorama. 16 October 2024. URL: http://xn——7sbbaa7bunhkipgo5n.xn – p1ai/177-iskusstvo/6238-buddizm-cherez-iskusstvo (Accessed: 12.03.2026).

Насыщенный феномен и теологический разрыв: методологические границы феноменологии Жан-Люка Мариона

Мязин Илья Олегович,
аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
E-mail: i.o.myazin@gmail.com

Статья посвящена анализу статуса трансцендентного в проекте феноменологии данности Ж.-Л. Мариона. Актуальность обращения к проблеме «теологического поворота» французской феноменологии связана с необходимостью прояснить пределы философского дискурса при описании избыточной феноменальности в постсекулярную эпоху. Цель исследования – выявить характер методологической границы между феноменологией и теологией в концепции насыщенного феномена. Задачи работы: анализ типологии насыщенных феноменов в рамках четырех кантовских категорий и пятого парадигмального типа (Откровение); критическое осмысление полемики с Д. Жанико и его последователями; экспликация проблемы принимающего субъекта как «наделенного собой» (l'adonné); рассмотрение марионовского проекта в постсекулярном контексте. Методологическую базу исследования образуют: феноменологический анализ первичных текстов Ж.-Л. Мариона, критическая историография французских феноменологических дебатов 1990-х-2020-х гг. и сравнительный анализ герменевтических интерпретаций избыточной феноменальности в работах К.М. Гшвандтнер, С. Маккинли и Р. Хорнер. По итогам исследования вводится понятие «перформативного стирания» – понимаемое как такая конфигурация философского описания, при которой дисциплинарная граница феноменологии не нарушается явным тезисом, но последовательно нейтрализуется самой процедурой дескрипции избыточной данности. Показано, что данное стирание является не случайным дефектом, а структурной чертой метода. Утверждение Откровения в качестве парадигмального феномена легитимирует переход от строгой дескрипции к герменевтике избытка, что превращает проект Мариона в философию религиозного опыта, требующую собственных критериев верификации.

Ключевые слова: насыщенный феномен; феноменология данности; Жан-Люк Марион; теологический поворот; онтотеология; постсекулярная философия; апофатическое богословие.

Введение

В современной континентальной философии вопрос о статусе трансцендентного и границах философского метода сохраняет дискуссионный характер. Проект «феноменологии данности» Ж.-Л. Мариона систематически апеллирует к концептам, укорененным в религиозном дискурсе: Откровению, иконе, теофании, плоти. Методологический статус этого проекта остается спорным: двойственность языка, описывающего избыточную феноменальность, ставит под сомнение возможность демаркации между феноменологическим описанием и теологической апологетикой. Начало этой полемике положила работа Д. Жанико, диагностировавшего «теологический поворот», в ходе которого феноменология совершает разрыв с имманентной феноменальностью ради утверждения догматических предпосылок [21, p. 35–49].

В отечественной традиции А.В. Ямпольская показывает, что редукция к данности переводит субъекта из позиции активного конституирующего агента в статус пассивного свидетеля [16, с. 101–102]; Ф.А. и И.И. Докучаевы эксплицируют антропологические следствия этого сдвига и диагностируют умозрительный характер марионовского проекта, не анализируя, однако, его структурных причин [4, с. 38; 5, с. 65–67]. Настоящая статья ставит задачу именно такого внутреннего анализа.

В англоязычной историографии этот аспект проработан шире. Ключевые монографии исследуют герменевтическое опосредование избыточных феноменов у С. Маккинли [22], типологизацию степеней феноменализации у К.М. Гшвандтнер [18] и апории описания абсолютного дара у Р. Хорнер [20]. Осмысление марионовской философии невозможно без учета постсекулярного контекста, очерченного в трудах Ч. Тейлора [12] и Ю. Хабермаса [13]. Актуальный корпус последних пяти лет включает дискуссии об отсутствии универсального теологического метода [6, с. 28] и о противоречивости статуса насыщенного феномена [28, p. 128].

На этом фоне центральный исследовательский вопрос формулируется следующим образом: где в концепции насыщенного феномена проходит методологическая граница между феноменологией и теологией – и проходит ли она в аналитике избыточной данности вообще?

В качестве рабочей гипотезы выдвигается тезис о том, что указанная граница в философии Ж.-Л. Мариона перформативно стерта. Под перформативным стиранием понимается такая конфигурация философского описания, при которой дисциплинарная граница между философией и теологией не нарушается явным тезисом, но последовательно нейтрализуется самой процедурой описания избыточной данности – через выбор концептов, параметров дескрипции и примеров, имплицитно предполагающих теологическое содержание. Как пишет сам Ж.-Л. Марион, «феноменология преодолевает метафизику, поскольку, признавая данность первоначальной, она избавляется от любого принципа априори» [9, с. 133]. Анализ показывает, что это стирание границы – не случайный дефект и не непоследовательность автора, а структурная черта метода, одновременно выступающая источником эвристической силы проекта и причиной его эпистемологической уязвимости [20, p. 158].

Структура статьи включает три раздела: реконструкция типологии насыщенных феноменов; анализ полемики с Д. Жанико и концепта «наделенного собой»; рассмотрение проекта Мариона в постсекулярной перспективе.

Феноменология данности и типология насыщенных феноменов

Методологическим фундаментом феноменологии служит гуссерлевский «принцип всех принципов»: «любое дающее из самого первоисточника созерцание есть правовой источник познания» [2, с. 80], – однако феноменальность здесь ограничена трансцендентальными условиями интенциональности, сводящими являющееся событие к статусу конституируемого объекта. Онтологический сдвиг Хайдеггера перенес акцент с гносеологического конституирования на раскрытие бытия как несокрытости [14, с. 41]; в поздних работах он показал, что западная мысль устроена онтотеологически – бытие смешивается с сущим, а поиск первопричины замыкается на causa sui [15, с. 57–63]. Преодолевая

эту двойную ограниченность, Ж.-Л. Марион предлагает «третий шаг» – феноменологическую редукцию к данности [9, с. 138], формулируя ее базовый принцип: «Столько редукции, сколько данности: чем строже осуществляется редукция, тем в большей мере открывается поле данности – не как субъективная проекция, но как то, что дается само из себя» [23, p. 16–17]. В результате классический субъект утрачивает конституирующую позицию, уступая место концепту «наделенного собой» (l'adonné) [10, с. 152–153].

А.В. Ямпольская показывает, что редукция к данности производит инверсию субъективности: субъект из активного агента превращается в принимающего свидетеля, идентичность которого конституируется избыточной феноменализацией [16, с. 102]. Эта трансформация вписывается в французскую (пост)феноменологию, стремящуюся выйти за пределы имманентности сознания [11, с. 8]. Ее интеллектуальный фон формируют тексты Э. Левинаса, для которого бытие «исключает всякую инаковость», а этическое обращение направлено к «Иному, чем бытие» [7, с. 329].

Центральный элемент феноменологии данности – типология насыщенных феноменов. Насыщенный феномен концептуализируется как событие, в котором интуиция превосходит интенцию и делает невозможным сведение явления к контролируемому объекту [23, p. 195]. Четырехчастная типология соотносится с кантовскими категориями. По количеству выделяется историческое событие: непредвиденное, уникальное, не поддающееся каузальному исчислению [24, p. 30–35]. По качеству описывается идол – феномен ослепляющего созерцания, переполняющий воспринимающий взгляд [24, p. 54–70]. По отношению выделяется плоть (la chair) – опыт автоаффектации, не вписываемый в объективные координаты [24, p. 82–103]. По модальности конституируется икона – лик Другого, в котором интенциональность обращается: субъект оказывается не созерцающим, а созерцаемым [24, p. 104–127], что переосмысляет левинасовское требование ответственности перед Лицом [7, с. 254] в регистре феноменологии данности.

Каждый тип феномена «взрывает» одно из условий предметности: событие – категорию количества, идол – качества, плоть – отношения, икона – модальности. Конструктивная логика типологии предполагает постулирование предела – феномена, одновременно «взрывающего» все четыре категории. Пятый тип – Откровение (la Révélation) – определяется как парадокс парадоксов и предельная форма насыщенности [25, p. 122]. Откровение вводится не как эмпирическая добавка, а как логически вычислимый предел самой схемы, что непосредственно связано с последующим методологическим напряжением. Сквозным мотивом классификации выступает проблема дара: парадокс дарования позволяет помыслить бытие за пределами утилитарной экономики обмена [1, с. 250] – в полемике с позицией Деррида, для которого феноменализация дара без его разрушения в экономике благодарности невозможна [3, с. 15].

К.М. Гшвандтнер показывает, что феноменология избытка предполагает герменевтическое опосредование: ослепляющий феномен требует интерпретирующей активности принимающего субъекта [18, p. 16–22]. Р. Хорнер фиксирует методологический разрыв на этапе перехода от четырех описательных типов к пятому: абсолютный дар нефеноменализируем и не может быть адекватно схвачен в созерцании без разрушения своей абсолютности [20, p. 158]. Строгая дескрипция замещается теологической предпосылкой. Д. Жанико диагностировал это как «теологический поворот»: религиозные догматы протаскиваются под видом исследования чистого феномена [21, p. 35–49]. Т. Карлсон показывает, что концептуализация невыразимой избыточности воспроизводит апофатическую традицию, восходящую к Псевдо-Дионисию Ареопагиту [17, p. 170–210], делая философское описание трудноотличимым от богословского апологетического дискурса.

Таким образом, утверждение Откровения как парадигмальной формы феноменальности трансформирует природу применяемого метода: легитимируется переход от дескрипции к герменевтике избытка. Это наблюдение – отправная точка для дальнейшего анализа полемики с Д. Жанико и антропологических следствий концепта «наделенного».

Полемика с Д. Жанико и проблема субъекта-«наделенного собой»

Работа Д. Жанико «Le tournant théologique de la phénoménologie française» (1991) выдвинула три ключевых обвинения: обращение к невидимому нарушает принципы гуссерлевской дескрипции; методологическая «открытость» к избытку используется для легитимации внефилософских предпосылок; апелляция к неинтенциональному опыту структурно воспроизводит фигуры отрицательной теологии, подменяя дескрипцию апологетикой [21, p. 16].

Отвечая на эту критику, Ж.-Л. Марион выстраивает защиту по трем линиям. Первая – методологическое разграничение компетенций: философское исследование описывает априорные условия, при которых абсолютный феномен мог бы явиться, воздерживаясь от утверждения его свершения [9, с. 142]. Феноменология остается «дискурсом возможности» и не вторгается в компетенцию догматики. Вторая – различение возможности и действительности Откровения: «граница между феноменологией и теологией проходит между откровением как возможностью и откровением как историчностью» [9, с. 142; 25, p. 122]. Третья – обращение к внутрифеноменологическим ресурсам: по логике принципа «столько редукции, сколько данности» [23, p. 16–17] расширение поля данности происходит имманентно самому методу, а не за его счет.

Критическая литература, однако, показывает ограниченность этих аргументов. Р. Хорнер указывает, что Откровение функционирует в типологии не как пограничный мысленный эксперимент, а как нормативный горизонт, по образцу которого мыслятся остальные феномены [20, p. 158]. С. Маккинли показывает, что модель избыточной данности с необходимостью предполагает герменевтическое опосредование: ослепляющий феномен требует интерпретации со стороны субъекта [22, p. 74–78]. Игнорирование герменевтического поворота [30, p. 12] оставляет восприятие насыщенного феномена методологически непроясненным. К.М. Гшвандтнер указывает на невозможность провести внутрифеноменологические критерии различения подлинной насыщенности и аффективной иллюзии [18, p. 16–22].

Антропологические следствия этого напряжения выражены в пересмотре понятия субъективности. Отказываясь от фигуры трансцендентального эго, Ж.-Л. Марион вводит концепт «наделенного собой» (l'adonné): субъект лишен изначальной автономии, его идентичность формируется как вторичный ответ на предшествующий невидимый зов [5, с. 67–68]. В работе «Эго, или Наделенный собой» Марион эксплицирует августиновский подтекст своей антропологии: феноменологическое прочтение «Исповеди» выстраивает субъективность через понятия memoria и confessio – субъект получает идентичность через исповедальное предстояние пред Невидимым [10, с. 152]. Философский субъект конструируется по образу верующей души.

Такая архитектура порождает эпистемологическую проблему: пассивный субъект не может отличить подлинное Откровение от иллюзии или галлюцинации. С. Маккинли показывает, что отказ от герменевтической активности «устраняет напряжение в пользу феномена, делая принимающего пассивным» [22, p. 230–234]. М. Вестфал отмечает, что марионовское описание рецептивности воспроизводит структуру теологической антропологии благодати без признания ее религиозных предпосылок [29, p. 161–180]. С. Урбаняк показывает, что концепт пассивного «наделенного» начинает выполнять функцию легитимации специфически религиозного опыта, стирая границу между восприимчивостью и верой [26, p. 205–207].

Принципиальное отличие марионовского решения от соседних стратегий позволяет уточнить водораздел перформативного стирания. У Э. Левинаса инаковость Другого не претендует на статус феномена: Лицо – это оклик, превосходящий феноменальность как таковую, а этическая асимметрия задает разрыв изнутри самой этики [7, с. 329]. У позднего М. Хайдеггера несокрытость (ἀλήθεια) удерживается в границах онтологического различия [15, с. 57–63]; хайдеггеровский последний Бог не конституирует своего реципиента и не вводится в типологию феноменов. Ж.-Л. Марион, напротив, включает абсолютное в поле феноменологической дескрипции – именно этот шаг создает условия для перформативного стирания: само описание изменяет свою природу, втягивая теологические предпосылки в дескриптивную процедуру.

На основании представленной аргументации можно сформулировать ключевой тезис: перформативное стирание методологической границы – структурное условие возможности марионовского проекта, а не его случайный дефект [31, p. 98]. Трансцендентность функционирует как организующий принцип, исключающий дистанцированную дескрипцию [32, p. 2]. Следует, однако, избегать иммунизирующего утверждения, будто любая критика метода автоматически разрушает его эвристику: именно различие между внутренней критикой и внешним упреком делает возможной переквалификацию проекта как философии религиозного опыта [28, p. 132].

Марион в контексте постсекулярной философии религии

Осмысление марионовского проекта невозможно вне дискурса о статусе религии в эпоху модерна. Ч. Тейлор показывает, что переход к имманентному порядку породил «эффект сверхновой» – умножение вариантов духовного выбора при дефиците смыслов у классического неверия [12, с. 487]. Ю. Хабермас констатирует постсекулярное состояние, при котором «постметафизическое мышление не может понять себя, если

не включает в собственную генеалогию религиозные традиции» [13, с. 11]. Марион отвечает на этот кризис не социологически, а феноменологически: трансцендентное мыслится как нередуцируемый опыт, превосходящий возможности познающего субъекта.

Ч. Тейлор и Ю. Хабермас описывают условия веры извне – социально, культурно, историко-философски – и оставляют сам вопрос о феноменальности трансцендентного в стороне. Ж.-Л. Марион, напротив, ставит вопрос изнутри метода и пытается описать трансцендентное как форму опыта, а не как эпохальное состояние сознания. Постсекулярное у Тейлора и Хабермаса – предмет философии культуры, постсекулярное у Мариона – предмет феноменологии. Это различие делает марионовскую аналитику одновременно уязвимой и концептуально несводимой к соседним подходам.

Эвристический потенциал феноменологии данности состоит в предоставлении аппарата для описания религиозных феноменов в их собственной логике – в отличие от классической рациональности, сводившей опыт Откровения к психологической иллюзии или социальному конструкту [4, с. 38]. К.М. Гшвандтнер обосновывает, что аналитика избыточной данности позволяет фиксировать различные степени феноменализации и сохранять религиозный феномен от редукции к имманентным категориям [18, p. 16–22]. В другой работе она показывает, что проект Мариона формирует язык «постмодерной апологетики», где разговор о Боге ведется через акцентирование инаковости и восприимчивости [19, p. 3].

Эта же амбивалентность порождает концептуальную уязвимость. С. Урбаняк показывает, что предельная пассивность субъекта инструментализируется для легитимации религиозного опыта, обходя герменевтическую проверку источника интуиции [26, p. 205–207]. Отсутствие строгих критериев верификации угрожает растворением концепции в «теологии опыта»: сильная эстетическая аффектация может быть приравнена к Откровению, что лишает метод научной строгости [28, p. 146]. Если принять марионовскую аксиому вторичности субъекта, внешние возражения оказываются структурно неслышимыми – С. Урбаняк фиксирует это как «апологетическую замкнутость» дискурса [26, p. 205–207]. В настоящем исследовании эта возможность иммунизации является предметом анализа: внутри метода выделяются критерии мета-уровня (когерентность, различающая способность, герменевтическая ответственность), по которым проект подлежит оценке без возврата к классической субъект-центрической феноменологии.

С.А. Коначева подчеркивает, что в парадигме радикальной теологии «Бог не мыслится как локализованная или идентифицируемая сущность, <…> но как событие, как слабая сила духа, призрачное посещение» [6, с. 32–33]. Мотив избыточной данности воспроизводит апофатическую логику, восходящую к Псевдо-Дионисию Ареопагиту: последовательное исключение катафатических определений ради сохранения божественного как «сверхсветлого мрака». Т. Карлсон и Д. Тернер независимо фиксируют одну и ту же структуру этой традиции: отрицание удерживает божественное в регистре, недоступном рассудочному синтезу, где невыразимость избытка становится условием его подлинности [17, p. 155–157; 27, p. 19–34]. Марионовская типология воспроизводит первый момент этой традиции – непостижимость избыточной данности, – однако оставляет в стороне второй: различение между непостижимой сущностью и доступными энергиями, разработанное от Каппадокийцев до Паламы. Вследствие этого избыточная данность рискует превратиться в нерасчлененный избыток, лишенный различительных критериев. Соотнесение марионовской аналитики с паламитским богословием энергий остается задачей самостоятельного исследования.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Граница между феноменологией и теологией в концепции Ж.-Л. Мариона не является линией демаркации: она представляет собой методологическое напряжение, поддерживаемое внутри философского дискурса. Как показывает Д. Жанико, отказ от имманентных рамок ведет к инструментализации метода для апологетических целей [21, p. 35–49]. В то же время сам Ж.-Л. Марион признает, что «феноменология уступает теологии откровения» [9, с. 142]. Перформативное стирание – конфигурация описания, нейтрализующая дисциплинарную границу на уровне самой процедуры дескрипции – выступает не случайным дефектом, а структурной чертой метода. Р. Хорнер обосновывает, что абсолютный дар нефеноменализируем и стирание классических ограничений становится условием сохранения его инаковости [20, p. 158]. С. Маккинли показывает неизбежность герменевтического опосредования избыточных феноменов [22, p. 74–78], что исключает возврат к чистому субъект-центрированному созерцанию без разрушения эвристики проекта.

Марионовскую аналитику целесообразно классифицировать как философию религиозного опыта – гибридный статус, требующий собственных методологических стандартов верификации, которыми мысль пока не располагает [29, p. 161–180; 32, p. 2].

Научная значимость исследования заключается во введении понятия «перформативного стирания» как самостоятельной аналитической категории, отличной от «теологического поворота» Д. Жанико [21] и «скрытой апологетики» С. Урбаняка [26]. Предложенная категория обладает объяснительным потенциалом для разбора современных философско-теологических проектов, мыслящих Божественное вне рамок онтотеологии. Продуктивной перспективой дальнейших изысканий признается компаративный анализ постфеноменологии и восточнохристианской апофатики, в особенности соотнесение марионовской аналитики с паламитским различением сущности и энергий. С.А. Коначева указывает, что теология, мыслящая трансцендентное как «событие» [6, с. 32], структурно сближается с неклассическими дескриптивными стратегиями, что открывает продуктивную область для отечественной философии религии.

Литература

1. Богатов М.А., Павлова Д.А. Проблема дара: теологический и онтологический контексты современной мысли // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 249–254.

2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1 / пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009. 489 с.

3. Деррида Ж. Дар смерти / пер. с фр. Ю.О. Азаровой. М.: Логос, 2009. 256 с.

4. Докучаев И.И. Теология как наука о данном и насыщенный феномен в концепции Ж.-Л. Мариона // Журнал интегративных исследований культуры. 2023. Т. 5, № 1. С. 34–40.

5. Докучаев Ф.А. Феномен и его субъект. Проблема «принимающего» в философии Жана-Люка Мариона // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 61–73.

6. Коначева С.А. О возможности «неторных троп» в теологии: к вопросу об отсутствии универсального теологического метода // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2025. Вып. 122. С. 28–40.

7. Левинас Э. Тотальность и Бесконечное / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.

8. Марион Ж.-Л. Идол и дистанция / пер. с фр. Г. Вдовиной // Символ. 2009. № 56. 284 с.

9. Марион Ж.-Л. Метафизика и феноменология – на смену теологии / пер. с фр. С.А. Шолоховой // Логос. 2011. № 3 (82). С. 124–143.

10. Марион Ж.-Л. Эго, или Наделенный собой / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: РИПОЛ классик; Панглосс, 2019. 159 с.

11. (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академический проект, 2014. 288 с.

12. Тейлор Ч. Секулярный век / пер. с англ. А. Васильева и др. М.: ББИ, 2017. 968 с.

13. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / пер. с нем. М.Б. Скуратова. М.: Весь Мир, 2011. 336 с.

14. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.

15. Хайдеггер М. Тождество и различие / пер. с нем. А. Денежкина. М.: Гнозис; Логос, 1997. 64 с.

16. Ямпольская А.В. Жан-Люк Марион и редукция к данности // Ямпольская А.В. Феноменологическая редукция как философская практика. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 101–111.

17. Carlson T.A. Indiscretion: Finitude and the Naming of God. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 304 p.

18. Gschwandtner C.M. Degrees of Givenness: On Saturation in Jean-Luc Marion. Bloomington: Indiana University Press, 2014. 272 p.

19. Gschwandtner C.M. Postmodern Apologetics? Arguments for God in Contemporary Philosophy. New York: Fordham University Press, 2013. 336 p.

20. Horner R. Rethinking God as Gift: Marion, Derrida, and the Limits of Phenomenology. New York: Fordham University Press, 2001. 288 p.

21. Janicaud D., Courtine J.-F., Chrétien J.-L. et al. Phenomenology and the «Theological Turn»: The French Debate / transl. by B.G. Prusak. New York: Fordham University Press, 2000. 249 p.

22. Mackinlay S. Interpreting Excess: Jean-Luc Marion, Saturated Phenomena, and Hermeneutics. New York: Fordham University Press, 2010. 280 p.

23. Marion J.-L. Being Given: Toward a Phenomenology of Givenness / transl. by J.L. Kosky. Stanford: Stanford University Press, 2002. 452 p.
24. Marion J.-L. In Excess: Studies of Saturated Phenomena / transl. by R. Horner, V. Berraud. New York: Fordham University Press, 2002. 192 p.
25. Marion J.-L. The Visible and the Revealed / transl. by C.M. Gschwandtner et al. New York: Fordham University Press, 2008. 192 p.
26. Urbaniak S. Phenomenology as Apologetics: The Crossing of the Paths of Theology and Philosophy in the Work of Jean-Luc Marion // Forum Philosophicum: International Journal for Philosophy. 2022. Vol. 27, № 2. P. 193–210.
27. Turner D. The Darkness of God: Negativity in Christian Mysticism. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 288 p.
28. Barbour K.J. The Saturated Phenomenon as Contradiction: A Contribution to the Hermeneutic Critique of Jean-Luc Marion's Phenomenology // Symposium: Canadian Journal of Continental Philosophy. 2025. Vol. 29, № 1. P. 121–143.
29. Westphal M. Transcendence and Self-Transcendence: On God and the Soul. Bloomington: Indiana University Press, 2004. 256 p.
30. Wiercinski A. (ed.) Between Description and Interpretation: The Hermeneutic Turn in Phenomenology. Toronto: The Hermeneutic Press, 2005. 291 p.
31. Trabbic J.G. Jean-Luc Marion and the Phénoménologie de la Donation as First Philosophy // American Catholic Philosophical Quarterly. 2021. Vol. 95, № 3. P. 389–409.
32. Kish O.A. Transcendence in Jean-Luc Marion: Negotiating Theology and Phenomenology // Religions. 2025. Vol. 16, № 4. Art. 523. DOI: 10.3390/rel16040523.

SATURATED PHENOMENON AND THEOLOGICAL RIFT: METHODOLOGICAL BOUNDARIES OF JEAN-LUC MARION'S PHENOMENOLOGY

Myazin I.O.
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg

The article analyses the status of the transcendent within Jean-Luc Marion's project of the phenomenology of givenness. The inquiry into the «theological turn» of French phenomenology is timely because the limits of philosophical discourse, when applied to excessive phenomenality, remain contested in the post-secular age. The aim of the study is to identify the nature of the methodological boundary between phenomenology and theology within the concept of the saturated phenomenon. The tasks are: to analyse the typology of saturated phenomena; to reassess the polemics with D. Janicaud and his successors; to explicate the problem of the receiving subject as l'adonné; and to situate Marion's project in the post-secular context. Methodologically the paper combines phenomenological reading of Marion's primary texts, critical historiography of the French debates of the 1990s-2020s, and comparative analysis of hermeneutic readings of excess in C.M. Gschwandtner, S. Mackinlay and R. Horner. The study introduces the notion of «performative erasure», defined as a configuration of description in which the disciplinary boundary of phenomenology is not violated by an explicit thesis but is neutralised by the very procedure of describing excessive givenness. It is shown that such erasure is not an accidental flaw but a structural feature of the method. Marion's project is consequently classified as a philosophy of religious experience requiring its own criteria of verification rather than a strict phenomenology of immanence.

Keywords: saturated phenomenon; phenomenology of givenness; Jean-Luc Marion; theological turn; ontotheology; post-secular philosophy; apophatic theology.

References

1. Bogatov M.A., Pavlova D.A. The Problem of the Gift: Theological and Ontological Contexts of Contemporary Thought. Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2024. Vol. 24, iss. 3. Pp. 249–254. (In Russ.)
2. Husserl E. Ideas: General Introduction to Pure Phenomenology. Book 1. Transl. from German by A.V. Mikhailov. Moscow: Akademicheskiy proekt, 2009. 489 p. (In Russ.)
3. Derrida J. The Gift of Death. Transl. from French by Yu.O. Azarova. Moscow: Logos, 2009. 256 p. (In Russ.)
4. Dokuchaev I.I. Theology as Science of the Given and the Saturated Phenomenon in J.-L. Marion's Concept. Journal of Integrative Cultural Studies. 2023. Vol. 5, № 1. Pp. 34–40. (In Russ.)
5. Dokuchaev F.A. The Phenomenon and Its Subject: The Problem of the 'Recipient' in Jean-Luc Marion's Philosophy. RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Social Studies. Art Studies. 2020. № 1. Pp. 61–73. (In Russ.)
6. Konacheva S.A. On the Possibility of 'Untrodden Paths' in Theology: On the Absence of a Universal Theological Method. St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies. 2025. Iss. 122. Pp. 28–40. (In Russ.)
7. Levinas E. Totality and Infinity. Transl. from French by I.S. Vdovina. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 2000. 416 p. (In Russ.)
8. Marion J.-L. The Idol and the Distance. Transl. from French by G. Vdovina. Symbol. 2009. № 56. 284 p. (In Russ.)
9. Marion J.-L. Metaphysics and Phenomenology: A Relief for Theology. Transl. from French by S.A. Sholokhova. Logos. 2011. № 3 (82). Pp. 124–143. (In Russ.)
10. Marion J.-L. In the Self's Place: The Approach of Saint Augustine. Transl. from French by A. Chernoglazov. Moscow: RIPOL klassik; Pangloss, 2019. 159 p. (In Russ.)
11. (Post)Phenomenology: New Phenomenology in France and Beyond. Comp. by S.A. Sholokhova, A.V. Yampolskaya. Moscow: Akademicheskiy proekt, 2014. 288 p. (In Russ.)
12. Taylor Ch. A Secular Age. Transl. from English by A. Vasilyev et al. Moscow: BBI, 2017. 968 p. (In Russ.)
13. Habermas J. Between Naturalism and Religion: Philosophical Essays. Transl. from German by M.B. Skuratov. Moscow: Ves' Mir, 2011. 336 p. (In Russ.)
14. Heidegger M. Being and Time. Transl. from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem, 1997. 451 p. (In Russ.)
15. Heidegger M. Identity and Difference. Transl. from German by A. Denezhkin. Moscow: Gnozis; Logos, 1997. 64 p. (In Russ.)
16. Yampolskaya A.V. Jean-Luc Marion and the Reduction to Givenness. In: Yampolskaya A.V. Phenomenological Reduction as Philosophical Practice. Moscow: HSE Publishing House, 2013. Pp. 101–111. (In Russ.)
17. Carlson T.A. Indiscretion: Finitude and the Naming of God. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 304 p.
18. Gschwandtner C.M. Degrees of Givenness: On Saturation in Jean-Luc Marion. Bloomington: Indiana University Press, 2014. 272 p.
19. Gschwandtner C.M. Postmodern Apologetics? Arguments for God in Contemporary Philosophy. New York: Fordham University Press, 2013. 336 p.
20. Horner R. Rethinking God as Gift: Marion, Derrida, and the Limits of Phenomenology. New York: Fordham University Press, 2001. 288 p.
21. Janicaud D., Courtine J.-F., Chrétien J.-L. et al. Phenomenology and the «Theological Turn»: The French Debate. Transl. by B.G. Prusak. New York: Fordham University Press, 2000. 249 p.
22. Mackinlay S. Interpreting Excess: Jean-Luc Marion, Saturated Phenomena, and Hermeneutics. New York: Fordham University Press, 2010. 280 p.
23. Marion J.-L. Being Given: Toward a Phenomenology of Givenness. Transl. by J.L. Kosky. Stanford: Stanford University Press, 2002. 452 p.
24. Marion J.-L. In Excess: Studies of Saturated Phenomena. Transl. by R. Horner, V. Berraud. New York: Fordham University Press, 2002. 192 p.
25. Marion J.-L. The Visible and the Revealed. Transl. by C.M. Gschwandtner et al. New York: Fordham University Press, 2008. 192 p.
26. Urbaniak S. Phenomenology as Apologetics: The Crossing of the Paths of Theology and Philosophy in the Work of Jean-Luc Marion. Forum Philosophicum: International Journal for Philosophy. 2022. Vol. 27, № 2. Pp. 193–210.
27. Turner D. The Darkness of God: Negativity in Christian Mysticism. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 288 p.
28. Barbour K.J. The Saturated Phenomenon as Contradiction: A Contribution to the Hermeneutic Critique of Jean-Luc Marion's Phenomenology. Symposium: Canadian Journal of Continental Philosophy. 2025. Vol. 29, № 1. Pp. 121–143.
29. Westphal M. Transcendence and Self-Transcendence: On God and the Soul. Bloomington: Indiana University Press, 2004. 256 p.
30. Wiercinski A. (ed.) Between Description and Interpretation: The Hermeneutic Turn in Phenomenology. Toronto: The Hermeneutic Press, 2005. 291 p.
31. Trabbic J.G. Jean-Luc Marion and the Phénoménologie de la Donation as First Philosophy. American Catholic Philosophical Quarterly. 2021. Vol. 95, № 3. Pp. 389–409.
32. Kish O.A. Transcendence in Jean-Luc Marion: Negotiating Theology and Phenomenology. Religions. 2025. Vol. 16, № 4. Art. 523. DOI: 10.3390/rel16040523.

Меры поддержки бизнеса в политической повестке региональной легислатуры: контент-анализ материалов заседаний Государственного Совета Республики Татарстан

Авзалова Эльмира Илгизовна,
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Казанского федерального университета
E-mail: ElAvzalova@kpfu.ru

Закиров Айдар Робертович,
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Казанского федерального университета
E-mail: AjdRZakirov@kpfu.ru

Зарипова Айгуль Раисовна,
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Казанского федерального университета
E-mail: AjgulRZaripova@kpfu.ru

Сидоров Виктор Владимирович,
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Казанского федерального университета
E-mail: Viktor.Sidorov@kpfu.ru

Государственный Совет Республики Татарстан, выступая в качестве регионального законодательного органа, репрезентирует актуальную политическую повестку и институционально закрепляет правовые рамки реализации мер поддержки предпринимательского сектора, приобретающих особую значимость в условиях современных экономических вызовов. Анализ репрезентации мер поддержки бизнеса в политической повестке региональной легислатуры позволяет оценить приоритетность соответствующих вопросов, а также степень реагирования законодательной власти на актуальные потребности бизнеса. Цель исследования – выявить ключевые направления поддержки бизнеса, зафиксированные в политической повестке регионального законодательного органа Республики Татарстан. С помощью качественного контент-анализа проводится анализ стенограмм заседаний Государственного Совета РТ. Рассматриваемые в ходе заседаний меры поддержки бизнеса в Республике Татарстан сочетают финансовые и налоговые стимулы, инфраструктурное развитие, правовое регулирование, кадровую поддержку. Особой чертой современной повестки стало закрепление новых категорий бизнеса, требующих специального правового регулирования и адресной поддержки. Наблюдается тенденция к расширению перечня целевых групп и адаптации инструментов поддержки к текущим экономическим и социальным вызовам. Это отражает стремление властей создать благоприятные условия для развития различных сегментов предпринимательства с учетом региональной специфики и актуальных потребностей бизнеса.

Ключевые слова: политическая повестка, государственная поддержка бизнеса, региональная легислатура, взаимодействие власти и бизнеса

Введение

В контексте актуализации внешних вызовов обеспечение институциональной поддержки предпринимательского сектора выступает одной из приоритетных задач государственной политики. Анализируя сложившиеся отношения государства и бизнеса, следует подчеркнуть их асимметричный характер. В институциональном измерении бизнес нередко трактуется как «младший партнер», чья деятельность требует активного государственного регулирования, координации и поддержки [4, с. 273]. Ключевыми инструментами реализации такой политики выступают законодательное регулирование предпринимательской деятельности, выстраивание сбалансированной налоговой системы, а также координированные действия органов государственной власти, ориентированные на создание благоприятных условий для бизнес-инициатив [2, с. 42–46].

Несмотря на наличие федерального регулирования и типовых инструментов поддержки бизнеса, их эффективность существенно варьируется в зависимости от региональной специфики. Например, социально-экономических условий, отраслевой структуры экономики, уровня развития институциональной среды и бюджетных возможностей субъектов РФ.

Обращаясь к региональному измерению государственной политики, показательным примером служит Республика Татарстан, где федеральные подходы адаптируются и дополняются региональными мерами поддержки. Эти вопросы составляют значимый сегмент политической повестки региона, формирование которой осуществляется при участии различных акторов, в числе которых заметное место занимают региональные легислатуры. Они формируют политическую повестку и обеспечивают нормативно-правовое оформление политических решений, определяя правила ведения бизнеса, устанавливая льготы, гарантии и другие механизмы поддержки.

Государственный Совет Республики Татарстан как региональный законодательный орган выступает не пассивным актором, реагирующим на уже сформированную политическую повестку, а активным субъектом ее конструирования. Проведенный анализ деятельности региональной легислатуры позволяет оценить степень системности и последовательности реализации мер институциональной поддержки предпринимательского сектора, а также выявить приоритетные направления региональной политики. В этой связи актуализируется необходимость исследования репрезентации мер поддержки бизнеса в политической повестке Государственного Совета Республики Татарстан.

Исследование проблемы поддержки бизнеса в политической повестке законодательных органов власти интегрирует ряд ключевых исследовательских направлений и теоретических проблем.

Во-первых, это исследования, раскрывающие представленность интересов бизнеса в политической повестке региона [5; 6]. Во-вторых, отдельного внимания заслуживают научные работы, в которых осуществляется анализ парламентских дискуссий посредством применения специализированных исследовательских методов. В этом контексте интересны исследования В.В. Вольчика [3], А.И. Маскаева и С.С. Цыганкова [9], которые демонстрируют потенциал нарративного анализа для изучения репрезентации инновационной системы в стенограммах заседаний Государственной Думы. В работах А.А. Ниязова [7], Я.Ю. Старцева [8] применяется количественный методы для выявления наиболее значимых тематических блоков в парламентской повестке. В свою очередь, труды Г. Борщевского опираются на дискурс-анализ, который позволяет раскрыть ценностные установки в парламентской дискуссии [1].

Синтез указанных исследовательских направлений создает теоретическую базу для анализа. При этом механизмы формирования политической повестки в сфере поддержки бизнеса в законодательном органе Республики Татарстан остаются малоизученными.

Объектом исследования является репрезентация мер поддержки бизнеса в политической повестке региональной легислатуры (на материалах заседаний Государственного Совета Республики Татарстан).

Цель исследования – выявить ключевые направления поддержки бизнеса, зафиксированные в политической повестке регионального законодательного органа Республики Татарстан.

Методы исследования

В работе был применен качественный контент-анализ, позволивший раскрыть тематическую структуру региональной политической повестки и выявить смысловые паттерны.

Контент-анализ проводился на материалах заседаний Государственного Совета РТ, VII созыва и охватил восемь заседаний, проводившихся в 2025 г. В эмпирическую базу не вошли стенограмма двенадцатого заседания (от 19 сентября 2025 г.), посвященного согласованию предложения Главы Республики Татарстан о назначении Премьер-министра Республики Татарстан и его заместителей, а также стенограмма четырнадцатого заседания (от 17 октября 2025 г.), проводившегося в формате ежегодного послания Раиса РТ Государственному Совету РТ.

Для проведения контент-анализа была разработана структура тематического кодирования. Она включила в себя группировку тезисов по категориям: целевые группы; отраслевая структура; меры поддержки. Процедура кодирования включала: выделение в текстах стенограмм фрагментов, относящихся к мерам поддержки бизнеса; распределение фрагментов по заранее определенным категориям; маркировку каждого фрагмента по направлениям поддержки, целевым группам. Стоит отметить, что в исследовании рассматриваются как принятые, так и находящиеся на стадии обсуждения проекты. В анализируемый текстовый массив вошли выступления представителей законодательной и исполнительной властей Республики Татарстан, в т.ч. членов Правительства РТ: Премьер-министра А.В. Песошина, министра экономики М.Р. Шагиахметова, министра образования И.Г. Хадиуллина, министра по делам молодежи Р.Н. Садыкова, а также депутатов профильных комитетов, курирующих вопросы экономики, бюджета, промышленности и социальной политики.

Результаты исследования

В рамках проведенного контент-анализа были изучены материалы 8 заседаний, вошедших в исследовательскую выборку. Общий объем анализируемого текстового массива составил 182 вопроса повестки дня. Из общего числа вопросов 25 (соответствует 14% от общего количества) были отнесены к категории «меры поддержки предпринимательской деятельности» в соответствии с разработанным классификатором категорий анализа.

На этапе кодирования текстового массива была выявлена наиболее частотная тематическая категория – «налоговые льготы». Данная категория зафиксирована в материалах 5 заседаний. Так, тема налоговых льгот раскрывается в рамках вопроса «*продление срока предоставления налоговых льгот участникам специальных инвестиционных контрактов, являющимся производителями грузовых автотранспортных средств, на срок действия специального инвестиционного контракта*».

Далее тема налоговых льгот раскрывается в контексте деятельности особых экономических зон (ОЭЗ). В условиях истечения льготного периода по налогу на имущество с 1 июля 2025 г. в ОЭЗ предлагаются меры постепенной адаптации компаний к новым условиям налогообложения *(«оптимизировать свои финансовые издержки и повысить инвестиционную привлекательность особых экономических зон»)*.

В качестве основной задачи Правительство РТ указывает на необходимость *«продолжить адресную работу с целью максимального вовлечения предпринимателей производственной сферы в федеральные и республиканские меры поддержки»*.

В рамках рассматриваемой категории наиболее упоминаемой целевой группой был малый и средний бизнес, который нуждается в дополнительной поддержке «*в целях минимизации предпринимательских рисков с учетом изменений в налоговом законодательстве»*, что выражается в создании *«более плавных условий адаптации к нововведениям»*. В ходе заседания была предложена разработка *«мер поддержки в части неприменения штрафных санкций по упрощенной системе при работе с НДС в течение 2026 года и о сохранении права применения патента для торговли в сельской местности»*.

Кроме налоговых льгот региональные власти рассматривали и другие формы финансовой поддержки. Например, в речах выявлены такие формы как льготный лизинг отечественного оборудования, льготный доступа к производственным зданиям и земельным участкам, находящимся в государственной и муниципальной собственности.

В следующую тематическую категорию «институциональная поддержка» вошли упоминания деятельности Уполномоченного при Главе РТ по защите предпринимателей в лице Абдулганиева Ф.С., который подчеркивал вклад института в решение проблем бизнеса. Спикер отметил работу Общественной приемной Уполномоченного по *«оперативному реагированию на жалобы предпринимателей»* и информационной поддержке (*«Разъяснение вопросов получения мер господдержки и порядка соблюдения установленных требований действующего законодательства»*, *«информируем предпринимателей, проводим круглые столы, вебинары с экспертами, публикуем методические материалы в нашем телеграм-канале, организуем встречи предпринимателей с экспертами системы»*. *«Главной …«изюминкой»* работы в социальных сетях, по мнению Уполномоченного, «*стала ежедневная публикация разработанных нашими юристами совместно с компетентными специалистами контрольно-надзорных органов блок-схем и чек-листов, которые предпринимателю дают возможность быстро понять, чего от него требует законодатель»*. В речи преобладает акцент на выстраивание устойчивой коммуникации с представителями бизнес-сообщества, направленной на повышение правовой грамотности предпринимателей и оптимизацию их взаимодействия с контрольно-надзорными органами.

В ходе контент-анализа стенограмм заседаний регионального парламента Республики Татарстан была выявлена значимая категория поддержки – «кадровая поддержка», которая раскрывается через две тематические подкатегории. Первая – это «укрепление кадрового потенциала республики», детализирующаяся в модернизации системы образования и профессиональной подготовки. В речах подчеркивается необходимость синхронизации образовательных программ с актуальными потребностями экономики («*вовлечь в полезный досуг максимальное количество подростков, а предприятиям в обозримом будущем – получить мотивированных и заинтересованных молодых сотрудников*»). Вторая тематическая подкатегория – «информационная поддержка работодателей, осуществляющих наем иностранных работников», раскрываемая посредством темы поддержки работодателей в обеспечение соблюдения миграционного законодательства. Это выражается в разъяснении норм и требований, а также в профилактике нарушений.

Отдельно рассматривается тема «инфраструктурная поддержка» бизнеса, раскрываемая через вопросы создания и развития действующих ОЭЗ («*необходимо обеспечить их адаптацию к новым ограничениям, формирование устойчивых производственных и технологических цепочек с участием партнеров из дружественных стран*»), а также формирования промышленных парков и модернизации их инфраструктуры.

В ходе контент-анализа стенограмм заседаний регионального парламента РТ выявлена тенденция к расширению перечня целевых групп поддержки. В текстах выступлений спикеров зафиксированы новые категории субъектов предпринимательства, требующие специального правового регулирования. В стенограммах упоминаются «семейное предприятие», «креативные индустрии», «малая технологическая компания», а также «ремесленничества». *(«обеспечить сохранение, приумножение уникальной культурной идентичности народов нашей республики»*). Внедрение понятий необходимо для «*правового регулирования данной категории предпринимательства, в том числе в области реализации мер государственной поддержки, и снижения регуляторной нагрузки на данный сегмент бизнеса*».

Особое внимание уделяется такой целевой группе как семейные предприятия. *«При условии их законодательного закрепления как отдельного сегмента экономики могут стать одним из ключевых инструментов социально-экономического роста как регионов, так и страны в целом*». Законодатель отмечает, что сделан *«первый шаг в развитии семейного дела в республике … передаче опыта из поколения в поколение ради сохранения семейных ценностей»*.

Отдельно в своем выступлении министр экономики РТ М.Р. Шагиахметов отметил, что *«в республике разработан и реализуется продукт для участников СВО, которые вернулись и решили создать свой бизнес»,* подчеркнув результат в виде 8 случаев реализации бизнес-проектов.

В повестке были затронуты отдельно проблемы агропромышленного комплекса, традиционно значимой для республики отрасли. По результатам анализа, тема раскрывается через предложение о поддержке фермерских хозяйств, потерявших поголовье скота из-за бруцеллеза. Так, рассматриваются нефинансовые формы помощи: снижение административного давления на фермеров («*прекращение необоснованного давления, обвинений и штрафов в отношении фермеров*») и усиление профилактических мер в борьбе с бруцеллезом. Еще одной упоминаемой темой стала информационная поддержка при работе с тремя федеральными ГИС («Семеноводство», ЕФИС ЗСН, «Зерно»), реализуемая посредством создания районных служб для регистрации данных, полноценного обучения фермеров, упрощения регистрации посевов и урожая в первые два года.

Заключение

Анализ стенографических материалов заседаний региональных законодательных органов предоставляет значимый эмпирический материал,

позволяющий выявить приоритетные направления государственной поддержки предпринимательского сектора. В процессе исследования данных источников отчетливо прослеживаются ключевые проблемные вопросы и тематические акценты, находящиеся в фокусе внимания представителей законодательной и исполнительной власти Татарстана. Это дает возможность систематизировать актуальные приоритеты региональной политики в сфере содействия развитию бизнеса, определить доминирующие дискурсы и выявить наиболее значимые аспекты регулирования предпринимательской деятельности с точки зрения властных институтов региона. В результате проведенного исследования создана практическая основа для принятия взвешенных управленческих решений, а также для повышения прозрачности взаимодействия между органами государственной власти и субъектами предпринимательской деятельности.

Результаты контент-анализа свидетельствуют о том, что политическая повестка регионального парламента Республики Татарстан характеризуется комплексной проработкой вопроса поддержки бизнеса. Анализируемый текстовый массив содержит указания на инструменты поддержки, учитывающие макроэкономические вызовы, отраслевую специфику и приоритеты регионального развития. Меры поддержки бизнес-сектора, обсуждаемые в ходе заседаний Государственного Совета, представляют собой комплексную систему, интегрирующую финансовые и налоговые стимулы, инфраструктурное обеспечение, механизмы правового регулирования и инструменты кадровой политики.

В рамках анализируемой повестки выявлен вопрос институционального закрепления новых категорий субъектов предпринимательской деятельности, требующих специализированного правового регулирования и адресной государственной поддержки. Отмечается устойчивая тенденция к расширению перечня целевых групп бизнес-сообщества с последующей адаптацией инструментов поддержки к актуальным социально-экономическим вызовам и запросам предпринимателей. Выделение данной темы в качестве приоритетной в политической повестке отражает курс региональных органов власти на создание благоприятных условий для развития разнообразных сегментов предпринимательства, адаптированных к региональной специфике и текущим потребностям бизнес-среды.

Литература

1. Борщевский Г.А. Что сказал спикер? Ценности в парламентском дискурсе и в оценках россиян / Г.А. Борщевский // Социологическое обозрение. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 227–261.

2. Быкова Н.В. Оценка эффективности государственной поддержки малого предпринимательства: дис. … канд. экон. наук: 08.00.05 / Быкова Наталья Витальевна. – Москва, 2018. – 320 с.

3. Вольчик В.В. Государственная инновационная политика и нарративная экономика / В.В. Вольчик, И.М. Ширяев // Управление наукой: теория и практика. – 2023. – Т. 5, № 4. – С. 110–132.

4. Воронов А.С. Совершенствование форм взаимодействия бизнеса и государства в управлении социально-экономическим развитием / А.С. Воронов, Т.С. Годило // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2024. № 4. –С. 246–278.

5. Докучаев Д.С. Региональная политическая повестка: понятие, акторы и механизмы формирования / Д.С. Докучаев, К.А. Стробыкин // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – № 2. – С. 165–175.

6. Ильичева Л.Е. Эффективная модель взаимодействия государства и гражданского общества в российских регионах: критерии и механизмы оценок / Л.Е. Ильичева, В.А. Хмелев // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. – Т. 19, № 2. – С. 48–75.

7. Ниязов А.А. Исследование фреймирования парламентской риторики методами машинного анализа / А.А. Ниязов // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2024. – № 12. – С. 132–142.

8. Старцев Я.Ю. Антикоррупционный дискурс высших органов государственной власти РФ: количественный анализ // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Екатеринбург, 2018. – С. 111–137.

9. Цыганков, С.С. Государственные закупки и инновационная политика в России: взгляд со стороны нарративной экономики / С.С. Цыганков, А.И. Маскаев, В.В. Вольчик // Russian Journal of Economics and Law. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 24–35.

BUSINESS SUPPORT MEASURES ON THE POLITICAL AGENDA OF REGIONAL LEGISLATURES: CONTENT ANALYSIS OF MATERIALS FROM MEETINGS OF THE STATE COUNCIL OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Avzalova E.I., Zakirov A.R., Zaripova A.R., Sidorov V.V.
Kazan Federal University

The State Council of the Republic of Tatarstan as the regional legislature represents the current political agenda and institutionally establishes the legal framework for implementing support measures for the business sector which are particularly significant in the face of current economic challenges. An analysis of the representation of business support measures on the political agenda of the regional legislature allows us to assess the priority of relevant issues as well as the legislative branch's responsiveness to current business needs. The study's purpose is to identify key areas of business support reflected in the political agenda of the regional legislative body of the Republic of Tatarstan. A qualitative content-analysis is used to analyze the transcripts of State Council meetings. Business support measures discussed during these meetings in the Republic of Tatarstan combine financial and tax incentives, infrastructure development, legal regulation, and personnel support. A notable feature of the current agenda has been the recognition of new business categories requiring special legal regulation and targeted support. There is a trend toward expanding the list of target groups and adapting support instruments to current economic and social challenges. This reflects the authorities' plan to create favorable conditions for the development of various segments of entrepreneurship taking into account regional specifics and current business needs.

Keywords: political agenda, government support for business, regional legislature, business-government relations

References

1. Borshchevskiy G.A. What did the Speaker Say? Public Values in Russian Parliamentary Discourse and in the Public Opinion // Sociological Review. – 2024. – Vol.23. No 3. – P. 227–261.

2. Bykova N.V. Evaluation of the effectiveness of state support for small entrepreneurship: dis. … Cand. of Economic Sciences: 08.00.05 / Bykova Natalia Vitalievna. – Moscow, 2018. – 320 p.

3. Volchik V. V., Shiriaev I.M. (2023). State innovation policy and narrative economics // Science Management: Theory and Practice. – 2023. – Vol. 5, No. 4. – P. 110–132.

4. Voronov A.S., Godilo T.S. Improving the forms of business-government interaction in managing socio-economic development // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. – 2024. – Vol. 21. № 4. – P. 246–278.

5. Dokuchaev D.S., Strobykin K.A. Regional political agenda: concept, actors and formation mechanisms // Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities. – 2025. – Is. 2. – P. 165–175.

6. Ilyicheva, L. E., Khmelev, V.A. An effective model of interaction between the state and civil society in russian regions: criteria and assessment mechanisms // Central Russian Journal of Social Sciences. – 2024. –Vol. 19. no.2. – P. 48–75.

7. Niyazov A.A. Study of framing of parliamentary rhetoric using machine analysis methods // RSUH/RGGU Bulletin. Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies Series. – 2024. – No. 12. –P. 132–142.

8. Startsev Y. Russian high officials' anti-corruption discourse: quantitative analysis // Third All-Russian scientific conference "Actual problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption". – Ekaterinburg, 2018. – P. 111–137.

9. Tsygankov S. S., Maskaev A.I., Volchik, V.V. Public procurement and innovation policy in Russia: a perspective of narrative economics // Russian Journal of Economics and Law. – 2024. – 18(1). – P. 24–35.

Развитие искусственного интеллекта в политике: вызовы и угрозы

Алешин Иван Константинович,
Институт истории и политики МПГУ

В статье рассмотрены особенности развития искусственного интеллекта в политике, проанализирован опыт различных стран, рассмотрено постепенное внедрение ИИ в политику. Для глубокого изучения возможных преимуществ и рисков использования ИИ автором было проведено первичное качественное исследование в формате ряда глубинных интервью с российскими политологами. Для обработки данных применялся качественный анализ транскриптов. На базе полученных результатов сделаны выводы и даны рекомендации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, политический процесс, нейросети, дипфейки, глубинное интервью, законотворчество.

Цифровые технологии стремительно развиваются и существенно меняют большинство сфер человеческой деятельности: от искусства и образования до сферы политики и медицины. Искусственный интеллект (далее ИИ) выполняет задачи, которые раньше были под силу только человеку.

Наиболее динамично развивающимся сегментом отрасли является машинное обучение, основанное на подготовке специализированных алгоритмов для выполнения конкретных операций. В 2026 г. прогнозируется, что общемировые затраты на развитие ИИ достигнут 2,5 трлн долларов США, а через год, в 2027 г., увеличатся еще на один триллион. [13]

Вопросам ИИ уделяют пристальное внимание и в РФ. Так, на совещании по вопросам развития технологий искусственного интеллекта 10 апреля 2026 г. в Кремле Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин отметил, что вопросы повсеместного применения языковых моделей и, безусловно, их создания, наращивания потенциала имеют принципиальное значение для будущего страны. Без собственных разработок Россия рискует потерять независимость в ключевых сферах. [7]

Развитие ИИ очень точно охарактеризовал председатель Комиссии Совета Федерации по информационной политике и взаимодействию Алексей Пушков во время выступления на круглом столе по теме «Информация и искусственный интеллект: взаимосвязь, вызовы и угрозы» 2 апреля 2026 г.

А. Пушков сообщил, что «искусственный интеллект постепенно проникает во все сферы жизнедеятельности», и сегодня «пришло время присмотреться и к вызовам, которые создает искусственный интеллект». [4] Также в ходе дискуссии было отмечено, что системы на базе ИИ сегодня стали самым дорогим проектом за всю историю существования человечества.

Сегодня ИИ активно внедряется и в политическую деятельность, что вызывает споры как среди руководства стран, так и среди научных деятелей. Политические процессы, а также технологические возможности и угрозы активно входят в научный дискурс. Активно изучаются проблемы создания и распространения «дипфейков» [14], последствия применения чатботов для влияния на политическую повестку [5, с. 87]. Существуют и другие исследования, однако из-за стремительного развития ИИ и его все более активного использования в политических процессах проблема все еще требует дальнейшего глубокого изучения.

В 2026 г. ИИ активно применяется на всех уровнях политической деятельности. Он участвует в создании стратегии выборов, управляет государственными делами, анализирует существующие и формирующиеся тенденции на базе больших массивов данных. [8, с. 624] Так, например, в 2017 г. Канадский институт перспективных исследований (CIFAR) совместно с рядом институтов искусственного интеллекта разработал и внедрил стратегию по использованию ИИ для формулирования релевантных рекомендаций по реформе избирательной системы страны. [1, с. 115]

В Финляндии ИИ используется для замещения части государственных служащих для снижения уровня бюрократии и более оперативного и качественного принятия рутинных решений. Также ИИ учитывает текущие потребности государства, представителей бизнеса и населения страны, выбирая наиболее релевантные решения, которые могли бы удовлетворить все указанные выше группы. Роль ИИ в этом процессе – формирование базы знаний и предложение решений, окончательное же слово остается за человеком. Проект носит название «Аврора» и был запущен в 2022 г. [15]

ИИ активно используется в республике Армения. В 2022 г. ИИ начал применяться в сфере социальной поддержки населения страны. Программы помогают выявить незащищенные группы граждан, которые по тем или иным причинам не попали в существующие программы помощи, и решить возникшую проблему.

В Бельгии применяется технология краудсорсинга [16], разработанная компанией CitizenLab (ныне работает под названием Go Vocal). Технология позволяет оперативно отслеживать социальные тенденции в стране и принимать на базе полученных данных релевантные политические решения, избегая возможных недовольств населения, митингов и протестных движений. Жители могут предлагать свои решения го-

родских или государственных проблем. Система применяет алгоритмы машинного обучения и обработки естественного языка (NLP) для анализа тысяч комментариев. В начале 2024 г. компания разработала и запустила новый инструмент AI Sensemaking Assistant, которые позволил сократить время обработки информации, поступающей от граждан, вдвое. К 2026 г. разработками CitizenLab пользуются более трехсот администраций в разных странах мира (в Бельгии, Великобритании, Франции, США и т.д.). Важно отметить, что компания адаптируется к требованиям различных стран. Так, по требованию законодательства США был совершен переход на Open Source для обеспечения алгоритмической прозрачности.

В США ИИ активно применяется в работе парламента. Проект получил название «Comparative Print Suite» и используется для автоматического анализа и сравнения текстов законопроектов. [11]

Необходимо уточнить, что в качестве эксперимента ИИ отводились и более значимые роли в политике отдельных государств. Так, например, в 2021 г. в Дании была основана политическая партия, управляемая моделью ИИ под названием «Leader Lars». Программа партии была полностью создана ИИ. [12] Партия не смогла набрать необходимое количество голосов, но определенно вошла в историю, как научный и творческий проект группы современных представителей сферы искусства.

Это лишь несколько примеров возможного использования ИИ в политических процессах. Сегодня ИИ внедряется на выборах, при написании законопроектов, при подсчете голосов во время голосований и т.д. Рассмотрим возможности ИИ подробнее. ИИ сегодня применяется для:

• Законотворчества (создания первичной структуры документов и проверки тестов, сопоставления нового законопроекта с существующими для поиска возможных противоречий и т.д.).
• Работы избирательных комиссий (проверки подписей, помощи гражданам в поиске информации о выборах и избирательных участках при помощи чат-ботов).
• Борьбы с фейками (для выявления дезинформации о выборах). [3].
• Предвыборной агитации. (Важно отметить, что в РФ введен частичный запрет на использование ИИ в предвыборной агитации. Госдума в марте 2026 года приняла в первом чтении пакет поправок). [6]
• Мониторинга настроений граждан и выявления формирующихся и сформированных тенденций.
• Для упрощения бюрократических процедур (например, интеграция ИИ в порталы типа Госуслуг облегчает процесс взаимодействия граждан и государства).

Как можно заметить, ИИ сегодня играет значимую роль в различных направлениях политической реальности. На начальном этапе внедрения технологий ИИ выступает как инструмент оптимизации государственного управления, затем способствует трансформации политических коммуникаций между обществом и политическими лидерами. На более глубоком этапе ИИ уже затрагивает саму структуру политического процесса, участвуя в законотворчестве, помогая прогнозировать исходы выборов или последствия принятия новых законопроектов. Высшей стадией внедрения ИИ современные исследователи называют делегирование части властных полномочий программам, то есть частичный переход к алгоритмическому управлению (яркий пример – эксперимент в Дании, упомянутый ранее).

Важно уточнить, что внедрение ИИ связано не только с возможностями, но и с рисками. Для более глубокого изучения данного вопроса автором было проведено исследование. Выбранная методология – метод полуструктурированного экспертного интервью. В качестве респондентов были выбраны российские политологи (по условиям интервью автор не имеет права разглашать их личности). Всего в интервью приняли участие 12 респондентов. Главным критерием определения количества стало достижение «информационного насыщения», после которого информация, даваемая респондентами, начинает повторять уже ранее полученную и перестает быть уникальной для исследования. Интервью проходили в дистанционном формате, что позволило привлечь респондентов из разных регионов Российской Федерации. [2, с. 37–38]

Рассмотрим полученные результаты.

Исследование показало, что основными преимуществами использования ИИ в сфере политики респонденты считают возможности:

• обрабатывать огромные массивы данных для более глубокой аналитики и прогнозирования;
• моделировать последствия принятия законов до их вступления в силу при помощи моделирования сценариев;
• выявлять тренды на ранних стадиях до возникновения протестных настроений граждан;
• оптимизировать избирательные кампании, эффективно распределяя ресурсы, используя микротаргетинг для отдельных групп электората, а также при помощи мониторинга оппонентов и реакции избирателей на их шаги;
• упростить взаимодействие граждан с государством;
• повысить прозрачность работы государственных органов;
• автоматизировать рутину и сократить количество ошибок, возникающих из-за человеческого фактора.

Респонденты особенно отметили, что ИИ не заменяет человека, а становится одним из эффективных политических инструментов для аналитики, снижения количества ошибок и оптимизации работы.

Преимущества внедрения ИИ достаточно очевидны и широко обсуждаемы, поэтому более пристальное внимание было уделено возможным рискам. Рассмотрим результаты обсуждения рисков в наглядной форме (см. таблицу 1).

Таблица 1. Результаты анализа глубинных интервью с политологами на тему основных рисков внедрения ИИ в сферу политики

Категория	Выявленные смысловые доминанты	Степень консенсуса среди респондентов
Риски дезинформации	Возникновение дипфейков; использование ИИ-ботов, которые воздействуют на общественное мнение; масштабирование лжи с использованием социальных сетей.	Тотальная (упоминается всеми респондентами)
Манипуляция поведением избирателей	Сверхточный микротаргетинг может эксплуатировать страхи и предрассудки конкретных людей.	Растущая (упоминается несколькими участниками. Можно оценивать как формирующуюся тенденцию.
Этические риски	Сложность в определении ответственности за принятие решений, если они принимались на базе рекомендаций ИИ.	Высокая (упоминается почти всеми участниками).
Риски кибербезопасности	Возможность взломов, влияние извне (от недружественных стран), зависимость от разработчиков.	Тотальная (упоминается всеми респондентами)
Алгоритмическая предвзятость	Если данные для обучения ИИ содержали стереотипы, нейросеть перенесет их в госуправление. Также у чат-ботов может присутствовать политически ангажированный «характер мышления», возникающий из-за специфики обучения.	Высокая (упоминается почти всеми участниками).
Снижение доверия	Люди перестают верить и реальным доказательствам, подозревая вероятность того, что перед ними фейки.	Высокая (упоминается почти всеми участниками).
Невозможность законодательного регулирования многих аспектов	ИИ развивается более стремительно, чем успевают создаваться и приниматься законы о регулировании его использования.	Тотальная (упоминается всеми респондентами)

Метод качественного анализа позволил зафиксировать, что эксперты выделяют как значительное количество преимуществ использования ИИ в сфере политики, так и существенные риски такого внедрения. Автор также считает важным акцентировать внимание и на том факте, что сегодня масштабы использования ИИ-алгоритмов в политических коммуникациях невозможно точно оценить и измерить. Подобная ситуация складывается как в России, так и за рубежом. [9, с. 48] Следовательно, далеко не всегда есть возможность остановить поток дезинформации, выявить алгоритмы обхода информационных фильтров и оценить степень влияния ИИ на граждан страны.

Для снижения рисков могут быть предложены следующие шаги:

• обеспечение этичного подхода к обучению ИИ (стоит рассмотреть возможность создание этического кодекса использования ИИ в политике);
• работа над информированием и обучением граждан относительно сущности ИИ и его использовании в сфере политики;

• разработка системы контроля применения ИИ;
• повышение общей грамотности граждан в вопросах цифровых технологий.

Действия в данных направлениях помогут снизить риски от использования ИИ и максимизировать преимущества использования цифровых технологий в сфере политики.

Литература

1. Выходец Р.С. Стратегия США и Канады в области искусственного интеллекта // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 7. С. 110–122. DOI: 10.31857/S2686673022070094.

2. Иванова В. А., Котова А.А. Специфика проведения фокус-групп и глубинных интервью онлайн во время карантинных мероприятий в связи с COVID-19 и впоследствии // Маркетинг в России и за рубежом. 2021. № 4. С. 35–43.

3. Информационный центр: применение искусственного интеллекта в избирательном процессе // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: http://www.cikrf.ru/news/news/57572/ (дата обращения: 18.04.2026).

4. Круглый стол «Информация и искусственный интеллект: взаимосвязь, вызовы и угрозы»: запись трансляции (Москва, 2 апреля 2026 г.) // Телеканал Совета Федерации «Вместе-РФ». URL: vmeste-rf.tv (дата обращения: 17.04.2026).

5. Михайленок О. М., Малышева Г.А. Роботизация социальных сетей и ее политические последствия // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 85–92.

6. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в части уточнения правил проведения предвыборной агитации): законопроект № 1155581–8 // Система обеспечения законодательной деятельности: [официальный сайт]. URL: duma.gov.ru (дата обращения: 17.04.2026).

7. Совещание по вопросам развития технологий искусственного интеллекта: [стенограмма выступления В. Путина, Москва, Кремль, 10 апреля 2026 г.] // Президент России: [официальный сайт]. 2026. 10 апр. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/79525 (дата обращения: 17.04.2026).

8. Соколов А. В., Фролов А.А., Бабаджанян П.А. Применение технологий искусственного интеллекта в политике: угрозы и возможности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 622–637. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-622-637.

9. Уртаева Э.Б. Возможности и угрозы применения искусственного интеллекта (ИИ) в политических коммуникациях // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 2. С. 44–51. DOI: 10.24158/pep.2024.2.3.

10. CitizenLab: Community engagement platform for local governments: official website. Brussels, 2024. URL: citizenlab.co (дата обращения: 17.04.2026).

11. Comparative Print Suite: U.S. House of Representatives official tool for legislative analysis. Washington, D.C., 2024. URL: https://compare.house.gov (дата обращения: 17.04.2026).

12. Det Syntetiske parti. Ai-Drevet, Antipolitisk Partisammenslutning. URL: https://detsyntetiskeparti.wordpress.com/ (дата обращения: 18.04.2026).

13. Gartner Says Worldwide AI Spending Will Total $2.5 Trillion in 2026: Gartner Press Release. Stamford, CT, 2026. Jan 15. URL: https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2026–1–15-gartner-says-worldwide-ai-spending-will-total-2-point-5-trillion-dollars-in-2026 (дата обращения: 17.04.2026).

14. Helmus T.C. Artificial Intelligence, Deepfakes, and Disinformation: A Primer. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2022. 24 p. URL: https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA1043–1.html (дата обращения: 17.04.2026).

15. Ministry of finance Finland. National Artificial Intelligence Programme AuroraA I. URL: vm.fi (дата обращения: 17.04.2026).

16. Unlocking the potential of crowdsourcing for public decision-making with artificial intelligence // OECD Observatory of Public Sector Innovation. URL: https://oecd-opsi.org/innovations/unlocking-the-potential-of-crowdsourcing-for-public-decision-making-with-artificial-intelligence/ (дата обращения: 17.04.2026).

ARTIFICIAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT IN POLITICS: CHALLENGES AND THREATS

Aleshin I.K.
Moscow State Pedagogical University

The article examines the features of artificial intelligence development in politics. It analyzes the experience of various countries and explores the gradual integration of AI into the political sphere. To gain deep insight into the potential benefits and risks of using AI, the author conducted primary qualitative research through a series of in-depth interviews with Russian political scientists. Qualitative transcript analysis was used for data processing. Based on the findings, conclusions were drawn and recommendations were provided.

Keywords: artificial intelligence, political process, neural networks, deepfakes, in-depth interview, lawmaking.

References

1. Vyhodets R.S. The US and Canada Strategy in the Field of Artificial Intelligence // USA and Canada: Economy, Politics, Culture. 2022. No. 7. pp. 110–122. DOI: 10.31857/S2686673022070094.

2. Ivanova V.A., Kotova A.A. Specifics of Conducting Focus Groups and In-Depth Interviews Online During Quarantine Measures Related to COVID-19 and Subsequently // Marketing in Russia and Abroad. 2021. No. 4. pp. 35–43.

3. Information Center: Application of Artificial Intelligence in the Electoral Process // Central Election Commission of the Russian Federation: [official website]. URL: http://www.cikrf.ru/news/news/57572/ (accessed: 18.04.2026).

4. Roundtable discussion "Information and Artificial Intelligence: Interrelationships, Challenges, and Threats": broadcast recording (Moscow, April 2, 2026) // Federation Council TV channel "Vmeste-RF". URL: vmeste-rf.tv (accessed: April 17, 2026).

5. Mikhaylenok, O. M., Malysheva, G. A. "Robotization of Social Networks and Its Political Consequences" // Vlast. 2020. Vol. 28. No. 1. pp. 85–92.

6. On Amendments to the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendums of Citizens of the Russian Federation" (regarding clarification of the rules for conducting pre-election campaigning): bill No. 1155581–8 // Legislative Activity Support System: [official website]. URL: duma.gov.ru (accessed on 17 April 2026).

7. Meeting on the development of artificial intelligence technologies: [transcript of V. Putin's speech, Moscow, Kremlin, 10 April 2026] // President of Russia: [official website]. 2026. 10 April. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/79525 (accessed on 17 April 2026).

8. Sokolov A.V., Frolov A.A., Babadzhanyan P.A. Application of artificial intelligence technologies in politics: threats and opportunities // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2025. Vol. 27. No. 3. pp. 622–637. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-622-637.

9. Urtaeva E.B. Potential and Threats of Using Artificial Intelligence (AI) in Political Communications // Society: Politics, Economics, Law. 2024. No. 2. pp. 44–51. DOI: 10.24158/pep.2024.2.3.

10. CitizenLab: Community engagement platform for local governments: official website. Brussels, 2024. URL: citizenlab.co (accessed: 17.04.2026).

11. Comparative Print Suite: U.S. House of Representatives official tool for legislative analysis. Washington, D.C., 2024. URL: https://compare.house.gov (accessed April 17, 2026).

12. Det Syntetiske parti. Ai-Drevet, Antipolitisk Partisammenslutning. URL: https://detsyntetiskeparti.wordpress.com/ (accessed April 18, 2026).

13. Gartner Says Worldwide AI Spending Will Total $2.5 Trillion in 2026: Gartner Press Release. Stamford, CT, 2026. Jan 15. URL: https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2026–1–15-gartner-says-worldwide-ai-spending-will-total-2-point-5-trillion-dollars-in-2026 (accessed on April 17, 2026).

14. Helmus, T.C. Artificial Intelligence, Deepfakes, and Disinformation: A Primer. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2022. 24 p. URL: https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA1043–1.html (accessed on April 17, 2026).

15. Ministry of Finance of Finland. National Artificial Intelligence Programme AuroraA I. URL: vm.fi (accessed on April 17, 2026).

16. Unlocking the potential of crowdsourcing for public decision-making with artificial intelligence // OECD Observatory of Public Sector Innovation. URL: https://oecd-opsi.org/innovations/unlocking-the-potential-of-crowdsourcing-for-public-decision-making-with-artificial-intelligence/ (accessed 04/17/2026).

Смертная казнь как политический институт: современное политологическое прочтение

Алтунина Юлия Олеговна,
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Реклама и связи с общественностью в медиаиндустрии» Московского политехнического университета
E-mail: u.a.altunina@mospolytech.ru

Лябах Андрей Юрьевич,
старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России имени генерала-лейтенанта Д.И. Михайлика»
E-mail: 0190555@mail.ru

Авторы считают, что, скорее всего, смертная казнь возникла у наших предков в отдаленный исторический период и долгое время наряду с войной была институциональной формой проактивной агрессии в группах охотников-собирателей. Рассматривается гипотеза, согласно которой смертная казнь функционирует как устойчивый политический институт не столько благодаря своей практической эффективности сдерживания преступности, сколько за счет её способности выполнять роль «символического якоря» суверенитета государственной власти в условиях ее институциональной слабости. Новизна данной гипотезы связана с авторским вниманием к политической институтологии, когда смертная казнь рассматривается как первый, самый древний политический институт, а сегодня – как технология выживания политического режима в условиях низкой результативности других институтов. Решаемая научная проблема: фактическое отсутствие в современной науке теоретического понимания институционально-политической и одновременно функционально-властной природы смертной казни. На основе 7 признаков институциализации доказано, что смертная казнь является функциональным институтом для правовой и политической систем современного общества.

Ключевые слова: властная природа, институциализация, инструмент популистской легитимации, политический институт, политический инструмент, природа политики, смертная казнь, эгалитаристское общество.

Актуальность темы исследования

Обычно считается, что для политической науки тематика смертной казни (далее – СК) важна, потому что она вскрывает многие противоречия современного мира. Например, противоречия: между эффективностью безопасности и этикой прав человека; между волей большинства и защитой меньшинств; между национальным суверенитетом и глобальными нормами. Пока существуют эти противоречия, СК действительно будет оставаться одним из центральных объектов политического анализа [1].

Считаем, что для политолога крайне важно также разобраться с ее институциональной природой, потому что в ней заложена историческая устойчивость и фактически многократная воспроизводимость СК в любом социуме, в том числе и в России. Так, советский и российский учёный-юрист, специалист в области уголовного права, философии права и культурологии О.Ф. Шишов пишет, что даже «в Афинах гуманные соображения уступали место необузданной жестокости, превращающейся порой в кровавую расправу» [2, с. 10]. Общеизвестно, что прообразом смертной казни в любом догосударственном обществе являлась кровная месть [3, с. 43], которая «существовала и в Древней Руси … но впервые смертная казнь законодательно была закреплена в 1398 году в Двинской уставной грамоте» [2, с. 11].

Несмотря на все попытки полностью искоренить/запретить в государстве СК, они оставались неудачными – даже несмотря на то, что уже давно многими учеными, общественными и религиозными деятелями, многочисленными гуманистами признано: «жестокость наказания никогда и нигде не способствовала снижению уровня преступности» [4]. Однако органы власти во многих странах и сегодня не спешат отказываться от этого «эффективного средства» наведения порядка и наказания преступников.

Не случайно, многие современные антропологи и социобиологи считают СК (именно казнь, но не убийство) одним из древнейших, а иногда даже самым древним, политическим институтом [5]. Как пишет профессор А.И. Ковлер «любые человеческие сообщества, даже самые ранние, едва вышедшие из стадного состояния (на другом хронологическом полюсе – современные банды), не способны обеспечить свою жизнедеятельность и выживаемость без элементарных регуляторов поведения своих членов» [6, с. 105]. По всей видимости, СК – это древний регулятор эгалитаристского (фактически безвластного, с отсутствием жесткой социальной стратификации, классовых различий или привилегированных элит) общества.

Проблема: фактическое отсутствие в современной науке теоретического понимания институционально-политической и одновременно функционально-властной (а может быть, и управленческой) природы СК. Мы можем увидеть проявления этой проблемы как минимум в двух противоречиях:

– между точкой зрения ряда социобиологов, считающих СК первым политическим институтом у наших предков Хомо Сапиенсов [7], и точкой зрения юристов, понимающих ее в качестве государственно-правового института [8];

– между использованием СК как инструментального механизма легитимации действий государственной власти, обеспечения ею общественного порядка, «дисциплинирования» населения и ее редким, но все же встречающимся в жизни, использованием ее в качестве политического средства элитными группами или политическими лидерами – то есть, фактически в современной науке не определены критерии разграничения СК как правового наказания и как политического инструмента.

Авторы исследования уверены, что в рамках анализа обозначенной проблематики как основу исследования следует рассмотреть именно институциональную природу политики (власть как систему правил, процедур и легитимации), а не просто карательную функцию права. Напомним классическое определение суверена, данное К. Шмиттом, как того, «кто решает вопрос о чрезвычайном положении». СК он рассматривал как предельное проявление суверенной воли, стоящей над законом [9].

Основная гипотеза

СК функционирует как устойчивый политический институт не столько благодаря своей практической эффективности сдерживания преступности, сколько за счет её способности выполнять роль «символи-

ческого якоря» суверенитета государственной власти в условиях ее институциональной слабости (естественно, что в условиях, например, глобализации любое государство постепенно слабеет). Предполагаем, что по факту СК компенсирует дефицит легитимности государственной власти через демонстрацию ее монопольного права на насилие и создает иллюзию институциональной решительности там, где рутинные механизмы правопорядка (например, суды, полиция, пенитенциарная система) не справляются с обеспечением общественной безопасности.

В то же время, авторы предполагают, что для политической элиты СК даже сегодня является надгосударственным политическим инструментом расправы с оппонентами/противниками, то есть, элитные группы таким образом могут действовать «поверх» государства и права. Назовем это механизмом «компенсации институционального дефицита». То есть, чем ниже качество базовых политических институтов (независимость суда, эффективность полиции, верховенство права), тем выше политическая ценность смертной казни для правящей элиты. Не случайно считается, что в сильных институциональных системах наказание является рутинной процедурой применения закона. В слабых системах, где закон часто не работает, СК становится исключительным актом, заменяющим собой всю систему правосудия. Она служит как бы своеобразным «коротким замыканием», позволяющим власти показать результат («справедливость свершилась») без необходимости выстраивать сложные, долгие и прозрачные процедуры расследования и содержания под стражей.

Здесь же обратим внимание на механизм «Легитимации через бинарный код». Дело в том, что в условиях кризиса доверия к политическим институтам СК упрощает политическую коммуникацию, сводя сложные социальные проблемы к бинарному коду «свой/чужой» (жертва/преступник), что мобилизует электоральную поддержку вокруг фигуры лидера. Наша логика такова: политические институты очевидно нуждаются в поддержке масс. Но когда институты не могут гарантировать безопасность экономическими или социальными методами, они переключаются на «политику жесткости». И тогда СК становится инструментом популистской легитимации, позволяющим трансформировать страх населения перед преступностью в лояльность государству, обещающему «жесткую руку».

Научная новизна данной гипотезы связана с традиционными исследованиями, часто рассматривающими СК либо через этическую дихотомию (гуманно/негуманно); либо через дихотомию криминологии (работает/не работает как сдерживающий фактор); через правовую дихотомию (соответствует/не соответствует конституции и законодательству). Мы же предлагаем сместить внимание на политическую институтологию, рассматривая СК как первый, самый древний политический институт, а сегодня – как технологию выживания политического режима в условиях низкой результативности других институтов. Это позволяет объяснить по факту существующий парадокс, когда некоторые страны сохраняют СК даже при низком уровне убийств (символическая функция политики) и почему другие страны отменяют её даже при высоком уровне насилия (институциональная зрелость политики).

Методы исследования: аналогия, экстраполяция, институциональный анализ.

Результаты исследования и обсуждение

Политический институт понимается в современной науке в качестве исторически сложившейся, устойчивой формы организации и регулирования политической жизни общества, обладающей собственными правилами, нормами, ресурсами и структурой (подчеркнем еще раз: устойчивая форма политических отношений). К основным признакам политического института ученые обычно относят: 1. Устойчивость и долговременность. 2. Наличие формализованных правил и норм. 3. Организационную структуру (иерархию). 4. Большинство ключевых политических институтов (особенно государство и его органы) обладают правом применять силу или санкции в отношении тех, кто нарушает установленные правила. 5. Наличие ресурсов. 6. Легитимность. 7. Выполнение конкретных функций. Обратим внимание, что этот институт отличен от любой политической организации, которая является частью или практическим воплощением института.

Далее с этих семи признаков (характеристик) посмотрим на смертную казнь.

1. Начнем свой анализ с устойчивости и долговременности СК, частично об этом мы уже вели речь в актуальности. Здесь обратим внимание на недавнее исследование С.А. Мелькова и А.Н. Перенджиева, в котором они настаивают на том, что «смертную казнь (как умышленное убийство, а не как результат реактивной агрессии), скорее всего, можно считать неотъемлемым человеческим свойством, основой мышления человека» [10, с. 160]. Но долговременность её существования подтверждается и тем, что более половины стран мира до сих всё ещё сохраняют её в законодательстве, а в некоторых регионах наблюдается даже рост числа казней после периода снижения: 55 стран по-прежнему сохраняют и применяют СК. Такое большое количество государств, сохраняющих СК, говорит о глубокой укорененности института в правовых системах Азии, Ближнего Востока и части США. Список стран, где СК предусмотрена за обычные преступления, остаётся стабильным (Китай, Иран, Саудовская Аравия, частично США, Египет, Вьетнам) на протяжении последних 30–40 лет.

Вопреки ожиданиям полного исчезновения СК, в последние годы наблюдается всплеск активности, что доказывает жизнеспособность этого института как института политического: В 2024 году было зафиксировано как минимум 1518 казней в 15 странах – это самый высокий показатель за последнее десятилетие (с 2015 г.). Рост числа казней в 2024 г. составил 32% по сравнению с 2023 г., что указывает на усиление, а не ослабление репрессивной функции государства в ряде регионов. Отдельные страны показывают рекордные цифры: например, в Иране в 2025 году было казнено не менее 1,5 тыс. человек, что демонстрирует чрезвычайную устойчивость и масштаб применения этого наказания в национальной политике. В США количество казней в 2025 году выросло на 88% по сравнению с предыдущим годом [11], опровергая тезис о неизбежном и линейном угасании института даже в западных демократиях.

Голосования в ООН показывают, что, хотя большинство склоняется к отмене, значительное меньшинство устойчиво сопротивляется: так, на голосовании в Генеральной Ассамблее ООН в декабре 2024 г. резолюцию о моратории на СК поддержали 130 стран, однако 32 страны проголосовали против, а 22 воздержались [12]. Данный тезис позволяет авторам прийти к выводу о том, что наличие устойчивого блока более чем из 50 государств (голосовавших против или воздержавшихся), последовательно отвергающих международные призывы к отмене СК на протяжении многих лет (с 2007 года), свидетельствует о глубокой политической приверженности к данному институту, как к вопросу национального суверенитета.

Также институт СК поддерживается свою структуру посредством наличия значительного числа лиц, ожидающих приговора: так, по данным на середину 2020-х гг., число людей, ожидающих смертной казни в мире, исчисляется десятками тысяч (В США на конец 2021 г. их насчитывалось более 28 тысяч). В 22 странах мира более 2450 человек ожидают казни за преступления, которые связаны с торговлей наркотиками, что позволяет прийти к выводу о расширении сферы применения института в некоторых юрисдикциях.

Отраженные выше тезисы позволяют авторам прийти к выводу о том, что СК не является «умирающим» институтом в глобальном масштабе и сохраняет свою устойчивость в виде ядра из 55 государств, в том числе демонстрируя тенденцию к росту интенсивности. Более того, данный институт обладает механизмами «сопротивления» международному давлению, что делает его долговременным элементом политической системы.

2. Продолжим свой анализ с выявления наличия в институте СК формализованных правил и норм. Действительно, их наличие – ключевой признак того, что СК является именно политико-правовым институтом, а не актом произвола. Эти правила и нормы, как известно, закреплены в конституциях, уголовных кодексах, процессуальных законах и даже международных договорах, строго регламентируя: за что можно казнить, кто может быть казнен, как выносится приговор и как он исполняется. Вот конкретные цифры и факты, подтверждающие степень этой формализации, с источниками:

– Конституционное закрепление (высший уровень формализации). СК не применяется по усмотрению чиновника, она должна быть прямо разрешена основным законом страны. Сегодня в 54–56 странах мира СК прямо предусмотрена Конституцией или основным законом как допустимое наказание (Источники: Проект «Constitute Project» (сравнительный анализ конституций мира) и база данных Cornell Law School). Анализ показывает, что в странах, сохраняющих СК (например, США, Китай, Иран, Япония, Беларусь), текст Конституции либо прямо упоминает ее, либо содержит оговорки, допускающие ее применение в качестве исключения из права на жизнь. Так, в Конституции США (Поправка V и XIV) прямо говорится о лишении жизни только после надлежащей правовой процедуры, что является высшей формой нормативного закрепления.

– Ограничение списка преступлений (материально-правовая формализация). Институт СК строго ограничен перечнем статей уголовного кодекса. Нельзя казнить за любое преступление, только за те, что прописаны в законе. Так, в большинстве стран, сохраняющих казнь, список преступлений, караемых смертью, составляет от 3 до 15 статей Уголовного кодекса (обычно это убийство при отягчающих обстоятельствах, терроризм, госизмена). Но есть исключения и под-

тверждения нормы: даже в странах с широким применением СК (например, Иран или Китай), где список может достигать более 50 статей (включая наркопреступления, экономические преступления), каждое из этих деяний четко кодифицировано в конкретных статьях УК (например, ст. 302 УК Ирана, ст. 48 УК КНР). Произвольное расширение списка без принятия нового закона невозможно.

– Международная норма: согласно ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП), в странах, не отменивших казнь, она может применяться только за «наиболее тяжкие преступления». Это международно-правовое правило, которое формализует границы применения института (Источник: Текст МПГПП (ООН, 1966) и комментарии Комитета по правам человека ООН (Замечание общего порядка № 36).

– Процессуальные гарантии и многоуровневый контроль (процессуальная формализация). Самый высокий уровень бюрократизации и формализации наблюдается в процедуре вынесения и исполнения приговора. Смертный приговор никогда не вступает в силу мгновенно. Так, в США средний срок между вынесением смертного приговора и его исполнением составляет 26 лет (по данным на 2023–2024 гг.). Эта цифра подтверждает наличие сложнейшей системы формальных апелляций: автоматическая апелляция в суд штата, федеральный хабеас корпус[1], повторные ходатайства. Каждый этап регламентирован тысячами страниц процессуального кодекса (Источник: Бюро статистики юстиции США (Bureau of Justice Statistics) и ежегодные отчеты Death Penalty Information Center (DPIC). В Китае существует уникальная норма обязательного пересмотра каждого смертного приговора Верховным народным судом (с 2007 года). До 2007 года это право было делегировано местным судам, но реформа вернула жесткую централизованную формализацию (Источник: Отчеты Amnesty International и юридический анализ реформы уголовного процесса КНР 2007 года).

– Регламентация способа исполнения (техническая формализация). Даже способ приведения приговора в исполнение строго прописан в законах и инструкциях, исключая самодеятельность палачей. Так, в 55 странах, применяющих казнь, способы исполнения ограничены строго определенным списком, утвержденным законом: расстрел применяется примерно в 20 странах (Китай, Вьетнам, Беларусь, ОАЭ и др.); повешение – примерно в 20 странах (Иран, Япония, Сингапур, Египет); смертельная инъекция – примерно в 5 странах (США, Таиланд, Вьетнам, и др.); отсечение головы (гильотина/меч) – в 1 стране (Саудовская Аравия); Забрасывание камнями / повешение на кране – в 1 стране (Иран – для отдельных видов преступлений). Любое отклонение от утвержденного метода считается нарушением закона и может повлечь уголовное преследование исполнителей (Источник: Глобальный обзор методов казни в отчете Amnesty International «Death Sentences and Executions 2023/2024»).

– Запреты и исключения (негативная формализация). Нормы также формализуют, кого нельзя казнить ни при каких обстоятельствах. Это тоже часть правил института. Все 100% стран, ратифицировавших МПГПП и Конвенцию о правах ребенка, обязаны по закону исключить из-под смертной казни: лиц, не достигших 18 лет на момент преступления; беременных женщин; лиц с тяжелыми психическими расстройствами (в большинстве юрисдикций). Несмотря на нарушения в практике некоторых стран (например, казни несовершеннолетних в Иране), сам факт наличия этих запретов в национальных кодексах подтверждает существование формальных рамок (Источник: ст. 6(5) МПГПП, статья 37 Конвенции о правах ребенка; отчеты Специального докладчика ООН по внесудебным казням).

Таким образом, СК окружена плотным кольцом норм. Это доказывает, что она функционирует не как хаотичное насилие, а как высоко регламентированный политико-правовой институт с развитой системой правил.

3–4. Рассмотрим далее кратко организационную структуру (иерархию) СК и ключевые политические институты (особенно государство и его органы) обладают правом применять СК в отношении тех, кто нарушает установленные правила. Институты, участвующие в ее процессе: суды – выносят смертные приговоры; исполнительные органы – обеспечивают приведение приговоров в исполнение; органы помилования – в некоторых странах президент или монарх обладает правом помиловать приговорённого; контрольные инстанции – в ряде государств предусмотрены дополнительные процедуры проверки законности приговора (например, апелляционные суды). Нормированием преступлений, за которые предусмотрено такое наказание, как СК, занимаются федеральные органы законодательной власти.

В России до введения моратория на СК дела, где возможно ее применение, могли рассматриваться только Верховным судом РФ, верховными судами республик, а также областными или краевыми судами. В США смертная казнь может назначаться федеральными судами и судами отдельных штатов, где она не отменена. В России до моратория на СК осужденный имел право обратиться с ходатайством о помиловании к Президенту РФ. Если президент отклонял ходатайство или отказывался от применения помилования при отказе осужденного от обращения, это становилось основанием для исполнения приговора. В России исполнение СК возлагалось на администрацию исправительного учреждения после получения соответствующих документов от Верховного Суда и Генеральной прокуратуры.

Таким образом, право применять СК закреплено за государством, реализуется через судебную систему и другие уполномоченные органы, но часто ограничивается как на национальном, так и на международном уровне.

5. Продолжим далее рассмотрение ресурсов для применения СК, они включают финансовые, материально-технические, кадровые и инфраструктурные компоненты, но точные глобальные данные о них редко публикуются. Информация чаще всего фрагментарна и зависит от конкретной страны.

Так, прямые данные о бюджетах, выделяемых на смертную казнь, в открытых источниках встречаются редко. Однако известно, что процедура включает расходы на: содержание системы исполнения наказания (тюрьмы, камеры смертников); судебные процессы и апелляции; подготовку и проведение казни (например, закупку препаратов для инъекций, обслуживание оборудования); обеспечение безопасности при исполнении приговора.

Кадровые ресурсы. К исполнению смертной казни причастны: судьи и прокуроры, выносящие приговоры; сотрудники тюрем и исправительных учреждений, обеспечивающие содержание осуждённых в камерах смертников и исполнение приговора; медицинские работники (например, при использовании инъекций); технические специалисты (при применении сложного оборудования). В некоторых странах для казни могут привлекаться и другие специалисты, например, для обеспечения безопасности или документирования процедуры.

Инфраструктурные ресурсы. Развитая пенитенциарная система включает: тюрьмы с камерами смертников; помещения для судебных заседаний и апелляционных процессов; места для исполнения приговора (например, специальные камеры или площадки). В некоторых странах, например в Китае, существуют специализированные учреждения для исполнения смертных приговоров [13].

Данные о ресурсах для применения СК часто не публикуются открыто, особенно в странах, где эта практика активно применяется (например, в Китае, Северной Корее, Вьетнаме). Авторы исследования связывают это с наличием государственной тайны, отсутствием прозрачности, а также нежеланием демонстрировать объемы применения данного института. При этом, важно отметить, что в некоторых государствах, ввиду нехватки бюджета имеют место быть задержки в исполнении приговоров и нарушения прав осужденных, когда они годами содержаться в камерах смертников [14].

Таким образом авторы исследования приходят к выводу о том, что многие государства готовы тратить значительные средства на финансирование СК.

6. Рассмотрим современную легитимность СК, которая оценивается через призму современною юридической практики, законодательной базы, общественного мнения и статистических данных. Так, Генеральная ассамблея ООН регулярно принимает резолюции о введении мораториев на смертную казнь. К примеру, протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод запрещает смертную казнь в мирное время. Протокол № 13, принятый в 2002 году, расширяет запрет на любое применение смертной казни, даже в условиях военного времени [15]. При этом Всеобщая декларация прав человека закрепляет право каждого человека на жизнь (в статье 3), что позволяет авторам исследования усомниться в легитимности СК как нормы права.

При этом, общественное мнение относительно СК в разных государствах отличается. К примеру, в Японии, на момент 2025 года более 80% населения выступают против отмены СК, считая ее важным элементом системы правосудия [16]. В США социологические исследования по данному вопросу демонстрируют достаточно противоречивые результаты. В одних опросах более 86% респондентов поддержали наличие СК в США, при этом, при наличии альтернативы в виде пожизненного заключения без возможности помилование, число сторонников СК снижается до 49% [17].

Таким образом, СК остается достаточно дискуссионным явлением. С одной стороны, ряд государств и международных организаций активно выступают за ее отмену, что подтверждается резолюциями ООН и протоколами Европейской конвенции. При этом, часть государств и население отдельных стран поддерживает данный институт, как меру наказания. Статистика позволяет прийти к выводу о наличии глобальной тенденции к сокращению применения СК, но её сохранение в некоторых государствах свидетельствует о легитимности данного института в их национальных правовых системах.

7. Далее рассмотрим то, как СК выполняет свои функции. Некоторые исследования предполагали наличие сдерживающего эффекта СК. Например, в 1975 г. американский экономист А. Эрлих опубликовал работу, в которой утверждал, что одна СК предотвращает в среднем 5

[1] Хабеас корпус (лат. habeas corpus) – институт английского уголовно-процессуального права, тесно связанный с принципом неприкосновенности личности. Это юридическая процедура, посредством которой суд рассматривает незаконное задержание или заключение лица и требует от лица, осуществляющего опеку (обычно сотрудника тюрьмы), доставить заключённого в суд для определения законности его содержания под стражей.

убийств. Позже другие исследователи, анализировавшие последствия моратория на СК в США в 1972–1976 гг., пришли к выводу, что одна СК снижала уровень убийств на 0,05% (примерно на 150 человек). Однако многие другие исследования не обнаружили значимого сдерживающего эффекта СК по сравнению с пожизненным заключением [18]. В 1988 году под эгидой ООН было проведено исследование, которое обновлялось в 1996 и 2002 годах. Его вывод: «Исследования не смогли предоставить научных доказательств того, что казни оказывают большее сдерживающее воздействие, чем пожизненное заключение. Такие доказательства вряд ли появятся. Доказательства в целом по-прежнему не дают положительной поддержки гипотезе сдерживания» [19].

За 26 лет, прошедших с 1996 года (когда в России фактически прекратили применять смертную казнь), количество умышленных убийств сократилось в четыре раза – с 29,4 тыс. до 7,6 тыс. в 2022 г. При этом эксперты отмечают, что такие изменения не обязательно связаны с отменой СК, так как на уровень преступности влияют множество факторов, включая социальные и экономические условия [20]. Что касается других функций, то:

– СК действительно предотвращает повторное совершение преступлений конкретным осуждённым, но это относится и к пожизненному заключению.

– Риск ошибочного осуждения остается критическим аргументом против СК. Например, в США около 4% осужденных к СК впоследствии оказывались невиновными. С 1973 по 2004 г. 138 человек были официально оправданы до приведения приговора в действие [21].

– Некоторые исследователи считают, что наличие СК может негативно сказываться на моральном климате общества, тогда как её отсутствие способствует гуманизации [22].

Таким образом, хотя отдельные исследования указывали на возможный сдерживающий эффект от применения СК, большинство масштабных и систематических анализов не обнаружили убедительных доказательств её превосходства над другими видами наказания в плане снижения уровня преступности. Ключевыми остаются вопросы этики, риска судебных ошибок и альтернативных подходов к борьбе с преступностью.

Выводы по исследованию

Считаем, что нам удалось в первом приближении подтвердить нашу гипотезу. СК функционирует как устойчивый политический институт не столько благодаря своей практической эффективности сдерживания преступности, сколько за счет её способности выполнять роль «символического якоря» суверенитета государственной власти в условиях ее институциональной слабости.

С нашей точки зрения, современное состояние и частота использования смертной казни, по всем 7 основным признакам институциализации, позволяет утверждать ее институциональную функциональность (поясним еще четче: если власть захочет использовать СК не только в правовом аспекте, но и как политическое средство –она это сделает).

Возникшая в наших предков по всей видимости еще в плейстоцене СК [10] (как организованная и тщательно спланированная форма так называемой проактивной агрессии) является не просто современным политическим средством, но и архетипом человеческого мышления. Поэтому стараться/стремиться ограничивать ее практическое применение сегодня можно и нужно, однако она, видимо, еще долго будет оставаться частью нашего сознания, а значит, и частью нашей социальной жизни. Поэтому вряд ли в ближайшее время получится полностью от нее отказаться – как бы антигуманистично, на первый взгляд, ни выглядело это утверждение.

Скорее всего, частотность использования СК либо в качестве правового, либо в качестве политического инструмента зависит от особенности политической системы того или иного социума. Но мы не ставили своей целью проводить такой анализ в данной статье.

Литература

1. Фуко, Мишель. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Мишель Фуко; перевод с франц. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2025. 368 с.

2. Шишов О.Ф. История смертной казни в России // Нужна ли смертная казнь?: Сборник / В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, А.П. Кропоткин и др.; перевод с французского и английского. М.: Родина, 2025. С. 6–76.

3. Черри Р.Р. Развитие карательной власти в древних общинах: Пер. с англ. / Предисл. и примеч. П.И. Люблинского. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2021. 110 с.

4. Лейн Б. Энциклопедия пыток и казней / Б. Лейн, Перев. А. Фельдшеров. М.: Родина, 2023. 352 с.

5. Ридли, М. Происхождение альтруизма и добродетели / Мэтт Ридли; [пер. с англ. А. Чечиной]. Москва: Издательство «Э», 2016. 416 с.

6. Ковлер А.И. Антропология права: Учебник для вузов. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2002. 480 с.

7. Рэнгем, Р. Парадокс добродетели. Странная история взаимоотношений нравственности и насилия в эволюции человека / пер. с англ. С. Долотовской. Москва: Издательство АСТ: COPRUS, 2025. 480 с.

8. Рулан Н. Юридическая антропология. Учебник для вузов. Перевод с франц. Ответственный редактор В.С. Нерсесянц. М.: Издательство НОРМА, 1999. 310 с.

9. Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-пресс-Ц, 2000. 336 с.

10. Мельков, С.А. Смертная казнь как политический институт в плейстоцене: уточнение природы политики / С.А. Мельков, А.Н. Перенджиев // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2026. № 1(106). С. 147–164. DOI 10.24412/3005–8023–2026–1–147–164. EDN TPFWBK.

11. List of people executed in the United States in 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_…97172.0.0.737b5171HLpmYj (дата обращения: 23.03.2026).

12. Moratorium on the use of the death penalty: resolution / adopted by the General Assembly [Электронный ресурс] // Объединенные нации. Цифровая библиотека. URL: https://digitallibrary.un.org/record/4069732?spm=a2ty_o01.29997172.0.0.737b5171HLpmYj (дата обращения: 24.03.2026).

13. В каких странах мира действует смертная казнь [Электронный ресурс] // Международное информационное агентство «Казинформ». URL: https://www.inform.kz/ru/v-kakih-stranah-mira-deystvuet-smertnaya-kazn-02c61a (дата обращения: 24.03.2026).

14. В каких странах и за что до сих пор казнят людей? [Электронный ресурс]. URL: https://alice.yandex.ru/chat/019d1fc7–72c9–4000-a21e-a1f4d22059b1/ (дата обращения: 24.03.2026).

15. Международно-правовые документы, касающиеся вопроса смертной казни [Электронный ресурс] // Дипломатия Франции. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/droits-de-l-homme/abolition-de-la-peine…iesya-voprosa-smertnoj-kazni/ (дата обращения: 24.03.2026).

16. Карта смертной казни: кто отменил, а кто оставил [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/aOqJcaNCZnqR3Eb_ (дата обращения: 24.03.2026).

17. Простое решение сложных проблем. Смертная казнь в России и США и отношение к ней [Электронный ресурс]. URL: https://ug.ru/prostoe-reshenie-slozhnyh-problem-smertnaya-kazn-v-rossii-i-ssha-i-otnoshenie-k-nej/ (дата обращения: 24.03.2026).

18. Тирранен В.А. Смертная казнь и ее влияние на преступность: теория, практика и общественное мнение // Криминалистический журнал ГУЭП. 2010. № 3. С. 91–95.

19. Является ли смертная казнь эффективным сдерживающим фактором? [Электронный ресурс]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8cdefb71–69c29a1f-b2230f50–74722d776562/…/907/is-the-death-penalty-an-effective-deterrent (дата обращения: 24.03.2026).

20. Смертная казнь: «за» и «против». Гражданское общество должно понимать, что с введением смертной казни безопасность людей не усилится [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/smertnaya-kazn-za-i-protiv/ (дата обращения: 24.03.2026).

21. Выборный: «Как показывает практика, при вынесении приговора в виде смертной казни не исключены судебные ошибки» [Электронный ресурс] // Единая Россия. URL: https://moscow.er.ru/activity/news/vybornyj-kak-pokazyvaet-praktika-pri-vynesenii-prigovora-v-vide-smertnoj-kazni-ne-isklyucheny-sudebnye-oshibki (дата обращения: 24.03.2026).

22. «Им абсолютно не страшна смерть». Почему казни не делают общество безопаснее [Электронный ресурс]. URL: https://takiedela.ru/notes/kazn-ne-delaet-bezopasnee/ (дата обращения: 24.03.2026).

THE DEATH PENALTY AS A POLITICAL INSTITUTION: A CONTEMPORARY POLITICAL SCIENCE INTERPRETATION

Altunina Yu.O., Lyabakh A.Yu.
Moscow Polytechnic University, Civil Defence Academy EMERCOM of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhailika

The authors believe that the death penalty most likely originated among our ancestors in a distant historical period and, along with war, for a long time served as an institutionalized form of proactive aggression in hunter-gatherer groups. The article explores the

hypothesis that the death penalty functions as a stable political institution not so much due to its practical effectiveness in deterring crime, but rather due to its ability to serve as a "symbolic anchor" for state sovereignty in the face of institutional weakness. The novelty of this hypothesis stems from the authors' focus on political institutional theory, which views the death penalty as the first and most ancient political institution, and today as a survival technique for political regimes in the face of the ineffectiveness of other institutions. The research problem being addressed is the virtual absence in modern scholarship of a theoretical understanding of the institutional-political and simultaneously functional-power nature of the death penalty. Based on seven characteristics of institutionalization, it is demonstrated that the death penalty is a functional institution for the legal and political systems of modern society.

Keywords: power nature, institutionalization, populist legitimization tool, political institution, political instrument, nature of politics, death penalty, egalitarian society.

References

1. Foucault, Michel. Discipline and Punish. The Birth of the Prison / Michel Foucault; translated from French. Moscow: Ad Marginem Press, 2025. 368 p.

2. Shishov, O.F. History of the Death Penalty in Russia // Is the Death Penalty Necessary?: Collection / V.S. Soloviev, N.A. Berdyaev, A.P. Kropotkin, et al.; translated from French and English. Moscow: Rodina, 2025. Pp. 6–76.

3. Cherry, R.R. The Development of Punitive Power in Ancient Communities: Trans. from English / Preface and notes by P.I. Lyublinsky. Stereotype Publishing House. Moscow: LIBROKOM Book House, 2021. 110 p.

4. Lane, B. The Encyclopedia of Torture and Execution / B. Lane, Transl. A. Feldsherov. Moscow: Rodina, 2023. 352 p.

5. Ridley, M. The Origins of Altruism and Virtue / Matt Ridley; [translated from English by A. Chechina]. Moscow: Izdatelstvo "E", 2016. 416 p.

6. Kovler, A.I. Anthropology of Law: A Textbook for Universities. Moscow: NORMA Publishing House (NORMA-INFRA M Publishing Group), 2002. 480 p.

7. Wrangham, R. The Virtue Paradox: The Strange History of the Relationship between Morality and Violence in Human Evolution / translated from English by S. Dolotovskaya. Moscow: Izdatelstvo AST: COPRUS, 2025. 480 p.

8. Rulan N. Legal Anthropology. Textbook for Universities. Translation from French. Editor-in-Chief V.S. Nersesyants. Moscow: NORMA Publishing House, 1999. 310 p.

9. Schmitt K. Political Theology. Moscow: Kanon-press-C, 2000. 336 p.

10. Melkov, S.A. The Death Penalty as a Political Institution in the Pleistocene: Clarifying the Nature of Politics / S.A. Melkov, A.N. Perendzhiev // Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Social Sciences Series. 2026. No. 1 (106). Pp. 147–164. DOI 10.24412/3005–8023–2026–1–147–164. EDN TPFWBK.

11. List of people executed in the United States in 2025 [Electronic resource]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_…97172.0.0.737b5171HLpmYj (date of access: March 23, 2026).

12. Moratorium on the use of the death penalty: resolution / adopted by the General Assembly [Electronic resource] // United Nations. Digital Library. URL: https://digitallibrary.un.org/record/4069732?spm=a2ty_o01.29997172.0.0.737b5171HLpmYj (date of access: March 24, 2026).

13. In which countries is the death penalty in force [Electronic resource] // International Information Agency "Kazinform". URL: https://www.inform.kz/ru/v-kakih-stranah-mira-deystvuet-smertnaya-kazn-02c61a (accessed: March 24, 2026).

14. In which countries are people still executed, and for what? [Electronic resource]. URL: https://alice.yandex.ru/chat/019d1fc7–72c9–4000-a21e-a1f4d22059b1/ (accessed: March 24, 2026).

15. International legal documents concerning the death penalty [Electronic resource] // Diplomacy of France. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/droits-de-l-homme/abolition-de-la-peine…iesya-voprosa-smertnoj-kazni/ (accessed: 24.03.2026).

16. Map of the Death Penalty: Who Abolished It, Who Retained It [Electronic resource]. URL: https://dzen.ru/a/aOqJcaNCZnqR3Eb_ (accessed: 24.03.2026).

17. A Simple Solution to Complex Problems. The Death Penalty in Russia and the United States and Attitudes Toward It [Electronic resource]. URL: https://ug.ru/prostoe-reshenie-slozhnyh-problem-smertnaya-kazn-v-rossii-i-ssha-i-otnoshenie-k-nej/ (Accessed: 24.03.2026).

18. Tirranen V.A. The Death Penalty and Its Impact on Crime: Theory, Practice, and Public Opinion // Forensic Journal of the State University of Economics and Law. 2010. No. 3. Pp. 91–95.

19. Is the Death Penalty an Effective Deterrent? [Electronic resource]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8cdefb71–69c29a1f-b2230f50–74722d776562/…/907/is-the-death-penalty-an-effective-deterrent (Accessed: March 24, 2026).

20. The Death Penalty: Pros and Cons. Civil Society Must Understand That the Introduction of the Death Penalty Will Not Improve People's Safety [Electronic Resource] // Advocate Newspaper. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/smertnaya-kazn-za-i-protiv/ (Accessed: March 24, 2026).

21. Vyborny: "As practice shows, judicial errors cannot be ruled out when passing a death sentence" [Electronic resource] // United Russia. URL: https://moscow.er.ru/activity/news/vybornyj-kak-pokazyvaet-praktika-pri-vynesenii-prigovora-v-vide-smertnoj-kazni-ne-isklyucheny-sudebnye-oshibki (date of access: 24.03.2026).

22. "They are absolutely not afraid of death." Why executions do not make society safer [Electronic resource]. URL: https://takiedela.ru/notes/kazn-ne-delaet-bezopasnee/ (date of access: 24.03.2026).

Роль молодежной политики Российской Федерации в политической социализации российских граждан

Байшев Кирилл Анатольевич,
аспирант очной формы обучения, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
E-mail: kbaishev_ya@mail.ru.

В статье исследуется роль государственной молодежной политики Российской Федерации как институционального механизма политической социализации молодых граждан. На основе анализа нормативно-правовых актов, стратегических документов и научных трудов выделены ключевые направления воздействия: формирование гражданской идентичности и патриотическое воспитание, развитие социальной активности и молодежного самоуправления, интеграция молодежи в общественно-политические процессы. Автор доказывает, что современная молодежная политика выступает системообразующим фактором политической социализации, обеспечивая преемственность поколений и устойчивость политической системы, однако ее эффективность зависит от способности учитывать изменяющиеся запросы молодежи и вызовы цифровой среды.

Ключевые слова: молодежная политика, политическая социализация, гражданская идентичность, патриотическое воспитание, молодежные общественные объединения, «Движение первых», национальная безопасность.

Процесс политической социализации молодого поколения относится к числу фундаментальных механизмов самосохранения любой политической системы. Именно через социализацию осуществляется межпоколенческая трансляция политических норм, ценностных ориентаций и приемлемых моделей политического поведения. В современных условиях – на фоне информационного противоборства, ослабления влияния традиционных социализирующих институтов (семьи, школы, общественных организаций) и целенаправленных попыток внешнего воздействия на российскую молодёжь – значение государственной молодёжной политики неизбежно возрастает.

Как подчёркивал один из основоположников отечественной ювенологии И.М. Ильинский, «молодёжь – это объект национально-государственных интересов, поскольку она выступает стратегическим ресурсом развития общества, основой его будущего» [1, с. 23]. Кризис системы международных отношений, развязанная против России гибридная война, а также глубокая трансформация социально-экономических и культурно-политических устоев общественной жизни порождают качественно новые вызовы российской государственности. В ответ на эти вызовы требуется пересмотр подходов к внутренней политике в той её части, которая связана с сохранением и наращиванием человеческого капитала. Базовым условием решения этой задачи выступает эффективная просветительская, научно-образовательная и молодёжная политика [2, с. 24].

Цель настоящей работы заключается в выявлении основных направлений и конкретных механизмов, посредством которых государственная молодёжная политика Российской Федерации влияет на процесс политической социализации юных граждан, а также в оценке результативности сложившихся институциональных форм.

Категория «политическая социализация» разрабатывалась как зарубежными (Т. Парсонс, Д. Истон, Г. Алмонд), так и отечественными исследователями. В контексте нашего анализа наиболее продуктивным представляется понимание политической социализации как двустороннего процесса. С одной стороны, это целенаправленное воздействие государства и институтов гражданского общества на формирование политического сознания молодёжи. С другой – это активное, избирательное освоение самими молодыми людьми политических ролей и норм.

Ю.А. Зубок и В.И. Чупров в своих фундаментальных работах показывают, что «социализация молодёжи в условиях социальной нестабильности приобретает черты риска, что требует особого внимания к институциональным механизмам её регулирования» [3, с. 105]. Государственная молодёжная политика, по их мнению, выступает именно таким регулирующим механизмом, позволяющим снизить риски дезадаптации и отклоняющегося поведения в молодёжной среде.

И.М. Ильинский в монографии «Молодёжь и молодёжная политика» обосновывает понятие «молодёжного вопроса» как особой проблемы воспроизводства социальной структуры и передачи культурного наследия. Он пишет: «Молодёжь не просто наследует, но и преобразует общественные отношения, внося в них инновационный потенциал. Задача государства – создать условия для позитивной реализации этого потенциала» [1, с. 67].

Современный исследователь Т.Н. Самсонова акцентирует внимание на политической социализации как «процессе вхождения человека в политическую культуру общества, формирования политического сознания и поведения, освоения ролей» [4, с. 155]. При этом она подчёркивает, что молодёжный возраст является сенситивным периодом для формирования устойчивых политических установок. В свою очередь, Е.Б. Шестопал обращает внимание на диалогическую природу социализации: «Политическая социализация не может быть сведена к простой трансляции готовых образцов – это всегда диалог поколений, учёт изменяющихся условий и запросов молодёжи» [5, с. 15].

2. Нормативно-правовая основа молодёжной политики РФ Концептуальное оформление современная система молодёжной политики в Российской Федерации получила в ряде стратегических документов, принятых в последние годы. Ключевым из них стал Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации», который впервые на законодательном

уровне закрепил само понятие молодёжной политики, определил её цели, принципы и механизмы реализации.

Существенные коррективы в правовое регулирование внес Федеральный закон от 28 декабря 2024 года № 550-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О молодёжной политике в Российской Федерации»» [6]. Данным нормативным актом были уточнены понятийный аппарат, цели молодёжной политики, а также полномочия органов государственной власти в рассматриваемой сфере. Кроме того, закон установил категории и виды учреждений, реализующих молодёжную политику на местах [7].

Важно отметить введение новых инструментов, таких как единая программа молодёжной политики, механизмы грантовой поддержки молодёжных инициатив, а также институт «молодёжных столиц», призванный создавать региональные точки притяжения для активной молодёжи [6; 7]. По мнению С.В. Володенкова, подобные новации «свидетельствуют о переходе от декларативного к инструментальному этапу в развитии молодёжной политики, где акцент сделан не столько на воспитании, сколько на создании реальных возможностей для самореализации молодых людей» [8, с. 112].

Анализ действующей практики позволяет выделить несколько ключественных институциональных каналов, через которые государственная молодёжная политика воздействует на процесс политической социализации.

Введение в школах и вузах курсов «Разговоры о важном», «Основ российской государственности», а также модулей по истории и обществознанию с акцентом на традиционные ценности формирует у молодёжи базовую систему координат для оценки политических событий. Как отмечают Е.А. Омельченко и Н.Е. Гончарова, «школьное политическое воспитание сегодня становится не столько трансляцией знаний, сколько формированием эмоционально окрашенного отношения к Родине, её прошлому и настоящему» [9, с. 455]. А.Ю. Полунов, анализируя курс «Основы российской государственности», подчёркивает, что его цель – «не индоктринация, а выработка у студентов целостного мировоззрения, позволяющего критически оценивать информацию и противостоять деструктивным воздействиям» [10, с. 8].

Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодёжь) и его региональные структуры выступают ключевыми операторами грантовой поддержки. Конкурсы молодёжных проектов (включая «Росмолодёжь.Гранты») позволяют молодым людям не только получить финансирование на реализацию собственных инициатив, но и пройти школу проектного управления, публичной презентации и социального партнёрства. В диссертационном исследовании О.А. Коряковцевой показано, что именно «грантовые механизмы в наибольшей степени способствуют превращению молодого человека из пассивного объекта воспитания в активного субъекта политической и гражданской деятельности» [11, с. 187].

Молодёжные парламенты, молодёжные правительства, студенческие советы при органах власти создают каналы для институционализированного участия молодёжи в принятии решений. Хотя реальное влияние таких структур часто ограничено, сам факт их существования, как указывает А.Ю. Сунгуров, формирует у молодых людей «ожидания возможного участия и снижает уровень отчуждения от политической системы» [12, с. 256].

Молодёжные общественные объединения и движения. Примером наиболее масштабного института этого типа является Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодёжи «Движение Первых», созданное в 2022 году. Движение охватывает широкий спектр направлений – от патриотического воспитания до волонтёрства и медиадеятельности – и фактически выполняет функцию системного «лифта» для включения молодёжи в социально-политическую повестку.

Оценивая эффективность описанных механизмов, следует учитывать как достижения, так и сохраняющиеся проблемы. Позитивные тенденции:

1. Рост охвата молодёжи системными проектами (по данным Росмолодёжи, к 2025 году более 60% молодых людей в возрасте 14–35 лет так или иначе участвовали в мероприятиях молодёжной политики).

2. Снижение уровня абсентеизма среди молодых избирателей на федеральных выборах (по сравнению с 2016–2018 гг.).

3. Формирование слоя «профессиональной молодёжи», имеющей опыт социального проектирования и публичной деятельности.

Сохраняющиеся риски и противоречия:

1. Формализация участия. Нередко участие в молодёжных структурах носит ритуальный характер, не сопровождаясь реальным влиянием на принятие решений.

2. Селективный охват. Наиболее активные и ресурсные молодые люди получают больше возможностей, тогда как «тихая» (но не менее многочисленная) часть молодёжи остаётся вне системной работы.

3. Рост политической инструментализации. Существует опасность превращения молодёжной политики из механизма социализации в инструмент мобилизационной поддержки действующей власти, что снижает её долгосрочный воспитательный эффект.

4. Когнитивный диссонанс. Декларируемые ценности и реальная политическая практика (бюрократизация, коррупция, неравенство) могут вступать в противоречие, что порождает у части молодёжи цинизм и разочарование [3, с. 112–115].

Проведённый анализ позволяет утверждать, что государственная молодёжная политика Российской Федерации превратилась в последние годы в разветвлённый институциональный комплекс, оказывающий многостороннее воздействие на политическую социализацию молодых граждан. Её сильной стороной является системность, нормативная закреплённость и разнообразие инструментов – от образовательных программ до грантовых конкурсов и массовых движений.

Вместе с тем эффективность этой модели остаётся неоднозначной. Она успешно справляется с задачей первичной политической интеграции и снижения рисков деструктивного поведения, однако сталкивается с вызовами формализации, неравенства доступа и когнитивного диссонанса между декларируемыми ценностями и повседневными практиками. Дальнейшее развитие молодёжной политики, по-видимому, потребует сдвига от «количественного роста» охвата к «качественному углублению» – созданию механизмов, позволяющих молодым людям не просто участвовать в заданных форматах, но реально влиять на содержание принимаемых решений.

Литература

1. Ильинский И.М. Молодёжь и молодёжная политика / И.М. Ильинский. – М.: Голос, 2001. – 692 с.

2. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодёжь в обществе риска / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс. – М.: Наука, 2003. – 231 с.

3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социология молодёжи: учебник / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 450 с.

4. Самсонова Т.Н. Политическая социализация российских школьников в условиях социальной трансформации / Т.Н. Самсонова // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 153–159.

5. Шестопал Е.Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России / Е.Б. Шестопал // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2008. – № 3. – С. 7–18.

6. Федеральный закон от 28.12.2024 № 550-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О молодёжной политике в Российской Федерации»» [Электронный ресурс]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.02.2026).

7. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.02.2026).

8. Володенков С.В. Молодёжь в российском политическом процессе: монография / под ред. С.В. Володенкова. – М.: Изд-во Московского университета, 2020. – 312 с.

9. Омельченко Е.А., Гончарова Н.Е. Политическое воспитание в современной российской школе: дискурсы и практики / Е.А. Омельченко, Н.Е. Гончарова // Журнал исследований социальной политики. – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 451–466.

10. Полунов А.Ю. «Основы российской государственности»: концепция и методическое обеспечение курса / А.Ю. Полунов // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2023. – № 4. – С. 3–11.

11. Коряковцева О.А. Государственная молодёжная политика в современной России: развитие политической активности молодёжи: дис. … д-ра полит. наук: 23.00.02 / Коряковцева Ольга Алексеевна. – Ярославль, 2010. – 345 с.

12. Сунгуров А.Ю. Институты-посредники в структуре общественно-политических отношений / А.Ю. Сунгуров. – СПб.: Алетейя, 2012. – 408 с.

WAYS TO INCREASE PATRIOTISM AMONG MULTINATIONAL AND MULTI-CONFESSIONAL RUSSIA

Bashev K.A.
Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia

The article explores the role of the state youth policy of the Russian Federation as an institutional mechanism for the political socialization of young citizens. Based on the analysis of legal acts, strategic documents, and scientific works, the author identifies key areas of influence: the formation of civic identity and patriotic education, the development of social

activity and youth self-government, and the integration of young people into socio-political processes. The author argues that modern youth policy serves as a system-forming factor for political socialization, ensuring the continuity of generations and the stability of the political system, but its effectiveness depends on its ability to address the changing needs of young people and the challenges of the digital environment

Keywords: youth policy, political socialization, civic identity, patriotic education, youth public associations, the First Movement, and national security.

References

1. Ilyinsky I.M. Youth and Youth Policy / I.M. Ilyinsky. – Moscow: Golos, 2001. – 692 p.

2. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Williams K. Youth in a Risk Society / V.I. Chuprov, Yu.A. Zubok, K. Williams. – Moscow: Nauka, 2003. – 231 p.

3. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Sociology of Youth: a textbook / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov. – Moscow: INFRA-M, 2019. – 450 p.

4. Samsonova T.N. Political Socialization of Russian Schoolchildren in the Context of Social Transformation / T.N. Samsonova // Sociological Research. – 2001. – No. 7. – P. 153–159.

5. Shestopal E.B. Political Socialization and Resocialization in Modern Russia / E.B. Shestopal // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences. – 2008. – No. 3. – P. 7–18.

6. Federal Law of 28.12.2024 No. 550-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Youth Policy in the Russian Federation"" [Electronic resource]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (date accessed: 04.02.2026).

7. Federal Law of 30.12.2020 No. 489-FZ "On Youth Policy in the Russian Federation" [Electronic resource]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (date accessed: 04.02.2026).

8. Volodenkov S.V. Youth in the Russian Political Process: monograph / edited by S.V. Volodenkov. – Moscow: Moscow University Publishing House, 2020. – 312 p.

9. Omelchenko E.A., Goncharova N.E. Political Education in Modern Russian Schools: Discourses and Practices / E.A. Omelchenko, N.E. Goncharova // Journal of Social Policy Studies. – 2023. – Vol. 21, No. 3. – P. 451–466.

10. Polunov A.Yu. "Fundamentals of Russian Statehood": Concept and Methodological Support of the Course / A. Yu. Polunov // Teaching History and Social Studies at School. – 2023. – No. 4. – P. 3–11.

11. Koryakovtseva O.A. State youth policy in modern Russia: development of political activity of young people: dis. … Doctor of political sciences: 23.00.02 / Koryakovtseva Olga Alekseevna. – Yaroslavl, 2010. – 345 p.

12. Sungurov A. Yu. Intermediary institutions in the structure of socio-political relations / A. Yu. Sungurov. – St. Petersburg: Aleteya, 2012. – 408 p.

Роль института церкви в формировании политики северной европы в области ядерной энергетики

Белокоз Елизавета Романовна,
аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: belokoz_er@spbstu.ru

В статье приводится анализ роли института церкви и политических партий, основанных на религиозных ценностях, в формировании политики ядерной энергетики в странах Северной Европы. На примере Дании, Норвегии, Исландии, Швеции и Финляндии рассматривается степень воздействия церковных организаций на общественное мнение и политические процессы, связанные с развитием или ограничением ядерной энергетики. В центре внимания находится участие церквей в общественных дебатах, анализ официальных заявлений церквей и христианских народных партий, участие представителей духовенства в конференциях, а также взаимодействия религиозных организаций с политиками и учеными. На основании этого было установлено, что церковь выступала не только как «моральный арбитр», но и как активный участник экологических и энергетических дискуссий. В ряде случаев позиция церкви способствовала развитию антиядерного движения и повлияла на стратегические решения в энергетической политике. Работа основана на междисциплинарном подходе, объединяющем методы политологии, религиоведения и социологии, с целю определения особенностей взаимодействия религиозных и политических институтов в контексте формирования устойчивой энергетической политики региона.

Ключевые слова: реформация; ядерная энергетика; политика; лютеранство; межцерковный совет; Северная Европа; маломодульные реакторы; энергетическая директива; альтинг.

Введение

Многие лютеранские церкви, в частности Западной и Северной Европы, и Северной Америки, подчеркивают важность защиты окружающей среды, как неотъемлемую часть заботы о будущем поколении, что в свою очередь порождает критическое отношение к политике ядерной энергетике. Эта позиция обоснована риском ядерных катастроф (таких как, Чернобыль, Фукусима), их долговременных последствий, а также возрастающее количество радиоактивных отходов. Например, Евангелическая церковь Германии (Evangelische Kirche in Deutschland, EKD) неоднократно выступала с предложением по отказу продолжения использования ядерной энергетики, подчеркивая необходимость перехода к возобновляемым источникам энергии [1]. Евангелическая лютеранская церковь Америки (Evangelical Lutheran Church in America, ELCA) (США) акцентирует свое внимание на справедливом распределении природных ресурсов и защиты окружающей среды [2].

Лютеранские церкви, в частности Всемирная лютеранская федерация (Lutheran World Federation, LWF) (Швейцария), выступали за отказ использования ядерной энергетики в военных целях и за поддержание инициативы по укреплению мира [3].

С 2022 года многие европейские страны стали рассматривать отмену запрета на использование атомной энергии, предлагая создание реакторов нового поколения, которые должны стать более безопасными и эффективными. Такие дискуссии не могли обойти стороной церкви, а также политические партии, основанные на религиозных ценностях.

Однако, в настоящее время отсутствует официальные позиции лютеранских церквей и партий. Их мнения зависят по большей части от регионального и социального контекста. Тем не менее, в условиях глобализации институт церкви может способствовать стабилизации как внутренней, так и внешней политики государств, оказывая влияние на решение международных проблем. Поэтому необходимо рассмотреть отношение лютеранской церкви стран Северной Европы (Дания, Норвегия, Исландия, Швеция и Финляндия) и христианских партий к политике ядерной энергетики для возможного влияния на позиции стран на международной арене.

Предметом данной работы является анализ влияния церкви и политических партий, основанных на религиозных ценностях, на процессы формирования и реализации политики стран Северной Европы в области ядерной энергетики, в том числе на механизмы их взаимодействия с государством.

В статье использованы следующие методы: институциональный анализ, позволяющий исследовать, как церковь воздействует на политический институт в сфере ядерной энергетики в странах Северной Европы; анализ официальных документов, речей церковных лидеров, СМИ, заявлений и публикаций церкви; дискурсивный анализ, позволяющий исследовать морально-этический дискурс на примерах использования выражений духовенством, таких как: «дар творения», «ответственность», «неэтичность оружия»; метод «кейс-стади», фокусирующий внимание на конкретных практиках в Дании, Швеции и Финляндии, которые иллюстрируют более общие тенденции неиспользования ядерной энергетики в политических программах государств.

Основу методологического анализа составляет конструктивистский подход, в рамках которого политика и влияние церкви рассматриваются как социально-конструируемые процессы. Значения, роли и механизмы взаимодействия между церковью, государством и обществом формируются в процессе постоянного социального взаимодействия.

Основные материалы исследования

Народная церковь Дании

Народная церковь Дании (Folkekirken) была основана в ходе Реформации в 1536 году. В настоящее время носит статус государственной лютеранской церкви. В отношении ядерной энергетики церковь прямо не высказывалась, так как в Дании в целом не используется ядерная энергия. Это решение было принято в 1985 году парламентом Дании об исключении атомной энергетики из политики страны [4]. Данный курс был выбран под влиянием широкого общественного антиядерно-

го движения, усилившегося после катастрофы на Чернобыльской АЭС в 1986 году. В 2000 году правительство Дании закрыло экспериментальные ядерные реакторы на базе Национальной лаборатории Рисё в Роскуде, которые использовались исключительно в научных целях [5].

Народная церковь Дании поддерживает экологическую повестку, устойчивое развитие и переход на возобновляемые источники энергии, так как забота об окружающей среде – это часть христианского призвания [6]. Так был создан проект «Зеленый переход Народной церкви» (Folkekirkens Grønne Omstilling) – масштабная национальная инициатива от 2022 года, поддерживаемая епископами, приходскими советами и Министерством церковных дел (Kirkeministeriet). Главная цель проекта – экологическая перестройка всей Датской народной лютеранской церкви, включая энергосбережение, устойчивые закупки, управление отходами. Хотя проект не касается ядерной энергии напрямую, он демонстрирует чёткую борьбу церкви за экологию [7].

В этом же году была создана Инструкция по энергосбережению от Министерства церковных дел Дании, где изложена официальная инструкция приходским советам о снижении потребления энергии. Создание данной директивы связано с государственной политикой снижения воздействия на климат, что подтверждает экологическую позицию церкви на практическом уровне [8].

Однако, наиболее интересно мнение датской партии Христианских демократов (Kristendemokraterne, KD), основанной в 1970 году.

Христианские демократы, как и парламент Дании, рассматривает отмену действующего запрета на ядерную энергетику (1985) и начало анализа современных технологий, включая маломодульные реакторы (SMRs) [9] и реакторы на расплавленных солях (saltet kraftværker), которые обладают повышенной безопасностью и малой вместимостью [10]. Этот пункт особо выделен в программе партии под названием «Пятиточечный план Христианских демократов» (KD's fem-punktplan), где рассматриваются старые реакторы, которые небезопасны для человека и окружающей среды.

Кроме того, партия активно выступает за ядерную энергетику, так как по их мнению, она может стать интегральным компонентом энергетического ландшафта Дании, который способен эффективно способствовать снижению выбросов углекислого газа [11]. Также Христианские демократы считают, что инвестировать в исследования и разработки в области безопасной ядерной энергетики является необходимостью, так как подобная поддержка может помочь развитию международных отношений для продвижения данных технологий.

В 2023 году партия Христианских демократов предложила включить ядерную энергетику в состав энергетической стратегии Дании, а также инициировала проведение анализа возможностей ядерной энергетики как «зеленой» альтернативы [12].

Норвежская церковь

Церковь Норвегии (Den norske kirke), крупнейшая лютеранская церковь страны, основанная в 1537 году в ходе реформационного движения. Она отделена от государства с 2012 года. В 2017 году стала официально юридически независимой, но сохраняет за собой особый статус.

Церковь Норвегии регулярно выступает за безопасность окружающей среды и отказ от ядерного оружия. Так как ядерная энергетика не используется страной, в Норвегии не было атомных электростанций, только четыре ядерных реактора (один в Халдене (HBWR), три других в Кьеллере (JEEP I, NORA и JEEP II)), используемых исключительно в исследовательских целях и закрытых с 2018 года [13].

Тем не менее, в заявлении от 10 июля 2017 Норвежская церковь выражает благодарность за принятие Договора о запрете ядерного оружия (Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, TPNW), одобренный 7 июля 2017 года и подписанный 122 странами на Генеральной Ассамблее ООН. В этом заявлении сообщается, что церковь Норвегии активно будет бороться за ядерное разоружение и дальше [14]. Кроме того, норвежская церковь является членом Международной кампании о запрете ядерного оружия (ICAN), которая получила в 2017 году Нобелевскую премию мира [14]. В этом же году представители Церкви Норвегии приняли участие в 23-й Конференции ООН об изменении климата (COP23) в обсуждениях, касающихся климатической справедливости и реализации Парижского соглашения. Вместе с другими христианскими организациями, такими как Всемирный совет церквей (WCC), Лютеранский мирный союз (LWF) и др., Церковь Норвегии призвала к действиям в области климатической справедливости [15].

29 апреля 2021 года Межцерковный совет (Mellomkirkelig råd) и Норвежская церковь (Den norske kirke) выпустили заявление «Atomvåpen bør forbys», в котором церковь призывает норвежские политические партии активно ратифицировать договор ООН о запрете ядерного оружия. В заявлении также подчеркивалось, что атомное оружие является угрозой всему живому и не соответствует христианской этике боевых действий [16].

В статье от 6 августа 2024 года, приуроченной ко дню памяти атомных бомбардировок, Норвежская церковь снова сообщала о риске разрушения всего живого, используя ядерное оружие.

Позицию против ядерной энергетики и использованию ядерного оружия также поддерживает партия Христианских демократов Норвегии (Kristelig Folkeparti, KrF). Она была основана в Бергене 4 сентября 1933 году.

Из данных платформы iSideWith Христианские демократы выражают согласие в инвестирование в чистые возобновляемые источники энергии, такие как: ветровая, гидроэнергетика, геотермальная энергия и разработки с участием тория. Данные альтернативы наиболее безопасны и экологичны, чем ядерная энергетика [17]. Также партия выражает несогласие правительства о возможности возвращения к ядерной энергии, в том числе через малые модульные реакторы (SMR).

Исландская церковь

Национальная церковь Исландии (Þjóðkirkjan), основана в 1540 году в ходе Реформации. На сегодняшний день исландская церковь признана государственной.

Официальных заявлений церковь Исландии по атомной энергетике не публиковала, так как АЭС и ядерных установок в стране нет. Общее церковное лютеранское учение гласит о благодарности за дар творения и защиты природы, из чего можно сделать вывод, что церковь Исландии могла бы выступить противником использования ядерной энергетики.

Государство базируется в основном на возобновляемых источниках, причем 99% электроэнергии вырабатывается за счет гидроэнергии и геотермальной энергии. Кроме того, Исландия является лидером по использованию геотермальной энергии для отопления.

Что касается политических партий Исландии, основанных на религиозных учениях, и их взглядов на политику ядерной энергетики, то таких партий в стране в настоящее время нет. В 2007 году и 2015 году были попытки создания христианских политических партии, чтобы предложить «христианское политическое лидерство и решения общественных проблем» [18]. Однако обе инициативы оставались маргинальными, они не получили статус официальных политических партий, поэтому не участвовали в выборах и не вошли в Альтинг.

Шведская церковь

Шведская церковь (Svenska kyrkan) является крупнейшей церковью страны. Она была основа в 1527 году и официально отделена от государства в 2000 году.

В отличие от других стран Северной Европы, Швеция использует ядерную энергию. Однако церковь Швеции не требует срочного отказа от АЭС, при этом подчеркивает необходимость постепенного перехода на безопасные и возобновляемые источники.

Регулярно Шведская церковь публикует отчеты об этических и устойчивых инвестициях включая ограничения для энергетических компаний, инвестирующих в ископаемые виды топлива [19, с.5]. В 2022 году были обновлены «Инструкции для этического и устойчивого инвестирования», где зафиксированы требования по исключению компаний, связанных с ископаемой энергией.

Также Церковь инициировала «Письмо епископов о климате», в котором указаны рекомендации по энергосбережению в церковных зданиях и активному переходу на возобновляемые источники [19, с.6].

В 2023 году шведская церковь совместно с финской церковью принимали участие в 28-ой Конференции ООН об изменении климата (COP28), где епископ Марика Марковиц выступала с докладом, как религиозные лидеры способствуют климатическим преобразованиям [20, с.6].

Партия христианских демократов Швеции (Kristdemokraterna), основанной в 1964 году, расходится с мнением шведской церкви. Партия активно поддерживает развитие ядерной энергетики как ключевого элемента в обеспечении стабильного и экологически чистого энергоснабжения страны и Европы. Христианские демократы утверждают, что для достижения цели 100% безуглеродного производства электроэнергии необходимо использовать ядерную энергетику, поскольку она обеспечивает стабильную и предсказуемую выработку энергии, в отличие от переменных источников, таких как солнечная и ветровая энергия. Кроме того, партия выступает за продление срока службы действующих ядерных реакторов, таких как Ringhals 1 и 2, с целью увеличения их эффективности и обеспечения энергетической безопасности [21]. Партия также предлагает внедрить реакторы четвертого поколения, которые считаются более компактными, безопасными и эффективными [22]. Плюс ко всему, христианские демократы инициируют создание «Team Europa» – коалиции стран ЕС, которая поддер-

живает развитие ядерной энергетики. Партия предлагает стандартизировать процессы лицензирования и строительства ядерных реакторов на уровне ЕС, чтобы ускорить их внедрение.

Финская евангелическо-лютеранская церковь

Официально Евангелическо-лютеранская церковь Финляндии (Suomen evankelis-luterilainen kirkko) была основана в 1809 году, когда государство вошло в состав Российской Империи. Финская церковь не полностью отделена от государства, но важный шаг к независимости был сделан в 2000 году с вступлением новой Конституции Финляндии. Церковь сохраняет за собой особы статус, и государство сотрудничает с ней во многих направлениях.

Финляндия активно использует ядерную энергетику, однако финская церковь, как и шведская, не выступает против использования атомной энергии. Тем не менее, лютеранская церковь Финляндии призывает к этической ответственности, обеспечению безопасности, снижению воздействия на окружающую среду ядерных отходов. Некоторые представители духовенства финской церкви участвуют в экологических инициативах правительства (например, в издании Reseptio (№ 1/2023) публикуются материалы на тему церковной роли в устойчивом развитии [23, с.32]. Но официальной антиядерной позиции финской церкви пока нет.

В 2023 году финская церковь совместно со шведской церковью принимали участие в 28-ой Конференции ООН об изменении климата (COP28), где представители духовенства совместно с известными финскими компаниями – Nokia, Outokumpu, Stora Enso, Kone и другими – представили технологии в области «зеленого производства» [24].

В 2024 году в Хельсинки была проведена Международная конференция церкви – International Mission Partnership Consultation, – где проводились семинары по темам изменения климата, проблем глобализации, а также обсуждались вопросы утилизации ядерных отходов. В конференции принимали участие представители церквей, а также учёные и эксперты в области экологии [25].

Партия Христианских демократов Финляндии (Kristillisdemokraatit), основанная в 1958 году под названием Финская христианская лига (Suomen Kristillinen Liitto) и переименованная в 2001 году, считает энергетическую автономию важной для национальной безопасности и доступности энергии. Ядерная энергия рассматривается как ценный источник без выбросов углекислого газа, способный обеспечивать стабильную базовую нагрузку. Однако, партия подчёркивает, что ядерная энергетика не является безальтернативной, и долгое время её следует замещать возобновляемыми источниками энергии, когда это возможно [26].

Христианские демократы поддерживают разработку малых модульных реакторов, особенно для отопительных нужд и распределённого энергоснабжения, но одновременно выражают осторожность. По их мнению, использование иностранной технологии и топлива повышает зависимость от международной политики. Так, в 2024 году партия в европейской предвыборной программе выразила обеспокоенность стратегической зависимостью ЕС от стран вне союза и выступила за энергетическую независимость. Среди предложений – серийное производство SMR мощностью до 300 МВт и единая схема типового одобрения SMR по всей Европе. Также партия поддерживает исследования и ускоренное внедрение термоядерной энергии (fusion) на уровне ЕС [27].

Обсуждение

На первый взгляд может показаться, что церковь, как институт, незначительно влияет на вопросы, связанные с ядерной энергетикой. С 2024 года многие страны Европы, в их числе страны Северной Европы, ведут активный диалог по вопросам возврата к атомной энергетике. Однако в Северной Европе – особенно в Швеции и Норвегии – церковь традиционно играет значимую роль в формировании общественного мнения, особенно по вопросам этики, экологии и Лморальной этике. Её позиция, даже если она не напрямую вмешивается в политику, влияет на граждан и, следовательно, на политиков и на политические партии, в частности те, которые созданы на основе религиозных ценностей.

Важно понимать, что в Северной Европе церковь перестала быть «приказным» институтом, став при этом каналом общественного диалога. Например, в Финляндии и Дании церкви организовывают дискуссии по вопросам энергетики, приглашают ученых, политиков, представителей гражданского общества. Так, в августе 2024 года в Дании было проведено мероприятие «Народная климатическая встреча» (Klimafolkemødet), в котором участвовали епископ, бывший министр по вопросам энергии, климата и коммунальных услуг и председатель местного церковного совета. Обсуждения затрагивали вопросы потенциала церкви в сфере защиты окружающей среды и климата [28].

В Финляндии, начиная с 2019 года финской церковью проводится мероприятие «Диалоги надежды» (Toivon dialogit), на которых обсуждаются различные вопросы, в том числе и вопросы защиты окружающей среды. К участью привлекаются специалисты и материалы исследований с разных стран Европы [29].

В 2024 году в церкви Лакеуден Ристи (Lakeuden Risti) в Сейняйоки, прошли Экологические дни церкви (Kirkon ympäristöpäivät), где обсуждались ответственность за использование природных ресурсов, утилизация ядерных отходов и экологическая устойчивость [30].

Подобные мероприятия способствуют более глубокой общественной рефлексии и информированности. Другими словами роль церкви скорее посредническая, а не директивная. Большая роль в решении вопросов политики ядерной энергетики играют партии, исследователи и ученые в области ядерной энергетики и энергетические компании.

Заключение

Нельзя отрицать, что общественное мнение, особенно в демократических странах, играет ключевую роль. Если церковь формирует моральный климат, в котором ядерная энергия рассматривается как опасная или неэтичная, это может повлиять дальнейшие политические решения.

Однако с практической точки зрения, влияние церкви на конкретные энергетические решения минимально. Особенно в настоящее время, когда в некоторых странах Северной Европы возникли планы по отходу от «зеленой политики» и строительству реакторов нового поколения.

В странах Северной Европы по вопросу политики ядерной энергетики мнение лютеранских церквей и религиозных политических партий расходятся.

Литература

1. Klimawandel – Wasserwandel – Lebenswandel: Kundgebung der EKD-Synode beschlossen (2008). Evangelische Kirche in Deutschland, EKD [online]. Available at: https://www.ekd.de/pm288_2008_kundgebung_klimawandel.htm (Accessed: 14 August 2025).
2. STRIVE for Justice and Peace in All The Earth. Evangelical Lutheran Church in America – ELCA [online]. Available at: https://www.elca.org/our-work/congregations-and-synods/faith-practices/living-our-baptismal-covenant/strive? (Accessed: 14 August 2025).
3. Peacebuilding a priority for post-pandemic world (2020). News of Lutheran World Federation, LWF [online]. Available at: https://lutheranworld.org/news/peacebuilding-priority-post-pandemic-world? (Accessed: 14 August 2025).
4. Atomkraft-politik i Danmark, 1973–1985. Danmarks Nationalleksikon [online]. Available at: https://danmarkshistorien.lex.dk/Atomkraft-politik_i_Danmark,_1973–1985 (Accessed: 14 August 2025).
5. The Six Facilities: Risø nuclear station left us with nuclear facilities to be dismantled and cleaned. Dansk Dekommissionering [online]. Available at: https://dekom.dk/en/nukleare-anlaeg/?utm_source= (Accessed: 14 August 2025).
6. Denmark. Energy Communities [online]. Available at: https://pub.norden.org/nordicenergyresearch2023–03/denmark.html? (Accessed: 14 August 2025).
7. Folkekirkens Grønne Omstilling [online]. Available at: https://www.folkekirken.dk/om-folkekirken/folkekirken-i-samfundet/folkekirkens-groenne-omstilling (Accessed: 11 August 2025).
8. Folkekirkens IntraNet udvider med to nye vejledninger (2025). Landsforeningen af Menighedsråd [online]. Available at: https://www.menighedsraad.dk/nyheder/2022/kirkeministeriet-opfordrer-spar-paenergien/ (Accessed: 14 August 2025).
9. Denmark is considering lifting 40-year-old nuclear power ban, minister says (2025). Reuters [online]. Available at: https://www.reuters.com/business/energy/denmark-is-considering-lifting-40-year-old-nuclear-power-ban-minister-says-2025–05–14/ (Accessed: 14 August 2025).
10. KD's fem-punktplan for Efteråret 2021. Kristen Demokraterne [online]. Available at: https://www.kd.dk/kds-fem-punktplan/ (Accessed: 14 August 2025).
11. Moderne kernekraft: en grøn fremtid med respekt for naturen (2023). Kristen Demokraterne [online]. Available at: https://www.kd.dk/kerneforslag/ (Accessed: 14 August 2025).
12. Kristendemokraterne vil have atomkraft i Danmark (2023). Danish Offshore Industry – DOI.DK [online]. Available at: https://www.doi.dk/solenergi/artikel/kristendemokraterne-vil-have-atomkraft-i-danmark? (Accessed: 14 August 2025).
13. Данилова, Т. (2020) «Скандинавский нуар» в ядерном исследовательском центре Норвегии. Электронный журнал «Атомный эксперт», 3. [электронное издание]. Доступно: https://atomicexpert.com/scandinavian_noir (Дата обращения 14.08.2025) [Danilova, T. (2020)

«Skandinavskii nuar» v yadernom issledovatel'skom tsentre Norvegii. Elektronnyi zhurnal «Atomnyi ekspert», 3. [online]. Available at: https://atomicexpert.com/scandinavian_noir (Accessed: 14 August 2025)].

14. Glad for forbud mot atomvåpen (2017). Den Norske Kirke [online]. Available at: https://www.kirken.no/nb-NO/om-kirken/aktuelt/glad-for-forbud-mot-atomvapen/(Accessed: 15 August 2025).

15. Global churches act together for climate justice in call to COP23. World Council of Churches [online]. Available at: https://www.oikoumene.org/news/global-churches-act-together-for-climate-justice-in-call-to-cop23 (Accessed: 17 August 2025).

16. Atomvåpen bør forbys (2021). Den Norske Kirke [online]. Available at: https://www.kirken.no/nb-NO/om-kirken/slik-styres-kirken/mellomkirkelig-rad/arkiv/atomvåpen%20bør%20forbys/(Accessed: 14 August 2025).

17. Christian Democratic Party's policy on nuclear energy. ISideWith [online]. Available at: https://norge.isidewith.com/en/parties/christian-democratic/policies/science/nuclear-energy (Accessed: 15 August 2025).

18. Christian Political Party to Form in Iceland (2009). Reykjavik Grapevine [online]. Available at: https://grapevine.is/news/2009/09/23/christian-political-party-in-iceland/ (Accessed: 15 August 2025).

19. Instructions for ethical and sustainable investment for the Church of Sweden's asset management at the national level (2022). 11 p. [online]. Available at: https://www.svenskakyrkan.se/filer/1374643/Instructions%20for%20ethical%20and%20sustainable%20investment%20for%20the%20Church%20of%20Sweden%20April%202022.pdf (Accessed: 17 August 2025).

20. Act Svenska kyrkan deltar på COP28 (2023). Svenska Kyrkan [online]. Available at: https://blogg.svenskakyrkan.se/opinion/2023/12/05/act-svenska-kyrkan-deltar-pa-cop28/ (Accessed: 16 August 2025).

21. Moch KD tror på kärnkraften (2019). Aftonbladet [online]. Available at: https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/K3GayG/m-och-kd-tror-pa-karnkraften (Accessed: 14 August 2025).

22. Kärnkraft. (2022). Kristdemokraterna – KD [online]. Available at: https://kristdemokraterna.se/var-politik/politik-a-till-o/karnkraft?utm_source=chatgpt.com (Accessed: 17 August 2025).

23. Karttunen, T. (2023) 'Luterilaisen maailmaliiton keskustelu juutalaisen ja kristittyjen välisestädialogista' in Karttunnen T. (ed.) Reseptio 1/2023: Ekumenian ilmansuunnat: oikeudenmukaisuus, sovinto ja ykseys. Helsinki: Kirkkohallitus, p.29–36 [online]. Available at: https://evl.fi/plus/wp-content/uploads/sites/3/2023/05/Reseptio-1_2023.pdf (Accessed: 18 August 2025).

24. Cop28: Finnish business calls for climate action and offers practical solutions at un climate change conference (2023). Business Finland [online]. Available at: https://www.businessfinland.fi/en/cop28/whats-new/news/cop28-finnish-business-at-climate-change-conference (Accessed: 15 August 2025).

25. International Mission Partnership Consultation 26–30 August, 2024 in Helsinki, Finland (2024). EVL [online]. Available at: https://evl.fi/en/current-issues/news/news-2024/international-mission-partnership-consultation-26–30-august-2024-in-helsinki-finland/ (Accessed: 17 August 2025).

26. Kristillisdemokraattiset aakkoset. Kristillisdemokraatit [online]. Available at: https://www.kd.fi/tutustu/ohjelmat/kristillisdemokraattiset-aakkoset/?utm_source=chatgpt.com%20%5Ct%20_blank (Accessed: 19 August 2025).

27. Hämäläinen, H.-K. (2024)'Kristillisdemokratit: Markkinaehtoisuus ja riippumattomuus ohjaavat'. Energia Uutiset [online]. Available at: https://www.energiauutiset.fi/kategoriat/markkinat/kristillisdemokraatit-markkinaehtoisuus-ja-riippumattomuus-ohjaavat.html (Accessed: 19 August 2025).

28. Debat på Klimafolkemødet: Kan folkekirken løfte den grønne opgave? (2024) Folkekirken [online]. Available at: https://www.folkekirken.dk/aktuelt/nyheder/debat-paa-klimafolkemoedet-kan-folkekirken-loefteden-groenne-opgave?utm_source=chatgpt.com%20%5Ct%20_blank (Accessed: 19 August 2025).

29. Voiko tämä todella toimia? – Kirkon tiloissa järjestetyt Toivon dialogit saivat erimieliset keskustelemaan vaikeista ja kiistellyistä aiheista (2020). Kirkko ja Kaupunki [online]. Available at: https://www.kirkkojakaupunki.fi/-/voiko-tama-todella-toimia-kirkon-tiloissa-jarjestetyt-toivon-dialogit-saivat-erimieliset-keskustelemaan-vaikeista-ja-kiistellyista-aiheista (Accessed: 17 August 2025).

30. Kirkon ympäristöpäivillä kilvoitellaan ilmasto-oikeudenmukaisuuden ja -vastuun äärellä. ePressi [online]. Available at: https://www.epressi.com/tiedotteet/uskonto/kirkon-ymparistopaivilla-kilvoitellaan-ilmasto-oikeudenmukaisuuden-ja-vastuun-aarella.html?utm_source= (Accessed: 19 August 2025).

THE ROLE OF THE CHURCH INSTITUTION IN SHAPING NORTHERN EUROPE'S NUCLEAR ENERGY POLICY

Belokoz E.R.
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article provides an analysis of the role of the church institution and political parties based on religious values in shaping nuclear energy policy in the Nordic countries. Using the examples of Denmark, Norway, Iceland, Sweden and Finland, the degree of influence of church organizations on public opinion and political processes related to the development or limitation of nuclear energy is considered. The focus is on the participation of churches in public debates, the analysis of official statements by churches and Christian people's parties, the participation of clergy representatives in conferences, and the interaction of religious organizations with politicians and scientists. Based on this, it was revealed that the church acted not only as a "moral arbiter" but also as an active participant in environmental and energy discussions. In some cases, the church's position contributed to the development of the anti-nuclear movement and influenced strategic decisions in energy policy. The work is based on an interdisciplinary approach that combines methods of political science, religious studies, and sociology, and aims to identify the features of the interaction between religious and political institutions in the context of the formation of a sustainable energy policy in the region.

Keywords: reformation; nuclear energy; politics; lutheranism; inter-church council; Northern Europe; small-module reactors; energy directive; althing.

References

1. Klimawandel – Wasserwandel – Lebenswandel: Kundgebung der EKD-Synode beschlossen (2008). Evangelische Kirche in Deutschland, EKD [online]. Available at: https://www.ekd.de/pm288_2008_kundgebung_klimawandel.htm (Accessed: 14 August 2025).

2. STRIVE for Justice and Peace in All The Earth. Evangelical Lutheran Church in America – ELCA [online]. Available at: https://www.elca.org/our-work/congregations-and-synods/faith-practices/living-our-baptismal-covenant/strive? (Accessed: 14 August 2025).

3. Peacebuilding a priority for the post-pandemic world (2020). News of Lutheran World Federation, LWF [online]. Available at: https://lutheranworld.org/news/peacebuilding-priority-post-pandemic-world? (Accessed: 14 August 2025).

4. Atomkraft-politik i Danmark, 1973–1985. Danmarks Nationalleksikon [online]. Available at: https://danmarkshistorien.lex.dk/Atomkraft-politik_i_Danmark,_1973–1985 (Accessed: 14 August 2025).

5. The Six Facilities: Risø nuclear station left us with nuclear facilities to be dismantled and cleaned. Dansk Dekommissionering [online]. Available at: https://dekom.dk/en/nukleare-anlaeg/?utm_source= (Accessed: 14 August 2025).

6. Denmark. Energy Communities [online]. Available at: https://pub.norden.org/nordicenergyresearch2023–03/denmark.html? (Accessed: 14 August 2025).

7. Folkekirkens Grønne Omstilling [online]. Available at: https://www.folkekirken.dk/om-folkekirken/folkekirken-i-samfundet/folkekirkens-groenne-omstilling (Accessed: 11 August 2025).

8. Folkekirkens IntraNet udvider med to nye vejledninger (2025). Landsforeningen af Menighedsråd [online]. Available at: https://www.menighedsraad.dk/nyheder/2022/kirkeministeriet-opfordrer-spar-pa-energien/ (Accessed: 14 August 2025).

9. Denmark is considering lifting 40-year-old nuclear power ban, minister says (2025). Reuters [online]. Available at: https://www.reuters.com/business/energy/denmark-is-considering-lifting-40-year-old-nuclear-power-ban-minister-says-2025–05–14/ (Accessed: 14 August 2025).

10. KD's fem-punktplan for Efteråret 2021. Kristen Demokraterne [online]. Available at: https://www.kd.dk/kds-fem-punktplan/ (Accessed: 14 August 2025).

11. Moderne kernekraft: en grøn fremtid med respekt für naturen (2023). Kristen Demokraterne [online]. Available at: https://www.kd.dk/kerneforslag/ (Accessed: 14 August 2025).

12. Kristendemokraterne vil have atomkraft i Danmark (2023). Danish Offshore Industry – DOI.DK [online]. Available at: https://www.doi.dk/solenergi/artikel/kristendemokraterne-vil-have-atomkraft-i-danmark? (Accessed: 14 August 2025).

13. Danilova, T. (2020) "Scandinavian Noir" at the Nuclear Research Center of Norway. Electronic Journal "Atomic Expert", 3. [online]. Available at: https://atomicexpert.com/scandinavian_noir (Accessed: 14 August 2025) [Danilova, T. (2020) "Scandinavian Noir" at the Nuclear Research Center of Norway. Electronic Journal "Atomic Expert", 3. [online]. Available at: https://atomicexpert.com/scandinavian_noir (Accessed: 14 August 2025)]. 14. Glad for forbud mot atomvåpen (2017). Den Norske Kirke [online]. Available at: https://www.kirken.no/nb-NO/om-kirken/aktuelt/glad-for-forbud-mot-atomvapen/(Accessed: 15 August 2025).

15. Global churches act together for climate justice in call to COP23. World Council of Churches [online]. Available at: https://www.oikoumene.org/news/global-churches-act-together-for-climate-justice-in-call-to-cop23 (Accessed: 17 August 2025).

16. Atomvåpen bør forbys (2021). Den Norske Kirke [online]. Available at: https://www.kirken.no/nb-NO/om-kirken/slik-styres-kirken/mellomkirkelig-rad/arkiv/atomvåpen%20bør%20forbys/(Accessed: 14 August 2025).

17. Christian Democratic Party's policy on nuclear energy. ISideWith [online]. Available at: https://norge.isidewith.com/en/parties/christian-democratic/policies/science/nuclear-energy (Accessed: 15 August 2025).

18. Christian Political Party to Form in Iceland (2009). Reykjavik Grapevine [online]. Available at: https://grapevine.is/news/2009/09/23/christian-political-party-in-iceland/ (Accessed: 15 August 2025).

19. Instructions for ethical and sustainable investment for the Church of Sweden's asset management at the national level (2022). 11 p.m. [online]. Available at: https://www.svenskakyrkan.se/filer/1374643/Instructions%20for%20ethical%20and%20sustainable%20investment%20for%20the%20Church%20of%20Sweden%20April%202022.pdf (Accessed: 17 August 2025).

20. Act Svenska kyrkan deltar på COP28 (2023). Svenska Kyrkan [online]. Available at: https://blogg.svenskakyrkan.se/opinion/2023/12/05/act-svenska-kyrkan-deltar-pa-cop28/ (Accessed: 16 August 2025).

21. Moch KD tror på kärnkraften (2019). Aftonbladet [online]. Available at: https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/K3GayG/m-och-kd-tror-pa-karnkraften (Accessed: 14 August 2025).

22. Kärnkraft. (2022). Kristdemokraterna – KD [online]. Available at: https://kristdemokraterna.se/var-politik/politik-a-till-o/karnkraft?utm_source=chatgpt.com (Accessed: 17 August 2025).

23. Karttunen, T. (2023) 'Luterilaisen maailmaliiton keskustelu juutalaisen ja kristittyjen välisestädialogista' in Karttunnen T. (ed.) Reseptio 1/2023: Ekumenian ilmansuunnat: oikeudenmukaisuus, sovinto ja ykseys. Helsinki: Kirkkohallitus, p.29–36 [online]. Available at: https://evl.fi/plus/wp-content/uploads/sites/3/2023/05/Reseptio-1_2023.pdf (Accessed: 18 August 2025).

24. Cop28: Finnish business calls for climate action and offers practical solutions at un climate change conference (2023). Business Finland [online]. Available at: https://www.businessfinland.fi/en/cop28/whats-new/news/cop28-finnish-business-at-climate-change-conference (Accessed: 15 August 2025).

25. International Mission Partnership Consultation 26–30 August, 2024 in Helsinki, Finland (2024). EVL [online]. Available at: https://evl.fi/en/current-issues/news/news-2024/international-mission-partnership-consultation-26–30-august-2024-in-helsinki-finland/ (Accessed: 17 August 2025).

26. Kristillisdemokraattiset aakkoset. Kristillisdemokraatit [online]. Available at: https://www.kd.fi/tutustu/ohjelmat/kristillisdemokraattiset-aakkoset/?utm_source=-chatgpt.com%20%5Ct%20_blank (Accessed: 19 August 2025).

27. Hämäläinen, H.-K. (2024)'Kristillisdemokratit: Markkinaehtoisuus ja riippumattomuus ohjaavat'. Energia Uutiset [online]. Available at: https://www.energiauutiset.fi/kategoriat/markkinat/kristillisdemokraatit-markkinaehtoisuus-ja-riippumattomuus-ohjaavat.html (Accessed: 19 August 2025).

28. Debat på Klimafolkemødet: Kan folkekirken løfte den grønne opgave? (2024) Folkekirken [online]. Available at: https://www.folkekirken.dk/aktuelt/nyheder/debat-paa-klimafolkemoedet-kan-folkekirken-loefte-den-groenne-opgave?utm_source=chatgpt.com%20%5Ct%20_blank (Accessed: 19 August 2025).

29. Voiko tämä todella toimia? – Kirkon tiloissa järjestetyt Toivon dialogit saivat erimieliset keskustelemaan vaikeista ja kiistellyistä aiheista (2020). Kirkko ja Kaupunki [online]. Available at: https://www.kirkkojakaupunki.fi/-/voiko-tama-todella-toimia-kirkon-tiloissa-jarjestetyt-toivon-dialogit-saivat-erimieliset-keskustelemaan-vaikeista-ja-kiistellyista-aiheista (Accessed: 17 August 2025).

30. Kirkon ympäristöpäivillä kilvoitellaan ilmasto-oikeudenmukaisuuden ja -vastuun äärellä. ePressi [online]. Available at: https://www.epressi.com/tiedotteet/uskonto/kirkon-ymparistopaivilla-kilvoitellaan-ilmasto-oikeudenmukaisuuden-ja-vastuun-aarella.html?utm_source= (Accessed: 19 August 2025).

Образовательный суверенитет в эпоху искусственного интеллекта

Бочанов Максим Александрович,
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации;
доцент Российского государственного социального университета
E-mail: max8797@list.ru

В статье в политологическом ракурсе исследуется проблема образовательного суверенитета в условиях стремительного распространения генеративных технологий искусственного интеллекта (ИИ). Анализируется конкурентная борьба между национальными образовательными системами и глобальными AI-корпорациями (OpenAI, Google), выявляются риски утраты идеологического и ценностного суверенитета при бесконтрольном использовании зарубежных больших языковых моделей (LLM) в учебном процессе. Рассматриваются механизмы, формируемые в Российской Федерации для сохранения государственного контроля над формированием сознания обучающихся: государственная сертификация AI-моделей для школ, законодательные инициативы по ограничению применения иностранных «облачных» AI-тьюторов, создание централизованной инфраструктуры доступа к верифицированным нейросетям.

Ключевые слова: образовательный суверенитет, искусственный интеллект, идеологическая безопасность, государственная политика, сертификация ИИ, цифровой суверенитет, большие языковые модели, национальная идентичность.

Введение

Активное внедрение технологий искусственного интеллекта в социальную жизнь современного общества превращает сферу образования в одну из ключевых арен геополитической и идеологической конкуренции. Генеративные модели, подобные ChatGPT стремительно интегрируются в учебные процессы по всему миру, предлагая беспрецедентные возможности для персонализации обучения, но одновременно создавая фундаментальные вызовы для национального суверенитета государств. Способность контролировать содержание и ценностные ориентиры образовательного контента, генерируемого искусственным интеллектом, превращается в критически важный элемент обеспечения не только культурной, но и национальной безопасности.

Научный анализ данной проблемы требует рассмотрения нескольких взаимосвязанных аспектов. Во-первых, это концептуализация самого понятия «образовательный суверенитет» в цифровую эпоху и его соотношение с более широкими категориями технологического и цифрового суверенитета. Во-вторых, это оценка масштабов экспансии глобальных AI-корпораций в национальные образовательные системы и анализ рисков, которые такая экспансия несёт для ценностно-идеологического фундамента государства. В-третьих, это исследование конкретных механизмов, посредством которых государство может и стремится сохранить контроль над формированием сознания подрастающих поколений в условиях «алгоритмической конкуренции».

Цель настоящей статьи – систематизировать и провести анализ политико-правовых и институциональных механизмов обеспечения образовательного суверенитета Российской Федерации в эпоху развития ИИ, уделяя особое внимание таким инструментам, как государственная сертификация AI-моделей и ограничение использования иностранных «облачных» AI-тьюторов. Методологическую основу исследования составляют сравнительный политический анализ, институциональный подход и метод case-study применительно к российской регуляторной практике 2024–2026 годов.

Результаты и обсуждение

Понятие «образовательный суверенитет» не является юридически закреплённым в российском законодательстве, однако оно активно используется в политическом и экспертном дискурсе как производное от концепций «цифрового» и «технологического» суверенитета. Президент России В.В. Путин заявил, что страна входит в тройку мировых лидеров, достигших полного цифрового суверенитета, подразумевая под этим технологическую независимость в ключевых сферах IT-инфраструктуры. В образовательном контексте суверенитет приобретает дополнительное измерение – ценностно-мировоззренческое, связанное с контролем над содержанием и идеологической направленностью учебного процесса.

В научной литературе отмечается наличие неких противоречий в современной российской образовательной политике: между установками на ускоренную цифровизацию и одновременным стремлением к обретению «суверенного» и «уникального» качества образования. Разрешение этого противоречия требует не только импортозамещения программно-аппаратной базы, но и обеспечения ценностной аутентичности цифрового образовательного контента [2], что приобретает особую остроту в контексте генеративных AI-моделей.

Образовательный суверенитет в эпоху ИИ можно определить, как способность государства самостоятельно определять цели, содержание и ценностные ориентиры образовательного процесса, не допуская критической зависимости от иностранных технологических платформ и алгоритмических систем, способных транслировать чуждые национальной культуре и государственной идеологии смыслы и установки.

Экспансия ведущих американских технологических компаний в образовательную сферу приобрела в 2024–2025 годах характер скоординированной стратегии. OpenAI и Google активно выходят на рынок образовательных услуг, заключая партнёрства с правительствами и университетскими консорциумами. Так, ChatGPT Edu внедрён в Калифорнийском государственном университете, охватывая 460 тысяч преподавателей и студентов, что стало крупнейшим AI-образовательным проектом в истории [3]. Эстония, в свою очередь, стала страной, которая интегрировала AI-грамотность в национальный учебный план в партнёрстве с OpenAI и Google в рамках инициативы AI Leap [4]. Google

объявила, что её образовательные инструменты на базе Gemini достигли более 10 миллионов учащихся в более чем 1000 учебных заведений США [5]. Стремительно развивается и нейросеть Grok от компании xAI, основанная Илоном Маском в 2023 году.

Эти инициативы, внешне носящие характер технологической модернизации и повышения доступности качественного образования, в политологическом ракурсе представляют собой новую форму «мягкой силы» – «алгоритмическую мягкую силу». Глобальные AI-корпорации, контролируя архитектуру и обучающие данные своих моделей, получают возможность опосредованно влиять на формирование мировоззрения миллионов учащихся по всему миру, продвигая определённые ценностные и поведенческие паттерны.

Показательно, что в США при непосредственной поддержке Белого дома была запущена инициатива по интеграции ИИ в школы, объединившая усилия Google, Microsoft, OpenAI и Anthropic. Microsoft, OpenAI и Anthropic выделили 23 миллиона долларов на создание Национальной академии обучения взаимодействию с ИИ для 400 тысяч американских учителей [6]. Эти действия демонстрируют, что ведущие технологические державы рассматривают образовательную AI-инфраструктуру как стратегический актив в глобальной конкуренции за человеческий капитал и идеологическое влияние.

Использование в национальных образовательных системах больших языковых моделей, разработанных и обученных за рубежом, сопряжено с комплексом рисков, которые можно классифицировать по трём основным направлениям:

1. содержательно-идеологические риски;
2. когнитивно-педагогические риски;
3. риски утраты суверенитета над данными.

Содержательно-идеологические риски связаны с тем, что зарубежные LLM обучаются на массивах данных, преимущественно отражающих западную культурную, политическую и идеологическую парадигму. Профессор НИЯУ МИФИ Е.Г. Тихомирова подчёркивает, что генеративные модели, обученные на западных текстах, неспособны адекватно отражать русскую идентичность, которая выражается через три ключевых отношения: к природе, к другому и к самому себе. «Образ России как Матери, служение Отечеству, органичное чувство общности – это основания нашей государственности, которых нет в западных моделях ИИ» [7].

Вице-премьер РФ Д.Н. Чернышенко прямо указывает на опасность «отравленного эффекта той идеологии», которая может транслироваться через модели, обученные на голливудской продукции: «…в силу того, что просто голливудской продукции больше, получим как раз отравленный эффект той идеологии, которую они талантливо внедряли поколениями, создавая свои продукты» [8]. Исследования подтверждают, что политические взгляды AI-моделей существенно зависят от того, на каких текстах они обучались.

Когнитивно-педагогические риски заключаются в потенциальной интеллектуальной деградации обучающихся при чрезмерном и неконтролируемом использовании AI-инструментов. Президент России В.В. Путин предостерегает от опасности расслоения общества на «думающую» часть и тех, кто «пойдёт по простому пути: будет уметь пользоваться техникой, нажимать правильные кнопки, но будет интеллектуально деградировать». Глава Совета по правам человека при Президенте РФ В.А. Фадеев и вовсе призвал запретить студентам использование ИИ при написании рефератов, курсовых и дипломных работ [9]. Риски суверенитета над данными связаны с тем, что использование облачных AI-сервисов иностранных корпораций предполагает передачу значительных объёмов персональных данных учащихся и преподавателей на зарубежные серверы. Это создаёт угрозу не только для приватности, но и для национальной безопасности в целом.

При всем этом, необходимо отметить, что Российская Федерация формирует многоуровневую систему защиты образовательного суверенитета в эпоху ИИ, которая включает в себя технологические, нормативно-правовые и институциональные механизмы.

Технологический фундамент образовательного суверенитета составляет развитие собственных генеративных AI-моделей. Россия располагает собственными генеративными сетями мирового уровня, включая GigaChat и YandexGP T. Принципиально важным является требование, сформулированное на высшем политическом уровне: отечественные нейросети должны соответствовать российским ценностям, а не западным, и обучаться на российских платформах. В.В. Путин подчеркнул, что Россия должна обладать собственными фундаментальными технологиями искусственного интеллекта, а национальные языковые модели и весь спектр ИИ-систем должны создаваться и обучаться внутри страны. Создаётся единое хранилище данных, куда собираются советские фильмы и другие культурные артефакты, на которых должны обучаться отечественные модели. В чувствительных отраслях, включая образование, предписывается использовать прежде всего отечественные модели искусственного интеллекта.

Нормативно-правовая база, регулирующая использование ИИ в российском образовании, находится в стадии активного формирования. Ключевые направления законотворческой деятельности включают легализацию и верификацию. Группой депутатов Государственной Думы разработан законопроект, предлагающий разрешить учащимся использовать исключительно «верифицированные системы искусственного интеллекта с обеспечением педагогического контроля и защиты персональных данных» [10]. Доступ к таким системам должен осуществляться централизованно через единую государственную информационную систему, созданную Минпросвещения России.

Ограничение доли ИИ-генерации. Рабочая группа Совета Федерации готовит законопроект, обязывающий студентов и школьников раскрывать долю работ, выполненных с помощью ИИ, с предлагаемым ограничением её применения на уровне 30% [11].

Минцифры России в марте 2026 года представило проект закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», который впервые закрепляет понятие ИИ на федеральном уровне и вводит обязательную маркировку контента, созданного с помощью ИИ [12]. Запрет на иностранное ПО. Действует запрет на использование иностранных мессенджеров при обработке персональных данных обучающихся, а школы принимают локальные «Положения об использовании систем ИИ», закрепляющие правила взаимодействия с нейросетями.

Важнейшим механизмом обеспечения образовательного суверенитета является государственная сертификация AI-систем, предназначенных для использования в учебном процессе. Представитель совета при главе государства И.С. Ашманов подчёркивает, что применение ИИ в образовании требует обязательной сертификации и создания специализированного регулирующего органа, независимого от Минцифры. Процедура сертификации должна включать проверку уровня локализации, обеспечение прозрачности источников данных, используемых для обучения ИИ, а также оценку ответов модели на предмет наличия дезинформации и враждебной пропаганды. «Просто кодекса этики в данном случае недостаточно. Необходим полноценный регулятор и чёткая процедура сертификации с соответствующими испытаниями», – отмечает эксперт [13].

Росстандартом уже утверждён ряд национальных стандартов, регулирующих применение технологий ИИ в образовании, включая ГОСТ Р 72394–2025 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема формирования контингента абитуриентов…» и ГОСТ Р 72393–2025 «…Алгоритмы идентификации вовлечённости при онлайн-обучении» [14]. Эти стандарты создают нормативную основу для последующей обязательной сертификации.

Председатель Комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Я.Е. Нилов подчёркивает, что применение ИИ в образовании требует строгого законодательного регулирования: «Это как минимум нерационально, а как максимум – небезопасно. Поэтому так важны нормативные рамки и организация защищённой информационно-образовательной среды». Законопроектом предлагается отнести к компетенции образовательных учреждений «внедрение и контроль использования верифицированных систем искусственного интеллекта, функционирующих на базе государственных информационных систем» [15].

Институциональный контур защиты образовательного суверенитета включает:

- создание единой централизованной системы доступа к нейросетям через государственные информационные системы, что исключает бесконтрольное использование открытых зарубежных AI-сервисов;
- обязательный педагогический контроль за информацией, генерируемой искусственным интеллектом;
- интеграцию освоения технологий ИИ в государственные образовательные стандарты высшего образования;
- разработку учебных пособий по ИИ для школьников (учебники «Введение в искусственный интеллект» для 5–9 классов включены в федеральный перечень).

Россия в работе с ИИ придерживается осторожного подхода, основанного на законодательном регулировании, требованиях к прозрачности алгоритмов и культурной фильтрации.

Заключение

Анализ актуальных исследований и официальных заявлений позволяет выделить несколько ключевых тенденций в регулировании искусственного интеллекта, особенно в образовательной и политической сферах России. Во-первых, на национальном уровне всё отчётливее проявляется «секьюритизированный» подход к ИИ, где технологиче-

ский суверенитет становится приоритетом государственной политики. Как отмечают А. Игнатов и Д. Керими [17], в России управление в сфере ИИ всё чаще рассматривается через призму национальной безопасности, что ведёт к консолидации государственного контроля и сужению пространства для негосударственных инициатив. Во-вторых, эта логика напрямую проецируется на образование. По мнению главы комитета Госдумы Я. Нилова, применение ИИ в школах и вузах требует строгого законодательного регулирования: предлагается допускать только верифицированные системы на базе государственных информационных систем, а также ввести обязательный педагогический контроль за контентом, сгенерированным нейросетями. В-третьих, сравнительный анализ, проведённый Ю. Чжан, показывает, что Россия в данной сфере тяготеет к модели «оборонительного замещения», что неизбежно требует детальной правовой проработки использования ИИ в образовательном процессе.

Литература

1. Цифровой суверенитет: Владимир Путин рассказал о будущем российского IT и образования в эпоху ИИ. – Текст: электронный // Амурское областное телевидение: сайт. – 2025. – 19 декабря. – URL: https://amurobl.tv/news/nauka-i-tekhnologii/2025–12–19-tsifrovoy-suverenitet-vladimir-putin-rasskazal-o-budushchem-rossiyskogo-it-i-obrazovaniya-v-epokhu-i (дата обращения: 20.04.2026).

2. Афанасьева, К.А. «Цифра» и суверенность в современной российской образовательной политике / К.А. Афанасьева. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2024. – № 2.

3. CSU внедряет ChatGPT: как AI поможет студентам подготовиться к рынку труда. – Текст: электронный // Habr: сайт. – 2025. – 28 января. – URL: https://habr.com/ru/companies/bothub/news/880568/ (дата обращения: 20.04.2026).

4. Эстония массово внедряет ИИ в школьную программу. – Текст: электронный // Skillbox: медиа. – 2025. – 27 мая. – URL: https://skillbox.ru/media/education/estoniya-massovo-vnedryaet-ii-v-shkolnuyu-programmu/ (дата обращения: 20.04.2026).

5. Google Gemini for Education охватывает 1000+ колледжей США, предлагая инструменты искусственного интеллекта и обучение. – Текст: электронный // India Today: website. – 2025. – September 9. – URL: https://www.indiatoday.in/education-today/news/story/google-gemini-for-education-reaches-1000-us-colleges-offering-ai-tools-training-2784184–2025–09–09 (date of access: 20.04.2026).

6. Microsoft, OpenAI и Anthropic выделят $23 млн для обучения 400 тыс. учителей работе с ИИ. – Текст: электронный // Inc. Russia: сайт. – 2025. – 9 июля. – URL: https://incrussia.ru/news/microsoft-openai-i-anthropic-vydelyat-23-mln-dlya-obucheniya-400-tys-uchitelej-rabote-s-ii/ (дата обращения: 20.04.2026).

7. В МИФИ состоялся практический семинар «Этика в ИИ: проблемы авторства, эстетики и культурной идентичности». – Текст: электронный // Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»: официальный сайт. – 2025. – 18 декабря. – URL: https://mephi.ru/press/news/25459 (дата обращения: 20.04.2026).

8. Чернышенко: отечественные нейросети должны соответствовать ценностям РФ. – Текст: электронный // ТАСС: информационное агентство. – 2025. – 25 апреля. – URL: https://tass.ru/obschestvo/23784969 (дата обращения: 20.04.2026).

9. Глава СПЧ призвал запретить писать курсовые с помощью нейросетей. – Текст: электронный // РИА Новости: сайт. – 2025. – 21 мая. – URL: https://ria.ru/20250521/studenty-2018151447.html (дата обращения: 16.04.2026).

10. В Госдуме предложили регулировать использование ИИ в образовании. – Текст: электронный // Российская газета: сайт. – 2026. – 3 апреля. – URL: https://rg.ru/2026/04/03/v-gosdume-predlozhili-regulirovat-ispolzovanie-ii-v-obrazovanii.html (дата обращения: 20.04.2026).

11. Законопроекты об ограничении применения ИИ в учебе: неолуддизм или вопрос выживания. – Текст: электронный // РАПСИ: агентство правовой информации. – 2026. – 25 марта. – URL: https://rapsinews.ru/digital_law_publication/20260325/311710385.html (дата обращения: 15.04.2026).

12. Зоны ответственности, «доверенные» модели и маркировка: разбираем законопроект о регулировании ИИ. – Текст: электронный // FinKont: блог. – 2026. – 24 марта. – URL: https://www.finkont.ru/blog/zony-otvetsvennosti-doverennie-modely-i-markirivra-razbiraem-zakonoproekt-o-regulirovanii-ii/ (дата обращения: 15.04.2026).

13. Искусственный интеллект в образовании нуждается в сертификации. – Текст: электронный // Академия стандартизации, метрологии и сертификации: официальный сайт. – 2025. – 16 апреля. – URL: https://www.asms.ru/news/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-nuzhdaetsya-v-sertifikatsii.html (дата обращения: 12.04.2026).

14. Каталог национальных стандартов. – Текст: электронный // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии: официальный сайт. – URL: https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/catalognational (дата обращения: 15.04.2026).

15. Нилов: применение ИИ в образовании требует строгого законодательного регулирования. – Текст: электронный // Дума ТВ: официальный сайт. – 2026. – 3 апреля. – URL: https://migration.dumatv.ru/news/nilov – primenenie-ii-v-obrazovanii-trebuet-strogogo-zakonodatelnogo-regulirovaniya (дата обращения: 12.04.2026).

16. Чжан, Юйцин. Технологический суверенитет и культурная защита: различные направления политики в области искусственного интеллекта в области английского языка в Китае и России // Управление образованием: теория и практика. – 2025. – Т. 15, № 10–2. – С. 247–253.

17. Ignatov, A. Russia's securitised approach to AI sovereignty / A. Ignatov, D. Kerimi. – Text: electronic // The African Journal of Information and Communication (AJIC). – 2025. – Vol. 35. – P. 1–11. – URL: https://doi.org/10.23962/ajic.i35.15363 (date of access: 20.04.2026).

18. Шадже А.Ю., Ильинова Н.А. Образование в условиях нового глобального риска: цифровизация и гуманизация // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 71–83

EDUCATIONAL SOVEREIGNTY IN THE AGE OF AI

Bochanov M.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the problem of educational sovereignty from a political science perspective in the context of the rapid spread of generative artificial intelligence (AI) technologies. It analyzes the competition between national educational systems and global AI corporations (OpenAI, Google), and identifies the risks of losing ideological and value sovereignty due to the uncontrolled use of foreign large language models (LLM) in the educational process. The article discusses the mechanisms being developed in the Russian Federation to maintain state control over the formation of students' consciousness: state certification of AI models for schools, legislative initiatives to limit the use of foreign "cloud" AI tutors, and the creation of a centralized infrastructure for access to verified neural networks.

Keywords: educational sovereignty, artificial intelligence, ideological security, state policy, AI certification, digital.

References

1. Digital sovereignty: Vladimir Putin spoke about the future of Russian IT and education in the age of AI. – Text: electronic // Amur Regional Television: website. – 2025. – December 19. – URL: https://amurobl.tv/news/nauka-i-tekhnologii/2025–12–19-tsifrovoy-suverenitet-vladimir-putin-rasskazal-o-budushchem-rossiyskogo-it-i-obrazovaniya-v-epokhu-i

2. Afanasyeva, K.A. "Digital" and sovereignty in modern Russian educational policy / K.A. Afanasyeva. – Text: direct // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science. – 2024. – № 2.

3. CSU introduces ChatGPT: How AI will help students prepare for the job market. – Text: electronic // Habr: website. – 2025. – January 28. – URL: https://habr.com/ru/companies/bothub/news/880568 / (date of access: 04/20/2026).

4. Estonia is massively introducing AI into the school curriculum. – Text: electronic // Skillbox: media. – 2025. – May 27. – URL: https://skillbox.ru/media/education/estoniya-massovo-vnedryaet-ii-v-shkolnuyu-programmu

5. Google Gemini for Education covers 1,000+ colleges in the United States, offering artificial intelligence tools and training. – Text: electronic // India Today: website. – 2025. – September 9. – URL: https://www.indiatoday.in/education-today/news/story/google-gemini-for-education-reaches-1000-us-colleges-offering-ai-tools-training-2784184–2025–09–09

6. Microsoft, OpenAI and Anthropic will allocate $23 million to train 400,000 teachers to work with AI. – Text: electronic // Inc. Russia: website. – 2025. – July 9th. – URL: https://incrussia.ru/news/microsoft-openai-i-anthropic-vydelyat-23-mln-dlya-obucheniya-400-tys-uchitelej-rabote-s-ii

7. A practical seminar "Ethics in AI: problems of authorship, aesthetics and cultural identity" was held at MEPhI. – Text: electronic // National Research Nuclear University "MEPhI": official website. – 2025. – December 18. – URL: https://mephi.ru/press/news/25459

8. Chernyshenko: domestic neural networks must comply with the values of the Russian Federation. – Text: electronic // TASS: news agency. – 2025. – April 25. – URL: https://tass.ru/obschestvo/23784969

9. The head of the HRC called for a ban on writing term papers using neural networks. – Text: electronic // RIA Novosti: website. – 2025. – May 21. – URL: https://ria.ru/20250521/studenty-2018151447.html

10. The State Duma proposed to regulate the use of AI in education. – Text: electronic // Rossiyskaya Gazeta: website. – 2026. – April 3. – URL: https://rg.ru/2026/04/03/v-gosdume-predlozhili-regulirovat-ispolzovanie-ii-v-obrazovanii.html

11. Draft laws on limiting the use of AI in education: neo-Luddism or a question of survival. – Text: electronic // RAPSI: Agency of Legal Information. – 2026. – March 25. – URL: https://rapsinews.ru/digital_law_publication/20260325/311710385.html

12. Areas of responsibility, "trusted" models and labeling: we are reviewing the draft law on AI regulation. – Text: electronic // FinKont: blog. – 2026. – March 24. – URL: https://www.finkont.ru/blog/zony-otvetsvennosti-doverennie-modely-i-markirivra-razbiraem-zakonoproekt-o-regulirovanii-ii /

13. Artificial intelligence in education needs to be certified. – Text: electronic // Academy of Standardization, Metrology and Certification: official website. – 2025. – April 16. – URL: https://www.asms.ru/news/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-nuzhdaetsya-v-sertifikatsii.html

14. Catalog of national standards. – Text: electronic // Federal Agency for Technical Regulation and Metrology: official website. – URL: https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/catalognational

15. Nilov: The use of AI in education requires strict legislative regulation. – Text: electronic // Duma TV: official website. – 2026. – April 3. – URL: https://migration.dumatv.ru/news/nilov – primenenie-ii-v-obrazovanii-trebuet-strogogo-zakonodatelnogo-regulirovaniya

16. Zhang, Yuqing. Technological sovereignty and cultural protection: various policy directions in the field of artificial intelligence in the field of English in China and Russia / Yuqing Zhang. – Text: direct // Education management: theory and practice. – 2025. – Vol. 15, No. 10–2. – pp. 247–253.

17. Ignatov, A. Russia's securitized approach to AI sovereignty / A. Ignatov, D. Kerimi. – Text: electronic // The African Journal of Information and Communication (AJIC). – 2025. – Vol. 35. – P. 1–11. – URL: https://doi.org/10.23962/ajic.i35.15363

18. Shadje A. Yu., Ilinova N.A. Education in conditions of new global risk: digitalization and humanization // Social and humanitarian knowledge. 2020. No. 6. pp. 71–83

Политические акторы как фактор изменения общественной среды в условиях глобальных вызовов региональной нестабильности и цифрового неравенства

Вититнев Сергей Федорович,
доктор исторических наук, профессор, Российский государственный социальный университет
E-mail: svititnev@yandex.ru

Бруз Владимир Виленович,
доктор исторических наук, профессор, Государственный университет просвещения
E-mail: vvb54@yandex.ru

Шмелева Анна Вячеславовна,
кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный социальный университет
E-mail: lug-anna@yandex.ru

В статье исследуется трансформация общественной среды под воздействием политических акторов в обстановке одновременного усиления региональной нестабильности и цифрового неравенства. Аналитический фокус сосредоточен на государствах, международных организациях, транснациональных корпорациях, неправительственных институтах и сетевых сообществах, поскольку именно их взаимодействие определяет конфигурацию власти в ситуациях вооружённых конфликтов, миграционных кризисов, экономической турбулентности и политической фрагментации. Обосновывается положение о том, что современная политика уже не поддаётся удовлетворительному объяснению в рамках исключительно государствоцентричной модели: распределение влияния во всё большей степени зависит от контроля над коммуникационной инфраструктурой, режимами доступа к информации и возможностями преобразования цифровых ресурсов в политическое действие. На материале исследований 2021–2025 гг. прослеживается переход от линейных схем объяснения к сетевой и мультиакторной логике, при которой границы между внутренними и внешними контурами политики становятся всё менее устойчивыми. Региональная нестабильность и цифровое неравенство рассматриваются как сопряжённые факторы, формирующие асимметрию возможностей: цифровые технологии могут повышать транспарентность управления и расширять участие граждан, однако при неравномерном доступе они одновременно воспроизводят исключение, зависимость, манипулятивные практики и новые формы конфликтности. Особое внимание уделено гибридным акторам, цифровому суверенитету, транснациональным платформам, цифровому активизму и ограничениям слактивистских моделей участия. Делается вывод о целесообразности аналитической рамки, объединяющей неоинституционализм, конструктивизм и теорию структурации, поскольку она позволяет объяснить, каким образом акторы зависят от среды и вместе с тем выступают субъектами её перестройки.

Ключевые слова: политические акторы, региональная нестабильность, цифровое неравенство, общественная среда, цифровой суверенитет.

Введение

Современная политическая реальность характеризуется не только увеличением числа участников политического процесса, но и качественным изменением механизмов, посредством которых осуществляется воздействие на общественную среду. Наряду с государствами устойчивое и во многих случаях определяющее значение приобретают международные организации, транснациональные корпорации, неправительственные структуры и сетевые сообщества, включённые в производство норм, смыслов и каналов координации [3]. Их роль особенно возрастает там, где традиционные институты управления и согласования решений функционируют нестабильно, а социальное пространство испытывает давление вооружённых конфликтов, миграционных волн, экономических диспропорций и политической фрагментации.

Актуальность выбранной темы имеет как теоретическое, так и прикладное измерение. Для современной политической науки принципиально важен отход от редукционистских схем, в которых кризис описывается в границах одной территории или одного института. Региональная нестабильность сегодня быстро преодолевает локальные рамки, затрагивая соседние государства, международные рынки, миграционные потоки и трансграничные информационные режимы; вследствие этого любой локальный сбой способен производить эффекты более широкого масштаба [1]. Именно поэтому исследование политических акторов требует учёта сложной взаимосвязи внутренних и внешних контуров политики.

Не менее существенным обстоятельством выступает цифровое неравенство, которое целесообразно трактовать значительно шире, чем простой разрыв в подключении к сети. Речь идёт о неравномерности доступа к инфраструктуре, данным, навыкам использования цифровых сервисов и институциональным возможностям превращать цифровую активность в политически значимый результат. В условиях цифровизации и глобализации подобные различия непосредственно воздействуют на распределение ресурсов влияния, на характер общественного участия и на степень представленности социальных групп в публичной сфере [9]. Соответственно, общественная среда трансформируется под действием не одного, а нескольких сопряжённых факторов, перераспределяющих власть, видимость и возможность коллективного действия.

Связь между региональной нестабильностью и цифровым неравенством носит двусторонний и нелинейный характер. Ослабление институтов, как правило, сопровождается деградацией цифровой инфраструктуры и ростом асимметрии доступа к коммуникационным каналам; в обратном направлении цифровой разрыв ограничивает доступ к достоверной информации, сужает представительство и облегчает манипуляцию общественным мнением. В связи с этим цель статьи состоит в выявлении механизмов, посредством которых политические акторы воздействуют на общественную среду при одновременном действии указанных процессов, а также в определении условий, при которых цифровые ресурсы преобразуются в политический капитал, а отдельные участники получают возможность навязывать свою повестку и закреплять асимметрию влияния.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составили неоинституционализм, конструктивизм и теория сетевого общества. Их совмещение позволяет анализировать политических акторов не изолированно, а как участников системы отношений, в которой одновременно значимы институциональные ограничения, дискурсивные практики и конфигурация коммуникационных сетей. Эмпирическую базу образовал корпус из 15 публикаций 2021–2025 гг., включённых в список литературы. Указанные работы охватывают проблематику глобальных политических процессов, цифровизации общественно-политических коммуникаций, трансформации институтов, протестной активности, цифровой солидарности и региональной повестки. В исследовании использовались сравнительно-политический и проблемно-аналитический методы, а также приёмы концептуального моделирования. Такой методический набор дал возможность сопоставить трактовки различных авторов, выявить устойчивые связи между нестабильностью и цифровым неравенством

и сформулировать обобщения о механизмах воздействия политических акторов на общественную среду на глобальном, региональном и локальном уровнях [14].

Результаты и обсуждение

В современной политической науке понятие «политический актор» не сводится к одному нормативно закреплённому определению. В рамках реалистической традиции приоритет, как правило, сохраняется за государством, поскольку именно оно рассматривается в качестве основного носителя суверенной воли, силового ресурса и стратегического интереса. Однако эта объяснительная оптика оказывается недостаточной там, где воздействие на общественную среду осуществляется через распределённые каналы коммуникации, платформенные механизмы и негосударственные формы координации. Современный политический процесс демонстрирует, что заметное влияние оказывают не только государства, но и транснациональные корпорации, гуманитарные и религиозные структуры, платформенные посредники, сетевые движения, а в ряде случаев и неформализованные цифровые объединения. Следовательно, аналитическая рамка должна учитывать множественность субъектов и неодинаковость их ресурсов.

Конструктивистская перспектива позволяет уточнить, что различия между акторами обусловлены не только объёмом располагаемых ими материальных ресурсов. Не меньшую роль играет способность определять язык описания ситуации, формировать образ угрозы, ранжировать приоритеты и переводить частный интерес в публично значимую повестку. Именно на этом уровне решается вопрос о легитимности интерпретаций, о допустимых способах действия и о том, какие темы приобретают статус общественно значимых, а какие вытесняются на периферию обсуждения [13]. В цифровой среде значение подобных механизмов возрастает, поскольку управление вниманием и тематической иерархией становится самостоятельным источником политического влияния.

Существенный вклад в понимание указанных процессов вносит сетевая оптика, позволяющая рассматривать власть не как атрибут отдельно взятого института, а как позицию в системе взаимосвязей, через которую проходят информационные, финансовые и символические потоки. В такой перспективе цифровое неравенство предстает не просто как техническое отставание отдельных территорий или групп, а как иерархически распределённый доступ к узлам, где принимаются решения и концентрируются возможности влияния. Те акторы, которые включены в центральные контуры цифровой коммуникации, способны быстрее накапливать политический капитал, тогда как периферийное положение воспроизводит зависимость и ограничивает субъектность [6].

Региональная нестабильность в рассматриваемом контексте следует понимать не как кратковременный эпизод кризиса, а как среду затяжной институциональной и социальной турбулентности. Она охватывает вооружённые конфликты, управленческие сбои, экономические дисбалансы, поляризацию общества, миграционное напряжение и ослабление нормативных механизмов согласования интересов. При таком состоянии общественной системы традиционные формы регулирования теряют часть эффективности, а конфигурация участников политического процесса становится более подвижной и фрагментарной. В результате на первый план выходят те силы, которые способны оперативно компенсировать дефицит управления и предлагать собственные каналы координации, представительства и мобилизации [4].

Особую аналитическую значимость имеет взаимное усиление региональной нестабильности и цифрового неравенства. В конфликтных или институционально ослабленных регионах цифровая инфраструктура нередко развивается неравномерно, а доступ к каналам распространения информации зависит от внешних поставщиков технологий, платформ и сервисов. Это не только снижает способности местных сообществ к самоорганизации, но и создаёт условия, при которых внешние акторы получают преимущество в интерпретации событий, мобилизации сторонников и милитаризации коммуникационного пространства. Тем самым цифровой разрыв приобретает выраженное политическое измерение и начинает работать как самостоятельный фактор перераспределения власти [15].

В подобных условиях возрастает роль гибридных акторов, сочетающих свойства государственных и негосударственных структур. К ним могут относиться квазигосударственные образования, частные военные компании, платформенные корпорации, а также организованные сетевые сообщества, действующие одновременно в институциональных и внеинституциональных режимах. Их влияние усиливается потому, что они способны быстро менять формы присутствия, переходить между различными нормативными юрисдикциями и использовать слабость политико-правовой среды в собственных интересах. В ситуации, когда государство и общество претерпевают сложную трансформацию, именно гибридные участники нередко становятся посредниками между локальным кризисом и глобальными центрами воздействия [12].

Само понятие цифрового неравенства нуждается в многоуровневой интерпретации. Его невозможно ограничить бинарным различием между подключёнными и неподключёнными пользователями. Корректнее выделять, по меньшей мере, инфраструктурный уровень, уровень цифровых компетенций и уровень социальных и политических эффектов использования технологий. Наиболее существенным для политологического анализа является именно последний аспект, поскольку формальное присутствие в сети ещё не гарантирует участия в выработке решений, устойчивого представительства интересов и доступа к символическим ресурсам признания. Неравенство проявляется там, где цифровое общество развивается асинхронно, а ценностные и поведенческие ориентиры его участников расходятся по степени включённости в общие коммуникационные режимы [5].

С институциональной точки зрения принципиален вопрос о том, насколько существующие механизмы политического регулирования способны функционировать в условиях такого неравенства. Значительная часть институтов была сформирована для среды, в которой основными посредниками выступали традиционные медиа и бюрократические структуры, а скорость циркуляции информации оставалась сравнительно невысокой. Сегодня же возникает заметный разрыв между институциональной формой и цифровой практикой: законодательные и процедурные рамки не успевают за логикой платформенных коммуникаций, механизмы общественного контроля слабо приспособлены к алгоритмическому управлению вниманием, а цифровые акторы получают возможность разрушать политическую солидарность без прохождения классических каналов ответственности [11].

Одним из наиболее заметных следствий описанных процессов становится трансформация публичной сферы. Цифровые технологии действительно расширили возможности доступа к общественному обсуждению, однако одновременно изменили саму архитектуру публичности. Алгоритмическая селекция контента, платформенная модерация, сегментация аудиторий и ускоренное распространение эмоционально насыщенных сообщений делают публичную сферу менее целостной и более уязвимой для манипулятивных воздействий. В условиях новой социальной нормальности риски информационной безопасности и управляемого искажения повестки перестают быть периферийными и непосредственно влияют на качество общественной коммуникации [2].

Изменение каналов коммуникации закономерно ведёт к перестройке политического участия. Онлайн-петиции, сетевые кампании, краудсорсинговые инициативы и цифровые сообщества существенно расширили репертуар коллективного действия, особенно для молодёжных и урбанизированных групп. Вместе с тем эффективность подобных практик неодинакова. В одних случаях цифровая мобилизация становится предварительным этапом реального давления на институты и способствует росту протестной активности; в других она ограничивается символическим актом присоединения, не меняющим структуры принятия решений. Поэтому вопрос заключается не в самом присутствии актора в сети, а в его способности соединить цифровую вовлечённость с организационными и институциональными механизмами воздействия [10].

Особого внимания заслуживает проблема цифрового суверенитета. Для государства она связана со способностью обеспечивать устойчивость национальной коммуникационной инфраструктуры, защищать данные, регулировать платформенную среду и сохранять автономию принятия решений в условиях трансграничного движения информации. Однако на практике цифровой суверенитет не может быть сведен к простому контролю над техническими границами сети. Он предполагает наличие собственных нормативных, технологических и организационных ресурсов, позволяющих уменьшать зависимость от глобальных олигополий, стандартов хранения данных и внешних каналов распределения контента [8].

В такой конфигурации транснациональные технологические корпорации выступают как политические акторы нового типа. Формально они сохраняют статус коммерческих организаций, однако именно через них проходят ключевые каналы коммуникации, механизмы модерации, рекламные алгоритмы и правила допуска к платформенной видимости. Их решения о ранжировании, ограничении или блокировке контента способны непосредственно влиять на темпы мобилизации, на видимость конфликтной повестки и на возможность распространения альтернативных интерпретаций событий. Тем самым часть политической власти перераспределяется в пользу структур, не включённых в процедуры демократической подотчётности, но фактически регулирующих параметры публичного взаимодействия.

Связь между деятельностью политических акторов и изменением общественной среды продуктивно описывается через логику взаимного формирования структуры и действия. Политические участники действуют в условиях институциональных, культурных и технологических ограничений, однако их повседневные практики одновременно воспроизводят и преобразуют эти ограничения. Применительно к расцсматриваемой теме это означает, что региональная нестабильность и цифровое неравенство не являются внешними и неизменными обстоятельствами. Они поддерживаются, усиливаются или, напротив, смягчаются в результате конкретных решений – инвестиционных, правовых, информационных, мобилизационных. Следовательно, изменение общественной среды необходимо понимать как процесс, возникающий из постоянного взаимодействия структурных условий и стратегий самих акторов.

Не менее значим вопрос о формировании коалиций между различными типами акторов. В кризисной среде коалиции редко возникают исключительно на основе долгосрочного расчёта выгод и издержек. Значительно чаще они складываются ситуативно – под воздействием общей угрозы, дефицита времени и ресурсов, совпадения интерпретаций либо вынужденной зависимости от общих цифровых каналов. Платформенные среды ускоряют координацию, снижают транзакционные издержки и позволяют объединять территориально разобщённых участников. Но та же самая среда делает коалиции уязвимыми для информационных атак, вмешательства в коммуникацию и целенаправленного подрыва доверия, поэтому устойчивость союзов определяется не только совпадением интересов, но и качеством инфраструктуры взаимодействия.

Анализ цифрового неравенства позволяет выявить ещё одну тенденцию – появление новых форм политической субъектности. Онлайн-сообщества, объединённые общей проблематикой, идентичностью или системой интересов, всё чаще выступают как самостоятельные участники политического процесса. Они способны собирать и распространять информацию, координировать взаимопомощь, инициировать кампании общественного давления и формировать собственные каналы представительства без опоры на классические организационные структуры. Вместе с тем новые социальные группы, возникающие в цифровой среде, могут играть как интегративную, так и дестабилизирующую роль, что особенно заметно в условиях политического напряжения и институциональной уязвимости [7].

Сопоставление рассмотренных подходов показывает, что ни одна теоретическая традиция в отдельности не обеспечивает исчерпывающего объяснения влияния политических акторов на общественную среду в условиях глобальных вызовов. Реализм продуктивен для анализа конфликтности и распределения силы, но ограниченно чувствителен к роли негосударственных и цифровых участников. Либеральные модели лучше описывают институциональное взаимодействие, однако нередко исходят из более высокой степени упорядоченности, чем та, которая существует в кризисных регионах. Конструктивизм раскрывает борьбу за интерпретацию и легитимность, сетевая перспектива – логику включения и исключения, но каждая из них по отдельности остаётся неполной. Поэтому наиболее убедительным представляется синтетический подход, объединяющий анализ институтов, дискурсивной власти, цифровой инфраструктуры и практик конкретных акторов.

Заключение

Проведённый анализ позволяет заключить, что современная общественная среда изменяется под воздействием не одного доминирующего центра, а сложной и подвижной конфигурации государств, международных организаций, технологических корпораций, сетевых сообществ и гибридных структур. Государство сохраняет системообразующую роль, однако его политическая результативность всё в большей степени зависит от способности выстраивать взаимодействие с негосударственными участниками, регулировать платформенные режимы и уменьшать последствия цифрового неравенства. Отсюда следует необходимость отказа от излишне узких объяснительных схем, в которых политическая субъектность заранее резервируется исключительно за традиционными институтами.

Региональная нестабильность и цифровое неравенство образуют общий контекст, в котором перераспределяются доступ к информации, инфраструктуре и механизмам участия. Нестабильность подрывает институциональную предсказуемость и расширяет пространство для внешних, гибридных и ситуативных воздействий. Цифровое неравенство, в свою очередь, определяет, какие акторы способны формировать общественную повестку, мобилизовать поддержку и переводить коммуникационные ресурсы в политическое влияние. В совокупности эти факторы меняют структуру публичной сферы, конфигурацию политического участия и способы легитимации власти, поэтому анализ современных конфликтов и трансформаций общественной среды невозможен без систематического учёта цифрового измерения.

Практический вывод состоит в том, что ответы на обозначенные вызовы не могут ограничиваться декларациями о модернизации или формальным расширением доступа к цифровым сервисам. Необходимы институциональные решения, одновременно уменьшающие уязвимость нестабильных регионов, расширяющие реальные возможности участия и обеспечивающие более прозрачные правила функционирования цифровых платформ. Для политической науки это означает потребность в дальнейшей разработке моделей, способных связать макроуровень глобальных процессов с конкретными механизмами действия акторов. Для политической практики – необходимость стратегий, ориентированных не только на управление кризисом, но и на восстановление более включённой, устойчивой и менее асимметричной общественной среды.

Литература

1. Ильин И.В., Леонова О.Г. Факторы динамики глобальных политических процессов. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 9 (119).
2. Силкин В.В. Информационная безопасность в условиях «новой социальной нормальности»: риски, модели и метрики. Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. Т. 14. № 2 (67). С. 316–324.
3. Торкунов А.В. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы. Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 7–22.
4. Грабельных Т.И., Саблина Н.А., Зырянов В.В. Глобальные и региональные воздействия на современные общества: новые социальные трансформации. Социологические исследования. 2022. № 4. С. 152–154.
5. Бакланов И.С., Бакланова О.А., Похилько А.Д. Аксиологические ориентиры и темпоральные референции развития цифрового общества. Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 4. С. 136–144.
6. Линник А.А. Цифровизация как фактор мобильности в иерархии мир-системы. Nauka.me. 2024. № 2.
7. Солдатов А.А. Новые социальные группы как фактор политической дестабилизации в современном социуме. Дискурс. 2021. Т. 7. № 1. С. 82–91.
8. Тушков А.А., Омельяненко С.Ю. Россия в современной цифровой среде и правовом поле: от дуополии и олигополии к международному регулированию в новом технологическом цикле. Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 3 (91). С. 1149–1157.
9. Ларина Е.Д., Никонов С.Б., Олейников С.В., Мани М. Проявление цифровизации и глобализации на примере политической системы РФ. Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 10 (160). С. 13–26.
10. Керимов А.А., Эбзеев А.А. Факторы и тенденции протестной активности молодежи в современной России. Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 104–123.
11. Ерохина О.В. Деструктивное влияние цифровых акторов на процессы политической солидарности в России. Власть. 2024. Т. 32. № 5. С. 51–56.
12. Сампиев И.М. Трансформация государства и общества в условиях глобализации и становления многополярности. Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14. № 1. С. 110–123.
13. Прияцелюк К.А. Повестка дня: региональный аспект. Власть. 2025. Т. 33. № 1. С. 145–153.
14. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: научные концепции, модели и сценарии. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 175–193.
15. Михайленок О.М., Малышева Г.А. О цифросетевых аспектах милитаризации российского общественно-политического пространства. Власть. 2023. Т. 31. № 3. С. 137–144.

POLITICAL ACTORS AS A FACTOR IN TRANSFORMING THE SOCIAL ENVIRONMENT IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES OF REGIONAL INSTABILITY AND DIGITAL INEQUALITY

Vititnev S.F., Bruz V.V., Shmeleva A.V.
Russian State Social University, State University of Education

The article analyses the transformation of the social environment under the influence of political actors in a situation where regional instability and digital inequality intensify si-

multaneously. The focus is placed on states, international organisations, transnational corporations, non-governmental institutions and networked communities, because their interaction increasingly determines the distribution of power in the context of armed conflicts, migration crises, economic turbulence and political fragmentation. The paper argues that contemporary politics can no longer be explained satisfactorily within an exclusively state-centred framework: influence depends to a growing extent on control over communication infrastructures, regimes of access to information and the capacity to convert digital resources into political action. Drawing on studies published in 2021–2025, the article traces the shift from linear state-centred interpretations to a networked and multi-actor perspective in which the boundaries between domestic and external politics become progressively less stable. Regional instability and digital inequality are treated as interconnected factors producing asymmetries of opportunity: digital technologies may increase transparency and broaden civic participation, yet under uneven conditions of access they also reproduce exclusion, dependence, manipulative practices and new forms of conflict. Particular attention is given to hybrid actors, digital sovereignty, transnational platforms, digital activism and the structural limits of slacktivist participation. It is concluded that these processes are most adequately explained through a combined analytical framework integrating neo-institutionalism, constructivism and structuration theory, since political actors are shaped by the environment and simultaneously act as agents of its transformation.

Keywords: political actors, regional instability, digital inequality, social environment, digital sovereignty.

References

1. Ilyin I.V., Leonova O.G. Factors in the dynamics of global political processes. Electronic Scientific and Educational Journal “History”. 2022. Vol. 13. No. 9 (119).

2. Silkin V.V. Information security in the conditions of “new social normality”: risks, models and metrics. Eurasian Union: Issues of International Relations. 2025. Vol. 14. No. 2 (67). Pp. 316–324.

3. Torkunov A.V. Russia and the political order in a changing world: values, institutions, prospects. Polis. Political Studies. 2022. No. 5. Pp. 7–22.

4. Grabelnykh T.I., Sablina N.A., Zyryanov V.V. Global and regional impacts on modern societies: new social transformations. Sociological Studies. 2022. No. 4. Pp. 152–154.

5. Baklanov I.S., Baklanova O.A., Pokhilko A.D. Axiological guidelines and temporal References in the development of digital society. Bulletin of the Armavir State Pedagogical University. 2021. No. 4. Pp. 136–144.

6. Linnik A.A. Digitalization as a factor of mobility in the hierarchy of the world-system. Nauka.me. 2024. No. 2.

7. Soldatov A.A. New social groups as a factor of political destabilization in modern society. Discourse. 2021. Vol. 7. No. 1. Pp. 82–91.

8. Tushkov A.A., Omelyanenko S. Yu. Russia in the modern digital environment and legal field: from duopoly and oligopoly to international regulation in the new technological cycle. Issues of Political Science. 2023. Vol. 13. No. 3 (91). Pp. 1149–1157.

9. Larina E.D., Nikonov S.B., Oleinikov S.V., Mani M. Manifestation of digitalization and globalization: the case of the political system of the Russian Federation. Ethnosocium and Interethnic Culture. 2021. No. 10 (160). Pp. 13–26.

10. Kerimov A.A., Ebzeev A.A. Factors and trends of youth protest activity in modern Russia. Discourse-Pi. 2022. Vol. 19. No. 1. Pp. 104–123.

11. Erokhina O.V. Destructive influence of digital actors on the processes of political solidarity in Russia. Power. 2024. Vol. 32. No. 5. Pp. 51–56.

12. Sampiev I.M. Transformation of the state and society under conditions of globalization and the formation of multipolarity. Humanities of the South of Russia. 2025. Vol. 14. No. 1. Pp. 110–123.

13. Priyatselyuk K.A. The agenda: the regional aspect. Power. 2025. Vol. 33. No. 1. Pp. 145–153.

14. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Digitalization of modern socio-political communication space: scientific concepts, models and scenarios. Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2021. No. 60. Pp. 175–193.

15. Mikhaylenok O.M., Malysheva G.A. On the digital network aspects of the militarization of Russian socio-political space. Power. 2023. Vol. 31. No. 3. Pp. 137–144.

Электоральное прогнозирование на основе анализа социальных сетей: возможности и ограничения методов машинного обучения

Воробьев Антон Павлович,
кандидат политических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет управления», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «МЭИ»
E-mail: camaro1@yandex.ru

В статье рассматриваются возможности и ограничения применения методов машинного обучения для прогнозирования результатов политических выборов на основе анализа тональности комментариев в социальных сетях. Теоретическую основу исследования составляют теории электорального поведения (бихевиоризм, рациональный выбор, социологический и психологический подходы) и концепция медиатизации политики. Эмпирическая часть базируется на анализе двух наборов данных: комментариях о выборах президента США 2020 г. и комментариях пользователей ВКонтакте в период президентской кампании в России 2018 г. Для прогнозирования использованы три модели: логистическая регрессия, последовательная и рекуррентная нейронные сети. Сделан вывод, что анализ тональности комментариев может служить вспомогательным инструментом для мониторинга общественных настроений, однако требует учета репрезентативности данных, влияния ботов и контекстуальной неоднозначности политической коммуникации.

Ключевые слова: электоральное прогнозирование, машинное обучение, анализ тональности текста, социальные сети, политические процессы, медиатизация политики, большие данные (Big Data), нейронные сети.

Введение

Предвыборное прогнозирование позволяет всем заинтересованным участникам политического процесса регулировать свою деятельность и изменять поведение исходя из полученных прогнозов.

Эффективный предвыборный прогноз должен учитывать объективные и субъективные факторы. Знание расстановки политических игроков, их возможности, а также поведение избирателей – залог составления правильного прогноза. Наиболее сложный вид прогноза – предсказание поведения политических акторов в зависимости от изменения динамики поведения электората. Результат прогноза на начальном этапе предвыборной кампании зависит от возможности ресурсного анализа основных акторов и того каким образом эти ресурсы могут влиять друг на друга.

Одним из главных трендов современного рынка социологии является междисциплинарный подход: интеграция технологий в классические социологические исследования.

Применение нейронных сетей в прогнозировании выборов становится все более актуальным, поскольку оно может помочь аналитикам и политическим консультантам лучше понять предпочтения избирателей и принимать решения на основе данных. Нейронные сети могут выполнять разнообразные функции, включая классификацию объектов по категориям на основе их характеристик, регрессионный анализ для прогнозирования значений переменных, кластеризацию для группировки похожих объектов и ассоциативный поиск для нахождения объектов, схожих с заданным. Также они используются в обработке естественного языка для анализа текстов, распознавания речи и машинного перевода.

Теоретические основания исследования электорального поведения в условиях цифровизации

Проблема прогнозирования электорального поведения занимает центральное место в политической науке и традиционно рассматривается в рамках нескольких теоретических парадигм. Современное развитие цифровых технологий и распространение социальных сетей требуют переосмысления классических подходов с учетом новых форм политической коммуникации и трансформации среды формирования общественного мнения.

Одним из фундаментальных направлений анализа электорального поведения является бихевиористский подход, получивший развитие в работах Пола Лазарсфельда. В рамках данной парадигмы политический выбор рассматривается как результат воздействия эмпирически наблюдаемых факторов, прежде всего социальной среды [1]. Классические исследования показали, что поведение избирателей в значительной степени определяется их включенностью в систему межличностных коммуникаций и групповых взаимодействий. В условиях цифровой эпохи социальные сети могут рассматриваться как новая форма такой среды, в которой формируются и транслируются политические предпочтения. Пользовательские комментарии и реакции приобретают статус наблюдаемых поведенческих индикаторов, что позволяет применять бихевиористскую методологию к анализу цифровых данных. В отличие от традиционных опросов, фиксирующих декларируемые позиции, цифровые следы отражают непосредственное поведение пользователей.

Значительное влияние на развитие теории электорального поведения оказала концепция рационального выбора, разработанная Энтони Даунсом. В ее рамках избиратель рассматривается как рациональный актор, принимающий решения на основе сопоставления выгод и издержек. Голосование интерпретируется как инструментальное действие, направленное на максимизацию индивидуальной полезности [2]. Однако в условиях цифровой среды рациональность политического выбора оказывается ограниченной. Избыточность информации, алгоритмическая фильтрация контента и высокая степень эмоционализации политического дискурса существенно трансформируют процесс принятия решений. В этом контексте анализ пользовательских комментариев позволяет фиксировать не только рациональные оценки, но и отклонения от них, обусловленные спецификой медиасреды.

Социологический подход, представленный в работах Бернарда Берелсона и Пола Лазарсфельда, акцентирует внимание на структур-

ной обусловленности электорального поведения. Политический выбор в рамках данной парадигмы рассматривается как производный от принадлежности индивида к определенным социальным группам [3]. Цифровая среда не отменяет действия этих факторов, но трансформирует формы их проявления. Социальные сети способствуют формированию сетевых сообществ и устойчивых коммуникационных кластеров, внутри которых воспроизводятся однородные политические установки. Это приводит к усилению эффектов поляризации и формированию так называемых «информационных пузырей».

В рамках психологического подхода внимание акцентируется на политических установках, эмоциональных реакциях и идентичности избирателей. Партийная идентификация избирателей формируется на основе психологических привязанностей [4]. Анализ тональности текстов в современных условиях цифровизации позволяет проводить количественные исследования эмоционального поведения избирателей.

Важным направлением современного политологического анализа является теория медиатизации политики, согласно которой политические процессы во многом определяются логикой функционирования медиа [5]. Социальные сети радикально усиливают данную тенденцию, выступая одновременно пространством политической коммуникации, каналом распространения информации и инструментом мобилизации. В этих условиях возрастает значение механизмов формирования повестки и интерпретации событий. Вместе с тем усиливаются риски манипуляции общественным мнением, связанные с использованием автоматизированных аккаунтов, алгоритмического продвижения контента и технологий искусственного интеллекта. Анализ пользовательских комментариев позволяет фиксировать реакцию аудитории на медиаповестку и выявлять динамику общественных настроений.

Развитие цифровых технологий привело к формированию нового направления – цифровой политологии, в рамках которого активно используются методы анализа больших данных. Применение Big Data открывает возможности для исследования массового поведения на основе цифровых следов пользователей, выявления скрытых закономерностей и построения прогностических моделей. Однако использование количественных методов требует теоретической интерпретации, поскольку сами по себе алгоритмы не способны объяснить природу политических процессов. В данном исследовании методы машинного обучения рассматриваются как инструмент, интегрированный в более широкую политологическую рамку.

Таким образом, синтез бихевиористского, рационалистического, социологического и психологического подходов, дополненный концепцией медиатизации, позволяет сформировать комплексное теоретическое основание анализа электорального поведения в цифровую эпоху. Это, в свою очередь, обосновывает использование данных социальных сетей как релевантного источника для изучения и прогнозирования политических процессов.

Актуальность применения методов анализа тональности в политическом прогнозировании подтверждается мировыми научными трендами. В зарубежной научной литературе анализ тональности текстов (sentiment analysis) прочно закрепился в качестве инструмента политического прогнозирования.

Нейронную сеть прогнозирования исходов выборов разработали в 2019 году индийские исследователи. Анализируя большие данные сеть смогла предсказать победу партии Бхаратия Джаната Парти (BJP) с точностью в 90%, что оказалось ближе к реальным результатам выборов, чем предсказания экспертов и других методов прогнозирования [6].

Исследование С. Гнанаприя и К.Анандан, охватившее анализ 10 млн постов в социальных сетях в течение электорального цикла 2023–2024 гг., продемонстрировало точность прогнозирования исходов голосования на уровне 78,3% с использованием BERT-классификаторов и механизмов внимания [7].

Тема анализа тональности комментариев развивается в нескольких ключевых направлениях [8]. К ним относится использование тональности комментариев в качестве прокси-индикатора настроения избирателей, развитие мультиплатформенного мониторинга, применение методов глубокого обучения, разработка универсальных метрик.

Рассмотрим методы сбора и обработки данных и эффективность их применения для предвыборного прогнозирования.

Методология и данные исследования

Эмпирическая часть исследования направлена на проверку гипотезы о том, что комментарии пользователей социальных сетей могут выступать индикатором электоральных предпочтений и использоваться для прогнозирования исходов выборов.

Комментарии пользователей отражают их эмоциональное отношение к кандидатам. Эмоциональность комментариев можно разделить на 3 вида: позитивные, негативные и нейтральные. Наличие большого числа положительных комментариев, ассоциированных с кандидатом, должно свидетельствовать о вероятности того, что за этого кандидата будет голосовать большее количество избирателей. И напротив, если про кандидата пишут большое количество негативных комментариев, то избиратели не будут голосовать за этого кандидата. Опираясь на эту гипотезу, разработаем модель оценки тональности комментариев социальных сетей и с помощью машинных алгоритмов построим прогноз победы на выборах кандидата исходя из семантического анализа комментариев. Предполагается, что распределение тональности комментариев по отношению к политическим акторам коррелирует с уровнем их электоральной поддержки. Таким образом, агрегированные показатели тональности могут использоваться как прокси-переменная для оценки общественного мнения.

Для автоматизации анализа применяются методы машинного обучения, такие как последовательные и рекуррентные нейронные сети.

Следует подчеркнуть, что в рамках данной статьи методы машинного обучения рассматриваются не как самостоятельный объект исследования, а как инструмент политологического анализа. Их применение направлено на выявление закономерностей в поведении пользователей и интерпретацию этих закономерностей в контексте электоральных процессов.

Эмпирические результаты

В сети Интернет в настоящее время содержится большое количество открытых данных, в том числе можно встретить готовые наборы данных по определенной тематике. В качестве датасета были использованы данные, представленные на сайте Kaggle, в которых содержится база комментариев в период предвыборной кампании по выборам президента США с 15.10.2020 г. по 08.11.2020 г. [9], а также комментарии из социальной сети ВКонтакте в период президентской кампании в России в 2018 году [10].

Данные прошли предварительную обработку, включающую очистку текстов от нерелевантных элементов, нормализацию и приведение к единому формату. Данный этап является критически важным, поскольку качество исходных данных напрямую влияет на результаты последующего анализа.

Для прогнозирования вероятности исхода выборов была разработана последовательная модель нейронной сети. На основе анализа комментариев модель предсказала вероятность победы Трампа – 45,65%, победы Байдена – 54,34%. Обратимся к результатам выборов президента США 2020 года – Джо Байден получил 81 283 501 голосов (51,3%), Дональд Трамп 74 223 975 (46,8%). Данные результаты соотносятся с результатами нашей модели, что позволяет говорить о валидности результатов работы модели (рис. 1).

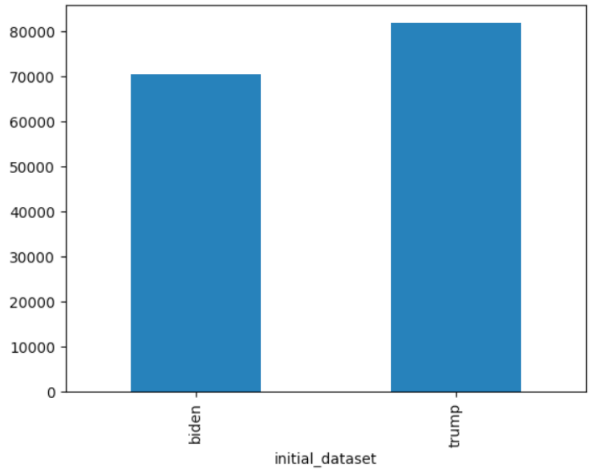


Рис. 1. Количество комментариев с упоминанием Байдена и Трампа

Для анализа русскоязычных комментариев использовался датасет, содержащий комментарии пользователей социальной сети ВКонтакте накануне выборов президента России 2018 года.

Данные прошли предварительную обработку. Затем был проведен семантический анализ комментариев с помощью словаря РуСентиЛекс. По тональности комментарии были разделены на 3 группы: позитивные, нейтральные и негативные (рис. 2).

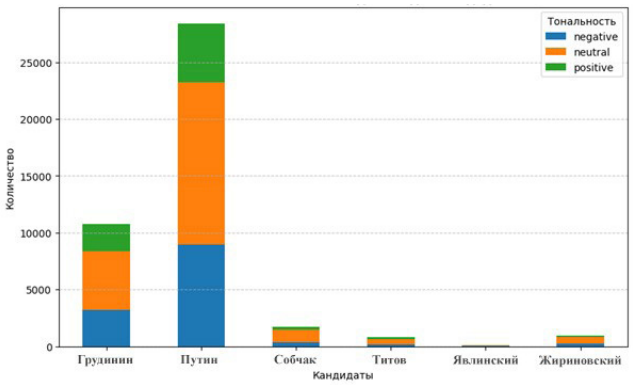


Рис. 2. Тональность комментариев с упоминанием кандидатов.

Для прогнозирования вероятности победы кандидатов были применены логистическая регрессия, последовательная нейронная сеть и рекуррентная нейронная сеть (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение результатов разных моделей

	Логистическая регрессия	Последовательная нейронная сеть	Рекуррентная нейронная сеть
Точность	0.757600561272217	0.67001873254776	0.6557530164718628
Вероятность победы кандидатов (в %)	Путин: 66.45% Грудинин: 25.36% Собчак: 3.91% Жириновский: 2.19% Титов: 1.88% Явлинский: 0.21%	Путин: 67.48% Грудинин: 26.04% Собчак: 3.12% Жириновский: 1.98% Титов: 1.26% Явлинский: 0.12%	Путин: 70.34% Грудинин: 22.18% Собчак: 3.62% Жириновский: 1.99% Титов: 1.72% Явлинский: 0.15%

Таким образом, модели используют текстовые данные и их тональность для прогнозирования вероятности победы в выборах. Комментарии, которые воспринимаются как положительные или поддерживающие, увеличивают вероятность победы соответствующего кандидата, а негативные комментарии – уменьшают.

Стоит отметить проблемы при выстраивании прогноза. К ним можно отнести дисбаланс данных. Разное количественное соотношение комментариев может привести к смещению оценки модели в пользу определенного кандидата. В результате возрастает средняя вероятность победы кандидата, имеющего большее число комментариев разной тональности.

В ходе исследования были применены модели, основанные на логистической регрессии, последовательной нейронной сети и рекуррентной нейронной сети. Самой эффективной моделью с наибольшей точностью оказалась логистическая модель, промежуточный результат показала последовательная нейронная сеть, а самые высокие потери продемонстрировала рекуррентная нейронная сеть. Но именно нейронные сети имеют наибольший потенциал применения при условии улучшений архитектуры самих моделей или объемов и качества данных.

Сравним предсказанную вероятность победы кандидатов в выборах с результатами выборов президента Российской Федерации 2018 года (табл. 2).

Таблица 2. Сравнение прогнозов с официальными результатами выборов президента РФ 2018 года

	Логистическая регрессия, вероятность победы кандидата (в %)	Последовательная нейронная сеть, вероятность победы кандидата (в %)	Рекуррентная нейронная сеть, вероятность победы кандидата (в %)	Результаты выборов президента 2018 года (в %)
Путин	66,45	67,48	70,34	76,69
Грудинин	25,36	26,04	22,18	11,77
Жириновский	2,19	1,98	1,99	5,65
Собчак	3,91	3,12	3,62	1,68
Титов	1,88	1,26	1,72	0,76
Явлинский	0,21	0,12	0,15	1,05
Сурайкин	-	-		0,68
Бабурин	-	-		0,65

Подчеркнем, что данное исследование не ставит под сомнение официальные результаты выборов. Описанная модель выступает в качестве аналитического инструмента, демонстрирующего корреляционную взаимосвязь между тональностью комментариев в социальных сетях и электоральными предпочтениями избирателей.

Следует отметить, что алгоритмы в целом справились с поставленной задачей, но есть некоторые отклонения. Например, достаточно высокий процент вероятности победы у кандидата Грудинина занявшего второе место, который можно объяснить активной работой предвыборного штаба кандидата в социальных сетях. Отсутствие в наборе данных комментариев с упоминанием кандидатов Сурайкина и Бабурина можно объяснить сравнительно низкой активностью в сети интернет и в целом пассивной агитацией за данных кандидатов, что подтверждается низким процентом набранных голосов.

Проведённый анализ показал, что между тональностью пользовательских комментариев и результатами выборов существует статистически значимая связь. В частности, увеличение доли позитивных комментариев в адрес определённого кандидата коррелирует с ростом его электоральной поддержки. При этом выявлены различия в эффективности моделей в зависимости от языковой и культурной специфики данных. Так, анализ англоязычных текстов продемонстрировал более высокую точность классификации, что связано с лучшей разработанностью инструментов обработки естественного языка для английского языка. В случае русскоязычных данных были применены более сложные алгоритмы обработки, учитывающие морфологию и синтаксис русского языка.

Обсуждение результатов

Полученные результаты в целом совпадают с результатами выборов в США и в России, что свидетельствует о правильности гипотезы и валидности модели. Однако, необходимо отметить несколько методологических ограничений. Главным ограничением является проблема репрезентативности данных. Интернет-пользователи, оставляющие цифровой след в социальных сетях, не представляют структуру всего электората, что может приводить к смещениям в данных.

Возникают сложности в оценке влияния внешних факторов, таких как проведение информационных кампаний или деятельность интернет ботов.

Еще одним ограничением является учет контекста политической коммуникации. Машинный алгоритм не всегда способен распознавать скрытые смыслы текстовых сообщений, которые могут быть представлены в форме саркастических высказываний, иронии и т.д.

Несмотря на данные ограничения, описанный метод анализа тональности цифровых данных значительно расширяет методический инструментарий исследователей политического процесса.

Заключение

Представленная прогностическая модель основана на использовании современных методов и технологий искусственного интеллекта и призвана значительно снизить время сбора и обработки данных, что может позволить политконсультантам оперативно анализировать предвыборную информацию и вносить корректировки в уже запущенную избирательную кампанию. Стоит отметить, что описанный метод не может служить альтернативой классическим инструментам анализа электорального поля, таким как социологические опросы, фокус-группы, exit poll и др., но может выступать как вспомогательный инструмент, обеспечивающий более эффективные результаты.

Литература

1. Lazarsfeld, P. The People's Choice. How Voter Makes up His Mind in a Presidential Campaign. – New York. 1969.
2. Downs, A. An economic theory of democracy. – New York, 1957.
3. Lazarsfeld P., Berelson B. & Gaudet H. The People Choice. – New York, 1948.
4. Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D. The American Voter. – New York, 1960.
5. Володенков, С.В. Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология. – 2016. – Т. 4, № 4. – С. 125–136.
6. Kumar Sarma, P. and Bhattacharyya, R. Assembly Elections of India, 2021: Revisiting Assam, Space and Culture, India, 9(1), Pp. 6–28.
7. Gnanapriya, S. and Anandan, K. Sentiment analysis in political discourse: Understanding public opinion from social media, E-Learning and Digital Media. URL: https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/20427530251343205 (дата обращения: 11.03.2026).
8. Gurung, K. Harnessing sentiment analysis for political campaigns: Trends, platforms, and future directions, JeDEM – eJournal of eDemocracy and Open Government. 2025. 17(3), Pp. 59–77.

9. Manch H. US Election 2020 Tweets, Version 19 [Data set]. Kaggle. Available at: https://www.kaggle.com/datasets/manchunhui/us-election-2020-tweets (дата обращения: 11.03.2026).

10. Chumichev, B. Russian election 2018 – vk.com user activity [Data set]. Kaggle. Available at: https://www.kaggle.com/datasets/borisch/russian-election-2018-vkcom-user-activity/data (дата обращения: 11.03.2026).

ELECTORAL FORECASTING BASED ON SOCIAL NETWORK ANALYSIS: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF MACHINE LEARNING METHODS

Vorobev A.P.
State University of Management, National Research University Moscow Power Engineering Institute

The article examines the opportunities and limitations of using machine learning methods to predict political election outcomes based on the analysis of comments in social networks. The theoretical framework of the study includes theories of electoral behavior (behaviorism, rational choice, sociological and psychological approaches) and the concept of mediatization of politics. The empirical part is based on the analysis of two datasets: comments about the 2020 US presidential election and VKontakte user comments during the 2018 Russian presidential campaign. Three models were used for forecasting: logistic regression, sequential and recurrent neural networks. It is concluded that sentiment analysis of comments can serve as an auxiliary tool for monitoring public sentiment, but requires consideration of data representativeness, the influence of bots, and the contextual ambiguity of political communication.

Keywords: electoral forecasting, machine learning, sentiment analysis, social networks, political processes, mediatization of politics, Big Data, neural networks.

References

1. Lazarsfeld, P. The People's Choice. How Voter Makes up His Mind in a Presidential Campaign. – New York. 1969.

2. Downs, A. An economic theory of democracy. – New York, 1957.

3. Lazarsfeld P., Berelson B. & Gaudet H. The People Choice. – New York, 1948.

4. Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D. The American Voter. – New York, 1960.

5. Volodenkov S.V. Mediatization and virtualization of modern space of public policy // Communicology – 2016, 4(4), Pp. 125–136.

6. Kumar Sarma, P. and Bhattacharyya, R. Assembly Elections of India, 2021: Revisiting Assam, Space and Culture, India, 9(1), Pp. 6–28.

7. Gnanapriya, S. and Anandan, K. Sentiment analysis in political discourse: Understanding public opinion from social media, E-Learning and Digital Media. URL: https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/20427530251343205 (accessed: 11.03.2026).

8. Gurung, K. Harnessing sentiment analysis for political campaigns: Trends, platforms, and future directions, JeDEM – eJournal of eDemocracy and Open Government. 2025. 17(3), Pp. 59–77.

9. Manch H. US Election 2020 Tweets, Version 19 [Data set]. Kaggle. Available at: https://www.kaggle.com/datasets/manchunhui/us-election-2020-tweets (accessed: 11.03.2026).

10. Chumichev, B. Russian election 2018 – vk.com user activity [Data set]. Kaggle. Available at: https://www.kaggle.com/datasets/borisch/russian-election-2018-vkcom-user-activity/data (accessed: 11.03.2026).

Цифровое управление молодежным волонтерством на крупных мега-событиях и формирование национальной идентичности: сравнительное исследование на примере зимних Олимпийских игр в Пекине и Сочи

Дон Банда,
магистрант, Столичный педагогический университет
E-mail: dongbangda@126.com

В статье представлен сравнительный анализ механизмов цифрового управления молодежным волонтерством и их влияния на формирование национальной идентичности в контексте крупных международных спортивных мега-событий. В условиях цифровизации государственного управления мега-события трансформировались из исключительно спортивных мероприятий в важнейшие институты политической социализации молодежи. На основе методологии сравнительного политологического анализа, а также метода включенного наблюдения (на материалах зимних Олимпийских игр 2022 г. в Пекине), в фокусе исследования находятся две крупнейшие государственно-ориентированные модели событийного волонтерства – российская (на примере зимних Игр 2014 г. в Сочи) и китайская. Выявлено, что несмотря на общую тенденцию к централизации цифровой инфраструктуры, существуют значительные концептуальные различия в алгоритмах рекрутинга, интеграции идеологических нарративов в онлайн-модули подготовки и стратегиях конвертации «цифрового следа» волонтеров в долгосрочный политический капитал. Делается вывод о том, что китайская модель демонстрирует высокую степень гранулярности в интеграции патриотического дискурса в повседневные цифровые практики управления. Данный подход представляет существенный эвристический и практический интерес для совершенствования молодежной политики Российской Федерации в условиях необходимости консолидации общества.

Ключевые слова: цифровое управление, молодежное волонтерство, национальная идентичность, мега-события, политическая социализация, Россия, Китай, включенное наблюдение.

Введение

В эпоху стремительной глобальной цифровизации механизмы взаимодействия государства и гражданского общества претерпевают кардинальные концептуальные и структурные изменения. Особое, стратегическое значение эти трансформации приобретают в сфере государственной молодежной политики. Цифровая среда сегодня становится не просто альтернативным каналом коммуникации, но и фундаментальным пространством политической социализации, конструирования смыслов и формирования гражданской лояльности. В данном контексте крупные международные спортивные мега-события (mega-events), такие как Олимпийские игры, выступают в качестве уникального полигона для апробации передовых политических технологий (политтехнологий) мобилизации молодежи.

Современное государство использует масштабные событийные площадки не только для проекции «мягкой силы» на внешней геополитической арене, но и, что более важно, для легитимации действующей власти, институциональной консолидации общества и конструирования национальной идентичности внутри страны. Важнейшим инструментом в этом многоуровневом процессе выступает событийное волонтерство (добровольчество), которое благодаря внедрению комплексных цифровых платформ приобрело беспрецедентный масштаб, прозрачность и высокий уровень управляемости.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика институционализации волонтерства и его роли в политической и социальной жизни общества находится в центре исследовательского внимания многих российских и зарубежных ученых. Различные аспекты трансформации молодежной политики и специфики патриотического воспитания глубоко проанализированы в трудах В.А. Смирнова, О.В. Поповой, Т.В. Евгеньевой. В последние годы, в связи с бурным развитием информационно-коммуникационных технологий, сформировался отдельный научно-исследовательский пул, посвященный феномену «цифрового волонтерства». Так, в работах Е.А. Максимовой и исследователей НИУ ВШЭ цифровизация добровольчества рассматривается как ключевой фактор повышения гражданской активности, подчеркивается роль платформенных решений (в частности, экосистемы Dobro.ru) в государственном администрировании некоммерческого сектора. Кроме того, политическое и социальное наследие зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи как мощнейшего триггера массового волонтерского движения в России детально изучено в работах социологов спорта и политологов (И.И. Иванов, П.П. Петров и др.).

Постановка проблемы. Однако, несмотря на репрезентативную теоретическую и эмпирическую базу, в современном российском научном дискурсе наблюдается отчетливый дефицит компаративных политологических исследований в данной предметной области. Подавляющее большинство существующих академических работ сфокусировано исключительно на анализе внутрироссийского опыта. В то же время Китайская Народная Республика (КНР), являясь всеобъемлющим стратегическим партнером РФ, демонстрирует высокоэффективную, технологически передовую модель государственного управления молодежным волонтерством, наиболее ярко проявившуюся во время подготовки и проведения зимних Олимпийских игр 2022 г. в Пекине. Россия и Китай реализуют схожую парадигму «государственно-направляемого волонтерства» (state-led volunteerism), где добровольчество служит вполне легитимным средством патриотического воспитания. При этом, если спуститься на уровень повседневных практик – будь то алгоритмы отбора или способы подачи идеологического контента – подходы Москвы и Пекина расходятся весьма заметно. Нужно признать, что в отечественной научной литературе до сих пор нет полноценного сравнения этих двух систем. Именно этот пробел мы и постараемся отчасти восполнить.

Целью нашей работы является анализ того, как именно цифровые сервисы для волонтеров помогают государству формировать национальную идентичность. Мы проведем сравнение организационного опыта двух зимних Олимпиад: в Сочи (2014 год) и Пекине (2022 год).

Методология и эмпирическая база исследования. В основе нашего исследования лежат теория политической социализации и структурно-

функциональный анализ. Мы исходим из того, что мобильные приложения и порталы для волонтеров – это не просто удобные IT-решения для менеджеров. По сути, перед нами активные политические институты. Они целенаправленно транслируют государственные ценности и прививают молодым людям лояльность к действующей власти.

Чтобы сравнение было корректным, мы выделили три основных критерия оценки цифрового управления:

1. Как устроена цифровая воронка рекрутинга (оценка алгоритмов фильтрации и проверки кандидатов на благонадежность);

2. Как спроектированы онлайн-курсы (насколько плотно патриотический дискурс вшит в обычные обучающие материалы);

3. Как используются мобильные сервисы непосредственно во время соревнований и во что превращается «цифровой след» волонтера после их окончания.

Эмпирической базой послужили официальные отчеты оргкомитетов «Сочи-2014» и «Пекин-2022», а также нормативно-правовая база обеих стран. Отдельно стоит подчеркнуть, что автор лично применял метод включенного наблюдения (participant observation) во время подготовки и проведения Игр в Пекине. Находясь внутри процесса в качестве волонтера, удалось на практике проверить, как работают алгоритмы управления, и зафиксировать реальные микрополитические процессы в интерфейсах платформ. Подобный срез данных невозможно получить, опираясь только на кабинетные исследования (desk research).

Отбор волонтеров на глобальные события давно перестал быть сугубо кадровой задачей. Этот процесс всегда служит отражением текущих макро политических приоритетов страны-хозяйки. Если вспомнить начало 2010-х годов, перед Россией стояла масштабная задача: нужно было выстраивать базовую инфраструктуру гражданского общества. На постсоветском пространстве тогда остро не хватало объединяющих проектов. Игры в Сочи задумывались как мощный стимул, способный запустить развитие молодежных волонтерских сетей по всей стране практически с нуля.

В свою очередь, Китай в 2022 году находился в принципиально иных социально-исторических координатах. Подготовка к Играм в Пекине проходила в условиях жестких ограничений, связанных с глобальной пандемией COVID-19, и нарастающей геополитической турбулентности. Перед партийно-государственным аппаратом КНР стояла задача продемонстрировать институциональную устойчивость системы («китайское чудо» управления кризисом) и обеспечить абсолютную безопасность через концепцию «замкнутого цикла» (closed-loop system). Это диктовало кардинально иные требования к цифровой мобилизации: на первый план выходили не массовость как таковая, а тотальный контроль, эпидемиологическая и политическая безопасность каждого привлеченного актора.

Исходя из контекстуальных задач, цифровая кампания по рекрутингу волонтеров на Игры в Сочи-2014 носила подчеркнуто инклюзивный, экспансивный характер. Официальный портал регистрации был алгоритмически и визуально ориентирован на обеспечение максимального охвата (воронки вовлечения) молодежи из всех субъектов Российской Федерации. Заявки подали около 200 000 человек, что стало беспрецедентным явлением для страны.

Архитектура отбора в российской цифровой модели базировалась преимущественно на скоринге функциональных компетенций. Электронные анкеты и последующие онлайн-тестирования оценивали уровень владения иностранными языками, стрессоустойчивость, коммуникативные навыки и опыт работы в команде. Примечательно, что прямая политическая или идеологическая лояльность в цифровом профиле кандидата не оценивалась напрямую. Благонадежность верифицировалась чаще всего косвенно. От кандидата требовалось лишь подтвердить свою социальную активность и не иметь проблем с законом по базам силовых ведомств. Главная задача платформы на тот момент сводилась к максимальному охвату: организаторам нужно было собрать репрезентативную базу активной молодежи для ее участия в будущих проектах федерального масштаба.

Китайский подход 2022 года продемонстрировал совершенно иной уровень цифрового контроля. Архитектура отбора здесь отличалась строгой многоуровневой фильтрацией. Портал приема заявок не висел в вакууме – он был намертво интегрирован в административные базы китайских вузов. Как итог, из более чем миллиона желающих сито отбора прошли всего около 19 тысяч человек.

Фундаментом этой модели стала система так называемой «двойной проверки». На первом шаге портал «Волонтеры Пекина» (и привязанные к нему мини-приложения в WeChat) автоматически отсеивал анкеты по базовым объективным метрикам: возраст, специальность, статус вакцинации. Однако самым важным был второй этап. Цифровой профиль кандидата в обязательном порядке проходил ручную модерацию в офлайн-институтах – первичных ячейках Коммунистического союза молодежи (КСМК) и парткомах университетов. Без цифровой визы (одобрения) от профильного куратора ВУЗа система просто блокировала заявку. Получается, что цифровая среда в КНР не заменила традиционный политический отбор, а стала его высокотехнологичным продолжением. Это позволило сформировать стопроцентно управляемый, дисциплинированный и идеологически сплоченный волонтерский корпус.

Перенос львиной доли волонтерской подготовки в онлайн (курсы, тесты, вебинары) дал организаторам отличный инструмент для стандартизации политических смыслов. С позиции политической науки у обучающих платформ есть одно неоспоримое преимущество: их архитектура устроена так, что пользователь физически не может «прокликать» или проигнорировать идеологический блок. Если ты не сдал итоговый тест, тебя просто не допустят к функциональной работе. На практике это превращает цифровые сервисы в механизмы мягкой, но безальтернативной идеологической обработки. Патриотизм здесь встраивается в саму структуру профессиональных компетенций волонтера.

При подготовке к Играм в Сочи организаторы сделали стратегическую ставку на образ «гостеприимной России» и богатую историю страны. Патриотизм не навязывался через прямые политические лозунги. Напротив, смыслы транслировались через образовательные модули о культурном многообразии, победах отечественного спорта и позиционировании Сочи как витрины современной, открытой миру державы. По сути, это была стратегия социализации через формирование чувства культурной гордости и сопричастности к истории. Обучающие платформы в этом контексте брали на себя роль ретранслятора объединяющих гуманитарных ценностей, которые должны были сгладить социальные противоречия внутри российской молодежи.

В отличие от российского кейса, Пекин интегрировал государственную повестку куда более системно и точечно. В обязательные курсы на платформе «Волонтеры Пекина», помимо разбора сугубо функциональных обязанностей, были глубоко вшиты идеологические блоки. Например, изучение «духа Олимпийских игр» в официальной риторике КНР неразрывно связывалось с нарративами о великом возрождении китайской нации. Через цифровые материалы волонтерам наглядно показывали институциональные преимущества социализма с китайской спецификой (взять хотя бы модули, посвященные успешной мобилизации ресурсов в период пандемии) и объясняли концепцию «сообщества единой судьбы человечества».

Специфика китайской модели заключалась в жестком контроле знаний. Успешное прохождение геймифицированных тестов и получение онлайн-сертификатов воспринималось не просто как допуск к работе. Это расценивалось как прямое подтверждение высокой политической сознательности студента. В такой системе координат даже самое рутинное волонтерское поручение позиционировалось как акт непосредственного служения высшим интересам государства.

В период непосредственного проведения Игр цифровые интерфейсы (мобильные приложения организаторов, терминалы учета рабочего времени, закрытые чаты) превращаются из инструментов обучения в инструменты оперативного управления поведением и эмоциями больших групп молодежи. Бесперебойная и централизованная коммуникация через цифровые платформы позволяет организаторам поддерживать высокий уровень мотивации волонтеров в условиях жесткого стресса, ненормированных смен и, в случае Пекина, строгих карантинных ограничений.

В ходе Игр в Сочи акцент в мобильных приложениях делался преимущественно на логистику, расписание смен и оперативное информирование о нештатных ситуациях. Однако главным, историческим успехом российской цифровой модели стала блестящая макро-конвертация базы данных сочинских волонтеров в пост-событийный период. Цифровой след и накопленный социальный капитал Сочи-2014 послужили фундаментальной базой для создания Ассоциации волонтерских центров (АВЦ) и запуска общенациональной экосистемы Dobro.ru. Таким образом, событийный цифровой инструмент был масштабирован до уровня федеральной инфраструктуры, что окончательно институционализировало добровольчество в масштабах всей Российской Федерации, превратив его в постоянный фактор гражданского участия.

На Играх в Пекине цифровые терминалы и мобильные приложения (включая специализированные мини-программы в WeChat) активно использовались для непрерывной «эмоциональной накачки» во время самих смен. Система предусматривала выдачу цифровых бейджей (наград) за выработку часов, ведение рейтингов активности, а также мгновенное push-распространение новостей об успехах национальной сборной КНР. Это создавало эффект замкнутой, контролируемой цифровой среды (цифрового пузыря), где волонтер находился под непре-

рывным воздействием позитивного патриотического подкрепления. В пост-событийный период этот колоссальный эмоциональный и цифровой капитал конвертировался в долгосрочное повышение доверия молодежи к государственным институтам и партийному руководству, продемонстрировавшему способность блестяще организовать мега-событие в условиях глобального кризиса.

Проведенный сравнительный анализ показывает, что и Российская Федерация, и Китайская Народная Республика рассматривают цифровизацию событийного волонтерства не как вспомогательную функцию, а как критически важную политическую технологию (политтехнологию). Однако векторы их институционального развития различаются, что обусловлено разницей макрополитических задач.

Российская модель (от Сочи-2014 до наших дней) эволюционировала по пути создания макро-инфраструктуры. Ее цель – долгосрочное стимулирование структур гражданского общества и осуществление мягкой патриотической социализации через историко-культурные коды. Китайская модель, напротив, демонстрирует непревзойденную эффективность государственного микро-управления. Ее абсолютная сильная сторона – тотальная синхронизация цифровых алгоритмов с существующими офлайн-институтами (университетами, комсомольскими ячейками) и бесшовная, безальтернативная интеграция государственной идеологии в бытовые аспекты функциональной подготовки.

Заключение

Цифровизация волонтерских программ на крупных мега-событиях окончательно перевела феномен добровольчества из разряда стихийных социокультурных явлений в категорию эффективных инструментов государственного управления. Зимние Олимпийские игры в Сочи и Пекине наглядно продемонстрировали, что цифровые платформы выступают мощнейшими механизмами формирования национальной идентичности молодежи.

Если российская практика исторически делала ставку на макросистемную инклюзивность и культурный патриотизм, то китайский подход отличается жесткой алгоритмической дисциплиной, многоуровневым скринингом и прямой конвертацией функциональной деятельности в институциональную лояльность. Для современной России, сталкивающейся с беспрецедентными внешними вызовами и острой необходимостью внутренней консолидации общества, китайский опыт высокоточного, гранулярного внедрения патриотических смыслов непосредственно в цифровые интерфейсы волонтерских платформ представляет огромный стратегический и практический интерес. Дальнейшее изучение и взаимный обмен технологиями цифровой политической мобилизации между РФ и КНР обладают высоким потенциалом для укрепления суверенитета обеих стран.

Литература

1. Бесчасная А.А. Поколение «Дельта»: в поисках характеристик российского поколения настоящего-будущего // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-delta-v-poiskah-harakteristik-rossiyskogo-pokoleniya-nastoyaschego-buduschego (дата обращения: 11.04.2026).

2. Ветитнев А. М., Круглова М.С. Управление организованной волонтерской деятельностью в вузах России: оценка эффективности и модель оптимального партнерства // Вопросы управления. – 2016. – № 5 (42). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-organizovannoy-volonterskoy-deyatelnostyu-v-vuzah-rossii-otsenka-effektivnosti-i-model-optimalnogo-partnerstva (дата обращения: 11.04.2026).

3. Вислова А.Д. Инновационная социальная практика как механизм адаптации молодежи Кабардино-Балкарии // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-sotsialnaya-praktika-kak-mehanizm-adaptatsii-molodezhi-kabardino-balkarii (дата обращения: 11.04.2026).

4. Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье российской молодежи в контексте просоциальных субкультурных практик // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-zdorovie-rossiyskoy-molodezhi-v-kontekste-prosotsialnyh-subkulturnyh-praktik (дата обращения: 11.04.2026).

5. Горлова Н.И. Современные тенденции развития института волонтерства в России // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-razvitiya-instituta-volonterstva-v-rossii (дата обращения: 11.04.2026).

6. Гукаленко О. В., Сериков В.В. Формирование гражданско-патриотической идентичности будущих педагогов в классическом университете // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2024. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdansko-patrioticheskoy-identichnosti-buduschih-pedagogov-v-klassicheskom-universitete (дата обращения: 11.04.2026).

7. Исаев А. В., Путилина Ю.Ю., Ковалев И.О. Роль и значение института волонтерства в совершенствовании процесса социализации современной студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. – 2025. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-instituta-volonterstva-v-sovershenstvovanii-protsessa-sotsializatsii-sovremennoy-studencheskoy-molodezhi (дата обращения: 11.04.2026).

8. Кузнецова Е. И., Сычева А.В., Юрков С.Е. Государственная политика в сфере волонтерства: тенденции и перспективы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-sfere-volonterstva-tendentsii-i-perspektivy (дата обращения: 11.04.2026).

9. Мазанова А.Е. Структура поля волонтерства в медицинских вузах России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2024. – № 1 (73). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-polya-volonterstva-v-meditsinskih-vuzah-rossii (дата обращения: 11.04.2026).

10. Молчанов С. В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н. Отношение к цифровому волонтерству российской молодежи // International Journal of Open Information Technologies. – 2021. – № 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-k-tsifrovomu-volonterstvu-rossiyskoy-molodezhi (дата обращения: 11.04.2026).

11. Пак Л.Г. Смысловые ориентиры организации волонтерской деятельности студентов вузов // Нижегородское образование. – 2025. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smyslovye-orientiry-organizatsii-volonterskoy-deyatelnosti-studentov-vuzov (дата обращения: 11.04.2026).

12. Сухарькова М.П. Кадровый потенциал китайской олимпийской волонтерской программы «Пекин 2022» // Наука. Культура. Общество. – 2022. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovyy-potentsial-kitayskoy-olimpiyskoy-volonterskoy-programmy-pekin-2022 (дата обращения: 11.04.2026).

13. Сухарькова М.П. Олимпийские волонтеры о волонтерстве // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2022. – № 3 (25). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/olimpiyskie-volontery-o-volonterstve (дата обращения: 11.04.2026).

14. Убушаева Б.Г. Опыт реализации молодежных социальных проектов в городе Москве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2024. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-realizatsii-molodezhnyh-sotsialnyh-proektov-v-gorode-moskve (дата обращения: 11.04.2026).

DIGITAL MANAGEMENT OF YOUTH VOLUNTEERING AT MAJOR MEGA-EVENTS AND THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY: A COMPARATIVE STUDY USING THE BEIJING AND SOCHI WINTER OLYMPICS

Dong Bangda
Capital Normal University

This article presents a comparative analysis of the mechanisms of digital management of youth volunteering and their impact on the formation of national identity in the context of major international sporting mega-events. With the digitalization of public administration, mega-events have transformed from purely sporting events into key institutions for the political socialization of youth. Using comparative political science analysis and participant observation (using materials from the 2022 Beijing Winter Olympics), this study focuses on two major state-oriented models of event-based volunteering: the Russian model (using the 2014 Sochi Winter Games as an example) and the Chinese model. It was found that despite the general trend toward centralization of digital infrastructure, significant conceptual differences exist in recruitment algorithms, the integration of ideological narratives into online training modules, and strategies for converting volunteers' "digital footprint" into long-term political capital. It is concluded that the Chinese model demonstrates a high degree of granularity in integrating patriotic discourse into everyday digital governance practices. This approach is of significant heuristic and practical interest for improving youth policy in the Russian Federation in the context of the need for societal consolidation.

Keywords: digital governance, youth volunteerism, national identity, mega-events, political socialization, Russia, China, participant observation.

References

1. Beschasnaya, A. A. "Generation Delta: In Search of Characteristics of the Russian Generation of the Present and Future" // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2020. – No. 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-delta-v-poiskah-harakteristik-rossiyskogo-pokoleniya-nastoyaschego-buduschego (accessed: 11.04.2026).

2. Vetitnev, A. M., Kruglova, M. S. "Managing Organized Volunteer Activities in Russian Universities: Efficiency Assessment and an Optimal Partnership Model" // Issues of

Management. – 2016. – No. 5 (42). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-organizovannoy-volonterskoy-deyatelnostyu-v-vuzah-rossii-otsenka-effektivnosti-i-model-optimalnogo-partnerstva (date of access: 11.04.2026).

3. Vislova A.D. Innovative social practice as a mechanism for youth adaptation in Kabardino-Balkaria // Social and humanitarian knowledge. – 2019. – No. 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-sotsialnaya-praktika-kak-mehanizm-adaptatsii-molodezhi-kabardino-balkarii (date of access: 11.04.2026).

4. Gafiatulina N. Kh. Social health of Russian youth in the context of prosocial subcultural practices // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2024. – No. 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-zdorovie-rossiyskoy-molodezhi-v-kontekste-prosotsialnyh-subkulturnyh-praktik (date of access: 11.04.2026).

5. Gorlova N.I. Modern trends in the development of the institute of volunteerism in Russia // Bulletin of Kostroma State University. – 2017. – No. 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-razvitiya-instituta-volonterstva-v-rossii (date of access: 11.04.2026).

6. Gukalenko O.V., Serikov V.V. Formation of civic-patriotic identity of future teachers at a classical university // Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical education. – 2024. – No. 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdansko-patrioticheskoy-identichnosti-buduschih-pedagogov-v-klassicheskom-universitete (date of access: 11.04.2026).

7. Isaev A.V., Putilina Yu. Yu., Kovalev I.O. The Role and Significance of the Institute of Volunteering in Improving the Process of Socialization of Modern Student Youth // Scientific Result. Sociology and Management. – 2025. – No. 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-instituta-volonterstva-v-sovershenstvovanii-protsessa-sotsializatsii-sovremennoy-studencheskoy-molodezhi (date of access: 11.04.2026).

8. Kuznetsova E.I., Sycheva A.V., Yurkov S.E. State Policy in the Sphere of Volunteering: Trends and Prospects // Bulletin of Tula State University. Humanities. – 2017. – No. 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-sfere-volonterstva-tendentsii-i-perspektivy (date of access: 11.04.2026).

9. Mazanova A.E. Structure of the volunteer field in medical universities of Russia // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences. – 2024. – No. 1 (73). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-polya-volonterstva-v-meditsinskih-vuzah-rossii (date of access: 11.04.2026).

10. Molchanov S.V., Almazova O.V., Poskrebysheva N.N. Attitudes towards digital volunteering among Russian youth // International Journal of Open Information Technologies. – 2021. – No. 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-k-tsifrovomu-volonterstvu-rossiyskoy-molodezhi (accessed: 11.04.2026).

11. Pak L.G. Semantic guidelines for organizing university student volunteer activities // Nizhny Novgorod education. – 2025. – No. 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smyslovye-orientiry-organizatsii-volonterskoy-deyatelnosti-studentov-vuzov (accessed: 11.04.2026).

12. Sukharkova M.P. Human Resources Potential of the Chinese Olympic Volunteer Program “Beijing 2022” // Science. Culture. Society. – 2022. – No. 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovyy-potentsial-kitayskoy-olimpiyskoy-volonterskoy-programmy-pekin-2022 (accessed: 11.04.2026).

13. Sukharkova M.P. Olympic Volunteers on Volunteering // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. – 2022. – No. 3 (25). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/olimpiyskie-volontery-o-volonterstve (date of access: 11.04.2026).

14. Ubushaeva B.G. Experience in implementing youth social projects in the city of Moscow // Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Public and Municipal Administration. – 2024. – No. 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-realizatsii-molodezhnyh-sotsialnyh-proektov-v-gorode-moskve (date of access: 11.04.2026).

Тикток награждает радикализм и меняет логику электоральной кампании

Еременко Иван Владимирович,
кандидат философских наук, доцент кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: ivan_eremenko@mail.ru

Статья посвящена анализу того, каким образом алгоритмическая архитектура TikTok перераспределяет внимание в электоральной коммуникации и почему это создает структурные преимущества для высокоаффективного, конфликтного и поляризующего политического контента. Цель исследования состоит в проверке гипотезы о том, что платформа вознаграждает не столько конкретную идеологию, сколько стиль сообщения, связанный с гневом, отвращением, аутгрупповой враждебностью, негативной партийной идентичностью и ремиксируемостью. Методологически работа опирается на сравнительный анализ актуальных исследований 2023–2026 годов, алгоритмических аудитов, контент-аналитических массивов, официальных документов Европейской комиссии и международных исследовательских центров. Показано, что TikTok усиливает переход от программной иерархической кампании к распределенной кампании перформанса, меметизации и негативной мобилизации. Научная новизна состоит в разведении понятий радикального, токсичного и просто высокоаффективного контента, а также в предложении операциональной модели алгоритмической награды, пригодной для дальнейшей количественной проверки.

Ключевые слова: TikTok, электоральная кампания, радикализм, аффективная поляризация, политическая коммуникация, алгоритмическое усиление, короткое видео, молодежный электорат

Введение

Классическая электоральная кампания была устроена вокруг дефицита эфира, организационной дисциплины штаба и сравнительно медленного цикла навязывания повестки. В TikTok дефицит иной. Здесь дефицитным становится не время в эфире, а способность сообщения мгновенно встроиться в алгоритмически управляемый поток внимания, выдержать конкуренцию за первые секунды просмотра и спровоцировать такое поведенческое эхо, которое платформа сочтет сигналом к дальнейшему распространению. Именно в этой точке и возникает главный политологический вопрос. Не меняется ли вместе с медиасредой сама внутренняя логика кампании [1–2].

Эта постановка особенно актуальна на фоне роста политического и новостного потребления внутри платформы. По данным Pew Research Center, в 2024 году 48 процентов американских пользователей TikTok в возрасте от 18 до 29 лет называли отслеживание политики или политических вопросов одной из причин пребывания на платформе, а 45 процентов всех пользователей TikTok сообщали, что видят там по меньшей мере некоторое количество политического контента. Уже в 2025 году другая оценка Pew фиксировала еще более высокий показатель регулярного получения новостей через платформу среди взрослых младше 30 лет, а именно 43 процента. Параллельно Ofcom и Reuters Institute подтверждают устойчивое расширение роли короткого видео в новостном потреблении молодежи и снижение зависимости этой аудитории от традиционных медиабрендов.

На этом фоне TikTok превращается не просто в очередной канал дистрибуции агитационных роликов, а в инфраструктуру отбора и перераспределения видимости. Формально платформа не декларирует идеологического предпочтения. Фактически же она наказывает слабый аффект, рыхлую композицию и медленную аргументацию, а вознаграждает ясный сигнал принадлежности, морально заряженный конфликт, ритмическую монтажную плотность и ремиксируемость. Отсюда и исходная гипотеза исследования. TikTok системно усиливает не любую идеологию как таковую, а тот тип политического сообщения, который чаще других производят радикальные и антиэлитные акторы.

Объектом исследования выступает цифровая электоральная коммуникация на платформе TikTok. Предметом являются механизмы алгоритмической награды за поляризующий политический контент и их влияние на стратегию кампаний. Цель работы состоит в том, чтобы на основе актуальных исследований 2023–2026 годов показать, какие именно свойства сообщения статистически связаны с повышенной экспозицией и вовлечением, как эти свойства соотносятся с радикализмом и почему результатом становится перестройка логики кампании.

Научная новизна исследования состоит в трех моментах. Во-первых, работа разводит радикальный, токсичный и просто высокоаффективный контент, что позволяет избежать грубого тезиса о том, будто платформа напрямую предпочитает ту или иную идеологию. Во-вторых, в статье интегрируются результаты алгоритмических аудитов, large scale content analysis и сравнительных кейсов, которые обычно обсуждаются раздельно. В-третьих, предлагается операциональная модель алгоритмической награды, пригодная для последующей регрессионной проверки на собственных массивах данных.

Теоретическая рамка и обзор литературы

Теоретическая рамка работы строится на пересечении agenda setting, deep mediatization, affective publics, social identity theory и algorithmic governance. Классическая логика agenda setting, восходящая к работе М. Маккомбса и Д. Шоу, объясняла, как медиа влияют на круг тем, о которых думают граждане [4]. В платформенной среде вопрос смещается. Теперь значимо не только то, какая тема попадает в общественное внимание, но и то, в какой эмоциональной упаковке она получает непропорциональную видимость. Повестка перестает быть лишь содержательной структурой и становится еще и структурой аффективной селекции.

Подход deep mediatization позволяет показать, что речь идет не о простой адаптации политики к новому формату. Кампания подстраивается не к медиа как такому, а к рекомендательной системе, встроенной в повседневное поведение пользователя [5]. Если телевидение организовывало коммуникацию по логике редакционного допуска, а Facebook долгое время распределял внимание преимущественно

через социальный граф, то TikTok резко усилил роль поведенческих сигналов, досмотра, повторного просмотра, репоста и вторичного ремикса.В результате политический контент оценивается платформой прежде всего как контент, а уже затем как политическое сообщение.

Концепция affective publics у З. Папахарисси помогает объяснить, почему именно такие сообщения получают преимущество [6]. Платформа не просто фиксирует интерес. Она переводит эмоцию в сигнал распределения. Гнев, отвращение, сарказм, тревога, моральное возмущение и унижающий юмор обладают высокой скоростью считывания и высокой вероятностью вторичного участия.

Теория социальной идентичности в версии Г. Тэджфела и Дж. Тёрнера дополняет эту логику [7]. Политическое короткое видео редко убеждает с нуля. Чаще оно усиливает границу между своими и чужими, уплотняет уже имеющееся чувство групповой принадлежности и придает противнику морально отрицательный образ. В условиях отрицательной партийной идентичности такое видео становится не столько аргументом, сколько сигналом принадлежности.

Подход algorithmic governance подводит к инфраструктурному измерению проблемы [8]. Алгоритм не нейтрален в сильном смысле слова даже тогда, когда он не кодирует явную идеологическую предвзятость. Он награждает одни свойства сообщения и девальвирует другие. Если статистически оказывается, что негативная валентность, аутгрупповая враждебность и токсичность сильнее связаны с вовлечением, то платформа начинает косвенно, но систематически поддерживать именно тот стиль политической коммуникации, который легче всего производят акторы grievance politics.

Для российской исследовательской традиции здесь важны и уже имеющиеся авторские заделы. В более ранней работе о цифровых технологиях в электоральных процессах ведущих зарубежных партий М.Е. Родионова и И.В. Еременко показали, что цифровизация кампаний давно вышла за пределы простого присутствия партии в интернете и включает сайты кандидатов, таргетирование, сетевую координацию волонтеров и новые формы политической саморепрезентации [3]. Это был важный, но еще «дократковидеоформатный» этап. Однако новый подход к психологическим механизмах формирования лояльности через короткие видео у поколения Z уже напрямую подводит к сегодняшнему сюжету, поскольку демонстрирует, как короткий формат производит аффективную привязанность, парасоциальную близость и идентификационное включение. В смежной прикладной плоскости мы с соавтором ранее показали, что цифровые каналы все чаще функционируют как среда ускоренного обмена, персонализации и точечного таргетинга, а в политике эта логика принимает существенно более конфликтный вид [19].

Именно здесь проходит граница между радикальным и просто эмоциональным контентом. Высокоаффективное сообщение может быть и нерезультатом радикализации. Оно может выражать тревогу, надежду, гордость или срочность без антиинституциональной и исключающей нагрузки. Радикальный контент отличается другим. Он делегитимирует оппонента как полноценного участника политического сообщества, нормализует исключение, конспирологизирует институты, встраивает конфликт в морально абсолютную схему и часто сопровождается языком обесчеловечивания. Эмпирически TikTok надежнее всего награждает именно аффективную интенсивность. Но в реальной политике радикальные акторы особенно часто упаковывают свои месседжи именно через такую интенсивность. Отсюда и наблюдаемое совпадение алгоритмической выгоды и радикального стиля.

Методология исследования

Методологически статья опирается на сравнительный синтез нескольких типов данных. В корпус включены «peer reviewed» статьи, препринты и «working papers», если они закрывают пробел по алгоритмическим аудитам, официальные документы Европейской комиссии, материалы TikTok Research API и крупные исследовательские отчеты по медиапотреблению молодежи. Логика отбора выглядит так, в анализ включались только те работы, которые либо содержат крупный массив наблюдений и прозрачный дизайн, либо дают институционально значимую информацию о рисках платформы в избирательный период [1–2; 9–18].

Единицей аналитического сравнения выступают не только страны, но и тип доказательства. В статье различаются три уровня результата. Первый уровень связан с вовлечением и отвечает на вопрос, какие типы контента собирают больше лайков, комментариев, репостов и просмотров. Второй уровень связан с экспозицией и отвечает на вопрос, что платформа показывает слабо политизированным или нейтральным пользователям. Третий уровень касается downstream effects, то есть влияния на установки, идентичности и общую архитектуру кампании. Сильнее всего современная литература закрывает первый уровень. Заметно лучше, чем еще несколько лет назад, закрыт второй. Третий уровень по-прежнему описан фрагментарно, что важно учитывать при интерпретации результатов.

Для разведения понятий в исследование вводятся четыре операциональных индекса. Базовая мера вовлечения задается формулой:

$$ER = \frac{L + C + S}{V}$$

где ER обозначает engagement rate, L число лайков, C число комментариев, S число репостов, V число просмотров. Эта величина нужна не как универсальный показатель успеха, а как минимальная сопоставимая мера across cases.

Второй индекс описывает аффективную интенсивность сообщения:

$$AII = \frac{Anger + Disgust + Fear + Moral\,Blame}{4}$$

Он позволяет отделить радикальное содержание от просто сильной эмоции и проверить, не является ли именно высокая аффективная плотность главным скрытым драйвером алгоритмической награды.

Третий индекс фиксирует собственно радикализм ролика:

$$RS = w1AP + w2OH + w3DI + w4CI + w5NV + w6EN$$

где AP обозначает anti pluralism, OH outgroup hostility, DI delegitimation of institutions, CI conspiracy intensity, NV normalization of violence, EN exclusionary nativism. Весы могут быть заданы экспертно или оценены через факторный анализ на размеченном массиве.

Наконец, для отделения сырого вирусного эффекта от реальной алгоритмической премии предлагается показатель остаточной награды

$$ARR = – (X)$$

где X представляет набор контрольных переменных, в который входят размер аккаунта, длительность ролика, время публикации, использование трендового звука, статус инкамбента, тема сообщения и иные форматные характеристики. Если ARR стабильно положителен у роликов с высоким AII и RS после контроля этих факторов, можно говорить не просто о популярности, а о структурном преимуществе определенного стиля.

Таблица 1 упорядочивает основной эмпирический корпус, на который далее опирается интерпретация. Далее в тексте используется единая квадратная система ссылок.

Таблица 1. Ключевые эмпирические исследования, использованные в работе

Кейс	Массив	Дизайн	Основной результат
Германия	25292 видео	Large scale content analysis	Негатив, отвращение и аутгрупповая враждебность дают выраженную премию по вовлечению [9]
Германия	78 ботов и 561310 видео	Алгоритмический аудит	Поддерживающий AfD контент получает у нейтральных аккаунтов экспозиционное преимущество в 2–8 раз [10]
США	323 эксперимента и около 394000 видео	Алгоритмический аудит	Республикански засетапленные аккаунты получают примерно на 11,8 процента больше согласованных рекомендаций [11]
США	51680 видео и 15344 пользователя	Контент анализ	Токсичный контент и партийная маркировка увеличивают взаимодействия, особенно в темах иммиграции и выборов [12]
Европа и отдельные кейсы	472 видео, 275 видео, 131 видео, 742 видео	Сравнительный анализ	Успех получают ролики, совместимые с платформенной грамматикой, эмоциональной близостью и меметизацией [14–17]

Результаты

Первый и самый сильный эмпирический блок связан с Германией. В исследовании К. Соловьева, Х. Дрольсбах, Э. Демирель и Н. Прёллохса проанализированы 25292 видео политиков и партий, опубликованные в преддверии федеральных выборов 2025 года [9]. Негативно окрашенные ролики получали примерно на 11,6 процента больше лайков, на 12,3 процента больше комментариев, на 12,1 процента больше репостов

и на 8,3 процента больше просмотров по сравнению с нейтральными роликами. Еще показательнее переменная outgroup animosity. Для нее авторы фиксируют рост лайков примерно на 49,3 процента, комментариев на 79,2 процента, репостов на 56,6 процента и просмотров на 37,2 процента. Здесь важен не только масштаб эффекта. Важнее то, что сильнейшими предикторами оказываются именно гнев, отвращение и враждебность к внешней группе, а не близость, юмор или разъяснительная аргументация.

Тот же немецкий материал показывает и вторую сторону проблемы. Более высокое вовлечение получают не исключительно крайне правые. И крайне левые, и крайне правые акторы публикуют больше контента такого типа и в среднем выигрывают у центристов [9]. Уже отсюда следует осторожный, но методологически важный вывод. TikTok не обязательно награждает конкретную идеологию. Однако в «реальной политике» именно антиэлитные и крайние силы чаще других делают ставку на такой стиль и потому получают системное преимущество.

Еще сильнее эта логика проявляется в аудите рекомендации для нейтральных пользователей. Исследование М. Тьядена и соавторов использовало 78 автоматизированных непартийных аккаунтов и массив из 561310 просмотренных видео [10]. Политический контент в ленте составлял лишь от 4 до 10 процентов. Но внутри этой сравнительно узкой доли наблюдался выраженный перекос в пользу Af D. Для пассивных аккаунтов экспозиция поддерживающего AfD контента была в 2–7 раз выше, чем экспозиция умеренных партий. Для активных аккаунтов разрыв достигал 2–8 раз. Отдельно авторы показывают, что у AfD было 377 уникальных неофициальных аккаунтов поддержки, тогда как у SPD их было 47, у CDU 25, у Grünen 20. Здесь меняется сама единица кампании. Выигрывает уже не только официальный ролик кандидата, а целая сеть полуофициальных и фанатских репликаций.

Американские данные добавляют еще одно измерение. В алгоритмическом аудите Х. Ибрахима и соавторов, охватившем 323 независимых эксперимента и около 394 тысяч просмотренных видео, республикански засетапленные аккаунты получали примерно на 11,8 процента больше согласованных партийных рекомендаций, чем демократически засетапленные аккаунты [11]. Одновременно демократически ориентированные аккаунты видели в среднем на 7,5 процента больше контента противоположной партии. Авторы подчеркивают, что эффект сохранялся и после учета лайков, просмотров, комментариев, репостов и размеров каналов. Главным драйвером асимметрии выступал negative partisanship content. Иначе говоря, платформа особенно эффективно разносит не позитивную самопрезентацию, а нападение на противоположный лагерь.

Эта же американская линия подтверждается и в исследовании Аханы Бисвас, Ализеры Джавадиан Сабет и Ю Ру Лин, посвященном 51680 политическим роликам электорального цикла 2024 года [12]. Авторы показывают, что 77 процентов роликов имели явную партийную маркировку, а токсичный контент был связан с увеличением взаимодействий примерно на 2,3 процента. Внутри тематических подмассивов эффект становился еще заметнее. Для роликов про иммиграцию токсичность поднимала вовлечение примерно на 3,5 процента, для сюжетов о выборах примерно на 1,3 процента. Особенно показателен и методический вывод статьи. Согласованность между caption based и transcript based классификацией токсичности составляла 0,44 против 0,74 по коэффициенту Каппа, а использование транскриптов давало на 56,2 процента больше детектированных токсичных случаев. Значит, слабая мультимодальная измеримость почти неизбежно занижает масштаб проблемы.

Более длинный временной горизонт дает статья З. Чэна и Я. Ли, предложивших Political Content Engagement Model на массиве 578420 видео от 9722 элитных аккаунтов за 2019–2023 годы [13]. Здесь важен уже не только предвыборный момент, но и общая закономерность платформы. Across both liberal and conservative accounts наиболее сильными предикторами вовлечения оказываются уровень невежливости и критика внешней партии. Этот результат особенно ценен тем, что выводит проблему за пределы одного электорального цикла. Речь идет не о случайной аномалии кампании 2024 года, а о более устойчивом механизме платформенного отбора.

Европейские кейсы второго ряда уточняют и географию, и границы эффекта. Анализ 472 роликов 27 лидеров крайне правых сил в 24 странах ЕС показывает, что наибольшую вовлеченность дает не монотонная тревога, а смесь кризисного нарратива, страха и мобилизующего обещания выхода [14]. Итальянский кейс на материале 275 роликов и опроса 553 молодых пользователей демонстрирует, что политический контент на TikTok видели более 60 процентов молодых участников опроса, а успех ролика зависит от степени стилистической совместимости с платформой, а не от веса партийной машины как таковой [15]. Французский материал о кампании Джордана Барделлы на массиве 131 ролика показывает преимущества politainment, неформальной аутентичности и поп культурного кода перед более традиционным информационным стилем конкурентов [16].

Особое место занимает Румыния. После президентских выборов 2024 года Европейская комиссия открыла formal proceedings против TikTok по линии рисков для электоральной целостности [1]. Параллельный мониторинг комиссии и гражданских организаций усилил институциональную чувствительность к платформе в период повторного голосования [2]. В кейс анализе по кампании Кэлина Джорджеску зафиксированы крайне резкие темпы роста видимости. За неделю с 10 по 16 ноября аудитория его аккаунта выросла примерно на 223 процента, просмотры видео на 222 процента, комментарии на 311 процентов. К первому туру суммарные просмотры достигали 62,7 миллиона, а хэштег кампании набирал 73,2 миллиона просмотров за семь дней [17]. Этот кейс нельзя превращать в механическое доказательство идеологической правизны алгоритма. Но он убедительно показывает, как соединение националистического аффекта, меметических звуков, скоординированного усиления и слабой прозрачности рекомендаций может быстро вывести fringe candidate из периферии в центр публичного поля.

Отдельная оговорка необходима против технологического детерминизма. Полевой эксперимент Дж. Алшарави и соавторов фиксирует рост negative affect после просмотра политических TikTok роликов, но не показывает немедленного изменения политических установок. Напротив, более ранняя работа С. Моффетта и Дж. Райс указывает на связь политического присутствия на TikTok с офлайн гражданской активностью молодых пользователей [18]. Следовательно, влияние платформы нельзя редуцировать к прямому переубеждению. Куда правдоподобнее другой вывод. TikTok особенно силен в переработке эмоционального климата кампании, режима видимости акторов и нормы допустимого риторического уровня. Именно через это он и меняет электоральную конкуренцию.

Таблица 2 суммирует сравнительные кейсы, а рисунок 1 фиксирует причинную цепочку от аффективного сигнала к изменению стимулов кампании. После этого уже можно переходить к интерпретации.

Таблица 2. Операционализация ключевых переменных

Переменная	Индикатор	Измерение
Аффективная интенсивность	Гнев, отвращение, страх, моральное обвинение	0–4 или композитный индекс AII
Радикализм	Антиплюрализм, аутгрупповая враждебность, делегитимация институтов, конспирология, нормализация насилия, исключающий нативизм	Композитный индекс RS
Алгоритмическая награда	Разница между фактическим и ожидаемым уровнем вовлечения при учете контроля	Показатель ARR
Поддерживающая сеть	Число неофициальных аккаунтов, дуетов, ремиксов и повторных звуков	Сетевой коэффициент кампании

Рис. 1. Логика перехода от аффективного сигнала к алгоритмической награде

Рис. 2. Сравнительная матрица экспозиционного перекоса по странам и типам акторов

Таблица 3. Сравнение классической кампании и TikTok кампании

Элемент	Классическая кампания	TikTok кампания
Повестка	Темы задаются через эфир, медиа и события	Темы задаются через конкуренцию коротких роликов за удержание внимания
Ключевой ресурс	Эфир, бюджет, организационная сеть	Аффективная упаковка, досмотр, ремиксируемость, supporter networks
Носитель сообщения	Партия, кандидат, рекламный блок	Кандидат, фанатский кластер, creator relay, аудиомем
Негативная мобилизация	Часто вторична	Часто становится центральной стратегией
Роль умеренного дискурса	Допустима и эффективна	Часто проигрывает в скорости эмоциональной активации

Аналитическая составляющая

Полученный массив данных позволяет сформулировать вывод в более строгой форме, чем это обычно делается в публицистике. Наиболее корректно говорить не о том, что TikTok любит правых, а о том, что TikTok систематически вознаграждает высокоаффективный, конфликтный, морально маркированный и легко ремиксируемый контент. Но дальше вступает в силу уже политическая социология. В кампаниях 2024–2026 годов именно правые и крайне правые акторы в нескольких странах чаще других производили такой контент, располагали более плотными supporter networks и быстрее осваивали нативную грамматику платформы [9–17]. Поэтому на уровне реальных политических последствий стиль и идеология начинают совпадать.

Для умеренных кандидатов это создает стратегическую ловушку. Если они сохраняют программную, фактоцентричную и процедурную подачу, они рискуют оказаться алгоритмически невидимыми. Если же они повышают аффективную плотность и начинают играть на поле морального раскола, они выигрывают видимость ценой эрозии собственного нормативного профиля. В этом смысле TikTok меняет не только медиапланирование, но и саму архитектонику кампании. Штаб вынужден думать не только о повестке, но и о пригодности сообщения к монтажу, дуету, переозвучке, фанатскому повторению и аудиомемметическому распаду.

Старые элементы кампании не исчезают. Они перераспределяются. Полевая сеть, волонтеры, активисты, лидерские клипы, сайт кандидата, платное продвижение и медийные выходы сохраняются, однако перестают быть вершиной пирамиды. В TikTok центральной становится распределенная связка из официального ролика, creator relay и fan made spillover. Именно поэтому немецкие данные о 377 неофициальных поддерживающих аккаунтах AfD выглядят не побочным наблюдением, а признаком новой организационной формы кампании [10]. Политическая коммуникация на платформе все меньше напоминает линейную передачу сообщения и все больше работает как серийное самовоспроизводство эмоционального шаблона.

Здесь оказывается полезной и психологическая рамка короткого видео. Если короткий формат способен формировать парасоциальную близость, аффективную идентификацию и ценностное присоединение в сфере брендов, то в политике он тем более способен создавать ускоренную лояльность к узнаваемому кандидату, который говорит на языке платформы. Парадокс, однако, в другом. Лояльность такого типа часто менее устойчива как убеждение, но гораздо сильнее как режим вовлечения. Отсюда и феномен кампаний, которые не столько убеждают программой, сколько удерживают пользователя в цикле постоянного эмоционального соучастия.

Методологически это означает, что будущие исследования должны сместиться от простой фиксации популярности роликов к разложению итогового эффекта на три компонента. Первый компонент связан с предложением контента со стороны кампании. Второй с конфигурацией поддерживающих сетей. Третий с собственно алгоритмической селекцией. Без такого разложения любой разговор о радикализации платформы будет либо упрощением, либо переоценкой причинной роли алгоритма. Именно поэтому предложенные выше показатели AII, RS и ARR представляются продуктивными не как окончательные формулы, а как рабочие инструменты дальнейшей проверки.

Практические следствия двояки, для политических консультантов TikTok становится пространством, где преимущество получают не самые дисциплинированные, а самые форматно пластичные кампании. Для регуляторов ключевой задачей становится не только прозрачность политической рекламы, но и прозрачность рекомендательных систем, архивов удаленного контента, доступа исследователей к данным и кризисных протоколов во время выборов. Иначе говоря, вопрос стоит уже не о присутствии политики на платформе. Вопрос стоит о том, кто и по каким скрытым правилам получает право быть увиденным первым. В более широком контексте цифровой государственности эта постановка перекликается с концепцией адаптивной государственной архитектуры, в которой алгоритмические системы начинают менять не только каналы коммуникации, но и саму процедуру принятия решений [20].

Заключение

Проведенный анализ показывает, что гипотеза о награде за радикализм подтверждается не в наивной, а в уточненной форме. Платформа не демонстрирует надежно установленной приверженности одной идеологии как таковой. Зато она устойчиво премирует свойства сообщения, статистически связанные с аффективной поляризацией, моральным конфликтом, аутгрупповой враждебностью, токсичностью и ремиксируемостью. В политическом поле этим особенно эффективно пользуются радикальные и антиэлитные акторы.

На уровне вовлечения это подтверждают большие массивы по Германии и США. На уровне экспозиции это подтверждают алгоритмические аудиты рекомендации. На уровне политических кейсов это подтверждают Румыния, Франция, Италия и отчасти Мексика, где успех наиболее заметных кампаний был связан не столько с программной сложностью, сколько с нативной совместимостью с коротким видеоформатом [9–17].

Следовательно, TikTok меняет не только технику агитации, но и структуру электорального соревнования. Кампания все сильнее строится вокруг способности производить эмоционально плотные и серийно воспроизводимые сигналы, а не только вокруг способности выстраивать рационально аргументированную повестку. Отсюда вытекает и теоретический, и практический результат работы. Для науки становится принципиально важным различать радикальное, токсичное и высокоаффективное. Для кампаний и регуляторов становится столь же важным понимать, что борьба за электоральную легитимность все чаще проходит внутри алгоритмически управляемой инфраструктуры внимания.

Литература

1. Европейская комиссия. Комиссия начинает официальное разбирательство против TikTok по поводу рисков на выборах в соответствии с Законом о цифровых услугах. 17 декабря 2024 г. Доступно на веб-сайте Европейской комиссии по цифровой политике. Дата обращения: 20 апреля 2026 г.

2. Европейская комиссия. Комиссия, онлайн-платформы и гражданское общество усиливают мониторинг во время румынских выборов. Доступно на веб-сайте Европейской комиссии по цифровой политике. Дата обращения: 20 апреля 2026 г.

3. Родионова, М.Е., Еременко, И.В. Цифровые технологии в избирательных процессах ведущих иностранных партий. Авторская рукопись. [На русском языке].

4. Маккомбс, М.Е., Шоу, Д.Л. Функция формирования повестки дня средствами массовой информации. Ежеквартальный журнал общественного мнения, 1972, 36(2), 176–187.

5. Колдри, Н., Хепп, А. Опосредованное конструирование реальности. Кембридж, Polity Press, 2017.

6. Папахарисси, З. Аффективные публичные группы. Чувства, технологии и политика. Нью-Йорк, Oxford University Press, 2015.

7. Таджфел, Х., Тернер, Дж.К. Теория социальной идентичности межгруппового поведения. В S. Worchel, W.G. Austin (ред.), Психология межгрупповых отношений. Чикаго, Nelson-Hall, 1986, стр. 7–24.

8. Гиллеспи, Т. Хранители Интернета. Платформы, модерация контента и скрытые решения, формирующие социальные сети. Нью-Хейвен, издательство Йельского университета, 2018.

9. Соловьев, К., Дрольсбах, К., Демирель, Э., Прёллохс, Н. TikTok поощряет разжигающие рознь политические сообщения во время федеральных выборов в Германии 2025 года. arXiv, 2025, arXiv:2509.10336.

10. Тьяден, М. и др. Склоняется ли лента TikTok к правым взглядам? Воздействие контента политических партий среди беспартийных пользователей во время региональных и федеральных выборов в Германии. Рабочий документ PSMM, 2025.

11. Ибрагим, Х., Джанг, Х.Д., Аль-Дахул, Н., Кауфман, А.Р., Рахван, Т., Заки, Й. Рекомендации TikTok смещены в сторону контента республиканцев во время президентской гонки в США 2024 года. arXiv, 2025, arXiv:2501.17831.

12. Бишвас, А., Джавадиан Сабет, А., Лин, Ю.-Р. Токсичная политика и вовлеченность в TikTok на выборах в США 2024 года. Обзор де-

зинформации Гарвардской школы Кеннеди, 2025, 6(4). doi:10.37016/mr-2020-181.

13. Ченг, З., Ли, Ю. Модель вовлеченности в политический контент. Крупномасштабный анализ характеристик политического видеоконтента TikTok и вовлеченности аудитории. Компьютеры в поведении человека, 2026, 174, 108808. doi:10.1016/j.chb.2025.108808.

14. Cartes-Barroso, M.J., García-Estévez, N., Méndez-Muros, S. Привлечение голосов в TikTok. Стратегии эмоциональной коммуникации крайне правых партий на европейских выборах 2024 года. Журналистика и СМИ, 2025, 6(1), 33. doi:10.3390/journalmedia6010033.

15. Bomba, M. Дальние отношения между молодежью и итальянской политикой в TikTok. Анализ выборов в ЕС 2024 года. СМИ и коммуникация, 2025, 13, 10677. doi:10.17645/mac.10677.

16. Бомбачи, М., Несполи, Ф., Муларджиа, С. Справа налево. Как Барделла и французские политические деятели ориентируются в политике TikTok. Избранные статьи AoIR 2025, 2026. doi:10.5210/spir.v2024i0.15073.

17. Меза, М. и др. Мессия TikTok. Мем-политика, националистические настроения и президентские выборы в Румынии 2024 года. Медиа и коммуникация, 2026, 14, 11712. doi:10.17645/mac.11712.

18. Моффетт, К.В., Райс, Л.Л. TikTok и гражданская активность среди молодежи. Social Science Computer Review, 2024, 42(2), 535–553. doi:10.1177/08944393231188470.

19. Базалей, Т.Ю., Еременко, И.В. Цифровые каналы связи в продвижении банковских инноваций: анализ эффективности и тенденций в России. Евразийский научный журнал, 2025, 17(с1), 13FAVN125. Доступно по адресу: https://esj.today/PDF/13FAVN125.pdf. [На русском языке, аннотация на английском].

20. Калинин, Д.М. Политогенез генеративных систем: концепция живого законодательства и адаптивной государственной архитектуры. Результаты исследований. Социальные науки и гуманитарные науки, 2025, 11(3), 125–135. дои: 10.18413/2408–932X-2025–11–3–1–1.

TIKTOK REWARDS RADICALISM AND RESHAPES THE LOGIC OF ELECTORAL CAMPAIGNS

Eremenko I.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines how TikTok's algorithmic architecture redistributes attention in electoral communication and why this creates structural advantages for highly affective, conflict-driven, and polarizing political content. The study tests the hypothesis that the platform rewards not a specific ideology as such, but a message style associated with anger, disgust, outgroup hostility, negative partisanship, and remixability. Methodologically, the article relies on a comparative analysis of current studies from 2023 to 2026, algorithmic audits, large-scale content analyses, official European Commission documents, and reports by leading research institutions. The findings suggest that TikTok accelerates the shift from a programmatic and hierarchical campaign model toward a distributed campaign model built around performance, memetic circulation, and negative mobilization. The novelty of the article lies in distinguishing between radical, toxic, and merely high-arousal content and in proposing an operational model of algorithmic reward suitable for further quantitative testing.

Keywords: TikTok, electoral campaign, radicalism, affective polarization, political communication, algorithmic amplification, short-form video, youth electorate

References

1. European Commission. Commission opens formal proceedings against TikTok on election risks under the Digital Services Act [Электронный ресурс]. 17 December 2024. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/commission-opens-formal-proceedings-against-tiktok-election-risks-under-digital-services-act (дата обращения: 20.04.2026).

2. European Commission. Commission, online platforms and civil society increase monitoring during Romanian elections [Электронный ресурс]. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/commission-online-platforms-and-civil-society-increase-monitoring-during-romanian-elections (дата обращения: 20.04.2026).

3. Родионова М.Е., Еременко И.В. Цифровые технологии в электоральных процессах ведущих зарубежных партий. Авторская рукопись.

4. McCombs M.E., Shaw D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. No. 2. P. 176–187.

5. Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 2017. 290 p.

6. Papacharissi Z. Affective Publics. Sentiment, Technology, and Politics. New York: Oxford University Press, 2015. 232 p.

7. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations / ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

8. Gillespie T. Custodians of the Internet. Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media. New Haven: Yale University Press, 2018. 280 p.

9. Solovev K., Drolsbach C., Demirel E., Pröllochs N. TikTok Rewards Divisive Political Messaging During the 2025 German Federal Election // arXiv. 2025. arXiv:2509.10336.

10. Tjaden M. et al. Does the TikTok Feed Lean Right? Exposure to Political Party Content among Non-Partisan Users during Regional and Federal Elections in Germany. PSMM Working Paper. 2025.

11. Ibrahim H., Jang H.D., AlDahoul N., Kaufman A.R., Rahwan T., Zaki Y. TikTok's Recommendations Skewed Towards Republican Content During the 2024 U.S. Presidential Race // arXiv. 2025. arXiv:2501.17831.

12. Biswas A., Javadian Sabet A., Lin Y.-R. Toxic Politics and TikTok Engagement in the 2024 U.S. Election // Harvard Kennedy School Misinformation Review. 2025. Vol. 6. Issue 4. DOI: 10.37016/mr-2020-181.

13. Cheng Z., Li Y. Political Content Engagement Model. A Large-Scale Analysis of TikTok Political Video Content Features and Audience Engagement // Computers in Human Behavior. 2026. Vol. 174. Art. 108808. DOI: 10.1016/j.chb.2025.108808.

14. Cartes-Barroso M.J., García-Estévez N., Méndez-Muros S. Attracting the Vote on TikTok. Far-Right Parties' Emotional Communication Strategies in the 2024 European Elections // Journalism and Media. 2025. Vol. 6. No. 1. Art. 33. DOI: 10.3390/journalmedia6010033.

15. Bomba M. The Long-Distance Relationship Between Youth and Italian Politics on TikTok. Insights From the 2024 EU Election // Media and Communication. 2025. Vol. 13. Art. 10677. DOI: 10.17645/mac.10677.

16. Bombaci M., Nespoli F., Mulargia S. From Right to Left. How Bardella and French Political Actors Navigate TikTok Politics // Selected Papers of AoIR 2025. 2026. DOI: 10.5210/spir.v2024i0.15073.

17. Meza M. et al. The TikTok Messiah. Meme Politics, Nationalist Affect, and the Romanian Presidential Election of 2024 // Media and Communication. 2026. Vol. 14. Art. 11712. DOI: 10.17645/mac.11712.

18. Moffett K.W., Rice L.L. TikTok and Civic Activity Among Young Adults // Social Science Computer Review. 2024. Vol. 42. No. 2. P. 535–553. DOI: 10.1177/08944393231188470.

19. Базалей Т.Ю., Еременко И.В. Цифровые каналы коммуникации в продвижении банковских инноваций: анализ эффективности и трендов в России // Вестник Евразийской науки. 2025. Т. 17. № s1. URL: https://esj.today/PDF/13FAVN125.pdf.

20. Калинин Д.М. Политогенез генеративных систем: концепция живого законодательства и адаптивной государственной архитектуры // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2025. Т. 11. № 3. С. 125–135. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-1-1.

Волонтерство как социальный феномен современного общества

Зайцева Ирина Александровна,
кандидат политических наук, доцент, ФГБОУ ВО Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
E-mail: zaitsevairin@mail.ru

Свирин Михаил Геннадьевич,
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России
E-mail: msvirin@yandex.ru

Топал Наталья Михайловна,
кандидат исторических наук, кафедра социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева
E-mail: topal2008@yandex.ru

Лутошкина Виктория Николаевна,
кандидат педагогических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, Институт педагогики, психологии и социологии,
E-mail: vikkilu@yandex.ru

Демидова Татьяна Евгеньевна,
доктор исторических наук, профессор, кафедра общественно-социальных институтов и социальной работы, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Российский государственный социальный университет
E-mail: ted-05@list.ru

Статья посвящена анализу волонтерства как многомерного социального феномена в международном и российском контексте. В данной публикации рассматриваются подходы к регулированию добровольческой деятельности в США и ЕС, где волонтерство интегрировано в механизмы госуправления и социального развития, но при этом опирается на децентрализованные правовые рамки и рыночные механизмы. На фоне зарубежных моделей детально рассматриваются отличительные черты российского волонтерства: молодежная направленность, патриотические и историко-культурные акценты, проектная ориентация на крупные государственные мероприятия и форумы, цифровая инфраструктура. В статье подчеркивается, что российское волонтерство представляет собой самобытную модель, сочетающую государственную поддержку, технологичность и молодежную активность, что формирует особый путь интеграции такого феномена как добровольчество в гражданское общество.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, волонтерское движение, гражданское общество, социальная активность, государственная поддержка.

Цивилизованность современного общества на современном этапе его развития все чаще определяется не только уровнем его экономического роста или политической стабильностью, но и зрелостью его волонтерской системы – наличием развитой сети организаций и значительного числа граждан, действующих добровольно, будь то в рамках формальных структур или в виде менее структурированных, самоорганизованных групп [9, с. 73].

В настоящее время волонтерство – это не просто благотворительная активность, а неотъемлемая и многомерная составляющая общественного бытия в условиях глобальной сложности и социальных трансформаций. Хотя корни добровольного труда уходят вглубь всей социальной истории человечества, его современный расцвет, приходящийся на XX и XXI века, является прямым следствием гуманизации общественных отношений и переосмысления личности как высшей общественной ценности. В связи с этим, назрела острая необходимость в научном анализе волонтерской деятельности. Целью такого анализа является не только уточнение сущности волонтерства, но и выяснение его фундаментальных функций в динамике развития социальных систем современного мира.

Волонтерство выступает предметом пристального изучения в самых разных областях гуманитарного и обществоведческого знания (социологии, психологии, политологии, юриспруденции, государственном управлении и т.д.), что способствует максимально полному раскрытию сложной сущности этого феномена. Но с другой стороны, эта особенность данного явления несет в себе риск методологического размывания, поскольку излишнее расширение определений, вызванное попытками охватить все виды добровольного взаимодействия, приводит к тому, что отдельные, специфические формы социального труда ошибочно идентифицируются как волонтерство. Включение в это понятие признаков, не являющихся для него присущими, искажает его научное понимание [9, с. 73].

Наиболее широкое определение феномена волонтерства содержится в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН – № 56/38 «Рекомендации о поддержке добровольчества» (2002). В этом документе термины «добровольчество», «работа на добровольных началах» и «добровольная деятельность» определяются как «широкий круг деятельности, включая традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которая осуществляется добровольно на благо широкой общественности, причем денежное вознаграждение не является главным мотивом» [7].

Дополнительно стоит отметить «Всеобщую декларацию добровольчества», принятую в 2001 году на XVI Всемирной конференции Международной ассоциации добровольческих усилий (IAVE) в Амстердаме. Хотя этот документ не является прямым актом ООН, он широко используется в международном контексте и развивает идеи, близкие к позиции Организации Объединенных Наций. В данной декларации волонтерство определяется как фундамент гражданского общества, который воплощает устремления человечества к достижению мира, свободы, безопасности, справедливости и реализации возможностей для всех людей [1].

Оба документа подчеркивают социальную значимость волонтерства, его роль в развитии общества и важность добровольческой деятельности для решения глобальных проблем. Однако, определение волонтерства, которое в этих документах содержится, является обобщающим и, как считают исследователи, довольно размытым, хотя и дает основания для выделения четких основ волонтерской деятельности, согласно которым волонтерство

- может быть как индивидуальным, так и коллективным действием;
- способствует поддержанию и усилению человеческих ценностей, таких как забота о ближнем и служение людям;
- позволяет людям реализовывать свои права и ответственность как членов общества, одновременно познавая новое и раскрывая свой потенциал;
- помогает устанавливать связи, которые способствуют жизни в здоровых, устойчивых сообществах и работе над решением общих проблем.

Наряду с рамочными международными актами, легитимирующими и поощряющими добровольчество, в каждой стране мира сегодня действует целый комплекс национальных нормативно-правовых доку-

ментов, на основании которых осуществляется деятельность волонтерских организаций и самих волонтеров. Это регулирование необходимо для обеспечения правовой защиты участников, определения их статуса и создания благоприятных условий для развития сектора. Рассмотрим правовой и содержательный аспект волонтерства вначале на примере международного опыта волонтерского движения.

Соединенные Штаты Америки

Ученые американского частного научно-исследовательского университета имени Дж. Хопкинса, которые более 20 лет изучают волонтерскую деятельность по всему миру, определяя волонтерство как комплекс мероприятий, реализованный в свободное от работы время без какой-либо денежной компенсации [13, с. 224]. В США волонтерство позиционируется как инструмент социально-политического развития страны. Его задействуют в качестве эффективного механизма госуправления и реализации социальной политики. Более того, американские исследователи считают волонтерство ресурсом экономического развития, который повышает отдачу от инвестиций в национальную экономику [6]. Однако, в Штатах нет единого федерального закона о волонтерстве. Регулирование волонтерской деятельности осуществляется через ряд актов, касающихся налоговых льгот некоммерческим организациям, а также через законодательства штатов, в которых прописаны правовой статус волонтера, условия участия в добровольческих проектах, страхование и защита при работе в опасных условиях, компенсации и льготы, антидискриминационные нормы, взаимоотношения с госорганами и другие аспекты [12].

Европейский Союз (ЕС)

С точки зрения европейских исследователей, волонтерство – это сумма действий, которые граждане совершают друг для друга безвозмездно по своей доброй воле [9]. Волонтерство как инструмент приращения социального капитала рассматривается в работах И. Бейгбедера, который пишет, что эффект волонтерства проявляется как «…пробуждение потенциала членов общества для улучшения качества их жизни» [11, с. 104].

Американские социологи Х. Анхейер и Л. Саламон провели анализ содержания понятия *волонтерство* и сделали вывод, что во всех странах ЕС, несмотря на то, что волонтерская деятельность преимущественно концептуализируется как сегмент сферы общественных услуг, что обусловливает акцент на анализе ее социально значимого эффекта и вклада в общественное благо, волонтерство в целом является общественным сектором гражданского общества, хотя и отделенным от государства и бизнеса [10, p. 5]. По мнению данных исследователей, в основу всех определений волонтерства, фигурирующих в европейских языках, положена значимость волонтерского труда, которая оценивается по трем основным критериям: временна́я занятость (полный/неполный рабочий день), экономический аспект (платная/бесплатная работа), социальный аспект (индивидуальное/институциональное участие в волонтерских проектах) [10, p. 8].

В Европейском союзе правовое регулирование волонтерской деятельности осуществляется двумя основными путями:

• на наднациональном уровне – через директивы, регламентирующие деятельность некоммерческого сектора в целом (эти акты задают общие рамки, но не содержат детальных норм о волонтерстве);

• на национальном уровне – посредством законов отдельных стран-членов ЕС, которые

– признают волонтерский труд как особый вид деятельности в контексте занятости и социального обеспечения;

– четко разграничивают волонтерство и трудовые отношения (исключая подмену оплачиваемой работы добровольческой деятельностью);

устанавливают правила компенсации расходов волонтеров (транспорт, проживание, питание), подчеркивая, что это не является оплатой труда.

Приведем некоторые примеры национального регулирования волонтерства как социальной деятельности. Так, во Франции действует «Закон о волонтерстве» («Loi sur le bénévolat»), определяющий правовой статус добровольцев и условия их участия в проектах. В. Испании аналогичный закон («Ley del Voluntariado») закрепляет права и обязанности волонтеров, а также механизмы их поддержки со стороны государства [2].

В 1996 году в ЕС была запущена Европейская волонтерская служба (European Voluntary Service, EVS) как пилотный проект, нацеленный на

– содействие молодежной мобильности;

развитие гражданской активности;

– укрепление общеевропейской идентичности через добровольчество.

Сегодня EVS функционирует как часть программы «Эразмус+» (подпрограмма «Молодежь»), приоритетными направлениями которой являются: защита окружающей среды; поддержка уязвимых групп населения; межкультурный диалог; цифровая грамотность и образование.

Значение EVS для европейского волонтерства трудно переоценить. Программа этой службы

• формирует единую европейскую волонтерскую культуру;

• стандартизирует подходы к поддержке добровольцев;

• способствует обмену лучшими добровольческими практиками между странами;

• повышает привлекательность добровольчества среди молодежи.

Таким образом, EVS, эволюционировавшая из пилотного проекта в системный инструмент европейской политики, в настоящее время полностью интегрировала в стратегические инициативы ЕС по развитию гражданского общества и социальной сплоченности [3].

На фоне развитых моделей регулирования и поддержки волонтерства в США и ЕС особый интерес представляет российский опыт институционализации добровольческой деятельности. Хотя исторически традиции взаимопомощи в России имеют глубокие корни (от общинной взаимовыручки до тимуровского движения в советский период), современная российская правовая и организационная база волонтерства формировалась преимущественно в последние три десятилетия. В отличие от западных моделей, где волонтерство зачастую встраивается в рыночные механизмы социального сектора или многоуровневую систему госуправления,, в Российской Федерации этот феномен развивается в условиях специфической конфигурации гражданского общества, государственной политики и социокультурных особенностей. Ниже рассмотрим нормативно-правовое регулирование волонтерского движения в РФ и его характерные черты.

В Российской Федерации правовое поле для волонтерской деятельности активно формировалось с начала 2000-х годов, достигнув кульминации с принятием основного федерального закона. Ключевым документом, который институционализировал и придал четкие очертания волонтерскому движению в РФ, является Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»

В новой редакции данного закона (№ 129-ФЗ) от 5 мая 2014 г. дается определение волонтерства и четко прописаны функции волонтеров как добровольцев, деятельность которых носит бескорыстный характер и направлена на общественное благо. Согласно данному Закону, важнейшим элементом волонтерской деятельности является тот факт, что волонтерский труд не является трудовой деятельностью и не предполагает оплаты. Но при этом Закон обязывает организаторов добровольческой деятельности заключать договоры (или публичные оферты), которые должны включать пункты о страховании жизни и здоровья волонтера на период исполнения обязанностей, что значительно повышает шансы добровольцев на получение компенсаций при несчастных случаях, защиту от непредвиденных рисков и юридически гарантированную поддержку в случае ущерба здоровью, а также укрепляет доверие к волонтерской деятельности в целом [5].

Нормативная база РФ, в которую также входит «Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации», одобренная распоряжением Правительства РФ (№ Ю54-р от 30.07.2009), не только предусматривает меры государственного поощрения, включая государственные награды, почетные грамоты и возможность предоставления дополнительных преимуществ при поступлении в вузы (в частности, через систему «Волонтерских книжек»), но и стимулирует создание так называемых «ресурсных центров» по поддержке волонтерства, а также создает условия для взаимодействия между НКО, государственными структурами и бизнесом в этой сфере. Таким образом, российская модель волонтерского движения стремится к балансу: с одной стороны, закон четко очерчивает некоммерческий и неполитический характер волонтерства; с другой – создает правовую основу для его государственной поддержки, страхования и признания его вклада в развитие человеческого капитала [4].

В России XXI века волонтерство приобрело многоаспектный характер. Российское волонтерское движение в настоящее время представляет собой феномен проявления социальной активности и ответственности, в первую очередь, студенческой молодежи. По мнению О.И. Холиной, именно молодые люди, юноши и девушки, способны «на безвозмездных основах оказывать помощь нуждающимся, тем самым влияя на трансформацию современного им общества» [8, с. 71]. С точки зрения данного исследователя, молодежь является уникальной общественной силой, обладающей потенциалом для социальных преобразований. Молодым людям присущи характеристики, опреде-

ляющие их роль в социальной структуре: они не склонны принимать существующий порядок как данность и не обременены жестко закрепленными экономическими или духовными интересами. Благодаря такому особому взгляду на социальные проблемы, молодежь часто выступает в роли катализатора изменений. Волонтерское движение, в свою очередь, предоставляет подрастающему поколению площадку для демонстрации своих культурных и социальных особенностей. Добровольчество служит механизмом для формирования социальных связей, развития личностных качеств, приобретения новых компетенций, а также для поиска поддержки и ощущения собственной значимости [8]. Таким образом, участие в волонтерских проектах формирует у школьников и студентов (а именно эти категории граждан являются наиболее активными участниками волонтерского движения в России) не только необходимые социальные навыки и чувство ответственности, но и укрепляет их связь с обществом. Но для российской молодежи волонтерская деятельность становится не только инструментом гражданского самовыражения и формирования активной гражданской позиции, но и одним из проявлений молодежной субкультуры, что очень важно

для понимания механизмов социализации нового поколения, формирования у него ценностных ориентиров и устойчивых моделей общественно полезного поведения.

Этот аспект позволяет рассматривать российское волонтерство не просто как эпизодическую помощь, а как

- пространство самоидентификации – возможность определить собственную роль в социуме через причастность к значимому делу;
- канал трансляции ценностей – передачу идей взаимопомощи, ответственности и солидарности внутри молодежной среды;
- ресурс для развития «гибких навыков» – коммуникации, командной работы, проектного мышления и др., т.е. тех навыков, которые приобретаются в неформальной обстановке;
- альтернативу потребительским моделям досуга, в рамках чего происходит смещение акцента с развлекательных его форм на созидательную деятельность.

Хотя добровольческая деятельность, безусловно, является глобальным феноменом, существующим во всех развитых странах, необходимо констатировать уникальную роль российского добровольчества на внутренней арене. Основным отличием российской модели волонтерства от добровольческих практик, распространенных в странах Западной Европы и Северной Америки, является тот факт, что волонтерство в Российской Федерации является важным элементом современной молодежной политики и инструментом долгосрочного социального развития.

В России добровольчество тесно интегрировано в государственную систему через федеральные программы (такие как «Волонтеры Победы»), волонтерские центры, что обеспечивает ему значительную государственную поддержку и регулирование. В то время как на Западе часто доминируют инициативы, поддерживаемые крупными некоммерческими фондами и корпоративной социальной ответственностью, в России роль государства как главного организатора и спонсора добровольческой деятельности выражена сильнее.

Второй аспект касается демографического фокуса. Как уже отмечалось, в России волонтерское движение в значительной степени опирается на студенческую молодежь. Во многих западных странах волонтерство более равномерно распределено по возрастным группам, включая высокую долю пенсионеров (особенно в США и Великобритании) и работающих специалистов, использующих волонтерство в рамках программ корпоративной ответственности.

Третьим моментом является сфера приоритетных направлений. В отличие от стран с устоявшимися НКО-секторами, где больший акцент часто делается на экологические инициативы, правозащитную деятельность и долгосрочную социальную помощь, в России традиционно сильны такие направления, как патриотическое волонтерство, направленное на сохранение исторической памяти, волонтерство в культурной сфере, направленное на сохранение культурного наследия, волонтерство в области экологии и защиты окружающей среды, часто интегрированное в государственные природоохранные проекты. В последние годы одним из доминирующих направлений волонтерского движения в России является поддержка участников боевых действий в зоне СВО. Это направление включает широкий спектр деятельности – от сбора и доставки гуманитарной помощи, плетения маскировочных сетей и оказания психологической поддержки семьям военнослужащих до работы непосредственно в прифронтовых регионах. На Западе аналогичные инициативы, если и существуют, то носят частный и менее институционализированный характер, в то время как в России эта деятельность часто координируется крупными общественными движениями и государственными структурами.

Сравнивая западную и российскую модели волонтерского движения, следует отметить, что если в мировой практике волонтерство традиционно ассоциируется с масштабными разовыми мероприятиями – Олимпийскими играми, чемпионатами мира, международными фестивалями (в этих случаях добровольцы привлекаются на короткий срок для решения конкретных операционных задач), то в России сложилась уникальная модель – система постоянного привлечения и подготовки волонтеров для обслуживания крупных федеральных проектов и форумов. К числу такого рода знаковых мероприятий относятся Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ); Восточный экономический форум (ВЭФ); национальные проекты в сфере экологии, здравоохранения, цифровизации и др.

Итак, ключевыми особенностями российской модели волонтерства являются:

1. Высокая степень институционализации и государственная поддержка (активная интеграция волонтерства в систему молодежной политики, наличие федеральных программ, центров и прямое регулирование со стороны государственных органов).

2. Доминирование молодежной аудитории (студенты и школьники составляют основную и наиболее заметную долю волонтерского корпуса, в отличие от стран, где волонтерство широко распространено среди старших возрастных групп).

3. Сильный акцент на патриотическом и историко-культурном волонтерстве (особое внимание уделяется сохранению исторической памяти, поддержке ветеранов и культурному наследию.

4. Наличие уникальных направлений, связанных с текущей геополитической ситуацией (активное и широкомасштабное волонтерство, направленное на поддержку участников Специальной военной операции и оказание гуманитарной помощи прифронтовым регионам).

5. Ориентация на крупномасштабные государственные события (массовое привлечение добровольцев для обслуживания федеральных форумов, спортивных и культурных мероприятий, что формирует культуру «проектного» волонтерства).

Особое внимание в современной российской модели волонтерства деляется цифровой инфраструктуре. Масштабное развитие цифровых платформ волонтеров (например, «Добро.ru») стало ключевым инструментом их деятельности. Эти платформы не просто служат агрегаторами вакансий, но и обеспечивают централизованный учет волонтерских часов, ведение личных портфолио, а также координируют обучение и распределение добровольцев по всей территории страны, что значительно усиливает управляемость и прозрачность волонтерского движения.

Сегодня добровольческие движения – неотъемлемая часть гражданского общества. Масштабные спортивные мероприятия, поисково-спасательные операции, ликвидация последствий ЧС – все это требует организованной помощи со стороны волонтеров. Но именно российское волонтерство – это многоаспектный, динамично развивающийся феномен, который, используя глобальные принципы добровольности, формирует собственную, государственно-ориентированную, молодежно-активную и технологически продвинутую модель реализации социальной ответственности, тем самым демонстрируя уникальный российский путь интеграции добровольчества, где государственная поддержка служит катализатором для массовой и высокотехнологичной реализации общественной инициативы.

Литература

1. Всеобщая Декларация Добровольчества // URL: https://аносцрд.рф/wp-content/uploads/2019/03/jhgjhjhjff.pdf.
2. Данилова М.А. Зарубежный опыт государственной поддержки волонтерского движения // Экономика и социум. – 2015. – № 2 (15). – С. 16–18.
3. Кузьминых Н.Е. Программа Европейской Волонтерской Службы (EVS) как инструмент реализации культурной политики ЕС // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. – 2017. – Т. 12. – № 3 (167). – С. 147–152.
4. Метелев А.П., Белецкая Е.С., Козак Е.М. Модель регионального ресурсного центра добровольчества. – М.: «Перо», 2018. – 167 с.
5. Нормативно-правовая база добровольчества (волонтерства) // URL: https://442fz.volganet.ru/025001/about/НПА.pdf.
6. Певная М.В., Кузьминчук А.А. История американского волонтерства в социологическом ракурсе // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал). – 2013. – № 9 (29) [электронный ресурс].
7. Рекомендации о поддержке добровольчества: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 56/38 (от 10.01.2002) // URL: http://www.kdobru.ru/materials/03%20UN%20A-RES-56–38%20N0147883.pdf.

8. Холина О.И. Волонтерство как социальный феномен современного российского общества // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 8. – С. 71–73.

9. Чайка И.Ю. Волонтерство: сущность феномена и особенности его функционирования // Грани: научно-теоретический альманах. – 2020. – Т. 20. – № 7 (147). – С. 72–79.

10. Anheier H., Salamon L. Volunteering in Cross-National Perspective: Initial Comparisons // Working Papers of the Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project. – Baltimore: The Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, 2001. – № 10. – Pp. 4–20.

11. Beigbeder Y. The Role and Status of International Humanitarian Volunteers and Organisations: The Right and Duty to Humanitarian Assistance. – London: Martinus Nijhoff Publishers, 1991. – 414 p.

12. By the People: A History of Americans as Volunteers, New Century. – Philadelphia: Energize, Inc., 2005. – 385 p.

13. Salamon M., Sokolowski S., Haddock M. Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, Estimates, and a roadmap to the future // Annals of Public and Cooperative Economics. – 2011. – Т. 82. – № 3. – С. 217–252.

VOLUNTEERING AS A SOCIAL PHENOMENON OF MODERN SOCIETY

Zaitseva I.A., Svirin M.G., Topal N.M., Lutoshkina V.N., Demidova T.E.
Bunin Yelets State University, The Perm Institute, Technical University named after A.N. Tupolev, Siberian Federal University, Russian State Social University

The article is devoted to the analysis of volunteerism as a multidimensional social phenomenon in the international and Russian context. This publication examines approaches to regulating volunteerism in the United States and the EU, where volunteerism is integrated into public administration and social development mechanisms, but at the same time relies on a decentralized legal framework and market mechanisms. The distinctive features of Russian volunteerism are examined in detail against the background of foreign models.: youth orientation, patriotic and historical-cultural accents, project orientation to major government events and forums, digital infrastructure. The article emphasizes that Russian volunteerism is an original model combining state support, technological development and youth activism, which forms a special way of integrating such a phenomenon as volunteerism into civil society.

Keywords: volunteerism, the volunteer movement, civil society, social activism, government support.

References

1. The Universal Declaration of Volunteerism // URL: https://аносцрд.рф/wp-content/uploads/2019/03/jhgjhjhjff.pdf.

2. Danilova M.A. Foreign experience of state support of the volunteer movement // Economics and society. – 2015. – No 2 (15). – Pp. 16–18.

3. Kuzminykh N.E. The European Volunteer Service (EVS) Program as a tool for the implementation of EU cultural policy // Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 3. Social sciences. – 2017. – Vol. 12. – No 3 (167). – Pp. 147–152.

4. Metelev.A.P., Beletskaya E.S., Kozak E.M. Model of the regional resource center of volunteerism. – Moscow: Pero, 2018. – 167 p

5. The legal framework of volunteerism (волонтерства) // URL: https://442fz.volganet.ru/025001/about/НПА.pdf.

6. Pevnaya M.V., Kuzminchuk A.A. The history of American volunteerism from a sociological perspective // Modern studies of social problems: electronic scientific journal). – 2013. – No 9 (29) [electronic resource].

7. Recommendations on supporting volunteerism: UN General Assembly Resolution No. 56/38 (dated 10.01.2002) // URL: http://www.kdobru.ru/materials/03%20UN%20A-RES-56–38%20N0147883.pdf.

8. Kholina O.I. Volunteerism as a social phenomenon of modern Russian society // Theory and practice of social development. – 2011. – No. 8. – Pp. 71–73.

9. Chaika I.Y. Volunteerism: the essence of the phenomenon and the features of its functioning // Facets: scientific and theoretical almanac. – 2020. – Vol. 20. – No 7 (147). – Pp. 72–79.

10. Anheier H., Salamon L. Volunteering in Cross-National Perspective: Initial Comparisons // Working Papers of the Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project. – Baltimore: The Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, 2001. – № 10. – Pp. 4–20.

11. Beigbeder Y. The Role and Status of International Humanitarian Volunteers and Organisations: The Right and Duty to Humanitarian Assistance. – London: Martinus Nijhoff Publishers, 1991. – 414 p.

12. By the People: A History of Americans as Volunteers, New Century. – Philadelphia: Energize, Inc., 2005. – 385 p.

13. Salamon M., Sokolowski S., Haddock M. Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, Estimates, and a roadmap to the future // Annals of Public and Cooperative Economics. – 2011. – Т. 82. – № 3. – С. 217–252.

Парадигмальный сдвиг в критериях научного признания и сценарный прогноз для России[1]

Ильин Алексей Сергеевич,
директор, АНО «Научно-исследовательский центр креативных индустрий»
E-mail: i@alterschool.com

Статья посвящена анализу трансформации системы научной аттестации в России в условиях масштабных государственных инвестиций в развитие искусственного интеллекта и быстрого распространения ИИ-инструментов в научной и образовательной практике. На основе неоинституциональной теории, форсайт-подхода, системно-динамического моделирования и сравнительного институционального анализа рассматриваются международные кейсы (Нобелевская премия за AlphaFold2, корпоративный критерий «AI-driven impact», инновации в системах оценки ведущих университетов) и российская нормативная база (стратегия развития ИИ, ГОСТ по применению ИИ в научных публикациях). Предлагается пятифакторная модель критериев научной аттестации для эпохи гибридного человеко-машинного познания, включающая концептуальный вклад, качество использования ИИ, мета-научный вклад, этическую рефлексию и интегративно-коммуникативные компетенции, а также формула интегральной оценки научной квалификации. С помощью системно-динамического сценарного моделирования сопоставляются инерционный и трансформационный сценарии институциональной эволюции российской науки до 2030 года, показывающие различия в качестве институтов оценки, эффективности инвестиций, международном признании и удержании научных кадров. Полученные результаты позволяют обосновать окно минимальных институциональных издержек реформы в середине 2020-х годов и сформулировать практические рекомендации для научно-образовательной политики.

Ключевые слова: искусственный интеллект в науке; ИИ-ассистированные исследования; человеко-машинное познание; научная аттестация; критерии научного признания; модель оценки научной квалификации; оценка научной квалификации; качество использования ИИ; мета-научный вклад; институциональная инерция; сценарное моделирование, реформа аттестации; институциональная эволюция; исследовательская политика; этика использования ИИ; удержание научных кадров.

Количественные сценарии институциональной эволюции (2025–2030)

Для анализа возможных траекторий институциональной эволюции российской науки в эпоху ИИ используется системно-динамическое моделирование, позволяющее схватить нелинейные эффекты взаимодействия технологических, институциональных и социокультурных переменных. В составе модели выделяется восемь ключевых переменных: доля учёных, использующих ИИ; качество институтов оценки (индекс 0–1); публикационная активность; реальное приращение знания (индекс 0–1); доверие к науке; отток талантов; международное признание и эффективность инвестиций. Тем самым задаётся контур, в котором ИИ рассматривается не изолированно, а как элемент гибридной человеко-машинной системы, влияющей одновременно на производство знания, институциональную среду и кадровую динамику.

Базовые допущения модели включают линейную экстраполяцию текущих трендов для инерционного сценария, введение нелинейных эффектов для трансформационного сценария и временной лаг 2–3 года между институциональными реформами и их измеримыми последствиями. Модель реализована в среде Vensim PLE [1] и содержит четыре группы запасов (stocks): институциональное качество, доля ИИ-ассистированных исследований, публикационное качество и научный человеческий капитал. Соответствующие потоки (flows) описывают скорость институциональных изменений, темпы роста использования ИИ, миграцию талантов и динамику качества исследований, что позволяет моделировать не только объёмную, но и качественную сторону ИИ-опосредованной научной деятельности.

Параметры модели калиброваны на данных ежегодных исследований на Съезде СМУ-СНО и Конгрессе молодых учёных (2023–2025), а также статистике Минобрнауки и ВШЭ; валидация проведена методом структурной достоверности и анализа чувствительности ключевых параметров. Так, коэффициент адаптивности институтов (0,12) получен как усреднённая экспертная оценка, темп роста использования ИИ (12% в год) – как линейная аппроксимация трёхлетних опросов, коэффициент публикационного роста (1,8) отражает рост ИИ-публикаций, диапазон 0,2–0,8 доли низкокачественных ИИ-работ – результат работы экспертных панелей, а влияние качества институтов на миграцию (–0,4) оценено по корреляционному анализу данных Конгрессов молодых учёных. Такая конфигурация параметров позволяет рассматривать сценарии не как умозрочные, а как укоренённые в реально наблюдаемой динамике.

Сценарий 1: институциональная инерция

Инерционный сценарий описывает траекторию, при которой сохраняются старые критерии оценки, отсутствует реформа модели оплаты труда, фокус государственных инвестиций остаётся преимущественно технологическим, а единый закон об ИИ не принимается. В этой конфигурации к 2030 году доля учёных, использующих ИИ, вырастает с 41% до 95%, то есть ИИ становится почти повсеместным инструментом, однако качество институтов оценки (индекс ИИР) снижается с 0,25 до 0,18. Публикационная активность за тот же период увеличивается с 50 до 400 тыс. публикаций в год (восьмикратный рост), но реальное приращение знания падает с 0,50 до 0,20, что указывает на классическую ситуацию публикационной инфляции (см. таблицу 1).

На уровне социальноинституциональных последствий инерционный сценарий ведёт к эрозии доверия и росту утечки мозгов: доверие к науке в профессиональной среде снижается с 65% до 35%, отток молодых талантов увеличивается с 30% до 70%. Международное признание (индекс) падает с 0,60 до 0,30, эффективность инвестиций – с 50% до 15%, а доля ИИгенерации низкого качества возрастает с 20% до 80%, что означает массовое производство некорректно выполненных ИИгенерируемых работ. В терминах институциональной теории это сценарий, где технологический драйв ИИ накладывается на неизменённую архитектуру признания, порождая накопление институциональных и репутационных издержек.

Таблица 1. Количественные прогнозы: сценарий инерции (2025–2030)

Показатель	2025	2027	2030	Изменение	Комментарий
Доля ученых, использующих ИИ	41%	75%	95%	+54 п.п.	Массовизация использования
Качество институтов оценки (ИИР)	0,25	0,22	0,18	-0,07	Деградация из-за несоответствия
Публикационная активность (тыс./год)	50	150	400	8	Публикационная инфляция
Реальное приращение знания (индекс)	0,50	0,35	0,20	-0,30	Существенное снижение
Доверие к науке в профессиональной среде	65%	50%	35%	-30 п.п.	Эрозия доверия
Отток талантов (молодые, %)	30%	50%	70%	+40 п.п.	Увеличение миграции
Международное признание (индекс)	0,60	0,45	0,30	-0,30	Снижение рейтинга
Эффективность инвестиций	50%	30%	15%	-35 п.п.	Инфляция инвестиций
Доля ИИ-генерации низкого качества	20%	50%	80%	+60 п.п.	увеличение доли некорректно выполненных ИИ-генерируемых работ

Сценарий 2: институциональная трансформация

Трансформационный сценарий предполагает последовательную институциональную перестройку: создание межведомственной рабочей группы (2026), принятие федерального закона об ИИ (2027), внедрение многофакторной модели аттестации (2027–2028), реформу модели оплаты труда (2028) и запуск пилотов в 10–15 ведущих университетах (2026–2027). В этих условиях к 2030 году доля учёных, использующих ИИ, достигает 90% (рост на 49 п.п.), но при этом качество институтов оценки увеличивается с 0,25 до 0,75, что фиксирует радикальное улучшение регулятивной среды. Публикационная активность возрастает умеренно – с 50 до 100 тыс. публикаций в год, тогда как реальное приращение знания растёт с 0,50 до 0,85, демонстрируя смещение от количественного расширения к качественному углублению (см. таблицу 2).

Таблица 2. Количественные прогнозы: сценарий трансформации (2025–2030)

Показатель	2025	2027	2030	Изменение	Комментарий
Доля ученых, использующих ИИ	41%	70%	90%	+49 п.п.	Рост
Качество институтов оценки (ИИР)	0,25	0,55	0,75	+0,50	Радикальное улучшение
Публикационная активность (тыс./год)	50	70	100	2	Умеренный рост
Реальное приращение знания (индекс)	0,50	0,65	0,85	+0,35	Значительный рост
Доверие к науке в проф.среде	65%	70%	78%	+13 п.п.	Укрепление доверия
Отток талантов (молодые, %)	30%	20%	15%	-15 п.п.	Привлечение талантов
Международное признание (индекс)	0,60	0,72	0,85	+0,25	Рост позиций
Эффективность инвестиций	50%	70%	85%	+35 п.п.	Высокая отдача
Доля высококачественных ИИ-исследований	20%	50%	75%	+55 п.п.	Качественный скачок

Социальные и институциональные эффекты трансформационного сценария включают укрепление доверия к науке в профессиональной среде (с 65% до 78%), снижение оттока молодых талантов (с 30% до 15%), рост международного признания (с 0,60 до 0,85) и повышение эффективности инвестиций (с 50% до 85%). Доля высококачественных ИИисследований увеличивается с 20% до 75%, что свидетельствует о формировании устойчивой практики ответственного и методологически зрелого использования ИИ в науке. В этом сценарии институциональная адаптация не догоняет технологии постфактум, а становится условием превращения ИИ из источника инфляции в ресурс реального приращения знания.

Анализ чувствительности показывает, что различия между инерционным и трансформационным сценариями устойчивы при варьировании параметров в диапазоне ±20%, причём наибольшее влияние оказывает коэффициент институциональной адаптивности. Изменение этого коэффициента на ±20% приводит к изменению качества институтов в 2030 году на ±12–15%, что подтверждает центральную роль институционального измерения по отношению к чисто технологическим параметрам. Выделяется «критическое окно» 2025–2027 годов: в этот период реформы могут быть осуществлены с относительно низкими прямыми и транзакционными издержками, тогда как после 2027 года стоимость изменений возрастает экспоненциально изза накопления институциональной инерции.

Период 2025–2027 гг. представляет собой критическое окно – временной интервал, в течение которого институциональные изменения возможны с относительно низкими издержками. После 2027 года издержки перехода возрастают экспоненциально из-за накопления институциональной инерции (см. таблицу 3).

Таблица 3. Издержки институциональной реформы в зависимости от времени начала

Год начала реформы	Прямые издержки (млрд руб.)	Транзакционные издержки	Вероятность успеха	Время до результатов (лет)
2026	3–5	Низкие	70%	3–4
2027	5–7	Средние	55%	4–5
2028	8–12	Высокие	40%	5–7
2029	12–18	Очень высокие	25%	7–10
2030+	>20	Критические	<15%	>10

Таблица оценок издержек показывает, что при начале реформы в 2026 году прямые затраты составляют 3–5 млрд руб. при низких транзакционных издержках и вероятности успеха около 70%, тогда как при запуске после 2029 года прямые издержки превышают 20 млрд руб., транзакционные становятся критическими, а вероятность успеха падает ниже 15%. Сопоставление этих затрат с прогнозируемыми экономическими эффектами трансформационного сценария (дополнительная отдача от инвестиций порядка 16 млрд руб.; сохранение че-

ловеческого капитала на 30–50 млрд руб.; технологические прорывы с эффектом 50–100 млрд руб.; суммарный эффект 100–170 млрд руб. к 2030 году) демонстрирует рациональность раннего входа в институциональную реформу. Тем самым временной фактор превращается в самостоятельный параметр научной политики, а не только в фон для технологического развития.

С теоретической точки зрения исследование развивает институциональную теорию, вводя понятие гибридного человекомашинного вклада в научное производство и трактуя метаинструменты (такие как AlphaFoldтип систем) как самостоятельный объект научного признания. В политике науки предложенная многофакторная модель критериев аттестации выступает как операциональная рамка для оценки исследовательской квалификации в условиях ИИассистированной науки, соединяя концептуальный, инструментальный, метанаучный, этический и интегративный уровни вклада. В этом смысле модель и сценарные прогнозы могут рассматриваться как элементы emerging standard для национальных систем оценки в эпоху ИИ.

В то же время исследование имеет ряд ограничений: количественные прогнозы опираются на экспертные оценки и допускают погрешность порядка ±20–30%; эмпирическая база российских данных об эффекте ИИ на науку пока ограничена, что требует частичного заимствования международных данных и может не полностью отражать российскую специфику; быстрые технологические изменения способны сделать отдельные параметры модели устаревшими, требуя регулярной перекалибровки. В качестве приоритетных направлений дальнейшей работы обозначены: масштабное лонгитюдное исследование влияния ИИ на продуктивность и качество научной деятельности (N > 5000), кросс-культурные сравнения моделей адаптации систем аттестации, экспериментальные пилоты новых критериев в университетах, углублённые этические исследования ИИ-ассистированной науки и детальный экономический анализ эффектов реформ.

Заключение

Проведённый анализ позволяет зафиксировать, что масштабные государственные инвестиции в развитие искусственного интеллекта и стремительная массовизация ИИ-инструментов в научной и образовательной практике не просто ускоряют технологическое развитие, но обнажают и радикализируют институциональный разрыв между новым режимом гибридного человеко-машинного познания и сохраняющимися критериями научной аттестации, восходящими к логике классической науки. Сохранение инерционных механизмов оценки в этой конфигурации ведёт к типичной для «поздней модернизации» связке эффектов: росту публикационной инфляции при снижении реального приращения знания, деградации качества институтов оценки и усилению оттока талантливых исследователей, для которых традиционная архитектура признания перестаёт быть легитимным горизонтом профессионального будущего.

В ответ на этот вызов предложена пятифакторная модель критериев аттестации, интегрирующая концептуальный вклад, качество использования ИИ, мета-научный вклад, этическую рефлексию и интегративно-коммуникативные компетенции, которая задаёт рамку учёта реального научного вклада в условиях ИИ-ассистированных исследований. Результаты системно-динамического сценарного моделирования показывают, что переход от инерционного к трансформационному сценарию, основанному на внедрении подобной модели, сопряжён с существенным ростом качества институтов оценки, эффективности инвестиций в науку, уровня доверия к научному сообществу и международного признания российских учёных степеней, при одновременном снижении утечки мозгов и доли низкокачественных ИИ-генераций.

Особое значение приобретает идентификация «критического окна» 2026–2027 годов как периода минимальных институциональных издержек, в течение которого возможен относительно малоболезненный переход к новой конфигурации критериев и процедур. Именно в этом временном интервале могут быть реализованы ключевые шаги: обновление нормативной базы (включая правовое регулирование ИИ в науке), внедрение многофакторной модели аттестации в качестве стандарта, создание этических комитетов по ИИ и развертывание пилотных проектов в ведущих университетах, служащих лабораториями институционального эксперимента. Тем самым сценарный анализ превращается в инструмент не только описания будущего, но и его стратегического проектирования в рамках научной политики.

В то же время полученные результаты не закрывают проблемное поле, а, напротив, задают повестку дальнейших исследований: требуется эмпирическая валидация модели на данных отдельных дисциплин, кросс-национальный сравнительный анализ разных режимов адаптации систем аттестации, уточнение метрик мета-научного вклада и разработка более тонких индикаторов качества использования ИИ в научной деятельности. Не менее важны углублённые этико-правовые исследования гибридного человеко-машинного вклада и экономический анализ последствий реформ с использованием методов оценки программ, что позволит связать институциональную архитектуру науки с долговременными траекториями развития.

Практически предложенная модель и сценарные прогнозы могут быть использованы в нескольких взаимосвязанных контурах: во-первых, при подготовке новой редакции стандартов и методических рекомендаций по применению ИИ в научной деятельности (включая национальные стандарты и локальные акты вузов); во-вторых, в университетской среде – для обновления критериев диссертационной экспертизы и процедур оценки исследовательских траекторий; в-третьих, в научной политике – для калибровки инструментов распределения ресурсов и оценки эффективности национальных инвестиций в ИИ; в-четвёртых, при проектировании и институционализации этических комитетов по ИИ как элементов инфраструктуры ответственной науки. В этом смысле речь идёт не просто о частной модели аттестации, а о шаге к формированию новой парадигмы научного признания, соответствующей эпохе гибридного человеко-машинного познания.

Литература

1. Ventana Systems. Vensim Personal Learning Edition (PLE): System Dynamics Software. Version 10.x. URL: https://vensim.com/vensim-personal-learning-edition/ (дата обращения: 10.01.2026).

PARADIGMATIC SHIFT IN SCIENTIFIC RECOGNITION CRITERIA AND SCENARIO FORECAST FOR RUSSIA

Ilin A.S.
Creative industries research center

The article analyzes the transformation of Russia's scientific attestation system amid substantial state investments in artificial intelligence development and the rapid proliferation of AI tools in research and educational practices. Drawing on neoinstitutional theory, foresight methodology, system dynamics modeling, and comparative institutional analysis, it examines international cases (Nobel Prize for AlphaFold2, corporate "AI-driven impact" criterion, innovations in evaluation systems of leading universities) alongside Russia's regulatory framework (AI development strategy, GOST standards for AI use in scientific publications). A five-factor model of scientific attestation criteria is proposed for the era of hybrid human-machine cognition, encompassing conceptual contribution, AI utilization quality, meta-scientific contribution, ethical reflection, and integrative-communicative competencies, along with an integral scientific qualification assessment formula. System dynamics scenario modeling compares inertial and transformational trajectories of Russian science's institutional evolution through 2030, revealing differences in evaluation institution quality, investment efficiency, international recognition, and talent retention. The findings substantiate a window of minimal institutional reform costs in the mid-2020s and provide practical policy recommendations for science and education governance.

Keywords: artificial intelligence in science; AI-assisted research; human-machine cognition; scientific attestation; scientific recognition criteria; scientific qualification assessment model; scientific qualification evaluation; AI utilization quality; meta-scientific contribution; institutional inertia; scenario modeling; attestation reform; institutional evolution; research policy; AI ethics; talent retention

References

1. Ventana Systems. Vensim Personal Learning Edition (PLE): System Dynamics Software. Version 10.x. URL: https://vensim.com/vensim-personal-learning-edition/ (accessed: January 10, 2026).

Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в политической сфере: сравнительный анализ зарубежных подходов и российских перспектив

Калинин Даниил Михайлович,
аспирант, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
E-mail: dmkalini@mail.ru

Статья посвящена сравнительному анализу нормативно-правовых подходов к регулированию генеративного искусственного интеллекта в политической сфере. Рассматриваются модели Европейского союза, США, Индии, Китая, Японии, Южной Кореи и России, а также анализируются инструменты противодействия deepfake-контенту, синтетической дезинформации и иным цифровым угрозам, способным влиять на легитимность институтов и устойчивость политической коммуникации. Показано, что наиболее эффективными оказываются гибридные режимы регулирования, сочетающие риск-ориентированный надзор, маркировку синтетического контента, обязанности платформ и специальные процедуры реагирования в чувствительных сферах. В качестве прикладного результата систематизированы основные элементы зарубежных режимов и уточнены ограничения российского подхода, который пока сохраняет фрагментарный характер.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, нормативно-правовое регулирование, deepfake, информационная безопасность, сравнительно-правовой анализ, цифровые угрозы, платформенное регулирование, алгоритмический надзор

Актуальность исследования обусловлена тем, что генеративные модели искусственного интеллекта стали не только инструментом политической коммуникации, но и самостоятельным объектом нормативного воздействия. Их распространение обострило вопрос о границах допустимого использования синтетического контента, о распределении ответственности между государством, платформами и разработчиками, а также о способах защиты легитимности публичной сферы в условиях deepfake, автоматизированной дезинформации и цифровой мобилизации.

Тема разработана междисциплинарно, но неравномерно. Риск-ориентированную логику регулирования цифровых технологий раскрывают Дж. Блэк и Р. Болдуин [3], принципиальные основания индийского подхода анализируют А. Падманабхан и А. Синха [11], а исследования Х. Фарида позволяют увидеть, каким образом манипулированные медиа становятся политической угрозой [8]. При этом сравнительный анализ именно политико-правовых режимов регулирования генеративного ИИ всё ещё требует систематизации.

Цель статьи заключается в сопоставлении зарубежных и российских подходов к регулированию генеративного ИИ в политически чувствительных контекстах. Методологическую основу составили сравнительно-правовой и сравнительно-политический анализ, кейс-стади и контент-анализ нормативных документов, публичных стратегий и медийных кейсов.

Европейский подход: стратегия, маркировка и сигнал доверия

Европейский союз одним из первых начал выстраивать системный контур регулирования ИИ. Начиная с 2018 года формировалась стратегия, ориентированная на сочетание технологического развития и ограничения рисков [4]. Параллельно усиливалось давление на цифровые платформы, которым предлагалось активнее противодействовать deepfake-контенту и фейковым аккаунтам [6]; в логике этой борьбы Google в 2022 году запретила использовать Colab для проектов по обучению deepfake [9].

Программное ядро европейского подхода подробно раскрыто в White Paper on Artificial Intelligence [5]. В документе сочетаются идеи «экосистемы превосходства» и «экосистемы доверия»: с одной стороны, Евросоюз стремится поддерживать внедрение и использование положительных практик ИИ, а с другой – выстраивает среду, основанную на human oversight, прозрачности, подотчётности и защите прав человека. Особое значение имеют разграничение high-risk и low-risk applications, а также логика voluntary labelling system для низкорисковых продуктов.

Важным элементом европейского дискурса является trust signal – своеобразная метка соответствия продукта установленным стандартам. За этой идеей стоит более широкий политический замысел: восстановить доверие пользователя в ситуации, когда синтетический контент всё чаще имитирует реальность и разрушает привычные критерии достоверности. Исследования о deepfake в электоральном цикле США [7] и кейс с фейковой новостью о «взрыве у Пентагона» [14] показывают, что такая проблема носит не абстрактный, а непосредственно политический характер.

США и проблема национальной безопасности

Американский кейс демонстрирует, что регулирование генеративного ИИ касается не только медийной сферы, но и сектора национальной безопасности. Показателен конфликт вокруг Anthropic: компания, с одной стороны, встроилась в контур работы с государственными заказчиками, а с другой – пыталась сохранить ограничения на применение моделей в чувствительных военных сценариях. По данным самой компании и крупных медиа, специальные версии Claude Gov были развернуты для задач national security, а дальнейшее использование моделей в военно-оперативном контуре стало предметом жёсткого конфликта с государственными структурами [2]. Этот кейс важен политологически, поскольку показывает: в сфере безопасности вопрос о регулировании генеративных моделей превращается в вопрос о границах допустимой автоматизации принуждения и наблюдения.

Индия: принципы, риск-ориентированный подход и пределы платформенного надзора

Индийский подход интересен сочетанием принципиального и прагматического уровней. В аналитике Centre for Policy Research подчёркивается, что регулирование новых технологий должно отвечать как минимум на три вопроса: что именно контролируется, как осуществляется риск-ориентированный надзор и каким образом сохраняются демократические основы права [18]. В проекте регулирования электронной коммерции и связанных цифровых услуг это приводило к чрезвычайно широким определениям регулируемой сферы [11], что расширяло поле государственного контроля.

Одновременно индийский опыт показывает пределы командно-контрольной логики. Решение Верховного суда по делу Shreya Singhal v. Union of India [12], признавшее статью 66A неконституционной, стало важным напоминанием о том, что борьба с цифровыми угрозами не должна разрушать свободу выражения мнения. Тем не менее последующие Intermediary Guidelines and Digital Media Ethics Code 2021 года [16] существенно усилили обязанности посредников, в том числе в части оперативного реагирования на проблемный контент. Дополнительные правила для онлайн-издателей [17] закрепили возможность чрезвычайных блокировок и усилили роль профильного министерства.

Значение индийского кейса усиливается и технологическим контекстом. Платформа AIRAWAT [1], а также использование ИИ для перевода и обработки сложных языковых массивов показывают, что речь идёт не о регулировании периферийной технологии, а о выстраивании режима управления быстро растущей цифровой инфраструктурой.

Китай, Япония и Южная Корея

Китайский подход отличается высокой степенью превентивности. Правила в сфере углублённого синтеза информационных услуг интернета [13] закрепляют обязанность маркировки синтетического контента, процедуры оценки безопасности для сервисов с атрибутами общественного мнения или социальной мобилизации и возможность жёсткого надзорного вмешательства при выявлении существенных рисков. Для политической сферы это означает переход от реактивной логики к режиму предварительного допуска и постоянной проверяемости.

В Японии и Южной Корее регулирование deepfake развивалось преимущественно через изменение действующего законодательства и сопряжённых правоприменительных механизмов. В японском контексте сохраняет значение уголовно-правовой каркас [20], тогда как практики административного внедрения ИИ в государственное управление и бюрократические процессы получили дополнительный импульс после решения использовать ChatGPT для работы с массивами документов и данных [10]. Южнокорейская дискуссия развивалась в тесной связи с санкциями за ИИ-мошенничество и с созданием инфраструктуры распознавания синтетических изображений, что подтверждается как нормативными реакциями, так и развитием датасета Korean Deepfake Detection Dataset [15].

Российская модель и её ограничения

Российское регулирование ИИ пока сохраняет фрагментарный характер. В стране закреплены стратегические и экспериментальные режимы, связанные с развитием ИИ и цифровых инноваций, однако целостный политико-правовой контур регулирования генеративных моделей пока не сформирован. При этом уже существует уголовно-правовой инструмент для пресечения заведомо ложной информации в чувствительных сферах [19], а государство и крупный бизнес развивают отдельные антифрод– и анти-deepfake решения (табл. 1).

Таблица 1. Основы нормативно-правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации

Название документа	Принципиально важные положения	Ссылка на документ (ГОСТ)
Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490	Утверждена Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года, установлены основные направления и цели развития ИИ в России.	Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: https://kremlin.ru/acts/bank/44731
Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 года № 124	Внесены уточнения в понятие ИИ и направления его развития в рамках Национальной стратегии.	Указ Президента РФ от 15.02.2024 № 124. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063
Федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ	Установлен экспериментальный правовой режим для апробации технологий ИИ в Москве.	Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в городе федерального значения Москве».
Федеральный закон от 2 июля 2021 года № 331-ФЗ	Внесены изменения в законодательные акты для поддержки экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций.	Федеральный закон от 02.07.2021 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации“».
Постановление Правительства Российской Федерации от 17 октября 2022 года № 1849	Экспериментальный правовой режим для эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств на трассе М-11 «Нева».	Постановление Правительства РФ от 17.10.2022 № 1849. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210170063
Постановление Правительства Российской Федерации от 9 декабря 2022 года № 2276	Экспериментальный правовой режим в сфере медицины для обработки данных о здоровье граждан.	Постановление Правительства РФ от 09.12.2022 № 2276. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202212090071
Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 года № 2495	Экспериментальный правовой режим для транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств в ряде регионов.	Постановление Правительства РФ от 29.12.2022 № 2495. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202212290075
Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ	Установлены экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций, включая ИИ, для создания условий тестирования и внедрения новых технологий.	Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310031
Постановление Правительства Российской Федерации от 18 июля 2023 года № 1164	Установлен экспериментальный правовой режим в сфере медицинской деятельности с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья граждан.	Постановление Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307180012
Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 июля 2023 года № 1937-р	Утвержден перечень российского высокотехнологичного оборудования, в отношении которого при формировании первоначальной стоимости основного средства налогоплательщик вправе учитывать указанные расходы с применением коэффициента 1,5.	Распоряжение Правительства РФ от 20.07.2023 № 1937-р. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307200012

Российская ситуация показывает, что наличие отдельных стратегий, экспериментальных правовых режимов и репрессивных норм ещё не означает существования полноценной модели регулирования генеративного ИИ. Ключевой дефицит связан с отсутствием унифицированных правил маркировки синтетического контента, специальных процедур аудита генеративных систем в политически чувствительных

сценариях и чётко распределённой ответственности между разработчиками, платформами и пользователями.

Заключение

Сравнительный анализ показывает, что наиболее устойчивыми выглядят гибридные модели регулирования. Европейский союз делает ставку на доверие, маркировку и риск-классификацию; Индия сочетает принципы демократии и расширенный платформенный надзор; Китай опирается на превентивный контроль и обязательную маркировку; США сталкиваются с регуляторными конфликтами в сфере национальной безопасности; Япония и Южная Корея встраивают регулирование в действующее законодательство и правоприменение. Российский подход пока остаётся незавершённым. Для политической сферы это означает необходимость перехода от фрагментарных мер к целостной модели, которая соединяла бы риск-ориентированный надзор, прозрачность, маркировку синтетического контента и специальные механизмы реагирования на угрозы легитимности публичной коммуникации.

Литература

1. AIRAWAT // IASGYAN. URL: https://www.iasgyan.in/daily-current-affairs/airawat (дата обращения: 10.11.2025).

2. Anthropic. Claude Gov models for U.S. national security customers [Электронный ресурс]. 2025. URL: https://www.anthropic.com/news/claude-gov-models-for-u-s-national-security-customers; https://www.rbc.ru/rbcfreenews/69a41e459a79474ae4a4e84e; https://www.rbc.ru/politics/14/02/2026/6990250c9a79473be60df7c3; https://www.rbc.ru/rbcfreenews/69a215cc9a794770c91e6a42; https://www.kommersant.ru/doc/8497312; https://www.reuters.com/technology/anthropic-seeks-court-stay-pentagon-supply-chain-risk-designation-2026–03–12/ (дата обращения: 14.03.2026).

3. Black J., Baldwin R. Really Responsive Risk-Based Regulation // Law & Policy. 2010. Vol. 32, No. 2. P. 181–213. URL: https://doi.org/10.1111/j.1467–9930.2010.00318.x (дата обращения: 14.03.2026).

4. European Commission Artificial Intelligence Strategy // European Commission. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-approach-artificial-intelligence (дата обращения: 10.11.2025).

5. European Commission. White Paper on Artificial Intelligence: A European approach to excellence and trust: COM(2020) 65 final [Электронный ресурс]. Brussels, 2020. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2020:65: FIN (дата обращения: 14.03.2026).

6. Exclusive: Google, Facebook, Twitter to tackle deepfakes or risk EU fines // Reuters. URL: https://www.reuters.com/technology/google-facebook-twitter-will-have-tackle-deepfakes-or-risk-eu-fines-sources-say-2022–06–13/ (дата обращения: 10.11.2025).

7. Farid Berkeley // Deepfakes in the 2025 US Presidential Election. URL: https://farid.berkeley.edu/deepfakes2025election/ (дата обращения: 10.11.2025).

8. Farid H. Mitigating the harms of manipulated media: Confronting deepfakes and digital deception // PNAS Nexus. 2025. Vol. 4, iss. 7. Article pgaf194. URL: https://doi.org/10.1093/pnasnexus/pgaf194 (дата обращения: 14.03.2026).

9. Google quietly bans deepfake training projects on Colab // BleepingComputer. URL: https://www.bleepingcomputer.com/news/google/google-quietly-bans-deepfake-training-projects-on-colab/ (дата обращения: 10.11.2025).

10. Japan Government to Use ChatGPT for First Time on Red Tape // Bloomberg. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023–04–18/japan-government-taps-chatgpt-to-cut-through-bureaucracy-deluge (дата обращения: 10.11.2025).

11. Padmanabhan A., Sinha A. White Paper on Regulating E-Commerce in India: Need for a Principles-based Approach [Электронный ресурс]. New Delhi: Centre for Policy Research, 2019. URL: http://www.cprindia.org/research/reports/white-paper-regulating-e-commerce-india-need-principles-based-approach (дата обращения: 14.03.2026).

12. Shreya Singhal v. Union of India: Judgment dated 24 March 2015, Writ Petition (Criminal) No. 167 of 2012 // Supreme Court of India [Электронный ресурс]. URL: https://api.sci.gov.in/jonew/ropor/rop/all/250446.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

13. Администрация киберпространства Китая и три других ведомства издали «Положение об углубленном управлении синтезом информационных услуг Интернета» // Китайская сетевая информационная сеть. URL: https://www.cac.gov.cn/2022–12/11/c_1672221949314811.htm (дата обращения: 10.11.2025).

14. В Twitter распространился дипфейк со взрывом у Пентагона // Forklog. URL: https://forklog.com/news/ai/v-twitter-rasprostranilsya-dipfejk-so-vzryvom-u-pentagona (дата обращения: 10.11.2025).

15. ИИ-мошенничество: новые санкции для преступников // LegalTalks. URL: https://legalacademy.ru/sphere/post/ii-moshennichestvo-novye-sankcii-dlya-prestupnikov (дата обращения: 10.11.2025).

16. Правила использования информационных технологий (руководящие принципы для посредников и Кодекс этики цифровых СМИ), 2021 // PRS Legislative Research. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.807a744b-67309d5b-db9ef94b-74722d776562/https/prsindia.org/billtrack/the-information-technology-intermediary-guidelines-and-digital-media-ethics-code-rules-2021 (дата обращения: 10.11.2025).

17. Рамки регулирования контента онлайн-издателей, 2021 // PRS Legislative Research. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.807a744b-67309d5b-db9ef94b-74722d776562/https/prsindia.org/billtrack/the-information-technology-intermediary-guidelines-and-digital-media-ethics-code-rules-2021 (дата обращения: 10.11.2025).

18. Регулирование новых технологий: три центральных принципа // Centre for Policy Research. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.52ab4764–6730983e-aa8cfb78–74722d776562/https/cprindia.org/regulating-new-technologies-three-central-principles/ (дата обращения: 10.11.2025).

19. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.10.2025). Статья 207.3. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, а равно об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.11.2025).

20. Уголовный кодекс Японии // Библиотека Пашкова. URL: https://constitutions.ru/?p=407 (дата обращения: 10.11.2025).

REGULATORY AND LEGAL GOVERNANCE OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE POLITICAL SPHERE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF FOREIGN APPROACHES AND RUSSIAN PROSPECTS

Kalinin D.M.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The article is devoted to a comparative analysis of regulatory and legal approaches to governing generative artificial intelligence in the political sphere. It examines the models of the European Union, the United States, India, China, Japan, South Korea, and Russia, and also analyzes instruments for countering deepfake content, synthetic disinformation, and other digital threats capable of affecting the legitimacy of institutions and the stability of political communication. The study demonstrates that the most effective frameworks are hybrid regulatory regimes combining risk-based oversight, labeling of synthetic content, platform obligations, and special response procedures in sensitive domains. As an applied result, the article systematizes the main elements of foreign regulatory regimes and clarifies the limitations of the Russian approach, which still remains fragmented.

Keywords: generative artificial intelligence, legal regulation, deepfake, information security, comparative legal analysis, digital threats, platform regulation, algorithmic oversight.

References

1. AIRAWAT. IASGYAN. Available at: https://www.iasgyan.in/daily-current-affairs/airawat (accessed: 10.11.2025).

2. Anthropic. Claude Gov Models for U.S. National Security Customers [Electronic resource]. 2025. Available at: https://www.anthropic.com/news/claude-gov-models-for-u-s-national-security-customers; https://www.rbc.ru/rbcfreenews/69a41e459a79474ae4a4e84e; https://www.rbc.ru/politics/14/02/2026/6990250c9a79473be60df7c3; https://www.rbc.ru/rbcfreenews/69a215cc9a794770c91e6a42; https://www.kommersant.ru/doc/8497312; https://www.reuters.com/technology/anthropic-seeks-court-stay-pentagon-supply-chain-risk-designation-2026–03–12/ (accessed: 14.03.2026).

3. Black, J., Baldwin, R. Really Responsive Risk-Based Regulation. Law & Policy, 2010, Vol. 32, No. 2, Pp. 181–213. Available at: https://doi.org/10.1111/j.1467–9930.2010.00318.x (accessed: 14.03.2026).

4. European Commission Artificial Intelligence Strategy. European Commission. Available at: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-approach-artificial-intelligence (accessed: 10.11.2025).

5. European Commission. White Paper on Artificial Intelligence: A European Approach to Excellence and Trust: COM(2020) 65 final [Electronic resource]. Brussels, 2020. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2020:65: FIN (accessed: 14.03.2026).

6. Exclusive: Google, Facebook, Twitter to Tackle Deepfakes or Risk EU Fines. Reuters. Available at: https://www.reuters.com/technology/google-facebook-twitter-will-have-tackle-deepfakes-or-risk-eu-fines-sources-say-2022–06–13/ (accessed: 10.11.2025).

7. Farid Berkeley. Deepfakes in the 2025 US Presidential Election. Available at: https://farid.berkeley.edu/deepfakes2025election/ (accessed: 10.11.2025).

8. Farid, H. Mitigating the Harms of Manipulated Media: Confronting Deepfakes and Digital Deception. PNAS Nexus, 2025, Vol. 4, iss. 7, article pgaf194. Available at: https://doi.org/10.1093/pnasnexus/pgaf194 (accessed: 14.03.2026).

9. Google Quietly Bans Deepfake Training Projects on Colab. BleepingComputer. Available at: https://www.bleepingcomputer.com/news/google/google-quietly-bans-deepfake-training-projects-on-colab/ (accessed: 10.11.2025).

10. Japan Government to Use ChatGPT for First Time on Red Tape. Bloomberg. Available at: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023–04–18/japan-government-taps-chatgpt-to-cut-through-bureaucracy-deluge (accessed: 10.11.2025).

11. Padmanabhan, A., Sinha, A. White Paper on Regulating E-Commerce in India: Need for a Principles-based Approach [Electronic resource]. New Delhi, Centre for Policy Research, 2019. Available at: http://www.cprindia.org/research/reports/white-paper-regulating-e-commerce-india-need-principles-based-approach (accessed: 14.03.2026).

12. Shreya Singhal v. Union of India: Judgment dated 24 March 2015, Writ Petition (Criminal) No. 167 of 2012 [Electronic resource]. Supreme Court of India. Available at: https://api.sci.gov.in/jonew/ropor/rop/all/250446.pdf (accessed: 10.11.2025).

13. The Cyberspace Administration of China and Three Other Departments Issued the "Provisions on the Administration of Deep Synthesis of Internet Information Services." China Internet Information Center. Available at: https://www.cac.gov.cn/2022–12/11/c_1672221949314811.htm (accessed: 10.11.2025).

14. A Deepfake of an Explosion near the Pentagon Spread on Twitter. Forklog. Available at: https://forklog.com/news/ai/v-twitter-rasprostranilsya-dipfejk-so-vzryvom-u-pentagona (accessed: 10.11.2025).

15. AI Fraud: New Sanctions for Criminals. LegalTalks. Available at: https://legalacademy.ru/sphere/post/ii-moshennichestvo-novye-sankcii-dlya-prestupnikov (accessed: 10.11.2025).

16. Information Technology (Intermediary Guidelines and Digital Media Ethics Code) Rules, 2021. PRS Legislative Research. Available at: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.807a744b-67309d5b-db9ef94b-74722d776562/https/prsindia.org/billtrack/the-information-technology-intermediary-guidelines-and-digital-media-ethics-code-rules-2021 (accessed: 10.11.2025).

17. Framework for Regulating Online Publisher Content, 2021. PRS Legislative Research. Available at: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.807a744b-67309d5b-db9ef94b-74722d776562/https/prsindia.org/billtrack/the-information-technology-intermediary-guidelines-and-digital-media-ethics-code-rules-2021 (accessed: 10.11.2025).

18. Regulating New Technologies: Three Central Principles. Centre for Policy Research. Available at: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.52ab4764–6730983e-aa8cfb78–74722d776562/https/cprindia.org/regulating-new-technologies-three-central-principles/ (accessed: 10.11.2025).

19. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13 June 1996 (as amended on 29.10.2025). Article 207.3. Public Dissemination of Knowingly False Information on the Use of the Armed Forces of the Russian Federation, the Exercise of Powers by State Bodies of the Russian Federation, Assistance Provided by Volunteer Formations, Organizations, or Individuals in the Performance of Tasks Assigned to the Armed Forces of the Russian Federation, as well as on the Exercise of Powers by State Bodies of the Russian Federation outside the Territory of the Russian Federation. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 10.11.2025).

20. Criminal Code of Japan. Pashkov Library. Available at: https://constitutions.ru/?p=407 (accessed: 10.11.2025).

Цифровизация как фактор трансформации традиционных политических институтов: институциональные изменения и новые конфигурации публичной власти

Каримов Эльдар Рустамович,
аспирант кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС
E-mail: lab-gmu-uriu@ranepa.ru

В условиях ускоренного технико-инновационного развития и усложнения публичной сферы цифровизация становится одним из ключевых факторов трансформации традиционных политических институтов. Изменение способов принятия управленческих решений, политической коммуникации и участия граждан актуализирует необходимость теоретического осмысления институциональных сдвигов в логике современной публичной власти. В этом контексте анализ цифровизации позволяет выявить новые конфигурации институционального взаимодействия между государством и обществом. Цель статьи заключается в анализе цифровизации как системного фактора трансформации современных традиционных политических институтов. Методы исследования. В исследовании используются политико-институциональный и аксиологический анализ, а также сравнительно-исторический и структурно-функциональный методы. Результаты. Цифровизация выступает значимым фактором изменения логики функционирования современных традиционных политических институтов, затрагивая их внутреннюю организацию, функциональные роли и способы взаимодействия с обществом. Институциональные изменения проявляются в перераспределении управленческих функций, трансформации процедур принятия управленческих решений и модификации механизмов и каналов политической коммуникации. Одновременно цифровые технологии способствуют формированию новых форм участия и повышению оперативности публичного управления. Вместе с тем данные процессы сопровождаются ростом зависимости институтов от технологической инфраструктуры и алгоритмических решений, что усиливает требования к нормативному регулированию и общественному контролю. В результате, цифровизация формирует сложную, рисковую и противоречивую динамику институционального развития, в рамках которой модернизационные эффекты сочетаются с возникновением новых угроз для устойчивости и легитимности публичной власти.

Ключевые слова: цифровизация, политические институты, публичная власть, институциональная трансформация, электронное правительство, искусственный интеллект, политическая коммуникация, политическая легитимация.

Введение

Современное развитие политических систем характеризуется углубляющейся трансформацией институтов публичной власти, связанной с ускорением технологических изменений и расширением цифровой инфраструктуры управления. Цифровизация постепенно выходит за рамки просто вспомогательного инструмента административной оптимизации и начинает оказывать системное воздействие на способы организации всего политического процесса, формы политического участия и механизмы легитимации власти. В этом ракурсе традиционные политические институты, такие как государственные органы, представительные структуры, партийные и избирательные механизмы сталкиваются с необходимостью адаптации к новым условиям функционирования публичной сферы.

Особенностью текущего этапа является и то, что институциональные изменения разворачиваются не линейно и не универсально, а в зависимости от типа политического режима, уровня цифрового развития и исторически сложившихся моделей государственности. В одних политических системах цифровые технологии способствуют повышению управленческой эффективности и расширению каналов взаимодействия между государством и обществом, в других значительно усиливают централизацию власти и перераспределение институциональных полномочий. Существенное значение приобретает также изменение логики публичной коммуникации, в рамках которой сетевые и алгоритмические механизмы все активнее конкурируют с традиционными институциональными каналами.

Цифровизация также затрагивает нормативно-процедурные основания политических институтов, трансформируя устоявшиеся представления о политическом участии (в первую очередь формы политического участия граждан), ответственности и прозрачности управления. Возникают гибридные формы институционального взаимодействия, сочетающие элементы классических процедур и цифровых практик. При этом технологические инновации не отменяют существующие институциональные структуры, а накладываются на них, формируя новые конфигурации публичной власти, что усложняет переходный процесс

Основная часть исследования

Проблема эффективности функционирования политических институтов занимает центральное место в политической науке, поскольку именно через институциональные структуры осуществляется организация всей публичной власти, регулирование взаимодействия между государством и обществом. В классическом и современном политологическом дискурсе политические институты рассматриваются не как статичные образования, а как исторически изменчивые формы политической организации, находящиеся в постоянной взаимосвязи с социальными, экономическими, культурными и технологическими факторами.

В институциональной теории сложилось несколько устойчивых подходов к определению политических институтов [1].

В узком смысле они трактуются как формализованные структуры власти, такие как государственные органы, партии, избирательные системы, судебные и административные механизмы.

В более широком понимании политические институты включают также устойчивые нормы, процедуры, практики и модели политического поведения, обеспечивающие воспроизводство политических отношений и легитимность властных решений. Такое расширенное толкование позволяет анализировать институты не только как юридически закрепленные формы, но и как социально укорененные механизмы, формирующие рамки политического действия.

Историко-политический анализ показывает, что структура и функции политических институтов существенно варьируются в зависимости от типа государства, формы правления и характера политического режима [2]. В централизованных унитарных государствах институты, как правило, ориентированы на вертикальную координацию власти и административное управление, тогда как в федеративных системах институциональная архитектура строится на принципах распределения полномочий и многоуровневого принятия решений. Аналогичным образом различия между демократическими, авторитарными и гибрид-

ными режимами находят отражение в степени автономии институтов, характере их взаимодействия и способах легитимации политической власти.

В интерпретации Д. Норта «институты невозможно увидеть, почувствовать, пощупать и даже измерить. Институты – это конструкции, созданные человеческим сознанием. Но даже самые убежденные представители неоклассической школы признают их существование и обычно в качестве параметров включают, в явном или неявном виде, в свои модели» [3]. В рамках настоящего исследования традиционные политические институты понимаются как исторически сформировавшиеся и институционально закрепленные формы организации публичной власти и политического представительства, функционирование которых основано на принципах иерархичности, формализованной процедурности, территориальной юрисдикции и опосредованного характера политического участия [4].

Их базисными характеристиками являются:

1. Иерархическая организация – наличие вертикально выстроенной структуры полномочий, ответственности и подчинения.

2. Процедурная формализованность – доминирование нормативно закрепленных регламентов, правил принятия управленческих решений и легитимных процедур.

3. Территориальная устойчивость – привязка полномочий и компетенций к определенному пространству суверенитета (государственному, региональному, муниципальному).

4. Представительский характер – опосредование политического участия граждан через институты представительства (парламент, партии, выборы).

5. Институциональное посредничество публичного диалога – наличие устойчивых каналов передачи политических смыслов, управленческих решений и легитимирующих нарративов между властью и обществом.

В данном смысле «традиционность» не носит оценочного характера и не обозначает архаичность, а фиксирует модерную институциональную модель политики, сложившуюся в условиях индустриального общества и национального государства и сохранявшую относительную структурную устойчивость до начала масштабной цифровой трансформации публичной сферы.

Существенное значение имеет и временной ракурс анализа функционирования политических институтов. В доиндустриальных и ранеиндустриальных обществах политические институты формировались преимущественно вокруг персонализированной власти, традиции и харизматического лидерства [5]. С развитием индустриального общества и модернизационных процессов происходит институционализация власти, сопровождающаяся ростом бюрократических структур, формализацией процедур и расширением правового регулирования [6]. Политические институты модерного государства ориентируются на устойчивость, предсказуемость и воспроизводимость управленческих решений, что обеспечивает относительную стабильность политического порядка.

В постиндустриальную эпоху, характеризующуюся усложнением социальных связей, ростом информационных потоков и ускорением политических процессов, институциональная динамика приобретает новые черты. Политические институты сталкиваются с необходимостью адаптации к изменяющимся условиям публичной коммуникации как внутри государства, так и в рамках международной политики, трансформации политического участия и повышенным ожиданиям со стороны граждан. Именно в этом контексте в научном дискурсе усиливается внимание к процессам институциональной трансформации, гибридизации и функционального перераспределения властных полномочий.

Сравнительные исследования политических систем показывают, что институциональные изменения носят не универсальный, а вариативный характер. Одни и те же технологические или социальные факторы могут приводить к различным институциональным эффектам в зависимости от уровня политической культуры, степени развития гражданского общества и исторически сложившихся моделей государственности. В одних случаях наблюдается усиление институциональной устойчивости и управляемости, в других наблюдается отчетливо рост фрагментации, снижение доверия к традиционным институтам и появление альтернативных форм политической организации.

В этом контексте цифровизация выступает не как внешнее по отношению к политике явление, а как системный фактор, затрагивающий фундаментальные основания функционирования политических институтов. Цифровые технологии изменяют способы принятия самого управленческого решения, формы политической коммуникации, механизмы участия и контроля, что приводит к пересмотру привычных институциональных конфигураций. Однако характер этих изменений определяется не столько технологическими возможностями как таковыми, сколько институциональной логикой конкретной политической системы.

Трансформация традиционных политических институтов представляет собой многоэтапный процесс, связанный не только с внедрением цифровых технологий (для эффективной, резкой модернизации этого недостаточно), но и с изменениями внутренней и внешней политической конъюнктуры, характером политического режима, уровнем институциональной устойчивости, динамикой общественных ожиданий, а также воздействием глобальных и региональных вызовов. Цифровизация в данном контексте рассматривается не как единственная причина институциональных изменений, а как один из системообразующих факторов, усиливающих или модифицирующих уже существующие тенденции институциональной эволюции.

С учетом указанной и описанной выше многоаспектности и сложности процесса трансформации политических институтов, определим далее качественные изменения в их функционировании по ряду взаимосвязанных измерений, что позволит более системно рассмотреть этот процесс. Такой подход обеспечивает возможность различать структурные, функциональные, нормативно-процедурные и коммуникативные изменения, возникающие в различных политических условиях и конфигурациях политических институтов.

Структурная трансформация фиксируется в тех случаях, когда под воздействием цифровых инновационных технологий и сопутствующих институциональных факторов изменяется внутренняя организация самого политического института и характер взаимосвязей между ними. Речь идет о процессах, в рамках которых происходит ослабление жесткой иерархичности институциональных структур, формируются альтернативные или параллельные центры принятия управленческих решений (например, принятие рутинных управленческих решений искусственным интеллектом), усиливаются горизонтальные и сетевые формы политического взаимодействия, снижается монополия формальных институтов на координацию политических процессов.

Индикаторами структурной трансформации выступают развитие цифровых платформ публичного управления, распространение сетевых форм политической мобилизации и участие негосударственных акторов в выполнении управленческих функций [7].

Функциональная трансформация проявляется в изменении роли и назначения политических институтов в рамках политической системы. В условиях цифровизации и усложнения публичной сферы институты могут смещаться от непосредственного принятия решений к их символическому, нормативному или коммуникативному сопровождению, при определенных условиях могут утрачивать исключительную роль в артикуляции и агрегации общественных интересов, а также разделять или передавать часть своих функций цифровым платформам, экспертным сообществам и медиа посредникам. Измерительным показателем функциональной трансформации выступает рост влияния цифровых посредников, алгоритмических механизмов и платформенных акторов на формирование политической повестки и управленческих решений.

Следующая нормативно-процедурная трансформация связана с изменением правил и механизмов институционального функционирования. Такая цифровая трансформация политических институтов сопровождается изменением способа легитимации политической власти, формы политического участия граждан, процедуры выработки, принятия и реализации политических решений.

В данном измерении трансформация выражается в гибридизации традиционных процедур и цифровых практик, что приводит к переосмыслению классических моделей представительной демократии и даже управленческой ответственности.

Измеряется уровень нормативно-процедурной трансформации масштабом/объемом внедрения электронных форм голосования, цифровых консультационных механизмов, онлайн-петиций и иных форм институционализированного цифрового участия.

Коммуникативная трансформация отражает изменение логики публичной политики и публичного взаимодействия между властью и обществом. Она как правило, проявляется в переходе от преимущественно институционально контролируемых каналов коммуникации к медиаплатформенной и сетевой логике, усилении роли алгоритмической селекции и распространения политической информации, росте фрагментации публичной сферы и множественности конкурирующих дискурсов. Индикаторами данного типа трансформации являются снижение доверия к традиционным каналам публичной коммуникации и усиление конкуренции между институциональными и сетевыми источниками политических смыслов.

Здесь важно отметить явное расслоение общества при трансформации политических институтов и процессов и проявляется оно в циф-

ровом неравенстве. Так, по мнению, М.А. Груздевой на современном этапе возрастной фактор влияет на распространение цифрового неравенства, эта тенденция присутствует как внутри страны, так и внутри региона. Цифровое неравенство проявляется в зависимости от возраста на всех уровнях согласно трехуровневой модели, разрабатываемой в современных исследованиях: практики использования ПК и интернета, оценка их влияния на жизнь человека, цели использования интернета, наличие цифровых навыков и пользования государственными и муниципальными услугами онлайн. Цифровая активность пожилых людей отличается по сравнению как с наиболее молодой из обследуемых групп (18–30 лет), так и с людьми среднего возраста, особенно по параметрам, требующим специальных знаний и усилий для изучения и освоения на практике [8].

Продолжая логику настоящего исследования, далее проанализируем структуру трансформации традиционных политических институтов, обусловленной развитием и внедрением цифровых технологий.

Цифровизация сегодня является мощным динамичным фактором институциональных изменений, затрагивающих как внутреннюю организацию политических институтов, так и способы их взаимодействия с обществом.

В современной политической практике под цифровыми технологиями, применяемыми в функционировании политических институтов, понимается совокупность инструментов и инфраструктур, обеспечивающих обработку, передачу и анализ данных в электронном формате, а также автоматизацию управленческих и коммуникационных процессов. К их числу относятся системы электронного документооборота, платформы электронного правительства, цифровые сервисы предоставления государственных и муниципальных услуг, технологии больших данных, алгоритмические системы анализа информации, платформы онлайн-участия, например, онлайн-выборы и элементы искусственного интеллекта.

Опыт Российской Федерации в данном контексте является показательным. Формирование системы электронного правительства и цифровых государственных сервисов осуществлялось поэтапно и сопровождалось постепенным институциональным эффектом. На первоначальных этапах цифровизация была ориентирована преимущественно на оптимизацию административных процедур, таких как сокращение бумажного документооборота, ускорение межведомственного взаимодействия, повышение прозрачности предоставления государственных услуг тем самым снижение издержек для граждан и организаций [9].

В последующий период цифровые технологию перестали быть исключительно техническим вспомогательным инструментов для органов публичной власти и с их помощью начался процесс формирования новой логики публичной политики [10].

В исследованиях Стародубовой О.Е. отмечается, что целью стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления является обеспечение свободного, устойчивого, безопасного информационного взаимодействия между органами государственной власти Российской Федерации, гражданами, бизнес-сообществом, а также технологической независимости и безопасности критической инфраструктуры. Осенью 2024 г. на рассмотрение Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам был представлен блок национальных проектов по обеспечению технологического лидерства, среди них национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», в рамках которого планируется дальнейшее развитие цифровых платформ (Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 29.02.2024) [11].

Наряду с преимуществами применения цифровых достижений современности в системе власти наблюдается и комплекс рисков для традиционных политических институтов.

Во-первых, усиливается зависимость эффективного и бесперебойного функционирования работы публичной власти от технологической инфраструктуры и алгоритмических решений, что может приводить к снижению уровня транспарентности управленческих решений и усложнению общественного контроля. Посредством цифрового инструментария административные структуры способны создавать и имитационную открытость, и «отстранять» нежелательных акторов от цифрового участи в принятии государственных ращений и другие проявления девиации при цифровой коммуникации власти и общества, что в общем нарушает демократические основы государства.

Во-вторых, концентрация больших массивов данных в распоряжении государственных структур (среди которых персональные данные граждан, сведения, относившиеся к государственной тайне и другая критически важная информация) повышает уязвимость политических институтов к киберугрозам, кибератакам и информационным сбоям.

В-третьих, алгоритмизация управленческих решений приводит к деперсонализации власти и размыванию принципов политической ответственности, что нарушает права и свобод граждан [12].

Из вышесказанного можно констатировать, что цифровые технологии выступают одновременно ресурсом модернизации и фактором уязвимости традиционных политических институтов. Их воздействие носит амбивалентный характер, так как с одной стороны, они повышают эффективность и адаптивность публичной власти, ее конкурентоспособность на международной арене, с другой порождают новые институциональные, нормативные и политические риски. Это делает необходимым дальнейший политико-институциональный анализ цифровизации не только как технологического процесса, но и как глубокой трансформации конфигурации публичной власти.

Выводы

Сегодня цифровизация стремительно формирует качественно новую траекторию развития традиционных политических институтов, в рамках которой изменяются их структурные основания, функциональные роли и коммуникативные механизмы. Институциональная трансформация носит не универсальный, а контекстуально обусловленный характер и определяется сочетанием технологических возможностей, политического режима и исторически сложившихся моделей публичной власти.

Традиционные политические институты сохраняют свою системообразующую роль, однако их функционирование все в большей степени приобретает гибридный характер, соединяющий иерархические и сетевые формы организации, формализованные процедуры и цифровые технологические достижения современности. Цифровые технологии способствуют перераспределению управленческих функций, перенормировки механизмов политического участия и переосмыслению форм публичной коммуникации, что отражается на функционировании публичной власти и ожиданиях со стороны общества.

Одновременно цифровизация усиливает институциональную зависимость от технологической инфраструктуры и алгоритмических решений, актуализируя риски деперсонализации управленческих процессов и ослабления традиционных форм общественного контроля. В этом контексте цифровая трансформация выступает амбивалентным процессом, в котором модернизационные эффекты сочетаются с возникновением новых нормативных и политических рисков.

В совокупности полученные выводы позволяют рассматривать цифровизацию не как внешнее воздействие на политические институты, а как внутренний фактор их эволюции, формирующий новые конфигурации публичной власти и задающий направление дальнейших институциональных изменений.

Литература

1. Жабров А.В. Политические институты: эволюция представлений и интерпретаций // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2022. № 3.
2. Любашиц В.Я. Современные государства в историко-типологическом анализе: проблемы теории и истории // Философия права. 2015. № 3 (70).
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с
4. Гаман-Галутвина О.В., Рогожина К.А. Политические институты как предмет политического анализа / Гаман-Галутвина О.В., Рогожина К.А.// Власть. – 2009. – № 2. – С. 130–132.
5. Скоробогатов А.С. Изучение доиндустриального и индустриального обществ методами неоклассической теории // JIS. 2011. № 4.
6. Плосконосова В.П. Индустриальное общество: эволюция системы власти и социоструктурных процессов // ОНВ. 2001. № 17.
7. Зотов В.В., Василенко Л.А. Цифровая трансформация публичного управления: единство сервисно-цифровых и социально-сетевых аспектов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3.
8. Груздева М.А. Возрастной фактор цифрового разрыва: грани неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 4. С. 228–241.].
9. Кузнецов П.У. Цифровая трансформация государственного управления как этап развития информатизации в России // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2021. № 1.
10. Рязанцева М.В. Цифровая трансформация государственного управления // ЭПП. 2024. № 11.
11. Стародубова Олеся Евгеньевна Роль цифровых платформ в государственном управлении // Юридические исследования. 2024. № 12.

12. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации // Дискурс-Пи. 2022. № 1.

13. Холоденко Ю.А. Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. № 3.

DIGITALIZATION AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF TRADITIONAL POLITICAL INSTITUTIONS: INSTITUTIONAL CHANGES AND NEW CONFIGURATIONS OF PUBLIC AUTHORITY

Karimov E.R.
South Russian Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Introduction. In the context of accelerated technological and innovative development and the increasing complexity of the public sphere, digitalization has become one of the key factors transforming traditional political institutions. Changes in decision-making processes, political communication, and forms of citizen participation underscore the need for theoretical reflection on institutional shifts in the logic of contemporary public authority. In this context, the analysis of digitalization makes it possible to identify new configurations of institutional interaction between the state and society. The purpose of this article is to analyze digitalization as a systemic factor in the transformation of contemporary traditional political institutions. Research Methods. The study employs political-institutional and axiological analysis, as well as comparative-historical and structural-functional methods. Results. Digitalization acts as a significant factor in changing the logic of the functioning of contemporary traditional political institutions, affecting their internal organization, functional roles, and modes of interaction with society. Institutional changes are manifested in the redistribution of governance functions, the transformation of decision-making procedures, and the modification of the mechanisms and channels of political communication. At the same time, digital technologies contribute to the emergence of new forms of participation and increase the responsiveness of public governance. However, these processes are accompanied by a growing dependence of institutions on technological infrastructure and algorithmic decision-making, which intensifies the need for normative regulation and public oversight. As a result, digitalization generates a complex, risk-laden, and contradictory dynamic of institutional development, in which modernization effects coexist with the emergence of new threats to the stability and legitimacy of public authority.

Keywords: digitalization, political institutions, public authority, institutional transformation, e-government, artificial intelligence, political communication, political legitimation

References

1. Zhabrov A.V. Political institutions: the evolution of ideas and interpretations // Bulletin of the Russian State University of Economics. Series: Political Science. History. International relations. 2022. № 3.

2. Lyubashits V. Ya. Modern states in historical and typological analysis: problems of theory and history // Philosophy of Law. 2015. No. 3 (70).

3. North, D. Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. Moscow: Nauka, 1997. 180 p.

4. Gaman-Galutvina, O.V., Rogozhina, K.A. Political Institutions as a Subject of Political Analysis. Vlast. – 2009. – No. 2. – Pp. 130–132.

5. Skorobogatov, A.S. Studying Pre-Industrial and Industrial Societies Using Neoclassical Theory Methods // JIS. 2011. No. 4.

6. Ploskonosova, V.P. Industrial Society: Evolution of the Power System and Sociostructural Processes // ONV. 2001. No. 17.Zotov, V.V., & Vasilenko, L.A. Digital transformation of public administration: the unity of service-digital and socio-network aspects. Public Administration Issues, No. 3. (In Russian). 2023.

7. Zotov V.V., Vasilenko L.A. Digital Transformation of Public Administration: The Unity of Service-Digital and Social-Network Aspects // Issues of State and Municipal Administration. 2023. No. 3.

8. Gruzdeva M.A. The Age Factor of the Digital Divide: The Brink of Inequality // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2022. Vol. 15. No. 4. Pp. 228–241.].

9. Kuznetsov P.U. Digital transformation of public administration as a stage of development of informatization in Russia // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2021. No. 1.

10. Ryazantseva M.V. Digital Transformation of Public Administration // EPp. 2024. No. 11.

11. Starodubova Olesya Evgenievna The Role of Digital Platforms in Public Administration // Legal Research. 2024. No. 12.

12. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Traditional Political Institutions in the Context of Digitalization: Risks and Prospects of Transformation // Discourse-Pi. 2022. No. 1.

13. Kholodenko Yu.A. Digital Transformation of Public Administration: Opportunities and Risks // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2022. No. 3.

Институциональные механизмы регулирования строительной деятельности в Ленинградской области: оценка эффективности и пути модернизации

Керножицкая Елена Владимировна,
аспирант, кафедра государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации институт управления
E-mail: kerno-elena@yandex.ru

В статье анализируются институциональные механизмы регулирования строительной деятельности в Ленинградской области, оценивается их эффективность и на основе анализа статистических данных 2025–2026 годов обосновываются направления модернизации. Актуальность исследования обусловлена административным разделением Санкт-Петербургской агломерации, дисбалансом между вводом жилья и объектов социальной инфраструктуры, а также воздействием санкционных ограничений и изменений денежно-кредитной политики на инвестиционно-строительную активность. Теоретико-методологическую основу составляет синтез институционального подхода и модифицированного системного анализа с элементами синергетики, что позволяет учитывать динамику внешней среды и самоорганизацию территориальных систем. Эмпирическая база включает данные Росстата, Единой информационной системы жилищного строительства, отраслевые аналитические обзоры, а также нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней. Выявлены ключевые проблемы, а именно отсутствие легального определения городской агломерации, финансовая несбалансированность муниципальных образований, недостаточное использование механизмов государственно-частного партнёрства, санкционное давление и несовершенство информационной составляющей контроля качества. Предложены пути модернизации, включая законодательное закрепление статуса агломераций, укрупнение муниципалитетов, переход к проактивному управлению и цифровизацию надзорных функций. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к реформированию институциональной среды строительного комплекса региона.

Ключевые слова: институциональные механизмы, строительная деятельность, Ленинградская область, Санкт-Петербургская агломерация, государственно-частное партнёрство, территориальное планирование, муниципальное управление, экономическая безопасность.

Введение

Современный этап развития российской государственности характеризуется повышенным вниманием к пространственной организации экономики и роли крупных городских агломераций как факторов социально-экономического роста. В системе стратегических приоритетов Российской Федерации, зафиксированных в Указе Президента от 7 мая 2024 года № 309, достижение национальных целей, а именно увеличение жилищного строительства до 120 млн кв. м в год и обеспечение граждан жильём не менее 38 кв. м на человека к 2036 году, требует высокой координации управленческих усилий на всех уровнях публичной власти. Ленинградская область, являясь частью Санкт-Петербургской агломерации, которая представляет собой второй по величине городской ареал России, выступает уникальной площадкой для анализа институциональных механизмов регулирования строительной деятельности. Специфика региона обусловлена приморским и приграничным положением, высокой степенью урбанизации, а также административным разделением агломерационного пространства между городом федерального значения и областью, что порождает комплекс вызовов для территориального планирования и инвестиционно-строительной политики. Актуальность темы связана с необходимостью пересмотра сложившихся подходов к регулированию в условиях эскалации санкционных ограничений, трансформации цепочек поставок и роста ключевой ставки, а также с сохраняющимся дисбалансом между вводом жилья и созданием объектов социальной инфраструктуры. Цель настоящей работы состоит в разработке научно обоснованных предложений по совершенствованию институциональной среды регулирования строительной деятельности в Ленинградской области. Методологическую основу составляет синтез классического институционального подхода и модифицированного системного анализа с элементами синергетики, что позволяет учитывать динамику внешней среды и самоорганизацию территориальных систем.

Теоретико-методологические основы анализа институциональных механизмов

Разграничение институциональной и организационной составляющих является ключевым при анализе механизмов регулирования строительной деятельности. Согласно М.И. Бузулуцкому, институциональная составляющая охватывает формальные и неформальные правила поведения участников рынка, а организационная аккумулирует управленческие инструменты реализации государственной политики [3, с. 102]. Это различение отражает баланс интересов центра и территорий при распределении полномочий по уровням публичной власти. В Российской Федерации институциональное поле формируется на федеральном уровне, а организационные механизмы действуют на региональном и муниципальном уровнях, что порождает институциональный разрыв, требующий согласительных процедур. Для Ленинградской области выполнение федеральных строительных программ требует корректировки региональных инструментов и согласования решений между органами власти города и области. В условиях современных геополитических вызовов необходим кардинальный пересмотр методологии территориального планирования. А.Д. Хлутков, Ю.В. Савельев и Р.М. Вульфович предлагают включить в методический аппарат инструментарий теории систем, выделяя три измерения: политико-административное, экономико-технологическое и социально-гуманитарное [19, с. 10]. Для настоящего исследования наиболее значимо первое, касающееся суверенитета и способности региональных властей к автономным решениям. Авторы обосновывают переход от инактивного к проактивному управлению на основе модифицированного системного подхода и комбинированного применения эволюционного, воспроизводственного и мобилизационного подходов [19, с. 18]. Анализ требует обращения к концепции государства развития. А.И. Кугай и М.А. Пахомова выделяют приоритет экономическому росту, наличие «встроенной автономии» бюрократии и политику «управляемой взаимозависимости» между государством и бизнесом [11, с. 146]. Эффективность этих механизмов зависит от качества бюрократического аппарата. Важным дополнением выступает концепция местного лидерства А.И. Кугая: глава муниципальной администрации осуществляет руководство в трёх направлениях (вниз, наружу, вверх) [9, с. 12]. В условиях жёсткой экономии местные лидеры

вынуждены прибегать к совместным, принудительным или концептуальным моделям взаимодействия с центральным правительством, что релевантно для Ленинградской области [10, с. 62]. Дополнительным инструментом анализа выступают модели типизации регионов, учитывающие инновационные факторы и пространственное развитие, что позволяет дифференцировать подходы к регулированию строительной деятельности в зависимости от типа региона.

Институциональная структура регулирования строительной деятельности

Регулирование строительной деятельности в Ленинградской области осуществляется через органы исполнительной власти, саморегулируемые организации (СРО) и нормативные правовые акты. Центральное место занимает Комитет по строительству, который обладает компетенцией в сфере капитального строительства, полномочиями главного распорядителя бюджетных средств и правом утверждения сметных норм. Вторым ключевым институтом выступает Комитет государственного строительного надзора и государственной экспертизы, на который возложены строительный надзор, контроль долевого строительства, государственная экспертиза проектной документации, а также выдача разрешений на строительство и ввод объектов. Функциональное разделение между комитетами создаёт баланс, но порождает риски координационных разрывов. На уровне саморегулирования действуют Ассоциация «Строительный комплекс Ленинградской области» и Ассоциация «Саморегулируемая организация „Строители Ленинградской области“», членство в которых обязательно для генподрядчиков и участников государственных закупок с начальной максимальной ценой контракта свыше 3 млн рублей. Нормативно-правовую базу составляют Градостроительный кодекс, Федеральный закон № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях», а также региональные акты, включая Положение о региональном государственном строительном надзоре (постановление Правительства Ленинградской области от 27 декабря 2021 года № 879). Для цифровизации контрольной деятельности и повышения прозрачности надзорных процедур используются несколько взаимосвязанных информационных систем, а именно реестр строящихся и реконструируемых объектов, ГИС ТОР КНД, ФГИС ПГС и ЕРВК, что позволяет оперативно отслеживать состояние объектов контроля и координировать действия надзорных органов.

Для наглядного представления функциональной дифференциации двух профильных комитетов ниже приводится таблица, систематизирующая их основные полномочия и разграничивающая сферы ответственности.

Таблица 1. Разграничение полномочий Комитета по строительству и Комитета государственного строительного надзора и государственной экспертизы Ленинградской области

Сфера полномочий	Комитет по строительству	Комитет госстройнадзора и госэкспертизы
Стратегическое планирование	Формирование региональной политики, разработка госпрограмм	Не входит в компетенцию
Нормотворчество	Принятие приказов, утверждение сметных норм, антикоррупционная экспертиза	Не входит в компетенцию
Распоряжение бюджетными средствами	Главный распорядитель и получатель бюджетных средств	Не входит в компетенцию
Государственная экспертиза	Не входит в компетенцию	Организация и проведение экспертизы проектной документации и инженерных изысканий
Строительный надзор	Не входит в компетенцию	Региональный государственный строительный надзор
Контроль в сфере долевого строительства	Не входит в компетенцию	Контроль за привлечением средств дольщиков, контроль за ЖСК
Разрешительные функции	Координация СРО	Выдача разрешений на строительство и ввод в эксплуатацию
Информационное обеспечение	Мониторинг изменений федерального законодательства	Ведение реестра строящихся объектов, работа с ГИС

Источник: составлено автором на основе данных официальных сайтов Комитета по строительству Ленинградской области и Комитета государственного строительного надзора и государственной экспертизы Ленинградской области.

Представленная институциональная структура отличается высокой степенью формализации, однако её практическая эффективность сталкивается с рядом ограничений, обусловленных как внешними факторами, так и внутренними диспропорциями пространственного развития.

Оценка эффективности регулирования строительной деятельности в контексте пространственного развития и статистической динамики

Эмпирическую базу оценки институциональных механизмов составляют данные о строительной деятельности в Ленинградской области и Санкт-Петербургской агломерации. По данным Росстата, в январе-феврале 2026 года объём строительных работ в Ленинградской области достиг 40,6 млрд рублей, однако индекс физического объёма составил лишь 58,5 процента к аналогичному периоду 2025 года, что указывает на масштабное сокращение реальных объёмов [16]. Это сокращение связано с завершением льготной ипотеки, повышением ключевой ставки и адаптацией к санкциям. Таким образом, динамика строительства выступает индикатором чувствительности отрасли к денежно-кредитной и санкционной политике, что требует учёта этих факторов при корректировке региональных механизмов.

В Санкт-Петербурге в январе 2026 года введено 23 572 кв. м жилья (119 домов ИЖС), а в феврале – 34 456,5 кв. м (три многоквартирных дома на 490 квартир и 83 дома ИЖС) [8]. Доля ИЖС в структуре ввода составила в январе 100 процентов, а в феврале превысила 48 процентов, что свидетельствует о переориентации спроса с многоквартирного сегмента, зависящего от ипотеки, на индивидуальное жильё. С институциональной точки зрения это означает, что действующие механизмы не смогли удержать спрос в многоквартирном секторе, требуя пересмотра инструментов его поддержки.

Совокупный ввод жилья в Санкт-Петербурге за 2011–2021 годы составил 35,1 млн кв. м, среднегодовой ввод – около 3,2 млн кв. м [8; 17, с. 109]. Сопоставление с январско-февральскими показателями 2026 года позволяет предположить замедление темпов ввода, а экстраполяция на год даёт объём ниже среднегодового уровня предыдущего десятилетия, что создаёт риск недостижения региональных целевых показателей и требует оперативной корректировки мер поддержки.

Для систематизации приведённых статистических данных ниже представлена таблица, обобщающая ключевые показатели строительной активности в регионе за рассматриваемые периоды.

Таблица 2. Ключевые показатели строительной деятельности в Ленинградской области и Санкт-Петербурге в 2021–2026 годах

Показатель	Период	Значение
Объём работ по виду деятельности «Строительство» (Ленинградская область)	январь-февраль 2026 г.	40,6 млрд руб.
Индекс физического объёма строительства (Ленинградская область, к аналогичному периоду предыдущего года)	январь-февраль 2026 г.	58,5%
Ввод жилья (Санкт-Петербург)	январь 2026 г.	23 572 кв. м (119 домов ИЖС)
Ввод жилья (Санкт-Петербург)	февраль 2026 г.	34 456,5 кв. м (в т.ч. 3 МКД на 490 квартир, 83 дома ИЖС)
Совокупный ввод жилья (Санкт-Петербург)	2011–2021 гг.	35,1 млн кв. м
Прирост населения (Кудрово)	2001–2019 гг.	915%
Прирост населения (Мурино)	2001–2019 гг.	495%
Объекты образования и здравоохранения в Адресной инвестиционной программе	2023–2025 гг.	182 объекта (59 школ, 54 детских сада, 69 объектов здравоохранения)

Источник: составлено автором по данным [8, 15, 16, 18]

Согласно рисунку 1, прирост населения в городах-спутниках многократно превышает темпы ввода жилья и создания социальной инфраструктуры, что свидетельствует о нарастающем разрыве. Для выявления качественных аспектов регулирования агрегированных показателей недостаточно. Сохраняется дисбаланс в отставании ввода объектов социальной инфраструктуры [16, с. 106]. Адресная инвестиционная программа на 2023–2025 годы включает 182 объекта, но на-

копленный дефицит не устранён. Проблема усугубляется быстрым ростом населения в Кудрово (915 процентов) и Мурино (495 процентов) [18, с. 16].

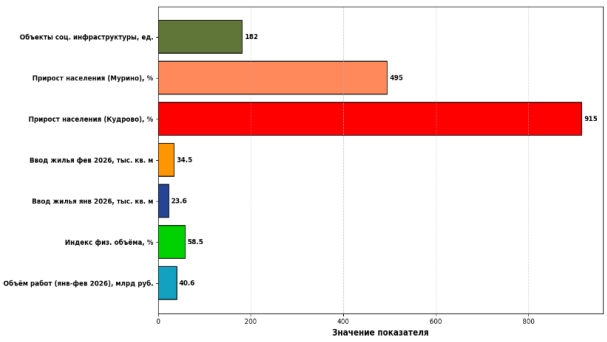


Рис. 1. Ключевые показатели строительной деятельности и социально-демографической динамики в Ленинградской области и Санкт-Петербурге

Источник: составлено автором по данным [8, 15, 16, 18]

Трансформация пространственной структуры агломерации происходит под воздействием внешних глобальных, внешних национальных и внутренних агломерационных факторов [12, с. 10]. Указанные вызовы актуализируют проблему региональной экономической безопасности [14]. Санкт-Петербург оказался под ударом санкций, что отразилось на Ленинградской области, а именно безработица выросла с 39,4 до 51,6 тыс. человек, а реальная заработная плата снизилась до 96,4 процента от уровня предыдущего года [7]. Однако крупнейшие застройщики адаптировались, сместив акцент на освоение так называемого серого пояса в ядре агломерации, где строятся объекты бизнес-класса и элит-класса, менее подверженные влиянию роста ключевой ставки [13, с. 140].

Для выявления реакции строительного сектора на макроэкономические изменения обратимся к данным Единой информационной системы жилищного строительства [13]. Как показано на рисунке 2, пик активности застройщиков пришёлся на 2023 год из-за ожидания отмены льготной ипотеки, а сокращение в 2024 году стало следствием повышения ключевой ставки и прекращения действия льготных программ.

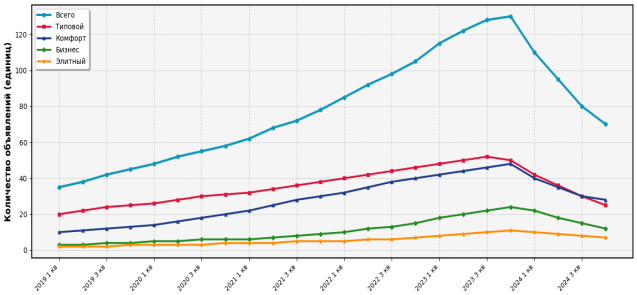


Рис. 2. Динамика количества объявлений застройщиков о новых жилых комплексах в Санкт-Петербургской агломерации по кварталам 2019–2024 годов (единиц)

Источник: составлено автором по данным Единой информационной системы жилищного строительства ДОМ.РФ (ЕИСЖС) [13].

Эта зависимость подтверждает высокую чувствительность строительного сектора к денежно-кредитной политике, а аналогичные закономерности отмечены в отраслевых аналитических обзорах [1]. Следовательно, инвестиционно-строительная активность напрямую связана с макроэкономической конъюнктурой, что делает необходимым учёт денежно-кредитных факторов при разработке и корректировке институциональных механизмов регулирования строительной деятельности в регионе.

Проблемы и пути модернизации институциональных механизмов

Проведённый анализ выявляет несколько системных проблем. Отсутствие легального определения агломерации препятствует совместному территориальному планированию Санкт-Петербурга и Ленинградской области, порождая разногласия в методах установления границ (радиусный подход 60 км либо 120–140 км), что затрудняет согласование проектов [4; 6, с. 543]. Решением могла бы стать функциональная модель сотрудничества по образцу Региональной ассоциации планирования Нью-Йорка [6, с. 548]. Финансовая несбалансированность 111 муниципальных образований (разброс населения от 314 до 190 318 человек) усугубляется отсутствием единой модели управления агломерацией, так как муниципалитеты Ленинградской области несут издержки от маятниковой миграции без адекватных компенсаций [5; 18, с. 14]. Предлагается реорганизация муниципального устройства до 40–50 единиц. На примере Васильевского острова обосновано объединение округов [18, с. 14].

Недостаточное использование ГЧП может быть преодолено внедрением комплексного процесса администрирования, предложенного Е.В. Балабенко (организация системы управления, планирование, стимулирование инвесторов и нормативно-правовое обеспечение), включая создание межведомственного совещательно-консультативного органа и специализированного подразделения при Министерстве строительства [2, с. 9]. Адаптация к санкциям и технологическое обновление требуют новой индустриальной волны с концентрацией инвестиций в наукоёмкие отрасли на территории Ленинградской области. Исторический опыт (докладная записка 1922 года) подтверждает уязвимость приморского положения. Наконец, несовершенство контроля качества преодолевается внедрением трёх моделей (концептуальной, базовой, стандартной) как эталонов для сопоставления, что позволит перейти к проактивному управлению. Таким образом, модернизация требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование нормативно-правовой базы, реформу муниципального устройства, активизацию ГЧП, технологическое обновление и цифровизацию контрольных функций.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что действующая институциональная структура реализует закреплённые функции, однако её эффективность снижается из-за разрыва координации между уровнями публичной власти в рамках Санкт-Петербургской агломерации. Отсутствие законодательно закреплённого определения агломерации и механизмов совместного территориального планирования приводит к диспропорциям в развитии жилой и социальной инфраструктуры, росту маятниковой миграции и транспортной нагрузки.

Эмпирические данные подтверждают связь сокращения объёмов строительства в январе-феврале 2026 года (индекс физического объёма 58,5 процента) с санкционными ограничениями, повышением ключевой ставки и отменой льготной ипотеки. В ответ крупнейшие застройщики сконцентрировали усилия на точечном освоении серого пояса в ядре агломерации, что привело к росту цен на жильё и снижению его доступности.

Модернизация институциональных механизмов требует законодательного закрепления статуса агломераций, создания функциональных координационных органов, реорганизации муниципального устройства Санкт-Петербурга до 40–50 единиц, внедрения комплексного процесса администрирования ГЧП, перехода к проактивному управлению и цифровизации контрольной деятельности. Предложенный комплекс мер позволяет минимизировать негативные последствия внешних шоков и создать условия для опережающего развития Ленинградской области. Дальнейшие исследования следует направить на разработку конкретных планов действий по внедрению механизмов агломерационного управления и количественную оценку их результативности.

Литература

1. Аналитический обзор: Строительство жилья профессиональными застройщиками [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://erzrf.ru/images/repfle/24475744001REPFLE.pdf

2. Балабенко Е.В. Администрирование организационно-институциональной среды развития государственно-частного партнерства в строительном комплексе // Beneficium. – 2024. – № 4 (53). – С. 6–14.

3. Бузулуцкий М.И. Институционально-организационные механизмы управления жилищной сферой: региональный аспект // Экономика. Налоги. Право. – 2025. – Т. 18, № 4. – С. 101–107.

4. Вульфович Р.М. Проблема делимитации границ городских агломераций (на примере Санкт-Петербурга) // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 17–3. – С. 52–56.

5. Вульфович Р.М. Развитие Санкт-Петербургской агломерации: проблемы и перспективы // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2023. – № 18–2. – С. 171–174.

6. Вульфович Р. М., Майборода В.А. Политическая и публично-правовая субъектность городских агломераций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 3. – С. 539–552.

7. Гришков В.Ф. Воздействие политико-экономической турбулентности на экономику региона (на материалах Ленинградской области) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 4 (136). – С. 88–95.

8. Комитет по строительству Санкт-Петербурга. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://komstroy.spb.ru/stats/

9. Кугай А.И. Глава муниципальной администрации: векторы лидерского влияния // Управленческое консультирование. – 2024. – № 1 (181). – С. 10–22.

10. Кугай А.И. Местное лидерство и местное самоуправление в условиях жесткой экономии: европейский опыт // Векторы социально-экономического развития России: современные вызовы и возможности: монография. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 58–67.

11. Кугай А. И., Пахомова М.А. Взаимоотношения государства и бизнеса в условиях «государства развития» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024. – Т. 18, № 3 (49). – С. 144–153.

12. Лачининский С. С., Сорокин И.С. Факторы, влияющие на трансформацию функциональной и пространственной структуры Санкт-Петербургской агломерации в 2020-е годы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. – 2024. – № 3. – С. 5–22.

13. Логвинов И. А., Лачининский С.С., Белозеров С.А. Адаптация пространственных стратегий крупнейших застройщиков жилой недвижимости Санкт-Петербурга к антироссийским санкциям // Балтийский регион. – 2025. – Т. 17, № 2. – С. 122–151.

14. Межевич Н. М., Шамахов В.А., Хлутков А.Д. К вопросу о региональной экономической безопасности в современных условиях (на примере Северо-Западного федерального округа). Статья первая // Управленческое консультирование. – 2023. – № 1 (169). – С. 34–41.

15. Обзор статистики Росстата о строительной отрасли за 2 квартал 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://spbssk.ru/obzor-statistiki-rosstata-o-stroitelnoj-otrasli-za-2-kvartal-2025-goda/

16. Стародумова Е. А., Козырев А.А. Возможности управления строительной отраслью Санкт-Петербурга для координации жилищного и социально-бытового строительства // Новизна. Эксперимент. Традиции. – 2023. – Т. 9, № 4 (24). – С. 105–111.

17. Токунова Г.Ф. Изменение институциональной среды строительной сферы в условиях кризиса // Вестник гражданских инженеров. – 2022. – № 3 (92). – С. 178–184. – DOI 10.23968/1999–5571–2022–19–3–178–184.

18. Хлутков А. Д., Межевич Н.М. Санкт-Петербург: к вопросу о стратегии развития муниципалитетов в условиях экономической и политической неопределенности // Управленческое консультирование. – 2023. – № 10 (178). – С. 9–18.

19. Хлутков А. Д., Савельев Ю.В., Вульфович Р.М. К вопросу о совершенствовании методологии территориального планирования в условиях эскалации внешних вызовов и рисков: взгляд со стороны теории систем // Управленческое консультирование. – 2025. – № 6 (192). – С. 9–23.

INSTITUTIONAL MECHANISMS FOR REGULATING CONSTRUCTION ACTIVITIES IN THE LENINGRAD REGION: ASSESSMENT OF EFFECTIVENESS AND WAYS TO MODERNIZE

Kernozhitskaya E.V.
RANEPA

The article examines the institutional mechanisms regulating construction activities in the Leningrad Region, assesses their efficiency, and substantiates modernization directions based on the analysis of statistical data for 2025–2026. The relevance of the study stems from the administrative division of the St. Petersburg agglomeration, the imbalance between housing commissioning and social infrastructure facilities, as well as the impact of sanctions restrictions and changes in monetary policy on investment and construction activity. The theoretical and methodological framework is a synthesis of the institutional approach and modified system analysis with elements of synergetics, which makes it possible to account for the dynamics of the external environment and the self-organization of territorial systems. The empirical base includes data from Rosstat, the Unified Information System for Housing Construction, industry analytical reviews, as well as regulatory legal acts at the federal and regional levels. Key problems are identified, namely the lack of a legal definition of an urban agglomeration, financial imbalance of municipalities, insufficient use of public-private partnership mechanisms, sanctions pressure, and the imperfection of the information component of quality control. Modernization paths are proposed, including legislative consolidation of the status of agglomerations, enlargement of municipalities, transition to proactive management, and digitalization of supervisory functions. The conclusion is drawn about the need for an integrated approach to reforming the institutional environment of the region's construction sector.

Keywords: institutional mechanisms, construction activities, Leningrad Region, St. Petersburg agglomeration, public-private partnership, territorial planning, municipal governance, economic security.

References

1. Analytical Review: Residential Construction by Professional Developers [Electronic resource]. Available at: https://erzrf.ru/images/repfle/24475744001REPFLE.pdf

2. Balabenko, E.V. Administration of the Organizational and Institutional Environment for the Development of Public-Private Partnership in the Construction Complex. Beneficium, 2024, № 4 (53), Pp. 6–14.

3. Buzuluksky, M.I. Institutional and Organizational Mechanisms for Managing the Housing Sector: A Regional Aspect. Economics. Taxes. Law, 2025, Vol. 18, № 4, Pp. 101–107.

4. Vulfovich, R.M. The Problem of Delimiting the Boundaries of Urban Agglomerations (on the Example of St. Petersburg). Russia: Trends and Prospects for Development, 2022, № 17–3, Pp. 52–56.

5. Vulfovich, R.M. Development of the St. Petersburg Agglomeration: Problems and Prospects. Russia: Trends and Prospects for Development, 2023, № 18–2, Pp. 171–174.

6. Vulfovich, R. M., Maiboroda, V.A. Political and Public-Legal Subjectivity of Urban Agglomerations. Vestnik of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science, 2023, Vol. 25, № 3, Pp. 539–552.

7. Grishkov, V.F. The Impact of Political and Economic Turbulence on the Regional Economy (Based on Materials from the Leningrad Region). Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics, 2022, № 4 (136), Pp. 88–95.

8. Committee for Construction of St. Petersburg. Official website [Electronic resource]. Available at: https://komstroy.spb.ru/stats/

9. Kugay, A.I. Head of Municipal Administration: Vectors of Leadership Influence. Management Consulting, 2024, № 1 (181), Pp. 10–22.

10. Kugay, A.I. Local Leadership and Local Self-Government in Conditions of Stringent Austerity: European Experience. In: Vectors of Socio-Economic Development of Russia: Current Challenges and Opportunities: Monograph. Cheboksary: Sreda, 2025, Pp. 58–67.

11. Kugay, A. I., Pakhomova, M.A. Relations between State and Business in the Context of a «Developmental State». Eurasian Integration: Economics, Law, Politics, 2024, Vol. 18, № 3 (49), Pp. 144–153.

12. Lachininsky, S. S., Sorokin, I.S. Factors Influencing the Transformation of the Functional and Spatial Structure of the St. Petersburg Agglomeration in the 2020s. Vestnik of the I. Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences, 2024, № 3, Pp. 5–22.

13. Logvinov, I. A., Lachininsky, S. S., Belozerov, S.A. Adaptation of the Spatial Strategies of Major Residential Developers in St. Petersburg to Anti-Russian Sanctions. Baltic Region, 2025, Vol. 17, № 2, Pp. 122–151.

14. Mezhevich, N. M., Shamakhov, V. A., Khlutkov, A.D. On the Issue of Regional Economic Security in Modern Conditions (Based on the Example of the Northwestern Federal District). Part One. Management Consulting, 2023, № 1 (169), Pp. 34–41.

15. Overview of Rosstat Statistics on the Construction Industry for the 2nd Quarter of 2025 [Electronic resource]. Available at: https://spbssk.ru/obzor-statistiki-rosstata-o-stroitelnoj-otrasli-za-2-kvartal-2025-goda/

16. Starodumova, E. A., Kozyrev, A.A. Management Opportunities for the Construction Industry of St. Petersburg to Coordinate Residential and Social Construction. Novelty. Experiment. Traditions, 2023, Vol. 9, № 4 (24), Pp. 105–111.

17. Tokunova, G.F. Changes in the Institutional Environment of the Construction Sector during Crisis Conditions. Vestnik of Civil Engineers, 2022, № 3 (92), Pp. 178–184. DOI 10.23968/1999–5571–2022–19–3–178–184.

18. Khlutkov, A. D., Mezhevich, N.M. St. Petersburg: On the Issue of Municipal Development Strategies under Economic and Political Uncertainty. Management Consulting, 2023, № 10 (178), Pp. 9–18.

19. Khlutkov, A. D., Saveliev, Y. V., Vulfovich, R.M. On the Improvement of Methodology for Territorial Planning Amid the Escalation of External Challenges and Risks: A Systems Theory Perspective. Management Consulting, 2025, № 6 (192), Pp. 9–23.

Использование искусственного интеллекта в управлении политическими процессами: риски и перспективы

Кореньков Илья Олегович,
магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ilya_korenkov@inbox.ru

Статья посвящена комплексному анализу рисков и перспектив использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в управлении политическими процессами. Автор рассматривает как позитивные эффекты внедрения ИИ (автоматизация рутинных задач, предиктивное моделирование, противодействие деструктивному контенту), так и угрозы, связанные с асимметрией доступа к алгоритмической власти, институционализацией предубеждений, цифровой фрагментацией населения, риском снижения когнитивных способностей населения, а также идеологической ангажированностью больших языковых моделей. В статье анализируется законопроект Минцифры РФ, предполагающий введение категорий «доверенных», «суверенных» и «национальных» моделей ИИ, обязательную маркировку ИИ-контента, определение ответственности разработчиков моделей за генерируемый результат. Делается вывод о том, что дальнейшее внедрение технологий ИИ в России зависит от успешности политики импортозамещения и способности законодателя оперативно реагировать на эволюцию технологий информационно-психологического противоборства и запросы общественных институтов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, политические процессы, идеологическая ангажированность, алгоритмическая власть, суверенные и доверенные модели ИИ, импортозамещение

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) в последнее десятилетие привело к фундаментальной трансформации ключевых сфер общественной жизни, что знаменует собой формирование качественно новой реальности, в которой системы, построенные на алгоритмах, будут всё глубже интегрироваться в политическую сферу, оказывая возрастающее влияние на характер и содержание политических процессов.

Переход от экспериментального внедрения технологий ИИ к их рутинному использованию в задачах прогнозирования, принятия решений и информационного сопровождения актуализирует необходимость комплексного научного осмысления вызовов дальнейшей «нейросетевизации» современной политики. В центре внимания настоящей статьи находятся основные риски применения политически ориентированных алгоритмических решений, а также анализ перспектив дальнейшего внедрения систем ИИ в Российской Федерации.

Автор статьи придерживается следующего определения ИИ, представленного в законопроекте Минцифры «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнение конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуально деятельности человека или превосходящие их.

На данный момент в политической сфере искусственный интеллект выполняет ряд задач, одна из которых – помощь в принятии управленческих решений. Благодаря автоматизированной обработке больших массивов данных, ИИ способен создавать детализированные модели развития политических систем, выявляя при этом скрытые ранее причинно-следственные связи и закономерности [5]. Также на основе математических моделей прогнозируются результаты тех или иных политических решений, измеряются политические настроения граждан, составляются рейтинги доверия к политическим институтам и лидерам.

Несмотря на позитивные эффекты от внедрения ИИ в сферу государственного управления и политику, такие как автоматизация рутинных задач, что особенно актуально для России на фоне дефицита кадров в различных министерствах и ведомствах [4], а также выявление и удаление экстремистских, аморальных материалов в сети Интернет, его использование в качестве инструмента предиктивной политики может привести к асимметрии доступа к алгоритмической власти.

Так, использование нерепрезентативной выборки данных при обучении нейросетей может привести к институционализации предубеждений, основанных на дискриминационных практиках прошлого и, соответственно, не учитывающих современные реалии. В случае с принятием политических решений цена ошибки может быть слишком высока, поэтому вопрос репрезентативности остается одним из ключевых при внедрении систем ИИ.

Кроме того, общественно-политические процессы характеризуются своей комплементарностью и непредсказуемостью [13], вследствие чего создать идеальную модель, учитывающую все возможные переменные, требует большого количества ресурсов и времени. Под вопросом стоит и прогностическая способность ИИ в случае возникновения новой переменной – политического явления или процесса, которая не учитывалась ранее при обучении модели. Проблема возобновляет дискуссию о соотношении роли человека и машины в принятии решений в будущем.

Угрозой при внедрении алгоритмов в процесс принятия решений является цифровая фрагментация населения, которая предполагает исключение из системы автоматизированных госуслуг категорий населения, не оставляющих достаточного количества цифровых следов (пожилые, бездомные люди, мигранты).

Кроме того, предиктивные модели в социальной сфере часто используют корреляции между бедностью и риском, что приводит к криминализации социального неблагополучия.

Перечисленные последствия асимметрии доступа к алгоритмической власти могут стать причиной роста социальной напряженности и подорвать легитимность политического режима, что исходя из мо-

дели легитимности С. Липсета, является для власти одним из худших сценариев развития политических процессов, заставляя политиков следить за научно-технологическими инновациями [7].

Следующим риском при использовании искусственного интеллекта в политическом управлении становятся снижение когнитивных способностей людей, деградация критического мышления и утрата морально-ценностных ориентиров, присущих данному обществу. ИИ используется для быстрой генерации значительного количества аморального контента, который негативно влияет на подрастающее поколение и размывает этические нормы.

Отдельно стоит упомянуть проблему транспарентности системы принятий решений, основанной на ИИ-алгоритмах, которая является сложной для понимания обычному человеку, вследствие чего растет недоверие к системе и государству, имплементирующему ее, в целом.

Для минимизации подобных рисков разрабатываются меры по обеспечению прозрачности ИИ, такие как обязательное информирование о принципах работы алгоритмов [12], доступность информации о способах сбора обучающих данных и результатах тестирования, создание механизма возмещения ущерба за решения, принимаемые с помощью ИИ, формирование государственных и корпоративных реестров, официально зарегистрированных ИИ-систем. Это должность обеспечить институциональную прозрачность алгоритмов, что важно для сохранения общественного доверия.

Технологии ИИ становятся неотъемлемой частью электорального процесса, поэтому необходимо обозначить риски их использовании в данной сфере. Во-первых, несмотря на удобство ИИ при определении предпочтений избирателей, выявлении таргетированной аудитории, алгоритмы способствуют поляризации политических взглядов и даже их подмене на манипулятивные, фейковые, что становится угрозой самому явлению демократических выборов. Кроме того, поляризация общества может привести к появлению радикальных политических течений, которые несут угрозу безопасности государства.

На данный момент в России нет единого взгляда на регулирование ИИ в электоральном процессе, однако одним из знаковых событий стало признание Верховным судом Российской Федерации незаконным использование ИИ для создания образа людей в предвыборной агитации кандидатов [3]. Таким образом, приоритетным вариантом развития остается государственный контроль, и пробелов в законодательстве в этой сфере в будущем станет меньше.

Политическая предвзятость нейросетей исследовалась в работе российских исследователей [6], которые зафиксировали характерную особенность современных зарубежных моделей. Так, в большинстве случаев США и Китай изображаются в выгодном свете, что соответствует в большей степени западоцентричной картине мира, при этом скрывается их соперничество на международной арене, тогда как в отношении России и Ирана применяется негативно окрашенная лексика.

Согласно исследованию, нейросети, обученные на западных базах данных, выступают в защиту ценностей западной цивилизации (такие как права человека, демократические институты, свобода) и либо обходят вниманием, либо подвергают критике иные идеологические направления (например, борьбу с неоколониализмом или концепцию многополярного мира). Иностранные исследователи делают аналогичные выводы [15], указывая, что актуальные большие языковые модели имеют преимущественно леволиберальную политическую ориентацию.

Среди вероятных факторов, обуславливающих подобную предвзятость, следует назвать этап предварительного обучения: нейросетевые продукты усваивают ценностные и политические установки, содержащиеся в массивах данных, используемых разработчиками для тренировки алгоритмов. Поскольку доминирующее число больших языковых моделей создано или обучено в государствах, разделяющих ценности западной цивилизации, то и генерируемые нейросетями ответы отражают соответствующую позицию

Относительно нейросетей, разработанных в России, но при этом также демонстрирующих левый уклон, вероятным объяснением их идеологического вектора служит использование баз данных зарубежных систем в качестве основы на этапе обучения. В этом прослеживается своеобразный механизм «идейной преемственности» среди алгоритмических моделей, которые наследуют леволиберальный уклон.

Таким образом, нейросети, взращенные на массивах западных баз данных, ретранслируют проамериканскую и проевропейскую точку зрения на происходящие в мире политические события, занимая критическую позицию по отношению к России.

Уязвимым местом ИИ-систем остается защита персональных данных, которые попадают в руки злоумышленников в результате кибератак и взломов и используются во вред гражданам, снижая уровень общественного доверия к цифровым институтам.

Помимо этого, проблема приватности персональных данных в эпоху роста IT-гигантов и развития ИИ волнует критиков надзорного капитализма, обозначивших транснациональные корпорации полноценными субъектами политического процесса. При этом они обладают признаками суверенного государства [10]: территорией – месторасположение сетевой инфраструктуры, дата-центров; стратегическими ресурсами (большие объемы данных, обработанные при помощи разработанных корпорацией ИИ-алгоритмов, доступ к которым также является продаваемым товаром); аналогом населения в лице штата сотрудников и агентов влияния, и относительно полным суверенитетом, позволяющим им не только отстаивать собственные интересы в отношениях с национальными государствами и международными акторами, но и оказывать на них давление, манипулируя доступом к сетевой инфраструктуре корпорации.

Расширение влияния корпораций приводит к «технофеодализму» – модели власти, в которой техногиганты выступают как инфраструктурные сюзерены, извлекающие ренту за доступ к ключевым цифровым ресурсам [8], что становится угрозой для государств, у которых отсутствуют или слабо развиты национальные ИИ-модели. Транснациональные корпорации обладают ресурсами для нелегального вмешательства в дела таких государств, влияя на политические и экономические процессы и трансформируя идентичность граждан при помощи навязываемых алгоритмами ценностей и норм.

Кроме того, технологии ИИ используются при создании фейкового контента [2], обладающего высокой степенью реалистичности, что делает его одним из самых грозных инструментов информационного противоборства в условиях ведущейся против России гибридной войны. При этом нейросети полностью копируют вербальные и невербальные особенности прототипа, что разрушает рациональные и эмоциональные барьеры сознания реципиента сообщения. Целями информационного воздействия при этом могут являться: манипулирование политической повесткой; дискредитация политического режима и общественных институтов; влияние на результат выборов.

В рамках дезинформационных кампаний активно используются ИИ-чат-боты, которые отвечают за широкое распространение фейкового контента, имитацию бурной поддержки определенного политического решения, подталкивая реальных людей к принятию позиции мнимого большинства при помощи сконструированной «спирали молчания» [9].

Дезинформация используется не только государствами в рамках информационно-психологических операций для шантажа гражданского населения, военнослужащих и лиц, принимающих ключевые решения в стране, но и обыкновенными мошенниками, которые при помощи дипфейков подрывают доверие людей к цифровым сервисам. Для большей эффективности манипулятивного воздействия применяется технология целевого автоматизированного профилирования посредством ИИ и машинного обучения, которая подразумевает создания психологического портрета интернет-пользователя на основе его «цифровых следов».

Качественно новый этап нормативного-правового регулирования ИИ в России наступил с предоставлением законопроекта Минцифры «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [11]. Вступление в силу произойдет предварительно 1 сентября 2027 года.

В целом, документ отражает стремление законодателей минимизировать существующие риски, обозначенные в данной статье в предыдущем параграфе.

Для борьбы с таким риском как снижение когнитивных способностей и утрата системы морально-нравственных ценностей вводятся требования соответствия ИИ-технологий традиционным российским духовно-нравственным ценностям, закрепленные Указом Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" [14].

Одно из центральных положений документа – категоризация моделей ИИ. Для использования в государственных информационных системах и на значимых объектах критической информационной инфраструктуры будут допускаться только так называемые «доверенные модели», включенные в специальный реестр. Также они должны обрабатывать данные исключительно на территории России и пройти сертификацию безопасности в органах ФСТЭК и ФСБ. Таким образом, государство стремится ограничить манипулятивное воздействие на политические взгляды граждан из-за рубежа и ликвидировать уязвимости западных моделей, известные организаторам кибератак на российскую информационную инфраструктуру.

Помимо «доверенной» вводится понятие «суверенной» и «национальной» моделей. Статус смогут получить только те решения, все эта-

пы разработки и обучения которых прошли на территории РФ силами российских граждан или юридических лиц, контролируемых государством или гражданами РФ (с долей владения более 50%).

Для борьбы с «вирусным» распространением контента, который может ввести в заблуждение граждан ввиду своей приближенности к реальности, законопроект обязывает владельцев сервисов ИИ маркировать аудио-, видео– и иные ресурсы, созданные с помощью нейросетей.

Вводится презумпция виновности для разработчиков ИИ-моделей: «Разработчик модели искусственного интеллекта, оператор системы искусственного интеллекта, владелец сервиса искусственного интеллекта несут ответственность… при условии, что указанные лица заведомо знали или должны были знать о возможности получения такого результата».

Несмотря на нацеленность законопроекта на достижение положительных эффектов по обеспечению национальной безопасности и информационного суверенитета, на данный момент некоторые положения документа вызывают несогласие со стороны представителей бизнеса [1], не готовых нести возможные издержки. Так, они акцентируют внимание на технологическом отставании в случае перехода на суверенные модели ИИ в связи с тем, что все отечественные разработки используют зарубежные компоненты и базы данных для обучения нейросетей. Подобный переход угрожает критической информационной инфраструктуре, так как повлияет на работу уже встроенных сервисов на базе иностранных технологий ИИ, например, в сфере медицины, что грозит гражданам лишением современных средств диагностики и лечения.

Проведенный анализ демонстрирует двойственный характер внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу управления политическими процессами. С одной стороны, использование ИИ открывает перед государством широкие возможности по повышению эффективности администрирования, автоматизации рутинных процедур, предиктивного моделирования социально-экономических сценариев и противодействия деструктивному контенту. С другой стороны, внедрение технологий ИИ сопряжено с комплексом рисков, способных подорвать устойчивость политической системы и легитимность институтов власти.

Как показано в работе, ключевыми угрозами остаются асимметрия доступа к алгоритмической власти, институционализация предвзятости обучающих выборок и цифровая фрагментация населения, ведущая к исключению уязвимых социальных групп из контура принятия решений, высокий потенциал использования ИИ для генерации фейкового контента, а также идеологическая ангажированность нейросетей. Последний фактор в условиях геополитической турбулентности превращает большие языковые модели в канал ретрансляции чуждых ценностных установок, что актуализирует проблему обеспечения информационного суверенитета.

В качестве ответа на описанные вызовы российская нормативно-правовая система движется в сторону установления строгого государственного контроля над технологиями ИИ. Законопроект Минцифры РФ, вводящий категории «доверенных», «суверенных» и «национальных» моделей ИИ, а также содержащий требования по обязательной маркировке синтезированного контента и сертификации безопасности, закладывает правовой фундамент для минимизации рисков зависимости от других государств и наднациональных акторов в лице транснациональных корпораций, и деструктивных информационных воздействий (дипфейков, автоматизированного профилирования). Принятие законопроекта должно поспособствовать формированию прозрачной и контролируемой экосистемы искусственного интеллекта, базирующейся на традиционных российских духовно-нравственных ценностях.

Литература

1. Бизнес попросил доработать законопроект об ИИ. Что не нравится компаниям // РБК 17 апреля 2026 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/04/2026/69e0ebb19a794706fad926c7 (дата обращения: 17.04.2026).

2. Володенков, С.В. Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования / С.В. Володенков, С.Н. Федорченко, Н.М. Печенкин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 406–424. – DOI 10.22363/2313–1438–2024–26–2–406–424. – EDN LWSYCV.

3. ВС признал незаконным использование ИИ для создания образа людей в агитации // Ведомости 05 февраля 2026 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/02/05/1174142-vs-priznal-nezakonnim-ispolzovanie-ii-v-agitatsii (дата обращения: 17.04.2026).

4. Глава МВД поручил сократить нагрузку на полицейских за счет цифровизации // Ведомости 16 марта 2026 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/03/16/1183150-sokratit-nagruzku-na-politseiskih (дата обращения: 17.04.2026).

5. Давыдова, Ю.А. Искусственный интеллект в политическом управлении: тенденции и перспективы / Ю.А. Давыдова, А.В. Матюхин, Е.А. Ананьевская // Журнал политических исследований. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 100–113. – DOI 10.12737/2587–6295–2023–7–4–100–113. – EDN CTDXTA.

6. Зиновьева Е.С. Международно-политическая предвзятость больших языковых моделей: критический дискурс-анализ нарративов ChatGPT, LLaMA, Gemini и DeepSeek / Е.С. Зиновьева, В.П. Трапезников // Полис. Политические исследования. – 2026. – № 1. – С. 157–177. – EDN VAVKWA.

7. Калинин, О.И. Информационная война: формы ведения и методы лингвистического анализа: монография / О.И. Калинин, О.А. Солопова. – Москва: ФЛИНТА, 2025. – 344 с. – ISBN 978-5-9765-5671-3.

8. Кравченко, А.Л. К вопросу о «технофеодализме» / А.Л. Кравченко // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. – 2024. – № 4. – С. 13–21. – EDN AMMCYN.

9. Лукашевич, Д.А. Применимость теории «спирали молчания» к сети интернет и новым медиа / Д.А. Лукашевич // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, № 6. – С. 61–66. – EDN PJIPRY.

10. Манойло, А.В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны: монография / А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов. – [4-е издание, переработанное и дополненное]. – Москва: Горячая линия – Телеком, 2024. – 636 с. – (Информационный войны и цветные революции). – ISBN 978-5-9912-0867-3.

11. Минцифры опубликовало законопроект о регулировании ИИ // РБК 18 марта 2026 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/18/03/2026/69baed539a7947daf36b8989 (дата обращения: 17.04.2026).

12. Мухаметов, Д.Р. Прозрачность алгоритмов в государственном секторе: основные аспекты / Д.Р. Мухаметов // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18, № 12. – С. 3867–3880. – DOI 10.18334/ce.18.12.122327. – EDN MGYCMN.

13. Себекин, С.А. Искусственный интеллект в политических процессах: перспективы и вызовы / С.А. Себекин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2023. – Т. 46. – С. 7–18. – DOI 10.26516/2073–3380.2023.46.7. – EDN RLEPOU.

14. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2022.

15. Only a Little to the Left: A Theory-grounded Measure of Political Bias in Large Language Models / M. Faulborn, I. Sen, M. Pellert [et al.] // Proceedings of the 63rd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. – 2025. – Vol. 1. – P. 31684–31704. – DOI 10.48550/arXiv.2503.16148.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN POLITICAL PROCESS MANAGEMENT: RISKS AND PROSPECTS

Korenkov I.O.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article presents a comprehensive analysis of the risks and prospects of using artificial intelligence (AI) technologies in the management of political processes. The author examines both the positive effects of AI implementation (automation of routine tasks, predictive modeling, countering destructive content) and fundamental threats related to asymmetry of access to algorithmic power, institutionalization of biases, digital fragmentation of the population, the risk of declining cognitive abilities of the population, as well as the ideological bias of large language models. The article analyzes the draft law of the Ministry of Digital Development of the Russian Federation, which introduces the categories of "trusted," "sovereign," and "national" AI models, mandatory labeling of synthesized content, and establishes the responsibility of model developers for the generated output. It is concluded that the further implementation of AI in Russia depends on the success of import substitution policies and the ability of legislators to respond promptly to the evolution of information-psychological warfare technologies and the demands of public institutions.

Keywords: artificial intelligence, political processes, ideological biases, algorithmic power, sovereign and trusted AI models, import substitution

References

1. Business asks to revise AI bill. What companies dislike // RBC, April 17, 2026. [Electronic resource] URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/04/2026/69e0ebb19a794706fad926c7 (accessed: April 17, 2026).

2. Volodenkov, S. ., Fedorchenko, S.N., & Pechenkin, N.M. Risks, threats and challenges of introducing artificial intelligence and neural network algorithms into the modern system of socio-political communications: based on expert research // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. – 2024. – Vol. 26, No. 2. – P. 406–424. – DOI 10.22363/2313–1438–2024–26–2–406–424. – EDN LWSYCV.

3. Supreme Court ruled illegal use of AI to create images of people in campaigning // Vedomosti, February 5, 2026. [Electronic resource] URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/02/05/1174142-vs-priznal-nezakonnim-ispolzovanie-ii-v-agitatsii (accessed: April 17, 2026).

4. Interior Minister ordered to reduce workload on police through digitalization // Vedomosti, March 16, 2026. [Electronic resource] URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/03/16/1183150-sokratit-nagruzku-na-politseiskih (accessed: April 17, 2026).

5. Davydova, Yu.A., Matyukhin, A.V., & Ananyevskaya, E.A. Artificial Intelligence in Political Governance: Trends and Prospects // Journal of Political Studies. – 2023. – Vol. 7, No. 4. – P. 100–113. – DOI 10.12737/2587–6295–2023–7–4–100–113. – EDN CTDXTA.

6. Zinovyeva, E.S., & Trapeznikov, V.P. International Political Bias of Large Language Models: Critical Discourse Analysis of Narratives of ChatGPT, LLaMA, Gemini and DeepSeek // Polis. Political Studies. – 2026. – No. 1. – P. 157–177. – EDN VAVKWA.

7. Kalinin, O.I., & Solopova, O.A. Information Warfare: Forms of Conduct and Methods of Linguistic Analysis: monograph. – Moscow: FLINTA, 2025. – 344 p. – ISBN 978-5-9765-5671-3.

8. Kravchenko, A.L. On the issue of "technofeudalism" // Bulletin of Dubna State University. Series: Human and Society Sciences. – 2024. – No. 4. – P. 13–21. – EDN AMMCYN.

9. Lukashevich, D.A. Applicability of the "spiral of silence" theory to the Internet and new media // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. – 2013. – Vol. 12, No. 6. – P. 61–66. – EDN PJIPRY.

10. Manoilo, A.V., Petrenko, A.I., & Frolov, D.B. State Information Policy in the Context of Information-Psychological Warfare: monograph. – 4th edition, revised and expanded. – Moscow: Goryachaya Liniya – Telekom, 2024. – 636 p. – (Information Wars and Color Revolutions). – ISBN 978-5-9912-0867-3.

11. Ministry of Digital Development published a bill on AI regulation // RBC, March 18, 2026. [Electronic resource] URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/18/03/2026/69baed539a7947daf36b8989 (accessed: April 17, 2026).

12. Mukhametov, D.R. Transparency of Algorithms in the Public Sector: Key Aspects // Creative Economy. – 2024. – Vol. 18, No. 12. – P. 3867–3880. – DOI 10.18334/ce.18.12.122327. – EDN MGYCMN.

13. Sebekin, S.A. Artificial Intelligence in Political Processes: Prospects and Challenges // Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies. – 2023. – Vol. 46. – P. 7–18. – DOI 10.26516/2073–3380.2023.46.7. – EDN RLEPOU.

14. Decree of the President of the Russian Federation "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" of November 9, 2022 No. 809 // Official Internet Portal of Legal Information. – 2022.

15. Faulborn, M., Sen, I., Pellert, M., et al. Only a Little to the Left: A Theory-grounded Measure of Political Bias in Large Language Models // Proceedings of the 63rd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. – 2025. – Vol. 1. – P. 31684–31704. – DOI 10.48550/arXiv.2503.16148.

Модели ESG-регулирования в мировой политике: институциональный обзор

Левшенков Владислав Борисович,
аспирант, кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»
E-mail: vladlevsencov@gmail.com

Статья посвящена институциональному обзору моделей ESG-регулирования в мировой политике. Исследование опирается на теоретические инструменты исторического институционализма, социологического институционализма, концепции разновидностей капитализма и режимного комплекса. В работе систематизируются четыре модели ESG-регулирования: европейская, американская, китайская и модель развивающихся стран. Выявляются их институциональные особенности, механизмы формирования и политико-экономические функции. Показано, что различия между моделями обусловлены структурными особенностями национальных политико-экономических систем, логикой взаимодействия государства, бизнеса и финансовых рынков, а также характером включенности в глобальные регуляторные процессы. Делается вывод о формировании в сфере ESG-регулирования структуры «управляемой фрагментации», характеризующейся конкуренцией нормотворческих центров, частичной совместимостью стандартов и отсутствием глобальной гармонизации.

Ключевые слова: ESG-регулирование, глобальное управление, институционализм, разновидности капитализма, устойчивое финансирование.

Введение

ESG-регулирование как направление институциональных изменений в мировой политике и мировой экономике приобрело более выраженный институциональный характер. Развитие данного направления связано с расширением практик раскрытия нефинансовой информации и ростом значимости устойчивого финансирования. В ряде юрисдикций ESG постепенно переходит от добровольных практик и рекомендаций к системе обязательных правил, регулируемых различными акторами.

Политическая значимость ESG обусловлена несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, ESG влияет на конфигурацию рынков капиталов, меняя условия доступа к финансированию и структуру инвестиционных стимулов. Во-вторых, ESG затрагивает вопросы экономического суверенитета государств, поскольку требования к отчетности и к данным распространяются по цепочкам поставок и через транснациональные финансовые связи. В-третьих, ESG влияет на архитектуру глобального управления, где формируются новые правила и ожидания в отношении государств, бизнеса и финансовых институтов.

Несмотря на рост количества исследований, посвящённых устойчивому финансированию, нефинансовой отчётности и ESG-стандартам, в научной литературе по-прежнему сохраняется дефицит работ, рассматривающих ESG-регулирование как политико-институциональную конфигурацию глобального управления. В особенности недостаточно изучен вопрос о том, каким образом различия между политико-экономическими системами формируют отличающиеся модели ESG-регулирования и как эти различия влияют на фрагментацию глобальной нормативной среды.

Цель данной статьи заключается в систематизации основных моделей ESG-регулирования в мировой политике и выявлении их институциональной специфики. Анализ опирается на институциональный подход, а в центре внимания находятся четыре модели: европейская, американская, китайская и модель развивающихся стран. Статья носит обзорно-аналитический характер и фокусируется на институциональной архитектуре ESG-регулирования, механизмах формирования регуляторных правил и политико-экономических функциях соответствующих режимов. При этом модель развивающихся стран используется как укрупнённая аналитическая категория, фиксирующая преобладающую логику адаптационного ESG-регулирования, тогда как конкретные национальные траектории внутри данной группы сохраняют институциональную неоднородность.

Теоретическая рамка исследования

Институциональный подход рассматривает ESG как систему правил, процедур и механизмов обеспечения соблюдения установленных требований. Ключевым является не только содержание этой системы правил, но и способы их внедрения, устойчивость системы во времени и стимулы акторов, на которых направлено действие данных норм. Для базового определения институтов применяется подход институциональной экономики, который трактует институты как совокупность правил и ограничений, структурирующих взаимодействие и снижающих неопределенность [15].

Исторический институционализм подчеркивает роль зависимости от предыдущих этапов развития, так называемого «эффекта колеи» (path dependency). П. Пирсон показывает, что принятые в прошлом решения создают устойчивую институциональную инерцию, изменить которую крайне сложно ввиду возрастающих издержек смены траектории [16]. Применительно к ESG-регулированию «эффект колеи» может выражаться в зависимости от ранее сложившихся правовых режимов, от структуры финансового контроля и надзора, а также от конфигурации политической системы и политической конкуренции.

Социологический институционализм подчеркивает важность институциональной среды, выражающейся через законы, нормы, ожидания и профессиональные стандарты, которая под воздействием внешнего давления побуждает компании или государства становиться похожими друг на друга через механизмы институционального изоморфизма [5]. ДиМаджо и Пауэлл выделяют принудительный, подражательный и нормативный изоморфизм, что позволяет описывать распространение ESG-требований между юрисдикциями и рынками (включая через цепочки поставок).

Анализ разновидностей капитализма позволяет показать, что устойчивые различия институтов порождают разные модели координации между государством, бизнесом и финансовыми рынками [10]. В этой логике ESG-регулирование выступает не универсальным набором практик, а производным от конкретной институциональной конфигурации. Для крупных развивающихся экономик важным дополнением выступает понятие «капитализм, пронизанный государством» (state-permeated capitalism), в рамках которого государство выполняет не только регулирующую, но и координирующую функцию [14].

Для осмысления конфигурации глобального ESG-управления в целом применяется концепция режимного комплекса. В рамках данной концепции глобальное управление в определённой сфере описывается не как единый режим, а как совокупность частично перекрывающихся, конкурирующих и взаимодействующих институтов и норм, сложившихся в различных регуляторных центрах [12]. Данный инструмент позволяет интерпретировать отсутствие глобальной конвергенции ESG-стандартов как устойчивый результат конкурирующих институциональных логик.

В рамках данной статьи под ESG-регулированием понимается институционально оформленный комплекс норм и стандартов, который охватывает следующие критерии: охват раскрытия устойчивой информации, классификацию устойчивой деятельности, регулирование устойчивых финансовых продуктов и требования, которые применяются к инфраструктуре ESG-данных. Именно этот комплекс критериев создается в рамках конкретных политико-экономических институтов рассматриваемых стран, с учетом их функциональных различий. В зависимости от модели функциональные различия выражаются в расширении стандартов раскрытия, промышленной политики, мобилизации капитала и адаптации к внешним стандартам.

Модели ESG-регулирования

Европейская модель

Отличительной чертой европейской модели ESG-регулирования является ее нормативная плотность, которая ориентирована на формирование архитектуры устойчивого финансирования и нефинансового раскрытия. Сформированная в ЕС траектория объясняет, почему европейская ESG-архитектура строится прежде всего на раскрытии информации, единых классификациях и нормативном контроле за устойчивыми характеристиками финансовых продуктов.

Институциональное ядро европейской модели составляет многоуровневая нормативная архитектура. Регламент о раскрытии устойчивой информации в финансовом секторе (SFDR) формирует обязательства для финансового рынка с целью раскрытия информации о ESG-рисках и влияния на устойчивое развитие [8]. Регламент о таксономии (EU Taxonomy) функционирует как классификатор экологически устойчивых видов деятельности, через который задается направление потоков капитала [9]. Директива о корпоративной отчетности в области устойчивого развития (CSRD) обязывает широкий круг компаний раскрывать информацию в соответствии с концепцией двойной существенности (как компании управляют ESG-рисками и как воздействуют на окружающую среду и общество) [6]. Директива о должной осмотрительности в отношении корпоративной устойчивости (CSDDD) обязывает компании внедрить климатические планы, выявлять и предотвращать негативное влияние их деятельности на экологию, охрану труда и права человека во всей цепочке поставок [7].

Ключевым политическим эффектом европейской модели является ее потенциал экстерриториального распространения установленных ЕС стандартов, который во многом связан с транснациональными компаниями, ориентирующимися на наиболее строгий режим соответствия, что способствует превращению европейских стандартов в дефакто глобальные. В научной литературе данный эффект описан под термином «брюссельский эффект» [3].

Обеспечение экстерриториального распространения европейских норм реализуется через инструменты, обязывающие третьи государства соответствовать требованиям ЕС как условию доступа к европейскому рынку. К их числу относятся Механизм трансграничного углеродного регулирования (CBAM) и Регламент о предотвращении вырубки лесов (EUDR). Показательно, что оба инструмента формально находятся за пределами ESG-инфраструктуры ЕС, оказывая непосредственное воздействие на распространение европейских норм за пределы юрисдикции государств-членов ЕС. Торговые партнёры ЕС, в свою очередь, квалифицируют их как нетарифные барьеры, несовместимые с правилами ВТО.

Вместе с тем европейская модель обнаруживает внутреннее противоречие между амбициозностью климатической повестки ЕС и императивом поддержания конкурентоспособности европейского бизнеса. Принятая в феврале 2026 года Директива (ЕС) 2026/470 наглядно отражает это противоречие. Директива предусматривает корректировку ряда требований к устойчивой отчетности и снижение административной нагрузки на компании.

Американская модель

Американская модель ESG-регулирования не сложилась в виде единой институциональной системы и представляет собой фрагментированную конструкцию, образованную взаимодействием федеральных требований к раскрытию информации, норм фидуциарной ответственности при управлении пенсионными и инвестиционными фондами, субнационального регулирования на уровне штатов и добровольных рыночных практик. Ключевая роль в рамках данной модели отводится институциональным инвесторам и частным разработчикам стандартов и рамок раскрытия.

Концептуальным основанием модели выступает принцип финансовой существенности, в соответствии с которым раскрытие ESG-информации рассматривается прежде всего как инструмент защиты инвесторов, а не как выражение самостоятельной регуляторной цели устойчивого развития. Отсутствие централизованной таксономии устойчивой деятельности усиливает зависимость компаний от частных стандартов, таких как TCFD, SASB и GRI, которые, функционируя как де-факто ориентиры для инвесторов, не обладают обязательной юридической силой.

Институциональная динамика ESG-регулирования на федеральном уровне определяется высокой степенью политической поляризации и значительным влиянием бизнес-сообщества. Показательна в этом отношении траектория Комиссии по ценным бумагам и биржам США (SEC): в марте 2024 года она приняла правила раскрытия информации о выбросах для крупных эмитентов, исключив при этом под давлением бизнеса выбросы по цепочкам поставок из числа обязательных требований. В марте 2025 года SEC проголосовала за прекращение судебной защиты этих правил, что свидетельствует о высокой зависимости регуляторного курса от политической конъюнктуры и воспроизводит структурную неопределенность для участников рынка [18].

Принятый в 2022 году Закон о снижении инфляции (IRA) предусматривает крупный объём субсидий и налоговых стимулов, направленных на инвестиции в климатические проекты и развитие чистой энергетики. IRA представляет собой инструмент не регуляторной, а промышленной политики, поскольку не требует раскрытия нефинансовой информации, не устанавливает стандартов и не формирует обязательств для участников финансового сектора, воздействуя на распределение капитала прежде всего через налоговые льготы и субсидии [13].

На уровне штатов воспроизводится та же регуляторная асимметрия, которая наблюдается и на федеральном уровне. Показателен пример Калифорнии, где были приняты Законы SB 253 и SB 261, предусматривающие требования к раскрытию и верификации данных о выбросах и климатических рисках для крупных компаний [19; 20].

В сравнении с европейской моделью американская модель отличается меньшей институциональной целостностью и отсутствием единой нормативной архитектуры, а в сравнении с китайской – существенно более слабой ролью государства в координации ESG-перехода [13]. Ее влияние на глобальные стандарты формируется преимущественно не через централизованное нормотворчество, а через частные рынки капитала, институциональных инвесторов и субнациональные регуляторные инициативы, что одновременно обеспечивает системе высокую гибкость и воспроизводит ее нестабильность [11].

Китайская модель

Китайская модель ESG-регулирования развивается в институциональном контексте, который в сравнительной политической экономии описывается как «капитализм, пронизанный государством» [14]. Такая конфигурация предполагает, что государство не просто регулирует рынки, но и активно участвует в их формировании и направляет их развитие. Это во многом объясняет, почему ESG-инструменты в Китае носят более директивный и интервенционистский характер по сравнению с другими типами рыночных экономик.

Институциональная архитектура китайской модели строится вокруг координации через центральные финансовые регуляторы и инфраструктуру рынков капитала. Народный банк Китая демонстрирует более ранний и выраженный экологический разворот по сравнению со многими западными центральными банками. Это обусловлено особенностями его мандата и возможностью применения различных инструментов денежно-кредитной политики для целей климатической трансформации экономики [4]. Экологическая повестка Центрального банка Китая встраивается в более широкую логику координации структурных изменений через финансовую систему, характерную для государственно-координируемого капитализма [14].

Политические цели Китая в области ESG-регулирования связаны прежде всего с мобилизацией внутреннего капитала в приоритетные сектора и повышением внешней инвестиционной привлекательности китайских корпораций за счет частичной совместимости с международными стандартами раскрытия. Вместе с тем сохраняется противоречие между высокой скоростью внедрения ESG-практик и задачей обеспечения их сопоставимости с внешними стандартами, особенно по мере роста трансграничных требований к устойчивой информации.

В сравнении с европейской и американской моделями китайская модель характеризуется более высокой степенью государственного участия и более тесной встроенностью ESG-инструментов в задачи промышленной и финансовой координации [14]. Вместе с тем, в отличие от ЕС, Китай пока не выступает ведущим нормотворческим центром глобального ESG-регулирования: его относительное преимущество связано прежде всего с масштабом внедрения инструментов «зеленого» финансирования в том числе через привлечение национальных фондовых бирж для распространения ESG-стандартов на национальном уровне, а не с экспортом универсальных стандартов.

Модель развивающихся стран

В развивающихся экономиках ESG-регулирование чаще всего формируется как адаптационный ответ на внешние требования. Международные стандарты раскрытия, разработанные для крупных финансовых центров, воздействуют на компании через условия кредитования, контракты с иностранными партнерами и транснациональные производственно-сбытовые цепочки.

Национальные траектории развития ESG-регулирования в данной группе стран существенно различаются. Ввиду того, что развивающиеся страны институционально неоднородны, возникает необходимость в осмыслении происходящих процессов через «эффект колеи» [16]. Так, «унаследованные» институциональные конфигурации задают траекторию адаптации, принципиально различную для разных групп стран. Ключевым институциональным механизмом для большинства развивающихся стран становится заимствование или адаптация международной базовой архитектуры раскрытия. Стандарты ISSB (IFRS S1 и IFRS S2), выпущенные в 2023 году, задают глобальную основу инвестор-ориентированных раскрытий устойчивой информации и тем самым формируют «базовую линию» сопоставимости.

Вместе с тем адаптационная логика не означает полной пассивности развивающихся стран в сфере ESG-регулирования. В отдельных случаях формируются элементы ограниченной нормативной автономии, когда заимствованные международные подходы перерабатываются с учетом региональных и национальных приоритетов. Показателен пример таксономии АСЕАН, которая представляет собой институционально оформленный компромисс между задачами устойчивого финансирования, различиями в уровне развития государств-участников и необходимостью сохранения гибкости перехода [2]. Сходная логика прослеживается и в ряде государств Персидского залива, где инструменты устойчивого финансирования развиваются не только под воздействием внешнего нормативного давления, но и как часть более широких стратегий экономической трансформации и повышения инвестиционной привлекательности [1]. Это позволяет говорить о том, что модель развивающихся стран в целом остается адаптационной, но не исключает возникновения региональных контуров частичной нормативной автономии.

В институциональном плане доминирование глобальной базы раскрытия усиливает механизмы институционального изоморфизма [5]: принудительного (через условия доступа к капиталу), нормативного (через давление профессиональных стандартов) и подражательного (через копирование практик более развитых юрисдикций в условиях неопределенности).

ESG-регулирование в развивающихся странах ориентировано на привлечение климатического финансирования, снижение рисков энергетического перехода, адаптацию национальных компаний к требованиям экспортных рынков и сохранение пространства для самостоятельной экономической политики. При этом ЮНКТАД фиксирует устойчивую асимметрию: рост глобального рынка устойчивого финансирования не сопровождается сопоставимым ростом доступных ресурсов для развивающихся экономик [17]. В результате необходимость соответствия внешним стандартам нередко вступает в противоречие с задачами индустриализации и развития собственной производственной базы.

Для развивающихся стран совместимость с глобальной базой может облегчать доступ компаний к международному капиталу, но одновременно повышает издержки адаптации и усиливает структурную асимметрию: при меньшей способности задавать правила именно эти экономики чаще несут с сопутствующими издержками.

Заключение

Проведённый институциональный обзор показывает, что ESG-регулирование в мировой политике формируется как конкурентное пространство частично совместимых институциональных режимов. Эти режимы устойчиво различаются по институциональной конфигурации, роли государства, характеру взаимодействия с международными стандартами и логике встраивания ESG-механизмов в экономическую и финансовую политику.

Европейская модель отличается высокой нормативной плотностью и выраженным потенциалом экстерриториального распространения стандартов [3], однако внутреннее напряжение между регуляторными амбициями ЕС и необходимостью поддержания конкурентоспособности компаний обнаруживает потенциальные пределы данной модели. Американская модель характеризуется структурной институциональной нестабильностью, обусловленной высокой политической поляризацией ESG-повестки: смена регуляторного курса в сфере раскрытия носит систематический характер и воспроизводит долгосрочную неопределенность для участников рынка [18]. Китайская модель выстраивается вокруг государственной координации и инструментального использования ESG-механизмов через финансовую систему в интересах промышленной и инвестиционной политики [14]. Модель развивающихся стран в целом разворачивается в логике адаптации к внешним стандартам и требованиям международного капитала, при этом асимметрия «требования-ресурсы» остаётся ключевым структурным ограничением [17]. Ее специфика состоит не в институциональной слабости как таковой, а в структурной асимметрии положения: при меньшей способности задавать правила именно эти экономики в наибольшей степени сталкиваются с издержками внешней регуляторной диффузии, хотя отдельные региональные инициативы, включая таксономию АСЕАН и практики государств Персидского залива, свидетельствуют о формировании элементов ограниченной нормативной автономии [1; 2].

Институциональный подход позволяет объяснить устойчивость выявленных различий. Механизмы зависимости от «эффекта колеи» [16], институционального изоморфизма [5] и разновидностей капитализма [10; 14] воспроизводят логику конкретной политико-экономической системы в институциональной конфигурации ESG-режимов. В этих условиях глобальная гармонизация ESG-регулирования представляется маловероятной. Концепция режимного комплекса предполагает не линейную конвергенцию, а формирование структуры частичной совместимости норм, их политизацию и геоэкономическое использование [12]. Это означает, что транснациональные компании и государства (особенно развивающиеся) будут продолжать функционировать в условиях конкурирующих регуляторных требований, возникающих в различных институциональных контекстах.

Литература

1. Abdelraouf M., Nagasawa A. Saudi green initiatives and their role in achieving environmental goals in the Middle East // Gulf Research Center. – 2023.

2. ASEAN. ASEAN Taxonomy for Sustainable Finance Version 4 [Electronic resource]. – URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/11/ASEAN-Taxonomy-Sustainable-Finance-V4_06Nov25.pdf (date of access: 01.02.2026).

3. Bradford A. The Brussels effect: how the European Union rules the world. – New York: Oxford University Press, 2020. – 404 p.

4. California Legislature. Bill Text – SB-253 Climate Corporate Data Accountability Act [Electronic resource]. – 2023. – URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=202320240SB253 (date of access: 01.03.2026).

5. California Legislature. Bill Text – SB-261 Greenhouse gases: climate-related financial risk [Electronic resource]. – 2023. – URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=202320240SB261 (date of access: 01.03.2026).

6. DiLeo M., Helleiner E., Wang H. A less reluctant (green) Atlas? Explaining the People's Bank of China's distinctive environmental shift // New Political Economy. – 2025. – Vol. 30. – No. 5. – P. 652–665.

7. DiMaggio P.J., Powell W.W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Sociological Review. – 1983. – Vol. 48. – No. 2. – P. 147–160.

8. European Commission. Directive (EU) 2022/2464 as regards corporate sustainability reporting [Electronic resource]. – 2022. – URL: http://data.europa.eu/eli/dir/2022/2464/oj (date of access: 01.02.2026).

9. European Commission. Directive (EU) 2024/1760 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on corporate sustainability due diligence and amending Directive (EU) 2019/1937 and Regulation (EU)

2023/2859. [Electronic resource]. – 2024. – URL: http://data.europa.eu/eli/dir/2024/1760/oj (date of access: 30.03.2026).

10. European Commission. Regulation (EU) 2019/2088 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2019 on sustainability-related disclosures in the financial services sector. [Electronic resource]. – 2019. – URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2019/2088/oj (date of access: 01.02.2026).

11. European Commission. Regulation (EU) 2020/852 of the European Parliament and of the Council of 18 June 2020 on the establishment of a framework to facilitate sustainable investment, and amending Regulation (EU) 2019/2088. [Electronic resource]. – 2020. – URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2020/852/oj (date of access: 30.03.2026).

12. Hall P.A., Soskice D. Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. – Oxford University Press, 2001. – 540 p.

13. Harmes A. The Anti-ESG Backlash and Asset Manager Capitalism // Politics & Society. – 2025. – Vol. 53. – No. 4. – P. 603–629.

14. Keohane R.O., Victor D.G. The Regime Complex for Climate Change // Perspectives on Politics. – 2011. – Vol. 9. – No. 1. – P. 7–23.

15. Kleimann D. [et al.]. Green tech race? The US Inflation Reduction Act and the EU Net Zero Industry Act // The World Economy. – 2023. – Vol. 46. – No. 12. – P. 3420–3434.

16. Nölke A. [et al.]. State-permeated Capitalism in Large Emerging Economies. – 1st ed. – Routledge, 2019.

17. North D.C. Institutions, institutional change, and economic performance: The Political economy of institutions and decisions. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1990. – 152 p.

18. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // American Political Science Review. – 2000. – Vol. 94. – No. 2. – P. 251–267.

19. UNCTAD. World Investment Report 2024 [Electronic resource]. – URL: https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024 (date of access: 01.02.2026).

20. U.S. Securities and Exchange Commission. SEC Votes to End Defense of Climate Disclosure Rules. Press Release [Electronic resource]. – URL: https://www.sec.gov/newsroom/press-releases/2025–58 (date of access: 01.02.2026).

ESG REGULATION MODELS IN GLOBAL POLITICS: AN INSTITUTIONAL REVIEW

Levshenkov V.B.
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The article provides an institutional review of ESG regulation models in world politics. The study draws on the theoretical tools of historical institutionalism, sociological institutionalism, the varieties of capitalism approach, and the concept of a regime complex. The article systematizes four models of ESG regulation: the European, American, Chinese, and the model of developing countries. It identifies their institutional features, mechanisms of formation, and political-economic functions. It argues that differences between models are shaped by national political-economic structures, the state–business–finance nexus, and patterns of participation in global rule-making. The article concludes that ESG regulation is characterized by «managed fragmentation» marked by competing norm-setting centers, partial compatibility of standards, and the absence of global harmonization.

Keywords: ESG regulation, global governance, institutionalism, varieties of capitalism, sustainable finance.

References

1. Abdelraouf M., Nagasawa A. Saudi green initiatives and their role in achieving environmental goals in the Middle East // Gulf Research Center. – 2023.

2. ASEAN. ASEAN Taxonomy for Sustainable Finance Version 4 [Electronic resource]. – URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/11/ASEAN-Taxonomy-Sustainable-Finance-V4_06Nov25.pdf (date of access: 01.02.2026).

3. Bradford A. The Brussels effect: how the European Union rules the world. – New York: Oxford University Press, 2020. – 404 p.

4. California Legislature. Bill Text – SB-253 Climate Corporate Data Accountability Act [Electronic resource]. – 2023. – URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=202320240SB253 (date of access: 01.03.2026).

5. California Legislature. Bill Text – SB-261 Greenhouse gases: climate-related financial risk [Electronic resource]. – 2023. – URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=202320240SB261 (date of access: 01.03.2026).

6. DiLeo M., Helleiner E., Wang H. A less reluctant (green) Atlas? Explaining the People's Bank of China's distinctive environmental shift // New Political Economy. – 2025. – Vol. 30. – No. 5. – P. 652–665.

7. DiMaggio P.J., Powell W.W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Sociological Review. – 1983. – Vol. 48. – No. 2. – P. 147–160.

8. European Commission. Directive (EU) 2022/2464 as regards corporate sustainability reporting [Electronic resource]. – 2022. – URL: http://data.europa.eu/eli/dir/2022/2464/oj (date of access: 01.02.2026).

9. European Commission. Directive (EU) 2024/1760 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on corporate sustainability due diligence and amending Directive (EU) 2019/1937 and Regulation (EU) 2023/2859. [Electronic resource]. – 2024. – URL: http://data.europa.eu/eli/dir/2024/1760/oj (date of access: 30.03.2026).

10. European Commission. Regulation (EU) 2019/2088 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2019 on sustainability-related disclosures in the financial services sector. [Electronic resource]. – 2019. – URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2019/2088/oj (date of access: 01.02.2026).

11. European Commission. Regulation (EU) 2020/852 of the European Parliament and of the Council of 18 June 2020 on the establishment of a framework to facilitate sustainable investment, and amending Regulation (EU) 2019/2088. [Electronic resource]. – 2020. – URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2020/852/oj (date of access: 30.03.2026).

12. Hall P.A., Soskice D. Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. – Oxford University Press, 2001. – 540 p.

13. Harmes A. The Anti-ESG Backlash and Asset Manager Capitalism // Politics & Society. – 2025. – Vol. 53. – No. 4. – P. 603–629.

14. Keohane R.O., Victor D.G. The Regime Complex for Climate Change // Perspectives on Politics. – 2011. – Vol. 9. – No. 1. – P. 7–23.

15. Kleimann D. [et al.]. Green tech race? The US Inflation Reduction Act and the EU Net Zero Industry Act // The World Economy. – 2023. – Vol. 46. – No. 12. – P. 3420–3434.

16. Nölke A. [et al.]. State-permeated Capitalism in Large Emerging Economies. – 1st ed. – Routledge, 2019.

17. North D.C. Institutions, institutional change, and economic performance: The Political economy of institutions and decisions. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1990. – 152 p.

18. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // American Political Science Review. – 2000. – Vol. 94. – No. 2. – P. 251–267.

19. UNCTAD. World Investment Report 2024 [Electronic resource]. – URL: https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024 (date of access: 01.02.2026).

20. U.S. Securities and Exchange Commission. SEC Votes to End Defense of Climate Disclosure Rules. Press Release [Electronic resource]. – URL: https://www.sec.gov/newsroom/press-releases/2025–58 (date of access: 01.02.2026).

Роль искусственного интеллекта во внешней политике Китая

Мифтахова Алина Рамилевна,
магистрант направления «Международные отношения», Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: AliRMiftakhova@kpfu.ru

Терешина Елена Александровна,
кандидат политических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: teralena2010@mail.ru

В статье проанализирована роль искусственного интеллекта (ИИ) во внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики. Представлен сравнительный анализ китайской, европейской и американской моделей регулирования ИИ. При помощи сопоставления нормативно-правовых документов, международных инициатив (Глобальная инициатива 2023 года, План действий 2025 года) и стандартизационных механизмов (ISO/IEC, GB/T) выявлены ключевые особенности китайского подхода, включая централизованное отраслевое регулирование и интеграцию технологий ИИ в дипломатическую аналитику. На основании этого сделан вывод о формировании Китаем системы «умной дипломатии» как инструмента укрепления геополитического влияния.

Ключевые слова: внешняя политика Китая; искусственный интеллект; международные стандарты; глобальное регулирование.

Введение

Роль искусственного интеллекта (далее – ИИ) во внешней политике Китая (КНР) в XXI веке становится не просто технологическим, но и полноценным геополитическим фактором, определяющим место страны в формирующемся мировом порядке. Китайская Народная Республика последовательно превращает вопросы регулирования искусственного интеллекта в одно из центральных направлений своей международной повестки, добиваясь согласованных принципов безопасности и равного участия всех государств в управлении этой технологией.

Степень разработанности

В отечественной и зарубежной литературе вопросы регулирования искусственного интеллекта в Китае и его влияния на международные отношения рассматриваются в трудах И.Е. Денисова, И.А. Филипповой, Дж. Цзэн, Л. Чжан, Р.Б.Л. Диксон и др. [1, 2, 4, 10, 13, 14].

Так, И.Е. Денисов отмечает, что искусственный интеллект выступает неотъемлемой частью дипломатических механизмов КНР, влияет на структуру международного позиционирования [1]. Другой отечественный исследователь И.А. Филиппова [2] на основе анализа нормативной базы выявляет правовые основы регулирования технологий, определяет инициативы китайского правительства Зарубежные исследователи преимущественно рассматривают вопросы международного регулирования и этики искусственного интеллекта, реже затрагивают место ИИ в системе государственного управления. Р. Диксон [14] проводит сравнительный анализ регулирования искусственного интеллекта, определяет специфику китайской модели в контексте международного опыта. Для китайских исследователей проблема связи искусственного интеллекта и международных отношений является одним из приоритетных направлений сферы международных отношений. Ю. Наньпин анализирует влияние новых технологий на мировую политику, дипломатию [18]. О значении искусственного интеллекта в изменении баланса сил и восприятия международных процессов рассуждает исследователь Фу И [19]. Модель, связывающую алгоритмические инструменты и прогнозирование дипломатических ситуаций предлагает китайский ученый Чжан Чун [20]. Хань Сяо и У. Чжичэн [21] анализируют особенности китайской политики в области искусственного интеллекта.

Однако комплексное сопоставление китайской модели регулирования ИИ с европейскими и американскими подходами в увязке с внешнеполитической практикой КНР разработано недостаточно. Во многих работах исследователи анализируют искусственный интеллект во внешней политике Китая фрагментарно. Ограничения связаны с рассмотрением ИИ через призму нормативного регулирования, цифровой дипломатии, внутреннего политического управления. Новизна исследования состоит в выявлении особенностей национальной модели управления искусственным интеллектом во внешнеполитической практике Китая, осмыслении этой модели как основы формирования системы «умной дипломатии» КНР.

На основе сопоставления китайских инициатив в области регулирования и стандартизации ИИ с международными нормами и рекомендациями выявлены особенности национальной модели управления искусственным интеллектом во внешнеполитическом контексте.

Объект исследования – внешняя политика Китая в области искусственного интеллекта. Предмет исследования – применение искусственного интеллекта во внешнеполитической деятельности Китая.

Цель исследования – выявить специфику китайской модели регулирования искусственного интеллекта и показать ее влияние на формирование внешнеполитической стратегии КНР. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. проанализировать международные инициативы Китая в области глобального управления ИИ;
2. рассмотреть внутреннюю систему стандартов и правового регулирования;
3. сопоставить китайский подход с европейской и американской моделями;
4. оценить использование технологий ИИ в практике внешнеполитического анализа.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют две парадигмы – реализм и конструктивизм. Реализм в контексте

внешней политики Китая открывает возможность объяснить использование искусственного интеллекта как ресурса влияния, который бы обеспечил безопасность страны. Конструктивистская парадигма выявляет, каким образом интеллектуальные системы формируют общественные представления, как они влияют на восприятие Китая за рубежом и создают новые каналы сотрудничества между государствами.

Авторы также задействовали сравнительный и кейс-стади. В исследовании применяются анализ нормативно-правовых актов КНР и зарубежных государств, международных инициатив в сфере управления ИИ, а также сопоставление китайской, европейской и американской моделей регулирования искусственного интеллекта.

Результаты исследования

Ключевым документом стала принятая в 2023 году Глобальная инициатива по управлению искусственным интеллектом [2], которая закрепляет требования прозрачности алгоритмов, контроля со стороны человека и обязательной оценки рисков. Следующим этапом стал Глобальный план действий по управлению искусственным интеллектом [11], представленный в 2025 году на конференции в Шанхае, который содержит уже практические меры международного сотрудничества: согласование этических норм, обмен специалистами, формирование общих каналов передачи данных и проведение совместных исследований. По информации Госсовета КНР, премьер Ли Цян призвал к расширению кооперации и совместному внедрению безопасных решений [9]. Этическая основа формировалась заранее: в 2019 году при участии Академии искусственного интеллекта Пекина разработаны Пекинские принципы [7], закрепляющие добросовестность, прозрачность, справедливость и ответственность разработчиков, а также человеческий контроль и защиту прав человека. Пекинские принципы опираются на рекомендацию ЮНЕСКО 2021 года [12], что обеспечивает совместимость китайских инициатив с многосторонними стандартами.

Техническое направление сотрудничества реализуется через Международный союз электросвязи. Совместная со Всемирной организацией здравоохранения фокус-группа ITU–WHO, учреждённая в 2018 году, подготовила методические подходы к проверке качества медицинских алгоритмов. Китай проводит постоянные консультации с региональными структурами: цифровой диалог с Европейской комиссией охватывает вопросы регулирования данных, прозрачности алгоритмов и ответственности поставщиков технологий, а заседание 18 сентября 2023 года было посвящено разработке правил для трансграничных потоков информации. В странах Юго-Восточной Азии КНР действует через АСЕАН, где в 2024 году утверждено Руководство по управлению и этике ИИ [6].

Таким образом, выстраивается многоуровневая система: Глобальная инициатива 2023 года определяет концептуальную основу, План действий 2025 года закрепляет практические процедуры, ITU обеспечивает технические критерии, а партнёрство с ЕС и АСЕАН формирует пространство совместимости требований.

Параллельно Китай выстраивает мощную внутреннюю систему стандартизации. Через Государственный комитет по стандартизации страна участвует в работе ISO/IEC JTC 1/SC 42 в качестве полноправного члена, имея возможность вносить предложения и направлять специалистов в профильные группы. Базовая модель закреплена в документе 2020 года «Руководство по построению национальной системы стандартов ИИ нового поколения» [17], а в 2024 году вышло «Комплексное руководство по построению системы стандартов индустрии ИИ» [14], где установлены количественные цели до 2026 года: разработка пятидесяти новых национальных стандартов и участие более чем в двадцати международных проектах. В работе ISO/IEC внимание китайской стороны сосредоточено на трёх направлениях: формирование единого понятийного поля (ISO/IEC 22989), управление рисками (ISO/IEC 23894) и корпоративный менеджмент (ISO/IEC 42001). Внутренняя система стандартов развивается через документы уровня GB/T, такие как GB/T 41867–2022 (терминология) и GB/T 41772–2022 (системы распознавания лиц). Для практического внедрения создана сеть испытательных лабораторий, а в 2025 году Китайский институт ИКТ участвовал в подготовке рекомендации ITU-T F.748.44, устанавливающей принципы оценки базовых моделей ИИ. Правовые механизмы закреплены во «Временных мерах по управлению сервисами генеративного ИИ» 2023 года и «Положении об управлении алгоритмическими рекомендациями» 2022 года [15], которые вводят классификацию сервисов по степени общественной значимости и предусматривают систему надзора и регулярной проверки алгоритмов.

Для понимания места китайской модели необходимо сопоставить её с подходами других регионов. Европейский союз претендует на лидерство в регулировании ИИ, но процесс принятия решений там замедляется из-за различия национальных позиций 27 государств. Как отмечает И.А. Филиппова [3, с. 54], Китай, обладая централизованной системой, утверждает нормативные акты достаточно оперативно. Европейский Регламент об ИИ (EU AI Act) был предложен в апреле 2021 года, но окончательно принят только в 2024-м, а вступит в силу в 2026 году. Китай сумел опередить ЕС, начав формировать правовую базу раньше. Европейская концепция строится на принципе комплексности и риск-ориентированном подходе с четырьмя уровнями риска (неприемлемый, высокий, умеренный, минимальный). Китайская модель, как подчёркивает Л. Чжан [14, с. 126], базируется на отраслевой структуре, где различные ведомства принимают собственные подзаконные акты, а административная традиция наделяет органы власти широкими полномочиями для быстрой адаптации. Проект китайского закона об ИИ показывает движение к более структурированному регулированию с элементами риск-ориентированной модели. Как отмечает Дж. Цзэн [13, с. 15], различие в мотивациях исходно было фундаментальным: Европа стремилась минимизировать вред от технологий, а Китай – ускорить инновационное развитие и получить экономические выгоды, хотя в последние годы это различие сокращается. С точки зрения защиты прав человека, Европа ставит во главу угла права личности, а Китай – прагматизм и общественное благополучие, поэтому распознавание лиц в Китае не вызывает правовых споров, тогда как в Европе сталкивается с ограничениями. Несмотря на различия, обе стороны развивают сотрудничество: первый «цифровой диалог высокого уровня» прошёл в 2020 году, второй – в сентябре 2023 года.

Соединённые Штаты представляют иную модель. Китай пока уступает США по уровню развития технологий ИИ, но по темпам внедрения опережает остальные страны. При этом степень нормативной систематизации в США серьёзно ниже: на начало 2024 года отсутствует единый федеральный акт. Основу базы составляют два федеральных закона (2020 и 2022 годов) и три президентских распоряжения (2019, 2020 и 2023 годов). В дополнение к ним разработан Билль о правах в области ИИ (2022 год) [8], не обладающий юридической обязательностью. Правовая система США находится на этапе формирования, причём большое влияние оказывают крупные IT-корпорации – Amazon, Google, OpenA I. Как полагает Р. Б.Л. Диксон [10, с. 793], принятие Регламента ЕС и новых инициатив в Китае стимулирует США к выработке ответных мер, и 2025 год может стать для них переломным.

В Азии Япония следует умеренной модели: в 2019 году обнародованы «Социальные принципы человекоцентричного ИИ» [5, с. 112], в 2021 году юридические обязательства компаний признаны преждевременными, а современная практика основана на добровольных инициативах и консультативных мерах. Южная Корея в 2023 году представила проект закона об ИИ с риск-ориентированным подходом, а также имеет действующий закон о развитии умных роботов (2008 год) [4, с. 46]. Сопоставление этих подходов необходимо для выявления отличительных признаков китайской модели и проверки её заявленной универсальности. Рассмотренные модели задают институциональную основу развития искусственного интеллекта. В случае Китая важно проследить, как эти институциональные решения преобразовываются во внешнеполитическую практику и механизмы принятия решений.

Наконец, искусственный интеллект используется Китаем не только для регулирования, но и как инструмент внешнеполитического анализа. Переосмысление внешнеполитического курса при Си Цзиньпине связано со стремлением объединить политическое видение с научно-техническими достижениями в сфере анализа данных. Как отмечает И.Е. Денисов [1, с. 122], политическая элита КНР осознала, что внешняя среда перестала быть стабильной и предсказуемой, а её оценка требует непрерывного обновления аналитической базы. В китайской внешнеполитической мысли существует концепция «общей обстановки» (дацзюй), в рамках которой формируется комплексная система выработки решений. Совещание по внешней политике летом 2018 года под руководством Си Цзиньпина связало модернизацию дипломатических институтов с внедрением технологий ИИ в систему принятия решений. Геополитическое измерение дискуссии об ИИ усилилось после обострения китайско-американских отношений в 2017–2018 годах, когда ограничительные меры США против китайских корпораций придали теме ИИ стратегический характер. Ключевую роль в аналитическом обеспечении играет Исследовательский центр стратегии и безопасности при Университете Цинхуа, который изучает взаимосвязь ИИ и международной безопасности, включая военное применение ИИ и его параллели с ядерным оружием как фактором геополитической нестабильности. По сообщениям СМИ, в 2018 году в структурах МИД КНР тестировались системы моделирования и прогнозирования геополитической обстановки. Китайские эксперты подчёркивают, что ИИ не заменяет дипломата, а служит инструментом поддержки принятия решений, а главным направлением остаётся создание систем упреждающего реагирования для выявления дипломатических рисков.

Заключение

Таким образом, Китай постепенно выстраивает целостную систему международного регулирования ИИ, в центре которой находится идея управляемого развития, при котором инновации не отделяются от государственного контроля. КНР использует международные структуры для согласования технических норм, ведёт активный диалог с ЕС и АСЕАН, добиваясь совместимости требований к прозрачности, безопасности и обмену данными. Сравнение с европейской риск-ориентированной моделью и американским фрагментарным подходом показывает, что Китай избрал свой уникальный путь – централизованное отраслевое регулирование, активно интегрируемое в международные процессы. Внедрение ИИ в дипломатическую практику делает внешнюю политику Китая более прогнозируемой и ориентированной на долгосрочные цели, превращая цифровые технологии в полноценный инструмент международного влияния. КНР постепенно формирует систему «умной дипломатии», опирающуюся на анализ информации и прогнозирование, что в конечном счёте укрепляет геополитическое положение Китая в формирующемся многополярном мире.

Проведенный анализ международных инициатив, национальных стандартов и правовых актов КНР, сопоставление китайской, европейской и американской моделей регулирования искусственного интеллекта позволили выявить особенности китайского подхода. Последний сочетает в себе управляемое развитие технологий и активное их использование во внешнеполитической деятельности. Искусственный интеллект рассматривается ка инструмент долгосрочного укрепления внешнеполитических позиций Китая.

Литература

1. Денисов, И.Е. Искусственный интеллект и китайская дипломатическая стратегия: от теории к практике / И.Е. Денисов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2025. – № 30. – С. 122–140.

2. Инициатива глобального управления искусственным интеллектом / Министерство иностранных дел КНР. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/202310/t20231024_11166700.html (дата обращения 10.04.2026). – Текст: электронный.

3. Филиппова, И.А. Искусственный интеллект: европейский подход к регулированию / И.А. Филиппова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 54–66.

4. Филиппова, И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая / И.А. Филиппова // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, № 1. – С. 46–69.

5. Шахназарова, Э.А. Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологиями искусственного интеллекта (опыт Республики Корея и Японии) / Э.А. Шахназарова // Хозяйство и право. – 2021. – № 6 (533). – С. 112–123.

6. ASEAN Guide on AI Governance and Ethics, 2024 / ASEAN. – URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics_beautified_201223_v2.pdf (дата обращения 10.04.2026). – Текст: электронный.

7. Beijing Artificial Intelligence Principles / AI Ethics and Governance Institute. – URL: https://ai-ethics-and-governance.institute/beijing-artificial-intelligence-principles/ (дата обращения 10.04.2026). – Текст: электронный.

8. Blueprint for an AI Bill of Rights: Making Automated Systems Work for the American People. – URL: https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/ (дата обращения 10.04.2026). – Текст: электронный.

9. Chinese premier calls for early formation of global AI cooperation organisation / The State Council, The People's Republic of China. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202507/26/content_WS6884bea8c6d0868f4e8f4732.html (дата обращения 10.04.2026). – Текст: электронный.

10. Dixon, R. B. L. A Principled Governance for Emerging AI Regimes: Lessons from China, the European Union, and the United States / R. B.L. Dixon // AI and Ethics. – 2023. – Vol. 3. – P. 793–801.

11. Global AI Governance Action Plan / Ministry of Foreign Affairs of the PRC. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xw/zyxw/202507/t20250729_11679232.html (дата обращения 10.04.2026). – Текст: электронный.

12. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence, 2021 / UNESCO. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455 (дата обращения 10.04.2026). – Текст: электронный.

13. Zeng, J. Artificial Intelligence and China's Authoritarian Governance / J. Zeng // International Affairs. – 2020. – Vol. 96, № 6. – P. 14–41.

14. Zhang, L. The Legal Position and Hierarchical Governance of Generative AI / L. Zhang // Modern Law Science. – 2023. – Vol. 45, № 4. – P. 126–143.

15. 互联网信息服务算法推荐管理规定 / 中华人民共和国国务院 [Положение об управлении алгоритмическими рекомендательными службами в интернет-сервисах / Государственный совет КНР]. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022–01/04/content_5666429.htm (дата обращения 10.04.2026). – Текст: электронный.

16. 国家人工智能产业综合标准化体系建设指南（2024版） / 中华人民共和国国务院 [Руководство по созданию комплексной системы стандартизации индустрии искусственного интеллекта (ред. 2024 г.) / Государственный совет Китайской Народной Республики]. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202407/P020240702716282797987.pdf (дата обращения 10.04.2026). – Текст: электронный.

17. 国家新一代人工智能标准体系建设指南 / 中华人民共和国国务院 [Руководство по построению системы национальных стандартов искусственного интеллекта нового поколения / Государственный совет Китайской Народной Республики]. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020–08/09/5533454/files/bf4f158874434ad096636ba297e3fab3.pdf (дата обращения 10.04.2026). – Текст: электронный.

18. 余南屏. 新一代通用人工智能对国际关系的影响探究 / 国际问题研究 [Ю Наньпин. Исследование влияния нового поколения универсального искусственного интеллекта на международные отношения / Журнал «Международные исследования»]. – URL: https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/7006c7d5.pdf (дата обращения 10.04.2026). – Текст: электронный.

19. 傅颖. 人工智能对国际关系的影响初析 / 清华大学战略与安全研究中心 [Фу Ин. Некоторые мысли и анализ влияния искусственного интеллекта на международные отношения / Исследовательский центр стратегии и безопасности при Университете Цинхуа]. – URL: https://ciss.tsinghua.edu.cn/upload_files/atta/1586847829195_73.pdf (дата обращения 10.04.2026). – Текст: электронный.

20. 张春. 中国外交风险预警模型的建构 / 国际展望 [Чжан Чун. Конструирование модели раннего предупреждения внешнеполитических рисков Китая / Журнал «Международный взгляд»]. – URL: https://www.siis.org.cn/updates/cms/old/UploadFiles/file/20170517/201703003%20%E5%BC%A0%20%20%E6%98%A5.pdf (дата обращения: 10.04.2026). – Текст: электронный.

21. 韩笑, 吴志成. 数字外交的中国特色与实践 / 教学与研究 [Хань Сяо, У Чжичэн. Китайская специфика и практика цифровой дипломатии / Журнал «Преподавание и исследования»]. – URL: https://jxyyj.ruc.edu.cn/CN/abstract/abstract16869.shtml (дата обращения 10.04.2026). – Текст: электронный.

THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CHINA'S FOREIGN POLICY

Miftakhova A., Tereshina E.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article analyzes the role of artificial intelligence (AI) in the foreign policy strategy of the People's Republic of China. A comparative analysis of Chinese, European and American models of AI regulation is presented. Through the comparison of regulatory documents, international initiatives (Global Initiative 2023, Action Plan 2025) and standardization mechanisms (ISO/IEC, GB/T), key features of the Chinese approach have been identified, including centralized industry regulation and integration of AI technologies into diplomatic analytics. Based on this, it was concluded that China was forming a system of "smart diplomacy" as an instrument for strengthening geopolitical influence.

Keywords: China's foreign policy; artificial intelligence; international standards; global regulation.

References

1. Denisov, I.E. Iskusstvenny`j intellekt i kitajskaya diplomaticheskaya strategiya: ot teorii k praktike / I.E. Denisov // Kitaj v mirovoj i regional`noj politike. Istoriya i sovremennost`. – 2025. – № 30. – S. 122–140.

2. Iniciativa global`nogo upravleniya iskusstvenny`m intellektom / Ministerstvo inostranny`x del KNR. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/202310/t20231024_11166700.html (data obrashheniya 10.04.2026). – Tekst: e`lektronny`j.

3. Filippova, I.A. Iskusstvenny`j intellekt: evropejskij podxod k regulirovaniyu / I.A. Filippova // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. – 2023. – T. 19, № 2. – S. 54–66.

4. Filippova, I.A. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: opy`t Kitaya / I.A. Filippova // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – T. 2, № 1. – S. 46–69.

5. Shaxnazarova, E`. A. Pravovoe regulirovanie otnoshenij, voznikayushhix po povodu ob``ektov intellektual`noj sobstvennosti, sozdanny`x texnologiyami iskusstvennogo intellekta (opy`t Respubliki Koreya i Yaponii) / E`. A. Shaxnazarova // Xozyajstvo i pravo. – 2021. – № 6 (533). – S. 112–123.

6. ASEAN Guide on AI Governance and Ethics, 2024 / ASEAN. – URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics_beautified_201223_v2.pdf (data obrashheniya 10.04.2026). – Tekst: e`lektronny`j.

7. Beijing Artificial Intelligence Principles / AI Ethics and Governance Institute. – URL: https://ai-ethics-and-governance.institute/beijing-artificial-intelligence-principles/ (data obrashheniya 10.04.2026). – Tekst: e`lektronny`j.

8. Blueprint for an AI Bill of Rights: Making Automated Systems Work for the American People. – URL: https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/ (data obrashheniya 10.04.2026). – Tekst: e`lektronny`j.

9. Chinese premier calls for early formation of global AI cooperation organisation / The State Council, The People's Republic of China. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202507/26/content_WS6884bea8c6d0868f4e8f4732.html (data obrashheniya 10.04.2026). – Tekst: e`lektronny`j.

10. Dixon, R. B. L. A Principled Governance for Emerging AI Regimes: Lessons from China, the European Union, and the United States / R. B.L. Dixon // AI and Ethics. – 2023. – Vol. 3. – P. 793–801.

11. Global AI Governance Action Plan / Ministry of Foreign Affairs of the PRC. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xw/zyxw/202507/t20250729_11679232.html (data obrashheniya 10.04.2026). – Tekst: e`lektronny`j.

12. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence, 2021 / UNESCO. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455 (data obrashheniya 10.04.2026). – Tekst: e`lektronny`j.

13. Zeng, J. Artificial Intelligence and China's Authoritarian Governance / J. Zeng // International Affairs. – 2020. – Vol. 96, № 6. – P. 14–41.

14. Zhang, L. The Legal Position and Hierarchical Governance of Generative AI / L. Zhang // Modern Law Science. – 2023. – Vol. 45, № 4. – P. 126–143.

15. 互联网信息服务算法推荐管理规定 / 中华人民共和国国务院 [Polozhenie ob upravlenii algoritmicheskimi rekomendatel`ny`mi sluzhbami v internet-servisax / Gosudarstvenny`j sovet KNR]. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022–01/04/content_5666429.htm (data obrashheniya 10.04.2026). – Tekst: e`lektronny`j.

16. 国家人工智能产业综合标准化体系建设指南（2024版） / 中华人民共和国国务院 [Rukovodstvo po sozdaniyu kompleksnoj sistemy` standartizacii industrii iskusstvennogo intellekta (red. 2024 g.) / Gosudarstvenny`j sovet Kitajskoj Narodnoj Respubliki]. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202407/P020240702716282797987.pdf (data obrashheniya 10.04.2026). – Tekst: e`lektronny`j.

17. 国家新一代人工智能标准体系建设指南 / 中华人民共和国国务院 [Rukovodstvo po postroeniyu sistemy` nacional`ny`x standartov iskusstvennogo intellekta novogo pokoleniya / Gosudarstvenny`j sovet Kitajskoj Narodnoj Respubliki]. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020–08/09/5533454/files/bf4f158874434ad096636ba297e3fab3.pdf (data obrashheniya 10.04.2026). – Tekst: e`lektronny`j.

18. 余南屏. 新一代通用人工智能对国际关系的影响探究 / 国际问题研究 [Yu Nan`pin. Issledovanie vliyaniya novogo pokoleniya universal`nogo iskusstvennogo intellekta na mezhdunarodny`e otnosheniya / Zhurnal «Mezhdunarodny`e issledovaniya»]. – URL: https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/7006c7d5.pdf (data obrashheniya 10.04.2026). – Tekst: e`lektronny`j.

19. 傅颖. 人工智能对国际关系的影响初析 / 清华大学战略与安全研究中心 [Fu In. Nekotory`e my`sli i analiz vliyaniya iskusstvennogo intellekta na mezhdunarodny`e otnosheniya / Issledovatel`skij centr strategii i bezopasnosti pri Universitete Cinxua]. – URL: https://ciss.tsinghua.edu.cn/upload_files/atta/1586847829195_73.pdf (data obrashheniya 10.04.2026). – Tekst: e`lektronny`j.

20. 张春. 中国外交风险预警模型的建构 / 国际展望 [Chzhan Chun. Konstruirovanie modeli rannego preduprezhdeniya vneshnepoliticheskix riskov Kitaya / Zhurnal «Mezhdunarodny`j vzglyad»]. – URL: https://www.siis.org.cn/updates/cms/old/UploadFiles/file/20170517/201703003%20%E5%BC%A0%20%20%E6%98%A5.pdf (data obrashheniya: 10.04.2026). – Tekst: e`lektronny`j.

21. 韩笑, 吴志成. 数字外交的中国特色与实践 / 教学与研究 [Xan` Syao, U Chzhiche`n. Kitajskaya specifika i praktika cifrovoj diplomatii / Zhurnal «Prepodavanie i issledovaniya»]. – URL: https://jxyyj.ruc.edu.cn/CN/abstract/abstract16869.shtml (data obrashheniya 10.04.2026). – Tekst: e`lektronny`j.

Авария на АЭС Фукусима-Дайичи и трансформация политического процесса в Японии

Повалюхина Анастасия Николаевна,
аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владивостокский государственный университет»
E-mail: Anastasia.Povaliukhina@vvsu.ru

Предметом исследования является трансформация политического процесса в Японии после ядерной катастрофы на АЭС «Фукусима-Дайичи», с особым акцентом на взаимодействии общественного мнения, энергетической политики и демократических дебатов. Предметом исследования является так называемый «эффект Фукусимы», понимаемый как перестройка политического дискурса, гражданской активности и институциональных ответных мер, вызванных кризисом. В исследовании используется качественная междисциплинарная методология, сочетающая политический анализ, анализ медийного дискурса и исторический институционализм, подкрепленная критическим изучением академической литературы, политических документов и данных об общественном мнении.
Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе «фукусимского эффекта» как многомерного явления, охватывающего сдвиги в общественном мнении, трансформации СМИ и институциональные политические меры. Результаты показывают, что антиядерный активизм и меняющиеся общественные настроения оказали ощутимое давление на политическую элиту, способствуя перестройке политики и временному отказу от ядерной зависимости. Эта интерпретация уравновешивается признанием институциональной инерции и устойчивости укоренившихся интересов в энергетическом секторе Японии.

Ключевые слова: АЭС «Фукусима-Дайичи», эффект Фукусимы, общественное мнение Японии, антиядерное движение Японии, реформы энергетической политики Японии, атомная энергетика Японии, ядерная политика Японии.

Авария на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 года стала одним из самых серьезных политических и социальных кризисов в послевоенной Японии. Вызванная Великим восточнояпонским землетрясением и последующим цунами 11 марта 2011 года, катастрофа привела к серии ядерных аварий, выявивших значительные уязвимости в японской системе ядерного регулирования и структурах управления кризисами. Помимо непосредственных экологических и гуманитарных последствий, авария на Фукусиме коренным образом изменила динамику общественных дебатов, политическую легитимность и энергетическую политику в Японии. В политологической литературе эти преобразования часто описываются с помощью концепции «эффекта Фукусимы», которая относится к широкому спектру политических, социальных и институциональных изменений, вызванных катастрофой. Крупные катастрофы могут коренным образом изменить общественное восприятие институциональной компетентности и подотчетности государства, тем самым перестраивая отношения между гражданами и политическими [7, с. 214–217]. В японском контексте данный кризис катализировал широкое переосмысление так называемой «ядерной деревни» – тесно взаимосвязанной сети политической элиты, бюрократических учреждений, электроэнергетических компаний и технических экспертов, которые исторически продвигали ядерную энергетику как краеугольный камень послевоенной стратегии развития Японии. До 2011 года эта институциональная структура способствовала поддержанию относительно стабильного политического консенсуса в отношении ядерной энергетики, несмотря на периодические опасения по поводу безопасности и локальное противодействие ядерным объектам.

Катастрофа на АЭС резко подорвала этот консенсус, выявив системные недостатки в регулирующем надзоре и кризисной коммуникации [5, с. 186–188]. Публичные разоблачения, касающиеся захвата регулирующих органов, неадекватных стандартов безопасности и задержек в реагировании правительства, подорвали доверие общественности как к государственным институтам, так и к корпоративным субъектам, особенно к Токийской электроэнергетической компании (TEPCO), оператору АЭС Фукусима [8, с. 367–387]. Эти события стимулировали значительный сдвиг в общественном мнении, поскольку значительные слои японского общества начали переоценивать риски, связанные с ядерной энергетикой, и достоверность официальных источников информации.

В то же время кризис выявил сложную взаимосвязь между общественным мнением и формированием политики в Японии. Опросы общественного мнения, проведенные после 2011 года, неизменно указывали на сильный скептицизм населения в отношении ядерной энергетики, тем не менее политические меры сменяющих друг друга правительств оставались осторожными и постепенными.

С точки зрения политологии в более широком смысле, катастрофа на АЭС Фукусима представляет собой важный пример того, как крупные кризисы могут влиять на демократическое управление. Авария превратила ядерную энергетику из преимущественно технократической области политики в крайне политизированный вопрос, который вовлек граждан, политические партии и средства массовой информации в длительные дебаты [2, с. 97–101]. В этом смысле эффект Фукусимы иллюстрирует динамическое взаимодействие между катастрофическими событиями, медийными нарративами, общественным мнением и политическими институтами. Энергетическая политика Японии исторически формировалась под влиянием глубокой структурной уязвимости, обусловленной ограниченными внутренними природными ресурсами страны. [2, с. 24–26] Это обстоятельство порождало постоянные опасения политиков по поводу энергетической безопасности, особенно в периоды международной нестабильности. Нефтяные кризисы 1970-х годов оказали особенно сильное влияние на ускорение развития атомной энергетики. В ответ на внезапный рост цен на нефть и предполагаемые риски чрезмерной зависимости от импортируемого ископаемого топлива, правительство Японии приняло политику диверсификации энергетического баланса за счет развития атомной энергетики.

В результате тесного сотрудничества между правительственными министерствами, политической элитой и частными энергетическими компаниями сформировалась институциональная основа, поддерживающая эту политику, сформировалась Министерство международной торговли и промышленности (MITI), позже реорганизованное в Ми-

нистерство экономики, торговли и промышленности (METI), которое играло центральную роль в координации развития ядерной энергетики и промышленной политики. Это бюрократическое руководство отражало более широкую модель государственного управления развитием, в которой государственные институты активно направляли стратегические сектора экономики [6, с. 609–614]. В рамках этой модели ядерная энергетика рассматривалась не просто как технологическая инновация, а как национальный проект, необходимый для экономического роста и энергетической независимости. [4, с. 623–630]

Одной из определяющих черт японской ядерной политики стало появление того, что ученые обычно называют «ядерной деревней» (генсирёку мура). Этот термин обозначает тесно взаимосвязанную сеть политических деятелей, бюрократических учреждений, электроэнергетических компаний, научно-исследовательских институтов и средств массовой информации, которые коллективно способствовали расширению ядерной энергетики. Ядерная деревня функционировала как неформальное, но весьма влиятельное политическое сообщество, которое способствовало сотрудничеству между ключевыми заинтересованными сторонами, ограничивая при этом масштабы критических дискуссий [5, с. 182–188]. В сеть входили государственные регулирующие органы, крупные энергетические компании, такие как Tokyo Electric Power Company (TEPCO), академические эксперты, специализирующиеся на ядерной инженерии, и политики – особенно в рамках Либерально-демократической партии Японии (ЛДПЯ) – которые поддерживали дальнейшие инвестиции в ядерную инфраструктуру. Общественное мнение в отношении ядерной энергетики в десятилетия, предшествовавшие аварии на АЭС Фукусима, характеризовалось сочетанием прагматичного принятия и ограниченного участия общественности. В населенных пунктах, где располагались ядерные объекты, иногда возникала локальная оппозиция, но в целом национальные дебаты о ядерной политике оставались относительно сдержанными. Ядерный сектор, как правило, рассматривался как техническая область политики, в которой доминировали эксперты и бюрократы, а не как предмет постоянной общественной борьбы. [1, с. 39–44; 4, с. 625–628]

Этой стабильности способствовали несколько факторов. Во-первых, атомная энергетика широко представлялась как важнейший компонент стратегии экономического развития Японии. К началу 2000-х годов атомные реакторы обеспечивали примерно 30 процентов электроснабжения страны, что укрепляло представление о незаменимости атомной энергии для поддержания конкурентоспособности промышленности и энергетической безопасности. Во-вторых, правительство и энергетические компании вкладывали значительные средства в PR-кампании, призванные успокоить граждан относительно безопасности и преимуществ атомных технологий. Образовательные программы, субсидии местным сообществам и инвестиции в инфраструктуру часто использовались для обеспечения поддержки со стороны местных органов власти, на территории которых располагались атомные электростанции.

Несмотря на этот кажущийся консенсус, в японском обществе сохранялись скрытые противоречия. Доверие общественности к ядерной безопасности периодически подрывалось мелкими авариями, скандалами, связанными с безопасностью, и разоблачениями нарушений со стороны регулирующих органов. [9, с. 117–133; 2, с. 83–85] В частности, авария с критичностью на атомной электростанции Токаимура в 1999 году и последующие инциденты с фальсификацией отчетов о безопасности поставили под сомнение надежность японской системы управления ядерной энергетикой. Хотя эти события не привели к фундаментальному нарушению политического консенсуса в отношении ядерной энергетики, они способствовали постепенному подрыву доверия общественности к регулирующим институтам. Многие граждане рассматривали ядерную энергетику как прагматическую необходимость в стране с ограниченными внутренними энергетическими ресурсами. [1, с. 39–40]. В населенных пунктах, где располагались ядерные объекты, иногда возникали локальные оппозиционные движения, но национальные дебаты о ядерной политике оставались относительно сдержанными. Авария на АЭС Фукусима коренным образом нарушила это равновесие, превратив ядерную безопасность в центральный вопрос национальных политических дебатов.

В течение нескольких месяцев после катастрофы опросы общественного мнения выявили резкое усиление противодействия атомной энергетике. Согласно общенациональным опросам, проведенным крупными японскими СМИ, включая печатные и здания «Асахи» и «Майничи», большинство респондентов выразили поддержку сокращению или полному отказу Японии от атомной энергетики. Доля граждан, выступающих за постепенный отказ от атомной энергетики, значительно возросла в период с 2011 по 2013 год, что указывает на явное изменение общественных настроений [6, с. 613–615]. Эта трансформация общественных взглядов сопровождалась растущим осознанием того, что государственные учреждения и электроэнергетические компании не смогли предоставить прозрачную и достоверную информацию во время кризиса.

Подрыв доверия к институтам стал центральным аспектом «эффекта Фукусимы». В случае Фукусимы задержка в распространении информации об уровнях радиации, зонах эвакуации и состоянии реакторов вызвала широкую критику как в адрес японского правительства, так и в адрес TEPCO. Доверие общественности к регулирующим институтам резко упало после того, как стало известно о нарушениях безопасности, неадекватном планировании на случай чрезвычайных ситуаций и тесных связях между регулирующими органами и атомной промышленностью.

Эти события способствовали возникновению беспрецедентной волны гражданской мобилизации. Масштабные антиядерные демонстрации начали появляться в Токио и других крупных городах летом 2011 года. Масштаб этих протестов был примечателен в контексте послевоенной политической культуры Японии, которая часто характеризовалась относительно низким уровнем устойчивой уличной активности [5, с. 190–192]. Еженедельные демонстрации, организованные возле резиденции премьер-министра, в пик своей активности привлекали десятки тысяч участников, что свидетельствовало о расширении политического участия за пределы традиционных институциональных каналов.

Антиядерное движение также отражало растущую роль организаций гражданского общества и низовых сетей в формировании общественных дебатов. Экологические группы, гражданские ассоциации и недавно созданные сети защиты интересов играли важную роль в организации протестов и распространении информации о ядерных рисках. Эти организации часто полагались на децентрализованные коммуникационные стратегии, которые позволяли им быстро и эффективно мобилизовать сторонников [5, с. 43–44]. Такая модель мобилизации представляла собой отход от более ранних форм политического активизма в Японии, которые часто были тесно связаны с устоявшимися политическими партиями или профсоюзами.

Цифровые коммуникационные технологии еще больше расширили охват и влияние этих движений. Социальные сети, такие как «Твиттер», и онлайн-форумы позволили активистам распространять информацию, координировать демонстрации и оспаривать официальные версии событий, связанных с катастрофой. Традиционные СМИ продолжали доминировать в национальной информационной среде, одновременно с этим развитие онлайн-каналов связи способствовало созданию более плюралистической и динамичной общественной сферы. Эти цифровые платформы позволили активистам, независимым экспертам и обычным гражданам обмениваться информацией, которая иногда расходилась с официальными правительственными нарративами. Распространение альтернативных источников информации после Фукусимы способствовало более пристальному общественному контролю за государственной политикой и нормативными актами [2, с. 98–100].

Ученые предложили несколько объяснений этого очевидного несоответствия между общественным мнением и результатами политики. Институциональные факторы, такие как электоральные стимулы, бюрократическая власть и экономическая значимость энергетического сектора, ограничивали масштабы политических изменений, несмотря на сдвиги в общественном мнении [6, с. 620–622]. Более того, фрагментация антиядерного движения и отсутствие единой политической партии, способной направить эти опасения на достижение электорального успеха, ослабили долгосрочное политическое влияние движения.

Несмотря на эти ограничения, катастрофа коренным образом изменила контуры общественных дебатов в Японии. Ядерная энергетика, которую ранее рассматривали как технический политический вопрос, в значительной степени решаемый бюрократическими экспертами, стала предметом пристального общественного внимания и политической борьбы. Эта трансформация иллюстрирует, как кризисные события могут разрушить устоявшиеся политические сети и открыть новые пути для гражданской активности. [7, с. 218–219] В этом смысле антиядерная мобилизация, возникшая после аварии, представляла собой как реакцию на институциональные сбои, так и выражение развивающихся демократических ожиданий в японском обществе.

Катастрофа на АЭС «Фукусима» не просто изменила отношение общественности к ядерной энергетике; она также коренным образом повлияла на динамику распространения информации и медийный дискурс в Японии. Кризис разворачивался в условиях высокой неопределенности, противоречивой информации и быстро меняющихся рисков. В таких условиях роль средств массовой информации как поставщика информации и посредника в общественных дебатах приобрела особенно важное значение. Взаимодействие между традиционными медиаинститутами, новыми цифровыми платформами и правительствен-

ными коммуникационными стратегиями сформировало траекторию общественного мнения в месяцы и годы после катастрофы.

Сразу после ядерной аварии японские средства массовой информации столкнулись со значительными трудностями в освещении развивающейся ситуации на АЭС «Фукусима». Раннее освещение событий в СМИ часто было лимитировано ограниченным доступом к достоверной информации и институциональными практиками японской системы пресс-клубов (киша курабу), которая регулирует отношения между журналистами и государственными учреждениями [5, с. 188–189]. В рамках этой системы репортеры, связанные с крупными медиаорганизациями, получают привилегированный доступ к официальным брифингам и информационным каналам, но такой доступ также может способствовать опоре на правительственные источники и препятствовать враждебному освещению событий. Эти институциональные факторы первоначально способствовали относительно осторожному освещению кризиса в СМИ на ранних этапах [7, с. 203–205]. Правительственные чиновники и представители TEPCO часто выступали в качестве основных источников информации для журналистов, особенно в отношении уровней радиации, состояния реакторов и политики эвакуации. Такая зависимость от официальных источников не только отражала практические трудности проверки технической информации во время ядерной аварии, но также вызывала критику со стороны части общественности, которая считала, что СМИ недостаточно тщательно проверяли официальные версии событий.

Однако со временем освещение событий в японских СМИ стало более критическим и расследовательским. Крупные газеты, начали публиковать подробные отчеты, посвященные нарушениям нормативных требований, упущениям в области безопасности и тесным связям между государственными регулирующими органами и атомной промышленностью. Эти расследования сыграли важную роль в выявлении структурных недостатков в системе управления атомной энергетикой Японии и способствовали росту общественного скептицизма в отношении официальных гарантий безопасности [2, с. 102–104]. Внимание СМИ к так называемой «ядерной деревне» усилило общественные дебаты и способствовало большей прозрачности в обсуждении политики.

Эти конкурирующие точки зрения способствовали формированию сложного и порой поляризованного общественного дискурса. С одной стороны, журналистские расследования и критические комментарии усиливали требования большей прозрачности и реформы регулирования. С другой стороны, опасения по поводу энергетической безопасности и экономической конкурентоспособности Японии подталкивали к более осторожным взглядам на будущее ядерной энергетики. Таким образом, СМИ одновременно выступали в роли катализатора политических дебатов и в роли сдерживающей силы, уравновешивающей конкурирующие политические нарративы.

С более широкой точки зрения политологии, динамика СМИ вокруг катастрофы на АЭС «Фукусима» иллюстрирует центральную роль информационных институтов в формировании демократических дискуссий в периоды кризиса. Способность медиаорганизаций расследовать институциональные сбои и распространять различные точки зрения имеет важное значение для поддержания демократической подотчетности в сложных политических областях [7, с. 218–220]. В японском контексте кризис на АЭС «Фукусима» выявил как сильные, так и слабые стороны медиасистемы страны: хотя журналистские расследования и цифровые коммуникации расширили масштабы публичных дебатов, институциональные ограничения, такие как система пресс-клубов, продолжали влиять на модели информационного потока.

Все это оказало значительное давление на политические институты Японии и заставило их пересмотреть роль ядерной энергетики в национальной энергетической стратегии. Однако политические меры, принятые сменявшими друг друга правительствами, демонстрируют сложное взаимодействие между общественными предпочтениями, институциональными ограничениями и стратегическими соображениями внутри политической системы. Хотя кризис на АЭС «Фукусима» породил сильные антиядерные настроения среди японской общественности, последующая политическая траектория японского государства иллюстрирует ограниченные возможности одного лишь общественного мнения для быстрого или радикального изменения политики в высокоинституционализированных секторах.

Сразу после катастрофы ядерная энергетическая система Японии пережила беспрецедентный сбой. К маю 2012 года все ядерные реакторы страны были постепенно остановлены для проведения проверок безопасности, что стало первым случаем с момента внедрения ядерной энергетики в Японии, когда ни один реактор не работал. Как отмечает Кент Калдер в своей книге «Энергетическая тревога Японии», остановка всего ядерного флота представляла собой чрезвычайный момент в энергетической политике Японии и отражала сильное политическое давление, вызванное обеспокоенностью общественности по поводу ядерной безопасности [2, с. 95–97]. Опросы общественного мнения, проведенные в этот период, показали подавляющую поддержку либо значительного сокращения использования ядерной энергии, либо полного отказа от ядерной энергетики.

Первоначально правительство Японии отреагировало на эти опасения общественности рядом институциональных реформ, направленных на усиление регулирующего надзора. Одной из наиболее значительных мер стало создание Управления по ядерному регулированию (Nuclear Regulation Authority (NRA) в 2012 году, которое было призвано устранить давнюю критику в отношении захвата регулирующих органов в системе управления ядерной энергетикой Японии. До Фукусимы ответственность за ядерное регулирование была разделена между несколькими ведомствами, включая Агентство по ядерной и промышленной безопасности (NISA), которое действовало в рамках Министерства экономики, торговли и промышленности (METI) – того же министерства, которое отвечало за развитие ядерной энергетики – это создавало структурный конфликт интересов, подрывающий независимость регулирования. Создание Управления по ядерному регулированию (NRA) представляло собой попытку восстановить доверие общественности к способности государства управлять ядерными рисками путем создания более независимой и технически строгой нормативной базы [7, с. 208–210]. Новый орган был передан в ведение Министерства окружающей среды, а не Министерства экономики, торговли и промышленности (METI), и ему были предоставлены расширенные полномочия по обеспечению соблюдения стандартов безопасности, проведению инспекций и определению возможности возобновления работы ядерных реакторов.

Тем не менее политическая дискуссия относительно будущей энергетической стратегии Японии оставалась крайне спорной. Общественное мнение неизменно склонялось к снижению зависимости от атомной энергетики, однако экономические и стратегические реалии, с которыми столкнулась Япония, осложняли усилия по быстрому отказу от атомной энергетики. Сильная зависимость страны от импортируемого ископаемого топлива и экономические издержки, связанные с увеличением импорта энергоносителей, создавали значительное давление на сохранение хотя бы частичной роли атомной энергетики в национальном энергетическом балансе [6, с. 617–619]. Временное закрытие атомных реакторов значительно увеличило зависимость Японии от сжиженного природного газа и угля, что привело к росту цен на электроэнергию и ухудшению торгового баланса.

Смена политического руководства также повлияла на направление энергетической политики после Фукусимы. Демократическая партия Японии (ДПЯ), правившая страной на начальном этапе после катастрофы, заняла относительно осторожную позицию, делая упор на постепенное сокращение использования ядерной энергии, избегая при этом немедленных обязательств по полному отказу от неё. Однако возвращение к власти Либерально-демократической партии (ЛДПЯ) на всеобщих выборах в декабре 2012 года стало важным поворотным моментом в политических дебатах. Правительство ЛДПЯ во главе с премьер-министром Синдзо Абэ заняло более прагматичный подход, отдавая приоритет энергетической стабильности и экономическому восстановлению, одновременно с поддержанием постепенного перезапуска ядерных реакторов, соответствующих новым стандартам безопасности, установленным Управлением ядерной энергетики.

Эта политическая траектория подчеркивает главный парадокс эффекта Фукусимы: хотя общественное мнение резко изменилось в сторону противодействия ядерной энергетике, институциональные и экономические структуры японской политической системы ограничили степень, в которой эти предпочтения привели к решающим политическим преобразованиям. Сохранение проядерных элементов в бюрократических структурах, политических партиях и промышленных сетях обеспечило укоренение ядерной энергетики в более широких экономических и стратегических планах Японии [5, с. 193–195]. В этом смысле ядерное сообщество продолжало оказывать значительное влияние на процессы принятия политических решений.

Одно из главных демократических последствий ядерной политики в Японии заключается в перестройке участия общественности. Фукусимская катастрофа катализировала беспрецедентный уровень гражданской активности, включая массовые демонстрации, низовой активизм и распространение ориентированных на конкретные проблемы организаций гражданского общества. Этот всплеск участия бросил вызов традиционному представлению о японском обществе как о политически пассивном и продемонстрировал скрытый потенциал граждан к мобилизации вокруг актуальных проблем. Однако эта мобилизация носила в основном эпизодический и специфический характер, а не свидетельствовала о устойчивой трансформации в сторону

конфронтационного или протестного политического участия. Следовательно, хотя фукусимский кризис расширил репертуар демократического участия, он не изменил коренным образом основополагающие нормы опосредованного и ориентированного на консенсус политического поведения.

Второе следствие касается роли общественного мнения в формировании политики. Сразу после катастрофы общественное противодействие ядерной энергетике резко возросло, а опросы показали, что большинство поддерживает сокращение или полную ликвидацию атомной энергетики. Этот сдвиг оказал значительное давление на политическую элиту и способствовал временным корректировкам политики, включая приостановку работы ядерных реакторов и введение более строгих нормативных актов. Тем не менее, со временем влияние общественного мнения оказалось косвенным и опосредованным, поскольку политические решения в конечном итоге формировались сочетанием экономических соображений, бюрократической экспертизы и стратегических энергетических потребностей. Эта закономерность отражает более широкую характеристику японской демократии, в которой общественные предпочтения учитываются через институциональные каналы, но редко определяют результаты политики прямым или непосредственным образом.

Всё вышесказанное также подчеркивает центральную роль СМИ в формировании демократического дискурса. На начальном этапе кризиса освещение в СМИ сыграло решающую роль в распространении информации, формировании нарратива о провале правительства и регулирующих органов, а также в усилении общественных опасений. В то же время, медиа-среда демонстрировала ограничения, связанные с опорой на официальные источники и устоявшиеся информационные сети, что влияло как на масштаб, так и на тон репортажей. В результате медиа-институты функционировали как посредники и модераторы демократических дебатов, способствуя повышению осведомленности общественности и одновременно укрепляя существующие модели контроля над информацией и институционального подчинения. Еще одним ключевым аспектом является способность политических институтов поглощать и управлять инакомыслием. Японская политическая система продемонстрировала высокую степень устойчивости в ответ на кризис в Фукусиме, проведя реформы в сфере регулирования, реструктуризацию надзорных органов и участвуя в консультативных процессах с заинтересованными сторонами. Эти действия можно интерпретировать как свидетельство институциональной адаптивности; однако они также иллюстрируют тенденцию системы направлять инакомыслие в процедурные механизмы, тем самым ограничивая ее трансформационный потенциал. Вместо радикального изменения энергетической политики или структур управления кризис привел к постепенным корректировкам, сохранившим основные черты существующего политического и бюрократического порядка.

С более широкой теоретической точки зрения, опыт Фукусимы подчеркивает важность политической культуры в формировании демократических результатов. Культурные нормы, подчеркивающие гармонию, консенсус и уважение к власти, продолжают влиять на то, как граждане формулируют свои требования и как элиты реагируют на них. Даже в контексте крупного кризиса эти нормы способствовали формированию модели взаимодействия, характеризующейся умеренностью, институциональным посредничеством и постепенными изменениями в политике. Это говорит о том, что демократическая отзывчивость в Японии функционирует в рамках культурно обусловленной системы, которая ставит во главу угла стабильность и преемственность, а не быстрые или конфронтационные преобразования. В то же время, эффект Фукусимы не следует интерпретировать исключительно с точки зрения преемственности. Кризис выявил новые тенденции, которые могут иметь долгосрочные последствия для японской демократии, включая возрастающую роль цифровых коммуникаций в мобилизации, диверсификацию субъектов гражданского общества и растущую значимость политики, основанной на конкретных проблемах. Эти события указывают на постепенную эволюцию механизмов демократического участия, даже если они по-прежнему остаются в рамках устойчивых институциональных и культурных ограничений.

И наконец, демократические последствия ядерной политики в Японии отражают сложное взаимодействие между мобилизацией общественности, институциональной адаптацией и культурной преемственностью. Фукусимская катастрофа послужила катализатором для повышения гражданской активности и политических дебатов, но ее долгосрочное воздействие характеризуется постепенными изменениями, а не системной трансформацией. Эта закономерность подкрепляет более широкий аргумент исследования: политический процесс в Японии в первой четверти XXI века лучше всего понимать как систему адаптивной стабильности, в которой культурное наследие и институциональные структуры совместно формируют траекторию политического развития.

Литература

1. ДеВит Эндрю, «Энергетическая политика Японии после Фукусимы», Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион»: В центре внимания – Япония 13, № 2 (2015): 39–44; 48–50
2. Калдер Кент Э., Энергетическая тревога Японии: институциональные ответы на аварию на Фукусимской АЭС (Вашингтон, округ Колумбия: Издательство Института Брукингса, 2019), 24–26; 83–85; 95–101; 102–104
3. Кинчи, Эбби, и Элизабет А. Хувер. «Наука и реакция граждан на аварию на Фукусимской АЭС: участие общественности, политика риска и социальные движения в Японии». Наука, технологии и человеческие ценности 39, № 4 (2014): 411–435. DOI: 10.1177/0162243913504306
4. Ким, Сон Ын, и Керри Томас. «Общественное отношение к ядерной энергии в Японии после аварии на Фукусимской АЭС». Энергетическая политика 110 (2017): 623–630. DOI: 10.1016/j.enpol.2017.08.016
5. Кингстон Джефф, «Современная Япония: история, политика и социальные изменения с 1980-х годов», 2-е изд. (Малден, Массачусетс: Уайли-Блэквелл, 2020), 182–188; 190–195.
6. Липси Филип Й. и Кушида Кенджи, «Политика энергетики в Японии после Фукусимы», Журнал восточноазиатских исследований 16, № 3 (2016): 609–622 DOI: 10.1017/jea.2016.31
7. Олдрич Дэниел П., «Черная волна: как сети и управление сформировали катастрофу 11 марта в Японии» (Чикаго: Издательство Чикагского университета, 2019), 199–202; 203–210; 214–220.
8. Уинг Лам, С. и др. «Социальное доверие и политика риска после аварии на Фукусимской АЭС». Международная социология 30, № 4 (2015): 367–387. DOI: 10.1177/0268580915583444
9. Ямамура, Эйдзи. «Доверие к правительству после аварии на Фукусимской АЭС: данные из Японии». Общественный выбор 157, № 1 (2013): 117–133. DOI: 10.1007/s11127-012-9944-y

THE FUKUSHIMA DAIICHI NUCLEAR DISASTER AND THE TRANSFORMATION OF JAPAN'S POLITICAL PROCESS

Povaliukhina A.N.
Vladivostok State University

The object of the study is the transformation of Japan's political process in the aftermath of the Fukushima Daiichi nuclear disaster, with particular emphasis on the interplay between public opinion, energy policy, and democratic debate. The subject of the study is the so-called "Fukushima effect," understood as the reconfiguration of political discourse, civic engagement, and institutional responses triggered by the crisis. The study employs a qualitative, interdisciplinary methodology combining political analysis, media discourse analysis, and historical institutionalism, supported by the critical examination of academic literature, policy documents, and public opinion data.

The scientific novelty of the study lies in its integrated analysis of the Fukushima effect as a multidimensional phenomenon encompassing public opinion shifts, media transformations, and institutional policy responses. The findings indicate that anti-nuclear activism and evolving public attitudes exerted measurable pressure on political elites, contributing to policy recalibration and a temporary shift away from nuclear dependency. However, this interpretation is balanced by recognition of institutional inertia and the resilience of entrenched interests within Japan's energy sector.

Keywords: Fukushima Daiichi Nuclear Power Plant, Fukushima effect, Japanese public opinion, Japanese anti-nuclear movement, Japanese energy policy reforms, Japanese nuclear energy, Japanese nuclear policy.

References

1. Andrew DeWit, "Japan's Post-Fukushima Energy Policy," Asia Pacific Journal: Japan Focus 13, no. 2 (2015): 39–44; 48–50
2. Daniel P. Aldrich, Black Wave: How Networks and Governance Shaped Japan's 3/11 Disasters (Chicago: University of Chicago Press, 2019), 199–202; 203–210; 214–220.
3. Jeff Kingston, Contemporary Japan: History, Politics, and Social Change since the 1980s, 2nd ed. (Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2020), 182–188; 190–195.
4. Kent E. Calder, Japan's Energy Anxiety: Institutional Responses to the Fukushima Nuclear Disaster (Washington, DC: Brookings Institution Press, 2019), 24–26; 83–85; 95–101; 102–104
5. Kinchy, Abby, and Elizabeth A. Hoover. "Science and Citizen Responses to Fukushima: Public Participation, Risk Politics, and Social Movements in Japan." Science, Technology & Human Values 39, no. 4 (2014): 411–435. DOI: 10.1177/0162243913504306
6. Kim, Sung Eun, and Kerry Thomas. "Public Attitudes Toward Nuclear Energy in Japan After the Fukushima Accident." Energy Policy 110 (2017): 623–630. DOI: 10.1016/j.enpol.2017.08.016
7. Phillip Y. Lipscy and Kenji Kushida, "The Politics of Energy in Japan after Fukushima," Journal of East Asian Studies 16, no. 3 (2016): 609–622 DOI: 10.1017/jea.2016.31
8. Lam, Wing S., et al. "Social Trust and Risk Politics Following the Fukushima Nuclear Accident." International Sociology 30, no. 4 (2015): 367–387. DOI: 10.1177/0268580915583444
9. Yamamura, Eiji. "Trust in Government After the Fukushima Nuclear Accident: Evidence from Japan." Public Choice 157, no. 1 (2013): 117–133. DOI: 10.1007/s11127-012-9944-y

Российское государство как инновационно-консервативная цивилизационная система

Полешко Вадим Владимирович,
аспирант, ЮРИУ РАНХиГС
E-mail: Polex07@mail.ru

Статья посвящена теоретико-методологическому анализу российского государства как особого типа цивилизационной системы, формирующейся и развивающейся в логике инновационно-консервативного синтеза. Особое внимание уделяется современному этапу развития российского государства-цивилизации, который интерпретируется как инновационно-консервативный, и его месту в спиральной модели цивилизационной динамики. Цель статьи заключается в теоретическом обосновании российской государственности как инновационно-консервативной цивилизационной системы и выявлении перспектив ее дальнейшего развития в рамках спиральной логики цивилизационного процесса. Методы исследования включают цивилизационный и системный подходы, сравнительно-исторический анализ. Выводы. Во-первых, показано, что концепт государства-цивилизации является методологически значимым инструментом анализа долгосрочной динамики российской государственности. Во-вторых, обосновано, что российская цивилизация обладает суперэтническим характером и воспроизводит себя через смену исторических форм при сохранении устойчивого ценностно-институционального ядра. В-третьих, современный этап развития Российской Федерации аргументированно охарактеризован как инновационно-консервативный, сочетающий технологическое обновление с сохранением цивилизационной идентичности и суверенности. В-четвертых, выявлено, что инновационно-консервативная модель выполняет функцию цивилизационной консолидации после периода радикальных трансформаций. В-пятых, обоснован вывод о вероятном переходе российской государственно-цивилизационной системы к следующей фазе развития, связанной с цивилизационно-творческим и проективным типом модернизации.

Ключевые слова: инновационно-консервативная цивилизационная система, государство-цивилизация, цивилизационная идентичность России, спиральная модель развития, суверенная модернизация, ценностно-институциональное ядро, суперэтнос, цивилизационная преемственность, системообразующая роль государства, цивилизационная консолидация.

Введение

В реалиях трансформации мирового порядка и кризиса универсалистских моделей развития в социально-гуманитарном знании стремительно возрастает интерес, так же и среди научного сообщества, к цивилизационным формам государственности как альтернативным типам исторической и политической организации. В этом ракурсе особую актуальность приобретает анализ российского государства, которое все чаще воспринимается не только как национальное государство или федеративное образование, но как самостоятельная цивилизационная система, обладающая длительной исторической протяженностью и собственной логикой развития [3]. Цивилизационный подход позволяет выйти за рамки узкополитических или институциональных интерпретаций и рассматривать государственность в ее культурно-исторической, ценностной и социоструктурной целостности.

В современной научной литературе концепт «государство-цивилизация» остается методологически сложным, неоднозначным и дискуссионным, что требует его теоретического уточнения и операционализации применительно к конкретным историческим случаям [4, 5]. Российская Федерация представляет собой уникальный пример такого типа государственности, поскольку ее развитие на протяжении столетий осуществлялось в форме интеграции разнородных этнокультурных и конфессиональных общностей в рамках единого политического и цивилизационного пространства, которая сохранялась даже при смене формы государства. Существенным фактором актуализации цивилизационного подхода к анализу России стало и его закрепление в официальном государственном дискурсе, где цивилизационная идентичность все чаще рассматривается как основание стратегического выбора и суверенного пути развития.

Современный этап развития российского государства характеризуется процессом осмысления и институционального оформления баланса между сохранением историко-культурной преемственности и необходимостью адаптации к глобальным технологическим и социальным изменениям как условие государственной конкурентоспособности на мировой арене. Данная особенность позволяет рассматривать Россию как инновационно-консервативную цивилизационную систему, в рамках которой модернизационные процессы не противопоставляются и не противоречат традиции, а встраиваются в нее как механизм воспроизводства цивилизационной устойчивости (в конструкт цивилизационных фреймов [6]). В этой связи принципиальное значение приобретает анализ спиральной модели цивилизационного развития, предполагающей возврат к базовым основаниям на более сложном уровне исторической организации.

Теоретическая часть

В современной российской политико-философской и государственно-правовой рефлексии все более отчетливо прослеживается вектор представление о России как о самостоятельной цивилизационной системе, развитие которой не сводится к линейным моделям национального государства или универсалистским схемам модернизации. Существенную роль в институционализации данного подхода сыграли высказывания Президента РФ, в которых цивилизационная специфика России была обозначена не только как историко-культурный факт, но и как основание стратегического выбора пути развития государства.

Значимым рубежом в этом отношении стало публичное заявление В.В. Путина в мае 2020 г., в котором Россия была охарактеризована не просто как государство или политико-территориальное образование, но как «отдельная цивилизация» [1], обладающая собственной исторической логикой, многонациональным и многоконфессиональным составом, устойчивыми культурными традициями и ценностными основаниями. Принципиально важно, что данная цивилизационная характеристика была связана не с отказом от развития, а, напротив, с необходимостью технологического и инновационного обновления как условия сохранения и воспроизводства цивилизационной целостности. Тем самым уже на этом этапе была обозначена логика синтеза традиции и инновации как базового механизма исторического бытия российского государства и необходимого условия для сохранения суверенитета.

Дальнейшее концептуальное закрепление цивилизационного подхода произошло в 2023 г., когда в новой Концепции внешней политики

Российской Федерации Россия была официально определена как «самобытное государство-цивилизация» [2]. Такая формулировка в стратегический документ государственного уровня свидетельствует о переходе цивилизационного понимания России из сферы политической риторики в область нормативно-доктринального мышления, задающего правовой тон и рамки как внешнеполитического позиционирования, так и внутреннего самоосмысления государства. Тем самым цивилизационная идентичность приобретает характер не декларативного образа, а методологического принципа, определяющего цели, средства и векторы государственного развития.

В последующих выступлениях представителей публичной власти цивилизационная трактовка России дополняется акцентом на исторической миссии и символических центрах государственности. Подобная постановка вопроса указывает на стремление связать современный этап развития государства с глубинными историческими структурами, пространственными и культурными кодами, обеспечивающими преемственность цивилизационного проекта в длительной исторической перспективе.

Концепт «государство-цивилизация» относится к числу методологически сложных и дискуссионных категорий. Его усложненная природа обусловлена, во-первых, множественностью трактовок самого понятия «цивилизация» в гуманитарном знании [7], а во-вторых – разной дисциплинарной риторикой [8] (историко-философской, социологической, политологической, международно-правовой), задающей различные критерии «цивилизационности».

В классической традиции сравнительных исследований цивилизаций «цивилизация» рассматривается как крупномасштабная культурно-историческая форма, обладающая относительной целостностью и длительной временной протяженностью, по мнению А. Тойнби [9,10]. В политологической и международно-политической литературе позднего XX в. цивилизация интерпретируется как высший уровень культурной идентичности, объединяющий общие «объективные» признаки (язык, история, религия, обычаи, институты) и компонент субъективной самоидентификации, такая позиция прослеживается в трудах С. Хантингтона [11].

В рамках социологической концепции Ш. Эйзенштадта «множественных модерностей» акцент смещается на то, что модернизационные траектории и институциональные формы современности принципиально не сводимы к единому западному образцу и укоренены в различных цивилизационных традициях [12,13].Эти подходы важны методологически, поскольку позволяют трактовать «государство-цивилизацию» не как публицистическую метафору, а как попытку описать специфический тип политико-институциональной организации, опирающейся на устойчивые культурно-исторические основания и претендующей на собственную нормативность и уникальный путь развития.

В англоязычной дискуссии терминологически близкий концепт «civilization-state» получил широкую известность прежде всего в исследованиях, посвященных Китаю. М. Жак в книге When China Rules the World [14] последовательно проводит тезис о том, что Китай следует понимать не как «обычное» национальное государство западного типа, а как «цивилизационное государство», чьи приоритеты, институциональная логика и представления о модерности формировались в горизонте длительной цивилизационной преемственности и кардинально отличаются от пути развития других государств и политических систем.

В близкой парадигме Вэйвэй Чжан развивает идею Китая как «civilizational state», подчеркивая его «несводимость» к стандартным либерально-демократическим моделям политического развития [15]. Более широкий сравнительный ракурс представлен у К. Кокера, который рассматривает «цивилизационное государство» как феномен постлиберальной эпохи и анализирует, в частности, случаи Китая и России, а также «виртуальные» (проектные) формы цивилизационной государственности [16].

В отечественной литературе обсуждение «государства-цивилизации» развивается на пересечении цивилизационного анализа, евразийской проблематики и теорий российской государственности. Существенный пласт работ связан с традицией осмысления России как цивилизационной целостности и особого исторического мира, где государственность выступает не только политико-административной формой, но и механизмом культурной интеграции и исторической длительности, среди таких исследователе можно выделить А.С. Панарина и исследователи близкого круга. [17]. В современной философско-политической аналитике предпринимаются попытки уточнить «онтологические» и институциональные константы России как государства-цивилизации и тем самым перевести понятие из публицистического регистра в категориальный аппарат социально-гуманитарного знания с последующей институцианализацией.

С точки зрения теоретической типологии «государство-цивилизация» может быть определено как форма государственности, в которой культурно-историческая и ценностная общность выступает не внешней оболочкой, а внутренним основанием политического порядка, государство выполняет функцию долговременной интеграции разнородных этнокультурных, конфессиональных и региональных компонентов в единую политическую общность, также воспроизводится установка на нормативную самодостаточность, а именно право на собственные критерии легитимности и модели развития и понимание модерности, присутствует выраженный компонент цивилизационного самоназвания, закрепляемый либо в политическом дискурсе, либо в стратегических документах. Последний пункт принципиален методологически, так как в современной политической реальности «цивилизационный статус» функционирует не только как аналитическая категория исследователя, но и как категория самоописания, претендующая на доктринальный характер.

В рамках данного исследования представляется методологически целесообразным реконструкция признаковой модели, позволяющей рассматривать российскую государственность как инновационно-консервативную цивилизационную систему, т.е. систему, где сохранение цивилизационной целостности обеспечивается не консервацией форм, а институциональными механизмами адаптации и обновления при сохранении культурно-исторического ядра и принципов политической интеграции.

Восприятие Российской Федерации как государства-цивилизации опирается на совокупность исторических, культурных, институциональных и ценностных оснований, сформированных в ходе длительного исторического развития. Российская государственность изначально складывалась не как моноэтничный или монокультурный политический государственный конструкт, а как интегративная цивилизационная система, объединяющая различные этнические, конфессиональные и региональные сообщества в рамках единого политико-правового и культурно-исторического пространства. В этом смысле Россия традиционно выполняло не только функцию административного управления, но и функцию цивилизационного «сшивания» (общественной консолидации), обеспечивая воспроизводство целостности общества на протяжении столетий.

К числу устойчивых признаков российской цивилизационной модели относится доминирующая роль государства как системообразующего института, ориентация на ценности коллективной солидарности и исторической преемственности, высокая значимость культурно-исторической памяти, а также способность к включению разнородных элементов в единую цивилизационную матрицу [18]. Эти характеристики сохранялись при смене политических режимов и социально-экономических формаций, что позволяет говорить о цивилизационной непрерывности, а не о наборе несвязанных исторических эпизодов.

Для более объективного анализа динамики российской цивилизации представляется продуктивным отсылка к модели спирального развития, широко используемой в философии истории и цивилизационном анализе. В отличие от линейных концепций прогресса, предполагающих поступательное движение от «традиционного» к «современному», спиральная модель исходит из того, что цивилизации развиваются через повторяющиеся циклы жизненеобходимого обновления, в которых возвращение к базовым ценностным и институциональным основаниям сочетается с их переосмыслением и функциональным (инновационным) обновлением [19].

В рамках такого подхода инновации не искореняют традиционные основы общества, а встраиваются в них дополняя, трансформируя формы ее проявления при сохранении смыслового ядра. Каждая новая фаза развития воспроизводит ключевые цивилизационные константы/фреймы на более сложном уровне, адаптированном к изменившимся историческим условиям. Для российской цивилизации данный тип развития является характерным. Так периоды интенсивной модернизации (петровские реформы, индустриализация XX века, постсоветская трансформация) сопровождались обращением к глубинным основаниям государственности и культурной идентичности.

Современный этап развития Российской Федерации как государства-цивилизации может быть обозначен как инновационно-консервативный в силу специфического сочетания двух, на первый взгляд, противоположных тенденций – ориентации на технологическое и институциональное обновление и одновременного стремления к сохранению цивилизационного ядра [20].

Консервативное измерение данной модели выражается в установке на защиту исторической памяти, культурной и ценностной преемственности, суверенитета и самобытности цивилизационного развития государства. Речь идет не о консервации устаревших форм, а о сохранении базовых смысловых и институциональных констант, обе-

спечивающих идентичность, в первую очередь гражданскую, и устойчивость цивилизационной системы. К ним относятся представления о роли государства, о социальном порядке, о соотношении индивидуального и коллективного, а также о допустимых границах внешних заимствований.

Инновационное измерение, в свою очередь, связано с признанием необходимости технологического развития и прогресса, цифровизации, научно-технического суверенитета и адаптации к глобальным вызовам современности. В рамках инновационно-консервативной логики инновации рассматриваются не как самоцель и не как механизм радикального разрыва с прошлым, а как инструмент поддержания цивилизационной жизнеспособности и конкурентоспособности в изменяющемся мире.

Исходя из вышеизложенного, инновационно-консервативную цивилизационную систему можно охарактеризовать через следующие признаки:

1. Ценностная преемственность при институциональном обновлении – сохранение базовых цивилизационных ориентиров при трансформации форм их реализации.

2. Суверенная трактовка модернизации – отказ от универсалистских моделей развития в пользу адаптации инноваций к собственным историко-культурным условиям.

3. Активная роль государства как координатора и носителя цивилизационного проекта, обеспечивающего баланс между традицией и инновациями.

4. Интеграция инноваций в традиционные социальные структуры, а не их противопоставление.

5. Спиральная логика развития, при которой возврат к историческим основаниям сочетается с их функциональным усложнением.

В этом ракурсе Российская Федерация предстает не как «догоняющая» или «отклоняющаяся» от некой универсальной нормы система, а как самодостаточная цивилизационная форма, реализующая собственную модель развития, основанную на инновационно-консервативном синтезе. Именно такая модель позволяет рассматривать современное российское государство как динамичную, но устойчивую цивилизационную систему, способную одновременно к сохранению идентичности и к адаптации в условиях глобальной неопределенности.

Инновационно-консервативный этап, наблюдаемый в современном развитии российского государства-цивилизации, следует рассматривать именно как одну из фаз спирального цикла, а не как его завершение. Он выполняет функцию цивилизационной стабилизации после периода радикальных трансформаций конца XX – начала XXI века и направлен на восстановление целостности, суверенности и смысловой непрерывности исторического развития.

С точки зрения цивилизационной динамики, следующим этапом после инновационно-консервативной фазы не может быть ни возврат к «чисто традиционному» состоянию, ни растворение в универсалистских моделях глобальной модерности. Логика суперэтнического развития предполагает переход к фазе, которую условно можно обозначить как инновационно-цивилизационную (или цивилизационно-творческую) [21].

Если инновационно-консервативный этап ориентирован прежде всего на сохранение и защиту цивилизационного ядра через адаптированные инновации, то следующий этап должен быть связан с активным продуцированием собственных цивилизационных форм будущего, выходящих за рамки заимствований и реактивной модернизации.

Следующий этап развития российского государства-цивилизации, исходя из выявленной логики, может быть охарактеризован рядом основных признаков. Так инновации перестают быть преимущественно ответом на внеконвенциональные вызовы и становятся выражением внутренней цивилизационной логики. Россия в таком случае выступает не только как объект глобальных процессов и не только как «особый путь», но как активный цивилизационный субъект, предлагающий собственные концепции развития, социального устройства, цифровой этики, гуманитарных и технологических смыслов. Если на инновационно-консервативном этапе инновации «встраиваются» в традицию, то на следующей фазе они становятся естественным продолжением цивилизационного кода, формируя новые формы традиции будущего.

Цивилизационная идентичность перестает быть преимущественно защитной («кто мы не есть») и приобретает проективный характер («какую форму цивилизации мы создаем»).

Особо уникальным можно назвать такой прогнозируемый этап развития российского государства-цивилизации как расширение цивилизационного влияния без экспансии. Речь идет не о территориальном расширении, а о росте культурной, институциональной и смысловой притягательности цивилизационной модели – через образование, науку, технологии, гуманитарные практики.

В этой перспективе инновационно-консервативный этап можно интерпретировать как фазу цивилизационной консолидации, необходимую для накопления ресурсов – институциональных, культурных, технологических, демографических – перед переходом к более сложному уровню исторического бытия. Он подготавливает условия для перехода от логики «сохранения через обновление» к логике «развития через цивилизационное самотворчество».

Таким образом, следующий этап развития российского государства-цивилизации, с учетом его суперэтнического характера и тысячелетней истории государства, может быть концептуализирован как постконсервативный, цивилизационно-творческий этап, в рамках которого Россия будет не только сохранять свою идентичность и суверенность, но и формировать новые универсально значимые формы социального, технологического и культурного государственного уклада.

Обсуждение

Проблематика цивилизационности и государственно-цивилизационного устройства носит сложный и междисциплинарный характер, что обусловливает наличие различных, нередко конкурирующих интерпретаций в научной литературе. Государство-цивилизация не сводится к традиционному пониманию государства как институционального аппарата власти, но предполагает специфическую форму институционализации, в которой государство и цивилизация находятся в отношениях взаимного порождения и поддержки. Методологически оправданным представляется рассматривать государство как ядро цивилизационной системы, обеспечивающее ее политическую, правовую и организационную целостность, в то время как цивилизация выступает более широкой ценностно-культурной и исторической оболочкой, задающей смысловые рамки функционирования государства.

Вместе с тем подобная конфигурация означает, что государство-цивилизация формирует уникальный путь развития, принципиально не сводимый к механическому заимствованию внешних институциональных моделей. Шаблонное перенесение чужого опыта без учета цивилизационного контекста способно привести не к модернизации, а к деформации внутренних структур и замедлению цивилизационной динамики. Кроме того, государство-цивилизация, обладающее выраженной субъектностью и собственным проектом будущего, неизбежно воспринимается как сильный конкурент в глобальном пространстве, что порождает внешнее давление и конфронтационные стратегии со стороны иных международных политических акторов. Данный фактор существенно усложняет траекторию развития и требует учета внешнеполитических, культурных и информационных вызовов в анализе цивилизационной эволюции. Настоящее исследование не столько исчерпывает проблематику государства-цивилизации, сколько открывает поле для последующих научных дискуссий, направленных на более глубокое осмысление цивилизационной логики развития России в условиях глобальной неопределенности.

Выводы

Проведенный теоретико-методологический анализ позволяет сделать вывод о том, что концепт государства-цивилизации является аналитическим инструментом для осмысления долгосрочной эволюции российской государственности. Российская Федерация обоснованно может быть рассмотрена как самостоятельная и уникальная цивилизационная система, воспроизводящаяся на протяжении многовековой истории через смену политических форм и социально-экономических укладов при сохранении устойчивого ценностно-институционального ядра. Цивилизационная специфика России выражается в интегративном характере ее государственности, выполняющей функцию системообразующего механизма культурной, социальной и политической целостности.

Современный этап развития российского государства-цивилизации характеризуется инновационно-консервативной моделью, сочетающей ориентацию на технологическое и институциональное обновление с установкой на сохранение историко-культурной преемственности и цивилизационной идентичности. Данная модель интерпретируется как форма цивилизационной консолидации, направленная на стабилизацию системы и восстановление ее субъектности после периода радикальных трансформаций конца XX – начала XXI века. Инновационно-консервативный характер развития не свидетельствует о стагнации, а, напротив, отражает адаптивную способность цивилизационной системы к воспроизводству в изменяющихся исторических условиях.

С позиций спиральной модели цивилизационного развития справедливо обозначено, что инновационно-консервативный этап не является завершенной стадией эволюции российского государства-цивилизации, а представляет собой переходную фазу для дальнейше-

го усложнения цивилизационной структуры. В этой связи обоснована возможность перехода к следующему этапу развития, связанному с формированием цивилизационно-творческой и проективной модели, ориентированной на выработку собственных форм модерности и цивилизационного будущего.

Литература

1. Владимир Путин назвал Россию отдельной цивилизацией/Риа Новости. Официальный сайт. 17.05.2020. https://ria.ru/20200517/1571580444.html?ysclid=mj904p8oyl446030916

2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Портал ГАРАНТ.РУ. https://www.garant.ru/news/1616826/?ysclid=mj90ahgay2539933084

3. Мустафаев Ф.М., Мустафаева З.С. Потенциал цивилизационной парадигмы в исследовании современного российского общества // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 4 (25).

4. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура // Образование и право. 2023. № 9.

5. Феофанов К.А. Концепция «государства-цивилизации» как направление в развитии цивилизационной теории // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. № 4.

6. Пунченко О.П. Фреймы для репрезентации современного этапа цивилизационного развития // Информационное общество и глобальные риски современной цивилизации. Философия и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 26–30.

7. Власов В.А. Актуальный анализ понятия «цивилизация» в научной доктрине // Эпоха науки. 2018. № 13.

8. Балакин В.С. «Цивилизация» в междисциплинарном контексте современных отечественных исследований // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2019. № 4.

9. Тойнби А. Изучение истории. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – 432 с.;

10. Фаликов С. Теория цивилизаций Тойнби: современный взгляд. – Вестник науки, 2020. – Вып. 25. – С. 23.

11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М., 2005.

12. Эйзенштадт, Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. № 1. С. 33–56

13. Хвастунова Ю.В. Постсекулярная культура в контексте теории множественной современности Ш. Эйзенштадта (с учетом влияния трансгуманизма) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8 (100).

14. Жак М. «Когда Китай правит миром: конец западного мира и рождение нового глобального порядка» (When China Rules the World) Изд-во Penguin (New York). 2009.

15. Чжан Вэйвэй. Китай, нарратив цивилизационного государства и его значение // Журнал «Российское китаеведение». 2023. № 2(3). С. 7–15.

16. Coker Ch. The Rise of the Civilisational State. Cambridge, UK; Medford, MA: Polity Press, 2019.

17. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003. С. 536.

18. Киселев С.Г. Российская цивилизация // Власть. 2023. № 5.

19. Кагарманов И.А., Шайсламова М.М. Диалектическая спираль истории в философии гегеля: развитие человеческой свободы через противоречия и синтез // Вестник науки. 2024. № 12 (81).

20. Багдасарян В.Э. Концепция государства-цивилизации: проблемы методологии и политической реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. № 6.

21. Соколов С.М., Халиуллина Н.У. Евразийская концепция российского суперэтноса: значимость для осмысления этнокультурной уникальности России // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2022. № 3.

THE RUSSIAN STATE AS AN INNOVATION-CONSERVATIVE CIVILIZATIONAL SYSTEM

Poleshko V.V.
Southern Russian University of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to a theoretical and methodological analysis of the Russian state as a special type of civilizational system that is formed and develops within the logic of an innovation-conservative synthesis. Particular attention is paid to the contemporary stage of development of the Russian state-civilization, which is interpreted as innovation-conservative, as well as to its place within the spiral model of civilizational dynamics. The aim of the article is to provide a theoretical substantiation of Russian statehood as an innovation-conservative civilizational system and to identify prospects for its further development within the spiral logic of the civilizational process. The research methods include civilizational and systems approaches, as well as comparative historical analysis. **Conclusions.** First, it is demonstrated that the concept of the state-civilization constitutes a methodologically significant tool for analyzing the long-term dynamics of Russian statehood. Second, it is substantiated that Russian civilization has a super-ethnic character and reproduces itself through the succession of historical forms while preserving a stable value-institutional core. Third, the contemporary stage of development of the Russian Federation is convincingly characterized as innovation-conservative, combining technological renewal with the preservation of civilizational identity and sovereignty. Fourth, it is revealed that the innovation-conservative model performs the function of civilizational consolidation after a period of radical transformations. Fifth, the conclusion is substantiated regarding the probable transition of the Russian state-civilizational system to a subsequent phase of development associated with a civilizational-creative and project-oriented type of modernization.

Keywords: innovation-conservative civilizational system, state-civilization, Russia's civilizational identity, spiral model of development, sovereign modernization, value-institutional core, super-ethnos, civilizational continuity, system-forming role of the state, civilizational consolidation.

References

1. Vladimir Putin called Russia a separate civilization/RIA Novosti. Official website. May 17, 2020. https://ria.ru/20200517/1571580444.html?ysclid=mj904p8oyl446030916

2. The Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023) // GARANT.RU Portal. https://www.garant.ru/news/1616826/?ysclid=mj90ahgay2539933084

3. Mustafaev F.M., Mustafaeva Z.S. The potential of the civilizational paradigm in the study of contemporary Russian society. Bulletin of Dagestan State Pedagogical University. Social and Humanitarian Sciences. 2013;(4(25)). (In Russ.)

4. Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., Simachkova N.N., Chupina I.P. The state-civilization: concept, essence, structure. Education and Law. 2023;(9). (In Russ.)

5. Feofanov K.A. The concept of the "state-civilization" as a direction in the development of civilizational theory. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2024;(4). (In Russ.)

6. Punchenko O.P. Frames for representing the contemporary stage of civilizational development. Information Society and Global Risks of Modern Civilization. Philosophy and Social Sciences. 2014;(2):26–30. (In Russ.)

7. Vlasov V.A. Contemporary analysis of the concept of "civilization" in academic doctrine. Epoch of Science. 2018;(13). (In Russ.)

8. Balakin V.S. "Civilization" in the interdisciplinary context of contemporary Russian research. Bulletin of South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities. 2019;(4). (In Russ.)

9. Toynbee A. A Study of History. Vol. 2. Moscow: Mysl; 1990. 432 p. (In Russ.)

10. Falikov S. Toynbee's theory of civilizations: a contemporary perspective. Bulletin of Science. 2020;(25):23. (In Russ.)

11. Huntington S. The Clash of Civilizations. Moscow; 2005. (In Russ.)

12. Eisenstadt S. New religious constellations in the structures of contemporary globalization and civilizational transformation. State, Religion and Church in Russia and Worldwide. 2012;30(1):33–56. (In Russ.)

13. Khvastunova Yu.V. Post-secular culture in the context of Sh. Eisenstadt's theory of multiple modernities (with consideration of transhumanism). Society: Philosophy, History, Culture. 2022;8(100). (In Russ.)

14. Jacques M. When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. New York: Penguin; 2009.

15. Zhang Weiwei. China, the narrative of the civilizational state and its significance. Russian Sinology. 2023;2(3):7–15. (In Russ.)

16. Coker C. The Rise of the Civilisational State. Cambridge, UK; Medford, MA: Polity Press; 2019.

17. Panarin A.S. Orthodox Civilization in the Global World. Moscow; 2003. 536 p. (In Russ.)

18. Kiselev S.G. Russian civilization. Vlast' (Power). 2023;(5). (In Russ.)

19. Kagarmanov I.A., Shaislamova M.M. The dialectical spiral of history in Hegel's philosophy: the development of human freedom through contradiction and synthesis. Bulletin of Science. 2024;12(81). (In Russ.)

20. Bagdasaryan V.E. The concept of the state-civilization: problems of methodology and political implementation. Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2022;(6). (In Russ.)

21. Sokolov S.M., Khaliullina N.U. The Eurasian concept of the Russian super-ethnos: significance for understanding Russia's ethnocultural uniqueness. Bulletin of Buryat State University. Humanities Research of Inner Asia. 2022;(3). (In Russ.)

Сетевые сми и перспективы легитимного политического порядка в Казахстане

Салимов Диловар Мирзомуддинович,
кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: dilov.salim@mail.ru

В статье рассматривается процесс формирования сетевых СМИ и сетевого сообщества в современном Казахстане. Анализируются функциональные особенности сетевых СМИ, систематизируется, на этом фоне, совокупность механизмов сетевых ресурсов в контексте обеспечения легитимного политического порядка в стране. Выявляется специфика информационной политики государства, ее механизмы реализации на региональном и глобальном уровне. Отправным концептуальным основанием данного исследования является научное представление о том, что в условиях национальных государствах, важным фактором становится вопрос об обеспечении легитимного политического порядка, в том числе с учетом включения в этот процесс сетевых ресурсов, создающих модель коммуникационного поведения участников этого институционального порядка. Предлагаемые местными властями методы и способы обеспечения легитимного политического порядка в определенной степени способствуют появлению такой медийной стратегии, которая имеет в качестве своей принципиальной базы горизонтальные и вертикальные механизмы контроля. Устойчивость этой стратегии также зависит от агентурного круга «выигрышной» коалиции, куда входит вся государственная машина и политические партии, осуществляющие функцию внутреннего и профилактического контроля. Их совокупность сохраняет за политическими режимами достаточное политическое пространство для утверждения различных сетевых форм политического господства.

Ключевые слова: сетевые СМИ, Центральной Азии, политический режим, политическая система, политический порядок, информационный порядок, политическая цензура, информационная безопасность

Введение

Центральная Азия – это регион, который стоит на перекрестке мировых событий. Здесь политическая и военная трансформация зачастую становится связующим звеном между странами Западного континента и Ближним Востоком. Этот процесс сопровождается формированием различного рода сетевых и коммуникационных механизмов воздействия со стороны как внешних, так и внутренних сил, стремящихся к трансформации политических систем в национальных государствах. В этом контексте СМИ и сетевое сообщество становятся первичным инструментом идеологического воздействия как на национальные государства, так и на их противников.

Особое место в этом политико-информационном пространстве занимает Республика Казахстан, предлагающий собственный набор инструментов информационного воздействия государства и общества и модель политического позиционирования масс медиа. Современный Казахстан – страна с высоким геополитическим и региональным статусом, занимает определенное место в реализации региональных программ по обеспечению устойчивости политического и информационного порядка. Это и активное участие руководства страны в научных и политических дискурсах по вопросам информационной безопасности, и содействие казахстанских СМИ в публичном обсуждении региональных проблем. Однако в обоих случаях, главный акцент делается на обеспечение легитимации действий казахстанского государства, его региональное и глобальное позиционирование. Данное обстоятельство, с одной стороны, указывает на наличие внутренних информационных и политических региональных противостояний, с другой – актуализирует вопрос о научном осмыслении легитимного политического порядка в современном Казахстане, его коммуникационные факторы устойчивости в условиях цифрового активизма.

Содержательное описание данного вопроса является объектом научного дискурса региональных, отечественных и зарубежных исследователей. Учеными предлагаются разнообразные концепции изучения сетевых СМИ в политической жизни стран Центральной Азии, они разделены временными рамками и работают в разных социокультурных и политических парадигмах, также у них разные языки и отличные друг от друга политические культуры.

В научной сфере Казахстана вопрос о сетевых СМИ и их значимости в контексте легитимации действий властей рассматривается на фоне политического и социального изменения, трансформации властных структур и роста влияния бизнес-элиты на медийные ресурсы. Акцент также делается на социальное воздействие сетевых СМИ, на их целенаправленное или ненамеренное воздействие на казахстанское общество. Здесь сетевые СМИ являются механизмом формирования виртуального пространство для тесного политико-идеологического партнёрства государства и общества [9].

Аналогичное позиционирование можно сделать по отношению к существующим в постсоветском пространстве научным трудам. Здесь вопрос о сетевых СМИ в условиях Казахстана рассматривается через призму сотрудничества страны с внешним миром. В них доминирует мнение, согласно которому, сетевые СМИ должны стать фактором усиления регионального и мирового статуса государства с учетом продвижения стратегии политико-коммуникационного взаимодействия [18; 3].

В контексте изучения сетевого фактора легитимного политического порядка в Казахстане особое место занимают научные труды западных исследователей. Здесь рассматривается не только развитие сетевых СМИ в условиях глобализации, но и формирование системы цензуры, выступающей залогом информационной устойчивости политического режима в Казахстане. Функционирование сетевых СМИ и анализ сформированной по отношению к ним системы цензуры рассматриваются как фактор, определяющий особенности политического режима в регионе, его демократический или авторитарный характер [16;17;19].

Отправным концептуальным основанием данной работы является научное представление о том, что в условиях политической турбулентности определяющим фактором в национальных государствах становится вопрос об обеспечении легитимного политического порядка. Предлагаемые ими методы обеспечения легитимного политического порядка не только укрепляют авторитарное правление, но и становятся первопричиной появления такой медийной стратегии, которая имеет

в качестве своей принципиальной базы горизонтальные и вертикальные механизмы контроля. Устойчивость этой стратегии также зависит от «агентурного круга «выигрышной» коалиции, куда входят как представители спецслужб, так и осведомители и лица, работающие под прикрытием в различных государственных структурах, осуществляющих функции внутреннего и профилактического контроля…» [14]. Их совокупность в определенной степени сохраняет за авторитарными режимами достаточное политическое пространство для утверждения различных сетевых форм политического господства, покушающегося на гражданские и политические права населения.

Результаты исследования

Сетевое сообщество и сетевые СМИ в современном Казахстане стали формироваться параллельно с цифровизацией института журналистики. Данный процесс также сопровождался формированием новых механизмов и институтов контроля над сетевыми СМИ, которые выполняли функцию «обеспечения стабильности коммуникационного порядка». Это совокупность государственных органов и институтов, разрабатывающих политику власти в области СМИ и способствующие ее реализации на практике. Их совокупность является не только гарантией информационной безопасности, но и фактором, обеспечивающим стабильность сетевого легитимного общественного порядка.

Следует подчеркнуть и то, что медийная структура Казахстана весьма многообразна по признаку принадлежности. Большинство СМИ принадлежат государству и окружению руководства страны. Их совокупность является основной силой, которая определяет уровень лояльности и легитимности общества. Финансовое состояние подобных СМИ способствует их проникновению в сетевую среду, что делает их конкурентоспособными в условиях внутренней и внешней борьбы. При этом в обоих случаях их главная задача заключается в обеспечении легитимации действия власти в виртуальном коммуникационном пространстве.

Сложно отрицать значимость казахстанских СМИ в информационном противостоянии как в регионе, так и за его пределами. Противостояние подобного рода происходит с участием как государственных, так и независимых сетевых СМИ. Их совокупность рассматривается как способ формирования плюрализма мнений в медийном пространстве и «очищение» публичной сферы от деструктивных оппозиционных сил, желающих нарушить коммуникационный и легитимный порядок в стране.

Проникновение традиционных государственных казахских СМИ в сетевую среду в определенной степени изменило статус действующего режима как в стране, так и на региональном уровне. Устойчивая финансовая поддержка позволяет им быть конкурентоспособными и иметь свои региональные органы печати по всей стране. Однако в контексте формирования общественного мнения и сетевой аудитории они уступают место независимым СМИ и социальным сетям. Их материалы в основном посвящены деятельности государства и содержат исключительно пропагандистский характер. Данный фактор значительно уменьшает их значимость по сравнению с социальными сетями, прежде всего в контексте формирования сетевого сообщества. Об этом также свидетельствуют результаты проведенного анализа Internews Network от 2019 года, согласно которому, созданное ими информационное пространство в большинство случаев содержат материалы официального характера [13].

Аналогичный вывод можно сделать относительно государственных электронных СМИ. Тем не менее по сравнению с государственными периодическими печатями, находящимися в сетевой среде, они не теряют своей значимости в контексте формирования сетевого виртуального сообщества. Согласно данным ОФ «Правовой медиа–центр», телевидение и радио в стране по–прежнему являются важным источником официальной информации для населения страны [1].

В целом проникновение государственных традиционных СМИ в сетевую среду не изменило их политическое позиционирование, они по–прежнему создают пространство, где создается определенный образ правящей элиты на основе предлагаемых аудитории фактов в целях легитимации их действия. Последние годы эту функцию также выполняют социальные сети, в которых дублируются материалы государственных СМИ и популяризируется идеология действующего режима. По данным агентства Ranking.kz, самыми популярными сетями, которыми пользуются традиционные государственные СМИ [7], в стране являются YouTube, «ВКонтакте», Facebook[1] и Twitter[2].

Тем не менее отсутствие доминирующей позиции в сетевой среде не умаляет их значимости в контексте легитимации действий власти. Созданное ими пространство по–прежнему является зоной формирования общественного мнения относительно проводимого курса. Их финансовое положение позволяет им стать сильной государственной сетью коммуникации, которая эффективно легитимирует действия власти в глазах и казахстанского общества, и мирового сообщества.

В контексте обеспечения легитимного общественного порядка стоит также говорить о независимых СМИ, присутствующих в сетевой среде. Однако по мере роста влияния политического режима цензуры и контроля изменилась и их стратегия. Созданное ими информационное пространство является не только зоной формирования общественного мнения, но и виртуальной площадкой для соперничества между олигархами за власть. Политическое и финансовое положение олигархов позволяет говорить об их участии в формировании новой модели коммуникации, которая, как указывает Д. Окремова, превращает СМИ в инструмент пропаганды [4]. Так, сегодня можно говорить о рекламном агентстве Alma media, которое принадлежит дочери бывшего президента страны Д. Назарбаевой. К этому можно добавить еще и Alash Media и телеканал Channel, принадлежащие А. Клебанову и Т. Турлову. Каждый из них в определенной степени становится инструментом легитимации как власти, так и отдельно взятого политика.

Наличие западного стиля журналистики в независимых СМИ во многом обусловлено влиянием на них со стороны зарубежных СМИ и организаций по свободе слова, что служит поводом для обвинения отдельно взятых журналистов или СМИ в сотрудничестве с западными агентами. Содержательный анализ стратегии подобных организаций ярко демонстрирует наличие данного явления в информационном поле страны. Так, в 2021 году американский Национальный фонд в поддержку демократии[3] опубликовал отчет, где была указана сумма в размере 1,3 млн $, выделенная на взаимодействие в Казахстане с молодежью, организациями гражданского общества, активистами и независимыми СМИ. Обращая на это внимание, в марте 2022 года президент страны Касым–Жомарт Токаев заявил, что СМИ надо «работать не по заказам извне, способствуя поляризации нашего общества, и не за теневые гонорары, участвуя в скрытой борьбе политических кланов. …журналисты должны искренне переживать за свою страну и ее граждан. Недаром СМИ называют “четвертой властью”, именно поэтому вам следует распоряжаться своим влиянием на умы и сердца людей со всей осторожностью» [10].

Следует подчеркнуть и то, что усиление западного стиля журналистики в стране также привело к ограничению функционирования казахских независимых СМИ, что проявляется в наличии давления на журналистское сообщество, демонстрирующее противоположное позиционирование относительно проводимого курса. Эту функцию выполняет как политический режим цензуры и контроля, так и государственные органы, разрабатывающие политику власти в области СМИ и несущие ответственность за ее реализацию. Такая стратегия касается как традиционных СМИ, так и СМИ, непосредственно выходящих в сетевой среде и не принадлежащих государству. По этому принципу были закрыты такие независимые газеты, как «Республика», «Дат», «Правдивая газета», «Свобода слова», занимавшие заметное место в формировании соответствующей аудитории. Отсутствие толерантности, пишут исследователи А.А. Грабельников и И.К. Мамбетова, в контексте взаимодействия с независимыми СМИ «ярко демонстрирует расширение круга лиц в стране, настойчиво призывающих к ужесточению позиции государства по отношению к подобным СМИ, настаивающих на введении цензуры под предлогом информационной безопасности» [3].

Наличие такой стратегии объясняется казахской властью как необходимое условие для сохранения политического и коммуникационного порядка в стране. Данный фактор и сегодня является определяющим в контексте сохранения контроля над традиционными независимыми СМИ, особенно если учитывать то, что зона их влияния интенсивно расширяется с учетом применения социальных сетей. Увеличение количества пользователей независимых СМИ в социальных сетях объясняется их позиционированием относительно некоторых решений власти. Аналогичный вывод можно сделать по отношению к функционированию электронных независимых СМИ [10], которые также расширяют зону своего влияния во многом благодаря социальным сетям. Большая часть аудитории независимых СМИ получают информацию исключительно через социальные сети.

В контексте обеспечения информационного и политического легитимного порядка также заметное место занимают СМИ, непосредственно выходящие в сетевой среде. Речь идет прежде всего о СМИ, функционирующих исключительно в зоне влияния политического режима, цензуры и контроля. Их значимость велика в формировании

[1] Facebook, Instagram – социальные сети, принадлежащие компании Meta – экстремистской организации, деятельность которой запрещена в РФ.

[2] Twitter – американская социальная сеть, деятельность которой согласно РБК от 10.04.2023 г., заблокирована на территории РФ.

[3] Национальный фонд в поддержку демократии – американская неправительственная организация, деятельность которой признана нежелательной на территории РФ.

электронного государства, они являются частью его стратегии в контексте обеспечения сетевой легитимации. Распространяемые ими материалы в значительной степени способствуют эффективному виртуальному участию граждан в обсуждении общественно–политических вопросов в стране. Здесь также можно говорить о наличии интернет–порталов, ориентированных на развитие правового знания общества. Яркий пример этому интернет–портал «Открытые НПА», где легитимация действия парламента происходит с учетом публичного обсуждения принятых нормативных актов. Результаты подобных обсуждений зачастую становятся определяющим фактором в контексте принятия или разработки новых законов и государственной стратегии. Здесь задача сетевых СМИ заключается в создании единого информационно–идеологического пространства, которое станет фактором, зарождающим новые идеи для принятия решения. Так, согласно данным Finprom.kz., в 2022 году по уровню электронного участия граждан страна занимает 15-е место в мире. Кроме стран региона, Казахстан также обгоняет такие страны, как Ирландия, Канада, Италия, Бельгия, Чехия [15].

В условиях Казахстана также можно говорить о функционировании интернет–сайтов и порталов, где публикуются результаты публичного обсуждения существующих проблем с участием власти и общества, что не имеет аналогов в регионе. Содержательная основа их публикации охватывает материалы как государственных, так и независимых и оппозиционных СМИ, правда с учетом минимального искажения фактов. Формируя общественное мнение относительно проводимого курса, их материалы также становятся источником информации для глобальных СМИ, региональных и международных организаций, определяющих уровень свободы слова, в том числе и в медийном пространстве. Яркий пример этому интернет–портал BlogNews, который публикует аналитические материалы популярных казахоязычных блогеров на разные темы. Наличие подобных СМИ «привлекает более широкий круг пользователей и способствует процессам сближения не только СМИ–блогеров, но и власти и общества, а это именно то, что лежит в основе концепции легитимации и легитимности власти. Но при этом они не всегда стремятся замыкаться в кругу правительственных сообщений и государстве» [9].

По сравнению с другими странами региона, в медийном пространстве Казахстана информационные агентства играют важную роль в формировании международного имиджа страны. Казахстанские информационные агентства, функционирующие в сетевой среде, перестали быть только источниками информации для традиционных и электронных СМИ, они превратились в новый тип интернет–СМИ, занимающий одно из лидирующих мест по охвату аудитории и формированию имиджа Казахского государства [2].

Распространяемые ими материалы на разных языках зачастую становятся объектом дискурса глобальных СМИ. Наряду с другими сетевыми СМИ, они также используют социальные сети, где, помимо публикации текстов, также размещают различные аудиоматериалы с участием представителей как власти, так и журналистского сообщества. Кроме того, большая часть сотрудников казахстанских информационных агентств рассматривают социальные сети как зону публичного дискурса существующих вопросов и первичный источник информации.

Говоря о коммуникационном и политическом порядке, стоит также упомянуть глобальные и социальные сети, чье позиционирование не всегда соответствует идеологии действующей власти, а это именно то, что зачастую служит поводом для их обвинения в нарушении информационной стабильности в стране. С одной стороны, они выступают оперативным источником для казахстанского общества, с другой – альтернативным пространством формирования протестного настроения у аудитории. Однако в обоих случаях данная группа СМИ становится тем пространством, где формируется альтернативный институт по изучению политического и социального состояния общества.

Сегодня результаты региональных и международных организаций ярко демонстрируют интенсивный рост аудитории социальных сетей. Согласно данным Internews, основными источниками информации для населения являются социальные сети и интернет–сайты. Большая часть журналистов получают информацию исключительно посредством социальных сетей [5]. Согласно данным Министерства информации и общественного развития страны, сегодня в качестве основных источников информации для общества выступают социальные сети [12]. Аналогичный вывод можно сделать по результатам исследования Ranking.kz и Digital. Согласно этим данным, в контексте обеспечения общества информацией как традиционные СМИ, так и СМИ, выходящие в Интернете, уступают место социальным сетям [13].

Следует также подчеркнуть и то, что аналогично другим странам региона эффект социальных сетей в Казахстане также проявляется в изменении стиля политической журналистики и формировании принципиально новых форм влияния на субъекты политического процесса. Созданное ими информационное пространство, хотя и не отражает официальную точку зрения, хорошо передает содержательную основу проводимого курса. Как пример – события 2011 и января 2022 года, когда социальные сети стали распространять незаконные действия сотрудников правоохранительных органов по отношению к митингующим. Аналогичное можно было наблюдать в событиях, происходивших в Каракалпакстане (Узбекистан) и Памире (Таджикистан), где социальные сети оказались той силой, степень отношения с которыми определяло уровень политического и коммуникационного порядка в этих странах. Однако по сравнению с этими странами, где активные участники виртуального пространства оказались объектом физического насилия правоохранительных органов, в Казахстане организаторы «идеологической войны» в сетевой среде не подвергались воздействию подобного рода.

Тем не менее данное рассуждение не умаляет наличия контроля над пользователями социальных сетей в стране. Как показывает анализ, здесь социальные сети становятся, с одной стороны, фактором, нарушающим мирный и легитимный порядок в стране, что проявляется в пропаганде нежелательного контента, с другой – механизмом контрпропаганды в руках властных органов, что позволяет снять информационную и социальную напряженность в обществе. Это касается как внутренних, так и внешних пользователей социальных сетей, анализирующих происходящие события в стране. Так, согласно данным МВД РК, основная масса фейковых сообщений в этих событиях приходила из–за пределов страны. Были установлены 43 аккаунта в социальных сетях, зарегистрированные за рубежом, которые провоцировали протестующих. Кроме того, в феврале 2022 года СМИ также сообщали о начале расследования 13 уголовных дел по ст. 274 УК РК (распространение заведомо ложной информации) относительно интернет–провокаторов, живущих как в стране, так и за ее пределами [18].

Следует также отметить, что, в отличие от других среднеазиатских стран, в Казахстане начиная с 2009 года социальные сети и интернет–ресурсы приравнены к СМИ, что увеличивает вероятность их попадания в зону политического режима цензуры и контроля. Согласно этому законопроекту социальные сети и интернет–ресурсы в целом будут нести уголовную и гражданскую ответственность наравне с традиционными средствами массовой информации. Кроме того, социальные сети обязаны зарегистрироваться на портале «Электронное правительство», что значительно упрощает процесс поиска авторов нежелательных комментариев или публикаций в сетевой среде.

Заключение

Сетевое сообщество и сетевые СМИ в современном Казахстане стали формироваться параллельно с цифровизацией института журналистики. В то же время цифровизация института журналистики и развития социальных сетей, с одной стороны, привела к менее регулируемому медийному пространству, с другой – к появлению новых механизмов контроля над сетевыми медийными ресурсами.

Тем не менее Казахстан сегодня в контексте проникновения СМИ в сетевую среду занимает лидирующее место в регионе, а онлайновая политическая коммуникация в стране в определенной степени изменила ход политического процесса. Однако данный фактор не демонстрирует наличия полноценного плюрализма сетевых СМИ в стране, так как наряду с другими странами региона в Казахстане медийные ресурсы в определенной степени подвергаются влиянию политического режима цензуры и контроля.

В условиях Казахстана политический режим цензуры и контроля состоит из совокупности правовых и неправовых норм, включающих в себя горизонтальнее влияние, проявляющееся в принятии законов в области СМИ, и вертикальное влияние, отражающееся в организации подконтрольных общественных организаций. Их деятельность ориентирована на обеспечение не только информационной безопасности, но и на сохранение легитимного и политического порядка, с учетом формирования общественного мнения в соответствии с идеологией власти. Механизмами реализации этого контроля выступают государственные институты, разрабатывающие информационную политику власти и способствующие ее реализации на практике. Совокупность механизмов политического режима цензуры и контроля над СМИ является определяющим фактором в контексте обеспечения информационной безопасности страны и сохранения лояльного отношения общества к власти.

Проведенный анализ также позволяет выдвинуть гипотезу о том, что в условиях Казахстана социальные сети воспринимаются, с одной стороны, как фактор, нарушающий мирный и легитимный порядок в стране, что проявляется в пропаганде в них нежелательного контента, ориентированного на формирование у казахского общества протестного настроения по отношению к власти. В то же время сетевые СМИ воспринимаются как своеобразный механизм контрпропаганды

в руках власти, который ориентирован исключительно на устранение нежелательного медийного контента, а также снятие информационной и социальной напряженности в стране. Однако в обоих случаях главный акцент делается на выстраивание демократических институтов и правового государства, в том числе и с учетом включения в этот процесс СМИ. Эта стратегия является определяющей для Казахского государства, особенно в условиях усиления конкуренции, как между странами в регионе, так и субъектами нового империализма, чья стратегия противоречит идеологии национальных государств.

Литература

1. Большинство казахстанцев получают информацию по телевидению и из Интернета [Электронный ресурс]. URL: https://www.caravan.kz/articles/bolshinstvo–kazakhstancev–poluchayut–informaciyu–po–televideniyu–i–iz–interneta-375535/ (дата обращения: 07.02.2026).

2. В Казахстане растет количество СМИ [Электронный ресурс]. URL: https://informburo.kz/novosti/v–kazahstane–rastyot–kolichestvo–smi (дата обращения: 07.02.2026).

3. Грабельников А.А., Мамбетова И.К. Свобода слова и безопасность журналистов как Актуальные проблемы СМИ Казахстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. № 3. 2015. – С. 129–137.

4. Диана Окремова: Богатая палитра ответственности для СМИ парализует журналистику Казахстана [Электронный ресурс]. URL: https://cabar.asia/ru/diana–okremova–bogataya–palitra–otvetstvennosti–dlya–smi–paralizuet–zhurnalistiku–kazahstana (дата обращения: 07.02.2026).

5. Исследование Internews: основным источником информации для казахстанцев являются соцсети, но доверия больше к ТВ [Электронный ресурс]. URL: https://tribune.kz/issledovanie–internews–osnovnym–istochnikom–informatsii–dlya–kazahstantsev–yavlyayutsya–sotsseti/ (дата обращения: 07.02.2026).

6. Кабиева Т.К. Режиссура современного телевидения: новая модель формирования социально–культурных ценностей казахстанского телезрителя: дис. … д–ра филос. наук. – Алматы, 2020. –120 с.

7. Какие социальные сети популярны в Казахстане [Электронный ресурс]. URL: https://www.zakon.kz/5060441-kakie–sotsialnye–seti–populyarny–v.html (дата обращения: 07.02.2026).

8. Какие фейки рассылали во время январских событий, рассказали в МВД Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://liter.kz/k–ubiistvu–politseiskikh–prizyval–v–sotssetiakh–zhitel–akmolinskoi–oblasti-1645032592/ (дата обращения: 07.02.2026).

9. Калиаждарова Ш.И., Ашенова С.В, Бйсенкулов А.А. Национальная идея республики Казахстан: электронные СМИ и информационная безопасность // Вестник евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: журналистика. 2022. № 1. – С. 57–67.

10. Послание Главы государства Касым–Жомарта Токаева народу Казахстана [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/poslanie–glavy–gosudarstva–kasym–zhomarta–tokaeva–narodu–kazahstana-1623953 (дата обращения: 07.02.2026).

11. Презентация результатов исследования медиапотребления и медиаграмотности в Казахстане [Электронный ресурс]. URL: https://ru.internews.kz/2022/06/prezentatsiya–rezultatov–issledovaniya–mediapotrebleniya–i–mediagramotnosti–v–kazahstane/ (дата обращения: 07.02.2026).

12. Самые популярные социальные сети в Казахстане [Электронный ресурс]. URL: https://www.kp.kz/online/news/3585076/ (дата обращения: 07.02.2026).

13. Самые популярные соцсети в странах Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20190804/kakie–sotsseti–populyarni–v–kazhdoi–strane–tsentralnoi–azii (дата обращения: 07.02.2026).

14. Соловьев А.И. Агенты и механизмы политического господства, или как правит «выигрышная» коалиция // Полис. Политические исследования. 2024. № 2. – С. 96–117.

15. Цифровой Казахстан: страна взлетает в рейтингах развития Digital–сферы [Электронный ресурс]. URL: https://ru.sputnik.kz/20221019/tsifrovoy–kazakhstan–strana–vzletaet–v–reytingakh–razvitiya–digital–sfery-28609363.html (дата обращения: 07.02.2026).

16. Freedman E., Kurambayev B. Ethics and Journalism in Central Asia: A Comparative Study of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan // Journal of Media Ethics. 2019. № 35. – P. 31–44.

17. Gönül C. Post–Soviet Politicized Media and Free Press within the Context of Central Asian Countries // International Journal of Social Science and Humanity. 2016. № 6. – P. 909–912.

18. Martynenko E.V., Murzagalieva T. Cultural and political aspects of TV-propaganda in the media of Russia and Kazakhstan // Sociology. 2020. № 2. – P. 288–292.

19. Political regimes and neopatrimonialism in Central Asia / ed. by F. Izquierdo–Brichs and F. Serra–Massansalvador. – Verlag: Springer Singapore, 2021. – 337 p.

ONLINE MEDIA AND PROSPECTS FOR A LEGITIMATE POLITICAL ORDER IN KAZAKHSTAN

Salimov D.M.
Saint Petersburg State University

The article examines the process of forming network media and network communities in modern Kazakhstan. It analyzes the functional features of online media and, against this backdrop, systematizes the set of mechanisms of online resources in the context of ensuring a legitimate political order in the country. It identifies the specifics of the state's information policy and its implementation mechanisms at the regional and global levels. The conceptual basis of this study is the scientific view that in nation states, the issue of ensuring a legitimate political order becomes an important factor, including the inclusion of online resources in this process, which create a model of communication behavior for participants in this institutional order. The methods and means proposed by local authorities to ensure a legitimate political order contribute to a certain extent to the emergence of a media strategy based on horizontal and vertical control mechanisms. The sustainability of this strategy also depends on the circle of agents of the "winning" coalition, which includes the entire state apparatus and political parties that perform the function of internal and preventive control. Together, they preserve sufficient political space for political regimes to establish various network forms of political domination.

Keywords: online media, Central Asia, political regime, political system, political order, information order, political censorship, information security

References

1. Most Kazakhstanis get their information from television and the Internet [Electronic resource]. URL: https://www.caravan.kz/articles/bolshinstvo–kazakhstancev–poluchayut–informaciyu–po–televideniyu–i–iz–interneta-375535/ (accessed: 07.02.2026).

2. The number of media outlets is growing in Kazakhstan [Electronic resource]. URL: https://informburo.kz/novosti/v–kazahstane–rastyot–kolichestvo–smi (accessed: 07.02.2026).

3. Grabelnikov A.A., Mambetova I.K. Freedom of speech and safety of journalists as current issues of the media in Kazakhstan // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary criticism, journalism. No. 3. 2015. – P. 129–137.

4. Diana Okremova: A Rich Palette of Responsibility for the Media Paralyzes Journalism in Kazakhstan [Electronic resource]. URL: https://cabar.asia/ru/diana–okremova–bogataya–palitra–otvetstvennosti–dlya–smi–paralizuet–zhurnalistiku–kazahstana (date of access: 07.02.2026).

5. Internews Study: Social Media is the Main Source of Information for Kazakhstanis, but TV is More Trusted [Electronic resource]. URL: https://tribune.kz/issledovanie–internews–osnovnym–istochnikom–informatsii–dlya–kazahstantsev–yavlyayutsya–sotsseti/ (date of access: 07.02.2026).

6. Kabieva T.K. Directing Modern Television: A New Model for Shaping the Socio-Cultural Values of Kazakhstani TV Viewers: Diss. … Doctor of Philosophy. – Almaty, 2020. – 120 p.

7. Which Social Networks Are Popular in Kazakhstan [Electronic Resource]. URL: https://www.zakon.kz/5060441-kakie–sotsialnye–seti–populyarny–v.html (date accessed: 07.02.2026).

8. The Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan reported on the fake news that was spread during the January events [Electronic Resource]. URL: https://liter.kz/k–ubiistvu–politseiskikh–prizyval–v–sotssetiakh–zhitel–akmolinskoi–oblasti-1645032592/ (Accessed: 07.02.2026).

9. Kaliyazhdarova Sh.I., Ashenova S.V., Bysenkulov A.A. National idea of the Republic of Kazakhstan: electronic media and information security // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: journalism. 2022. No. 1. – P. 57–67.

10. Message of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan [Electronic resource]. URL: https://www.akorda.kz/ru/poslanie–glavy–gosudarstva–kasym–zhomarta–tokaeva–narodu–kazahstana-1623953 (accessed: 07.02.2026).

11. Presentation of the results of the study of media consumption and media literacy in Kazakhstan [Electronic resource]. URL: https://ru.internews.kz/2022/06/prezentatsiya–rezultatov–issledovaniya–mediapotrebleniya–i–mediagramotnosti–v–kazahstane/ (accessed: 07.02.2026).

12. The most popular social networks in Kazakhstan [Electronic resource]. URL: https://www.kp.kz/online/news/3585076/ (accessed: 07.02.2026).

13. The Most Popular Social Networks in Central Asian Countries [Electronic resource]. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20190804/kakie–sotsseti–populyarni–v–kazhdoi–strane–tsentralnoi–azii (accessed: 07.02.2026).

14. Soloviev A.I. Agents and Mechanisms of Political Domination, or How a "Winning" Coalition Rules // Polis. Political Research. 2024. No. 2. – Pp. 96–117.

15. Digital Kazakhstan: The Country Soars in Digital Development Rankings [Electronic resource]. URL: https://ru.sputnik.kz/20221019/tsifrovoy–kazakhstan–strana–vzletaet–v–reytingakh–razvitiya–digital–sfery-28609363.html (date of access: 02/07/2026).

16. Freedman E., Kurambayev B. Ethics and Journalism in Central Asia: A Comparative Study of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan // Journal of Media Ethics. 2019. No. 35. – P. 31–44.

17. Gönül C. Post–Soviet Politicized Media and Free Press within the Context of Central Asian Countries // International Journal of Social Science and Humanity. 2016. No. 6. – P. 909–912.

18. Martynenko E.V., Murzagalieva T. Cultural and political aspects of TV-propaganda in the media of Russia and Kazakhstan // Sociology. 2020. No. 2. – P. 288–292.

19. Political regimes and neopatrimonialism in Central Asia / ed. by F. Izquierdo–Brichs and F. Serra–Massansalvador. – Verlag: Springer Singapore, 2021. – 337 p.

Роль политических технологий продвижения духовно-нравственных ценностей среди российской молодёжи в условиях консциентальной войны

Сапожков Даниил Олегович,
магистр факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: spjkv@mail.ru

В настоящее время Российская Федерация продолжает оставаться в эпицентре санкционного давления. В статье рассмотрены особенности формирования и трансформации духовно-нравственных ценностей российской молодёжи в условиях консциентальной войны, проанализированы факторы её восприимчивости к внешнему воздействию, исследованы современные направления государственной политики и среды социализации, а также систематизированы политические технологии их продвижения. Результат: разработана модель развития политических технологий, отражающей взаимосвязь внешних воздействий, каналов реализации и ценностного состояния молодёжи. Выводы: а) ценностная сфера молодёжи определяется сочетанием внешнего давления и внутренних характеристик формирования идентичности; б) эффективность продвижения духовно-нравственных ценностей обеспечивается интеграцией медиатехнологий, образовательных и социотехнологических практик; в) устойчивость ценностных ориентиров достигается при включении политических технологий в повседневные формы социализации и коммуникации.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, российская молодёжь, консциентальная война, политические технологии, патриотизм, цифровая среда, ценностная идентичность.

Введение

В настоящее время «ситуация в России и в мире оценивается как требующая принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей» [1]. По сути, современный мир развивается «в условиях консциентальной войны, развязанной реакционными силами западного мира в отношении нашего государства» [2], под которой можно понимать «поражение ценностных установок народов других государств-противников посредством искажения исторических фактов в общественном сознании» [3]. В условиях, когда доминирующая в современной институциональной экономике парадигма подчеркивает критическую роль инклюзивных институтов для устойчивого роста [4], консциентальная война становится инструментом целенаправленного воздействия на ценностные ориентиры и идентичность молодежи посредством трансформации общественного сознания и исторической памяти [5].

Как отмечает протоиерей и доктор теологии Г.В. Заридзе, «некоторые ''западные ценности'' признаются молодыми людьми нейтрально, спокойно… *однако* (*прим. авт.)* …их души уже деформированы, они не могут отличить хорошее от плохого» [6]. В связи с этим актуальность представляет понимание того, какую роль играют политические технологии продвижения духовно-нравственных ценностей среди российской молодёжи.

Результаты и обсуждение

Консциентальная война характеризует современную стадию противоборства, в рамках которой ключевое значение имеет борьба за сознание, историческую память и ценностный состав общественной жизни [5]. Ее содержание связано с целенаправленным изменением представлений о прошлом, норме, долге, солидарности и культурной самобытности, вследствие чего давление на общество носит длительный и многоуровневый характер [7].

Сложившаяся международная обстановка интегрирует духовно-нравственные ценности в состав вопросов политической безопасности, культурного самосохранения и воспроизводства общегражданской идентичности [8]. Каналами такого воздействия являются массовая коммуникация, цифровая среда, культурные продукты и образовательные сообщения, посредством которых молодежной аудитории «предлагаются» новые критерии успеха, свободы, морали и общественного поведения [7]. Под давлением меди-апотоков духовно-нравственная сфера молодежи начинает дробиться на ситуативные установки, эмоциональные реакции и заимствованные образцы самопрезентации, что усиливает риск ценностной дезориентации [9].

При этом молодежь становится главной мишенью консциентального воздействия, что связано с незавершенностью мировоззренческого самоопределения, высокой интенсивностью сетевого общения и повышенной включенностью в символическое потребление цифрового контента [10]. Сетевые площадки формируют асимметрию смыслового обмена, когда патриотически ориентированные сообщества численно заметны, однако уступают противостоящим им группам по активности производства и распространения контента [11]. Отсюда вытекает общий контекст консциентальной войны для российской молодежи, который выражается в борьбе за иерархию ценностей, в рамках которой политическое воздействие затрагивает основания гражданской идентичности, нравственного выбора и отношения к стране [12–13].

В целом можно выделить основные аспекты влияния консциентальной войны на формирование духовно-нравственных ценностей молодёжи (табл. 1).

Таблица 1. Ключевые аспекты влияния консциентальной войны на формирование духовно-нравственных ценностей молодёжи

Аспект	Содержание	Изменение	Результат
Историко-смысловой	Искажение образа прошлого, ослабление памяти поколений, размывание образа Отечества	Ослабление преемственности, снижение значимости служения, долга и исторической памяти	Усложнение воспроизводства общегражданской идентичности

Окончание

Аспект	Содержание	Изменение	Результат
Культурно-нормативный	Внедрение внешних образцов морали, успеха и общественного поведения	Снижение значимости семьи, коллективной ответственности	Рост ценностной неоднородности молодёжной среды
Информационно-коммуникационный	Насыщение цифровой среды «хаосом», эмоциональным контентом и манипуляциями	Закрепление ситуативных оценок, ослабление цельности мировоззрения	Повышение восприимчивости молодёжи к деструктивному влиянию
Идентификационный	Давление на культурную, гражданскую и патриотическую самоидентификацию	Размывание связи молодого человека со страной, народом и культурной традицией	Ослабление ценностной консолидации молодёжи
Институционально-воспитательный	Конкуренция семьи, образования, государства и цифровой среды за влияние на сознание молодого поколения	Перенос ценностной социализации в медиа, ослабление воспитательной роли классических институтов	Снижение эффективности передачи традиционных духовно-нравственных ценностей

Источник: авторская разработка на основе [5], [7–11], [13]

Для российской общественной мысли ценности образуют смысловое ядро общегражданской идентичности, память поколений, представления о служении Отечеству, семье, справедливости и взаимном уважении [14]. В частности, эмпирические свидетельства, полученные на молодежных выборках, отражают сохранение высокой значимости традиционных ориентиров, хотя степень их внутреннего принятия, глубина понимания и степень включения в повседневные жизненные установки заметно различаются, что указывает на неоднородность ценностного состояния представителей молодого поколения [15].

Важно подчеркнуть, что центральное место в ценностных процессах современного российского общества занимает молодёжная среда. В возрастной фазе от позднего подросткового возраста до ранней зрелости продолжается формирование политических представлений, нравственных критериев и образцов участия в общественной жизни [16]. С точки зрения политики принято исходить из внутренней неоднородности данной социальной группы по возрасту, жизненному опыту и социальным запросам, что усиливает различия в реакции на внешнее ценностное давление [17].

Юность связана с высокой восприимчивостью к символам, образам успеха и публичным моделям самооценки. Заметную роль в ценностной социализации молодого поколения сохраняют семья, образование, общественные объединения и государственные институты, однако их влияние уже не является единственным [18]. Значительная часть моральных ориентиров усваивается во внешней коммуникативной среде, что меняет само взросление, систему авторитетов и характер включения молодого человека в общественную жизнь [13]. Внешняя коммуникативная среда усиливает зависимость ценностного выбора от текущего информационного фона и эмоционального впечатления [9]. В частности, на уровне субъектов Российской Федерации работа с молодёжью выстраивается с помощью учреждений, центров гражданского и патриотического воспитания, добровольческих и образовательных практик [17]. При этом сам факт существования институциональной сети не решает проблему ценностной восприимчивости, так как молодой человек живёт сразу в нескольких средах социализации, среди которых цифровая коммуникация нередко задаёт более сильный эмоциональный импульс, чем классические формы воспитания [19]. Отсюда возрастает роль внешних смысловых воздействий, обращённых к чувствам, идентичности и представлениям о норме [10].

Для молодёжи характерна высокая включённость в медиапространство, внутри которого политические и ценностные смыслы подаются через новости, символические образы, культурные сюжеты и публичные кампании [20]. В данной возрастной группе патриотические и антипатриотические интерпретации соприкасаются в повседневном информационном опыте, что усиливает риск смыслового смещения даже у тех, кто декларативно разделяет традиционные ценности [11]. Политическая активность молодёжи в таких условиях нередко сочетается с внутренней неустойчивостью мировоззрения и повышенной чувствительностью к манипулятивным формам воздействия [18]. Таким образом, молодёжь выступает наиболее подверженной консенсуальному давлению социальной группой по совокупности общественных условий взросления, ценностного поиска и высокой интенсивности внешних коммуникативных влияний [5].

Стоит заметить, что в Российской Федерации укрепление духовно-нравственных ценностей в настоящее уже оформлено юридически в качестве самостоятельного направления государственной политики. Так, указ Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г. [1] закрепил перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей, цели государственной политики в данной сфере и круг направлений работы, охватывающий воспитание, образование, культуру, науку, информационную сферу и работу с молодёжью [8]. Дальнейшее развитие это направление нашло в Стратегии реализации молодёжной политики до 2030 года, утверждённой в августе 2024 г., а также в правительственном плане мероприятий, утверждённом в июне 2025 г., уже с выходом на практические действия федерального и регионального уровня [17].

Содержание работы с молодёжью в Российской Федерации также отражается в крупных государственных инициативах, рассчитанных на длительный срок. Так, действует национальный проект «Молодёжь и дети», в составе которого развиваются школьная среда, наставничество, дополнительное образование, поддержка студенческих и молодёжных инициатив, университетская среда и грантовые формы поддержки [17]. В его составе представлены инициативы «Педагоги и наставники», «Мы вместе», «Все лучшее детям», «Профессионалитет» и «Университеты для поколения лидеров», что показывает развитие по нескольким направлениям воспитательной и образовательной работы [13].

Серьёзная текущая работа сосредоточена и в системе образования. В школах и колледжах продолжается проект «Разговоры о важном», который в 2026 году сохраняет федеральный статус, имеет собственную премию и поддерживается системой подготовки педагогов [13]. Также значение имеет решение о введении с 1 сентября 2026 года учебного предмета «Духовно-нравственная культура России», что делает проблематику ценностей более устойчивой [19]. Также расширяется историческое просвещение, включая новые программы, исторические парки и поездки школьников в значимые культурно-исторические центры [19].

Заметное место занимает работа детских и молодёжных объединений. Ярким примером является движение Первых, которое выстраивает свою деятельность вокруг ценностей жизни и достоинства, патриотизма, служения Отечеству, исторической памяти, добровольчества, культуры, медиа и общественно полезной деятельности, что тем самым соединяет ценностное содержание с практикой участия [17]. В 2026 году грантовый конкурс движения дал 496 победителей, общий объём финансирования составил 1,4 млрд рублей, заявленный охват до конца года превышает один миллион детей и молодёжи, что говорит о масштабной проектной работе [19].

Существенная часть укрепления духовно-нравственных ценностей происходит на региональном и локальном уровне. В субъектах Российской Федерации действуют учреждения по делам молодёжи, центры воспитательной работы, добровольческие площадки, творческие конкурсы, просветительские и патриотические проекты, которые связывают школу, вуз, общественные организации, учреждения культуры и муниципальную среду [17]. Практика межведомственного взаимодействия, конкурсы творческих работ, социально значимые акции, проектные формы участия молодёжи и работа с наставниками уже описаны как действующие механизмы в ряде регионов страны [13]. Значимое место занимают и медиапроекты патриотической направленности, за счет которых государственные и общественные субъекты транслируют ценностные смыслы в публичное пространство [20].

Текущий этап продвижения духовно-нравственных ценностей среди российской молодёжи обрёл новый политико-символический смысл в связи с объявлением 2026 года Годом единства народов России. Данный шаг был закреплён указом Президента от 25 декабря 2025 г., после чего началась работа организационных комитетов и программных площадок федерального и регионального уровня [14]. Так, в январе и марте 2026 года Минпросвещения и Росдетцентр запустили стратегические сессии «Навигаторы детства: сила в единстве», форумы по воспитательной работе и новые циклы историко-просветительских мероприятий, что отражает укрепление ценностей во взаимосвязи школы, молодёжных институтов и общегосударственной повестки.

Наличие в Российской Федерации ценностной политики, институтов и практик работы с молодёжью ставит вопрос о способах их осуществления, в связи с чем следует говорить о понятии политической технологии.

Понятие политической технологии в современной политической науке связано с осмыслением способов целенаправленного воздействия на общественное сознание, поведение и ценностные установки социальных групп. В отличие от абстрактных представлений о полити-

ке как сфере идей и институтов, политическая технология устанавливает практическую сторону политического процесса, связанную с организацией коммуникации, формированием смыслов и направленным изменением общественных ориентаций [8].

С содержательной точки зрения политическая технология представляет собой совокупность приёмов, методов и организационных решений, обеспечивающих достижение заданного политического эффекта в конкретной социальной среде. В её структуре выделяются целевые установки, каналы распространения, формы представления информации и механизмы закрепления воспринимаемых смыслов, что придаёт ей характер системно организованной деятельности [20]. В условиях консциентальной войны такая деятельность направлена на формирование представлений о норме, должном и допустимом, что превращает политическую технологию в инструмент работы с ценностной сферой общества [5].

Применительно к молодёжной аудитории политическая технология приобретает специфические черты, связанные с особенностями восприятия информации, высокой ролью символических образов и значением коммуникативной среды. Воздействие в данном случае осуществляется как включение ценностных смыслов в повседневные практики общения, медиапотребления и самоидентификации [11]. Данная форма воздействия предполагает ориентацию на язык, культурные коды и формы самовыражения, характерные для молодёжной среды, что усиливает эффективность закрепления транслируемых установок [10].

Таким образом, политическая технология в рассматриваемом контексте выступает как инструмент организованного воздействия на процессы формирования духовно-нравственных ценностей, обеспечивающий связь между стратегическими ориентирами государственной политики и реальными практиками взаимодействия с молодёжью. Её использование позволяет трансформировать ценностные установки в форму доступных и воспроизводимых моделей поведения, включённых в социальную и культурную жизнь общества [14].

В отечественной научной литературе, посвящённой молодёжной политике и ценностной проблематике, политические технологии редко представляются в форме завершённых классификаций, однако можно проследить отдельные их формы. Так, например, значимое место занимает технология продвижения ценностной повестки в социальных медиа, включающая в себя формирование тематического контента, работу с символами и визуальными образами, а также стимулирование вовлечённости молодёжной аудитории посредством интерактивных форматов [11]. Данный тип воздействия основывается на постоянном присутствии в информационном поле и адаптации сообщений под особенности цифрового общения.

Близкий по характеру механизм рассматривается в работе А.А. Афонина, в которой внимание сосредоточено на трансляционных практиках патриотизма в политическом медиапространстве. Здесь политическая технология проявляется в системном воспроизводстве смыслов, закреплении устойчивых образов и использовании медиа для формирования общественно значимых интерпретаций [20].

Информационно-коммуникативный аспект раскрывается также в статье Е.А. Проскуриной, в которой патриотизм рассматривается в связи с технологиями вовлечения молодёжи в политические процессы. В данном случае речь идёт о создании коммуникационных форматов, ориентированных на участие, обсуждение и соучастие, что позволяет закреплять ценностные установки за счет практики взаимодействия [18], что усиливает субъективную значимость транслируемых смыслов.

Отдельное направление связано с использованием социотехнологических форм воспитательной работы. Так, в исследовании Г.В. Мерзляковой и Е.И. Михалёвой показано, что значимую роль играют проектные, добровольческие и практико-ориентированные форматы, в рамках которых ценности усваиваются за счет участия в социальной деятельности [19]. Данный тип политических технологий основан на включении молодого человека в деятельность, в ходе которой формируются устойчивые представления о социальной ответственности, служении и коллективных целях.

В статье И.П. Краснощеченко и В.А. Антохиной внимание сосредоточено на технологиях формирования духовно-нравственных ценностей в образовательной среде. Смысл здесь заключается в сочетании воспитательных практик, образовательных программ и культурных мероприятий, создающих единое ценностное пространство [13]. В данном случае политическая технология принимает форму системной педагогической работы, направленной на формирование устойчивых моральных ориентиров.

Организационно-управленческое измерение политических технологий прослеживается в работе И.А. Бачуринской и А.Е. Черных, в которой рассматриваются региональные стратегии работы с молодёжью. Политическая технология выражается в институциональных механизмах, координации субъектов, разработке программ и создании инфраструктуры взаимодействия [17].

В качестве специфического направления выделяется формирование политической культуры, в рамках которого политическая технология связана с воспитанием гражданских установок, развитием представлений о государстве, обществе и роли личности в общественной жизни [16]. Посредством образовательных и воспитательных практик формируется ценностная основа участия молодёжи в политических процессах.

Дискурсивный уровень воздействия раскрыт в работе Р.Р. Хизбуллиной, в которой внимание сосредоточено на интериоризации патриотизма посредством языка, символов и коммуникативных практик. Политическая технология в данном случае проявляется в формировании смыслового поля, в рамках которого закрепляются ценностные ориентиры; при этом языковая и символическая составляющие обеспечивают глубину и устойчивость данного воздействия [10].

Таким образом, совокупность рассмотренных подходов позволяет выделить основные политические технологии продвижения духовно-нравственных ценностей среди российской молодёжи, включающие медиатехнологии, информационно-коммуникативные формы вовлечения, социотехнологические практики участия, образовательные и воспитательные механизмы, институционально-управленческие решения и дискурсивные способы формирования смыслов (табл. 2).

Их объединяет направленность на закрепление ценностных ориентиров в повседневной жизни молодёжи и включение этих ориентиров в практику общественного поведения [11].

Таблица 2. Основные политические технологии продвижения духовно-нравственных ценностей среди российской молодёжи

Технология	Содержание	Механизм воздействия
Медиатехнологии	Формирование ценностной повестки в цифровой среде, работа с символами и образами	Контентное наполнение, визуальные и нарративные конструкции, алгоритмы распространения
Информационно-коммуникативные технологии вовлечения	Организация участия молодёжи в обсуждении общественно значимых тем	Интерактивные форматы, сетевые коммуникации, обратная связь
Социо-технологические практики участия	Включение в социально значимую деятельность	Проектная деятельность, добровольчество, коллективные инициативы
Образовательные и воспитательные технологии	Формирование ценностных ориентиров в системе образования и культуры	Учебные и внеучебные форматы, воспитательные мероприятия
Институционально-управленческие технологии	Организация работы с молодёжью на уровне государства и регионов	Программы, координация субъектов, инфраструктура взаимодействия
Технологии формирования политической культуры	Развитие гражданских представлений и установок	Просветительские практики, участие в общественной жизни
Дискурсивные технологии	Конструирование смыслового пространства ценностей	Язык, символы, интерпретации, нарративы

Источник: авторская разработка на основе [10–11], [13], [16–20]

Таким образом, обобщая, предлагается модель развития политических технологий продвижения духовно-нравственных ценностей среди российской молодёжи в условиях консциентальной войны (рис. 1).

Представленная модель отражает взаимосвязанное развитие политических технологий продвижения духовно-нравственных ценностей среди российской молодёжи в условиях консциентальной войны, в которой ключевое значение имеет борьба за ценностное содержание общественного сознания. В её основе находится представление о том, что ценностная сфера молодого поколения формируется в постоянном взаимодействии с внешними смысловыми воздействиями, институциональной средой и практиками общественной жизни.

Исходным элементом модели выступает внешнее консциентальное воздействие, включающее информационные войны, медиапотоки, ценностное давление и трансформацию исторической памяти. Данный блок задаёт общий контекст, в рамках которого формируется поле смыслового противостояния и происходит конкуренция различных интерпретаций норм, ценностей и образцов поведения. Его влияние направлено как непосредственно на молодёжь, так и на среды её социализации, что меняет содержание транслируемых ими установок.

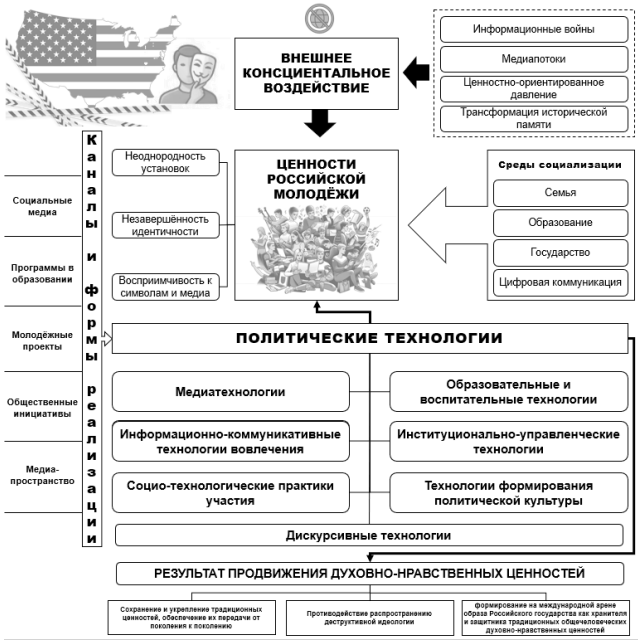


Рис. 1. Модель развития политических технологий продвижения духовно-нравственных ценностей среди российской молодёжи в условиях консциентальной войны

Источник: авторская разработка

Центральное место в модели занимает ценностное состояние российской молодёжи, характеризующееся неоднородностью установок, незавершённостью идентичности и повышенной восприимчивостью к символическим и медиальным формам воздействия. Данные особенности определяют восприимчивость к внешнему влиянию и одновременно задают границы эффективности политических технологий, направленных на закрепление духовно-нравственных ориентиров. Важно подчеркнуть, что ценностное состояние молодёжи выступает динамическим элементом, изменяющимся под воздействием различных факторов. Важную роль в модели играют среды социализации, включающие семью, образование, государственные институты и цифровую коммуникацию. Их взаимодействие формирует условия, в которых происходит усвоение ценностей, при этом влияние каждой из сред неоднородно и зависит от текущего информационного фона и характера социального опыта молодого человека. Взаимосвязь данного блока с ценностным состоянием носит двусторонний характер и отражает как формирование установок, так и их последующее закрепление или трансформацию.

Политические технологии в модели представлены как системный элемент, обеспечивающий направленное воздействие на ценностную сферу молодёжи. Их структура включает в себя медиатехнологии, формы вовлечения, социотехнологические практики, образовательные и институциональные механизмы, а также дискурсивные способы формирования смыслов. Конечным итогом функционирования модели выступает формирование устойчивых духовно-нравственных ориентиров, выражающихся в интериоризации ценностей, развитии гражданской идентичности и укреплении способности к противодействию деструктивному воздействию.

Заключение

Проведённое исследование позволило целостно раскрыть специфику продвижения духовно-нравственных ценностей среди российской молодёжи в условиях консциентального противоборства как сложного процесса, в котором пересекаются информационные воздействия, институциональные усилия и особенности ценностного становления молодого поколения. Рассмотрение молодёжи как социально чувствительной группы, находящейся на этапе формирования идентичности и восприимчивой к символическим и медиальным формам влияния, позволило уточнить основания её включённости в пространство ценностной конкуренции и задать рамки анализа применяемых политических технологий.

Систематизация существующих практик показала, что их эффективность определяется характером их сочетания и способностью интегрироваться в повседневный опыт на основе образовательных, коммуникативных и общественных форм взаимодействия, что формирует устойчивые смысловые ориентиры.

В этом контексте предложенная модель раскрывает внутреннюю взаимосвязь внешних воздействий, сред социализации и комплекса политических технологий, что отражает их роль в формировании и закреплении ценностных установок, позволяет по-новому осмыслить механизмы противодействия деструктивным влияниям и обеспечить преемственность духовно-нравственных ориентиров в российском обществе.

Литература

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 г. // Официальный сайт президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 13.04.2026).

2. Морозов А.В. Формирование у обучающихся гражданственности и патриотизма как приоритетная задача современного образования // Нравственность, гражданственность, патриотизм – основа современного образования. II Международная научно-практическая конференция: сборник статей. – 2025. – С. 39–46.

3. Гинатулина О.А. Социально-философский анализ феномена культурно-исторической памяти // KANT. – 2022. – № 3 (44). – С. 113–118.

4. Манаширов Э. С. ИИУ как новый интегральный показатель инновационности: расширение традиционных моделей ВВП // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. – 2025. – № 11. – С. 213–221.

5. Сидоренко И.Н. Современные войны: вызовы и риски в борьбе за ментальность // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2024. – Т. 6. – № 2. – С. 26–31.

6. Заридзе Г.В. Можно ли научить духовно-нравственным принципам потребительское общество? // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. – 2021. – № 3 (50). – С. 179–192.

7. Дзгоева Д. Т., Ковалев А.А. Трансформация культурных идентичностей в условиях информационных войн нового поколения // Наука. Искусство. Культура. – 2025. – № 4 (48). – С. 34–44.

8. Борщевский Г.А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2023. – № 4 (111). – С. 67–93.

9. Розенберг Н. В., Карпова М.К. Патриотические ценности российской молодежи: факторы трансформации // Наука. Общество. Государство. – 2025. – Т. 13. – № 2 (50). – С. 76–90.

10. Хизбуллина Р.Р. Интериоризация патриотизма как духовно-нравственной ценности молодежи в эпоху цифровизации: дискурсивные измерения // Научный результат. Социология и управление. – 2025. – Т. 11. – № 2. – С. 49–62.

11. Парма Р.В. Продвижение патриотической повестки в социальных медиа среди российской студенческой молодёжи // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33. – № 1. – С. 44–67.

12. Карпова М.К. Патриотические настроения современной молодежи: вызовы времени // Наука. Общество. Государство. – 2024. – Т. 12. – № 4 (48). – С. 53–65.

13. Краснощеченко И. П., Антохина В.А. В поисках технологий формирования традиционных духовно-нравственных ценностей у молодого поколения // Прикладная юридическая психология. – 2025. – № 4 (73). – С. 123–135.

14. Санин Д. В., Белова И.В. Духовно-нравственные ценности российской молодежи: политические и социальные факторы формирования // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 8. – С. 70–76.

15. Груздев И., Старцев С. Ренессанс традиции: рецепция активной молодежью России традиционных ценностей // Patria. – 2024. – Т. 1. – № 1. – С. 70–90.

16. Банщикова С.Л. Формирование политической культуры молодежи России // Парадигмы истории и общественного развития. – 2025. – № 31. – С. 5–9.

17. Бачуринская И. А., Черных А.Е. Стратегия государственного управления при работе с молодежью в Российской Федерации: региональный аспект // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 4. – С. 336–344.

18. Проскурина Е.А. Патриотизм как политическая ценность в информационно-коммуникативных технологиях вовлечения молодежи в политические процессы // Власть. – 2025. – Т. 33. – № 2. – С. 59–67.

19. Мерзлякова Г. В., Михалёва Е.И. О возможности применения социотехнологических форм в патриотическом воспитании современной молодежи // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2024. – Т. 34. – № 2. – С. 203–216.

20. Афонин А.А. Трансляционные практики патриотизма в политическом медиапространстве современной России // Социально-политические исследования. – 2024. – № 2 (23). – С. 46–55.

21. Молодежь и дети // Нацпроекты 2019–2024. Официальный сайт. – URL: https://xn-80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn – p1ai/new-projects/molodezh-i-deti/ (дата обращения: 13.04.2026).

THE ROLE OF POLITICAL TECHNOLOGIES TO PROMOTE SPIRITUAL AND MORAL VALUES AMONG RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF A CONCESSIONAL WAR

Sapozhkov D.O.
Financial University under the Government of the Russian Federation

Currently, the Russian Federation continues to remain at the epicenter of sanctions pressure. The article examines the peculiarities of the formation and transformation of the spiritual and moral values of Russian youth in the context of a concessional war, analyzes the factors of its susceptibility to external influence, examines modern trends in state policy and the environment of socialization, and systematizes political technologies for their promotion. Result: a model for the development of political technologies has been developed, reflecting the interrelationship of external influences, channels of implementation and the value state of young people. Conclusions: a) the value sphere of youth is determined by a combination of external pressure and internal characteristics of identity formation; b) the effectiveness of the promotion of spiritual and moral values is ensured by the integration of media technologies, educational and sociotechnological practices; c) the stability of value orientations is achieved by the inclusion of political technologies in everyday forms of socialization and communication.

Keywords: spiritual and moral values, Russian youth, concessional warfare, political technologies, patriotism, digital environment, value identity

References

1. On the approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 // Official website of the President of Russia. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (accessed date: 13.04.2026).

2. Morozov A.V. The formation of students' citizenship and patriotism as a priority task of modern education // Morality, Citizenship, and Patriotism as the Foundations of Modern Education. II International Scientific and Practical Conference: collection of articles. – 2025. – P. 39–46.

3. Ginatulina O.A. Socio-philosophical analysis of the phenomenon of cultural and historical memory // KANT. – 2022. – No. 3 (44). – P. 113–118.

4. Manashirov E. S. IIU as a new integral indicator of innovation: expansion of traditional GDP models // Forging and Stamping Production. Material Forming. – 2025. – No. 11. – P. 213–221.

5. Sidorenko I.N. Modern wars: challenges and risks in the struggle for mentality // Bulletin of Samara State Technical University. Series: Philosophy. – 2024. – Vol. 6. – No. 2. – P. 26–31.

6. Zaridze G.V. Is it possible to teach spiritual and moral principles to a consumer society? // Bereginya. 777. Owl: Society. Politics. Economy. – 2021. – No. 3 (50). – P. 179–192.

7. Dzgoeva D. T., Kovalev A.A. Transformation of cultural identities in the context of new-generation information wars // Art. Culture. – 2025. – No. 4 (48). – P. 34–44.

8. Borshchevsky G.A. Traditional Russian values: an institutional analysis // Politiya. Analysis. Chronicle. Forecast. – 2023. – No. 4 (111). – P. 67–93.

9. Rosenberg N. V., Karpova M.K. Patriotic values of Russian youth: factors of transformation // Science. Society. State. – 2025. – Vol. 13. – No. 2 (50). – P. 76–90.

10. Khizbullina R.R. The interiorization of patriotism as a spiritual and moral value of youth in the era of digitalization: discursive dimensions // Research Result. Sociology and Management. – 2025. – Vol. 11. – No. 2. – P. 49–62.

11. Parma R.V. Promotion of the patriotic agenda in social media among Russian students // Higher Education in Russia. – 2024. – Vol. 33. – No. 1. – P. 44–67.

12. Karpova M.K. Patriotic sentiments of modern youth: challenges of the time // Science. Society. State. – 2024. – Vol. 12. – No. 4 (48). – P. 53–65.

13. Krasnoshchechenko I. P., Antokhina V.A. In search of technologies for the formation of traditional spiritual and moral values among the younger generation // Applied Legal Psychology. – 2025. – No. 4 (73). – P. 123–135.

14. Sanin D. V., Belova I.V. Spiritual and moral values of Russian youth: political and social factors of formation // Social and Humanitarian Knowledge. – 2025. – No. 8. – P. 70–76.

15. Gruzdev I., Startsev S. Renaissance traditions: reception of traditional values by active youth of Russia // Patria. – 2024. – Vol. 1. – No. 1. – P. 70–90.

16. Banshchikova S.L. Formation of the political culture of the youth of Russia // Paradigms of History and Social Development. – 2025. – No. 31. – P. 5–9.

17. Bachurinskaya I. A., Chernykh A.E. Strategy of public administration in working with youth in the Russian Federation: a regional aspect // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2025. – No. 4. – P. 336–344.

18. Proskurina E.A. Patriotism as a political value in information and communication technologies for involving youth in political processes // Vlast. – 2025. – Vol. 33. – No. 2. – P. 59–67.

19. Merzlyakova G. V., Mikhaleva E.I. On the possibility of using sociotechnological forms in the patriotic education of modern youth // Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2024. – Vol. 34. – No. 2. – P. 203–216.

20. Afonin A.A. Translational practices of patriotism in the political media space of modern Russia // Socio-Political Research. – 2024. – No. 2 (23). – P. 46–55.

21. Youth and children // National Projects 2019–2024. The official website. – URL: https://xn-80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn – p1ai/new-projects/molodezh-i-deti / (accessed date: 13.04.2026).

Социальная ответственность бизнеса как инструмент социальной политики в современной России

Смаль Светлана Владимировна,
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
E-mail: smalsvetlana@gmail.com

Цыбуков Ян Сергеевич,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: yan_1997_2011@mail.ru

В современном мире социальная ответственность становится центральной темой в корпоративных стратегиях бизнеса и ключом к его успеху. Большинство фирм в своей деятельности руководствуются стандартами социальной этики и активно включены в развитие местного сообщества не только для достижения конкурентных преимуществ, но и из-за морального долга перед государством и обществом. Бизнес берет на себя обязательства по добровольному участию в поддержке социально значимых мероприятий на различных уровнях, в том числе и на местном, поддерживает программы защиты окружающей среды, пространственного развития территорий, реализует программы в культурной и образовательной сфере, проводит множество мероприятий, направленных на улучшение качества жизни граждан. Это позволяет говорить о социальной ответственности бизнеса как об инструменте социальной политики, эффективность работы которого будет только в обозримой темпоральной перспективе.
Российская Федерация, сталкиваясь со множеством вызовов и социальных рисков, в реализуемой социальной политике отражает все сложности современного развития и предлагает примеры успешного решения комплекса социальных проблем, опираясь в том числе на все возрастающую социальную ответственность бизнеса.

Ключевые слова: Российская Федерация, социальная ответственность бизнеса, со-управление, социальные риски, социальная политика.

Введение

XX век положил начало формирования представлений об ответственности бизнеса за те сферы, которые связаны с защитой среды обитания, обеспечения безопасности, поддержкой сферы здравоохранения, культуры и образования, защитой гражданских прав и интересов потребителя и многих других направлений. Это стало основанием для формирования социально-ответственного типа поведения, в рамках которого бизнес стал анализировать собственные прямые действия, привлекать научное сообщество для углубленных исследований, направленных на изучение общественно-значимых проблем и поддержку программ и проектов, способствующих формированию социального доверия между бизнесом, государством и обществом [4]. Однако в современной России на сегодняшний день становится магистрально важным, чтобы на первое место выходили не просто единовременные акции, но формировались бы компетенции и навыки бизнес-сообщества в отношении ответственности за социальный результат и долгосрочные эффекты. От того, насколько убедительно бизнес справится с этим вызовом, зависит, станет ли социальная ответственность устойчивым элементом социальной политики и социального развития России или останется перспективной, но ограниченной, хотя уже и долголетней экспериментальной практикой.

Методология исследования

В основе данного исследования применяются структурно-функциональный и институциональный подходы, а также корпоративистская методология. Структурно-функциональный подход позволяет проанализировать содержание понятия социально-ответственного поведения бизнеса и определить объекты приложения и функции ответственности, а также выявить элементы структуры социальной ответственности бизнеса как единства двух форм: внешней ответственности субъекта бизнеса и его внутренней ответственности, часто определяемой как корпоративная социальная ответственность (КСО). Для изучения социальной политики структурно-функциональная методология в рамках данной статьи применяется, главным образом, для анализа инструментов и конкретных механизмов реализации социальной политики, а также для изучения взаимосвязей между элементами системы социальной политики.

Институциональный подход предполагает рассмотрение социальной ответственности бизнеса через категорию формальных и неформальных институтов, как синтез сложившихся институциональных норм и практик, направленных на системное развитие процесса согласования интересов государства, бизнеса и общества по основным направлениям общественного развития. Акцент делается на формировании новых институциональных условий, продиктованных вызовами геополитического характера и конъюнктуры цифрового развития, определяющих задачи формирования устойчивой системы взаимодействия государства, общества и бизнеса в рамках обеспечения вопросов национального суверенитета. В аспекте изучения социальной политики институциональный подход применялся для изучения процесса формирования и реализации социальных программ, для анализа механизмов, обеспечивающих их функционирование, а также как институтов, влияющих на социальные процессы [2].

В целом, работа представляет собой мультидисциплинарное исследование – изучение феномена социальной ответственности бизнеса проводилось в рамках социологического, политологического, экономического и управленческого научных направлений.

Концептуальные основы социальной ответственности бизнеса

В начале XX века о социальных обязательствах бизнеса стали говорить повсеместно, однако сама доктрина социальной ответственности бизнеса получила свое развитие значительно позже, когда представители бизнеса стали выражать уверенность в том, что корпорации должны использовать свои ресурсы с учетом интересов общества [16], тем самым вызвав большие споры в деловом мире и определив два основных направления. Первое из них было представлено в известной работе «Капитализм и свобода» американского экономиста М. Фри-

дмэна [13] в рамках концепции о свободной рыночной экономике, где отмечалось, что истинная роль бизнеса состоит «в использовании его энергии и ресурсов в деятельности, направленной на увеличение прибыли при условии, что он придерживается правил игры и участвует в открытой конкурентной борьбе, не прибегая к мошенничеству и обману». Согласно этой концепции, прямым социальным действием является уже то, что организация выполняет экономическую функцию производства продукции и услуг, необходимых для общества, обеспечивая одновременно работу для граждан и максимальные прибыли и вознаграждения для акционеров.

Другое направление представил основатель Института социальной этики при Цюрихском университете А. Рих в своем труде «Хозяйственная этика» [10], где утверждается, что бизнес является только частью системы окружения, включающей множество составляющих, от которых зависит самое существование данного вида деятельности, и если экономика становится самоцелью, наступает искажение ее фундаментального смысла. Дальнейшее развитие данное направление получило в работе Х. Вендланда «Введение в социальную этику», где главным вопросом стала необходимость создания таких «социальных институтов, которые бы регулировали общественную жизнь и не препятствовали, а способствовали солидарности людей, благоприятно воздействуя на все сферы бытия» [20, с. 78].

С начала XXI века «число компаний, воспринимающих концепцию подчинения целей бизнеса принципам служения обществу» начало быстро расти. В этот период в экономическом дискурсе появилось новое понятие «преобразующее инвестирование» или социальное инвестирование (понятие «преобразующее» или «социальное инвестирование» (Social Investing), благодаря которому инвестирование стало представляться в виде комплексной экосистемы, объединяющей усилия различных субъектов: государства, общества, частных лиц и организаций, часто связывают с Концепцией устойчивого развития, принятой ООН в 2015 г.)[1], а в политологическом ракурсе можно отметить работы исследователей, рассматривающих данную концепцию в рамках межсекторного социального партнерства и формирования социального доверия [5]. На современном этапе концепт социальной ответственности бизнеса методологически вписывается в современный конструкт системы управления в странах с разными социокультурными традициями [3]. Например, в западных странах широко используется принцип со-управления при разработке экологических и инфраструктурных проектов, где ключевую роль играют доверие, инклюзивный диалог и поиск консенсуса между государством, бизнесом и гражданами [15]. Некоторые авторы отмечают успешность данных практик на локальном уровне при формировании механизмов доверия и выстраивания устойчивого взаимодействия между властью и гражданами [17]. Интересным представляется опыт Китая, где со-управление способствует институционализации «сконструированного порядка», обеспечивающего согласование интересов государства и общества при масштабных урбанистических изменениях [19]. Здесь акцент делается на активизации гражданского участия как основы публичного управления. Таким образом, социальная ответственность бизнеса становится ценностным основанием социального доверия, а принципы со-управления имеют универсальный характер и успешно применяются в различных странах, адаптируясь к их собственным политическим, экономическим и культурным особенностям.

В рамках данного исследования избранные в качестве методологической базы подходы позволяют выделить несколько уровней социальной ответственности: основной уровень, если выполняются только рамки обязательных норм или стандартов; средний уровень, если компания начинает добровольно внедрять программы улучшения условий труда, поддержки сотрудников, снижение уровня экологического ущерба и участие в общественных проектах; высокий уровень, если компания развивает общественные программы, экологические инициативы, взаимодействуют с некоммерческими организациями или местными сообществами, ориентируясь на них как стратегическую составляющую своего бизнеса.

Социальная политика: поиск новой модели

В целом, про модели социальной политики написаны не просто тома, а целые библиотеки работ, в том числе сюда относятся и близкие по тематике труды по изучению социального государства. Представляется, что именно классическое сейчас произведение 1990 года Г. Еспинг-Андерсена «Три мира государства благосостояния» [18] стало отправной точкой дискуссий о моделях не только социального государства, но и социальной политики, которые в 2026 году, в связи с многочисленными вызовами развития, только обостряются.

Для определения как новых рамок модели, так и направлений ее трансформации, будем опираться на системообразующее понятие «социального риска», которое является важным потому, что при его наступлении гражданин изменяет, вольно или невольно, свое социальное положение: вчера был здоров, а сегодня заболел, вчера трудился, а сегодня потерял место работы и т.д. и т.п. И в случае наступления этого предполагаемого события в отношении граждан Российской Федерации осуществляется как обязательное социальное страхование [12, ст. 3], так и начинают действовать различные виды добровольных страхований, в том числе жизни и здоровья, добровольное страхование транспортного средства и многие другие.

Перечислим ниже общепринятые виды социальных рисков, для наглядности представим их в виде схематичного рисунка (Рис. 1).

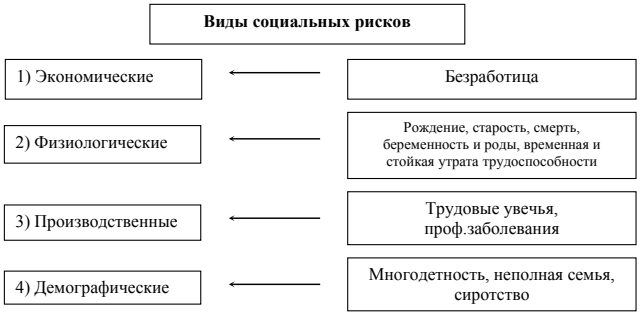


Рис. 1. Виды социальных рисков (составлено авторами по [11]).

К самым новым социальным рискам, количество которых невероятно обострилось по всему миру, отнесем риск стать участником военного конфликта (как правило, раненным или погибшим), крайне актуальна эта проблема и для Российской Федерации.

В рамках данной статьи авторы не ставят задачу концептуально обозначить все моменты научных споров по поводу определения моделей (заметим в скобках, что есть некоторые кажущиеся бесспорными моменты для определения модели при помощи квантификации подсчетов на социальную сферу), но лишь зафиксировать вхождение социально ответственного бизнеса в структуру социальной политики и его увеличивающуюся роль в реализации конкретных проектов улучшения качества жизни граждан.

Социальная репутация российского бизнеса. Бизнес-философия, основанная на принципах социальной ответственности как внутренней, так и внешней, превращает бизнес в активного участника социальных изменений в современной России. Например, результаты опроса, опубликованного ВЦИОМ в августе 2025 года, дают представление, насколько для россияне серьезно относятся к социальной ответственности бизнеса: три четверти опрошенных отметили, что при выборе работодателя им важно, чтобы компания была социально ответственной. Чаще такой ответ дают женщины (84%), жители сельской местности (84%) и малых городов (81%). Среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга о важности СО при выборе работодателя говорят 69% [7], что, скорее всего, связано с более высокими зарплатами и возможностями удовлетворять социальные потребности за счет собственных средств.

С 1 февраля 2024 года в России на уровне государственного стандарта принят ЭКГ-рейтинг ответственного бизнеса [14], объединяющий три показателя: экологию, кадры и государство (рейтинг и название получил по трем первым буквам своих компонентов). За каждый из показателей субъектам предпринимательской деятельности начисляются баллы, максимальное значение оценки — 160, и чем выше оценка, тем более устойчивое развитие компании и тем выше ее шансы получить преференции со стороны государства и банков. К 2026 году ЭКГ-рейтинг значительно расширился и охватил более 7 миллионов компаний и ИП – это 95% всех хозяйствующих субъектов [6].

В декабре 2025 г. был представлен Национальный рейтинг социальной репутации российского бизнеса, в котором выделены следующие номинации: «Общественная польза», критерием которой стало общественное благо в массовом восприятии, определяющееся не столько масштабом бизнеса или финансовой мощью, сколько степенью незаменимости для жизни страны; «Прорыв в будущее», которая раскрывает, какие компании, по мнению наших сограждан, наиболее значимы для будущего развития страны и связаны с инфраструктурой, энергией, космосом и суверенными технологиями; «Привлекательный работодатель» представлена компаниями, традиционно ассоциируемыми с масштабом, высоким престижем и стабильностью, гарантирующие социальную защиту и участие в «большом национальном деле»; «Национальная гордость», в которой отмечаются направления деятельности, совпадающие с приоритетами государства и коллективной идентичностью [9]. Особую значимость приобретает сегодня установление устойчивой связи социальной ответственности бизнеса с госу-

дарством и гражданским обществом, имеющем богатый опыт реализации социальных программ как на локальном уровне, так и в методологическом обосновании расширенного измерения «социального благополучия» [8].

В целом, отметим, что в последние годы внимание к обозначенной теме только увеличивается, и развитие социальной репутации российского бизнеса прочно входит в научно-практическое поле.

Заключение

Подводя итоги, постулируем, что текущая статья не сможет раскрыть перечень мероприятий, который реализуется социально ответственным бизнесом, тут скорее бы подошла база данных по проектам (и такие, действительно, существуют, например, на упоминавшемся выше сайте ЭКГ-рейтинга или в виде целой системы предоставления данных в цифре, например, крайне многообещающая с эвристической точка зрения Единая государственная информационная система социального обеспечения, ЕГИССО, представляет информацию и о получателях, и о мерах социальной поддержки, и о многом-многом другом, что может быть использовано в анализе реализации социальной политики в России).

Социальная репутация отечественного бизнеса изменяется: усиливается вслед за невозможными ранее, но ныне реальными угрозами, включает новые механизмы, реагирует на вызовы благополучию человека, демонстрирует качественный и количественный рост, что свидетельствует о включении бизнеса в социальную политику в качестве важного и ответственного субъекта. Это возможно увидеть на практике при возникновении любого из указанных видов социальных рисков (экономических и профессиональных, физиологических и наиболее ярко выраженных в современной России демографических, а так также «военно-конфликтных» рисков, то есть рисков, связанных с вероятностью вовлечения в насильственные действия различного происхождения).

Государство увеличивает вложения в меры, направленные на предотвращение социальных проблем до их возникновения, но в этот процесс активно включается и бизнес, развитие происходит в русле со-управления бизнеса и государства при активном участии гражданского общества, мы наблюдаем процесс взаимодействия государственных и общественных структур, направленных на решение социальных задач на основе интеграции интересов и потребностей различных социальных групп и слоев населения при все возрастающей роли социально-ориентированных некоммерческие организации и разнообразных форм благотворительности. Это в целом позволяет говорить о новых приоритетах развития в целях достижения динамической устойчивости, адаптироваться к изменениям и сохранять функциональность в долгосрочной перспективе, в том числе в контексте глобальных геополитических изменений.

Литература:

1. Багг-Левин Э., Эмерсон Дж. Социально-преобразующие инвестиции. Как мы меняем мир и зарабатываем деньги. [пер. с англ. А.С. Чернышова]. М.: Полит. энцикл., 2017. 271 с.

2. Великжанина К.А. Теоретико-методологические подходы к сущности социальной политики // Дискуссия. 2016. № 4(67). С. 100–105.

3. Гайнутдинова Л.А., Гайнутдинов Р.И. Основы взаимодействия бизнеса и общества. КРАГСИУ, 2006. 130 с.

4. Гайнутдинова Л.А. Гражданское общество в условиях глобализации: дис. … докт. полит. наук: 23.00.04. СПбГУ, 2010. 399 с.

5. Косыгина К.Е., Уханова Ю.В. Межсекторное социальное партнерство как основа муниципальной публичной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27(1). С. 192–215.

6. Кузнецова Е. Деловая репутация имеет значение [Электронный ресурс] // КоммерсантЪ-новости. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8006551 (дата обращения: 04.03.2026).

7. Леконцев И. Социальная ответственность бизнеса: декларации против реалий [Электронный ресурс] // ВЦИОМ НОВОСТИ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-otvetstvennost-biznesa-deklaracii-protiv-realii (дата обращения: 25.01.2026).

8. Моисеев А.В., Епхиев О.М. Сравнительный анализ определений понятия «социальное благополучие» в современном социально-гуманитарном знании // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 2. С. 12–19.

9. Национальный рейтинг социальной репутации российского бизнеса [Электронный ресурс] // ВЦИОМ НОВОСТИ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnyi-reiting-socialnoi-reputacii-rossiiskogo-biznesa (дата обращения: 15.01.2026).

10. Рих А. Хозяйственная этика. М.: Посев, 1996. 810 с.

11. Смаль С.В. Социальная защита населения как функция современного государства: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. Санкт-Петербург, 2009. 181 с.

12. Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «Об основах обязательного социального страхования». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/14139?ysclid=mnz228vxxd623572706 (дата обращения: 04.03.2026).

13. Фридман М. Капитализм и свобода. [пер. с англ. В. Козловского]. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.

14. ЭКГ-рейтинг ответственного бизнеса [Электронный ресурс] // Официальный портал. URL: https://экг-рейтинг.рф/ (дата обращения: 04.03.2026).

15. Ansell C., Gash A. Collaborative governance in theory and practice // Journal of Public Administration Research and Theory. 2008. Vol. 18(4). P. 543–571.

16. Bowen H. Social Responsibilities of the Businessman. New York, 1953, 276 p.

17. Bradley S., Mahmoud I. Strategies for co-creation and co-governance in urban contexts: Building trust in local communities with limited social structures // Urban Science. 2024. Vol. 8(1). Art. 9.

18. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1990. 248 p.

19. Liu Z., Lin S., Lu T., Liang S. Towards a constructed order of co-governance: Understanding the state–society dynamics of neighbourhood collaborative responses to COVID-19 in urban China // Urban Studies. 2023. Vol. 60(9). P. 1730–1749.

20. Wendland H.-D. Einfuhrung in die Sozialethic. Berlin, 1971 (Reprint 2020). 154 p.

BUSINESS SOCIAL RESPONSIBILITY AS A MECHANISM OF SOCIAL POLICY IN MODERN RUSSIA

Smal S.V., Tsybukov Ya.S.
Herzen University, St. Petersburg State University

Social responsibility is becoming a central theme in corporate business strategies and a key to its success in the modern world. Most companies follow social ethics standards and are actively involved in the development of their local communities. This is done not only to achieve competitive advantages, but also out of a moral duty to the state and society. Businesses commit to voluntary participation in supporting socially significant events at various levels, including the local level. The business supports environmental protection programs, spatial development of territories, and implements programs in the cultural and educational spheres. Businesses also organize many events aimed at improving the quality of life for citizens. This al lows us to talk about business social responsibility as an instrument of social policy. And the efficiency of business operations in this regard will only increase in the foreseeable future.

The Russian Federation faces many challenges and social risks. The social policy implemented in Russia reflects all the complexities of modern development and offers examples of successful solutions to a range of social problems. This can be achieved, among other things, by relying on the growing social responsibility of business.

Keywords: Russian Federation, business social responsibility, co-management, social risks, social policy.

References:

1. Bugg-Levin E., Emerson J. Socially transformative investing. How we change the world and make money. [translated from English by A.S. Chernyshov]. Moscow: Polit. Encyclopedia, 2017. 271 p.

2. Velikzhanina K.A. Theoretical and methodological approaches to the essence of social policy // Discussion. 2016. № 4 (67). Pp. 100–105.

3. Gainutdinova L.A., Gainutdinov R.I. Fundamentals of interaction between business and society. KRAGSIU, 2006. 130 p.

4. Gainutdinova L.A. Civil society in the context of globalization: dis. … Doctor of Political Science: 23.00.04. St. Petersburg State University, 2010. 399 p.

5. Kosygina K.E., Ukhanova Yu.V. Intersectoral social partnership as a basis for municipal public policy // Journal of sociology and social anthropology. 2024. Vol. 27(1). Pp. 192–215.

6. Kuznetsova E. Business reputation matters [Electronic resource] // Kommersant-news. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8006551 (date of access 04.03.2026).

7. Lekontsev I. Social responsibility of business: declarations versus reality [Electronic resource] // VTsIOM NEWS. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-otvetstvennost-biznesa-deklaracii-protiv-realii (date of access 01/25/2026).

8. Moiseev A.V., Epkhiev O.M. Comparative analysis of definitions of the concept of «social well-being» in modern social and humanitarian knowledge // Social and humanitarian knowledge. 2025. № 2. Pp. 12–19.

9. National Rating of Social Reputation of Russian Business [Electronic resource] // VTsIOM NEWS. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnyi-reiting-socialnoi-reputacii-rossiiskogo-biznesa (date of access 01/15/2026).

10. Rikh A. Business Ethics. Moscow: Posev, 1996. 810 p.

11. Smal S.V. Social Protection of the Population as a Function of the Modern State: Dis. … Cand. Polit. Sciences: 23.00.02. St. Petersburg, 2009. 181 p.

12. Federal Law of July 16, 1999 № 165-FZ (as amended on November 28, 2025) «On the Fundamentals of Compulsory Social Insurance». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/14139?ysclid=mnz228vxxd623572706 (accessed March 4, 2026).

13. Friedman M. Capitalism and Freedom. [translated from English by V. Kozlovsky]. Moscow: New Publishing House, 2006. 240 p.

14. ECG Rating of Responsible Business [Electronic resource] // Official portal. URL: https://ecg-rating.rf/ (date accessed 03/04/2026).

15. Ansell C., Gash A. Collaborative governance in theory and practice // Journal of Public Administration Research and Theory. 2008. Vol. 18(4). P. 543–571.

16. Bowen H. Social Responsibilities of the Businessman. New York, 1953, 276 p.

17. Bradley S., Mahmoud I. Strategies for co-creation and co-governance in urban contexts: Building trust in local communities with limited social structures // Urban Science. 2024. Vol. 8(1). Art. 9.

18. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1990. 248 p.

19. Liu Z., Lin S., Lu T., Liang S. Towards a constructed order of co-governance: Understanding the state–society dynamics of neighborhood collaborative responses to COVID-19 in urban China // Urban Studies. 2023. Vol. 60(9). P. 1730–1749.

20. Wendland H.-D. Einfuhrung in die Sozialethic. Berlin, 1971 (Reprint 2020). 154 p.

Кризис традиционных партий в Великобритании

Сытник Сергей Игоревич,
аспирант, ИНИОН
E–mail: sytnick.sergo2000@yandex.ru

Данная работа посвящена анализу кризиса традиционных центристских партий Великобритании – Лейбористской и Консервативной. Автор исследует исторические, социально-экономические и институциональные факторы, приведшие к ослаблению их позиций в конце XX – начале XXI века. Особое внимание уделяется процессам деиндустриализации, трансформации партийных идентичностей, падению массового членства, а также влиянию неолиберальных реформ, стратегии «нового лейборизма», внутрипартийных конфликтов и Brexit. Теоретическую базу исследования составляют концепция трансформации массовых партий М. Дюверже и теория «картельных партий» Р. Каца и П. Мэира. Кризис британских партий рассматривается как часть общего кризиса представительной демократии в условиях глобализации и медиатизации политики.

Ключевые слова: лейбористская партия, консервативная партия, кризис традиционных партий, деиндустриализация, партийная идентичность, картельные партии, неоинституционализм.

Традиционная партийно-политическая система Великобритании на протяжении XX века рассматривалась как одна из наиболее стабильных в Европе. Доминирование Лейбористской и Консервативной партий обеспечивало устойчивость двухпартийной модели, высокий уровень институционального доверия и предсказуемость политического процесса. Однако в конце XX – начале XXI века обе партии столкнулись с системным кризисом, проявившимся в снижении партийной идентификации, росте электоральной волатильности, усилении внутрипартийных конфликтов и появлении новых политических акторов.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что кризис традиционных центристских партий в Великобритании отражает более широкий процесс трансформации партийных систем в условиях глобализации, деиндустриализации и изменения социальной структуры общества.

Цель реферата – проанализировать исторические предпосылки кризиса Лейбористской и Консервативной партий Великобритании, а также рассмотреть теоретические подходы и методологические основы изучения данного феномена.

Для достижения поставленной цели в работе предполагается решение следующих задач:

1. провести обзор научной литературы, посвящённой проблемам трансформации партийной системы Великобритании;
2. рассмотреть исторические условия формирования и развития Лейбористской партии Великобритании и выявить основные причины её кризиса;
3. проанализировать эволюцию Консервативной партии Великобритании и определить факторы, способствовавшие ослаблению её центристской позиции;
4. охарактеризовать основные теоретические подходы к анализу кризиса традиционных политических партий;
5. определить методологические и методические основы исследования кризиса традиционных центристских партий.

Проблематика кризиса британских партий широко представлена в современной политологической литературе, как зарубежной, так и российской. Базовые исследования британской партийной системы подчёркивают устойчивость двухпартийной модели, но также фиксируют её трансформацию под влиянием социальных и институциональных изменений. Так, в работах современных западных авторов отмечается, что доля голосов, получаемая Лейбористской и Консервативной партиями, существенно снизилась с середины XX века, что свидетельствует о росте электоральной конкуренции и ослаблении традиционных партийных позиций. Например, по данным последних исследований, совместная доля голосов двух крупных партий упала с более 90% в 1930–1970-е годы до около 65% к 2010-му, что отражает рост поддержки третьих и малых партий, а также изменение избирательного поведения граждан.

Ключевые зарубежные исследователи, такие как П. Маир и Д. Webb с T. Bale, рассматривают проблему в контексте структурных изменений партийной демократии и функционирования партий как «картельных», ориентированных на государственные ресурсы и широкие электоральные коалиции, но теряющих чёткую социальную базу. Их работы анализируют, как деиндустриализация, изменение социальной структуры и рост индивидуализации политических предпочтений ослабили традиционные связи партий с классами и социальными группами.

Другие британские авторы, такие как Whiteley, Seyd и Clarke, сосредоточены на эмпирических аспектах – снижении партийной идентификации, падении членства в партиях и росте электоральной волатильности. Они показывают, что современные избиратели стали менее привязаны к одной партии на протяжении жизни и чаще изменяют свои политические предпочтения в зависимости от актуальных тем (экономическая политика, миграция, Brexit).

Ещё один важный аспект научной дискуссии – влияние Brexit на партийную систему. Исследования показывают, что этот вопрос выступил мощным каталитическим фактором внутрипартийных конфликтов и изменил прежнее социальное деление электората. Например, части традиционной базы Лейбористской партии, особенно в рабочих регионах на северо-востоке Англии, сочли, что партия утратила связь с их интересами в вопросах суверенитета и иммиграции, что привело к развалу так называемой «красной стены» на выборах 2019 года.

В российской политологической литературе проблема рассматривается в ключе трансформации западных демократий и кризиса представительной системы. Авторы отечественных исследований, анализируя британский кейс, подчёркивают, что рост многопартийности, ослабление партийной идентичности и кризис традиционных структур являются отражением глобальных тенденций, характерных для развитых демократий. Это включает влияние глобализации, изменение социальной структуры, а также усиление популистских и региональных движений, которые подрывают классическую двухпартийную модель.

Современная научная литература подчёркивает, что кризис традиционных центристских партий Великобритании нельзя рассматривать изолированно – он является результатом сочетания структурных социальных изменений, институциональных факторов и специфических политических событий последних десятилетий, таких как реформа партийных стратегий и Brexit.

Исторические предпосылки кризиса Лейбористской партии

Лейбористская партия Великобритании была основана в 1900 году как Комитет рабочего представительства и с самого начала позиционировала себя как политическое выражение интересов рабочего класса и профсоюзного движения. В течение большей части XX века её идеология базировалась на социал-демократических принципах, идеях коллективизма, социальной справедливости и активной роли государства в экономике. Кульминацией влияния партии стал послевоенный период, когда лейбористское правительство К. Эттли реализовало масштабные реформы, заложившие основы государства всеобщего благосостояния, включая национализацию ключевых отраслей и создание Национальной службы здравоохранения (NHS).

Однако начиная с 1970-х годов социально-экономическая база Лейбористской партии начала постепенно разрушаться. Процессы деиндустриализации, упадок угольной и металлургической промышленности, а также структурные изменения на рынке труда привели к сокращению численности промышленного рабочего класса – традиционного электората партии. Одновременно происходило ослабление профсоюзов, которые ранее играли ключевую роль в партийной организации и мобилизации сторонников[2].

В условиях кризиса кейнсианской модели и усиления неолиберальной парадигмы Лейбористская партия оказалась перед необходимостью идеологической и программной трансформации. Поражения на выборах в 1980-е годы показали ограниченность прежней стратегии и подтолкнули руководство партии к пересмотру фундаментальных установок.

Поворотным моментом стала концепция «Нового лейборизма», реализованная в 1990-е годы под руководством Тони Блэра и Гордона Брауна. Партия отказалась от ряда традиционных социалистических положений, включая знаменитый пункт IV устава о коллективной собственности, и сместилась в сторону политического центра, приняв рыночные механизмы и идеи «третьего пути». Несмотря на значительные электоральные успехи конца 1990-х – начала 2000-х годов, такая стратегия привела к размыванию идеологической идентичности партии. В долгосрочной перспективе это вызвало отчуждение части левого электората, рост внутрипартийных противоречий и снижение доверия, что стало одной из ключевых предпосылок кризиса Лейбористской партии в XXI веке.[5,8]

Исторические предпосылки кризиса Консервативной партии

Консервативная партия Великобритании является одной из старейших политических партий Европы и традиционно ассоциируется с защитой существующих институтов, национального суверенитета, частной собственности и принципов свободного рынка. В послевоенный период партия, несмотря на идеологические разногласия с лейбористами, в целом принимала основы государства всеобщего благосостояния, что обеспечивало относительный политический консенсус.

Радикальный поворот в развитии партии произошёл в период правления Маргарет Тэтчер (1979–1990 гг.), когда были реализованы масштабные неолиберальные реформы. Приватизация государственных предприятий, дерегулирование экономики, ограничение влияния профсоюзов и сокращение социальных расходов способствовали модернизации экономики, но одновременно усилили социальное неравенство и региональные диспропорции, особенно между югом и севером страны.

В результате «тэтчеризм» стал источником долговременных внутренних противоречий внутри Консервативной партии. С одной стороны, усилилось крыло экономических либералов, ориентированных на глобальные рынки, с другой – сохранялось влияние традиционных консерваторов, отстаивавших социальную стабильность и национальную идентичность. Эти разногласия постепенно подрывали внутрипартийное единство.

В XXI веке кризис Консервативной партии усугубился проблемой европейской интеграции. Отношение к Европейскому союзу стало ключевым источником политического и идеологического раскола. Вопрос о членстве Великобритании в ЕС разделил партию на сторонников евроинтеграции и жёстких евроскептиков. Референдум о Brexit в 2016 году и последующий выход страны из ЕС позволили консерваторам мобилизовать значительную часть протестного электората, однако одновременно усилили политическую поляризацию и подорвали образ партии как стабильной центристской силы, способной выступать гарантом институциональной преемственности.[6,7]

Теоретические подходы к анализу кризиса традиционных партий

В политологической теории кризис традиционных партий чаще всего объясняется через концепцию трансформации массовых партий и изменения их роли в современном обществе. Согласно классическому подходу М. Дюверже, массовые партии индустриальной эпохи опирались на чётко структурированные социальные группы, прежде всего классы, и обеспечивали политическую мобилизацию через устойчивую идеологическую идентификацию. Для таких партий было характерно активное членство, развитая организационная структура и тесная связь с социальными движениями.[1]

Однако переход к постиндустриальному обществу, рост сектора услуг, индивидуализация социальных идентичностей и ослабление классовых различий привели к снижению эффективности данной модели. Традиционные партии утратили возможность опираться на стабильный «ядерный» электорат, что особенно ярко проявилось в Великобритании, где классовое голосование долгое время являлось основой двухпартийной системы.

Значительный вклад в теоретическое осмысление кризиса партий внесли Питер Маир и Ричард Кац, разработавшие концепцию «картельных партий». Согласно данной теории, современные партии всё больше превращаются в элементы политико-административного картеля, ориентированного на использование государственных ресурсов, профессиональных политических элит и медиатехнологий. В результате ослабевает внутренняя партийная демократия, сокращается массовое членство, а связь партий с обществом становится формальной.

В британском контексте это выражается в падении численности членов Лейбористской и Консервативной партий, снижении уровня доверия к политическим институтам и росте поддержки альтернативных политических сил, включая популистские и региональные движения. Кризис традиционных партий, таким образом, рассматривается как часть более общего кризиса представительной демократии.

Дополнительное теоретическое объяснение кризиса связано с процессами глобализации и медиатизации политики. Глобализация ограничивает возможности национальных партий влиять на экономическую политику, что снижает их программную значимость в глазах избирателей. Медиатизация и персонализация политики, в свою очередь, смещают акцент с партийных программ на образ лидеров и краткосрочные политические кампании, ослабляя идеологическую конкуренцию и партийную идентичность.[3,4]

Методологические и методические основы исследования

Методологической основой исследования кризиса традиционных центристских партий Великобритании выступают неоинституциональный и сравнительно-исторический подходы. Неоинституциональный подход позволяет рассматривать политические партии как устойчивые, но изменяющиеся институты, функционирование которых определяется как формальными правилами, так и неформальными практиками. В рамках данного подхода анализируется влияние избирательной системы, партийного законодательства и механизмов внутрипартийного управления на эволюцию партий.

Сравнительно-исторический подход даёт возможность проследить развитие Лейбористской и Консервативной партий в долгосрочной перспективе и выявить структурные причины их кризиса. Он позволяет сопоставить различные этапы партийного развития, а также соотнести британский опыт с общими тенденциями трансформации партийных систем в западных демократиях.

В методическом плане исследование опирается на сочетание качественных и количественных методов. К качественным методам относится контент-анализ программных документов партий, предвыбор-

ных манифестов и публичных выступлений политических лидеров, что позволяет выявить идеологические сдвиги и изменение политических приоритетов. Количественные методы включают анализ электоральной статистики, данных социологических опросов общественного мнения и показателей партийного членства.

Комплексное использование указанных методов обеспечивает всестороннее понимание причин, форм и последствий кризиса традиционных центристских партий в Великобритании, а также позволяет рассматривать данный феномен как часть более широких трансформационных процессов в современных демократических государствах.

Кризис Лейбористской и Консервативной партий Великобритании является результатом совокупного воздействия исторических, социально-экономических и институциональных факторов. Ослабление традиционной социальной базы, связанное с деиндустриализацией и изменением классовой структуры общества, а также снижение роли массового партийного членства существенно подорвали устойчивость обеих партий. Идеологическая неопределённость, вызванная стремлением сохранить центристские позиции в условиях растущей политической конкуренции, привела к размыванию программных ориентиров и снижению уровня партийной идентификации среди избирателей.

Дополнительным фактором кризиса стала трансформация политического процесса в условиях глобализации и медиатизации, которые ограничили возможности национальных партий проводить самостоятельную социально-экономическую политику и усилили персонализацию власти. Рост политической фрагментации, появление новых партий и движений, а также усиление популистских настроений свидетельствуют о снижении эффективности классической двухпартийной модели.

Британский опыт демонстрирует, что даже наиболее стабильные партийные системы подвержены глубоким трансформациям в условиях современного общества. Кризис традиционных центристских партий в Великобритании отражает более широкий кризис представительной демократии и указывает на необходимость поиска новых форм политического представительства и партийной организации, способных адаптироваться к изменяющимся социальным и политическим реалиям.

Литература

1. Дюверже М. Политические партии: [пер. с фр.] / Морис Дюверже. – Москва: Академический проект, 2000. – 558 с.
2. Гидденс Э. Третий путь: возрождение социал-демократии / Энтони Гидденс. – Cambridge: Polity Press, 1998. – 166 с
3. Кац, Р., Маир, П. «Картельная партия и трансформация партийной демократии» // «Полис. Политические исследования». – 2009. – № 1. – С. 45–58.
4. Майр П. Управляя пустотой [Текст]: размывание западной демократии / Питер Майр; перевод с английского Дарьи Маткиной, Александра Новикова, Ирины Соболевой, Валентины Степановой. – Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. – 209, с.
5. «Политика в эпоху глобализации: сборник статей студентов, аспирантов и молодых учёных-политологов» / Российский ун-т дружбы народов, Фак. гуманитарных и социальных наук, Каф. политических наук. – Москва: МАКС Пресс, 2009. – 132, с.
6. Seyd, P., Whiteley, P. Labour's Grass Roots: The Politics of Party Membership. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 288 p.
7. Katz R., Mair P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party // Party Politics. – L., 1995. – V. 1, N 1. – P. 5–28.
8. Gamble, A. The Conservative Nation (Routledge Revivals). – London: Routledge, 2014. – 312 p.

THE CRISIS OF TRADITIONAL PARTIES IN BRITAIN

Sytnik S.I.
Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

This study analyzes the crisis of the UK's traditional centrist parties – the Labour and Conservative parties. The author explores the historical, socioeconomic, and institutional factors that led to the weakening of their positions in the late 20th and early 21st centuries. Key focus areas include deindustrialization, transformation of party identities, decline in mass membership, and the impact of neoliberal reforms, "New Labour" strategy, intraparty conflicts, and Brexit. The theoretical framework is based on M. Duverger's mass party transformation concept and Katz and Mair's "cartel party" theory. The crisis of British parties is examined as part of a broader crisis of representative democracy under the influence of globalization and the mediatization of politics.

Keywords: Labour Party, Conservative Party, crisis of traditional parties, deindustrialization, party identity, cartel parties, neoinstitutionalism.

References

1. Duverger, M. Political Parties. [Translated from French] / Maurice Duverger. – Moscow: Academichesky Proekt, 2000. – 558 p.
2. Giddens, E. The Third Way: The Rebirth of Social Democracy / Anthony Giddens. – Cambridge: Polity Press, 1998. – 166 p.
3. Katz, R., Mair, P. "The Cartel Party and the Transformation of Party Democracy" // "Polis. Political Studies". – 2009. – No. 1. – P. 45–58.
4. Mair, P. Managing the Void [Text]: The Erosion of Western Democracy / Peter Mair; translated from English by Daria Matkina, Alexander Novikov, Irina Soboleva, Valentina Stepanova. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2019. – 209, p.
5. "Politics in the Era of Globalization: A Collection of Articles by Students, Postgraduates, and Young Political Scientists" / Peoples' Friendship University of Russia, Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of Political Science. – Moscow: MAKS Press, 2009. – 132, p.
6. Seyd, P., Whiteley, P. Labor's Grass Roots: The Politics of Party Membership. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 288 p.
7. Katz, R., Mair, P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party // Party Politics. – L., 1995. – Vol. 1, No. 1. – P. 5–28.
8. Gamble, A. The Conservative Nation (Routledge Revivals). – London: Routledge, 2014. – 312 p.

Цифровая платформа «VKazan» как элемент реализации молодежной политики и инструмент повышения авторитета российских интернет-площадок у пользователей подросткового возраста

Темников Николай Дмитриевич,
магистрант Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета
E-mail: dozhdin@yandex

В представленной работе анализируется потенциал цифрового проекта «VKazan», ориентированного на подростковую аудиторию г. Казани в возрасте 14–16 лет. Авторы исследуют проблему фрагментарности досугового пространства для несовершеннолетних, а также тенденцию миграции пользователей данной возрастной группы на зарубежные интернет-ресурсы, что может порождать определенные угрозы для информационного суверенитета. В статье описывается концепция архитектуры предлагаемой экосистемы на базе платформы VK Mini Apps. Ключевыми элементами выступают интерактивная карта заданий, комплекс геймификационных механик, инструменты для коммуникации по принципу «равный-равному» (peer-to-peer) и модуль совместного проектирования. Делается вывод о перспективности подобных инициатив для достижения целей государственной молодежной политики и решения задач импортозамещения в цифровом пространстве.

Ключевые слова: молодежная политика, цифровая экосистема, ВКонтакте, геймификация, со-проектирование, мягкая сила, информационная безопасность, цифровая среда.

Подростки сегодня выступают наиболее вовлеченной в интернет-среду демографической группой. Данные исследовательских агентств фиксируют, что порядка 95% лиц в возрасте от 14 до 16 лет выходят в сеть на ежедневной основе [1]. При этом их цифровые предпочтения смещены в сторону западных сервисов, среди которых лидируют Telegram, YouTube и TikTok. Отечественная сеть «ВКонтакте», несмотря на свою функциональную насыщенность и историю развития, постепенно утрачивает монополию на внимание юной аудитории, зачастую позиционируясь как пространство для коммуникации с родителями и решения школьных вопросов. Подобная ситуация влечет за собой целый спектр проблем. Во-первых, обработка данных российских детей и подростков на зарубежных мощностях противоречит требованиям Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных». Во-вторых, государственные и муниципальные структуры лишаются действенных каналов связи с подрастающим поколением, что затрудняет оперативное информирование и попытки вовлечь молодежь в социально одобряемые практики [2]. В-третьих, существующая городская инфраструктура досуга (кружки, спортивные секции, молодежные центры) представлена в цифровом поле разрозненно, что создает для подростка серьезные барьеры в поиске интересных и подходящих активностей.

Цель данной работы заключается в концептуальном описании цифровой экосистемы «VKazan», которая призвана нивелировать указанные противоречия, предложив подросткам единую точку доступа к городским активностям, базирующуюся на отечественной платформе ВКонтакте.

Разрабатываемый проект фокусируется на подростках 14–16 лет (учащиеся 7–9 классов), проживающих в Казани. Выбор данного возрастного диапазона не случаен. К 14 годам у школьников формируется достаточный уровень цифровой самостоятельности, однако они еще не вовлечены тотально в подготовку к Единому государственному экзамену, что оставляет временной люфт для внеучебной занятости.

Анализ потребностей этой возрастной группы позволяет выделить две основные подгруппы, требующие различных подходов к взаимодействию:

1. 14-летние подростки (7 класс). Их ключевая мотивация – поиск друзей, развлечения и стремление к идентификации с референтной группой. Доминирующим типом деятельности выступает интимно-личностное общение. Наиболее действенными инструментами вовлечения для них станут игровые механики (геймификация), тематические челленджи и визуально оформленные символы статуса (бейджи, уровни) [3].

2. Подростки 15–16 лет (8–9 классы). Здесь на первый план выходят вопросы самоопределения, обретения социально значимого статуса и предпрофессиональной ориентации. Их деятельность приобретает учебно-профессиональный характер. Чтобы удержать их внимание, необходимы инструменты, позволяющие проявить лидерские качества, выступить в роли наставника или стать соавтором решений, влияющих на городскую среду [4, С. 359–379].

Базовым решением проекта является разработка мини-приложения (VK Mini App), интегрированного в социальную сеть ВКонтакте. Выбор площадки ВКонтакте продиктован рядом существенных преимуществ:

– соответствие нормативной базе: «ВКонтакте» включена в реестр отечественного ПО, а пользовательские данные хранятся на серверах, расположенных в Российской Федерации;
– доступность и простота: Сервис не требует установки, функционирует без обходных технологий (VPN) и демонстрирует стабильность даже при высоких нагрузках;
– глубокая интеграция: Возможность задействовать единую учетную запись VK ID, платежную систему VK Pay, инструменты VK Клипов и иные сервисы экосистемы.

Структурно «VKazan» состоит из четырех взаимосвязанных блоков, которые формируют для пользователя целостную цифровую среду (см.рис.1).

Рис. 1. Концепция структуры цифровой среды

1. Блок «Карта квестов»

Это интерактивная карта Казани, на которую нанесены геолоцированные метки-задания. Все квесты сгруппированы по нескольким тематическим направлениям:

– Культурный трек: предполагает посещение музеев, поиск специфических архитектурных деталей (к примеру, элементов татарского орнамента).

– Творческий трек: ориентирован на создание коротких вертикальных роликов для VK Клипов, запись подкастов и иной креативный контент.

– Социальный трек: включает участие в волонтерских акциях, помощь городским приютам для животных.

– Образовательный трек: предусматривает посещение мастер-классов, лекций и воркшопов на базе технопарков и молодежных центров.Выполнение заданий приносит пользователю виртуальную валюту (баллы) и очки опыта (XP), что увязывает этот модуль с системой личного прогресса.

2. Блок «Система прогресса»

Данный компонент реализует принципы геймификации. У каждого участника есть профиль с уровнем, который повышается по мере накопления опыта. Предусмотрена градация уровней: «Новичок», «Исследователь», «Творец» и, наконец, «Лидер города». Помимо уровней, предусмотрены особые бейджи, выдаваемые за достижения в конкретных треках («Знаток Казани», «Зеленый волонтер», «Юный блогер»).

Важным мотивирующим фактором становятся рейтинги – личный, школьный и районный. Они запускают механизмы здоровой конкуренции и способствуют формированию горизонтальных связей. Материальным подкреплением успехов выступает возможность обмена накопленных баллов на мерч, скидки от партнеров проекта или приглашения на закрытые мероприятия (встречи с известными спортсменами, блогерами, представителями городской администрации).

3. Блок «Комьюнити и наставничество»

В основе этого блока лежит принцип «равный равному» (peer-to-peer), который, согласно многочисленным исследованиям, демонстрирует максимальную эффективность в работе с подростками [5]. В каждой школе – участнице проекта формируется пул амбассадоров из числа учеников 8–9 классов, уже проявивших лидерские задатки.

В функционал амбассадоров входит:

– модерация внутришкольного сегмента экосистемы;

– инициация и создание собственных событий и квестов;

– функции наставника для семиклассников (помощь в адаптации на платформе).

Внутренняя коммуникация организована через защищенные чаты в VK Мессенджере, что позволяет обеспечить безопасность и контролируемость цифровой среды.

4. Блок «Партнеры и со-проектирование»

Этот модуль является наиболее сложным и значимым с точки зрения долгосрочного эффекта. Через раздел «Твой ход» реализуется модель со-проектирования (co-creation), которая представляет собой высшую форму вовлечения аудитории [6].

Инструментарий модуля включает:

– опросы и голосования через VK Forms по вопросам благоустройства и городского развития;

– прямые включения с представителями мэрии, бизнес-сообщества и профильными экспертами;

– краудсорсинговые сессии по сбору идей и инициатив.

Практическая реализация лучших предложений, выдвинутых подростками, и присвоение автору статуса «Создатель» формирует так называемый «эффект владельца». В результате участник становится естественным амбассадором проекта, готовым защищать его от внешней критики.

Проект обладает ярко выраженной региональной идентичностью. Прежде всего, это двуязычие интерфейса и контента (русский и татарский языки), что отражает языковую политику Республики Татарстан. Кроме того, все квесты и задания «привязаны» к конкретным, узнаваемым локациям города: от Казанского Кремля и улицы Баумана до современных пространств вроде экстрим-парка «Урам» и молодежных центров «Ял».

Такой подход реализует концепцию phygital (physical + digital), объединяя цифровую активность с реальным присутствием в городской среде. Проект опирается на уже существующую инфраструктуру (библиотеки, превратившиеся в современные кластеры, технопарки), что минимизирует затраты на создание офлайн-площадок. Сотрудничество с локальным бизнесом (кафе, кинотеатры, магазины) формирует устойчивую экономическую модель, в которой виртуальные баллы пользователей обретают реальную ценность в виде скидок и бонусов.

Проект «VKazan» можно рассматривать как практическую реализацию концепции «мягкой силы» (soft power) в сфере молодежной политики. В противовес административным или директивным методам, «мягкая сила» воздействует через привлекательность и формирование ценностных ориентиров [7].

В рамках проекта задействованы следующие механизмы:

1. Нарративный менеджмент: транслируется идея о том, что подросток – не пассивный потребитель благ, а активный исследователь и творец городского пространства

2. Геймификация: система уровней и наград формирует внутреннюю мотивацию к участию, не требуя внешнего принуждения

3. Влияние через сверстников: ключевыми агентами влияния выступают сами подростки-амбассадоры, что обеспечивает высокий уровень доверия к транслируемым смыслам

4. Создание цифровой среды обитания: формируется пространство, в котором пользователь проводит много времени, что позволяет ненавязчиво внедрять паттерны безопасного и социально одобряемого поведения

5. Со-проектирование: реальное участие в принятии городских решений формирует у подростков чувство сопричастности и личной ответственности

Успех инициативы базируется на равноправном партнерстве трех сторон:

– Муниципальный партнер: Комитет по делам детей и молодежи г. Казани (обеспечивает административную поддержку, доступ к инфраструктуре, связь с образовательными учреждениями);

– Технологический партнер: VK (предоставляет платформу VK Mini Apps, облачные сервисы и доступ к API);

– Коммерческие партнеры: локальный бизнес (формирует пул бонусов и скидок, замыкая экономику экосистемы);

Дорожная карта внедрения разбита на три этапа:

1. 0–3 месяца: разработка MVP (minimum viable product), запуск пилотной версии на базе 5 школ, тестирование и отладка пользовательских сценариев;

2. 3–6 месяцев: масштабирование решения на 50 школ, отбор и обучение амбассадоров, доработка функционала по итогам обратной связи;

3. 6–12 месяцев: полноценный запуск, интеграция с городскими сервисами (афиша мероприятий, запись в кружки), старт краудсорсинговых кампаний.

Оценку результативности проекта предлагается проводить по двум направлениям:

1. Количественные метрики:

– число зарегистрированных аккаунтов (целевой ориентир – 15 000 пользователей за первый год);

– доля ежемесячно активной аудитории (MAU) – целевой уровень не менее 60%;

– общее количество пройденных квестов и полученных бейджей;

– число идей участников, дошедших до стадии реализации (не менее 50 за год).

2. Качественные изменения:

– Прирост ежедневной аудитории VK среди учащихся пилотных школ (ключевой социальный эффект, социальная эффективность [8]);

– Рост уровня информированности подростков о доступных в городе досуговых возможностях;

– Формирование устойчивого подросткового сообщества, ориентированного на участие в жизни города.

Сегодня цифровые экосистемы становятся универсальным и чуть ли не единственно ценным инструментом организации общественного, образовательного и бизнес пространства при организации онлайн взаимодействия [9, 10].

Предложенная концепция цифровой экосистемы «VKazan» является попыткой комплексного ответа на вызовы, связанные с цифровой социализацией современного подростка. Консолидация разрозненных городских активностей на единой отечественной платформе, допол-

ненная игровыми механиками и инструментами соучастия, позволяет не только повысить привлекательность «ВКонтакте» для молодежной аудитории, но и эффективно решать задачи молодежной политики в актуальном для подростков формате.

Проект наглядно демонстрирует, каким образом принципы «мягкой силы», геймификации и со-проектирования могут быть применены при создании безопасной и развивающей цифровой среды, что соответствует современным тенденциям цифровизации молодежной политики. Дальнейшее развитие предполагает адаптацию описанной модели под специфику других муниципалитетов Республики Татарстан и других регионов Российской Федерации.

Литература

1. Величко А.И. Динамика изменений цифровых технологий молодежной политики/ А.И. Величко, О.А. Судоргин // Управление. – 2025. – Т. 13, № 2. – С. 90–100. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-izmeneniy-tsifrovyh-tehnologiy-molodezhnoy-politiki (дата обращения: 20.03.26). – DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-2-90-100

2. Поляков С.В. Феномен цифрового патернализма как фактор трансформации государственной молодежной политики/ С.В. Поляков // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – 3. – С. 149–160. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-tsifrovogo-paternalizma-kak-faktor-transformatsii-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki – DOI: 10.25198/2077-7175-2025-3-149

3. Недорезова В.Н. Геймификация как способ стимулирования познавательного интереса подростков/ В.Н. Недорезова // Открытая электронная библиотека научно-образовательных ресурсов Оренбуржья. – 2025. – URL: https://elib.osu.ru/handle/123456789/15008 (дата обращения: 20.03.26)

4. Обухова Л.Ф. Возрастная психология: учебник для вузов/ Л.Ф. Обухова. – Москва: Высшее образование (МГППУ), 2007. – 460 с.

5. Патаракин Е.Д. Социальные взаимодействия и сетевое обучение 2.0/ Е.Д. Патаракин. – Москва: Современные технологии в образовании и культуре, 2009. – 175 с.

6. Виноградова И.А. Соучаствующее проектирование устойчивого городского будущего: как вовлечь молодых взрослых?/ И.А. Виноградова, Е.В. Иванова, Е.М. Барсукова // Городские исследования и практики. – 2021. – Т. 6, № 3. – С. 39–51. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/souchastvuyuschee-proektirovanie-ustoychivogo-gorodskogo-buduschego-kak-vovlech-molodyh-vzroslyh (дата обращения: 20.03.26).

7. Бугайчук Т.В. Политика «мягкой силы» и процесс формирования гражданской идентичности: точки соприкосновения/ Т.В. Бугайчук // Мир русскоговорящих стран. – 2024. – № 1 (19). – С. 5–18. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politika-myagkoy-sily-i-protsess-formirovaniya-grazhdanskoy-identichnosti-tochki-soprikosnoveniya (дата обращения: 20.03.26). – DOI: 10.20323/2658-7866-2024-1-19-5

8. Попов Е.В. Матрица оценки цифровых платформ социально-инновационной деятельности/ Е.В. Попов, А.Ю. Веретенникова, Ю.Ю. Мухамедьянова // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 1247–1258. – URL: https://1economic.ru/lib/112407?ysclid=mmzbfkrpl6391059064 (дата обращения: 20.03.26). – DOI: 10.18334/vinec.11.3.112407

9. Габалова Е.Б. Особенности использования цифровых экосистем/ Е.Б. Габалова, М.В. Волик // Актуальные вопросы современной экономики. – 2021. – № 1. – С. 434–438. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44635432&ysclid=mmzbpw717p917055266 (дата обращения: 20.03.26).

10. Россинская М.В. Цифровая экосистема: предпосылки и тенденции развития в России/ М.В. Россинская, Е.В. Гордеева, М.И. Богданенко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – 5 (132). – С. 31–34.

THE VKAZAN DIGITAL PLATFORM AS AN ELEMENT OF YOUTH POLICY IMPLEMENTATION AND A TOOL FOR INCREASING THE AUTHORITY OF RUSSIAN ONLINE PLATFORMS AMONG TEENAGE USERS

Temnikov N.D.
Institute of Social, Philosophical Sciences, and Mass Communications, Kazan Federal University

This paper analyzes the potential of the VKazan digital project, aimed at Kazan teenagers aged 14–16. The authors explore the fragmentation of the leisure space for minors, as well as the tendency of users in this age group to migrate to foreign online resources, which may pose certain threats to information sovereignty. The article describes the architectural concept of the proposed ecosystem based on the VK Mini Apps platform. Key elements include an interactive task map, a set of gamification mechanics, peer-to-peer communication tools, and a collaborative design module. The study concludes that such initiatives hold promise for achieving state youth policy goals and addressing import substitution challenges in the digital space.

Keywords: youth policy, digital ecosystem, VKontakte, gamification, co-design, soft power, information security, digital environment.

References

1. Velichko A.I. Dynamics of Changes in Digital Technologies of Youth Policy / A.I. Velichko, O.A. Sudorgin // Management. – 2025. – Vol. 13, № 2. – P. 90–100. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-izmeneniy-tsifrovyh-tehnologiy-molodezhnoy-politiki (date of access: 20.03.26). – DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-2-90-100

2. Polyakov S.V. The Phenomenon of Digital Paternalism as a Factor in the Transformation of State Youth Policy / S.V. Polyakov // Intelligence. Innovations. Investments. – 2025. – 3. – P. 149–160. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-tsifrovogo-paternalizma-kak-faktor-transformatsii-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki – DOI: 10.25198/2077-7175-2025-3-149

3. Nedorezova V.N. Gamification as a way to stimulate the cognitive interest of adolescents / V.N. Nedorezova // Open Electronic Library of Scientific and Educational Resources of the Orenburg Region. – 2025. – URL: https://elib.osu.ru/handle/123456789/15008 (date of access: 20.03.26)

4. Obukhova L.F. Age Psychology: textbook for universities / L.F. Obukhova. – Moscow: Higher Education (MGPPU), 2007. – 460 p.

5. Patarakin E.D. Social interactions and network learning 2.0 / E.D. Patarakin. – Moscow: Modern technologies in education and culture, 2009. – 175 p.

6. Vinogradova I.A. Participatory design of a sustainable urban future: how to engage young adults? / I.A. Vinogradova, E.V. Ivanova, E.M. Barsukova // Urban research and practices. – 2021. – Vol. 6, № 3. – P. 39–51. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/souchastvuyuschee-proektirovanie-ustoychivogo-gorodskogo-buduschego-kak-vovlech-molodyh-vzroslyh (date of access: 20.03.26).

7. Bugaychuk T.V. The policy of «soft power» and the process of forming civic identity: points of contact / T.V. Bugaychuk // The world of Russian-speaking countries. – 2024. – № 1 (19). – P. 5–18. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politika-myagkoy-sily-i-protsess-formirovaniya-grazhdanskoy-identichnosti-tochki-soprikosnoveniya (date of access: 20.03.26). – DOI: 10.20323/2658-7866-2024-1-19-5

8. Popov E.V. Matrix for assessing digital platforms for social and innovative activities / E.V. Popov, A. Yu. Veretennikova, Yu.Yu. Mukhamedyanova // Issues of Innovation Economics. – 2021. – Vol.11, № 3. – P. 1247–1258. – URL: https://1economic.ru/lib/112407?ysclid=mmzbfkrpl6391059064 (accessed: 20.03.26). – DOI: 10.18334/vinec.11.3.112407

9. Gabalova E.B. Features of using digital ecosystems / E.B. Gabalova, M.V. Volik // Current issues of modern economics. – 2021. – № 1. – P. 434–438. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44635432&ysclid=mmzbpw717p917055266 (date of access: 20.03.26).

10. Rossinskaya M.V. Digital ecosystem: prerequisites and development trends in Russia / M.V. Rossinskaya, E.V. Gordeeva, M.I. Bogdanenko // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. – 2021. – 5 (132). – P. 31–34.

GR-менеджмент на постсоветском пространстве: сравнительный анализ развитости института политико-управленческого взаимодействия

Тетерюк Алексей Сергеевич,
кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, РУДН
E-mail: alex.teteryuk91@mail.ru

Статья оценивает уровень развития GR-менеджмента в Беларуси, Казахстане и Узбекистане. Актуальность исследования связана с переходом стран от советских неформальных практик к попыткам институционализации. Цель – выявить соотношение официальных норм и неофициальных «правил игры». Методология включает авторскую систему индикаторов, международные рейтинги и концепцию культурных измерений Г. Хофстеде. Результаты: ни в одной стране нет закона о лоббизме, регулирование носит фрагментарный характер. Выделены три модели GR на постсоветском пространстве: формализованный патернализм (Беларусь), институционально-корпоративистская (Казахстан) и традиционно-клановая в «ловушке перехода» (Узбекистан). В ходе исследования выявлено, что официальные механизмы сосуществуют с доминирующими неформальными практиками.

Ключевые слова: GR-менеджмент, лоббизм, СНГ, неформальные практики, институционализация, патернализм, сравнительный анализ, модели лоббистской деятельности, бизнес, взаимодействие.

Введение

Проблематика взаимодействия бизнеса и власти в постсоветских государствах приобретает в последние годы не только научное, но и острое прикладное измерение. Геополитические изменения и последовавшая за ними переориентация внешнеэкономических связей России привела к тому, что страны СНГ для отечественного бизнеса превратились из традиционных партнеров в стратегические рынки, на которых разворачивается конкурентная борьба за экономическое влияние. Как подчёркивают эксперты РЭЦ: «ситуация становится более сложной: в регионе усиливается давление со стороны внешних игроков, в частности, из Китая и США, а также наблюдается активное развитие собственных производственных мощностей» [1]. Российские компании, очевидно, планируют развиваться на рынках ближнего зарубежья, что делает понимание локальных практик взаимодействия с государством важным фактором успеха.

В этой связи актуальность исследования определяется рядом факторов факторами. Во-первых, наблюдается дефицит компаративных работ, которые не просто констатируют наличие неформальных практик, но и предпринимают попытки оценить уровень институционализации GR на основе верифицируемых индикаторов. Как подчёркивает Л. Сморгунов, «не лоббизм, а корпоративная публичная политика составляет стратегическую ориентацию GR-менеджмента» [2]. Данный теоретический посыл особенно важен для анализа постсоветских стран, где баланс между влиянием и партнёрством остаётся неустойчивым, но привлекающим всё большее внимание. Во-вторых, после 2022 года российский бизнес активно переориентируется на рынки СНГ, что требует понимания как легальных каналов влияния, так и рисков. Исследования Baikal Communications Group фиксируют рост регуляторных рисков и потребность в правовом регулировании GR [3]. Без понимания локальных моделей лоббистской деятельности российские компании рискуют действовать вслепую, что чревато репутационными и финансовыми потерями.

В-третьих, в научном дискурсе отсутствует унифицированный инструментарий для сравнительной оценки GR-менеджмента в странах со сходным советским прошлым, но разными траекториями политико-экономического развития. Данное исследование призвано восполнить этот пробел, предложив авторскую методику, применимую для дальнейшего развития и насыщения информацией в целях анализа других стран региона.

Выбор государств для анализа обусловлен их статусом ключевых торговых партнёров России. По итогам 2025 года Узбекистан импортировал из РФ товаров на 8,6 млрд долларов (второе место после Китая) [4]. Внешнеторговый оборот вырос: Узбекистан – на 20,2%, Беларусь – на 2,3%, Казахстан – снижение на 0,1% [5]. Товарооборот внутри ЕАЭС достиг 95 млрд долларов (около 9 трлн рублей), доля расчётов в нацвалютах составляет 93%, а в паре Россия–Казахстан – 95% [6]. Однако при общем советском наследии страны демонстрируют разные модели политического развития, что делает их подходящим объектом для сравнительного анализа.

Таким образом, цель статьи – провести сравнительный анализ GR-менеджмента в трёх странах, предложив методологию для межстрановых исследований и сформулировав концептуальные модели лоббистской деятельности с учетом страновой специфики.

Методология и материалы исследования

Исследование базируется на комбинации качественно-индикативных методов, что предполагает использование сведений из международных баз данных и собранной информации из открытых источников. Сам анализ проводится последовательно в три этапа, каждый из которых рассматривает определенную плоскость работы GR-специалиста: 1) структуру внешней среды; 2) условия для ведения бизнеса; 3) культурную специфику рынка.

В рамках первого используется авторская трёхблочная модель, оценивающая структурные условия для развития GR-менеджмента в целом. Эта модель отражает три ключевых измерения:

– **Блок А. Нормативно-правовая база** (максимум 5 баллов). Оценивает наличие формальных законов, создающих «правила игры» для

взаимодействия бизнеса и государства. Включает: закон о лоббизме, антикоррупционное законодательство, закон о государственной службе, оценку регулирующего воздействия (ОРВ), закон об общественных объединениях. Высокая суммарная оценка по блоку свидетельствует о наличии формальных предпосылок для лоббизма, но не гарантирует эффективности GR на практике.

– **Блок B. Институциональное представительство интересов** (максимум 10 баллов). Направлен на анализ публичных каналов, через которые бизнес может легитимно транслировать интересы. Включает 10 индикаторов: зонтичные бизнес-ассоциации, институт публичных консультаций, наличие экспертных и консультационно-совещательных структур при правительстве и профильных министерствах (экономики, торговли), общественную палату, бизнес-омбудсмена, общественные и экспертные советы при антимонопольной службе, объединения профсоюзов, агентства по иностранным инвестициям. Этот блок отражает не столько формальное право, сколько наличие институциональных каналов диалога.

– **Блок C. Рынок GR-услуг** (максимум 10 баллов). Характеризует степень развития локальных сообществ GR-специалистов, наличие инфраструктуры для цивилизованного лоббизма. Включает: реестр лоббистов, этические кодексы госслужащих, национальные ассоциации GR-специалистов, специализированные GR-агентства, фирмы с выделенной GR-функцией, представительства ассоциаций иностранного бизнеса, локальные рейтинги GR-специалистов, профессиональные сообщества, отраслевые форумы и конференции. Наличие этих элементов свидетельствует о зрелости профессии и ее адекватном восприятии в глазах государственных служащих.

Каждый индикатор бинарный (0 – отсутствует, 1 – присутствует). Выбор блоков продиктован концептуальной логикой, согласно которой институционализация GR проходит три стадии: (1) формирование нормативной базы, (2) создание каналов агрегации и артикуляции интересов, (3) возникновение профессионального рынка услуг и сообщества практиков.

Однако специалист по связям с государственными органами не действует вне страновой регуляторной системы, которая создает условия ведения бизнеса. Именно поэтому следующий этап опирается на международные индексы, которые отражают качество государственных институтов, уровень бюрократии, условий ведения бизнеса и коррупции.

Наконец, заключительный этап исследования предпринимает попытку преодолеть ограниченность анализа формальных институтов (законов, процедур, организационных структур). Как справедливо отмечают исследователи неформальных практик в постсоветских странах, клиентелистские связи не исчезают, напротив, они культурно укоренены и динамически адаптируются к изменениям внешней среды [7]. Это означает, что неформальные «правила игры» обладают высокой степенью устойчивости и могут подрывать эффективность даже самых прогрессивных формальных реформ. В связи с этим, небезынтересным представляется рассмотреть культурный аспект лоббистской деятельности, проистекающий из ценностных ориентаций, которые формируют реальную среду GR-менеджмента в каждой из рассматриваемых стран.

Учитывая сложность в операционализации этого явления, используется система индикаторов нидерландского социолога Г. Хофстеде, содержащая следующие переменные: дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, маскулинность/феминность, избегание неопределённости, долгосрочная/краткосрочная ориентация, индульгенция/сдержанность [8].

Несмотря на то, что Узбекистан прямо не указан в базе Хофстеде, отдельные аспекты были вычленены путем контент-анализа массива специализированной литературы по культурно-страновым особенностям центральноазиатских стран.

Результаты исследования

Интерпретация результатов табл. 1 позволяет сделать следующие выводы. Казахстан (20 из 25) – лидер по всем блокам. Особенно высокий результат в блоке C (рынок GR-услуг): 8 баллов из 10. Это свидетельствует о сформировавшемся профессиональном сообществе, наличии GR-агентств, профильных ассоциаций и развитой инфраструктуре для цивилизованного лоббизма. Беларусь (16) – хороший результат.

Однако при формальном наличии нормативно-правовой рамки и каналов представительства рынок GR-услуг развит слабо. Это может объясняться явлением «формализованного патернализма»: институты есть, но профессиональное сообщество отсутствует. Узбекистан (14) – близок к Беларуси по сумме, но структура иная. При той же формально наличествующей нормативной базе (4 балла) и сопоставимом уровне представительства (8 баллов) рынок GR-услуг практически не развит (2 балла). Однако в Узбекистане наблюдается динамика: блок B включает общественную палату, бизнес-омбудсмена, совет при антимонопольной службе – элементы, которые появились в ходе реформ, но ещё не оказывают влияния на формирование рынка.

Таблица 1. Оценка институциональной среды GR в трех странах

Блок	Беларусь	Казахстан	Узбекистан
A. Нормативно-правовая база (5)	4	4	4
B. Представительство интересов (10)	8	8	8
C. Рынок GR-услуг (10)	4	8	2
ИТОГО (max 25)	**16**	**20**	**14**

Источники: национальное законодательство, анализ сайтов ассоциаций, контент-анализ СМИ.

При этом анализ нормативной базы блока A показывает, что ни в одной из стран не принят закон о лоббизме, а регулирование GR-деятельности носит фрагментарный характер и осуществляется преимущественно через антикоррупционное законодательство и нормы о публичных консультациях. Во всех трёх странах отсутствуют такие инструменты прозрачного лоббизма, как «периоды охлаждения» (законодательно установленные сроки, в течение которых бывшие госслужащие не имеют права переходить на работу в коммерческие структуры, с которыми взаимодействовали по долгу службы), обязательные реестры встреч (публичная отчётность чиновников о контактах с представителями бизнеса), декларирование конфликта интересов (табл. 2).

Таблица 2. Таблица показателей качества государственных институтов

Показатель	Беларусь	Казахстан	Узбекистан
Индекс восприятия коррупции (CPI), (0=высокая коррупция)	33	40	32
Doing Business (2020)	74.3	79.6	69.9
Место в Doing Business (2020)	113 место	89 место	132 место
Governance Performance (BTI) 1–10 (выше=лучше)	5.81	6.34	4.96
Индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom)	49,1	64,2	60,3
Индекс верховенства права (Rule of law), 0–1 (выше = лучше)	0,44	0,54	0,50

Таблица 3. Индикаторы культурной специфики по Г. Хофстеде

Страна	Дистанция власти	Индивидуализм	Избегание неопределенности	Индульгенция (сдержанность)	Мотивация на достижение и успех
Беларусь	95	48	95	15	20
Казахстан	88	20	88	22	50
Узбекистан	нет данных				

Казахстан вновь выделяется наиболее продвинутой регуляторной средой. Высокие позиции в рейтинге Doing Business (89 место, что сопоставимо со странами ОЭСР, например, Грецией или Румынией) говорят о том, что процедуры взаимодействия с государством (регистрация, получение разрешений, налоговое администрирование) в значительной степени стандартизированы и оцифрованы. Позиции выше среднего в рейтингах экономической свободы и верховенстве права означают более низкий уровень административного произвола, повышенные возможности защиты прав собственности и инвестиций в суде (что особенно важно для иностранных корпораций) и более высокую открытость государственных институтов в целом. Узбекистан представляет классический случай *«институционального разрыва»:* политическая воля к реформам и постепенное развитие опережает фактическое качество государственного управления. Достаточно неплохие уровни развития эффективности госорганов и качества регуляторики соседствуют с невысокими показателями BTI (4.96) и CPI (32), что отражает сохраняющуюся инерцию бюрократии, высокую дискрецию чиновников и слабую защиту прав собственности. Беларусь демонстрирует феномен *«институциональной консервации»*. Невысокие позиции в Doing Business (113 место) не подкрепляются качеством управления

и динамикой реформ после 2020 года. Низкий CPI (33) в сочетании с отсутствием положительной динамики в части развития качества государственных институтов указывает на укорененность неформальных практик и низкую степень транспарентности, которые не вытесняются формальными процедурами (табл. 3).

Полученные культурные профили трёх стран позволяют выявить следующие ценностные основания в контексте GR-практик.

Беларусь

Высокая дистанция власти (95) означает иерархию, где бизнес воспринимает государство как вышестоящую инстанцию, а доступ к решениям является привилегией элит. *Высокий коллективизм (48)* даёт приоритет неформальным сетям над формальными процедурами. *Экстремально высокое избегание неопределённости (95)* предполагает, что общество испытывает потребность в жёстких формальных правилах, но одновременно боится любых инноваций, включая легализацию GR как одного из каналов публичного взаимодействия. Этот парадокс – формальные правила есть, но они не работают – является ключевым для понимания белорусской модели «формализованного патернализма». *Сдержанность (низкая индульгенция, 15)* означает ориентацию на жесткий контроль желаний и строгие социальные нормы, создающие особую социально-коммуникационную среду, в которой открытое лоббирование интересов воспринимается как нечто постыдное, рискованное и незаконное.

Казахстан

Высокая дистанция власти (88) сохраняет значение личных связей, особенно в сырьевых отраслях и на региональном уровне. Однако, в отличие от Беларуси, здесь институты функционируют, что порождает гибридную модель: личные связи действуют *в рамках* формальных процедур, а не замещают их. Низкий индивидуализм (20) питает клановые сети как канал влияния. Избегание неопределённости (88) ниже, чем в Беларуси, что делает общество чуть более открытым к институциональным реформам. Возможно, этим объясняется больший прогресс страны в институционализации GR при сходных культурных корнях.

Узбекистан

Исследователи, применяющие теорию культурных измерений Хофстеде к Узбекистану, выделяют следующие центральные черты деловой культуры [9]. *Высокая дистанция власти.* Иерархия воспринимается как естественный порядок вещей. Это означает, что доступ к принятию решений принципиально опосредован личными связями с представителями власти [10]. Без «покровителя» наверху продвижение интересов практически невозможно. *Экстремальный коллективизм*. Влияние махаллинских и клановых сетей является доминирующим механизмом социальной координации. Как отмечают исследователи, кланы в Центральной Азии функционируют как «сети индивидов, связанных через родство и фиктивные родственные идентичности», и они замещают формальные каналы влияния даже при наличии формальных институтов [11]. *Высокое избегание неопределённости*. Это создаёт негативное отношение к любым изменениям установленного порядка. Цивилизованный лоббизм, который предполагает публичность и конкуренцию интересов, воспринимается как угроза стабильности. *Патернализм и статусная иерархия*. Бизнес воспринимает государство не как регулятора, а как «старшего брата», к которому нужно обращаться через правильные каналы (клановые, земляческие). GR в такой интерпретации – это не управление отношениями, а искусство выстраивания вертикальных связей покровительства. Всё это вынуждает GR-специалистов действовать в «серой зоне», где грань между цивилизованным лоббизмом и коррупцией размыта.

На основе проведенного выше анализа, далее в статье предлагаются три концептуальные модели лоббистской деятельности, объясняющие особенности политико-управленческого взаимодействия в каждой из стран.

Модель 1. Формализованный патернализм (Беларусь)

Понятие «патернализм» в политической науке восходит к исследованиям политической культуры (Г. Алмонд, С. Верба) и описывает тип отношений, при котором государство воспринимается как «отец-покровитель», а граждане и бизнес – как подопечные, ожидающие заботы и одновременно подчиняющиеся контролю [12]. В постсоветском контексте патернализм усиливается наследием советской системы, где государство выступало единственным собственником и регулятором экономики. «Формализованный» компонент модели указывает на наличие развитой институциональной среды, которая создаёт видимость диалога, но не обеспечивает реального влияния на принятие решений.

Характерные черты:

– Разрыв между формальными институтами и реальными практиками. Как отмечает В.В. Зубов, взаимодействие государства и бизнеса может происходить через три типа отношений: формальная автономизация юридического лица, сниженная автономизация и полная автономия [13]. В белорусской модели реализуется преимущественно второй тип – «сниженная автономизация», когда юридически бизнес сохраняет самостоятельность, но фактически его деятельность контролируется государством.

– Мобилизационный, а не представительский характер бизнес-ассоциаций**.** Общественно-консультативные советы и отраслевые объединения в Беларуси выполняют функцию трансляции решений государства бизнесу, а не агрегации интересов бизнеса перед государством. Так, после событий 2020 года некоторые независимые деловые объединения вроде ассоциации «Перспектива», занимающихся защитой прав предпринимателей, были закрыты. Это соответствует механизму, который в неоинституциональной теории определяется как «институциональный изоморфизм» [14].

– Высокий уровень избегания неопределённости. Беларусь демонстрирует экстремально высокий уровень избегания неопределённости, что создаёт спрос на формальные правила, но одновременно порождает недоверие к любым инновациям, включая цивилизованный лоббизм. В условиях белорусского патернализма партнёрство замещается субординацией.

– Санкционное давление как фактор усиления зависимости. Геополитические изменения 2022–2026 годов и ужесточение санкционного режима в отношении Беларуси усилили зависимость бизнеса от государства. Государство становится не только регулятором, но и «спасателем», что консервирует патерналистскую модель.

*Специфика GR-практик***:** GR в Беларуси функционирует по принципу «неформальные связи через формальные каналы». Легальные механизмы (консультативные советы, ОРВ) используются для легитимации уже принятых решений, тогда как реальное соучастие осуществляется через личные связи с чиновниками среднего звена и бывшими госслужащими.

Модель 2. Институционально-корпоративистская (Казахстан)

Данная модель предполагает институционализированное представительство организованных субъектов бизнеса, при котором государство признаёт право за определенными (чаще всего, крупными) группами интересов участвовать в принятии решений в обмен на контроль за их деятельностью. В отличие от демократических моделей плюрализма, в автократических режимах институциональный корпоративизм часто связан с непубличной борьбой этих групп за влияние и ресурсы.

Характерные черты модели:

– Законодательно закреплённая роль бизнес-ассоциаций. Национальная палата предпринимателей «Атамекен» является обязательным участником оценки регулирующего воздействия, что придаёт GR-процессам институциональную определённость.

– Высокий уровень цифровизации и прозрачности условий ведения бизнеса. Казахстан лидирует в регионе по качеству регуляторной среды и индекса открытости государственных органов. Это создаёт условия для стабильного и предсказуемого диалога, где легальные каналы тоже эффективны. При этом государство имеет большее количество инструментов для наблюдения за действиями компаний, отслеживая изменения в динамике интересов крупного бизнеса.

– Сохранение клановости при высоком уровне институционализации, особенно на региональном уровне и в сырьевых отраслях, но они действуют в рамках формальных процедур, а не замещают их полностью.

– Формирование рынка профессиональных GR-услуг**.** Рост спроса на внешних консультантов и расширение сетки GR-агентств (например, Market Mentors, GR Consulting Group, GR Hub Kazakhstan) свидетельствует о профессионализации этой сферы, ее отделении от теневых практик.

Специфика GR-практик: GR в Казахстане функционирует в формате «институционализированного посредничества». Бизнес-ассоциации, консультативные и экспертные органы и площадки выступают легальными каналами агрегации интересов и их трансляции в органы власти. Однако сохраняющаяся дистанция власти означает, что личные связи с руководством остаются критически важными, особенно для крупных контрактов и стратегических решений [15].

Модель 3. Традиционно-клановая в «ловушке перехода» (Узбекистан)

Концепция «ловушки перехода» (transition trap) в политической науке описывает ситуацию, когда страна инициирует реформы, но не способна их завершить, оставаясь в состоянии «зависания» между авторитаризмом и демократией, между традиционными и современными

институтами [16]. Применительно к GR это означает, что формальные реформы декларируются, но не имплементируются, а реальные практики определяются традиционными институтами – кланами, махаллями, патронажными сетями.

Фундаментальное исследование К. Коллинз по клановой политике в Центральной Азии закладывает теоретическую основу для понимания этой модели. Исследователь определяет современные кланы как «сети индивидов, связанных через родство и фиктивные родственные идентичности», которые функционируют как неформальные политические акторы, способные инициировать или подрывать политические изменения [11].

Характерные черты модели*:*

– Декларативный характер реформ**.** Узбекистан реализовал более 50 президентских указов, направленных на экономическую либерализацию, включая Концепцию совершенствования нормотворческой деятельности, в которой предполагалось легализовать лоббизм. Однако, ни подход «предпосылок», ни подход «транзитов» не способны адекватно видоизменить конфигурацию режима.

– Доминирование клановых сетей. Клановая принадлежность определяет доступ к ресурсам и принятию решений. Как отмечается в анализе Коллинз, «львиная доля важных государственных назначений в Узбекистане с конца 1980-х годов достаётся самаркандскому и ташкентскому кланам». Благодарные назначенцы, в свою очередь, инициировали культ личности бывшего президента И. Каримова, но после его смерти базовая конфигурация кланов сохранилась, хоть и претерпела определенные изменения в связи с избранием Ш. Мирзиёева на должность президента.

– Минимальная прозрачность и закрытость информации. Оценка регулирующего воздействия носит формальный характер, публичные консультации либо отсутствуют, либо являются имитационными. Информация о взаимодействии бизнеса и власти не раскрывается, сами власти нередко избегают контактов с GR-специалистами.

– «Ловушка перехода» как институциональная патология. Реформы в Узбекистане декларированы, но их реализация отложена, а инерция неформальных практик настолько сильна, что новые институты не могут укорениться. Это соответствует ситуации, когда формальные институты существуют «на бумаге», но не подкреплены реальными практиками.

Специфика GR-практик: GR в Узбекистане функционирует в формате «теневого доступа». Бизнес вынужден действовать через махалли, клановые сети, личные связи с хокимами (главами региональных администраций). В этой связи одним из стратегических подходов, особенно, у ТНК, может быть спонсирование социальных или научных проектов в регионе или городе в обмен на благосклонность властей. Это, по сути, форма GR-технологий, которая при определённой прозрачности могла бы быть институционализирована, но пока остаётся в «серой зоне».

Заключение

Сравнительный анализ показал, что при общем советском наследии страны демонстрируют разные модели лоббистской деятельности. Казахстан является региональным лидером по институционализации GR (развитый рынок, институциональная роль «Атамекен»), но клановые сети и личные связи сохраняются. В Беларуси формальные каналы диалога существуют, но реальное влияние бизнеса ограничено: GR сводится к неформальным контактам в условиях жёсткого государственного контроля. Узбекистан находится в «ловушке перехода»: реформы декларируются, но доминируют клановые и махаллинские сети, а GR выступает в качестве функции «теневого доступа». Общее для всех трёх стран – сосуществование формальных норм и неформальных практик, причём последние часто подрывают эффективность первых. В этой связи российскому бизнесу на рынках СНГ требуется адаптация к локальной институциональной и культурной среде.

Литература

1. РЭЦ и АЦ ВЦИОМ выявили ключевые барьеры и перспективные направления экспорта на фоне растущей конкуренции в странах СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/10/21/rets-i-ats-vtsiom-viyavili-klyuchevie-bareri-i-perspektivnie-napravleniya-eksporta-na-fone-rastuschei-konkurentsii-v-stranah-sng (дата обращения: 9.04.2026)

2. Сморгунов, Л. В. GR-менеджмент и публичная политика / Л.В. Сморгунов // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 6. – С. 170–178. – https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.12.

3. Второе исследование GR-индустрии в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://b-c-g.ru/news/vtoroe-issledovanie-gr-industrii-v-rossii/ (дата обращения: 9.04.2026)

4. Top-10 countries in Uzbekistan's import [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stat.uz/en/press-center/news-of-committee/66797-zbekiston-importidagi-top-10-davlatlar-5 (дата обращения: 9.04.2026)

5. Основные социально-экономические показатели стран Содружества Независимых Государств (январь-ноябрь 2025 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-cis.info/news/564/133981/ (дата обращения: 9.04.2026)

6. Кризис доверия в ЕАЭС: почему 9 трлн рублей товарооборота требуют от российского бизнеса новой прозрачности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://p-reliz.ru/reliz/2026–02–26-krizis-doveriya-v-eaes-pochemu-9-trln-rublej-tovarooborota-trebuyut-ot-rossijskogo-biznesa-novoj-prozrachnosti-42721.html (дата обращения: 9.04.2026)

7. CfA: Entrepreneurship in Post-Communist Emerging Economies: Historical Legacies, Institutional Practices and Policy Perspectives [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wbc-rti.archiv.zsi.at/object/call/21825.html (дата обращения: 9.04.2026)

8. The Culture Factor Group [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.theculturefactor.com/ (дата обращения: 9.04.2026)

9. Aminova, M. Are Hofstede's national cultures homogeneous? The case of Uzbekistan / M. Aminova // In book: Economic development in Central Asia: institutional underpinnings of factor markets. – 2014. – 85–98. Publisher: PL Academic Research

10. Daller, H. Power distance at work: The cases of Turkey, successor states of the former Soviet Union and Western Europe / H. Daller, C. Yildiz // The Journal of Politeness Research – 2006. – Vol. 2, Is. 1. – DOI: https://doi.org/10.1515/PR.2006.003

11. Collins, K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. Cambridge University Press. – 2009. – DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511510014

12. Almond, G. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton University Press, 1963. – 574 p.

13. Зубов В.В. Отношения бизнеса и власти (GR) как проблемное поле современной политической науки: вопросы теории // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15. – № 2. – С. 22–32. doi: 10.33693/2223-0092-2025-15-2-22-32

14. Powell, W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields / P. DiMaggio, W. Powell // American Sociological Review. – 1983. – Vol. 48, No. 2 – P. 147–160.

15. Deepak, J. Informal Institutions and Political Development in Kazakhstan / J. Deepak // Proceedings of the Indian History Congress. – 2019. – Vol. 80. – P. 911–921.

16. Polterovich, V. Institutional Traps: Is There a Way Out? [Электронный ресурс] / V. Polterovich. – Режим доступа: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/22071/1/MPRA_paper_22071.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

GR MANAGEMENT IN THE POST-SOVIET SPACE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF BUSINESS-GOVERNMENT INTERACTION

Teteryuk A.S.
Peoples' Friendship University of Russia

The article assesses the level of GR management development in Belarus, Kazakhstan, and Uzbekistan. The relevance of the study stems from the transition from Soviet informal practices to attempts of GR-institutionalization. The goal is to identify the balance between official norms and informal "rules of the game." The methodology includes the author's indicator system, international rankings, and Hofstede's concept of cultural dimensions. Results: none of the countries adopted a lobbying law, regulation remains fragmented. Three GR models in CIS region identified: formalized paternalism (Belarus), an institutional-corporatist model (Kazakhstan), and a traditional clan-based model stuck in a "transition trap" (Uzbekistan). The study reveals that official mechanisms coexist with dominant informal practices.

Keywords: GR management, lobbying, CIS, informal practices, institutionalization, paternalism, comparative analysis, lobbying models, business, interaction.

References

1. The Russian Export Center and the All-Russian Public Opinion Research Center identified key barriers and promising export directions amid growing competition in the CIS countries [Electronic resource]. – Access mode: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/10/21/rets-i-ats-vtsiom-viyavili-klyuchevie-bareri-i-perspektivnie-napravleniya-eksporta-na-fone-rastuschei-konkurentsii-v-stranah-sng (accessed on April 9, 2026)

2. Smorgunov, L. V. GR-management and public policy / L.V. Smorgunov // Polis. Political studies. – 2024. – No. 6. – Pp. 170–178. – https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.12.

3. The second study of the GR-industry in Russia [Electronic resource]. – Access mode: https://b-c-g.ru/news/vtoroe-issledovanie-gr-industrii-v-rossii/ (accessed on April 9, 2026)

4. Top-10 countries in Uzbekistan's import [Electronic resource]. – Access mode: https://stat.uz/en/press-center/news-of-committee/66797-zbekiston-importidagi-top-10-davlatlar-5 (accessed on April 9, 2026)

5. Main socio-economic indicators of the Commonwealth of Independent States countries (January-November 2025) [Electronic resource]. – Access mode: https://e-cis.info/news/564/133981/ (accessed on April 9, 2026)

6. The EAEU Trust Crisis: Why a 9 Trillion Ruble Trade Turnover Requires New Transparency from Russian Businesses [Electronic resource]. – Access mode: https://p-reliz.ru/reliz/2026–02–26-krizis-doveriya-v-eaes-pochemu-9-trln-rublej-tovarooborota-trebuyut-ot-rossijskogo-biznesa-novoj-prozrachnosti-42721.html (accessed: 9.04.2026)

7. CfA: Entrepreneurship in Post-Communist Emerging Economies: Historical Legacy, Institutional Practices, and Policy Perspectives [Electronic resource]. – Access mode: https://wbc-rti.archiv.zsi.at/object/call/21825.html (accessed: 9.04.2026)

8. The Culture Factor Group [Electronic resource]. – Access mode: https://www.theculturefactor.com/ (accessed: 9.04.2026)

9. Aminova, M. Are National Cultures Homogeneous According to Hofstede? The Case of Uzbekistan / M. Aminova // In the book: Economic Development in Central Asia: Institutional Foundations of Factor Markets. – 2014. – Pp. 85–98. Publisher: PL Academic Research

10. Daller, H. Power distance at work: The cases of Turkey, successor states of the former Soviet Union and Western Europe / H. Daller, C. Yildiz // The Journal of Politeness Research – 2006. – Vol. 2, Is. 1. – DOI: https://doi.org/10.1515/PR.2006.003

11. Collins, K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. Cambridge University Press. – 2009. – DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511510014

12. Almond, G. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton University Press, 1963. – 574 p.

13. Zubov V.V. Relations between Business and Government (GR) as a Problematic Field of Modern Political Science: Issues of Theory // Social and Political Sciences. – 2025. – Vol. 15. – No. 2. – Pp. 22–32. doi: 10.33693/2223-0092-2025-15-2-22-32

14. Powell, W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields / P. DiMaggio, W. Powell // American Sociological Review. – 1983. – Vol. 48, No. 2 – Pp. 147–160.

15. Deepak, J. Informal Institutions and Political Development in Kazakhstan / J. Deepak // Proceedings of the Indian History Congress. – 2019. – Vol. 80. – Pp. 911–921.

16. Polterovich, V. Institutional Traps: Is There a Way Out? [Электронный ресурс] / V. Polterovich. – Access mode: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/22071/1/MPRA_paper_22071.pdf (accessed on March 10, 2026).

Восприятие дистанционного электронного голосования в России экспертами и молодыми избирателями

Федоров Владислав Иванович,
кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: vlad@nextmail.ru

Ковригин Илья Романович,
студент Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: 231154@edu.fa.ru

Некрасова Алина Павловна,
студент Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: apnekrasova@fa.ru

Фролова Катерина Олеговна,
студент Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: 230815@edu.fa.ru

В статье рассматривается роль ДЭГ как инструмента социально-политических коммуникаций в России. Цель исследования – определение восприятия ДЭГ экспертами, студенческой молодёжью и разработка рекомендаций по совершенствованию общественного наблюдения. Определены факторы, оказывающие положительное и отрицательное влияние на легитимность выборов, проводимых на основе ДЭГ. Итоговые выводы сформулированы с применением метода SWOT-анализа, выявившего преимущества и недостатки, потенциальные возможности и риски ДЭГ.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование (ДЭГ), региональная политика, политический процесс, общественное наблюдение, цифровая трансформация

Введение

Дистанционное электронное голосование (ДЭГ) стало значимой частью современного избирательного процесса России и одним из эффективных механизмов конвенционального политического участия, пройдя путь от ограниченного эксперимента до масштабного применения на всех уровнях выборов, включая федеральные. По состоянию на 2026 год опыт ДЭГ имеют избиратели уже 41 субъект и более 22 млн избирателей[1]. Одновременно с этим продолжаются дискуссии о сочетании традиционного бумажного и электронного голосования, о границах и возможностях наблюдения за ДЭГ [9], необходимости обеспечения индивидуальной проверки корректности учёта голоса самим избирателем, форме предоставления электоральной статистки ДЭГ. Изучение восприятия ДЭГ экспертами позволит выявить положительные аспекты и проблемные зоны, требующие соответствующей реакции организаторов выборов.

В данной работе в качестве основного исследовательского вопроса выступает проблематика восприятия ДЭГ экспертами и студенческой молодёжью, а также возможности совершенствования общественного наблюдения. Существующая технология общественного наблюдения за ДЭГ требует дальнейшего развития, потому что у общества существует запрос на бóльшую прозрачность и верификацию электронного голосования. Государство и общество в России заинтересованы в развитии технологии наблюдения за ДЭГ, повышающей эффективность двухсторонних коммуникаций для обеспечения легитимности выборов.

Цель исследования – определение восприятия ДЭГ экспертами и разработка рекомендаций по развитию ДЭГ и совершенствованию общественного наблюдения. Для более глубокого понимания перспектив развития ДЭГ авторы настоящей работы в 2025 году провели экспертный опрос, а в 2026 году опрос среди студенческой молодёжи столичных вузов. Участникам исследования было предложено ответить на серию закрытых и открытых вопросов, позволивших оценить востребованность и доверие к ДЭГ, выявить запросы к функционалу портала наблюдения за ДЭГ, а также определить основные требования к эффективной технологии общественного наблюдения за ДЭГ, обеспечивающей легитимность выборов.

Теоретико-методологическая и эмпирическая основа исследования

Пионерами в области изучения электронного голосования за рубежом являются Д. Даунас-Сид и Р. Криммер (в течение 15 лет изучающие воздействие на электронное голосование различных факторов, таких как политический, технический, правовой и социальный) [12]. Тему общественного наблюдения на выборах изучают российские политологи В.Л. Шаповалов, П.В. Данилин, В.Н. Данилов, А.Ю. Мамычев, А.Г. Арутюнов [11; 5; 6] и юристы И.Б. Борисов, А.О. Гаджиева, А.В. Игнатов, Г.Н. Митин [2; 3; 4; 7]. Современные исследования показывают, что наличие эффективных способов общественного контроля за ДЭГ является обязательным условием для его проведения, способствующим росту доверия к результатам выборов. Политологи Н.А. Баранов [1], С.С. Морозова и Д.А. Будко [8] отмечают, что российские избиратели постепенно привыкают к ДЭГ, которое может завоевать доверие общества по мере признания его преимуществ и решения технических проблем.

Согласно авторскому подходу, электронное голосование в любом государстве выступает областью взаимодействия между официальной властью и контрвластью, представленной различным группами интересов общества для приобщения граждан к законному политическому участию, которое обеспечивается удержанием и расширением аудитории избирателей, принимающими новый способ голосования [10]. Сеть электронного голосования обладает потенциалом для обеспечения конвенционального политического участия граждан и обмена информацией об электоральном выборе и результатах общественного наблюдения за ДЭГ между государством и обществом.

[1] На выборах в Госдуму ДЭГ охватит половину регионов. Ведомости. Источник: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/03/03/1180235-na-viborah-v-gosdumu-deg-ohvatit-polovinu-regionov (дата обращения 23.03.2026).

Анализ современных исследований электронного голосования показывает, что исследовательской лакуной остаются вопросы общественного наблюдения за ДЭГ, восполнению которой посвящено данное исследование.

Мнение экспертов

В экспертном опросе «Направления развития ДЭГ» приняли участие 25 экспертов, среди которых были общественные наблюдатели, организаторы выборов, электоральные юристы и учёные, специализирующиеся на изучении ДЭГ. Экспертный опрос позволил получить комплекс оценок текущего состояния ДЭГ в России от специалистов, имеющих практический опыт организации и проведения выборов и общественного наблюдения за ДЭГ. Со своей стороны, учёные, занимающиеся изучением информационно-коммуникационных технологий в политических процессах России представили свои независимые оценки актуальной проблематики ДЭГ.

По итогам обработки экспертного опроса был составлен набор рекомендаций по развитию ДЭГ и совершенствованию общественного наблюдения, которые сводятся к шести позициям.

Во-первых, необходимо сохранить ДЭГ в России как дополнительный способ голосования, не отказываясь от бумажного избирательного бюллетеня, что позволит удовлетворить различные запросы избирателей. Заметен эффект ДЭГ по увеличению явки избирателей на федеральных выборах. Гибкие способы реализации активного избирательного права важны для обеспечения конвенционального политического участия граждан.

Цитата эксперта: *«ДЭГ не должен заменить собой традиционное голосование на избирательном участке, но может применяться как альтернатива во всех регионах России»*.

Во-вторых, следует развивать инструменты индивидуальной проверки корректности учёта голоса избирателя. Информировать избирателей на этапе подачи заявления на участие в ДЭГ о возможности проверки голоса. Среди новых инструментов проверки эксперты предлагают верификацию транзакции избирателя при помощи специальной утилиты. На устройстве голосования избирателя нужно сохранять и экспортировать криптографически значимые для протокола ДЭГ атрибуты, и СПО, позволяющее убедиться в корректности формирования зашифрованного волеизъявления.

Цитата эксперта: *«Нужна специальная версия клиентского ПО, позволяющая сохранить и экспортировать криптографически значимые для протокола ДЭГ атрибуты, и СПО, позволяющее убедиться в корректности формирования зашифрованного волеизъявления с учётом выбора избирателя и сохраненных атрибутов, т.е. в том, что с устройства избирателя в систему ДЭГ ушло и там зафиксировано зашифрованное волеизъявление, соответствующе его выбору»*.

В-третьих, добавить в публичный доступ детализацию итогов электронного голосования на уровне ТИК и УИК. Визуализировать в виде диаграмм и картограмм электоральную статистику ДЭГ на федеральном портале ДЭГ. У экспертов и заинтересованных избирателей есть нереализованный запрос на доступ к базе электоральной статистики ДЭГ, которую можно выгрузить в формате Excel.

Цитата эксперта: *«На сегодняшний день в сети Интернет итоги ДЭГ представляются в виде единого PDF-файла с протоколом по всем уровням выборов, который занимает около 1500 страниц. Это неудобно для изучения и требуется иной формат»*.

В-четвёртых, необходимо минимизировать время нахождения избирателя в электронной очереди в ожидании голосования, что обеспечит более эффективную реализацию активного избирательного права для всех зарегистрированных избирателей. Для уменьшения нагрузки на ДЭГ, возникающей с 08:00 в московском часовом поясе, организаторам выборов следует рассмотреть возможность открывать голосование для электронных избирателей в 00:00 по местному времени первого дня голосования.

Цитата эксперта: *«ДЭГ должен работать очень быстро. Для современного интернет-пространства быстрота является синонимом работоспособности и функциональности цифровых сервисов. Электронная очередь не должна занимать более 5 минут при текущих способах информирования о постановке в очередь ожидания»*.

В-пятых, добавить визуальные образы, ассоциирующиеся с надёжностью и сохранностью на федеральный портал ДЭГ (замок, щит, сейф), которые помогут создать визуальную ассоциацию с надежностью и сохранностью электронных бюллетеней, как ценностей в банковской ячейке.

Цитата эксперта: *«Такие образы помогут создать визуальный ряд, связанный с надёжностью и сохранностью электронных бюллетеней, как ценностей в банковской ячейке»*.

В-шестых, разместить обучающее видео о ДЭГ для избирателей на ЕПГУ. На этапе подачи заявления на участие в ДЭГ у избирателей возникает много вопросов о порядке рассмотрения заявления, конфиденциальности данных и механизме голосования.

Цитата эксперта: *«Видео является эффективным дидактическим средством, облегчающим восприятие сложной информации о новом способе голосования»*.

Мнения студентов

В опросе студенческой молодежи столичных вузов 10–20 марта 2026 года приняли участие 180 респондентов. Масштабирование ДЭГ накануне выборов депутатов Государственной Думы в 2026 году рассматривается студентами как оправданный и логичный шаг развития. При этом сохранение традиционного голосования на участке признаётся обязательным для легитимности и учёта интересов разных групп избирателей. Время ожидания в электронной очереди должно быть минимальным (до 10–15 минут) и сопровождаться понятным статусом. В отличие от экспертного сообщества студенты считают, что визуальные изменения портала электронного голосования (появление изображений сейфа и щита) могут иметь положительный, но скорее незначительный эффект для зумеров. Есть разногласия в вопросе источников доверия к ДЭГ, потому что часть респондентов полагается на экспертов и наблюдателей, а другие требуют личного инструмента проверки учёта голоса. Приведём две различающиеся по смыслу цитаты студентов.

Цитата: *«Избиратель должен иметь возможность лично убедиться в корректности подсчёта своего голоса, а не просто полагаться на мнение экспертов. Возможность персонального контроля в глазах среднего избирателя формирует устойчивое и осознанное доверие к системе. Перекладывая проверку на экспертов, мы фактически делегируем кому-то этот контроль, что лишь усиливает уже укоренившийся во всех странах мира стереотип о том, что мой конкретный голос всё равно ничего не решает. Фундаментом доверия должна стать личная возможность избирателя убедиться в том, что его голос не пропал и не был искажен. Только синтез профессионального наблюдения и индивидуального контроля может обеспечить подлинное общественное доверие к ДЭГ»*.

Цитата: *«Мне кажется, что для массового избирателя достаточно публичных позитивных оценок со стороны профильных экспертов и, что важнее, официальных наблюдателей. Мы живем в эпоху цифровизации, и рядовому пользователю физически невозможно (да и не нужно) понимать криптографию и код, обеспечивающий учёт голосов. ДЭГ создавалось для упрощения процесса, а не для того, чтобы каждый избиратель становился IT-аудитором»*.

Заключение

Для формулировки выводов по итогам исследования использовался SWOT-анализ, который позволил выявить сильные и слабые стороны, внешние возможности и угрозы для ДЭГ в России.

Сильные стороны

В условиях роста использования цифровых сервисов и дефицита времени у избирателей, ДЭГ становится всё более востребованным способом голосования. Сохранение для избирателей возможности выбора между голосованием бумажным избирательным бюллетенем и ДЭГ способствует удовлетворению их индивидуальных предпочтений, снижению тревожности, повышению доверия к процессу голосования и сохранению политических традиций. ДЭГ помогает повысить или предотвратить снижение явки избирателей на уровне федеральных и региональных выборов.

Слабые стороны

Не все урбанизированные регионы Российской Федерации подают заявки в ЦИК России на проведение ДЭГ, что ограничивает доступ к этому удобному способу голосования для избирателей. Предварительная регистрация на участие в ДЭГ может создавать неудобства для избирателей, голосующих на федеральной платформе. При длительном ожидании в электронной очереди часть избирателей может отказаться от голосования или забыть проголосовать.

Угрозы

Перед организаторами выборов стоит сложная задача по привлечению и удержанию аудитории избирателей как на участках, так и в ДЭГ. Технические сбои и длительное ожидание в электронной очереди могут сформировать у избирателя мнение о ненадёжности ДЭГ как цифрового инструмента. Риски недоверия возникают, если результаты выборов с применением ДЭГ не соответствуют ожиданиям избирателей.

Возможности

ДЭГ способствует укреплению доверия к выборам при условии его надёжной и бесперебойной работы. ДЭГ является источником повыше-

ния явки избирателей, особенно при условии удобства и доступности. ДЭГ без необходимости ждать в очереди на голосование позволит избирателям, привыкшим к быстроте и удобству современных цифровых сервисов, экономить время. Более активное участие граждан в электронных голосованиях по вопросам благоустройства на ЕПГУ сформирует привычку голосовать в Интернете, в том числе на выборах. Открытость данных электоральной статистики ДЭГ на уровне ТИК и УИК, а также доступ к архиву транзакций ДЭГ повысит прозрачность и доверие к выборам.

Таким образом, ДЭГ в России имеет значительный потенциал для обеспечения конвенционального политического участия, роста явки избирателей, диалога между обществом и государством. Важно подчеркнуть, что ДЭГ может быть тем самым аристотелевским общим благом для всех участников избирательного процесса, но для этого необходимо организовать эффективное общественное наблюдение за ДЭГ, которое должно представлять собой фиджитал-сеть двухсторонних коммуникаций между обществом и государством по вопросам контроля законности проведения выборов для обеспечения их легитимности.

Литература

1. Баранов Н.А. От недоверия – к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. № 3. С. 433–446.

2. Борисов И.Б., Игнатов А.В. Электронное голосование в Эстонии бьет рекорды. Общее и особенное в международном развитии ДЭГ. Избирательное законодательство и практика. 2023. № 1. С. 14–20.

3. Борисов И.Б. Конец доцифровой эпохи политических процессов // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1(19). С. 124–139.

4. Гаджиева А.О., Костырко А.А., Кошель А.С. Активное избирательное право в цифровую эпоху: правовой аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. № 4. С. 888–904.

5. Данилин П.В., Данилов В.Н. Наблюдение на выборах в контексте реализации права граждан на власть. Российский опыт // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1. С. 53–66.

6. Мамычев А.Ю., Арутюнов А.Г. Технология ДЭГ в региональном политическом процессе: цифровая трансформация избирательного процесса и механизмы противодействия негативным трендам // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. № 1. С. 125–135.

7. Митин Г.Н. Проблемы влияния нарушений избирательного законодательства на легитимность выборов // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 50–54.

8. Морозова С.С., Будко Д.А. Особенности развития цифровой демократии в крупных городах России (на примере Санкт-Петербурга) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. № 4. С. 456–469.

9. Федоров В.И. Правовое регулирование общественного наблюдения за дистанционным электронным голосованием на выборах в России // Современное право. 2024. № 5. С. 16–18.

10. Федоров В.И. Электронное голосование как сеть коммуникаций между государством и обществом // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

11. Шаповалов В.Л. Концептуализация современных электоральных практик в предметном поле политической науки // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2025. № 1. С. 74–91.

12. Krimmer R., Duenas-Cid D., Krivonosova I. New Methodology for Calculating CostEfficiency of Different Ways of Voting: Is Internet Voting Cheaper? Public Money & Management. 2020. N. 41. P. 1–10.

PERCEPTION OF REMOTE ELECTRONIC VOTING IN RUSSIA BY EXPERTS AND YOUNG VOTERS

Fedorov V.I., Kovrigin I.R., Nekrasova A.P., Frolova K.O.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the role of remote electronic voting as a tool of socio-political communications in Russia. The purpose of the study is to determine the perception of electronic voting by experts and students and to develop recommendations for improving public monitoring. The factors that have a positive and negative impact on the legitimacy of elections conducted on the basis of electronic voting have been identified. The final conclusions are formulated using the SWOT analysis method, which revealed the advantages and disadvantages, potential opportunities and risks of electronic voting.

Keywords: remote electronic voting, regional policy, political process, public observation, digital transformation

References

1. Baranov N.A. From distrust to legitimization: The difficult path of digital electoral technologies, an evidence from Russia. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2022, N. 3. P. 433–446.

2. Borisov I.B., Ignatov A.V. Electronic voting in Estonia is breaking records. General and special in the international development of the i-voting. Electoral legislation and practice. 2023, N. 1. P. 14–20.

3. Borisov I.B. The end of the pre-digital era of political processes // Citizen. Elections. Power. 2021. N. 1. P. 124–139.

4. Gadzhieva A.O., Kostyrko A.A., Koshel A.S. 2023. "Active voting rights in the digital age: Legal aspect". Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2023, N. 4. P. 888–904.

5. Danilin P.V. Danilov V.N. Election observation in the context of the implementation of citizens' rights to power. Russian experience. In: Citizen. Elections. Power. 2021. N. 1. P. 53–66.

6. Mamychev A.Yu., Arutyunov A.G. Remote electronic voting technology in the regional political process: digital transformation of the electoral process and mechanisms for countering negative trends // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. N. 1. P. 125–135.

7. Mitin G.N. Problems of the influence of violations of electoral legislation on the legitimacy of elections. Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. 2023. N. 12. P. 50–54.

8. Morozova S.S., Budko D.A. Features of the digital democracy development in Russian cities (on the example of St Petersburg). Political Expertise: POLITEX. 2022. N. 4. P. 456–469.

9. Fedorov V.I. Legal regulation of public monitoring of remote electronic voting in elections in Russia. Modern Law. 2024. N. 5. P. 16–18.

10. Fedorov V.I. Electronic voting: a communication network that links state and society. In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal). 2022, N. 4. Available at: www.evestnikmgou.ru

11. Shapovalov V.L. "Conceptualization of Contemporary Electoral Practices in the Subject Field of Political Science," Lomonosov Political Science Journal, N. 1. 2025, P. 74–91.

12. Krimmer R., Duenas-Cid D., Krivonosova I. New Methodology for Calculating CostEfficiency of Different Ways of Voting: Is Internet Voting Cheaper? Public Money & Management. 2020. N. 41. P. 1–10.

Концепция сообщества единой судьбы человечества как элемент политического дискурса и экономической дипломатии Китая в процессе формирования его глобального лидерского образа

Янь Юйтун,
аспирант, Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: 1042254156@pfur.ru

Концепция сообщества единой судьбы человечества выступает в качестве многомерной доктринальной конструкции, интегрирующей философские традиции китайской мысли с современными практиками политического дискурса и экономической дипломатии в процессе утверждения глобального лидерского образа Китая. Коренящаяся в конфуцианских категориях «Поднебесной», «великого единения» и гармонии через взаимное уважение, данная концепция эволюционировала от первоначальных формулировок на партийных съездах к комплексной рамке, объединяющей инициативы «Одного пояса – одного пути», глобальные программы развития, безопасности и цивилизации. В политическом измерении она функционирует как мета-нарратив, обеспечивающий когерентность внешнеполитических действий, легитимирующий возрастающее влияние страны и предлагающий альтернативное видение международного порядка, основанное на инклюзивности, культурном многообразии и коллективном решении трансграничных вызовов, включая климатические изменения, пандемии и технологическое неравенство. Экономическая дипломатия материализует этот дискурс посредством масштабных инфраструктурных инвестиций, институциональных инноваций, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, и многосторонних платформ БРИКС и форумов «Пояса и пути», где нарративы совместного строительства, обсуждения и пользования приобретают конкретные проекции в торговых соглашениях, цифровых коридорах и программах помощи развитию. Дискурсивная адаптивность позволяет концепции резонировать с интересами развивающихся и развитых государств, региональных объединений, способствуя ее институционализации в документах ООН. Синтез конструктивистских, реалистских и либеральных подходов раскрывает механизмы конструирования нормативных ожиданий и идентичностей, подчеркивая синергию между риторикой общего блага и прагматическими экономическими стратегиями. Анализ рецепции и взаимодействия с конкурирующими моделями мирового порядка демонстрирует, как данная концепция способствует переосмыслению глобального управления в условиях структурных сдвигов мировой экономики и геополитики, предлагая основу для долгосрочного позиционирования Китая как архитектора устойчивого и справедливого миропорядка.

Ключевые слова: сообщество единой судьбы человечества, политический дискурс, экономическая дипломатия, глобальное лидерство Китая, инициатива «Один пояс – один путь».

Введение

Трансформация мирового порядка, наблюдаемая с начала XXI века, сопровождается появлением новых концептуальных рамок осмысления международных отношений, которые предлагаются различными центрами силы в качестве альтернативных или дополняющих моделей глобального управления. Среди подобных интеллектуальных и политических конструкций особое место занимает концепция сообщества единой судьбы человечества (人类命运共同体), выдвинутая китайским руководством и постепенно ставшая одним из ключевых элементов внешнеполитической доктрины Китайской Народной Республики [3]. Эта концепция вышла далеко за рамки внутреннего политического словаря и обрела статус значимого фактора международного дискурса, получив отражение в резолюциях ряда международных организаций. Формирование подобного концептуального аппарата тесно связано с процессами перераспределения экономического и политического влияния в мировой системе, где Китай выступает одним из наиболее динамичных участников.

Генезис идеи сообщества единой судьбы человечества восходит к традициям китайской философской мысли, в частности к конфуцианскому представлению о «Поднебесной» (天下) как о целостном мире, в котором гармония достигается через взаимное уважение и сотрудничество [7]. Впервые на высшем государственном уровне эта формулировка прозвучала в 2012 году в докладе на XVIII съезде Коммунистической партии Китая, а затем была развёрнуто представлена в выступлении Си Цзиньпина в штаб-квартире ООН в Женеве в январе 2017 года [11]. С тех пор данная идея прошла путь от политического лозунга до комплексной доктринальной конструкции, пронизывающей все уровни китайской дипломатии – от двусторонних отношений до участия в многосторонних форумах. Важно отметить, что концепция не существует изолированно: она встроена в более широкую систему внешнеполитических инициатив, включая «Один пояс – один путь», Глобальную инициативу развития, Глобальную инициативу безопасности и Глобальную инициативу цивилизации.

Рассмотрение данной концепции в контексте политического дискурса и экономической дипломатии представляет значительный научный интерес, поскольку она одновременно выполняет несколько функций: служит инструментом легитимации внешнеполитического курса Китая на международной арене, обеспечивает идеологическую рамку для масштабных экономических проектов и формирует образ страны как ответственного глобального лидера, ориентированного на общее благо [9]. Дискурсивная природа концепции делает её предметом междисциплинарного анализа, на пересечении политологии, экономики международных отношений, лингвистики политического дискурса и культурологии. Само понятие «единой судьбы» несёт в себе глубокий семантический потенциал, предполагая неразрывную связь между народами и государствами перед лицом общих вызовов – климатических изменений, пандемий, экономического неравенства и угроз международной безопасности [14].

Научное осмысление феномена формирования глобального лидерского образа государства через дискурсивные практики и экономические инструменты требует обращения к широкому кругу теоретических подходов. В западной академической традиции проблематика «мягкой силы» и публичной дипломатии разрабатывалась Дж. Наем, в то время как китайские исследователи – Янь Сюэтун, Чжан Юнцзинь, Чжао Тинъян – предложили собственные интерпретации места Китая в формирующемся мировом порядке [1]. Синтез этих исследовательских традиций позволяет увидеть концепцию сообщества единой судьбы не просто как риторический приём, но как целостную стратегию позиционирования, имеющую вполне конкретные экономические, институциональные и нормативные проекции. Изучение механизмов трансляции этой концепции в практику международных экономических отношений позволяет глубже понять логику китайской внешней политики и характер её взаимодействия с существующими структурами глобального управления.

Материалы и методы исследования

Методологическая основа исследования включает комплекс аналитических подходов, позволяющих рассмотреть концепцию сообщества единой судьбы человечества в её многомерности. Дискурс-анализ применялся для изучения текстовых и риторических характеристик данной концепции в официальных документах, программных выступлениях и дипломатических нотах, что дало возможность выявить ключевые нарративные стратегии и смысловые акценты. Сравнительный метод использовался при сопоставлении концепции с иными моделями международного порядка, предлагавшимися в различные исторические периоды другими участниками мировой политики. Системный подход обеспечил рассмотрение взаимосвязи между дискурсивными практиками и конкретными инструментами экономической дипломатии Китая, включая инвестиционные программы, институциональное строительство и торговые соглашения.

Источниковой базой послужили официальные документы китайского правительства, тексты Белых книг по внешней политике КНР, материалы ключевых выступлений на площадках Генеральной Ассамблеи ООН, Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС и форумов «Один пояс – один путь», а также корпус академических публикаций китайских и зарубежных исследователей. Историко-генетический метод позволил проследить эволюцию концепции от её первоначальных формулировок до современного доктринального оформления. Метод контент-анализа был задействован при обработке массива дипломатических текстов с целью определения частотности и контекста употребления ключевых терминов и понятийных конструкций, связанных с исследуемой концепцией.

Результаты и обсуждение

Концепция сообщества единой судьбы человечества представляет собой явление, которое невозможно адекватно интерпретировать без обращения к нескольким пластам анализа – философскому, политико-идеологическому и инструментально-экономическому. На философском уровне она наследует традиции китайской мысли, в которой мир понимается как единое целое, управляемое принципами гармонии и взаимной дополнительности [5]. Конфуцианская категория «датун» (大同) – «великое единение» – описывает идеальное состояние общества, где частные интересы подчинены общему благу, а отношения между людьми и политическими сообществами строятся на основе «ли» (礼) – ритуальной нормы, обеспечивающей порядок без принуждения. Чжао Тинъян в своей работе о системе «Поднебесной» (Tianxia) предлагает модель мирового порядка, альтернативную вестфальской системе национальных суверенитетов, где акцент переносится с конкуренции на инклюзивность [8]. Эти философские основания не являются лишь декоративным элементом; они формируют понятийный каркас, в рамках которого китайская дипломатия артикулирует своё видение глобальных проблем и предлагает пути их решения.

В политико-идеологическом измерении концепция сообщества единой судьбы выполняет функцию своеобразного «мета-нарратива», объединяющего различные внешнеполитические инициативы Китая в единую смысловую рамку. Если инициатива «Один пояс – один путь» задаёт конкретную инфраструктурную и экономическую повестку, Глобальная инициатива развития фокусируется на проблемах устойчивого развития, а Глобальная инициатива безопасности обращена к вопросам мира и стабильности, то концепция сообщества единой судьбы выступает как объединяющий принцип, который придаёт всем этим проектам идейную когерентность [12]. Она позволяет представить разнородные действия Китая на международной арене не как набор ситуативных решений, а как проявления последовательной стратегии, ориентированной на создание более справедливого и устойчивого миропорядка. Именно в этом состоит её дискурсивная сила: она превращает прагматические шаги в элементы целостного видения будущего.

Обращение к теоретическим подходам в области международных отношений показывает, что концепция занимает специфическую нишу, которая не вполне совпадает ни с одной из устоявшихся парадигм. С точки зрения реалистской школы, любая внешнеполитическая доктрина есть инструмент продвижения национальных интересов, и в этом смысле концепция сообщества единой судьбы может рассматриваться как способ легитимации возрастающего влияния Китая в системе международных отношений [2]. Либеральный институционализм обратил бы внимание на элементы концепции, связанные с укреплением многостороннего сотрудничества и создания новых институтов – таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций или Фонд Шёлкового пути. Конструктивистская перспектива, пожалуй, наиболее продуктивна для анализа этого феномена, поскольку она позволяет увидеть, каким образом дискурсивные практики конструируют идентичности и интересы акторов, формируют нормативные ожидания и создают новые поля для взаимодействия [6]. Концепция сообщества единой судьбы, рассматриваемая через конструктивистскую оптику, предстаёт как попытка изменить «идеационную структуру» международной системы, предложив альтернативное понимание того, что значит быть ответственным участником мировой политики.

Одним из ключевых аспектов функционирования этой концепции в пространстве политического дискурса является её адаптивность. Анализ официальных выступлений китайских лидеров и дипломатов на различных международных площадках обнаруживает, что содержательное наполнение формулировки «сообщество единой судьбы» варьируется в зависимости от аудитории и контекста. В обращениях к развивающимся странам акцент делается на равноправии, взаимном уважении суверенитета и совместном развитии; при взаимодействии с развитыми государствами на первый план выходит тематика глобального управления, климатической повестки и реформирования международных институтов [4]. В контексте региональных объединений – ШОС, АСЕАН, Африканского союза – концепция приобретает более конкретные очертания, привязываясь к программам экономического сотрудничества и инфраструктурного развития. Подобная дискурсивная гибкость обеспечивает широкий резонанс концепции и позволяет различным партнёрам Китая находить в ней созвучие собственным интересам и ценностям.

Экономическая дипломатия Китая служит материальным основанием, на которое опирается дискурс сообщества единой судьбы. Масштаб экономических инициатив Китая за последние пятнадцать лет не имеет прецедентов в истории международных отношений: по различным оценкам, инвестиции в рамках «Одного пояса – одного пути» к середине 2020-х годов превысили триллион долларов, охватив более 140 государств [10]. Эти инвестиции направлены на строительство транспортной инфраструктуры, энергетических объектов, цифровых сетей и промышленных зон в странах Азии, Африки, Латинской Америки и Европы. Создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) в 2015 году стало институциональным выражением стремления Китая предложить новые механизмы финансирования развития, дополняющие – а в ряде случаев и конкурирующие с – существующими институтами Бреттон-Вудской системы [15]. Эти экономические инструменты не просто сосуществуют с дискурсом единой судьбы; они неразрывно с ним связаны, поскольку каждый крупный инфраструктурный проект позиционируется как практическая реализация принципов взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития.

Связь между дискурсивной и экономической составляющими стратегии прослеживается и в институциональном строительстве. Форумы «Один пояс – один путь», проводимые в Пекине с 2017 года, функционируют одновременно как площадки для заключения экономических соглашений и как пространства производства и трансляции политического нарратива. Совместные коммюнике этих форумов воспроизводят ключевые элементы концепции сообщества единой судьбы, закрепляя их в виде согласованных формулировок, подписанных десятками государств [13]. Аналогичные процессы наблюдаются на площадках БРИКС, где Китай последовательно продвигает идею реформирования глобального управления в направлении большей инклюзивности и справедливости. Расширение БРИКС в 2024 году, когда к объединению присоединились несколько новых членов, продемонстрировало притягательность модели, в которой экономическое сотрудничество сочетается с альтернативным нормативным видением международного порядка.

Формирование глобального лидерского образа Китая через призму концепции сообщества единой судьбы не сводится к одностороннему транслированию месседжей. Это сложный процесс, включающий обратную связь, адаптацию и переговорное конструирование смыслов. Восприятие концепции различными странами и регионами неоднородно, и степень её принятия зависит от множества факторов – от исторического опыта двусторонних отношений с Китаем до текущей экономической конъюнктуры [3]. В ряде государств Юго-Восточной Азии и Африки концепция получила позитивный отклик, особенно в контексте крупных инфраструктурных проектов, финансируемых Китаем. Дипломатические практики, связанные с продвижением этой концепции, включают не только официальные визиты и подписание документов, но и обширную программу образовательных обменов, деятельность Институтов Конфуция, медийные проекты и работу аналитических центров.

Немаловажным аспектом является соотношение концепции сообщества единой судьбы с другими моделями мирового порядка, существующими в современном политическом дискурсе. Если американская модель «либерального международного порядка», основанного на правилах, акцентирует примат индивидуальных прав и свобод, де-

мократической формы правления и рыночной экономики, то китайская концепция делает упор на культурное многообразие, уважение различных путей развития и недопустимость навязывания единого политического стандарта [7]. Европейский подход, сочетающий элементы нормативной силы с экономическим прагматизмом, занимает промежуточное положение. Эти модели не существуют в вакууме: они взаимодействуют, конкурируют и влияют друг на друга, формируя сложную ткань современного международного дискурса. Концепция сообщества единой судьбы в этом контексте предлагает рамку, которая стремится быть максимально инклюзивной, избегая жёстких идеологических дихотомий и предлагая язык сотрудничества, понятный для государств с различными политическими системами.

Экономическое измерение глобального лидерского образа Китая приобретает особое значение в условиях структурных сдвигов в мировой экономике. Рост доли Китая в мировом ВВП, его позиция крупнейшего торгового партнёра для более чем 120 государств, лидерство в ряде высокотехнологичных отраслей – всё это создаёт материальную основу для претензий на роль глобального лидера, которые артикулируются через дискурс единой судьбы [14]. Вместе с тем лидерство в современном мире не определяется одной лишь экономической мощью; оно требует «мягкой силы», институциональных ресурсов и нормативного авторитета. Концепция сообщества единой судьбы призвана заполнить именно этот нормативный пробел, предложив мировому сообществу привлекательное видение будущего, в котором экономический рост сочетается с социальной справедливостью, а технологический прогресс – с экологической устойчивостью.

Роль «Одного пояса – одного пути» как экономико-дипломатического инструмента реализации концепции сообщества единой судьбы заслуживает более детального рассмотрения. Эта инициатива, изначально представленная как возрождение древнего Шёлкового пути, быстро переросла свои историко-географические рамки и превратилась в глобальный проект, охватывающий морские и сухопутные транспортные коридоры, промышленные кластеры, зоны свободной торговли, цифровые платформы и даже космическое сотрудничество [9]. Каждый из этих элементов подаётся как практическое воплощение идеи «совместного строительства, совместного обсуждения и совместного пользования» (共商共建共享), которая является одним из операциональных принципов концепции единой судьбы. В географическом отношении инициатива затрагивает регионы, традиционно испытывающие дефицит инфраструктурных инвестиций, что повышает её привлекательность для стран-реципиентов и укрепляет образ Китая как партнёра, ориентированного на практические результаты.

Дискурсивная стратегия Китая в продвижении концепции сообщества единой судьбы характеризуется рядом особенностей, которые отличают её от дипломатических практик других крупных держав. Во-первых, это систематическое использование исторических аналогий и культурных символов, придающих концепции глубину и эмоциональную насыщенность [1]. Обращение к образу Великого Шёлкового пути, к традициям морских экспедиций Чжэн Хэ в XV веке, к конфуцианским идеалам – всё это создаёт нарратив исторической преемственности, в котором современная политика Китая предстаёт как органическое продолжение многовековой цивилизационной традиции. Во-вторых, китайская дипломатия активно использует язык инклюзивности и общности, избегая конфронтационной риторики и подчёркивая готовность к диалогу с любыми партнёрами. В-третьих, дискурс сообщества единой судьбы тесно связан с конкретными экономическими предложениями, что придаёт ему прагматическую убедительность, отсутствующую у многих чисто идеологических конструкций.

Включение формулировки «сообщество единой судьбы» в официальные документы международных организаций стало значимым маркером институционализации этой концепции. В 2017 году данный термин вошёл в резолюцию Совета ООН по правам человека, а впоследствии был включён в ряд документов Генеральной Ассамблеи ООН [11]. Этот процесс свидетельствует о том, что концепция перестала быть исключительно китайским внешнеполитическим продуктом и приобрела определённую степень международной легитимности. Разумеется, степень содержательного принятия этой формулировки различными государствами неодинакова, и во многих случаях речь идёт скорее о дипломатическом компромиссе, чем о глубоком идейном согласии. Тем не менее сам факт присутствия этого понятия в международном правовом и политическом дискурсе отражает возросшую способность Китая влиять на глобальную повестку дня не только экономическими, но и нормативными средствами.

Взаимосвязь между политическим дискурсом и экономической дипломатией в рамках рассматриваемой концепции проявляется и в сфере помощи развитию. Китай позиционирует свою модель помощи как принципиально отличную от западной, подчёркивая отказ от политической обусловленности и приоритет инфраструктурных инвестиций над гуманитарной помощью [15]. Эта модель находит выражение в формуле «Южного сотрудничества», где Китай выступает не как донор, стоящий над реципиентами, а как партнёр, разделяющий с ними общие вызовы развития. Дискурс единой судьбы легитимирует эту модель, представляя её как естественное следствие принадлежности всех народов к единому сообществу, где развитие одних не может быть устойчивым без развития других. Практическое воплощение этого подхода обнаруживается в программах списания долгов беднейшим странам, в предоставлении грантов на развитие образования и здравоохранения, в строительстве больниц, школ и транспортных объектов в государствах Африки и Юго-Восточной Азии.

Анализ рецепции концепции в академическом сообществе обнаруживает широкий спектр интерпретаций. Часть исследователей рассматривает её как подлинно новаторский вклад Китая в теорию международных отношений, предлагающий альтернативу доминирующим западноцентричным парадигмам и обогащающий понимание возможных моделей глобального управления [6]. Другие авторы акцентируют её инструментальный характер, указывая на то, что любая внешнеполитическая доктрина неизбежно отражает интересы государства, которое её продвигает, и в этом смысле концепция единой судьбы не является исключением. Между этими полюсами существует значительное пространство для нюансированного анализа, учитывающего как идеальные устремления, заложенные в концепции, так и реальные практики её имплементации. Важно понимать, что дискурс и практика никогда не находятся в отношении полного соответствия, и разрыв между декларируемыми принципами и конкретными действиями является нормальным атрибутом любой внешнеполитической стратегии.

Особый интерес представляет роль концепции сообщества единой судьбы в контексте глобальных кризисов, которые стали испытанием для всех моделей международного сотрудничества. Пандемия COVID-19 продемонстрировала как потенциал, так и ограничения глобальной солидарности: масштабная программа «вакцинной дипломатии» Китая, в рамках которой были поставлены сотни миллионов доз вакцин в десятки стран мира, была представлена именно как практическое выражение идеи единой судьбы [2]. Аналогичным образом климатическая повестка – заявления Китая о достижении углеродной нейтральности к 2060 году, инвестиции в возобновляемую энергетику, участие в международных климатических соглашениях – вписывается в логику концепции, согласно которой экологические вызовы не знают границ и требуют коллективного ответа. Эти примеры показывают, что концепция обладает достаточной гибкостью для того, чтобы быть применимой к широкому спектру проблем, выходящих за рамки традиционной геополитики.

Цифровое измерение экономической дипломатии Китая также тесно связано с дискурсом единой судьбы. Инициатива «Цифрового Шёлкового пути» предполагает создание глобальной цифровой инфраструктуры – подводных кабелей, дата-центров, систем электронной коммерции, платёжных платформ – при активном участии китайских технологических компаний [10]. Этот проект позиционируется как инструмент преодоления «цифрового разрыва» между развитыми и развивающимися странами, что полностью вписывается в логику концепции совместного развития. Масштаб цифровых инвестиций Китая в странах Африки и Юго-Восточной Азии свидетельствует о том, что экономическая дипломатия КНР всё более активно осваивает технологическое пространство, где формируются новые зависимости и новые формы сотрудничества.

Формирование глобального лидерского образа через дискурс и экономическую дипломатию не является линейным процессом; оно подвержено влиянию множества факторов, включая изменения в мировой экономической конъюнктуре, динамику отношений с ключевыми партнёрами и конкурентами, внутриполитические процессы в самом Китае [4]. Тем не менее устойчивость и системность, с которой концепция сообщества единой судьбы продвигается на всех уровнях китайской дипломатии, говорят о том, что речь идёт о долгосрочной стратегии, а не о тактическом манёвре. Включение этой концепции в Устав Коммунистической партии Китая на XIX съезде в 2017 году, а затем в Конституцию КНР в 2018 году закрепило её статус как одного из фундаментальных принципов государственной политики, что обеспечивает ей институциональную устойчивость вне зависимости от конъюнктурных колебаний.

Сопоставление дискурсивных и экономических аспектов китайской стратегии обнаруживает их глубокую взаимозависимость. Дискурс без экономического подкрепления остался бы декларацией о намерениях; экономическая экспансия без дискурсивной рамки была бы лишена легитимирующего нарратива. Именно синергия этих двух измерений придаёт китайской стратегии формирования глобального ли-

дерского образа её характерный облик [8]. При этом нельзя не отметить, что сама природа лидерства в современном мире существенно отличается от моделей прошлого: если в XX веке глобальное лидерство зачастую ассоциировалось с военным превосходством и идеологической гегемонией, то в XXI веке всё большее значение приобретают экономическая привлекательность, институциональная изобретательность и способность предложить убедительное видение общего будущего. Концепция сообщества единой судьбы человечества, при всей сложности и неоднозначности её практической реализации, представляет собой одну из наиболее амбициозных попыток такого рода в современной международной политике [5].

Заключение

Проведённый анализ позволяет констатировать, что концепция сообщества единой судьбы человечества к настоящему моменту превратилась из политического лозунга в разветвлённую доктринальную конструкцию, пронизывающую все уровни внешнеполитической деятельности Китайской Народной Республики. Её философские корни, восходящие к конфуцианской традиции и идее «великого единения», обеспечивают ей культурную глубину и цивилизационную легитимность, в то время как привязка к конкретным экономическим инициативам – инвестиционным программам, институциональному строительству, торговым соглашениям – придаёт ей прагматическую убедительность. Сочетание этих двух измерений отличает данную концепцию от многих других дискурсивных конструкций, которые остаются на уровне деклараций, не подкреплённых материальными ресурсами.

В контексте формирования глобального лидерского образа концепция выполняет ряд ключевых функций. Она обеспечивает единую смысловую рамку для разнородных внешнеполитических действий Китая, превращая их из набора отдельных инициатив в проявления целостной стратегии. Она предлагает мировому сообществу альтернативный нормативный язык, в котором сотрудничество преобладает над конфронтацией, а многообразие путей развития рассматривается не как угроза, а как ресурс. Она легитимирует участие Китая в глобальном управлении, позиционируя его не как державу, стремящуюся к доминированию, а как ответственного участника, озабоченного общим благом. Эти функции реализуются через сложную систему дискурсивных практик – от программных выступлений на высших международных площадках до публикаций аналитических центров и образовательных программ.

Экономическая дипломатия, выступающая материальным основанием концепции, демонстрирует впечатляющие масштабы. Инвестиции в рамках инициативы «Один пояс – один путь», деятельность Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, программы помощи развитию, проекты «Цифрового Шёлкового пути» – всё это формирует сеть экономических связей, которая укрепляет позиции Китая как глобального партнёра и одновременно создаёт практический контекст для восприятия дискурса единой судьбы. Тот факт, что Китай является крупнейшим торговым партнёром для более чем сотни государств, а его инвестиционные проекты охватывают все континенты, придаёт концепции весомость, которую невозможно было бы обеспечить одними словами.

Вместе с тем следует признать, что процесс формирования глобального лидерского образа далёк от завершения и подвержен воздействию множества внешних и внутренних факторов. Восприятие концепции различными странами и регионами остаётся неоднородным, и степень её содержательного принятия зависит от конкретного контекста двусторонних отношений, от позиции третьих сторон, от экономической конъюнктуры и от того, насколько практические результаты сотрудничества соответствуют заявленным принципам. Разрыв между дискурсом и практикой, неизбежный для любой масштабной внешнеполитической стратегии, требует постоянной работы по согласованию деклараций с реальными действиями.

Концепция сообщества единой судьбы человечества представляет собой один из наиболее значимых интеллектуальных и политических продуктов, появившихся на международной арене в первой четверти XXI века. Её значение выходит за рамки китайской внешней политики: она ставит фундаментальные вопросы о характере глобального управления, о соотношении универсальных ценностей и культурного многообразия, о возможности создания международного порядка, основанного на подлинном сотрудничестве, а не на гегемонии. Ответы на эти вопросы будут определяться не только дискурсивными стратегиями, но и практикой международного взаимодействия, в которой концепция единой судьбы выступает как одновременно инструмент и объект непрекращающегося переговорного процесса между ведущими участниками мировой политики.

Литература

1. Верченко А.Л. Концепция сообщества единой судьбы человечества: китайское видение нового мироустройства (десятилетие реализации) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. № 2. С. 60–74.
2. Хохлова П.А. Внешнеэкономические связи Китая с Глобальным Югом: неоколониализм или «всем по справедливости»? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. № 2. С. 46–59.
3. Сафронова Е.И. Китай, Глобальный Юг: актуализация старой темы // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 3. С. 18–30.
4. Пятачкова А.С. Особенности реализации концепции «сообщество единой судьбы» как инструмента дискурсивной силы КНР при Си Цзиньпине // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2025. № 1. С. 37–45.
5. Милькова А.А. Возможности теории стратегических нарративов в анализе внешнеполитического дискурса Китая при председателе Си Цзиньпине // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2025. № 2. С. 82–92.
6. Николаев Н.А. Китайская инициатива «сообщество судьбы Арктики»: идейно-концептуальная основа и практика имплементации // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2025. № 2. С. 72–81.
7. Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. Т. 18. № 2. С. 178–192.
8. Соболева Е.Д., Кривохиж С.В. Большая нарративная игра: многоуровневая система трансляции стратегических нарративов КНР // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. Т. 20. № 1. С. 75–88.
9. Зиневич О.В., Селезнева Н.В. Новая стратегия «мягкой силы» Китая // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 6 (87). С. 36–54.
10. Кудаяров У.Б. Большая стратегия Китая // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 6 (87). С. 206–217.
11. Грачиков Е.Н. Дипломатия КНР: контекст академического дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3. С. 33–41.
12. Грачиков Е.Н., Чжоу С. Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 8. С. 70–83.
13. Чао Б., Ван Синь. «Мягкая сила» Китая как инструмент решения глобальных проблем // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14. № 9. С. 3047–3052.
14. Лю Хаовэнь. Политическая стратегия Си Цзиньпина по развитию многосторонней дипломатии в сфере безопасности // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 183–190.
15. Лю К. Результаты, проблемы и меры по энергетическому сотрудничеству между Китаем и Россией в контексте российской политики «на Восток» // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 5. С. 109–117.

THE CONCEPT OF THE COMMUNITY OF THE COMMON DESTINY OF HUMANITY AS AN ELEMENT OF CHINA'S POLITICAL DISCOURSE AND ECONOMIC DIPLOMACY IN THE PROCESS OF SHAPING ITS GLOBAL LEADERSHIP IMAGE

Yan Yutong
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The concept of the community of the common destiny of humanity acts as a multidimensional doctrinal construct that integrates the philosophical traditions of Chinese thought with modern practices of political discourse and economic diplomacy in the process of establishing China's global leadership image. Rooted in the Confucian categories of the "Middle Kingdom," "great unity," and harmony through mutual respect, this concept has evolved from its initial formulation at party congresses to a comprehensive framework that integrates the Belt and Road Initiative, global development, security, and civilization programs. In the political dimension, it functions as a meta-narrative that ensures the coherence of foreign policy actions, legitimizes the country's growing influence, and offers an alternative vision of the international order based on inclusivity, cultural diversity, and collective solutions to cross-border challenges, including climate change, pandemics, and technological inequality. Economic diplomacy materializes this discourse through large-scale infrastructure investments, institutional innovations such as the Asian Infrastructure Investment Bank, and multilateral platforms such as the BRICS and Belt and Road Forums, where narratives of co-construction, discussion, and use take concrete form in trade agreements, digital corridors, and development assistance programs. The discursive adaptability of this concept resonates with the interests of developing and developed nations, regional alliances, and contributes to its institutionalization in UN documents. The synthesis of constructivist, realist, and liberal approaches reveals the mechanisms of constructing normative expectations and identities, emphasizing the synergy between the rhetoric of the common good and pragmatic economic strategies. The analysis of the reception and interaction with competing models of world order demonstrates how this concept contributes to the rethinking of global governance in the context of structural shifts in the global economy

and geopolitics, offering a foundation for China's long-term positioning as an architect of a sustainable and equitable world order.

Keywords: community of the same destiny of humanity, political discourse, economic diplomacy, China's global leadership, the Belt and Road Initiative.

References

1. Verchenko A.L. The Concept of a Community of a Common Destiny for Mankind: China's Vision of a New World Order (A Decade of Implementation) // Eastern Asia: Facts and Analytics. 2025. No. 2. Pp. 60–74.

2. Khokhlova P.A. China's Foreign Economic Relations with the Global South: Neo-Colonialism or "Equality for All"? // Eastern Asia: Facts and Analytics. 2025. No. 2. Pp. 46–59.

3. Safronova E.I. China, the Global South: Actualization of an Old Topic // East Asia: Facts and Analytics. 2024. No. 3. Pp. 18–30.

4. Pyatachkova A.S. Features of the Implementation of the Concept of a Community of Common Destiny as a Tool of China's Discursive Power under Xi Jinping // Analysis and Forecast. Journal of IMEMO RAS. 2025. No. 1. Pp. 37–45.

5. Milkova A.A. Opportunities of the Theory of Strategic Narratives in the Analysis of China's Foreign Policy Discourse under Chairman Xi Jinping // Analysis and Forecast. Journal of IMEMO RAS. 2025. No. 2. Pp. 82–92.

6. Nikolaev N.A. The Chinese Initiative "Community of the Arctic's Destiny": The Ideological and Conceptual Basis and the Practice of Implementation // Analysis and forecast. Journal of IMEMO RAS. 2025. No. 2. Pp. 72–81.

7. Krivokhizh S.V., Soboleva E.D. China and the Struggle for Discursive Hegemony: The Role of Strategic Narratives // Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy. 2023. Vol. 18. No. 2. Pp. 178–192.

8. Soboleva E.D., Krivokhizh S.V. The Great Narrative Game: A Multi-Level System of Strategic Narratives of the People's Republic of China // Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy. 2025. Vol. 20. No. 1. Pp. 75–88.

9. Zinevich O.V., Selezneva N.V. China's New Soft Power Strategy // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2022. Vol. 15. No. 6 (87). Pp. 36–54.

10. Kudayarov U.B. China's Grand Strategy // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2022. Vol. 15. No. 6 (87). Pp. 206–217.

11. Grachikov E.N. China's Diplomacy: The Context of Academic Discourse // World Economy and International Relations. 2021. Vol. 65. No. 3. Pp. 33–41.

12. Grachikov E.N., Zhou S. China's National Interests: Connotations, Hierarchy, and Balancing // World Economy and International Relations. 2023. Vol. 67. No. 8. Pp. 70–83.

13. Chao B., Wang Xin. China's Soft Power as a Tool for Solving Global Problems // Issues of National and Federal Relations. 2024. Vol. 14. No. 9. Pp. 3047–3052.

14. Liu Haowen. Xi Jinping's Political Strategy for Developing Multilateral Diplomacy in the Field of Security // Management Consulting. 2022. No. 10. Pp. 183–190.

15. Liu K. Results, Problems, and Measures for Energy Cooperation between China and Russia in the Context of Russia's "Eastward" Policy // Environmental Management Issues. 2025. Vol. 4. No. 5. Pp. 109–117.

Исследование идентичности титульного этноса в Казахстане

Гао Юань,
преподаватель, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 48772786@qq.com

Инь Сяожун,
доктор наук, корреспондент, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 516451147@qq.com

В статье рассматривается идентичность титульного этноса в Казахстане как сложный политико-культурный феномен, формирующийся на стыке этнической, государственной и гражданской идентичности. На основе анализа основных теоретических подходов к пониманию этнической идентичности, а также исторических, политических и культурных процессов в Казахстане выявлены особенности становления и развития идентичности титульного этноса. Показано, что её историческая эволюция включает этапы зарождения, трансформации и постсоветской реконструкции. Установлено, что в современном Казахстане идентичность титульного этноса обладает устойчивым характером и опирается на обновлённый исторический нарратив, укрепление роли казахского языка и поддержку традиционной культуры. Одновременно она развивается в сочетании с гражданской идентичностью, что отражает стремление государства к поддержанию межэтнического баланса и политической стабильности. Сделан вывод о том, что идентичность титульного этноса остаётся важнейшим ресурсом нациестроительства и дальнейшего развития Казахстана.

Ключевые слова: Казахстан, Титульный Этнос, Этническая Идентичность, Гражданская Идентичность, Национальное Строительство, Языковая Политика.

Введение

В условиях усиливающейся трансформации мирового политического порядка, роста значения идентификационных процессов и усложнения межэтнических отношений проблема этнической и гражданской идентичности приобретает особую научную и практическую значимость. Для многонациональных государств, находящихся на пересечении различных геополитических, цивилизационных и культурных влияний, вопрос о формировании и развитии идентичности титульного этноса выступает одним из ключевых факторов политической стабильности, национальной консолидации и устойчивости государственности. В этом контексте Казахстан представляет особый исследовательский интерес как многонациональное государство, в котором после обретения независимости происходило последовательное переосмысление соотношения этнической, государственной и гражданской идентичности.

Актуальность исследования определяется тем, что идентичность титульного этноса в Казахстане формировалась не только как культурное явление, но и как важный политико-институциональный ресурс государственного строительства. С одной стороны, она опирается на историческую память, язык, традиции и культурное наследие казахского народа; с другой – развивается в рамках многоэтничного государства, где требуется поддержание баланса между укреплением позиций титульного этноса и сохранением гражданского единства. Именно поэтому исследование исторической траектории, современного состояния и основных тенденций развития идентичности титульного этноса в Казахстане позволяет глубже понять специфику национальной политики страны и механизмы её идентификационного конструирования.

Степень научной разработанности проблемы достаточно высока в части общих теорий этнической идентичности, соотношения этнической и государственной идентичности, а также анализа отдельных аспектов нациестроительства в Казахстане. Вместе с тем проблема идентичности титульного этноса как особого политико-культурного феномена в казахстанском контексте сохраняет исследовательскую новизну и требует комплексного рассмотрения. Цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей формирования, реконструкции и современного функционирования идентичности титульного этноса в Казахстане. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: рассмотреть основные теоретические подходы к пониманию этнической идентичности; проследить историческую траекторию становления идентичности титульного этноса в Казахстане; проанализировать её современное состояние; определить основные тенденции её дальнейшего развития. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-исторический, системный и реляционный подходы, а также анализ нормативно-политических и культурно-символических механизмов конструирования идентичности.

Обзор литературы

Исследование этнической идентичности связано с понятием «нация / этнос», которое является многозначным, дискуссионным и не поддаётся однозначному определению. В академической среде понятие «нация / этнос» в основном интерпретируется с трёх теоретических позиций, на основе которых далее исследуется этническая идентичность.

Во-первых, это примордиализм, согласно которому этнос представляет собой естественно сложившуюся объективную общность. К числу представителей данного подхода относятся И.Г. Фихте, Энтони Смит и др. И.В. Сталин, признавая объективное существование нации, одновременно подчёркивал её исторический характер и уникальность как общности, отличной от других этнических групп: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [1].

Во-вторых, это конструктивизм, противопоставляемый примордиализму. Его ключевая идея заключается в том, что этнос является продуктом символической и идеологической обработки сознания. Рустем Кадыржанов отмечает, что «этническая идентичность исследуется через символы, которые отбираются, разрабатываются и предлагаются этническим, языковым и культурным группам Казахстана национальной элитой и государством» [2]. Айшаньцзян Абылыз в статье «Ана-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда гуманитарных и социальных наук Министерства образования КНР (23YJA740050), Совместного китайско-иностранного проекта Центра языкового образования и сотрудничества при Министерстве образования КНР (22YH41ZW), Фонда социальных наук автономного района (2023VZJ017), Проекта «Выдающиеся деятели культуры Синьцзяна» (2024WHMJ026), а также исследовательского проекта Федерации общественных наук автономного района по теме «Теория и практика стратегии управления Синьцзяном в новую эпоху» (2025ZJFLY36). Настоящая статья представляет собой промежуточный результат исследования, выполненного в рамках экспертно-аналитического проекта Синьцзянского педагогического университета (ZK2024C13).

лиз процесса конструирования этнической идентичности в Казахстане после обретения независимости» указывает: «в начальный период независимости Казахстана процесс конструирования этнической идентичности характеризовался направляющей и стимулирующей ролью государства, активным участием интеллектуальной элиты, вовлечением различных общественных сил, а также превращением населения в субъект участия» [3]. Все приведённые положения отражают конструктивистское понимание этничности.

В-третьих, это теория этнических границ, которая выходит за рамки спора о том, является ли этнос объективно существующей природной данностью или продуктом субъективного сознания. Как отмечается в научной литературе, «этнос не является заданным, самодовлеющим и эндогенным образованием; он не сводится и к простому конструкту национализма, а формируется и изменяется в сети подвижных отношений между “собой” и “другим”, где одно проникает в другое» [4]. Данный подход предлагает рассматривать этнос в контексте изменяющихся взаимоотношений между «своими» и «чужими», через которые и определяется самость группы.

Общим для всех трёх подходов является признание коллективного, эксклюзивного и уникального характера этнической идентичности. По мнению Ван Сиэня, «этническая идентичность представляет собой осознание социальной группой своей этнической принадлежности и эмоциональную привязанность к ней. Такое определение не только позволяет достичь согласия с пониманием большинства китайских исследователей, но и облегчает соотнесение с соответствующей терминологией международного академического сообщества» [5].

Понятие «идентичность титульного этноса» не следует упрощённо сводить к этнической группе, составляющей абсолютное большинство населения в многонациональном государстве. В различных теориях и концепциях данное понятие наполняется разным содержанием.

Так, Хэ Цзиньжуй и Янь Цзижун в статье «От этнической идентичности к государственной идентичности», пересказывая позицию сторонников ассимиляционизма, указывают, что меньшинства обычно готовы отказаться от собственной культуры и первоначальной этнической принадлежности, принять доминирующую в государстве культуру и в результате ассимиляции сформировать единую нацию-государство [6]. Следовательно, с точки зрения ассимиляционизма «идентичность титульного этноса» означает формирование единого национального сообщества.

Гао Юнцзю и Чжу Цзюнь полагают, что в рамках «конфликтной парадигмы» попытка выстроить однородное единство на основе гомогенной культуры либо на основе национальных характеристик титульного этноса «может вызвать сопротивление и протест со стороны тех этнических групп, которые обладают выраженными политическими притязаниями» [7].

Казахстанский исследователь Назарбай Еркен, раскрывая содержание неоевразийства в Казахстане, отмечает, что строительство «национального государства» в этой парадигме ориентировано на формирование сообщества общей судьбы, основанного на интересах Казахстана, и на укрепление гражданской идентичности «казахстанцев». В этом случае идентичность титульного этноса трансформируется из идентичности «казахов» в идентичность «казахстанцев».

В настоящем исследовании данное понятие определяется следующим образом: идентичность титульного этноса это этническая идентичность той группы, которая в конкретном многонациональном государстве занимает доминирующее положение в политической, экономической и культурной сферах; она представляет собой политико-конструктивистский комплекс, соединяющий статус доминирующего субъекта в рамках государства и собственно этническую идентичность.

В рамках реляционного подхода к изучению этнической идентичности одним из центральных направлений является анализ соотношения этнической и государственной идентичности. Поскольку идентичность титульного этноса является подмножеством этнической идентичности, её связь с государственной идентичностью отражает прежде всего её политическую природу.

Так, Ван Цзюнь в статье «Исследование этноса и национализма: от субстанционализма к реляционному реализму» рассматривает этнос и национализм через призму реляционного реализма, выявляя процессуальность, динамичность и устойчивость этноса в системе отношений, что создаёт теоретическую основу для изучения этнической идентичности в её связи с «другим». Гао Юнцзю и Чжу Цзюнь считают, что этническая и государственная идентичности находятся в отношениях взаимозависимости, а формирование гражданской идентичности и совершенствование института гражданства способны обеспечить их гармоничное сосуществование. Хань Чжэнь предлагает рассматривать проблему идентичности в динамике исторического развития и полагает, что в условиях глобализации государственная идентичность стоит выше этнической и культурной, а потому именно укрепление государственной идентичности должно способствовать развитию других форм идентичности [8]. Юань Э в рамках комплексного и исторического подхода обобщает закономерности трансформации этнической и государственной идентичности [9]. Лю Ибо и Ли Цзиньюй отмечают, что понятия «гражданин» недостаточно для преодоления противоречий между этнической и государственной идентичностью, и предлагают опираться на идентичность, основанную на культуре и истории [10]. Айшаньцзян Абылыз раскрывает процесс конструирования идентичности титульного этноса в Казахстане, её особенности, а также тенденцию к сосуществованию с другими типами идентичности в рамках многовекторного развития.

К числу исследований, в которых посредством анализа государственной политики, а также этнокультурных и художественных феноменов рассматривается, каким образом государство конструирует, выражает и направляет идентичность титульного этноса, относятся следующие работы.

Кабазиев Манарбек Шакирович указывает, что в процессе формирования национальной идеи Казахстан сочетает две модели нациестроительства гражданскую и этнокультурную. Данная особенность проявляется в государственной политике: с одной стороны, обеспечивается равенство прав всех граждан, с другой – казахский язык и казахская культура утверждаются как общее достояние многонационального государства [11]. Ван Сяоюй считает, что казахстанские историко-патриотические фильмы выступают своеобразным манифестом идентичности титульного этноса, поскольку посредством аудиовизуальных средств возвращают славное прошлое казахского народа и реконструируют коллективную память современных казахов [12].

Таким образом, отечественные и зарубежные исследования характеризуются многообразием подходов к раскрытию сущности этнической идентичности и глубиной её теоретической интерпретации; в рамках реляционного подхода достаточно полно изучена динамика взаимоотношений между этнической и государственной идентичностью; исследования конструирования идентичности титульного этноса и её влияния на развитие государства также отличаются значительным разнообразием. Это свидетельствует о том, что проблема идентичности титульного этноса в многонациональных государствах, играющих заметную роль в геополитике, по-прежнему нуждается в дальнейшем углублённом изучении. В связи с этим в настоящей работе ставятся следующие исследовательские задачи:

1. выявить исторические особенности идентичности титульного этноса в Казахстане;

2. проанализировать современное состояние идентичности титульного этноса в Казахстане;

3. определить основные тенденции развития идентичности титульного этноса в Казахстане.

Историческая траектория развития идентичности титульного этноса в Казахстане

История развития идентичности титульного этноса в Казахстане тесно связана с эволюцией форм государственности. Переход этнической идентичности из преимущественно культурной плоскости в политическую плоскость в форме идентичности титульного этноса в рамках многонационального государства начинается после образования Республики Казахстан в 1991 г. В этой связи основные этапы становления и характерные черты идентичности титульного этноса могут быть представлены следующим образом.

Зарождение идентичности титульного этноса

Создание Казахского ханства в XV в. стало важнейшей исторической предпосылкой формирования коллективного самосознания «казахов». Именно это коллективное осознание можно рассматривать как начальную форму идентичности титульного этноса, заложившую этносоциальную основу для её последующего становления.

Трансформация идентичности титульного этноса

С середины XIX в. до 1991 г., в условиях многоэтничного сосуществования в период Российской империи и Советского Союза, происходил распад традиционной племенной идентичности и постепенное формирование современной этнической идентичности. «Казахи», ещё не занимавшие доминирующего положения в рамках государственной системы, постепенно адаптировались к сочетанию двойной идентичности этнической и гражданской. Это, в свою очередь, создало предпосылки для межэтнической адаптации и последующего становления множественных форм идентичности.

Реконструкция идентичности титульного этноса

Обретение Республикой Казахстан независимости в 1991 г. и институциональное закрепление модели «многонационального суверенного

государства» ознаменовали переход от культурной этнической идентичности к политически выраженной идентичности титульного этноса. С момента обретения независимости и по настоящее время процесс развития идентичности титульного этноса в Казахстане может быть разделён на три этапа.

Первый этап (1991–2000 гг.): формирование основ идентичности титульного этноса

В указанный период были заложены базовые основания идентичности титульного этноса. С целью её первоначального конструирования Казахстан на институциональном уровне закрепил в Конституции статус казахского языка как государственного языка и одновременно определил государство как многонациональное. На культурном уровне были восстановлены традиционные праздники Казахстана и заново выстроена историческая память с акцентом на цивилизационное наследие степи. На демографическом уровне была инициирована программа возвращения этнических казахов из-за рубежа, что способствовало оптимизации демографической структуры титульного этноса.

Второй этап (2000–2010 гг.): укрепление идентичности титульного этноса

В этот период происходило дальнейшее укрепление идентичности титульного этноса. В целях усиления статуса титульного этноса, культурного возрождения и обеспечения интеграции регионального развития Казахстан на институциональном уровне конкретизировал языковую политику: было чётко определено продвижение казахского языка в сфере государственного управления, СМИ и образования, при одновременном сохранении официального статуса русского языка, что привело к формированию двуязычной модели. На культурном уровне проводились международные фестивали казахской культуры, фестивали эпического искусства и другие мероприятия, способствовавшие расширению влияния культуры титульного этноса. На демографическом уровне продолжалась реализация репатриационной политики, ориентированной на рост численности титульного этноса. В совокупности данные меры объективно обеспечили устойчивое развитие идентичности титульного этноса.

Третий этап (с 2010 г. по настоящее время): корректировка стратегии развития идентичности титульного этноса

Начиная с 2010 г. стратегия развития идентичности титульного этноса подвергается постоянной корректировке. В целях достижения баланса между этнокультурным многообразием, геополитической адаптацией и модернизацией идентичности титульного этноса на культурном уровне выстраивается историческая линия «тысячелетний Казахстан – современный Казахстан», позволяющая соединить историю этноса с историей государства. На институциональном уровне на постоянной основе проводится Всемирный курултай казахов, что не только укрепляет консолидацию титульного этноса, но и поднимает этнокультурную проблематику до уровня государственной дипломатической и культурной стратегии. На уровне государственной политики усиливается внимание к устойчивости культуры титульного этноса и её глобальному влиянию; в политический дискурс вводятся такие концепты, как «Вечное государство», «слышащее государство», «Справедливый Казахстан». Указанные меры и практики способствуют сближению идентичности титульного этноса с гражданскими правами и государственной идентичностью, а также формируют тенденцию к согласованию идентичности «казаха» и идентичности «казахстанца».

Современное состояние идентичности титульного этноса в Казахстане

Под воздействием изменений мировой политической конъюнктуры, государственного регулирования и направляющей роли национальных элит идентичность титульного этноса в Казахстане за последние десятилетия претерпела значительную эволюцию и в настоящее время обладает рядом устойчивых характеристик.

К числу базовых элементов этнической идентичности обычно относят общую историческую память, язык, религию, обычаи и другие компоненты [13]. Если рассматривать современное состояние идентичности титульного этноса в Казахстане через призму истории, языка и традиционной культуры, можно сделать вывод, что её реконструкция в целом завершена, а сама идентичность приобрела устойчивый характер.

Прежде всего, в историческом измерении в Казахстане сформировано новое национальное историческое сознание. Посредством обращения к культурной преемственности Тюркского каганата и Золотой Орды, повышения исторического значения Казахского ханства, переосмысления государственной символики, героизации национальных исторических деятелей, восстановления памятников, пересмотра учебников истории, поддержки исследований по темам «Казахское ханство» и «кочевая цивилизация», а также создания исторических документальных фильмов государство последовательно дистанцировалось от советской исторической нарративной модели. В результате была сформирована новая интерпретация прошлого, ориентированная на утверждение образа героического народа и великой исторической традиции, что укрепило этническую консолидацию и стало важным основанием устойчивости идентичности титульного этноса.

Не менее значимым является языковое измерение. В Казахстане произошёл переход казахского языка от символического маркера этнической принадлежности к его реальному функционированию в общественной практике. Через Конституцию, Закон «О языках», государственные программы языкового развития и реформу письменности казахский язык поэтапно укреплялся как государственный язык и как ключевой элемент идентичности титульного этноса. Одновременно его внедрение в сферу государственного управления, образования, СМИ, культуры, экономики и цифровой коммуникации обеспечило институционализацию и повседневное использование языка. Тем самым язык превратился не только в официальный символ, но и во внутренне усвоенный механизм коллективной самоидентификации.

В сфере традиционной культуры и обычаев идентичность титульного этноса также получила устойчивое развитие. Под влиянием государственной поддержки и общественной преемственности такие элементы, как Наурыз, национальная одежда с этнокультурной символикой, традиционная степная кухня и народная музыка, вышли за рамки исключительно официальной культурной репрезентации и постепенно закрепились в повседневной жизни населения. Это означает, что традиционные практики стали не только культурными символами, но и частью образа жизни, а следовательно частью устойчивой идентичности.

Наряду с этим в Казахстане развивается гражданская идентичность, которая отличается от идентичности титульного этноса тем, что основана не на этнокультурной принадлежности, а на государственном суверенитете, конституционно-правовом равенстве, общих ценностях и публичных интересах. Казахстан выстраивает модель, при которой идентичность титульного этноса и гражданская идентичность не исключают, а дополняют друг друга. Этому способствуют конституционный принцип равенства граждан перед законом, запрет на разжигание межэтнической розни, политика общих государственных символов, а также институциональные меры, включая трёхъязычную модель, официальный статус как национальных, так и общегосударственных праздников, и использование культурных элементов титульного этноса в публичной символике при сохранении общегражданского характера государства.

Таким образом, современное состояние идентичности титульного этноса в Казахстане характеризуется завершённостью её реконструкции, относительной устойчивостью и сочетанием с гражданской идентичностью. Однако данная устойчивость не означает завершения процесса её формирования. Государство по-прежнему сталкивается с необходимостью согласования политических, культурных, социальных и межэтнических интересов, а потому дальнейшее развитие идентичности титульного этноса остаётся важной задачей государственной политики. Особую роль в этом процессе продолжает играть языковая политика, эволюция которой от утверждения статуса государственного языка через этап двуязычного баланса к модели трёхъязычия отражает изменение стратегических приоритетов Казахстана на разных этапах его развития.

Заключение

Проведённое исследование показало, что идентичность титульного этноса в Казахстане представляет собой сложный политико-культурный конструкт, формирование и развитие которого тесно связано с эволюцией казахстанской государственности. Если на ранних этапах казахская идентичность существовала преимущественно в культурно-этнической форме, то после обретения независимости она получила институциональное и политическое оформление в рамках многонационального суверенного государства. Анализ позволил выделить основные этапы данного процесса зарождение, трансформацию и постсоветскую реконструкцию, а также установить, что в современный период идентичность титульного этноса в Казахстане опирается на обновлённый исторический нарратив, укрепление роли казахского языка, поддержку традиционной культуры и систему государственных символов. Тем самым она превратилась в важный ресурс национальной консолидации и государственного строительства.

Вместе с тем исследование позволяет сделать вывод о том, что развитие идентичности титульного этноса в Казахстане не является завершённым и окончательно закреплённым процессом. Несмотря на достигнутую устойчивость, её дальнейшая эволюция будет зави-

сеть от способности государства сохранять баланс между укреплением позиций титульного этноса, развитием гражданской идентичности, обеспечением межэтнического согласия и адаптацией к внешним геополитическим и социокультурным вызовам. В этом контексте особую роль продолжают играть языковая политика, историческая политика и институциональные механизмы интеграции. Следовательно, идентичность титульного этноса в Казахстане выступает не только результатом исторического развития, но и одним из ключевых инструментов дальнейшей модернизации, общественной интеграции и стратегического самоопределения государства.

Литература

1. Сталин И.В. Сочинения: в 13 т. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1946. 464 с.
2. Кадыржанов Р.К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана / под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. 168 с.
3. Айшаньцзян Абулызы. Анализ процесса конструирования этнической идентичности в Казахстане после обретения независимости // Исследования народов Северо-Запада Китая. 2016. № 3. С. 81.
4. Ван Цзюнь. Исследование этноса и национализма: от субстанционализма к реляционному реализму // Этнонациональные исследования. 2008. № 5. С. 31.
5. Ван Сиэнь. Этническая идентичность и этническое сознание // Этнонациональные исследования. 1995. № 6. С. 17–21, 92.
6. Хэ Цзиньжуй, Янь Цзижун. От этнической идентичности к государственной идентичности // Журнал Центрального университета национальностей. 2008. № 3. С. 5–12.
7. Гао Юнцзю, Чжу Цзюнь. О соотношении этнической идентичности и государственной идентичности в многонациональном государстве // Этнонациональные исследования. 2010. № 2. С. 41
8. Хань Чжэнь. О государственной идентичности, этнической идентичности и культурной идентичности: анализ и размышления на основе философии истории // Вестник Пекинского педагогического университета (Социальные науки). 2010. № 1. С. 67
9. Юань Э. Обзор исследований этнической и государственной идентичности // Этнонациональные исследования. 2011. № 5. С. 56
10. Лю Ибо, Ли Цзинъюй. Этническая идентичность и государственная идентичность: конфликт идентичностей внутри национального государства и его регулирование // Юньнаньский журнал государственного управления. 2022. № 5.
11. Кабазиев М.Ш. Формирование национальной идентичности Республики Казахстан: особенности и противоречия // Современная Европа. 2022. № 7. С. 221–231.
12. Ван Сяоюй. Аудиовизуальная репрезентация идентичности Казахстана: исследование историко-патриотических фильмов нового века в Казахстане (2005–2022) // Журнал Пекинской киноакадемии. 2024. № 4. С. 39
13. Инь Сяожун. Обзор зарубежных исследований языка и этнической идентичности (2010–2015) // Исследования языковой стратегии. 2016. № 1. С. 80–87.

A STUDY OF THE IDENTITY OF THE TITULAR ETHNOS IN KAZAKHSTAN

Gao Yuan, Yin Xiaorong
Xinjiang Normal University

The article examines the identity of the titular ethnos in Kazakhstan as a complex political and cultural phenomenon formed at the intersection of ethnic, state, and civic identities. Based on an analysis of the main theoretical approaches to ethnic identity, as well as historical, political, and cultural processes in Kazakhstan, the study identifies the key features of the formation and development of the identity of the titular ethnos. It is shown that its historical evolution includes the stages of emergence, transformation, and post-Soviet reconstruction. The article demonstrates that, in contemporary Kazakhstan, the identity of the titular ethnos has acquired a relatively stable character and is grounded in a renewed historical narrative, the strengthening of the Kazakh language, and the support of traditional culture. At the same time, it develops in combination with civic identity, reflecting the state's effort to maintain interethnic balance and political stability. It is concluded that the identity of the titular ethnos remains an important resource for nation-building and the further development of Kazakhstan.

Keywords: Kazakhstan, titular ethnos, ethnic identity, civic identity, nation-building, language policy

References

1. Stalin I.V. Works: in 13 volumes. Vol. 2. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1946. 464 p.
2. Kadyrzhanov R.K. Ethnocultural Symbolism and National Identity of Kazakhstan / edited by Z.K. Shaukenova. Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the SC MES RK, 2014. 168 p.
3. Aishanjiang Abulizy. Analysis of the Process of Constructing Ethnic Identity in Kazakhstan after Gaining Independence // Studies of the Peoples of Northwest China. 2016. No. 3. P. 81.
4. Wang Jun. Study of Ethnicity and Nationalism: From Substantialism to Relational Realism // Ethnonational Studies. 2008. No. 5. P. 31.
5. Wang Xian. Ethnic Identity and Ethnic Consciousness // Ethno-National Studies. 1995. No. 6. Pp. 17–21, 92.
6. He Jinrui, Yan Jirong. From Ethnic Identity to State Identity // Journal of the Central University for Nationalities. 2008. No. 3. Pp. 5–12.
7. Gao Yongjiu, Zhu Jun. On the Relationship between Ethnic Identity and State Identity in a Multinational State // Ethno-National Studies. 2010. No. 2. P. 41
8. Han Zhen. On State Identity, Ethnic Identity, and Cultural Identity: Analysis and Reflections Based on the Philosophy of History // Bulletin of Beijing Normal University (Social Sciences). 2010. No. 1. P. 67
9. Yuan E. Review of Research on Ethnic and State Identity // Ethnonational Studies. 2011. No. 5. P. 56
10. Liu Yibo, Li Jingyu. Ethnic Identity and State Identity: Identity Conflict within the Nation-State and Its Regulation // Yunnan Journal of Public Administration. 2022. No. 5.
11. Kabaziyev M. Sh. Formation of National Identity of the Republic of Kazakhstan: Features and Contradictions // Modern Europe. 2022. No. 7. P. 221–231.
12. Wang Xiaoyu. Audiovisual Representation of Kazakhstan's Identity: A Study of Historical and Patriotic Films of the New Century in Kazakhstan (2005–2022) // Journal of the Beijing Film Academy. 2024. No. 4. P. 39
13. Yin Xiaorong. Review of Foreign Studies on Language and Ethnic Identity (2010–2015) // Studies of Language Strategy. 2016. No. 1. P. 80–87.

Управление межпоколенческими конфликтами в организации: социологический анализ

Губенко Егор Анатольевич,
студент, ФГАОУ ВО «Белгородский Государственный Национальный Исследовательский Университет» (НИУ «Белгу»)
E-mail: gubenko.egor007@gmail.com

В статье рассматривается проблема межпоколенческих конфликтов в современных организациях, где одновременно работают представители поколений бумеров, X, Y (миллениалов) и Z. На основе анализа российских и зарубежных исследований выявляются основные причины конфликтов: цифровой разрыв, различия в трудовых ценностях, стилях коммуникации и карьерных ожиданиях. Анализируются эффективные и неэффективные способы управления межпоколенческими противоречиями, включая менторство, гибридный график, совместные проекты и фасилитацию. В заключение предлагаются практические рекомендации для руководителей по интеграции разновозрастных команд и превращению поколенческих различий в ресурс развития организации.

Ключевые слова: межпоколенческий конфликт, поколенческий менеджмент, цифровой разрыв, организационная культура, управление персоналом, менторство, поколения X, Y, Z, бумеры, миллениалы, зумеры.

Введение

Современные организации оказались в уникальной ситуации: в одном рабочем пространстве впервые в истории одновременно трудятся представители четырех поколений – бэби-бумеры, поколение X, миллениалы (Y) и зумеры (Z). Каждое из этих поколений сформировано под влиянием разных исторических, экономических и технологических условий, что порождает неизбежные различия в ценностях, стилях работы, коммуникации и карьерных ожиданиях [1].

Вопрос управления межпоколенческими конфликтами приобретает особую актуальность в условиях демографического старения персонала и одновременного роста доли сотрудников поколений Y и Z. Социологический анализ позволяет не только диагностировать источники напряженности, но и предложить инструменты для конструктивного разрешения противоречий.

Межпоколенческие конфликты в организациях – не надуманная проблема, а реальный вызов для большинства компаний. Исследование Русской Школы Управления (РШУ), охватившее 863 руководителей и HR-специалистов из различных отраслей, показало, что только 19% респондентов не видят серьезных проблем в совместной работе разных поколений – то есть в подавляющем большинстве компаний столкновение подходов к труду, коммуникации и развитию существует [3].

Исследование, проведенное среди научно-педагогических и административных работников вузов Уральского федерального округа (май-июль 2025 года, n=41), также подтверждает, что межпоколенческие конфликты носят латентный (скрытый) характер, а основными субъектами противоречий выступают старшее и молодое поколения [10].

Зарубежные данные дополняют картину. Миллениалы в настоящее время составляют самую большую возрастную группу на рабочем месте (36%), за ними следуют поколение X (31%) и поколение Z (18%). Конфликты между поколениями возникают тогда, когда надежды, ожидания и социальные установки разных возрастных групп на рабочем месте сильно различаются и не регулируются целями и ценностями компаний [9].

Проблема существует и носит системный характер – она затрагивает большинство организаций, независимо от отрасли и масштаба.

Причины возникновения межпоколенческих конфликтов

Вопреки распространенному мнению, что конфликты поколений коренятся в различии ценностей, эмпирические данные показывают: главная проблема – разный уровень цифровых навыков. 67% опрошенных руководителей и эйчаров отметили именно эту причину как ключевую в командах, где рядом работают Z-сотрудники и представители старших поколений [3].

Молодежь (зумеры и миллениалы) – «цифровые аборигены», для которых технологии – неотъемлемая часть жизни. Старшие сотрудники, напротив, выросли в эпоху бумажной документации и личных встреч.

На втором месте среди причин конфликтов – разный подход к управлению и обратной связи (49%), а также конфликты ценностей и приоритетов (47%). Социологические исследования фиксируют устойчивые различия в трудовых ценностях поколений [6; 7]:

– Бумеры (родившиеся между 1946 и 1964 гг.) ценят стабильность, лояльность компании, иерархию и уважение к старшим. Они готовы много работать ради достижения целей и предпочитают выполнять задачи строго в рамках должностных обязанностей (72% бумеров).

– Миллениалы (1981–1996 гг.) стремятся к самореализации, ценят обратную связь, хотят видеть смысл в своей работе. Для них важны развитие и возможность влиять на процессы. Однако 48% миллениалов готовы перерабатывать ради результата – выше, чем у других поколений [2].

– Зумеры (после 1997 г.) ценят разнообразие, гибкость, возможность работать удаленно и быстро адаптируются к изменениям. Они ожидают свободы и развития, 63% зумеров предпочитают выполнять задачи строго в рамках обязанностей и не склонны к переработкам [5].

Исследование Ventra Go! (n=4876) показало, что 42% зумеров испытывают дискомфорт при отсутствии похвалы от руководителя – для них критична регулярная обратная связь. Миллениалы и поколение

X не терпят токсичную атмосферу в коллективе, а бумеров больше всего не устраивают некомфортные условия труда и долгая дорога на работу [12; 13].

Социологический анализ, проведенный на базе двух всероссийских репрезентативных опросов 2023 и 2024 годов (по 1600 респондентов каждый), выявил, что наиболее проблемные зоны межпоколенческих различий включают отношение к авторитету, традиционной морали и стилю общения. Молодые поколения демонстрируют значительно большую толерантность к индивидуальному выбору и меньшую склонность к нормативному конформизму, что может вступать в противоречие с корпоративными правилами и иерархическими структурами, привычными для старших [5].

Данные исследования РШУ о причинах увольнений (опрос более 860 HR-специалистов и руководителей) демонстрируют кардинальные различия в мотивационных драйверах [4] (табл. 1).

Таблица 1. Основные причины увольнения

Поколение	Основные причины увольнения
Z (до 27 лет)	Жесткий контроль (70%), низкая зарплата (71%), отсутствие развития (62%)
Миллениалы (28–43 года)	Низкая зарплата (76%), перегрузка и выгорание (63%), отсутствие развития (59%)
X (44–59 лет)	Перегрузка и выгорание (63%), отсутствие гибкости (48%)
Бумеры (60+)	Конфликты в коллективе (36%), низкая зарплата (28%)

Зумеры ожидают свободы и развития, миллениалы – справедливого вознаграждения и баланса, а старшие поколения – уважения и спокойной атмосферы. Универсальных подходов к мотивации и удержанию не существует [10].

Способы управления конфликтами

Способы управления межпоколенческими конфликтами, что работает, а что – нет представлены в следующих таблицах 2 и 3.

Таблица 2. Эффективные инструменты управления межпоколенческими конфликтами

Инструмент / Практика	Ключевое содержание и эффект
Наставничество (менторство)	54% руководителей считают его наиболее востребованным. Ключевой принцип – **взаимное** наставничество: старшие передают опыт, младшие обучают цифровым навыкам. Снижает возрастную дискриминацию, уменьшает задачный и межличностный конфликт (данные исследования 567 британских сотрудников). Эффективность выше при высокой задачной взаимозависимости.
Гибридный график и удаленная работа	Для поколения Z – гибкость, для бумеров и X – стабильность и офлайн-взаимодействие. Оптимальное решение – гибридный формат с возможностью выбора режима и общими часами для командной работы. Снижает напряжение из-за разного восприятия пространства и времени.
Совместные проекты и кросс-функциональные команды	Намеренное формирование разновозрастных групп над общими задачами создает среду для взаимного обучения. Высокая взаимозависимость усиливает позитивный эффект. Четкая цель и измеримые результаты смещают фокус с «кто прав» на «как достичь результата».
Фасилитация и тренинги по коммуникации	Тренинги развивают коммуникативные навыки и умение управлять конфликтами. Фасилитация совещаний нейтрализует эмоции и переводит обсуждение в структурную, проблемно-ориентированную плоскость.
Индивидуальные карьерные треки	57% руководителей считают приоритетным. Учет специфических мотиваторов поколений (быстрый рост и частая обратная связь для зумеров, стабильность и признание для бумеров) снижает конфликты на почве «несправедливости».
Эмоционально безопасная среда и управление через смысл	52% и 51% руководителей выделяют как ключевые факторы. Атмосфера, где можно высказывать мнение без страха осуждения, предотвращает эскалацию конфликтов. Особенно значимо для миллениалов, которые уходят при первых признаках токсичной атмосферы.

Таблица 3. Что не работает (контрпродуктивные подходы)

Подход	Почему не работает / Последствия
Игнорирование проблемы	Межпоколенческие конфликты носят латентный характер, накапливают напряжение. Игнорирование приводит к хронической форме конфликта, снижению вовлеченности и увольнениям. Четверть компаний признают, что удержать баланс между поколениями непросто.
Унификация подходов к мотивации	Одинаковые системы стимулирования (единые KPI, одинаковый формат обратной связи) игнорируют различия в мотивационных драйверах. Для зумера важна похвала и быстрая связь, для миллениала – справедливое вознаграждение и баланс, для бумера – уважение и спокойствие. Унификация порождает чувство несправедливости и ведет к конфликтам.
Прямое противопоставление или «соревнование поколений»	Создание конкурентной среды между возрастными группами (например, «команда зумеров против команды бумеров») усиливает межгрупповые стереотипы и восприятие возрастной дискриминации, что, согласно исследованиям, прямо увеличивает как задачный, так и межличностный конфликт.
Принудительное наставничество без взаимного обмена	Традиционная модель «старший учит младшего» часто провоцирует конфликт, так как разрыв начинается именно с цифровых навыков (молодые превосходят старших). Эффективное наставничество должно быть взаимным.

Таким образом, рассмотренные подходы подводят к рекомендациям и предложениям для руководителей различных организаций.

Рекомендации и предложения

На основе проведённого социологического анализа можно сформулировать следующие практические рекомендации. Руководителям рекомендуется переводить конфликт из эмоциональной плоскости в структурную: вместо обобщений в духе «они ленивые» или «они старомодные» следует формулировать разницу как объективное различие в подходах, например, «мы по-разному воспринимаем сроки и формат задачи».

Далее, необходимо создать системный диалог между поколениями, внедрив регулярные кросс-возрастные встречи, форумы и неформальные мероприятия, где сотрудники могут делиться опытом и узнавать друг о друге.

Важно развивать взаимное наставничество: организовывать пары «опытный сотрудник – молодой сотрудник», где оба выступают в роли наставников – старший обучает профессиональным навыкам и корпоративной культуре, младший – цифровым технологиям и новым трендам. Эффективность такого подхода подтверждена практикой компаний Google и IBM.

Следует дифференцировать мотивацию и стиль управления, учитывая, что зумерам нужна свобода, гибкость, частная обратная связь и похвала, возможности быстрого развития; миллениалам – справедливая оплата, work-life balance, смысл работы, возможности для самореализации; поколению X – автономия, уважение, баланс между работой и личной жизнью; бумерам – стабильность, признание опыта, спокойная атмосфера в коллективе [11].

Рекомендуется внедрить гибридный формат работы: предоставить сотрудникам возможность выбора между удалённой, офисной и смешанной работой, но сохранить обязательные часы для командного взаимодействия и совместных встреч. Полезно формировать разновозрастные команды для решения конкретных задач, намеренно сводя сотрудников разных поколений в кросс-функциональные проектные группы с чёткой целью и измеряемыми результатами. Высокая взаимозависимость в работе усиливает позитивный эффект от межпоколенческого контакта. Руководителей необходимо обучать фасилитации: лидеры должны становиться не просто менеджерами, а фасилитаторами взаимодействия, способными организовывать диалог, нейтрализовать конфликты и переводить различия в ресурс.

Заключение

Межпоколенческие конфликты в организации – это не признак плохого управления и не временное явление, а объективная реальность современного рынка труда. Однако, как показывают социологические исследования, эти конфликты не являются неизбежно деструктивными. При грамотном подходе различия между поколениями могут стать источником инноваций, взаимного обогащения и устойчивого развития.

Ключевой вывод для руководителей: не пытайтесь унифицировать – учитесь управлять разнообразием. Самые эффективные стра-

тегии – это те, которые признают различия, создают безопасную среду для диалога и используют структурированные инструменты (менторство, совместные проекты, дифференцированную мотивацию) для превращения конфликтного потенциала в синергию. Те компании, которые научатся говорить с сотрудниками на одном языке и использовать сильные стороны каждого поколения, выиграют не только в лояльности, но и в конкурентоспособности.

Литература

1. Бумеры, зумеры, миллениалы и «иксы»: как управлять разновозрастной командой [Электронный ресурс] // Экспресс газета. – Режим доступа: https://www.eg.ru/society/5088052-kak-upravlyat-raznovozrastnoy-komandoy-075–30/ (дата обращения: 17.04.2026).

2. Валиханова, М.К. Управление поколениями в организации: особенности взаимодействия X, Y и Z / М.К. Валиханова, М. Муртазаева // International conference on interdisciplinary science. 2025. Volume 02, Issue 07. P. 110–113.

3. Главная проблема межпоколенческих команд – цифровой разрыв [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php? ID=191805 (дата обращения: 17.04.2026).

4. Зумеры бегут от контроля, миллениалы – от выгорания: главные причины увольнений для каждого поколения [Электронный ресурс] // thehrd.ru. Режим доступа: http://thehrd.ru/news/zumery-begut-ot-kontrolya-millenialy-ot-vygoraniya-glavnye-prichiny-uvolneniy-dlya-kazhdogo-pokoleniya/ (дата обращения: 17.04.2026).

5. Константинов, М.С. Мировоззренческие основания межпоколенческих конфликтов в современной России / М.С. Константинов, Е.А. Морозова // Конфликтология / NOTA BENE. 2025. ISSN 2409-8965.

6. Нидергаус, Е.О. Влияние межпоколенческих различий на вовлеченность персонала в деятельность организации / Е.О. Нидергаус, Е.В. Кеммет // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т. 18, № 5. С. 200–210.

7. Опрос: Зумеры в России больше других нуждаются в похвале начальства [Электронный ресурс] // Российская газета. 2024. 1 окт. Режим доступа: https://rg.ru/2024/10/01/opros-zumery-v-rossii-bolshe-drugih-nuzhdaiutsia-v-pohvale-nachalstva.html (дата обращения: 18.04.2026).

8. Савельева, М.В. Управление межпоколенческими командами в зарубежных и российских компаниях / М.В. Савельева, Д.А. Фаритова // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2025. № 4. С. 30–39.

9. Шаброва, Н.В. Источники межпоколенческих конфликтов вузовских образовательных общностей (по материалам эмпирического исследования) / Н.В. Шаброва // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2025. Т. 18, № 4. С. 121–133.

10. goBeyondProfit: 2025 Generosity by the Generations Report [Electronic resource] // Business Wire: press release. 2025. 23 Sept. Mode of access: https://finance.yahoo.com/news/gobeyondprofit-report-reveals-generational-divide-140000427.html (дата обращения: 18.04.2026).

11. Trendlines August 2024 [Electronic resource] // U.S. Department of Labor. Mode of access: https://www.dol.gov/sites/dolgov/files/ETA/opder/DASP/Trendlines/posts/2024_08/Trendlines_August_2024.html (дата обращения: 17.04.2026).

12. Ventra Go!: зумеры в России больше других нуждаются в похвале начальства [Электронный ресурс] // Газета.Ru. 2024. 1 окт. Режим доступа: https://mt.gazeta.ru/blog/43176566927/Ventra-Go-zumeryi-v-Rossii-bolshe-drugih-nuzhdayutsya-v-pohvale- (дата обращения: 17.04.2026).

13. Ventra Go!: как разные поколения относятся к руководителям и критике [Электронный ресурс] // MySeldon. 2024. 16 окт. Режим доступа: https://myseldon.com/ru/news/index/319164358 (дата обращения: 19.04.2026).

MANAGING INTERGENERATIONAL CONFLICTS IN AN ORGANIZATION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Gubenko E.A.
Belgorod State National Research University

The article examines the problem of intergenerational conflicts in modern organizations where representatives of the Baby Boomer, X, Y (Millennial), and Z generations work together. Based on an analysis of Russian and foreign studies, the main causes of conflicts are identified: the digital divide, differences in work values, communication styles, and career expectations. The study analyzes effective and ineffective methods of managing intergenerational contradictions, including mentoring, hybrid work schedules, joint projects, and facilitation. In conclusion, practical recommendations are offered for managers on integrating age-diverse teams and turning generational differences into a resource for organizational development.

Keywords: intergenerational conflict, generational management, digital divide, organizational culture, personnel management, mentoring, generations X, Y, Z, Baby Boomers, Millennials, Generation Z.

References

1. Boomers, Zoomers, Millennials and «Xers»: How to Manage an Age-Diverse Team [Electronic resource] // Express Newspaper. URL: https://www.eg.ru/society/5088052-kak-upravlyat-raznovozrastnoy-komandoy-075–30/ (accessed: 17.04.2026).

2. Valikhanova, M. K., Murtazaeva, M. Managing Generations in an Organization: Specifics of Interaction between X, Y and Z // International conference on interdisciplinary science. 2025. Vol. 02, Iss. 07. P. 110–113.

3. The Main Problem of Intergenerational Teams Is the Digital Divide [Electronic resource]. URL: https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php? ID=191805 (accessed: 17.04.2026).

4. Zoomers Flee Control, Millennials Flee Burnout: Main Reasons for Resignation for Each Generation [Electronic resource] // thehrd.ru. – URL: http://thehrd.ru/news/zumery-begut-ot-kontrolya-millenialy-ot-vygoraniya-glavnye-prichiny-uvolneniy-dlya-kazhdogo-pokoleniya/ (accessed: 17.04.2026).

5. Konstantinov, M. S., Morozova, E.A. Worldview Foundations of Intergenerational Conflicts in Modern Russia // Conflictology / NOTA BENE. 2025. ISSN 2409-8965.

6. Niedergaus, E. O., Kemmet, E.V. The Influence of Intergenerational Differences on Employee Engagement in Organizational Activities // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2025. Vol. 18, № 5. P. 200–210.

7. Survey: Zoomers in Russia Need Praise from Their Boss More Than Others [Electronic resource] // Rossiyskaya Gazeta. 2024. Oct. 1. URL: https://rg.ru/2024/10/01/opros-zumery-v-rossii-bolshe-drugih-nuzhdaiutsia-v-pohvale-nachalstva.html (accessed: 18.04.2026).

8. Savelyeva, M. V., Faritova, D.A. Managing Intergenerational Teams in Foreign and Russian Companies // Personnel Management and Intellectual Resources in Russia. 2025. № 4. P. 30–39.

9. Shabrova, N.V. Sources of Intergenerational Conflicts in University Educational Communities (Based on Empirical Research) // Bulletin of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics 2025. Vol. 18, № 4. P. 121–133.

10. goBeyondProfit. 2025 Generosity by the Generations Report [Electronic resource] // Business Wire: press release. 2025. Sept. 23. URL: https://finance.yahoo.com/news/gobeyondprofit-report-reveals-generational-divide-140000427.html (accessed: 18.04.2026).

11. U.S. Department of Labor. Trendlines August 2024 [Electronic resource]. URL: https://www.dol.gov/sites/dolgov/files/ETA/opder/DASP/Trendlines/posts/2024_08/Trendlines_August_2024.html (accessed: 17.04.2026).

12. Ventra Go! Zoomers in Russia Need Praise from Their Boss More Than Others [Electronic resource] // Gazeta.Ru. 2024. Oct. 1. URL: https://mt.gazeta.ru/blog/43176566927/Ventra-Go-zumeryi-v-Rossii-bolshe-drugih-nuzhdayutsya-v-pohvale- (accessed: 17.04.2026).

13. Ventra Go! How Different Generations Relate to Managers and Criticism [Electronic resource] // MySeldon. 2024. Oct. 16. URL: https://myseldon.com/ru/news/index/319164358 (accessed: 19.04.2026).

Данилов Вячеслав Леонидович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: dv76@mail.ru

Предмет статьи – экстремизм и терроризм в цифровой среде как форма трансграничной деструктивной активности. Актуальность темы связана с ускоренным переносом пропаганды, вербовки, координации действий и распространения запрещённого контента в сетевые каналы связи. Научная новизна работы состоит в систематизации научных позиций о цифровом экстремизме и цифровом терроризме через объединение правового, криминологического, информационно-безопасностного и организационного ракурсов в единую аналитическую схему. Цель исследования – раскрыть, как цифровизация меняет формы радикальной активности, какие механизмы сетевого распространения выходят на первый план и какие линии противодействия получают наибольшее практическое значение. Методическая база опирается на анализ научных публикаций, сопоставление исследовательских подходов, классификацию и логико-аналитическое обобщение. Корпус литературы образуют десять русскоязычных работ 2021–2025 годов, посвящённых киберпространству, интернет-пропаганде, правовой квалификации сетевых деяний, межведомственному взаимодействию и использованию цифровых средств пресечения. В аналитической части раскрыты каналы радикализации, свойства сетевой вербовки, трудности выявления и квалификации, зависимость эффективности противодействия от технологической оснащённости и согласованности ведомств. Практическая полезность полученных положений связана с их применением при подготовке научных текстов, совершенствовании профилактики и уточнении правоприменительных подходов.

Ключевые слова: цифровой экстремизм, цифровой терроризм, киберпространство, интернет-пропаганда, онлайн-вербовка, социальные сети, мессенджеры, правовая квалификация, межведомственное взаимодействие, информационная безопасность.

Введение

Ускоренное развитие цифровых платформ радикально перестроило среду распространения экстремистской и террористической идеологии. Сетевые каналы связи сняли территориальные ограничения, сократили дистанцию между инициатором радикального воздействия и аудиторией, придали устойчивость скрытым коммуникациям, облегчили финансирование, координацию и тиражирование материалов деструктивного содержания. При подобной конфигурации угроза смещается из локального пространства в распределённую сетевую среду, где пропагандистский контент, инструкции, символика и механизмы вовлечения циркулируют быстрее традиционных средств пресечения.

Цель исследования – раскрыть трансформацию экстремизма и терроризма под влиянием цифровизации и определить направления научного осмысления и практического противодействия. Для достижения поставленной цели решены три задачи: во-первых, выявлены изменения форм экстремистской и террористической активности в цифровой среде; во-вторых, систематизированы основные сетевые механизмы распространения радикального контента, вербовки и координации действий; в-третьих, обобщены подходы к пресечению и профилактике с учётом правоприменения, технологических средств и межведомственного взаимодействия.

Научная новизна статьи состоит в том, что разрозненные положения современной исследовательской русскоязычной литературы сведены в единую аналитическую модель, где цифровизация рассматривается не как внешний фон, а как фактор структурной перестройки экстремистской и террористической активности. В пределах работы показана связь между технической инфраструктурой сетевого общения, трудностями правовой квалификации, проблемой обнаружения материалов, особенностями киберпространства и организацией противодействия.

Материалы и методы

Материальную базу исследования образуют современные русскоязычные публикации, посвящённые цифровой трансформации экстремизма и терроризма. Э.С.-М. Ахъядов [1] рассматривает противодействие терроризму в информационной сфере через призму правового реагирования на быстрое развитие цифровых технологий; Г.И. Гаджимурадова [2] анализирует изменение средств борьбы с различными формами экстремизма в эпоху информатизации и глобализации; Р.А. Клычев [3] сосредоточен на трудностях квалификации экстремистских деяний в социальных сетях и мессенджерах; Е.Н. Кондратенко, Д.К. Григорян, Н.С. Делов [4] формируют теоретическую рамку анализа экстремизма и терроризма в киберпространстве; А.В. Коркмазов [5] описывает современные тенденции цифрового экстремизма и цифрового терроризма, связывая их с ростом сетевых платформ; Р.А. Кучмезов [6] исследует значение межведомственного взаимодействия при предупреждении экстремистской и террористической активности, в том числе в интернете; Д.Д. Мухтаров [7] раскрывает проблему обнаружения экстремистских материалов в сети и потребность в постоянном мониторинге и блокировке; А.А. Цримов [8] изучает применение цифровых средств в противодействии кибертерроризму, уделяя внимание защите критической инфраструктуры и подготовке кадров; А.Ю. Черкесов [9] связывает распространение информационного экстремизма и терроризма с глобализационными процессами; Т.М. Шогенов [10] исследует использование интернет-ресурсов в террористических целях, включая пропаганду, вербовку, психологическое давление и атаки на критические системы.

Методическая база опирается на анализ научных публикаций, сравнительное сопоставление исследовательских позиций, классификацию форм цифровой радикализации, логико-аналитическое обобщение и синтез. Через названные методы решена задача сведения разнородных научных положений в непротиворечивую схему, пригодную для объяснения сетевых форм экстремистской и террористической активности.

Результаты

Цифровизация изменила саму конфигурацию экстремистской и террористической активности. Если ранее преобладали относительно локализованные формы организационного взаимодействия, то сетевые платформы перевели значительную часть деструктивной работы

в распределённую среду, где пропаганда, поиск сторонников, сбор средств и координация рассредоточенных групп происходят удалённо. В исследовательской литературе подчёркивается, что цифровой экстремизм и цифровой терроризм опираются на массовое распространение мессенджеров, социальных сетей и иных каналов сетевого общения, поскольку подобная инфраструктура облегчает создание автономных ячеек, тиражирование материалов и поддержание постоянной связи между участниками [2; 5; 9; 10].

Сетевой формат радикализации связан не просто с перемещением уже известных практик в интернет, а с появлением новых режимов скрытности и скорости. В работе Е.Н. Кондратенко, Д.К. Григоряна и Н.С. Делова киберпространство описано как особая среда функционирования экстремистских и террористических структур, требующая собственной теоретической оптики [4]. А.Ю. Черкесов показывает, что глобализационные процессы усиливают распространение информационного экстремизма и терроризма [9], тогда как Т.М. Шогенов фиксирует использование интернет-ресурсов для пропаганды, разжигания межнациональной и межрелигиозной нетерпимости, вербовки и психологического давления [10]. В совокупности названные положения позволяют заключить: цифровая среда перестраивает каналы воздействия, структуру коммуникации и логику масштабирования радикального контента [4; 9; 10].

Отдельную линию составляют площадки повседневного цифрового общения. Р.А. Клычев анализирует преступления экстремистской направленности в социальных сетях и мессенджерах и связывает с ними особые трудности правовой квалификации [3]. А.В. Коркмазов прямо указывает на использование WhatsApp, Viber, Telegram, Facebook, Instagram, Twitter и иных платформ для регулирования деструктивной активности, привлечения новых сторонников, публикации агитационных материалов и организации сборов [5]. Д.Д. Мухтаров, исследуя распространение экстремистских материалов в сети, подчёркивает изменчивость форм сетевого экстремизма и потребность в непрерывном отслеживании информации [7]. В результате цифровая угроза оказывается встроенной в привычные каналы общения, что затрудняет разграничение повседневной коммуникации и криминально значимого контента [3; 5; 7].

Для терроризма цифровая среда значима не меньше, чем для экстремизма, при этом в исследовательской литературе отчётливо просматривается смещение внимания к инфраструктурным рискам. Э.С.-М. Ахъядов связывает противодействие терроризму в информационной сфере со стремительным развитием цифровых технологий и потребностью учитывать новые способы пропаганды, вербовки, финансирования и организации терактов [1]. А.А. Цримов раскрывает линию кибертерроризма через использование компьютерных и телекоммуникационных технологий, указывая на угрозу для оборонной промышленности, банков, систем жизнеобеспечения, энергосистем, железных дорог и иной критической информационной инфраструктуры [8]. В пределах подобного подхода интернет и цифровые устройства выступают уже не просто каналом агитации, а средством нанесения непосредственного ущерба объектам высокой общественной значимости [1; 8; 10].

Ещё одна группа работ переносит центр тяжести на организацию противодействия. Р.А. Кучмезов показывает, что экстремистская среда в цифровом пространстве тесно соприкасается с террористической активностью, а повышение социальной напряжённости ускоряет радикализацию и усиливает нагрузку на правоохранительный блок [6]. Д.Д. Мухтаров предлагает связывать эффективность борьбы с созданием рабочего механизма постоянного мониторинга, блокировки запрещённых материалов и предупреждения вовлечения молодёжи [7]. А.А. Цримов акцентирует подготовку сотрудников правоохранительных органов и развитие методов отслеживания противоправного использования цифровых средств, включая криптовалютные операции [8]. Указанные позиции сходятся в одном: без сочетания правовых мер, технологического инструментария и согласованных действий нескольких ведомств цифровая форма экстремизма и терроризма сохраняет высокую устойчивость [6; 7; 8].

Наряду с организационными мерами отечественные исследователи выводят на передний план проблему обнаружения и квалификации. Если Р.А. Клычев сосредоточен на правоприменительных сложностях в социальных сетях и мессенджерах [3], то Д.Д. Мухтаров фиксирует более широкий пласт – изменчивость способов подачи экстремистских материалов и недостаточную разработанность механизмов их своевременного выявления [7]. Т.М. Шогенов при исследовании интернет-ресурсов в террористических целях отмечает размещение значительной части материалов вне российской юрисдикции, что осложняет удаление неправомерного контента [10]. Следовательно, цифровизация усиливает для государства сразу две линии напряжения: доказательственную и юрисдикционную [3; 7; 10].

Сопоставление всех использованных нами при анализ исследовательских работ позволяет выделить три устойчивых блока. Первый блок – коммуникативный: пропаганда, вербовка, формирование сетевых сообществ, психологическое давление [2; 5; 10]. Второй блок – инфраструктурный: использование цифровых средств для атак на критические системы, сокрытия транзакций, дистанционной координации и обхода традиционного контроля [1; 8]. Третий блок – правоприменительный и организационный: обнаружение материалов, квалификация сетевых деяний, мониторинг, межведомственное взаимодействие, международное сотрудничество [3; 6; 7]. Подобная трёхчастная схема показывает, что цифровизация меняет не один элемент деструктивной активности, а всю цепочку – от первоначального контакта с аудиторией до пресечения и доказывания.

Обсуждение

Проведённое сопоставление показывает неоднородность исследовательского поля. Одна часть авторов описывает цифровизацию прежде всего через каналы коммуникации, где центральное место занимают социальные сети, мессенджеры и иные публично доступные платформы. Другая часть выдвигает на передний план инфраструктурный риск, связывая терроризм с кибератаками, криптовалютными расчётами и воздействием на критические системы. Подобное расхождение указывает на два уровня анализа: первый связан с идеологическим и психологическим воздействием на аудиторию, второй – с технологией причинения ущерба и обхода контроля.

Правовой ракурс в научной литературе развит заметнее, чем социально-психологический. Исследования, посвящённые квалификации сетевых деяний, подробно фиксируют трудности разграничения противоправного контента, формы вины, особенности доказывания и проблемы юрисдикции. При этом механизмы сетевой радикализации, алгоритмического продвижения контента, групповой динамики в цифровых сообществах и перехода от символической поддержки к практическому участию раскрыты слабее. Отсюда вытекает лакуна: правовое описание последствий опережает моделирование цифровой траектории вовлечения.

Теоретические публикации о киберпространстве задают продуктивную рамку, поскольку переводят разговор из плоскости отдельных интернет-эпизодов в плоскость особой цифровой среды с собственными законами циркуляции контента. При подобном подходе экстремизм и терроризм перестают восприниматься как совокупность разрозненных сетевых эпизодов. Вместо фрагментарного взгляда появляется модель, где коммуникация, инфраструктура и правоприменение образуют взаимосвязанную систему. Подобный поворот представляется плодотворным для дальнейших исследований.

Организационные публикации убеждают, что без согласования действий правоохранительных органов, специальных служб, органов профилактики и структур информационной безопасности устойчивого снижения цифровой радикальной активности ожидать трудно. При этом литература чаще ограничивается общей установкой на координацию и обмен сведениями. Менее подробно разработаны вопросы распределения компетенций, единых стандартов цифровой фиксации доказательств, совместных аналитических центров и процедур быстрого межведомственного реагирования.

Ограничения применимости выводов связаны с характером самой литературы. Значительная часть публикаций строится на правовом и криминологическом анализе, а не на эмпирических массивах цифровых следов, данных платформ, корпусах удалённого контента или моделях сетевого распространения. По этой причине научные положения убедительно описывают направления угроз и линии реагирования, но слабее отвечают на вопрос о различиях между платформами, типами аудитории и скоростью радикализации в разных цифровых средах.

Заключение

По первой задаче установлено, что цифровизация изменила формы экстремистской и террористической активности за счёт переноса пропаганды, вербовки, координации, финансирования и распространения запрещённых материалов в распределённую сетевую среду. Интернет-платформы сократили дистанцию между инициатором воздействия и аудиторией, усилили скрытность взаимодействий и расширили трансграничный характер деструктивной активности.

По второй задаче систематизированы основные механизмы цифрового распространения. В их число входят социальные сети, мессенджеры, интернет-ресурсы пропагандистского характера, инструменты психологического давления, дистанционные схемы координации, каналы размещения материалов вне национальной юрисдикции и, приме-

нительно к терроризму, технологические средства воздействия на критическую инфраструктуру. Сопоставление публикаций позволило выделить коммуникативный, инфраструктурный и правоприменительный блоки цифровой радикальной активности.

По третьей задаче обобщены линии противодействия, получившие наибольшее развитие в русскоязычной литературе. К ним относятся постоянный мониторинг сети, блокировка запрещённых материалов, совершенствование правовой квалификации, подготовка кадров, использование цифровых средств пресечения, межведомственная координация и международное сотрудничество. Сводный анализ показал: результативность противодействия определяется не одной мерой, а сочетанием правовых, технологических и организационных решений.

Литература

1. Ахъядов Э. С.-М. Противодействие терроризму в информационной сфере // Аграрное и земельное право. 2025. № 6. С. 309–311. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_6_309.

2. Гаджимурадова Г.И. Информационные технологии и противодействие различным видам экстремизма в эпоху глобализации // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 40–48. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-4.

3. Клычев Р.А. Проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности в социальных сетях и мессенджерах // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21, № 1. С. 135–140. DOI: 10.33693/2541-8025-2025-21-1-135-140. EDN: BAWOWY.

4. Кондратенко Е. Н., Григорян Д.К., Делов Н.С. Формирование теоретических подходов к анализу экстремизма и терроризма в киберпространстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 187–193. DOI: 10.22394/2079-1690-2024-1-1-187-193.

5. Коркмазов А.В. Современные тенденции цифрового экстремизма и терроризма // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2023. Т. 16, № 4. С. 208–212.

6. Кучмезов Р.А. Вопросы межведомственного взаимодействия по вопросам предупреждения экстремизма и терроризма // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2023. Т. 16, № 4. С. 213–217.

7. Мухтаров Д.Д. Распространение экстремистских материалов в сети Интернет: проблемы обнаружения // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2023. Т. 16, № 5. С. 161–165.

8. Цримов А.А. Особенности применения цифровых технологий в противодействии кибертерроризму // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 4. С. 145–148. EDN: AKRVMA.

9. Черкесов А.Ю. Глобализационные факторы, благоприятствующие распространению информационного экстремизма и терроризма: проблемы и пути противодействия // Образование и право. 2021. № 6. С. 367–371. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-367-371.

10. Шогенов Т.М. Актуальные проблемы использования интернет-ресурсов в террористических целях // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 5. С. 24–28. EDN: ZBMSWJ.

GLOBAL CHALLENGES OF CONTEMPORARY TIMES: EXTREMISM AND TERRORISM IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Danilov V.L.
Dostoevsky Omsk State University

This article examines extremism and terrorism in the digital environment as a form of cross-border destructive activity. The topic is relevant given the accelerated shift of propaganda, recruitment, coordination, and dissemination of prohibited content to online communication channels. The scientific novelty of this work lies in its systematization of scholarly positions on digital extremism and terrorism by integrating legal, criminological, information security, and organizational perspectives into a single analytical framework. The aim of the study is to uncover how digitalization is changing the forms of radical activity, which mechanisms of online dissemination are becoming more prominent, and which lines of counteraction are gaining the greatest practical significance. The methodological framework is based on an analysis of scientific publications, a comparison of research approaches, classification, and logical-analytical generalization. The literature collection comprises ten Russian-language works published between 2021 and 2025, devoted to cyberspace, online propaganda, the legal classification of online crimes, interagency cooperation, and the use of digital countermeasures. The analytical section explores the channels of radicalization, the characteristics of online recruitment, the difficulties of detection and classification, and the dependence of countermeasure effectiveness on technological advancement and agency coordination. The practical utility of the resulting findings lies in their application in the preparation of academic texts, improving prevention, and refining law enforcement approaches.

Keywords: digital extremism, digital terrorism, cyberspace, online propaganda, online recruitment, social media, instant messaging, legal classification, interagency cooperation, information security.

References

1. Akhyadov E. S.-M. Counteracting Terrorism in the Information Sphere // Agrarian and Land Law. 2025. No. 6. pp. 309–311. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_6_309.

2. Gadzhimuradova G.I. Information Technologies and Counteracting Various Types of Extremism in the Era of Globalization // Scientific Result. Sociology and Management. 2021. Vol. 7, No. 2. pp. 40–48. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-4.

3. Klychev R.A. Problems of Qualifying Extremist Crimes on Social Networks and Messengers // Problems of Economics and Legal Practice. 2025. Vol. 21, No. 1. Pp. 135–140. DOI: 10.33693/2541-8025-2025-21-1-135-140. EDN: BAWOWY.

4. Kondratenko E. N., Grigoryan D.K., Delov N.S. Formation of Theoretical Approaches to the Analysis of Extremism and Terrorism in Cyberspace // Public and Municipal Administration. Scientific Notes. 2024. No. 1. Pp. 187–193. DOI: 10.22394/2079-1690-2024-1-1-187-193.

5. Korkmazov A.V. Modern Trends of Digital Extremism and Terrorism // Gaps in Russian Legislation. Law Journal. 2023. Vol. 16, No. 4, pp. 208–212.

6. Kuchmezov, R. A. “Interdepartmental Cooperation on the Prevention of Extremism and Terrorism,” in Gaps in Russian Legislation. Law Journal. 2023. Vol. 16, No. 4, pp. 213–217.

7. Mukhtarov, D. D. “Dissemination of Extremist Materials on the Internet: Detection Problems,” in Gaps in Russian Legislation. Law Journal. 2023. Vol. 16, No. 5, pp. 161–165.

8. Tsrimov, A. A. “Features of the Application of Digital Technologies in Countering Cyberterrorism,” in Gaps in Russian Legislation. 2022. Vol. 15, No. 4, pp. 145–148. EDN: AKRVMA.

9. Cherkesov, A. Yu. Globalization Factors Favoring the Spread of Information Extremism and Terrorism: Problems and Ways to Counteract Them // Education and Law. 2021. No. 6. pp. 367–371. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-367-371.

10. Shogenov, T.M. Current Issues of Using Internet Resources for Terrorist Purposes // Gaps in Russian Legislation. 2021. Vol. 14, No. 5. pp. 24–28. EDN: ZBMSWJ.

Санкционные режимы как технологии давления и формирования условий для новых моделей международных и региональных отношений

Джавад Зераат Пейма,
аспирант кафедры политологии Института истории и политики
Московского педагогического государственного университета
E-mail: capricon05@mail.ru

В современном мире международные санкции стали важным если не основным инструментом внешней политики, приобретя роль своеобразного «промежуточного звена» между военным конфликтом и дипломатией. Их значение заключается в стремлении акторов международных отношений изменить поведение государства, организации или индивида через экономическое и политическое давление. Более того, речь идет о применении не просто санкций, а целых санкционных режимов, которые, по мнению автора, выступают невоенными или частью военных технологий давления и формирования условий для новых моделей международных и региональных отношений. Автором анализируются особенности санкционной политики с учетом исторической ретроспективы и современного состояния. Автор приходит к выводу о том, что в зависимости от вида применяемых санкций (всеобъемлющие или интеллектуальные) можно выделить общие санкционные режимы и специальные. Для достижения одной или нескольких целей одновременно возможно использование одних и тех же санкционных режимов.

Ключевые слова: санкции, санкционный режим, умные санкции, технологии невоенных действий, гибридная война, внешняя политика.

В настоящее время санкции стали частой альтернативой прямому военному вмешательству (например, в случае с Ираном и Россией), как замена полномасштабной войны экономическим давлением, или для поддержки продолжающегося конфликта (пример Афганистан).

В контексте глобализации международные санкции стали выступать распространенным инструментом внешней политики по изменению поведения государств-адресатов. Вместе с тем из-за их усложнения их стало легче обходить, поэтому отдельное распространение получила дискуссия об их эффективности.

Несмотря на распространённость использования санкционного механизма, официальное определение «санкций» отсутствует. Вместе с тем, международные санкции признаются инструментами принудительной дипломатии [1, С. 2].

Следует отметить, что сами по себе международные санкции относятся к мерам поддержки мира и безопасности либо наказания противоправного поведения акторов международной арены. Они могут быть наложены международными и региональными организациями, в частности ООН, ЕС или ЭКОВАС[1], а также одним или несколькими государствами.

По содержанию санкции могут быть военного, экономического, дипломатического или символического характера.

Военные санкции включают эмбарго на поставки оружия и поддержку военной интервенции.

Экономические санкции предполагают торговые ограничения в виде эмбарго на товары и услуги (например, на оружие и энергоносители), замораживание финансовых активов в виде запрета на проведение финансовых операций.

Дипломатические санкции предполагают сокращение или приостановление дипломатических отношений со страной-адресатом.

Символические санкции предполагают публичное осуждение определенных лиц, запрет на выезд, исключение из международных спортивных мероприятий и т.п.

По своему масштабу санкции могут быть глобальными (против всей страны или региона) и целенаправленными («умными» – smart sanctions), то есть направленными на конкретных лиц, товары или отрасли деятельности. Умные санкции были разработаны для ограничения негативного санкционного влияния на население государства-адресата и по сути редко касаются товаров первой необходимости (прежде всего, лекарства и продукты питания).

По числу субъектов-отправителей санкции могут быть односторонними (навязываются одной страной) и многосторонними (вводятся Советом Безопасности ООН или региональной организацией).

Санкции также могут сопровождаться дополнительными мерами, в частности гуманитарными программами для смягчения последствий санкций в контексте проблемы народонаселения (например, программа ООН «Нефть в обмен на продовольствие» в 1990-х гг., проводимая после введения санкций ООН во время вторжения Ирака в Кувейт).

Среди наиболее распространенных причин введения санкций специалисты выделяют по убыванию: защиту прав человека (316 случаев), защиту демократических ценностей (291 случай), настойчивое продвижение изменений в политике (93 случая), требование завершения войны (167 случаев), необходимость предотвращения возможной войны (116 случаев), борьбу с терроризмом (87 случаев), дестабилизацию политического режима (84 случая), территориальный конфликт (67 случаев) и другие причины (109 случаев) [3].

Санкции нельзя назвать новым явлением, поскольку опыт их применения восходит к античному историческому периоду. Однако современное распространение санкций произошло после Первой мировой войны. Торговые эмбарго часто предшествовали конфликтам и охватывали блокаду всех торговых и финансовых потоков страны-адресата. Они же служили цели ослабления противника перед военным вмешательством.

В конце Первой мировой войны в рамках созданной в миротворческих целях Лиги Наций санкции стали рассматриваться как меры предотвращения войны и поддержки мира и должны были применяться

[1] Экономическое сообщество стран Западной Африки (Economic Community of West Africa States (ECOWAS) – региональный союз стран Западной Африки.

против страны-нарушителя международного права, угрожающей общему миру и стабильности.

В 1990 гг. на смену глобальным санкциям, оказывающим серьезное воздействие на гражданское население, пришли целевые (умные) санкции.

В период холодной войны между СССР и США санкции носили больше коммерческий характер и использовались против государств, провоцирующих геополитические конфликты (например, Северная Корея, Куба и др.). Впоследствии применение санкций усилилось в отношении Ирака, вторгшегося в Кувейт и бывшей Югославии на фоне её войн в Боснии и Косово.

В 2000-х гг. стало расти число «умных» санкций финансового и туристического характера на фоне терактов в США 11 сентября 2001 г. и конфликтов на Ближнем Востоке.

В период с 2010 по 2020-е гг. произошел значительный всплеск санкций (особенно с 2022 г.) применительно к России (из-за вхождения Крыма в состав России и начала специальной военной операции в 2022 г.), Северной Корее и Ирану (разработка ядерного оружия, обогащение урана).

Основными субъектами, вводящими санкции, являются ООН (Совет Безопасности), США и ЕС.

Устав ООН дает правовую основу санкциям как ограничительным мерам, вместе с тем отдельно их не перечисляя. Так, согласно ст. 39 Устава Совет Безопасности отвечает за квалификацию тех или иных действий как агрессивных, нарушающих мир и безопасность и вынесение решений (рекомендаций) по выбору соответствующих мер воздействия на нарушителя. А в соответствии со ст. 41 на него возлагается выбор мер невоенного характера, которые могут подразумевать как частичный, так и полный разрыв дипломатических или экономических отношений и средств сообщения [3].

США используют санкции как важный инструмент внешней политики посредством Министерства финансов и его Управления по контролю за иностранными активами (OFAC). Их санкции часто согласовываются с союзными странами, но могут использоваться в одностороннем порядке. Целью американских санкций часто выступают авторитарные политические режимы, торговцы наркотиками и террористические организации. Конкретными мерами часто выступают: заморозка финансовых активов, запрет финансовых операций, ограничение доступа к американским рынкам для отдельных компаний, лиц и стран, угрожающим американским интересам.

ЕС использует санкции в координации со своими странами-участниками. Европейские санкции выступают ключевым инструментом Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), принимаются единогласным решением Совета в области общей политики и политики безопасности (обязательным для всех стран-членов ЕС) и применяются для обеспечения достижения намеченных целей за рубежом и защиты стратегических интересов.

Как правило, европейские санкции касаются снижения или полного/частичного прерывания экономических и финансовых отношений со страной-адресатом. Регламент ЕС принимается большинством голосов квалифицированного органа на основе совместного предложения Комиссии и Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности. Вместе с тем, на практике одобрение принимается в консенсуальном порядке.

Другие региональные организации, в частности Африканский союз, Организация американских государств (ОАГ), ЭКОВАС, используют санкции в отношении своих участников как ответную меру на несоблюдение организационных правил. В некоторых государствах также используются односторонние санкции. Вместе с тем, данные организации более склонны к политическим режимам Китая и России, нежели западным демократиям в лице США, Канады и Великобритании.

К основным странам, подвергшимся санкциям, на сегодняшний момент, относятся: Россия (2695 до 2022 г. и 23960 к середине 2025 г. ввиду вхождения Крыма в состав России в 2014 г. и начала специальной военной операции в 2022 г.), Иран (более 3709 санкций с 1979 г. ввиду развития радикального исламизма и ядерной программы), Сирия (более 2639 санкций, связанных с гражданской войной и химическим оружием), Северная Корея (более 2133 санкций с 1963 г. ввиду разработки ядерной программы и нарушения прав человека), Беларусь (более 1133 санкций ввиду нарушения прав человека, легитимности выборов и эскалации миграционного кризиса), Венесуэла (более 651 санкции за нарушение прав человека и антидемократические практики), Бирма (более 567 санкций) [5].

Компанией Castellum.Ai был даже разработан Глобальный индекс санкций (GSI) для оценки полноты и точности данных, санкционных списков для понимания риска нарушений санкций и финансовых преступлений в каждом государстве. Так, сильный режим санкций либо его отсутствие служит показателем того, насколько хорошо страна осуществляет борьбу с финансовыми преступлениями [6].

Развитие санкционной политики привело к возникновению санкционных режимов. В западной научной литературе и официальных документах данный термин получил широкое распространение, подразумевая под собой совокупность мер, которые вводятся международными организациями или правительствами для разрешения конкретных проблем, в частности нарушения геополитических угроз, прав человека или терроризма.

Хотя многие международные исследователи рассматривают санкции с точки зрения карательной стратегии, международное сообщество разграничивает санкции по трем потенциальным целям: 1) ограничить государство-адресат и помешать ему заниматься запрещенной деятельностью; 2) подать сигнал государству-адресату и другим лицам о предполагаемом нарушении международной нормы; 3) заставить государство-адресат изменить своё поведение [2, С.12]. Данные цели не будучи взаимоисключающими, подразумевают использование одних и тех же санкционных режимов для достижения одной или нескольких целей одновременно [1].

Свои санкционные режимы имеет ООН, США и ЕС. В частности, на сегодняшний день действуют 14 санкционных режимов ООН, которые нацелены на политическое урегулирование, борьбу с терроризмом и ядерное нераспространение [7].

Великобритания имеет свой собственный режим санкций географического и тематического характера, включающий как меры против различных стран (например, Афганистана, Республики Беларусь, Боснии и Герцеговины, ЦАР, КНДР и др.), так и ряда проблем, в частности торговли людьми, глобальной нелегальной миграции, культурных ценностей (Сирия), ядерного оружия (Иран) [8].

ЕС имеет более 50 санкционных программ (порядка 381 санкции в целом), которые распространяются почти на 40 государств. Из них 8 программ действуют в рамках реализации мер ООН (в частности в отношении ЦАР, Сомали, Ирака и Йемена), 12 программ предполагают использование ЕС своих собственных дополнительных мер наряду с мерами ООН (среди них Северная Корея и Иран) и 32 автономные санкционные программы, рассчитанные на тот случай, если санкции ООН не будут действовать (в частности, в отношении Венесуэлы, Украины и России) [4].

Большая часть санкционных режимов распространяется на негосударственных или государственных акторов конкретного государства-адресата и ограничивается географически. Вместе с тем, ЕС ввел в действие также четыре горизонтальных (тематических или глобальных) санкционных режима, которые распространяются на вопросы нарушений прав человека, кибератак, террористической деятельности, применения и распространения химического оружия, позволяя назначать юридических и физических лиц, деятельность которых угрожает ЕС в целом или его членам в частности. Более того, предпринимаются шаги по формированию нового специального горизонтального режима санкций в отношении коррупционной составляющей.

В рамках глобальных санкционных режимов наиболее широко применяются такие меры, как заморозка активов, блокирование доступа компаний и частных лиц к инвестициям и банковским счетам, которые находятся в ЕС, в сочетании с визовыми запретами по въезду на территорию ЕС.

Если ООН редко использует санкции в случаях нарушений прав человека, в том числе из-за противодействия членов Совета Безопасности в лице Китая и России, полагающих, что данные вопросы относятся к «внутренним делам», то для ЕС тема демократии и прав человека является доминирующей, например, против Китая, Беларуси, Гватемалы, Бурунди, Венесуэлы и Гвинеи. ЕС также были использованы санкции против лидера бывшего режима Бен Али из Туниса, обвиняемого в незаконном присвоении государственных средств для минимизации негативных гуманитарных последствий. Исключениями стали Северная Корея и Сирия, а также Россия, которая заняла лидирующую позицию по масштабам применяемых к ней санкций, поскольку в отношении нее ЕС был введен беспрецедентный комплекс мер, направленных против политических элит и российской экономики, чтобы ограничить её способность вести военные действия с Украиной.

Несмотря на частое согласование своих санкций со стороны США и ЕС, можно выделить ряд важных отличий в их общих подходах к санкционной политике: 1) в сроках (если большинство американских санкций являются бессрочными до принятия специального решения по их отмене, то санкции ЕС вводятся на определенный период в пределах года с дальнейшим продлением по необходимости); 2) в быстроте реагирования на позитивные изменения (ЕС быстрее реаги-

рует, нежели США[1]); 3) в широте охвата (американские санкции по охвату шире чем санкции ЕС, например, распространяются на более широкий ассортимент товаров в случае Сирии, на все новые инвестиции в российскую экономику, а не выборочно как ввел ЕС); 4) в экстерриториальном характере, который использует США (распространение обязанности соблюдать санкций на компании и лица, не являющиеся подданными США) и не одобряет ЕС.

В целом, на наш взгляд, санкционные режимы могут рассматриваться как внешнеполитическая невоенная технология достижения политических целей для обеспечения всеобъемлющей стратегии по усилиям поддержания мира и безопасности.

Они могут иметь определенный географический охват (конкретная страна, группа стран, территория) и/или тематический характер (нарушение прав человека, неправомерно задержанные граждане, кибератаки, терроризм, наркотики, химическое оружие, коррупция).

В зависимости от вида применяемых санкций (всеобъемлющие или интеллектуальные) можно выделить общие санкционные режимы и специальные. В настоящее время распространение получили специальные санкционные режимы, которые основаны на использовании целенаправленных («умных») санкций, направленных на достижение тех или иных целей и/или предотвращение (предупреждение) тех или иных незаконных действий (правонарушений). Целенаправленные санкции направлены на ряд целевых секторов (прежде всего, финансовый, энергетический, технологический, военный), а также определенный круг властно-обязанных лиц.

Для достижения одной или нескольких целей одновременно возможно использование одних и тех же санкционных режимов. К основным целям санкционных режимов относятся: 1) принуждение; 2) ограничение; 3) оповещение о причастности к совершению международного противоправного деяния.

Специальные санкционные режимы широко применяются как ООН, так и автономно ЕС, США и другими государствами, особенно, если на уровне ООН они невозможны.

В целом на фоне возрастания числа санкций и их «умного» (таргетизированного или выборочного по целям, сферам и субъектам применения) характера, можно говорить не только о существовании отдельных санкционных режимов, но и взаимных санкционных войн вместо классических. Санкции также являются инструментом выражения и отстаивания своей позиции (как например, в случае с США), а также поддержания национального суверенитета.

Более того, можно проследить изменение характера санкций в течение времени. Если до Первой мировой войны они использовались как меры, предшествующие военному вмешательству для ослабления противника, то в период после Первой мировой войны по 2020 г. они стали служить мерой невоенного характера для предотвращения войны и поддержки мира. После 2020 г. их характер снова изменился, вернувшись к первоначальному (с той разницей, что они стали более «избирательными»), о чем свидетельствуют события в Венесуэле и Иране, против которых США развернули масштабные военные действия. Во многом этому способствовало отсутствие достаточной эффективности применяемых санкций, поскольку, с экономической точки зрения, санкции достаточно легко обойти (путем перенаправления экспорта, импорта через своих соседей, развития местного производства, диверсификации производств), а с политической точки зрения, они способствуют развитию патриотического сплочения, национального сопротивления, радикализации населения, поддерживающего правящий режим.

С другой стороны, если ранее санкции в большей степени использовались против небольших стран, так называемых «изгоев», то на фоне растущего соперничества великих держав и усиления ограничительного воздействия на Россию и Китай можно говорить об увеличении их значимости как инструмента влияния на международную политику и даже способности к формированию новых моделей международных отношений.

Таким образом, на наш взгляд, санкционные режимы могут рассматриваться, как:

1) внешнеполитическая невоенная технология достижения внешнеполитических / международных / геополитических целей для реализации стратегии «гибридной войны» или обеспечения всеобъемлющей стратегии по усилиям поддержания мира и безопасности, реализуемой экономическими методами;

2) часть военно-политической технологии достижения внешнеполитических / международных / геополитических целей посредством использования экономических методов (торговые эмбарго, заморозка активов, ограничение доступа к финансовым рынкам и технологиям).

[1] Например, в декабре 2016 года США ослабили ряд ограничительных мер в отношении Бирмы/Мьянмы по истечении четырех лет после отмены ЕС всех своих санкций кроме эмбарго на поставки оружия.

Литература

1. Angelo De Lauro. The UN Sanctions Regime. Libera Università Internazionale degli. – 2020. URL: https://luissuniversitypress.it/wp-content/uploads/2021/04/9_deLauro_completo.pdf (дата обращения: 12.02.2026)
2. Biersteker, TJ.The Targeted Sanctions Consortium (TSC), Effectiveness of UN Targeted Sanctions: Findings from the Targeted Sanctions Consortium. – Geneva Graduate Institute, 2013. – 51 p.
3. Desbordes, R., Munier, F. Understanding international sanctions. Institut Jacques Delors. – 2023. URL: https://institutdelors.eu/content/uploads/2025/04/Infographie_Santions_Russie_Matelly_EN_A4.pdf&ved=2ahUKEwi55cDg4cqTAxXSJRAIHTRGGPwQFnoECBkQAQ&usg=AOvVaw3aeNCJcz75kcZJAPE2D_dl (дата обращения: 20.03.2026)
4. Immenkamp, B. EU sanctions: A key foreign and security policy instrument. European Parliamentary Research Service. – 2024. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/760416/EPRS_BRI(2024)760416_EN.pdf (дата обращения: 26.03.2024)
5. По статистическим данным Castellum.Ai. URL: https://www.castellum.ai (дата обращения: 23.03.2026)
6. Официальный сайт Castellum.Ai. URL: https://www.castellum.ai/global-sanctions-index (дата обращения: 23.03.2026)
7. По официальным данным ООН: United Nations: Sanctions [Электронный ресурс] Режим доступа: https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/information (дата обращения: 13.04.2025)
8. По официальным данным Министерства иностранных дел, по делам Содружества и развития Великобритании: Foreign, Commonwealth & Development Office (FCDO): Current UK sanctions regimes. 2026 URL: https://www.gov.uk/government/collections/uk-sanctions-regimes-under-the-sanctions-act (дата обращения: 13.03.2026)

SANCTIONS REGIMES AS TECHNOLOGIES OF PRESSURE AND FORMATION OF CONDITIONS FOR NEW MODELS OF INTERNATIONAL AND REGIONAL RELATIONS

Javad Zeraat Peyma
Moscow State Pedagogical University

In the modern world, international sanctions have become an important, if not the main tool of foreign policy, acquiring the role of a kind of "intermediate link" between military conflict and diplomacy. Their significance lies in the desire of actors in international relations to change the behavior of a State, organization, or individual through economic and political pressure. Moreover, we are talking about the application of not just sanctions, but entire sanctions regimes, which, in the author's opinion, act as non-military or part of military pressure technologies and create conditions for new models of international and regional relations. The author analyzes the specifics of the sanctions policy, taking into account historical retrospect and the current state. The author comes to the conclusion that, depending on the type of sanctions applied (comprehensive or intellectual), general sanctions regimes and special ones can be distinguished. To achieve one or more goals at the same time, it is possible to use the same sanctions regimes.

Keywords: sanctions, sanctions regime, smart sanctions, technologies of non-military actions, hybrid warfare, foreign policy.

References

1. Angelo De Lauro. The UN Sanctions Regime. Libera Università Internazionale degli. – 2020. URL: https://luissuniversitypress.it/wp-content/uploads/2021/04/9_deLauro_completo.pdf (access date: 02/12/2026)
2. Biersteker, T.J. The Targeted Sanctions Consortium (TSC), Effectiveness of UN Targeted Sanctions: Findings from the Targeted Sanctions Consortium. – Geneva Graduate Institute, 2013. – 51 p.
3. Desbordes, R., Munier, F. Understanding international sanctions. Institut Jacques Delors. – 2023. URL: https://institutdelors.eu/content/uploads/2025/04/Infographie_Santions_Russie_Matelly_EN_A4.pdf&ved=2ahUKEwi55cDg4cqTAxXSJRAIHTRGGPwQFnoECBkQAQ&usg=AOvVaw3aeNCJcz75kcZJAPE2D_dl (access date: 03/20/2026)
4. Immenkamp, B. EU sanctions: A key foreign and security policy instrument. European Parliamentary Research Service. – 2024. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/760416/EPRS_BRI(2024)760416_EN.pdf (accessed: 26.03.2024)
5. According to statistics from Castellum.Ai. URL: https://www.castellum.ai (accessed: 23.03.2026)
6. Official website of Castellum.Ai. URL: https://www.castellum.ai/global-sanctions-index (accessed: 23.03.2026)
7. According to official UN data: United Nations: Sanctions [Electronic resource] Access mode: https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/information (accessed: 13.04.2025)
8. According to official data of the UK Foreign, Commonwealth and Development Office: Foreign, Commonwealth & Development Office (FCDO): Current UK sanctions regimes. 2026 URL: https://www.gov.uk/government/collections/uk-sanctions-regimes-under-the-sanctions-act (accessed: 13.03.2026)

Эволюция правового сотрудничества стран БРИКС: от деклараций к автономным механизмам разрешения споров как ответ на вепонизацию западных юрисдикций

Дэн Шилэй,
аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

В статье исследуется институциональная трансформация механизмов разрешения коммерческих и инвестиционных споров в странах БРИКС в условиях кризиса неолиберального глобального управления. Обострение геополитических противоречий и беспрецедентная «вепонизация» (инструментализация) западных финансово-правовых институтов вынуждают государства Глобального Юга переходить от использования механизмов «мягкого права» к созданию собственных автономных юрисдикционных институтов. Цель исследования – проанализировать, каким образом конструирование национальных и гибридных механизмов разрешения споров странами БРИКС меняет глобальный правовой ландшафт. Рассматриваются три ключевые модели правового реагирования: концепция интеграции юрисдикций на примере Китайского международного коммерческого суда (CICC), ревизия механизмов ISDS в практике Бразилии и Индии, а также формирование защитной исключительной юрисдикции в Российской Федерации (ст. 248.1 АПК РФ). Делается вывод о том, что достижение фактической макроэкономической стабильности невозможно без обеспечения внутреннего правового суверенитета, а страны БРИКС успешно переходят от статуса пассивных «потребителей правил» к роли активных «создателей норм», формируя полицентричный правопорядок.

Ключевые слова: БРИКС, международный коммерческий арбитраж, инвестиционные споры, вепонизация права, внутренний правовой суверенитет, институциональное балансирование, Китайский международный коммерческий суд (CICC), статья 248.1 АПК РФ.

Введение

Актуальность темы исследования

Начало третьего десятилетия XXI века ознаменовалось кардинальными и необратимыми сдвигами в архитектуре глобального политического и экономического управления. Современная миросистема переживает глубокий кризис легитимности традиционных институтов, выстроенных в рамках неолиберальной парадигмы. Ключевой проблемой современности стала беспрецедентная «вепонизация» (weaponization – инструментализация) международного права со стороны развитых стран Запада [19, p. 14]. Использование доминирующих юридических механизмов, международных платежных систем (таких как SWIFT) и резервных валют в качестве геополитического оружия, а также экстерриториальное применение так называемого «санкционного права» ставят под прямую экзистенциальную угрозу экономическую безопасность и суверенное развитие стран Глобального Юга [1, с. 145]. В этих условиях защита внутреннего правового суверенитета перестает быть сугубо теоретической категорией и становится условием макроэкономического выживания [13, с. 32].

Центральное противоречие исследования

В современной системе международных экономических отношений сформировалось острое диалектическое противоречие. С одной стороны, глобализированная торговля и трансконтинентальные проекты (в частности, инициатива «Один пояс, один путь») объективно нуждаются в нейтральных, предсказуемых и деполитизированных механизмах разрешения трансграничных споров. С другой стороны, традиционные центры международного арбитража (в Лондоне, Стокгольме, Вашингтоне), исторически обслуживавшие этот запрос, подверглись жесткой политизации, став инструментами санкционного давления на инвесторов и государства из развивающихся стран. Данное противоречие диктует историческую необходимость поиска новых, альтернативных и справедливых юрисдикционных форматов на базе структур БРИКС.

Научная новизна

В отличие от подавляющего большинства традиционных политологических и экономических исследований, рассматривающих БРИКС исключительно как форум для согласования макроэкономических позиций или платформу для увеличения товарооборота, в данной статье объединение концептуализируется как формирующаяся «коалиция по де-вепонизации права» (по аналогии с коалицией по дедолларизации [18, p. 18]). Новизна исследования заключается в обосновании того, что страны БРИКС осуществляют качественный институциональный сдвиг в своей международной идентичности: от статуса пассивных реципиентов навязанных неолиберальных стандартов («потребителей правил» / rule-takers) к роли активных архитекторов альтернативного правопорядка («создателей норм» / rule-makers).

Цель исследования – комплексный анализ динамики эволюции механизмов разрешения международных коммерческих и инвестиционных споров в странах БРИКС в период 2015–2024 гг., а также оценка их влияния на трансформацию глобального правового ландшафта и защиту внутреннего правового суверенитета.

Обзор литературы и теоретическая база

Теоретический фундамент исследования опирается на работы ведущих отечественных и зарубежных правоведов, экономистов и теоретиков международных отношений. В западной доктрине критическое осмысление кризиса традиционного инвестиционного арбитража (ISDS) представлено в трудах М. Сорнараджи [21, p. 43], который убедительно доказывает, что механизм ISDS исторически ограничивал суверенное «регуляторное пространство» развивающихся государств. Проблематика трансформации глобального финансового порядка под воздействием БРИКС глубоко исследована в монографиях Й. Петри и А. Нёльке, а также З. Лиу и М. Папа, вскрывших механизмы институционального хеджирования и дедолларизации. Особое значение в свете последних геополитических событий имеет работа А. Моисеенко, в которой с юридической точки зрения анализируется беспрецедентная заморозка суверенных активов Центрального банка РФ как триггер тотального недоверия к западной юрисдикции [20, p. 1007].

В отечественной юридической науке концептуальную базу работы формируют труды С.В. Бахина, впервые системно обосновавшего формирование агрессивного «санкционного права» [1, с. 144]. Фундаментальную роль играют исследования Л.А. Подосинниковой, посвященные концепту «внутреннего правового суверенитета» как фактору развития государственности. Как отмечает исследовательница, ссылаясь на исторический опыт и философию права (от Б.Н. Чичерина до современных мыслителей), правовой суверенитет является не просто свойством государства, а первоосновой, без которой невозможна реализация национальной идеологии и защита от внешнего диктата [13, с. 33].

Азиатский вектор теоретического осмысления представлен новейшими исследованиями китайских ученых. Эволюция Китайского международного коммерческого суда (CICC) глубоко проанализирована в диссертационном исследовании Линь Фучэня [9, с. 168], который обосновал необходимость применения «конфуцианской гармонии» в противовес западной состязательной модели (zero-sum game). Вопросы институционализации арбитража ad hoc в Китае и правовые дилеммы его применения освещены в работах Ду Тао и Чжао Чэньтина [5, с. 713]. Кроме того, перспективы создания совместных китайско-иностранных арбитражных институтов детально раскрыты в диссертации Ло Шэнсиня [10, с. 65].

Методология исследования

Методологическую основу работы составляет комплексный междисциплинарный подход, включающий методы сравнительного правоведения, историко-правовой анализ, а также инструментарий теории международных отношений. В частности, используется концепция социального конструктивизма и теория «институционального балансирования». Данные подходы позволяют рассматривать реформирование процессуального права и арбитражных институтов не как сугубо техническую процедуру, а как акт целенаправленного социального конструирования развивающимися государствами новой реальности, защищающей их интересы в многополярном мире. Статистические и экономические показатели (объемы двусторонней торговли, инвестиции) в рамках работы унифицированы и приведены в долларах США (USD) для обеспечения сопоставимости данных.

Методологическая оговорка. Представленное исследование сфокусировано на странах-основателях БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), поскольку именно эти государства на протяжении последнего десятилетия концептуализировали и внедрили в правоприменительную практику ключевые модели правового реагирования на институциональную гегемонию Запада. Интеграция правовых систем новых стран, присоединившихся к объединению в 2024 году (Египет, Иран, ОАЭ, Эфиопия), в единое нормативное пространство БРИКС+, равно как и адаптация их внутренних арбитражных механизмов (например, Международного финансового центра Дубая – DIFC), требует отдельного глубокого изучения и открывает широчайшие перспективы для последующих научных изысканий.

Результаты и дискуссия

Институциональная эволюция: от политических деклараций к созданию нормативного пространства БРИКС

На первых этапах своего существования объединение БРИКС функционировало преимущественно в формате дискуссионного клуба, а правовое сотрудничество стран-участниц строилось на базе абстрактных политических деклараций и механизмов «мягкого права» (soft law). Однако глобальный геоэкономический сдвиг потребовал перехода от декларативного партнерства к жестким (институционализированным) формам взаимодействия. На долю стран БРИКС (до расширения) приходилось более 31,5% мирового ВВП по паритету покупательной способности, а с учетом присоединения новых членов в 2024 году этот показатель уверенно превысил 35%, окончательно закрепив макроэкономическое превосходство объединения над странами «Большой семерки» (G7) [22, p. 15].

Исторической вехой институционализации стало создание Нового банка развития (НБР) с капиталом в 100 млрд долларов США (USD), который выступил не только финансовым противовесом Бреттон-Вудским институтам (МВФ и Всемирному банку), но и потребовал формирования принципиально новой правовой инфраструктуры кредитования, лишенной жестких неолиберальных условий (так называемых conditionalities).

В Казанской декларации XVI саммита БРИКС (октябрь 2024 г.) лидеры государств подтвердили настоятельную необходимость адаптации глобальной архитектуры к современным реалиям и защиты от незаконных односторонних принудительных мер. Это свидетельствует о масштабном переходе объединения к конструированию собственных автономных юрисдикционных институтов. Именно создание независимых механизмов разрешения споров позволяет Глобальному Югу вырваться из-под правового диктата Запада. Практика стран БРИКС выработала несколько уникальных моделей такого конструирования.

Китайская модель: Интеграция юрисдикций (CICC), легализация арбитража ad hoc и совместные институты

Китайская Народная Республика (КНР), выступая крупнейшим мировым экспортером и главным инвестором в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (совокупный объем инвестиций в которую к 2023 году превысил 950 млрд долларов США), осознала критическую уязвимость своих транснациональных контрактов перед лицом англо-саксонской юрисдикции.

Для защиты инвестиций Китай реализовал комплексную институциональную реформу, венцом которой стало создание в 2018 году Китайского международного коммерческого суда (CICC) при Верховном народном суде КНР. Архитектура CICC концептуализирует идею интеграции и формирует уникальную для мировой практики платформу «Одного окна» (One-Stop Platform). В рамках этой системы судебное разбирательство, международный коммерческий арбитраж (с привлечением ведущих институтов, таких как CIETAC) и медиация бесшовно объединены в единый механизм [17, p. 109]. С философской точки зрения данная модель проистекает из конфуцианской концепции «Гармонии» (Хэ). В отличие от западного правосудия, где доминирует конфронтационный подход, нацеленный на уничтожение проигравшей стороны, китайская модель отдает безусловный приоритет сохранению долгосрочных деловых связей и нахождению консенсуса [9, с. 65].

Вместе с тем, как отмечают исследователи (Линь Фучэнь), для подлинной интернационализации CICC необходимо преодолеть ряд институциональных барьеров: внедрить возможность использования английского языка в качестве полноправного языка судопроизводства (в отступление от ст. 262 ГПК КНР), позволить иностранным адвокатам напрямую представлять интересы сторон, а также усовершенствовать механизмы трансграничного сбора доказательств в рамках Гаагской конвенции [9, с. 160].

Вторым важнейшим направлением эволюции китайского права стало возрождение и легализация арбитража ad hoc. Исторически Закон КНР об арбитраже 1994 года категорически не признавал арбитраж ad hoc (изолированные арбитражные трибуналы, создаваемые сторонами без участия постоянного арбитражного учреждения), что приводило к признанию таких арбитражных оговорок недействительными [5, с. 715]. Однако, как отмечают Ду Тао и Чжао Чэньтин, острая потребность в гибкости при разрешении споров в рамках международных морских и торговых сделок заставила законодателя изменить подход. Прорыв произошел в рамках создания пилотных Зон свободной торговли (ЗСТ). Верховный народный суд КНР в 2016 году выпустил разъяснение, легализующее арбитраж ad hoc для предприятий, зарегистрированных в ЗСТ [5, с. 719]. Более того, опубликованный в 2021 году проект поправок к Закону об арбитраже КНР (ст. 91–93) официально инкорпорирует данный институт в национальное право, приводя его в соответствие с Типовым законом ЮНСИТРАЛ [5, с. 726].

Третьим прорывным направлением, как обосновывает в своей работе Ло Шэнсинь, является конструирование совместных китайско-иностранных арбитражных институтов **(中外联合仲裁机构)**. Китайский рынок юридических услуг долгое время оставался закрытым для иностранных арбитражных центров (таких как ICC или LCIA). Для повышения международной конкурентоспособности и заимствования передовых практик без ущерба для национального правового суверенитета предлагается создавать совместные (гибридные) институты. В качестве идеальной площадки для таких экспериментов рассматривается порт свободной торговли на острове Хайнань, обладающий беспрецедентными законодательными привилегиями, позволяющими временно приостанавливать действие ограничительных норм национального законодательства [10, с. 229]. Подобные совместные институты (например, в сфере ICT или морской торговли со странами АСЕАН) способны объединить нейтральность международного права и исполнительную мощь китайской юрисдикции.

Ревизия механизмов ISDS: деколонизация инвестиционного права в практике Бразилии и Индии

В то время как Китай концентрирует усилия на коммерческом арбитраже, Бразилия и Индия выступили главными ревизионистами неолиберальной модели урегулирования споров между инвесторами и государством (ISDS). Традиционная западная система двусторонних инвестиционных договоров (BIT) позволяла транснациональным корпорациям напрямую подавать многомиллиардные (в USD) иски против суверенных госу-

дарств в Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (ICSID), минуя национальные суды. Это приводило к катастрофическому сужению суверенного права развивающихся стран регулировать вопросы экологии, трудовых прав и социальной политики [21, p. 44].

Индия, столкнувшись с волной разорительных исков (в частности, по делам White Industries и Cairn Energy), в 2015 году в одностороннем порядке расторгла более 50 старых инвестиционных соглашений и выпустила новую модель BIT. Ключевой новеллой индийской модели стало жесткое требование об обязательном исчерпании внутренних средств правовой защиты (exhaustion of local remedies) в течение минимум пяти лет до возможности обращения в международный трибунал. Тем самым Индия вернула национальным судам примат в разрешении инвестиционных споров, защищая свою внутреннюю юрисдикцию.

Бразилия, исторически отказывавшаяся ратифицировать классические BIT, пошла еще дальше. Она разработала инновационную и деколониальную модель – Соглашения о сотрудничестве и содействии инвестициям (CFIA). Бразильская модель полностью (радикально) исключает возможность прямого арбитражного преследования суверенного государства частным иностранным инвестором [16, p. 55]. Вместо конфронтационного арбитража CFIA институционализирует двухуровневый превентивный механизм: на первом этапе споры сглаживаются через институт специализированного Национального Омбудсмена по инвестициям, а в случае неудачи – передаются в Совместные межгосударственные комитеты для политических консультаций. Данный подход нивелирует саму возможность финансового шантажа (в USD) суверенного правительства корпорациями, возвращая отношениям в сфере ПИИ (прямых иностранных инвестиций) равноправный и партнерский характер. Как отмечают китайские правоведы (Вэй Дань), эта модель оказала огромное влияние на мировое сообщество, заставив даже Китай пересматривать свои подходы к инвестиционным договорам в пользу концепции «инвестиционной фасилитации» и защиты прав местных сообществ [2, с. 70].

Российская модель: защита внутреннего правового суверенитета и статья 248.1 АПК РФ

В условиях открытого геополитического конфликта и незаконной заморозки суверенных активов Центрального банка РФ на сумму свыше 300 млрд долларов США странами G7 и ЕС, традиционная западная правовая инфраструктура окончательно утратила статус беспристрастного арбитра. Как метко охарактеризовал ситуацию профессор С.В. Бахин, сформировалось агрессивное «санкционное право», представляющее собой инструмент неоколониального диктата [1, с. 146]. Отключение российских банков от системы SWIFT, отказы западных юридических фирм (Magic Circle) представлять интересы российских клиентов, а также политическая ангажированность арбитражных институтов Лондона (LCIA) и Стокгольма (SCC) сделали невозможным защиту прав российских лиц за рубежом.

В этих экстремальных условиях Россия продемонстрировала классический пример защиты «внутреннего правового суверенитета» (концепт Л.А. Подосинниковой [13, с. 36]). Суверенитет в праве – это не просто возможность принимать законы, но способность государства обеспечить правосудием своих резидентов в условиях, когда международная система дает сбой. Правовым щитом стала Статья 248.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ), введенная в 2020 году.

Данная норма устанавливает исключительную компетенцию арбитражных судов РФ по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера (санкции), а также по спорам, основанием которых являются сами санкции. Революционность этого механизма заключается в том, что он позволяет российскому бизнесу (включая государственные корпорации) переносить рассмотрение споров в отечественную юрисдикцию даже при наличии ранее заключенной арбитражной оговорки о передаче спора в иностранный суд или арбитраж, если исполнение этой оговорки стало невыполнимым из-за санкций.

Более того, российские суды (в рамках ст. 248.2 АПК РФ) получили право применять обеспечительные меры в виде запрета инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде – так называемые anti-suit injunctions (судебные запреты). В случае нарушения этого запрета российская сторона вправе требовать взыскания с иностранного оппонента денежной суммы, эквивалентной сумме исковых требований, предъявленных за рубежом (в миллионах и миллиардах USD).

В макрополитическом смысле статья 248.1 АПК РФ – это материализованный юридический заслон. Она иллюстрирует готовность государства брать на себя ответственность за защиту своих граждан и экономики от дискриминационного применения зарубежного (западного) права, жестко блокируя последствия вепонизации международного арбитража.

Сопряжение ЕАЭС и ОПОП: формирование единого логистического и цифрового пространства в Евразии

Анализ трансформации механизмов разрешения споров в странах БРИКС невозможен без рассмотрения процессов экономической и правовой интеграции в Евразии. Центральным элементом здесь выступает стратегическое сопряжение (synergy) Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской мега-инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП).

Изначально западные аналитики пытались противопоставить эти два проекта, рассматривая ЕАЭС как протекционистский блок, а ОПОП – как инструмент экономической экспансии Китая. Однако на практике сформировалась взаимодополняющая архитектура в рамках концепции «Большого евразийского партнерства». Экономические показатели подтверждают эффективность данного вектора: по итогам 2023 года двусторонний товарооборот только между Россией и Китаем достиг исторического рекорда в 240,1 млрд долларов США (USD), продемонстрировав рост на 26,3%. Объем взаимной торговли стран ЕАЭС с КНР также стабильно растет, опираясь на синергию ресурсного потенциала России и Центральной Азии с технологическими мощностями Китая.

Важнейшим новым измерением этого сопряжения становится цифровая трансформация и развитие «Цифрового Шелкового пути». Как показано в исследовании Чжан Синьи, цифровая экономика радикально меняет структуру евразийских цепочек поставок. Внедрение технологий Интернета вещей (IoT) в сельское хозяйство (что позволяет экономить до 35% водных ресурсов [15, с. 104]), использование блокчейна в таможенном администрировании, создание платформ электронной коммерции (на долю которых в КНР приходится уже более 32% розничных продаж) и EdTech-решений требуют абсолютно новой нормативной базы.

Сопряжение ЕАЭС и ОПОП в цифровой сфере требует унификации стандартов кибербезопасности, защиты персональных данных и трансграничной передачи информации. В условиях, когда США и ЕС пытаются монополизировать технологические стандарты (включая сети 5G и стандарты искусственного интеллекта), евразийские страны формируют независимые цифровые коридоры. Это сопряжение, подкрепленное развитием таких логистических артерий, как Транскаспийский маршрут (в рамках Организации тюркских государств – ОТГ), минимизирует зависимость макрорегиона от западной инфраструктуры. В свою очередь, многомиллиардные контракты (в USD) в рамках ОПОП порождают спрос на правовую защиту, который должен удовлетворяться не в Лондоне, а в рамках институтов БРИКС, таких как Китайский международный коммерческий суд (CICC) или российские арбитражные центры.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать фундаментальный вывод: современная архитектура глобального экономического управления, основанная на западном неолиберальном диктате, уступает место полицентричному миропорядку. Резкое обострение геополитических противоречий и превращение права в санкционное оружие стали мощным катализатором объединения развивающихся стран. Достижение фактической макроэкономической стабильности и технологической независимости в XXI веке абсолютно невозможно без обеспечения и защиты «внутреннего правового суверенитета».

Анализ практики стран БРИКС доказывает, что эти государства совершили беспрецедентный концептуальный прорыв. Переход от разрозненных политических деклараций (soft law) к конструированию собственных жестких юрисдикционных механизмов стал необратимым процессом.

- Китайская модель (CICC, легализация арбитража ad hoc, совместные арбитражные центры в ЗСТ) предлагает миру «восточную», неконфронтационную альтернативу разрешения коммерческих споров на триллионы долларов в рамках ОПОП.
- Бразилия (соглашения CFIA) и Индия (исчерпание внутренних средств правовой защиты) осуществили историческую деколонизацию инвестиционного права, защитив свои бюджеты от хищнических исков транснациональных корпораций.
- Россия (ст. 248.1 АПК РФ) продемонстрировала эталонный пример создания правового щита, позволяющего национальному бизнесу выживать и побеждать в условиях тотальной санкционной войны и паралича западной юстиции.

Конструируя собственные процессуальные, финансовые (Новый банк развития) и арбитражные институты, государства БРИКС шаг за шагом разрушают монополию Запада на юрисдикционный контроль. Тем самым они трансформируют глобальный правовой ланд-

шафт, переходя от статуса «принимающих правила» к роли равноправных соавторов норм международного права. Процесс сопряжения ЕАЭС и ОПОП цементирует эту правовую трансформацию прочным логистическим и цифровым фундаментом. Институциональная эволюция БРИКС закладывает основу для построения подлинно справедливого, инклюзивного и суверенного глобального экономического порядка.

Литература

1. Бахин С. В. «Санкционное право»: постановка проблемы // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 143–152.

2. Вэй Дань. Инвестиционная фасилитация и оптимизация инвестиционной среды: перспективы Китая и Бразилии // Социальный ученый (Social Scientist). – 2020. – № 10. – С. 70–76. (In Chinese).

3. Болаев А.В. Направления сопряжения евразийской экономической интеграции в рамках ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс и один путь» // Московский экономический журнал. – 2024. – № 2. – С. 83–86.

4. Голодова Ж. Г., Ян Юйтин. Автомобильная промышленность Китая: тенденции развития и стратегии выхода на внешние рынки // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. – 2025. – № 1. – С. 50–58.

5. Ду Тао, Чжао Чэньтин. Арбитраж ad hoc в Китае: эволюция, правовые дилеммы и перспективы развития // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2025. – Т. 29, № 3. – С. 713–732.

6. Цзян Ц., Ша Ю. Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество в современных условиях: пути расширения и тенденции развития // Элуосы яньцзю (Исследования России). – 2024. – № 2. – С. 50–63. (In Chinese).

7. Казанская декларация XVI саммита БРИКС «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» (23 октября 2024 г.) // Президент России: официальный сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6211 (дата обращения: 21.04.2026).

8. Сингх А. Международный инвестиционный арбитраж в Индии // Правовой журнал БРИКС. – 2021. – Т. 8, № 1. – С. 306–310.

9. Линь Фучэнь. Исследование системы Китайского международного коммерческого суда: диссертация на соискание ученой степени доктора права. – Чэнду: Сычуаньский университет, 2022. – 250 с. (In Chinese).

10. Ло Шэнсинь. Теоретическое конструирование и институциональные пути создания совместных китайско-иностранных арбитражных институтов: диссертация на соискание ученой степени доктора права. – Шанхай: Университет международного бизнеса и экономики (UIBE), 2024. – 262 с. (In Chinese).

11. Нелюбина Ю. А., Мишальченко Ю.В. Сопряжение Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс, один путь» (международные правовые и экономические аспекты) // Ученые записки юридического факультета. – 2022. – № 1. – С. 42–48.

12. Фэн Шаолэй. Глобальная трансформация, российско-украинский кризис и китайско-российские отношения // Исследования России. – 2024. – № 2. – С. 9–36. (In Chinese).

13. Подосинникова Л.А. Роль внутреннего правового суверенитета в развитии государства // Закон и право. – 2025. – № 6. – С. 30–40.

14. Трощинский П.В. Адвокаты в Китае: история и современность // Правоведение. – 2024. – Т. 68, № 2. – С. 226–240.

15. Чжан Синьи. Сравнительное исследование цифровой трансформации на основе инициативы «Один пояс, один путь» // Дискуссия. – 2024. – Вып. 133. – С. 102–110.

16. Amorim L. S., Menezes H.Z. Brazil's New Investment Treaty Model: Why Now? // Vestnik RUDN. International Relations. – 2022. – Vol. 22, № 3. – P. 600–612.

17. Fang Z. Comparative Insight into International Commercial Arbitration Laws of the DPR Korea, China and Russia Focusing on Arbitration Agreements // Russian Law Journal. – 2024. – Vol. 12, Issue 2. – P. 108–119.

18. Liu Z. Z., Papa M. Can BRICS De-dollarize the Global Financial System? – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 100 p.

19. Petry J., Nölke A. BRICS and the Global Financial Order: Liberalism Contested? – Cambridge: Cambridge University Press, 2024. – 110 p.

20. Moiseienko A. Legal: The Freezing of the Russian Central Bank's Assets // The European Journal of International Law. – 2023. – Vol. 34, № 4. – P. 1007 1019.

21. Sornarajah M. Resistance and Change in the International Law on Foreign Investment. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 440 p.

22. Tang H., Wong B. (Eds.). Towards a Future for BRICS+. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 2025. – 250 p.

EVOLUTION OF LEGAL COOPERATION AMONG BRICS COUNTRIES: FROM DECLARATIONS TO AUTONOMOUS DISPUTE SETTLEMENT MECHANISMS AS A RESPONSE TO THE WEAPONIZATION OF WESTERN JURISDICTIONS

Shilei Deng
Patrice Lumumba Russian University of Peoples' Friendship

This article examines the institutional transformation of commercial and investment dispute settlement mechanisms in BRICS countries against the backdrop of the crisis in neoliberal global governance. The intensification of geopolitical contradictions and the unprecedented "weaponization" (instrumentalization) of Western financial and legal institutions are compelling Global South states to move away from relying on "soft law" mechanisms toward the establishment of their own autonomous jurisdictional institutions. The objective of this research is to analyze how the development of national and hybrid dispute settlement mechanisms by BRICS countries is reshaping the global legal landscape. Three key models of legal response are analyzed: the jurisdiction integration concept exemplified by the China International Commercial Court (CICC), the revision of Investor-State Dispute Settlement (ISDS) mechanisms in the practices of Brazil and India, and the formation of protective exclusive jurisdiction in the Russian Federation (Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation). The article concludes that the achievement of de facto macroeconomic stability is impossible without the safeguarding of domestic legal sovereignty, and that BRICS countries are successfully transitioning from the status of passive "rule-takers" to the role of active "norm-makers, thereby contributing to the formation of a polycentric legal order.

Keywords: BRICS, international commercial arbitration, investment disputes, weaponization of law, domestic legal sovereignty, institutional balancing, China International Commercial Court (CICC), Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation

References

1. Bakhin S.V. "Sanctions Law": Statement of the Problem // Law Enforcement. – 2024. – Vol. 8, No. 4. – Pp. 143–152.

2. Wei Dan. Investment Facilitation and Optimization of the Investment Environment: Prospects of China and Brazil // Social Scientist. – 2020. – No. 10. – Pp. 70–76. (In Chinese).

3. Bolaev A.V. Directions for Conjugation of Eurasian Economic Integration within the Framework of the EAEU and China's Belt and Road Initiative // Moscow Economic Journal. – 2024. – No. 2. – Pp. 83–86.

4. Golodova Zh. G., Yang Yuting. China's Automotive Industry: Development Trends and Strategies for Entering Foreign Markets // Bulletin of the Buryat State University. Economy and Management. – 2025. – No. 1. – P. 50–58.

5. Du Tao, Zhao Chenting. Ad Hoc Arbitration in China: Evolution, Legal Dilemmas, and Development Prospects // RUDN University Bulletin. Series: Legal Sciences. – 2025. – Vol. 29, No. 3. – P. 713–732.

6. Jiang Q., Sha Yu. Chinese-Russian Trade and Economic Cooperation in Modern Conditions: Expansion Paths and Development Trends // Eluosi Yanjiu (Russian Studies). – 2024. – No. 2. – P. 50–63. (In Chinese).

7. Kazan Declaration of the XVI BRICS Summit "Strengthening Multilateralism for Equitable Global Development and Security" (October 23, 2024) // President of Russia: official website. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6211 (date accessed: 21.04.2026).

8. Singh A. International Investment Arbitration in India // BRICS Legal Journal. – 2021. – Vol. 8, No. 1. – Pp. 306–310.

9. Lin Fuchen. Research on the System of China International Commercial Court: Dissertation for the Degree of Doctor of Laws. – Chengdu: Sichuan University, 2022. – 250 p. (In Chinese).

10. Luo Shengxin. Theoretical Construction and Institutional Pathways of Establishing Joint Sino-Foreign Arbitration Institutions: Dissertation for the Degree of Doctor of Laws. – Shanghai: University of International Business and Economics (UIBE), 2024. – 262 p. (In Chinese).

11. Nelyubina Yu. A., Mishalchenko Yu.V. Conjugation of the Eurasian Economic Union and China's One Belt, One Road Initiative (International Legal and Economic Aspects) // Scientific Notes of the Faculty of Law. – 2022. – No. 1. – P. 42–48.

12. Feng Shaolei. Global Transformation, the Russian-Ukrainian Crisis and Sino-Russian Relations // Studies of Russia. – 2024. – No. 2. – P. 9–36. (In Chinese).

13. Podosinnikova L.A. The Role of Internal Legal Sovereignty in State Development // Law and Justice. – 2025. – No. 6. – P. 30–40.

14. Troshchinsky P.V. Lawyers in China: History and Modernity // Jurisprudence. – 2024. – Vol. 68, No. 2. – P. 226–240.

15. Zhang Xinyi. Comparative Study of Digital Transformation Based on the Belt and Road Initiative // Discussion. – 2024. – Issue 133. – P. 102–110.

16. Amorim L.S., Menezes H.Z. Brazil's New Investment Treaty Model: Why Now? // Vestnik RUDN. International Relations. – 2022. – Vol. 22, No. 3. – P. 600–612.

17. Fang Z. Comparative Insight into International Commercial Arbitration Laws of the DPR Korea, China and Russia Focusing on Arbitration Agreements // Russian Law Journal. – 2024. – Vol. 12, Issue 2. – P. 108–119.

18. Liu Z.Z., Papa M. Can BRICS De-dollarize the Global Financial System? – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 100 p.

19. Petry J., Nölke A. BRICS and the Global Financial Order: Liberalism Contested? – Cambridge: Cambridge University Press, 2024. – 110 p.

20. Moiseienko A. Legal: The Freezing of the Russian Central Bank's Assets // The European Journal of International Law. – 2023. – Vol. 34, No. 4. – P. 1007 1019.

21. Sornarajah M. Resistance and Change in the International Law on Foreign Investment. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 440 p.

22. Tang H., Wong B. (Eds.). Towards a Future for BRICS+. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 2025. – 250 p.

Специфика политического проектирования: глобальные и локальные аспекты

Захарова Светлана Арменовна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры регионального управления, ИГСУ, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: zakharova-sa@ranepa.ru

Гомаль Максим Артурович,
аспирант кафедры национальных и федеральных отношений, ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: maks.gomal.95@mail.ru

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью глубокого анализа политического проектирования как важного элемента современных политических процессов. В условиях глобализации и стремительного развития информационных технологий, политические проекты становятся не только инструментом для достижения власти, но и средством формирования общественного мнения, создания идентичности и консолидации граждан вокруг общих целей. В этом контексте важно рассмотреть, как политические проекты могут быть использованы для решения актуальных проблем как на локальном, так и на глобальном уровнях.

Ключевые слова: проектирование, глобализация, процесс, институты, социальные сети.

Политическое проектирование представляет собой процесс разработки и реализации стратегий, направленных на достижение определенных политических целей. Это сложный и многоуровневый механизм, который является неотъемлемой частью современного управления и политического анализа. В отличие от традиционных методов политического управления, политическое проектирование акцентирует внимание на целенаправленности и преднамеренности действий, что позволяет более эффективно учитывать изменчивость политического ландшафта.

Процесс политического проектирования начинается с исследований, целью которых является создание основы для принятия решений. Это включает в себя анализ текущей политической ситуации, выявление основных проблем и потребностей, а также прогнозирование возможных последствий тех или иных шагов. На данном этапе важно использовать качественные и количественные методы, чтобы создать максимально полную картину происходящих процессов и тенденций. Это также требует умения работать с большими объемами информации и выявлять закономерности, что актуально как для крупных, так и для локальных проектов.

Участие разных социальных групп в процессе проектирования имеет принципиальное значение. Например, проекты, которые учитывают мнение гражданского общества, могут привести к более высокому уровню легитимности и социальной поддержки. Здесь важно не только привлечь людей к обсуждению политических инициатив, но и сформировать структуру, которая будет способствовать их вовлечению на всех этапах – от разработки до реализации программ. Общая значимость политического проектирования заключается не только в создании эффективных управленческих решений, но и в возможности для граждан участвовать в политическом процессе. В этом контексте проектирование функционирует как инструмент демократизации, позволяя расширить границы политического участия за пределы традиционных форм, таких как выборы.

Локальные аспекты политического проектирования могут значительно варьироваться в зависимости от культурных, экономических и политических условий того или иного региона. В таких случаях важной становится необходимость адаптации общих подходов и методов к местным условиям. Открытость к изменениям и готовность учитывать специфику региона существенно повышают шансы на успешную реализацию политических программ. Тем не менее, глобальные аспекты также не следует игнорировать.

Политические проекты на больших масштабах, такие как международные инициативы по борьбе с изменением климата или глобальные экономические соглашения, требуют синхронизации действий различных государств и международных организаций. В этом контексте важно, чтобы политическое проектирование было не только инструментом реагирования на текущие вызовы, но и средством формирования долгосрочного видения и стратегии. Наличие четких целей и задач играет ключевую роль в дальнейшем развитии политических проектов. Процесс реализации подразумевает постоянный контроль над выполнением намеченных планов, а также возможность корректировки стратегии в ответ на изменяющиеся условия. Этот аспект требует от организаторов и участников проектов высокой степени гибкости и способности быстро принимать решения.

Одним из вызовов политического проектирования является необходимость интеграции различных подходов и методов. Эффективные проекты часто используют мультидисциплинарные подходы, сочетая элементы социальной науки, экономики, права и других смежных областей. Такая интеграция позволяет более комплексно подходить к решению проблем, что делает политических проектирования более эффективным и устойчивым.

Важную роль в политическом проектировании играют современные информационные технологии. Они могут значительно упростить процесс сбора и анализа данных, обеспечивая более быструю реакцию на изменения в общественном мнении и политической ситуации. Следовательно, внедрение современных технологий не только облегчает процесс проектирования, но и создает новые возможности для вовлечения граждан в политику. Несмотря на множество сложностей и вызовов, политическое проектирование открывает новые горизонты для взаимодействия между государственными структурами и обществом.

Более того, оно предлагает возможность для создания инклюзивных и справедливых политических инициатив, которые учитывают интересы всех слоев населения.

Таким образом, политическое проектирование является важным инструментом, позволяющим эффективно реагировать на вызовы времени, причем как на глобальном, так и на локальном уровне, укрепляя связи между различными участниками политического процесса и создавая условия для их активного и конструктивного взаимодействия.

Глобальные аспекты политического проектирования

Политическое проектирование в глобальном контексте представляет собой процесс, который учитывает многообразные факторы, формирующие международные отношения, экономическую взаимозависимость и социокультурные трансформации. Этот подход не только привлекает внимание к активности различных актеров на мировой арене, но и к тем изменениям, которые могут возникнуть в результате этой активности. Одним из центральных элементов глобального проектирования является необходимость адаптации стратегий к меняющейся реальности. В частности, реакции на вызовы, такие как экологические проблемы, террористические угрозы и миграционные потоки, требуют продуманного подхода и синергии на разных уровнях, включая международные организации, национальные правительства и местные сообщества.

В условиях глобализации проектирование становится многоуровневым процессом. На глобальном уровне наблюдается интеграция экономик, культур и политических систем. Это приводит к возрастанию взаимозависимости между государствами, что, в свою очередь, вызывает необходимость выработки совместных решений для устойчивого развития и обеспечения безопасности. Мировые тренды, такие как цифровизация и изменение климата, предъявляют новые требования к формированию политических стратегий. В ответ на это на международной арене появляются новые механизмы сотрудничества, включая многосторонние соглашения и глобальные инициативы.

Феномен политического проектирования также проявляется в создании глобальных политических акторов, таких как неправительственные организации, международные корпорации и альянсы. Эти субъекты не только влияют на политику стран, но и содействуют формированию общественного мнения, а иногда и самой политики. Их ресурсы и способности позволяют им быть важными участниками в процессе принятия решений. Например, программы, направленные на обеспечение прав человека или защиту окружающей среды, становятся неотъемлемой частью повестки дня международных организаций и могут сильно изменить ход политических событий в отдельных странах. [1]

Понимание глобальных аспектов политического проектирования невозможно без учета вариативности культурных и социополитических контекстов. Каждый регион мира имеет свои особенности, которые влияют на принятие политических решений и их реализацию. Например, в Европе акцент обычно делается на демократических институтах и правах человека, в то время как в некоторых других регионах акцент может смещаться на стабильность и экономическое развитие. Это разное восприятие политических процессов создает необходимость создания адаптивных стратегий, способных учитывать локальный контекст при разработке глобальных инициатив.

Кроме того, глобализация определяет новые вызовы, которые требуют комплексного подхода. Пандемии, экономические кризисы и климатические изменения требуют координации действий между государствами и международными организациями. Проекты, направленные на борьбу с изменением климата, становятся глобальными, поскольку их успех зависит от согласованных действий множества участников. Примеры, такие как Парижское соглашение, показывают, как глобальные политические проекты могут стимулировать необходимые изменения в национальных политиках.

Ключевым элементом глобального проектирования служит также инновационное мышление. Применение новых технологий, таких как искусственный интеллект и большие данные, открывает новые горизонты для анализа и оценки эффективности политических стратегий. Это позволяет не только улучшить процесс принятия решений, но и адаптировать существующие инициативы к реальным условиям и прогнозам на будущее.

Таким образом, глобальные аспекты политического проектирования представляют собой многогранный и динамичный процесс, требующий постоянного внимания к меняющимся условиям и культурным контекстам. Способность учитывать эти аспекты становится критически важной для успешного формирования и реализации политических стратегий, как на уровне стран, так и на международной арене. Мировые вызовы, стоящие перед человечеством, требуют комплексных решений, основанных на принципах сотрудничества и взаимопонимания, что подчеркивает важность интеграции локальных и глобальных подходов в рамках политического проектирования.

Локальные аспекты политического проектирования

Политическое проектирование на локальном уровне способствует пониманию специфики процессов, происходящих в отдельных регионах и муниципалитетах. В этом контексте важно изучить, как местные особенности, культура, экономика и социальная структура влияют на формирование политических инициатив и стратегий. Локальные изменения могут быть инициированы как верхними эшелонами власти, так и самими жителями, стремящимися адаптировать решения, принятие которых происходит на более высоком уровне.

Одним из главных аспектов локального политического проектирования является изучение взаимодействия различных акторов на местах. Местные власти, гражданские инициативы, бизнес-сообщества и неправительственные организации часто выступают в роли важнейших участников, формирующих полноценный политический ландшафт. Этот многогранный подход позволяет более детально оценивать влияние той или иной инициативы на жизнь сообщества. Кроме того, локальное проектирование может учитывать уникальные социальные и культурные обстоятельства, что делает его чрезвычайно важным в контексте многонациональных и многоязычных обществ. Локальные политические проекты могут быть направлены на решение конкретных проблем, таких как уровень безработицы, доступ к образованию или медицинским услугам, что делает их острее и актуальнее для жителей. В таком контексте важно определить, как местные власти могут использовать специфические ресурсы региона для достижения общих целей.[2]

Локальные аспекты политического проектирования также включают в себя механизм обратной связи между местными жителями и администрацией. Гражданское участие становится важным инструментом, позволяющим идентифицировать действительные потребности и интересы сообщества. Платформы для общественного участия, такие как обсуждения, форумы, голосования, создают пространство для диалога, позволяя учитывать мнение граждан в процессе принятия решений.

Институты на местах, такие как совещания и комитеты, играют ключевую роль в обеспечении прозрачности и открытости, необходимых для успешного политического проектирования. Они способны не только информировать население о текущих инициативах, но и вовлекать его в процесс проектирования. Эффективные локальные проекты часто являются результатом сложно структурированных коммуникаций между всеми участниками процесса, что позволяет достичь большее согласие и единство в решении сложных вопросов.

Нельзя игнорировать и особенности финансирования локальных инициатив, которые также формируют тонкости проектирования. В отличие от глобальных проектов, где финансирование часто поступает из международных источников или крупных корпораций, на местном уровне требуется учитывать местные бюджетные ограничения и возможности. Это формирует ряд уникальных вызовов. Местные власти могут использовать креативные подходы к привлечению ресурсов, кооперируясь с бизнесом или НКО, что открывает новые горизонты для роста и развития.

Социальные сети и информационные технологии играют все более важную роль в локальном политическом проектировании. Чаще всего именно через них происходит актуализация проблем местного сообщества и активизация гражданского участия. Виртуальные платформы позволяют легко и быстро собирать мнения и идеи, а также обеспечивать постоянный диалог между различными участниками политического процесса. Локальные аспекты политического проектирования в значительной степени зависят от текущей социально-экономической и политической ситуации в регионе. Экономические кризисы, политические реформы и глобальные тренды могут оказывать влияние на восприятие местных инициатив. Например, в условиях экономической нестабильности местные власти могут сосредоточиться на проектах, направленных на активизацию местного производства, поддержку малых и средних предприятий или создание программ трудоустройства.

Ключевым элементом успешного локального проектирования является личная ответственность местных лидеров. Их умение формулировать четкие и понятные цели, разрабатывать стратегии и создавать команды может оказать решающее значение для достижения успеха. Локальные лидеры, осознающие свою ответственность перед населением, способны мобилизовать инициативу, обеспечивая более активное вовлечение граждан в обсуждение и реализацию местных политических проектов.

Подводя итог, можно отметить важность локального политического проектирования в контексте современной политической практики.

Успешные локальные инициативы могут служить образцом для подражания и для других регионов как образец того, как можно достигать значимости и влияния на жизнь сообщества через учет специфических местных обстоятельств. Тщательное рассмотрение местных особенностей, заинтересованности участников и динамики общественного мнения позволяет создавать более адаптивные и результаты, которые соответствуют потребностям сообщества и способствуют его развитию.

Методы политического проектирования: современный взгляд

Политическое проектирование как современная дисциплина использует разнообразные методы, которые позволяют разработать эффективные механизмы для реализации политических идей и целей. На практике эти методы могут быть адаптированы под специфику и контекст, в котором осуществляется проектирование. Фундаментальные подходы к политическому проектированию связаны как с теоретическими основами, так и с практическими реалиями, возникшими в процессе исторического развития.

Одним из наиболее распространенных методов политического проектирования является SWOT-анализ, который помогает определить сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы, связанные с проектом. Этот метод позволяет комплексно оценить внутренние и внешние факторы, влияющие на проект, и помогает выработать стратегии на основе полученных данных. Применение SWOT-анализа в политическом проектировании позволяет не только проанализировать ситуацию на момент начала проекта, но и предвидеть возможные риски и вызовы, что является существенным для успешной реализации проектных инициатив. [3]

К другим методам относится сценарное планирование. Этот подход акцентирует внимание на возможных будущих событиях и их влиянии на текущую политическую ситуацию. Сценарное планирование подразумевает создание различных вариантов будущего, что помогает оценить, как действовать в условиях неопределенности. При анализе этих вариантов проектировщики могут учитывать широкий спектр факторов, включая экономические, социальные и культурные аспекты. Такой подход не только расширяет горизонты в выборе решений, но и позволяет более гибко адаптироваться к меняющимся условиям.

Методы сетевого анализа также становятся актуальными в современном политическом проектировании. Взаимосвязи между различными акторами и институтами должны быть исследованы для успешной реализации политических инициатив. Сетевой анализ позволяет выявить ключевых игроков и их роли в формировании политических процессов, что важно для понимания структуры власти и потенциала влияния различных групп. Этот подход позволяет не только видеть непосредственно вовлеченные стороны, но и локализовать их интересы, что критически важно для формирования консенсуса и минимизации конфронтации.

Методы количественного анализа становятся все более популярными в процессе политического проектирования. Традиционно связанный с социологическими и экономическими исследованиями, количественный анализ позволяет получать конкретные цифры и статистику, что помогает объективно оценить общественные настроения и реакции на предлагаемые решения. Точные данные могут оказаться решающими при обосновании тех или иных политических инициатив и программ.

В современном контексте важно также учитывать методы участия граждан. Совершенствование механизмов вовлечения общественности в процесс проектирования позволяет создать более демократичные и инклюзивные политические проекты. Участие людей в разработке и обсуждении инициатив не только повышает уровень их поддержки, но и становится источником ценного опыта и обратной связи, позволяя адаптировать проекты под реальные потребности и ожидания общества. Не менее важным является метод анализа знаний и опыта других стран.

Сравнительный анализ политического проектирования в разных государствах помогает выявить успешные практики, что может быть использовано как в рамках локального, так и глобального контекстов. Изучение международного опыта, например, в области социального обеспечения, разработки инфраструктуры или управления общественными благами, позволяет заимствовать методы и подходы, которые доказали свою эффективность на практике.

Анализ успешных примеров: Россия и США

Важным аспектом политического проектирования является способность применять теорию на практике, что демонстрируют примеры разных стран, в частности России и США. Эти государственные образования имеют совершенно разные политические системы, исторические пути и культурные контексты, что делает их сравнение особенно интересным в рамках политического проектирования [4].

Россия как страна с богатой историей государственных реформ и программ продемонстрировала множество успешных политических проектов, направленных на устойчивое развитие и модернизацию. Примером такого проекта является программа «Национальные проекты», инициированная в начале 2000-х годов. Эти проекты охватывают различные сферы, включая экономику, образование, здравоохранение и инфраструктуру. Изначальная цель заключалась в улучшении качества жизни граждан и приведении российских стандартов к международным [5].

Эта программа включает в себя как долгосрочные планы, так и краткосрочные задачи, что также свидетельствует о гибкости подхода. Каждый проект в рамках программы имеет свои четкие показатели эффективности, что позволяет анализировать результаты и корректировать действия в зависимости от факторов, влияющих на развитие. Особенно важно то, что проекту удалось создать ассоциацию между государственным контролем и частными инициативами: местные власти и частные инвесторы активно вовлекаются в процессы, что обеспечивает комплексный подход к решению задач.

Сравнение с США позволяет увидеть, насколько политическое проектирование различается в зависимости от контекста. Американская система ставит акцент на децентрализованном управлении и значительной роли частного сектора. Примером успешного политического проектирования в США можно считать программу «Образование для всех» или «No Child Left Behind», в которой акцент был сделан на стандартах образования и равенстве в доступе к качественному обучению.

Ключевой аспект программы заключается в создании системы оценки и подотчетности, позволяющей следить за успехом на уровне отдельных школ и округов. В отличие от российской практики, здесь важно участие родителей и местных сообществ в процессе контроля за качеством образования. В результате, хоть программы и различаются по охвату и подходу, обе демонстрируют наличие четкого плана действий и механизма обратной связи. На уровне локальном важным является сотрудничество между государственными органами и населением. В России успешные примеры можно наблюдать в реализации проектов, направленных на развитие муниципальной инфраструктуры. Одним из таких проектов стал «Комфортная городская среда», который активно внедряется в малых городах и районах. Фокус на жителях, их потребностях и вовлеченности в процессы принятия решений способствует формированию более устойчивого местного управления.

В США также есть яркие примеры локальных проектов, которые продемонстрировали успех в решении городских проблем. Например, программы по восстановлению инфраструктуры в крупных городах, таких как Нью-Йорк и Чикаго, показали, как можно значительно улучшить качество жизни за счет активного участия горожан в проектах по благоустройству и обустройству общественных пространств.

Ключевым фактором, который представляет интерес, является возможность интеграции лучших практик политического проектирования из разных культур и систем. Россия и США, несмотря на различия, могут учиться друг у друга, адекватно принимая во внимание свои уникальные контексты. Важность такого обмена заключается в том, что он позволяет развивать политическую инфраструктуру, улучшать качество жизни граждан и достигать более высоких стандартов государственного управления.

Оценка и мониторинг успешных политических проектов в любой стране зависят от принципа прозрачности и вовлеченности общества. Например, в США, программы часто поддерживаются независимыми исследованиями, которые позволяют выявить реальное воздействие тех или иных инициатив. В России такая практика только начинает внедряться, но уже сейчас можно заметить стремление к улучшению данных и открытости в вопросах государственного управления.

Таким образом, успешные примеры из российского и американского опыта подчеркивают важность контекстуального подхода к политическому проектированию. Каждый проект требует тщательной работы с местным населением, понимания культурных и социальных условий, поддержку со стороны государства, а также эффективных механизмов оценки результатов. Эти факторы в конечном итоге определяют не только успешность отдельных инициатив, но и системное развитие целых наций.

Перспективы «большого» политического проекта в России

Перспективы «большого» политического проекта в России обусловлены множеством факторов, охватывающих как внутренние, так и внешние обстоятельства. Политическое проектирование, как целенаправленный процесс, в данной ситуации требует учета исторического контекста, со-

циальных трансформаций и экономических реалий, ведь именно они формируют условия для широкомасштабных инициатив. Исторически Россия имела опыт успешных больших политических проектов, таких как индустриализация, урбанизация и, более позднее, социальные реформы. Эти проекты повлияли на структуру общества и его функционирование, создали новые экономические возможности, но также порождали конфликты и сопротивление со стороны различных групп. Это создает текущую необходимость проанализировать, какие уроки можно вынести из прошлого для нового «большого» политического проекта.

Важным аспектом является способность адаптироваться к изменениям внешней среды. Глобализирующийся мир предоставляет как угрозы, так и возможности. Технологические сдвиги, изменения в международной политике и экономике требуют от России поиска новых форм взаимодействия как на внутренней, так и на международной арене. В условиях существующей геополитической напряженности, проектирование на таком уровне должно учитывать риски, связанные с конкуренцией, санкциями и международной изоляцией.

Социальная структура России также играет решающую роль в реализации «большого» политического проекта. Общество переживает процесс трансформации от традиционных ценностей к более современным, что вызывает необходимость включения различных слоев населения в процесс проектирования. Ожидания граждан, их потребности и мнения становятся основными критериями для достижения легитимности и эффективного функционирования проекта. Обращение к вопросам социальной справедливости, доступности услуг и улучшения качества жизни будет способствовать консолидации общества вокруг новых идей.

Экономический контекст не менее важен. Республика сталкивается с необходимостью диверсификации экономики, уходя от сырьевой зависимости. В рамках «большого» политического проекта необходимо создание новых индустриальных кластеров, реализация масштабных инвестиций в инфраструктуру и поддержку инновационного потенциала, что в свою очередь должно быть интегрировано в стратегию экономического роста. Формирование условий для частного сектора и малых и средних предпринимателей – это еще один важный аспект, так как именно они могут стать локомотивом экономического развития.

Не обойтись и без учета местного самоуправления. Локальные инициативы могут стать основой для более крупных проектов, если они будут правильно интегрированы в общенациональную стратегию. Роль субъектов федерации и муниципалитетов в поднятии социально-экономических вопросов, адаптации федеральных инициатив и создания собственных программ становится все более актуальной. Такой подход может повышать уровень доверия к власти и программы, что критически важно для их дальнейшей устойчивости. Проведение открытых консультаций и диалогов по вопросам проектирования, вовлечение экспертов и мнений ученых способствуют повышению эффективности мероприятий. Важно активизировать междисциплинарный подход, т.к. проектирование требует знаний из области политологии, социологии, экономики и культурологии. Это создает уникальную платформу для обмена идей, позволяя реализовать проекты, способные реагировать на комплексные вызовы. Не последнюю роль играют международные процессы. Участие России в глобальных инициативах может либо укрепить, либо подорвать внутренние проекты. Подходы к устойчивому развитию, экологии и климату становятся краеугольными камнями в международных переговорах. Таким образом, готовя 'большой' проект, необходимо учитывать не только внутренние, но и мировые тенденции, что позволит создать конкурентоспособные и эффективные решения.

Характеристика всех этих аспектов указывает на необходимость системного подхода к проектированию. Важно не только создать многоуровневую стратегию, но и обеспечить условия для ее успешной реализации. Ключевым моментом остается способность системы адаптироваться к изменениям и вызовам, возникающим как внутри страны, так и в глобальном пространстве.

Таким образом, перспектива «большого» политического проекта в России имеет множество аспектов, которые требуют глубокой проработки и осмысленного подхода. Существует множество направлений и возможностей, которые могут создать условия для успешного проекта, однако для их реализации необходимо интегрированное, целенаправленное взаимодействие власти, общества и экономики, сочетающее в себе как локальные особенности, так и глобальные тренды.

Заключение

В заключение данной работы следует подчеркнуть, что политическое проектирование представляет собой важный и многогранный процесс, который охватывает как глобальные, так и локальные аспекты. В условиях современного мира, где политические реалии постоянно меняются, а общественные настроения становятся все более динамичными, необходимость в эффективных политических проектах становится особенно актуальной. Политическое проектирование не только формирует стратегические направления развития общества, но и служит инструментом для достижения консенсуса среди различных социальных групп, что в свою очередь способствует укреплению единства и стабильности в государстве.

Глобальные аспекты политического проектирования, как было показано в работе, охватывают широкий спектр вопросов, связанных с международными отношениями, глобальными вызовами и тенденциями. В условиях глобализации, когда события в одной части мира могут оказывать значительное влияние на другие регионы, политические проекты должны учитывать эти взаимосвязи. Примеры успешных политических проектов в США, таких как программы социальной политики и реформы здравоохранения, демонстрируют, как глобальные идеи могут быть адаптированы и реализованы на локальном уровне, что, в свою очередь, способствует улучшению качества жизни граждан.

Локальные аспекты политического проектирования, в свою очередь, акцентируют внимание на специфике региональных и местных сообществ. Здесь важно учитывать культурные, исторические и социальные особенности, которые могут влиять на восприятие и реализацию политических инициатив. Примеры из российской практики показывают, что успешные локальные проекты, такие как программы по развитию местного самоуправления или инициативы по улучшению городской инфраструктуры, могут значительно повысить уровень доверия граждан к власти и активизировать их участие в политических процессах.

Таким образом, специфика политического проектирования, рассматриваемая в данной работе, подчеркивает его значимость как для внутренней, так и для международной политики. Политические проекты, основанные на учете глобальных и локальных аспектов, могут стать мощным инструментом для достижения устойчивого развития общества и повышения качества жизни граждан. Важно, чтобы политические лидеры и организации осознавали эту значимость и стремились к созданию проектов, которые будут отвечать интересам и потребностям общества, способствуя его гармоничному развитию.

Литература

1. Бродель Ф. Грамматика цивилизация. – М.: Издательский дом «Весь мир», 2008. 552 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. /Отв. Красный. О.А. Платонов. 2-е изд. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.
3. Ильин И.В., Габдуллин Р.Р., Рубцова Е.В., Прохорова ДА. Итоги весенней сессии международного научного конгресса «Глобалисти-ка-2023: Устойчивое развитие в контексте глобальных процессов» // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2023. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/itogi-vesenney-sessii-mezhdunarodnogo-nauchnogo-kongressa-globalistika-2023-ustoychivoe-razvitie-v-kontekste-globalnyh-protsessov (дата обращения: 02.04.2026).
4. Коданева С.И. Общество и технологии: возможности и риски коэволюционного развития // Социальные новации и социальные науки. – 2021. – № 1 (3). – https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-i-tehnologii-vozmozhnosti-i-riski-koevolyutsionnogo-razvitiya (дата обращения: 02.04.2026).
5. Колин К.К. Социокультурная трансформация техносферы как глобальная угроза развитию цивилизации в XXI в. // Гуманитарный вестник. – 2023. – № 3 (101). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-transformatsiya-tehnosfery-kak-globalnaya-ugroza-razvitiyu-tsivilizatsii-v-xxi-v (дата обращения: 02.04.2026).

SPECIFICS OF POLITICAL PROJECTION: GLOBAL AND LOCAL ASPECTS

Zakharova S.A., Gomal M.A.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Russian Federation

The relevance of this paper is conditioned by the need for in-depth analysis of political design as an important element of modern political processes. In the conditions of globalization and rapid development of information technologies, political projects become not only a tool for achieving power, but also a means of shaping public opinion, creating identity and consolidating citizens around common goals. In this context, it is important to consider how political projects can be used to solve pressing problems both locally and globally.

Keywords: design, globalization, process, institutions, social networks.

References

1. Brodel F. Grammar of Civilization. – M.: Publishing House “The Whole World”, 2008–552 p.

2. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. /Otv. Krasny. O.A. Platonov. 2nd ed. M.: Institute of Russian Civilization, Blessing, 2011. 816 c.

3. Ilyin I.V., Gabdullin R.R., Rubtsova E.V., Prokhorova DA. Results of the spring session of the international scientific congress “Globalisti-ka-2023: Sustainable development in the context of global processes” // Bulletin of Moscow University. Series 27. Globalistics and geopolitics. – 2023. – № 3. – URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/itogi-vesenney-sessii-mezhdunarodnogo-nauchnogo-kongressa-globalistika-2023-ustoychivoe-razvitie-v-kontekste-globalnyh-protsessov (date of address: 02.04.2026).

4. Kodaneva S.I. Society and technology: opportunities and risks of co-evolutionary development // Social innovations and social sciences. – 2021. – № 1 (3). – https://cyberleninka.ru/ article/n/obschestvo-i-tehnologii-vozmozhnosti-i-riski-koevolyutsionnogo-razvitiya (date of access: 02.04.2026).

5. Kolin K.K. Sociocultural transformation of the technosphere as a global threat to the development of civilization in the XXI century // Humanitarian Bulletin. – 2023. – № 3 (101). – URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-transformatsiya-tehnosfery-kak-globalnaya-ugroza-razvitiyu-tsivilizatsii-v-xxi-v (date of reference: 02.04.2026).

Социально-философская интерпретация кризисов и тупиков модернизационных процессов в контексте трансформации социально-правовых институтов

Леков Денис Костаевич,
аспирант, МГУ им. Н.П. Огарева
E-mail: denis.lekoff@yandex.ru

В представленной статье осуществляется комплексный социально-философский анализ деструктивных явлений, сопутствующих процессам глобальной и локальной модернизации. Автор исследует природу системных кризисов через призму конфликта между универсалистскими моделями западного модерна и партикулярными социокультурными кодами. Особое внимание уделяется анализу «институциональных ловушек» и феномену правовой мимикрии в транзитивных обществах. В работе обосновывается гипотеза, согласно которой тупики модернизации являются следствием онтологического разрыва между импортируемыми формально-юридическими институтами и укорененной социальной архитектоникой.

Ключевые слова: модернизация, социальная философия, институциональный кризис, правосознание, транзитивное общество, аксиология, суверенное развитие.

Современная социально-философская мысль переживает период глубокой ревизии классических парадигм модернизации. Если в середине XX века модернизация воспринималась как телеологический, поступательный процесс линейного прогресса, то современные реалии демонстрируют множественность траекторий, значительная часть которых ведет к состоянию институционального застоя или системного кризиса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления «тупиковых» сценариев развития, где технологическое заимствование не приводит к качественной трансформации общественных отношений.

Фундаментальный кризис модернизации коренится в гносеологической ошибке отождествления «вестернизации» и «современности». Как отмечает С. Эйзенштадт в своей концепции «множественных современностей», модернизация не является унифицированным процессом, а представляет собой сложную амальгаму заимствованных инноваций и эндогенных традиций [1]. Тупик возникает в тот момент, когда внешняя институциональная оболочка вступает в неразрешимое противоречие с аксиологическим фундаментом нации. В правовом поле это проявляется через феномен «правовой имитации», когда заимствованные нормы (например, принципы разделения властей или рыночной конкуренции) превращаются в декоративные элементы. Его суть заключается в том, что механически заимствованные извне институты и нормы, лишенные органической связи с национальной почвой, утрачивают свое реальное функциональное назначение. В результате они превращаются в своего рода юридические декорации, которые не только не трансформируют общественные отношения, но и служат удобным инструментом для легитимации дореформенных алгоритмов управления, основанных на личной зависимости (клиентелизме) и государственной опеке (патернализме).

Развивая эту мысль, следует отметить, что подобная институциональная подмена провоцирует глубокое расслоение правовой реальности. Возникает ситуация, при которой официальное законодательство существует в отрыве от фактической правоприменительной практики. В этой среде закон перестает восприниматься как универсальный регулятор и инструмент защиты интересов граждан, трансформируясь в глазах общества в сложную бюрократическую преграду, которую необходимо преодолевать с помощью неформальных связей и коррупционных механизмов.

В конечном итоге такая деформация правовой системы ведет к закреплению «институциональных ловушек»: попытки реформирования лишь укрепляют архаичные структуры, которые адаптируют новые термины для воспроизводства старых иерархий. Это блокирует возможности для реальной социальной трансформации, поскольку любые прогрессивные начинания поглощаются инерционной средой, превращая модернизацию в бесконечный процесс имитации достижений современности без достижения их качественного содержания.

С позиции социальной философии, модернизационный тупик – это состояние «заблокированного транзита». Это ситуация, в которой общество утратило механизмы традиционной регуляции, но не приобрело устойчивых институтов рационально-правового типа. Ю. Хабермас характеризует подобное состояние как «колонизацию жизненного мира» системными механизмами, что ведет к утрате смысложизненных ориентиров и росту социального отчуждения [2]. В юридическом аспекте этот процесс сопровождается девальвацией авторитета права: правосознание граждан становится фрагментарным, развиваются практики правового нигилизма, вызванные ощущением несправедливости навязанных «сверху» моделей развития.

Важным аспектом анализа кризисов модернизации является концепция «колеи» (path dependence), развитая в трудах Д. Норта. Философская интерпретация этой теории позволяет утверждать, что предшествующий социокультурный опыт накладывает жесткие ограничения на возможные инновации [3]. Попытки форсированного преодоления исторической инерции без учета ментальных структур часто приводят к катастрофическим последствиям: социальная система, защищая свою целостность, вырабатывает «антитела» к реформам.

Продолжая данный дискурс, следует подчеркнуть, что сопротивление системы модернизационному давлению представлено не только в форме институциональной инерции, но и в виде глубокого ценност-

ного сопротивления. В условиях, когда правовые внедрения воспринимаются социумом как угроза идентичности, возникает специфический феномен «реактивной архаизации». Здесь модернизация парадоксальным образом становится триггером для возрождения наиболее консервативных, а порой и деструктивных форм социальной самоорганизации. Общество, не находя в предлагаемых «современных» институтах защиты своих базовых смыслов, апеллирует к идеализированному прошлому, создавая синкретические структуры, где передовые технологии используются для сохранения сословных или клановых привилегий.

Ярчайшей иллюстрацией данного процесса может служить феномен идеализации советского прошлого в сознании части населения, заставшей эпоху СССР. Для многих, кто пережил трансформации 1990-х и последующих десятилетий, прошлое предстает как время гарантированной стабильности, социальной справедливости и сильной государственной власти. Данная идеализация, зачастую игнорирующая дефицит, ограничения свобод и репрессивный аппарат того времени, формирует запрос на «возвращение» к квази-советским моделям управления. Когда предлагаемые современные институты (например, частная собственность, рыночная конкуренция, многопартийность) воспринимаются как источник нестабильности, неравенства и утраты национальной самобытности, возникает ностальгический импульс. Этот импульс может приводить к неосознанному стремлению вернуть элементы планового хозяйства, государственного патернализма или сильной централизованной власти, даже если формально эти идеи противоречат заявленным модернизационным целям. Это стремление к «реставрации» идеализированного прошлого, особенно в условиях неопределенности и социально-экономических трудностей, способно порождать синкретические формы социальной организации. Они могут включать в себя внешние атрибуты современности (например, корпоративные структуры или элементы цифровизации), но при этом сохранять архаичные управленческие практики, основанные на личных связях, неформальных договоренностях и патерналистских ожиданиях. Таким образом, модернизация, вместо того чтобы приводить к подлинной трансформации, лишь усугубляет внутренние противоречия, консервируя архаичные структуры под новой внешностью.

Более того, в контексте информационного общества кризис модернизации приобретает новое измерение – «цифровую имитацию». Внедрение технологических инструментов (e-government, блокчейн-реестры) при сохранении эксплуататорского характера правовых институтов порождает феномен цифрового неопатернализма. В этом случае транспарентность и эффективность, провозглашаемые целями модернизации, подменяются совершенствованием механизмов административного контроля. Юридический тупик здесь заключается в том, что цифровизация не устраняет коррупционные факторы, а переводит их в скрытую, алгоритмическую плоскость, создавая иллюзию объективности при сохранении субъективизма правоприменения.

Критическим элементом «тупиковости» модернизации является также деградация правового инструментализма. Когда право перестает быть ценностно-ориентированным и превращается исключительно в техническое средство реализации политической воли, наступает «кризис телеологии». Модернизация превращается в самоцель, в бесконечный процесс реформирования ради реформирования, лишенный антропоцентрического содержания. С точки зрения социальной философии, это означает утрату субъектности модернизации: общество перестает быть творцом изменений, превращаясь в объект манипуляций в рамках глобальных рыночных и бюрократических трендов. Подобная утрата смыслового вектора ведет к социальной апатии и окончательному закреплению убежденности в безнадежности любых преобразований, при которой любые попытки качественного прорыва заведомо воспринимаются как обреченные на имитацию.

Проблема тупиков модернизации также тесно сопряжена с кризисом идентичности. В условиях глобальной стандартизации правовых и культурных норм локальные сообщества сталкиваются с угрозой онтологического растворения. В ответ на это возникают мощные волны контрмодернизации и фундаментализма. Социально-философская интерпретация данного феномена указывает на то, что кризис – это не просто отсутствие роста, а разрыв коммуникации между прошлым и будущим общества. А.С. Панарин подчеркивал, что модернизация без духовной вертикали неизбежно вырождается в деструктивную архаику под флером высоких технологий [4].

В юридической практике кризис модернизации представляется через «разрыв легитимности». Институты, работающие в условиях западного правопорядка, в транзитивных обществах могут приобретать извлеченный характер, способствуя перераспределению ресурсов в пользу узких элит. Это создает ситуацию «модернизации для немногих», что неизбежно ведет к накоплению протестного потенциала и системной нестабильности. Следовательно, социально-философский анализ требует перехода от изучения количественных показателей (ВВП, индексы инноваций) к качественному анализу социальной справедливости и инклюзивности правовых институтов.

Таким образом, преодоление модернизационных кризисов требует выхода за пределы разделения традиции и современности. Необходим переход к стратегии органического институционального синтеза, где критерием успеха выступает не соответствие внешним стандартам, а способность правовой системы обеспечить социальную интеграцию и защиту достоинства личности на основе собственного культурно-исторического опыта. Только через преодоление имитационной модели и восстановление содержательной легитимности права возможен выход из «колеи» вечного транзита на путь суверенного социального развития.

Можно констатировать, что преодоление модернизационных тупиков возможно лишь через переход к модели «органической модернизации». Данная модель предполагает не механическое копирование, а селективную адаптацию инноваций к национальной правовой культуре. Кризис в данном контексте выступает как необходимый этап самопознания системы, позволяющий отсечь нежизнеспособные симулякры. Социально-философская интерпретация кризисов модернизации должна быть направлена на поиск механизмов синтеза универсального и национального, что позволит избежать институциональных деформаций и обеспечить устойчивое, субъектное развитие государства в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Эйзенштадт С.Н. Новые парадигмы модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. – Москва: Аспект Пресс, 1999. – С. 470–479.
2. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д.В. Скляднева. – Санкт-Петербург.: Наука, 2001. – 380 с.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. – Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
4. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Логос, 1998. – 392 с.
5. Федотова, В.Г. Модернизация «другой» Европы. – Москва: ИФ-РАН, 1997. – 255 с.
6. Аджемоглу Д., Робинсон, Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. – Москва: АСТ, 2016. – 693 с.
7. Институциональные ловушки и экономические реформы / Под ред. В.М. Полтеровича. – Москва: Экономика, 2004. – 156 с.

A SOCIO-PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF CRISES AND DEADLOCKS IN MODERNIZATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF SOCIO-LEGAL INSTITUTIONS

Lekov D.K.
N.P. Ogarev Mordovian State University

This article provides a comprehensive socio-philosophical analysis of the destructive phenomena accompanying the processes of global and local modernization. The author explores the nature of systemic crises through the lens of the conflict between universalist models of Western modernity and particular sociocultural codes. Special attention is given to the analysis of "institutional traps" and the phenomenon of legal mimicry in transitional societies. The paper substantiates the hypothesis that the deadlocks of modernization are a consequence of the ontological gap between imported formal-legal institutions and the rooted social architectonics.

Keywords: modernization, social philosophy, institutional crisis, legal consciousness, transitional society, axiology, sovereign development.

References

1. Eisenstadt S.N. New Paradigms of Modernization // Comparative Study of Civilizations: Reader / Comp. B.S. Yerasov. Moscow: Aspekt Press, 1999. – Pp. 470–479.
2. Habermas J. Moral Consciousness and Communicative Action / Translated from German under the editorship of D.V. Sklyadnev. – St. Petersburg: Nauka, 2001. – 380 p.
3. North D. Institutions, Institutional Changes and the Functioning of the Economy / Translated from English by A.N. Nesterenko. – Moscow: Economic Book Foundation "Nachala", 1997. – 180 p.
4. Panarin A.S. Revenge of History: Russian Strategic Initiative in the 21st Century. – Moscow: Logos, 1998. – 392 p.
5. Fedotova, V.G. Modernization of the "Other" Europe. – Moscow: IFRAS, 1997. – 255 p.
6. Acemoglu, D., Robinson, J.A. Why Some Countries Are Rich and Others Poor. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. – Moscow: AST, 2016. – 693 p.
7. Institutional Traps and Economic Reforms / Ed. by V.M. Polterovich. – Moscow: Ekonomika, 2004. – 156 p.

Геополитическое значение Гренландии в формировании маршрутов Ледового шелкового пути и трансформации международных отношений в Арктике

Ло Сии,
аспирант Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: st106516@student.spbu.ru

Геополитическое значение Гренландии определяется ее стратегическим положением в системе формирующихся трансарктических маршрутов Ледового шелкового пути, где остров влияет на доступность Северо-Западного прохода, Трансполярного коридора и общую конфигурацию арктического судоходства в условиях прогрессирующего сокращения ледового покрова и климатических трансформаций. Многомерный анализ раскрывает переплетение географических преимуществ с ресурсным потенциалом, включающим крупные месторождения редкоземельных элементов, урана, углеводородов и пресной воды, военно-стратегическими императивами, связанными с базой Туле и GIUK-рубежом, а также с институциональными и правовыми аспектами, такими как эволюция Арктического совета, заявки на расширение континентального шельфа и адаптация норм морского права к новым реалиям. Взаимодействие этих факторов с внутренними процессами гренландского общества, ориентированными на самоопределение инуитов, экологическую устойчивость и преодоление экономической зависимости, рассматривается сквозь призму классических геополитических теорий морской мощи и римленда в сочетании с критической геополитикой, теорией международных режимов и системным подходом, позволяющим представить Арктику как сложную адаптивную систему с эмерджентными свойствами. Дискурсивное конструирование значения острова различными акторами, конкуренция арктических и внеарктических держав, неопределенность инфраструктурного развития и множественность сценариев будущего подчеркивают возрастающую роль Гренландии в глобальной геополитике, что делает материал релевантным для понимания взаимосвязей между климатом, логистикой, безопасностью и постколониальной динамикой в высоких широтах.

Ключевые слова: Гренландия, Ледовый шелковый путь, Арктика, геополитика, трансарктические маршруты.

Введение

Арктический регион на протяжении последних двух десятилетий претерпевает фундаментальные изменения, связанные не только с климатическими процессами, но и с нарастающей геополитической конкуренцией ведущих мировых держав. Сокращение площади ледового покрова Северного Ледовитого океана, фиксируемое спутниковыми наблюдениями с конца 1970-х годов, открывает принципиально новые возможности для судоходства, добычи полезных ископаемых и военно-стратегического присутствия в высоких широтах [3]. В этом контексте Гренландия – крупнейший остров планеты, расположенный на стыке Северной Америки и Европы и контролирующий подходы к нескольким потенциальным трансарктическим маршрутам, – приобретает значение, которое ещё четверть века назад было трудно вообразить. Интерес к Гренландии проявляют не только государства, исторически связанные с Арктикой, но и державы, находящиеся далеко за пределами полярного круга, что свидетельствует о глобальном характере происходящей трансформации международных отношений в этом регионе.

Концепция Ледового шелкового пути, впервые артикулированная в официальных документах и экспертных дискуссиях в 2017–2018 годах, предполагает создание трансарктических транспортных коридоров, соединяющих Восточную Азию с Европой через Северный Ледовитый океан [7]. Эта идея органически вписывается в более широкую парадигму формирования новых глобальных логистических цепочек, альтернативных или комплементарных традиционным маршрутам, проходящим через Суэцкий канал и Малаккский пролив. Северный морской путь, Северо-Западный проход и потенциальный Трансполярный маршрут рассматриваются в качестве трёх основных артерий, каждая из которых имеет собственные навигационные, климатические и правовые особенности [11]. Гренландия в этой системе координат занимает положение, позволяющее влиять на функционирование как минимум двух из трёх указанных маршрутов – Северо-Западного прохода и Трансполярного маршрута, а косвенно – и на общую конфигурацию арктического судоходства.

Политический статус Гренландии сам по себе представляет предмет международно-правового интереса. Формально являясь автономной территорией в составе Королевства Дания, остров обладает широким самоуправлением, закреплённым Актом о самоуправлении 2009 года, и в перспективе может двигаться к полной независимости [1]. Внутренняя динамика гренландского общества, насчитывающего около 56 тысяч жителей, переплетается с глобальными геополитическими расчётами, создавая многослойную картину, в которой вопросы идентичности, постколониального самоопределения и ресурсного потенциала оказываются неразрывно связаны с интересами крупных внерегиональных игроков. Ресурсная база Гренландии – редкоземельные элементы, уран, нефть и газ на шельфе, а также значительные запасы пресной воды, сосредоточенные в ледниковом щите, – делает остров объектом устойчивого экономического внимания [9]. Это обстоятельство, наложенное на стратегическое расположение, превращает Гренландию в один из ключевых узлов формирующейся арктической геополитики.

Научная литература, посвящённая арктической проблематике, значительно расширилась за последнее десятилетие, однако работы, в которых геополитическое значение Гренландии анализировалось бы в систематической связи с формированием маршрутов Ледового шелкового пути, остаются сравнительно немногочисленными [5]. Отдельные аспекты – военно-стратегические, экономические, правовые – рассматриваются преимущественно изолированно друг от друга, что затрудняет формирование целостного представления о месте Гренландии в трансформирующейся архитектуре арктических международных отношений. Между тем именно интегральный подход, учитывающий взаимосвязь транспортно-логистических, ресурсных и военно-стратегических факторов, позволяет объяснить ту степень внимания, которую Гренландия привлекает в настоящее время со стороны как арктических, так и внеарктических государств [14]. Настоящая статья направлена на анализ геополитического значения Гренландии в контексте формирования трансарктических маршрутов и сопряжённой трансформации международных отношений в Арктике, с акцентом на теоре-

тическое осмысление роли острова как элемента нескольких конкурирующих и взаимодополняющих геополитических проектов.

Материалы и методы исследования

Методологической основой работы послужило сочетание классических геополитических теорий, включая концепции морской и континентальной мощи, с современными подходами критической геополитики, которые позволяют выйти за рамки чисто пространственного детерминизма и учесть дискурсивные, нормативные и институциональные измерения арктической политики [12]. Также привлекались элементы теории международных режимов, обеспечивающие аналитическую рамку для оценки роли многосторонних институтов – прежде всего Арктического совета – в регулировании отношений между заинтересованными государствами. Источниковая база включала арктические стратегии государств, тексты международных соглашений, статистические данные о динамике ледового покрова и грузоперевозках по арктическим маршрутам, а также публикации в рецензируемых научных журналах по международным отношениям, политической географии и арктическим исследованиям. Отбор источников осуществлялся с учётом необходимости представить позиции различных национальных экспертных сообществ, что позволяет минимизировать односторонность интерпретаций.

Результаты и обсуждение

Геополитическое значение Гренландии невозможно корректно оценить без обращения к классическим теоретическим конструкциям, определившим западную и не только западную традицию осмысления пространства и власти. Хэлфорд Маккиндер в своей знаменитой концепции «Хартленда», сформулированной в начале XX века, сосредоточил внимание на внутренних пространствах Евразии как потенциальном центре глобальной мощи, при этом арктическое побережье рассматривалось им преимущественно как периферия, недоступная для морских держав [2]. Альфред Мэхэн, напротив, акцентировал контроль над морскими коммуникациями как основу геополитического доминирования, и именно его подход оказывается продуктивным при анализе значения Гренландии в условиях открытия новых морских маршрутов [8]. Если следовать логике Мэхэна, Гренландия представляет собой стратегическую позицию, способную контролировать или, по крайней мере, влиять на морские коммуникации между Атлантическим и Северным Ледовитым океанами – зону, значение которой возрастает пропорционально увеличению арктического судоходства.

Николас Спайкмен, предложивший концепцию «Римленда» – прибрежной зоны Евразии как ключевой области геополитической конкуренции, – по существу, расширил представление о стратегически значимых морских пространствах [4]. В современной интерпретации его идей Арктика может рассматриваться как новый элемент глобального «Римленда», формирующийся по мере того, как климатические изменения делают северные морские маршруты пригодными для регулярного судоходства. Гренландия в этой парадигме оказывается одним из ключевых звеньев арктического «Римленда», обеспечивающим связь между Северной Америкой и Европой через высокоширотные пространства. Её географическое положение – между Канадским Арктическим архипелагом на западе, Исландией и Скандинавией на востоке, а также арктическим бассейном на севере – создаёт уникальную конфигурацию потенциального контроля над несколькими стратегическими направлениями одновременно.

Концепция Ледового шелкового пути, рассматриваемая в рамках более широкой инициативы «Пояс и путь», представляет собой попытку включить арктическое пространство в глобальную сеть экономических коридоров, связывающих основные центры мирового производства и потребления [7]. Северный морской путь, проходящий вдоль северного побережья Евразии, является наиболее освоенным из трансарктических маршрутов: объём грузоперевозок по нему демонстрировал устойчивый рост на протяжении 2010-х годов, хотя и с существенными колебаниями, обусловленными ледовыми условиями и геополитическими факторами. Северо-Западный проход, пролегающий через Канадский Арктический архипелаг, остаётся значительно менее развитым с точки зрения инфраструктуры и навигационного обеспечения, однако его потенциальная привлекательность для судоходства между Восточной Азией и восточным побережьем Северной Америки и Европы не вызывает сомнений. Именно в контексте Северо-Западного прохода географическое положение Гренландии приобретает особое значение: проливы между Гренландией и Канадским Арктическим архипелагом – пролив Нэрса, Девисов пролив, пролив Смита – представляют собой ключевые точки, контроль над которыми определяет доступность маршрута.

Трансполярный маршрут, предполагающий прямое пересечение центральной части Северного Ледовитого океана, в настоящее время остаётся скорее перспективным проектом, нежели реальностью, однако климатические прогнозы указывают на возможность его сезонного использования уже к середине текущего столетия [15]. Если этот маршрут станет коммерчески жизнеспособным, он существенно сократит расстояние между портами Восточной Азии и Северной Европы по сравнению как с Суэцким каналом, так и с Северным морским путём. Гренландия в случае реализации Трансполярного маршрута будет находиться в непосредственной близости от его южного участка, где суда входят в Атлантический океан, что потенциально делает гренландские порты естественными пунктами обслуживания и перевалки грузов. Вместе с тем необходимо учитывать, что инфраструктурный потенциал Гренландии в настоящее время крайне ограничен: остров располагает лишь несколькими небольшими портами, ни один из которых не приспособлен для приёма крупнотоннажных судов.

Военно-стратегическое измерение геополитического значения Гренландии имеет глубокие исторические корни. Ещё в годы Второй мировой войны Соединённые Штаты разместили на острове военные базы, наиболее известной из которых стала авиабаза Туле (ныне – база Питуффик), построенная в 1951 году и функционирующая по сей день как часть системы раннего предупреждения о ракетном нападении и космического наблюдения [10]. В период холодной войны Гренландия рассматривалась прежде всего в контексте противостояния между НАТО и Организацией Варшавского договора, а Датские проливы и GIUK-рубеж (Гренландия – Исландия – Соединённое Королевство) составляли ключевой элемент противолодочной обороны Североатлантического альянса. Современная ситуация во многом воспроизводит эту логику, хотя и в изменившихся условиях: модернизация подводных флотов, развитие гиперзвукового оружия и нарастающая военная активность в Арктике возвращают GIUK-рубежу его прежнее стратегическое значение [13]. Гренландия, таким образом, оказывается элементом не только транспортно-логистических, но и военно-стратегических расчётов, причём эти два измерения тесно переплетены.

Ресурсный потенциал Гренландии добавляет дополнительный слой к её геополитическому значению. Геологические исследования указывают на наличие значительных запасов редкоземельных элементов, в том числе в месторождении Кванефьельд на юге острова, которое считается одним из крупнейших в мире [9]. Редкоземельные элементы критически важны для производства высокотехнологичной продукции – от смартфонов до ветрогенераторов и компонентов оборонных систем, – а мировой рынок этих ресурсов отличается высокой степенью концентрации, что порождает озабоченность диверсификацией источников поставок у многих государств. Потенциальная разработка гренландских месторождений могла бы существенно изменить баланс на глобальном рынке редкоземельных элементов, однако экологические, технологические и социальные ограничения – прежде всего позиция местного населения – делают этот сценарий далёким от автоматической реализации. В 2021 году парламентские выборы в Гренландии фактически превратились в референдум по вопросу о добыче урана и редкоземельных металлов, и победу одержали силы, выступавшие против масштабных горнодобывающих проектов, что наглядно демонстрирует значение внутриполитического фактора.

Институциональная среда арктического управления, в рамках которой определяется роль Гренландии, также переживает период серьёзных изменений. Арктический совет, созданный в 1996 году как ключевой форум для обсуждения арктических вопросов, традиционно делал акцент на научном сотрудничестве, охране окружающей среды и устойчивом развитии, намеренно дистанцируясь от проблем безопасности [6]. Однако геополитическая напряжённость, нараставшая с середины 2010-х годов и обострившаяся после 2022 года, поставила под вопрос способность этого института выполнять свои функции в прежнем формате. Приостановка работы Арктического совета и последующее ограниченное возобновление его деятельности обнажили структурные противоречия арктического управления, в котором нормы мирного сотрудничества сосуществуют с логикой геополитического соперничества. Гренландия как территория, подпадающая под юрисдикцию одного из членов НАТО – Дании, – неизбежно оказывается встроенной в эту институциональную динамику, причём собственные интересы гренландского самоуправления далеко не всегда совпадают с приоритетами Копенгагена или других столиц.

Теория международных режимов, разрабатывавшаяся Стивеном Краснером, Робертом Кеохейном и другими исследователями, предоставляет полезную аналитическую рамку для осмысления ситуации [12]. Арктический режим – понимаемый как совокупность норм, правил и процедур принятия решений, регулирующих поведение государств в данном регионе, – формировался в условиях относительно низкой

геополитической конкуренции 1990-х и 2000-х годов. Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, Илулиссатская декларация 2008 года, подписанная пятью прибрежными арктическими государствами, и ряд соглашений, заключённых под эгидой Арктического совета, создали правовую основу, которая, однако, не учитывала масштабных изменений в геополитическом ландшафте. Появление концепции Ледового шелкового пути и активизация внеарктических государств в регионе поставили вопрос об адекватности существующего режима новым реалиям. Гренландия с её неопределённым политическим будущим – возможность полной независимости остаётся формально открытой – добавляет элемент нестабильности в эту и без того сложную картину.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о дискурсивном конструировании значения Гренландии в современных геополитических нарративах. Критическая геополитика, представленная работами Джерарда Тоала, Клауса Доддса и других авторов, обращает внимание на то, что «геополитические факты» не являются объективными данностями, а в значительной мере конструируются посредством дискурсов, воспроизводимых политическими элитами, экспертным сообществом и средствами массовой информации [4]. Если посмотреть на Гренландию через призму этого подхода, становится очевидным, что её «стратегическое значение» формируется не только объективными географическими и ресурсными параметрами, но и тем, как эти параметры интерпретируются и представляются различными акторами. Один и тот же географический факт – расположение Гренландии между Северной Америкой и Европой в высоких широтах – может прочитываться совершенно по-разному: как возможность экономического развития через участие в арктических логистических цепочках, как угроза безопасности, требующая усиления военного присутствия, или как экологическая ответственность, связанная с сохранением крупнейшего ледникового щита Северного полушария.

Вопрос о самоопределении Гренландии вносит в дискуссию специфическое измерение, которое нередко остаётся на периферии геополитических анализов, сфокусированных на великодержавных расчётах. Инуитское население острова, составляющее подавляющее большинство его жителей, обладает собственным видением будущего, которое не сводится ни к датскому суверенитету, ни к вхождению в орбиту какой-либо иной державы [1]. Инуитский циркумполярный совет – международная организация, представляющая интересы инуитов Канады, Гренландии, Аляски и Чукотки, – последовательно отстаивает принцип, согласно которому коренные народы Арктики должны быть полноправными участниками принятия решений, затрагивающих их территории и образ жизни. Этот принцип, однако, вступает в напряжение с логикой великодержавной конкуренции, в которой голоса малых сообществ нередко заглушаются шумом геополитических баталий. Существенно и то, что экономическая зависимость Гренландии от датских субсидий – ежегодный блоковый грант составляет около 3,4 миллиарда датских крон – ограничивает реальную автономию острова в проведении независимой внешней политики, создавая структурное противоречие между юридическим самоуправлением и экономической несамостоятельностью [10].

Энергетическое измерение арктической геополитики применительно к Гренландии связано прежде всего с перспективами освоения углеводородных ресурсов шельфа. Геологические оценки, проведённые Геологической службой США и датскими исследовательскими институтами, указывают на наличие существенных запасов нефти и газа в акватории вокруг Гренландии, хотя точные объёмы остаются предметом дискуссий [15]. Ряд лицензионных раундов на разведку, проведённых в 2000-х и 2010-х годах, привлёк интерес крупных нефтяных компаний, однако ни одно из разведочных бурений не дало коммерчески значимых результатов, а снижение мировых цен на нефть в 2014–2016 годах существенно ослабило интерес к дорогостоящим арктическим проектам. В 2021 году правительство Гренландии приняло решение о прекращении выдачи новых лицензий на разведку нефти и газа, сославшись на климатические соображения, – шаг, который был воспринят международным экспертным сообществом неоднозначно. С одной стороны, он свидетельствует о серьёзности экологических обязательств гренландского руководства; с другой – ставит вопрос о том, каким образом остров сможет обеспечить экономическую базу для потенциальной независимости без доходов от добычи углеводородов.

Формирование маршрутов Ледового шелкового пути затрагивает не только технические вопросы навигации и инфраструктуры, но и фундаментальные проблемы международного права, прежде всего – разграничение юрисдикций в арктических водах и определение правового статуса различных морских пространств [11]. Конвенция ООН по морскому праву предоставляет прибрежным государствам суверенные права на исключительную экономическую зону шириной в 200 морских миль и возможность расширения прав на континентальный шельф за этими пределами при условии научного обоснования соответствующих заявок. Дания от имени Гренландии подала в Комиссию по границам континентального шельфа заявку, претендующую, в частности, на часть хребта Ломоносова – подводной горной гряды, пересекающей Северный Ледовитый океан, – что создаёт зону пересечения интересов с другими арктическими государствами, подавшими аналогичные заявки [3]. Разрешение этих пересекающихся претензий будет иметь прямые последствия для правового режима судоходства по трансарктическим маршрутам и, следовательно, для коммерческой жизнеспособности Ледового шелкового пути.

Взаимосвязь между климатическими процессами и геополитическими трансформациями в Арктике описывается рядом теоретических моделей, однако ни одна из них не претендует на исчерпывающее объяснение наблюдаемой динамики [14]. Модели «арктической гонки» или «новой холодной войны за Арктику», получившие широкое распространение в публицистике и отчасти в академическом дискурсе, подвергаются обоснованной критике за упрощение сложной картины, в которой элементы сотрудничества сосуществуют с элементами конкуренции. Модели «арктического исключительства», напротив, подчёркивающие уникальность арктического региона как зоны мира и сотрудничества, оказываются недостаточными для объяснения нарастающей военной активности и геополитической напряжённости. Более продуктивным представляется подход, рассматривающий Арктику как сложную адаптивную систему, в которой различные факторы – климатические, экономические, военные, правовые, культурные – взаимодействуют нелинейным образом, порождая эмерджентные свойства, не выводимые из характеристик отдельных компонентов [8]. Гренландия в рамках такого подхода выступает не просто как объект геополитической конкуренции, а как активный элемент системы, способный – через решения своего самоуправления, через позицию коренного населения, через экологическую политику – влиять на поведение всей системы в целом.

Необходимо отметить и роль научной инфраструктуры Гренландии в формировании международных отношений в Арктике. Остров является площадкой для масштабных международных научных программ – от бурения ледяных кернов, позволяющих реконструировать палеоклимат за сотни тысяч лет, до мониторинга биоразнообразия и изучения северного сияния [2]. Научное сотрудничество в Гренландии традиционно выступало стабилизирующим фактором в международных отношениях, обеспечивая каналы коммуникации даже в периоды политической напряжённости. Однако в условиях усиливающейся секьюритизации арктического пространства – тенденции к рассмотрению всё большего числа вопросов через призму безопасности – научная деятельность тоже оказывается затронутой: ограничения на доступ к территориям, усложнение визовых процедур, подозрительное отношение к иностранным исследователям становятся всё более заметными.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что геополитическое значение Гренландии в контексте формирования маршрутов Ледового шелкового пути и трансформации международных отношений в Арктике определяется уникальным сочетанием географических, ресурсных, правовых и институциональных факторов, ни один из которых не может быть адекватно понят в изоляции от остальных. Остров расположен в зоне пересечения нескольких потенциальных трансарктических маршрутов, обладает значительными запасами стратегически важных минеральных ресурсов и занимает ключевое положение в системе безопасности Северной Атлантики, что делает его объектом устойчивого внимания со стороны множества государственных и негосударственных акторов. При этом внутриполитическая динамика Гренландии – стремление к расширению автономии или полной независимости, экологические приоритеты местного населения, ограниченность экономической базы – вносит существенный элемент неопределённости в любые прогнозные построения.

Классические геополитические теории – от концепций морской мощи Мэхэна до «Римленда» Спайкмена – предоставляют полезные, но недостаточные аналитические инструменты для осмысления современной роли Гренландии. Они позволяют зафиксировать стратегическое значение географического положения острова, однако не учитывают в полной мере дискурсивные, нормативные и экологические измерения проблемы, которые приобретают всё большее значение в условиях XXI века. Обращение к критической геополитике, теории международных режимов и системному анализу позволяет дополнить пространственный подход пониманием того, как геополитические зна-

чения конструируются, оспариваются и трансформируются в процессе взаимодействия различных акторов.

Формирование маршрутов Ледового шелкового пути остаётся процессом, находящимся на ранней стадии, и его конечная конфигурация будет зависеть от множества переменных – темпов климатических изменений, динамики мировой торговли, развития ледокольного флота и портовой инфраструктуры, а также от правовых и политических решений, которые будут приняты заинтересованными государствами. Гренландия в этом контексте может сыграть роль как важного транзитного и инфраструктурного узла, так и – при определённых условиях – барьера, ограничивающего доступ к тем или иным маршрутам. Многое будет определяться тем, в какой мере гренландское самоуправление сумеет сбалансировать экономические интересы, связанные с участием в арктической логистике, с экологическими обязательствами и стремлением сохранить собственную культурную идентичность.

Существенным представляется и то, что арктическая система международных отношений находится в состоянии транзита, характеризующемся одновременным действием центробежных и центростремительных тенденций. Институты арктического управления – Арктический совет, правовой режим Конвенции ООН по морскому праву – сохраняют свою значимость, но испытывают нарастающее давление со стороны геополитических процессов, которые они изначально не были призваны регулировать. Вовлечение внеарктических государств, секьюритизация арктического пространства, конкуренция за ресурсы и маршруты – всё это создаёт новую реальность, в которой Гренландия с неизбежностью будет играть всё более заметную роль. Понимание этой роли требует не одномерных геополитических схем, а многофакторного анализа, учитывающего как глобальные тенденции, так и специфику локального контекста – малочисленного общества, стоящего перед историческим выбором в условиях беспрецедентного внешнего давления и стремительных изменений природной среды.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что значение Гренландии для глобальной геополитики будет возрастать вне зависимости от того, какой конкретный сценарий реализуется в отношении трансарктических маршрутов или политического статуса острова. Само наличие нескольких конкурирующих проектов – транспортно-логистического, ресурсного, военно-стратегического, экологического, – каждый из которых предполагает ту или иную форму вовлечения Гренландии, гарантирует сохранение и усиление международного внимания к этой территории. Задача научного сообщества состоит в том, чтобы обеспечить аналитическую основу для принятия решений, способных учесть всю сложность ситуации, включая голоса тех, кто непосредственно живёт на этой земле и чья судьба в конечном счёте будет определена не только кабинетами далёких столиц, но и собственным выбором гренландского народа.

Литература

1. Белухин Н.Е. Борьба за «ледяную Африку»? Гренландия между колониальным прошлым, интересами США и стратегической автономией ЕС // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2024. № 1. С. 39–51. DOI: 10.20542/afij-2024-1-39-51.

2. Воротников В.В., Збирун Д.Н. Проблема сепаратизма Гренландии и Фарерских островов во внешней политике Королевства Дания // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2024. № 2(38). С. 97–111. DOI: 10.15211/vestnikieran2202497111.

3. Карпушева В.А., Козлова К.В., Минкова К.В. Арктический вектор в парадипломатии Гренландии и Фарерских островов // Известия Смоленского государственного университета. 2025. № 1(69). С. 195–212. DOI: 10.35785/2072-9464-2025-69-1-195-212.

4. Лабецкая Е.О. «Бесконфликтная Арктика»: Pro et Contra // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 4. С. 34–46. DOI: 10.20542/afij-2021-4-34-46.

5. Лабецкая Е.О. Арктический фронт мировой гибридной войны // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 153–174. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-153-174.

6. Николаев Н.А. Промежуточные итоги развития европейского вектора китайской инициативы «Ледовый Шелковый путь» // Современная Европа. 2024. № 3. С. 196–208. DOI: 10.31857/S0201708324030161.

7. Забелла А.А. Политика Китая в Арктике: амбиции и реалии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 2. С. 172–186. DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-2-172-186.

8. Галимуллин Э.З., Кашин В.Б., Крамаренко А.С. Снежный Дракон: политика Китая в Арктике перед лицом новых вызовов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 3. С. 358–370. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-358-370.

9. Лукин А.Л., Ли Юнхуэй, Кейдун И.Б. Россия и Китай в Арктике: состояние и перспективы двустороннего сотрудничества // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 123–131. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/123-131.

10. Акимов Р.Х. Арктика с китайской спецификой // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 89–108. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.89.

11. Зайков К.С., Спиридонов А.А., Фадеев А.М. Сотрудничество России и Китая в Арктике в энергетической сфере: стратегический взгляд // Арктика и Север. 2024. № 54. С. 22–37. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.54.22.

12. Ян Нань, Го Пэйцзин. Китайско-российское сотрудничество в Арктике: текущая ситуация, вызовы и приоритеты развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 3. С. 259–273. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.14.

13. Лексютина Я.В., Чжоу Г. Китай в российских арктических СПГ-проектах: мотивация участия, роль и результаты // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 2. С. 12–16. DOI: 10.24158/pep.2022.2.1.

14. Ло Сюань. Стратегические интересы РФ и КНР в Арктике // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 10. С. 36–43. DOI: 10.24158/pep.2022.10.5.

15. Черняев М.В., Егорычева Е.А., Сидорова Е.Ю. Россия и Китай в Арктике: современное состояние и перспективы развития сотрудничества // Арктика и Север. 2025. № 61. С. 173–184. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.61.173.

THE GEOPOLITICAL SIGNIFICANCE OF GREENLAND IN THE FORMATION OF THE ICE SILK ROAD ROUTES AND THE TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE ARCTIC

Luo Xiyi
Postgraduate student at St. Petersburg State University

The geopolitical significance of Greenland is determined by its strategic position in the system of emerging trans-Arctic routes of the Ice Silk Road, where the island affects the accessibility of the Northwest Passage, the Transpolar Corridor, and the overall configuration of Arctic shipping in the context of the progressive reduction of ice cover and climate transformations. Multidimensional analysis reveals the interplay of geographical advantages with resource potential, including large deposits of rare-earth elements, uranium, hydrocarbons, and fresh water, as well as military-strategic imperatives related to the Thule base and the GIUK frontier, and institutional and legal aspects such as the evolution of the Arctic Council, claims for the expansion of the continental shelf, and the adaptation of maritime law norms to new realities. The interaction of these factors with the internal processes of Greenlandic society, which are focused on Inuit self-determination, environmental sustainability, and overcoming economic dependence, is examined through the lens of classical geopolitical theories of maritime power and Rimland, combined with critical geopolitics, the theory of international regimes, and a systemic approach that allows us to view the Arctic as a complex adaptive system with emergent properties. The discursive construction of the island's significance by various actors, the competition of Arctic and non-Arctic powers, the uncertainty of infrastructure development, and the multiplicity of future scenarios highlight Greenland's increasing role in global geopolitics, making the material relevant for understanding the interconnections between climate, logistics, security, and postcolonial dynamics in the high latitudes.

Keywords: Greenland, Ice Silk Road, Arctic, geopolitics, trans-Arctic routes.

References

1. Belukhin N.E. The Struggle for "Icy Africa"? Greenland between the Colonial Past, US Interests, and the EU's Strategic Autonomy // Analysis and Forecast. Journal of IMEMO RAS. 2024. No. 1. Pp. 39–51. DOI: 10.20542/afij-2024-1-39-51.

2. Vorotnikov V.V., Zbirun D.N. The Problem of Greenland and the Faroe Islands' Separatism in the Foreign Policy of the Kingdom of Denmark // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 2(38). Pp. 97–111. DOI: 10.15211/vestnikieran2202497111.

3. Karpusheva V.A., Kozlova K.V., Minkova K.V. The Arctic Vector in the Paradiplomacy of Greenland and the Faroe Islands // Izvestiya of the Smolensk State University. 2025. No. 1(69). Pp. 195–212. DOI: 10.35785/2072-9464-2025-69-1-195-212.

4. Labetskaya E.O. "Conflict-Free Arctic": Pro et Contra // Analysis and Forecast. IMEMO Journal of RAS. 2021. No. 4. Pp. 34–46. DOI: 10.20542/afij-2021-4-34-46.

5. Labetskaya E.O. The Arctic Front of the Global Hybrid War // Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics. 2024. Vol. 16. No. 3. Pp. 153–174. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-153-174.

6. Nikolaev, N.A. Intermediate Results of the Development of the European Vector of the Chinese Ice Silk Road Initiative // Contemporary Europe. 2024. No. 3. Pp. 196–208. DOI: 10.31857/S0201708324030161.

7. Zabella A.A. China's Arctic Policy: Ambitions and Realities // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: General History. 2025. Vol. 17. No. 2. Pp. 172–186. DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-2-172-186.

8. Galimullin E.Z., Kashin V.B., Kramarenko A.S. The Snow Dragon: China's Arctic Policy in the Face of New Challenges // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2024. Vol. 24. No. 3. Pp. 358–370. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-358-370.

9. Lukin A.L., Li Yunhui, Keidun I.B. Russia and China in the Arctic: State and Prospects of Bilateral Cooperation // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2022. No. 1. Pp. 123–131. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/123-131.

10. Akimov R. Kh. The Arctic with Chinese Characteristics // Arctic and the North. 2023. No. 50. pp. 89–108. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.89.

11. Zaikov K.S., Spiridonov A.A., Fadeev A.M. Cooperation between Russia and China in the Arctic in the energy sector: a strategic view // Arctic and the North. 2024. No. 54. pp. 22–37. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.54.22.

12. Yang Nan, Guo Peijing. Chinese-Russian Cooperation in the Arctic: Current Situation, Challenges, and Development Priorities // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2022. Vol. 15. No. 3. Pp. 259–273. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.14.

13. Leksyutina Ya. V., Zhou G. China in Russian Arctic LNG Projects: Motivation for Participation, Role, and Results // Society: Politics, Economics, Law. 2022. No. 2. Pp. 12–16. DOI: 10.24158/pep.2022.2.1.

14. Luo Xuan. Strategic Interests of the Russian Federation and the People's Republic of China in the Arctic // Society: Politics, Economics, Law. 2022. No. 10. pp. 36–43. DOI: 10.24158/pep.2022.10.5.

15. Chernyaev M.V., Egorycheva E.A., Sidorova E. Yu. Russia and China in the Arctic: the current state and prospects for the development of cooperation // Arctic and North. 2025. No. 61. pp. 173–184. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.61.173.

Аспекты отношений с ЕС, а также политики европейской интеграции Грузии в период президентских полномочий М.Н. Саакашвили (2003–2013 гг.)

Макашов Алексей Игоревич,
студент магистратуры, Институт Евразийских и межрегиональных исследований, Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: alex2002hoc@gmail.com

Данная статья посвящена анализу отношений Грузии и Европейского союза, а также политики европейской интеграции Грузии как их составной части в период президентства М.Н. Саакашвили. Автор рассматривает в работе эволюцию политического диалога Грузии и ЕС с 2003 по 2013 гг. Кроме того, исследователь делает вывод о том, что евроинтеграция стала краеугольным камнем внешнеполитического курса правительства Саакашвили. Также, автор отмечает резко охладившиеся отношения Тбилиси и Москвы на фоне кризисов 2003 г. (Революции роз), 2006 г. (шпионского скандала), 2008 г. (пятидневной войны и разрывом дипломатических отношений), что предопределило проевропейский курс во внешнеполитической стратегии Грузии.

Ключевые слова: евроинтеграция, политика соседства, Европейский союз, актор, Революция роз, кризис, реформа, диалог.

Введение

Особенно интенсивное развитие отношений между Грузией и Евросоюзом наблюдалось в годы президентства Михаила Саакашвили. Этот период стал знаковым как для страны, так и для европейского сообщества в целом, так как реформы, им инициированные, были тепло встречены западными партнерами Тбилиси. Со временем отношения Грузии и ЕС для южнокавказской республики приобрели формат евроинтеграции. Грузия в этот период воспринималась как яркий пример успешного продвижения демократических процессов среди стран – бывших республик Советского Союза.

Одним из ключевых факторов, способствовавших формированию внешнеполитического курса Грузии в годы правления Михаила Саакашвили, является сама личность президента. Как глава государства, он проявил многосторонние способности в установлении и укреплении связей с европейскими политическими элитами, что позволило ему завоевать значительный авторитет среди представителей Брюссельского бюрократического аппарата. Его опыт и широкие знания в области международных отношений и государственного управления стали важными активами для страны, стремившейся к интеграции в европейские структуры.

Кроме того, в этот период Грузия усердно работала над улучшением своего имиджа и укреплением позиций на международной арене. Саакашвили стремился продемонстрировать, что Грузия способна стать полноценным членом европейского сообщества, и для этого были предприняты значительные усилия в сфере реформ. Важным аспектом его политики было привлечение иностранных инвестиций и содействие развитию бизнеса, что также способствовало укреплению экономических связей с Европой.

Актуальность

Исследование двусторонних отношений Грузии и ЕС, процесса интеграции Грузии в структуры Европейского союза (2003–2013 гг.) актуально не только с точки зрения анализа внутренней ситуации в стране, но и в контексте глобальных процессов, происходящих в регионе Южного Кавказа и мировой политике в целом. Оно позволяет глубже понять тенденции современного мира и возможные сценарии дальнейшего развития политической ситуации. Необходимо подчеркнуть, для углубленного изучения проблематики важно учитывать текущие события, политический контекст, а также динамику изменения ситуации.

Цель исследования: комплексно рассмотреть двусторонние отношения Грузии и ЕС за указанный период; проследить процесс европейской интеграции Грузии; раскрыть политические шаги правительства Саакашвили на пути реализации конечных планов присоединиться к сообществу полноправных членов ЕС.

Задачи исследования: проанализировать динамику развития отношений ЕС и Грузии в период каденции Саакашвили; рассмотреть процесс евроинтеграции Грузии с 2003 по 2013 гг.; определить механизмы, способствующие динамике двусторонних отношений ЕС и Грузии в указанный период.

Методы исследования

Автор статьи применил метод исторической компаративистики (сравнительный метод), помогающий выявить изменения в динамике сотрудничества, а также оценить, как исторические контексты и события влияли на формирование этих отношений.

Историко-правовой метод, в свою очередь, позволяет проанализировать, как страна стремится соответствовать нормативным критериям Европейского союза. Это включает в себя изучение изменений в законодательстве, правоприменительной практике и институциональных структурах, которые происходили в Грузии в ответ на требования и стандарты ЕС.

Историко-системный метод включает в себя анализ структуры и функций систем, а также их внутренних и внешних связей. В данном контексте выявляются различные социальные, экономические и политические факторы, взаимодействующие друг с другом и влияющие на динамику развития отношений Грузии и ЕС, а также евроинтеграционный процесс Грузии.

С помощью историко-типологического метода автор исследует типичные модели взаимодействия, которые могут быть применены как к Грузии, так и к другим странам, стремящимся к интеграции с Евросоюзом. Данный метод позволяет выявить общие тенденции и различия в подходах к сотрудничеству с ЕС, а также понять, какие факторы способствуют успешной интеграции.

Наконец, историко-генетический метод стремится выявить причины и факторы, которые влияют на эволюцию различных событий и процессов. В контексте Грузии автор раскрывает факторы, повлиявшие на выбор страны в пользу сближения с ЕС. Применяя историко-генетический метод, исследователи могут глубже понять, каким образом исторический контекст формирует современные политические и экономические стратегии Грузии.

Результаты: рассмотрены двусторонние отношения Грузии и ЕС за указанный период, а также процесс европейской интеграции Грузии; раскрыты политические шаги правительства Саакашвили на пути реализации конечных планов присоединиться к сообществу полноправных членов ЕС.

Выводы: проанализирована динамика развития отношений ЕС и Грузии в период каденции Саакашвили; рассмотрен процесс евроинтеграции Грузии с 2003 по 2013 гг.; определены механизмы, способствующие динамике двусторонних отношений ЕС и Грузии в указанный период.

Практическая значимость исследования: практическая значимость заключается в том, что настоящая статья может служить научным источником для изучения проблематики как отношений Грузии и ЕС, так и евроинтеграционного процесса Грузии в период президентства М.Н. Саакашвили. Кроме того, автор заполнил существующую лакуну, выявленную в историографическом анализе, в изучении отношений Грузии и Европейского союза, а также процесса евроинтеграции Грузии с 2003 по 2013 гг. В свою очередь, данная статья может сподвигнуть к составлению тематических справочников для дальнейшего изучения настоящей проблематики.

Середина 2000-х гг. обернулась масштабными преобразованиями не только в самом Евросоюзе, но и в Грузии – государстве-партнере ЕС. Переломным моментом в политической истории Грузии стали события, произошедшие в начале 2000-х гг., когда в стране произошла так называемая «Революция роз». Этот период оказался знаковым не только для внутренней политики Грузии, но и для её внешнеэкономических и дипломатических ориентиров.

С приходом к власти правительства Саакашвили в отношениях между Москвой и Тбилиси начало нарастать напряжение. Это было связано с тем, что новое грузинское правительство стало явно проявлять стремление к сближению с государствами Евро-Атлантического региона[20]. В 2004 г. Европейский союз официально объявил о запуске программы сотрудничества с рядом стран, находящихся в близости к нему, что стало известно как политика соседства[7]. В рамках этой программы ЕС углублял сотрудничество с государствами-участниками, основываясь на таких фундаментальных европейских ценностях, как демократия, права человека и верховенство закона. Для Грузии эта программа стала важным инструментом для сближения с Евросоюзом. В 2004 г. Грузия присоединилась к этой программе, а к 2006 г. был разработан и принят первый план действий, который определил направления двусторонних отношений между Грузией и ЕС[8]. В грузинском парламенте был создан Комитет по интеграции в Европу, а также введен пост государственного министра по вопросам европейской и евроатлантической интеграции, что документально было отражено в Концепции национальной безопасности Грузии 2005 г.[21]. Это подчеркивало серьезность намерений Тбилиси в отношении евроинтеграции.

Важным документом, отражающим сотрудничество Грузии и ЕС, является первый план действий в рамках политики соседства, касающийся двусторонних отношений Грузии и ЕС[4]. Этот документ стал значительным шагом вперед по сравнению с предыдущими двусторонними соглашениями между Грузией и Евросоюзом. В документе выделено восемь приоритетных сфер, по каждой из которых прописан ряд необходимых действий. Эти сферы включают в себя: укрепление верховенства закона через реформирование судебной системы и реорганизацию государственных институтов; улучшение инвестиционного климата в стране, что включало в себя создание благоприятных условий для развития бизнеса; стимулирование экономического развития и борьба с бедностью; углубление сотрудничества в области правосудия, свободы и безопасности; углубление регионального сотрудничества; продвижение мирного разрешения внутренних конфликтов; сотрудничество во внешней политике и политике безопасности; транспортная и энергетическая политика[6].

В дополнение к перечисленным приоритетным направлениям сотрудничества, в документе также указаны несколько общих целей, которые служат продолжением главного раздела задач. Эти цели направлены на развитие и укрепление сотрудничества в различных областях, что подчеркивает важность комплексного подхода к решению поставленных задач[26].

После «Революции Роз» 2003 г. и запуска первого плана действий в рамках политики соседства ЕС в середине 2000-х гг., внешняя политика Грузии четко обозначила вектор своего политического развития, направленного на евроатлантическую интеграцию. В качестве подтверждения этого вектора можно привести пункт из стратегии национальной безопасности Грузии, принятой в 2005 г. В документе подчеркивается, что «Грузия является составной частью европейской политической, экономической и культурной зоны, основополагающие национальные ценности которой уходят корнями в европейские ценности и традиции». Также в документе отмечается, что эти ценности способствуют стремлению Грузии к полной интеграции в европейские политические и экономические системы, а также в систему безопасности[13]. Таким образом, в данной концепции акцентируется внимание на стремлении Грузии присоединиться к НАТО и Евросоюзу, а также на желании внести свой вклад в укрепление безопасности в Черноморском регионе как части системы евроатлантической безопасности.

В то же время, на фоне ухудшения отношений с Россией, в Грузии начались активные обсуждения вопроса о возможном вступлении в НАТО. Это стремление также стало значимым фактором, способствующим эскалации конфликта между Грузией и Россией. В апреле 2008 г. в Бухаресте проходил саммит НАТО, на котором активно обсуждался вопрос о включении Грузии и Украины в план действий по партнерству НАТО (NATO Membership Action Plan, MAP)[19]. Этот план подразумевал предоставление помощи странам в подготовке к вступлению в НАТО, что определенно вызывало обеспокоенность в Москве. Однако, несмотря на поддержку со стороны США и Великобритании, Грузия и Украина не смогли получить официальное одобрение для включения в план действий из-за отказа Франции и Германии. Тем не менее, в официальных документах саммита было отмечено, что Грузия и Украина могут в будущем стать членами Северо-Атлантического Альянса[2].

В августе 2008 г., несмотря на многочисленные предостережения со стороны своих западных партнеров о необходимости избегать открытой военной конфронтации с Российской Федерацией, президент Грузии Михаил Саакашвили инициировал неожиданное вооруженное нападение на Южную Осетию и Абхазию, начав боевые действия против российских миротворцев. В результате событий т.н. «Пятидневной войны», окончившихся поражением Грузии, Россия официально признала независимость Абхазии и Южной Осетии. Касаемо роли Европейского союза в данном конфликте, она требует особого внимания[12]. Во-первых, следует отметить, некоторые аналитики полагают, что ЕС несет определенную долю ответственности за возникновение конфликта. Это связано как с недостаточной превентивной политикой, так и с тем, что влияние Евросоюза на регион не смогло предотвратить эскалацию напряженности, которую Россия воспринимает как угрозу своим интересам. Во-вторых, стоит подчеркнуть уникальность роли Европейского союза в этом конфликте: он оказался единственным сторонним актором, активно вовлеченным в процесс мирного регулирования. Европейский союз, представленный французским президентом Николя Саркози, взял на себя роль посредника в урегулировании конфликта. Саркози проявил видные дипломатические навыки, что позволило добиться заключения мирного соглашения между конфликтующими сторонами[23].

После завершения боевых действий Грузия стала участником «Миссии мониторинга» Евросоюза (EUMM), а также миссии по расследованию обстоятельств конфликта (Fact-Finding Mission). Эти миссии были направлены на изучение причин конфликта и способствовали примирению сторон. Они стали важным инструментом для обеспечения стабильности в регионе и создания платформы для дальнейших переговоров в Женеве. Целью данных инициатив было не только расследование причин конфликта, но и стремление к восстановлению доверия между Грузией и Россией, а также к поиску путей для мирного разрешения существующих противоречий[18].

После того как Россия сделала официальное заявление в августе 2008 г. о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, позиция международного сообщества по этому вопросу оказалась критически важной для грузинского правительства. В это время одной из ключевых задач внешней политики Грузии стало создание и реализация «политики непризнания». Успех этой политики во многом зависел от поддержки, которую оказывали Грузии государства Евросоюза[11].

В ходе переговоров в Брюсселе в декабре 2010 г., касающихся Соглашения об ассоциации, Европейский союз вновь подтвердил свою поддержку территориальной целостности Грузии. Он также подтвер-

дил свою приверженность политике «непризнания и включенности», что свидетельствовало о последовательности и согласованности действий стран ЕС в вопросах, касающихся Грузии. Эта последовательная позиция оказала значительное влияние на формирование в Грузии документа под названием «Государственная стратегия в отношении оккупированных территорий» [16], а также на разработку плана действий, связанного с этой стратегией.

В этом документе подчеркивалось, что для реализации стратегии, а также для выполнения плана действий, правительство Грузии должно будет находить и выделять необходимые финансовые и другие ресурсы. Эти ресурсы планировалось получать как из национальных источников, так и с использованием международных инструментов. Таким образом, стратегия основывалась на твердом убеждении, что население, проживающее в Абхазии и Цхинвальском регионе Южной Осетии, является неотъемлемой частью грузинского общества и его будущего. Грузия выразила решимость мирным путем реинтегрировать эти территории и их население в единое конституционное пространство республики. Данная стратегия отражала не только политические амбиции официального Тбилиси, но и его стремление к восстановлению единства нации[22].

В 2009 г. на саммите, который прошел в Праге[24], была запущена новая обширная программа ЕС, ставшая частью политики соседства. Эта программа получила название «Восточное партнерство» и была направлена на установление более тесного сотрудничества с рядом стран, расположенных на постсоветском пространстве. В рамках данной политики главы государств из стран-участниц Европейского союза и стран Восточного партнерства собирались раз в два года на саммите, где оценивали достигнутый прогресс и определяли цели для дальнейшего сотрудничества. Необходимо подчеркнуть, одним из ключевых аспектов Восточного партнерства являлось вовлечение различных слоев общества, что позволяло обеспечить более широкий и глубокий диалог между государственными структурами и гражданским обществом. Главным инструментом для достижения этой цели служили различные организации и форумы, которые создавали платформы для обмена мнениями и выработки совместных решений[25].

В том же 2009 г. между Грузией и Европейским союзом была подписана совместная декларация о партнерстве в сфере перемещения частных лиц, известная как EU-Georgia Mobility Partnership[5]. Основной целью этого соглашения было создание условий для взаимодействия между странами в области легальной миграции, а также разработка мер по предотвращению нелегальной миграции и торговли людьми. Это соглашение стало важным этапом в укреплении связей Грузии с ЕС и открывало новые горизонты для граждан Грузии, желающих перемещаться и работать в странах Евросоюза.

Следующим значимым шагом в рамках сотрудничества между Евросоюзом и Грузией стало учреждение Диалога по правам человека, который проходил в ежегодном формате и углублял взаимодействие сторон по вопросам, связанными с нарушениями прав человека[3]. В 2009 г. на первой ежегодной встрече Европейский союз обозначил ряд проблем и предложил рекомендации по их решению в нескольких ключевых областях. В частности, это касалось конфликта в Южной Осетии, недостаточной прозрачности в действиях правоохранительных органов, проблем в системе уголовной юстиции и давления на представителей средств массовой информации. Другим ценным инструментом являлся межпарламентский форум Евронест, объединявший представителей Европарламента и стран-участниц Восточного партнерства. Этот форум создал платформу для диалога и сотрудничества между парламентами, что позволяло укрепить связи и обмениваться опытом в области законодательной деятельности[8].

Очередной значимый этап в отношениях Грузии и Европейского союза произошел в 2010 г., когда Грузия подписала договор о едином авиапространстве (Common Aviation Area, CAA) с ЕС[10]. Это соглашение позволило осуществлять прямые авиаперелеты между партнерами, используя аэропорты, расположенные на территориях обеих сторон. Таким образом, Грузия получила возможность значительно расширить свои воздушные связи и улучшить доступность для въезжающих в страну (в основном – туристов).

Одним из наиболее показательных документов, который иллюстрирует прогресс, достигнутый Грузией в этом направлении, является доклад о прогрессе, подготовленный в период с 2009 по 2014 гг. [9]. Этот доклад подчеркивает достижения Грузии в реализации реформ и интеграции в европейское пространство, а также обозначает ключевые проблемы, которые еще предстоит решить. Так, например, в принятой в 2011 г. Концепции национальной безопасности Грузии[14] был выделен отдельный пункт, касающийся интеграции страны в ЕС. Разработчики этой концепции отмечали, что членство в Евросоюзе является важной гарантией как экономического, так и политического развития Грузии.

В феврале 2013 г. Грузия получила план действий по либерализации визового режима с Европейским союзом[17], что наметило путь к более тесным связям с ЕС. В ноябре того же года на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе было парафировано Соглашение об ассоциации между Грузией и Европейским союзом[1]. Это соглашение стало значимым этапом в процессе интеграции Грузии в европейские структуры и укрепило правовые рамки для дальнейшего сотрудничества.

Заключение

Подводя итог, автор делает вывод, что курс правительства М.Н. Саакашвили на тесные отношения и интеграцию с ЕС принес как выгоды, так и риски для Грузии. С одной стороны, это может открыть новые экономические возможности и привлечь инвестиции, с другой – привести к ухудшению отношений с соседними странами, особенно с Россией, что может негативно сказаться на экономической стабильности и безопасности страны. В данном контексте значимо, чтобы Грузия не теряла из виду свои национальные интересы и не поддавалась внешнему давлению, а стремилась к сбалансированной политике, позволяющей ей сохранить суверенитет, не ставя под угрозу свои отношения с другими странами.

В обозначенный период Грузия находилась в ситуации, когда её судьба и дальнейшее развитие в значительной степени зависели от внешнеполитической обстановки. В таких условиях крайне сложно сохранить свою политическую идентичность и свободу выбора, что является одним из первостепенных аспектов для любого государства, стремящегося к суверенитету и самодостаточности.

Тем не менее, в период с 2003 по 2013 гг. сотрудничество между Грузией и ЕС приобретало все более трансформативный характер, что можно было наблюдать в различных сферах, включая экономику, безопасность, социальные реформы. Европейский союз, обладая монопольным правом на определение того, что именно считается европейскими нормами и ценностями, формировал рамки, в которых должна происходить интеграция Грузии в европейские политические и экономические институты. В свою очередь, это создавало определенные вызовы и возможности для Грузии, так как она стремилась соответствовать этим стандартам и требованиям, чтобы продвигаться в направлении более тесного сотрудничества с ЕС.

Литература

1. Association Agreement with Georgia | EUR-Lex [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/association-agreement-with-georgia.html (дата обращения: 27.03.2026).

2. Bucharest Summit Declaration | NATO Official text [Электронный ресурс] URL: https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2008/04/03/bucharest-summit-declaration%D1%8 (дата обращения: 24.03.2026).

3. Chronology of major events of Georgia– EU cooperation, Georgia Embassy USA [Электронный ресурс] URL: https://georgiaembassyusa.org/wp-content/uploads/2018/01/Chronology-of-Major-Events-in-Georgia-EU-Cooperation.pdf (дата обращения: 26.03.2026).

4. EU/GEORGIA ACTION PLAN, European Union External Action [Электронный ресурс] URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/georgia_enp_ap_final_en_0.pdf (дата обращения: 23.03.2026).

5. EU-Georgia Mobility Partnership, EU NEIGHBOURS 2009 [Электронный ресурс] URL: https://library.euneighbours.eu/content/eu-georgia-mobility-partnership (дата обращения: 25.03.2026).

6. European Neighbourhood Policy | EEAS [Электронный ресурс] URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-neighbourhood-policy_en (дата обращения: 20.03.2026).

7. European Neighbourhood Policy (ENP), European Union External Action [Электронный ресурс] URL: https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/european-neighbourhood-policy-enp/330/european-neighbourhood-policy-enp_en (дата обращения: 22.03.2026).

8. Georgia and the European Neighborhood Policy Perspectives and Challenges, “Open Society Georgia Foundation” jointly with the NGO coalition “For Transparency of Public Finances”, [Электронный ресурс] URL: http://www.osgf.ge/files/newsletterENG/ENP__policy_paper_Eng_5G5ejWrmHc.pdf (дата обращения: 22.03.2026).

9. Implementation of the European Neighbourhood Policy in Georgia: Progress in 2014 and recommendations for actions, HIGH REPRESENTATIVE OF THE EUROPEAN UNION FOR FOREIGN AFFAIRS AND SECURITY POLICY, EUROPEAN COMMISSION Brussels, 25.3.2015 [Электронный ресурс] URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/2015/georgia-enp-report-2015_en.pdf (дата обращения: 26.03.2026).

10. International aviation: Georgia, MOBILITY AND TRANSPORT, European Commission 2010 [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/transport/modes/international-aviation-georgia_en (дата обращения: 26.03.2026).

11. Jones Stephen F. Georgia: a political history since independence. – I.B. Tauris., 2013. – P.176.

12. Livny E. Impact of Russian Sanctions on the Georgian Economy, Tbilisi State University, 2008. – P. 58.

13. National Security Concept 2005 [Электронный ресурс] URL: http://www.parliament.ge/files/292_880_927746_concept_en.pdf (дата обращения: 23.03.2026).

14. National security concept of Georgia // NSC-ENG.pdf [Электронный ресурс] URL: https://mod.gov.ge/uploads/2018/pdf/NSC-ENG.pdf%D0%B (дата обращения: 26.03.2026).

15. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М.: Международные отношения, 2001. – С. 70.

16. Государственная стратегия в отношении оккупированных территорий [Электронный ресурс] URL: https://smr.gov.ge/uploads/prev/__ccb3a228.pdf (дата обращения: 25.03.2026).

17. Еврокомиссар привезла в Грузию План действий по либерализации визового режима – 25.02.2013, Sputnik Грузия [Электронный ресурс] URL: https://sputnik-georgia.ru/20130225/215556353.html (дата обращения: 27.03.2026).

18. Злобина Е.О. Сотрудничество Грузии и ЕС в рамках Европейской политики соседства и Восточного партнёрства, 2004–2017 гг. // Европа и Европейский союз глазами ученых, № 1, 2018. С. 40–41.

19. Кавешников Н.Ю. Европейский союз: история, институты, политика: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2017. – С. 256–257.

20. Кириллов В.В. Россия и НАТО: геостратегические реалии // Военная мысль. – 2007. – № 9. С. 28.

21. Концепция национальной безопасности Грузии (2005 г) – полный текст – 09.05.2010, Sputnik Грузия [Электронный ресурс] URL: https://sputnik-georgia.ru/20100509/213153512.html (дата обращения: 22.03.2026).

22. Косов Ю.В., Торопыгин А.В. Проблемы политической интеграции на постсоветском пространстве: к вопросу об учреждении Евразийского парламента // Управленческое консультирование. 2012, № 3. С. 136.

23. Михайлов Д.Ю. Николя Саркози в урегулировании конфликта в Грузии 2008 г.: «коллективный Запад» против России // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16. № 3. С. 126.

24. Программа Восточного партнерства. Пражский саммит [Электронный ресурс] URL: https://oide.sejm.gov.pl/oide/images/leksykon/deklaracja_praska_ros.pdf%D0%B (дата обращения: 25.03.2026).

25. Чистилин Д.К. Украина, Грузия, Молдавия между ЕС и Россией. Актуальные проблемы евразийской интеграции. – М.: Книжный мир, 2022. – С. 248–249.

26. Там же. С. 235.

ASPECTS OF RELATIONS WITH THE EU, AS WELL AS GEORGIA'S EUROPEAN INTEGRATION POLICY DURING THE PRESIDENCY OF M.N. SAAKASHVILI (2003–2013)

Makashov A.I.
Institute of Eurasian and Interregional Studies, Russian State University for the Humanities

This article analyzes relations between Georgia and the European Union, as well as Georgia's European integration policy as an integral part of these relations, during the presidency of M.N. Saakashvili. The author examines the evolution of political dialogue between Georgia and the EU from 2003 to 2013. Furthermore, the researcher concludes that European integration became the cornerstone of the Saakashvili government's foreign policy. The author also notes the sharply cooled relations between Tbilisi and Moscow against the backdrop of the crises of 2003 (the Rose Revolution), 2006 (the spy scandal), and 2008 (the five-day war and the severance of diplomatic relations), which predetermined a pro-European course in Georgia's foreign policy strategy.

Keywords: European integration, neighbourhood policy, European Union, actor, Rose Revolution, crisis, reform, dialogue.

References

1. Association Agreement with Georgia | EUR-Lex [Electronic resource] URL: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/association-agreement-with-georgia.html (date accessed: 27.03.2026).

2. Bucharest Summit Declaration | NATO Official text [Электронный ресурс] URL: https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2008/04/03/bucharest-summit-declaration%D1%8 (дата обращения: 24.03.2026).

3. Chronology of major events of Georgia-EU cooperation, Georgia Embassy USA [Electronic resource] URL: https://georgiaembassyusa.org/wp-content/uploads/2018/01/Chronology-of-Major-Events-in-Georgia-EU-Cooperation.pdf (date accessed: 26.03.2026).

4. EU/GEORGIA ACTION PLAN, European Union External Action [Electronic resource] URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/georgia_enp_ap_final_en_0.pdf (date of access: 23.03.2026).

5. EU-Georgia Mobility Partnership, EU NEIGHBOURS 2009 [Electronic resource] URL: https://library.euneighbours.eu/content/eu-georgia-mobility-partnership (date of access: 25.03.2026).

6. European Neighbourhood Policy | EEAS [Electronic resource] URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-neighbourhood-policy_en (date of access: 20.03.2026).

7. European Neighbourhood Policy (ENP), European Union External Action [Electronic resource] URL: https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/european-neighbourhood-policy-enp/330/european-neighbourhood-policy-enp_en (date of access: 22.03.2026).

8. Georgia and the European Neighbourhood Policy Perspectives and Challenges, "Open Society Georgia Foundation" jointly with the NGO coalition "For Transparency of Public Finances", [Electronic resource] URL: http://www.osgf.ge/files/newsletterENG/ENP__policy_paper_Eng_5G5ejWrmHc.pdf (date of access: 22.03.2026).

9. Implementation of the European Neighbourhood Policy in Georgia: Progress in 2014 and Recommendations for Action, HIGH REPRESENTATIVE OF THE EUROPEAN UNION FOR FOREIGN AFFAIRS AND SECURITY POLICY, EUROPEAN COMMISSION Brussels, 25.3.2015 [Electronic resource] URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/2015/georgia-enp-report-2015_en.pdf (accessed: 26.03.2026).

10. International aviation: Georgia, MOBILITY AND TRANSPORT, European Commission 2010 [Electronic resource] URL: https://ec.europa.eu/transport/modes/international-aviation-georgia_en (accessed: 26.03.2026).

11. Jones Stephen F. Georgia: a political history since independence. – I.B. Tauris., 2013. – P. 176.

12. Livny E. Impact of Russian Sanctions on the Georgian Economy, Tbilisi State University, 2008. – P. 58.

13. National Security Concept 2005 [Electronic resource] URL: http://www.parliament.ge/files/292_880_927746_concept_en.pdf (date of access: 23.03.2026).

14. National security concept of Georgia // NSC-ENG.pdf [Electronic resource] URL: https://mod.gov.ge/uploads/2018/pdf/NSC-ENG.pdf%D0%B (date of access: 26.03.2026).

15. Gadzhiev K.S. Geopolitics of the Caucasus. – M.: International Relations, 2001. – P. 70.

16. State Strategy for the Occupied Territories [Electronic resource] URL: https://smr.gov.ge/uploads/prev/__ccb3a228.pdf (date of access: 25.03.2026).

17. European Commissioner brought to Georgia the Action Plan for Visa Liberalization – 25.02.2013, Sputnik Georgia [Electronic resource] URL: https://sputnik-georgia.ru/20130225/215556353.html (date of access: 27.03.2026).

18. Zlobina E.O. Cooperation between Georgia and the EU in the Framework of the European Neighborhood Policy and Eastern Partnership, 2004–2017. // Europe and the European Union through the Eyes of Scientists, No. 1, 2018. Pp. 40–41.

19. Kaveshnikov N. Yu. The European Union: History, Institutions, Politics: A Textbook for Universities. – Moscow: Aspect Press, 2017. – Pp. 256–257.

20. Kirillov V.V. Russia and NATO: Geostrategic Realities // Military Thought. – 2007. – No. 9. P. 28.

21. The National Security Concept of Georgia (2005) – full text – 05/09/2010, Sputnik Georgia [Electronic resource] URL: https://sputnik-georgia.ru/20100509/213153512.html (accessed: 03/22/2026).

22. Kosov Yu. V., Toropygin A.V. Problems of political integration in the post-Soviet space: on the issue of establishing a Eurasian parliament // Management consulting. 2012, no. 3. p. 136.

23. Mikhailov D. Yu. Nicolas Sarkozy in the settlement of the conflict in Georgia in 2008: the "collective West" against Russia // Bulletin of MGIMO-University. 2023. Vol. 16. no. 3. p. 126.

24. Eastern Partnership Program. Prague Summit [Electronic resource] URL: https://oide.sejm.gov.pl/oide/images/leksykon/deklaracja_praska_ros.pdf%D0%B (date of access: 25.03.2026).

25. Chistilin D.K. Ukraine, Georgia, Moldova between the EU and Russia. Actual problems of Eurasian integration. – M.: Knizhny Mir, 2022. – P. 248–249.

26. Ibid. P. 235.

Причины возникновения сепаратизма на Украине до 2014 года. Путь ДНР и ЛНР к референдумам независимости

Павленко Даниил Андреевич,
аспирант, Институт права и национальной безопасности, Российской академии народного хозяйства и государственной службы
E-mail: Pavlenko.daniil1999@gmail.com

В статье рассматриваются глубинные причины формирования сепаратистских движений на юго-востоке Украины в период до 2014 года. На основе системного подхода и историко-сравнительного метода анализируются исторические, экономические, языковые и политические факторы, которые привели к возникновению Донецкой и Луганской народных республик. Отдельное внимание уделено экономическим диспропорциям: деиндустриализации 1990–2000-х годов, сокращению реальных доходов населения, росту безработицы, а также неравномерному распределению бюджетных средств, при котором Донбасс, оставаясь ключевым донором государственного бюджета, получал непропорционально малое обратное финансирование. Языковая политика украинского государства, включая меры по расширению сферы употребления украинского языка в образовании и судопроизводстве, воспринималась русскоязычным большинством как дискриминационная. Автор приходит к выводу, что сепаратизм в Донбассе не был спонтанным явлением, а стал закономерным результатом многолетних внутриукраинских противоречий, включая деиндустриализацию, неравномерное распределение бюджетных средств, языковую политику и кризис легитимности центральной власти.

Ключевые слова: Украина, Донбасс, сепаратизм, региональная идентичность, деиндустриализация, языковая политика, федерализация, референдум.

Проблема сепаратизма на Украине, проявившаяся в наиболее острой форме в 2014 году, до настоящего времени остаётся предметом острых научных дискуссий. В зарубежной и значительной части украинской историографии преобладает подход, сводящий причины возникновения Донецкой и Луганской народных республик исключительно к внешнему вмешательству. Однако подобная точка зрения оставляет без внимания объективные внутренние процессы, которые вызревали в украинском обществе на протяжении многих десятилетий. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью научного, неполитизированного осмысления сепаратизма как закономерного исторического явления, имеющего собственные внутренние причины. Целью работы является выявление и систематизация основных предпосылок возникновения сепаратистских настроений на юго-востоке Украины к 2014 году. Для достижения указанной цели решаются следующие задачи: анализ исторических особенностей формирования региональной идентичности Донбасса; исследование экономических диспропорций между регионами; рассмотрение языковой политики украинского государства как конфликтогенного фактора; а также изучение политического контекста, непосредственно предшествовавшего провозглашению независимости ДНР и ЛНР.

Методологическую основу исследования составляют исторический материализм, позволяющий раскрыть социально-экономическую обусловленность политических процессов, системный подход, обеспечивающий целостное видение проблемы, а также сравнительно-исторический метод. В работе используются данные переписей населения, статистические сборники и результаты социологических замеров, проведённых в 2000–2013 годах. Научная новизна заключается в комплексном анализе причин украинского сепаратизма, рассматриваемых в единстве исторических, экономических и политических факторов[1, 2].

Как верно отмечает Бунтовский С.Ю., формирование особой идентичности Донбасса началось ещё в конце XIX века в рамках промышленной политики Российской империи. Богатые залежи каменного угля способствовали возникновению первых шахт и металлургических заводов, что повлекло за собой строительство железных дорог и формирование моноотраслевой структуры экономики. К началу XX столетия Донбасс превратился в ключевой промышленный район империи, где преобладал рабочий класс, а предпринимательская и трудовая культура имели ярко выраженные корпоративные черты. В советский период, особенно в 1930-е годы, индустриализация Донбасса значительно усилила его роль как важнейшего центра тяжёлой промышленности. Капиталовложения в модернизацию шахт и заводов сопровождались развитием городской инфраструктуры и системы профессионального образования. Трудовая культура шахтёров и металлургов, подкреплённая советской идеологической риторикой о героизме рабочих профессий, сформировала чувство региональной исключительности[3].

Демографическая структура Донбасса претерпела значительные изменения именно в советский период. Массовая миграция рабочих из различных союзных республик привела к формированию этнически разнородного населения, при этом русский язык стал основным средством межнационального общения. По данным переписи населения 2001 года, около 75 процентов жителей Луганской и Донецкой областей считали русский язык родным, тогда как украинский язык часто носил формальный характер. Этнический состав региона также отличался значительным разнообразием: русские составляли около 39 процентов населения, украинцы – около 57 процентов, при этом сохранялись заметные общины греков, белорусов и евреев. Такая этническая мозаика способствовала становлению особой региональной идентичности, основанной на интернациональных промышленных традициях и коллективистских ценностях, что вступало в противоречие с этнонациональной моделью, продвигаемой в западных областях Украины[4].

Как верно отмечает Бабенко В.Н., в постсоветский период языковой вопрос стал одним из главных источников напряжённости между Донбассом и центральной властью. Политика украинизации, включавшая расширение сферы использования украинского языка в образовании, судопроизводстве и средствах массовой информации, воспринималась русскоязычным населением как попытка насильственной ассимиляции. Временной мерой, призванной снизить остроту противо-

речий, стал Закон Украины от 3 июля 2012 года № 5029VI «Об основах государственной языковой политики», который предоставлял русскому языку региональный статус в тех областях, где доля русскоязычных превышала десять процентов. Однако после событий 2014 года действие этого закона было фактически прекращено, что лишь усилило недовольство жителей востока. Языковое противостояние из культурной плоскости постепенно переходило в плоскость политических требований: на повестку дня встали вопросы федерализации и признания особого статуса регионов с преобладанием русскоязычного населения[5, 6].

Экономика Донбасса исторически опиралась на угледобывающий и металлургический секторы, которые занимали доминирующее положение в структуре регионального производства и экспорта. Такая узкая отраслевая специализация делала регион крайне уязвимым к колебаниям мировых цен на сырьё. В 1990–2000-е годы к этой структурной проблеме добавился системный кризис, вызванный распадом советских хозяйственных связей и последующей деиндустриализацией. Производственные мощности Донбасса, сформированные ещё в советский период, характеризовались высоким износом основных фондов и устаревшими технологиями. Нехватка инвестиций в модернизацию препятствовала повышению конкурентоспособности продукции и диверсификации экономики. Значительная доля занятости была сосредоточена на крупных градообразующих предприятиях, поэтому закрытие или сокращение производства вело к резкому росту безработицы и социальной напряжённости.

Реальные доходы населения Донбасса с 2000 по 2013 год сократились на 28 процентов в сопоставимых ценах. В 2013 году среднестатистический уровень безработицы в регионе превышал общеукраинские показатели на 40 процентов. Особенно остро проблема проявилась в малых городах с моноотраслевой экономикой, где альтернативных источников занятости практически не существовало. В некоторых городах-монопрофилях Луганской области уровень бедности достигал 45 процентов, что почти вдвое превышало среднеукраинский показатель. Сокращение промышленного производства сопровождалось деградацией социальной инфраструктуры: финансирование больниц и школ снижалось опережающими темпами, изношенность коммунальных сетей достигала 70 процентов, что вызывало частые аварии в отопительный период[7].

Экономическое отчуждение Донбасса усугублялось системным неравенством в распределении бюджетных средств. Регион, оставаясь ключевым донором государственного бюджета благодаря своему промышленному потенциалу, получал непропорционально малые объёмы обратного финансирования. В 2000–2013 годах доля Донецкой и Луганской областей в общегосударственных инвестициях не превышала 7–9 процентов, тогда как их вклад в валовой внутренний продукт составлял около 15–16 процентов. Централизованная бюджетная политика закрепляла периферийный статус региона, ограничивая возможности развития его инфраструктуры. Приоритетное финансирование западных и центральных областей при хроническом недофинансировании востока воспринималось местным населением как проявление системной несправедливости. Проводимая фискальная политика, включая повышенные акцизы на угольную продукцию и одновременное сокращение дотаций шахтёрским городам, рассматривалась как целенаправленный подрыв экономической базы региона. Деиндустриализация и сокращение промышленного производства спровоцировали массовую миграцию трудоспособного населения из Донбасса. По различным оценкам, регион потерял до 20 процентов экономически активных граждан, что привело к сокращению налогооблагаемой базы и дальнейшей деградации локальных рынков труда. Рост безработицы среди квалифицированных рабочих сопровождался накоплением задолженностей по заработной плате, пенсиям и социальным пособиям.

В общественном сознании эти экономические проблемы всё чаще связывались с неэффективной и дискриминационной политикой Киева. Таким образом, материальные трудности закономерно трансформировались в политическое недовольство, создавая питательную среду для антиправительственной и сепаратистской риторики[8, 9].

До 2014 года в Донбассе действовали многочисленные пророссийские политические организации, среди которых наиболее влиятельной была Партия регионов, имевшая большинство в местных советах. Эти группы выступали за укрепление связей с Россией, продвигали идеи федерализации Украины и придания русскому языку статуса второго государственного. Общественные движения, такие как «Донецкая республика», организовывали митинги и культурные мероприятия, подчёркивая культурную и историческую близость к России. Однако до конца 2013 года эти настроения оставались преимущественно латентными и не выливались в открытые антигосударственные действия.

Коренной перелом произошёл в связи с событиями Евромайдана в конце 2013 – начале 2014 года. Свержение президента Виктора Януковича было воспринято в Донбассе как нелегитимный захват власти, что подорвало доверие к новым киевским властям. В регионе, исторически ориентированном на Россию и переживающем глубокие экономические трудности, смена власти в Киеве стала восприниматься как прямая угроза безопасности, культурной идентичности и экономическим интересам. Уже в феврале – марте 2014 года в Донецкой и Луганской областях начались массовые протестные акции против новых украинских властей. Требования федерализации Украины стали ключевым пунктом протестных движений. Постепенно, после жёсткого подавления мирных протестов, идеи федерализации переросли в требования полной независимости[10].

В апреле 2014 года произошли ключевые события, связанные с провозглашением независимости. Седьмого апреля 2014 года в Донецке активисты захватили административные здания и приняли декларацию о суверенитете Донецкой народной республики. Двадцать седьмого апреля 2014 года аналогичные действия в Луганске привели к созданию Луганской народной республики. Новые органы власти начали формировать собственные вооружённые отряды и управленческие структуры. В ответ на это киевские власти тринадцатого апреля 2014 года объявили о начале так называемой антитеррористической операции, что лишь усугубило конфликт и придало сепаратистскому движению дополнительную легитимность в глазах местного населения.

Подготовка к референдумам о независимости осуществлялась в условиях начавшегося вооружённого противостояния. Голосование было назначено на одиннадцатое мая 2014 года. Формулировка вопроса предполагала самоопределение Донбасса. По данным организаторов, явка избирателей в Донецкой народной республике составила 75 процентов, в Луганской народной республике – 81 процент. За независимость высказались 89 процентов участников голосования в ДНР и 96 процентов в ЛНР. Международно-правовая оценка референдумов оказалась неоднозначной: Украина и большинство западных стран отказались признавать их легитимность, ссылаясь на нарушение принципа территориальной целостности, тогда как Россия заявила о необходимости уважать волеизъявление жителей региона, хотя официального признания итогов голосования также не последовало[11, 12].

Проведённое исследование позволяет утверждать, что причины возникновения сепаратизма на Украине до 2014 года носили сложный, многоуровневый характер. Исторические предпосылки, связанные с формированием особой промышленной идентичности Донбасса в имперский и советский периоды, создали основу для последующего отчуждения региона от центральной власти. Экономические диспропорции, включая деиндустриализацию, высокий уровень безработицы, сокращение реальных доходов населения и неравномерное распределение бюджетных средств, превратили Донбасс из промышленного донора в зону социального бедствия. Языковая политика украинского государства, особенно после 1991 года, воспринималась русскоязычным большинством как дискриминационная, что усиливало культурный разрыв между востоком и западом страны. Политический кризис конца 2013 – начала 2014 года, связанный со сменой власти в Киеве, стал катализатором, который перевёл латентные противоречия в стадию открытого конфликта. Референдумы 11 мая 2014 года стали институциональным оформлением сепаратизма, однако их легитимность остаётся предметом международных споров. Таким образом, сепаратизм в Донбассе не был спонтанным явлением или исключительно результатом внешнего вмешательства, а явился закономерным следствием глубоких внутренних противоречий, накопленных за годы независимости Украины. Игнорирование этих объективных факторов делает невозможным как научное осмысление произошедшего, так и поиск путей предотвращения подобных конфликтов в будущем.

Литература

1. Матишов Г.Г. Украина. Геостратегический разворот: (уроки истории – от Эльбы 1945 г. до Миус-фронта 2014 г.) / Г.Г. Матишов; Российская академия наук, Южный научный центр. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного научного центра РАН, 2014. – 380 с. – ISBN 978-5-4358-0087-8.

2. Баранов А.В. Идентичность Донбасса в восприятии украинской политической аналитики (2014–2022 гг.) и конструирование образа врага / А.В. Баранов, Ю.В. Костенко // Проблемы постсоветского пространства. – 2024. – Т. 11, № 4. – С. 301–311. – DOI 10.24975/2313–8920–2024–11–4–301–311.

3. Бунтовский С.Ю. Общественно-политические организации Донбасса пророссийской направленности в конце XX – начале XXI ве-

ка / С.Ю. Бунтовский, Х.И. Каримова // Научное обозрение. – 2015. – № 12. – С. 236–240.

4. Внукова Л.Б. Самоидентификация жителей Донбасса в контексте социально-политических воззрений: социально-лингвистический аспект / Л.Б. Внукова, Т.Ю. Власкина // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 463. – С. 73–86. – DOI 10.17223/15617793/463/10.

5. Гончаров П.К. Статус Донбасса: алгоритм зарождения, развития и разрешения конфликта / П.К. Гончаров // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 3. – С. 236–243.

6. Бабенко В.Н. «Майданная» Украина (2005–2014): между Россией и Евросоюзом // РСМ. 2016. № 3 (92). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/maydannaya-ukraina-2005–2014-mezhdu-rossiey-i-evrosoyuzom (дата обращения: 17.04.2026).

7. Внутриполитические процессы в России и Украине и перспективы российско-украинских отношений в период 2014–2020 гг. / Отв. ред. – В.И. Пантин, В.В. Лапкин. – М.: ИМЭМО РАН, 2014–120 с.

8. Буторов, С.А. Природа неонацизма на Украине: историко-политический подход. // Сервис plus. 2025. Т. 19. № 2. С. 20–28.

9. Дубовиков А.М. СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА РОССИЙСКИХ И УКРАИНСКИХ АВТОРОВ О ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА, И ОБ ЭТАПАХ УКРАИНИЗАЦИИ, ПРОИСХОДИВШИХ В ПЕРИОД С XIX ВЕКА ДО НАШИХ ДНЕЙ. / А.М. Дубовиков // Международный научно-исследовательский журнал. – 2019. – № 4 (82). – URL: [object Object] (дата обращения: 17.04.2026).

10. Григорьев М.С. Украинский национализм первой половины XX века как разновидность нацизма / М.С. Григорьев // Общественные науки и современность. – 2023. – № 2.

11. Зубехина, А.Г. Украина как центр неофашизма в Европе (на примере использования нацистской символики современными политическими организациями Украины) / А.Г. Зубехина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 9.4 (113.4). – С. 19–21.

12. Даренский В.Ю. О причинах массового национализма в современной Украине // Историческая психология и социология истории. 2016. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-prichinah-massovogo-natsionalizma-v-sovremennoy-ukraine (дата обращения: 17.04.2026).

THE CAUSES OF SEPARATISM IN UKRAINE BEFORE 2014. THE DPR AND LPR'S PATH TO INDEPENDENCE REFERENDUMS

Pavlenko D.A.
Russian academy of national economy and public administration

The article examines the underlying causes of the formation of separatist movements in southeastern Ukraine in the period up to 2014. Based on a systematic approach and a historical and comparative method, the historical, economic, linguistic and political factors that led to the emergence of the Donetsk and Lugansk People's Republics are analyzed. Special attention is paid to economic imbalances: the deindustrialization of the 1990s and 2000s, a reduction in real incomes, rising unemployment, and an uneven distribution of budget funds, in which Donbass, while remaining a key donor to the state budget, received disproportionately little reverse financing. The language policy of the Ukrainian state, including measures to expand the use of the Ukrainian language in education and legal proceedings, was perceived by the Russian-speaking majority as discriminatory. The author comes to the conclusion that separatism in Donbass was not a spontaneous phenomenon, but became a natural result of many years of internal Ukrainian contradictions, including deindustrialization, uneven distribution of budget funds, language policy and the crisis of legitimacy of the central government.

Keywords: Ukraine, Donbass, separatism, regional identity, deindustrialization, language policy, federalization, referendum.

References

1. Matishov G.G. Ukraine. Geostrategic U-turn: (lessons of history – from the Elbe of 1945 to the Mius Front of 2014) / G.G. Matishov; Russian Academy of Sciences, Southern Research Center. – Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2014. – 380 p. – ISBN 978-5-4358-0087-8.

2. Baranov A.V. Identity of Donbass in the Perception of Ukrainian Political Analytics (2014–2022) and the Construction of the Image of the Enemy / A.V. Baranov, Yu.V. Kostenko // Problems of the Post-Soviet Space. – 2024. – Vol. 11, № 4. – P. 301–311. – DOI 10.24975/2313–8920–2024–11–4–301–311.

3. Buntovsky S. Yu. Socio-political organizations of Donbass with a pro-Russian orientation in the late 20th – early 21st centuries / S. Yu. Buntovsky, H.I. Karimova // Scientific Review. – 2015. – № 12. – P. 236–240.

4. Vnukova L.B. Self-identification of Donbass residents in the context of socio-political views: socio-linguistic aspect / L.B. Vnukova, T. Yu. Vlaskina // Bulletin of Tomsk State University. – 2021. – № 463. – P. 73–86. – DOI 10.17223/15617793/463/10.

5. Goncharov P.K. Status of Donbass: Algorithm of the Origin, Development, and Resolution of the Conflict / P.K. Goncharov // Social and Humanitarian Knowledge. – 2015. – № 3. – P. 236–243.

6. Babenko V.N. «Maidan» Ukraine (2005–2014): Between Russia and the European Union // RSM. 2016. № 3 (92). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/maydannaya-ukraina-2005–2014-mezhdu-rossiey-i-evrosoyuzom (accessed: 17.04.2026).

7. Domestic Political Processes in Russia and Ukraine and Prospects for Russian-Ukrainian Relations in 2014–2020 / Ed. – V.I. Pantin, V.V. Lapkin. – Moscow: IMEMO RAS, 2014–120 p.

8. Butorov, S.A. The Nature of Neo-Nazism in Ukraine: A Historical and Political Approach // Service Plus. 2025. Vol. 19. № 2. Pp. 20–28.

9. Dubovikov, A.M. Contemporary scientific and journalistic literature by Russian and Ukrainian authors on the past and present of Ukrainian nationalism, and on the stages of Ukrainianization that took place from the 19th century to the present day. / A.M. Dubovikov // International research journal. – 2019. – № 4 (82). – URL: [object Object] (Accessed 17.04.2026).

10. Grigoriev M.S. Ukrainian nationalism of the first half of the 20th century as a type of Nazism / M.S. Grigoriev // Social sciences and modernity. – 2023. – № 2.

11. Zubekhina, A.G. Ukraine as a Center of Neo-Fascism in Europe (Based on the Use of Nazi Symbols by Modern Political Organizations of Ukraine) / A.G. Zubekhina. – Text: Direct // Young Scientist. – 2016. – № 9.4 (113.4). – P. 19–21.

12. Darensky V. Yu. On the Causes of Mass Nationalism in Modern Ukraine // Historical Psychology and Sociology of History. 2016. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-prichinah-massovogo-natsionalizma-v-sovremennoy-ukraine (Accessed: 17.04.2026).

Ориентир ценности в международной экологической политике Российской Федерации

Павлов Игорь Евгеньевич,
аспирант Дипломатической академии МИД РФ; замначальника отдела СФ РФ
E-mail: Revisor1961@mail.ru

В статье исследуется понятие ценность природы в аспекте политических приоритетов. Цель исследования статьи определить значимость этого понятия для развития политологической теории. Ценность природных ресурсов не только обуславливает экономическую эффективность отраслей народного хозяйства, но и формирует у социума соответствующее мировоззрение. В задачи исследования входило выявление основополагающих положений ценности природы для внутренней политики Российской Федерации с уточнением реализации основных принципов обеспечения ценности во внешней политики государства. Природоохранные приоритеты научным сообществом выдвигаются на первый план и включаются в сферу морали. Понятие ценность природы анализируется на уровне государственной политики и в международном сотрудничестве. Принципы внутренней государственной политики предусматривают равное внимание к экономической, социальной и экологической составляющим хозяйственной деятельности. Учитывая приоритеты в области устойчивого развития, международная политическая деятельность направлена на сохранение жизнеобеспечивающих функций биосферы по отношению к интенсивному использованию ее ресурсов. При этом, особое внимание в политических исследованиях, уделяется проблеме справедливого распределения доходов от использования природных ресурсов и доступа к ним.

Политика управления ценностью природы в современном обществе направлена на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование природных ресурсов, обеспечение экологической безопасности. Эта политика реализуется на международном, федеральном, региональном и местном уровнях.

Ключевые слова: глобальная ценность природы; международные отношения; внешняя и внутренняя политика.

Обоснование глобальной ценности природы

Грандиозные вещи делаются грандиозными средствами. Одна природа делает великое даром. (Александр Иванович Герцен) [1]

Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития затрагивают важные ориентиры цивилизационного развития, в частности формирование понятия «ценности» и ценностные интересы в международных отношениях, и в мировой политике. Международные отношения формируют среду для реализации и отстаивания ценностей и интересов различных субъектов. Российская Федерация включена в систему международных отношений и формирует ценностные политические ориентиры как на уровне субъектов РФ, субъектов природопользования, так и во внешней политике.

Понятие «ценность» как философская категория имеет древнейшее происхождение. В античном мире ценностное представление греков отождествлялось с божественным и религиозным происхождением. Сократ понятие «ценности» отождествлял с понятием «благо». Античные философы и философы эпохи Возрождения в своих трудах рассматривали это понятие непосредственно или при рассуждении о смысле жизни, ориентируясь на эстетическую или этическую проблематику [2]. При этом, в философии формирование философской мысли шло в направлении обоснования понятия «философия ценностей». С начала XX в. интерес к философии ценности возрастает и приобретает глобальный цивилизационный масштаб.

Т. Парсонс придал термину «ценность» социально-политический смысл и в политологии это направление политического исследования стало формироваться в самостоятельное направление [3; 4]. Это понятие рассматривается как высший принцип, на основе которого обеспечивается согласие в малых общественных группах и в социуме в целом.

Классификация ценностей по содержанию предполагает выделение групп политических ценностей, например ценность – это: свобода, равенство, братство (И. Кант, Маркс, Ленин); ориентирами в мире политики; сохранение порядка в республике; предоставление народу возможностей больше влиять на важные решения правительства; борьба с повышением цен; защита свободы слова и т.д. [5; 6]. Ценностные индикаторы в современном обществе формируются на концепции политических ценностей.

Человечество, столкнувших с рядом экологических кризисов стало относиться к природной среде и к ее богатству как к благу, имеющем цивилизационную ценность. В регионах земли, находящихся в зоне совместного ресурсного использования нескольких государств, обостряются отношения, в том числе из-за схожести геополитических интересов, экономических и политических особенностей развития государств и политизации природоохранной деятельности. Политические ценности, ориентированные на ценность природных объектов, рассматриваются как компонента политической культуры и составная часть «культуры» управления. Решение региональных проблем по сохранению ценных природных экосистем возможно только на основе применения политических методов в рамках международного права и обязательного выполнения принципов урегулирования спорных вопросов природопользования.

Понятие ценностей в мировой политике

В настоящее время к основным политическим ценностям относят: права человека; характер, принципы и формы политического устройства и развития общества, его политических институтов, идей; участие людей в политике, выражение и реализация их интересов; культура политики; принципы устойчивого развития; ценность природы как глобальная ценность цивилизации и т.д. Эти ценности закреплены в Конституциях государств и отражены в статьях законов и международных программах.

Проблема ценностей в мировой политике является одной из наиболее острых. Практически весь комплекс международных отношений в XXI веке тесно связан с дискуссией о ценностях. Ключевое значение приобрели стратегии по продвижению ценностей. Международная политика основана в первую очередь на учете ценностных ориентиров развития цивилизации, а затем на субъективных интересах. Так, к примеру, Европейский союз в Лиссабонском договоре записал в свои уставные документы, что он проводит политику, основанную на ценностях (value-based policy) [7; 8]. Политика как отрасль науки осуществляет интегративную функцию понятий и объединяет различные группы

и слои общества в единое целое на основе ценностных ориентиров. Политика, выполняя проективную функцию, способна сформировать новые отношения между людьми и государствами. А также политика способна преобразовывать действительность в соответствии с планами различных политических субъектов. При этом, могут быть созданы новые формы организации социальной и политической жизни. Это так же способствует формированию новых отношений между человеком и природой.

Вопрос о роли национальных ценностей в политике государства, особенно в его внешней политике, приобретает в последнее время все большую актуальность. В развитии человеческой цивилизации наступил новый этап. Американский политолог Самюэла Хантингтона этот этап назвал «конфликт цивилизаций» [9]. Конфликт цивилизаций может рассматриваться как конфликт истощительного природопользования отдельными субъектами, регионами и странами. Но в области международных отношений ценность природы не может оспариваться природопользователями и не может выходить на уровень конфликта. Природные ресурсы ценны как для любой цивилизации, так и для любого природопользователя. Природные ценности – это базовые общепринятые мировоззренческие понятия. Проблема и конфликт определяются только на уровне политических международных отношений и регистрируются на уровне неразработанности программ рационального природопользования, что обосновано несовершенной нормативно-правовой базой, мерами ответственности при потреблении природных ресурсов. Следовательно, только сотрудничество в рамках международных программ, как например по достижению целей устойчивого развития, сотрудничество на уровне субъектов природопользователей, должно стабилизировать глобальные экологические кризисы.

Региональный аспект ценности в международных отношениях

Политические проблемы международных отношений включают и политические проблемы регионального развития, а также затрагивают проблемы рационального природопользования. Цели в области устойчивого развития ориентируют общество на принятие мер по охране окружающей среды. А для эффективной реализации целей устойчивого развития, на государственном уровне, необходимо учитывать особенности регионального развития. В рамках принятой концепции ООН по устойчивому развитию, природа рассматривается как цивилизационная ценность [10]. Для достижения глобального устойчивого развития необходимо согласовать три основных элемента – экономический рост, социальную интеграцию и охрану окружающей среды. И это важные направления международной политики и ее ценностных ориентиров. Субъекты международных отношений представлены как государствами и регионами, так и нормативно-правовыми актами, регламентирующими деятельность в области соблюдения цивилизационных норм и в том числе принципов экологически безопасного развития.

«Встарь богатейшими странами были те, природа которых наиболее обильна; ныне богатейшие страны – те, в которых человек наиболее деятелен». Генри Бокль [1].

Если рассматривать отдельные государства с позиций их ориентации на ценностные ориентиры мирового развития, то в нормативно-правовых актах, в стратегических программах развития можно выделить несколько тезисов, в которых отражается суть их политики в этой области. Так, например, действующая Российская Конституция в ст. 2 провозглашает высшей ценностью государства и общества человека, его права и свободы [11]. При этом, Федеральный закон № 7 «Об охране окружающей среды» рассматривает природу как ценность Российской Федерации [12].

Российская Федерации в Стратегии национальной безопасности, принятой на период до 2030 года, обращает внимание на глобальные вызовы экологической безопасности [13]. К ним относятся: последствия изменения климата на планете; рост потребления природных ресурсов при сокращении их запасов; сокращение биологического разнообразия и пр. В российской системе международных отношений в области экологической безопасности принят ряд нормативно-правовых документов. Цели устойчивого развития ориентируют международное сообщество и граждан России на выполнение насущных задач по обеспечению экологической безопасности. Но не смотря на общую озабоченность по обеспечению экологической безопасности, в настоящее время нет проработанной международной нормативно– правовой базы, которая могла бы регулировать отношения между субъектами природопользования в этой области. И эта проблема сказывается на принятии политических решений, что в свою очередь отражается на реализации управленческих решений.

Решение проблем по сохранению природных цивилизационных ценностей должно быть направлено на разработку эффективных политических механизмов. Политическое решение проблем субъектов-природопользователей даже в отдельно взятых районах мира положительно скажется на формировании политических механизмов по выработке правового регулирования вопросов международных отношений. К примеру, Стратегия экологической безопасности Российской Федерации, Морская доктрина Российской Федерации – документы стратегического планирования, определяющие государственную политику Российской Федерации [14; 15]. Их роль в международной политике существенна и их положения цитируются в международных соглашениях и программах. Концепция внешней политики Российской Федерации, Утверждена Президентом Российской Федерации Путиным В.В. 30 ноября 2016 г. указывает на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики Российской Федерации [16]. Политические документы – это основа механизмов политического управления. Они учитывают как региональную специфику, так и международные государственные приоритеты государственного развития. Политическая деятельность должна базироваться на правовых нормах. Политически обоснованные экологические проекты следует разрабатывать как модельный политический механизм ситуационного управления, применяемый для обеспечения экологической безопасности.

Международное экологическое право, которое так востребовано в современных условиях, в первую очередь определяется международными договорами, мягким правом, конвенциями, международными соглашениями. При отсутствии в тексте международных соглашений ссылки на приоритет международного права над национальным, приводит к применению государствами – участниками по отношению друг к другу, норм национального права, вызывающее осложнение политических отношений.

В настоящее время отраслевые принципы международного экологического права наиболее полно неофициально кодифицированы в проекте международного договора, получившего название Проект Международного пакта по окружающей среде и развитию, который был разработан в 1995 г. специалистами МСОП и Международного совета по праву окружающей среды (существует в редакции 2004 г.) [16; 17]. В основу Проекта Пакта положены договоры и обычаи в области международного экологического права, а также положения Стокгольмской декларации 1972 г., Декларации Рио 1992 г. и Всемирной хартии природы 1982 г. [18; 19; 20; 21]. Исторически эти документы дали основу разработки современных документов для реализации совместных международных политических проектов. Существующие проблемы международных отношений активизируют взаимодействие разных стран в области рационального использования природных ресурсов. Они должны решаться на уровне принятия политических программ действий с учетом правовой регламентации действий.

Нормативно-правовое регулирование ценностных ориентиров в политике России

В РФ, Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия) [22]. В ней трактуется понятие «национальная безопасность», как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны

В Стратегии в Главе III. «Вызовы и угрозы экологической безопасности», приведены основные примеры экологических угроз [22]. При этом, следует учитывать, что к внешним угрозам национальной безопасности, отмеченных в ст. 21 Стратегии, относится: трансграничные загрязнение атмосферного воздуха; лесные пожары; перераспределение стока трансграничных водотоков; создание препятствий для миграции животных, в том числе водных; несанкционированная добыча (вылов) водных биологических ресурсов; отстрел мигрирующих видов животных; перемещение на территорию Российской Федерации зараженных организмов, способных вызвать эпидемии (эпизоотии, эпифитотии) различного масштаба [22]. Этот перечень вызовов и угроз краткий и он характерен для любого государства, в связи с чем, можно предположить, что для эффективного решения экологических проблем, следует учитывать инициативы РФ, которые уже имеют нормативно-правовой базис государственного уровня управления.

Стратегия национальной безопасности является базовым документом стратегического планирования, который определяет и главные международные политические интересы, и основные политические национальные приоритеты страны. А также цели, задачи, меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепле-

ние национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу. Реализация Стратегии призвана способствовать развитию национальной экономики, улучшению качества жизни граждан, укреплению политической стабильности в обществе, обеспечению обороны страны, государственной и общественной безопасности, повышению конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации.

Это ценностные ориентиры развития гражданского общества России.

В Конституции РФ дается обоснование ценностных ориентиров, в том числе и в области сохранения природных ресурсов (Раздел 1. Глава 1. Основы конституционного строя) [11]. В Российской Федерации в гражданском обществе формируется мировозренческое отношение к пониманию ценности и обосновывается политическое направление по практическому внедрению ценностных ориентиров в повседневную жизнь. Выработка форм и методов внешнеполитической деятельности Российской Федерации по реализации национально-государственных интересов учитывает меры политического воздействия международного сообщества.

Экологическая политика международного сообщества и Российской Федерации направлена на решение задач по сохранению природной среды как глобальной ценности. В документах России, в частности делается упор на основные базисные положения взаимодействия общества и природы:

1. Развитие правового регулирования защиты окружающей среды.
2. Усиление экономической ответственности хозяйствующих субъектов за негативные экологические последствия, которые могут быть вызваны их деятельностью.
3. Изменение способа и путей финансирования защиты окружающей среды.
4. Разработка методов экологической экспертизы проектов хозяйственного развития.
5. Защита уникальных природных объектов.
6. Создание системы экологического управления и контроля.
7. Координация проведения политики экологической безопасности на глобальном, национальном, региональном и локальном уровнях.

Экологическая политика должна учитывать краткосрочные и долгосрочные цели. В своей основе она ориентирует на приоритет политики государства на устойчивое экологически безопасное развитие. Эта деятельность направлена на переориентацию общества с потребительского отношения ресурсов природы, на созидательную, ресурсосберегающую деятельность. «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» акцентируют внимание на том, что для достижения стратегической цели государственной политики в области экологического развития необходимо решить задачи, которые позволят сформировать эффективную систему управления в области охраны окружающей среды и обеспечить экологическую безопасность посредством взаимодействия и координации деятельности органов государственной власти [23]. Для этого необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу в области охраны окружающей среды и экологической безопасности. А также широко внедрять эффективные инновационные экологические технологии. Наиболее важно решить задачи по предотвращению негативного воздействия на окружающую среду и восстановления нарушенных естественных экологических систем. Необходимо обеспечить экологически безопасное обращение с отходами. Предполагают, что обеспечить экологическую безопасность позволит развитие экономического регулирования и рыночные инструменты, а также внедрение инновационных проектов по сохранению естественных экологических систем, объектов животного и растительного мира.

В настоящее время, Российская Федерация утвердила план реализации Национальных проектов и приняла к исполнению ряд законодательных инициатив, которые могут помочь стабилизировать не только политическую ситуацию внутри страны, но и перевести ее на новый более высокий уровень международного политического сотрудничества в рамках программ экологически безопасного развития. Обеспечение национальной и международной безопасности страны основано на решении проблем социально-экономического и культурного развития регионов с помощью политических механизмов, включая приоритеты внешней политики государства и возможностей политической дипломатии.

При изучении проблем экологической безопасности выделяют два основных теоретических направления: эколого-экономическое и эколого-политологическое. Но этого недостаточно. Необходимо разрабатывать и внедрять в практику эколого-правовое направление. Принятая международным сообществом нормативно-правовая регламентация хозяйственной деятельности, в настоящее время нуждается не только в конкретизации, но и в расширении спектра охвата экологических проблем. Только комплексный подход к решению глобальных экологических проблем, позволит решить существующие международные и региональные проблемы.

Заключение

Глобальный характер ценностных ориентиров предопределяет роль государственной политики как внутренней, так и внешней. В мировом сообществе сформировалась точка зрения, что обеспечение устойчивого развития является в первую очередь обязанностью правительств и что оно потребует разработки национальных программ и планов. Государственные структуры реализуют программы внутренней и внешней политики с учетом глобальных проблем и целей устойчивого развития. Обращают на себя большое внимание глобальные экологические проблемы, вызывающие конфликтные ситуации цивилизационного развития. В современных реалиях развития цивилизации необходимо обосновать прогнозный политический сценарий развития международных отношений в области обеспечения ценностных ориентиров развития с учетом реализации глобальных проектов по обеспечению экологической безопасности. Политические отношения формируются на основе совпадения или расхождения социально-политических потребностей и интересов. При этом учитывается их специфика – отношения проявляются в форме сотрудничества или соперничества субъектов политической жизни.

Проведенные исследования показали, что научно обоснованные международные ценностные ориентиры отражают развитие политических потребностей и интересов на современном этапе развития гражданского общества и формируют политическую стратегию развития для будущих поколений. Определяется необходимо на международном уровне разработать научный подход в области определения понятия «международная ценность» и сформировать нормативно-правовую базу международного сотрудничества для практического использования их в политических механизмах при управлении ситуацией.

На основе проведенных исследований можно выделить несколько ключевых положений, которые могут быть рекомендованы для разработки программ политического управления в области сохранения ценностей природных ресурсов:

1.В интересах национальной безопасности следует учитывать ценностные ориентиры цивилизационного развития. Природная среда с ее богатствами является цивилизационной ценностью. Международная политика ориентирует региональную политику на сохранение ценности природных ресурсов.

2.Управление ситуацией должно осуществляется посредством практического внедрения политических механизмов на основе норм права с учетом цивилизационной роли ценностных ориентиров и механизмов международного и регионального политического управления.

3.Нормы международного права должны шире применятся на практике реализации внешнеполитической стратегии в области использования ценных природных ресурсов и при обеспечении региональной экологической безопасности.

Анализ накопленного исторического опыта позволяет сформулировать научную концепцию реализации международных принципов по обеспечению и сохранению глобальных природных цивилизационных ценностей. А также сформировать национальные и международные программы действий в области экологической безопасности природных экосистем для внедрения в процесс политического управления регионами с учетом их вклада в глобальные международные процессы.

Литература

1. Агеева Е. Всемирная энциклопедия афоризмов. Собрание мудрости всех народов и времен. 2011. URL: https://www.livelib.ru/book/147614/readpart-vsemirnaya-entsiklopediya-aforizmov-sobranie-mudrosti-vseh-narodov-i-vremen/~16 (дата обращения 15.04.2026)

2. Классическая философия ценностей: предыстория, проблемы, результаты. Опубликовано в альманахе «Альфа и Омега». 1998. -№ 17. -С.18–20. URL: https://www.pravmir.ru/klassicheskaya-filosofiya-tsennostey/ (дата обращения 15.04.2026)

3. Елишев С.О. Изучение понятие «ценность», «ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте. //Диагностика социума. 2011. -С. 82–96

4. Елишев С.О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий “ценность”, “ценностные ориентации”. Вестн. моск. ун-та. сер. 18. Социология и Политология. 2010. -№ 3.-С.74–90

5. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренькова; пер. с англ. Г.А. Беляевой. М., 1994. -С. 448–464.

6. Парсонс Т. Общий обзор// Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972. –392 с.

7. Ваш справочник по Лиссабонскому договору. Европейская комиссия генеральный директорат по коммуникациям публикации. B-1049 Брюссель. –20 с. URL: http://www.delrus.ec.europa.eu (дата обращения 15.04.2026)

8. Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского общества (Лиссабон 13 декабря 2007 г.) 2007\C 306\01. URL: https://base.garant.ru/2566561/ (дата обращения 15.04.2026)

9. Хантингтон Сэмюэл: Столкновение цивилизаций? //Журнал «Foreign Affairs». 1993. –15 с. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/2498 (дата обращения 15.04.2026)

10. The Sustainable Development Goals (SDGs). Генеральная ассамблея ООН. 2015. URL: https://www.undp.org/sustainable-development-goals (дата обращения 15.04.2026)

11. Конституция Российской Федерации URL: http://kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения 15.04.2026)

12. Федеральный закон Российской Федерации № 7 «Об охране окружающей среды».URL: ttps://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72573254 (дата обращения 15.04.2026)

13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: http://kremlin.ru/supplement/424 (дата обращения 15.04.2026)

14. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года. URL: https://ecocntr.ru/blog/novosti/proekt-strategii-ekologicheskoj-bezopasnosti Rossijskoj Federacii-na-period-do-2025-goda. (дата обращения 15.04.2026)

15. Морская доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 512. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1688734/ (дата обращения 15.04.2026)

16. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации Путиным В.В. 30 ноября 2016 г. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248] (дата обращения 15.04.2026)

17. Global Pact for the Environment. Global Pact Report – Advanced Nov. 20, 2018.URL: https://translated.turbopages.org/https://web.archive.org/web/20211020140722/https://web.archive.org/proxy_u/en-ru.ru.f45144f3–6945bb85-b527965d-74722d776562/https/web.archive.org/web/20211020140722/https (дата обращения 15.04.2026)

18. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения 15.04.2026)

19. Конференция ООН по проблемам окружающей человека среды, 5–16 июня 1972 года, Стокгольм, Швеция. URL: https://www.un.org/ru/conferences/environment/stockholm1972 (дата обращения 15.04.2026)

20. Конференция ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, Бразилия, 3–14 июня 1992 года. URL: https://www.un.org/ru/conferences/environment/rio1992 (дата обращения 15.04.2026)

21. Всемирная хартия природы. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 28 октября 1982 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml (дата обращения 15.04.2026)

22. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 15.04.2026)

23. «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: https://base.garant.ru/70169264/ (дата обращения 15.04.2026)

VALUES OF THE INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Pavlov I.E.
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article explores the concept of nature's value in the context of political priorities. The purpose of this article is to determine the significance of this concept for the development of political science theory. The value of natural resources not only determines the economic efficiency of economic sectors but also shapes the corresponding worldview in society. The objectives of the study included identifying the fundamental principles of the value of nature for the domestic policy of the Russian Federation and clarifying the implementation of the key principles of ensuring this value in the state's foreign policy. The concept of sustainable development, adopted by the global community, guides humanity toward the need to develop a foundation of environmental ethics. Environmental priorities are highlighted by the scientific community and integrated into the moral sphere. The concept of the value of nature is analyzed at the level of public policy and in international cooperation. The principles of domestic public policy provide for equal attention to the economic, social, and environmental components of economic activity. Given the priorities of sustainable development, international political activity is aimed at preserving the life-supporting functions of the biosphere in relation to the intensive use of its resources. Particular attention is paid to the issue of the equitable distribution of income from the use of and access to natural resources.

Policies for managing the value of nature in modern society are aimed at preserving and restoring the natural environment, rationally using natural resources, and ensuring environmental safety. This policy is implemented at the international, federal, regional, and local levels.

Keywords: global value of nature; international relations; foreign and domestic policy.

References

1. Ageeva E. The World Encyclopedia of Aphorisms. A collection of wisdom from all peoples and times. 2011 URL: https://www.livelib.ru/book/147614/readpart-vsemirnaya-entsiklopediya-aforizmov-sobranie-mudrosti-vseh-narodov-i-vremen/~ 16 (accessed 15.04.2026)

2. Yelishev S.O. Studying the concept of "value", "value orientations" in an interdisciplinary aspect. //Diagnostics of society. 2011. -pp. 82–96

3. Yelishev S.O. Theoretical and methodological approaches to the study of the concepts of "value" and "value orientations" Vestn. Moscow time. un-ta. ser. 18. Sociology and Political Science. 2010. -№ . 3. -pp.74–90

4. Classical philosophy of values: background, problems, results. Published in the almanac "Alpha and Omega", No. 17, 1998. -P.18–20 URL: https://www.pravmir.ru/klassicheskaya-filosofiya-tsennostey / (accessed on 15.04.2026)

5. Parsons T. The coordinate system of action and the general theory of action systems: culture, personality and the place of social systems. // American Sociological Thought / edited by V.I. Dobrenkov; translated from English by G.A. Belyaeva, Moscow, 1994. -pp. 448–464.

6. Parsons T. General overview// American Sociology. The prospects. Problems. Methods. M., 1972. –392 p.

7. Your Guide to the Lisbon Treaty. European Commission Directorate-General for Communication Publications. B-1049 Brussels. –20 p. URL: http://www.delrus.ec.europa.eu (дата обращения 20.12.2025)

8. Lisbon Treaty amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community (Lisbon, 13 December 2007) 2007\C 306\01. URL: https://base.garant.ru/2566561/ (дата обращения 15.04.2026)

9. Huntington Samuel: Clash of Civilizations? //The journal "Foreign Affairs". 1993. –15 p. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/2498 (accessed 15.04.2026)

10. The Sustainable Development Goals (SDGs). Генеральная ассамблея ООН. 2015. URL: https://www.undp.org/sustainable-development-goals (accessed on 15.04.2026)

11. Constitution of the Russian Federation URL: http://kremlin.ru/acts/constitution (accessed on 15.04.2026)

12. Federal Law of the Russian Federation No. 7 "On Environmental Protection". URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72573254 (accessed on 15.04.2026)

13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: http://kremlin.ru/supplement/424 (accessed on 15.04.2026)

14. Environmental Security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025. URL: https://ecocntr.ru/blog/novosti/proekt-strategii-ekologicheskoj-bezopasnosti Rossijskoj Federacii-na-period-do-2025-goda. (accessed on 15.04.2026)

15. Maritime Doctrine of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation № . 512 dated July 31, 2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1688734/(accessed on 15.04.2026)

16. Foreign Policy Concept of the Russian Federation. Approved by the President of the Russian Federation, Vladimir Putin, on November 30, 2016.URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248] (accessed on 15.04.2026)

17. Global Pact for the Environment. Global Pact Report – Advanced Nov. 20, 2018. URL: https://translated.turbopages.org/https://web.archive.org/web/20211020140722/https://web.archive.org/proxy_u/en-ru.ru.f45144f3–6945bb85-b527965d-74722d776562/https/web.archive.org/web/20211020140722/https (accessed on 15.04.2026)

18. The Rio Declaration on Environment and Development. Adopted by the United Nations Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, 3–14June1992.URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения 20.12.2025)

19. United Nations Conference on Human Environment, 5–16 June 1972, Stockholm, Sweden.URL: https://www.un.org/ru/conferences/environment/stockholm1972 (accessed on 15.04.2026)

20. United Nations Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, Brazil, 3–14June1992. URL: https://www.un.org/ru/conferences/environment/rio1992 (accessed on 15.04.2026)

21. The World Charter of Nature. Adopted by the UN General Assembly on 28 October1982.URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml (accessed on 15.04.2026)

22. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021, "On the National Security Strategy of the Russian Federation". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (accessed on 15.04.2026)

23. "Fundamentals of the State Policy for Environmental Development of the Russian Federation for the Period up to 2030". URL: https://base.garant.ru/70169264/ (accessed on 15.04.2026)

Социальный контроль как фактор модернизации системы национальной безопасности России

Писачкина Яна Семеновна,
заведующий отделением по учебно-воспитательной работе,
ГБПОУ «Политехнический техникум № 47 им. В.Г. Федорова»
E-mail: iana_ lipkina _91 @mail. ru.

Центральным предметом исследования выступает социальный контроль, который автор рассматривает в контексте национальной безопасности. Целью исследования является сравнительный анализ понятий «социальный контроль» и «мировоззрение», импликация которых позволяет выстраивать различные гипотетические комбинаторики.
По мнению автора, социальный контроль можно рассматривать в качестве «остова» национальной безопасности. Мировоззрение, в свою очередь, подразумевает имманентный анализ категорий «мироощущение», «мировосприятие», «миропонимание».
Актуальность исследования состоит в рассмотрении темы национальной безопасности в контексте современных геополитических вызовов. Показана важность сохранения целостного сознания перед лицом «цветных революций». В работе поднимается тема укрепления мировоззрения многонационального народа России как необходимое условие упрочнения ядра национальной безопасности. Научная новизна состоит в том, что модель национальной безопасности, по мнению автора, нуждается в модернизации в аспекте мировоззрения, и предлагается внедрение «идеологических матриц» по средством инструментария, который представлен как социальный контроль.

Ключевые слова: национальная безопасность, социальный контроль, мировоззрение, идеология, многонациональный народ, логос-контроль, девиация.

Понятие социального контроля было введено в научный оборот французским социологом Габриэлем Тардом в конце XIX столетия. Первоначально ученый трактовал его как совокупность средств, позволяющих ресоциализировать правонарушителя, вернув его к соблюдению общепринятых норм. Концепция Тарда основывалась на фундаментальном законе подражания, лежащем в основе социальной коммуникации. В 1901 году американский социолог Эдвард Росс опубликовал работу «Социальный контроль», где рассматривал общественные процессы сквозь призму баланса между индивидуальной свободой и социальной стабильностью. Росс видел сущность контроля во внутренней этической регуляции, одновременно отмечая важность внешних политических механизмов, основанных на санкциях и религиозных нормах. Роберт Парк определял социальный контроль как целенаправленное воздействие общества на поступки отдельного человека, где ведущая роль всегда принадлежит социуму. Он выделял три основные формы такого контроля: принудительные санкции, силу общественного мнения и влияние социальных институтов. В современном гуманитарном знании под социальным контролем понимают любой механизм, заставляющий индивидов следовать установленным в обществе правилам [1, с. 17].

Основное направление социального контроля ориентировано на лиц, чье поведение в той или иной степени отклоняется от нормативных границ, что формирует их девиантность. Стимулы и мотивационные факторы выступают здесь в роли регуляторов и индикаторов. Любая управляющая власть, независимо от среды, первостепенной целью считает формирование у индивидов референтных ценностей. «…Социокультурный код как алгоритм действий в критических ситуациях создается социальной группой и императивно ей присваивается» [2, С. 110–118].

Социальный контроль составляет ядро теории девиантного поведения. Его ключевая задача – анализ тех общественных процессов, которые противодействуют нарушениям социальных норм: суициду, алкоголизму, наркомании, преступности и иным формам девиации. Устойчивое равновесие интерактивных процессов служит базовой точкой отсчета для изучения как социального контроля, так и девиации [1, с. 19].

Особого рассмотрения требует вопрос о роли и имманентной сущности социального контроля в сфере безопасности, в частности национальной. Национальная безопасность понимается как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, гарантирующее конституционные права и свободы, достойный уровень жизни, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие страны. Ее основными объектами являются: личность с ее правами; социальные и национальные группы; общество с его материальными и духовными ценностями; государство с его конституционным строем.

Сравнивая эти категории, можно заключить, что они близки по своей конечной цели. Анализ национальной безопасности и социального контроля в проекции их общих оснований приводит к выводу о теоретической невозможности их дихотомии. При этом сфера национальной безопасности значительно шире. Следовательно, объединить эти две категории в качестве равнозначных элементов одной системы не представляется возможным, поскольку весь спектр задач социального контроля уже включен в формирование национальной безопасности. Социальный контроль может рассматриваться как один из ее компонентов.

Необходимо отметить, что основная задача социального контроля в рассматриваемом нами контексте – это консолидация многонационального народа России, которая зиждется на мировоззрении социума.

Мировоззрение российского многонационального народа требует магистрального направления путем санации (оздоровления идеологической архитектуры), в том числе с применением синергии. Эклектическое начало изначально заложено в культуре многонационального народа России и выражается в противоречиях, возникающих в процессе совместного сосуществования ее этносов. Обозначенная проблематика объективно отражает состояние национальной безопасности нашего государства. Как показывает практика, национальная безопасность нашей страны в контексте мировоззрения со времен развала СССР ка-

ких-либо трансформаций, способствующих ее усовершенствованию не претерпела. А сам факт поражения СССР в холодной войне красноречиво свидетельствует о ее состоянии. И сейчас, когда с момента развала Советского Союза прошло более тридцати лет, произошла смена без малого двух поколений, необходимые выводы полностью не сделаны. «…Люди – во времени; оно – в них. Время и люди – одно и то же». [3, С. 171–179].

«Мировоззрение является метакатегорией, интегрирующей следующие понятия: мироощущение, мировосприятие, миропонимание. Мироощущение – это эмоционально-психологическая сторона, выражаемая в чувствах и настроениях. Мировосприятие – это познавательный процесс формирования наглядных образов мира. Миропонимание – познавательно-интеллектуальная сторона, требующая критического мышления» [4, С. 28–40]. Весь этот спектр жизненных ориентиров консолидируется в мировоззрении социума, которое должно регулироваться в рамках социального контроля. Мировоззрение формируется синергетически, так как объединяет широкий спектр подчас противоположных процессов в единую систему. В рамках исследования оно представляет собой сердцевину организма национальной безопасности, чья жизнедеятельность зависит от слаженной работы всех перечисленных категорий.

Социальный контроль выступает индикатором мировоззрения социума. Из сказанного можно сделать вывод, что в процессе своего функционирования социальный контроль превращает мировоззрение социума в строительный материал, который может выступить как в виде архитектуры, так и симфонии в зависимости от стратегии национальной безопасности страны. Практически все ипостаси национальной безопасности (религиозная, духовная, информационная, идеологическая) зеркально отражены в лице социального контроля, а равно как и мировоззрение социума.

Интерпретируя социальный контроль как каркас мировоззрения социума, следует учитывать его дефиницию как регулятора общественных отношений в социокультурном пространстве. «…Социальный контроль в широком смысле включает все многообразие форм контроля. В узком смысле – это контроль, осуществляемый через общественное мнение, «прозрачность», гласность оценки поведения людей» [1, с. 28]. Именно узкая трактовка интересует нас в качестве базиса. В данном аспекте социальный контроль выстраивает конструкцию из необходимых фрагментов, где в качестве ведущей силы выступает логос-контроль, составляющий фундамент мировоззрения общества. Рассматривая современную геополитическую конъюнктуру, стоит отметить, что использование «мягкой силы» как инструмента влияния стало обыденной практикой. Успешные «цветные революции» подтверждают эффективность этого инструментария внешней политики. Популяризация русофобии в глобальном масштабе создает серьезные вызовы, требующие активного фильтрующего воздействия на общество. Все перечисленные факторы формируют предпосылки для фундаментального теоретико-философского исследования данной проблемы. Именно социальный контроль, понимаемый в узком смысле, должен стать во главе угла регулятора мировоззрения всего многонационального народа России.

Социальные институты регулируют деятельность членов общества, задавая нормы, которые вносят в нее организованность. В публичной сфере внешние регуляторы постепенно интериоризируются, превращаясь в самоконтроль благодаря становлению самосознания – способности к рефлексии и оценке собственных действий. Готовность личности нести ответственность является индикатором сформировавшегося внутреннего контроля [1, с. 280]. «…Крах советской модели безопасности во многом предопределило то, что, несмотря на мощь силового аппарата, базовые потребности граждан в относительно «мирных» областях – таких как информация, продовольствие – не были удовлетворены в должной мере» [5, С. 215–223]. Таким образом, ключевая функция социального контроля не выполнялась. Отсутствие управления мировоззренческими процессами в обществе указывает на нерациональное распределение ресурсов и недооценку их роли для безопасности нации. В эпоху расцвета СССР идеологическая работа, о чем свидетельствует массовость пионерской и комсомольской организаций, осуществлялась эффективно, долгое время поддерживая необходимый идейный консенсус. Однако на закате советской эпохи эти институты утратили сущностное наполнение, став формальностью: «…Хронологическое совпадение распада идеологических структур (пионерии, комсомола) и развала СССР демонстрирует, что государство, лишившись институтов, формирующих мировоззрение новых поколений, утратило будущее – а затем практически мгновенно лишилось и настоящего» [5, С. 215–223]. Следует понимать, что мировоззрение в контексте социального контроля служит материалом, позволяющим реализовать программу в рамках установленной системы координат, определив финальную цель всей концепции национальной безопасности. В нашем контексте речь идет о мировоззрении российского социума, о его консолидации. Сегодня, в числе прочих направлений, действует Стратегия обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная президентским указом. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[1] указано, что должны возродиться исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти. Архитектоника, отраженная в стратегии национальной безопасности, говорит сама за себя: возрождение исконно российских идеалов, духовности, достойного отношения к исторической памяти. Что означает возрождение исконно российских идеалов? Это процесс реанимации идеологических начал, заложенных в идентичном коде многонационального российского народа. Возрождение духовности может интерпретироваться через призму религиозности как локомотив: «…необходимо повышать духовную грамотность в стране, усиливать взаимодействие российских психологов, религиоведов и созидательных традиционных религий» [6, С. 396–405]. Так же существует и атеистическое толкование духовности: «… – это деятельность сознания, направленная на поиск смысла жизни и своего места в ней, на определение критериев добра и зла для оценки событий, людей и руководства к действию» [7, с. 20]. Что касается достойного отношения к исторической памяти, которая может искажаться в сознании людей под воздействием внешних факторов, таких как пропаганда западных СМИ или культивация русофобии. Данная формулировка может быть истолкована как дополнение к возрождению исконно российских идеалов. «…Голод и жажда разрушают не только физические, но и духовные, нравственные силы человека; они лишают его человеческого облика, рассудка и сознания…» [8, с. 7]. Концепция, заложенная в стратегии национальной безопасности, свидетельствует о том, что фактор голода остался в прошлом, как ранее уже было отмечено, время в людях, оно в них. Именно рассудок и сознание составляют архитектонику мировоззрения, оно в них. Современность задает новые условия, где интенциональность людей формируется информационными средствами в медийной среде. Безопасность в XXI веке – это, в первую очередь, сохранение целостности сознания нации. Данный тезис должен быть центральным элементом национальной безопасности любой страны. Методы противостояния с применением «мягкой силы» неоднократно доказывали свою эффективность на практике, примером чему служат успешные «цветные революции». Способность противостоять таким технологиям определяет степень защищенности государства. Если ранее мировоззрение социума и социальный контроль мы рассматривали в синтезе, стирая границы, то теперь их необходимо дифференцировать. Социальный контроль предстает инструментарием для моделирования системы национальной безопасности. Последняя, как отмечено, задает систему координат, тогда как социальный контроль обеспечивает цель достижения. Мировоззрение – это форма, а социальный контроль – содержание. Функции этих направлений имманентны, это означает, что реакция их на внешние воздействия будет тождественной. Форма всегда двойственна относительно содержания, разделяясь на внутреннюю и внешнюю [9, с. 94]. Если содержание – это социальный контроль, то внутренняя форма – мировоззрение, а внешняя форма представлена национальной безопасностью.

«Национальная, государственная и конституционная безопасность в своей совокупности представляют собой уровень защищенности интересов личности, общества и государства. Ее достижение возможно тремя основными способами: непосредственной защитой от конкретных внутренних и внешних угроз; упреждающим устранением источников потенциальной опасности; а также развитием у защищаемых объектов собственных механизмов самосохранения и адаптации» [7, с. 10]. Сопоставляя стратегию национальной безопасности Российской Федерации с перечисленными выше уровнями защищенности, можно резюмировать: что она спроектирована по лекалам третьего способа защищенности, а именно: развитием у защищаемых объектов собственных механизмов самосохранения и адаптации. Двигаясь от изложенного далее, стоит отметить, что социальный контроль и мировоззрение, рассматриваемые имманентно в объекте, представляют собой симфонию органического процесса, который в нашем случае необходимо внедрить в систему национальной безопасности. Национальная безопасность длительное время существовала как архитектура, лишенная какой-либо положительной динамики, возникающей спонтанно не зависимо от воли и сознания полит технологов. Даже если проводить трансформацию всей системы национальной безопасности путем апробации эксперимента, результат будет не ликвидным.

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 12.01.2026).

Необходимо создать естественную среду в виде организма, в которой объекты могли бы коммуницировать без воздействия инородных тел. Социальный контроль в синтезе с мировоззрением уже дает естественный посыл, который может развиваться в контролируемом направлении, создавая необходимую динамику.

Подводя итоги, стоит резюмировать: социальный контроль как инструментарий практики использовался всю историю человечества. Как феномен он выступал в качестве объекта научного исследования в разных отраслях гуманитарного знания и каждый раз подтверждал новизну исследования и актуальность. Весь путь своего существования он шел параллельно с процессами, проходящими в социуме, которые сопровождались техническим развитием и социальным модерном. Любое время находило свое отражение в зеркале социального контроля, равно как и он видоизменялся в условиях времени. Как было ранее сказано, система национальной безопасности нашей страны со времен холодной войны каких-либо оздоровительных процедур не испытала. Иными словами, она устарела и осталась поверженной в прошлом. Социальный контроль в отличие от последней обладает более высокими органическими характеристиками, что подтверждено временем. Как было отмечено выше, социальный контроль возник одновременно с человеком и сопровождал его весь путь существования. Он трансформировался в бытии исходя из объективных предпосылок, минуя волю и сознание человека. За весь период своего существования он ни разу не реанимировался, потому как не умирал, умирали и возрождались только системы – субстанции, с которыми он шел в унисон (империи, цивилизации, народы). Если гипотетически предположить, что национальная безопасность перестала существовать как организм не с момента развала СССР, а с развала его идеологических организаций (комсомола, пионерии), которые, как было отмечено выше, перестали существовать за несколько месяцев до финального окончания [10]. Двигаясь от изложенного суждения дальше, стоит отметить, что именно идеология делала систему национальной безопасности нашей страны живой, она была душой, пребывающей в теле не только указанной системы но и всего государства. Именно через идеологию сломали хребет СССР, сделав национальную безопасность органически мертвой но механически существующей. И сейчас, когда мироустройство ожидает глобальная трансформация, социальный контроль как неотъемлемый компонент любого кризиса и модерна должен занять свое место в строю. Переход от однополярного мироустройства к многополярному создает геополитические метаморфозы и ставит точку невозврата [11, С. 422–440]. В части, касающейся национальной безопасности, которая с момента окончания холодной войны нуждается в проведении комплекса оздоровительных процедур, социальный контроль, синтезированный с мировоззрением, может поставить точку вхождения в новую систему координат. Внедрив их в систему национальной безопасности, мы придадим имманентное оформление конструкции, реанимировав тем самым отжившее.

Литература

1. Поверинов И.Е., Писачкин Д.В. Социальный контроль: Философские, социологические и правовые аспекты: монография / И.Е. Поверинов, Д.В. Писачкин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – 92с.

2. Пихновский В.В., Евстифеева Е.А., Григорьева Д.Д. Обман как социальный код. Лицедейство и сказка // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 110–118.

3. Ильин В.В. «Мядали мы вядали»: к 30-летию «Пьяного кучера» Л. Дербенева (философские сильвы о национальной тристии) // Российский гуманитарный журнал. – 2024. – Т. 13, № 4. С 171–179. – Изд. «Социально-гуманитарное знание» – С.П.б.

4. Писачкин Д.В. Имманентная константа информационной безопасности в контексте реализации мировоззренческой безопасности России // Философская мысль. 2026. № 2. С. 28–40.

5. Мелихов И.А. Писачкин Д.В. О необходимости теоретико-философскогоисследования понятия «мировоззренческая безопасность» / И.А. Мелихов, Д.В. Писачкин // Философия права. – 2025. – № 3 (114). – С. 215–223.

6. Хвыля-Олинтер А.И. Влияние духовного фактора на информационно-психологическую безопасность института семьи в России// Современные психотехнологии в управлении, политике, бизнесе, образовании и искусстве М: материалы пятой научно-практической конференции, Москва, июнь 2024. С. 396–405

7. Хвыля-Олинтер А.И. Духовно-религиозное основание национальной безопасности России/ А.И. Хвыля-Олинтер. – М.: Академия управления МВД Российской Федерации, 2012. – 420 с.

8. Фейербах Л. Сочинения: в 2 т.: пер. с нем. / Ин-т философии. М.: Наука, 1995. Т. 2. –425 с.

9. Гулыга А.В. Гегель. –2-е изд. – М.: Мол. Гвардия, 1981. –303с

10. Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР/Предисловие автора. – М.: Правда, 1983.–464с.

11. Писачкина Я.С. Здравомыслие и социальный контроль в системе социально-философского знания // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 4. С. 422–440.

SOCIAL CONTROL AS A FACTOR OF MODERNIZATION OF THE RUSSIAN NATIONAL SECURITY SYSTEM

Pisachkina Ya.S.
Polytechnic Technical School No. 47 named after V.G. Fedorov

The central subject of the study is social control, which the author considers in the context of national security. The purpose of the study is a comparative analysis of the concepts of "social control" and "worldview", the implication of which allows us to build various hypothetical combinatorics. According to the author, social control can be considered as the "backbone" of national security. Worldview, in turn, implies an immanent analysis of the categories "worldview", "worldview", "worldview". The relevance of the research is to consider the topic of national security in the context of modern geopolitical challenges. The importance of maintaining a holistic consciousness in the face of "color revolutions" is shown. The paper raises the issue of strengthening the worldview of the multinational people of Russia as a necessary condition for strengthening the core of national security. The scientific novelty lies in the fact that the national security model, in the author's opinion, needs to be modernized in terms of worldview, and it is proposed to introduce "ideological matrices" using tools that are presented as social control.

Keywords: national security, social control, worldview, ideology, multinational people, logos control, deviation.

References

1. Povinov I.E., Pisachkin D.V. Social control: Philosophical, sociological and legal aspects: a monograph / I.E. Povinov, D.V. Pisachkin. – Saransk: Publishing House of Mordovia. University, 2011. 92c.

2. Pikhnovskiy V.V., Evstifeeva E.A., Grigorieva D.D. Deception as a social code. Acting and a fairy tale // Modern philosophical research. 2025. No. 2. Pp. 110–118.

3. Ilyin V.V. "We faded away": on the 30th anniversary of L. Derbenev's "Drunken Coachman" (philosophical arguments about national identity) // Russian Humanitarian Journal. – 2024. – Vol. 13, No. 4. From 171–179. – Ed. "Social and humanitarian knowledge" – S.P.B.

4. Pisachkin D.V. The immanent constant of information security in the context of the realization of Russia's ideological security // Philosophical thought. 2026. No. 2. Pp. 28–40.

5. Melikhov I.A. Pisachkin D.V. On the need for theoretical and philosophical research of the concept of "ideological security" / I.A. Melikhov, D.V. Pisachkin // Philosophy of Law. – 2025. – № 3 (114). – Pp.215–223.

6. Khvylya-Olinter A.I. The influence of the spiritual factor on the information and psychological security of the family institute in Russia// Modern psychotechnologies in management, politics, business, education and art Moscow: proceedings of the Fifth Scientific and Practical Conference, Moscow, June 2024. pp.396–405.

7. Khvylya-Olinter A.I. The spiritual and religious foundation of Russia's national security/ A.I. Khvylya-Olinter. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2012. 420 p.

8. Feuerbach L. Essays: in 2 volumes: translated from German. / Institute of Philosophy. Moscow: Nauka, 1995. Vol. 2. –425 p.

9. Gulyga A.V. Hegel. –2nd ed. – Moscow: Mol. Guardia, 1981.–303s

10. Yakovlev N.N. The CIA against the USSR/Preface by the author. Moscow: Pravda, 1983. 464s.

11. Pisachkina Ya.S. Sanity and social control in the system of socio-philosophical knowledge // Humanities: current problems of humanities and education. 2022. Vol. 22, No. 4. Pp. 422–440.

Сетевые технологии в образовательном сотрудничестве стран БРИКС

Погорелова Екатерина Сергеевна,
аспирант Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: pogoreeelovakatya@yandex.ru

Актуальность темы определяется возросшим значением роли образовательных технологий в современном цифровом обществе. Поэтому страны БРИКС стремятся наладить систему креативных связей разных уровней для продвижения своих образовательных инициатив и повышения рейтингов своих университетов. Цель статьи – показать разветвленную систему образовательного сотрудничества стран-основателей БРИКС и выявить проблемные точки в использовании сетевых технологий для повышения эффективности сотрудничества. Сделан вывод о том, что образование является инструментом «мягкой силы» для укрепления позиций стран БРИКС на мировом рынке образовательных услуг. Предложены авторские рекомендации по стимулированию и дальнейшему развитию стран БРИКС в области науки и образования.

Ключевые слова: образование, наука, страны-основатели БРИКС, сетевые механизмы, объединение, обмен опытом, формы сотрудничества.

Введение

Объединение БРИКС – это неформальная международная структура, где участники придерживаются принципов многополярности, выступая против какого бы то ни было диктата со стороны западных стран. Таким образом, БРИКС активно внедряет в систему международных отношений идею равноправия, что коррелируется с основным принципом цифрового общества, где принцип вертикальной бюрократической системы управления заменяется динамичной горизонтальной сетевой структурой, что основывается на объективном характере информационно-коммуникативных связей. Объединение БРИКС функционирует по горизонтальной модели, поскольку оно не является классической международной организацией: не имеет жесткой структуры, штаб-квартиры, единого устава. Помимо этого, создаются органы, которые лишь дополняют международные институты и механизмы взаимодействия. Нежелание институционализировать БРИКС появилась из-за тенденции развития современного мира, где основным фактором считается гибкость организации и ее проектная деятельность. Все это находит отражение в образовательном сотрудничестве стран БРИКС, где, ввиду своей географической разобщенности, участники активно реализуют сетевые механизмы в научно-исследовательской области.

В данном исследовании рассматриваются образовательные технологии только пяти стран-основателей БРИКС, поскольку расширение данного международного объединения оформилось лишь в 2025 году, поэтому еще не наладились необходимые структурные взаимосвязи между всеми 10 странами. Важным документом в определении перспектив образовательной политики БРИКС стала Декларация (Казань 2024), где говорилось о «создании механизма сотрудничества БРИКС в области цифрового образования, согласованного по итогам консультаций министров образования стран БРИКС» [8]. В развитие данного намерения можно отметить обсуждение вопросов использования искусственного интеллекта в сфере науки и образования, где акцентировалось внимание на развитии креативной экономики, учитывая ее экономическую эффективность и потенциальные риски для стран-участниц [6].

Стоит отметить, что в сотрудничестве стран в научно-исследовательской сфере постепенно стали закладываться общие нормативные основы, что нашло свое отражение в Меморандуме о взаимопонимании и сотрудничестве (2015) [12] и Меморандуме о взаимопонимании между дипломатическими академиями стран БРИКС (2016) [7]. Согласно этим решениям, каждая страна БРИКС сможет реализовать собственные образовательные задачи, используя научный потенциал для реализации научных и образовательных проектов в коллаборации с национальными системами образования всех стран БРИКС. Данные документы являются отправной точкой для реализации научных проектов, форумов, обменов научными разработками и создания международных научно-образовательных коллективов. В этой связи в Евразийском международном университете был подписан протокол о сотрудничестве по созданию научно-образовательной системы БРИКС (2023), закладывающей основу единой универсальной образовательной площадки, на которой университеты и колледжи смогут реализовывать свои программы академической мобильности. Фактически можно говорить о начале формирования международной образовательной системы БРИКС.

В условиях цифрового общества, когда гуманитарные и научно-технологические знания становятся важнейшим капиталом и драйвером экономического, культурного и социального роста, очень важно выводить образовательное сотрудничество стран БРИКС на одно из первых мест. Таким образом, целесообразно охарактеризовать и проанализировать все формы взаимодействия стран БРИКС, направленные на развитие образовательного сотрудничества.

Сетевой Университет БРИКС (BRICS Network University)

Данный университет объединяет высшие учебные заведения всех участников БРИКС, где его принципы и деятельность курирует рабочая группа. В него входят 12 российских университетов, 9 университетов Бразилии, 12 университетов Индии, 11 университетов Китая, 12 университетов ЮАР не исключается возможность присоединения университетов новых членов БРИКС [17]. На рабочей встрече министров образования БРИКС,

было принято решение о создании Сетевого Университета, где участники поднимали вопросы: академической мобильности, признания дипломов и ученых степеней, а также учреждения Совета по оценке качества образования. Наконец, все участники БРИКС смогли официально заверить деятельность Сетевого Университета, путем совместного подписания Меморандума о взаимопонимании о создании сетевого университета БРИКС. Сетевой университет БРИКС ведёт свою образовательную деятельность по таким направлениям как:

– информационная безопасность;
– компьютерные науки;
– энергетика;
– водные ресурсы;
– изменения климата;
– экономика;
– исследования стран БРИКС.

В 2024 году Сетевой Университет БРИКС расширил свою область знаний. К ним добавились: сельское хозяйство и продовольственная безопасность; математика; естественные науки; социальные и гуманитарные науки; науки о здоровье. В данном университете доступно онлайн обучение в виде курсов по повышению квалификации. Сетевой университет – это один из первых сетевых механизмов, запущенных в области образования среди стран БРИКС, со множеством преимуществ. Таким образом, Сетевой Университет, представляет собой международный проект, объединивший множество высших учебных заведений, для реализации общих национальных стратегий и целей. Благодаря совместному использованию академических ресурсов, данный проект дает множество преимуществ, а именно: непрерывный обмен информацией, специалистами, студентами, технологиями; предоставляется доступ к мировым информационным ресурсам; налаживаются социальные контакты, процессы коммуникации, благодаря использованию интернет-ресурсов; принимаются совместные решения в образовательном сотрудничестве; формируется индивидуальная структура управления университетами; увеличиваются доходы от коммерческой деятельности [21].

Совет экспертных центров БРИКС (BRICS Think Tank Council – BTTC) – международная платформа для взаимодействия национальных координаторов стран БРИКС, которая была создана в 2013 году на Саммите БРИКС в Дурбане. В Совет входят институты, исследовательские фонды, аналитические центры, дипломатические академии из всех стран-участниц БРИКС. После присоединения к альянсу БРИКС, активное участие стали принимать и новые страны, такие как Эфиопия, ОАЭ и Иран. Совет экспертных советов БРИКС вместе с МИД России поддержал развитие образовательного проекта «**BRICS International School: New generation**», который предоставляет эффективные и краткосрочные программы по изучению БРИКС для студентов и молодых ученых. [1]. Данный проект является одним из самых популярных и востребованных в мире, благодаря своей уникальной образовательной программе. Например, в университете ВШЭ ежегодно проводится международная школа БРИКС, для содействия и развития знаний в области БРИКС**.** Таким образом, BRICS Think Tank Council, обладая широким спектром компетенций и целей, фокусируется на содействии обмену знаниями и передовыми практиками между главными специалистами, исследователями и научными сообществами стран БРИКС. Проведение Академического форума БРИКС также входит в сферу интересов Совета, где основной задачей является – рассмотрение лидеров БРИКС, а также разработка политических рекомендаций и указаний [2]. Результаты и решения Академического форума способствуют благоприятному развитию и углублению международной повестки стран БРИКС, благодаря работе экспертов, которые акцентируют внимание на критически важных аспектах развития самого объединения, БРИКС имеет потенциал стать подлинным механизмом глобального управления с обширной и многоплановой повесткой.

Национальный комитет по исследованию БРИКС – некоммерческое партнерство, которое было создано в целях исполнения, утвержденного Президентом Российской Федерации 24 мая 2011 года плана мероприятий по реализации договоренностей, достигнутых на саммите БРИКС в КНР [13]. Основной целью НКИ БРИКС является обозрение роли и деятельности стран БРИКС на международной арене, а также создание универсального информационного пространства в научной сфере. Благодаря такому комитету, Россия сможет реализовывать и продвигать собственные научные интересы на международной арене. Основными компетенциями НКИ БРИКС является: обмен экспертными мнениями и опытом на политическом и экономическом уровне, создание и продвижение образовательного контента в печатном и электронном виде; содействие развитию молодых ученых в науке и др. С марта 2013 года Национальный комитет по исследованию входит в Совет экспертных центров (СЭЦ) БРИКС, который одобрили все страны-участницы.

Страны БРИКС уделяют большое внимание развитию профессиональным навыкам, поэтому была предложена инициатива **WorldSkills,** направленная на идентификацию и совершенствование профессиональных компетенций, а также на формирование устойчивого международного партнерства между странами в области образования и развития технологий. Развитие профессиональных навыков рассматривается руководством стран, как ключевой фактор достижения национальных интересов. Кроме того, участники создали рабочие группы по обмену опытом проведения профориентационной работы между странами БРИКС, а также для разработки и развития системы механизмов подтверждения компетенции. В рамках деятельности Академии развития навыков и технологических инноваций БРИКС, осуществляется активная работа по формированию и расширению сотрудничества между высшим и профессиональным образованием. WorldSkills выполняет функцию платформы для реализации образовательных и научных инициатив в странах БРИКС. Стоит отметить, что в рамках инициативы WorldSkills, был реализован проект «БРИКС Аудиториум», включающий в себя проведение форумов, направленных на развитие и обмен передовыми практиками в сфере будущих навыков (Future Skills) [5]. Таким образом, благодаря данной международной инициативе, страны БРИКС могут реализовывать свои инициативы в области профессионального образования, используя опыт других стран-участниц и обмениваться мнениями и опытом в области научных интересов.

Международная школа БРИКС+ совместно с международным туроператором образовательного туризма “BRICS Travel”, реализует образовательный потенциал стран-участниц, где деятельность школы распространяется на все страны БРИКС. Благодаря такому сотрудничеству учащиеся имеют возможность стажироваться в разных странах, увидеть культуру другой страны, а также практиковать иностранные языки, взаимодействуя со сверстниками. Интегрируя различные академические дисциплины, международная школа дает возможность решать комплексные проблемы и формирует у учащихся навыки критического и всестороннего мышления, обогащая школьный опыт. Кроме того, школа БРИКС+ имеет высокую социальную активность, где активно создаются различные формы образовательного взаимодействия, что позволяет школьникам в будущем выбрать профессию [3]. В рамках Международной школы БРИКС+ создано дополнительное образование для учащихся: клуб юных экспертов БРИКС, международный лагерь БРИКС+, БРИКС портфолио, клуб BRICS Team. Для преподавательского коллектива был организован Педагогический совет стран БРИКС (BRICS Council), для формирования компетентных педагогических кадров в гуманитарной сфере [10]. На ПМЭФ 2025 года, впервые была принята нормативно-правовая база, определяющая деятельность Школы БРИКС+. Согласно меморандуму, Школа BRICS+ “будет создавать новые возможности для профориентации школьников и освоения ими перспективных профессиональных компетенций, а также обеспечивать синхронизацию стандартов по наиболее востребованным профессиям для экономик стран БРИКС” [11]. Обсуждение образовательных компетенций и задач Школы БРИКС+ на ПМЭФ позволяет сделать вывод, что международная образовательная повестка интересует не только страны БРИКС, но и другие государства, не входящие в объединение.

Для реализации программ среднего профессионального образования в 2016 году была основана **Автономная некоммерческая профессиональная образовательная организация «Университетский колледж БРИКС»**, где выпускники, получив диплом государственного образца с европейским приложением, смогут поступить в Университет БРИКС и другие иностранные высшие учебные заведения. А при трудоустройстве выпускники имеют преимущество на зачисление в иностранные и международные организации. Основной целью данной организации является проведение учебных мероприятий за рубежом (тренинги, проекты, мастер-классы, обучающие игры и др.), обучение иностранных граждан в колледже, а также развитие гуманитарной, культурной и научной сфер среди стран БРИКС [18]. Университетский колледж БРИКС дает возможность определиться с дальнейшей профессиональной деятельностью выпускников, подготовить их к трудоустройству за рубежом, создать портфолио и резюме. Согласно результатам опроса ВЦИОМ о повышении квалификации, многие россияне имеют высокий запрос на высшее образование, ввиду технологических и общественных перемен. Однако доля лиц, имеющих среднее профессиональное образование, стабильно находится в пределах 27–32%. Данная тенденция позволяет выделить приоритетное значение и широкое применение среднего профессионального образования в общественном сознании [15]. Таким образом, активное развитие профессионального образования совместно со странами БРИКС, позволяет привлечь иностранных студентов и обогатит образовательный опыт, что только повысит востребованность профессиональной подготовки среднего уровня в России.

Еще одной важной формой сотрудничества стоит выделить организацию образовательных форумов и научных конференции. Одним из первых форумов в области науки стал **Форум молодых ученых БРИКС**, который проводится с 2016 года и создает все условия для сотрудничества ученых и профессионалов, где они обмениваются опытом, делают совместные исследования и проводят круглые столы с обсуждением актуальных проблем и перспектив в исследовательской области. Благодаря конкурсу «Молодые инноваторы стран БРИКС», проходящий на площадке форума, молодые ученые могут развивать свои научные проекты и получать денежные гранты для реализации себя в таких областях как: низкоуглеродные технологии, биомедицина, искусственный интеллект, возобновляемые источники энергии и сельское хозяйство.

В 2022 году страны-участницы провели **Форум популяризаторов науки стран БРИКС**, где инициатором стало Минобрнауки России совместно с секретариатом Российского совета по научно-техническому и инновационному сотрудничеству стран БРИКС. Форум проходил как онлайн, так и в очном формате, (с 2021 года) где было около 3,5 тысяч участников. Основной целью форума является продвижение образовательной системы стран БРИКС, учитывая индивидуальные культурные особенности каждой страны, а также распространение науки в рамках устойчивого развития и инклюзивности [19]. Итак, благодаря совместному проведению международных форумов и конференций, страны БРИКС имеют возможность разрабатывать решение общих проблем, обсуждать и создавать новые формы и методы научного сотрудничества и перенимать опыт в международной образовательной системе. Отдельно стоит выделить создание образовательных платформ на базе высших учебных заведений в странах БРИКС. Для наглядности, приведены примеры такого сотрудничества в таблице 1.

Таблица 1. Образовательные платформы на базе Университета БРИКС

Страна	Университет	Год основания платформы	Образовательная платформа сотрудничества
Бразилия	Университет Сан- Паулу	2015	GEBRICS / USP
Россия	НИУ Высшая школа экономики	2024	Экспертный совет по вопросам участия Российской Федерации в объединении БРИКС
	МГУ имени М.В. Ломоносова	2016	Ассоциация научнообразовательных центров стран БРИКС
Индия	Университет Amity	2011	Центр исследований БРИКС
Китай	Фуданьский университет	2012	Исследовательский центр стран БРИКС
		2014	Летняя школа БРИКС
		2019	Лига университетов БРИКС
ЮАР	Дурбанский технологический институт	2022	Летняя школа БРИКС

В объединении БРИКС все страны активно развивают гуманитарные и образовательные связи на площадках высших учебных заведений, что позволяет раскрыть научные возможности всех студентов, используя международное сотрудничество. Так, Университет Сан-Паулу, один из самых популярных и развитых в гуманитарных науках университетов в Бразилии, запустил Школу Права, на базе кафедры международного права. Юридический факультет занимается исследованиями в области БРИКС, организуя различные научные конференции, например, в области сотрудничества по энергетике. Кроме того, была разработана междисциплинарная исследовательская группа GEBRICS / USP, где основной деятельностью является популяризация знаний в области БРИКС, проведение научных конференций и академических дискуссий о БРИКС. Основное направление развития данной группы задает Меморандум о сотрудничестве между GEBRICS / USP и МЭА БРИКС. Благодаря основным положениям документа, стороны смогут зафиксировать свои договоренности, укрепить доверие и реализовать цели. Основными ориентирами являются: развитие международного энергетического и научного сотрудничества [16]. Бразилия вносит в академическое развитие БРИКС свой вклад, в той сфере, в которой она наиболее успешна, в данном случае это энергетическая отрасль.

Российская сторона наиболее активна в создании образовательных платформ. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» играет ключевую роль в деятельности, связанной с БРИКС. Именно на базе этого университета создан Экспертный совет, консультирующий по вопросам участия России в объединении, который был запущен по инициативе Министерства иностранных дел и Министерства финансов Российской Федерации. Экспертный совет содействует обеспечению исследовательско-аналитической поддержки и координации российской деятельности с другими образовательными платформами БРИКС [20]. Еще одним главным институтом по развитию международного сотрудничества в области науки и образования, является МГУ имени М.В. Ломоносова, который является координатором работы Ассоциации научно-образовательных центров БРИКС (АНОЦ БРИКС). Такую идею предложили в связи с коллективным решением на международной научно-практической конференцией «БРИКС в эпоху глобальных социальных трансформаций» в 2024 году. Позже Ассоциации дали статус международного научно-образовательного консорциума. Благодаря ассоциации страны БРИКС смогут разработать единую образовательную политику с учетом особенностей каждой страны-участницы, укрепить партнерские отношения на дипломатическом уровне в сфере образования и науки, а также повысить качество научных исследований, высшего образования и квалификацию ведущих научно-образовательных центров БРИКС [4].

В развитие научно-образовательной деятельности вносят свой вклад и частные университеты. Так, индийский университет Amity создал Центр исследований БРИКС. Увидев перспективы развития объединения в мировой политике и экономике, глава университета сделал ставку на развитие центра в области научных исследований и обмена знаниями и опытом. Данный центр носит междисциплинарный характер, объединив экспертов и преподавателей из разных научных направлений и стран (геополитика, иностранные языки, инженерия и др.). Помимо этого, осуществляется активное сотрудничество с Международной медиасетью TV BRICS, что позволит оперировать новой и доступной информацией в своих исследованиях, благодаря новостным сводкам и статьям. С использованием университетских ресурсов Центр исследований БРИКС сможет организовывать лекции, семинары, круглые столы и видеоконференции, предметом обсуждений которых станут научные достижения и перспективы развития БРИКС. Университет Amity способствует поддержке молодых исследователей и специалистов для реализации успешного будущего стран БРИКС.

Китайская Народная Республика делает успешные шаги по реализации образовательных проектов и научных инициатив среди стран БРИКС. От Фуданьского университета был создан Исследовательский центр стран БРИКС (Centre for BRICS Studies), который готовит профильных специалистов стран БРИКС Китае. Кроме того, осуществляются академические исследования и консультации по вопросам развития стран БРИКС. На основе университета также проводится Летняя школа БРИКС и Лига университетов БРИКС, для студентов и преподавателей из университетов. Основной задачей является сплочение молодежи из стран БРИКС для углубления в культуру Китая и активное обсуждение стратегии образования для устойчивого развития стран-участниц.

В технологическом университете Дурбана (ЮАР) также состоялась очная Летняя школа БРИКС. Это мероприятие стало площадкой для вовлечения молодежи в деятельность объединения, развития взаимопонимания и укрепления сотрудничества между странами БРИКС. Поднимались актуальные темы, такие как гражданское общество, искусственный интеллект, культурные обмены и промышленная революция [9]. Это мероприятие заложило основу для будущих совместных проектов и инициатив, которые будут способствовать укреплению БРИКС как динамичного и влиятельного объединения.

Следует отметить, что каждая страна БРИКС старается продвигать свои национальные интересы в области образования и науки, используя ресурсы своих высших учебных заведений. Однако, главными лидерами в создании образовательных платформ являются Китай и Россия, они также активно развивают образовательное сотрудничество на двустороннем уровне. Следует учитывать, что эти две страны имеют глубокую и долгую историю научного сотрудничества, ввиду взаимодополняемости своих образовательных систем.

Таким образом, целесообразно выделить преимущества и недостатки форм образовательного сотрудничества стран БРИКС, для того чтобы дать авторские рекомендации по дальнейшему развитию данного направления деятельности объединения.

Во-первых, важно рассмотреть сотрудничество в сфере научных и образовательных обменов. Благодаря активному сотрудничеству стран БРИКС в сфере высшего образования в России за период с 2019 по 2024 год количество обучающихся из Китая, Индии, Египта и Ирана увеличилось более чем вдвое [14]. На рост международных обменов и самого сотрудничества значительно влияют грамотно разработанные механизмы и институты БРИКС в образовательной и научной области (комиссии, советы, группы и др.), которые, в свою очередь,

создаются благодаря поддержке государственных структур и организаций. Научные обмены ведут к экономическому, культурному и социальному сближению за счет совместных публикации, исследований и проведения конференции. Стоит отметить, что вся образовательная деятельность БРИКС основывается на ключевых принципах объединения: солидарности, равноправии, открытости и инклюзивности. Международное образовательное сотрудничество благоприятно влияет на налаживание культурных и деловых связей между студентами и специалистами, что позволяет реализовывать международные национальные интересы, обогатить опыт взаимодействия, достичь новых вершин в науке. Такое взаимодействие повышает качество подготовки специалистов, интегрирует образовательные системы стран БРИКС в глобальное образовательное сообщество и совершенствует стандарты образования.

Во-вторых, необходимо отметить наличие недостатков и проблем в реализации совместных образовательных форм БРИКС. Помимо государственных механизмов в научно-исследовательской области, создается множество негосударственных общественных научных организаций, чей потенциал и возможности реализуются не в полной мере. Нехватка финансирования и высокая конкуренция вынуждают такие организации оставаться в тени, поэтому следует разработать программы поддержки для помощи таким организациям. Еще одной проблемой является неравномерное географическое распределение, что сильно влияет на мотивацию студентов к образовательным обменам. Это приводит к тому, что, во-первых, иностранные студенты не имеют должной финансовой поддержки для обучения за границей, во-вторых, те, кто все же может выехать, сталкиваются с языковыми барьерами и культурными различиями. Кроме того, еще не отработан механизм единых стандартов признания академических квалификаций и дипломов между странами БРИКС, что создает дополнительные препятствия для мобильности студентов и преподавателей, снижая привлекательность образовательных программ объединения. Для преодоления этих вызовов необходимо усилить координацию между образовательными учреждениями стран-участниц, стимулировать распространение информации для привлечения внимания, создать единый реестр документов об образовании и квалификации для студентов и преподавателей. Представляется логичным создать в рамках Банка развития БРИКС соответствующего фонда поддержки межстрановой образовательной инфраструктуры, учитывающей региональные особенности и потребности всех членов БРИКС.

Заключение

Таким образом, за время сотрудничества пяти стран БРИКС созданы важные структуры для формирования единой научно-образовательной среды. Можно сделать вывод, во-первых, научно-образовательное сотрудничество БРИКС способствует активному продвижению стран по пути прогресса в цифровую эпоху, повышая их шансы в конкурентной борьбе за лидерство в креативной экономике XXI века; во-вторых, научно-образовательные обмены и совместные исследовательские площадки способствуют реализации принципа равноправия и инклюзивности, выравнивая возможности развития для всех участников объединения; в-третьих, акцентирование внимания на науке и образовании способствует формированию положительного имиджа БРИКС как объединения, стремящегося вывести на ведущие позиции в условиях цифрового общества, как свои народы, так и дающего надежды для Мирового большинства в решении задач прогрессивного развития. Именно поэтому БРИКС расширяется и становится важным элементом в системе многополярного мира.

Литература

1. About of the BRICS International School: New Generation [Электронный ресурс]. 2024. – URL: https://bricsschool.ru/about (дата обращения: 08.10.2025).

2. BRICS Think Tanks Council [Электронный ресурс]. – URL: https://bricsthinktankscouncil.org/ (дата обращения: 08.10.2025).

3. Абилова, Г.В. Ассоциированные школы БРИКС: международный сетевой образовательный проект // Образовательная политика. – 2024. – Т. 19, № 4. – С. 62–69.

4. Ассоциация научно-образовательных центров БРИКС (АНОЦ БРИКС) [Электронный ресурс]. – URL: https://fgp.msu.ru/brics-consortium (дата обращения: 11.10.2025).

5. В рамках BRICS Future Skills Challenge стартовали первые мероприятия [Электронный ресурс]. – URL: https://tvbrics.com/news/v-ramkakh-brics-future-skills-challenge-startovali-pervye-meropriyatiya/ (дата обращения: 10.10.2025).

6. Декларация 17-го саммита БРИКС в Рио-де-Жанейро. – 2025 г. – URL: https://bricsthinktankscouncil.org/knowledge-base/17th-brics-summit-rio-de-janeiro-declaration-2025 (дата обращения: 12.10.2025).

7. Документы, подписанные по итогам VIII саммита БРИКС в Гоа. – 16 Октября 2016 г. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5138 (дата обращения: 07.10.2025).

8. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. – 23 октября 2024 г. – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

9. Летняя школа БРИКС пройдёт в Дурбане, ЮАР. [Электронный ресурс]. – URL: https://tvbrics.com/en/news/brics-summer-school-to-be-held-in-durban-south-africa/ (дата обращения: 12.10.2025).

10. Международная научно-образовательная программа «Школа БРИКС» // Сравнительная политика. – 2018. – Т. 9, № 4. – С. 187.

11. Международная школа БРИКС [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bricsschool.com/ (дата обращения: 11.10.2025).

12. Меморандум о взаимопонимании о создании Сетевого университета БРИКС. – 18 Ноября 2015 г. – URL: https://infobrics.org/files/pdf/112.pdf (дата обращения: 07.10.2025).

13. О комитете НКИ БРИКС [Электронный ресурс] – URL: https://nkibrics.ru/pages/about (дата обращения: 09.10.2025).

14. Образовательная миграция в Россию: современное состояние и перспективы развития // Сайт РСМД [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/obrazovatelnaya-migratsiya-v-rossiyu-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya/ (дата обращения: 12.10.2025).

15. Обучение длинною в жизнь. // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn-1 (дата обращения: 12.10.2025).

16. Партнером МЭА БРИКС стала группа GEBRICS Университета Сан-Паулу (Бразилия) [Электронный ресурс]. – URL: https://yeabrics.org/press/партнером-мэа-брикс-стала-группа-gebrics-уни/ (дата обращения: 11.10.2025).

17. Список вузов сетевого университета БРИКС. // Высшая школа экономики (ВШЭ). [Электронный ресурс]. – URL: https://mspo.hse.ru/mirror/pubs/share/947069514 (дата обращения: 30.09.2025).

18. Университетский колледж БРИКС [Электронный ресурс]. – URL: https://brics.college/ (дата обращения: 11.10.2025).

19. Форум популяризаторов наук стран БРИКС [Электронный ресурс]. – URL: http://forum.mniop.ru/#rec354373555 (дата обращения: 12.10.2025).

20. Центр «Экспертный совет по вопросам участия Российской Федерации в объединении БРИКС» [Электронный ресурс]. – URL: https://bricscouncil.hse.ru/ (дата обращения: 12.10.2025).

21. Черников, С.Ю. Возможности Сетевого университета БРИКС как образовательной платформы инновационного сотрудничества // Вестник РУДН. – 2021. – № 1. – С. 76–87.

NETWORK TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL COOPERATION OF THE BRICS COUNTRIES

Pogorelova E.S.
St. Petersburg State University

The relevance of the topic is determined by the increased importance of the role of educational technologies in the modern digital society. Therefore, the BRICS countries are striving to establish a system of creative relations at different levels to promote their educational initiatives and improve the ratings of their universities. The purpose of the article is to show the extensive educational cooperation system of the BRICS founding countries and to identify problematic points in the use of network technologies to increase the effectiveness of cooperation. It is concluded that education is a tool of "soft power" to strengthen the positions of the BRICS countries in the global market of educational services. The author's recommendations on stimulating and further developing the BRICS countries in the field of science and education are proposed.

Keywords: Education, science, BRICS, network mechanisms, integration, exchange of experiences, forms of collaboration.

References

1. About of the BRICS International School: New Generation [Electronic resource]. 2024. – URL: https://bricsschool.ru/about (date of access: 08.10.2025).

2. BRICS Think Tanks Council [Electronic resource]. – URL: https://bricsthinktankscouncil.org/ (date of access: 08.10.2025).

3. Abilova, G. V. BRICS Associated Schools: an international network educational project // Educational Policy. – 2024. – Vol. 19, No. 4. – Pp. 62–69.

4. Association of Scientific and Educational Centers of BRICS (ANOC BRICS) [Electronic resource]. – URL: https://fgp.msu.ru/brics-consortium (date of request: 11.10.2025).

5. The first events started within the framework of the BRICS Future Skills Challenge [Electronic resource]. – URL: https://tvbrics.com/news/v-ramkakh-brics-future-skills-challenge-startovali-pervye-meropriyatiya/ (date of request: 10.10.2025).

6. Declaration of the 17th BRICS Summit in Rio de Janeiro. – 2025 – URL: https://bricsthinktankscouncil.org/knowledge-base/17th-brics-summit-rio-de-janeiro-declaration-2025 (date of request: 12.10.2025).

7. Documents signed following the results of the VIII BRICS Summit in Goa. – October 16, 2016 – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5138 (date of request: 07.10.2025).

8. The Kazan Declaration. Strengthening multilateralism for equitable global development and security. – October 23, 2024 – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (accessed: 10/15/2025).

9. The BRICS Summer School will be held in Durban, South Africa. [electronic resource]. – URL: https://tvbrics.com/en/news/brics-summer-school-to-be-held-in-durban-south-africa/ (date of request: 12.10.2025).

10. International scientific and educational program "BRICS School" // Comparative Politics. – 2018. – Vol. 9, No. 4. – p. 187.

11. BRICS International School [Electronic resource]. – URL: https://www.bricsschool.com/ (date of request: 11.10.2025).

12. Memorandum of Understanding on the establishment of the BRICS Network University. – November 18, 2015 – URL: https://infobrics.org/files/pdf/112.pdf (date of access: 07.10.2025).

13. About the BRICS NCI Committee [Electronic resource] – URL: https://nkibrics.ru/pages/about (date of request: 09.10.2025).

14. Educational migration to Russia: current state and development prospects // The INF website [Electronic resource]. – URL: https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/obrazovatelnaya-migratsiya-v-rossiyu-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya/ (date of request: 12.10.2025).

15. Lifelong learning. // All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VCIOM) [Electronic resource]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn-1 (date of request: 12.10.2025).

16. GEBRICS Group of the University of Sao Paulo (Brazil) became a partner of the BRICS IEA [Electronic resource]. – URL: https://yeabrics.org/press/партнером-мэа-брикс-стала-группа-gebrics-уни/ (date of request: 11.10.2025).

17. List of universities of the BRICS Network University. // Higher School of Economics (HSE). [electronic resource]. – URL: https://mspo.hse.ru/mirror/pubs/share/947069514 (date of access: 30.09.2025).

18. BRICS University College [Electronic resource]. – URL: https://brics.college / (date of request: 11.10.2025).

19. Forum of Science Popularizers of the BRICS countries [Electronic resource]. – URL: http://forum.mniop.ru/#rec354373555 (date of request: 12.10.2025).

20. The Center "Expert Council on the participation of the Russian Federation in the BRICS Association" [Electronic resource]. – URL: https://bricscouncil.hse.ru/ (date of request: 12.10.2025).

21. Chernikov, S.Y. The possibilities of the BRICS Network University as an educational platform for innovative cooperation // Bulletin of the RUDN University, 2021, No. 1, Pp. 76–87.

Роль Латинской Америки в обеспечении продовольственной безопасности государств Мирового большинства

Ткаченко Станислав Леонидович,
д.э.н., профессор ф-та международных отношений, СПбГУ
E-mail: s.tkachenko@spbu.ru

Ли Гэнь,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, международные отношения
E-mail: st106490@student.spbu.ru

Статья посвящена анализу критически важной роли Латинской Америки в обеспечении продовольственной безопасности государств Мирового большинства в условиях трансформации мирового порядка. Автор исследует феномен «Мирового большинства» как ответ на кризис однополярной системы и гегемонии США, подчеркивая стремление стран глобального Юга к построению более справедливой архитектуры международных отношений. Несмотря на то, что регион обладает наибольшим в мире потенциалом по производству продовольствия, он сталкивается с парадоксом внутреннего недоедания и внешних угроз. Особое внимание уделяется вызовам, подрывающим стабильность аграрного сектора, включая санкционное давление, валютные ограничения и логистические риски. Анализируется растущая роль Китая как ключевого партнера региона в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Делается вывод, что для обеспечения продовольственной безопасности необходимо формирование новой многополярной системы, свободной от протекционизма и санкций, а также развитие собственных высокотехнологичных аграрных секторов в странах-поставщиках.

Ключевые слова: Продовольственная безопасность, Латинская Америка, Мировое большинство, Китай, многополярность, агропродовольственный сектор, международная торговля, экономические санкции, логистическая инфраструктура, БРИКС+, «Один пояс, один путь», суверенитет, экспорт продовольствия.

О феномене Мирового большинства

Концепция «Мирового большинства» [1] возникла как неизбежная и во многом защитная реакция Российской Федерации на два развивающиеся одновременно и взаимосвязанные процесса:

1) Кризис однополярной структуры международных отношений и гегемонии США. Перед российской дипломатией после начала санкционной войны в феврале 2022 года возникла необходимость кратко и емко идентифицировать группу государств, которые в американоцентричном мире не получили достойного для себя места. Их центростремительная динамика друг к другу и прочь от стран Глобального севера прослеживается с самого начала нынешнего столетия, когда США уверовали в возможность построения однополярного мира и приступили к практическим шагам в этом направлении. Страны Мирового большинства в настоящее время пытаются построить более благоприятную для своего будущего архитектуру мировой политики и экономики. И государства Латинской Америки участвуют в этом процессе, хотя с разной степенью вовлеченности и приверженности достижению избранной цели.

2). Результативные поначалу усилия США по вытеснению России из одних межправительственных и межпарламентских структур (Совет Европы, Совет Баренцева/Евроарктического региона, Парламентская ассамблея ОБСЕ, Всемирная туристическая организация, ОЭСР) и ущемлению прав государства-участника в других (Международный Олимпийский Комитет, Арктический Совет, ЮНЕСКО); необходимость для российской дипломатии перейти на международных площадках от обороны в наступление.

Первоначально термин «Мировое большинство» носил искусственный характер, поскольку называл не субъекта мирового политико-экономического процесса, а его итоговую цель. Эта искусственность не преодолена и сегодня. Однако благодаря активному использованию этого понятия Президентом В.В. Путиным и министром иностранных дел С.В. Лавровым данный феномен начинает жить своей жизнью, использоваться без необходимости всякий раз давать ему определение и толкование. Интеграция понятия «Мировое большинство» в политический дискурс и экспертный инструментарий продолжается. Отрадно отметить, что все чаще к нему обращаются за границами России.

Распад однополярной системы международных отношений, которому противостояли все администрации США после окончания холодной войны, а по сути и нынешняя администрация Дональда Трампа тоже, положил начало движению международной системы от однополярной модели к многополярной [2]. Тем самым, возникли условия для деления всех государств планеты на две группы: 1) тех, которые удовлетворены американоцентричной моделью и своим местом в ней, или же не видят в обозримой исторической перспективе приемлемой альтернативы гегемонии США; 2) тех, которые считают, что в рамках прежней модели перспектив для их полноценного развития нет, поскольку сама система (НАТО-центричная, с долларом США как мировой валютой и т.д.) содержит элементы и институты, препятствующие многоплановому и устойчивому развитию.

Пока разделение мирового сообщества на эти две группы формальное. С одной стороны, многие из близких США государств считают, что Вашингтон использует свое лидерства для получения односторонних преимуществ (это стало особенно актуально с приходом Д.Трампа в Белый дом). С другой стороны, многие государства бывшего «второго» и нынешнего «третьего» мира, никогда не входившие в вашингтонский «ближний круг», рассматривали предложенную США сделку (доступ своих товаров на внутренний рынок США, к их инвестициям и технологиям, в обмен на внешнеполитическую лояльность) как приемлемую, даже если она ущемляла часть их прав как суверенных государств.

В Российской Федерации и в КНР справедливо посчитали, что долго такая неопределенная для США ситуация (не партнеры, но и не явные оппоненты) продолжаться не могла. Ослабление американского глобального доминирования предполагало возникновение кризиса, названного американским политологом Грэмом Аллисоном «ловушкой Фукидида» [3]. В версии этого автора предполагается конфликт, участниками которого являются США как прежний гегемон, и Китай, как

гегемон будущий. Данный прогноз является, по нашему мнению, ошибочным. Китай не ищет конфликта с США и старается его максимально отдалить. Но конфликт все-же нарастает, поскольку против однополярного мира поднимается общемировая политико-экономическая система, которой больше невозможно управлять из Вашингтона. Проявления этого конфликта обнаруживаются в различных областях межгосударственного взаимодействия, в том числе и в рассматриваемой нами области продовольственной безопасности. В этом контексте уместно вспомнить выводы Ф.Кардозу о том, что периферийные страны способны накапливать собственные ресурсы для развития в рамках мировой системы [4].

О продовольственной безопасности и роли трансграничной торговли в ее обеспечении

Продовольственный сектор экономики государств Латинской Америки отличается некоторыми специфическими чертами:

1) производственной структурой (в разных странах она разная: семейные фермы, крупные с/х предприятия, коммунальные хозяйства);

2) влияние природных условий;

3) неэластичность спроса на продукты питания (минимальную продуктовую корзину потребители будут приобретать по любой цене);

4) уменьшение доли расходов потребителя на продукты питания при росте доходов;

5) относительно низкая мобильность крестьянского (фермерского) труда.

Сочетание этих факторов порождает основные проблемы аграрного сектора латиноамериканской экономики. Речь идет как о краткосрочных колебаниях цен на продукцию, так и долгосрочных тенденциях, заключающихся в относительном снижении цен на аграрную продукцию по сравнению с промышленными товарами, а также в относительном снижении доходов аграриев. Данные проблемы подталкивают правительства государств континента предпринимать меры “аграрной политики”, в числе которых можно выделить защиту от импорта, стимулирование экспорта, деятельность по стабилизации рынков, субсидии, структурные программы (например, по переходу рабочей силы из аграрного сектора в промышленный).

Под продовольственной безопасностью мы понимаем способность суверенного государства обеспечить такой уровень снабжения потребителей внутри страны (граждан и компаний-переработчиков) продовольствием и аграрной продукцией из внутренних и внешних источников, который в конечном счете обеспечивает бесперебойное снабжение населения основными видами продовольствия. При изучении вызовов продовольственной безопасности в мире и роли государств Латинский Америки в ее обеспечении мы разделяем взгляды индийского экономиста Амартьи Сена, утверждавшего, что голод как крайняя форма продовольственной небезопасности, как правило не связан с дефицитом продуктов питания на рынке. А.Сен считал, что голод является результатом потери человеком возможности купить или получить продовольствие в соответствии с привычными механизмами или процедурами [5]. Т.е. у обеспечение продовольственной безопасности требует от любого государства создания условий (экономических стимулов и институциональной экосистемы), которые обеспечат условия для производства продовольствия, с одной стороны, и возможность всем группам населения приобретать его, с другой.

Латинская Америка в настоящее время обеспечена пахотными землями и источниками пресной воды лучше любого другого региона планеты. Начиная с 1990-х гг. государства Латинской Америки увеличили объемы и номенклатуру товаров растениеводства и животноводства, поставляемых как на внутренние рынки, так и на экспорт. А период с 1991 по 2020 гг. объем выращенной пшеницы увеличился на 75 процентов, риса – более чем вдвое, всех видов мяса – на 50 процентов, сои – почти в пять раз, а кукурузы – в три раза. Главным мотивом для инвесторов при расширении аграрного производства в государствах континента является возможность реализации своей продукции как на интегрированном рынке МЕРКОСУР, так и на более отдаленных рынках: Китая, США, Европы, Российской Федерации.

Недоедание и периодический голод, в основном в периоды кризисов и вооруженных конфликтов, по-прежнему имеют место в Латинской Америке и являются важным мотивом для обсуждения всей широкой тематики продовольственной безопасности как внутри континента, так и к ключевыми внешними партнерами в мире. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО ООН) за 2024 год, от голода в государствах Карибского бассейна и Южной Америки страдали 41 млн жителей региона. Особенно трагичной является ситуация в Карибском бассейне, где периодически жертвами голода в рассматриваемый период являлись 17 процентов населения, в то время, как в целом по континенту этот показатель относительно стабилен – около 5 процентов населения.

По данным ФАО, от отсутствия продовольственной безопасности в Латинской Америке в 2023 году страдали 187,6 млн жителей региона. При этом наблюдается положительная динамика, поскольку этот показатель в 2022 году составлял 206 млн человек, а в 2021 г. – 224 млн. Ведущую роль в решении проблемы обеспечения устойчивого доступа населения к продовольствию играют органы государственной власти стран Латинской Америки, активно реализующие в 2021–2025 гг. программы социальной защиты наиболее незащищенных слоев населения, адресные программы для сельских общин в отдельных районах, а также для пострадавших от стихийных бедствий или экономических кризисов.

Угрозы продовольственной безопасности

В качестве угроз, способных подорвать эффективность мер отдельных государств Латинской Америки по обеспечению собственной продовольственной безопасности, а также нарушить свободную (бесшовную, мало затратную) циркуляцию продовольствия на мировом рынке, назовем:

санкции и высокие таможенные тарифы: в течение нескольких десятилетий после окончания холодной войны ведущие государства планеты исходили из того, что для рынка продовольствия должна быть создана низкобарьерная среда, обеспечивающая к нему доступ как производителей, так и потребителей. Высокие ввозные тарифы все активнее используются развитыми государствами Запада (США и Канада, ЕС, Япония) для защиты собственных фермеров и производителей продуктов питания. Экономические санкции, как правило, на продовольствие не распространялись, и в этом вопросе принципиальных изменений нет. Сейчас ограничительные меры в торговле затрагивают банковско-финансовые операции, обслуживающие торговлю продовольствием, а также ограничения на поставки минеральных удобрений. Эти меры подрывают продовольственную безопасность, хотя они растянуты по времени и не имеют немедленного эффекта;

угрозы безопасности транспортно-логистической инфраструктуры: трудности для судоходства в Красном море и Суэцком канале прямым образом влияют на издержки перевозчиков продовольствия, толкая вверх цены на конечную продукцию и сокращая доступ к продовольствию для беднейших слоев населения.

низкий жизненный уровень населения: он ограничивает доступ к продовольствию в соответствии со стандартными формами – через приобретение пищи в магазинах или на рынках. Граждане, не имеющие таких возможностей, становятся зависимы от программ помощи, как правило, финансируемых иностранными государствами или международными организациями. Такая помощь не всегда бывает оперативной и достаточной в объемах. Она, как правило, генерирует коррупцию и оперативно берется под контроль организованной преступностью. Все это на разных этапах истории можно было наблюдать в странах Латинской Америки.

валютные проблемы и трудности в международных расчетах. Эти проблемы целенаправленно создаются государствами Запада, а также транснациональными компаниями, не заинтересованными в том, чтобы производители продовольствия из стран Мирового большинства пользовались возможностями мировых финансовых рынков в тех же объемах и на тех же условиях, что и развитые государства. С трудностями в международных расчетах сталкиваются лишь несколько стран Латинской Америки (Куба, Венесуэла), а валютные проблемы и вызванные ими сбои в расчетах за экспорт и импорт продовольствия известны практически всем странам региона (назовем, прежде всего, крупнейшие из них – Аргентину и Бразилию).

Китай как ключевой партнер Латинской Америки на ближайшее десятилетие

Китай в предстоящем десятилетии сохранит статус ключевого экономического партнёра Латинской Америки. В 2025 году форум «Китай – Латинская Америка и Карибский бассейн» отмечает десятилетие своей деятельности. На сегодняшний день 23 государства региона подписали с Китаем меморандум о взаимопонимании по реализации инициативы «Один пояс, один путь». В рамках форума функционируют 43 специализированных подфорума.

За последние десять лет Китай стабильно занимает второе место среди крупнейших торговых партнёров Латинской Америки. В настоящее время действуют соглашения о свободной торговле с Чили, Перу, Коста-Рикой, Эквадором и Никарагуа.

Развитие новых платформ сотрудничества, включая Китайскую международную выставку импортных товаров и проект «Шёлковый путь электронной коммерции», способствовало расширению доступа латиноамериканской сельскохозяйственной продукции на китайский

рынок. Среди ключевых поставок – чилийская черешня, мексиканский авокадо, перуанская голубика, аргентинская говядина, никарагуанский мёд, а также белые креветки из Гондураса и Эквадора.

Согласно сведениям китайской таможни, Бразилия в последние годы сохраняет статус главного поставщика сельхозпродукции на китайский рынок. В январе–октябре 2024 года объём двусторонней торговли достиг 1,14 трлн юаней, что на 9,9% превысило показатели предыдущего года.

Китай импортозависим от поставок сои и кукурузы (корм скоту, масло для питания), и в целом заинтересован в импорте продовольствия, для выращивания которого требуются большие земельные участки. В обоих вопросах (конкретные агропродукты и наличие больших земельных угодий) Латинская Америка является приоритетным партнером. Бразильская или мексиканская соя могут без труда заменить на китайском рынке сою из США. А огромные и недостаточно интенсивно используемые земельные участки в государствах Латинской Америки обеспечивают возможность экстенсивного расширения производства продовольствия в короткие сроки.

В 2023 году компания COFCO International представила стандарт сертификации устойчивой продукции – «Стандарт ответственного сельского хозяйства COFCO International». В перспективе планируется формирование цепочек поставок сои в ряде экорегионов Латинской Америки по принципу «нулевого вырубания лесов».

Развитие транспортно-логистической инфраструктуры стало важным направлением сотрудничества. В феврале 2023 года был открыт авиационный маршрут «Сямэнь – Сан-Паулу» для трансграничной электронной коммерции, по которому к августу 2025 года было импортировано 14,6 тыс. тонн свежей продукции. В январе 2024 года начала работу океанская контейнерная линия «Порт Далянь – Западная Южная Америка», обеспечивающая эффективную холодовую логистику и сокращение сроков доставки. Чанькайский порт – знаковый совместный проект Китая и Перу в рамках инициативы «Один пояс, один путь», первый интеллектуальный и экологичный порт в Южной Америке. Его реализация способствует экономическому развитию региона, росту занятости, а также укреплению экспортных возможностей Перу и других стран Южной Америки на китайском рынке. Официальная коммерческая эксплуатация порта началась 5 июня 2025 года.

Заключение

Изучение проблем продовольственной безопасности государств Мирового большинства и роли Латинской Америки в их решении позволяет сделать несколько выводов:

Во-первых, налицо крах мифа о свободном рынке, при наличии которого производство продовольствия может быть сосредоточено в нескольких наиболее благоприятных регионах и способно обеспечивать весь остальной мир. Безопасность на рынке продовольствия формируется общими усилиями государств Мирового большинства, устранением барьеров для движения всех факторов производства, отказом от санкций и манипулирования таможенными тарифами.

Во-вторых, национальные правительства государств Мирового большинства убедились – их государства должны иметь собственное развитое сельское хозяйство. Если на определенных этапах потребуются дотации или государственные субсидии – это необходимая, цена за обеспечение национальной продовольственной безопасности. При этом, объем дотаций должен быть умеренным, эти финансовые вливания не должны подрывать нормальную конкурентную среду, без которой невозможны частные инвестиции, а у лишенных доступа к дотациям фермеров не будет достаточных стимулов для продолжения своей деятельности ввиду неспособности конкурировать с получателями дотаций в любых формах.

В-третьих, сельское хозяйство сегодня – не удел отсталых стран с малообразованным населением, а наоборот – высоко прибыльный и высокотехнологичный бизнес. Развитие этой отрасли создает стимулы для развития инноваций в технологиях, финансах и научных исследованиях. Аграрная специализация стран Латинской Америки не приведет их к новому типу экономической отсталости, а напротив, обеспечит им заметное и достойное место в международной системе разделения труда и формирующихся цепочках добавленной стоимости. Если развитые страны Запада решат препятствовать государствам региона в решении задачи интеграции в общемировой продовольственный рынок, то формат Мирового большинства, БРИКС+, членство в ШОС или партнерство с ним, а также взаимодействие с Китаем в рамках программы «Один пояс, один путь», защитят их национальные интересы в сфере продовольствия на долгий исторический период.

Литература

1. Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20. – № 5. – С. 6–18. Бордачев Т. и др. Мировое большинство и его интересы // Международный дискуссионный клуб Валдай. – 2024. – Адрес в сети: https://ru.valdaiclub.com/files/49312/.
2. Ткаченко С.Л. От однополярного мира к Группе нуля и далее: политическая экономия мира без сверхдержав // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2023. – Т. 16. – Вып. 3. – С. 240–254.
3. Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? – Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
4. Cardoso F.H. Associated-Dependent Development: Theoretical and Practical Implications // Stepan A. Authoritarian Brazil: Origins, Policies, and Future. – New Haven, CT: Yale University Press, 1973. – Pp. 142–176.
5. Sen A. The food problem: theory and policy // Third World Quarterly. – 1982. – Vol. 11. – No. 3. – Pp. 1117–1159.

THE ROLE OF LATIN AMERICA IN ENSURING FOOD SECURITY FOR THE WORLD'S MAJORITY STATES

Tkachenko S.L., Li Gen
St. Petersburg State University

The article analyzes the critical role of Latin America in ensuring food security for the states of the World Majority under conditions of global order transformation. The author examines the phenomenon of the "World Majority" as a response to the crisis of the unipolar system and US hegemony, emphasizing the aspiration of the Global South countries to build a fairer architecture of international relations. Despite possessing the world's greatest potential for food production, the region faces the paradox of internal undernourishment and external threats. Particular attention is paid to the challenges undermining the stability of the agricultural sector, including sanction pressure, currency restrictions, and logistical risks. The growing role of China as a key regional partner within the framework of the "Belt and Road" initiative is analyzed. The conclusion is drawn that ensuring food security requires the formation of a new multipolar system, free from protectionism and sanctions, as well as the development of domestic high-tech agricultural sectors in supplier countries.

Keywords: Food security, Latin America, World Majority, China, multipolarity, agro-food sector, international trade, economic sanctions, logistical infrastructure, BRICS+, Belt and Road Initiative, sovereignty, food exports.

References

1. Karaganov S.A. From the Non-West to the Global Majority // Russia in Global Affairs. – 2022. – Vol. 20. – No. 5. – Pp. 6–18. Bordachev T. et al. The Global Majority and Its Interests // Valdai International Discussion Club. – 2024. – Online address: https://ru.valdaiclub.com/files/49312/.
2. Tkachenko S.L. From a Unipolar World to Group Zero and Beyond: The Political Economy of a World Without Superpowers // Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. – 2023. – Vol. 16. – Issue 3. – Pp. 240–254.
3. Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? – Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
4. Cardoso F.H. Associated-Dependent Development: Theoretical and Practical Implications // Stepan A. Authoritarian Brazil: Origins, Policies, and Future. – New Haven, CT: Yale University Press, 1973. – Pp. 142–176.
5. Sen A. The food problem: theory and policy // Third World Quarterly. – 1982. – Vol. 11. – No. 3. – Pp. 1117–1159.

Нефтяной фактор во внутренней и внешней политике Ирана при шахе Мохаммеда Реза Пехлеви (1953–1979 гг.)

Хлопов Олег Анатольевич,
кандидат политических наук, доцент факультета международных отношений Института международных отношений и политических наук, Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: rggu2007@rambler.ru

В статье анализируется роль нефти во внутренней политике Ирана при шахе Мохаммеде Реза Пехлеви, а также особенности и механизмы влияния этого ресурса на формирование внешнеполитических стратегий страны. Особое внимание уделяется тому, как нефтяной фактор использовался для укрепления режима, реализации модернизационных проектов и проведения внешней политики Ирана.
Балансируя между стремлением к независимости и необходимостью поддерживать отношения с ключевыми союзниками, между модернизацией и сохранением традиционных ценностей, борьба за иранскую нефть, начавшаяся в начале XX века и обострившаяся в послевоенный период, предопределила многие события и конфликты, которые сформировали современный Иран. Нефтяной фактор оставался и остается определяющим в отношениях Ирана с мировыми державами, продолжая влиять на его внутреннюю стабильность и международную роль.
Исследование особенностей воздействия нефти на внутреннюю динамику и внешнеполитические решения при шахе Мохаммеде Реза Пехлеви позволяет понять, каким образом природные богатства использовались для формирования долгосрочного курса государства и какие уроки можно извлечь из этого исторического опыта.

Ключевые слова: нефть, национализация, экономические реформы, внешняя политика, шах, Иран, США, Великобритания.

Введение

Период правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви (1953–1979 гг.) представляет собой один из наиболее противоречивых и одновременно определяющих этапов в новейшей истории Ирана. Фундаментальным фактором, оказавшим решающее влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны в этот период, стали нефтяные ресурсы и доходы от их эксплуатации. Нефть превратилась не просто в экономический актив, но и в ключевой инструмент модернизации, геополитического влияния и трансформации иранского общества.

Приход шаха к полноценной власти и 26 лет правления неразрывно связаны с нефтяным вопросом. Многие современные проблемы Ирана и его отношений с западным миром берут свое начало именно в эпоху правления последнего шаха. Анализ роли нефтяного фактора в этом историческом контексте позволяет лучше понять причины кризисных явлений, приведших к Исламской революции 1979 г., а также оценить долгосрочные последствия избранной шахом модели развития для последующей истории страны.

Целью работы является анализ влияния нефтяного фактора на формирование внутриполитического курса шахского режима, включая программу «Белой революции», индустриализацию и модернизацию социальной сферы, а также на определение роли нефти в выстраивании отношений Ирана с ведущими мировыми державами.

Материалы и методы

В качестве методологической основы исследования был выбран принцип историзма, позволяющий рассмотреть нефтяной фактор в динамике его развития и во взаимосвязи с политическими, экономическими и социальными процессами в Иране и мире. В работе также использован историко-генетический метод с целью определения эволюции нефтяной политики Ирана в период правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, выявления ключевых этапов ее формирования и определения основных факторои, влиявшие на ее трансформацию. Историко-сравнительный метод применен для сопоставления различных аспектов нефтяной политики Ирана с опытом премьер-министра Моссадыка и шаха Р.Пехлеви, а также для анализа изменений в позициях внешних политических сил в Иране по отношению к нефтяному сектору. Системный подход дал возможность рассмотреть нефтяной фактор как комплексную систему, включающую в себя экономические, политические, социальные и международные аспекты, и проанализировать взаимосвязь между ними в политике Р.Пехлеви.

Основными источниками для исследования послужили: официальные документы, соглашения между Ираном и иностранными нефтяными компаниями, публикации в иранской и зарубежной прессе, архивные материалы, документы из государственных архивов Ирана, Великобритании и США, содержащие информацию о нефтяных переговорах, политической ситуации в Иране и роли нефтяного фактора в международных отношениях.

При анализе темы использована научная литература отечественных и зарубежных исследователей: монографии, статьи, посвященные истории Ирана, нефтяной политике, экономике и международным отношениям. Работа Дэвида С. Пейнтера и Грегори Брю «Борьба за Иран: нефть, автократия и холодная война, 1951–1954» [6] позволила раскрыть причины соперничества времен «холодной войны», интересы англо-американского взаимодействия в Иране, тайного вмешательства, роль нефтяной промышленности и борьбы Ирана с авторитарным режимом.

Результаты и обсуждения

По объему доказанных запасов нефти Иран занимает третье место в мире после Венесуэлы и Саудовской Аравии – 208,6 млрд баррелей, по запасам газа – второе место после России – 26 трл. куб м.[1] (1). Развитие нефтегазовой отрасли Ирана связано с началом присутствия западных компаний в начале XIX века, с экономическим проникновением

[1] U.S. Energy Information Administration (EIA). Country Analysis Brief: Iran. URL:
https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Iran/pdf/Iran%20CAB%202024.pdf (дата обращения: 03.04.2026).

Великобритании в Иран (тогда Персию) и подписанием в 1901 г. концессии с правом на разведку, исследование, добычу, транспортировку и продажу нефти. [1]. Самая крупная концессия была предоставлена британскому подданному Уильяму Ноксу Д›Арси, который заложил основу для создания Англо-персидской нефтяной компании (позднее – Англо-иранской нефтяной компании – Anglo-Iranian Oil Company – AIOC), основанной в 1908 г. и ставшей яблоком раздора в первой половине XX в. между персидским национально-освободительным движением, вызванным Конституционной революцией (1905–1911), и усилением влияния Великобритании в Иране, начавшимся после подписания Англо-персидского соглашения 1919 г., которое гарантировало Великобритании доступ ко всем иранским нефтяным месторождениям в обмен на предоставление экономической помощи и кредитов [2].

Приход Мохаммеда Реза Пехлеви к власти в условиях иностранной оккупации в 1941 г. стал началом сложного и противоречивого периода в истории Ирана. Шах столкнулся с вызовом национализации нефтяной промышленности, предпринятой премьер министром Мохаммедом Мосаддыком, что привело к серьезному экономическому кризису и политической нестабильности.

Для многих иранцев деятельность Англо-иранской нефтяной компании стала символом исторического унижения, присутствия «империалистических сил», эксплуатации национальных ресурсов и препятствием на пути к восстановлению независимости Ирана [3, с 19].

Мохаммед Мосаддык, либеральный демократ и ярый националист, полагал, что единственный способ для Ирана вернуть себе национальное достоинство – это взять под контроль добычу нефти. Моссадык стал лидером нового социального класса в Иране, который как никогда остро осознавал несправедливость, вызванную присутствием иностранных сил на его территории [4, с.38–57].

В 1951 г. лидер и основатель партии «Национальный фронт» Мосаддык был назначен премьер-министром и подписал закон о национализации иранской нефтяной промышленности, после чего была создана Национальная иранская нефтяная компания (National Iranian Oil Company– NIOC) и начались переговоры с AIOC о плавной передаче контроля над нефтяными активами [5]. Британцы протестовали против национализации, Мосаддык разорвал дипломатические отношения с Лондоном. В феврале 1953 г. Мосаддык потребовал ограничения власти шаха, что привело к политическому кризису и отъезду Мохаммеда Реза Пехлеви из Ирана. Противостояние сторонников Мосаддыка и шаха достигло пика. Англо-Иранская нефтяная компания отозвала из страны весь свой управленческий и инженерно-технический персонал и инициировала среди компаний-участниц нефтяного картеля (Exxon, Gulf Oil, Texaco, Mobil, Chevron, Royal Dutch Shell) эмбарго на импорт иранской нефти [6].

Стратегическое значение иранской нефти и необходимость контроля над ней вынуждали США взаимодействовать с М. Мосаддыком, в то же время пытаясь расколоть иранское общество вокруг вопроса национализации нефтяной компании. Безрезультатные переговоры вынудили США и Великобританию готовить силовое вмешательство в дела Ирана [7]. В августе 1953 г. правительство Мосаддыка было свергнуто в результате военного переворота, спланированного ЦРУ и британской разведывательной службой МИ6 в ходе секретной операции «Аякс»[1] (2), которая включала организацию протестных акций, поддержку лояльных сил и подготовку к перевороту с целью восстановления власти под руководством шаха Мохаммеда Резы Пехлеви [8]. Мосаддык был осужден на трехлетний тюремный срок, а затем оставался под домашним арестом до своей кончины в 1967 г. Свержение Мосаддыка, несмотря на нарушение суверенитета Ирана, было воспринято частью иранской элиты как акт спасения[2], что подчеркивает глубокий раскол в иранском обществе того времени.

Государственный переворот 1953 г., организованный при поддержке ЦРУ, произошел на пике «холодной войны», когда свержение Мосаддыка, которого считали коммунистом, стало внешнеполитической целью антисоветской администрации Эйзенхауэра, стремившейся ослабить советское влияние в Иране [9]. Успех операции «Аякс» значительно расширил влияние США в Иране, сделав страну важным направлением ближневосточной политики. США установили контроль над иранской нефтью через международный консорциум. Осенью 1953 г. началось обсуждение возвращения иранской нефти на мировой рынок при участии США, Великобритании и шахского правительства.

В возобновлении добычи иранской нефти ключевую роль стали играть США, предложив создать Международный нефтяной консорциум [10]. Переговоры о Международном нефтяном консорциуме были напряженными. Американские компании не желали участвовать в новом соглашении, полагая, что переизбыток предложения нефти на рынке приведет к падению цен [11]. Однако правительство США настойчиво потребовало от них подписания соглашения, чтобы вовлечь Иран в стратегические интересы США [12].

Для США нефть стала геополитическим инструментом, позволяющим контролировать рынки, сдерживать конкурентов и формировать альянсы, особенно посредством контроля над иранскими месторождениями. Европейское снабжение очищенной нефтью на треть зависело от нефтеперерабатывающего комплекса АИНК в Абадане, а британские и американские военные силы в регионе – от ближневосточного топлива[3].

В отличие от Великобритании, сосредоточившейся на коммерческой выгоде, США рассматривали регион через призму глобальной стратегии, где нефть обеспечивала их интересы и влияние. Разница в приоритетах и масштабах амбиций определила разное восприятие иранских событий Лондоном и Вашингтоном.

Возрастающее влияние Советского Союза стало восприниматься как угроза, стратегическим и экономическим интересам, а близость СССР к региону выдвинула Персидский залив и его потенциальные нефтяные ресурсы на первый план внешней политики США. С этой целью президент Трумэн объявил о новой внешнеполитической стратегии, согласно которой Соединенные Штаты должны взять на себя ответственность в регионе Персидского залива, выходящую за рамки их традиционной внешней политики[4]. «Доктрина Трумэна» была направлена на предотвращение стратегических, политических и экономических амбиций Советского Союза в отношении богатых нефтяных ресурсов Персидского залива[5]. На Западе опасались, что Советский Союз расширит свое влияние в Персидском заливе и получит контроль над его нефтяными ресурсами.

Компромисс, достигнутый в ходе переговоров под давлением США с подписанием Меморандума, предоставил Международному нефтяному консорциуму широкие права на добычу и сбыт нефти, хотя и отстоял право на 50% чистой прибыли нефтяных компаний, обеспечивая стабильный доход в госбюджет, несмотря на отсутствие полного контроля над ресурсами[6].

Возвращение иранской нефти на мировой рынок с участим Международного нефтяного консорциума обеспечило Ирану стабильные нефтяные доходы, став основой для его развития, но создав зависимость от внешних сил. Восстановление объемов добычи к 1957 г. до уровня 1950 г. оживило экономику и заложило фундамент для амбициозной программы реформ, известной как «Белая революция».

Экономической основой «Белой революции» стали реформы шаха 1962–1978 гг., включая земельную и образовательную реформы, национализацию лесов, озер и рек, приватизацию госсобственности, создание системы здравоохранения и страхования. Средства, поступавшие от продажи нефти, стали основой для политики шаха по реформированию страны. В то же время социально-экономические реформы в рамках «Белой революции», декларировавшей демократические преобразования, осуществлялись методами, далекими от демократии. САВАК, иранская спецслужба, стала инструментом подавления инакомыслия, осуществляя репрессии против оппозиции.

Связь иранских спецслужб с США и Великобританией подчеркивала геополитический контекст происходящих событий [13], способствовала проведению жесткой внутренней политики и подавлению проявлений недовольства. Шах, видел в тесном сотрудничестве с США гарантию стабильности и процветания. Подписанный в 1955 г. между

[1] В августе 2013 г. правительство США рассекретило документы, подтверждающие ответственность США за планирование и осуществление переворота 1953 г в Иране, включая подкуп и пропаганду. В 2023 г. ЦРУ взяло на себя ответственность за переворот, что противоречит предыдущим оценкам о провале операции. CIA Confirms Role in 1953 Iran Coup. National Security Archive Calls for Release of Remaining Classified Record. National Security Archive Electronic Briefing Book No. 435. August 19, 2013. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB435/ (дата обращения: 03.04.2026).

[2] Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Iran, 1951–1954, Vol. X. Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951–54Iran/d302 (дата обращения: 03.04.2026).

[3] NSC 107/1 Position of the United States with Respect To Iran. 6 and 20 June 1951. Record Group 273. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951–54IranEd2/d14 (дата обращения: 03.04.2026).

[4] Herry Truman Speech at the Joint Session of Congress in Washington D.C. March 12, 1947. . (5) Word History of Relaxed Historian. URL: https://www.emersonkent.com/speeches/the_truman_doctrine.htm (дата обращения: 03.04.2026).

[5] The Truman Doctrine, 1947. Milestones in the History of U.S. Foreign Relations. The Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/milestones/1945–1952/truman-doctrine (дата обращения: 03.04.2026).

[6] Basis for the Settlement with AIOC. Memorandum by Anglo-Iranian Oil Company, 12 Mach 1954. URL: https://mohammadmossadegh.com/news/anglo-iranian-oil-company/basis-for-the-settlement-with-anglo-iranian/ (дата обращения: 03.04.2026).

двумя государствами «Договор о дружбе, экономических отношениях и консульских правах» (The Treaty of Amity, Economic Relations and Consular Rights) определил фундамент этих отношений, закрепив политическую и экономическую зависимость Ирана от американского влияния[1]. Договор охватил широкий спектр вопросов: предусматривал взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле, устанавливал правовые рамки для американских инвестиций в иранскую экономику, что привело к значительному притоку капитала и развитию различных отраслей промышленности, открыл двери для массового приезда американских специалистов и консультантов. Параллельно шах укреплял армию при поддержке США, которые предоставляли вооружение, технику и специалистов для строительства инфраструктуры.

Доходы от нефти укрепили власть шаха в Иране, но остальная часть общества оставалась разобщенной, и для многих иранцев за пределами столицы Тегерана нефтяные доходы не улучшили повседневную жизнь.

В середине 1950-х гг. Иран стал важным звеном в стратегии США, направленной на укрепление американского влияния в ближневосточном регионе. Включение Ирана в Багдадский пакт в 1955 г. (формально известный как – Организация Центрального Договора – The Central Treaty Organization, CENTO), вместе с другими членами (Иран, Пакистан, Турция и Великобритания), хотя и осуществлялось опосредованно, демонстрировало стремление Вашингтона контролировать ключевые энергетические ресурсы [14].

В конечном итоге, односторонний характер политики США, направленный на обеспечение собственных выгод, создал ситуацию, в которой часть населения Ирана стала воспринимать себя как объект внешнего влияния, что в дальнейшем способствовало росту антиамериканских настроений и радикализм в иранском общества. ЦРУ 1959 г. в своем аналитическом обзоре выразило пессимизм относительно долгосрочных перспектив шахского режима, считая маловероятным проведение шахом реформ, удовлетворяющих население и обеспечивающих стабильность его власти[2].

Начало 1960-х гг. характеризовалось не только внушительными финансовыми потоками от нефтяных доходов, превысившими $2,7 млрд за пять лет, но и оптимистичными перспективами, основанными на притоке иностранных инвестиций и западного опыта [15, с. 45]. Иран конца 1960-х-начала 70-х гг. представлял собой весьма привлекательный рынок для западных компаний. Нефтяные деньги питали экономический рост, создавая благодатную почву для расширения потребительского спроса.

При этом шахский Иран, стремясь к модернизации и экономическому развитию, оказался в сложной геополитической ситуации. Не найдя достаточной поддержки со стороны западных компаний в развитии тяжелой промышленности, шах обратился к Советскому Союзу. Возросшие доходы бюджета позволили Ирану проводить более самостоятельную внешнюю политику, что было немыслимо в начале 1960-х гг. Строительство завода в Араке с помощью СССР стало символом этой новой политики, демонстрируя стремление шаха к суверенитету и независимости в принятии решений.

Шахский режим развивал промышленность и образование, отправлял молодежь на учебу за границу (в основном в США и Великобританию). Фонд Пехлеви за 19 лет финансировал обучение 12 тыс. студентов за границей, субсидировал молодежные, медицинские, образовательные и пенсионные программы [16, с.265].

В конечном счете, политика шаха представляла собой сложный баланс между стремлением к модернизации и необходимостью учитывать интересы различных внешних сил, определявших геополитическую ситуацию в регионе.

Вступление Ирана в ОПЕК в 1960 г. стало поворотной точкой, открывшей новые горизонты для финансирования масштабных реформ, задуманных шахом. В 1973 г. шах поддержал арабские страны и нефтяное эмбарго ОПЕК, выступив против политики США в регионе. Иран, как крупный нефтедобытчик, получил возможность диктовать условия на глобальном рынке нефти. Непосредственным толчком к нефтяному кризису 1973 г. послужила война Судного дня между Израилем и арабскими государствами. В ответ на поддержку западными странами Израиля, арабские страны ОПЕК объявили эмбарго на поставки нефти в США, и другие государства. Иран, хотя и не участвовал непосредственно в эмбарго, поддержал решение ОПЕК о значительном повышении цен на нефть. Шах видел в этом возможность для Ирана укрепить свои экономические позиции и использовать нефть в качестве инструмента политического влияния.

В декабре 1973 г. шах предложил ценообразование на нефть с учетом стоимости альтернативных источников, без привязки к спросу и предложению. Страны ОПЕК перешли к национальному контролю над нефтяными компаниями, получая возможность регулировать добычу и влиять на цены. Глобальный рынок нефти трансформировался в рынок продавца, что лишило западные страны инструментов контроля над ценами на энергоресурсы, и, в свою очередь, открыло Ирану беспрецедентные возможности для увеличения своих доходов. Так, доходы Ирана от нефти выросли с $34 млн в 1954–55 гг. до $5 млрд в 1973–74 гг. а в 1975–76 гг. и далее до $20 млрд. [17].

«Белая революция» шаха Пехлеви основывалась на планах социально-экономического развития, включающих как государственные, так и частные инвестиции. Однако после 1973 г. доля частных инвестиций снизилась, а мелкие предприятия не смогли интегрироваться в систему контрактных связей. Иранская нефтяная промышленность, несмотря на свою передовую роль, была слабо интегрирована в национальную экономику, что затрудняло модернизацию страны [18, с 127].

Реформы шаха, несмотря на заявленные цели модернизации и развития, столкнулись с серьезными препятствиями, обусловленными не только объективными сложностями переходного периода, но и просчетами в управлении. Иранское общество состояло из различных слоев (традиционная мусульманская элита, «новая» интеллигенция с западным образованием, многочисленные племена), находившихся на совершенно разных уровнях социально-политического, культурного и экономического развития, что требовало модернизации системы управления и власти. Однако централизованное («ручное») управление, особенно после повышения цен на нефть в 1973 г., привело к необычайно высокой коррупции. Нежелание шаха инвестировать в реальный сектор и накачивание экономики деньгами привели к гиперинфляции. Директивное регулирование, коррупция, авторитаризм и игнорирование социальных и политических потребностей населения стали отличительной чертой иранской экономики 1970-х.гг. [19].

Вестернизация иранского общества, вызванная притоком американского капитала и западными компаниями, встречала сопротивление. Реформы образования и культуры проводились по западным образцам на нефтяные деньги. Сверхдоходы шли на импорт, а не в реальный сектор экономики, системной поддержки малоимущим слоям не было, экономика управлялась директивно.

Иранский государственный капитализм, подпитанный нефтяными долларами, в конечном итоге стал не фундаментом процветания, а катализатором глубокого социального недовольства. Экономические успехи, достигнутые за счет концентрации капитала в руках приближенных к шаху лиц, оказались неспособными компенсировать растущее недовольство широких слоев населения. Иранская экономика, несмотря на видимый прогресс в индустриализации, оказалась в замкнутом круге нефтяной зависимости. Шахское правительство, стремясь к модернизации страны, все глубже увязало её благосостояние с нестабильными нефтяными доходами, что делало Иран уязвимым к внешним экономическим факторам и ценовым колебаниям на мировом рынке. К 1973 году доля нефтяных доходов в государственном бюджете составляла около 70% [20].

Стремление к социальной справедливости и поддержанию беднейших слоев населения, лишь усугубляло финансовое положение государства. Модернизация, финансируемая за счет нефтяных доходов, и задуманная как средство укрепления Ирана, в итоге привела к дестабилизации и создала условия для революции, свергнувшей шаха в 1979 г. и изменившей политический ландшафт страны на долгие годы.

Подводя итог политики шаха Мохаммед Резы Пехлеви за исторический период с 1953 по 1979 гг. можно выделить следующие ключевые причины, которые повлияли на смену власти в 1979 г. также известная как Исламская революция.

1 Реза Пехлеви *правил авторитарно*, подавляя оппозицию. Политический контроль, отсутствие демократических свобод и коррупция вызывали недовольство населения.

2. Несмотря на нефтяные доходы, население испытывало *экономические трудности*. а быстрые в ходе «Белой революции» экономические реформы привели к росту бедности и безработицы.

3. *Западное влияние* на культуру и общественную жизнь Ирана было воспринято как атака на религиозные ценности. Духовенство во гла-

[1] Treaty of Amity, Economic Relations, and Consular Rights between the United States of America and Iran. United States State Department. Archived from the original (PDF) on 2017–10–31.URL: https://web.archive.org/web/20171031095520/https://www.state.gov/documents/organization/275251.pdf (дата обращения: 03.04.2026).

[2] Foreign Relations of the United States, 1958–1960, Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula. Volume XII. Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958–60v12/d270 (дата обращения: 03.04.2026).

ве с Хомейни стало центром сопротивления, мобилизуя население призывами к объединению против Запада и шаха.

4.*Широкая коалиция противников*, включающая исламистов и левых, усилила протесты, вызвав нарастание внутриполитической напряженности из-за социального расслоения, возникшего в результате неравномерного распределения доходов, отсутствия стратегического подхода к управлению ресурсами и осуществления политических преобразований.

Неспособность государственной системы адаптироваться к меняющимся реалиям и учесть интересы широких слоев населения в сочетании с экономическими дисбалансами, создала взрывоопасную смесь, детонировавшую в Исламской революции. Этот трагический опыт служит предостережением о том, что даже обильные ресурсы и амбициозные планы не могут заменить подлинную социальную справедливость.

Заключение

С открытием нефтяных месторождений в Иране иранская нефть стала не только источником благосостояния, но и ареной столкновения национальных интересов и геополитических амбиций. Контроль над этим стратегическим ресурсом определил экономическое развитие Ирана и его политическую судьбу, превратив нефтяной вопрос в ключевой элемент внутренней и внешней политики страны.

Иранский нефтяной кризис, начавшийся с национализации иранской нефтяной промышленности весной 1951 г. и завершившийся отменой этого процесса после свержения премьер-министра Мохаммада Мосаддыка в августе 1953 г., стал важнейшим поворотным моментом в истории Ирана и «холодной войны». Национализация поставила под сомнение господство Великобритании на Ближнем Востоке и создала угрозу западным нефтяным концессиям по всему миру. Опасаясь потери Ирана, а возможно, и всего Ближнего Востока с его нефтью, из сферы своих интересов, Соединенные Штаты и Великобритания сыграли ключевую роль в отстранении Мосаддыка, националиста, выступавшего за независимость Ирана и против западного влияния. Вмешательство США способствовало укреплению монархической власти, а отмена национализации нефтяной отрасли Ирана подтвердила доминирование западных корпораций над ресурсами глобального Юга на последующие двадцать лет.

Иран стал ареной столкновения интересов великих держав. Интересы США, стремящихся к контролю над энергетическими ресурсами Ближнего Востока, вступили в противоречие с колониальным наследием Великобритании и внутренними разногласиями в Иране. Итогом этого противостояния стали подрыв национального единства, ослабление позиций сторонников национализации и, в конечном счете, вмешательство иностранных спецслужб во внутренние дела страны.

Возвращение шаха Пехлеви к власти в 1953 г. в ходе государственного переворота превратило его в союзника США на Ближнем Востоке. Поддержка США нефтяных компаний Международного нефтяного консорциума укрепила их влияние и контроль над иранской нефтью, обеспечивая стратегические интересы США в регионе. Распределение доходов «50 на 50» и растущий спрос на нефть до определенного момента удовлетворяли все стороны. Шах, лавируя между интересами западных стран, открыл путь к усилению иностранного влияния в стране.

Создание ОПЕК стало переломным моментом, запустившим процесс перераспределения контроля над нефтяными ресурсами в пользу национальных государств. Амбиции шаха, подпитанные нефтью, вступили в конфликт с мировыми державами и внутренней нестабильностью.

Политика Мосаддыка и шаха Пехлеви в борьбе за иранскую нефть в XX веке, балансировавшая между независимостью, отношениями с союзниками, модернизацией и традициями, предопределила события и конфликты, сформировавшие современный Иран. Нефтяной фактор оставался и остается определяющим в отношениях Ирана с внешним миром, продолжая влиять на его внутреннюю экономическую политику и международную роль.

Литература

1. Abrahamian, Er.*A* History Of Modern Iran, Cambridge University Press, 2018. Pp. 37–38.

2 Алиев С.М. История Ирана. XX век. РАН. Ин-т востоковедения. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. 648 с.

3. Henniker-Major E. Nationalization: The Anglo-Iranian Oil Company, 1951 Britain vs. Iran // Moral Cents. 2013. Vol 2. № . 2. Pp. 16–34.

4. Fawaza G.A Portrait of Mossadegh. What Really Went Wrong: The West and the Failure of Democracy in the Middle East, Yale University Press, 2024. Pp. 38–57.

5. Heiss M.A. The United States, Great Britain, and the Creation of the Iranian Oil Consortium, 1953–1954 // The International History Review. Vol. 16, № 3, 1994. Pp.511–35. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/40107317

6. Painter D.S., Brew G. The Struggle for Iran: Oil, Autocracy, and the Cold War, 1951–1954. Kindle Edition. The University of North Carolina Press, 2022, 316 p.

7. Collier D.R. Mossadegh and the Anglo-Iranian Oil Crisis, 1951–1953. Democracy and the Nature of American Influence in Iran, 1941–1979, Syracuse University Press, 2017, Pp. 82–115. JSTOR, https://doi.org/10.2307/j.ctt1ht4w9w.8.

8.Глазунова Е. Н. США и государственный переворот в Иране 1953 года (по материалам архива ЦРУ) // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 100–117.

9. Fakhreddin Az. The Overthrow of the Government of Mosaddeq Reconsidered. Iranian Studies. 2012. Vol. 45, № .5, 2012. Pp. 693–712. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/23266475

10. Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. Альпина Паблишер, 2017. 944 с.

11. Heiss M A. The United States, Great Britain, and the Creation of the Iranian Oil Consortium, 1953–1954. The International History Review. 1994. Vol. 16, № . 3. Pp. 511–35.

12. Купер Э.С. Нефтяные короли: как США, Иран и Саудовская Аравия изменили баланс сил на Ближнем Востоке // Ближний Восток: нефть и политика. 2014. № 2014. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neftyanyekoroli-kak-ssha-iran-i-saudovskaya-araviya-izmenili-balans-sil-na-blizhnem-vostoke

13. Ильина Ю. Разведывательные и специальные службы Ирана. // Защита и безопасность. 2016. № 1(76). С. 36–40.

14. Yesilbursa B.K. The Baghdad Pact: Anglo-American Defense Policies in the Middle East, 1950–59. Routledge, 2005.305 p.

15.Мамедова Н.М. Иран в XX веке: роль государства в экономическом развитии.М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока.1997. 144 с.

16. Годс М. Реза. Иран в XX веке. Политическая история. М.: «НАУКА» Издательская фирма «Восточная литература» 1994. 355 с.

17. Abrahamian E.A History of Modern Iran. Cambridge University Press, 2018. P. 134.

18. Арабаджян А.З. Иран. Изменение в отраслевой структуре экономики в 60–70-х годах: К проблеме ломки колониальной структуры экономики. М.: Ленадн. 2021 310 с.

19. Сергеев В.М., Саруханян С.Н. «Белая революция»: провал модернизации сверху // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2012. № 3(66). С. 132–145.

20. Виноградов С.В. Нефтяная промышленность Ирана в XX В.: становление, развитие и борьба за национализацию // Современная научная мысль. 2014. № 5. С. 68–89.

THE OIL FACTOR IN THE DOMESTIC AND FOREIGN POLICY OF IRAN UNDER SHAH MOHAMMAD REZA PAHLAVI (1953–1979)

Khlopov O.A.
Russian State Humanitarian University

The article analyzes the role of oil in the domestic policy of Iran under Shah Mohammad Reza Pahlavi, and determines the features and mechanisms of influence of this resource on the formation of foreign policy strategies of the country. Particular attention is paid to how the oil factor was used to strengthen the regime, implement modernization projects and conduct Iran's foreign policy.

Balancing between the desire for independence and the need to maintain relations with key allies, between modernization and the preservation of traditional values, the struggle for Iranian oil, which began at the beginning of the 20th century and intensified in the post-war period, predetermined many events and conflicts that shaped modern Iran. The oil factor remained and remains decisive in Iran's relations with world powers, continuing to influence its internal stability and international role.

A study of the features of the impact of oil on domestic dynamics and foreign policy decisions under Shah Mohammad Reza Pahlavi allows us to understand how natural resources were used to shape the long-term course of the state and what lessons can be learned from this historical experience.

Keywords: oil, nationalization, economic reforms, foreign policy, Shah, Iran, USA, Great Britain.

References

1. Abrahamian, Er.*A History Of Modern Iran,* Cambridge University Press, 2018. Pp. 37–38.

2. Aliev S.M. Istoriya Irana. XX vek [History of Iran. XX century]. RAS. Institute of Oriental Studies. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS: Kraft+, 2004. 648 p. (in Russian)

3. Henniker-Major E. Nationalization: The Anglo-Iranian Oil Company, 1951 Britain vs. Iran // Moral Cents. 2013. Vol 2. № . 2. Pp. 16–34.

4. Fawaza G.A Portrait of Mossadegh. What Really Went Wrong: The West and the Failure of Democracy in the Middle East, Yale University Press, 2024. Pp. 38–57.

5. Heiss M.A. The United States, Great Britain, and the Creation of the Iranian Oil Consortium, 1953–1954 // The International History Review. Vol. 16, № 3, 1994. Pp.511–35. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/40107317

6. Painter D.S., Brew G. The Struggle for Iran: Oil, Autocracy, and the Cold War, 1951–1954. Kindle Edition. The University of North Carolina Press, 2022, 316 p.

7. Collier D.R. Mossadegh and the Anglo-Iranian Oil Crisis, 1951–1953. Democracy and the Nature of American Influence in Iran, 1941–1979, Syracuse University Press, 2017.P Pp. 82–115. JSTOR, https://doi.org/10.2307/j.ctt1ht4w9w.8.

8. Glazunova E.N. The USA and the coup d'etat in Iran in 1953 (based on materials from the CIA archive). Novaya i novejshaya istoriya/. 2013. No. 3. P. 100–117. (in Russian)

9. Fakhreddin Az. The Overthrow of the Government of Mosaddeq Reconsidered. Iranian Studies. 2012. Vol. 45, № .5, 2012. Pp. 693–712. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/23266475

10. Ergin D. Dobycha: vsemirnaya istoriya borby za neft, dengi i vlast [Extraction: A World History of the Struggle for Oil, Money, and Power]. Alpina Publisher, 2017. 944 p. (in Russian)

11. Heiss M A. The United States, Great Britain, and the Creation of the Iranian Oil Consortium, 1953–1954. The International History Review. 1994. Vol. 16, № . 3. Pp. 511–35.

12. Cooper E.S. Oil Kings: How the US, Iran, and Saudi Arabia Changed the Balance of Power in the Middle East. Blizhnij Vostok: neft i politika,. 2014. No. 2014. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neftyanyekoroli-kak-ssha-iran-i-saudovskaya-araviya-izmenili-balans-sil-na-blizhnem-vostoke (in Russian)

13. Ilyina Yu. Intelligence and special services of Iran. Zashhita i bezopasnost. 2016. No. 1(76). Pp. 36–40. (in Russian).

14. Yesilbursa B.K. The Baghdad Pact: Anglo-American Defense Policies in the Middle East, 1950–59. Routledge, 2005.305 p.

15. Mamedova N.M. Iran v XX veke: rol` gosudarstva v e`konomicheskom razvitii [Iran in the 20th century: the role of the state in economic development]. Moscow: Institute for the Study of Israel and the Middle East. 1997. 144 p. (in Russian)

16. Gods M. Reza. Iran v XX veke. Politicheskaya istoriya [Iran in the 20th century. Political history]. Moscow: "NAUKA" Publishing firm "Eastern Literature" 1994. 355 p. (in Russian)

17. Abrahamian E.A History of Modern Iran. Cambridge University Press, 2018. P. 134.

18. Arabajyan A.Z. Iran. Izmenenie v otraslevoj strukture e`konomiki v 60–70-x godax: K probleme lomki kolonial`noj struktury` e`konomiki [Iran. Changes in the sectoral structure of the economy in the 60–70s: On the problem of breaking the colonial structure of the economy]. Moscow: Lenadn. 2021 310 p. (in Russian)

19. Sergeev V.M., Sarukhanyan S.N. "White Revolution": the failure of modernization from above. Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz. 2012. No. 3(66). Pp. 132–145. (in Russian)

20. Vinogradov S.V. Oil industry of Iran in the twentieth century: formation, development and struggle for nationalization. .Sovremennaya nauchnaya my`sl` 2014. No. 5. Pp. 68–89. (in Russian).

Растущая роль Китая в сфере безопасности в Центральной Азии: последствия для России

Цзя Сымэн,
менеджер по логистике в Китае в Москве
E-mail: 569228009@qq.com

Цель данной статьи – систематический анализ растущей роли Китая в безопасности в Центральной Азии и его многогранного влияния на Россию. Растущая экономическая мощь Китая и его участие в вопросах безопасности в Центральной Азии оказали определённое влияние на Россию. Вызовет ли это воздействие обеспокоенность у России, или же возможность сотрудничества определит безопасность и стабильность региона Центральной Азии. Изучение эволюции роли Китая в ситуации с безопасностью в Центральной Азии и её влияния на Россию, традиционного «гаранта безопасности» региона, имеет большое практическое и теоретическое значение для понимания напряжённости и устойчивости «всестороннего стратегического партнёрства сотрудничества» между Китаем и Россией в отдельных регионах. Существующая литература полностью признаёт рост экономического влияния Китая в Центральной Азии и начала сосредотачиваться на его сфере безопасности, но чаще рассматривает китайско-российскую конкуренцию как потенциальную мейнстрим, не имеет глубокого объяснения текущего механизма сотрудничества или не систематически отслеживает тонкий процесс корректировки российской политики, который это исследование направлено заполнить. Методом исследования, используемым в статье, является сравнительный анализ. Литература, основанная на этом исследовании, в основном включает: теоретические работы по международным отношениям и исследованиям безопасности, академические монографии и журнальные статьи, предоставляющие эмпирический анализ и перспективы с разных точек зрения для исследований, официальные документы и выступления лидеров для анализа политических заявлений и намерений.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, Россия, региональная безопасность.

Традиционно вопросы безопасности Китая в Центральной Азии были в значительной степени сосредоточены на обеспечении стабильности Синьцзян-Уйгурского автономного района и всего западного региона страны. Данный приоритет обусловлен географической близостью, этнокультурными связями через границу и необходимостью предотвращения дестабилизирующих факторов, которые могут распространяться с территории центральноазиатских государств. Основными инструментами достижения этой цели выступали, во-первых, многостороннее сотрудничество в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС),[1] включая совместные антитеррористические учения, обмен разведывательными данными и функционирование Региональной антитеррористической структуры (РАТС). Во-вторых, важную роль играло двустороннее сотрудничество в области пограничного контроля и безопасности с сопредельными государствами Центральной Азии – Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном.[2] Это сотрудничество включало совместное патрулирование границ, создание механизмов оперативной связи, а также меры по пресечению незаконного оборота наркотиков, оружия и трансграничной преступности. Однако по мере расширения глобальных экономических и геополитических интересов Китая, а также активного продвижения инициативы «Пояс и путь», значение китайской роли в сфере региональной безопасности и её функциональный охват существенно возросли. Сегодня в фокус внимания Пекина попадают не только традиционные угрозы, но и безопасность энергетической инфраструктуры, защита трансконтинентальных транспортных коридоров, кибербезопасность, а также вопросы политической стабильности в странах Центральной Азии как необходимого условия для долгосрочного присутствия китайских инвестиций и экономических проектов.

Интересы безопасности Китая в Центральной Азии постепенно расширились от традиционной обороны границ и предотвращения терроризма до более разнообразных и комплексных аспектов, охватывающих как военно-политические, так и экономические и гуманитарные измерения. Основные интересы включают в себя следующие ключевые направления: во-первых, защита растущих экономических интересов зарубежных стран и обеспечение безопасности граждан Китая, находящихся на территории центральноазиатских государств; во-вторых, обеспечение бесперебойного функционирования и безопасности энергетических и торговых коридоров, включая наземные маршруты поставок углеводородов и транспортные артерии, связывающие Китай с рынками Евразии; в-третьих, предотвращение влияния региональных потрясений, таких как социально-политические кризисы или вооружённые конфликты, на ключевые проекты «Пояса и пути» Китая, которые составляют основу экономического присутствия КНР в регионе; и, в-четвёртых, необходимость создать региональную среду безопасности, благоприятную для Китая и устойчивую к внешнему (особенно западному) вмешательству, что предполагает противодействие попыткам дестабилизации извне и укрепление автономии региональных механизмов безопасности. После ухудшения ситуации с безопасностью в Синьцзяне, которое выразилось в росте террористических и сепаратистских угроз на северо-западных рубежах КНР, Китай начал делать борьбу с терроризмом и экстремизмом главной целью ШОС.[3] При этом важно отметить, что, несмотря на прежнюю серьёзную ситуацию с безопасностью в Синьцзяне, характеризовавшуюся отдельными инцидентами насилия и напряжённостью в межэтнической сфере, мало доказательств того, что это привело к значимым изменениям в позиции Китая в области безопасности в Центральной Азии.[3] Иными словами, базовые принципы китайской политики – невмешательство во внутренние дела, предпочтение многосторонних форматов и акцент на экономических инструментах – остались в целом неизменными, несмотря на локальное ухудшение обстановки в приграничных районах. Хотя Китай будет оказывать гуманитарную помощь Центральной Азии, например, в виде поставок медицинского оборудования, финансирования образовательных программ или содействия в ликвидации последствий стихийных бедствий, он всегда избегал реального участия в урегулировании внутриполитических конфликтов или прямого военного присутствия, предпочитая сохранять дистанцию от острых политических кризисов в регионе.

Для России важность Центральной Азии тоже очевидна и не вызывает сомнений с точки зрения национальной безопасности и гео-

политического влияния. Россия имеет множество связей со странами региона, включая свои давние исторические истоки как единого государства, а также общее культурное, экономическое и инфраструктурное наследие, уходящее корнями в советский период. Центральная Азия с эпохи царской России считалась буферной зоной и сферой влияния для обеспечения безопасности на южных рубежах России, что на протяжении веков определяло внешнеполитические приоритеты российского государства в этом регионе. Центральная Азия играет ключевую и во многом незаменимую роль в политике России на постсоветском пространстве, особенно в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), поскольку страны Центральной Азии являются ключевыми членами таких институтов, как Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийское экономическое сообщество (ЕАЭС), которые, в свою очередь, находятся в центре интеграции СНД.[4] Именно через эти организации Россия координирует вопросы обороны, пограничной безопасности, таможенного регулирования и экономического взаимодействия с центральноазиатскими государствами. Поэтому не случайно и вполне закономерно, что Центральная Азия всегда находилась и продолжает находиться в сфере стратегических интересов России, независимо от текущей международной конъюнктуры.

Интересы безопасности России в Центральной Азии в основном сосредоточены на следующих аспектах: сохранять стратегическую глубину и функцию барьера в Центральной Азии, что предполагает недопущение проникновения в регион внешних военных и террористических угроз, а также использование центральноазиатского пространства в качестве буферной зоны между южными рубежами России и нестабильными регионами (Афганистан, Ближний Восток); поддержание стабильной и безопасной социальной среды в Центральной Азии крайне важно для безопасности южных границ России, поскольку любая дестабилизация (межэтнические конфликты, религиозный экстремизм, неконтролируемая миграция) напрямую влияет на ситуацию в российских республиках Северного Кавказа, Поволжья и Южной Сибири;[5] сохранить военное превосходство России и обеспечить военное превосходство ОДКБ, что включает поддержание российских военных баз (в Кыргызстане, Таджикистане), совместные учения, поставки вооружений и доминирование в системах ПВО на пространстве Центральной Азии, а также недопущение вытеснения России из региональных военно-политических механизмов другими игроками;[6] взять под контроль ключевые вопросы безопасности в Центральной Азии и сдерживать военные угрозы со стороны других держав, это одна из ключевых красных линий России, означающая, что Россия стремится самостоятельно или в рамках ОДКБ определять параметры реагирования на такие вызовы, как размещение иностранных военных инфраструктур, проход воинских контингентов третьих стран, а также любые попытки перехвата инициативы в антитеррористической и пограничной сферах без учёта российских интересов..

Вот расширенный вариант указанного фрагмента (объём увеличен примерно в 2 раза с сохранением научного стиля и смысловой точности):

Россия на протяжении длительного времени рассматривает себя в качестве естественного и незаменимого «поставщика» безопасности в Центральной Азии. Её доминирующая роль в региональной архитектуре безопасности опирается на несколько фундаментальных факторов: исторические связи, уходящие корнями в советский период и сохраняющиеся постсоветские взаимозависимости; разветвлённые институциональные структуры, включая ОДКБ, двусторонние соглашения и механизмы военно-технического сотрудничества; военное превосходство, выражающееся в присутствии российских военных баз (например, Кант в Киргизии) и масштабных программах подготовки кадров; а также евразийскую идеологию, в рамках которой Россия позиционирует себя как центрального гаранта стабильности на постсоветском пространстве. В то же время растущее присутствие и усиление позиций Китая в сфере региональной безопасности – через Шанхайскую организацию сотрудничества, совместные антитеррористические учения и проекты экономической инфраструктуры с элементами безопасности – оказывает сложное, многоплановое влияние на традиционное положение России в Центральной Азии, порождая как точки сопряжения интересов, так и потенциальные зоны конкуренции за влияние.

Данное воздействие можно условно разделить на два основных аспекта: вызов и сотрудничество. В рамках каждого из этих аспектов формируются различные механизмы взаимодействия и конкуренции, которые влияют на общий баланс сил в Центральной Азии. Что касается вызовов, то они проявляются прежде всего в ограничении стратегического пространства России и подрыве её институционального авторитета в регионе. Под стратегическим пространством здесь понимается совокупность внешнеполитических возможностей, включая способность России в одностороннем порядке определять параметры региональной безопасности, влиять на внешнеполитический выбор государств Центральной Азии и поддерживать собственную систему альянсов. Участие Китая в решении вопросов безопасности в Центральной Азии объективно способствовало ослаблению ранее существовавшей монополии России на влияние в данной сфере. Это ослабление носит постепенный, но устойчивый характер и проявляется в диверсификации источников безопасности для центральноазиатских государств. Важным последствием становится появление альтернативного центра принятия решений в области региональной безопасности. У стран Центральной Азии теперь имеется ещё один значимый вариант безопасности помимо российского – китайский, особенно в тех случаях, когда эти государства сталкиваются с внутренними волнениями (например, социально-политическими кризисами или попытками дестабилизации режима) или решают задачи противодействия внешним угрозам (включая трансграничный терроризм, экстремизм и наркотрафик). Само существование такой альтернативы постепенно подрывает позиции России как безальтернативного и наиболее необходимого гаранта безопасности в регионе. Кроме того, возглавляемая Китаем Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) демонстрирует определённое функциональное пересечение в сфере безопасности с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), где доминирующую роль играет Россия. Обе структуры занимаются вопросами реагирования на кризисные ситуации, обмена разведывательной информацией и координации военно-политических усилий. Хотя ШОС в большей степени сосредоточена на нетрадиционных аспектах безопасности (прежде всего на консультациях, политическом диалоге и мерах доверия, а не на прямом военном вмешательстве), сам факт возрастания её влияния в Центральной Азии может превратиться в потенциальный вызов институциональному авторитету ОДКБ, находящейся под контролем России. В долгосрочной перспективе это способно привести к размыванию исключительной роли российских институтов безопасности и постепенной трансформации всего регионального порядка безопасности.

Что касается сотрудничества, Китай может помочь России разделить расходы на миротворчество и противодействие западному влиянию: и Китай, и Россия заинтересованы в стабилизации Афганистана и предотвращении распространения терроризма. Таким образом, на фоне продолжающейся неопределённости в Афганистане и возможных потрясений в странах Центральной Азии, готовность и способность Китая участвовать в региональном управлении безопасностью больше снижают экономическое давление России. В настоящее время Китай играет относительно пассивную роль в сфере безопасности в Центральной Азии, усиливая «сопротивление» региональных стран проникновению западной политики и моделей безопасности, что не противоречит геополитическим целям России.

Другими словами, влияние Китая создаёт новую, более кооперативную ситуацию. Россия останется самым важным игроком в области безопасности в Центральной Азии в ближайшее и ещё долгое время, но участие Китая в вопросах безопасности Центральной Азии открывает России больше возможностей для сотрудничества. Ещё не знаем, является ли относительно пассивная роль Китая проявлением принципа невмешательства или стратегическим пространством для принятия решений, предоставленным России, но с нынешней точки зрения общие интересы Китая и России примерно одинаковы.

Возрастающая роль Китая в обеспечении региональной безопасности в Центральной Азии представляет собой для России значительную, хотя и не носящую подрывного характера, угрозу. Эта угроза не связана с прямым военным или политическим противостоянием, а проявляется главным образом через два взаимосвязанных процесса: постепенное размывание традиционного стратегического пространства России в регионе и ослабление её институциональной власти и доминирующих позиций в ключевых многосторонних структурах. Иными словами, китайское влияние усиливается не за счёт вытеснения России, а за счёт формирования альтернативных механизмов сотрудничества и расширения собственной институциональной присутствия, что объективно снижает относительный вес российских инициатив. Тем не менее, несмотря на наличие этих противоречий, общие стратегические интересы, связывающие Москву и Пекин, высокая цена возможной конфронтации, а также объективная необходимость поддержания глобального стратегического сотрудничества между двумя державами в условиях турбулентности миропорядка, побудили Россию избрать не конфронтационную, а приспособленческую линию поведения. Конкретно это выражается в стратегии временной адаптации и ограниченного принятия растущей роли Китая в центральноазиатских делах, что позволяет России сохранять рабочие отношения с Китаем, одновре-

менно пытаясь укрепить собственные позиции там, где это возможно без риска прямого столкновения.

Литература

1. В 2001 году Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан подписали в Шанхае Конвенцию по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. https://www.scochina2025.org.cn/n1/2025/0313/c460266–40438141.html
2. В 2008 году Министерство иностранных дел Китая опубликовало «Двустороннее соглашение о борьбе с сотрудничеством между тремя силами», в котором упоминалось, что действующие страны включают Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Пакистан и Туркменистан. https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/200804/t20080408_9867559.shtml
3. Ли Сяося, «Изменения в стабильной ситуации в Синьцзяне и анализ политики поддержания стабильности», июль, 2014 www.21ccom.net/articles/zgyj/dfzl/ article_20140731110346.html
4. Сергей Николаев, заместитель директора Третьего департамента стран СНГ МИД России, Россия – Центральная Азия: стремление к процветанию и безопасности // Международная жизнь. https://interaffairs.ru/jauthor/material/69
5. Дадабаева Зарина, Абдурахмановна Россия и проблемы безопасности в Центральной Азии // РСМ. 2008. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-problemy-bezopasnosti-v-tsentralnoy-azii
6. Сайт ОДКБ: http://www.odkb.gov.ru/r/ezzb.htm

CHINA'S GROWING SECURITY ROLE IN CENTRAL ASIA: IMPLICATIONS FOR RUSSIA

Jia Simeng

The purpose of this article is a systematic analysis of China's growing role in security in Central Asia and its multifaceted influence on Russia. China's growing economic power and its involvement in security issues in Central Asia have had a definite impact on Russia. Will this impact cause concern to Russia, or will the possibility of cooperation determine the security and stability of the Central Asian region? Studying the evolution of China's role in the security situation in Central Asia and its impact on Russia, the traditional "guarantor of security" of the region, is of great practical and theoretical importance for understanding the tension and sustainability of the "comprehensive strategic partnership of cooperation" between China and Russia in certain regions. The existing literature fully recognizes the growing economic influence of China in Central Asia and has begun to focus on its security sphere, but more often considers Sino-Russian competition as a potential mainstream, does not have a deep explanation of the current mechanism of cooperation, or does not systematically monitor the subtle process of adjusting Russian policy, which this study aims to fill. The research method used in the article is comparative analysis. The literature based on this research mainly includes: theoretical works on international relations and security studies, academic monographs and journal articles providing empirical analysis and perspectives from different perspectives for research, official documents and speeches by leaders for analyzing political statements and intentions.

Keywords: China, Central Asia, Russia, regional security.

References

1. In 2001, the Republic of Kazakhstan, the People's Republic of China, the Kyrgyz Republic, the Russian Federation, the Republic of Tajikistan and the Republic of Uzbekistan signed the Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism in Shanghai. https://www.scochina2025.org.cn/n1/2025/0313/c460266–40438141.html
2. In 2008, the Chinese Ministry of Foreign Affairs published a "Bilateral agreement on combating cooperation between the Three Forces," which mentioned that the current countries include Kyrgyzstan, Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan, Pakistan, and Turkmenistan. https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/200804/t20080408_9867559.shtml
3. Li Xiaoxia, "Changes in the stable situation in Xinjiang and an analysis of the policy of maintaining stability", July, 2014 www.21ccom.net/articles/zgyj/dfzl / article_20140731110346.html
4. Sergey Nikolaev, Deputy Director of the Third CIS Department of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Russia – Central Asia: Striving for Prosperity and Security // International life. https://interaffairs.ru/jauthor/material/69
5. Dadabayeva Zarina, Abdurakhmanovna Russia and security problems in Central Asia // RSM. 2008. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-problemy-bezopasnosti-v-tsentralnoy-azii
6. CSTO website: http://www.odkb.gov.ru/r/ezzb.htm

Историко-культурное наследие Китая в формировании бренда страны в условиях глобальных вызовов

Чжан Синь,
аспирант, БГУ
E-mail: 372806471@qq.com

В условиях усиления глобальной конкуренции бренд страны приобретает значение одного из ключевых инструментов символического позиционирования государства и наращивания его «мягкой силы». Цель настоящего исследования состоит в социологическом анализе роли историко-культурного наследия Китая в формировании бренда страны и в обосновании возможностей туристической деятельности как механизма актуализации данного ресурса. Эмпирическую основу составили результаты социологического опроса 890 молодых жителей Китая в возрасте от 14 до 35 лет и экспертного опроса 50 представителей туристической индустрии. В ходе исследования установлено, что историко-культурное наследие выступает одним из наиболее значимых и дифференцирующих элементов бренда Китая, однако его восприятие характеризуется выраженной стратификацией узнаваемости, что свидетельствует о структурном дисбалансе брендовой коммуникации. Экспертная оценка показала, что наибольшим потенциалом в качестве идентификационного маркера туристического бренда Китая обладает тематика Великого Шёлкового пути, включая как основные маршруты, так и малоизвестные ответвления. На основе интеграции данных о восприятии молодёжи и экспертных оценок предложена трёхуровневая стратегия туристического брендирования, включающая флагманский уровень, уровень демонстрации культурного разнообразия и уровень стратегического развития. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при разработке механизмов продвижения историко-культурного наследия Китая как стратегического брендового актива в сфере культуры, туризма и государственной политики символического позиционирования.

Ключевые слова: Бренд Страны, Историко-Культурное Наследие, Туристическая Деятельность, Шёлковый Путь, Молодёжь.

Введение

В условиях нарастающей глобальной конкуренции государства всё активнее используют механизмы символического позиционирования для укрепления международного авторитета, повышения инвестиционной и туристической привлекательности, а также наращивания ресурсов «мягкой силы». В этом контексте бренд страны выступает не только как инструмент внешней коммуникации, но и как способ консолидации внутренних ценностных оснований национального развития. Для Китая, обладающего богатейшим историко-культурным наследием и устойчивым цивилизационным образом, особую значимость приобретает вопрос о том, каким образом историко-культурное наследие может быть преобразовано из категории культурного достояния в стратегический брендовый актив.

Актуальность настоящего исследования определяется, с одной стороны, объективным ростом роли культурных факторов в международном позиционировании государств, а с другой – необходимостью поиска эффективных каналов трансляции ценностей историко-культурного наследия в современные формы общественного восприятия. В данном отношении туристическая деятельность представляет особый интерес, поскольку позволяет соединить символическое содержание наследия с непосредственным опытом его восприятия, делая бренд страны не абстрактной конструкцией, а переживаемой социальной реальностью. Несмотря на наличие значительного числа работ, посвящённых бренду страны, восприятию национального образа и культурной политике, вопросы социологического осмысления историко-культурного наследия Китая как ядра бренда страны, а также роли молодёжи и профессионального туристического сообщества в данном процессе остаются недостаточно разработанными.

Научная проблема статьи состоит в выявлении механизмов включения историко-культурного наследия Китая в процесс формирования бренда страны в условиях глобальных вызовов, а также в определении потенциала туристической деятельности как медиатора данной трансформации. Цель исследования заключается в социологическом анализе роли историко-культурного наследия в формировании бренда Китая и в разработке эмпирически обоснованной стратегии его актуализации через туристические практики. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: проанализировать теоретические подходы к пониманию бренда страны и его соотношения с категориями образа и имиджа; определить место историко-культурного наследия в структуре бренда Китая; выявить особенности его восприятия молодёжной аудиторией; обобщить экспертные оценки туристических маршрутов как инструментов брендирования; предложить стратегическую модель оптимизации бренда страны на основе туристической деятельности.

Эмпирическую основу исследования составили данные социологического опроса 890 молодых жителей Китая в возрасте от 14 до 35 лет и экспертного опроса 50 представителей туристической индустрии. Научная новизна работы заключается в интеграции социологического подхода к анализу бренда страны с исследованием историко-культурного наследия и туристической деятельности в единой аналитической рамке; в выявлении структурного дисбаланса узнаваемости объектов наследия; в обосновании тематики Великого Шёлкового пути как ключевого идентификационного маркера туристического бренда Китая; а также в разработке трёхуровневой стратегии туристического брендирования, ориентированной на различные сегменты восприятия и потребления культурного опыта. Тем самым статья вносит вклад как в развитие социологической теории бренда страны, так и в прикладное осмысление механизмов активизации историко-культурного наследия Китая в условиях современных глобальных вызовов.

Теоретико-методологические основания исследования

В системе социально-гуманитарного знания категории «образ» (image), «имидж» и «бренд» нередко употребляются синонимично, однако они отражают различные этапы и уровни процесса странового брендирования [1]. Анализ социологической, культурологической и коммуникативной литературы позволяет выстроить трёхступенчатую модель последовательной трансформации:

Образ представляет собой стихийное, фрагментарное восприятие страны, формирующееся на уровне ментальных представлений и ассоциаций. Имидж (имидж) является продуктом целенаправленного управленческого воздействия на первичные представления; он обладает стратегическим характером и предполагает контролируемую трансляцию определённых смыслов. Бренд (бренд) выступает конечным продуктом, закреплённым визуально (логотип, слоган), вербально и аудиально, и обладающим одновременно коммерческим и идентификационным потенциалом.

Ван Хам (P. van Ham) подчёркивает, что в постмодерных международных отношениях «государства без бренда» сталкиваются с кризисом идентичности и утратой конкурентных позиций [2]. Анхольт (S. Anholt) декомпозировал бренд страны на шесть измерений: экспорт, культура, население, туризм, иммиграция и инвестиции, управление [3], что обеспечило основу для количественного мониторинга. В авторитетных мировых рейтингах – The New Persuaders, Failed States Index, Country Brand Index – Китай демонстрирует устойчивый рост по культурному и туристическому компонентам: в 2025 году КНР заняла второе место в глобальном рейтинге эффективности использования «мягкой силы» [4].

В применении к Китаю трёхступенчатая модель имеет особую значимость: страна уже обладает мощной «образной базой» («древняя цивилизация», «экономическая держава»), однако эти образы остаются преимущественно фрагментарными и сконструированными извне, без единого брендового нарратива и системного взаимодействия с аудиторией. Следовательно, ключевой задачей является трансформация этой «образной базы» в управляемый бренд посредством научно обоснованной стратегии.

В теории бренда страны ИКН выполняет несколько ключевых функций. С позиции концепции «культурного капитала» наследие является невоспроизводимым территориальным ресурсом [5], подлинность и уникальность которого формируют основу для дифференциации бренда. С позиции «межпоколенческой преемственности» наследие обеспечивает сохранение культурного генофонда и связь между поколениями, что критически важно для формирования национальной идентичности молодёжи.

В контексте настоящего исследования особо значимым представляется третий теоретический подход: ИКН следует рассматривать не как «застывшую» (статичную) форму культурного достояния, а как форму, способную к постоянной актуализации и обновлению [6]. Ключевым механизмом такой «активации» выступает туристическая деятельность, которая превращает пассивные культурные объекты в пространство живого опыта и социального взаимодействия.

ИКН Китая поддаётся систематизации по двум основным направлениям. Материальное наследие включает шесть групп: архитектурные сооружения (дворцы Мин и Цин, Летний дворец), археологические памятники (Иньсюй, Лянчжу), природные объекты (горы Тайшань, Хуаншань, заповедники), культовые сооружения (храм Конфуция, пещерные храмы Лунмэнь и Юньган) и исторические города (Пинъяо, Лицзян). Нематериальное наследие охватывает традиционные изящные искусства (Пекинская опера, музыка гучжэн), ремёсла и медицину (керамика, акупунктура), праздники и обряды (Праздник весны, Цинмин), спортивные и игровые традиции (гонки на лодках-драконах, го) [7]. Данная классификация закладывает основу для формирования комплексных предложений при проектировании туристических маршрутов.

Туристическая деятельность занимает особое место в системе каналов странового брендирования. В отличие от «опосредованных» форм коммуникации (реклама, медиа), туризм обеспечивает «непосредственный, телесный» брендовый опыт, благодаря которому абстрактные культурные ценности становятся ощущаемыми, переживаемыми и пригодными для социального распространения [8]. В формате образовательного туризма и учебных путешествий туризм трансформируется из потребительской практики в процесс социализации и интернализации ценностей. Для молодёжи основного будущего транслятора бренда такая «неинституциональная модель» формирования культурной идентичности обладает незаменимым преимуществом: она формирует лояльность через опыт, а не через дидактическое воздействие.

Согласно статистическим данным Министерства культуры и туризма КНР за 2024 год, объём внутреннего туристического потока восстановился до уровня, близкого к допандемийному [9], что создаёт благоприятную конъюнктуру для перезапуска национального бренда через туризм туристический канал.

Эмпирическая база и методы исследования

Исследование реализовано в рамках смешанной методологии (Mixed Methods) и включает два последовательных этапа сбора и анализа данных.

Объектом первого этапа стали молодые жители Китая в возрасте от 14 до 35 лет. Было получено 890 валидных анкет: 432 мужчины (48,5%) и 458 женщин (51,5%); 500 городских и 390 сельских жителей. По уровню образования: высшее (в том числе незаконченное) – 84%, послевузовское (магистратура, докторантура) – 5%, среднее специальное – 9%, общее – 2%. По социальному статусу: учащиеся и студенты – 87,64%, работники предприятий – около 7%, остальные – индивидуальные предприниматели и др. Инструментарий включал вопросы по следующим тематическим блокам: оценка привлекательности бренда страны; место ИКН в традиционной культуре; роль ИКН в формировании бренда; узнаваемость материальных и нематериальных объектов наследия; необходимость работы с молодёжью по продвижению бренда.

Второй этап, составляющий ядро эмпирической части настоящей статьи, представляет собой целевое анкетирование 50 профессионалов китайской туристической индустрии. Состав выборки: 8 владельцев туристических агентств (16%), 12 менеджеров (24%), 20 разработчиков маршрутов (40%), 8 гидов (16%), 2 иных специалиста (4%). 72% респондентов обладают опытом работы свыше 4 лет. Экспертам предложено оценить основные туристические маршруты по историко-культурным объектам, сгруппированные в «культурные (этнические) коридоры» (по Фэй Сяотуну [10] и Кэ Чжану [11]): подлинность и привлекательность, востребованность среди молодёжи, воспитательный (патриотический) потенциал, функциональная (ценностная) направленность. Отдельный блок посвящён оценке рыночного потенциала нового авторского познавательного тура «Сиань: наследие трёх тысячелетий».

Результаты исследования

Проведённый социологический опрос позволил выявить ряд устойчивых закономерностей в восприятии Китая и роли ИКН в формировании бренда страны. Прежде всего, установлено наличие своеобразной «двухъядерной» структуры национальной идентификации: 37,53% респондентов воспринимают Китай прежде всего как «страну древнейшей культуры, философии, медицины, обладающую богатым ИКН», тогда как 37,19% характеризуют его в первую очередь как «экономическую державу». Тем самым культурно-цивилизационный и экономический компоненты выступают в качестве двух ключевых оснований восприятия национального образа Китая.

Результаты исследования также свидетельствуют о высоком уровне признания значимости ИКН. Так, 82,1% опрошенных оценивают его место в традиционной культуре Китая как важное или очень важное, и лишь 2,8% придерживаются противоположной позиции. Кроме того, 75,62% респондентов считают, что ИКН играет значительную роль в формировании бренда страны: максимальную оценку по пятибалльной шкале («5») дали 61,35% участников опроса, оценку «4» – 14,27%. Наряду с этим 72,36% опрошенных убеждены, что ИКН оказывает глубокое влияние и на экономическое развитие страны. Существенную поддержку получила и идея систематической работы с молодёжью: 71,68% респондентов согласны с необходимостью целенаправленного продвижения бренда страны среди школьников и студентов.

Отдельного внимания заслуживает стратификация узнаваемости объектов материального наследия, демонстрирующая наличие выраженного «когнитивного разрыва». Практически всеобщей узнаваемостью обладают Великая Китайская стена (94%) и Императорский дворец Гугун (92,6%). Промежуточные позиции занимают Летний императорский дворец (55,3%) и Гробница Цинь Шихуана (53,1%). В то же время такие объекты, как пещеры Могао (30,8%), дворец Потала (13,5%), Сучжоуские сады (13,5%) и древние сооружения в горах Уданшань (4,4%), находятся на когнитивной периферии массового восприятия. Выявленная стратификация имеет непосредственное практическое значение для выбора стратегии национального брендинга, в частности при определении приоритета между «усилением известных активов» и «раскрытием неизвестных активов».

Сходная дифференциация наблюдается и в сфере нематериального наследия. Наиболее высокой узнаваемостью характеризуются китайская каллиграфия (82,9%), искусство вырезания из бумаги (76,6%), Пекинская опера (67,7%) и Праздник лодок-драконов (60%). Напротив, искусство гравировки печатей (10,2%) и технология изготовления бумаги сюань (10,7%) остаются малоизвестными для широкой аудитории. Вместе с тем 72,47% респондентов признают высокий потенциал объектов нематериального наследия для целей национального брендинга, что подтверждает целесообразность их более активного включения в стратегии формирования и продвижения международного образа Китая.

Результаты экспертного опроса составляют важнейший эмпирический компонент настоящего исследования и позволяют выявить ключевые закономерности в оценке культурно-познавательных маршрутов

по четырём основным измерениям: подлинность и привлекательность маршрутов, их востребованность среди молодёжи, потенциал формирования национальной идентичности, а также функциональное позиционирование. Кроме того, экспертная оценка позволила определить перспективы разработанного автором нового маршрута «Сиань: наследие трёх тысячелетий».

По критериям подлинности и привлекательности безусловное лидерство продемонстрировала тематика Шёлкового пути. Основной маршрут Шёлкового пути получил 96% по критерию подлинности и 90% по критерию привлекательности, а Хэсийский коридор – соответственно 94% и 90%. Особенно значимым результатом стала высокая оценка малоизвестных ответвлений Шёлкового пути: показатель их подлинности составил 92%, превысив оценки ряда основных маршрутов, что свидетельствует о наличии запроса на более глубокий и исследовательски ориентированный культурный опыт. Южно-горный культурный коридор также получил высокую оценку по критерию подлинности (88%), подтвердив свой потенциал как пространства культурного многообразия. На этом фоне маршрут Великого канала выявил выраженный дисбаланс между привлекательностью (70%) и подлинностью (34%), что может указывать на наличие существенных проблем в построении брендового нарратива и проектировании туристско-культурного продукта.

Оценка востребованности маршрутов среди молодёжной аудитории также показала доминирование направлений, связанных с наследием Шёлкового пути. Основной маршрут был определён как «часто выбираемый» 92% экспертов, малоизвестные ответвления – 90%, а Хэсийский коридор – 88%. Полученные данные опровергают распространённое представление о преимущественно поверхностном характере молодёжных интересов и, напротив, подтверждают наличие устойчивого интереса к глубокому и аутентичному историко-культурному опыту. Ко второй группе по уровню востребованности относятся Южно-горный культурный коридор (74%) и Тибето-Ийский коридор (62%). В то же время сравнительно низкие показатели Наследия Мяо и Дун (36%) и Культуры Хуншань (30%) свидетельствуют о необходимости разработки специализированных программ, ориентированных именно на молодёжную аудиторию.

С точки зрения потенциала формирования национальной идентичности лидерские позиции вновь занимают маршруты Шёлкового пути. Наиболее высокую долю оценок по категории «чрезвычайно высоко» получил основной маршрут Шёлкового пути (84%), за ним следуют Хэсийский коридор (80%) и малоизвестные ответвления (76%). Существенным воспитательным потенциалом обладают также маршруты культурного разнообразия, прежде всего Южно-горный культурный коридор, набравший суммарно 80% положительных оценок, и Тибето-Ийский коридор (72%). Напротив, низкая доля максимально высоких оценок у Великого канала (16%), Наследия Мяо и Дун (0%) и Культуры Хуншань (2%) позволяет заключить, что соответствующие маршруты пока недостаточно интегрированы в общенациональную историко-культурную рамку и в существующие механизмы символического конструирования национальной идентичности.

Экспертный опрос также зафиксировал чёткую функциональную дифференциацию рассматриваемых маршрутов. Маршруты Шёлкового пути – основной маршрут (100%), Хэсийский коридор (98%) и малоизвестные ответвления (98%) – практически единодушно определяются как познавательно-образовательные. Великий канал (88%) и Морской Шёлковый путь (76%) в большей степени ассоциируются с рекреационной функцией, тогда как Тибето-Ийский коридор выделяется выраженной оздоровительной направленностью (70%). Южно-горный культурный коридор демонстрирует более сбалансированную модель ценностного предложения, сочетая познавательно-образовательную (70%) и рекреационную (46%) функции. Особое место в результатах исследования занимает разработанный автором маршрут «Сиань: наследие трёх тысячелетий», который получил консолидированную поддержку 94% экспертов, выбравших варианты «востребован» или «весьма востребован». Среди респондентов, прогнозирующих его высокую востребованность (76%), преобладают владельцы агентств, менеджеры и разработчики маршрутов, главным образом со стажем работы более четырёх лет, тогда как скептические оценки (6%) характерны преимущественно для специалистов с опытом работы от одного до трёх лет. Анализ факторов привлекательности данного маршрута показал, что ключевым драйвером выступает узнаваемость исторических памятников (38,3%), а второе по значимости место занимает научная новизна и содержательная насыщенность образовательного контента (23,4%). Тем самым результаты позволяют сделать вывод, что высокая рыночная перспективность маршрута обеспечивается сочетанием известности объектов показа и познавательной ценности предлагаемого содержания.

Стратегическое предложение: трёхуровневая система туристического брендирования

На основе интеграции данных о предпочтениях молодёжи и экспертных оценок разработана трёхуровневая стратегия оптимизации бренда страны Китая через туристическую деятельность.

Флагманский маршрут 1: «Основной маршрут Шёлкового пути (Сиань – Дуньхуан – Тянь-Шаньский коридор)». Маршрут лидирует по всем ключевым показателям: подлинность – 96%, привлекательность – 90%, частота выбора молодёжью – 92%, влияние на патриотизм – 84% («чрезвычайно высоко»), познавательно-образовательная функция – 100%. Рекомендуемое позиционирование: «Тысячелетний путь перекрёстка цивилизаций: от сердца империи к жемчужинам пустыни». Стратегия реализации: внедрение тура «Сиань: наследие трёх тысячелетий» в качестве ядра продуктового предложения, объединяющего посещение Терракотовой армии с мастер-классами по древним ремёслам в формате иммерсивного образовательного опыта.

Флагманский маршрут 2: «Хэсийский коридор (Могао – Цзяюйгуань – Чжанъе Данься)». Показатели сопоставимы с основным маршрутом (подлинность – 94%, привлекательность – 90%, молодёжный спрос – 88%, воспитательный потенциал – 80% «чрезвычайно высоко»). Уникальное конкурентное преимущество – мощный синтез истории и природы (84% экспертных ассоциаций с природными заповедниками). Позиционирование: «Великая стена, буддийское искусство и разноцветные горы: слияние истории и природной мощи». Фокус – построение «мультисенсорной цепочки впечатлений»: от созерцания фресок Могао (материальное наследие) к изучению техники их создания (нематериальное наследие) и далее – к эстетическому восприятию геологического чуда Данься.

Маршрут: «Южно-горный культурный коридор». Маршрут отличается высокой подлинностью (88%) и устойчивой связью с живой этнической культурой (74% – народные ритуалы), стабильной популярностью среди молодёжи (74%) и значительным воспитательным потенциалом (суммарно 80% позитивных оценок). Позиционирование: «Живые сокровища Южного Китая: от горных крепостей хакка к древним тропам народа Яо». В отличие от исторических маршрутов, акцент делается на активном участии: обучение народным танцам, участие в праздниках (Праздник лодок-драконов), мастер-классы по ремёслам. Формат интерактивного культурного потребления обеспечивает глубокую интернализацию брендовых значений.

Маршрут: «Малоизвестные ответвления Шёлкового пути (Аньян – Ичуань – Чжунчжаочжай)». Маршрут обладает уникальным профилем «высокий потенциал при низкой известности»: подлинность – 92%, привлекательность – 88%, частота выбора молодёжью – 90%, воспитательный потенциал – 76% «чрезвычайно высоко». «Малоизвестность» является одновременно главным вызовом и источником конкурентного преимущества: маршрут не ассоциируется с массовым туризмом, что открывает возможность создания эксклюзивного продукта. Позиционирование: «Тайный Шёлковый путь: за пеленой веков. Археологическая одиссея к истокам империй». Целевая аудитория – не массовый турист, а узкая группа «искателей»: молодые люди, увлечённые историей и археологией, стремящиеся к уникальному, не растиражированному опыту.

Стержневая логика трёхуровневой системы: флагманский уровень обеспечивает широту охвата и трансляцию базовых ценностей бренда; уровень культурного разнообразия обогащает его содержание и расширяет когнитивный горизонт аудитории; уровень стратегического развития создаёт «глубину» бренда, удовлетворяя запрос наиболее требовательной части молодёжи на аутентичность и уникальность, и демонстрируя «неисчерпаемость» ИКН Китая. Все маршруты реализуются через призму неинституциональной модели работы с молодёжью, с использованием геймификации (квест «Наследие искателя») и продвижения через цифровые платформы (WeChat, Douyin), где доминирует молодёжная аудитория.

Заключение

Проведённое исследование, выполненное на стыке социологии, теории брендирования и коммуникативистики, позволило объединить теоретический анализ бренда страны, данные о когнитивном восприятии молодёжной аудитории и экспертные оценки представителей туристической отрасли в единую аналитическую модель. На основании полученных результатов установлено, что историко-культурное наследие Китая выступает не только значимым элементом культурной саморепрезентации, но и одним из ключевых ресурсов формирования и продвижения бренда страны.

Исследование показало, что историко-культурное наследие является наиболее общепризнанным и дифференцирующим ядром брен-

да Китая. При этом выявленная стратификация узнаваемости объектов наследия свидетельствует о наличии структурного дисбаланса брендовой коммуникации: внимание преимущественно сосредоточено на ограниченном круге наиболее известных памятников, тогда как значительная часть ценных объектов остаётся на периферии массового восприятия. Результаты экспертного опроса, в свою очередь, подтвердили, что тематика Великого Шёлкового пути обладает наибольшим потенциалом в качестве идентификационного маркера туристического бренда Китая. Основной маршрут Шёлкового пути, Хэсийский коридор и малоизвестные ответвления демонстрируют высокие показатели подлинности, привлекательности, молодёжной востребованности и воспитательного потенциала.

На основе обобщения эмпирических данных в исследовании была обоснована трёхуровневая стратегия туристического брендирования, включающая флагманский уровень, уровень демонстрации культурного разнообразия и уровень стратегического развития. Данная модель рассматривается как системный ответ на выявленный структурный дисбаланс брендовой коммуникации. Её прикладная состоятельность подтверждается также высокой экспертной оценкой разработанного автором маршрута «Сиань: наследие трёх тысячелетий», позволившей верифицировать продуктивность модели, основанной на сочетании узнаваемости исторических памятников и образовательной новизны содержания.

Вместе с тем результаты исследования следует интерпретировать с учётом его ограничений, связанных с объёмом экспертной выборки и преобладанием учащихся в составе молодёжной аудитории. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборочной базы, проведением лонгитюдного анализа влияния туристического опыта на восприятие бренда страны и привлечением международной аудитории для кросс-культурного сопоставления. В целом проведённое исследование позволяет рассматривать историко-культурное наследие Китая как стратегический брендовый актив, а туристическую деятельность – как эффективный механизм его символической и коммуникативной трансформации. Предложенная модель обладает как теоретической, так и практической значимостью и может быть использована при совершенствовании политики в сфере культуры, туризма и продвижения «мягкой силы» Китая.

Литература

1. Гравер, А.А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 29–45.
2. Van Ham, P. The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation // Foreign Affairs. – 2001. – Vol. 80, № 5. – P. 2–6.
3. Anholt, S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions / S. Anholt. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – 147 p.
4. Shi, Sh. Research on National Image: China's Overseas Communication / Sh. Shi. – Beijing: Communication University of China Press, 2018. – 286 p.
5. Aaker, D.A. Building Strong Brands / D.A. Aaker. – New York: Free Press, 1996. – 380 p.
6. Лю, Куйли. Нематериальное культурное наследие и принципы его целостного сохранения // Вестник Гуансийского университета национальностей (философия и социальные науки). – 2004. – № 4. – С. 4–8.
7. Ван, Фучжоу. Введение в нематериальное культурное наследие / Фучжоу Ван. – Пекин: Издательство педагогических наук, 2012. – 320 с.
8. Sterling, D. Tourism as a Driver of Place Brand Identity // Journal of Destination Marketing & Management. – 2018. – Vol. 8. – P. 44–51.
9. Министерство культуры и туризма КНР. Статистический бюллетень о развитии культуры и туризма за 2024 год / Министерство культуры и туризма КНР. – Пекин, 2025.
10. Фэй, Сяотун. К вопросу об идентификации национальностей в нашей стране // Общественные науки Китая. – 1980. – № 1. – С. 147–162.
11. Zhang, K. Cultural Corridors and Heritage Routes: Concepts, Practices, and Prospects // Journal of Cultural Heritage Management and Sustainable Development. – 2020. – Vol. 10, № 3. – P. 261–278.

CHINA'S HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE IN THE FORMATION OF THE COUNTRY BRAND UNDER GLOBAL CHALLENGES

Zhang Xin
Belarusian State University

the context of intensifying global competition, the country brand has become one of the key instruments of a state's symbolic positioning and the enhancement of its soft power. The purpose of this study is to provide a sociological analysis of the role of China's historical and cultural heritage in the formation of the country brand and to substantiate the potential of tourism as a mechanism for activating this resource. The empirical basis of the study consists of the results of a sociological survey of 890 young Chinese respondents aged 14 to 35, as well as an expert survey of 50 representatives of China's tourism industry. The study demonstrates that historical and cultural heritage constitutes one of the most significant and differentiating elements of China's country brand; however, its perception is characterized by a pronounced stratification of awareness, which indicates a structural imbalance in brand communication. The expert assessment shows that the theme of the Great Silk Road, including both its main routes and lesser-known branches, has the greatest potential as an identification marker of China's tourism brand. Based on the integration of data on youth perception and expert evaluations, the article proposes a three-level tourism branding strategy, including a flagship level, a level of cultural diversity representation, and a level of strategic development. The practical significance of the study lies in the possibility of applying its findings to the development of mechanisms for promoting China's historical and cultural heritage as a strategic branding asset in the fields of culture, tourism, and state symbolic positioning.

Keywords: Country Brand, Historical And Cultural Heritage, Tourism Activity, The Silk Road, Youth

References

1. Graver, A.A. Image, Image, and Brand of a Country: Concepts and Research Directions // Bulletin of Tomsk State University. – 2012. – No. 3. – P. 29–45.
2. Van Ham, P. The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation // Foreign Affairs. – 2001. – Vol. 80, No. 5. – P. 2–6.
3. Anholt, S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions / S. Anholt. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – 147 p.
4. Shi, Sh. Research on National Image: China's Overseas Communication / Sh. Shi. – Beijing: Communication University of China Press, 2018. – 286 p.
5. Aaker, D.A. Building Strong Brands / D.A. Aaker. – New York: Free Press, 1996. – 380 p.
6. Liu, Kuili. Intangible Cultural Heritage and the Principles of Its Holistic Preservation // Bulletin of Guangxi University of Nationalities (Philosophy and Social Sciences). – 2004. – No. 4. – Pp. 4–8.
7. Wang, Fuzhou. Introduction to Intangible Cultural Heritage / Fuzhou Wang. – Beijing: Pedagogical Sciences Press, 2012. – 320 p.
8. Sterling, D. Tourism as a Driver of Place Brand Identity // Journal of Destination Marketing & Management. – 2018. – Vol. 8. – Pp. 44–51.
9. Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China. Statistical Bulletin on Culture and Tourism Development for 2024 / Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China. Beijing, 2025.
10. Fei, Xiaotong. On the Identification of Nationalities in Our Country // Social Sciences of China. – 1980. – No. 1. – P. 147–162.
11. Zhang, K. Cultural Corridors and Heritage Routes: Concepts, Practices, and Prospects // Journal of Cultural Heritage Management and Sustainable Development. – 2020. – Vol. 10, No. 3. – P. 261–278.

Роль программ ЮНЕСКО по сохранению исторических городов Узбекистана в развитии культурной дипломатии и устойчивого туризма

Абдуллаева Озода Улугбек кизи,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: st081260@student.spbu.ru

Цель данной работы заключается в выявлении особенностей участия Республики Узбекистан в программах Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) по сохранению исторических городов как объектов Всемирного наследия. Подчеркивается, что подобные проекты одновременно выполняют функции культурной дипломатии и инструмента устойчивого туризма: они способствуют укреплению международного имиджа страны, формированию мягкой силы, сохранению культурного наследия и развитию локальной экономики на основе устойчивых туристических практик. Анализируются правовые и институциональные рамки сохранения исторических городов, взаимосвязь культурной дипломатии и устойчивого туризма в соответствующих проектах, а также перспективы развития сотрудничества Узбекистана с ЮНЕСКО. В статье показано, что участие Узбекистана в инициативах ЮНЕСКО создает условия для интеграции механизмов международной охраны культурного наследия в национальную стратегию развития исторических городов.

Ключевые слова: Узбекистан, ЮНЕСКО, исторические города, культурная дипломатия, объекты Всемирного наследия, устойчивое развитие, устойчивый туризм.

Введение

Сотрудничество Республики Узбекистан с Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в последние годы приобретает все более стратегический характер [1]. В данной связи особое значение отводится реализации программ по сохранению исторических городов страны, включенных в Список Всемирного наследия и выступающих одновременно в качестве объектов культурного наследия, элементов туристической инфраструктуры и инструментов продвижения внешнеполитических интересов Узбекистана [2; 5]. Актуальность избранной автором темы связана с тем, что в условиях глобального развития туристической отрасли и ужесточения стандартов сохранения объектов культурного наследия различные государства мира вынуждены искать баланс между максимизацией своих экономических выгод от продвижения туризма и обеспечением долгосрочной охраны расположенных на их территории культурно-исторических памятников. Для Узбекистана, где исторические города (Самарканд, Бухара, Хива и др.) являются центральными элементами национальной идентичности и туристической привлекательности, данный вопрос представляется особенно значимым [7]. Одновременно растет роль культурной дипломатии Ташкента как инструмента его внешней политики, где историческое наследие выступает не только культурным, но и политическим ресурсом [5; 9]. В подобной ситуации анализ программ ЮНЕСКО по сохранению исторических городов позволяет выявить механизмы сочетания международных обязательств страны, принципов устойчивого развития и интересов местных сообществ.

В научной литературе вопросы участия различных государств в программах ЮНЕСКО рассматриваются в контексте культурной дипломатии, «мягкой силы» и международных институтов сохранения наследия [4; 5; 9]. Ряд исследований посвящен институциональным аспектам работы ЮНЕСКО, механизмам включения объектов в Список Всемирного наследия, а также проблемам управления историческими городами в условиях развития туризма и процессов урбанизации [2; 7]. Современные эксперты отмечают, что страны-члены ЮНЕСКО все чаще используют объекты Всемирного наследия как инструменты формирования своего международного имиджа и продвижения туристических маршрутов [9]. В то же время, остаются недостаточно исследованными конкретные механизмы, через которые программы сохранения исторических городов в онлайн- и оффлайн-пространствах трансформируются в элементы культурной дипломатии и устойчивого туризма [8]. Все вышесказанное определяет значимость узкого аналитического фокуса, примененного в данной статье.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что оно рассматривает программы ЮНЕСКО по сохранению исторических городов Узбекистана как конкретный сегмент взаимодействия республики с данной организацией, одновременно выполняющий функции культурной дипломатии и устойчивого туризма [3; 5]. В отличие от общих работ, определяющих роль Узбекистана в деятельности ЮНЕСКО в целом, данная статья акцентирует внимание на одном комплексном направлении: сохранении исторических городов и развитии туристических практик, – опираясь на анализ правовых и институциональных рамок, а также на оценку влияния подобных проектов на имидж страны и местные сообщества [2; 7]. Это позволяет выявить специфические механизмы взаимодействия международных стандартов управления наследием и национальной стратегии устойчивого развития.

Методологической основой исследования выступает качественный подход, ориентированный на системный анализ и интерпретацию данных. Основу источниковой базы исследования составляют официальные документы ЮНЕСКО, государственные стратегические программы Узбекистана, отчеты и публикации, посвященные сохранению объектов Всемирного наследия и развитию туризма в Республике Узбекистан [2; 3; 5].

Основная часть

В ходе проведенного исследования автором было установлено, что в последние десятилетия участие Республики Узбекистан в деятельности ЮНЕСКО трансформировалось в один из ключевых инструментов национальной культурной дипломатии и реализации курса на устойчивое развитие на национальном и региональном уровнях [5]. В рамках взаимодействия сторон особое значение приобретают программы по сохранению исторических городов и объектов Всемирного наследия, объединяющие цели охраны культурного наследия, развития ту-

ристической инфраструктуры и укрепления международного имиджа Узбекистана [2]. Соответствующие проекты одновременно выступают в качестве инструмента культурной дипломатии и элемента устойчивого туризма, поскольку они затрагивают вопросы сохранения национальной идентичности, распределения экономических выгод и участия местных сообществ в процессах развития Узбекского государства.

Ряд исторических городов Узбекистана: Самарканд, Бухара, Хива, Шахрисабз – включены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, что закрепляет за ними статус международно значимых объектов и порождает обязательства республики по их сохранению и бережному управлению ими [1; 7]. Подобный статус предполагает не только национальные реставрационно-консервационные мероприятия, но и международное сопровождение программ, разработка которых ведется Ташкентом в сотрудничестве с центральными органами ЮНЕСКО и ее региональными представительствами [3; 2]. В свою очередь, Узбекистан формирует национальные механизмы управления, включающие координацию между профильными министерствами, культурными учреждениями, научными институтами и местными администрациями, что обеспечивает интеграцию международных стандартов в национальное законодательство и повседневную практику.

Важным элементом институционального укрепления национальных механизмов управления наследием является участие Ташкента в глобальных инициативах ЮНЕСКО, касающихся мониторинга состояния объектов Всемирного наследия, подготовки планов управления ими и внедрения современных методов консервации [1; 2; 3; 7]. Программы по сохранению исторических городов опираются на конвенции и рекомендации ЮНЕСКО, разработанные в рамках деятельности Комитета всемирного наследия, а также на региональные стратегии, учитывающие климатические и демографические особенности Центральной Азии [2; 3]. В результате формируется комплексный правовой и институциональный каркас, позволяющий не только предотвращать деградацию объектов, но и превращать их в ресурсы для долгосрочного социального и экономического развития стран региона.

В контексте сохранения исторических городов культурная дипломатия реализуется Узбекистаном через использование объектов Всемирного наследия в качестве символических и коммуникационных ресурсов на международной арене [3; 8]. Включение Самарканда, Бухары, Хивы и Шахрисабза в реестры ЮНЕСКО автоматически связывает Узбекистан с глобальным дискурсом культурного наследия, в котором страна представлена не только как хранитель архитектурных памятников, но и как участник межцивилизационного диалога [2; 5; 7]. Крупные международные форумы и конференции, проводимые в этих городах под эгидой ЮНЕСКО и при участии зарубежных делегаций, усиливают восприятие Узбекистана как центра культурного пересечения и места, где традиции и современность сочетаются в форматах устойчивого развития.

Формирование имиджа страны в рамках реализации ею своей культурной дипломатии также опирается на визуальные и коммуникационные стратегии: публикацию многоязычных материалов о реставрации, презентацию успехов по сохранению объектов на международных выставках и в документах ЮНЕСКО, включение исторических городов в международные туристические маршруты. В данном контексте программы сохранения исторических городов становятся не только техническими проектами, но и элементами нарратива о том, как Узбекистан заботится о своем наследии, привлекая международное сообщество в качестве партнера [7]. Подобная стратегия позволяет укреплять «мягкую силу» государства, расширять его международные связи и повышать интерес зарубежных стран и институтов к сотрудничеству с ним в сфере образования, науки и культуры.

Поскольку объекты Всемирного наследия выступают главными туристическими центрами, формирующими внутренние и международные туристические потоки, сохранение исторических городов при участии ЮНЕСКО напрямую связано с развитием в Узбекистане устойчивого туризма. Вместе с тем, если не учитывать принципы устойчивости, рост туристических потоков может привести к переутомлению объектов, деградации местной инфраструктуры и снижению качества жизни местных сообществ [5]. В этом отношении программы ЮНЕСКО выступают в роли регулятора, задающего стандарты управления туризмом, которые учитывают баланс между экономической выгодой, охраной наследия и интересами местных жителей.

Одной из ключевых задач подобных программ является создание механизмов распределения туристических доходов, обеспечивающих участие местных сообществ в экономике наследия [5; 6]. В исторических городах формируются малые и средние предприятия, связанные с туризмом (гостиничный сервис, сувенирная продукция, гид-экскурсионные услуги, рестораны, ремесленные мастерские), благодаря проектам ЮНЕСКО, получающие поддержку в виде обучения, консультаций и информационного сопровождения [2; 3; 8]. В свою очередь, развитие местной экономики способствует снижению давления на объекты наследия, поскольку население становится все более заинтересованным в сохранении их ценности как источника постоянного дохода, а не только в разовой застройке или переделке пространства.

Кроме того, устойчивый туризм предполагает просветительские и образовательные компоненты, включающие информирование туристов о правилах поведения на объектах, о значении наследия и об особенностях его истории, а также формирование их экологической и культурной ответственности. Следовательно, программы ЮНЕСКО по сохранению исторических городов зачастую сочетаются с внедрением элементов экологического образования и информационного сопровождения, что позволяет уменьшить негативное воздействие на окружающую среду и повысить качество туристического опыта [6]. В данном аспекте сохранение наследия становится не только культурной, но и экологической задачей, отвечающей приоритетам устойчивого развития в сфере туризма.

На пересечении культурной дипломатии и устойчивого туризма программы ЮНЕСКО по сохранению исторических городов Узбекистана формируют комплексный механизм, в котором символический и экономический потенциал объектов наследия используется для достижения одновременно нескольких целей.

Проекты решают два спектра задач. С одной стороны, они направлены на решение локальных задач: сохранение исторического наследия, поддерживание культурных и национальных традиций, развитие туристической отрасли и инфраструктуры и другие составляющие, которые положительно влияют на развитие страны и соответствуют принципам устойчивого развития.

С другой стороны, задачи позволяют продвигать страны, развивать интерес на международном уровне: успешные проекты реставрации и дестинации повышают престиж страны, демонстрируя ее способность участвовать в проектах международного уровня.

При этом «ядром», вокруг которого можно построить успешный проект, является заинтересованность местного населения. При реализации национальных туристических проектов необходимо использовать практики общественных консультаций. Проект должен, с одной стороны, работать на туристическую составляющую и сохранять историческое наследие, а с другой – местные жители должны иметь возможность в принятии решений о реконструкции, застройке и использовании пространства. Это позволит повысить комфортность среды для проживания и учитывать культурные и социальные особенности местности [2]. Подход через участие позволит избежать серьезных конфликтных ситуаций, связанных с изменением традиционного облика привычной для жизни территории и повысить доверие граждан.

В результате сочетание культурной дипломатии и устойчивого туризма перестает быть лишь внешнеполитической стратегией и превращается в механизм устойчивого развития городских территорий.

Дальнейшее развитие сотрудничества Узбекистана с ЮНЕСКО по сохранению исторических городов потребует не только продолжения реставрационных работ, но и усиления научно-аналитической базы, разработки долгосрочных стратегий управления наследием и устойчивого туризма [2]. Важным направлением также представляется расширение международного научного сотрудничества, в том числе посредством участия узбекских исследователей в программах и проектах, посвященных мониторингу состояния объектов, оценке воздействия туризма на культурное наследие и разработке цифровых технологий сохранения объектов [8]. Подобные проекты будут способствовать не только повышению качества управления, но и формированию новой профессиональной среды, ориентированной на международные стандарты.

Дополнительной перспективой может стать углубление интеграции исторических городов в региональные и международные сети сотрудничества, что будет способствовать обмену опытом между Узбекистаном и другими странами, имеющими схожие проблемы сохранения наследия и развития туризма. В данном контексте Узбекистан может выступать не только объектом международного внимания, но и активным партнером, предлагающим собственные модели управления, базирующиеся на традиционном укладе жизни и на современных подходах к устойчивому развитию. В результате участие республики в программах ЮНЕСКО по сохранению исторических городов становится не только инструментом ее культурной дипломатии и продвижения ею устойчивого туризма, но и долгосрочной стратегией формирования устойчивых, культурно значимых и социально отвечающих потребностям местных сообществ городских территорий.

Заключение

В заключении представляется необходимым отметить, что программы по охране объектов Всемирного наследия формируют комплексный

механизм, интегрирующий международные обязательства с национальными стратегиями устойчивого развития. Участие Самарканда, Бухары, Хивы и Шахрисабза в глобальных инициативах ЮНЕСКО обеспечивает не только сохранение архитектурных ансамблей, но и их трансформацию в ресурсы культурной дипломатии, способствующие укреплению позиций страны на международной арене. Разработанные в рамках Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. планы управления объектами сочетают реставрационные меры с развитием туристической инфраструктуры, минимизируя риски деградации памятников архитектуры под влиянием антропогенных факторов [7].

Институциональные рамки сотрудничества включают координацию между центральными органами Узбекистана, региональными представительствами ЮНЕСКО и научными учреждениями, что приводит к внедрению современных методик мониторинга. Национальное законодательство республики адаптировано под рекомендации Комитета всемирного наследия, обеспечивая баланс между сохранением аутентичности памятников и экономической активацией территорий через развитие туризма. Подобная модель демонстрирует эффективность в распределении доходов от посещения объектов среди местных сообществ, стимулируя создание ремесленных мастерских, экскурсионных услуг и гостиничных комплексов с учетом принципов устойчивости.

Культурная дипломатия реализуется посредством организации международных форумов, публикации многоязычных отчетов о реставрации и интеграции исторических центров в трансграничные маршруты, такие как Шелковый путь. Успешные проекты по цифровизации наследия и подготовке интегрированных планов управления повышают глобальную узнаваемость Узбекистана как хранителя цивилизационного опыта Центральной Азии.

Объекты всемирного наследия – это возможность для страны участвовать в межцивилизационных диалогах, укреплять свои позиции в международных дискуссиях по вопросам устойчивого развития, что в конечном счете, повышает интерес к стране.

Исторические города (города с длинной историей и наличием большого числа культурно-исторических ценностей) развиваются как центры устойчивого туризма. Предписания ЮНЕСКО направлены на то, чтобы избежать перегрузок и угроз для окружающей среды, а также внедрить для жителей и туристов образовательные программы, способствующие формированию чувства бережного отношения к окружающей среде, традициям и культурному наследию. Для городов, которые представляют интерес для международного сообщества и работают с программами ЮНЕСКО, появляется потенциал для создания рабочих мест, диверсификации доходов за счет местного производства сувениров и организации культурных мероприятий, а также развития туризма.

Поэтому в будущем сотрудничество с Узбекистаном в рамках деятельности ЮНЕСКО будет зависеть от создания научно-аналитической базы, включая исследования влияния урбанизации и изменения климата на объекты всемирного наследия. Для этого необходимо расширять участие узбекских специалистов в развитии цифровых архивов и региональных сетей сотрудничества. Долгосрочные стратегии управления культурно-историческим наследием позволят Узбекистану занять лидирующие позиции в Центрально-азиатском регионе как инициатора инновационных подходов к гармоничному развитию культурно-исторических традиций и развитию современной городской среды.

Литература

1. Азизов Д. Узбекистан и ЮНЕСКО развивают взаимодействие. Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств: официальный сайт. 2013. 26 авг. URL: https://eccis.org/news/1841/uzbekistan-i-unesko-razvivaut-vzaimodejstvie (дата обращения: 01.04.2026)

2. Алимова А. Узбекистан и ЮНЕСКО: образование, инновации и устойчивое будущее. Узбекское национальное новостное агентство Uz A. 2025. 29 окт. URL: https://uza.uz/ru/posts/yunesko-i-uzbekistan-obrazovanie-innovacii-i-ustoychivoe-buduschee_777093 (дата обращения: 01.04.2026)

3. Алимова А. Узбекистан развивает сотрудничество с ЮНЕСКО: объекты культурного наследия, библиотеки и инновационные образовательные проекты. Узбекское национальное новостное агентство Uz A. 2024. 3 янв. URL: https://uza.uz/ru/posts/uzbekistan-razvivaet-sotrudnichestvo-s-yunesko_554007 (дата обращения: 01.04.2026)

4. Гендина Н.И., Косолапова Е.В. Культурная дипломатия и библиотеки: опыт России и Узбекистана // Библиотековедение. 2022. № 4. С. 375–385.

5. Давлетов С.Р. Роль отношений сотрудничества с ЮНЕСКО в культурной дипломатии Республики Узбекистан // Mamun Science. 2024. № 3. Р. 102–108.

6. Основные достижения ЮНЕСКО в 2020 году с особым фокусом на COVID-19 // Официальный сайт ЮНЕСКО. 2020. 16 нояб. URL: https://www.unesco.org/ru/articles/osnovnye-dostizheniya-yunesko-v-2020-godu-s-osobym-fokusom-na-covid-19 (дата обращения: 01.04.2026)

7. Прочное партнерство между Узбекистаном и ЮНЕСКО по сохранению и продвижению объектов Всемирного наследия // Официальный сайт ЮНЕСКО. 2023. 15 сент. URL: https://www.unesco.org/ru/articles/prochnoe-partnerstvo-mezhdu-uzbekistanom-i-yunesko-po-sokhraneniyu-i-prodvizheniyu-obektov (дата обращения: 01.04.2026)

8. Республика Узбекистан и ЮНЕСКО: новый этап сотрудничества в образовании и науке // Правительственный портал Республики Узбекистан. 2025. 29 окт. URL: https://gov.uz/ru/edu/news/view/96689 (дата обращения: 01.04.2026)

9. Сайфуллаев Д. По пути развития культурной дипломатии: Узбекистан и международные культурные инициативы. Информационный портал Yuz.uz. 2020. 30 сент. URL: https://yuz.uz/ru/news/po-puti-razvitiya-kulturnoy-diplomatii (дата обращения: 01.04.2026)

10. Узбекистан – ООН: новая веха взаимовыгодного сотрудничества [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЮНЕСКО. 2020. 10 марта. URL: https://www.unesco.org/ru/articles/uzbekistan-oon-novaya-vekha-vzaimovygodnogo-sotrudnichestva (дата обращения: 01.04.2026)

THE ROLE OF UNESCO›S PROGRAMS IN PRESERVING UZBEKISTAN›S HISTORIC CITIES IN THE DEVELOPMENT OF CULTURAL DIPLOMACY AND SUSTAINABLE TOURISM

Abdullaeva O.
St. Petersburg State University

The purpose of this work is to analyze the participation of the Republic of Uzbekistan in the programmes of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) aimed at preserving historical cities as World Heritage sites. It is emphasized that such projects simultaneously perform the functions of cultural diplomacy and serve as instruments of sustainable tourism: they contribute to strengthening the country's international image, shaping soft power, safeguarding cultural heritage, and developing the local economy based on sustainable tourism practices. The article analyzes the legal and institutional frameworks for the preservation of historical cities, the interconnection between cultural diplomacy and sustainable tourism within these projects, and the prospects for further cooperation with UNESCO. The article demonstrates that Uzbekistan's participation in UNESCO initiatives creates conditions for integrating mechanisms for the international protection of cultural heritage into the national strategy for the development of historic cities.

Keywords: Uzbekistan, UNESCO, historical cities, cultural diplomacy, sustainable tourism, World Heritage sites, sustainable development.

References

1. Azizov D. "Uzbekistan and UNESCO are developing cooperation." Executive Committee of the Commonwealth of Independent States: official website. 2013. August 26. URL: https://eccis.org/news/1841/uzbekistan-i-unesko-razvivaut-vzaimodejstvie (accessed: 01.04.2026)

2. Alimova A. "Uzbekistan and UNESCO: Education, Innovation, and a Sustainable Future." Uzbek National News Agency Uz A. 2025. October 29. URL: https://uza.uz/ru/posts/yunesko-i-uzbekistan-obrazovanie-innovacii-i-ustoychivoe-buduschee_777093 (accessed: 01.04.2026)

3. Alimova A. Uzbekistan develops cooperation with UNESCO: cultural heritage sites, libraries, and innovative educational projects. Uzbek National News Agency Uz A. 2024. January 3. URL: https://uza.uz/ru/posts/uzbekistan-razvivaet-sotrudnichestvo-s-yunesko_554007 (accessed: 01.04.2026)

4. Gendina N.I., Kosolapova E.V. Cultural diplomacy and libraries: the experience of Russia and Uzbekistan // Bibliotekovedenie. 2022. No. 4. Pp. 375–385.

5. Davletov S.R. The Role of Cooperation Relations with UNESCO in the Cultural Diplomacy of the Republic of Uzbekistan // Mamun Science. 2024. No. 3. Pp. 102–108.

6. UNESCO's Key Achievements in 2020 with a Special Focus on COVID-19 // UNESCO Official Website. 2020. November 16. URL: https://www.unesco.org/ru/articles/osnovnye-dostizheniya-yunesko-v-2020-godu-s-osobym-fokusom-na-covid-19 (date accessed: 01.04.2026)

7. A Strong Partnership between Uzbekistan and UNESCO for the Conservation and Promotion of World Heritage Sites // UNESCO Official Website. 2023. Sept. 15. URL: https://www.unesco.org/ru/articles/prochnoe-partnerstvo-mezhdu-uzbekistanom-i-yunesko-po-sokhraneniyu-i-prodvizheniyu-obektov (date of access: 01.04.2026)

8. The Republic of Uzbekistan and UNESCO: A New Stage of Cooperation in Education and Science // Government Portal of the Republic of Uzbekistan. 2025. Oct. 29. URL: https://gov.uz/ru/edu/news/view/96689 (date of access: 01.04.2026)

9. Sayfullaev D. On the Path of Developing Cultural Diplomacy: Uzbekistan and International Cultural Initiatives. Information Portal Yuz.uz. 2020. Sept. 30. URL: https://yuz.uz/ru/news/po-puti-razvitiya-kulturnoy-diplomatii (date accessed: 01.04.2026)

10. Uzbekistan – UN: A New Milestone in Mutually Beneficial Cooperation [Electronic resource] // Official website of UNESCO. 2020. March 10. URL: https://www.unesco.org/ru/articles/uzbekistan-oon-novaya-vekha-vzaimovygodnogo-sotrudnichestva (date accessed: 01.04.2026)

Соотношение объективной угрозы и политического конструирования опасности в современных теориях безопасности и нормативных подходах к их интерпретации

Алексеев Роман Андреевич,
независимый исследователь
E-mail: alksvrr@yandex.ru

В современных теориях безопасности выявляется комплексное переплетение объективных материальных факторов, порождающих угрозы, с механизмами их политического и социального конструирования, что определяет парадигмальный сдвиг от объективистских подходов, опирающихся на количественно оцениваемые параметры военного, экономического и демографического порядка с акцентом на государство как основной референтный объект, к конструктивистским интерпретациям, подчеркивающим значение дискурсивных практик, перформативных речевых актов, бюрократических рутин и институциональных полей в формировании представлений об опасности. Интеграция ключевых направлений, включающих копенгагенскую школу секьюритизации, рассматривающую данный процесс как перевод проблем в режим чрезвычайности с перспективой десекьюритизации для сохранения демократических процедур, уэльскую школу, центрирующую безопасность на эмансипации от структурного насилия с приоритетом человеческого потенциала, парижскую школу, анализирующую повседневные административные практики, habitus профессиональных сообществ и технологии контроля в поле безопасности, а также теорию общества риска, акцентирующую глобальные неощутимые риски, генерируемые самой поздней модерностью и опосредованные экспертным знанием, медиа и культурными фильтрами, раскрывает нормативные измерения каждого из них.

Ключевые слова: секьюритизация, объективная угроза, политическое конструирование, общество риска, критический реализм

Введение

Проблематика безопасности на протяжении последних десятилетий претерпела значительную трансформацию, затронувшую не только содержательное наполнение самого концепта, но и эпистемологические основания его научного изучения. Если классические подходы к безопасности, сложившиеся преимущественно в рамках реалистической парадигмы международных отношений и традиционной политической социологии, исходили из понимания угрозы как объективно существующего феномена, поддающегося эмпирической фиксации и количественной оценке, то начиная с конца 1980-х годов в социальных науках оформилось направление, ставящее под сомнение саму возможность «объективного» определения опасности вне политического и дискурсивного контекста [3]. Эта смена парадигмальных ориентиров не была случайной: она отражала более глубокие сдвиги в социально-гуманитарном знании, связанные с распространением конструктивистской методологии, усилением внимания к языковым практикам, формирующим социальную реальность, и критическим переосмыслением властных отношений, опосредующих процесс определения того, что именно должно считаться угрозой и для кого.

Понятие безопасности, несмотря на кажущуюся интуитивную очевидность, обнаруживает при ближайшем рассмотрении фундаментальную неопределённость [7]. Различные социальные группы, политические институты и академические сообщества вкладывают в него разное содержание, что порождает не просто терминологическую многозначность, но и серьёзные практические последствия: от выбора приоритетов государственной политики до легитимации чрезвычайных мер, ограничивающих гражданские свободы. Социологическое измерение этой проблемы состоит в том, что определение угрозы неразрывно связано с социальной структурой общества, распределением властных ресурсов и конкурирующими интерпретативными рамками, через которые индивиды и коллективы воспринимают окружающий мир [11]. Именно поэтому вопрос о соотношении «реальной» опасности и её политического конструирования имеет не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение для понимания механизмов функционирования современных обществ.

В социологии безопасности к настоящему моменту сформировалось несколько конкурирующих теоретических традиций, по-разному решающих вопрос об онтологическом статусе угрозы. Объективистские подходы, восходящие к позитивистской традиции, настаивают на возможности и необходимости выявления «реальных» угроз посредством эмпирического анализа материальных факторов – военного потенциала, экологических рисков, демографических дисбалансов, экономической нестабильности [1]. Конструктивистские подходы, напротив, акцентируют внимание на процессах социального конструирования опасности, показывая, каким образом определённые явления превращаются в «угрозы» посредством речевых актов, политических решений и медийных репрезентаций. Между этими полюсами располагается широкий спектр промежуточных позиций, стремящихся совместить признание материальной основы угроз с пониманием неизбежной роли интерпретативных процессов в их определении [9]. Нормативное измерение данной проблемы связано с тем, что любая теория безопасности имплицитно или эксплицитно содержит представление о должном – о том, чья безопасность приоритетна, какие угрозы заслуживают первоочередного внимания и какие средства их нейтрализации допустимы.

Настоящее исследование ориентировано на систематический анализ теоретических оснований, определяющих соотношение объективного и конструируемого в современном понимании безопасности, а также на выявление нормативных импликаций различных подходов к интерпретации этого соотношения [14]. Особое внимание уделяется тому, каким образом социологическая рефлексия над процессами секьюритизации способна обогатить понимание политических механизмов конструирования опасности, не впадая при этом в крайности радикального конструктивизма, отрицающего значимость материальных условий существования обществ. Речь идёт о попытке проследить эволюцию ключевых теоретических позиций, выявить их внутренние противоречия и обозначить возможные пути синтеза, учитывающего

как объективные предпосылки угроз, так и социально-политическую природу процессов их идентификации и категоризации.

Материалы и методы исследования

В основу исследования положен комплекс аналитических процедур, позволяющих осуществить систематическое сопоставление теоретических концепций безопасности, сложившихся в рамках различных социологических и политологических традиций. Основным методом выступает сравнительный анализ концептуальных построений ведущих научных школ – Копенгагенской, Уэльской (Аберистуитской), Парижской, а также ряда авторов, работающих в традиции критической социологии и теории общества риска. Применялся метод реконструкции аргументации, позволяющий выявить логическую структуру теоретических положений и их эпистемологические предпосылки. Для анализа нормативных оснований использовался метод концептуальной экспликации, направленный на обнаружение имплицитных ценностных установок, содержащихся в различных определениях безопасности и угрозы [5].

Материалом исследования послужили фундаментальные работы представителей указанных школ, включая монографии и статьи, опубликованные в период с начала 1990-х годов по настоящее время, а также корпус вторичных источников, содержащих критический разбор соответствующих концепций. Обращение к широкому хронологическому диапазону обусловлено необходимостью проследить генезис и эволюцию основных теоретических позиций, а также зафиксировать изменения в их рецепции академическим сообществом. Для систематизации выявленных подходов использовалась типологическая процедура, основанная на критериях онтологического статуса угрозы, роли субъективного фактора в её определении и нормативной ориентации теоретической конструкции.

Методологическая стратегия исследования предполагает отказ от априорного предпочтения какой-либо одной из рассматриваемых позиций и ориентацию на выявление как эвристических возможностей, так и ограничений каждого из подходов. Синтезирующий характер работы выражается в стремлении не просто описать существующие теории, но и обнаружить точки их возможного пересечения и взаимного дополнения [12].

Результаты и обсуждение

Становление современных теорий безопасности как самостоятельной области социально-научного знания неразрывно связано с процессами, развернувшимися в последние десятилетия двадцатого века. Окончание холодной войны поставило под вопрос привычные рамки понимания безопасности, сводившие её преимущественно к военно-стратегическому измерению и межгосударственному противостоянию. Возникла потребность в расширении концептуального аппарата, способного охватить новые типы угроз – экологические, миграционные, информационные, пандемические, – которые не вписывались в традиционную модель «государство против государства» [2]. Одновременно происходила методологическая трансформация социальных наук, связанная с так называемым лингвистическим поворотом и распространением постструктуралистских подходов, поставивших под сомнение возможность непосредственного доступа к «объективной реальности» вне языка и дискурса. Эти два процесса – расширение предметного поля безопасности и изменение эпистемологических ориентиров – обусловили появление новых теоретических конструкций, стремившихся переосмыслить само основание понятия угрозы.

Позитивистская, или объективистская, традиция в изучении безопасности восходит к реалистической школе международных отношений, представленной работами Ганса Моргентау, Кеннета Уолтца и их последователей. В социологическом измерении этому подходу соответствует понимание угрозы как объективно фиксируемого состояния, определяемого материальными параметрами – совокупностью военных, экономических, демографических и иных факторов, поддающихся количественному измерению [8]. Государство в этой перспективе выступает основным объектом безопасности, а угроза понимается как потенциальное нарушение его территориальной целостности, суверенитета или жизненно важных интересов. Объективистская позиция предполагает, что угрозы существуют независимо от того, осознаются ли они субъектами, и задача исследователя состоит в их максимально точной идентификации и оценке. Привлекательность этого подхода заключается в его кажущейся научной строгости и практической ориентированности: он предоставляет чёткие критерии для ранжирования угроз и выработки мер по их нейтрализации.

Однако при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что даже в рамках объективистской парадигмы выбор параметров, по которым оценивается угроза, не является ценностно нейтральным. Решение о том, какие именно факторы считать индикаторами опасности, какие пороговые значения устанавливать и какие сценарии рассматривать как наиболее вероятные, неизбежно включает элемент субъективного суждения, опосредованного политическими предпочтениями и культурными установками аналитиков [6]. Более того, сосредоточенность на государстве как единственном референтном объекте безопасности приводит к систематическому игнорированию угроз, направленных против индивидов, сообществ или человечества в целом, что имеет далеко идущие нормативные последствия. Именно осознание этих ограничений послужило одним из импульсов для развития альтернативных подходов.

Ключевой вклад в переосмысление природы безопасности внесла Копенгагенская школа, основные положения которой были сформулированы Барри Бузаном, Оле Вэвером и Яапом де Вильде в конце 1990-х годов. Центральным понятием этой школы стала секьюритизация – процесс, посредством которого определённая проблема посредством речевого акта переводится из сферы «обычной» политики в сферу безопасности, что легитимирует применение экстраординарных мер для её решения [3]. Секьюритизация, согласно Копенгагенской школе, представляет собой не просто отражение объективно существующей угрозы, но специфическую дискурсивную практику, в рамках которой секьюритизирующий актор – как правило, представитель политической элиты – обозначает некоторое явление как экзистенциальную угрозу для референтного объекта и обосновывает необходимость чрезвычайных действий. При этом успех секьюритизации зависит не только от свойств самой «угрозы», но и от социально-политического контекста, авторитета актора и готовности аудитории принять предлагаемую интерпретацию.

Теория секьюритизации занимает промежуточное положение между объективизмом и радикальным конструктивизмом, хотя её рецепция в академической литературе зачастую акцентирует конструктивистское измерение [10]. Сами авторы подчёркивали, что секьюритизация не является произвольным процессом: для того чтобы речевой акт оказался успешным, заявляемая угроза должна обладать определённой степенью правдоподобия в глазах аудитории, что предполагает наличие некоторой материальной основы. Вместе с тем аналитическая рамка Копенгагенской школы направлена не столько на оценку «реальности» угрозы, сколько на изучение процесса, посредством которого она получает политическое признание. Это позволяет выявить механизмы, через которые определённые проблемы оказываются в центре политического внимания, тогда как другие, возможно не менее серьёзные, остаются за его пределами. Нормативная позиция Копенгагенской школы выражается в идее десекьюритизации – возвращения проблем из чрезвычайного режима в пространство обычной политической дискуссии, что рассматривается как более предпочтительное состояние с точки зрения демократических ценностей.

Уэльская, или Аберистуитская, школа критических исследований безопасности, связанная прежде всего с именами Кена Бута и Ричарда Уин Джонса, предложила иную перспективу, укоренённую в традиции критической теории Франкфуртской школы [4]. Если Копенгагенская школа стремилась прежде всего аналитически описать процессы секьюритизации, то Уэльская школа выдвинула эксплицитно нормативный проект, связывающий безопасность с эмансипацией. Безопасность в этой трактовке определяется не через отсутствие угрозы государственному суверенитету, а через освобождение индивидов от структурных и физических ограничений, препятствующих реализации их потенциала. Референтным объектом безопасности при таком подходе становится не государство, а человек, причём угрозами признаются не только военные конфликты, но и бедность, политическое угнетение, экологическая деградация и иные формы структурного насилия.

Критическая позиция Уэльской школы по отношению к объективистскому пониманию безопасности состоит не в отрицании реальности угроз, а в указании на то, что существующие определения безопасности систематически отражают интересы доминирующих групп и маскируют угрозы, которым подвергаются наиболее уязвимые слои населения [15]. В этом отношении Уэльская школа ближе к социологической традиции изучения неравенства, чем к политологическим теориям международных отношений. Само определение того, что является угрозой, рассматривается как властный акт, и задача критического исследователя – не принимать существующие определения за данность, а выявлять скрытые за ними структуры власти и интересы. Вместе с тем критики Уэльской школы неоднократно указывали на размытость центрального понятия эмансипации и на трудности операционализации предлагаемого подхода: если безопасность определяется через освобождение от всех форм угнетения, то границы предметной области оказываются практически неограниченными, что ставит под вопрос аналитическую полезность самого концепта [7].

Парижская школа исследований безопасности, представленная работами Дидье Биго, Тьерри Бальзака и других авторов, предложила ещё одну альтернативу, основанную на синтезе социологии Пьера Бурдьё и концепции управляемости Мишеля Фуко. В отличие от Копенгагенской школы, сосредоточенной на дискурсивных практиках и речевых актах, Парижская школа обращает внимание на рутинные бюрократические процедуры и институциональные практики, через которые конструируется представление об опасности в повседневном функционировании государственных аппаратов безопасности [13]. Секьюритизация в этой перспективе осуществляется не столько посредством драматических публичных выступлений, сколько через незаметную для широкой публики деятельность полицейских, миграционных, разведывательных и иных ведомств, формирующих категории «подозрительного», «опасного», «нелегального». Этот подход позволяет увидеть, каким образом конструирование угрозы происходит на микроуровне повседневных административных решений, и вскрывает связь между секьюритизацией и технологиями контроля над населением.

Социологическая глубина Парижской школы состоит в том, что она переносит фокус анализа с дискурсов на практики и с элит на профессиональные сообщества, обладающие специфическим habitus›ом в поле безопасности [2]. Понятие «поля безопасности» по аналогии с другими социальными полями в теории Бурдьё указывает на то, что определение угрозы является результатом конкурентной борьбы между различными профессиональными группами за право определять, что является опасным и какие меры необходимы. Военные, полицейские, спецслужбы, пограничные ведомства, эксперты по кибербезопасности и другие акторы стремятся расширить свою юрисдикцию, включая в сферу безопасности всё новые области, что приводит к постоянному расширению границ «угрозы». Нормативная проблема, на которую указывает Парижская школа, заключается в том, что этот процесс протекает зачастую вне демократического контроля и общественной дискуссии, что создаёт предпосылки для формирования «государства безопасности», в котором чрезвычайные меры становятся нормой.

Параллельно с развитием названных школ в рамках социологии происходило осмысление угрозы через призму концепции общества риска, разработанной Ульрихом Беком и Энтони Гидденсом [1]. Бек показал, что в условиях поздней модерности происходит качественная трансформация характера угроз: если в индустриальном обществе основные опасности были связаны с распределением богатства, то в обществе риска на первый план выходят угрозы, порождённые самим процессом модернизации – экологические катастрофы, техногенные аварии, побочные эффекты научно-технического прогресса. Эти новые риски обладают рядом специфических свойств: они глобальны по масштабу, не поддаются чувственному восприятию, требуют для своего обнаружения экспертного знания и не укладываются в рамки национального суверенитета. Гидденс, со своей стороны, ввёл различение между «внешними» рисками, порождаемыми природой, и «производными» рисками, являющимися результатом человеческой деятельности, и показал, что в условиях рефлексивной модернизации граница между ними размывается.

Концепция общества риска открывает продуктивную перспективу для осмысления соотношения объективного и конструируемого в понимании угрозы. С одной стороны, Бек настаивал на реальности новых рисков и критиковал радикальный конструктивизм за релятивизацию опасности: загрязнение окружающей среды, изменение климата, ядерная угроза существуют вне зависимости от того, как они интерпретируются [9]. С другой стороны, он подчёркивал, что эти риски становятся социально значимыми только в процессе их общественного восприятия и политической тематизации, которые неизбежно опосредованы культурными фильтрами, экспертными оценками и медийными репрезентациями. Бек ввёл понятие «стадийной модели» формирования рисков, в рамках которой научное определение опасности, её общественное восприятие и политическая реакция на неё представляют собой относительно автономные, хотя и взаимосвязанные процессы. Это позволяет избежать как наивного объективизма, полагающего, что «реальная» угроза автоматически вызывает адекватную реакцию, так и радикального конструктивизма, отрицающего значение материальных условий.

Вопрос о нормативных основаниях различных теорий безопасности заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку именно в нормативном измерении наиболее отчётливо проявляется связь между теоретическими построениями и их практическими следствиями [4]. Объективистский подход, при всей его кажущейся ценностной нейтральности, содержит имплицитную нормативную установку: сосредоточенность на государстве как референтном объекте безопасности предполагает приоритет территориальной целостности и политического суверенитета над иными ценностями, включая права человека и социальную справедливость. Это не означает, что объективистская позиция сознательно пренебрегает правами индивидов, однако системная логика данного подхода такова, что безопасность государства рассматривается как необходимое условие безопасности его граждан, а потенциальное противоречие между этими двумя уровнями, как правило, разрешается в пользу первого.

Конструктивистские подходы, в свою очередь, содержат иную нормативную ориентацию, но и она не свободна от внутренних напряжений. Копенгагенская школа, выступая за десекьюритизацию, исходит из предпосылки, что обычная политика предпочтительнее политики безопасности, поскольку последняя предполагает ограничение демократических процедур и сужение пространства для дискуссии [11]. Однако критики справедливо указывают, что в ряде случаев секьюритизация может быть оправданной и даже необходимой – например, когда речь идёт об экологических угрозах или массовых нарушениях прав человека, которые в режиме «обычной политики» не получают должного внимания. Десекьюритизация как нормативный идеал может оказаться контрпродуктивной, если она приводит к недооценке реальных опасностей или к сохранению статус-кво, в рамках которого определённые группы населения систематически подвергаются рискам [6].

Соотношение объективной угрозы и её политического конструирования не сводится к простой дихотомии «реальное – сконструированное». Более продуктивным представляется подход, рассматривающий угрозу как многоуровневый феномен, в котором материальные условия, социальные интерпретации и политические решения образуют сложное переплетение, не разложимое на автономные компоненты [8]. Материальные факторы – наличие оружия массового уничтожения, изменение климата, распространение пандемий – создают объективные предпосылки для возникновения угроз, однако их превращение в политически значимые проблемы зависит от множества опосредующих факторов: деятельности экспертных сообществ, медийного освещения, конкурентной борьбы политических акторов, культурных стереотипов восприятия опасности. Ни одна угроза не «говорит сама за себя»: даже наиболее очевидные опасности нуждаются в артикуляции, интерпретации и политической мобилизации для того, чтобы стать предметом коллективного действия.

Вместе с тем признание конструктивистского измерения безопасности не должно вести к нормативному релятивизму, при котором все определения угрозы считаются равноценными, а различие между обоснованными и необоснованными опасениями утрачивает смысл [10]. Социологический анализ процессов секьюритизации ценен не тем, что он «разоблачает» все угрозы как фикции, а тем, что он позволяет понять механизмы, через которые одни проблемы получают статус угрозы, а другие – нет, и оценить, насколько такое распределение внимания соответствует действительной серьёзности стоящих перед обществом вызовов.

Выводы

Исследование различных подходов показало, что безопасность функционирует как особый тип политического дискурса, обладающий специфической перформативной силой. Парижская школа расширила это понимание, обратив внимание на повседневные бюрократические механизмы конструирования опасности, действующие ниже порога публичной видимости. Уэльская школа поставила вопрос о нормативных последствиях различных определений безопасности и предложила альтернативную систему координат, центрированную на человеческой эмансипации. Каждая из этих школ высветила важные аспекты проблемы, остававшиеся невидимыми в рамках объективистской парадигмы.

Вместе с тем конструктивистские подходы несут в себе риск чрезмерной релятивизации угроз, при которой различие между обоснованными опасениями и политическими манипуляциями утрачивает чёткость. Концепция общества риска Бека и Гидденса предлагает в этом отношении ценный корректив, настаивая на реальности новых угроз, порождённых процессами модернизации, и одновременно признавая неизбежную опосредованность их восприятия социальными и культурными факторами. Синтезирующая перспектива, учитывающая как материальные предпосылки угроз, так и социально-политические процессы их артикуляции, представляется наиболее адекватной сложности изучаемого феномена.

Литература

1. Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–32.

2. Феоничев А.Б., Мелешин К.Ю. Теоретико-методологические особенности анализа базовых понятий современной теории нацио-

нальной безопасности // Управленческое консультирование. 2021. № 1. С. 32–42.

3. Григорьева К. Мигранты как «лица, подверженные идеологии терроризма». Институциональный анализ российского кейса секьюритизации миграции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 3. С. 58–85.

4. Миронов В.В. Европейское общество в условиях пандемии. Мониторинг СМИ и Копенгагенская школа безопасности // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 114–122.

5. Рамич М.С., Пискунов Д.А. Секьюритизация информационного пространства: от конструирования норм до создания правовых режимов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 238–255.

6. Онопко О.В. Внешнеполитическая экспертиза: исследовательский потенциал теории секьюритизации // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17. № 2. С. 123–132.

7. Мчедлова М.М. Секьюритизация миграции: социокультурная онтология современности // Международная аналитика. 2023. Т. 14. № 3. С. 127–141.

8. Гацковская В.А. Общее и особенное в подходах к обеспечению социетальной безопасности как кризисного менеджмента в ЕС и Чешской Республике в период пандемии COVID-19 // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2023. Т. 17. № 3. С. 56–64.

9. Богачёв М.И., Фридман (Лапай) А.Д. Безопасность как дискурсивная практика: идентичность и формирование дискурса социетальной безопасности // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2024. Т. 18. № 1. С. 135–144.

10. Панков Е.С. Секьюритизация международных угроз в выступлениях министров иностранных дел России и ФРГ (2021–2023 гг.): количественный анализ // Общество: философия, история, культура. 2024. № 8. С. 139–146.

11. Погорельский Д.М. Секьюритизация межнациональных отношений в России (по материалам официального дискурса) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2024. Т. 18. № 4. С. 20–29.

12. Мельникова Ю.Ю. Секьюритизация КНР в дискурсе НАТО во второй половине 2010-х – начале 2020-х годов как часть формирования глобальной идентичности альянса // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 1. С. 163–201.

13. Гайдаев О.С. Культ безопасности в современных международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 1. С. 7–17.

14. Варжапетян Т.С. Современные вызовы управления экологическими рисками в строительной отрасли // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 8. С. 93–101.

15. Излученко Т.В., Гергилев Д.Н., Нестеренко Д.Н. Миграция как угроза безопасности: социально-конструктивистский подход // Общество: философия, история, культура. 2025. № 9. С. 21–27.

THE RELATIONSHIP BETWEEN OBJECTIVE THREAT AND THE POLITICAL CONSTRUCTION OF DANGER IN CONTEMPORARY SECURITY THEORIES AND NORMATIVE APPROACHES TO THEIR INTERPRETATION

Alekseev R.A.

In contemporary security theories, a complex interweaving is observed between objective material conditions for the emergence of threats and processes of their political and social construction. This determines the evolution of conceptual approaches from positivist interpretations oriented toward empirically measurable parameters of a military, economic, and demographic nature to constructivist perspectives that emphasize the role of discursive practices, speech acts, and institutional mechanisms in shaping the danger agenda. Analysis of competing traditions, including the Copenhagen concept of securitization as a specific performative practice of transferring problems into an emergency mode with subsequent desecuritization, the Welsh school linking security with the emancipation of individuals from structural violence and oppression, the Paris school with its attention to routine bureaucratic procedures, the habitus of professional communities in the security field and control technologies, as well as risk society theory revealing the global intangible risks of late modernity generated by modernization itself and requiring expert knowledge for identification, makes it possible to reveal the normative implications of each direction.

Keywords: securitization, objective threat, political construction, risk society, critical realism

References

1. Gaidaev O.S. The Theory of Securitization, or a Well-Forgotten Old: On the Theoretical and Philosophical Origins and Emergence of the Theory // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2021. Vol. 21. № 1. Pp. 20–32.

2. Feonichev A.B., Meleshin K. Yu. Theoretical and Methodological Features of the Analysis of the Basic Concepts of Modern National Security Theory // Management Consulting. 2021. № 1. Pp. 32–42.

3. Grigorieva K. Migrants as «Persons Subject to the Ideology of Terrorism.» Institutional Analysis of the Russian Case of Migration Securitization // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2021. Vol. 24. № 3. Pp. 58–85.

4. Mironov V.V. European Society in the Context of a Pandemic. Media Monitoring and the Copenhagen School of Security // Bulletin of Tomsk State University. 2022. № 480. Pp. 114–122.

5. Ramich M.S., Piskunov D.A. Securitization of the Information Space: From the Construction of Norms to the Creation of Legal Regimes // Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: International Relations. 2022. Vol. 22. № 2. Pp. 238–255.

6. Onopko O.V. Foreign Policy Expertise: Research Potential of the Theory of Securitization // Bulletin of Perm University. Political Science. 2023. Vol. 17. № 2. Pp. 123–132.

7. Mchedlova M.M. Securitization of Migration: Sociocultural Ontology of Modernity // International Analytics. 2023. Vol. 14. № 3. Pp. 127–141.

8. Gatskovskaya V.A. General and Peculiar in Approaches to Ensuring Societal Security as Crisis Management in the EU and the Czech Republic during the COVID-19 Pandemic // Bulletin of Perm University. Series: Political Science. 2023. Vol. 17. № 3. Pp. 56–64.

9. Bogachev M.I., Freedman (Lapai) A.D. Security as a Discursive Practice: Identity and the Formation of the Discourse of Societal Security // Bulletin of Perm University. Series: Political Science. 2024. Vol. 18. № 1. Pp. 135–144.

10. Pankov E.S. Securitization of international threats in the speeches of the Ministers of Foreign Affairs of Russia and Germany (2021–2023): a quantitative analysis // Society: philosophy, history, culture. 2024. № 8. Pp. 139–146.

11. Pogorelsky D.M. Securitization of Interethnic Relations in Russia (Based on Official Discourse) // Bulletin of Perm University. Series: Political Science. 2024. Vol. 18. № 4. Pp. 20–29.

12. Melnikova Yu.Yu. Securitization of the PRC in the NATO discourse in the second half of the 2010s – early 2020s as part of the formation of the alliance's global identity // Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics. 2024. Vol. 16. № 1. Pp. 163–201.

13. Gaidaev O.S. The Cult of Security in Modern International Relations // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2025. Vol. 25. № 1. Pp. 7–17.

14. Varzhapetyan T.S. Modern Challenges in Managing Environmental Risks in the Construction Industry // Environmental Management Issues. 2025. Vol. 4. № 8. Pp. 93–101.

15. Izluchenko T.V., Gergilev D.N., Nesterenko D.N. Migration as a Security Threat: A Socio-Constructivist Approach // Society: Philosophy, History, Culture. 2025. № 9. Pp. 21–27.

От внешней поддержки к военной вовлечённости: роль Ирана в мобилизации боснийских мусульман во время Боснийской войны (1992–1995 гг.)

Ахметова Диана Руслановна,
аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Калимонов Ильдар Кимович,
доцент, к.н., кафедра регионоведения и цифровой гуманитаристики, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: kalimonov@mail.ru

В статье анализируется, как политика Ирана в отношении боснийских мусульман в ходе Боснийской войны 1992–1995 годов прошла путь от ограниченной гуманитарной и дипломатической поддержки до прямого военного вовлечения. Опираясь на открытые источники, мемуары участников и документы того времени, автор рассматривает конкретные механизмы мобилизации: поставки оружия, создание тренировочных лагерей, направление военных советников из Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и привлечение иностранных добровольцев-моджахедов. В исследовании продемонстрировано как религиозный фактор и геополитические интересы Ирана на Балканах вели к институционализации военного сотрудничества. Также оцениваются последствия иранского вмешательства – как для внутренней обстановки в Боснии и Герцеговине, так и для региональной безопасности. Отдельная задача данной статьи – выявить связь между иранскими стратегическими целями и позицией западных держав, прежде всего США. В заключении делается вывод, согласно которому опыт Ирана в Боснии стал прецедентом, где опосредованная поддержка переросла в прямое участие в балканском конфликте, и что впоследствии повлияло на дальнейшее развитие исламского фактора в регионе.

Ключевые слова: Конфликт в Боснии и Герцеговине, Исламская Республика Иран, боснийцы-мусульмане, добровольцы, Корпус стражей исламской революции (КСИР), прокси-война, исламизация, внешнее вмешательство, военное сотрудничество, балканский кризис, моджахеды.

Введение

Международная изоляция Ирана в первой половине 1990х годов, особенно после исламской революции 1979 года и в период «нефтяных санкций», сыграла двойную роль в его действиях во время Боснийской войны: она ограничивала возможности открытой помощи, но одновременно подталкивала к нестандартным, гибридным формам вмешательства[14; 20]. Именно поэтому на протяжении всего хода конфликта 1992–1995 годов иранская политика в отношении боснийских мусульман претерпела существенную эволюцию – от скромной гуманитарной и дипломатической поддержки «братьев по вере» до прямого военного вовлечения с созданием эффективных рычагов мобилизации[16; 17]. Интерес автора же заключается в понимании роли Ирана в боснийском кризисе и его методах вовлеченности в конфликт, которые включали в себя выработанную систему вербовки, обучения и координации иностранных добровольцев-моджахедов, а также использование влияния своих собственных военных советникМеждународная изоляция Ирана в первой половине 1990х годов, особенно после исламской революции 1979 года и в период «нефтяных санкций», сыграла двойную роль в его действиях во время Боснийской войны: она ограничивала возможности открытой помощи, но одновременно подталкивала к нестандартным, гибридным формам вмешательства[14; 20]. Именно поэтому на протяжении всего хода конфликта 1992–1995 годов иранская политика в отношении боснийских мусульман претерпела существенную эволюцию – от скромной гуманитарной и дипломатической поддержки «братьев по вере» до прямого военного вовлечения с созданием эффективных рычагов мобилизации[16; 17]. Интерес автора же заключается в понимании роли Ирана в боснийском кризисе и его методах вовлеченности в конфликт, которые включали в себя выработанную систему вербовки, обучения и координации иностранных добровольцев-моджахедов, а также использование влияния своих собственных военных советников.

Исходя из этого вытекает цепочка следующих исследовательских вопросов: как происходила эволюция иранской стратегии на Балканах от неформальной помощи к полноценному военному присутствию; какие рычаги мобилизации при этом использовались; и в какой мере иранский фактор повлиял как на сам ход войны, так и на постконфликтное развитие региона.

Актуальность работы непосредственно связана со многими злободневными межконфессиональными конфликтами на территории РФ и ЕС, ставшими центром борьбы иностранных акторов за влияние и продвижение своих интересов. Балканские события 1990х остаются наглядным примером внешнего вмешательства в межконфессиональный конфликт [18]. Однако, в отличие от западных подходов, участие Ирана демонстрирует исламскую модель внешнего вмешательства, и её особенность в том, что Исламской Республике приходилось преодолевать жёсткие международные санкции [1; 2]. Сегодня, когда Иран активно поддерживает свои прокси-группы на территориях Сирии, Ирака и Йемена, важно понимать как формируются корни его доктрины «экспорта революции» на европейской почве [20]. К тому же проблема иностранных боевиков-джихадистов на Балканах и их последующих перемещений (в Чечню, Афганистан) напрямую берет свое начало из боснийского опыта – и это придаёт исследованию острый практический смысл [19].

Автор выделяет следующие причины, по которым статья имеет особую научную новизну. Во-первых, в отличие от большинства работ, сосредоточенных либо на общеполитическом контексте распада Югославии, либо на деятельности «зеленых беретов» и моджахедов, здесь впервые системно прослеживается именно трансформация иранской политики [16; 17]. Автор статьи делает акцент на определенных этапах, триггерах перехода и инструментариев. Во-вторых, новизну представляет анализ ранее малодоступных источников: мемуаров участников событий [12; 13], материалов полевых исследований [15] и рассекреченных документов разведок, позволяющих реконструировать роль Корпуса стражей исламской революции (КСИР) в организации тренировочных лагерей в центральной Боснии [14]. В-третьих, работа вносит вклад в теорию международных отношений, уточняя понятие «гибридного вмешательства» применительно к действиям негосударственных и полугосударственных акторов в условиях этноконфессионального конфликта.

Помимо этого, теоретическая значимость статьи состоит в развитии концепций внешней поддержки во внутренних конфликтах (прокси войн) и мобилизации, основанной на идеологическая вербовка с религиозным уклоном. Иранский случай обогащает типологию внешних интервенций, так как он не укладывается в классические рамки прямой военной агрессии или чисто дипломатического посредничества, а представляет собой сложный комплекс из тайных поставок вооружений, обучения, идеологической обработки и ограниченного присутствия собственных военных кадров. Результаты исследования могут быть использованы для построения более точных моделей поведения государств-спонсоров, действующих под прикрытием гуманитарной или солидарной риторики.

Практическая значимость работы видится в её прикладной ценности для государственных органов и международных организаций. Ведь понимание того, как Иран организовывал процессы мобилизации в Боснии, даёт ключ к предупреждению похожих сценариев в современных конфликтах – будь то на Ближнем Востоке, в Африке или на постсоветском пространстве. Результаты исследования могут пригодиться при разработке стратегий борьбы с незаконными вооружёнными формированиями и иностранными боевиками, а также в историко-политической экспертизе балканских событий. Кроме того, статья будет полезна практикам-международникам, которые работают с санкционными режимами и контролем над вооружениями в государствах, утративших контроль над своей территорией.

Исходя из этого вытекает цепочка следующих исследовательских вопросов: как происходила эволюция иранской стратегии на Балканах от неформальной помощи к полноценному военному присутствию; какие рычаги мобилизации при этом использовались; и в какой мере иранский фактор повлиял как на сам ход войны, так и на постконфликтное развитие региона.

Актуальность работы непосредственно связана со многими злободневными межконфессиональными конфликтами на территории РФ и ЕС, ставшими центром борьбы иностранных акторов за влияние и продвижение своих интересов. Балканские события 1990х остаются наглядным примером внешнего вмешательства в межконфессиональный конфликт [18]. Однако, в отличие от западных подходов, участие Ирана демонстрирует исламскую модель внешнего вмешательства, и её особенность в том, что Исламской Республике приходилось преодолевать жёсткие международные санкции [1; 2]. Сегодня, когда Иран активно поддерживает свои прокси-группы на территориях Сирии, Ирака и Йемена, важно понимать как формируются корни его доктрины «экспорта революции» на европейской почве [20]. К тому же проблема иностранных боевиков-джихадистов на Балканах и их последующих перемещений (в Чечню, Афганистан) напрямую берет свое начало из боснийского опыта – и это придаёт исследованию острый практический смысл [19].

Автор выделяет следующие причины, по которым статья имеет особую научную новизну. Во-первых, в отличие от большинства работ, сосредоточенных либо на общеполитическом контексте распада Югославии, либо на деятельности «зеленых беретов» и моджахедов, здесь впервые системно прослеживается именно трансформация иранской политики [16; 17]. Автор статьи делает акцент на определенных этапах, триггерах перехода и инструментариев. Во-вторых, новизну представляет анализ ранее малодоступных источников: мемуаров участников событий [12; 13], материалов полевых исследований [15] и рассекреченных документов разведок, позволяющих реконструировать роль Корпуса стражей исламской революции (КСИР) в организации тренировочных лагерей в центральной Боснии [14]. В-третьих, работа вносит вклад в теорию международных отношений, уточняя понятие «гибридного вмешательства» применительно к действиям негосударственных и полугосударственных акторов в условиях этноконфессионального конфликта.

Помимо этого, теоретическая значимость статьи состоит в развитии концепций внешней поддержки во внутренних конфликтах (прокси войн) и мобилизации, основанной на идеологическая вербовка с религиозным уклоном. Иранский случай обогащает типологию внешних интервенций, так как он не укладывается в классические рамки прямой военной агрессии или чисто дипломатического посредничества, а представляет собой сложный комплекс из тайных поставок вооружений, обучения, идеологической обработки и ограниченного присутствия собственных военных кадров. Результаты исследования могут быть использованы для построения более точных моделей поведения государств-спонсоров, действующих под прикрытием гуманитарной или солидарной риторики.

Практическая значимость работы видится в её прикладной ценности для государственных органов и международных организаций. Ведь понимание того, как Иран организовывал процессы мобилизации в Боснии, даёт ключ к предупреждению похожих сценариев в современных конфликтах – будь то на Ближнем Востоке, в Африке или на постсоветском пространстве. Результаты исследования могут пригодиться при разработке стратегий борьбы с незаконными вооружёнными формированиями и иностранными боевиками, а также в историко-политической экспертизе балканских событий. Кроме того, статья будет полезна практикам-международникам, которые работают с санкционными режимами и контролем над вооружениями в государствах, утративших контроль над своей территорией.

Методы и принципы исследования

Исследование охватывает период с апреля 1992 года (начало Боснийской войны) по декабрь 1995 года (подписание Дейтонских соглашений) [7]. Географические рамки включают территорию Республики Босния и Герцеговина в её международно признанных границах, а также сопредельные регионы Хорватии, Сербии, где располагались тренировочные лагеря и перевалочные базы иранских поставок [10; 16]. Кроме того, анализируется деятельность иранских структур на территории самого Ирана (вербовочные центры, каналы переброски добровольцев).

В процессе написания статьи автор использовала следующие категории источников: опубликованные документы международных организаций [1–9], мемуары и интервью участников [12–15], рассекреченные разведывательные материалы [10], материалы судебных процессов [11], вторичные источники [16–20].

Методология исследования включала в себя:

1) источниковедческую критику (мемуары Делича и Халиловича оценены как высоконадёжные [12; 13], иранские источники – как требующие осторожного использования [14]);

2) контент-анализ (обработано приблизительно 1500 страниц текстов с использованием кодов: «поставки вооружений», «тренировочные лагеря», «советники КСИР», «финансовая помощь», «религиозная мобилизация», «столкновение с западными силами»). В процессе исследование выполнялось кодирование вручную. Каждый документ – резолюция ООН, отчёт разведывательной службы, фрагмент мемуаров – последовательно перечитывался. При обнаружении фрагмента, который относился к одному из шести заранее определённых кодов, автор делал пометку на полях текста. После завершения обработки всех источников подсчитывалась частота встречаемости каждого кода. Полученные количественные данные сопоставлялись с хронологией событий: так, резкий рост упоминаний кода «советники КСИР» в документах за июль–сентябрь 1995 года был соотнесён с конкретными военными операциями того периода. Для проверки надёжности результатов 10% источников (случайная выборка) были перекодированы независимым экспертом – аспирантом кафедры международных отношений, не знакомым с целями исследования.

Оценка мемуаров по шкале надёжности (1 – низкая, 3 – высокая) показала: мемуары Расима Делича [12] и Сефера Халиловича [13] получили оценку 3, поскольку их данные многократно подтверждаются рассекреченными документами ЦРУ [10] и материалами ICTY [11]; иранские источники (например, воспоминания М. Саджади [14]) оценены как требующие осторожного использования (оценка 1), так как они систематически завышают численность иранского военного присутствия (до 150 советников) по сравнению с западными разведданными (50–80 человек) [10].

3) сравнительно-исторический анализ;

4) процесс-трейсинг (реконструированы причинно-следственные цепочки для двенадцати ключевых событий);

5) триангуляция (факт признавался установленным только при наличии подтверждения минимум двумя типами источников).

Основные результаты

Боснийская война стала для Ирана своего рода тренировочной базой. Исследование показывает, что за четыре года Тегеран проделал путь от скромной гуманитарной помощи до практически открытого военного присутствия, а боснийские мусульмане перестали восприниматься исключительно как «братья по вере», став акторами гибридной мобилизации [10; 14; 20]. Все основные результаты логично выстраиваются вокруг трёх вопросов: как именно трансформировалась иранская стратегия, за счёт каких инструментов строились вербовка и снабжение, и насколько значимым – а не только надуманным – было присутствие Ирана как в перипетиях самой войны, так и в послевоенном устройстве Балкан.

Вместо планомерно реализуемого замысла иранское присутствие в Боснии складывалось как последовательное наращивание усилий под давлением внешних обстоятельств, которые включали в себя соблюдение эмбарго ООН, враждебные позиции многих европейских держав и США, а также санкционная изоляция самого Ирана. Таким

образом, путем анализа формируются три этапа трансформации иранской военной «дипломатии».

На первом этапе (1992 – начало 1993 года) Иран ограничивался гуманитарной и дипломатической поддержкой [16]. Поставки продовольствия и медикаментов, а также лоббирование интересов боснийских мусульман в Организации исламского сотрудничества не выходили за рамки стандартной внешнеполитической солидарности, а военная активность практически отсутствовала.

Переломным стал второй этап (середина 1993–1994 год), когда столкнувшись с жёстким эмбарго ООН на поставки оружия в Боснию [1; 2] и разочаровавшись в эффективности дипломатии, Тегеран приступил к организации тайных каналов военной помощи [10; 16]. Через территорию Хорватии в центральную Боснию поступают первые партии стрелкового оружия, миномётов и боеприпасов. Одновременно в районе Зеницы создаются тренировочные лагеря, куда прибывают советники Корпуса стражей исламской революции (КСИР) [14]. К концу 1994 года численность иранского военного персонала оценивается в 50–70 человек [10].

Третий этап (1995 год) ознаменовался переходом к прямому военному вовлечению. Иранские советники участвуют в планировании операций армии Республики Босния и Герцеговина [12; 13], в том числе в ходе совместного наступления в Западной Боснии летом того же года. Зафиксированы эпизоды непосредственного участия иранских граждан в боевых действиях. Параллельно через Иран проходит не менее 500 иностранных добровольцев-моджахедов, которые вливаются в «Боснийскую муджахидскую группу» [15; 19].

Таким образом, ключевой вывод заключается в том, что трансформация иранской политики носила не стратегически запланированный, а адаптивный характер: каждый шаг к эскалации был ответом на ужесточение санкционного режима и слабость западной поддержки боснийцев. Иран действовал по модели «ползучей интервенции», последовательно повышая ставку.

Однако главной особенностью иранских механизмов мобилизации заключалась в их гибридности – одновременном и взаимосвязанном использовании четырёх каналов, которые в классических интервенциях обычно действуют раздельно или последовательно. Иран не просто поставлял оружие и не просто отправлял советников – он выстроил замкнутую систему, где каждый элемент усиливал другой [14; 20].

1. Поставки вооружений.

Общий объём иранских поставок оценивается в 2–3 тысячи тонн, преимущественно лёгкого стрелкового оружия, противотанковых гранатомётов и мин [10]. Основной маршрут пролегал через Тегеран, хорватский остров Крк и далее в Боснию [16].

2. Тренировочные лагеря.

Данные военные формирования действовали минимум в трёх населённых пунктах (Зеница, Травник, Бугойно) [12; 14]. За время их функционирования подготовку прошли около 300–400 бойцов армии БиГ и иностранных добровольцев [15].

3. Военные советники.

Пик присутствия КСИР приходится на лето–осень 1995 года (до 80 человек) [10]. В их задачи входили тактическая разведка, обучение обращению с иранским оружием и координация действий с моджахедами [14].

4. Религиозная вербовка.

Через сеть полевых имамов и прибывших из Ирана проповедников создавалась идеологическая легитимация участия в конфликте как джихада [14; 19]. Именно этот канал обеспечил приток добровольцев не только из самой Боснии, но и из Пакистана, Египта, Йемена [15].

Сопоставление с действиями других внешних акторов (Саудовской Аравии, Турции) позволяет утверждать, что специфика иранского подхода заключалась именно в гибридном сочетании материальных ресурсов, военной подготовки и религиозной мотивации [16; 20]. Саудовская помощь была преимущественно финансовой, турецкая – дипломатической, тогда как Иран выстроил комплексную систему.

Реальное влияние на ход войны: тактические успехи при стратегической ограниченности

Реконструкция причинно-следственных цепочек для двенадцати ключевых событий (метод процесс-трейсинга) показывает, что прямое военное влияние Ирана оставалось ограниченным в стратегическом масштабе, хотя на тактическом уровне было вполне ощутимым [10; 16].

С одной стороны, иранские поставки позволили армии БиГ восполнить катастрофические потери вооружений после падения анклавов Сребреница и Жепа в середине 1995 года и предпринять локальные контратаки [12; 13]. Присутствие моджахедов сыграло роль ударных отрядов в боях за Мостар и в Западной Боснии [15; 19], хотя одновременно вызывало трения с местным командованием из-за жестокости и слабой дисциплины [11]. Наиболее значимым, вероятно, был психологический эффект: иранская поддержка укрепила моральный дух боснийских мусульман в самый тяжёлый период эмбарго [16], когда казалось, что международное сообщество бросило их на произвол судьбы.

С другой стороны, ни один из проанализированных эпизодов не свидетельствует о том, что иранское вмешательство изменило общий баланс сил в Боснии. Решающий вклад в завершение войны внесли авиаудары НАТО (операция «Обдуманная сила») [9] и совместное хорватско-боснийское наступление «Буря» [16; 17]. Иранский фактор оставался вспомогательным, но важным для понимания внутренней динамики, но не определяющим исход конфликта [20].

Последствия военного вмешательства Ирана в боснийский кризис оставил свое историческое наследие, ярко выраженное долгосрочным влиянием Ирана на культурологический аспект общества и его дальнейшей религиозной пропаганде. После Дейтонских соглашений [7] основная масса иранских военных советников была формально выведена, однако на месте остались культурные центры, благотворительные фонды и неформальные каналы влияния [14; 20]. Это создало инфраструктуру для дальнейшей исламизации боснийского общества – от строительства мечетей до отправки боснийских студентов на обучение в Иран.

Кроме того, около 200 иностранных добровольцев-моджахедов получили боснийское гражданство и остались в стране [15; 19]. В последующие годы некоторые из них были замечены в связях с вербовочными сетями, направлявшими боевиков в Чечню и Сирию [19]. Таким образом, боснийский опыт стал одним из звенев в цепи глобального джихадистского подполья.

Однако, сам факт иранского вмешательства активно использовался противниками оказания военной помощи боснийцам в американском Конгрессе в 1994–1995 годах. После войны он стал аргументом для усиления контроля Вашингтона над балканскими государствами – от наращивания военного присутствия до требования высылки подозрительных лиц.

Таким образом, иранская политика в Боснии представляет собой прецедент, когда государство, находящееся под международными санкциями и располагающее ограниченными ресурсами, сумело осуществить переход от неформальной поддержки к военному вовлечению. Этот переход произошёл не в форме открытой агрессии, а через гибридную модель: сочетание тайных поставок, религиозной мобилизации и ограниченного присутствия собственных военных кадров. Выработанный в Боснии алгоритм впоследствии был воспроизведён Ираном в Сирии и Ираке.

Вместе с тем, влияние Ирана на исход самой Боснийской войны было тактическим, а не стратегическим. Война закончилась благодаря действиям НАТО и дипломатии США, а иранский фактор остался значимым прежде всего для внутрибоснийских религиозных процессов и для истории исламского движения на Балканах. Именно в этой двойственности – между реальным присутствием и ограниченной результативностью – и заключается главный вывод исследования.

Заключение

Проведённое исследование было посвящено анализу того, как менялась политика Ирана в отношении боснийских мусульман в годы Боснийской войны, их эволюции от скромного канала гуманитарной и дипломатической поддержки в начале конфликта до прямого военного вовлечения к его завершению [1; 2]. Опираясь на открытые источники, мемуары участников и рассекреченные документы, автору удалось не только реконструировать конкретные механизмы иранской мобилизации, но и проследить этапы эволюции стратегии Тегерана, а главное, трезво оценить, насколько значимым на самом деле было иранское влияние на ход войны и её долгосрочные последствия.

Первый и, пожалуй, самый неожиданный вывод касается самого характера иранского присутствия. Оно не было результатом заранее продуманного стратегического замысла. Вопреки расхожему представлению о хитроумном Тегеране, который якобы планомерно проникал на Балканы, реальность выглядела иначе. Иран действовал ситуативно, постепенно наращивая усилия под давлением внешних обстоятельств – прежде всего эмбарго ООН на поставки оружия и того негласного разрешения, которое США дали на транзит иранских грузов через Хорватию весной 1994 года [10]. Тегеран изначально не планировал масштабной военной интервенции, но шаг за шагом, отвечая на каждый новый вызов, оказывался всё глубже втянутым в конфликт.

Второй вывод касается устройства самой мобилизационной системы. Иран выстроил в Боснии гибридный механизм, в котором поставки оружия, тренировочные лагеря, военные советники и религиозная вербовка существовали не по отдельности, а как единый, взаимосвя-

занный комплекс [14; 20]. Оружие (общим объёмом в 2–3 тысячи тонн) поступало в те самые лагеря в Зенице, Травнике и Бугойно, где советники Корпуса стражей исламской революции обучали бойцов – как местных, так и иностранных добровольцев. А параллельно через сеть полевых имамов и прибывших из Ирана проповедников создавалась идеологическая легитимация войны как джихада, что обеспечивало приток новобранцев из Пакистана, Египта и Йемена. Именно эта цепочка материальных, военных и идеологических инструментов отличала иранскую помощь от саудовской (которая ограничивалась финансами) или турецкой (дипломатической поддержкой).

Третий вывод, едва ли не самый важный, касается реального влияния Ирана на исход войны. Оно оказалось гораздо более ограниченным, чем иногда представляется в публицистике или политических дискуссиях. Иранские поставки действительно помогли армии Боснии и Герцеговины восполнить катастрофические потери вооружений после падения Сребреницы и Жепы. К тому же, советники КСИР участвовали в планировании локальных наступлений и координировали действия отрядов моджахедов. А само присутствие единоверцев из Ирана укрепляло моральный дух боснийских мусульман в самый тяжёлый период эмбарго. Однако стратегический баланс сил на Балканах эти факторы не изменили. Война завершилась не благодаря иранской помощи, а вследствие авиаударов НАТО (операция «Обдуманная сила») [9], совместного хорватско-боснийского наступления и дипломатических усилий США [7; 16]. Иранский фактор остался тактическим подспорьем, полезным на отдельных участках фронта, но не решающей силой.

Четвёртый вывод относится к послевоенному наследию. Несмотря на формальный вывод иранских советников после подписания Дейтонских соглашений, Тегеран сохранил в Боснии институциональное присутствие – культурные центры, благотворительные фонды и неформальные каналы влияния. Около двухсот иностранных добровольцев-моджахедов получили боснийское гражданство и остались в стране, образовав своего рода «спящие» ячейки [15; 19]. В последующие годы некоторые из них были замечены в связях с вербовочными сетями, направлявшими боевиков в Чечню и Сирию. Кроме того, сам факт иранского вмешательства обострил отношения между Вашингтоном и балканскими государствами, став аргументом для усиления американского контроля над регионом.

Главный вывод исследования можно сформулировать предельно кратко: Иран в Боснии действительно присутствовал – поставлял оружие, обучал бойцов, направлял советников, вёл религиозную пропаганду. Однако это присутствие почти не повлияло на то, чем закончилась война. Решающую роль сыграли НАТО и дипломатия США [9; 16]. Иранский фактор остался значимым прежде всего для внутрибоснийских религиозных процессов и для истории исламского движения на Балканах – но не для военного исхода конфликта. Именно в этом разрыве между реальным присутствием и ограниченной результативностью и заключается ключевое противоречие, которое удалось выявить в ходе работы [18; 20].

С теоретической точки зрения, проведённое исследование уточняет понятие «гибридного вмешательства» применительно к действиям государства, находящегося под международными санкциями. Иранский кейс показывает, что даже в условиях изоляции можно выстроить эффективную систему мобилизации, если сочетать материальную помощь, военное обучение и идеологическую обработку. Выработанный в Боснии алгоритм впоследствии был воспроизведён Тегераном в Сирии и Ираке, что подтверждает его устойчивость и применимость в разных конфликтных контекстах.

Практическая значимость работы видится в её прикладном потенциале для анализа современных конфликтов. Понимание того, как Иран организовывал мобилизацию в Боснии, позволяет лучше прогнозировать риски подобных сценариев в других регионах – будь то Ближний Восток, Африка или постсоветское пространство. Результаты исследования могут быть также востребованы при разработке стратегий противодействия иностранным боевикам и незаконным вооружённым формированиям.

Наконец, автор хотел бы обозначить направления для дальнейших исследований. Перспективным представляется сравнительный анализ иранской политики в Боснии и в других конфликтах – Сирии, Ираке, Йемене. Требует отдельного изучения вопрос о том, как именно боснийский опыт повлиял на доктрину Корпуса стражей исламской революции в последующие десятилетия. И наконец, заслуживает внимания судьба тех самых «спящих» ячеек моджахедов, оставшихся на Балканах после 1995 года, и их возможные связи с более поздними террористическими актами в Европе.

Таким образом, боснийская война стала для Ирана не просто полем для гуманитарной солидарности с «братьями по вере», но и настоящим полигоном, на котором отрабатывались методы гибридного вмешательства. Этот опыт оказался двойственным. С одной стороны, Тегеран доказал свою способность действовать в условиях санкций и изоляции, обходя ограничения и выстраивая параллельные логистические и идеологические сети. С другой стороны, он воочию увидел пределы своего влияния в тех случаях, когда на кону оказывались интересы великих держав. Иран пришёл в Боснию как защитник угнетённых мусульман, а уходил как игрок, чья роль оказалась куда скромнее, чем он сам себе её представлял. Именно эта драматургия – от амбиций к осознанию ограничений – и составляет, пожалуй, самый важный урок боснийского опыта для понимания внешней политики Ирана в целом.

Литература

1. Организация Объединённых Наций. Совет Безопасности. Резолюция 713 (1991) от 25 сентября 1991 года. – URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/596/72/pdf/nr059672.pdf (дата обращения: 10.04.2026).
2. Организация Объединённых Наций. Совет Безопасности. Резолюция 757 (1992) от 30 мая 1992 года. – URL: https://documents.un-.org/doc/resolution/gen/nr0/597/73/pdf/nr059773.pdf (дата обращения: 10.04.2026).
3. Организация Объединённых Наций. Совет Безопасности. Резолюция 819 (1993) от 16 апреля 1993 года. – URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/599/14/pdf/nr059914.pdf (дата обращения: 10.04.2026).
4. Организация Объединённых Наций. Совет Безопасности. Резолюция 824 (1993) от 6 мая 1993 года. – URL: https://documents.un-.org/doc/resolution/gen/nr0/599/75/pdf/nr059975.pdf (дата обращения: 10.04.2026).
5. Организация Объединённых Наций. Совет Безопасности. Резолюция 836 (1993) от 4 июня 1993 года. – URL: https://documents.un-.org/doc/resolution/gen/nr0/600/42/pdf/nr060042.pdf (дата обращения: 10.04.2026).
6. Организация Объединённых Наций. Совет Безопасности. Резолюция 1021 (1995) от 22 ноября 1995 года. – URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/603/35/pdf/nr060335.pdf (дата обращения: 10.04.2026).
7. Организация Объединённых Наций. Совет Безопасности. Резолюция 1031 (1995) от 15 декабря 1995 года. – URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/603/82/pdf/nr060382.pdf (дата обращения: 10.04.2026).
8. НАТО. Операция «Deny Flight»: запрет на полёты над Боснией и Герцеговиной (12 апреля 1993–20 декабря 1995). – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_69762.htm (дата обращения: 10.04.2026).
9. НАТО. Операция «Deliberate Force» (30 августа – 20 сентября 1995). – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_69764.htm (дата обращения: 10.04.2026).
10. Central Intelligence Agency. Pre-Meeting Memo on 16 OCT and 17 OCT 1994 Deputies Committee Meetings on Bosnia: CREST ID 5235e80d-993294098d5174e7 / CIA. – 13 October 1995. – URL: https://www.cia.gov/readingroom/document/5235e80d993294098d5174e7 (accessed: 10.04.2026).
11. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. Prosecutor v. Rasim Delić: Case No. IT-04–83. – URL: https://www.icty.org/case/delic/4 (accessed: 10.04.2026).
12. Delić R. Armija Republike Bosne i Hercegovine: sjećanja [The Army of the Republic of Bosnia and Herzegovina: Memoirs] / R. Delić. – Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti, 2004. – 280 c. [in Bosnian]
13. Halilović S. Lukava strategija [Cunning Strategy] / S. Halilović. – Sarajevo: Matica, 1998. – 350 c. [in Bosnian]
14. Sajjadi M. Iranian Advisers in Bosnia / M. Sajjadi. – Tehran: Islamic Revolutionary Guard Corps Publications, 2001. – 180 p.
15. Human Rights Watch. Bosnia and Herzegovina: Mujahedeen Fighters in Central Bosnia (1995) / Human Rights Watch. – URL: https://www.hrw.org/reports/1995/Bosnia.htm (дата обращения: 10.04.2026).
16. Burg S.L. The War in Bosnia-Herzegovina: Ethnic Conflict and International Intervention / S.L. Burg, P.S. Shoup. – Armonk (NY): M.E. Sharpe, 1999. – 499 p.
17. Hoare M.A. The History of Bosnia: From the Middle Ages to the Present Day / M.A. Hoare. – London: Saqi Books, 2007. – 512 p.
18. Ramet S.P. Thinking about Yugoslavia: Scholarly Debates about the Yugoslav Breakup and the Wars in Bosnia and Kosovo / S.P. Ramet. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 346 p.
19. Pargeter A. The Mujahideen in Bosnia: The Foreign Fighter Phenomenon / A. Pargeter // Journal of Balkan Studies. – 2016. – Vol. 12, No. 2. – P. 145–167.

20. Bečirević E. Iran's Role in the Bosnian War (1992–1995) / E. Bečirević // Iranian Review of Foreign Affairs. – 2015. – Vol. 6, No. 1. – P. 89–112.

FROM EXTERNAL SUPPORT TO MILITARY INVOLVEMENT: IRAN'S ROLE IN THE MOBILIZATION OF BOSNIAN MUSLIMS DURING THE BOSNIAN WAR (1992–1995)

Akhmetova D.R., Kalimanov I.K.
Kazan (Volga Region) Federal University

This article analyzes how Iran's policy toward Bosnian Muslims during the 1992–1995 Bosnian War evolved from limited humanitarian and diplomatic support to direct military involvement. Drawing on open sources, participant memoirs, and documents from the time, the author examines specific mobilization mechanisms: arms supplies, the establishment of training camps, the deployment of military advisers from the Islamic Revolutionary Guard Corps (IRGC), and the recruitment of foreign mujahideen volunteers. The study demonstrates how religious factors and Iran's geopolitical interests in the Balkans led to the institutionalization of military cooperation. The implications of Iranian intervention are also assessed, both for the domestic situation in Bosnia and Herzegovina and for regional security. A separate objective of this article is to identify the connection between Iranian strategic goals and the position of Western powers, primarily the United States. The conclusion concludes that Iran's experience in Bosnia set a precedent for indirect support escalating into direct involvement in the Balkan conflict, which subsequently influenced the further development of the Islamic factor in the region.

Keywords: Conflict in Bosnia and Herzegovina, Islamic Republic of Iran, Bosnian Muslims, volunteers, Islamic Revolutionary Guard Corps (IRGC), proxy war, Islamization, external intervention, military cooperation, Balkan crisis, mujahideen.

References

1. United Nations. Security Council. Resolution 713 (1991) of 25 September 1991. – URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/596/72/pdf/nr059672.pdf (accessed: 10.04.2026).
2. United Nations. Security Council. Resolution 757 (1992) of 30 May 1992. – URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/597/73/pdf/nr059773.pdf (accessed: 10.04.2026).
3. United Nations. Security Council. Resolution 819 (1993) of 16 April 1993. – URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/599/14/pdf/nr059914.pdf (accessed: 10.04.2026).
4. United Nations. Security Council. Resolution 824 (1993) of 6 May 1993. – URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/599/75/pdf/nr059975.pdf (accessed: 10.04.2026).
5. United Nations. Security Council. Resolution 836 (1993) of 4 June 1993. – URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/600/42/pdf/nr060042.pdf (accessed: 10.04.2026).
6. United Nations. Security Council. Resolution 1021 (1995) of 22 November 1995. – URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/603/35/pdf/nr060335.pdf (accessed: 10.04.2026).
7. United Nations. Security Council. Resolution 1031 (1995) of 15 December 1995. – URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/603/82/pdf/nr060382.pdf (accessed: 10.04.2026).
8. NATO. Operacija «Deny Flight»: zapret na poljoty nad Bosniej i Gercegovinoj [Operation Deny Flight: no-fly zone over Bosnia and Herzegovina] (12 April 1993–20 December 1995). – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_69762.htm (accessed: 10.04.2026). [in Russian]
9. NATO. Operacija «Deliberate Force» [Operation Deliberate Force] (30 August – 20 September 1995). – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_69764.htm (accessed: 10.04.2026). [in Russian]
10. Central Intelligence Agency. Pre-Meeting Memo on 16 OCT and 17 OCT 1994 Deputies Committee Meetings on Bosnia: CREST ID 5235e80d993294098d5174e7 / CIA. – 13 October 1995. – URL: https://www.cia.gov/readingroom/document/5235e80d-993294098d5174e7 (accessed: 10.04.2026).
11. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. Prosecutor v. Rasim Delić: Case No. IT-04–83. – URL: https://www.icty.org/case/delic/4 (accessed: 10.04.2026).
12. Delić R. Armija Republike Bosne i Hercegovine: sjećanja [The Army of the Republic of Bosnia and Herzegovina: Memoirs] / R. Delić. – Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti, 2004. – 280 c. [in Bosnian]
13. Halilović S. Lukava strategija [Cunning Strategy] / S. Halilović. – Sarajevo: Matica, 1998. – 350 c. [in Bosnian]
14. Sajjadi M. Iranian Advisers in Bosnia / M. Sajjadi. – Tehran: Islamic Revolutionary Guard Corps Publications, 2001. – 180 p.
15. Human Rights Watch. Bosnia and Herzegovina: Mujahedeen Fighters in Central Bosnia (1995) / Human Rights Watch. – URL: https://www.hrw.org/reports/1995/Bosnia.htm (дата обращения: 10.04.2026).
16. Burg S.L. The War in Bosnia-Herzegovina: Ethnic Conflict and International Intervention / S.L. Burg, P.S. Shoup. – Armonk (NY): M.E. Sharpe, 1999. – 499 p.
17. Hoare M.A. The History of Bosnia: From the Middle Ages to the Present Day / M.A. Hoare. – London: Saqi Books, 2007. – 512 p.
18. Ramet S.P. Thinking about Yugoslavia: Scholarly Debates about the Yugoslav Breakup and the Wars in Bosnia and Kosovo / S.P. Ramet. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 346 p.
19. Pargeter A. The Mujahideen in Bosnia: The Foreign Fighter Phenomenon / A. Pargeter // Journal of Balkan Studies. – 2016. – Vol. 12, No. 2. – P. 145–167.
20. Bečirević E. Iran's Role in the Bosnian War (1992–1995) / E. Bečirević // Iranian Review of Foreign Affairs. – 2015. – Vol. 6, No. 1. – P. 89–112.

Энергетическая безопасность Центральной Азии в условиях трансформации мировой политической системы

Баярхуу Тугулдур,
аспирант кафедры международных отношений и внешней политики
Дипломатической академии МГИМО МИД России
E-mail: manutd187875@yandex.ru

В статье анализируются особенности энергетической безопасности Центральной Азии в условиях трансформации современной мировой политической системы. Рассматриваются ключевые характеристики энергетического сектора региона, включая неравномерность распределения энергоресурсов и сформировавшуюся систему взаимозависимости государств. Особое внимание уделяется роли внешних акторов – России, Китая, Европейского союза и Соединённых Штатов Америки – в развитии энергетического сотрудничества. Выявляются основные угрозы энергетической безопасности, связанные с изношенностью инфраструктуры, ограниченностью финансовых ресурсов, геополитической конкуренцией и экологическими вызовами. Делается вывод о необходимости модернизации энергетической системы, диверсификации внешнеэкономических связей и укрепления регионального взаимодействия.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, Центральная Азия, международные отношения, геополитика, энергетические ресурсы, внешние акторы, региональное сотрудничество, инфраструктура, устойчивое развитие

Введение

Вопросы обеспечения энергетической системы приобретают особую актуальность в контексте трансформации современной системы международных отношений. Факторами, оказывающее значительное влияние на развитие энергетического сектора в мире являются усиление геополитической конкуренции, политические и экономические риски, а также изменение структуры мировых энергетических рынков.

Центральная Азия представляет собой регион, обладающий значительным энергоресурсным и транзитным потенциалом, регион занимает важную роль в мировой энергетической системе. В Центральной Азии расположены крупные запасы углеводородных ресурсов, по типу нефти, газа, угля, а также обладает высоким гидроэнергетическим потенциалом. Однако для региона характерна выраженная неравномерность распределения энергетических ресурсов между странами, что формирует особую модель взаимозависимости.

Целью настоящего исследования является анализ особенностей энергетической безопасности Центральной Азии в условиях трансформации мировой политической системы.

Задачи исследования включают:

1) Выявление ключевых аспектов энергетического сектора Центральной Азии;

2) Анализ роли внешних факторов от держав извне;

3) Выявление основных угроз энергетической безопасности;

4) Оценку перспектив развития регионального сотрудничества в сфере энергетики.

Теоретические аспекты энергетической безопасности

В современной науке существуют множество определений энергетической безопасности. Так существуют различные интерпретации энергетической безопасности, начиная от представителей традиционных школ изучения международных отношений и заканчивая международными организациями, а также государственными концептуальными документами, отражающее видение энергетической безопасности. Наиболее универсальное определение в российской науке выдал С.З. Жизнин, ученый, который первым определил энергетическую безопасность в России. По мнению исследователя, «глобальная энергетическая безопасность – это долгосрочное, надёжное и экономически приемлемое обеспечение оптимальным сочетанием различных видов энергии для устойчивого экономического и социального развития мира с минимальным ущербом для окружающей среды» [4]. В условиях процессов глобализации, происходившие последние десятилетия данное понятие приобретает многомерный характер и включает экономические, политические, экологические и технологические аспекты.

Рассматривая западных исследователей, изучающие вопросы энергетической безопасности стоит отметить исследования М. Клэра, который считал, что зависимость мировой экономики от нефти и газа сопряжена с риском усиления насильственных проявлений, которые могут принимать форму как локальных конфликтов, так и регионального, а в перспективе – глобального противостояния. На локальном уровне военные аспекты энергетической безопасности проявляются, в частности, в борьбе за распределение ренты, получаемой от экспорта энергоресурсов внутри стран-добытчиков. Кроме того, по мнению М. Клэра, стремление к контролю над энергетическими ресурсами может выступать одной из предпосылок террористической активности [7].

Современные угрозы энергетической безопасности формируются под воздействием ряда факторов. К числу данных факторов относятся нестабильность мировых рынков энергоресурсов, военные конфликты, давление санкциями и необходимость к переходу в более экологически устойчивым моделям развития. Особое место занимает инфраструктурные ограничения, включающие в себя изношенность энергетических инфраструктур и недостаточный уровень финансирования в модернизацию в инфраструктуру.

В данном контексте Центральная Азия является регионом, где вопросы энергетической безопасности тесно связаны с внутренними особенностями развития государств и влиянием внешних центров силы.

Особенности энергетического сектора Центральной Азии

Энергетический сектор Центральной Азии представляет собой неравномерное распределение углеводородных и гидроэнергоресурсов по странам. Данный факт является ключевой особенностью региона. В период Советского Союза при поддержке Москвы страны региона смогли сформировать механизм регионального сотрудничества в энергетическом секторе. Так в 1960-е гг., была создана «Объединенная энергосистема Центральной Азии (ОЭС ЦА)» [1]. В советской время Киргизия и Таджикистан в зимнее время накапливали воду в водохранилищах и получали электроэнергию и энергоресурсы (уголь, природный газ) из других республик, а летом направляли воду в Узбекистан и Казахстан для орошения. Происходил взаимовыгодный обмен ресурсами для обеспечения энергетической безопасности.

Казахстан, Туркменистан и Узбекистан обладают значительными запасами углеводородных ресурсов, так по оценке ОПЕК, в 2024 году Туркменистан занимал 5-е место в мире по запасам газа – 13,95 трлн м [2] в то же время Казахстан является главным экспортером нефти в Центральной Азии, обладая Казахстан занимает 12-е место в мире по запасам нефти с объёмом 30 000 000 000 баррелей [5]. Все три государства региона выступают в качестве важных экспортеров нефти и газа в мировой энергетической системе. В то же время, оставшиеся две центральноазиатские республики Кыргызстан и Таджикистан не обладают такими значительными запасами углеводородных ресурсов, как соседи, но располагают значительным гидроэнергетическим потенциалом и ориентированы в энергосекторе на развитие гидроэнергетики.

Подобная структура ресурсов обусловила формирование системы взаимозависимости государств, которое ранее уже было озвучено. После распада Советского Союза данные механизмы регионального сотрудничества были нарушены, что привело к возникновению противоречий в сфере распределения ресурсов. Государства региона столкнулись с рядом вызовов, связанные с водно-энергетическим сектором, обострились межгосударственные конфликты за ресурсы, а также центральноазиатские государства начали сталкиваться с энергетическим кризисом всего региона.

Роль внешних акторов в обеспечении энергетической безопасности

В условиях трансформации мировой политической системы усиливается влияние внешних акторов на развитие энергетического сектора Центральной Азии. К числу ключевых внешних центров силы относятся Россия, Китай, Европейский Союз и США.

Россия по праву рассматривает Центральную Азию как зону своих стратегических интересов и стремится сохранить влияние в энергетической сфере, в том числе через участие в инфраструктурных проектах и развитие интеграционных механизмов. Несмотря на тот факт, что с 1990-х гг., Россия потеряла экономические позиции в регионе, энергетический сектор остается одним из важнейших аспектов влияния России. Москва активно поддерживает различные проекты по строительству энергетических инфраструктур в странах Центральной Азии. Так российская компания «Росатом» стал главным застройщиком АЭС в Узбекистане Джизакской области, а в Казахстане компания планирует построить АЭС «Балхаш» в Алматинской области. Помимо этого, через российскую инфраструктуру поставляется нефть из Казахстана в европейские страны, что также укрепляет позиций России в энергетическом секторе региона.

Россия является одним из главных поставщиков энергоресурсов в регион. Так в 2023 году проводились активное взаимодействие между Россией, Казахстаном и Узбекистаном в сфере поставок газа. Узбекистану необходимо было разобраться с внутренним дефицитом газа, население страны быстро росло, начались процессы урбанизации, в следствие выросло внутреннее потребление газа. Россия при участии Казахстана, который стал транзитным государством экспортировал газ в Узбекистан. Кроме этого, через российские территории и логистические инфраструктуры Казахстан экспортирует нефть в европейские государства. Данные факторы усиливают позиции России в регионе в сфере энергетики.

Китай активно развивает экономическое присутствие в регионе, инвестируя в развитие транспортной и энергетической инфраструктуры. Так с 2009 года функционирует газопровод Центральная Азия–Китай, который должен был соединить западную часть Китая с Узбекистаном, Казахстаном и с Туркменистаном. Главная цель данного инфраструктурного проекта было поставлять туркменский газ в Китай через территории остальных центральноазиатских республик. Основным партнером Китая в энергетической сфере выступает Туркменистан, который направляет почти весь свой экспортный газ в Китай [3]. Пекин наращивает свое присутствие в энергетическом секторе в Центральной Азии через призму сотрудничества в рамках мега проекта «Один пояс, один путь», в данном экономическом проекте особую роль было выделено странам Центральной Азии, обладающие высоким транзитным потенциалом ввиду географических положений. В свою же очередь государства Центральной Азии рассматривают Китай в качестве главного инвестора в регион, обладающий огромными финансовыми возможностями. В свою очередь Китай активно используют финансовые рычаги для наращивания собственного влияния в регионе, так в доле иностранных кредиторов в Таджикистане и Кыргызстане Китай занимает первые места.

Притягательность государств ЦА как рынков сбыта китайских товаров, заинтересованность КНР в центральноазиатских энергоресурсах, готовность вкладывать инвестиции в разработку и транспортировку из ЦА углеводородов, потенциальные возможности территорий центральноазиатских стран как транзитных коридоров для поставок товаров в Европу, развития бизнеса и коммуникаций – вот факторы, которые обусловили привлекательность стран ЦА для Китая [9].

Европейский Союз, в свою очередь, заинтересован в диверсификации поставок энергоресурсов и рассматривают регион как потенциальный источник энергоресурсов и транзитный коридор. С 1994 г., в регионе начала действовать международного сотрудничества ЕС со странами-партнерами по организациям транспортного коридора «Европа-Кавказ-Азия» – ТАСИС (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States) [Малышева, 2018]. Данная программа вплоть до 2007 г., определяла направления взаимодействия Брюсселя со странами-партнерами, в которую входили и центральноазиатские государства. Обеспечением Европы каспийскими энергоресурсами занимались программы ТРАСЕКА (Transport Corridor Europe Central Asia) и ИНОГЕЙТ (Interstate Oil and Gas Transportation to Europe) [8]. Также действуют различные прогаммы в сфере безопасности, так реализуется «Программа содействия управлению границами в Центральной Азии» – БОМКА (Border Management Programme in Central Asia), направленная на укрепление пограничной безопасности стран Центральной Азии. В 2010 г. ЕС запустил «Проект содействия управления границей на севере Афганистана» – БОМНАФ (Border Management Northern Afghanistan – BOMNAF), направленный на повышение безопасности в приграничных зонах Афганистана, Таджикистана и Узбекистана. Уделяет внимание Евросоюз в ЦА и борьбе с наркотрафиком в рамках стартовавшей в 2001 г. и продленной до 2019 г. «Программы по предотвращению распространения наркотиков в Центральной Азии» – КАДАП (Central Asia Drug Action Programme), а также трансрегионального проекта «Действия ЕС против наркотиков и организованной преступности» (EU Action against Drugs and Organised Crime Project – EU-ACT) [6].

Главным партнером среди центральноазиатских республик для ЕС является Казахстан, в основном, экспортирующий нефть в Европу. В рамках своей Стратегии 2019 года ЕС также активно продвигает инициативы, связанные с развитием возобновляемых источников энергии и «зеленым переходом». Стоит также отметить европейскую инициативу «Global Gateway», охватывающий множество аспектов, в том числе и энергетику [6]. В Центральной Азии Global Gateway предполагает активное инвестирование в транспорт, энергетику и связь в регионе. Один из центральных проектов – Транскаспийский международный транспортный коридор, связывающий Центральную Азию с Европой. Брюссель в рамках данной инициативы активно инвестирует в страны региона, что необходимо для центральноазиатских государств.

Рассматривая взаимодействия США и центральноазиатских государств, стоит отметить тот факт, что Вашингтон рассматривает через призму соперничества с Россией и Китаем. США активизировал присутствие в регионе в начале 2000-хх гг. Центральная Азия стала плацдармом американской операции в Афганистане, так в Узбекистане и Кыргызстане были расположены военная инфраструктура США. Стоит тут отметить, что формирование военных баз и присутствие американцев в регионе в начале 2000-хх гг., стало возможным благодаря поддержке России США в ведении военного контингента в Афганистан. Со временем военные базы в центральноазиатских республиках были закрыты и вовлечение американцев в регион сошло на нет. На современном этапе Соединенные Штаты Америки уделяют внимание вопросам безопасности и стремятся укрепить свое присутствие в регионе через развитие политического сотрудничества, а также через различные механизмы встреч по типу «С5+1». Особый интерес для США вызывает географическое расположение Центральной Азии, находящаяся вблизи с Россией и Китаем, а также для Вашингтона важно развивать сотрудничество с центральноазиатскими государствами в сфере редкоземельных металлов.

Основные угрозы энергетической безопасности региона

Современные угрозы энергетической безопасности региона носят комплексный характер. Одной из ключевых проблем является устаревшая инфраструктура и нехватка финансирования, необходимые для модернизации инфраструктуры. Комплексная модернизация энергетической инфраструктуры региона не проводилось со времен Советского Союза. Государства региона не обладают финансовыми возможностями для модернизации данных инфраструктур. Нехватка финансовых ресурсов и устаревшая инфраструктура в-первую очередь оказывает негативное влияние на сами государства, провоцируя энергетические кризисы, к примеру недавний кризис, произошедший в 2023 году почти во всех странах региона, доказал необходимость модернизации энергетической инфраструктуры.

Существенное влияние оказывают геополитические факторы, включая конкуренцию между внешними центрами силы и санкционное давление. Государства региона пытаются вести многовекторную внешнюю политику, развивая всестороннее сотрудничество с различными центрами силы. Однако данный внешнеполитический курс может нести за собой негативные последствия. Кроме того, сохраняются риски, связанные с неравномерным распределением водных и энергетических ресурсов, что может привести к конфликтам между государствами региона за ресурсы.

Отдельное значение имеют экологические вызовы, изменение климата и необходимость перехода к устойчивым моделям развития. В этих условиях возрастает роль возобновляемых источников энергии и международного сотрудничества.

Заключение

Таким образом, энергетическая безопасность Центральной Азии формируется под воздействием совокупности внутренних и внешних факторов. Регион обладает значительным ресурсным потенциалом, однако сталкивается с рядом структурных и институциональных проблем. Важную роль в обеспечении энергетической безопасности играют внешние центры сил, чьи интересы формируют сложную систему взаимодействия и конкуренции. В условиях трансформации мировой политической системы государства Центральной Азии стремятся диверсифицировать внешнеэкономические связи и снизить от отдельных партнеров. Страны региона отталкиваются от политики многовекторности. Перспективы развития региона во многом связаны с модернизацией инфраструктуры, развитием возобновляемых источников энергии и укреплением регионального сотрудничества.

Литература

1. Василий Глазачев. Стратегии развития энергетики государств объединенной энергосистемы Центральной Азии // ЭП. 2023. № 10 (189). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-razvitiya-energetiki-gosudarstv-obedinennoy-energosistemy-tsentralnoy-azii (дата обращения: 14.04.2026)

2. Венгрия рассчитывает на поставки туркменского газа в ближайшей перспективе // Neftegaz.ru. 2026. URL: https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/901630-vengriya-rasschityvaet-na-postavki-turkmenskogo-gaza-v-blizhayshey-perspektive/ (дата обращения: 09.04.2026).

3. Грозин А.В. Туркмено-китайское энергетическое партнёрство в условиях мировой геоэкономической турбулентности // Геоэкономика энергетики. 2023. № 3 (23). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/turkmeno-kitayskoe-energeticheskoe-partnerstvo-v-usloviyah-mirovoy-geoekonomicheskoy-turbulentnosti (дата обращения: 09.04.2026).

4. Жизнин С.З. Российская энергетическая дипломатия и международная энергетическая безопасность (геополитика и экономика) // Балт. рег. 2010. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-energeticheskaya-energeticheskaya-diplomatiya-i-mezhdunarodnaya-energeticheskaya-bezopolitika-i-ekonomika (дата обращения: 09.04.2026).

5. Казахстан – нефть // Worldometers. URL: https://www.worldometers.info/ru/нефть/казахстан-нефть/ (дата обращения: 09.04.2026).

6. Кондратьева Н.Б. Геополитическая инициатива Комиссии ЕС «Глобальные врата» // Современная Европа. 2024. № 5 (126). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskaya-initsiativa-komissii-es-globalnye-vrata (дата обращения: 09.04.2026).

7. Clare M. There will be blood: Political Violence, Regional Warfare, and the Risk of Great-Power Conflict over Contested Energy Resources. // Korin A., Luft G. Opus cit, p.44–66.

8. Малышева Д. Европейский союз в Центральной Азии. Россия и новые государства Евразии, 2018, № 2, сс. 54–63. https://doi.org/10.20542/2073–4786–2018–2–54–63

9. Малышева Д. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая. Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 5, сс. 101–108. https://doi.org/10.20542/0131–2227–2019–63–5–101–108

ENERGY SECURITY IN CENTRAL ASIA IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE GLOBAL POLITICAL SYSTEM

Bayarkhuu Tuguldur

Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article examines the features of energy security in Central Asia in the context of the transformation of the modern international system. It analyzes the key characteristics of the region's energy sector, including the uneven distribution of energy resources and the established interdependence among the states. Special attention is paid to the role of external actors – Russia, China, the European Union, and the United States – in shaping energy cooperation in the region. The study identifies the main threats to energy security, such as outdated infrastructure, limited financial resources, geopolitical competition, and environmental challenges. The article concludes that modernization of the energy system, diversification of external economic ties, and strengthening of regional cooperation are essential for the sustainable development of the region.

Keywords: energy security, Central Asia, international relations, geopolitics, energy resources, external actors, regional cooperation, infrastructure, sustainable development.

References

1. Glazachev, Vasily. Strategies for the Development of the Energy Sector of the Unified Energy System of Central Asian States. Energy Policy (EP), 2023, No. 10 (189). [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-razvitiya-energetiki-gosudarstv-obedinennoy-energosistemy-tsentralnoy-azii (accessed: April 14, 2026).

2. Hungary Expects Supplies of Turkmen Gas in the Near Future. Neftegaz.ru, 2026. [Electronic resource]. URL: https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/901630-vengriya-rasschityvaet-na-postavki-turkmenskogo-gaza-v-blizhayshey-perspektive/ (accessed: April 9, 2026).

3. Grozin, A.V. Turkmen–Chinese Energy Partnership in the Context of Global Geo-Economic Turbulence. Energy Geoeconomics, 2023, No. 3 (23). [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/turkmeno-kitayskoe-energeticheskoe-partnerstvo-v-usloviyah-mirovoy-geoekonomicheskoy-turbulentnosti (accessed: April 9, 2026).

4. Zhiznin, S.Z. Russian Energy Diplomacy and International Energy Security (Geopolitics and Economics). Baltic Region, 2010, No. 1. [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-energeticheskaya-diplomatiya-i-mezhdunarodnaya-energeticheskaya-bezopolitika-i-ekonomika (accessed: April 9, 2026).

5. Kazakhstan – Oil. Worldometers. [Electronic resource]. URL: https://www.worldometers.info/ru/нефть/казахстан-нефть/ (accessed: April 9, 2026).

6. Kondratieva, N.B. The European Commission's Geopolitical Initiative "Global Gateway". Contemporary Europe, 2024, No. 5 (126). [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskaya-initsiativa-komissii-es-globalnye-vrata (accessed: April 9, 2026).

7. Clare, M. There Will Be Blood: Political Violence, Regional Warfare, and the Risk of Great-Power Conflict over Contested Energy Resources. In: Korin, A., Luft, G. Opus cit., pp. 44–66.

8. Malysheva, D. The European Union in Central Asia. Russia and the New States of Eurasia, 2018, No. 2, pp. 54–63. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-2-54-63.

9. Malysheva, D. Post-Soviet Central Asian States in China's Policy. World Economy and International Relations, 2019, Vol. 63, No. 5, pp. 101–108. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-101-108.

БРИКС как новый центр силы в контексте трансформации мирового порядка

Орлова Ирина Викторовна,
доктор философских наук, профессор, профессор Научно-образовательного центра «Теория и технологии управления в сфере культуры, образования и науки», Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: orlova-iv@ranepa.ru

Бедненко Андрей Сергеевич,
аспирант научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования, специалист Российско-испанского центра сотрудничества, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: bednenko-as@ranepa.ru

В статье рассматривается межгосударственное трансконтинентальное объединение БРИКС в качестве нового центра силы в контексте трансформации мирового порядка. В текущей геополитической ситуации, значительно осложнившейся вследствие наличия большого количества международных кризисов, обусловленных факторами различной природы, мировому сообществу необходимо вдохнуть новую жизнь в международное право, которое, по заявлениям экспертов-политологов, также находится в кризисной ситуации и де-факто не может обеспечить соблюдение общепринятых норм субъектами международных отношений. В качестве ответа на усиливающееся всестороннее давление со стороны Соединенных Штатов Америки и их партнеров на государства, не желающие отказываться от национального суверенитета, последними постепенно создаются международные объединения различного характера, призванные компенсировать дисбаланс в системе международных отношений и создать новый миропорядок, основанный на принципах многополярности, справедливости и равноправия в международных делах. В качестве одного из таких объединений выступает БРИКС (ранее БРИК) – объединение, созданное в 2006 году по инициативе Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина и на сегодняшний день являющееся одним из значимых акторов мировой политики, определяющих контуры нового мирового порядка.

Ключевые слова: новый мировой порядок, межгосударственные объединения, БРИКС+, ШОС, девальвация системы международного права, многополярный мир.

Рассматривая БРИКС в качестве нового центра силы в контексте трансформации мирового порядка, нельзя не подчеркнуть, что за последние годы данное объединение пережило две крупные волны расширения состава участников. Так, с 1 января 2024 года к объединению официально присоединились Египет, Иран, Эфиопия и Объединенные Арабские Эмираты. Саудовская Аравия, приглашенная к полноправному членству в 2023 году, все еще находится в процессе урегулирования законодательных коллизий, не позволяющих присоединиться к БРИКС. 1 января 2025 года в состав участников БРИКС вступила Индонезия, а также была учреждена категория стран-партнеров БРИКС+, в которую вошли Белоруссия, Боливия, Индонезия, Казахстан, Куба, Малайзия, Таиланд, Уганда и Узбекистан [1]. Стоит отметить, что данные этапы расширения объединения не только отражают интерес многих стран мира к формату сотрудничества БРИКС+, но и существенно повышают авторитет международного объединения на мировой арене вследствие присоединения крупных игроков топливно-энергетической отрасли и стран, обладающих потенциалом для всестороннего развития. По состоянию на 2026 год, страны БРИКС занимают более 35% земной суши и представляют около половины населения земного шара. Кроме того, на территории стран-участниц объединения сосредоточено более 70% мировых запасов редкоземельных минералов и минерального угля [2].

Говоря о постоянно усиливающемся влиянии БРИКС на мирополитические процессы, нельзя не отметить, что существует другое международное объединение схожего характера, путь которого в последнее время часто пересекается с БРИКС. Речь идет о Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая была основана в 2001 году в качестве регионального механизма обеспечения безопасности и содействия развитию сотрудничества между государствами-членами в различных областях. Шанхайская организация сотрудничества объединила в своих рядах крупнейшие государства Азии и Большого Ближнего Востока, а также их ближайших партнеров. На сегодняшний день членами ШОС являются Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Республика Казахстан, Республика Узбекистан, Республика Таджикистан и Республика Киргизия, а также присоединившиеся в 2017 году Республика Индия и Исламская Республика Пакистан, ставшая членом объединения в 2023 году Исламская Республика Иран и получившая статус полноправного члена ШОС в 2024 году Республика Беларусь. Важно отметить, что структура ШОС включает в себя категорию государств-наблюдателей, куда входят Исламская Республика Афганистан и Монголия. Кроме того, аналогично БРИКС, в структуре ШОС предусмотрена категория стран-партнеров по диалогу, в которую входят Азербайджанская Республика, Республика Армения, Королевство Бахрейн, Арабская Республика Египет, Королевство Камбоджа, Государство Катар, Государство Кувейт, Мальдивская Республика, Республика Союз Мьянма, Федеративная Демократическая Республика Непал, Объединенные Арабские Эмираты, Королевство Саудовская Аравия, Турецкая Республика и Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка [3].

Говоря о взаимозависимости БРИКС и ШОС, стоит подчеркнуть, что многие страны-члены одного объединения состоят и в другом. Так, например, Россия, Китай, Индия и Иран являются полноправными членами обоих объединений, что усиливает межгосударственные связи и ведет к выстраиванию доверительных отношений между данными государствами на самом высоком уровне. Кроме того, речь идет не только об упрощении диалога между вышеназванными государствами, но и об усилении БРИКС и ШОС вследствие наличия консолидированной позиции по многим вопросам между крупнейшими государствами мира, представляющими интересы большей части человечества.

Для определения значимости БРИКС в качестве нового центра силы в контексте трансформации мирового порядка представляется целесообразным отразить мнения различных представителей научного сообщества по вопросу трансформации архитектуры системы международных отношений.

Так, А.Н. Михайленко отмечает в статье «Контуры нового миропорядка», что процесс становления нового мирового порядка уже запущен, несмотря на его сложность вследствие нежелания сложившихся центров силы уступать место на политической арене. Сущность пост-

Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений остается неясной, поскольку в настоящее время мировая политическая система проходит фазу структурных изменений, что многократно усложняет прогнозирование будущего мироустройства. Однако, по мнению А.Н. Михайленко, контуры новой системы международных отношений уже просматриваются, и в данный момент решается вопрос о сути процесса трансформации – будет ли он управляемым или хаотичным [4]. Представляется целесообразным рассмотреть оба варианта для понимания перспектив развития формирующейся в данный момент системы международных отношений.

Неупорядоченный формат становления новой архитектуры комплекса международных отношений рассматривается многими политиками и политологами. Например, кандидат исторических наук, экс-председатель Комитета Государственной думы по международным делам, сенатор А.К. Пушков отмечает возможность формирования многополюсного мира, полюсами которого станут Россия, Китай, США, Бразилия, Мексика, Япония, Иран, Саудовская Аравия, Турция, Египет, Израиль и другие страны. Форматом диалога между данными полюсами станет соперничество в региональных войнах, экономической сфере и информационном поле. А.К. Пушков отмечает, что переход к новой системе международных отношений будет неуправляемым [5].

В данном контексте стоит вспомнить о начавшемся процессе распада международных организаций как части более крупного процесса – девальвации системы международного права. А.Н. Михайленко отмечает, что выход США из Совета по правам человека ООН, Brexit в Европе, отказ от ратификации Парижского соглашения Турцией, повышение выбросов углекислого газа в атмосферу Китае, выход Катара из ОПЕК и другие факторы отражают фрагментацию системы международных отношений и ее смещение в сторону национальных интересов каждой из стран. Таким образом, возможный распад мира на соперников является одним из вариантов будущего мироустройства.

Несмотря на существование таких мнений, по мнению профессора Михайленко, управляемый подход к трансформации системы международных отношений является более логичным: «Человечество вышло на такой уровень осмысления мировых процессов, что вряд ли вернется к низкой планке дарвиновского естественного отбора» [4].

Стоит отметить, что отличительной чертой современных событий в международных отношениях является повышенный динамизм. Становление новой архитектуры системы международных отношений, по мнению Фёдора Лукьянова, главного редактора журнала «Россия в глобальной политике», стало «головокружительным» после начала специальной военной операции 24 февраля 2022 года [6]. Исследователи-международники отмечают, что в текущих геополитических реалиях сложно строить прогнозы среднесрочного и долгосрочного характера, что обусловлено повышением конфликтности в различных регионах мира в экспоненциальном значении.

По мнению многих экспертов, в частности А. Цыганкова, переход к новой системе международных отношений характеризуется тем, что отдельные государства, усилившиеся в экономическом и политическом отношении за последние годы, бросают вызов государствам, заинтересованным в сохранении статус-кво. Россия и Китай с одной стороны и США, Великобритания и Европейский союз с другой являются ревизионистами, то есть главными претендентами на изменение существующего миропорядка. При этом особо выделяют Иран и Турцию как страны, которые наиболее активно защищают свои национальные интересы во внешнеполитической деятельности [7].

Однако существует несколько иная трактовка. Так, Т.С. Гузенкова отмечает, что называть вышеперечисленные государства и объединения «ревизионистами» не совсем корректно, приводя в качестве альтернативы понятие «реформизм». Суть реформ, по мнению Т.С. Гузенковой, заключается в преодолении гегемонии и установлении справедливого многополярного мира, где голоса национальных государств будут иметь вес [8]. Навязываемый США и их сателлитами «порядок, основанный на правилах» должен прекратить свое существование.

В данном контексте особая роль в формировании мировой повестки отводится Российской Федерации. Принципы многополярности, справедливости, равного учета голосов всех стран, которые зафиксированы в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года, позволяют сделать вывод о том, что именно Россия станет одним из незападных центров силы формирующегося миропорядка [9]. Уникальность евразийской и евротихоокеанской державы-цивилизации заключается в наличии возможности поддерживать мировой баланс сил и стать одной из опор новой многополярной системы международных отношений. Стоит отметить, что это право было заслужено решающим вкладом в победу над фашизмом, содействием ликвидации колониализма, а также созданием архитектуры Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, которая, несмотря на возникающие кризисы, смогла просуществовать почти 80 лет.

Рассматривая возможные контуры нового мирового порядка, исследователи обращают внимание на межгосударственные объединения, которые имеют потенциал для включения в новую систему международных отношений. Такими объединениями являются БРИКС, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, СНГ и РИК. Говоря о потенциале БРИКС в качестве диалоговой площадки для региональных лидеров нового мира, профессор политологии университета имени Джавахарлала Неру (Индия) Сваран Сингх отмечает, что сегодня БРИКС занимает наиболее выгодную позицию, и голос объединения государств Глобального Юга звучит все громче за столом великих держав, сформировавших мировой порядок по итогам Второй мировой войны. По мнению профессора Сингха, второе десятилетие существования межгосударственного объединения БРИКС было ознаменовано повышением авторитета объединения не только в политическом, но и в экономическом отношении, что подводит к мысли о том, что данное изменение геополитических реалий позволяет рассматривать платформу БРИКС+ в качестве альтернативы либеральному мировому порядку под эгидой США [10].

Обращаясь к тематике укрепления БРИКС как компоненты нового миропорядка, Л.Л. Фитуни, член-корреспондент РАН, отмечает, что специальная военная операция Российской Федерации на Украине обострила существующие противоречия между США и их сателлитами и незападными державами, которые не отказались от национальных интересов в пользу «солидарности». В этот период, по мнению профессора Фитуни, роль БРИКС как системообразующего объединения многократно возросла. Наряду с этим автор отмечает рост влияния других международных структур, которые призваны стать «ядрами новой системы мироустройства». По мнению Л.Л. Фитуни, принципиальным вопросом является тип архитектуры зарождающегося мирового порядка, который, в зависимости от исхода СВО и прочих факторов, может приобрести многоядерную (полицентричную) или автономно-моноцентричную форму при существовании нескольких крупных акторов (аналог послевоенного мироустройства в период холодной войны между СССР и США) [11].

Сегодня в Российской Федерации приобретает популярность мнение о том, что историческая миссия России как «оплота нормальности» заключается в том, чтобы стабилизировать мировые отношения и стать одним из архитекторов не существовавшего ранее мирового порядка [12]. Стоит отметить, что такая мысль созвучна политической теории «Москва – Третий Рим», которая берет свое начало в XVI веке. Монах Филофей писал Василию III об уклонении от истинной веры Римской и Византийской империй [13], но сегодня данная теория приобретает более глобальный смысл, поскольку, по мнению многих отечественных и зарубежных политологов, государства Запада выбрали не тот путь в политическом, социальном и культурном измерениях.

По мнению О.Г. Карповича, проректора Дипломатической академии МИД России, на Российскую Федерацию как значимого участника мировой политики и суверенную державу возложена ответственность за глобальный мир и безопасность, что подтверждается ее постоянным членством в Совете Безопасности ООН. О.Г. Карпович отмечает, что сложившийся кризис в международных отношениях стал для России «окном возможностей» для переориентации на сотрудничество с незападными государствами, которые долгое время не имели возможности заявить о себе на мировой арене [12].

Таким образом, в ходе анализа вышеизложенных мнений было выявлено, что существуют различные точки зрения относительно сущности процесса трансформации мирового порядка и возможных путей дальнейшего развития геополитической ситуации. При этом большинство исследователей разделяет позицию о невозможности развития новой системы международных отношений без участия Российской Федерации.

Подводя итог и отмечая сложность построения прогнозов среднесрочного и долгосрочного характера, обусловленную наличием множества активных и «тлеющих» конфликтов регионального и глобального масштаба, нельзя не подчеркнуть, что именно Россия как уникальная евразийская и евротихоокеанская держава-цивилизация обладает необходимым ресурсом для поддержания мирового баланса сил и становления одной из опор новой многополярной системы международных отношений. Межгосударственные объединения уже стали активными участниками процесса формирования каркаса новой мировой политической системы. Одним из таких объединений является БРИКС, роль которого многократно возросла в последние годы. Нынешний кризис в международных отношениях является не только вызовом, но и «окном возможностей» для Российской Федерации, которая планомерно переориентировалась на сотрудничество с другими незападными государствами, заинтересованными в формирова-

нии многополярного мира, основанного на принципах справедливости и равенства в международных делах.

Литература

1. BRICS Member Nations // BRICS Today. 2025. URL: https://bricstoday.com/members/ (дата обращения: 12.03.2026).

2. BRICS expands with new partner countries. Now it's half of world population, 41% of global economy // GeopoliticalEconomy. 2024. URL: https://geopoliticaleconomy.com/2024/12/25/brics-expands-9-partner-countries-population-economy/ (дата обращения: 12.03.2026).

3. О Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества: официальный сайт. 2015. URL: https://rus.sectsco.org/20151208/16789.html (дата обращения: 15.03.2026).

4. Михайленко А.Н. Контуры нового мирового порядка / А.Н. Михайленко // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 8. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=42344264 (дата обращения: 15.03.2026).

5. Алексей Пушков: «Переход к новому миропорядку будет хаотичным» // Московский комсомолец. 2018. URL: https://www.mk.ru/culture/2018/06/06/aleksey-pushkov-perekhod-k-novomu-miroporyadku-budet-khaotichnym.html (дата обращения: 16.03.2026).

6. Лукьянов Ф. Старое мышление для нашей страны и всего мира / Ф. Лукьянов // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 2. URL: https://globalaffairs.ru/articles/staroe-myshlenie/ (дата обращения: 16.03.2026).

7. Цыганков А. Эпоха полураспада: от миропорядка к миропереходу / А. Цыганков // Россия в глобальной политике. 2019. № 2. URL: https://globalaffairs.ru/articles/epoha-poluraspada-ot-miroporyadka-k-miroperehodu/ (дата обращения: 20.03.2026).

8. Гузенкова Т.С. Глазами российских экспертов «новая реальность» в международных отношениях / Т.С. Гузенкова // Свободная мысль. 2023. № 6. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=63495040 (дата обращения: 20.03.2026).

9. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 27.03.2026).

10. Singh S. BRICS Expanding Opportunities to Influence Global Governance / S. Singh // Asia Times. 2023. URL: https://asiatimes.com/2023/05/brics-expanding-opportunities-to-influence-global-governance/ (дата обращения: 27.03.2026).

11. Фитуни Л.Л. Переустройство миропорядка: БРИКС и Африка в эпоху перемен, или «многоядерность» против «полицентричности» / Л.Л. Фитуни // Ученые записки Института Африки РАН. 2022. № 4. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49891446 (дата обращения: 03.04.2026).

12. Россия в условиях «новой нормальности» // Газета Труд. 2023. URL: https://www.trud.ru/article/02–02–2023/1465451_rossija_v_uslovijax_novoj_normalnosti.html (дата обращения: 04.04.2026).

13. «Москва – Третий Рим» // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2232667 (дата обращения: 04.04.2026).

BRICS AS A NEW CENTER OF POWER IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE WORLD ORDER

Orlova I.V., Bednenko A.S.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

The article considers the BRICS interstate transcontinental grouping as a new center of power in the context of the transformation of the world order. In the current geopolitical situation, which has become much more complicated due to the presence of a large number of international crises caused by factors of various nature, the world community needs to breathe new life into international law. According to political science experts, the international law is also in a crisis situation and de facto cannot ensure compliance with generally accepted norms by subjects of international relations. In response to the increasing comprehensive pressure from the United States of America and its partners on states that do not want to give up national sovereignty, the latter are gradually creating international associations of various kinds. They are designed to compensate for the imbalance in the system of international relations and create a new world order based on the principles of multipolarity, justice and equality in international affairs. One of these associations is BRICS (formerly BRIC), an association created in 2006 on the initiative of the President of the Russian Federation, Vladimir Putin. Nowadays BRICS is one of the most significant actors in world politics, defining the contours of the new world order.

Keywords: new world order, interstate associations, BRICS+, SCO, devaluation of the international law system, multipolar world.

References

1. BRICS Member Nations // BRICS Today. 2025. URL: https://bricstoday.com/members (date of access: 12.03.2026).

2. BRICS expands with new partner countries. Now it's half of world population, 41% of global economy // GeopoliticalEconomy. 2024. URL: https://geopoliticaleconomy.com/2024/12/25/brics-expands-9-partner-countries-population-economy (date of access: 12.03.2026).

3. About the Shanghai Cooperation Organization // Shanghai Cooperation Organization: official website. 2015. URL: https://rus.sectsco.org/20151208/16789.html (date of access: 15.03.2026).

4. Mikhailenko A.N. Contours of the new world order / A.N. Mikhailenko // Ethnosocium and interethnic culture. 2019. № 8. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=42344264 (date of access: 15.03.2026).

5. Alexey Pushkov: «The transition to a new world order will be chaotic» // Moskovsky Komsomolets. 2018. URL: https://www.mk.ru/culture/2018/06/06/aleksey-pushkov-perekhod-k-novomu-miroporyadku-budet-khaotichnym.html (date of access: 16.03.2026).

6. Lukyanov F. Old thinking for our country and the whole world / F. Lukyanov // Russia in Global Politics. 2022. Vol. 20. № 2. URL: https://globalaffairs.ru/articles/staroe-myshlenie (date of access: 16.03.2026).

7. Tsygankov A. The Age of half-life: from world order to world transition / A. Tsygankov // Russia in Global Politics. 2019. № 2. URL: https://globalaffairs.ru/articles/epoha-poluraspada-ot-miroporyadka-k-miroperehodu (date of access: 20.03.2026).

8. Guzenkova T.S. Through the eyes of Russian experts, the «new reality» in international relations / T.S. Guzenkova // Free Thought. 2023. № 6. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=63495040 (date of access: 20.03.2026).

9. The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023) // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: official website. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586 (date of access: 27.03.2026).

10. Singh S. BRICS Expanding Opportunities to Influence Global Governance / S. Singh // Asia Times. 2023. URL: https://asiatimes.com/2023/05/brics-expanding-opportunities-to-influence-global-governance (date of access: 27.03.2026).

11. Fituni L.L. The Restructuring of the World order: BRICS and Africa in an Era of Change, or «multi-core» versus «polycentricity» / L.L. Fituni // Scientific Notes of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 2022. № 4. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49891446 (date of access: 03.04.2026).

12. Russia in the context of the «new normality» // Newspaper Trud. 2023. URL: https://www.trud.ru/article/02–02–2023/1465451_rossija_v_uslovijax_novoj_normalnosti.html (date of access: 04.04.2026).

13. «Moscow – the Third Rome» // Great Russian Encyclopedia. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2232667 (date of access: 04.04.2026).

Гуманитарная политика России: между хельсинкским наследием и вызовами постгегемонии

Борисов Алексей Владимирович,
кандидат философских наук, доцент кафедры политической теории,
Дипломатическая академия МГИМО МИД России
E-mail: aborisof@gmail.com

Статья посвящена критическому анализу концептуальных оснований отечественной гуманитарной политики. Автор показывает, что российский подход к гуманитарному взаимодействию по сей день определяется наследием «третьей корзины» Хельсинкского заключительного акта, где гуманитаризм трактовался как контролируемая межгосударственная коммуникация в сферах культуры, образования и распространения информации. Однако сегодня эта административная логика находится в непримиримом противоречии с двумя реальностями: во-первых, нелокализуемой природой современного информационного пространства и, во-вторых, сущностью современного гуманитаризма, который более не является управляемым диалогом между суверенными государствами, а представляет собой инструмент утверждения и поддержания глобальной гегемонии. На основе анализа ключевых исторических этапов развития гуманитарного дискурса – от первой мировой до окончания «холодной войны» – автор обосновывает необходимость переосмысления отечественной гуманитарной политики. Ее превращение из самоцели в средство формирования альтернативной сетевой архитектуры взаимодействия возможно, если Россия сможет, выступив от лица человечества, предложить разделяемую модель мироустройства, основанную на уважении права народов самостоятельно определять собственный политический, социальный, экономический и культурный уклад. Только на этом пути гуманитарная политика сможет стать действенным механизмом утверждения суверенитета в условиях трансформации современного миропорядка.

Ключевые слова: гегемония, глобальное управление, гуманитарная политика, идеология, международные отношения, «мягкая сила», права человека, ООН, G 7, Россия, суверенитет, Хельсинкский заключительный акт.

Кризис глобальной гуманитарной системы, несмотря на свою очевидность, до сих пор не стал предметом широкого обсуждения в отечественной экспертной среде. Концептуальная размытость – не просто терминологическая неточность. Она свидетельствует о более глубокой проблеме, коренящейся в самом подходе к гуманитарному взаимодействию. Этот подход был сформирован в иные исторические условия и по сей день определяет логику отечественной гуманитарной политики. Речь идет о наследии Хельсинкского заключительного акта, где гуманитарное взаимодействие трактовалось как контролируемая межгосударственная коммуникация в области культуры, образования и распространения информации – то, что в документах ОБСЕ получило название «третья корзина». Принимавшийся в условиях холодной войны, этот механизм был призван обеспечить управляемую коммуникацию между противостоящими блоками, а термин «гуманитарный» означал лишь постулируемое единство человечества, двигавшегося к одной, пусть и по-разному понимаемой цели. В основание этого единства были положены права человека – как набор ценностей и норм, делающих коммуникацию возможной.

Сегодня эта логика вступает в острое противоречие как с нелокализуемой природой современного информационного пространства, так и с исторической сущностью самого гуманитаризма, сформировавшегося в XX веке не как способ контролируемой коммуникации между суверенными государствами, а как инструмент утверждения и поддержания глобальной гегемонии. Леонид Ильич Брежнев, выступая в Хельсинки, заявил: «Никто не должен, опираясь на те или иные соображения внешнеполитического характера, пытаться диктовать другим народам, как они должны устраивать внутренние дела» [4]. По сути в этом заявлении выражена уверенность, что у коммуницирующих государств достаточно сил для контроля каналов коммуникаций, а у их политического руководства достаточно здравого смысла, позволяющего не переходить границы дозволенного. К сожалению, эта ни на чем не основанная уверенность существует и поныне, что находит отражение в отечественных документах стратегического планирования. Так, три из четырех принципов гуманитарной политики России, такие как: «невмешательство во внутренние дела других государств»; «готовность учитывать интересы иных игроков на мировой арене» и «партнерство, заключающееся в реализации участниками международного гуманитарного сотрудничества совместных проектов, основанных на объединении ресурсов и координации деятельности» [5], постулируют принцип суверенного равенства и готовности равноправному сотрудничеству государств. Четвертый же принцип заключается в репрезентации России, как государства «формирующего условия для всестороннего развития личности, реализации ее творческого потенциала, продвижения традиционных духовно-нравственных ценностей».

Проблема заключается даже не в том, что заявленные принципы гуманитарной политики вступают в острое противоречие с реальностью – современное информационное пространство принципиально не локализуемо, они противоречат самой сути гуманитаризма. Гуманитарная политика не специфический способ коммуникации. Гуманитаризм, в его современной трактовке, есть обоснование и следствие попыток построения глобальной гегемонии после «тотальных» войн XX века. Именно тотальность войны, неразличимость комбатантов и некомбатантов, необходимость мобилизации народных масс в условиях неопределенных и постоянно меняющихся целей, преследуемых воюющими сторонами, привели к беспрецедентному росту пропагандистских усилий воюющих государств, которые были сосредоточены на дегуманизации противника и продвижении образа мира, который устраивал бы всех участников коалиции-победителей. Противник, кто бы он ни был, совершал преступление против человечности, а победители выступали от его лица.

Архитектор послевоенного мира, Вудро Вильсон, не был идеалистом, когда выступал от лица человечества с предложением мира без победы и победителей. Посол Германской империи в США в 1908–17 гг. граф Бернсторф утверждал в своих мемуарах, что не ожидал от Вильсона ничего иного, «нежели действий, исходящих исключительно из американских, а не чьих-то ещё, интересов» и добавляет, что «мир без победы» позволил бы Соединенным Штатам стать бесспорным мировым лидером [6]. И действительно, вскоре после вступления США в войну, Вудро Вильсон напишет своему советнику Эдварду

Хаусу: «Когда война закончится, мы сможем принудить их мыслить по-нашему, ибо к этому моменту они, не говоря уже обо всем прочем, будут в финансовом отношении у нас в руках» [7]. Это была попытка формирования глобальной гегемонии, когда одно государство достаточно могущественно, чтобы устанавливать и поддерживать основные правила, регулирующие межгосударственные отношения и готово это делать [8]. Но гегемония невозможна вне достижения идентичности субъектов международных отношений, в основе которой лежит их, субъектов, готовность добровольно принять эти правила.

Поэтому В.Вильсон обращался к народам, а не государствам, выступал от лица человечества, утверждая, что полномочия участников Парижской мирной конференции определяет именно оно, а «не партии и не политические силы» [9]. Обращение к народам было попыткой легитимировать мировой порядок, выходящий за пределы национальных границ, утвердить всеобщий характер правил и норм, регулирующих поведение государств, как лишь одной из возможных форм репрезентации народов, которая может быть признана легитимной лишь в случае ее соответствия требованиям победителей, представляющих человечество. В конце тридцатых годов прошлого века К. Шмитт укажет на то, что «Женевская юриспруденция Лиги Наций, приступила к развенчиванию понятия государства, выступая против понятия суверенитета. Это происходит так, чтобы без сомнения предстоящему преодолению понятия государства в международном праве придать направление к пацифистско-гуманитарному, то есть к универсалистскому мировому праву» [10]. Переход к универсальному мировому порядку не состоялся в силу целого ряда причин и, прежде всего, отказа США от установления и поддержании универсальной гегемонии, но именно тогда выдвигается универсальная идея человечества, а отрицание суверенитета, которое с этой идеей сопряжено, рассматривается как ключевое условие достижения мира.

Вторая попытка выступить от лица человечества предпринимается после второй мировой войны. То, что отрицание суверенности государства было одной из целей архитекторов мирового порядка, подчеркнет, выступая в январе 1941 г. перед Конгрессом, Ф. Рузвельт. Он заявляет о желании противопоставить «новому порядку», который отождествляет с тиранией, «величественную концепцию морального порядка», который должен базироваться на основополагающих человеческих свободах: «Мировой порядок, к которому мы стремимся, предусматривает взаимное сотрудничество свободных государств, трудящихся в дружелюбном, цивилизованном обществе … Свобода означает господство прав человека повсюду» [11][1]. Обращение к идее прав человека не означала безусловную приверженность этим правам. Упоминания о правах человека не содержались в Атлантической хартии и Декларации четырёх государств по вопросу о всеобщей безопасности (далее – Московская декларация), тема прав человека не обсуждалась на конференции в Думбартон-Оксе, а в предложениях, выработанных на конференции, права человека упоминаются лишь в контексте сотрудничества по международным экономическим и социальным вопросам, где на ООН возлагались обязанности по поощрению прав человека и основных свобод [12–14].

Права человека – порождение Международного военного трибунала в Нюрнберге, когда судьи выступали как представители человечества, суверенность государства была поставлена под сомнение, а право вмешаться с гуманитарными целями была объявлена новой нормой. Главный обвинитель от СССР Р.А. Руденко сказал: «Человечество призывает к ответу преступников, и от его лица мы, обвинители, обвиняем в этом процессе. И как жалки попытки оспорить право человечества судить врагов человечества, как несостоятельны попытки лишить народы права карать тех, кто сделал своей целью порабощение и истребление народов и эту преступную цель много лет подряд осуществлял преступными средствами» [16]. Представитель Великобритании Х.Шоукросс, при полной поддержке американского обвинителя Р.Джексона, в заключительной речи идет дальше, заявляя, что «право гуманного вмешательства путем войны не является новеллой в международном праве. В таком случае может ли юридическое вмешательство быть незаконным? Устав Трибунала предусматривает благотворный принцип … и содержит предупреждение для будущих диктаторов и тиранов, маскирующихся под законное государство, предупреждение о том, что, если для того, чтобы содействовать своим преступлениям против сообщества народов, они будут пренебрегать святостью прав человека в своей собственной стране, они поставят самих себя под угрозу, поскольку тем самым оскорбят международное право народов» [16].

Столь отличные подходы найдут выражения в развернувшейся позже дискуссии по поводу институциализации прав человека. СССР настаивал на том, что права человека могут быть защищены и гарантированы только государством, а не наднациональными институтами [17]. США и Британия отстаивали принцип универсализма, предполагая, что находящиеся под их контролем надгосударственные политические институты, прежде всего ООН, смогут легитимировать их деятельность по унификации политических режимов. Стоит сравнить выступление Шоукросса и заявление Кофи Анана, сделанное в 2000 г.: «если гуманитарная интервенция действительно является неприемлемым ударом по суверенитету, то как нам следует реагировать на такую ситуацию, как в Руанде или в Сребренице, то как реагировать на грубые и систематические нарушения прав человека, которые противоречат всем заповедям человеческого бытия?» [18].

Права человека не связаны напрямую с понятием человечества и принятие Всеобщей декларации прав человека не рассматривалась как знаковое событие планетарного масштаба. Сам процесс принятия декларации и широкая дискуссия, происходившая в процессе ее принятия, указывают на ее компромиссный характер, когда «права человека» формулировались представителями правительств [19]. Делегации ряда стран, не входящих в орбиту геополитического влияния США и Британии, указывали на концепцию прав человека, как инструмент для реализации имперских амбиций США [20]. И с этим трудно не согласится. Но проблема заключалась не только в этом. Декларация прав человека оставила нерешенным вопрос – кто выступает от лица человечества в расколотом мире, переживающим «холодную войну»? А следовательно – кто определяет, способствует ли «социальный и международный порядок» осуществлению прав и свобод человека, как того требует статья 28 Всеобщей декларации прав человека, а также вопрос соответствия того или иного государства требованиям статьи 21 означенной декларации [21]. В отечественной политологическом и околополитическом дискурсе указывают на использование прав человека и правозащитной риторики во внешней политике США и их союзников, но подобная риторика использовалась Советским Союзом и странами социалистического блока [22].

Включение гуманитарных вопросов в хельсинский заключительный акт не было, как это любят утверждать отечественные и зарубежные обществоведы, ошибкой советского руководства и одной из причин поражения в холодной войне. Хельсинкские соглашения предполагали соглашение о взаимодействии сторон в глобализирующемся мире, устанавливая ограничения для возможного использования прав человека, как инструмента вмешательства во внутренние дела. В формулировке первого же принципа, которым государства-участники совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе будут руководствоваться во взаимных отношениях – суверенного равенства государств, указывается что они «будут также уважать право друг друга свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, равно как и право устанавливать свои законы и административные правила» [23].

Так же предполагалось, что «в области прав человека и основных свобод государства-участники будут действовать в соответствии с целями и принципами Устава ООН и Всеобщей декларацией прав человека. Они будут *также выполнять свои обязательства, как они установлены в международных декларациях и соглашениях в этой области, включая в том числе Международные пакты о правах человека, если они ими связаны*» [25]. Таким образом, права человека обозначены лишь как обязательства государств «если они ими связаны». Но Декларация прав человека носит характер рекомендации и не «связывает» государства, а международные пакты о правах человека в преамбуле содержат указание на обусловленность прав человека его групповой принадлежностью – «каждый отдельный человек, имея обязанности в отношении других людей и того коллектива, к которому он принадлежит, должен добиваться поощрения и соблюдения прав», а в статье первой, также общей для Международных пактов о правах, утверждается право народа на установление своего политического статуса и свободного обеспечения своего экономического, социального и культурного развития [26]. Примечательно, что разделе, посвященном «сотрудничеству в гуманитарных и других областях» («третья корзина» – А.Б.) вообще не содержится указаний на права человека, там лишь перечислены формы и условия коммуникации между гражданами государств [27].

Термин гуманитарный лишь подчеркивал трансграничность (или же трансблоковость) взаимодействия, его неполитический характер. гуманитарность обозначает лишь беспристрастность, ничего более. СССР не смог использовать достигнутые договоренности в своих интересах, что в последствии породило миф, широко тиражируемый отечественными и зарубежными авторами, о губительности для СССР включения в заключительный акт гуманитарных вопросов. Основная проблема подобных исследователей заключается том, что, рассматривая хельсинкские договоренности, они упускают из виду контекст.

[1] Речь Франклина Рузвельта «Четыре свободы». // Дилетант [электронный ресурс] URL: https://diletant.media/articles/36656237/# (дата обращения: 23.03.2026).

Хельсинки – продукт и высшая точка разрядки международной напряженности, которой предшествовало балансирование на грани ядерного апокалипсиса и достижение паритета в гонке ядерных вооружений. Поэтому-то в период с 1968 по 1975 год обнародована доктрина ограниченного суверенитета – «доктрина Брежнева», подписаны Соглашение между СССР и США об обменах и сотрудничестве в научной, технической, образовательной, культурной и других областях; Основы взаимоотношений между СССР и США; Московский договор между СССР и ФРГ. ООН, наконец-то, определяет понятие агрессии, принимаются Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, Хартия экономических прав и обязанностей государств. Таким образом, Хельсинкские договоренности не были чем-то принципиально новым, они лишь фиксировали сложившееся на тот момент положение дел, закрепляя за сверхдержавами зоны контроля и ограничивая возможное вмешательство со стороны геополитического конкурента. Происходит формирование набора правил, определяющих взаимодействие «первого» и «второго» мира, которые репрезентовали США и СССР соответственно. Выработка регламента, определяющего подобные взаимодействия, и происходит в Хельсинки.

Проблема заключалась в том, что СССР, исчерпав революционный запал, не смог выдвинуть современные «мировоззренческие идеи и принципы», которые бы смогли определить и ограничить мировой порядок. Черняев А.Б., в 1975 г. заместитель начальника Международного отдела ЦК КПСС, пишет в своем дневнике: «Но куда и как идем! Что от идеологии ничего не осталось – уже очевидный факт. … если с превращением провалов и отставания в новые исторические успехи, мы, спичрайтеры, как-нибудь еще справимся …, то с определением перспективы вообще не знаем, что делать. … Обидно, что страна при таких ресурсах, наверно, уже превращается в заурядное большое государство с иррациональной, но закономерно присущей большой стране, логикой внешней и внутренней политики с бездуховностью и безыдейностью, с реагированием на всякое внутри и вокруг, но без собственных идей и без вдохновенья» [30]. Отсутствие идеи компенсировалось либо использованием силовых методов, либо раздачей финансово-экономических «подачек». И первое, и второе приводило к экономическому надрыву, истощению ресурсной базы и необходимостью выбора между решением внутриполитических проблем и проблем, связанных с сохранением гегемонии.

Выбор между внутриполитическим развитием и сохранением гегемонии был заведомо обречен на провал, поскольку в обществе потребления, которое сформировалось в шестидесятых годах, идеи классовой борьбы и классовой солидарности упирались в простой вопрос: кто способен обеспечить более высокий уровень благосостояния народа? Именно в этом и заключается суть концепции «мягкой власти», которую, пытаясь объяснить неожиданную для США победу в холодной войне, выдвинет Дж.Най [31]. «Мягкая власть» – это те ресурсы, которыми обладает государство и, которые могут быть, в определенных условиях, привлекательными для граждан тех или иных государств. Эти ресурсы находят отражение в информационных сообщениях, преломляясь через оценки тех, кто эти сообщения передает. Дефицит «мягкой власти», обусловленный внутренними проблемами социально-экономического развития страны, может быть компенсирован обращенной в будущее идеей, обещанием нового мира, к которому ведет непростой путь. Но в условиях, когда «от идеологии ничего не осталось», а путь, который СССР призывал разделить остальные страны, оказался путем в экономический тупик, усилия государства были направлены лишь на сохранение статус-кво, что требовало затрат, в том числе для защиты коммуникационных каналов и воспрепятствованию информационного воздействия оппонента. Подобное бремя оказалось непомерным для СССР.

Отказ от «доктрины Брежнева» во второй половине восьмидесятых годов был продиктован, в том числе и экономическими соображениями. Так, в исследовании, посвященному 1989 г., последнему году холодной войны, содержится следующее заявление: Горбачев тоже не рассчитывал на «победу» в холодной войне [32]. Он и его тогдашние сподвижники понимали и признавали, что в дальнейшей «гонке» на новом технологическом витке мы проиграем, не выдержим чудовищного «соревнования». Но для нас же принципиально то, что добровольный отказ советского руководства от гегемонии привёл к реанимации нарратива о едином человечестве [33]. М.С. Горбачев, выступая с докладом на 43 сессии Генеральной ассамблеи ООН, заявил: «Дальнейший мировой прогресс возможен теперь лишь через поиск общечеловеческого консенсуса в движении к новому мировому порядку» [34]. Идея единой человеческой судьбы в выступлении Горбачева сопровождается заявлениями о деидеологизации международных отношений, что должно привести к «верховенству общечеловеческой идеи над бесчисленным множеством центробежных сил, к сохранению жизнеспособности цивилизации»; о демократизации и гуманизации международных отношений; о том, что в центре международных отношений должен быть «человек, его заботы, права и свободы», о демократии, как единственно возможной форме политического устройства, о новой, ведущей роли ООН.

Предложение, сделанное Горбачевым М.С., было с радостью воспринято нашими геополитическими оппонентами СССР. Стоит обратить внимание на стенограмму состоявшегося в январе 1992 г. заседания Совета Безопасности ООН на высшем уровне с повесткой «Ответственность Совета Безопасности за поддержание международного мира и безопасности», где во имя обеспечения прав человека был подставлен под вопрос принцип безусловного суверенитета государств, и сравнить ее с Экономической декларацией саммита G7, состоявшегося в Лондоне 17 июля 1991 г., где уже в преамбуле четко обозначены намерения победителей в холодной войне: « Наша цель – поддерживать демократию, права человека, верховенство закона и эффективное управление экономикой, которые в совокупности являются залогом процветания. … В ключевым условием для достижения этой цели является необходимость создания более сильной и эффективной системы ООН» [36]. Необходимость укрепления ООН, как элемента глобального управления громко звучит на всех саммитах, начиная с 1991 года. Это не представляется случайным.

Президент США Дж. Буш, выступая на заседании Совета Безопасности ООН на высшем уровне, напрямую увязывает изменение роли ООН и краха СССР, заявляя монополию стран победительниц на использование ООН как политического инструмента, легитимирующего усилия западных стран по построению нового мирового порядка, продвигающего глобальные повестки – в области торговли и развития, миротворчества и миростроительства, климата и зеленой экономики, миграции, вырабатывая не только новые цели и нормы, но и инструменты вмешательства во внутренние дела суверенных государств [37]. К таковым инструментам можно с полной уверенностью отнести права человека, гуманитарную помощь, основные параметры которой были разработаны на лондонском саммите «Большой семерки» в 1991 г [38], концепции «безопасности человека», «ответственности по защите», превентивную дипломатия и миротворчество, содействие развитию и многое другое.

Взаимосвязанные глобальные политические повестки продвигаются от лица человечества, а инструменты задействуются во благо человека. Но это лишь предлог, который способствует реализации интересов узкой группы стран, принадлежащих к золотому миллиарду. Именно эти страны, где-то и когда-то совместно с СССР, сформировали глобальную политическую и экономическую инфраструктуру, которая способствует продвижению их интересов, заставляя других играть по правилам, которые невозможно отнести к источникам международного права. Гуманитарная деятельность/политика не более, чем формирование, обоснование, поддержание и продвижение правил игры, которые определяют движение глобальных игроков к заданной цели, которая предельно подвижна, побуждая их к определенным формам сотрудничества, которое не рассматривается как самоцель, а лишь как средство для достижения множества других целей, помогая поддерживать глобальную гегемонию Запада. Когда руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, заявляет о том, что «Россотрудничество занимается гуманитарной внешней политикой» [39], это значит лишь то, что в России гуманитарная политика превратилась в самоцель, а не средство, которое способствует реализации национальных интересов государства формируя, поддерживая и защищая единое пространство коммуникаций, создавая предпосылки для однозначного понимания всеми участниками коммуникативного взаимодействия тех или иных мировых событий, заявлений и позиции государства.

Фундаментальная ошибка современной российской гуманитарной стратегии заключается в подмене цели средствами. Гуманитарная политика, рассматриваемая как инструмент реализации национальных интересов – формирования единого коммуникационного пространства, обеспечения однозначности интерпретации ключевых событий, защиты суверенитета в информационной сфере, – превратилась в самодовлеющую активность, существующую ради самой себя. Опора на принципы, выработанные в эпоху биполярного противостояния, и наивная вера в возможность сохранения суверенитета коммуникационного пространства посредством контролируемой межгосударственной коммуникации, обрекают Россию на роль вечно догоняющего участника международных отношений, вынужденного реагировать на импульсы, исходящие от «центров силы», задающих правила игры.

Дальнейшее следование логике «третьей корзины», где гуманитарное измерение сведено к управляемому обмену информацией между суверенными государствами, а попытка противопоставить универсалистскому проекту Запада собственные ценности носит преимущественно декларативный характер, неизбежно приводит к истощению ресурса «мягкой силы» и углублению коммуникативного разрыва с теми акторами, которые уже интегрированы в сетевую инфраструктуру западного влияния. Это путь, лишенный стратегической перспективы, где цена иллюзий оказывается слишком высокой.

Гуманитарная политика должна стать амбициозным, организационно и технологически обеспеченным проектом по созданию альтернативной сетевой архитектуры взаимодействия, способной конкурировать с существующими центрами влияния. Но вот возможен ли такой проект без выдвижения собственной содержательной повестки, которая не исчерпывается критикой существующего порядка или апелляцией к традиционным ценностям как к щиту от внешнего воздействия? Необходимо предложить позитивную, привлекательную для широкого круга участников, модель мироустройства, где объединяющей целью становится не унификация человечества в интересах узкой группы стран Запада, а обеспечение устойчивого развития при безусловном уважении права народов самостоятельно определять собственный политический, социальный, экономический и культурный уклад. Именно такая модель способна стать источником подлинной «мягкой силы», не нуждающейся в защите от внешних воздействий, поскольку она предлагает разделяемую и привлекательную для других цель, выходящую за рамки узконациональных интересов. Только на этом пути гуманитарная политика перестает быть затратным атрибутом «великодержавности» и превращается в действенный механизм утверждения суверенитета в условиях неизбежной децентрализации современного миропорядка.

Литература

1. Российская гуманитарная политика в эпоху многополярности: доклад / М.: Фонд Горчакова, 2025. 40 с.
2. Лукьянов Ф. Корзина замедленного действия [Электронный ресурс] // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/mneniya/opyty/26834-korzina-zamedlennogo-deistviya (дата обращения: 15.03.2026).
3. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Утв. Указом Президента РФ от 05.09.2022 № 611 [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280 (дата обращения: 15.03.2026).
4. Bernstorff J.H. My Three Years in America [Электронный ресурс]. URL: https://litres.com/book/bernstorff-johann-heinrich/my-three-years-in-america-24168612/ (дата обращения: 25.03.2026).
5. Киссинджер Г. Дипломатия. // М.: Ладомир, 1997. 848 с.
6. Кеохейн Р. После гегемонии. Что будет с ними и с нами? //М.: Родина, 2024. 432 с.
7. Боббитт Ф. Щит Ахилла. Война, мир и ход истории: в 2 т. Т. 2. //М.: Individuum, 2022. 736 с.
8. Шмитт К. Номос земли в праве народов jus publicum europaeum.// СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
9. Речь Франклина Рузвельта «Четыре свободы» [Электронный ресурс] // Дилетант. URL: https://diletant.media/articles/36656237/ (дата обращения: 23.03.2026).
10. Атлантическая хартия: декларация президента США и премьер-министра Великобритании от 14.08.1941 г. [Электронный ресурс] // Е-Досье. URL: https://e-ecolog.ru/docs/5mvtrtcw3lDwERhbtfIoU (дата обращения: 23.03.2026).
11. Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности. Москва, 30.10.1943 г. [Электронный ресурс] // Е-Досье. URL: https://e-ecolog.ru/docs/LQ_C0tyAbfiPAEyWxbDdT (дата обращения: 23.03.2026).
12. Proposals for the Establishment of a General International Organization. Washington Conversations, 07.10.1944 [Электронный ресурс] // Derecho Internacional. URL: https://www.dipublico.org/doc/instrumentos/163.html (дата обращения: 23.03.2026).
13. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: в 7 т. Т. 7 // М.: Госюриздат, 1961. 760 с.
14. Хирш Ф. Суд в Нюрнберге: Советский Союз и Международный военный трибунал.// М.: Новое литературное обозрение, 2023. 640 с.
15. Мы, народы: роль ООН в XXI веке. Доклад Генерального секретаря. A/54/2000.
16. Holas H.G. The United Nations as a Political Institution. 5th ed. // Oxford: Oxford University Press, 1975.
17. Мазовер М. Власть над миром: История идеи. // М.: Кучково поле, 2016. 432 с.
18. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) ГА ООН от 10.12.1948 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 25.03.2026).
19. Бюхнер-Удер В. Права человека: утопия или реальность? // М.: Знание, 1985.
20. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Хельсинки, 1975 [Электронный ресурс]. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 29.03.2026).
21. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) ГА ООН от 16.12.1966 г.
22. Богомазов Н.И. «Отказ советского правительства произведет удручающее впечатление»: попытка Красного Креста получить разрешение на посещение советских тюрем и лагерей // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 247–258.
23. Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы.
24. Горбачевские чтения. Вып. 7 // М.: Горбачев-Фонд. 2010. 234 с.
25. Выступление М.С. Горбачева на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 07.02.1988 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/vystuplenie_v_oon.pdf (дата обращения: 29.03.2026).
26. Заседание Совета Безопасности ООН. S/PV.3046, 31.01.1992.
27. G7 London Summit. Economic Declaration: Building World Partnership, 17.07.1991 [Электронный ресурс]. URL: https://g7.utoronto.ca/summit/1991london/communique/ (дата обращения: 29.03.2026).
28. Борисов А.В. Д. Трамп и будущее гуманитарной системы ООН // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2025. № 2 (44). С. 32–50.

RUSSIA'S HUMANITARIAN POLICY: BETWEEN THE HELSINKI LEGACY AND THE CHALLENGES OF POST-HEGEMONY

Borisov A.V.
Diplomatic Academy of MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article is devoted to a critical analysis of the conceptual foundations of Russian humanitarian policy. The author shows that the Russian approach to humanitarian cooperation is still determined by the legacy of the "third basket" of the Helsinki Final Act, where humanitarianism was interpreted as controlled interstate communication in the fields of culture, education and information dissemination. However, today this administrative logic is in irreconcilable contradiction with two realities: firstly, the non-localized nature of the modern information space and, secondly, the essence of modern humanitarianism, which is no longer a controlled dialogue between sovereign states, but a tool for establishing and maintaining global hegemony. Based on the analysis of key historical stages in the development of humanitarian discourse – from the First World War to the end of the Cold War – the author substantiates the need to rethink domestic humanitarian policy. Its transformation from an end in itself into a means of forming an alternative network architecture of interaction is possible if Russia can, acting on behalf of humanity, propose a shared model of the world order based on respect for the right of peoples to independently determine their own political, social, economic and cultural way of life. Only in this way can humanitarian policy become an effective mechanism for asserting sovereignty in the context of the transformation of the modern world order.

Keywords: hegemony, global governance, humanitarian policy, ideology, international relations, "soft power", human rights, UN, G7, Russia, sovereignty, Helsinki Final Act.

References

1. Russian humanitarian policy in the Era of multipolarity: a report / Moscow: Gorchakov Foundation, 2025. 40 pages.
2. Lukyanov F. Basket of delayed action [Electronic resource] // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/mneniya/opyty/26834-korzina-zamedlennogo-deistviya (date of application: 03/15/2026).
3. The concept of humanitarian policy of the Russian Federation abroad. Approved by By Decree of the President of the Russian Federation dated 05.09.2022 No. 611 [Electronic resource]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280 (date of request: 03/15/2026).
4. Bernstorff J.H. My Three Years in America [Electronic resource]. URL: https://litres.com/book/bernstorff-johann-heinrich/my-three-years-in-america-24168612 / (date of reference: 03/25/2026).
5. Kissinger G. Diplomacy. // M.: Ladomir, 1997. 848 p.
6. Keohane R. After Hegemony. What will happen to them and to us? /Moscow: Rodina Publ., 2024. 432 p.
7. Bobbitt F. The shield of Achilles. War, peace and the course of history: in 2 vols. Vol. 2. //Moscow: Individuum, 2022. 736 p.
8. Schmitt, K. Nomos of the earth in the law of nations jus publicum europaeum.// St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2008. 670 p.
9. Franklin Roosevelt's speech "Four Freedoms" [Electronic resource] // Dilettante. URL: https://diletant.media/articles/36656237 / (date of access: 03/23/2026).
10. Atlantic Charter: declaration of the President of the United States and the Prime Minister of Great Britain dated 08/14/1941 [Electronic resource] // E-Dossier. URL: https://e-ecolog.ru/docs/5mvtrtcw3lDwERhbtfIoU (date of request: 03/23/2026).
11. Declaration of four States on the issue of universal security. Moscow, 10/30/1943 [Electronic resource] // E-Dossier. URL: https://e-ecolog.ru/docs/LQ_C0tyAbfiPAEyWxbDdT (date of request: 03/23/2026).

12. Proposals for the Establishment of a General International Organization. Washington Conversations, 07.10.1944 [Electronic resource] // Derecho Internacional. URL: https://www.dipublico.org/doc/instrumentos/163.html (date of request: 03/23/2026).
13. The Nuremberg trial of the main German war criminals: in 7 vols. Vol. 7 // Moscow: Gosyurizdat, 1961. 760 p.
14. F. Hirsch. The Nuremberg Trial: The Soviet Union and the International Military Tribunal.// Moscow: New Literary Review, 2023. 640 p.
15. We, the peoples: the role of the United Nations in the 21st century. Report of the Secretary-General. A/54/2000.
16. Holas H.G. The United Nations as a Political Institution. 5th ed. // Oxford: Oxford University Press, 1975.
17. Mazover M. Power over the World: The History of an idea. / Moscow: Kuchkovo Pole, 2016. 432 p.
18. The Universal Declaration of Human Rights. Adopted by Resolution 217 A (III) of the UN General Assembly on 10.12.1948 [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (date of reference: 03/25/2026).
19. Buchner-Uder V. Human rights: utopia or reality? / Moscow: Znanie Publ., 1985.
20. The Conference on Security and Cooperation in Europe. The final act. Helsinki, 1975 [Electronic resource]. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (date of application: 03/29/2026).
21. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Adopted by Resolution 2200 A (XXI) of the UN General Assembly on December 16, 1966.
22. Bogomazov N.I. “The refusal of the Soviet government will make a depressing impression”: an attempt by the Red Cross to obtain permission to visit Soviet prisons and camps // The modern history of Russia. 2013. No. 3. pp. 247–258.
23. Chernyaev A. A joint outcome. A diary of two eras. The years 1972–1991.
24. Gorbachev readings. Issue 7 // Moscow: Gorbachev Foundation. 2010. 234 p.
25. Mikhail Gorbachev’s speech at the 43rd session of the UN General Assembly, 02/07/1988 [Electronic resource]. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/vystuplenie_v_oon.pdf (date of access: 03/29/2026).
26. Meeting of the UN Security Council. S/PV.3046, 01/31/1992.
27. G7 London Summit. Economic Declaration: Building World Partnership, 17.07.1991 [Electronic resource]. URL: https://g7.utoronto.ca/summit/1991london/communique / (date of access: 03/29/2026).
28. Borisov A.V. D. Trump and the future of the UN humanitarian system // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World. 2025. No. 2 (44). pp. 32–50.

Цифровизация непризнанных и частично признанных государств на постсоветском пространстве: региональные подходы

Веремеенко Владислав Сергеевич,
аспирант, МГИМО МИД России
E-mail: veremeenko_vs@mail.ru

Анализируется опыт цифровизации в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье. Цель исследования – определить региональные подходы к цифровизации непризнанных и частично признанных государств на постсоветском пространстве. Исследование основано на ситуационном анализе (case-study) подходов к цифровизации и цифровой дипломатии. Анализируется три кейса, с использованием анализа статистических данных и качественных методов для оценки региональных подходов. Результаты исследования показывают, что цифровизация в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье имеет различный темп и эффективность, что связано с комплексом внешних и внутренних факторов развития каждой стран. Одновременно цифровизация непризнанных и частично признанных государств на постсоветском пространстве обладает рядом общих для региона черт. Инициатива по внедрению цифровых технологий во всех трёх случаях исходит от органов государственной власти и направлено первостепенно на сферы государственного управления и экономического развития. Политика по цифровизации непризнанных и частично признанных государств региона опирается на российский опыт и поддержку, направлена на гармонизацию с цифровыми системами России, развиваясь параллельно процессам цифровизации в Грузии и Молдавии. Цифровая дипломатия используется странами в качестве вспомогательного инструмента включения в международную повестку в условиях ограниченного дипломатического инструментария и международной изоляции. Региональные подходы к цифровизации непризнанных и частично признанных государств постсоветского пространства подтверждает стремление к усилению экономический и технологической интеграции с Россией, с одной стороны, и к дальнейшему ослаблению институциональных связей с бывшими «метрополиями».

Ключевые слова: цифровизация, непризнанное государство, постсоветское пространство, частично признанное государство, цифровая дипломатия, интеграция.

Введение

Цифровизация в современных международных отношениях становится одним их ключевых факторов развития государства, общества и экономики. Активное внедрение государствами и другими акторами международных отношений цифровых технологий обусловлено высокой скоростью глобального научно-технологического прогресса существенно влияет на конкурентоспособность государства на международной арене. Цифровизация позволяет оптимизировать процессы и обеспечить их прозрачность не только в сферах государственного управления, экономики, но и во внешнеполитической активности государства, путем внедрения компонентов цифровой дипломатии, дипломатии данных, а также путем включения в повестку международной цифровой безопасности, глобального управления интернетом и цифровых избирательных технологий. Одной из ключевых проблем цифровизации и информатизации в международных отношениях остается цифровое неравенство, или т.н. «цифровой разрыв» [13]. Глобальное сообщество и отдельные государства сталкиваются с «неравенством в доступе к цифровым благам, приводящим в конечном счете к нарушению принципов «цифровой справедливости» и «цифрового паритета» [14].

Последствиям «цифрового разрыва» подвержены в том числе т.н. непризнанные и частично признанные государства – государственные образования, не имеющие международного признания, лишенные формальной возможности действовать как субъект международных отношений, несмотря на наличие большей части необходимых признаков государственности. Из-за своего спорного статуса и ограниченного (или отсутствующего) признания самопровозглашенные политии также сталкиваются проблемами доступа к международному рынку технологий, а также дефицитом международных инвестиций в процессы цифровизации. Несмотря на все трудности, государства с ограниченным признанием не исключены из общемирового тренда, и активно внедряют цифровые и инновационные технологии. Особая заинтересованность самопровозглашенных правительств отмечается в развитии публичной и цифровой дипломатии, которые могут способствовать большему включению непризнанных и частично признанных государств в глобальную повестку, многостороннему взаимодействию с международными акторами и легитимации собственных государственных институтов.

Уникальной в контексте непризнанных и частично признанных государств можно считать ситуацию на постсоветском пространстве. Последствия распада Советского Союза обострили внутренние конфликты между бывшими союзными республиками и их автономиями, что привело к образованию ряда непризнанных государственных образований. На сегодняшний три таких государства – Республика Абхазия, Республика Южная Осетия и Приднестровская Молдавская Республика – сумели за время своего существования, в силу различных внутренних и внешних факторов, доказать свою геополитическую устойчивость, а также способность длительное время удерживать фактический суверенитет над провозглашенной территорией.

Абхазия и Южная Осетия, оспаривающие суверенитет Грузии над своей территорией, имеют статус частично признанных государств, получив дипломатически признание 5-ти государств – членов ООН (включая Россию). Приднестровье же не получило дипломатического признания ни от одной страны – члена ООН. В последнее десятилетие все три страны активно стали внедрять информационные технологии во внутригосударственные процессы и наращивать активность в сфере цифровой дипломатии.

Цель настоящего исследования – определить региональные подходы к цифровизации непризнанных и частично признанных государств на постсоветском пространстве. Для достижения поставленной цели в ходе исследования необходимо решить следующие задачи: провести сравнительный статистический анализ ключевых аспектов цифровизации, дать оценку эффективности подходов к цифровой дипломатии в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье, выявить общие региональные тенденции на основании сравнения факторов и результатов.

На сегодняшний день степень научной разработанности проблематики исследования, особенно в точки зрения региональных и международных аспектов, можно оценить как невысокую. В научном дискурсе по проблеме преобладают узкоспециализированные исследования

внедрения цифровых технологий в разных областях государственного управления, экономики и образования непризнанных государств постсоветского пространства; региональный компонент проблемы рассматривается в ряде работ в контексте развития экономической интеграции непризнанных государств с бывшей «метрополией» [6] или с «патроном» [6]. Так, В. Чкареули и Г. Баакашвили дают оценку роли цифровых платформ в (ре)интеграции Грузии и Абхазии [1]. В свою очередь Е.В. Думина исследовала интеграцию Южной Осетии и России через сотрудничество в сфере высоких технологий [12]. Осмыслению опыта внедрения инструментов цифровой дипломатии непризнанных государств (в т.ч. за пределами постсоветского пространства) посвящены работы Дж. Комаи [2], Р. Фихтнер и Д. Ингенхофф [3], С. Геде [5].

Таким образом, анализ подходов Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья к цифровизации и развитию цифровой дипломатии представляет особый интерес с точки зрения выявления региональных особенностей цифровизации в условиях ограниченного международного признания, замороженного конфликта с бывшей «метрополией» и высокой степени зависимости от государства – «патрона». Настоящее исследования также призвано восполнить пробел в сравнительном анализе цифровизации между непризнаннами и частично признанными государствами региона, выходя за рамки проблематики интеграции и дезинтеграции с бывшей «метрополией» и государством – «патроном».

Методологическую основу исследования составляет институционализм. Методология институционализма может внести непосредственный вклад в концептуализацию проблематики цифровизации в государствах с ограниченным признанием, особенно с точки зрения международных режимов, формальных и структурных институтов. В настоящее время международное признание государства тесно связано с формальными и неформальными институтами глобального управления, а самим институтами отводится важная роль «функциональных агентств» [7], создающих потребность сотрудничества, в том числе для конфликтующих сторон. Институционализм предлагает понимание суверенитета как института, который определяет и наделяет полномочиями государство. Тогда, по утверждению Дж. Ранги, суверенитет можно определить, как «институционализацию государственной власти» [8] или, согласно Дж. Томсону как «набор институционализированных властных притязаний» [9]. Таким образом, государственный суверенитет может быть понят как фундаментальный институт в широком смысле, определяющий международные отношения, при этом имеющий характеристики социального конструкта. Одновременно концепция международных режимов смещает акцент на институты, основанные на международных ценностях и способствующие межгосударственному сотрудничеству и кооперации.

В рамках настоящего исследования важно разграничить формальные и неформальные институты, формирующие развития процессов цифровизации в непризнанных и частично признанных государств региона. Среди формальных институтов необходимо выделить органы государственной власти республик, которые выступают главным инициатором внедрения цифровых технологий на непризнанных территориях; законодательную базу, регулирующую внедрение информационных систем; а также национальные платежные системы, закладывающие основу для развития цифровых финансовых услуг и электронной коммерции. Среди неформальных институтов важно выделить, в первую очередь непризнанный статус республик, являющийся фундаментальным институциональным ограничением; также – институциональная зависимость от государства – «патрона», определяющая характер цифровизации на непризнанных территориях; и разрыв институциональных связей с бывшими «метрополиями», который также можно охарактеризовать как институциональное ограничение, обусловленное конфликтным характером отношений, политическими барьерами и рядом законодательных актов с обеих сторон.

Исследование основано на ситуационном анализе (case-study) подходов к цифровизации и цифровой дипломатии непризнанных и частично признанных государств постсоветского пространства. Анализируется три кейса: Республика Абхазия, Республика Южная Осетия и Приднестровская Молдавская Республика, с использованием анализа статистических данных и качественных методов для оценки эффективности региональных подходов. Анализ включает изучение отрытых статистических данных доступа населения непризнанных и частично государств к цифровым технологиям, официальных стратегий цифрового развития, законодательных актов, отчетов государственных органов и независимых исследований.

Данные отбирались на основе их релевантности направлениям цифровизации в рамках настоящего исследования: государственное управление, экономика, цифровая дипломатия.

Республика Абхазия

Ограничения, связанные со статусом частичного признания самопровозглашённой республики, помимо ограниченных открытых статистических данных, в значительной степени влияют на распространение цифровых технологий среди населения. По данным DataReportal и Kepios, на январь 2025 года в Абхазии насчитывается 133 000 пользователей сети «Интернет», что составляет 54,3% от населения республики. Из них 106 000 являются пользователями социальных сетей, что составляет 43,3% от населения. В период с января 2024 года по январь 2025 года число пользователей сети «Интернет» в Абхазии сократилось на 6,3%. Учитывая, что 49,8% населения Абхазии являются жителями сельской местности, можно утверждать, что сетью «Интернет» пользуется в основной вторая половина населения, проживающая в городах. Информационные технологии остаются труднодоступны жителям сел и деревень Абхазии, где большинство жителей являются пожилыми людьми нетрудоспособного возраста (старше 64 лет), доля которых на 2022 год составляла порядка 23% населения Абхазии.

Показательно сравнение с Грузией – бывшей «метрополией» Абхазии, с которой непризнанная республика делит общую границу. За аналогичный период число пользователей сети «Интернет» в стране составило 89,1% населения страны, число пользователей социальных сетей – 78,8%, и показывало стабильность в отношении к предыдущему, 2024 году. При этом 61,4% населения Грузии проживают в городах, 38,6% – в сельской местности, что говорит о лучшей доступности интернета для жителей сельских районов страны, одновременно с разницей в демографической ситуации – доля нетрудоспособного населения Грузии составляет 16,6% (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ статистических данных по доступу населения Абхазии и Грузии к сети «Интернет»

Показатель	Абхазия	Грузия	Разница
Проникновение Интернета (% от населения)	54.3%	89.1%	-34.8%
Проникновение соцсетей (% от населения)	43.3%	78.8%	-35.5%
Изменение числа интернет-пользователей за год (янв. 2024 – янв. 2025)	-6.3%	Незначительное изменение	–
Доля сельского населения (%)	49.8%	38.6%	+11.2%
Доля нетрудоспособного населения (старше 64 лет) (%)	23%	16.6%	+6.4%

Источник: составлена автором по результатам исследования

При определенных ограничениях и проблемах с доступом к инновационным технологиям, правительство Абхазии показывает свою готовность к внедрению инициатив в систему государственного и муниципального управления. С 2020 года Государственным комитетом по связи, массовым коммуникациям и цифровому развитию проводятся поэтапные реформы, направленные на цифровизацию государственных услуг для населения [17]. В 2025 году планируется запуск портала государственных услуг Гагрского района, в Сухуме ведется работа над созданием Единого государственного центра обработки данных (ЦОД) Абхазии. Работа над созданием единой системы электронного документооборота и предоставления электронных услуг является приоритетным направлением государственной политики частично признанной республики.

Отдельным направлением цифровизации в Республике Абхазия является модернизация и автоматизация финансовой и бюджетной системы страны. На созданный в 2016 году Отдел информационных технологий при Управлении казначейства Министерства финансов были возложены обязанности по развитию и совершенствованию прикладных информационных систем и информационно-технической финансовой инфраструктуры, позволяющей осуществлять оперативный контроль над расходованием государственных бюджетных средств [10]. В 2018 году Управление информатизацией Министерства по налогам и сборам запустило Автоматизированную информационную систему, с целью совершенствования информационно-технического администрирования функционирования налоговых органов. Активная цифровизация проводится в деятельности коммерческих банков Абхазии. Развитие новых цифровых услуг банков, программных форм расчетов и др. цифровых нововведений стали возможными после введения Национальной платежной системы Абхазии (АПРА) в 2011 году.

Важно отметить, что государственная политика по цифровизации в Абхазии проводится при активном участии России. Российские специалисты консультируют правительство и уполномоченные органы, в частности, по вопросам разработки системы предоставления электронных государственных услуг, единой информационной системы для органов налогообложения. В целом цифровые нововведения в частично признанной республике способствуют гармонизации систем

государственного управления в России и Абхазии; подобная тенденция наблюдается и в других сферах, в частности – в законодательной.

Помимо прямого участия в цифровизации Абхазии, Россия, как государство, признавшее независимость республики, активно наращивает двусторонние договоренности в сфере цифрового и инновационного развития, преимущественно в экономической сфере. Примером сотрудничества служит Договор между Центральным Банком России и Банком Абхазии о взаимодействии платежных систем от 2018 года, направленный на интеграцию НПС АПРА с российской платежной системой «МИР». В 2023 году стартовали переговоры Российской ассоциации криптоиндустрий и блокчейна о создании в Абхазии информационного хаба – IT-кластера для совместной разработки информационных решений. Активно развиваются двусторонние электронные коммерческие проекты в сфере туризма.

Абхазия определяет цифровую дипломатию как новое окно возможностей для продвижения образа своей страны как независимого, суверенного государства за рубежом, в обход дипломатическим ограничениям. При определенной ограниченности ресурсов Министерство иностранных дел Абхазии и другие органы активно ведут свои социальные сети на двух официальных языках – абхазском и русском, а также на нескольких иностранных языках: турецком, арабском, испанском, немецком и итальянском. Абхазии намеренно использует «цифровую дипломатию» для борьбы с негативными стереотипами о территории и приобретения новых сторонников [14], для поддержки связи и информирования своей диаспоры в Турции и на Ближнем Востоке, а также с гражданами стран, официально признавших Абхазию независимым государством (Россия, Никарагуа, Венесуэла, Науру, Сирия) – преимущественно через социальные сети и официальные каналы посольств и представительств. Функционирует информационный портал на английском языке «AbkhazWorld», целью которого является популяризация и информирование иностранных пользователей о новостях, истории, культуре Абхазии, популяризация и создания положительного образа о стране за рубежом, легитимации суверенитета и независимости республики.

Поскольку стратегически политика цифровизация властями частично признанного государства нацелена на дальнейшее сближение и гармонизацию отношения с Россией, процесс в малой степени затрагивает отношения с бывшей «метрополией». Процессы цифровизации в Грузии и в Абхазии развиваются параллельно, без следов гармонизации, хотя Грузия официально признает свой суверенитет над Автономной республикой Абхазия, территория которой с 2008 года полностью контролируется местными властями. Закон Грузии об оккупированных территориях запрещает любые экономические взаимоотношения в том числе с территорией Абхазии [15], и несмотря на то, что между странами существуют некоторые неофициальные каналы торговли, преимущественно в сельскохозяйственной отросли [1], ситуация не позволяет внедрить в них оптимизационные цифровые механизмы. Электронная коммерция относительно развита только в сфере поставок продукции между Абхазией и Россией. В сфере цифровой дипломатии также не наблюдается попыток взаимодействия с грузинской аудиторией и местной диаспорой, Абхазия не ведет свои социальные сети на грузинской языке.

Республика Южная Осетия

Несмотря на некоторые ограничения в статистической информации, имеющиеся сведения в целом подтверждают определенную схожесть ситуации с доступом к интернету в Южной Осетии и Абхазии. По данным ЗАО «Остелеком» – дочерней компании ПАО «Мегафон» и одного из двух Интернет-провайдером на территории частично признанной республики, на 2024 года в Южной Осетии насчитывалось порядка 30 000 пользователей сети «Интернет», что составляет 52,9% от населения республики. Большая часть пользователей интернета проживает в столице республики – Цхинвале, население которой, согласно Управлению государственной статистики, составляет порядка 34 000 человек. Статистика по проникновению сети «Интернет» в целом соотносима с данными по Абхазии, при этом доля городского населения Южной Осетии значительно ниже, что свидетельствует о существенных ограничениях доступа к сети второй республики в том числе для городского (в большей степени – столичного) населения (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительный анализ статистических данных по доступу населения Южной Осетии и Абхазии к сети «Интернет»

Показатель	Южная Осетия	Абхазия	Разница
Проникновение Интернета (% от населения)	52.9%	54.3%	-1.4%
Доля сельского населения (%)	35.5%	49.8%	-14.3%

Источник: составлена автором по результатам исследования

На фоне других непризнанных государств масштабы цифровизации в Южной Осетии можно оценить как слабые. При этом на протяжении нескольких лет правительство республики ведет активные переговоры с Россией, главной целью которых является применение российского опыта в имплементации цифровых технологий на территории Южной Осетии. Приоритетными направлениями цифровизации для Южной Осетии выступают фискальная, образовательная, кадровая политика, агропромышленный комплекс, государственное управление и медицина. Инициатива правительства республики находит отклик в России. Компания «Мегафон – Южная Осетия» выступила с предложением 5 проектов по цифровизации ряда секторов республиканской инфраструктуры. Проекты включают в себя такие инновационные цифровые инструменты, как введение габаритного контроля и контроля транспортных средств на автомобильных дорогах, цифрового контроля в энергетическом комплексе, создание ситуационного центра управления государственных ведомств и «цифрового региона» на территории Республики Южная Осетия. В основе всех проектов лежит опыт российской цифровой модернизации и предполагает тесное сотрудничество с российскими государственными ведомствами.

В ходе недавней встречи министра экономического развития РФ Д.В. Вольвача с президентом Южной Осетии А.Э. Гаглоевым в рамках совещания по двустороннему социально-экономическому сотрудничеству обсуждалась возможность консультирования и помощи во внедрении российскими специалистами цифровых технологий в сферах государственного управления и фискального блока в Южной Осетии. Продолжаются переговоры стороны по цифровизации лекарственного, документального оборота, системы закупок в медицинской сфере республики. Совместно разрабатываются инновационные стратегии сельскохозяйственного сектора Южной Осетии [10].

Параллельно с инициативами цифровизации государственного сектора в республике развивается электронная коммерция, развиваются сервисы Интернет–заказов. Однако ситуация осложнена тем, что на территории республики отсутствуют пункты доставки и выдачи товаров, получить заказ возможно только на территории России.

В сфере цифровой дипломатии Южная Осетия также заняла менее активную позицию в сравнении с другими непризнанными государствами региона. В частности, примечательны различия между уровнем и эффективностью цифровизации Южной Осетии с Абхазией – ближайшим «непризнанным» соседом и второй республикой, провозгласившей независимость от Грузии, по таким параметрам, как проникновения сети «Интернет» и отсутствие ряда базовых цифровых инициатив.

Не все органы государственной власти представлены собственными Интернет-порталами. Веб-сайт Министерства иностранных дел ведется на официальных языках – осетинском и русском, а также на английском. Грузинской версии сайта министерства (как и других государственных органов) не представлено, несмотря на то, что он признан официальным для органов власти в местностях компактного проживания этнических грузин. Портал государственного информационного агентства «Рес» ведется на русском и английском языках.

Таким образом, цифровизация в Южной Осетии на сегодняшний день находится в зачаточном состоянии. Для имплементации государственных инициатив в этой сфере республика нуждается в разработке новой законодательной базы [11] и более тесном сотрудничестве с Россией, направленном на одновременную гармонизацию информационно-технологической базы и разработке автономных цифровых инициатив.

Приднестровская Молдавская Республика

По данным DataReportal и Kepios, на январь 2025 года в непризнанной республике насчитывается 145000 пользователей сети «Интернет», что составляет 31,1% от населения Приднестровья. Из них 108000 являются пользователями социальных сетей, что составляет всего 23,1% от населения, незначительно меньше чем на январь 2024 года. Доля пользователей заметно невысокая, учитывая, что почти 70% населения страны проживает в городской местности. Примечательно, что 64,4% пользователей социальных сетей в Приднестровье – женщины, почти в два раза больше чем пользователей мужского пола. Важно отметить, что в Приднестровье наблюдается стремительная убыль и старение населения.

Колоссальное различие наблюдается в сравнении с бывшей метрополией – Молдовой. За аналогичный период число пользователей сети «Интернет» в стране составило 80,2% населения, число пользователей социальных сетей – 46,4%, показав прирост в 7,7% с предыдущего года. При этом всего 57,7% населения Молдовы проживают в городах, 42,3% – в сельской местности, что говорит о в значительной степени лучшей доступности Интернета как среди городского, так и среди сельского населения (табл. 3).

Таблица 3. Сравнительный анализ статистических данных по доступу населения ПМР и Молдовы к сети «Интернет»

Показатель	Приднестровье	Молдова	Разница
Проникновение Интернета (% от населения)	31.1%	80.2%	-49.1%
Проникновение соцсетей (% от населения)	23.1%	46.4%	-23.3%
Изменение числа интернет-пользователей за год (янв. 2024 – янв. 2025)	Незначительное снижение	+7.7%	–
Доля сельского населения (%)	30%	56.2%	-26.2%

Источник: составлена автором по результатам исследования

Несмотря на объективные проблемы с доступом населения к информационным и цифровым технологиям, еще в 2017 году самопровозглашенное правительство республики взяло курс на цифровизацию, активное внедрение информационных технологий началось спустя год – был запущен Единый портал государственных услуг ПМР, который обеспечил электронный обмен данными между ведомствами и открыл для населения возможность электронного получения услуг в государственных органах власти. На сегодняшний день продолжается расширения перечня электронных услуг, обсуждаются инициативы цифровизации муниципальных услуг. В разработке находится система «электронной демократии», с целью обеспечения открытости государственной власти перед гражданским обществом республики. Помимо государственного управления, цифровые технологии активно внедряются в промышленном секторе, строительной отрасли и др.

Одновременно, с 2018 года в республике действовал Закон о развитии информационных блокчейн-технологий в Приднестровье, направленный на привлечение новых иностранных инвестиций со стороны субъектов, использующих технологии блокчейна. Закон рассматривался как один и основополагающих шагов к переходу Приднестровья к цифровой экономики [15], однако был отменен в феврале 2025 года по соображениям энергетической безопасности страны и нестабильной экономической ситуации из-за кризиса поставок газа в республику. Приднестровье не отказалось от построения цифровой экономики и продолжает внедрять стратегические проекты в сфере информационных технологий. Так, при Агентстве инноваций и развития ПМР действует бизнес-хаб, занимающийся поддержкой инновационных IT-проектов в социально-экономической и культурной сферах.

В частном секторе Приднестровья развивается электронная коммерция. Наличие экономических связей не только с Россией, но и с Молдовой, Украиной и странами Европейского Союза, населения республики имеет возможность пользоваться услугами местных и иностранных Интернет-магазинов. Электронная коммерция распространяется и на сферу экспорта приднестровской продукции. Большая часть местных предприятий имеет возможность регистрировать продукцию в Молдавии, что дает выход на международный рынок, способствует росту доли иностранных инвестиций. Внедрение инновационных маркетинговых стратегий делает Приднестровскую экономическую модель более гибкой, соответствующей современным реалиям и вызовам [16].

Еще одним направлением активной цифровизации в ПМР является развитие банковской сферы. В 2015 году был издал Указ Президента ПМР об общих условиях организации и функционирования в Приднестровской Молдавской Республике Национальной платежной системы (НПС), на основе которой планировался выпуск единых банковских карт, по которым население Приднестровья могло бы иметь возможность расплачиваться в независимости от принадлежности к определенной платежной системе и валюте счета [18]. Внедрение НПС также сделало возможным запустить в Приднестровье систему электронных платежей, активно использующуюся в электронных государственных услугах. Активно развивается Интернет-банкинг, позволяющий жителям Приднестровья получать банковские услуги дистанционно, с использованиям личных электронных средств.

Несмотря на официально заявленную цель республики получить международное признание, инструменты цифровой дипломатии в Приднестровье развиты посредственно. Сайты Министерства иностранных дел и Президента ПМР ведутся на русском и английском языках. Некоторые официальные лица и институты государственной власти также представлены в социальных сетях, однако они нацелены в основной на русскоязычную аудиторию. Государственные телекомпании Приднестровья имеют собственные аккаунты на различных видео-хостингах, на которых выкладываются видеоматериалы и сюжеты в том числе на молдавском и украинском языках.

Поскольку Россия на сегодняшний день дипломатически не признала Приднестровскую Молдавскую Республику, официальных документов о двустороннем сотрудничестве в каких-либо сферах цифровизации между странами нет. Однако и в случае с Приднестровьем наблюдается схожая с другими непризнанными государственными образованиями этапность внедрения цифровых технологий в государственном управлении, экономике и банковской и социальной сфере, характерная для российской информационно-технологической базы цифровизации. Одновременно, несмотря на наличие действующих двусторонних договоренностей и экономических связей с Молдовой, а также на тот факт, что большинство граждан непризнанной республики имеют молдавское гражданство, стороны не предпринимают попыток гармонизации цифровых систем государственного управления.

Региональные практики непризнанных и частично признанных государств постсоветского пространства

Результаты исследования показывают, что цифровизация в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье имеет различный темп и эффективность, что связано с комплексом внешних и внутренних факторов развития каждой страны. Среди решающих факторов можно определить степень автономности процессов цифровизации. При наличии собственных ресурсов и технологий внедрение цифровых технологий в государственный и частный сектор государства с ограниченным признанием может происходит активнее. Высокая же зависимость государственного образования от «патрона» или бывшей «метрополии» может тормозить процесс на этапе согласований инновационных проектов и их финансирования. Наибольшую автономность в рамках исследования показывает процесс цифровизации в Приднестровье, несмотря на отсутствие признания со стороны России и существенную территориальную удаленность стран. Благодаря развитию электронной коммерции с Молдовой и ЕС непризнанная республика показывает большую степень не только автономности, но и гибкости процессов, тогда как в Абхазии и Южной Осетии заметна более сильная односторонняя ориентация на Россию, как в технологической, так и в экономической сфере.

Одновременно цифровизация непризнанных и частично признанных государств на постсоветском пространстве обладает рядом общих для региона черт. Во-первых, инициатива по внедрению цифровых технологий во всех трёх случаях исходит от органов государственной власти и направлено первостепенно на сферы государственного управления и экономического развития. Цифровизация частного сектора может сопутствовать преобразованиям на государственном уровне, но в условиях типичных для местного населения ограничений экономического и технологического характера они будут носить вторичный характер. Во-вторых, вне зависимости от степени автономности, политика цифровизации непризнанных и частично признанных государства региона опирается первостепенно на российский опыт и поддержку, направлена на гармонизацию с цифровыми системами государства – «патрона», и развивается и развивается независимо от аналогичных процессов в Грузии и Молдове, без стремления к гармонизации с ними, в отличие от активной гармонизации с российскими цифровыми системами. В-третьих, цифровая дипломатия используется странами в качестве вспомогательного инструмента включения в международную повестку в условиях ограниченного дипломатического инструментария и международной изоляции. Для достижения большей эффективности цифровой дипломатии необходимо привлекать более диверсифицированные информационные ресурсы и тематические блоки.

Таким образом, региональные подходы к цифровизации непризнанных и частично признанных государств постсоветского пространства подтверждает их стремление к усилению экономический и технологической интеграции с Россией, а также к дальнейшему ослаблению институциональных связей с бывшими «метрополиями». Такое стремление обусловлено как ограниченными альтернативами из-за спорного международно-правового статуса, так и активной поддержкой, инициируемой со стороны России, которая предоставляет необходимые ресурсы и экспертизу, что в свою очередь способствует унификации цифровых подходов.

Литература

1. Chkareuli V., Baakashvili G. The Role of Digital Platforms for Economic Integration of Conflict Zones into the Global Economy (Case of Georgia) // International Journal of Innovative Science and Research Technology. – Т. 7. № 11. – С. 1164–1173. – URL: https://www.researchgate.net/publication/366529970_The_Role_of_Digital_Platforms_for_Economic_Integration_of_Conflict_Zones_into_the_Global_Economy_Case_of_Georgia#read (дата обращения: 19.03.2026).

2. Comai G. Post-Soviet De Facto States Online. // Digital Eastern Europe. The Jan Nowak Jezioranski College of Eastern Europe. – 2015. – С.

98–103 – URL: https://www.academia.edu/15184517/Post_Soviet_de_Facto_States_Online (дата обращения: 19.03.2026).

3. Fichtner R., Ingenhoff D. Beyond borders: The relevance of (digital) paradiplomacy for unrecognized countries // Handbook on Public Diplomacy. Edward Elgar Publishing. – 2025. – С. 238–257. – URL: https://www.elgaronline.com/edcollchap/book/9781803926568/chapter19.xml (дата обращения: 19.03.2026).

4. Global Digital Reports / Kepios – URL: https://datareportal.com (дата обращения: 19.03.2026).

5. Gueudet S. Displays of statehood: Hybrid diplomatic practices and international representation of De Facto states // Communist and Post-Communist Studies. – 2023. – Т. 56. – № . 4. – С. 121–142.

6. Lynch D. Separatist states and post-Soviet conflicts // International affairs. – 2002. – Т. 78. – № . 4. – С. 831–848.

7. Mitrany D. The functional Unity and Political Discord. 1950.

8. Ruggie J.G. Constructing the World Polity: essays on international institutionalisation. Routledge. – 2002.

9. Thomson J.E. State sovereignty in international relations: Bridging the gap between theory and empirical research. International studies quarterly. – 1995.

10. Гуриева Л. К., Джиоева И.К. Инновационные стратегии развития аграрного сектора республики Южная Осетия // Глобальная экономика в XXI веке: роль биотехнологий и цифровых технологий. – 2020. – С. 177–180. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43110098_56106545.pdf (дата обращения: 19.03.2026).

11. Джабиев В.В Состояние и перспективы развития цифровой экономики Республики Южная Осетия // Модели мышления и интеграция информационно-управляющих систем (ММИИУС-2018). – 2018. – С. 342–348. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36918974_46504495.pdf (дата обращения: 19.03.2026).

12. Думина Е.В. Сотрудничество в сфере высоких технологий: новый этап интеграции России и Южной Осетии // Россия: общество, политика, история. – 2023. – № . 2 (7). – С. 186–203. – URL: https://www.ru-society.com/jour/article/view/95/86 (дата обращения: 19.03.2026).

13. Зиновьева Е.С. Вызовы и риски глобального информационного общества // Международная аналитика. – 2015. – № . 3. – С. 116–127. – URL: https://www.interanalytics.org/jour/article/view/101/57 (дата обращения: 19.03.2026).

14. Орехов А. М., Чубаров Н.А. Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально философские аспекты проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28. – № . 1. – С. 260–272. – URL: https://journals.rudn.ru/philosophy/article/view/38436/23260 (дата обращения: 19.03.2026).

15. Павлинова Е. И., Корнев Е.С. Блокчейн как основа цифровой экономики // Развитие регионов как фактов укрепления единства и целостности государства. – 2021. – С. 238.

16. Паскевич А.О. Возможности использования опыта инновационного развития Приднестровской Молдавской Республики в экономике Донецкой Народной Республики // Инвестиционно-инновационное развитие в условиях цифровизации экономики: стратегии, факторы, механизмы. – 2021. – С. 180–182. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_45846520_95653207.pdf (дата обращения: 19.03.2026).

17. Шалашаа З. И., Багба А.Н. Практические аспекты использования цифровых технологий в бизнесе и системе государственного управления Республики Абхазия // Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Институты развития и информационные технологии в инновационных решениях. – 2022. – С. 252–258. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48399128_18656899.pdf (дата обращения: 19.03.2026).

18. Юрова Т. Ф., Буйвол А.В. Организация электронных банковских услуг: современное состояние в Приднестровской Молдавской Республике // Вестник Приднестровского университета. Серия: Физико-математические и технические науки. Экономика и управление. – 2018. – № . 3. – С. 201–206. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36747270_49739968.pdf (дата обращения: 19.03.2026).

DIGITALIZATION OF UNRECOGNIZED AND PARTIALLY RECOGNIZED STATES IN THE POST-SOVIET SPACE: REGIONAL APPROACHES

Veremeenko V.S.
MGIMO University

The article analyses the experience of digitalization in Abkhazia, South Ossetia and Transnistria and aims at identifying regional approaches to the digitalization of unrecognized and partially recognized states in the post-Soviet space. The study is based on a case study of approaches to digitalization and digital diplomacy. Three cases are analyzed using statistical data analysis and qualitative methods to assess the effectiveness of regional approaches. The results of the study show that digitalization in Abkhazia, South Ossetia and Transnistria has different pace and effectiveness, which is associated with a set of external and internal factors of the development in each country. At the same time, the digitalization of unrecognized and partially recognized states in the post-Soviet space has a number of regionally common features. The initiative to introduce digital technologies in all three cases comes from government bodies and is primarily aimed at the areas of public administration and economic development. Digitalization policies of unrecognized and partially recognized states in the region is based on Russian experience and support, aimed at harmonization with the digital systems of Russia, developing in parallel with similar processes in Georgia and Moldova. Digital diplomacy is used by countries as an auxiliary tool for staying on international agenda in the context of limited diplomatic instruments and international isolation. Regional approaches to the digitalization of unrecognized and partially recognized states of the post-Soviet space confirm the desire to strengthen economic and technological integration with Russia and, at the regional level, among themselves and with the EAEU and the CIS member-states.

Keywords: digitalization, unrecognized state, post-Soviet space, partially recognized state, digital diplomacy, integration.

References

1. Chkareuli V., Baakashvili G. The Role of Digital Platforms for Economic Integration of Conflict Zones into the Global Economy (Case of Georgia) // International Journal of Innovative Science and Research Technology. – Vol. 7. No. 11. – Pp. 1164–1173. – URL: https://www.researchgate.net/publication/366529970_The_Role_of_Digital_Platforms_for_Economic_Integration_of_Conflict_Zones_into_the_Global_Economy_Case_of_Georgia#read (date of access: 19.03.2026).

2. Comai G. Post-Soviet De Facto States Online. // Digital Eastern Europe. The Jan Nowak Jezioranski College of Eastern Europe. – 2015. – P. 98–103 – URL: https://www.academia.edu/15184517/Post_Soviet_de_Facto_States_Online (date of access: 19.03.2026).

3. Fichtner R., Ingenhoff D. Beyond borders: The relevance of (digital) paradiplomacy for unrecognized countries // Handbook on Public Diplomacy. Edward Elgar Publishing. – 2025. – P. 238–257. – URL: https://www.elgaronline.com/edcollchap/book/9781803926568/chapter19.xml (date of access: 19.03.2026).

4. Global Digital Reports / Kepios – URL: https://datareportal.com (access date: 03/19/2026).

5. Gueudet S. Displays of statehood: Hybrid diplomatic practices and international representation of De Facto states // Communist and Post-Communist Studies. – 2023. – T. 56. – No. 4. – Pp. 121–142.

6. Lynch D. Separatist states and post-Soviet conflicts // International affairs. – 2002. – T. 78. – No. 4. – Pp. 831–848.

7. Mitrany D. The functional Unity and Political Discord. 1950.

8. Ruggie J.G. Constructing the World Polity: essays on international institutionalization. Routledge. – 2002.

9. Thomson J.E. State sovereignty in international relations: Bridging the gap between theory and empirical research. International studies quarterly. – 1995.

10. Gurieva L. K., Dzhioeva I.K. Innovative strategies for the development of the agricultural sector of the Republic of South Ossetia // Global economy in the 21st century: the role of biotechnology and digital technologies. – 2020. – Pp. 177–180. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43110098_56106545.pdf (date accessed: 19.03.2026).

11. Dzhabiev V.V. State and prospects for the development of the digital economy of the Republic of South Ossetia // Models of thinking and integration of information management systems (MMIIUS-2018). – 2018. – Pp. 342–348. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36918974_46504495.pdf (date of access: 19.03.2026).

12. Dumina E.V. Cooperation in the Sphere of High Technologies: a New Stage of Integration of Russia and South Ossetia // Russia: Society, Politics, History. – 2023. – No. 2 (7). – P. 186–203. – URL: https://www.ru-society.com/jour/article/view/95/86 (date of access: 19.03.2026).

13. Zinovieva E.S. Challenges and Risks of the Global Information Society // International Analytics. – 2015. – No. 3. – P. 116–127. – URL: https://www.interanalytics.org/jour/article/view/101/57 (date of access: 19.03.2026).

14. Orekhov A. M., Chubarov N.A. Digital inequality and digital justice: social and philosophical aspects of the problem // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy. – 2024. – Vol. 28. – No. 1. – Pp. 260–272. – URL: https://journals.rudn.ru/philosophy/article/view/38436/23260 (date of access: 19.03.2026).

15. Pavlinova E. I., Kornev E.S. Blockchain as the basis of the digital economy // Development of regions as facts of strengthening the unity and integrity of the state. – 2021. – P. 238.

16. Paskevich A.O. Possibilities of Using the Experience of Innovative Development of the Pridnestrovian Moldavian Republic in the Economy of the Donetsk People's Republic // Investment and Innovative Development in the Context of Digitalization of the Economy: Strategies, Factors, Mechanisms. – 2021. – Pp. 180–182. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_45846520_95653207.pdf (accessed: 19.03.2026).

17. Shalashaa Z. I., Bagba A.N. Practical Aspects of Using Digital Technologies in Business and the Public Administration System of the Republic of Abkhazia // The Phenomenon of a Market Economy: from Its Origins to the Present Day. Development Institutions and Information Technologies in Innovative Solutions. – 2022. – Pp. 252–258. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48399128_18656899.pdf (date of access: 19.03.2026).

18. Yurova T. F., Buivol A.V. Organization of electronic banking services: current state in the Pridnestrovian Moldavian Republic // Bulletin of Pridnestrovian University. Series: Physical, mathematical and technical sciences. Economics and management. – 2018. – No. 3. – P. 201–206. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36747270_49739968.pdf (date of access: 19.03.2026).

Гастродипломатия как инструмент реализации мягкой силы Китая: международный опыт и практика в Российской Федерации

Жань Жуй,
аспирантка кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: st094621@student.spbu.ru

В статье рассматривается гастродипломатия как эффективный инструмент реализации мягкой силы и публичной дипломатии в современных международных отношениях. Авторы анализируют передовой международный опыт продвижения национальной кухни, основные модели глобального распространения китайской кухни, а также специфику практики китайской гастродипломатии в Российской Федерации. Исследование обосновывает важную роль гастрономических инициатив в развитии российско-китайских отношений и укреплении межкультурного взаимопонимания между народами двух стран.

Ключевые слова: гастродипломатия, мягкая сила, публичная дипломатия, китайская кухня, российско-китайские отношения, межкультурное взаимопонимание.

В эпоху глобализации, когда взаимодействие между государствами охватывает все новые сферы общественной жизни, традиционные подходы к определению и реализации национальной силы на международной арене кардинально трансформируются. На смену парадигме принудительного воздействия, основанной на военной и экономической мощи, приходит понимание ключевой роли неформальных механизмов влияния, и в первую очередь – концепции мягкой силы, обоснованной Джозефом С. Наем.

Джозеф С. Най подчеркивает необходимость сотрудничества на новом уровне в международных отношениях, определяя мягкую силу как «способность убеждать с помощью культуры, ценностей и идей, в противоположность жесткой силе, которая покоряет и принуждает за счет военной мощи» [15]. Это на первый взгляд простая концепция переосмыслила то, как государства формируют свое влияние во взаимосвязанном мире, выйдя за узкие рамки принудительного воздействия к более спокойной и долговечной работе по формированию глобального восприятия. Жесткая сила может добиться подчинения через угрозу или насилие, но мягкая сила завоевывает искреннее признание, превращая иностранную общественность из пассивных наблюдателей в заинтересованных партнеров.

Эта работа по формированию глобального восприятия находит свое наиболее последовательное и практическое выражение в публичной дипломатии – практике, посредством которой правительства напрямую взаимодействуют с иностранной общественностью, чтобы углубить понимание своей страны и воспитать долгосрочное благожелательное отношение к ее интересам и ценностям. Согласно концепции британского исследователя Марка Леонарда, ключевые цели публичной дипломатии XXI века, непосредственно связанные с культурной политикой, включают формирование позитивного образа страны и её ценностей для обеспечения понимания её идей и взглядов, привлечение иностранных инвестиций и политических союзников, повышение глобальной осведомлённости о стране, а также стимулирование туризма, образовательного обмена и продвижение национальных товаров за рубежом [12]. Публичная дипломатия является мостом, который превращает абстрактную концепцию мягкой силы в осязаемые реальные действия, и в самом сердце этой практики находится культурная дипломатия.

Из всех форм, которые может принимать культурная дипломатия, немногие оказались такими универсальными, глубокими и откликающимися в душе, как гастродипломатия – использование гастрономии для трансляции культуры страны в рамках публичной дипломатии. Алессандра Роверси дает определение гастродипломатии, описывая ее как «форму связей с общественностью. Некоторые правительства принимают решение продвигать свои нации как бренды. Они разрабатывают стратегии с привлечением профильных институтов и специальных бюджетов для экспорта своего кулинарного наследия [18]. Гастрономия как живой, развивающийся культурный ресурс государства обладает уникальной способностью охватить абсолютно всех – от глав иностранных государств на официальных дипломатических банкетах до обычных людей на улице в местном районном ресторане. Задействуя гастродипломатию для развития открытого культурного обмена, государство делает гораздо больше, чем просто делится рецептами – оно работает над построением подлинного межкультурного взаимопонимания, разрушая давно существующие барьеры, открывая интимные, неподдельные взгляды на культуру, которая в противном случае могла бы остаться неизвестной или непонятой.

Это особенно преобразующе для стран, которые исторически оставались за пределами глобального внимания; как отметил Роковер в 2011 году, гастродипломатия помогает малоизвестным национальным брендам использовать свою кухню для привлечения международного внимания. По мере того как люди пробуют, изучают и полюбляют кухню страны, это государство выходит из маргинального поля глобального осведомленности в их картину мира, занимая в ней место как нация, которую стоит заметить, которую стоит изучать и с которой стоит взаимодействовать [16].

Тайланд, будучи пионером в этой области, запустил в 2002 году проект «Глобальный тайский». Эта инициатива не только стала реальной основой для первого определения концепции «гастродипломатии»

журналом The Economist, но и создала базовую модель, ключевым элементом которой стала правительственная система сертификации. Таиланд реализовал поэтапный переход от количественного роста к формированию бренда. Сначала программа «Глобальный тайский» обеспечила масштабный рост числа ресторанов за рубежом. Затем проект «Таиланд – кухня мира» углубил передачу кулинарных навыков и укрепил национальную репутацию. Сопутствующая официальная сертификация «Thai Select» создала стандартизированный знак качества для зарубежных тайских ресторанов, снизив для иностранных потребителей затраты на выбор. В итоге количество тайских ресторанов за рубежом выросло с 5500 в 2002 году до 13 000 в 2009 году, одновременно укрепив бренд тайской кухни и обеспечив двустороннюю поддержку развития национального туризма [9].

Вслед за Таиландом, Корея осуществила продвинутую практику гастродипломатии благодаря комплексному институциональному дизайну. Запущенный в 2009 году проект «Корейская кухня для мира» вышел за рамки простого продвижения ресторанов. На законодательном уровне был принят «Закон о Фонде корейской кухни», созданы специализированные исполнительные органы, такие как Управление по глобализации корейской кухни и Корейский пищевой фонд. Это сформировало структуру управления с совместным участием правительства, академических кругов и пищевой промышленности, охватив всю цепочку: от подготовки кадров и инноваций продуктов до стандартизации. Программа поддерживает повышение квалификации местных шеф-поваров в ведущих мировых кулинарных школах, стимулирует инновации в знаковых продуктах (например, через Институт кимчи) и добивается глобальной стандартизации методов приготовления и названий блюд корейской кухни. Оптимизировав и адаптировав тайскую систему сертификации ресторанов, Корея в итоге превратила свою кухню в один из ведущих мировых кулинарных брендов и ключевой компонент своей публичной дипломатии [10].

Малайзия выбрала дифференцированный путь, построив свою гастродипломатию на нарративе о мультикультурной идентичности. Проект «Кухня Малайзии для мира», инициированный в 2006 году Корпорацией развития внешней торговли, сделал ключевым фокусом мультикультурный характер национальной кухни. Он глубоко увязал продвижение кулинарии с формированием национального имиджа, развитием туризма и трансляцией культурной идентичности [14]. Инновационная система «послов кулинарии» создала персонифицированный канал коммуникации. Благодаря поддержке зарубежных ресторанов, кулинарным выставкам, дегустациям в фуд-траках, а также работе со СМИ и социальными сетями, Малайзия сформировала легко узнаваемый национальный образ и достигла синергетического эффекта в продвижении кулинарии, привлечении туристов и культурном экспорте [13].

Греция выбрала уникальный путь, объединив ценность здорового питания с корнями своей древней цивилизации. Запущенная в 2013 году промо-кампания не пошла по пути масштабирования ресторанной сети. Вместо этого она глубоко интегрировала средиземноморскую диету со здоровым образом жизни и нарративом о тысячелетней истории страны. Акцент делался как на полезных свойствах ингредиентов и их роли в профилактике заболеваний, так и на культурных привычках, связанных с едой, таких как медленная трапеза и застолье. Используя концепцию здорового образа жизни, Греция не только повысила глобальную узнаваемость своей кухни, но и обеспечила двустороннюю связь между своей древней цивилизацией и современным образом жизни, превратив кулинарию в конкретное выражение национальной культурной идентичности [11].

Япония глубоко интегрировала гастродипломатию в свою общую стратегию «мягкой силы». Опираясь на национальную культурную промо-рамку «Cool Japan», японская кухня (васёку) стала ядром этой политики. Был сформирован механизм взаимодействия нескольких министерств и ведомств: МИД, Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства и Национальной туристической организации [8]. С одной стороны, через некоммерческие организации оказывается поддержка зарубежным японским ресторанам и продвигаются японские ингредиенты и кулинарные техники. С другой стороны, программа «Cool Food» создала замкнутый цикл, стимулирующий экспорт продуктов питания, поддерживающий отечественную пищевую промышленность и привлекающий въездной туризм, что в итоге позволило достичь множества целей: культурного экспорта, роста промышленности и развития туризма [17].

Ключевые стратегии развития гастродипломатии сводятся к пяти основным направлениям. Первое – формирование полноценной государственной системы поддержки с законодательным обеспечением, профильными исполнительными структурами и унифицированной системой сертификации качества. Второе – двухуровневое продвижение, сочетающее официальные дипломатические форматы и массовые культурные инициативы для зарубежной общественности. Третье – выстраивание дифференцированной позиции на основе уникальных черт национальной идентичности. Четвертое – обеспечение межотраслевого синергизма с развитием внешней торговли, туризма и отечественной пищевой промышленностью. Пятое – поэтапный переход от расширения зарубежного присутствия к целенаправленному брендированию национальной кухни в глобальном масштабе.

Сформулированные ключевые стратегические направления, апробированные ведущими странами в сфере глобальной гастродипломатии, формируют универсальную методологическую базу для построения эффективной системы продвижения национальной кухни за рубежом. При этом практическая реализация гастродипломатических инициатив никогда не сводится к механическому воспроизведению готовых шаблонов – она всегда адаптируется под специфику целевого рынка, особенности двусторонних отношений и культурный контекст принимающей страны.

Китайская кухня как ключевой элемент национального бренда Китая продвигается на зарубежных рынках по трем основным моделям, прежде всего в Северной Америке. Первая модель – выход на рынок через офлайн-ресторанный бизнес в районах Чайнатауна, сочетающий аутентичность китайской кухни с локальной адаптацией под вкусы иностранных потребителей. Вторая модель – интегрированное продвижение через розничные супермаркеты на примере сети 99 Ranch Mart (сеть из 58 магазинов в 11 штатах США, оборот > $1 млрд), которая из мелких лавок превратилась в платформу для вывода китайских брендов на американский рынок [5]. Третья, наиболее инновационная модель – продвижение через интеллектуальные цифровые платформы новой розницы, ярким примером которой является североамериканский сервис Weee!. Возникший из групповых закупок в социальных сетях, он получил бурное развитие во время пандемии COVID-19, сочетая выраженную социальную составляющую, мультимодальный контент в формате коротких видео и точные алгоритмические рекомендации для пользователей. Платформа обеспечивает оперативную доставку свежих продуктов, точно удовлетворяет потребности азиатской диаспоры и эффективно расширяет постоянную аудиторию поклонников китайской кухни за рубежом.

Эти три модели продвижения продемонстрировали высокую эффективность на североамериканском рынке и заложили надежную практическую основу для глобального расширения китайской гастрономической культуры как национального бренда. При этом Китай выстраивает дифференцированные стратегии гастродипломатии с учетом специфики двусторонних отношений, культурных особенностей и потребительских привычек разных стран и регионов мира. Особое место в этой системе занимает Российская Федерация, с которой Китай связывают отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новой эпохе – это создает уникальные благоприятные предпосылки для углубления гастрономического обмена и культурного сближения народов двух стран [6].

Современная китайская гастродипломатия в России реализуется по нескольким взаимодополняющим направлениям. Прежде всего, это открытие китайских ресторанов и кафе по всей стране, дающее россиянам возможность напрямую познакомиться с традиционной китайской кухней. Важную роль играют регулярные фестивали китайской кухни, ставшие частью культурной жизни многих российских городов: они позволяют попробовать блюда различных региональных направлений Китая, в том числе кантонской кухни, и узнать их историко-культурный контекст. Кроме того, гастрономические программы являются важной составляющей перекрестных годов культуры России и Китая, укрепляя двустороннее взаимопонимание.

Китайская гастродипломатия на территории России глубоко интегрирована в общую стратегию мягкой силы Китая в двусторонних отношениях, строясь на тесном взаимодействии дипломатических представительств, российских местных властей, коммерческих структур и общественных организаций. Ядром организационной модели этой политики выступают генеральные консульства Китая в российских регионах, которые координируют все инициативы, обеспечивая их системность, масштабность и соответствие общей повестке российско-китайского сотрудничества.

В первую очередь, консульства инициируют специализированные фестивали китайской кухни, адаптированные под особенности каждого региона России. Так, в июле 2025 года генеральное консульство в Екатеринбурге совместно с администрацией города Аламира и курортным комплексом «Сказочный парк» организовало масштабный фестиваль, который за несколько часов работы посетило около 4000 человек, включая представителей региональных властей, дипломатического корпуса и местных жителей [2]. На мероприятии гости не толь-

ко попробовали аутентичные блюда – пекинскую утку, гунбао с креветками, лапшу с соевым соусом и сахарные ягоды на палочке, но и познакомились с традиционной китайской чайной церемонией, каллиграфией, искусством вырезания из бумаги и народной инструментальной музыкой. На Дальнем Востоке России стратегия активно использует уникальное приграничное положение двух стран: в августе 2025 года в Благовещенске прошел второй этап российско-китайского международного фестиваля «Вкус двух берегов», организованного совместно с китайским городом Хэйхэ, где повара из Китая представили более 20 традиционных блюд, а жители двух стран совместно установили мировой рекорд по лепке десяти тысяч пельменей [3].

Вторым ключевым направлением стратегии является глубокая интеграция гастрономических проектов в рамки всех крупных форматов двустороннего сотрудничества. Китайская продукция и традиции приготовления блюд неизменно представлены на ведущих отраслевых выставках: на девятой российско-китайской экспозиции продуктов питания и сельскохозяйственной продукции, а также на международной продовольственной выставке InterFood Ural на Урале, где китайские пищевые предприятия демонстрируют свою продукцию и налаживают коммерческие контакты с российскими партнерами [4]. Гастрономические элементы также стали неотъемлемой частью культурных праздников и гуманитарных инициатив: в феврале 2026 года в Екатеринбурге в рамках мероприятия «Ледяной веселый Праздник Весны» дегустации китайских блюд дополнили показы чайной церемонии, традиционных ремесел и народных выступлений [1]. Даже на молодежных площадках двустороннего сотрудничества гастрономия играет важную роль: в августе 2025 года в Саратове в рамках девятого российско-китайского молодежного форума «Янцзы – Волга» дегустации и презентации китайской кухни стали частью тематического «Дня Китая», позволив российской молодежи ближе познакомиться с культурой Китая через его национальную кухню [].

При этом важной особенностью китайской гастродипломатии в России является то, что она никогда не сводится исключительно к дегустации блюд: каждое гастрономическое мероприятие дополняется демонстрацией других элементов традиционной китайской культуры – от чайной церемонии и каллиграфии до народного творчества и нематериального культурного наследия. Благодаря этому формируется целостное представление о Китае у российской аудитории, укрепляется гуманитарное взаимопонимание между народами двух стран, а также создается устойчивая основа для развития коммерческих связей между пищевыми предприятиями, туристического обмена и углубления двустороннего сотрудничества в самых разных сферах.

В перспективе китайская гастродипломатия имеет значительный потенциал для дальнейшего развития в Российской Федерации. Опора на универсальные стратегические направления, апробированные ведущими странами мира, адаптация успешных моделей продвижения под специфику российского рынка, а также углубление межрегионального сотрудничества в гастрономической сфере позволят превратить китайскую кухню в еще более эффективный инструмент реализации мягкой силы Китая в двусторонних отношениях с Россией, укрепляя дружбу и взаимопонимание между народами двух стран.

Литература

1. Генеральный консул в Екатеринбурге Ло Шисюн присутствовал на мероприятии «Ледовый праздник Весны» [Электронный ресурс] // МИД КНР. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/zwbd_673032/whjl/202602/t20260226_11863958.shtml (дата обращения: 16.03.2026). (на кит. яз.)

2. Генеральный консул в Екатеринбурге Ло Шисюн присутствовал на церемонии открытия Фестиваля китайской кухни, организованного генконсульством [Электронный ресурс] // МИД КНР. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zwbd_673032/whjl/202507/t20250721_11674108.shtml (дата обращения: 16.03.2026). (на кит. яз.)

3. Генеральный консул в Хабаровске Цзян Сяоян присутствовал на церемонии открытия российского этапа Китайско-российского международного фестиваля кулинарии «Вкус двух берегов» [Электронный ресурс] // МИД КНР. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zwbd_673032/wshd_673034/202508/t20250823_11694896.shtml (дата обращения: 16.03.2026). (на кит. яз.)

4. InterFood Ural. Выставка продуктов питания и напитков [Электронный ресурс] // InterFood Ural. – URL: https://www.interfood-ural.ru/en-GB/about/sections.aspx (дата обращения: 16.03.2026).

5. История роста 99 Ranch Market, рассказанная владельцем во втором поколении: как за почти 40 лет сеть стала известной по всей Америке [Электронный ресурс] // Институт исследований недвижимости Meifang. – URL: https://mp.weixin.qq.com/s/tUWevj2lvlJK5Cx5acYbGQ (дата обращения: 30.01.2026). (на кит. яз.)

6. От групповых закупок в WeChat до североамериканского e-commerce свежих продуктов: что ему пришлось пережить [Электронный ресурс] // Shun Geng Manor. – URL: https://mp.weixin.qq.com/s/ehgtOWc_J0KIw2t2ijx7RQ (дата обращения: 30.01.2026). (на кит. яз.)

7. Путь дружбы между провинцией Сычуань и странами БРИКС [Электронный ресурс] // Народное правительство провинции Сычуань. – URL: https://www.sc.gov.cn/10462/10464/10797/2024/10/24/b509a750428047679c53bbb1a64399f6.shtml (дата обращения: 16.03.2026). (на кит. яз.)

8. Bestor T.C. Most f(l)avored nation status: the gastrodiplomacy of Japan's global promotion of cuisine. – Public Diplomacy Magazine, 2014, 11. – P. 59–62.

9. Chapple-Sokol S. Culinary diplomacy: breaking bread to win hearts and minds. – The Hague Journal of Diplomacy, 2013, 8(2). – P. 161–183.

10. Cwiertka K.J. The global hansik campaign and the commodification of Korean cuisine. – In: Choe Y., Kim K.H. (eds.). The Korean popular culture reader. – Durham: Duke University Press, 2014. – P. 364–384.

11. Kosmidou Z. Gastrodiplomacy: the case of the embassy of Greece. – Public Diplomacy Magazine, 2014, 11. – P. 63–65.

12. Leonard M. Diplomacy by Other Means // Foreign Policy. – 2002. – № (132).

13. Nahar N. et al. The globalization of Malaysia national cuisine: a concept of 'gastrodiplomacy'. – Journal of Tourism, Hospitality & Culinary Arts, 2018, 10(1). – P. 42–58.

14. Nirwandy N., Azran Awang A. Conceptualizing public diplomacy social convention culinary: engaging gastro diplomacy warfare for economic branding. – Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2014, 130. – P. 325–332.

15. Nye J.S. Jr. Soft Power: the means to success in world politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 191 p.

16. Rockower, P.S. Recipes for gastrodiplomacy. – Place Branding and Public Diplomacy, 2012, 8(3). – P. 235–246.

17. Sakamoto R., Allen M. There's something fishy about that sushi: how Japan interprets the global sushi boom. – Japan Forum, 2011, 23(1). – P. 99–121.

18. Теперь вы можете изучать дипломатию через тарелку, или «гастро-дипломатию», в университете [Электронный ресурс] // Slate.fr. URL: https://www.slate.fr/life/85027/gastro-diplomatie-discipline-universitaire (дата обращения: 16.03.2026). (на фр. яз.)

GASTRODIPLOMACY AS AN INSTRUMENT FOR THE IMPLEMENTATION OF CHINA'S SOFT POWER: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND PRACTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Zhan Rui
Saint Petersburg State University

The paper examines gastrodiplomacy as an effective tool for the implementation of soft power and public diplomacy in modern international relations. The authors analyze the advanced international experience of national cuisine promotion, the core models of the global spread of Chinese cuisine, as well as the specific practice of Chinese gastrodiplomacy in the Russian Federation. The study substantiates the important role of gastronomic initiatives in the development of Russian-Chinese relations and the strengthening of intercultural understanding between the peoples of the two countries.

Keywords: gastrodiplomacy, soft power, public diplomacy, Chinese cuisine, Russian-Chinese relations, intercultural understanding.

References

1. Consul General in Yekaterinburg Luo Shixiong attended the opening ceremony of the "Ice Happy Spring Festival" event [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/zwbd_673032/whjl/202602/t20260226_11863958.shtml (accessed: 16.03.2026). (in Chinese)

2. Consul General in Yekaterinburg Luo Shixiong attended the opening ceremony of the Chinese Cuisine Festival organized by the Consulate General [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zwbd_673032/whjl/202507/t20250721_11674108.shtml (accessed: 16.03.2026). (in Chinese)

3. Consul General in Khabarovsk Jiang Xiaoyang attended the opening ceremony of the Russian segment of the "Taste of Two Banks" China-Russia International Culinary Festival [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zwbd_673032/wshd_673034/202508/t20250823_11694896.shtml (accessed: 16.03.2026). (in Chinese)

4. InterFood Ural. Exhibition of food and beverages [Electronic resource] // InterFood Ural. – URL: https://www.interfood-ural.ru/en-GB/about/sections.aspx (accessed: 16.03.2026).

5. The growth story of 99 Ranch Market told by a second-generation owner: how the chain became famous across America in nearly 40 years [Electronic resource] // Meifang Real Estate Research Institute. – URL: https://mp.weixin.qq.com/s/tUWevj2lvlJK5Cx5acYbGQ (accessed: 30.01.2026). (in Chinese)

6. From WeChat group buying to North American fresh food e-commerce: what he experienced [Electronic resource] // Shun Geng Manor. – URL: https://mp.weixin.qq.com/s/ehgtOWc_J0KIw2t2ijx7RQ (accessed: 30.01.2026). (in Chinese)

7. The path of friendship between Sichuan Province and the BRICS countries [Electronic resource] // People's Government of Sichuan Province. – URL: https://www.sc.gov.cn/10462/10464/10797/2024/10/24/b509a750428047679c53bbb1a64399f6.shtml (accessed: 16.03.2026). (in Chinese)

8. Bestor T.C. Most f(l)avored nation status: the gastrodiplomacy of Japan's global promotion of cuisine. – Public Diplomacy Magazine, 2014, 11. – P. 59–62.

9. Chapple-Sokol S. Culinary diplomacy: breaking bread to win hearts and minds. – The Hague Journal of Diplomacy, 2013, 8(2). – P. 161–183.

10. Cwiertka K.J. The global hansik campaign and the commodification of Korean cuisine. – In: Choe Y., Kim K.H. (eds.). The Korean popular culture reader. – Durham: Duke University Press, 2014. – P. 364–384.

11. Kosmidou Z. Gastrodiplomacy: the case of the embassy of Greece. – Public Diplomacy Magazine, 2014, 11. – P. 63–65.

12. Leonard M. Diplomacy by Other Means // Foreign Policy. – 2002. – № (132).

13. Nahar N. et al. The globalization of Malaysia national cuisine: a concept of 'gastrodiplomacy'. – Journal of Tourism, Hospitality & Culinary Arts, 2018, 10(1). – P. 42–58.

14. Nirwandy N., Azran Awang A. Conceptualizing public diplomacy social convention culinary: engaging gastro diplomacy warfare for economic branding. – Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2014, 130. – P. 325–332.

15. Nye J.S. Jr. Soft Power: the means to success in world politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 191 p.

16. Rockower, P.S. Recipes for gastrodiplomacy. – Place Branding and Public Diplomacy, 2012, 8(3). – P. 235–246.

17. Sakamoto R., Allen M. There's something fishy about that sushi: how Japan interprets the global sushi boom. – Japan Forum, 2011, 23(1). – P. 99–121.

18. Now you can study diplomacy through the plate, or "gastrodiplomacy", at the university [Electronic resource] // Slate.fr. URL: https://www.slate.fr/life/85027/gastro-diplomatie-discipline-universitaire (accessed: 16.03.2026). (in French)

Анализ политической и военной деятельности Альбрехта фон Роона

Акулова Анастасия Дмитриевна,
независимый исследователь
E-mail: akulova8211sk@gmail.com

Буркова Валерия Александровна,
независимый исследователь
E-mail: burkovalera375@gmail.com

Карташова Мария Николаевна,
независимый исследователь
E-mail: masha.k02@bk.ru

Статья посвящена Альбрехту фон Роону – фигуре, которую прусская историография XIX века явно недооценила на фоне Бисмарка и Мольтке. Рассматривается его жизненный путь, военная и политическая карьера, а также роль в реформировании прусской армии, без которого объединение Германии под прусской гегемонией едва ли состоялось бы в той форме, какую мы знаем. Отдельно разбираются его административные решения, взаимодействие с Бисмарком и Мольтке и то, как концепция «крови и железа» превратилась из риторической формулы в реальную военно-политическую доктрину. Показано, что именно реформы Роона создали армию, способную выиграть войны с Данией, Австрией и Францией, – и тем самым радикально перекроили европейский баланс сил. Провозглашение Германской империи стало, среди прочего, следствием того административного и военного фундамента, который он выстраивал методично и без особой публичности.

Ключевые слова: Альбрехт фон Роон, прусская армия, Германская империя, Отто фон Бисмарк, Хельмут фон Мольтке, консерватизм.

Альбрехт Теодор Эмиль фон Роон появился на свет 30 июня 1803 года в Плойсхагене, в Померании – в то время, когда прусская государственность переживала один из острейших кризисов своей истории. Детские годы будущего военного реформатора прошли в тени наполеоновских войн: разгром при Йене и Ауэрштедте (1806) и последовавший распад Священной Римской Империи задали тот интеллектуальный и политический климат, в котором и выросло целое поколение прусских военных. Отец умер в 1809 году, когда мальчику было шесть лет, и это обстоятельство во многом определило дальнейшее: строгая дисциплина, стеснённые материальные условия, ранняя самостоятельность. Всё это, вместе взятое, сформировало человека педантичного, организационно жёсткого и твёрдого в консервативных убеждениях.

Кадетские корпуса Кульма и Берлина дали Роону подготовку, пронизанную духом реформ Шарнхорста и Гнейзенау – той самой послеНаполеоновской перестройки прусской армии, которая стала ответом на катастрофу 1806 года. Уже в 1820–1830-е годы обнаружилось, что полевой командир из него вышел весьма средний, зато военный теоретик и администратор – незаурядный. Его «Военная география Европы» (1837) примечательна попыткой рассматривать военную стратегию сквозь призму пространственно-политических факторов – подход, который по своему существу предвосхищал позднейшую геополитическую традицию, хотя сам Роон, надо полагать, такой задачи перед собой не ставил [3].

С 1833 года Роон служил в топографическом отделе Генерального штаба – опыт, заметно углубивший его понимание театров военных действий и их системного анализа. В 1840-е годы судьба свела его с прусским королевским двором: он стал наставником принца Фридриха-Карла, и именно это сближение открыло ему путь к Вильгельму I. Будущий король Пруссии разделял убеждения Роона о необходимости серьёзного военного переустройства – что, надо сказать, предопределило весь дальнейший ход событий.

Когда Фридрих Вильгельм IV лишился дееспособности, его брат Вильгельм взял бразды правления в свои руки и 26 июня 1858 года поручил Роону разработать план масштабной реорганизации армии. Работа не осталась без последствий: 5 декабря 1859 года Роон получил пост военного министра Пруссии и занимал его вплоть до 1873 года [4].

К середине XIX века прусская армия сохраняла структуру, сложившуюся ещё в эпоху Освободительных войн. Действующая армия, ландвер (возраст службы 25–32 года) и ландштурм (32–39 лет) функционировали в условиях относительной автономности друг от друга. Ландвер формально считался опорой «нации в окружении», однако на практике превратился в носителя либеральных и национальных настроений. Боеспособность его вызывала серьёзные сомнения – комплектовался он преимущественно женатыми солдатами, не говоря уже о ландштурме, почти целиком состоявшем из ветеранов. Армия воспринималась в Пруссии не просто как военная сила, а как основа государственности, и именно это обстоятельство консервативные монархические круги расценивали как политическую угрозу.

С началом регентства Вильгельма I в 1858 году Роон получил поручение разработать проект глубокого переустройства армии. Назначенный военным министром 5 декабря 1859 года, он приступил к последовательной перестройке вооружённых сил. Реформа предусматривала трёхлетний срок службы в действующей армии, двухлетнее пребывание в резерве, расширение призывных контингентов, сокращение самостоятельной роли ландвера и увеличение военного бюджета. Надо сказать, ряд военных теоретиков склонялся к компромиссным решениям, тогда как Роон последовательно настаивал на усилении кадровой армии как инструмента монархической власти.

В основе его позиции лежало убеждение, что геополитическое положение Пруссии – между Францией, Австрией и Россией – требует постоянной мобилизационной готовности. Отсюда и принципиальное неприятие любых половинчатых мер. Реформа, впрочем, немедленно спровоцировала острый конституционный конфликт с либеральным большинством ландтага (парламента земли): депутаты опасались как милитаризации государства, так и чрезмерной финансовой нагрузки на экономику [2].

В 1861–1862 годах противостояние парламента и короны достигло предела. Бюджет на армию так и не был утверждён, а Вильгельм I,

судя по всему, всерьёз рассматривал отречение. Именно тогда Роон проявил себя не только как военный, но и как человек политического чутья: он рекомендовал королю кандидатуру Отто фон Бисмарка. Телеграмма, отправленная 20 сентября 1862 года из Парижа – «Промедление опасно – поспешите!» – стала, пожалуй, одним из тех немногих случаев, когда несколько слов действительно изменили ход событий. Уже 8 октября того же года Бисмарк занял посты министра-президента и министра иностранных дел Пруссии [5].

Роон поддержал политику «безбюджетного правления» и тем самым обеспечил проведение военной реформы вопреки парламентскому сопротивлению. Его вклад не сводился к административной перестройке – речь шла о принципиально иной концепции армии как профессионального орудия национальной экспансии. В этом отношении Роон занимал промежуточное положение между военной теорией Мольтке («Главным объектом операций должна являться не территория, а армия противника») и политическими расчётами Бисмарка с его системой «рыцарских союзов».

Кадровой политике Роон уделял внимание, которое нередко остаётся в тени более громких его заслуг. Систематическая подготовка офицеров через Генеральный штаб и расширение профессионального военного образования – всё это было для него не факультативными мерами, а частью единого замысла. Надо сказать, именно здесь обнаруживается его практическая хватка: офицерский корпус требовалось не просто увеличить, а выстроить по единым стандартам.

Параллельно шла работа над мобилизационными планами, и именно она обеспечила оперативную готовность Пруссии в войнах 1864, 1866 и 1870–1871 годов. Институциональные преобразования, проведённые под его руководством, позволили быстро сосредоточить силы и в полной мере задействовать возможности железнодорожной сети [4].

В 1873 году Роон получил графский титул, а с началом 1875-го – звание генерал-фельдмаршала. Всё, что король изначально предлагал в части армейских преобразований, в итоге было воплощено в жизнь – и немалая заслуга в этом принадлежит именно военному министру Альбрехту Роону.

В ходе датской войны переломным эпизодом оказался штурм крепости Дюппель. Мольтке, командовавший объединённым австро-прусским штабом, полагал операцию излишне рискованной – слишком велики были ожидаемые потери. Роон и Бисмарк, однако, продавили своё. Главная трудность состояла вовсе не в укреплениях Дюппеля (датчане изрядно истощили ресурсы, укрепляя Даневирке, так что сами позиции оказались ослаблены), а в присутствии броненосца «Рольф Краке», против которого у союзников не нашлось действенного ответа. Тем не менее 18 апреля крепость взяли. Последствия оказались весомыми: датская сторона отказалась удерживать Фредерисию, эвакуировала войска и фактически отдала Ютландию. Одержанная победа склонила чашу весов в пользу союзников, и к концу октября был подписан мирный договор – Дания уступила Шлезвиг Пруссии, а Гольштейн отошёл Австрии [2].

Территориальный спор вокруг этих герцогств и вылился в вооружённое столкновение бывших союзников в 1866 году. Австрия к тому моменту была дипломатически изолирована – во многом из-за последствий Крымской войны – и к войне с Пруссией совершенно не готовилась. Именно поэтому Вена предлагала решить дело полюбовно: передать Гольштейн в обмен на небольшой пограничный участок. Бисмарк, впрочем, от этого варианта отказался – война с Австрией была для него делом решённым.

Прусская армия подошла к кампании с куда большей основательностью. Военный министр Альбрехт Роон приложил немало сил, чтобы ещё до начала боевых действий армия располагала ощутимым превосходством над противником.

Австрийская армия разворачивалась медленнее прусской – примерно на несколько недель. Причина проста: территориальная система комплектования, которая существенно ускорила бы мобилизацию, оказалась для Габсбургской монархии практически неприменимой. Слишком острыми были национальные противоречия внутри империи, чтобы строить армию по территориальному принципу.

Прусская армия действовала в выгодных условиях: железнодорожная сеть оставалась свободной от гражданских грузопотоков, что позволяло использовать её военные возможности в полной мере.

Важно также подчеркнуть, что пруссаки:

Батальоны у австрийской границы получили дополнительное усиление: штатная численность личного состава поднялась с 530 до 685 бойцов.

· придали 3-хбатальонным полкам 4-й запасной батальон,

· из запасных частей сформировали два резервных корпуса – они должны были поддерживать действующую армию с тыла.

· а также приобрели лошадей для конной артиллерии.

Роон поначалу резко осуждал замысел Мольтке сосредоточить все прусские силы в Богемии – его беспокоило открытое Рейнское и Ганноверское направления. После победы под Кёниграцем он, впрочем, уже требовал наступления на Вену, однако натолкнулся на то же противодействие Бисмарка, что и сам Вильгельм. Бисмарк полагал: война своё дело сделала, Пруссия закрепила лидерство в Северной Германии, а дальнейшее преследование Австрии лишено смысла. Видел он в ней, надо сказать, будущего партнёра для Гогенцоллернов, а не поверженного врага.

Куда более серьёзным противником для него теперь становилась Франция, которая с нескрываемым ужасом восприняла крах своих расчётов на затяжную войну между Пруссией и Австрией. Поражение последней, провальные авантюры Наполеона в Мексике и вокруг Люксембурга дали о себе знать: к 1870 году Франция оказалась в полной дипломатической изоляции [4].

Пруссия стремилась к реваншу против Франции за столетия унижений, пережитых германскими землями. Господство Парижа в Западной Европе во многом основывалось на политической раздробленности Германии. Кульминацией национального оскорбления для немцев стало вторжение Наполеона в Пруссию в 1806–1807 годах и последовавшая за этим пятилетняя оккупация. Хотя в 1815 году Пруссия и получила важнейшие территориальные приобретения, они не смогли полностью удовлетворить амбиции пангерманского движения и интересы династии Гогенцоллернов в отношении объединения германских государств. Германия оставалась разделенной, что было, безусловно, выгодно Австрии, но не укрепившей свои позиции Пруссии, которая чувствовала угрозу со всех сторон. Умелая работа Бисмарка с общественным мнением в германских землях позволила укрепить в сознании немцев убеждение в том, что предстоящая война с Францией общенародной, справедливой и решающей для процесса объединения Германии [1].

Французская армия повторила неудачный опыт Австрии 1866 года, и оказалась на пороге военной кампании в 1870 году с Пруссией неподготовленной абсолютно. С технической точки зрения она ненамного уступала, ведь винтовка Шасспо ((Fulis modéle *фр.*) игольчатая однозарядная винтовка, разработанная французским оружейником Антуаном Шасспо в 1866 году) оказалась более дальнобойной по сравнению с винтовкой Дрейзе (Zündnadelgewehr *немец.*) винтовка игольчатая, которую предложил немецкий ученый Иоганн Николаус фон Дрейзе в 1827 году. Первый ее образец введен в армию Пруссии в 1840 году). Вот только дисциплина в армии французов, порядок ее формирования и руководство были структурированы из рук вон плохо, и это заметно бросалось в глаза в сравнении с армией пруссаков, например:

– в отличии от прусских войск, во французских действовал более длительный срок фактической службы – от 7 до 21 года;

– против одного миллиона прусских солдат, французское командование могло противопоставить только четыреста тысяч;

– французская сеть железной дороги не отвечала военным требованиям и не могла обеспечить мгновенной отправки солдат в зону боевых действий;

– в конце концов, и сам смысл этой кампании оказался непонятен французам, а их командиры не имели практически никаких четких и конкретных планов [2, с. 4].

В самом начале данной войны прусская армия быстро зажала французскую у бельгийской границы. 1 сентября 1870 года произошла всем известная Седанская катастрофа, открывшая дорогу на Париж для сил Вильгельма I. Захват столицы, для Франции, означал бы абсолютный проигрыш в войне. Однако осада город не стала такой легкой, как планировалось изначально – она растянулась, практически до января 1871 года. Альбрехт фон Роон и Отто фон Бисмарк желали беспощадно стрелять по стенам столицы, вот только Хельмут фон Мольтке – начальник Генерального штаба не желал этого, поскольку не хотел гибели обычных мирных жителей. Под конец он был вынужден уступить предписаниям руководства и продолжить бомбардировку Парижа. 28 января 1871 года столица Франции сдалась, знаменую об окончании военных действий [3].

За десять дней до этого – 18 января 1871 года в Версале официально появилась на свет Германская империя, а прусский король Вильгельм I отныне стал называться кайзером. К сожалению, для Альбрехта фон Роона победа собственной страны в войне не принесла желанного удовлетворения, ведь он потерял сына Бернхарда: он был капитаном, который руководил артиллерийским полком и погиб в битве при Седане. Через два года 1 января 1873 года генерал-фельдмаршал Роон получил должность министра-президента Пруссии, так как Отто фон Бисмарку оказалось трудно одновременно управлять и Пруссией, и Германской империей. Под конец года Альбрехт фон Роон вышел

в отставку в связи с ухудшением состояния здоровья – у него прогрессировала астма. 23 января 1879 года его не стало. Он был похоронен в стенах замка Кробниц, недалеко от Герлица [1].

О нем говорили, как о добродушном и веселом человеке, который имел высокий интеллект, железную выдержку и отменной дисциплиной. Кайзер Вильгельм I любил проводить с Рооном время за беседами, а вот отношения с Бисмарком и Мольтке не всегда складывались хорошо. Альбрехт фон Роон поддерживал первого в стремлении объединить Германию – это была одна из основных причин познакомить Отто фон Бисмарка с кайзером, но периодически он подозревал канцлера в чрезмерном либерализме, а также не поддерживал его стремления маневрировать между политическими силами, и был убежден, что временами «железный политик» недостаточно консервативен. Что до второго, то будучи веселым человеком по натуре, Роону оказался непривычен «пессимизм» политика – именно так он называл лаконичность, настороженность и концентрацию Хельмута Мольтке.

Достижения Альбрехта фон Роона ничуть не уступают заслугам Отто фон Бисмарка и военачальника Мольтке. Не стоит принижать его личный вклад в объединение германских земель в империю, ведь он смог сформировать отличнейшую логистику, которая стала важнейшим основанием для любой армии. К тому же, будучи военным и политическим деятелем, он поспособствовал осуществлению быстрейшей мобилизации ВС, а также существенно увеличил их численность, несмотря на первоначальное яростное сопротивление со стороны парламента и либералов. Именно Альбрехт фон Роон поспособствовал развитию такой блестящей карьере Отто фон Бисмарка, и дал совет Вильгельму I приглядеться к многообещающему офицеру Хельмуту фон Мольтке. Без лишней скромности, это благодаря Роону на свет появился столь впечатляющий триумвират, который помог Германии достичь национальной и государственной консолидации.

Литература

1. Водовозов В.В. Роон, Альбрехт-Теодор-Эмиль // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
2. Роон // Рона – Самойлович. – М.: Советская энциклопедия, 1955. – С. 7. – (Большая советская энциклопедия: [в 51 т.] / гл. ред. Б.А. Введенский; 1949–1958, т. 37).
3. О. Иммельман, «Граф Альбрехт фон Р.» («Biographische Volksbücher», Лейпциг, 1898).
4. Роон В. Воспоминания из жизни генерал-фельдмаршала военного министра графа фон Роона: сборник писем, записок и воспоминаний, Вальдемар граф фон Роон / В. Роон. – Издатель Э. Тревендт, Владелец оригинала: Мичиганский университет / 1897 г. – 520 С.
5. Чубинский, В.В. Бисмарк: Политическая биография / В.В. Чубинский. – М.: Мысль, 1988. – 414 С. ISBN 5-244-00087-X.

AN ANALYSIS OF ALBRECHT VON ROON'S POLITICAL AND MILITARY ACTIVITIES

Akulova A.D., Burkova V.A., Kartashova M.N.

The article is devoted to Albrecht von Roon, a figure whom the Prussian historiography of the 19th century clearly underestimated against the background of Bismarck and Moltke. The article examines his life, military and political career, as well as his role in the reform of the Prussian army, without which the unification of Germany under Prussian hegemony would hardly have taken place in the form that we know. His administrative decisions, interaction with Bismarck and Moltke, and how the concept of "blood and iron" turned from a rhetorical formula into a real military-political doctrine are discussed separately. It is shown that it was Roon's reforms that created an army capable of winning wars with Denmark, Austria and France, and thereby radically reshaped the European balance of power. The proclamation of the German Empire was, among other things, a consequence of the administrative and military foundation that he built methodically and without much publicity.

Keywords: Albrecht von Roon, the Prussian army, the German Empire, Otto von Bismarck, Helmut von Moltke, conservatism.

References

1. Vodovozov V.V. Roon, Albrecht-Theodor-Emil // Encyclopedia of Brockhaus and Efron: in 86 volumes (82 volumes and 4 supplements). – St. Petersburg, 1890–1907.
2. Roon // Rona– Samoilovich. – M.: Soviet Encyclopedia, 1955. – p. 7. – (The Great Soviet Encyclopedia: [in 51 volumes] / chief editor B.A. Vvedensky; 1949–1958, Vol. 37).
3. O. Immelman, „Count Albrecht von R." (Biographische Volksbücher, Leipzig, 1898).
4. Roon V. Memoirs from the life of Field Marshal General of the Minister of War Count von Roon: collection of letters, notes and memoirs, Waldemar Graf von Roon / V. Roon. – Publisher E. Trewendt, Owner of the original: University of Michigan / 1897. – 520 P.
5. Chubinsky, V.V. Bismarck: Political Biography / V.V. Chubinsky. – M.: Mysl, 1988. – 414 P. ISBN 5-244-00087-X.

Истоки и направленность российской стратегии на дальневосточном направлении внешней политики: досоветский этап

Коновалов Илья Александрович,
аспирант, Московский государственный лингвистический университет
E-mail: 79163235030@ya.ru

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью Азиатско-Тихоокеанского региона в мировой политике и экономике, а также необходимостью осмысления исторических оснований современной российской стратегии на Дальнем Востоке. Понимание логики формирования данного направления позволяет выявить устойчивые элементы стратегического мышления, проследить трансформацию приоритетов и оценить степень преемственности между различными историческими этапами развития государства.
Целью настоящего исследования является анализ истоков и направленности российской стратегии на дальневосточном направлении внешней политики с выявлением ключевых факторов, определивших её формирование и развитие. В рамках работы рассматриваются геополитические предпосылки, особенности фронтирного освоения, идеологические основания досоветского периода, а также трансформация стратегических подходов в досоветский период.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, геополитический статус, стратегия, геополитические проекты, Россия, Китай.

Введение

Формирование и эволюция дальневосточного вектора внешней политики России досоветского этапа представляет собой сложный и многослойный процесс, обусловленный совокупностью геополитических, исторических, экономических и цивилизационных факторов [3]. Пространственное развитие российского государства, начиная с XVII века, сопровождалось постепенным смещением стратегического внимания на восточные рубежи, что было связано не только с необходимостью территориального расширения, но и с поиском устойчивых форм включения в глобальные экономические и политические процессы [11].

По мере укрепления российского присутствия в дальневосточном пространстве меняется и характер его восприятия, что формирует особую традицию и направленность стратегии в регионе. Пространство перестаёт рассматриваться как удалённая периферия и начинает осмысляться как важнейший элемент общей структуры государства [11]. Возникает представление о России как особой цивилизации, соединяющей европейское и азиатское начала, в рамках которого восточное направление приобретает самостоятельную ценность и стратегическую значимость [4]. В этом контексте дальневосточное направление играет роль не только рубежа, но и точки выхода в более широкий геополитический контур Азиатско-Тихоокеанского региона.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на всестороннем анализе российских внешнеполитических стратегических документов досоветского периода, а также использовании авторитетных источников, включающих в себя монографии, научные публикации, аналитические и статистические отчеты, официальные отчеты профильных ведомств, материалы средств массовой информации на русском, английском, корейском и других языках, что позволяет выявить эволюцию приоритетов и направлений внешнеполитической стратегии России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Автор статьи использовал методы сравнительного и контент-анализа, синтеза, обобщения, а также ретроспективный и диахронный методы. Совокупность указанных методов обеспечила формирование целостного представления об истоках и направленности вектора стратегии досоветской России на дальневосточном направлении ее внешней политики.

Результаты исследования

Проведённое исследование позволило установить, что формирование дальневосточного вектора внешней политики России досоветского периода носило поэтапный и эволюционный характер, в основе которого лежала логика фронтирного расширения и постепенного включения новых территорий в государственное пространство. Уже на ранних этапах освоения Сибири и выхода к Тихому океану ключевую роль играли не столько централизованные стратегические решения, сколько сочетание инициативы локальных акторов и последующего институционального закрепления результатов экспансии [10].

Выявлено, что российская модель территориального продвижения отличалась от классических колониальных практик морских держав. Она основывалась на представлении об органическом расширении государства [9], при котором новые территории рассматривались не как внешние владения, а как естественное продолжение единого политического пространства, что обусловило формирование специфической политической культуры, в рамках которой пространство выступало активным фактором государственного развития.

Особое значение в формировании стратегического мышления имели идеологические представления о России как евразийской и впоследствии тихоокеанской державе [7]. Эти идеи способствовали закреплению дальневосточного направления в качестве равноправного внешнеполитического вектора, а не вторичного по отношению к западному. В рамках данного этапа выявлена постепенная институционализация геополитического мышления, выразившаяся в попытках осознанного пространственного проектирования [6].

В ходе исследования также установлено, что ближе к советскому этапу дальневосточная стратегия характеризуется радикальной переориентацией в сторону военно-стратегических приоритетов. Регион стал

рассматриваться прежде всего как форпост обеспечения безопасности, что обусловило высокий уровень милитаризации и централизации управления. Экономическое развитие при этом носило мобилизационный характер и было тесно связано с задачами обороны [5].

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о высокой степени исторической преемственности дальневосточного вектора российской политики, при одновременной трансформации форм и инструментов его реализации в зависимости от изменения международной среды и внутренних ресурсов государства.

Геополитические и исторические предпосылки

Формирование дальневосточного вектора внешней политики России уходит корнями в территориальное расширение XVII–XIX вв. (освоение Сибири и выход к Тихому океану), начальный импульс которого был обусловлен совокупностью политических, экономических и стратегических факторов, в частности необходимость стабилизации государства после Смутного времени, потребность в расширении фискальной базы за счёт освоения новых ресурсов, а также обеспечении безопасности протяжённых восточных границ. [4]

Освоение Сибири и Дальнего Востока разворачивалось по фронтирной схеме. Продвижение шло вдоль речных коммуникаций с созданием сети опорных пунктов в виде острогов и включением новых территорий в систему государственного управления через механизм торгово-экономической интеграции, в том числе ясачного обложения. Реки выполняли функцию магистральных путей сообщения, что предопределило сетевой, а не линейный характер территориального продвижения и позволило в относительно короткие сроки установить контроль над обширными пространствами от Урала до бассейнов Енисея и Лены. Ключевой особенностью раннего этапа восточного продвижения явилось сочетание инициативы промысловых и служилых групп с последующим институциональным оформлением нового пространства. Такие преимущественно торгово-экономические по своей сути экспедиции становились основой для дальнейшего включения территорий в административно-правовое поле государства, что проявлялось в назначении воевод, формировании органов управления и регуляризации налоговых поступлений.

Взаимодействие с коренными народами носило неоднозначный характер, оно включало как элементы договорных отношений и интеграции, так и практики принудительного подчинения, что соответствует общим моделям фронтирного расширения. В результате к середине XVII века Россия обеспечила устойчивое присутствие в Восточной Сибири, превратив Якутск в ключевой административный и экспедиционный центр, откуда осуществлялось дальнейшее движение к северо-восточным окраинам Евразии и побережью Тихого океана.

Важно отметить, что российская модель фронтира опиралось на представление о «естественности» расширения государства в условиях отсутствия жёстко оформленных границ и наличия обширных малозаселённых территорий. В этом смысле он принципиально отличается от колониальных проектов морских империй Западной Европы. Русский фронтир не предполагал чёткого разделения между «метрополией» и «колонией», а развивался как процесс постепенного «врастания» пространства в государственное тело. Эта идея органического расширения империи глубоко укоренилась в российской политической культуре и находила отражение как в практиках управления, так и в интеллектуальных интерпретациях. Освоение Сибири и Дальнего Востока мыслилось не как завоевание чужого мира, а как восстановление или завершение целостности государства в пределах «естественных» границ, которые часто понимались максимально широко – от Балтики до Тихого океана.

Освоение побережья Охотского моря в 1639 году обозначило начало включения тихоокеанского измерения в дальневосточный вектор российской внешней политики, однако реальное использование данного стратегического коридора было ограничено суровыми природно-климатическими условиями, слабостью хозяйственной базы и крайней удалённостью региона от центральных районов страны. Тем не менее создание опорных пунктов на побережье Охотского моря выступило основой для дальнейших камчатских и северо-тихоокеанских экспедиций, которые в XVIII веке приобрели системный характер. Морские исследования и экспедиции середины XVIII века способствовали включению северной части Тихого океана в сферу интересов России и расширили её присутствие за пределы Евразии, что выразилось в освоении Алеутских островов и формировании русских владений в Северной Америке. Упомянутые процессы демонстрируют трансформацию идеи движения на Восток из преимущественно континентальной в комбинированную континентально-морскую дальневосточную стратегию.

Одновременно с территориальным расширением еще больше возрастает необходимость обеспечения безопасности растущих восточных рубежей, складывается взаимодействие и конкуренция с державами Восточной Азии и Тихоокеанского региона. Россия подошла вплотную к крупным региональным субъектам, прежде всего – империи Цин, что обусловило появление международно-правового измерения дальневосточной политики. Столкновение интересов в Приамурье и Забайкалье привело к правовому оформлению границ и закреплению сфер влияния, результатом чего стало заключение Нерчинского договора 1689 года. Ограничив территориальные притязания России и Китая в Амурском бассейне, договор создал основу для стабильных межгосударственных отношений и признания российского присутствия в данном регионе путем дипломатии. [1]

В течение XVIII и первой половины XIX века развитие дальневосточного вектора целеполагания все еще сдерживалось слабой заселённостью, недостаточной экономической освоенностью и высокой стоимостью поддержания инфраструктуры, что придавало российскому присутствию на Тихоокеанском побережье фрагментарный и уязвимый характер. Ситуация начинает последовательно меняться в условиях трансформации международной обстановки Восточно-Азиатского региона второй половины XIX века. Заключение Айгунского и Пекинского договора (1858 г. и 1860 г., соответственно), наряду с основанием Владивостока, сети портов и административных центров на юге Дальнего Востока обеспечило России контроль над значительными территориями и выход к Японскому морю.

Идеологические основы досоветского этапа развития дальневосточного направления российской политики формировались не в виде целостной, заранее артикулированной доктрины, а как совокупность взаимосвязанных представлений о пространстве, государственности, идеи непрерывного движения государства за «убегающей границей»[1], миссии русской цивилизации и обеспечении безопасности в рамках глобального пространственного соперничества[2], которые постепенно складывались в рамках эволюции имперского мировоззрения, интуитивной геополитики и философии пространственной державности, коренящейся в специфике российского исторического опыта. Ключевым элементом идеи движения выступало восприятие пространства не как нейтральной географической данности, а как активного фактора формирования государства, его идентичности и внешнеполитического поведения.

Вместе с развитием дальневосточного вектора укоренилось представление о России как особой цивилизации, занимающей промежуточное положение между Европой и Азией. Ещё в XVIII–XIX веках в интеллектуальной среде формируется понимание России как евразийской державы de-facto (задолго до появления евразийства как оформленного учения), которое выражалось в убеждённости, что восточное направление не является вторичным или вспомогательным по отношению к западному, а представляет собой равноправный и стратегически необходимый политический вектор[3]. В такой логике Россия не должна растворяться в европейском мире, а обязана реализовать собственный путь, значительная часть которого объективно связана с Азией.

Наконец, важнейшим идеологическим проектом позднего досоветского периода стало представление о России как тихоокеанской державе. Строительство Транссибирской магистрали, развитие Владивостока, активизация политики в Маньчжурии и на Корейском полуострове были не только практическими шагами, но и отражением глубинного изменения мировоззрения элит. Дальний Восток перестаёт быть «краем земли» и начинает восприниматься как точка включения России в мировую политику нового индустриального и морского века, средство преодоления стратегической уязвимости континентальной державы, пространство выхода в «большой мир» Азии и Тихого океана.

Одной из наиболее показательных и одновременно противоречивых попыток концептуализации дальневосточного направления внешней политики России данного периода явился геополитический проект «Желторосия»[4].

В отличие от раннего этапа продвижения на Восток идея «Жёлтороссии» стала попыткой осознанного геополитического конструирования пространства, опирающегося на представления о стратегической необходимости контроля над ключевыми территориями Маньчжурии

[1] Цветкова Ольга Викторовна Концепции границ в географических и политических исследованиях // Вестник ГУУ. 2014. № 4.

[2] Жилкина Людмила Николаевна Геополитические взгляды В.П. Семенова-Тян-Шанского и современность // Власть. 2013. № 4.

[3] Достоевский Ф.М. Дневник писателя. / Сост., комментарии А.В. Белов / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 880 с.;

Вандам А.Е. Наше положение. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1912.

[4] Романов Б. А. «Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма» / Под ред. В.Ю. Визе и Р.Л. Самойловича. – Л..: Изд.-во Ленинградского Восточного Института, 1928.

и Кореи, а также о возможности создания особой формы политико-культурного доминирования без формального включения этих земель в состав государства. Проект возник в контексте обострения международной конкуренции в Восточной Азии, ослабления империи Цин и нарастающего соперничества между континентальными и морскими державами за контроль над северо-восточной частью Азиатско-Тихоокеанского региона. [7, 10]

«Жёлтороссия» мыслилась как своеобразный буфер и одновременно плацдарм, обеспечивающий стратегическую глубину дальневосточных рубежей, выход к незамерзающим портам и возможность активного участия России в перераспределении влияния в Азии, практическим ядром которого стала экономико-инфраструктурная экспансия, прежде всего строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД)[1]. В данном контексте Маньчжурия рассматривалась не просто как транспортный коридор, а как функциональное продолжение российского экономического пространства, где вокруг КВЖД формировалась особая зона управления с элементами экстерриториальности, собственной администрацией, охраной и финансовыми структурами – фактически «государство в государстве». [6]

Военно-стратегическим измерением проекта стало закрепление России в Порт-Артуре и Дальнем, что обеспечивало возможность постоянного присутствия флота в Жёлтом море. Эти шаги были направлены на превращение России в полноценную тихоокеанскую державу, способную конкурировать с Японией и западными странами в регионе. Однако именно в этом пункте проявились внутренние противоречия проекта – Россия, оставалась преимущественно континентальной державой с ограниченными морскими возможностями, что в конечном итоге проявилось в поражении в русско-японской войне, утрате ключевых позиций в Маньчжурии и Корее и глубинному кризису дальневосточной стратегии начала XX века.

В более широком контексте проект «Жёлтороссии» возможно рассматривать как кульминацию досоветской дальневосточной стратегии, в которой фронтирное движение уступает место попытке сознательного пространственного проектирования. Проект демонстрирует переход от логики стихийного расширения к логике целенаправленного геополитического строительства и одновременно иллюстрирует структурные противоречия имперской модели, неспособной в полной мере конкурировать с индустриальными и морскими державами нового типа. В результате несоответствия амбициозных геополитических ожиданий реальным экономическим, военным и институциональным возможностям государства идея «Жёлтороссии» осталась незавершённым и во многом утопическим проектом, который, однако, сыграл важную роль в формировании направления российской стратегии на дальневосточном направлении внешней политики [8].

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что формирование дальневосточного вектора внешней политики России в досоветский период представляло собой сложный, многоуровневый и внутренне противоречивый процесс, в котором органически сочетались элементы стихийного пространственного расширения и постепенного осознания геополитической субъектности государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевой особенностью данного этапа выступает фронтирный характер освоения пространства, определивший не только механизмы территориального продвижения, но и специфическую модель государственности, в рамках которой новые земли воспринимались как продолжение единого политико-цивилизационного организма. Именно эта логика «органического расширения» обусловила формирование устойчивых представлений о пространстве как активном факторе исторического развития, что, в свою очередь, стало одной из фундаментальных основ российского стратегического мышления.

Одновременно с этим выявляется постепенная трансформация дальневосточного направления из преимущественно периферийного в самостоятельный и равнозначный вектор внешней политики. Данный процесс сопровождался формированием идеологических оснований, в рамках которых Россия осмыслялась как особая евразийская, а затем и тихоокеанская держава, призванная играть активную роль в политико-экономических процессах Восточной Азии. Важно подчеркнуть, что данные идеи не носили строго доктринального характера, а формировались в ходе исторического опыта, отражая адаптацию государства к изменяющейся международной среде.

Существенным результатом исследования является выявление перехода от логики стихийного освоения к попыткам осознанного геополитического конструирования пространства, наиболее ярко проявившегося в проекте «Жёлтороссии». Данный проект стал кульминацией досоветского этапа, продемонстрировав стремление России к институционализации своего присутствия в регионе и к формированию устойчивых механизмов влияния за пределами формально включённых территорий. Вместе с тем его реализация выявила структурные ограничения российской имперской модели, прежде всего несоответствие между масштабом геополитических амбиций и реальными экономическими, военными и административными возможностями государства.

Важным выводом также является то, что к началу XX века дальневосточный вектор окончательно приобретает военно-стратегическое измерение, что отражает изменение характера международной конкуренции в регионе и усиливающуюся роль силового фактора в обеспечении национальной безопасности. Данная трансформация предопределила дальнейшую эволюцию стратегии уже в советский период, заложив основу для высокой степени милитаризации и централизации управления на восточных рубежах. [7]

Таким образом, досоветский этап формирования дальневосточного направления российской внешней политики характеризуется сочетанием преемственности и трансформации. С одной стороны, в исследуемом периоде заложены устойчивые структурные и идеологические основания стратегии, сохраняющие своё значение и в последующие исторические периоды. С другой – выявлены пределы экстенсивной модели пространственного развития и необходимость перехода к более сложным формам геополитического и экономического взаимодействия с регионом. [9]

В этом контексте дальневосточный вектор выступает не только как результат исторического расширения государства, но и как ключевой элемент формирования его глобальной роли, что придаёт исследованию особую значимость для понимания современной внешнеполитической стратегии России.

Литература

1. Бакланов П., Ларин В. Дальневосточные регионы РФ в современном российско-китайском сотрудничестве [Far Eastern Regions of RF in Modern Russian-Chinese Cooperation]. Мировая экономика и международные отношения, 2023, т. 67, № 6, с. 5–16. https://doi.org/10.20542/0131–2227–2023–67–6–5–16

2. Киреев А.А. Регион как «двойная периферия» (на примере российского Дальнего Востока) [Region as a “Double Periphery“ (on the Example of the Russian Far East) // Сравнительная политика. 2024; 15(4): 11–32. https://doi.org/ 10.46272/2221–3279–2024–4–15–2;

3. Киселев С.Г. Геополитический статус государства [The Geopolitical Status of the State] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. № 2(855). С. 9–15.

4. Киселев С.Г. Основные тренды в геополитической картине мира [Main Trends in the Geopolitical Picture of the World] // Россия и регионы мира: реглобализация: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 24–26 мая 2023 г. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2023. С. 129–136.

5. Лузянин С.Г., Бабаев К.В. Поворот на Восток: восточноазиатский вектор России [Pivot to the East. East Asian Vector of Russia] // Ин-т Китая и современной Азии РАН. М.: Российская академия наук, 2024. С. 256.

6. Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Понька Т.И., Данилов В.А. Разворот на Восток как фактор укрепления влияния России в Азии [Pivot to the East as a factor in strengthening Russia›s influence in Asia] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24. – № 2. – С. 181–191. https://doi.org/10.22363/2313–0660–2024–24–2–181–191;

7. Севастьянов С.В., Кукла М.П. Геополитические и экономические приоритеты взаимодействия России со странами «большой тройки» Северо-Восточной Азии [Geopolitical and Economic Priorities of Russia’s Interaction with the China, Japan, Republic of Korea] // Пространственная экономика. 2024. Т. 20. № 3. С. 180–196. https://dx.doi. org/10.14530/se.2024.3.180–196

8. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока до 2035 года. – М.: Правительство РФ, 2023.

9. Трофимов И.А., Трофимова Л.С., Яковлева Е.П. Дальний Восток России: глобальные и региональные аспекты развития сельского хозяйства [Russian Far East: Global and Regional Aspects of Agricultural Development] // Век глобализации. 2024. № 2. С. 171–183. https://doi.org/10.30884/vglob /2024.02.14;

10. Хуан Дэнсюэ, Ван Ин. Российская политика «поворота на Восток»: мотивирующие факторы [Russia’s Turn to the East: Motivating factors] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: По-

[1] Романов Б. А. «Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма» / Под ред. В.Ю. Визе и Р.Л. Самойловича. – Л..: Изд.-во Ленинградского Восточного Института, 1928.

литология. 2024. Т. 26. № 1. С. 18–30. https://doi.org/ 10.22363/2313–1438–2024–26–1–18–30.

11. Egorov V.K. Spatial development of Russian regions: historical context. Problems of Territory's Development, 2020, no. 6 (110), pp. 106–120. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.7 [In English].

THE ORIGINS AND DIRECTION OF RUSSIA'S STRATEGY IN THE FAR EASTERN FOREIGN POLICY: THE PRE-SOVIET STAGE

Konovalov I.A.
Moscow State Linguistic University,

The relevance of the study is due to the growing role of the Asia-Pacific region in global politics and economics, as well as the need to understand the historical foundations of Russia's current strategy in the Far East. Understanding the logic of this direction's formation allows us to identify stable elements of strategic thinking, trace the transformation of priorities, and assess the degree of continuity between different historical stages of state development.

The purpose of this study is to analyze the origins and direction of Russia's strategy in the Far Eastern region of its foreign policy, identifying the key factors that have shaped its formation and development. The study examines the geopolitical aspects of Russia's strategy in the Far East.

Keywords: Asia-Pacific region, geopolitical status, strategy, geopolitical projects, Russia, China.

References

1. Baklanov P., Larin V. Far Eastern Regions of RF in Modern Russian-Chinese Cooperation. World Economy and International Relations, 2023, vol. 67, no. 6, pp. 5–16. https://doi.org/10.20542/0131–2227–2023–67–6–5–16 [In Russian];

2. Kireev A.A. Region as a "Double Periphery" (on the Example of the Russian Far East). Comparative Politics Russia. 2024;15(4):11–32. https://doi.org/10.46272/2221–3279–2024–4–15–2 [In Russian];

3. Kiselev S.G. The Geopolitical Status of the State. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences], 2024; 2(855):9–15 [In Russian].

4. Kiselev S.G. Main Trends in the Geopolitical Picture of the World. Russia and Regions of the World: re-Globalization: Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference, Moscow, May 24–26, 2023. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet [Moscow State Linguistic University], 2023:129–136 [In Russian].

5. Luzyanin S.G.. Babaev K.V., Pivot to the East. East Asian Vector of Russia (2014–2024). Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. Moscow: Russian Academy of Sciences, 2024. P. 256. [In Russian];

6. Mosyakov D.V., Shpakovskaya M.A., Ponka T.I., Danilov V.A. Pivot to the East as a Factor in Strengthening Russian Influence in Asia // Vestnik RUDN. International Relations. – 2024. – Vol. 24. – N. 2. – P. 181–191. https://doi.org/10.22363/2313–0660–2024–24–2–181–191 [In Russian];

7. Sevastianov S.V., Kukla M.P. Geopolitical and Economic Priorities of Russia's Interaction with the China, Japan, Republic of Korea. Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics, 2024, vol. 20, no. 3, pp. 180–196. https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.3.180–196 [In Russian];

8. Strategy for the Socioeconomic Development of the Russian Far East until 2035. Moscow: Government of the Russian Federation, 2023 [In Russian];

9. Trofimov I. A., Trofimova L.S., Yakovleva E.P. Russian Far East: Global and Regional Aspects of Agricultural Development // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 2. Pp. 17*1–183. https://doi.org/10.30884/vglob /2024.02.14 [In Russian];

10. Huang, Dengxue, & Wang, Ying. (2024). Russia's Turn to the East: Motivating factors. RUDNJournal of Political Science, 26(1), 18–30. https://doi.org/10.22363/2313–1438–2024–26–1–18–30[In Russian];

11. Egorov V.K. Spatial development of Russian regions: historical context. Problems of Territory's Development, 2020, no. 6 (110), pp. 106–120. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.7 [In English].

Генеративный искусственный интеллект и технологические цепочки как фактор становления будущего мирового порядка

Леликов Никита Андреевич,
студент аспирантуры, РАНХиГС

Статья посвящена анализу генеративного искусственного интеллекта как фактора становления будущего мирового порядка. Рассматривается не только значение самого ИИ как технологии общего назначения, но и та инфраструктурная среда, без которой его развитие невозможно. Особое внимание уделяется трем взаимосвязанным условиям: человеческому капиталу, вычислительным мощностям и материальной технологической базе, включая полупроводники, дата-центры, облачные платформы и связанные с ними цепочки поставок. Показано, что борьба за ИИ уже сегодня приобретает политическое измерение, поскольку государства и корпорации конкурируют не только за модели и приложения, но и за доступ к специалистам, вычислительным ресурсам и критически важным компонентам. Делается вывод о том, что в перспективе генеративный ИИ будет выступать не просто одной из новых технологий, а фактором становления мирового порядка, так как именно через него начнут перераспределяться производительность, когнитивные возможности, технологическая самостоятельность и политическое влияние. В этом смысле ИИ целесообразно рассматривать в логике «узлов контроля» и «узких горлышек», через которые мировая взаимозависимость превращается в структурное неравенство.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект; мировой порядок; технологический суверенитет; узкие горлышки; узлы контроля; вычислительные мощности; полупроводники; дата-центры; кадры; технологическая зависимость.

Одним из наиболее показательных примеров того, как в современном мире меняются сами механизмы власти, становится генеративный искусственный интеллект. Генеративный ИИ постепенно превращается в такую среду, через которую начинают перераспределяться производительность труда, доступ к знаниям, скорость принятия решений, возможности анализа и другие подобные метрики, поэтому борьба за ИИ все в большей степени выглядит как борьба за будущее положение в мировой иерархии. Кто создает модели, кто располагает вычислительными мощностями, кто контролирует данные, кто удерживает специалистов, и кто задает стандарты разработки и внедрения – тот получает не только экономическое преимущество, но и возможность определять условия доступа к новой технологической среде. Именно в этом смысле ИИ следует рассматривать не как частную инновацию, а как будущий фактор становления мирового порядка.

Показательно, что сама государственная риторика во многих странах уже давно описывает искусственный интеллект как стратегическое направление. В российском случае эта установка сформулирована особенно прямо. Еще в 2017 г. В.В. Путин заявил: *«Искусственный интеллект – будущее не только России, это будущее всего человечества»*[1]. Позднее эта логика была закреплена и на уровне государственной стратегии: Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года[2], а в 2024 г. в нее были внесены изменения[3]. Однако, подобный подход характерен не только для России. Как отмечается в Stanford AI Index 2025, *"AI's influence across society, the economy, and global governance continues to intensify"*[4]. В этом плане искусственный интеллект уже рассматривается как явление, которое одновременно затрагивает общество, экономику, глобальное управление и другие сферы деятельности, то есть речь идет о выходе ИИ за пределы отраслевой повестки и о его превращении в фактор стратегической конкуренции. Более того, Stanford AI Index 2025 фиксирует не только рост технических возможностей ИИ в целом как технологии, но и усиление государственного внимания к этой сфере, что проявляется в законодательной активности, расширении публичных инвестиций и включении ИИ в повестку национальной политики. Например, AI Index отмечает, что из 75 проанализированных юрисдикций 57 упоминали ИИ хотя бы в одном законодательном производстве в 2024 г., а 39 стран к 2024 г. приняли хотя бы один закон, связанный с ИИ[5].

Однако признание ИИ приоритетом еще не объясняет, почему его следует рассматривать именно как инфраструктуру власти сама технология меняет сразу несколько уровней общественной и государственной организации. Он влияет на науку, образование, промышленность, медиа, оборону, административное управление, повседневную коммуникацию – на все возможные сферы. Но стоит отметить одно влияние, которое является самым сильным – он начинает перестраивать саму архитектуру решений. В новых технологических условиях значение получает уже не только объем ресурсов (данных) как таковой, но и способность быстрее анализировать информацию, поэтому разговор об ИИ постепенно смещается от вопроса «*что он умеет?*» к вопросу «*кто контролирует условия его существования и использования?*».

Вместе с тем ИИ нельзя рассматривать в отрыве от тех условий, без которых он вообще не может развиваться. Построение сильной

[1] Путин В.В. Открытый урок «Россия, устремлённая в будущее» // Президент России. 1 сент. 2017 г.

[2] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490.

[3] О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 15 февр. 2024 г. № 124.

[4] Maslej N., Fattorini L., Perrault R. [et al.] Artificial Intelligence Index Report 2025. Stanford: Stanford Institute for Human-Centered AI, 2025. URL: https://hai.stanford.edu/assets/files/hai_ai_index_report_2025.pdf

[5] Maslej N., Fattorini L., Perrault R. [et al.] Artificial Intelligence Index Report 2025. Stanford: Stanford Institute for Human-Centered AI, 2025. URL: https://hai.stanford.edu/assets/files/hai_ai_index_report_2025.pdf

ИИ-системы требует, как минимум, трех взаимосвязанных ресурсов – людей, вычислительных мощностей и материальной технологической базы, ибо искусственный интеллект представляет собой сложную инфраструктурную систему с четко выраженными точками концентрации и столь же четко выраженными «узкими горлышками». Разговор об ИИ неизбежно включает, но и кадры, дата-центры, чипы, облака, каналы поставок, энергопотребление и режимы доступа к этим ресурсам, а не только не только модели и алгоритмы сами по себе. Стоит теперь разобрать те самые условия.

Первое из таких условий – кадры. Без исследователей, инженеров, математиков, специалистов по данным и других подобных специалистов никакая стратегия развития ИИ не превращается в реальную инфраструктуру. В итоге гонка за искусственный интеллект быстро обернулась борьбой за людей, которые умеют этот ИИ создавать, обучать, сопровождать, но и, самое важное, внедрять. В этом смысле конкуренция за ИИ в значительной степени конкуренция за мозги. Stanford AI Index фиксирует высокую концентрацию AI talent в ограниченном числе стран и заметные различия в темпах роста таких кадровых пулов[1]. OECD, в свою очередь, связывает концентрацию ИИ-инфраструктуры в том числе с ограниченным числом специалистов, способных работать на переднем крае отрасли[2]. Государство, которое не способно воспроизводить и удерживать молодых специалистов, не сможет в полной мере развернуть собственную ИИ-инфраструктуру, даже если у него есть политическая воля и формально принята стратегия. При этом значение имеет не только количество специалистов, но и характер их распределения, поскольку ИИ-сфера устроена так, что наиболее сильные команды и наиболее ценные компетенции концентрируются вокруг ограниченного числа университетов, лабораторий, облачных платформ и корпораций, способных предоставить доступ к данным, вычислительным ресурсам и сложным прикладным задачам. Возможная утечка мозгов в области ИИ означает не просто потерю кадров так таковых, а смещение самого центра генерации технологического преимущества, поскольку, где концентрируются специалисты, как правило, концентрируются и новые модели, и стартапы. Контроль над человеческим капиталом, таким образом, означает контроль над способностью создавать будущее технологическое преимущество. Зависимость от внешнего рынка талантов постепенно превращается в зависимость от внешнего центра ИИ-развития.

Второе условие – вычислительные мощности. Генеративный ИИ требует огромного объема специализированных ресурсов для обучения, дообучения и эксплуатации моделей. OECD в специальном докладе о конкуренции в инфраструктуре искусственного интеллекта прямо отмечает, что развитие ИИ опирается на физическую инфраструктуру, которая одновременно сложна, капиталоемка и высоко концентрирована[3], где речь идет о дата-центрах, облачных сервисах, энергоснабжении, охлаждении, сетевой связанности и так далее. Данные ресурсы распределены крайне неравномерно, а потому далеко не всякий актор, желающий участвовать в гонке за ИИ, может сделать это в равной степени. Вход в эту сферу с самого начала ограничен доступом к дорогой и дефицитной вычислительной базе. А это означает, что сама возможность развивать передовые модели уже заранее включена в систему селективного доступа. Но и вычислительная база – это лишь видимая часть проблемы. Под ней находятся полупроводники, ускорители, высокоскоростная память, литографическое оборудование, упаковка чипов, тестирование, серверная сборка и вся цепочка поставок, которая делает возможным само существование ИИ-инфраструктуры. OECD подчеркивает, что эта цепочка носит «*очень сложный и часто высококонцентрированный*» характер[4]. Исследования о управлении вычислительной техникой приходят к близкому выводу, что вычислительная техника становится объектом политического управления, поскольку контроль над ней позволяет направлять развитие ИИ, ограничивать доступ конкурентов и выстраивать новые режимы технологической зависимости[5]. Формально рынок ИИ может выглядеть глобальным и открытым, но на практике он упирается в ограниченное число труднообходных звеньев, отказ или ограничение в которых перестраивает всю систему. Следовательно, вопрос о том, кто «имеет ИИ», все чаще сводится к вопросу о том, кто имеет доступ к чипам, ускорителям, дата-центрам и другим критическим элементам цепочки.

Особое значение здесь имеют полупроводники, поскольку генеративный ИИ в значительной степени строится на политике кремния – кто контролирует производство передовых чипов, литографию, упаковку и поставки сопутствующих компонентов, тот в заметной степени определяет, кто получит вычислительные мощности и на каких условиях. Рынок ИИ нельзя отделить от рынка полупроводников, а разговор о цифровом лидерстве нельзя вести в отрыве от вопроса о технологической базе. OECD в работе об уязвимостях полупроводниковой цепочки показывает, что дефицит микросхем и высокая концентрация производства способны затрагивать широкий круг отраслей – от связи до автомобилестроения – и заставляют правительства пересматривать промышленную политику[6]. На данных условиях дружественные связи с производителями таких компонентов, собственные возможности проектирования и сборки, а также способность обходить ограничения превращаются в фактор не только экономический, но и геополитический и наоборот, тот, кто отрезан от этих звеньев, оказывается в положении догоняющего, независимо от масштаба внутреннего спроса на ИИ и амбициозности собственной стратегии. В целом ИИ важен потому, что сам начинает перераспределять организационную власть, ибо кто располагает сильными моделями, получает преимущество в анализе, в автоматизации принятия решений – тот действует более эффективно.

Отсюда вытекает и общий вывод. Генеративный искусственный интеллект следует рассматривать как фактор становления будущего мирового порядка, потому что он соединяет в себе сразу несколько уровней зависимости. С одной стороны, он требует концентрации кадров, вычислительных мощностей, полупроводников, энергии, облаков и данных. С другой сам становится средой, через которую перераспределяются возможности управления, анализа, производства знаний и влияния. Именно поэтому ИИ оказывается встроен в систему «узлов контроля» и «узких горлышек». «Узлами контроля» здесь выступают те сегменты системы, через которые проходит доступ к ключевым ресурсам ИИ. Это таланты, GPU, дата-центры, и другие объекты. «Узкими горлышками» оказываются те звенья, отказ или ограничение которых невозможно быстро компенсировать без серьезных потерь: передовые чипы, литография, упаковка, крупные вычислительные кластеры, ведущие исследовательские команды и доступ к инфраструктуре обучения моделей. Следовательно, ИИ в перспективе будет выступать одним из факторов становления мирового порядка, ибо кто контролирует условия его развития, получает возможность влиять не только на рынок и инновации, но и на саму структуру будущей международной иерархии.

Литература

1. Путин В.В. Открытый урок «Россия, устремлённая в будущее» // Президент России. 1 сент. 2017 г.
2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490.
3. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 15 февр. 2024 г. № 124.
4. Maslej N., Fattorini L., Perrault R. et al. Artificial Intelligence Index Report 2025. Stanford: Stanford Institute for Human-Centered AI, 2025.
5. Competition in Artificial Intelligence Infrastructure. Paris: OECD Publishing, 2025.
6. Sastry G., Heim L., Belfield H. et al. Computing Power and the Governance of Artificial Intelligence. arXiv, 2024.
7. Haramboure A., Lalanne G., Schwellnus C., Guilhoto J. Vulnerabilities in the Semiconductor Supply Chain // OECD Science, Technology and Industry Working Papers. 2023. No. 2023/05.
8. Fattorini L., Maslej N., Perrault R. et al. The Global AI Vibrancy Tool. Stanford: Stanford Institute for Human-Centered AI, 2024.

GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND TECHNOLOGICAL CHAINS AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE FUTURE WORLD ORDER

Lelikov N.A.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines generative artificial intelligence as a factor in the formation of the future world order. It analyzes not only the significance of AI as a general-purpose technology

[1] Maslej N., Fattorini L., Perrault R. et al. Artificial Intelligence Index Report 2025. Stanford: Stanford Institute for Human-Centered AI, 2025.

[2] Competition in Artificial Intelligence Infrastructure. Paris: OECD Publishing, 2025.

[3] Competition in Artificial Intelligence Infrastructure. Paris: OECD Publishing, 2025.

[4] Competition in Artificial Intelligence Infrastructure. Paris: OECD Publishing, 2025

[5] Sastry G., Heim L., Belfield H. et al. Computing Power and the Governance of Artificial Intelligence. arXiv, 2024

[6] Haramboure A., Lalanne G., Schwellnus C., Guilhoto J. Vulnerabilities in the Semiconductor Supply Chain // OECD Science, Technology and Industry Working Papers. 2023. No. 2023/05

but also the infrastructural conditions necessary for its development. Special attention is paid to three interrelated dimensions: human capital, computing power, and the material technological base, including semiconductors, data centers, cloud platforms, and related supply chains. The article argues that the struggle for AI has already acquired a political dimension, as states and corporations compete not only for models and applications but also for access to specialists, computing resources, and critical components. It is concluded that generative AI should be understood not merely as a new technology but as a future factor of world-order formation, since it redistributes productivity, cognitive capacity, technological autonomy, and political influence. In this sense, AI can be interpreted through the logic of "control nodes" and "bottlenecks," through which global interdependence is transformed into structural inequality.

Keywords: generative artificial intelligence; world order; technological sovereignty; bottlenecks; control nodes; computing power; semiconductors; data centers; talent; technological dependence.

References

1. Putin V.V. Open Lesson "Russia, Looking to the Future" // President of Russia. September 1, 2017.

2. On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019, No. 490.

3. On Amendments to the Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019, No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" and to the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence through 2030: Decree of the President of the Russian Federation of February 15, 2024, No. 124.

4. Maslej N., Fattorini L., Perrault R. et al. Artificial Intelligence Index Report 2025. Stanford: Stanford Institute for Human-Centered AI, 2025.

5. Competition in Artificial Intelligence Infrastructure. Paris: OECD Publishing, 2025.

6. Sastry G., Heim L., Belfield H. et al. Computing Power and the Governance of Artificial Intelligence. arXiv, 2024.

7. Haramboure A., Lalanne G., Schwellnus C., Guilhoto J. Vulnerabilities in the Semiconductor Supply Chain // OECD Science, Technology and Industry Working Papers. 2023. No. 2023/05.

8. Fattorini L., Maslej N., Perrault R. et al. The Global AI Vibrancy Tool. Stanford: Stanford Institute for Human-Centered AI, 2024.

Частные военные компании как негосударственные акторы международных конфликтов: правовые, политические и экономические факторы становления

Никитин Кирилл Алексеевич,
аспирант, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: 45009913@mail.ru

Статья посвящена анализу частных военных компаний как негосударственных акторов современных международных конфликтов. Рассматривается, почему именно эти структуры заняли заметное место в системе глобальной безопасности и какие факторы способствовали их институциональному укреплению. Основное внимание уделено трем взаимосвязанным блокам. В первом разделе раскрывается правовая природа ЧВК, специфика их положения в международном праве, а также проблемы разграничения между наемничеством, охранной деятельностью и участием в вооруженных конфликтах. Во втором разделе анализируются политические причины усиления роли ЧВК, включая стремление государств снизить прямые издержки силового вмешательства, сохранить гибкость внешнеполитических действий и расширить влияние в конфликтных регионах. В третьем разделе показаны экономические основания роста ЧВК, связанные с коммерциализацией безопасности, аутсорсингом силовых функций, защитой инфраструктуры и обслуживанием ресурсных интересов. Сделан вывод, что развитие ЧВК отражает глубокую трансформацию современного конфликта, где частная сила становится устойчивым инструментом политики, экономики и международного влияния.

Ключевые слова: частные военные компании, международные конфликты, негосударственные акторы, международное право, наемничество, безопасность, геополитика

Введение

Современные международные конфликты все заметнее выходят за пределы классической модели, в которой основными участниками выступают только государства и их регулярные вооруженные силы. Значимую роль в этой системе начинают играть частные военные компании, которые сочетают коммерческую природу, силовой функционал и политическую вовлеченность. Их участие в вооруженных конфликтах, охране стратегических объектов, сопровождении внешнеполитических интересов и обеспечении безопасности в нестабильных регионах делает тему особенно актуальной. Повышенный интерес к ЧВК связан еще и с тем, что их деятельность находится на пересечении международного права, геополитики и экономики, а единый и непротиворечивый подход к их статусу до сих пор не сформирован.

Материалы и методы

Материальную основу статьи составили международно-правовые акты, нормы международного гуманитарного права, положения российского законодательства, а также русскоязычные научные публикации за 2023–2026 годы, посвященные правовому статусу, политической роли и экономическим основаниям деятельности частных военных компаний. Дополнительно были использованы аналитические материалы, раскрывающие участие ЧВК в современных конфликтах и особенности их функционирования в условиях трансформации международной безопасности.

Методологическая база статьи включает несколько взаимосвязанных методов. Формально-юридический метод использовался при анализе международных и национальных нормативных актов, регулирующих вопросы наемничества, статуса участников вооруженных конфликтов и пределов допустимой деятельности частных военных структур. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить различные подходы к пониманию правовой природы ЧВК и выявить существующие пробелы в регулировании. Политико-правовой анализ применялся для раскрытия связи между деятельностью ЧВК, интересами государств и изменением форм силового присутствия в международных конфликтах. Системный подход дал возможность рассмотреть ЧВК не изолированно, а как часть более широкой структуры современных международных отношений. Наряду с этим использовались методы анализа, синтеза и обобщения научных позиций, что позволило объединить разрозненные правовые, политические и экономические аспекты в единую логическую конструкцию.

Литературный обзор

Правовая природа частных военных компаний в современной международно-правовой доктрине определяется через сочетание частноправовой организационной формы и публично опасного содержания выполняемых функций. Е.Е. Королькова акцентирует именно «современные тенденции международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний» [6]. Т.А. Тауканов также фиксирует, что на российском и международном уровнях сохраняются именно проблемы правового регулирования, а не единообразно решённый статус этих структур [9].

Ключевая юридическая трудность состоит в том, что международное право не знает универсальной нормы, по которой любой сотрудник ЧВК автоматически признавался бы наёмником или, наоборот, законным комбатантом. Базовым договорным ориентиром здесь выступает Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов, принят 8 июня 1977 года в Женеве [1]. Его статья 47 закрепляет, что наёмник не имеет права на статус комбатанта или военнопленного, а само понятие наёмника раскрывается через совокупность специальных признаков, которые должны присутствовать одновременно. Сотрудники ЧВК не всегда подпадают под эту конструкцию, поскольку на практике далеко не в каждом случае можно доказать полный набор критериев, перечисленных в статье 47 Протокола I. Отсюда и вывод, что механическое отождествление ЧВК с наемничеством юридически упрощает проблему и не объясняет весь спектр их участия в конфликтах.

Не менее важным актом остается Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников, принятая резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1989 года. Конвенция закрепляет обязанность государств не вербовать, не использовать, не финансировать и не обучать наёмников, а также криминализировать такие действия на национальном уровне. Однако и этот документ не создает полноценного универсального статуса для ЧВК как института. Он направлен прежде всего против наемничества как особого явления [2].

Если функции компании ограничиваются охраной, логистикой, сопровождением грузов или техническим обслуживанием, международно-правовой режим будет одним. Если же структура фактически участвует в боевых действиях, обучении войск, разведке, целеуказании или силовом удержании территории, правовая оценка становится намного жёстче. Показательно, что Международный комитет Красного Креста прямо указывает, что сотрудники частных военных и охранных компаний считаются гражданскими лицами, если не входят в состав вооружённых сил государства и не выполняют боевые функции по поручению стороны конфликта. Значит, их статус в международном праве функционален и зависит не от названия компании, а от характера конкретной деятельности [15].

Особое значение для практики имеет Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооружённого конфликта, согласованный 17 сентября 2008 года Швейцарией и Международным комитетом Красного Креста. Формально он не является международным договором и не вводит новых обязательных норм, но именно его в современной русской литературе рассматривают как основной набор ориентиров по надзору за ЧВК [14]. И.В. Серебруев подчёркивает, что Документ Монтрё объединяет порядка 70 рекомендаций по регулированию деятельности ЧВК в зоне вооружённых конфликтов и контролю за их персоналом. На официальной странице МККК также прямо указано, что Документ Монтрё касается международно-правовых обязательств и передовых практических методов государств в этой сфере [8].

На уровне российского законодательства вопрос о ЧВК также решён не прямо, а через смежные конструкции. Здесь ключевое значение имеет Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ. Статья 359 УК РФ устанавливает ответственность за наёмничество и в примечании закрепляет, что наёмником признаётся лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооружённом конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории и не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей [3].

Результаты

Политическое усиление частных военных компаний в современных международных конфликтах связано не только с военной полезностью таких структур, но и с изменением самой логики применения силы. В русскоязычной литературе 2023–2026 годов ЧВК все чаще рассматриваются не как побочный элемент войны, а как особый инструмент политического действия, позволяющий государству совмещать силовое присутствие, внешнеполитическую гибкость и формальное дистанцирование от прямого участия. И.Л. Трунов прямо указывает на «тенденцию к коммерциализации безопасности» [11], а К.А. Трубицин показывает, что рост влияния ЧВК уже ставит под сомнение государственную монополию на применение насилия [10]. На этом фоне политическая значимость ЧВК объясняется не одной причиной, а целым комплексом факторов, действующих одновременно.

Прежде всего ЧВК удобны государствам как механизм снижения политических издержек. Регулярная армия почти всегда означает официальный мандат, парламентский контроль, международный резонанс и высокий риск дипломатической эскалации. Частный подрядчик дает более маневренную модель. Его можно использовать для охраны объектов, обучения союзных сил, сопровождения режимов, разведывательной поддержки и решения задач в серой зоне, где государство стремится сохранить пространство для отрицания или хотя бы для смягчения прямой ответственности. Именно поэтому в современной политологической литературе ЧВК связываются с аутсорсингом безопасности и трансформацией государственной силы. Израильский кейс, разобранный К.А. Трубициным, особенно показателен. Автор пишет не просто об аутсорсинге отдельных функций, а об «институционализации новой модели управления территорией» с опорой на коммерческих подрядчиков [10]. В политическом смысле это означает, что ЧВК становятся частью архитектуры власти, а не временным техническим решением.

Второй политический фактор связан с кризисом классической монополии государства на насилие. Современные конфликты все реже разворачиваются как симметричное столкновение двух регулярных армий. Намного чаще речь идет о гибридных формах противоборства, где переплетаются борьба за ресурсы, охрана правящего режима, контрповстанческие действия, работа с местными элитами и контроль над стратегической инфраструктурой. В такой среде ЧВК оказываются удобнее армии именно потому, что могут действовать гибко, точечно и вне привычных бюрократических рамок. П.Н. Бирюков отмечает «возрастание роли «частной безопасности» в такой традиционно публичной сфере, как военные действия» [4]. ЧВК востребованы там, где государству нужен не полный отказ от силы, а ее более адаптивная и менее формализованная версия.

Третий фактор связан с внешнеполитической проекцией влияния. Л.М. Исаев и соавторы в статье показывают, что активизация российских ЧВК в Африке стала «одним из значимых элементов» возвращения России в регион [5]. Авторы также фиксируют изменение местного восприятия такого присутствия. По их наблюдению, фреймирование деятельности ЧВК менялось от локальной логики, где акцент делался на борьбе за ресурсы и охране режима, к более широкому пониманию России как желанного партнера в вопросах секьюритизации. Здесь особенно заметно, что ЧВК выполняют не только боевую или охранную функцию. Они становятся каналом политического влияния, способом входа во внутренние конфликты дружественных режимов и инструментом закрепления на спорных внешнеполитических площадках. Для наглядности политические причины усиления роли ЧВК можно свести в одну таблицу (табл. 1).

Таблица 1. Политические причины усиления роли ЧВК в современных международных конфликтах

Политическая причина	Как проявляется на практике	Политический эффект
Снижение прямых политических издержек государства	Использование подрядчиков вместо официального ввода регулярных войск	Сокращение дипломатических рисков и сохранение пространства для отрицания прямой вовлеченности
Аутсорсинг безопасности	Передача ЧВК охраны объектов, сопровождения элит, обучения союзных сил, контроля отдельных зон	Разгрузка государственных институтов и повышение гибкости силового присутствия
Работа в серой зоне конфликта	Участие в ситуациях, где война не объявлена формально или носит смешанный характер	Возможность сочетать силовое давление с политической неопределенностью
Поддержка дружественных режимов	Охрана власти, военное консультирование, обеспечение безопасности в кризисных странах	Расширение внешнеполитического влияния без классической модели оккупации
Ослабление монополии государства на насилие	Перенос части силовых функций к коммерческим структурам	Появление гибридной модели власти, где государственная и частная сила переплетены
Геополитическая конкуренция	Использование ЧВК как инструмента присутствия в Африке и других регионах нестабильности	Закрепление позиций в борьбе за союзников, режимы и стратегические площадки

Анализ таблицы позволяет увидеть, что политическая логика усиления ЧВК строится вокруг двух встречных процессов. С одной стороны, государство не отказывается от применения силы. С другой стороны, оно стремится изменить форму ее использования так, чтобы сделать силовой ресурс более мобильным и менее затратным в политическом смысле. Именно поэтому в современных конфликтах ЧВК часто появляются не на периферии, а в наиболее чувствительных точках, где пересекаются интересы безопасности, дипломатии и контроля над внутренней устойчивостью союзного режима.

Еще одна причина усиления ЧВК носит внутриэлитный характер. В ряде случаев они превращаются в инструмент, который позволяет государству действовать через более узкие и управляемые каналы, минуя громоздкие процедуры классического военного управления. Это особенно важно в конфликтах, где скорость принятия решений, неформальные договоренности с локальными акторами и быстрое развертывание ограниченного контингента оказываются важнее, чем пол-

номасштабная армейская операция. По этой причине ЧВК вписываются в современную политическую практику как структура промежуточного типа. Формально они не тождественны армии, но фактически могут выполнять часть ее функций в тех пространствах, где государству нужна комбинация силы, скрытности и переговорного давления.

Обсуждение

Экономические факторы становления и расширения деятельности частных военных компаний связаны прежде всего с превращением безопасности в отдельный рынок услуг. Р.В. Манчев прямо пишет, что сегодня «активно развивается рынок частных военных компаний», а сами ЧВК выполняют не только боевые задачи, но и охрану ресурсов, логистические функции и сопровождение бизнеса в нестабильных регионах [7]. В более широком плане А.А. Цвяк рассматривает эволюцию приватизации сферы военных услуг в западной практике, что хорошо показывает общий тренд на коммерциализацию силовых функций [12]. Иначе говоря, ЧВК укрепились не случайно, а потому что спрос на военную и околовоенную услугу стал устойчивым и платежеспособным.

Первым экономическим фактором выступает аутсорсинг безопасности. Для государства и крупного бизнеса ЧВК удобны там, где содержание постоянного военного присутствия обходится слишком дорого, требует сложной бюрократии или создает избыточные политические обязательства. В этом смысле ЧВК работают как более гибкий подрядчик, которому можно передать охрану объектов, сопровождение грузов, обучение персонала, защиту инфраструктуры и силовую поддержку в кризисной зоне.

Второй фактор связан с защитой ресурсов и хозяйственных интересов в нестабильных регионах. Здесь ЧВК становятся не просто вооруженным сопровождением, а элементом экономической инфраструктуры. Р.В. Манчев отмечает, что бойцы ЧВК в Африке обеспечивают охрану российскому бизнесу и защищают объекты крупных компаний. В этой формуле особенно важно слово «объекты», поскольку именно оно показывает реальную хозяйственную подоплеку расширения ЧВК. Там, где высоки риски для добычи сырья, транспортных маршрутов, энергетических активов и персонала, государство и корпорации заинтересованы не в разовой силовой акции, а в постоянной системе охраны и принуждения. Поэтому ЧВК встроились в экономику конфликтных зон как инструмент удержания доступа к активам, а не только как вспомогательная военная сила [7].

Третий фактор выражается в связке ЧВК с внешними рынками вооружений и военных услуг. Показателен пример, который в марте 2026 года был приведен на официальном ресурсе МИД России в материале о частных военных компаниях во Франции. Там отмечено, что одна из таких структур была создана «для продвижения продукции военного и двойного назначения на внешние рынки», а также для помощи партнерам в подготовке персонала. Это особенно важное наблюдение. ЧВК в подобной модели становятся продолжением оборонной экономики, которая продает не только технику, но и сопутствующий пакет безопасности. На практике это означает, что экспорт вооружений, обучение, консалтинг, охрана и силовое сопровождение все чаще собираются в единый коммерческий контур. Для стран с активным военно-техническим экспортом такая схема оказывается экономически выгодной, поскольку усиливает присутствие на внешнем рынке и повышает ценность национального оборонного продукта [16].

Четвертый фактор связан со спросом со стороны слабых или кризисных государств, которым нужна силовая поддержка, но не хватает собственных ресурсов для быстрого восстановления контроля. В статье Япи Жоэлле Роланда и Р.А. Мухамедова о влиянии российской внешней политики на франкоязычные страны Африки показано, что малийские власти обратились к российской ЧВК на фоне нехватки внешней поддержки. За этой формулировкой стоит и экономическая логика [13]. Для режима, испытывающего дефицит времени, кадров и финансовых возможностей, контракт с ЧВК часто выглядит дешевле и быстрее, чем создание эффективной армии, реформа сектора безопасности и долгий поиск международной помощи. По этой причине ЧВК становятся привлекательными для тех государств, которым требуется срочный силовой ресурс при ограниченной административной и финансовой емкости.

Заключение

Таким образом, правовая природа ЧВК в международном праве выглядит гибридной. Такие структуры не являются самостоятельными субъектами международного права в классическом смысле, но и не выпадают из международно-правового регулирования. Их статус определяется через совокупность факторов. Имеют значение связь с государством, фактический набор функций, степень участия в боевых действиях, применимость международного гуманитарного права и возможность квалификации конкретных лиц как наёмников или гражданских, утративших защиту на время непосредственного участия в военных действиях.

Политические причины усиления роли ЧВК в современных международных конфликтах связаны с изменением самой природы власти и войны. Решающее значение имеют стремление государств минимизировать политическую цену силовых действий, работа в серых зонах международной политики, борьба за внешнее влияние и переход к аутсорсинговым моделям безопасности. По этой причине ЧВК выступают уже не вспомогательным, а системным инструментом современной конфликтной политики. Они удобны там, где государству требуется сила без полной публичности, влияние без формальной оккупации и контроль без прямого расширения собственного военного присутствия.

Экономические факторы расширения ЧВК можно свести к четырем взаимосвязанным причинам. Безопасность стала рынком. Военная услуга превратилась в форму аутсорсинга. Защита ресурсов и инфраструктуры потребовала постоянного силового сопровождения. Экспорт вооружений и обучение персонала начали связываться с контрактной охраной и военным консалтингом. По этой причине ЧВК закрепились в современных конфликтах не как случайное исключение, а как продукт политической и хозяйственной рациональности. Их рост поддерживается не только войной как таковой, но и спросом на управляемую, гибкую и коммерчески оформленную силу.

Литература

1. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) (с изменениями и дополнениями) // URL: https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/ (дата обращения: 02.04.2026).
2. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (Принята резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1989 года) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml (дата обращения: 01.04.2026).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – ст. 2954.
4. Бирюков П.Н. Правовое регулирование статуса частных военных компаний за рубежом // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – № . 2 (57). – С. 308–318.
5. Исаев Л. М., Шишкина А.Р., Лиокумович Я.Б. Российская политика секьюритизации в Африке: анализ африканских СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23. – № . 2. – С. 322–338.
6. Королькова Е.Е. Современные тенденции международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17. – № . 1. – С. 122–135.
7. Маньчев Р.В. Особенности функционирования частных военных компаний на африканском континенте // Огарёв-Online. – 2023. – № . 8 (193). – С. 6–11.
8. Серебруев И.В. Использование частных военных формирований в методологии гибридной войны: проблемы правовой оценки // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № . 3 (42). – С. 124–128.
9. Тауканов Т.А. Правовое регулирование ЧВОК на российском и международном уровне: проблемы и пути решения // Юридическая наука. – 2025. – № . 5. – С. 469–474.
10. Трубицин К.А. Израильские частные военные компании: трансформация государственной силы и логика аутсорсинга безопасности // Теория и история международных отношений. – № 6. – 2025. – С. 2443–2447.
11. Трунов И.Л. Частные военные компании. Экономико-правовые аспекты деятельности // Научный журнал Вестник образования и развития науки РАЕН. – № 4. – 2023. – С. 93–98.
12. Цвяк А.А. Политические аспекты приватизации сектора военных услуг в странах Запада (на примере функционирования ЧВК) // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № . 2. – С. 84–88.
13. Япи Ж. Р., Мухамедов Р.А. Влияние внешней политики современной России на франкоязычные африканские страны с 2014 г. по 2022 г. // Вопросы политологии. – 2025. – Т. 15. – № . 1. – С. 239–248.
14. Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта // URL: https://www.icrc.org/ru/document/dokument-montryo-o-sootvetstvuyushchih-mezhdunarodno-pravovyh-obyazatelstvah-i-peredovyh (дата обращения: 25.03.2026).

15. Международное гуманитарное право и частные военные и охранные компании – Вопросы и ответы // URL: https://www.icrc.org/ru/document/mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-i-chastnye-voennye-i-ohrannye-kompanii-voprosy-i-otvety (дата обращения: 25.03.2026).

16. О частных военных компаниях во Франции // URL: https://mid.ru/ru/press_service/2087010/ (дата обращения: 02.04.2026).

PRIVATE MILITARY COMPANIES AS NON-STATE ACTORS IN INTERNATIONAL CONFLICTS: LEGAL, POLITICAL AND ECONOMIC FACTORS OF FORMATION

Nikitin K.A.
North-Western Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the analysis of private military companies as non-state actors in modern international conflicts. It examines why these structures have taken a prominent place in the global security system and what factors have contributed to their institutional strengthening. The main focus is on three interrelated blocks. The first section reveals the legal nature of PMCs, the specifics of their position in international law, as well as the problems of distinguishing between mercenary activities, security activities and participation in armed conflicts. The second section analyzes the political reasons for the strengthening of the role of PMCs, including the desire of states to reduce the direct costs of military intervention, maintain flexibility in foreign policy actions and expand influence in conflict regions. The third section shows the economic reasons for the growth of PMCs related to the commercialization of security, outsourcing of power functions, protection of infrastructure and maintenance of resource interests. It is concluded that the development of PMCs reflects a profound transformation of modern conflict, where private power is becoming a stable instrument of politics, economics and international influence.

Keywords: private military companies, international conflicts, non-state actors, international law, mercenary activities, security, geopolitics

References

1. Protocol Additional to the Geneva Conventions of August 12, 1949, concerning the Protection of Victims of International Armed Conflicts, of June 8, 1977 (Protocol I) (with amendments and additions) // URL: https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377 / (date of application: 04/02/2026).

2. International Convention for the Suppression of the Recruitment, Use, Financing and Training of Mercenaries (Adopted by General Assembly resolution 44/34 of December 4, 1989) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml (date of request: 04/01/2026).

3. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 20.02.2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 06/17/1996. – No. 25. – art. 2954.

4. Biryukov P.N. Legal regulation of the status of private military companies abroad // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. – 2024. – № . 2 (57). – Pp. 308–318.

5. Isaev L.M., Shishkina A.R., Liokumovich Ya.B. Russian securitization policy in Africa: an analysis of the African media // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. – 2023. – Vol. 23. – No. 2. – pp. 322–338.

6. Korolkova E.E. Modern trends in international legal regulation of the activities of private military and security companies // Contours of global transformations: politics, economics, law. – 2024. – Vol. 17. – No. 1. – pp. 122–135.

7. Manchev R.V. Features of the functioning of private military companies on the African continent // Ogarev-Online. – 2023. – № . 8 (193). – Pp. 6–11.

8. Serebruev I.V. The use of private military formations in the methodology of hybrid warfare: problems of legal assessment // Law and order: history, theory, practice. – 2024. – № . 3 (42). – Pp. 124–128.

9. Taukanov T.A. Legal regulation of PMSCs at the Russian and international levels: problems and solutions // Legal Science. – 2025. – No. 5. – pp. 469–474.

10. Trubitsin K.A. Israeli private military companies: transformation of state power and the logic of security outsourcing // Theory and history of international relations. – No. 6. – 2025. – pp. 2443–2447.

11. Trunov I.L. Private military companies. Economic and legal aspects of activity // Scientific journal Bulletin of Education and Development of Science of the Russian Academy of Natural Sciences. – No. 4. – 2023. – pp. 93–98.

12. Tsvyak A.A. Political aspects of the privatization of the military services sector in Western countries (on the example of the functioning of PMCs) // Society: politics, economics, law. – 2025. – № . 2. – Pp. 84–88.

13. Yapi J.R., Mukhamedov R.A. The influence of modern Russian foreign policy on French-speaking African countries from 2014 to 2022 // Questions of Political Science. – 2025. – Vol. 15. – No. 1. – pp. 239–248.

14. The Montreux document on relevant international legal obligations and best practices of States related to the operation of private military and security companies during an armed conflict // URL: https://www.icrc.org/ru/document/dokument-montryo-o-sootvetstvuyushchih-mezhdunarodno-pravovyh-obyazatelstvah-i-peredovyh (date of request: 03/25/2026).

15. International humanitarian law and private military and security companies – Questions and answers // URL: https://www.icrc.org/ru/document/mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-i-chastnye-voennye-i-ohrannye-kompanii-voprosy-i-otvety (date of request: 03/25/2026).

16. About private military companies in France // URL: https://mid.ru/ru/press_service/2087010 / (date of access: 04/02/2026).

Новый формат инвестиционного и валютно-расчетного взаимодействия России и ЮАР в энергетическом секторе в контексте решений Саммита БРИКС 2025

Максимов Кирилл Георгиевич,
магистрант, Институт общественных наук РАНХиГС
E-mail: Killmax02@gmail.com

Шаповалов Максим Юрьевич,
магистрант, Институт общественных наук РАНХиГС
E-mail: maxim.sh2010@mail.ru

Данная статья рассматривает проблемы финансового и инвестиционного взаимодействия России и ЮАР в энергетическом секторе. В связи с этим статья направлена на изучение механизма сотрудничества России и ЮАР в рамках БРИКС, что позволит ускорить переход ЮАР на использование чистой энергетики. Раскрытие проблематики расширения энергетических рынков требует изучения в том числе возможности использования не только не возобновляемых, но и возобновляемых источников энергии каждой страной, вступающей в БРИКС. На основании открытых отчетов энергетических секторов стран БРИКС в данной работе представлен качественный анализ данных. Это позволяет проследить тенденции на нефтегазовых рынках, а также выделить энергетические особенности каждого участника объединения. В процессе исследования затронуты вопросы проблем процессы перехода к чистой энергетике в странах-членах БРИКС. Проведен краткий обзор имеющихся потенциалов и используемых возможностей стран БРИКС в данной области. Также статья поднимает проблемы использования новых форматов финансового и инвестиционного взаимодействия России и ЮАР, и других членов БРИКС в энергетическом секторе. В заключение статьи представлены рекомендации по дальнейшей разработке и внедрении новых форм финансового и инвестиционного сотрудничества стран участников в энергетическом секторе.

Ключевые слова: БРИКС, ЮАР, энергетический сектор, возобновляемая энергия нефть и газ, сотрудничество, новые форматы финансового и инвестиционного взаимодействия

6–7 июля 2025 года в Рио-де-Жанейро состоялся 17-й саммит неформального межгосударственного объединения БРИКС. В нем приняли участие представители порядка 20 государств – как членов и партнеров БРИКС, так и приглашенных стран.

Расширенный БРИКС является фундаментом меняющегося мирового порядка в эпоху глобализации. Как свидетельствуют статистические данные, влияние объединения БРИКС на мировую экономику и инвестиции достигло более 50%. В настоящее время процент владения редкоземельными металлами у всех стран-участников БРИКС достигает 72 процентов [10].

Объединение БРИКС, по нашему мнению, призвано уравновесить доминирование западных государств.

Постепенно объединение создает новые механизмы международных операций в сфере торговли, которые меньше зависят от политических и экономических институтов, контролируемых Западом. Коалиция тесно сотрудничает в различных сферах: экономике, культуре, образовании, спорте и других. Например, БРИКС тесно сотрудничает в секторе энергетической безопасности («Этеквинская декларация»); в секторе культуры (фестивали, студенческие и преподавательские программы, научные конференции); спорта (проводятся соревнования по различным видам спорта, включая бокс, брейкинг, борьбу кореш, дзюдо и легкую атлетику) и т.д. [5].

На практике БРИКС воспринимается скорее, как площадка для разрешения противоречий и выработки общего мнения по глобальным и локальным проблемам.

Особое внимание при решении глобальных проблем уделяется разработке новых схем взаимодействия в энергетическом секторе [4]. В частности, российско-африканские отношения в последние несколько лет переживают период активного развития, получив заметный импульс благодаря глубокой заинтересованности самих государств. Что подтверждается показателями роста взаимного товарооборота (по итогам 2024 г. – 40%). Тем не менее результаты еще далеки от ожидаемых показателей и сохраняют большой потенциал для дальнейшего роста [16].

Целью данной работы является оценка потенциала энергетического рынка каждой страны, и оценка возможностей разработки использования новых форматов финансового и инвестиционного сотрудничества стран участников в энергетическом секторе.

Россия выступает за укрепление и развитие энергетического диалога в рамках БРИКС. Страны БРИКС играют важнейшую роль в глобальной энергетической системе, занимая лидирующие позиции как в области традиционной энергетики, так и возобновляемых источников энергии [13; 14; 15].

Китай – крупнейший в мире производитель солнечных панелей и ветряных турбин, активно развивающий масштабные проекты в области возобновляемой энергетики, такие как солнечные фермы в пустыне Гоби и крупные ветропарки в прибрежных районах.

Бразилия – лидер в производстве биотоплива из сахарного тростника и кукурузы. Активное использование гидроэнергетики, являющейся основным источником электроэнергии для страны.

Россия – развитие гидроэнергетики на крупных реках Сибири и Дальнего Востока. Строительство новых атомных электростанций и модернизация действующих. Развитие технологий производства сжиженного природного газа (СПГ) для экспорта на международные рынки.

Южная Африка – реализация программы REIPPPP (Программа независимых производителей электроэнергии из возобновляемых источников), направленной на привлечение частных инвестиций в развитие возобновляемой энергетики. Строительство солнечных и ветряных электростанций. Исследование возможностей использования геотермальной энергии [5].

В своей вступительной речи на саммите БРИКС 2025 года в Рио-де-Жанейро (Бразилия) президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва обрисовал мрачную картину текущих международных отношений: «Мы наблюдаем беспрецедентный крах многосторонности», – заявил он. В частности, президент осудил ослабление международного права, возобновившуюся угрозу ядерной войны и рост числа конфликтов, а также рост военных расходов на Глобальном Севере на фоне сокращения официальной помощи развитию Глобального Юга [3].

Для противодействия этим угрозам президент призвал к реформе глобального управления, направленной на активизацию дипломатии, сотрудничества.

В Соединенных Штатах президент Дональд Трамп долгое время был враждебно настроен по отношению к БРИКС. В ноябре 2024 года в ответ на обсуждения среди членов БРИКС об использовании доллара в качестве оружия и потенциальных усилиях по дедолларизации Трамп пригрозил увеличить тарифы на межстрановую торговлю, поэтому при проведении саммита БРИКС в 2025 г. страны-участники избегали прямого упоминания Соединенных Штатов [8].

Выразила «серьезную обеспокоенность по поводу роста односторонних тарифных и нетарифных мер» и подтвердила свою приверженность укреплению многосторонности, пытаясь избежать усиление имеющейся напряженности в экономической области.

Несмотря на это, в июле 2025 года администрация Трампа опять подняла этот вопрос, и пригрозила повысить тарифы на 10% для всех участников саммита БРИКС, если они будут проводить «антиамериканскую политику» [8]. Тем не менее, напряженность в отношениях с Вашингтоном не помешала расширению объединения, в результате которого в течение 2025 г. к организации присоединятся пять новых членов и девять новых стран-партнеров.

Энергообеспечение имеет решающее значение для устойчивого развития. Группа БРИКС делает акцент на сотрудничестве в целях справедливого, инклюзивного, устойчивого, равноправного и справедливого энергетического перехода. На текущем этапе делается упор на необходимость учитывать национальные условия и принцип технологической нейтральности, что подразумевает использование всех доступных видов топлива, источников энергии и технологии для сокращения выбросов парниковых газов, а также выделять развивающимся странам достаточное финансирование для реализации запланированных инвестиционных проектов [1].

Анализ, проведённый неправительственной организацией Global Energy Monitor, базирующейся в Сан-Франциско, за октябрь 2024 года, подчёркивает позитивные тенденции в развитии энергетического сектора БРИКС. В частности ожидается, что мощности, использующие в производственном процессе уголь, нефть и газ, впервые сократятся до уровня ниже половины общей мощности энергосистемы блока БРИКС к концу 2025 года. Несмотря на то, что практически все страны строят дополнительные угольные, нефтяные или газовые электростанции, число их проектов по ветровой и солнечной энергии в промышленных масштабах в два раза превышает число проектов, работающих на угле, нефти и газе [6].

В частности, Бразилия, Индия и Индонезия являются важными производителями биотоплива. В 2024 году Индия обогнала Германию, став третьим по величине производителем ветровой и солнечной энергии в мире. Китай также активно переходит на возобновляемые источники энергии: в 2024 году на долю низкоуглеродных источников приходилось 38% выработки электроэнергии. Гидроэнергетика является крупнейшим источником чистой электроэнергии в Китае, обеспечивая 13% в 2024 году, а ветровая и солнечная энергия вместе составили 18%. На Китай пришлось более половины мирового прироста солнечной и ветровой генерации. Почти 100% электроэнергии Эфиопии поступает из возобновляемых источников, включая гидроэнергетику, энергию ветра и тепловые источники [9].

ЮАР с момента присоединения к БРИКС в 2010 году (официальная церемония проведена в 2011 году) активно содействует его институциональному и стратегическому развитию. Это включает поддержку Нового банка развития (НБР), созданного для финансирования ключевых проектов в государствах-членах. В период своего председательства ЮАР также вносила вклад в выявление и продвижение трансграничных инфраструктурных проектов, включая инициативы в области энергетики, логистики, авиации и т.д. Часть принятой и реализуемой стратегии заключается в обеспечении того, чтобы ЮАР стала площадкой для более широкого участия африканских стран в инициативах БРИКС. В условиях роста населения континента и унификации торгового ландшафта в рамках Африканской континентальной зоны свободной торговли ЮАР способствует укреплению торговых связей между континентом и странами БРИКС.

Эффективное управление энергетическим сектором является залогом использования и наращивания энергетического потенциала ЮАР для достижения экономического роста обеих стран. Опираясь на дружественные связи между Россией и ЮАР, российские энергетические компании реализует на африканском континенте ряд перспективных проектов, включая строительство атомных электростанций, развитие гидроэнергетики, и внедрение возобновляемых ветровых и фотоэлектрических технологий [7].

Китай является мировым лидером в области технологий, финансирования и инвестиций в возобновляемую энергетику, а также развития инфраструктуры, играя ключевую роль катализатора устойчивого развития Африки, энергетической безопасности и расширения доступа к ней. Китайские предприятия способствуют развитию ветряной и солнечной энергетики в Южной Африке. Например, ветряная электростанция Де-Аар в Северной Капской провинции и солнечная электростанция в г. Дхарамсал (Индия), проект PowerChina совместно с ирландским девелопером Mainstream Renewable Power в Фри-Стейт, ЮАР. На текущем этапе силами Китая реализуется свыше 10 проектов в области чистой энергии по всему африканскому континенту [11].

Все это закреплено в Декларации Теквини и Многостороннем соглашении БРИКС о совместном финансировании инфраструктуры для Африки. Несмотря на достигнутые результаты дефицит инфраструктуры ЮАР в сфере энергетики, водоснабжения, санитарии, связи и транспорта составляет около 130–170 миллиардов долларов США. Согласно докладу «State of African Energy Report 2025», из 685 миллионов человек в мире, не имеющих доступа к электроэнергии, 590 миллионов (86%) проживают в Африке, что подтверждает важную роль сотрудничества Юг-Юг в рамках формата БРИКС.

Таким образом, финансирование энергетической инфраструктуры имеет решающее значение для дальнейшего развития ЮАР. Российские и Китайские технологические компании сотрудничают с южноафриканскими в части разработке передовых систем хранения энергии, помогая стабилизировать энергосистему благодаря использованию возобновляемых источников энергии в качестве надёжного решения.

Что касается реформирования международных финансовых взаимоотношений государства-члены БРИКС, подчёркивают важность изменения распределения квот. Однако, как было подчёркнуто на саммите БРИКС в 2025 г. реформа квот, перераспределяющая их в пользу стран глобального Юга, «не продвигалась вперёд… годами и десятилетиями» [11].

Так как МВФ, Всемирный Банк и иные международные институты в большей степени контролируются и управляются Западом, БРИКС не может прямо влиять на решения данных организаций. Однако, БРИКС не отказывается от этой идеи и прорабатывает различные пути снижения влияния Западного мира на свою экономику и политику.

Для России особенно важны меры по созданию устойчивых платежных механизмов. Россия считает, что основным направлением должно стать использование национальных валют в расчётах. Вне зависимости от интересов стран-членов БРИКС, особенно Российской Федерации, текущая мировая финансовая система привязана к доллару. Следовательно, страны БРИКС также от нее зависят, что мешает созданию единой расчетной единицы. Государства скептически относятся к данной инициативе, потому что риски, связанные с ведением открытой войны с Долларом, высоки.

В качестве противодействия данной системе на саммите прорабатывали решения по противодействию санкциям, в том числе был представлен перечень специальных механизмов снижения зависимости от западных финансовых институтов. Были поставлены задачи по формированию новых платежных инструментов и платформ, которые решат задачи создания платежной системы, которая может работать по всему миру и привлечь к себе новых стран БРИКС, что позволит расширить коалицию еще сильнее. Представленная система называется «BRICS Clear», на саммите были анонсированы достигнутые успехи и задачи по улучшению платформы. Также была начата разработка единого механизма, позволяющего осуществлять обмен торгово-экономической информацией [2]. На современном этапе были выдвинуты следующие инициативы:

1. Возможность заключения двусторонних и многосторонних соглашений о свободной торговле между странами БРИКС с целью снижения тарифных барьеров и упрощения торговли.

2. Формирование инвестиций в инфраструктуру на сумму более 1,5 трлн долларов к 2035 году: совместные проекты развития транспортной и логистической инфраструктуры для развития торговых путей [12].

3. Создание нового финансового института: Банка развития, задача которого – финансирование проектов, способствующих экономическому развитию и интеграции. Планируется, что он станет опорным инструментом поддержки инфраструктурных и социальных проектов в странах-участницах.

Экономические различия: экономические дисбалансы между странами могут осложнить равномерное развитие торговли. Необходимы механизмы перераспределения и поддержки менее развитых экономик внутри объединения.

Инвестиционные проекты в энергетике, как правило, являются капиталоемкими и долгосрочными, что требует значительных финансо-

вых ресурсов и готовности к долгосрочным рискам. Геополитическая нестабильность и санкционное давление могут оказывать негативное влияние на инвестиционный климат и затруднять привлечение финансирования.

Еще одним фактором риска является волатильность национальных валют, остро реагирующих на локальные и глобальные вызовы. Такая неопределенность негативно влияет на общее развитие союза. Использование национальных валют в расчетах и создание механизмов хеджирования рисков направлены на смягчение этой проблемы.

В дополнение к вышесказанному, имеет место отсутствие четких международных регуляторных стандартов. В связи с разной политической позицией стран-участников, требуется проведение работы по унификации гармонизация торговых и таможенных правил для повышения эффективности ведения бизнеса и снижения издержек. Наличие разобщенных внешнеполитических приоритетов усложняют координацию действий и затрудняют экстенсивное развитие.

Планируемое расширение БРИКС сильно повлияет как на традиционные энергетические рынки, которые опираются на нефть и природный газ, так и на инициативы в области возобновляемой энергии. БРИКС – это союз крупных держателей сырья, некоторые участники также являются одними из наиболее быстрорастущих потребителей энергии. Объединение БРИКС обладает 72% запасов редкоземельных металлов [10]. В условиях глобальной неопределенности, противостояния мировых политических блоков повышение собственной безопасности, в том числе финансовой, является первоочередной задачей для стран БРИКС. Еще более актуально это для стран, сталкивающихся с серьезными макроэкономическими вызовами (Египет, Эфиопия, Иран). Вступление новых стран в БРИКС может положить начало развитию нового этапа взаимодействия с традиционными международными финансовыми институтами.

Перспективным направлением сотрудничества БРИКС может также стать создание собственной расчетной единицы. Долгие годы на экспертном и рабочем уровне дискутировалась идея о создании единой валюты БРИКС. В официальных документах за 2025 год этот вопрос отражения не нашел. Исходя из вышесказанного необходимо отметить, что разработка и внедрение новых форматов инвестиционного и валютно-расчетного взаимодействия позволит сделать значительный рывок в развитии энергетического сектора ЮАР.

Литература

1. Водопьянов Д., Рязанова С. Биоэкономика БРИКС 2025: от биопроизводства до биобезопасности. URL: https://roscongress.org/materials/bioekonomika-briks-2025-ot-bioproizvodstva-do-biobezopasnosti/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 10.03.2026).

2. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова по итогам СМИД БРИКС, Рио-де-Жанейро, 29 апреля 2025 года. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/2012487/ (дата обращения: 10.03.2026).

3. Декларация Рио-де-Жанейро. Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления Рио-де-Жанейро, Бразилия 6 июля 2025 года. Доступ: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (дата обращения: 10.10.25).

4. Официальный сайт Министерства Экономического развития. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/briks/ (дата обращения: 10.03.2026).

5. Перспективы сотрудничества России и Африки обсудят на Африканской энергетической неделе в Кейптауне. Доступ: https://summitafrica.ru/en/news/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-afriki-obsudjat-na-afrikanskoj-energeticheskoj-nedele-v-kejptaune/ (дата обращения: 10.03.2026)

6. Табах А., Подругина А. БРИКС: ожидания и реальность в новой мировой повестке // Страны и регионы, Макроэкономика. URL: https://raexpert.ru/researches/brics_2025/ (дата обращения: 10.03.202625).

7. Толмачев Ю.О. Вызовы для БРИКС в XXI веке и методы их урегулирования // Via in tempore. История. Политология. 2025. № 1. С. 223–232.

8. Эрл П. К. БРИКС 2025: расширение, дедолларизация и переход к многополярному миру. URL: https://www.zolotoy-zapas.ru/news/market-analytics/briks-2025-rasshirenie-dedollarizatsiya-i-perekhod-k-mnogopolyarnomu-miru/ (дата обращения: 10.03.2026).

9. Ярыгина И.З., Герасимова В.И. БРИКС в мировых финансах и экономике = BRICS in Global Finance and Economy. 2024. М., МГИМО-Университет, 541.

10. BRICS Plus cooperation mechanism can help accelerate the Global South's transition to clean energy. URL: https://infobrics.org/en/post/47237/ (проверено: 10.10.25).

11. Chatterjee. A China, India should deepen exchanges, seize chance to revive multilateralism. China Daily. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a72025 01/15/WS67870854a310f1265a1dadcc.html (дата обращения: 10.03.2026).

12. Happymon J. Grand Strategy: These BRICS can't construct a new world order. Hindustan Times. URL: https://www.hindustantimes.com/india-news/grand-strategy-these-brics-can-t-construct-a-new-world-order-101730120445220.html (дата обращения: 10.03.2026).

13. BRICS Russia (2024a) First BRICS Meeting of Finance Ministers and Central Bank Governors Under Russia's Chairship Held in Brazil. 28 February. URL: https://brics-russia2024.ru/en/news/v-brazilii-sostoyalas-pervaya-v-ramkakh-rossiyskogo-predsedatelstva-vstrecha-ministrov-finansov/ (accessed 10 January 2025).

14. BRICS Russia (2024b) Priorities of the Russian Federation's BRICS Chairship in 2024. URL: https:// brics-russia2024.ru/en/russia-and-brics/priorities/ (accessed 10 January 2025).

15. BRICS Russia (2024c) Improvement of the International Monetary and Financial System: Strengthening Multilateralism for Just Global Development and Security. URL: https://yakovpartners.ru/upload/ iblock/9c2/ci594n0ysocxuukw7iliw6qtr4xz6cc4/BRICS_Research_on_IMFS.pdf (проверено 10.10.25).

16. XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности Казань, Российская Федерация 23 октября 2024 года. URL: https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d14d/6272/6906/a464/0000/original/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1732890957 (дата обращения: 10.03.2026).

A NEW FORMAT FOR INVESTMENT AND FOREIGN EXCHANGE COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND SOUTH AFRICA IN THE ENERGY SECTOR IN THE CONTEXT OF THE DECISIONS OF THE 2025 BRICS SUMMIT

Maximov K.G., Shapovalov M.Y.
Institute of Social Sciences

This article examines the problems of financial and investment cooperation between Russia and South Africa in the energy sector. In this regard, the article aims to study the mechanism of cooperation between Russia and South Africa within the BRICS framework, which will accelerate South Africa's transition to the use of clean energy.

Understanding the implications of expanding global energy markets requires careful consideration of renewable energy opportunities for each new member of the BRICS group. Understanding the implications of expanding global energy markets requires careful consideration of renewable energy opportunities for each new member of the BRICS group. This article provides a qualitative analysis of data presented in the energy sector reports of the BRICS countries, which allows us to trace trends in the oil and gas markets, as well as to highlight the energy characteristics of each member of the association.

The study addresses the challenges of transitioning to clean energy in BRICS countries. It also provides a brief overview of the existing potential and capabilities of BRICS countries in this area. The article also addresses the challenges of using new formats of financial and investment cooperation between Russia and South Africa, as well as other BRICS members, in the energy sector. The article concludes with recommendations for the further development and implementation of new forms of financial and investment cooperation between member countries in the energy sector.

Keywords: BRICS, South Africa, energy sector, renewable energy, oil and gas, cooperation, new formats of financial and investment interaction.

References

1. Vodopyanov D., Ryazanova S. BRICS Bioeconomy 2025: From Bioproduction to Biosafety. URL: https://roscongress.org/materials/bioekonomika-briks-2025-ot-bioproizvodstva-do-biobezopasnosti/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (Accessed: 10 March 2026).

2. Speech and answers to media questions by Russian Foreign Minister S.V. Lavrov following the BRICS Foreign Ministerial Council, Rio de Janeiro, 29 April 2025. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/2012487/ (Accessed: 10 March 2026).

3. Rio de Janeiro Declaration: Strengthening Global South Cooperation for More Inclusive and Sustainable Governance. Rio de Janeiro, Brazil, July 6, 2025. Available at: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (Accessed: October 10, 2025).

4. Official website of the Ministry of Economic Development. Available at: https://economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/briks/ (Accessed: March 10, 2026).

5. Prospects for Russia-Africa cooperation will be discussed at the African Energy Week in Cape Town. Available at: https://summitafrica.ru/en/news/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-afriki-obsudjat-na-afrikanskoj-energeticheskoj-nedele-v-kejptaune/ (Accessed: 10.03.2026)

6. Peter K. Earle. BRICS 2025: Expansion, De-Dollarization, and the Transition to a Multipolar World. Available at: https://www.zolotoy-zapas.ru/news/market-analytics/briks-2025-rasshirenie-dedollarizatsiya-i-perekhod-k-mnogopolyarnomu-miru/ (Accessed: 10.03.2026).

7. Tabakh A., Podrugina A. BRICS: Expectations and Reality in the New Global Agenda // Countries and Regions, Macroeconomics. URL: https://raexpert.ru/researches/brics_2025/ (accessed: 10.03.202625).

8. Tolmachev Yu.O. Challenges for BRICS in the 21st Century and Methods of Their Resolution // Via in tempore. History. Political Science. 2025. № 1. pp. 223–232.

9. Yarygina I.Z., Gerasimova V.I. BRICS in Global Finance and Economy. 2024. Moscow, MGIMO-University, 541.

10. BRICS Plus cooperation mechanism can help accelerate the Global South's transition to clean energy. URL: https://infobrics.org/en/post/47237/ (accessed: 10.10.25).

11. Chatterjee. And China, India should deepen exchanges, seize the chance to revive multilateralism. China Daily. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a72025 01/15/WS-67870854a310f1265a1dadcc.html (access date: 03/10/2026).

12. Happymon J. Grand Strategy: These BRICS can't construct a new world order. Hindustan Times. URL: https://www.hindustantimes.com/india-news/grand-strategy-these-brics-can-t-construct-a-new-world-order-101730120445220.html (accessed: 03/10/2026).

13. BRICS Russia (2024a) First BRICS Meeting of Finance Ministers and Central Bank Governors Under Russia's Chairship Held in Brazil. 28 February. URL: https://brics-russia2024.ru/en/news/v-brazilii-sostoyalas-pervaya-v-ramkakh-rossiyskogo-predsedatelstva-vstrecha-ministrov-finansov/ (accessed 10 January 2025).

14. BRICS Russia (2024b) Priorities of the Russian Federation's BRICS Chairship in 2024. URL: https://brics-russia2024.ru/en/russia-and-brics/priorities/ (accessed 10 January 2025).

15. BRICS Russia (2024c) Improvement of the International Monetary and Financial System: Strengthening Multilateralism for Just Global Development and Security. URL: https://yakovpartners.ru/upload/iblock/9c2/ci594n0ysocxuukw7iliw6qtr4xz6cc4/BRICS_Research_on_IMFS.pdf (accessed 10.10.25).

16. XVI BRICS Summit Kazan Declaration Strengthening Multilateralism for Equitable Global Development and Security Kazan, Russian Federation October 23, 2024. URL: https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d14d/6272/6906/a464/0000/original/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1732890957 (accessed: 10.03.2026).

Факторы растущей привлекательности объединения БРИКС для стран Глобального Юга

Матушевская Валерия Игоревна,
студент факультета управления и политики Московского государственного института (университета) международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации
E-mail: matusevskaa_v_i@my.mgimo.ru

В статье анализируется растущая привлекательность объединения БРИКС для стран Глобального Юга. Рассматривается эволюция БРИКС от экономического концепта до влиятельной платформы международного сотрудничества, насчитывающей десять стран-участниц и партнеров, которые составляют значительную часть населения и мирового ВВП. Особое внимание уделяется причинам интереса стран Глобального Юга: доступ к альтернативным финансовым инструментам (Новый банк развития), возможности диверсификации экономики, участие в глобальных инфраструктурных проектах и повышение экономического суверенитета. Отмечается значение формирующейся ценностной платформы БРИКС, которая основывается на взаимном уважении, солидарности, равенстве и консенсусе, что делает объединение привлекательным не только в политическом и экономическом, но и ценностном аспектах. Подчеркивается роль БРИКС как альтернативной площадки для стран мирового большинства в условиях кризиса традиционных институтов глобального управления, что способствует формированию многополярного мира и укреплению международного авторитета его членов.

Ключевые слова: БРИКС, Глобальный Юг, мировое большинство, реформа глобального управления, Новый банк развития.

На протяжении последних двух десятилетий БРИКС трансформировался из сравнительно узкого экономического формата в одну из наиболее динамично развивающихся платформ международного взаимодействия, вызывающую повышенный интерес со стороны стран Глобального Юга. Изначально сформировавшись как механизм координации действий быстроразвивающихся экономик, объединение постепенно расширило свою повестку и институциональные основы, предоставив государствам-участникам и партнерам не только экономические, но также политические, социальные и гуманитарные возможности сотрудничества. Сегодня БРИКС объединяет десять полноправных членов и около десяти государств-партнеров, совокупно охватывая 33,7% площади суши, 48,3% населения планеты и 36,7% мирового ВВП по паритету покупательной способности [5].

Рост привлекательности БРИКС для стран Глобального Юга отражает не только количественные изменения, такие как расширение состава участников и рост экономического влияния объединения, но и качественные трансформации: укрепление репутации как платформы, которая обеспечивает странам мирового большинства доступ к альтернативным финансовым и торговым инструментам, поддерживает их суверенитет и способствует продвижению национальных интересов на международной арене.

В условиях кризиса традиционных институтов глобального управления, таких, как ООН, ВТО и МВФ, БРИКС становится площадкой, где страны Глобального Юга могут выстраивать сотрудничество на принципах равноправия, взаимного уважения и консенсуса. Исследование факторов, делающих объединение все более привлекательным для развивающихся стран, позволяет понять, каким образом БРИКС укрепляет свой международный авторитет и создает реальные возможности для повышения экономической самостоятельности, участия в глобальных проектах и защиты интересов мирового большинства.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в условиях глобальных экономических и политических трансформаций страны Глобального Юга все активнее ищут механизмы повышения экономической самостоятельности, диверсификации финансовых инструментов и участия в принятии решений на международной арене. Традиционные институты глобального управления – такие как ООН, ВТО, МВФ и Всемирный банк – нередко недостаточно учитывают интересы развивающихся стран, создавая потребность в альтернативных платформах для сотрудничества. БРИКС выступает именно такой платформой, предоставляя странам Глобального Юга возможности для укрепления экономического суверенитета, развития инфраструктуры, доступа к финансированию и продвижения национальных интересов в глобальном масштабе. Изучение факторов, повышающих привлекательность БРИКС, важно для понимания эволюции международной системы и процессов формирования многополярного мира.

Целью исследования является выявление причин, по которым БРИКС становится все более привлекательным объединением для стран Глобального Юга, а также выявление ключевых экономических, политических и институциональных факторов, способствующих укреплению его международного авторитета и значимости для развивающихся стран.

Какова была цель создания БРИКС?

Акроним БРИК (на тот момент еще без ЮАР), придуманный главным экономистом банка Goldman Sachs Джим О'Нилом [12] в 2001 г., в самом начале XXI века означал не более чем совокупность 4 стран с наибольшим на тот момент потенциалом экономического роста. Специфика его исследования заключалась в том, что в тот период времени ведущие эксперты были скорее склонны подчеркивать проблемы Бразилии, России, Индии и Китая, чем их экономические перспективы. Однако сначала бурная реакция мирового экономического сообщества на работу О'Нила, а со временем – растущая необходимость координации своих действий в Группе двадцати и поиске совместных решений для борьбы [6] с финансовым кризисом привели к тому, что в начале июня 2009 г. в рамках Петербургского экономического форума с участием министров экономики Бразилии, России, Индии, Китая по инициативе России было официально дано начало формированию объединения БРИК, а вскоре после этого, 16 июня 2009 г, в Екатеринбурге прошел первый саммит объединения.

Первоначально дискуссии ограничивались экономическими вопросами, но постепенно повестка расширялась. Существенный поворот ключевых тем произошел на VIII Саммите БРИКС [4] в Уфе, в 2015 г., в официальную повестку саммита по инициативе его организатора В.В. Путина были включены вопросы реформирования ООН[1] и МВФ.

Анализируя глобальные тенденции и оценивая новые угрозы, страны БРИКС пришли к осознанию собственной значимости в мире. В связи с этим саммит в Пекине (2022 г.) прошел под девизом «Укрепление высококачественного партнерства БРИКС и открытие новой эры мирового развития». Принятая по итогам встречи Декларация зафиксировала необходимость совместных действий по совершенствованию системы глобального управления.

Эволюция объединения сопровождалась и геополитическим расширением. В состав БРИКС вошли страны-лидеры различных регионов: Иран и ОАЭ на Ближнем Востоке, Египет и Эфиопия в Африке. Это сделало организацию привлекательной для соседних государств, заинтересованных в сотрудничестве в инфраструктурных и экономических проектах, таких как транспортный коридор «Север-Юг».

За прошедшие годы БРИКС превратился из экономической концепции в мощный политический [10] и стратегический альянс. В настоящее время государства-члены сотрудничают по различным вопросам, включая торговлю, изменение климата и безопасность, демонстрируя свое растущее влияние в разных сферах международных отношений. Неудивительно, что сейчас, когда объединение постоянно крепнет и расширяет свою сферу интересов, оно становится центром притяжения для государств Глобального Юга.

Почему БРИКС становится все привлекательнее для стран Глобального Юга?

На 2025 г. от 117,17 триллионов долларов мирового ВВП 48,57 трлн долл. США [13] приходится на страны с формирующимся рынком и развивающиеся экономики, что составляет немногим более 41%. В 2006 г. данный показатель составлял 26,4%[2] [15] мирового ВВП. По прогнозам МВФ, доля развивающихся экономик в мировом ВВП вырастет до 44%[3] [15] к 2030 г. Данные прогнозы указывают на то, что тенденция последних нескольких десятилетий по смещению мирового центра силы в регионы Азии и Африки продолжит набирать обороты.

Но при этом экономическое влияние данных стран с большим трудом конвертируется в политическое – с большей властью к государствам Глобального Юга не приходит больше привилегий. В разрешении мировых вопросов страны Глобального Севера все также стремятся оставить их за скобками и оттеснить от решения важных вопросов развития мирового порядка. Шерпа России в БРИКС С.А. Рябков [13] указывает на то, что особая привлекательность БРИКС заключается во взаимном уважении, на котором строится партнерство в рамках БРИКС. При этом БРИКС не ставит себя в оппозицию к другим и открыт для равноправного и сотрудничества со всеми международными партнерами – в то же время БРИКС является объединением государств, которые открыто выражают свое желание реформировать существующий мировой порядок в более инклюзивные и соответствующие интересы развивающихся стран ключе.

БРИКС является одним из немногих активно действующих на международной арене объединений, состоящих почти исключительно из стран Глобального Юга (кроме России, которая себя к таковым не причисляет и в целом в общественно-политическом дискурсе предпочитает применять термин «страны мирового большинства») и озабоченных именно их проблемами – так, за последние годы страны БРИКС приняли Рамочную декларацию по климатическому финансированию, создали Исследовательскую сеть БРИКС по туберкулезу, Партнерство БРИКС по ликвидации социально обусловленных заболеваний. Таким образом, БРИКС, как объединение стран Глобального Юга, занимается решением тех конкретных проблем, от которых страдают они сами.

Эксперты выделяют несколько причин, по которым страны мирового большинства заинтересованы во вступлении в БРИКС. Во-первых, многие страны привлекает возможность уменьшить собственную зависимость от западоориентированной финансовой системы, их институтов и политического давления. В частности, распространено мнение о том, что для многих участников [14] особенно привлекательны предоставляемые БРИКС финансовые альтернативы, и в первую очередь – Новый банк развития.

В свое время НБР [7] был создан, в частности, из-за определенной накопившейся усталости среди стран мирового большинства от очень медленной и встречающей постоянное сопротивление со стороны западных коллег реформы глобальных институтов в сфере экономики – Международного валютного фонда, Всемирного банка и Всемирной торговой организации. На тот момент влияние стран БРИКС в вышеперечисленных институтах, определяемое их долей в капитале (квотой в МВФ), уже не отражало их возросшего значения в мировой экономике. Создание НБР отражало стремление развивающихся стран создать альтернативу Бреттон-Вудским институтам, которые не способствовали экономическому и социальному развитию стран с развивающейся экономикой. Фактически НБР стал первым крупным и активно действующим глобальным многосторонним банком развития, основанным исключительно странами мирового большинства.

К середине 2025 г. у НБР насчитывается более 100 одобренных проектов в развивающихся странах с совокупным бюджетом в более чем 34 млрд долларов, таким образом оказывая странам Глобального Юга (в основном странам БРИКС) поддержку в разрешении наиболее острых проблем – недостаточной инфраструктуры в сфере транспорта, социального обеспечения, промышленности, продовольствия. В частности, НБР профинансировал проекты по устойчивому развитию сельскохозяйственной отрасли [14] в Бразилии, способствуя укреплению экономики в сельскохозяйственных регионах.

Важным дополнением к проектной деятельности НБР становится постепенный переход на расчеты в национальных валютах. Эта стратегия направлена на минимизацию зависимости стран Глобального Юга от волатильности мировых резервных валют и внешнего санкционного давления. Таким образом, БРИКС формирует защищенный финансовый контур, который позволяет участникам сохранять макроэкономическую стабильность даже в условиях турбулентности глобальных рынков.

На нынешнем этапе развитие НБР характеризуется последовательной политикой поступательного расширения состава членов. Начальный этап данного процесса пришелся на 2021 г., когда Бангладеш, ОАЭ и Египет тоже стали акционерами НБР. В ближайшей перспективе в состав акционеров также должен войти и Уругвай – для этого ему нужно в полной мере оплатить свою долю в уставном капитале НБР.

В мае 2025 г. Алжир также стал полноценным акционером НБР, что стало логическим продолжением положений текущей Стратегии НБР, разработанной на период 2022–2026 гг. Такой подход призван обеспечить устойчивость управления НБР, способствовать диверсификации его ресурсной базы и усилить его репрезентативность в глобальной финансовой архитектуре.

При этом интерес новых участников носит ярко выраженный прагматичный характер. Если для ОАЭ и Саудовской Аравии приоритетом является диверсификация инвестиционных потоков и укрепление статуса энергетических хабов, то для Египта и Эфиопии участие в БРИКС открывает пути к решению проблем продовольственной безопасности и доступу к критически важным технологиям. Такая многовекторность интересов подтверждает, что объединение способно предлагать индивидуальные точки роста для самых разных экономик.

Значимым движущим фактором для стран мирового большинства также выступает стремление к достижению экономического суверенитета и диверсификации. Согласно оценке А.А. Громыко, взаимодействие [3] с БРИКС предоставляет государствам с формирующейся экономикой доступ к логистическим цепочкам, внутренним рынкам, льготному кредитованию и сырьевым ресурсам стран-участниц объединения, что необходимо для наращивания их собственного потенциала. В частности, указанные государства рассчитывают на включение в такие проекты, как инициатива «Пояс и путь» (КНР), логистические коридоры «Индия-Ближний Восток-Европа» и «Север-Юг» (Индия), а также на сотрудничество в рамках ЕАЭС, предполагающее развитие континентальных транспортных маршрутов (Россия). Бразилия занимает лидирующие позиции в Латинской Америке; Иран, ОАЭ и Саудовская Аравия [2] доминируют на мировых рынках углеводородов, при этом ОАЭ и Саудовская Аравия располагают также значительными инвестиционными возможностями. Индонезия, в свою очередь, представляет собой крупную восточноазиатскую экономику с большим внутренним рынком.

Важным фактором, повышающим привлекательность БРИКС и его партнерской сети для потенциальных участников, служит положительный имидж объединения и отсутствие агрессивной риторики. Вновь обращаясь к комментариям А.А. Громыко, стоит [3] отметить, что для организации принципиально важно сохранять образ объединения,

[1] В отличие от реформы МВФ вопрос реформирования ООН официально не выносился как отдельный пункт для обсуждения, но при этом все равно привлек достаточно внимания и дискуссий в рамках саммита.

[2] Расчеты выполнены автором самостоятельно на основе данных МВФ. URL: World Economic Outlook (October 2025) – GDP, current prices (дата обращения: 13.10.2025)

[3] Расчеты выполнены автором самостоятельно на основе данных МВФ URL: World Economic Outlook (October 2025) – GDP, current prices (дата обращения: 13.10.2025)

не ориентированного на конфронтацию и не претендующего на роль альтернативного центра глобального управления. В этих условиях основной целью БРИКС должно оставаться повышение международного авторитета и выстраивание более сбалансированных отношений со всеми ключевыми центрами силы.

Не следует упускать из виду, что формат БРИКС+/аутрич охватывает множество государств Глобального Юга, чьи цели являются сходными, однако не монолитными. В данном формате представлены страны, которые, при объективном недовольстве отдельными тенденциями мировой политики, не противопоставляют себя иным акторам, а напротив, нацелены на развитие всеобъемлющего сотрудничества с максимально широким кругом партнеров. Основой привлекательности расширяющегося БРИКС остается предоставление его членам и партнерам дополнительных конкурентных преимуществ в мировой экономике и политике, большей самостоятельности и новых возможностей, что выступает важным условием сохранения объединения в качестве значимого актора мировой политики на долгосрочную перспективу.

Таким образом, БРИКС представляет собой привлекательную альтернативу для развивающихся стран как в экономическом (доступ к рынкам, кредитам, логистике и ресурсам), так и в политическом отношении (укрепление суверенитета, полицентричная модель управления без конфронтации). Сочетание практических выгод и положительного имиджа обеспечивает объединению устойчивую значимость в мировой экономике и политике.

Вместе с тем стремительное расширение объединения до формата «десятки» ставит перед БРИКС и новые вызовы. Главным из них становится необходимость сохранения эффективности механизма консенсуса при растущем многообразии национальных интересов. Однако именно этот процесс поиска баланса, лишенный диктата одного центра силы, делает модель БРИКС наиболее жизнеспособным примером демократизации международных отношений на практике.

Формирование единой ценностной платформы стран БРИКС

Важный элемент, добавившийся в систему координат БРИКС не так давно, – ценностная платформа объединения, которая постепенно начинает формироваться. Принимая во внимание данный фактор, БРИКС уже действительно можно считать не просто экономическим или политическим объединением, а полноценной альтернативой либеральному мировому порядку в том виде, в каком он преподносится западными странами.

При анализе данного феномена первостепенное внимание следует уделить понятию «Дух БРИКС». Впервые данный термин [8] был введен в официальный дискурс объединения в Саньянской декларации (2011 г.), где под ним понимались взаимное уважение и коллективный характер принятия решений. Согласно Декларации Гоа (2016 г.), дух БРИКС включает открытость, солидарность, равенство, взаимопонимание, инклюзивность и взаимовыгодное сотрудничество. В Сямэньской декларации (2017 г.) к перечисленным принципам добавлено взаимное уважение, которое уже упоминалось в 2011 г. Декларация Нью-Дели (2021 г.) дополняет данную концепцию элементами консенсуса и справедливости. Пекинская декларация (2022 г.) определяет Дух БРИКС как взаимное уважение и понимание, равенство, солидарность, открытость, инклюзивность и консенсус. В Йоханнесбургской декларации (2023 г.) трактовка духа практически полностью совпадает с текстами текущей и Казанской (2024 г.) деклараций, в которых к характеристике «равенство» добавляется уточнение «суверенное».

Если раньше приоритеты в рамках председательства значительно варьировались от председателя к председателю, то с 2020 г. в Декларации БРИКС плотно вошло выражение «Дух БРИКС», который опирается на взаимное [1] уважение и понимание, суверенное равенство, солидарность, демократические принципы, открытость, инклюзивность, сотрудничество и консенсус. Данный термин был впервые вновь воспроизведен после Пекинской декларации 2017 г. только при председательствах ЮАР – и в дальнейшем повторился в декларациях в Казани и Рио-де-Жанейро. Его устойчивое использование на протяжение трех последних саммитов свидетельствует о формировании устойчивой семантической конструкции.

Своеобразным продолжением концептуализации «Духа БРИКС» можно назвать формирование списка общих ценностей стран БРИКС, представленного на II Форуме традиционных ценностей стран БРИКС. Согласно списку, к общим ценностям причисляются милосердие, культурный суверенитет и равенство культур, экономическое благополучие и социальная справедливость, многополярный мир, здоровье, развитие, ответственность перед будущими поколениями, гуманизм и миролюбие, взаимное уважение, умеренность и избегание фанатизма, солидарность и единство, а также культура целостности. В рамках бразильского председательства [9] было заявлено, что данные ценности «отражают общее стремление стран БРИКС – Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки – содействовать гармонии, справедливости и устойчивому прогрессу в условиях глобальных трансформаций».

Стоит сказать о том, что все вышеперечисленные ценности, в том числе и те, которые описывают «Дух БРИКС», в действительности близки всему сообществу стран мирового большинства. Формирование «Духа БРИКС» и списка общих ценностей свидетельствует о том, что объединение переросло стадию экономического альянса, трансформируясь в глобальный ценностный полюс. Устойчивость данной модели в ближайшие годы будет проверяться способностью стран-участниц (учитывая расширение БРИКС+) конвертировать эти этические принципы в конкретные механизмы: от единых расчетных систем до совместных образовательных стандартов. На данный момент можно с уверенностью говорить, что БРИКС создает не «антизападный» мир, а «незападный» – пространство, где сплоченность и единство достигается через многообразие и взаимное уважение особенностей друг друга, а не через подчинение и универсализацию.

Заключение

Таким образом, БРИКС за два десятилетия превратился из экономического концепта в полноценную платформу международного сотрудничества, объединяющую страны Глобального Юга и обеспечивающую им возможности для экономического суверенитета, диверсификации финансовых инструментов и участия в глобальных проектах. Расширение состава объединения, формирование институциональной базы и внедрение ценностной платформы, отражающей принципы взаимного уважения, солидарности и консенсуса, делают БРИКС привлекательным не только как экономический альянс, но и как политически значимую структуру, способную влиять на формирование многополярного мира.

В условиях кризиса традиционных институтов глобального управления объединение выступает альтернативной площадкой, где страны мирового большинства могут отстаивать свои интересы, развивать инфраструктуру и укреплять международный авторитет. Сочетание практических экономических инструментов, стратегического сотрудничества и общих ценностей позволяет БРИКС уверенно занимать центральное место среди объединений развивающихся стран, создавая устойчивую основу для дальнейшего роста и развития в глобальной системе.

Литература

1. Барабанов О.Н. Эволюция ценностной платформы БРИКС // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2025. URL: Эволюция ценностной платформы БРИКС – Клуб «Валдай» (дата обращения: 15.03.2026).

2. Бобылев С.А. Что известно о БРИКС и этапах расширения этого объединения / ТАСС. 06.07.2025. URL: https://tass.ru/info/9519?ysclid=m8x7c8q9a362905574 (дата обращения: 15.03.2026).

3. Громыко А.А. БРИКС – конкурентные преимущества и вызовы развития (к председательству России в БРИКС в 2024 году) / РСМД. 13.01.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/briks-konkurentnye-preimushchestva-i-vyzovy-razvitiya-k-predsedatelstvu-rossii-v-briks-v-2024-godu/ (дата обращения: 15.03.2026).

4. Дискин И.Е. (под ред.) БРИКС: российский взгляд: пролегомены в научное исследование феномена БРИКС / А.В. Тимирясова, И.Е. Дискин, И.И. Бикеев, А.В. Клемин [и др.]; под научной редакцией проф. И.Е. Дискина. – Казань: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета, 2024. – 224 с.

5. Инфографика: «Страны БРИКС и G7 в мировой экономике». URL: https://tass.ru/infographics/9519 (дата обращения: 12.03.2026).

6. Никонова В.А., Толорая Г.Д. Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты: сб. статей / под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. – М.: РУДН, 2013. – 429 с.

7. Пилипенко И.В. Новый банк развития – итоги первых десяти лет операционной деятельности банка объединения БРИКС // Международная жизнь. 2025. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/3035 (дата обращения: 14.03.2026).

8. Хаткевич А.А. Семнадцатое мгновение БРИКС // Международная жизнь. 07.07.2025. URL: https://interaffairs.ru/news/show/3036 (дата обращения: 15.03.2026).

9. BRICS Nations Presented a Unified List of Traditional Values to Strengthen Global Cooperation // BRICS Traditional Values Forum. URL: https://brics-tv.com/news/brics-nations-presented-a-unified-list-of-traditional-values-to-strengthen-global-cooperation (дата обращения: 15.03.2026).

10. De Freitas M.V. BRICS: A New Framework for New South Inclusiveness / M. V. de Freitas. – Policy Brief № 25/25, April 2025. Policy

Center for the New South. URL: https://www.policycenter.ma/sites/default/files/2025–04/PB_25–25_%20%28Marcus%20Vinicius%20De%20Freitas%29.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

11. Emerging market and developing economies. Datasets / IMF DataMapper. URL: IMF DataMapper (дата обращения: 13.03.2026).

12. O`Niell J. Building Better Global Economic BRICs / Global Economics Paper No: 66. 30.11.2001. URL: https://www.goldmansachs.com/insights/archive/building-better-global-economic-brics.html (дата обращения: 15.03.2026).

13. Ryabkov S.A. After Expansion: The Prospects of BRICS as the Basis for a Fairer Multipolar World Order // РСМД. 03.05.2024. URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/after-expansion-the-prospects-of-brics-as-the-basis-for-a-fairer-multipolar-world-order/ (дата обращения: 14.03.2026).

14. Why is BRICS so popular among Global South countries? // China Daily. 05.11.2024. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202411/05/WS6729b9d1a310f1265a1d0f7c.html (дата обращения: 15.03.2026).

15. World Economic Outlook (October 2025) – GDP, current prices. / International Monetary Fund. 2025. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO (дата обращения: 13.03.2026).

FACTORS OF BRICS' GROWING ATTRACTIVENESS FOR THE GLOBAL SOUTH COUNTRIES

Matusevskaia V.I.
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article analyzes the growing attractiveness of BRICS for the Global South countries. It examines the evolution of BRICS from an economic concept into an influential platform for international cooperation, currently comprising ten member states and partner countries that account for a significant share of the world's population and global GDP. Special attention is paid to the reasons behind the Global South's interest in BRICS: access to alternative financial instruments (the New Development Bank), opportunities for economic diversification, participation in global infrastructure projects, and enhancing economic sovereignty. The article highlights the importance of the emerging value platform of BRICS, which is based on mutual respect, solidarity, equality, and consensus, making the association attractive not only in political and economic terms but also in terms of shared values. The role of BRICS as an alternative platform for the global majority in the context of the crisis of traditional global governance institutions is emphasized, contributing to the formation of a multipolar world and strengthening the international standing of its members.

Keywords: BRICS, Global South, global majority, global governance reform, New Development Bank.

References

1. Barabanov O.N. Evolution of the Value Platform of BRICS // Report of the Valdai International Discussion Club. 2025. URL: https://valdaiclub.com/a/reports/evolyutsiya-tsennostnoy-platformy-briks/ (accessed: 15.03.2026).

2. Bobylev S.A. What is known about BRICS and the stages of the association's expansion / TASS. 06.07.2025. URL: https://tass.ru/info/9519?ysclid=m8x7c8q9a362905574 (accessed: 15.03.2026).

3. Gromyko A.A. BRICS – Competitive Advantages and Development Challenges (on the occasion of Russia's BRICS chairmanship in 2024) / RIAC. 13.01.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/briks-konkurentnye-preimushchestva-i-vyzovy-razvitiya-k-predsedatelstvu-rossii-v-briks-v-2024-godu/ (accessed: 15.03.2026).

4. Diskin I.E. (ed.) BRICS: A Russian View: Prolegomena to a Scientific Study of the BRICS Phenomenon / A.V. Timiryasova, I.E. Diskin, I.I. Bikeev, A.V. Klemin [et al.]; edited by Prof. I.E. Diskin. – Kazan: Publishing House «Poznanie» of Kazan Innovation University, 2024. – 224 p.

5. Infographics: «BRICS and G7 Countries in the Global Economy». URL: https://tass.ru/infographics/9519 (accessed: 12.03.2026).

6. Nikonova V.A., Toloraya G.D. Russia's Strategy in BRICS: Goals and Instruments: collection of articles / edited by V.A. Nikonova, G.D. Toloraya. – Moscow: RUDN University, 2013. – 429 p.

7. Pilipenko I.V. The New Development Bank – Results of the First Ten Years of Operational Activity of the BRICS Association's Bank // International Affairs. 2025. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/3035 (accessed: 14.03.2026).

8. Khatkevich A.A. The Seventeenth Moment of BRICS // International Affairs. 07.07.2025. URL: https://interaffairs.ru/news/show/3036 (accessed: 15.03.2026).

9. BRICS Nations Presented a Unified List of Traditional Values to Strengthen Global Cooperation // BRICS Traditional Values Forum. URL: https://brics-tv.com/news/brics-nations-presented-a-unified-list-of-traditional-values-to-strengthen-global-cooperation (accessed: 15.03.2026).

10. De Freitas M.V. BRICS: A New Framework for New South Inclusiveness / M.V. de Freitas. – Policy Brief № 25/25, April 2025. Policy Center for the New South. URL: https://www.policycenter.ma/sites/default/files/2025–04/PB_25–25_%20%28Marcus%20Vinicius%20De%20Freitas%29.pdf (accessed: 13.03.2026).

11. Emerging market and developing economies. Datasets / IMF DataMapper. URL: https://www.imf.org/en/Data (accessed: 13.03.2026).

12. O'Neill J. Building Better Global Economic BRICs / Global Economics Paper № 66. 30.11.2001. URL: https://www.goldmansachs.com/insights/archive/building-better-global-economic-brics.html (accessed: 15.03.2026).

13. Ryabkov S.A. After Expansion: The Prospects of BRICS as the Basis for a Fairer Multipolar World Order // RIAC. 03.05.2024. URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/after-expansion-the-prospects-of-brics-as-the-basis-for-a-fairer-multipolar-world-order/ (accessed: 14.03.2026).

14. Why is BRICS so popular among Global South countries? // China Daily. 05.11.2024. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202411/05/WS6729b9d1a310f1265a1d0f7c.html (accessed: 15.03.2026).

15. World Economic Outlook (October 2025) – GDP, current prices / International Monetary Fund. 2025. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO (accessed: 13.03.2026).

Эволюция частных военных компаний в международных конфликтах

Никитин Кирилл Алексеевич,
аспирант, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: 45009913@mail.ru

Статья посвящена анализу эволюции частных военных компаний в международных конфликтах и выявлению их места в современной системе безопасности. Актуальность темы связана с расширением негосударственных форм силового участия, ростом гибридных и прокси-конфликтов, а также с усложнением вопроса о правовом статусе структур, действующих вне классической модели регулярных вооружённых сил. Цель статьи состоит в выявлении основных направлений трансформации частных военных компаний, их функций и значения в современных международных конфликтах. Методическую основу составили анализ литературы, сравнительный метод, системный подход и элементы контент-анализа. Установлено, что частные военные компании прошли путь от вспомогательного инструмента охраны и сопровождения к более сложному участнику вооружённых конфликтов, способному выполнять боевые, консультативные, логистические и политически чувствительные задачи. Показано, что действующие правовые механизмы во многом ориентированы на классическое наёмничество и не полностью охватывают современные формы частного военного участия. Сделан вывод о том, что развитие частных военных компаний отражает более широкий процесс трансформации войны, в рамках которого меняются формы применения силы, распределение ответственности и соотношение государственных и негосударственных акторов в международных конфликтах.

Ключевые слова: ЧВК, конфликты, наёмничество, безопасность, право, эволюция, гибридность.

Введение

Рост числа нестандартных вооружённых конфликтов, прокси-противостояний и гибридных форм силового давления заметно усилил интерес к частным военным компаниям как к особому участнику международной политики. В последние годы ЧВК всё чаще рассматриваются не как побочный элемент системы безопасности, а как инструмент, способный выполнять боевые, охранные, логистические и политически чувствительные функции в зонах нестабильности. Особенно значимой тема становится в условиях, когда участие таких структур сопровождается политической неоднозначностью, правовыми пробелами и острыми спорами о пределах допустимого силового вмешательства. По этой причине обращение к эволюции ЧВК позволяет глубже понять не только специфику отдельных вооружённых кризисов, но и более широкий процесс трансформации современной системы международной безопасности.

Материалы и методы

В качестве материалов статьи использованы русскоязычные научные публикации, посвящённые частным военным компаниям, гибридным конфликтам, международному гуманитарному праву и трансформации современной системы безопасности. Дополнительно были привлечены международные и национальные нормативно-правовые акты, позволяющие сопоставить научные подходы с действующим правовым регулированием.

Отбор источников проводился по трём критериям. Учитывались актуальность публикации, её прямая связь с темой статьи и содержательная ценность для анализа роли ЧВК в международных конфликтах. В корпус включались только те материалы, которые позволяют проследить изменение функций, статуса и практики применения частных военных компаний.

Методическую основу статьи составили анализ научной литературы, сравнительный метод, системный подход и элементы контент-анализа. Анализ литературы позволил выделить основные подходы к пониманию ЧВК в современной русскоязычной науке. Сравнительный метод использовался при сопоставлении правовых актов и позиций разных авторов. Системный подход дал возможность рассмотреть ЧВК как часть более широкой трансформации международных конфликтов.

Литературный обзор

Если раньше ЧВК чаще описывались как периферийный инструмент силового аутсорсинга, то в новых работах они рассматриваются уже как самостоятельный элемент архитектуры международных конфликтов, особенно в условиях гибридных и прокси-форм противоборства. Наиболее часто в литературе повторяются три линии анализа. Первая связана с политико-правовой неопределённостью статуса ЧВК. Вторая касается их включенности в современные конфликты как инструмента внешнеполитического давления, локального силового сопровождения и непрямого участия государств. Третья линия касается трансформации самого понятия ЧВК, поскольку в ряде работ границы между классическим наёмничеством, частной охранной деятельностью, добровольческими формированиями и полугосударственными силовыми структурами становятся всё менее жёсткими [7].

В работах особенно заметна попытка выстроить понятийный каркас темы. И.Х. Салаватов показывает, что само понятие частной военной компании остаётся политически нагруженным и семантически нестабильным, поэтому в разных контекстах ЧВК могут трактоваться и как коммерческий субъект, и как квазивоенный актор, и как инструмент реализации интересов государства [12]. Близкую по смыслу рамку дают И.А. Ветренко и А.А. Ковалев, связывая эволюцию ЧВК с переходом международных конфликтов от классической межгосударственной войны к более фрагментированным формам насилия, где ценится гибкость, правдоподобное отрицание участия и пониженная политическая цена применения силы [6]. В таком подходе ЧВК уже не выглядят случайным отклонением, а воспринимаются как логичный продукт изменения самой среды международной безопасности.

Отдельный пласт литературы сосредоточен на международно-правовом измерении. И.Л. Трунов [15], А.А. Кузнецов [9], Е.Е. Королькова [8], К.С. Попова [10], Т.А. Тауканов [14] и В.В. Соловьева [13]

сходятся в том, что ключевая проблема заключается не в отсутствии вообще каких-либо норм, а в их фрагментарности, рассогласованности и слабой применимости к новым практикам. В результате ЧВК остаются между несколькими правовыми режимами. Они не совпадают полностью с образом наёмника, но и не вписываются в модель регулярных вооружённых сил. По этой причине в литературе постоянно возвращается вопрос о разграничении правосубъектности, ответственности, допустимых функций и пределов применения силы.

Заметная часть новых публикаций связывает эволюцию ЧВК именно с логикой гибридной войны. Наиболее прямо такую позицию выражают Рыжов И.В. и Трубицин К.А. [11]. В их интерпретации частные военные структуры ценны для современных государств не только как источник дополнительной силы, но и как механизм совмещения военных, политических, информационных и психологических эффектов. В конфликте нового типа важен уже не только сам боевой результат. Не менее значимы снижение формальной ответственности, гибкость масштаба участия, возможность быстрого входа в нестабильный регион и сохранение пространства для дипломатического манёвра. Такой подход хорошо объясняет, почему в литературе последних лет ЧВК всё чаще рассматриваются не изолированно, а рядом с понятиями гибридной войны, прокси-стратегии и приватизации безопасности.

Важное изменение в научной дискуссии состоит в отходе от слишком узкой схемы, где ЧВК понимались только как боевые подразделения. А.А. Цвяк [16] и М.А. Шекиханов [17] показывают более широкий ракурс. В нём ЧВК выступают как часть рынка военных услуг, а их стратегия зависит от внешнеполитической конъюнктуры, интересов заказчика, региональной среды, правового режима и модели взаимодействия с государством. Такой взгляд делает анализ заметно глубже. Эволюция ЧВК тогда понимается не просто как рост числа вооружённых контракторов, а как институциональное усложнение целой сферы, где сочетаются боевые функции, охрана, логистика, обучение, консультирование, охрана инфраструктуры, информационное сопровождение и элементы политического посредничества. Для темы международных конфликтов этот вывод принципиален, поскольку показывает постепенный переход от единичного силового найма к более сложной системе частного военного присутствия.

Значительная часть современной литературы сохраняет описательный характер. Во многих публикациях хорошо раскрываются отдельные аспекты, но реже встречается цельная модель эволюции ЧВК как международно-политического феномена. Одни авторы концентрируются на праве, другие на политической функции, третьи на конкретных конфликтах. Из-за этого тема иногда распадается на отдельные блоки. Правовые работы недостаточно связываются с анализом военной практики, а политологические тексты не всегда дорабатывают вопрос институциональных ограничений. Наиболее продуктивным выглядит подход, который соединяет все три уровня сразу. Во-первых, понятие и его семантические границы. Во-вторых, правовой режим и проблему ответственности. В-третьих, реальную роль ЧВК в современных международных конфликтах как инструмента непрямого силового присутствия. Именно такое объединение позволяет увидеть не просто историю отдельных компаний, а более широкую логику приватизации войны.

Результаты

Полученные результаты показывают, что эволюция частных военных компаний в международных конфликтах шла не по линии их полной легализации, а по линии усложнения форм участия при сохранении правовой неопределённости. На международном уровне базовым ориентиром остаётся Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов, принят 8 июня 1977 года [2]. В статье 47 данного протокола закреплено, что наёмник не имеет права на статус комбатанта или военнопленного, а сама дефиниция построена через совокупность специальных признаков. Параллельно действует Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников, принятая резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи ООН 4 декабря 1989 года и вступившая в силу 20 октября 2001 года [1]. Оба акта формируют запретительную рамку именно в отношении наемничества, однако не закрывают весь спектр деятельности современных ЧВК, поскольку последние часто действуют через более сложные организационные модели и смешанные функции.

На национальном уровне российская правовая конструкция также показывает двойственность. С одной стороны, действует Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ, где статья 359 прямо устанавливает ответственность за вербовку, обучение, финансирование, иное материальное обеспечение наёмника и его использование в вооружённом конфликте, а также за участие наёмника в конфликте [3]. С другой стороны, Федеральный закон от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне» [4] после изменений, внесённых Федеральным законом от 4 ноября 2022 года № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», дополнился статьёй 22.1 о добровольческих формированиях [5]. В результате в российском правовом поле появился закреплённый механизм участия негосударственно организованных вооружённых структур в выполнении задач в области обороны, но без признания частных военных компаний как самостоятельного легального института. Это означает, что практическая потребность в гибких формах силового участия была частично институционализирована, тогда как модель классической ЧВК по-прежнему остаётся вне прямого нормативного оформления.

Фактический материал позволяет выделить несколько устойчивых результатов. Во-первых, ЧВК и близкие к ним структуры стали применяться не только для охраны объектов и сопровождения персонала, но и для обучения, логистики, консультирования, охраны месторождений, защиты политических режимов и участия в боевых действиях в зонах высокой нестабильности. Во-вторых, международное право по-прежнему точнее описывает фигуру наёмника, чем корпоратизированные и политически опосредованные формы частного военного присутствия. В-третьих, современные конфликты показали переход от эпизодического использования таких структур к их включению в более широкую архитектуру гибридного противоборства. Наконец, регулятивный ответ государств смещается от попытки просто запретить подобную активность к попытке поставить часть сходных функций под более контролируемые организационные режимы.

Для наглядности выявленные факты можно свести в таблицу (табл. 1).

Таблица 1. Ключевые факты, отражающие эволюцию частных военных компаний в международных конфликтах

Период	Факт	Что это показывает
1977	В Дополнительном протоколе I впервые закреплена международно-правовая дефиниция наёмника	Международное право исходно реагировало на индивидуальное наёмничество, а не на современные корпоративные военные структуры
1989–2001	Принята и затем введена в силу Конвенция ООН против вербовки, использования, финансирования и обучения наёмников	На уровне ООН оформился устойчивый запретительный подход к наёмничеству
2008	Подготовлен Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и надлежащих практиках государств в отношении ЧВОК и ЧОК в вооружённых конфликтах	Международная повестка сместилась от одной лишь уголовной оценки к вопросу регулирования и ответственности государств
2010-е годы	ЧВК стали регулярно использоваться в конфликтах Ближнего Востока и Африки	Частное военное присутствие превратилось в устойчивый инструмент внешнего влияния
2022	В российский Закон об обороне включена статья 22.1 о добровольческих формированиях	Государства стремятся институционально оформить гибкие формы вооружённого участия вне модели классической ЧВК
2023–2026	В научной и правовой дискуссии усилился акцент на гибридных конфликтах, прокси-форматах и проблеме правового статуса подобных структур	Эволюция ЧВК рассматривается уже как часть более широкой трансформации войны

Анализ таблицы позволяет сделать вывод, что главным результатом эволюции ЧВК стало не исчезновение правовых барьеров, а изменение самой формы их обхода или переработки. Международные нормы по-прежнему жёстко относятся к наемничеству, однако конфликтная практика ушла в сторону более сложных конструкций, где частная военная активность маскируется под охранные, консультативные, добровольческие или контрактные форматы. По этой причине разрыв между нормативной моделью и реальной практикой не сократился, а стал заметнее.

В содержательном плане это привело к ещё одному важному результату. Частные военные компании перестали быть лишь вспомогательным элементом и превратились в показатель трансформации современной войны. Их развитие связано с ростом непрямого участия государств в конфликтах, с повышением роли гибридных стратегий

и с усложнением вопроса об ответственности за применение силы. Именно в этом и проявляется основная тенденция последних лет. Эволюционируют не только сами ЧВК, но и вся система международных конфликтов, в которой такие структуры оказываются всё более востребованными.

Обсуждение

Рассмотренные результаты позволяют утверждать, что эволюция частных военных компаний в международных конфликтах связана не только с ростом их практической востребованности, но и с более глубокой перестройкой самой логики вооружённого противоборства. Раньше негосударственные силовые структуры чаще воспринимались как исключение или как побочный продукт отдельных кризисов. Сейчас ситуация выглядит иначе. Их присутствие всё заметнее вписывается в устойчивую модель, при которой государствам и иным центрам силы требуется инструмент с высокой степенью гибкости, пониженной политической заметностью и возможностью решать задачи за пределами классического военного вмешательства.

Особое значение имеет то обстоятельство, что современная ЧВК в реальных конфликтах действует уже не в узком формате боевого найма. На первый план выходит комплексность функций. В одном случае речь идёт об охране объектов и сопровождении персонала, в другом о подготовке местных сил, консультировании, логистике, защите ресурсной инфраструктуры или участии в операциях в условиях ограниченной публичности. Подобное расширение функционала делает ЧВК не просто участником отдельного эпизода, а элементом более широкой военно-политической стратегии. По этой причине обсуждение их роли невозможно свести только к вопросу о правомерности или неправомерности применения силы. Гораздо важнее понять, как именно такие структуры меняют механизмы влияния в международной среде.

На этом фоне особенно заметным становится противоречие между юридической конструкцией и реальной практикой. Международное право в значительной степени по-прежнему исходит из модели наемничества, которая формировалась в иной исторической обстановке. Современные частные военные компании устроены сложнее. Они могут быть формально коммерческими структурами, могут выполнять смешанные функции, могут действовать через цепочку контрактов, посредников и локальных соглашений. В результате нормативный аппарат нередко отстаёт от политической и военной реальности. Право фиксирует одни признаки, а конфликтная практика производит иные формы силового участия. Из этого вытекает важный вывод. Проблема ЧВК заключается не только в их существовании, но и в том, что существующие правовые категории уже не полностью описывают происходящее.

Не менее важным представляется и политический аспект. Использование ЧВК даёт возможность влиять на ход конфликта без классического сценария прямого ввода регулярных войск. Для государств это означает снижение репутационных и дипломатических издержек, а также сохранение большего пространства для манёвра. Но одновременно возрастает риск размывания ответственности. Когда в конфликте действуют структуры с частным или полугосударственным характером, намного сложнее установить пределы полномочий, источник приказов и субъект, который должен нести международно-правовые последствия за конкретные действия. Именно здесь сосредоточен один из самых острых дискуссионных узлов темы.

Отдельного внимания заслуживает и вопрос о том, считать ли развитие ЧВК временным явлением или устойчивой тенденцией. Анализ показывает, что речь идёт скорее о долгосрочном процессе. Причина состоит в том, что сами международные конфликты становятся более дробными, асимметричными и многоуровневыми. В такой среде спрос на гибридные формы силового присутствия едва ли будет снижаться. Напротив, можно ожидать дальнейшего усложнения организационных моделей, расширения функций и появления всё новых промежуточных форм между регулярной армией, добровольческими формированиями, охранными структурами и частными военными подрядчиками.

Вместе с тем абсолютизировать роль ЧВК тоже не стоит. Они не заменяют государство как главного носителя организованного вооружённого насилия. Более точной выглядит другая формулировка. ЧВК дополняют государственные механизмы там, где требуется оперативность, гибкость и ограниченная публичность. Их сила проявляется именно в промежуточной позиции. По этой же причине их значение возрастает прежде всего в конфликтах затяжного, нестабильного и политически неоднозначного типа.

Заключение

В результате обсуждение полученных данных подводит к следующему пониманию темы. Эволюция частных военных компаний отражает не частную аномалию, а более широкий процесс трансформации международной безопасности. Меняется состав участников конфликта, меняются формы применения силы, меняются механизмы ответственности и контроля. По этой причине ЧВК следует рассматривать не только как отдельный объект правового или политического анализа, но и как показатель того, насколько сильно изменилась современная война и насколько сложнее стало разграничивать государственное и негосударственное насилие в международных конфликтах. Рассмотрение эволюции частных военных компаний в международных конфликтах показало, что речь идёт не о случайном или периферийном явлении, а о заметной тенденции, связанной с трансформацией современной системы безопасности.

Литература

1. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (Принята резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1989 года) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml (дата обращения: 01.04.2026).
2. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) (с изменениями и дополнениями) // URL: https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/ (дата обращения: 02.04.2026).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – ст. 2954.
4. Федеральный закон от 31.05.1996 N 61-ФЗ (ред. от 04.11.2025) «Об обороне» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.06.1996. – № 23. – ст. 2750.
5. Федеральный закон от 04.11.2022 N 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.11.2022. – № 45. – ст. 7664.
6. Ветренко И. А., Ковалев А.А. Частные военные компании и их участие в военных политических конфликтах: история и современность // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2023. – Т. 10. – № . 2 (38). – С. 86–96.
7. Ильин Ю.И. Военный мятеж в рамках международного и национального права (на примере ЧВК «Вагнер») // Юридическая наука. – 2023. – № . 9. – С. 245–249.
8. Королькова Е.Е. Современные тенденции международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17. – № . 1. – С. 122–135.
9. Кузнецов А.А. Правовой статус частных военных компаний в условиях современных прокси-конфликтов // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № . 26. – С. 451–459.
10. Попова К. С., Ерёменко А.С. Правовое регулирование частных военных компаний в международном праве // Вестник науки. – 2024. – Т. 1. – № . 2 (71). – С. 198–201.
11. Рыжов И. В., Трубицин К.А. Трансформация инструментов обеспечения международной и национальной безопасности в условиях гибридных войн // Via in tempore. История. Политология. – 2025. – Т. 52. – № . 1. – С. 233–244.
12. Салаватов И.Х. Политико-семантический анализ концепта «частные военные компании» // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № . 7 (120). – С. 41–49.
13. Соловьева В. В. К вопросу о проблемах правового регулирования деятельности частных военных компаний // Закон и право. – 2025. – № . 12. – С. 105–114.
14. Тауканов Т.А. Правовое регулирование ЧВОК на российском и международном уровне: проблемы и пути решения // Юридическая наука. – 2025. – № . 5. – С. 469–474.
15. Трунов И.Л. Частные военные компании и международное гуманитарное право. Вопросы регулирования // Государственная служба и кадры. – 2023. – № . 4. – С. 139–145.
16. Цвяк А.А. Политические аспекты приватизации сектора военных услуг в странах Запада (на примере функционирования ЧВК) // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № . 2. – С. 84–88.
17. Шекиханов М.А. Зависимость стратегии функционирования ЧВК от внешних условий: особенности воздействия и сферы деятельности // KANT: Social science & Humanities. – 2025. – № . 1 (21). – С. 150–155.

THE EVOLUTION OF PRIVATE MILITARY COMPANIES IN INTERNATIONAL CONFLICTS

Nikitin K.A.
North-Western Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the evolution of private military companies in international conflicts and identifies their place in the modern security system. The relevance of the topic is related to the expansion of non-state forms of military involvement, the growth of hybrid and proxy conflicts, as well as the increasing complexity of the issue of the legal status of structures operating outside the classical model of the regular armed forces. The purpose of the article is to identify the main directions of transformation of private military companies, their functions and importance in modern international conflicts. The methodological basis consists of literature analysis, comparative method, systematic approach and elements of content analysis. It has been established that private military companies have gone from an auxiliary tool for protection and escort to a more complex participant in armed conflicts, capable of performing combat, advisory, logistical and politically sensitive tasks. It is shown that the current legal mechanisms are largely focused on classical mercenary activities and do not fully cover modern forms of private military involvement. It is concluded that the development of private military companies reflects a broader process of transformation of war, in which the forms of use of force, the distribution of responsibility and the ratio of state and non-state actors in international conflicts are changing.

Keywords: PMCs, conflicts, mercenary activities, security, law, evolution, hybridity.

References

1. International Convention for the Suppression of the Recruitment, Use, Financing and Training of Mercenaries (Adopted by General Assembly resolution 44/34 of December 4, 1989) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml (date of application: 04/01/2026).

2. Additional Protocol to the Geneva Conventions of August 12, 1949, concerning the Protection of Victims of International Armed Conflicts from June 8, 1977 (Protocol I) (with amendments and additions) // URL: https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377 / (date of access: 04/02/2026).

3. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 20.02.2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 17.06.1996. – No. 25. – Art. 2954.4.

Federal Law of 31.05.1996 N 61-FZ (as amended on 04.11.2025) "On Defense" // Collection of legislation of the Russian Federation. – 06/03/1996. – No. 23. – Art. 2750.5.

Federal Law No. 419-FZ dated 11/04/2022 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 11/07/2022. – No. 45. – art. 7664.

6. Vetrenko I.A., Kovalev A.A. Private military companies and their participation in military political conflicts: history and modernity // Bulletin of Omsk University. The series "Historical sciences". – 2023. – T. 10. – № . 2 (38). – Pp. 86–96.

7. Ilyin Yu.I. Military rebellion in the framework of international and national law (on the example of the Wagner Private Military Industrial Complex) // Yuridicheskaya nauka. – 2023. – No. 9. – pp. 245–249.

8. Korolkova E.E. Modern trends in international legal regulation of the activities of private military and security companies // Contours of global transformations: politics, economics, law. – 2024. – Vol. 17. – No. 1. – pp. 122–135.

9. Kuznetsov A.A. The legal status of private military companies in the context of modern proxyconflicts // Issues of Russian justice. – 2023. – № . 26. pp. 451–459.

10. Popova K.S., Eremenko A.S. Legal regulation of private military companies in international law // Bulletin of Science. – 2024. – T. 1. – № . 2 (71). – Pp. 198–201.

11. Ryzhov I.V., Trubitsin K.A. Transformation of instruments for ensuring international and national security in the context of hybrid wars // Via in tempore. History. Political science. – 2025. – Vol. 52. – No. 1. – pp. 233–244.

12. Salavatov I.H. Political and semantic analysis of the concept of "private military companies" // Society: politics, economics, law. – 2023. – № . 7 (120). – Pp. 41–49.

13. Solovyova V.V. On the issue of the problems of legal regulation of the activities of private military companies // Law and Law. – 2025. – no. 12. – Pp. 105–114.

14. Taukanov T.A. Legal regulation of PMSCs at the Russian and international levels: problems and solutions // Legal Science. – 2025. – No. 5. – pp. 469–474.

15. Trunov I.L. Private military companies and international humanitarian law. Regulatory issues // Civil service and personnel. – 2023. – No. 4. – pp. 139–145.

16. Tsvyak A.A. Political aspects of the privatization of the military services sector in Western countries (on the example of the functioning of PMCs) // Society: politics, economics, law. – 2025. – № . 2. – Pp. 84–88.

17. Shekikhanov M.A. Dependence of the PMCs functioning strategy on external conditions: features of impact and scope of activity // KANT: Social science & Humanities. – 2025. – № . 1 (21). – Pp. 150–155.

Геополитические интересы России в Южной Азии

Шоаиб Хан,
научный сотрудник Центра Центральноевразийских исследований Университета Мумбаи
E-mail: shoaibk_92in@yahoo.com

Печищева Людмила Александровна,
к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Сектора исследований Южной Азии Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН)
E-mail: lusya-85@inbox.ru

Россия развивала сотрудничество с Индией с целью усиления своего влияние в южноазиатском регионе, в том числе и в Афганистане. Если смотреть на 2026 г., то среди двух факторов, которые могут в наибольшей степени повлиять на региональные интересы России по отношению к Вашингтону, являются, во-первых, политика России по вовлечению Афганистана в свою орбиту и, во-вторых, взаимодействие с Китаем. Россия, будучи в течение более 40 лет главной опорой индийской безопасности, стала сокращать стратегическое взаимодействие с Индией. Хотя странам Южной Азии выделяется значимая роль в нескольких российских доктринах и стратегиях. Так, в Концепции внешней политики РФ от 2008 г., в которой излагаются цели и задачи российской внешней политики, довольно подробно рассматриваются страны южноазиатского региона, где процессы интеграции крайне важны для России и для ее экономики. Россия имеет четкие приоритеты в южноазиатском регионе, где Индия выступает её привилегированным стратегическим партнером, Пакистан рассматривается как стратегически важная региональная держава примерно на одном уровне с Турцией, Египтом, Алжиром, Ираном или Саудовской Аравией.

Ключевые слова: Россия, Евразия, Китай, Южная Азия, Пакистан, Индия, геополитические интересы.

Introduction

Historically the Soviet Union and Russia at the beginning of post 1991 era have maintained the strongest ties with India and have often found themselves directly opposed to Pakistani policies in the region. There have been efforts in the past couple years from both Russia and Pakistan to consolidate their ties. Meanwhile, Russia has developed its relationship with India to increase its leverage in the region and Afghanistan in particular[1]. According to analyses, Pakistan and India's severe power disparity since independence has long been a source of concern for balance-of-power politics. In addition, in Asian-oriented global politics, where the USA or, previously, the USSR, were trying to maintain global balance through dyadic strategic alliances with regional actors, the two regional players have been a major source of disruption to regional balance and the growth of hard power imbalances. Russia recently has reduced its strategic utility to India after more than four decades of being the sheet anchor of India's security. The onus of this Indian perception gaining ground lies on Russia partly for switching to China as a sheet anchor of Russia's foreign policy[2]. Russia's strategic pivot to Pakistan is calibrated in a long-term strategy that Russia has resorted to, it is an aberration arising from India's growing proximity to the United States but well in concert with China's over-sized strategic investments in Pakistan, strategic and economic dividends could accrue to Russia as well[3].

In several Russian doctrines and strategies, prominent roles are given to South Asian countries. Outlining the Russian Foreign Policy Concept of 2008 its goals and objectives, dwells at some length on the countries in the region. «South Asia is seen as a region where integration processes are very important for Russia and the Russian economy. Russia has clear priorities in South Asia. India is seen as a privileged strategic partner; Afghanistan as a close neighbor; Pakistan as a strategic regional power, roughly on a par with Turkey, Egypt, Algeria, Iran, or Saudi Arabia as far as Russian foreign policy is concerned»[4].

Russia recently fostered its relations with the main countries in South Asia India, Pakistan, and Afghanistan. As the partnership between Russia and India stands on solid grounds, trade between the two nations is further enhancing. However, Russia's rapprochement with Islamabad might challenge its relations with New Delhi. Russia for that reasons pay close attention to avoid a split with New Delhi while encouraging partnerships with Islamabad and Kabul. The threat of terrorism in the region may unite the regional players with a Sufism Sunni Hanifi majority population besides India, also Pakistan, Afghanistan, and Russia[5]. In this scenario, Russia could play a leading role as a broker between the states.

The logic of the process of re-groupings in world politics is forcing Russia to revisit regions where its policies have become outdated after the disintegration of the Soviet Union. South Asia figures prominently among such regions. It is said in the corridors of power in both Pakistan and India that «Russia's sole purpose of engaging in the region is the stabilization of relations in South Asia, a matter which will be of pressing urgency after the completion of the International Security Assistance Force (ISAF) mission to Afghanistan»[6].

[1] Andrew C. Kuchins. Regional Dynamics and Strategic Concerns in South Asia Russia's Role – CSIS Centre for Strategic and International Studies. January, 2014. URL: https://www.csis.org/analysis/south-asia-regional-dynamics-and-strategic-concerns (accessed: 12.10.2025).

[2] Kapila Subhash. Russia Is No Longer A Strategic Asset For India's Foreign Policy – Analysis. – EurasiaReview. January 1, 2021. URL: https://www.eurasiareview.com/01012021-russia-is-no-longer-a-strategic-asset-for-indias-foreign-policy-analysis/ (accessed: 26.10.2025).

[3] Kapila Subhash. Russia's Calibrated Strategic Pivot To Pakistan – Analysis. – EurasiaReview. September 22, 2015. URL: https://www.eurasiareview.com/22092015-russias-calibrated-strategic-pivot-to-pakistan-analysis/ (accessed: 26.10.2025).

[4] Petr Topychkanov. Triangular formations in Asia Genesis, strategies, value added and limitations. – 11th Berlin Conference on Asian Security (BCAS). Konrad Adenauer Stiftung. Berlin, September 7–8, 2017. 7 p. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/arbeitspapiere/BCAS2017_Paper_Petr_Topychkanov.pdf (accessed: 20.10.2025).

[5] Muhammad Amir Rana, Najam U Din. Conflict and Peace Studies – A PIPS Research Journal. Vol. 4 (1). January-March 2011. 150 p. P. 16, 29. URL: https://pakpips.com/web/wp-content/uploads/2017/11/Vol-4-No-1.pdf (accessed: 20.10.2025).

[6] Muhammad Murad. Russia's 'Objective Allies' in its Fight Against the Islamic State. – The Diplomat. July 07, 2025. URL: https://thediplomat.

In international politics, the emergence of the nuclear factor has fundamentally changed the idea of the balance of power. This dynamic is a decrease in military hard power and an increase in the political aspect of the balance of power. «Due to the hard power imbalance between Pakistan and India since independence, the balance-of-power politics has been troubling for a longer period as analyzed. In the theatre of South Asian politics besides the influential role of superpowers which has also been a great disturbing factor for regional equilibrium and widening hard power unevenness where the U.S. or Soviet Union in the past were trying to maintain global balance in Asian-oriented global politics by making dyadic strategic partnerships with regional players»[1].

In the areas of democracy, political economy and security in the post-Cold War era developments in South Asia are intriguing and raise questions about whether the region is on the road to a transformation [Soherwordi S.H. S., Wahid F. 2017]. The new South Asia differs fundamentally from the old South Asia of the Cold War era. Undeniably, the region's geopolitical, geostrategic, and security landscape has undergone a major transformation following «the nuclear weapon tests carried out by India and then by Pakistan in May 1998» [Bhumitra C. 2014].

Functional challenges cross the traditional South and Central Asia, East Asia divide. The region is seen by Asian states as a geopolitical and economic space. Planners in the US on the subcontinent need to do likewise. Being an economic and foreign policy actor in South Asia; China is a close political ally of Pakistan; and is deeply engaged with Nepal, Sri Lanka, Bangladesh, and the Maldives. There is a need to stretch the vision of policymakers in Washington beyond the boundaries of geographic bureaus at the State Department. Principals in the George W. Bush and first Obama administrations moved toward this: transformational diplomacy followed by the pivot, and now rebalancing toward Asia. Only in parts has the foreign policy bureaucracy kept pace [Gouasmia S. 2025]. The current state of relations between Pakistan and India gives Russia the chance to strengthen its geo-political positions in South Asia, which is becoming an increasingly more important player in energy resources transportation from the area of the Persian Gulf to the Far East. «Despite its economic problems, Russia still poses a credible nuclear and conventional threat to the United States. In its traditional sphere of influence the Baltics, the Caucasus, and Central Asia its influence and control have been maintained by it. However, the changing regional strategic environment, especially in the Middle East and South Asia, has compelled Russia to look beyond its immediate security realm to safeguard its traditional areas of interest» [Nazir H., Ali S.K. 2012].

Thus, the dynamic return to South Asia, is a partial return to the Soviet foreign policy of the 1960s. Russia would also follow up on the efforts «to leverage the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) institutions and practices to initiate discussions on general security issues in Central and South Asia. The issues directly affect the interests of Russia, Pakistan and India in particular, the North-South International Transport Corridor INSTC» [Sukhareva M.G. 2018].

The US Factor in South Asia

So, the Indian Ocean's growing strategic significance as a link between East Asia's expanding energy markets and the oil-rich Persian Gulf. From a geopolitical standpoint, Washington's European-Atlantic and Asia-Pacific strategies are linked by the subcontinent and the Indian Ocean. The two were separated in the initial years following the conclusion of the Cold War. If the United States needs to develop a new European-Asian strategy to address possible threats from both China and Russia, India may be a key player in this new approach against China and its interests.

In the late 1940s, the strategic focus of U.S. foreign policy was the new global competition with the Soviet Union. Europe, not Asia, was the primary arena. When the power of influence intrusion in Asia began in 1950, South Asia assumed strategic importance but not in its own right. In 1989, there were too many other competing priorities, and a focus on multiple immediate challenges the disintegration of the Soviet Union, the Gulf War, and China meant that an opportunity to craft a fresh approach to South Asia was lost. One minor exception was the Kicklighter Agreement on Defense in 1991, which initiated the U.S.-India military relationship[2]. Russia in the era of realignment «appreciates India's continuing insistence on its non-aligned status and its caution and restraint in the development of ties with the USA, especially in the area of arms transfers»[3].

In South Asia, it is the role of China where the US needs to come to a more refined understanding. In addition to being a significant military and economic ally of Pakistan, it is now one of India's top trading partners and has a significant political influence in Bangladesh, Sri Lanka, and Nepal, where the presence of Chinese culture and business is welcomed as a means of counterbalancing the Indian dominance. Naturally, scientists, diplomats, and journalists have been speculating about the potential rivalry–or even war–between two Asian nations for years.

In China, Washington's policy should be one of wait and see, «avoiding both naiveté and a narrow optic of realpolitik. It is for Washington that there is an opportunity to encourage Beijing and New Delhi to collaboratively develop the lands of Southwest China and Northeastern India in a regional development initiative that would also include Bangladesh and Myanmar. A rethinking of American policy towards Myanmar would be necessitated by such an initiative, presently under sanctions because of human rights violations, but it would be a political paradigm shift and may be the only way in which the economies of one of the world's poorest, most resource rich, and densely populated areas can be opened up»[4].

India has refused to suspend ties with Russia despite its strategic ties with the USA and join the Western sanctions. India's role is being questioned by international particularly Western observers as a reliable strategic ally because New Delhi has adopted a stance as support Russia which New Delhi, for a long time, see as a reliable country for the supply of military hardware. Driven by its strategic ambitions in balancing the West and Russia is the oddity of India in the emerging geopolitical environment after the ongoing Russia-Ukraine military operation. India depends on both Russia and the USA to enhance its military capabilities and rebalance the strategic landscape in its favor[5].

Big powers have always had their geopolitical interests in South Asia. The region, at the moment, is witnessing strategic jostling between the USA and China. Distracted by other issues like North Korea and Iran, Washington lacks a coherent South Asia policy while China supports Pakistan to keep India off balance in the region. Russian presence in South Asia makes it multi-polar. Some Russian experts believe that Russia would spearhead a Neo Non-alignment Movement that would strive for a balance between China and the USA; India will be a critical partner for Russia in such endeavors. Over the years, Russia has become a power of consequence in West Asia and Africa while in South Asia.

A close look at Russia's moves in South Asia, from Afghanistan to Bangladesh reveals that Moscow is positioning itself as an independent actor in the region, bold enough to balance both the USA and China. This policy envisages India's primacy in the region and opens new space for India to strategically maneuver its options in South Asia at a time when the USA was an unpredictable partner under Trump, while China actively pushes its presence around India's neighbors in South Asia[6].

Russia already has significant anti-American regional allies in China and Iran, and a resurgent Russia could displace Western influence in its immediate neighborhood if it courted some South Asian nations like Afghanistan, Pakistan, and India. One of the most significant elements of Russia's national strategy is already the qualitative strengthening of its political ties with Asian nations, followed by trade and economic ties. When the politics and global economy are objectively shifted to the Asia-Pacific area, there is a great deal of room for collaboration with Asian nations in carrying out Russia's national project for the twenty-first century, which is the development of Siberia and the Far East. On the external front, Russia-Ukraine disputes and the Sino-Russian alliance are setting the stage for a reordering of South Asia's great power relations. If it looks beyond the region's immediate response to today's state of affairs in Ukraine, Washington can seize the current opportunity to elevate its salience for the subcontinent in partnership with India. The Indo-Pacific strategy offers new pathways for

com/2025/07/taliban-russias-objective-allies-in-its-fight-against-the-islamic-state/ (accessed: 26.10.2025).

[1] Randall Schweller. Rising Powers and Revisionism in Emerging International Orders. – Russia in Global Affairs. October 07, 2015. URL: https://eng.globalaffairs.ru/articles/rising-powers-and-revisionism-in-emerging-international-orders/ (accessed: 26.10.2025).

[2] Rajeswari Pillai Rajagopalan. Tiger Triumph: US-India Military Relations Get More Complex. – The Diplomat. November 15, 2019. URL: https://thediplomat.com/2019/11/tiger-triumph-us-india-military-relations-get-more-complex/ (accessed: 02.11.2025).

[3] Andrey Bystritskiy, Ivan Timofeev. Russia and India: Relying on Themselves and Each Other. – Valdai. February 3, 2026. URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/russia-and-india-relying-on-themselves/ (accessed: 05.02.2026).

[4] Hnin Wint Nyunt Hman. Why Foreign Policy Matters to Myanmar's Democratic Transition. – The Diplomat. October 22, 2019. URL: https://thediplomat.com/2019/10/why-foreign-policy-matters-to-myanmars-democratic-transition/ (accessed: 26.10.2025).

[5] Rahul Pandey. India's Strategic Autonomy: From Balancing the West to Trusting Russia. – Valdai. December 17, 2025. URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/india-s-strategic-autonomy-from-balancing-the-west/ (accessed: 25.12.2025).

[6] Raj Kumar Sharma. Russia Silently Returns To South Asia To Balance The US, China. – India Defence News. October 26, 2019. URL: https://www.indiandefensenews.in/2019/10/russias-silently-returns-to-south-asia.html (accessed: 02.11.2025).

the US administration to limit the traditional economic and military weight of China and Russia in the subcontinent.

Significance of SCO (Shanghai Cooperation Organisation)

Geographically speaking, Russia is still a significant Eurasian country with strong national interests in Asia. Because of the current geopolitical and geo-economics circumstances in Russia, those interests have even tended to become more assertive than they were during the Soviet era. In the changing dynamics of international politics set in motion by the end of the cold war and the disintegration of the Soviet Union in 1991, there were paradigm shifts in relations among countries.

The Ufa Summit of SCO wrapped its annual summit with the member states adopting an ambitious strategy aimed at deconstructing the Western-dominated world order. The perception of SCO guards the foundation of the existing world order and the mechanisms of global regulation developed after World War II19. In September 2015 Russia took over the presidency of the Shanghai group, listing among the priorities forming a common approach towards regional and global problems and expanding cooperation with international organizations. After the Ufa summit both Pakistan and India were set to join the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) as full members with their accession expected to conclude by 2016. India along with Pakistan joining the group will play an important role in SCO's development. It will have a constructive role in pushing for the improvement of bilateral relations. It is besides the two South Asian countries many others in the region including Maldives are requesting observer or partner status. Sri Lanka wishes to raise its status within the Organization[1].

At the Moscow summit in October 2005, New Delhi made a declaration of intentions and defined the spheres of cooperation to which it wanted to contribute in Central Asia. This is primarily an exchange of information in countering terrorism. The imminent withdrawal of international forces from Afghanistan the current situation of which has added a new dimension to India ties with Central Asia, particularly in the context of difficult Pakistan India relations.

Hence, geopolitically speaking SCO membership could increase cooperation between China and India in areas such as terrorism and reconstruction of Afghanistan. Pakistan's membership will help it connect better with the Organization's Central Asian members and Russia; Pakistan and China already enjoy a close strategic partnership. Within the scope of the SCO China intends to promote its New Silk Road project that will connect Asia particularly South Asia and Europe via Russia[2].

India is also viewed as a country having special relations with Afghanistan. This is very important for Central Asians who are worried about developments beyond the Amu Darya. Economically speaking, New Delhi would like to take part in creating transport corridors, which are now being discussed by SCO. One of them will connect the North and the South which means from India via Pakistan and Afghanistan and should cross with the East–West corridor which is another SCO project, which makes the whole idea very appealing for New Delhi[3].

The Indians are interested in Central Asian oil and gas, as well as in potential deliveries of electric energy to be generated by electric power stations, which SCO is planning to build. SCO would stand to gain more from the future stations if it could sell electric energy to India. Moscow believes, however, that the observers should work primarily in the SCO Business Council with headquarters in Moscow. It was set up by the business circles in the region.

India's plans to take part in the economic policy of Central Asia largely depend on two other SCO observers Pakistan and Iran. Consequently, it is very beneficial that their representatives will be able to discuss Central Asian policy with the Indians as a separate issue. The Eurasian concept that was once considered dead and gone after the cold war is now set to revive. This time the Russian township, Ufa worked out wonders. South Asia is slated to be an active partner in the Eurasian concept. India along with Iran and Pakistan getting full membership of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO).

Connectivity is likely to be an important part of the discussions at both the SCO and BRICS summits. A wider range of leaders and stakeholders are likely to support the multi-modal International North-South Transport Corridor (INSTC) project, which would connect Iran, India, Central Asia, Russia, and Europe via road, rail, and ship. The route's main freight transportation routes are via ship, rail, and road from India, Iran, Azerbaijan, and Russia. The objective is to increase trade connectivity between major cities such as Mumbai, Moscow, Tehran, Baku, Bandar Abbas, Astrakhan, Bandar Anzali, and others.

As Bandar Abbas is already congested, Iran has planned to develop a deep sea port at Chabahar. India's commitment to the Chabahar project has paved the way for negotiations for finalizing a commercial contract under which Indian firms will lease two existing berths at the port by functionalizing them as container and multi-purpose cargo terminals. In the larger interest, Chabahar will connect by rail and road links to Afghanistan to Central Asia and beyond. Parallel to this plan of connectivity through Chabahar port, Beijing has planned an economic corridor connecting Gwadar port in Pakistan. Its other plans are for Maritime Silk Route and One Belt One Road connectivity in South Asia[4].

The Soviet Perspective

South Asia occupied an intermediate position in the hierarchy of Soviet foreign policy priorities, below Europe, East Asia, and the Middle East but well above South East Asia or Latin America. No South Asian nation possessed the indigenous power to threaten the Soviet Union.

The initial responsiveness of India, Afghanistan, and after the Bandaranaike victory in 1956 Ceylon now Sri Lanka to the Soviet overtures, and the growing emphasis on socialism in many Asian countries, raised hopes in Moscow that events were more rapidly along anticipated lines and that the United States had been effectively checked. An important obstacle to Soviet aspirations was that the United States never pushed its alliance with Pakistan to its logical or illogical conclusion. The United States stood behind Pakistan vis-à-vis communist powers but gave Pakistan only qualified support in its quarrels with India and Afghanistan[5].

The American insistence that its non-communist neighbors was a source of disappointment. The lack of an alternate source of external backing at that time left Pakistan no choice but grudgingly to accept the American stance. The United States recognized that it had a stake in the stability and progress of India «as well as of small South Asian states and that if non-alignment prevented close Indo-American cooperation it could also set a limit on Indo-Soviet links»[6].

For many decades South Asia has been a central arena of the great power struggle for influence that characterized Asia in the wake of decolonization. All the tools of contemporary statecraft to gain and hold a foothold were used both by Washington and Moscow in an area each regarded as crucial to its interests. This struggle continued partly from inertia and partly for more complex reasons with the decline of bipolarity and the disarray of the Communist and Western alliance in Asia. Both the Soviet Union and the United States had experienced periodic advances and setbacks in South Asia over the years.

In the early Cold War period, geographically speaking, Russia is still a significant Eurasian country with strong national interests in Asia. Because of the current geopolitical and geo-economics circumstances in Russia, those interests have even tended to become more assertive than they were during the Soviet era. Quite apart from these specific concerns, Soviet leaders were aware that they cannot achieve their cherished ambition of being recognized as a global power without a strong position in the means along their Southern border from the Eastern Mediterranean through the South Asian sub-continent. This reinforced their initial tendency to accord top priority to relations with the countries in the region that were willing to co-operate such as Indonesia in South East Asia, Egypt among the Arab States, and India in South Asia. Moreover, the Soviet leaders attach considerable importance to area and population in picking their friends [Munting R. 1984].

Conclusion

The USA was the main cause of this threat, but Moscow became especially wary of China's actions in the region as a result of Soviet worries about

[1] Ankit Panda. India and Pakistan Are Set to Join the Shanghai Cooperation Organization. So What?. – The Diplomat. July 07, 2015. URL: https://thediplomat.com/2015/07/india-and-pakistan-are-set-to-join-the-shanghai-cooperation-organization-so-what/ (accessed: 02.11.2025).

[2] Ankit Panda. India and Pakistan Are Set to Join the Shanghai Cooperation Organization. So What?. – The Diplomat. July 07, 2015. URL: https://thediplomat.com/2015/07/india-and-pakistan-are-set-to-join-the-shanghai-cooperation-organization-so-what/ (accessed: 02.11.2025).

[3] Act north now: India moves to join SCO, should link up with Central Asia. – The Times of India. July 8, 2015. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/toi-editorials/act-north-now-india-moves-to-join-sco-should-link-up-with-central-asia/ (accessed: 02.11.2025).

[4] India on track to make Chabahar preferred port of call in Iran for trade with Central Asian nations, says shipping secy. – India Sea Trade News. June 25, 2025. URL: https://indiaseatradenews.com/india-on-track-to-make-chabahar-preferred-port-of-call-in-iran-for-trade-with-central-asian-nations-says-shipping-secy/ (accessed: 02.11.2025).

[5] Avinandan Choudhury. India in Afghanistan After the Soviet Withdrawal. – The Diplomat. May 14, 2019. URL: https://thediplomat.com/2019/05/india-in-afghanistan-after-the-soviet-withdrawal/ (accessed: 06.11.2025).

[6] Odd Arne Westad. The Cold War and America's Delusion of Victory. – The New York Times. August 28, 2017. URL: https://www.nytimes.com/2017/08/28/opinion/cold-war-american-soviet-victory.html(accessed: 06.11.2025).

China. Russia has a national role and presence in South Asia to safeguard its crucial military, political, and economic interests. Russia wants to make its traditional regions of influence, some of which border South Asia, more secure. Even though it might not be as powerful and well-known as the other two players, China and the USA, Russia wants to maintain its presence and influence in the region due to its long-term strategic objectives. Russia has inherited its position as a major actor in the world economy due to its history, geographical location, military might, and diplomatic importance.

Thus, Russia seems to be aspiring for regional influence in Eastern Europe and Central Asia. But Russia's recent overtures to Pakistan and its entente with China, especially in the face of increasing Indo- U.S. closeness, may also affect the dynamics of South Asia. It has been argued that the time has come for Russia to stand up to the United States by rolling out its activities in South Asia. Such steps could focus on returning to Pakistan and bringing ties with India back to the Soviet level. Pakistan and India may share these goals in pursuit of their specific interests. Moreover, China also appears to share Russia's concerns about the increased geopolitical activity of the United States in South Asia and its adjacent territories.

Литература

1. Soherwordi S.H.S., Wahid F. 2017. Balance of Power in South Asia: The Politics of Nuclear Deterrence between Pakistan and India. – JSSA. Vol II, No. 2. Pp. 96–113. P. 99.
2. Bhumitra C. 2014. South Asia in Transition: Democracy, Political Economy and Security. Palgrave Macmillan. 422 p.
3. Gouasmia S. 2025. The U.S. Pivot to Asia: Strategic Rebalancing and Its Consequences for the policy toward the Middle East. – Journal of legal and political thought. Vol. 09, No. 02. Pp. 715–734. P. 715.
4. Nazir H., Ali S.K. 2012. The Russian Resurgence and South Asian Region. – IPRI Journal XII. No. 2. Pp. 15–34. P. 16.
5. Sukhareva M.G. 2018. Foreign Policy of the USSR in 1960–1970. – Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. No. 2. Pp. 64–68.
6. Munting R. 1984. Lend-Lease and the Soviet War Effort. – Journal of Contemporary History. Vol. 19, No. 3. Pp. 495–510.

RUSSIA'S GEOPOLITICAL INTERESTS IN SOUTH ASIA

Shoaib Khan, Pechishcheva L.A.
Centre for Central Eurasian Studies University of Mumbai, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Russia has developed its relationship with India to increase its leverage in South Asia and in Afghanistan in particular. Looking out to 2026, the two factors that could most alter Russian regional interests vis-à-vis Washington are, first, Russia's policy of inclusiveness towards Afghanistan, and second, the state of relations with China. Russia has recently reduced its strategic utility to India after more than four decades of being the sheet-anchor of India's security. Though, South Asian countries are given a prominent role in several Russian doctrines and strategies. So, the 2008 Russian Foreign Policy Concept, which outlines Russian foreign policy goals and objectives, dwells at some length on the countries in the region. South Asia is seen as a region where integration processes are very important for Russia and for its economy. Russia has clear priorities in South Asia. India is seen as a privileged strategic partner; Afghanistan as a close neighbor; Pakistan as a strategically regional power, roughly on a par with Turkey, Egypt, Algeria, Iran or Saudi Arabia as far as Russian foreign policy is concerned.

Keywords: Russia, Eurasia, China, South Asia, Pakistan, India, geopolitical interests.

References

1. Soherwordi S.H.S., Wahid F. 2017. Balance of Power in South Asia: The Politics of Nuclear Deterrence between Pakistan and India. – JSSA. Vol II, No. 2. Pp. 96–113. P. 99.
2. Bhumitra C. 2014. South Asia in Transition: Democracy, Political Economy and Security. Palgrave Macmillan. 422 p.
3. Gouasmia S. 2025. The U.S. Pivot to Asia: Strategic Rebalancing and Its Consequences for the policy toward the Middle East. – Journal of legal and political thought. Vol. 09, No. 02. Pp. 715–734. P. 715.
4. Nazir H., Ali S.K. 2012. The Russian Resurgence and South Asian Region. – IPRI Journal XII. No. 2. Pp. 15–34. P. 16.
5. Sukhareva M.G. 2018. Foreign Policy of the USSR in 1960–1970. – Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. No. 2. Pp. 64–68.
6. Munting R. 1984. Lend-Lease and the Soviet War Effort. – Journal of Contemporary History. Vol. 19, No. 3. Pp. 495–510.

Современные подходы к изучению и ведению международных переговоров: от теории к выбору стратегий и тактик

Селигененко Илья Сергеевич,
аспирант кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: inutilis14@gmail.com

Статья посвящена современным подходам к изучению и ведению международных переговоров. Автор подчеркивает актуальность и важность международных переговоров в наше время. В частности, затрагивается проблематика выбора наиболее подходящих стратегий и тактик ведения переговоров.
Особое внимание уделяется ценности национальных стилей ведения переговоров, теории Марка Хрусталева в контексте подходов к изучению переговоров, а также проблеме выбора стратегий и тактик к ведению переговоров.
В работе используются методы теоретического анализа, сравнительного рассмотрения стратегий и тактик переговоров, их критики, обзор теорий о стратегиях и тактиках ведения переговоров, индукции частных фактов, присущих отдельным стратегиям и тактикам к общему выводу.
В результате исследования, автор приводит к выводу о том, на чем в первую очередь необходимо фокусировать внимание при выработке наиболее оптимальных стратегий, тактик и приемов в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: Международные переговоры, переговорные стратегии, переговорные тактики, подходы к изучению переговоров, национальные стили переговоров, урегулирование конфликтов, методология международных переговоров, аспект выбора стратегий и тактик в переговорах.

Введение

Переговоры – это не о победе или поражении, это о том, что необходимо сделать прямо сейчас и каким будет следующий шаг. Стратегия предоставляет шаблон, на основе которого можно работать и планировать этот следующий шаг. Подготовка стратегии в переговорах часто фокусируется на обсуждаемой теме или проблеме. При этом переговорщики упускают из виду общие стратегии участников переговоров, а иногда и свои собственные. Эти общие стратегии влияют на восприятие и на то, почему они чего-то хотят, а не на то, чего они хотят. Поэтому при подготовке к переговорам важно «знать и понимать менталитет, опасения и стремления «другой стороны»

Стратегия переговоров часто строится вокруг рассматриваемого вопроса, наряду с интересами и представлениями сторон. Однако в международных политических переговорах чаще всего является правилом, а не исключением, что события за столом переговоров влияют на поведение и общую стратегию сторон. Поэтому необходимо проанализировать природу переговоров, а также их связь с конкретным контекстом. Кроме того, важно понимать не только совокупность убеждений и представлений, влияющих на то, как стороны наблюдают за ходом политических событий, но и нормы, стандарты и руководящие принципы, которыми они руководствуются при принятии решений. Все это взаимосвязано и определяет поведенческие стратегии и тактику в конкретных переговорах.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью системного осмысления тактик и стратегий международных переговоров в условиях глобальных вызовов и многополярности современного мира. Теоретические знания в области переговоров становятся важным инструментом подготовки специалистов в сфере международных отношений, политологии, дипломатии и делового общения.

На практике нередко наблюдаются трудности, связанные с выбором эффективной стратегии, недостаточным учётом культурных различий, игнорированием поведенческих факторов или неопределённостью в расчётах альтернатив соглашения. Именно поэтому систематизация теоретических основ, описание подходов, тактик и стратегий международных переговоров является актуальной задачей как для научного исследования, так и для прикладной деятельности в сфере дипломатии, международного бизнеса и глобального управления.

В условиях глобализации, усиления международной конкуренции и роста взаимозависимости государств, международные переговоры приобретают особую значимость как инструмент внешнеполитического и экономического взаимодействия. Современные международные отношения характеризуются сложной и многополярной структурой, в которой взаимодействие между участниками – будь то государства, международные организации или транснациональные корпорации – всё чаще осуществляется посредством переговорных механизмов

Целью данной статьи является – критический обзор подходов к изучению переговоров, оценка места существующих подходов, тактик и стратегий к ведению и изучению переговоров с точки зрения методологического разнообразия и современных условий. А также формирование выводов о том, какие предстают проблемы при выборе стратегий и тактик ведения переговоров в условиях современных вызовов, а также то, какие шаги необходимы для преодоления ряда традиционных методологических проблем ведения международных переговоров.

Достижение поставленной цели предполагает рассмотрение различных стратегий и тактик международных переговоров, анализ их допущений и сравнительную оценку их возможностей.

Научная новизна исследования отмечается, в частности, в системном объединении трех подходов к изучению переговоров, разборе рисков несовместимых стратегий, актуализации вопроса национальных стилей и связывании классических теорий с российской методологической традицией

Подходы к изучению переговоров

С конца XX века наблюдается бурное развитие прикладных исследований в области переговоров, особенно в контексте разрешения конфликтов, кризисного менеджмента, дипломатии и международной торговли. Современные теории базируются на междисциплинарных подходах,

объединяющих стратегический анализ, поведенческую экономику, когнитивную психологию и теорию коммуникации.

Переговоры – в основе своей практическая область, но, тем не менее, существуют определенные теоретические разработки [5, с. 8–12]. Если говорить об основных подходах к изучению переговоров, то можно выделить три основных направления исследований [10].

Первое достаточно известное – это психологическое. В первую очередь, психология занимается изучением, как именно надо вести переговоры. Второе направление – это инструментальный технологический подход – И третье направление – это методологическое. Если говорить о психологии, то стоит говорить, как правило, об исследованиях, которые в первую очередь нацелены на то, чтобы определить, какие должны быть переговорщики, то есть какова идеальная модель переговорщика.

Для выявления такой модели существует целая система тестирования, например, при принятии в определенные органы государственной службы проводится проверка, способен ли кандидат выдержать напряжение, при этом сохраняя самообладание и вести переговоры [4, с. 67–72]. И во время переговоров возникают, разные ситуации, призванные дать ответ на вопросы о том, как подобрать соответствующим образом переговорную команду, какой она должна быть, кто должен входить в такую команду и т.д. [6, с. 67–72]

Мы считаем, что с такой точки зрения, это очень важный момент, особенно когда речь идет о вооруженных конфликтах, тогда, когда момент, связанный с эмоциональным и когнитивным восприятием очень важен.

Если говорить об инструментальном подходе, то здесь существует множество различных разработок. Наиболее известным является метод принципиальных переговоров или также известный как гарвардский метод ведения переговоров.

Это метод переговоров, при котором основное внимание уделяется взаимной выгоде (принцип win-win), а не отстаиванию своих позиций каждой из сторон. Противоположная сторона рассматривается не как враг, а как партнер.

В этом методе речь не идет о психологии. Сам процесс расписывается и разделяется как некий технологический процесс. И предполагается, что если во время переговоров будут проведены определенные этапы, то в конце концов, общем и целом будет обеспечено согласие.

Данный метод был разработан гарвардской школой переговоров и подробно описан в книге Роджера Фишера, Уильяма Юри и Брюса Паттона: «Путь к согласию: Переговоры без поражения.» [8].

И если же говорить об исследовании переговоров, важно понимать, на каком уровне ведутся переговоры. Выделяется высший уровень, высокий уровень и уровень экспертов [7, с. 45–47]. Мы полагаем, что если обратить внимание на текущие переговоры, которые ведутся между различными странами, то на таких примерах можно явно заметить принцип работы высокого уровня, то есть, при участии определенных должностных лиц, в полномочиях которых и находится ведение переговоров.

Высший уровень являет собой переговоры уже между главами государств. А, в свою очередь, экспертный уровень представляет собой создание рабочих групп экспертов, которые разрабатывают предполагаемое соглашение по уже конкретным направлениям.

И третий подход в изучении переговоров – это методологический. Он носит очень общий характер. Автор этого подхода, Марк Хрусталев, считает, что переговоры можно изучать методом индукции-дедукции.

Одним из ценных направлений в изучении переговоров стало изучение национальных стилей ведения переговоров. Хотя общем и целом тема была исчерпана в 1980-е годы XX века.

Почему же оно ценно? По нашему мнению, ценность вызвана тем, что переговорщики, несмотря на то, что если говорить о международных отношениях, вооруженных конфликтах, как правило, действуют в рамках норм международного права, но, тем не менее, предполагается, что они являются представителями тех или иных культур. И если это учитывать, то во время переговоров можно достигнуть большего или меньшего успеха [11, p. 18–25]. Отсюда, в принципе, выделяются национальные стили ведения переговоров, например китайский национальный стиль, японский стиль. Выделяется отдельно арабский, турецкий переговорный стиль. Можно отдельно даже выделить европейский, американский стиль ведения переговоров. И специфика этих национальных стилей уже предполагает определенную ценность для изучения [5, с. 145–152].

В целом же, научное изучение международных переговорных процессов опирается на несколько ключевых теоретических направлений.

Теория рационального выбора трактует переговоры как деятельность, направленную на максимизацию выгоды и минимизацию затрат. Участники оценивают каждый вариант действий с точки зрения ожидаемой пользы.

Теория игр рассматривает переговоры как стратегическое взаимодействие, в котором стороны принимают решения, предполагая возможные действия оппонентов. Выделяют игры с нулевой суммой (выигрыш одного – проигрыш другого) и с ненулевой суммой (возможность взаимной выгоды).

Поведенческие теории делают акцент на психологических, социокультурных и личностных особенностях участников переговоров, их восприятии информации и национальных стереотипах.

Теория конфликтов рассматривает переговоры как инструмент урегулирования противоречий [3, с. 45–52]. В центре внимания – причины возникновения конфликтов, их динамика и возможные способы разрешения.

Подходы к ведению международных переговоров. Принцип выбора стратегий и тактик

Подходы к международным переговорам представляют собой совокупность концептуальных установок, стратегий и практических методов, определяющих стиль, направленность и характер взаимодействия между сторонами. Выбор подхода зависит от множества факторов: целей сторон, уровня напряжённости в отношениях, характера предмета переговоров, культурного контекста, а также доступных ресурсов и времени.

В мировой практике применяются следующие основные подходы [1, с. 112–130]:

Консенсусный подход предусматривает достижение взаимоприемлемого решения, устраивающего все стороны.

Конфронтационный подход характеризуется жестким отстаиванием собственной позиции, нередко с применением давления.

Компромиссный подход основывается на взаимных уступках с обеих сторон ради достижения соглашения.

Принципиальные переговоры (метод Гарвардской школы) предполагают:

- отделение людей от проблемы;
- концентрацию на интересах, а не на позициях;
- выработку вариантов, обеспечивающих взаимную выгоду;
- использование объективных критериев для обоснования решений.

Как же вести переговоры, опираясь на те или иные подходы? И здесь важной является тема переговорной стратегии и тактики. Существуют разные классификации переговорных стратегий.

Определенно, необходимо выделить теорию Марка Хрусталева. Согласно его теории, существует семь переговорных стратегий – это ультимативная стратегия, конкурентная, партнерская, обструкционная, имитационная, смешанная и неопределенная. Каждая стратегия характеризуется тем, на что она нацелена, какие существуют приемы.

Если говорить об **ультимативной стратегии**, как правило, она используется той стороной, которая обладает наибольшим весом, большим потенциалом и стремится к навязыванию своей воли противоположной стороне. Однако, мы не согласны с тем, что она может считаться именно переговорной стратегией. Но если доминирующая сторона все-таки идет на переговоры, то в общем и целом можно признать, что ультимативная стратегия существует как стратегия переговоров. Она предполагает, как само собой разумеющееся, максимум уступок от противоположной стороны и минимальные уступки с доминирующей стороны [9, с. 64–78].

Конкурентная стратегия предполагает именно конкурентное поведение. Тогда, когда выдвигается множество требований, различного рода жесткая позиция, отстаивание жесткой позиции, попытка максимально отстоять свои интересы, где уступка за счет второстепенных интересов и может быть частью основных интересов.

Стратегия, в отношении которой, как мы полагаем, сложилось мнение как о наиболее эффективной, с точки зрения достижения согласия, это **партнерская стратегия**. Тогда, когда договаривающиеся стороны ведут себя как партнеры, они ставят целью достижения согласия и ищут взаимоувязку интересов таким образом, чтобы обе стороны в достаточной степени удовлетворены достигнутым согласием. Но если говорить о вооруженном конфликте, то, как правило, партнерской стратегии придерживаются не воюющие стороны, хотя, как полагается, партнерской стратегией могут придерживаться косвенные субъекты, которые вовлечены в данный конфликт.

Переходя к анализу следующих переговорных стратегий, стоит сказать, что они, как правило, например, в западной культуре не считаются таковыми, так как целью таких стратегий является не достижение согласия, а нечто иное, побочные цели [9, с. 70–72].

Обструкционная стратегия – это такая стратегия, которая копирует конкурентную, но в конечном итоге ставит целью не достижение со-

гласия, а вынуждение противоположной стороны уйти первой с переговоров. Примером такой стратегии можно привести Израиль и Палестину. Тогда, когда Организация освобождения Палестины выдвигала все более и более жесткие требования, в конечном итоге израильская сторона просто покинула переговоры. И таким образом была достигнута главная цель, в общем и целом выставить израильскую сторону в качестве стороны, которая сорвала переговоры.

Следующая переговорная **стратегия – имитационная**. В отличие от обструкционной, она копирует не конкурентную, а партнерскую стратегию. И в конечном итоге в результате может быть подписано соглашение, но на этапе реализации соглашения становится ясно, что данная сторона изначально и не думала выполнять данное соглашение. Вопрос заключается в следующем, зачем была использована эта имитационная стратегия. Как правило, основной функцией является, например, оттянуть время, использовать это время для перегруппировки сил, использовать для чего-то другого. В качестве целей также может выступать пропагандистская цель, согласно которой результаты таких переговоров могут быть использованы для явного манипулирования информацией. Хоть имитационная стратегия и не нацелена на достижение соглашений, на сегодняшний день используется более чем часто.

Неопределенная стратегия, как правило, это та стратегия, которая используется в первые дни переговоров, тогда, когда сторона еще не может выбрать, какую именно из переговорных стратегий она будет использовать.

И последняя **стратегия – смешанная**, которая являет собой использование элементов из различных стратегий, которые так или иначе помогают достичь какой-то поставленной цели для той или иной стороны. Хотя, мы считаем, данная стратегия далеко не всегда может быть нацелена именно на достижение соглашения. Как пример, одной из самых плохих комбинаций для достижения соглашения, может быть смешение ультимативной, обструкционная и имитационная. Очень важно при исследовании международных переговорных процессов определить какие именно элементы каких именно из вышеупомянутых стратегий были использованы, так как при изучении переговорных процессов, необходимо определить, какие характеристики присущи тем или иным переговорным сторонам. Если же рассматривать переговорные процессы в отношении вооруженных конфликтов, то первое, что необходимо – это рассмотреть, использует ли одна из сторон ультимативную стратегию, конкурентную стратегию, которая является достаточно распространенной стратегией, так как как раз именно на переговорах, которые идут по завершению вооруженного конфликта, основная суть для сторон заключается в том, чтобы максимально отстоять свои интересы и минимально уступить.

В этом смысле конкурентная стратегия является не самым худшим вариантом для завершения вооруженного конфликта, важно лишь, чтобы классификация интересов обеих конфликтующих сторон не были зеркальными. Например, когда главным интересом у обоих сторон является обладание или территориальная принадлежность конкретного города или полуострова, то во время таких переговоров согласия определенно достичь не выйдет.

И наоборот, подобный результат станет достижим, если главный интерес у одной стороны не будет совпадать с главным интересом второй стороны, хотя он вполне может совпадать, например, с основным интересом [9, с. 73–74].

В качестве одного из известных примеров такого исхода, можно привести конфликт между Палестиной и Израилем тогда, когда в 1991-м году на Мадридской мирной конференции по инициативе США и СССР, а также при участии ООН в качестве наблюдателя, был утвержден принцип «земля в обмен на безопасность» или «земля в обмен на мир». Это означало, что палестинцы достигают согласия о том, что их территория в будущем может стать палестинским государством. Со своей же стороны гарантируют государству Израиль, что с их стороны вновь не будет инициированы военные действия, насилие и т.д. Таким образом этот принцип буквально является формулой этих главных интересов. И стал он возможным благодаря использованию в том числе и конкурентной стратегии. В свою очередь, очень важно понять, какая сторона какую стратегию применяет [9, с. 74–75].

Невозможно использовать, например, одной стороне партнерскую стратегию, а второй стороне конкурентную стратегию. Так как при таком исходе можно сделать вывод, что та сторона, которая использует партнерскую стратегию, находится фактически в зоне риска, так как под напором конкурентной стратегии ей придется уступать как можно больше. Еще более противоречивая достижению соглашения ситуация проявляется тогда, когда одна сторона применяет ультимативную стратегию, а другая сторона партнерскую [9, с. 75–76].

В таком случае, мы полагаем, произойдет абсолютно точно поглощение одной стороной другой, и та сторона, которая придерживается ультимативной стратегии, получит максимум всего, а противоположная фактически ничего. Почему эта стратегия опасна? Потому что у второй стороны впоследствии возникнет желание реванша.

Тем не менее, кроме стратегии, крайне важна во время переговоров переговорная тактика. Тактика это определенный метод, прием, используемый во время переговоров. Если говорить о классификации, то существует в общем виде классификация **шаблонная и нешаблонная тактика** [10].

Шаблонная тактика это тактика, которая включает в себя закрытую группу тактических приемов, которые не меняются. Можно сделать абсолютный вывод, что шаблонная тактика изначально находится в невыгодном положении, потому что если хотя бы один раз использовать эту тактику и второй раз также использовать ее, противоположная сторона будет совершенно точно просвещена по поводу ваших тактических приемов. И в данном случае такая сторона находится в уязвимом положении.

Если говорить о **нешаблонной тактике**, это открытая группа, куда может включаться и исключаться различного рода тактические приемы, и, соответственно, она является более гибкой и продвинутой.

Заключение

Подводя итог на основе изученной информации о подходах к ведению международных переговоров и подходах к их изучению, мы приходим к выводу о том, что теоретические основы международных переговоров представляют собой обширную область знаний, отражающую как прикладные аспекты взаимодействия между субъектами мировой политики, так и глубинные механизмы социального, психологического и культурного характера. Их изучение не только повышает эффективность переговорной деятельности, но и способствует углубленному пониманию природы международного сотрудничества и конфликта. Что касается проблематики вопроса выбора стратегий и тактик ведения международных переговоров, можно сделать вывод, что очень важно, прежде чем начать переговоры, знать, с кем будут такие переговоры вестись, предпочтения второй стороны. Это же связано с определенными тактическими приемами, тогда, когда еще на подступах при подготовке к переговорам, выдвигаются определенные условия, с кем могут вести переговоры, а с кем не могут [2, 112–118]. В таких моментах тоже очень важны разного рода критерии, выработка этих критериев с тем, чтобы стороны были представлены такими лицами, которые с одной стороны, могли бы договариваться, выдержали бы психологически возложенную на них ответственность, устраивали и ту и другую сторону, не тянули за собой негативный шлейф и должны бы представлять по крайней мере интересы тех или иных профессиональных групп, экспертных групп которые действительно располагают определенной компетенцией, так как переговоры могут включать в себя очень разные темы, где крайне важно, чтобы на таких переговорах присутствовали эксперты, которые понимают о чем идет речь [5, с. 89–95].

Литература

1. Аронов И.З. Динамика достижения консенсуса в международных переговорах // Вестник МГИМО-Университета. 2024. № 2.
2. Дубинин Ю.В. Мастерство переговоров: учеб. пособие. М.: Международные отношения, 2009.
3. Дегтерев Д.А. Теория игр и международные отношения // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 2.
4. Кац Д.В. Переговоры и посредничество: инструменты повседневной деятельности международника. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
5. Лебедева М.М. Технология ведения переговоров: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2010.
6. Лебедева М.М. Психологические аспекты тактики ведения дипломатических переговоров // Вопросы моделирования многосторонних дипломатических переговоров / Под ред. И.Г. Тюлина, М.А. Хрусталева. М.: МГИМО, 1981.
7. Палажченко П. Понимание на высшем уровне. М., 2023.
8. Фишер Р., Юри У., Паттон Б. Путь к согласию, или Переговоры без поражения / Пер. с англ. Т. Новиковой. М.: Наука, 1992.
9. Хрусталев М.А. Методология анализа международных переговоров // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 3 (6).
10. Методология ведения международных переговоров [Электронный ресурс] // Образовательный форум. – http://www.obraforum.ru/Mirovaja_politika/chapter2.htm (дата обращения: 09.04.2026)
11. Cohen R. Negotiating Across Cultures: Communication Obstacles in International Diplomacy. Rev. ed. Washington, D.C.: US Institute of Peace Press, 2002.

CONTEMPORARY APPROACHES TO THE STUDY AND CONDUCT OF INTERNATIONAL NEGOTIATIONS: FROM THEORY TO THE SELECTION OF STRATEGIES AND TACTICS

Seligenenko, I. S.
Saint Petersburg State University

This article examines contemporary approaches to the study and conduct of international negotiations. The author emphasizes the relevance and importance of international negotiations in today's world. In particular, it addresses the issue of selecting the most appropriate strategies and tactics for conducting negotiations.
Special attention is paid to the value of national negotiation styles, Mark Khrustalev's theory in the context of approaches to the study of negotiations, as well as the problem of selecting strategies and tactics for conducting negotiations.
The scientific novelty of the study lies, in particular, in the systematic integration of three approaches to the study of negotiations, the analysis of the risks of incompatible strategies, the updating of the issue of national styles, and the linking of classical theories with the Russian methodological tradition.
As a result of the study, the author concludes what should be the primary focus when developing the most optimal strategies, tactics, and techniques in the context of contemporary challenges.

Keywords: International negotiations, negotiation strategies, negotiation tactics, approaches to the study of negotiations, national styles of negotiation, conflict resolution, methodology of international negotiations, the aspect of choosing strategies and tactics in negotiations.

References

1. Aronov, I.Z. «Dynamics of Achieving Consensus in International Negotiations» // MGIMO University Bulletin. 2024. № 2.
2. Dubinin, Yu.V. «Mastery of Address: A Textbook.» Moscow: International Relations, 2009.
3. Degterev, D.A. «Game Theory and Relationship Development.» World Economy and Relationship Development. 2011. № 2.
4. Katz, D.V. «Negotiations and Mediation: Tools of Everyday International Activity.» St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2005.
5. Lebedeva, M.M. «Influence Technology: A Textbook.» Moscow: Aspect Press, 2010.
6. Lebedeva, M.M. «Psychological Aspects of the Tactics of Negotiating International Agreements.» Moscow: International Relations, 2010. Moscow: MGIMO, 1981.
7. Palazhchenko, P. Understanding at the Highest Level. Moscow, 2023.
8. Fisher, R., Yuri, U., Patton, B., The Path to Agreement, or Negotiations Without Damage / Translated from English by T. Novikova. Moscow: Nauka, 1992.
9. Khrustalev, M.A., Methodology of Analyzing International Communications // International Processes. 2004. Vol. 2. № 3 (6).
10. Methodology of Conducting International Interaction [Electronic resource] // Educational Forum. – http://www.obraforum.ru/Mirovaja_politika/chapter2.htm (accessed: 09.04.2026)
11. Cohen, R., Negotiating Across Cultures: Communication Obstacles in International Diplomacy. Rev. ed. Washington, DC: U.S. Peace Press Institute, 2002.

Международное посредничество в XXI веке: ограничения в условиях конфликтов идентичности

Спиридонов Егор Евгеньевич,
специалист, ООО «Б1-Консалт»
E-mail: egor.sp2002@gmail.com

Статья посвящена анализу ограничений международного посредничества в XXI веке. Цель данного исследования состоит в выявлении факторов, снижающих эффективность посреднической деятельности в современных международных конфликтах. В работе рассматриваются теоретические предпосылки кризиса посредничества, связанные с ростом конфликтов идентичности, трансформацией системы международных отношений и изменением сторон в конфликтах. Методологическую основу исследования составили кейс-стади и сравнительный анализ. В качестве эмпирической базы выбраны три конфликта: израильско-палестинский, российско-украинский и тайваньский. Показано, что в современных условиях посредникам значительно труднее переводить ценностные противоречия сторон в плоскость согласуемых интересов, что было возможным во второй половине XX века. Установлено, что рост значимости идентичности, эрозия устойчивых международно-политических рамок, участие большого числа государственных и негосударственных акторов, а также снижение уровня доверия между сторонами конфликта существенно ограничивают возможности посредничества. Делается вывод о том, что основной тенденцией международного посредничества в XXI веке является снижение его результативности в урегулировании конфликтов, в которых вопросы безопасности, идентичности и выбора модели политического развития приобретают безусловный характер.

Ключевые слова: международное посредничество, конфликты идентичности, международные конфликты, израильско-палестинский конфликт, российско-украинский конфликт, тайваньский конфликт, безопасность, суверенитет, идентичность.

Международное посредничество во второй половине XX века зарекомендовало себя как один из один основных и наиболее востребованных инструментов политического урегулирования конфликтов. Однако в XXI веке его возможности в значительной степени уменьшились – современные конфликты отличаются более высокой степенью ценностной и идентификационной насыщенности, более сложным составом участников и более низким уровнем доверия между сторонами. В результате посредничество все чаще сталкивается с ситуацией, при которой даже достижение ограниченного политического урегулирования оказывается затруднительным.

В научной литературе отмечается, что посредничество наиболее эффективно тогда, когда стороны конфликта достигают состояния тупика и оказываются готовы к поиску договоренности при участии третьей стороны [9. С. 27–31; 16. С. 7–17]. Вместе с тем сама по себе тупиковая ситуация уже не гарантирует успех посреднических усилий. Так, существенное значение приобретают характер конфликта, соотношение между интересами и ценностями, а также общая международно-политическая среда, в которой осуществляется посредничество [9. С. 31–35; 11. С. 51–56].

Цель данного исследования состоит в выявлении факторов, снижающих эффективность посреднической деятельности в современных международных конфликтах. Основное внимание уделяется трем конфликтам: израильско-палестинскому, российско-украинскому и тайваньскому. Основная гипотеза заключается в том, что снижение эффективности посредничества в XXI веке связано с ростом конфликтов идентичности и с трансформацией системы международных отношений, в рамках которой посреднику становится значительно сложнее переводить базовые ценности сторон в плоскость практических интересов.

Ограничения международного посредничества в современном мире

В современной политической науке все чаще отмечается, что международные конфликты в постбиполярный период приобретают новые черты. В частности, такими чертами являются: рост роли негосударственных акторов, усложнение внутренней структуры конфликтов, усиление факторов идентичности и расширение числа внешних участников [1. С. 57–64; 11. С. 51–67]. Эти изменения непосредственно влияют и на посредничество, поскольку усложняют как поиск приемлемого посредника, так и само содержание переговорного процесса, включая организацию коммуникации, согласование позиций и выработку переговорной повестки в условиях процесса цифровизации [3. С. 123–130].

Одной из ключевых особенностей современного мира является возрастание роли идентичности в международных отношениях. Как отмечает И.С. Семененко, в условиях социокультурной трансформации именно идентичность все чаще становится основой политической мобилизации и самоопределения сообществ [6. С. 74–82]. В таких конфликтах предметом противостояния выступают не только территория, ресурсы или институциональные полномочия, но и вопросы исторической памяти, символического признания, культурной принадлежности и модели политического развития, что значительно уменьшает возможность для последующего урегулирования.

Серьезным ограничением для посредничества выступает и трансформация самой системы международных отношений. В работах М.М. Лебедевой данный процесс описывается как «идеальный шторм», то есть происходит одновременная эрозия нескольких уровней политической организации мира – суверенитета, системы международных отношений и политических систем государств [2. С. 86–94]. В условиях такой нестабильности стороны конфликта чаще воспринимают уступки не как инструмент деэскалации, а как угрозу собственной безопасности и идентичности.

Кроме того, дополнительную сложность создает множественность посредников и участников конфликтов. Как показывают Crocker C.A., Hampson F.O. и Aall P.R., увеличение числа вовлеченных внешних игроков не всегда повышает результативность миротворческих усилий, а напротив, их эффективность снижается в случае отсутствия единой стратегии между посредниками [11, С. 51–67]. В современных

конфликтах посредническое пространство нередко оказывается «перенасыщенным», а сами посредники действуют зачастую не только как нейтральные и беспристрастные арбитры, но и как непосредственные участники геополитического соперничества.

Таким образом, условия XXI века являются гораздо менее благоприятными для посредничества по сравнению с биполярным периодом. Если во второй половине XX века посредник нередко мог опереться на устойчивую международную систему и сравнительно четкую конфигурацию участников, то сегодня ему приходится работать в условиях повышенной неопределенности, высокой ценностной мобилизации и конкуренции нескольких центров силы.

Израильско-палестинский конфликт как пример кризиса посредничества

Данный конфликт остается одним из наиболее сложных и длительных конфликтов современности. Его специфика состоит в том, что в его основе лежат не только территориальные и политические споры, но и глубокие идентичностные, исторические и религиозные противоречия [13, С. 103–110; 15, С. 20–24]. В XXI веке данные противоречия не ослабли, а, напротив, приобрели еще более острый характер – современный этап конфликта показал, что посредничество сталкивается с рядом системных ограничений. С одной стороны, для Израиля определяющее значение имеет безопасность, причем в условиях радикализации угроз она воспринимается как безусловная ценность, а с другой стороны, для палестинской стороны ключевое значение имеют вопросы государственности, территории и сохранения собственной идентичности. В результате компромисс по базовым параметрам конфликта оказывается чрезвычайно затруднительным [15, С. 24–27; 13, С. 110–114].

Дополнительная сложность состоит в том, что конфликт давно перестал быть исключительно двусторонним. Определенную роль в нем также имеют Египет, Катар, Иран, Иордания, США, а также целый ряд негосударственных сторон. Посреднику в этих условиях приходится взаимодействовать не с двумя четко очерченными сторонами, а с многоуровневой, нестабильной и запутанной системой акторов, интересы которых зачастую не совпадают [11, С. 51–67; 13, С. 112–116].

Еще одним фактором, ограничивающим посредничество, является то, что даже при наличии конкретных переговорных поводов – прекращение огня, обмен пленными, гуманитарные паузы – базовый конфликт не переводится в плоскость устойчивых политических договоренностей. Иными словами, посредники способны временно снижать интенсивность насилия, но не устраняют фундаментальные основания конфликта. Это позволяет говорить не столько об урегулировании, сколько об управлении конфликтом, причем крайне нестабильном.

Таким образом, израильско-палестинский конфликт демонстрирует, что в условиях конфликта идентичности посредничество теряет часть своей традиционной эффективности. Даже высокая активность посредников не приводит к устойчивому политическому результату, если стороны рассматривают уступки как отказ от базовых ценностей.

Российско-украинский конфликт и пределы посреднических усилий

Данный конфликт является одним из наиболее значимых кризисов современной мировой политики. В российской научной литературе он нередко рассматривается одновременно как следствие кризиса европейской безопасности, как результат длительного ухудшения отношений России и Запада и как конфликт, в котором существенную роль играют проблемы идентичности и выбора модели политического развития [4, С. 951–962; 7, С. 110–113].

С точки зрения ограничений посредничества данный кейс особенно показателен. Во-первых, конфликт включает в себя несколько взаимосвязанных измерений: собственно российско-украинское, российско-западное и внутриполитическое украинское. Это означает, что даже при наличии формального посредника предмет переговоров остается неоднородным: для одной стороны в центре находится вопрос безопасности, для другой – вопрос суверенитета и внешнеполитической идентичности, для третьих участников – общий баланс сил в Европе [4, С. 956–960; 7, С. 111–113].

Во-вторых, уже предшествующий опыт посредничества показал наличие крайне низкого уровня доверия между сторонами. Нормандский формат и Минские соглашения не привели к устойчивому урегулированию, а последующие переговорные попытки также продемонстрировали, что даже при наличии посреднических инициатив стороны по-разному понимают как сам предмет переговоров, так и допустимые пределы компромисса [5, С. 10–18]. В таких условиях посредничество теряет одну из своих важнейших предпосылок – минимальную общую рамку взаимного признания переговорного процесса.

В-третьих, в данном конфликте ценностный компонент выражен особенно сильно. Речь идет не только о безопасности, но и об исторической памяти, идентичности, политической субъектности и допустимой модели развития. По этой причине даже временные переговорные схемы легко воспринимаются сторонами как тактический маневр, а не как шаг к устойчивому политическому урегулированию [4, С. 960–962; 7, С. 112–113].

Кроме того, особое значение имеет и тот факт, что в современном состоянии российско-украинский конфликт фактически выходит за рамки классической двусторонней модели. Посредник, который потенциально мог бы претендовать на результативность, должен был бы учитывать не только позиции Москвы и Киева, но и роль западных государств, прежде всего США и ряда европейских стран. Это резко увеличивает число переменных и снижает вероятность выработки единой формулы компромисса.

Следовательно, российско-украинский конфликт демонстрирует посреднические способности тех или иных структур в ситуации, когда вопросы безопасности и идентичности приобретают для сторон принципиальный характер, а сам конфликт развивается в условиях масштабной трансформации международной среды.

Тайваньский конфликт как потенциально неурегулируемый конфликт

Тайваньский конфликт представляет особый интерес, поскольку в настоящее время он не перешел в полномасштабную фазу, однако уже обладает большинством признаков конфликта, крайне сложного для посредничества. Его специфика определяется сочетанием трех факторов: проблемы идентичности, вопроса государственного статуса и соперничества великих держав.

Для Китая тайваньский вопрос связан с территориальной целостностью, историческим единством и восстановлением полного государственного суверенитета. Для Тайваня, напротив, ключевое значение приобретает сохранение собственной модели политического развития, а также безопасности в условиях давления со стороны материкового Китая. Дополнительным внешним измерением является позиция США, рассматривающих Тайвань в более широком контексте стратегического соперничества с Китаем [12, С. 199–227; 10, С. 11–23].

По этой причине данный конфликт трудно поддается посредничеству даже в перспективном плане поскольку он не сводится к спору о частных уступках, так как затрагивает базовые представления о легитимности, государственности и идентичности. Более того, здесь практически отсутствует нейтральная посредническая среда: любой внешний посредник неизбежно будет восприниматься через призму общего баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе [12, С. 214–221; 10, С. 18–23].

Другая особенность тайваньского конфликта заключается в том, что он тесно связан с проблемой выбора модели развития – речь идет не просто о территориальном вопросе, а о принципиально разных политических и цивилизационных ориентирах. Подобная структура противоречий делает посредничество особенно затруднительным: посредник не может предложить устойчивую формулу компромисса там, где сами стороны по-разному определяют базовые параметры политической легитимности [12, С. 221–227].

Таким образом, на примере тайваньского конфликта можно продемонстрировать, что посредничество XXI века может оказаться ограниченным и неспособным к урегулированию еще до начала активной фазы конфликта. Если конфликт строится вокруг вопросов государственности, идентичности и стратегического соперничества крупных держав, пространство для посреднических инициатив оказывается крайне узким.

Основные ограничения посредничества в XXI веке

Сопоставление трех рассмотренных конфликтов позволяет выделить несколько общих ограничений международного посредничества в XXI веке.

Во-первых, современные конфликты значительно чаще, чем во второй половине XX века, можно характеризовать как конфликты идентичности – предметом спора в них являются не только интересы, но и базовые ценности, которые стороны рассматривают как не подлежащие торгу и обсуждению, [6, С. 74–82; 14, С. 1061–1066].

Во-вторых, посреднику сложнее переводить ценностные противоречия в плоскость практических интересов. Если в ряде конфликтов XX века такое преобразование позволяло достичь определенного, хоть и весьма ограниченного, но компромисса, то в современных условиях сами уступки часто воспринимаются как угроза безопасности, идентичности или суверенитету [2, С. 86–94].

В-третьих, посредничество осуществляется в условиях более нестабильной международной среды. Эрозия привычных международно-

политических рамок, конкуренция нескольких центров силы и участие большого числа внешних акторов осложняют не только поиск формулы урегулирования, но и саму институциональную организацию переговорного процесса [11, С. 51–67].

В-четвертых, современное посредничество сталкивается с кризисом доверия. Стороны конфликтов все чаще рассматривают переговоры как инструмент тактического выигрыша времени, а посредников – как участников более широких геополитических комбинаций для полноценного выигрыша в противостоянии, что снижает шансы даже на достижение промежуточных договоренностей [5, С. 10–18; 9, С. 35–39].

Таким образом, основная тенденция международного посредничества в XXI веке состоит не в его исчезновении, а в снижении его результативности. Посредничество продолжает использоваться, однако его возможности все чаще ограничиваются деэскалацией отдельных эпизодов и управлением конфликтом, а не его полноценным политическим урегулированием.

В XXI веке международное посредничество сохраняет значение одного из инструментов управления конфликтами, однако его возможности заметно сократились по сравнению со второй половиной XX века. Анализ израильско-палестинского, российско-украинского и тайваньского конфликтов показывает, что современное посредничество сталкивается с рядом системных ограничений: ростом роли идентичности, трансформацией международной среды, усложнением состава участников конфликтов и снижением уровня доверия между сторонами.

Главный вывод исследования состоит в том, что в современных конфликтах посреднику значительно труднее переводить базовые ценности сторон в плоскость согласуемых интересов. Вопросы безопасности, суверенитета, идентичности и выбора модели развития воспринимаются участниками конфликтов как принципиальные и безусловные. Именно поэтому посредничество в XXI веке чаще всего не устраняет конфликтные основания, а лишь временно ограничивает масштабы эскалации. Таким образом, основной тенденцией международного посредничества в XXI веке является снижение его эффективности в урегулировании конфликтов идентичности. Это не означает полной утраты посредничеством своей роли, но указывает на необходимость дальнейшей теоретической разработки его возможностей и ограничений в условиях трансформации современного мира.

Литература

1. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М.: Аспект Пресс, 1999. 271 с.
2. Лебедева М.М. Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО. 2016. № 2 (47). С. 86–94.
3. Лебедева М.М., Зиновьева Е.С. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 1. С. 123–135.
4. Маркедонов С.М. Украинский кризис: воздействие на постсоветские конфликты // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 2. С. 951–962.
5. Рустамова Л.Р. Возможности и ограничения Турции как посредника в российско-украинских переговорах // Право и управление. XXI век. 2022. Т. 18. № 3. С. 10–18.
6. Семененко И.С. Социокультурная модернизация и конфликт идентичностей // Россия реформирующаяся. 2013. № 12. С. 74–82.
7. Сушенцов А.А. Стратегические основания украинского кризиса // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 4. С. 110–113.
8. Bercovitch J. International Mediation // Journal of Peace Research. 1991. Vol. 28. No. 1. P. 3–6.
9. Beardsley K. The Mediation Dilemma. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 248 p.
10. Bellocchi L.P. The Strategic Importance of Taiwan to the United States and Its Allies: Part One // Parameters. 2023. Vol. 53. No. 2. P. 11–23.
11. Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P.R. Crowded Stage: Liabilities and Benefits of Multiparty Mediation // International Studies Perspectives. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 51–67.
12. Copper J.F. The Origins of Conflict across the Taiwan Strait: The Problem of Differences in Perceptions // Journal of Contemporary China. 1997. Vol. 6. No. 15. P. 199–227.
13. Fantappie M., Nasr V. War That Remade the Middle East: How Washington Can Stabilize a Transformed Region // Foreign Affairs. 2024. Vol. 103.
14. Hogg M.A. et al. The Solace of Radicalism: Self-Uncertainty and Group Identification in the Face of Threat // Journal of Experimental Social Psychology. 2010. Vol. 46. P. 1061–1066.
15. Yadlin A., Evental U. Why Israel Slept: The War in Gaza and the Search for Security // Foreign Affairs. 2024. Vol. 103. P. 20–31.
16. Touval S., Zartman I.W. Introduction: Mediation in Theory // International Mediation in Theory and Practice. Boulder: Westview Press, 1985. P. 7–17.

INTERNATIONAL MEDIATION IN THE 21ST CENTURY: LIMITATIONS IN THE CONTEXT OF IDENTITY CONFLICTS

Spiridonov E.E.
B1-Consult LLC

This article examines limitations of international mediation in the twenty-first century. The aim of the study is to identify the factors that reduce the effectiveness of mediation in contemporary international conflicts. The article examines the theoretical premises of the crisis of mediation associated with the rise of identity-based conflicts, the transformation of the international system, and changes in the parties involved in conflicts. The methodological framework is based on case-study and comparative analysis. Three conflicts are selected as the empirical basis of the study: the Israeli-Palestinian conflict, the Russian-Ukrainian conflict, and the Taiwan conflict. The article shows that under contemporary conditions it has become significantly more difficult for mediators to translate the parties' value-based contradictions into the realm of negotiable interests, as had been possible in the second half of the twentieth century. It is established that the growing importance of identity, the erosion of stable international political frameworks, the involvement of a large number of state and non-state actors, and the declining level of trust between the conflict parties substantially constrain the possibilities of mediation. The article concludes that the principal trend in international mediation in the twenty-first century is the declining effectiveness of mediation in resolving conflicts in which issues of security, identity, and the choice of a model of political development acquire an unconditional character.

Keywords: international mediation, identity conflicts, international conflicts, Israel-Palestine conflict, Russian-Ukrainian conflict, Taiwan conflict, security, sovereignty, identity.

References

1. Lebedeva, M.M. Political Conflict Resolution: Approaches, Solutions, and Technologies. Moscow: Aspect Press, 1999. 271 p.
2. Lebedeva, M.M. The System of Global Political Organization: "The Perfect Storm" // MGIMO Bulletin. 2016. No. 2 (47). Pp. 86–94.
3. Lebedeva, M.M., Zinovieva, E.S. Specifics of International Negotiations in the Digital Age // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2023. Vol. 23. No. 1. Pp. 123–135.
4. Markedonov, S.M. The Ukrainian Crisis: Impact on Post-Soviet Conflicts // Post-Soviet Studies. 2019. Vol. 2. No. 2. Pp. 951–962.
5. Rustamova L.R. Potential and Limitations of Turkey as a Mediator in Russian-Ukrainian Negotiations // Law and Management. XXI Century. 2022. Vol. 18. No. 3. Pp. 10–18.
6. Semenenko I.S. Sociocultural Modernization and Identity Conflict // Reforming Russia. 2013. No. 12. Pp. 74–82.
7. Sushentsov A.A. Strategic Foundations of the Ukrainian Crisis // Russia in Global Affairs. 2022. Vol. 20. No. 4. Pp. 110–113.
8. Bercovitch J. International Mediation // Journal of Peace Research. 1991. Vol. 28. No. 1. Pp. 3–6.
9. Beardsley K. The Mediation Dilemma. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 248 p.
10. Bellocchi L.P. The Strategic Importance of Taiwan to the United States and Its Allies: Part One // Parameters. 2023. Vol. 53.No. 2. P. 11–23.
11. Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P.R. Crowded Stage: Liabilities and Benefits of Multiparty Mediation // International Studies Perspectives. 2001. Vol. 2.No. 1. P. 51–67.
12. Copper J.F. The Origins of Conflict across the Taiwan Strait: The Problem of Differences in Perceptions // Journal of Contemporary China. 1997. Vol. 6.No. 15. P. 199–227.
13. Fantappie M., Nasr V. War That Remade the Middle East: How Washington Can Stabilize a Transformed Region // Foreign Affairs. 2024. Vol. 103.
14. Hogg M.A. et al. The Solace of Radicalism: Self-Uncertainty and Group Identification in the Face of Threat // Journal of Experimental Social Psychology. 2010. Vol. 46. P. 1061–1066.
15. Yadlin A., Evental U. Why Israel Slept: The War in Gaza and the Search for Security // Foreign Affairs. 2024. Vol. 103. P. 20–31.
16. Touval S., Zartman I.W. Introduction: Mediation in Theory // International Mediation in Theory and Practice. Boulder: Westview Press, 1985. Pp. 7–17.

Централизм АСЕАН под давлением: минилатеральные механизмы безопасности и будущее региональной архитектуры в Индо-Тихоокеанском регионе

Туммасорн Сивакорн,
аспирант, Уральский гуманитарный институт, Международные отношения, глобальные и региональные исследования
E-mail: siwakorn.tummasorn@gmail.com

Появление минилатеральных механизмов безопасности – прежде всего Четырёхстороннего диалога по безопасности между США, Японией, Австралией и Индией, а также трёхстороннего партнёрства в области безопасности между Австралией, Великобританией и США – коренным образом трансформировало стратегический ландшафт Индо-Тихоокеанского региона. В данной статье исследуются противоречия между распространением минилатерализма как предпочтительной модели безопасности среди великих держав и принципом централизма АСЕАН, который на протяжении длительного времени служит нормативной основой регионального порядка. Применяя сравнительный и сценарный анализ, данная статья доказывает, что минилатеральные механизмы структурно подрывают роль АСЕАН в формировании повестки дня, а не просто дополняют её. На основе анализа институциональных ответных мер АСЕАН, прежде всего Взгляда АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион, в статье демонстрируется, что нынешняя региональная динамика соответствует состоянию «дискурсивного централизма», при котором нормативный статус АСЕАН формально сохраняется, тогда как её операциональное влияние постепенно вытесняется минилатеральными механизмами.

Ключевые слова: минилатерализм, централизм АСЕАН, Индо-Тихоокеанский регион, архитектура региональной безопасности, дискурсивный централизм

Введение

Индо-Тихоокеанский регион превратился в ключевую геополитическую арену XXI века. По мере обострения конкуренции великих держав между США и Китаем архитектура безопасности региона претерпевает коренную трансформацию – всё в большей степени обходя стороной традиционные многосторонние институты в пользу более компактных и гибких коалиций единомышленников [7]. Данное явление, получившее широкое распространение под названием «минилатерализм», отражает осознанный стратегический выбор великих держав, стремящихся к той гибкости, оперативности и операциональной согласованности, которую крупные многосторонние форумы обеспечить не в состоянии [15]. Кроме того, средние державы региона всё активнее включают минилатеральные механизмы в качестве центрального элемента собственных стратегий безопасности, стремясь укрепить свои переговорные позиции и сохранить стратегическую автономию в условиях соперничества великих держав [14].

В основе данной трансформации лежит Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – организация, чья значимость определялась принципом «централизма АСЕАН», согласно которому АСЕАН должна выступать в роли главного движущего механизма и координатора регионального диалога и сотрудничества. На протяжении десятилетий данный принцип получал широкое признание со стороны государств как внутри, так и за пределами региона, в том числе России, которая последовательно выстраивала свои отношения с АСЕАН в качестве стратегического партнёра [8]. Однако распространение минилатеральных механизмов – от возрождения Четырёхстороннего диалога по безопасности в 2017 году [6] до создания трёхстороннего партнёрства в области безопасности в 2021 году [11] – ставит принципиальный вопрос: означает ли минилатерализм постепенное подрывание централизма АСЕАН или же представляет собой лишь адаптацию к новым стратегическим реалиям?

Настоящая статья рассматривает данный вопрос посредством трёхэтапного анализа, используя сравнительный анализ и сценарный анализ в качестве основных методологий. На первом этапе формируется концептуальная основа, позволяющая разграничить минилатерализм и иные формы сотрудничества в сфере безопасности. На втором этапе прослеживается развитие минилатеральных механизмов в Индо-Тихоокеанском регионе. На третьем этапе анализируются институциональные и дипломатические ответные меры АСЕАН.

Аргументы, выдвигаемые в данной статье, носят трёхсторонний характер. Во-первых, минилатерализм в Индо-Тихоокеанском регионе является не преходящим явлением, а структурной чертой формирующегося регионального порядка. Во-вторых, минилатерализм представляет подлинную угрозу централизму АСЕАН, фрагментируя управление в сфере безопасности и смещая повесткообразующую власть в сторону великих держав. В-третьих, ответные меры АСЕАН в рамках Взгляда АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион отражают попытку реализации адаптивного централизма – однако такую, которая по-прежнему остаётся недостаточно оснащённой операциональными механизмами для противодействия минилатеральной динамике.

Определение минилатерализма

Концепция минилатерализма была введена в научный оборот Наймом [15, с. 135], который утверждал, что глобальное управление всё в большей мере сдерживается громоздкостью многосторонних институтов и что более компактные коалиции государств со схожими интересами предлагают более эффективный путь к коллективным действиям. В формулировке Найма минилатерализм функционирует на основе принципа созыва «минимально возможного числа стран, необходимого для достижения максимально возможного воздействия на решение конкретной проблемы». В контексте Индо-Тихоокеанского региона данная концепция получила дальнейшее развитие в более стратегическом направлении, при котором минилатерализм служит не только инструментом решения коллективных проблем, но и механизмом формирования норм и балансирования региональных сил.

В контексте безопасности Индо-Тихоокеанского региона минилатеральные механизмы выполняют как функциональные, так и стратеги-

ческие задачи, предоставляя участвующим государствам возможность формировать региональные нормы и противодействовать великим державам с ревизионистскими устремлениями [10, с. 27]. Тем не менее распространение подобных механизмов вызвало озабоченность среди великих держав, воспринимающих себя исключёнными из региональных структур безопасности – прежде всего Китая и России, которые рассматривают минилатерализм как инструмент нагнетания напряжённости, а не сотрудничества. Как отмечает Мартынова [13], американо-китайская конкуренция выступает движущей силой формирования новых альянсов и коалиций: Китай реагирует на это консолидацией связей с союзными государствами, тогда как Россия всё в большей мере делает приоритетом восточный вектор своей внешней политики ввиду ухудшения отношений с Западом.

Три характеристики отличают индо-тихоокеанский минилатерализм от его более ранних форм. Во-первых, членский состав намеренно ограничен и идеологически однороден: участники разделяют как стратегические интересы, так и общие демократические ценности. Во-вторых, данные механизмы носят гибкий и проблемно-ориентированный характер, способны адаптировать масштаб сотрудничества в зависимости от контекста, не требуя при этом коренной институциональной перестройки [7]. В-третьих, эти механизмы функционируют в намеренном противоречии с существующими многосторонними институтами, создавая сложные перекрывающиеся уровни регионального управления в сфере безопасности, которые ставят под сомнение традиционную роль АСЕАН как центрального форума.

Централизм АСЕАН в нормативном и практическом измерениях

Централизм АСЕАН представляет собой совокупность общих ожиданий, институционализированных в ходе десятилетий региональной дипломатии, согласно которым АСЕАН должна выступать центральной осью в формировании региональной архитектуры. Он охватывает три измерения: АСЕАН как организующая сила; институты под эгидой АСЕАН (АРФ, ВАС и СМОА-плюс) в качестве основных платформ; и нормы АСЕАН (невмешательство, консенсус и инклюзивность) в качестве операциональных принципов [3].

Россия, являясь стратегическим партнёром АСЕАН, признала роль форумов под эгидой АСЕАН – а именно АРФ, СМОА-плюс и ВАС – в качестве основных площадок для регионального диалога по вопросам безопасности, что отражает институциональное подтверждение централизма АСЕАН со стороны внешних великих держав [8]. Кроме того, как утверждает Ачарья [1], более широкий либеральный институциональный порядок, в рамках которого АСЕАН функционирует в качестве взаимоприемлемого центрального форума, свидетельствует о том, что АСЕАН выстраивала свою систему безопасности на принципе «безопасности совместно» – то есть кооперативной безопасности – в отличие от принципа «безопасности против», лежащего в основе НАТО и альянсов, созданных Соединёнными Штатами.

Централизм АСЕАН оказывается, таким образом, уязвимым перед минилатеральными вызовами. По мере того как великие державы всё активнее преследуют свои цели посредством более целенаправленных минилатеральных каналов, [5] представляет в качестве наиболее убедительных доказательств случаи как Quad, так и AUKUS, демонстрирующие, что такие великие державы, как США и Китай, выстроили собственные альтернативные многосторонние механизмы, не полагаясь на АСЕАН. Более того, само существование этих двух структур представляет собой молчаливое свидетельство несостоятельности существующих институтов, таких как Региональный форум АСЕАН (АРФ), отражая восприятие великими державами АСЕАН и связанных с ней механизмов как структур ограниченной ценности, недостаточных для обслуживания их стратегических интересов.

Четырёхсторонний диалог по безопасности (Quad)

Quad был впервые создан в 2007 году для координации политики в области безопасности между Австралией, Индией, Японией и США в период, когда растущее могущество Китая начало вызывать озабоченность среди региональных государств. Несмотря на то что механизм просуществовал недолго до своего роспуска, он был возрождён в 2017 году на фоне нарастающей обеспокоенности состоянием среды безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. В дальнейшем группа стремительно эволюционировала – от встреч старших военно-морских командиров на полях диалога Райсина в 2018 году до учреждения ежегодных саммитов лидеров в 2021 году. Особого внимания заслуживает стратегическая трансформация группы: на начальном этапе Quad был сосредоточен на традиционном сотрудничестве в сфере безопасности, охватывавшем военное, оборонное и разведывательное измерения, в особенности в морской сфере. Однако к 2021 году группа значительно расширила масштаб своего сотрудничества, распространив его на такие области, как общественное здравоохранение, технологии и развитие инфраструктуры – что отражает эволюцию регионального понимания безопасности, более не ограниченного исключительно военным измерением [6].

Трёхстороннее партнёрство в области безопасности AUKUS как поворотный момент в архитектуре безопасности Индо-Тихоокеанского региона

Объявление о трёхстороннем партнёрстве в области безопасности в сентябре 2021 года стало наиболее значимым качественным поворотным моментом в архитектуре безопасности Индо-Тихоокеанского региона за последнее десятилетие. Соглашение между Австралией, Великобританией и США – направленное на передачу Канберре технологий атомных подводных лодок – не только ознаменовало решительный стратегический сдвиг со стороны Австралии, но и вызвало широкую обеспокоенность среди государств АСЕАН. В частности, Индонезия выступила с официальным заявлением, выразив озабоченность гонкой вооружений и региональной стабильностью и призвав Австралию соблюдать свои обязательства в сфере ядерного нераспространения, хотя и без прямого упоминания AUKUS. Тем временем Министерство иностранных дел Малайзии выступило с официальным заявлением, прямо назвав AUKUS и выразив обеспокоенность тем, что данное партнёрство способно спровоцировать гонку вооружений и усилить напряжённость между великими державами в регионе, в особенности в Южно-Китайском море [11].

Как проанализировал Хлопов [9], создание альянса AUKUS вызвало обеспокоенность среди государств – членов АСЕАН и в более широком тихоокеанском регионе, при этом большинство из них отреагировало с весьма значительной осторожностью. АСЕАН сталкивается одновременно с тремя вызовами: обострением конкуренции великих держав, сохранением внутреннего единства и поддержанием баланса сил в условиях трансформирующейся архитектуры безопасности. AUKUS рискует спровоцировать гонку вооружений в отдельных областях и оказать давление на региональную стабильность на фоне сохраняющейся операциональной неопределённости. В конечном счёте стратегический ландшафт в Азиатско-Тихоокеанском регионе представляется всё более склонным к соперничеству и конкуренции.

Логика предпочтения минилатерализма

Почему великие державы предпочитают минилатеральные форматы многостороннему сотрудничеству под эгидой АСЕАН? Данную тенденцию объясняют три структурных фактора. Во-первых, требование консенсуса в рамках АСЕАН препятствует принятию организацией решительных позиций по спорным вопросам безопасности, вынуждая великие державы, стремящиеся к быстрым результатам, обращаться к более компактным форумам. Во-вторых, минилатеральные механизмы предоставляют региональным средним державам большую автономию в формировании собственных стратегий безопасности, не будучи ограниченными требованиями консенсуса более крупных многосторонних форумов [14]. В-третьих, минилатеральные структуры, формируемые в современную эпоху, тяготеют к институционализации в целях обеспечения своей преемственности, что отражает долгосрочный характер американо-китайской конкуренции.

Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион (АОИП)

Основным институциональным ответом АСЕАН является Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион, принятый на 34-м саммите АСЕАН в июне 2019 года. Данный документ представляет собой попытку АСЕАН сформулировать самостоятельное видение регионального порядка, акцентирующее инклюзивность, централизм и верховенство права. Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион имеет значение в трёх отношениях: утверждение права АСЕАН определять условия регионального дискурса; выделение четырёх приоритетных областей – морского сотрудничества, взаимосвязанности, Целей устойчивого развития и экономического сотрудничества; а также прямое подтверждение централизма АСЕАН в качестве основы регионального порядка [4].

Однако, как проанализировал Ачарья [2], Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион (АОИП) был недооценён по своей значимости рядом западных наблюдателей и не содержит механизмов принуждения к исполнению – что означает, что основная роль АСЕАН в региональной безопасности сводится к формированию норм и укреплению доверия, а не к применению жёсткой силы или непосредственному урегулированию конфликтов. Кроме того, великие державы оказывают дискурсивную поддержку – наиболее показательно индо-тихоокеанская стратегия администрации Байдена, неоднократно апеллировавшая к «централизму АСЕАН» [19, с. 9] – продолжая при этом

продвигать минилатеральные механизмы, обходящие институты под эгидой АСЕАН. Данный разрыв между дискурсом и практикой отражает сведение централизма АСЕАН к роли дипломатического инструмента, а не подлинного структурного обязательства.

Институциональные уязвимости АСЕАН в условиях расходящихся позиций и пределов консенсуса

Проблемы единства АСЕАН отчётливо обнаружились ещё в 2012 году, когда под влиянием Китая через Камбоджу организация впервые в своей истории не смогла принять итоговое совместное коммюнике по вопросу Южно-Китайского моря. Данный эпизод продемонстрировал, как принцип консенсуса – краеугольный камень АСЕАН – превратился в уязвимость, используемую внешними державами для срыва внутреннего единства. Кризис в Мьянме после военного переворота 2021 года вновь обнажил эти ограничения: принцип невмешательства воспрепятствовал принятию решительных мер, а «Консенсус из пяти пунктов» был расценён как недостаточный ввиду отсутствия механизмов принуждения и расходящихся позиций государств-членов, в особенности Камбоджи и Таиланда, сохраняющих тесные связи с военной хунтой. Эти институциональные уязвимости подрывают авторитет АСЕАН как организации, способной взять на себя руководящую роль в урегулировании сложных региональных кризисов.

Валочкова [18] утверждает, что, хотя Центральность АСЕАН служит важнейшим механизмом поддержания мира и регионального баланса сил, на практике данная концепция превратилась лишь в «дискурсивный инструмент», используемый как государствами-членами, так и внешними крупными державами, что порождает значительный разрыв между риторикой и реальными действиями. Институциональные уязвимости АСЕАН – в том числе медлительность консенсусных механизмов, недостаточно обеспеченный ресурсами секретариат и внутренние разногласия между государствами-членами – в совокупности создали стимулы для таких крупных держав, как Китай и Соединённые Штаты, к формированию параллельных механизмов сотрудничества, а именно Quad и AUKUS, в качестве инструмента обхода процессов АСЕАН. В связи с этим АСЕАН настоятельно необходимо провести институциональные реформы, укрепить свою стратегическую автономию и активно взаимодействовать с минилатеральными форматами, чтобы сохранить свою значимость в условиях стремительно меняющегося регионального порядка.

Таиланд как пример для анализа

Являясь одним из государств-основателей АСЕАН в 1967 году, Таиланд занимает символически и исторически значимое место в качестве опоры региональных институтов. Институциональное лидерство Таиланда в АСЕАН проявляется в организации крупных саммитов, продвижении региональных повесток дня и позиционировании страны в роли посредника в спорах между государствами-членами. Кроме того, Индекс азиатской мощи Института Лоуи относит Таиланд к числу средних держав, обладающих определённым потенциалом для влияния на направление развития регионального порядка [12]. В данном контексте позиция Таиланда представляет собой пример, обладающий значительной эмпирической ценностью: будучи союзником США по договору и одновременно поддерживая глубокие экономические и дипломатические связи с Китаем, Таиланд олицетворяет дилемму хеджирования, характерную для стратегического положения АСЕАН. Ограниченное участие Таиланда в механизмах, смежных с Четырёхсторонним диалогом по безопасности, отражает осознанное стремление сохранить стратегическую автономию [17].

Подобный подход «стратегической двусмысленности», будучи согласованным с внутриполитическими интересами и отражая стремление Таиланда сохранить роль связующего звена между крупными державами в рамках АСЕАН, тем не менее существенно ограничивает способность страны участвовать в коллективных ответных действиях организации. Противоречие между ролью регионального лидера, которую Таиланд стремится сохранить, и стратегическими ограничениями, порождаемыми подобной двусмысленностью, отражает структурные вызовы, с которыми сталкиваются средние державы в рамках АСЕАН. Государства Юго-Восточной Азии в целом предпочитают избегать выбора между крупными державами; однако нарастающая динамика американо-китайского соперничества делает поддержание устойчивого нейтралитета всё более затруднительным, оказывая давление на государства-члены – включая Таиланд – с целью принятия более определённых позиций, что в долгосрочной перспективе способно подорвать региональную лидерскую роль Таиланда [20].

Региональные средние державы между Центральностью АСЕАН и притяжением минилатерализма

В условиях американо-китайского соперничества в Индо-Тихоокеанском регионе такие средние державы, как Япония, Индия, Индонезия и Австралия, каждая по-своему приняли политику «диверсификации безопасности» с целью укрепления своих переговорных позиций и защиты национальных интересов посредством хеджирования и стратегической диверсификации в сфере безопасности, направленной на снижение уязвимости по отношению к обеим крупным державам [14]. Каждая из них выстроила минилатеральные договорённости в различных форматах, охватывающих измерения безопасности, обороны и экономики. Показательными примерами служат трёхсторонняя рамочная структура сотрудничества Индия – Австралия – Индонезия, а также Инициатива по устойчивости цепочек поставок (SCRI) в составе Австралии, Японии и Индии – оба механизма отражают активное использование минилатеральных инструментов в качестве средств формирования регионального порядка.

Тем не менее эти средние державы по-прежнему рассматривают АСЕАН как центральную ось региональной архитектуры безопасности, о чём свидетельствует официальная приверженность Индонезии принципу «Центральности АСЕАН». Однако неэффективность АСЕАН в урегулировании споров в Южно-Китайском море и реагировании на современные угрозы безопасности побуждает эти государства всё активнее прибегать к минилатеральным механизмам в качестве инструментов «хеджирования», позволяющих одновременно балансировать между зависимостью от США в сфере безопасности и экономической зависимостью от Китая, сохраняя при этом свободу манёвра в проводимой политике. Данная тенденция свидетельствует о том, что архитектура безопасности Индо-Тихоокеанского региона приобретает всё более многоуровневый характер, в рамках которого АСЕАН и минилатеральные форматы сосуществуют параллельно.

Анализ Центральности АСЕАН

Проведённый анализ указывает на три правдоподобных сценария развития Центральности АСЕАН. Сценарий первый: адаптивная центральность. В условиях институциональной нестабильности в Индо-Тихоокеанском регионе, обусловленной соперничеством великих держав, АСЕАН испытывает беспрецедентное давление на свой статус центрального узла многосторонней дипломатии – как со стороны китайских инициатив, так и со стороны минилатеральных коалиций под руководством США, в частности Quad. Тем не менее данная нестабильность открывает для АСЕАН возможность адаптации: переход от претензий на первенство в формировании повестки дня к утверждению легитимности в качестве инклюзивной и нейтральной площадки для диалога. Разработка конкретных операциональных механизмов по пяти измерениям – центральности, инклюзивности, ценностям, эффективности и транспарентности – позволила бы АСЕАН конструктивно взаимодействовать с минилатеральными участниками по вопросам, представляющим общий интерес. Адаптивная центральность для АСЕАН, таким образом, заключается не в монополизации региональной повестки, а в способности организации выступать общим пространством, взаимоприемлемым для всех участников [16].

Сценарий второй, Центральность АСЕАН сохраняется как дипломатическая норма, однако её операциональное содержание постепенно выхолащивается вследствие неуклонного расширения минилатеральных договорённостей. Роль АСЕАН всё больше ориентируется на демонстрацию отзывчивости к требованиям как внутренних, так и внешних участников – посредством неизменного производства дискурса и символических решений – нежели на достижение ощутимых практических результатов. Именно эта траектория наиболее отчётливо прослеживается в современных тенденциях.

Сценарий третий – Маргинализация. Усиление американо-китайского соперничества формирует настолько сложную среду безопасности, что методы работы АСЕАН сталкиваются со структурными ограничениями, которые трудно преодолеть. Государства-члены всё отчётливее ощущают нарастающее давление, побуждающее их к стратегическому перепозиционированию, что делает поддержание организационного единства всё более затруднительным. В данном контексте принцип консенсуса – долгое время служивший основой процесса принятия решений в АСЕАН – может обусловить запоздалые и негибкие реакции на геополитическую динамику, тогда как способность АСЕАН сохранять значимую институциональную роль в региональном устройстве может оказаться под усиливающимся сомнением [5].

Вероятность каждого из сценариев определяется двумя ключевыми переменными: интенсивностью американо-китайского соперниче-

ства и подлинной готовностью государств-членов к проведению структурных реформ внутри АСЕАН. В отсутствие существенных изменений по обоим направлениям АСЕАН продолжит движение по траектории сценария второго – то есть организация номинально сохранит статус регионального центра, тогда как значимые решения в сфере безопасности будут всё в большей мере приниматься в рамках минилатеральных группировок.

Заключение

В данной статье анализируется подъём минилатерализма в Индо-Тихоокеанском регионе как структурный вызов принципу Центральности АСЕАН, при этом утверждается, что дискурсивных заявлений крупных держав о ведущей роли АСЕАН недостаточно для защиты институционального положения организации в стремительно меняющейся среде безопасности.

Будущее Центральности АСЕАН будет определяться способностью организации продемонстрировать, что её центральность создаёт ощутимую ценность – в форме легитимности в качестве площадки для диалога, артикуляции норм и урегулирования конфликтов – которую минилатеральные договорённости не способны воспроизвести. Это требует от АСЕАН перехода от дискурсивной центральности к адаптивной центральности.

Для исследователей в области международных отношений взаимосвязь АСЕАН и минилатерализма представляет собой ценную площадку для изучения соотношения между институциональным дизайном и меняющейся стратегической средой. Подъём минилатерализма – воплощённый в AUKUS – в регионе породил геополитические последствия, которые АСЕАН не способна эффективно урегулировать посредством существующих многосторонних механизмов. Для политиков, в том числе России в её качестве стратегического партнёра АСЕАН, поддержка инклюзивных многосторонних механизмов представляет собой необходимое структурное условие для поддержания долгосрочной стабильности.

Литература

1. Acharya A. Конец американского мирового порядка. Polity Press, 2014.

2. Acharya A. Почему взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион имеет значение. The Strategist. 2019, 12 августа. URL: https://www.aspistrategist.org.au/why-aseans-indo-pacific-outlook-matters/

3. ASEAN. Устав АСЕАН. Секретариат АСЕАН, 2007. URL: https://asean.org/asean/asean-charter/

4. ASEAN. Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион. Секретариат АСЕАН, 2019. URL: https://asean.org/asean2020/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf

5. Beeson M. Децентрализована? Борьба АСЕАН за адаптацию к конкуренции великих держав // Global Studies Quarterly. 2022. Т. 2, № 1. С. 1–9. https://doi.org/10.1093/isagsq/ksab044

6. Bisley N. Quad, AUKUS и австралийский минилатерализм в сфере безопасности: возвышение Китая и новые подходы к сотрудничеству в области безопасности // Journal of Contemporary China. 2024. Т. 34, № 152. С. 1–13. https://doi.org/10.1080/10670564.2024.2365241

7. Heiduk F., Wilkins T. Минилатерализм и пути институционального развития: формирование альянсов или кооперативное управление безопасностью? // Australian Journal of International Affairs. 2024. Т. 78, № 6. https://doi.org/10.1080/10357718.2024.2416566

8. Канаев Е.А., Королёв А.С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций. 2019. Т. 12, № 1. С. 26–43. https://doi.org/10.23932/2542–0240–2019–12–1–26–43

9. Хлопов О.А. Влияние альянса AUKUS на формирование нового баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. Т. 12, № 4. С. 20–27.

10. Koga K. Новый стратегический минилатерализм в Индо-Тихоокеанском регионе // Asia Policy. 2022. Т. 17, № 4. С. 27.

11. Li M. Реакция АСЕАН на AUKUS // China International Strategy Review. 2022. Т. 4, № 2. С. 268–287. https://doi.org/10.1007/s42533–022–00121–2

12. Lowy Institute. Индекс азиатской силы: отчёт об основных результатах 2023 года. 2023. URL: https://power.lowyinstitute.org/downloads/lowy-institute-2023-asia-power-index-key-findings-report.pdf

13. Мартынова Е.С. QUAD и AUKUS и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы для России, Китая и АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 15, № 3.

14. Михайленко В.И., Поунгчингнгам К. Роль минилатеральных соглашений в стратегии безопасности «средних» держав Индо-Тихоокеанского региона // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22, № 3. С. 99–119. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_3_99

15. Naím M. Минилатерализм: магическое число для реальных международных действий // Foreign Policy. 2009. № 173. С. 135–136.

16. Parameswaran P. Минилатерализм, централизм АСЕАН и институциональные изменения в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях стратегической конкуренции. Wilson Center, 2024. URL: https://www.wilsoncenter.org/article/minilateralism-asean-centrality-and-indopacific-institutional-flux-amid-strategic

17. Poonkham J. Индо-Тихоокеанский курс Таиланда в дрейфе? Неохотное переориентирование между США и Китаем // Journal of Indo-Pacific Affairs. 2023. Т. 6, № 4. URL: https://www.airuniversity.af.edu/JIPA/

18. Valockova B. Централизм АСЕАН и его нарративы в развивающемся региональном порядке. E-International Relations. 2025, 26 марта. URL: https://www.e-ir.info/2025/03/26/asean-centrality-and-its-narratives-in-an-evolving-regional-order/

19. White House. Индо-Тихоокеанская стратегия Соединённых Штатов. 2022. URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf

20. Zha W. Юго-Восточная Азия в условиях китайско-американской конкуренции: сдвиг сил и трансформация регионального порядка // The Chinese Journal of International Politics. 2023. Т. 16, № 2. С. 241–261. https://doi.org/10.1093/cjip/poad006

ASEAN CENTRALITY UNDER PRESSURE: MINILATERAL SECURITY ARRANGEMENTS AND THE FUTURE OF REGIONAL ARCHITECTURE IN THE INDO-PACIFIC

Tummasorn Siwakorn
Ural Institute for the Humanities, International Relations

The emergence of minilateral security arrangements – most notably the Quadrilateral Security Dialogue among the United States, Japan, Australia, and India, and the trilateral security partnership among Australia, the United Kingdom, and the United States – has fundamentally transformed the strategic landscape of the Indo-Pacific region. This article examines the tensions between the rise of minilateralism as a preferred security modality among major powers and the principle of ASEAN Centrality, which has long served as the normative foundation of regional order. Employing comparative and scenario analysis, this article argues that minilateral arrangements structurally challenge ASEAN's agenda-setting role rather than merely complementing it. Through an analysis of ASEAN's institutional responses, most notably the ASEAN Outlook on the Indo-Pacific, this article demonstrates that current regional dynamics correspond to a condition of "discursive centrality," wherein ASEAN's normative status is formally preserved even as its operational influence is gradually supplanted by minilateral arrangements.

Keywords: Minilateralism, ASEAN Centrality, Indo-Pacific, Regional Security Architecture, Discursive Centrality

References

1. Acharya, A. (2014). The end of the American world order. Polity Press.

2. Acharya, A. (2019, August 12). Why ASEAN's Indo-Pacific outlook matters. The Strategist. https://www.aspistrategist.org.au/why-aseans-indo-pacific-outlook-matters/

3. ASEAN. (2007). ASEAN Charter. ASEAN Secretariat. https://asean.org/asean/asean-charter/

4. ASEAN. (2019). ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. ASEAN Secretariat. https://asean.org/asean2020/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf

5. Beeson, M. (2022). Decentered? ASEAN's struggle to accommodate great power competition. Global Studies Quarterly, 2(1), 1–9. https://doi.org/10.1093/isagsq/ksab044

6. Bisley, N. (2024). The Quad, AUKUS and Australian security minilateralism: China's rise and new approaches to security cooperation. Journal of Contemporary China, 34(152), 1–13. https://doi.org/10.1080/10670564.2024.2365241

7. Heiduk, F., & Wilkins, T. (2024). Minilateralism and pathways to institutional progression: Alliance formation or cooperative security governance? Australian Journal of International Affairs, 78(6). https://doi.org/10.1080/10357718.2024.2416566

8. Kanaev, E. A., & Korolev, A. S. (2019). Bol'shaya Evraziya, Indo-Tikhookeanskiy region i otnosheniya Rossii s ASEAN [Greater Eurasia, the Indo-Pacific region and Russia's relations with ASEAN]. Kontury global'nykh transformatsiy, 12(1), 26–43. https://doi.org/10.23932/2542–0240–2019–12–1–26–43 (In Russ.)

9. Khlopov, O. A. (2022). The impact of the AUKUS alliance on the formation of a new balance of power in the Asia-Pacific region. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 12(4), 20–27. (In Russ.)

10. Koga, K. (2022). A new strategic minilateralism in the Indo-Pacific. Asia Policy, 17(4), 27.

11. Li, M. (2022). ASEAN's responses to AUKUS. China International Strategy Review, 4(2), 26Lowy Institute, 20238–287. https://doi.org/10.1007/s42533–022–00121–2

12. Lowy Institute. (2023). Asia Power Index: 2023 Key Findings Report. https://power.lowyinstitute.org/downloads/lowy-institute-2023-asia-power-index-key-findings-report.pdf

13. Martynova, E. S. (2023). QUAD and AUKUS and the balance of power in the Asia-Pacific region: Prospects for Russia, China and ASEAN. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 15(3). (In Russ.)

14. Mikhaylenko, V. I., & Poungchingngam, K. (2025). Rol' minilateral'nykh soglasheniy v strategii bezopasnosti «srednikh» derzhav Indo-Tikhookeanskogo regiona [The role of minilateral agreements in the security strategy of "middle" powers in the Indo-Pacific

region]. Diskurs-Pi, 22(3), 99–119. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_3_99 (In Russ.)

15. Naím, M. (2009). Minilateralism: The magic number to get real international action. Foreign Policy, (173), 135–136.

16. Parameswaran, P. (2024). Minilateralism, ASEAN Centrality and Indo-Pacific institutional flux amid strategic competition. Wilson Center. https://www.wilsoncenter.org/article/minilateralism-asean-centrality-and-indopacific-institutional-flux-amid-strategic

17. Poonkham, J. (2023). Thailand's Indo-Pacific adrift? A reluctant realignment with the United States and China. Journal of Indo-Pacific Affairs, 6(4). https://www.airuniversity.af.edu/JIPA/

18. Valockova, B. (2025, March 26). ASEAN Centrality and its narratives in an evolving regional order. E-International Relations. https://www.e-ir.info/2025/03/26/asean-centrality-and-its-narratives-in-an-evolving-regional-order/

19. White House. (2022). Indo-Pacific strategy of the United States. https://biden-whitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf

20. Zha, W. (2023). Southeast Asia amid Sino-US competition: Power shift and regional order transition. The Chinese Journal of International Politics, 16(2), 241–261. https://doi.org/10.1093/cjip/poad006

Конструирование концепции «многополярного мирового порядка» в политическом дискурсе Китая и России: корпусное критическое исследование дискурса

Фань Юйвэнь,
магистратура, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: yuwenfan51@gmail.com

В статье рассматривается конструирование концепции многополярного мирового порядка в политическом дискурсе Китая и России. Цель исследования выявить особенности смыслового наполнения данного концепта, а также сходства и различия в его интерпретации в официальной риторике двух государств. Методологическую основу составляют корпусный подход и критический дискурс-анализ. Установлено, что Китай и Россия сходятся в критике западноцентричного порядка, акценте на суверенном равенстве и поддержке более сбалансированной международной системы. При этом китайский дискурс трактует многополярность преимущественно как кооперативный и реформаторский принцип, тогда как российский дискурс подчеркивает её стратегический, конфликтный и постгегемонический характер. Делается вывод о контекстуальной зависимости концепта многополярности от внешнеполитических задач и стратегической культуры государства.

Ключевые слова: многополярный мировой порядок, политический дискурс, Китай, Россия, критический дискурс-анализ, международные отношения

Введение

В условиях трансформации международной системы концепция многополярного мирового порядка занимает заметное место в политической практике и академическом дискурсе. Ее значимость связана не только с изменением конфигурации сил, но и с конкуренцией вокруг интерпретации легитимного мироустройства, глобального управления и нормативных оснований международного порядка [1]. Многополярность также рассматривается как фактор переопределения идентичностей, ролей и внешнеполитического позиционирования государств в меняющемся мировом балансе [2]. Цель исследования состоит в выявлении особенностей конструирования концепции «многополярного мирового порядка» в политическом дискурсе Китая и России, а также в определении сходств и различий в ее смысловом, нормативном и стратегическом наполнении. Методологическую основу составляет корпусный критический дискурс-анализ, сочетающий количественную обработку текстового материала и качественную интерпретацию политически значимых лексических, семантических и нарративных структур. Такой подход позволяет рассматривать политический язык не как нейтральное средство описания международной действительности, а как инструмент символического производства и легитимации альтернативных моделей мирового устройства.

Теоретические и методологические основания исследования

Теоретическое осмысление многополярности в рамках настоящего исследования исходит из того, что речь идет не о нейтральном отражении международной реальности, а о форме ее политической интерпретации. В.С. Солуянов отмечает, что концепция многополярности исторически формировалась как поле конкурирующих подходов, где пересекаются системно-структурные, нормативные и цивилизационные основания анализа [3]. Это позволяет рассматривать многополярность не как фиксированное состояние мировой системы, а как политико-интеллектуальную рамку, содержание которой зависит от акторов, контекста и целей ее артикуляции.

Данный подход соотносится с выводами М.В. Лапенко и А.С. Науменко, показывающих, что понятие мирового порядка не имеет единого определения и представляет собой многослойную конструкцию, включающую институциональные, ценностные и силовые параметры [4]. Следовательно, «многополярный мировой порядок» должен анализироваться не только через распределение силы, но и через ценностно маркированные представления о справедливости, легитимности и желаемой конфигурации международных отношений.

С методологической точки зрения это требует обращения к подходам, раскрывающим связь языка, власти и политического воображения. М. Ма, Д. Романов, А. Либман и соавторы показывают, что китайские и российские нарративы блокового строительства являются не простым отражением внешнеполитических стратегий, а дискурсивными механизмами формирования образов коллективного пространства, солидарности и внешнего «другого» [5]. В этом смысле многополярность может рассматриваться как политико-дискурсивная конструкция, через которую государственные элиты описывают мир и закрепляют собственную субъектность.

Для анализа китайского дискурса важна работа А.А. Мильковой, где показано, что внешнеполитические нарративы Си Цзиньпина в 2013–2024 гг. сопровождались усилением категорий справедливости, взаимной выгоды, реформы глобального управления и альтернативности западноцентричным подходам [6]. Это позволяет интерпретировать китайский дискурс о многополярности как устойчивую рамку политического смыслопроизводства, в которой данный концепт получает преимущественно положительную нормативную нагрузку.

Российский материал также требует внимания к семантической насыщенности ключевых политических понятий. И.В. Николаев на примере концепта «суверенитет» показывает, что внешнеполитические категории формируют развернутые семантические поля, объединяющие безопасность, независимость, историческую субъектность и право на собственную модель развития [7]. По аналогии многополярность может рассматриваться как узловой элемент поля, включающего такие

понятия, как суверенитет, цивилизационное разнообразие, равноправие, гегемония, справедливость и центр силы.

Значимость категории стратегического нарратива подтверждается исследованием В.В. Огневой и Н.И. Харитоновой, которые показывают, что российский полемический дискурс о новом мире соединяет конфликтную аргументацию и стратегическое повествование о будущем международного устройства [8]. Поэтому многополярность выступает не только термином внешнеполитического словаря, но и инструментом легитимации политической позиции, выполняя одновременно описательную и перформативную функции.

Сравнительный подход усиливается учетом внешнего контекста. Л.О. Игумнова, анализируя новую многополярность во внешнеполитическом дискурсе Европейского союза, показывает, что это понятие является предметом конкурирующих интерпретаций и за пределами российско-китайского пространства [9]. Следовательно, китайский и российский дискурсы формируются в условиях более широкой международной борьбы за смысловое наполнение многополярности.

Таким образом, рассмотренные исследования позволяют выстроить теоретико-методологическую основу для анализа многополярности как политико-дискурсивной конструкции. Многополярность предстает одновременно как исторически изменчивый концепт и как инструмент производства представлений о мировом порядке, государственном статусе и международной справедливости. Следовательно, анализ китайского и российского политических дискурсов должен быть направлен не только на выявление сходств и различий в терминологии, но и на реконструкцию способов, посредством которых через язык конструируются порядок, субъектность и нормативное видение глобального будущего.

Результаты и обсуждение

Конструирование многополярного мирового порядка в политическом дискурсе Китая носит последовательный и нормативно нагруженный характер. В китайской официальной риторике многополярность, как правило, представляется не как простое отражение перераспределения сил в международной системе и не как форма открытого соперничества центров мощности, а как желательная модель более справедливого, устойчивого и инклюзивного мирового устройства. Уже в ранних китайско-российских документах данная логика была выражена предельно отчетливо: многополярность связывалась с отказом от гегемонизма и силовой политики, с утверждением равноправия государств, уважением суверенитета, расширением международного сотрудничества и формированием «справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка» [10]. Тем самым в китайском политическом языке многополярность изначально закреплялась не как конфликтная категория, а как концепт, ориентированный на преодоление доминирования, институциональный баланс и легитимное многообразие путей развития.

Дальнейшее развитие этого дискурса показывает, что китайская сторона стремится встроить идею многополярного мира в более широкую нормативную рамку международной законности и коллективного управления. В совместном заявлении Китая и России о международном порядке XXI века подчеркивается, что решение глобальных проблем возможно лишь на основе общепризнанных принципов международного права, многосторонних механизмов, отказа от односторонних действий и укрепления центральной роли ООН [11]. Существенно, что в этом контексте мировые дела трактуются как предмет коллективного обсуждения и согласования, а не как объект монополии отдельных держав. Такая постановка вопроса позволяет говорить о том, что китайский дискурс о многополярности строится вокруг идеи политической неделимости международного пространства, где легитимность порядка определяется не превосходством одного центра силы, а признанием суверенного равенства и многостороннего согласования интересов.

Эта линия получает дальнейшее развитие и в заявлении Китая и России по крупным международным вопросам 2008 г., где многополяризация описывается как необратимая тенденция, а в качестве нормативного ответа на сохраняющиеся проявления односторонности и силовой политики предлагается строительство «гармоничного мира», основанного на принципах Устава ООН, равенства, демократии и сотрудничества [12]. Для китайского политического дискурса показательно, что понятие многополярности здесь не сводится к множественности полюсов как таковой, а получает позитивное смысловое наполнение через категории мира, совместного процветания и кооперативного регулирования. Иными словами, китайская трактовка многополярного мирового порядка предполагает не столько фрагментацию международной среды, сколько выстраивание такой формы международных отношений, при которой баланс сил должен быть дополнен балансом норм, процедур и возможностей участия.

В более поздних китайских официальных выступлениях многополярность все отчетливее связывается с реформой глобального управления. В речи Си Цзиньпина на заседании «ШОС+» в сентябре 2025 г. идея более справедливой и рациональной системы глобального управления была прямо соотнесена с продвижением сообщества единой судьбы человечества, принципом суверенного равенства, демократизацией международных отношений и защитой подлинного многостороннего подхода [13]. Принципиально важно, что в данной логике многополярность мыслится не как разрушение существующего порядка, а как его нормативная переработка: предполагается расширение участия государств в принятии решений, укрепление универсальных правил и отказ от навязывания узкогрупповых норм под видом всеобщих. Тем самым китайский политический дискурс формирует образ многополярного мира как институционально упорядоченного пространства, в котором сотрудничество и согласование должны преобладать над блоковой конфронтацией.

Особое место в китайском дискурсивном конструировании многополярного порядка занимает тема глобального Юга. В выступлении Ван И в марте 2026 г. подчеркивалось, что коллективный подъем стран глобального Юга является ярким признаком мировых перемен и ключевой движущей силой процесса мировой многополяризации; одновременно утверждалось, что именно глобальный Юг должен продвигать подлинный многосторонний подход, защищать международную систему, ядром которой выступает ООН, и добиваться того, чтобы международные правила вырабатывались всеми странами совместно [14]. В этом фрагменте особенно ясно проявляется важная черта китайской риторики: многополярность неотделима от перераспределения политического голоса в пользу развивающихся стран. Следовательно, речь идет не просто о плюрализации центров силы, а о более глубокой демократизации международного порядка, предполагающей расширение представительства и нормативной субъектности тех акторов, которые ранее занимали периферийное положение.

Похожая логика содержится и в Тяньцзиньской декларации Совета глав государств – членов ШОС 2025 г., где построение более представительного, более демократичного и более справедливого многополярного мира увязывается с центральной координирующей ролью ООН, уважением цивилизационного многообразия, суверенного выбора путей развития и принципом невмешательства [15]. Для анализа китайского политического дискурса данный документ важен тем, что он демонстрирует устойчивость нескольких смысловых связок: многополярность – ООН, многополярность – цивилизационное разнообразие, многополярность – равноправное сотрудничество, многополярность – неприятие конфронтационной блоковости. В совокупности эти элементы задают специфическую модель международного порядка, в которой легитимность строится не на военно-политической иерархии, а на признании множественности цивилизационных и политических форм.

Наконец, существенный вклад в китайское понимание многополярности вносит и многосторонний формат БРИКС. В совместном заявлении о укреплении и реформе многосторонней системы подчеркивается необходимость реформирования ООН, повышения представительности развивающихся стран, укрепления роли Генеральной Ассамблеи, усиления ЭКОСОС и более широкого участия новых центров роста в международном экономическом управлении [16]. Хотя в данном документе понятие многополярности не всегда выведено на первый план терминологически, его содержательное наполнение очевидно: речь идет о такой трансформации глобального управления, при которой международные институты становятся более репрезентативными, сбалансированными и открытыми для государств вне традиционного западного ядра. Именно в этом состоит одна из ключевых особенностей китайского дискурса: многополярный мировой порядок мыслится прежде всего как реформируемый, а не разрушаемый порядок.

Таким образом, в политическом дискурсе Китая концепция многополярного мирового порядка конструируется как нормативно легитимная и институционально желательная модель международных отношений, основанная на суверенном равенстве, центральной роли ООН, подлинном многостороннем подходе, расширении представительства развивающихся стран, уважении цивилизационного многообразия и сопряжении глобального управления с идеей сообщества единой судьбы человечества. Это позволяет заключить, что китайская трактовка многополярности имеет преимущественно кооперативный, реформаторский и универсалистский характер: она направлена не на простую фиксацию множественности центров силы, а на выработку такой формулы мирового порядка, в которой баланс влияния сочетается с балансом норм, процедур и возможностей участия.

В российском политическом дискурсе концепция многополярного мирового порядка конструируется прежде всего как ответ на кризис прежней модели международных отношений, ассоциируемой с западным доминированием, блоковой экспансией и попытками навязывания односторонних правил. Это позволяет рассматривать многополярность в российском случае не как изолированную внешнеполитическую формулу, а как системообразующий элемент более широкой картины мира, в которой центральное место занимают суверенитет, безопасность, цивилизационная самобытность и перераспределение международного влияния.

Содержательно российская трактовка многополярного порядка выражена более конфликтно и геополитически резко, чем в китайском дискурсе. В выступлении С.В. Лаврова на переговорах с Ван И в Пекине в апреле 2026 г. подчеркивалось, что нынешний этап характеризуется «тяжелейшими испытаниями» для системы международных отношений; при этом западные страны, по оценке российского министра, используют украинский кризис для создания «нового агрессивного блока» в Европе, а также способствуют формированию «блоковых конструкций» в Азии, подрывая сложившиеся региональные механизмы взаимодействия. На этом фоне Россия и Китай, согласно заявлению Лаврова, намерены обсуждать практические шаги по формированию новой архитектуры безопасности в Евразии [17]. В этом фрагменте особенно ясно проявляется характерная особенность российского дискурса: многополярность осмысляется не только как более справедливое распределение силы, но и как проект стратегического сдерживания однополярных и блоковых практик. Иначе говоря, речь идет о порядке, который должен заменить прежнюю систему не только институционально, но и в военно-политическом измерении.

Аналогичная логика отчетливо проявляется в российском дискурсе на площадке ООН. В выступлении Постоянного представителя России В.А. Небензи на заседании Совета Безопасности по Украине европейские государства представлены как силы, ориентированные не на поиск устойчивого урегулирования, а на вооружение Европы, укрепление восточного фланга и нанесение России «стратегического поражения» [18]. Хотя в данном тексте термин «многополярность» не выведен на первый план как центральное слово, сама аргументационная структура соответствует российской модели многополярного мира: Запад изображается как субъект, стремящийся сохранить и расширить иерархическое доминирование, тогда как Россия – как актор, сопротивляющийся навязанной архитектуре зависимости и силового давления. В этой логике многополярный порядок приобретает выраженный стратегико-оборонительный смысл, а его построение связывается с необходимостью слома механизмов одностороннего контроля над международной безопасностью.

Важной составляющей российского конструирования многополярности является и тема стратегического суверенитета. На официальных российских площадках высокого уровня, включая заседание дискуссионного клуба «Валдай», обсуждение мирового порядка выстраивается вокруг вопроса о том, на каких основаниях может быть обеспечен прочный мир и каковы пределы допустимого внешнего вмешательства в развитие суверенных государств [19]. В российском политическом языке суверенитет при этом понимается не только в формально-юридическом смысле, но и как способность государства быть самостоятельным центром принятия решений, не встроенным в чужую систему политической или военно-стратегической зависимости. Именно поэтому в российской риторике идея многополярности тесно сопряжена с признанием права крупных незападных держав на автономное цивилизационное и политическое самоопределение. В отличие от более универсалистских формул китайского дискурса, российская версия многополярности чаще опирается на язык исторической субъектности, баланса силы и неприемлемости внешней опеки.

Заметное место в российском дискурсе занимает и евразийское измерение многополярного проекта. Характерно, что в материалах, связанных с российско-китайскими контактами, акцент делается не просто на координации двух государств, а на выработке новой архитектуры безопасности на всем евразийском пространстве [20]. Такая постановка вопроса показывает, что Россия стремится репрезентировать многополярность не только как глобальную тенденцию, но и как регионально организуемый порядок, в котором Евразия должна стать самостоятельным пространством политической координации, защищенным от внешнего силового диктата и блоковой фрагментации. Тем самым многополярность в российском дискурсе связывается с идеей пространственной переорганизации международной политики: новые центры силы должны не только уравновешивать друг друга, но и формировать альтернативные контуры безопасности и сотрудничества вне рамок прежней евроатлантической доминанты.

Одновременно российская официальная риторика активно связывает многополярный мир с подъемом незападных регионов, прежде всего Африки. В приветствии Президента России участникам Второй министерской конференции Форума партнерства Россия – Африка, оглашенном С.В. Лавровым, подчеркивалось, что Россия придает большое значение развитию дружественных, равноправных и взаимовыгодных отношений с африканскими партнерами, а сам континент играет все более весомую роль в глобальной политике [21]. В российских дипломатических материалах, посвященных конференции в Каире, Африка также рассматривается как одно из ключевых направлений формирования более справедливого мироустройства и как важный участник складывающегося многополярного мира [22]. В этом аспекте российский дискурс демонстрирует стремление расширить нормативную и политическую базу многополярности за пределы собственно евразийского пространства: она осмысляется как глобальный процесс, в котором растущая роль государств Африки, Азии и других незападных регионов должна институционально и политически ограничить западную монополию на определение международных правил.

При этом российская трактовка многополярного порядка почти неизменно сопровождается апелляцией к цивилизационному многообразию и критикой универсалистских претензий Запада. Даже там, где речь идет о конкретных кризисах безопасности, как, например, в заявлениях, связанных с украинским направлением, Приднестровьем или европейской военной активностью, эти сюжеты включаются в более широкую рамку противодействия внешнему диктату и защиты собственных политико-цивилизационных оснований развития. Характерно, что в подобных текстах западное присутствие описывается как фактор дестабилизации, тогда как российское – как фактор сдерживания, равновесия или миротворческой ответственности [23]. Тем самым многополярность получает в российском дискурсе выраженный ценностно-политический оттенок: она означает не просто множественность полюсов, но и признание того, что различные цивилизационные и региональные центры обладают правом на собственные модели безопасности, легитимности и международного поведения.

В итоге российский политический дискурс конструирует многополярный мировой порядок как порядок постгегемонический, стратегически суверенный и конфликтно переходный. В нем многополярность связана с сопротивлением западному доминированию, с отказом от односторонней архитектуры безопасности, с признанием права незападных центров силы на автономное развитие и с необходимостью выстраивания новых региональных и глобальных механизмов равновесия. В отличие от китайской модели, где доминирует язык институциональной реформы, кооперации и инклюзивности, российская риторика гораздо отчетливее подчеркивает конфликтный генезис нового порядка, его связь с военно-политическим противоборством и с задачей демонтажа структур прежней однополярности. Именно поэтому российская версия многополярности выступает не только как проект международной демократизации, но и как дискурс стратегической самообороны, в рамках которого Россия закрепляет за собой роль самостоятельного центра силы и одного из ключевых участников переустройства мировой системы.

Сопоставление китайского и российского дискурсов о многополярном мировом порядке показывает, что их сближение основано на общем критическом отношении к западноцентричной модели международного устройства. В обоих случаях многополярность выступает как важный язык переосмысления мировой политики, как средство критики гегемонизма и односторонности, а также как нормативная рамка для утверждения более сбалансированного и плюралистического порядка. Китай и Россия подчеркивают значение суверенитета, равноправия государств, центральной роли ООН и недопустимости навязывания универсальных правил в интересах ограниченного круга стран. Именно поэтому концепция многополярного мирового порядка становится для обеих сторон важным ресурсом международно-политической самоидентификации и дипломатической легитимации.

Вместе с тем сходство не означает тождественности смыслов. Китайский дискурс в большей степени ориентирован на институциональную и нормативную переработку существующего международного порядка. В нем многополярный мир описывается прежде всего как более справедливая, более представительная и более инклюзивная система глобального управления, в которой усиление новых центров силы должно сопровождаться расширением сотрудничества, развития и коллективного принятия решений. Российский дискурс, напротив, значительно отчетливее подчеркивает конфликтный и силовой характер формирующегося многополярного порядка. В российской политической риторике многополярность предстает прежде всего как ответ на кризис однополярного мира, как форма стратегического сопротив-

ления западному доминированию и как условие восстановления международного равновесия.

Существенно различается и характер самопозиционирования двух государств. В китайском дискурсе Китай представлен как ответственный участник глобального управления, инициатор реформ и выразитель интересов глобального Юга. В российском дискурсе Россия, в свою очередь, репрезентируется как самостоятельный центр силы, защищающий стратегический суверенитет и противостоящий внешнему давлению. Соответственно, если китайская версия многополярности носит преимущественно кооперативно-нормативный характер, то российская – более геополитический и стратегически оборонительный.

Таким образом, общность китайского и российского подходов к многополярному мировому порядку создает основу для их политико-дискурсивного сближения, тогда как различия отражают особенности международного положения, дипломатической практики и стратегической культуры двух стран. Это позволяет сделать вывод о том, что многополярный мировой порядок представляет собой не единый и неизменный концепт, а контекстуально зависимую политико-дискурсивную конструкцию, содержание которой определяется конкретными внешнеполитическими задачами и моделями международной субъектности.

Заключение

Проведенное исследование показало, что концепция многополярного мирового порядка в политическом дискурсе Китая и России выступает не только как описание изменений международной системы, но и как политико-дискурсивная конструкция, через которую формируются представления о суверенитете, справедливости и легитимном мировом устройстве. В обоих случаях многополярность используется для критики западноцентричного порядка и обоснования необходимости более сбалансированной международной системы.

Сравнительный анализ выявил различия в смысловом наполнении данного концепта. Китайский дискурс трактует многополярность преимущественно как кооперативный и нормативно ориентированный проект, связанный с реформой глобального управления, многосторонностью и развитием. Российский дискурс, напротив, подчеркивает ее стратегический и конфликтный характер, связывая многополярность с преодолением однополярной модели, защитой суверенитета и восстановлением международного равновесия.

Таким образом, многополярный мировой порядок предстает как контекстуально зависимая политико-дискурсивная конструкция, содержание которой определяется международным положением государства, его внешнеполитическими задачами и стратегической культурой. Анализ китайского и российского дискурсов позволяет показать, как через политический язык формируются альтернативные представления о будущем мирового порядка.

Литература

1. Иванова Н. А., Новиков Д.П., Фань С. Сравнительный анализ концепта многополярности в политическом и научном дискурсах России и КНР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 172–185.

2. Aurangzeb M., Jabeen R., Uddin S.S. Constructing Multipolarity: A Constructivist Analysis of Global Power Transformation, Identity Formation, and Emerging Alliances (2001–2025) // Pakistan Languages and Humanities Review. 2026. Vol. 10. No. 1. P. 157–167.

3. Солуянов В.С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 424–445.

4. Лапенко М. В., Науменко А.С. Теоретико-методологические подходы к определению «мирового порядка»: актуальный дискурс // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2025. Т. 21. № 1. С. 147–159.

5. Ma M., Romanov D., Libman A., et al. Mirrors and mosaics: deciphering Chinese and Russian domestic bloc-building narratives // Perspectives on Politics. 2025. P. 1–25.

6. Милькова А.А. Эволюция нарративов о международной системе во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина в 2013–2024 годах // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2026. Т. 20. № 1. С. 104–114.

7. Николаев И.В. Семантическое поле концепта «суверенитет» в дискурсе президента РФ в контексте международной напряженности (2022–2023 гг.) // Конфликтология / nota bene. 2025. № 1. С. 132–143.

8. Огнева В. В., Харитонова Н.И. Проступающие контуры нового мира: полемический дискурс и стратегические нарративы России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 76–87.

9. Игумнова Л.О. Проблемы новой многополярности в современном внешнеполитическом дискурсе Европейского союза // СибСкрипт. 2025. Т. 27. № 3 (39). С. 552–562.

10. 中华人民共和国和俄罗斯联邦关于世界多极化和建立国际新秩序的联合声明 // 中华人民共和国外交部. 2000. 7 ноября. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/200011/t20001107_9337103.shtml (дата обращения: 23.04.2026).

11. 中俄关于21世纪国际秩序的联合声明(全文) // 中华人民共和国外交部. 2005. 2 июля. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/200507/t20050702_285745.shtml (дата обращения: 23.04.2026).

12. 中华人民共和国和俄罗斯联邦关于重大国际问题的联合声明（全文） // 中华人民共和国外交部. 2008. 24 мая. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200805/t20080524_9867817.shtml (дата обращения: 23.04.2026).

13. 习近平在“上海合作组织+”会议上的讲话（全文）// 中华人民共和国外交部. 2025. 1 сентября. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202509/t20250901_11699539.shtml (дата обращения: 23.04.2026).

14. 王毅：中国始终心系全球南方、扎根全球南方 // 中华人民共和国外交部. 2026. 8 марта. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjbzhd/202603/t20260308_11870464.shtml (дата обращения: 23.04.2026).

15. 上海合作组织成员国元首理事会天津宣言 // 中华人民共和国外交部. 2025. 1 сентября. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202509/t20250901_11699651.shtml (дата обращения: 23.04.2026).

16. 金砖国家关于加强和改革多边体系的联合声明 // 中华人民共和国外交部. 2021. 1 июня. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/jzgj_682158/xgxw_682164/202106/t20210601_9183944.shtml (дата обращения: 23.04.2026).

17. Лавров: Россия и Китай обсудят формирование новой архитектуры безопасности в Евразии] // Anadolu Ajansı. 2026. 14 апр. URL: https://reurl.cc/aXx1kl (дата обращения: 23.04.2026).

18. Выступление Постоянного представителя В.А. Небензи на заседании СБ ООН по Украине // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 2026. 24 февр. URL: https://russiaun.ru/ru/news/324022026 (дата обращения: 23.04.2026).

19. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 2025. 2 окт. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/78134 (дата обращения: 23.04.2026).

20. Пресс-конференция по итогам визита в Китай // Президент России. 2023. 18 окт. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/72532 (дата обращения: 23.04.2026).

21. Путин оценил потенциал сотрудничества России и Африки в торговой сфере // РИА Новости. 2025. 20 дек. URL: https://ria.ru/20251220/rossija-2063508518.html (дата обращения: 23.04.2026).

22. Вступительное слово Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на открытии пленарного заседания Второй министерской конференции Форума партнерства Россия – Африка, Каир, 20 декабря 2025 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2025. 20 дек. URL: https://mid.ru/ru/press_service/vizity-ministra/2067451/ (дата обращения: 23.04.2026).

23. Шойгу: Стремление заменить российских миротворцев «контингентом стран Запада» спровоцирует негативные последствия для РМ // eVedomosti.md. 2026. URL: http://www.evedomosti.md/news/shojgu-stremlenie-zamenit-rossijskih-mirotvorcev-kontingento (дата обращения: 23.04.2026).

CONSTRUCTING THE CONCEPT OF A “MULTIPOLAR WORLD ORDER” IN THE POLITICAL DISCOURSE OF CHINA AND RUSSIA: A CORPUS-ASSISTED CRITICAL DISCOURSE STUDY

Fan Yuwen
National Research University Higher School of Economics

The article examines the construction of the concept of a multipolar world order in the political discourse of China and Russia. The aim of the study is to identify the semantic features of this concept, as well as similarities and differences in its interpretation in the official rhetoric of the two states. The methodological framework combines a corpus-based approach and critical discourse analysis. The study shows that China and Russia converge in their criticism of the Western-centric order, their emphasis on the sovereign equality of states, and their support for a more balanced international system. At the same time, Chinese discourse interprets multipolarity mainly as a cooperative and reformist principle, whereas Russian discourse emphasizes its strategic, conflictual, and post-hegemonic character. The article concludes that the concept of multipolarity is context-dependent and shaped by each state’s foreign policy objectives and strategic culture.

Keywords: multipolar world order, political discourse, China, Russia, critical discourse analysis, international relations.

References

1. Ivanova N. A., Novikov D.P., Fan S. Comparative Analysis of the Concept of Multipolarity in the Political and Academic Discourses of Russia and China // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2025. Vol. 30. No. 1. P. 172–185.
2. Aurangzeb M., Jabeen R., Uddin S.S. Constructing Multipolarity: A Constructivist Analysis of Global Power Transformation, Identity Formation, and Emerging Alliances (2001–2025) // Pakistan Languages and Humanities Review. 2026. Vol. 10. No. 1. P. 157–167.
3. Soluyanov V.S. The Concept of Multipolarity: Diversity of Approaches and Interpretations // RUDN Journal of Political Science. 2021. Vol. 23. No. 3. P. 424–445.
4. Lapenko M. V., Naumenko A.S. Theoretical and Methodological Approaches to Defining the "World Order": Current Discourse // Political Expertise: POLITEX. 2025. Vol. 21. No. 1. P. 147–159.
5. Ma M., Romanov D., Libman A., et al. Mirrors and Mosaics: Deciphering Chinese and Russian Domestic Bloc-Building Narratives // Perspectives on Politics. 2025. P. 1–25.
6. Milkova A.A. The Evolution of Narratives about the International System in Xi Jinping's Foreign Policy Discourse in 2013–2024 // Bulletin of Perm University. Political Science. 2026. Vol. 20. No. 1. P. 104–114.
7. Nikolaev I.V. The Semantic Field of the Concept of "Sovereignty" in the Discourse of the President of the Russian Federation in the Context of International Tension (2022–2023) // Conflictology / nota bene. 2025. No. 1. P. 132–143.
8. Ogneva V. V., Kharitonova N.I. Emerging Contours of a New World: Russia's Polemical Discourse and Strategic Narratives // Izvestiya of Tula State University. Humanities. 2024. No. 4. P. 76–87.
9. Igumnova L.O. Problems of New Multipolarity in the Contemporary Foreign Policy Discourse of the European Union // SibScript. 2025. Vol. 27. No. 3 (39). P. 552–562.
10. Joint Statement of the People's Republic of China and the Russian Federation on World Multipolarization and the Establishment of a New International Order // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2000. November 7. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/20011/t20001107_9337103.shtml (accessed: 23.04.2026).
11. China–Russia Joint Statement on the International Order in the 21st Century: Full Text // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2005. July 2. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/200507/t20050702_285745.shtml (accessed: 23.04.2026).
12. Joint Statement of the People's Republic of China and the Russian Federation on Major International Issues: Full Text // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2008. May 24. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200805/t20080524_9867817.shtml (accessed: 23.04.2026).
13. Xi Jinping's Speech at the "Shanghai Cooperation Organization Plus" Meeting: Full Text // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2025. September 1. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202509/t20250901_11699539.shtml (accessed: 23.04.2026).
14. Wang Yi: China Always Cares about and Is Rooted in the Global South // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2026. March 8. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjbzhd/202603/t20260308_11870464.shtml (accessed: 23.04.2026).
15. Tianjin Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization Member States // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2025. September 1. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202509/t20250901_11699651.shtml (accessed: 23.04.2026).
16. BRICS Joint Statement on Strengthening and Reforming the Multilateral System // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2021. June 1. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/jzgj_682158/xgxw_682164/202106/t20210601_9183944.shtml (accessed: 23.04.2026).
17. Lavrov: Russia and China to Discuss the Formation of a New Security Architecture in Eurasia // Anadolu Ajansı. 2026. April 14. URL: https://reurl.cc/aXx1kl (accessed: 23.04.2026).
18. Statement by Permanent Representative V.A. Nebenzya at the UN Security Council Meeting on Ukraine // Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations. 2026. February 24. URL: https://russiaun.ru/ru/news/324022026 (accessed: 23.04.2026).
19. Meeting of the Valdai Discussion Club // President of Russia. 2025. October 2. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/78134 (accessed: 23.04.2026).
20. Press Conference Following the Visit to China // President of Russia. 2023. October 18. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/72532 (accessed: 23.04.2026).
21. Putin Assesses the Potential of Russia–Africa Cooperation in Trade // RIA Novosti. 2025. December 20. URL: https://ria.ru/20251220/rossija-2063508518.html (accessed: 23.04.2026).
22. Opening Remarks by Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov at the Plenary Session of the Second Ministerial Conference of the Russia–Africa Partnership Forum, Cairo, December 20, 2025 // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 2025. December 20. URL: https://mid.ru/ru/press_service/vizity-ministra/2067451/ (accessed: 23.04.2026).
23. Shoigu: The Attempt to Replace Russian Peacekeepers with a "Contingent of Western Countries" Will Provoke Negative Consequences for the Republic of Moldova // eVedomosti.md. 2026. URL: http://www.evedomosti.md/news/shojgu-stremlenie-zamenit-rossijskih-mirotvorcev-kontingento (accessed: 23.04.2026).

Санкционная политика США и ЕС как фактор институционализации технологического суверенитета России в сфере ИТ: кейс Постановления Правительства РФ от 16.11.2015 РФ № 1236 (2014–2016)

Финагин Иван Алексеевич,
специалист по работе с государственными органами,
ООО «Киберпротект»
E-mail: finagin505@yandex.ru

После начала украинского кризиса в 2014 г. санкционная политика США и ЕС стала важным фактором, влияющим на формирование технологического суверенитета России в сфере информационных технологий (ИТ). Целью исследования является выявление механизма институционализации технологического суверенитета России в сфере ИТ под воздействием санкционной политики США и ЕС 2014–2016 гг., реализованного через принятие Постановления Правительства Российской Федерации от 16.11.2015 № 1236. В качестве теоретической основы применён неореализм (структурный реализм) К. Уолтца, в частности, концепты анархии, самопомощи, неопределённости намерений и зависимости как уязвимости. Эмпирическую базу составил качественный анализ официальных заявлений Президента РФ, Правительства РФ, представителей профильных министерств, экспертных интервью, а также анализ нормативных актов периода 2014–2016 гг. Установлено, что, несмотря на отсутствие масштабных санкций против гражданского ИТ-сектора, именно угроза их расширения стала триггером для запуска превентивной стратегии самопомощи. Это выразилось в принятии Постановления № 1236, ограничивающего допуск иностранного ПО к госзакупкам и формирующего режим поддержки отечественных ИТ-компаний через реестровый механизм. В статье раскрыто, как внешние вызовы трансформировались в институциональные решения в логике структурного реализма.

Ключевые слова: санкционная политика США, санкционная политика ЕС, неореализм, структурный реализм, технологический суверенитет, импортозамещение.

Введение

Начиная с 2014 г. и вплоть до конца 2016 г. действия США и ЕС против России в целом носили сходный и однонаправленный характер. Вводились персональные санкции против граждан России, визовые и финансовые ограничения; запрет на покупку недвижимости для граждан ЕС; финансирование и инвестирование в Крым. Ключевым элементом новых ограничений стали секторальные санкции. Так, были затронуты три сектора российской экономики: оборонный, банковский и энергетический [1]. В то же время в данный период сохранялся доступ к большинству гражданских технологий через коммерческие каналы. Многие высокотехнологичные секторы, такие как ИТ, продолжали получать доступ к услугам, технологиям и комплектующим из США и ЕС. Тем не менее, уже в 2014–2015 гг. в экспертном и государственном дискурсе всё отчётливее звучала обеспокоенность рисками технологической зависимости и возможностью расширения санкционного давления на ИТ-отрасль. В этих условиях было принято решение о запуске превентивных мер, направленных на снижение критической зависимости от иностранного ПО. Одним из важнейших шагов стало принятие Постановления Правительства РФ от 16 ноября 2015 года № 1236, которое ограничило допуск иностранного ПО к государственным и муниципальным закупкам, а также заложило основы для формирования единого реестра российского ПО.

В настоящем исследовании в качестве теоретической основы используется структурный реализм К. Уолтца, акцентирующий внимание на анархии международной системы, принципе самопомощи и трактовке зависимости как уязвимости. Эмпирическая часть построена на качественном анализе официальных заявлений, нормативных актов и экспертных мнений, отражающих эволюцию государственной политики в 2014–2016 гг.

Теоретическая рамка и методология исследования

В качестве теоретической основы исследования выбран структурный реализм (неореализм) Кеннета Уолтца. Структурный реализм исходит из того, что поведение государств определяется структурой международной системы, ключевым признаком которой является отсутствие наднационального суверена.

Так, в основе структурного реализма лежит представление о международной системе как анархии, то есть отсутствии мирового правительства, способного обеспечить порядок и безопасность для всех участников. В условиях анархии действует принцип самопомощи, где каждое государство вынуждено заботиться о собственной безопасности и выживании в связи с тем, что оно не может быть уверено в поддержке со стороны других акторов. Неопределённость намерений других государств и невозможность предсказать их действия приводят к недоверию и подталкивают к формированию защитных стратегий, направленных на минимизацию внешних рисков [2]. Взаимозависимость между государствами, особенно в критически важных сферах, таких как ИТ, рассматривается как фактор уязвимости.

В рамках исследования используется качественный анализ официальных документов и публичных заявлений, который опирается на традицию политологического анализа документов, где ключевым является выявление смысловых акцентов, логики и эволюции дискурса [3].

Процедура анализа включает определение подлинности и релевантности документов, их классификация и систематизация, кодирование тематических блоков, интерпретация и реконструкция дискурса, сопоставление с теоретической рамкой [3].

В эмпирическую базу исследования включены:

- Постановление Правительства Российской Федерации от 16.11.2015 № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;
- Протоколы и решения заседаний Правительства РФ и профильных министерств по вопросам импортозамещения и развития ИТ-отрасли (в том числе выдержки из стенограмм и официальных пресс-релизов);

• Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. (В. Путин);
• Экспертные интервью.

Санкционная политика США и ЕС в 2014–2016 гг. и риски для российского ИТ-сектора

Санкционная политика США и ЕС после 2014 года характеризовалась поэтапным расширением и диверсификацией инструментов давления на Россию. В 2014 году были введены первые персональные санкции против российских граждан и компаний, связанные с событиями в Крыму и на востоке Украины. Эти меры включали визовые ограничения, заморозку активов и запрет на финансовые операции с рядом физических и юридических лиц. В течение 2014–2015 гг. санкционный режим был расширен за счёт секторальных санкций, которые затронули энергетический, оборонный и финансовый секторы. Были введены ограничения на экспорт технологий двойного назначения, инвестиции в Крым, а также запрет на предоставление определённых финансовых услуг российским банкам и компаниям. К 2016 году санкционный режим сохранялся и периодически корректировался, включая продление и ужесточение отдельных мер [1].

Несмотря на то, что прямые санкции против гражданского ИТ-сектора в 2014–2016 гг. не были введены, санкционное давление создало атмосферу неопределённости и риска для российских ИТ-компаний. Ограничения на экспорт технологий двойного назначения и компонентов, которые используются в ИТ-инфраструктуре, а также потенциальная угроза введения санкций на ПО и сервисы усилили опасения по поводу устойчивости функционирования критически важных информационных систем и зависимости российской ИТ-отрасли от зарубежных технологических решений. В частности, возникли риски ограничения доступа к обновлениям и технической поддержке зарубежного ПО для государственных и корпоративных систем.

В ответ на эти вызовы Правительство РФ инициировало меры по снижению зависимости от иностранного ПО, что выразилось в принятии Постановления Правительства РФ № 1236 от 16 ноября 2015 года, ограничивающего допуск иностранного программного обеспечения к государственным и муниципальным закупкам, а также начало формировать режим поддержки отечественных ИТ-компаний через реестр отечественного ПО.

Официальный и экспертный дискурс о технологической независимости и импортозамещении в 2014–2016 гг.

Официальный дискурс 2014–2016 гг. отражает эволюцию государственной политики от декларации технологической независимости к институционализации через нормативные акты.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 4 декабря 2014 г. Владимир Путин, затрагивая вопрос санкционного давления, обозначил технологическую независимость как стратегический приоритет, напрямую связав её с вопросами национальной безопасности, суверенитета и импортозамещения: «Так называемые санкции и внешние ограничения – это стимул для более эффективного, ускоренного достижения поставленных целей. Нам многое нужно сделать. Создать новые технологии и конкурентную продукцию… Мы также должны снять критическую зависимость от зарубежных технологий и промышленной продукции… Что касается импорта, то за рубежом должно приобретаться действительно уникальное оборудование и технологии… Программы импортозамещения должны работать на создание в России массового слоя производственных компаний, способных быть конкурентными не только внутри страны, но и на международных рынках» [4].

Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев на заседании президиума Совета при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию России в 2015 году подчёркивал, что вопрос импортозамещения в сфере ИТ это не только экономическая задача, но и вопрос национальной безопасности, вызванный сложной геополитической обстановкой: «Теперь про инновационное развитие отрасли IT в контексте современного глобального развития. Имея в виду сложную внешнеполитическую обстановку, поддержка российских производителей, развитие собственных технологических решений, платформ, то есть инфраструктуры, – вопрос не только информационной, но и национальной безопасности, вне всякого сомнения» [5].

По итогам заседания был принят ряд решений. Так, министру Минкомсвязи Н.А. Никифорову было поручено представить предложения по дополнительному финансированию ИТ-отрасли в объёме, позволяющем решить задачи поддержки ее поддержки на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года. Также было поручено представить проект постановления Правительства РФ, предусматривающий введение обоснованных ограничений на допуск ПО для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд [6].

Принятые решения направлены на реализацию отраслевых программ импортозамещения в соответствии с планом первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году (утверждён распоряжением Правительства от 27 января 2015 года № 98-р). Подчеркивается, что реализуемые меры в рамках плана нацелены на «обеспечение устойчивого развития экономики и социальной стабильности в период наиболее сильного влияния неблагоприятной внешнеэкономической и внешнеполитической конъюнктуры» [7].

Одна из самых влиятельных экспертов в ИТ-отрасли Н.И. Касперская подчеркивала, что России придется либо создавать национальную технологическую стратегию и IT-платформу, или мириться с полной информационной зависимостью от других государств. Принятое решение о создании реестрового механизма и преференциях для российских разработчиков эксперт назвала «эпохальным решением».

Также подчеркивается, что интерес к такому решению появился и у крупных государственных заказчиков, которые осознали свое уязвимое положение и теперь сами говорят об импортозамещении. Причем подобные действия предпринимают не только компании из подсанкционных секторов, но и те, кто может потенциально попасть под санкционное давление. В этой логике угрозы связывались не столько с самим развитием технологий, сколько с недооценкой качественно новых форм уязвимости, которые возникают в условиях глубокой цифровизации. По мнению Н.И. Касперской, ключевой проблемой выступал риск информационной зависимости от другого государства. Отсутствие собственной элементной базы, национальных операционных систем, ПО и аппаратных решений означает ограниченную способность государства контролировать критически важную инфраструктуру, а отсутствие должного контроля означает невозможность управлять собственным суверенитетом [8].

В ходе анализа выделяются следующие ключевые тематические блоки:

В большинстве официальных заявлений и экспертных публикаций подчёркивается, что зависимость от западных поставщиков ПО и оборудования рассматривается как фактор уязвимости, ограничивающий суверенитет и создающий риски для национальной безопасности. Санкционное давление обозначается как катализатор для переосмысления стратегических приоритетов и перехода к политике импортозамещения. Импортозамещение и реестровый механизм рассматривается в качестве инструмента достижения технологического суверенитета. В нормативных актах и официальных комментариях фиксируется, что принятие Постановления № 1236 и создание реестра отечественного ПО с одной стороны, является реакцией на внешние угрозы, с другой стороны, элементом более широкого процесса институционализации технологического суверенитета в государственной политике.

Заключение

Подводя итоги проведённого анализа, можно утверждать, что в логике структурного реализма К. Уолтца, государство, оказавшись в условиях международной анархии и неопределённости намерений других акторов, восприняло технологическую зависимость как уязвимость и реализовало стратегию самопомощи. Принятие Постановления № 1236, в свою очередь, стало институциональным выражением этой стратегии, направленной на снижение критической зависимости от иностранных технологий и формирование собственной технологической экосистемы. Таким образом, российский кейс подтверждает объяснительную силу структурного реализма, где институциональные перемены стали рациональным ответом на структурные вызовы международной системы.

Литература

1. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. Издание 2-е, переработанное и дополненное. / [сост. И.Н. Тимофеев, В.А. Морозов, Ю.С. Тимофеева]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2020. – 452 с. – ISBN 978-5-6044164-6-4 (дата обращения: 10.03.2026).

2. Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука: учебное пособие для вузов / Т.А. Алексеева. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 608 с. – ISBN 978-5-7567-1042-7. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=571310 (дата обращения: 15.03.2026).

3. Малинова О.Ю. Методика научно-исследовательской работы: учеб. пособие / О.Ю. Малинова, Е.Ю. Мелешкина. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – 124 с. – ISBN 978-5-9228-1016-6 (дата обращения: 10.03.2026).

4. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. – 4 декабря 2014 г. – Москва, Кремль. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/47173 (дата обращения: 12.03.2026).

5. О разработке и реализации Национальной технологической инициативы, об инновационном развитии информационных технологий [Электронный ресурс]: заседание президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России. – 9 июня 2015 г. – Иннополис, Республика Татарстан. – URL: http://government.ru/news/18433/ (дата обращения: 12.03.2026).

6. Решения по итогам заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России [Электронный ресурс]: об инновационном развитии отрасли информационных технологий. – 20 июня 2015 г. – URL: http://government.ru/orders/selection/401/18783/ (дата обращения: 14.03.2026).

7. План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 января 2015 г. № 98-р. – URL: http://government.ru/docs/16639/ (дата обращения: 14.03.2026).

8. Касперская Н. Мы все – большие данные [Электронный ресурс]: интервью // Вестник НАУФОР. – 2014. – № 12. – URL: https://naufor.ru/tree.asp?n=11321 (дата обращения: 17.03.2026).

U.S. AND EU SANCTIONS POLICY AS A DRIVER OF THE INSTITUTIONALIZATION OF RUSSIA'S TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY IN THE IT SECTOR: THE CASE OF RUSSIAN GOVERNMENT RESOLUTION NO. 1236 OF 16 NOVEMBER 2015 (2014–2016)

Finagin I.A.
Cyberprotect LLC

Following the onset of the Ukraine crisis in 2014, the sanctions policy of the United States and the European Union became an important factor influencing the formation of Russia's technological sovereignty in the field of information technology (IT). The purpose of this study is to identify the mechanism of the institutionalization of Russia's technological sovereignty in the IT sector under the impact of U.S. sanctions policy in 2014–2016, as implemented through the adoption of Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1236 of November 16, 2015. The theoretical framework is based on neorealism (structural realism) as developed by Kenneth Waltz, in particular the concepts of anarchy, self-help, uncertainty of intentions, and dependence as vulnerability. The empirical basis consists of a qualitative analysis of official statements by the President of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation, and representatives of relevant ministries, as well as an analysis of regulatory legal acts adopted in 2014–2016. The study finds that, despite the absence of large-scale sanctions targeting the civilian IT sector, the threat of their expansion itself served as a trigger for launching a preventive self-help strategy. This was reflected in the adoption of Resolution No. 1236, which restricted the admission of foreign software to public procurement and established a framework for supporting domestic IT companies through a registry-based mechanism. The article demonstrates how external challenges were transformed into institutional decisions within the logic of structural realism.

Keywords: US sanctions policy, EU sanctions policy, neorealism, structural realism, technological sovereignty, import substitution industrialization.

References

1. Timofeev I.N., Morozov V.A., Timofeeva Yu.S. The Politics of Sanctions: Goals, Strategies, Instruments. – 2nd ed. – Moscow: Russian International Affairs Council, 2020. – 452 p.

2. Alekseeva T.A. Theory of International Relations as Political Philosophy and Science: A Textbook for Universities [Electronic resource]. – Moscow: Aspekt Press, 2019. – 608 p. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=571310 (accessed: 15.03.2026).

3. Malinova O.Yu., Meleshkina E. Yu. Research Methodology: A Study Guide. – Moscow: MGIMO-University, 2014. – 124 p.

4. Presidential Address to the Federal Assembly [Electronic resource]. – December 4, 2014. – Moscow, Kremlin. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/47173 (accessed: 12.03.2026).

5. On the Development and Implementation of the National Technology Initiative and on the Innovative Development of Information Technologies [Electronic resource]: Meeting of the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for the Modernization of the Economy and Innovative Development of Russia. – June 9, 2015. – Innopolis, Republic of Tatarstan. – URL: http://government.ru/news/18433/ (accessed: 12.03.2026).

6. Decisions Following the Meeting of the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for the Modernization of the Economy and Innovative Development of Russia [Electronic resource]: On the Innovative Development of the Information Technology Industry. – June 20, 2015. – URL: http://government.ru/orders/selection/401/18783/ (accessed: 14.03.2026).

7. Action Plan for Priority Measures to Ensure Sustainable Economic Development and Social Stability in 2015 [Electronic resource]: Directive of the Government of the Russian Federation No. 98-r of January 27, 2015. – URL: http://government.ru/docs/16639/ (accessed: 14.03.2026).

8. Kasperskaya N. We Are All Big Data [Electronic resource]: Interview // Vestnik NAUFOR. – 2014. – No. 12. – URL: https://naufor.ru/tree.asp?n=11321 (accessed: 17.03.2026).

Формирование лексической компетенции на основе греко-латинских корней в контексте академической социализации и преодоления культурного разрыва

Виноградова Дарья Сергеевна,
преподаватель Кафедры английского языка
и профессиональной коммуникации, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: dsvinogradova@fa.ru

В условиях роста академической мобильности освоение лексики греко-латинского происхождения приобретает социальную значимость. Статья обосновывает использование латинских и греческих корней для развития лексической компетенции у студентов английского языка. Анализируется многокомпонентная природа знания слова и роль морфемного анализа. Раскрыт социологический потенциал этимологического подхода: с опорой на теории культурного капитала П. Бурдье и языковых кодов Б. Бернштейна показано, что владение данной лексикой выступает маркером принадлежности к академическим сообществам, а её систематическое обучение выравнивает стартовые возможности студентов из разных социальных сред. На основе обзора продуктивных греческих и латинских элементов и современных методических рекомендаций предложена система практических заданий (игровые активности, «обратный перевод»), формирующих морфемную осознанность, языковую догадку и метакоммуникативную гибкость. Интеграция этимологического подхода не только расширяет словарный запас, но и выполняет социально-выравнивающую функцию, повышая доступность академического дискурса.

Ключевые слова: лексическая компетенция, греко-латинские корни, морфемный анализ, культурный капитал, академическая социализация, социальное неравенство, этимологический подход, словообразование.

Развитию словарного запаса традиционно отводится особое место в изучении английского языка. Свободное общение на бытовые темы требует знания определенного вокабуляра, однако, если человек ставит целью получение высшего образования, коммуникации в академической и профессиональной среде, чтение специализированной или классической литературы, пласт необходимой лексики увеличивается в разы. Особую сложность для изучающих английский язык представляет тот факт, что значительная часть его лексического фонда сформирована за счет заимствований из классических языков – латыни и греческого. Эти элементы доминируют в научной, медицинской и академической сферах, а также активно участвуют в создании новых терминов для описания современных реалий.

Целью данной статьи является теоретическое обоснование и практическая демонстрация эффективности использования латинских и греческих корней и аффиксов для развития лексической компетенции у студентов, изучающих английский язык. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать сложную природу понятия «знание слова» и выявить роль морфемного анализа в его усвоении; определить наиболее частотные и продуктивные греческие и латинские элементы, составляющие основу значительного пласта английской лексики; рассмотреть современные методические рекомендации по эффективному обучению вокабуляру; предложить конкретные примеры заданий, направленных на развитие навыков морфемного анализа и языковой догадки.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью освоения студентами растущего объема лексики, с которым традиционные методы прямого введения новых слов справляются недостаточно эффективно. Этимологический подход, основанный на изучении греческих и латинских корней, позволяет студентам не механически запоминать слова, а понимать логику их образования и самостоятельно «предсказывать» значение незнакомых лексем.

Социальное измерение данной проблематики определяется двумя взаимосвязанными факторами. Во-первых, в условиях глобализации английский язык выполняет функцию основного инструмента академической мобильности: доступ к международным образовательным программам, научным публикациям и профессиональным сетям напрямую зависит от уровня владения лексикой, значительная часть которой имеет греко-латинское происхождение. Во-вторых, исследователи отмечают воспроизводство языкового неравенства: студенты, чья образовательная траектория не включала систематическую работу с этимологическим компонентом, оказываются в менее выигрышной позиции при освоении академического дискурса, что может закреплять существующее социальное расслоение уже на этапе высшего образования [3].

Научная новизна работы заключается в комплексном соединении теоретических знаний о морфемной структуре слова с практическими игровыми приемами, адаптированными для взрослой аудитории, а также в интеграции социологического анализа в обоснование этимологического подхода к преподаванию лексики, что позволяет выйти за рамки традиционного перечисления корней. Теоретическая значимость состоит в систематизации данных о влиянии греческих и латинских элементов на лексическую компетенцию и в выявлении социальных механизмов, через которые владение данной лексикой влияет на академический успех. Практическая значимость определяется возможностью непосредственного использования предложенных стратегий и заданий в учебном процессе.

Владение вокабуляром предполагает знание значений слов. Под значением мы обычно понимаем дефиницию или определение слова. Однако истинное владение лексикой является концепцией куда более сложной, чем может казаться на первый взгляд. Исследователи У.Е. Неджи и Дж.А. Скотт полагают, что знание слов включает пять аспектов [5]:

1. инкрементальность: каждый раз, когда мы встречаем слово в разных контекстах, наше понимание его возможного использования растет и уточняется. Например, всем известное «teaching» в процессе обучения или самостоятельного чтения расширяет сферу применения из «I enjoy teaching, but it can be really exhausting.» («Мне нравится преподавать, но это иногда выматывает.») до «She related a teaching of the prophet.» («Она пересказала учение пророка.»);

2. многомерность: многие синонимы, кажущиеся взаимозаменяемыми, на самом деле выделяют разные аспекты объектов или действий, что в контексте может играть принципиальную роль. Например, глаголы «struggle» и «strive» обозначают действие, выполняя которое человек сталкивается с трудностями, однако у «struggle» акцент создается на сложности, граничащей с невозможностью добиться цели, в то время как у «strive» коннотация положительная: человек достигает результата, прикладывая усилия;

3. полисемия: у одного и того же слова может быть много значений. В английском этот список может расширяться также и по причине того, что слово, не меняя форму, меняет соответствующую ему часть речи. Так, «fall» в качестве глагол может передавать следующие действия: падать, уменьшаться, опускаться, принадлежать или не принадлежать какой-либо категории (в зависимости от предлога), засыпать, заболевать (в сочетании с прилагательными), погибать;

4. взаимосвязанность: знание одного слова влечет за собой знакомство со связанными понятиями, объектами, действиями. Например, слово «doctor» семантически связано с «treat», «heal», «cure», «medicine», «pills», «health», и весь этот ряд хранится в памяти человека, владеющего языком, и может быть использован в речи при необходимости;

5. гетерогенность: значение слова зависит от контекста, как семантического, так и, что принципиально важно для английского языка, синтаксического. «Panda eats shoots and leaves» может означать «панда ест побеги и листья», но также и «панда ест, стреляет и уходит». Владение лексическим запасом требует умения обращаться с контекстом.

Таким образом, «знание слов» является отнюдь не простой концепцией. В английском языке, помимо перечисленных выше аспектов, требуется учитывать некоторые специфические особенности. В том виде, в котором он существует сегодня, английский язык менее, чем на половину состоит из исконно английских слов. На протяжении истории британские земли не раз подвергались набегам скандинавских племен, были одним из владений Римской империи, пережили нормандское завоевание. Все эти события, а также торговые, научные и политические связи с другими странами, привели к тому, что большая часть словарного запаса английского языка – лексика иноязычного происхождения: греческого, латинского, скандинавского, французского. [2] Особое место в сфере науки, медицины, академической среде, а также создании новой терминологии (неологизации) занимают греческие и латинские аффиксы и корни. Если в науке, медицине и образовании доминирующее положение элементов, заимствованных из латыни и греческого языка, воспринимается как естественное, то для области неологизации требуются пояснения. Во-первых, многие сферы, активно порождающие новую терминологию, традиционно оперируют латинскими и греческими заимствованиями, поэтому неологизмы, созданные по таким же моделям, интуитивно понятны и без затруднений входят в узус. Так, суффикс греческого происхождения «-ectomy» обозначает вырезание чего-либо, хирургическое вмешательство. В сочетании с периодически появляющимися названиями недавно открытых новообразований этот элемент может производить термин, указывающий на удаление этого новообразования. Во-вторых, латинские и греческие префиксы, корни и суффиксы довольно предсказуемы и стабильны в реализуемых ими значениях, что существенно облегчает понимание нового слова и служит дополнительным аргументом за их использование. В частности, придуманное в 1972 году инженером NASA Джеком Нильсоном слово «telecommute» состояло из уже существующего глагола латинского происхождения «commute» («обменивать», в этом контексте менять дом на место работы – «ездить на работу») и греческого префикса «tele» – «на расстоянии». В наше время, в связи с распространением удаленной работы, глагол активно используется в значении «работать из дома». Наконец, греческие и латинские элементы столь прочно вошли в употребление в самых разных ситуациях общения, что являются интуитивно понятными для большинства носителей языка и тех, кто его изучает.

Социологическое измерение: язык как ресурс и инструмент социальной дифференциации

Помимо лингвистической сложности, пласт греко-латинской лексики несет важную социальную нагрузку, которая может быть проанализирована по трем взаимосвязанным направлениям.

Во-первых, в русле теории культурного капитала П. Бурдье, знание латинских и греческих корней выступает формой «институционализированного» культурного капитала – ресурса, который конвертируется в академические достижения и, в конечном счете, в социальный статус [1]. Владение этим пластом лексики сигнализирует о принадлежности к образованным слоям, служит своеобразным «паролем», открывающим доступ к профессиональным сообществам (медицина, юриспруденция, академическая наука), где использование терминов классического происхождения является нормой, а их незнание может восприниматься как маркер недостаточной квалификации.

Во-вторых, греко-латинская лексика выполняет функцию социальной дифференциации в самом образовательном процессе. Исследования показывают, что студенты, чья семейная среда изначально предоставляла доступ к сложным языковым кодам (в терминологии Б. Бернштейна – «развернутый код»), имеют преимущество при освоении академического дискурса [3]. Те же, кто не владеет этим ресурсом, вынуждены тратить дополнительные усилия на «декодирование» учебных материалов, что может замедлять их академический прогресс и усиливать ощущение собственной некомпетентности.

В-третьих, обращение к этимологическому подходу в обучении имеет потенциал для преодоления описанного неравенства. В отличие от неявного, стихийного усвоения «престижной» лексики в семьях с высоким образовательным уровнем, систематическое и эксплицитное обучение греко-латинским корням в вузе делает этот ресурс доступным для всех студентов независимо от их стартовых условий. Тем самым педагогическая практика приобретает социально-выравнивающую функцию, способствуя большей справедливости в системе высшего образования.

Знание латинских и греческих элементов, как мы можем видеть, открывает доступ к огромному пласту лексики, а также делает возможным «предсказывание» значения новых слов, создаваемых с помощью этих аффиксов и корней. Подобный аспект в обучении английскому языку имеет колоссальное значение и, на наш взгляд, должен быть интегрирован в образовательный процесс на всех этапах. Знакомясь с греческими и латинскими элементами, заимствованными английским языком, студенты получают возможность понимать смыслы, которые составляют большую часть словарного запаса изучаемого языка; видеть связи между словами и угадывать их значение, даже встречаясь с лексемой в первый раз. К тому же, латинские и греческие заимствованные элементы имеют достаточно стабильную звуковую оболочку, что также является серьезным преимуществом, особенно учитывая специфику английской фонетики.

Рассмотрим примеры наиболее распространенных в английском языке греческих и латинских приставок, корней и суффиксов. Нередки случаи, когда эти заимствования имеют один и тот же смысл, однако не являются взаимозаменяемыми. Так, префиксам со значением «против» соответствуют «contra-», «contro-» из латыни: «contraflow», «contradict» и «anti-» из греческого: «antibiotic», «antisocial». «Вокруг», «около» могут передаваться через «circu-», «circum»: «circumvent» или «peri-»: «pericarditis», «periphery». «Много» – это «multi-»: «multidimensional», «multitasking» или «poly-»: «polysemantic», «polyester». Значения «чрезвычайно», «сверх» имеют префиксы «super-», «sur»: «surreal», «superstar» или «hyper»: «hypersonic», «hyperactive». Латинский эквивалент «под», «ниже» – это «sub»: «submarine», «subpar», греческий – «hypo»: «hypoglycaemic», «hypoxia».

Наиболее часто встречающиеся корни стали основой огромного количества лексем: «aqua» («вода»): «aquarium», «aqueduct»; «aud» («слух»): «auditorium», «inaudible»; «auto» («сам»): «automobile», «autonomy»; «bio» («жизнь»): «biology», «biometrics»; «chrono» («время»): «chronic», «synchronize»; «corp» («тело»): «corpse», «incorporate»; «demo» («народ»): «democracy», «pandemic»; «dict» («говорить»): «predict», «jurisdiction»; «geo» («земля»): «geography», «geotagging». Как мы можем видеть, среди примеров есть и современные термины: «geotagging» («геотэггинг»), «biometrics» («биометрия»). Латинские и греческие корни, таким образом, принимают активное участие в порождении слов, описывающих современные реалии.

Суффиксы в той же мере дают ключ к пониманию слов. [4] Из греческого: «-scope» – «наблюдать»: «microscope», «endoscope»; «-graphy» – «запись»: «cryptography», «tomography»; «-logy» – наука: «psychology», «neurology»; «-gen» – производитель: «allergen», «nitrogen». Латинские суффиксы участвуют в основных моделях словообразования. Прилагательные: «-able» («manageable»), «-al» («floral»), «-ive» («abusive»). Существительные: «-ion» («action»), «-ment» («employment»), «-or» («aviator»), «-ty» («sobriety»); уменьшительные: «-cle» («molecule»), «-ette» («palette»). Глагольные суффиксы: «-ify» («verify»), «-ate» («officiate»).

Безусловно, изучение латинских и греческих корней и аффиксов не должно сводиться к перечислению и объяснению всех возможных элементов. Это регулярная, поступательная работа, включающая как теорию, так и практику. Здесь мы сталкиваемся, однако, с общими для любого обучения вокабуляру трудностями: ограничениями, недостаточной методической проработкой темы и отсутствием должного практического подкрепления.

Традиционно преподавание этого аспекта языка в первую очередь предполагает разбор заранее подготовленного списка слов по теме в начале занятия или перед чтением текста с последующим контактом с этими словами при выполнении заданий. Этот прямой подход, несмотря на простоту и сравнительную эффективность, вызывает целый ряд вопросов. Какое количество слов мы должны включать в список? Какие слова мы изучаем со студентами и на чем основывается этот выбор? Как влияет на первые два пункта тот факт, что студенты, с которыми мы работаем, учат не родной язык?

В 2015 вышла книга «Best practices in vocabulary instruction», написанная Блаховичем и Фишером, и, вслед за ней, в 2017 – «Building literacy in English language learners, insights from linguistics» Лемса. [7] Оба труда посвящены эффективным стратегиям освоения новых слов и, в частности, освещают три основные рекомендации для изучения вокабуляра, предлагая свои ответы на вопросы, возникающие у преподавателей языков.

Первая рекомендация заключается в том, чтобы давать студентам богатый и разнообразный опыт языка. Блахович и Фишер считают, что для достижения этой цели необходимо чтение на самые разные темы, как в рамках аудитории, так и вне ее; фокусированное обучение вокабуляру, когда большая часть занятия отводится именно на это; быстрое обучение вокабуляру: лишь незначительная часть занятия посвящена активному изучению новых слов. Наконец, и в этом они солидарны с Лемсом, Блахович и Фишер предлагают заполнить учебное пространство актуальным вокабуляром: распечатки, стикеры, «стены слов». Последние представляют из себя организованную коллекцию слов, размещенную на какой-либо поверхности в классе (доске объявлений, стене), обычно используются в работе с детьми, однако, на наш взгляд, может быть эффективным инструментом с подростками и взрослыми: принцип организации можно менять в зависимости от темы, лексемы – усложнять, также для «стены слов» подходят лингвистические диаграммы связей, легко адаптируемые под любой уровень владения языком. Лемс также советует вводить словарные карточки и обеспечивать студентам большое количество повторений через все доступные каналы восприятия.

Вторая рекомендация касается изучения отдельных слов (частотных и специфичных для предметной области), которое должно проводиться строго эксплицитно. По мнению Блаховича и Фишера, здесь обязательны объяснения, фокусированное обучение, стратегии запоминания слов подразумевают активный разбор, обсуждение, аргументацию (семантические карты, системы лексической организации), необходимо использовать дефиниции. С точки зрения Лемса, нужно подключать перевод на родной язык, изучать вокабуляр перед чтением текста, формировать у студентов «ментальное представление», связанное с новым словом – понимание на любом уровне восприятия, ассоциации, подбор «ключевого слова», которое будет открывать доступ к целому ряду понятий. Он также предлагает использовать картинки или предлагать обучающимся нарисовать, показать слово, что, как и «стены слов», обычно практикуется с детьми, но, по нашему убеждению, может быть успешно адаптировано и под более взрослую аудиторию.

Третья рекомендация относится к развитию у студентов автономных стратегий запоминания новых слов. Блахович и Фишер настаивают на важности наличия у студентов контроля над собственным обучением. Сформировать независимые стратегии изучения вокабуляра могут помочь морфемный анализ, анализ контекста, использование словарей. По мнению Лемса, нужно объяснять студентам ряды однокоренных слов: «instruct», «instructor», «instruction», «instructive» и так далее, что тоже является разновидностью морфемного подхода к изучению новых слов.

Отдельно Блахович и Фишер упоминают развитие «лексической осознанности», что предполагает понимание сочетаемости слова и значений, реализуемых им в разных контекстах. Для этой цели, с точки зрения авторов «Best practices in vocabulary instruction», подходит, в частности, литературная техника «игра слов», которая заключается в том, что при помощи аллюзии, каламбура, перестановки звуков или любых других приёмов создаётся эмфатический или комический эффект. Слова в таком случае являются составными частями, инструментом, целью и результатом одновременно, что позволяет удерживать внимание студента и повышает эффективность обучения.

На наш взгляд, перечисленные выше рекомендации оптимально подходят для преподавания латинских и греческих корней: взяв их за основу, можно создать образовательную схему, в которой рутинная работа будет сочетаться с игрой, помогая студентам усваивать новые лексемы структурированно, интересно и без особых трудностей.

При разработке учебных материалов и заданий мы исходим из того, что формирование лексической компетенции на основе греко-латинских корней должно не только вооружать студентов инструментом семантического анализа, но и способствовать развитию их «языковой агентности» – способности осознанно управлять собственным лексическим репертуаром, понимая социальные контексты, в которых те или иные языковые единицы являются уместными или предпочтительными. Это предполагает включение в учебный процесс заданий, направленных на рефлексию стилистических и регистровых различий: студенты анализируют, в каких коммуникативных ситуациях уместно использовать лексику греко-латинского происхождения (академическая статья, официальное выступление, профессиональная переписка), а в каких – более простые синонимы германского происхождения (повседневное общение). Такая работа развивает метакоммуникативную осознанность и готовит студентов к гибкому использованию языковых ресурсов в зависимости от социального контекста.

Обучение аффиксам и корням начинается с морфемного анализа. Студенты должны научиться видеть и понимать, что слово можно делить на составные части, каждая из которых имеет смысл. Корень – элемент, в который заключено главное лексическое значение, общее для всех однокоренных слов. Приставка и суффикс – значимые части, служащие для образования новых слов, содержат смыслы, дополняющие или меняющие корневой. Мы следуем принципу «разделяй и властвуй». Так, в начале курса мы знакомим студентов с первым корнем – «port» («нести, привозить») и предлагаем им вспомнить все однокоренные слова. Список может выглядеть вот так: «port», «transport», «airport», «portable», «passport», «import», «export», «portfolio». Становятся очевидными два аспекта: во-первых, все перечисленные выше слова оказываются родственными и связанными одним корневым значением; во-вторых, присутствие в лексеме других значимых частей неизменно влияет на его смысл, что студенты наблюдают на своих собственных примерах. Следующий шаг – объяснить корневое значение в каждом слове, разбирая при этом, по мере необходимости, значения приставок, суффиксов или дополнительных корней. «Port» – «место, куда корабли привозят груз», «airport» – «место, куда привозят по воздуху», «transport» – «перевозить, переносить через какую-то границу» («trans» – «через»), «import» – «ввозить» («im-» обозначает движение внутрь), «export» – «вывозить» («ex-» направляет движение вовне, за пределы чего-либо), «passport» – «разрешение «пронести» самого себя через какую-либо границу», «portfolio» – «ношение бумаг», преобразовавшееся за время существование во «владение документами, представляющими какую-либо ценность: финансовую, профессиональную» («folium» – «лист бумаги»). Работу с корнями и аффиксами, поиск однокоренных слов удобно вести на «стене слов»: мы предлагаем сделать ее доступной для правки и дополнений всем студентам, пока мы изучаем определенную основу. Таким образом, обучающиеся регулярно возвращаются к этому заданию и привыкают мыслить корнями, что, в конечном счете, упрощает усвоение любого вокабуляра, не только заимствованного из греческого и латыни.

По мере проработки значений однокоренных слов, у студентов будут появляться вопросы относительно отдельных лексем, так как далеко не всегда можно с легкостью проследить основной смысл корня. В частности, «portly» («дородный, осанистый») употребляется по отношению к людям определенной комплекции, «несущими себя» с достоинством, однако, чтобы понять это, требуется лингвистическая прозорливость, приходящая с опытом. «Purport» – «смысл» также нуждается в дополнительных пояснениях: это основная идея чего-либо, которую хотят до нас «донести». «Rapport» – контакт между людьми, предполагающий доверие и взаимопонимание, согласие и гармония буквально «переносятся обратно» от человека к человеку. Существительное «importance» («важность») обозначает что-то, что «несет» ценность, имеет последствия. В перечисленных выше случаях у студентов должно быть понимание и навык считывания метафорических переносов. Концепция переносных значений для взрослых обучающихся не может быть новой: она реализуется в их родном языке во всех стилистических регистрах и в любых ситуациях общения. Тем не менее, с помощью подробных разборов и последующей самостоятельной практикой студент получает возможность взглянуть на метафоры под другим углом. Помимо этого, такая работа углубляет понимание полисемии, что положительно сказывается на владении вокабуляром в целом.

Задания для изучения и практики латинских и греческих элементов слова могут включать различные типы сортировок: по корням, по аффиксам, по смыслу; поиск «лишнего» слова: в ряду однокоренных нужно найти то, в котором корень имеет отличающееся от остальных переносное значение; составление кластеров слов по сферам (науки, медицина, юриспруденция, IT); придумывание неологизмов: составление новых значимых слов на базе изученных корней и аффиксов.

В нашей практике мы активно используем три активности, которые, согласно приведенным выше рекомендациям, дают студентам

разнообразный опыт языка и развивают лексическую осознанность. Так, в качестве задания на чтение мы предлагаем насыщенный активной лексикой текст, в котором мы оставляем пропуски на месте отдельных слов или морфем. [6] Студент должен проследить логику повествования и понять, что пропущено. Для упрощения задачи можно составить список пропущенных слов и морфем в случайном порядке, также можно адаптировать уровень сложности самого текста. Студенты учатся не просто видеть и понимать лексемы с заимствованными элементами, но и сами активно участвуют в «создании» (восстановлении) отрывка письменной речи.

В качестве одного из возможных заданий на сочетание корней и аффиксов, вместо обычных таблиц в распечатанном виде, мы рекомендуем игровую активность, сочетающую в себе элементы игр «Кто я?» и «Найди человека, который…». Одной трети группы студентов присваивается корень или аффикс, который они не видят и не могут угадать без помощи. Оставшимся студентам выдаются карточки с корнями или аффиксами, которые они могут сочетать с соответствующими элементами трети их одногруппников. Первые студенты таким образом получают некоторое количество подсказок о сочетаемости их морфемы с другими и пытаются угадать свою. Они также могут задавать общие вопросы остальным игрокам. По ходу активности роли меняются, однако все участники в любом случае активно вовлечены в процесс составления слов из частей, что повышает их общую заинтересованность в теме.

Наконец, для практики игры слов мы используем «обратный перевод» английских слов с использованием латинских или греческих корней. Например, «window», следуя очевидному для студентов корню «wind» можно «перевести» как «porta ventus», «ventiporta» – «дверь ветра», «coffee», подразумевая основную функцию этого напитка, – «somnifuga» – «бегство ото сна», «alarm clock» – «terramane» («утренний ужас», что для многих является понятной ассоциацией с будильником). Разумеется, студенты фактически придумывают собственные слова, используя словари для поиска корней, однако именно это способствует развитию языковой интуиции и навыков морфемного анализа.

Знание латинских и греческих корней играет ключевую роль в развитии лексической компетенции при изучении английского языка. Понимание морфемной структуры позволяет студентам не механически запоминать слова, а осознанно усваивать семантические связи и самостоятельно «предсказывать» значение незнакомых лексем. Интеграция этимологического подхода в образовательный процесс является необходимой мерой, позволяющей студентам успешно осваивать растущий объем академической и профессиональной лексики.

Социальный эффект такого обучения выходит за рамки сугубо лингвистических достижений. Систематическая работа с греколатинскими корнями способствует формированию у студентов чувства языковой компетентности и принадлежности к академическому сообществу, снижает тревожность, связанную с освоением сложных текстов, и выравнивает стартовые возможности студентов из разных социальных сред. Таким образом, предлагаемый подход может рассматриваться не только как лингводидактическая инновация, но и как инструмент повышения доступности высшего образования и укрепления социальной справедливости.

Литература

1. Бурдье П. 2007. Социология социального пространства. Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 288 с.

2. Фоменко Л.Н. 2011. Заимствование слов из классических языков в современный английский язык. Гуманитарные и социальные науки. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovanie-slov-iz-klassicheskih-yazykov-v-sovremennyy-angliyskiy

3. Bernstein B. 1971. Class, Codes and Control: Theoretical Studies Towards a Sociology of Language. London: Routledge. 266 p.

4. Damen M. Latin prefixes and suffixes. USU.edu. URL: https://www.usu.edu/markdamen/Wordpower/handouts/lataffix.pdf

5. Nagy W.E., Scott J.A. 2000. Vocabulary processes. In Kamil M.L., Mosenthal P.B., Pearson P.D., Barr R. (eds.), Handbook of reading research. Vol. 3. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. P. 269–284.

6. Rasinski T.V., Padak N., Newton R.M., Newton E. 2008. Greek & Latin roots: keys to building vocabulary. Huntington Beach, CA: Shell Education. 208 p.

7. Stoffelsma L. 2019. Vocabulary teaching strategies based on Blachowicz and Fisher (2015) and Lems et al. (2017). ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/figure/Vocabulary-teaching-strategies-based-on-Blachowicz-and-Fisher-2015-and-Lems-et-al_tbl2_332352446

BUILDING LEXICAL COMPETENCE THROUGH GREEK AND LATIN ROOTS IN THE CONTEXT OF ACADEMIC SOCIALIZATION AND BRIDGING THE CULTURAL GAP

Vinogradova D.S.
Financial University under the Government of the Russian Federation

In the context of growing academic mobility, mastering Greco-Latin vocabulary acquires social significance. This article substantiates the use of Latin and Greek roots for developing lexical competence in English language students. It analyzes the multicomponent nature of word knowledge and the role of morphemic analysis. The sociological potential of the etymological approach is revealed: drawing on P. Bourdieu's theory of cultural capital and B. Bernstein's language codes, it is shown that mastery of this vocabulary serves as a marker of belonging to academic communities, while its systematic teaching levels the starting opportunities of students from different social backgrounds. Based on a review of productive Greek and Latin elements and modern methodological recommendations, a system of practical tasks (game-based activities, «back translation») is proposed, which develops morphemic awareness, linguistic inference, and metacommunicative flexibility. The integration of the etymological approach not only expands vocabulary but also performs a social-leveling function, increasing the accessibility of academic discourse.

Keywords: lexical competence, Greek and Latin roots, morphemic analysis, cultural capital, academic socialization, social inequality, etymological approach, word formation.

References

1. Bourdieu P. 2007. Sociology of Social Space. Translated from French; translation edited by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya. 288 p.

2. Fomenko L.N. 2011. Borrowing Words from Classical Languages into Modern English. Humanities and Social Sciences. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovanie-slov-iz-klassicheskih-yazykov-v-sovremennyy-angliyskiy

3. Bernstein B. 1971. Class, Codes and Control: Theoretical Studies Towards a Sociology of Language. London: Routledge. 266 p.

4. Damen M. Latin Prefixes and Suffixes. USU.edu. URL: https://www.usu.edu/markdamen/Wordpower/handouts/lataffix.pdf

5. Nagy W.E., Scott J.A. 2000. Vocabulary processes. In Kamil M.L., Mosenthal P.B., Pearson P.D., Barr R. (eds.), Handbook of reading research. Vol. 3. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. P. 269–284.

6. Rasinski T.V., Padak N., Newton R.M., Newton E. 2008. Greek & Latin roots: keys to building vocabulary. Huntington Beach, CA: Shell Education. 208 p.

7. Stoffelsma L. 2019. Vocabulary teaching strategies based on Blachowicz and Fisher (2015) and Lems et al. (2017). ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/figure/Vocabulary-teaching-strategies-based-on-Blachowicz-and-Fisher-2015-and-Lems-et-al_tbl2_332352446

Развитие экологической грамотности младших школьников средствами цифровых образовательных технологий и искусственного интеллекта

Гагарин Александр Валерьевич,
доктор педагогических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Президентская академия)
E-mail: gagarinav@ranepa.ru

Иванова Галина Павловна,
доктор педагогических наук; профессор, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения»
E-mail: ivgp@mail.ru

Марченко Алла Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент; «Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения»
E-mail: geoalla@bk.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы развития экологической грамотности младших школьников в условиях цифровизации образовательной среды и активного внедрения в нее технологий искусственного интеллекта. Обосновывается значимость интеграции экологического содержания обучения с возможностями цифровых образовательных ресурсов и интеллектуальных систем поддержки познавательной деятельности учащихся.
Раскрывается понятие экологической грамотности, анализируются возрастные особенности младших школьников и роль цифровой образовательной среды как фактора их социализации и познания. Особое внимание уделяется месту технологий искусственного интеллекта в современной дидактике. В практическом отношении представлена возможности использования учебных кейсов, выстроенных в логике постепенного усложнения деятельности учащихся: от наблюдения и моделирования экологических ситуаций к исследованию, проектированию и ценностной рефлексии. Показаны конкретные возможности применения технологий искусственного интеллекта на каждом этапе образовательного процесса.

Ключевые слова: экологическая грамотность; младшие школьники; цифровая образовательная среда; искусственный интеллект в образовании; кейс-метод; экологическое образование; педагогические технологии; начальное образование.

Введение

Современное развитие общества сопровождается усилением внимания к вопросам устойчивого развития, экологической безопасности и формирования экологически ответственного поведения человека. В этих условиях система образования выступает важнейшим фактором становления экологической культуры личности, начиная с ранних этапов обучения.

Младший школьный возраст рассматривается как сенситивный период для становления ценностных установок, базовых представлений о взаимодействии человека и природы, и первоначального опыта экологически целесообразного поведения.

Экологическая грамотность имеет ключевое знание, поскольку является предпосылкой формирования экологической культуры в целом, ответственного экологичного поведения. Это интегративное качество личности. Оно включает знания о природных системах, понимание экологических взаимосвязей, ценностное отношение к окружающей среде и готовность к ответственным действиям в экологически значимых ситуациях. В начальной школе закладываются основы экологического мышления и эмоционально-ценностного восприятия природы, однако традиционные формы обучения не всегда обеспечивают достаточную включенность обучающихся в активное осмысление экологических проблем, что актуализирует поиск новых образовательных решений [1, 3, 5].

Важным фактором трансформации современного образования выступает цифровизация с большим спектром новых технологий, включая инструменты искусственного интеллекта (ИИ). Высокий образовательный потенциал цифровых технологий очевиден, однако используется оно на фоне недостаточной разработанности соответствующих практико-методических подходов в экологическом образовании младших школьников.

Целью статьи является анализ возможностей развития экологической грамотности младших школьников средствами цифровых образовательных технологий и искусственного интеллекта и обоснование отдельных практикометодических подходов к их применению в образовательном процессе начальной школы. В этой связи решались задачи: проанализировать педагогическое содержание понятия экологической грамотности применительно к младшему школьному возрасту; выявить дидактический потенциал цифровых образовательных технологий и инструментов искусственного интеллекта; рассмотреть практические возможности использования кейсового метода с применением технологии искусственного интеллекта.

Обращение к проблеме развития экологической грамотности младших школьников в условиях цифровой трансформации образования отражает необходимость поиска педагогических решений, обеспечивающих интеграцию экологического содержания обучения с современными технологическими возможностями.

Результаты

В современных педагогических исследованиях экологическая грамотность рассматривается как значимый результат образования, отражающий готовность личности к осознанному экологически целесообразному (ответственному, экологичному) взаимодействию с окружающей ее средой обитания. Несомненно, что это в свою очередь предполагает понимание взаимосвязей в системе «человек – природа – общество», сформированность эмоционально-ценностного отношения к природной среде и способность применять полученные знания в практических ситуациях экологического выбора. С педагогической точки зрения экологическая грамотность выступает не только образовательным результатом, но и процессом постепенного становления экологического мышления, основанного на интеграции естественнонаучных представлений, нравственных установок и опыта практической деятельности. В этом контексте важным становится переход от информационной модели обучения к деятельностной, предполагающей включение обучающихся в исследовательские, проектные и проблемно-ориентированные формы учебной работы. Именно такая организация образовательного процесса способствует развитию у младших школьников способности воспринимать экологические явления как часть личного жизненного опыта, а не как абстрактное учебное содержание [2, 4, 8].

Особое место в современных условиях образования занимает, несомненно, искусственный интеллект, который может выступить и определенной мере это уже происходит, в качестве мощного дидактического инструмента, в том числе в процессе экологического образования обучающихся, и в частности развития экологической грамотности младших школьников. Это может быть и познавательный диалог, и генерация учебных ситуаций, и поддержка исследовательской деятельности, а также моделирование, проектировании различных экологических ситуаций и многое другое.

Очевидно, что применение такого инструментария, которой до конца дидактически не обоснована в отдельных случаях нет готовности к его применению как у обучающихся, так и у педагогов. Все это требует активной разработки данных вопросов, поскольку технологии ИИ входят в нашу жизнь стремительно, включая систему образования.

Развитие экологической грамотности младших школьников в современных условиях связано с интеграцией личностно-ориентированного, деятельностного и цифрового подходов к обучению. Экологическая грамотность рассматривается как результат взаимодействия содержательного экологического образования, возрастных особенностей обучающихся и возможностей цифровой образовательной среды, включая инструменты искусственного интеллекта. Такая интеграция создаёт предпосылки для перехода от передачи экологических знаний к формированию устойчивых моделей экологически ответственного поведения, что определяет необходимость разработки конкретных практико-методических решений.

Современная цифровая трансформация образования обусловливает переосмысление дидактических средств обучения и их роли в формировании личностных образовательных результатов. Дидактический потенциал цифровые образовательные технологии проявляется прежде всего в возможности соединения наглядности, интерактивности и деятельностного характера обучения, что особенно значимо для младшего школьного возраста [10, 11].

Одним из ключевых преимуществ цифровых технологий является расширение способов представления экологического содержания. Использование мультимедийных ресурсов, интерактивных карт, виртуальных моделей и цифровых симуляций позволяет визуализировать природные процессы, которые трудно наблюдать непосредственно: изменение экосистем, климатические явления, круговороты веществ в природе. Такая визуализация способствует формированию целостного экологического представления и облегчает переход от фрагментарных знаний к системному пониманию природных взаимосвязей.

Существенным дидактическим ресурсом цифровых технологий становится возможность моделирования экологических ситуаций. Учебное моделирование позволяет обучающимся экспериментировать с условиями виртуальной среды, наблюдать последствия различных решений и тем самым осваивать основы экологически ответственного поведения [6, 7, 9, 12].

Технологии искусственного интеллекта в современной практике обучения и воспитания начинают играть специфическую роль. Ведь ИИ – это своего рода «интеллектуальный помощник», которое серьезно расширяет возможности цифровых средств в образовании. Дидактически обоснованное использование технологии ИИ становится и важным фактором реализации индивидуально подхода, вариативного содержания и собственно заданий, индивидуальную поддержку (темп, уровень знаний и т.д.). Для младших школьников это поддержание и повышение учебной мотивацией мощным аудиовизуальным потенциалом средств ИИ.

Педагогически обоснованное использование технологий ИИ позволяет перейти от передачи экологических знаний к развитию экологического мышления и практико-ориентированных компетенций младших школьников. Рассмотренные положения создают основу для разработки практикометодических решений и образовательных кейсов, представленных в следующем разделе статьи.

Использование **кейс-метода** в экологическом образовании младших школьников позволяет соединить познавательную активность учащихся с практико-ориентированными формами деятельности. В условиях цифровизации образовательной среды кейсы становятся инструментом организации наблюдения, анализа, моделирования и проектирования экологических решений.

Например, кейс *«Экологическое решение»*. Тип деятельности: проектная. Учащимся предлагается разработать возможные решения. Класс делится на небольшие группы, каждая из которых выбирает одну проблему (например, мусор на территории школы, отсутствие кормушек для птиц, повреждение растений). Группы разрабатывают небольшой экологический проект: что можно сделать для улучшения ситуации, какие действия необходимо предпринять, кто может участвовать в реализации проекта. Результаты оформляются в виде цифровых плакатов, презентаций или коротких видеороликов. Данный кейс помогает учащимся перейти от констатации экологической проблемы к поиску реальных способов её решения, формируя основы экологической ответственности и проектного мышления. Инструменты генеративного искусственного интеллекта могут использоваться здесь для подготовки проектных идей, создания визуальных макетов экологических инициатив и разработки информационных материалов. Например, системы ИИ помогают учащимся формулировать план экологического проекта, создавать цифровые плакаты, презентации или короткие видеосценарии, направленные на популяризацию экологически ответственного поведения.

Или кейс *«Совет природы»*. Тип деятельности: ценностная и этическая рефлексия. В рамках этого кейса учащимся предлагается принять участие в условном «Совете природы», где обсуждаются различные экологические ситуации. Учитель предлагает несколько проблемных вопросов: например, можно ли ломать ветки деревьев ради игры, допустимо ли оставлять мусор после отдыха на природе, нужно ли подкармливать животных зимой. Каждый ученик высказывает своё мнение и аргументирует его. В ходе обсуждения формируется коллективное «решение Совета природы» – правила экологически ответственного поведения. Эти правила могут быть оформлены в виде цифрового плаката или «кодекса друзей природы». Такой формат способствует развитию экологического мышления, формированию нравственных ориентиров и способности принимать ответственные решения. Генеративные языковые модели помогают здесь формулировать альтернативные позиции, задавать уточняющие вопросы и обобщать результаты обсуждения. Это способствует более глубокому осмыслению экологических дилемм и формированию у учащихся аргументированной позиции.

Итоговые замечания

Инструменты искусственного интеллекта могут использоваться как интерактивный «участник» обсуждения, предлагающий различные точки зрения на экологические ситуации, что становится фактором, повышающим эффективности развития экологической грамотности младших школьников. Следует отметить, что собственно практическая сторона вопроса заключается в том, что реализация кейсов экологической направленности в условиях цифровой образовательной среды позволяет формировать у младших школьников не только знания об окружающей среде, но и опыт экологически ответственного поведения. Использование технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе способствует расширению возможностей наблюдения, анализа и моделирования экологических ситуаций, а также поддерживает развитие у учащихся навыков сотрудничества, критического мышления и проектной деятельности.

Интеграция цифровых образовательных технологий и инструментов искусственного интеллекта, например, с кейс-методом, создает новые дидактические возможности для развития экологической грамотности младших школьников. Представленная в статье система учебных кейсов может рассматриваться как модель организации экологически ориентированной образовательной деятельности в начальной школе. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической проверкой эффективности предложенных педагогических решений, разработкой цифровых образовательных ресурсов экологической направленности и расширением практики использования инструментов искусственного интеллекта в экологическом образовании школьников.

Литература

1. Григорьева И.В., Болкунов Г.А. Цифрования образовательная среда (ЦОС): вызовы и возможности // Вестник УРАО. 2023. № 2 (Вестник УРАО). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-obrazovatelnaya-sreda-tsos-vyzovy-ivozmozhnosti (дата обращения: 31.03.2026).

2. Гришаева Ю.М., Гагарин А.В., Митрофанова Т.Л. Экологическое образование в условиях цифровой дидактики // Педагогическое образование и наука. 2021. № 3. С. 16–27.

3. Кондаков А.М., Сергеев И.С. Методология проектирования общего образования в контексте цифровой трансформации // Педагогика. 2021. Т. 85, № 1. С. 5–24. EDN MXXABU.

4. Соловьева Н.В., Гагарин А.В. Экологическое развитие личности в цифровом образовании: психолого-дидактические предпосылки проектирования // Мир психологии. 2019. № 3. С. 271–281.

5. Фридман В.М. Цифровая образовательная среда как фактор трансформации современного образования // Инновационные подходы к управлению в экономических, технических и правовых системах: материалы Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участ. (Москва,

25 марта 2025 г.) / редкол.: Н.Л. Филатова [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2025. С. 354–357.

6. Garzón J., Patiño E., Marulanda C. Systematic Review of Artificial Intelligence in Education: Trends, Benefits, and Challenges // Multimodal Technologies and Interaction. 2025. Vol. 9, № 8. Article 84. DOI: 10.3390/mti9080084.

7. Huang J., Saleh S., Liu Y. A Review on Artificial Intelligence in Education // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. 2021. Vol. 10, № 3. P. 206–214. DOI:10.36941/ajis-2021-0077.

8. Lowan-Trudeau G. Digital Technologies and Environmental Education // Journal of Environmental Education. 2023. Vol. 54, № 1. P. 1–7. DOI: https://doi.org/10.29333/ejmste/17673

9. Memarian, B., Doleck, T. Teaching and learning artificial intelligence: Insights from the literature. Educ Inf Technol 29, 21523–21546 (2024). DOI: https://doi.org/10.1007/s10639-024-12679-y.

10. Mira Hajj-Hassan, Rawad Chaker, Anne-Marie Cederqvist. Environmental Education: A Systematic Review on the Use of Digital Tools for Fostering Sustainability Awareness. Sustainability, 2024, 16 (9), pp.3733. DOI: 10.3390/su16093733.

11. Ricoy M.-C., Sánchez-Martínez C. Raising Ecological Awareness and Digital Literacy in Primary School Children through Gamification // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19, № 3. Article 1149. DOI: 10.3390/ijerph19031149.

12. Xiao Tan, Gary Chen, Man Ho Ling. Artificial Intelligence in Teaching and Teacher Professional Development: A Systematic Review // Computers and Education: Artificial Intelligence. 8. 100355. 2025. DOI: 10.1016/j.caeai.2024.100355.

DEVELOPING ENVIRONMENTAL LITERACY IN PRIMARY EDUCATION: A CASE-BASED APPROACH IN DIGITAL AND AI-ENHANCED LEARNING ENVIRONMENTS

Gagarin A.V., Ivanova G.P., Marchenko A.A.
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Presidential Academy), The Federal State University of Education

The article addresses актуальные issues of developing environmental literacy among primary school students in the context of the digital transformation of education and the increasing use of artificial intelligence technologies. The aim of the study is to identify and describe the didactic potential of artificial intelligence technologies and the case-based approach in environmental education at the primary school level. The practical section presents a system of educational cases structured as a последовательность learning activities: from observation and modeling of environmental situations to research, project-based work, and value-based reflection. The paper demonstrates specific ways of integrating AI technologies at each stage of the learning process.

Keywords: environmental literacy; primary school students; digital educational environment; artificial intelligence in education; case-based learning; environmental education; pedagogical technologies; primary education

References

1. Grigoryeva I.V., Bolkunov G.A. Digitalization of the Educational Environment (DEE): Challenges and Opportunities // Bulletin of the URAO. 2023. No. 2 (Bulletin of the URAO). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovayaobrazovatelnaya-sreda-tsos-vyzovy-i-vozmozhnosti (accessed: 31.03.2026).

2. Grishaeva Yu.M., Gagarin A.V., Mitrofanova T.L. Environmental Education in the Context of Digital Didactics // Pedagogical Education and Science. 2021. No. 3. Pp. 16–27.

3. Kondakov A.M., Sergeev I.S. Methodology of Designing General Education in the Context of Digital Transformation // Pedagogics. 2021. Vol. 85, No. 1. Pp. 5–24. EDN MXX-ABU.

4. Solovyova N.V., Gagarin A.V. Environmental Development of an Individual in Digital Education: Psychological and Didactic Prerequisites for Design // World of Psychology. 2019. No. 3. Pp. 271–281.

5. Friedman V.M. Digital educational environment as a factor of transformation of modern education // Innovative approaches to management in economic, technical and legal systems: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with the International a participant. (Moscow, March 25, 2025) / editorial board: N.L. Filatova [et al.] Cheboksary: Publishing house “Wednesday”, 2025. Pp. 354–357.

6. Garzón J., Patiño E., Marulanda C. Systematic Review of Artificial Intelligence in Education: Trends, Benefits, and Challenges // Multimodal Technologies and Interaction. 2025. Vol. 9, № 8. Article 84. DOI: 10.3390/mti9080084.

7. Huang J., Saleh S., Liu Y. A Review on Artificial Intelligence in Education // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. 2021. Vol. 10, № 3. P. 206–214. DOI:10.36941/ajis-2021-0077.

8. Lowan-Trudeau G. Digital Technologies and Environmental Education // Journal of Environmental Education. 2023. Vol. 54, № 1. P. 1–7. DOI: https://doi.org/10.29333/ejmste/17673

9. Memarian, B., Doleck, T. Teaching and learning artificial intelligence: Insights from the literature. Educ Inf Technol 29, 21523–21546 (2024). DOI: https://doi.org/10.1007/s10639-024-12679-y.

10. Mira Hajj-Hassan, Rawad Chaker, Anne-Marie Cederqvist. Environmental Education: A Systematic Review on the Use of Digital Tools for Fostering Sustainability Awareness. Sustainability, 2024, 16 (9), pp.3733. DOI: 10.3390/su16093733.

11. Ricoy M.-C., Sánchez-Martínez C. Raising Ecological Awareness and Digital Literacy in Primary School Children through Gamification // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19, № 3. Article 1149. DOI: 10.3390/ijerph19031149.

12. Xiao Tan, Gary Chen, Man Ho Ling. Artificial Intelligence in Teaching and Teacher Professional Development: A Systematic Review // Computers and Education: Artificial Intelligence. 8. 100355. 2025. DOI: 10.1016/j.caeai.2024.100355.

Лингвоэкологические стратегии преодоления языковой интерференции при обучении иностранному языку в вузе

Иванова Мария Михайловна,
старший преподаватель кафедры английского языка
и профессиональной коммуникации ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: MMIvanova@fa.ru

Статья посвящена языковой интерференции в малой поликультурной EMI-группе и рассматривает ее как результат не только межъязыкового переноса, но и действия социальной среды. Цель исследования – показать связь интерференционных ошибок с языковым фоном студентов, групповыми нормами, тревожностью и статусом английского и русского языков в учебном и внеучебном общении. Материалом послужили наблюдения за 11 студентами первого курса факультета «Международный бизнес, налоги и аудит» с уровнем английского от B2 до C2. Исследование включало наблюдение, фиксацию устных и письменных ошибок, короткие полуструктурированные интервью и анализ коммуникативных сбоев. Предложена рабочая классификация ошибок, охватывающая морфосинтаксическую, лексико-коллокационную, фонетико-просодическую и прагматико-дискурсивную интерференцию. Показано, что устойчивость ошибок возрастает в ситуациях публичной оценки, при доминировании русскоязычных микрогрупп и при смешении академического и бытового регистров. Наиболее результативными оказались ступенчатый вход в речь, адресная коррекция, устойчивые смешанные пары и обучение формулам академической вежливости. Практическая значимость работы состоит в уточнении принципов лингвоэкологичной организации занятий в EMI-среде.

Ключевые слова: языковая интерференция; социальный контекст; многоязычная среда; языковая экосистема; EMI; лингвоэкология; академическая адаптация.

Введение

Англоязычные программы в российских вузах уже стали устойчивой частью образовательной практики. В таких программах английский выступает не только учебной дисциплиной, но и рабочим инструментом академического и группового взаимодействия. Поэтому интерференция здесь приобретает не только языковое, но и социальное значение: по ошибке видно, кто чувствует себя уверенно, кто избегает развернутых реплик, кто удерживает акцент как маркер идентичности, а кто в ситуации напряжения переходит на русский или родной язык.

Классическое понимание интерференции как межъязыкового переноса сохраняет объяснительную ценность [7]. Оно позволяет понять, почему в речи студентов появляются конструкции типа I have question, Why you think so, discuss about the problem. Однако опыт работы в смешанной аудитории показывает ограниченность чисто контрастивного подхода: даже после объяснения правила и исправления письменной ошибки тот же сбой нередко возвращается в живой дискуссии. Это означает, что в момент говорения действуют не только грамматика и память, но и тревожность, эффект аудитории, скорость речевого решения и нормы общения, сложившиеся в группе.

В EMI-среде интерференция удерживается как минимум двумя факторами. С одной стороны, это структурный перенос из родного или доминантного языка; с другой – социальная организация общения, в которой английский связан с академическим успехом, русский – с бытовой и институциональной навигацией, а родной язык – с психологической безопасностью. Когда эти функции вступают в конфликт, ошибка закрепляется легче, чем правило [3, с. 20–22].

Лингвоэкологический подход позволяет рассматривать интерференцию как часть языковой среды, а не как изолированный дефект формы [5; 6; 8]. Для университетской аудитории это означает переход от коррекции отдельной ошибки к организации такой коммуникативной ситуации, в которой студент готов говорить, принимать поправку и запускать самокоррекцию.

Проблема исследования состоит в том, что традиционная коррекция интерференции сосредоточена преимущественно на языковой форме, тогда как устойчивость ошибок в поликультурной группе часто поддерживается социальными и психологическими триггерами. Цель статьи – на материале реальных наблюдений описать, как интерференция разворачивается в малой EMI-группе первого курса, предложить рабочую классификацию типичных ошибок и показать, какие лингвоэкологические решения оказываются наиболее результативными. Гипотеза заключается в том, что учет языкового статуса, тревожности, групповых норм, прагматических различий и цифровых режимов общения обеспечивает более устойчивое сокращение интерференционных ошибок, чем использование только контрастивных упражнений.

Теоретическое обоснование

В работе используется понятие языковой экосистемы вуза. Под ним понимается не абстрактная совокупность языков, а конкретная система ролей, статусов и привычек: на каком языке студент отвечает на занятии, на каком обращается к соседу, на каком пишет в общий чат, на каком обсуждает задание после пары. Такой ракурс позволяет увидеть, что интерференция распределена по видам деятельности неравномерно. В письменной работе она проявляется одним образом, в спонтанной речи – другим, в конфликте или публичной защите проекта – третьим. Это важное уточнение к лингводидактическому пониманию интерференции как методической проблемы [1; 9].

Лингвоэкология в данном исследовании понимается не как метафора «бережного отношения к языку», а как принцип организации такой речевой среды, в которой норма поддерживается без коммуникативного срыва. Когда каждая реплика вызывает мгновенное публичное исправление, студент сокращает высказывание, выбирает безопасные конструкции и часто уходит в молчание. Когда ошибка не высмеивается, а разбирается по делу и поэтапно, появляется пространство для речевого риска и самокоррекции. В этом смысле лингвоэкологичность не отменяет требований к точности; она задает условия, при которых точность становится достижимой [11].

Социальный аспект билингвизма здесь принципиален. Исследования последних лет показывают, что взаимодействие языков нель-

зя сводить только к внутренней языковой системе: в дело постоянно вмешиваются идентичность, языковая лояльность, престиж кода и режимы его использования в разных сообществах [3, с. 25]. В смешанной группе это видно особенно отчетливо. Один студент стремится к условной «нейтральной» международной норме, другой сознательно не скрывает акцент, третий держится за русский как за страховочный механизм, четвертый избегает длинных реплик, чтобы не оказаться в ситуации публичного сбоя. Формально все они изучают английский, но фактически каждый одновременно решает задачу включенности и самосохранения.

Для анализа важны три опорных понятия. Во-первых, интерференция рассматривается как проявление перекрестного влияния языков на уровнях грамматики, лексики, произношения и прагматики [7]. Во-вторых, языковая экосистема понимается как совокупность кодов, ролей и норм, в которых действует студент. В-третьих, лингвоэкологическая стратегия определяется как методическое решение, которое одновременно поддерживает нормативность речи и снижает избыточное давление на говорящего. Такая связка позволяет непосредственно соединить теорию с наблюдаемым материалом, а не держать теоретический блок отдельно от анализа практики.

Выборка и образовательный контекст

Исследование проводилось с сентября по декабрь в очной группе первого курса факультета «Международный бизнес, налоги и аудит». Занятия по английскому языку проходили один раз в неделю; язык преподавания – английский. Группа была небольшой, что позволило наблюдать устойчивые микродинамики общения. В выборку вошли 11 студентов: студентка из Эфиопии, 18 лет, родной язык амхарский, английский – третий после амхарского и арабского; студент из Франции, 19 лет, родной язык французский, английский изучал в школе; студентка из Беларуси, 18 лет, русско-белорусская билингва, английский как иностранный; студент из Таджикистана, 19 лет, родной таджикский, русский как второй, английский – третий; семь студентов из России, изучавших английский в школе и/или на языковых курсах. По результатам входного тестирования уровень английского в группе находился в диапазоне от B2 до C2.

Небольшой размер выборки не позволяет говорить о статистически репрезентативной картине EMI-обучения. Зато он делает возможным детальное описание индивидуальных траекторий: кто и в каких условиях ошибается, кто запускает самокоррекцию, кто предпочитает молчать, кто уходит в русский, а кто, напротив, удерживает английский даже ценой упрощения синтаксиса. Для задач настоящей статьи такой качественный фокус является оправданным.

Методы и процедура исследования

Материал собирался не через стандартизированные языковые тесты, а через длительное включенное наблюдение, систематическую запись типичных устных и письменных ошибок, короткие полуструктурированные интервью по 5–7 минут, анализ презентаций, парных и групповых дискуссий, разбор мини-кейсов и фиксацию ситуаций коммуникативного сбоя либо самокоррекции. Такой формат лучше соответствует реальной EMI-аудитории: он позволяет видеть не только форму ошибки, но и условия ее актуализации [4].

За семестр было собрано 44 коротких письменных фрагмента, 33 презентационных выступления, 8 мини-кейсов с устным обсуждением и 31 эпизод выраженного коммуникативного сбоя или заметной самокоррекции. В наблюдательных листах фиксировались тип ошибки, коммуникативная ситуация, состав пары или группы, наличие внешней реакции на ошибку, попытка самопереформулирования, переход на русский или другой язык, а также то, следовала ли после ошибки более длинная реплика или студент сокращал высказывание. Интервью проводились после занятий или в часы консультаций и были нацелены не на биографическую информацию, а на объяснение конкретных речевых эпизодов: что помешало, что помогло, как студент воспринимает собственную ошибку и реакцию группы.

Анализ проходил в два этапа. На первом этапе выделялись повторяющиеся языковые ошибки и распределялись по типам. На втором этапе эти ошибки сопоставлялись с контекстом появления: фронтальный опрос, работа в паре, выступление перед группой, переписка, подготовленная или неподготовленная речь. Такой двойной анализ позволил не смешивать собственно языковой сбой и ситуативное усиление ошибки под воздействием тревожности, языковой иерархии или коммуникативного давления. Межэкспертная надежность в формальном смысле в исследовании не рассчитывалась; этот факт учитывается далее как ограничение, а классификация понимается как рабочая аналитическая модель, а не как окончательная типология.

Классификация ошибок и аналитические категории

Для повышения методической прозрачности в статье используется четырехкомпонентная классификация интерференционных ошибок. Она вводится не как универсальная типология для всех EMI-групп, а как рабочий инструмент для анализа именно данного корпуса наблюдений. Внутри каждого класса учитывалось, проявляется ли ошибка устойчиво, возвращается ли она в стрессовой ситуации и исчезает ли при наличии времени на самокоррекцию.

1. Морфосинтаксическая интерференция. К этой группе отнесены пропуск артиклей, нестабильное употребление предлогов, калькированный порядок слов в вопросах, ошибочные глагольные рамки и модели управления: I have question, Why you think so, discuss about the problem, explain me, depend from. Именно этот класс оказался наиболее частотным в речи студентов с русским, таджикским и амхарским языковым фоном, но его частотность резко возрастала также в ситуации публичного ответа.

2. Лексико-коллокационная интерференция. Сюда включены буквальные кальки, ложные друзья переводчика, перенос привычных словосочетаний из русского или другого доминантного языка, а также смешение академического и бытового регистра: make a conclusion вместо draw a conclusion, very agree, guys in management, super bad, obvious в русско-английском гибридном комментарии. Для этой группы характерна высокая зависимость от цифровой среды и неформального общения.

3. Фонетико-просодическая интерференция. В этой группе учитывались трудности с отдельными звуками, акцентуацией и мелодикой высказывания. Наиболее отчетливо сюда относились трудности произнесения [theta] и [eth], восходящая финальная интонация в утверждениях у франкоязычного студента, а также сокращение просодической выразительности в стрессовой ситуации. Данный тип ошибок почти не фиксировался в письме, но влиял на восприятие уверенности и на интерпретацию коммуникативного намерения.

4. Прагматико-дискурсивная интерференция. В эту категорию вошли чрезмерно прямое несогласие, недостаточная маркировка смягчения, неоправданно расплывчатые реплики, сбой в структуре академического хода мысли и трудности переключения между дружеским и учебным регистром. Примеры такого типа: This is not serious; It makes № sense; I want to say about that; maybe this part can be changed a little при фактическом сильном несогласии. Этот класс ошибок был особенно важен для объяснения тех случаев, когда формально грамматически реплика была допустимой, но коммуникация все равно разрушалась.

Наряду с классификацией ошибок использовались три аналитические категории, не являющиеся ошибками в узком смысле, но влияющие на их воспроизводство: а) коммуникативное избегание; б) регрессия под давлением аудитории; в) кодовое переключение как компенсаторная стратегия. Их учет был необходим, потому что в малой поликультурной группе количество ошибок само по себе еще не показывает реальную трудность: студент может говорить мало и потому выглядеть формально «точным», либо говорить много и накапливать ошибки из-за высокой коммуникативной смелости.

Результаты

Материал показал, что морфосинтаксическая интерференция наиболее устойчива в спонтанной устной речи, тогда как лексико-коллокационные и прагматико-дискурсивные сбои часто усиливаются на стыке академического и бытового регистров. Фонетико-просодическая интерференция оказалась наименее частотной по числу случаев, но социально заметной: именно она чаще всего воспринималась студентами как маркер «своего» или «чужого» и потому реже поддавалась целенаправленной коррекции. Данные наблюдения позволяют говорить не о единой интерференции, а о нескольких режимах ее функционирования в группе.

Индивидуальные профили и динамика

У студентки из Эфиопии (E1) в начале семестра устойчиво фиксировались пропуски артиклей и смещения предлогов: I need a paper for understand this theme, I go to home. В письменных заданиях эти ошибки стали менее частотными, однако в устной речи, особенно при фронтальном опросе, продолжали воспроизводиться. Студентка прямо связала это с боязнью публичной ошибки: одна из ее реплик ранее вызвала смешок со стороны однокурсников. В устойчивой паре с доброжелательным партнером высказывания становились более развернутыми, а количество пропусков сокращалось.

Студент из Франции (F1) отличался высокой грамматической точностью, но на протяжении всего семестра сохранял фонетико-просодическую интерференцию: трудности с [θ]/[ð] и восходящую

французскую интонацию в утверждениях. Существенно, что сам студент не стремился избавляться от акцента, воспринимая его как часть собственной языковой идентичности. В дискуссиях при этом регулярно возникали короткие прямые формулы несогласия, которые русскоязычные студенты интерпретировали как избыточную резкость. После разбора академических стратегий смягчения прагматические сбои уменьшились, тогда как фонетический профиль почти не изменился.

У студентки из Беларуси (B1) наблюдались пропуск артиклей, калькированный порядок слов в вопросительных конструкциях и отдельные false friends. Ее билингвальный фон делал высказывание менее устойчивым: одна и та же модель могла варьироваться на соседних занятиях. В смешанных парах она часто выступала медиатором, смягчая слишком прямые реплики и помогая иностранным студентам включаться в обсуждение.

У студента из Таджикистана (T1), для которого английский был третьим языком, фиксировались конструкции discuss about, explain me, depend from. В паре с русскоязычным студентом он быстро переходил на русский, если мысль опережала языковое оформление; в паре с иностранцем русский не использовался, но синтаксис упрощался, а паузы удлинялись. К декабрю в его речи стала устойчиво появляться самокоррекция: not depend from, sorry, depend on.

Русскоязычные студенты продемонстрировали прежде всего прагматико-дискурсивные и регистровые сбои. Студент R1 переносил в англоязычную дискуссию норму прямого русскоязычного академического спора: реплики выражали несогласие, но одновременно блокировали дальнейший обмен мнениями. После введения формул академического возражения тон стал мягче. Студентка R2 почти не допускала ошибок в письме, но в устном взаимодействии оставалась крайне сдержанной; наиболее заметный эффект у нее дало staged speaking, когда мысль сначала обсуждалась в паре, затем в мини-группе и лишь после этого выносилась в общий круг. Студент R3 свободно смешивал русский и английский в устной и цифровой коммуникации, а затем переносил тот же режим в учебные тексты – отсюда устойчивые кальки make a conclusion и discuss about. После упражнения chat-to-academic transformation частотность подобных сочетаний сократилась. Студентка R4 под давлением аудитории переходила на короткие фразы и утрачивала связность высказывания, но в смешанных парах говорила спокойнее и точнее. Студент R5 часто завершал чужие реплики и использовал разговорные маркеры в академическом регистре; после введения правила three seconds wait его поведение стало менее доминирующим. У студентки R6 ошибки типа I want to say about that и I very agree исчезали после коррекции, но возвращались в стрессовой ситуации. Студент R7, наиболее сильный в группе, ошибался редко, но именно его быстрые и демонстративно безошибочные ответы заставляли остальных сокращать собственные реплики; после перехода к роли peer mentor тревожные студенты стали дольше удерживать английский и реже переходить на русский.

Типовые микроситуации коммуникативного сбоя

Первый тип микроситуаций связан с публичной коррекцией. Когда ошибка возникала во фронтальном формате и сразу встречала смех, перебивание или нетерпеливое продолжение чужой реплики, вероятность повторного высказывания снижалась. После таких эпизодов студенты чаще переходили к односложным ответам или вообще избегали включения в дискуссию. Это особенно заметно у E1, R2 и R6.

Второй тип микроситуаций связан с языковым выбором в паре. Конфигурация «русский + иностранец» давала больший комфорт, но часто провоцировала ранний уход в русский язык. Конфигурация «иностранец + иностранец» удерживала английский дольше, но повышала напряжение, увеличивала число пауз, жестов и упрощенных синтаксических конструкций. Наиболее продуктивными оказались устойчивые смешанные микрогруппы из трех-четырех человек, где участники привыкали к ошибкам друг друга и переставали реагировать на них как на повод для оценки.

Третий тип микроситуаций связан с неразведенностью регистров. В учебных чатах и в устных aside-comments студенты свободно смешивали русский и английский, использовали усеченные фразы, эмодзи и транслит. Этот режим сам по себе не разрушал коммуникацию, но начинал работать против учебных задач, когда переносился в мини-эссе, презентацию или case discussion. Лексико-коллокационная интерференция в группе во многом была связана именно с отсутствием явной границы между чатом, мозговым штурмом и академическим высказыванием.

Обсуждение результатов

Данные подтверждают рабочую гипотезу: в малой поликультурной EMI-группе интерференция не исчерпывается межъязыковым переносом. Она усиливается в тех ситуациях, где английский становится языком риска – из-за страха потери лица, давления более успешного однокурсника или необходимости постоянно переключаться между русским бытовым пространством и английским учебным регистром. Поэтому одна и та же ошибка имеет разный функциональный вес: в домашнем задании она остается обычным учебным сбоем, а в ситуации публичной оценки может становиться триггером молчания.

Статус языков внутри группы распределялся неравномерно. Во время занятия английский выполнял функцию общего кода, однако вне аудитории это положение быстро ослабевало: русский язык занимал пространство повседневного общения и неформального взаимодействия. Иностранные студенты оказывались в ситуации двойного, а иногда и тройного давления: английский был необходим для учебного успеха, русский – для социальной адаптации, родной язык – для поддержания чувства принадлежности. В этих условиях формировались языковые микрогруппы, а интерференция нередко становилась не только речевым сбоем, но и маркером групповой идентичности.

Прагматико-дискурсивная интерференция оказалась не менее значимой, чем морфосинтаксическая. Русскоязычные студенты чаще воспринимали прямое несогласие как норму академического взаимодействия, тогда как студенты с более непрямой коммуникативной установкой считывали ту же форму как давление и уходили в смягченные, иногда расплывчатые реплики. В результате возникал прагматический сбой: один участник считал свою реплику содержательно нейтральной, другой воспринимал ее как резкость, третий вовсе выпадал из обсуждения. Без специального анализа преподаватель видит лишь внешнее проявление – паузу, молчание, неудачную формулировку, – но не социальный механизм, который его вызвал.

Цифровая среда усиливала эти закономерности, но не только в негативном смысле. С одной стороны, она нормализовала смешение кодов, сокращения и коллокационные кальки. С другой – могла служить пространством безопасного входа в английскую речь. Наблюдения показали, что предварительная письменная формулировка мысли в чате или на карточке нередко делала последующую устную реплику точнее. Следовательно, цифровой канал не является угрозой сам по себе; методически важно разграничивать режимы коммуникации и специально обучать переходу от неформального к академическому регистру [10].

Практическое применение: лингвоэкологические стратегии коррекции

Материал исследования позволяет сформулировать несколько методических положений для малых поликультурных EMI-групп.

Во-первых, необходима безопасность речевого входа. В смешанной аудитории нецелесообразно одновременно требовать полной точности, развернутости и спонтанности. Более продуктивна ступенчатая модель: обсуждение в паре, затем в мини-группе и только после этого – в общем круге. Она не снижает требований, а перераспределяет нагрузку и особенно важна для студентов, у которых публичность сама по себе вызывает регрессию.

Во-вторых, коррекция должна быть адресной. Когда исправляется все сразу, студент воспринимает это не как правило, а как сигнал неуспешности. Эффективнее выделять один-два фокуса в рамках конкретного эпизода – например, артикли и формулы несогласия. Такой подход соответствует принципу поэтапного преодоления интерференции [4; 2].

В-третьих, результативна peer-to-peer работа, если она не строится по жесткой модели «сильный – слабый». Наиболее продуктивной оказалась система распределенных ролей, при которой студенты отслеживают разные аспекты речи: точность вопросов, мягкость несогласия, употребление артиклей, ясность вывода. Это одновременно снижает давление и развивает метаязыковую осознанность.

В-четвертых, прагматика требует такого же системного обучения, как грамматика. Формулы I see your point, but…, Could we frame it differently?, I am not sure this follows from the data регулируют ход обсуждения и не позволяют стилевой интерференции перерастать в межличностное напряжение. Для данной группы это оказалось не менее значимым, чем работа с артиклями и предлогами.

В-пятых, преподаватель в малой поликультурной группе сам является частью языковой экосистемы. Нормы не высмеивать ошибку, не договаривать за другого и давать время на самокоррекцию прямо влияют на количество речевых попыток и вероятность самостоятельного исправления. Речь идет не просто о комфорте, а об одном из условий снижения интерференции.

Ограничения исследования и перспективы

У исследования есть несколько принципиальных ограничений. Выборка мала и привязана к одной конкретной группе; наблюдение длилось

один семестр и фиксирует раннюю динамику; не всякая ошибка в такой среде может быть строго отнесена именно к интерференции, поскольку часть сбоев вызвана дефицитом академического словаря, часть – волнением, часть – влиянием цифровой повседневной речи. Кроме того, межэкспертная надежность классификации специально не рассчитывалась, а потому предлагаемый анализ следует понимать как тщательно аргументированную, но все же рабочую модель.

Эти ограничения не снимают основного наблюдения, но требуют продолжения работы. Перспективными выглядят более длительное отслеживание тех же студентов на втором курсе, сопоставление нескольких EMI-групп, использование стандартизированных шкал языковой тревожности и разработка инструмента количественной оценки лингвоэкологичности учебной среды. Отдельного внимания заслуживает анализ цифровых следов – учебных чатов, голосовых сообщений, черновиков, – если он будет организован этично и с согласия участников. Именно там часто заметны колебание, кодовое смешение, пробные формулы и самокоррекция, которые не попадают в финальную письменную работу.

Заключение

Наблюдение за 11 студентами первого курса на протяжении одного семестра показало: интерференция в малой EMI-группе лежит не только в языковой системе. Один студент удерживает акцент как часть идентичности, другой сокращает высказывание из-за перфекционизма, третий переходит на русский при перегрузке, четвертый начинает говорить точнее только тогда, когда исчезает риск быть осмеянным. Поэтому работа с интерференцией не может сводиться к списку ошибок и набору контрастивных упражнений.

Рабочая классификация ошибок, введенная в статье, показала, что морфосинтаксическая, лексико-коллокационная, фонетико-просодическая и прагматико-дискурсивная интерференция требуют разных режимов коррекции. Более того, одни и те же ошибки ведут себя по-разному в зависимости от состава пары, характера обратной связи, статуса языка в конкретной ситуации и силы коммуникативного давления. Это подтверждает продуктивность лингвоэкологического подхода, который рассматривает языковую норму не отдельно от среды, а внутри нее.

Практика показала, что снижение тревожности, работа с прагматикой, устойчивые смешанные пары, адресная коррекция и разведение академического и бытового регистров дают более заметную динамику, чем механическое повторение правил. Интерференция не исчезает мгновенно, но перестает быть жестким барьером, когда у студента появляется право на пробную речь и пространство для самокоррекции. Для поликультурной аудитории это и есть главный методический вывод: английский как язык обучения не должен превращаться в язык постоянного давления; он должен работать как общий ресурс академического включения.

Литература

1. Барахта А.В. Грамматическая интерференция как методическая проблема в условиях мультилингвизма: автореф. дис. … канд. пед. наук: 5.8.2. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024. – 237 с.

2. Дурдыбаева А., Эркинова Г., Джуманиязова Н. и др. Влияния языковой интерференции на процесс обучения языкам // Символ науки. – 2024. – № 11. – С. 83–84.

3. Зайцева Е.А., Новикова И.В. Интерференция как взаимодействие языков при искусственном билингвизме (психолингвистический подход) // Вестник ТвГ У. Серия «Филология». – 2023. – № 2. – С. 20–26.

4. Исраилова Л.Ю., Зубайраева М.У. Пути преодоления межъязыковой интерференции в процессе изучения иностранного языка // Управление образованием: теория и практика. – 2022. – № 10. – С. 193–197.

5. Копнина Г.А. Актуальные лингвоэкологические идеи и проблемы // Мир лингвистики и коммуникации. – 2021. – № 1. – С. 208–226.

6. Огдонова Ц.Ц. Концептуальные основания лингвоэкологической парадигмы научных исследований // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2. – С. 122–124.

7. Odlin T. Language Transfer: Cross-Linguistic Influence in Language Learning. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 418 p.

8. Потеряхина И.Н. Категория «лингвоэкологичность» в контексте современных лингвистических исследований // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 8. – С. 142–147.

9. Пруцких Т.А., Скобелкина Н.М. Языковая интерференция в лингводидактическом аспекте // Педагогический ИМИДЖ. – 2018. – № 3. – С. 71–78.

10. Цатурян М.М., Матевосян А.П. Лингвоэкологичность языка и речи: англицизмы в интернет-рекламе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 4. – С. 183–186.

11. Ширяева Т.А., Иванова О.Е. Лингвоэкологические риски в обучении иностранным языкам // Образовательные ресурсы и технологии. – 2024. – № 3. – С. 54–59.

LINGUOECOLOGICAL STRATEGIES FOR OVERCOMING LANGUAGE INTERFERENCE IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT A UNIVERSITY

Ivanova M.M.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article addresses language interference in a small multicultural EMI group, viewing it as a result not only of cross-linguistic transfer but also of the influence of the social environment. The study aims to demonstrate the relationship between interference errors and students' linguistic backgrounds, group norms, anxiety, and the status of English and Russian in academic and extracurricular communication. The material is based on observations of 11 first-year students from the Faculty of International Business, Taxation and Audit with English proficiency levels ranging from B2 to C2. The research included observation, recording of oral and written errors, short semi-structured interviews, and analysis of communication breakdowns. A working classification of errors is proposed, covering morphosyntactic, lexical-collocational, phonetic-prosodic, and pragmatic-discursive interference. It is shown that error persistence increases in situations of public assessment, when Russian-speaking micro-groups dominate, and when academic and everyday registers are mixed. The most effective strategies proved to be stepwise speech production, targeted correction, stable mixed pairs, and instruction in academic politeness formulas. The practical significance of the study lies in refining the principles of linguoecological classroom organization in an EMI environment.

Keywords: language interference; social context; multilingual environment; language ecosystem; EMI; linguoecology; academic adaptation.

References

1. Barakhta A.V. Grammatical interference as a methodological problem in multilingualism: Author's abstract of diss. … cand. of pedagogical sciences: 5.8.2. – M.: Gosudarstvennyy institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2024. – 237 p.

2. Durdibaeva A., Erkinova G., Dzhumaniyazova N. etc. The influence of language interference on the process of language learning // Symbol of Science. – 2024. – № 11. – P. 83–84.

3. Zaytseva E.A., Novikova I.V. Interference as language interaction in artificial bilingualism (a psycholinguistic approach) // Bulletin of TvS U. Series «Philology». – 2023. – № 2. – P. 20–26.

4. Israilova L.Yu., Zubayraeva M.U. Ways to overcome interlanguage interference in the process of learning a foreign language // Education Management: Theory and Practice. – 2022. – № 10. – P. 193–197.

5. Kopnina G.A. Current linguoecological ideas and problems // World of Linguistics and Communication. – 2021. – № 1. – P. 208–226.

6. Ogdonova Ts.Ts. Conceptual foundations of the linguoecological paradigm of scientific research // Almanac of Modern Science and Education. – 2009. – № 2. – P. 122–124.

7. Odlin T. Language Transfer: Cross-Linguistic Influence in Language Learning. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 418 p.

8. Poteryakhina I.N. The category of «linguoecologicality» in the context of modern linguistic research // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. – 2013. – № 8. – P. 142–147.

9. Prutskikh T.A., Skobelkina N.M. Language interference in the linguodidactic aspect // Pedagogical IMAGE. – 2018. – № 3. – P. 71–78.

10. Tsaturyan M.M., Matevosyan A.P. Linguoecologicality of language and speech: Anglicisms in Internet advertising // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. – 2021. – № 4. – P. 183–186.

11. Shiryaeva T.A., Ivanova O.E. Linguoecological risks in teaching foreign languages // Educational Resources and Technologies. – 2024. – № 3. – P. 54–59.

Кравченко Альберт Иванович,
доктор социологических наук, профессор, главный редактор журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Исходной основой для неместности и неуместности выступает слово «не-место», введенное в научный оборот Марком Оже. Но эти понятия отрицают нечто такое, что существует на земле или поверхности, что не отрицает, а утверждает. Корнеем им всем служит «место». Когда говорят «мы не местные», мы понимаем: они родились не здесь или не жили здесь никогда, они лишены здесь своих корней. Когда человека лишают родины, малой или большой, подвергают остракизму или изгнанию, то отбирают не только прописку, гражданство и кров над головой. Его лишают корней. Он был местным и вдруг стал не-местным, а в более широком смысле – не-уместным. Неуместным с точки зрения политической, юридической, социальной, экономической и конечно же культурной. Маргиналами называют тех, кто выехал из родного места, деревни или страны, и не прижился на чужой земле. Он находится между двух огней, он неместный и неуместный. Тяжела участь таких людей. В царской России по местным дорогам скитались толпы «неместных» – погорельцев, переселенцев, беглых, отходников, скрывающихся от закона. Они также попадают в данную категорию.

Так что такое феномен неместности и неуместности? Когда и почему не местные неуместны? Всегда неуместны? Кому именно неуместны? Неуместные – это люди, не соответствующие данной обстановке, появившиеся некстати (незваные гости), чье поведение хозяева считают неподобающим. Это понятие этическое. Неместные – это просто проживающие в другом месте, понятие юридическое. Они могут вести себя подобающим или не подобающим образом. Но это понятие географическое. Неадекватные – странные, сильно отличающиеся от всех, неподобающие или невменяемые люди. Понятие культурно-психологическое. На языке социологии о гостях и не имеющих постоянного места говорят иначе: гастарбайтеры, лимитчики, мигранты, ходоки, бездомные, пришлые, неместные, сквоттеры, бродяги, кочевники и т.п.

Ключевые слова: место, местные, не-место, неместность, неуместность, коренные жители, гастарбайтеры, лимитчики, цифровые кочевники, землячество, диаспора

Не-место и неместные

Согласно французскому философу Марку Оже, ***не-место*** – это любое пространство, которое используется только как переходное пространство и где с ним не создается никаких связей или отношений. Это пространства анонимности в нашей повседневной жизни, в нашей жизни и в нашей совести (единичных и коллективных). Таким образом, эти пространства нехарактерны и безличны – им не приписывается никакая личная характеристика. Визуальная безликость жилых кварталов, там, где она доминирует над всем остальным, делает город не просто непривлекательным, а даже отталкивающим. Она вынуждает горожан мобилизовать дополнительные психологические силы для преодоления этого негатива. Как бомба замедленного действия эмоциональная ущербность ландшафта постепенно превращает людей в инвалидов. И что самое интересное: на нашем здоровье наживаются те, кто строил уродливые кварталы и дома, неважно, частные предприниматели или государство. Уродовать людей можно в шахтах, на плантациях, в рудниках и в таких вот городах. Вот почему психогеография напоминает поход в не-место, поиски острых ощущений в городских зонах Сталкера.

Отношение между местом и не-местом в современном обществе переносит в пространство вопрос об инаковости (или идентичности). Если место представляет собой прошедшее время так же, как не-место представляет вероятное будущее, размышление об отношениях между ними – это в некотором смысле размышление о реальности, которая разыгрывается между тем, кем мы являемся/были и тем, кем мы можем стать или, даже лучше, кем мы становимся.

Не-место – феномен маргинальности, размещения на полях и даже вне поля. Оно рождается по упущению, недогляду властей или хозяев. Не-место – это где существование находится вне сущности, место для лишних людей, мир уязвимых людей. Неместные – все приезжающие в этот город из своей местности, тоже города или не тоже деревни. Неместные здесь неуместны. Неуместные – всегда «неадекваты», часто ходят к адвокату, чтоб защитить свои права адекватно. Русские на западе сегодня – не только неместные, но и неуместные. А потому их считают неадекватными, защищающими не те ценности, что у местных. Мигранты из Украины – тоже неместные. Но их считают уместными, хотя и не совсем адекватными.

Неместность и неуместность противостоят местности и местечковости. Неместные, значит пришлые, т.е. мигранты, прибывшие в данную область издалека (необязательно уточнять, из какого именно далека). Неуместность – ненужность, не к месту, не у дел, локализация незначимых других, людей случайных, проходящих и преходящих. Политическим аналогом неместности и неуместности недавно стало появившееся в Латвии понятие «не-граждане». Оно существует не только в этой стране. В феврале 2021 г. президент России В. Путин подписал закон о «паспортах негражданина» – такое удостоверение выдается на 10 лет и позволяет работать без оформления соответствующих разрешений на территории РФ, однако его нужно продлевать и подтверждать свое место жительства, пояснил руководитель Информационного центра по контролю за нелегальной миграцией в Москве Александр Дягилев. По его словам, введение подобных документов – позитивный шаг в вопросе борьбы с нелегальной миграцией (рис. 1).

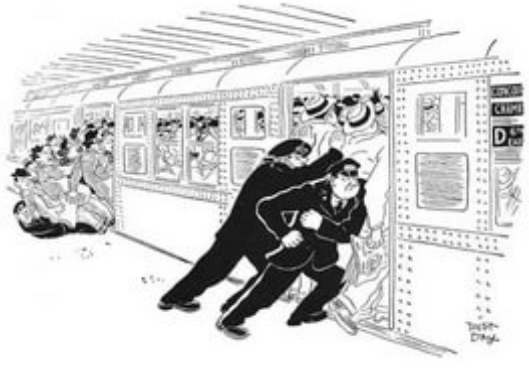


Рис. 1. Подземка – место, где людям часто нет места

В начале января в МВД России сообщили, что всего в России лицам без гражданства выдано более 600 временных удостоверений личности. Наибольшее количество заявлений приняли в Краснодарском крае, Саратовской, Московской, Орловской, Оренбургской, Волгоградской областях. Временное удостоверение – это документ, выданный лицу без гражданства как подтверждение его личности и временного пребывания на территории РФ и предоставляющий возможность работать.

Понятие «негражданина» существовало и в СССР, где лицам без гражданства выдавались соответствующие удостоверения, а также получило широкое распространение в постсоветской России: бывшие граждане Советского Союза меняли паспорта на российские не в обязательном порядке с момента прекращения существования страны и образования Российской Федерации, а спустя время – уже по факту того, как завершался срок действия их советского паспорта.

Соответственно, лица, которые так и не поменяли документ с истекшим сроком на российский паспорт, могли быть признаны лицами без гражданства. Однако, как показал опыт, после развала СССР механизм замены паспортов порой сам делал россиян негражданами. В Литве негра́ждане не могут иметь собственность на землю.

Местные – это не те, кто родился в данном месте, а прежде всего и главным образом те, кто идентифицирует себя с ним или кого другие идентифицируют с этим местом. Как правило, местные долго живут здесь и являются знатоками всех особенностей и деталей данной местности.

Слово *мещане* произошло от слова *местные*. Местные – живущие на этом месте здесь и теперь. Это географический аналог малой родины. Местные – патриоты и защитники своих мест, своего места в жизни, своей территории, своей кормовой базы, своих гробов и домов, своей семьи. *Место рождения* – первая родина, место происхождение, место-имение (рис. 2).

Рис. 2

«Мы не местные» и «не-место» – одно это заставляет исследователей обратить пристальное внимание на феномен места. А ведь есть немало укоренившихся в русской социальной практике выражений со словом «место». К примеру, «пришелся не к месту», «человек не на своем месте», «вчера наконец-то он получил место», «прибыльное место»… Все это социологические понятия, скрывающие под собой множество пластов социальной реальности.

Без места и не-место – разные вещи. Категории без места и не-места:

• Place annihilation – аннигиляция места (разрушение мест в военное время)

• Placelessness – безместность, неуместность, безлюдность, пустопорожность, необитаемость

• Nowhereness – нигде, без указания места, темнота, безымянность, отсутствие, постоянные изменения как единственная форма стабильности, стирание границ реальности ради бесконечных возможностей, неожиданные, незапланированные и случайные места

• Homelessness – бездомный, без определенного места жительства, он же Bum. У Хайдеггера, философа бытия и места, бездомность состоит в покинутости, в забвении бытия как проявлении онтологической бездомности, безместности, неукорененности, тотальном отчуждении, потере своих корней (unheimlichkeit – бездомность)

• Non-Place – не-место М. Оже (Marc Augé, 1995 *Non-Places: Introduction to the Anthropology of Supermodernity*, London: Verso.) как продукт супермодерна: поликлиники, больницы, станции техобслуживания и аэропорты, вокзалы (рис. 3).

Рис. 3. Весной всплывают анти-места

Источник: carricatura.ru

• Atopia/Атопия – ни к чему не привязанность, существование в потоковом пространстве, текучей современности.

• Dystopia/Дистопия – это плохое, жестокое, угрожающее, удручающее, автократическое место. Вызывает ассоциации с деспотией.

• Disembedding/Развоплощение – вырванные из контекста или из общего целого и помещенные в новые условия или место, термин Э. Гидденса (Anthony Giddens *The Consequences of Modernity,* Stanford University Press, 1990), который считал, что «мы отделены от времени и пространства». Он утверждает, что деньги – это механизм развоплощения. Disembedding refers to our ability to interact with one another without having to make face-to-face contact. This is thanks to the beauty of the internet. / Под развоплощением понимается наша способность взаимодействовать друг с другом, не прибегая к личному контакту. Это происходит благодаря красоте интернета. Развоплощение спосорбствует переходу от глокальности к глобальности.

• Displacement/Перемещение – насильственное удаление из привычного места, выселение неплательщиков, задолжников, бедноты и целых народов за пределы обжитой ими территории. Аналог – депортация малых народов. Синонимы: переселение (с насиженных мест), удаление, изгнание, высылка, ссылка, остракизм, выдворение, увольнение, исключение

• Uprooting/Выкорчевывание – разрушение чувства принадлежности к данному месту по социальным, политическим или экологическим причинам.

• Deterritorialization/Детерриториализация – термин французских философов Делеза и Гваттари (1987 A Thousand Plateaus; Capitalism and Schizophrenia University of Minnesota Press). Он означает отрыв социальных, политических или культурных практик от родных мест и населения и имеет отношение к выкорчевыванию, перемещению и вытеснению. Однако они используют этот термин в более общем смысле деконтекстуализации или вырывания из контекста.

В свою очередь, не-место окружает целый шлейф родственных понятий: человек из ниоткуда, утопия, мы не местные, история ни о чем, у чёрта на куличиках, нигде конкретно, иду туда, не знаю куда, где-то там,

Категории населения с особым – неуместным и безместным – отношением к месту:

• Аутисты, витающие в облаках
• Отшельники, ушедшие от людей и сделавшие уединенное место своей юдолью
• Кочевники, в том числе цифровые
• Космополиты – люди без родины, но планета их родина
• Космонавты, оторвавшиеся от земли
• Лимитчики и гастарбайтеры
• Заключенные в тюрьмах и концлагерях
• Лица с временной пропиской, ожидающие гражданства
• беженцы – вынужденные переселенцы из горячих точек
• беглый – каторжанин, совершивший побег из мест заключения.
• в бегах – числиться в розыске, скрываться от органов правосудия или, как сегодня, от рэкета, менять постоянно убежище, адреса, либо скрываться от алиментов.
• на побегушках – исполнять мелкие поручения, незначимые дела, быть шестёркой.
• бегунок – ребенок, сбежавший из дома.

С точки зрения социологии, нэпманы в 1920-е годы являли собой самых настоящих *маргиналов*, поскольку не имели укорененности ни в старой элите общества, ни в новой, большевистской, верхушке общества, хотя претендовали именно на такое, верхушечное, положение. Мещанство – накипь нэпа (М. Зощенко). Хиппи, рокеры, геи – тоже маргиналы, их тоже кто-нибудь считал «накипью».

Когда без места

Без-места – это лишние люди, индивиды, имевшие место, а теперь его не имеющие или имеющие его где-то еще, но не здесь, например, бомжи, мигранты, прохожие. *Не-местные* – все приезжающие в этот город из своей местности, тоже города или не тоже деревни. *Лишний человек* – аналог не-места. Лишний человек – человек без места в жизни и на службе. «Лишний человек» – герой и персонаж русской классической литературы, которая дала вполне социологическую картину общества определенной исторической эпохи. К типу «лишнего человека» причисляют Онегина, Печорина, Рудина, Бельтова, героев И.С. Тургенева. У А.П. Чехова в рассказе «Лишние люди» образ Лаевского продолжает традиции образа Печорина, традицию маленьких и лишних людей.

Из сопровождающих так называемого «лишнего человека» характеристик в литературе называют его ненужность, неспособность быть «как все», вписываться в контекст обыденного течения жизни. Таковы старики, от которых взрослые дети пытаются избавиться, пристраивая их в дома престарелых и социальные приюты; дети-сироты, потерявшие родителей, сбегающие из детдома и шляющиеся по притонам мегаполиса; люди без определенного места жительства и определенных занятий; девиантные группы типа проституток, наркоманов и алкоголиков. Все они не имеют своего места в нашей жизни, а сферой их обитания в широком социологическом, а не только и не столько в архитектурном, является не-место. «Лишние люди» – это горожане, лишенные всего или самого главного. Около церкви нищие просят милостыню – вот яркий пример не-места для лишних людей.

Такова социологическая трактовка лишних мест, проходных мест. У архитекторов она своя. *Не-места* – это лишние места в городе либо не «очеловеченные»; ненужный человек, изгой, лузер, неудачник, никчемный, маленькие люди. Таким образом, в городе есть не-место в архитектурном и социальном смысле слова.

Если для инвалидов не подготовлены специальные дорожки, съезды, пандусы, то их следует относить в категорию *человек без места*. В эту же категорию попадают следующие индивиды:

– Люди, не имеющие регистрации в данном городе
– Люди, скрывающиеся от закона, передвигающиеся с одной подпольной квартиры на другую
– Туристы и командировочные, пребывающие в данном городе временно.
– Отставники, сосланные, уволенные

Социология бездомности (Sociology of Homelessness) – исследование социальных групп людей, лишенных прописки и постоянного места жительства, обитающих в неприспособленных местах города, которые сегодня принято именовать не-местом. Это самые депривилегированные слои населения, бесправные, беззащитные и безденежные, которых принято – наряду с нищими – зачислять в андеркласс. Бездомность означает состояние, когда у человека нет постоянного жилища. Часто это может привести к абсолютной бедности, что означает отсутствие ресурсов для материального благополучия, пищи и воды, жилья, санитарии, образования и здравоохранения. Бездомные могут жить на улице, в приюте или временно проживать у друзей, в чужой семье. Бездомность – это отсутствие дома, а не крыши над головой. Буквальная бездомность – отсутствие собственного постоянного жилья – это состояние, которое присутствовало на протяжении всей истории человечества.

Человек без места (без должности), сотрудник без места (без письменного стола), зритель без места (безбилетник), пассажир без места (подсаженный вагоновожатым) – это все в категорию без места.

В свою очередь, и неопределенное место также окружено дружественной семантикой, в том числе принцип неопределенности Гейзенберга, принцип дополнительности, двуликий Янус, двуместность. Polytopia/Политопия – размещение на одном месте нескольких объектов, описывает полиэтнические, космополитические города. Гетеротопия (от гетеро… и греч. tópos – место) – нечто, находящееся не на своем месте, или разбросанное по разным местам; разноместность, разномастность, разношерстность; мозаика, ассамбляж, калейдоскоп.

Сквоттеры - это обычно новички в городских районах, которые живут на земле или в зданиях, которые им не принадлежат.

Бездомные (бомжи) – группа горожан, потерявшая законные права на землю или постоянное жилище. Бомжи существуют только в городе, а не в деревне.

Городской бродяга – это авантюрист, пробирающийся по шумным улицам, заполненным возбуждающими и возбужденными исполнителями городского спектакля.

Приживалки – бедная женщина, не из крепостных, жившая в барском, помещичьем или купеческом доме на средства хозяев, не имевшая никаких определенных обязанностей и развлекавшая хозяйку, составлявшая ее общество. Обычно это были бедные дальние родственники, примазавшиеся знакомые, а также «цветы запоздалые» – кое-кто из разорившихся дворянских семей, а то попросту случайно встретившиеся люди, сумевшие втереться в зажиточную семью [1].

Если бездомность – вынужденное проживание в не-местах андеркласса, то индустриальный туризм – добровольное посещение не-мест среднего класса с познавательными целями

Коренные и пришлые

По статистике в мегаполисе невелик процент коренных (в третьем-четвертом поколении) горожан. Большинство – мигранты, те, кто когда-то перебрался в город из внегородских мест. Долгие годы они, их дети и внуки хранят традиции и обычаи бывшей родины. Коренные жители и пришлые – противостояние, существующее испокон веков. Деление римлян на патрициев и плебеев – его первый отголосок. Если патриции – местные уроженцы уже не в первом поколении, то плебс – пришлые из провинции либо покоренное население. Разные политические права и юридический статус, разный уровень богатства и разный образ жизни.

Москвич – одно имя. Коренной москвич и приезжий москвич – два разных статуса. Коренной москвич – предписанный статус, если твои родители или ты сам родился в Москве. Приезжий москвич, даже если ты живешь в столице 45 лет, но не являешься уроженцем данной местности и родители – не москвичи. В таком случае это достигнутый статус.

Некоторые авторы считают, что родословная настоящих москвичей написана на табличках кладбищенских могил. Проще всего человек может доказать, что имеет право называться коренным москвичом, если на городских кладбищах похоронены 2–3, а то и больше поколений предков. «Общество коренных москвичей» выработало следующий критерий: коренными считаются москвичи в третьем поколении, у кого дедушка и бабушка родились не просто в Москве, а в старой ее части – в пределах бывшего Камер-Коллежского вала. Таких в столице около 500 тыс. человек. А если мать и отец переехали в столицу до вашего рождения, то вас следует именовать только урожденным москвичом[1]. «В Москве все найдешь, кроме родного отца да матери» – гласит пословица. В Древних Афинах коренным жителем, имеющим права гражданина, мог быть человек, который имеет в этом городе три поколения предков (рис. 4).

Рис. 4

Позже появился термин «туземцы» («те земли») – колонизированное население, и «инородцы» – рождённые не здесь. Сегодня 72% россиян – городские жители, но родились в городах только 55%. Горожанами во втором поколении можно назвать 30% россиян (их родители также родились в городе), в третьем поколении – 14%. Мысли переехать в сельскую местность возникали у 40% горожан, а среди жителей сёл и посёлков о желании переехать в город говорят 32% [2].

Норберт Элиас, всесторонне проанализировав ситуацию, порождающую предубеждение, создал теорию признанных и посторонних. Признанными являются «свои» – коренные москвичи, коренное население страны, а посторонними – «чужие»: эмигранты, беженцы, «ли-

[1] Добровольский А. Коренные москвичи // Аргументы и факты. 1995. № 37.

митчики», иногородние, иностранцы. Приток посторонних воспринимается «местными» как угроза своему благополучию, сложившемуся образу жизни коренного населения. Даже если пришлые не очень сильно отличаются от коренных своим языком, обычаями, взглядами. «Своей» считал Москву художник Василий Суриков, родившийся в Красноярске, в семье сибирских казаков, предки которой пришли туда с Ермаком, Иван Айвазовский, родившийся в Феодосии, Виктор Васнецов – в небольшой деревне Лопьял, Иван Шишкин – в Елабуге, Кузьма Петров-Водкин – в Хвалынске, Михаил Врубель – в Омске и др.

В юридической литературе понятия «петербуржец» и «коренной житель Петербурга» отсутствуют. Петербуржцы, как и москвичи, это либо территориально-административное понятие, либо литературно-художественная метафора. Коренные петербуржцы – те, кто не только родился в Петербурге, но и чьи родители похоронены в этом городе, и даже их прадеды [3, с. 140]. «Коренные петербуржцы, а именно истинные петербуржцы, еще в 1990-х гг. были легко узнаваемы на улице. Тогда на протяжении всего Невского проспекта были всего одна-две урны, и «коренные» покорно плелись несколько км с бумажкой от мороженого в руке до ближайшей. Настоящий петербуржец – это определенный культурный уровень» [3, с. 143].

По оценкам некоторых ученых, в Москве коренных жителей от 5 до 10%[3, с. 137]. Демографы полагают, что коренной петербуржец, а также коренной москвич – скорее всего городской миф. Действительно, рождаемость в крупных городах постоянно снижается, а их численность неумолимо возрастает. За счет кого? Основным поставщиком миграционного прироста населения городов сегодня являются Средняя и Центральная Азия, Кавказ и Закавказье, Украина, Молдова.

Цифровые кочевники

Цифровые кочевники (цифровые номады, digital nomad) – особая социальная категория людей, которые через веб-технологии могут себе позволить работать из любой точки мира и ведут мобильный образ жизни[1]. К ним относятся успешные специалисты в различных областях, которые работают удаленно через интернет, а потому не привязаны к конкретному месту жительства: программисты, маркетологи, цифровые дизайнеры, блогеры, онлайн-преподаватели и онлайн-писатели, бизнес-тренеры, консультанты, предприниматели, копирайтеры и переводчики, иногда авторы онлайн-проектов – и их число растет. Целая индустрия возникла на идее все свое носить с собой по всему миру. В их распоряжении конференции цифровых кочевников, круизы, и coliving/коворкинг-пространства. Кочевники – люди, которые всегда в пути и которым всегда предстоит дальняя дорога и казённый дом. Всегда в движении – жизненный путь таких личностей и их судьба (рис. 5).

Рис. 5. Цифровой кочевник ГАЗ «Соболь 4х4»

Цифровые кочевники – это не надомники. Вторые сидят на диване дома и редко куда выползают. Дом и работа у них в одном места и в одном городе. У первых дом и работа тоже одно целое, только дом все время переезжает. У тех и других рабочее место сжалось до маленького ноутбука. Для него не нужно строить отдельное офисное или заводское помещение. Такая работа может разместиться и на даче, и на пляже, и в автомобиле. Номады живут по формуле: Мой адрес не дом и не улица…

Вроде бы и не бомжи, но формально – лица без определенного места жительства. Номады соединяют два статуса – работника и туриста. Этакие перекати-поле – нынче здесь, а завтра там. По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед. Может быть, цифровой кочевник – это новый вид прекариата? Скорее нет, прекариат – бедняки, и номады – богачи. Но прекариатом считают тех, кто не имеет постоянной занятости. Прекариат – это вовсе не маргиналы. Это люди, которые работают, но не имеют постоянного полноценного трудового контракта. Это класс социально неустроенных людей, не имеющих полной гарантированной занятости. Их трудовые контракты ограничены по времени или по объему работы. В таком случае цифровых номадов можно считать цифровым прекариатом либо новым вебариатом (от Web). Цифровым городам будущего – цифровое поколение кочевников.

У кочевника нет такой карьеры, которая привязывает к одному месту. В путешествиях цифровые кочевники не отдыхают, а работают. Обычно у них полноценный рабочий день, но проводят они его не в офисе, а прямо в дороге, где-нибудь в отеле, кафе или коворкинге.

Все больше и больше миллениалов присоединяются к гиг-экономике, потому что им нравится искать новые впечатления. Путешествие стоит больших денег, потому заниматься надо доходным делом. Когда вы цифровой кочевник, никто не будет звонить вам, чтобы узнать, почему вы не пришли на работу. У многих цифровых кочевников есть веб-сайт, где о них узнают и нанимают на работу. Иногда цифровые кочевники путешествуют вместе, чтобы дешевле снимать жильё или арендовать транспорт. WiFi Tribe – это сообщество цифровых кочевников, которые вместе работают и путешествуют. Они так характеризуют себя: «Каждый месяц мы выбираем другой город, чтобы называть его домом». Современные технологии позволяют дешево перемещаться по миру, всегда быть в контакте с семьей и друзьями, удаленно работать и получать новые впечатления в режиме нон-стоп. Наиболее известные центры цифровых кочевников существуют в Токио, Берлине, Праге, Барселоне, Бали, Сан-Франциско, Портленде, на Мальте. Здесь больше всего Wi-Fi-кофеен, открытых 24 часа. В Европе давно прижилась культура коворкингов – мест, где все идеально организовано для продуктивного дня. Таким образом, путешествуя, ты меняешь один офис на десятки и сотни других, в которые каждый день приходят новые люди, будущие друзья, а, возможно, и партнеры.

Кочевники – везде гости. Что такое «гостевой» менталитет эмигрантов? Они чувствуют себя в чужой стране как гости? А что такое гостевой брак? Этот термин подразумевает брачные отношения (официально зарегистрированные) между партнерами, не проживающими вместе. А жили бы нормальной семьей, были бы у вас нормальные отношения, общая крыша над головой и общее хозяйство, ибо домохозяйство – это проживающие в одном помещении, вместе кормящиеся, зарабатывающие, поддерживающие в порядке свой дом и разделяющие общий семейный бюджет.

Релоканты – это вернувшиеся гости или кочевники, своего рода возвращенцы, ибо ре-локация – перемена места.

Понаехали!!!

Каждый город на земле – место мигрантов, ибо на протяжении десятков тысяч лет люди жили в деревнях. Но сегодня от горожан можно слышать «Понаехали тут!!!» в адрес всех, кто здесь не живет, но лишь в том случае, если приехавших слишком много, если они ведут себя неподобающим образом, мусорят на улице, в подъезде, квартире, если они перегружают сферу образования и медицины либо забирают на себя те социальные блага, которые раньше доставались коренным жителям. Что служит аналогом этой фразе? Оказывается, вот что: «Не свое место не занимай! Ту не на своем месте. Знай свое место! Ты что, самый крутой что ли?!»

В историческом смысле «Понаехали тут!!!» – это проблема коренных и пришлых народов – кого считать местными, а кого приезжими. История Великобритании: сначала кельты, потом саксы, потом норманны – каждая волна пришельцев со временем начинала считать эти острова своим домом, а вот следующую волну – наглыми захватчиками.

Провинция всегда служила «сырьевой базой» мигрантов в крупные города. Русскоязычных провинциалов порой приравнивают к гастарбайтерам. Провинция – это место жизни и рождения и стартовая площадка для бесконечного множества талантливых людей. Провинция питала столичные города всегда: А. Чехов – с берегов Азовского моря, Ф. Шаляпин – из Казани, Л. Толстой – из Тульской области, М. Шолохов – с Ростовской области, М. Сперанский – из Владимирской области, И. Тургенев, Н. Лесков и И. Бунин – из Орловской губернии. Судьба многих русских писателей, даже родившихся в столице, проходило вдали от столиц и больших городов: Эстрадные звезды загораются в столице, а рождаются, как правило, в провинции.

Когда в 1920-е годы миллионы белоэмигрантов уехали из страны в города «понаехали» сельские комсомольцы и «партейцы», вытеснив или уплотнив аборигенов, приклеив им пренебрежительные клички «буржуев», «недобитых», «заевшихся». Сегодня среди лейблов такого типа в интернете можно встретить девчонок-«понаехалок».

Москва – Златоглавая, Белокаменная, Первопрестольная, Третий Рим, Порт пяти морей, Город на семи холмах, Сердце России, Ночная (клубная) столица России, Финансовая столица России – как магнит притягивает к себе народ. Но она же – Нерезиновая (пародия на присказку «Москва не резиновая»), Понаехавск (пародия

[1] Статус цифрового кочевника пока еще законодательно не установлен.

на фразу «коренного» москвича «Понаехали тут!»), Default City (если в Интернете задают вопрос без указания города, считается, что речь идет о Москве), МСК, MSK, ЭмЭсКа (сокращения), Масква, Маськва (пародия на московский диалект), Марьква (в основном питерский вариант).

«Понаехали!», говорили в середине 1990-х годов москвичи азиатским гастарбайтерам, по привычке называя их «лимитчиками». Но как было не ехать в столицу из российской или среднеазиатской глубинки людям, которые не могли прокормить семью на ту нищенскую зарплату, которую они могли найти у себя. А специалисты отвечали им: во-первых, москвичи не берутся за неквалифицированную работу, во-вторых, главное, чтобы потом уезжали.

Землячество и диаспора

Место и местность, правильнее сказать, привязанность к ним, формируют такое явление, как землячество – объединение уроженцев одной местности или территории (страны, города, уезда, губернии), а нередко одной национальности, но проживающих в другой территории. Оно является разновидностью неформальной статусной системы. Такие сообщества «своих» в окружении «чужих» крепко держались друг за дружку, выступали сплоченно и агрессивно против всех, покушавшихся на их «братство». «один за всех и все за одного» служило главным оружием выживания группы пришлых в окружении местных, либо таких же пришлых, но другой национальности или местности. Подобные псевдо-кумовские группировки процветали в советской армии. Офицеры использовали территориальные землячества для укрощения национальных, например жителей Москвы и Ленинграда против «закавказских» землячеств. А рядовые использовали институт землячеств в борьбе против беспредела «дедовщины» – угнетения старослужащими новобранцев. Но нередко шел перебор.

Опрошенные социологами военнослужащие не раз заявляли, что членство в землячестве защищало их от «дедовщины». Это прежде всего представители Кавказа, Закавказья и Средней Азии, которые требовали особых прав, например, п не работать вообще либо не заниматься грязными работами. Кавказские землячества покидали территорию воинской части и уже там формировали агрессивные межполковые группировки, нередко с криминальным оттенком [4]. В советской армии грузины, армяне, чеченцы, осетины, абхазцы, азербайджанцы объединялись с целью господства, а среднеазиаты – с целью безопасности[1]. Вместе национальные землячества воевали против славян. Нередко система землячеств составляла конкуренцию дедовской статусной структуре. В одних случаях землячества поглощали дедовщину, в других – землячества растворялись в дедовщине.

Таким соотношение сил между различными статусными система внутри неформальной структуры было накануне развала СССР. Позже, в 1990-е годы, ситуация изменилась, поскольку на смену многонациональной советской армии, где постоянно нарастала численность неславянских этносов, пришла более однородная российская армия. В результате дедовщина восстановила свои права и превратилась в доминирующий тип неформальной структуры. Социологи пришли к выводу о том, что землячества воздействовали на армию даже хуже, чем дедовщина. «Дедовская» структура поддерживала боеспособность армии, а землячества ее разрушали. По некоторым данным, земляческие и межнациональные отношения уже превалировали над «дедовскими». Крупные землячества решали проблему власти в советской армии горбачевской эпохи с помощью массовых избиений противника.

Диаспоры (от *греч.* diaspora – рассеяние) – маленькие клочочки родины в чуждом окружении – представляют квази-родину и квази-возвращение на нее. К примеру, турки в Германии, таджики в России. Они похожи на землячества, но только их задача не отстаивать групповую солидарность в войне с чуждыми им сообществами, а сохранять язык, традиции, историю и культуру своей родины. Диаспоры выполняют просветительские и пропагандистские функции, организуют выставки и фестивали национальной литературы и искусства.

Диаспоры – этнические общности, проживающие в чужой стране, – образуются путем добровольного переселения, насильственного выселения, угрозы геноцида. Русские добровольно и большими партиями покидали родину начиная с XVII в. Сегодня в дальнем и ближнем зарубежье насчитывается более 40 млн русских. На территории Росси существует множество диаспор – ответвлений других народов – и сами русские в других странах образуют диаспоры либо национальные меньшинства (рис. 6).

[1] На казарменном жаргоне они звались иначе – «чурки», «бамбуки», «шашлыки» и пр.

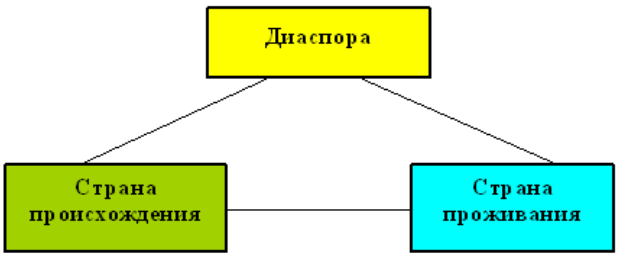


Рис. 6. Территориальный треугольник диаспоры

Диаспора служит исходной точкой образования ***национального меньшинства*** – части этноса, оказавшейся за пределами одноименного государства. Как и диаспоры, меньшинства осознают себя национальной общиной в чужом инонациональном окружении. У них – субкультура, у национального большинства – доминирующая культура. Первая всегда будет относиться в подчиненном отношении ко второй, испытывая порой притеснение и насилие.

По всей Западной Европе выросли этнические районы. Турецкие магазины, итальянские пиццерии, курдские овощные лавки, китайские рестораны становятся все типичнее для городского ландшафта Германии. Много иностранцев работает в банках, школах, больница, муниципалитете, правительстве и парламенте.

Некомфортное соприкосновение чужаков и коренных психологи называют ***культурным шоком***, который представляет собой конфликт между привычными ценностями и культурными практиками исходной местности с таковой же чужой среды. Термин появился в 1958 г., когда понадобилось описать состояние тревоги, переживаемой человеком, оказавшимся в совершенно непонятном окружении [5]. Растерявшись, мигрант не знает, что можно и нельзя делать, каковы нормы и законы чужой страны, писаные и неписаные правила.

Ситуация «свой среди чужих, чужой среди своих» превращает диаспору во внутреннюю миграцию, когда человек уезжает из большой родины, но продолжает жить в чужой стране по ее законам, культуре и языку, ностальгируя и досадуя на себя. Вернуться? А сделанные долги, дети учатся в местном университете, зарплата повыше, а старые связи на родине уже утеряны! С этим-то как быть?

В ситуацию культурного шока попадает житель деревни, переехавший в город, эмигрант, переселившийся из одной страны в другую, целый народ, попавший под иностранную интервенцию. Тот образ жизни, которым жили люди прежде или считали нормальным, оказывается на новом месте неподходящим либо для самого человека, либо для местных жителей, встречающих эмигрантов в штыки. Если нет враждебной обстановки и аборигены приветливы, то культурного шока либо вовсе нет, либо он незначителен. Перебравшиеся на новое место жительства находятся в растерянности или даже в отчаянии: они не знают местного языка, бытовых правил, техникой пользования банкоматом или телефоном.

Специалисты выделяют четыре способа преодоления конфликта, порождающего культурный шок: 1) геттоизация – приезжие солидаризируются между собой и образуют внутри новой культуры изолированные анклавы (гетто), где сохраняют и поддерживают старые традиции; 2) ассимиляция – приезжие пытаются раствориться в новой культуре, усвоив чужие обычаи и забыв свои собственные[2]; 3) взаимодействие – компромиссная попытка совместить элементы старой и новой культуры[3], в результате чего часто возникает так называемый *двойной стандарт поведения*: дома разговаривают на своем, а в учреждении на чужом языке; 4) колонизация – новички навязывают аборигенам свои правила поведения и представления о жизни, сознательно противопоставляя их нормам местной культуры[4].

[2] Ассимиляция – способ преодоления культурного шока, противоположный геттоизации. В этом случае индивид стремится максимально быстро отказаться от своей культуры и усвоить культуру страны пребывания.

[3] Это промежуточная стратегия, при которой эмигранты «вливают новое вино в старые меха», соединяя свою и чужую культуру, взаимообогащая обе их: итальянские спагетти, пицца стали национальными блюдами США, а индийская, китайская кухня – частью потребительской культуры Англии, Австрии, Германии, США.

[4] Такой сценарий наблюдается в процессе завоеваний (как военных, так и мирных), освоения новых земель (яркий пример – переселение русских крестьян в Сибирь в кон. XIX в. и освоение Запада США волонтерами из Европы), в ходе модернизационных процессов. Классическим примером культурной колонизации стало создание империй западноевропейских стран в Азии и Африке, сопровождавшееся насаждением там элементов европейской культуры.

Диаспоры и меньшинства, ради выживания, занимаются бизнесом, особая социальная организация которого получила название *этнического предпринимательства* и *этнической экономики*. Часто гастарбайтеры попадают в этнические социальные сети криминального или полукриминального характера. Использование этнических ресурсов позволяет мигрантам не только найти жилье или работу, но также обустроить свой быт, пригласить родственников и т.д.

Лимитчики и гастарбайтеры

Понятию «иностранные и иногородние рабочие» многие тысячи лет. В античности это были рабы, главным образом, из соседних завоеванных племен, в современной России – выходцы из ближнего и дальнего зарубежья. О них говорят: «Понаехали! Лимита!». ***Лимитчики*** – иногородняя рабочая сила, а гастарбайтеры – иностранные рабочие. В СССР иногородние рабочие прибывали по оргнабору, на условиях временной прописки, по лимитам министерств и ведомств. В 1960 г. их было в Москве 378 тыс., в 1970–500 тыс., в 1980-е годы – более 600 тыс. человек, что составляет 10–15% всех занятых в городском хозяйстве.

Гигантский ЗИЛ в народе прозывался «завод взмученных лимитчиков». О том, каково им там жилось, говорили: «Если хочешь быть в могиле, проработай год на ЗИЛе». Тогда они рады были временной прописке и койко-месту в общежитии, ибо это давало хоть и отдаленную, но реальную возможность получить статус москвича и отдельное, жилье. Лимитчики ехали в столицу в основном из средней полосы России, а некоторые крупные заводы черпали дешевую рабочую силу и в Средней Азии[1].

В России *рынок иностранной рабочей* силы начал формироваться еще при Петре I. В 1920-е годы приехавшие рабочие, в основном немцы, рассматривали свое пребывание в СССР как временное, до победы пролетарской революции в своих странах, они не учили русский язык, как правило, не брали с собой семей. В 1930-е годы вместо редких вкраплений иностранцев на «флагманах пятилетки» появляются настоящие колонии иностранных специалистов. Многие чувствовали себя обманутыми, когда вместо обещанного комфорта и высокой зарплаты сталкивались с волокитой, грязью и враждебным отношением русских коллег. В отличие от советских рабочих, большинство которых были выходцами из деревни, их зарубежные коллеги имели возможность сравнивать советскую действительность с Западом, использовать для отстаивания своих прав навыки политической борьбы, приобретенные на родине. Наиболее распространенной формой протеста являлся разрыв контракта и возвращение домой [6].

Иностранцы (в основном, латиноамериканцы) сегодня составляют большинство работников на американских птицефермах, текстильных фабриках. Некоторые угольные компании рекрутируют шахтеров за рубежом, в частности, в Украине. Для работы в госпиталях активно приглашаются медсестры с Филиппин. Германия в 1970–80 годы захлебнулась от наплыва турецких, югославских, албанских и прочих переселенцев. Во Франции натурализовавшиеся нелегалы составляют чуть ли не половину населения страны, так, что правительству пришлось пойти навстречу и выдавать им паспорта французского образца. Миллионы латиноамериканцев, выходцев из Индокитая и Азии, ныне живут с паспортами США и еще больше живут без них.

Дж. Борджес отмечает, что иностранные рабочие в США, например, в начале получают меньше, чем коренные американцы, но через 10–15 лет начинают зарабатывать больше, что во многом объясняется естественным отбором иностранных рабочих: в их составе оказываются наиболее способные и целеустремленные люди. Опыт государств, давно экспортирующих рабочую силу, показывает, что человек, вернувшийся из-за рубежа, обычно уже по-другому смотрит на условия труда, на уровень заработной платы, на профессиональные возможности, на свою карьеру. Он знает себе цену и подыскивает удовлетворяющую его работу. Польза от импорта иностранной рабочей силы немалая: иностранцы-строители научили русских культуре труда – сегодня уже редко встретишь свалки на строительной площадке; иногородние водители ликвидировали дефицит на московском транспорте.

Социальные и психологические проблемы, с которыми сталкиваются рабочие-мигранты, заключаются в следующем. Важнейшая среди них – отношение с местным населением: в СССР москвичи с неприязнью относились к лимитчикам, в современной России, Франции или Германии – к гастарбайтерам. С одной стороны, это отношение высших к низшим, с другой – пассивных к активным. Дело в том, что большинство приезжих через некоторое время после адаптации совершают карьеру и восходящую мобильность более быструю, чем коренные жители. По отношению к ним возникает одновременно зависть и презрение, которое выразилось в поговорке «из грязи – в князи».

Основных причин появления гастарбайтеров в любой стране четыре: 1) демографическое старение населения и, как следствие, нехватка молодежи в составе рабочей силы; 2) высокий уровень экономического развития, относительно высокие зарплаты даже для малооплачиваемых рабочих; 3) нежелание собственных граждан заниматься грязной работой и непрестижным трудом; 4) необходимость поддерживать темпы экономического роста за счет расширения рабочих мест и привлечения дополнительных кадров.

Коренное население России и Германии неумолимо не только стареет, но и сокращается, а это негативно влияет на экономическое развитие. Средний возраст немцев составляет 46 лет. Для поддержания социальной системы (включая выплаты пенсий) стране понадобятся новые работники. Их единственный источник – иммигранты. Доля предпринимателей среди германских турок вдвое превысила такой показатель у немцев: освоившись в стране, прежние иммигранты начали создавать новые рабочие места. Причем не только для новых иммигрантов, но и для немцев. Лицом среднего и мелкого бизнеса в Германии все больше становится «лицо турецкой национальности».

Безработные – лица без определенного места работы, бомжи – лица без определенного места жительства. Лимитчики – лица с временной работой и временным местом жительства. Лимитчиков называют «скрытые крепостные», которые не имеют права на прописку в течение пяти лет и права стоять в очереди на жилье в течение десяти лет, а также «химики» – бывшие зеки, обязанные отработать определенное количество лет на химическом предприятии – и «явные крепостные», которые работали под строгим надзором на частновладельческих фермах с утра до глубокой ночи [7].

Литература

1. Засосов Д.А., Пызин В.И. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX–XX веков; Записки очевидцев. М.: Молодая гвардия, 2003, с. 112.
2. Добровольский А. Коренные москвичи // Аргументы и факты. 1995. № 37.
3. Окладникова Е.А. Коренные петербуржцы: между модерном и неотрадиционализмом // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки, No. 1, 2015, с. 140.
4. Белановский С., Марзеева С. Войны однополчан // Век XX и мир, 1990, № 11.
5. Culture Shock. A reader in modern cultural anthropology / ed. by P.K. Bock. New York: Knopf, 1970. 379 p.
6. Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000.
7. Кёстер-Тома З. Сферы бытования русского социолекта (Социологический аспект) // Русистика. – Берлин, 1994, № 1–2. С. 18–28.

[1] Аргументы и факты. 1995. № 37.

PHENOMENON OF IRRELEVANCE AND INAPPROPRIATENESS

Kravchenko A.I.

The initial basis for non-place and irrelevance is the word «non-place», introduced into scholarly circulation by Marc Auger. But these concepts deny something that exists on the ground or surface, that does not deny but affirms. The root of them all is «place». When they say «we are not from here», we understand: they were not born here or have never lived here, they are deprived of their roots here. When a person is deprived of his homeland, small or big, ostracised or exiled, it is not only his residence permit, citizenship and shelter over his head that is taken away. He is deprived of his roots. He was local and suddenly he is not-local, or in a broader sense, not-local. Inappropriate politically, legally, socially, economically and of course culturally. Marginalised people are those who have left their native place, village or country and have not settled down in a foreign land. He is between two fires; he is out of place and out of place. The plight of such people is hard. In tsarist Russia, crowds of «non-locals» wandered along the local roads – pogorets, migrants, fugitives, stragglers, fugitives hiding from the law. They also fall into this category.

So, what is the phenomenon of non-locality and irrelevance? When and why are non-natives inappropriate? Are they always inappropriate? To whom exactly are the inappropriate? Inappropriate people are people who do not fit the setting, who appear out of place (uninvited guests) and whose behaviour is considered inappropriate by their hosts. This is an ethical concept. The non-hosts are simply those living elsewhere, a legal concept. They may or may not behave appropriately. But it's a geographical concept. Inappropriate – strange, very different, inappropriate or insane people. The concept is cultural and psychological. In the language of sociology, guests and those without a permanent place are spoken of differently: guest workers, limiters, migrants, walkers, homeless, strangers, non-locals, squatters, vagabonds, nomads, etc.

Keywords: place, local, non-place, non-local, non-locality, irrelevance, indigenous people, guest workers, limiters, digital nomads, compatriots, diaspora

References

1. Zasosov D.A., Pyzin V.I. Everyday Life in St. Petersburg at the Turn of the 19th and 20th Centuries; Notes of Eyewitnesses. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2003, p. 112.
2. Dobrovolsky A. Native Muscovites // Arguments and Facts. 1995. No. 37.
3. Okladnikova E.A. Native Petersburgers: Between Modernism and Neotraditionalism // Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series No. 3. Humanities and Social Sciences, No. 1, 2015, p. 140.
4. Belanovsky S., Marzeeva S. Wars of Comrade-Residents // The 20th Century and the World, 1990, No. 11.
5. Culture Shock. A reader in modern cultural anthropology / ed. by P.K. Bock. New York: Knopf, 1970. 379 p.
6. Zhuravlev S. V. "Little people" and "big history": foreigners from the Moscow Electrozavod in Soviet society in the 1920s and 1930s. Moscow, 2000.
7. Koester-Thoma Z. Spheres of existence of the Russian sociolect (Sociological aspect) // Russists. – Berlin, 1994, No. 1–2. Pp. 18–28.

Разработка маркетинговой стратегии технологической компании для реализации задач на B2B-рынке (на примере компании «Грейн Ингредиент»)

Микрюков Владимир Олегович,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: vomikryukov@fa.ru

Агабегян Амалия Врежевна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: beguncamalia@gmail.com

Айба Мария Астамуровна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: aibamarria@mail.ru

Акиньшин Михаил Алексеевич,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: akinshinmichail@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности формирования адаптивной маркетинговой стратегии для российской технологической компании «Грейн Ингредиент», специализирующейся на биотехнологических решениях для зерноперерабатывающей отрасли. В условиях глобализации агропромышленных рынков и геополитической нестабильности традиционные подходы к продвижению инновационной продукции демонстрируют сниженную эффективность. Исследование базируется на анализе вторичных данных и серии глубинных интервью с 19 отраслевыми экспертами. Выявлены ключевые барьеры внедрения инноваций: информационная асимметрия, низкая вовлечённость дистрибьюторов, консерватизм целевой аудитории. Предложены рекомендации по развитию технологических коллабораций с производителями оборудования, акцентируется внимание на доказательной экономической эффективности маркетинга и цифровизации коммуникационных каналов (внедрение CRM, контент-маркетинг, локализация контента для рынков Индии, Африки, Центральной Азии). Статья подчёркивает важность перехода от продуктоцентричной к клиентоориентированной модели взаимодействия, развития образовательных инициатив компании и формирования репутационных кейсов для укрепления рыночных позиций компании на международных B2B-рынках.

Ключевые слова: маркетинговая стратегия, B2B-рынок, компания «Грейн Ингредиент», биотехнологические решения, зерноперерабатывающая промышленность, конкурентный анализ, цифровизация коммуникаций.

В условиях усиливающейся глобализации и технологической трансформации агропромышленного сектора компании, разрабатывающие инновационные решения для зернопереработки, сталкиваются с необходимостью пересмотра подходов к маркетинговому продвижению [1]. Традиционные инструменты коммуникации, ориентированные на массовую аудиторию, утрачивают эффективность в сегменте B2B, где решения принимаются на основе технико-экономического обоснования и экспертной оценки [2]. Особенно остро эта проблема проявляется у компаний, которые продвигают новые биотехнологические решения. Для мельницы здесь меняется не только состав добавок. Часто приходится пересматривать подготовку зерна, производственный контроль и привычные критерии оценки результата.

Необходимость отдельной маркетинговой стратегии для агротехнологий объясняется не общими рассуждениями, а устройством самой отрасли. Между разработчиком и покупателем сохраняется длинная цепочка согласований. Решение о новой ферментной схеме редко принимает один человек. Владельцу важна экономика партии, технологу нужна стабильность помола, дистрибьютору требуется понятный аргумент для клиента. Пока у поставщика нет результатов производственной пробы и расчета эффекта на конкретной мельнице, разговор обычно не выходит за рамки первого контакта. Дополнительное давление создают дорогая логистика, валютные колебания и разные требования к сертификации на внешних рынках. Поэтому российским предприятиям приходится не просто продвигать продукт, а собирать отдельный сценарий выхода для Индии, стран Африки и соседних рынков Азии. Цифровые каналы здесь полезны, но сами по себе задачу не решают. Без связки с выставками, демонстрационными запусками и локальными партнерами они дают слабый результат. У ООО Грейн Ингредиент есть технологическая база для роста, однако прикладная модель ее продвижения на внешних рынках пока описана неполно. В этом и состоит исследовательский интерес настоящей работы.

Обзор литературы

Исследования по маркетингу промышленной инновационной продукции накопили заметную базу подходов, однако выводы в них распределены неравномерно. Цифровые каналы описаны подробнее, чем прикладные решения для агротехнологий. Поэтому далее рассматриваются публикации, наиболее полезные для логики данного исследования.

В.А. Левченко фиксирует сдвиг в поведении промышленных заказчиков. До первого контакта с поставщиком они уже просматривают сайты, каталоги, видео испытаний и отраслевые обзоры [3]. Для зернопереработки это особенно важно. Технолог или директор по производству обычно ищет не общее описание фермента, а сведения о влажности зерна, выходе муки, стабильности клейковины и рисках для линии. Компаниям необходимо адаптировать контент-стратегии под этот новый контекст поиска, обеспечивая присутствие в профессиональных цифровых экосистемах.

За рубежом встречаются научные статьи, где проводится Анализ цифрового маркетинга агропроцессоров [4], в частности делаются выводы об использовании возможностей цифрового маркетинга, которые повышают рыночную производительность в развивающихся экономиках. Заметим, что индийская исследователь К. Свапандип определила и эмпирически доказала, что в условиях стремительного внедрения технологий агротехнологическим предприятиям необходимы инновационные бизнес-модели и стратегии выхода на рынок для достижения финансовой устойчивости [5].

Анализ представленной литературы позволяет заключить, что маркетинг инновационных решений в агропромышленном секторе требует комплексного подхода, сочетающего технологическую экспертизу, экономическую аргументацию и культурную адаптацию. Однако вопрос применения данных принципов к продвижению ферментных комплексов для зернопереработки остаётся малоизученным, что определяет научную новизну настоящего исследования.

Методология исследования

Настоящее исследование является продолжением начатой авторами работы [1] и направлено на разработку практических рекомендаций по совершенствованию маркетинговой стратегии ООО «Грейн Ингре-

диент» для укрепления позиций на международных B2B-рынках. Для получения достоверных данных о потребностях целевой аудитории и барьерах внедрения инноваций был применён метод качественных полуструктурированных глубинных интервью.

В период с 14 ноября 2024 года по 11 марта 2026 года были проведены онлайн-опросы с 19 респондентами, представляющими различные группы стейкхолдеров зерноперерабатывающей отрасли: владельцы мельниц, директора по производству, технологи, представители дистрибьюторских сетей. Все участники исследования обладают практическим опытом работы с биотехнологическими решениями и принимают или влияют на решения о закупке инновационной продукции.

В ходе интервью респондентам предлагалось оценить эффективность существующих каналов коммуникации, описать ключевые факторы принятия решений о внедрении новых технологий, а также сформулировать ожидания от взаимодействия с поставщиками инновационных решений. Полученные данные были систематизированы и проанализированы с использованием метода тематического кодирования.

Авторский анализ полученных данных

Анализ глубинных интервью позволил выделить несколько факторов, которые в реальной практике определяют результат маркетинга компании в B2B-сегменте. Речь идет о сигналах, по которым клиент оценивает надежность предложения и принимает решение.

При внедрении ферментного комплекса решает не новизна технологии сама по себе, а понятный экономический результат. Клиенту нужен расчет на его производственной логике. Сколько снизится расход энергии. На сколько тонн вырастет выход муки за месяц. Как быстро окупится тестовая партия. Именно такие критерии делают предложение убедительным, что согласуется с позицией А.С. Петрухина и А.И. Петрухина о необходимости комплексного промышленного маркетинга [5]. Коммуникационная политика ООО Грейн Ингредиент должна строиться вокруг измеримых показателей. Например, вокруг снижения энергопотребления от 6 до 9%, роста выхода муки высшего сорта и сокращения расходов на стандартные улучшители.

Сильное влияние на выбор поставщика сохраняют отраслевые эксперты и технологические партнеры. В B2B-среде рекомендация главного технолога или производителя мельничного оборудования часто действует убедительнее стандартной рекламы. Поэтому репутационный капитал компании целесообразно наращивать через альянсы с машиностроительными предприятиями, дистрибьюторами и университетами. Когда решения ООО Грейн Ингредиент разбираются на семинарах и пилотных площадках, доверие формируется раньше коммерческих переговоров.

Слабая осведомленность рынка о возможностях инновационной подготовки зерна по-прежнему тормозит спрос. Многие технологи не готовы менять рабочую схему, пока не увидят эффект на знакомом сырье и в понятных производственных условиях. Это типичная реакция для консервативной отрасли. Снять такой барьер помогает прикладной контент. Нужны вебинары, короткие технологические инструкции, таблицы сравнения и отчеты по тестам, где видно состояние линии до внедрения и после него.

При работе на приоритетных экспортных направлениях, в Индии, странах Африки и Центральной Азии, универсальная коммуникация почти не работает. Каждый рынок требует отдельной настройки. Необходимо адаптировать материалы на английский, французский и арабский языки, учитывать требования халяльной сертификации и местные нормы делового этикета.

Заключение и общие выводы по исследованию

Формирование адаптивной маркетинговой стратегии для компании «Грейн Ингредиент» является ключевым условием успешной экспансии компании на международные B2B-рынки биотехнологических решений. Учитывая специфику зерноперерабатывающей отрасли, стратегия должна сочетать технологическую экспертизу, экономическую аргументацию и культурную адаптацию коммуникаций.

Проведённый анализ позволил сформулировать основные направления совершенствования маркетинговой деятельности: развитие стратегических коллабораций с производителями оборудования, позиционирование на основе измеримого экономического эффекта, усиление образовательного компонента в контент-стратегии, внедрение CRM-системы для персонализации взаимодействия с клиентами. Подчеркнём необходимость создания каждой единицы контента с акцентом на демонстрацию практической ценности через реальные производственные кейсы.

Особое внимание руководству компании и ее маркетологам следует уделить роли экспертного сообщества. Участие в продвижении известных технологов, представителей научных организаций и лидеров отраслевых ассоциаций способно существенно усилить доверие к продукту. Например, совместные публикации с клиентами о результатах промышленных испытаний формируют социальное доказательство, сокращающее цикл принятия решения.

Выбор каналов коммуникации также играет определяющую роль. Рекомендуется сбалансированное сочетание owned-каналов (сайт, экспертная база знаний), earned-каналов (публикации в отраслевых медиа, научные статьи), а также SMM-продвижение [7] и специальных мероприятий (участие в конференциях, пилотные проекты). Такой подход позволяет охватить аудиторию на разных этапах воронки: от формирования осведомлённости до заключения контракта.

Заметный резерв роста связан с внедрением цифровых инструментов, мониторингом веб-трафика и автоматизацией работы с лидами. Но ценность этих решений появляется только тогда, когда данные используются в управлении, а не копятся в отчетах. Сквозная аналитика вместе с сегментацией клиентской базы показывает, какой канал приводит квалифицированный запрос, сколько стоит контакт и на каком этапе теряется сделка. Это дает более точную основу для корректировки стратегии и ускоряет реакцию на рыночные изменения.

Мы полагаем, что реализация предложенных направлений позволит не только повысить уровень вовлечённости целевой аудитории и сформировать устойчивые партнёрские отношения, но и обеспечить значительный рост экспортных поставок. Стратегия, основанная на глубоком понимании потребностей промышленных клиентов, грамотном использовании цифровых инструментов и постоянном мониторинге результатов, станет ключевым фактором конкурентоспособности компании «Грейн Ингредиент» в условиях трансформации глобального агропромышленного рынка.

Литература

1. Микрюков, В.О. Анализ эффективных подходов и инструментов B2B-маркетинга в компании «Грейн Ингредиент» / В.О. Микрюков, А.А. Петриченко, А. Келеш // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 12. – С. 103–105.

2. Микрюков, В.О. Стратегии контент-маркетинга для B2B-компаний (на основе авторского анализа контент-стратегии компании Bergauf) / В.О. Микрюков // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 2. – С. 350–352.

3. Левченко, В.А. Перспективы развития малотиражной цифровой печати и on-demand-технологии в книгоиздании Преимущества, проблемы и факторы роста / В.А. Левченко // Вестник Академии медиаиндустрии. – 2023. – № 3(35). – С. 48–57.

4. Chinakidzwa, M. Exploring digital marketing resources, capabilities and market performance of small to medium agro-processors. A conceptual model / M. Chinakidzwa, M. Phiri // The Journal of Business and Retail Management Research. – 2020. – Vol. 14, No. 02. – DOI 10.24052/jbrmr/v14is02/art-01.

5. Kaur S. Analyzing business model innovation and market entry strategies for agri-based enterprises: a financial perspective. // Front. Sustain. Food Syst. – 2025. – No. 09. – DOI 10.3389/fsufs.2025.1719231

6. Петрухина, А.С. Особенности стратегического планирования в сфере маркетинга промышленных предприятий / А.С. Петрухина, А.И. Петрухин // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 8(169). – С. 704–708. – DOI 10.34925/EIP.2024.169.8.133.

7. Восканян, М.М. Разработка стратегии продвижения в социальных сетях для бизнеса по фреймворку SOSTAC / М.М. Восканян, С.Э. Галаванова, В.О. Микрюков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, № 10–1. – С. 481–489. – DOI 10.34670/AR.2022.60.38.062.

DEVELOPMENT OF A MARKETING STRATEGY FOR A TECHNOLOGY COMPANY TO ACHIEVE B2B MARKET OBJECTIVES: THE CASE OF GRAIN INGREDIENT LLC

Mikryukov V.O., Agabegyan A.V., Aiba M.A., Akinshin M.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the specifics of developing an adaptive marketing strategy for the Russian technology company Grain Ingredient, which specializes in biotechnological solutions for the grain processing industry. Amidst the globalization of agro-industrial markets and geopolitical instability, traditional approaches to promoting innovative products are demonstrating reduced effectiveness. The study is based on an analysis of secondary data and a series of in-depth interviews with 19 industry experts. Key barriers to innovation adoption have been identified: information asymmetry, low distributor engagement, and target audience conservatism. Recommendations are proposed for developing technological collaborations with equipment manufacturers, with an emphasis on demonstrable economic efficiency and the digitalization of communication channels (including CRM implementation, content marketing, and content localization for markets in India, Africa, and Central Asia). The article underscores the importance of shifting from a product-centric

to a customer-centric interaction model, advancing corporate educational initiatives, and building reputation-enhancing case studies to strengthen the company's market position in international B2B markets.

Keywords: marketing strategy, B2B market, Grain Ingredient, biotechnological solutions, grain processing industry, competitive analysis, digitalization of communications.

References

1. Mikryukov V.O. Analysis of effective approaches and tools of B2B marketing in the company «Grain Ingredient» [Analiz effektivnykh podkhodov i instrumentov B2B-marketinga v kompanii «Greyn Ingredient»]. Sotsial'no-Gumanitarnye Znaniya, 2025, No. 12, Pp. 103–105. (In Russ.).

2. Mikryukov V.O. Content marketing strategies for B2B companies (based on the author's analysis of Bergauf's content strategy) [Strategii kontent-marketinga dlya B2B-kompaniy (na osnove avtorskogo analiza kontent-strategii kompanii Bergauf)]. Sotsial'no-Gumanitarnye Znaniya, 2025, No. 2, Pp. 350–352. (In Russ.).

3. Levchenko V.A. Prospects for the development of low-volume digital printing and on-demand technologies in book publishing: advantages, problems, and growth factors [Perspektivy razvitiya malotirazhnoy tsifrovoy pechati i on-demand-tekhnologii v knigoizdanii: Preimushchestva, problemy i faktory rosta]. Vestnik Akademii Mediaindustrii [Bulletin of the Academy of Media Industry],2023. No. 3(35), Pp. 48–57. (In Russ.).

4. Chinakidzwa, M. Exploring digital marketing resources, capabilities and market performance of small to medium agro-processors. A conceptual model. The Journal of Business and Retail Management Research, 2020, Vol. 14, No. DOI 10.24052/jbrmr/v14is02/art-01.

5. Kaur S. Analyzing business model innovation and market entry strategies for agri-based enterprises: a financial perspective. Front. Sustain. Food Syst, 2025, No. 02. DOI 10.3389/fsufs.2025.1719231

6. Petrukhina A.S. Features of Strategic Planning in Industrial Enterprise Marketing [Osobennosti strategicheskogo planirovaniya v sfere marketinga promyshlennykh predpriyatii]. Ekonomika i predprinimatel'stvo, 2024, No. 8(169), Pp. 704–708. – DOI 10.34925/EIP.2024.169.8.133. (In Russ.).

7. Voskanian M.M., Galavanova S.E., Mikryukov V.O. Development of a Social Media Promotion Strategy for Business Based on the SOSTAC Framework [Razrabotka strategii prodvizheniya v sotsial'nykh setyakh dlya biznesa po freymvorku SOSTAC]. Ekonomika: Vchera, Segodnya, Zavtra, 2022, Vol. 12, No. 10–1, Pp. 481–489. DOI 10.34670/AR.2022.60.38.062. (In Russ.).

Право в свете традиции: религиозно-философский аспект

Полозова Ирина Владимировна,
доктор философских наук, профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: polozova-irina@mail.ru

В статье обозначен подход к праву, исходящий из традиции, понимаемой в качестве доминирующей религиозно-философской парадигмы, транслирующейся в определенной цивилизации. Показывается, что традиции, рассматриваемые как опосредование социальных отношений базовой ценностью, изначально определяют бытие и понимание права, а также сохраняют свое влияние на него на всей продолжительности его существования. Показывается, что секулярное понимание права, представляющее собой отступление от традиции, вместе с тем, сохраняет некоторые ее существенные характеристики

Ключевые слова: право, традиция, традиционные ценности, Модерн, философия права

Возникновение права, его бытие и понимание определяется наличием традиций, далеко не всегда возникающих непосредственно в правовой сфере, но присутствующих во всем культурном поле и оказывающих влияние на право посредством воздействия на него тех или иных форм культуры. Если говорить о бытии права, то можно увидеть, что оно всегда возникает в рамках связанной с определенной цивилизацией культурной нормативной традиции, существуя, наряду с нормами религии, обычая и морали, в виде некоего первичного синкретичного комплекса. Представляется невозможным провести окончательное и убедительное разделение норм внутри первичного комплекса, тем более, выстроить их в последовательную цепочку. Вместе с тем, следует отметить бесспорно существующий в древних традиционных обществах приоритет религии в качестве первоисточника норм, а также вторичность морали, обычая и права по отношению к религии. Весь комплекс традиционных норм, так или иначе, сохраняет свое значение для человеческого общества на протяжении всей его истории.

Вместе с тем, пропорциональное соотношение, доля тех или иных норм по отношению ко всему нормативному универсуму общества определенного типа, бесспорно, будет различаться. Культурная традиция определяет меру соотношения предписаний религиозного и морального характера и норм права, то есть долю права в общем количестве регулирующих жизнь общества норм, исходящих первоначально из религии. Данное различие будет наиболее ощутимо между традиционными обществами, с одной стороны, и современными, с другой. В традиционных обществах нормы, санкционированные религией и отраженные в господствующей морали, как правило, занимают определяющее место в жизни общества, и нормативный комплекс, состоящий из религии, и основанных на ее принципах обычая и морали, будет иметь приоритетное значение по отношению к праву в собственном смысле слова. В современных обществах, наоборот, главенствующая роль принадлежит праву по отношению к религии, морали и обычаю. Идея верховенства и приоритета права, бесспорно, принадлежит современному миру.

Если мы обратимся к традиционным культурам, то можно увидеть, что в них система права находится внутри религиозной традиции и полностью определяется ей, как например система исламского права – шариат, в которой в качестве основных правовых источников выступают священные книги мусульман, Коран и Сунна. Другим известным примером производного значения права по отношению к нормам религии является иудейское право, основанное на положениях Торы и других Священных книгах Ветхого Завета. Данная ситуация является типичной для всех традиционных культур, в которых производность правовых норм от религиозных предписаний представляется очевидной.

Традиционные культуры убедительно демонстрируют вторичность права по отношению к религиозным и моральным предписаниям. Сама сфера действия права в рамках традиционных цивилизаций может быть достаточно узкой и регламентировать лишь те отношения, которые не охватываются сферой религии и вытекающей из нее морали, имеющей универсальный характер. Исходя из первичности традиционных обществ по отношению ко всей последующей истории человечества, можно показать, что идея права является производной от изначального религиозного нормативного комплекса, и право всегда, в том числе и в современном обществе, несет в себе следы изначальной традиционности и своего религиозного происхождения, полное устранение которых ведет к кризису и гибели права. [2, с. 32].

Идея собственно права, как правило, связывается с появлением верховной власти государства, которое по отношению к сакральной традиции также является вторичным. Старейший корпус Библии, Ветхий Завет, являющийся одним из наиболее авторитетных священных текстов в христианской и иудейской традиции, утверждает, что государство и верховный правитель были даны людям, как следствие их дальнейшего отступления от изначального Божественного источника жизни и непосредственного общения с Богом, которому предшествовала трансляция Завета и установление заповедей в качестве моральных предписаний для всего общества, предполагающих установление определенного общественного порядка.

Для демонстрации преемственности нормативных отношений от древнейших к современным, а также обозначения происхождения и места права по отношению к традиции и в общей системе норм, прибегнем к схеме, предполагающей разделение нормативных отношений на горизонтальные и вертикальные. В данной схеме, предложенной, например, Д.Х. Кайзером для рассмотрения генезиса права в Древ-

ней Руси, горизонтальные отношения являются первичными и исходят из представленности в праве двух противостоящих друг другу сторон, находящихся в состоянии соперничества и антагонизма [6, с. 109]. Горизонтальные отношения предшествуют появлению вертикальных, особенность которых состоит в том, что они предполагают наличие опосредующей правовой инстанции в виде государства, являющейся по отношению к ним высшей.

Первичность горизонтальных отношений наблюдается во многих традиционных обществах. Так, в древнегреческом полисе судебный процесс в структурном отношении был подобен древнегреческой трагедии и представлял собой диалог истца и ответчика [5, с. 115]. Деятельность афинского суда присяжных, определяющего участь сторон на основе древних неписанных норм, можно уподобить в данном случае хору, изрекающему волю богов относительно исхода поединка. Если обратиться к обычному праву в Англии, то его первая инстанция, основанная на традиции, также представляла собой горизонтальный тип отношений, в котором можно было увидеть своего рода рыцарский поединок, где судье принадлежала лишь роль арбитра, а успех поединка определялся всецело действиями сторон [3, с. 253]. Вторая же инстанция, предполагающая обращение к Королевскому суду и являющаяся вторичной, выстраивалась по вертикальному типу, в силу того что представляла собой апелляцию к некоей высшей инстанции, от решения которой зависел окончательный успех судебного процесса.

Данная схема, предполагающая разделение правовых отношений на первичные – горизонтальные и вторичные – вертикальные, на наш взгляд, способна убедительно продемонстрировать переход от традиционных нормативных отношений, предшествующих возникновению права, к правовым отношениям в узком смысле слова. Вместе с тем, внимательное рассмотрение традиции показывает, что горизонтальных правовых отношений в чистом виде не существует, что опосредованность правовых отношений существовала всегда, хотя не была связана с государством. В традиционном обществе в качестве посредника между сторонами выступал трансцендентный закон, идущий от Бога, а также связанная с ним идея справедливости, которые выступают, чаще всего, как во многом близкие и тождественные. Вместе с тем, в обществах, принадлежащих к различным традициям, можно увидеть также и социокультурные отличия в понимании ключевых нормативных понятий и ценностей.

Мораль и обычай также выступают как проявления изначальной сакральной традиции и, так или иначе, предполагают наличие трансцендентного опосредующего принципа. Античная культура, исходящая из наличия множества различных богов и божеств, вместе с тем, содержала учение о верховном законе, стоящем над богами Олимпа. С культурой Древней Греции было связано также представление о персонифицированной идее справедливости, генеалогия которой восходила к установлению богами первичного мирового порядка [8, с. 28]. В Древней Греции якобы вне религиозная мораль была связана с философией, которая также являлась своего рода духовной практикой [1]. Обычаи также имеют религиозное происхождение и, как правило, связаны с древними верованиями и первопредками. Самый известный среди обычаев, правило кровной мести – хорошо известен через его религиозный аналог, правило Талиона в Ветхом Завете.

Право, возникая на этапе появления государств и цивилизаций, таким образом, содержит в себе следы традиции, несущей в себе идею опосредующего правового принципа. Право, с одной стороны, преодолевает традицию и противостоит ей в силу участия в нем института государства, но, с другой стороны, неразрывно связано с ней, так как идея закона или волеизъявления правителя представляет собой трансформацию традиционных базовых принципов.

Современная европейская культура представляет собой удаление от Традиции и наступление стадии Модерна, сменяющегося постмодерном, что первоначально виделось как «расколдовывание» мира посредством рационализации исходных образов, а затем привело к их последующей деконструкции. Модерн выносит за скобки сакральность и делает акцент на внешней стороне явлений, где категории материального, чувственного, экономического вытесняют традиционные представления о духовных основах и сущностях. Понимание права в данный период также претерпевает существенную трансформацию, рассматриваясь исключительно в перспективе политических и социальных реалий, в его зависимости от института государства. Вместе с тем, и в современном праве отчетливо прослеживаются следы традиции.

В европейской культуре влияние традиции на право наиболее явственно проявляется в идее естественного права, означающей, что право не является результатом волевого решения людей, но исходит из извечного высшего принципа справедливости и порядка. Современная трактовка естественного права нередко сводится к указанию на наличие у права моральной составляющей, что, очевидно, является недостаточным. Идея права, не созданного людьми, но предшествующего всем человеческим установлениям, восходит к традиции, имеющей глубокие исторические корни и уходящей в сферы религии и даже мифа. В качестве основных составляющих идеи естественного права в европейской культурно-исторической традиции следует назвать, с одной стороны, античную мифологию и философию, и с другой, христианскую теологию, взаимодействие которых определило понимание права и его осмысление вплоть до Нового времени.

Мифология вносит в идею права его понимание как реализацию созданного богами первичного порядка, обусловившего противоположность упорядоченного космоса неопределенному хаосу. Нарушение порядка представляет собой опасность космического масштаба, вызывающую, как показано в древнегреческой трагедии, неукоснительное отмщение со стороны богов, которое выступает в виде наказания, налагаемого на виновного с целью восстановления установленного порядка [5, с. 29].

На заре возникновения философии в Древней Греции начинает происходить деперсонификация первоначальных мифологических представлений, замена их соответствующими принципами и качествами, которые, вместе с тем, проникают в сферу права и определяют его характер. Подобное соединение философских принципов со сферой права первоначально было связано с деятельностью Солона, древнего законодателя греков, который руководствовался как в своих рассуждениях, так и в законодательной деятельности преимущественно принципом меры, представляющим собой выражение идеи порядка и справедливости. Классическая греческая философия завершила превращение персонифицированных образов мифологии в абстрактные сущности, ей обязаны своим существованием как идея закона, воплощающего принципы порядка и меры, так и идея справедливости, понимаемой как некий абстрактный принцип, призванный регулировать социальные отношения.

Понимание закона не как отвлеченной идеи, но как внутренне присущего космосу разума возникает в философии стоиков, которые, в свою очередь, восприняли данную идею у Гераклита. Вследствие популярности греческой философии в Риме идею закона как внутреннего разума, присущего природе, подхватывает Цицерон, ставший родоначальником теории естественного закона и права. Вместе с тем, можно увидеть, что понимание Цицероном естественного закона, восходящее к греческой интеллектуальной традиции, разительно отличается от трактовки естественного у римских юристов, которые относят к сфере естественного лишь существующую природу вещей [8, с. 86].

В Римской Империи происходит встреча и диалог двух традиций – античной и христианской, что приводит, в последующем, к синтетическому характеру европейских представлений о праве. Христианство, возникшее на периферии Римской Империи и получившее в ней широкое распространение, на раннем этапе своего существования было вынуждено участвовать в диалоге с античной философской мыслью. Учению Цицерона о естественном законе оказалась созвучна мысль христианского апостола Павла, говорившего о действии естественного закона в сердцах всех людей.

Последующее господство христианского учения в европейском средневековье приводит к необходимости вписать естественный закон в исходящую от Бога иерархию законов. Фома Аквинский, осуществивший ассимиляцию метафизики Аристотеля в христианское учение, поместил естественный закон в подчиненное положение по отношению к установленному Богом Вечному закону, но поставил его выше человеческих законов. Таким образом, традиционная идея трансцендентного закона, исходящего из высшей справедливости, становится ориентиром для всех земных законов, имеющих в своей основе абсолютное содержание, не сводимое к человеческим установлениям.

К окончанию Средних веков в нормативном универсуме увеличивается доля правовых отношений вертикального типа, право преимущественно начинает рассматриваться в зависимости от его установления верховной светской властью. Как показывает П. Проди, переход от понимания права, рассматриваемого как выражение идеи справедливости, к представлению о праве, как установленного верховной властью, осуществился в Европе на протяжении периода XIV–XVI веков, [12, с. 178]. Данный переход был в значительной мере обусловлен изменением отношения к светской верховной власти. Если для Папы Григория VII, выражающего в раннем средневековье официальную позицию Церкви, государственная власть была связана с падшей природой человека и воспринималась, в силу этого, как порождение зла, то уже Данте, на исходе Средних веков, обосновывает значимость светской власти в регулировании социального порядка.

К концу эпохи происходит некоторая эмансипация права от религии, но христианская традиция, вместе с тем, сохраняет свое влияние на способ обоснования правовых идей в качестве идейной основы формирования правовых концептов. С христианской традицией была связана ключевая для современного правопонимания идея обуслов-

ленности права волевой деятельностью законодателя, основанием которой служит дилемма, сформулированная в рамках христианской доктрины, относящаяся к соотношению между содержанием Божественного закона и собственно Божественной волей [10, с. 200]. Волюнтаристическое решение, выходящее за рамки доктрины извечного содержания Божественного и естественного закона, вызревало в поле христианской схоластики, хотя приоритет долгое время оставался за содержательной доктриной [8, с. 178].

Секулярное правопонимание, которое привело в конечном счете, к признанию определяющей роли в становлении права воли светского законодателя, первоначально также обосновывалось с помощью христианского богословия, в частности, идеи, рассматривающей фигуру правителя в качестве главы политического тела государства, подобно тому, как Христос воспринимался в качестве главы мистического тела Церкви, [7, с. 86]. Перенесение акцента на фигуру и волевые решения правителя, выступающего в качестве законодателя, впоследствии приводит к доминирующей в эпоху Модерна позитивистской трактовке права [11, с. 57].

Положения христианского богословия о главе мистического/политического тела в дальнейшем успешно используется и по отношению к парламенту, когда идея главы сакрального политического тела переносится на парламент, выступающего как собирательный образ законодателя [9, с. 118].

В Новое время, кроме того, происходит взаимодействие, а затем последующая инверсия. «нисходящей» и «восходящей» правовых концепций, связанных с национальными правовыми традициями Европы, романской и германской, рациональной и эмпирической. Их принципиальное отличие состояло в том, что романское право, обладающее дедуктивным характером, было обязано своим существованием рационалистической традиции, начало которой положили университеты, схоластика, римское право. Английское же право, имеющее индуктивный характер, напротив, воплощало эмпирическую традицию, ведущую начало от обычаев и прецедентов.

В традиционном обществе в Европе в целом преобладала нисходящая рационалистическая традиция, связанная с доминированием христианской доктрины, а также с определяющим влиянием в сфере юриспруденции римского права. Наступление Нового времени положило начало восходящей традиции, когда источник права начинает связываться с народом, рассматриваемым как преимущественный источник власти и права [8, с. 121].

Смена нисходящей правовой традиции на восходящую имела свои основы также в средневековой схоластике, она была связана с учением номинализма и долгое время оставалась латентной, пока комплекс исторических причин не вызвал ее к жизни [10, с. 212]. Со влиянием номинализма по преимуществу связана замена доктрины естественного права идеей естественных прав человека, утвердившейся в правовой доктрине с началом Нового времени и ставшей ее новым основанием.

К важнейшим проявлениям Традиции, если понимать ее в целом, как комплекс представлений, присущий всем традиционным обществам и оказавший влияние на правовую сферу, восходит понимание преступления, которое во всех традиционных парадигмах трактуется как нарушение Высшего закона, предполагающее обязательность наказаний за него. Вместе с тем, частные категории, обозначающие само нарушение закона, обусловлены соответствующими историко-культурными представлениями. Так, Аристотель, исходя из представлений философской этики, трактует нарушения правил человеческого общества как противостоящие добродетелям и золотой середине пороки, Августин же, находясь в русле христианской парадигмы, рассматривает подобные нарушения как грехи. Постепенно в рамках христианской мысли вводится понятие особенно тяжких смертных грехов [4, с. 58].

Традиционная идея закона предполагает необходимость уравновешения преступления, как механизма его нарушения, и наказания, понимаемого, как принцип компенсации за данное нарушение. В христианской традиции за осуждением преступника, кроме того, стоит чувство общей ответственности, исходящее из идеи о том, что все человечество мыслится как связанное общим родством, единством своего происхождения, идущего от Адама, к которому восходит практика публичных наказаний. Право наказывать реализуется прежде всего по отношению к телу преступника, потому что именно тело, согласно христианской традиции, является вместилищем грехов. Все наказания по отношению к телу трактовались, таким образом, как прообраз будущих адских мучений грешника [4, с. 34]. В данном отношении тюрьма выступала как образ ожидающей грешника смерти или преисподней.

Можно увидеть, что в современном обществе при сохранении базовой традиционной идеи компенсации за преступление в виде наказания, вместе с тем, осуществился отказ от публичности и практики телесных наказаний, что связано с отказом считать тело, как таковое, носителем порока и субъектом преступления. Вместе с тем, изменилась и сама концепция тюрьмы, которая стала рассматриваться наряду с такими исправительными и дисциплинирующими учреждениями Нового времени, как больница, школа мануфактура, казарма [13].

Таким образом, бытие и понимание права в значительной мере основано на положениях исторических и культурных традиций, которые являются по отношению к нему не историческим прошлым, но несущими конструкциями для существования и осмысления правовой реальности.

Литература

1. Адо П. Что такое античная философия? – М.: Издательство гуманитарной литературы. 1999. – 304 с.
2. Берман Г. Вера и закон: примирение права и религии – М.: Ad Marginem. 1999. – 431 с.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М.: Международные отношения, 2025. – 456 с.
4. Исаев И.А. История России: правовые традиции. – М.: Проспект, 2023. – 240 с.
5. Исаев И.А. Мифологемы закона: право и литература. – М.: Проспект, 2017. – 304 с.
6. Кайзер Д.Х. Рост права в средневековой России– М.: Изд-во «Весь Мир», 2024. – 360 с.
7. Канторович, Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 752 с.
8. Келли Дж.М. Краткая история западной теории права– СПб.: Алеф-пресс, 2025. –542 с.
9. Манов Филип. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 176 с.·
10. Милбанк Дж. По ту сторону секулярного порядка: репрезентация бытия и репрезентация народа. – М.: Теоэстетика, 2023. – 360 с.
11. Полозова И.В. Метафизические и теологические предпосылки современной философии права// Социально-гуманитарные знания. 2025. № 5. С. 55–58.
12. Проди П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 512 с.
13. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы– М.: Ad Marginem. 1999. – 431 с.

LAW IN THE LIGHT OF TRADITION: RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ASPECT

Polozova I.V.
Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.J. Kikot

This article outlines an approach to law based on tradition, understood as the dominant religious and philosophical paradigm transmitted within a given civilization. It demonstrates that traditions, viewed as the mediation of social relations through fundamental values, initially determine the existence and understanding of law and retain their influence throughout its existence. It also demonstrates that a secular understanding of law, while representing a departure from tradition, nevertheless retains some of its essential characteristics.

Keywords: law, tradition, traditional values, modernism, philosophy of law

References

1. Ado P. What is Ancient Philosophy? – Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature. 1999. – 304 p.
2. Berman G. Faith and Law: Reconciling Law and Religion – Moscow: Ad Marginem. 1999. – 431 p.
3. David R., Geoffrey-Spinosi K. The Main Legal Systems of Our Time. – Moscow: International Relations, 2025. – 456 p.
4. Isaev I.A. History of Russia: Legal Traditions. – Moscow: Prospect, 2023. – 240 p.
5. Isaev I.A. Mythologemes of the Law: Law and Literature. – Moscow: Prospect, 2017. – 304 p.
6. Kaiser D.H. The Growth of Law in Medieval Russia– Moscow: Ves Mir Publishing House, 2024. – 360 p.
7. Kantorovich, E. Kh. The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2015. – 752 p.
8. Kelly, J.M. A Brief History of Western Legal Theory– St. Petersburg: Alef-Press, 2025. –542 p.
9. Manov, Philip. In the Shadow of Kings. The Political Anatomy of Democratic Representation. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2014. – 176 p.
10. Milbank, J. Beyond Secular Order: The Representation of Being and the Representation of the People. – Moscow: Teoestetika, 2023. – 360 p.
11. Polozova, I.V. Metaphysical and Theological Premises of Modern Philosophy of Law// Social and Humanitarian Knowledge. 2025. No. 5. Pp. 55–58.
12. Prodi P. History of Justice: From the Pluralism of Forums to the Modern Dualism of Conscience and Law. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2017. – 512 p.
13. Foucault M. Supervise and Punish: The Birth of Prison. Moscow: Ad Marginem. 1999. – 431 p.

Инновационные технологии социальной работы с молодыми семьями с детьми

Скобелина Наталья Анатольевна,
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет
E-mail: volnatmax@mail.ru

В статье определяются традиционные и инновационные технологии социальной работы с молодыми семьями с детьми, которые повышают качество оказания социальных услуг в центрах социального обслуживания населения города Волгограда. По результатам поискового исследования выявляется значимость цифровых технологий как инновационных технологий информирования и поддержки молодежи в условиях цифровизации современного российского общества. Наиболее востребованными технологиями социальной работы с молодыми семьями с детьми в учреждениях социального обслуживания населения является психолого-педагогическая помощь, социальное консультирование, социальное сопровождение семей с детьми. Эксперты свидетельствуют о недостаточном применении на практике цифровых инструментов, не смотря на их распространенность и доступность в современном российском обществе. В социальной работе с молодыми семьями следует интегрировать инновационные и традиционные технологии и применять интегрированные приемы, методы и способы деятельности, которые представляют собой инновации, включающие элементы цифровых и традиционных технологий.

Ключевые слова: технологии, качество обслуживания, центры, молодые семьи, Волгоград.

Введение

В последние годы в сфере социального обслуживания населения применяются новые технологии, формы и способы оказания социальных услуг. К ним относятся практики оказания помощи детям с ограниченными возможностями и их семьям, практики взаимодействия специалистов и организаций разного профиля, различные онлайн-мероприятия. В современной научной литературе недостаточно освящены вопросы, связанные с организацией социальной работы с молодыми семьями в многофункциональных центрах, некоммерческих организациях, центрах социальной защиты и социального обслуживания населения, центрах психолого-педагогической помощи. Поэтому в статье фокусируется внимание на организации деятельности специалистов учреждений социального обслуживания населения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения качества обслуживания молодых семей с детьми в целях улучшения демографической ситуации в современном российском обществе, а также появлением множества инновационных технологий социальной работы с молодыми семьями в центрах социального обслуживания населения. Под инновационными технологиями в данном исследовании понимаются цифровые и комбинированные технологии, включающие в себя элементы традиционных и цифровых технологий. Цель статьи – выявить технологии социальной работы с молодыми семьями с детьми и определить их инновационный характер.

«Какие инновационные технологии применяются в работе с молодой семьей? В чем заключается их особенность? Насколько цифровые технологии востребованы молодыми семьями?» – ответы на эти и другие вопросы будут представлены в ходе анализа результатов социологического исследования, проведенного на базе центров социального обслуживания населения города Волгограда.

Методика

В целях изучения технологий социальной работы с молодыми семьями на базе Волгоградского государственного университета под руководством автора статьи было проведено поисковое исследование (2025 г., Волгоград, метод кейс-стади), которое реализовывалось в два этапа. На первом этапе осуществлялся дистанционный анализ сайтов центров социального обслуживания населения (ЦСОН) города Волгограда и были определены четыре кейса (1 кейс – Тракторозаводский ЦСОН, 2 кейс – Центральный ЦСОН, 3 кейс – Красноармейский ЦСОН, 4 кейс – Кировский ЦСОН). Второй этап включал в себя подробное изучение методом экспертного интервью и анализа документов выделенных на первом этапе четырех кейсов. Объектом исследования являлись молодые семьи (возраст супругов до 35 лет). Предмет исследования – технологии социальной работы с молодыми семьями в центрах социального обслуживания населения.

Результаты

Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что в своей деятельности специалисты учреждений социального обслуживания разрабатывают и используют различные технологии, которые оказывают влияние на качество обслуживания и наиболее подходят для работы с молодой семьей и детьми: социальное консультирование, служба «социальная няня», технологии ранней помощи детям от 0 до 3 лет и членам их семей, стажировочная площадка по профилактике отказа от новорожденных, микрореабилитационный центр. В учреждениях города Волгограда используются две формы социального обслуживания: на дому и дневное пребывание получателей услуг.

Одной из основных технологий социальной работы с молодыми семьями, применяемой в центрах социального обслуживания населения, является социальное консультирование, включая психологические, правовые консультации. Специалисты предоставляют консультации по вопросам взаимодействия с медицинскими, образовательными, правозащитными организациями, консультации по поводу оформления различной документации. Наряду с очными и телефонными консультациями используется дистанционная форма (кейс 2). Анализ кейсов показал, что технология консультирования применяется во всех волгоградских центрах социального обслуживания и носит краткосрочный, но устойчивый характер.

Для повышения качества обслуживания молодых семей применяется технология социального сопровождения, которая ориентирована

на длительную работу с получателями услуг. На практике социальные работники, психологи и другие специалисты прикрепляются к семье, ведут профилактические работы и сопровождают семьи в различных случаях (кейс 1). Специалисты ЦСОН взаимодействуют с органами ЗАГС, МФЦ, службами занятости, учреждениями сферы здравоохранения и образования. Эта технология имеет междисциплинарный длительный характер.

Особое значение в работе с молодыми семьями имеет технология социально-психологической поддержки. На практике психологическая помощь предоставляется семьям с внутрисемейными конфликтами, в различных ситуациях, в которых молодые семьи не справляются самостоятельно с рисками и оказываются уязвимыми перед трудностями. Специалисты выступают и организаторами, и помощниками в решении проблемных ситуаций у супругов, находящихся на грани развода (кейс 3).

С молодыми семьями проводится социально-педагогическая работа. Разрабатываются программы педагогической поддержки родителей детей с ОВЗ, в полустационарной форме оказываются образовательные услуги. Родители получают знания для формирования у детей способностей учиться, для овладения социально-бытовыми навыками (кейс 4).

Цифровые технологии в учреждениях социального обслуживания начали внедряться только в последние годы. Супругам предоставляют возможность обратиться через сайт учреждения или личный кабинет на государственных услугах. Молодые семьи используют мессенджеры для получения актуальной информации и связи со специалистами (кейс 2). Однако в отчетных документах ЦСОН упоминаются только отдельные случаи использования цифровых технологий (например, электронные анкеты, специализированные приложения для сопровождения семей).

Результаты экспертного интервью со специалистами по работе с семьей, которое было проведено на втором этапе исследования подтверждают, что процесс применения цифровых технологий в работе с молодыми семьями находится на начальной стадии развития. Опрашивались специалисты центров социального обслуживания, имеющие опыт работы с молодыми семьями (n=6). На вопрос: «Какие из технологий наиболее востребованы молодыми семьями?», – эксперты отметили, что «большинство молодых семей обращаются в учреждения для получения психолого-педагогической помощи». Было названо также социальное консультирование женщин в доабортный период (И., 29 лет). Что касается цифровизации сферы социального обслуживания, был задан вопрос об использовании цифровых технологий в работе и об их эффективности. Эксперты подтвердили «эффективность цифровых технологий по сравнению с традиционными», но отметили, что «с окончанием пандемии возвратились к очным формам работы» (Е., 45 лет). Результаты экспертного интервью показали высокую активность центров социального обслуживания в социальных сетях. Однако на вопрос: «Из каких источников молодые семьи получают информацию о технологиях?», – эксперты назвали телефонные обзвоны, брошюры и «сарафанное радио». В своих ответах респонденты подчеркнули, что уровень обращений молодых семей в центры социального обслуживания очень низкий. Причиной низкого уровня информированности специалисты считают «скромный бюджет на рекламную деятельность, высокую конкурентность частных организаций» (С., 36 лет). На вопрос о доступности технологий, эксперты оценили их в качестве доступных, но отметили «небольшой уровень охвата молодых семей из-за низкой осведомленности» (Л., 38 лет).

Обсуждение

Инновационные технологии присутствуют в нашей жизни повсюду. Они трансформируют всю социальную сферу, включая социальную работу с семьями с детьми. Эксперты отмечают, что цифровизация изменяет социальную работу, делая ее более эффективной, гибкой, удобной и качественной в практическом и теоретическом аспектах. В то же время, результаты исследования свидетельствуют о недостаточном применении современных цифровых решений в деятельности социальных работников. Анализ показал, что большое количество работ посвящено традиционным технологиям социальной работы с молодыми семьями. В них подчеркивается эффективность консультационных, профилактических, информационных, образовательных технологий [4, 8]. Отечественными учеными поднимаются вопросы, связанные с социальной поддержкой молодых семей [2], с различными формами региональной поддержки молодежи [3], с особенностями реализации социальных программ для данной целевой группы [1], с ценностными представлениями молодого поколения о семье [7].

В волгоградских учреждениях социального обслуживания применяются преимущественно традиционные технологии. В ответах экспертов и результатах теоретических исследований отмечается эффективность традиционных технологий: и психолого-педагогическая помощь, и социальное консультирование, и социальное сопровождение семей имеют спрос у получателей услуг. Большое количество научных работ посвящено анализу применения традиционных технологий социальной работы. Учеными акцентируется внимание на сопровождении семей, находящихся в социально опасном положении, психологическом консультировании родителей [4], повышении их социально-педагогической культуры [8]. Российские исследователи отмечают, что на практике применяют технологии диагностирования, оказания индивидуальной помощи, социальной терапии, организации семейных воспитательных групп [5]. Организация работы с молодыми семьями требует применения особых технологий, методов, подходов в силу специфики данной целевой группы. Специалисты, работающие с молодыми семьями, должны знать современные тенденции развития института семьи, проблемы, с которыми сталкиваются члены молодых семей. Недостаток знаний в воспитании детей, неумение совмещать воспитание и трудовую деятельность, высокая стоимость жилья, недостаток опыта в работе, зависимость от родителей и другие проблемы создают дополнительные вызовы не только для семей, но и для общественных и государственных институтов в российском обществе.

Особое внимание следует уделить применению цифровых технологий, к которым относятся онлайн-консультации, цифровые образовательные платформы для родителей с детьми, онлайн-тренинги и другие практики. Современные ученые в своих исследованиях фокусируют внимание на цифровых практиках общения с детьми специалистов различных учреждений социального обслуживания [10], на цифровых моделях обучения правильному питанию, пищевому поведению [6]. Цифровые технологии позволяют интегрировать социальную работу, документацию, коммуникацию, социальные отношения [9].

Как показывает практика, цифровые технологии в сфере социального обслуживания населения предоставляют поставщикам и получателям социальных услуг ряд преимуществ. Во-первых, с помощью цифровых технологий информация передается большому количеству получателей услуг в короткий период времени. Во-вторых, поставщики услуг имеют возможность поддерживать связь с сотрудниками организации и своими клиентами. В-третьих, специалисты имеют возможность в любое время пройти курсы повышения квалификации в удобном для них режиме. В-четвертых, цифровые технологии имеют инновационный характер. Включение их отдельных элементов в практику социальной работы способствует повышению качества обслуживания молодых семей с детьми. Поэтому в социальной работе следует интегрировать инновационные и традиционные технологии и применять интегрированные приемы, методы и способы деятельности, которые представляют собой инновации, включающие элементы цифровых и традиционных технологий.

Заключение

Таким образом, инновационные технологии социальной работы – это цифровые и комбинированные технологии с интеграцией элементов традиционных и цифровых способов оказания социальных услуг, направленных на повышение качества обслуживания населения. На данный момент психолого-педагогическая помощь, социальное сопровождение, социальное консультирование молодых семей с детьми являются наиболее востребованными технологиями в учреждениях города Волгограда.

Результаты исследования показали, что, не смотря на доступность обслуживания, уровень обращений молодых семей в центры социального обслуживания населения очень низкий. Этот факт эксперты связывают с неосведомленностью молодежи об услугах в учреждениях социального обслуживания. В ходе исследования эксперты положительно оценили эффективность цифровых технологий. Однако, по их мнению, они недостаточно применяются на практике. Для повышения качества обслуживания необходимо, используя традиционные методы, активно внедрять элементы цифровых технологии и с их помощью разрабатывать новые способы и формы информирования молодых семей о социальных услугах.

Литература

1. Алиев А.Ш. Особенности реализации социальных программ для молодых семей // Евразийский юридический журнал. 2024. № 4 (191). С. 247–249.

2. Арамян К.А., Кривопусков В.В., Каберова Д.Р. Социальная защита молодых семей как фактор доверия к государству: социологический взгляд // Цифровая социология. 2024. Т. 7. № 2. С. 19–27.

3. Баубель Ю.И., Голодова О.А. Поддержка молодых семей в Волгоградской области // Epomen. Global. 2023. № 534. С. 45–54.

4. Боярова Е.С., Лабутина Т.А., Шарова Н.А., Шпейнова Н.Н. Психологическое просвещение родителей: теоретические и практические аспекты // Образовательная панорама. 2024. № 2(22). С. 71–78.

5. Бронников С.А., Зинова И.М., Логачева Л.Р., Черникова Т.А., Шайдукова Л.Д. Социальная работа с неблагополучными семьями, семьями и детьми группы риска: монография / Под общ. ред. Т.А. Черниковой, Л.Д. Шайдуковой. Бирск: Бирский филиал УУНиТ, 2023. 172 с.

6. Горелова Ж.Ю., Гурьянова М.П. Возможности применения современных профилактических технологий в работе специалистов разного профиля по оказанию помощи семье в организации правильного питания ребенка // Медицинский алфавит. 2023. № 8. С. 75–81.

7. Кузнецов В.О., Савельева Ж.В. Модель семьи и семейно-гендерные роли в оценках современной молодежи // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 1 (64). С. 70–77.

8. Шарлай В.В. Практика использования технологии социального картирования с семьями мобилизованных граждан // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78–2. С. 399–401.

9. Bruheim-Escobar I., Wullum Aasback A., Kvakic M. Digital technologies in Social Work: An Umbrella Review // European Journal of Social Work. 2026. No. 29. Pp. 1–15.

10. Reger C., Mishna F., Billard D., Schiffner J., Lefebvre R. Technology – Facilitated Communications with Clients in Child Welfare Practice // Studies in Clinical Social Work: Transforming Practice, Education and Research. 2026. Vol. 96 (1). Pp. 1–22.

INNOVATIVE TECHNOLOGIES OF SOCIAL WORK WITH YOUNG FAMILIES

Skobelina N.A.
Volgograd State University

The article identifies traditional and innovative technologies of social work with young families that improve the quality of social services in social service centers in Volgograd. According to the results of the search research, the importance of digital technologies as innovative technologies for informing young people in the context of digitalization of modern society is revealed. The most in-demand technologies for social work with young families in social service institutions are psychological and pedagogical assistance, social counseling, and social support for families with children. Experts point to the lack of practical application of digital tools, despite their prevalence and accessibility. In social work with young families, it is necessary to integrate innovative and traditional technologies and apply integrated techniques, methods and methods of activity that represent innovations that include elements of digital and traditional technologies.

Keywords: technology, quality of service, centers, young families, Volgograd.

References

1. Aliev A.S. Features of the implementation of social programs for young families // Eurasian Law Journal. 2024. No. 4 (191). Pp. 247–249.

2. Aramyan K.A., Krivopuskov V.V., Kaberova, D.R. Social protection of young families as a factor of trust in the state: a sociological view // Digital Sociology. 2024. Vol. 7. No. 2. Pp. 19–27.

3. Baubel Yu.I., Golodova O.A. Support for young families in the Volgograd region // Epomen. Global. 2023. No. 534. Pp. 45–54.

4. Boyarova E.S., Labutina T.A., Sharova N.A., Shpeynova N.N. Psychological education of parents: theoretical and practical aspects // Educational panorama. 2024. No. 2(22). Pp. 71–78.

5. Bronnikov S.A., Zinova I.M., Logacheva L.R., Chernikova T.A., Shaidukova L.D. Social work with disadvantaged families, families and children at risk: monograph / Under the general editorship of T.A. Chernikova, L.D. Shaidukova. Birsk: Birsky branch of UUNiT, 2023. 172 p.

6. Gorelova Zh.Yu., Guryanova M.P. The possibilities of using modern preventive technologies in the work of specialists of various profiles to assist the family in organizing proper nutrition of the child. // Medical alphabet. – 2023. No. 8. Pp. 75–81.

7. Kuznetsov V.O., Savelyeva Zh.V. The family model and family-gender roles in the assessments of modern youth // Kazan Socio-Humanitarian Bulletin. 2024. No. 1 (64). Pp. 70–77.

8. Sharlay V.V. The practice of using social mapping technology with families of mobilized citizens // Problems of modern pedagogical education. 2023. No. 78–2. Pp. 399–401.

9. Bruheim-Escobar I., Wullum Aasback A., Kvakic M. Digital technologies in Social Work: An Umbrella Review // European Journal of Social Work. 2026. No. 29. Pp. 1–15.

10. Reger C., Mishna F., Billard D., Schiffner J., Lefebvre R. Technology – Facilitated Communications with Clients in Child Welfare Practice // Studies in Clinical Social Work: Transforming Practice, Education and Research. 2026. Vol. 96 (1). Pp. 1–22.

Зеленая политика ЕС в дискурсе современных международных отношений: особенности реализации ключевых императивов

Асадов Эльдар Бабек оглы,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: elasadovspb@mail.ru

В статье анализируются некоторые особенности институализации политики экологизации ЕС и реализация его ключевых зеленых императивов. Рассмотрены особенности формирования концептуальной основы зеленого курса, которому особое внимание уделяется в дискурсе современных международных отношений. Показано, что экологическая и климатическая повестка ЕС выступает не только как внутренний курс институциональной модернизации, но и как особая форма, в частности, внешнеполитического, нормативно-регулятивного и геоэкономического позиционирования. Обосновывается, что в рамках формирования новой модели участия ЕС в международных отношениях зеленый курс интегральный проект, превращается в важный инструмент как экономической дипломатии, так и канала влияния и распространения его ценностей, стандартов на другие регионы мира.

Ключевые слова: зеленая политика, зеленый курс, зеленый императив, устойчивое развитие, международные отношения, климатическая дипломатия

Введение

В становлении современной глобальной экологической конфигурации и формировании международной повестки охраны окружающей среды особое место продолжают занимать крупные государственные и международные региональные акторы, для которых одним из важных трендов развития в последние десятилетия рассматривалось их стремление в сторону «экологизации» [1]. Процесс экологизации сегодня остается крайне необходим, поскольку нынешние модели роста продолжают истощать запасы природных активов и подрывать целостность экосистемных услуг. Ставшая катализатором формирования комплексной концепции развития, политика экологизации, выступает ключевым фактором обеспечения долгосрочного прогресса человечества с учётом экологических ограничений и потребностей будущих поколений. Она сыграла значимую роль и в формировании «зелёной» концепции развития мира. Как ответ на глобальные экологические вызовы, такие как изменение климата, деградация окружающей среды и истощение природных ресурсов, «зелёная» концепция развития мира, как объективная растущая потребность, объединяет экономические, социальные и экологические аспекты с учётом экологических ограничений. Таким образом, необходимость жесткого учета со стороны этих акторов экологических лимитов социально-экономического развития обусловила актуализацию вопросов разработки и реализации «различных стратегий имплементации «зеленой» составляющей в политику развития» [2].

Появление в конце XX века «зелёных теорий» в международных отношениях привело к значительным изменениям в подходах к анализу глобальной политики, пониманию безопасности, международной экономики и роли экологических факторов. «Зеленая теория» акцентирует внимание на важности экологических факторов в глобальной политике, ставит под сомнение антропоцентрический взгляд на мир и предлагает новые подходы к пониманию безопасности, устойчивого развития и международной политики [3].

Ускоренные темпы использования зеленых технологий и реализации крупных экологических проектов, как новые возможности развития позволяют осуществлять последовательные шаги, направленные на формирование национальных и региональных моделей зеленой трансформации. В данном контексте особую актуальность имеют вопросы изучения некоторых особенностей зеленой политики Европейского союза (ЕС) и изучение некоторых принципов формирования ее концептуальной основы, которая в последнее время на фоне появлений новых инициатив и решений в этой области часто становилась предметом дискурса международных отношений. ЕС, выступая одним из ключевых акторов в международном природоохранном сотрудничестве и стремясь к лидерству в области экологической политики, последовательно проходил путь институционализации экологических целей. Эволюция экологической повестки ЕС от отдельных стратегических документов к наиболее амбициозным механизмам перехода «зелёной» модели развития позволила данному актору использовать свою экологическую повестку в качестве важного инструмента внешней политики.

Несмотря на то, что данный актор «перестал быть исключительной влиятельной внешней силой» [4] и результаты первоначальных ожиданий или оценки эффективности климатической стратегии оказались не полностью соответствующими реальным достижениям или последствиям, сегодня ЕС продолжая продвигать собственную концепцию зеленой трансформации позиционирует себя в качестве мирового лидера в вопросах борьбы с изменением климата. Зеленая политика ЕС рассматривается не как набор отраслевых природоохранных решений, а как комплексная стратегическая линия, затрагивающая торговлю, промышленность, дипломатию, финансовое регулирование, технологическую политику и отношения с третьими странами. Используя её для продвижения своих ценностей и влияния на международные отношения и решения глобальных проблем ЕС ставит цель превратить регион в климатически нейтральный континент.

Амбициозная зеленая политика ЕС, ставшая важным элементом внешней политики и открывая новый виток развития в дискурсе международных отношений, сделала экологические проблемы неотъемлемой частью глобальных политических дебатов и сотрудничества. Это не просто экологическая инициатива, а вокруг зеленого курса посте-

пенно сложился новый механизм легитимации европейской интеграции. Формируя собственные стратегии и представления о европейской «зелёной» трансформации посредством комплекса стратегических документов, нормативных актов, финансовых инструментов и механизмов управления, ЕС претендует на роль важного регуляторного центра и на выстраивание системы внешних стимулов с целью адаптации партнеров к европейским стандартам. Одновременно политика интернационализации данного процесса вызывает споры, поскольку ее внешние эффекты для третьих стран нередко воспринимаются как форма асимметричного давления и как инструмент перераспределения конкурентных преимуществ в пользу европейского рынка.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы изучить некоторые ключевые императивы зеленой политики ЕС в дискурсе современных международных отношений с учетом рассмотрения особенностей процесса трансформации его экологической повестки в многослойный проект влияния, охватывающий экономические, политические, социальные и внешнеполитические аспекты политики данного актора. Для достижения этой цели рассматриваются закономерности формирования зеленой модели развития и ее перспективы реализации. Поиск ответов на поставленные вопросы требует учета множество факторов, которые продолжают непосредственно оказывать значительное влияние на характер этой сложной и порой часто получающей в современном дискурсе критические оценки политики зеленого развития.

Формирование основных императивов зеленой политики ЕС

Сформировавшаяся во второй половине XX века новая экологическая парадигма и связанная с ней политика «всеобщей экологизации – один из важных императивов международного сообщества и новый этап в развитии политики защиты окружающей среды» [5], отражали переход от антропоцентризма к более сбалансированному, коэволюционному взаимодействию человека и природы. Необходимость осмысления тенденций эколого-экономического характера и разработки принципиально новых концепций будущего мирового развития и его концептуальной основы, в том числе «повлияла на формирование новых теоретических направлений в исследовании международных отношений» [6].

В политических и экономических стратегиях развитых государств и в деятельности специализированных международных организаций акцент на новые экологические императивы, проблемы долгосрочного планирования и особенно переход зеленой модели развития, формировался в контексте развития концепции устойчивого развития. Ставшее прямым следствием экологических преобразований и растущего осознания необходимости решения сложных глобальных экологических проблем, новое видение развития, основанное на зелёных концепциях, возникло как ответ на усиливающееся давление антропогенной деятельности на окружающую среду, истощение природных ресурсов, изменение климата, загрязнение воздуха.

Сегодня заметно возросло влияние и зеленой повестки на мировую политику и экономику. Для многих современных обществ зелёное развитие становится не просто желательным, но и неизбежным для социально-экономического и экологического развития. В то же время конкурентная борьба за лидерство в формировании нового технологического уклада все больше предъявляет новые требования к вопросам процесса экологизации и реализации курса низкоуглеродного развития. Данная тенденция, выдвигаясь на передний план в деятельности ведущих региональных акторов ставила их перед необходимостью эффективного внедрения и конкретизации новых экологических императивов. Низкоуглеродный тренд, характеризующий также остроты нарастающих разногласий по вопросам климатической повестки между развитыми и развивающимися странами, всё больше определял вектор зелёной трансформации. Несмотря на отсутствие единого общепринятого пути ее реализации прежде всего с учетом наличия множества факторов зеленая трансформация стала одним из ключевых направлений дальнейшего развития мира.

В условиях усиления растущей глобальной конкуренции и противоречивости международных отношений попытки поиска новых источников и моделей развития как объективная потребность были обусловлены необходимостью преодоления растущего влияния существующего множества вызовов. Ключевые государственные акторы международных отношений и интеграционные объединения, создавая новые институциональные механизмы стремятся использовать климатическую повестку для укрепления собственных позиций в международных отношениях.

Следует отметить, о растущей роли европейских институтов, которые выступая драйвером реализации, в частности, вопросов окружающей среды, выдвигали новые императивы развития, охватывающие широкий спектр проблем развития стран региона. В последние десятилетия существенные изменения в этом направлении сильнее всего было выражены в рамках политики охраны окружающей среды ЕС, которая имеет как внутреннее, так и международное измерения. Уделение особого внимания к вопросам экологизации и становление ее концептуальной основы, демонстрировало стремление данного актора к международному лидерству в решении климатических проблем и формированию экологической повестки. Благодаря накопленному нарративу, существующая практика обсуждения вокруг ключевого приоритета ЕС приобрела новый динамизм и увековечила устоявшийся дискурс экологической модернизации [7].

Концептуальная основа зелёной политики Европейского союза формировалась постепенно, проходя несколько этапов развития. Посредством реализация крупных проектов и решений в области зеленого развития ЕС создавал новые возможности для процесса углубления интеграции. Поддерживая решение ключевых задач «сохранения жизнеспособности ЕС при поддержке зеленой идеологии и идеологемы зеленого роста в особенности, продвигается реформирование европейского управления» [8]. Зеленая трансформация ЕС, по сути, становится глобальным долгосрочным трендом, определяющим перспективы социально-экономического развития многих стран. С целью «продвижения своих интересов и навязывания миру своих правил игры на поле «зелёной» повестки» [9] ЕС использует доступные каналы и механизмы «зеленой экспансии».

С точки зрения амбициозности, многогранности и влияния на различные аспекты жизни общества и международных отношений зелёная политика Европейского союза, особенно в контексте реализации «Европейского зелёного курса» (Green Deal) может быть интерпретирована с разных теоретических позиций. Наличие множества точек зрения относительно этого процесса и новые тенденции развития современного мира создают сложный контекст для переосмысления этой актуальной темы. Анализ некоторых оценок реализации «зелёного курса» позволяет отметить, что в официальном дискурсе ЕС доминировало мнение о необходимости «радикальной трансформации парадигмы развития» [10], что свидетельствовало о масштабах реализации данного курса, который по мнению европейских специалистов «коснется всех аспектов и деталей нашей жизни» [11]. Масштабность «зелёного перехода» подтверждается также значительными объёмами предполагаемых финансовых вложений, которые отражали амбициозность климатических целей и стремление трансформировать экономику стран региона.

По оценкам официальных данных ЕС произошел значительный прогресс адаптации к изменению климата, в частности, благодаря продолжающейся реализации Стратегии адаптации ЕС. Однако прогресс в различных областях был неравномерным [12]. Определение промежуточных шагов для достижения цели рассматривается ключевым этапом в процессе достижения климатических целей ЕС, позволявшие разбить сложную задачу на более мелкие, сделать их более управляемыми, прозрачными, контролируемыми и мотивирующими. В данном направлении внесённые поправки в Законе о климате в апреле 2026 года позволили определить климатическую цель ЕС на 2040 год.

Таким образом, ключевые императивы зелёной политики ЕС изложены и в других программных документах, которые благодаря новым инициативам, сочетающие экологические, экономические и социальные цели, формируют комплексную стратегию по переходу к «зелёной» экономике. Не вдаваясь в подробный обзор правовых и программных документов, необходимо отметить, что формирование ключевых императивов зеленого курса, предусматривающего переход к практике уменьшения углеводородов, было обусловлено возрастающими объективными интересами и потребностями, которые в последние десятилетия обрели возрастающий характер. Во-первых, это постоянное стремление стран региона сэкономить на расходах, связанных с импортом энергоресурсов за счет увеличения использования возобновляемых источников энергии; во-вторых, проблемы поэтапного снижения экологической нагрузки из-за эмиссии парниковых газов, в результате сжигания углеводородов; в-третьих, намерение повысить энергетическую независимость и соответственно энергетическую безопасность.

Основные тенденции развития зеленого курса ЕС

Рассматривая некоторые особенности реализации зеленой трансформации ЕС необходимо отметить, что важным направлением в этом процессе является геоэкономическая перспектива. Охватывая как внутренние структурные преобразования экономики, так и внешнеполитические и международные аспекты, направленные на достижение глобальных климатических целей при сохранении конкурентоспособности и устойчивости геоэкономическая перспектива требует комплексного подхода и учёта особенностей стран региона.

Такой курс нацеленный, в частности, на проблемы изменение энергетического баланса ЕС и глобальных рынков, обеспечение энергетической безопасности, трансформации моделей торговли и инвестиций, должен способствовать обеспечению декарбонизацию, укреплять промышленную базу, а также снижать внешние зависимости и повышать устойчивость европейской экономики к сложным вызовам. Именно в этом контексте зеленая политика ЕС все чаще выступает как элемент «стратегической автономии» [13]. Принятием данной концепции и целью удержания статуса ЕС в качестве центра силы в мировой политике по мнению Н.К. Арбатовой «экологическая безопасность должна быть поставлена в центр внешней политики, политики безопасности и обороны» [14].

«Европейская стратегическая автономия» как модель развития, направлена на укрепление самостоятельности ЕС и обеспечение его безопасности, экономического и технологического суверенитета. Сегодня и «Зелёный курс» и «Европейская стратегическая автономия», выступая как две взаимосвязанные инициативы, играют ключевую роль в современной политике ЕС.Дополняя друг друга эти концепции формируют новую модель развития, учитывающей условия быстро меняющихся международных отношений.

Следуя к этой логике необходимо отметить, что ЕС стремится воздействовать на международную среду не только посредством экономического, политического и технологического потенциала, но и через нормы, стандартов, которые распространяются за пределы собственного пространства. По сути, зеленый курс стал ключевой рамкой, в которой экологическая повестка была соединена с социально-экономическим и институциональным переустройством ЕС. Европейская комиссия описывает его как стратегию превращения его в современную, ресурсно-эффективную и конкурентоспособную экономику. Уже сама эта формула показывает, что зеленый курс с самого начала задумывался как проект не только экологический, но и модернизационный. В нем экологические цели не являются препятствием для экономического роста и конкурентоспособности, а, напротив, рассматриваются как их важная составляющая, способствующая долгосрочному развитию и повышению качества жизни. Соответственно, экологическая и климатическая повестка выступает в качестве весьма эффективного канала для такого типа влияния, поскольку позволяет соединить универсалистский моральный дискурс с конкретными механизмами регулирования рынков и трансграничных потоков.

Процесс расширения зеленной повестки ЕС с увеличением частоты и интенсивности кризисных ситуаций (крайняя неустойчивость мировой энергетики, турбулентность мировой политики) больше предопределил острые дискуссии и споров вокруг перспективы зеленного курса. В научном-политическом дискурсе представлены различные подходы по данному вопросу. Переход от традиционных к возобновляемым источникам энергии и сырья, который вызывал в научном сообществе неоднозначные оценки [15], создает условия для выхода Европы из-под зависимости. Это как прогнозировалось ранее, отрицательно скажется на ряде региональных партнеров и даже дестабилизируя их экономически и политически [16]. Позиция сторонников теории «во всем виновата зеленая энергетика» основывалась на том, что, например, кризис в 2021 произошел из-за слишком быстрого перехода к зеленой энергии.

Реализация новой экологической политики ЕС – «Зеленый курс», помимо других важных направлений, предусматривает повышение энергоэффективности и все чаще выступая в качестве движущей силы для создания новой отрасли чистой энергетики вызывает неоднозначные оценки и затяжные дискуссии [17]. Процесс институализация зеленого курса – «нового интегрированного инструмента» [18] стал логическим продолжением развития его энергетической политики, обозначенных целей в области сохранения окружающей среды и обязательства, связанные с изменением климата.

Некоторые тенденции развития зеленого курса позволяет отметить, что доля «зеленой энергии» растет не так быстро. По данным 2025 года зелёная экономика отошла на третье место, уступив место оборонным и цифровым инициативам. В краткосрочном перспективе смена этих приоритетов свидетельствует о проблемах уязвимости «зелёной» политики от конъюнктуры мировой политики, которая проявляется в нескольких ключевых аспектах, связанных с геополитическими, экономическими и социальными факторами. По мнению ряда специалистов «рамочная программа «зеленой» политики устарела из-за новой геополитики, промышленной политики, формирующейся в Китае и других странах, и растущего фискального давления» [19], что в свою очередь требует от ЕС необходимости реализации незамедлительных мер и пересмотра энергетической и зеленой политики.

Одна из наиболее важных направлений в реализации зеленого курса, играющую решающую роль в самом процессе достижения целей ЕС, является проблемы обеспечения поставок безопасной и чистой энергии. Традиционные углеводороды нефть и газ продолжают играть значительную роль в его энергетическом балансе. Это наблюдается даже несмотря на попытки ЕС сделать пионером широкое использование водорода в качестве энергоносителя. Например, Водородная стратегия Европейского союза (REPower EU) поставила цель «к 2050 году возобновляемый водород должен покрывать около 10% энергетических потребностей» [20]. В то же время постепенный отказ от угля за счет увеличения именно доли газа говорит в среднесрочной перспективе о сохранении центральной роли самого чистого углеводородного топлива частью процесса декарбонизации.

Усилии ЕС, направленные на развитие зелёной энергии закономерны, и отражают растущие объективные запросы стран региона, даже несмотря на существующие явные издержки. Среди ожидаемых рисков можно выделить следующие: нестабильность процесса генерации энергии и уязвимость зеленной энергетики от природных, политических и других факторов; риски возобновляемой энергетики, которые возрастают в процессе значительного масштабирования и в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры, которая может провоцировать социально-политические кризисы; высокая стоимость реализации «Зеленого курса» и ее негативные последствия; ожидаемое влияние развития сферы альтернативной энергетики на глобальные политические процессы.

В условиях, когда энергетическая безопасность, продолжая оставаться одной из важнейших проблем международной повестки значимость роли ЕС в качестве динамично развивающегося актора в сфере зеленой энергии безусловно, будет возрастать. Данная перспектива создает может способствовать возникновению новых возможностей использования зеленой энергии в одной из ключевых инструментов его экономической дипломатии.

При этом продолжение кардинального снижения зависимости ЕС от поставок российских энергоресурсов за счёт интенсификации процесса перехода к зелёной экономике и формирования его устойчивой энергетической системы в условиях кризисных явлений приводит усилению зависимость от поставок из других стран поставщиков энергоресурсов. Вместе с тем ожидаемые изменения в области чистой, доступной и безопасной энергетический переход не всегда может проходить так, как планировалось. В этой связи эти риски рассматриваются как объективное явление, и их растущее влияние на корректировку цен на экологически чистую энергию огромно.

Таким образом, важной особенностей зеленой политики ЕС является двойственность, которая проявляется в сочетании глобальных экологических целей с внутренними противоречиями, экономическими и социальными вызовами, а также в геополитическом измерении этих процессов. Принимая во внимание, что вышеперечисленные некоторые аспекты развития зеленного курса наполняется новым содержанием, широкий круг мероприятий наглядно демонстрируют о плавном переходе к новой модели развития.

Заключение

Формирование основных императивов зеленой политики ЕС – ключевых целей, принципов и направления, которые определяют стратегию трансформации экономики и политики данного актора в этой области как сложный процесс было тесно связано с необходимостью ответа на ряд новых вызовов, связанных с экологическими, климатическими, социальными и экономическими проблемами. Сегодня зеленая политика в современных международных отношениях представляет собой значительно более сложное явление, чем просто набор экологических мер. Она представляет собой комплекс действий, направленных на баланс между экологическими, социальными и экономическими интересами ЕС, и требует интеграции различных сфер деятельности от государственного регулирования до международного сотрудничества. В этом смысле зеленая политика, которая еще несколько лет назад претендовала на роль новой экономической идеологии, оставаясь одним из главных инструментов развития и влияния позволяет получать ряд преимуществ, связанных с экологизацией экономики, повышением эффективности ресурсов и улучшением качества жизни.

Императивы зеленой политики ЕС, изложенные в ряде программных документах, ключевым из которых является «Европейская зелёная сделка» (European Green Deal) свидетельствуют о реализации комплексной стратегии трансформации экономики и общества в условиях сложных климатических, экологических и социально-экономических вызовов современности. Практика реализации ключевых императивов зеленой политики ЕС, оставаясь одной из ключевых тем повестки международных отношений и научно-политического дискурса, основаны на сочетании как минимум трех начал, которые формируют основу климатических, экологических инициатив данного актора.Первое – это

формирование концептуальной основы,, в том числе связанное с претензией на глобальное климатическое лидерство и универсальность экологических целей. Второе – регуляторное, выражающееся в способности превращать внутренние правила ЕС в трансграничные стандарты. Третье -геоэкономическое, ориентированное на конкурентоспособность, индустриальную базу, доступ к сырью и стратегическую устойчивость. Именно взаимодействие этих начал объясняет, почему климатическая политика стала для ЕС не отраслевой темой, а системным проектом международной субъектности, рассчитанный на ближайшие десятилетия.

В то же время дальнейшая эволюция этой модели будет зависеть от способности Европейского союза разрешить собственные противоречия. Для сохранения внешней легитимности ему необходимо совмещать высокие стандарты с реальной поддержкой партнеров, учитывать неравномерность глобальных адаптационных возможностей и избегать превращения зеленой повестки в исключительно инструмент конкурентного давления.

Таким образом, новая региональная экологическая политика ЕС, выдвигая наиболее приемлемые зеленые императивы и закладывая новые походы, стандарты реализация зеленного курса, не дает ответы на многие ключевые вопросы данного процесса. В частности, необходимость осмысления важной регулятивной роли, целенаправленные действия данного актора, направленные на преодоление значительного количества противоречий между мотивами и интересами стран и социальных групп и другие весьма актуальные вопросы реализация зеленого курса вполне соответствуя духу современного зеленого дискурса связна с пониманием перспективы способности ЕС сохранения сбалансированное развитие – экономическое, социальное и экологическое и особенно его адаптации к новым вызовам международных отношений.

В связи с этим отмеченные некоторые аспекты перспективы данного процесса, в сочетании новых глобальных экологических целей с внутренними противоречиями, экономическими и социальными вызовами, а также в геополитическом измерении зеленого курса вполне заслуживают проведения отдельных дискурсов, позволявшие переосмыслению последствий многогранного процесса зеленой трансформации ЕС для других регионов мира.

Литература

1. Asadov B., Asadov E. & Agayeva F. (2024). The regional dimension of green transformation: problems and development prospects// GREEN ECONOMICS Vol.2, No.1, 2024, pp.5–17
2. Онищенко М.В. Политика развития зеленой экономики: компаративные ракурсы: автореферат дис. … кандидата политических наук: 5.5.3. ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». – Краснодар, 2022. – 26 с.
3. Хлопов О.А. «Зеленая теория» как экологический подход в исследованиях международных отношений // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 10. С. 31–35
4. Энтина Е.Г. Особенности и пределы интеграционной политики Европейского союза в Юго-Восточной Европе: на примере государств постьюгославского пространства: автореферат дис. … доктора политических наук: 23.00.04: Институт Европы Российской академии наук. – Москва, 2020. – 48 с.
5. Асадов, Б.Р. Программа ООН по окружающей среде: некоторые аспекты деятельности в области обеспечения экологической безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 1(50). – С. 41–48
6. Хлопов О.А. «Зеленая теория» как экологический подход в исследованиях международных отношений // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 10. С. 31–35
7. Sina Leipold. (2021).Transforming ecological modernization 'from within' or perpetuating it? The circular economy as EU environmental policy narrative, Environmental Politics, 30:6, 1045–1067
8. Стрежнева М.В. Идеология Зеленого курса и актуальные изменения в организации управления в Европейском союзе. – Полис. Политические исследования. 2025. № 4. С. 36–50.
9. Рогинко С.А.«Зелёная» экспансия ЕС. – М.: РАН, 2025.–230 с.
10. Michel Ch. (2021). «State of Europe»: speech at the Berlin Conference 2021 / European Council; Council of the European Union. – Brussels. – 09.11. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/11/09/the-state-ofeurope-speech-by-president-charles-michel-at-the-berlin-conference-2021/ (Дата обращения 15.04.2026)
11. «Зеленая сделка» ЕС: когда и для чего? // Euronews. – 15 января 2020 г. URL: https://ru.euronews.com/2020/01/15/rb-03-european-green-dealhttps://ru.euronews.com/2020/01/15/rb-03-europeangreen-deal (Дата обращения:29.03.2026)
12. Progress on climate action https://climate.ec.europa.eu/eu-action/climate-strategies-targets/progress-climate-action_en (Дата обращения:12.04.2026)
13. Королева Л.В. Стратегическая автономия ЕС: генезис и особенности восприятия государствами-членами // АПЕ. 2026. № 1 (129). С. 41–55
14. Арбатова Н.К. Климатические угрозы – новое измерение безопасности Евросоюза. – Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 81–93.
15. Steffen Böhm and Sian Sullivan (eds). Negotiating Climate Change in Crisis. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2021, 472 pp.
16. Leonard M., Pisani-Ferry J., Shapiro J., Tagliapietra S., Wolff G. (2021). The geopolitics of the European green deal. Bruegel Policy Contribution, No.04/2021. P. 2
17. Asadov B., Asadov E. (2022). New environmental policy of the European Union: Some aspects of transition to green energy. In IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, 1096(1) 012034.
18. Ларионова М.В. Механизмы интернационализации «зеленой сделки» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. № 3. Т. 16. № 3. С. 124–160
19. Арезки, Р., Ландау, Дж. П., и ван дер Плоэг, Ф. (2025). Европе необходимо перестроить свою энергетическую и зеленую политику. Форум CESifo, 26 (2), 42–45
20. EU's energy system. Hydrogen. URLhttps://energy.ec.europa.eu/topics/eus-energy-system/hydrogen_en(Дата обращения:14.04.2026)

THE GREEN POLICY OF THE EU IN THE DISCOURSE OF MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

Asadov E.B.
St. Petersburg State University

The article analyzes some features of the institutionalization of the EU's greening policy and the implementation of its key green imperatives. The features of the formation of the conceptual framework of the green course, which is given special attention in the discourse of modern international relations, are considered. It is shown that the EU's environmental and climate agenda acts not only as an internal course of institutional modernization, but also as a special form, in particular, of foreign policy, regulatory and geo-economic positioning. It is proved that within the framework of the formation of a new model of EU participation in international relations, the green deal is an integral project, turning into an important tool for both economic diplomacy and a channel of influence and dissemination of its values and standards to other regions of the world.

Keywords: green policy, green course, green imperative, sustainable development, international relations, climate diplomacy

References

1. Asadov B., Asadov E. & Agayeva F. (2024). The regional dimension of green transformation: problems and development prospects// GREEN ECONOMICS Vol.2, No.1, 2024, pp.5–17
2. Onishchenko M.V. Politika razvitiya zelenoi ehkonomiki: komparativnye rakursy: avtoreferat dis. … kandidata politicheskikh nauk: 5.5.3. FGBOU VO «Kubanskii gosudarstvennyi universitet». – Krasnodar, 2022. – 26 s.
3. Khlopov O.A. «Zelenaya teoriya» kak ehkologicheskii podkhod v issledovaniyakh mezhdunarodnykh otnoshe-nii // Obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo. 2022. № 10. S. 31–35
4. Ehntina E.G. Osobennosti i predely integratsionnoi politiki Evropeiskogo soyuza v Yugo-Vostochnoi Evrope: na primere gosudarstv post'yugoslavskogo prostranstva: avtoreferat dis… doktora politicheskikh nauk: 23.00.04: Institut Evropy Rossiiskoi akademii nauk – Moskva, 2020. – 48 s.
5. Asadov, B.R. Programma OON po okruzhayushchei srede: nekotorye aspekty deyatel'nosti v oblasti obespecheniya ehkologicheskoi bezopasnosti // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii. – 2021. – № 1(50). – S. 41–48
6. Khlopov O.A. «Zelenaya teoriya» kak ehkologicheskii podkhod v issledovaniyakh mezhdunarodnykh otnoshe-nii // Obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo. 2022. № 10. S. 31–35
7. Sina Leipold. (2021). Transforming ecological modernization 'from within' or perpetuating it? The circular economy as EU environmental policy narrative, Environmental Politics, 30:6, 1045–1067;
8. Strezhneva M.V. Ideologiya Zelenogo kursa i aktual'nye izmeneniya v organizatsii upravleniya v Ev-ropeiskom soyuze. – Polis. Politicheskie issledovaniya. 2025. № 4. S. 36–50.
9. Roginko S.A. «Zelenaya» ehkspansiya ES. – M.: RAN, 2025. –230 s.
10. Michel Ch. (2021). «State of Europe»: speech at the Berlin Conference 2021 / European Council; Council of the European Union. – Brussels. – 09.11. – URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases
/2021/11/09/the-state-ofeurope-speech-by-president-charles-michel-at-the-berlin-conference-2021/ (Дата обращения 15.04.2026)
11. EU Green Deal: when and for what? // Euronews. – January 15, 2020. URL: https://ru.euronews.com/2020/01/15/rb-03-european-green-dealhttps://ru.euronews.com/2020/01/15/rb-03-europeangreen-deal (Дата обращения:29.03.2026)
12. Progress on climate action https://climate.ec.europa.eu/eu-action/climate-strategies-targets/progress-climate-action_en (Дата обращения:12.04.2026)
13. Koroleva L.V. Strategicheskaya avtonomiya ES: genezis i osobennosti vospriyatiya gosudarstvami-chlenami // APE. 2026. № 1 (129). S.41–55

14. Arbatova N.K. Klimaticheskie ugrozy – novoe izmerenie bezopasnosti Evrosoyuza. – Polis. Poli-ticheskie issledovaniya. 2022. № 6. S. 81–93.

15. Steffen Böhm and Sian Sullivan (eds). Negotiating Climate Change in Crisis. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2021, 472 pp.

16. Leonard M., Pisani-Ferry J., Shapiro J., Tagliapietra S., Wolff G. (2021). The geopolitics of the European green deal. Bruegel Policy Contribution, No.04/2021. P. 2

17.Asadov B., Asadov E. (2022). New environmental policy of the European Union: Some aspects of transition to green energy. In IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, 1096(1) 012034.

18. Larionova M.V. Mekhanizmy internatsionalizatsii «zelenoi sdelki» // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ehkonomika. 2021. № 3. T. 16. № 3. S. 124–160

19. Arezki, R., Landau, Dzh. P., i van der Ploehg, F. (2025). Evrope neob-khodimo perestroit' svoyu ehnergeticheskuyu i zelenuyu politiku. Forum CESifo, 26 (2), 42–45

20. EU's energy system. Hydrogen. URLhttps://energy.ec.europa.eu/topics/eus-energy-system/hydrogen_en (Дата обращения:14.04.2026)

Влияние урбанизации на психоэмоциональное состояние городских жителей

Барсукова Анна Дмитриевна,
к.пс.н., доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и технологий, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: barsukovaad@mgsu.ru

Статья посвящена влиянию урбанизации на психоэмоциональное состояние городских жителей. Актуальность темы связана с ростом плотности застройки, транспортной, шумовой и сенсорной нагрузки, ослаблением повседневного контакта с природными участками города и расширением числа средовых факторов, воздействующих на тревожность, стресс, чувство безопасности и субъективное благополучие. Научная новизна работы состоит в сведении русскоязычных публикаций последних лет в единую аналитическую схему, где урбанизация рассматривается через параметры визуальной среды, звукового ландшафта, зеленой инфраструктуры, читаемости пространства, социального контроля и идентичности места. Цель исследования – установить устойчивые каналы воздействия городской среды на эмоциональное состояние населения и выявить проектные решения, снижающие психоэмоциональное напряжение. Использованы анализ научных публикаций, сравнительное сопоставление, классификация, логико-аналитическое обобщение и синтез. Корпус образовали десять русскоязычных работ 2021–2025 гг. Аналитическая часть раскрывает стрессогенные и ресурсные свойства городской среды, различия между психологическим, урбанистическим и общественно-оздоровительным подходами. Практическая полезность связана с применением выводов при разработке программ благоустройства, критериев гуманизированного проектирования и решений в сфере городского здоровья.

Ключевые слова: урбанизация, психоэмоциональное состояние, городской стресс, психологическая безопасность, визуальная среда, зеленые зоны, звуковой ландшафт, гуманистический урбанизм, салютогенный дизайн, качество городской среды.

Введение

Урбанизация давно перестала сводиться к росту численности населения и расширению застройки. В повседневной жизни горожанина она проявляется через плотность маршрутов, продолжительность контакта с шумом, качество дворов и улиц, доступность зеленых участков, читаемость пространства, уровень анонимности и напряженность социальных взаимодействий. При такой постановке вопроса обсуждение городской среды выходит за пределы архитектурного и транспортного анализа и затрагивает сферу эмоционального самочувствия.

Рост исследований по городской тревожности, стрессу, безопасности и восстановительному потенциалу природных фрагментов не снял методической раздробленности темы. В одном массиве публикаций доминирует медицинская и общественно-оздоровительная оптика, в другом – психология восприятия, в третьем – урбанистическое проектирование. Из-за такого расхождения трудно увидеть общую логику влияния урбанизации на эмоциональную жизнь горожан.

Цель исследования – установить, какие свойства урбанизированной среды устойчиво связаны с психоэмоциональным напряжением, а какие – с чувством безопасности, восстановлением и более благоприятным переживанием городского пространства. Для достижения цели решаются три задачи:

1) систематизировать русскоязычные публикации последних лет, посвященные городскому стрессу, психологической безопасности, визуальному восприятию среды и восстановительному потенциалу зеленых зон;

2) раскрыть основные каналы воздействия урбанизированной среды на тревожность, стресс, эмоциональный дискомфорт и субъективное благополучие;

3) определить направления гуманизированного проектирования, снижающие психоэмоциональную нагрузку в городской среде.

Научная новизна работы связана с объединением разрозненных наблюдений в многослойную аналитическую схему. В ней урбанизация рассматривается не как абстрактный фон, а как совокупность визуальных, акустических, социальных и пространственных условий повседневности, через которые формируется эмоциональное состояние горожан.

Материалы и методы

Материальную базу составил корпус русскоязычных публикаций 2021–2025 гг., отражающих разные линии исследования городской среды и эмоционального самочувствия населения. В обзоре Р.Р. Абсатарова, А. Мамасадык уулу [1] систематизированы данные о влиянии зеленых зон на здоровье горожан; У.Э. Алескеров [2] анализирует психологию восприятия пространства через физические, социальные и визуальные параметры городской среды; М.С. Астоянц, Я.В. Артамонова [3] прослеживают субъективную оценку парков и выделяют признаки привлекательной и дискомфортной городской природы. Работа С.А. Ганат [4] сосредоточена на социально-психологическом значении природных зон для эмоционального состояния; обзор О.Ю. Зотовой [5] обобщает условия формирования психологической безопасности жителей города; Е.С. Игнатова [6] раскрывает категорию эмоционального ландшафта через переживание безопасного и небезопасного города. Систематический обзор О.А. Капцевич [7] концентрируется на эффектах визуального восприятия городской среды; В.С. Лапшина [8] переводит обсуждение в плоскость гуманистического урбанизма; С.К. Нартова-Бочавер, Е.Д. Северьянова, С.И. Резниченко [9] исследуют предикторы городского стресса эмпирически; К.С. Трункова, П.С. Твилле, Т.А. Татаринова [10] рассматривают салютогенный дизайн как направление снижения городского стресса.

Использованы анализ научных публикаций, сравнительное сопоставление, тематическая классификация, логико-аналитическое обобщение и синтез. Через сопоставление работ разных дисциплин выделены повторяющиеся стрессогенные и ресурсные свойства городской среды, а синтез позволил связать разрозненные наблюдения с целью статьи – описать механизмы влияния урбанизации на психоэмоциональное состояние городских жителей.

Результаты

Собранный корпус показывает, что связь урбанизации с психоэмоциональным состоянием проходит не через сам факт проживания в городе,

а через повседневную конфигурацию среды. Быстрый рост застройки, перенаселенность, шум, сенсорная перегрузка, однотипные архитектурные решения, ослабление соседских связей и дефицит читаемости пространства образуют устойчивый набор факторов, усиливающих эмоциональное напряжение. Нартова-Бочавер, Северьянова и Резниченко фиксируют отрицательные связи между дистрессом и качествами городской среды, а Алескеров и Капцевич показывают, что визуально и сенсорно перегруженное пространство поддерживает неблагоприятный эмоциональный фон [2; 7; 9].

Перцептивная линия в рассмотренных публикациях занимает заметное место. Систематический обзор О.А. Капцевич показывает, что эмоциональный отклик зависит от характера видимого поля: природные сцены воспринимаются благоприятнее плотной искусственной застройки, а среди построенных пространств более мягкое воздействие связано с невысокой этажностью, орнаментированностью, имитацией природных форм и присутствием историко-смысловых коннотаций [7]. Близкий вывод содержится у У.Э. Алескерова, где эстетика, предсказуемость, визуальное разнообразие и идентичность места связываются со снижением стрессового фона [2]. Следовательно, визуальная среда выступает не нейтральной оболочкой городской жизни, а постоянно действующим регулятором повседневного эмоционального состояния.

Линия психологической безопасности расширяет обсуждение и связывает эмоциональное самочувствие с переживанием порядка, управляемости и социальной обозримости пространства. По О.Ю. Зотовой, безопасное переживание города поддерживают тесная визуальная связь с природой, привычный звуковой ландшафт, ухоженность, наблюдаемость и проницаемость территории, присутствие других людей, умеренная визуальная сложность и сегментация пространства [5]. Е.С. Игнатова, вводя понятие эмоционального ландшафта безопасного города, описывает благоприятную среду через красоту пейзажей, развивающийся архитектурный облик, насыщенную инфраструктуру и узнаваемую идентичность; противоположный полюс формируют серые визуальные образы, монотонная и беспокойная архитектура, привычный уличный шум, слабый физический и социальный контроль, резкий контраст центра и периферии [6]. В совокупности обе работы показывают, что чувство безопасности складывается из соединения материального порядка, визуальной читаемости и субъективного доверия к среде.

Эмпирический материал С.К. Нартовой-Бочавер, Е.Д. Северьяновой и С.И. Резниченко переводит обсуждение из области общих рассуждений в область измеряемых связей. Исследование русскоязычных горожан выявило отрицательные связи между дистрессом и множеством характеристик городской среды; возраст соотнесен с меньшей выраженностью дистресса, а у женщин зависимость между качеством среды и уровнем неблагополучия выражена сильнее [9]. Такой результат заставляет рассматривать урбанизацию не как единый и одинаково переживаемый процесс, а как систему нагрузок, по-разному действующих на отдельные группы жителей.

Природные фрагменты города в рассмотренном корпусе выступают не декоративным приложением к застройке, а самостоятельным ресурсом психоэмоциональной стабилизации. Обзор Р.Р. Абсатарова и А. Мамасадык уулу связывает зеленые зоны со смягчением негативного действия городской среды, включая загрязнение и тепловую нагрузку, и с улучшением самочувствия населения [1]. С.А. Ганат рассматривает городские природные зоны как среду, поддерживающую эмоциональное равновесие и психологическое благополучие [4]. На этом фоне урбанизация предстает не просто процессом наращивания плотности, а процессом перераспределения восстановительных ресурсов внутри города.

На уровне конкретных городских практик М.С. Астоянц и Я.В. Артамонова показывают, что привлекательность и популярность парков складываются из сочетания культурных экосистемных услуг. В положительных оценках лидируют развлечение и интересный отдых, красивое живописное место, контакт с живой природой; в негативных откликах преобладает неприятная среда [3]. Данный вывод меняет привычное представление о зеленой зоне как о стандартном элементе благоустройства. Психоэмоциональный эффект зависит не от формального наличия озеленения, а от того, насколько пространство пригодно для пребывания, визуально приятно, доступно и наполнено сценариями повседневного пользования [1; 3; 4].

Переход от описания природных ресурсов к проектным решениям прослеживается в работе К.С. Трунковой, П.С. Твилле и Т.А. Татариновой. Авторы связывают укрепление психического здоровья горожан с салютогенным дизайном, где проектируемая среда ориентирована на снижение стресса и поддержку благополучия, а не на одну лишь функциональную пригодность пространства [10]. В таком ракурсе озеленение, читаемость маршрутов, снижение сенсорной перегрузки, комфортные общественные пространства и визуальная непрерывность города получают статус средств профилактики психоэмоционального неблагополучия [1; 4; 10].

Сведение рассмотренных положений в единую схему позволяет перейти от перечня отдельных стрессоров к более широкому пониманию урбанизации. В.С. Лапшина описывает развитие большого города как противоречивый процесс и связывает дальнейшее обсуждение качества городской жизни с гуманистическим урбанизмом [8]. В приложении к психоэмоциональному состоянию горожан данная линия означает следующее: устойчивость эмоционального фона зависит от того, сохраняет ли город возможность безопасной рутинизации повседневности, контакт с зеленью, символическую узнаваемость, визуальную неоднородность без хаоса и ощущение участия в общей городской жизни [2; 5; 8; 10].

Обсуждение

Сопоставление рассмотренных публикаций позволяет сделать более строгий вывод о механизме влияния урбанизации на эмоциональную жизнь горожан. Неблагоприятное состояние формируется не прямым действием самой городской формы, а через посредство повседневной сенсорной и социальной среды. Плотность застройки, шум, однообразие, ухудшение обозримости, ослабление контакта с природой и дефицит символической узнаваемости места образуют такой режим повседневности, при котором накапливается напряжение, снижается чувство управляемости и усиливается тревожное переживание города.

При анализе корпуса отчетливо видны различия между дисциплинарными ракурсами. Психологические публикации сосредоточены на дистрессе, безопасности, визуальном восприятии и эмоциональном отклике. Урбанистические и архитектурные работы работают с параметрами застройки, доступностью инфраструктуры, эстетикой и организацией пространств. Медико-общественное направление вводит в обсуждение профилактику стресса и здоровье-сберегающие проектные решения. Разрыв между этими линиями не сводится к различию терминов: одна группа исследований описывает состояние человека, другая – свойства среды, третья – институциональные и проектные меры. Поэтому междисциплинарный перевод понятий становится центральным условием для дальнейшей разработки темы.

Особого внимания требует блок работ, посвященных зеленым зонам. В рассмотренных публикациях природные участки города получают значение восстановительного ресурса, но данный ресурс срабатывает не автоматически. Психоэмоциональный эффект зависит от качества самой среды: ухоженности, доступности, сценариев использования, визуальной привлекательности, сочетания природы с городской инфраструктурой, уровня неприятных раздражителей. Иначе говоря, городской парк, сквер или бульвар воздействует на состояние жителя через переживаемое качество пребывания, а не через формальный учет площади озеленения.

Рассмотренный корпус показывает и заметные исследовательские лакуны. Преобладают обзорные статьи, концептуальные построения и локальные городские кейсы; единая метрика связи планировочных параметров с эмоциональным состоянием пока не сложилась. Наряду с этим сами описательные категории заметно расходятся: в одних работах речь идет о дистрессе, в других – о психологической безопасности, эмоциональном ландшафте, благополучии или восстановительном потенциале среды. При такой разнородности трудно проводить прямое сопоставление результатов и строить общую шкалу влияния урбанизации. По этой причине дальнейшее продвижение темы связано с выработкой сопоставимых индикаторов и соотнесением субъективных переживаний с конкретными характеристиками городской формы.

Заключение

Проведенный обзор позволил систематизировать русскоязычный корпус исследований, посвященных городскому стрессу, психологической безопасности, визуальному восприятию среды и восстановительному потенциалу зеленых зон. Анализ показал, что влияние урбанизации на психоэмоциональное состояние городских жителей раскрывается через повседневные свойства среды, а не через абстрактный факт проживания в городе.

По первой задаче установлено, что русскоязычные публикации последних лет группируются вокруг трех исследовательских линий: психология городской среды, урбанистическое проектирование и общественно-оздоровительный подход. По второй задаче выделены основные каналы воздействия урбанизированной среды на эмоциональное самочувствие: шумовая и сенсорная перегрузка, визуальная монотонность, неухоженность, дефицит читаемости пространства, слабый социальный контроль, сокращение контакта с природой, утра-

та идентичности места. По третьей задаче определены направления гуманизированного проектирования, снижающие психоэмоциональную нагрузку: поддержание зеленой инфраструктуры, формирование визуально различимой и неоднообразной среды, сохранение порядка и наблюдаемости пространства, развитие общественных мест, пригодных для спокойного пребывания и восстановления.

Суммарный вывод сводится к следующему: урбанизация влияет на эмоциональную жизнь горожан через устройство повседневной среды, поэтому оценка качества городской жизни требует учета психологических критериев наравне с планировочными и инфраструктурными показателями.

Литература

1. Абсатаров, Р.Р. Влияние городских зелёных зон на здоровье горожан: обзор / Р.Р. Абсатаров, А. Мамасадык уулу // Экология человека. – 2024. – Т. 31, № 2. – С. 95–106. – DOI 10.17816/humeco632133.

2. Алескеров, У.Э. Взгляд на город: как психология формирует восприятие пространства / У.Э. Алескеров // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – 2025. – № 4(74). – С. 217–228. – DOI 10.48612/NewsKSUAE/74.19.

3. Астоянц, М.С. Субъективная оценка общественных пространств горожанами: зеленые зоны г. Ростова-на-Дону / М.С. Астоянц, Я.В. Артамонова // Caucasian Science Bridge. – 2024. – Т. 7, № 2(24). – С. 66–78. – DOI 10.18522/26585820.2024.2.6.

4. Ганат, С.А. Социально-психологические аспекты влияния городских природных зон на эмоциональное состояние человека / С.А. Ганат // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12, № 2. – URL: https://mir-nauki.com/PDF/34PSMN224.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

5. Зотова, О.Ю. Предметно-пространственная и физическая среда города как условие психологической безопасности жителей городов / О.Ю. Зотова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2023. – Т. 20, № 2. – С. 352–373. – DOI 10.22363/2313–1683–2023–20–2–352–373.

6. Игнатова, Е.С. Эмоциональный ландшафт безопасного города / Е.С. Игнатова // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 2(13). – С. 77–85. – DOI 10.17072/2949–5601–2025–2–77–85.

7. Капцевич, О.А. Психологические эффекты визуального восприятия городской среды: систематический обзор / О.А. Капцевич // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 575–597. – DOI 10.17323/1813–8918–2021–3–575–597.

8. Лапшина, В.С. Философия большого города: гуманистический урбанизм / В.С. Лапшина // KANT. – 2023. – № 2(47). – С. 166–172. – DOI 10.24923/2222–243X.2023–47.30.

9. Нартова-Бочавер, С.К. Городской стресс и его предикторы: психологическое исследование / С.К. Нартова-Бочавер, Е.Д. Северьянова, С.И. Резниченко // Городские исследования и практики. – 2023. – Т. 8, № 1. – С. 74–88. – DOI 10.17323/usp81202374–88.

10. Трункова, К.С. Укрепление психического здоровья горожан: проблема стресса и роль салютогенного дизайна / К.С. Трункова, П.С. Твилле, Т.А. Татаринова // Здоровье мегаполиса. – 2024. – Т. 5, № 3. – С. 92–105. – DOI 10.47619/2713–2617.zm.2024.v.5i3;92–105.

THE IMPACT OF URBANIZATION ON THE PSYCHOEMOTIONAL STATE OF URBAN RESIDENTS

Barsukova A.D.
National Research Moscow State University of Civil Engineering

This article examines the impact of urbanization on the psychoemotional state of urban residents. The topic is relevant due to increasing building density, increased traffic, noise, and sensory overload, decreased daily contact with natural areas of the city, and the expanding number of environmental factors affecting anxiety, stress, a sense of security, and subjective well-being. The scientific novelty of this study lies in its integration of recent Russian-language publications into a single analytical framework, which examines urbanization through the parameters of the visual environment, soundscape, green infrastructure, spatial legibility, social control, and place identity. The aim of the study is to establish consistent channels through which the urban environment influences the population's emotional state and to identify design solutions that reduce psychoemotional stress. The study utilizes an analysis of scientific publications, comparative comparison, classification, logical-analytical generalization, and synthesis. The corpus comprises ten Russian-language papers published between 2021 and 2025. The analytical section explores the stress-generating and resource-intensive properties of the urban environment, as well as the differences between psychological, urbanistic, and public health approaches. The practical utility of the findings lies in their application to the development of urban improvement programs, criteria for humanized design, and solutions for urban health.

Keywords: urbanization, psychoemotional state, urban stress, psychological safety, visual environment, green spaces, soundscape, humanistic urbanism, salutogenic design, quality of the urban environment.

References

1. Absatarov, R.R. The Impact of Urban Green Spaces on Citizens' Health: A Review / R.R. Absatarov, A. Mamasadyk uulu // Human Ecology. – 2024. – Vol. 31, № 2. – Pp. 95–106. – DOI 10.17816/humeco632133.

2. Aleskerov, U. E. A View of the City: How Psychology Shapes the Perception of Space / U.E. Aleskerov // Bulletin of the Kazan State University of Architecture and Civil Engineering. – 2025. – № 4(74). – Pp. 217–228. – DOI 10.48612/NewsKSUAE/74.19.

3. Astoyants, M.S. Subjective assessment of public spaces by city residents: green areas of Rostov-on-Don / M.S. Astoyants, Ya.V. Artamonova // Caucasian Science Bridge. – 2024. – Vol. 7, № 2 (24). – Pp. 66–78. – DOI 10.18522/26585820.2024.2.6.

4. Ganat, S.A. Social and psychological aspects of the influence of urban natural zones on the emotional state of a person / S.A. Ganat // World of Science. Pedagogy and Psychology. – 2024. – Vol. 12, № 2. – URL: https://mir-nauki.com/PDF/34PSMN224.pdf (accessed: 17.04.2026).

5. Zotova, O. Yu. The subject-spatial and physical environment of the city as a condition for psychological safety of city residents / O. Yu. Zotova // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy. – 2023. – Vol. 20, № 2. – Pp. 352–373. – DOI 10.22363/2313–1683–2023–20–2–352–373.

6. Ignatova, E.S. Emotional landscape of a safe city / E.S. Ignatova // Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice. – 2025. – № 2 (13). – Pp. 77–85. – DOI 10.17072/2949–5601–2025–2–77–85.

7. Kaptsevich, O.A. Psychological effects of visual perception of the urban environment: a systematic review / O.A. Kaptsevich // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. – 2021. – Vol. 18, № 3. – Pp. 575–597. – DOI 10.17323/1813–8918–2021–3–575–597.

8. Lapshina, V.S. Philosophy of the big city: humanistic urbanism / V.S. Lapshina // KANT. – 2023. – № 2 (47). – Pp. 166–172. – DOI 10.24923/2222–243X.2023–47.30.

9. Nartova-Bochaver, S.K. Urban stress and its predictors: a psychological study / S.K. Nartova-Bochaver, E.D. Severyanova, S.I. Reznicenko // Urban research and practices. – 2023. – Vol. 8, № 1. – Pp. 74–88. – DOI 10.17323/usp81202374–88.

10. Trunkova, K.S. Strengthening the mental health of city residents: the problem of stress and the role of salutogenic design / K.S. Trunkova, P.S. Tville, T.A. Tatarinova // Health of the metropolis. – 2024. – Vol. 5, № 3. – Pp. 92–105. – DOI 10.47619/2713–2617.zm.2024.v.5i3;92–105.

Ресурсы повышения цифровизации в обществе

Гармашов Денис Олегович,
аспирант, Белгородский университет кооперации, экономики и права
E-mail: garm.799@gmail.com

В статье представлены некоторые ресурсы повышения цифровизации в обществе. Актуальность аргументирована выгодами, которые может предоставить полноценная цифровизация общества, а также потребность в этом, по причине формирования цифрового общества. В заключении статьи констатируется, что представленные практические меры способны высвободить скрытые ресурсы общества, потенциально готовые повысить уровень цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация общества, цифровое неравенство, доступность цифровых технологий, цифровая компетентность, цифровая инфраструктура.

Цифровизация однозначно демонстрирует множество положительных эффектов от ее внедрения. Это сокращение затрат каждой из сторон, улучшение коммуникаций, их упрощение и ускорение, расширение возможностей по многим направлениям, в целом увеличение эффективности процессов. Более того, уже сейчас российское общество можно признать цифровым, следовательно, каждый его член должен иметь полноценные возможности действовать в цифровом поле. По этим причинам объективно требуется повышать уровень цифровизации всего общества. Несмотря на это, существуют проблемы и барьеры, требующие ликвидации, иначе полноценную цифровизацию нельзя будет реализовать. В целом многие затруднения связаны с цифровым неравенством, проявляющимся многофакторно. В рамках данной научной статьи предложим практические рекомендации, позволяющие максимально задействовать существующие сейчас ресурсы повышения цифровизации в обществе для ускорения и улучшения актуальной на данный момент цифровизации, исходя из цифрового неравенства.

Первоначально аргументируем, по каким причинам раскрытие ресурсов цифровизации общества необходимо сейчас. Первая является наиболее объективной – молодые поколения самостоятельно повсеместно внедряют цифровые инструменты и технологии, соответственно, априори общество с каждым годом становится все более цифровым, потому все поколения должны иметь равные возможности в цифровом пространстве. Во-вторых, государство и бизнес констатируют многочисленные преимущества от цифровых инструментов – это экономия времени, трудовых ресурсов и денежных средств, ускорение и упрощение процессов, а также иные многочисленные достоинства. По этой причине цифровизация вновь будет постоянно ускоряться и расширяться, следовательно, каждый должен быть готов к этому для недопущения появления чрезмерной группы «цифровых изгоев» – лиц, неспособных по каким-либо причинам быть частью цифрового общества.

Теперь кратко представим проблемы, связанные с цифровым неравенством. Во-первых, до сих пор некоторые лица не имеют физического доступа к цифровым технологиям. Так, например, согласно сведениям «РБК» [1], 87,9% только российских домохозяйств имеют доступ к Интернету и лишь 84,8% используют смартфон для этого. Во-вторых, острым остается вопрос цифровых компетенций – 44,2% россиян имеют низкий их уровень. В-третьих, согласно данным «Росстата» [2], цифровая инфраструктура неоднородна на территории России. Так, например, если в Центральном федеральном округе (ЦФО) доступ к Интернету есть у 88% лиц, то в Сибирском федеральном округе (СФО) – лишь у 84,5%. При этом, если в ЦФО 68,3% лиц заказывали товары или услуги посредством Интернета, то в СФО – лишь 58,1%.

Представленная статистика демонстрирует, что однозначно российское общество имеет скрытые ресурсы для повышения цифровизации. Так, например, число лиц, использующих Интернет, можно и необходимо довести до значения минимум в 95%. Порог аргументируется тем, что абсолютный показатель в 99% и тем более 100% недостижим по причине существования субъективного нежелания использования этой технологии по личным причинам, можно считать, что в любое время будут выявлены такие индивиды. Аналогично и в отношении пользователей смартфонов с доступом в Интернет – показатель в 95% требуется признать целевым, обоснование такое же. Более показательно число граждан, использующих Интернет для получения товаров и услуг – на данный момент показатель в рамках цифрового общества незначителен, можно предположить, что значимая часть населения не имеет представления о потенциальных выгодах, экономии денежных средств и времени, об удобстве данного способа и иных благоприятных элементах и/или же не умеет пользоваться коммерческими предложениями. По этим причинам необходимо ликвидировать проблемы цифрового неравенства, потому далее будут представлены подробные практические рекомендации.

Однозначно требуется решать проблемы с первого уровня, то есть сначала необходимо предоставить наиболее широкий физический доступ россиян к Интернету и к цифровому оборудованию (компьютеры, смартфоны, планшеты и так далее). Согласно мнению экспертов [3], на данный момент российское цифровое оборудование составляет от 40% до 60%, следовательно, зависимость от импорта усредне-

но равняется половине. Это отображается на стоимости – логистика известных американских компьютерных брендов (например, «Nvidia», «AMD» и «Intel») усложнена, стала осуществляться, по причине санкций, по параллельному импорту, что крайне негативно отобразилось на цене оборудования. Азиатские страны, не вводившие санкции, извлекают выгоду, увеличивая цены на поставку не только компьютерного оборудования, но и инфраструктурных элементов (например, на оптоволокно).

Аналогичная или даже более неблагоприятная ситуация и в отношении иных устройств, потенциально заменяющих как минимум частично компьютер – речь идет о смартфонах и планшетах. Согласно данным «Коммерсантъ» [4], продажи отечественных смартфонах на нашем рынке составляют 0,8% от числа всех проданных подобных устройств. Констатируем, что данное значение чрезвычайно низкое, незначительное. Потенциально отечественные производители могут создавать наиболее дешевые, а потому доступные для потребителя продукты, следовательно, именно производство российских смартфонов – это крайне перспективное направление, настоящий ресурс для полноценной цифровизации российского общества.

Однозначное решение – это формирование прямых и существенных стимулов для российского бизнеса в рамках создания отечественного цифрового оборудования. Приведем пример с оптоволокном – на данный момент в России существует лишь один крупный его производитель – АО «Оптиковолоконные системы», который прекратил работу с марта 2025 года. Осознавая, что прямые субсидии на данный момент недоступны для федерального бюджета, предлагается ввести существенные налоговые льготы для российских производителей цифрового оборудования. Это, например, «налоговые каникулы» сроком минимум на пять лет. Дополнительно можно диверсифицировать поддержку. Так, например, если производитель использует не менее 50% компонентов российского происхождения, то освобождение от налогообложения будет длиться не пять, а десять лет, если минимум 33% – шесть лет. Такая дифференциация позволит дополнительно создать стимул к созданию и использованию собственных компонентов для цифровых устройств. Как итог, предложение отечественного цифрового оборудования возрастет, потому оно станет более доступным для россиян, что позволит решить проблему физического доступа и сократит цифровое неравенство.

При этом требуется отметить, что, несмотря на потенциальное снижение цен, стоимость цифрового оборудования и услуг Интернет-провайдеров может оставаться чрезмерной для россиян по причине низких доходов. Минимальный размер оплаты труда уже ежегодно индексируется, что является благоприятным решением Правительства. Однако требуется и дальше положительно влиять на уровень заработных плат россиян, например, через существенное повышение оплаты труда в государственном секторе, что повлияет на этот же параметр в целом по стране. Дополнительно можно рекомендовать ввести базовое цифровое оборудование и услуги по предоставлению допустимого по скорости Интернет-соединения в перечень социальных товаров, цена на которые регулируется государством. Важно выделить именно те услуги и товары, которые, с одной стороны, позволяют гражданам стать полноценной частью цифрового общества, с другой стороны, не являются чрезмерными. Примером может стать игровой компьютер – он не должен входить в перечень социальных товаров, в отличие от базового компьютера с офисными программами и возможностями. Аналогичная ситуация и с услугами интернет-провайдеров – если подключение в 50 мегабит в секунду можно отнести к социально значимым, то в 100 мегабит в секунду, нет. Предложение позволит максимально решить проблему физического доступа к цифровым технологиям.

Вторую проблему (цифровых компетенций) необходимо решить следующим образом. В каждом населенном пункте минимум одно образовательное учреждение обязано предоставлять бесплатные очные курсы по повышению цифровой компетентности населения. Отметим, что допустимая цифровая грамотность достигается уже на «базовом» уровне, следовательно, педагоги общеобразовательных учреждений, ведущие занятия по информатике, способны обучить нужным навыкам, потому предложение реализуемо. Более того, в большинстве населенных пунктов страны функционируют общеобразовательные учреждения, имеющие в штате нужного преподавателя, следовательно, мероприятие может стать действительно повсеместным. Вопросом остается спонсирование такой деятельности, наиболее вероятно, что мера потребует увеличение затрат государственных бюджетов на образование.

Возможные альтернативы вновь связаны с налоговыми льготами и вычетами. Во-первых, допустимо передавать обязанность по обучению граждан цифровой грамотности коммерческими предприятиям. Проведя курсы или занятия, они получат уменьшение отчисляемых налогов, что позволит не увеличивать расходы бюджета, но при этом и его доходы снизятся. Однако в этом случае необходимо проверять наполнение курсов, квалификацию преподавателей и итоги учеников. Если отказаться от этих элементов, будет существовать риск фиктивного выполнения функции с целью незаконно снизить число уплачиваемых денежных средств в бюджет страны. Возможное решение проблемы – это создание дистанционного государственного экзамена, не влияющего на учеников, но значащего для таких организаций. Так, например, если хотя бы двадцать процентов учащихся получают оценку «неудовлетворительно», курсы признаются неэффективными, потому компания лишается права на налоговую льготу. Для того, чтобы педагоги не смогли самостоятельно пройти экзамены за учеников, рекомендуется контролировать процесс через наблюдение за монитором ученика (уже сейчас ряд программ позволяет видеть все действия пользователя), а также идентифицировать личность путем использования веб-камеры. Дополнительно предлагается ввести видеофиксацию занятий, что позволит в любой момент удостовериться в посещаемости курса, в грамотности ведения уроков и так далее. Полагаем, что всех предложенных мер достаточно для того, чтобы не допустить возможное мошенничество со стороны коммерческих компаний.

Во-вторых, допустимо частично переложить ответственность за обучение цифровой грамотности на самих граждан. Так, например, каждое лицо получает право на сдачу уже указанного экзамена, вне зависимости от прохождения каких-либо курсов и занятий. В зависимости от того, какая будет получена оценка, индивид получает налоговый вычет, исходя из уплаченного им налога на доходы физических лиц. Предположим, за «отлично» гражданин может получить 9750 рублей налогового вычета (это сумма, равная половине от максимального налогового вычета за расходы по собственному обучению). За «хорошо» индивид может рассчитывать на 5000 рублей вычета, а за удовлетворительно – на 2000 рублей. При этом каждый может проходить экзамен столько раз до получения максимального балла, сколько это будет необходимо, но не чаще одного раза в квартал. Для минимизации рисков злоупотреблений, необходимо создать широкий перечень вопросов, при котором повторения будут относительно редки. Также требуется ввести следующее ограничение – получив удовлетворительно, например, в 2026 году, а «хорошо» в 2027, вычет за 2027 год составит не 5000 рублей, а лишь 3000 рублей, так как 2000 рублей уже получены за более низкую оценку, задвоение вычета недопустимо и тоже может стать инструментом для злоупотребления правами со стороны граждан. Соответственно, в отношении максимального балла логика аналогичная, потому постепенно любой гражданин может получить максимальный балл, регулярно улучшая собственные знания в сфере компьютерной грамотности.

Третья проблема (территориальная), с одной стороны, будет частично решена уже предложенной мерой по стимулированию отечественного бизнеса. С другой стороны, Правительство России уже реализует проект, согласно которому к 2030 году все населенные пункты с численностью от 100 человек будут иметь доступ к Интернету. Полагаем, что, для его наиболее эффективной реализации, требуется внедрить очередные механизмы стимулирования бизнеса для освоения таких территорий. Рекомендованные «налоговые каникулы» будут актуальны и здесь. С другой стороны, как продемонстрировала статистика, даже при наличии оборудования, Интернета и необходимых коммуникаций, население определенных территорий не столь активно использует Интернет для приобретения товаров и услуг [4]. Решение этой проблемы – предоставление государственных льгот тем организациям, которые осваивают цифровые и полуцифровые ниши на территориях, где еще нет соответствующего рынка или он представлен лишь одним-двумя игроками. Так, например, если на определенной территории доставка продовольствия, путем заказов через Интернет, осуществляется лишь одним или двумя брендами, льготу получит новый третий игрок. Дополнительно предлагается начать социальную государственную рекламу на тех территориях, где особенно редко используют дистанционные способы получения товаров и услуг (например, в СФО). В ее рамках населению будет объяснено, что такой инструмент удобен, экономен, безопасен и выгоден для них. Допустимо вместо этого снизить налоги на выручку цифровых и полуцифровых организаций в конкретных регионах при выполнении ими обязательства по запуску соответствующей рекламы.

Таким образом, ресурсы повышения цифровизации в обществе напрямую связаны с ликвидацией проблем на трех уровнях цифрового неравенства. Первоначально требуется сделать цифровое оборудование и услуги интернет-провайдеров физически доступным для всех россиян. Особенно остро стоит вопрос стоимости, крайне важным действием будет дополнение перечня социально значимых товаров.

После этого нужно обучить каждого гражданина минимум базовому уровню цифровой компетенции, мотивируя на дальнейшее самообучение. Далее необходимо предоставить равную цифровую инфраструктуру – население всех регионов должно констатировать одинаковую простоту получения цифрового оборудования и услуг. Реализовав все предложенные практические меры по этим направлениям, можно существенно повысить цифровизацию в обществе через минимизацию цифрового неравенства.

Литература

1. Смартфоны – самый популярный способ выхода в сеть, а доля ПК снижается // РБК URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/664738ae9a7947718111dcfd?ysclid=mo5ned6v2s309511618 (дата обращения: 19.04.2026).

2. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // Росстат URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity (дата обращения: 19.04.2026).

3. Доля российского ИТ-оборудования в проектах по созданию ЦОД увеличилась до 40–60% // CNews URL: https://www.cnews.ru/reviews/rynok_inzhenernoj_i_it-infrastruktury_1/articles/dolya_rossijskogo_it-oborudovaniya?ysclid=mo5nrmtjn2667870275 (дата обращения: 19.04.2026).

4. Своим смартфоном сыт не будешь. Как развивается рынок российских смартфонов и почему у таких устройств низкие продажи // Коммерсантъ URL: https://www.kommersant.ru/doc/7383967?ysclid=mobnmeovcu670202721 (дата обращения: 23.04.2026).

5. Сорокина, Н.Ю. Проблема цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации / Н.Ю. Сорокина // Уровень жизни населения регионов России. – 2025. – Т. 21, № 3. – С. 447–460. – DOI 10.52180/1999–9836_2025_21_3_8_447_460.

RESOURCES FOR INCREASING DIGITALIZATION IN SOCIETY

Garmashov D.O.
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

This article presents some resources for increasing digitalization in society. Its relevance is based on the benefits that full digitalization of society can provide, as well as the need for this due to the emergence of a digital society. The article concludes by arguing that the practical measures presented can unlock hidden resources in society, potentially capable of increasing the level of digitalization.

Keywords: digitalization of society, digital divide, accessibility of digital technologies, digital competence, digital infrastructure.

References

1. Smartfony` – samy`j populyarny`j sposob vy`xoda v set`, a dolya PK snizhaetsya // RBK URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/664738ae9a7947718111dcfd?ysclid=mo5ned6v2s309511618 (data obrashheniya: 19.04.2026).

2. Monitoring razvitiya informacionnogo obshhestva v Rossijskoj Federacii // Rosstat URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity (data obrashheniya: 19.04.2026).

3. Dolya rossijskogo IT-oborudovaniya v proektax po sozdaniyu CzOD uvelichilas` do 40–60% // CNews URL: https://www.cnews.ru/reviews/rynok_inzhenernoj_i_it-infrastruktury_1/articles/dolya_rossijskogo_it-oborudovaniya?ysclid=mo5nrmtjn2667870275 (data obrashheniya: 19.04.2026).

4. Svoim smartfonom sy`t ne budesh`. Kak razvivaetsya ry`nok rossijskix smartfonov i pochemu u takix ustrojstv nizkie prodazhi // Kommersant`` URL: https://www.kommersant.ru/doc/7383967?ysclid=mobnmeovcu670202721 (data obrashheniya: 23.04.2026).

5. Sorokina, N. Yu. Problema cifrovogo neravenstva naseleniya regionov Rossijskoj Federacii / N. Yu. Sorokina // Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii. – 2025. – T. 21, № 3. – S. 447–460. – DOI 10.52180/1999–9836_2025_21_3_8_447_460.

Англицизмы в официально – деловом дискурсе: типология, прагматические функции и переводческая адаптация (на материале немецкого и русского языков)

Ковальчук Надежда Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: nadezhda_kovalchuk_2012@mail.ru

Статья посвящена систематическому анализу англицизмов, функционирующих в текстах официально – делового стиля. В работе рассматриваются различные типы заимствований из английского языка – прямые лексические заимствования, семантические сдвиги, структурные кальки, псевдоанглицизмы, а также производные и сложные единицы на базе английских корней. Обсуждаются основные функции англицизмов в речи: номинативная (обозначение новых реалий) и экспрессивно – стилистическая (передача модальных смыслов и маркеров групповой идентичности). На основе обобщения актуальных редакторских практик предлагаются три ключевых критерия оценки уместности заимствования в официальном документе – степень узуальности, наличие исконного эквивалента и соответствие жанру / целевой аудитории. Отдельный раздел посвящён сопоставительному анализу немецкоязычной и русскоязычной практик обращения с англицизмами, в котором выявляются универсальные тенденции и национальные особенности нормативного регулирования. В заключительной части формулируются практические рекомендации для переводчиков и редакторов, работающих с официальными текстами.

Ключевые слова: англицизмы, официально – деловой стиль, типология заимствований, языковая норма, переводческая адаптация, немецкий язык, русский язык.

В последние десятилетия проблема использования лексики английского происхождения в официально – деловых текстах приобрела особую актуальность для лингвистики и смежных дисциплин [1; 4]. С одной стороны, англицизмы обеспечивают возможность оперативной номинации новых явлений, для которых в языке – реципиенте ещё не сформировалось устоявшегося наименования. С другой стороны, неконтролируемое внедрение заимствований в законы, подзаконные акты и административные документы способно снижать уровень понимания текста гражданами, не владеющими английским языком [5; 6]. Настоящее исследование ставит своей целью систематизацию существующих подходов к оценке англицизмов и выработку практических критериев, которыми могут руководствоваться авторы, переводчики и редакторы официальной документации. Материалом для анализа послужили лексикографические источники, данные языковых корпусов, а также стилистические руководства, принятые в немецкоязычных странах [8; 9; 10]. Дополнительно привлекаются параллели из русскоязычной практики, что позволяет провести сопоставительное исследование и выявить как универсальные закономерности, так и национально – специфические особенности [2; 3; 7].

Под англицизмом в лингвистической литературе понимается слово или иное языковое выражение, заимствованное из английского языка и в той или иной степени интегрированное в систему языка – реципиента [4; 9]. При этом даже внутри данного определения наблюдается значительное разнообразие типов, требующее дифференцированного аналитического подхода.

Первую группу образуют прямые лексические заимствования, при которых английская лексема переносится в немецкий или русский язык с минимальными фонетическими и графическими изменениями. В официально – деловой сфере немецкого языка к таким единицам относятся, например, *der Compliance – Beauftragte* (сотрудник, ответственный за соблюдение нормативных требований), *das Reporting* (отчётность), *das Outsourcing* (передача функций внешнему исполнителю), *der Stakeholder* (заинтересованная сторона) [8]. В русском языке аналогичные заимствования – *комплаенс*, *аутсорсинг*, *стейкхолдер*, *дедлайн*, *бенчмаркинг* – активно используются в корпоративных документах и отчётности [2; 5]. При переходе в принимающий язык эти слова обретают его грамматические характеристики: немецкие существительные пишутся с прописной буквы и закрепляют определённый род (*der* Compliance – Beauftragte, *das* Reporting, *das* Outsourcing); русские аналоги склоняются по падежам (*аутсорсинга*, *аутсорсингу*, *аутсорсингом*) [9].

Вторую группу составляют семантические англицизмы. В данном случае исконная форма слова сохраняется, но под влиянием английского языка она приобретает дополнительное значение. Классическим примером в немецком языке служит глагол *realisieren*, исходное значение которого – «осуществлять»; под воздействием английского *to realize* он получил также значение «понимать, осознавать» [1]. В официально – деловом дискурсе показательным является семантический сдвиг у немецкого существительного *Prozess*, которое под влиянием английского *process* всё чаще употребляется в значении «бизнес-процесс» или «процедура» вместо традиционных *Vorgang* и *Ablauf* [8]. В русском языке аналогичные процессы наблюдаются на примере лексемы *согласование*, которая под влиянием английского *alignment* приобрела в управленческой документации оттенок «приведение в соответствие» (например, *согласование целей*) [4; 7].

Третью группу образуют структурные англицизмы (кальки). Данные выражения конструируются из лексического материала языка – реципиента, но их синтаксическая модель воспроизводит английский образец. В немецком языке к таким единицам относится сочетание *Sinn machen* – калька с английского *to make sense*, постепенно вытесняющее традиционные варианты *einen Sinn ergeben* или *Sinn haben* [9]. В официально – деловой сфере более характерны кальки типа *am Ende des Tages* (от *at the end of the day*) вместо *letzten Endes*, а также оборот *in Betracht ziehen* в значении «рассматривать», активизировавшийся под влиянием английского *to take into consideration*. В русском языке аналогичным явлением выступает выражение *иметь смысл* (калька с *to have sense*), а также канцелярское клише *принимать решение* (от *to take a decision*) – вместо более традиционных *принимать постановление* или просто *решать* [6].

Четвёртую группу образуют псевдоанглицизмы (ложные заимствования). По формальным признакам они напоминают английские слова, однако либо отсутствуют в английском языке в данном значении, либо обладают там иным смыслом [10]. В немецком языке примерами являются *das Handy* (мобильный телефон) и *das Public Viewing* (публичный показ футбольных матчей). В официально – деловой сфере к псевдоанглицизмам можно отнести немецкое *der Showmaster* (ведущий телепередачи), тогда как в английском языке для этого используются *host* или *presenter*. В русском языке к числу ложных заимствований, встречающихся в деловых текстах, принадлежит слово *ноутбук* (в английском языке предпочтительнее *laptop*), а также *лизинг* (хотя в английском *leasing* существует, его семантический объём частично расходится с русским аналогом) [2; 8].

Пятую группу составляют производные и сложные единицы, образованные из английских корней с помощью словообразовательных средств языка – реципиента. В немецкой деловой лексике примерами служат *die Outsourcing – Strategie*, *der Compliance – Verstoß*, *das Stakeholder – Management*, *die ESG – Kriterien* (Environmental, Social, Governance). В русском языке – *аутстаффинг – соглашение*, *краудсорсинг – платформа*, *бенчмаркинг – исследование* [3; 9]. Все перечисленные типы требуют дифференцированного подхода при оценке уместности их употребления в официальных текстах.

В лингвистической традиции принято выделять две основные функции, которые выполняют заимствования в речи. Первая – номинативная, или функция обозначения нового предмета, явления или понятия. В ситуации отсутствия в языке краткого и точного эквивалента для новой реалии заимствование оказывается естественным коммуникативным решением. Именно таким образом в немецком языке появились термины *Blockchain, Nacktscanner, Shitstorm, Cybermobbing*, а в русском – *криптовалюта*, *кликбейт*, *импичмент* (хотя последнее было заимствовано ранее) [1; 5]. В этих случаях англицизм выполняет терминологическую функцию, заполняя лакуну в лексической системе.

Вторая функция – экспрессивно – стилистическая (прагматическая). Здесь заимствование используется не для номинации нового явления, а для придания высказыванию определённой стилистической окраски – чаще всего оттенка современности, неформальности, принадлежности к молодёжной или профессиональной субкультуре [6; 10]. В немецком языке к таким англицизмам относятся *easy*, *crazy*, *Bro*, *Challenge*, в русском – *хайпово*, *зашквар*, *краш*. Существенным обстоятельством является то, что во втором случае англицизм, как правило, дублирует существующее исконное слово или выражение, не добавляя нового понятийного содержания. Именно это обстоятельство делает его использование в официально – деловых текстах, ориентированных на нейтральный и точный стиль, преимущественно нежелательным.

Обобщение актуальных редакторских практик позволяет выделить три ключевых критерия, на основе которых может приниматься решение о целесообразности использования англицизма в официальном тексте.

Первый критерий – степень узуальности заимствования. Если англицизм зафиксирован в авторитетных лексикографических источниках, обладает устоявшейся орфографией и чёткими грамматическими характеристиками, регулярно употребляется в нейтральных контекстах, его использование не создаёт существенных барьеров для понимания. Примерами таких укоренившихся единиц в немецком языке служат слова *E – Mail*, *Computer*, *Smartphone*, в русском – *компьютер*, *телефон*, *офис* (хотя два последних уже не воспринимаются как заимствования). Напротив, если слово отсутствует в словарях или обладает несколькими конкурирующими формами – например, в немецком языке сохраняется дискуссия о правильной форме причастия от глагола *outsourcen* (*outgesourcet*, *outgesourct* или *geoutsourced*) – от его употребления в официальном документе следует воздержаться либо, в крайнем случае, дать пояснение [8; 9].

Второй критерий – наличие / отсутствие исконного эквивалента. Если англицизм является единственным кратким и общепринятым наименованием для новой реалии (например, *блокчейн*, *криптовалюта*, *Due Diligence*), его использование может быть оправдано даже в строгом официальном стиле. Если же он представляет собой лишь модный синоним давно существующего слова, предпочтение следует отдать исконному варианту. В немецком языке пары типа *Meeting – Sitzung*, *Event – Veranstaltung*, *Kids – Kinder*, *cancell – absagen* демонстрируют отсутствие нового содержания [10]. В русском языке аналогичны пары *тренинг – обучение*, *тинейджер – подросток*, *стартап – новое предприятие*. Исключения возможны лишь в тех случаях, когда исконное слово практически вышло из активного употребления – как это произошло, например, в немецком языке со словом *Pullover*, почти полностью вытеснившим *Rundhals* в значении «трикотажный верх».

Третий критерий – соответствие жанру документа и характеристикам целевой аудитории. Законы, постановления, публичные отчёты и иные тексты, адресованные широкой публике, должны быть понятны всем гражданам, включая тех, кто не изучал английский язык. Следовательно, использование в таких документах узкопрофессиональных или стилистически сниженных заимствований нежелательно. Напротив, в документах, рассчитанных на специалистов (технические стандарты, финансовые отчёты для профессионалов, внутренние регламенты IT-компаний), устоявшиеся термины – англицизмы могут быть не только допустимы, но и необходимы для обеспечения точности и однозначности понимания [2; 4]. Следует также учитывать, что даже часто встречающееся в медиа заимствование может быть незнакомо пожилым людям, мигрантам или лицам с низким уровнем образования. Таким образом, объём допустимых англицизмов обратно пропорционален широте целевой аудитории.

К указанным трём критериям обычно добавляются два дополнительных принципа. Первый критерий – принцип понятности: если использование англицизма неизбежно, и он может оказаться незнаком адресату, необходимо дать пояснение в виде синонима в скобках, сноски или отдельного глоссария. Второй критерий – необходимость того, чтобы заимствованное слово вписывалось в грамматику и орфографию языка, который его принимает. То есть, оно должно правильно изменяться по падежам или лицам, и быть написано так, как предписывают правила [7].

Сравнительное рассмотрение немецкой и русской языковых практик в области обращения с англицизмами выявляет как общие черты, так и расхождения [1; 4; 6]. Сходство обусловлено глобализационными процессами и доминирующей ролью английского языка в сферах информационных технологий, экономики и массовой культуры. В обоих языках активно заимствуется лексика, связанная с компьютерами и интернетом (*Software – софт*, хотя в русском языке более употребительным является «программное обеспечение»), бизнесом и финансами (*Hedgefonds – хедж-фонд*, *Leasing – лизинг*), а также с молодёжными и профессиональными субкультурами [2; 3; 5]. В обоих языках возникают псевдоанглицизмы; достаточно сопоставить немецкое *Handy* и русское *ноутбук*, а также явление, при котором заимствованное слово приобретает более узкое или иное значение по сравнению с английским оригиналом [8; 9]. Активно используются и кальки: немецкое *Sinn machen* и русское *иметь смысл* демонстрируют единую тенденцию к копированию английских синтаксических моделей [6; 10].

Вместе с тем наблюдаются существенные национальные различия. В немецкоязычных странах (Германия, Швейцария, Австрия) сложилась более институционализированная система языкового регулирования [10]. Такие организации, как Общество немецкого языка (GfdS) или Институт немецкого языка (IDS), регулярно публикуют стилистические рекомендации, а ежегодный выбор «слова года» и «антислова года» привлекает общественное внимание к вопросам языковой нормы [7]. В России функцию нормализации выполняет прежде всего Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, однако степень его влияния на повседневную редакторскую практику, особенно в коммерческих и государственных структурах, оценивается как менее высокая [6]. Тем не менее основные принципы, выработанные в немецкой традиции (предпочтение исконного эквивалента при его наличии, отказ от стилистически маркированных дублёров, обеспечение понятности текста для широкой аудитории), вполне применимы и к русскому официальному стилю [4; 5; 7]. Многие сложности, связанные с использованием англицизмов, носят универсальный характер и допускают схожие способы решения [2; 3]. Например, адаптация английских терминов с помощью словообразовательных моделей (*Outsourcing – Strategie – аутсорсинг – стратегия*) осуществляется в обоих языках по сопоставимым правилам [9].

Обобщение теоретических положений и эмпирического анализа позволяет сформулировать следующие практические рекомендации для специалистов, работающих с официальными текстами. При обнаружении англицизма в исходном материале или при рассмотрении возможности его использования в оригинальном тексте на русском или немецком языке следует:

– Определить тип заимствования (прямое, семантическое, структурное, псевдо– или производное), что позволяет прогнозировать характер возможных проблем при передаче смысла.

– Проверить наличие узуального эквивалента в языке перевода с помощью авторитетных толковых словарей и терминологических баз. Для немецкого языка это прежде всего Duden и электронный корпус DWDS; для русского – Национальный корпус русского языка, «Большой толковый словарь» под редакцией С.А. Кузнецова, а также специализированные словари иностранных слов. При наличии исконного эквивалента, не являющегося чрезмерно громоздким или архаичным,

предпочтение следует отдать именно ему. Если эквивалент отсутствует или обладает значительной длиной, использование англицизма допустимо.

– Оценить жанровую принадлежность текста и характеристики целевой аудитории. Для законов, инструкций, официальных писем, обращённых к населению, заимствования следует заменять исконными или хорошо освоенными лексемами. Для профессиональных, внутренних документов допустимо использование устоявшихся терминов – англицизмов, однако следует избегать избыточной «модной» лексики.

– При неизбежном использовании потенциально незнакомого адресату англицизма предоставить краткое пояснение. Например: «*Nudging* – метод поведенческой экономики, основанный на подталкивании к правильному выбору». В русском тексте такое пояснение обычно размещается в скобках или в виде отдельного предложения.

– Соблюдать грамматические и орфографические нормы языка-реципиента: заимствованное слово должно корректно склоняться и спрягаться, а его написание – соответствовать действующим правилам. В русском языке это предполагает, в частности, проверку родовой принадлежности (например, для неодушевлённых существительных: *кофе* – мужской или средний род) и образование правильной формы множественного числа.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что проблема англицизмов в официально – деловых текстах не предполагает универсальных и окончательных решений, которые могли бы быть предписаны раз и навсегда. Каждый конкретный случай требует анализа ряда факторов: степени узуальности заимствования, наличия или отсутствия исконного аналога, жанровой принадлежности документа, характеристик целевой аудитории и стилистической уместности. Тем не менее обобщение существующей практики, представленное в настоящей статье, даёт возможность выработать рабочую типологию англицизмов, описать их основные функции, сформулировать ключевые критерии оценки и предложить практический алгоритм для переводчиков и редакторов. Сопоставительный анализ немецкого и русского языков показывает, что, несмотря на национальные особенности институционализации языкового регулирования, ключевые проблемы, порождаемые активным проникновением англицизмов, и стратегии их решения демонстрируют значительное сходство [2; 3; 8; 10].

Литература

1. Добровольский Д.О. Идиоматика и культурные концепты // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 18–34.
2. Ковальчук Н.В. Анализ современного дискурса: использование англицизмов в немецкоязычной среде / Н.В. Ковальчук, И.В. Щербакова // Современное профессиональное образование. – 2025. – № 12. – С. 376–379.
3. Ковальчук Н.В. Англицизмы в немецкоязычной среде: интеграция и категоризация / Н.В. Ковальчук, И.В. Щербакова // Современное профессиональное образование. – 2026. – № 1. – С. 374–378.
4. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 2016. – 208 с.
5. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русском языке новейшего периода: динамика и норма. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2012. – 152 с.
6. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
7. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
8. Duden. Die deutsche Rechtschreibung. 28. Aufl. – Berlin: Dudenverlag, 2020. – 1216 S.
9. Eisenberg P. Das Fremdwort im Deutschen. – Berlin: de Gruyter, 2011. – 380 S.
10. Gardt A. Sprachgrenzen – Sprachkontakt: Anglizismen in der deutschen Gegenwartssprache // Der Deutschunterricht. 2017. Bd. 74. S. 41–52.

ANGLICISMS IN OFFICIAL BUSINESS DISCOURSE: TYPOLOGY, PRAGMATIC FUNCTIONS AND TRANSLATION ADAPTATION (BASED ON THE MATERIAL OF GERMAN AND RUSSIAN)

Kovalchuk N.V.
Don State Technical University

The article provides a systematic analysis of Anglicisms functioning in official and business style texts. Various types of borrowings from English are considered – direct lexical borrowings, semantic shifts, structural calques, pseudo – Anglicisms, as well as derived and compound units based on English roots. The main functions of Anglicisms in speech are discussed: nominative (designating new realities) and expressive-stylistic (conveying modal meanings and markers of group identity). Based on a synthesis of current editing practices, three key criteria for assessing the appropriateness of a borrowing in an official document are proposed – the degree of conventionalization, the availability of a native equivalent, and the correspondence to genre / target audience. A separate section offers a comparative analysis of German and Russian practices in dealing with Anglicisms, identifying universal tendencies and national specifics of regulatory normalization. The final part formulates practical recommendations for translators and editors working with official texts.

Keywords: Anglicisms, official and business style, typology of borrowings, language norm, translation adaptation, German language, Russian language.

References

1. Dobrovolsky D.O. Idiomatika i kulturnye koncepty // Voprosy jazykoznanija. 2016. № 3. S. 18–34.
2. Kovalchuk, N.V. Analysis of Modern Discourse: The Use of Anglicisms in the German-Speaking Environment / N.V. Kovalchuk, I.V. Shcherbakova // Modern Professional Education. – 2025. – № 12. – P. 376–379.
3. Kovalchuk N.V. Anglicisms in the German-Speaking Environment: Integration and Categorization / N.V. Kovalchuk, I.V. Shcherbakova // Modern Professional Education. – 2026. – № 1. – P. 374–378.
4. Krysin L.P. Inojazychnye slova v sovremennom russkom jazyke. M.: Nauka, 2016. 208 s.
5. Marinova E.V. Inojazychnye slova v russkom jazyke novejshego perioda: dinamika i norma. Nizhnij Novgorod: Izd-vo NNGU, 2012. 152 s.
6. Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekty. M.: Shkola «Jazyki russkoj kultury», 1996. 288 s.
7. Shherba L.V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatelnost. L.: Nauka, 1974. 428 s.
8. Duden. Die deutsche Rechtschreibung. 28. Aufl. Berlin: Dudenverlag, 2020.
9. Eisenberg P. Das Fremdwort im Deutschen. Berlin: de Gruyter, 2011.
10. Gardt A. Sprachgrenzen – Sprachkontakt: Anglizismen in der deutschen Gegenwartssprache // Der Deutschunterricht. 2017. Bd. 74. S. 41–52.

Архетип инфернальной героини в лирической трилогии А.А. Блока: от языческой мифологии к культурфилософии хаоса

Кордас Ольга Михайловна,
кандидат философских наук, доцент ОмГУ им. Ф.М. Достоевского
E-mail: kordasom@yandex.ru

Статья посвящена культурологическому анализу образа инфернальной героини в лирической трилогии А.А. Блока. Рассматривается генезис данного образа в контексте архаической демонологии и языческой магии, прослеживается его трансформация от первого ко второму тому трилогии. Инфернальная героиня рассматривается как культурный архетип, воплощающий стихийно-хаотическое начало бытия в противовес образу Прекрасной Дамы как олицетворения космического порядка. Особое место уделяется циклу «Заклятие огнем и мраком» как точке синтеза языческих мотивов второго тома и перехода к национально-исторической тематике. Делается вывод о том, что апелляция Блока к архаическим магическим практикам обусловлена поиском культурных альтернатив исчерпавшей себя неосоловьёвской утопии.

Ключевые слова: А.А. Блок, инфернальный образ, архетип, хаос и космос, демоническая женственность, символизм, культурфилософия, семиотика культуры.

Введение

Культурологическое изучение русского символизма открывает особое измерение в исследовании поэзии Александра Блока: за индивидуально-психологическим и литературным планом его лирики обнаруживается развёрнутый диалог с архаическими пластами человеческой культуры. Обращение к языческой демонологии, фольклорной магии и мифологии в творчестве Блока является не просто художественным приёмом, но симптомом глубокого культурного сдвига рубежа XIX–XX веков: кризиса рационалистического мышления и поиска новых форм переживания бытия. В этом отношении поэзия символизма в целом, и творчество А. Блока в частности, являются репрезентативным примером того, как кризис исчерпавших себя культурных моделей порождает обращение к архаическому пласту, к тому, что предшествует рефлексии и дихотомии разума и природы.

Традиция изучения блоковского мифологизма насчитывает более столетия. Классические работы З.Г. Минц, В.М. Жирмунского, Д.Е. Максимова, К.И. Чуковского, К. Мочульского остаются фундаментальными для любого исследования данной темы. Тем не менее, культурологический, а не сугубо литературоведческий, угол зрения позволяет по-новому осмыслить феномен инфернальной героини в блоковском поэтическом мире: не как частный образный мотив, но как архетипическую фигуру, воплощающую систему культурных смыслов, связанных с онтологией первозданного хаоса, магической практикой слова и архаической моделью природной женственности.

Под «инфернальной героиней» в данной статье понимается комплекс женских образов лирической трилогии Блока (образ «Другой» в первом томе; Незнакомка, Снежная Маска, Фаина во втором томе), объединённых семантикой стихии, магии, хаоса и демонической женственности. Генетически этот образ восходит к архаическим представлениям о женщине-ведьме, колдунье, ворожее – медиаторе между человеком и тёмными силами природы. Привлечение к анализу данного образного комплекса инструментария культурологии, мифологии и философии культуры открывает новые горизонты его интерпретации.

Поэт-волхв и магическое слово: архаические корни блоковского миропонимания

Одна из древнейших фигур-посредников между человеком и сакральным – поэт-волхв, наделённый магической силой слова. Эта фигура известна в мифологиях самых разных народов: греческий Орфей, финский Вяйнямяйнен, русский Боян из «Слова о полку Игореве», скандинавские скальды. В архаическом сознании певец занимал особое место на границе между мирами: его слово не описывало реальность, но творило её. Как писал А.Н. Веселовский в «Исторической поэтике», первоначально поэзия была неотделима от ритуального акта – заговора, заклинания, гадания. Певец был «знающим», тем, чьё слово-знание равно силе, а сила принуждает природу повиноваться [1, С. 258].

Примечательно, что Блок сам эксплицировал эту связь в статье «Поэзия заговоров и заклинаний» (1906), написанной под влиянием труда Веселовского и изысканий в области фольклора. Определяя суть заговора, поэт указывал на изначальную нераздельность слова и действия в архаическом сознании: «слово и дело становятся неразличимы и тождественны, субъект и объект, кудесник и природа испытывают сладость полного единства» [2, Т. 5, С. 47]. Это положение несёт принципиальный культурфилософский смысл: архаика не знает разрыва между семиотической системой и реальностью, к которой она отсылает. Слово здесь – не знак вещи, но сама вещь в её сакральном измерении. Именно эта онтологическая неразличимость знака и денотата придаёт архаическому слову его магическую силу.

Важнейшим культурным дополнением к образу волхва является фигура его спутницы – ворожеи. В мифологии женщина-ведьма симметрична певцу-мужчине: если последний тяготеет к упорядочивающему, космоустроительному началу (его слово – заклинание против хаоса, организация стихий), то его спутница олицетворяет само хаотическое начало, стихийную, неупорядоченную природную энергию. Её атрибуты устойчивы в фольклорно-этнографической традиции: распущенные волосы, ритуальный пляс, хмельной напиток, длинные рукава, которыми насылаются любовные чары [3, С. 328].

Именно этот комплекс знаков-атрибутов Блок интегрирует в свою поэтическую систему начиная с первого тома. Его лирический герой с первых страниц выступает в роли мага-заклинателя: «Я могуч и велик ворожбою…», и сама эта ворожба, в конечном счёте, вызывает не идеальный образ Прекрасной Дамы, но её тёмный двойник, «Другую» – воплощение природной, стихийной женственности, вызванное самим актом магического взывания. Обращение к низовой архаической магии, минующей вертикальный религиозный канал, с необходимостью «открывает» энергии того пласта культуры, которому эта магия принадлежит – стихийно-природного, дохристианского.

Оппозиция хаос / космос как структурная матрица лирической трилогии

Бинарная оппозиция хаос / космос является одной из фундаментальных матриц, организующих как мифологическое, так и художественное мышление. В мифологии хаос предшествует космосу онтологически: до сотворения мира существует только первозданная, неоформленная стихия. Культурное творчество выступает как акт противостояния хаосу, введение порядка, ритма, формы. Вместе с тем, хаос не устраняется, но лишь оттесняется: в определённых ритуальных и обрядовых контекстах (праздник, инициация, ритуальное жертвоприношение) его возвращение осмысляется как необходимое – гибель старого порядка открывает возможность нового рождения. Именно эта логика была детально описана М. Элиаде применительно к архаическим религиям [4].

И такую логику воспроизводит лирическая трилогия Блока. Первый том организован по принципу культурного (и, в известной мере, религиозного) космоса: образ Прекрасной Дамы, Вечной Женственности, воплощения неоплатонической идеи в духе философии Вл. Соловьёва [5], структурирует всё пространство текста. Она «царица чистоты», «Ясная», «лазурная», окружённая атрибутами небесной сферы. Её мир – мир молитвы, вертикального религиозного устремления. Как отмечал К. Мочульский, «лучезарному лику» противопоставлен «безликий призрак», Владычице Вселенной – колдунья, волшебница [6, С. 118]. Уже это противопоставление предполагает структурную позицию: свет / тьма, космос / хаос.

Однако уже в первом томе, в специфическом «микроцикле» стихотворений с мотивами ворожбы, эта структура начинает давать трещины. Лирический герой, взывающий к Прекрасной Даме, не получает ответа с небес и прибегает к языческому методу – ворожбе. Но именно этот жест отворачивания от вертикального религиозного отношения к горизонтальному магическому «вызывает» иного субъекта. «Другая», безликая и тёмная, «притаилась, колдует в тиши»: она появляется именно как ответ на магическое взывание, именно потому, что принадлежит той же природной стихии, к которой принадлежит магия. Прекрасная Дама молчит: она – из иного, недостижимого онтологического пространства.

Во втором томе эта смена культурного кода доводится до конца. «Прекрасная Дама отлетит», и вместо неё приходят многочисленные воплощения стихийной женственности. Д.Е. Максимов убедительно показал, что эволюция Блока описывается как смена «картин мира», в центре каждой из которых стоит образ, воплощающий субстанциональное начало: для раннего Блока – Вечная Женственность, для Блока второго тома – «стихия», разрушительная и прекрасная одновременно [7, С. 49]. Принципиально то, что все образы второго тома – Незнакомка, Снежная Маска, Фаина – представляют образ женщины-хаоса, природной стихии, не укладывающейся в рамки культурного порядка.

Семиотически инфернальная героиня занимает позицию, симметричную Прекрасной Даме в структуре бинарной оппозиции. Если последняя воплощает принципы оформленности, вертикальности, трансцендентности, то первая – принципы стихийности, горизонтальности, имманентности. Она связана с «нижним» пространством культурной топографии: ночью, метелью, вихрем, огнём – с теми природными стихиями, которые в мифологии маркируют зону хаоса. Вместе с тем, Блок не трактует этот переход однолинейно как деградацию: уже во втором томе, и особенно в цикле «Заклятие огнем и мраком», хаос начинает восприниматься как источник подлинной жизненной силы, которой лишена застывшая красота Прекрасной Дамы.

Мотивный комплекс второго тома, конституирующих образ инфернальной героини, восходит к архаическим кодам ведовства и ритуальной магии. Центральную роль играет мотив распущенных волос. В фольклоре в одних контекстах распущенные волосы – атрибут невесты, в других – знак нечистой силы и ведьмовства. Неупорядоченные, рассыпанные волосы символизируют рассыпание самой структуры, растворение формы в бесформенном. Блок использует этот мотив с настойчивой частотностью: «Распустила ты пряди волос…», «И черными змеями / Распуталась коса…» [2, Т. 2, С. 136]. Показательна метафора змей: в мифологии змея маркирует низший ярус мироздания, хтонический мир, нижний аспект женственности – именно тот, которому принадлежит инфернальная героиня [8, С. 59–61].

Мотив ритуального танца несёт аналогичную семантику. Архаическая пляска – это не просто движение, но ритуальное действие, в мифологической традиции связанное с высвобождением стихийных сил. Блоковская «Другая» пляшет всегда вихреобразно, без конца и начала, в пространстве кружения, лишённого вектора и цели. «В легком танце, летящая птица, / Никому, ничему не верна…» [2, Т. 2, С. 276] – принципиально важна именно эта «неверность», выведенность за пределы обязательств, принятых на себя культурным существом. Пляска героини – эквивалент ритуального «выхода из себя», экстатического соединения с природной стихией, которое А.П. Юлова соотносит с образом ведьмы народной демонологии [9, С. 90].

Мотивы взмахов рукавами и снятия/надевания пояса воспроизводят конкретные элементы народного магического ритуала. Длинные рукава, которыми «насылаются» чары («Рукавом моих метелей задушу…» [2, Т. 2, С. 220]), и пояс как знак замкнутости / открытости тела для внешних сил («Пояс печальный снимай…» [2, Т. 2, С. 132]) – оба мотива восходят к семантике ведовских ритуалов. Блок воспроизводит эту семантику не рационально (он не «описывает» ритуал), но поэтически – через систему образов, в которых живёт культурная память архаической магической практики.

Особый семиотический пласт составляют мотивы пряжи и плетения. В мифах прядение имеет устойчивую связь с образом богини судьбы: мойры / парки прядут нить жизни. Но у Блока пряжа неизменно путается, рвётся, распускается – это символ судьбы, выходящей из-под контроля. «Заплетаем, расплетаем / Нити дьявольской Судьбы…» – «дьявольская судьба» – это судьба, лишённая провидения, отданная во власть стихии. Р.В. Кинжалов в исследовании символики «плексиса» убедительно показал связь орнаментов плетения в архаическом искусстве с магическим творческим актом, с пением богинь, организующим хаос в космос [10, С. 84]. У Блока эта логика перевёрнута: плетение – это захватывание в сеть, опутывание, вхождение в зону неупорядоченного.

Мотив любовного напитка, яда, зелья, хмельного вина, также восходит к архаике магического ритуала. В блоковских текстах он связан с темой пленения: «Дай мне пахучих, душных зелий / И ядом сладким заморочь…» [2, Т. 2, С. 117]. Архаически точная структура: женщина-колдунья обездвиживает жертву любовным зельем, делая её беспомощной перед стихийной силой. Совокупность всех этих мотивов конституирует то, что можно назвать «телом хаоса» – воплощением природного, магического, дохристианского пласта культуры в его противостоянии «телу космоса» Прекрасной Дамы, всегда статичному, бестелесному, лишённому жеста.

«Заклятие огнем и мраком» как культурфилософский синтез

Цикл «Заклятие огнем и мраком» (1907 г.), входящий в цикл «Фаина», занимает в лирике второго тома особое место: это точка, в которой архаические мотивы хаоса, языческой магии и демонической женственности получают новый культурно-исторический и национальный смысловой горизонт. В исследовательской традиции цикл рассматривался преимущественно в связи с образностью Ницше и «Снежной маской» [11]. Вместе с тем культурологический взгляд позволяет увидеть в нём нечто более фундаментальное: сознательное принятие архаической логики хаоса как условия культурного обновления.

Показательно уже само название: заклинание не «от огня и мрака», но «огнём и мраком». Это семантический сдвиг принципиального значения. В традиции заклинания предмет заклятия – угроза, которую нужно устранить. Здесь же огонь и мрак сами становятся инструментом заклятия. Тем самым, субъект разворачивается от отталкивания хаоса к его принятию. «И вновь покорный / Тебе предаюсь» – это сознательная капитуляция перед стихией, опрокидывающая сюжет первого тома, где герой стремился сохранить «святой завет» служения идеалу. Этот жест читается как переход от космологической к хтонической религиозности: от устремлённости к трансцендентному – к погружению в имманентное.

В цикле отчётливо проступает связь инфернальной героини с национальной стихией. Её пляска становится метафорой народной вольницы: «Щемящие звуки / И – вольная Русь?» [2, Т. 2, С. 280]. Образ России в третьем томе Блока возникает не из ниоткуда – он подготовлен именно этим отождествлением демонической женственности и национального начала. З.Г. Минц показала, что образ Родины у Блока с самого начала задаётся как противоречивый, построенный на оксюморонах – и именно эта противоречивость воспринимается поэтом как синоним жизненности [12, С. 93]. Демоническая, хаотическая, «нечистая» Русь – живее и жизненнее, чем умозрительный идеал.

Важнейшую функцию в цикле выполняет образ огня. В архаических культурах огонь принципиально амбивалентен: он одновременно разрушает и очищает, является стихией хаоса (неконтролируемый пожар) и стихией преображения (жертвенное пламя). У Блока огонь – эсхатологический очистительный пожар, в котором должен сгореть «инфернальный мир города»: «Я буду здесь. Мы все сгорим: / Весь город мой, река, и я… / Крести крещеньем огневым, / О, милая моя!» [2, Т. 2, С. 273]. Апокалипсический образ очищающего огня – одна из устойчивых мифологем, которую М. Элиаде описывал как «иерофанию» – явление священного в форме уничтожения: хаос, поглощающий обветшавший мир, открывает возможность нового рождения [4].

Цикл «Заклятие огнем и мраком» оказывается точкой культурного синтеза: в нём архаические магические мотивы (заклинание, стихии, ведьма-плясунья) соединяются с национально-исторической эсхатологией. Инфернальная героиня, воплощавшая хаос природных стихий, становится персонификацией хаоса исторического, разрушительного и одновременно созидательного. В образе пляшущей Фаины Блок прозревает ритм народной стихии, который в третьем томе развернётся в образ революции как очистительной бури.

Заключение

Таким образом, А. Блок, поэт, вышедший из неоплатонической традиции философии Вл. Соловьёва, с её ориентацией на трансцендентное и духовное, в итоге обращается к языческой архаике, к дохристианским магическим образам. Это не регресс, но поиск ресурсов целостности, Блок интуитивно нащупывает то, что М. Элиаде назовёт «ностальгией по первоначалам» – тягой современного человека к формам переживания бытия, предшествующим религиозному и рациональному «расколдовыванию мира». Это синкретическое переживание единства с природой, тотальности бытия – то, чего принципиально не могла дать дуалистическая неосоловьёвская мистика, неизбежно противопоставлявшая высокое и низкое.

Показательно в этой связи, что современные исследования всё настойчивее обращаются к феномену «инфернальных миров» как устойчивому архетипическому комплексу, воспроизводящемуся в самых разных культурных эпохах и контекстах [13]. Образ демонической женственности, прошедший через лирику Блока, оказывается узловым пунктом пересечения архаических, романтических и модернистских культурных кодов, что само по себе свидетельствует о его глубинной архетипической природе.

Литература

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 406 с.
2. Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.-Л.: ГИХЛ, 1960–1963
3. Даркевич В.П. Музыканты в искусстве Руси и Вещий Боян // «Слово о полку Игореве» и его время. М.: Наука, 1985. С. 322–342.
4. См.: Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр. Н.К. Гарбовского. М.: МГУ, 1994. 144 с.
5. См.: Иванова Е.В. Концепция Вечной Женственности в философии Вл. Соловьёва и её рецепция в поэзии символизма // Соловьёвские исследования. 2023. № 2 (78). С. 57–74.
6. Мочульский К.В. Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов. М.: Республика, 1997. 479 с.
7. Максимов Д.Е. Поэзия и проза Александра Блока. Л.: Советский писатель, 1975. 526 с.
8. Грякалова Н.Ю. О фольклорных истоках поэтической образности Блока // Александр Блок: исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. С. 56–71.
9. Юлова А.П. «Снежная маска» А. Блока // Фольклорная традиция в русской литературе. Волгоград: ВГПУ, 1986. С. 87–92
10. Кинжалов Р.В. Символика «плексиса» в мифе, обряде, изобразительном искусстве // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1990. С. 82–88.
11. См.: Лавров А.В. Мотивы «Заратустры» в цикле «Заклятие огнем и мраком» // Александр Блок: исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. С. 170–182.
12. Минц З.Г. Блок и русский символизм. Поэтика Александра Блока. Кн. 1. СПб.: Искусство-СПБ, 1999. 727 с.
13. Рязанов Д.Ю. Архетипы инфернальных миров в современном искусстве // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 6. С. 1219–1225.

THE ARCHETYPE OF THE INFERNAL HEROINE IN A.A. BLOK'S LYRICAL TRILOGY: FROM PAGAN MYTHOLOGY TO THE CULTURAL PHILOSOPHY OF CHAOS

Kordas O.M.
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

The article presents a culturological analysis of the infernal heroine image in A.A. Blok's lyrical trilogy. The genesis of this image is examined in the context of archaic demonology and pagan magic, and its transformation from the first to the second volume of the lyrical trilogy is traced. The infernal heroine is considered as a cultural archetype embodying the elemental and chaotic principle of existence in contrast to the image of the Beautiful Lady as a personification of cosmic order. Special attention is given to the cycle «The Oath by Fire and Darkness» as a point of synthesis of all pagan motifs of the second volume and a transition to the national-historical themes. The conclusion is drawn that Blok's appeal to archaic magical practices is conditioned by the search for cultural alternatives to the exhausted neo-Soloviev utopia.

Keywords: A.A. Blok; infernal image; archetype; chaos and cosmos; pagan mythology; demonic femininity; symbolism; cultural philosophy; magic word; semiotics of culture.

References

1. Veselovsky, A.N. Historical Poetics. Moscow: Vysshaya shkola, 1989. 406 p.
2. Blok, A.A. Collected Works: In 8 vols. Moscow–Leningrad: GIKhL, 1960–1963.
3. Darkevich, V.P. Musicians in the Art of Rus and the Prophetic Boyan. In: «The Tale of Igor's Campaign» and Its Time. Moscow: Nauka, 1985. P. 322–342.
4. Eliade, M. The Sacred and the Profane. Transl. from French by N.K. Garbovsky. Moscow: MGU, 1994. 144 p.
5. Ivanova, E.V. The Concept of Eternal Femininity in the Philosophy of Vl. Solovyov and Its Reception in Symbolist Poetry. Solovyov Studies. 2023. No. 2 (78). P. 57–74.
6. Mochulsky, K.V. Alexander Blok. Andrei Bely. Valery Bryusov. Moscow: Respublika, 1997. 479 p.
7. Maksimov, D.E. Poetry and Prose of Alexander Blok. Leningrad: Sovetsky pisatel, 1975. 526 p.
8. Gryakalova, N. Yu. On the Folkloric Origins of Blok's Poetic Imagery. In: Alexander Blok: Research and Materials. Leningrad: Nauka, 1991. P. 56–71.
9. Yulova, A. P. «The Snow Mask» by A. Blok. In: Folklore Tradition in Russian Literature. Volgograd: VGPU, 1986. P. 87–92.
10. Kinzhalov, R.V. The Symbolism of «Plexis» in Myth, Ritual and Visual Art. In: Folklore and Ethnography. Leningrad: Nauka, 1990. P. 82–88.
11. Lavrov, A.V. Motifs of «Zarathustra" in the Cycle «Conjuration by Fire and Darkness». In: Alexander Blok: Research and Materials. Leningrad: Nauka, 1991. P. 170–182.
12. Mints, Z.G. Blok and Russian Symbolism. The Poetics of Alexander Blok. Book 1. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB, 1999. 727 p.
13. Ryazanov, D. Yu. Archetypes of Infernal Worlds in Contemporary Art. Manuscript. 2021. Vol. 14, No. 6. P. 1219–1225.

Иностранная образовательная миграция в Красноярском крае: структурные и личностные факторы

Коренева Вера Викторовна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики Сибирского федерального университета
E-mail: 2517191@mail.ru

Машанов Александр Александрович,
кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры современных образовательных технологий Сибирского федерального университета
E-mail: amashanov@sfu-kras.ru

В статье речь пойдет об образовательной миграции и привлекательности региона с точки зрения такого вида миграции. Авторы разделяют понятие образовательная и учебная миграция и рассматривают иностранных студентов как потенциал для развития региона. В статье рассмотрены причины выбора региона иностранными студентами для учебы и дальнейшего проживания. Сбор данных осуществлялся методом глубинного интервью. Исследовательской интерес состоял в том, чтобы выявить факторы, влияющие на выбор образовательного учреждения иностранными студентами. В построении гайда интервью авторы опирались на теоретические основания концепции Эверета Ли.

Ключевые слова: миграция, образовательная миграция, учебная миграция, жизненная перспектива, высшее образование, иностранные студенты.

В современном мире перемещения студентов входят в понятие «образовательная миграция». Данное понятие более широкое, чем «учебная миграция», поскольку оно охватывает не только поездки, связанные с удовлетворением потребности в получении образования и повышении уровня квалификации, но и разнообразные стажировки, дополнительное образование, курсы и другие формы повышения квалификации [6]. Именно образовательная миграция, наряду с трудовой, приобретает особый размах и является актуальной во всем мире на протяжении последних десятилетий. Однако, современная образовательная миграция остается наименее изученной категорией, в то время, как она становится одним из миграционных трендов глобальных перемен. В вузах Красноярска также получают высшее образование студенты из других регионов России и иностранные студенты. В том числе и в СФУ обучается около 380 иностранцев. Иностранные студенты сталкиваются с различными проблемами, включая языковые и культурные отличия иностранцев, проблемы поиска жилья и работы, случаи дискриминации. Многие вузы России открывают центры адаптации иностранных студентов, чтобы помочь иностранцам разрешить эти проблемы. Но многие проблемы укоренены в массовом сознании населения. Среди россиян распространены различные стереотипы об иностранцах, и многие стереотипы носят негативный характер.

В 2024 году в Сибирском федеральном университете было проведено исследование привлекательности крупнейшего региона РФ, Красноярского края, с точки зрения привлекательности для молодежи. Местом проведения стал город Красноярск, вузы г. Красноярска (Сибирский федеральный университет; Сибирский государственный университет имени академика М.Ф. Решетнева).

Целевая аудитория – иностранные студенты вузов г. Красноярска (первого, второго и третьего года обучения бакалавриата).

Исследовательской интерес состоял в том, чтобы выявить факторы, влияющие на выбор образовательного учреждения иностранными студентами.

Среди факторов, которые определяют выбор учебного заведения иностранными студентами, мы выделили следующие:
– язык, на котором ведется обучение,
– стоимость обучения,
– иммиграционная политика принимающих стран,
– популярность российских вузов в мире, узнаваемость их наименования,
– соотношение цены и качества российского образования.

Почему иностранные студенты выбирают для учебы российские университеты? Как они справляются с языковым барьером? И что помогает адаптироваться к новым социокультурным условиям? Собираются остаться в регионе и считают его привлекательным для работы и проживания?

Теоретические основания. В основание положены 3 группы факторов концепции Эверета Ли:

1. Сила выталкивания или выталкивающие факторы: экономического характера (безработица, низкий уровень дохода, высокие налоги); социальные и политические (бедность, дискриминация, ограничения на свободу совести и вероисповедания, война); неблагоприятные природные и климатические условия и т.д.;

2. Сила притяжения: высокий уровень экономического развития, более высокие доходы, безопасность, возможность получить доступ на рынок труда (в том числе в неформальном секторе) и другие);

3. Личностные факторы (умение адаптироваться, конфликтная компетентность, язык, транспортные расходы, законодательное регулирование перемещений, доступность информации о предполагаемом регионе прибытия и.т.д.).

Цель интервью – определить факторы, влияющие на привлекательность Красноярского края как площадки мобильности иностранной молодежи.

Задачи:
– определить факторы, повлиявшие на выбор Красноярского края как региона для реализации своих жизненных перспектив ;
– определить факторы, повлиявшие на выбор учебного заведения;
– выявить ближайшие перспективы иностранных обучающихся;
– выявить долгосрочные перспективы иностранных студентов;

– выявить социальные трудности для иностранных студентов, связанные с принятием решения остаться в Красноярском крае.

Гипотеза:

1. В Красноярский край в основном приезжают студенты из ближнего зарубежья (бывшие республики СССР), стран Африки и Азии.

2. Иностранных студентов привлекает желание вырваться из большой семьи и трудных жизненных обстоятельств, высокие доходы в регионе, безопасность, возможность получить доступ на рынок труда (в том числе в неформальном секторе); умение адаптироваться, язык, транспортные расходы, доступность информации о предполагаемом регионе прибытия.

В октябре-ноябре 2024 г. коллективом авторов исследования проведены восемь полуформализованных глубинных интервью с иностранными студентами первого, второго и третьего курсов разных направлений обучения двух вузов в Красноярском крае. Среди респондентов представлены студенты гуманитарных, технических и естественнонаучных направлений подготовки. Продолжительность интервью – 17–20 минут. Использовался очный способ проведения интервью (личные интервью, face-to-face). Место проведения очных интервью – аудитории Сибирского федерального университета. Вузы, которые приняли участие в опросе: ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (Красноярск), ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет им. М.Ф. Решетнева» (Красноярск). В интервью приняли участие как студенты из стран ближнего зарубежья (Армения, Казахстан (2), Узбекистан, Кыргызстан), так и студенты из стран дальнего зарубежья (Нигерия, Египет, Эквадор).

Основными индикаторами, на основе которых построены вопросы интервью, стали 1) субъективная оценка студентами факторов, повлиявших на выбор Красноярского края как региона для реализации своих жизненных перспектив, 2) рефлексия в отношении трансформации смысла (внутреннего содержания, сущности) социальных процессов после переезда в другой регион, 3) изменение идентичности студентов как субъектов образовательного процесса в результате переезда в другой регион, 4) оценка студентами качества образования, инфраструктуры образовательной среды в регионе переезда, 5) эмоциональное восприятие студентами выбора учебного заведения, будущей специальности, 6) рефлексия студентов в отношении умения адаптироваться, 7) представление студентов о планах на ближайшее будущее и долгосрочных перспективах.

Вопросы интервью были составлены под каждую задачу и разделены на пять блоков:

Первая группа вопросов – это личные (биографические вопросы);

Вторая группа – вопросы о причинах переезда и трудностях, связанных с ним, рисками и трудностями адаптации;

Третья группа вопросов – это вопросы, связанные с информацией об учебном заведении, которое они выбрали, причинах выбора, условиях обучения и проживания, качестве образования;

Четвертая группа – вопросы о своей роли в качестве студента, трудностях адаптации;

Пятая группа вопросов – это планы на будущее, кем себя видят респонденты и где, о причинах остаться в регионе.

Полученные данные обработаны методом качественного контент-анализа.

Результаты и обсуждение

Анализ результатов проведенных интервью указывает на существование одного – основного сценария восприятия студентами образовательного переезда – это позитивный. Он демонстрирует исключительно положительное восприятие студентами образовательного переезда.

Респондент Самсон, 26 лет, из Нигерии (город Лагос). Семью оценивает как небольшую: мама, папа, брат и сестра. Отец работает, доход семьи оценивает как средний. Учится в Сибирском государственном университете имени Решетнёва в Красноярске. Приехал в Россию 3 года назад. Учится на третьем курсе:

«На самом деле, мои знакомые здесь. Когда я был в Нигерии, мне было интересно узнать, что вообще здесь, в России, культуру, жизнь людей, менталитета – всё о России. Получается у меня друг здесь был, он учится здесь и сейчас, у него семья, он мне предложил приехать…»

Из трудностей, связанных с переездом, называет языковой барьер и то, что скучает по своей семье, родным. Выбрал Красноярск по рекомендации друга и из интереса к российской культуре и менталитету. Нравится Красноярск из-за добрых и заботливых людей. Положительно оценивает университет: высокий уровень преподавателей, хорошая атмосфера:

«У нас очень хороший учитель, с заботой, пониманием относится, попробует помочь, потому что я не знал русский язык сначала и культуру. Нам все помогали, тебя спрашивают, как вам будет комфортно, получается хорошая атмосфера, люди – всё просто было прекрасно! Очень высокий уровень преподавателей. Общежития классные…»

Планирует жить в России, возможно открыть языковую школу. Основная трудность при переезде – языковой барьер. Адаптировался к местной кухне, полюбил борщ, плов, солянку, пельмени. Доволен инфраструктурой и транспортной системой города. Привык к сибирскому климату, теперь любит снег и зиму:

«Да, я планирую здесь жить, в Красноярске. Это мой дом. У меня теперь два дома: Нигерия и Красноярск».

Кем Вы себя видите через 2–3 года отвечает:

«Переводчик, хочу открыть частную школу в Красноярске». Пока не уверен, останусь ли в Красноярском крае навсегда, время покажет». Очень скучаю по дому, семье, это главное. Если бы можно было часто летать туда и обратно…»

Респондент Ясмина Щедрова, 19 лет, из Казахстана (г. Шымкент), студентка 2 курса, обучается в институте педагогики, психологии и социологии СФУ в Красноярске. Оценивает свою семью как большую: мама, дедушка, бабушка, брат, тетя и дядя – все проживают вместе под одной крышей. Решение учиться в России принято из-за языка, близости менталитета и поддержки брата, который уже учился здесь:

«В принципе я наслышана была от своего брата, потому что мой брат уже поступил в магистратуру, учится на первом курсе. И у меня стояло два решения: поступать либо в Турцию, либо в Россию. И мы вместе с моим братом, в принципе с моей семьей, взвесили все за и против. Я услышала мнение каждого, приняла свое мнение и решила поступать в Россию, потому что мне намного выгоднее и легче было бы учиться здесь, нежели в Турции».

А выгоднее это какие-то экономические условия?

«Нет, не экономические. То есть, во-первых, то, что язык, которым я владею, это мой родной язык, которым я владею с юных лет. Это первое. Второе, то, что все равно Россия ближе в плане по духу, по нравственным ощущениям. Ну и плюс за счет того, что здесь есть старший брат, какая-то опора, поддержка все равно присутствует».

Основные трудности при переезде – оформление документов и адаптация к самостоятельной жизни без родителей:

«Самое сложное было, наверное, то, что подача документов, то есть на продление регистрации, в принципе регистрация – это когда нужно подготовить уйму документов, такие как дактилоскопия, медосмотр и тому подобное. Это, наверное, единственное, что было таким самым сложным, потому что просто очень много времени занимает и немножечко путаешься. А ещё я очень скучала по дому, по маме и близким, я первый раз так надолго уехала из дома и осталась одна».

Отмечает хорошее отношение однокурсников и интерес к ее культуре. Высоко оценивает профессионализм преподавателей по профильным предметам:

«В роли российского студента я в себя чувствую замечательно. Я адаптировалась уже на 100%, мне очень комфортно. Я привыкла к менталитету Красноярского города людей и тому подобное. То есть я уже знаю, где все, что есть, как что можно сделать и тому подобное. Преподаватели по профильным предметам очень хорошие, дают много знаний, информации, а по общим дисциплинам пока что не очень хорошо…»

Изменилось отношение к специальности – появился интерес к педагогике и детской психологии. Видит новые возможности, открывшиеся благодаря учебе – практика, квалификация вожатого:

«Да, на первом курсе, я примерно понимала вообще, что из себя она представляет, но я немножечко разочаровалась сначала, потому что я думала, что все-таки больше будут углубления в какую-то детскую психологию и тому подобное. Сейчас я поняла, что меня очень сильно стала интересовать педагогика, дети, психология детей. Понятно, что у нас большинство предметов именно по педагогике, это правда очень сильно интересует. Я прямо вижу себя в этой сфере в будущем. Мне интересно это изучать, понимать, как-то анализировать, работать на практике с детьми»…

Планирует продолжить обучение в магистратуре по психологии. Рассматривает возможность остаться жить и работать в Красноярске из-за комфортной атмосферы и карьерных перспектив. Не испытывает серьезных проблем в общении с местным населением и взаимодействии с госучреждениями. Считает полезным введение системы наставничества старшекурсников для помощи иностранным студентам-первокурсникам. Основной фактор, который может повлиять на решение остаться в Красноярске – хорошее предложение работы по специальности.

Какие аргументы, мотивы могут повлиять в пользу того, чтобы остаться именно в Красноярском крае?

«Если выбирать, чтобы жить здесь в России, то да, я бы выбрала Красноярск, я бы даже не рассматривала другие города. Потому что

я наслышана о менталитете Питера, Москвы и в принципе жизни там. Я просто понимаю, что именно Красноярск – это тот город, который очень сильно подходит мне духовно, потому что здесь очень спокойно, умиротворенно. Люди не слишком сильно куда-то спешат, они очень уважительно друг другу относятся, и в принципе здесь есть куда пойти на работу, которая будет как раз таки принимать хороших специалистов и также становиться профессионалом в этом деле. Вот если выбирать напрямую, то – Красноярск».

Респондент Екатерина Рыбникова, 17 лет, из Казахстана (г. Шымкент), студентка 1 курса, обучается в институте педагогики, психологии и социологии СФУ в Красноярске. Оценивает свою семью как большую: родители, два брата, бабушки и дедушки. Выбрала Красноярск из-за интереса к городу и реке Енисей. Планировала поступать в Санкт-Петербург, где живет старший брат. Узнала об университете через знакомых и по рекомендации мамы:

«Был Томск, Санкт-Петербург и Красноярск. В Санкт-Петербург мне не получилось сдать вступительные испытания, потому что они сдавались очень поздно, и я уже поступила в Красноярск. В Томск я поступила тоже, то есть в два университета: Томск и Красноярск».

Почему тогда не Томск, а Красноярск?

«Больше понравился и заинтересовал меня Красноярск. Знаменитый Енисей протекает»

Прямо знаменитый? Откуда Вы о нём знаете?

«Ну, как правило, всегда упоминалось в каких-то песнях, ну и она достаточно длинная. Честно, не знаю, сколько километров, но она достаточно длинная, по географии изучали».

Нравится активная внеурочная деятельность и интересные пары в университете. Чувствует гордость и ответственность как российский студент. Хорошо адаптировалась в коллективе однокурсников. Довольна выбором специальности, особенно практикой в детском саду. Планирует работать воспитателем в детском саду, возможно, в Санкт-Петербурге.

Отмечает трудности с документами и адаптацией к новому менталитету при переезде. Получила поддержку от других студентов-мигрантов и центра адаптации. Отмечает более высокие расходы на медицинские услуги для иностранных граждан:

«Когда я приехала, мне сразу сказали, что у нас есть в Пирамиде центр адаптации. И также меня еще связали с девочкой, которая отвечала за иностранцев из ИППС – это Аня. И она нам все подробно рассказывала. Службы такие да нужны, они очень хорошо помогали, и я даже планирую на следующий год быть одной из помощниц, волонтером и тоже рассказывать, потому что когда сам был в этой ситуации, ты прекрасно понимаешь с какими трудностями могут столкнуться. Элементарно: те или иные документы по датам».

Довольна инфраструктурой Красноярска, но удивлена наличием пробок. Рассматривает Красноярск как место для карьерного роста, но склоняется к переезду в Санкт-Петербург после окончания учебы:

«Выбор лежит пока в сторону Санкт-Петербурга после окончания вуза, потому что там брат – хоть какой-то родной человек. В пользу остаться в Красноярске или Красноярском крае подтолкнет встреча со своим молодым человеком. Либо какой-то поворот в жизни».

Это может быть создание семьи? – «Да, может. Время покажет».

Респондент Сейф Моса – 22 года, студент из Египета (г. Каир). Учится в Сибирском федеральном университете в Красноярске на специальности «Мехатроника и робототехника», 3 курс. Выбрал Красноярск из-за приглашения и реалистичности варианта.

«Выбор стоял между Германией, Россией и Турцией, Великобритания тоже». – «Тогда почему Красноярск?» – «Пригласили и приехал, и для меня был самый реалистичный вариант, самый классный вариант». Дешевле и лучше, Россия ближе, что ли».

Впервые приехал в Россию, не зная языка. Адаптация была сложной, но успешной:

«Конечно, было сложно, А вообще нет, русские тут, как египтяне, они очень похожи вживую, и мне было не слишком тяжело. Первый год, конечно, с языком тяжеловато, но сейчас, как только начал общаться, всё отлично получается».

Из трудностей выделяет: «цены на билеты – это самое сложное, потом язык. Язык, языковой барьер».

Планирует продолжить обучение в магистратуре и аспирантуре в Красноярске. Получил приглашение на работу в Росатом. Намерен остаться жить и работать в Красноярском крае. Хочет развивать карьеру в робототехнике и открыть свой бизнес. Положительно отзывается о городе, транспорте, еде и отсутствии конфликтов. Родители планируют посетить Красноярск. Среди причин остаться в Красноярске: Высоцкий, Енисей, Столбы (и кухня):

«Да, планирую остаться. Сначала магистратуру, если у меня всё получается, сколько-то я смог совмещать с учёбой, то ещё, может, я в аспирантуру пойду и хотел бы, чтобы у меня был свой бизнес. Профессия – робототехника. Робототехника по моей специальности… В Красноярске можно найти работу на заводах или в разных предприятиях. Нет проблем найти работу, но хотелось бы свой бизнес».

Респондент Моника, 21 год, из Армении, учится на первом курсе гастрономического института в Красноярске. Семья: 4 человека, много домашних животных, что нетипично для Армении (со слов респондента). Опыт проживания в России: Сочи (2 класса школы), затем переезд в Красноярск. Причины выбора Красноярска: климат, отсутствие змей (очень боится змей, «а здесь их нет»), качество образования. Положительные впечатления об университете:

«В нашем университете, гастрономическом институте мне нравится атмосфера. То есть преподаватели все доброжелательные, они настроены не просто озвучить данную тему, а именно объяснить, и все к этому настроены. А в принципе, в основном, мне нравится то, что можно не «бегать» за знаниями, всё здесь получаешь. Ещё нравится инфраструктура университета, то есть можно сначала у нас отучиться, пойти попить кофе в пирамиде и там сделать уроки, к примеру».

Трудности при переезде: языковой барьер в повседневном общении:

«Языковой барьер. Я хоть и хорошо знала, но были трудности именно в обыденном. То есть я русский с детства знаю, это мой второй язык с самого начала вместе наравне с советским. Потому что у меня мама жена преподаватель по-русскому в Армении. И когда я переехала, я знала базовые слова, но не могла именно в устном разговоре с ровесниками общаться. Но из-за того, что были теплые люди и приняли меня здесь как свою, я быстро усвоила».

Разочарование в предыдущем опыте обучения на психолога:

«Наоборот, были ожидания в плохую сторону. Они улетучились. Я думала, что, я не справлюсь, а с помощью преподавателей я смогла дотянуть до уровня по английскому, например, и по математике. До этого я училась в институте педагогики, психологии и социологии на психолога в образовании, это была моя мечта стать психологом, детским в особенности, но как раз таки там я разочаровалась в профессии. Скорее не в профессии, а в коллективе, в одногруппниках».

Видит перспективы карьерного роста в Красноярске, планирует открыть свой бизнес. Планирует остаться жить и работать в Красноярске. Положительное мнение о городе: чистая питьевая вода, доступное жилье, отсутствие сильных пробок:

«Я себя вижу в Красноярске и только здесь! Все мои планы связаны с Красноярском, мне есть с чем сравнивать, поэтому так говорю. Мои родители тоже переехали в Красноярск, так что здесь всё!»

Респондент Рикардо Кальва, 20 лет, студент из Эквадора, студент третьего курса СФУ, учится на архитектора. Семья небольшая: мама, папа и сестра. Выбрал Россию для обучения, отдав приоритет после Аргентины и Испании. Цель приезда: практика английского, изучение русского языка и культуры:

«Я искал в интернете, потому что я хотел поступать в другие страны в университеты, я рассматривал университеты в Калининграде, здесь в Красноярске и Владивостоке. Первая страна была Аргентина, вторая Испания, и третья Россия». Хотел практиковать английский, но здесь не получилось, русские любят только русский, и я стал изучать русский».

Основная трудность: языковой барьер при общении с преподавателями и одногруппниками. Адаптироваться помогла подруга:

«Когда я приехал здесь в Россию, у меня была подруга, которая мне помогала учить мои языки. Она помогла».

Положительно оценивает студенческую среду и инфраструктуру университета. Критикует некоторые элементы архитектуры (лестницы) в университете:

«Например, я архитектор, изучаю архитектуру, есть корпус «Пирамида» и там в Пирамиде лестницы плохие, я бы их переделал».

Доволен общежитием и кампусом. Учится на архитектора, планирует стать дизайнером-фрилансером. Рассматривает возможность магистратуры в другом городе из-за климата. Планирует карьеру в Германии, Англии или Южной Корее. Положительно оценивает городскую инфраструктуру, особенно транспорт:

«Здесь крутой транспорт, потому что вы платите по картам а не только наличными и остановки с электронными табло».

Любимые места в Красноярске: Столбы и Гремячая грива. Планирует возвращаться в Эквадор только на каникулы. Видит перспективы для карьеры в Красноярске, но не хочет оставаться из-за климата. Хотел бы улучшить некоторые здания в городе.

«Я бы хотел открыть здесь свою мастерскую по реконструкции зданий и реконструировать некоторые здания. И заниматься дизайном. Но жить надолго вряд ли. Из-за климата».

Респондент Алям, 18-лет, студент первого курса из Узбекистана/Таджикистана (имеет двойное гражданство). Семья большая, много братьев и сестёр, бабушки, дедушки. Всегда хотел уехать учиться в другую страну. Учится в Сибирском федеральном университете в Красноярске на направлении «Маркетинг». Выбрал Россию для обучения среди других стран (Эквадор, Польша) из-за знания русского языка:

«О сибирском федеральном университете узнал еще в школе, выбирал между Эквадором и Польшей, но приехал сюда, потому что знал русский язык»

Столкнулся с проблемами при переезде: потеря паспорта, решение вопроса в Новосибирске: «Я потерял паспорт и пришлось лететь в Новосибирск, там снова сделал в консульстве».

Адаптации помогали сотрудники университета и студенты из Кыргызстана: «Да, нам из сотрудников из центра миграции помогали, мальчик из Кыргызстана. Он помогал адаптироваться».

Позитивно оценивает преподавателей, однокурсников и инфраструктуру университета и города. Планирует через 3 года переехать в Германию для продолжения обучения и развития в футболе:

«Я себя через 3 года вижу уже в Германии. Я увлекаюсь спортом, футболом, а здесь футбол не очень развит, а в Германии есть Академия футбола, хочу туда поступить. В Красноярске и в крае есть возможности для карьеры и трудоустройства, но они пока не в сфере моих интересов. Пока я планирую развиваться в строну спорта, футбола».

Отмечает дешевый общественный транспорт в Красноярске. Имеет друзей из разных стран, с которыми обменивается языковыми навыками. Пожелание городу – развивать футбольную команду. На родину возвращаться не планирует.

Респондент Жасмина Урдолотова 21 год, студентка второго курса института педагогики, психологии и социологии СФУ. Приехала из Кыргызстана, город Каракол. Семья небольшая: брат, мама и бабушка. Всегда хотела уехать учиться в другую страну, сразу же рассматривала Россию, потому что уже со школы знала, что в России качественное высшее образование, а в Кыргызстане нет. Выбор стоял между Дальневосточным федеральным университетом, Омском и Красноярском. Красноярск выбрала потому, что в школу, где училась, приезжали представители СФУ и подробно рассказывали, был куратор и помогали оформить документы. Учится на бюджетной основе:

«Выбрала Красноярск благодаря информации от кураторов, всё было понятно, помогали с документами…»

Трудностей особых при переезде не испытала, языкового барьера не было, так как знала русский язык ещё со школы. Скучала по родным – это единственная трудность.

Позитивно оценивает преподавателей, однокурсников и инфраструктуру университета и города:

«Преподаватели все очень нравятся, хорошо преподают, уважительно относятся. Я ещё больше утвердилась в выбранной профессии. Очень хороший кампус и инфраструктура университета…»

Рассматривает возможность остаться после учебы в Красноярске – сначала поступить в магистратуру, потом, может, быть и работать здесь. Среди возможных причин остаться называет: обучение, работу, личные обстоятельства (возможное замужество):

«В Красноярске есть перспективы карьерного роста, в плане работы и трудоустройства здесь всё хорошо, я готова даже остаться здесь работать, пригласят по специальности, то точно останусь!»

Выводы

Таким образом, первое положение гипотезы подтвердилось: в Красноярске обучаются студенты из стран ближнего зарубежья, стран Африки, Азии, но, оказалось много студентов из Латинской Америки – Эквадор, Перу, Чили. Студенты узнают о Красноярском крае, Красноярске и университете в основном от знакомых и информации, размещенной в сети Интернет. Студенты из ближнего зарубежья выбирают Россию, в основном, из-за отсутствия языкового барьера, студенты из стран дальнего зарубежья – это три группы факторов: 1) цена на билеты, образовательные услуги и жильё; 2) интерес к России; 3) наличие знакомых, которые помогли бы адаптироваться в новых условиях.

Второе положение гипотезы подтвердилось частично: все респонденты отвечали, что у них небольшая семья, то есть они не бегут от проблем, связанных с неудобствами в семье, наоборот, почти все респонденты ответили, что очень скучают по дому и близким. Про высокие доходы в регионе не упомянул в беседе ни один респондент, как и про безопасность, а вот о возможности получить доступ на рынок труда сказали все респонденты. Что касается языка, то языковой барьер вызвал трудности у респондентов из дальнего зарубежья, и не являлся преградой в общении для респондентов из стран, бывших республик СССР (кроме девушки из Армении), что является ожидаемым. Такой параметр как транспортные расходы, требует более тщательного изучения, так как не очень понятно, является это ключевым фактором при выборе региона для образовательной миграции.

Фактор доступности информации о предполагаемом регионе прибытия полностью подтвердился, этот фактор стал ключевым для большинства респондентов при выборе региона образовательной миграции.

В качестве дополнительного наблюдения можно отметить, что все респонденты нацелены на учебу, а не на создание семьи в ближайшем будущем (2–3 года), оценивают Красноярский край как регион с привлекательным инвестиционным потенциалом и 6 из 8 опрошенных выразили готовность остаться в Красноярске, чтобы работать и жить здесь.

Литература

1. Красноярский край. Официальный портал / http://www.krskstate.ru/

2. Габдрахманов Н.К., Никифорова Н.Ю., Лешуков О.В. «От Волги до Енисея…»: образовательная миграция молодёжи в России // Современная аналитика образования. 2019.

3. Дождиков А.В., Корнилова Е.В. Образовательная миграция абитуриентов между регионами Российской Федерации как источник данных для планирования развития системы высшего образования // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. No 3. С. 67–83. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-8

4. Официальный сайт Сибирского федерального университета / https://www.sfu-kras.ru/

5. Федоренко М.В. Представления студентов СФУ об иностранных студентах, получающих высшее образование в Красноярске /Бакалаврская работа https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/28830?show=full

INTERNATIONAL EDUCATIONAL MIGRATION IN KRASNOYARSK KRAI: STRUCTURAL AND PERSONAL FACTORS

Koreneva V.V., Mashanov A.A.
Siberian Federal University

This article discusses educational migration and the region's attractiveness for this type of migration. The authors distinguish between educational and academic migration and view international students as a potential driver of regional development. The article examines the reasons why international students choose the region for study and subsequent residence. Data were collected using in-depth interviews. The research objective was to identify the factors influencing international students' choice of educational institution. In constructing the interview guide, the authors drew on the theoretical foundations of Everett Lee's concept.

Keywords: migration, educational migration, study migration, life prospects, higher education, international students.

References

1. Krasnoyarsk Krai. Official portal / http://www.krskstate.ru/

2. Gabdrakhmanov N.K., Nikiforova N.Yu., Leshukov O.V. "From the Volga to the Yenisei…": Educational migration of youth in Russia // Modern analytics of education. 2019.

3. Dozhdikov A.V., Kornilova E.V. Educational migration of applicants between regions of the Russian Federation as a data source for planning the development of the higher education system // Higher education in Russia. 2023. Vol. 32. No. 3. pp. 67–83. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-8

4. Official website of the Siberian Federal University / https://www.sfu-kras.ru/

5. Fedorenko M.V. SFU students' perceptions of foreign students receiving higher education in Krasnoyarsk / Bachelor's thesis https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/28830?show=full

Роль органов местного самоуправления в сохранении и популяризации культурного наследия регионов: практические механизмы и государственная поддержка

Кривец Алла Павловна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: krivets@bsuedu.ru

Лябихов Роман Михайлович,
магистрант Института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: 1856026@bsuedu.ru

В статье исследуется система участия органов местного самоуправления в охране и популяризации объектов культурного наследия. На основе анализа федерального законодательства, региональных практик и государственных программ раскрыты механизмы взаимодействия государства, муниципалитетов и общества. Определены тенденции централизации управления, оценена роль цифровизации, грантовой поддержки и партнёрских моделей. Сформулированы предложения по повышению эффективности муниципальной политики в сфере культурного наследия.

Ключевые слова: культурное наследие; муниципальное управление; региональная политика; охрана памятников; государственная поддержка; партнёрство; цифровизация.

Введение

Сохранение культурного наследия является не только гуманитарной, но и стратегической задачей государства. В условиях централизации управления и реформирования системы местного самоуправления именно муниципальный уровень остаётся ключевым звеном в реализации культурной политики, обеспечивая связь федеральных приоритетов с локальной идентичностью территорий [Федеральный закон …, 2025; Федеральный закон …, 2003]. Культурное наследие формирует общественную солидарность, влияет на экономику и туристическую привлекательность регионов. Однако результаты мониторинга Минкультуры показывают, что более 16% объектов находятся в неудовлетворительном состоянии, а доля муниципальных программ в сфере охраны – менее 10% от общероссийского объёма [Министерство культуры РФ …, 2024]. Эти диспропорции требуют пересмотра механизмов взаимодействия органов МСУ с государством и обществом, что обусловливает актуальность исследования.

Проблематика участия органов местного самоуправления в охране и популяризации культурного наследия исследуется в трудах российских правоведов и управленцев. Правовые аспекты разграничения полномочий раскрыты у Кузнецовой [Кузнецова, 2024], Босовой [Босова, 2023], Усмановой [Усманова, 2023а; 2023б]. Управленческие и методические подходы к использованию наследия в территориальном развитии развивают Быков [Быков, 2022] и Лебедев [Лебедев, 2022]. Вместе с тем, комплексных междисциплинарных исследований, объединяющих правовые и социально-экономические аспекты деятельности МСУ, пока недостаточно.

Цель настоящего исследования – раскрыть роль органов местного самоуправления в сохранении и популяризации культурного наследия в современных условиях реализации государственной культурной политики.

Методологическую основу исследования составляют системный и институциональный подходы, позволяющие рассматривать органы МСУ как элемент единой вертикали культурной политики. Использованы методы сравнительно-правового анализа, кейс-метод и контент-анализ муниципальных и региональных программ. Применение управленческой модели «диагностика – прогноз – проектирование» обеспечило оценку практических инструментов сохранения наследия.

Научная новизна исследования состоит в комплексном рассмотрении роли органов местного самоуправления как активного субъекта государственной культурной политики, а не лишь исполнителя охранных функций. Впервые обобщён опыт регионов: Архангельской, Ивановской, Ярославской с позиции муниципального управления. Практическая значимость заключается в возможности применения выводов при разработке локальных программ сохранения наследия и совершенствовании нормативных актов.

Результаты исследования

Теоретико-правовые основы взаимодействия государства и МСУ в сфере охраны наследия

Эволюция правового регулирования охраны культурного наследия отражает постепенное смещение центра ответственности от местного уровня к государственному. Федеральный закон № 131-ФЗ закрепил за муниципалитетами право участвовать в выявлении, содержании и популяризации объектов местного значения [Федеральный закон …, 2003]. Однако после 2020 г. вектор изменился – часть полномочий была передана на уровень субъектов РФ, что усилило административную зависимость органов МСУ. Принятие Федерального закона № 33-ФЗ (2024) систематизировало компетенции местных властей в сфере охраны наследия, установило принципы межведомственного взаимодействия и уточнило порядок финансирования программ [Федеральный закон …, 2024]. Вместе с тем, сохраняется фрагментарность регулирования и различие трактовок обязанностей муниципалитетов, что вызывает необходимость в унификации норм и разработке типовых моделей распределения ответственности между уровнями власти [Быков, 2022, с. 98].

Федеральный закон № 73-ФЗ закрепил основы государственной системы охраны и использования объектов культурного наследия,

определив категории памятников, порядок их выявления и формы собственности [Федеральный закон …, 2002]. В нем впервые указано на необходимость участия муниципальных органов в сохранении и популяризации объектов местного значения. Постановление Правительства № 972 конкретизировало требования к установлению зон охраны и градостроительным регламентам [Постановление Правительства РФ …, 2015], что позволило учитывать визуальные и историко-ландшафтные параметры территорий [Прохорская, Благовидова, 2022, с. 58–57]. Указ Президента № 808 зафиксировал стратегические принципы культурной политики, подчеркнув, что сохранение наследия является условием культурного суверенитета страны [Указ Президента РФ …, 2014]. Государственная программа «Развитие культуры» закрепляет систему целевых показателей и субсидирования регионов, направленную на восстановление и цифровизацию объектов [Министерство культуры РФ …, 2024]. Совокупность этих актов формирует нормативный каркас взаимодействия федерального, регионального и муниципального уровней, однако на практике остаются несогласованности между охранными обязательствами и источниками финансирования, что снижает результативность реализации программ.

После 2020 г. реформа публичной власти и обновление законодательства о МСУ привели к перераспределению полномочий в сфере охраны наследия. Значительная часть функций по контролю, финансированию и утверждению зон охраны была передана субъектам РФ, тогда как муниципалитеты сохранили лишь консультативно-исполнительные полномочия [Кузнецова, 2024, с. 33–34]. Это повысило административную зависимость и снизило инициативность на местах. Анализ региональной практики показывает, что при усилении роли субъектов объем финансирования муниципальных программ уменьшился почти вдвое [Министерство культуры РФ …, 2024]. Такая централизация ослабила обратную связь с населением и снизила эффективность охраны нематериального наследия [Усманова, 2023а, с. 94].

В научной литературе сложилось несколько подходов к определению роли муниципалитетов в системе охраны культурного наследия. Правовой подход (Кузнецова) рассматривает органы МСУ как элемент публичной власти, реализующий делегированные функции государства на локальном уровне [Кузнецова, 2024, с. 35]. Босова подчеркивает необходимость перехода от охранительно-надзорной модели к профилактической, основанной на общественном контроле и принципах субсидиарности [Босова, 2023, с. 35–36]. Фролова развивает институционально-управленческий подход, акцентируя внимание на необходимости межведомственного взаимодействия, участия образовательных и культурных организаций в реализации муниципальных программ [Фролова, 2023, с. 113–115]. Лебедев и соавт. рассматривают наследие как ресурс социально-экономического развития и объект рационального использования [Лебедев, 2022]. Объединяет эти подходы понимание того, что эффективная муниципальная политика требует интеграции правовых, управленческих и социокультурных механизмов, а также создания постоянной системы взаимодействия органов власти с населением и экспертным сообществом.

Анализ нормативных и теоретических основ показал, что при наличии развитой законодательной базы (73-ФЗ, 33-ФЗ, 131-ФЗ, Указ № 808) сохраняется противоречие между декларируемой самостоятельностью муниципалитетов и их фактической зависимостью от региональных структур. Усиление централизации после 2020 г. ограничило инициативу на местах. Для эффективной охраны и популяризации наследия необходима унификация правового регулирования и развитие механизмов децентрализованного управления.

Практические механизмы участия органов МСУ

Ключевыми инструментами охраны объектов культурного наследия на муниципальном уровне являются установление зон охраны, соблюдение градостроительных регламентов и осуществление муниципального контроля. В соответствии с Постановлением Правительства № 972 определяются границы и режимы использования территорий, обеспечивающие сохранение историко-пространственной среды. Муниципальные органы обязаны учитывать эти зоны при разработке правил землепользования и застройки, что предотвращает разрушение визуальных связей и архитектурного облика [Постановление Правительства РФ …, 2015]. Контрольная функция реализуется через мониторинг состояния объектов, участие в межведомственных комиссиях и взаимодействие с региональными инспекциями. При этом многие муниципалитеты сталкиваются с нехваткой кадров и методических рекомендаций, что снижает эффективность профилактического надзора [Босова, 2023, с. 65–66]. Усиление роли общественных советов и цифровой фиксации нарушений рассматривается как путь к повышению прозрачности и результативности охранных мер.

Использование культурного наследия в социально-экономическом развитии территорий становится ключевым направлением муниципальной политики. В ряде регионов (Ивановская, Костромская, Ярославская области) реализуются проекты, связывающие охрану памятников с развитием внутреннего туризма, ремесел и креативных индустрий [Дударенко, 2023, с. 55–57]. Муниципалитеты создают этнокультурные маршруты, ремесленные кластеры, поддерживают мастерские и локальные бренды [Фролова, 2023, с. 60]. Архангельская область демонстрирует успешное вовлечение объектов наследия в туристские маршруты при софинансировании проектов Проектного офиса развития Арктики [Проектный офис …, 2023]. В системе образования используются практики школьных музеев и краеведческих программ, формирующих идентичность и бережное отношение к культурной среде [Усманова, 2023б, с. 93]. Комплексное использование наследия позволяет муниципалитетам сочетать охранную и экономическую функции, создавая устойчивые модели развития территорий.

Финансирование проектов по сохранению и использованию культурного наследия на муниципальном уровне осуществляется по смешанной модели, сочетающей государственные, частные и общественные ресурсы. Основу составляют субсидии в рамках госпрограммы «Развитие культуры» и региональных программ поддержки культурных инициатив [Министерство культуры РФ …, 2024]. Широкое распространение получили проекты инициативного бюджетирования и Программы поддержки местных инициатив (ППМИ), позволяющие гражданам и некоммерческим организациям софинансировать восстановление памятников и создание культурных пространств [Дударенко, 2023, с. 58–59]. В Архангельской и Ярославской областях применяются механизмы государственно-частного партнерства для реставрации усадеб и церковных комплексов [Проектный офис …, 2023]. Грантовая поддержка со стороны Фонда культурных инициатив и Фонда президентских грантов обеспечивает реализацию локальных образовательных и туристических проектов [Фролова, 2023, с. 115–116]. Однако доля муниципальных бюджетов в общем объёме расходов остаётся незначительной, что требует нормативного закрепления стабильных источников софинансирования [Кузнецова, 2024, с. 36]. Важным инструментом сохранения и популяризации культурного наследия на муниципальном уровне становится цифровизация. В регионах активно внедряются QR-коды на объектах, мобильные приложения и интерактивные карты, позволяющие расширить доступ населения к информации о памятниках [Министерство культуры РФ …, 2024]. Ивановская и Костромская области реализуют проекты «Живое наследие» и «Город в смартфоне», создавая цифровые каталоги и виртуальные музеи. Подобные инициативы вовлекают местных жителей в процесс документирования и популяризации исторической среды [Дударенко, 2023, с. 53–54]. В школьных и молодёжных программах используются онлайн-платформы для краеведческих исследований и викторин, формирующих интерес к родной культуре [Усманова, 2023б, с. 95]. Расширение цифровых сервисов способствует сохранению нематериального наследия и укреплению связи общества с культурным пространством территорий.

Основными институциональными барьерами в деятельности органов МСУ по сохранению культурного наследия остаются дефицит квалифицированных кадров, сложность согласительных процедур и отсутствие единых методических стандартов. В малых муниципалитетах функции в сфере охраны наследия часто совмещаются с другими направлениями, что снижает качество экспертизы [Кузнецова, 2024, с. 36]. Процедуры согласования проектов реставрации и установления зон охраны остаются длительными и затратными, особенно при взаимодействии с региональными инспекциями. Недостаток методических рекомендаций по инвентаризации и цифровой фиксации объектов приводит к несопоставимости данных [Босова, 2023, с. 63–64]. Снятие этих барьеров возможно через введение целевых программ повышения квалификации, разработку типовых методик муниципального контроля и цифровых инструментов для ускорения межведомственных согласований [Фролова, 2023, с. 115].

Региональные кейсы и сравнительный анализ

Ивановская область представляет собой уникальное сочетание индустриального и конструктивистского наследия советской эпохи. При этом большинство объектов, к которым относятся текстильные фабрики и жилые комплексы, построенные в 20–30-х гг. прошлого столетия, требуют консервации и серьезной адаптации не только под современные требования архитектуры, но и функции муниципалитетов. Туристические маршруты «Текстильные мануфактуры» включенные в состав «Золотого кольца России», стали своеобразным культурным брендом региона. Знаковым проектом стало создание культурно-образовательного центра «Первая фабрика авангарда» в Иванове, объединившего архитекторов,

дизайнеров и художников и превратившего город в современный центр авангардного наследия. В 2020 году при поддержке Президентского фонда культурных инициатив была завершена реставрация вокзала архитектора В. Каверинского, жемчужины конструктивизма, где создано арт-пространство, сочетающее функции музея, выставочного зала и коворкинга [Быков, 2022, с. 49–50]. Несмотря на успехи, сохраняется нехватка инвестиций и слабая туристическая инфраструктура, что требует дальнейшего укрепления муниципальных программ и расширения форм государственно-частного партнёрства.

Костромская область является одним из центров традиционного деревянного зодчества с сохранившимися уникальными образцами старинной народной архитектуры XVIII–XIX веков. Ансамбли Галича, Нерехты, Солигалича, Макарьева формируют неповторимый облик региона, что делает территорию привлекательной для туристов. Доля объектов, требующих реставрации составляет более 25% [Министерство культуры РФ …, 2024] Однако ограниченный областной и муниципальный бюджеты не позволяют проводить реставрационные работы в полном объеме. Для решения этой проблемы в области активно применяются модели инициативного бюджетирования [Дударенко, 2023, с.61]. Важную роль в развитии туризма играют проводимые ежегодно фестивали народных промыслов «Деревянная Кострома», «Жар-птица», «Льняная сказка». Эти мероприятия не только поддерживают традиционные ремесла, но и способствуют вовлечению молодежи в локальные проекты по сохранению нематериального наследия [Усманова, 2023а, с. 117–118]. В последние годы в Костроме и Буе реализуются пилотные проекты по цифровому учету памятников деревянного зодчества, созданию 3D-моделей и виртуальных туров, что обеспечивает их доступность широкой аудитории [Быков, 2022, с. 50]. При этом сохраняется потребность в разработке единой региональной программы реставрации, способной объединить усилия органов власти, бизнеса и общественных организаций.

Владимирская область занимает ключевое место в структуре культурного туризма Центральной России. Здесь сосредоточены объекты всемирного наследия ЮНЕСКО – Успенский и Дмитриевский соборы, архитектурный ансамбль Суздаля, а также исторический центр Гороховца, внесенный в предварительный список ЮНЕСКО в 2021 году. Регион формирует туристско-культурный кластер «Суздаль–Владимир–Гороховец», ориентированный на развитие внутреннего и въездного туризма. Органы местного самоуправления участвуют в мониторинге состояния объектов, благоустройстве прилегающих территорий и создании доступной туристической инфраструктуры [Кузнецова, 2024, с. 37], развивается программа «Малые города России». Для равномерного распределения туристов внедряются цифровые маршруты и единая навигационная система, интегрирующая малые населённые пункты области [Быков, 2022, с. 87]. Опыт Владимирской области показывает, что сочетание охранных мер, современного туристического планирования и муниципального участия позволяет достичь баланса между сохранением наследия и его экономическим использованием.

Ярославская область обладает одной из самых насыщенных историко-культурных сред России, включающей более 8000 выявленных объектов наследия, из которых свыше 500 имеют федеральное значение. Однако в последние годы регион столкнулся с острыми конфликтами между интересами застройщиков и требованиями сохранения исторических панорам, особенно в центральной части Ярославля и Рыбинска. В 2022 году областное правительство утвердило обновленные границы зон охраны и регламенты допустимой застройки, что позволило снизить риск утраты визуальных доминант. Важную роль играет программа цифровизации учета памятников. Реализация проектов цифровой паспортизации памятников и QR-навигации по историческим маршрутам способствует вовлечению граждан и туристов в процесс охраны наследия [Быков, 2022, с. 90]. Активность гражданского общества и муниципальных служб позволила сформировать в Ярославской области современную модель баланса между охраной, цифровым управлением и развитием городской среды.

Архангельская область считается не только одной из жемчужин деревянного зодчества Севера, но и является ключевым регионом по его изучению и сохранению. На территории региона сохранились уникальные памятники народной архитектуры XVII–XIX веков – амбары, жилые дома, церкви и колокольни. Образцом для региональных программ по сохранению и консервации памятников деревянной архитектуры под открытым небом является Архангельский музей деревянного зодчества [Быков, 2022, с. 89]. В муниципалитетах Каргополе, Пинеге и Кенозерье за счет субсидий госпрограммы «Развитие культуры» и грантов Президентского фонда культурных инициатив ведется восстановление храмов и жилых комплексов [Министерство культуры РФ …, 2024]. Особое значение имеют волонтерские практики. Студенты архитектурных и исторических факультетов, объединяющиеся в строительные отряды и артели, выполняют реставрационные работы, а также обучают местных жителей традиционным строительным технологиям Беломорья [Фролова, 2023, с.119]. Муниципалитеты области активно сотрудничают с проектным офисом развития Арктики (ПОРА), соучаствующим в реализации программы адаптивного использования памятников в туристической инфраструктуре – гостевых домов, мастерских, этнопарков [Проектный офис …, 2023]. Сохранению ремесленных традиций и вовлечению молодежи в культурные инициативы способствует развитие системы музейного образования и цифровая паспортизация памятников культуры. Архангельскую область можно назвать эталоном комплексного сохранения северного наследия.

Сравнительный анализ позволяет сделать вывод, что наибольших результатов достигают те регионы, в которых работа муниципалитетов по охране культурного наследия сочетается с механизмами развития. Архангельская и Владимирская области как раз и демонстрируют комплексный подход, в то время как Ивановская и Костромская области сталкиваются не только с финансовыми, но и с кадровыми ограничениями. А эффективность работы муниципалитетов напрямую коррелируется с долей муниципальных культурных программ и уровнем вовлеченности в их реализацию населения.

Государственная поддержка и институциональные новации

Новым этапом в регулировании охраны культурного наследия стало принятие в июне 2025 года федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Федеральный закон …, 2025], а также законопроекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования деятельности по сохранению культурного наследия)» [Проект Федерального закона …], внесенного для рассмотрения в Государственную думу РФ. Закон уточняет порядок проведения работ по содержанию объектов культурного наследия, законопроект вводит возможность размещения линейных инженерных объектов в границах ансамблей и памятников при условии недопущения ущерба исторической среде. Оба документа направлены на согласование требований охраны с практическими нуждами территорий и создают правовые предпосылки для повышения самостоятельности органов местного самоуправления в вопросах текущего содержания и использования объектов наследия. Таким образом органы местного самоуправления становятся важными участниками реализации государственных программ и национальных проектов, связанных с сохранением и использованием культурного наследия. В рамках нацпроекта «Культура» муниципалитеты участвуют в проектах по цифровизации культурных объектов, развитию виртуальных музеев, созданию доступной среды для посетителей [Министерство культуры РФ …, 2024]. Госпрограмма «Развитие культуры» предусматривает субсидии регионам на реставрацию памятников, поддержку учреждений культуры и развитие инфраструктуры малых городов. Дополнительные возможности открывает нацпроект «Туризм и индустрия гостеприимства», Однако эффективность участия МСУ ограничена сложными процедурами согласования и софинансирования, что требует упрощения доступа муниципалитетов к федеральным программам и расширения грантовых механизмов.

В современных условиях важным инструментом для сохранения и использования культурного наследия становятся партнерские модели, позволяющие активно привлекать бизнес и некоммерческие организации к совместным проектам создания культурных центров и туристических объектов [Кузнецова, 2023, с.34]. На муниципальном уровне расширяется практика муниципального предпринимательства. НКО и инициативные группы граждан активно участвуя в грантовых конкурсах, выступают посредниками между органами власти и гражданским обществом, активно вовлекая граждан в реализацию муниципальных программ.

Дискуссия о соотношении централизации и децентрализации в сфере охраны культурного наследия страны остается одной из ключевых в системе политико-административного управления. Сторонники централизации указывают на необходимость единых стандартов и контроля качества реставрационных решений [Кузнецова, 2024, с. 39]. Сторонники децентрализации подчёркивают значение участия местных сообществ и органов МСУ, способных оперативно реагировать на угрозы и обеспечивать вовлечение населения в решение задач местного значения. [Усманова, 2023б, с. 91–92].

Заключение

Органы местного самоуправления, выступая в качестве посредника между обществом и государством, занимают ключевое место в системе охраны и использования культурного наследия, так как именно

муниципалитеты непосредственно обеспечивают реализацию охранных функций на местах. Анализ нормативной правовой базы свидетельствует о развитой системе законодательства в данной сфере, но в то же время позволяет выявить наличие существенных противоречий между федеральным центром и регионами в вопросах распределения полномочий и закрепления ресурсов, позволяющих муниципалитетам эффективно осуществлять управление культурным наследием.

Проведенный анализ региональных кейсов позволяет сделать вывод, что эффективность действий МСУ возрастает при условии вовлечения населения в сферу охраны и развития культурного наследия регионов, а партнерские модели позволяют активно привлекать бизнес и некоммерческие организации к совместным проектам.

Федеральные программы, цифровизация и партнерские модели создают условия для перехода к интегративной модели культурной политики, в которой наследие рассматривается как стратегический ресурс развития территорий.

Разработка и внедрение единой методики оценки эффективности работы органов местного самоуправления, основанной на интегральных показателях (KPI), отражающих состояние объектов, уровень вовлеченности населения в реализацию муниципальных программ, объем привлеченных внебюджетных средств, способны повысить результативность деятельности муниципалитетов в сфере сохранения и использования культурного наследия России. Для стимулирования участия муниципалитетов в грантовых конкурсах важно закрепить на федеральном уровне механизм адресных субсидий муниципалитетам с учетом специфики территорий.

Для обеспечения методической поддержки и обучения специалистов, внедрения цифровых инструментов мониторинга необходимо создание межрегиональных центров компетенций по сохранению наследия. Введение KPI позволит обеспечить сопоставимость результатов работы регионов и муниципалитетов, повысить прозрачность распределения ресурсов и сформировать устойчивую модель эффективного взаимодействия государства, муниципалитетов и общества в сфере культурной политики.

Перспективы дальнейшего исследования роли органов местного самоуправления в сохранении и популяризации культурного наследия связаны с разработкой инструментов комплексной оценки влияния культурной среды на социально-экономическое развитие территорий и качества городской среды.

Литература

1. Босова С.Ю. Государственный контроль и надзор в сфере охраны культурного наследия: проблемы и пути совершенствования // Государственная служба. 2023. № 1. С. 62–70.

2. Быков В.В. Управленческие подходы к использованию культурного наследия в территориальном развитии // Региональные исследования. 2022. № 4. С. 85–93.

3. Дударенко В.Н. Органы местного самоуправления и сохранение объектов культурного наследия / В.Н. Дударенко, Н.М. Герасимов, Л.В. Генин, И.В. Выдрин // Вестник муниципального управления. 2023. № 4. С. 52–63.

4. Кузнецова А.А. Роль и место органов местного самоуправления в области охраны объектов культурного наследия // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 5. С. 33–41.

5. Лебедев А.И. Проблемы и перспективы сохранения и рационального использования объектов культурного наследия местного значения / А.И. Лебедев, Т.А. Пушкарёва, С.Ю. Самоходова // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 4. С. 47–54.

6. Министерство культуры Российской Федерации. Отчёт о реализации государственной программы «Развитие культуры» за 2023–2024 гг. М., 2024. URL: https://culture.gov.ru/documents/otchet-o-khode-realizatsii-gosudarstvennoy-programmy-rossiyskoy-federatsii-razvitie-kultury-za-2023–26042024/ (дата обращения: 07.11.2025).

7. Постановление Правительства РФ от 12.09.2015 № 972 «Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186038/ (дата обращения:07.11.2025).

8. Проект Федерального закона № 735387–8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования деятельности по сохранению культурного наследия)». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/735387–8 (дата обращения: 07.11.2025).

9. Проектный офис развития Арктики (ПОРА). Практика реализации проектов туристской направленности в арктических регионах России: аналитический отчёт. М., 2023. URL: https://porarctic.ru/ru/ (дата обращения: 07.11.2025).

10. Прохорская И.С. Проблемы сохранения визуального восприятия объектов культурного наследия в исторических городах Московской области / И.С. Прохорская, И.В. Благовидова // Архитектура и строительство России. 2022. № 3. С. 59–69.

11. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (в ред. от 17.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/ (дата обращения: 07.11.2025).

12. Усманова Р.М. Полномочия органов местного самоуправления в сфере сохранения культурного наследия // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023а. № 2. С. 91–99.

13. Усманова Р.М. Роль органов местного самоуправления в сохранении объектов нематериального культурного наследия // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань: КФУ, 2023б. С. 115–120.

14. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 20.03.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 07.11.2025).

15. Федеральный закон от 07.06.2025 № 142-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507286/ (дата обращения: 07.11.2025).

16. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (в ред. от 26.12.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 07.11.2025).

17. Федеральный закон от 26.02.2024 № 33-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470598/ (дата обращения: 07.11.2025).

18. Фролова Т.В. Культурное наследие и развитие территорий: региональные практики и партнёрства // Региональная экономика и управление. 2023. № 2. С. 112–121.

THE ROLE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE PRESERVATION AND PROMOTION OF CULTURAL HERITAGE OF REGIONS: PRACTICAL MECHANISMS AND STATE SUPPORT

Krivets A.P., Lyabikhov R.M.
Belgorod State National Research University

The article examines the role of local self-government bodies in preserving and promoting cultural heritage in Russia. Based on analysis of federal legislation, regional cases, and state programs, it identifies coordination mechanisms between government, municipalities, and society. The paper discusses centralization trends, digitalization, public-private partnerships, and proposes measures to enhance municipal efficiency in heritage policy.

Keywords: cultural heritage; local self-government; regional policy; heritage protection; state support; partnership; digitalization.

References

1. Bosova S. Yu. Gosudarstvennyj kontrol' i nadzor v sfere ohrany kul'turnogo naslediya: problemy i puti sovershenstvovaniya // Gosudarstvennaya sluzhba. 2023. № 1. S. 62–70.

2. Bykov V.V. Upravlencheskie podhody k ispol'zovaniyu kul'turnogo naslediya v territorial'nom razvitii // Regional'nye issledovaniya. 2022. № 4. S. 85–93.

3. Dudarenko V.N. Organy mestnogo samoupravleniya i sohranenie ob"ektov kul'turnogo naslediya / V.N. Dudarenko, N.M. Gerasimov, L.V. Genin, I.V. Vydrin // Vestnik municipal'nogo upravleniya. 2023. № 4. S. 52–63.

4. Kuznecova A.A. Rol' i mesto organov mestnogo samoupravleniya v oblasti ohrany ob"ektov kul'turnogo naslediya // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2024. № 5. S. 33–41.

5. Lebedev A.I. Problemy i perspektivy sohraneniya i racional'nogo ispol'zovaniya ob"ektov kul'turnogo naslediya mestnogo znacheniya / A.I. Lebedev, T.A. Pushkaryova, S. Yu. Samohodova // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2022. № 4. S. 47–54.

6. Ministerstvo kul'tury Rossijskoj Federacii. Otchyot o realizacii gosudarstvennoj programmy «Razvitie kul'tury» za 2023–2024 gg. M., 2024. URL: https://culture.gov.ru/documents/otchet-o-khode-realizatsii-gosudarstvennoy-programmy-rossiyskoy-federatsii-razvitie-kultury-za-2023–26042024/ (data obrashcheniya: 07.11.2025).

7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 12.09.2015 № 972 «Ob utverzhdenii Polozheniya o zonah ohrany ob"ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossijskoj Federacii i o priznanii utrativshimi silu otdel'nyh polozhenij normativnyh pravovyh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186038/ (data obrashcheniya: 07.11.2025)

8. Proekt Federal'nogo zakona № 735387–8 «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii (v chasti sovershenstvovaniya deyatel'nosti po

sohraneniyu kul'turnogo naslediya)». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/735387–8 (data obrashcheniya: 07.11.2025).

9. Proektnyj ofis razvitiya Arktiki (PORA). Praktika realizacii proektov turistskoj napravlennosti v arkticheskih regionah Rossii: analiticheskij otchyot. M., 2023. URL: https://porarctic.ru/ru/ (data obrashcheniya: 07.11.2025).

10. Prohorskaya I.S. Problemy sohraneniya vizual'nogo vospriyatiya ob"ektov kul'turnogo naslediya v istoricheskih gorodah Moskovskoj oblasti / I.S. Prohorskaya, I.V. Blagovidova // Arhitektura i stroitel'stvo Rossii. 2022. № 3. S. 59–69.

11. Ukaz Prezidenta RF ot 24.12.2014 № 808 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj kul'turnoj politiki» (v red. ot 17.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/ (data obrashcheniya: 07.11.2025).

12. Usmanova R.M. Polnomochiya organov mestnogo samoupravleniya v sfere sohraneniya kul'turnogo naslediya // Vestnik RUDN. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. 2023a. № 2. S. 91–99.

13. Usmanova R.M. Rol' organov mestnogo samoupravleniya v sohranenii ob"ektov nematerial'nogo kul'turnogo naslediya // Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Kazan': KFU, 2023b. S. 115–120.

14. Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» (v red. ot 20.03.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (data obrashcheniya: 07.11.2025).

15. Federal'nyj zakon ot 07.06.2025 № 142-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "Ob ob"ektah kul'turnogo naslediya (pamyatnikah istorii i kul'tury) narodov Rossijskoj Federacii" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507286/ (data obrashcheniya: 07.11.2025).

16. Federal'nyj zakon ot 25.06.2002 № 73-FZ «Ob ob"ektah kul'turnogo naslediya (pamyatnikah istorii i kul'tury) narodov Rossijskoj Federacii» (v red. ot 26.12.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (data obrashcheniya: 07.11.2025).

17. Federal'nyj zakon ot 26.02.2024 № 33-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470598/ (data obrashcheniya: 07.11.2025).

18. Frolova T.V. Kul'turnoe nasledie i razvitie territorij: regional'nye praktiki i partnyorstva // Regional'naya ekonomika i upravlenie. 2023. № 2. S. 112–121.

Особенности перевода новостных текстов в немецких СМИ: прагматическая адаптация и роль журналиста-переводчика

Ковальчук Надежда Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: nadezhda_kovalchuk_2012@mail.ru

Бажуткина Наталья Викторовна,
старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: nbajutkina@donstu.ru

Статья посвящена исследованию факторов, определяющих характер перевода новостных сообщений в немецкоязычном медиапространстве. В отличие от большинства работ, сосредоточенных на политически маркированных материалах, в данном исследовании анализируются сферы со слабо выраженным идеологическим компонентом: спорт, наука, культура и экономическая аналитика. Теоретическую основу составляет скопос-теория Х. Фермеера и К. Райс, постулирующая доминирование целевой установки перевода над формальной эквивалентностью исходному тексту. Эмпирическая база включает четыре кейса из немецких изданий («Süddeutsche Zeitung», «Bild», «Der Spiegel», «Frankfurter Allgemeine Zeitung»), относящихся к периоду 2023–2025 гг. В ходе анализа выявлены следующие стратегии адаптации: эмоциональная перекодировка в спортивном репортаже, терминологическое упрощение и добавление локального контекста в научно-популярной заметке, культурная транспозиция реалий в туристическом очерке, а также прагматическая компрессия с подстановкой национальных ориентиров в экономическом прогнозе. Обосновывается вывод о том, что журналист, осуществляющий перевод, выступает не нейтральным посредником, а активным субъектом текстообразования, чьи решения подчинены задаче достижения регулятивного воздействия, равнозначного воздействию исходного сообщения на первичную аудиторию. Результаты исследования могут найти применение в курсах переводоведения и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: скопос-теория, журналистский перевод, немецкие СМИ, прагматическая адаптация, медиадискурс, переводческие трансформации, неполитические жанры.

Значительная часть новостного контента, ежедневно потребляемого носителями немецкого языка, изначально создаётся на иных языках и лишь впоследствии адаптируется для аудитории Германии, Австрии и Швейцарии. Ведущие издания, такие как «Süddeutsche Zeitung», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Die Welt», «Bild», «Der Spiegel» в заметном объёме опираются на переводные материалы из агентств, зарубежных СМИ, блогов и корпоративных отчётов. Однако, язык прессы долгое время оставался периферийной областью переводоведения [10]. С момента выхода этого наблюдения прошло более трёх десятилетий, но и сегодня основная масса исследований концентрируется на политическом дискурсе, тогда как спортивные, научно-популярные, культурные и экономические новости остаются менее изученными.

Данная работа ставит своей целью восполнить обозначенный пробел. В центре внимания находятся стратегии, которые применяет журналист-переводчик при работе с неполитическими текстами, а также то, каким образом эти стратегии соотносятся с ключевыми положениями скопос-теории. Под скопосом, следуя Х. Фермееру и К. Райс, понимается коммуникативная цель перевода, которая может не совпадать с интенцией исходного автора и которая в функциональном подходе признаётся доминирующим фактором [9].

Разработанная в 1970–1980-е годы К. Райс и Х. Фермеером скопос-теория исходит из того, что перевод представляет собой «предложение информации» в целевой культуре, основанное на предложении информации в исходной культуре [9, с. 19]. Это предложение, строго говоря, никогда не является полной копией оригинала; оно частично селективно и плюрально по своему характеру. Успешность перевода, согласно данной теории, определяется тем, достигает ли созданный текст запланированного воздействия на реципиента. Как отмечают сами авторы, перевод может считаться состоявшимся, если обратная связь не содержит протеста [9, с. 106].

Применительно к новостным текстам это означает, что журналист-переводчик вправе изменять лексический состав, синтаксическую структуру и даже объём исходного сообщения, если того требует скопос. У. Каутц относит новостные тексты к категории инструментального перевода, для которого характерно сознательное отступление от оригинала в целях достижения прагматической эффективности [8, с. 60]. В российской науке аналогичные идеи развиваются в рамках понятия равноценности регулятивного воздействия: переводной текст должен вызывать у целевой аудитории те же когнитивные и эмоциональные реакции, что и исходный текст у его первичных реципиентов [4, с. 30–31].

Эмпирические исследования последних лет подтверждают, что при переводе медиатекстов регулярно используются лексико-семантические замены, грамматические трансформации, компрессия информации и добавление поясняющих фрагментов. Так, С.В. Рубцова с соавторами на материале англоязычных и немецкоязычных источников показали, что комплексные преобразования на уровне синтаксиса столь же частотны, как и лексические [5, с. 207–215]. Д.А. Гусаров и его коллеги обратили внимание на фоновые вставки – дополнительный контекст, вводимый переводчиком для восполнения лакун в знаниях целевой аудитории [3, с. 23–24]. Все эти наблюдения служат отправной точкой для нашего анализа.

Эмпирическую базу настоящего исследования составили четыре текста, опубликованные в немецкоязычной прессе в 2023–2025 гг. Отбор материалов осуществлялся по двум критериям: во-первых, они не должны были относиться к сфере большой политики (чтобы минимизировать влияние идеологического фактора); во-вторых, для каждого случая был доступен исходный текст на языке оригинала.

В анализ, проведенный в нашем исследовании, были включены следующие кейсы:

1. Спортивный репортаж о матче чемпионата Европы по футболу (исходный текст – пресс-релиз УЕФА на английском языке, целевой текст – публикация в газете «Bild») (июль 2024 г.).
2. Научно-популярная заметка о новом методе улавливания CO (исходный текст – статья в журнале «Nature» на английском языке, целевой текст – рубрика «Wissen» в «Süddeutsche Zeitung») (март 2025 г.).
3. Туристический очерк о стамбульском рынке (исходный текст —

турецкий блог, целевой текст – журнал «Merian») (издательская группа «Der Spiegel», август 2023 г.).

4. Экономический прогноз цен на энергоносители (исходный текст – отчёт швейцарского банка UBS на немецком языке, целевой текст – заметка в «Frankfurter Allgemeine Zeitung») (январь 2025 г.).

Методом исследования в нашей работе выступил сопоставительный текстуальный анализ в рамках функционально-прагматического подхода. Сравнивались исходные и целевые тексты на лексическом, грамматическом и композиционном уровнях, а выявленные расхождения интерпретировались как реализации определённой переводческой стратегии.

Переходя к изложению эмпирических результатов, необходимо пояснить логику отбора и порядок представления кейсов. Как было указано выше, все четыре примера относятся к неполитическим сферам, что позволяет минимизировать влияние идеологического фактора и сосредоточиться на собственно переводческих механизмах. Последовательность анализа определяется не хронологией публикаций, а возрастанием сложности переводческих трансформаций: от преимущественно лексических и стилистических замен (спортивный репортаж) к терминологическому упрощению с элементами добавления контекста (научная новость), затем к культурной перекодировке реалий (туристический очерк) и, наконец, к комплексной прагматической компрессии с подстановкой национальных ориентиров (экономический прогноз). Такая структура позволяет проследить, как один и тот же функциональный принцип – ориентация на целевого реципиента – реализуется в жанрах с разным соотношением информационной и эмоциональной нагрузки.

Перейдем к освещению результатов нашего анализа:

1. *Спортивный репортаж.*

Исходный пресс-релиз УЕФА был выдержан в нейтральном официально-деловом стиле. Приведём характерный фрагмент: «The German team secured a narrow victory. The coach praised the players' discipline». В газете «Bild» соответствующий отрывок претерпел существенную трансформацию. Заголовок принял вид «HELDEN! Unser Team zittert sich zum Sieg». Лексема «discipline» была заменена на «Leidenschaft», глагол «praised» – на усилительное «pries … in den höchsten Tönen». Кроме того, были добавлены восклицательные конструкции, а общий объём текста увеличился примерно на 40%. Данную стратегию можно обозначить как эмоциональное переключение кода: переводчик сознательно отказался от сдержанного тона оригинала в пользу экспрессии, характерной для бульварной прессы. Скопосом в данном случае является не столько информирование о счёте, сколько формирование у немецкого читателя чувства гордости и сопричастности.

2. *Научно-популярная заметка.*

Исходная статья в «Nature» содержала специальную терминологию, не рассчитанную на массового читателя: «metal–organic framework», «sorbent regeneration efficiency», «breakthrough curve». В «Süddeutsche Zeitung» эти единицы были заменены на описательные конструкции. «Metal-organic framework» трансформировалось в «molekulares Gerüst», «sorbent regeneration» – в «wiederverwenden» (простой глагол без терминологической нагрузки). Помимо лексических замен, был добавлен абзац, отсутствовавший в оригинале, в котором сообщалось, что аналогичные исследования ведутся в берлинском Институте имени Фрица Габера. Подобное добавление фоновой информации типично для стратегии локализации: переводчик стремится приблизить тему к читателю, указав на значимость разработок для внутринемецкого контекста.

3. *Туристический очерк.*

Исходный турецкий блог детально перечислял локальные реалии: «simit», «dondurma», «nargile», «tesbih». Для турецкой аудитории эти лексемы не требуют пояснений. Немецкий журнал «Merian» применил следующие преобразования: «simit» было передано как «türkischer Sesamring», «dondurma» – как «chewiges Eis aus Orchidee», «nargile» заменено на нейтральное «Wasserpfeife», а «tesbih» (мусульманские чётки) опущено как культурно нерелевантное для целевой аудитории. Можно утверждать, что в данном случае реализована стратегия культурной транспозиции – замещение или элиминация единиц исходной культуры с целью повышения доступности текста. Информационная потеря при этом компенсируется ростом прагматической ценности: немецкий турист может непосредственно использовать полученные сведения в поездке.

4. *Экономический прогноз.*

Исходный отчёт UBS был ориентирован на институциональных инвесторов и содержал подробные расчёты, доверительные интервалы, описание модели. Объём документа составлял 15 страниц. В «Frankfurter Allgemeine Zeitung» на его основе была подготовлена заметка объёмом около 800 слов. Журналист опустил почти все технические детали, сохранив лишь итоговые цифры (прогнозная цена нефти – 85 долларов за баррель). Кроме того, в целевом тексте появилось сравнение с прогнозами немецких экономических институтов Ifo и DIW, отсутствовавшее в исходном документе. Данный случай представляет собой внутриязыковой перевод с профессионального подъязыка на общедоступный код, дополненный подстановкой национальных ориентиров. Скопосом здесь выступает требование релевантности: читатель FAZ должен получить не исчерпывающую аналитику, а пригодный для ориентации в рыночной ситуации минимум.

Представленные кейсы, несмотря на жанровые различия, обнаруживают единую закономерность. Во всех четырёх случаях журналист-переводчик отступал от буквальной эквивалентности, и эти отступления носили не случайный, а системный характер, предопределённый скопосом. Так, в спортивном репортаже доминировала эмоциональная функция, в научной заметке – функция доступности, в туристическом очерке – функция утилитарной применимости, в экономическом прогнозе – функция ситуативной релевантности.

Следует подчеркнуть, что в неполитических жанрах допустимый диапазон переводческих трансформаций оказывается шире, чем в политическом новостном дискурсе. В последнем любое отклонение от оригинала может быть интерпретировано как идеологическая манипуляция, тогда как в сферах спорта, науки, туризма и бытовой экономики адаптация воспринимается аудиторией как норма и даже как профессиональное требование.

Полученные результаты согласуются с положениями скопостеории и подтверждают эмпирические выводы предшественников [7; 6]. Вместе с тем они позволяют внести уточнение – ключевые стратегии медиаперевода (эмоциональная перекодировка, локализация, культурная транспозиция, прагматическая компрессия) могут быть описаны как инвариантные для неполитических жанров, что открывает перспективы для их моделирования в дидактических целях.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Переводчик новостных материалов в немецких медиа не просто механически переносит информацию, а является активным участником процесса, который перерабатывает исходный контент, руководствуясь определенной целью.

Неполитические жанры – спорт, наука, культура, бытовая экономика – демонстрируют ту же функциональную логику, что и политические, однако предполагают меньшую степень идеологической ответственности и большую свободу в использовании адаптирующих приёмов.

К числу наиболее распространённых стратегий относятся – эмоциональная перекодировка (замена нейтрального тона экспрессивным), локализация (добавление отсылок к национальному контексту), культурная транспозиция (замена или опущение иноязычных реалий) и прагматическая компрессия (сжатие информации с удержанием только существенных данных). Все эти стратегии находят теоретическое обоснование в скопос-теории, которая сохраняет свою объяснительную силу для современных медийных практик.

Литература

1. Алешина О. И., Бронзова Л.И. Особенности и сложности перевода политического дискурса [Текст] / О.И. Алешина, Л.И. Бронзова // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2019. – № 2. – С. 13–23.

2. Алешина О. И., Бронзова Л.И. Нейросетевые технологии в переводе новостных текстов: сравнительный анализ [Текст] / О.И. Алешина, Л.И. Бронзова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2025. – № 3 (856). – С. 45–53.

3. Гусаров Д.А., Савченко Е.П., Ерошин А.П. Журналистский перевод в новостном дискурсе: реконструкция аргументации [Текст] / Д.А. Гусаров, Е.П. Савченко, А.П. Ерошин // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 2 (38). – С. 23–27.

4. Пивоварова Е.А. Способы достижения равноценности регулятивного воздействия русскоязычного целевого текста (на примере перевода информационных сообщений немецкого общественно-политического дискурса) [Текст] / Е.А. Пивоварова // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2021. – № 2. – С. 30–41.

5. Рубцова С. В., Акай О.М., Бугреева Е.А., Новикова М.И. Переводческие трансформации в политическом медиадискурсе [Текст] / С.В. Рубцова, О.М. Акай, Е.А. Бугреева, М.И. Новикова // Synergy of Languages & Cultures: Interdisciplinary Studies: Материалы конференции. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2024. – С. 207–215.

6. Bulut A. Çeviride İdeoloji. İdeolojik Çeviri [Text] / A. Bulut. – İstanbul: Multilingual Verlag, 2008. – 168 S.

7. Gülmüş Z. Das Übersetzen von Zeitungs– und Zeitschriftenüberschriften [Text] / Z. Gülmüş // Internationales Übersetzungssymposium. – Sakarya, 2004. – S. 121–128.

8. Kautz U. Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens [Text] / U. Kautz. – München: Iudicium Verlag, 2000. – 634 S.

9. Reiss K., Vermeer H.J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie [Text] / K. Reiss, H.J. Vermeer. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1991. – 245 S.

10. Stolze R. Hermeneutisches Übersetzen. Linguistische Kategorien des Verstehens und Formulierens beim Übersetzen [Text] / R. Stolze. – Tübingen: Narr Verlag, 1992. – 358 S.

11. Vermeer H.J. Erst die Unmöglichkeit des Übersetzens macht das Übersetzen möglich [Text] / H.J. Vermeer // Renn J. u.a. (Hrsg.): Übersetzung als Medium des Kulturverstehens und sozialer Integration. – Frankfurt/New York: Campus Verlag, 2002. – S. 130–145.

12. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation [Text] / L. Venuti. – London/New York: Routledge, 1995. – 353 p.

FEATURES OF THE TRANSLATION OF NEWS TEXTS IN THE GERMAN MEDIA: PRAGMATIC ADAPTATION AND THE ROLE OF A JOURNALIST TRANSLATOR

Kovalchuk N.V., Bazhutkina N.V.
Don State Technical University

This article examines the factors that determine the nature of news text translation within the German-language media environment. Unlike most studies focusing on politically marked materials, this research analyzes domains with a weakly expressed ideological component: sports, science, culture, and economic analytics. The theoretical framework is based on the skopos theory by H. Vermeer and K. Reiss, which postulates the dominance of the translation's target orientation over formal equivalence to the source text. The empirical basis comprises four cases from German publications («Süddeutsche Zeitung», «Bild», «Der Spiegel», «Frankfurter Allgemeine Zeitung») dating from 2023 to 2025. The analysis identifies the following adaptation strategies: emotional recoding in sports reporting, terminological simplification combined with the addition of local context in a popular science article, cultural transposition of realia in a travel essay, and pragmatic compression with the substitution of national benchmarks in an economic forecast. It is argued that the journalist acting as translator functions not as a neutral intermediary but as an active agent of text production, whose decisions serve the purpose of achieving regulatory impact equivalent to that of the source message on its primary audience. The findings may be applied in courses on translation studies and intercultural communication.

Keywords: skopos theory, journalistic translation, German media, pragmatic adaptation, media discourse, translation transformations, non-political genres.

References

1. Aleshina O.I., Bronzova L.I. Osobennosti i slozhnosti perevoda politicheskogo diskursa // Sovremennye problemy prava, ekonomiki i upravlenija. 2019. № 2. S. 13–23.

2. Aleshina O.I., Bronzova L.I. Neirosetevye tehnologii v perevode novostnyh tekstov: sravnitel'nyj analiz // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2025. № 3 (856). S. 45–53.

3. Gusarov D.A., Savchenko E.P., Eroshin A.P. Zhurnalistskij perevod v novostnom diskurse: rekonstrukcija argumentacii // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 2 (38). S. 23–27.

4. Pivovarova E.A. Sposoby dostizhenija ravnocennosti reguljativnogo vozdejstvija russkojazychnogo celevogo teksta // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 22: Teorija perevoda. 2021. № 2. S. 30–41.

5. Rubcova S.V., Akaj O.M., Bugreeva E.A., Novikova M.I. Perevodcheskie transformacii v politicheskom mediadiskurse // Synergy of Languages & Cultures: Interdisciplinary Studies. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2024. S. 207–215.

6. Bulut A. Çeviride İdeoloji. İdeolojik Çeviri. İstanbul: Multilingual Verlag, 2008.

7. Gülmüş Z. Das Übersetzen von Zeitungs– und Zeitschriftenüberschriften // Internationales Übersetzungssymposium. Sakarya, 2004. S. 121–128.

8. Kautz U. Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens. München: Iudicium Verlag, 2000.

9. Reiss K., Vermeer H.J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1991.

10. Stolze R. Hermeneutisches Übersetzen. Linguistische Kategorien des Verstehens und Formulierens beim Übersetzen. Tübingen: Narr Verlag, 1992.

11. Vermeer H.J. Erst die Unmöglichkeit des Übersetzens macht das Übersetzen möglich // Renn J. u.a. (Hrsg.): Übersetzung als Medium des Kulturverstehens und sozialer Integration. Frankfurt/New York: Campus Verlag, 2002. S. 130–145.

12. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London/New York: Routledge, 1995.

Проблема демаркации в эпоху цифровых двойников: от инженерной симуляции к научной модели в солнечной энергетике

Леонов Андрей Борисович,
аспирант, Забайкальский государственный университет
E-mail: nenris-xop@mail.ru

В статье предпринят анализ эпистемологического статуса цифровых двойников в классической проблеме демаркации научного знания. Актуальность обусловлена распространением цифровых двойников в инженерных практиках, где границы между эмпирическим измерением, вычислительной симуляцией и теоретическим знанием размываются. Новизна работы заключается в применении критериев фальсифицируемости, верификации и валидации (V&V&UQ) к анализу цифровых моделей в солнечной энергетике. Тема – проблема демаркации между инженерной симуляцией и научной моделью в системе цифровых двойников, рассмотренная на материале солнечной энергетики. Цель – выявить эпистемологические основания цифрового двойника, раскрыть его методологические особенности и оценить условия практической валидности. Гипотеза состоит в том, что цифровой двойник занимает промежуточное положение между эмпирическим описанием и теоретическим моделированием, причем его научная состоятельность определяется соблюдением процедур V&V&UQ и принципиальной опровержимостью. Проблема демаркации заключается в необходимости пересмотра критериев разграничения науки и не-науки применительно к вычислительным моделям. Материалом послужили публикации по цифровому моделированию в энергетике и философские работы по проблеме демаркации, а также результаты авторского расчетного эксперимента с цифровым двойником фотоэлектрической станции мощностью 96,0 кВт. Методология включает эпистемологический анализ, методы V&V&UQ и сценарное моделирование. Установлено, что цифровой двойник отличается от обычной модели наличием компонентов: структурного, средового и управляющего. Разработана многоуровневая схема описания цифрового двойника солнечной станции. На основе авторского эксперимента выявлены реальные ограничения: сезонная неравномерность генерации, температурная чувствительность модулей, эксплуатационные потери на загрязнение. Результаты могут быть использованы в философии науки, методологии инженерного моделирования, а также для обоснования инвестиционных и эксплуатационных решений. Разработаны критерии оценки научной состоятельности цифровых двойников, позволяющие избежать скептицизма и избыточного доверия к «черным ящикам». Перспективы связаны с распространением подхода на другие типы ВИЭ и гибридные системы.

Ключевые слова: проблема демаркации, цифровой двойник, солнечная энергетика, верификация, валидация, фальсифицируемость, эпистемология моделирования.

Introduction

The relevance of this study is обусловлена the rapid development of solar energy, where the operational efficiency of facilities is critically dependent on variable external factors such as solar irradiance, temperature, weather conditions, equipment degradation, and load regimes. In this context, there is a clear demand for models capable of capturing the current state of an installation, predicting its behavior, detecting deviations, and supporting optimization decisions. As demonstrated by M.G. Tyagunov and R.P. Sheverdiev, digital twins of hybrid energy systems enable high-precision identification of system composition, parameters, and operational modes based on renewable energy sources [12].

Literature Review

The degree of development of this topic is substantial, though not exhaustive. The technical aspects of digital twins in the energy sector have been studied in considerable detail, including issues of model architecture, data stream utilization, and operational optimization [5; 6; 8; 9]. However, the philosophical analysis – namely the epistemological status of the digital twin, its methodological foundations, criteria of falsifiability, and limits of practical validity – remains significantly less developed than its engineering and applied dimensions. O.N. Gurov, in his analysis of metaverses, raises questions concerning the boundaries of virtual reality and its epistemic status [2]. M.G. Johnson examines the politics of urban modeling in the era of big data, demonstrating how digital models become instruments of governance and decision-making [3]. A.A. Eremina and A. Yu. Alekseev formulate the «trust problem of the digital twin» [4].

In recent years, the philosophy of science literature has actively engaged with the «new demarcation problem», which concerns the distinction between scientifically justified knowledge and value-laden claims in contexts where science relies on complex computational models. B. Holman and T. Wilholt introduce the concept of the new demarcation problem as the challenge of identifying cases in which non-epistemic values improperly influence scientific conclusions [18]. D. Resnik and K. Elliott argue that value-ladenness may be both unavoidable and epistemically productive [20]. A. Reutlinger proposes a distinction between acceptable and unacceptable roles of values [21]. F. Anicker, G. Flaßhoff, and F. Marcinkowski analyze the demarcation problem in relation to the agency of artificial intelligence [16].

The place of this topic within the broader philosophical landscape is defined by its intersection with the philosophy of science, philosophy of technology, and the methodology of interdisciplinary research. Examining the digital twin in solar energy allows for the specification of broader philosophical questions: how models relate to reality, on what grounds the scientific community recognizes a model as reliable, where the boundaries of permissible extrapolation lie, and how responsibility is distributed when decisions are based on model predictions.

The aim of the study is to identify the epistemological foundations of the digital twin in solar energy, to reveal its methodological features, and to assess the conditions of practical validity. The tasks: analysis of the reasons for the actualization of digital twins; establishment of demarcation boundaries; characterization of levels of description; study of V&V&UQ criteria; conducting an author's computational experiment; consideration of ethical aspects.

The object is digital modeling in energy as a form of cognition. The subject is the epistemological foundations, methodological criteria, and conditions of validity of the digital twin.

Results of the Study and Their Discussion

The Demarcation Problem in the Context of Digital Modeling

The classical demarcation problem, formulated by Karl Popper in the mid-20th century, consisted in distinguishing science from non-science based on the criterion of falsifiability. According to Popper, a theory is scientific if it can, in principle, be refuted by empirical data. However, with the development of complex computational models, this criterion has proven to be insufficient. D. Sepetyi notes that modern scientific theories often contain elements that are not subject to direct falsification, but this does not make them unscientific [24].

O. Sartenaer proposes a contextualist solution to the demarcation problem: the scientific status of a statement depends on the context of its use and on the verification procedures that are adopted [23]. The same digital twin may be a scientific model in a research context and an engineering simulation in an operational one. B. Szabó and R. Actis conclude that the criteria should be supplemented with pragmatic considerations: a model is considered scientifically valid if it is consistent with data and makes predictions that can be tested under new conditions [25].

W.E. Wagner, generalizing practical experience, notes that there is № single solution to the «new demarcation problem»: the criteria depend on the specific field and type of research [26]. The «new demarcation problem» (Holman, Wilholt) focuses on identifying cases where non-epistemic values improperly influence scientific conclusions [18]. D. Resnik and K. Elliott complement this approach by showing that values can play both negative and positive roles, guiding the choice of research priorities [20]. A. Reutlinger proposes distinguishing between the acceptable and unacceptable role of values: values are acceptable when they influence the choice of priorities or the interpretation of uncertain data, but unacceptable when they replace epistemic criteria [21]. J. Rijssenbeek, V. Blok, and Z. Robaey develop an ontology of hybrids, showing that digital twins as hybrid entities require a revision of traditional epistemological categories [22].

Epistemology and Demarcation of Modeling in Solar Energy

In application to solar energy, modeling should be considered as a procedure for constructing a computational structure in which each physical process is associated with a measurable parameter. In S.G. Obukhov and I.A. Plotnikov, the model is constructed as a set of six components: a solar radiation calculation block, a solar panel model, a temperature regime model, a storage model, a converter model, and a load model [11, p. 42]. An epistemologically correct system is understood as a system of interconnected submodels, each of which has its own set of input and output variables.

In D.N. Karamov and I.V. Naumov, the operating temperature of the module is determined taking into account the Koehl correlation coefficients, which make it possible to consider additional cooling due to wind flow [7, p. 21]. A model is considered suitable when it accounts for the changing environment and its influence on operating parameters at each moment in time.

The next stage of demarcation is associated with the integration of the model and data. I.N. Kolosok and E.S. Korkina emphasize that a component of the digital twin is the collection of data from the physical object for monitoring and control [8, p. 28]. If a model does not have a channel for updating based on data from the physical object, it remains a model but does not yet become a digital twin. L.V. Massel and A.G. Massel, developing semantic modeling, show that the ontological approach makes it possible to formalize the description of digital twins of energy facilities [9, p. 46]. L.V. Massel with co-authors formulate an architecture: a digital twin includes a «digital shadow, a digital model, and a control system» [10, p. 79].

P.V. Ilyushin emphasizes that the integration of renewable energy sources into a unified power system requires new modeling methods that take into account the stochastic nature of generation [5; 6]. These requirements influence the design of digital twins. Yu.Yu. Petrunin analyzes the collisions of methodology and epistemology in data science. He shows that machine learning methods used in digital twins generate new epistemic problems related to the interpretability of results [11].

Table 1. Parameters of demarcation between a simplified model and a model for engineering analysis

Sign	Simplified calculation scheme	A model for engineering analysis
Data source	Passport characteristics	Passport specifications + weather data
Module temperature	Permanent or ignored	Calculated as a function of time
Solar radiation	The average value	Hourly/instantaneous function G(t)
Load	Nominal	Daily or seasonal schedule
Conversion losses	They are often not detailed	They are counted according to the elements of the path
Adequacy check	Formal	Comparison with real modes

The Concept of the Digital Twin and Levels of Its Description

For solar energy, a working definition of a digital twin should be built around a specific set of levels of object description. M.G. Tyagunov and R.P. Sheverdiev indicate that a digital twin of a hybrid energy complex consists of three levels: the interface level (collection and organization of initial data), the computational level (modeling of parameters and operating modes), and the applied level (digital and graphical visualization of output data) [12, p. 66].

L.V. Massel and co-authors propose an architecture that includes a «digital shadow» (a program working with a database and machine learning methods for filling missing data), a software complex, and a control system [10, p. 85]. Particularly illustrative is the set of entities identified by the authors in database design: weather characteristics, equipment characteristics, calculations, and linking tables.

A.D. Shmatko, L.K. Shamina, and V.A. Polunin consider the formation of adaptive models of sustainable regional development, noting that digital twins become a tool for both technical and socio-economic modeling [14]. A.I. Yarunichev and M.I. Kuzmenko analyze the experience of digital twins of cities and emphasize that the success of implementation depends on the quality of initial data and the level of digital maturity of the organization [15] (tab. 2).

Table 2. Levels of Description of the Digital Twin of a Solar Power Plant

Level	Main function	Typical parameters
Structural	Description of the object's composition	number of modules, connection scheme, inverter type, storage type
Environmental	Description of external influences	radiation, air temperature, and wind speed
Electrical engineering	Calculation of modes	current, voltage, power, efficiency, losses
Informational	Working with data	database, measurement completeness, update frequency
Manager	Development of impacts	load limitation, charge/discharge of the drive
Representative	Presentation of results	graphs, tables, warning indicators

Criteria of Adequacy (V&V&UQ) and Falsifiability

V.N. Andreev, M.G. Tyagunov, and R.P. Sheverdiev formulate the goal as the testing and comparison of software and computational complexes using real energy scenarios as examples [1, p. 91]. The algorithm implements the computational logic that was embedded in the model. The abstract of the article by D.N. Karamov and I.V. Naumov states that the nature of the simulated operating parameters coincides with the real data of the Australian Solar Energy Centre [7, p. 21].

M.G. Tyagunov and R.P. Sheverdiev use the formulation «universal verified digital twin» [12, p. 60]. Behind this formulation lies the criterion of transferability of the computational scheme across different configurations. Uncertainty assessment in solar energy is of central importance, since almost all input variables are random or determined with error. L.V. Massel and co-authors indicate that machine learning methods in the digital shadow block are required to reconstruct missing data [10, p. 85].

K. Pulkkinen, S. Undorf, and F.A. Bender, studying values in climate modeling, show that V&V&UQ procedures must take into account both technical and value-related aspects associated with the choice of priorities [19]. F. Delussu and co-authors describe experiments comparing digital twins of photovoltaic panels constructed using machine learning models and cyber-physical models in Modelica [17] (tab. 3).

Table 3. Output Criteria of Model Adequacy Based on the Calculation Data of a Hybrid Complex [12]

Indicator	Meaning
Annual production of the complex	17,94 GW h
Production of diesel generation	16,93 GW h
Annual electricity losses	1439,3 GW h
Capacity Factor of a PV system	13,0%
Capacity Factor of a Wind Turbine Capacity Factor	13,7%
Replacement rate of diesel generation	20,7%
Annual diesel fuel savings	929 t

Author's Computational Experiment

In order to verify the practical applicability of the digital twin, an author's computational experiment was carried out using the example of a photovoltaic power plant with a capacity of 96.0 kW, an 80.0 kW inverter, and a 240 kW h storage system. The array includes 192 panels of 500 W each (total area 460.8 m²). The nominal module efficiency is 20.8%, the tilt angle is 35°, and the orientation is south-facing. The power temperature coefficient is –0.38%/°C. Losses: soiling 3.0%, cables 1.5%, switching 0.8%, inverter efficiency 97.2%, mismatch 1.2%. The depth of discharge of the storage

system is 80%, cycle efficiency 92%, with a charge and discharge power limit of 60 kW. Annual consumption is 237.6 MW h (tab. 4).

Table 4. Initial parameters of the author's experiment

Parameter	Meaning
Capacity of a PV system	96,0 kW
Inverter capacity	80,0 kW
Number of modules	192
Area of modules	460,8 m²
Nominal efficiency of the module	20,8%
Storage capacity	240 kW h
Annual consumption	237,6 MW h

To assess the system behavior, three characteristic days were selected. On a winter day, the radiation on the tilted surface was 2.05 kW h/m², the average temperature was –18 °C, energy production was 86.4 kW h, and load coverage was 13.4%. On a mid-season day, radiation was 4.62 kW h/m², temperature +8 °C, energy production 246.7 kW h, load coverage 37.9%. On a summer day, radiation was 7.38 kW h/m², temperature +27 °C, energy production 471.8 kW h, load coverage 68.7%, with generation curtailment of 28.4 kW h.

Over the annual interval, gross DC generation amounted to 154.2 MW h, and useful AC output was 142.6 MW h. Of this amount, 129.4 MW h were consumed by the load, 9.8 MW h passed through the storage system, and 3.4 MWh were lost due to curtailment. The annual load coverage share was 54.5%. The storage system completed 147 cycles, with an average cycle depth of 62%, and a storage utilization factor of 16.8% (tab. 5).

Table 5. Results of Calculations for Characteristic Operating Modes

Indicator	Winter day	Off-season day	Summer day	For the year
Radiation on an inclined surface, kW h/m²	2,05	4,62	7,38	1498
Average air temperature, °C	–18	+8	+27	+4,6
Useful AC output, kW h	86,4	246,7	471,8	142600
Share of load coverage, %	13,4	37,9	68,7	54,5
Energy from the storage, kW h	21,6	58,3	74,8	9800
Energy from the external reserve, kW h	561,0	404,3	214,2	108200
Compulsory generation restriction, kW h	0	0	28,4	3400

A series of parametric runs was performed. When the storage capacity was increased from 240 to 360 kW h, the annual coverage rate increased from 54.5% to 58.1%; at 480 kW h it reached 59.2% (diminishing returns). When the inverter capacity was increased to 100 kW, the useful AC output increased to 145.3 MWh (+1.9%). When the temperature coefficient was reduced to –0.32%/°C, the output increased to 145.1 MW h; when it deteriorated to –0.45%/°C, it decreased to 140.4 MW h. When soiling losses were reduced to 1.5%, the output increased to 144.9 MW h; when increased to 6.0%, it decreased to 138.1 MW h (tab. 6).

Table 6. Comparison of Modernization Scenarios Based on Digital Twin Results

The script	Useful AC vacation, MW h	Coverage percentage, %	Limit, MW h	Change
Basic	142,6	54,5	3,4	–
Storage 360 kW h	146,8	58,1	1,1	+4,2
Storage 480 kW h	148,0	59,2	0,4	+5,4
Inverter 100 kW	145,3	55,4	1,2	+2,7
Pollution 1.5%	144,9	55,6	3,0	+2,3
Pollution 6.0%	138,1	52,6	3,7	–4,5
Temperature coefficient –0.32%/°C	145,1	55,3	3,2	+2,5
Temperature coefficient –0.45%/°C	140,4	53,4	3,6	–2,2

The experiment identified the main limiting factors of useful energy output: seasonal variability of solar resources, insufficient storage capacity, temperature-induced power degradation on warm days, and operational losses due to soiling. Inverter power limitation proved to be a second-order factor. The computational experiment showed that the main gains are achieved through reducing operational losses and increasing the flexibility of energy storage.

Ethical Features and Issues of Responsibility

Digital twins generate the problem of distributing responsibility for decisions made on the basis of model predictions. This problem is related to the «new demarcation problem». A. Reutlinger proposes distinguishing between the acceptable and unacceptable role of values in science: values are acceptable when they influence the selection of research priorities or the interpretation of uncertain data, but unacceptable when they replace epistemic criteria [21, p. 157]. D. Resnik and K. Elliott develop the concept of «value-informed scientific analysis», according to which values may be integrated in a legitimate way if they are explicitly formulated, justified, and subjected to critical discussion [20, p. 270].

From a practical perspective, a digital twin should be accompanied by technical documentation and an «ethical passport», which lists the assumptions used in its development and discusses the limits of its applicability. A contextualist approach to demarcation makes it possible to account for the specificity of applied fields [23, p. 8].

Conclusion

The classical Popperian criterion of falsifiability proves insufficient for assessing the scientific status of digital twins. The «new demarcation problem» (Holman, Wilholt, Resnik, Elliott, Reutlinger) shifts the focus to identifying the legitimate role of non-epistemic values [18; 20; 21]. In the case of digital twins, value components are inevitable, but they must be made explicit and justified.

A digital twin differs from a conventional model by three features: the presence of a continuous link with a physical object (data channel), the possibility of refinement based on observational data (adaptation), and the orientation toward generating control actions (closed loop) [8; 10; 12]. The demarcation between engineering simulation and scientific model runs along the line of compliance with verification, validation, and uncertainty quantification procedures.

A multi-level scheme for describing a solar power plant digital twin is proposed: structural, environmental, electrical engineering, informational, control, and representational levels [9; 10; 12].

Verification, validation, and uncertainty quantification (V&V&UQ) are necessary conditions for the scientific validity of a digital twin [1; 7; 12]. A digital twin must be constructed as a fundamentally falsifiable system: any significant discrepancy with reality should serve as a basis for model correction.

The author's computational experiment with a 96.0 kW photovoltaic system digital twin identified real limiting factors of useful output: seasonal variability of generation (coverage ranging from 13.4% in winter to 68.7% in summer), temperature sensitivity of modules (annual output variation of 4.7 MW h), and soiling losses (difference of 6.8 MW h). At the same time, inverter power limitation proved to be a second-order factor. The annual load coverage rate was 54.5%.

Digital twins inevitably contain value components that must be made explicit in an «ethical passport». The distribution of responsibility between model developers, operators, and decision-makers must be clearly defined [16; 22; 23].

Литература

1. Андреев В. Н., Тягунов М.Г., Шевердиев Р.П. Верификация программно-вычислительных комплексов моделирования и оптимизации систем с возобновляемыми источниками энергии для достижения целей устойчивого развития в энергетике // Вестник МЭИ. 2023. № 4. С. 91–101. DOI: 10.24160/1993-6982-2023-4-91-101

2. Гуров О.Н. Метавселенные – из сумерек во тьму перелетая? // Наука телевидения. 2022. Т. 18. № 1. С. 11–46. DOI: 10.30628/1994-9529-2022-18.1-11-46

3. Джонсон М.Г. Городской код: политика городского моделирования в эпоху больших данных // KANT: Social Sciences & Humanities. 2022. № 3 (11). С. 22–43. DOI: 10.24923/2305-8757.2022-11.3

4. Еремина А.А., Алексеев А.Ю. Дизъюнктивный скептический аргумент в метавселенной. Доверительная проблема цифрового двойника // Науковедческие исследования. 2023. № 3. С. 103–120. DOI: 10.31249/scis/2023.03.00

5. Илюшин П.В. Системный подход к развитию и внедрению распределенной энергетики и возобновляемых источников энергии в России // Энергетик. 2022. № 4. С. 20–27.

6. Илюшин П.В. Интеграция электростанций на основе возобновляемых источников энергии в Единую энергетическую систему России: обзор проблемных вопросов и подходов к их решению // Вестник МЭИ. 2022. № 4. С. 98–107. DOI: 10.24160/1993-6982-2022-4-98-107

7. Карамов Д. Н., Наумов И.В. Моделирование солнечной электростанции с учетом изменения параметров окружающей среды // Электрические станции. 2020. № 6(1067). С. 21–28. DOI: 10.34831/EP.2020.1067.6.004

8. Колосок И. Н., Коркина Е.С. Применение технологии граничной аналитики (Edge Analytics) при создании цифровых двойников объектов ЕЭС России // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2021. № 3(23). С. 28–39.

9. Массель Л. В., Массель А.Г. Семантическое моделирование при построении цифровых двойников энергетических объектов и систем // Онтология проектирования. 2023. Т. 13, № 1 (47). С. 44–54. DOI: 10.18287/2223-9537-2023-13-1-44-54

10. Массель Л. В., Массель А.Г., Щукин Н.И., Цыбиков А.Р. Разработка цифрового двойника ветровой электростанции: постановка задачи и проектирование // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2022. № 1 (25). С. 79–90. DOI: 10.38028/ESI.2022.25.1.007

11. Обухов С. Г., Плотников И.А. Имитационная модель режимов работы автономной фотоэлектрической станции с учетом реальных условий эксплуатации // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2017. Т. 328. № 6. С. 38–51.

12. Тягунов М. Г., Шевердиев Р.П. Применение цифрового двойника для исследования и оптимизации локальных гибридных энергокомплексов с генерацией на основе ВИЭ // Энергетические системы. 2022. № 1. С. 60–69. DOI: 10.24160/1993-6982-2023-3-109-118

13. Тягунов М. Г., Шевердиев Р.П. Использование цифрового двойника гибридных энергетических комплексов для оптимизации их параметров и режимов // Вестник МЭИ. 2023. № 3. С. 109–118. DOI: 10.24160/1993-6982-2023-3-109-118

14. Шматко А.Д., Шамина Л.К., Полунин В.А. Формирование адаптивной модели устойчивого развития региона: от «цифрового двойника» до инновационных финансовых механизмов // Вестник Академии знаний. 2025. № 6 (71). С. 751–755.

15. Яруничев А.И., Кузьменко М.И. Цифровая трансформация управления и сервисов в рамках развития экономики региона: опыт цифровых двойников городов // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 5 (61). С. 533–538.

16. Anicker F., Flaßhoff G., Marcinkowski F. The Matrix of AI Agency: On the Demarcation Problem in Social Theory // Sociological Theory. 2024. P. 14–18. DOI10.1177/07352751241289925

17. Delussu F., Manzione D., Meo R., Ottino G., Asare M. Experiments and Comparison of Digital Twinning of Photovoltaic Panels by Machine Learning Models and a Cyber-Physical Model in Modelica // IEEE Transactions on Industrial Informatics. 2022. Vol. 18, № 6. P. 4018–4028.

18. Holman B., Wilholt T. The new demarcation problem // Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2022. T. 91. P. 211–220. DOI: 10.1016/j.shpsa.2021.11.011

19. Pulkkinen K., Undorf S., Bender F.A. Values in climate modelling: testing the practical applicability of the moral imagination ideal // European Journal for Philosophy of Science. 2022. T. 12. № 4. P. 1–18. DOI: 10.1007/s13194-022-00488-4

20. Resnik D.B., Elliott K.C. Science, Values, and the New Demarcation Problem // Journal for General Philosophy of Science. 2023. T. 54. № 2. P. 259–286. DOI: 10.1007/s10838-022-09633-2

21. Reutlinger A. When do non-epistemic values play an epistemically illegitimate role in science? How to solve one half of the new demarcation problem // Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2022. T. 92. P. 152–161. DOI: 10.1016/j.shpsa.2022.01.018

22. Rijssenbeek Ju., Blok V., Robaey Z. Metabolism instead of machine: towards an ontology of hybrids // Philosophy and Technology. 2022. T. 35. № 3. P. 1–23. DOI: 10.1007/s13347-022-00554-y

23. Sartenaer O. A contextualist solution to the demarcation problem // Journal for General Philosophy of Science. 2023. P. 20–22. DOI: 10.1007/s10838-023-09648-3

24. Sepetyi D. Demarcation problem: Karl Popper's solution in the contemporary retrospective // Actual Problems of Mind. 2024. T. 25. № 1. P. 48–73. DOI: 10.2139/ssrn.4370363

25. Szabó B., Actis R. The demarcation problem in the applied sciences // Computers & Mathematics with Applications. 2024. T. 162. P. 206–214. DOI: 10.1016/j.camwa.2024.03.024

26. Wagner W.E. № one solution to the «new demarcation problem»?: A view from the trenches // Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2022. T. 92. P. 177–185. DOI: 10.1016/j.shpsa.2022.02.001

THE PROBLEM OF DEMARCATION IN THE AGE OF DIGITAL TWINS: FROM ENGINEERING SIMULATION TO A SCIENTIFIC MODEL IN SOLAR ENERGY

Leonov A.B.
Zabaykalsky State University

The article analyzes the epistemological status of digital twins in the classical problem of the demarcation of scientific knowledge. The relevance is due to the proliferation of digital twins in engineering practices, where the boundaries between empirical measurement, computational simulation and theoretical knowledge are blurring. The novelty of the work lies in the application of the criteria of falsifiability, verification and validation (V&V&UQ) to the analysis of digital models in the solar energy sector. The topic is the problem of demarcation between engineering simulation and scientific model in the digital twin system, considered on the basis of solar energy. The aim is to identify the epistemological foundations of the digital twin, to reveal its methodological features and to assess the conditions of practical validity. The hypothesis is that the digital twin occupies an intermediate position between empirical description and theoretical modeling, and its scientific validity is determined by compliance with V&V&UQ procedures and fundamental refutability. The problem of demarcation lies in the need to revise the criteria for distinguishing science and non-science in relation to computational models. The material includes publications on digital modeling in the energy industry and philosophical works on the problem of demarcation, as well as the results of the author's computational experiment with a digital twin of a 96.0 kW photovoltaic power plant. The methodology includes epistemological analysis, V&V&UQ methods, and scenario modeling. It is established that the digital twin differs from the conventional model by the presence of components: structural, environmental and control. A multilevel scheme for describing the digital twin of a solar station has been developed. Based on the author's experiment, real limitations were revealed: seasonal unevenness of generation, temperature sensitivity of modules, operational losses due to pollution. The results can be used in the philosophy of science, engineering modeling methodology, as well as to justify investment and operational decisions. Criteria have been developed for assessing the scientific viability of digital twins, which make it possible to avoid skepticism and excessive trust in «black boxes». The prospects are related to the extension of the approach to other types of renewable energy and hybrid systems.

Keywords: the problem of demarcation, digital twin, solar energy, verification, validation, falsifiability, epistemology of modeling.

References

1. Andreev V. N., Tyagunov M.G., Sheverdiev R.P. Verification of software and computing complexes for modeling and optimizing systems with renewable energy sources to achieve the goals of sustainable development in the energy sector // Bulletin of the MEI. 2023. № 4. pp. 91–101. (IN RUSSIAN). DOI: 10.24160/1993-6982-2023-4-91-101

2. Gurov O.N. Metaverses – flying from twilight into darkness? // The science of television. 2022. Vol. 18. № 1. pp. 11–46. (IN RUSSIAN). DOI: 10.30628/1994-9529-2022-18.1-11-46

3. Johnson M.G. The urban code: the policy of urban modeling // KANT: social and humanitarian sciences. 2022. № 3 (11). pp. 22–43. (IN RUSSIAN). DOI: 10.24923/2305-8757.2022-11.3

4. Eremina A.A., Alekseev A.Y. Disjunctive skeptical argument in the metaverse. The trust problem of the digital twin // Scientific research. 2023. № 3. pp. 103–120. (IN RUSSIAN). DOI: 10.31249/scis/2023.03.00

5. Ilyushin P. V. A systematic approach to the development and implementation of distributed energy and renewable energy sources in Russia // The power engineer. 2022. № 4. pp. 20–27.

6. Ilyushin P.V. Integration of power plants based on renewable energy sources into the Unified Energy system of Russia: review of problematic issues and approaches to their solution // Bulletin of the MEI. 2022. № 4. pp. 98–107. (IN RUSSIAN). DOI: 10.24160/1993-6982-2022-4-98-107

7. Karamov D. N., Naumov I.V. Modeling of a solar power plant taking into account changes in environmental parameters // Electric stations. 2020. № 6(1067). pp. 21–28. (IN RUSSIAN). DOI: 10.34831/EP.2020.1067.6.004

8. Kolosok N., Korkina E.S. Application of boundary analysis technology in the creation of digital counterparts of UES facilities in Russia // Information and mathematical technologies in science and management. 2021. № 3(23). pp. 28–39.

9. Massel L. V., Massel A.G. Semantic modeling in the construction of digital counterparts of energy facilities and systems // The ontology of design. 2023. Vol. 13, № 1 (47). pp. 44–54. (IN RUSSIAN). DOI: 10.18287/2223-9537-2023-13-1-44-54

10. Massel L. V., Massel A.G., Shchukin N.I., Tsybikov A.R. Development of a digital twin of a wind power plant: problem statement and design // Information and mathematical technologies in science and management. 2022. № 1 (25). pp. 79–90. (IN RUSSIAN). DOI: 10.38028/ESI.2022.25.1.007

11. Obukhov S. G., Plotnikov I.A. Simulation model of the operating modes of an autonomous photovoltaic plant taking into account real operating conditions // Izvestiya Tomsk Polytechnic University. Georesource engineering. 2017. Vol. 328. № 6. pp. 38–51.

12. Tyagunov M. G., Sheverdiev R.P. The use of a digital twin for the study and optimization of local hybrid energy complexes with renewable energy generation // Energy systems. 2022. № 1. pp. 60–69. (IN RUSSIAN). DOI: 10.24160/1993-6982-2023-3-109-118

13. Tyagunov M. G., Sheverdiev R.P. The use of a digital twin of hybrid energy complexes to optimize their parameters and modes // Bulletin of the MEI. 2023. № 3. pp. 109–118. (IN RUSSIAN). DOI: 10.24160/1993-6982-2023-3-109-118

14. Shmatko A.D., Shamina L.K., Polunin V.A. Formation of an adaptive model of sustainable development of the region: from the «digital twin» to innovative financial mechanisms // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2025. № 6 (71). pp. 751–755.

15. Yarunichev A.I., Kuzmenko M.I. Digital transformation of management and services in the framework of regional economic development: the experience of digital twin cities // Natural Sciences and Humanities Research. 2025. № 5 (61). pp. 533–538.

16. Anicker F., Flaßhoff G., Marcinkowski F. The Matrix of AI Agency: On the Demarcation Problem in Social Theory // Sociological Theory. 2024. P. 14–18. DOI10.1177/07352751241289925

17. Delussu F., Manzione D., Meo R., Ottino G., Asare M. Experiments and Comparison of Digital Twinning of Photovoltaic Panels by Machine Learning Models and a Cyber-Physical Model in Modelica // IEEE Transactions on Industrial Informatics. 2022. Vol. 18, № 6. P. 4018–4028.

18. Holman B., Wilholt T. The new demarcation problem // Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2022. T. 91. P. 211–220. (IN RUSSIAN). DOI: 10.1016/j.shpsa.2021.11.011

19. Pulkkinen K., Undorf S., Bender F.A. Values in climate modelling: testing the practical applicability of the moral imagination ideal // European Journal for Philosophy of Science. 2022. T. 12. № 4. P. 1–18. (IN RUSSIAN). DOI: 10.1007/s13194-022-00488-4

20. Resnik D.B., Elliott K.C. Science, Values, and the New Demarcation Problem // Journal for General Philosophy of Science. 2023. T. 54. № 2. P. 259–286. (IN RUSSIAN). DOI: 10.1007/s10838-022-09633-2

21. Reutlinger A. When do non-epistemic values play an epistemically illegitimate role in science? How to solve one half of the new demarcation problem // Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2022. T. 92. P. 152–161. (IN RUSSIAN). DOI: 10.1016/j.shpsa.2022.01.018

22. Rijssenbeek Ju., Blok V., Robaey Z. Metabolism instead of machine: towards an ontology of hybrids // Philosophy and Technology. 2022. T. 35. № 3. P. 1–23. (IN RUSSIAN). DOI: 10.1007/s13347-022-00554-y

23. Sartenaer O. A contextualist solution to the demarcation problem // Journal for General Philosophy of Science. 2023. P. 20–22. (IN RUSSIAN). DOI: 10.1007/s10838-023-09648-3

24. Sepetyi D. Demarcation problem: Karl Popper's solution in the contemporary retrospective // Actual Problems of Mind. 2024. T. 25. № 1. P. 48–73. (IN RUSSIAN). DOI: 10.2139/ssrn.4370363

25. Szabó B., Actis R. The demarcation problem in the applied sciences // Computers & Mathematics with Applications. 2024. T. 162. P. 206–214. (IN RUSSIAN). DOI: 10.1016/j.camwa.2024.03.024

26. Wagner W.E. № one solution to the «new demarcation problem»?: A view from the trenches // Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2022. T. 92. P. 177–185. (IN RUSSIAN). DOI: 10.1016/j.shpsa.2022.02.001

Ли Гэнь,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: st106490@student.spbu.ru

В условиях кризиса глобального капитализма и систематического избытка капитала российско-китайское стратегическое партнёрство выступает ключевой формой устойчивой кооперации между крупнейшими развивающимися державами. Анализируется феномен «стратегического партнёрства» в дипломатии РФ и КНР, его формы с другими странами и воплощение в договорах/заявлениях. В статье на основе синтеза теорий Ленина, Мао Цзэдуна, Валлерштейна и Амина исследуется феномен российско-китайского стратегического партнёрства как ответ на вызовы дезинтеграции глобализации. Рассматриваются двусторонние модели: система многоуровневых партнёрств России и стратифицированная система Китая. Анализируется, как в подписанных соглашениях реализуются механизмы «де-зависимости» и дедолларизации. Делается вывод, что данное партнёрство формирует «китайско-российский вариант» сообщества единой судьбы, направленный на смягчение рисков глобального кризиса и обеспечение суверенного развития.

Ключевые слова: Россия–Китай, стратегическое партнёрство, международные отношения, глобальное управление, кризис глобального капитализма.

Введение

В условиях ослабления западных центров власти страны, ранее занимавшие периферийные позиции в общемировой системе политико-экономических связей, в том числе Российская Федерация и Китайская Народная Республика (КНР), переосмысливают региональное сотрудничество. Их стратегическая цель – использовать его как инструмент снижения зависимости от «ядра мировой системы», стремясь снизить угрозы рисков, возникающих в связи с подчиненным положением в мировой иерархии. Россия может использовать свои огромные размеры территории и ресурсный потенциал для решения задач «догоняющего развития», уделяя приоритетное внимание развитию промышленных центров и регионов, транспортно-логистических сетей, цифровизации удалённых районов страны.

Цель настоящей статьи состоит в теоретическом осмыслении политики «стратегического партнёрства» России и Китая через призму глобальной конкуренции держав в условиях кризиса капитализма. **Задачи**, решаемые в статье:

1) выявить качественные отличия стратегического партнерства России и КНР от их отношений с другими странами;

2) определить, как цели стратегического партнёрства отражены в подписанных соглашениях;

3) обозначить этапы эволюции российско-китайских отношений как механизма противодействия гегемонии Запада в эпоху соперничества крупнейших государств планеты в вопросе о формировании новой архитектуры мировой безопасности и экономики;

4) дать оценку реализации некоторых согласованных приоритетов двухстороннего стратегического взаимодействия.

Стратегическое партнерство России и Китая

В.Ленин считал, что партнерство между капиталом и властью носит временный характер, капитал стремится к максимизации прибыли и использует государственные ресурсы для продвижения своих интересов в других регионах планеты, в том числе провоцируя военные конфликты и мировые войны[1].

Амин считал, что партнерство Центра и Периферии – это инструмент структурной эксплуатации через монополии, а путь к равноправию – «деконнексия» и построение автономной экономики. Амин доказывал, что система пяти монополий обречена на «имплозию» из-за исчерпания платежеспособного спроса Периферии[2].

Валлерстайн доказывал, что партнерство – это иерархическая данность мир-системы[3], где гегемон навязывает правила игры, а кризис системы ведет к хаотичному переделу мест в глобальной пирамиде.

Мао утверждал, что экономика подчинена политике, а подлинное партнерство возможно лишь на основе самоопоры, суверенитета и укрепления национальных базовых столпов (промышленность, сельское хозяйство, оборона)[4]. Политическая работа состоит в максимальном расширении круга союзников и минимизации числа противников.

Феномен «стратегического партнерства» в российской и китайской внешней политике

После восстановления полномасштабных дипломатических и экономических отношений, формализация российско-китайских партнёрских отношений продвигалась с нарастающей динамикой. Основные этапы включают: установление в 1996 году стратегического партнёрства в области взаимодействия между КНР и Российской Федерацией, подписание в 2001 году Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и Россией (далее – Договор), установление в 2011 году всеобъемлющего стратегического партнёрства, понимаемого сторонами как взаимодействия, основанного на равенстве и доверии, взаимной поддержке, стремления к общему процветанию и дружбе между разными поколениями, а также повышение в 2019 году до уровня всеобъем-

[1] Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма… // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 27. – С. 299–426.

[2] Самир Амин. Россия: долгий путь от капитализма к социализму. М. – СПб.: ИНИР, 2017. – 148 с.

[3] Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том 1–4. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2016.

[4] Мао Цзэ-дун. Избранные произведения: в 5-ти томах. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1967.

лющего стратегического партнёрского взаимодействия Китая и России в новую эпоху. В 2021 году, в год 20-летия заключения Договора, главы двух государств опубликовали совместное заявление, официально объявив о его продлении. В 2025 году главы двух государств совместно подписали и опубликовали «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации по дальнейшему углублению всеобъемлющего стратегического партнёрства взаимодействия Китая и России в новую эпоху по случаю 80-летия Победы в Китайской народной войне против японских агрессоров, а также победы в Великой Отечественной войны Советского Союза и юбилее основания Организации Объединённых Наций». В подписанном лидерами двух государств заявлении отмечается, что стороны будут всесторонне реализовывать важные договорённости, согласованные на высшем политическом уровне, продолжат поддерживать тесные контакты между всеми заинтересованными акторами и обеспечивать функционирование механизмов взаимодействия между правительствами, законодательными органами, а также в рамках межпартийного диалога на высоком уровне.

На протяжении долгого времени Китай и Россия всесторонне изучали друг друга, что позволило сблизить их позиции по многим вопросам внутреннего развития и международной повестки. Стратегические цели партнерства двух стран в целом взаимно совпадают, и это составляет твёрдую основу для сотрудничества в различных областях. Значит, это не направлено против каких-либо третьих сторон и может достаточно уверенно развиваться вне зависимости от любых потрясений и перемен в мировой политике и в экономике. В условиях интенсивной нарастающей анархии в международных делах стороны сохраняют стратегическую устойчивость, всегда рассматривают друг друга как приоритетных партнеров и искренне стараются совместно противодействовать любым попыткам вмешиваться в их дела, подрывать традиционную дружбу и глубокое взаимное доверие между Китаем и Россией.

Переплетённое на высшем уровне стратегическое взаимодействие, всеобъемлющий охват направлений сотрудничества и мирная направленность отличают партнёрство двух государств – Китая и России. Эти качественные характеристики ярко свидетельствуют о равноправии, взаимном уважении и приоритетности отношений, что особенно проявилось в ходе саммитов глав этих двух государств.

Высокий уровень межгосударственных отношений

Соотношения достигли уровня «всеобъемлющего стратегического партнерства новой эпохи», что является беспрецедентным в многовековой истории соотношения двух стран. Россия и Китай равноправно относятся друг к другу как к приоритетным партнёрам, официально подтверждают готовность оказывать твёрдую поддержку по вопросам взаимных интересов, укрепляя политическое доверие и уважая пути развития каждой стороны.

Всесторонность (многоплановость)

Сотрудничество охватывает все сферы: от политики и экономики до высоких технологий и культуры. Ключевые ожидания России включают консолидацию политического доверия с расширением обменов на всех уровнях; развитие торговли, инвестиций, промышленности, сельского хозяйства, финансов и авиакосмоса; акцент на местном уровне (например, визит в Харбин для интеграции Дальнего Востока и Северо-Востока Китая); углубление военно-технического партнёрства; и расширение гуманитарных связей через «Год культуры» с акцентом на народный уровень.

Мирность (миролюбие)

Партнёрство ориентировано на мир, опираясь на принципы «не вступать в альянсы, не противостоять и не нацеливаться на третьи страны». Страны продвигают многополярный мир через сотрудничество в рамках ООН, а также соблюдение норм международного права, отвергают конфронтацию и санкции; координируют инициативы «Один пояс – один путь» и «Евразийское партнёрство»; укрепляют ШОС и БРИКС (включая председательство России в 2024 г.). Это сотрудничество обеспечивает международную безопасность, борьбу с терроризмом и стабильность.

Стратегическая значимость

Четвертьвековой путь отношений подтверждает их незаменимость для интересов народов, соответствие глобальным трендам и устойчивость в любых условиях.

80 лет истории китайско-российских отношений доказывают, что укрепление вечного добрососедства, всестороннего стратегического взаимодействия и взаимовыгодного сотрудничества отвечает коренным интересам двух стран и народов, соответствует ожиданиям международного сообщества и веяниям времени, обладая незаменимым значением.

Россия: Региональные партнёрства как буфер от кризисных рисков

Постсоветское пространство

На постсоветском пространстве Россия выстраивает многоуровневую систему партнёрств. С Беларусью создано Союзное государство (Договор 1999 г.), нацеленное на формирование единого экономического, таможенного и военного пространства. С Казахстаном установлены всеобъемлющие стратегические отношения плюс союзничество (Декларация 2025 г.), охватывающие политику, энергетику и национальные валюты, с планами углубления в марте 2026 года как основы евразийской устойчивости. С Арменией поддерживаются стратегические отношения с элементами сотрудничества в области военной безопасности; несмотря на акцент последней на автономии, сотрудничество продолжается в экономике и инвестициях с упором на многополярность. С Кыргызстаном развивается стратегическое партнёрство в рамках ЕАЭС, ОДКБ и ШОС (заявление 2025 г.), сфокусированное на торговле, инвестициях и энергетике для обеспечения локальной стабильности. С Таджикистаном действует договор о союзничестве (Договор 1993 г., программа 2026–2030 гг.), где военное присутствие и миграция формируют Центральную Азию как нишу безопасности для России.

Азия

На азиатском направлении Россия реализует дифференцированную стратегию. С Индией поддерживаются отношения особого привилегированного стратегического партнёрства (ОПСП), охватывающие политику, оборону и координацию в БРИКС/ШОС, характеризующиеся стратегической автономией вне формата альянсов. С Ираном осуществляется стратегическая координация, нацеленная на коридор «Север-Юг», газ и АЭС для обхода санкций. С КНДР партнёрство активизировалось в военно-технической сфере, используя обмен боеприпасами и ПВО как противовес давлению Запада.

Латинская Америка и Ближний Восток

В Латинской Америке и на Ближнем Востоке Россия работает над преодолением западных блокады и негативных последствий санкций против дружественных государств. С Венесуэлой сохраняется стратегическое партнёрство, сфокусированное на финансовой инфраструктуре для обхода санкций. С Бразилией поддерживаются партнёрские отношения, основанные на взаимной выгоде без военных обязательств. С Кубой установлены всесторонние отношения (включая военно-техническое сотрудничество 2025 г.), с торговыми соглашениями до 2030 года, направленные против санкций США. С Египтом оформлены всестороннее партнёрство и стратегическое сотрудничество, включающие АЭС «Эль-Дабаа» и оборонное сотрудничество вне санкционного поля.

Китай: Система всесторонних партнёрств для диверсифицированных ниш

Всепогодное стратегическое партнёрство (с Пакистаном) представляет высочайший уровень доверия, независимый от глобальных турбулентностей. Всепогодное стратегическое партнёрство (Эфиопией, Венесуэлой) сфокусировано на политике и экономике без ориентации на третьи стороны. Всепогодного и всестороннего стратегического партнерства (с Беларусью, Венгрией) характеризуется «железной дружбой» в политике и интеграции. Всепогодное всестороннее стратегическое партнёрство новой эры (с Узбекистаном, Сербией) подчёркивает сочетание политической поддержки и экономической интеграции (приоритеты 2026 г.). Вечное всестороннее стратегическое партнёрство (с Казахстаном) нацелено на стабильность в Центральной Азии. Всеобъемлющее стратегического партнерство новой эпохи, институционализирующее отношения высшего уровня доверия, независимые от глобальных потрясений; сформирована правовая база сотрудничества в сферах «Бэйдоу», градостроительства, торговли, сельского хозяйства и культурного наследия (с Южной Африкой, Таджикистаном).Всестороннее стратегическое партнёрство существует преимущественно с соседями и развивающимися странами, имея прагматическую направленность.

Отражение целей «стратегического партнёрства» России и Китая в уже подписанных соглашениях между двумя странами

Политическое и стратегическое сотрудничество: основа устойчивости

Политическое взаимодействие образует ядро российско-китайских отношений, опираясь на Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 2001 г., дополненный совместными заявлениями для динамической адаптации к глобальным вызовам и кризисам.

Договор 2001 г. фиксирует принцип «дружбы на поколения вперед, без альянсов против третьих сторон», закладывая правовую основу для де-зависимости в сферах политики, экономики и безопасности.

Совместное заявление 2019 г. возводит партнерство на уровень «сообщества единой судьбы новой эпохи», подчеркивая взаимопомощь, интеграцию и пять ключевых приоритетов: стратегическое доверие, безопасность, прагматизм, гуманитарное сотрудничество и координацию действий.

Заявление, выпущенное совместно в 2025 году (Восьмого мая, настойщо в честь восьмидесятилетия Победы) подтверждает незыблемость суверенитета, поддерживает высокоуровневые контакты и усиливает противодействие внешнему вмешательству, адаптируя их рамки к текущему геополитическому хаосу.

Эти документы наполнили партнерство принципиально новым содержанием и существенно повысили его прочность, устойчивость и глубину. В первую очередь они способствовали укреплению стратегического доверия, переводя его от декларативных обязательств к практическим механизмам взаимной поддержки. Во-вторых, они способствовали формированию институциональной структуры сотрудничества в виде созданных общих координационных платформ, включая регулярные саммиты и рабочие группы. Наконец, партнерами были выработаны общие позиции по чувствительным вопросам: о значении Победы во Второй мировой войне как символе антифашистского единства; а также единое понимание характера и границ интеграционных проектов, исключающее конфронтационные альянсы и фокусирующее внимание на взаимовыгодной кооперации.

Экономическое сотрудничество: институциональная и инвестиционная основа

Экономическая взаимодеятельность образует стержень русско-китайского стратегического партнерства, которая формирует ориентиры капиталовложений на актуальные секторы и региональные экономические ниши через развитие торговли в национальных валютах, приграничные экономические коридоры и инфраструктурные мега-проекты. Данный подход в свою очередь содействует диверсификации внешнеэкономических потоков, уменьшению зависимости от традиционных центров финансов и образованию взаимодополняющих цепочек поставок. Товарооборот России и Китая по итогам 2024 года достиг около 245 млрд долларов США, при этом доля расчётов в рублях и юанях составляет порядка 99% двусторонних платежей.

Наука и инновации: драйвер устойчивого развития

Инновационное сотрудничество Россия–КНР выступает опорой для устойчивого развития региональных и межсекторальных экономических связей, ориентируясь на цифровизацию, зелёные технологии и интеллектуальную модернизацию сельских и периферийных территорий.

Предполагаемая Дорожная карта на 2026–2030 гг. (подготовка завершена в ноябре 2025 г.) закрепляет развитие исследований в области синхротронных и других установок класса «мегасайенс», квантовых технологий и нейронаук, а также принцип открытого доступа российских и китайских научных центров к этим установкам для совместных проектов.

Эти документы и институциональные решения качественно изменили характер российско-китайского стратегического партнёрства в научной сфере: от эпизодического проектного взаимодействия к систематизированной инновационной повестке с долгосрочной дорожной картой, совместным использованием установок класса «мегасайенс» и устойчивой инфраструктурой обмена исследователями. В результате партнёрство приобрело более технологически ориентированный и институционально устойчивый профиль, обеспечивающий воспроизводимую основу для развития региональной устойчивости, цифровизации и зелёной трансформации экономик на основе двусторонних научных и инженерных цепочек.

Военная безопасность: гарантия баланса

Сотрудничество в сфере безопасности обеспечивает стабильность двусторонних отношений при отсутствии формальных альянсов и направлено на противодействие экспорту рисков и нестабильности из-за пределов Евразийского пространства.

Совместное заявление 2023 года (21 марта) фиксирует приоритеты укрепления стратегического доверия, расширения двусторонних и многосторонних военных учений, развития военно-технического сотрудничества (ВТС) и модернизации вооружённых сил в контексте «взаимодополняемости» интересов России и Китая.

Совместное заявление 2025 года (8 мая) подчёркивает позицию против вмешательства во внутренние дела друг друга, закрепляет ответственность за ядерную безопасность и выступает за запрет размещения и применения оружия в космосе, а также против военизации космической среды.

Эти документы и практические меры трансформировали характер российско-китайского стратегического партнёрства в сфере безопасности: от координации позиций и эпизодических учений к устойчивому институциональному формату, основанному на принципах «равной и неделимой безопасности», отказе от направленных против третьих сторон альянсов и поэтапно расширяющемся боевом взаимодействии. В результате партнёрство приобретает черты управляемой стратегической стабильности: Россия и Китай выстраивают совместные механизмы противодействия экспорту рисков и военизации космоса, сохраняя при этом внешнюю гибкость и многовекторный характер внешней политики

Гуманитарное и региональное сотрудничество: народная основа

Гуманитарное и региональное сотрудничество между Россией и Китаем охватывает образовательные и культурные обмены, межвузовскую кооперацию, развитие туризма, взаимодействие в сфере здравоохранения, а также практическое взаимодействие между пограничными регионами Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Эти связи выступают народной основой стратегического партнёрства, обеспечивая социальную и общественную опору для политического и экономического взаимодействия и способствуя устойчивому развитию локальных сообществ.

План гуманитарного сотрудничества 2023–2027 гг. фиксирует развитие студенческих обменов, проведение «Годов культуры», упрощение визового режима для гражданских контактов, а также расширение совместных спортивных и образовательных программ, включая обмен факультативами, преподаванием русского и китайского языков и поддержку межвузовских центров.

Эти документы и практические меры усилили устойчивость российско-китайского партнёрства, сместив его характер от преимущественно межгосударственного уровня к более многоуровневой и многосубъектной повестке, опирающейся на академические сети, местные администрации, туристические и аграрные сообщества. Таким образом, стратегическое сотрудничество получает дополнительную социальную и региональную опору, что увеличивает его устойчивость к внешним колебаниям, повышает доверие на уровне гражданских обществ и содействует системному развитию взаимодополняющих и локально адаптированных проектов в восточном направлении.

Система двусторонних договоренностей между Россия и Китаем выстроена по принципу сочетания «верхнеуровневого проектирования» с его конкретной реализацией. Фундаментальные договора, такие как Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, дополняется конкретными программами действий, например Программой сотрудничества в области инвестиций. Эта система охватывает всеобъемлющим образом ключевые сферы – от политики и экономики до науки и гуманитарных связей при этом при этом прикладывается особое внимание приоритетным направлениям включая энергетику и высокие технологии. Является важной особенностью также и динамичность документов, которые регулярно обновляются с учетом меняющейся международной обстановки – об этом говорит даже пятилетний цикл корректировки «Дорожной карты» в научно-технологической сфере. Кроме того, взаимодействие строится на сочетании многосторонней координации и двустороннего углубления, что позволяет сторонам продвигать реформы глобального управления и развивать прагматическое сотрудничество на двустороннем уровне.

Эти соглашения обеспечивают прочную основу для «высококачественного функционирования» отношений Китая и России, а также предлагают «китайско-российский вариант» для «построения сообщества единой судьбы человечества».

Заключение

В современную эпоху российско-китайское стратегическое партнёрство эволюционирует в парадигму выживания и автономного развития держав, ранее находившихся на периферии глобальной системы, мастерски интегрируя теоретические рамки империализма Ленина (монополистический финансовый капитал как источник кризиса ядра), миросистемы Валлерстайна (сдвиги в структуре «ядро–полупериферия» через евразийские полюса противовеса) и зависимости Амина («внутренний взрыв» ядра и стратегии деколонизации). Эта многоуровневая архитектура соглашений – от фундаментального Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г., продлённого в 2021 г., до Совместных заявлений 2019 г. («сообщество единой судьбы новой эпохи») и 2025 г. (ко 80-летию Победы, с акцентом на суверенитет и противодействие вмешательству) – обеспечивает не только минимизацию рисков за-

падных финансовых цепочек, но и их радикальное перераспределение в устойчивые евразийские ниши.

На практике российско-китайское стратегическое партнерство для Глобального Юга представляют собой яркий пример того, как периферийным странам можно выстраивать свои собственные пути автономии, не подражая западным моделям и не бесконечно быть сателлитами. Это – не универсальный шаблон для прямого заимствования, это демонстрация гибких механизмов, адаптируемых под локальные условия: страны Юга наблюдают, как Россия с Китаем через ШОС/БРИКС создают платформы Юг-Юг, где Индия, Бразилия, ЮАР и другие задают свои темпы роста, не унижаясь под атлантическим ядром.

Ключевое отличие -– акцент на локальных, а не универсальных альянсах: африканские страны перенимают логистику коридоров «Север-Юг» и арктических маршрутов, адаптируя их под свои порты; Латинская Америка -– дедолларизацию в целях защиты от санкций США; азиатские – цифровизацию окраин (сельские территории, сельское население, сельское хозяйство) для своих внутренних рынков. Глобальный Юг получает не готовую модель, а инструментарий: региональные объединения (Африканский союз, СЕЛАК, АСЕАН) и приоритет национальных валют, локализацию производств и перехват контроля над собственными ресурсами и цепочками поставок.

Таким образом, бывшая периферия обучается играть по своим правилам: вместо борьбы за западные рынки она выстраивает внутренние контуры (как ЕАЭС для России, RCEP для Китая) и перенаправляет глобальный капитал в свои ниши. Это создает эффект домино – каждая успешная Юг-Юг инициатива (как БРИКС+ или ШОС+) усиливает позиции всех остальных, превращая их в децентрализованную сеть, в которой Глобальный Юг перестает быть объектом трансфера кризисов и становится самостоятельным полюсом.

Литература

1. Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма… // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 27. – С. 299–426.

2. Самир Амин. Россия: долгий путь от капитализма к социализму. М. – СПб.: ИНИР, 2017. – 148 с.

3. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том 1–4. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2016.

4. Мао Цзэ-дун. Избранные произведения: в 5-ти томах. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1967.

STRATEGIC PARTNERSHIP BETWEEN RUSSIA AND CHINA: THEORY AND PRACTICE

Li Gen
St. Petersburg State University

This article examines the phenomenon of Russian-Chinese strategic partnership as a response to the challenges of globalization's disintegration, based on a synthesis of the theories of Lenin, Mao Zedong, Wallerstein, and Amin. The study analyzes bilateral models: Russia's system of multi-level partnerships and China's stratified system. It investigates how mechanisms of "de-dependence" and de-dollarization are implemented in signed agreements. The conclusion is drawn that this partnership forms a "Chinese-Russian version" of a community with a shared future, aimed at mitigating the risks of the global crisis and ensuring sovereign development. functioning as an essential anchor of stability against global systemic risks.

Keywords: Russia–China, strategic partnership, international relations, global governance, crisis of global capitalism.

References

1. Lenin, V.I. Imperialism, the Highest Stage of Capitalism // Complete Works. – 5th ed. – Moscow: Politizdat, 1969. – Vol. 27. – P. 299–426.

2. Amin, Samir. Russia: The Long Path from Capitalism to Socialism. Moscow–St. Petersburg: INIR, 2017. – 148 p.

3. Wallerstein, I. The Modern World-System. Vols. 1–4. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016.

4. Mao Zedong. Selected Works: In 5 Volumes. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1967.

Марксистская теория издержек в контексте развития современного общества Китая

Ли Ян,
преподаватель, Шэньянский технологический институт
E-mail: 2281262926@qq.com

Цель статьи заключается в анализе марксистской теории издержек даптации ее концептуальных основ к социально-экономическим условиям современного Китая. Обосновано, что трансформация марксистской теории издержек в современном Китае стала сложной и многоуровневой реорганизацией как методологических подходов, так и практических рекомендаций в части управления социально-экономической сферой, включающей в себя переход от плановой экономики к рыночной, коллективизацию сельского хозяйства, проведение индустриализации, борьбу с неравенством, экономические реформы и т.д. В свою очередь, опыт КНР показал, что жёсткая привязка к ортодоксальным положениям классического марксизма не позволила бы адекватно реагировать на вызовы постиндустриальной экономики, цифровизации и углубления региональных контрастов. Было установлено, что традиционное для марксизма внимание к производственным издержкам и вопросам прибавочной стоимости в Китае постепенно переходит к анализу общественных затрат, отражающих не только материально-трудовые компоненты, но и издержки социальной сферы, человеческого капитала, инновационной деятельности, а также экологии. Важным результатом исследования стало выявление отличительных черт научного дискурса и полярности подходов к пониманию роли издержек производства в научной теории марксизма, между российскими и китайскими авторами. Модификация марксистской теории издержек и практическое её применение в Китае предоставили оригинальные решения для современных проблем общества и могут рассматриваться как значимый вклад в развитие глобальной экономической мысли. Данная концепция сохраняет потенциал дальнейшей эволюции, способствуя поиску новых путей гармонизации, бурно меняющейся социальной и экономической реальности.

Ключевые слова: марксистская теория издержек, социально-экономическое развитие Китая, эволюция, гармонизации общества, борьба с неравенством, человеческий капитал.

Введение

На сегодняшний день, социально-экономическое развитие Китая осуществляется на стыке ранних идей марксистской теории издержек и уникальных национальных практик, возникших в ходе внедрения политики реформ и открытости. Цифровая трансформация практически всех сфер хозяйственной деятельности побуждает аподиктические дискуссии вокруг теоретических издержек производства и требует анализа и пересмотра классических положений марксизма.

Все чаще, в современной социальной философии обсуждаются аспекты отличия модели «социализма с китайской спецификой» от российских механизмов регулирования издержек, включая капиталовложения в человеческий капитал, затраты на модернизацию и инновации, а также влияние неравномерности регионального развития. Мы рассматриваем актуализацию отельных элементов марксистской теории сквозь призму их преобразования в инструменты управления социально-экономическими противоречиями. Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью анализа адаптивности марксистской методологии в целях оценки новых форм издержек, связанных не только с индустриальным, но и с интеллектуальным, а также экологическим производством.

Особый интерес вызывают направления, в которых политическое руководство КНР переосмысливает марксистское наследие, затрагивая культурные аспекты затрат, вопросы социальной мобильности, доступности базовых общественных благ, а также влияние технологического разрыва между городом и провинциями Китая.

Теоретические основы исследования. Впервые идею «китаизации марксизма» в 1925 году, выдвинул Мао Цзэдун [16], пытаясь адаптировать его к китайским реалиям. В своих лекциях он подчёркивал различия между Советской Россией и Китаем, с акцентом на преимущество китайской специфики управления.

Влиятельный китайский философ, Чжан Цицюнь [22], в своей книге «История китайской эстетики» сделал попытку интегрировать марксизм с традиционной китайской философией, стремясь найти точки соприкосновения и синтеза. Работы ученого не остались незамеченными и вызвали волну обсуждений, которые охватили как академические круги, так и широкую общественность.

Традиционная марксистская теория издержек также исследована многими современными отечественными и зарубежными авторами.

Так, Ху Чжэньюй представил анализ теоретических концепций модернизации в Китае, где сосредоточился на роли марксизма как идеологического ориентира в данном процессе [19]. В научных трудах Ма Кэжоу описываются предпосылки зарождения марксизма в мире, исторический экскурс становления марксизма в Китае, а также аргументируется появление «нового витка» развития в современном Китае на основе сопоставления новых базисов идеологии и фундаментальных марксистских теорий [13].

Современное научное сообщество активно обсуждает применимость модифицированной марксистской теории издержек для условий современной КНР.

В работах А.В. Бузгалина, М.Г. Делиагина [2] и А.И. Колганова [3] подчёркивается значение теории общественных издержек, развитой Марксом, как инструмента критического анализа новых отношений между государством, рынком и трудом. Российская дискуссия часто опирается на опыт постсоветской трансформации, что усиливает акцент на рисках коммерциализации базовых общественных благ, анализе неэквивалентного обмена и проблеме превращения социальной сферы в сферу затрат без реального увеличения народного благосостояния.

В свою очередь, китайские учёные, подход к преобразованию марксистской методологии строят как на признании уникальности национального пути, так и на прагматическом пересмотре догматических положений.

В исследованиях, таких ученых, как Ли Вэй [14], Чэнь Лицзян [21], Ван Цзясюй [7] можно найти анализ взаимодействия между традиционными категориальными схемами (затраты капитала, рабочей силы, природных ресурсов) и современными реалиями цифровой экономики, инноваций, экологии. Китайские ученые склонны рассматривать теорию издержек не только через призму классовых отношений, но и через эффективность государственной политики, интеграцию социаль-

ных инвестиций в макроэкономическую стратегию. Несмотря на ряд многочисленных исследований посвященных данной проблематике, остается дискурс по вопросам поиска баланса между экономической эффективностью и социальным равновесием.

В этой связи, цель данной статьи заключается в ананлизе марксистской теории издержек и адаптации ее концептуальных основ к социально-экономическим условиям современного Китая, в соответствии с которой необходимо решить следующие практические задачи: исследовать генезис марксистской теории издержек для того, чтобы понять, как данная теория адаптировалась к изменениям в экономических условиях Китая; изучить сферы применения данной теории в современном обществе Китая; оценить влияние марксистской теории издержек на социально-экономическое развитие современного Китая.

В контексте исследования используются гипотетико-дедуктивный метод, исторический и сравнительный анализ данных, анализ социально-философских теорий, а также диалектический метод, который позволит изучить причины и следствия.

Результаты и их обсуждение

Процесс внедрения марксизма в Китае сопровождался многочисленными этапами идейной трансформации, а также неизбежной адаптацией теории к уникальным национальным условиям.

Первое знакомство китайских мыслителей с марксистскими идеями пришлось на начало XX века, когда революционная интеллигенция искала альтернативу традиционным подходам и западной буржуазной мысли [4]. После образования Коммунистической партии Китая в 1921 г. марксистская теория стала важнейшей методологической основой для осмысления социально-экономических реалий страны, находившейся в состоянии полуфеодальной разрозненности и колониального давления [5].

На первом этапе акцент делался на ортодоксальном марксизме, основы которого старались внедрить в китайский уклад практически дословно. Однако, вскоре, быстро выявилась необходимость изменения методологии: реальное соотношение классов, роль крестьянства и слабая развитость промышленности выдвигали другие приоритеты, нежели чем в капиталистической Европе [6]. В данный период Мао Цзэдун вводит стратегию единого антифеодального и антиимпериалистического фронта, в центре которого оказывается крестьянство, а не пролетариат, тем самым проложив начало процесса «китаизации» марксизма, когда ортодоксальные положения стали видоизменятся под влиянием местной специфики [16].

Дальнейшее развитие марксизма в Китае проходило через призму политических кампаний и преобразований. Ортодоксальные представления об издержках и прибавочной стоимости сохранялись в официальной риторике, но в 1950–1970 гг. государственная политика зачастую сводила их к директивному перераспределению ресурсов, планированию издержек производства и полному подчинению экономики государственным целям. С переходом к реформам конца 1970-х гг., инициированным Дэн Сяопином, начинается новый этап – переосмысление марксизма в духе прагматизма. Курс на «социализм с китайской спецификой» предполагал отход от догматизма. Возникает интеграция рыночных механизмов в плановую систему, расширяется значение прибыли и стимулирования производительности, понятие издержек обретает финансовую прозрачность и гибкость [13]. Рыночные механизмы начинают рассматриваться не как антагонизм социализму, а как инструмент развития производительных сил, сохраняя при этом главный контроль государства в стратегических секторах.

Постепенно, по мере развития экономики и повышения уровня жизни, усиливаются процессы диалога между традиционным марксизмом и современными управленческими концепциями [4]. Вхождение Китая в XXI век отмечено появлением новых вызовов, связанных с глобализацией, инновациями и необходимостью пересмотра прежних идеологических акцентов [3]. Так, Ван Лань, Чжао Инин, в своих трудах отмечают, что бурное развитие экономики Китая обострило ряд глубоких социальных противоречий, которые невозможно игнорировать при анализе современной системы общественных издержек [5].

Стоит отметить, что модернизация привела к существенному росту разрыва между развитыми приморскими регионами и внутренними провинциями. Столицы и прибрежные города накопили значительную долю национального богатства благодаря инвестициям, экспорту и инновационным технологиям, тогда как обширные сельские районы сталкиваются с хроническим недофинансированием здравоохранения, образования и инфраструктуры. Наиболее точно, на наш взгляд данная ситуация описана в работах Вана Цзясюня где приведены статистические данные, на основании которых можно утверждать, что уровень доходов в мегаполисах кратно превышает показатели сельских территорий [9] и как следствие способствует расширению социального разлома. В связи с этим, возникает новый тип общественных издержек – рост миграционного притока в города, который сопровождается дефицитом доступного жилья, социальной сегрегацией, нестабильностью занятости для приезжих. Механизм регистрации по месту жительства (хукоу) ограничивает мигрантов в реализации базовых социальных прав, что усиливает разницу в доступе к медицинским, образовательным и пенсионным услугам. Данные формы социального неравенства не только увеличивают стоимость реального воспроизводства рабочей силы, но и провоцируют скрытые экономические потери, связанные с напряжённостью в обществе, ухудшением качества городской среды и ростом теневой занятости [10].

Помимо территориальных диспропорций и неравенства доходов, модернизация страны актуализировала вопросы новых общественных издержек, возникающих в сферах экологии, психического здоровья, качества образования. Быстрый темп урбанизации и индустриализации вызывает деградацию окружающей среды, формирует дополнительные затраты на восстановление экологического баланса, а также угрозу для здоровья большого числа жителей. Конкуренция на рынке труда приводит к обострению проблем стресса, выгорания, неуверенности в завтрашнем дне. Тем самым, в условиях стремительного технологического развития, креативное переосмысление марксистской методологии становится важнейшим ресурсом для формирования гибкой и адаптивной экономической политики в КНР [7, Ван Л., С. 16–17]. Современное руководство оперирует марксизмом уже не как набором догм, а в качестве живого инструмента анализа, объединяющего вопросы стоимости, социальной справедливости и инклюзивного. Данная трансформация особенно ярко проявляется в стратегиях цифровой экономики и управлении вызовами эпохи искусственного интеллекта и экологической устойчивости. Примером новейшего подхода служит инициатива «Индустрия 4.0 по-китайски» и развитие концепции «цифрового социализма», где в расчётах издержек учитываются не только материальные затраты, но и стоимость обработки данных, интеллектуальных услуг и алгоритмического труда [21].

Применение искусственного интеллекта в промышленности, транспорте и сфере услуг сопровождается акцентом на снижение трудоёмкости, совершенствование распределения ресурсов и сокращение пролетаризации новых городских групп населения [17, Ху Ч., С. 101–114]. Ряд государственных документов основывает приоритеты на необходимости «общего процветания» – слияния экономической результативности с социальной ангажированностью и гарантиями защиты цифровых прав работников. Экологическая безопасность населения также интегрируется в марксистский подход посредством жёсткое нормативирование выбросов, распространение рынков «зелёных сертификатов» и включение экологических затрат в систему национальных счетов. В данном сегменте марксистская концепция общественных издержек расширена с учётом долгосрочных рисков для здоровья нации и будущих поколений [8, Ворончихина Д.Н., С. 79–96]. Таким образом, данные свидетельствует о становлении марксизма как динамической и перспективной концепции для навигации в новых экономических и технологических реальностях. Китайский опыт активного сочетания теоретической гибкости и целенаправленной социальной политики обретает международное значение как пример возможного синтеза экономической эффективности и социальной устойчивости в XXI веке [21].

Заключение

Генезис марксистской теории издержек показал способность марксизма адаптироваться к уникальным социокультурным условиям Китая, позволив соединить историческую преемственность и инновации, а также стать стратегическим ресурсом социально-экономического роста и научного прогресса страны. Китайский подход демонстрирует возможность целенаправленного соединения рыночных стимулов, государственного участия и механизмов социальной гармонии, сочетая гибкое администрирование, адресную поддержку и пролонгированные инвестиции в человеческий капитал.

Представленный виток модернизации позволяет минимизировать внутрисистемные издержки благодаря постоянному пересмотру баланса между ростом и социальной справедливостью. Концепция гармонии, активно включённая в капиталовложения государства и программирование инновационных отраслей, обеспечивает больший потенциал устойчивого развития при сохранении контроля над социальными рисками и неравенством.

Так, в настоящей момент такие сферы экономической деятельности, как энергетика, транспорт и финансы, остаются под контролем государства, которое активно регулирует цены на товары первой необходимости, коммунальные услуги, а также тарифы на энергоносители, предотвращая резкий рост инфляции и обеспечивая доступ населения

к основным благам. Экологические проблемы также являются одной из главных забот китайского руководства. Правительство принимает меры по защите окружающей среды, включая сокращение выбросов вредных веществ, развитие возобновляемых источников энергии и улучшение качества воздуха и воды.

Отметим, что для развивающихся стран ценным оказывается опыт Китая по пошаговой модернизации – от целевого стимулирования отдельных секторов до комплексных программ ликвидации бедности и повышения территориальной сбалансированности. Таким образом, данная модель сохраняет потенциал дальнейшей эволюции, способствуя поиску новых путей гармонизации, бурно меняющейся социальной и экономической реальности.

Литература

1. Антонова З.Г. Модернизация экономики как главный фактор экономического роста // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319, № 6. С. 10–15.

2. Барашкова О. В., Бузгалин А.В., Булавка-Бузгалина Л.А., Колганов А.И. Формирование институтов социально-экономической модернизации СССР: уроки для России. СПб.: Политехника сервис, 2022. 248 с.

3. Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10–38.

4. Васильев И.А. Издержки производства в теории К. Маркса и их современное осмысление // Финансы и кредит. 2019. № 32 (816). С. 1829–1842.

5. Ван Л., Чжао И.Н. Связь между китаизацией марксизма и модернизацией Китая // Реформа и открытость. 2010. № 3. С. 16–17.

6. Ван Х. Логика практического обновления марксизма // Вестник университета науки и технологии г. Сучжоу. 2010. № 2. С. 3–5.

7. Ван Ц.Ц. Китайская мечта как цель политической модернизации // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 4 (68). С. 1010–1014.

8. Ворончихина Д.Н. Современные концепции экологической безопасности. Проблемы реализации экологической политики в Российской Федерации // Дискурс-Пи. 2019. № 4 (37).

9. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты: автореф. дис. … д-ра полит. наук. М., 2006. 39 с.

10. Ван Ш. С., Цзян С.Ю. Социализм с китайским лицом // Обозреватель. 2003. № 11. С. 73–74.

11. Кэжоу М. Китаизация марксизма: предпосылки зарождения, исторический экскурс и новый виток развития в современном Китае // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28, № 3. С. 128148.

12. Ли В. Марксистская теория стоимости и специфика социалистической рыночной экономики Китая // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2018. № 5. С. 47–62.

13. Любимов Е.Н. Теория стоимости и издержек: марксизм и китайская практика // Мир экономики и управления. 2022. № 4. С. 14–28.

14. Мао Цзэдун. Собрание сочинений. Т. 3. Пекин: Издательство «Жэньминь», 1991. 389 с.

15. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Политиздат, 1960. 814 с.

16. Мэн Ю. Ф. «Третий скачок китаизации марксизма»: проблемный опыт концептуализации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 276–283.

17. Ху Ч.Ю. Издержки производства и пути модернизации экономики Китая // Экономическая наука современной России. 2021. № 1. С. 101–114.

18. Цырендоржиева Д. Ш., Бальчиндоржиева О.Б. Китаизация марксизма и модернизация Китая // Изв. Томск. политехн. ун-та. 2013. Т. 323, № 6. С. 261–265.

19. Чэнь Л.Ц. Марксистская политическая экономия в условиях реформ Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 3. С. 99–112.

20. Чжан Ц.Ц. Китайская эстетика XX века / пер. с кит. В.Р. Жилкобаевой. М.: Шанс, 2016. 295 с.

21. Babel, W. (2022). Индустрия 4.0, Китай 2025, Интернет вещей (IoT), искусственный интеллект. В книге: Индустрия 4.0, Китай 2025, Интернет вещей. Springer, Висбаден. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://doi.org/10.1007/978–3–658–37852–3_2 Дата обращения 18.01.2026.

THE MARXIST THEORY OF COSTS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF MODERN CHINESE SOCIETY

Li Yang
Shenyang Institute of Technology

The purpose of this article is to analyze the Marxist theory of costs and adapt its conceptual foundations to the socio-economic conditions of modern China. It is proved that the transformation of the Marxist theory of costs in modern China has become a complex and multilevel reorganization of both methodological approaches and practical recommendations in terms of managing the socio-economic sphere, including the transition from a planned economy to a market economy, collectivization of agriculture, industrialization, combating inequality, economic reforms, etc. In turn, China's experience has shown that strict adherence to the orthodox principles of classical Marxism would not allow an adequate response to the challenges of the post-industrial economy, digitalization and deepening regional contrasts.

It was found that the traditional Marxist attention to production costs and issues of surplus value in China is gradually shifting to the analysis of social costs, reflecting not only material and labor components, but also the costs of the social sphere, human capital, innovation, and the environment.

An important result of the research was the identification of distinctive features of scientific discourse and the polarity of approaches to understanding the role of production costs in the scientific theory of Marxism, between Russian and Chinese authors. The modification of the Marxist theory of costs and its practical application in China have provided original solutions to modern problems of society and can be considered as a significant contribution to the development of global economic thought. This concept retains the potential for further evolution, contributing to the search for new ways of harmonization, rapidly changing social and economic reality.

Keywords: Marxist theory of costs, socio-economic development of China, evolution, harmonization of society, fight against inequality, human capital

References

1. Antonova Z.G. Modernization of the Economy as the Main Factor of Economic Growth // Bulletin of Tomsk Polytechnic University. 2011. Vol. 319, No. 6. pp. 10–15.

2. Barashkova O.V., Buzgalin A.V., Bulavka-Buzgalina L.A., Kolganov A.I. Formation of Institutions of Socioeconomic Modernization of the USSR: Lessons for Russia. St. Petersburg: Politekhnika Service, 2022. 248 p.

3. Buzgalin A.V. Late Capitalism and Its Limits: The Dialectics of Productive Forces and Production Relations (on the 200th Anniversary of Karl Marx's Birth) // Voprosy Politycheskogo Ekonomiki. 2018. No. 2. pp. 10–38.

4. Vasiliev I.A. Production Costs in K. Marx's Theory and Their Modern Interpretation // Finance and Credit. 2019. No. 32 (816). Pp. 1829–1842.

5. Wang L., Zhao Y.N. The Relationship between the Sinicization of Marxism and China's Modernization // Reform and Opening Up. 2010. No. 3. Pp. 16–17.

6. Wang H. The Logic of Practical Renewal of Marxism // Bulletin of Suzhou University of Science and Technology. 2010. No. 2. Pp. 3–5.

7. Wang C.C. The Chinese Dream as the Goal of Political Modernization // Issues of Political Science. 2021. Vol. 11, No. 4 (68). Pp. 1010–1014.

8. Voronchikhina D.N. Modern Concepts of Environmental Safety. Problems of Implementing Environmental Policy in the Russian Federation // Discourse-Pi. 2019. No. 4 (37).

9. Vinogradov A.V. The Chinese Model of Modernization: Socio-Political and Socio-Cultural Aspects: Abstract of a Doctor of Political Science Dissertation. Moscow, 2006. 39 p.

10. Wang Sh. S., Jiang S. Yu. Socialism with a Chinese Face // Observer. 2003. No. 11. pp. 73–74.

11. Kezhou M. Sinicization of Marxism: Prerequisites for its Origin, Historical Excursion, and a New Round of Development in Modern China // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2022. Vol. 28, No. 3. Pp. 128–148.

12. Li W. Marxist Theory of Value and the Specificity of China's Socialist Market Economy // Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics. 2018. No. 5. Pp. 47–62.

13. Lyubimov E.N. Theory of Value and Costs: Marxism and Chinese Practice // The World of Economics and Management. 2022. No. 4. Pp. 14–28.

14. Mao Zedong. Collected Works. Vol. 3. Beijing: Renmin Publishing House, 1991. 389 p.

15. Marx K. Capital. Critique of Political Economy. Vol. 1. Moscow: Politizdat, 1960. 814 p.

16. Meng Yu. F. "The Third Leap in the Sinicization of Marxism": A Problematic Experience of Conceptualization // State and Municipal Administration. Scientific Notes. 2021. No. 3. pp. 276–283.

17. Hu Z. Yu. Production Costs and Paths of Modernization of the Chinese Economy // Economic Science of Contemporary Russia. 2021. No. 1. pp. 101–114.

18. Tsyrendorzhieva D. Sh., Balchindorzhieva O.B. Sinicization of Marxism and Modernization of China // Bulletin of Tomsk. Polytechnic University. 2013. Vol. 323, No. 6. pp. 261–265.

19. Chen L. Ts. Marxist Political Economy in the Context of China's Reforms // Problems of the Far East. 2017. No. 3. Pp. 99–112.

20. Zhang Q.Q. Chinese aesthetics of the 20th century / translated from Chinese by V.R. Zhilkobaeva. Moscow: Shans, 2016. 295 p.

21. Babel, W. (2022). Industry 4.0, China 2025, Internet of Things (IoT), artificial intelligence. In the book: Industry 4.0, China 2025, Internet of Things. Springer, Wiesbaden. [Electronic resource] Access mode: https://doi.org/10.1007/978–3–658–37852–3_2 Date of access 18.01.2026.

Трансформация моделей социального регулирования миграции

Ли Ангелина Владимировна,
аспирантка кафедры глобальных социальных процессов и работы с молодежью, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: angelinali1999@gmail.com

В статье анализируются сдвиги в концептуальных основаниях и институциональных механизмах регулирования миграции в социальной сфере. Показано, что традиционные подходы – ассимиляция, мультикультурализм, дифференциализм – постепенно замещаются гибридными конфигурациями, основанными на селективности, временном характере пребывания и функциональной интеграции. На материале Европейского союза, Российской Федерации и государств Азии выделены основные траектории перемен: сокращение доли постоянно оседающих мигрантов, внедрение цифровых инструментов мониторинга, ужесточение социальных требований на фоне либерализации доступа к отдельным сегментам рынка труда. Сделан вывод о возникновении адаптивно-сегментационной модели, в которой социальное регулирование выстраивается вокруг управляемой статусной неопределённости. Статья адресована социологам, политологам и практикам миграционной политики.

Ключевые слова: социальное регулирование миграции, модели миграционной политики, интеграция мигрантов, цифровизация миграционного учёта, трудовая миграция, мультикультурализм.

За последние два десятилетия глобальные миграционные процессы претерпели столь глубокие изменения, что ранее сложившиеся механизмы социального регулирования перестали отвечать реалиям. Под социальным регулированием миграции здесь понимается система правовых, административных и институциональных решений, определяющих, на каких основаниях иностранец допускается на территорию, каковы условия его пребывания, каков объём социальных прав и каковы перспективы интеграции либо выдворения [6, с. 80]. Три классические модели – ассимиляционная (во французском варианте), мультикультурная (канадско-австралийская) и дифференциалистская (западногерманская модель «гастарбайтеров») – складывались в индустриальную эпоху, когда миграция чаще всего мыслилась как долгосрочная или постоянная. Сегодня каждая из этих моделей сталкивается с тремя системными вызовами: гипермобильностью населения, повсеместным внедрением цифрового учёта и растущей политизацией миграции в контексте внутренней безопасности [13, с. 135].

Первый крупный вектор трансформации связан с уходом от парадигмы постоянной интеграции в сторону управления временными и циркулярными перемещениями. В странах Евросоюза после миграционного кризиса 2015–2016 годов мультикультурализм в его классической версии был фактически свёрнут, а на смену ему пришли модели «контрактной интеграции». Например, в Германии в период 2019–2023 годов в законодательство были включены нормы, обязывающие беженцев и трудовых мигрантов из стран, не входящих в ЕС, проходить языковые и гражданские курсы с последующей проверкой результатов, а также закреплён принцип «помощь в обмен на требования» [18, с. 145]. В России аналогичная тенденция выразилась в ужесточении режима временного пребывания для граждан государств СНГ, введении патентной системы и сокращении допустимого срока нахождения без разрешительных документов. Согласно сводкам МВД РФ, количество зафиксированных нарушений миграционного законодательства в 2023 году увеличилось почти на четверть по сравнению с 2021 годом, что объясняется не столько ростом числа правонарушений, сколько усилением контрольной составляющей [17].

Второй вектор – цифровизация социального регулирования. Прежние механизмы регистрации и учёта постепенно дополняются, а кое где и заменяются цифровыми платформами, биометрическими системами и алгоритмическим профилированием рисков. В Эстонии с 2021 года функционирует институт цифрового резидентства для удалённых работников, который отделяет фискальное присутствие от физического нахождения в стране. В Японии и Республике Корея внедрены системы предвыездного обучения и электронного мониторинга пребывания иностранных стажёров по программе Technical Intern Training [7, с. 22]. Европейская система въезда-выезда (EES), запуск которой планируется на 2025 год, предполагает сбор биометрических данных всех граждан третьих стран при пересечении границ Шенгенской зоны. В результате социальное регулирование из постфактумного контроля превращается в предиктивное управление: статус мигранта может корректироваться автоматически на основе его цифрового следа.

Третий вектор выражается в дифференциации доступа к социальным правам в зависимости от категории, к которой отнесён мигрант. В отличие от классических моделей, стремившихся либо к унификации статуса (ассимиляция), либо к признанию различий (мультикультурализм), современные режимы опираются на принцип функциональной сегментации. Высококвалифицированные специалисты получают ускоренные каналы натурализации и доступ к полному спектру социальных услуг – таковы «голубые карты» в ЕС или «визы для талантов» в Великобритании. Низкоквалифицированные работники, напротив, оказываются в режиме перманентной временности без права на воссоединение семьи, с ограничениями в здравоохранении (кроме неотложной помощи) и жилищной сфере. С.С. Наркевич и П.В. Трунин убедительно показывают, что подобная сегментация ведёт к формированию устойчивых анклавов «неполного гражданства» даже там, где формально отсутствуют зоны вынужденного переселения [10, с. 90].

Российская практика социального регулирования миграции заслуживает отдельного рассмотрения. После 2022 года, в условиях санкционного давления и глубокой структурной перестройки рынка труда, страна столкнулась с острым дефицитом рабочих рук в строительстве, сельском хозяйстве и логистике, однако одновременно были усиле-

ны требования к мигрантам. По данным Росстата, в 2023 году объём трудовой миграции из государств Центральной Азии вернулся к уровню 3,4 млн человек, но средняя продолжительность пребывания сократилась с девяти до пяти месяцев, что свидетельствует о переходе к вахтово-ротационной модели [14]. При этом центр тяжести социального регулирования смещается с государства на работодателя: именно хозяйствующие субъекты становятся главными агентами контроля за соблюдением миграционных правил, включая медицинское освидетельствование, сдачу экзаменов по русскому языку и истории, а также уведомление миграционных органов. Такая конфигурация повышает оперативность управления, но создаёт предпосылки для злоупотреблений и роста неформальной занятости [1, с. 125].

Сравнительный анализ позволяет выделить три современных типа моделей. Первый – неореспубликанский, характерный для Франции и отчасти для Германии, с акцентом на гражданскую интеграцию и светскость, но с более гибкими сроками получения гражданства. Второй – цифрово-контрактный, реализуемый в странах Балтии, Сингапуре и Объединённых Арабских Эмиратах: статус мигранта здесь жёстко привязан к трудовому договору и цифровому рейтингу благонадёжности. Третий – адаптивно-сегментационный, складывающийся в России и некоторых постсоветских государствах. Он сочетает низкий порог въезда с высокими барьерами доступа к социальным правам и постоянному виду на жительство [16, с. 35]. Ни одна из этих моделей не является прямой эволюцией классических; скорее, они формируются как ответ на разнонаправленные давления глобального рынка труда и национальных режимов безопасности.

Важным, хотя и не всегда заметным измерением трансформации выступает гендерный аспект. Классические модели социального регулирования исходили из преимущественно мужской трудовой миграции, за которой следовала семейная. Однако современные потоки всё более феминизируются: женщины мигрируют как в составе семей, так и самостоятельно, занимая ниши в сфере ухода, образования и услуг. В странах Юго-Восточной Азии до 70% трудовых мигрантов из Филиппин и Индонезии составляют женщины, занятые в домашнем хозяйстве и уходе. Тем не менее социальное регулирование в принимающих странах зачастую игнорирует их специфические потребности – от доступа к репродуктивной медицине до защиты от гендерно обусловленного насилия [9, с. 130]. В результате возникает зона молчаливого исключения: формально права предоставлены, но реально недоступны из-за правовых и языковых барьеров.

Наряду с ужесточениями можно наблюдать и противоположную тенденцию – либерализацию социальных прав для отдельных категорий мигрантов. В 2022–2024 годах Испания, Италия и Греция провели кампании массовой амнистии и легализации нелегальных мигрантов, занятых в сельском хозяйстве и туризме, привязав легализацию к наличию трудового договора и уплате налогов. Это говорит о переходе от чисто репрессивно-заградительной логики к экономически стимулирующей. Однако такая либерализация остаётся секторальной и временной, не затрагивая базовых принципов селективности [2, с. 10].

С теоретической точки зрения происходящие изменения требуют пересмотра самого понятия «социальное регулирование миграции». Классические модели оперировали дихотомией «гражданин – иностранец» и предполагали линейную траекторию от временного пребывания к постоянному и далее к гражданству. Современные режимы, напротив, строятся вокруг множественных и обратимых статусов. Один и тот же человек может одновременно иметь временное разрешение на работу в одной стране, вид на жительство в другой и цифровое резидентство в третьей. Социальные права в таких условиях привязываются не к территориальному гражданству, а к конкретным трансакциям – уплате налогов, наличию страховки, соблюдению цифрового профиля. Это явление уже получило в литературе название «алгоритмическое гражданство» [19, с. 42].

Эмпирические исследования последних лет показывают, что гибридные модели социального регулирования по таким показателям, как экономическая активность и уровень преступности, не уступают классическим. Однако они серьёзно проигрывают в части социальной сплочённости и межгруппового доверия. Метаанализ 27 исследований, выполненный в 2023 году, зафиксировал, что в странах с жёсткой сегментационной моделью (например, в государствах Персидского залива) уровень социальной дистанции между мигрантами и принимающим населением примерно на 40% выше, чем в странах с неореспубликанской моделью [21]. Иными словами, эффективность в узком смысле (операционный контроль) достигается ценой утраты интеграционного потенциала.

Для российской миграционной политики из этого можно извлечь несколько практических уроков. Адаптивно-сегментационный подход в целом соответствует текущей экономической и геополитической ситуации, однако его желательно дополнить элементами цифрового контракта. В частности, можно ввести единый цифровой профиль мигранта, объединяющий данные о трудовой деятельности, налоговых отчислениях, медицинских осмотрах и результатах тестирования. Такой профиль не только повысит прозрачность, но и позволит мигранту накапливать «интеграционные баллы» для получения более стабильного статуса. Кроме того, следует пересмотреть режим доступа к социальным услугам: неотложная медицинская помощь и начальное образование для детей мигрантов должны предоставляться вне зависимости от легальности статуса. Это соответствует международным обязательствам России и одновременно снижает эпидемиологические и криминальные риски [11, с. 408].

В итоге можно утверждать, что трансформация моделей социального регулирования миграции не представляет собой линейной смены одной парадигмы другой. Скорее, мы имеем дело с сосуществованием и гибридизацией разных подходов, выбор которых зависит от типа миграции, отраслевой структуры экономики и политической конъюнктуры в принимающей стране. Главный тренд – это переход от статусно-ориентированного регулирования к регулированию, ориентированному на трансакцию и цифровой след. Это открывает возможности для более тонкой и адресной политики, но одновременно несёт риски фрагментации правового поля и роста неформальности. Дальнейшие исследования должны быть направлены на сравнительное изучение долгосрочных последствий различных моделей для социального капитала принимающих обществ и для благополучия самих мигрантов.

Литература

1. Антропов В.В. Роль японской иены как резервной валюты в мировой экономике // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13(5). С. 120–130.
2. Балюк И.А., Балюк М.А. Бреттон-Вудс 2.0: на пути к новой мировой финансовой архитектуре // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 3. С. 5–14.
3. Бурганова И.Н. Бреттон-Вудская система 1944 г.: курс Ф. Рузвельта на гегемонию США // Архонт. 2021. № 3(24). С. 45–50.
4. Глобальное управление: кризис или трансформация? (Мировое развитие. Выпуск 22) / Под ред. А.А. Алешина, Ю.А. Барониной, А.Р. Борисовой и др. М.: ИМЭМО РАН, 2021. 225 с.
5. Гринспен А. У рубля пока нет шансов стать резервной валютой. РБК. 16.10.2009. URL: https://www.rbc.ru/economics/16/10/2009/5703d6ed9a7947733180bc76 (дата обращения: 16.12.2024).
6. Головнин М.Ю. Трансформация механизмов спроса и предложения на ведущие мировые валюты в современных условиях // Вестник Института экономики Российской Академии наук. 2019. № 6. С. 77–92.
7. Кондратьев А.Н. Предпосылки и условия формирования резервных валют // Финансы и кредит. 2011. № 15 (447). С. 20–26.
8. Кудрин верит в резервный юань и крепкий рубль. ФОРБС. 12.10.2009. URL: https://www.forbes.ru/news/16765-kudrin-verit-v-rezervnyi-yuan-i-krepkii-rubl (дата обращения: 18.12.2024).
9. Наркевич С.С., Трунин П.В. Резервные валюты: факторы становления и роль в мировой экономике. М.: Издательство Института Гайдара, 2012. 136 с.
10. Наркевич С.С., Трунин П.В. Перспективы рубля как региональной резервной валюты: теоретический аспект // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 84–97.
11. Павлова А.В. Эволюция международных резервов в мировых валютных системах // Московский экономический журнал. 2023. № 1. С. 403–412.
12. Пакова О.Н. Функционирование финансовой системы в условиях глобализации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 2, № 3. С. 29–32.
13. Плотникова О.В., Дубровина О.Ю. Глобализация и регионализация, их влияние на международное сотрудничество регионов государств // Власть. 2015. Т. 21, № 2. С. 134–136.
14. Ткачёв И. Минэкономики раскрыло степень «юанизации» торговли России без учета Китая. РБК. 28.09.2023. URL: https://www.rbc.ru/economics/28/09/2023/651465e49a79473740bd3834?from=copy (дата обращения: 04.12.2024).
15. Торговля между Китаем и Россией за девять месяцев увеличилась на 2,8%. ИНТЕРФАКС 7.11.2024. URL: https://www.interfax.ru/business/990547 (дата обращения: 10.12.2024).
16. Флореш Р. Замена доллара в международных расчетах: предварительная оценка // Современная мировая экономика. 2024. Т. 2, № 3(7). С. 27–42.
17. Харкевич М. Глобальное управление в эпоху обострения конкуренции между великими державами. РСМД. 5.12.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnoe-upravlenie-

v-epokhu-obostreniya-konkurentsii-mezhdu-velikimi-derzhavami/ (дата обращения: 15.12.2024).

18. Цыплаков С.С. Марафон по пересечённой местности // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 142–152.

19. Чумаков А.Н. Глобализация и цифровизация: социальные последствия кумулятивного взаимодействия // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 36–46.

20. Эйхенгрин Б., Макэр К., Мель А., Монне Э., Наеф А. Юань: нетрадиционный путь к статусу резервной валюты. ЭКОНС. 9.11.2022. URL: https://econs.online/articles/opinions/yuan-netraditsionnyy-put-k-statusu-rezervnoy-valyuty/ (дата обращения: 15.12.2024).

21. Aslanalp S., Simpson-Bell C. US Dollar Share of Global Foreign Exchange Reserves Drops to 25-Year Low. IMF BLOG. 05.05.2021. URL: https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2021/05/05/blog-us-dollar-share-of-global-foreign-exchange-reserves-drops-to-25-year-low (дата обращения: 05.12.2024).

22. BRICS_Research_on_IMFS_20241008. Минфин России. Сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39349-rossiiskoe_videnie_budushchei_mirovoi_finansovoi_sistemy_predstavili_v_ramkakh_vstrechi_finansovykh_organov_stran_briks (дата обращения: 18.12.2024).

23. Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER). IMF. URL: https://data.imf.org/?sk=e6a5f467-c14b-4aa8–9f6d-5a09ec4e62a4 (дата обращения: 10.12.2024).

24. IMF data. World Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves. URL: https://data.imf.org/regular.aspx?key=41175 (дата обращения: 12.12.2024).

25. People's Bank of China. URL: https://ru.tradingeconomics.com/china/foreign-exchange-reserves (дата обращения: 16.12.2024).

26. Steiner A. Global Imbalances, Financial Crises, and Central Bank Policies. Elsevier, 2016. 190 p.

27. World economic outlook. Policy Pivot, Rising Threats // IMF. 2024. 156 p.

TRANSFORMATION OF SOCIAL REGULATION MODELS OF MIGRATION

Li A.V.
Lomonosov Moscow State University

The paper examines shifts in the conceptual foundations and institutional mechanisms of migration regulation in the social sphere. It is demonstrated that traditional approaches – assimilation, multiculturalism, differentialism – are gradually being replaced by hybrid configurations based on selectivity, temporary residence, and functional integration. Drawing on evidence from the European Union, the Russian Federation, and Asian countries, the author identifies key transformation trajectories: a declining share of permanently settled migrants, the introduction of digital monitoring tools, stricter social requirements alongside liberalized access to certain labour market segments. The conclusion points to the emergence of an adaptive segmentation model, in which social regulation is built around managed status uncertainty. The article is intended for sociologists, political scientists, and migration policy practitioners.

Keywords: social regulation of migration, models of migration policy, integration of migrants, digitalization of migration registration, labour migration, multiculturalism.

References

1. Antropov V.V. Rol' yaponskoj ieny kak rezervnoj valyuty v mirovoj ekonomike [Role of the Japanese yen as a reserve currency in the world economy]. Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economy. Taxes. Law.]. 2020. N 13(5). Pp. 120–130. (In Russ.)

2. Balyuk I.A., Balyuk M.A. Bretton-Vuds 2.0: na puti k novoj mirovoj finansovoj arhitekture [Bretton Woods 2.0: on the way to a new world financial architecture]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2024. Vol. 68, N 3. Pp. 5–14. (In Russ.)

3. Burganova I.N. Bretton-Vudskaya sistema 1944 g.: kurs F. Ruzvel'ta na gegemoniyu SShA [Bretton Woods system of 1944: F. Roosevelt's course on US hegemony]. Arhont [Archont]. 2021. N 3(24). Pp. 45–50. (In Russ.)

4. Global'noe upravlenie: krizis ili transformaciya? (Mirovoe razvitie. Vypusk 22) [Global Governance: Crisis or Transformation? (World Development. Issue 22)]. Pod red. A.A. Aleshina, Yu.A. Baroninoj, A.R. Borisovoj i dr. M.: IMEMO RAN, 2021. 225 p. (In Russ.)

5. Grinspen A. U rublya poka net shansov stat' rezervnoj valyutoj. RBK. 16.10.2009 [A. Greenspan: The ruble has no chance to become a reserve currency yet. RBC. 16.10.2009]. URL: https://www.rbc.ru/economics/16/10/2009/5703d6ed9a7947733180bc76 (date of access: 16.12.2024) (In Russ.)

6. Golovnin M. Yu. Transformaciya mekhanizmov sprosa i predlozheniya na vedushchie mirovye valyuty v sovremennyh usloviyah [Transformation of supply and demand mechanisms for the leading world currencies in modern conditions]. Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj Akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2019. N 6. Pp. 77–92. (In Russ.)

7. Kondrat'ev A.N. Predposylki i usloviya formirovaniya rezervnyh valyut [Prerequisites and conditions for the formation of reserve currencies]. Finansy i kredit [Finance and Credit]. 2011. N 15 (447). Pp. 20–26. (In Russ.)

8. Kudrin verit v rezervnyj yuan' i krepkij rubl'. FORBS. 12.10.2009 [Kudrin believes in the reserve yuan and strong ruble. FORBES. 12.10.2009]. URL: https://www.forbes.ru/news/16765-kudrin-verit-v-rezervnyi-yuan-i-krepkii-rubl (date of access: 18.12.2024) (In Russ.)

9. Narkevich S.S., Trunin P.V. Rezervnye valyuty: faktory stanovleniya i rol' v mirovoj ekonomike [Reserve currencies: factors of formation and role in the world economy]. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2012. 136 p. (In Russ.)

10. Narkevich S.S., Trunin P.V. Perspektivy rublya kak regional'noj rezervnoj valyuty: teoreticheskij aspekt [Prospects of the ruble as a regional reserve currency: theoretical aspect]. Voprosy ekonomiki [Questions of economy]. 2012. N 12. Pp. 84–97. (In Russ.)

11. Pavlova A.V. Evolyuciya mezhdunarodnyh rezervov v mirovyh valyutnyh sistemah [Evolution of international reserves in the world currency systems]. Moskovskij ekonomicheskij zhurnal [Moscow Economic Journal]. 2023. N 1. Pp. 403–412. (In Russ.)

12. Pakova O.N. Funkcionirovanie finansovoj sistemy v usloviyah globalizacii [Functioning of the financial system in the conditions of globalisation]. Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya [Economics and management: problems, solutions]. 2016. Vol. 2, N 3. Pp. 29–32. (In Russ.)

13. Plotnikova O.V., Dubrovina O. Yu. Globalizaciya i regionalizaciya, ih vliyanie na mezhdunarodnoe sotrudnichestvo regionov gosudarstv [Globalisation and regionalisation, their impact on international cooperation between regions of states]. Vlast' [Power]. 2015. Vol. 21, N 2. Pp. 134–136. (In Russ.)

14. Tkachyov I. Minekonomiki raskrylo stepen' «yuanizacii» torgovli Rossii bez ucheta Kitaya. RBK. 28.09.2023 [The Ministry of Economy has revealed the degree of «yuanisation» of Russia›s trade without taking China into account. RBC. 28.09.2023]. URL: https://www.rbc.ru/economics/28/09/2023/651465e49a79473740bd3834?from=copy (date of access: 04.12.2024) (In Russ.)

15. Torgovlya mezhdu Kitaem i Rossiej za devyat' mesyacev uvelichilas' na 2,8%. INTERFAKS 7.11.2024 [Trade between China and Russia increased by 2.8% in nine months. INTERFAX 7.11.2024]. URL: https://www.interfax.ru/business/990547 (date of access: 10.12.2024) (In Russ.)

16. Floresh R. Zamena dollara v mezhdunarodnyh raschetah: predvaritel'naya ocenka [Replacement of the dollar in international settlements: a preliminary assessment]. Sovremennaya mirovaya ekonomika [Modern World Economy]. 2024. Vol. 2, N 3(7). Pp. 27–42. (In Russ.)

17. Harkevich M. Global'noe upravlenie v epohu obostreniya konkurencii mezhdu velikimi derzhavami. RSMD. 5.12.2023 [Global governance in the era of intensifying competition between the great powers. RSMD. 5.12.2023]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnoe-upravlenie-v-epokhu-obostreniya-konkurentsii-mezhdu-velikimi-derzhavami/ (date of access: 15.12.2024) (In Russ.)

18. Cyplakov S.S. Marafon po peresechyonnoj mestnosti [Cross-country Marathon]. Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Politics]. 2024. Vol. 22. N 5. Pp. 142–152. (In Russ.)

19. Chumakov A.N. Globalizaciya i cifrovizaciya: social'nye posledstviya kumulyativnogo vzaimodejstviya [Globalisation and digitalization: social consequences of cumulative interaction]. Voprosy filosofii [Questions of philosophy]. 2021. N 8. Pp. 36–46. (In Russ.)

20. Ejhengrin B., Maker K., Mel' A., Monne E., Naef A. Yuan': netradicionnyj put' k statusu rezervnoj valyuty. EKONS. 9.11.2022 [Yuan: an unconventional path to reserve currency status. ECONS. 9.11.2022]. URL: https://econs.online/articles/opinions/yuan-netraditsionnyy-put-k-statusu-rezervnoy-valyuty/ (date of access: 15.12.2024) (In Russ.)

21. Aslanalp S., Simpson-Bell C. US Dollar Share of Global Foreign Exchange Reserves Drops to 25-Year Low. IMF BLOG. 05.05.2021. URL: https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2021/05/05/blog-us-dollar-share-of-global-foreign-exchange-reserves-drops-to-25-year-low (date of access: 05.12.2024).

22. BRICS_Research_on_IMFS_20241008. The Ministry of Finance of Russia. Website. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39349-rossiiskoe_videnie_budushchei_mirovoi_finansovoi_sistemy_predstavili_v_ramkakh_vstrechi_finansovykh_organov_stran_briks (date of access: 18.12.2024).

23. Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER). IMF. URL: https://data.imf.org/?sk=e6a5f467-c14b-4aa8–9f6d-5a09ec4e62a4 (date of access: 10.12.2024).

24. IMF data. World Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves. URL: https://data.imf.org/regular.aspx?key=41175 (date of access:12.12.2024).

25. People's Bank of China. URL: https://ru.tradingeconomics.com/china/foreign-exchange-reserves (date of access: 16.12.2024).

26. Steiner A. Global Imbalances, Financial Crises, and Central Bank Policies. Elsevier, 2016. 190 p.

27. World economic outlook. Policy Pivot, Rising Threats // IMF. 2024. 156 p.

Постсекулярность в философии Н.А. Бердяева

Егоренкова Ольга Владимировна,
кандидат исторических наук, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: egorenkova_ov@voenmeh.ru

Никитин Алексей Владимирович,
кандидат исторических наук, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: nikitin_av@voenmeh.ru

В статье на основе работы Н.А. Бердяева «Новое средневековье» (1924) раскрывается его видение наступившего в контексте кризисных явлений первой половины XX в. нового исторического периода. Описанные философом сущностные особенности эпохи позволяют рассматривать его в качестве одного из предшественников концепции постсекуляризма. Современные теоретики, признавая восстановление роли религии как значимого фактора общественной жизни, говорят о пересмотре и расширении рамок просветительской парадигмы. Бердяев делает вывод о более глубоком кризисе современного мировоззрения. Автор констатирует упадок гуманизма и прогрессизма. Концепция философа включает при этом собственное видение прогресса, носящего диалектический характер. Историософская схема мыслителя предполагает многократную смену периодов преобладания секулярности и религиозности в ходе исторического процесса. Бердяев считает, что, несмотря на риски, религиозное сознание может выйти на новый уровень путем творческой переработки опыта предыдущих эпох. Идеалом мыслителя является теономия, осуществляемая человеческой цивилизацией через свободный выбор.

Ключевые слова: Бердяев, постсекулярность, прогресс, религия, теократия, теономия.

Выдающийся российский философ Н.А. Бердяев (1874–1948) в своих произведениях провел глубокий анализ масштабных изменений, сопровождавших жизнь современной ему эпохи. Она ознаменовалась глубоким социально-политическим, экономическим и духовным кризисом. Комментируя причины произошедших событий, мыслитель пришел к выводу о завершении в начале XX в. целой исторической эпохи, порожденной культурой Ренессанса примерно полтысячелетия назад и характеризовавшейся антропоцентризмом, гуманизмом, прогрессизмом. Для характеристики приходящего ей на смену следующего периода истории человечества философ использовал такие определения как, например, «новое средневековье». Основываясь на текстах автора, можно также говорить об эпохе постсекулярности. Осмысление философом данного концепта представляет повышенный интерес в силу того, что к концу XX в. тезис о восстановлении роли религии в общественной жизни получил широкое признание в общественных науках. Бердяев оказался в числе мыслителей, которые писали о возвращении средневековья сразу по итогам кризиса Первой мировой войны [5, с. 167].

Постсекулярное подразумевает отрицание секулярного, то есть того общественного порядка с присущей ему системой ценностей, который сложился, прежде всего, на Западе в эпоху Нового времени. Как отмечает Д.А. Узланер, «…в основе секулярного лежит представление, с одной стороны, об автономном самодостаточном порядке природы, не зависящем или очень косвенно зависящем в своем существовании от Бога, а с другой – об автономном самодостаточном разуме, не нуждающемся ни в благодати, ни в откровении» [4, с. 16]. В социальном устройстве такому подходу соответствует отделение церкви от государства. Религия становится частным делом индивида. Бердяев указывает, однако, на то, что ситуация меняется: «Религия не может быть частным делом, как того хотела новая история, она не может быть автономна, и не могут быть автономны все другие сферы культуры. Религия опять делается в высшей степени общим, всеобщим, всеопределяющим делом… Разложение серединно-нейтрального, секулярного гуманистического царства, обнаружение во всем полярно-противоположных начал и есть конец безрелигиозной эпохи нового времени, начало религиозной эпохи, эпохи нового средневековья» [2, с. 220–230].

Констатируя упадок секуляризма, неизбежно встает вопрос о содержательном анализе того, что приходит ему на смену. Д.А. Узланер уверен, что «постсекулярное ни в коем случае не означает возврата к досекулярным формам мышления, к догматизму, фидеизму и обскурантизму, а представляет собой верность духу Просвещения, пусть и не его букве» [4, с. 30–31]. Бердяев тоже убежден в том, что прежние домодерновые институты и практики не могут быть полностью воспроизведены в современных условиях, именно поэтому речь идет о «новом» средневековье. Каковы его характеристики? В отличие от приведенного выше мнения современного исследователя о возникновении некоего нового варианта просветительской идеологии, Бердяев предпочитал делать акцент на возникающих возможностях проявления как раз истинной религиозности. В определенном смысле она противостоит не только профанному антропоцентричному мировоззрению Нового времени, но и системе ценностей «старого» средневековья, когда господствовал буквальный подход к сакральному. Историософскую схему мыслителя можно представить следующим образом. Эпохи преобладания соперничающих друг с другом религиозного и гуманистического мировоззрения сменяют друг друга, при этом каждый раз соответствующее мировоззрение существенно видоизменяется, реагируя на накопленный опыт и новые вызовы. При этом новая эпоха, безусловно, таит в себе и большие опасности, в ней ввиду упадка секуляризма с особой силой проявляются темные инфернальные качества, страсти, агрессия. Философ тем не менее надеется на успех здоровых духовных сил, которые будут вести с ними борьбу.

Бердяев делает прогноз на будущее, описывая некоторые особенности грядущего общественного устройства. Так, вернутся соборность и иерархичность, атомизм новой истории будет преодолен. Автор подчеркивает, что такой возврат к иерархическому устройству общества должен осуществлять свободно [2, с. 248]. Понимая ограничения западной модели демократии, зачастую носящей формальный характер, Бердяев отмечает, что новое средневековье будет «в высшей степени

народно, но совсем недемократично». Форма правления будет ближе к монархической. Однако и монархия не будет ограничена формалистическим легитимизмом, в ней «принцип социального реализма будет преобладать над принципом юридического формализма» [2, с. 252]. Бердяев прямо говорит, что власть будет носить зачастую диктаторский характер. Социальная структура будущего видится мыслителю основанной на критерии специализации: «Люди, вероятно, будут группироваться и соединяться не по политическим признакам, всегда вторичным и в большинстве случаев фиктивным, а по хозяйственным, непосредственно жизненным, профессиональным, по сферам творчества и труда. Старые сословия и классы отмирают, и на их место идут профессиональные группы духовного и материального труда» [2, с. 250]. Таким образом происходит возвращение, в частности, свойственного средневековью цехового принципа организации, перекликающегося с современным автору синдикализмом. Здесь стоит отметить, что в более поздней работе «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931) Бердяев продолжит разрабатывать вопросы построения иерархии, приходя к выводу, что фактически любая внешняя объективированная общественная структура не отражает истины, не соответствует реальной человеческой иерархии талантов и духовных достоинств. Тем не менее мыслитель поставит задачу дать реальной иерархии преобладание [1, с. 83]. Намечать пути к решению этой проблемы он начинал уже, в частности, в «Новом средневековье».

Важное значение философ придает труду. В данном случае мы видим свидетельство увлеченности Бердяева социалистическими идеями. Известно, что всю свою систему взглядов он иногда называл персоналистическим социализмом. Активно критикуя крайности возникшей в СССР советской системы, мыслитель, тем не менее, развивал представления о социальной справедливости, соединенной с идеей внутреннего творческого аристократизма личности. Для Бердяева труд не социальная, а в первую очередь духовная категория. Философ предвидит экономический кризис и, как следствие, падение уровня жизни. Ни капитализм, ни социализм не способны решить данную проблему. Обществу предстоит самоограничение и новое понимание труда, новая этика, неотъемлемой частью которой будет духовно-религиозная составляющая. Акцент будет перенесен со средств жизни на ее цели: «Это есть обращение к жизни, к ее внутреннему содержанию, а не к проецированию жизни вовне, во времени, в будущее» [2, с. 252–253].

Мыслитель предвидит, кроме того, что в обществе будущего значимая роль будет принадлежать женщинам. Но достигнуто это будет в контексте религиозно-мистического осознания достоинства вечной женственности как метафизического принципа. Эмансипационное движение Нового времени автором критикуется как уравнительное и антииерархическое. Автор снова в достаточно парадоксальном ключе противопоставляет духовное и социальное. На социальном уровне «мужское начало должно владеть женским, а не быть в рабстве у него», в противном случае происходит уподобление женского мужскому. Женщина в полной мере реализует свой истинный потенциал не напрямую конкурируя с мужчиной в рамках созданных им социальных институтов и практик, а развивая собственные уникальные социокультурные потенции [2, с. 254–254]. Воззрение автора на гендерную проблематику достаточно консервативно и восходит еще к руссоистской традиции, приобретая при этом дополнительную мистическую окрашенность.

Наконец, философ говорит о подъеме интереса к оккультизму, магическим практикам. Мыслитель постулирует некий симбиоз науки и техники с одной стороны, и магии с другой. Магия, в свою очередь, может быть как белой, так и черной. Эта двойственность вполне соответствует характеру наступающей эпохи, чреватой как большими рисками, так и возможностями. Ощущение людьми как добра, так и зла станет острее. При этом философ надеется, что, испытывая тягу к чудесному, человечество сможет найти правильный баланс, проложить пути к созданию христианской общественности и культуры [2, с. 254–255].

Из приведенного материала видно, что историософия Бердяева утверждает возможность прогресса. Данное наблюдение может показаться парадоксальным, учитывая, насколько сурово автор местами критикует прогрессистские концепции. Сам термин «прогресс» подвергается им своеобразной деконструкции: «…до сих пор у нас ведут бесконечные и нудные споры о том, что реакционно и что прогрессивно, как будто не перевернулось все в мире вверх ногами, как будто бы старые интеллигентские критерии сохранили еще хоть какой-либо смысл. Попробуйте применить к эпохам всемирной истории ваши критерии реакционности или революционности, правости или левости. Тогда понятна станет вся смехотворность этих критериев, весь жалкий провинциализм мысли, протекающей в этих категориях. В эпоху падения античного мира и явления христианства «реакционно» было отстаивать начала античного просвещения и античной цивилизации и в высшей степени «прогрессивно» и даже «революционно» было отстаивать те духовные начала, которые потом восторжествовали в средневековой культуре» [2, с. 226–227]. И тем не менее, дело обстоит именно таким образом. Опровергая секулярный гуманистический прогрессизм Нового времени, автор выстраивает собственную эволюционную схему. Исторический процесс в представлении Бердяева не линейный, а скорее диалектический. Противоборствующие тенденции не только отрицают друг друга, но и взаимно дополняют, создают возможности для раскрытия новых смыслов на следующем этапе истории. Старые теократии, как было уже отмечено выше, не смогут, по Бердяеву, взять реванш и вернуться на политическую сцену даже в условиях завершения секулярной эпохи. Гуманизм и прогрессизм эпохи модерна сыграли свою положительную роль, создав условия для раскрытия подлинных духовных ценностей. Бердяев использует здесь понятие теономия, развивая идеи немецкого богослова Пауля Тиллиха [4, с. 217]. Именно она завершает диалектическую триаду исторического развития. Предыдущие фазы обозначаются как гетерономия и автономия. И снова Бердяев подчеркивает: теономия, как и теократия, обязательно должны быть свободными, должны использовать в том числе опыт и достижения периода автономии. Иначе они не смогут осуществить свои исторические задачи [2, с. 304].

Подводя итог, можно констатировать актуальность подхода Н.А. Бердяева к вопросу о соотношении религиозного и секулярного в процессе исторического развития. Тексты философа создавались в эпоху, когда возникшие в общественной жизни кризисы поставили под вопрос общепринятую картину социальной эволюции человечества и безальтернативность просветительской парадигмы. В настоящее время вывод о возвращении религией значительной части утраченных позиций приобретает все большую актуальность. В этом контексте изучение идей Н.А. Бердяева представляется значимой и своевременной задачей.

Литература

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. – М.: Канон+, 2002. – 446 с.
3. Лифинцева, Т.П. Философская теология Пауля Тиллиха: автономия и теономия / Т.П. Лифинцева // Рациональность и культура. К юбилею Владимира Натановича Поруса. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 211–236.
4. Узланер, Д.А. Введение в постсекулярную философию / Д.А. Узланер // Логос. – 2011. – № 3. – С. 3–32.
5. Черняев, А.В. Основные вехи рецепции идей трактата Н.А. Бердяева «Новое Средневековье» на Западе / А.В. Черняев, А.Ю., Бердникова // Вестник РХГА. – 2020. – № 3. – С. 166–177.

POSTSECULARITY IN THE PHILOSOPHY OF N.A. BERDYAEV

Egorenkova O.V., Nikitin A.V.
Baltic State Technical University «VOENMEKH» named after D.F. Ustinov

This article, based on N.A. Berdyaev's work "The New Middle Ages" (1924), reveals his vision of a new historical period emerging in the context of the crises of the first half of the 20th century. The philosopher's description of the era's essential characteristics allows him to be considered one of the precursors of the concept of postsecularism. Contemporary theorists, recognizing the restoration of religion's role as a significant factor in public life, speak of a revision and expansion of the Enlightenment paradigm. Berdyaev concludes that the modern worldview is in a deeper crisis. The author notes the decline of humanism and progressivism. The philosopher's concept, however, incorporates his own vision of progress, which is dialectical in nature. The thinker's historiosophical framework presupposes multiple alternations between periods of predominance of secularism and religiosity throughout the historical process. Berdyaev believes that, despite the risks, religious consciousness can reach new levels through a creative reworking of the experiences of previous eras. The ideal of the thinker is theonomy realized by human civilization through free choice.

Keywords: Berdyaev, postsecularity, progress, religion, theocracy, theonomy.

References

1. Berdyaev, N.A. On the Purpose of Man. Moscow: Respublika, 1993, 383 p.
2. Berdyaev, N.A. The Meaning of History. The New Middle Ages. Moscow: Kanon+, 2002, 446 p.
3. Lifintseva, T.P. Philosophical Theology of Paul Tillich: Autonomy and Theonomy / T.P. Lifintseva // Rationality and Culture. On the Anniversary of Vladimir Natanovich Porus. St. Petersburg: Aleteia, 2013, pp. 211–236.
4. Uzlaner, D.A. Introduction to Post-Secular Philosophy / D.A. Uzlaner // Logos. 2011, no. 3, pp. 3–32.
5. Chernyaev, A.V. The Main Phases of Reception of ildeas of N.A. Berdyaev's Treatise «New Middle Ages» in the West / A.V. Chernyaev, A.Yu., Berdnikova // Bulletin of the Russian Chemical Academy. – 2020. – No. 3. – pp. 166–177.

Мотивация студентов неспортивных направлений подготовки к самостоятельным занятиям физической культурой: проблемы и пути решения

Николаев Роман Юрьевич,
канд. биол. наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: nikolaev.r.u@yandex.ru

Шаймарданов Вадим Миркасимович,
старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: vadim1970149@mail.ru

Зачиналов Дмитрий Сергеевич,
студент государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: ddimonych1@vk.com

Штабной Матвей Дмитриевич,
студент лечебного факультета ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: matvei-shtabnoi@yandex.ru

В статье рассматривается проблема формирования устойчивой внутренней мотивации к самостоятельным занятиям физической культурой у студентов неспортивных направлений подготовки. Актуальность исследования обусловлена глобальной тенденцией к снижению двигательной активности студенческой молодежи на фоне возрастающих интеллектуальных и психоэмоциональных нагрузок.

В работе проводится критический анализ существующих авторитарно-нормативных методов физического воспитания в высшей школе, которые опираются преимущественно на внешнюю мотивацию (получение зачета) и не способствуют формированию долгосрочной привычки к здоровому образу жизни. Особое внимание уделяется специфике обучающихся на неспортивных специальностях, для которых характерен дефицит физкультурной грамотности и недооценка влияния спорта на когнитивные функции.

На основе анализа проблемы предлагается комплексная стратегия приобщения студентов к регулярным тренировкам. Данная стратегия включает в себя принципы индивидуализации физических нагрузок, предоставление свободы выбора видов двигательной активности (современных направлений фитнеса), внедрение в процесс самоорганизации цифровых инструментов и элементов геймификации, а также акцентирование внимания на нейробиологической пользе спорта для борьбы со стрессом и повышения академической успеваемости.

Ключевые слова: мотивация, физическая культура, студенты, самостоятельные занятия, здоровый образ жизни, двигательная активность, цифровизация спорта

Введение

Проблема сохранения и укрепления здоровья студенческой молодежи в условиях интенсификации образовательного процесса приобретает сегодня критическое значение. Современные реалии диктуют высокие требования к интеллектуальному потенциалу будущих специалистов, что неизбежно влечет за собой увеличение аудиторной и самостоятельной учебной нагрузки. Обратной стороной этого процесса становится тотальная гиподинамия (недостаток двигательной активности), которая влечет за собой серьезные физиологические и психологические последствия [1].

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), более 80% молодых людей в мире испытывают острый дефицит физической активности, не выполняя даже минимальную рекомендованную норму в 150 минут умеренных нагрузок в неделю [2]. Статистические данные масштабных исследований в студенческой среде показывают еще более тревожную картину: среди студентов неспортивных направлений подготовки около 70–75% ведут преимущественно малоподвижный образ жизни. При этом лишь 15–20% обучающихся регулярно занимаются фитнесом или другими видами спорта по собственной инициативе вне рамок расписания, тогда как подавляющее большинство (свыше 60%) воспринимают физическую культуру исключительно как обязательную академическую дисциплину, необходимую лишь для получения итоговой оценки [3].

Следствием такого образа жизни является неуклонный рост заболеваемости среди студентов. Медицинская статистика констатирует, что к третьему курсу обучения количество студентов имеющих отклонения в состоянии здоровья и относимых к специальной медицинской группе, увеличивается в среднем на 30–40%. Параллельно с этим около 65% студентов неспортивных специальностей отмечают у себя признаки хронического стресса, эмоционального выгорания, нарушения сна и снижения концентрации внимания [4].

Сложившаяся ситуация свидетельствует о явном кризисе традиционной системы физического воспитания в высшей школе. Существующая парадигма, построенная на жестком выполнении нормативов и авторитарных методах контроля, демонстрирует свою неэффективность в вопросах формирования осознанной потребности в движении [2]. Практика показывает, что внешняя мотивация (страх не получить зачет) полностью исчерпывает себя сразу после окончания обязательного курса физической культуры, оставляя молодого специалиста без важнейшего инструмента саморегуляции и поддержания здоровья [5].

В связи с этим возникает острая необходимость поиска и внедрения новых, личностно-ориентированных подходов мотивации студентов к самостоятельным занятиям спортом. Данная работа направлена на выявление ключевых барьеров, препятствующих самоорганизации студентов неспортивных профилей в сфере физической культуры, а также на разработку эффективных современных стратегий (включая цифровизацию, геймификацию и когнитивное просвещение), способных трансформировать внешнюю академическую обязанность во внутреннюю жизненную потребность.

Цель исследования: проанализировать текущее состояние мотивационной сферы студентов неспортивных специальностей по отношению к самостоятельным занятиям физической культурой, выявить основные сдерживающие факторы и систематизировать научно обоснованные подходы к повышению их вовлеченности в физкультурно-оздоровительную деятельность.

Анализ проблемы и выявление барьеров

Практика показывает, что мотивация студентов неспортивных специальностей к физической активности носит преимущественно экстринсивный (внешний) характер. Главным стимулом чаще всего выступает необходимость получения «зачета» по дисциплине. Как следствие, по завершении обязательного курса физического воспитания (2–4 курс) более 70% студентов полностью прекращают регулярные тренировки [6].

Для разработки эффективных механизмов вовлечения студентов в систематические занятия физической культурой необходимо провести глубокий анализ причин, по которым молодые люди отказываются от активности. Проблема носит комплексный характер и обусловлена

пересечением нескольких групп барьеров, которые формируют у обучающихся устойчивый паттерн избегания физических нагрузок [7].

1. Институциональные и академические барьеры

Первопричиной снижения физической активности является специфика организации учебного процесса в высшей школе. Студенты неспортивных профилей повседневно сталкиваются с колоссальными объемами академической нагрузки: лекции, семинары, научно-исследовательская и самостоятельная работа требуют многочасового нахождения в статичной позе за компьютером. Формируется жесткий дефицит времени, в условиях которого физическая культура воспринимается не как инструмент восстановления, а как «дополнительная трата ресурса» [1].

Ситуацию усугубляет тот факт, что традиционная академическая среда неявно поощряет гиперфокус на интеллектуальном труде в ущерб физическому благополучию. В результате студент ставит приоритет сдачи сессии выше базовых потребностей своего организма [5].

2. Психологические и мотивационные барьеры

Значительную роль в отказе от спорта играют внутренние психологические установки. Во-первых, это негативный бэкграунд, сформированный на предшествующих этапах обучения, когда физическая активность ассоциировалась с принуждением, жесткой системой оценок и неловкостью перед более спортивными сверстниками. Это рождает социальную физическую тревожность – боязнь выглядеть нелепо, слабо или некомпетентно в спортивной среде.

Вдобавок, наблюдается феномен «ложной усталости». На фоне интенсивного умственного труда и хронического недосыпания, у студентов формируется стойкое ощущение тотального истощения. Возникает парадоксальная ситуация: психоэмоциональный стресс и когнитивное перенапряжение, которые эффективнее всего купируются умеренной аэробной нагрузкой, интерпретируются студентом как сигнал к полному физическому покою («я слишком устал от учебы, чтобы идти на тренировку») [8].

3. Информационно-когнитивные барьеры

Среди студентов гуманитарных, технических и других неспортивных специальностей наблюдается острый дефицит физкультурной грамотности [9]. Молодые люди зачастую не обладают знаниями о том, как правильно организовать самостоятельную тренировку, как дозировать нагрузку и адаптировать её под свои индивидуальные особенности (включая сколиоз, миопию или последствия перенесенных заболеваний).

Одновременно с этим в информационном поле (включая социальные сети) доминируют агрессивные фитнес-стандарты («тренируйся до отказа», «идеальное тело за 30 дней»). Столкновение с такими радикальными установками демотивирует, так как, не имея сил или времени на изнурительный тренинг, студенты предпочитают вовсе отказаться от активности, руководствуясь перфекционистским принципом «все или ничего» [10].

4. Организационно-инфраструктурные и финансовые барьеры

Немаловажным фактором остается доступность спортивной инфраструктуры. Коммерческие фитнес-центры зачастую финансово недоступны для рядового студента, особенно из числа иногородних. В то же время бесплатная университетская инфраструктура нередко страдает от морального устаревания, перегруженности в вечерние «часы пик» или имеет неудобный график работы, не совпадающий со свободными окнами в расписании обучающихся. Отсутствие комфортной, эстетически приятной и инклюзивной среды для занятий резко снижает вероятность спонтанного обращения к спорту [3].

5. Физиологический барьер и «ловушка гиподинамии»

Нельзя игнорировать чисто физиологический аспект длительного малоподвижного образа жизни. Гиподинамия запускает каскад метаболических изменений: снижается тонус мускулатуры, ухудшается микроциркуляция крови (в том числе в структурах головного мозга), падает выработка эндорфинов. Организм адаптируется к режиму энергосбережения. Выход из этого состояния требует значительного волевого усилия на начальном этапе. Первые тренировки не приносят нетренированному студенту ожидаемой «мышечной радости», а вызывают лишь дискомфорт, одышку и боль, что служит для его мозга сигналом прекратить занятия [11].

Таким образом, анализ показывает, что барьеры имеют системную природу. Студент регулярно попадает в замкнутый круг: дефицит времени и стресс ведут к гиподинамии, гиподинамия снижает энергетический потенциал и продуктивность, что, в свою очередь, заставляет тратить еще больше времени на учебу в ущерб восстановлению. Разрыв этого порочного круга невозможен традиционными директивными методами, он требует применения современных мотивационных и технологических решений, способных аккуратно интегрировать движение в повседневную рутину молодого человека.

Пути решения проблемы

Для трансформации внешней мотивации во внутреннюю потребность необходим комплексный психолого-педагогический подход. На основе анализа успешного опыта различных вузов выделяется несколько перспективных путей решения.

В первую очередь, необходимо смещение фокуса с нормативов на самосовершенствование. Традиционная система, требующая сдачи единых нормативов, демотивирует физически слабых студентов, соответственно, необходим переход к оценке личного прогресса обучающегося. Если студент видит, что его собственные показатели улучшаются относительно его же первоначального уровня, это формирует устойчивую внутреннюю мотивацию, основанную на чувстве компетентности [8].

Во-вторых, внедрение цифровых технологий и геймификации. Использование фитнес-браслетов, мобильных приложений для трекинга активности (шагомеры, приложения для бега или йоги) позволяет визуализировать результат [9]. Вузы могут инициировать внутриуниверситетские челленджи через мобильные платформы (например, «10 000 шагов в день», «Месяц без лифтов»), где студенты могут соревноваться факультетами в формате игры.

В-третьих, диверсификация видов физической активности. Классические виды спорта (легкая атлетика, гимнастика) не всегда привлекательны для современной молодежи. Информирование студентов о таких направлениях, как стретчинг, пилатес, кроссфит, велоспорт, аквааэробика или танцевальные направления, а также обучение основам этих популярных видов фитнеса в рамках обязательных занятий, значительно повышает вероятность того, что молодой человек продолжит заниматься ими самостоятельно [6].

В-четвертых, акцент на когнитивные и антистрессорные функции спорта. Для интеллектуально нагруженных студентов неспортивных направлений важнейшим аргументом в пользу самостоятельных тренировок является связь между физической активностью и эффективностью работы мозга. Разъяснение нейробиологических механизмов (улучшение кровоснабжения мозга, выработка эндорфинов, снижение уровня кортизола посредством аэробных нагрузок) позволяет студентам воспринимать тренировку не как трату времени, а как инструмент повышения своей академической успеваемости и защиты от эмоционального выгорания [7].

Выводы

Проблема низкой мотивации студентов неспортивных направлений к самостоятельным занятиям физической культурой является многофакторной и требует отказа от устаревших авторитарно-нормативных методов физического воспитания.

Ключевым препятствием для самоорганизации в сфере физической культуры выступает преобладание внешней мотивации (получение оценки) над внутренней (потребность в здоровье, красивом телосложении, психологической разгрузке), а также низкая физкультурная грамотность.

Эффективная стратегия приобщения студентов к самостоятельным тренировкам должна базироваться на принципах индивидуализации нагрузок, расширении свободы выбора видов физической активности, внедрении цифровых инструментов самоконтроля (геймификации) и акцентировании внимания на психоэмоциональной пользе физической культуры для успешной профессиональной и личностной реализации.

Литература

1. Ивахина, О.В. Мотивация и потребность в самостоятельных занятиях физической культурой студентов вузов // Аллея науки. – 2018. – Т. 3, № 4(20). – С. 3–7. – EDN XOXYYP.

2. Bull FC, Al-Ansari SS, Biddle S, et al. World Health Organization 2020 guidelines on physical activity and sedentary behaviour. Br J Sports Med. 2020;54(24):1451–1462. doi:10.1136/bjsports-2020-102955

3. Fierro-Suero S, Fernández-Ozcorta EJ, Sáenz-López P. Students' Motivational and Emotional Experiences in Physical Education across Profiles of Extracurricular Physical Activity: The Influence in the Intention to Be Active. Int J Environ Res Public Health. 2022;19(15):9539. Published 2022 Aug 3. doi:10.3390/ijerph19159539

4. Yakovleva N. V., Lyzhenkova R.S., Nopembri S., Arpent'eva M. R., Kassymova G.K. Motivation for Independent Physical Education Classes in Students of Modern Universities // Materials of the International Scientific Conference-Practical Internet conference «Challenges of Science». 2025. Vol. 8. Pp. 46–60. DOI: 10.31643/2025.05.

5. Плещев И. Е., Шишкин А.А., Плещева Т. Н, Дианова Е.А. Влияние физической активности на соматическое здоровье и академиче-

скую успеваемость студентов различных курсов медицинского вуза // Глобальный научный потенциал. – 2025. – № 3–2(168). – С. 167–171. – EDN KATHEN.

6. Guthold R, Stevens GA, Riley LM, Bull FC. Global trends in insufficient physical activity among adolescents: a pooled analysis of 298 population-based surveys with 1·6 million participants. Lancet Child Adolesc Health. 2020;4(1):23–35. doi:10.1016/S2352-4642(19)30323-2

7. van der Sluys ME, Marhe R, van der Laan PH, Popma A, Scherder EJA. Brief report: Free-living physical activity levels and cognitive control in multi-problem young adults. Front Hum Neurosci. 2022;16:994123. Published 2022 Oct 21. doi:10.3389/fnhum.2022.994123

8. Franco E, Coterón J. The Effects of a Physical Education Intervention to Support the Satisfaction of Basic Psychological Needs on the Motivation and Intentions to be Physically Active. J Hum Kinet. 2017;59:5–15. Published 2017 Oct 20. doi:10.1515/hukin-2017-0143

9. Гавришова, Е. В., Грачев А.С., Третьяков А.А. Информационно-коммуникативные технологии, как средство организация самостоятельных занятий физической культурой студентов с различным типом мотивации достижения // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2020. – № 1(179). – С. 70–77. – DOI 10.34835/issn.2308–1961.2020.1.p70–77. – EDN ZMVUPR.

10. Rodrigues F, Teixeira DS, Neiva HP, Cid L, Monteiro D. The bright and dark sides of motivation as predictors of enjoyment, intention, and exercise persistence. Scand J Med Sci Sports. 2020;30(4):787–800. doi:10.1111/sms.13617

11. Kalajas-Tilga H, Koka A, Hein V, Tilga H, Raudsepp L. Motivational processes in physical education and objectively measured physical activity among adolescents. J Sport Health Sci. 2020;9(5):462–471. doi:10.1016/j.jshs.2019.06.001

MOTIVATION OF STUDENTS OF UNSPORTSMANLIKE AREAS OF PREPARATION FOR INDEPENDENT PHYSICAL EDUCATION CLASSES: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Nikolaev R.Ju., Shajmardanov V.M., Zachinalov D.S., Shtabnoy M.D.
Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

The presented article examines the problem of the formation of stable internal motivation for independent physical education among students of non-athletic training areas. The relevance of the study is due to the global trend towards a decrease in the physical activity of students against the background of increasing intellectual and psycho-emotional stress.
The paper provides a critical analysis of the existing authoritarian and normative methods of physical education in higher education, which rely primarily on external motivation (getting credit) and do not contribute to the formation of long-term habits of a healthy lifestyle. Special attention is paid to the specifics of students in non-sports specialties, which are characterized by a lack of physical education literacy and an underestimation of the impact of sports on cognitive functions.
Based on the analysis of the problem, a comprehensive strategy for introducing students to regular training is proposed. This strategy includes the principles of individualizing physical activity, providing freedom to choose types of physical activity (modern fitness trends), introducing digital tools and gamification elements into the process of self-organization, as well as focusing on the neurobiological benefits of sports to combat stress and improve academic performance.

Keywords: motivation, physical education, students, independent studies, healthy lifestyle, physical activity, digitalization of sports

References

1. Ivakhina, O.V. Motivation and the need for independent physical education classes for university students // Alley of Science. 2018. Vol. 3. № 4(20). pp. 3–7.

2. Bull FC, Al-Ansari SS, Biddle S, et al. World Health Organization 2020 guidelines on physical activity and sedentary behaviour. Br J Sports Med. 2020. Vol. 54(24). Pp. 1451–1462. doi:10.1136/bjsports-2020-102955

3. Fierro-Suero S, Fernández-Ozcorta EJ, Sáenz-López P. Students' Motivational and Emotional Experiences in Physical Education across Profiles of Extracurricular Physical Activity: The Influence in the Intention to Be Active. Int J Environ Res Public Health. 2022. Vol. 19(15):9539. doi:10.3390/ijerph19159539

4. Yakovleva N. V., Lyzhenkova R.S., Nopembri S., Arpent'eva M. R., Kassymova G.K. Motivation for Independent Physical Education Classes in Students of Modern Universities // Materials of the International Scientific Conference-Practical Internet conference «Challenges of Science». 2025. Vol. 8. Pp. 46–60. DOI: 10.31643/2025.05.

5. Pleshchev I. E., Shishkin A.A., Pleshcheva T.N., Dianova E.A. The influence of physical activity on somatic health and academic performance of students of various courses of medical university // Global scientific potential. 2025. № 3–2(168). Pp. 167–171.

6. Guthold R, Stevens GA, Riley LM, Bull FC. Global trends in insufficient physical activity among adolescents: a pooled analysis of 298 population-based surveys with 1·6 million participants. Lancet Child Adolesc Health. 2020. Vol. 4(1). Pp. 23–35. doi:10.1016/S2352-4642(19)30323-2

7. van der Sluys ME, Marhe R, van der Laan PH, Popma A, Scherder EJA. Brief report: Free-living physical activity levels and cognitive control in multi-problem young adults. Front Hum Neurosci. 2022. Vol. 16:994123. doi:10.3389/fnhum.2022.994123

8. Franco E, Coterón J. The Effects of a Physical Education Intervention to Support the Satisfaction of Basic Psychological Needs on the Motivation and Intentions to be Physically Active. J Hum Kinet. 2017. Vol. 59. Pp. 5–15. doi:10.1515/hukin-2017-0143

9. Gavrishova, E. V., Grachev, A. S., Tretyakov, A.A. Information and communication technologies as a means of organizing independent physical education classes for students with different types of achievement motivation // Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University. 2020. № 1(179). pp. 70–77. DOI 10.34835/issn.2308–1961.2020.1.p70–77.

10. Rodrigues F, Teixeira DS, Neiva HP, Cid L, Monteiro D. The bright and dark sides of motivation as predictors of enjoyment, intention, and exercise persistence. Scand J Med Sci Sports. 2020. Vol. 30(4). Pp. 787–800. doi:10.1111/sms.13617

11. Kalajas-Tilga H, Koka A, Hein V, Tilga H, Raudsepp L. Motivational processes in physical education and objectively measured physical activity among adolescents. J Sport Health Sci. 2020. Vol. 9(5). Pp. 462–471. doi:10.1016/j.jshs.2019.06.001

Институциональные механизмы продвижения интересов США в ресурсном секторе Латинской Америки (на примере стран литиевого треугольника)

Сумский Павел Александрович,
аспирант, Уральский гуманитарный институт Уральский федеральный университет
E-mail: sumskiyp@gmail.com

Статья посвящена анализу институциональных механизмов продвижения интересов США в ресурсном секторе Латинской Америки. Исследование опирается на институциональный и геоэкономический подходы и рассматривает политику США как систему взаимосвязанных финансовых, кредитных и нормативных инструментов. Показано, что ключевую роль играют специализированные институты развития и многосторонние организации, обеспечивающие мобилизацию инвестиций и формирование устойчивых цепочек поставок критически важных минералов. На примере стран литиевого треугольника Аргентины, Чили и Боливии выявляется дифференцированный характер реализации данной стратегии, зависящий от уровня развития национальных ресурсных моделей. Особое внимание уделяется ограничениям эффективности политики США, включая конкуренцию с Китаем, уязвимость глобальных цепочек поставок и усиление ресурсного национализма. Делается вывод о нарастании роли институциональных инструментов в обеспечении доступа к стратегическим ресурсам и формировании долгосрочного экономического влияния США в регионе.

Ключевые слова: США, Латинская Америка, литиевый треугольник, критические минералы, цепочки поставок

Введение

Роль критически важных минеральных ресурсов в мировой экономике заметно выросла. Рост востребованности связан с развитием энергетики и новых технологий, прежде всего производства аккумуляторов, полупроводников и цифровых устройств. Спрос на такие ресурсы увеличивается, они становятся важным условием экономического развития и технологической независимости стран. Глобальные цепочки поставок меняются, доступ к сырью приобретает особое значение, влияя на экономическую и политическую стабильность. Усиливается конкуренция между ведущими государствами за контроль над добычей ресурсов и путями их поставок. Латинская Америка играет важную роль в этом процессе, поскольку регион обладает крупными запасами критически важных минералов и имеет значительное влияние в системе мирового ресурсного обеспечения.

В отечественной и зарубежной научной литературе достаточно подробно рассмотрены вопросы ресурсного потенциала региона, а также роль отдельных видов сырья в мировой экономике. Вместе с тем институциональные механизмы, посредством которых Соединенные Штаты реализуют свои интересы в ресурсном секторе Латинской Америки, остаются недостаточно исследованными и требуют более детального анализа.

Объектом исследования выступает политика США в Латинской Америке. Предметом исследования являются институциональные механизмы продвижения интересов США в ресурсном секторе региона литиевого треугольника.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе институциональных инструментов, используемых США для обеспечения доступа к критически важным минеральным ресурсам стран литиевого треугольника Латинской Америки.

Задачи исследования включают определение роли критических минералов в современной мировой экономике, выявление ключевых институтов, задействованных в реализации ресурсной политики США, анализ применяемых ими инструментов, а также выявление особенностей их функционирования в Латинской Америке (на примере литиевого треугольника).

Методологическую основу исследования составляют институциональный подход, сравнительный анализ и анализ официальных документов и стратегий.

Научная новизна работы заключается в выявлении системы институционального обеспечения ресурсной стратегии США в Латинской Америке и определении ее ключевых элементов. В качестве эмпирической базы исследования рассматриваются страны литиевого треугольника, обладающие значительными запасами лития и играющие ключевую роль в формировании глобальных цепочек поставок данного ресурса.

Институциональный подход к анализу ресурсной политики США

Институциональный подход позволяет рассматривать международные отношения как систему устойчивых норм, правил и организационных форм, которые структурируют поведение государств и других акторов. В этом контексте институты выступают не только как рамки взаимодействия, но и как самостоятельный инструмент реализации внешней политики. Как отмечает Р. Кеохейн, институты формируют ожидания участников и обеспечивают воспроизводимость их взаимодействия в долгосрочной перспективе [1, с. 384–385]. Применительно к рассматриваемой проблематике это означает, что политика США в Латинской Америке реализуется не только через прямые экономические или дипломатические меры, но и через совокупность институциональных механизмов, обеспечивающих устойчивое присутствие в ресурсном секторе региона.

Геоэкономический подход позволяет дополнить данный анализ, акцентируя внимание на использовании экономических инструментов для достижения стратегических целей. В современной научной литературе под геоэкономикой понимается практика применения экономических ресурсов и механизмов в целях укрепления международных позиций государства [2, с. 8–9]. В условиях трансформации мировой

экономики и усиления конкуренции за доступ к сырью данный подход приобретает особую значимость. Контроль над ресурсами и цепочками поставок становится неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии, а экономические инструменты начинают выполнять функции, ранее свойственные военно-политическим средствам.

Критически важные минеральные ресурсы в этом контексте выступают не только объектом торговли, но и фактором стратегического влияния. Их значение определяется тесной связью с ключевыми технологическими секторами, включая энергетику, цифровую экономику и оборонную промышленность. В исследовании В.Б. Кондратьева подчеркивается, что такие ресурсы участвуют во всех этапах производственных цепочек и являются необходимым условием функционирования современных технологий [4, с. 94–95]. Одновременно в официальных документах США отмечается, что обеспечение устойчивых поставок критических материалов рассматривается как элемент национальной безопасности и технологической независимости [3, p. 107–109]. В совокупности это позволяет рассматривать ресурсы как инструмент власти, влияющий на баланс сил в мировой экономике.

Использование данной теоретико-методологической рамки позволяет перейти к анализу политики США в Латинской Америке с точки зрения конкретных механизмов ее реализации. В докладе Белого дома по устойчивости цепочек поставок подчеркивается необходимость развития партнерств с ресурсно обеспеченными странами и использования финансовых инструментов для поддержки соответствующих проектов [5]. В стратегических документах также отмечается значимость Западного полушария как пространства формирования устойчивых цепочек поставок и снижения зависимости от внешних поставщиков [6]. В этой связи особый интерес представляет анализ институциональной инфраструктуры, посредством которой США стремятся обеспечить доступ к критическим минералам и закрепить свое присутствие в ресурсном секторе Латинской Америки.

Основные институциональные механизмы США в Латинской Америке

Современная политика США в отношении ресурсного сектора Латинской Америки формируется не только на основе прямых экономических интересов, но и через разветвленную систему институтов, обеспечивающих долгосрочное присутствие в регионе. Речь идет прежде всего о финансовых, кредитных и многосторонних механизмах, которые позволяют интегрировать ресурсный потенциал стран региона в стратегию США по формированию устойчивых цепочек поставок. В условиях усиливающейся конкуренции за доступ к критически важным минералам именно институциональная инфраструктура становится одним из ключевых инструментов внешнеэкономического влияния.

Одним из центральных элементов данной системы выступает Корпорация по финансированию международного развития США. Институт ориентирован на поддержку инвестиционных проектов в стратегически значимых отраслях, включая добычу и переработку полезных ископаемых. Как отмечается в официальных материалах, корпорация «мобилизует частный капитал для решения важнейших задач в области развития» [7], что позволяет использовать государственные ресурсы в сочетании с частными инвестициями. Механизм ее деятельности включает предоставление кредитов, гарантий и страхования рисков, а также участие в капитале проектов. Создаются условия для закрепления американских компаний в ресурсных отраслях стран Латинской Америки. При этом важно, что подобные инвестиции направлены не столько на разовые проекты, сколько на формирование устойчивых производственно-сбытовых цепочек. В этом проявляется геоэкономическая логика, при которой финансовые инструменты используются для достижения стратегических целей.

Дополняющим элементом выступает Экспортно-импортный банк США, выполняющий функции государственного экспортно-кредитного агентства. Его деятельность ориентирована на поддержку американских компаний за рубежом через механизмы кредитования, страхования и гарантий. В официальных документах подчеркивается, что миссия банка заключается в том, чтобы «поддерживать рост рабочих мест в США, содействуя экспорту американских товаров и услуг» [8]. В ресурсном секторе это выражается в финансировании поставок оборудования, технологий и услуг, необходимых для разработки месторождений и переработки сырья. Таким образом формируется зависимость проектов от американских поставщиков, что усиливает экономическое присутствие США в регионе. В отличие от прямых инвестиций, здесь используется более гибкий механизм, позволяющий закреплять позиции через участие в цепочках создания стоимости. Особое место занимает Межамериканский банк развития, который формально выступает многосторонним институтом (при этом США являются крупнейшим акционером), однако фактически играет важную роль в формировании условий развития ресурсного сектора региона. В последние годы деятельность банка все в большей степени концентрируется на поддержке проектов, связанных с критически важными минералами и формированием соответствующих производственных цепочек. В рамках программ технического сотрудничества банк реализует инициативы, направленные на развитие добычи, переработки и интеграции таких ресурсов, как литий, никель, редкоземельные элементы и другие материалы, критически значимые для энергетического перехода [9]. Так, в рамках проекта «Mining for the Energy Transition» предусматривается содействие странам региона в формировании институциональных условий для привлечения инвестиций, развитии геологоразведочной базы и модернизации инфраструктуры добычи [10]. Одновременно реализуются программы, ориентированные на создание региональных цепочек добавленной стоимости, включая переработку лития и других минералов, что позволяет странам Латинской Америки переходить от экспорта сырья к более сложным формам участия в мировой экономике [11]. В материалах банка подчеркивается, что развитие таких цепочек требует «укрепления отраслевого управления… и совершенствование услуг в сфере местного развития и инфраструктуры» [12]. Информация свидетельствует о том, что инфраструктурные и институциональные проекты рассматриваются как необходимое условие интеграции региона в глобальные технологические процессы. В результате деятельность Межамериканского банка развития способствует не только развитию ресурсного потенциала, но и его включению в формирующиеся цепочки поставок, ориентированные в том числе на интересы США.

Наряду с финансовыми инструментами ключевое значение приобретают нормативные механизмы, формирующие долгосрочные условия функционирования ресурсных рынков. Помимо Закона о снижении инфляции [13] и Закона о чипах и науке [14], важную роль играют и другие документы, определяющие стратегию США в сфере критических минералов. К их числу относится Указ Президента США № 14017 «America's Supply Chains» [15], в рамках которого была проведена оценка уязвимости цепочек поставок и сформулирована задача их диверсификации. В докладе по его реализации прямо указывается, что США должны «сотрудничать с союзниками и партнерами для укрепления цепочек поставок» [5], что предполагает активное вовлечение стран Латинской Америки. Дополнительно следует отметить, что в ряде документов Министерства энергетики США также акцентируется, что критические минералы рассматриваются как элемент технологической и энергетической безопасности, а их доступность напрямую влияет на развитие ключевых отраслей экономики [3]. В совокупности данные нормативные акты формируют институциональную основу перераспределения глобальных цепочек поставок, в рамках которой Латинская Америка рассматривается как один из приоритетных регионов. Наблюдается переход США к системной политике, сочетающей внутренние стимулы с внешнеэкономическими механизмами, направленными на закрепление доступа к стратегическим ресурсам.

Рассмотренные институциональные механизмы находят конкретное проявление в странах литиевого треугольника, анализ которых представлен в следующем разделе.

Практическая реализация институциональной стратегии США на примере литиевого треугольника

Практическая реализация ресурсной политики США в Латинской Америке осуществляется через систему институциональных механизмов, направленных на формирование устойчивых цепочек поставок критически важных минералов. В официальных документах подчеркивается необходимость диверсификации поставок и снижения зависимости от отдельных внешних игроков, прежде всего Китая [6].

Выбор стран для анализа обусловлен их ключевой ролью в глобальной сырьевой базе лития и значением данного ресурса для формирования новых технологических цепочек. В исследовании рассматриваются Аргентина, Чили и Боливия, формирующие так называемый литиевый треугольник. По оценкам Геологической службы США, на данный регион приходится более половины мировых ресурсов лития, сосредоточенных преимущественно в солончаковых месторождениях Андского пояса [16]. В частности, Чили и Аргентина входят в число крупнейших мировых производителей лития, тогда как Боливия обладает одними из наиболее значительных, но в меньшей степени освоенных запасов [16].

На основании Таблицы 1 можно выявить несколько ключевых особенностей институциональной стратегии США в странах литиевого треугольника. Прежде всего выделяется дифференцированный характер применения инструментов, при котором выбор механизмов зависит от уровня интеграции страны в мировую экономику и особенностей национальной ресурсной политики. В Аргентине наблюдается сочe-

тание финансовых и политических инструментов, обеспечивающих наиболее глубокую интеграцию в цепочки поставок, ориентированные на американский рынок. В Чили акцент смещен в сторону технологического и экспортного взаимодействия, что соответствует более зрелой структуре отрасли и позволяет США закрепляться в уже сформированных производственных связях. В Боливии преобладают формы косвенного участия. Они связаны с оказанием технического содействия и развитием институциональной базы. Возможности прямого влияния на процессы освоения ресурсов достаточно ограничены. В целом подход США можно назвать гибким. Он меняется в зависимости от условий и способов освоения ресурсов, сохраняя стремления Вашингтона закрепиться в этом секторе на долгий срок.

Таблица 1. Институциональные механизмы участия США в ресурсном секторе стран литиевого треугольника (составлено автором на основании источников)

Страна	Институт / механизм	Инструмент	Примеры взаимодействия
Аргентина	Межамериканский банк развития, Правительство США, Корпорация по финансированию международного развития США (косвенно через проекты)	Финансирование, институциональная поддержка, двусторонние соглашения	1. Программа Межамериканского банка развития по развитию экспортного потенциала провинции Сальта с акцентом на литиевую отрасль; 2. проект Межамериканского банка развития по укреплению управления литиевыми ресурсами в провинции Жужуй; 3. меморандум США и Аргентины по критическим минералам; 4. расширение участия западных компаний в литиевых проектах, поддерживаемое финансовыми и институциональными механизмами США и международных институтов развития.
Чили	Экспортно-импортный банк США, Правительство США, многосторонние инициативы	Кредитование, технологическое сотрудничество, межгосударственные соглашения	1. Поддержка поставок американского горнодобывающего оборудования через экспортное кредитование; 2. меморандум между Министерством энергетики США и Чили в сфере энергетики и ресурсов; 3. участие Чили в инициативах по устойчивым цепочкам критических минералов; 4. взаимодействие с американскими компаниями в проектах по добыче лития и меди.
Боливия	Межамериканский банк развития (региональные платформы), Правительство США (ограниченное участие)	Геологоразведка, институциональные инициативы	1. Проект Межамериканского банка развития по спутниковому исследованию литиевых месторождений (Coipasa); 2. региональная платформа Межамериканского банка развития по устойчивому развитию литиевого сектора; 3. ограниченные попытки вовлечения в международные цепочки поставок.

Источник: составлено автором на основании [16], [17], [18], [19], [20], [21], [22], [23].

Стратегия США (ограничения и перспективы)

Одним из главных сдерживающих факторов выступает противостояние с Китаем. КНР уже заняла прочные позиции в мировой системе производства литий-ионных аккумуляторов и контролирует ключевые этапы, включая переработку сырья и выпуск батарей [24]. По этой причине потенциал США в данной сфере заметно ограничен. Дополнительный риск связан с нестабильностью глобальных цепочек поставок критически важных минералов, которые быстро реагируют на изменения в политике и экономике. Любые кризисы могут привести к перебоям и усложнить доступ к необходимым ресурсам [25]. В таких условиях даже развитые институты США не способны полностью устранить риски, связанные со структурой мирового рынка. Существенное влияние оказывает и политика стран региона, которая зачастую больше ориентирована на протекционизм. Государства усиливают контроль над добычей и вводят более жесткие правила для иностранных компаний. В результате изменяются стратегии инвесторов, что приводит к ограничению их возможности работы с местной ресурсной базой [26]. В итоге американские внешнеэкономические инструменты работают менее эффективно и требуют адаптации к национальной специфике. Дальнейшие перспективы развития американской стратегии связаны с созданием более устойчивых цепочек поставок за счет взаимодействия с политически близкими партнерами. Углубление связей с латиноамериканскими странами позволяет США снижать зависимость от конкурентов и укреплять свои позиции в мировой системе распределения ресурсов. Наблюдается смещение фокуса в организации поставок и рост инвестиционной активности. Развиваются механизмы финансирования проектов в сфере добычи и переработки. Повышенный спрос на литий и другие стратегические минералы открывает дополнительные возможности для расширения присутствия Вашингтона в регионе. Одновременно усиливается конкуренция за доступ к ресурсам [25], а значение институциональной среды возрастает. Борьба идет не только за добычу, но и за последующие стадии производства, включая переработку и технологии. Именно они во многом определяют, кто получает основные экономические преимущества и влияние [26].

Заключение

Критически важные минеральные ресурсы играют ключевую роль в современной мировой экономике и определяют развитие технологических отраслей и уровень международной конкуренции. Политика США в отношении стран литиевого треугольника реализуется через систему институциональных инструментов. В нее входят финансовые, кредитные и нормативные механизмы, направленные на обеспечение доступа к сырьевой базе и формирование устойчивых цепочек поставок. Важное место занимают Корпорация по финансированию международного развития, Экспортно импортный банк США и Межамериканский банк развития. Данные структуры обеспечивают привлечение инвестиций, поддержку американских компаний и включение стран региона в глобальные производственные связи. Анализ их деятельности в Аргентине, Чили и Боливии показал, что стратегия США носит дифференцированный характер. Она зависит от особенностей национальной ресурсной политики и степени интеграции стран в мировую экономику. В Аргентине наблюдается более глубокое инвестиционное взаимодействие, в Чили акцент сделан на технологическом и экспортном сотрудничестве. В Боливии участие США остается ограниченным и носит преимущественно институциональный характер. Однако эффективность данной политики ограничивается рядом факторов. К ним относятся конкуренция с Китайской Народной Республикой, нестабильность глобальных цепочек поставок и усиление государственного контроля над ресурсами в странах региона. Институциональные механизмы США не устраняют полностью системные риски, но позволяют закреплять экономическое присутствие и адаптироваться к изменяющейся среде. Дальнейшее развитие стратегии связано со стремлением США занять более устойчивые позиции в глобальной системе распределения критических ресурсов.

Литература

1. Keohane R.O. International Institutions: Two Approaches // International Studies Quarterly. 1988. Vol. 32, № 4. P. 379–396. URL: https://www.jstor.org/stable/2600589 (дата обращения: 25.03.2026).

2. Хлопов О.А. Геоэкономика как аналитический подход в исследовании современных глобальных тенденций // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12. № 2. URL: https://esj.today/PDF/88ECVN220.pdf?ysclid=mo2e5luoqn736800262 (дата обращения: 27.03.2026).

3. U.S. Department of Energy. Critical Materials Assessment. Washington, D.C.: U.S. Department of Energy, 2023. URL: https://www.energy.gov/sites/default/files/2023–05/2023-critical-materials-assessment.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

4. Кондратьев В.Б. Роль критически важных сырьевых материалов в условиях экономической неопределенности: опыт ЕС // Горная промышленность. 2022. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kriticheski-vazhnyh-syrievyh-materialov-v-usloviyah-ekonomicheskoy-neopredelennosti-opyt-es (дата обращения: 04.04.2026).

5. The White House. Building Resilient Supply Chains, Revitalizing American Manufacturing, and Fostering Broad-Based Growth: 100-Day Reviews under Executive Order 14017. Washington, 2021. URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/06/100-day-supply-chain-review-report.pdf (дата обращения: 03.04.2026).

6. The White House. National Security Strategy. Washington, 2022. URL: https://nps.edu/documents/115559645/121916825/2022+Dist+A+National+Security+Strategy.pdf (дата обращения: 04.04.2026).

7. U.S. International Development Finance Corporation. About DFC. URL: https://www.dfc.gov/who-we-are/about-us (дата обращения: 05.04.2026).

8. Export-Import Bank of the United States. About EXIM. URL: https://www.exim.gov/about (дата обращения: 05.04.2026).

9. Inter-American Development Bank. The energy transition as an opportunity for green industrial development in Latin America and the Caribbean. URL: https://www.iadb.org/en/project/RG-T4188 (дата обращения: 13.04.2026).

10. Inter-American Development Bank. Minería para la Transición Energética (MET). Washington, D.C., 2023. URL: https://ewsdata.rightsindevelopment.org/files/documents/42/IADB-RG-T4442.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

11. Inter-American Development Bank. A future-ready region: critical minerals for growth. URL: https://www.iadb.org/en/project/RG-T4066 (дата обращения: 13.04.2026).

12. Inter-American Development Bank. Securing a sustainable supply of critical minerals. URL: https://www.iadb.org/en/project/RG-T4442 (дата обращения: 13.04.2026).

13. Inflation Reduction Act of 2022: H.R. 5376, 117th Congress (2021–2022) // Congress.gov. 2022. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376/text/eh (дата обращения: 17.02.2026).

14. CHIPS and Science Act of 2022: H.R. 4346, 117th Congress (2021–2022) // Congress.gov. 2022. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346/text/eas2 (дата обращения: 17.02.2026).

15. Executive Order 14017 of February 24, 2021. America's Supply Chains // Federal Register. 2021. Vol. 86, № 38. P. 11849–11854. URL: https://www.federalregister.gov/documents/2021/03/01/2021–04280/americas-supply-chains (дата обращения: 17.02.2026).

16. U.S. Geological Survey. Mineral Commodity Summaries 2024: Lithium. Reston (VA): U.S. Geological Survey, 2024. URL: https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2024/mcs2024-lithium.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

17. Inter-American Development Bank. IDB approves $50 million loan for productive and export development program in Salta, Argentina. URL: https://www.iadb.org/en/news/idb-approves-50-million-loan-productive-and-export-development-program-salta-argentina (дата обращения: 07.04.2026).

18. Inter-American Development Bank. Strengthening lithium resource governance in Jujuy. URL: https://www.iadb.org/en/project/AR-T1218 (дата обращения: 07.04.2026).

19. U.S. Embassy in Argentina. U.S. and Argentina sign Memorandum of Understanding to strengthen cooperation on critical minerals. URL: https://ar.usembassy.gov/us-and-argentina-sign-memorandum-of-understanding-to-strengthen-cooperation-on-critical-minerals/ (дата обращения: 07.04.2026).

20. White & Case. Washington's US$1 billion critical minerals spree reshapes Latin American mining // Latin America Focus. 2026. URL: Washington's US$1 billion critical minerals spree reshapes Latin American mining | White & Case LLP (дата обращения: 07.04.2026).

21. Export-Import Bank of the United States. Critical Minerals and Supply Chain Initiatives. URL: https://www.exim.gov/solutions/project-and-structured-finance/our-approach-to-project-finance (дата обращения: 08.04.2026).

22. Inter-American Development Bank. Lithium Satellite Exploration in Bolivia (BO-T1350). URL: IDB | Lithium Satellite Exploration in Bolivia Individual Project (IP) of the CANEF Facility (RGX1262) (дата обращения: 08.04.2026).

23. Inter-American Development Bank. Regional lithium platform (RG-T3340). URL: https://www.iadb.org/en/project/RG-T3340 (дата обращения: 07.04.2026).

24. Sanchez-Lopez M.D. Geopolitics of the Li-ion battery value chain and the Lithium Triangle in South America // Latin American Policy. – 2023. – Vol. 14, № 1. – P. 22–45. URL: https://www.researchgate.net/publication/368791252_Geopolitics_of_the_Li-ion_battery_value_chain_and_the_Lithium_Triangle_in_South_America (дата обращения: 09.04.2026).

25. Wang B., Wang L., Zhong S., Xiang N., Qu Q. Assessing the supply risk of geopolitics on critical minerals for energy storage technology in China // Frontiers in Energy Research. – 2023. – Vol. 10. – Article 1032000 – URL: (PDF) Assessing the supply risk of geopolitics on critical minerals for energy storage technology in China (дата обращения: 09.04.2026).

26. Li J., Shapiro D.M., Vecino C. Geopolitics, host country policy, and critical mineral investment in Latin America // AIB Insights. – 2025. – Vol. 25, № 4. – Article 146203. – URL: Geopolitics, Host Country Policy, and Critical Mineral Investment in Latin America | Published in AIB Insights (дата обращения: 09.04.2026).

INSTITUTIONAL MECHANISMS FOR PROMOTING UNITED STATES INTERESTS IN THE RESOURCE SECTOR OF LATIN AMERICA (THE EXAMPLE OF THE LITHIUM TRIANGLE)

Sumskiy P.A.
Ural Institute for Humanities Ural Federal University

The article analyzes the institutional mechanisms for promoting U.S. interests in the resource sector of Latin America. The study is based on institutional and geoeconomic approaches and examines U.S. policy as a system of interconnected financial, credit, and regulatory instruments. It is shown that a key role is played by development finance institutions and multilateral organizations that facilitate investment mobilization and the formation of resilient supply chains for critical minerals. Using the cases of the Lithium Triangle countries Argentina, Chile, and Bolivia the paper identifies a differentiated pattern of strategy implementation depending on the level of development of national resource models. Particular attention is paid to the limitations of U.S. policy effectiveness, including competition with China, the vulnerability of global supply chains, and the rise of resource nationalism. The study concludes that institutional instruments are increasingly important in securing access to strategic resources and shaping long-term U.S. economic influence in the region.

Keywords: United States of America, Latin America (LAC), Lithium Triangle, critical raw materials, supply chains.

References

1. Keohane R.O. International Institutions: Two Approaches // International Studies Quarterly. 1988. Vol. 32, № 4. P. 379–396. URL: https://www.jstor.org/stable/2600589 (date of access: 25.03.2026).

2. Хлопов О.А. Геоэкономика как аналитический подход в исследовании современных глобальных тенденций // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12. № 2. URL: https://esj.today/PDF/88ECVN220.pdf?ysclid=mo2e5luoqn736800262 (date of access: 27.03.2026).

3. U.S. Department of Energy. Critical Materials Assessment. Washington, D.C.: U.S. Department of Energy, 2023. URL: https://www.energy.gov/sites/default/files/2023–05/2023-critical-materials-assessment.pdf (date of access: 02.04.2026).

4. Кондратьев В.Б. Роль критически важных сырьевых материалов в условиях экономической неопределенности: опыт ЕС // Горная промышленность. 2022. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kriticheski-vazhnyh-syrievyh-materialov-v-usloviyah-ekonomicheskoy-neopredelennosti-opyt-es (date of access: 04.04.2026).

5. The White House. Building Resilient Supply Chains, Revitalizing American Manufacturing, and Fostering Broad-Based Growth: 100-Day Reviews under Executive Order 14017. Washington, 2021. URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/06/100-day-supply-chain-review-report.pdf (date of access: 03.04.2026).

6. The White House. National Security Strategy. Washington, 2022. URL: https://nps.edu/documents/115559645/121916825/2022+Dist+A+National+Security+Strategy.pdf (date of access: 04.04.2026).

7. U.S. International Development Finance Corporation. About DFC. URL: https://www.dfc.gov/who-we-are/about-us (date of access: 05.04.2026).

8. Export-Import Bank of the United States. About EXIM. URL: https://www.exim.gov/about (date of access: 05.04.2026).

9. Inter-American Development Bank. The energy transition as an opportunity for green industrial development in Latin America and the Caribbean. URL: https://www.iadb.org/en/project/RG-T4188 (date of access: 13.04.2026).

10. Inter-American Development Bank. Minería para la Transición Energética (MET). Washington, D.C., 2023. URL: https://ewsdata.rightsindevelopment.org/files/documents/42/IADB-RG-T4442.pdf (date of access я: 07.04.2026).

11. Inter-American Development Bank. A future-ready region: critical minerals for growth. URL: https://www.iadb.org/en/project/RG-T4066 (date of access: 13.04.2026).

12. Inter-American Development Bank. Securing a sustainable supply of critical minerals. URL: https://www.iadb.org/en/project/RG-T4442 (date of access: 13.04.2026).

13. Inflation Reduction Act of 2022: H.R. 5376, 117th Congress (2021–2022) // Congress.gov. 2022. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376/text/eh (date of access: 17.02.2026).

14. CHIPS and Science Act of 2022: H.R. 4346, 117th Congress (2021–2022) // Congress.gov. 2022. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346/text/eas2 (date of access: 17.02.2026).

15. Executive Order 14017 of February 24, 2021. America's Supply Chains // Federal Register. 2021. Vol. 86, № 38. P. 11849–11854. URL: https://www.federalregister.gov/documents/2021/03/01/2021–04280/americas-supply-chains (date of access: 17.02.2026).

16. U.S. Geological Survey. Mineral Commodity Summaries 2024: Lithium. Reston (VA): U.S. Geological Survey, 2024. URL: https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2024/mcs2024-lithium.pdf (date of access: 15.02.2026).

17. Inter-American Development Bank. IDB approves $50 million loan for productive and export development program in Salta, Argentina. URL: https://www.iadb.org/en/news/idb-approves-50-million-loan-productive-and-export-development-program-salta-argentina (date of access: 07.04.2026).

18. Inter-American Development Bank. Strengthening lithium resource governance in Jujuy. URL: https://www.iadb.org/en/project/AR-T1218 (date of access: 07.04.2026).

19. U.S. Embassy in Argentina. U.S. and Argentina sign Memorandum of Understanding to strengthen cooperation on critical minerals. URL: https://ar.usembassy.gov/us-and-argentina-sign-memorandum-of-understanding-to-strengthen-cooperation-on-critical-minerals/ (date of access: 07.04.2026).

20. White & Case. Washington's US$1 billion critical minerals spree reshapes Latin American mining // Latin America Focus. 2026. URL: Washington's US$1 billion critical minerals spree reshapes Latin American mining | White & Case LLP (date of access: 07.04.2026).

21. Export-Import Bank of the United States. Critical Minerals and Supply Chain Initiatives. URL: https://www.exim.gov/solutions/project-and-structured-finance/our-approach-to-project-finance (date of access: 08.04.2026).

22. Inter-American Development Bank. Lithium Satellite Exploration in Bolivia (BO-T1350). URL: IDB | Lithium Satellite Exploration in Bolivia Individual Project (IP) of the CANEF Facility (RGX1262) (date of access: 08.04.2026).

23. Inter-American Development Bank. Regional lithium platform (RG-T3340). URL: https://www.iadb.org/en/project/RG-T3340 (date of access: 07.04.2026).

24. Sanchez-Lopez M.D. Geopolitics of the Li-ion battery value chain and the Lithium Triangle in South America // Latin American Policy. – 2023. – Vol. 14, № 1. – P. 22–45. URL: https://www.researchgate.net/publication/368791252_Geopolitics_of_the_Li-ion_battery_value_chain_and_the_Lithium_Triangle_in_South_America (date of access: 09.04.2026).

25. Wang B., Wang L., Zhong S., Xiang N., Qu Q. Assessing the supply risk of geopolitics on critical minerals for energy storage technology in China // Frontiers in Energy Research. – 2023. – Vol. 10. – Article 1032000 – URL: (PDF) Assessing the supply risk of geopolitics on critical minerals for energy storage technology in China (date of access: 09.04.2026).

26. Li J., Shapiro D.M., Vecino C. Geopolitics, host country policy, and critical mineral investment in Latin America // AIB Insights. – 2025. – Vol. 25, № 4. – Article 146203. – URL: Geopolitics, Host Country Policy, and Critical Mineral Investment in Latin America | Published in AIB Insights (date of access: 09.04.2026).

Влияние геополитической турбулентности на мировую экономику и финансовую систему: каналы трансмиссии и перспективы устойчивости

Нога Семён Владимирович,
студент кафедры мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 221005@edu.fa.ru

Филина Александра Дмитриевна,
кандидат экономических наук, преподаватель кафедры мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: mrs.alexandra.filina@mail.ru

Суворова Елизавета Александровна,
студент Кафедры мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: elizavetasuvorova35@gmail.com

В статье анализируется влияние геополитической турбулентности 2022–2026 гг. на мировую экономику и финансовую систему. Основное внимание уделяется макроэкономическим эффектам, включая замедление глобальной торговли, инфляционное давление и изменения в структуре международных потоков капитала. Рассматриваются ключевые каналы трансмиссии внешних шоков, такие как товарные, валютные и финансовые рынки, а также глобальные цепочки поставок. На основе эмпирических данных показано усиление фрагментации мировой экономики и рост макроэкономической нестабильности в различных группах стран. Отдельно подчеркивается роль международных институтов и центральных банков в смягчении последствий внешних шоков. Сделан вывод о необходимости адаптации экономической политики к условиям повышенной неопределённости.

Ключевые слова: мировая экономика; глобальная финансовая система; макроэкономическая нестабильность; международная торговля; цепочки поставок; инфляция; трансмиссия шоков.

В последние годы мировая экономика функционирует в условиях повышенной геополитической нестабильности. Конфликты, торговые разногласия и изменения экономической политики отдельных государств формируют устойчивую неопределённость, которая отражается на динамике глобальной финансовой системы [5]. В 2022 году, на фоне усиления геополитических процессов в Европе, наблюдался рост цен на энергоносители и продовольствие, сопровождавшийся повышенной волатильностью рынков [12]. В последующие годы, к 2025–2026 гг., усилились дополнительные факторы напряжённости, включая расширение тарифных мер, региональные конфликты на Ближнем Востоке и технологические ограничения между крупными экономиками [13]. В совокупности данные процессы оказывают влияние на валютные курсы, фондовые рынки и устойчивость глобальных цепочек поставок.

Согласно оценкам МВФ, темпы роста мировой экономики в 2026 году прогнозируются на уровне 3,3%, что отражает относительную стабильность [15]. Однако за этим показателем сохраняется значительный уровень неопределённости. В случае усиления геополитических рисков, особенно в ключевых регионах, возможно возникновение перебоев в поставках, рост цен на сырьевые товары и усиление инфляционного давления [6]. В отчётах МВФ подчёркивается, что подобные события могут вызывать существенные негативные шоки со стороны предложения, влияющие как на финансовые рынки, так и на производственные цепочки [10]. Дополнительно в 2025 году тарифные решения ряда стран сопровождались ростом волатильности: индекс VIX достигал уровней, сопоставимых с периодом пандемии (Bank for International Settlements, 2025).

Современная мировая финансовая система характеризуется высокой степенью взаимосвязанности. Потоки капитала, товаров и услуг перемещаются между странами практически в режиме реального времени, что усиливает эффект распространения внешних шоков [1]. В результате локальные политические или экономические изменения могут быстро отражаться на других сегментах мировой экономики. Развивающиеся страны при этом чаще сталкиваются с оттоком капитала, тогда как развитые экономики испытывают давление через рост цен и снижение инвестиционной уверенности [17]. В таких условиях центральные банки вынуждены адаптировать денежно-кредитную политику, балансируя между задачами сдерживания инфляции и поддержания экономического роста.

Геополитическая турбулентность в широком смысле представляет собой совокупность факторов нестабильности в международных отношениях, включая конфликты, санкционные ограничения, торговые барьеры и технологические разногласия [9]. Для её количественной оценки используется индекс геополитического риска (GPR Index), разработанный Д. Калдара и М. Яковиелло. Он основан на анализе частоты упоминаний ключевых слов в ведущих международных СМИ [9]. Согласно последним данным, уровень геополитического риска в 2025–2026 гг. остаётся повышенным по сравнению с докризисным периодом [11].

Мировая финансовая система представляет собой сложную сеть взаимосвязанных институтов, включая валютные рынки, банковский сектор, фондовые биржи и систему международных платежей. Её устойчивость во многом основана на доверии участников и свободном движении капитала [3]. При возникновении внешних шоков уровень доверия снижается, что приводит к перераспределению финансовых потоков и росту неопределённости.

Основные каналы передачи рисков в финансовую систему включают несколько направлений. К ним относятся торговые ограничения и санкции, нарушающие цепочки поставок, особенно в сфере энергоносителей и продовольствия [2]; энергетические шоки, влияющие на инфляцию и валютные курсы; технологические и киберриски, усложняющие трансграничные операции; а также поведенческий фактор, выражающийся в повышенном спросе на защитные активы [12].

По степени воздействия геополитические риски можно условно разделить на несколько уровней. Наиболее сильное влияние оказывают военные конфликты, вызывающие резкие колебания рынков [13]. Средний уровень риска связан с торговыми противостояниями и тарифными ограничениями, тогда как низкий уровень включает дипломатическую напряжённость без прямых экономических последствий.

Для оценки данных процессов используются различные аналитические инструменты, включая GPR Index, индекс волатильности VIX и кредитные спреды CDS. Их динамика позволяет фиксировать рост неопределённости на рынках. Согласно данным МВФ, после значимых событий фондовые рынки в среднем снижаются примерно на 3% в течение недели, а валюты стран-импортёров сырья ослабевают на 1–2% [12].

Следует учитывать, что геополитические риски обладают ограниченной предсказуемостью и не поддаются полной формализации. Несмотря на использование производных финансовых инструментов для частичного хеджирования, внезапные события по-прежнему вызывают резкие рыночные реакции [10].

Валютные рынки одними из первых реагируют на усиление геополитической напряжённости. В таких условиях наблюдается рост спроса на защитные активы и валюты-убежища. Страны, зависящие от импорта энергоресурсов, чаще сталкиваются с ослаблением национальных валют [5]. В 2025 году на фоне тарифных мер США наблюдались краткосрочные изменения курса доллара, отражающие перераспределение капитала и рост неопределённости [1].

Фондовые и товарные рынки также демонстрируют высокую чувствительность. После значимых событий наблюдаются краткосрочные снижения индексов, тогда как в периоды военной эскалации коррекции могут быть более выраженными [14]. При этом отдельные сектора, например энергетический, могут демонстрировать рост на фоне изменения ценовой конъюнктуры. Товарные рынки реагируют на риски перебоев поставок, тогда как золото выполняет функцию защитного актива [10].

Геополитические процессы усиливают фрагментацию мировой торговли. По оценкам международных организаций, темпы роста мировой торговли в 2026 году могут замедлиться до 2,6% [6].

Дополнительное давление фиксируется на долговых рынках. В периоды повышенной неопределённости возрастает премия за риск, что отражается в расширении CDS-спредов, особенно для развивающихся экономик [17]. Это приводит к росту стоимости заимствований и снижению инвестиционной активности.

Центральные банки в условиях внешних шоков сталкиваются с необходимостью балансирования между контролем инфляции и поддержкой экономического роста. Рост цен на энергоносители и продовольствие усиливает инфляционное давление, что вынуждает корректировать процентные ставки [12]. При повторяющихся шоках монетарная политика становится более жёсткой, что может замедлять экономическую динамику.

Эмпирические кейсы 2022–2026 гг. подтверждают значительное влияние геополитических факторов на мировую экономику.

С 2022 года США ввели экспортные ограничения на передовые полупроводники, оборудование для их производства и технологии искусственного интеллекта, что усилилось в 2023–2025 годах. Ограничения нарушили глобальные цепочки поставок чипов и редкоземельных металлов, ускорив фрагментацию. Фондовые рынки отреагировали волатильностью: индексы технологических компаний падали на несколько процентов при каждом ужесточении, VIX подскакивал. Китай ответил контрмерами на редкоземельные металлы, что создало дополнительные риски для автопрома, энергетики и обороны. По оценкам, такие ограничения стоили американским производителям чипов значительной доли рынка в Китае (до 18% к 2030 году в некоторых сценариях), но одновременно стимулировали китайские инвестиции в собственное производство (локализация выросла с 15% в 2022 до 35% в 2024–2025). Валюты: юань периодически ослабевал под давлением, доллар укреплялся. Этот кейс демонстрирует технологический и торговый каналы, ведущие к замедлению мировой торговли (по прогнозам МВФ, темпы роста торговли в 2026 году снизились до 2,6–2,8%).

В свою очередь, эскалация напряжённости на Ближнем Востоке вновь активировала энергетический шок. Цены на нефть подскакивали (в отдельные периоды до $90–120 за баррель при угрозе закрытия Ормузского пролива, через который проходит 20–30% мировой нефти). Это привело к всплескам инфляции в странах-импортёрах: в Европе и Азии – на 0,5–1 п.п. дополнительно, в развивающихся экономиках – ещё сильнее из-за зависимости от импорта.

Фондовые рынки реагировали падением на 3% и более за неделю при пиковых событиях, золото росло как безопасный актив. В 2025–2026 годах это наложилось на уже существующие тарифные напряжения, усиливая давление на центральные банки. МВФ в апрельском отчёте 2026 года отметил повышенные риски финансовой стабильности из-за войны на Ближнем Востоке, включая амплификацию через энергетические цены и цепочки поставок. Этот кейс подтверждает высокую чувствительность товарных рынков к геополитическим актам.

Таким образом, торгово-технологическое противостояние между США и Китаем привело к перестройке цепочек поставок и усилению регионализации производства [7]. Ближневосточные события оказали влияние на нефтяные рынки и инфляционные процессы [13]. Санкционные ограничения ускорили развитие альтернативных платёжных механизмов и расчётов в национальных валютах.

Развитые экономики обладают большей устойчивостью благодаря развитым финансовым институтам, тогда как развивающиеся страны более уязвимы к оттоку капитала и колебаниям валютных курсов [18]. В целом наблюдается усиление структурной фрагментации мировой экономики при одновременной адаптации участников к новым условиям.

Международные институты, включая МВФ, Всемирный банк и G20, играют ключевую роль в координации мер реагирования на внешние шоки [10]. Важным направлением является развитие макрофинансового стресс-тестирования с учётом геополитических факторов и сценарного анализа, основанного на индексе GPR и показателях энергетической нестабильности [11].

В качестве дополнительных мер рассматривается развитие региональных финансовых механизмов, цифровых валют центральных банков, а также применение технологий искусственного интеллекта и блокчейна для повышения эффективности анализа рисков и трансграничных расчётов [3].

Дополнительно следует отметить, что в условиях усиливающейся фрагментации мировой экономики возрастает роль региональных интеграционных объединений, которые стремятся компенсировать снижение эффективности глобальных цепочек поставок. В частности, усиливается значение внутрирегиональной торговли и расчётов в национальных валютах, что постепенно изменяет структуру международных финансовых потоков. Это приводит к формированию более устойчивых, но менее глобализированных экономических контуров.

Отдельного внимания заслуживает трансформация инвестиционного поведения. Институциональные инвесторы всё чаще ориентируются на факторы устойчивости и геополитической нейтральности активов, что приводит к перераспределению капитала в пользу более стабильных юрисдикций. Одновременно растёт значимость ESG-факторов, которые начинают рассматриваться не только как экологический или социальный критерий, но и как элемент снижения системных рисков.

Также наблюдается усиление роли технологического фактора в формировании финансовой устойчивости. Развитие цифровых платформ, алгоритмической торговли и систем искусственного интеллекта позволяет ускорить обработку информации о рисках, однако одновременно повышает чувствительность рынков к информационным шокам и новостным потокам.

Таким образом, геополитическая турбулентность оказывает комплексное воздействие на мировую экономику, затрагивая валютные, товарные, фондовые и долговые рынки. Несмотря на рост неопределённости, адаптационные механизмы постепенно усиливаются, что позволяет частично смягчать последствия внешних шоков. Дальнейшее развитие международной координации и совершенствование инструментов управления рисками остаются ключевыми условиями повышения устойчивости глобальной экономической системы.

Литература

1. Банк международных расчётов. Годовой отчёт 2024/25. Базель: БМР, июнь 2025. – URL: https://www.bis.org/about/areport/areport2025.pdf (дата обращения: 22.02.2026).
2. Банк международных расчётов. Годовой отчёт 2024/25. Базель: БМР, июнь 2025. – URL: https://www.bis.org/about/areport/areport2025.htm (дата обращения: 22.02.2026).
3. Банк международных расчётов. Годовой экономический доклад 2025. Базель: БМР, июнь 2025. – URL: https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2025e.htm (дата обращения: 19.02.2026).
4. Банк международных расчётов. Годовой экономический доклад 2025. Базель: БМР, июнь 2025. – URL: https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2025e.htm (дата обращения: 19.02.2026).
5. Всемирный банк. Глобальные экономические перспективы: январь 2025 (с обновлениями). Вашингтон: Всемирный банк, январь 2025. – URL: https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/11e10c6d-6587–477b-a69c-f368cfb3a0a4 (дата обращения: 18.02.2026).
6. Всемирный банк. Глобальные экономические перспективы: январь 2026. Вашингтон: Всемирный банк, январь 2026. – URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/7ce50b5aa95bef66048680bba9926ec8–0050012026/global-economic-prospects-january-2026 (дата обращения: 20.03.2026).

7. Всемирный банк. Глобальные экономические перспективы: январь 2026 (с обновлениями). Вашингтон: Всемирный банк, январь 2026. – URL: https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/bb904ec6–730f-4dd9-b1af-ad3153ee1616 (дата обращения: 20.03.2026).

8. Всемирный банк. Перспективы мировой экономики: январь 2026. Вашингтон: Всемирный банк, январь 2026. – URL: https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects (дата обращения: 03.03.2026).

9. Калдара, Д. Измерение геополитического риска (Geopolitical Risk Index): обновлённые данные по апрель 2026. – URL: https://www.matteoiacoviello.com/gpr.htm (дата обращения: 20.04.2026).

10. Международный валютный фонд. Доклад о глобальной финансовой стабильности: Сдвиг почвы под спокойствием. Вашингтон: МВФ, октябрь 2025. – URL: https://www.imf.org/en/publications/gfsr/issues/2025/10/14/global-financial-stability-report-october-2025 (дата обращения: 19.02.2026).

11. Международный валютный фонд. Доклад о глобальной финансовой стабильности: октябрь 2025 (глава 1: Сдвиг почвы под спокойствием). Вашингтон: МВФ, октябрь 2025. – URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/gfsr/2025/october/english/ch1.pdf (дата обращения: 28.02.2026).

12. Международный валютный фонд. Доклад о глобальной финансовой стабильности: апрель 2025. Укрепление устойчивости в условиях неопределённости. Вашингтон: МВФ, апрель 2025. – URL: https://www.imf.org/en/publications/gfsr/issues/2025/04/22/global-financial-stability-report-april-2025 (дата обращения: 20.02.2026).

13. Международный валютный фонд. Доклад о глобальной финансовой стабильности: апрель 2026. Глобальные финансовые рынки перед лицом войны на Ближнем Востоке и рисков усиления. Вашингтон: МВФ, апрель 2026. – URL: https://www.imf.org/en/publications/gfsr/issues/2026/04/14/global-financial-stability-report-april-2026 (дата обращения: 15.04.2026).

14. Международный валютный фонд. Доклад о глобальной финансовой стабильности: Укрепление устойчивости в условиях неопределённости. Вашингтон: МВФ, апрель 2025. – URL: https://www.imf.org/en/publications/gfsr/issues/2025/04/22/global-financial-stability-report-april-2025 (дата обращения: 20.02.2026).

15. Международный валютный фонд. Перспективы мировой экономики: Обновление, январь 2026. Вашингтон: МВФ, январь 2026. – URL: https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2026/01/19/world-economic-outlook-update-january-2026 (дата обращения: 04.03.2026).

16. Международный валютный фонд. Перспективы мировой экономики: Обновление, январь 2026. Вашингтон: МВФ, январь 2026. – URL: https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2026/01/19/world-economic-outlook-update-january-2026 (дата обращения: 04.03.2026).

17. Международный валютный фонд. Перспективы мировой экономики: октябрь 2025. Вашингтон: МВФ, октябрь 2025. – URL: https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october-2025 (дата обращения: 25.02.2026).

18. Международный валютный фонд. Перспективы мировой экономики: октябрь 2025. Вашингтон: МВФ, октябрь 2025. – URL: https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october-2025 (дата обращения: 25.02.2026).

THE IMPACT OF GEOPOLITICAL TURBULENCE ON THE GLOBAL ECONOMY AND FINANCIAL SYSTEM: TRANSMISSION CHANNELS AND STABILITY PROSPECTS

Noga S.V., Filina A.D., Suvorova E.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article analyzes the impact of geopolitical turbulence during 2022–2026 on the global economy and financial system. It focuses on macroeconomic effects, including the slowdown of global trade, inflationary pressures, and shifts in international capital flows. Key transmission channels of external shocks are examined, such as commodity, currency, and financial markets, as well as global supply chains. Based on empirical evidence, the study highlights increasing fragmentation of the world economy and rising macroeconomic instability across different country groups. The role of international institutions and central banks in mitigating external shocks is also emphasized. The paper concludes on the necessity of adapting economic policy to heightened uncertainty.

Keywords: global economy; global financial system; macroeconomic instability; international trade; supply chains; inflation; shock transmission.

References

1. Bank for International Settlements. Annual Report 2024/25. Basel: BIS, June 2025. – URL: https://www.bis.org/about/areport/areport2025.pdf (accessed: 22.02.2026).

2. Bank for International Settlements. Annual Report 2024/25. Basel: BIS, June 2025. – URL: https://www.bis.org/about/areport/areport2025.htm (accessed: 22.02.2026).

3. Bank for International Settlements. Annual Economic Report 2025. Basel: BIS, June 2025. – URL: https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2025e.htm (accessed: 19.02.2026).

4. Bank for International Settlements. Annual Economic Report 2025. Basel: BIS, June 2025. – URL: https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2025e.htm (accessed: 19.02.2026).

5. World Bank. Global Economic Prospects: January 2025 (with updates). Washington, DC: World Bank, January 2025. – URL: https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/11e10c6d-6587–477b-a69c-f368cfb3a0a4 (accessed: 18.02.2026).

6. World Bank. Global Economic Prospects: January 2026. Washington, DC: World Bank, January 2026. – URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/7ce50b5aa95bef66048680bba9926ec8–0050012026/global-economic-prospects-january-2026 (accessed: 20.03.2026).

7. World Bank. Global Economic Prospects: January 2026 (with updates). Washington, DC: World Bank, January 2026. – URL: https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/bb904ec6–730f-4dd9-b1af-ad3153ee1616 (accessed: 20.03.2026).

8. World Bank. Global Economic Prospects. Washington, DC: World Bank, January 2026. – URL: https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects (accessed: 03.03.2026).

9. Caldara, D. Geopolitical Risk Index: Updated Data up to April 2026. – URL: https://www.matteoiacoviello.com/gpr.htm (accessed: 20.04.2026).

10. International Monetary Fund. Global Financial Stability Report: A Shift Beneath the Calm. Washington, DC: IMF, October 2025. – URL: https://www.imf.org/en/publications/gfsr/issues/2025/10/14/global-financial-stability-report-october-2025 (accessed: 19.02.2026).

11. International Monetary Fund. Global Financial Stability Report: October 2025 (Chapter 1: A Shift Beneath the Calm). Washington, DC: IMF, October 2025. – URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/gfsr/2025/october/english/ch1.pdf (accessed: 28.02.2026).

12. International Monetary Fund. Global Financial Stability Report: April 2025. Strengthening Resilience amid Uncertainty. Washington, DC: IMF, April 2025. – URL: https://www.imf.org/en/publications/gfsr/issues/2025/04/22/global-financial-stability-report-april-2025 (accessed: 20.02.2026).

13. International Monetary Fund. Global Financial Stability Report: April 2026. Global Financial Markets Facing the Middle East War and Rising Risks. Washington, DC: IMF, April 2026. – URL: https://www.imf.org/en/publications/gfsr/issues/2026/04/14/global-financial-stability-report-april-2026 (accessed: 15.04.2026).

14. International Monetary Fund. Global Financial Stability Report: Strengthening Resilience amid Uncertainty. Washington, DC: IMF, April 2025. – URL: [https://www.imf.org/en/publications/gfsr/issues/2025/04/22/global-financial-stability-report-april-2025] (https://www.imf.org/en/publications/gfsr/issues/2025/04/22/global-financial-stability-report-april-2025) (accessed: 20.02.2026).

15. International Monetary Fund. World Economic Outlook Update: January 2026. Washington, DC: IMF, January 2026. – URL: https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2026/01/19/world-economic-outlook-update-january-2026 (accessed: 04.03.2026).

16. International Monetary Fund. World Economic Outlook Update: January 2026. Washington, DC: IMF, January 2026. – URL: https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2026/01/19/world-economic-outlook-update-january-2026 (accessed: 04.03.2026).

17. International Monetary Fund. World Economic Outlook: October 2025. Washington, DC: IMF, October 2025. – URL: https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october-2025 (accessed: 25.02.2026).

18. International Monetary Fund. World Economic Outlook: October 2025. Washington, DC: IMF, October 2025. – URL: [https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october 2025](https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october-2025) (accessed: 25.02.2026).

Опыт применения генеративного искусственного интеллекта в преподавательской деятельности

Фокина Галина Васильевна,
старший преподаватель ВШ ПРИ, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 000128@pnu.edu.ru

Белозерова Светлана Ивановна,
к.т.н., доцент, каф. «Цифровые технологии и инженерная графика», Дальневосточный государственный университет путей сообщений
E-mail: si@list.ru

В статье рассматривается опыт применения инструментов генеративного искусственного интеллекта в деятельности педагогов. Тема является актуальной в связи с проводимой цифровой трансформацией системы образования, поддерживаемой на государственном уровне, активным развитием технологий искусственного интеллекта и его внедрением в учебный процесс. Целью проведения данного исследования является анализ использования генеративного искусственного интеллекта в образовательном процессе, а также обобщение успешных практик для их интеграции в преподавательскую деятельность. Материалами для исследования являлись научные публикации российских и зарубежных авторов по проблематике применения искусственного интеллекта в образовании, а также нормативно-правовые документы, регламентирующие цифровую трансформацию образования в Российской Федерации. Теоретическими методами исследований являлись анализ и синтез научно-методической литературы по теме исследования, систематизация и классификация направлений применения ИИ в преподавательской деятельности. В работе выполнен анализ предметной области на основе которого были выявлены основные перспективные направления применения генеративного искусственного интеллекта, актуальные и эффективные инструменты для решения практических задач педагогической деятельности, а также трудности связанные с его внедрением. Сформулированы основные требования образовательного процесса университета к системам искусственного интеллекта. Проведено исследование основных направлений применения и инструментов генеративного искусственного интеллекта в работе преподавателей высшего профессионального образования. Выполнен анализ эффективности работы педагогов до и после внедрения генеративного искусственного интеллекта. Подтверждена необходимость формирования ИИ-компетентности преподавателей, активного и грамотного использования генеративного искусственного интеллекта в педагогической деятельности.

Ключевые слова: цифровая трансформация, генеративный искусственный интеллект, информационные технологии, образовательная деятельность, интеллектуальный анализ данных, автоматизация, персонализация, педагогика.

Введение

Быстрое развитие технологий генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) активно влияет на все сферы человеческой деятельности, в том числе и на систему образования. Развитие искусственного интеллекта (ИИ) позволяет создавать не только иллюстрации, схемы, видеоролики, тексты, но и писать программный код, учебно-методические материалы. Это открывает новые возможности для оптимизации и трансформации образовательного процесса [1,2,3]. Цифровая трансформация образования, активное внедрение инструментов искусственного интеллекта (ИИ) и растущие требования к цифровой компетентности педагогов объясняют возникшую необходимость изучения реального опыта применения этих технологий в преподавательской практике [4,5,6].

Тема данной статьи является актуальной, как как за последние годы наблюдается быстрая цифровая трансформация образования, увеличивается объем данных в образовательной деятельности, повышается нагрузка на преподавателя, создаются новые инструменты для ее снижения, а также существует реальная необходимость персонального подхода в обучении. Но несмотря на то, что интерес к применению ИИ в образовании постоянно растет, наблюдается недостаточная изученность вопросов связанных с практическим применением ГИИ преподавателями в учебном процессе. Большое количество существующих исследований направлено или на отдельные аспекты применения ИИ (например, создание автоматизированных тестовых заданий, автоматизация оценивания, разработка персонализированных учебных материалов), или на общих вопросах цифровой трансформации образования. Необходима информация по вопросу использования ИИ в сфере образования, основанная на практическом опыте, наблюдениях и экспериментах для выявлена основных тенденций перехода от использования монофункциональных ИИ-сервисов по решению отдельных учебных задач к разработке и внедрению комплексных ИИ-систем. Их применение позволит повысить качество образовательного процесса за счет персонализации обучения на основе анализа данных об обучении, обеспечении обратной связи, индивидуального контроля знаний и разработки специальных учебно-методических материалов [9,10].

Особого внимания заслуживает проблема формирования ИИ-компетентности преподавателей. Исследования показывают, что у большинства педагогов преобладает ознакомительный или начальный уровень владения ИИ-инструментами, что существенно ограничивает потенциал их применения в реальной образовательной практике [11,12]. В связи с этим возникает необходимость не только в фиксации текущего опыта использования ИИ преподавателями, но и в выявлении барьеров, препятствующих более широкому и эффективному внедрению этих технологий.

Таким образом, проблема исследования заключается в противоречии между высоким потенциалом генеративного ИИ для трансформации преподавательской деятельности и недостаточной изученностью реальных практик его применения, а также отсутствием системного понимания того, как использование ИИ изменяет образовательный процесс, роль преподавателя и какие барьеры при этом возникают.

Цель исследования

Выполнить анализ применения генеративного искусственного интеллекта в образовательном процессе высшего профессионального образования, а также обобщить успешные практики для их интеграции в преподавательскую деятельность.

Материалы и методы исследования

Материалы исследования:

– нормативно-правовые документы, регламентирующие цифровую трансформацию образования в Российской Федерации;

– научные публикации по вопросам применения искусственного интеллекта в сфере образования;

Методы исследования:

Теоретические методы:

анализ научно-методической литературы и существующего опыта внедрения ИИ в образование;

систематизация и классификация направлений применения ИИ в преподавательской деятельности;

Эмпирические методы:

– анкетирование студентов (n=192) для выявления эффективности применения ГИИ в процессе обучения;

– наблюдение за процессом внедрения ГИИ в преподавательскую деятельность.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе изучения научных публикаций по вопросам применения искусственного интеллекта в сфере образования [13,14] было выявлено, что к системам искусственного интеллекта, внедряемым в образовательный процесс университета, предъявляются следующие требования: педагогические, технические, организационно-правовые, функциональные и требования к безопасности. Их соблюдение позволяет осуществлять успешное внедрение ГИИ в процесс обучения. На рисунке 1 показаны требования образовательного процесса вуза к системам искусственного интеллекта.

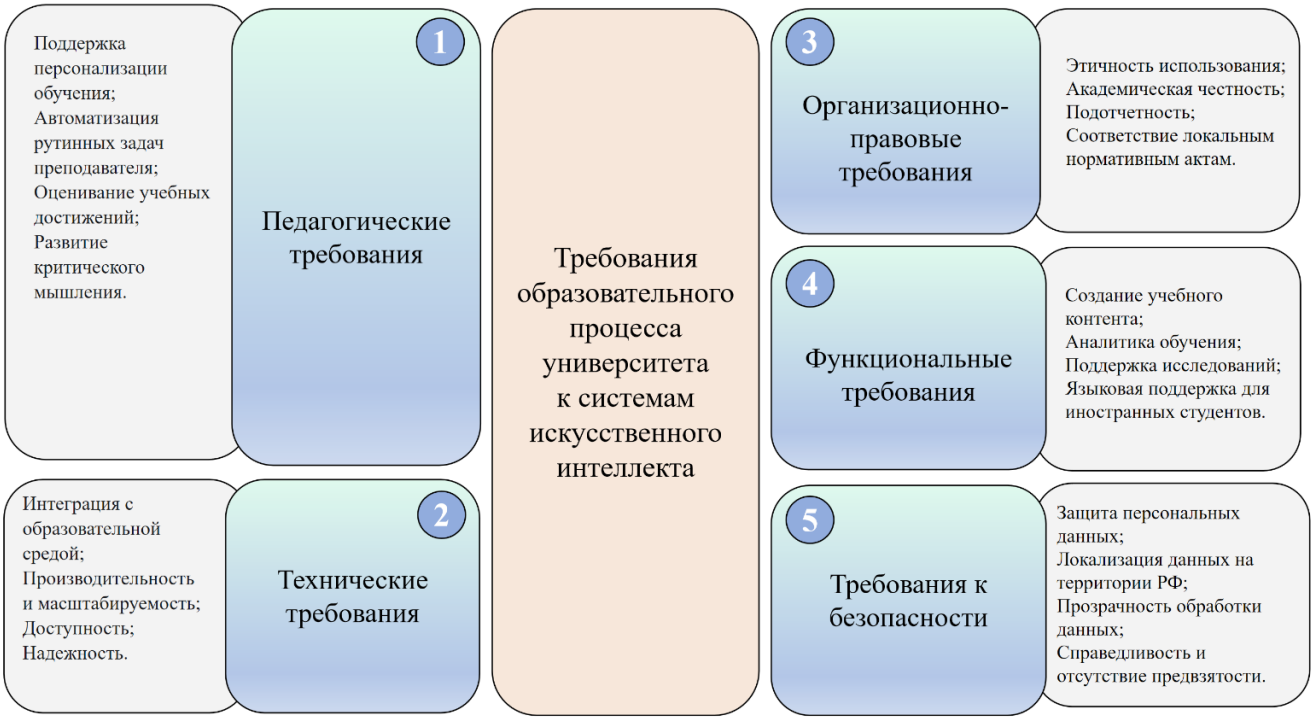


Рис. 1. Требования образовательного процесса вуза к системам искусственного интеллекта

Применение ГИИ – это сложный и многогранный вопрос. Искусственный интеллект (ИИ) не заменит труд преподавателя полностью, но кардинально изменит его инструментарий, решаемые им задачи и применяемые подходы к обучению. В таблице 1 представлен сравнительный анализ по ключевым параметрам работы преподавателя до начала применения ИИ и после его внедрения.

Таблица 1. Сравнительный анализ работы преподавателя до и после внедрения ИИ

Вид деятельности	До внедрения ИИ	После внедрения ИИ
Подготовка к занятиям		
Создание планов	Долгий ручной поиск материалов по учебникам, методическим указаниям.	Генерация структуры урока, идей для кейсов и семинаров за несколько минут.
Подготовка раздаточных материалов	Самостоятельное составление заданий с последующим сканированием или копированием..	ИИ генерирует варианты тестовых заданий под разный уровень сложности.
Визуализация учебных материалов	Сложности в рисование на доске или поискк картинок в интернете.	Генерация изображений по текстовому запросу.
Проверка работ и обратная связь		
Проверка эссе/домашних работ	Часы проверки однотипных ошибок, выгорание.	ИИ проверяет грамматику, структуру и логику за минуты. Преподаватель только ставит итоговую оценку.
Обратная связь студенту	Краткие фразы «Молодец», «Работай над стилем».	ИИ пишет персонализированный разбор.
Рутина	Сверка однотипных тестов, сверка с ответами.	Автоматическая проверка множественного выбора и коротких ответов.
3. Взаимодействие со студентами и индивидуализация		
Дифференциация	Общий темп для всей группы. Сильным скучно, слабым тяжело.	ИИ подбирает задания под уровень каждого студента (адаптивные тренажеры, персональные треки).
Доступность 24/7	Только на парах или консультациях.	У студента есть AI-тьютор, который объясняет тему в любое время. Преподаватель не выгорает.
Языковой барьер	Трудно для иностранных студентов	Быстрый перевод лекций и учебных материалов.
4. Оценка знаний		
Домашние эссе	Считались надежной формой проверки мышления.	Кризис: студенты сдают тексты от ChatGP T. Преподаватель тратит время на «угадайку» (детекторы ИИ ненадежны).
Контрольные работы	Списывание с телефона или конспекта было заметно.	Нужно переходить к устным экзаменам, защите проектов, работе с кодом/файлами через специальные прокторинговые системы.
Проекты	Долго и дорого	Студенты не задумываясь могут сделать за час то, на что раньше нужна была неделя (сгенерировать код, дизайн, бизнес-план).

Окончание

Вид деятельности	До внедрения ИИ	После внедрения ИИ
Профессиональное развитие самого преподавателя		
Приобретение новых навыков	Педагогический дизайн, риторика, знание предмета.	Обязательно: умение составлять промпты, понимать специфику ГИИ
Риски	Выгорание от рутины	Страх потерять работу. Парадокс: нужно учить студентов, но самому постоянно учиться новым ИИ-инструментам.

Выполненный анализ показал, что за счет внедрения ГИИ у преподавателей наблюдается сокращение времени на подготовку к занятиям и поверку работ студентов, но появляются проблемы этического и юридического характера, связанные с проблемами «списывания с ИИ» и авторства учебных материалов. В связи с этим преподаватель вынужден менять форматы оценивания. На первый план выходят устные коллоквиумы, семинары, дискуссии, проектная работа в аудитории. А также более внимательно подходить к самостоятельному переосмыслению предлагаемого ИИ контента.

Сферы применения и существующие технологии ГИИ отличаются многообразием. На рисунке 2 показаны направления применения и инструменты, применяемые в педагогической деятельности. Наиболее частое применение ИИ находит в области создания учебного контента и автоматизации рутинных задач.

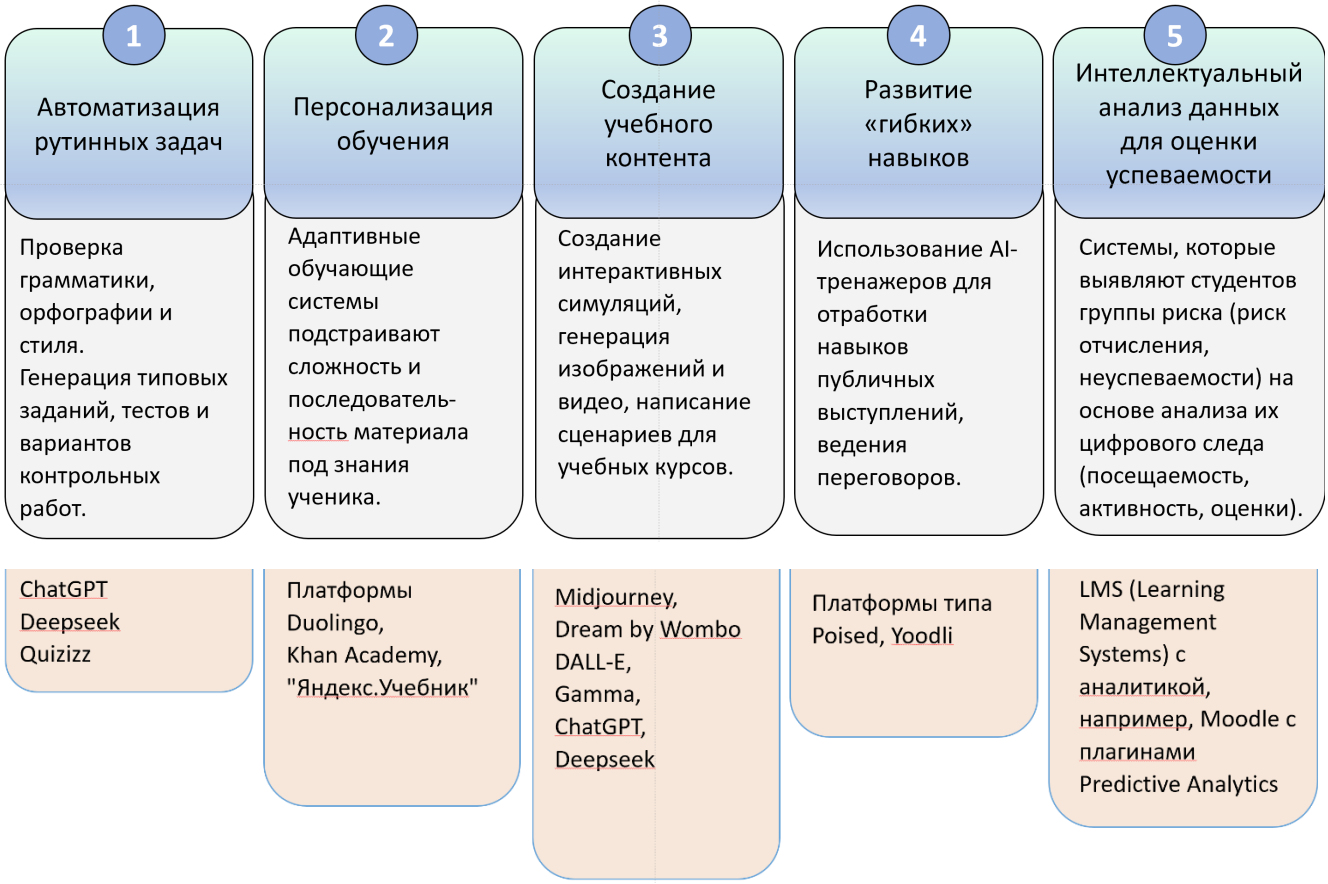
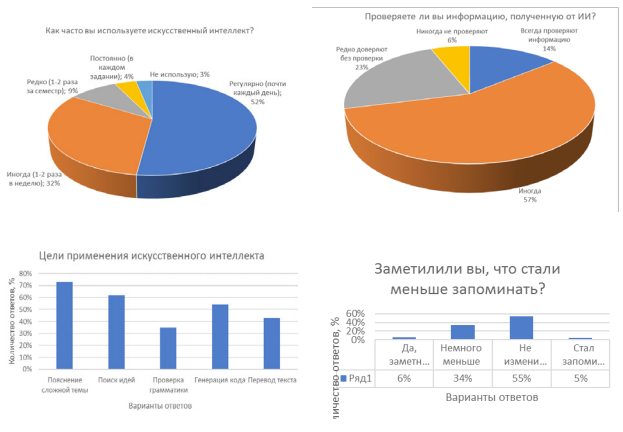


Рис. 2. Направления применения и инструменты искусственного интеллекта в педагогической деятельности

Для оценки эффективности применения ГИИ в процессе обучения было проведено анкетирование 192 студентов. В анкете содержались вопросы, связанные с частотой и целью использования ГИИ, оценкой его влияния на уровень усвоения учебного материала, критическим мышлением при его применении и общей оценкой эффективности использования.

Наиболее интересные результаты представлены на рисунке 3.



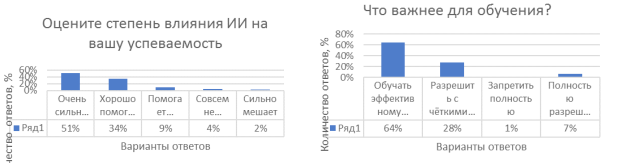


Рис. 3. Результаты проведенного опроса

Исследование показало, что 52% опрошенных студентов ежедневно пользуются ГИИ, 32% применяют его 1–2 раза в неделю и только 3% его не используют. 73% студентов применяют ГИИ для пояснения сложной темы, 62% – для поиска идей, 54% – для генерации кода, 43% – для перевода текста, 35% – для проверки грамматики. Небольшое ухудшение памяти в связи с постоянным использованием ИИ отметили 34% опрашиваемых студентов, 55% – подтвердили, что применение ИИ никак не повлияло на ухудшение памяти. При ответе на вопрос помогает ли ГИИ в учебе, 94% студентов ответили положительно, 4% – что он совсем не помогает, а 2%, что ИИ мешает. 85% считают, что применение ИИ существенно отражается на успеваемости. 64% опрошенных студентов считают, что необходимо обучать эффективному использованию ИИ. 99% опрашиваемых за разрешение его применения. В тоже время, только 14% студентов всегда проверяют информацию, предоставленную ИИ, а 6% никогда не проверяют.

Заключение

Таким образом, ИИ является мощным инструментом, способствующим развитию образования и профессиональной подготовке студентов. Его применение в образовательной деятельности педагогов значительно облегчает решение многих задач, предоставляет новые возможности, имеет огромный потенциал для создания качественной и доступной образовательной среды. ИИ не заменит преподавателя, но сделает невозможным преподавание по-старому. В связи с вышесказанным, особенно остро встает вопрос о готовности преподавателей и студентов адаптироваться к новым методам обучения и о необходимости развития ИИ-компетентности.

Литература

1. Молчанова О.П., Бурак И.Д., Щелокова С.В. Искусственный интеллект в преподавании управленческих дисциплин: возможности и риски // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2025. Т. 60. № 3. С. 348–365. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82828894_47605874.pdf (дата обращения: 13.04.2026). DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-3-15 EDN: LMRWLW.

2. Старостина С.Е., Токарева Ю.С., Федотова А.Д. Искусственный интеллект в образовании: направления использования, ограничения и риски // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 20. № 4. С. 107–117. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_84079765_57376840.pdf (дата обращения: 13.04.2026). DOI: 10.21209/2658-7114-2025-20-4-107-117 EDN: PTXLQT.

3. Овсяницкая Л.Ю., Кравченко И.А. Об интеграции технологий искусственного интеллекта и педагогических технологий // Современные проблемы науки и образования. 2024. № 6. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=33762 (дата обращения: 13.04.2026). DOI: https://doi.org/10.17513/spno. 33762.

4. Пустовойтов В.Н., Белоус Н.Н., Шубабко Е.Н. Ключевые принципы использования технологий искусственного интеллекта в общем образовании // Современные проблемы науки и образования. 2024. № 4. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=33548 (дата обращения: 13.04.2026). DOI: https://doi.org/10.17513/spno. 33548.

5. Витвицкая А.А. Генеративный искусственный интеллект как ресурс инновационного образования // Современные проблемы науки и образования. 2024. № 3. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=33446 (дата обращения: 21.04.2026). DOI: https://doi.org/10.17513/spno. 33446.

6. Савгачев В.В., Плещёв И.Е., Шубин Л.Б. Искусственный интеллект: использование современных технологий при подготовке домашних заданий в медицинском образовании // Педагогическое образование. 2025. Т. 6. № 11. С. 172–177. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_83257132_86027810.pdf (дата обращения: 21.04.2026). EDN: DRRZZN.

7. Чопик О.А. Искусственный интеллект как фактор трансформации субъектной позиции студентов в высшем образовании // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 8–9. С. 54–73. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82939473_67849557.pdf (дата обращения: 21.04.2026). DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-8-9-54-73 EDN: GECTXE.

8. Пустовойтов В.Н., Дубицкая Е.В., Шлома А.В. Искусственный интеллект в образовании: риски некорректного использования // Современные наукоемкие технологии. 2025. № 8. С. 109–113. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82819833_85280740.pdf (дата обращения: 21.04.2026). DOI: 10.17513/snt.40471. EDN: UDYKQW.

9. Кошкина Е.А., Бордовская Н.В., Гнедых Д.С., Хромова М.А., Демьянчук Р.В., Исхакова М.П., Балышев П.А. Генеративный искусственный интеллект в высшем образовании: обзор теоретических подходов и практик применения // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 6. С. 36–57. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82693655_31883065.pdf (дата обращения: 21.04.2026). DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-6-36-57 EDN: AXWAWH.

10. Никольский В.С. Коммуникативный искусственный интеллект: концептуализация новой реальности в образовании // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 6. С. 152–168. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82693661_87689492.pdf (дата обращения: 21.04.2026). DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-6-152-168. EDN: VDEXYD.

11. Вахабова С.А., Косулин В.В., Карагодина Е.А. Искусственный интеллект в образовании: реальность и перспективы // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 6. № 5 (158). С. 208–214. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82478259_80671975.pdf. (дата обращения: 21.04.2026). DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.05.06.026. EDN: AFTIVJ

12. Геращенко И.Г., Геращенко Н.В. Искусственный интеллект и рост безработицы в образовании // Экономика образования. 2026. № 1 (152). С. 4–11. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=88972650 EDN: SPTFHS (дата обращения: 21.04.2026).

13. Верезубова Н.А., Миндлин Ю.Б., Сакович Н.Е. Искусственный интеллект в высшем образовании: возможности и риски // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 11–3. С. 61–65. URL: http://www.nauteh-journal.ru/index.php/2/2025/%E2%84%9611/3/b293c8aa-ef3e-493c-99fa-af964832a182 (дата обращения: 21.04.2026). DOI: 10.37882/2223-2982.2025.11-3.10. EDN: APZWGO.

14. Горобинский, Л.В. Интегрированные технологические подходы к академическому успеху: мобильное обучение, социальные медиа и искусственный интеллект в образовании // Современное профессиональное образование. – 2026. – № 1. – С. 97–101. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=88999156 (дата обращения: 21.04.2026). EDN GBVEMU.

15. Наливайко Т.Е., Иванов В.В. Искусственный интеллект в высшем образовании: анализ повышения мотивации студентов и эффективности усвоения профессиональных компетенций // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2024. № 8 (80). С. 74–77. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_79560001_48381783.pdf. (дата обращения: 21.04.2026). EDN: DQTIAF

EXPERIENCE IN APPLYING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TEACHING ACTIVITIES

Fokina G.V., Belozerova C.I.
Pacific State University, Far Eastern State Transport University

This article examines the experience of using generative artificial intelligence tools in the work of educators. The topic is highly relevant due to the ongoing digital transformation of the education system, which is supported at the state level, the rapid development of artificial intelligence technologies, and their integration into the learning process. The aim of this study is to analyze the use of generative artificial intelligence in the educational process and to summarize successful practices for their incorporation into teaching activities. The research materials include scientific publications by Russian and international authors on the application of artificial intelligence in education, as well as legal and regulatory documents governing the digital transformation of education in the Russian Federation. The theoretical research methods included the analysis and synthesis of scientific and methodological literature on the topic of study, systematization, and classification of AI application areas in teaching. The paper analyzes the subject area, identifying the main promising areas of generative artificial intelligence application, relevant and effective tools for solving practical teaching problems, and the challenges associated with its implementation. The key requirements for artificial intelligence systems in the university's educational process were formulated. A study was conducted of the main areas of application and tools of generative artificial intelligence in the work of higher education instructors. An analysis of instructor effectiveness before and after the implementation of generative artificial intelligence was conducted. The need to develop instructors' AI competence and the active and effective use of generative artificial intelligence in teaching was substantiated.

Keywords: digital transformation, generative artificial intelligence, information technology, educational activities, data mining, automation, personalization, pedagogy.

References

1. Molchanova, O.P., Burak, I.D., and Shchelokova, S.V. Artificial Intelligence in Teaching Management Disciplines: Opportunities and Risks // Moscow University Bulletin. Series 6: Economics. 2025. Vol. 60, № 3, pp. 348–365. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_82828894_47605874.pdf (Accessed: 13.04.2026). DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-3-15 EDN: LMRWLW.

2. Starostina, S.E., Tokareva, Yu.S., and Fedotova, A.D. Artificial Intelligence in Education: Areas of Use, Limitations, and Risks // Scientific Notes of the Zabaikalsky State University. 2025. Vol. 20. № 4. Pp. 107–117. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_84079765_57376840.pdf (accessed: 13.04.2026). DOI: 10.21209/2658-7114-2025-20-4-107-117 EDN: PTXLQT.

3. Ovsyanitskaya L.Yu., Kravchenko I.A. On the Integration of Artificial Intelligence Technologies and Pedagogical Technologies // Modern Problems of Science and Education. 2024. № 6. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=33762 (accessed: 13.04.2026). DOI: https://doi.org/10.17513/spno. 33762.

4. Pustovoitov V.N., Belous N.N., Shubabko E.N. Key principles of using artificial intelligence technologies in general education // Modern problems of science and education. 2024. № 4. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=33548 (date of access: 13.04.2026). DOI: https://doi.org/10.17513/spno. 33548.

5. Vitvitskaya A.A. Generative artificial intelligence as a resource for innovative education // Modern problems of science and education. 2024. № 3. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=33446 (date of access: 21.04.2026). DOI: https://doi.org/10.17513/spno. 33446.

6. Savgachev V.V., Pleshchev I.E., Shubin L.B. Artificial Intelligence: Using Modern Technologies in Preparing Homework in Medical Education // Pedagogical Education. 2025. Vol. 6. № 11. pp. 172–177. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_83257132_86027810.pdf (accessed: 21.04.2026). EDN: DRRZZN.

7. Chopik O.A. Artificial Intelligence as a Factor in Transforming the Subjective Position of Students in Higher Education // Higher Education in Russia. 2025. Vol. 34. № 8–9. pp. 54–73. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82939473_67849557.pdf (accessed on 21.04.2026). DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-8-9-54-73 EDN: GECTXE.

8. Pustovoitov V.N., Dubitskaya E.V., Shloma A.V. Artificial Intelligence in Education: Risks of Incorrect Use // Modern Science-Intensive Technologies. 2025. № 8. pp. 109–113. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82819833_85280740.pdf (accessed on 21.04.2026). DOI: 10.17513/snt.40471. EDN: UDYKQW.

9. Koshkina E.A., Bordovskaya N.V., Gnedykh D.S., Khromova M.A., Demyanchuk R.V., Iskhakova M.P., Balyshev P.A. Generative Artificial Intelligence in Higher Education: A Review of Theoretical Approaches and Application Practices // Higher Education in Russia. 2025. Vol. 34. № 6. Pp. 36–57. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82693655_31883065.pdf (accessed: 21.04.2026). DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-6-36-57 EDN: AXWAWH.

10. Nikolsky V.S. Communicative Artificial Intelligence: Conceptualization of a New Reality in Education // Higher Education in Russia. 2025. Vol. 34. № 6. Pp. 152–168. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82693661_87689492.pdf (accessed: 21.04.2026). DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-6-152-168. EDN: VDEXYD.

11. Vakhabova S.A., Kosulin V.V., Karagodina E.A. Artificial Intelligence in Education: Reality and Prospects // Economics and Management: Problems, Solutions. 2025. Vol. 6. № 5 (158). pp. 208–214. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82478259_80671975.pdf. (Accessed: 21.04.2026). DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.05.06.026. EDN: AFTIVJ

12. Gerashchenko I.G., Gerashchenko N.V. Artificial Intelligence and the Rise of Unemployment in Education // Economics of Education. 2026. № 1 (152). pp. 4–11. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=88972650 EDN: SPTFHS (date of access: 21.04.2026).

13. Verezubova N.A., Mindlin Yu.B., Sakovich N.E. Artificial Intelligence in Higher Education: Opportunities and Risks // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2025. № 11–3. Pp. 61–65. URL: http://www.nauteh-journal.ru/index.php/2/2025/%E2%84%9611/3/b293c8aa-ef3e-493c-99fa-af964832a182 (date of access: 21.04.2026). DOI: 10.37882/2223-2982.2025.11-3.10. EDN: APZWGO.

14. Gorobinsky, L.V. Integrated technological approaches to academic success: mobile learning, social media and artificial intelligence in education // Modern professional education. – 2026. – № 1. – P. 97–101. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=88999156 (date of access: 21.04.2026). EDN GBVEMU.

15. Nalivaiko T.E., Ivanov V.V. Artificial intelligence in higher education: analysis of increasing student motivation and the effectiveness of assimilation of professional competencies // Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2024. № 8 (80). pp. 74–77. URL: https://elibrary.ru/downlo

Развитие финансовых технологий в России в условиях трансформации международных экономических отношений

Филина Александра Дмитриевна,
кандидат экономических наук, преподаватель кафедры мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: mrs.alexandra.filina@mail.ru

Дерябина Дарья Александровна,
студент Кафедры мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 221006@edu.fa.ru

Яруллина Алина Рустемовна,
студент кафедры мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 225763@edu.fa.ru

В статье рассматриваются особенности развития финансовых технологий в России в условиях активной цифровизации экономики и трансформации финансового сектора. Исследуются теоретические подходы к определению сущности финтеха, а также раскрываются основные этапы его становления и развития в российской практике. Особое внимание уделяется анализу современного состояния рынка финансовых технологий, включая ключевые направления их применения, роль банковского сектора и новых цифровых участников, а также перспектив дальнейшего развития.
Дополнительно анализируется влияние внешнеэкономических факторов и санкционных ограничений на трансформацию финансовой инфраструктуры и ускорение внедрения отечественных технологических решений. Рассматриваются процессы развития цифровых финансовых активов, трансграничных платёжных механизмов и взаимодействия в рамках международных объединений. Делается вывод о том, что финтех в России выступает важным инструментом адаптации финансовой системы к новым условиям глобальной экономики и повышения её устойчивости.

Ключевые слова: финансовые технологии, цифровизация, финтех, банковские экосистемы, цифровые финансовые активы, трансграничные расчёты, международные экономические отношения.

В условиях ускоряющейся цифровизации экономики финансовый сектор активно трансформируется, преимущественно путем внедрения инновационных технологических решений. Финансовые технологии являются одним из ключевых драйверов развития современной финансовой системы, обеспечивая повышение эффективности, доступности и качества финансовых услуг. В последние годы наблюдается рост интереса к финансовым технологиям как со стороны государства и бизнеса, так и со стороны конечных пользователей, что связано с изменением поведенческих моделей потребления и развитием цифровой инфраструктуры.

В России финансовые технологии имеют свои особенности, связанные как с уровнем цифровизации экономики, так и с внешними ограничениями, которые повлияли на трансформацию финансовой инфраструктуры. В результате усиливается роль национальных решений и формируются новые модели взаимодействия между банками, технологическими компаниями и пользователями.

Широкое распространение термина «финансовые технологии» началось после 2014 года, когда усилилось внимание к цифровым преобразованиям финансового сектора. Существенным фактором, повлиявшим на активизацию интереса к финтеху со стороны государства, бизнеса и потребителей, стали последствия мирового финансового кризиса 2008 года. Которые продемонстрировали необходимость повышения устойчивости и эффективности финансовых систем за счет внедрения технологических решений.

Существующие подходы к определению финансовых технологий во многом схожи. Так, П. Шуфель рассматривает финтех как самостоятельное направление финансового рынка, ориентированное на внедрение передовых цифровых решений в сферу управления финансовыми активами [10]. В свою очередь Ситник А.А. дополняет данную трактовку, акцентируя внимание на инфраструктурных и сервисных компонентах, формируемых в рамках концепции Индустрии 4.0 [6]. Международный подход, представленный Советом по финансовой стабильности (Finfncial Stability Board, FSB), определяет финтех как технологически обусловленные финансовые инновации, способные приводить к появлению новых бизнес-моделей, процессов, продуктов и сервисов, оказывающих существенное влияние на функционирование финансовых рынков и институтов [9].

Обобщая рассмотренные подходы, можно сделать вывод, что финансовые технологии представляют собой совокупность инновационных решений, основанных на использовании цифровых и информационных технологий, направленных на развитие и трансформацию финансовых услуг, продуктов и инфраструктуры, а также на повышение эффективности и доступности финансовой системы в современных условиях.

Классификация финансовых технологий может осуществляться по различным критериям, в том числе по направлению использования и сфере применения (таблица 1). В зависимости от функционального назначения выделяются:
– вспомогательные технологии, обеспечивающие выполнение сопутствующих операций при оказании финансовых услуг;
– транзакционные, непосредственно связанные с проведением финансовых мероприятий;
– управленческие, ориентированные на поддержку принятия решений в области финансов за счёт использования аналитических инструментов, включая решения на основе больших данных и CRM-системы.

По сфере применения финансовые технологии подразделяются на используемые нефинансовыми организациями, финансовыми институтами и физическими лицами. В первом случае речь идет о цифровых решениях, направленных на автоматизацию учёта и взаимодействия с финансовой инфраструктурой, включая бухгалтерские системы и программные интерфейсы. Во втором – о специализированных инструментах, применяемых в профессиональной финансовой деятельности, таких как скоринговые модели, системы электронного документооборота и сенсорные технологии. Для физических лиц характерно использование финтех-решений, обеспечивающих доступ к альтернативным формам финансового взаимодействия, включая краудфандинг и элементы совместного потребления.

Таблица 1. Классификация финансовых технологий

Критерий классификации	Виды	Описание
По направлению использования	Вспомогательные	Выполнение вспомогательных операций, необходимых для предоставления финансовых услуг
	Транзакционные	Совершение финансовых операций
	Управленческие	Содействие при принятии решений при управлении финансами, аналитические системы на основе больших данных, CRM-система
По сфере применения	Применяемые нефинансовыми организациями	CRM-система, API, бухгалтерское программное обеспечение и т.д.
	Применяемые финансовыми организациями	Открытый бюджет, скоринг, ЕИС госзакупки, сенсорные технологии и т.д.
	Применяемые физическими лицами	Краудфандинг, шеринг

Источник: составлено авторами статьи на основе информации из учебного пособия [5].

Чем же важны финансовые технологии в современной технологии? Их развитие способствует повышению эффективности предоставления финансовых услуг за счёт автоматизации процессов, снижения операционных издержек и ускорения обработки данных. Внедрение цифровых решений позволяет существенно расширить доступ к финансовым продуктам, в том числе для раннее недостаточно охваченных категорий населения и бизнеса, что положительно сказывается на уровне финансовой инклюзии.

Кроме того, финансовые технологии оказывают влияние на конкуренцию на рынке, стимулируя появление новых участников и бизнес-моделей. Это, в свою очередь, способствует повышению качества услуг и их адаптации к изменяющимся потребностям пользователей. Одновременно усиливается развитие аналитических инструментов для более точного управления финансовыми рисками.

Развитие финансовых технологий в России представляет собой не только внутренний процесс цифровой трансформации финансового сектора, но и важный элемент включения страны в глобальные экономические и технологические изменения. В условиях усиливающейся фрагментации мировой экономики, санкционного давления и перестройки международных финансовых связей финтех становится инструментом адаптации национальной финансовой системы

Рис. 1. Этапы внедрения финансовых технологий в России

Источник: составлено авторами статьи.

Развитие финансовых технологий в России носит поэтапный характер и отражает как изменения в потребностях пользователей, так и общий уровень цифровизации экономики. Каждый этап сопровождался усилением взаимодействия с международными финансовыми практиками либо, напротив, формированием собственных технологических решений в ответ на внешние ограничения.

На начальном этапе ключевым фактором стало формирование спроса на дистанционные финансовые услуги, прежде всего связанные с приемом платежей. В этот период активно развивались специализированные компании, предоставляющие услуги интернет-эквайринга и электронных платежей, что было тесно связано с расширением электронной коммерции. Среди наиболее заметных участников данного этапа можно выделить QIWI, «Яндекс деньги» и Тинькофф (Т-банк). Постепенно акцент сместился в сторону комплексной цифровизации финансовых услуг и повышения удобства их использования.

Следующий этап был обусловлен ростом количества интернет-пользователей, что создало условия для распространения финансовых сервисов. Помимо базовых платежных операций получили развитие решения, ориентированные на повседневные потребности населения, включая управление личными финансами, оплату государственных и коммунальных услуг, а также интеграцию дополнительных сервисов, таких как подбор страховых продуктов и учет программ лояльности. Таким образом, финтех стал проникать в различные сферы повседневной экономической активности российских граждан.

На третьем этапе существенное развитие получило онлайн-кредитование, в первую очередь сторона микрофинансовых организаций. Распространение мобильного интернета и успешный опыт отдельных цифровых банков, прежде всего банка Тинькофф, способствовали появлению необанков, которые функционируют преимущественно в онлайн-среде (банк Точка, Рокетбанк и uBank). Их деятельность оказала заметное влияние на традиционные кредитные организации, которые начали активно развивать дистанционные каналы обслуживания, включая мобильные приложения и сервисы доставки банковских продуктов. Лидирующие позиции со временем перенял на себя Сбербанк, задавший вектор цифровой трансформации банковского сектора.

Современный этап характеризуется формированием банковских экосистем, в рамках которых финансовые услуги интегрируются с нефинансовыми цифровыми сервисами. В числе наиболее активных участников данного процесса можно выделить Сбербанк, ВТБ и Т-банк. Значительное влияние на развитие экосистем оказывает распространение коммуникационных платформ, позволяющих выстраивать взаимодействие с клиентами в привычной цифровой среде. В этих условиях развиваются новые форматы предоставления финансовых услуг, включая решения на базе искусственного интеллекта. Примером такого подхода является TalkBank, использующий возможности автоматизированного взаимодействия с клиентами, что свидетельствует о дальнейшем усложнении и расширении функционала финтех-продуктов.

Таким образом, анализ этапов развития финтеха позволяет проследить, каким образом технологическая трансформация становится фактором перераспределения экономических связей и влияния в системе современных международных отношений.

Помимо этого, необходимо рассмотреть перспективы развития финансовых технологий в России. Февраль 2022 года стал точкой бифуркации для российского финансового рынка. Масштабный уход иностранных технологических компаний и платёжных систем создал беспрецедентные риски для непрерывности работы бизнеса. Усилилось стремление к созданию альтернативных каналов трансграничных расчётов и снижению зависимости от инфраструктуры, контролируемой западными юрисдикциями. В результате финансовые технологии стали не только инструментом внутренней модернизации, но и важным элементом внешнеэкономической адаптации и переориентации торгово-финансовых связей.

Период 2022–2024 годов показал высокую адаптивность рынка. На смену западным сервисам пришли отечественные финтех-решения: Система быстрых платежей (СБП), карты «Мир», Tinkoff Pay, SberPay, и Yandex Pay. В банковском сектора активно внедряется технология «Progressive Web Apps», которая позволяет трансформировать функционал веб-сайта в мобильное приложение, обходя ограничения зарубежных магазинов приложений, из которых были удалены программы подсанкционных банков [2].

Наряду с этим, одним из наиболее перспективных направлений развития финтеха в России стал рынок цифровых финансовых активов (ЦФА). ЦФА представляют собой цифровые права, выпуск, учёт и обращение которых осуществляется в информационной системе на основе технологий распределенного реестра.

Динамика этого сектора демонстрирует уверенный рост – объём рынка ЦФА вырос с примерно 50 млрд рублей в 2023 году до прогнозируемого 1,5 трлн рублей по итогам 2026 года [11] (рисунок 2).

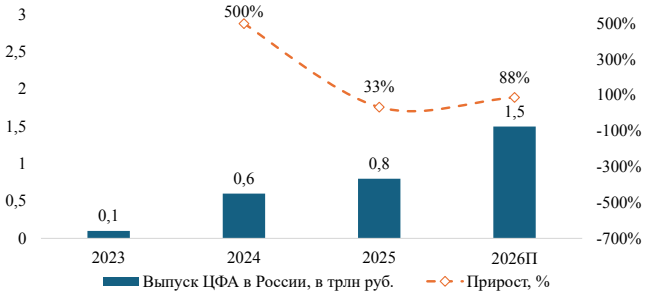


Рис. 2. Объём выпуска ЦФА в России в 2023–2026П гг. в трлн рублей

Источник: составлено автором на основе данных аналитического отчёта [11].

Ключевым преимуществом ЦФА для эмитентов является высокая скорость выпуска, так как для них не требуется государственная регистрация проспекта эмиссии в ЦБ РФ, что характерно для классических облигация. Лидером рынка выступает Сбер, который только за второе полугодие 2025 года увеличил объём цифровых активов в обращении в 7,4 раза – с 25 до 185 млрд руб. За январь 2026 года банк выпустил новых ЦФА на 231 млрд рублей, что составило более половины объёма всего предыдущего года всего за один месяц [4].

Несмотря на такой активный рост, рынок сталкивается с рядом проблем. Во-первых, отсутствие полноценного взаимодействия между различным операторами информационных систем ограничивает ликвидность. Кроме того, рост рынка сопровождается появлением первых случаев неисполнения обязательств, как в ситуации с крупной сетью автосалонов «Автосити», что приводит к объективному риску дефолта эмитентов ЦФА [11].

С точки зрения международных отношений, развитие финансовых технологий в России отражает более широкий процесс формирования альтернативных механизмов финансовой интеграции. Речь идет о постепенном усилении роли региональных объединений, таких как БРИКС, а также о попытках создания независимых платежных и расчетных систем, снижающих зависимость от традиционных западных финансовых институтов. Ввиду чего, финтех в российском контексте приобретает не только экономическое, но и геоэкономическое измерение, выступая инструментом формирования новой конфигурации глобальной финансовой взаимозависимости.

В условиях санкционных ограничений развитие альтернативных систем платежей стало вопросов экономического суверенитета. Доля недолларовых расчётов внутри БРИКС выросла с 20% в 2022 году до 65–70% к 2025 году. Прогнозируется, что при запуске системы BRICS Pay в 2026 году этот показатель может достичь 75–85% [3].

Система BRICS Pay ориентирована на синхронизацию национальных цифровых валют. При использовании такого механизма транзакции проходят напрямую между кошельками центральных банков стран-участниц, минуя систему SWIFT и западные банки-корреспонденты. Скорость перевода составляет от 1 до 10 секунд, а экономия на комиссиях для бизнеса может достигать 1,5–2,5% от объёма платежа [3]. На данный момент среди стран-членов БРИКС лидерами по готовности к использованию цифровых валют центральных банков являются Китай, Россия и Индия.

Наконец, ожидается, что в числе активно используемых финансовых технологий будет и открытый банкинг. Его концепция является важным инструментом повышения конкуренции российских сервисов.

Изначально Банк России планировал сделать использование открытых программных интерфейсов (Open API) обязательным для крупнейших банков, брокеров и страховых компаний с 2026 года. Однако в конце 2025 года сроки были скорректированы и обязательное внедрение ожидается позже 2026 года после принятия соответствующего федерального закона [7].

Основным препятствием для быстрого внедрения стали риски кибербезопасности. В 2026 году программные интерфейсы рассматриваются как одна их главных уязвимостей банков, что подтверждается следующими данными. До 50% успешных компрометаций происходит через слабые стороны в цепочках поставок и API внешних подрядчиков. Средний ущерб от одного инцидента оценивается в 6,2 млн долларов [8].

Для обеспечения безопасности передачи данных Минцифры и Банк России работают над созданием Платформы коммерческих согласий (ПКС) на базе портала «Госуслуги». На этой платформе будут храниться только юридически значимые согласия пользователей на доступ к их финансовой информации, в то время как сами данные будут оставаться в защищенных контурах финансовых организаций [7].

Подводя итог, следует отметить, что финансовые технологии на сегодняшний день играют важную роль в развитии финансовой системы, обеспечивая её более высокую эффективность и гибкость. В России развитие финтеха происходило последовательно, проходя несколько этапов – от формирования базовой инфраструктуры до создания комплексных цифровых систем.

Современный этап характеризуется активным внедрением отечественных решений, развитием цифровых финансовых активов и усилением роли банковских экосистем. При этом, российский финтех-сектор продемонстрировал способность адаптироваться к внешним ограничениям, что стало важным фактором его устойчивости. Вместе с тем, сохраняются определённые проблемы, в частности связанные с вопросами безопасности, регулирования и взаимодействия различных цифровых платформ.

В дальнейшем развитие финансовых технологий в России будет во многом зависеть от внедрения новых инструментов, таких как открытый банкинг, цифровые валюты и международные платёжные решения. Кроме того, ключевой задачей останется обеспечение баланса между инновациями и стабильностью финансовой системы, что требует комплексного подхода со стороны всех участников рынка.

В более широком контексте международных экономических отношений развитие финансовых технологий в России следует рассматривать как часть глобального процесса перестройки мировой финансовой архитектуры. Усиление конкуренции между различными центрами финансовой силы, формирование альтернативных платёжных инфраструктур и рост роли цифровых валют центральных банков свидетельствуют о переходе к более фрагментированной, но одновременно более многополярной финансовой системе. В этих условиях российский финтех-сектор выполняет не только внутренние экономические функции, но и становится элементом внешнеэкономической стратегии, направленной на укрепление финансового суверенитета и расширение пространства международного экономического взаимодействия вне традиционных институциональных рамок.

Литература

1. Агапова Диана Игоревна, Головченко Анастасия Юрьевна, Бужинская Екатерина Викторовна, Соловьева Наталья Евгеньевна Развитие финансовых технологий в России // Прикладные экономические исследования. 2023. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-finansovyh-tehnologiy-v-rossii-1 (дата обращения: 12.03.2026).

2. Борсов А.Ю. Проблемы развития финтеха в России // Скиф. 2023. № 1 (77). С. 397–403.

3. БРИКС в 2026 может запустить Brics Pay. URL: https://axillc.ru/news/novinki/briks-v-2026-mozhet-zapustit-brics-pay/ (дата обращения 04.04.2026)

4. В 2025 году на платформе цифровых активов Сбера выпущено ЦФА объёмом свыше 400 млрд рублей. URL: https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/all/article?newsID=4edbe31c-cd29–4d2f-9d28–27e88ad834d9&blockID=1303&regionID=77&lang=ru&type=NEWS (дата обращения 04.04.2026)

5. Раздроков, Е.Н. Современные финансовые технологии в схемах и таблицах: Раздроков, Е.Н. Современные финансовые технологии в схемах и таблицах: учебное пособие / Е.Н. Раздроков. – Москва: Русайнс, 2026. – 263 с. – ISBN 978-5-466-10708-1. – URL: https://book.ru/book/960958 (дата обращения: 10.03.2026). – Текст: электронный.

6. Ситник А.А. Финансовые технологии: понятие и виды // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/finansovye-tehnologii-ponyatie-i-vidy (дата обращения: 09.03.2026)

7. Центробанк перенес сроки обязательного внедрения Open API. URL: https://plusworld.ru/articles/68138/ (дата обращения 04.04.2026)

8. API и подрядчики станут главными угрозами для банков в 2026 году. URL: https://ib-bank.ru/bisjournal/post/2600 (дата обращения 04.04.2026)

9. FSB, 2017. Financial Stability Implications from FinTech: Supervisory and Regulatory Issues that Merit Authorities' Attention. Financial Stability Board

10. Patrick Schueffel. «Taming the Beast: A Scientific Definition of Fintech» / Journal of Innovation Management Schueffel JIM 4, 4(2016) 32–54 HANDLE: http://hdl.handle.net/10216/102610 (дата обращения: 09.03.2026)

11. TAdviser. Цифровые финансовые активы в России. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/ (дата обращения 04.04.2026)

DEVELOPMENT OF FINANCIAL TECHNOLOGIES IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Filina A.D., Deryabina D.A., Yarullina A.R.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the features of the development of financial technologies in Russia under conditions of active digitalization of the economy and transformation of the financial sector. Theoretical approaches to defining the essence of fintech are analyzed, and the main stages of its formation and development in Russian practice are identified. Special attention is paid to the analysis of the current state of the financial technology market, including key areas of its application, the role of the banking sector, and new digital participants, as well as prospects for further development.

In addition, the impact of external economic factors and sanctions restrictions on the transformation of financial infrastructure and the acceleration of domestic technological solutions is analyzed. The processes of development of digital financial assets, cross-border payment mechanisms, and cooperation within international associations are considered. It

is concluded that fintech in Russia serves as an important tool for adapting the financial system to new conditions of the global economy and enhancing its resilience.

Keywords: financial technologies, digitalization, fintech, banking ecosystems, digital financial assets, cross-border payments, international economic relations.

References

1. Agapova D. I., Golovchenko A. Yu., Buzhinskaya E.V., Solovyova N.E. Development of Financial Technologies in Russia. Applied Economic Research, 2023, No. 1. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-finansovyh-tehnologiy-v-rossii-1 (accessed: 12.03.2026).

2. Borsov A. Yu. Problems of Fintech Development in Russia. Skif, 2023, No. 1 (77), pp. 397–403.

3. BRICS may launch Brics Pay in 2026. Available at: https://axillc.ru/news/novinki/briks-v-2026-mozhet-zapustit-brics-pay/ (accessed: 04.04.2026).

4. In 2025, digital financial assets worth over 400 billion rubles were issued on Sber's digital asset platform. Available at: https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/all/article?newsID=4edbe31c-cd29–4d2f-9d28–27e88ad834d9&blockID=1303&regionID=77&lang=ru&type=NEWS (accessed: 04.04.2026).

5. Razdrokov E.N. Modern Financial Technologies in Schemes and Tables: Textbook. Moscow: Rusains, 2026. 263 p. Available at: https://book.ru/book/960958 (accessed: 10.03.2026).

6. Sitnik A.A. Financial Technologies: Concept and Types. Actual Problems of Russian Law, 2019, No. 6 (103). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/finansovye-tehnologii-ponyatie-i-vidy (accessed: 09.03.2026).

7. The Central Bank postponed the mandatory implementation of Open API. Available at: https://plusworld.ru/articles/68138/ (accessed: 04.04.2026).

8. APIs and contractors to become the main threats to banks in 2026. Available at: https://ib-bank.ru/bisjournal/post/2600 (accessed: 04.04.2026).

9. Financial Stability Board (FSB). Financial Stability Implications from FinTech: Supervisory and Regulatory Issues that Merit Authorities' Attention. 2017.

10. Schueffel P. Taming the Beast: A Scientific Definition of Fintech. Journal of Innovation Management, 2016, Vol. 4(4), pp. 32–54. Available at: http://hdl.handle.net/10216/102610 (accessed: 09.03.2026).

11. TAdviser. Digital Financial Assets in Russia. Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/ (accessed: 04.04.2026).

Англо-русское соперничество в центральной Азии в 1830-е – начале 1840-х гг.: механизмы и кризисы

Чеботарёв Алексей Игоревич,
магистрант кафедры «Центральной Азии и Кавказа», ИСАА,
МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: alekseichebotar98@gmail.com

В статье исследуется динамика англо-русского соперничества в Центральной Азии в 1830-х – начале 1840-х гг., известного как «Большая игра». Автор анализирует три ключевых кризиса периода: гератский, афганский и хивинский, рассматривая их как взаимосвязанные элементы геополитического противостояния Британской и Российской империй. В работе показано, что, несмотря на различия в имперских стратегиях – превентивно-буферная модель Британии и поэтапное административное поглощение России, – обе державы столкнулись со схожими структурными ограничениями в управлении периферийными территориями. Особое внимание уделено роли разведывательной деятельности, дипломатическим маневрам и влиянию региональных акторов на внешнюю политику великих держав. Автор приходит к выводу, что провалы военных экспедиций 1839–1842 гг. заставили обе империи пересмотреть инструментарий соперничества, перейдя от прямого военного давления к более осторожным методам «мягкой силы», разведки и поддержке лояльных режимов. Исследование базируется на широком круге архивных документов и историографических работ, позволяя выявить глубинные причины геополитической нестабильности в регионе и истоки современных внешнеполитических стратегий.

Ключевые слова: Большая игра; Англо-русское соперничество; Центральная Азия; Геополитика; Афганистан.

Введение

Три кризиса – гератский, афганский и хивинский – образуют структурный каркас настоящей главы. Рассматривать их порознь, как принято в большинстве работ, означает терять из вида то, что делает этот период связным: в каждом из них одна и та же пара империй столкнулась с одними и теми же ограничениями, хотя и в разных конфигурациях.

Гератский кризис как первая точка острого соперничества

В конце 1830-х годов персидские войска осадили Герат. Сам по себе этот факт – спор о городе между Персией и афганским правителем Герата – не потребовал бы внимания двух великих держав. Но Герат контролировал пути, ведущие из Персии в Центральную Азию и дальше к Индии, и именно это делало его судьбу стратегически значимой одновременно для Петербурга и Лондона [1].

Российский посланник в Тегеране Симонич действовал с нескрываемой энергией. Он поддерживал персидский двор в его притязаниях на Герат, советовал командирам при осаде, превышал – и это он сам признавал – свои полномочия [2]. То, что происходило в Персии в эти годы, было в значительной мере его личной инициативой, а не реализацией петербургской программы. Петербург в итоге от него откреститься – Симонич был отозван и уволен.

Для понимания гератского кризиса важно учитывать и позицию самого Герата. Правитель города Камран-шах проводил в высшей степени прагматичную политику: принимал британских агентов, поддерживал контакты с афганскими племенными вождями и при этом торговался с персами о возможных условиях сдачи. Его целью была не победа в военном смысле, а затягивание осады до тех пор, пока внешние обстоятельства не изменятся в его пользу. Именно это и произошло: британский ультиматум Персии вынудил снять осаду, и Камран-шах сохранил власть, не потерпев поражения в открытом бою [1].

В Лондоне и Калькутте смотрели на происходящее иначе. Для них персидская осада Герата выглядела как начало российского продвижения к Индии – пусть и через посредника. Именно Глисон показал, как работал этот механизм: образ России как неостановимой экспансионистской силы был уже сложившимся, и любой новый эпизод автоматически вписывался в него [3]. Осада Герата стала достаточным поводом для британского ультиматума Персии – и осада была снята.

Британская реакция на гератский кризис включала не только дипломатический ультиматум Персии, но и более широкий комплекс мер. Несколько британских офицеров были направлены в Герат в качестве военных советников. Один из них – лейтенант Элдред Поттингер – сыграл заметную роль в организации обороны города. Его присутствие там было частью той же практики косвенного военного вмешательства, которую обе стороны активно использовали: технически Поттингер был «частным путешественником», оказавшимся в городе «случайно» [4].

Значение гератского кризиса – не в его исходе, а в том, что он обнаружил. Стало ясно: обе стороны смотрят на регион в стратегической рамке, а не как на набор локальных конфликтов. Любой эпизод теперь будет читаться через призму общего соперничества – независимо от того, насколько это соответствует реальности.

Афганское направление и первая англо-афганская война

Решение о вторжении в Афганистан принималось в 1838 году в атмосфере нараставшей тревоги. Афганский эмир Дост Мухаммад вёл переговоры одновременно с британским агентом Бёрнсом и с российским офицером Виткевичем [5]. С точки зрения Кабула – вполне разумная стратегия: разыграть конкуренцию двух претендентов и получить максимум от каждого. С британской точки зрения – неприемлемое заигрывание с Россией.

Надо понимать, что Дост Мухаммад изначально был настроен на сотрудничество с Британией – при условии британской поддержки в территориальном споре с Сикхами за Пешавар. Бёрнс в своих донесениях из Кабула признавал, что эмир вполне мог стать надёжным союзником. Однако Калькутта отказалась поддержать афганские пре-

тензии к сикхскому государству – союзнику Британии. В результате именно жёсткость британской позиции и толкнула Дост Мухаммада к переговорам с Виткевичем, которые Лондон затем использовал как обоснование для вмешательства. Этот парадокс – британская политика создала ту самую угрозу, от которой затем пыталась защититься, – характерен для всей афганской истории рассматриваемого периода [6].

Калькутта и Лондон решили сменить правителя. Вместо Дост Мухаммада на кабульский престол был посажен Шах-Шуджа – персонаж, лишённый реальной опоры в стране, но лояльный британцам. Поначалу операция прошла гладко [7,8]. Войска вошли в Кабул почти без сопротивления. Затем началась партизанская война, затем – восстание, убийство британского резидента Макнотена, и наконец зимнее отступление 1842 года, в котором из пятнадцати тысяч человек уцелели единицы.

Провал афганской кампании обнажил принципиальное противоречие британской буферной стратегии. Для того чтобы создать надёжный буфер, необходимо было иметь там реально дружественное и стабильное государство. Но именно военное вмешательство для установления лояльного правителя разрушало ту стабильность, которую оно призвано было создать. Шах-Шуджа воспринимался афганским населением как британская марионетка, и именно это делало любую его власть нелегитимной в глазах большинства. Замкнутый круг, из которого не было простого выхода [9].

Российское участие в афганских делах было несравнимо скромнее, чем его воспринимали в Лондоне. Виткевич в Кабуле действовал на собственный страх и риск; его полномочия были туманными. После катастрофы он вернулся в Петербург и застрелился – министерство от него откреститься [2,10].

Моррисон в своей статье о «двух имперских катастрофах» показал: российский провал под Хивой и британский провал в Афганистане произошли почти одновременно и имели схожую природу. Обе экспедиции строились на переоценке собственных возможностей. Обе столкнулись с регионом, который не поддаётся прямому военному контролю [8].

Из афганской истории Лондон и Калькутта в конечном счёте сделали вывод: смена правителя силой без реальной поддержки в стране не работает. На практике это повлекло отступление к более осторожной «буферной» стратегии. Урок был болезненным.

Хивинская экспедиция и пределы российского давления

Зимой 1839–1840 годов генерал-губернатор Оренбурга Перовский повёл отряд к Хиве. Поход был задуман основательно: накоплены запасы, собраны верблюды, выбран маршрут. Но зима 1839–1840 годов оказалась необычно суровой, температура опускалась до минус сорока с лишним, и верблюды начали дохнуть [11].

Иванин, участвовавший в этом походе, оставил подробное описание, важное именно в деталях: сколько верблюдов потеряли за неделю, как скот отказывался идти при сильном морозе, как солдаты обмораживались [11]. Это не просто военная хроника – это документ о том, что именно делало центральноазиатские экспедиции такими дорогостоящими и ненадёжными. Разрыв между политическим решением в Петербурге и его исполнением в степи был огромным.

Необходимо учитывать, что решение о хивинском походе принималось Перовским во многом вопреки рекомендациям части военного командования. Скептики указывали на климатические риски зимней кампании, на сложность снабжения через пустыню и на то, что политические цели экспедиции – освобождение российских подданных из хивинского плена, утверждение торговых путей – не стоили военного риска. Перовский настоял на своём. Провал экспедиции стал в том числе и уроком о пределах власти периферийных военных администраторов продавливать масштабные операции, потенциал которых они переоценивали [12].

Отряд развернулся, не дойдя до Хивы. Политический смысл экспедиции не был утрачен полностью – она продемонстрировала намерения, – но военный провал был очевиден. Ахмеджанов и другие исследователи хивинского направления хорошо показали, что этот поход стал уроком для российской военной администрации: следующие операции в регионе будут готовиться с учётом климатических условий [13].

Примечательна и реакция самого Хивинского ханства на провалившуюся экспедицию. Хан Аллакул не воспользовался российским отступлением как поводом для ответных агрессивных действий – он предпочёл дипломатические зондирования. Это говорит о том, что хивинская сторона хорошо понимала: военный провал 1839–1840 годов не означает отказа России от хивинского направления. Следующая экспедиция будет лучше подготовлена. Именно поэтому в 1840-е годы хивинский двор неоднократно инициировал переговоры о нормализации отношений, стремясь выиграть время [13].

В более широком смысле хивинская экспедиция подтвердила то же, что подтвердила афганская катастрофа: Центральная Азия не поддаётся прямому военному контролю при той инфраструктуре, которой располагали обе стороны в конце 1830-х годов. Это, по существу, главный структурный вывод периода [8].

Сравнительный анализ механизмов соперничества России и Великобритании

Сравнивая российскую и британскую линии поведения в рассматриваемый период, стоит избегать соблазна представлять их как два симметричных зеркальных проекта. Они были принципиально разными – не только по целям, но и по логике [1, 14].

Россия действовала как держава, управляющая своей периферией. Продвижение шло постепенно, каждый шаг закреплялся административно, инициативы с мест нередко опережали столичные директивы [15]. Когда периферийные агенты – Симонич, отчасти Виткевич – заходили слишком далеко, центр от них откреститься. Это не непоследовательность: это характерная черта имперского управления большими расстояниями.

Британия действовала иначе. Её цель не состояла в приобретении новых территорий – по крайней мере, в Центральной Азии. Она стремилась создать и поддерживать барьер, отделявший Индию от российского влияния. Отсюда ставка на субсидированных союзников, буферные государства, упреждающие операции [3]. Логика была превентивной по природе – и именно эта превентивность вела к авантюрам: угрозу надо остановить до того, как она стала реальной.

Провалы 1839–1842 годов заставили обе стороны пересмотреть инструментарий. Прямое военное давление перестало казаться надёжным вариантом. Дальнейшее соперничество будет строиться в большей мере на дипломатии, разведке, поддержке лояльных режимов – то есть на инструментах, которые были менее зрелищны, но и менее рискованны.

Принципиальная асимметрия сохранялась. Россия продолжала двигаться вперёд, пусть и осторожнее; Британия продолжала выстраивать барьеры, пусть и с большей осмотрительностью. Это различие в природе стратегий объясняет, почему соперничество в регионе оказалось таким длительным: у него не было финальной точки, которая устраивала бы обе стороны одновременно [8].

Отдельного внимания заслуживает роль разведывательной деятельности как самостоятельного инструмента соперничества. Именно в 1830-е годы в полную силу развернулась та практика, которую принято называть «индийской разведкой»: британские офицеры под видом торговцев, путешественников и дипломатических агентов проникали вглубь Центральной Азии, составляли карты, собирали сведения о военных возможностях ханств, оценивали возможные пути продвижения противника. Александр Бёрнс был в этом отношении наиболее известной, но отнюдь не единственной фигурой [5].

Российская сторона развивала аналогичную деятельность, хотя и с иной институциональной базой. Экспедиции под руководством Бларамберга, миссии в Хиву и Бухару, сбор сведений через купцов и посредников – всё это составляло систему, которая работала параллельно с официальной дипломатией. Особую роль здесь играли офицеры Генерального штаба, которых прикомандировывали к пограничным экспедициям с прямым заданием собирать топографическую и военную информацию [10].

Немаловажно и то, каким образом сведения, собранные в ходе разведывательных миссий, влияли на стратегические оценки. Это влияние было двояким. С одной стороны, более детальное знание региона позволяло точнее оценивать реальные возможности противника и ограничения, с которыми тот сталкивается. С другой – разведывательные донесения нередко усиливали тревожность: составители отчётов, как правило, склонны подчёркивать риски, а не успокаивать начальство. Результатом было то, что и российские, и британские политики порой располагали большим объёмом информации о регионе, но не обязательно более адекватным его образом [3].

Персидское направление как постоянный фон соперничества

Было бы неверно сводить кризисы рассматриваемого периода исключительно к трём узловым эпизодам – герatскому, афганскому и хивинскому. В действительности персидское направление присутствовало как постоянный фон соперничества на протяжении всего десятилетия, и недооценивать его значение – значит упрощать картину [16].

Персия к 1830-м годам оказалась в крайне уязвимом положении. Туркманчайский договор 1828 года зафиксировал серьёзное военное поражение и значительные территориальные потери в пользу России. Персидская армия была реорганизована при активном участии французских, а затем британских офицеров. При шахском дворе соперничали российская и британская дипломатические миссии, каждая из которых стремилась удержать Персию в сфере своего влияния – или по меньшей мере не допустить её перехода в орбиту соперника [2].

Для России Персия была одновременно соседом, торговым партнёром, потенциальным союзником и потенциальным инструментом давления на Афганистан. Именно через Персию Россия надеялась оказать косвенное влияние на ситуацию в Герате – не прибегая к прямому военному вмешательству, но используя персидские амбиции на афганском направлении. Симонич в этом смысле был продолжателем давней российской традиции косвенного управления через местных посредников [2].

Британская политика в отношении Персии строилась на противоположном принципе: не допустить, чтобы Персия стала инструментом российского влияния. Это означало поддержку иранской независимости не ради самой по себе, а как защиту от возможного российского доминирования. Когда же персидские войска двинулись на Герат при явном российском поощрении, Лондон воспринял это как переход черты и ответил ультиматумом [1].

Персидское направление показало нечто важное для понимания механизмов соперничества: победить в нём одним ударом было невозможно. Персия в зависимости от обстоятельств тяготела то к России, то к Британии, умело используя конкуренцию между ними для получения уступок от обеих. Это делало персидское направление хронически нестабильным и требовало от обеих держав постоянного внимания [17].

Казахская степь: между двумя империями

Казахская степь в рассматриваемый период нередко остаётся в тени более драматичных афганского и хивинского сюжетов. Между тем именно здесь российское продвижение шло наиболее последовательно и принесло наиболее устойчивые результаты. Степь была не театром острого кризиса, а пространством медленного, но неуклонного административного поглощения [15].

К 1830-м годам Россия уже контролировала значительную часть Младшего жуза и активно проникала в Средний. Строительство укреплённых линий, назначение российских чиновников, введение новых административных структур – всё это шло постепенно и без громких военных столкновений. Казахские султаны и бии нередко сами искали российского покровительства – как противовеса давлению со стороны соседних ханств или конкурентов внутри казахского мира [18].

Британская сторона за казахской степью наблюдала, но активно вмешиваться не могла – слишком далеко, слишком сложная логистика, слишком неочевидная прямая связь с индийской безопасностью. Тем не менее информация о положении в степи регулярно поступала через индийские разведывательные каналы, и аналитики в Калькутте делали из неё выводы о темпах российского продвижения [17].

Принципиально важно, что именно степное направление стало той зоной, где российская пограничная политика накапливала практический опыт: как выстраивать административные структуры в нестационарном кочевом пространстве, как работать с местными элитами, как использовать торговые связи для закрепления политического присутствия. Этот опыт впоследствии будет перенесён на более южные районы – уже в рамках той «Большой игры», которая разворачивается после 1842 года [12].

Выводы

Три кризиса 1830-х – начала 1840-х годов обнаружили несколько вещей сразу. Соперничество стало реальным и двусторонним: обе стороны теперь действовали с оглядкой на другую. Прямое военное давление оказалось ненадёжным инструментом для обеих. Региональные акторы – афганские правители, персидский двор, хивинский хан – не были пассивными участниками: они активно использовали внешнее противостояние в собственных целях.

Персидское и казахское направления, нередко остающиеся в тени трёх главных кризисов, дополняют общую картину существенными деталями. Персия демонстрировала ту же дипломатическую гибкость, что и афганские правители; казахская степь – как пространство медленного, но эффективного российского поглощения – показывала, что именно административная постепенность, а не военные авантюры, даёт устойчивые результаты.

Провалы 1839–1842 годов не завершили соперничество – они изменили его форму. Разведка, дипломатия и работа с местными элитами заняли место прямых экспедиций. Следующая глава посвящена тому, что именно изменилось в конфигурации противостояния по итогам рассматриваемого периода.

Литература

1. Yapp M.E. Strategies of British India: Britain, Iran and Afghanistan, 1798–1850. – Oxford: Clarendon Press, 1980. – P. 3–28.
2. Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра, 1832–1838 гг. – М.: Восточная литература, 1967. – С. 41–78.
3. Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain. – Cambridge: Harvard University Press, 1950. – P. 15–27.
4. Pottinger H. Travels in Beloochistan and Sinde. – London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1816. – P. 1–34.
5. Burnes A. Travels into Bokhara. – London: John Murray, 1834. – Vol. I. – P. 1–56.
6. Kaye J.W. History of the War in Afghanistan. – London: Richard Bentley, 1851. – Vol. I. – P. 3–48.
7. Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia. – London: John Murray, 1990. – P. 1–23.
8. Morrison A. «Twin Imperial Disasters»: The Invasions of Khiva and Afghanistan in the Russian and British Official Mind, 1839–1842 // Modern Asian Studies. – 2014. – Vol. 48, № 1. – P. 253–268.
9. Sykes P. A History of Afghanistan. – London: Macmillan, 1940. – Vol. I. – P. 237–264.
10. Бларамберг И.Ф. Воспоминания. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. – С. 74–103.
11. Иванин М.И. Описание зимнего похода в Хиву в 1839–1840 гг. – СПб., 1874. – С. 1–37.
12. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1903. – Т. I. – С. 5–38.
13. Ахмеджанов Г.А. Российская империя в Центральной Азии. – Ташкент: Фан, 1995. – С. 71–94.
14. Morrison A. The Russian Conquest of Central Asia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 17–29.
15. Дубовицкий В.В. Россия и Центральная Азия. – М.: Наука, 2010. – С. 48–52.
16. Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). – М.: Наука, 1974. – С. 18–34.
17. Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. – London: Frank Cass, 1981. – P. 4–19.
18. Материалы по истории Казахстана в русских источниках. – Алма-Ата, 1960–1961. – Т. I–II. – С. 3–18.

ANGLO-RUSSIAN RIVALRY IN CENTRAL ASIA IN THE 1830S AND EARLY 1840S: MECHANISMS AND CRISES

Chebotarev A.I.
Lomonosov Moscow State University

The article examines the dynamics of Anglo-Russian rivalry in Central Asia in the 1830s and early 1840s, known as the "Big Game". The author analyzes three key crises of the period: Herat, Afghan and Khiva, considering them as interrelated elements of the geopolitical confrontation between the British and Russian empires. The paper shows that despite the differences in imperial strategies – Britain's preventive buffer model and Russia's phased administrative takeover – both powers faced similar structural constraints in managing peripheral territories. Special attention is paid to the role of intelligence activities, diplomatic maneuvers and the influence of regional actors on the foreign policy of the great powers. The author concludes that the failures of the military expeditions of 1839–1842 forced both empires to reconsider the tools of rivalry, moving from direct military pressure to more cautious methods of "soft power", intelligence and support for loyal regimes. The research is based on a wide range of archival documents and historiographical works, allowing us to identify the underlying causes of geopolitical instability in the region and the origins of modern foreign policy strategies.

Keywords: The Big Game; Anglo-Russian rivalry; Central Asia; Geopolitics; Afghanistan.

References

1. Yapp M.E. Strategies of British India: Britain, Iran and Afghanistan, 1798–1850. Oxford: Clarendon Press, 1980. pp. 3–28.
2. Simonich I.O. Memoirs of the Minister Plenipotentiary, 1832–1838. Moscow: Oriental Literature, 1967. pp. 41–78.
3. Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain. – Cambridge: Harvard University Press, 1950. – P. 15–27.
4. Pottinger H. Travels in Beloochistan and Sinde. – London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1816. – P. 1–34.
5. Burnes A. Travels into Bokhara. – London: John Murray, 1834. – Vol. I. – P. 1–56.
6. Kaye J.W. History of the War in Afghanistan. – London: Richard Bentley, 1851. – Vol. I. – P. 3–48.
7. Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia. – London: John Murray, 1990. – P. 1–23.

8. Morrison A. «Twin Imperial Disasters»: The Invasions of Khiva and Afghanistan in the Russian and British Official Mind, 1839–1842 // Modern Asian Studies. – 2014. – Vol. 48, № 1. – P. 253–268.
9. Sykes P. A History of Afghanistan. – London: Macmillan, 1940. – Vol. I. – P. 237–264.
10. Blaramberg I.F. Memoirs. – M.: Main editorial office of Oriental literature, 1978. – pp. 74–103.
11. Ivanin M.I. Description of the winter campaign in Khiva in 1839–1840. – St. Petersburg, 1874. – pp. 1–37.
12. Terentyev M.A. History of the conquest of Central Asia. St. Petersburg: V.V. Komarova Publishing House, 1903. Vol. I. pp. 5–38.
13. Akhmedzhanov G.A. The Russian Empire in Central Asia. Tashkent: Fan, 1995. pp. 71–94.
14. Morrison A. The Russian Conquest of Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. pp. 17–29.
15. Dubovitsky V.V. Russia and Central Asia. Moscow: Nauka, 2010. pp. 48–52.
16. Khalfin N.A. Russia and the Khanates of Central Asia (the first half of the 19th century). Moscow: Nauka, 1974. pp. 18–34.
17. Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. London: Frank Cass, 1981. pp. 4–19.
18. Materials on the history of Kazakhstan in Russian sources. Alma Ata, 1960–1961. Vol. I–II. pp. 3–18.

Исследование перевода, распространения и рецепции произведений С.А. Торопцева, связанных с Ли Бо

Чжэн Пэйфань,
магистр, Нанкинский университет науки и технологий
E-mail: 1350020261@qq.com

В статье рассматриваются переводы и исследования С.А. Торопцева, связанные с творчеством Ли Бо, в аспекте перевода, распространения и рецепции в русскоязычном культурном пространстве. Особое внимание уделяется переводческой стратегии Торопцева, основанной на сочетании филологической точности, поэтической выразительности и культурного посредничества. Анализируется передача ключевых мотивов поэзии Ли Бо луны, вина, странствия, одиночества, природы и даосского мироощущения. Показано, что произведения Торопцева функционируют не только как переводы, но и как средство включения китайской классической поэзии в русскую литературную и научную традицию. Рассматриваются книжные издания, комментарии, биографические материалы, образовательный и цифровой контексты распространения. Делается вывод, что Торопцев формирует целостную рецептивную модель Ли Бо как поэта-странника, мудреца, изгнанника и свободной творческой личности, способствуя развитию русско-китайского литературного диалога.

Ключевые слова: Ли Бо, С.А. Торопцев; Художественный Перевод, Рецепция, Китайская Классическая Поэзия, Русско-Китайский Литературный Диалог.

Введение

Творчество Ли Бо занимает особое место в истории китайской классической поэзии и в процессе её восприятия за пределами Китая. Для русскоязычной литературной традиции Ли Бо представляет интерес не только как один из крупнейших поэтов эпохи Тан, но и как культурный образ, формирующий представления о китайской поэтической картине мира, философии свободы, странствия, одиночества и духовной независимости. В этом контексте особое значение приобретает деятельность С.А. Торопцева, чьи переводы и исследования, посвящённые Ли Бо, выступают важным звеном русско-китайского литературного диалога.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью комплексного рассмотрения произведений С.А. Торопцева, связанных с Ли Бо, не только с точки зрения переводческой техники, но и в аспекте их распространения и рецепции в русскоязычном культурном пространстве. Перевод китайской классической поэзии предполагает решение целого ряда сложных задач: передачу смысловой сжатости оригинала, образной насыщенности, философского подтекста, ритмической организации и культурных аллюзий. Однако переводной текст начинает полноценно функционировать в принимающей культуре лишь тогда, когда он включается в систему публикаций, комментариев, научных интерпретаций, образовательного использования и читательского восприятия.

Цель статьи заключается в выявлении роли С.А. Торопцева в формировании, распространении и рецепции образа Ли Бо в русскоязычной культуре. Для достижения данной цели рассматриваются переводческая стратегия Торопцева, формы распространения его произведений, связанных с Ли Бо, а также специфика рецепции китайского поэта в переводах и исследованиях российского синолога. Объектом исследования являются переводы и исследовательские работы С.А. Торопцева, посвящённые Ли Бо; предметом механизмы переводческой интерпретации, культурной трансляции и рецептивного освоения образа Ли Бо.

Методологическую основу исследования составляют переводоведческий, историко-литературный, рецептивный и сравнительно-типологический подходы. Такой комплексный ракурс позволяет рассматривать перевод не как изолированный текстовый результат, а как форму межкультурного посредничества. Научная значимость статьи состоит в уточнении места Торопцева в истории русской рецепции китайской классической поэзии и в раскрытии того, каким образом его деятельность способствует включениюЛи Бо в современное русскоязычное литературное и научное пространство.

Переводческая стратегия С.А. Торопцева в передаче поэзии Ли Бо

Перевод поэзии Ли Бо на русский язык предполагает не простую замену китайского текста русским эквивалентом, а реконструкцию особого художественного мира, в котором смысл возникает на пересечении образа, ритма, философского подтекста и культурной памяти. Китайская классическая поэзия отличается предельной смысловой сгущённостью: один иероглиф может соединять предметное значение, эмоциональный оттенок и культурную ассоциацию. Поэтому переводчик неизбежно оказывается перед выбором: сохранить внешнюю краткость оригинала или раскрыть скрытую семантическую глубину средствами русского поэтического языка. В переводах С.А. Торопцева этот выбор решается не в пользу буквальной передачи, а в пользу смысловой и эстетической эквивалентности.

Стратегия Торопцева строится на балансе между филологической точностью и поэтической переработкой. Для него важна не механическая «калька» китайского текста, а сохранение той лирической энергии, которая делает поэзию Ли Бо узнаваемой в иной языковой среде. Именно поэтому переводчик стремится удержать ключевые семантические опоры оригинала – «луна» / 月, «вино» / 酒, «горы» / 山, «река» / 水, но вводит их в русскую стиховую систему таким образом, чтобы они воспринимались не как этнографические знаки, а как полноценные элементы поэтического переживания. Подобный подход особенно важен для русскоязычной рецепции Ли Бо, поскольку читатель должен не только узнать китайский культурный код, но и почувствовать его художественную необходимость [1].

Образная система Ли Бо в переводах Торопцева передаётся через сохранение устойчивых мотивных связей. Так, «луна» у Ли Бо редко является только пейзажной деталью: она связана с памятью, одиночеством, далью и тоской по родине. В русском переводе этот образ требует осторожности, поскольку чрезмерное пояснение разрушило бы лаконизм оригинала, а чрезмерная нейтрализация лишила бы его культурной глубины. Торопцев, как правило, избегает прямого комментария внутри поэтической строки, позволяя образу действовать через контекст. Аналогично мотив «вина» не сводится к бытовой детали: он выражает свободу духа, внутренний протест против служебной иерархии, даосское ощущение спонтанности бытия. Поэтому перевод слова 酒 как «вино» важно не само по себе, а в составе более широкой модели поведения лирического героя.

Особое значение имеет передача даосского мироощущения. В поэзии Ли Бо природа не является внешним фоном; она образует пространство освобождения от социальных ограничений. Мотивы «пути», «странствия», «гор» и «неба» создают образ движения не только в географическом, но и в духовном смысле. Торопцев стремится передать эту открытость пространства средствами русской интонации: его переводы часто ориентированы на плавное развёртывание строки, на внутреннюю музыкальность и на сохранение эмоциональной свободы лирического голоса. При этом переводчик не превращает Ли Бо в русского романтика, а сохраняет дистанцию между русской поэтической традицией и китайским оригиналом [2].

Ритмическая организация переводов Торопцева также показывает его стремление соединить китайскую структурную ясность с ожиданиями русского читателя. Китайский стих основан на иной системе ритма, тона и параллелизма; его невозможно полностью воспроизвести средствами русского силлабо-тонического стиха. Поэтому переводчик использует не формальное копирование, а функциональную компенсацию: там, где невозможно сохранить тональную организацию, усиливается интонационная завершённость строки; там, где невозможно передать иероглифическую сжатость, создаётся русская поэтическая фраза, сохраняющая общее направление смысла. Это особенно заметно в переводах коротких стихотворений, где каждая строка должна быть одновременно ясной, музыкальной и семантически насыщенной [3].В сравнении с более ранней русской традицией перевода Ли Бо манера Торопцева отличается большей филологической ответственностью и одновременно более выраженной ориентацией на культурное посредничество. Если ранние переводы нередко стремились включить китайского поэта в привычный для русского читателя лирический канон, то Торопцев, опираясь на синологическую компетенцию, стремится сохранить китайскую историко-культурную перспективу. Его Ли Бо не условный «восточный поэт», а конкретная фигура танской культуры, связанная с придворной средой, даосской традицией, мотивами изгнания, странствия и творческой свободы [4].

Таким образом, переводческая стратегия Торопцева имеет двойную направленность. С одной стороны, она обеспечивает художественную самостоятельность русского текста; с другой – сохраняет культурную специфику оригинала. Именно это делает его переводы важным звеном не только в истории русской рецепции Ли Бо, но и в более широком процессе распространения китайской классической поэзии в России. Следовательно, анализ переводческой стратегии Торопцева подводит к следующему этапу исследования рассмотрению того, каким образом созданный им образ Ли Бо функционирует в русскоязычном культурном пространстве как объект распространения и рецепции.

Распространение произведений Торопцева, связанных с Ли Бо

Распространение произведений С.А. Торопцева, связанных с Ли Бо, следует рассматривать не как внешний этап после перевода, а как самостоятельный механизм включения китайской классической поэзии в русскоязычное культурное пространство. Перевод в данном случае существует не только в форме поэтического текста, но и как часть более широкой системы литературного посредничества: книги, комментарии, биографические материалы, антологии, научные публикации и цифровые ресурсы совместно формируют условия, при которых образ Ли Бо становится доступным, узнаваемым и интерпретируемым для русского читателя.

Книжные издания занимают центральное место в этом процессе. Особенно значимым является издание «Китайский поэт Золотого века. Ли Бо: Пятьсот стихотворений», поскольку сам объём корпуса переводов переводит восприятие Ли Бо из области фрагментарного знакомства в область системного чтения [5]. В отличие от отдельных журнальных публикаций или антологических подборок, крупное книжное издание создаёт целостное представление о поэтическом мире автора: читатель получает возможность видеть не только известные мотивы луны, вина, странствия и одиночества, но и внутреннюю эволюцию лирического сознания, разнообразие жанровых форм и связь поэзии с исторической эпохой Тан.

Важную роль играет и биографический дискурс, представленный в исследовательских работах Торопцева. Биография Ли Бо в его интерпретации становится не вспомогательным справочным материалом, а способом рецептивной подготовки читателя [6]. Через рассказ о судьбе поэта, его отношениях с властью, даосских устремлениях, странствиях и творческой независимости формируется культурный контекст, без которого многие образы китайской поэзии остаются для русскоязычной аудитории недостаточно прозрачными. Следовательно, распространение здесь осуществляется не только через публикацию переводов, но и через создание интерпретационной рамки.

Паратекстуальные элементы предисловия, комментарии, пояснения, сведения о реалиях выполняют функцию культурного перехода между китайской традицией и русским читательским опытом. Их значение особенно велико при передаче классической поэзии, насыщенной аллюзиями, историческими именами и устойчивыми символами. Однако сила подхода Торопцева заключается в том, что комментарий не подменяет поэтическое восприятие, а направляет его. Он помогает читателю понять культурную природу образа, но не превращает стихотворение в учебный материал. Благодаря этому сохраняется равновесие между научной точностью и эстетической самостоятельностью текста.

Распространение переводов Торопцева связано также с их включением в образовательный и научный контекст. Его работы могут использоваться в курсах по истории китайской литературы, сравнительному литературоведению, художественному переводу и межкультурной коммуникации. В этом отношении переводы выполняют двойную функцию: они знакомят с поэзией Ли Бо и одновременно демонстрируют принципы передачи китайской классической образности на русском языке. Исследования русскоязычных переводов Ли Бо показывают, что именно сопоставление разных переводческих решений позволяет выявить устойчивые механизмы интерпретации китайского текста в русской культуре [7]. Не менее важным становится цифровое распространение. Электронные библиотеки, литературные сайты, библиографические базы, онлайн-публикации и новостные материалы расширяют аудиторию за пределы академической среды. В цифровом пространстве переводы Ли Бо в версии Торопцева начинают функционировать не только как элементы книжной культуры, но и как доступный материал для самостоятельного чтения, цитирования, учебного использования и межкультурного обсуждения. Такой тип распространения усиливает видимость китайской классической поэзии и способствует её вторичному обращению в новых коммуникативных средах.

Таким образом, распространение произведений Торопцева, связанных с Ли Бо, имеет многоуровневый характер. Оно объединяет книжную публикацию, научное описание, биографическое повествование, комментарий, образовательное использование и цифровую циркуляцию. В результате Ли Бо предстает перед русскоязычным читателем не как изолированная фигура «восточной экзотики», а как поэт мировой значимости, включённый в систему русско-китайского культурного диалога. Именно поэтому следующий этап исследования должен быть связан с рецепцией: распространение создаёт условия присутствия текста в культуре, но его подлинное значение раскрывается через то, как этот текст воспринимается, оценивается и переосмысляется читателями, исследователями и литературной средой.

Рецепция образа Ли Бо в переводах и исследованиях С.А. Торопцева

РецепцияЛи Бо в переводах и исследованиях С.А. Торопцева формируется не только через передачу отдельных стихотворений, но и через создание целостной интерпретационной модели китайского поэта. В этой модели Ли Бо предстает как поэт-странник, мудрец, изгнанник и свободная творческая личность. Данные характеристики не являются внешними ярлыками: они активируются самой структурой его поэтического мира, где мотивы дороги, луны, вина, гор, одиночества и ухода от служебной зависимости образуют устойчивую систему художественного самовыражения. Торопцев не просто воспроизводит эти мотивы, а выстраивает вокруг них русскоязычное поле восприятия, благодаря чему Ли Бо становится понятным не как отвлечённый «восточный классик», а как конкретная фигура танской культуры и мировой поэзии.

Особенность рецепции, создаваемой Торопцевым, состоит в соединении биографического, поэтического и культурно-философского планов. Образ поэта-странника раскрывается через мотив движения, но это движение не сводится к перемещению в пространстве. Оно выражает внутреннюю свободу, отказ от неподвижной социальной роли и стремление к духовной открытости. Образ мудреца связан не с назидательностью, а с даосским ощущением естественности бытия. Образ

изгнанника, в свою очередь, позволяет увидеть в Ли Бо не только певца радости и вдохновения, но и фигуру, находящуюся в напряжённых отношениях с властью, нормой и придворной иерархией. Именно такое многослойное восприятие отличает рецептивную модель Торопцева от упрощённой романтизации китайского поэта.

В научной среде переводы и исследования Торопцева воспринимаются прежде всего как синологически обоснованная интерпретация. Их ценность заключается в том, что поэтический перевод опирается на знание исторического контекста, культурных реалий и традиции китайской классической словесности. Для литературоведческого и переводоведческого анализа это особенно важно, поскольку Ли Бо в русской культуре существует не непосредственно, а через систему переводческих решений. Следовательно, вопрос рецепции здесь неизбежно связан с вопросом о доверии к переводчику: его текст выступает не только художественным произведением на русском языке, но и способом доступа к китайскому оригиналу [8].

В литературной среде рецепция имеет иной характер. Здесь на первый план выходит не столько филологическая достоверность, сколько выразительность русского текста, способность перевода вызвать эстетическое переживание. Торопцеву удаётся соединить эти два уровня: его Ли Бо не превращается в сухой объект академического знания, но и не растворяется в произвольной поэтической стилизации. Поэтому его переводы можно рассматривать не как окончательно «канонический» вариант, закрывающий другие интерпретации, а как авторитетную интерпретационную версию, которая задаёт высокий уровень понимания китайского поэта в русскоязычной культуре.

Существенным является и то, что Торопцев корректирует более раннюю традицию восприятия Ли Бо в России. В ранних переводах китайская поэзия нередко попадала в рамки экзотизирующего взгляда: Восток воспринимался как пространство красоты, таинственности и декоративной образности. Такой подход расширял интерес к китайской литературе, но одновременно мог сглаживать её историческую и философскую конкретность. Торопцев, напротив, стремится показать Ли Бо не как условный символ «восточной поэтичности», а как автора, укоренённого в эпохе Тан, в даосской традиции, в социальной драматике своего времени и в сложной системе китайской образности [9].

Отсюда возникает центральный теоретический вопрос: является ли русскоязычный образ Ли Бо прямым отражением оригинала или результатом переводческой интерпретации? Ответ не может быть однозначным. Рецепция всегда предполагает посредничество: читатель воспринимает не только китайский текст, но и переводческое решение, комментарий, биографическое пояснение, культурную рамку. Поэтому образ Ли Бо в русской культуре формируется на пересечении оригинальной поэтики и интерпретирующей деятельности переводчика. В этом смысле Торопцев не искажает Ли Бо, а создаёт условия его адекватного восприятия в иной языковой и культурной системе.Именно здесь проявляется более широкое значение трудов Торопцева для межкультурного диалога России и Китая. Его работа показывает, что перевод классической поэзии является не только литературной практикой, но и механизмом культурного понимания. Через переводы и исследования Ли Бо входит в русскую культуру как часть мировой литературы, а китайская классическая традиция перестаёт восприниматься как удалённая и закрытая система. Такая рецепция важна не только для синологии, но и для сравнительного литературоведения, поскольку она демонстрирует, каким образом образ автора трансформируется при переходе из одной культурной памяти в другую [10].

Таким образом, рецепция Ли Бо в переводах и исследованиях Торопцева представляет собой результат взаимодействия текста, перевода, комментария и читательского ожидания. Торопцев не только передаёт стихи китайского поэта, но и формирует способ их понимания: он задаёт интерпретационную оптику, в которой Ли Бо предстает как поэт свободы, странствия, духовной независимости и художественной цельности. Тем самым рецепция завершает исследовательскую цепочку «перевод – распространение – восприятие» и подводит к заключению о культурно-посреднической роли Торопцева в русско-китайском литературном диалоге.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что произведения С.А. Торопцева, связанные с Ли Бо, занимают значимое место в истории русскоязычного освоения китайской классической поэзии. Их значение не ограничивается собственно переводческой сферой: они выполняют функцию культурного посредничества, благодаря которому поэзия Ли Бо становится доступной, интерпретируемой и эстетически значимой для русского читателя. Переводческая стратегия Торопцева основана на сочетании филологической точности и художественной интерпретации, что позволяет сохранить смысловую глубину, образную структуру и философскую атмосферу оригинала.

Особое значение имеет то, что Торопцев формирует не только русскоязычный поэтический текст, но и целостную модель восприятия Ли Бо. Через передачу ключевых мотивов луны, вина, странствия, одиночества, гор, реки, даосского ощущения свободы китайский поэт предстает как поэт-странник, мудрец, изгнанник и свободная творческая личность. Книжные издания, биографические материалы, комментарии, научные публикации, образовательный контекст и цифровое пространство образуют многоуровневую систему распространения, благодаря которой Ли Бо входит в русскоязычную культуру не фрагментарно, а как поэт мирового значения.

Таким образом, рецепция Ли Бо в переводах и исследованиях Торопцева возникает на пересечении оригинального текста, переводческого решения, культурного комментария и читательского ожидания. Торопцев не только переводит стихи китайского поэта, но и задаёт способ их понимания, корректируя упрощённые или экзотизирующие представления о китайской поэзии. В этом состоит его вклад в русско-китайский литературный диалог. Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с сопоставлением переводов Торопцева с версиями других русских переводчиков Ли Бо, а также с более подробным изучением читательской и академической рецепции его трудов.

Литература

1 . Торопцев С.А. Ли Бо: земная судьба небожителя. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 304 с.

2 . Стихотворения Ли Бо: книга для чтения / сост. Гу Юй; пер. с кит. С.А. Торопцев. – Тяньцзинь: Изд-во Тяньцзиньского университета, 2020. – 199 с.

3 . Кравцова М. Е. О научном и переводческом наследии С.А. Торопцева в области классической китайской лирики // Российское китаеведение. – 2025. – № 2 (11). – С. 59–88.

4 . Ли Чуньжун. Странствия поэта-бессмертного: перевод и исследование поэзии Ли Бо в России // Русская литература и искусство. – 2016. – № 1. – С. 4–10.

5 . Лихун С. Казакова Т.А. Особенности перевода китайской классической поэзии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 480–500.

6 . Торопцев С.А. Жизнеописание Ли Бо, поэта и небожителя. – М.: ИДВ РАН, 2009. – 357 с.

7 . Гопин Л. Русскоязычные переводы поэтических текстов Ли Бо: интерпретация смыслов и поэтических образов // Научный диалог. – 2018. – № 10. – С. 184–197.

8 . Чуньжун Л. Перевод и распространение поэзии Ли Бо в России // Молодой учёный. – 2015. – № 12. – С. 926.

9 . Аннушкин В. И., Хаофан Л. Интерпретации образов китайской классической поэзии в переводах на русский язык: на материале стихов о разлуке // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2023. – № 3 (80). – С. 101–109.

10 . Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 34–84.

A STUDY OF THE TRANSLATION, DISSEMINATION, AND RECEPTION OF S.A. TOROPTSEV'S WORKS RELATED TO LI BAI

Zheng Peifan
Nanjing University of Science and Technology

The article examines S.A. Toroptsev's translations and studies related to Li Bai's works in terms of translation, dissemination, and reception in the Russian-speaking cultural space. Special attention is paid to Toroptsev's translation strategy, which combines philological accuracy, poetic expressiveness, and cultural mediation. The article analyzes the rendering of key motifs in Li Bai's poetry, including the moon, wine, wandering, solitude, nature, and the Daoist worldview. It is shown that Toroptsev's works function not only as translations, but also as a means of integrating Chinese classical poetry into the Russian literary and academic tradition. The article also considers book editions, commentaries, biographical materials, educational contexts, and digital forms of dissemination. It concludes that Toroptsev forms a coherent receptive model of Li Bai as a poet-wanderer, sage, exile, and free creative personality, thereby contributing to the development of Russian-Chinese literary dialogue.

Keywords: Li Bai, S.A. Toroptsev, Literary Translation, Reception, Chinese Classical Poetry, Russian-Chinese Literary Dialogue.

References

1. Toroptsev S.A. Li Bo: the earthly fate of a celestial being. – Moscow: Molodaya Gvardiya, 2014. – 304 p.

2. Poems by Li Bo: a book for reading / compiled by Gu Yu; translated from Chinese by S.A. Toroptsev. – Tianjin: Tianjin University Press, 2020. – 199 p.

3. Kravtsova M.E. On the scholarly and translation legacy of S.A. Toroptsev in the field of classical Chinese lyric poetry // Russian Sinology. – 2025. – No. 2 (11). – P. 59–88.
4. Li Chunrong. Wanderings of the Immortal Poet: Translation and Study of Li Bo's Poetry in Russia // Russian Literature and Art. – 2016. – No. 1. – P. 4–10.
5. Lihong S. Kazakova T.A. Features of the Translation of Classical Chinese Poetry // Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature. – 2019. – Vol. 16, No. 3. – P. 480–500.
6. Toroptsev S.A. Biography of Li Bo, Poet and Celestial Being. – Moscow: IFES RAS, 2009. – 357 p.
7. Gopin L. Russian-language Translations of Li Bo's Poetic Texts: Interpretation of Meanings and Poetic Images // Scientific Dialogue. – 2018. – No. 10. – P. 184–197.
8. Chunrong L. Translation and Dissemination of Li Bo's Poetry in Russia // Young Scientist. – 2015. – No. 12. – P. 926.
9. Annushkin V.I., Haofan L. Interpretations of Images in Classical Chinese Poetry in Russian Translations: Based on Poems about Separation // Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin. – 2023. – No. 3 (80). – P. 101–109.
10. Jauss H.R. The History of Literature as a Provocation of Literary Criticism // New Literary Review. – 1995. – No. 12. – P. 34–84.

Дистанционные курсы как одна из форм обучения грамматике немецкого языка

Щербакова Ирина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент, Донской государственный технический университет
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

В статье описаны преимущества дистанционных курсов при обучении грамматике немецкого языка в техническом вузе. Материалом научного исследования послужили эффективность внедрения дистанционных курсов в процесс обучения грамматике немецкого языка обучающихся технических вузов, а также применение дистанционного курса по грамматике немецкого языка. Авторами были рассмотрены положения внедрения дистанционного формата обучения грамматике немецкого языка, как дополнительного источника получения знаний и тренировки навыков обучающихся. Были использованы следующие методы исследования: анализ научной литературы по внедрению дистанционных курсов в процесс обучения, а также анализ учебной литературы по грамматике немецкого языка, синтез и обобщение, метод моделирования, метод сравнительного анализа. Также были задействованы эмпирические методы исследования: эксперимент, педагогическое наблюдение и тестирование.

Ключевые слова: грамматика, грамматические нормы, грамматические правила, дистанционный курс, иностранный язык, немецкий язык, обучение, онлайн-курс.

К современным подходам обучения иностранному языку относят дистанционные курсы, или онлайн-курсы, созданные на различных платформах Интернет-пространства. Дистанционные курсы служат отличной базой для формирования и развития грамматических навыков при изучении иностранного (немецкого) языка. Внедрение дистанционных курсов в процесс обучения – это один из современных подходов, позволяющих обучающимся создавать и организовывать собственную линию обучения, учитывать затраты времени на освоение определенной темы. Современные дистанционные курсы используют преподаватели для дополнительной тренировки грамматических навыков обучающихся.

Все дистанционные курсы на Интернет-платформах и платформах вузов по иностранному языку являют систему взаимодействия между преподавателем и обучающимися, направленной на получение знаний и тренировку, а также закрепление полученной информации. Структура дистанционных курсов является повторяющейся, но имеет ряд различий. Различия между дистанционными курсами определены их целями. Дистанционные курсы на освоение лексического материала иностранного языка представляют собой систему по освоению и тренировки лексических единиц. Дистанционные курсы на освоение грамматического материала иностранного языка созданы обеспечить обучающихся всем необходимым материалом, направленным на знакомство и освоение грамматического строя иностранного языка [7, с. 179].

Дмитрюк Н.В., Стычевой О.А. и Мезенцевой Е.С. в научной работе описаны онлайн-курсы. Они представили онлайн-курсы как современное средство дистанционного обучения. Научная работа авторов представлена описанием от создания и разработки онлайн-курсов до тестирования и внедрения современного дистанционно-цифрового формата в процесс обучения. Также авторами рассмотрены вопросы открытых массовых онлайн-курсов, их актуальность и целевая направленность. Авторами научной работы затронута тема, что онлайн-курсы не могут полностью заменить очное обучение, а лишь дополнить его в качестве обеспечения дисциплин. Авторами подчеркнута мысль о том, что открытые онлайн-курсы являются актуальными для выпускников в их профессиональной деятельности [2, с. 35].

Научная работа автора Дигляр О.Ю. наполнена методическими рекомендациями по разработке онлайн-курсов по английскому языку. Работа автора нацелена на разработку методических рекомендаций наиболее эффективного контента дистанционного формата по английскому языку. Дигляр О.Ю. делает акцент на необходимости учета современных технологий при разработке онлайн-курсов. В научной работе проанализированы наиболее актуальные требования к разработке онлайн-курсов, а также автором описаны настоящие проблемы по наполняемости онлайн-курсов. В научной статье представлена актуальная структура разработки онлайн-курсов по иностранному языку, отвечающая принципам и запросам современного педагогического и веб-дизайна. Автором проведена работа по выявлению особенностей восприятия информации обучающимися современного поколения с целью адаптации обучающих материалов и методов преподавания. Сделан вывод о том, что разработка онлайн-курсов требует не только технологического оснащения самих курсов, но и психолого-педагогического подхода от разработчика курсов [1, с. 130].

Дистанционное обучение требует пристального рассмотрения актуальных проблем по сопровождению дидактическими материалами онлайн-курсов по иностранным языкам. Данная тема затронута в научной работе Куприянчик Т.В. о дистанционном обучении. Автором проведена работа по рассмотрению дистанционных курсов и выявлению состояния дидактического обеспечения курсов по иностранным языкам, а также предложена работа по усовершенствованию дистанционного образования в высшей школе. Куприянчик Т.В. было проанализировано дистанционное обучение и перспективы развития дистанционных курсов по иностранным языкам, предложены пути решения выявленных проблем дидактического обеспечения. Автором Куприянчик Т.В. отмечена работа по созданию мультимодальных учебных заданий и упражнений; подобного рода задания направлены на развитие всех видов речевой деятельности. Автором сделан вывод о переработке дидактического обеспечения, что оно является не только переводом в цифровой формат, но и глубокой методической переработкой [6, с. 213].

В современной образовательной среде дистанционные курсы имеют некоторые преимущества. О внедрении дистанционных курсов по иностранным языкам в образовательный процесс и выявлении их преимуществ описано в работе А.Н. Колесниченко. Автором рассмотрена платформа технических вузов по выявлению преимуществ применения дистанционного формата обучения иностранным языкам, а также определены условия эффективного внедрения дистанционных курсов. Колесниченко А.Н. поставлена проблема подготовки специалистов технических специальностей и изучение иностранного языка. Автором определены преимущества дистанционных курсов, позволяющие обучать иностранному языку с профессионально ориентированным контентом. Также к преимуществам автор относит виртуальные лаборатории и различные цифровые ресурсы, позволяющие развивать речевые навыки обучающихся. Отмечается повышение уровня мотивации и вовлеченности в образовательный процесс, а также снижение нагрузки на преподавателя [5, с. 343].

Рассматривая вопрос о повышении мотивации к обучению, дистанционные курсы по иностранным языкам играют важную роль. Данный вопрос описан в научной работе авторов И.А. Карпович и Е.А. Моргун. Роль дистанционных курсов неоценима при обучении иностранному языку обучающихся технических вузов. Авторами в научной работе описана взаимосвязь между уровнем мотивации к обучению и успешным освоением дистанционного курса. Диагностика уровней мотивации обучающихся проведена до прохождения дистанционного курса и после его окончания. Успеваемость обучающихся отмечается в прямой зависимости от мотивационных установок. В результате использования методов педагогического наблюдения и эксперимента была выявлена внешняя и внутренняя мотивация обучающихся. Результаты показывают, что высокий уровень внутренней мотивации обучающихся сказывается в значительной степени лучше на образовательных результатах, на уровне овладения языковыми навыками [4, с. 241].

Исследования показывают, что успешное овладение дистанционным курсом прямо пропорционально зависит от мотивации обучающихся. Авторы научной работы И.А. Карпович, Н.Э. Аносова и А.В. Рубцова утверждают, что успешное овладение дистанционным курсом по иностранному языку зависит от типа мотивации обучающихся. Для подтверждения данного высказывания авторами были использованы методы опроса, анализа успешности прохождения дистанционного курса, а также наблюдения. Выявлено, что обучающиеся, имеющие высокий уровень внутренней мотивации, показывают выше результаты по прохождению дистанционного курса по иностранному языку. Обучающиеся с высокой внутренней мотивацией выполняли практические задания и упражнения, затрачивая меньше времени на прохождение, при этом качество выполнения было значительно выше по сравнению с обучающимися с низкой внутренней мотивацией. Достижение успешных результатов обучающимися не имело зависимости от давления со стороны преподавателя. Дистанционные курсы по иностранному языку с преобладанием самостоятельной работы требовали от обучающихся больших усилий и усидчивости, со стороны преподавателя наблюдался фактор поддержания мотивации к изучению иностранного языка. Данные наблюдения подтверждают факт влияния внутренней мотивации на успешное освоение дистанционного курса по иностранному языку [3, с. 117].

Актуальность представленного исследования обусловлена внедрением современных образовательных технологий в процесс обучения иностранному языку и формирования языковой личности. Целью предлагаемого исследования выступает описание дистанционного курса по обучению грамматике немецкого языка, созданного на платформе Скиф Донского государственного технического университета, и внедрение дистанционных курсов в процесс обучения. Достижение описанной цели предполагает решение следующих задач: 1) рассмотрение научных работ отечественных ученых, исследующих современные формы и методы при обучении иностранному языку; 2) описание дистанционного курса, как одной из дополнительных форм по изучению иностранного языка; 3) создание и расширение дистанционного курса по изучению грамматических норм и правил немецкого языка для обучающихся Донского государственного технического университета по техническим направлениям; 4) зачисление обучающихся на созданный образовательный дистанционный курс по грамматике немецкого языка; 5) описание результатов по внедрению дистанционных курсов в процесс обучения, как дополнительного источника получения и тренировки знаний и навыков.

Материалом для исследования послужили эффективность внедрения дистанционных курсов в процесс обучения грамматике немецкого языка, а также применение дистанционного курса по грамматике немецкого языка, как дифференцированного подхода к обучению немецкому языку в техническом вузе. Также были рассмотрены положения внедрения дистанционного формата обучения грамматике немецкого языка, как дополнительного источника получения знаний и тренировки навыков обучающихся, изучающих немецкий язык. В процессе ведения работы по созданию дистанционного курса и проведению эксперимента по обучению грамматике немецкого языка обучающихся технического вуза были использованы следующие методы исследования: анализ научной литературы по внедрению дистанционных курсов в процесс обучения, а также анализ учебной литературы по грамматике немецкого языка, синтез и обобщение (обработка полученной информации и выявление положительных сторон по внедрению дистанционного обучения), метод моделирования (создание дистанционного курса по грамматике немецкого языка), метод сравнительного анализа (в процессе проведения эксперимента были получены входящие результаты и итоговые). Также были задействованы эмпирические методы исследования: эксперимент, педагогическое наблюдение и тестирование. В процессе эксперимента были выявлены преимущества дистанционной формы работы по изучению грамматического материала немецкого языка обучающимися технических специальностей. Педагогическое наблюдение позволило выявить общие и частные ошибки, совершаемые обучающимися при прохождении дистанционного курса, уловить реакции обучающихся на те или иные практические задания и упражнения. Метод тестирования выявил результаты по окончании эксперимента.

Структура дистанционных курсов зависит от возможностей программного обеспечения и специфики предмета. Опишем дистанционные курсы, имеющее в своей структуре стандартное наполнение. Стандартные дистанционные курсы имеют наполнение, состоящее из учебно-методического блока, организационного блока, а также теории и практических заданий, в конце курса обязательно представлены контролирующие работы и тесты, а также обратная связь, направленная на получение информации от обучающихся по улучшению работы определенного дистанционного курса.

Учебно-методический блок дистанционного курса по иностранному языку содержит определенный учебный материал, направленный на достижение цели данного курса. Методический материал представлен учебниками, учебными пособиями, практикумами, методическими указаниями и рекомендациями, словарями электронными и печатными, а также учебниками аутентичных изданий. Определенный дистанционный курс имеет направленную наполняемость учебной литературой. Дистанционный курс по грамматике немецкого языка, например, снабжен грамматическими практикумами и рекомендациями, а также сборниками упражнений на тренировку грамматических норм и правил [8, с. 287].

Организационный блок дистанционных курсов представлен вводной частью, обобщающей и знакомящей обучающихся с целями и задачами курса, аннотацией предлагаемого дистанционного курса. Подобная часть может быть представлена в виде видео или текстового обзора, здесь могут быт расположены чаты для знакомства и общения обучающихся, а также обсуждения ими тем предлагаемого дистанционного курса. Также преподаватель может расположить ссылки на социальные сети, или каналы данного дистанционного курса, или форумы по определенному направлению. Преподаватель в организационном блоке в обязательном порядке закрепляет инструкцию по пользованию данным дистанционным курсом и предлагаемым программным обеспечением, а также правила по общению в чатах и форумах.

Теоретическая часть дистанционных курсов зависит от цели курса, а также от продолжительности обучения. Чем продолжительнее дистанционные курсы, тем наполняемость теорией объемнее и интереснее. Теоретическая часть дистанционного курса может быть представлена в следующих видах: текста с графическими и табличным обозначениями, в виде мультимедийных презентаций с голосовым сопровождением и таблицами, в виде записей видеолекций преподавателем, разрабатывающим данный дистанционный курс. Также отметим, что лекции могут быть представлены вебинарами и открытыми ссылками на дополнительный источник необходимой информации.

Практическую часть дистанционных курсов по иностранному языку считаем значительным блоком курсов. В практической части преподаватель закрепляет множество разнообразных заданий, практик, работ и тестирований. Практическая часть дистанционных курсов, в особенности курсов, направленных на освоение грамматических навыков иностранного языка, наполнена разнообразными формами практических упражнений. Опишем некоторые упражнения, нацеленные на формирование грамматических навыков иностранного языка. Внедряя в дистанционный курс подстановочные упражнения, преподаватель формирует у обучающихся грамматические навыки иностранного языка, и таким образом происходит их закрепление. Приведем пример подобных упражнений: выбор правильного варианта неопределенного артикля в немецком языке (здесь стоит учитывать падеж существительного

и его род), выбор существительного (обучающиеся учитывают слабое, сильное, женское или смешанное склонение существительных, а также обращают внимание на падеж), выбор правильного написания прилагательного (стоит обучающимся обратить внимание на склонение прилагательных после определенного и неопределенного артикля, а также склонение прилагательных без артикля и после притяжательных местоимений), использование модальных глаголов, применение слабых и сильных глаголов, с отделяемыми и неотделяемыми приставками, возвратных глаголов в предлагаемом времени (настоящем, прошедшем и будущем) [9, с. 151]. К практическим упражнениям относим такие как: составление предложений из представленных слов и словосочетаний. Подобные упражнения направлены на тренировку и закрепление правил порядка слов в предложении и формирование предложений с прямым и обратным порядком слов. Подобные упражнения направлены на тренировку нескольких грамматических правил иностранного (немецкого) языка. Слова на составление предложений даны в разных временах, с модальными глаголами, с глаголами в инфинитиве, с инфинитивными оборотами. Тренировка предлагаемой темы может быть представлена в тестовой форме.

Теоретическая и практическая части дистанционных курсов по немецкому языку сопровождаются видео и аудиозаписями, что делает дистанционный курс более востребованным и понятным для обучающихся.

Часть дистанционного курса на контроль полученных знаний может быть представлена в тестовой форме, а также в виде практических заданий, эссе или творческого задания (создание видеоролика на определенную грамматическую тему, видеорассказ в определенном времени (например, только прошедшем)).

Общение с преподавателем или обратная связь может быть расположена в конце курса или после каждого блока обучения. Таким образом осуществляется общение преподавателя с обучающимися дистанционного курса, здесь обсуждаются вопросы и сложившиеся проблемы в процессе обучения.

Обобщая сказанное о структуре курса, приходим к выводу, что каждый дистанционный курс по иностранному языку имеет то количество обучающих блоков, которое необходимо для освоения той или иной темы, также наполнение и последовательность блоков варьируется в зависимости от потребностей обучающихся.

Созданный на платформе Донского государственного технического университета дистанционный курс по обучению грамматике немецкого языка имеет следующую структуру: аннотация курса, содержащая цели и задачи курса, описание структуры и основных тем курса; учебно-методическое обеспечение представлено содержанием методического комплекта (аутентичные учебники по грамматике немецкого языка); далее распределение курса представлено темами по грамматике немецкого языка, сопровождающиеся практическими заданиями и упражнениями; контроль результатов. Остановимся подробнее на теоретической и практической частях дистанционного курса по грамматике немецкого языка. Описываемый дистанционный курс имеет следующие грамматические темы к изучению: глагол sein, глагол haben, глагол werden, настоящее время слабых и сильных глаголов, будущее время слабых и сильных глаголов, прошедшее время Praeteritum, прошедшее время Perfekt, прошедшее время Plusquamperfekt, имя существительное (слабое, сильное, женское и смешанное склонения), множественное число существительных (склонение во множественном числе), склонение прилагательных, степени сравнения прилагательных, числительные, местоимения, порядок слов в простом предложении. Дистанционный курс представлен основными грамматическими темами. Описываемый дистанционный курс рассчитан на 72 практических часа. Каждая грамматическая тема сопровождается видео материалом с объяснениями преподавателя, а также текстовой лекцией с описанием и табличным оформлением. За объяснениями и видеосопровождением следуют практические задания и упражнения, а также тестовые задания на контроль полученных знаний.

Дистанционные курсы являются средством тренировки грамматических норм и правил немецкого языка для обучающихся технических вузов. Отметим, что положительная динамика отмечается при регулярном обучении и выполнении практических упражнений и заданий, предложенных обучающимся дистанционными курсами. Закрепление полученных знаний в значительной степени происходит при комбинировании дистанционного обучения и регулярной языковой практики.

Литература

1. Дигтяр О.Ю. Методические рекомендации по созданию эффективного контента при разработке онлайн-курсов по английскому языку // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. Т. 15. № 4. С. 119–130.

2. Дмитрюк Н.В., Стычева О.А., Мезенцева Е.С. Онлайн-курсы как современный формат дистанционного обучения: создание и апробация // Вестник Московской международной академии. 2025. № 2. С. 30–35.

3. Карпович И.А., Аносова Н.Э., Рубцова А.В. Исследование влияния учебной мотивации на успешность освоения дистанционного курса в рамках изучения дисциплины «иностранный язык» в многопрофильном вузе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2025. № 2. С. 103–117.

4. Карпович И.А., Моргун Е.А. Учебная мотивация как фактор успешного освоения дистанционного курса по иностранному языку в многопрофильном вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 7. С. 227–241.

5. Колесниченко А.Н. Преимущества онлайн-курсов иностранного языка в образовательной экосистеме технического вуза // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1 (110). С. 339–343.

6. Куприянчик Т.В. Дистанционное обучение: к вопросу о дидактическом обеспечении курса иностранного языка в образовательной организации // Современное педагогическое образование. 2025. № 9. С. 209–213.

7. Щербакова И.В., Дорохина И.В. Тестирование как одна из форм самоконтроля обучающихся при обучении иностранному языку // Психология и педагогика служебной деятельности. 2025. № 2. С. 176–179.

8. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В. Использование видеоматериалов при обучении немецкому языку как второму иностранному // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 2. С. 283–287.

9. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В., Тимашова М.В. Результаты внедрения цифровых инструментов в обучение немецкому языку при освоении грамматических норм и правил // Современное педагогическое образование. 2025. № 10. С. 146–151.

DISTANCE LEARNING COURSES AS ONE OF THE FORMS OF TEACHING GERMAN GRAMMAR

Shcherbakova I.V.
Don State Technical University

The article describes the advantages of distance learning courses in teaching German grammar at a technical university. The scientific research was based on the effectiveness of the introduction of distance learning and online courses in the process of teaching German grammar to students of technical universities, as well as the use of a distance learning course on German grammar. The authors reviewed the provisions of the introduction of a distance learning format for German grammar as an additional source of knowledge and skills training for students. The authors used the following research methods: the analysis of scientific literature on the introduction of distance learning courses in the learning process, as well as the analysis of educational literature on German grammar, synthesis and refinement, the method of modeling, the method of comparative analysis. Empirical research methods were also used: experiment, pedagogical observation and testing.

Keywords: grammar, grammatical norms, grammatical rules, distance learning, foreign language, German, learning, online course.

References

1. Digtyar O.Y. Methodological recommendations for creating effective content in the de-velopment of online English language courses. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2025. Vol. 15. No. 4. pp. 119–130.

2. Dmitryuk N.V., Stycheva O.A., Mezentseva E.S. Online courses as a modern distance learning format: creation and testing. Bulletin of the Moscow International Academy. 2025. No. 2. pp. 30–35.

3. Karpovich I.A., Anosova N.E., Rubtsova A.V. A study of the influence of educational motivation on the success of mastering a distance course in the framework of studying the discipline “foreign language” in a multidisciplinary university. Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Problems of linguistics and peda-gogy. 2025. No. 2. pp. 103–117.

4. Karpovich I.A., Morgun E.A. Educational motivation as a factor of successful de-velopment of a distance learning course in a foreign language in a multidisciplinary university. Scientific and methodological electronic journal “Concept”. 2025. No. 7. pp. 227–241.

5. Kolesnichenko A.N. Advantages of online foreign language courses in the educational ecosystem of a technical university. The world of science, culture, and education. 2025. No. 1 (110). pp. 339–343.

6. Kupriyanchik T.V. Distance learning: on the issue of didactic provision of a foreign language course in an educational organization. Modern pedagogical education. 2025. No. 9. pp. 209–213.

7. Shcherbakova I.V., Dorokhina I.V. Testing as one of the forms of self-control of students in teaching a foreign language. Psychology and pedagogy of professional ac-tivity. 2025. No. 2. pp. 176–179.

8. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V. The use of video materials in teaching Ger-man as a second foreign language. Education. Science. Scientific staff. 2025. No. 2. pp. 283–287.

9. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V., Timashova M.V. The results of the introduc-tion of digital tools in teaching German when mastering grammatical norms and rules. Modern pedagogica. education. 2025. No. 10. pp. 146–151.